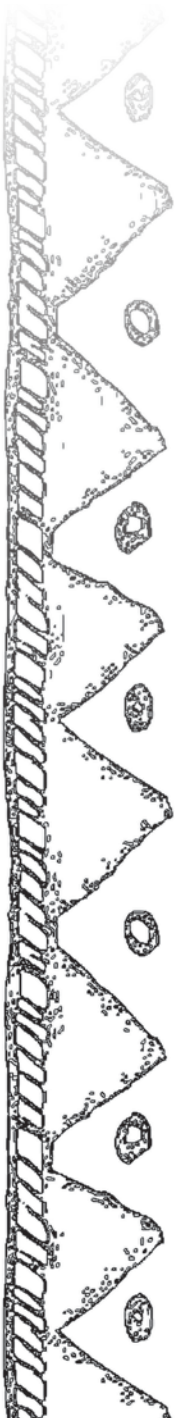
СЕРГЕЙ ВАХРИН

ТАЙНЫ ЯКУТСКИХ ФАМИЛИЙ.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

УДК 929.52(571.56):81'373.232
ББК 63.2(2Рос.Яку)
В 22

Вахрин Сергей Иванович

В22 Тайны якутских фамилий. Дальний восток — Владивосток : АО «ИПК «Дальпресс», 2025. — Т. 2. — 880 с.

ISBN

«Тайны якутских фамилий» — это история освоения Северо- и Дальнего Востока России сибирскими казаками, которые из поколения в поколение присоединяли к России эти земли и оставались ее обживать, роднились с местным коренным населением и отправляли своих сыновей-казаков далее — «встречь солнцу» — преодолевать великие реки, великую тайгу и тундру и Великий Тихий океан, завершив свой поход в Северной Америке. Якутские казаки, осваивая просторы Северо- и Дальнего Востока, не только кровно роднились с местными народами, но и духовно, становясь крестными родителями новокрещённых в православие якутам (Саха), юкагирам, эвенам и эвенкам, чукчам, корякам, камчадалам и даря им свои фамилии, которые и носят сегодня многие представители республики.

Издание книги «Тайны якутских фамилий» является реализацией совместного якутского и камчатского краевого отделений Русского Географического общества проекта «Россия – Дальний Восток: 400 лет вместе — связь времён и народов».

УДК 929.52(571.56):81'373.232
ББК 63.2(2Рос.Яку)

ISBN

© КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», 2025
© Вахрин С.И., 2025
© ООО Дальпресс, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Тайны якутских фамилий 8

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ФАМИЛИЙ В ПЕРВОМ ТОМЕ КНИГИ "ТАЙНЫ ЯКУТСКИХ ФАМИЛИЙ"

А

Абалаковы 77
Абросимовы 80
Адамовы 81
Александровы 83
Аммосовы 83
Ангрышевы 91
Андросовы 91
Анисимовы 94
Анкудиновы 96
Антипины 99
Антоновы 105
Аргуновы 108
Асламовы 119
Астраханцевы 120
Атласовы 123

Б

Баженовы 131
Баишевы 131
Байкаловские 133
Бакшевы 135
Балакшины 144
Банщиковы 145
Барабанские 146
Барабанщиковы 147
Барамыгины 148
Барановские 149
Безносовы 151
Безсоновы 153
Бекеревы 154
Белковы 157
Белоголов 158
Белоноговы 158
Белоносовы 159
Белоусовы 159
Беляевы 160
Бердаковы 165
Бердниковы 165
Бердоносовы 167
Бережные 167
Березкины 167
Березовские 172
Блешковы 173
Блохины 174
Бобошины 175
Бобровские 176
Бобровы 177
Божедомовы 178
Болшевы 180
Борисовы 180
Босиковы 189
Бояровы 190
Братчиновы 191
Бродниковы 191
Брусенины 193
Бубякины 195
Булдаковы 199
Булыгины 205
Бурнатовы 210
Бурнашевы 210

В

Вагины 217
Ваенгины 220
Валынкины 221
Ванюковы 225
Васютинские 228
Верещагины 237
Верхотуровы 241
Винокуровы 245
Волковы 256
Вологдины 258
Владимировы 259
Волокititины 262
Воробьевы 262
Воронецкие 265
Воронины 265
Воронковы 266
Вороновы 266
Воронцов 267
Воропаевы 267
Вострецовы 274
Воулкины 274

Г

Габышевы 275
Галевы 281
Гатиловы 282
Гладковы 282
Глотовы 283
Глухотины 284
Говоровы 284
Гоголевы 285
Голбецкие 288
Голмаревы 289
Голыгины 289
Голой 298
Гороховы 299
Григорьевы 302
Громовы 303
Грошевские 304
Гуляевы 306
Гурские 309
Гурьевы 309
Гусельниковы 312

Д

Даниловы 316
Дауровы 318
Девятовы 319
Дериглазов 319
Дехтяревы 320
Домошонкины 324
Доновы 324
Дунаевы 325
Дураковы 327
Дурынины 329
Дьячковские 332
Дьячковы 333
Дягилевы 334

Е

Евсевьевы 335
Егловские 337
Егоровы 338
Едомские 341
Енисейские 344
Ермолины 348
Ефимовы 353

Ж

Жаворонковы 356
Ждановы 356
Жеребцовы 357
Жернаковы 358
Жирковы 359
Жировиковы 364

З

Замятнины 365
Заякины 366
Зиновьевы 366
Зорины 372
Зыковы 372

И

Измайловы 374

К

Казанцевы 375
Калашниковы 377
Калинкины 378
Калмановы 379
Камчатый 379
Канаевы 382
Карамзины 384
Кармалины 385
Карповы 386
Киприяновы 388
Киренские 388
Кириловы 392
Киселевы 393
Кисикеевы 396
Китун 397
Климентовы 397
Климовские 397
Княжнины 400
Кобелевы 403
Кожевины 407
Козловы 411
Колеговы 412
Колесниковы 414
Колесовы 414
Колмаковы 423
Колычевы 425
Кондаковы 428
Конюховы 434
Коркины 435
Корякины 437
Котельниковы 443
Кочуровы 444
Кошелевы 446
Красовские 447
Кривогорницыны 447
Кривошапкины 451
Крыжановские 455
Крыковы 465
Кудрины 465
Кузаковы 466
Кузнецовы 468
Куклины 471
Кулаковские 472
Курбатовы 474
Куриловы 477
Курочкины 479
Кычкины 480

Л

Лазаревы 483
Лапины 486
Лебедевы 487
Литвинцевы 490
Лихановы 492
Лобановы 493
Лобашковы 494
Ломаевы 497
Лонгиновы 498

Лосевы ... 514
Лошкины ... 515
Лудило ... 317
Лукашевские ... 317
Лукины ... 522
Луковцевы ... 525
Лыткины ... 527
Львовы ... 529
Ляпуновы ... 531

М

Максины ... 532
Малышевы ... 533
Марковы ... 535
Мартемьяновы ... 539
Масленниковы ... 540
Мельниковы ... 540
Местниковы ... 541
Микитины ... 543
Микулины ... 546
Мироновы ... 547
Мичефурины ... 550
Мокринские ... 550
Мокрошубовы ... 553
Монастыревы ... 558
Мордовские ... 559
Моршинцовы ... 560
Мохнаткины ... 562
Мохначевские ... 564
Мунгал ... 566
Мухоплевы ... 567
Мыльниковы ... 573

Н

Надеины ... 574
Нарицыны ... 575
Недоносковы ... 575
Необутовы ... 575
Неустроевы ... 577
Нехорошевы ... 580
Никифоровы ... 581
Никоновы ... 585
Нифонтовы ... 590
Новгородовы ... 592
Новиковы ... 598
Новокрещенные ... 600
Ноговицыны ... 601

О

Обутовы ... 605
Овечкины ... 605
Оконешниковы ... 606
Олесовы ... 609
Охлопковы ... 611
Ощепковы ... 614

П

Павлуцкие ... 615
Падерины ... 617
Паламошные ... 618
Пановы ... 620
Парамоновы ... 621
Париловы ... 622
Парфеновы ... 622
Пастуховы ... 623
Пенегины ... 624
Переваловы ... 627
Пермяковы ... 628
Перфильевы ... 632
Пестряковы ... 635
Петриловские ... 636
Петровы ... 641
Пироговы ... 650
Плахины ... 650
Плотниковы ... 652
Полуектовы ... 654
Пономаревы ... 656
Понятовские ... 664
Попковы ... 664
Поповы ... 665
Поротовы ... 669
Портнягины ... 673
Посниковы ... 676
Потаповы ... 677
Прибыловы ... 681
Прокопьевы ... 685
Протопоповы ... 688
Прудецкие ... 692
Пущины ... 693
Пшенниковы ... 697

Р

Расторгуевы ... 699
Ревякины ... 702
Репины ... 703
Решетниковы ... 704
Рогалевы ... 706
Рогозины ... 707
Рохмановы ... 708
Русановы ... 708
Рябовы ... 710

С

Савастьяновы ... 711
Садовниковы ... 712
Санниковы ... 713
Свешниковы ... 716
Селивановы ... 717
Сергучевы ... 719
Серебренниковы ... 721
Сереткины ... 722
Серюковы ... 723
Сивцевы ... 724
Сизых ... 730
Силины ... 734
Ситниковы ... 736
Скребыкины ... 736
Слепцовы ... 741
Смердовы ... 745
Соколовы ... 746
Солдатовы ... 749
Софронеевы ... 752
Софроновы ... 759
Спиридоновы ... 760
Старловские ... 763
Старостины ... 763
Степановы ... 765
Сторожевы ... 767
Стрекаловские ... 767
Стрижовы ... 770
Струкины ... 770
Стручковы ... 771
Суздаловы ... 775
Сургуцкие ... 777
Сучковские ... 779

Т

Тайшины ... 779
Тарабукины ... 780
Тарлыковы ... 784
Тарские ... 786
Тарховы ... 787
Татариновы ... 788
Толмачевы ... 795
Томские ... 795
Трапезниковы ... 802
Третьяковы ... 803
Трифановы ... 804
Трофимовы ... 809
Турантаевы ... 811
Турпановы ... 812
Тюленские ... 812

У

Уваровы ... 813
Уваровские ... 813
Ураковы ... 818
Ушаковы ... 819
Ушницкие ... 820

Ф

Федуловы ... 825
Феоктистовы ... 825
Ферапонтовы ... 825
Фомины ... 826
Фофановы ... 827
Фроловы ... 829

Х

Хабаровы ... 832
Харитоновы ... 835
Хмылевы ... 839

Ц

Цыпандины ... 840

Ч

Чепаловы ... 846
Черепановы ... 846
Черкашенины ... 848
Черных ... 849
Чертковы ... 858
Чертовские ... 859
Чикачевы ... 861
Чириковы ... 868
Чудиновы ... 871
Чупровы ... 883
Чураловы ... 884
Чурины ... 885
Чуркины ... 887
Чуфаристовы ... 889
Чухаревы ... 896

Ш

Шадрины ... 897
Шамаевы ... 899
Шапошниковы ... 901
Шахурдины ... 904
Шелепанов ... 906
Шелковниковы ... 907
Шелоховские ... 910
Шелудяковы ... 911
Шестаковы ... 911
Шипицыны ... 921
Шипуновы ... 923
Шишигины ... 924
Шкулевы ... 925
Шмонины ... 928
Шоломовы ... 929
Шохтины ... 930

Щ

Щелкановы ... 932
Щепоткины ... 933
Щербаковы ... 935

Э

Эверстовы ... 939

Ю

Юдины ... 942
Юрьевы ... 943
Юхлаевы ... 945

Я

Явловский ... 946
Яковлевы ... 949
Якушковы ... 954
Ярковы ... 955
Яроцкие ... 956
Ярыгины ... 957

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловиеие 5
Вступление 7
Охотский острог 14
Анадырский острог 20
Тауйский острог 32
Большерецкий острог 43
Нижнекамчатский острог 46
Гижигинская крепость 54
Тигильская крепость 68
Петропавловский порт 72
Амурская и сахалинская экспедиции. Лица за кадром 82

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ФАМИЛИЙ ВО ВТОРОМ ТОМЕ КНИГИ "ТАЙНЫ ЯКУТСКИХ ФАМИЛИЙ"

А

Абрамовы 92
Албычевы 96
Анисимовы 97
Анкудиновы 99
Антроповы 103
Анцыны 104
Анциферовы 108
Арефьевы 112
Аржаковы 112
Аснашевы 114

Б

Багулины 114
Баженовы 116
Баишевы 118
Баклановы 119
Балины 119
Балыковы 121
Баранниковы 121
Бармины 123
Бархатовы 125
Басовы 129
Батовы 140
Батожковы 142
Бачинины 143
Бекеревы 157
Белокопытовы 160
Белоноговы 169
Белоусовы 171
Белохвостовы 172
Берестовы 177
Бецкие 177
Бобровские 178
Большаковы 180
Боровых 182
Бочкаревы 183
Бояркины 185
Брагины 188
Бреховы 193
Бречаловы 199
Бродниковы 205
Бронниковы 207
Бурлаковы 212
Бутаковы 222
Бутины 230
Бянкины 243

В

Васютинские 248
Верещагины 248
Волковы 261
Волынкины 263
Ворыпаевы 263

Г

Гантимуровы 268
Гилевы 271
Говорины 275
Горбовские 278
Гороховы 278
Греховы 282
Греченины 282
Григорьевы 288
Гуторовы 289

Д

Даниловы 290
Долгих 292
Долгополовы 293
Душечкины 295
Дьячковы 300
Дюковы 303

Е

Еланцевы 310
Емельяновы 312
Ерофеевы 315

Ж

Жиляковы 316
Жирковы 316
Жировиковы 320

З

Заевы 320
Замираловы 321
Зверевы 321
Зиновьевы 324
Золотавины 328
Зыковы 328

И

Инешины 329
Ипатьевы 330

К

Камкины 332
Карандашевы 333
Кармалины 337
Катасоновы 340
Кибиревы 342
Киренские 350
Кирсантьевы 352
Киселевы 352
Клестовы 355
Клюшевы 357
Кобелевы 357
Кожевины 363
Кокоулины 367
Кокшаровы 371
Колеговы 375
Колмаковы 378
Колокольниковы 381
Кологривовы 381
Колчины 383
Колычевы 384
Коноваловы 386
Копыловы 388
Кореневы 395
Коркины 401
Корниловы 404
Коровины 407
Корюкины 414
Корякины 416
Костоломовы 419
Косыгины 420
Котельниковы 427
Котковы 430
Кошелевы 431
Красноярovы 434
Красовские 436
Кривенцовы 439
Кривоносовы 439
Крупенины 442
Крыжановские 451
Крыковы 456
Кудеяровы 457
Куимовы 459
Куклины 462
Кулаковские 467
Курикаловы 470
Куриловы 472
Куркутские 474
Курсины 476
Кутьины 478
Кырасовы 482

Л

Лаврентьевы 483
Лазаревы 491
Лемзяковы 497
Лепихины 499
Лифантьевы 507
Лузины 507
Львовы 509

М

Малышевы 512
Манаковы 515
Минюхины 518
Мироновы 521
Мокрошубовы 522
Мохнаткины 528

Муромцевы 533
Мутовины 534
Мыльниковы 548

Н

Нагибины 553
Назаровы 557
Наквасины 558
Наседкины 561
Наяновы 564
Неводчиковы 566
Ненашевы 571
Нижегородовы 573
Нифантьевы 575
Новограбленные ... 578
Новосельцевы 584
Норины 586

О

Овчинниковы 590
Огибаловы 592
Оглоблины 594
Ознобихины 596
Оконничниковы 599
Окуловы 600
Ордины 602
Осиевы 603
Охлупины 604
Ощепковы 604

П

Павлуцкие 606
Падерины 608
Паранчины 615
Парфентьевы 617
Пежемские 619
Переплеткины 626
Перфильевы 627
Петлины 631
Петровы 637
Пинизины 640
Подымахины 642
Поливановы 653
Поляковы 657
Попковы 663
Поповы 664
Поротовы 665
Потаповы 671
Прибыловы 675
Притчины 679
Путиловы 680
Пушкаревы 682
Пшенниковы 689

Р

Распутины 692
Расторгуевы 697
Репины 699
Рубцовы 701
Русановы 707

С

Сабинины 710
Савинские 712
Санапальниковы ... 716
Синкины 727
Скурихины 728
Слободчиковы 733
Сосулины 735
Старицыны 735
Старковы 740
Студихины 744
Суздаловы 744
Сысоевы 747

Т

Таратины 750
Тарковы 756
Таскаевы 757
Теплоуховы 760
Тескины 760
Толстихины 762
Томиловы 769
Третьяковы 774
Трухины 775
Туголуковы 775
Тумановы 777
Турнаевы 778
Тутышевы 779
Тыртовы 779
Тюшевы 781

У

Уваровские 784
Удиловы 788
Удорины 788
Унжаковы 789
Усовы 792

Х

Хабардины 796
Хотосовы 797
Хромцовы 797

Ч

Чагины 798
Чеботнягины 802
Черных 804
Чертовские 808

Ш

Шадрины 811
Шароглазовы 812
Шарыповы 815
Шергины 819
Шерыкаловы 826
Шестаковы 827
Шипицыны 835
Шипуновы 838
Шмагины 846
Шмонины 848
Штинниковы 849

Щ

Щеголевы 854
Щукины 856

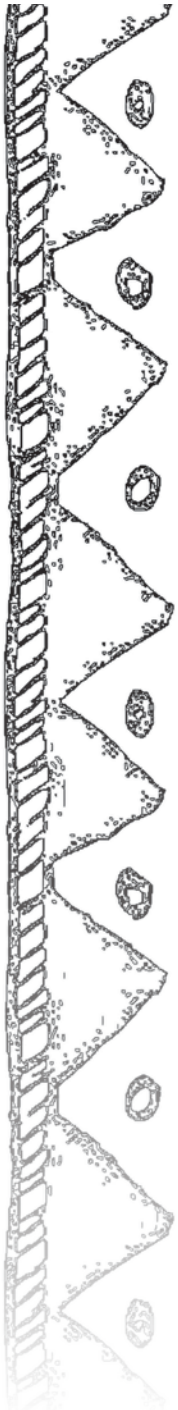
Ю

Юрловы 858
Юшины 863

Я

Ягановы 866
Ягодины 869
Ядрихинские 870
Яныгины 874

ПРЕДИСЛОВИЕ

Родина, отчизна, отечество… как часто мы слышим эти слова из уст чиновников на торжественных мероприятиях и как редко мы произносим их в быту. Повседневная жизнь простого человека не предполагает употребления этих слов всуе и тем не менее каждый из нас понимает значимость этих слов. Родина для нормального человека — это емкое понятие, включающее в себя: рождение, детство, отеческую любовь, семью и, конечно же, территорию от крохотного клочка земли «у бабушки в деревне» до огромных просторов отчизны, на которой жили твои предки многие столетия.

В школьные годы, изучая историю нашей страны, мы зубрили даты, запоминали великие и трагические события, происходившие на протяжении многих веков, и совершенно не задумывались о том, что все эти события были непосредственно связаны с судьбами наших предков. Известные имена, юбилеи побед и свершений не позволяли понять простой истины — историю страны составляют истории и судьбы множества отдельных «безвестных» людей. Нет неинтересных судеб, каждая жизнь уникальна!

…Крах Советского Союза в девяностых годах прошлого столетия поставил миллионы людей на грань выживания, не стало и единой Родины. Не было внешнего врага, а потому никто из нас не понял, что надо было защищать Отчизну, каждый занимался самим собой.

Конец лихих девяностых и начало двухтысячных годов были ознаменованы в нашей жизни не только переходом от периода выживания к периоду «вроде стало получше», но и всплеском интереса к поиску своих корней. Одна из причин этого интереса — низвержение героев, на примерах которых мы воспитывались, и насаждение вместо этого культа наживы.

Но часть общества не была готова отказаться от своей истории и начать жить с очередного «чистого листа». Практически полное отсутствие методической литературы, настороженное отношение сотрудников архивов к любителям и слабое развитие интернета не могли остановить людей в стремлении узнать подлинную историю России через историю своих предков. В 2006 году в Минюсте было зарегистрировано некоммерческое партнерство «Союз Возрождения Родословных Традиций» (СВРТ) — первая генеалогическая организация федерального уровня, основной целью которой является возрождение исторической памяти народа на примере истории рода.

За прошедшие два десятилетия ситуация кардинально изменилась, и теперь отдельных людей, сообществ, занимающихся генеалогией, в нашей стране достаточно много. Ежегодно общественностью празднуется «День родоведа», проводятся генеалогические выставки, конференции, издаются методические пособия и родословные книги: всё это свидетельствует о том, что желание знать историю страны через изучение собственной истории — насущная потребность существенной части населения.

Уважаемый читатель, перед вами замечательная книга известного на Камчатке генеалога и краеведа, члена Союза писателей и Союза кинематографистов России Вахрина Сергея Ивановича. Это издание — продолжение целой серии книг, посвященных изучению родов Камчатки и Дальнего Востока. Книга является бесценным подспорьем для людей, занимающихся генеалогией, причем не только указанного региона, но и всей нашей огромной страны.

Если посмотреть тексты старинных документов, опубликованных в книге, то становится понятно, что в ней собраны фамилии со всей России. Это дворяне: Бецкие, Бибиковы, Кологривовы, Колычевы, Муромцевы; представители служилого сословия: Атласовы, Бердниковы, Огибаловы; казаки: Смагины, Кожевниковы, Черемисиновы, Шипицыны; священники: Трифановы, Сукневы, Баженовы, Верещагины; купцы: Ворыпаевы, Уледниковы, Санниковы, Косыгины… и, конечно же, многочисленные крестьяне — основная масса переселенцев из центральных губерний России на окраины. На страницах книги можно увидеть не только устоявшиеся фамилии XVII–XVIII веков, но и древние прозвища, которым предстояло оформиться в виде фамилий только в XIX веке: Буза, Брага, Черепан, Балаш, Бык, Малыга, Белоус… Часть некоторых фамилий и прозвищ впрямую указывает на географию пришлого населения: Нижегородовы, Красноярovы, Пермяк, Тюменец, Кострома, Сибиряк…

Уникальность новой книги в том, что почти 900 ее страниц буквально «нашпигованы» именами и фамилиями, а потому у каждого читателя есть шанс найти персону с родной фамилией и задаться вопросом: «А не родственник ли это?».

Думаю, что читатели книги по достоинству оценят работу автора и будут благодарны за цитирование многочисленных документов из таких архивов как: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Российский государственный исторический архив (РГИА), что особенно важно для людей, проживающих вдали от столиц, да еще и не владеющих навыками палеографии. Не буду дальше перечислять достоинства новой книги, у читателя есть возможность самому оценить большой труд и приобщиться к занятию генеалогией.

Замечу, что автор Вахрин Сергей Иванович, представитель СВРТ на Дальнем Востоке, по представлению Союза Возрождения Родословных Традиций решением Совета Российской генеалогической федерации награжден медалью «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин» II степени.

P.S.

Упомянутую выше серию книг С.И. Вахрина можно скачать в электронном варианте на сайте СВРТ:

https://svrt.ru/lib/article.shtml

Бибиков Валерий Владимирович
Президент Союза Возрождения
Родословных Традиций,
член Общественного совета при
Федеральном архивном агентстве,
член Совета Российской
генеалогической федерации

ВСТУПЛЕНИЕ

«Тайны якутских фамилий» — это история фамилий многонациональной армии сибирских казаков, принявших участие в открытии и освоении огромного территориального пространства, которое с 1638 года получило свой административно-территориальный статус как Ленское (Якутское) воеводство, или Якутский уезд.

Но, хотя и статус был определен, и воевода назначен, тем не менее, границы Якутского воеводства ни на севере, ни на юге, ни на востоке обозначены не были.

Помимо этого шла и конкурентная борьба с соседними уездами за право присоединить к своим территориям наиболее благодатные ясачные или пахотные земли.

А все это в итоге приводило либо к открытию и присоединению новых земель, либо к административно-территориальному обособлению тех земель, которые еще вчера входили в состав уезда, а сегодня стали либо самостоятельными уездами, либо вошли в состав соседних…

Для нас же важно другое — якутские служилые люди или продвигались на восток и закреплялись на новых территориальных владениях России, или уходили под власть других — енисейских, даурских (нерчинских), иркутских, удинских, охотских, камчатских, приамурских, приморских начальников, и… родовые связи разрывались и забывались.

ЯКУТСКИЙ УЕЗД

Образован 6 февраля 1638 года.

В состав уезда входил почти весь бассейн реки Лены: к середине XVII в. его граница проходила по побережью Северного Ледовитого и Тихого океанов, а в конце XVII–XVIII вв. в состав уезда вошли также Камчатский полуостров, Курильские острова, Чукотка, Охотское побережье и Удский край.

Благодаря работе Павла Леоновича Казаряна — его справочнику «Административное … устройство Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг.» [стр. 538–544] мы сможем увидеть появление новых административных пунктов в системе управления Якутским уездом и в системе распределения казаков Якутского полка по этой огромной территории.

Название и расположение острога или зимовья	Год основания	Кем основан
Усть-Кутский (Ленский) острог в устье левого притока р. Лены, р. Куты	1631	Енисейский атаман Галкин Иван Алексеевич
Тутурский острог в устье правого притока р. Лены, р. Тутура	1631	Енисейский стрелецкий сотник Бекетов Петр Иванович
Жиганское зимовье на левом берегу р. Лены	1632	Енисейские казаки Архипов Алексей, Яковлев Лютка
Усть-Киренгское зимовье в устье правого притока р. Лены	1632	Енисейский сын боярский Ходырев Парфентий Васильевич
Усть-Камнунское зимовье в устье левого притока Алдана р. Камнуны, современное название — р. Натора	1634	Енисейский стрелец Чюрочка (Чюркин) Федор Васильевич
Средне-Вилюйское зимовье на правом берегу р. Вилюя, напротив Красного Яра	1635	Тобольский сын боярский Шахов Воин Фаддеевич
Янское (Средне-Янское) зимовье в среднем течении р. Яны	1635	Енисейский казак Илья Перфильев, Тобольский казак Ребров Иван Иванович
Оленекское зимовье в устье левого притока р. Оленек р. Пирикты, ныне — р. Биректе	1637	Енисейский десятник Буза Елисей Юрьевич
Уяндинское зимовье в нижнем течении левого притока р. Индигирки, р. Уяндина	1638	Тобольский казак Ребров Иван Иванович
Столбовское зимовье в устье левого притока р. Лены, р. Муны	1638	Енисейский стрелец Софонов Якунко
Янское Верхнее (Верхоянское) зимовье ниже истока р. Яны — слияния рр. Дулгалах и Сартан	1638	Енисейский казак Губарь Посник Иванович
Чондонское зимовье в устье реки Чондон	1639	Енисейский десятник Буза Елисей Юрьевич
Усть-Кутомарское зимовье в устье притока р. Витима р. Кутормы, ныне — р. Кутомала	1639	Енисейский атаман Перфильев Максим
Верхне- (Средне-) Индигирское (Подшиверское) зимовье выше устья левого притока р. Индигирки р. Уяндина в 2-х днях пути	1639	Енисейский казак Губарь Посник Иванович
Усть-Ульинское зимовье в устье р. Ульи	1639	Томский казак Москвитин Иван Юрьевич
Индигирское Нижнее (Уяндинское) зимовье в устье левого притока р. Индигирки р. Уяндина	1640	Енисейские казаки Ерастов Иван Родионович, Нифантьев Кирилл
Оймеконское зимовье на притоке р. Момы, р. Оймекон	1641	Енисейский десятник Ермолаев Никита
Олюбинское (Бурулгинское) зимовье в низовьях р. Индигирки	1641	Енисейский казак Зырян Дмитрий Михайлович — Ярило

Название и расположение острога или зимовья	Год основания	Кем основан
Ленский Брацкий (Верхоленский Брацкий, Верхоленский) острог на правом берегу р. Лены, в 4-х верстах ниже устья р. Куленги	1641	Березовский пятидесятник Васильев Мартын, десятник Пысолов Аксентий Аникеевич
Усть-Молодское зимовье в устье левого притока р. Лены, р. Молодо	1642	
Янское Нижнее (до 1651 г. — Янское Юкагирское) зимовье в районе начала дельты р. Яны	1642	Казанский сын боярский Власьев Василий Аксентьевич
Алазейское зимовье в среднем течении р. Алазеи	1642	Енисейский казак Зырян Дмитрий Михайлович — Ярило
Оленское зимовье в устье левого притока р. Оленек р. Пирикты, ныне — р. Биректе	1642	Тобольский казак Ребров Иван Иванович
Анабарское зимовье в районе устья р. Анабар	1643	Мангазейский стрелецкий сотник Сычев Василий Матвеевич
Средне-Колымское зимовье в среднем течении р. Колымы	1643	Енисейские казаки Зырян Дмитрий Михайлович, Стадухин Михаил Васильевич
Верхне-Вилюйское зимовье на правом берегу р. Вилюя, напротив устья р. Тюнг	1644	Березовский десятник Гаврилов Стефан
Нижне-Колымское зимовье в устье правого притока р. Колымы, р. Большой Анюй	1644	Енисейские казаки Зырян Дмитрий Михайлович, Стадухин Михаил Васильевич
Верхне-Майское (Майское) зимовье в среднем течении р. Маи, выше устья р. Маймакан	1644	
Средне-Майское зимовье на р. Мае в устье р. Аим	1644	
Зимовье на р. Погиче (Погычи)	1646	Промышленник Мезенец Исай Игнатьевич
Верхне-Колымское зимовье в верхнем течении р. Колымы	1647	Енисейские казаки Падера Никита Иванович, Ожога Иван
Мотыхлейское зимовье в устье впадающей в Тауйскую губу р. Матыхлея	1648	Ленские казаки Васильев Ермил, Филиппов Алексей
Чаринское зимовье в устье притока р. Чары, р. Кемы	1648	
Тугирское зимовье в нижнем течении р. Олекмы, р. Тунгир	1648	Березовский пятидесятник Юрьев Василий Енисейский десятник Олень Алексей Яковлевич
Тугирский острог на р. Тунгир у волока на Албазин	1649	Промышленники Квашнин Иван Иванович, Ворыпаев Андрей Матвеевич
Анадырское зимовье (острог)	1647/1649	Ленский казак Семен Иванович Дежнев
Индигирское Верхнее (Зашиверское) зимовье в среднем течении р. Индигирки	1650	Торговый человек Анцыферов Филька (Филипп) Колмогорец
Усть-Горбейское зимовье в устье левого притока р. Юдомы, р. Горби	1651	
Хромовское зимовье в районе устья р. Хрома	1652	Новоприборный ленский казак Клементиев Михаил
Тугурское зимовье в устье р. Тугур	1652	Ленские казаки Нагиба Иван Антонович, Уваров Иван
Тауйское зимовье в устье р. Тауй	1652	Ленский десятник Стадухин Михаил Васильевич
Нюкжинское зимовье по р. Нюкже в устье р. Нижней Ларбы	1656	Тобольский сын боярский Иванов Курбат Афанасьевич
Омолоевское зимовье в устье р. Омолой	1656	Стрелецкий сотник Михайлов Амос Григорьевич
Чендонское зимовье в верховьях р. Гижиги	1657	Енисейский казак Чюкичев Федор Алексеевич
Усть-Олекминская застава в устье р. Олекмы	1657	
Тауйский острог на впадающей в Тауйскую губу р. Яне	1662	Ленский пятидесятник Иевлев Иван
Тонторское зимовье в устье притока р. Алдан, р. Тонтор, ныне — Тимптон	1662	
Омолонское зимовье в среднем течении правого притока р. Колымы, р. Омолон	1670	Ленский казак Щипунов Андрей
Патомское (Усть-Патомское) зимовье в районе устья притока р. Лены, р. Большая Патома	1672	
Пенжинское зимовье в устье притока р. Пенжины, р. Часовишной	1679	Ленский казак Ворыпаев Михаил Никитич
Учурское зимовье в устье притока р. Алдан, р. Учур	1686	
Ямское зимовье на р. Яме	1691	Ленский казак Соловей Иван Антипович
Верхнекамчатское зимовье, острог в верхнем течении р. Камчатки	1698	Потап Серюков
Большерецкий острог на р. Большой	1703	Якутский казак Дмитрий Ярыгин
Нижнекамчатский острог на р. Камчатке	1704	Анадырский казак Андрей Кутьин
Окланский (Акланский) острог на р. Оклан	1709	Анадырский приказчик, якутский пятидесятник Попов Ефим Петрович
Пенжинский острог на р. Пенжине в 10 верстах ниже впадения в нее р. Черной	1709	Анадырский приказчик, якутский пятидесятник Попов Ефим Петрович
Олюторское зимовье в 80 верстах выше устья р. Олюторы (совр. Вывенки. — *С.В.*)	1712	Якутский десятник Савостьянов (Щепеткой) Василий Иванович

Название и расположение острога или зимовья	Год основания	Кем основан
Олюторский острог в 80 верстах выше устья р. Олюторы, современное название — р. Вывенка	1714	Анадырский приказчик, якутский пятидесятник Попов Ефим Петрович
Сиктацкое (Сиктяхское) зимовье на левом берегу р. Лены, ниже устья р. Молодо	1731	

1654

«Зимовья, с которых был произведен [ясачный] сбор: Янское Верхнее; Вилюйския: Верхнее, Середнее, Нижнее; Майския: Верхнее, Середнее; Бутальское; вниз по Лене реке: Столбовское, Жиганское, Оленское; вверх по Олекме: Тугирское, Чаринское, Олекминский острожекъ; Индигирския: Верхнее, Нижнее, Зашиверное; Алазеиское; Колымския: Верхнее, Середнее, Нижнее; Охотцкое; Мотыхлейское; Янское Верхнее».

1655

«Во 164 и во 165 году; да мы ж, государь, холопи твои, послали на твои государевы на годовые службы по самой же нуже за безлюдством: на Вилюй в верхнее зимовье одиннадцать человек, на Вилюй же в середнее зимовье шесть человек, на усть Вилюя шесть человек, в Жиганы девять человек, к Столбом шесть человек, на Яну в верхнее зимовье шесть человек, на Маю в верхнее зимовье восемь человек, на Маю ж в середнее зимовье пять человек, на Алдан в Буталское и на усть Камнуны одиннадцать человек, на Чару десять человек, под Тугирской волок одиннадцать человек, да в Олекминской острожек шесть человек, да по твои государевы хлебные запасы на Ленской волок семь человек, да за твоею государевою соболиною казною к Москве в провожатых десять человек» [Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том 3, стр. 408].

1654/1660

«Якутское воеводство. Из свитка 1654–1660 годов. Двоегодичная служба.

Двоегодичная служба — это государственная служба служилых людей, казаков в двухгодичной командировке с целью выполнения заданий воеводы, стольника.

1 июля 162 г. по 1 сентября 163 г. целовальниками Федотом Тыриным и Иваном Помаскиным выдано пороху служилым людям на двоегодичную службу в различные места сбора ясака от инородцев, а именно: ... на Аргунь реку и на Тутур реку — всего по Якутскому воеводству — на 98 человек.

...по различным зимовьям и в Чаринское зимовье в том числе — всего по Якутскому воеводству — 124 человека.

Одногодовая служба. Ясачный сбор в Олекомский острожек, в Ылимский острожек, на Аргунь-реку, в Верхоленский, в Братский острог, в Чаринское, на Маю в верхний и средний, в Жиганы, в Бутальское, в Каленунское, на Вилюй верхний и Нижний, Усть-Вилюйское — всего 185 человек» [А. Ионин. Новые данные к истории Восточной Сибири в XVII веке. 1895 г. Иркутск].

1675

«1) Олекминский острожек — ходу из Якутска 2 недели. Ясачных якутов и тунгусов — 206 чел., служилых людей —11 чел.

2) Чаринское зимовье, с Олекминска ходу 10 дней, служилых людей — 7 чел.

3) Усть-Патомское зимовье, с Якутска 20 дней, служилых людей 8 чел.

4) Майское зимовье по р. Мае (приток Алдана), ходу 60 дней, служил. людей 20 чел.

5) То[мт]орское зимовье — ходу 8 дней, служилых 14 чел. (Верхоянский улус РС(Я). — *Ред.*)

6) Бутальское зимовье, ходу с Алдана 4 недели, служил. 5 чел.

7) Вилюйское верхнее зимовье, ходу 38 дней, служил. 15 чел.

8) Вилюйское среднее зим. служил. 8 чел.

9) Вилюйское нижнее зим., служил. 5 чел.

10) Жиганское зимовье — вниз по Лене, 3½ недели от Якутска; ясачные тунгусы и якуты; служил. 14 чел.

11) Оленское зимовье, ходу 38 дней; ясачные тунгусы, служ. 7 чел.

12) Охотский острожек, ходу 51 день, ясачные тунгусы, служ. 44 чел.

13) Янское верхнее зим., ходу 5 недель, ясачные якуты, служил. 6 чел.

Дальныя заморские реки:

14) Индигирское, Зашиверское, Верхнее зим., ходу 9 недель, ясачн. юкагиры.

15) Индигирское Подшиверное Среднее зим., ходу от Индигирки 2 дня; ясачные юкагиры.

16) Индигирское Уяндинское Нижнее зим., ходу от Средняго 3 дня, ясачные юкагиры. В эти три зимовья посылается 1 приказный и 15 служ. человек.

17) Янское Нижнее зим., ходу вниз по Лене до моря 5 недель, а морем на кочах до устья Яны 3 дня и вверх по ней до зимовья 3 суток, ясачные юкагиры, служил. людей 10 чел.

18) Алазейское зим., ходу 12 недель и 5 дней, ясачные юкагиры, служ. 10 чел.

19) Колымское Верхнее зим., ходу от Алазейскаго 10 дней, ясачные юкагиры.

20) Колымское среднее зим., ходу от Верхняго на нартах 4 нед., ясачные юкагиры.

21) Колымское нижнее зим., ходу от Средняго 3 недели, ясачные юкагиры. В эти три зимовья из Янека посылается 1 приказный и 20 человек казаков.

22) Анадырское зим., от Н.-Колымскаго ходу 6 недель, ясачные юкагиры, служил. 16 чел.

23) Чондинское зим., ходу от Н.-Колымскаго 12 недель, неясачные коряки, служ. 10 чел.

Во всех этих зимовьях всего ясачных, якутов, тунгусов, юкагиров 12 236 человек [http://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-1/40.htm].

П.Л. Казарян в книге «Административное устройство, гражданское, военное, горное и

церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917. Справочник» [Я., 2020] изложил в хронологическом порядке историю административно-территориального деления Восточной Сибири.

ИЛИМСКОЕ ВОЕВОДСТВО

«…к 1648 г. Ленский уезд занимал огромную территорию: на западе — бассейны рек Лены, Вилюя и Анабара; на востоке — до побережья Ламского (Охотского) моря и бассейн р. Колымы. Поэтому в Сибирском приказе было принято решение изъять бассейны рек Илима и Лены, выше Чечуйского (Тунгусского) волока, и образовать новый уезд.

…Как свидетельствует полученная енисейским воеводой Федором Потаповичем Полибиным памятка Сибирского приказа от 18 июня 1648 г., назначенный воеводой Илимского острога Тимофей Васильевич Шушерин получил в свое ведение 80 служилых людей (из Тобольска, Енисейска, Тюмени, Томска)…».

«Окладная книга
Илимского острога 1677 (185) г.

л. 34

Книга окладная великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца Ленского волока Илимского острога денежному жалованью ружником с оброчником, детям боярским и подъячим и тех чинов служилым людем на нынешней 185 год.

Оклад детям боярским

Оклад 12 рублев — сын боярской поляк Михайла Силин сын Горгоня.

Оклад 12 рублев — сын боярской Василей Ларионов сын Куржумов.

Оклад 10 рублев — сын боярской поляк Василей Павлов сын Воронетцкой.

(л. 35 об.) Оклад 7 рублев — сын боярской поляк Иван Сташкиев.

Оклад 7 рублев — сын боярской Игнатей Онтонов сын Вораков.

Оклад 7 рублев — сын боярской Ермола Никифоров сын Яганов.

Оклад 7 рублев — сын боярской Никита Григорьев сын Каменев.

Съезжей избы подьячие

Оклад 15 рублев — (л. 36) Павел Иванов сын Пежеской.

Оклад 15 рублев — Андрей Иванов сын Попов.

Оклад 15 рублев — Никита Иванов сын Лазарев.

Оклад 12 рублев — Иван Ортемьев сын Роспутин.

Оклад 5 рублев — Борис Григорьев сын.

Оклад таможенной избы подьячему 6 рублев — подъячей Микифор Парфенов сын Се[…].

л. 36 об.

Оклад 5 рублев 16 алтын 4 денги — городничей Сава Аверкиев сын Брага.

Оклад служилым людям пятидесятникам по 5 рублев с полтиною, десятникам по 5 рублев по 8 алтын по 2 денги, рядовым служилым казакам по 5 рублев человека.

Пятидесятник Игнатей Савастьянов (л. 37) сын Бутаков во 184 году марта в 9 умер.

Десятник Васка Парфенов сын Сенотрусов.

Тимошка Павлов сын Пежеской, а поверстан он Тимошка во 185 году на Феткино место Баженина и в иво оклад, а Фетка Баженин по челобитью за старостию и за увечьем азначеной службы отставлен.

Андрюшка Савельев сын Брага.

Офонка Гаврилов сын Подкаменной.

Сенка Андреев сын Безпалов.

Софронко Семенов сын Кашаев.

Андрюшка Стефанов сын Парамонов, а поверстан он Андрюшка во 185 году во оклад отца иво Стенки Парамонова.

… Лаврентьев сын Антонов.

л. 37 об.

Савка Панкратьев сын Брусенкин.

Мишка Федоров сын Тугаринов.

Митка Денисов сын Старожилов.

Десятник Терешка Анфиногенов сын Пашков.

Сенка Афанасьев сын Петров.

Дружинка Федотов сын Литвинцев.

Фетка Онтропов сын Шестаков.

Левка Парфенов сын Корилин.

Савка Семенов сын Тупицын.

Андрюшка Григорьев сын Попов.

Фетка Петров сын Батустин.

Стенка Парфенов сын Сенотрусов.

Андрюшка Иванов сын Салдатов.

л. 38

Десятник Еремка Мартемьянов сын Коркин.

Дениско Данилов сын Бланников.

Ивашко Гаврилов сын Родионов.

Данилко Федоров сын Ратов.

Ивашко Максимов сын Латванцов.

Сенка Гаврилов сын Жерноков.

Мишка … сын Мотусов.

Емелка Андреев сын, прежней палач.

Стенка Ортемьев сын Черепан.

Кирюшка Любимов сын Утюжников, а поверстан он Кирюшка на Ивашково место Решетникова в ево оклад во 185 году.

Алешка Алексеев сын Мартынов.

Десятник Митка Васильев сын Злыгостев.

л. 38 об.

Авдейко Исаков сын Басов.

Федка Козмин сын Бабкин.

Ортюшка Стефанов сын Решетников.

Якунка Андреев сын Смагин.

Алешка Федоров сын Тугаринов.

Васка Борисов сын Кулаков.

Игнашка Манойлов сын Манков.

Юрка Варламов сын Дуркин.

Костка Иванов сын Скуратов.

Мишка Манойлов сын Манков.

Десятник Васка Костентинов сын Воронин.

Трошко Козмин сын Падерин.

Гришка Григорьев сын Попов.

… сын Шипицын.

л. 39

Якунка Семенов сын Жидов.

Ивашко Екимов сын Балаш.

Симашка Григорьев сын Попов.

Онтонко Яковлев сын Гуляшихин.

Микишка Богданов сын Карсаков.

Оничка Деянов сын Волов.
Ивашко Яковлев сын Сапожник.
Пятидесятник Иван Никитин сын Салдат.
Десятник Сенка Козмин сын Малыга.
Юшко Кирилов сын Верхоглядов.
Сенка Васильев сын Шувай.
Алешка(?) Максимов сын Суслов.
Илюшка Манойлов сын Манков.

л. 39 об.

Мартюшка Власов.
Кирюшка Иванов сын Прокушев.
Митка Агафонов сын Секан.
Микитка Кирилов сын Воронцов.
Ивашко Парамонов сын.
Ивашко Григорьев сын Попов.
Десятник Антропко Мартемьянов сын Щербаков.
Петрушка Андреев сын Чагин.
Ивашко Сергиев сын Кожевников.
Фирско Ларионов сын Котовщиков.
Ивашко Акакин Зызев(?).
Мар… Онтропов сын Шес.

л. 40

Васка Филиппов сын Чухлин.
Никитка Федоров сын Черемисининов.
Овдокимко Микитин сын Конша.
Юдка Леонтьев сын Кузнецов.
Десятник Митрошка Кирилов сын Кокшар.
Савка Агафонов сын Сюкин.
Ивашко Федоров Щекулин.
Бориско Кирилов сын Воронцов.
Моска Гаврилов сын Горлопов.
Ивашко Алимпиев сын Бык.
Гараско Панкратьев сын Кутаков.
Васка Иванов сын Котовщик.
Савка Иванов сын Дунаев.
Андрюшка Кирилов сын Тюменцов.

л. 40 об.

Богдашка Максимов сын Маскин.
Десятник Васка Яковлев сын Дрянной.
Бориско Андреев сын Смагин.
Карпунка Петров сын Старловской.
Бориско Иванов сын Паншин.
Гошка Михолов сын Бекетов.
Микитка Костянтинов.
Петрушка Игнатьев сын Бутаков.
Митка Стефанов сын Чертов.
Пронка Данилов сын Силаков.
Васка Михайлов сын Мишарин.
Десятник Левка Иванов сын Кырнаев.

л. 41

Матюшка Яковлев сын Тотаринсков.
Митка Иванов Скуратов, а поверстан он Митка во 185 году на место брата ево Сенки Скуратова в оклад ево, а Сенка Скуратов во 185 году же ноября в 16 день умер.
Сергушка Стефанов сын Парамонов.
Ивашко Стефанов сын Скуратов.
Сидорко Костянтинов.
Тимошка Трифилов сын Кырнаев.
Микишка Леонтьев сын Кырнаев.
Пашко Семенов сын Малыгин.
Ивашко Федоров сын Левашев.
Емелка Емельянов сын Крестьяша.

л. 41 об.

Пятидесятник Иван Елфимов сын Дунаев.
Десятник Данилко Борисов сын Кулаков.
Ганка Самойлов сын Туголуков.
Пиминко Яковлев сын Дугин.
Андрюшка Федосиев сын Смагин.
Якунка Иванов сын Стариков.
Давыдко Васильев сын Кайгород.
Сергушка Васильев сын Яшкин, а поверстан он Сергушка во 185 году брата ево Стенки Яшкина в оклад, а Стенка Яшкин во 185 году умер.
Сергушка Гаврилов сын Подкаменной.
Якунка Григорьев сын Чернев(?).
… сын Багатырев.

л. 42

Тимошка Васильев сын.
Десятник Костка Сидоров.
Волотка Фролов.
Богдашка Семенов сын Балахня.
Панфилко Савельев сын Кузнец.
Богдашка Андреев сын Кривошея.
Гаранка Максимов сын Шелковников.
Агафонко Флоров.
Митка Алфееров сын Ширшинов.
Десятник Максимко Иванов сын Лютвинцов.
Любимко Михайлов сын Утюжников.
Ганка Исаков сын Торлопов.
Якунка Федоров сын Кнышев.
…шка Иванов сын Кырнаев.

л. 42 об.

Тишка Яковлев сын Чечев.
Путилка Терентьев.
Десятник Надейка Иванов сын Нефетьев

Оклад бронннику и казенному кузнецу

Бронник и кузнец Ивашко Герасимов

Верхоленского Братцкого острошку
служилые люди

Оклад атаману казачью 9 рублев.
Атаман Прокопей Гарасимов сын Дубин.
Оклад пеших казаков пятидесятнику 5 рублей 6 алтын 4 (л. 43) денги.
Пятидесятник Милойлов Иванов Козлов.

Конные казаки Верхоленского острошку.
Оклад конных казаков пятидесятнику
7 рублев 25 алтын

Пятидесятник Назар Стефанов сын Кистенев.

Оклад конных казаков десятнику
7 рублев 8 алтын 2 денги

Десятник Оничка Иванов сын Пермяк.

Оклад рядовой конному казаку
7 рублев 8 алтын 2 денги

л. 43 об.

Конной казак Ивашко Захаров сын Хорошева.

Оклад конным казакам по 7 рублев человека

Осташко Прохоров.
Мишка Федоров сын Толмачев, а поверстан он Мишка во 184 году во оклад отца ево Фетки Толмача, а Фетка Толмач во 184 году умер.
Онтипка Григорьев сын Сорокин.
Ивашко Назаров сын Кистенев.
Гришка Борисов сын Ангрышев.
Якунка Федоров сын Кудря.
Ми…а Козмин сын Хабаров.
…Кирилов сын Дунаев.

л. 44

Максимко Григорьев сын Белой.

Гришка Федоров сын Сибиряк.
Ивашко Козмин сын Пуляевской.
Андрюшка Леонтьев сын Шипицын.
Устинко Яковлев сын Кострома.
Ивашко Павлов сын Белоус.
Кирюшка Герасимов сын Тюменец.
Максимко Савостьянов сын Бутаков.
Васка Иванов сын Остяк.
Титко Михайлов сын Новокрещен.
Ивашко Федоров сын меншей Толмачев.
Ивашко Федоров сын болшей Толмачев.
Демка Иванов сын Дунаев.
Сенка(?) Назаров сын Хриштапавнов.
Устинко Григорьев сын Плетнин.

л. 44 об.

Фетка Назаров сын Кистенев.
Ивашко Семенов сын Жидов.
Ивашко Семенов сын Болшедворской.
Судовые плотники Илимские служилые люди, оклад судового дела кочеву уставщику 6 рублев
Уставщик Нечайко Осипов.
Оклад судовым плотникам Илимским же служилым людем по 5 рублев человека
Ивашко Стефанов сын Решетников.
…умов сын.

л. 45

Юдка Анисимов сын Мялицын.
Якунка Михайлов сын Коряков.
Устинко Селиванов сын Шишкин.
Оска Иванов сын Дедюхин.
Гришка Иванов сын Чюхлома.
Ивашко Васильев сын Белоног.
Пашко Романов.
Филка Григорьев.
Стенка Иванов Наумов.
Тришка Федоров сын Гиляшев.
Игнашка Романов сын Косыгин.
Тимошка Васильев сын Винокуров.
Офонка Онтипин.
Гараска Савастьянов сын Бутаков.
Ганка Иванов Жерно…

л. 45 об.

Пашко Ярафиев сын Таюрской.
Елеска Офонасьев сын Облизаков.
Устинко Микифоров сын Молев.
Якимко Фомин сын Воровник…(?).
Мишка Авакумов сын Баженов.
Елеска Иванов Белонога, а поверстан он Елеска во 185 году на выбылое умершаго Гришкино место Кузнецова в ево оклад.
Моска Козмин сын Сухан.
Фетка Микитин сын Скуратов.
Ромашка Иванов сын Косыгин.
Данилко Савастьянов сын Бутаков.
Оклад м…ку и уставщику 8 рублев
Уставщик Сенка Онисиев сын.

л. 46

Оклад засыпке 5 рублев
Засыпка Сергушка Семенов сын Махов.
Оклад съезжей избы сторожу 5 рублев
Сторож Савка Евдокимов сын Дунаев.
Оклад таможенной избы сторожу 5 рублев
Сторож Васка Кирилов сын Тюменцов
Оклад палачю 5 рублев
Палач Карпунка Савастьянов»

[РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 633].

ДАУРСКОЕ ВОЕВОДСТВО

20 июня 1654 года было образовано Даурское воеводство, куда воеводой был направлен А. Пашков с отрядом казаков из городов-крепостей Сибири.

Появляются остроги Иргенский, Телебинский, Нерчинский.

Наиболее полный список казаков из отряда А. Пашкова опубликовал В.И. Малышев в книге «Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме» [М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953]:

1656 г. после сентября 15 – ранее 1657 г. июня 4.
Челобитная даурских служилых людей

…Тобольсково города десятничишка казачьи: Власко Савельев, Мишка Саранчин, Куземка Иванов, и рядовые казачишка: Ганька Чесноков, Петрушка Гаврилов, Ондрюшка Григорьев, Федька Семенов, Федька Савельев, Офонька Лапин, Ондрюшка Сергеев, Артюшка Исаков, Ивашко Оникеев, Куземка Мосеев, Микитка Логинов, Андрюшка Савуров, Петрунька Михайлов, Ерасимко Федоров, Богдашко Габышев, Ивашко Иванов, Максимко Иванов, Ивашко Самопальников с товарыщи, — все шездесят человек.

Томсково города десятничишка казачьи: Федька Прокопьев, Данилко Ондреев, Васька Костентинов, Пронька Белянинов, и рядовые казачишка: Левка Ламанов, Мишка Тюменцов, Ивашко Лаврентьев, Нестерко Григорьев, Гришка Овдокимов, Любимко Евсевьев, Трошка Стрелков, [И]вашка Морковкин, Ивашка Буянов, Ивашко Бубенной, Олешка Коленой, Гришка Щукин, Дейка Лукьянов, Ивашко Соловар, Мартынко Чюскаев, Архипко Шапошников с товарыщи, — все пятьдесят человек.

Тюменсково города десятничишка казачьи: Ромашка Сергеев, Якунька Исаков, Федька Исаков и рядовые казачишка: Петрунька Васильев, Ивашко Панфилов, Левка Голой, Ондрюшка Васильев, Микитка Нефедов, Офонька Микитен, Филька Иванов, Ларька Сартаков, Митька Долгопол, Ивашко Судейкин, Елфимко Юдин с товарыщи, — все сорок человек.

Тарсково города десятничишка казачьи: Оська Минин, Максимко Яковлев, Стенька Садковской, и рядовые казачишка: Левка Иванов, Ивашко Федоров, Ивашко Игнатьев, Мишка Жерноков, Петрушко Офонасьев, Дениско Мезенин с товарыщи, — все тритцать человек.

Верхотурсково города десятничишка казачьи: Ивашко Корташов, Ивашко Лапин и рядовые казачишка: Васька Божин, Петрушка Григорьев, Игнашка Сусоров, Микитка Евсевьев, Микитка Павлов, Куземка Бархатов, Самылко Володимеров, Ивашко Офонасьев с товарыщи, — все дватцать человек.

Березовсково города десятничишка казачьи: Лазарко Иванов, Ивашко Смагин, Елфимко Дементьев и рядовые казачишка: Титко Иванов, Лучка Мозолевской, Вторко Кирьянов, Пронь-

ка Лопухин, Ефремко Нарымцов, Сенька Микифоров, Фомка Охлопков, Ондрюшка Григорьев, Тимошка Ангрышов с товарыщи, — все сорок человек.

Пелымсково города десятничишко казачей Тараско Зуев и рядовые казачишка: Васька Иванов, Васька Федоров, Бориско Иванов с товарыщи, — все пятнатцать человек.

Сургутцково города служилые людишка: Мишка Тимофеев, Демка Иванов, Митька Ларионов, Онтонко Васильев, Петрушка Иванов, Ондрюшка Оверкиев, с товарыщи, — все десять человек. Туринсково острога десятничишко казачей Микитка Максимов и рядовые казачишка: Петрушка Кондратьев, Сидорко Микитин, Гришка Микифоров, Кононко Лукьянов с товарыщи, — все десять человек.

Кузнецково острога десятничишко казачей Потапко Федоров и рядовые казачишка: Калинка Петров, Кирилко Ортемьев, Ивашко Немчин, Володька Иванов с товарыщи, — все десять человек.

Красноярсково острога десятничишко казачей Оксенко Иванов и рядовые казачишка: Мишка Степанов, Терешка Чунептев, Ивашко Ошихин, Титко Кочергин, Игнашка… с товары[щи]… приборные, все четыреста дватцать человек.

На обороте: К сей челобитной даурской службы черной поп. К сей челобитной даурской службы Тобольсково города служилой человек Петрунька Арканов руку приложил. К сей челобитной даурской службы Тобольсково города служилой человек Герасимко Зверев руку приложил.

К сей челобитной даурской службы служилой человек Иваас Торханцов руку приложил. К сей челобитной даурской службы сургутцкой казак Мишка Тимофеев руку приложил. К сей челобитной даурской службы Томскова города служилой человек Левка Ламонов руку приложил.

К сей челобитной даурской службы Березовского города служилой человек Ондрюшка Григорьев руку приложил. К сей челобитной давурской службы Березова города служилой человек Елфимко Дементьев руку приложил. К сей челобитной даурской службы Березова города служилой человек Тимошка Ангрышев руку приложил. К сей челобитной даурской службы Тобольского города служилой человек Ивашко Самопальников руку приложил. К сей челобитной даурской службы Тобольсково города служилой человек Максимко Иванов руку приложил.

К сей челобитной даурской службы Пелымсково города служилой человек Васька Иванов руку приложил. К сей челобитной даурской службы, Пелымского города служилой человек Бориско Иванов руку приложил. К сей челобитной даурской службы Вер… человек… К сей челобитной даурской службы служилой человек Богдашко Кузьмин Габышев руку приложил.

К сей челобитной службы даурской служилой человек Ивашко Иванов Южак руку приложил. К сей челобитной даурской службы служилой человек Пашко Терентьев сын Кошельков и руку приложил. К сей челобитной даурской службы новоприборной казак Ивашко Созонтов руку приложил. К сей челобитной даурской службы новоприборной служилой человек Дмитрейко Иванов Харитонов руку приложил. К сей челобитной даурской службы служивой человек Ивашко Офонасьев руку приложил. К сей челобитной даурской службы служивой человек Березова города Проха[р]ко Стефанов руку приложил. К сей челобитной даурской службы новоприборной казак Ивашко Дорофиев руку приложил»

[ЦГАДА, Сибирск. пр. № 508, лл. 188–193).

«…Нерчинский договор фактически до 1854 г. (до первого русского сплава по Амуру), а юридически — до подписания 16 мая 1858 г. русско-китайского Айгунского договора превратил Якутский уезд (провинцию, область) в самое восточное в Российском государстве приграничное административно-территориальное образование» [Казарян, стр. 63].

ИЛИМСКИЙ УЕЗД

«Для более устойчивого снабжения хлебом Ленского уезда было решено 6 волостей Илимского уезда по р. Лене (Верхне-Киренская (Криволуцкая), Усть-Куцкая, Орленская, Тутурская, Илгинская, Бирюльская) включить в состав Ленского уезда. Царский указ об изменении границ между Ленским и Илимским уездами был подписан 5 мая 1680 г.».

«15 августа 1699 г. … Киренский острог, Верхне- и Нижне-Киренские волости, с устья р. Куты до Чечуйской волости, … включены в состав Якуцкого уезда» [стр. 63].

«В 1702 г. … Киренский острог и Нижне-Киренская волость вновь были включены в состав Илимского уезда.

…Криволуцкая (Верхне-Киренская) волость была включена в состав Илимского уезда по грамоте Сибирского приказа от 9 марта 1705 г.».

«…по грамоте Сибирского приказа … от 27 января 1707 г. … Чечуйский острог с крестьянской волостью был изъят из состава Якуцкого и включен в состав Илимского уезда» [стр. 65].

ОХОТСКО-КАМЧАТСКИЙ КРАЙ

«…указ 10 мая 1731 г. [“О назначении сосланного в Сибирь Григория Писарева начальником Охотска; о населении ему сего места и учреждении при оном малой верфи и пристани и об отправлении туда на поселение неоплатных долников, вместо каторги“] положил начало перекройке границ Якуцкого уезда.

…ему [Писареву Г.Г.] передавались в управление не только Охотский край, но и Камчатка, а также районы (населенные юкагирами и коряками), где действовала Анадырская партия (экспедиция) во главе с капитаном Д.И. Павлуцким, а также западное побережье Охотского моря.

Если в 1727 г. из Якутского штата в 1500 казаков в состав экспедиции А.Ф. Шестакова были переданы 400 казаков, теперь же инструкцией 30 июля 1731 г. из того же якутского штата определялись “на житье в Охотск” 300 казаков» [Казарян, стр. 69].

1764 г., образование Иркутской губернии: «…составлена быть из городов Иркутска, Нерчинска, Селенгинска, Илимска с принадлежащими к ним дистриктами, слободами и острогами» [Казарян, стр. 70].

«19 октября 1764 г. Якуцкий уезд и Охотский порт, без изменения внутренних границ, были оставлены в составе Иркутской губернии» [Казарян, стр. 71].

«Изъятый из подчинения Охоцкого порта решением иркуцкого губернатора А.И. Бриля 14 марта 1773 г. и включенный в состав Якуцкого уезда Удский острог законом от 31 января 1775 г. вошел в состав Алданского воеводства, а Витимская и Пеледуйская слободы Якуцкой провинции были включены в состав Усть-Киренского воеводства Иркуцкой губернии» [Казарян, стр.74].

«…Витимская и Пеледуйская слободы указом от 2 марта 1783 г. были изъяты из состава Киренского уезда Иркутской области и включены в состав новоучрежденного Олекминского уезда Якутской области» [Казарян, стр. 76].

КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Впервые образована указом императора Александра I от 11(23) августа 1803 г. из части территории Иркутской губернии [Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-е Собрание. Т. 27. № 20889. С. 823–824]. Административным центром формально считался г. Верхнекамчатск, реально им являлся г. Нижнекамчатск. Делилась на Верхнекамчатскую (Верхне-Камчатскую) и Гижигинскую округи (округа). Управлялась военным комендантом, подчиненным сибирскому генерал-губернатору.

Указом от 9(21) апреля 1812 г. упразднена, ее территория включена в состав Иркутской губернии. Управление собственно Камчаткой передано особому начальнику, подчинявшемуся сибирскому генерал-губернатору; Гижигинская округа подчинена Охотскому управлению (ПСЗ. 1-е Собрание. Т. 32. № 25081. С. 285–286).

«По реформе 1822 г. в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства были образованы два приморских управления — Охотское и Камчатское.

…Из частей, подведомственных Камчатскому приморскому управлению, и Гижигинского округа, состоящего в ведомстве Охотского приморского управления, образовать особую область, которой именоваться Камчатской областью.

…Охотский порт, по неудобности оного, а также тамошнее приморское управление упразднить, присоединив сей край, в виде округа, к Якутской области» [Казарян, стр. 93].

Вновь образована указом императора Николая I от 2(14) декабря 1849 г. из части территории Иркутской губернии. Административный центр — г. Петропавловский Порт. Делилась на Петропавловский и Гижигинский округа. Управлялась военным губернатором.

31 октября (12 ноября) 1856 г. Камчатская область упразднена, ее территория вошла в состав образованной тогда же Приморской области.

ПРИМОРСКАЯ ОБЛАСТЬ

«С начала 1850-х гг. началось присоединение Приамурского края к Российскому государству. Переломным в административном обустройстве этого региона стало утвержденное Александром II “Положение об управлении Приморской области Восточной Сибири” от 31 октября 1856 г.

В состав образованной Приморской области вошли Камчатская область, Приамурский регион и Удский край Якутского округа Якутской области. Передача Удского края из состава Якутской области в состав Приморской области произошло в начале 1858 г.

Высочайшим именным указом от 8 декабря 1858 г., данным Правительствующему Сенату, Приамурский край и приморские районы были разделены на две области: Приморскую и Амурскую. При этом повелено было: в состав Приморской области отделить от Якутской области округ Охотский… Таким образом, включенный в 1849 г. в состав Якутской области Охотский округ был передан в начале 1860 г. в состав Приморской области» [Казарян, стр. 93].

Якутский казачий полк, XIX век

Состав Якутского казачьего полка. Якутский пеший городовой казачий полк в 19 в. состоял из 5 сотен: первая и вторая сотни находились в г. Якутске, третья – в г. Гижигинске, четвертая – в г. Охотске и пятая объединяла команды, расположенные в городах Олекминске, Верхоянске, Вилюйске, в Колымском округе, а также в Удском укреплении и при Алданском перевозе. Ввиду того, что в середине 19 в. Гижигинск «утратил значение города», находившуюся там сотню казаков упразднили; полк стал насчитывать в своем составе 4 сотни (причем порядковый номер пятой сотни, находившейся в окружных городах, сохранился). В составе Якутского казачьего полка в разное время находились: Анадырская, Зашиверская, Жиганская, Ожогинская, Усть-Янская казачьи команды. В дальнейшем, с уничтожением селений и городов, казаки, служившие там, переводились в другие места.

ОХОТСКИЙ ОСТРОГ

«Первым русским поселением на берегу Охотского моря стало построенное отрядом И. Москвитина в 1639 г. “зимовье с острожком” недалеко от устья р. Ульи. М.И. Белов и А.И. Алексеев считали, что москвитинцы поставили также острожек на р. Охоте, который вскоре был разрушен ламутами. Но это предположение не получило поддержки у других исследователей.

Весной 1647 г. к устью Ульи вышел отряд под командованием якутского казачьего десятника Семена Андреевича Шелковника. Здесь он соединился с казаками, оставленными В. Поярковым. 23 мая объединенный отряд прибыл к устью р. Охоты. Разбив местных ламутов, русские в конце июня 1647 г. в трех верстах выше устья реки на берегу протоки Амунки поставили зимовье. Вероятно, оно имело типичный для зимовьев того времени вид: срубы с плоской крышей и, возможно, с нагороднями. К 1649 г. казаки под руководством Ивана Афанасьева "круг зимовья поставили косой острог", т. е. окружили его частоколом из заостренных бревен. С этого времени поселение стало официально именоваться Косой острожек.

Весной 1652 г. (по другим данным — в 1651, 1653 или 1654 г.) на острог напал большой отряд ламутов. Гарнизон (около 35 чел.), не выдержав осады, ушел в Ульинское зимовье. Ламуты сожгли острог. Восстановлен он был на прежнем месте летом 1654 г. отрядом якутского сына боярского Андрея Булыгина, который прибыл к р. Охоте из Ульинского зимовья. Были поставлены "государев анбар, аманацкая казенка, судная изба и жилища для казаков". Строения были обнесены стоячим частоколом. Новый острог имел вид четырехугольника, был "мерою в длину 20 сажен, а поперек 10 сажен" (всего по периметру 60 сажен). С этого времени он стал именоваться Охотским.

Однако острог нередко затопляло разливом реки, и в 1665 г. он был перенесен выше по течению, за 7 верст от устья (а не ближе к морю, как считали некоторые историки). Сохранилось описание этого острога за 1666 г.: "Охоцкой город рубленой, а рублен в косой угол в одну стенку без нагороден, о два боя, вышина две сажени без аршина. А мерою кругом рубленого городу от избы, где приказные живут, до башни 17 сажень, а от башни до амбара 8 сажень. А башня в две сажени без двух четвертей, вышина башни полчетверти сажени печатных, о четырех боях. Да в городовой стене великих государей онбар казенный о двух жирах и с нагородней, в городовой же стене другая изба, живут казаки, в городовой же стене третья изба, живут приказные люди, с нагороднею. В городе две избы аманацкие, да караульня, да поварня. А кругом от ворот до ворот же мерою около города и около изб и онбара 43 сажени печатных". Таким образом, новый острог оказался меньше прежнего по площади, возможно, имел форму треугольника, вновь был обнесен "косым" частоколом, имел одну башню, "государев амбар" и "приказную" избу с нагороднями, которые также фактически являлись башнями.

Через 14 лет, согласно отписке приказчика Охотского острога пятидесятника Семена Соркоумова от 1682 г., острог мало изменился: "А в острошке башня воротная о трех житьях (трехэтажная. — *А.З.*), да в острошке ж у башни воротние в стене изба ясачная, а другая изба для прибылово караулу и с сеньми, да в острожке ж в стене две избы и с сеньми, где живут приказные люди, да в острожке ж изба караульная и с аманацкою казенкою, а под караульною избою анбар холодной для аманатскаго выпуску, да в острожке ж анбар казенной о двух жильях, да за острогом анбар новой, где кладут аманатцкой рыбной корм".

К концу 1683 г. в острожной стене имелось уже две башни: одна вышиною пять сажень, другая — три сажени, а сам острог по периметру оказался 33 "сажени печатных". В 1686 г. приказчик Охотска сын боярский Иван Крыжановский дал следующее описание острога: в острожной стене "башня воротная о трех житьях, от башни воротные изба ясашная, по другую сторону изба для прибылого караулу с сеньми. Да в острожке в стене две избы с сеньми, где живут приказные люди. Да в острожке же изба караульная и с казенною аманатцкою новая, да с казенкою аманатцкою амбар холодной для летнего аманатцкого выпуску. Да в острожке и в стене башня наугольная о трех житьях. Да в острожке ж в стене анбар казенной о дву житьях. Да за острожком анбар с рыбою и с юколою с аманатцким кормом".

В 1688 г. казаки вновь переносят острог на более удобное для рыбной ловли место в трех верстах от устья р. Охоты на ее изгибе у самого моря. Новый острог в отличие от прежних укреплений, окруженных "частоколом", имел стены, "рубленные в заплот". В стенах стояли две башни: "одна вышиною 5 сажень, а другая 3 сажени". Высота стен составляла 5 сажень, а их общая длина — 35 сажень "печатных".

В конце XVII – первой четверти XVIII в. реконструкция острога скорее всего не проводилась, и все строения ветшали. Открытие с 1716 г. регулярного морского сообщения с Камчаткой повысило значение Охотска. Постепенно он стал принимать вид порта, особенно оживившегося с прибытием Первой Камчатской экспедиции. Однако новые постройки возводились не в остроге, а рядом с ним в "экспедичной слободе", расположенной у самого устья рек Охоты и Кухтуя, где были сооружены канцелярия, ясачная изба, амбар, баня, кузница, несколько каменных складов, избы для "экспедичных служителей". Сам же острог продолжал в буквальном смысле гнить. К октябрю 1726 г. в нем было 10–11 дворов со строениями и около 30 русских жителей. В "росписном списке" 1731 г. комиссара Семена Лытягина сообщалось, что "Охоцкой острог рубленой в заплот, ветхой, без верху. Подле той башни, в полуденной стороне, три избы черные, ветхие, где живут комиссары. В том же остроге амбар двоежирной, где кладется всякая казна". В августе 1731 г. сильное наводнение смело многие постройки, в том числе двор В. Беринга и ясачную избу»

[Зуев А.С. «Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века»].

Перепись 1722/1748 гг.

Книга переписная умершего, беглого, сданного в рекруты, посланного в экспедиции и другого убылого населения г. Якутска и Якут-

ского уезда (посадские люди, разночинцы, государственные крестьяне, монастырские служители) [предположительно 1748 года] без начала и конца

Л. 86

В Охоцком остроге
Посацкие
2354. Яков Чечюлинской
2355. Федор Смерных
Итого две души
Разночинцы
2356. казак Петр Фалелеев
2357. казак Сава Винокуров
2358. казак Петр Колесов
2359. Герасим Нехорошев
2360. Григорей Шенгин
2361. Иван Кычин
2362. Борис Овдеев
2363. Сидор Рошков
2364. Алексей Коренев
2365. Сава Самоилов

Л. 86 об.

2366. Данило Конахин
2367. Иван Грашевской
2368. Иван Устинов
2369. Андрей Пономарев
2370. Фадея Осенина дети Андрей
2371. Чюприн
2372. Никифор Колесников
2373. новокрещен Алексеи Плеханов
2374. Трифана Панфилова сын Козма
2375. Федор Нефедьев
2376. Федор Дьяков
2377. Семен Серебреников
2378. Иван Мосеев
2379. Яков Волков
2380. у него сын Павел
2381. Кирило Плоских

Л. 87.

2382. у него сын Алексей
2383. Яков Максин
2384. Павел Родионовых
2385. Терентеи Лывин
2386. плотник Вахрамей Федоровых
2387. у него сын Степан
2388. у него ж пасынок Тимофей
2389. Петр Шумков
2390. Гарасим Полозов
2391. Максим Репин
2392. Сидора Беляева племянник Андрей Вологдин
2393. Мока Мокшин
2394. Тимофей Жеравин
2395. Иван Кайгородов
2396. Артемей Кочатов
2397. Иван Мартин
2398. Семен Роспутин
2399. Дмитрей Шелепанов

Л. 87 об.

2400. Иван Шахматов
2401. Василеи Маркелов
2402. Гурей Гиндин
2403. Михаило Лосев
2404. Семен Котельников
2405. Федор Козмин
2406. Герасим Салауров
2407. Григорей Веснин
2408. Иван Епифанов
2409. Иван Скулябин
2410. Конон Петлин
2411. Гаврило Коморников
2412. Илья Салдалов
2413. Афонасей Черных
2414. Захар Киселев
2415. Максим Коновалов
2416. Яков Кондратьев

Л. 88

2417. Исак Карпов
2418. Борис Нифантьев
2419. Михайло Шеин
2420. Иван Томскои
2421. Иван Мурзин
2422. Иван Нагавицын
2423. Иван Баранов
2424. сын боярской Василеи Чемезов
2425. Трифона Панфилова сын Иван
2426. Егор Басов
2427. Григорей Ягодин
2428. Логин Бишев
2429. Федор Смороденников
2430. Иван Стыхнои
2431. Дмитрей Нобиных
2432. Василей Мошницов
2433. Гаврила Турунтаев

Л. 88 об.

2434. Иван Бутин
2435. Алексей Мев
2436. Семен Бармин
2437. Матвей Нифантьев
2438. Иван Островских
2439. Лазаря Ошепкова сын Иван
2440. Сава Колесников
2441. Алексей Рыбников
2442. Фадеи Осенина сын Андрей
2443. Василья Тетерина восприемной сын Михайло
2444. Еромонах Иосип
2445. у еромонаха Иосифа сын Андрей
2446. Афонасей Аргунов
2447. Герасим Щеголов
2448. Григорей Новиков
2449. Иван Фомин сын Максимовых

Л. 89

2450. Федор Подгорбунской
2451. Сава Усов
2452. Осип Росторгуев
2453. Алексей Воробьев
2454. Леоньтей Калинин
2455. Трифон Панфилов
2456. Давыд Шипунов
2457. Андрей Кривой
2458. Козма Решетников
2459. Сидор Беляев
2460. Григорей Рукавишников
2461. Иван Камкин
2462. Василей Тетерин
2463. Мартын Адласов
2464. Андрей Серебреников
2465. Мосей Зорин

Л. 89 об.

2466. Харитон Михайлов

2467. Макар Новоселов
2468. Иван Лосев
2469. Иван Ослиных
2470. Петр Баранов
2471. Андрей Штинников
2472. Федор Смирных
2473. Герасим Щеголев
2474. Григорей Шихирдин
2475. Сава Чагин
2476. Иван Курочкин
2477. Лазарь Ощепков
2478. Дмитрей Попов
2479. Андрей Ермолин
2480. Алексея Безносова у него дети Данил
2481. Володимер

Л. 90

2482. Михайло Ипатьев
2483. Дмитрей Поротов
2484. Степан Татаринов
2485. Федор Перфильев
2486. Петр Волков
2487. Петр Шмаков
2488. Петр Шумков
2489. Григорей Шевелев
2490. Иван Алабышев
2491. Козьма Бочкарев
2492. Федор Паранчин
2493. Семен Черепанов
2494. Григорей Новиков
Итого сто тритцать девять душ
[РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194]

ИМЕННОЙ СПИСОК
Состоящих при Охотской Казацкой чинах с показанием лет

Март месяц сего 1831 года
[Национальный архив РС (Я), Фонд 401 п, Опись 1, Дело 6Б, л. 660 об. – 661 об.]

1. Сотник 12 класса Попов — 52
2. Хорунжий пятидесятник Михаил Решетников — 57

Пятидесятники

3. Василий Шмонин — 47
4. Иван Якушков — 39
5. Семен Чепалов — 36

Младшие урядники

6. Ефим Попов — 36
7. Алексей Цыпандин — 44
8. Поликарп Егоров — 36
9. Андрей Кырсантьев — 37
10. Николай Данилов — 34
11. Сверх комплекта Федор Кибирев — 44
12. Писарь Григорий Тюшев — 26

Казаки

13. Гаврило Надеин — 30
14. Александр Алексеев — 46
15. Сергей Рогалев — 47
16. Иван Попков 2-й — 28
17. Василий Жирков — 41
18. Семен Безносов — 34
19. Иван Серебренников — 30
20. Егор Попков — 32
21. Григорий Безносов — 30
22. Макар Муромцов — 26
23. Кирил Безносов — 20
24. Ефим Красовский — 18
25. Прокопий Попков — 37
26. Тимофей Чертовский — 22
27. Никита Скорняков — 19
28. Иона Кармалин — 37
29. Кирилл Краснояров — 38
30. Иван Антипин — 38
31. Михей Белоусов — 26
32. Потап Плодизников — 61
33. Яков Недорезов — 19
34. Осип Пермяков — 57
35. Дмитрий Кибирев — 47
36. Александр Данилов — 36
37. Иван Брюсенин — 32
38. Семен Брюсенин — 31
39. Гаврило Павлов — 32
40. Михайло Скрипошников — 39
41. Андрей Никулин — 30
42. Иван Ярославцов — 47
43. Иван Соколов — 37
44. Андрей Нифантьев — 39
45. Федор Попков — 32
46. Устин Безносов — 33
47. Семен Гатилов — 25
48. Андрей Белохвостов — 23
49. Яков Попов — 25
50. Егор Расторгуев — 30
51. Александр Нижегородов — 27
52. Михайло Попов — 25
53. Лев Божедомов — 26
54. Яков Милюшин — 46
55. Сава Попов — 27
56. Ефим Шелуделов — 36
57. Мирон Седых — 34
58. Лука Кибирев — 27
59. Иван Темников — 28
60. Варфоломей Нифантьев — 23
61. Михаил Плодизников — 19
62. Павел Чудинов — 36
63. Лука Долгополов — 26
64. Павел Нифантьев — 46
65. Роман Бабцов — 27
66. Семен Решетников — 26
67. Иван Щегорин — 22
68. Михайло Беломоин — 39
69. Иван Попков 1-й — 34
70. Дмитрий Гилев — 26
71. Григорий Кокшаров — 34
72. Михайло Кримской — 28
73. Савва Милюшин — 39
74. Николай Кибирев — 29
75. Кирил Недорезов — 37
76. Александр Аксаментов — 36
77. Илья Ширшиков — 34
78. Филип Милюшин — 22
79. Иван Белоусов — 20
80. Иван Гилев — 34
81. Осип Попов — 21
82. Василий Нижегородов — 22
83. Иван Попов — 23

Казацкие дети (при городе Охотске)

1. Федор Решетников — 8
2. Тимофей Милюшин — 4
3. Афанасий Попков — 9
4. Евдоким Кокшаров — 3
5. Ефим Корюкин — 7

6. Григорий Цыпандин — 3
7. Семен Попов 1-й — 6
8. Семен Попов 2-й — 1
9. Иван Безносов — 7
10. Иван Кибирев — 9
11. Анастас Безносов — 3
12. Петр — 16
13. Кирил — 16
14. Павел — 11

Черкашины. В Якутске при родителях

15. Владимир — 13
16. Александр — 6 Алексеевы
17. Дмитрий – 7
18. Константин 6 Жирковы
19. Пахом Корюкин — 9

В Гижиге при родственниках

Кантонисты

1. Семен Хоботов — 8
2. Иннокентий Рочин — 7

Гижигинской 3-й сотни

1. Командир 12 кл. Савинский — 57
2. Казак Кирил Колмогоров — 39
3. Сын Савинского Дмитрий — 15

Охотск, 1850 год

Исповедальные росписи
Петропавловского собора
Список Штаб и Обер офицерам, нижним чинам 46 флотского экипажа, их женам и детям, прибывшим из Охотска. 1850 год
[РГИА ДВ, фонд 1009, оп. 2, д. 3, Л. 707]

Исправляющий должность Камчатского военного губернатора и Командир Петропавловского порта Капитан 1-го ранга

1. Василий Завойко
2. Супруга его
3. Дети: Егор
4. Степан
5. Василий
6. Иван
7. Парасковея
8. Марья
9. Катерина
10. Капитан-лейтенант Павел Горновский — 31
11. Супруга его Елизавета
12. Мать его Анна
13. Штаб-лекарь коллежский асессор Николай Клинген — 34
14. Супруга его Варвара — 30
15. Корпуса корабельных инженеров подпоручик Карл Гезехус — 33
16. Корпуса штурманов прапорщик Андрей Чудинов
17. Кондуктор Януарий Больчунин
18. Штурманские ученики: Афанасий Кокорин
19. Николай Петров
20. Евгений Баскаков
21. Михайло Чернов
22. Корабельный кондуктор Михайло Васильев
23. Жена его Лукерия
24. Дети их: Александр
25. Яков
26. Иннокентий
27. Елизавета
28. Боцманы: Дмитрий Поляков
29. Матвей Гагарин
30. Жена его Ирина
31. Боцманматы: Егор Беликов
32. Жена его Анна
33. Ян Ганс
34. Жена Екатерина
35. Дети: Татьяна
36. Екатерина
37. Квартирмейстеры: Данило Миронов
38. Ефим Соколов
39. Семен Матвеев
40. Жена Агафья
41. Матросы: Лука Смолянинов
42. Василий Свирский
43. Иван Сутурин
44. Иван Кононов
45. Жена Анна
46. Дочь
47. Алексей Ковригин
48. Михайло Березовский
49. Александр Ларионов
50. Дмитрий Горюченко
51. Харитон Баранников
52. Егор Федоров
53. Федор Кузнецов
54. Андрей Боровской
55. Иван Подварков
56. Пауль Ваксмут
57. Андриян Коновалов
58. Лев Баранович
59. Павел Аникин
60. Петр Боянов
61. Леонтий Белкоменко
62. Мартемьян Безруких
63. Максим Бабыкин
64. Иван Востряков
65. Илья Веразин
66. Яков Грязной
67. Василий Гомзяков
68. Федор Гаврилов
69. Семен Галкин
70. Карл Гуляев
71. Петр Донской
72. Егор Иноземцов
73. Филимон Инкин
74. Александр Карнышев
75. Ефим Козырин
76. Антон Клименко
77. Алексей Корытов
78. Семен Кокоуров
79. Анисим Кабанов
80. Фаддей Литвинов
81. Федор Лыткин
82. Данило Митрофанов
83. Афанасий Мурашкин
84. Прокопий Нефедов
85. Леонтий Неродовский
86. Федор Непровский
87. Семен Просекин
88. Никифор Перевалов
89. Иван Трифонов
90. Иван Широколобов
91. Василий Пнев
92. Василий Плеханов

93. Матвей Понамарев
94. Андриян Рыбников
95. Григорий Симухин
96. Севастьян Садовский
97. Сисопатр Сизых
98. Федор Шершнев
99. Иван Терентьев
100. Василий Тюменцов
101. Никифор Туезов
102. Иван Конев
103. Аким Харламов
104. Семен Чернявский
105. Алексей Козлов 1-й
106. Филипп Красовский
107. Алексей Козлов 2-й
108. Петр Миронов
109. Степан Орлов
110. Михайло Рыссыхин
111. Александр Терихов
112. Алексей Федоров
113. Барабанщик Константин Пымьянов
114. Горнисты: Иван Черкашинин
115. Василий Чесовитин
116. Писаря: Яков Зайков
117. Семен Сидоров
118. Дмитрий Драчев
119. Жена Анна
120. Дети: Зеновей
121. Леонтий
122. Иван Скутин
123. Жена Анна
124. Дочь Парасковея
125. Мать жены Наталья Петровна
126. Николай Данилов
127. Жена Наталья
128. Дети: Татьяна
129. Федор
130. Яков
131. Баталер Осип Седых
132. Жена Марфа
133. Дети: Семен
134. Василий
135. Анна
136. Унтер-баталер Николай Ипатьев
137. Фельдшер Семен Кокорин
138. Жена Елена
139. Дочь Варвара
140. Вахтер Иван Непокрытых
141. Жена Наталья
142. Дети: Михайло
143. Дмитрий
144. Экипажеские работники: Секлит Агафонов
145. Факей Брюханов
146. Василий Воробьев
147. Никита Дружинин
148. Жена Наталья
149. Дети: Василиса
150. Михайло Сулемин
151. Мастеровые: Унтер-офицеры Григорий Иванов
152. Жена Евдокия
153. Дети: Афанасий
154. Федосья
155. Анна, Настасья
156. Федот Ознобихин
157. Матеус Родошевский
158. Никита Иванов
159. Жена Екатерина
160. Сын Виктор
161. Афанасий Фомин
162. Жена Анна
163. Василий Бутаков
164. Жена Анна
165. Дети: Илья
166. Семен
167. Марфа
168. Петр Овечкин
169. Иван Богданов
170. Рядовые: Юрий Лоуристин
171. Федот Нечаев
172. Тимофей Русин
173. Семен Хохлов
174. Конон Синенко
175. Петр Киркинен
176. Жена Пелагея
177. Эрик Андерсен
178. Афанасий Лебедев 2-й
179. Григорий Тютрин
180. Жена Степанида
181. Филипп Любошевский
182. Жена Марья
183. Виктор Иванов
184. Николай Копылов
185. Жена Агафья
186. Степан Мушкарин
187. Жена Параскева
188. Сын Николай
189. Иван Вагин
190. Евдоким Давыдов
191. Алексей Иванов
192. Михайло Константинов
193. Жена Макрида
194. Сын Петр
195. Дочь Анна
196. Андрей Колесников
197. Иван Никитин
198. Иона Сафонов
199. Иван Середкин
200. Станислав Семенов
201. Егор Хапилов
202. Жена Авдотья
203. Андрей Анисимов
204. Федот Горин
205. Макар Казин
206. Жена Матрена
207. Дети: Сергей
208. Лукерья
209. Варфоломей Азовцов
210. Жена Авдотья
211. Дети: Игнатий
212. Александра
213. Елена
214. Варфоломей Ананьев
215. Игнатий Лушников
216. Жена Татьяна
217. Сын Николай
218. Матвей Чувашев
219. Афанасий Лебедев 1-й
220. Жена Домна
221. Матвей Саламатов
222. Федор Гаврилов
223. Иван Логинов

224. Алексей Скутин
225. Гаврила Переговецкий
226. Павел Добрынин
227. Жена Феодотия
228. Дочь Феодотия
229. Прохор Пупков
230. Иван Горбунов
231. Сидор Зверев
232. Сергей Корытов
233. Жена Татьяна
234. Андрей Посников
235. Яков Кононов
236. Яков Васильев
237. Жена квартирмейстера Мазитова Анна
238. Сын их Ефим
239. Жена квартирмейстера Кашиновского Наталья
240. Дочь их Парасковья
241. Жена матроса Шатского Александра
242. Дочь их Евдокия
243. Мать прапорщика Дурынина Наталья
244. Крепостной человек Горновского Влас Аркадьев
245. Находящиеся при его превосходительстве господине губернаторе Кирило Прокопьев
246. Женщина Агафья
247. Девица Анна
248. Секретарь Иванов

Уроженцы Охотска — участники обороны Петропавловского Порта в 1854 году и сражения в заливе Де-Кастри 8–9 мая 1855 года

Драчев Дмитрий Прокопьев сын (1813) — уроженец Иркутской губернии города Охотска, из унтер-офицерских детей, в 1824 г. определен в Охотский флотский экипаж младшим юнгою, в 1831 г. — в писаря, в 1850 г. на транспорте «Иртыш» прибыл в Петропавловский порт, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.

Долбачук Иннокентий Петров сын (1832) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии города Охотска, из солдатских детей, в 1853 г. зачислен в 46-й Камчатский флотский экипаж, в 1853–1855 гг. на корвете «Оливуца», в 1855 г. принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Кирсанов Федор Никифоров сын (1818) — матрос 1-й статьи, уроженец города Охотска, из унтер-офицерских детей, поступил на службу из Иркутского полубатальона военных кантонистов в Иркутскую морскую команду, переведен в Охотский флотский экипаж, в 1854 г. был в сражении против англо-французской эскадры в Петропавловском порту.

Кононов Иван Петров сын (1825) — марсовый матрос, уроженец г. Охотска, из солдатских детей, поступил на службу школьником Охотского училища во флотский экипаж старшим юнгою в 1841 г., в 1849–1855 гг. служил на транспорте «Иртыш», участвовал в сражении 8–9 мая 1855 г.

Конанов Яков Петров (1830) — мастеровой, уроженец г. Охотска, из мастеровых детей, в 1844 г. поступил из Охотского училища школьником в Охотский флотский экипаж младшим юнгою, в 1854 г. участвовал в обороне Петропавловского порта, в 1855 г. в сражении в заливе Де-Кастри на корвете «Оливуца».

Миронов Петр Егоров сын (1828) — матрос 2-й статьи, уроженец Иркутской губернии, г. Охотска, в 1844 г. поступил из школьников Охотского штурманского училища в Охотский флотский экипаж младшим юнгою, в 1854 г. участвовал в обороне Петропавловского порта, 8–9 мая 1855 г. — в сражении в заливе Де-Кастри на фрегате «Аврора».

Пыхтин Семен Тимофеев сын (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец города Охотска, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.

Скутин Алексей Матвеев (1829) — мастеровой, из солдатских детей г. Охотска, в 1854 г. участвовал в обороне Петропавловского порта, 8–9 мая 1855 г. — в сражении в заливе Де-Кастри на транспорте «Иртыш».

Смирной Филип Степанов сын (1808) — мастеровой, из солдатских детей г. Охотска, в 1830 г. определен в Охотский флотский экипаж, в 1854 г. участвовал в обороне Петропавловского порта, 8–9 мая 1855 г. — в сражении в заливе Де-Кастри на транспорте «Байкал».

Седачев Алексей Иванов сын (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец города Охотска, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца», в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры 8–9 мая 1855 г.

АНАДЫРСКИЙ ОСТРОГ

«Анадырский острог. 1649 год. Поставлен С.И. Дежневым летом 1649 г. О его точном местоположении в литературе высказывались разные суждения. По мнению И.С. Вдовина, специально исследовавшего эту проблему, поселение было основано примерно в 18 км выше современного села Марково, в районе сел Солдатово и Оселкино, на одном из островов р. Анадырь. Некоторые исследователи считали, что его заложили на левом берегу Анадыря при впадении в него протоки Прорвы, выходящей из правого притока Анадыря р. Майн, причем не выше, а ниже в 10–15 км от с. Марково. К 1655 г. поселение, вероятно, было уже достаточно большим, по крайней мере, в том же году весенний паводок снес 6 изб и 20 амбаров.

Первоначально дежневские казаки поставили зимовье, не имевшее укреплений. Последние, по мнению Д.Я. Резуна, появились в виде палисада около 1651/52 г. Однако И.С. Вдовин указал на то, что еще в 1659 г. С. Дежнев в отписке в Якутск сообщал: “Да на Андырь же реке острогу от ыноземцов крепости нет, потому что живет люд промышленой оплощливо, аже бог даст весна приспиет, и яз велю поставить острог

на Андыре реке и ясачное зимовье, и аманатцкое зимовье велю построить…”. Это обещание выполнил уже первый официальный приказчик Анадырска сын боярский Курбат Иванов в 1659/60 г.: “В прошлом во 59-м году поставил я, Курбатко, острог и в остроге аманатцкую избу, и с нагороднею, и со всякими крепостьми, и зимовье построил, и в остроге государев амбар”. Строения (государев амбар и несколько изб, в том числе таможенная и аманатская) были обнесены частоколом. На крышах построек нарубили нагородни — башеньки с бойницами.

Но качество строительного материала (тополевого леса) и климатические условия приводили к тому, что острожные строения очень быстро гнили и ветшали. Поэтому уже в 1664 г. новый приказчик Иван Бакшеев (Рубец) вынужден был реконструировать острог — заново построить зимовье, амбары, а вокруг них тын из “острожин”. В 1688 г. последовал еще один “ремонт“: по приказу приказчика В. Кузнецова казак Иван Андронников со служилыми и промышленными людьми “ясачное новое зимовье построил и острог… около ясачного зимовья поставил”.

Ко времени прибытия в Анадырск 29 апреля 1696 г. приказчика В. Атласова там имелось всего одно старое зимовье “с нагородней”, два амбара и “аманацкая казенка”. Остальные строения, видимо, развалились. Поэтому вскоре началось новое строительство. Когда и при каком приказчике оно было произведено, неизвестно, но закончилось до 1718 г., поскольку в этом году, согласно донесению казака Федора Татаринова, острог имел уже новый вид: “Острог решетчатый, в нем: ясачная с перерубом и прирубом казенка изба; в казенке держат аманатов; сени с прирубом; два амбара; над сенями вышка, под вышкой в боку 3 амбара; в острожной стене амбар. В остроге государев двор; в дворе три строения: изба и сени крыты под одну кровлю желобьями тесаными”. Кроме того, по некоторым сведениям, в остроге и рядом с ним располагались церковь и 60 дворов местных жителей.

Любопытно отметить, что на одной из карт начала XVIII в. — “Чертеже вновь Камчадальские земли и моря” (так называемой “Карте Кубасова“) — в районе р. Анадырь зафиксированы три зимовья: Нижне-Анадырское, Средне-Анадырское и Верхне-Анадырское. Но их существование не подтверждается письменными источниками. Хотя не исключено, что по течению Анадыря могло стоять несколько русских промысловых зимовий» [Зуев А.С «Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века»].

1655 год. Состав Анадырского острога.

«*1655 года не раньше весны.* Из челобитной служилых и промышленных людей Федота Емельянова Ветошки с товарищами, о назначении им денежных и хлебных окладов за службу на реке Анадырь.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом холопи и сироты твои служивые и промышленные люди, которые отпущены с Колымы реки от сына боярскова Василья Власьева да целовальника Кирила Коткина, и которые промышленные люди подали челобитные на Колыме реке, усть Анюя реки служивому человеку Семену Моторе, служим твоя государева служба с ним, Семеном, на Анандыре реке, и которые были на Анандыре реке в прошлом во… году с Семеном Дежневым служилые люди: Федотко Емельянов Ветошка, Артюшка Федотов Салдатко, торговый человек Онисимко Костромин, промышленные люди: Васька Ермолаев Бугор, Терешка Микитин, Васька Марков, Стенька Сидоров Вилюй, Стенька Петров Каканин, Петрушка Михайлов, Ивашка Казанец, Онтонка Андреев, Гришка Онтонов, Томилко Елфимов, Титко Семенов, Морозко Малафеев, Дружинка Алексеев, Сидорко Емельянов, Пашко Максимов, Фомка Семенов, Кирилко Степанов, Ивашко Лаврентьев, Тренька Курсов, Филька Данилов, Данилко Панкратов.

В прошлом, государь, во 157 году, ведомо учинилось на Колыме реки сыну боярскому Василью Власьеву да целовальнику Кирилу Коткину, по роспросным речам от ходынского аманата Ангары, которого взяли мы, холопи и сироты твои, сверху Анюя реки, и от ходынских ясырей… что новая захребетная река Анандырь подошла к вершине Анюя реки близко. И по тем роспросным речам прибралось нас охочих промышленных людей и били челом тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а челобитную на Колыме реке сыну боярскому Василью Власьеву да целовальнику Кирилу Коткину, чтобы итти нам охочим промышленным людем в ту новую землю, на ту захребетную реку Анандырь… И мы, сироты твои, на ту твою государеву службу отпущены с служилыми людьми с Семеном Моторою с товарищи… Да в прошлом, государь, во 160 году пошли мы, холопы и сироты твои, в судах на море для прииску, чтоб тебе государю где учинить прибыль прочная, и нашли мы усть той Анандыри реки за губою коргу, вышла в море далеко, а на ту коргу вылегает много морской зверь морж, и есть на той корге заморной зуб зверя того. И мы того зверя промышляли. А до той Анандыри реки и до той корги, что твоим государевым счастьем приискали мы, холопи и сироты твои, и до того места Михайло Стадухин с товарищи не ходили, потому, государь, знатно, что в прошлом во 157 году с Колымы реки ходил Михайло Стадухин морем вперед на Погычу реку, а с моря пришел во 158 году, сентября в… день. И писал он, Михайло, с Колымы реки в Якуцкой острог к твоим государевым воеводам, что бежал де он, Михайло, мо-

рем вперед семеры сутки, а реки де не нашел никакой, нашел де он, Михайло, небольших людей коряцких и языков де переимал, а на роспросе языки сказали, что впереде де людей много есть, а реки де они не знают никакой. А он, Михайло, с товарищи воротились назад в Колыму реку. А впереди того места есть каменной Нос большей, вышел в море далеко и людей на нем добре много. А против того Носу есть острова в море. А на островах людей добре много ж. А мы, сироты твои, которые были с Семеном Дежневым, тот каменной Нос и островы знаем и людей видели, а не тот Нос, что есть первой Святой нос от Колымы реки, а Анандыря река от того Большого Носу и от островов далеко. Да в прошлом, государь, во 162 году охочей служивой человек Юрье Селиверстов писал в Якуцкой острог с Анандыря к твоим государевым воеводам, с промышленным человеком с Оверкою Мартемьяновым, что де то место преж сего проведал он, Юрья, а не мы, холопи и сироты твои. И то он, Юрья, писал ложно, и отписки послал он от нас тайно, зависти ради, хотя нашею службою и приском быть в твоем государеве жалованье. А был он, Юрья, и ходил морем вперед с Михаилом Стадухиным, а Михайло до Анандыри реки не доходил добре далеко. А потому твоя государева ясачная и десятинная соболиная казна и рыбья зубу в нынешнем, во 163 году, весною, не вышла, что мы, холопи и сироты твои, кормом нужны: ядим мы красную заморную рыбу, а ныне по плесам кормимся, и поднятца с твоею государевою казною не могли. А в прошлом, государь, во 162 году, весною того аманата Чекчоя братья и родники их хотели твою государеву казну, посадить закладчиков ближних своих родников, через Камень везти на Анюй реку на оленях. И в нынешнем, государь, во 163 году, осенью, тех твоих государевых ясашных людей, пришед с Камени от Пянжины реки, многие немирные коряцкие люди их побили и погромили и жен и детей их поймали и оленей отогнали, и ныне де твоей государевы казны везти им не на чем. И тот аманат Чекчой и з братьями и с родниками своими били челом тебе, государю, челобитную подали на Анандыре реке служивым людем, Семену Дежневу да Миките Семенову с товарищи, чтоб их государь пожаловал, велел бы своим всяким служилым людем от тех иноземцов оборонить их. А впредь де, во 164 году они, ясашные иноземцы, твою государеву казну хотят перевезть на Анюй реку на оленях. Да в прошлом же, во 162 году для твоей государевы службы дали мы, холопи и сироты твои, Юрью Селиверстову с товарищи два коча деланые, готовые, и з снастью, и карбас, кроме паруса и якоря, чтоб та твоя государева служба в год не застоялась и времени б не испоздать к морскому промыслу. А живучи мы, холопи и сироты твои, на твоей государеве службе на Анандыре реке, что было сетяное и всякое промышленое заводишко, водяное и горное, со 158 году, и то придержали все, и в тех мы сетяных заводах задолжали великими долгами. Имали мы новую сеть в долг ценою рублев по пятнатцати и больше, а искупитца нечем, потому, государь, что Анандырь река не лесная и соболей на ней мало, а иноземцов неясашных людей добре много. А впредь нам должитца не у ково, что заводных людей пришло с нами мало. И кормимся мы красною заморною рыбою кетою. А та рыба кета внизу Анандыри реки от моря идет добра, а вверх приходит худа, потому что та рыба замирает вверху Анандыри, а назад к морю не выплывает. А белой, государь, рыбы добываем мы мало, потому что у нас сетей добрых нет. А что и промыслитца белой рыбы, и то мы пасем, и кормим потолику твоим государевым аманатом: а тою рыбою, кетою, кормить их не смеем, чтоб им, от того корму оцынжав, не помереть и нам бы, холопям и сиротам твоим, от тебя государя за то в опале и в казне не быть. Милосердный государь царь и великой князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, своим государевым жалованьем по прежнему в наши оклады, для нашей службы и великой нужи и долгов, и вели, государь, нам, сиротам твоим, о той своей государеве службе указ учинить, и вели, государь, сию нашу челобитную на Анандыре в ясашном зимовье служивым людем, Семену Дежневу да Миките Семенову, принять и подпискою послать в Якуцкой острог к твоим государевым воеводам. Царь государь, смилуйся, пожалуй»

[ААН, фонд 21, кн. 31, № 63. Копия. Полностью документ напечатан в ДАИ, т. IV, № 6].

1681 год. Состав Анадырского острога.

«1681 г. август начало. –
Из документов, отосланных в Якутск из Анадырского острога после принятия его Иваном Курбатовым от Ивана Потапова

а. Челобитная промышленных людей из Анадырского острога Федору III начало августа 1681 г. (РМЛТО 5646)

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьют челом сироты твои промышленные люди: Кирюшка Стефанов, Петрушка Аникиев Щукин, Мишка Малафеев, Васька Алексеев, Ларька Логинов, Панко Лаврентьев, Фомка Семенов, Ивашка Савин Прикол, Пронька Ерофиев, Якунька Игнатьев, Нехорошко Григорьев, Савка Васильев, Ивашко Фомин, Васька Фомин, Нехорошко Панфилов, Ефимко Кирилов, Ивашко Григорьев, Пашко Леонтьев, Максимка Семенов, Якунька Афонасьев. В прошлых, великий государь, годех пришли мы, сироты твои, на Анадырь реку в та поры, когда не было на Анадыре реке твоих великого государя аманатов и приказные люди преже нас, сирот твоих, на ту реку не бывали. И

как стали приходить по твоему великого государя указу приказные люди на Анадырь реку, и нас, сирот твоих, они, приказные люди, стали имать ходить в поход. И мы, сироты твои, с ними, приказными людьми, тебе, великому государю, на Анадыре реки служим с воды и с травы. И они, приказные люди, нас, сирот твоих, с Анадыря реки не выпущают для ради безлюдства. И караулы мы, сироты твои, у твоей великого государя казны и у аманатов караулим потому ж против служилых людей и тягло всякое и потуги платим и аманатцкие кормы кладем. И оттого мы, сироты твои, обнищали и погибли до конца, и жен и детей своих изохолопили в вечное холопство; и в прежние годы тебе, великому государю, с себя оброки платили и пятинные деньги давали. Милосердный государь царь и великий князь Федор Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй нас, сирот своих, вели, великий государь, в Анадырском острожке свободить от караулов и выпущать нас, сирот своих, из Анадырского острожку и вели, великий государь, сею нашу челобитную послать под отпискою в Якутцкой острог. Царь государь, смилуйся.

[На обороте помета:] К сей челобитной вместо промышленных людей Проньки Ярофеева, Савки Васильева, Фомки Семенова, Ивашка Фомина, Панфилка Лаврентьева, Нехорошка Панфилова, по их веленью Ивашко Анкудинов руку приложил, к сей челобитной отца своего Кирилка Стефанова, Морозка Малафеева, Дружинка Алексеева, Яковки Офонасьева, Олешки Мелентьева, Петрушки Щукина, по их веленью, и за себя Ефимко Кирилов (Меркурьев) руку приложил.

б. Роспись ясырям в Анадырском остроге по состоянию на момент принятия его от Ивана Потаповым Иваном Курбатовым; составлена и отослана в Якутск Иваном Курбатовым (КПМЯ 131: 191).

Роспись ясырям, которые живут в Онандырском острошке у всяких чинов людей, погромные и непогромные, и ясачных и неясачных юкагирей, и то писано в сей росписе имянно.

У сына боярского у Родиона Кобелева ясырь крещеная Коряцкого роду девка именем Софьица, да 2 парня Чюхотцкого роду, в том числе один крещеной именем Куземка, а некрещеному имя Манякса. У старца Федосея Коряцкого роду девка некрещеная Манька, да Чюхочья роду Матрешка некрещеная ж, да Корятцкого ж роду девка Белянка, да крещеной малой Дениско — крепостные погромные, да с ним же живут промышленых людей дети крещеные Лука да Оничка да сестра их Оришка, а чьи они дети, того он Федосей сказал не ведает, а ведает де про то мать их, умершего промышленого человека Онашки Максимова жена венчанная Харитинка, а сын ее Ондрюшка. У десятника казачья у Ивана Потапова 3 ясыря Корятцкого роду да 2 парня крещеные, а имяна тем ясырям — Обросинья да Анница да Окулинка, а ребятам имена Мишка да Гришка.

У казаков: у Ивашка Ондреева ясырь Омотцкого роду крещеная именем Каптелинка; у Назарка Максимова ясырь Чюванского роду крещеная Анисьица, купленая не крепосная; у Васьки Игнатьева жена венчанная Чюванского роду Домница, а была де она преж сего у казака у Данилка Хренова и отдал де ее Домницу за него Василья замуж он Данилко; у Давыдка Павлова жена Корятцкого роду крещеная именем Паросковьица; у Васьки Сухарева ясырь Корятцкого роду, да парень погромные; у Сидорка Иванова ясырь Чюхочья роду погромная, живет в работницах; у Офонасья Ондреева ясырь Корятцкого роду некрещеная. У промышленых людей: у Мороза Малафеева жена венчанная крещеная Анаульского роду именем Устиньца, а была де она неясачных юкагирей; у Фомы Семенова жена венчанная Анаульского роду крещеная именем Устиньица погромная; у Панька Лаврентиева ясырь Ходынского роду крещеная именем Настасьица; у Максимка Турсука ясырь Чюванского роду крещеная именем Анница; у Кирилка Степанова жена венчанная крещеная именем Феклица Анаульского роду неясачных юкагирей; у Ивашка Фомина жена венчанная крещеная именем Катеринка Чюхочья роду; у Ветошки Кирилова ясырь Ходынского роду именем Феклица, а живет де она Феклица у него Ветошки волею, а она де Феклица крещена; у Савки Васильева ясырь некрещеная именем Лекочи Ходынского роду, умершего казака Михайла, а чей сын того не упомнят — ясырь крещеная именем Татьяница; казачья ясырь Гаврилка Важенина крещеная именем Марьица ясачных юкагирей Нижнего Колымского зимовья; у Проньки Голово ясырь Корятцкого роду некрещеная Етвага; Чюванокого роду ясырь умершего казака Микитки Кондратьева крещеная куплена, а живет де она ныне на воле, а преж сего де жила она по крепосте у казака у Давытка Павлова; Олешки Платонова мать крещеная ясырь именем Василиска Анаульского роду ясачных юкагирей; у Заледея 2 ясыря некрещеные Корятцкого роду погромные; у Пашка Леонтьева ясырь некрещеная Чюванского роду; Чюванского роду ясырь вольная крещеная именем Палашка»

[А.А. Немировский «Материалы по истории юкагиров и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х – середине 1680-х гг.»].

Понятно, что по этим весьма спорным вопросам противоположным сторонам никогда не договориться и каждая из них будет выдвигать свои контраргументы, но согласимся с тем, что идея оставить Анадырский острог (то есть вывести оттуда казаков и солдат) пришла ведь не в голову полковника Плениснера в конце 18-го века, а столетием ранее — это было предложение еще якутского воеводы Барнешлева, который не видел никакого практического (при-

бытного для государства и барышного — для него самого) смысла в содержании гарнизона этого острога и попытках собирания крохотного песцового ясака с местного населения, если вокруг острога на сотни верст не было никакой другой пушной живности.

Вот цитата из трудов известного новосибирского ученого, доктора исторических наук А.С. Зуева: «В 1676 г. А. Барнешлев поставил перед Сибирским приказом вопрос о ликвидации Анадырского острога, содержать который было невыгодно — затраты на гарнизон превышали доходы от сбора ясака и десятинной пошлины с промышленных людей» [Зуев А.С. «Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.)» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002].

Но только через столетие, понеся колоссальные расходы и потери в государевых служилых людях (и не столько в боях — сколько от голода и цинги), вернулись к этому вопросу.

Вот что сообщал А.С. Сгибнев об этой ситуации, изучая материалы Иркутского архива, к сожалению, в значительной части или полностью утраченных во время одного из многочисленных иркутских пожаров:

«В 1753 г. Пленеснер донес Соймонову о бесполезности Анадырского острога. В рапорте своем по этому предмету он, между прочим, писал, что с 1710 по 1764 год с инородцев, причисленных к этому острогу, взято в казну ясаку на 29 152 руб. 4 коп., а расходов на содержание острога с 1713 г. по 1764 г. произведено 478 148 руб. 2 коп. Кроме того, на провиант израсходовано 539 246 р. 71 к. и на доставку провианта и проезд служащих 841 760 руб. 78 коп., не говоря уже о тех лишениях и нуждах, которые приходилось переносить служащим в остроге! Например, в 1744 и 1759 годах умерло с голоду 95 человек служащих и несколько человек частных лиц. О покорении же чукоч нельзя и думать, потому что они разбросаны на огромном пространстве северо-восточного угла Сибири.

Занятие же анадырской команды главнейшим образом заключается только в том, чтобы круглый год искать себе пропитание охотою или рыбным промыслом. Всех людей в остроге в настоящее время 287 человек, я полагал бы вывести их в Ижигинскую крепость, в которую легко доставлять провиант из Охотска. Причем в Ижиге достаточно оставить одну роту солдат и 200 казаков. А если кто из частных лиц пожелает остаться в Анадырске, то разрешить, оставив на их попечение и церковь».

Итак, минуло целое *столетие,* прежде чем правительство России приняло решение о ликвидации Анадырского острога, понеся материальные потери (не говоря уже о людях) в миллионы рублей.

Сегодня, когда звучат цифры расходов государства в триллионы рублей, понятие «миллион» становится более чем скромным. Но все познается в сравнении: «Во время правления Екатерины Первой 2 рубля считались целым состоянием. Так, неквалифицированный труд стоил 5–8 копеек в день, а пуд мяса на рынке — 3 копейки. Столько же хлеба можно было купить за 10 копеек. Корову или лошадь можно было приобрести за 1 рубль».

Годовое жалование казаков исчислялось рублями — от 5 до 20 рублей. Повторяю — это не месячное, а годовое жалованье!

И что за прихоть такая — пускать по ветру сотни тысяч рублей из государственной казны? И губить десятки, если не сотни, жизней своих подданных, обрекая их жизнь на далеком севере просто на невероятно тяжелые условия выживания и смерть от цинги и голода?

Какая в этом логика? И есть ли она?

А.С. Зуев предполагал, что начальная концентрация войск на Чукотке в Анадырском остроге была связана в конце 18-го века с тем, что в Якутии узнали о Камчатке.

Но первым из якутских воевод узнал о существовании Камчатки именно воевода Андрей Барнешлев, получивший сведения о морском походе на Камчатку анадырского приказчика, казачьего десятника Ивана Меркурьевича Рубца.

Хотя Камчатка, безусловно, сыграла свою роль в этом процессе, когда в первое десятилетие ее освоения по пути из Анадыря на Камчатку погибло более двухсот казаков. А это — при численности всего Якутского казачьего полка в неполную тысячу служилых людей — было потерями не просто огромными, а катастрофическими, и пополнение якутских казаков шло в спешном порядке, чтобы заткнуть «кадровые дыры» за счет всякого гулящего и промышленного сброда, а также ссыльных людей.

Камчатка же в период ее начального освоения оказалась пушным Клондайком для Якутии, так как на территории воеводства запасы соболей были уже довольно основательно подорваны, а «план», спускаемый сверху Сибирским приказом, по наполнению ясачной казны год от года только возрастал и возрастал.

И, безусловно, камчатская ясачная пушнина, которую коряки и чукчи, захватывали, уничтожая казачьи отряды, сопровождавшие в Якутию эти пушные караваны, была на тот период времени одной из важнейших причин для усиления военных гарнизонов Северо-Востока.

К 1714 году трагические события на Чукотке разворачивались для русских просто в геометрической прогрессии. И в 1714 году достигли кульминации:

«Татаринов [командир Анадырского острога, назначенный лично генерал-губернатором Сибири князем Гагариным], узнав чрез крещеных коряк все подробности камчатского [точнее корякского — на реке Вывенке-Олюторе] бунта (убитых с Афанисием Петровым: он сам, попы Василий и Иван, казачьи сотники: Евдоким Сургутский, Степан Колесов, пятидесятник Мартьянов, таможенный целовальник Василий Зыков, казаков 35, анадырских жителей 6 человек. В Акланске от акланских коряк с дворянами Колесовым и Енисейским казаков 6 челов.; анадырский житель 1, да в плену 2. На Пахаче

с Афанасием Сургутским казаков 13, анадырских жителей 6, у апукских коряк в плену 3. Под Олюторским острогом казаков 2, анадырских жителей 6, да померло казаков 3. В живых в Олюторске два прикащика: Полуэктов и Фролов, казаков 27, прибежавших после юкагирского побоища 4 чел., посланные из Анадырска на Камчатку пятидесятник Алексей Петриловский да драгун И. Варганов. — *Авт.*), снова послал донесение в Якутск о присылке к нему 200 человек казаков, 200 пуд. пороху и проч. Якутская канцелярия отправила рапорт Татаринова в Тобольск к губернатору князю Гагарину с нарочным дворянином Афанасием Шестаковым, который, как человек бывалый, мог дать нужные объяснения о стране, о положении там дел и об инородцах северо-восточной Сибири» [А.С. Сгибнев].

И в 1720 году в Якутске отмечен большой список служивых людей «набору Афанасия Шестакова», которые, в связи с отстранением от власти князя Гагарина и его ставленников (в том числе и капитана Татаринова, разжалованного в казаки), на Чукотку так и не попали, пополнив ряды Якутского казачьего полка или вернувшись домой.

Но главная причина все же не в Гагарине с Татариновым — в 1716 году был открыт из Охотска морской путь на Камчатку, и надобность в тех опасных северных пушных караванах отпала сама собой.

Подчеркнем — в 1716 году надобность в северных походах на Камчатку отпала.

Но! Читаем, что пишет А.С. Зуев:

«В 1727 г. российским правительством была организована военная экспедиция, имевшая своей целью установление и укрепление русской власти на дальневосточном побережье и островах Тихого океана и приведение на этой территории в российское подданство “изменников иноземцев” и новых народов, которые “живут не под чьею властию”. В состав экспедиции зачислялись 400 казаков и солдат, набранных в Тобольске, Енисейске, Иркутске, Якутске, а также несколько морских чинов для осуществления морских плаваний (реально численность партии к 1728 г. достигла 591 чел.). Начальником партии назначался капитан Тобольского драгунского полка Дмитрий Иванович Павлуцкий, а его помощником (??? — *С.В.*) якутский казачий голова Афанасий Иванович Шестаков» [Поход Д. И. Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. [Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001].

Далее он уточняет:

«Главной задачей экспедиции, обозначенной в 1727 г. указами Сената и Верховного тайного совета, являлось подчинение русской власти народов, обитавших на крайнем северо-востоке Сибири:

“Изменников иноземцов и вновь сысканных и впредь которые сысканы будут, а живут ни под чьею властию, тех к российскому владению в подданство призывать”.

При этом в первую очередь рекомендовалось “прежде изменников иноземцев примирить и на Пенжине реке, или в другом месте вместо прежняго разоренаго острогу вновь острог зделать, а потом итти на реку Алютору, где прежде был острог же, и тот острог построить и изменников алюторских и островных иноземцов примирить, а ис того острогу в разные места для покорения иноземцов вновь в подданство”. Таким образом, первый удар должен был наноситься по корякам, проживавшим на р. Пенжине и Олюторе».

И вот в этих трех предложениях как раз и заложена главная суть всех разногласий по истории русско-чукотских и чукотско-русских взаимоотношений: кто и как понимал тогда и понимает сейчас исходящие правительственные директивы.

Или — «изменников иноземцев *примирить*».

Или — «*удар* должен был наноситься».

А.С. Зуев почему-то в данном своем докладе на Бахрушинских чтениях главенствующую роль в Анадырской партии отвел капитану Тобольского драгунского полка, а не якутскому казачьему голове (второму лицу Якутского воеводства — казачьему полковнику, главному командиру Северо-восточного края) Афанасию Федотовичу Шестакову, который, собственно, и был *автором* проекта организации Анадырской партии, суть которой впоследствии и извратил потомок польского шляхтича, не желавшего быть в подчинении сибирского казака и предавшего его в критический момент, когда Шестаков принял неравный бой с чукчами в районе реки Эгач (теперь река Шестакова), где он, не дождавшись помощи от Павлуцкого из Анадырского острога, куда строптивый капитан увел своих драгун, погиб. (25 апреля 1730 г., получив известие о смерти А.Ф. Шестакова, руководство экспедицией взял на себя Д.И. Павлуцкий [Сгибнев А.С. Экспедиция Шестакова. — Морской сборник, 1869, № 2, с. 1–34]. 10 августа 1731 г. Д.И. Павлуцкому было присвоено звание майора, по распоряжению Сибирского приказа ему официально передавалось командование партией А.Ф. Шестакова [Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. — Морской сборник, 1869, № 4. с. 129–130].)

Обратим внимание на то, с какими силами вступил в тот свой последний бой Афанасий Федотович Шестаков против двухтысячного чукотского отряда воинов: 20 русских казаков, 30 эвенов, 30 эвенков, 49 коряков, 10 якутов [Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск 860–1914 гг., Бой на Эгачи. 14 марта 1730 г. https://runivers.ru/conflicts/actions/boy_na_egachi/].

То есть Шестаков выступал в СОЮЗЕ с ясачным населением подведомственной ему территории — и его действия были направлены

на консолидацию сил коренного населения, на урегулирование военного конфликта с помощью аборигенов и при их непосредственной поддержке.

Так в свое время действовали казаки в Сибири, Якутии и на Камчатке начиная с похода Владимира Атласова — заключая военные союзы.

Поэтому я не могу согласиться со следующим утверждением А.С. Зуева:

«Осуществление на практике задач экспедиции привело, тем не менее, к возобладанию силовых методов над мирными. Военные походы казачьего головы А.Ф. Шестакова из Охотска на север вдоль Охотского побережья в 1729–1730 гг., капитана Д.И. Павлуцкого из Анадырска на Чукотку в 1731 и 1732 гг. и в район Пенжинской губы в 1732 г. с целью подчинения и объясачивания коряков и чукчей вызвали активное вооруженное противодействие со стороны последних. Это и неудивительно, поскольку оба руководителя не отличались терпением и умением вести переговоры с "немирными иноземцами", предпочитая дипломатии грубую силу» [Зуев А.С. «Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.)» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002].

Что сделал Павлуцкий?

Он не просто извратил идею Шестакова, а попер на чукчей с той ошеломляющей якутских казаков «своей польской простотой».

Хотя, безусловно, какие-то причины для этого у него и были. Вот, что писал А.С. Сгибнев о событиях тех давних лет:

«Чукчи же (до появления Павлуцкого. — *С.В.*), пользуясь малолюдством русских в Анадырске, бесчинствовали, оставаясь ненаказанными за убийство в 1725 г. морехода Нагибина, проведывавшего острова в Беринговом проливе и Большую землю. Они видели в этом бессилие русских и сделали в том же 1725 г. страшное опустошение в земле коряков, после чего многие ясачные коряки, отложившись от русских, снова покорились чукчам, у которых они до появления в их земле русских были в постоянной зависимости.

Из Анадырского острога ежегодно писали в Якутск о присылке подкрепления, но просьбы оставались без исполнения, и в течение 10 лет не было прислано ни одного служилого. Весною 1730 г. чукчи снова перешли за реку Анадыр, убили Шестакова и до сотни оленных коряк; взяли множество их в плен и угнали табуны».

Как поступил Павлуцкий? Цитируем по «Сибирь в XVII–XX веках. Проблемы политической и социальной истории. Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Межвузовский сборник научных трудов, Новосибирск, 2002, Зуев А.С. Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах».

«Для похода были собраны весьма значительные силы: одних только русских (казаков, промышленников и казачьих детей) насчитывалось 225 чел. (по другим данным, 221 или 226).

<…> К Паренскому острожку отряд подошел 25 (или 26) марта 1732 г. Заметив русских, коряки заперлись в остроге. Павлуцкий — чрез перевод толмачей тех коряк увещевал бытием в высочайшем подданстве и платеже каждогодно бездоимочно ясаке и потребовал выдать аманатов. По сведениям А.С. Сгибнева, коряки попросили день сроку для раздумья. Через день они вывели пятерых аманатов и дали в ясак 25 одежд из оленьих и волчьих шкур. Однако следующей ночью один из аманатов бежал. После чего Павлуцкий, не вступая более в переговоры, в полдень 29 марта начал штурм корякского острожка. Как он сам позднее (в 1733 г.) вспоминал, — стоял под тем острогом четыре дни и неясашных и неплатежных коряк ласкою и приветом в платеж ясаку призывал и в склонение призвать их, иноземцов, никоими делы и уговорить в платеж ясаку не могли.

<…> Бой, продолжавшийся с полудня до заката солнца, закончился полным разгромом коряков, понесших значительные потери. Не считая женщин и детей, было убито более 200 чел., в том числе несколько ясачных. Какая-то часть была взята в плен и уведена в Анадырск. На пепелище Павлуцкий оставил только 10 подростков и 5 женщин, проявив тем самым — "заботу" о том, чтобы местное население не исчезло совсем и имело возможность размножаться».

У А.С. Сгибнева эта финальная сцена пареньского погрома выглядит еще более жестокой:

«Коряки сначала встретили русских стрелами и камнями из пращей, потом сделали вылазку, во время которой ранили пять казаков и Павлуцкого в ногу. Но все-таки острог был взят и бежавшие коряки переколоты, а иные сами потопились в море. Некоторые не оставляли своих юрт и стреляли из луков по входившим в острог казакам. За это Павлуцкий велел у всех юрт завалить входы и зажечь их со всеми находившимися в них мужчинами, женщинами и детьми».

А вот и реакция:

«Действия Павлуцкого против паренских коряков позднее вызвали недовольство анадырских ясачных комиссаров. Один из них, И. Тарабыкин, сообщил в Якутскую воеводскую канцелярию, что капитан Павлуцкой минувшаго 732 году ходил в поход в паренские сидячие коряки, острог их разорил и самих их коряк побил, в том числе и ясашных, от чего ныне в ясашном зборе чинитца недобор».

… В октябре 1735 г. другой комиссар, П. Шадрин, выслал в Якутск «следственное дело» о походе Павлуцкого.

… Как писал В.И. Иохельсон, «вообще весь поход [Павлуцкого] был не что иное, как карательная экспедиция, столь же жестокая, сколь безрезультатная, так как после ухода Павлуцкого корякская территория вернулась в прежнее положение. Конечно, судьба паренцев произве-

ла сильное впечатление на другие группы коряков, но, как только прошла непосредственная опасность, они возобновили свои нападения на казаков и опять отказались платить ясак, хотя именно этот отказ и был первоначальной причиной войны».

Сгибнев А.С. уточняет: «В 1737 г. чукчи приходили к Нижнекамчатскому острогу и убили 6 человек служилых и несколько туземцев, а в 1738 г. под Анадырским острогом убили 8 служилых и 20 ясашных коряк. В половине декабря того же года чукчи напали на коряк, убили на р. Олюторке 25 человек и 66 человек взяли в плен. Кочуя по корякской земле в течение всей зимы, они отняли у коряк 11 табунов оленей, в которых было до 21 000 голов».

В связи с многочисленными жалобами ясачного населения Северо-Востока, на которое обрушились чукотские набеги и погромы, Сенат запросил якутского воеводу дать свои предложения по решению данного конфликта и защите этого населения.

Якутским воеводой был в этот период… Дмитрий Иванович Павлуцкий.

И он столь живописно описал в своем отчете чукчей и так напугал столичных и местных чиновников, что…

Читаем А.С. Сгибнева:

Павлуцкий сообщал, «что для чукотского похода необходимо послать не менее 400 служилых. Но как такого значительного числа служилых нельзя было набрать в Якутске, то иркутская канцелярия донесла об этом сибирскому приказу, а до получения ответа ограничилась только назначением в Анадырск капитана Лебедева. Сибирский приказ подтвердил о немедленном исполнении указа, и тогда потребное число служилых было назначено из Селенгинска и Иркутска.

Но, пока шла эта переписка, чукчи 17-го марта 1741 г. сделали новый набег на коряк. Убили у них 12 человек, жен и детей взяли в плен и отогнали до 4000 оленей. Девиер, получив об этом донесение, вошел в сенат с представлением о посылке в Анадырск самого Павлуцкого, как человека, хорошо знакомого с тамошним краем. Сенат согласился и 1 июня 1742 г. издал указ: “Якутскому воеводе Павлуцкому сдать свою должность капитану Остякову, а самому отправиться в Анадырск для усмирения чукоч”».

Чем это «*усмирение*» для Павлуцкого закончилось, известно — не приняв во внимание (что было в обычной его манере) советов старослужащих казаков, он принял ошибочное решение и, не дождавшись подкрепления, которое спешило ему на помощь, не обеспечив тылового прикрытия, принял неравный бой с превосходящим по численности отрядом чукотских воинов и был убит, а потом обезглавлен.

А вот и главный итог: «Личность Д.И. Павлуцкого и его гибель получили широкое отражение в чукотском фольклоре. Майор явился одним из главных прототипов Якунина — собирательного образа русских в чукотских сказаниях, представляющего собой нечто вроде «идеального зла».

Но, собственно, с Павлуцкого, с его появления на Чукотке и начинается резкое увеличение численности Анадырского (и его сателлитов — Акланского и Олюторского) острогов.

В статье А.С. Зуева «Поход Д.И. Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. [Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001] и других работах историков приводятся интересующие нас цифры. Но разобраться в них сложно.

1. На период прихода отряда Павлуцкого «В самом Анадырске находилось 18 казаков».

2. «В состав экспедиции зачислялись 400 казаков и солдат, набранных в Тобольске, Енисейске, Иркутске, Якутске, а также несколько морских чинов для осуществления морских плаваний (реально численность партии к 1728 г. достигла 591 чел.)».

3. «По дороге, в Зашиверском, Алазейском, Индигирском и Нижнеколымском острогах, Павлуцкий набирал в свой отряд местных казачьих детей». То есть их нужно приплюсовать к 591 человеку, которые были в составе Анадырской партии на 1728 год. А конкретно:

4. «Согласно доношению Павлуцкого от 26 ноября 1730 г. вместе с ним в Анадырск прибыло: “взятых из Якуцка и собранных по разным острогам и зимовьям… дворянин Семен Зиновьев, служилых 150, казачьих детей и промышленных людей 55, кузнец 1, итого 207 человек”».

Так сколько же было на самом деле людей первоначально в составе Анадырской партии? 591 в 1728 или 207 + 18 = 225 человек в 1730, что суммарно равно уже 826 человекам?

По данным А.С. Сгибнева: «В сентябре 1730 г. прибыл командиром в Анадырский острог помощник головы Шестакова капитан Павлуцкий. В это время всей команды в остроге с вновь приведенными служилыми было 235 человек, и все они были заняты исправлением ветхого, полуразрушенного острога. Чукчи же, пользуясь малолюдством русских в Анадырске, бесчинствовали, оставаясь ненаказанными за убийство в 1725 г. морехода Нагибина, проведывавшего острова в Беринговом проливе и Большую землю. Они видели в этом бессилие русских и сделали в том же 1725 г. страшное опустошение в земле коряков, после чего многие ясачные коряки, отложившись от русских, снова покорились чукчам, у которых они до появления в их земле русских были в постоянной зависимости».

Трагические события, связанные уже со смертью майора Павлуцкого, имели далеко идущие последствия.

Сгибнев А.С.: «Иркутская провинциальная канцелярия, получив уведомление об этом событии, 2 сентября 1747 г. послала в Анадырск вместо Павлуцкого поручика Кекерова с 40 че-

лов. казаков для конвоя. Ему предписывалось искоренить вовсе немирных чукоч и коряк. Он прибыл в острог 8-го декабря 1748 года».

И далее:

«Вместе с тем иркутская канцелярия, послав 6 августа 1747 г. сибирскому приказу донесение о смерти Павлуцкого, просила прислать в Якутск 500 чел. драгун для усмирения чукоч.

Сибирский приказ по получении этого донесения послал в Иркутск сына боярского Алексея Новгородова, которому поручил:

<…> В Тобольске взять 320 челов. драгун и распорядиться, чтобы они были в Иркутске в феврале 1748 года.

<…> В апреле 1748 г. в Иркутске приготовили к походу 300 служилых и 218 челов. отправили со вскрытием Лены в Охотск с сотником Вергуновым, а остальных 82 человека немного позже. Но при этом никто не позаботился о посылке в Камчатку и Охотск продовольствия для этой команды. С прибытием же ее в Охотск, когда были израсходованы все путевые запасы, солдаты принуждены были питаться одною только рыбою, и начальник порта Зыбин послал в Иркутск донесение, что до прибытия провианта он не может отправить эту команду в Камчатку, потому что ей и в Охотске есть нечего. Тогда распорядились послать из Иркутска 56 878 пуд. муки, которую и сплавили по Лене в Якутск осенью того же года.

<…> В 1749 г. по распоряжению сибирского приказа был командирован из Тобольска в Анадырск капитан Шатилов с 2 офицерами, 5 унтер-офицерами и 22 человеками нижних чинов. Партия эта в августе 1749 г. выступила из Охотска, а в декабре 1750 г. прибыла в Анадырский острог».

В 1753 году, как сообщает Пленеснер: «Всех людей в остроге в настоящее время 287 человек…».

В РГАДА мы находим материалы переписи служилого (казачьего), посадского и разночинного населения Анадырского острога за период с 1718 по 1748 год [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Лл. 78–81]. Жирным мы выделяем фамилии, которые стали впоследствии доминирующими на Северо-Востоке.

В Анадырском остроге посацких
Умерших
Синкин Григорей
Шипунов Иван
Итого две души
В службе
Шипунов Алексей
Итого одна душа
Того ж острогу разночинцы
Умершие
Антипин Андрей
Антипин Григорей
Антипин Григорей
Бакланова Андрея дворовой Иван
Беломоина Андрея дворовой Афанасей
Берестов Аврам
у него дворовой Урвам
Вырыпаев Евдоким
Галахтионов Мосей
Григорьев Егор
Григорьев Иван
Дмитриев Тарас
Долгих Алексей
Долгих Тимофей
Жиривунов Иван
Жиркова Андрея дворовой Иван
Заледеев Василей
Екимов Дмитрей
Елонцов Иван
Иванов Федор
Игнатьев Иван
Кармалина Василья дворовой Урван
Кирилов Василей
Клементьев Иван
Колчин Илья
Коркин Афанасей
у него дворовые Терентей
Степан
Котельников Осип
Котельников Степан
Котельников Осип
Котельников Степан
Корякин Иван
Кривенцов Федор
у него дворовые новокрещеные Яков Урванов
Кунчалов Василей
Львов Михайло
Матвеев Иван
Никитин Яков
Оконешникова Варлама Еромонаха дворовой
Филип Васильев
Осипов Яков
у него пасынок Петр
Охлупин Афанасей
Охлупин Спиридон
Павлов Василей
Павлов Иван
Петров Алексей
Петров Иван
Петров Кирило
Плахин Алексей
Попов Алексей
Попов Егор
Попов Иван
Попов Илья
Попов Петр
Сосулин Дмитрей
Сосулин Осип
Федор Сосулин
Осипов Федор
Сидоров Спиридон
у него дворовые Иван Петров
Юда
коряцкой породы Гришка
Смирных Яков
Тугулин Василей
Унжаков Семен
Федоров Григорей
Чертовской Никита
Чюдинов Ефим
Шангин Василей
Шипунов Василей
Шипунов Семен

Щукин Аммос
Яковлев Семен
Итого семдесят четыре души
В службе
Жиривиков Петр
Никитин Марко
Осипов Василей
Павлов Иван
Павлов Степан
Петров Иван
Попов Дементей
Шипунов Трифон
Итого восемь душ
В ясаке
Федоров Сидор
Итого одна душа
Взято в рекруты
Котельников Федот
Попов Ефрем
Итого две души
Бежало
Капустин Сава
Колесов Яков
дворовой ево новокрещен Иван
Леденцов Максим
Перевалова Василья дворовые Тихон
Купа
Сыроегин Семен
Итого семь душ

А вот именной список Анадырской секретной экспедиции за 1761 год, который добавляет еще некоторое количество лиц, имеющих отношение к будущим историческим событиям на Дальнем Востоке [ГВИА, фонд РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело 3, л. 276]

Тобольского полка
1. Кошигин Иван
2. Зубарев Иван
3. Черепанов Яков
4. Дудин Иван
5. Глатков Тимофей
6. Соколов Михало

Енисейского полка
7. Завьялов Сергей
8. Будылдин Данило
9. Червяников Михайло
10. Шестаков Михайло
11. Киселев Степан
12. Агадонов Андрей
13. Краснояров Кирило
14. Корнилов Еким
15. Глатов Андрей
16. Колл… Петр
17. Угольцов Семен
18. Саламатов Яков

Бедной Иван — 759 г. Мая 4 дня умре
19. Белкин Григорий
20. Бичинин (Бачинин) Максим

Шлыков Иван— умре 1760
Писарь Шихарев Дмитрий

Список, разумеется, не полный — буквально по крохам находим и других участников Секретной Анадырской экспедиции:

Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обер Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1 754 годом апреля по 1 число

(л. 18)

73). Павел Анцыферов — 44 г., в 737 г., из рекрут из посацких людей г. Красноярска, женат детей мужска полу нет, в командировании в секретной экспедиции 753 г. июля с 1 числа.

(л. 21)

95). Никита Шестаков — (?), в 742 г. февраля 3 числа, из рекрут из разночинцов г. Тобольска деревни Шестаковой, женат у него сын Дмитрей 12 лет живет в Тобольску при матери, в командировании в секретной экспедиции 753 г. июля с 1 числа.

(л. 32)

13). Барабанщик Петр Пушкарев — 28 лет, в 742 г., из солдацких детей г. Тобольска, читать и писать по росийски умеет, холост, обретается в командировании в секретной экспедиции 748 г. марта с 22 числа.

(л. 54)

11). Цирюльник Николай Колесников — 24 г., в службу вступил в 742 г., из капральских детей из школьных учеников г. Тобольска, холост, где обретается — в командировании в секретной экспедиции 752 г. июля с 17 числа.

(л. 93)

82). Михайла Шестаков — 32 г., в 742 г., из рекрут крестьянских детей г. Красноярска, холост, в командировании в секретной экспедиции 753 г. июля 12 дня.

Четвертой роты

(л. 104)

1). Капитан Михайла Лебедев.

2). Порутчик Степан Чириков — 38 лет, в 735 г. сентября с 10 числа, из дворян Ярославского уезда села Рыбного ис помещик, в том же уезде за ним мужска полу 40 душ, в нынешнем чине с 750 г., о семье данных нет, в командировании в секретной экспедиции 753 г. июля 1 дня.

(л. 122)

89). Петр Горбунов — 31 лет, 742 г., из рекрут ис посацких людей г. Енисейска, холост, в командировании в секретной экспедиции 748 г. марта с 22 числа.

(л. 154)

126). Еким Корнилов — 17 лет, 753 г. ноября 11 числа, ис казачьих детей г. Тобольска, холост, в командировании в секретной экспедиции с 753 г. июля 1 числа.

127). Михайло Воронов — 17 лет, 753 г., из драгунских детей г. Тобольска, холост, в командировании в секретной экспедиции с 753 г. июля 1 числа.

(л. 157)

5). Подпрапорщик Федор Синицкой — 47 лет, 722 г., ис казачьих детей г. Тобольска, не умеет, женат, у него дети Илья 19 лет в г. Березове в казаках, Марко 17 в оном ж полку в салдатех, Прокопей 14 лет в школьной науке, 737 г. фев-

раля с 1 числа, в командировании в секретной экспедиции 748г марта с 22 числа.

(л. 158)

Капралы

6). Семен Хромцов — 60 лет, в службу вступил 722 г., из бобылей Исецкого дистрикту Мехоньской слободы, грамоте и писать не умеет, женат у него сын Матвей 32 лет в оной ж роте в салдатех, в нынешнем чине 737 г. с 24 числа, где обретается — в командировании в секретной экспедиции 753 г. июля 1 числа.

(л. 166)

50). Савастьян Шестаков — 53 года, 731 г., из рекрут ис крестьянских детей Шадринского дистрикту Барневской слободы, женат, детей не имеет, в командировании в секретной экспедиции 748 г. марта 22 дня.

(л. 168)

59). Иван Бецкой — 45 лет, 733 г., из рекрут ис крестьянских детей г. Тобольска, вдов, у него сын Федор 22 лет в Тобольску в казаках, в командировании в секретной экспедиции 748 г. марта 22 дня.

(л. 173)

108). Иван Зуев — 25 лет, 747 г., из салдацких детей г. Тюмени, женат, детей мужеска полу не имеет, в командировании в секретной экспедиции 753 г. июля с 1 дня.

(л. 196)

105). Афанасей Шестаков — 39 лет, 749 г., ис крестьянских детей г. Туринска деревни Башмановой, женат, у него сын Тимофей 5 лет живет в показанной деревне Бушмановой, в командировании в секретной экспедиции 753 г. июля с 1 числа, определением полковым написан оного ж полку из гранодир 753 г. июля 1 дня.

(л. 217)

85). Сергей Усов — 43 года, 737 г., из рекрут из крестьянских детей Бешкильской слободы, женат, детей мужеска полу нет, в командировании в секретной экспедиции 753 г. июля с 1 числа, был в фелгере.

Смотровые списки Сибирскаго Гарнизона Пехотнаго батальона штаб, обер, ундер афицерам, капралам, рядовым и другим чинам. Учинен при осмотре брегадира и Таболского обер коменданта Павлуцкаго апреля 1 дня 1754 года.

(л. 1 об. – 2)

Капралы

6). Лаврентий Кузнецов — 50 лет, с 738 г., из казаков г. Томска, женат, детей мужска пола нет, с 738 г.; … в секретной экспедиции в команде … Шмалева с 752 г.

(л. 16 об. – 17)

80). Никифор Таскаев — 31 год, с 742 г. февраля 20-го дня, из рекрут из крестьян г. Тоболска деревни Полуяновой, женат, детей мужска полу нет, где обретается — в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г. июня с 25-го числа.

(л. 22 об. – 23)

128). Трофим Казанцов — 28 лет, в службе с 744 г., из солдатских детей школьных учеников г. Тоболска, холост, в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева с 753 г.

(л. 33 об. – 34)

45). Алексей Кологривов — 34 года, их казаков г. Томска, женат детей мужска полу нет, в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г. июня с 25-го числа.

(л. 64 об. – 65)

110). Василей Попов — 39 лет, с 742 г., из рекрут крестьян г. Тюмени деревни Зыряновой, женат, у него дети Алексей 14 лет, Кирило 12 лет обучаюца в гарнизонной школе, в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г., в 742 г. … бит батаги.

(л. 76 об. – 77)

24). Гаврило Бадашков — 35 лет, с 738 г. генваря 1-го, из казаков г. Сургута, женат, детей мужска полу нет, в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г. июня с 28 числа.

(л. 82 об. – 83)

66). Иван Кузнецов — 38 л., с 739 г., из казаков г. Нерчинска деревни Илечей(?), женат, у него сын Яков 8 лет живет в Тоболску; в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г.

(л. 94 об. – 95)

147). Петр Оксенов — 21 год, вступил в службу 752 г. марта 26 дня, ис подъячих детей г. Донского, грамоте читать писать умеет, холост, в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г. июня с 25 числа; был в фергере[1] и криксрехтах в 752 г. за побег ево ис Тоболскаго пехотнаго полку которой состоял при Санкт Петербурхе и за то гонен шпицрутен чрез полк шесть раз.

(л. 94 об. – 95)

Денщики порутческия

5). Ивана Белскаго служитель Марко Кондратев — в командировании в секретной партии в Анадырску при оном порутчике Белском 748 г. марта с 28 числа.

(л. 6 об. – 7)

27). Осип Ефремов — 31 год, в службе с 738 г., ис казаков г. Томска, холост, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22-го дня, в штрафах был в 742 г. … с солдатами Никифоровым Рытниковым с товарищи и за то при собрании полку бит ботогами.

(л. 12 об. – 13)

52). Матвей Кокшаров — 37 лет, с 746 г., из рекрут и разночинцов гор. Тоболска, холост, в командировании в секретной партии.., в штрафах не бывал.

58). Андрей Черкашенин — 30 лет, в службе с 740 г., из казачих детей г. Тоболска деревни Пановой, холост, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22-го числа.

(л. 37 об. – 38)

76). Иван Завьялов — 33 года, с 742 г., из рекрут ис крестьян Ялуторовскаго дистрикту Погорелской слободы, женат, детей мужска полу нет, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22 числа.

[1] Фергер — это дознание или следствие в судебных делах. После него происходил военный суд или «кригсрехт», состоявший из генерального и полкового судов.

(л. 84 об. – 85)

75). Леонтей Попов — 27 лет, с 740 г. марта 16 дня, из драгунских детей Царева Городища; холост; в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22 числа [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478].

В 1768 году начинается эвакуация гарнизона Анадырского острога.

А.С. Сгибнев сообщает: «На Пересыпкина была возложена Пленеснером и перевозка команды в Ижигу. В 1768 г. он отправил туда 53 человека, а 15-го ноября 1769 г. с письменными делами, артиллерийскими припасами и другими вещами выступил из острога сам, с 38 человеками команды, на собаках и оленях, нанятых у коряк, оставив в остроге для охранения церкви священника Трифанова с 51 челов. команды. Но когда 30-го марта 1770 г. получено было разрешение на счет упразднения анадырской церкви, остававшийся в остроге прапорщик Перевенский выжег острог и с остальною командою и церковной утварью отправился также в Ижигу на 62 нартах. Таким образом был уничтожен Анадырский острог, не принесший во время своего существования никакой пользы».

Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

1). Капрал Александр Парфентьев. Жена Евдокия. Сын Семен 2 месяца — 1768 г. р. Дочери — Офимия, Марфа (6).

2). Солдат Илья Окулов. Жена Орина Никифоровна. Пасынки: Кибирев Гаврило — 17 (1751), Кибирев Афанасий — 11 (1757). Сыновья: Егор — 8 (1760), Тихон — 2 (1766). Дочь Анна — 4 (1764).

3). Солдат Иван Куклин. Жена Евдокия Даниловна. Сын Яков — 3 (1765). Дочь Настасья — 11 (1757).

4). Сотник Андрей Багулин. Жена Анна Андреевна. Сыновья: Прокопий — 11 (1757), Андрей — 6 (1762). Дочь Наталья — 13 (1755).

5). Сотник Иван Огибалов. Жена Марья Михайловна. Внучка Пелагея.

6). Пятидесятник Федор Корюкин. Жена Марья Васильевна. Сыновья: Иван — 17 (1751), Петр — 6 (1762). Дочери: Анна — 3 (1765), Наталья (1768).

7). Пятидесятник Петр Курилов. Жена Меланья Федоровна. Сын Иван — 7 (1761). Дочери: Анна — 4 (1764), Марья — 2 (1766).

Казаки

8). Пастухов. Жена Ульяния Сергеевна. Сын Степан — 7 (1761). Дочь Марья — 2 (1766).

9). Софонов Никита. Жена Марья Григорьевна. Сын Иван — 9 (1759).

10). Худеров Алексей. Жена Меланья Никитична. Сыновья: Данило — 17 (1751), Дмитрий — 14 (1754), Иван — 10 (1758), Петр — 7 (1761). Дочь Матрена — 2 (1766).

11). Нижегородов Афанасий. Ж. Евдокия Федоровна. Брат Иван — 16 (1752).

12). Аржаков Петр. Ж. Марья Федоровна. Сын Федор — 6 (1762). Дочери: Прасковья — 11, Настасья — 2, Наталья — 1. Пасынок Филип Хлестунов.

13). Степан …егов. Жена Прасковья Гавриловна.

14). Иван Баишев. Жена Анна Семеновна. Казачий сын Евдоким Кибирев — 13 (1755).

15). Куркуцкий Трофим. Жена Мария Ивановна. Сын Александр — 3 (1865). Братья Афансий — 11 (1757), Гаврило — 16 (1752).

16). Петр Муромцов. Жена Настасья Никитична. Сын Степан — 5 (1763). Дочери: Евдокия — 7, Мелания — 1.

17). Трифон Анкудинов. Жена Варвара Прокопьевна. Сыновья: Семен — 13 (1755), Тимофей — 10 (1758), Афанасий — 6 (1762). Дочери: Настасья — 16 (1752), Анна.

18). Елисей Нижегородов. Жена Анна Ивановна. Сын Логин — 10 (1758).

19). Козьма Нагибин. Жена Евдокия Алексеевна. Дочь Анна — 4.

20). Герасим Львов.

21). Григорий Краснояров. Жена Аграфена Ивановна. Брат Евдоким — 7 (1761). Дочь Мавра — 4.

22). Федор Красовский. Жена Федосья Афанасьевна. Сыновья: Андреян — 3 (1865), Аврам — 12 (1756). Дочь Матрена — 16.

23). Тимофей Красовский. Жена Анна Ивановна. Сыновья: Сава — 13 (1755), Мартын — 1 (1767). Дочери Федора — 15, Параскева — 4.

24). Афанасий Гилев. Жена Анна Васильевна. Сыновья: Иван — 10 (1858), Петр — 7 (1761), Григорий — 4 (1764). Дочь Анна — 13.

25). Кирило Долгих. Жена Марфа Михайловна. Дочь Анна — 3. Мать Татьяна Ивановна. Брат — казачий сын Яков Курилов — 18 (1750).

26). Петр Котельников. Сын Тимофей — 16 (1852). Дочь Евдокия — 20 (1748), Орина — 18, Агафья — 8. Мать Вера Моисеевна.

27). Иван Долгополов. Сыновья: Матвей — 15 (1753), Василий — 16 (1752), Афанасий — 10 (1758). Дочери: Парасковья — 13, Офимия — 8.

28). Иван Чертовский.

29). Петр Алабышев. Жена Пелагея Петровна.

30). Григорий Кармалин. Жена Анна Елисеевна.

31). Иван Попов. Сын Иван — 2 (1766).

32). Тимофей Трухнин. Жена Евдокия Афанасьевна.

33). Матвей Репин. Жена Параскева Васильевна. Сын Афанасий (1767). Дочь Варвара.

34). Отец отставного казака Ивана Русанова.

35). Тимофей Долгих. Жена Евдокия Афанасьевна. Сын Максим — 6 (1762).

36). Отставной казак Прокопий Чертовский. Жена Устиния Андреевна. Сын Евсевий — 17 (1751). Дочери Дарья — 12, Орина — 9.

Разночинцы

37). Григорий Краснояров. Жена Мавра Степановна. Мать Елена Васильевна. Дочь Настасья — 2.

38). Федор и Осип Баклановы.

[РГВИА. Ф. 14808. О. 1. Д. 28. Л. 18]

Какая-то часть гарнизона Анадырского острога была переведена в Тигильскую крепость, какая-то — в Нижнеколымскую крепость.

Но в целом Анадырский острог прекратил свое существование…

ТАУЙСКИЙ ОСТРОГ

Зуев А.С. «Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века».

«По поводу его основания точные сведения, к сожалению, отсутствуют. Наиболее распространенная версия заключается в том, что Тауйское зимовье (острожек) как временное пристанище первоначально было поставлено в 1648 г. охотскими казаками во главе с Алексеем Филипповым в Тауйской губе в устье р. Мотыхлейки (Мотылей, Мотылейки, ныне — Мотыклейка). От названия реки зимовье стало именоваться Мотыхлейским. Позднее оно было возобновлено и перестроено в острог М. Стадухиным и с тех пор стало называться Тауйским.

При изложении этой версии многие исследователи допускали одну принципиальную ошибку. Они считали, что Стадухин возобновил острожек, поставленный Филипповым, т. е. было одно поселение, но под разными названиями: Мотыхлейское или Тауйское. При этом, как ни странно, не обращалось внимание на то, где же оно все-таки находилось: на Мотыхлее или на Тауе? Кроме того, назывались разные даты прибытия Стадухина на р. Тауй: 1651, 1652, 1653 и даже 1656 год.

Ясность в эти вопросы внесли исследования Б.П. Полевого и А.А. Бурыкина. Первый выяснил, что Стадухин прибыл в устье Тауя 10 сентября 1652 г. Второй, придерживаясь той же датировки, пришел к выводу, что речь должна идти о двух разных острожках — стадухинском и филипповском. Он обратил внимание на то, что Филиппов в своей "Росписи рекам" (отчете о походе) подробно описал береговую линию и географические объекты-ориентиры на Охотском побережье к северу от Охотска только до р. Мотыхлейки, где и поставил в 1648 г. свое зимовье: "и на той реке у служивых людей зимовье было поставлено". Ни о каком зимовье на р. Тауй, ни о пребывании там самого Филиппова в этой "росписи" ничего не говорится.

Далее Бурыкин указал, что Стадухин в своей отписке 1 марта 1658 г. сообщил: "а как мы пришли на Дирядну реку, с сю сторону называют Тавуем, а на ту реку пришли 161 (1652) году сентября в 10 день, а на той реке острожек поставлен". Соответственно, получается, что если Стадухин написал "острожек поставлен" вместо того, чтобы рассказать о его строительстве, значит, в устье Тауя уже существовал "острожек", и именно его перестроили в острог стадухинские казаки. Ничего, кстати, о строительстве острога не сказал в своей челобитной 1657/58 г. участник похода казак А.М. Аршин. В связи с этим Бурыкин обратил внимание на сообщение исследователя истории камчатских церквей В. Крылова, который (к сожалению, без ссылки на источники) датой основания Тауйского острога считал 1650 г. Можно также привести мнение таких историков, как П.А. Словцов и А.С. Сгибнев, относивших основание Тауйского зимовья к 1639 г. и приписывавших его строительство казакам И.Ю. Москвитина. Роль москвитинцев в этом деле, правда, весьма сомнительна, поскольку считается, что до Тауя они не доходили, и, соответственно, если острог и был поставлен в 1639 г., то каким-то другим русским отрядом.

Таким образом, получается, что к северо-востоку от Охотска на побережье было поставлено два зимовья: Мотыхлейское в устье р. Мотыхлейки в 1648 г. (А. Филипповым) и недалеко от него Тауйское — в устье р. Тауй до 1652 г., возможно, в 1650 г. (по предположению А. Бурыкина, охотскими казаками). Первое после ухода Филиппова с течением времени прекратило свое существование, по крайней мере, во второй половине XVII – начале XVIII в. совершенно не упоминается в источниках. Второе было также заброшено, но в 1652 г. перестроено в острог Стадухиным. Однако после этого в нем по-прежнему не было постоянного гарнизона, хотя в списках ясачных зимовий оно числилось до 1667 г., т. е. русские появлялись в нем периодически в целях сбора ясака с окрестного населения.

В последней трети XVII в. упоминания о Тауйском остроге (или зимовье) исчезают из документов. Оно или полностью прекратило функционировать, или же изредка посещалось случайными партиями казаков и промышленных людей. В частности, "во 197 году послан из Охоцкого острошку казак Фролко Кондратьев с товарыщи на Тоуй реку для обереженья тоуйских тунгусов от неясачных коряк". Явно, что для "обережья" не только тунгусов, но и самих себя казаки где-то должны были укрываться.

Сведения о существовании Тауйского острога (зимовья) нашли отражение и в картографических материалах. Его можно обнаружить на двух чертежах С.У. Ремезова — "Чертеже земли Якутского города (с "доездом")" и "Чертеже земли Иакуцкого города", составленных на рубеже XVII–XVIII вв.

В начале XVIII в. происходит "воскресение" острога. С.П. Крашенинников, собиравший, как известно сведения об основании русских острогов на Камчатке и близ нее, даже записал в своей работе, что "начало сего острога, которой прежде зимовьем назывался, от 717 году". Но исследователя подвели его информаторы, поскольку Тауйское зимовье, как следует из грамоты Сибирского приказа якутскому воеводе от 22 ноября 1709 г., вновь функционировало уже в 1708 г., а значит, восстановлено было до этого года. Упоминается Тауйское зимовье и в 1710–1720-е гг. Его изображение встречается на "Чертеже похода И. Козыревского" (1713 г.) и "Карте Восточной Сибири от Лены до Камчатки" (около 1726 г.). К 1731 г. поселение официально считалось острогом, было расположено на правом берегу устья р. Тауй, почти у самого моря, имело ясачную избу, аманатскую казенку, поварню и амбары для хранения "государевой казны". Но при этом вокруг строений совершенно отсутствовали какие-либо укрепления (острожные стены)».

Ф.Г. Сафронов «Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побе-

режий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил» [Хабаровск, 1988].

«Тауйскии острог. Это третий острог, издавна существовавший на Охотском побережье и являвшийся опорным пунктом служилых людей, собиравших ясак с местного тунгусского населения. Он был расположен на правом берегу устья р. Тауй, почти у самого моря.

Судя по расписному списку 1731 г., он представлял собой маленький населенный пункт. Внутри острожных стен находились изба служилых людей, "казенка", где содержались аманаты, поварня, в которой казаки варили для себя и аманатов. Стояли кладовые (амбары) для хранения "всякой великого государя казны".

В 1776 г. число русских в остроге было значительным: сотник и 42 казака. В 1842 г., когда в ведении служилых людей находилось 567 тунгусов, 10 коряков и 86 якутов, острог называли "Тауйским форпостом".

Со временем сюда прибыли русские поселенцы из Томской губернии и Якутской области. Постепенно стали переселяться в острог местные жители и якуты. Так возникло селение Тауйское. В конце XIX в. в нем было 19 домов, 23 летних и 30 разных других построек, опрятная церковь.

Главными занятиями жителей Тауйского являлись рыболовство и охота. Держали немного коров, лошадей и собак. Выращивали картофель, являвшийся серьезным подспорьем при плохом лове рыбы. Из него готовили "нечто вроде хлеба и суррогата кофе".

В 1910-х гг. в 35 дворах селения проживало 235 человек. Несколько десятков якутов, которые здесь обосновались, позабыли свой родной язык и полностью обрусели».

Перепись 1722/1748 гг.

Книга переписная умершего, беглого, сданного в рекруты, посланного в экспедиции и другого убылого населения г. Якутска и Якутского уезда (посадские люди, разночинцы, государственные крестьяне, монастырские служители) [предположительно 1748 года] без начала и конца

Тауиского острогу

Разночинцы

3438 Трофим Софронеев

Л. 125 об.

3439 Ульян Ярков
3440 Кондратеи Шипицын
3441 Тимофей Нестерев
3442 Семен Гагара
3443 Кирило Беренскои
3444 Ивана Шумилова сын Никифор
3445 Михаило Петров
3446 Семен Фролов
3447 Егор Иванов
3448 Тимофей Булатов
3449 Петр Гребенщиков
3450 Афанасей Антонов
3451 Степан Трунин
3452 Федор Трухнин

Л. 126

3453 Иван Иванов сын Отласов
3454 Федор Иванов сын Парамсин
3455 Василеи Иванов сын Софронеев
3456 Василеи Иванов сын Антипин
3457 Алексеи Михаилов сын Котковской
3458 Василеи Потапов
3459 Яков Матвеев сын Скребыкин
3460 Василеи Борисов сын Сторожев
3461 Иван Матвеев сын Скребычин
3462 Осип Яковлев сын Старостин
3463 Алексеи Борисов сын Сторожев
3464 Михаило Андреев сын Плеханов
3465 Василеи Горохов
3466 Василеи Васильев сын Тотаринов
3467 Иван Матвеев сын Вострецов
3468 Федор Серебреников
3469 Степан Михаилов сын Жирков
3470 Василеи Васильев сын Попов
3471 Петр Данилов сын Васильев
3472 Семен Осипов сын Кривогорницын
3473 Федор Петров сын Шмонин
3474 Степан Петров сын Шмонин

Л. 126 об.

3475 Егор Иванов сын Басинов
3476 Григореи Дмитреев сын Астраханцов
3477 Остафеи Леонтьев сын Хлебалов
3478 Василеи Попов
3479 Михаило Сакулин
3480 Федор Соболев
3481 Алексеи Федоров сын Нялбин
3482 Алексеи Михаилов сын Мокрошубов
3483 Яков Иванов сын Калгин
3484 Степан Иванов сын Сорокоумов
3485 Иван Тимофеев сын Прыдошных
3486 Иван Петров сын Удилов
3487 Яков Михаилов сын Брусенин
3488 Григореи Васильев сын Тюшев
3489 Осип Максимов сын Мохнаткин
3490 Иван Яковлев сын Беляев
3491 Тимофеи Осипов сын Перевалов
3492 Осип Иванов сын Нижегородов
3493 Елесеи Иванов сын Нежегородов
3494 Алексеи Савельев сын Малышев
3495 Иван Ракитин

Л. 127

3496 Матвеи Афанасьев сын Жирков
3497 Степан Гурьев
3498 Степан Дмитреев сын Кошелев
3499 Василеи Федоров сын Попов
3500 Федор Быков
3501 Алексеи Федоров сын Ланин
3502 Михайло Хмылев
3503 Иван Лебедев
3504 Василеи Григорьев сын Мелентьев
3505 Данило Луковцов
3506 Федор Иванов сын Веселной
3507 Сава Иванов сын Веселной
3508 Петр Андреев сын Пахомов
3509 Степан Андреев сын Пахомов
3510 Василеи Иванов сын Чоскуров
3511 Семен Виситимской
3512 Федор Перфирьев
3513 Василеи Галахтионов
3514 Федор Афанасьев сын Мельников
3515 Алексеи Иванов сын Басиков
3516 Афанасеи Жирков
3517 Иван Григорьев сын Трапезников

Л. 127 об.

3518 Леонтеи Крестьянинов
3519 Кондратей Федоров
3520 Алексеи Иванов сын Амосов
3521 Иван Борисов сын Сторожев
3522 Михаило Степанов сын Луковцов
3523 Тимофей Ефимов сын Даниловых
3524 Афанасеи Серкучев
3525 Логин Максимов сын Прибылной
3526 Егор Иванов сын Пермяков
3527 Алексеи Остафьев сын Калашников
3528 Александр Васильев сын Отласов
3529 Федор Терентьев
3530 Матвеи Пинегин
3531 Афанасеи Калашников
3532 Иван Устинов сын Парасов меншеи
3533 Дмитреи Володимеров
3534 Осип Попов
3535 Федор Степанов сын Олесов
3536 Ларион Матвеев сын Пивоваров
3537 Федор Криженовской

Л. 128

3538 Лаврente[й] Шадрин
3539 Андрей Колмогоров
3540 Захар Опрелков
3541 Онисим Кабанов
3542 Козьма Силин
3543 Иван Бутаков
3544 Иван Петров
3545 Борис Пинегин
3546 Иван Татаринов
3547 Тихон Чюпров
3548 Федор Баранов
3549 Петр Орефьев
3550 Иван Орефьев
3551 Степан Ларионов

Л. 128 об.

3552 Никифор Попков
3553 Степан Мартынов
3554 Федор Накатин
3555 Козьма Фадеев
3556 Андреи Ермолин
3557 Михайло Злыгостев
3558 Юда Скурихин
3559 Матвей Балыков
3560 Василей Порошов
3561 Федор Истомин
3562 Михайло Казанцов
3563 Василей Хотосов
3564 Михайло Чюдинов

Л. 129

3565 Степан Хорошев
3566 Федор Курбатов
3567 Иван Софрыгин
3568 Петр Бурнашов
3569 Сила Еремеев
3570 Андрей Михайлов
3571 Петр Мирсанов
3572 Никифор Салдатов
3573 Максим Костентинов
3574 Егор Дертярев
3575 Федор Зырянов
3576 Тимофей Тупицын
3577 Андрей Клестов
3578 Семен Тешнов
3579 Никита Малышев
3580 Василей Максимов

Л. 129 об.

3581 Степан Плишкин
3582 Сидор Егоров
3583 Тимофеи Никитин
3584 Андрей Краснояров
3585 Иван Белоголовой
3586 Лука Посников
3587 Василей Барановской
3588 Семен Ширшев
3589 Иван Сухотин
3590 Данило Хвастунов
3591 Илья Андреев
3592 Иван Точилов
3593 Исай Хороших
3594 Афанасей Иванов
3595 Михайло Семенов
3596 Василей Макаров
3597 Степан Карякин
3598 Иван Васильев

Л. 130

3599 Кирило Криженовской
3600 Семен Васильев сын Сургуцкои
3601 Леонтеи Назаров сын Ефимов
3602 Семен Никитин сын Шарыпов
3603 Федор Шарыпов
3604 Тимофеи Никифоров сын Дьячков
3605 Алексеи Никитин сын Паламошной
3606 у него брат Андреи
3607 Осип Григорьев сын Серебреников
3608 Леонтеи Серебреников
3609 Тит Михаилов сын Глаткой
3610 Никита Михаилов сын Глаткой
3611 Илья Иванов сын Силин
3612 Василеи Ильин сын Силин
3613 Иван Васильев сын Лазарев
3614 Христофор Семенов сын Коробеиников
3615 Петр Соловаров
3616 Максим Данилов сын Васильев
3617 Яков Гробов
3618 Михаило Софронов сын Давыдов
3619 Николай Яковлев сын Наумов

Л. 130 об.

3620 Степан Фарафонтов
3621 Иван Федоров сын Котельников
3622 Дорофей Кондратьев сын Карпов
3623 Лаврентеи Поляков
3624 Иван Томской
3625 Козьма Борматов
3626 Матвеи Давыдов сын Аргунов
3627 Иван Алексеев сын Коморников
3628 Андреи Осипов сын Верхотуров
3629 Василеи Семенов сын Бережных
3630 Иван Яковлев сын Кривого
3631 Антроп Алексеев сын Талалаи
3632 Степан Федоров сын Колмаков
3633 Семен Прокопьев сын Михаилов
3634 Петр Тихонов сын Новиков
3635 Яков Иванов сын Дасаев
3636 Иван Степанов сын Лазаревых
3637 Иван Зиновьев сын Тарков
3638 Алексеи Григорьев сын Атаманов
3639 Осип Михаилов сын Брусенкин
3640 Василеи Иванов сын Кизиваковых
3641 Костентин Агафонов сын Турбин
3642 Семен Алексеев сын Ушинцкой

Л. 131

3643 Федор Васильев сын Волынкин
3644 Логин Алексеев сын Поповых
3645 Петр Алексеев сын Атаманов
3646 Яков Михаилов сын Третьяков
3647 Андреи Никитин сын Жданов
3648 Ефим Охопков
3649 Василеи Чюрускаев
3650 Иван Аверкиев сын Чапсков
3651 Василеи Егоров сын Бубенкин
3652 у Тимофея Мыльникова казачей сын Василей
3653 Яков Фролов
3654 Семен Яковлев сын Фролов
3655 Иван Шубинской
3656 Иван Моршинцов
3657 Федор Терентьев сын Пастухов
3658 Андреи Афанасьев
3659 Яков Иванов сын Мохначевской
3660 Матвеи Мохначевской
3661 Еким Мухоплев
3662 Семен Иванов сын Трифанов

Л. 131 об.

3663 Федор Федоров сын Пинегин
3664 Гаврило Федоров сын Пинегин
3665 Дмитреи Попов
3666 Петр Анкудинов сын Скорезожской
3667 Василей Осипов сын Чюмаков
3668 Петр Петров
3669 Степана Казанцова сын Яков
3670 Яков Филипов
3671 Петра Волынкина казачей сын Петр
3672 Алексея Удорина дети Яков
3673 Степан Жирнов
3674 Степан Казаков
3675 Степан Созоновской
3676 Василей Ананьин
Итого двести тритцать девять душ

Л. 132

Дворовые люди
3677 каза[ка] Петра Фалелеева дворовой Алексей
Казака Савы Винокурова
крепостные иноземцы тунгусы
3678 Ульян
3679 Ильме
3680 Трифана Панфилова сына ево Козьмы новокрещеные Василеи
3681 Косач
3682 Якова Волкова дворовой Яков
3683 Алексея Кривого камчадал Алексеи

Л. 132 об.

3684 Савы Винокурова дворовой Чикна
3685 сына боярского Василья Чемесова дворовые Григореи
3686 некрещеные Ванки
3687 Конпак
3688 Трофима Панфилова сына ево Ивана дворовой Кыкша
3689 Григорья Ягодина дворовой Яков

Л. 133

3690 Логина Бишева дворовой Илья
3691 Алексея Шестакова дворовые Артемеи
3692 Матвеи
3693 Лазаря Ощепкова сына ево Ивана дворовой некрещенои Анчи

Л. 133 об.

Ермонаха Иосипа дворовые люди
3694 Алексеи
3695 Иван
3696 Семен Кожевин
3697 Василеи Афанасьев
3698 Яков Корякин
3699 Дмитреи Пироговской
3700 Иван Гусельников
3701 Василей Спиридонов
3702 Якут Моржо
3703 Тортогор Селегеев
3704 Тукума Суров

Л. 134

3705 Волчо Ботогин
3706 Томник
3707 Петрушка Бичев
3708 Семен Андреев
3709 Тимофей Барабанской
3710 у него сын Федор
3711 новокрещен Михаило
3712 Семен
3713 Андреи Кочерин
3714 да Андреи же
3715 Никита Спиридонов
3716 Унюгес Поросин
3717 новокрещен Кургей
3718 Долгал
3719 Кынака
3720 Иванак
3721 Дмитреи Иванов
3722 у него вскормленник Иван
3723 Баика Теминаков

Л. 134 об.

3724 Налтан Халгыев
3725 Федор Тимофеев
3726 Ивашко
3727 Семен Яковлев
3728 Семен Трусов
3729 Афанасеи Иванов
3730 Яков
3731 новокрещен Харитон Колесов
3732 Василеи Матвеев
3733 Тимофей Федоров
3734 Алексеи
3735 Афанасеи Леонтьев
3736 Афанасеи Григорьев
3737 Василья Барановского
3738 дворовой Петр [так и значится под двумя номерами]
3739 Июкче
3740 Тимофеи Кирилов
3741 Антон Григорьев
3742 Алексеи
[РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194]

ВЕРХНЕКАМЧАТСКИЙ ОСТРОГ

Зуев А.С. «Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века».

«По поводу даты основания и имени основателя этого острога среди исследователей нет единого мнения. Исходя из сказки Атласова, записанной 3 июня 1700 г. в Якутской приказной

избе, можно предположить, что первое русское поселение в верховьях р. Камчатки было поставлено в конце лета — начале осени 1698 г. после возвращения атласовцев из "Курильской землицы", когда сам Атласов остался зимовать на р. Иче, "а на Камчатку реку послал от себя служилых людей Потапа Сюрюкова, всего 15 человек, да ясачных юкагирей 13 человек". Верхнекамчатский острог значился уже на первой карте Камчатки, созданной около 1700 г. в Тобольске С.У. Ремезовым, использовавшим сказки Атласова.

С.П. Крашенининников первоначально, в работе "О завоевании Камчатской землицы, о бывших в разные времена от иноземцов изменах и о бунтах служивых людей", "лавры" основателя Верхнекамчатского поселения присвоил П. Сюрюкову, "который по отбытии Отласова (т. е. в 1699 г.) вверху Камчатки построил два зимовья, где ныне Верхней Камчатской острог". Затем, уже в "Описании земли Камчатки", он утверждал, что острог поставил сам Атласов, который, возвращаясь в Анадырск, оставил там Сюрюкова.

Эти две версии в разных вариациях, но без привлечения дополнительных доказательств, почерпнутых из источников, нашли отражение в последующей литературе. Причем большинство историков основателем острога считали все же Атласова, а Г.А. Леонтьева постройку им первого зимовья в верховьях р. Камчатки отнесла даже к лету 1697 г. По ее мнению, Атласов, будучи на р. Иче, в 1698 г. в виду опасности нападения ительменов приказал бывшему в Верхнекамчатске П. Сюрюкову "укрепить зимовье острожной стеной, сделать в ней стрельницы, а не избы, что внутри стены, нарубить сторожевые и стрельные башенки — нагородни. Так зимовье в 1698 г. было преобразовано в Верхнекамчатский острог". Другой версии придерживались И.И. Огрызко и М.И. Белов, которые считали, что острог был поставлен по указанию Атласова П. Сюрюковым в 1698 или 1699 г.

После ухода Сюрюкова с Камчатки в 1699 г. Верхнекамчатское поселение было заброшено. Восстановил его прибывший на полуостров первый приказчик Т. Кобелев. Некоторые историки неверно считали, что произошло это в 1700 г., другие избегали точной датировки. На самом деле в 1700 г. Кобелев только получил назначение на Камчатку, а прибыл туда не ранее 1702 г., когда начал собирать ясак. Он перенес поселение на полверсты от прежнего на берег р. Кали-Кык (Кали-Кыг). По уточненным Б.П. Полевым данным, это случилось в 1703 г. Участник отряда Т. Кобелева Иван Енисейский позднее, в своей челобитной 1710 г., сообщил: "А как пришли на Камчатку, и в верху на Камчатке поставили острог и ясачное зимовье".

В 1705 г. другой камчатский приказчик В.М. Колесов реконструировал укрепления: «около Верхняго зимовья и казенного анбара, что на Камчатке, построил острог козельчатой мерою кругом семдесят сажень, а вышиною полтретьи (2,5) сажени печатных». На "Чертеже похода И. Козыревского" (1713 г.) из "Служебной чертежной книги" С.У. Ремезова "Верхной Камчатской" острог обозначен на р. Камчатке между реками Тулбачик (ныне – Толбачик) и Елосвина (?). Очередная перестройка острога произошла через 10 лет. По сведениям И.И. Огрызко, подчерпнутым из материалов Г.Ф. Миллера, в 1715 г. временно исполняющий обязанности камчатского приказчика И. Козыревский вместо прежних "козельчатых жердей" поставил бревенчатые стены. Эти сведения дополняет челобитная от 29 июня 1715 г. служилых и промышленных людей, которые сообщили, что, получив известие о нападении юкагиров и коряков на В. Колесова и И. Енисейского, "в нынешнем де 715 году, слыша такие ведомости, на Камчатке в Верхнем Камчадальском остроге круг ясачные избы стамовой бревенчетой острог построили, чтоб мочно твою великаго государя казну и аманатов оберечь от мирных и немирных иноземцов".

В последующие годы, по крайней мере, до конца 1730-х гг., никаких реконструкций острога не проводилось. В 1722–1723 гг., согласно описям, составленным при передаче Верхнекамчатского острога от одного приказчика другому, острог представлял собой небольшое поселение. Из казенных зданий в нем располагались ясачная (она же приказная) изба, два амбара и аманатская казенка. Эти строения были обнесены бревенчатым стоячим тыном. В остроге имелась одна медная пушка. Такой вид он сохранял и в 1731 г. ("острог стоячей, бревенчатой, в том остроге приказная изба, при той избе анбар, где летом сидят аманаты, а в остроге над воротами анбар, где кладетца всякая Е.И.В. казна"). В 1726–1728 гг. в остроге и рядом с ним насчитывалось 17 жилых дворов и часовня».

Ф. Г. Сафронов «Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил» [Хабаровск, 1988].

«Верхнекамчатск. Маленькое зимовье в верховьях р. Камчатки, поставленное, по-видимому, В. Атласовым, еще существовало в 1700 г., когда на Камчатку прибыл первый приказчик Тимофей Кобелев. Он нашел это место неудобным и перенес зимовье на берег р. Кали-Кык — за пол версты от прежнего.

Новый приказчик Колесов в 1705–1706 гг. поставил около этого зимовья острог «козельчатой, мерою вокруг 70 сажень, а вышиною полтретья сажени печатных (то есть 2½ сажени). В 1722 г. в бревенчатом остроге находились ясачная изба, амбары, казенка с аманатами, медная пушка. В нем жили 41 казак, 2 промышленника и колодники. В 1728 г. в остроге было 17 домов.

В 1731 г. он имел следующий вид: "Острог стоячей, бревенчатой, в том остроге приказная изба, при той избе анбар, где летом сидят аманаты, а в остроге над воротами анбар, где кладетца всякая е. и. в. казна". Те же постройки мы находим в 1773 г. За стенами острога располагались дома священников, воинских чинов, казаков и просто обывателей.

Став в 1803 г. центром только что образованной Камчатской области, Верхнекамчатск получил статус города, здесь разместилось областное правление во главе с комендантом. В 1810 г. областной центр посетил В.М. Головнин. “Что такое Верхнекамчатск? Город, село или острог, по здешнему сказать?” — спрашивал он. И отвечал: “Я, право, назвать не умею. В нем есть одна небольшая деревянная церковь, казенные анбары, домик для начальника, около десятка домишков, которые в России назвали бы светелками, и десятка два изб; церковный причет, несколько мещан и отставных унтер-офицеров, солдат и казаков с их семействами составляют непременных жителей сего местечка, а временный состоит из небольшого отряда камчатского гарнизонного батальона”.

В 1812 г. областным центром стал Петропавловск, а Верхнекамчатск постепенно пришел в упадок. В конце XIX в. его находили “жалкой деревушкой” с десятком бедных и грязных избушек. В них проживало 73 человека обоего пола. На каждый дом приходилось, как свидетельствует очевидец, по одной лошади и по четыре коровы (очевидно, в среднем).

Район Верхнекамчатска считался удобным для земледелия. Поэтому в 1741–1745 гг. здесь, на заимках Шигачинская и Милькова, поселили несколько семей русских крестьян с верховьев Лены. Ими проводились “прилежные опыты” хлебопашества: пробные посевы ржи, ячменя, ярицы. Но хлеба погибали от инея и холодной росы или давали ничтожный урожай. Пробные посевы проводились по принуждению начальства в 1763–1766 гг., они возобновлялись и в начале XIX в., но неудачно. И только после этого начальник Камчатки генерал Кошелев писал в донесении генерал-губернатору о том, что его удивляет, “как могло даже составиться убеждение о возможности хлебопашества в Камчатке”.

Немногочисленные крестьяне, поселившиеся вблизи Верхнекамчатска, как и в других местах полуострова, познакомились с бытом ительменов и переняли многое из их образа жизни: завели собак для езды, занялись рыболовством, основой их пиши являлась юкола. Важным подспорьем в хозяйстве переселенцев стала охота, поскольку на пушной товар можно было выменивать у купцов разные необходимые вещи».

Участники казачьего бунта 1712 года во главе с верхнекамчатским приказчиком Константином Киргизовым, ограбившие нижнекамчатских казаков:

Кыргызов приплыл в Нижнекамчатский острог с казаками — 15 человек.

Состав отряда:

Кыргызов Константин
Торгуя Иван Григорьев сын
Бекирев Кирила
Терентьев Иван
Дурынин Никита
Ощепков Лазарь
Бадлин Иван
Орлик Андрей
Баландин Козма
Месяхин Прокопей
Онкудинов Федор
Беляев Леонтей
Сиряня Иван
Кабан Павел
Панютин Иван

Оставались в Верхнекамчатске 20 человек — соратников Кыргызова

Тимофеев Михайла
Лосев Иван
Неворотов Петр
Толстоухов Василей
Белой Семен
Климов Андрей
Грущевский Тимофей
Суздалов Иван
Баландин Григорей
Щеголев Семен
Козыревской Михайло
Петух Василей
Сидоров Анисим
Носов Никита
Тумак Лазарь
Петров Иван
Заварзин Тимофей
Конищев Володимер
Кирилов Моисей
Зырян Федор

Пять человек из верхнекамчатцев не приняли награбленные паи:

Конищев Володимер
Кирилов Моисей
Заворзин Тимофей
Тунав Лазарь
Зырян Федор
Иван Тордуя бил Федора Ярыгина кистенем, в 1713 г. удавился (по сообщению К. Кыргызова)

Жители Нижнекамчатска, 1712 год

Колычев Алексей, служивый
Соловаров Борис, десятник
Канашев Богдан, служивый
Бурой Алексей, служивый
Кыштынов Григорий, служивый
Везливцов Козма, служивый
Шивыря Дмитрий, служивый
Заве Михаил, служивый
Панов Федор, служивый
Глазырин Иван, служивый
Захаров Федор, служивый
Юдомский Филипп, промышленный
Крохалев Никита, промышленный

Захватили Кыргызова служилые Верхнекамчатска:

Маюр Андрей
Лебедев Иван
Абалаков Данила

Были посажены в тюрьму:

Терентьев Иван
Дурынин Микита
Бекирев Кирила
Панютин Иван
Бадлин Иван
Ощепков Лазарь
Беляев Леонтий

Приказчик В.М. Колесов, проводивший следствие: «...мы его Константина и Леонтия Беляева положа на плаху смертью показнили; а тех его Константиновых товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводке водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным так бунтовать, и свои и заговоры и круги заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно»

Он же: «...в Камчадальских острогах первоначалные бунты и нынешней чинятца от тобольских уроженцов служилых людей; а вершенной вышеписанной разбойник Константин Кыргызов урожением тоболской; да с ним же пущие воры были единомысленники его, первоначальные на Камчатке бунтовщики, и на злое всякое дело заводчики и потаковщики, и на всякое злое дело вымышленники, товарыщи его, тоболские же уроженцы: Кирило Бекирев, Иван Панютин, Иван Баднан (Бадлин. — *С.В.*), Иван Лосев, Никита Дурынин, Иван Терентьев, Лазарь Ощепков. А и впредь тоболские уроженцы буде по государеву указу будут присылатца на Камчатку, и в Камчадальских острогах от тех тоболских уроженцов его великого государя вотчина прочна и состоятельна не будет и будут от них всегда шатости. А без ... домовых якуцких и с Руси жителей в здешней Камчадалской земле быть нельзя и вотчина великого государя в Камчадалских острогах будет прочна и состоятельна».

Перепись 1722/1748 гг.

Книга переписная умершего, беглого, сданного в рекруты, посланного в экспедиции и другого убылого населения г. Якутска и Якутского уезда (посадские люди, разночинцы, государственные крестьяне, монастырские служители) [предположительно 1748 года] без начала и конца

(л. 107)

Верхнекамчадальского острогу
Посацкие
2984 Алексей Дудников
2985 Иван Золотавин
2986 Мокей Кирилов
2987 у него сын Спиридон
2988 Федор Дудников
Итого пять душ
Разночинцы
2989 Никиты Дурынина дети Лука
2990 Семен
2991 Григорей

(л. 107 об.)

2992 Алексей
2993 Лаврентей
2994 Иван Лосев
2995 племянник ево Семен
2996 Петр Козыревской
2997 Григорей Переломов
2998 у него дети Петр
2999 Иван Попов
3000 у него дети Иван
3001 Данило
3002 Василья Шехурдина сын Иван
3003 Григорей Братка
3004 Андрей Дмитреев
3005 брат ево Егор

(л. 108)

3006 Самуил Володимеров
3007 у него брат Григорей
3008 Андрей Бекирев
3009 Петра Потапова сын Филип
3010 Федор Бронников
3011 у него дети Семен
3012 Гаврила
3013 Артемей Скрябин
3014 Василья Петухова сын Петр
3015 Иван Панютин
3016 у него сын Иван
3017 Иван Никонов
3018 у него сын Василей
3019 Иван Каташевцов

(л. 108 об.)

3020 Алексей Буинов
3021 Алексей Путилов
3022 Никита Дурынин
3023 у него сын Василей
3024 Козьма Сосновской
3025 Григорей Суровцов
3026 Гаврила Юрлов
3027 Василей Шехурдин
3028 Иван Бадлин
3029 Алексеи Нялбин
3030 Федор Пинегин
3031 Василей Петухов
3032 Федор Нефедьев
3033 Тимофей Путимцов

(л. 109)

3034 Дмитрей Горлов
3035 Михаило Котков
Промышленного Ивана Золотавина дворовые крещеные
3036 Кирик
3037 Петр
3038 у него дети Алексей
3039 Андрей Климов
3040 Андрея Климова сын Алексей
3041 Василей Петров

(л. 109 об.)

3042 Василья Петрова сын Никита
3043 молитвенной Алексей
Алексея Чюркина дети
3044 Иван
3045 Андрей
3046 Василей
3047 Иван Тарасовых
3048 у него сын Матвей

(л. 110)

3049 новокрещен Карп Бекирев
3050 новокрещен Афонасей Шелковников
3051 у него сын Иван
3052 у него брат Яков
3053 племянник Иван
3054 новокрещен Степан Гаврилов сын Петлякин

3055 вольной дворовой ево Отом
(л. 110 об.)
3056 Козьма Секерин
3057 Петр Свешников
3058 Петр Потапов
3059 Давыт Шипунов
3060 Андрей Шарматов
3061 Евдоким Колегов
3062 Евтифей Санников
3063 Михаило Кулаковской
(л. 111)
3064 Андрей Пивнев
3065 Андреян Рюмин
3066 Алексей Чюркин
3067 Сава Усов
3068 Максим Зельец
3069 Василей Васильев сын Максимовых
3070 Семен Уксусников
3071 Василей Уксусников
3072 у него брат Гаврило
Итого восемьдесят четыре
Того ж острогу дворовые люди
Никиты Дурынина дворовые
3073 Егор
3074 некрещеные Карюмьча
3075 Бырчич
(л. 111 об.)
3076 Тоноло
3077 Кобин
3078 Чаикач
3079 камчадольскои породы Кумгач
3080 Покашта
3081 Купа
3082 Хлакша
3083 Шантара
3084 Алушка
3085 Ивана Лосева дворовой некрещеной Купич
3086 Григорья Суровцова дворовые Михайло
3087 Петр
некрещеные авачинской породы
3088 Авнигач
3089 Тикол
(л. 112)
3090 Кашея
3091 Тигас
Петра Козыревского дворовые
3092 некрещеные Кымыта
3093 Лапка
3094 Шагай
3095 Тадай
3096 Кунша
3097 Мое
3098 Апаул
3099 Гилькина
Григорья Переломова дворовые
3100 некрещеные Пахоч
3101 Быргач
3102 Кольжмеч
3103 Киви
(л. 112 об.)
3104 Шахомча
3105 Тонолой
3106 Тыхуч
3107 Шезчач
3108 Шитулчич
Ивана Попова дворовые
3109 некрещеные Унита
3110 Тоноло
3111 Шулиш
3112 Игуж
3113 Харпоч
Гаврила Юрлова дворовые
3114 некрещеные Курынча
3115 Чайгач
Самойла Володимерова дворовые
3116 некрещеные Инюч
3117 Канач
(л. 113)
3118 Дишило
3119 Инукшич
3120 Ивана Балдина [Бадлина] дворовой некрещеной Ланши
Федора Бронникова дворовые
3121 некрещеные Ихачюч
3122 Кикала
3123 [номер пропущен]
3124 Шантала
3125 Иумгач
3126 Брюч
Гаврила Коморникова дворовые
3127 некрещеные Сыршигата
3128 Василья Петухова дворовые [имя не записано]
3129 Семен
3129 [номер повторяется] Никифор
Без номера некрещеной Купкал
(л. 113 об.)
3130 Конпин
3131 Намач
3132 Пакин
3133 Санушкач
3134 Федора Нефедьева дворовой Кавыкач
Тимофея Путимцова дворовые
3135 Лижич
3136 Ижильча
Андреяна Рюмина дворовые
3137 некрещеные Калы
3138 Кувлич
3139 Шыкона
3140 Хавкуч
3141 у него сын Камеч
3142 Василья Уксусникова дворовой Федор
(л. 114)
3143 некрещеной Казу
3144 Андрея Климова дворовые Илючка
3145 Кыкша
3146 Канала
3147 Каруга
3148 Курюмча
3149 Толхич
3150 Карырьча
Василья Петровых дворовые
3151 Дмитрей
3152 Михаило
(л. 114 об.)
3153 некрещеные Кулухтай
3154 Апача
3155 Тигиль
3156 Кигилюч
3157 Амшигач
3158 Алексея Чюркина дворовые Иван

3159 некрещеной Начика
3160 Кунгач
3161 Инеч
3162 Канач
3163 Максима Зельеца дворовые Семен
(л. 115)
3164 некрещеные Начика
3165 Купа
3166 Калуншуга
3167 Келтяка
3168 Седильга
3169 Кивач
3170 Кумута
3171 Купа
3172 Карымча
3173 новокрещена Афанасья Шелковникова дворовой Макей
3174 служилого Козьмы Секерина дворовой некрещеной Чаной
(л. 115 об.)
3175 служилого Андреяна Рюмина дворовые некрещеные Бажич
3176 Шахамьча
Архимандрита Мартимиана дворовой ево новокрещен
3177 Костентин
3178 служилого Алексея Чюркина некрещеные Иуч
3179 Халента
3180 служилого Василья Шапошникова дворовой некрещеной Унтал
3181 казачья сына Григорья Переломова дворовой некрещеной Интан
3182 Кодижга
3183 Паранин
Итого сто одиннатцать душ
[РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194]

УДСКИЙ ОСТРОГ

Ф.Г. Сафронов «Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил» [Хабаровск, 1988].

«Основанный в 1679 г., он являлся центром огромной территории по побережью Охотского моря: к югу от Охотска до бассейна Нижнего Амура. Этот глубинный район материка (места кочевьев тунгусов) до 1857 г. подчинялся Якутску, за исключением 34 лет — с 1739 до 1773 г., когда он временно входил в состав Охотского Приморского управления. Укрепленный пункт на юго-востоке Якутского ведомства, Удский острог в 1803–1805 гг. являлся центром комиссарства Якутского уезда.

В 1857 г. Удский район как отдельное административное целое был передан в ведение только что образовавшейся Приморской области с центром в Николаевске-на-Амуре. В состав этой области вошло 6 округов: Николаевский, Софийский, Охотский, Гижигинский, Петропавловский, Удский.

Удский острог был окружен высоким забором с шестью сторожевыми башнями. Около башен стояли пушки на колесах. Вблизи находилась пороховая башня, обнесенная высоким тыном. Внутри острога размещались церковь и казенные здания (хоромы командира, ясачная изба, казармы, лазарет). За острогом — солдатские и крестьянские дома.

Укрепить Удский острог заставили события 1780-х гг. В апреле 1786 г. командир острога коллежский асессор фон Гаузен сообщил в Якутск о желании гиляков (нивхов) с р. Амгунь перейти в русское подданство. Вызвана эта просьба была притеснениями маньчжурских чиновников, приезжавших к ним за ясаком. Иркутский генерал-губернатор И.В. Якоби, получив это известие, предписал якутскому коменданту принять гиляков в российское подданство. Одновременно были даны распоряжения по укреплению острога на случай неприятельских действий со стороны маньчжуров поправить рвы, усилить гарнизон за счет других острогов.

Весной 1787 г. из Иркутска в Удский острог отправили 8 пушек со снарядами и 100 р. денег. В октябре 1788 г. в Удск из Петербурга прибыл назначенный командиром острога контр-адмирал Фомин. Он нашел, что под наблюдением Гаузена в остроге построено на 40 саженях восьмиугольное укрепление высотой в 1½ сажени, толщиной между бревен (с засыпкой землей) 2 аршина, на углах — 8 отверстий для пушек, бойницы в два ряда, для ружей вокруг вала — рогатины. В 1799 г. для усиления гарнизона в острог прибыла рота солдат.

Основное население острога состояло из казаков, занимавшихся сбором ясака с местных жителей. Меньшей его частью являлись чиновники, лица духовного ведомства и купцы. Временами, по мере надобности, присылали воинский гарнизон — для “караула и защиты границ”. Так, в конце XVIII—начале XIX в. здесь стояла рота солдат из 144 человек.

Со времени правления Скорнякова-Писарева, имевшего твердое задание — утвердить хлебопашество во вверенном ему крае, в районе Удского острога постоянно жили и пашенные крестьяне. “По рассуждению доброты земли и теплоты климата” уже в 1735 г. здесь поселили 10–12 семей крестьян с верховьев Лены, снабженных казной семенами, земледельческими орудиями и рогатым скотом. Но земледелие насаждалось в этих местах суровыми мерами: провинившихся крестьян били батогами “без пощады”, заставляли засевать все собранное от предыдущего урожая зерно, не оставляя им ничего даже на пропитание.

Но урожаи в долине Уды были неудовлетворительными. В 1742 г., например, здесь посеяли 8 пудов ржи — собрали 27 пудов; в 1743 г. посеяли 26 пудов ячменя, 5 пудов 15 фунтов ярицы и 4 пуда овса — собрали 47 пудов ячменя, 3 пуда ярицы и 6 пудов овса. В следующем году из-за позднего таяния снегов зерновые не были посажены. В дальнейшем хлеба вызревали еще хуже, и тем не менее, под страхом наказания производить посевы крестьянам все же приходилось. Всходы ячменя в 1761 г. полностью погибли, поскольку в июне выпал снег. В такие годы приходилось питаться рыбой.

Поселенцы и местные власти теряли надежду, “чтобы хлеб родился в тех местах, так как земли там неудобные”.

В 1780-х гг. небольшие посевы озимой ржи, ячменя и овса в районе Удска производились. Урожаи собирали с переменным успехом. В 1790 г. пахотной земли здесь было около 100 десятин, но из них крестьянских — лишь 1572, остальные принадлежали купцам и священникам. Посевы выживали далеко не каждый год, чаще они погибали из-за обильных дождей, перенасыщенности воздуха влагой, а также заморозков. Поэтому в 1799 г. обрабатывалось всего лишь около двух десятин пашни.

В начале XIX в. в Удском селении было 34 дома и почти 200 жителей. Земледелием они постепенно перестали заниматься. Побывавший здесь в 1829—1830 гг. поручик Козьмин писал: “Говорят, будто в старые годы жители Удского острога сеяли хлеб, но теперь не сеют; и только приходской священник имеет у себя огород, в котором разводит картофель, огурцы, редьку и другие овощи”.

К этому времени острожных стен уже не было и Удск потерял значение крепости. А.Ф. Миддендорф в 1844 г. нашел здесь только два маленьких участка (около 1,8 кв. м каждый), засеянных ячменем. Один из них дал урожай сам-три, другой сам-пять. Через несколько лет исчезли и эти жалкие остатки хлебопашества. Чиновник особых поручений Якутского областного правления Бубякин, посетивший Удский край в 1849 г., заявил, что здесь “хлебопашество никогда, видимо, вводимо не было”.

Между тем в Удском селении в 1849 г. было 32 крестьянина. Все они жили промыслами: летом ловили рыбу, зимой охотились. Занимались немного и скотоводством: в 1856 г. у них было 25 голов рогатого скота. Поэтому у каждого в наделе имелись “свои” речки и сенокосные места. Некоторые с успехом выращивали картофель, репу, брюкву и т. д.

Тем не менее обеспечить себе удовлетворительное пропитание поселенцы, жившие на Уде, не могли. В донесении Бубякина Якутскому областному правлению от 27 августа 1849 г. говорилось, что удские крестьяне (оказавшиеся здесь большей частью за преступления) “к подкреплению бедности своей по местным невыгодам, лишенные всех средств промышленности и даже источников пропитания, не имеют никакой возможности не только к уплате состоящей за ними недоимки, но даже по малому улову рыбы не могут обеспечить себя в продовольствии; а поэтому вынуждены задалживаться из запасного магазина хлебом, чрез то с каждым годом новая недоимка, увеличивая старый долг, оставляет их неоплатными должниками; а если бы не эта поддержка пособия, то они давно бы были жертвою голодной смерти”.

При посещении некоторых семей Бубякин нашел, что “они не имеют не токмо какие-либо домашние обзаведения и скотоводство (в некоторых хотя и имеется, но в дурном состоянии), но даже не имеют многия из них дневного пропитания”. Нищета удских крестьян до такой степени поразила этого чиновника, что он поставил вопрос о переселении их на Амгу (дело оказалось неосуществимым: амгунские крестьяне сослались на отсутствие у них свободных пахотных и сенокосных земель).

Чиновник Иркутской губернской канцелярии титулярный советник Н.Д. Свербеев, побывавший в Удске в середине XIX в., оставил его описание. На небольшой площади возвышается деревянная церковь, недалеко от нее — запасной магазин, соляная стойка, рыбный запасной амбар и пороховой погреб. Напротив церкви — новый просторный дом священника. За ним “вытянулись неправильной линией убогие избы казаков и домики командиров, а там следует ров и речка Безымянка, разделяющая холм от широкой поляны, где на берегу расположилось до десятка покосившихся от ветхости низких избушек: в них живут удские крестьяне”.

Похожее описание острога и план крепости оставил побывавший здесь немного позже А.Ф. Миддендорф. Он добавил к прежним заметкам, что острог стоит на песчаном пригорке “левого берега реки”.

С 1880 г., когда Удск перестал быть окружным центром Приморской области (управление округом было переведено в Николаевск-на-Амуре), его роль окончательно упала. Жителей в селении оставалось не более 200 человек. Большинство их в середине 1880 г. по настоянию Филиппеуса, агента русского правительства по снабжению провиантом северных округов, переселились в устье р. Уды, к берегу моря, где вырос населенный пункт Чумикан.

Дорога от Якутска к Удскому острогу была дальней. Ехали по Удскому тракту таким путем: Якутск – Амгинская слобода — по горным тропинкам на юго-восток до р. Алдан — далее по таежной дороге до р. Учур (приток Алдана) — оттуда до р. Половинной — по ней попадали в Удск.

На тракте, не вполне устроенном, станции были только от Якутска до Амги, и дорога здесь, особенно зимой, была наезженной. Далее до Алдана кое-где встречались якутские жилища и была “сносная природная дорога”. От Алдана проезд затруднялся обрывами, множеством скал и крутыми спусками. Приходилось пересекать и пути много речек. На Алданской и Учурской переправах и на р. Половинной тунгусы держали лодки. Протяженность удской дороги была более тысячи верст. Впрочем, от Амгинской слободы она имела несколько направлений. Учитывая время года и другие обстоятельства, путники выбирали тот или иной вариант. Перевалов через Становой хребет тоже было несколько.

Летние грязи и топи, зимние снега и морозы крайне затрудняли продвижение по Удскому тракту людей и лошадей с вьюками. Особенно тяжело было зимой, когда приходилось ночевать прямо на снегу, под открытым небом. Вот что писал чиновник особых поручений Иркутской контрольной палаты Н.С. Щукин, ездивший по этому пути в первой половине XIX в.:

“Путешественники останавливаются в глубоком снегу, слезают с лошадей и начинают копать в снегу яму до самой земли. Сделав нечто похожее на могилу, накрывают место древесными ветвями и лосиными кожами, а иногда забрасывают снегом; дно этого логовища устилают сперва ветвями, а на них уже кладут звериные кожи: вот и постеля готова. Таким образом устроенное жилище походит на погреб, которого все стороны закрыты, кроме одной, оставленной для входа: тут разводят огромный огонь; горят целые бревна, теплота нагревает логовище, закрытое сверху, снизу и с боков. Люди, раздевшись совершенно, ложатся на звериные шкуры и одеваются одеялами; с полчаса надобно дрожать, потом теплота от тел начинает усиливаться, и крепкий сон смежит вежды. Между тем лошади ходят по лесу, разгребают ногами снег и едят старую траву, которая всегда бывает велика. Ночь проведена в крепком сне; но поутру огонь вскоре гаснет, холод проникает в убежище, под одеяла, и путешественники пробуждаются. Снова разводится огонь, чайник кипит: надобно вставать и одеваться на морозе, который постоянно бывает в 30 градусов. Быстро вырываются путешественники из-под одеял, хватают сапоги, платье и, одевшись кое-как, бегут к спасительному огню и разогреваются благодатным чаем”.

Из Якутска в Удский острог в начале 1730-х гг. ездили геодезисты подпоручики Петр Скобельцын и Василий Шетилов — по указанию Иркутской провинциальной канцелярии “для описания мест и сочинения ландкарты”. В Якутске им выделили 5 служилых людей “добрых”, в том числе толмача, владеющего якутским и тунгусским языками, и людей, которые могли знать “звание рекам и речкам и урочищам”. Ехали они на десяти конных подводах. Геодезисты составили ландкарту, которая сохранилась в архиве Академии наук СССР. На ней показаны места от Олекминского острога до Амура.

Был к Удскому острогу и частично водный путь, которым пользовались очень редко: вниз по Лене до устья Алдана — по Алдану до устьев его притоков — Маи или Учура. С Алдана поднимались по р. Мае до ее притока Маймакана, с верховьев которого попадали в Удский острог, а если плыли по Учуру, в Удск попадала с его верьховьев».

Перепись 1722/1748 гг.

Книга переписная умершего, беглого, сданного в рекруты, посланного в экспедиции и другого убылого населения г. Якутска и Якутского уезда (посадские люди, разночинцы, государственные крестьяне, монастырские служители) [предположительно 1748 года] без начала и конца

(л. 123 об.)

Удкого острогу
Разночинцы
3410 казак Конон Козьмин
3411 у него сын Фрол
3412 казак Герасим Сту[д]ихин
3413 казак Григореи Лебедев

(л. 124)

3414 казак Василеи Борисов
3415 казак Иван Кузнецов
3416 казак Петр Власов
3417 Лаврентеи Белорырцов
3418 Павел Буторин
3419 Василеи Буторин

(л. 124 об.)

3420 Павел Максимов
3421 у него сын Козьма
3422 Иван Каурцов
3423 Илья Шишкин
3424 Иван Крюков
3425 Дорофей Савин
3426 Иван Костромин
3427 Федор Захаров
3428 Семен Чесноков
3429 Сила Карандашев
3430 бывшеи прикащик Семен Боярской
3431 Никита Строихин
3432 Степан Ермолин
3433 Ефтифей Маравин

(л. 125)

3434 Козьма Лисицын
3435 Леонтей Черного
3436 Григорей Попов
3437 Осип Веснин
Итого дватцать восемь душ
[РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194]

Список якутских казаков по острогам. 1781 год
В Удском остроге
1). Сотник Петр Атласов
Казаки
2). Иван Расторгуев
3). Никифору Манков
4). Назар Корытов
5). Евдоким Чепалов
6). Иван Чепалов
7). Матвей Чепалов
8). Василий Надеин
9). Михайло Надеин
10). Григорий Судаков
11). Игнатий Корытов
12). Архип Вагулкин
13). Гаврил Котельников
14). Афанасий Бубякин
15). Иван Енохов
16). Лука Рогозин
17). Яков Манков
18). Дмитрий Чепалов
19). Петр Карпов
20). Игнатий Осеев
[НА РС (Я), ф. 401 п, оп. 1, д. 1 т. 2, л. 253–256]

Список находящихся в Удском укреплении. 1831 год
1). Пятидесятник Евграф Шестаков (1782)
Казаки
2). Иван Шмонин (1758)
3). Иван Чепилов (1762)
4). Иван Корытов (1799)
5). Иван Недоносков (1800)
6). Петр Надейн (1790)
7). Александр Божедомов (1798)
[НА РС (Я), ф. 401 п, оп. 1, д. 6 а, л. 646]

Евграф Шестаков. Дети: Иван (1826), Николай (1829), Владимир (1830)
Петр Надейн. Сын Владимир (1829)
Иван Корытов. Сын Андрей (1825)

БОЛЬШЕРЕЦКИЙ ОСТРОГ

Зуев А.С. «Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века».

«По поводу основания этого острога также нет ясности. Называемый в ряде работ 1700 г. как год его основания Т. Кобелевым не соответствует действительности, поскольку, как указывалось выше, Кобелев прибыл на Камчатку только в 1702 г. С.П. Крашенинников сообщал, что острог был заложен другим приказчиком, М.З. Многогрешным, который правил на Камчатке в 1703–1704 гг. Причем в "Описании земли Камчатки" он прямо указал, что "Михайло Зиновьев… во время бытности своей… на Большой реке острог построил…" … "прикащик Черкашенин августа 6 дня (1703 года. — *С.В.*) отправил служивых 15 человек на Большую реку к служивому Данилу Беляеву, он же Имикыз, которой на Большой реке от ясашных зборщиков остался и живет там своевольно, и велел оным служивым на Большой реке острог построить… которые, пришед на Большую реку, той же осени ясашную и казенный анбар и зимовья построили". Точная датировка постройки острога наводит на мысль, что Крашенинников при написании данного эпизода использовал сохранившиеся к его времени в камчатских острогах архивные документы.

Вместе с тем конкретизация Крашенинниковым обстоятельств постройки Большерецкого острога заставляет обозначить две проблемы. Во-первых, если на р. Большой уже проживал "своевольно" некий Данила Беляев (вероятно, крещенный иноземец Имикыз (нет! Якутский казак. — *С.В.*), то не имелось ли там к приходу посланцев Многогрешного какое-то зимовье, поставленное прежде ясачными сборщиками. Во-вторых, сам Многогрешный, отправив "строителей" на Большую реку, в том же августе 1704 г. (1703 года. — *С.В.*) уехал с Камчатки. К моменту его отъезда острог еще не был возведен. Об этом свидетельствует не только сообщение Крашенинникова об окончании постройки осенью 1704 г., но и тот факт, что, уезжая с Камчатки Многогрешный оставил временных управителей — закащиков в Верхнекамчатском и Нижнекамчатском острогах. В Большерецкий же он никого не послал, поскольку того еще не существовало (на самом деле оставил приказчика Дмитрия Ярыгина. — *С.В.*). Соответственно, получается, что Многогрешного можно считать только инициатором строительства Большерецкого острога, но не его основателем. При этом точное местоположение первого поселения неизвестно, по некоторым сведениям, он был поставлен на р. Большой в 50 верстах от ее устья.

К сожалению, такие известные историки Камчатки, как И.И. Огрызко, Б.П. Полевой и Е.П. Орлова, невнимательно в данном вопросе прочитывая Крашенинникова, но, ссылаясь на него, датой основания Большерецкого острога считали 1703 г., причем Огрызко и Орлова его основателем назвали М.З. Многогрешного. Более осторожно высказывалась Г.А. Леонтьева, отнеся строительство к 1703–1704 гг., но все равно в период управления Камчаткой Многогрешным (и это правильно. — *С.В.*).

Совершенно ошибочным является отнесение строительства Большерецка к 1705–1706 гг., как это дано в работах А.С. Сгибнева, А.И. Алексеева и Ф.Г. Сафронова. Два последних ссылались на первого, но откуда тот взял эту дату, неизвестно. Вероятно, его ввела в заблуждение грамота Сибирского приказа от 9 марта 1709 г. о производстве бывшего в 1704–1706 гг. камчатским приказчиком В.М. Колесова в дворяне по московскому списку, в которой, на основании челобитной самого Колесова, сообщалось, что он "на Большой реке построил зимовье для ясашного збору". Почему же сам Колесов приписал себе строительство Большерецкого зимовья, можно только догадываться. Скорее всего, он, ради преувеличения своих заслуг, "строительством" назвал реконструкцию (ремонт) уже бывшего на Большой реке зимовья.

В 1707 г. Большерецкий острог подвергся нападению ительменов и был ими сожжен. Его восстановил в конце апреля – начале мая 1711 г. Д. Анциферов, возглавлявший отряд взбунтовавшихся камчатских казаков. На этот раз, согласно данным Крашенинникова, укрепление было воздвигнуто ниже по реке от прежнего сожженного острога, на месте разбитого казаками ительменского Кушугина острожка, на правой (северной) стороне р. Большой между впадающими в нее речками Быстрой и Гольцовкой, в 33 верстах от моря. По данным Г.В. Стеллера, острог стоял "на северном берегу Большой реки, там, где последняя, разветвляясь на рукава, образует ряд больших островов". Казаки поставили "острог земленой, в нем ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стаялой бревенчатой". Судя по этому скупому описанию, укрепления представляли собой земляной вал, по гребню которого был вкопан частокол (так называемый "земляной город"). Не исключено, что при строительстве казаки частично использовали укрепления Кушугина острожка.

20–21 мая 1711 г. только что построенный острог успешно выдержал осаду ительменов. А в 1715 г. временно исполняющий обязанности камчатского приказчика И. Козыревский перестроил укрепления, поставив бревенчатый тын. В 1723 г., согласно "росписному списку", Большерецк выглядел следующим образом: "острог деревянный, стоячей тын, на западном углу казенный амбар, в середине приказная изба, на севере аманатская казенка, в которой аманатов 5; две медные пушки, казаков 40 человек". В. Беринг в 1727 г. насчитал "при оном остроге русского жилья 14 дворов"».

Ф.Г. Сафронов «Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побе-

режий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил» [Хабаровск, 1988].

«Большерецк. …После отъезда Колесова в 1707 г. на зимовье напали большерецкие ительмены, побили находившихся там казаков, “зборную ясачную казну разграбили”, зимовье сожгли. Оно было восстановлено в 1711 г., тоже по р. Большой, на правом ее берегу, но немного ниже — в 30 верстах от моря, в виде укрепленного острога.

Большерецкий острог стал одним из важнейших на Камчатском полуострове. Основали его казаки (во главе с И. Козыревским и Д. Анциферовым), в 1711 г. убившие Владимира Атласова и еще двух представителей воеводского правления. Стараясь как-то загладить свою вину, они подавили волнение большерецких камчадалов, пошли на р. Большую, взяли один камчадальский острожек и “острог земляной построили (то есть острог, окруженный земляным валом), а в нем ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стоячей, бревенчатой”.

В расписном списке 1723 г. читаем: “Острог деревянный, стоячей тын, на западном углу казенный амбар, в середине приказная изба, на севере аманатская казенка, в которой аманатов 5; две медные пушки, казаков 40 человек”.

Маленьким поселением выглядел острог и в 1731 г. С.П Крашенинников, изучавший почвенно-климатические условия Камчатки и в различных частях полуострова проводивший опытные посевы хлебов, неоднократно сеял ячмень и в районе этого острога. О последнем посеве ячменя он писал: ”…Вышиною, густотою и величиною колосьев был токмо приятным позорищем (то есть зрелищем. — *Ф.С.*), ибо вышина его была больше полутора аршина, колосы больше четверти, а другой пользы ни мне, ни другим не учинилось, потому что за ранними заморозками, которые в начале августа почти непременно начинаются, позяб, будучи в цвете и наливании”.

С 1740 г. Большерецк становится своеобразной “столицей” Камчатского полуострова: здесь располагается постоянная резиденция камчатских командиров. И это вплоть до 1803 г., когда была образована самостоятельная Камчатская область. В эти годы Большерецк растет. Судя по “Краткому о Камчатке объяснению” командира Т.И. Шмалева от 1773 г., крепостные сооружения к тому времени исчезли: нужда в них отпала. Кроме разных строений (канцелярии, командирского дома, кладовых, амбаров и т. д.), поселок насчитывал 41 обывательский дом и 23 купеческих лавки. Жителями его были обыватели (“подушные плательщики“), духовные и воинские чины (они находились здесь в течение многих лет). В конце XVIII – начале XIX в., например, в поселке стояла рота из 93 солдат.

С 1803 г. Большерецк — рядовой поселок. О нем больше не пишут, что он имеет “главную команду” над Тигильском, Нижнекамчатском и Верхнекамчатском.

Во время посещения поселка В.М. Головниным в 1810 г. в нем, кроме церкви, казенных домов и амбаров, было только около 20 обывательских домов со 150 жителями. Исследователь отметил, что здесь “хорошо родится обыкновенная огородная зелень и множество полевых ягод”. Большерецк в дальнейшем почти не рос.

Даже спустя 100 лет он оставался таким же, каким его видел В.М. Головнин. В 1909 г. в нем было всего 19 домов, “ряд высоких балаганов” и старая церковь».

Большерецкие казаки, погибшие вместе с Данилой Яковлевым сыном Анцыферовым Томским в 1712 году на р. Аваче (Пиничево) — участники казачьего бунта 1711 года и убийства камчатских приказчиков Осипа Миронова сына Липина, Владимира Владимирова сына Атласова и Петра Андреева сына Чирикова:

Анцыферов Данила	Обрезков Михайла
Посников Алексей	Микин Федор
Болшаков Степан	Мунгал Лука
Томской Дмитрей	Дюков Матвей
Шабалин Иван	Мылников Иван
Томской Сергей	Баршувов Ермола
Смольянинов Иван	Коромыслов Тимофей
Савинский Лука	Хоткан Григорей
Двойкин Обросим	Протопопов Иван
Башмаков Иван	Михайлов Алексей
Орлов Осип	Пешков Иван
Ярвов (Ярков) Иван	Катасонов Павел

Непосредственные участники убийства камчатских приказчиков:

Барашков Василий Андреевич — его убил на Большой реке Харитон Березин,

Шибан Григорий — отрублены два пальца на левой руке и бит на козле кнутом, а затем казнен на плахе,

Березин Харитон — отрублены два пальца на левой руке и бит на козле кнутом, затем за убийство Барашкова повешен,

[Наянов] Петровых Андрей — отрублены два пальца на левой руке и бит на козле кнутом.

Перепись 1722/1748 гг.

Книга переписная умершего, беглого, сданного в рекруты, посланного в экспедиции и другого убылого населения г. Якутска и Якутского уезда (посадские люди, разночинцы, государственные крестьяне, монастырские служители) [предположительно 1748 года] без начала и конца

(л. 116)

Большерецкого острогу
Разночинцы
3184 Леонтеи Оловенников
3185 у него сын Иван
3186 новокрещеные Андрей Ломов
3187 Алексеи Алексеев
3188 Кондратеи Колокольников
3189 у него брат Лука
Михаила Лепихина племянники
3190 Фома
3191 Михаило
3192 Семен Щеголев

3193 у него сын Василей
3194 да вскормленник ево Василей Ефимов
3195 казачьи дети Григорей Лапин
3196 у него брат Иван
3197 Василей Бережных
3198 Михаило Торговкин
3199 у него сын Илья

(л. 116 об.)

3200 Захар Дровосеков
3201 Афанасеи Краснояр
3202 у него сын Михаило
3203 Иван Ярковцов
3204 Данило Абаламов
3205 у него сын Семен
3206 казачьи дети Василей Посников
3207 у него братья Петр
3208 Дмитрей
3209 Степан Брусов
3210 Савы Тимофеева кресной сын Прокопеи
3211 Семен Хмылев
3212 Иван Белков
3213 Дмитрея Попова дети Семен
3214 Степан
3215 да вскормленник Козьма
3216 Никифор Хлестов

(л. 117)

3217 у него сын Иван
3218 Петр Горносталев
3219 Иван Реутин
3220 у него сын Ефим
3221 Лука Наседкин
3222 Алексеи Черных
3223 Иван Мутовин
3224 у него сын Алексеи
3225 Семен Андреев сын Наямов
3226 Иван Сермин
3227 Петра Евлампьева сын Михаило
3228 Андреи Балданов
3229 Ивана Нечаева сын Тихон
3230 Иван Беломоин
3231 Петр Шумков
3232 Иван Вялков
3233 Федор Лобанов
3234 Григорей Свинтун

(л. 117 об.)

3235 у него сын Григореи
3236 Гарасим Яковлев сын Копосов
3237 Артемеи Петров
3238 Михаило Дружинин
3239 Михаило Лепихин
3240 Лука Трескин
3241 сын боярской Алексеи Еремеевых
3242 Григореи Томилов
3243 Михаило Кобычев
3244 Федор Слободчиков
3245 Тимофеи Гусельников
3246 Семен Ямшанов
3247 Никита Колмаков
3248 Иван Богомолов
3249 Сава Тимофеев
3250 Дмитреи Попов
3251 Иван Репин
3252 Анфим Борисовых
3253 Иван Оставьев

(л. 118)

3254 Алексеи Икорников
3255 Иван Шапошников
3256 Петр Арлапиев
3257 Иван Нечаев
3258 Михаило Ушицын
3259 Осип Туман
3260 Григореи Тюшев
3261 Иван Глухих
3262 Яков Барцов
3263 Андреи Иванов сын Берескин
3264 Семен Алексеев сын Путилов
Итого восемьдесят одна душа

Тогож острогу дворовые

3265 Алексея Еремеева Семен
3266 некрещеные Итач
3267 Маич
3268 Укита

(л. 118 об.)

3269 Балобан
3270 Канач
3271 Леонтья Оловенникова дворовой Щочка
3272 Кондратья Колокольникова дворовые некрещеные Кенюга
3273 Карымча
3274 Киврич
3275 Мгат
3276 Ченава
3277 Шаишама
3278 Сучея
3279 Синук
3280 Чекава
3281 Кыкша
3282 Михаила Лепехина племянника ево Фомы дворовые Артемей
3283 у него сын Никита
3284 некрещеные Конаш
3285 Тивач

(л. 119)

3286 Чекови
3287 Тава
3288 Кулеижа
3289 Брюкач
3290 Намакша
3291 крещеной Яков
3292 некрещеной Ушкамой
Семена Щеголева дворовые
3293 некрещеные Кашея
3294 Апача
3295 казачья сына Григорья Лапина дворовые некрещеные Кыкка
3296 Каихо
3297 Тыльноко
3298 Хомиакос
3299 Токоло
3300 Нашея
3301 Хобин
3302 Кунча
3303 Ивашко

(л. 119 об.)

Михаила Торговкина дворовые

3304 Григорей
3305 Андреи
3306 некрещеные Сения
3307 Ихавачикава
3308 Мекушко
3309 Курюмча

Афанасья Красноярова дворовые

3310 Андреи
3311 некрещеные Леутко
3312 Тоноч
Федора Слободчикова дворовые
3313 некрещеные Чюкшуга
3314 Чамач
3315 Ивана Ярковцова дворовые Качия
Тимофея Пчелникова дворовые
3316 Прокопеи
3317 некрещеной Кшенга

(л. 120)

Данила Абаламова дворовые
3318 некрещеные Халуч
3319 Аюч
3320 Огин
3321 Щокчак
3322 Синушкоч
3323 Халуч он же Чамач
Казачья сына Василья Посникова
3324 дворовые Прохор
3325 Лука
3326 некрещеные Хоимет
3327 Охоня
Савы Тимофеева кресного ево сына дворовые Богороцкие
3328 крещеные Василий
3329 Иван
3330 некрещеной Конко
3331 Назара Колесова некрещеной дворовой Бырчач

(л. 120 об.)

3332 Семена Попова дворовые некрещеные Атач
Степана Борисовых дворовые
3333 некрещеные Калмат
3334 Тихая
Ивана Аставьява дворовые
3335 Григорей
3336 некрещеной Апака
3337 Секушкасо
Никифора Хлестова дворовые
3338 некрещеные Аюч
3339 Хомоч
3340 Алексея Черных дворовые Петр
3341 Василеи
3342 некрещеные Кшенюга
3343 Пьяной
3344 Похмелной
3345 Заброда
3346 Ушка

(л. 121)

3347 Колпак
3348 Мчат
3349 Кивач
3350 Катыя
3351 Курюмга
Семена Андреева сына Наянова
3352 дворовые Григореи
3353 Филип
3354 у Филипа сын некрещеной Ивашко
3355 некрещеные Урвач
3356 Секач
3357 Каханок
3358 Икбинеч
3359 Киурич
3360 Накач
3361 Иличька
3362 Андрея Баландова дворовые некрещеные Ломта
3363 Мгач

(л. 121 об.)

Ивана Беломоина дворовые
3364 некрещеные Карчича
3365 Тыкач
3366 Кынгыча
Ивана Бутина жены ево
3367 дворовои Ама
3368 Мулькунжа
3369 Ефим
3370 Осталец
3371 Талач
Итого сто семь душ
[РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194]

Большерецкий острог, 1852 год

Отставные казаки: Тихонов Андрей Евстафьевич (1800 г. р.), Черных Трифон Алексеевич (1797 г. р.).

Дети умершего казака Манакова. Неслужащие: Фавст – 19 лет, Поликарп – 11.

[РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1, Д. 16]

НИЖНЕКАМЧАТСКИЙ ОСТРОГ

Зуев А.С. «Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века»

«Первоначально был основан Владимиром Атласовым осенью 1697 г. как зимовье (Еловское), вероятно, в устье р. Еловки, впадающей в р. Камчатку. Прибывший в 1702 г. на полуостров первый камчатский приказчик Тимофей Кобелев отстроил зимовье заново. Однако непонятно, сделал ли это он сам, или по его указанию служилые люди. С.П. Крашенинников сообщал, что Кобелев в 1704 г., возвращаясь с Камчатки, оставил на устье р. Еловки несколько человек "вольницы" и "велел им зимовья построить и ясак збирать с шантальских иноземцов". Новый приказчик Михаил Зиновьевич Многогрешный (Черкашенин) весной 1704 г., возвращаясь из похода к устью Камчатки, "ясашную избу и зимовья с Еловки реки" перенес на р. Камчатку и "завел острог немного выше ключей, а ниже Еловки расстоянием верст с 5", т. е. между местечком Ключи (северное подножие Ключевского вулкана) и речкой Еловка. Ряд исследователей ошибочно называл и другие даты переноса зимовья с Еловки к Ключам: 1702 или 1703 г., присваивая при этом Многогрешному лавры первооснователя Нижнекамчатского острога (если речь об остроге, то он основан по приказу Многогрешного, остроги и зимовья — разные строения и размещались в разных местах на больших расстояниях друг от друга. — *С.В.*).

…Сменивший Многогрешного Василий Михайлович Колесов, в свою бытность приказчиком на Камчатке с сентября 1704 по май 1706 г., реконструировал острог: "построил козельчатой же острог мерою кругом тритцать сажень, в вышину полтретьи сажени". Однако место под

острог оказалось выбрано неудачно и периодически затапливалось во время разлива реки. В 1713 г. его жители жаловались: “в Нижнем Камчадалском остроге, где поставлен Нижней Камчадалской острог и ясашное зимовье и дворы служилых людей, и то де место повсегодно топит водою, и вода де на том месте бывает от земли в вышину в аршин и в иных местех и в полтора аршина, и стоит та вода в Нижнем Камчадалском недель по пяти и по шти”.

В ответ на эту челобитную приказчик, а им опять в 1712–1713 гг. был В. Колесов, решил перенести строения на три версты ниже по р. Камчатке ближе к Ключам. Эту задумку осуществил приказчик в 1713–1714 гг. Иван Енисейский. При нем на Ключах (близ устья речки Уачхачь) был построен новый острог, причем вместо прежних стен, “составленных из тонких жердей козельчатых, подобных огородному частоколу”, поставили тыновые бревенчатые стены. В 4–5 верстах ниже острога по р. Камчатке, на речке Ключовка, была воздвигнута церковь во имя Николая Мирликийского Чудотворца, первая на Камчатке. С.П. Крашенинников в одном месте своего “Описания земли Камчатки” упоминает, что новый острог “заведен был от Андрея Кутьина”, т. е., возможно, именно последний был непосредственным руководителем строительства.

Нижнекамчатский острог (“острог Камчацкой на Ключах“) встречается на “Чертеже вновь Камчадальские земли” С.У. Ремезова (после 1706 г.), “Чертеже похода И. Козыревского” (1713 г.), “Якутской карте” Ф. Бейтона (1710–1711 гг.), “Карте Восточной Сибири от Лены до Камчатки” (около 1726 г.).

В 1723 г. в остроге имелись ясачная изба, аманатская казенка, амбары. Укрепления представляли собой “стоячий тын” с одной башней над проезжими воротами. Рядом с острогом и церковью стояло несколько десятков жилых дворов. В 1727 г., по данным В. Беринга, непосредственно около острога располагалось “дворов з 50, да в другом месте, где церковь, дворов с 15”.

Но и на этом месте острог по-прежнему по весне заливался водой. В мае 1726 г. нижнекамчатские служилые переправили в Якутск прошение, в котором сообщали: “В прежних годах от Нижнекамчатского острога вниз по р. Камчатке версты с 4 построена в урочище Ключах вновь церковь Николая Чудотворца, а мы живем в Нижнекамчатске от церкви в дальности вверх по Камчатке и без указу сплавить казенные и наши дворы к церкви не смеем; а где ныне острог, ясачное зимовье и наши дворы место низкое, вешнею водою топит и в воде жилье стоит недель по шести; а на ключах Никольской церкви место высокое и по сему повелено б острог, ясачную избу и наши домы туда переплавить”. Очередной перенос и перестройка острога произошли после 1731 г. (В 1731 г. Нижнекамчатский острог на Ключах был уничтожен восставшими камчадалами. В 1736/37 гг. построен новый Нижнекамчатский острог в 47 километрах от устья реки Камчатки на ее притоке — реке Радуге. — *С.В.*)».

Ф.Г. Сафронов «Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил» [Хабаровск, 1988].

«Нижнекамчатск. …В 1723 г. на этом месте был “стоячий тын, и в нем на полдень (то есть на южной стороне) изба ясачная, на запад аманатская изба с 11 аманатами, башня над воротами, амбары, судовые припасы”. Жителей значилось: сын боярский, 80 казаков, 9 промышленников. В остроге стояло две пушки. За стенами острога в 1728 г. размещалось около 50 домов.

В 1731 г. этот острог был сожжен восставшими ительменами “купно с церковью и со всем строением”. Его восстановили в 1736 г. при приказчике В. Мерлине, но уже на новом месте — на левом берегу Камчатки, ниже прежнего, “с башнею о четырех житьях” (то есть 4 этажа).

В 1773 г. внутри крепости находились церковь, приказная изба, казенные кладовые, амбары, за крепостью — еще одна церковь, дома командиров и обывателей, в которых жили духовные лица, воинские чины и “подушные плательщики”. “У духовных считается Нижней за главное место, где протопоп со свитою, коему и запас по всей Камчатке поручен”, — писал Тимофей Шмалев в 1773 г.

В 1783 г. Нижнекамчатск стал центром Нижнекамчатского уезда Охотской области — то есть всего Камчатского полуострова. Поэтому до 1803 г., когда была образована Камчатская область с центром в Верхнекамчатске, здесь находилось местопребывание городничего со всем его штатом. Кроме того, в конце XVIII – начале XIX в. здесь квартировали 219 солдат двух гарнизонных рот.

В 1810 г. в Нижнекамчатске были деревянные церкви, около сотни “домишек и избушек”, разбросанных вдоль берега реки. Уездныйй центр имел свой герб, утвержденный императором еще в октябре 1790 г.: в нижней части щита (верхнюю его часть занимал иркутский герб) в голубом поле изображен кит — “в знак того, что у сего города в океане много их находится”.

…Нижнекамчатский острог сыграл выдающуюся роль в открытии и присоединении к России Алеутских островов и северо-западной части Американского материка. В 1728 г. отсюда, из устья Камчатки, вышел бот “Святой Гавриил”. На север, вдоль восточного побережья Камчатского полуострова и Чукотки, отправилась на нем экспедиция во главе с В.И. Берингом. С середины 1740-х гг. Нижнекамчатск стал (наряду с Охотском) базой изучения и хозяйственного освоения новых земель. Купцы и промышленники, собираясь в походы и экспедиции, здесь строили свои суда — боты. На этих судах, сработанных не судостроительными мастерами, а лишь немного освоившими судостроительную технику того времени людьми, они успешно бороздили воды Тихого океана и много способствовали расширению пределов Российского государства на Востоке».

В 1712 году верхнекамчатские казаки во главе со своим приказчиком Константином Киргизовым напали на казаков Нижнекамчатского острога и ограбили их. Часть нижнекамчатских казаков пристала к грабителям (но не все по своей воле):

К Кыргызову пристали 18 жителей Нижнекамчатска

Иконников Петр
Серебренин Матвей
Попов Дмитрей
Кобычев Михайло
Чюркин Алексей
Попов Петр
Рассадников Андрей
Кисиных Филип
Токуяк Степан
Тюшев Григорей
Тимофеев Сава
Лебедев Иван — из-за угроз и мучений
Колоколников Степан
Аврамов Агапит
Зорно Степан
Марков Тимофей

Перепись 1722/1748 гг.

Книга переписная умершего, беглого, сданного в рекруты, посланного в экспедиции и другого убылого населения г. Якутска и Якутского уезда (посадские люди, разночинцы, государственные крестьяне, монастырские служители) [предположительно 1748 года] без начала и конца

Камчадалского острогу
Манастырские слушки
У еромонаха Варлаама дворовые люди

2495 Иван
2496 Григорей
2497 Василей
2498 Алексей
2499 Никита
2500 Яков
2501 молитвенные Василей
2502 у него сын Петр
2503 некрещеные Канач
2504 у него сын Андрюшка
2505 бывшаго архимандрита Мартемиана дворовые Данило
2506 Тавач

(л. 91)

2507 Семен Малышев
2508 Елисей Долгополов
2509 Петр Кожан
2510 Пимин Быков
2511 Мосей Крюков
2512 казачьи дети Лука Ярыгин
2513 Василей
2514 Леонтей
2515 Петр

Казачьи дети в манастыре прикладные

2516 Денис
2517 Иван
2518 Алексей
2519 Григорей
2520 Михаило

(л. 91 об.)

2521 Ермон
2522 Савин
2523 Иван
2524 Яков
2525 Кирило
2526 Иван
2527 Алексей
2528 Петр
2529 Михаило
2530 Алексей
2531 Василей молитвенной
2532 некрещеные Шеман
2533 Карын
2534 Аншкача
2535 Шаман
2536 Балда
2537 Моторка

(л. 92)

2538 Петрушка
2539 Олошка
2540 Начика
2541 Офонька
Итого сорок семь душ

Разночинцы

2542 Андрей Марамыгин
2543 Трофим Обрамовых
2544 Ильи Софрыгина сын Степан
2545 Петра Чижевского дети Козьма
2546 Алексей
2547 Михаило Кырасов
2548 у него сын Федор
2549 Василей Петров сын Студенцов

(л. 92 об.)

2550 у него сын Дмитрей
2551 Федор Москвитинов
2552 у него пасынки Степан
2553 Никита
2554 Сила
2555 казачьи дети Федор
2556 Семен
2557 Иван
2558 Матвей Серебреников
2559 у него брат Петр
2560 у него ж дети Егор
2561 Марко
2562 Иван
2563 Осип Токуин
2564 Ивана Обуховского пасынки Кирило
2565 Иван
2566 Федора Панова сын Иван
2567 Алексея Колычева дети Василей

(л. 93)

2568 Иван
2569 Семен
2570 Осип
2571 Петр
2572 Иван
2573 Федора Соболева сын Иван
2574 новокрещен Костентин Шевырин
2575 Лука Бурцов
2576 Яков Тугобезменов
2577 Алексей Калканов
2578 Андрея Михайлова сын Андрей
2579 Иван Петров сын Убиенных
2580 Иван Сергеевых

2581 Алексей Сергеевых
2582 Луки Курсина дети Прокопей
2583 Михаило
2584 Андрей Поротов
2585 Иван Заев

(л. 93 об.)

2586 Григорей Кыштымов
2587 казачьи дети Яков Колопков
2588 Данило Колопков
2589 Евсевья Чирышева сын Петр
2590 Петр Неворотов
2591 Данило Неворотов
2592 Иван Белослуд
2593 Василей Зеленовскои
2594 Прокопей Зеленовскои
2595 Яков Зеленовскои
2596 Степан Власов
2597 Костентин Литвинцов
2598 Илья Багуи
2599 у него дети Андрей
2600 Михаило
2601 Иван
2602 внук Алексей
2603 у него ж казачьи сын Алексеи
2604 Родион Кузнецов
2605 у него сын Никита

(л. 94)

2606 Обросима Сорокоумова дети Василей
2607 Иван
2608 Козьма Варганов
2609 у него племянник Савин
2610 Алексея Кузнецова сын Иван
2611 Петра Саранчина сын Алексей
2612 Ивана Буторина дети Степан
2613 Андрей
2614 Тимофей Марков
2615 у него сын Еремей
2616 Иван Мешков
2617 у него брат Федор
2618 Андрей Федоров Орел
2619 Якова Мурзинцова дети Александр
2620 Игнатей
2621 Федор Горохов

(л. 94 об.)

2622 Гаврило Чюдинова пасынок Петр
2623 Ивана Варганова дети Федор
2624 Алексей
2625 Петр Куклин
2626 у него брат Семен
2627 у него ж сын Осип
2628 Петр Назаровых
2629 Семена Минюхина сын Семен
2630 Михаила Курдюмского дети Василей
2631 Петр
2632 Алексей Алексеев сын Еремеевых
2633 Алексея Чюркина сын Нефед
2634 Никита Котковской
2635 Федора Бабарыгина пасынок Дмитрей
2636 Иван Прокопьев сын Гагарин

(л. 95)

2637 казачьей сын Максим
2638 Алексея Малахова сын Василей
2639 Ивана Панкарина дети Осип
2640 Илья
2641 пасынок Алексей
2642 казачей сын Егор
2643 Федосей Комаров
2644 у него сын Костентин
2645 у него пасынок Макар
2646 Алексей Верещагин
2647 Иван Кучюмов
2648 Иван Васильев
2649 казачей сын Никита
2650 Иван Соболев
2651 Тимофей Месников
2652 Петр Пилюев

(л. 95 об.)

2653 Тимофея Мельникова пасынок Осип
2654 у него сын Макар
2655 Василей Халевин
2656 Григорей Пастухов
2657 у него пасынки Иван
2658 Леонтей
2659 Прокопей Месихин
2660 у него сын Петр
2661 Григорей Уваров
2662 Еремей Захаров
2663 Спиридон Перебикин
2664 Андрей Курбатов
2665 Василей Иванов сын Кисикеев

(л. 96)

2666 Егор Вежливцов
2667 Афанасей Петров
2668 Степан Саблин
2669 Василей Мохнаткин
2670 Бориса Соловарова дети Андрей
2671 некрещеной Суботка
2672 Емельян Баеш
2673 у него сын Яков
2674 казачей сын Василей
2675 Якова Лазарева пасынок Семен
2676 Яков Монгал
2677 казачей сын Петр Березин
2678 Иван Петров сын Собольков
2679 у него сын Семен
2680 новокрещен Яков Шипицын

(л. 96 об.)

2681 новокрещеные Василей Васильев сын Чемесов
2682 у него брат Василей
2683 Федор Кисикеев
2684 новокрещен Федор Мешков
2685 Анисима Бурнина сын Никита

Камчадалского острогу служилые

2686 сын боярской Петр Чижевской
2687 Гаврила Луковцов
2688 Илья Софрыгин
2689 Иван Обуховской

(л. 97)

2690 Федор Панов
2691 Алексей Колычев
2692 Иван Глинской
2693 Иван Никулин
2694 Дмитрей Болотов
2695 Андрей Михаилов
2696 Михаило Менкин
2697 Павел Ларионов
2698 Михайло Околтышев
2699 Лука Курсин
2700 Иван Сидоровых
2701 Михайло Заев
2702 Евсевей Черышев

2703 Матвей Салауров

(л. 97 об.)

2704 камчадалской породы новокрещен Козьма Васильев сын Колесов
2705 у него сын Василей
2706 у него пасынки Андрей
2707 Петр
2708 Григорей Силин
2709 Степан Власов
2710 Семен Островских
2711 Обросим Сорокоумов
2712 Алексей Кузнецов
2713 Петр Саранчин
2714 Иван Буторин
2715 Яков Табаков
2716 Тимофей Инешин
2717 Яков Мурзинцов
2718 драгун Иван Варганов

(л. 98)

2719 Семен Минюхин
2720 Никифор Суклемской
2721 Михаило Курдюмской
2722 Семен Костин
2723 Алексей Чюркин
2724 Федор Бабарыкин
2725 Кондратей Карпов
2726 Григорей Гагарин
2727 у него брат Григорей же
2728 Алексей Малахов
2729 Алексей Колмогоров
2730 Иван Панкарин
2731 Иван Кобычев
2732 Петр Гуторов

(л. 98 об.)

2733 Дмитрей Новогородов
2734 Григорей Попов
2735 Захар Осколков
2736 драгун Александр Змиев
2737 Осип Дернов
2738 Василей Мохнаткин
2739 Борис Соловаров
2740 Ананья Тюхов
2741 драгун Михаило Мезенцов
2742 драгун Сава Чизухин
2743 новокрещен Тюшал
2744 Яков Лазарец
2745 Андрей Воронин
2746 Сава Наумов
2747 Леонтей Шанюшкин
2748 Спиридон Ильиных

(л. 99)

2749 новокрещен Анисим Буркин
Итого двести восемь душ
Дворовые
Михаила Кырасова дворовые
2750 Отом
2751 у него сын Олока
2752 Кумач
2753 Киткат
2754 Кунже
2755 Харнач
2756 Карымча
2757 Василья Студенцова дворовой Степан
2758 Федора Москвитина дворовые Харача
2759 Наюнко
2760 Олока
2761 крещеной Григорей

(л. 99 об.)

2762 Матвея Серебреникова дворовые Родион
2763 некрещеные Кипуч
2764 Брюч
2765 Курюмча
2766 Камакач
2767 Урил
2768 Нивгат
2769 Ката
2770 крещеной Семен
У Осипа Токуина дворовые некрещеные
2771 Торгач
2772 Апаул
2773 Ивана Обухова дворовые Игнатей
2774 некрещеные Калач
2775 Копит
2776 Мыкыч
2777 Алексея Колычева дворовые Никита

(л. 100)

2778 у него сын Иван
2779 некрещеные Карымча
2780 Лехтач
2781 Хобин
2782 Шайча
2783 Чтач
2784 у Федора Соболева дворовой Хуруча
2785 у Костентина Шевырина дворовой Кыгыл
2786 у Якова Тугобезменова дворовые Ефим
2787 Василей
2788 Дмитрей
2789 некрещеные Паюч
2790 Хамач
2791 Луки Катканова дворовой Ганалай
2792 Ивана Микулина дворовые Купай
2793 Кана

(л. 100 об.)

2794 Андрей Михаилова дворовые некрещеные Кашич
2795 Ангач
2796 Тонол
2797 Ивана Убиенного дворовой Тамалай
2798 Лыхальча
2799 Орюча
2800 Танулча
2801 Павла Ларионова дворовые Дмитрей
2802 некрещеной Тавач
2803 Михаила Околтышева дворовые Кашич
2804 Хуева
2805 Курва
2806 Луки Курсина дворовые Аверкий молитвенной
2807 некрещеной Канахач
2808 Андрея Торопова дворовой Ларион молитвенной
2809 Ивана Сидорова дворовой некрещеной Вукои

(л. 101)

2810 Григорья Кыштымова дворовые Федосей
2811 Иван
2812 некрещеные Кутнас
2813 Лога
2814 у него сын Арканач

2815 Валагит
2816 Петра Неворотова дворовые Иван
2817 некрещеные Кучина
2818 у него сын Степан молитвенной
2819 Канач
2820 Иман
2821 Ялтин
2822 Матвея Салаурова дворовые некрещеные Кобин
2823 Ерваган
2824 Кельтяка
2825 Канач

(л. 101 об.)

2826 Василья Зеленовского дворовые Урил
2827 Ина
2828 Степана Власова дворовые некрещеные Чочо
2829 Кучел
2830 Апаул
2831 Гылкига
2832 Чилак
2833 Петра Литвинцова дворовые некрещеной Шенека
2834 крещеной Федор
2835 Ильи Багуя холопи некрещеные Огин
2836 Ликшуга
2837 Люлюкав
2838 Григорья Силина дворовые некрещеные Шахай
2839 Кыкша
2840 Родиона Кузнецова дворовые некрещеные Начика
2841 Харуга
2842 Иноч

(л. 102)

2843 Обросима Сорокоумова дворовые некрещеные Апаул
2844 Пишнин
2845 Козьмы Варганова дворовые Никита
2846 некрещеные Кушуга
2847 Чанют
2848 Кондрашка
2849 Кашич
2850 племянники ево некрещеные Скатымаш
2851 Какай
2852 Алексея Кузнецова дворовые некрещеные Начика
2853 Коипак
2854 Холунвгин
2855 Петра Саранчина дворовой некрещеной Хобин
2856 Ивана Буторина дворовые некрещеные Ломалко
2857 Кашич

(л. 102 об.)

2858 Якова Тобакова дворовой некрещеной Кашич
2859 промышленного Якова Басина дворовые крещеные Иван
2860 Петр
2861 Дмитрей
2862 Нестер
2863 Василей
2864 Огин
2865 Начика
2866 Лыжилча
2867 Литуга
2868 Чараткана
2869 Огин
2870 Хобин

(л. 103)

2871 Ивана Мешкова дворовые некрещеные Тольхой
2872 Такол
2873 Гывилга
2874 Вакоч
2875 Умершаго Мартемияна дворовой Василей
2876 Якова Мурзинцова дворовые некрещеные Нукучька
2877 Хобин
2878 Инурга
2879 Кытта
2880 Гаврила Чюдинова дворовой некрещеной Тобеуч
2881 Ивана Варганова дворовые некрещеные Берися
2882 Чанчак
2883 Петра Куклина дворовой некрещеной Качикай
2884 Семена Минюхина дворовые некрещеные Канач
2885 Кунжет
2886 Никиты Суклемского дворовые некрещеные Кумиис

(л. 103 об.)

2887 Апаул
2888 Канахач
2889 казачей сын Иван
2890 Ивана Парилова дворовой некрещеной Хабин
2891 Михайла Курдюмского дворовые некрещеные Канач
2892 Качик
2893 Ирюмля
2894 у него сын Иван
2895 Алексея Чюркина дворовые некрещеные Шочка
2896 Камачка
2897 Агунтач
2898 Дынкобач
2899 Никиты Котковского дворовые некрещеные Эвгянчан
2900 Чимаха

(л. 104)

2901 Федора Бабарыкина дворовые некрещеные Анитота
2902 у него сын Быргач
2903 Ивана Прокопьева дворовой Володимер
2904 промышленного Никиты Крахалева дворовые некрещеные Харкач
2905 Чегеч
2906 Кобин
2907 Конохач
2908 Чикавуй
2909 Ломта
2910 Талли
2911 Ченан
2912 Сенач
2913 Умич
2914 Углан

(л. 104 об.)
2915 Алексея Колмогорова дворовые некрещеные Тадич
2916 Аком
2917 Лехтяж
2918 Колпака
2919 сын ево Степан
Промышленного Аники Баташкова дворовые крещеные
2920 Егор
2921 Алексей
2922 Уемтина
2923 Кинач
2924 Семака
2925 Ивана Пайнарина дворовые Сергей
2926 некрещеной Начика
2927 Петра Гуторова дворовые некрещеные Курюмьча
(л. 105)
2928 Харкач
2929 Эвбич
2930 Камич
2931 Дмитрея Новогородова дворовые некрещеные Тарич
2932 Сенич
2933 Василья Халевина дворовой некрещеной Чепрак
2934 Григорья Пастухова дворовой некрещеной Бычегай
2935 Прокопья Месихина дворовые Иван
2936 некрещеные Черной
2937 Укыз
2938 Андрея Курбатова дворовой некрещеной Кенега
2939 промышленного Прокопья Жиркова дворовой Катай
(л. 105 об.)
2940 Егора Вежливцова дворовые Александр
2941 Василей
2942 у него сын Алексей
2943 некрещеные Тавач
2944 Ханич
2945 Митька
2946 Шакашиньча
2947 Шеженя
2948 Тенива
2949 казачей дворовой Никифор молитвенной
2950 Степана Саблина дворовые некрещеные Гытыгыльля
2951 Суханко
2952 Санкоч
2953 Василья Мохнаткина дворовые некрещеные Кумчюла
2954 Комхас
(л. 106)
2955 Бориса Соловарова дворовые Федор
2956 Харитон
2957 некрещеной Сергей
2958 Канач
2959 Ананьи Тюхова дворовой некрещеной Лочак
2960 некрещеные ж Хумыч
2961 Тунгурт
2962 Емельяна Баева дворовой Павел
2963 Суханко
2964 казачья сына Василья дворовые некрещеные Баргач
2965 Инчикиган
2966 Лвуч
2967 Хароч
2968 крещеной Василей
2969 Якова Лазареца дворовые некрещеные Кенега
(л. 106 об.)
2970 Дынеч
2971 Чарагач
2972 Чагага
2973 Ничика
2974 Чирек
2975 посацкого Антипы Чечулинского дворовой Алексей
2976 Якова Монгала дворовой Семен
2977 Федора Мешкова дворовые некрещеные Купа
2978 Аншлова
2979 Анисима Бурина дворовые некрещеные Гырыльча
2980 Тонокука
2981 Лотьканач
2982 Баргач
2983 Ивашко
Итого двести тритцать четыре
(л. 122)
В Нижнем камчацком остроге
Посацкие
3372 Данило Васильев
3373 Агапит Шишкин
3374 у него дети Василей
3375 Василей же
3376 Михаило Обухов
3377 у него дети Дмитрей
3378 Макар
3379 Веденикт
3380 промышленного сын Иван
3381 Яков Басин
3382 у него сын Леонтей
3383 Иван Вырыпаев
3384 у него дети Лука
3385 Семен
3386 Никита Крохалев
(л. 122 об.)
3387 у него дети Федот
3388 Данило
3389 Аника Баташков
3390 Прокопеи Жеровиков
3391 у него сын Василеи
3392 Антипа Чечюлинской
3393 Михаило Жаровиков
3394 у него дети Гарасим
Итого дватцать три души
Того ж острогу разночинцы
3395 новокрещен Матвеи Иконников
Итого одна душа
(л. 123)
Дворовые люди Григорья Кыштомова некрещеные
3396 Жежлия
3397 Толокотан
3398 Григорья Рукавишникова дворовой крещеной Заюки
Прокопья Месихина дворовые
3399 некрещеные Ланитка

3400 Апаул
3401 Толик
Алексея Чюркина дворовые
3402 некрещеные Иуч
3403 Халейто
3404 Василья Пашкова дворовои некрещеной Уимак
3405 Григорья Переломова дворовые некрещеные Кожижга
3406 Пороник
3407 служилого Ильи Базя дворовой Оргачу
Итого двенатцать душ
(л. 123 об.)
Того ж острогу монастырския служки
3408 некрещеные Тавач
3409 Ивашко
Итого две души
[РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194]

Нижнекамчатск, 1812 год.
Воспитанники Камчатского отделения императорского военно-сиротского дома:
Антропов Николай Иванович (1797)
Бачинин Максим Иванович (1798)
Безруков Гаврило Федорович (1795)
Белокопытов Гаврило Иванович (1803)
Бересkин Григорий Афанасьевич (1803)
Бересkин Федор Афанасьевич (1800)
Билых Матвей Андреевич (1796)
Бочкарев Михайло Ксенофонтович (1794)
Бузиков Григорий Прокопьевич (1803)
Бутаков Андрей Павлович (1796)
Вяткин Петр Матвеевич (1803)
Гаврильев Федор Ильич (1793)
Грехов Николай Иванович (1797)
Грехов Семен Иванович (1798)
Дунаев Кирик Алексеевич (1795)
Дуринин Иван Наумович (1803)
Дурынин Пантелей Петрович (1799)
Зимин Василий Ильич (1798)
Зимин Иван Ильич (1795)
Зырянов Роман Андреевич (1801)
Камшигин Константин Иванович (1798)
Киселев Егор Вавилович (1797)
Кожевин Василий Петрович (1799)
Копылов Алексей Иванович (1796)
Копылов Роман Гаврилович (1798)
Копылов Семен Гаврилович (1803)
Корнилов Гаврило Александрович (1798)
Корякин Федор Петрович (1804)
Котовщиков Иван Иванович (1803)
Крупенин Иван Трофимович (1796)
Кузнецов Ефим Андреевич (1795)
Кулешев Ефим Иванович (1804)
Курилов Дмитрий Федорович (1795)
Мамаев Данило Михайлович (1794)
Манаков Гаврило Потапович (1795)
Минюхин Афанасий Иванович (1802)
Мосеев Николай Васильевич (1795)
Мутовин Василий Гаврилович (1803)
Мухин Иван Осипович (1797)
Охлобков Семен Максимович (1794)
Плискеев Осип Корнилович (1793)
Помаскин Григорий Петрович (1796)
Помаскин Кирила Петрович (1795)
Пономарев Феофан Дмитриевич (1799)
Попов Аким Степанович (1793)
Попов Иван Степанович (1798)
Расторгуев Иван Афанасьевич (1797)
Расторгуев Самуил Григорьевич (1795)
Савинский Афанасий Алексеевич (1802)
Северов Прокопий Иванович (1795)
Сереткин Иван Прохорович (1802)
Середкин Степан Прохорович (1797)
Сереткин Яков Васильевич (1798)
Соленой Иван Кирикович (1794)
Соломин Андроник Ильич (1795)
Сысоев Андрей Иванович (1794)
Татаринов Владимир Николаевич (1797)
Темрюков Василий Петрович (1801)
Топорков Андрей Андреевич (1799)
Тувалов Семен Григорьевич (1803)
Уваровский Илья Семенович (1804)
Ушаров Анисим Андреевич (1795)
Филипов Андрей Иванович (1795)
Фирсов Иван Еремеевич (1804)
Холщевников Степан Михайлович (1801)
Чеботнягин Василий Никитич (1798)
Чеботнягин Зиновий Никитич (1796)
Черемной Андрей Иванович (1803)
Черных Козьма Николаевич (1802)
Черных Семен Николаевич (1795)
Чюдинов Петр Николаевич (1802)
Шемаев Прохор Филиппович (1802)
Юрьев Петр Васильевич (1801)
Юрьев Семен Васильевич (1796)
Казаки:
Сотники
Вологдин Алексей Федоров (1764)
Козлов Андрей Родионович (1785)
Мохнаткин Ларион Васильевич (1784)
Попов Василий Иванович (1760)
Пшенников Дмитрий Федорович (1760)
Расторгуев Павел Андреевич (1786)
Сыромятин Осип Родионович (1776)
Чюдинов Иван Петрович (1761)
Пятидесятники
Мухоплев Петр Михайлович (1753)
Низовцов Василий (1761)
Рядовые казаки:
Бочкарев Егор Семенович (1740)
Козлов Родион Кириллович (1754)
Крыков Дмитрий Семенович (1795)
Лазарев Дмитрий Иванович (1796)
Масленников Иван Николаевич (1771)
Месников Дмитрий Леонтьевич (1745)
Минюхин Яков Степанович (1785)
Мохнаткин Андрей Васильев (1794)
Мухоплев Иван Перфильев (1783)
Неворотов Дмитрий Петрович (1797)
Онохов Дементий Петрович (1804)
Онохов Полует Петрович (1800)
Паншин Алексей Семенович (1795)
Паншин Николай Павлович (1783)
Петров Иван Егорович (1790)
Петров Иван Иванович (1800)
Прудецкий Иван Семенович (1804)
Савасьянов Григорий Иванович (1778)
Скребыкин Петр Савин (1776)
Соргучев Михаил Александрович (1766)
Сысоев Егор Ефимов (1765)
Сысоев Петр Павлович (1787)

Расторгуев Анисим Афанасьевич (1795)
Расторгуев Степан Афанасьевич (1796)
Расторгуев Иван Григорьевич (1783)
Расторгуев Иван Иванович (1794)
Фадеев Гаврило Иванович (1775)
Филатов Тимофей Андреевич (1795)
Чюдинов Григорий Иванович (1787)
Чюркин Петр Петрович (1774)
Шамаев Иван Амосович (1781)

Нижнекамчатск, 1813 год — через год после расформирования Сомовского полка.
Казачья команда
Урядник Расторгуев Иван Иванович (1778)
Казаки:
Дюков Егор Андреевич (1792)
Козлов
Лазарев
Минюхин Яков Степанович (1783)
Масленников Иван Григорьевич (1798)
Мохнаткин Андрей Васильевич (1792)
Неворотов Дмитрий Петрович (1792)
Онохов Полуект Петрович (1798)
Онохов Доментий Петрович (1802)
Паншин Николай Иванович (1781)
Петров
Савельев Григорий Иванович (1776)
Скребыкин Петр Савин (1778)
Отставные:
Бочкарев Егор Семенович (1748)
Козлов Родион Кириллович (1752)
Масленников Иван Николаевич (1769)
Мясников Дмитрий Леонтьевич (1753)
Низовцов Василий Григорьевич (1759)
Паншин Алексей Семенович (1787)
Петров Иван Егорович (1788)
Помаскин Петр Осипович (1766)
Попов Василий Иванович (1758)
Пшенников Дмитрий Федорович (1758)
Расторгуев Иван Григорьевич (1781)
Расторгуев Иван Григорьевич (1761)
Расторгуев Павел Андреевич (1784)
Соргучев Михаил Александрович (1764)
Сыромятников Осип Родионович (1777)
Чудинов Григорий Иванович (1785)
Чудинов Иван Петрович (1760)
Военнопосельщики:
Атласов Семен Никитич (1782)
Горохов Гаврило Алексеевич (1776)
Добрынин Василий Васильевич (1771)
Костоломов Михаил Матвеевич (1784)
Масленников Петр Николаевич (1779)
Минюхин Иван Федорович (1779)
Минюхин Стефан Стефанович (1778)
Помаскин Иван Осипович (1780)
Помаскин Киприян Осипович (1775)
Помаскин Семен Осипович (1779)
Расторгуев Самуил Иванович (1793)
Семенов Иван (1777)
Черных Семен Николаевич (1793)
Чудинов Николай Петрович (1782)
Мещане:
Барнашев Захар Семенович (1760)
Барнашов Иван Николаевич (1783)
Герасимов Василий Иванович (1763)
Глазачев Иван Семенович (1760)
Казаринов Егор Петрович (1775)
Казаринов Михаил Петрович (1765)
Корелин Григорий Стефанович (1783)
Липняков Василий Васильевич (1808)
Молотилов Григорий Ильич (1806)
Невидимов Федор (1808)
Никитин Георгий Григорьевич (1788)
Петров Иван Михайлович (1782)
Портнягин Иван Иванович (1763)
Садилов Андрей
Соснин Иван Семенович (1799)
Холщевников Виссарион Семенович (1789)
Чирков Кондратий Иванович (1778)
Шергин Ксенофонт Яковлевич (1798)
Крестьяне:
Гусев Василий Павлович (1781)
Логинов Алексей Петрович (1767)
Малцов Федор Григорьевич (1787)
Попов Андрей Семенович (1781)
[РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 8–9]

Усть-Приморск. 1852 г., куда был переведен казачий пост из Нижнекамчатска
Урядник Минюхин Александр Яковлевич (1811)
Сын его Александр — 1 год
Казаки:
Белоногов Николай Иванович (1814)
Онохов Иван Полуектович (1829)
Петров Дормидонт Иванович (1821)
Сын его Николай — 3 года
Поляков Семен Евсеевич (1820)
Помаскин Евдоким Семенович (1820)
Сын его Петр — 9 лет
Попов Захар Иванович (1824)
Попов Тимофей Януарьевич (1830)
Попов Федор Иванович (1821)
Расторгуев Валериан Васильевич (1829)
Сыновья его: Иннокентий — 8 лет, Афанасий — 3 года
Расторгуев Януарий Васильевич (1815)
Скребыкин Савва Петрович (1809)
Сыновья его: Василий — 7 лет, Иван — 3 года
Соргучев Данила Максимович (1828)
Холщевников Петр Михайлович (1822)
Отставные:
Урядник Иван Васильевич Попов (1798)
Сын его Николай — 17 лет
Минюхин Афанасий Иванович (1803)
Онохов Дементий Петрович (1807)
Соргучев Максим Михайлович (1787)
[РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16]

ГИЖИГИНСКАЯ КРЕПОСТЬ

Историю Гижигинской крепости первым (на бумаге) изложил князь Александр Егорович Шаховской, временно исполняющий обязанности командира Охотского порта, в ведении которого был весь Охотско-Камчатский край того времени.

А причину своих исторических исследований он обозначил в первых строках этого весьма интересного очерка: «За отсутствием Охотского Начальника, Статского Советника М.И. Миницкого, управляв Охотским портом около года, я имел случай извлечь сии известия

из подлинных дел, хранящихся в Охотском Архиве».

Случилось это в 1817 году.

И, конечно же, мы приводим этот небольшой, но уникальный по своей сути очерк в максимально полном объеме.

«Не прежде 1753-го года положил основание крепости Сержант Абрам Игнатьев, пришедший сухим путем из Ямска с отрядом Козаков.

Две были причины, по коим признано необходимым построение по морскому берегу как Гижигинской, так и других небольших крепостей: во-первых, дабы обезопасить сухопутное сообщение России с Камчаткою, и, во-вторых, чтобы постановить преграду возмущениям Коряков, которые случались тогда столь часто, что название Немирных сделалось для сих инородцев обыкновенным.

Первые беспокойства, принадлежащие к описываемому здесь времени, открылись между ними еще в 1744-м году; а чрез два года после того произошло общее возмущение кочующих и оседлых Коряков, которые осенью в 1746-м году соединенными силами напали на Акланский острог, возобновленный только за четыре года пред тем, и умертвили бывшего в Акланске начальником Сержанта Ивана Енисейского с находившимися там Козаками, коих было, как кажется, не менее 20-ти человек; и потом многие другие жестокости и убийства производили. Таким образом убиты были ими несколько Тунгусов, посыланных для склонения бунтовщиков к повиновению, какой-то проезжий Архимандрит или священник с одним причетником, и другие, так что сообщение по сухому пути между Охотском, Камчаткою и Анадырском, в продолжение десяти лет, почиталось невозможным, по неминуемой от Коряков опасности.

После многократных увещаний к послушанию, Правительство принуждено было наконец, для усмирения непокорных, употребить силу; и в следствие сего в 1747-м и в следующих годах Сержанты Игнатьев, Белобородов и Брюхов (на самом деле — Тимофей Ефимович Брехов. — *С.В.*), под начальством которых находилось впоследствии более 180-ти Козаков (кроме Тунгусов, также в сем походе участвовавших), имели с Коряками несколько сшибок. Отразив их от Ямской крепостцы, они пошли далее, и на пути к реке Гижиге, по Указу Правительствующего Сената, основали в 1751-м году крепостцу на реке Тумане, в расстоянии 400 верст от реки Гижиги; потом, продолжая военные действия, в 1752-м году на реках Вилиге и Таватаме также сделали укрепления; наконец, пришед на реку Гижигу, и там построили крепость. Но крепостцы Туманская, Вилигинская и Таватамская, по некотором времени были уничтожены, а Гижигинская, по способности водяного с Охотском сообщения, приходила мало по малу в лучшее состояние. Акланский же острог, сею крепостию замененный, после 1746-го года возобновляем более не был; и теперь даже неприметно место, где он был построен. Но только с того времени Тигильская крепость, в Камчатке находящаяся, присвоила себе его имя, так что в делах тогдашних, она чаще Акланском, нежели Тигилем называется (здесь нужно пояснить — с образованием новых уездов был создан и уезд Акланский с уездным центром в несуществующем Акланске, поэтому администрация уезда разместилась в Тигильской крепости. — *С.В.*).

Многие из сих происшествий уже изгладились из памяти Коряков, теперь около Гижиги живущих, но воспоминание о Сержанте Абраме Игнатьеве и по сие время между ними сохраняется, может быть потому, что Игнатьев, по своей строгости, был всем им весьма страшен. Они дали Игнатьеву название огня или огненного, рассказывают о делах его много чудесного и выдуманного, приписывают ему волшебство и всеведение. Нет сомнения только в том, что ему более других должна принадлежать честь совершенного присоединения Коряков к Российской Державе. Усмирение сего неспокойного племени последовало за основанием Гижигинской крепости вскоре, не взирая и на то, что не за долго перед тем временем, Чукчи одержали некоторую поверхность над нашими войсками, разбив отряд храброго Маиора Дмитрия Павлуцкого, потерявшего жизнь вместе с сражением.

Лет чрез десять после основания Гижиги, посланный в Анадырск Подполковник Плениснер представлял на вид Начальству, что по Анадырскому уезду с 1760-го по 1763-й год было собрано с Ясашных в казну мягкой рухляди, по оценке на 181 рубль 76 копеек, а на то же трехгодичное время, для содержания там войск, употреблено 87 879 рублей и копейка, и сверх того доказывал, что чрез содержание в Анадырске большого числа войск, Якуты, доставлявшие для сих войск провиант, приходили в бедность и истощение, и потому полагал, чтобы во избежание великих и бесполезных на содержание Анадырска расходов, половину войск оттуда вывесть. По сему предположению, подкрепленному представлением Тайного Советника Соймонова последовало в 1764-м году Высочайшее повеление о совершенном уничтожении сего города. Тогда Анадырская команда, состоявшая из 588-ми человек, разделена была в Гижигу в Нижне-Колымск, в Тигиль и прочие крепости, а Присутственные места и чиновники переведены в Гижигинскую крепость. Сие переселение продолжалось до 1770-го года; и с сего-то времени Гижигинская крепость приметно увеличилась и называлась потом несколько времени городом, имея свои уезд и все городовое управление.

Цветущее состояние Гижиги было в промежутке времени от 1775-го до 1800-го года. Тогда прибыточный вымень звериных кож у инородцев, привлек туда из России многих торговых людей. Стоявшие около крепости в близком расстоянии Коряки с бесчисленными табунами оленей, доставляли оной изобилие во вкусном оленьем мясе и в мехах. Деятельная торговля щедрою рукой рассыпала богатства на сие новое поселение. Довольство вещей и самого золота везде было приметно. Но с 1800-го года

произошел там весьма приметный упадок в торговле, по причине откочевки Коряков от Гижигинской крепости, из которых иные удалились в северные места к реке Анадыру, другие перешли в Камчатку, к Тигильской крепости.

Нередко самые благодетельные действия для общего блага, могут иметь некоторые невыгодности для частного. Таким образом, вредное для Гижиги удаление Коряков произошло от заключенного в 1781-м году между Рускими и Чукчами примирения. До того времени Чукчи, сколько по склонности к хищничеству, столькож и по врожденной неприязни к Корякам, часто нападали на них, отбивали у них многочисленные стада оленей, брали жен в плен, а самих их лишали жизни. Для Коряков оставалось одно прибежище: защита Руских; а дабы пользоваться всегда оною, необходимо нужно было кочевать в самом близком расстоянии от крепости. Но с заключением Чукотского мира кончились их опасения. При договоре постановлено было Чукчам в обязанность, не нападать на Коряков, как Российских верноподданных; и Чукчи с 1781-го года доныне свято сохранили сие условие. С того времени Коряки, не страшась по-прежнему опасных для них врагов, стали отдаляться от крепости, сначала за реку Пенжину, потом еще далее, а с 1784-го года начались и первые их переселения в Камчатку. Главная же часть находящихся ныне там Коряков откочевала около 1800-го года.

О числе войск, бывших в Гижиге до 1812-го года, в делах Охотских обстоятельных сведений не отыскано. Известно только, что во время пребывания в Камчатке так называемого Камчатского баталиона, одна рота оного постоянно находилась в Гижиге. Солдат и Козаков было тогда в сей крепости более 200 человек. Когда же в 1812-м году, для уменьшения казенных издержек, употребляемых на Камчатку, последовало Высочайшее соизволение, вывесть Камчатский баталион из Гижиги, Камчатки и Охотска распределив часть оного по разным тамошним командам, тогда утвержден был штат, доныне существующий, чтоб иметь в Гижиге не свыше 100 Козаков при 5-ти урядниках.

Любопытно заметить, что не взирая на уменьшение войск, от 588-ми до 100 человек, издержки на содержание оных и по сие время не покрываются теми доходами, которые из сего края извлекаются. Сколь ни разнообразны счеты сего содержания, однакож, по справке с делами, весьма близко к истине полагать можно, что существование Гижигинской крепости, с войсками, чиновниками и с мореходным судном, ежегодно туда посылаемым, обходится ныне казне до 80 000 рублей; доходов же с Гижигинской округи, причисляя к тому и часть питейного сбора, на Коряков падающую, получается не свыше 15 000 рублей.

В 1816-м году находились в Гижигинской крепости следующие деревянные строения: церковь 1, часовня 1, казенных домов и магазинов 8, частных домов, не включая лавок, 68.

В сей крепости ни рва, ни валу не находится, и укрепления оной состоят единственно из обнесенного кругом строений палисада и трех или четырех пушек. Но сии укрепления, при сотне хорошо вооруженных Козаков, достаточны содержать в тишине 10000 Чукчей (Мужеского и женского пола. — *Кн.Ш.*) и 3000 других инородцев, населяющих Гижигинскую округу и Чукотский нос.

Жителей, мужеского и женского пола всех состояний, в 1816-м году находилось в сей крепости 650 человек, и зимовавшей морской команды с женами и детьми 46, всего 696 человек. А в прежнее время состояло в оной домов 98, жителей м. и ж. пола 791 человек.

Выше упомянуто, что назад тому лет 20, торговля в Гижиге упала против прежнего; однакож, судя по малому населению того края, ее и теперь можно почитать довольно важною.

Ввоз товаров из Охотска в сию крепость, по ценам Охотским, был:

В 1817-м году на 42 000 рублей.

В 1818-м году на 43 000.

Вывоз из Гижиги в Охотск по тем же ценам:

В 1817-м году на 51 000 рублей.

В 1818-м году на 49 000.

Ввозимые товары суть: табак, необходимый для вымена мягкой рухляди, чай, сахар, съестные припасы, котлы и железные вещи, также для торговли с инородцами, свечи, мыло и проч.

Сверх того к ввозу должно причислить кроме означенных товаров и доставляемую на казенный счет ржаную муку, ежегодно от 4-х до 5000 пудов, соль, порох, свинец и откупное хлебное вино; всего сих казенных припасов почти на 50 000 рублей ежегодно.

Вывозимые товары из Гижиги: соболи, лисицы, белки, моржовая кость, оленьи кожи, песцы, куньи (из куниц) парки и проч.

Теперешние торговые прибыли, по согласному свидетельству Гижигинского купечества, уменьшились против прежних по крайней мере на половину; но не взирая на сие, по собранным мною сведениям оказалось, что в Гижиге, единственно от торговли, снискивали себе в 1819-м году пропитание 67 душ м. и ж. пола, и что, судя по цене ржаной муки, которой пуд там стоит в вольной продаже от 10-ти до 12-ти рублей, сим людям для содержания потребно было по крайней мере до 13 400 рублей.

Прежде сего в Гижигинской крепости золотая и серебряная монета были весьма обыкновенны. Притом, от изобилия во всем, большая часть жителей носили шелковые фанзовые рубашки; женщины одевались в парчовые епанечки с богатым меховым воротником, на голову повязывали шелковые плашки, золотом и серебром шитые, и не только перчатки, но даже комнатные оленьи сапоги украшали искусным золотым и серебряным шитьем; Козаки имели на куклянках стоячие собольи воротники, а на подоле оных бобровую опушку; наконец все без изъятия привыкли к употреблению чая. Теперь осталась одна тень прежнего изобилия.

Удаление Коряков от крепости и постигший Гижигинскую округу четырехлетний (в 1815–1818 годах) голод, от невхода морской рыбы в

реки, произвели в сей крепости множество бедных. Хотя торговый перевес, по вышеозначенному вывозу и ввозу товаров, и кажется простирающимся до 7½ тысяч в пользу Гижиги; но поелику за продаваемую от казны муку, порох, соль, и за откупное вино ежегодно переходит из Гижиги в Охотск более 10 000 рублей, то звонкая монета и даже ассигнации уменьшились в Гижиге до крайности».

И князь Шаховской прозорливо видел будущее падение значения этого некогда крупнейшего военно-стратегического и торгового центра на Северо-Востоке России: «В Гижигинской крепости жителей м. и ж. пола 700 человек; в Петропавловской гавани не свыше 500.

Из Гижиги вывозится товаров ежегодно на 50 000 рублей; из Петропавловской гавани на 25 000 рублей. Но не смотря на то, Петропавловск всегда будет важнее Гижиги по пребыванию в нем главного Камчатского Начальства, по превосходной гавани и удобности своего положения».

Федор Григорьевич Сафронов в своей книге «Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил», изданной в 1988 году в Хабаровском книжном издательстве, дает подробный статистический отчет о постепенном «увядании» этого, некогда процветающего города.

Мы же постараемся, по мере возможностей, «оживить» эту статистику конкретными именами людей, которые проживали в этом городе когда-то, несли здесь службу или занимались торговлей пушниной с местным населением:

«В 1751 г. казаки основали на р. Туман Туманскую крепость, в 1752 г. — Вилигинскую и Таватомскую на реках Вилиге и Таватоме. Затем, в 1753 г., поставили Гижигинскую крепость на левом берегу р. Гижиги, в 25 верстах от ее устья.

Со временем первые три укрепления за ненадобностью перестали использоваться. Гижигинская крепость, “по способности водяного с Охотском сообщения”, действовала. Тем более что через нее проходил сухопутный тракт, соединявший Охотск с Камчаткой.

Охотско-Камчатский тракт вначале был неустроен, ездили по нему только зимой. В 1823 г., после многих ходатайств об улучшении этого пути, Комитет министров принял положение о заселении тракта между Охотском и Гижигинском якутами, назначаемыми по приговору судов на поселение. Положение было утверждено императором, и уже в 1824 г. по тракту жило 20 якутских семей.

Во второй половине 1760-х гг. в Гижигинск, ставший опорным пунктом Российского государства на Северо-Востоке, были переведены присутственные места, чиновники и часть военной команды упраздненного Анадырского острога. В результате население Гижигинска заметно увеличилось. В 1773 г. здесь в 83 дворах проживало 672 человека, в том числе духовного звания — 3, регулярных военных — 175, нерегулярных (казаков) — 474, разночинцев — 17 и дворовых — 3 человека».

Самый ранний — наиболее полный список — казаков, дислоцировавшихся в Охотском и Тауйском острогах, откуда совершались походы на коряков и чукчей с южного направления, датируется периодом между Переписями 1718–1748 годами, из состава которых и формировалась основная часть гарнизона Гижигинской крепости [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Лл. 86–90 — Охотский острог и 125 об. – 134 об. — Тауйский острог]. В полном варианте эти списки даны в соответствующих главах, в данном случае мы выделим те фамилии, которые впоследствии станут «коренными» для Гижигинской крепости.

В Охоцком остроге
Разночинцы
Алабышев Иван
Беляев Сидор
Бишев Логин
Волков Петр
Волков Яков
у него сын Павел
Воробьев Алексей
Ипатьев Михайло
Коренев Алексей
Котельников Семен
Нефедьев Федор
Нифантьев Борис
Нифантьев Матвей
Новоселов Макар
Попов Дмитрей
Татаринов Степан
Томскои Иван
Щеголов Герасим
Тауиского острогу
Разночинцы
Атаманов Алексеи Григорьев сын
Атаманов Петр Алексеев сын
Беляев Иван Яковлев сын
Брусенкин Осип Михаилов сын
Брусенин Яков Михаилов сын
Бутаков Иван
Веселной Сава Иванов сын
Веселной Федор Иванов сын
Волынкина Петра казачей сын Петр
Волынкин Федор Васильев сын
Глаткой Тит Михаилов сын
Глаткой Никита Михаилов сын
Дьячков Тимофеи Никифоров сын
Жирков Афанасеи
Жирков Матвеи Афанасьев сын
Жирков Степан
Жирков Степан Михаилов сын
Кабанов Онисим
Карякин Степан
Колмаков Степан Федоров сын
Колмогоров Андрей
Котельников Иван Федоров сын
Котковской Алексеи Михаилов сын
Краснояров Андрей
Мокрошубов Алексеи Михаилов сын
Ни[е]жегородов Елесей Иванов сын
Нижегородов Осип Иванов сын

Нялбин Алексеи Федоров сын
Перевалов Тимофеи Осипов сын
Попков Никифор
Попов Василеи
Попов Василеи Васильев сын
Попов Василеи Федоров сын
Попов Дмитреи
Попов Осип
Потапов Василеи
Сторожев Алексеи Борисов сын
Сторожев Василеи Борисов сын
Сторожев Иван Борисов сын
Сургуцкои Семен Васильев сын
Томской Иван
Третьяков Яков Михаилов сын
Трифанов Семен Иванов сын
Трухнин Федор
Тюшев Григореи Васильев сын
Шадрин Лавренте[й]
Чюдинов Михайло
Шмонин Степан Петров сын
Шмонин Федор Петров сын

В Российском государственном военно-историческом архиве мы обнаружили именной список Гижигинской команды за 1761 год [ГВИА, фонд РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело 3, л. 31 об., а также РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело 3, л. 11], который позволяет судить о формировании гарнизона крепости до пополнения его анадырцами и последующего реформирования.

Синицын Федор — сержант
Федоров Дей — капрал
Солдаты
Безенов Егор
Безсонов Илья
Белохвостов Иван
Г … Федор
Гребешков Иван
Епанчицов Григорий
Замиралов Егор
Зырянов Егор
Колмогоров Илья
Овчинников Николай
Попов Осип
Прокопьев Сава
Русанов Иван
Соколов Михайло
Силкин Фрол
Сухнин Ларион
Шелепов Иван
Шулгин Анкудин
Шумов Никифор
…токов Харитон
Нерегулярные
Боровых Василий — капрал
Казаки
Бархатов Прохор
Безсонов Яков
Боя … н Михайло
Брагин Иван
Бутаков Иван
Веселов Алексей
Воронов Матвей
Габышев Афанасий
Голиков Иван
Голятин Филип
Глухих Иван
Грамолин [Грамотин] Данило
Зиновьев Яков
Катасонов Алексей
Козлов Яков
Козочкин ?
Колокольников Федор
Коновалов Василий
Конюхов Родион
Красильников Никифор
Красовский Семен
Лаврентьев Иван
Лукинов (Луников) Семен
Нестеров Семен
Новосельцев Дмитрий
Ордин Илья
Портнягин Иван – писарь
Потапов Козма
Потапов Никифор
Соколов Григорий
Сосновский Никита
Тарадаков Сава
Темников Матвей
Филатов Андрей
Хабардин Иван
Хабардин Сава
Хотосов Василий
Чупров Иван
Шавырин Сергей
Шестаков Сергей
Шихирдин (Шахурдин) Василий
Щегорин Петр

Там же — в Российском государственном военно-историческом архиве [фонд 14808, опись 1, дело, 13, лл. 8–9] мы нашли именной список гижигинцев за 1766 год не только с именами, но и отчествами.

Афанасьев Михайло Афанасьев — казак
Боровых Василий Гаврилов — капрал
Безсонов Яков Иванов
Белоусов Петр Терентьев
Белых … Васильев
Бояркин Михаил Семенов
Брагин Иван Андреев
Брусенин Петр Григорьев
Брусанин [Брусенин] Сава Иванов
Бутаков Иван Вавилов
Бутаков Евдоким Марков — казак
Бутаков Тимофей Митрофанов
Варганов Алексей Иванов — казак
Веселов Алексей Федоров — казак
Гантимуров Кондратий Григорьев
Герме… [Черме…] Прокопий Кирилов
Горемыкин Осип Прокопьев
Дубнин Алексей Максимов
Заварзин Поликарп Васильев — казак
Зарубин Иван Иванов
Зверев Хрисанф Ильин
Зеленовский Максим Прохоров
Зиновьев Яков Алексеев — казак
Змиев Афанасий Александров — казак

Изотов Иван Борисов — казак
Кабанов Тит Петров
Калашников Ефим Максимов
Талмаков (Калмаков) Андрей Микитин
Каргопольцев Андрей Ильин
Кибирев Григорий Васильев
Козочкин Клим Семенов
Колмогоров Иван Иванов
Коновалов Федор Иванов
Кононов Тимофей Гаврилов — казак
Константинов Данило Изотов
Конюхов Родион Петров
Котосонов Алексей Мартынов
Кощурин Алексей Васильев — казак
Красильников Никифор Дмитриев
Крымской Иван Федоров
Кры…Трифон Алексеев
Лазарев Григорий Васильев
Лемзяков Семен Дмитриев — казак
Лосев Сидор Иванов
Лыткин Иван Яковлев
Малгин Василий Иванов
Манаков Омельян Герасимов
Матвеев Иван Иванов
Мартусов Кирилко Данилов
Милешин Александр Андреев
Наквасин Фадей Андреев — казак
Неустроев Иван Яковлев
Нифантьев Иван Григорьев
Нифантьев Илья Григорьев
Обухов Николай Тимофеев
Ознобихин Никита Семенов
Окулов Михаил Яковлев
Пермяков … Лукин
Плотников Иван Иванов — капрал
Попов Савва Андреев
Потапов Кузьма Савин
Потапов Козма Федоров
Потапов Никифор Федоров
Протодьяконов Иван Иванов
Пургин Ефрем Иванов
Рахлецов Гаврило Андреев — казак
Репин Яков Максимов — казак
Рубцов Федор Андреев
Рубцов Яков Федоров
Саплин Яков Сергеев
Св… Михайло Ларионов — казак
Сергеев Никита Афанасьев
Скорняков Иван Федоров
Скорняков Федор Федоров
Соловьев Еким Алексеев
Старицын Елисей Митрофанов
Тарандов Сава Иванов — казак
Третьяков Андрей Матвеев — казак
Толстоухов Осип Яковлев
Туголуков Василий Алексеев
Филатов Андрей Тимофеев — казак
Филипов Афанасий Данилов — казак
Хаховский Иван Осипов
Храмцов Илья Осипов — казак
Цветков Матвей Яковлев — казак
Черкашенин Гаврило Иевов — казак
Шелудяков Иван Иванов
Шмагин Ларион Дмитриев
Шмонин Михайло Прокопьев
Щегорин Петр Дмитриев

После перехода части гарнизона Анадырского острога в Гижигинскую крепость мы можем сравнить прежний именной ее состав (1761–1766 гг.) с тем, что был отражен в архивных документах за 1772 год [РГВИА, фонд 14808, опись 1, д. 22, лл. 8–8 об.].

Сержанты
Клюсов Михаил
Маклаков Анисим
Павлов Степан
Писанков Петр
Тарской Григорий
Каптенармусы
Алачев Иван
Бересkин Иван
Капралы
Дурагин Николай
Конной Алексей
Солдаты
Василий Беляев
Федор Белской
Тимофей Занин
Герасим Брянцев
Василий Воробьев
Михаил Горбовский
Иван Захаров
Василий К…
Степан Калмаков
Леонтий Кокорин
Григорий Кокорин
Федор Колесов
Гаврило Кузнецов
Терентий Куимов
Иван Куклин
Яков Максимов
Осип Мальцов
Кирил Невзоров
Егор Носков
Илья Окулов
Данило Салтыков
Степан Ситников
Михайла Скоряков
Никифор Сосновский
Иван Стандинов
Агей Толоконцов
Иван Тяпкин
Ерофей Чашин
Иван Черкасов
Андрей Черкашенин
Сидор Шашин
Конон Шахирев
Семен Шилников
Антип Шипицын
Михаил Ярославцев
Нерегулярные
Пятидесятник
Новопреселенников Алексей
Казаки
Алабышев Петр
Баженов Василий
Беляев Гаврила
Бутаков Тимофей
Власов Филип
Волынкин Егор
Гилев Афанасий

Говорин Варлам
Доншинин Кондратий
Долгилев Тимофей
Долгих Иван
Дьячков Михаил
Жирков Трофим
Зверев Хрисанф
Изотов Иван
Каремчин Василий
Кармалин Григорий
Кибирев Гаврила
Кожевин Максим
Кожевин Петр
Колмогоров Иван
Колосов Сидор
Корнев Максим
Краснояров Егор
Куделин Петр
Леонтьев Петр
Львов Герасим
Нагибин Прокопий
Нижегородов Елисей
Нижегородов Михаил
Нижегородов Афанасий
Нижегородов Иван
Нифантьев Михаил
Нифантьев Михаил Никифоров
Окуемов Степан
Пахаруков Егор
Попков Григорий
Попов Иван
Потапов Козма
Пургин Ефрем
Салдатов Андрей
Скорняков Иван
Софонов Никита
Старков Андрей
Тараданов Сава
Трухнин Тимофей
Хромцов Илья
Цветков Матвей
Шмонин Афанасий
Щегорин Петр

Обращают на себя внимание также две ведомости за 1781 и 1784 годы, в которых перечислены дети школьного и дошкольного возраста. Для нас она интересна еще и тем, что показывает, кто из служилого населения крепости обзаводится семьей. Мы объединяем эти два списка, чтобы получить наиболее достоверную картину [1781 год — РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 88, лл. 39–39 об.; 1784 год — РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело 7, лл. 75–77 об.].

Алабышев Михайло (примерно 1776/1780)
Антипин Семен — 10 (1774)
Баженов Иван — 9 (1772) обучается «азбуке склады» [1781]
Байгачев Лука — 8 (1773) обучается «азбуке склады» [1781]
Беляев Иона (примерно 1776/1780)
Большаков Киприян — 8 (1786) «кость горбом согнуло» [1781]
Болшаков Роман — 9 (1772) обучается «азбуке склады» [1781]
Веселый Василий —10 (1771) обучается нотному пению
Гилев Дмитрий — 11 (1770) обучается псалтыри [1781]
Горбовский Андрей — 5 (1779)
Горбовский Василий — 8 (1773) обучается «азбуке склады» [1781]
Горбовский Василий Меньший — 8 (1776)
Горбовский Тимофей — 16 (1768)
Григорьев Григорий (примерно 1776/1780)
Григорьев Василий — 7 (1777)
Григорьев Григорий— 4 (1780)
Долгих Иван (примерно 1776/1780)
Долгих Тимофей — 6 (1778)
Калмаков Андрей (примерно 1776/1780)
Кармалин Василий Ефимов — 8 (1776)
Кармалин Василий Гаврилов — 7 (1777)
Кармалин Василий —11 (1770) обучается часослову [1781]
Кармалин Иван — 9 (1772) обучается «азбуке склады» [1781]
Кармалин Игнатий — 4 (1780)
Кармалин Прокопий — 9 (1772) обучается катехизису [1781]
Кибирев Павел — 7 (1777) «глазами болен» [1781]
Кибирев Степан (примерно 1776/1780)
Кожевин Михаил — 7 (1777)
Кожевин Дмитрий — 17 (1770)
Кожевников Дмитрий — 7 (1777)
Корюкин Егор — 8 (1773) обучается катехизису [1781]
Корюкин Михайло — 9 (1772) обучается «азбуке склады» [1781]
Корюкин Тимофей — 11 (1770) обучается часослову [1781]
Котельников Василий — 8 (1776)
Котельников Дмитрий — 7 (1777)
Котелников Сидор — 11 (1770) обучается часослову [1781]
Краснояров Андрей — 8 (1776)
Краснояров Осип — ? обучается часослову [1781]
Красовский Григорий — 8 (1776)
Красовский Дмитрий — 13 (1768) обучается нотному пению [1781]
Красовский Иван — 8 (1773) обучается часослову [1781]
Красовский Прокопий — 6 (1778)
Красовский Тимофей — 11 (1770) обучается «азбуке склады» [1781]
Леонтьев Никифор — 8 (1773) обучается «азбуке склады» [1781]
Ловцов Семен — 14 (1767) обучается писанию [1781]
Львов Николай — 9 (1775)
Матусов Василий — 10 (1771) обучается писанию [1781]
Милешин Федор (примерно 1776/1780)
Муромцов Василий — 12 (1772)
Нагибин Семен — 15 (1769)
Нестеров Афанасий — 8 (1776)
Нижегородов Василий — 4 (1780)
Нижегородов Иван (примерно 1776/1780)
Нижегородов Осип — 7 (1777)
Носков Степан (примерно 1776/1780)

Огибалов Леонтий — 11 (1770) обучается псалтыри [1781]
Окулов Афанасий — 8 (1773) обучается катехизису [1781]
Павлов Василий Иванов сын — 16 (1768)
Павлов Василий (примерно 1776/1780)
Павлов Григорий — 11 (1770) обучается часослову [1781]
Павлов Иван — 10 (1774)
Павлов Михайло (примерно 1776/1780)
Павлов Прокопий — 11 (1773)
Парфентьев Григорий — 12 (1772)
Переплеткин Андрей — 15 (1769)
Переплеткин Василий (примерно 1776/1780)
Переплеткин Григорий — 7 (1777)
Петушин Константин — 21 (1760) обучается катехизису [1781]
Попов Иван — 9 (1775)
Пургин Антон — 10 (1771) обучается «азбуке склады» [1781]
Романов Василий — 9 (1772) обучается часослову [1781]
Романов Семен — 9 (1775)
Ротов Николай — 10 (1771) обучается «азбуке склады» [1781]
Русанов Михайло (примерно 1776/1780)
Русанов Семен — 8 (1776)
Сосновский Марк (примерно 1776/1780)
Сосновский Сидор — 9 (1772) обучается часослову [1781]
Сосновский Степан — 9 (1775)
Софонов Илья — 7 (1777)
Софонов Илья (примерно 1776/1780)
Софонов Остафей — 8 (1773) обучается «азбуке склады» [1781]
Толмачев Сидор — 9 (1772) обучается «азбуке склады» [1781]
Толстихин Яков (примерно 1776/1780)
Трифонов Василий — 6 (1778)
Трифанов Василий (примерно 1776/1780)
Трифанов Григорий (примерно 1776/1780)
Худеяров Ефрем (примерно 1776/1780)
Худеяров Лев — 6 (1778)
Чашин Афанасий — 9 (1772) обучается «азбуке склады» [1781]
Чашин Иван — 7 (1777)
Чашин Петр — 9 (1775)
Чашин Прокопий — 9 (1775)
Чертовский Андрей — 6 (1778)
Чертовский Петр — 9 (1775)
Чертовский Прокопий (примерно 1776/1780)
Шашин Алексей — 10 (1771) обучается псалтыри [1781]
Шашин Петр — 8 (1776)
Шмалев Василий — 11 (1770) обучается катехизису [1781]
Шмалев Николай — 15 (1766) обучается писанию [1781]
Щукин Иван (примерно 1776/1780)

Наиболее полный (и вероятно, завершающий уже период увеличения гарнизона) именной список служилых людей Гижигинской крепости относится к 1781 году — к моменту заключения в 1778 г. договора с чукотскими вождями о мире и в результате… постепенной утрате значения Гижигинской крепости, как военно-стратегического, а затем и торгового пункта [РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 88, лл. 18–23].

Прапорщик
Мордовский Павел — в Охотске
Сержанты
Корякин Михаил — в Охотске
Маклаков Анисим
Мордовский Андрей – в Охотске
Лалетин Андрей
Павлов Степан
Посников Петр — в Камчатке
Каптенармусы
Алачев Иван
Анкудинов Иван
Корюкин Игнатий — в Охотске
Матусов Роман
Подпрапорщики
Кокшаров Андрей
Кокшаров Роман
Капралы
Дауркин Николай, дворянин
Иванов Гаврило
Конный Алексей
Корюкин Иван
Трифонов Тимофей
Шорохов Петр
Сотники
Анкудинов Семен
Беляев Степан
Багулин Андрей — в Охотске
Багулин Прокопей
Баишев Иван — в Охотске
Кобелев Иван — «в чукотской землице»
Котельников Тимофей — в Каменном остроге
Красовский Василий
Нижегородов Логин
Новопресельников Алексей
Огибалов Иван
Пятидесятники
Анкудинов Тимофей
Долгих Иван — в Охотске
Инешин Петр
Красовский Денис
Матафонов Иван
Нурийн Иван — в Охотске
Парфентьев Александр
Чертовский Евсей
Солдаты
Алачев Николай
Анкудинов Борис
Антипин Дмитрий
Антипин Иван
Антипин Платон
Белоусов Еремей
Белской Федор
Болшаков Матвей
Болшаков Петр
Болшаков Феофан
Брусенин Василий
Бутаков Куприян
Брянской Максим
Воробьев Василий
Гаврилов Федор
Голубев Федор

Горбовский Михаил
Горбовский Тимофей
Ерзев Николай
Замиралов Гаврило
Занин Тимофей
Захаров Иван
Званов Максим
Зяблов Алексей
Кабанов Яков
Канторовцев Козма
Клесов Василий
Ковалев Андрей — в Ямске
Кокорин Алексей
Калмаков Данило
Калмаков Степан
Кармадонов Яков
Кокорин Григорий
Колесов Федос
Княжев Иван
Коренин Петр
Корякин Григорий
Кузнецов Гаврила
Куимов Никита
Куклин Яков
Курилов Яков
Курносов Михайло
Кучумов Алексей
Лазарев Иван
Лебедев Сергей
Маклаков Герасим — в Охотске
Яков Максимов, барабанщик — в Камчатке
Мальцов Матвей
Михляев Иван
Московских Василий
Незамаев Дементий
Немиров Яков
Нестеров Матвей
Никифоров Дмитрий
Носков Егор
Окулов Егор
Окулов Никифор
Окулов Тихон
Павлов Иван
Пашенной Григорий
Петров Андрей
Переплеткин Андрей
Переплеткин Афанасий
Переплеткин Никита
Потанин Петр
Потапов Иван
Русаченков Гаврило
Самохвалов Петр
Сосновский Евдоким
Сосновский Никифор
Сумнин Федор
Толстихин Василий
Толстихин Михайло — «в чукотской землице»
Толстихин Федор
Топорков Петр
Турбин Иван
Тюленев Яков
Тюшев Ефим
Тяпкин Иван
Федотов Данило
Федотов Семен
Худеяров Петр
Чашин Ерофей
Чашин Назар
Черных Григорий
Шадрин Назар
Шадрин Филат
Шахирев Конон
Шашин Василий
Шашин Петр
Шашин Сидор
Шилников Семен
Шитов Афанасий
Ярославцов Михайло
Ярославцов Федор

Казаки

Алабышев Петр
Алабышев Степан
Аксенов Степан — в Охотске
Анкудинов Алексей
Анкудинов Трифон — в Каменном остроге
Аржаков Петр
Аржаков Федор
Афанасьев Дмитрий — в Охотске
Багулин Андрей
Баженов Демид
Байгачев Андрей
Байгачев Иван
Беломоин Матвей
Белоусов Петр — в Охотске
Белоусов Андрей
Белоусов Василий
Белых Мирон
Беляев Гаврила
Беляев Иван
Борисов Василий
Бутаков Федор — у провианта
Бянкин Гаврила
Бянкин Козма — в Охотске
Бянкин Яков — в Охотске
Веселой Евдоким
Валынкин Матвей
Волынкин Егор
Валынкин Степан — в Охотске
Гилев Иван — в Охотске
Гилев Петр
Глатков Петр
Говорин Андрей
Говорин Варлам
Григорьев Иван
Долгих Андрей
Долгих Иван
Долгих Кирила
Долгих Максим
Долгих Михайла
Долгих Тимофей — «в чукоцкой землице»
Долгополов Афанасий — в Охотске
Долгополов Иван
Долгополов Матвей
Жерепцов Василий
Зверев Хрисанф
Зиновьев Яков
Изотов Иван
Кармалин Гаврила
Кармалин Григорий
Кибирев Афанасий — в Охотске
Кибирев Гаврила — в Охотске
Кибирев Евдоким

Кобелев Андрей
Ковригин Никифор — в Охотске
Кожевин Андрей
Кожевин Дмитрий
Колмаков Егор
Колмогоров Василий
Колмогоров Дмитрий
Колмогоров Федор — в Охотске
Колосов Сидор
Коренев Иван
Коренев Максим
Котельников Иван
Котелников Петр
Котелников Петр
Котков Александр — в Камчатке
Красилников Никифор — в Охотске
Краснояров Петр
Краснояров Евдокий
Краснояров Егор
Красовский Аврам
Красовский Андреян
Красовский Мартын
Красовский Савт (?)
Красовский Петр
Красовский Савастьян
Красовский Тимофей
Красовский Федор
Куделин — в Охотске
Курилов Иван
Куркуцкий Иван
Куркуцкий Сидор
Курочкин Алексей
Лазарев Григорий
Нифантьев Михайла
Микушкин Григорий
Милеш Александр
Милешин Иван
Милешин Григорий
Митрофанов Иван — в Охотске
Мосеев Федор — в кузнецах
Муромцов Петр
Муромцов Степан
Муромцов Яков
Наумов Степан
Нагибин Герасим
Нагибин Семен
Нагибин Яков — в Охотске
Налебин [Нелюбин] Прокопий
Нижегородов Афанасий — в Охотске
Нижегородов Иван — в цирюльниках
Нижегородов Иван
Нижегородов Михайла
Нижегородов Михайло
Нижегородов Петр
Нижегородов Степан — в Охотске
Нижегородов Федор
Нижегородов Яков
Нифантьев Андрей
Нифантьев Иван
Нифантьев Михайла
Новопреселеннов Яков
Огибалов Николай
Ознобихин Тимофей
Опрокизнев Александр
Опрокизнев Михайла — в Охотске
Опрокизнев Федор
Отласов Филип — в Охотске
Очуевской Николай
Павлов Гаврила
Павлов Иван
Павлов Иван
Павлов Михайла
Павлов Степан
Панов Матвей
Парфентьев Семен
Пахоруков Егор
Перевалов Иван
Плахин Иван — в Охотске
Полуектов Тимофей
Попов Борис
Попов Иван
Попов Лев
Попов Роман
Потапов Козма
Потылицын Иван — в Охотске
Пшенников Аксентий — в Охотске
Пшенников Никифор
Пшенников Петр
Пургин Ефрем
Харлампий Пургин — в Охотске
Василий Репин
Романов Михайла
Романов Никифор
Русанов Демид
Русанов Матвей
Русанов Михайла — в Охотске
Рычков Осип
Рычков Филип
Салдатов Андрей — умре
Ситников Дмитрий — в Охотске
Скорняков Иван
Скорняков Иван
Скорняков Петр — в Охотске
Скорняков Федор — в Охотске
Скорняков Фома
Софонов Иван
Софонов Никита
Старков Андрей — в канцелярии в сторожах
Старцов Василий — в Охотске
Тайшин Гаврила
Толмачев Никифор — в Охотске
Томской Аврам — при казенном доме
Торгошин Леонтий
Тугаринов Иван — в Охотске
Туголуков Василий
Трухнин [Трухин] Тимофей
Хромцов Емельян
Хромцов Кирило
Худеяров Алексей
Худеяров Иван — в Охотске
Чагин Тимофей
Черепанов Семен
Чертовский Алексей
Чертовский Иван
Чертовский Иван
Шадрин Михайла
Шеметов Иван
Шипунов Иван
Шмонин Александр — в барабанщиках
Шмонин Афанасий
Щегорин Василий
Щегорин Петр — в Охотске

Щукин Егор

Именной состав гарнизона Гижигинской крепости на 1 мая 1831 года [Национальный архив РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.]

Сотник 14 класса
Савинский Петр Иванович — выехал в Охотск
В должности хорунжего пятидесятник
Бошев Алексей — 43 (1788)
Пятидесятники
Большаков Леонтий — 37 (1794)
Шестаков Алексей — 40 (1791)
Сверх комплекта
Огибалов Николай — 35 (1796)
Младшие урядники
Корюкин Матвей — 43 (1788)
Краснояров Онуфрий — 38 (1793)
Парфентьев Григорий — 62 (1769)
Сверх комплекта
Красовский Константин — 38 (1793)
Тюшев Иван — 25 (1806)
Писарь
Куркутский Иван — 39 (1792)
Мастеровой
Калмаков Андрей — 60 (1771)
Казаки
Анкудинов Кирил — 40 (1791)
Анкудинов Михайло — 48 (1783)
Анкудинов Николай — 41 (1790)
Анкудинов Николай — 34 (1797)
Баженов Иван — 64 (1767)
Баишев Семен — 20 (1811)
Беломоин Дмитрий — 39 (1792)
Беломоин Николай — 43 (1788)
Белохвостов Иван — 47 (1784)
Белоусов Кирил — 44 (1787)
Большаков Прокопий — 41 (1790)
Важенин Григорий — 42 (1789)
Важенин Яким — 18 (1813)
Веселый Григорий — 51 (1780)
Волков Иван — 44 (1787)
Гилев Афанасий — 26 (1805)
Горбовский Андрей — 52 (1779)
Долгих Иван — 56 (1775)
Долгополов Гаврило — 39 (1792)
Зиновьев Алексей — 36 (1795)
Зиновьев Матвей — 44 (1787)
Зыков Иван 1-й — 47 (1784)
Зыков Иван 2-й — 18 (1813)
Калмаков Григорий — 20 (1811)
Кармалин Василий — 60 (1771)
Кибирев Василий — 42 (1789)
Кобелев Евстроп — 38 (1793)
Кожевин Захар 1-й — 33 (1798)
Кожевин Захар 2-й — 21 (1810)
Кожевин Петр — 23 (1808)
Кокшаров Варфоломей — 40 (1791)
Кокшаров Захар — 36 (1795)
Кокшаров Николай — 18 (1813)
Кокшаров Петр — 37 (1794)
Колмогоров Андреян — 31 (1800)
Колмогоров Кирик — 40 (1791) в Охотске
Корюкин Игнатий — 39 (1792)
Корюкин Изосим — 38 (1793)
Корюкин Лазарь — 44 (1787)
Красовский Влас — 37 (1794)
Краснояров Кирил — 39 (1792)
Красовский Денис — 22 (1809)
Красовский Калистрат — 39 (1792)
Красовский Кирил — 18 (1813)
Красовский Павел — 22 (1809)
Красовский Панфил — 37 (1794)
Куилин Логин — 39 (1792)
Курилов Прокопий — 54 (1777)
Курочкин Филип — 21 (1810)
Марченев Лука — 53 (1778)
Нижегородов Афанасий — 22 (1809)
Нижегородов Григорий — 43 (1788)
Нижегородов Евсей — 50 (1781)
Нижегородов Михайло — 39 (1792)
Нижегородов Николай — 41 (1790)
Нижегородов Осип 1-й — 56 (1775)
Нижегородов Осип 2-й — 39 (1792)
Нижегородов Федор — 43 (1788)
Нифантьев Петр — 41 (1790)
Овчинников Василий — 51 (1780)
Овчинников Федор — 44 (1787)
Павлов Варфоломей — 25 (1806)
Павлов Григорий — 62 (1769)
Павлов Дмитрий — 42 (1789)
Павлов Феофилат — 29 (1802)
Парфентьев Федот — 38 (1793)
Переплеткин Михайло — 35 (1796)
Переплеткин Петр — 37 (1794)
Попов Григорий — 59 (1772)
Попов Иван — 18 (1813)
Попов Карп — 30 (1801)
Пшенников Григорий — 36 (1795)
Пшенников Иван — 51 (1780)
Русанов Алексей — 21 (1810)
Русанов Илья — 48 (1783)
Русанов Кирил — 36 (1795)
Толстихин Иван — 42 (1789)
Толстихин Николай — 22 (1809)
Толстихин Яков — 58 (1773)
Тюшев Ефим — 41 (1787)
Тюшев Тимофей — 29 (1802)
Тюшев — главный смотритель, чиновник 14 класса, сверх комплекта
Худеяров Василий 1-й — 37 (1794)
Худеяров Василий 2-й — 26 (1805)
Худеяров Дмитрий — 31 (1800)
Худеяров Ефрем — 51 (1780)
Худеяровв Лев — 60 (1771)
Чертовский Захар — 39 (1792)
Чертовский Михайло — 22 (1809)
Чертовский Петр — 61 (1770)
Чертовский Степан — 38 (1793)
Шмонин Тимофей — 52 (1779)
Щукин Николай — 39 (1792)

В 1852 году накануне перевода части гижигинских казаков с семьями в специально построенный для переселенцев казачий поселок на берегу бухты Сероглазка был составлен «Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д 16].

В Гижиге
Служащие

Пятидесятники
Киренский Михаил Рафаилов — 40 (1812)
Котельников Николай Васильев — 36 (1816)
Савинский Давыд Федоров — 22 (1832)
Урядники
Краснояров Ануфрий Осипов — 60 (1792). Сын его служащий казак Константин — 22 (1830)
Красовский Денис Иванов — 43 (1809). Сын его неслужащий Феодосий — 11 (1841)
Попов Василий Григорьев — 42 (1810)
Писарь
Русинов (Русанов) Сократ Ильин — 37 (1795). Его сыновья неслужащие: Федор — 17 (1835), Алексей — 8 (1844), Григорий — 5 (1847)
Казаки
Анкудинов Николай Семенов — 64 (1888). Сын его служащий Евдоким — 24 (1828). Неслужащие: Иван — 10 (1842), Елизар — 8 (1844)
Анкудинов Тимофей Михайлов — 32 (1820). Сыновья: Федор — 8 (1844), Николай — 6 (1846), Елизар — 3 (1849)
Баженов Николай Александров — 25 (1827)
Безсонов Иван Васильев — 47 (1805)
Беломоин Николай Дмитриев — 22 (1830)
Белоногов Капитон, казачий сын, сирота — 21 (1831)
Белоусов Ефим Яковлев — 24 (1828)
Белохвостов Иван Иванов — 69 (1883). Дети его: Фотий — 16 (1836), Сава — 8 (1844)
Большаков Алексей Леонтьев — 22 (1830)
Большаков Михайло Леонтьев — 30 (1822)
Большаков Флегонт Леонтьев — 22 (1830)
Волков Николай Иванов — 36 (1816). Дети: Прокопий — 9 (1843), Кирил — 3 (1849)
Волынкин Григорий Степанов — 64 (1788). У него дети служащие: Андреян — 22 (1830)
Гладков Федор, казачий сын, сирота — 16 (1836)
Долгих Алексей Иванов — 30 (1822)
Долгих Кирило Иванов — 36 (1816)
Долгополов Николай Гаврилов — 22 (1830)
Зиновьев Алексей Яковлев — 61 (1791). Сын его служащий Григорий — 32 (1820). Сын Григория Николай — 6 (1846)
Зиновьев Иван Матвеев — 24 (1828)
Зыков Иван Иванов — 42 (1810). Сын его Емельян — 6 (1846)
Инешин Тимофей Павлов — 33 (1819). Сын Гавриил — 4 (1848)
Кармалин Иван Васильев — 36 (1816). Сыновья: Иннокентий — 7 (1845), Василий — 5 (1847)
Кибирев Феодосий Иванов — 27 (1827)
Киселев Сафроний, казачий сын, сирота — 11 (1841)
Кожевин Николай Андреев — 33 (1819). Сыновья: Андрей — 10 (1842), Гаврило — 1 (1851)
Кожевин Николай Захаров 2-й — 28 (1824)
Кокоулин Андрей Яковлев — 36 (1816). Сыновья: Захар — 8 (1844), Федор — 2 (1850)
Кокшаров Семен Варфоломеев — 31 (1821)
Колашев[?] Василий Андреев — 36 (1815). Его сыновья: Степан — 12 (1840), Семен — 10 (1842), Роман — 6 (1846), Александр — 3 (1849)
Колмаков Феноген Андреев — 24 (1828)
Колмогоров Андриан Васильев — 63 (1789). Сын его служащий Александр — 40 (1812)
Корюкин Данило Матвеев — 37 (1815). Сын Ефим — 1 (1851)
Корюкин Моисей Игнатьев — 22 (1830)
Корытин Иван Лазарев — 22 (1830)
Корытин Павел Изосимович — 22 (1830)
Красовский Иван Власов — 26 (1826)
Кудеяров Дмитрий Львов — 57 (1795). Сын его Михаил — 14 (1838)
Кудияров Петр Васильев —22 (1830)
Курилов Николай Прокопьев — 36 (1816)
Куркутский Григорий Иванов — 24 (1828)
Мухин Луппо, казачий сын, сирота — 7 (1845)
Нижегородов Василий Евсевьев — 31 (1821)
Нижегородов Иван Осипов — 28 (1824)
Нижегородов Иван Осипов — 22 (1830)
Нижегородов Евсей Осипов — 36 (1816)
Нижегородов Михайло Михайлов — 61 (1791)
Нижегородов Федор Степанов — 61 (1791)
Овчинников Николай Федоров — 33 (1819). Сын Прокопий — 5 (1847)
Огибалов Николай Николаев — 57 (1795). У него сын служащий Яков — 25 (1827)
Павлов Филип Иванов — 52 (1800). Дети его: Алексей — 8 (1844), Иван — 6 (1846)
Парфентьев Николай Федотьев — 30 (1822). Сын его Иван — 6 (1846)
Парфентьев Тимофей Федотьев — 22 (1830)
Переплеткин Михайло Михайлов — 30 (1822)
Попов Степан Григорьев — 22 (1830)
Пшенников Ануарий (Януарий) Григорьев — 30 (1822)
Пшенников Григорий Никифоров — 60 (1792). У него дети служащие: Василий — 22 (1830). Неслужащие: Иван — 18 (1834), Зиновий — 13 (1839)
Расторгуев Иван, казачий сын, сирота — 5 (1847)
Русинов (Русанов) Кирик Демидов — 60 (1792). У него дети служащие: Прокопий — 22 (1830), Михаил — 35 (1817). Сын Михаила Иван — 5 (1847)
Савинский Петр Федоров — 37 (1815). У него сын Семен — 13 (1839)
Толстихин Василий Яковлев — 37 (1815). Сын Алексей — 7 (1845)
Толстихин Кремент Иванов — 24 (1828)
Толстихин Николай Яковлевич — 45 (1807). Сын его Григорий — 15 (1837)
Толстихин Петр Иванов — 22 (1830)
Тюшев Тимофей Кирилов — 60 (1792). У него сыновья служащие: Иван — 24 (1828). Сын Ивана Дмитрий — 1 (1851)
Тюшев Иннокентий Кирилов — 36 (1816)
Черных Алексей, казачий сын, сирота — 15 (1837)
Черных Гаврила, казачий сын, сирота — 1 (1651)
Черных Дормидонт, казачий сын, сирота
Черных Евграф, казачий сын, сирота
Черных Ефим, казачий сын, сирота — 6 (1846)
Чертовский Прокопий Прокопьев — 24 (1828)

Переведенные в Петропавловский порт казаки в августе 1854 года приняли активное участие в обороне Петропавловского порта.
Вот их имена:

Большаков Михаил Леонтьевич, казак
Колмогоров Василий Кирикович, казак Охотской казачьей команды
Корюкин Петр [1837], казак
Котельников Николай Васильевич, пятидесятник
Кошкарев [Кокшаров] Дмитрий Варфоломеевич [1835], казак
Кошкарев [Кокшаров] Петр Варфоломеевич [1835], казак
Краснояров Константин Онуфриевич, казак
Красовский Феликс Кириллович [1830] — незаконнорожденный уроженец Гижигинской крепости, матрос Камчатского флотского экипажа
Курилов Петр Дмитриевич [1827], из солдатских детей, матрос Камчатского флотского экипажа
Манаков Полиевкт Ильич [1836], казак
Ордин Влас Иванович [1840], казак
Пшенников Иван Григорьевич [1815], казак
Савинский Давид Федорович [1829], казак
Толстихин Василий Яковлевич [1815], казак
Томский Александр Никифорович [1826], пятидесятник

Окончательный список Гижигинской казачьей команды и членов их семей был сформирован после Крымской кампании 1853–1856 гг. (оборона Петропавловского порта 1854 г.) 18 января 1857 года [РГАВМФ. Ф. 909. Оп. 1. Д. 29. Лл. 75–81].

Этот небольшой остаток гарнизона Гижигинской крепости — его корневая родовая основа.

Падерин Егор — 34 (1832), пятидесятник [поступил на службу в 1850]. Ж. Елизавета Александрова — 34 (1832). Сыновья: Дей — 12 (1844), Степан — 7 (1849), Андрей — (1855)
Попов Василий — 41 (1815), урядник [1833]. Ж. Татьяна Васильева — 41 (1815)
Курилов Николай — 41 (1815), урядник [1833]. Ж. Агния Захаровна
Русанов Сократ — 42 (1814), вахтер [1833]. Ж. Марья Иванова — 42 (1814). Сыновья: Алексей — 10 (1846), Григорий — 8 (1848), Илья — 3 (1853), Иван — 1,5 (1854). Дочь Ирина — 15 (1841)
Казаки:
Тюшев Иннокентий — 41 (1815) [1833]. Ж. Елизавета Константинова — 42 (1814). Дочь Матрена — 12 (1844)
Куркутский Григорий — 29 (1827) [1845]. Ж. Парасковья Захарова — 20 (1836). Сын Иван — 2 мес. 26 дн. (1856)
Кожевин Николай 1-й — 37 (1819) [1836]. Ж. Надежда Иванова — 34 (1822). Сыновья: Гаврило — 15 (1841), Андрей — 13 (1843), Михайло — 1 мес. 11 дн. (1856). Воспитанник Уар Анкудинов — 13 (1843). Девица Александра Кожевина — 40 (1816)
Зиновьев Григорий — 37 (1819) [1837]. Ж. Авдотия Федотова — 25 (1831). Сыновья: Николай — 8 (1848), Лука — 3 (1853). Сестры Григория: Анна — 39 (1817), Варвара — 24 (1832), Параскева — 19 (1837)
Колмаков Василий — 41 (1815) [1833]. Ж. Параскева Ильина — 41. Сыновья: Степан — 15 (1841), Семен — 12 (1844), Роман — 9 (1847), Александр — 6 (1850), Яков — 1 (1855)
Пшенников Январий — 36 (1820) [1839]. Ж. Наталья Гаврилова — 29 (1827). Сын Василий — 4 (1852). Дочь Параскева — 9 (1847)
Зиновьев Иван — 29 (1827) [1845]. Ж. Наталья Васильева — 27 (1829). Дочери их: Варвара — 5 (1851), Евдокия — 1 (1855). Мать их Зиновьева Улита. Дочь Улиты Анна — 34 (1822). Дочь Анны — Анна — 2 (1854)
Переплеткин Михайло — 34 (1822) [1839]. Ж. Анна Лазарева — 27 (1829). Дочь Ефросиния — 1 (1855). Мать Переплеткина Акулина — 60 (1796)
Нижегородов Иван 1-й — 32 (1824) [1840]. Ж. Аксиния Васильева — 31 (1825). Сыновья: Трифон — 7 (1849), Иосиф — 3 (1853), Иннокентий — 10 мес. 23 дн. (1855). Дочери: Елизавета — 10 (1846), Варвара — 5 (1862). Мать Нижегородова Татьяна — 62 (1794)
Кокоулин Андрей — 40 (1816) [1839]. Ж. Наталия Гаврилова — 32 (1824). Сыновья: Захар — 12 (1844), Федор — 6 (1850). Дочери: Дарья — 8 (1848), Мокрина — 2 (1854)
Кокшаров Семен — 36 (1820) [1838]. Ж. Евдокия Александрова — 37 (1819). Сын Феодосий — 4 (1852)
Долгий Алексей — 32 (1824) [1839]. Ж. Татьяна Петрова — 26 (1830)
Долгий Кирило — 40 (1816) [1833]. Ж. Марфа Иванова — 46 (1810). Дочь Татьяна — 13 (1843)
Колмаков Феопонт — 27 (1829) [1845]
Попов Степан — 27 (1829) [1849]
Семейства казачьи
Овчинникова Улита — 27 (1829). Сыновья: Прокопий — 7 (1849), Алексей — 1 г. 11мес. (1854). Дочь Дарья — 3 (ум 20.01. 1856)
Зыков Емельян — 8 (1848)
Нижегородов Иван 2-й — 26 (1830) [1849]. Ж. Дарья Зосимова — 21 (ум. 05.04.1856)
Кармалина Варвара — 28 (1828). Сыновья: Иннокентий — 10 (1846), Василий — 7 (1849). Дочери: Улита — 4 (1852), Параскева — 2 мес. 11 дн. (1856)
Кармалина Олимпиада — 51 (1805 — 27.06.1856). Дочь ее Пелагея — 22 (1834). Сын Пелагеи Филипп — 2 мес. 27 дн. (01.1856 — 04.1856)
Савинская Параскева — 41 (1815). Дочь Настасья — 13 (1843). Сын Семен — 16 (1840)
Нижегородова Анна — 32 (1824). Дочери: Катерина — 17 (1839), Агриппина — 4 (1852)
Нижегородова Евдокия — 71 (1785). Дочь ее Парасковья — 25 (1831)
Колмогорова Ольга — 28 (1828). Дочери: Мария — 8 (1848), Евдокия — 4 (1852)
Парфентьева Парасковья — 34 (1822). Сын Иван — 8 (1848)
Чертовский Степан — 12 (1844)
Парфентьева Дарья, вдова — 61 (1795). Дочери: Евдокия — 19 (1837), Матрена — 23 (1833). Дочь Матрены — Феодосия
Толстихина Дарья — 25 (1831)

Долгополова Ольга — 24 (1832). Дети: Неонила — 1 (1855), Константин — 2 г. 7 мес. (1853)
Долгополова Серафима — 22 (1834). Дочь Татьяна — 1 (1855)
Инешин Гаврило — 9 (1847)
Русанова Катерина — 38 (1818). Дети ее: Иван — 8 (1848), Алексей — 1 г. 9 мес. (1854), Акулина — 10 (1846)
Волкова Евдокия — 29 (1827). Сыновья: Прокопий — 10 (1846), Кирик — 6 (1850), Иван — 4 (1852)
Красовский Василий — 5 (1851)
Красовская Наталья — 1 (1855)
Вдовы
Лифантьева Елена — 60 (1796). Дети: Егор — 13 (1843), Федор — 5 (1851), Евдокия — 19 (1837 — 11.11.1856, вышла замуж за гижигинского мещанина Михаила Сабинина 2-го)
Тюшева Елена — 50 (1806), сын Дмитрий — 5 (1851)
Чертовская Лукия. Дочери — Феодосия — 2 (1854), Анна — 22 (1834)
Анкудинова Аграфена — 28 (1828). Дети: Авдотья — 9 (1847), Татьяна — 5 (1851), Феодосия — 7 мес. 2 дн. (1855)
Большакова Александра — 22 (1834). 08.07.1856 г. вступила во второй брак с гижигинским мещанином Василием Подымахиным. Сын ее Александр — 3 (1853)
Красовская Варвара — 39 (1817). Сыновья: Феодосий — 14 (1842), Николай — 3 (1853). Дочь Евдокия — 12 (1844)
Чертовская Ирина — 67 (1789)
Веселова Прасковья — 88 (1768)
Анкудинов Елизар — 7 (1849)
Шмонина Настасья — 62 (1794)
Куркутская Марья — 37 (1819). Дети: Андрей — 12 (1844), Николай — 8 (1848), Аким — 4 (1852), Ольга — 6 (1850)
Русанова Анна — 82 (1774)
Кожевина Лукия — 60 (1796)
Беломоина Анна — 69 (1787)
Льготные казаки
Колмогоров Андриян — 64 (1792) — 1818. На льготе с 12.07. 1852
Колмогоров Роман — 69 (1787) — в отставке по неспособности
Кудьяров Дмитрий — 60 (1796) — 1807. На льготе с 23.07.1854. Ж. Авдотья Васильева — 46 (1810). Сын Михайла — 16 (1840). Дочери: Матрена — 28 (1828), Ирина — 7 (1849)
Нижегородов Федор — 65 (1791) — 1805. На льготе с 12.07.1852
Анкудинов Михайло — 3 (1853)
Пшенникова Зиновия — 18 (1838)
Волков Кузьма, отставной казачий сын — 29 (1827)
Сироты
Анкудинова Варвара — 5
Белохвостова Устиния — 13
Кобелева Феоктиста — 17, Кобелева Евдокия — 15, Кобелев Василий — 9 (Кобелевы 21.02.1856 г. выбыли в Охотск на жительство)
Корюкина Анна — 12, Корюкина Матрена — 8, Корюкин Ефим — 5
Нижегородова Параскева — 18
Огибалова Катерина — 48
Хмелевский Фердинанд, исправляющий должность земского исправника

В период Русско-японской войны 1904-1905 гг. потомки гижигинских казаков принимали активное участие в народном ополчении Камчатки, что позволило тогда сохранить полуостров за Россией, хотя японцы предполагали получить ее в качестве военного трофея вместе со столь же богатым рыбой Южным Сахалином, высадив на Камчатке десант, состоявший из отставных унтер-офицеров императорской армии.

Но десант был разгромлен. А хищнические браконьерские шхуны, атаковавшие нерестовые лососевые реки полуострова, уничтожались вместе с членами экипажа.

И камчатские потомки гижигинцев весьма достойно показали себя. Вот их имена:

Брагин Дмитрий Кириакович (1879 – 22.08.1937), с. Ключи
Волынкин (Валынкин) Николай Николаевич (1876), казак, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171296
Коренев Дмитрий Иванович, награжден серебряной медалью «За усердие», произведен в чин зауряд-хорунжего
Коренев Петр Иванович (1859), г. Петропавловск
Корюкин Алексей Петрович (06.03.1887), г. Петропавловск, награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте
Корякин Михаил Петрович (1879), г. Петропавловск, награжден серебряной медалью «За усердие»
Львов Аполлон Степанович (Ильич) (14.12.1862)
Львов Павел Степанович, урядник, награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте
Львов Флорентий Степанович (1856)
Мухин Андрей Лукиянович (1872)
Пшенников Николай Иванович, г. Петропавловск, награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте
Савинский Александр Дмитриевич (1860), с. Усть-Камчатск
Савинский Алексей Векентьевич (1883–1932)
Савинский Андрей Давидович (1865)
Савинский Давид Давидович (1872), награжден серебряной медалью «За усердие» и произведен в чин зауряд-хорунжего
Савинский Иван Давидович (1867)
Савинский Иван Векентьевич (1876)
Савинский Николай Векентьевич (1874)
Савинский Федор Давидович (1862 – 03.02.1916), награжден серебряной медалью «За усердие»
Толстихин Афанасий Иннокентьевич (1863)
Толстихин Василий Иннокентьевич (1875 – 25.05.1938), с. Тигиль
Толстихин Григорий Васильевич (1864)
Толстихин Константин Михайлович (?), с. Колпаково

Толстихин Петр Иннокентьевич (1858), награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171307
Томский Василий, с. Усть-Камчатск
Томский Иван Иванович (1867), с. Сероглазка
Чудинов Иосиф Ипатович (1878–1908), с. Коряки, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171288

ТИГИЛЬСКАЯ КРЕПОСТЬ

Истории возникновения Тигильской крепости предшествовали не менее трагические события, чем те, которые были связаны уже с ее собственной историей.

Одной из первых русских жертв камчадалов и коряков, проживавших в этих местах, где вождем прежде был некий Тигил, оставивший свое имя реке, стал один из тех русских казаков-первопроходцев, кто побывал на Камчатке еще до Владимира Атласова — Лука Семенов сын Старицын Мороска (или Морозка), уроженец Великого Устюга.

Это случилось во время первого похода Владимира Атласова в 1697 году.

Идея строительства Тигильской крепости возникла после бунта камчадалов 1731 года, который вошел в историю как Харчинский. Смысл ее заключался в том, чтобы воспрепятствовать корякским набегам на Камчатку, которые, в связи с открытием морского пути на Камчатку в 1716 году, привели к значительному ослаблению русского влияния на Чукотке по причине самой банальной — малолюдству Анадырского гарнизона.

Главный вопрос — с доставкой драгоценной казенной пушнины — был решен положительно, и интерес к Северо-Востоку приугас. Но, как говорится, «свято место пусто не бывает» — и освободившуюся от казаков нишу заняли воинственные местные народы — чукчи и коряки, которые начали совершать набеги на своих соседей, принявших подданство русского царя, разоряя поселки, убивая людей, угоняя стада оленей.

На севере Камчатки создается целая цепь преград — небольших крепостей — которые должны были воспрепятствовать этим набегам. На северо-западном побережье — Воямпольская крепость. На севере — Акланский острог. На северо-востоке — Олюторский острог. В центральной части северной Камчатки — Тигильская крепость.

Но читаем «Очерк главнейших событий в Камчатке» А.С. Сгибнева:

«В 1737 г. чукчи приходили к Нижнекамчатскому острогу и убили 6 человек служилых и несколько туземцев, а в 1738 г. под Анадырским острогом убили 8 служилых и 20 ясашных коряк. В половине декабря того же года чукчи напали на коряк, убили на р. Олюторке 25 человек и 66 человек взяли в плен. Кочуя по корякской земле в течение всей зимы, они отняли у коряк 11 табунов оленей, в которых было до 21 000 голов.

<…> чукчи 17-го марта 1741 г. сделали новый набег на коряк. Убили у них 12 человек, жен и детей взяли в плен и отогнали до 4000 оленей.

<…> Но главнейшее восстание началось в 1744 году. Сборщики Тауйского и Ямского острогов 1 апреля донесли, что находящийся на р. Наяхан коряцкий старшина Туина с родниками отказался платить ясак и угрожал побить сборщиков. Охотский командир Зыбин предписал идти на них военною рукою, что и исполнено в 1745 году (по распоряжению Зыбина в 1744 г. был укреплен Шипин острог против коряцких набегов, и с тех пор он стал называться Тигильской крепостью. — *Авт.*). Туина был пойман с тремя главными своими сообщниками и отослан в Охотск, где всех их заковали в ручные и ножные кандалы, заключили в тюрьму и приковали к стене. По произведенному над ними следствию дело пошло в сенат, а слухи об их мучительном аресте быстро распространились между коряками, которые сговорились всеми мерами мстить русским за истязания своих родовичей, а если можно, то и вовсе освободиться от их зависимости.

В [1749] году была разорена Воямпольская крепость. Из Камчатки требовали от Охотского командира служилых для усиления гарнизона в Тигильской крепости, которую коряки также намеревались разорить; но в Охотске не было лишних людей…

В [1751] году коряки в темную ночь подошли к Тигильской крепости, где командовал каптернамус Шацкий, разграбили и выжгли ее, а гарнизон взяли в плен. Потом пошли на Уку и разорили Ивашкин и Русаков острожки, а сборщиков убили.

В то же время другая партия коряк под управлением тоена Ярлыха подошла к Анадырскому острогу, где отогнала до 1000 оленей, принадлежащих команде Шатилова. Потом Ярлых разорил камчадальские селения Коручево, Еловское, Танинское и около Тигиля за покорность их жителей русским. Большую часть камчадалов этих селений убил, жен и детей взял в плен, а принадлежащее им имущество разграбил.

Аилан и Ярлых, поощренные этими успехами, продолжали в течение года преследовать русских и мирных камчадалов безнаказанно, потому что большая часть военной команды была занята в это время постройкою новых крепостей: Тигильской и Ижигинской. Тигильская крепость была окончена постройкою в 1752 г. Она была обнесена стоячим тыном в 1¾ саж. вышиною; вместо четвертой стены было построено две казармы с бойницами через сажень. Старая же обгорелая крепость была очищена от коряк поручиком Холмовским, под наблюдением которого производились и новые постройки.

<…> Хотя Ижигинская и Тигильская крепости были вновь построены и вооружены, но они не могли содействовать усмирению бунта по незначительности гарнизона. Лебедев послал строгое предписание в Нижней и Верхний остроги о высылке оттуда солдат в Ижигу; но ему ответили, что в обоих острогах крайний

недостаток в продовольствии, без которого нельзя отправить людей в поход.

Наконец после настоятельных требований Лебедева начальник Охотского порта Зыбин в 1753 г. отправил в Камчатку 75 чел. солдат с порохом, мортирами и другими военными припасами под начальством сержанта Сторожева и каптернамуса Байбародина. Партия эта шла зимою по берегу Охотского моря, и все тяжести везлись на нартах, в которые запрягали мирных коряк, и, конечно, без всякого за это вознаграждения.

В [1753] году коряки под начальством Чейвита в мае месяце осадили Тигильскую крепость. Команда, не решаясь на вылазку и не имея в крепости продовольствия, находилась в самом бедственном положении; сперва ела байдары, сыромятные сумы, ремни и вообще все кожаные вещи; но, когда и их не стало, питалась кустами кедровника и лиственницы. К счастию их, что коряки по вскрытии рек от льда отступили и тем дали им возможность запастись рыбою.

<…> 15 сентября 1755 г. коряки напали на русских, съехавших на берег в Пенжинской губе с судна “Св. Елисавета”, и убили двух матросов и 5 ранили. Начальник Камчатки предписал нижнекамчатскому отряду присоединиться к партии тигильских казаков и идти для усмирения коряк под начальством поручика Кошкарева. В обоих отрядах было 100 человек казаков и тунгусов. Кошкарев, предполагая встретить Ярлыха около Ивашкина острога, направился сперва к этому острогу; но, не найдя здесь коряк и следуя с поисками далее, через два дня встретил на р. Гытыгуре три юрты коряк и, не осведомясь, участники ли они бунта, приказал всех их вязать. Коряки выхватили ножи и бросились на русских, а жены и дети их стреляли из луков по русским, но через два часа юрты были разорены ручными гранатами, причем побито 48 коряк, детей до 15 лет 33 и 40 женщин. В плен взято мужчин 2, женщин 18 и убежало 6 коряк. Кроме того, в добычу русским досталось 807 оленей, 160 саней. Русских же было ранено 5 человек.

После того тигильская команда отделилась от Кошкарева и, спускаясь по р. Паллане, была вся побита туземцами, а воямпольская крепость снова взята коряками. Впрочем, крепость эта в том же году была отнята у коряк прапорщиком Шмалевым, и для исправления полуразрушенной крепости была оставлена здесь небольшая команда. Но во время работ, 1 мая 1756 г., крепость окружили окрестные инородцы и убили 8 казаков и одну женщину с ребенком, а двух казаков с женами и детьми взяли в плен.

<…> Наконец коряки, лишившись более половины своих единоплеменников, решились в 1757 г. покориться русским, и только небольшая часть их осталась в измене, и то лишь до 1758 года».

У нас нет данных о том, кто конкретно служил в Тигильской крепости в тот период — но, скорее всего, это были те самые казаки, имена которых приводятся в переписи 1748 года по Охотскому, Тауйскому и Анадырскому острогам, в которых и были сосредоточены основные казачьи силы. Регулярные войска, представляемые Якутским, Енисейским и Тобольским пехотными полками, прибывали, как правило, из столичных городов Восточной и Западной Сибири — Иркутска и Тобольска.

Первые найденные нами сведения об именном составе гарнизона Тигильской крепости относятся к 1812 году, их мы обнаруживаем в Исповедальной росписи Тигильской Христорожденственской церкви [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

Частный командир подпоручик Семен Васильевич Шмалев (1788)
Унтер-офицеры
Куямов [Куимов] Алексей Яковлевич (1778)
Попов Степан Тарасович (1759)
Рядовые
Емельянов Василий Варламович (1774)
Ешин [Юшин] Иван Васильевич (1789)
Ипатьев Егор Иванович (1791)
Киселев Григорий Борисович (1786)
Кожевин Алексей Иванович (1783)
Копылов Василий Семенович (1778)
Копылов Гаврила Семенович (1773)
Копылов Осип Дмитриевич (1762)
Копылов Степан Дмитриевич (1775)
Корнилов Александр Ефимович (1766)
Корнилов Николай Ефимович (1771)
Мишеев Федор Михайлович (1769)
Пяняженинов Иван Федорович (1780)
Санапальников Самойло Степанович (1779)
Шмелев Михаил Борисович (1788)
Бывшей городской команды
Отставной унтер-офицер
Василий Афанасьевич Анисимов (1761)
Рядовые
Ешин [Юшин] Василий Семенович (1748)
Пяняженин Федор Иванович (1753)
Нерегулярные (казаки)
Пятидесятники
Белоногов Лев Степанович (1755)
Шадрин Лев Дмитриевич (1733)
Рядовые
Белоногов Семен Львович (1791)
Воробьев Алексей Маркович (1753)
Воробьев Илья Маркович (1787)
Воробьев Осип Маркович (1773)
Ерофеев Василий Федорович (1794)
Мельников Иван Васильевич (1760)
Миронов Петр Семенович (1749)
Назаров Никита Матвеевич (1780)
Потапов Федор Козьмич (1781)
Санапальников Степан Семенович (1743)
Прибылов Семен Михайлович (1759)
Ударин Иван Федорович (1779)
Отставные на содержании
Унтер-офицер
Ипатьев Иван Прокопьевич (1753)
Рядовые
Кузнецов Семен Степанович (1768)
Приказные отставные
Губернские регистраторы
Баженов Иван Иванович (1757)

Лузин Афанасий Андреевич (1768)

Но в 1815 году в связи с расформированием Камчатского гарнизонного батальона, в составе которого было немалое число уроженцев Камчатки из казачьих детей, состав камчатских казачьих команд значительно изменился — стариков отправили в отставку, заменив их бывшими солдатами:

Пятидесятник
Степан Тарасович Попов
Рядовые
Антипин Семен Тихонович (1762)
Киселев Вавило Степанович (1765)
Копылов Иосиф Дмитриевич (1792)
Корнилов Александр Ефимович (1766)
Опарин Ефрем Федорович (1782)
Опарин Федот (Федор) Егорович (1736)
Пинижин Федор Иванович (1753)
Юшин Василий Семенович (1751)
Казаки
Белоногов Семен Львович (1790)
Емельянов Василий Варламович (1774)
Ипатьев Егор Иванович (1789)
Киселев Михаил Борисович (1788)
Кожевин Алексей Иванович (1783)
Косыгин Петр Иванович (1783)
Крыков Дмитрий Семенов (1796)
Лазарев Дмитрий Иванович (1790)
Назаров Никита Матвеевич (1782)
Пинижин Алексей Федорович (1786)
Расторгуев Иван Иванович (1796)
Санапальников Самуил Степанович (1779)
Сысоев Василий Федорович (1793)
Юшин Иван Васильевич (1789)
Рядовые казаки
Котков Федор Андреевич (1771)
Крыжановский Иван Федорович (1790)
Миронов Петр Семенович (1747)
Мыльников Иван Васильевич (1760)
Ударин Иван Федорович (1779)
Военные посельщики (из состава бывших военнослужащих Камчатского гарнизонного батальона, пожелавшие поселиться на Камчатке, без зачисления на службу)
Бречалов Алексей Григорьевич (1766)
Григорьев Матвей Иванович (1778)
Киселев Ефим Борисович (1776)
Копылов Гавриил Алексеевич (1773)
Копылов Савелий Семенович (1778)

Именной состав Тигильской крепости в 1831 году: Тигиль. 1831 год
Шемаев Иван Амосович (1783) отставной чиновник 14 класса становится урядником Тигильской команды
Киселев Михаил Борисович (1787) также числится в урядниках
Казаки
Баженов Дмитрий Иванович (1795)
Васютинский Федор Петрович (1769)
Крыжановский Иван Федорович (1798)
Мутовин Николай Семенович (1809)
Миронов Иван Петрович (1804)
Попов Василий Степанович
Попов Петр Николаевич (1808)
Притчин Семен Григорьевич (1805)
Сысоев Василий Федорович (1794)
Сысоев Петр Федорович (1799)
Чудинов Федор Гаврилович (1806)
Юшин Христофор Васильевич (1796)
Солдаты
Анисимов Василий Афанасьевич (1761)
Аргунов Никифор Савинович (1788)
Белоногов Семен Львович (1791)
Киселев Вавило Степанович (1766)
Копылов Варфоломей Осипович (1806)
Копылов Василий Семенович (1801)
Копылов Осип Дмитриевич (1762)
Косыгин Петр Иванович (1783)
Минюхин Матвей
Миронов Петр Семенович (1748)
Пинижин Алексей Федорович (1786)
Санапальников Самуил Степанович (1773)
Юшин Василий Семенович (1747)
Юшин Семен Васильевич (1806)
Служитель
Ордин Петр Ильич (1770)

Карл фон Дитмар, побывавший в Тигиле в 1854 году, оставил следующие записи о бывшей крепости:

«27 домов местечка выглядели все лучше и порядочнее, чем мне пришлось видеть… Они были расположены почти улицами и окружены порядочными огородами и дворами с хозяйственными постройками. Старая церковь погибла от пожара, и теперь как раз в центре Тигиля строилась новая. От старого бывшего здесь укрепления почти не осталось следа, кроме пары старых пушек с пометкой 1790 года. Балаганы для сушки рыбы… были отнесены от жилых домов далеко на берег реки, что сделало все местечко здоровее, опрятнее и чище.

Я насчитал 150 голов рогатого скота и 12 лошадей, каждый день выгоняемых на тучный выгон, а вблизи расстилались обширные покосы, с которых как раз теперь снимали очень богатый урожай прекраснейших и питательнейших трав. В 1853 году … значилось в Тигиле населения 109 душ мужеского пола и 88 женского, большею частью потомков старинных камчатских казаков, однако, благодаря смешанным бракам, с сильной примесью камчадальской и особенно корякской крови…».

В РГАВМФ, фонд 906, оп. 1, д. 16 сохранился посемейный список казаков Тигильской крепости.
Командир Тигильской крепости хорунжий
Иван Андреянович Жирков (1827)
Крыжановский Николай Спиридонович (1821), урядник Тигильской казачьей команды. Сын его Гавриил — 3 года
Казаки
Аснашев Кирила Исаевич (1811)
Анисимов Григорий Васильевич (1824). Сын его Василий — 5 лет
Баженов Иван Дмитриевич (1829)
Копылов Тимофей Васильевич (1823). Сын его Иннокентий — 1

Косыгин Иван Петрович (1811). Сыновья его: Петр — 14, Иннокентий — 10, Лука — 5
Косыгин Федот Петрович (1820). Сын его — Иван. Незаконнорожденный пасынок Дмитрий — 13
Львов Степан Дмитриевич (1827)
Миронов Иван Иванович (1828)
Пинижин Николай Алексеевич (1820). Сыновья его: Александр — 4, Алексей — 1
Попов Василий Степанович (1804). Сыновья его: служащий казак Николай — 23 года. Неслужащие: Николай — 17, Степан — 14, Егор — 9, Гаврила — 7, Тарас — 5. Воспитанник Федор — 20
Попов Николай Петрович (1827)
Шамаев Павел Иванович (1818). Сыновья его: Андрей — 8, Иван — 4, Лука — 2
Юшин Иосиф Иванович (1826). Сын его Дмитрий
Лекарь Чудинов Иван Гаврилович (1811)
Отставные казаки
Баженов Дмитрий
Белоногов Семен Львович (1784)
Миронов Иван Петрович (1794). Сыновья его: служащие: Иван — 23, Алексей — 21, Михайло — 18. Неслужащие: Петр — 15, Сафоний — 8
Санапальников. Сын Прокопий — 13
Сысоев Василий. Сыновья его: кантонисты Петр — 16, Павел — 16
Сысоев Петр Федорович (1799). Сыновья его: неслужащие: Николай — 14, Михаил — 12, Анфим — 9
Юшин Кирсан (Хирсан). Дети: Василий — 13, Иван — 16
Юшин Иван. Сын Михаил — 14
Крестьяне
Григорьев Григорий Матвеевич (1806)
Григорьев Зинон Матвеевич (1802)
Григорьев Матвей Григорьевич (1777)
Страннолюбский Ермолай Михайлович (1804)
Мещане
Ворошиловы
Кузнецов Алексей Иванович (1822)

В составе Камчатского флотского экипажа, принимавшего непосредственное участие в событиях Петропавловской обороны, отмечены уроженцы Тигильской крепости:

Кокорин Семен Алексеев (1827) — писарь (нестроевой), уроженец Тигильской крепости, из солдатских детей, окончил Охотское училище, в 1854 году служил на транспорте «Байкал», тендере «Камчадал», в 1855 г. на этом транспорте принимал участие в сражении в заливе Де-Кастри.
Петухов Роман Михайлов сын (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, Тигильской крепости, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного парохо-до-корвета и одного фрегата.
Яковлев Федор Тимофеев (1827) — матрос 2-й статьи, уроженец Тигильской крепости, из солдатских детей, в 1844 г. из школьников Охотского училища направлен в Охотский экипаж младшим юнгою, в 1854 г. участвовал в обороне Петропавловского порта, 8–9 мая 1855 г. — в сражении в заливе Де-Кастри на корвете «Оливуца».

Но это далеко не полный список, так как обозначенные нами выше тигильские казачьи фамилии достаточно широко представлены в событиях Петропавловской обороны и в составе Камчатской казачьей команды, и в составе Камчатского флотского экипажа, а также и среди добровольцев-охотников из жителей Петропавловского порта (в первую очередь из отставных казаков и матросов).

Корнилов Андрей Николаевич [1818], из солдатских детей, матрос Камчатского флотского экипажа
Ипатьев Иван Егорович [1812], матрос
Ипатьев Николай Ксенофонтович [1839], баталер
Миронов Максим Петрович [1825], из солдатских детей, матрос Камчатского флотского экипажа, служил на тендере «Камчадал»
Санапальников Василий Самойлович [1822], из солдатских детей, матрос Камчатского флотского экипажа
Сысоев Николай Петрович [1831], казак
Сысоев Герасим Егорович [1824], из солдатских детей, марсовый матрос Камчатского флотского экипажа
Шамаев Николай Иванович [1821], из солдатских детей, матрос Камчатского флотского экипажа
Шемаев Валериан Иванович [1835], из обер-офицерских детей, участвовал в сражении в заливе Де-Кастри в мае 1855 г.
Юшин Михаил Иванович [1832], казачий пятидесятник
Юшин Семен Васильевич [1798], отставной матрос Камчатского флотского экипажа

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. на Камчатке для отражения японского десанта, высадившегося на юго-западе полуострова, а более для отражения «хищнических» (браконьерских) японских шхун, нацеленных на промысел лососей в устьях нерестовых камчатских рек, было сформировано народное ополчение, организованное в дружины.
Тигильскую дружину представляли:

Крыжановский Гавриил Николаевич — командир-пятидесятник
Баженов Василий Иванович (1865), с. Тигиль
Беломоев [из Беломоин] Иона (Иоил), с. Тигиль
Григорьев Иван Игнатьевич (1876), с. Тигиль
Копылов Вениамин Стахеевич (1883), Петропавловск
Копылов Евстафий Стахеевич (1872 – 20.05.1938), с. Тигиль
Копылов Иннокентий Иннокентьевич (1886)

Копылов Михаил Стахеевич (1875 – 25.05.1938), с. Тигиль
Копылов Прохор (1874), награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171280
Копылов Савва Иннокентьевич (1882)
Косыгин Александр Феодосьевич (1877), с. Тигиль
Косыгин Михаил Кириллович (1877), с. Тигиль
Крыжановский Гавриил Николаевич (1849), с. Тигиль, пятидесятник, произведен в чин зауряд-хорунжего
Крыжановский Маркел Прокопьевич (1882), с. Тигиль
Крыжановский Прокопий Николаевич (1854)
Лонгинов Алексей, псаломщик Тигильской церкви
Миронов Александр Михайлович (1856), с. Тигиль
Миронов Афанасий Иванович (1854), с. Тигиль
Миронов Василий Афанасьевич (1886), с. Тигиль,
Миронов Василий Сафонович (1887), с. Усть-Камчатск
Миронов Иван Алексеевич (1875)
Миронов Иван, г. Петропавловск
Миронов Михаил Алексеевич (1869), с. Тигиль
Миронов Митрофан Сафонович, с. Тигиль
Миронов Павел Михайлович (1883), с. Тигиль
Миронов Федор, с. Усть-Камчатск
Мухин Андрей Лупиянович (1872), с. Тигиль
Пинезин Василий Николаевич (1881), г. Петропавловск, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171279
Пинижин Иван Николаевич (1856), с. Тигиль
Пенизин Николай Николаевич (1856), г. Петропавловск, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171285
Пенижин Трофим Николаевич (1874), с. Тигиль
Пинижин Епифаний Алексеевич (1881), с. Тигиль
Пинизин Николай Алексеевич (1877), с. Тигиль
Пинизин Емельян, с. Тигиль
Пинизиин Иван Николаевич (1856), с. Тигиль
Пинизин Космин, с. Тигиль
Попов Алексей, с. Тигиль
Попов Виктор Николаевич (1860–1911), с. Тигиль
Попов Василий, с. Тигиль
Попов Лазарь Гаврилович (1884), с. Тигиль
Попов Никандр Иванович, с. Тигиль
Санапальников Прокопий Прокопьевич (1887), с. Тигиль
Сысоев Григорий Михайлович (1872), с. Тигиль
Сысоев Флегонт Михайлович (1877), с. Тигиль
Сысоев Никандр, с. Тигиль
Толстихин Афанасий Иннокентьевич (1863), с. Тигиль
Толстихин Василий Иннокентьевич (1875 – 25.05.1938), с. Тигиль
Толстихин Григорий Васильевич (1864)
Толстихин Константин Михайлович (?), с. Колпаково
Толстихин Петр Иннокентьевич (1858), г. Петропавловск, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171307
Чертовский Макар Прокопьевич (1871), с. Тигиль
Шемаев Иван Павлович (1848), с. Тигиль
Шемаев Лука Павлович (1850), с. Тигиль
Шемаев Павел Андреевич (1871), с. Тигиль
Юшин Павел Иосифович (1878–1941), с. Тигиль, помощник командира Тигильской дружины, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171290
Юшин Моисей Иосифович, г. Петропавловск, награжден серебряной медалью «За усердие» и Георгиевским крестом 4-й степени № 171294
Юшин Ивли, с. Тигиль
Юшин Дмитрий Дмитриевич (1882), с. Тигиль
Юшин Иван Дмитриевич (1867), Тигиль
Юшин Николай Дмитриевич (1882), с. Тигиль
Юшин Николай Иосифович, с. Тигиль
Юшин Ксенофонт Иосифович (1864)

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПОРТ

В 1741 году для охраны казенного имущества Второй Камчатской экспедиции в Петропавловскую Гавань (Гавань) была переведена часть казаков из Большерецкого острога.

В 1799 году в Петропавловском порту были расположены две роты Камчатского гарнизонного батальона.

В 1813 году после расформирования Камчатского гарнизонного батальона была сформирована Петропавловская экипажная рота Охотского флотского экипажа.

В 1849 году при образовании Камчатской области и расформировании Охотского флотского экипажа был создан 46-й (с 1854 года — 47-й) Камчатский флотский экипаж.

Петропавловская флотская экипажная рота, 1813 год

Дей Андреевич Падерин [из верхоленских казаков] (1780), писарь
Петр Семенович Голых (1776), квартирмейстер
Матросы
Вологжанин Максим Максимович (1778)
Гаврилов Федор Ильич (1793)
Данилов Петр Васильевич (1786)
Зимин Григорий Ильич (1790)
Зимин Иван Ильич (1795)
Зимин Илья Ильич (1788)
Ипатьев Осип Иванович (1787)
Копылов Герасим Титович (1762)
Корякин Петр Иванович (1774)
Кузнецов Ефим Андреевич (1796)
Норин Лавр Иванович (1792)
Охлобков Степан Михайлович (1794)
Паранчин Иван Михайлович (1794)
Паранчин Петр Ильич (1790)
Пинигин Иван Федорович (1780)
Пономарев Осип Кондратьевич (1778)
Попов Аким Степанович (1794)
Сысоев Андрей Иванович (1794)
Тыртов Михей Стефанович (1748)
Ушаков Федор Федорович (1787)
Филиппов Иван Сафронович (1764)
Хохлов Степан Васильевич (1779)

Черных Василий Николаевич (1780)
Черных Гаврило Егорович (1776)
Черных Прокопей Васильевич (1775)
Чупров Михаил Васильевич (1772)

Канониры

Березовский Василий Андреевич (1777)
Васютинский Федор Петрович (1777)
Дурынин Сидор Васильевич (1781)
Дюков Григорий Андреевич (1789)
Карандашев Василий Лукич (1780)
Кузнецов Алексей Андреевич (1790)
Кузнецов Павел Андреевич (1790)
Марков Осип Трифонович (1779)
Марков Тимофей Трифонович (1785)
Пермяков Христофор Андреевич (1779)
Потапов Александр Кузьмич (1774)
Расторгуев Михаил Иванович (1779)
Сметанин Петр Михайлович (1781)
Соленый Иван Кирикович (1779)
Усов Василий Васильевич (1777)

Казачья команда Петропавловского порта, 1815 год

Савинский Федор Иванович (1774), сотник
Козлов Андрей Родионович (1783), урядник

Казаки

Аргунов Андрей Захарович (1784)
Аргунов Прокопий Захарович (1789)
Аргунов Яков Григорьевич (1790)
Конев Карп Тимофеевич (1784)
Ломаев Степан Иванович (1785)
Наянов Елизар Стефанович (1789)
Наянов Кузьма Стефанович (1788)
Путилов Михаил Филатович (1785)
Сметанин Борис Михайлович (1795)
Сысоев Яков Павлович (1784)
Третьяков Иван Петрович (1795)
Федоров Игнатий Федорович (1794)
Фролов Григорий Петрович (1794)
Фролов Степан Петрович (1788)

Отставные военные

Новограбленной Иван Миронович (1768, унтер-офицер)
Гладкой Степан Петрович (1749)
Белокопытов Егор Петрович (1768)
Березовский Степан Прокопьевич (1767)
Верхотуров Козьма Дмитриевич (1758)
Мутовин Гаврило Лаврович (1768)
Новограбленной Роман Миронович (1770)
Тихонов Степан Тихонович (1749)

Отставные казаки

Зырянов Иван Федорович (1778)
Колокольников Никита Иванович (1773)
Крыков Гаврило Дмитриевич (1773)
Лазарев Петр Яковлевич (1760)
Слободчиков Лука Васильевич (1767)
Сметанин Николай Михайлович (1779)
Студенцов Алексей Игнатьевич (1767)
Фролов Петр Дмитриевич (1755)

Петропавловская казачья команда, 1846 год

Урядники

Карандашев Алексей Степанович (1817)
Миронов Осип Иванович (1827)
Киселев Петр Ефимович (1819)
Селиванов Козьма Николаевич (1809)
Томский Егор Никифорович (1809)

Казаки

Зырянов Емельян Иванович (1803)
Карандашев Антон Степанович (1814)
Климов Андрей Михайлович (1828)
Конев Никита Константинович (1814)
Костоломов Александр Леонтьевич (1817)
Онохов Андрей Петрович (1821)
Пинижин Александр Иванович (1827)
Расторгуев Стефан Васильевич (1809)
Соловьев Порфирий Осипович (1824)
Томский Александр Никифорович (1826)
Томский Иван Никифорович (1827)
Томский Петр Никифорович (1822)
Чеботнягин Афанасий Никитич
Крупенин Василий Иванович (1822)
Чудинов Степан Григорьевич (1810)
Шахов Мануил Иванович (1813)

Казачья команда Петропавловского порта, 1850 год

Урядники

Карандашев Алексей Стефанович (1817)
Селиванов Козьма Николаевич (1809)
Томский Александр Никифорович (1826)

Рядовые

Черных Александр Никифорович (1832)
Чудинов Стефан Григорьевич (1810)
Карандашев Антон Стефанович (1814)
Климов Андрей Михайлович (1828)
Конев Никита Константинович (1814)
Константинов Лев Дмитриевич (1820)
Коренев Иван Алексеевич (1829)
Крупенин Василий Иванович 1-й (1822)
Крупенин Василий Иванович 2-й (1831)
Манаков Иоаким Ильич (1832)
Онохов Андрей Петрович (1821)
Падерин (Константинов) Егор Дмитриевич (1822)
Соловьев Порфирий Осипович (1824)
Томский Иван Никифорович (1827)
Томский Петр Никифорович (1824)

Казачьи дети

Белокопытов Капитон Иванович (1831)
Киселев Иван Петрович (1839)
Киселев Софрон Петрович (1842)
Минюхин Матвей Яковлевич (1833)
Минюхин Фирс Яковлевич (1835)
Неворотов Иннокентий Дмитриевич (1838)
Соловьев Евгений Осипович (1834)
Томский Иван Егорович (1840)
Третьяков Василий Иванович (1837)
Третьяков Илья Иванович (1847)
Третьяков Федор Иванович (1835)
Тувалин Дмитрий Степанович (1838)

Петропавловский порт, 1845 г., Петропавловская экипажная рота (уроженцы Камчатки)

Унтер-офицеры

Атласов Семен Никитович (1776), вахтер, из детей боярских, уроженец г. Якутска, в 1797 г.

поступил в Якутскую боярскую команду, в 1799 г. — в штат провиантский, в 1812 г. переведен «за учиненные буйственные поступки прогнан шпицрутенами чрез 1000 человек 3 раза с выключкой из штата провиантского в Камчатский гарнизонный батальон рядовым», в 1813 г. «военнопосельщик» (ссыльнопоселенец), в 1816 г. поступил в Камчатскую экипажную роту.

Белов Артамон Алексеевич (1817), младший унтер-офицер, из солдатских детей, уроженец Камчатки, в 1833 г. поступил в Камчатскую казачью команду казаком, в 1840 г. переведен в экипажную роту матросом.

Белов Иван Алексеевич (1822), младший унтер-офицер, из солдатских детей, уроженец Камчатки, в 1839 г. поступил в Камчатскую экипажную роту матросом.

Дунаев Дементий Кирикович (1817), младший писарь, из солдатских детей, уроженец Камчатки, в 1835 г. поступил в «Петропавловскую морскую полугоспиталь школьником».

Дурынин Пантелей Наумович (1801), младший госпитальный писарь, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в экипажную роту в 1819 г.

Корякин Федор Петрович (1813), писарь 1-го класса, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в экипажную роту в 1821 г.

Крохалев Ермила Григорьевич (1808), квартирмейстер, уроженец Камчатки, из казачьих детей, поступил на службу в казачью команду в 1821 г., переведен в Петропавловскую экипажную роту в 1829 г.

Крыков Егор Гаврилович (1801), старший унтер-офицер, из казачьих детей, уроженец Камчатки, в 1817 г. поступил в Камчатскую казачью команду, в 1822 г. определен в экипажную роту.

Курилов Дмитрий Борисович (1795), боцман, уроженец Камчатки, из солдатских детей, зачислен в Петропавловскую экипажную роту в 1813 г., в 1817 г. на бриге «Рюрик» ходил в Кронштадт и обратно, в 1821 г. по приказу П.И. Рикорда «за развратное поведение и худые поступки» переведен из боцманов в матросы 2-й статьи, затем вновь поднялся до боцманмата.

Мутовин Николай Семенович (1809), мастеровой 2-го класса, из казачьих детей, уроженец Камчатки, определен в 1829 г. в казачью команду, в 1832 г. переведен в экипажную роту.

Новограбленный Аверкий Иванов сын (1839), квартирмейстер, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в экипажную роту в 1835 г.

Паранчин Иван Михайлович (1793), писарь 1-го класса, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатский гарнизонный батальон рядовым в 1811 г., в 1813 г. поступил в экипажную роту.

Попов Иван Иванович (1799), квартирмейстер, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1820 г., переведен в экипажную роту в 1825 г.

Чернов (Черных) Николай Николаевич (1808), старший госпитальный писарь, из обер-офицерских детей, уроженец Камчатки, в 1826 г. поступил в экипажную роту матросом 2-й статьи.

Нижние чины

Аргунов Илья Григорьевич (1811), плотник, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1828 г.

Аснашев Алексей Исаевич (1828), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1842 г.

Атласов Василий Семенович (1830), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1845 г.

Баченин Александр Максимович (1827), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1840 г.

Баченин Андреян Максимович (1828), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Баченин Иван Максимович (1823), марсовый матрос, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г.

Баченин Максим Иванович (1799), матрос 1-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1819 г.

Белокопытов Василий Иванович (1826), из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1840 г.

Белокопытов Ефим Никитович (1829), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Белокопытов Иван Егорович (1809), бомбардир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1824 г.

Белокопытов Николай Иванович (1828), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Березовский Василий Васильевич (1810), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1829 г.

Березовский Захар Васильевич (1815), плотник, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1825 г.

Винокуров Григорий Иванович (1811), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1829 г.

Воробьев Алексей Никифорович (1826), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1841 г.

Воробьев Никифор Алексеевич (1798), матрос 1-й статьи, из казачьих детей, уроженец

Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1817 г., определен в экипажную роту в 1826 г.

Гаврилов Прокопий Федорович (1825), барабанщик, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1840 г.

Голых Василий Петрович (1814), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1832 г.

Голых Илья Петрович (1825), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1840 г.

Голых Петр Петрович (1823), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г.

Горохов Дементий Гаврилович (1813), матрос 1-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1832 г.

Дмитриев Семен Александрович (1815), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1831 г.

Добрынин Иван Васильевич (1810), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1831 г.

Дурынин Гаврила Тимофеевич (1799), плотник, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду казаком в 1817 г., определен в экипажную роту в 1819 г.

Дурынин Клим Пантелеевич (1823), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1840 г.

Дюков Андрей Григорьевич 2-й (1826), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1840 г.

Дюков Григорий Андреевич (1791), канонир, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1807 г., определен в экипажную роту в 1817 г., в 1817 г. по определению Охотского суда за кражу у мещанина Сенотрусова коробки с деньгами (750 руб.) наказан шпицрутенами через 1000 человек один раз.

Дюков Михаил Григорьевич (1828), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Дюков Семен Егорович 1-й (1826), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1842 г.

Залуцкий Конон Гаврилович (1828), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1842 г.

Ипатьев Иван Егорович (1812), марсовый матрос, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1832 г.

Карандашев Тимофей Степанов сын (1824), канонир, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1841 г.

Кожевин Федор Алексеевич (1807), матрос 2-й статьи, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду, затем определен в экипажную роту в 1822 г.

Козлов Лев Родионович (?), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду, определен в экипажную роту в 1829 г.

Копылов Варфоломей Осипович (1806), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1832 г.

Корнилов Алексей Николаевич (1797), матрос 1-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1817 г.

Корнилов Андрей Николаевич (1818), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1833 г.

Корякин Алексей Петрович (1823), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г.

Костоломов Петр Михайлович (1809), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1827 г.

Крыков Василий Егорович 1-й (1829), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1845 г.

Курилов Петр Дмитриевич (1829), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Курилов Федор Дмитриевич (1825), марсовый матрос, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г.

Мамаев Елисей Иванович (1811), матрос 1-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1832 г.

Минюхин Андрей Яковлевич (1823), канонир, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1841 г.

Минюхин Егор Матвеевич (1821), матрос 2-й статьи, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1837 г., определен в экипажную роту в 1841 г.

Минюхин Федор Иванович (1811), матрос-рулевой, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1831 г., 22 апреля 1843 г. по приказу начальника Камчатки «за кражу … из кулемок соболей принадлежащих камчадалам лишен нашивки за 10-летнюю безпорочную службу, смещен из рулевых во 2-ю статью и наказан розгами 100 ударов».

Миронов Максим Петрович (1825), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1842 г.

Мутовин Василий Гаврилович (1806), матрос 1-й статьи, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1825 г., определен в экипажную роту в 1829 г.

Мутовин Иван Гаврилович (1806), матрос 1-й статьи, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1825 г., определен в экипажную роту в 1829 г.

Мутовин Илья Михайлович (1822), матрос 1-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г.

Мутовин Михаил Гаврилович (1817), канонир, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1835 г.

Наянов Илья Елизарович (1828), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Наянов Матвей Елизарович (1821), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1841 г.

Никифоров Никифор Федорович (1827), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1842 г.

Никифоров Степан Федорович (1823), матрос 1-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г.

Никифоров Федор Федорович (1829), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Никифоров Яков Федорович (1821), барабанщик, из солдатских детей, уроженец Камчатки, 1839 г.

Новограбленный Давид Иванович (1807), плотник, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1825 г.

Новограбленный Иннокентий Давыдович (1828), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Новограбленный Харитон Иванович (1817), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1834 г., в 1839 г. марсовый матрос, в 1843 г. квартирмейстер, в 1845 г. приказом начальника Камчатки «за пьянство, буйство и разные безпорядки в роте, разжалован из квартирмейстеров в матрозы во 2-ю статью».

Норин Герасим Лаврович (1821), матрос 1-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г.

Норин Егор Лаврович (1826), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1840 г.

Паншин Петр Николаевич (1825), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1841 г.

Паранчин Даниил Мосеевич (1828), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Помаскин Андреян Семенович (1814), бомбардир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1832 г.

Попов Игнатий Иванов сын (1828), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Попов Михаил Иванович (1824), бомбардир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1841 г.

Расторгуев Михаил Васильевич (1808), марсовый матрос, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1827 г., в экипажную роту в 1829 г.

Санапальников Василий Самойлович (1825), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1842 г.

Санапальников Денис Степанович (1798), матрос 1-й статьи, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1821 г., определен в экипажную роту в 1833 г.

Семенов Илья Иванович (1813), матрос 1-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1829 г., определен в экипажную роту в 1830 г.

Сереткин Денис Иванович (1800), матрос 2-й статьи, из крестьян Иркутской округи Жилинской волости, принят в рекруты в 1828 г., назначен в денщики к капитану 1-го ранга Ильину в 1829 г., определен в Камчатскую экипажную роту в 1832 г.

Слободчиков Роман Лукич (1807), матрос-рулевой, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1828 г.

Сметанин Михайло Петрович (1824), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г.

Соленов Александр Иванович (1830), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Спилихин Степан Васильев сын (1811), матрос 1-й статьи, из мещан, уроженец Казанской губернии, г. Чистополя, рекрутом принят в 22 флотский экипаж матросом в гвардейский экипаж лазаретным служителем в 1839 г., поступил в денщики к капитану 2-го ран-

га Страннолюбскому в 1839 г., поступил в Камчатскую экипажную роту матросом 1-й статьи с исправлением должности лоцмана Тигильской крепости в 1841 г., в 1843 г. назначен лоцманом в Нижнекамчатск.
Сысоев Герасим Егорович (1824), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г.
Третьяков Яков Иванович (1824), матрос 2-й статьи, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1839 г., определен в экипажную роту в 1842 г.
Усов Аксентий Васильевич (1828), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1842 г.
Усов Павел Васильевич (1815), бомбардир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1832 г.
Усов Федор Васильевич (1831), из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.
Хохлов Иван Степанович (1806), матрос 1-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1825 г.
Чарков Афанасий Алексеевич (1799), матрос 1-й статьи, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду казаком в 1817 г., переведен в экипажную роту в 1825 г.
Чарков Иван Алексеевич (1810), канонир, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1829 г.
Чарков Егор Афанасьевич (1830), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1845 г.
Чернов (Черных) Павел Николаевич (1810), матрос 2-й статьи, из обер-офицерских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1834 г.
Чудинов Алексей Николаевич (1814), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1831 г.
Шемаев Николай Иванович (1824), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1841 г.
Шемаев Федор Иванович (1823), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1841 г.
Шестаков Иван Иванович (1824), матрос 1-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г.
Юрьев Петр Васильевич (1802), матрос 2-й статьи, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1818 г.
Юшин Роман Васильевич (1802), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1822 г., определен в экипажную роту в 1831 г.
Юшин Семен Васильевич (1809), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1831 г., определен в экипажную роту в 1832 г.

Петропавловский порт, 1850 год, 46-й флотский экипаж (выборка камчатских имен)

Корпуса флотских штурманов прапорщики
Киренский Иван Яковлевич (1821)
Чудинов Гурий Михайлович (1829)
Кондуктор 1-го класса
Григорьев Павел Никитович (181?)
Боцман
Игнатьев Харитон (1809)
Боцманматы
Новограбленной Аверкий Иванович (1819)
Яблоков Игнатий Дмитриевич (1817)
Квартирмейстеры
Новограбленной Харитон Иванович (1817)
Шестаков Иван Иванович (1823)
Петров Андрей Гаврилович (1812)
Мастеровой унтер-офицер
Мутовин Николай Семенович (1809)
Писаря
Корякин Федор Петрович (1803)
Паранчин Иван Михайлович (1793)
Попов Михаил Иванович (1824)
Черной Николай Николаевич 1-й (1808)
Черной Николай Николаевич 2-й (1832)
Вахтер
Атласов Семен Никитич (1781)
Матросы
Атласов Василий Семенович (1830)
Белокопытов Ефим Никифорович (1829)
Белокопытов Иван Егорович (1804)
Белокопытов Николай Иванович (1828)
Винокуров Григорий Иванович (1818)
Воробьев Алексей Никифорович (1826)
Голых Василий Петрович (1814)
Голых Илья Петрович (1828)
Голых Петр Петрович (1823)
Голых Стефан Петрович (1829)
Дурынин Стефан Гаврилович (1830)
Колычев Никифор Иванович (1833)
Конев Иван Карпович (1832)
Конев Степан Карпович (1829)
Корнилов Андрей Николаевич (1818)
Корякин Алексей Петрович (1823)
Косыгин Иван Петрович (1823)
Кузнецов Егор Павлович (1834)
Минюхин Андрей Яковлевич (1823)
Минюхин Егор Матвеевич (1821)
Миронов Максим Петрович (1825)
Мутовин Василий Гаврилович (1807)
Мутовин Иван Гаврилович (1806)
Мутовин Михаил Гаврилович (1817)
Наянов Илья Елизарович (1828)
Наянов Матвей Елизарович 1-й (1821)
Наянов Матвей Елизарович 2-й (1832)
Никифоров Никифор Федорович (1827)
Никифоров Федор Федорович (1829)
Новограбленный Иннокентий Давидович (1829)
Попов Григорий Иванович (1832)

Попов Игнатий Иванович (1828)
Попов Никифор Петрович (1818)
Санапальников Василий Самойлович (1825)
Слободчиков Роман Лукич (1807)
Сметанин Михаил Петрович (1824)
Соленый Александр Иванович (1830)
Соленый Иван Иванович (1832)
Сысоев Герасим Григорьевич (1824)
Третьяков Яков Иванович (1824)
Томский Иван Петрович (1824)
Усов Авксентий Васильевич (1828)
Усов Павел Васильевич (1815)
Усов Федор Васильевич (1829)
Усов Филипп Васильевич (1832)
Черных Карп Васильевич (1825)
Чудинов Алексей Николаевич (1814)
Шемаев Николай Иванович (1821)
Шемаев Ферапонт Иванович (1823)
Юрьев Петр Васильевич (1892)

Адмиралтейские

Аргунов Илья Григорьевич (1808)
Винокуров Яков Иванович (1808)
Дурынин Андрей Васильевич (1808)
Ипатьев Иван Егорович (1812)
Карандашев Тимофей Дмитриевич (1824)
Минюхин Федор Иванович (1811)
Мутовин Егор Федорович (1804)
Мутовин Иван Николаевич (1832)
Перфильев Федор Алексеевич (1800)
Помаскин Андреян Семенович (1814)
Расторгуев Михаил Васильевич (1818)
Скребыкин Василий Петрович (1807)
Соловьев Степан Осипович (1823)

Отставные

Вьюшин (Юшин) Роман Васильевич (1801)
Дурынин Василий Андреевич (1779)
Дурынин Гавриил Григорьевич (1796)
Дурынин Пантелей Наумович (1801)
Карандашев Василий Лукич (1780)
Карандашев Петр Евсеевич (1797)
Киселев Степан Кириллович (1785)
Константинов Дмитрий Семенович (1772)
Корнилов Алексей Николаевич (1797)
Кузнецов Алексей Андреевич (1790)
Кузнецов Павел Андреевич (1791)
Ламаев Степан Иванович (1783)
Попов Иван Иванович (1798)
Секерин Петр Петрович (1811)
Сметанин Петр Михайлович (1776)
Соловьев Иосиф Филиппович (1792)
Томский Георгий Никифорович (1814)
Тувалин Степан Григорьевич (1803)
Третьяков Иван Петрович (1793)
Усов Василий Васильевич (1770)
Чеботнягин Афанасий Никитич (1811)
Черной Павел Николаевич (1811)

Посемейный список

Петропавловской казачьей команды за 1852 год [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16]

Селиванов Максим Николаевич (1809), зауряд-хорунжий. Его сын Николай — 3 года
Томский Александр Никифорович (1827), урядник
Томский Иван Никифорович (1828), казак
Падерин Егор Деев (1822), урядник. Его сыновья: Дей — 7, Степан — 2
Карандашев Алексей Степанович (1813), урядник
Шахов Емануил Иванович (1807), урядник

Казаки

Белоусов Евдоким (1827)
Киршов Иван Карпович (1831)
Климов Андрей Михайлов (1826)
Конев Никита (1813)
Константинов Иов Дмитриев (1817)
Коренев Иван (1828)
Костоломов Александр (1821)
Крупенин Василий (1821). Его сын Иван — 4 года
Крупенин Василий — 3 (1829)
Крупенин Федор — 2 (1827)
Манаков Аким (1831)
Минюхин Матвей Яковлев (1833). Брат его неслужащий Фирс — 17
Онохов Андрей (1824)
Савинский Дмитрий (1816). Сын его Иннокентий — 1
Селиванов Иван Николаевич (1826)
Черных Александр Никифорович (1830)
Чудинов Степан Григорьев (1814). Сын его Гаврила — 7
Тувалина утонувшего казака сын его Дмитрий — 14

Отставные казаки

Киселева [Степана] умершего урядника сын его неслужащий Иван — 12
Урядник Томский Егор Никифорович (1814). Сын его Иван — 11

Казаки

Евлантьев Трофим (1804)
Заозерский Никифор (1802)
Карандашев Антон Степанов (1812). Сын его Иван — 12
Неворотов Дмитрий (1795). Сын его неслужащий Иннокентий — 14
Селиванов Кузьма Николаевич (1801). Сын его Михаил — 12
Селиванов Илья Николаевич (1822). Сыновья его: Григорий — 4, Николай — 2
Соловьев Иосиф. Его сыновья: служащий казак Перфилий — (1826), неслужащий Евгений — 19
Третьяков Иван (1789). Сыновья его: Федор — 15, Василий — 15
Томский Петр Никифорович (1824)
Чарков Гаврила (1782)
Чеботнягин Афанасий Никитич (1814)

47-й Камчатский флотский экипаж. Уроженцы Камчатки, 1854 год

Боцмана

Шестаков Иван Иванов сын (1824) — боцман, из солдатских детей, уроженец Камчатской области, кавалер знака отличия военного ордена Святого Георгия Победоносца № 102493, в 1854 г. был в действительном сражении противу англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа; в 1855 году 8 и 9

чисел майя был в действительном сражении с судами англо-французской эскадры, состоявшей из 1-го фрегата, 1 парохода-корвета и 1-го брига, на корвете «Оливуца» в заливе Де-Кастри.

Боцманманты

Бачинин Иван Максимов сын (1822) — боцманмант, из солдатских детей, уроженец Камчатской области, с 1844 по 1855 г. служил на боте «Камчадал».

Усов Павел Васильевич (1812) — боцманмант, из солдатских детей, уроженец Камчатской области, с 1832 по 1843 г. при береге, в 1843 г. на военном боте «Алеут», в 1854 г. на парусном плашкоуте с 18 по 21 числа августа был взят в плен гребными судами англо-французской эскадры, а по возвращении из плена, т. е. с 21 по 28 августа был в действительном сражении противу англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт.

Квартермейстеры

Бачинин Александр Максимов сын (1828) — квартирмейстер, из солдатских детей, уроженец Камчатской области, поступил в Камчатскую экипажную роту матросом 2-й статьи в 1840 г., с 1845 г. — матрос 1-й статьи, с 1850 г. квартирмейстер, в 1853 г. с 30 марта на корвете «Оливуца» в переходе на Гонолулу и обратно (1854 г.), на транспорте «Двина» 8 и 9 мая 1855 г. участвовал в действительном сражении в заливе Де-Кастри против англо-французской эскадры.

Гаврилов Лев Федоров сын (1828 – 23 октября 1855) — квартирмейстер, из солдатских детей, уроженец Камчатской области, поступил в Камчатскую экипажную роту матросом 2-й статьи в 1846 г., в 1849 — 1-й статьи, в 1852 г. — квартирмейстером, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на фрегате «Аврора».

Норин Герасим Лавров сын (1821) — квартирмейстер, из солдатских детей, в 1839 г. поступил в Камчатскую экипажную роту, уроженец Камчатской области, в 1842 г. на военном боте «Алеут», в 1852 г. на корвете «Оливуца», в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на фрегате «Аврора».

Соленов Александр Иванов сын (1830) — квартирмейстер, из солдатских детей, уроженец Камчатской области, в 1844 г. поступил в Камчатскую экипажную роту кананиром, в 1848 г. служил на транспортном боте «Камчадал», в 1849 г. на транспорте «Байкал», в 1849–1853 гг. на боте «Камчадал», в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Двина» был в действительном сражении в заливе Де-Кастри.

Матросы

Бачинин Андреян Максимов сын (1826) – матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1855 гг. на боте № 1.

Белокопытов Павел Никитин сын (1834) – матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. на боте № 1.

Березовский Василий Васильев сын (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» совершает переход в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. на этом же корвете участвует в сражении в заливе Де-Кастри.

Гаврилов Прокопий Федоров сын (1825) — ротный барабанщик, из солдатских детей, уроженец Камчатской области, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1840 г., в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» был в действительном сражении в заливе Де-Кастри.

Голых Илья Петров сын (1825) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту, в 1851–1855 гг. служил на тендере «Камчадал».

Грехов Василий Николаев сын (1836) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу, в мае 1855 г. в заливе Де-Кастри на этом же корвете участвовал в действительном сражении с англо-французской эскадрой.

Грехов Прокопий Николаев сын (1831) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Дмитриев Семен Александров сын (1814) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту кананиром в 1831 г., в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., на транспорте «Иртыш» был в сражении в заливе Де-Кастри.

Дурынин Гаврило Пантелеев сын (1834) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18

по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Дурынин Степан Гаврилов сын (1827) — матрос-рулевой, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту матросом 2-й статьи в 1845 г., в 1849 г. — 1-й статьи, в 1850 г. — в рулевые, с 1846 по 1855 г. на боте и тендере «Камчадал».

Дурынин Федор Иванов сын (1836) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» совершил переход в порт Гонолулу и обратно, в мае 1855 г. в заливе Де-Кастри на том же корвете участвовал в действительном сражении с англо-французской эскадрой.

Дюков Андрей Григорьев сын (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. на этом же корвете участвовал в сражении с англо-французской эскадрой в заливе Де-Кастри.

Дюков Андрей Григорьев сын (1826) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1840 г., в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Дюков Семен Егоров сын (1826) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на корвете «Оливуца» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Дюков Семен Григорьев сын (1833) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1855 гг. на корвете «Оливуца», в 1855 г. принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Емельянов Максим Алексеев сын (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Залуцкой Конон Гаврилов сын (1826) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Киселев Иван Степанов сын (1832) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. взят в плен на парусном плашкоуте вместе с боцманом Павлом Васильевичем Усовым и его семьей, но отпущен как племянник боцмана вместе со всей семьей Усовых, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на корвете «Оливуца» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Колычев Николай Иванов сын (1833) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1855 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Конев Степан Карпов сын (1830) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Конев Харлампий Поликарпов сын (1836) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» совершал переход в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Корнилов Андрей Николаев сын (1824) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую казачью команду казаком, а потом переведен в Камчатскую экипажную роту матросом, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на корвете «Оливуца» был в сражении с англо-французской эскадрой в заливе Де-Кастри.

Кузнецов Егор Павлов сын (1834) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. служил на транспорте «Иртыш».

Курилов Петр Дмитриевич (1827) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Ломаев Илья Степанов сын (1827) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1855 гг. служил на военном тендере «Камчадал».

Ломаев Петр Степанов сын (1832) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1849 г. поступил в Камчатскую экипажную роту, в 1853–1854 гг. на транспорте «Иртыш», в 1855 г. на транспорте «Двина» был в действительном сражении в заливе Де-Кастри.

Миронов Максим Петров сын (1825) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1855 гг. на тендере «Камчадал».

Мутовин Михайло Гаврилов сын (1817) — матрос 1-й статьи, из казачьих детей, уроженец Камчатской области, в 1835 г. поступил в Камчатскую экипажную роту кананиром, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» был в сражении с англо-французской эскадрой в заливе Де-Кастри.

Наянов Илья Елизаров сын (1827) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Наянов Матвей Елизаров сын (1821) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1843 г. на военном боте «Алеут», в 1844–1845 гг. на транспортном боте «Камчадал», в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Наянов Матвей Елизаров сын (1832) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Никифоров Федор Федоров сын (1830) — матрос-рулевой, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г., в 1844–1845 гг. служил на боте и тендере «Камчадал».

Никифоров Яков Федоров (1821) — ротный барабанщик, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1834 г., в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Двина» был в действительном сражении в заливе Де-Кастри.

Норин Александр Лавров сын (1831) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Паньшин Петр Николаев сын (1825) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1850–1855 гг. на тендере «Камчадал».

Петухов Роман Михайлов сын (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, Тигильской крепости, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Попов Григорий Иванов сын (1832) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Попов Игнатий Иванов сын (1828) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на корвете «Оливуца» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Порохин Николай Васильев сын (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, солдатский сын, в 1853 г. на корвете «Оливуца», в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.

Сметанин Василий Петров сын (1835) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, солдатский сын, в 1854–1855 гг. на боте № 1.

Соколов Григорий Егоров сын (1835) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. на том же корвете принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Сысоев Герасим Егоров сын (1824) — марсовый матрос, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г., в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Двина» был в действительном сражении в заливе Де-Кастри.

Усов Аксентий Васильев сын (1828) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1847 г. на транспортном боте «Камчатка», за развратные действия наказан 100 ударами розгами.

Усов Филип Васильев сын (1832) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Чарков Егор Афанасьев сын (1830) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Шамаев Николай Иванов сын (1821) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Шемаев Уалериан Иванов сын (1835) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, сын обер-офицера, в 1855 г. на транспорте «Двина» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Мастеровые

Ипатьев Иван Егоров сын (1812) — мастеровой, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1832 г., в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Минюхин Федор Иванов сын (1811) — мастеровой, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту матросом в 1831 г., в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Мутовин Иван Николаев сын (1831) — мастеровой, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Третьяков Яков Иванов сын (1824) — мастеровой, уроженец Камчатской области, казачий сын, в 1839 г. поступил в Камчатскую казачью команду, в 1842 г. переведен в матросы Камчатской экипажной роты мастеровым, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Санапальников Василий Самойлов сын (1822) — мастеровой, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Чудинов Алексей Николаев сын (1814) — уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.
[РГАВМФ, фонд 406, оп. 5, д. 803]

АМУРСКАЯ И САХАЛИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИИ. ЛИЦА ЗА КАДРОМ

Сегодня мало кто помнит и даже знает о той подготовительной работе, которая велась по обретению Россией дальневосточных территорий — Приамурья и Сахалина.

Например, о Петровском зимовье и его жителях — как первом шаге по будущему закреплению этих территорий за Россией.

О Российско-Американской компании – которой доверено было сделать эти первые шаги, чтобы не раскрыть раньше времени для враждебной коалиции западных стран, прежде всего Великобритании и Франции, планы нашего государства по выходу к незамерзающим заливам Японского моря и обретению здесь в дальнейшей перспективе русских портов с выходом в Тихий океан по формуле — «Владей Востоком».

Безусловно, роль морских офицеров, о которых с великой любовью повествуют многие авторы, была исключительно важной для исследования и описания морских берегов Охотского и Японского морей, Татарского пролива, а самое главное — поиска фарватера в устьевой зоне реки Амур.

Важность и значение заслуг адмирала Геннадия Ивановича Невельского не поддается никакому сомнению.

Смущает другое — монополия славы.

И не только потому, что амурское устье, годное для прохождения судов, было обнаружено нашими отечественными мореходами за семьдесят лет до Крузенштерна, который то ли его не нашел, то ли его и не искал, и более чем за сто двадцать лет до Невельского — в далеком 1730 году.

Вот что сообщали члены экипажа бота «Святой Гавриил» — того самого, который был построен для проведения Первой Камчатской экспедиции:

«…В устье большом Амурском глубина от 15 до 20 сажен, а ширина например версты с две… И оной Амур река впала в акиан двумя устьями; а глубина другому устью от 5 до 6 сажен, а ширина версты полторы. И на тех устьях делали опробацыю: в большом устье шли ботом, а в другом — шлюпкою и в тех устьях стояли на якорях полторы сутки для выявленной меры устьев и для рыбной ловли, а в другом устье ходу нет понеже мелко».

Надеюсь, вы обратили внимание на год, когда было выявлено, что истинная глубина устья Амура 15–20 сажен[1]?

Но ни Иван Григорьевич Шестаков, руководитель Амурской экспедиции 1730 года, ни мореход Кондратий Федорович Мошков, который привел судно в устье Амура, ни матросы, ни казаки – члены экипажа этого бота, совершавшие промеры устья и первыми в истории России установившие, что это устье *судоходное*, даже не упоминаются ни в региональной, ни в общероссийской истории.

Собственно, нечто подобное произошло и позже, когда Невельской открыл это амурское устье для России и провел Амурскую экспедицию — в лучах его личной славы померкли образы людей, которые и предоставили морскому офицеру Невельскому возможности для этого открытия и торжества, — великий князь Константин Николаевич, при котором он служил воспитателем — точнее помощником — воспитателем генерал-адмирала флота великого князя Константина (которым он стал в девять лет) был знаменитый мореплаватель, создатель Русского географического общества адмирал флота Федор Петрович Литке.

Именно они — мореплаватель Федор Петрович Литке и великий князь Константин Николаевич (с 1855 года — управляющий флотом и Морским ведомством Российской империи на правах министра) вели Г.И. Невельского на этом сложном пути, итогом которого стали слова Николая I — «Где раз поднят русский флаг, он опускаться не должен!».

Но еще и еще раз повторяю — это ни в коей мере не умаляет собственных заслуг Геннадия Ивановича.

Просто должно быть место в этом *строю* и для других героев.

Кстати, первое судно, направленное на поиски устья реки Амур, называлось «Великий князь Константин».

Не знаете, почему?

Маскируя свой государственный интерес к Амуру, судно принадлежало Российско-Американской компании, и экипаж судна, как и ее командир — подпоручик Александр Михайлович Гаврилов, находились на службе у РАК. А правителями Русской Америки в те годы, как правило, были морские офицеры.

И несмотря на то, что экспедиция Гаврилова оказалась неудачной. И даже несмотря на то, что якобы император Николай I наложил резолюцию после этой неудачи: «Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амуре, какъ о рѣкѣ безполезной, оставить» — вопрос *оставлен не был*.

Без высокого покровительства великого князя Константина все дальнейшие (якобы, своевольные) действия Геннадия Невельского на Дальнем Востоке должны были бы быть признаны государственной изменой.

Но этого не произошло. И, как ни бесился агент англичан — канцлер Российской империи Карл Нессельроде, император… одобрил действия Г. Невельского.

А процесс (скрытый от врагов) продолжался.

И в него был самым активным образом включен генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев. Тот самый, который впоследствии станет графом Амурским.

А иначе каким еще образом можно толковать и растолковывать это его Высочайшее предписание:

«1. В заливе Счастья, или в какой-либо местности на юго-восточном берегу Охотского моря, но отнюдь не в Амурском лимане, а тем более не на реке Амуре, основать зимовье.

2. В этом зимовье Российско-Американской компании производить торговлю с местным населением, но ни под каким видом и предлогом не касаться лимана и реки Амур.

3. Для основания этого зимовья и для его охраны взять 25 человек матросов и казаков из Охотска.

4. Исполнение этого произвести под наблюдением и по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири, под непосредственным ведением которого и должны состоять все действия этой экспедиции.

[1] Сажень = 3 аршина = 7 футов = 2 метра 13,3 сантиметра. Морская сажень = 1 метр 83 сантиметра.

5. Для приведения в исполнение на месте этого повеления, а равно и для избрания места для зимовья, командировать в распоряжение генерал-губернатора капитана 2-го ранга Невельского».

И наши комментарии к этим пунктам:

1. Все верно — нужно быть очень и очень осторожными, чтобы не нарваться на неприятности.

2. Все верно — по-прежнему не привлекать внимания к *главному*.

3. …и для проведения исследовательских экспедиций

4. В процесс включалось уже не РАК, а *государство* в лице высшего должностного лица Восточной Сибири.

5. А исполнители были все *те же*.

Процесс продолжался…

Формировалась не только Амурская, но и Сахалинская экспедиции.

И не только из казаков, но также — из матросов Камчатского флотского экипажа.

И не в количестве 25 человек, как было предписано… а гораздо больше.

Но все по порядку.

Итак, исследование территории будущего Приамурья поручено Российско-Американской компании.

«12 февраля 1851 года было принято решение об организации Амурской экспедиции, которая хотя и снабжалась от щедрот Российско-Американской компании, но подчинялась генерал-губернатору Восточной Сибири через представителей власти на местах. Начальником экспедиции при помощи Муравьева и Меншикова назначался капитан 1-го ранга Г.И. Невельской. В ее состав входили 60 нижних чинов при двух офицерах и докторе» [А.И. Алексеев, Любовь, Амур, Счастье].

В примечании к книге «Подвиги морских офицеров на крайнем северо-востоке России» Г.И. Невельского имеются подробности:

«Первоначально в составе экспедиции были: Г.И. Невельской с супругой, лейтенант Н.К. Бошняк, поручик корпуса флотских штурманов А.И. Воронин, топограф прапорщик по армии П. Попов, унтер-офицер штейгер Иван Блинников; матросы — Александр Хашьянов, Егор Некрасов, Игнатий Горбовский, Евграф Карасев, Афанасий Пономарев, Аверьян Чухомлин, Петр и Ефим Дойниковы, Михаил Чупин и Александр Шишкин; комендоры — Аксентий Усов, Григорий Попов, Алексей Попов, Мирон Вяткин, Егор Кузнецов и Перфил Дианов; семьи мастеровых — Степана Решетникова, Осипа Гайдука, Григория Москвитина, Евдокима Вознюка, а также семьи казаков — Николая Пестрякова, Константина Русанова, Андрея Тюшева, Логина Нижегородова, Мартына Красовского, Романа Кошкарева и прислуга Невельского и Бошняка, а также фельдшер Шишерин с семьей.

…мастеровой Степан Решетников отправлялся на новое жительство с женой Анастасией и тремя детьми, да еще и со своей старой матерью; мастеровой Евдоким Вознюк — с женой Анной, с дочкой и внучкой; Григорий Москвитин — с женой Марией и двумя детьми…» [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 384, с. 44].

«Осенью 1852 года в Амурской экспедиции состояло 64 человека: 25 в Николаевском посту, 23 в Петровском зимовье, 16 в разъездах».

В приложении к книге А.И. Петрова «Амурский щит» есть рапорт корпуса штурманов подпоручика Д.И. Орлова от 9 октября 1852 года:

Ранжирный список

нижним чинам частей 46-го [Камчатского] флотского экипажа и Якутского казачьего полка, состоящим в команде зимовья Петровского

Сверяем его со списочным составом 47-го Камчатского флотского экипажа за 1855 год [РГАВМФ, фонд. 909, оп. 1, д. 29]:

1. Релюк Петр, боцманмат
   [Релюк Петр Андреев сын (1826) — уроженец г. Охотска, из мастеровых детей, в 1841 году поступил школьником из Охотского училища в Охотский флотский экипаж младшим юнгою, в 1854 г. был в действительном сражении против англо-французской эскадры].
2. Подобин Кирилл, квартирмейстер
   [Подобин Иван Матвеев сын (1822) — квартирмейстер, уроженец Вологодской губернии Никольского уезда Верхомоломской волости (деревня Верхомоломская располагалась в Лапшинской волости) Рамского (вероятно, Раменьского) сельского общества деревни Грузанска (?), из казенных крестьян, в 1848–1849 гг. участник кругосветного плавания на транспорте «Байкал»].

Матросы

3. Некрасов Егор [в списках отсутствует].
4. Сенотрусов Пантелей
   [в списках отсутствует].
5. Меншиков Зиновий (больной)
   [в списках отсутствует].
6. Попов Африкан.
7. Кошкаров Павел
   [Кошкаров Павел Иванов (1821) — матрос 1-й статьи, Иркутского округа и города, из матросских детей, поступил на службу из Иркутского полубатальона военных кантонистов с причислением к Иркутскому Адмиралтейству в Охотский порт в 1839 г.].
8. Палагин Степан
   [Палагин Степан Васильев сын (1815) — матрос 1-й статьи, уроженец Пскова, по выпуску из Псковского полубатальона военных кантонистов определен в Охотскую флотилию, в 1843 г. в кругосветном плавании на транспорте «Иртыш» в Охотский порт, на котором служил до 1849 г., в 1850–1851 гг. на бриге «Охотск»].
9. Григорий Суковатиков
   [Суковатников Григорий Федоров сын (1820) — марсовый матрос, уроженец Иркутской губернии и округа, из солдатских детей, поступил на службу из Иркутского полубатальона военных кантонистов в 1839 г. в Охотский порт, служил на бриге «Охотск»].

10. Хошьянов Александр [в списках отсутствует].
11. Черных Карп (на золотоприисках)
[Черных Карп Филимонов сын (1825) — матрос 1-й статьи, из мещан Пермской губернии г. Верхотурья, из 14-го линейного батальона включен мастером в Камчатскую экипажную роту, в 1850 г. служил на транспорте «Байкал»].
12. Семен Григорьев [в списках отсутствует].
13. Гаврила Лебедев (на золотоприисках)
[Лебедев Гаврило Дмитриев сын (1816) — матрос 1-й статьи, из крестьян Иркутской губернии Верхнеудинского округа Мухоршибирской волости, из 13-го линейного батальона направлен на укомплектование Охотского флотского экипажа, в 1853 г. на корабле РАК «Николай I»].
14. Евграф Карасев
[Карасев Евграф Васильев (1819) — матрос 1-й статьи, уроженец г. Иркутска, в 1850 г. из 13-го линейного батальона переведен в 46-й флотский экипаж].
15. Беломестный Андрей
[Беломестной Андрей Федоров сын (1822) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии, Нижнеудинского округа Шерагульской волости, поступил на службу из Иркутского полубатальона военных кантонистов в Охотский порт в 1839 г.].
16. Ваболев Андрон [в списках отсутствует].
17. Терентьев Степан
[Терентьев Степан Терентьев сын (1811) — матрос 1-й статьи, уроженец Архангельской губернии Шенкурского уезда, из удельных крестьян, рекрутом определен в Архангельске в 15 флотский экипаж в 1835 г., в 1845 г. переведен в Охотский флотский экипаж, с 1843 г. в кругосветном плавании на транспорте «Иртыш», на нем до 1850 г., в 1850–1851 гг. на бриге «Охотск»].
18. Селифон Каплин (на золотоприисках)
[в списках отсутствует].
19. Гвоздицин Кузьма
[Гвоздицын Козма Григорьев сын (1810) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского округа Братской волости, из крестьян, взят рекрутом в 13-й Сибирский батальон в 1831 г., в 1836 г. матросом 2-й статьи в Иркутскую морскую команду, на службу в Охотском порту, в 1836–1838 гг. на транспорте «Иртыш», с 1843 по 1848 г. на боте «Кадьяк», с 1850 г. на бриге «Охотск»].
20. Попов Андрей [в списках отсутствует].
21. Моисеев Матвей
[Моисеев Матвей Семенов сын (1820) – матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии города Охотска, из школьников Охотского училища поступил на обучение фельдшером, произведен в фельдшеры, разжалован в матросы, за поступки, учиненные в пьяном виде против боцмана Гагарина наказан розгами — 300 ударов, в 1850–1851 гг. на бриге «Охотск»].
22. Забелин Яков (на золотоприисках)
[в списках отсутствует].
23. Котов Давыд
[Котов Давид Осипов сын (1825) — матрос 1-й статьи, уроженец Вологодской губернии Тотемского уезда Спасского приказа Заячерицкой волости (на реке Заячьей) деревни Махова, из удельных крестьян, в 1848–1849 гг. в кругосветном плавании на транспорте «Байкал», на котором служил в 1854–1855 гг.].
24. Михайлов Афанасий [в списках отсутствует].
25. Михайлов Спиридон Базулин (на золотоприисках) [в списках отсутствует].
26. Васильев Наум (больным)
[в списках отсутствует].
27. Усов Аксентий
[Усов Аксентий Васильев сын (1828) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1847 г. на транспортном боте «Камчатка»].
28 Аксиментов Николай, баталер
[в списках отсутствует].

Мастеровые унтер-офицеры

29. Войтехович Семен [в списках отсутствует].
30. Сукиев Михаил [в списках отсутствует].

Рядовые

31. Вознюк Евдоким [в списках отсутствует].
32. Родионов Михаил (на золотоприисках)
[в списках отсутствует].
33. Москвитин Григорий (больным)
[в списках отсутствует].
34. Коробов Осип [в списках отсутствует].
35. Кусков Петр [в списках отсутствует].
36. Гайдуков Осип (в лесу у вырубки кокор)
[в списках отсутствует].
37. Решетников Степан [в списках отсутствует].

Якутского казачьего полка казаки

[уточняем: в «Посемейных списках о казаках Камчатской команды, служащих и отставных с их детьми» этих имен нет — следовательно, все они — охотские казаки, состоящие по Якутскому казачьему полку — РГАВМФ, ф. 906, оп. 1, д. 16, 1852 год]

38. Большаков Матвей.
39. Попов Яков (больным).
40. Пшенников Петр.
41. Тюшев Андрей.
42. Кошкаров Роман.
43. Бубякин Яков (в лесу у вырубки кокор).
44. Феодосий Красовский (на золотоприисках)
45. Тимофей Чертовский (больным).
46. Колмогоров Илья.
47. Яков Куклин (на золотоприисках).
48. Мартын Красовский (в лесу у вырубки кокор).

«6 мая 1853 г. было решено учредить в устье Амура особую команду для его защиты, которая должна была состоять из регулярной роты флотского экипажа и сотни забайкальских казаков. Но в 1853 г. переправить казаков в устье Амура не удалось, и охрану этого района несли небольшие отряды Амурской экспедиции. В ее составе с 1850-х гг. находились 33 казака из Якутского городового полка» [Сергеев О.И. «Переселение российского казачества на Дальний Восток в середине XVII – начале XX вв.: основные этапы и особенности», Интернет-ресурс: «Труды института истории»].

«Амурская экспедиция выходила из подчинения Российско-Американской компании,

утверждался ее штат (два лейтенанта, два мичмана, два штурманских офицера, один артиллерийский офицер, 240 старшин и матросов, сотня казаков с двумя офицерами, взвод горной артиллерии с двумя офицерами, доктор, священник, правитель канцелярии с помощником, три писаря, содержатель имущества, два фельдшера).

…23 мая 1853 года. Путешественники пробыли тут неделю, подробно его описали, дали названия мысам и заливам, повстречались с местными жителями, а перед уходом поставили на мысе Анастасии, недалеко от выхода в Татарский пролив, крест. На кресте вырезали надпись, гласящую, что эта гавань открыта лейтенантом Бошняком со спутниками-казаками Семеном Парфентьевым, Киром Белохвостовым и амгуньским [амгинским] крестьянином Иваном Мосеевым и названа Гаванью Императора Николая I.

…Невельской направился в Императорскую гавань, которую ему просто не терпелось осмотреть. Она поразила его своим великолепием. В одном удобном заливе этой гавани, Константиновском, Невельской выставил пост, назвав его также Константиновским. Он оставил в нем десять казаков во главе с урядником Дмитрием Хороших» [Алексеев А.И. «Любовь, Амур, Счастье»].

В РГАВМФ (фонд 906, оп. 1, д. 42, л. 15) есть

Список
Нижним чинам, оставленным от команды Сахалинской экспедиции для занятия Константиновского поста

Казачий урядник

1. Хороших Дмитрий.

Матросы 46-го флотского экипажа

2. Кузнецов Ерофей [нет сведений].
3. Максимов Никита.
   [Максимов Никита Афанасьев сын (1826) — матрос 2-й статьи, из крестьян Иркутской губернии Верхнеудинского округа Урлукской волости, из 13-го линейного батальона переведен в Камчатскую экипажную роту, в 1853 г. на судне РАК «Николай»].
4. Моисеев Матвей
   [Моисеев Матвей Семенов сын (1820) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии города Охотска, из школьников Охотского училища поступил на обучение фельдшером, произведен в фельдшеры, разжалован в матросы, за поступки, учиненные в пьяном виде против боцмана Гагарина, наказан розгами — 300 ударов, в 1850–1851 гг. на бриге «Охотск»].

Казаки

5. Молдаванов Николай.
6. Лазарев Иосиф.
7. Бобков Иван.
8. Дроздов Николай.
9. Безносов Николай.

Наталья Сеселкина в статье «Трагическая зимовка в Императорской Гавани» сообщает:

«4 (16) августа 1853 года в бухте Постовой Императорской гавани Г.И. Невельским был выставлен Константиновский пост из 11 человек во главе с урядником Д. Хороших. 7 октября в залив Великого Князя Константина, находящийся в гавани, вошел транспорт Российско-Американской компании "Николай I", на котором в качестве начальника Константиновского поста прибыл Н.К. Бошняк, назначенный на эту должность Г.И. Невельским. К тому времени в бухте Постовой поставили небольшой дом для проживания постовой команды и амбар. Бошняка встретили бравый унтер-офицер Дмитрий Хороших и казаки Иркутского полка Перфил Толмачев, Никифор Челпанов, Николай Молдаванов, Осип Лазарев, Николай Дроздов, Григорий Толмачев.

…22–23 сентября в заливе Анива … высадились 59 матросов и казаков и восемь вольнонаемных поселенцев».

Их командир — Н.В. Буссе — ведя дневник, дает полный состав первых русских поселенцев на острове Сахалин [РГАВМФ, фонд 906, оп. 1, д. 42, л. 4 об.]:

Телепов Андрей, боцман [Телепов Андрей Николаев сын (1832) — боцманмант, г. Кронштадт, прибыл в Петропавловский порт из Кронштадта на транспорте «Байкал»].

Петров Василий, квартирмейстер [Петров Василий Кирилов сын (1819) — квартирмейстер, уроженец Иркутской губернии и города, из солдатских детей, в 1839 г. поступил на службу из Иркутского полубатальона военных кантонистов в Иркутское Адмиралтейство в Охотский порт, с 1843 по 1854 г. служил на боте «Кадьяк», в 1855 г. — на судне РАК «Николай I»].

Матросы

Козлов Василий [в списках отсутствует].

Ведерников Константин [в списках отсутствует].

Сименов Дмитрий [в списках отсутствует].

Малышев Василий [Малышев Василий Вакулов сын (1821) — матрос 1-й статьи, из крестьян Иркутской губернии и округа Ильинской волости, в 1850 г. из 13-го линейного батальона переведен в 46-й флотский экипаж, в 1853 г. служил на судне РАК «Николай I»].

Юрьев Филипп [в списках отсутствует].

Иванов Гаврило [Иванов Гаврило Афанасьев сын (1823) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии Верхнеудинского округа Кульского отдельного общества, в 1847 г. рекрутом зачислен в 13-й линейный Сибирский батальон рядовым, в 1850 г. переведен в матросы 46-го Камчатского флотского экипажа, в 1853 г. на судне Российско-Американской компании «Николай»].

Ларионов Андрей [Ларионов Андрей Леонтьев сын (1821) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии и округа Оекской волости, из крестьян, рекрутом зачислен рядовым в 14-й линейный Сибирский батальон, переведен в Охотскую флотилию, в 1849–1853 гг. на боте «Кадьяк», в 1854 г. на судне Российско-Американской компании].

Инкин Филимон [в списках отсутствует].

Николаев Федор [Николаев Федор Степанов сын (1818) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского округа Ян-

динской волости, в 1849 г. переведен из 14-го Сибирского линейного батальона в Петропавловскую экипажную роту, в 1853 г. служит на судне РАК «Николай I»].

Максимов Матвей [Максимов Матвей Степанов (1827) — матрос 1-й статьи, из крестьян Иркутской губернии Яндинской волости, из 13-го линейного батальона переведен в Охотский флотский экипаж, в 1853 г. служил на судне РАК «Николай I»].

Коротких Иван (умер) [Императорская гавань, зимовка 1853/1854].

Шаньгин Самсон [Шаньгин Семен Матвеев сын (1824) — матрос 1-й статьи, солдатский сын Иркутского полубатальона военных кантонистов, в 1850 г. из 13-го линейного батальона направлен на формирование 46-го флотского экипажа, в 1853 г. служил на судне РАК «Николай I»].

Чуборь Петр [в списках отсутствует].

Скуратов Яков [Скуратов Яков Петров сын (1818) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии, Верхнеудинского округа Куналейской волости Ониколючского селения, из крестьян, в 1850 г. из 14-го Сибирского линейного батальона переведен в 46-й флотский экипаж, в 1854 г. служил на судне РАК «Николай I»].

Краснопольцев Ксенофонт [в списках отсутствует].

Петров Петр [в списках отсутствует].

Горносталев Ефим [Горносталев Ефим Филипов сын (1825) — матрос 1-й статьи, из крестьян Иркутской губернии Нижнеудинского округа Братской волости, в 1850 г. из 13-го линейного батальона переведен в 46-й флотский экипаж, в 1853 г. служил на судне РАК «Николай I»].

Смертин Николай [в списках отсутствует].

Гачев Николай [Гачев Николай Григорьев сын (1819) — матрос 1-й статьи, уроженец, из солдатских детей Иркутского полубатальона военных кантонистов, прибыл их 14-го линейного батальона на укомплектование Охотской и Камчатской флотилий, в 1853 г. служил на судне РАК «Николай I»].

Тюменцев Василий [Тюменцов Василий Афанасьев сын (1819) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии и округа Верхоленской волости, переведен в Охотский флотский экипаж из солдат 13-го Восточно-Сибирского линейного батальона, служил в 1853 г. на корабле РАК «Николай I»].

Бурлаков Харлампий [в списках отсутствует].

Максимов Никита [Максимов Никита Афанасьев сын (1826) — матрос 2-й статьи, из крестьян Иркутской губернии Верхнеудинского округа Урлукской волости, из 13-го линейного батальона переведен в Камчатскую экипажную роту, в 1853 г. на судне РАК «Николай»].

Буевых Савелий [Буевых Савелий Петров сын (1821) — матрос 1-й статьи, из крестьян Пермской губернии Комышловского уезда Томакульского сельского общества деревни Богаритой, из 13-го линейного батальона переведен в Камчатскую экипажную роту].

Шеманов Михайло [в списках отсутствует].

Котлов Прокопий (умер).

Луговой Назар [Луговой Назар Федоров сын (1811) — матрос 2-й статьи, уроженец Пермской губернии Екатеринбургского уезда Сысертских Турчаниновых Шишердкиных заводов, в 1850 г. переведен из 14-го линейного батальона в 46-й флотский экипаж, в 1853 г. на судне РАК «Николай I»].

Волетков Иван [в списках отсутствует].

Асанов Архип [Асанов Архип Иванов сын (1819) — матрос 1-й статьи, уроженец Пермской губернии Ирбитского уезда Шогринской волости деревни Хайдук, из крестьян, в 1841 г. рядовой 13-го линейного батальона, в 1849 г. переведен в Камчатскую экипажную роту матросом, в 1853 г. служит на корабле РАК «Николай I»].

Тузнев Гурий [в списках отсутствует].

Алексеев Иван [Алексеев Иван Сидоров сын (1825) — матрос 1-й статьи, из крестьян Иркутской губернии и округа, Черемховской волости, в 1850 г. переведен из 13-го линейного батальона в 46-й флотский экипаж, в 1853 г. служил на судне РАК «Николай I»].

Балдаков Федор [в списках отсутствует].

Смольянинов Тарас [в списках отсутствует].

Чудинов Егор [Чудинов Егор Евсеев сын (1823) — матрос 1-й статьи, из мещан г. Иркутска, в 1850 г. из 14-го линейного батальона переведен в 46-й флотский экипаж, в 1853 г. служит на судне РАК «Николай I»].

Овдин Иван [в списках отсутствует].

Семенов Иван [Семенов Иван Алексеев сын (1828) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутска, из полубатальона военных кантонистов, в 1850 г. из 13-го линейного батальона переведен в 46-й флотский экипаж, в 1853 г. на судне РАК «Николай I»].

Судейкин Спиридон (умер) [Императорская гавань, зимовка 1853/1854].

Мусинцов Андрей [в списках отсутствует].

Пушигин Сидор (умер) [Императорская гавань, зимовка 1853/1854].

Кузнецов Ерофей [в списках отсутствует].

Пушигин Петр [в списках отсутствует].

Козлов Алексей (умер) [Императорская гавань, зимовка 1853/1854].

Подварков Иван [Подварков Иван Григорьев сын (1821) — матрос 1-й статьи, из крестьян Иркутской губернии Верхнеудинской волости, из 13-го линейного батальона переведен в Охотский флотский экипаж, в 1854 г. на транспорте «Иртыш»].

Черниговский Лука [Черниговский Лука Иванов (1823) — матрос 1-й статьи, из крестьян Иркутской губернии Черемховской волости, в 1850 г. из 13-го линейного батальона переведен в 46-й флотский экипаж, в 1853 г. служил на судне РАК «Николай I»].

Галкин Семен [Галкин Семен Иванов сын (1818) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии и округа Идинской волости, в 1841 г. переведен из 13-го Сибирского линейного батальона в Охотский флотский экипаж, в 1854 г. служил на судне РАК «Николай I»].

Воукин Матвей (умер).

Изел Абрам [в списках отсутствует].

Белых Иван [Белых Иван Емельянов (1826) — из крестьян Иркутской губернии Верхнеудинского округа, в 1847 г. в рекрутах зачислен в 14-й ли-

нейный Сибирский батальон, переведен в Камчатский экипаж, в 1853 г. служил на корабле Российско-Американской компании «Николай»].

Герасимов Иван [в списках отсутствует].

Казанцов Иван [в списках отсутствует].

Новиков Филипп [Новиков Филип Ульянов сын (1815) — из крестьян Иркутской губернии и округа Оекской волости, в рекрутах зачислен в 13-й линейный Сибирский батальон, переведен в Камчатский экипаж в мастеровые].

Кокоуров Семен [Кокоуров Григорий Семенов сын (1814) — из крестьян Иркутской губернии и округа Оекской волости, в рекрутах зачислен в 14-й линейный Сибирский батальон, переведен в Камчатский флотский экипаж].

Медведев Хирсан (умер) [Императорская гавань, зимовка 1853/1854 гг.].

Кокорин Ефим, фельдшер [Ефим Алексеев сын Кокорин — 31 год, из солдатских детей. В 1839 г. поступил в Охотское штурманское училище на лекарское отделение, старший аптекарский ученик].

Томский Иван, урядник [см. ниже].

Казаки

Манаков Еким [Манаков Иоаким Ильич (1831), казак в Петропавловском порту, 1850 г.].

Крупенин Василий [см. ниже]

Манаков Филат [Манаков Фавст, он же Феофет, он же Филат Ильич, отставной казак в 1880 г., с. Сероглазка].

Минюхин Фирс [Минюхин Фирс Яковлевич (1835), 1846 г., Петропавловский порт, казачий сын; камчатский казак, жил в 1893 г. с. Халактырка. Ж. 1? Ж. 2 (с 1884) Соловьева Соломония (1865), уткинской камчадалки Евлампии Никифоровны Соловьевой дочь].

Минюхин Матвей [Минюхин Матвей Яковлевич (1833), 1846 г., Петропавловский порт, казачий сын; казак, участник обороны Петропавловского порта в 1854 г., в 1893 г. жил в с. Халактырка. Ж. (с 1863) Штильникова Елена Трифоновна (1838), с. Ключи, дочь крестьянина].

По поводу некоторых из вышеназванных казаков мы нашли также интересные сведения [РГАВМФ, ф. 906, оп. 1, д. 36, л. 52]:

Формулярный список
Службы нижних чинов 2-х сотенно
Камчатской казачьей команды, состоящей
в службе Российско-Американской компании
в Сахалинской экспедиции и ныне
находящихся в Аянском порте.

За 1855 год.

Томский Иван Никифорович, пятидесятник [27 лет, из казачьих детей. Верстан в казаки 01.12.1847. Урядник — с 09.08.1853. Пятидесятник — с 27.10.1855. В 1853 г. поступил в службу РАК и на корабле «Николай» прибыл на остров Сахалин, где с 26 сентября зимовал. С июня 1854 г. переведен в Аянский порт, где с 8 июля и находится. Холост].

Крупенин Василий Трофимов сын, казак [24 года, из казачьих детей. В службе с 1843 г. На службе в РАК — с 1853 г.].

Манаков Фавст Ильин, казак [21 год, из казачьих детей. В казаках с 1853 г. На службе в РАК — с 1853 г. Холост].

Минюхин Фирс Яковлев сын, казак [21 год, из казачьих детей. В казаках — с 1853 г. На службе в РАК – с 1853 г. Холост].

А вот список, составленный самим первостроителем Николаевского-на Амуре военного поста А.И. Петровым [Амурский щит, с. 92–94]:

«Может быть, эта моя рукопись будет когда-нибудь любопытна для публики и напечатана, тогда пускай предадутся гласности фамилии тех, которые были невидными, но весьма полезными деятелями на Амуре, которые принесли государству безропотно, не ожидая наград и повышений, громадную услугу и, терпя страшные лишения, подорвали свое здоровье и почти все, исключая троих или четверых, лежат там, на Амуре, в земле сырой.

Выписываю из имеющихся у меня дел список нижних чинов и их семейств из строевого рапорта, поданного мною начальнику экспедиции от 5 декабря 1852 года за № 157.

Боцман

1. Никитин Аверьян — был моим помощником [в списках отсутствует].

Матросы

2. Клейн Март — смотрел за коровой, за огородом и был пильщиком [в списках отсутствует].

3. Шишкин Александр — плотник и наш «тур», но ленивый [в списках отсутствует].

4. Пономарев Павел — всегда был кок и хлебопек [Пономарев Павел Захаров сын (1821) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии и округа Идинской волости, из крестьян, зачислен в 14-й линейный Сибирский батальон рядовым в 1840 г., в 1841 г. включен в Охотский флотский экипаж].

5. Старцев Игнатий — всегда больной грудью, а потом цингой [в списках отсутствует].

Фельдшер

6 Шишерин Андрей — он же и писарь, он же исправлял должность священника.

Мастеровые

7. Алексей Назимов — хороший плотник.

8. Тимофей Новопашенный — плотник, но ленивый.

Казаки Якутского полка

9. Пестряков Николай, урядник — содержатель провианта и всего казенного имущества.

10. Волков Егор — плотник и пильщик.

11. Замиралов Андреян — старый плотник и пильщик.

12. Волынкин Кирьяк 2-й — плотник и пильщик.

13. Русанов Константин — немного был закройщик и портной, но человек больной.

14. Белохвостов Кир — плотник.

15. Парфентьев Семен — плотник.

16. Нижегородов Логин — переводчик.

17. Анкудинов Иван — плотник.

18. Попов Иосиф — больной старик, но единственный печник, хотя и плохой.

19. Решетников Михаил — восемнадцать лет.

20. Тюшев Василий — плотник.

21. Инешин Яков — плотник и пильщик.
22. Огибалов Феодосий — плотник.
23. Кошкаров Варфоломей — ничего.
24. Красовский Иван 2-й (сын) — семнадцати лет.
25. Милюсин Тимофей — всегда больной и ленивый.
26. Кошкаров Василий — всегда больной и ленивый.
27. Волынкин Аким 1-й — ничего.
28. Кошкаров Яков — плотник, но плохой.
29. Трепелкин Андрей — плотник, но плохой.
30. Красовский Ефим 1-й (отец) — кирпичный заводчик.
31. Кирсантьев Степан — мой вестовой.
32. Замиралов Андрей 3-й — хотя семнадцати лет, но молодец на все руки.
33. Замиралов Иван 2-й — пильщик.
34. Холмогоров Василий — ленивый, ни на что не способный.

Кантонисты и женщины

Шишерин Михайло, Красовский Антон, Тюшев Иван, Красовский Николай; жена фельдшера Шишерина Пелагея, жена казака Тюшева Мавра, лочь ее Лукерья, жена казака Красовского 1-го Прасковья, дочь ее Елена, жена казака Нижегородова Катерина, жена казака Огибалова Матрена, дочь ее Анна, жена казака Волынкина 1-го Агафья, мать казака Кирсантьева Дарья, дочь ее Ульяна, жена казака Замиралова 2-го Акулина, сестра казака Замиралова 2-го Акулина, мать казака Решетникова Агафья, жена казака Попова Авдотья, дочь ее Пелагея».

О трагических событиях в жизни первопоселенцев Амура есть подробности в книге Г.И. Невельского: «Происходили в Петровском, Николаевском и Мариинском постах и трагические события. Несмотря на постоянный врачебный надзор и разнообразие в питании, то там, то тут вспыхивала цинга, унесшая в могилу не одну жертву. 11 февраля 1853 года умер мастеровой 1-го класса Степан Решетников, оставивший вдову в положении и с четырьмя детьми; 23 марта — матрос Яков Забелин; 17 апреля — мастеровой 1-го класса Григорий Москвитин, 21 апреля — мастеровой 2-го класса Осип Коробов».

Но были и радости: «…в Петровском нередким явлением были и крестины: в январе 1853 года у фельдшера Андрея Шишерина родилась дочь Анна, в феврале у матроса 1-й статьи Павла Кошкарева — сын Василий, в мае еще у двоих — по дочери».

А главное – следовали новые открытия:

«9 августа 1853 года экспедиция в составе начальника Николаевского поста А.И. Петрова, рядовых Замиралова, Волынкина, Кашкарова, Кирсантьева, Анкудинова, приказчика Овсянникова достигла на лодках стойбища Кизи, где по предписанию Невельского Г.И. № 222 от 15 июня 1853 следовало определить место для основания поста и постройки помещений для зимовки». Здесь был основан Мариинский пост.

Но вот что интересно — целый ряд казаков, названных якутскими, на самом деле входили в состав 2-сотенной Камчатской казачьей команды — это видно по представленному ниже списку: по казакам из двухсотенной Камчатской (в том числе и Гижигинской) казачьей команды есть данные по возрасту и службе.

Января 1856 года. Казаки Камчатской (включая Гижигинскую сотню) казачьей команды
Петровское зимовье
Урядник
Пестряков Николай
Казаки
Анкудинов Иван
Белохвостов Кирила
Белоусов Евдоким [30 лет, из казачьих детей, в службе с 1845 г., Петропавловский порт, 1852 г., казак]
Большаков Матвей
Большаков Флегонт [Леонтьев сын, 25 лет, из казачьих детей, в службе с 1849 г., Гижигинская крепость, 1852 г.]
Бубякин Яков
Волков Егор
Волынкин Аким
Волынкин Кир
Замиралов Андриян
Замиралов Андриян 2-й
Замиралов Иван
Инешин Яков
Кашкарев Варфоломей
Кашкаров Василий
Киршов Иван [Карпов сын, 24 года, из военно-поселенческих детей, в службе с 1853 г., Петропавловский порт в 1852 г.]
Корюкин Иван [25 лет, из казачьих детей, в службе с 1849 г., Петропавловский порт]
Корюкин Моисей [27 лет, из казачьих детей, в службе с 1845 г., Петропавловский порт]
Кошкаров Роман
Красовский Ефим
Красовский Иван [Власов сын, Гижигинская крепость, 1852 г., 26 лет]
Красовский Мартын
Куклин Яков
Нижегородов Логин
Огибалов Феодосий
Онохов Андрей [30 лет, из казачьих детей, в службе с 1839 г., Петропавловский порт]
Парфентьев Семен
Переплеткин Андрей
Попов Иосиф
Попов Яков
Пшенников Петр
Решетников Михайла
Толстихин Петр [Иванов сын, 24 года, из казачьих детей, в службе с 1849 г., Тигильская крепость, 1852 г.]
Толстихин Тимофей
Третьяков Федор [23 года, из казачьих детей, в службе с 1853 г., Петропавловский порт, 1852 г.]
Тюшев Андрей
Чертовский Тимофей
[РГАВМФ, фонд 909, опись 1, дело 29]

Урядник
Томский Иван [28 лет, из казачьих детей, в службе с 1843 г., Петропавловский порт, 1852 г.]
Казаки
Крупенин Василий [28 лет, из казачьих детей, в службе с 1847 г., Петропавловский порт 1852 г.]
Манаков Аким [24 года, из казачьих детей, в службе с 1849 г.]
Манаков Феофет [24 года, из казачьих детей, в службе с 1853 г.]
Минюхин Фирс [23 года, из казачьих детей, в службе с 1853 г., Петропавловский порт, 1852 г.]

Из списка участников Сахалинской экспедиции (на службе Российско-Американской компании)
Пятидесятник
Савинский Давид [Федоров сын] [Гижигинская крепость, 1852 г., 22 года]
Урядник
Томский Иван [Никифоров сын] [Петропавловский порт]
Казаки:
Крупенин Василий [Трофимов сын]
Манаков Филат [Ильин сын] [Петропавловский порт, 1852 г.]
Минюхин Фирс [Яковлев сын] [Петропавловский порт, 1852 г.]
Минюхин Матвей [Петропавловский порт, 1852 г, 19 лет, казак]
Третьяков Федор [Иванов сын] [Петропавловский порт, 1852, 15 лет]
Онохов Андрей [Петропавловский порт, 1852 г., 28 лет, казак]
Киршов Иван [Иван Карпов сын Киршов, Петропавловский порт,1852 г., 21 год]
Большаков Михаил
Большаков Иван
Толстихин Петр
Корюкин Иван
Корюкин Илья
Пшенников Василий
[РГА ВМФ, ф. 906, оп. 1, д. 42, л. 3]

Зима 1853/1854 гг. была трагической для Константиновского поста, где помимо штатных казаков и матросов вынуждены были зимовать и члены экипажа транспорта «Иртыш» и корабля Российско-Американской компании «Николай».

Наталья Сеселкина в статье, которую мы упомянули выше, рассказывает о том, как, когда и кем, были восстановлены имена погибших от голода и цинги в Императорской гавани:

«Совгаванскому краеведу В.А. Анчевскому, работавшему в Российском государственном архиве ВМФ, удалось отыскать в журнале исходящих и входящих писем Амурской экспедиции за период с августа 1853 года по октябрь 1854 года список из 22 членов 46-го флотского экипажа, зимовавших на Константиновском посту, которым причитались деньги. Четверо из них были помечены как умершие: Коротких Иван, Судейкин Спиридон, Медведев Хирсандр, Сизых Михаил. К списку подшито отношение Н.К. Бошняка с духовным завещанием умершего матроса Алексея Козлова.

В результате поисковой работы Виктор Анатольевич составил список умерших зимовщиков в бухте Постовой в ту трагическую зимовку.

Попробуем в нем разобраться.

Толмачев Перфил — Иркутский казачий полк (Константиновский пост)
Козлов Алексей — 46-й Камчатский флотский экипаж (Константиновский пост, если завещание от него принимал Бошняк, как командир)
Итого: 2 человека
Коротких Иван — 46-й Камчатский флотский экипаж («Николай»)
Судейкин Спиридон — 46-й Камчатский флотский экипаж («Николай»)
Пушинин [Пушигин] Сидор — 46-й Камчатский флотский экипаж («Николай»)
Сизых Михаил — 46-й Камчатский флотский экипаж «Николай»
Медведев Хирсандр — 46-й Камчатский флотский экипаж («Николай»)
Итого: 5 человек
Чудинов Гурий Михайлович — 46-й флотский экипаж, поручик, транспорт «Иртыш».
Колобов Прокопий
Рогов Павел
Водкин Матвей
Мироманов Василий
Итого: 5 человек
Исключаются из списка погибших, признанных выжившими:

Максимов Матвей [указан в списках Камчатского флотского экипажа за 1855 год: [Максимов Матвей Степанов (1827) — матрос 1-й статьи, из крестьян Иркутской губернии Яндинской волости, из 13-го линейного батальона переведен в Охотский флотский экипаж, в 1853 г. служил на судне РАК «Николай I»].

Шаныгин Самсон [указан в списках Камчатского флотского экипажа за 1855 год: [Шаньгин Семен Матвеев сын (1824) — матрос 1-й статьи, солдатский сын Иркутского полубатальона военных кантонистов, в 1850 г. из 13-го линейного батальона направлен на формирование 46-го флотского экипажа, в 1853 г. служил на судне РАК «Николай I»].

Семенов Иван [указан в списках Камчатского флотского экипажа за 1855 год: [Семенов Иван Алексеев сын (1828) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутска, из полубатальона военных кантонистов, в 1850 г. из 13-го линейного батальона переведен в 46-й флотский экипаж, в 1853 г. на судне РАК «Николай I»].

Добавляем из списка Буссе (Сахалинская экспедиция) умерших членов экипажа судна РАК «Николай»:

Прокопий Котлов (умер)
Матвей Воукин (умер). Но неизвестно, умерли ли они в Императорской гавани.

В 2015 году по инициативе В.А. Анчевского в поселке Заветы Ильича этим людям установили памятник.

На нем надпись: «Умершим от цинги в зиму с 1853 на 1854 годъ транспорта “Иртышъ” штурманъ поручикъ Чудиновъ и 12 человек нижних чинов корабля “Николай” Рос-Амер. Ком. 4 матроса и 2 матроса постовой команды».

По этому списку получается 19 погибших от цинги в Императорской гавани.

Бошняк называет цифру в 20 человек. Вот цитата из его записок:

«…с первыми признаками наступающей весны я отправил на байдарке казака Парфентьева отрывать из земли на м. Путятина, черемшевые коренья, как известное противоядие этой убийственной болезни. Несмотря на все, когда время болезни прошло, из 90 человек мы недосчитались 20, а выдающийся мысок покрылся крестами».

Но сам же Бошняк дает и другую цифру:

«…Гаврилов, командир транспорта [«Иртыш»], лежал при смерти; старший его помощник — в могиле, кондуктор также был при смерти, здоровой команды 13 человек — 13 лежало в могиле и 10 человек на берегу больных. На “Николае” командир и 2 старших помощника — больные, оставался один младший с 18 человеками команды; у меня 13 человек было в могиле, 8 больных и 4 здоровых, прислуживающих больным».

То есть вопрос о конкретных жертвах трагедии Императорской гавани *не закрыт* еще и спустя 170 лет.

Как открытым остается и вопрос о дальнейшей судьбе тех, кто выжил в тех невероятно сложных условиях деятельности Амурской и Сахалинской экспедиций.

В материалах Российского государственного архива мне встретились такие строки, на которые я первоначально не обратил внимание. Речь шла о якутских, гижигинских и камчатских казаках, которые были участниками Амурской и Сахалинской экспедиций и о которых сообщалось следующее — те, кто *не умер*, были включены по распоряжению Камчатского губернатора (так первоначально звучала его должность) Петра Васильевича Казакевича в состав 6-й сотни Амурского казачьего полка.

И действительно, мы обнаруживаем в списках награжденных казаков из 6-й сотни конных казаков Амурского полка имена гижигинских казаков Ивана Анкудинова и Ивана Корюкина и, возможно, также одного из гижигинских Кошкаровых — Ивана, об истории появления которого на Амуре у нас пока нет сведений…

Надеемся, что удастся найти следы и других представителей казачьих семей Якутского казачьего полка, Гижигинской и Камчатской казачьих команд, а также отставных матросов Камчатского (впоследствии Амурского) флотского экипажа — первых поселенцев новоприобретенных дальневосточных земель.

АБРАМОВЫ

Они же Обрамовы. Они же Аврамовы. Поэтому поиск весьма затруднен.

Да и не только собственно написанием.

Еще и употреблением — употребление отчества вместо фамилии: собираешь сведения об Афанасии Абрамове (Аврамове) — участнике заговора против воеводы Францбекова. А оказывается…

Но сначала сама история.

Афанасий Аврамов, как выяснил Г.Б. Красноштанов, давно уже знал Хабарова, который заключил коммерческий договор с якутским воеводой Францбековым о грабительском походе на Амур:

«Торговой человек Офонасей Аврамов устюжанин, посадцкой человек, сказал по государеву крестному целованью: Слышил де я на Устюге от людей, что он, Ярафейко, з братом своим с родным с Микифорком Павловым в делу. И живет он, Ярафейко, в Устюжском уезде в Вотложском стану в деревне Дмитрееве. А брат ево Микифор живет Усолья Вычегодцкого в уезде, в деревне на Ленивице. А от пясидчиков у Тишки Иванова Усолья Вычегодцкого олексинца слышил, что он, Ярофейко, в Пясиде в прошлом в 137 [1628–1629] году з братом своим с Микифорком соболей вместе не промышлял».

А далее у торговых людей Якутска начались проблемы в связи с походом Хабарова на Амур — он переманил их людей, оголил промыслы, лишил купцов выгоды… И в этом торговый люд видел прямую вину якутского воеводы.

«Во главе недовольных стояли наиболее состоятельные торговые люди, которые не менее других страдали от «великих налог» воеводы; именно у них был реквизирован хлеб для Хабаровской экспедиции. Это были: таможенный голова Вас. Ростовщиков, член гостиной сотни Вас. Горбов, выходец из богатейшей крестьянской семьи с Выми — Иван Осколков, ярославский торговый человек Никита Агапитов, далее прикащики влиятельных в Москве гостей, привыкшие за хребтом своих хозяев держать себя с известной независимостью, — прикащик гостя Кирилла Босова Петрушка Кондратьев Воейковых, прикащик гостиной сотни Никифора Ревякина — Савва Конд, Копыгин, упоминавшийся выше прикащик гостя Вас. Федотова — Сем. Тим. Нерадовский и, наконец, прикащик дьяка Михайлова — Афан. Аврамов, человек горячий и не лишенный темперамента. Центром, вокруг которого сгруппировалась оппозиция, оказался бывший товарищ прежнего якутского воеводы Пушкина — дьяк Петр Стеншин, которого Францбеков задержал за отчетом в Якутске и который, сердитый за задержку, искал случая ему отомстить».

Отомстил им Францбеков:

«Служилые люди во время обедни ворвались с оружием, а иные в шапках, в церковь, схватили Аф. Аврамова и били его, перед образами свечи поваляли. Аврамов кричал: “что де, православные христиане, не дайте Дмитрию Францбекову меня убити, ведаю де на него, Д.А. Францбекова, государю дело”».

И вот в справочнике «РГАДА. Якутская приказная изба» [т. 2, Я., 2016] читаем информацию за 1651 год: «Судное дело по челобитной крестьянина кн. Ивана Прозоровского, Федора Семенова Истомина на торгового человека Афанасия Аврамова Кодутина, присвоившего имущество умершего торгового человека Ивана Шаршина в ущерб другим его кредиторам».

И вовсе он даже не Аврамов (Абрамов), а Кодутин.

Но и это еще не все «фокусы» с фамилией. Вот еще пример.

В книге Г.Б. Красноштанова «На ленских пашнях 17 века» находим искомое имя:

«В 158 [1649–1650] году (точная дата неизвестна) служилые люди Верхоленского острожка и ссыльные пашенные тутурские черкасы снова подали челобитную о строительстве церкви в Верхоленском острожке.

“Царю [А.М.] бьют челом холопи твои и сироты дальные твоей государевы украйны, Верхоленского Братцкого острожку бедные служилые людишка: Пятидесятник Курбатко Иванов. Десятники Федотко Боран, Мишка Сорокин. Рядовые Пронька Задубин, Фомка Гостьев, Фетька Васильев, Ермолка Федоров и во всех места пятидесят человек, да ссыльные пашенные крестьяне: Ивашко Федоров, Якунька Абрамов…”»

А чуть ниже.

«На оборотах листов этой челобитной — рукоприкладства челобитчиков, в том числе от черкасов, поселенных в Тутуре: “К сей челобитной вместо пашенных хрестьян Ивана Федорова да Якова Обросимова и во всех товарыщев по их велению Фетька Андреев каргопол руку приложил.” Иван Федоров — это Иван Федоров Диряев, воронежский черкашенин. Яков Обросимов (в челобитной он записан как Якунька Абрамов) — тоже воронежский черкашенин Якушко Юрьев Обросимов (Обросьев, Амбросьев)».

И как тогда рассматривать, в привязке к нашей теме, эту информацию: в 1640 году в Якутск в составе отряда первого якутского воеводы Петра Головина прибывает тобольский Нехорошко Аврамов, казак станицы Клима Бобошина [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Кн. 141. Л. 226].

Далее во втором томе справочника «РГАДА. Якутская приказная изба» записи о нем:

«*1640 г.* Дела: … об илимском банном откупщике Нехорошем Абрамове и торговом человеке лалетине Иване Иванове, явивших в таможню для записи соболей, с таможенной печатью».

«Дела: по обвинению банными откупщиками Нехорошим Абрамовым с товарищами служилого человека Евтифея Васильева Верещагина

в укрывательстве беглого кабального человека сына боярского Василия Власьева, Куприяна Никитина»

«20 апреля *1642 г.* (7150). Челобитная служилого человека Нехорошего Абрамова о подделке его подписи и других подлогах, совершенных подьячими Яковым Михайловым, Никитой Артемовым, Антоном Киприяновым».

«*1647 г.* Памяти служ. людям Нехорошку Аврамову с тов., назначенными для сбора ясака с тунгусов по Вилюю».

«*1649 г.* Дела по взысканию долгов … служилым человеком Матвеем Сосновским со служилых людей Федора Харламова, Василия Корякина и Дениса Нехорошего Абрамова (вероятно, сына)».

И вот: «Тобольские пешие казаки прежнего наряду с столь… с Петром Головиным с товарыщи… Нехорошко Аврамов сын Пеняжанин на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году».

Так он все-таки не Нехорошка Аврамов, а Нехорошко сын Аврамов, как и торговый человек Кодутин.

Но на якутских служилых людей Аврамовых-Абрамовых-Обрамовых мы все-таки вышли. Правда, не все пока ясно. Но попробуем разобраться вместе, собирая информацию в трех томах справочника «РГАДА. Якутская приказная изба».

Якутск, 1639/1649 гг.: «Дело по обвинению подьячего съезжей избы Семена Абрамова в незаконном варении пива».

«19 января *1641 г.* (7149). Росписи документов Якутской приказной избы, переданных подьячему Юрию Юрьеву подьячим Семеном Аврамовым».

1652 год: «отписки… подьячих Анкудина Титова и Семена Абрамова о взыскании зерна по заемной кабале с крестьян Вас. Никитина, Матвея Михайлова и Мирона Тимофеева и памяти (отпуска) об этом на Чечуйский волок».

«Дело о взыскании приказчиком гостя Никифора Ревякина Иваном Нифантиевым с подьячего Якутской съезжей избы Семена Абрамова денег по заемной памяти за взятый им товар и муку».

«Дела по челобитным подьячего Якутской съезжей избы Семена Абрамова о присвоении служилым человеком Иваном Барановым его однорядки, об оскорблении его ссыльным человеком Иваном Коровиным».

1654 год: «Дела и челобитные: об отдаче подьячему Семену Абрамову в работу его должника, промышленного человека Ивана Никифорова Кудри».

1657 год: «Дело по челобитью подьячего Семена Аврамова о побеге его крепостных». «Дело о возвращении подьячему приказной избы Якутского острога Сем. Аврамову бежавших от него, купленных им новокрещенных Федора и Лукерьи, пойманных на р. Олекме».

1659 год: «Дело по иску подьячего съезжей избы Семена Абрамова о взыскании денег по заемной кабале со служилого человека Егора Филиппова».

1660 год: «…(17 февраля 7168 г.). Грамота воеводе Михаилу Семеновичу Лодыженскому о посылке медных денег с подьячим Семеном Абрамовым на жалованье служилым людям и др. расходы, принятии мер к предотвращению их подделки».

1661 год: «Памяти подьячему денежного стола Семену Абрамову о переписи имущества у пятидесятника Ивана Реброва».

«1666 г. января 10. — *Память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова на реку Колыму приказному Семену Аврамову о рассмотрении жалобы “Анюйского хребта ясачных иноземцов” на служилого человека Василия Бронника и колымских якутов, ограбивших их и увезших их аманатов из нового ясачного зимовья на реке Анюе в старое зимовье на реку Колыму.*

Лета 7174-го года генваря в 10 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича [т.] память на Ковыму реку приказному Семену Аврамову. В нынешнем во 174-м году ноября в 5 день писал в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Ывану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову с Анюя реки служилой человек Ивашко Хворой и прислал челобитную за знамены Анюйсково хребта ясачных иноземцом князца Таблейка да Ниникейка на служилого человека на Ваську Бронника да на промышленого человека на Фильку Рыбника. А в челобитной их написано: в прошлом де во 172-м году поимал их вверху Анюя реки на Анюйском хребте служилой человек Ивашко Хворой и вывез на Ковыму реку и хотел он Ивашко итти с ними по Омолону реке; и они де били челом великим государем, чтоб их великие государи пожаловали, не велели по Омолону реке возить для того, что та река от них удалена, а поставить бы зимовье на каменю по Анюю реке; и он Ивашко по их челобитью зимовье поставил на каменю, где бы им приходить великих государей с ясаком; а ясаку принесли они 16 соболей да напольники, а в них 10 пластин; и как учали родники их приезжать к ясачному зимовью великих государей с ясаком, и они били челом великим государем, чтоб их из оманатов переменить, а в их места посадить в аманаты детей и племянников их; и он де Таблейко посадил в свое место жену свою, а он Ниникейко племянника своего; а они де учнут родников своих призывать; и отпуста их тот Ивашко Хворой давал им великих государей подарки, котлы и топоры и пальмы и олово и полицы куяшные; и как учали родники их к ним копица, братья и племянники и зятья, и зять ево Локта послал великих государей ясаку

в ясачное зимовье приказному Ивашку Хворому 2 соболя, да с родного ево брата сын Шабла послал соболя, а з достальным ясаком, собрався с родниками своими, хотели они быть к ясачному зимовью; и в прошлом де во 173-м году пришли с Ковымы реки они Васька Бронник и Филька Рыбник, с иноземцами с ковымскими мужиками и их разорили до основанья, и что им великих государей жалованья подарков дал Ивашко Хворой, котлы и топоры и пальмы и полицы куяшные, и те подарки у них они Васька и Филька отняли; а что им давал тот Ивашко, взяв великих государей ясак, отписи и те отписи они Васька и Филька у них взяли и тем отписям не поверили и родников их розвезли на Ковыму реку; и чтоб великие государи пожаловали их Таблейка и Ниникейка, велели родников их, которые седят на Ковыме реке в аманатех, поставить с ними с очей на очи и велеть на Ковыме реке на Нижной ярмонке тебе Семену роспросить, что те аманаты родники их подлинно, и великих государей ясак платить хотят с ними на Анюйском хрепте: а Ковыма река от них удалена и ходить великих государей с ясаком не вмочь; а в разоренье Васьки Бронника и Фильки Рыбника, что великие государи укажут. И как к тебе ся память придет, и тебе б Ваське Броннику дать тем аманатом с родниками очная ставка. И будет подлинно родники их, и хотят ясак платить на каменю на Анюе в зимовье с ними, и тебе б тех аманатов с Ковымского зимовья отдать служилому человеку пятидесятнику казачью Ваське Бурлаку и в том с ним росписатца. А будет те аманаты не родники их, и им великих государей ясак платить на Ковыме реке. А против их Таблейкова и Ниникейкова челобитья сыскать ясачными иноземцами по их вере по шерти, как их Васька Бронник с товарыщи грабили: хто что в сыску скажут, и велеть те их речи написать на роспись и к той росписи велеть им знамени свои приложить и дать им Таблейку и Ниникейку с Филькою Рыбником очная ставка. И тот сыск прислать в Якуцкой острог с кем пригоже и велел тот сыск подать в сьезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову».

[Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сборник архивных док-в. Л. Изд-во ин-та народов Севера, 1936].

Был подьячий, стал приказчиком, пятидесятником.

Один и тот же это человек или два тезки?

Но вот находим подтверждение, что все-таки это один и тот же человек: «Выписка из воеводского наказа отправленному на Ковыму реку подьячему Семену Аврамову, 1664 июля 26» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

«Челобитная-отписка пятидесятника Григория Татаринова о сдаче Семену Аврамову Колымских зимовий, принятых им у сына боярского Второго Катаева».

«Книга сбора ясака за 1666–1667 (175) г. с юкагиров и эвенов по Колымскому Верхнему зимовью ясачного сборщика Семена Абрамова».

И завершается история Семена Аврамова (Абрамова) в 1675 году: «Дела об убийстве 1675 г. приказчика Верхне-Колымского зимовья Семена Абрамова его дворовым человеком новокрещенным ламутом» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

С большим трудом (в связи с отсутствием отчества во многих документах), но удалось в материалах трех томов справочника «РГАДА. Якутская приказная изба» найти его сыновей.

Старший:

«в судных делах за 1641–1674 годы находится Челобитная подьячего съезжей Якутской избы Вахрушка Аврамова на ссыльного человека Лариона Маркова Мартемьянова о том, что “девка” ясырь Мартемьянова бесчестила его Аврамова».

1653 год: «Отписи служилых людей Якутского острога о получении ими жалованья, товаров и казны, денег в уплату за работу, проданные дрова, пороха …подьячего Варфоломея Абрамова».

1657 год: «Дело по изветам служилых людей Петра Алексеева и Варфоломея Аврамова на подьячего ясачного стола Семена Ермолина об искажении им размера окладов молодых подьячих при перенесении записи в книгу, об утайке им “доимки” по ясаку, числящейся на ясачных юкагирах “дальних рек” и ложному обвинению его в присвоении пушнины».

«*1663* (171) *г.* не ранее марта 1 — не позднее августа 31[1]. — Челобитная служилых людей Якутского острога, в том числе атамана Михаила Стадухина и пятидесятника Ивана Реброва, о снижении цен на хлеб, ввиду дороговизны снаряжения, покупаемого при походах в “дальние землицы”. …К сей челобитной Варфоломейко Аврамов руку приложил».

1666 год: «Дело по челобитью подьячего съезжей избы Якутского острога Акиндина Титова об оскорблении его и членов его семьи подьячим Варфоломеем Семеновым Аврамовым».

1667 год: «Судное дело по челобитию подьячего Варфоломея Аврамова на Аксинью с детьми, — жену служилого человека Семена Чуфариста в неоплате денег по кабале».

«Дело … по словесной челобитной подьячего Якутской приказной избы Варфоломея Аврамова о побоях, нанесенных ему служилым человеком Григорием Анкидиновым».

1669 год: «Дело о наказании подьячего Варфоломея Аврамова за невзятие поручной записи по М.И. Голенищеве-Кутузове, обвиняемом в незаконном закрепощении и отсылке к Руси новокрещенного якута Михаила Давыдова».

1670 год: «Дела: об уплате денег подьячему Варфоломею Абрамову, получившему в уплату долга девушку-прижиток, освобожденную затем по просьбе ее матери».

«Писцовая книга пахотных земель на реке Амге “письма и меры” подьячего Якутской приказной избы Варфоломея Абрамова, 18 апреля 1672 (180) г.».

Другой его сын:

1670 год. «На Нижнюю заставу на усть Алдан: …для письма [послан] Климко Аврамов…» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

1677 год. «о вымогательстве бывшим воеводой Андреем Барнешлевым денег и мягкой рухляди с сына боярского Сарзина Крупецкого, с казака Клима Абрамова и других».

Книга сбора ясака за 1678–1679 (187) г. с эвенков по Бутальскому зимовью сына боярского Леонтия Львова. Черновик. Подлинник. Скрепил за Львова — Дмитрий Спиридонов (лл. 1–23). Скрепил Иван Бибиков и за Львова — казак Клим Семенов Абрамов».

«Книга сбора оброка и десятых денег с имущества посадских и промышленных людей в Жиганском зимовье сына боярского Архипа Лыткина, 15 ноября 1679 — 20 марта 1680 (188) г. Скрепил за Лыткина — казак Клим Абрамов».

«Окладная книга 1681 года. Якутск. Казаки. Абрамов Климко, казак (в холостом окладе)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

«Книга сбора ясака за 1681–1682 (190) г. по Тонторскому зимовью сына боярского Архипа Лыткина. Скрепили Приклонский и за Лыткина — казак Клим Абрамов».

«Книга сбора ясака за 1683–1684 (192) г. с эвенков по Майскому зимовью десятника Ивана Игнатьева. Скрепили Кровков и за Игнатьева — казак Клим Семенов Абрамов».

«Приемная книга хлебных запасов приемщиков Ивана Сургутского и Клима Абрамова, август 1685 (193) г.».

Не удивлюсь, если и этот казак тоже сын подьячего, впоследствии приказного человека Семена Аврамова: *1670 год.* «В Янское в верхнее зимовье коньми: …для толмачества [послан] Аверка Аврамов…».

Для толмачества — то есть родился и вырос в Якутии, знает прекрасно язык.

«Колымские зимовья 10 июня [1672 года] — отписка таможенного целовальника Никифора Чебаевского о сборе десятинной соболиной пошлины об отправлении этого сбора и ясачной соболиной казны в Якутский острог с казаком Парфеном Тихоновым Брагою, Аверкием Аврамовым…».

«Окладная книга 1681 года. Якутск. Казаки. Абрамов Аверька, казак (в женатом окладе)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

А вот и младшенький из братьев:

1680 год. «Памяти: а) всему населению “великие реки Лены”, находящегося под Якутским острогом, об обязательном предоставлении приемщикам государственных хлебных и соляных запасов атаману Степану Полуэктову и казакам Льву Старловскому и Никифору Абрамову подвод и проводников…

…об избиении и ограблении промышленного человека Ивана Тараканова казаками Никифором Семеновым Абрамовым и Леонтием Сторловским».

1681 год. Рядовые казаки: Микифорко Аврамов [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

1692 год. «Якутцкого города служилые люди. Холостые рядовые казаки. Микифорко Аврамов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 38].

«Окладная книга *1706 года*. Никифор Аврамов (9-я пятидесятня Якутского казачьего полка)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Возможно, было еще двое братьев. Но их сгубила Камчатка.

«Десятая пятидесятня: Григорий Аврамов, на Камчатке от иноземцов убит, и в нын. 706 г. июля в 16 д. приверстан в казачью службу в его Григорьево место и оклад Иван Балахонов».

К восстанию верхнекамчатских казаков 1712 года, ядром которых были тобольские казачьи дети, верстанные в камчатские казаки, примкнули восемнадцать казаков Нижнекамчатского острога, жителей которых и пришли грабить верхнекамчатцы во главе со своим приказчиком Константином Киргизовым: Иконников Петр, Серебренин Матвей, Попов Дмитрей, Кобычев Михайло, Чюркин Алексей, Попов Петр, Рассадников Андрей, Кисиных Филип, Токуяк Степан, Тюшев Григорей, Тимофеев Сава, Лебедев Иван — из-за угроз и мучений, Колокольников Степан, *Аврамов Агапит*, Зорно Степан, Марков Тимофей».

О руководителях бунта камчатский приказчик Василий Колесов, проводивший следствие по бунту, писал:

«…в Камчадалских острогах первоначальные бунты и нынешней чинятца от тоболских уроженцов служилых людей; а вершенной вышеписанный разбойник Константин Кыргызов урожением тоболской; да с ним же пущие воры были единомысленники его, первоначальные на Камчатке бунтовщики, и на злое всякое дело заводчики и потаковщики, и на всякое злое дело вымышленники, товарыщи его, тоболскиеж уроженцы: Кирило Бекирев, Иван Панютин, Иван Баднан, Иван Лосев, Никита Дурынин, Иван Терентьев, Лазарь Ощепков. А и впредь тоболские уроженцы буде по государеву указу будут присылатца на Камчатку, и в Камчадалских острогах от тех тоболских уроженцов его государева вотчина прочна и состоятельна не будет и будут от них всегда шатости. А без домовых якуцких и Руси жителей в здешней Камчадалской земле быть нельзя и вотчина великого государя в Камчадалских острогах будет прочна и состоятельна» [Памятники сибирской старины, т. 1, стр. 550–551].

Это был приговор тоболевчанам.

Но не менее суровый приговор был вынесен и тем, кто примкнул к бунтовщикам:

«…мы его Константина и Леонтия Беляева («правой руки» Киргизова. — *С.В.*) положа на плаху смертью показнили; а тех его Константиновых товарищей тут же на плахи клали и сняв

с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводки водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным так бунтовать, и свои и заговоры и круги заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно…»

Обратно в Якутию Агапит Аврамов уже не вернулся…

Да и, собственно, след и остальных детей Семена Аврамова затерялся где-то на просторах Якутского воеводства. Но остались их крестники — коренные православные Абрамовы и Аврамовы…

АЛАБЫЧЕВЫ (АЛАБЫШЕВЫ)

Мы чуть ниже покажем это постепенное изменение мангазейской фамилии Алабычевы в якутскую Алабышевы.

Это как раз дело простое.

Сложность в другом.

Мы в своем часто весьма критичном отношении к своим предкам — давайте вспомним пресловутое выражение, впитанное нами с детства, — казаки-разбойники (даже игра когда-то такая у нас была) — не только недооцениваем то великое, что они нам подарили — Сибирь, Северо- и Дальний Восток (плюс, кто не забыл еще, — Русскую Америку), но и с позиций нашей нынешней морали (очень кстати, подчас фальшивой, двойственной и даже гнилой) пытаемся судить о ДЕЯНИЯХ наших предков, которые в течение полувека прошли от Урала до берегов Тихого океана, а потом преодолели и Великий Тихий океан.

Если бы они в действительности шли только как разбойники, их немногочисленные отряды были бы беспощадно разгромлены. И даже не разгромлены — в условиях дикой тайги при морозах за минус пятьдесят, преодолевая сибирские могучие реки и их многочисленные притоки, по тундре и болотам, через непроходимые дебри — они бы не выдержали этих нечеловеческих (с позиции современного человека) трудностей и отступили бы, бросили бы эту «пустую» затею, как ее бросали, не будучи способными двигаться в глубь Сибири, многие племена и народы в течение целого ряда столетий.

И в дальний сибирский путь наших казаков вела не только отвага, сила, огненное оружие (хотя этот фактор в ряде случаев и играл свою роль), но важнейшей частью этого сибирского пути было заключение дружественных союзов с более слабыми племенами против более сильных. Слабых казаки брали под свою защиту.

Кто-то при этом усмехнется — ну-ну, современные бандиты тоже предлагают «слабым», но богатым свою силу и поддержку.

Да, и казаки действовали в определенных интересах. И главным был интерес *государственный* — наполнение казны средствами от продажи за границей бесценного для европейцев меха, ибо свое зверье они истребили вместе с лесами уже несколько веков назад.

Кстати, сам по себе ясак не представлял для коренного населения Сибири какого-то особого отягощения. В определенных случаях этот ясак доходил до одной шкурки зверя со взрослого мужчины. На Камчатке были, например, собольники, лисичники и бобровники. Собольники и лисичники были по всей Камчатке. А вот бобровники — те, кто платил ясак морскими бобрами — каланами, жили в юго-восточной части полуострова, то есть там, где эти бобры водились.

Проблема появилась, когда личная выгода от пушного промысла и сбора ясака с местного населения переросла в коррупционную систему, в сибирскую поголовную мафию. Во что-то очень похожее на современную Россию. Когда государственный интерес отступил на задний план, а личный выдвинулся намного вперед.

Но вернемся к истории.

В 1581 году Ермак вступил на территорию Сибирского царства.

Напомним, что Сибирское царство было *данником* Московского государства: «…прииде к великому князю Юзшанъ, сынъ Асынинъ изъ Гогуличь по опасу, сослался Филофеем епископом Пермскимъ; великий же князь Юзшана пожаловалъ и устрои его дань даяти себе» [Никоновская летопись, т. 12, стр. 215].

И это было за столетие до похода Ермака Тимофеевича.

Но не будем заглядывать назад, а посмотрим вперед.

В царствование царя Бориса Годунова появилась на свет грамота: «…Бил нам челом Томские земли князек Тоян, что б нашему царьскому величеству его Тояна пожаловати, велети ему быти под нашею высокою рукою и велели бы в вотчине его в Томи поставити город… И мы… челобитие его милостливо выслушали и, пожаловав его высоким царским жалованием, велели отпустить в Сургут, а из Сургута в Томскую волость… а с ним послати наших служилых людей, сколько будет человек пригож, смотря по тамошнему делу… что б им тех мест и всяких угодий разсмотрети, и где на то городское дело имати лес, и сколь далеко, и на которой реке, и сколь велика река… и вперед тут городу стоять мочно ль…».

А теперь заглянем в энциклопедические словари и справочники, чтобы узнать историю происхождения этой фамилии.

«Албычевы, дворянский род, происходящий от Албыча-мурзы, выходца из Золотой орды, и внука его Петра, пелымского сына боярского, ставившего остроги: в 1618 г. Енисейский, в 1620 г. — Макинский, Кетский и Намацкий. Записан в I ч. род. кн. губ. Оренбургской и С.-Петербургской» [Новый энциклопедический словарь].

«Албычев, Петр, пелымский боярский сын, род. в конце XVI века; служил в Тобольске и был послан воеводой строить остроги (укрепления): в 1618 г. — Енисейский, в 1620-м — Макинский,

Маковский, Кетский и Намацкий. Первоначальное распоряжение о постройке острогов было сделано князем И. С. Куракиным» [«Древняя российская вивлиофика», т. III. стр. 134; Müller, «Sammlung Russischer Geschichte», VIII, 108].

Честно говоря, эти источники ни о чем. Историй с золотоордынскими фамилиями — тьма-тьмущая, чуть ли не каждая третья, если не вторая дворянская фамилия в России претендует на некую связь если не с самим Чингисханом, то с его какими-нибудь вельможами…

Здесь же случай особый.

«Гарнизоны Югры, как и других сибирских регионов, разумеется, не отличались этнической однородностью. Там можно было встретить выходцев из самых различных народов, включая тех, чье нахождение в далеких северных городах труднообъяснимо. Например, в Сургуте в 1629/30 г. числился “подгородный служилый тотарин”, в Пелыме трое детей боярских по фамилии Албычевы также были родом из татар» [Югра в составе Московского государства, Ханты-Мансийск, 2024].

Но и в данном случае понятие татарин слишком широко для понимания.

А вот и расшифровка:

«На пространстве Сибири почти не было города, где в числе администрации не присутствовали бы выходцы из аборигенной среды. Сын боярский Петр Албычев из мансийского рода князцов Албычевых принимал активное участие в строительстве Енисейского острога и “приводил под высокую государеву руку” близлежащее автохтонное население края» [Копылов, 1965. С. 22–24, 32; Люцидарская А.А.,Инкорпорация сибирских аборигенов в государственные структуры России»].

Албычевы — выходцы из аборигенной среды. Как Гантимуровы в Забайкалье. Как Матвеевы и Поротовы в Якутии.

И манси Петр Албычев ставит в 1618 году Енисейский острог:

«1618 г. марта–апреля. — Отписка тобольского воеводы князя И.С. Куракина кетскому воеводе Ч.Ф. Челищеву о выдаче Петру Албычеву и Черкасу Рукину списков с ясачных окладных книг тех волостей, которые отойдут к новому Енисейскому острогу.

Господину Чеботаю Федоровичу Иван Куракин челом бьет. По государеву указу посланы из Тобольска на Енисею нового острогу ставить Петр Албычев да Черкас Рукин, а с ними сибирских городов служилые люди» [Миллер Г.Ф. История Сибири — Т. 2 — С. 246–247].

Первая запись, найденная в архивах, о появлении Албычевых в Якутии датирована 1720 годом. Сразу и не догадаешься, о ком идет речь:

«Служивые люди. Во дворе служивой Алексей Никитин сын Поломошнов … у него ж живут … Тимофей Анбучев … и он Тимофей послан на службу в Удской острог в 719 году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 26].

Затем он оказывается на Камчатке:

«3 июля 1729 г. казак Тимофей Албышев сообщил в Большерецкой ясачной избе, что получил известие о намерении “морских” и “курильских мужиков” напасть на Большерецкий острог» [Зуев А.С., «Камчатский бунт 1731 г.: из истории русско-ительменских отношений»].

Но свидетельств об его каких-то связях с Харчинским бунтом 1731 года на Камчатке, когда камчадалы восстали, а казаки предприняли карательные меры, направленные на подавление бунта, у нас нет.

Фамилия в правильном написании появляется только в переписи за период с 1722 по 1748 год:

«Города Якуцка разночинцы. Умершие: Тимофей Албычев» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.120].

Поэтому не стоит удивляться появлению новых написаний этой фамилии в нашем очерке.

То, что у Тимофея была семья, тоже подтверждается материалами переписи 1722/1748 гг.:

«Города Якуцка разночинцы. Умершие: Тимофея Албычева пасынок Иван».

Если был пасынок, то мог быть и родной сын:

«В Охоцком остроге. Разночинцы: Иван Алабышев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 90].

А это, скорее всего, сын Ивана:

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость. Казаки: Петр Алабышев. Жена Пелагея Петровна» [РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело 28, Л. 18].

В 1781 году имеются две записи этой фамилии: «Казаки: Петр Албышев» [РГВИА, фонд. 14808, оп. 1, д. 88, л. 10 об.]. «Казаки: Петр Алабышев» [РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 88, л. 21].

А также здесь же, в Гижигинской крепости служит, возможно, сын, возможно, брат Петра.

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781 г. Казаки: Степан Алабышев» [РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 88, л. 22 об.].

А далее этот родовой след Албычевых-Алабышевых на Северо-Востоке теряется…

АНИСИМОВЫ

Старинный вариант – Онисимовы, Онисимовых.

Первым из Анисимовых на самый крайний Дальний Восток прорвался «Томской казак Ивашко Онисимов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154 [1646] году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 23].

И, конечно, сразу же возникает вопрос — а не из отряда ли он томских казаков Ивана Юрьевича Москвитина, первыми в истории России открывших Ламское (Охотское) море и возвращавшихся в Томск через Якутск, где казаки были допрошены якутским воеводой и часть из них были оставлены служить на Лене? Вполне вероятно, что Ивашко Онисимов был проводником в команде первостроителя Охотского острога и первого его приказчика Василия Андреевича Шелковникова. Мы не знаем о судьбе Ивана, но судьба многих из первых охотских казаков была трагична — ламуты (охотские эвены) взяли острог в осаду, и многие казаки умерли от голода и цинги.

И вот подтверждение: «В 1637 г. служилые люди Иван Анисимов и Иван Москвитин отправились “на Ламу для прииска новых землиц”. Томский атаман Дмитрий Копылов, находясь в районе р. Алдан, поручил Москвитину проведать пути “на большое море окиян, по тынгускому языку на Ламу”. Москвитинцы сначала шли по Алдану до р. Маи, плыли по ней вверх и через волок вышли на р. Улья. Сделав “лодью, плыли до моря до устья той Ульи реки, где она пала в море”. У устья этой реки Москвитин поставил зимовье “с острожком” — первое русское поселение на берегах Тихого океана. С этого зимовья москвитинцы “ходили морем на Охоту реку… а от Охоты до Ураку, обследовав довольно большой район побережья Охотского моря”».

Второй из Анисимовых на якутской службе — тобольский казак «…которые присланы с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену. …Олешка Онисимов в нынешнем во 159 [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в середнее зимовье» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 21].

Сибирский дворянин Афанасий Шестаков в 1718 году набирает казаков для гарнизона Анадырского острога, но что-то пошло не так, и эти казаки остались в Якутске — и вот один из них «Служивой Афонасья Шестакова набору Иван Костянтинов сын Онисимовых сказал дватцети пяти лет холост».

Андрей Черепанов в книге «Сибирская кровь», рассуждая о своих родственных связях, рассказывает об иркутских Анисимовых:

«Анисимов Семен Мартынов, из сургутских служилых людей, которым в 1698 г. велено служить на вечном жите по Иркутску, в 1704 г. — пеший казак, в 1717 году на его место поверстан сын Иван, умер в период 1722–1744 гг. разночинцем. Ж. Дарья Васильевна (ум. в 1765 г.)».

А это сын Иван:

«Анисимов Иван Семенов, в 1717 г. поверстан в пешую казачью службу вместо своего отца, в период между 1722 и 1744 гг. определен в казаки из разночинцев г. Иркутска (вероятно, вторично) и взят “в Камчатскую экспедицию в службу” (возможно, взят в экспедицию другой Иван Анисимов). Ж. Марфа».

Обратите внимание на примечание — возможно, другой Иван.

Но факт остается фактом — кто-то из иркутских казаков Анисимовых и взят «в Камчатскую экспедицию в службу».

И вот действительно, в 1739 году среди солдат Сибирского гарнизона на борту бота «Святой Гавриил» в составе его экипажа мы видим Афанасия Анисимова, а бот готовится к плаванию к берегам Японии в составе экспедиции Мартына Шпанберга.

И стоит ли тогда удивляться тому, что в Исповедальных переписях Тигильской Христорождественской церкви за 1812 год мы встречаем «бывшей городовой военной команды отставного унтер-офицера Анисимова Василия Афанасьев сына (1761) и членов его семьи: Ж. Наталья Стефановна. Падчерицы его: Ирина (1806), Пелагея (1808)».

Позже появились и сыновья. И мы можем представить поколенную роспись этого тигильского рода.

АНИСИМОВЫ

1 колено	
	Анисимов Василий Афанасьевич (1761), с. Тигиль Ж. Наталья Стефановна (1788)
2 колено	
	Анисимов Афанасий Васильевич (1819)
	Анисимов Григорий Васильевич (1817). В 1893 г. 76-летний Анисимов Григорий Васильевич жил в семье отставного казака Косыгина Луки Ивановича (у дочери – Дарьи Григорьевны). Ж. Ефросинья Ивановна (1824)
3 колено	
Дети Афанасия Васильевича	Анисимов Иосиф [Афанасьевич]
Дети Григория Васильевича	Анисимова Наталья Григорьевна (1844) М. (с 1864) Беломоев Григорий Платонович (1838), гижигинский мещанин
	Анисимов Василий Григорьевич (1847) Ж. 1 (с 1870) Баженова Ульяна Ивановна (1851), с. Тигиль, дочь казака Ж. 2 Неонила Павловна (1855), вдова казака в 1893 г.
	Анисимова Манера Григорьевна (26.10.1862)
	Анисимова Дарья Григорьевна (1864 – 17.09.1899) М. Косыгин Лука Иванович (1849 – 18.09.1899), с. Тигиль, отставной казак в 1893 г.
4 колено	
Дети Иосифа Афанасьевича	Анисимов Михаил Иосифович (1875) Ж. (с 11.05.1903) Черных Екатерина Евграфовна (1884), дочь казака
Дети Василия Григорьевича	Анисимова Анна Васильевна (1872) М. (с 1888) Шевченко Петр Иванович (1859), учитель Тигильской церковно-приходской школы, Благовещенский мещанин
	Анисимов Григорий Васильевич (1878)
	Анисимов Иван Васильевич (1881)

АНКУДИНОВЫ (АНКИДИНОВЫ)

Самым известным из представителей этой фамилии был, наверное, и первый из Анкудиновых, вступивших на якутскую землю, Герасим Анкудинов, или, как писали в старину, «Онкудинов Гарасимко, казак станицы Тугарина Панютина», который прибыл на реку Лену в составе отряда тобольских казаков в 1639 году вместе с первым якутским воеводой Петром Петровичем Головиным.

Известный исследователь северных морских экспедиций в Ледовитом океане М.И. Белов оставил о Герасиме Анкудинове следующее сообщение в комментариях к документам:

«Герасим Анкудинов или Анкидинов, ленский казак, спутник Семена Дежнева, в 1640 г. с отрядом сына боярского Василия Власьева пришел на Яну, откуда ушел на Колыму».

Здесь, на Яне, произошло нечто, за что Власьев был впоследствии арестован.

Сам же он за себя и своих товарищей объясняет все следующим образом:

«Да в прошлом, государь, во 150-м году, как пришол с Яны реки морем и вверх по Лене реке в Якуцкой острог Енисейского острогу служилой человек Елисей Буза, а привез он, Елисей, с собою с Яны реки юкагирских аманатов трех человек. И с теми, государь, аманаты твой государев стольник и воевода Петр Головин с товарищи послали меня, холопа твоего, на вашу государеву службу на тое ж на Яну реку, где преж того был Елисей Буза, из Якуцкого острогу на конях через Камень. И я, холоп твой Васька, на ту твою государеву службу поднимался собою, лошади покупал и конскую збрую дорогою ценою. И тот, государь, подъем стал мне, холопу твоему, рублев в двести и больши, заимуючи у торговых людей из великих ростов; и тех, государь, аманатов с собою вместе на Яну реку довел и ясак под тех аманатов с тех юкагирских и якуцких людей тебе, государь, збирал. А тем, государь, аманатом трем человеком да пятинатцати человеком служилым людем, кроме меня, холопа твоего, всем дано по лошади человеку. А велено было мне, холопу твоему, те твои, государь, лошади с Яны реки прислать в Якуцкой острог. И я, холоп твой, хотя тебе, великому государю, прибыль учинить, и с того числа продал на Яне реке якуцким людем пять лошадей на соболи, а взял за те лошади в твою государеву казну девять сороков два соболи в козках. Да с того, государь, числа зимою со стыди померли две лошади. И тех мертвых лошадей продал я, холоп твой, тем же якутам на соболи, а взял за те две лошади мертвые пятьдесят соболей в козках. Да со мною ж, государь, холопом твоим, было послано из Якуцкого острогу твоего государева товару иноземцом на подарки, палем якуцких и полиц куячных и хвостов коневьих и одекую. И я, холоп твой, на те подарки на Яне реке на твой государев обиход у юкагирских и якуцких людей купил на тебя, государя, два сорока два соболи в козках да спорок соболей пластинной юкагирской. Да я ж, холоп твой Васька, служилого человека Елисея Бузы сыскали на Яне реке у якуцких людей жонку ево якуцкую погромную и под ту жонку взял я, холоп твой, под нее в твою государеву казну у брата ее, у якута, у Караки сорок три соболя в козках. И всего, государь, будучи на Яне реке, я, холоп твой, учинил тебе, великому государю, прибыли, оприч ясачного збору, тринатцать сороков тритцать пять соболей в козках да спорок соболей юкагирской. И ту твою государеву ясачную и покупочную соболиную казну послал я, холоп твой, с Яны реки в Якуцк острог по два годы с служилыми людьми з Бессоном Сидоровым да с Агапитом Ивановым на твоих государевых достальных лошадях, которые остались за продажею на Яне реке».

То есть, судя по этой отписке Власьева, на Яне все было нормально.

И далее:

«Да в прошлом, государь, во 155-м году по твоему государеву указу твои, государь, воеводы Василей Пушкин с товарищи послали меня, холопа твоего, служилыми людьми пятьюнатцати человеки из Якуцкого острогу на твою государеву службу вниз по Лене реке морем на Ковыму реку для твоего государева ясашного збора к юкагирским людем. И я, холоп твой, будучи на той твоей государеве службе на Ковыме реке, собрал я, холоп твой, твоего государева ясаку на 157-й год вновь прибыли с юкагирского мужика с Чербака и с ынных юкагирских людей и с их родов и с улусных людей пять сороков тритцать пять соболей в козках перед прошлым 156-м годом. А во 158-м годы собрал я, холоп твой, государева ясаку с тех же с юкагирских людей с подростков и з захребетников вновь прибыли семьдесят шесть соболей перед прошлым 157-м годом. А во 159-м году собрал я, холоп твой, твоего государева ясаку вновь з захребетных закаменных юкагирей с трех человек с Калдата Лачигина да с Котейги Пагылымова да с Анаточокогина тритцать соболей в козках. И всего, государь, собрал я, холоп твой, на Ковыме реке с юкагирских людей твоего государева ясаку вновь прибыли в те три года восемь сороков дватцать один соболь в козках. …А за службы, государь, мои и за кровь и за раны, что я, холоп твой, поднимался своим подъемом, пожалуй меня, холопа своего, своим государевым прибавочным денежным и хлебным жалованьем в мой оклад, как тебе праведному государю бог известит».

Белов же сообщает иное:

«По приказу воеводы Власьев был доставлен в Якутск и посажен в тюрьму, а Анкудинов, вместе с казаком Иваном Барановым, пограбив торговых и служилых людей и собрав значительный отряд, в 1645 г. явился в Нижнеколымск, где бил

челом о приеме его на службу. Из челобитной Ивана Баранова следует, что эта просьба не была удовлетворена, и якутские власти продолжали считать их в бегах.

До второго похода С.И. Дежнева Анкудинов стоял в стороне от организации похода на Анадырь и лишь после того, как Дежнев вторично просил отпустить его на поиски новой реки, Анкудинов сделал то же самое, пытаясь вырвать инициативу из рук Дежнева, хвастливо пообещал привезти царю с "новой землицы" 280 соболей, якобы на 80 штук больше, чем обещал Дежнев. Надо заметить, что в своей челобитной Анкудинов сообщает неверные сведения: согласно отписке приказчика Гаврилова и челобитной Дежнева, последний обязался доставить в казну с Анадыря 290 соболей, а не 200, как писал об этом Анкудинов. В результате спора между Дежневым и Анкудиновым наказная память на Анадырь была выдана Дежневу и Федоту Алексееву, но Анкудинов не оставил мысли пройти на реку Анадырь и со своим кочем пристал к остальному каравану. У Большого Чукотского носа его судно разбилось. С.И. Дежнев принял "розбойных людей" на свои суда. О дальнейшей судьбе Анкудинова известно, что вместе с Алексеевым его выбросило на берег Камчатки. В якутских послужных списках против фамилии Анкудинова написано: "Герасимко Онкудинов на Анадыре реке умер"» [ЯА, карт. 17, ст. 6, сст. 62].

А вот мнение самого Дежнева о том, какую цель преследовал Герасим Анкудинов в этом походе:

1648 года до июня 20. — Челобитная царю Михаилу Федоровичу ленского служилого человека Семена Иванова Дежнева о «воровстве» служилого человека Герасима Анкудинова

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой ленской служивой человек Семейка Иванов Дежнев. В нынешнем, государь, во 156 году бил челом государю, а в Ковымском острожке подал челобитную ленскому служилому человеку Фторому Гаврилову да таможенному целовальнику Третьяку Заборцу ис прибыли, а явил я тебе, государю, прибыли с новые реки с Анандыря семь сороков десять соболей. И в нынешнем же, государь, во 156 году, умысля воровски, хотя твою государеву службу постановити и прибыль, которую я, Семейка, явил, Герасимко Анкудинов, и прибрал он к себе воровских людей человек с тритцать, и хотят оне торговых и промышленных людей побивати, которые со мною идут на ту новую реку, и животы их грабить, иноземцев хотят побивать же, с которых я прибыль явил. А мне, холопу твоему, с теми торговыми и с промышленными людьми та твоя государева служба служить и прибыль збирати. И те торговые и промышленные люди от их воровства, что оне хотят побивать и грабить, на ту новую реку итти не смеют потому, что тот Герасимко Анкудинов своими воровскими заговорщики хотят побивать и животы их грабить. Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, сию мою явку принять в Ленском остроге воеводам Василью Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Супоневу, да дьяку Петру Григорьевичю Стеншину и подписати, и чтобы им про то их воровство было ведомо, что оне хотят, воры, твою государеву службу поставить прибыль, и мне бы, холопу твоему, от их воровства вконец не погинуть, что они хотят побивать торговых и промышленных людей и иноземцов, с которых я прибыль явил. Царь государь, смилуйся, пожалуй» [ААН, фонд 21, кн. 30, № 149].

1647 (155) г. июля 5. — Наказная память сыну боярскому Василью Власьеву, назначенному приказчиком на р. Колыму, о проведывании новых земель, порядке сбора ясака, сбора пошлин с торговых, промышленных и служилых людей

А на Ковыме реке служилых людей с ним, Вторком, у аманатов Сергейко Артемьев, Семейка Дежнев, Мишка Савин Коновал, Макарко Тверяков, Семейка Иванов Матора, Пашка Левонтьев, Михалко Семенов, Поспелко Кузьмин, да ленской ж служилой человек, которые били челом, с ними же служит Герасимко Анкудинов. А у них де хлебных запасов нет и сетей неводных, и прядина, и сетей пущальниц из Якуцкого острогу не послано, и тем великая нужа — рыбы ловить и аманатов кормить нечем.

Сам С.И. Дежнев впоследствии сообщал: «И что он, Юрья (Селиверстов. — *С.В.*), писал ложно, потому что не доходил он, Михайло, до Болшого каменного носу, а тот нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди чухчи добре много. Против того ж носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных. А не тот, что есть первой Святой нос от Колымы, а тот Болшой нос мы, Семейка с товарыщи, знаем, потому что розбило у того носу судно служивого человека Ерасима Онкудинова с товарыщи, и мы, Семейка с товарыщи, тех розбойных людей имали на свои суды и тех зубатых людей на острову видели ж. А от того носу та Анандырь река и корга далеко» [Отписки Семена Дежнева о походе на Анадырь. Записки русских путешественников XVI–XVII вв.].

«…Герасимко Онкудинов послан на государеву дальную службу на Ковыму реку при прежних при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи. И в нынешнем во 164 году апреля в 11 день по отписке с Анандыря реки Семейки Дежнева тот Гарасимко умер. А в котором году, того в отписке не написано. А в его место нихто не поверстан…» [РГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. № 375, лл. 3, 159].

«…у Г. Анкудинова был всего лишь один коч, который потерпел крушение около нынешнего мыса Дежнева, где вся его команда была распределена по кочам С. Дежнева, Ф. Попова,

А. Андреева и Б. Астафьева. Причем на коче С. Дежнева оказалось 6 анкудиновцев, а сам Г. Анкудинов с несколькими своими казаками перешел на коч Ф. Попова, который попал в бурю южнее горла Анадырского лимана. А потому Г. Анкудинов не мог погибнуть отдельно от Ф. Попова» [Быкасов В.Е. Походы Семена Дежнева, П-К, 2020].

В 1654 году Дежнев «отгромил у коряков якуцкую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что-де Федот и служилой человек Герасим померли цынгой, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душею, не знаю-де куда».

Вот такая непростая судьба была у этого тобольского казака.

Но память о нем не исчезла. В конце XVIII века флотский лейтенант Г.А. Сарычев писал:

«Среднеколымск расположен на левом берегу Колымы. Он огорожен деревянным забором, внутри его церковь, а около оной несколько домов. Сей острог назывался прежде “Ярмонга”. Эту крепость позже в народе стали называть “Башня казака Анкудинова”. В 1647 году в Среднеколымском ясачном остроге оказался казак Герасим Анкудинов. Он прибыл сюда без разрешения якутского воеводы из Усть-Янского зимовья, услышав о здешних богатствах. В описании товарищей Анкудинов предстает “кудлатым”, с черной курчавой бородой и огромными ручищами. По характеру буйный, привыкший жить разгульно, не желая над собой контроля и отказавшись подчинятся Среднеколымскому приказчику, стал соперником Дежнева по сбору ясака. Герасим Анкудинов по собственной инициативе предпринял морской поход вдоль всего северного берега Чукотки. Знаменитый морской поход на Анадырь с Семеном Дежневым начался с 20 июня 1648 года. К Берингову проливу из семи кочей дошли только два коча Дежнева. Остальные исчезли в пучине моря у Большого Каменного Носа, в том числе и коч Герасима Анкудинова. Речка Анкудинка, которая впадает в Колыму, делит Среднеколымск на две части. Правая сторона города называлась “Анкудинской” в память о казаке Герасиме Анкудинове».

Но и это еще не вся чукотская история. Вот еще одна, рассказанная новосибирским историком А.С. Зуевым:

«1687 год. Поход подьячего Ивана Анкидинова из Анадырска к восточным чукчам. Позднее в своей челобитной он сообщил: “В 195 году мая 27 послан был я, холоп ваш, из Анадырского острожку при приказчике пятидесятнике Василии Пермяке на вашу великого государя службу вниз по Анадырю реке к неясашным иноземцам в Чюхоцкую землю к чюхчам призывать их под ваши великого государя царские высокие руки в вечное холопство с ясачным платежом и я, холоп ваш, тех чюхоч под ваши великие высокие руки разговорил и к шерти привел”.

В ясак была взята моржовая кость с “лутчево их князька Копейчка (?) да с брата ево… и с родников”, по одной кости с человека. Одновременно, но независимо от Анкидинова, ясак собирал казак Василий Борисов. В ясачных книгах Анадырского острога за 1687–1688 г. оказалась запись: “Чюхочья роду морских каменных чюхоч, что взято великих государей с трех чюхоч вместо соболей и лисиц костью рыбью моржового зуба привоза подьячего Ивана Анкидинова, да казака Васьки Борисова нынешним 196 году. Князец Копенко да брат ево Тасира с родниками их десять человек, ясаку с них взято вновь десять костей рыбьего моржового зуба, шесть костей весом пуд да четыре кости весом полпуда. Князец чюхочей Чюхоча, да он же Елмо, ясаку на нем взято вновь две кости весом девятнадцать гривенок. Тинтега, да он же Могол чюхча, ясаку на нем взято вновь кость рыбей моржовый зуб весом шесть гривенок”».

Самые ранние сведения о службе подъячего Ивана Анкидинова на Чукотке относятся к 1681 году. Вот одна из любопытных челобитных о жизни промышленных людей в Анадырском остроге, оформленная Иваном Анкидиновым (Анкудиновым):

«…служим с воды и с травы. И они, приказные люди, нас, сирот твоих, с Анадыря реки не выпущают для ради безлюдства. И караулы мы, сироты твои, у твоей великого государя казны и у аманатов караулим потому ж против служилых людей и тягло всякое и потуги платим и аманатцкие кормы кладем. И оттого мы, сироты твои, обнищали и погибли до конца, и жен и детей своих изохолопили в вечное холопство; и в прежние годы тебе, великому государю, с себя оброки платили и пятинные деньги давали. Милосердный государь царь и великий князь Федор Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй нас, сирот своих, вели, великий государь, в Анадырском острожке свободить от караулов и выпущать нас, сирот своих, из Анадырского острожку и вели, великий государь, сею нашу челобитную послать под отпискою в Якутцкой острог. Царь государь, смилуйся.

[На обороте помета]: К сей челобитной вместо промышленных людей Проньки Ярофеева, Савки Васильева, Фомки Семенова, Ивашка Фомина, Панфилка Лаврентьева, Нехорошка Панфилова, по их веленью Ивашко Анкудинов руку приложил».

Собственно, и родословная история этой фамилии на крайнем северо-востоке России напрямую связана с этим человеком, потому что спустя десять лет после похода подъячего Ивана Анкудинова случилась еще одна история: «Согласно отписке анадырского приказчика Е. Петрова, в 1709 г. чукчи “во многолюдстве” шли “с боем” на Анадырский острог. Однако столкновения удалось избежать. Посланный еще ранее к чукчам для “призыву в ясачной платеж” новокрещенный юкагир Иван Терешкин сумел не только отговорить их от похода, но даже привел с собой в Анадырск “для веры”

одного чукчу, с которого взяли в ясак красную лисицу. С Терешкиным же чукчи отпустили взятого в “давные годы” в плен казачьего сына. Однако, прибыв в Якутск, Петров в своей сказке несколько иначе изложил ход событий. Оказывается, он послал к немирным чукчам для призыва и взятия аманатов отряд во главе со служилым Иваном Локосовым. Последнему удалось привести в Анадырский острог одного чукчу, который обещался платить ясак. Привели также казачьего сына Ивана Анкудинова, который “в давних годах” попал к чукчам в плен и прожил у них 12,5 лет».

А какова судьба самого подъячего? Точнее, судьба кого-то из Иванов Анкудиновых, потому что, судя по следующей информации, их было, как минимум, двое в Анадырском остроге.

По одной из информаций, он погиб: «Шел 1689 год. К этим ясачным чукчам был послан второй отряд казаков, судьба которых тоже закончилась трагически: “Да в прошлом во 197 [1691] году послал я, Андрюшка [Цыпандин], по Анадырю реки к морю к чюхчам для ясачного костяного збору казаков Ивашка Онкудинова, Сидорка Григорьева, Степана Иванова, Харьку Самойлова, и те воры изменники, те же ясачные чюхчи, тех ясачных зборщиков убили”».

По другим: «1692 год. …В коряцкую землю для разговоров и призыву» в подданство ходил казак Иван Анкудинов. Он благополучно вернулся и принес «10 лисиц красных, и те лисицы взял с коряк в ясак».

Но вот что интересно: в росписи казаков Анадырского острога за 1690 год мы встречаем имя Федора Анкидинова [РГАДА, ф.1177 (Якутская приказная изба), оп. 3, д. 3378, л.1].

А последующее уточнение, правда, связанное уже с трагическими событиями, обрушившимися на весь северо-восток империи — «оспенное поветрие», также говорит о возможной родовой связи:

«Якутцкого города служилые люди. Холостые рядовые казаки. Федька Иванов Анкидинов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 60 об.].

Возможно, это просто совпадение?

Возможно.

Затем в нашей дальневосточной истории появляется еще один Федор Анкидинов, но уже Григорьевич.

В тот год, когда умирает от оспы Федор Иванович, Федор Григорьевич был записан в женатый оклад [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 49]. А в 1706 году камчатский приказчик Василий Колесов, возвращаясь с ясаком в Якутск, оставляет за себя управляющим делами в Верхнекамчатском остроге (заказчиком) Федора Анкидинова.

Удивительного в этом мало: Федор шел по стопам своего отца, который руководил казачьими экспедициями на Охотоморье:

Охотск, 1688 год: «Служилый Григорий Онкудинов, которого тот же Козинский посылал на жемчужный промысел, рассказывал, что “за Тоуем де рекою есть река Ола и по той де реке живут многие роды неясачные иноземцы Коряки”. Путь от Охотска до Олы и даже до Ямы казаками был уже разведан. От Охотска, сообщалось, до Тауйска морем на коче дней девять–десять, а берегом “пешему человеку недели две”, а от реки Тауй до реки Ола “итти берегом 5 дней, а с Олы реки до Ямы реки берегом же 8 дней”. В это время начинают поступать и первые после Стадухина и Чукичева сведения о коряках. Онкудинов рассказывал, что “живут де на реке Яма иноземцы Коряки пешие”, многочисленный народ, “а ясаку… не платят”. Они приходили в Тауйск для торговли с ясачными эвенами. За рекой Яма, продолжал Онкудинов, в четырех днях “берегом пешему человеку” находится река Орера, вероятно, современная река Иреть. По ней жили “неясачные” коряки оленные».

И далее, что касается его сына Федора, мы находим это имя в списке тех, кто отказал в 1707 году во власти Владимиру Атласову, а в 1711 году принимал участие в бунте, в результате которого были убиты три камчатских приказчика, в том числе и Владимир Атласов, а в 1712 году Федор [Онкудинов] оказался среди тех верхнекамчатских казаков, которые пришли грабить нижнекамчатцев…

Дальнейшая судьба Федора нам неизвестна, но я не удивлюсь, если она будет связана с Анадырским острогом, потому что наказание верхнекамчатских казаков, поднявших бунт в 1712 году, было не просто суровым, а показательным, и многие из них были приговорены к «вечному житью» на этих окраинных землях Северо-Востока России.

И действительно, в 1731 году толмачом в отряде Дмитрия Павлуцкого на Чукотке оказывается еще один Анкудинов:

«Перейдя губу, отряд повстречался с 30 оленными чукчами, с которыми Павлуцкий через переводчика казака Семена Онкудинова вступил в переговоры. Павлуцкий пытался уговорить чукчей “поддаться Российской державе”. Чукчи, в свою очередь, не без ехидства, попросили русских не уничтожать захваченных чукотских оленей, заявив, что все равно отберут их назад. Более того, они стали угрожать Павлуцкому полным уничтожением его отряда, бахвалясь собственными силами. В пересказе казаков это звучало следующим образом:

“Наше де войско сами в их Чукоцкую землю принесли свои головы и тулова, которыми де головами и костями будет белеть имевшей близ того места каменной мыс… они де неприятели не будут по российскому войску из своих оружей луков стрелять, но по многолюдству своего войска ременными чаутами (коими они обыкновенно езжалых своих оленей имают) переимают, а головами и костьем разные звери — медведи, волки, россомаки и лисицы — будут идать, а огненное ружье и другое, что есть из железного, получено будет в добычу”» [Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002].

Известно, что сословная принадлежность в кадровой политике царской России играла

исключительно важную роль, и выход из роли простого рядового казака в чин сына боярского или пятидесятника (унтер-офицеров), а тем более сотника (обер-офицера) или подъячего (приказнослужительского сословия) было явлением исключительно важным для потомства, представители которого наследовали чины своих родителей.

И в 1772 году в Гижигинской крепости служит сотник (в 1781 году каптенармус) Иван Анкудинов.

Гижигинская крепость в 1768 году пополнилась гарнизоном, который прежде был расквартирован в Анадырском остроге, который к 1771 году по предписанию свыше подлежал уничтожению, как совершенно бессмысленный в военно-стратегическом отношении для защиты ясачного населения Камчатки и Корякии от грабительских набегов чукчей и неясачных коряков.

Теперь важнейшими военно-стратегическими центрами становились Гижигинская и Тигильская крепости, значение которых также резко упало, когда, наконец, благодаря православному чукче сибирскому дворянину и капралу Николаю Ивановичу Дауркину (Тангитану) и коменданту Гижигинской крепости Тимофею Шмалеву был заключен мир с чукотскими вождями в 1778 году.

И в 1768 году, когда первая партия переселенцев была отправлена из Анадырского острога в Гижигинскую крепость, среди анадырских казаков был Трифон Анкудинов с женой и сыном Семеном (1755). В ведомости Гижигинской крепости за 1781 год Семен Трифонович значится в чине… казачьего сотника. А его брат — Тимофей Трифонович — в чине пятидесятника.

И весьма интересную запись мы обнаруживаем в документах о состоянии двухсотенной Камчатской казачьей команды за 1855 год:

«Список по старшинству их службы в Петропавловске. Казаки: Николай Анкудинов — 66 (1789); из приказчико-служительских детей, на службе и в чине с 1801 года» [РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 10].

А вот и другая запись:

«Ведомость находящихся на льготе Петропавловского порта. Казаки: Николай Семенович Анкудинов» [РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 7].

И выстраивается послужная линия: Николай Семенович — его отец сотник Семен Трифонович — его дед Трифон Иванович — его прадед сотник Иван Иванович — и прапрадед подьячий (приказнослужащий) Иван Анкудинов.

Возможно, в каком-то звене мы и ошибаемся, например, Трифон и Иван Ивановичи были братьями, но в целом сословная схема, уверен, соответствует действительности, хотя, конечно, необходимо ее подтвердить фактами.

У Николая Семеновича нам известны два сына — Евдоким (1828) и Иван (1842).

И вот читаем про Ивана: Николаевский-на-Амуре военный пост, 1853 год. Иван [Николаев сын] Анкудинов — плотник.

«9 августа 1853 года экспедиция в составе начальника Николаевского поста А.И. Петрова, рядовых Замиралова, Волынкина, Кашкарова, Кирсантьева, Анкудинова, приказчика Овсянникова достигла на лодках стойбища Кизи, где по предписанию Невельского Г.И. № 222 от 15 июня 1853 следовало определить место для основания поста и постройки помещений для зимовки». Здесь был основан Мариинский пост.

Согласно ведомости за 1855 год, Иван Николаевич находился в Петровском зимовье [РГАВМФ, фонд 909, опись 1, дело 29].

И далее самое интересное — казаки Камчатской казачьей команды, откомандированные в состав Амурской и Сахалинской экспедиций, были причислены к амурским казакам — влились в 6-ю сотню Амурского полка, дислоцированную в устье Амура и отразившую в октябре 1855 года удар английского морского десанта в заливе Де-Кастри.

И вполне вероятно, что это его имя было отмечено в приказе:

«Сорок девять человек нижних чинов, находящихся на устье Амура, участвовавших в сражении против неприятеля во время пребывания английской эскадры в гавани Де-Кастри с 3 по 18 октября 1855 года в награду по 1 руб. [серебром].

Список

6 сотня Амурского полка

Иван [?] Анкудинов».

Почему я поставил знак вопроса?

Потому что в материалах, датированных 1893 годом, я обнаруживаю имя Ивана Николаевича на Камчатке: Исповедальная роспись. Выдана из Камчатской Духовной Консистории причту Облуковинской церкви для записи бывших и не бывших у Исповеди и Св. Причастия на 1893 год: «Отставной казак Иоанн Николаев Анкудинов, вдов, 54 [года]».

Благодаря материалам Государственного архива Магаданской области, в котором мне удалось поработать, был собран в том числе и родословный материал о потомках гижигинского казака Михаила Анкудинова (1773–1850) и его детей — Тимофея (1820), женатого на казачке Нижегородовой Устинии Михайловне (1835); Аристарха (1825), женатого на дочери боцмана Охотской флотского экипажа Агриппине Тимофеевне Яковлевой; Николае (1847), а также их детях и внуках, потомки которых, возможно, и сегодня продолжают историю своего рода.

АНТРОПОВЫ

На удивление фамилия в Сибири встречается не часто, хотя само имя — Антроп — встречается гораздо чаще, но почему-то слабо использовалось для образования фамилий от отчества.

Первым из Антроповых в Сибири был ермаковский казак:

«…в руководстве сибирской экспедиции были пропорционально представлены как ермаковцы (М. Мещеряк, Я. Михайлов, Б. Брязга, Ч. Александров), так и “воровские” казаки (И. Кольцо, Н. Пан, С. Волдыря). Тот же принцип равнопредставительства соблюдался и в даль-

нейшем. Например, миссию в Москву возглавили двое лиц — от обеих половин войска.

Имена рядовых участников сибирской экспедиции можно найти в Синодике и во вкладных книгах Чудова монастыря 1586 г. В последних названы следующие "сибирские казаки": Иван Михайлов сын Шуянин, Афанасий Абросимов сын Темниковец, Григорий Мартемьянов сын Пережегин, Михайло Григорьев, Тарх Казарин, Юрий Леонтьев, Федор Антропов.

...Юрий Леонтьев и Федор Антропов дали 4 руб. для записи в синодик "по убьенных казакех"».

Пока помнят, — считали и считают на Руси, — человек жив.

Забыли — умер.

Следующие двое были связаны с Амуром — может быть, там и сложили свои буйные головы.

Первый — якутский служилый человек Трофим Антропов, пришедший на Амур с Т. Чечигиным и А. Петриловским.

Второй — тобольский казак Иван Антропов, он же Кубышкин, прибыл на Амур вместе с московским дворянином Дмитрием Зиновьевым.

В Якутске в 1678 году в поручных казачьих списках встречается имя еще одного якутского казака — Ивана Антропова.

Возможно, это тот самый Иван Антропов, который шел на Камчатку в отряде приказчика Михаила Многогрешного в 1703 году и был послан вместе с другими казаками строить Нижнекамчатский острог, но получил мощный и жестокий ответ от камчадалов, которых в период своего первого похода обидел Владимир Атласов. Несколько человек погибло, а Иван Антропов скончался позже от полученных ран [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 134 об.].

А еще через несколько десятилетий членом экипажа пакетбота «Святой Петр» под командованием капитана-командора Витуса Беринга отправился в легендарное плавание к берегам будущей Русской Америки солдат Сибирского гарнизона Матвей Антропов [РГАВМФ, ф. 216, оп. 7, д. 44, л. 31–32].

И снова минует несколько десятилетий, и в уездном городе Нижнекамчатске в 1812 году среди воспитанников Камчатского отделения императорского военно-сиротского дома мы обнаружим имя Антропова Николая Ивановича (1797), которого в младенческом возрасте, как солдатского сына, доставили в 1799 году на Камчатку в составе бывшего Иркутского гарнизонного батальона, переформированного в Камчатский гарнизонный батальон.

И больше никаких сведений.

Мы больше знаем сегодня об Антропове Егоре Мосееве сыне (1831) — матросе 2-й статьи, из крестьян Пермской губернии Шадринского уезда Верхтечинской волости деревни Лобановой, который в 1854 г. переведен из 12-го линейного батальона в 46-й флотский экипаж, а затем в августе 1854 года участвовал в обороне Петропавловского порта, а 8–9 мая 1855 г. — при переходе из Авачинской бухты в устье реки Амур участвовал в сражении с английским флотом в заливе Де-Кастри на корвете «Оливуца».

Возможно, родители воспитанника военно-сиротского дома Николая Антропова из Забайкалья. По крайней мере, есть следующая информация:

1904 год. Русско-японская война. 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска.

Список убитым, раненым, контуженным, без вести пропавшим и утонувшим в войне с Японией.

26-го и 27-го июля 1904 г. в бою под гор. Гензаном.

Ранены: 1-й сотни казак Тимофей Антропов.

Известно, что Иркутский гарнизонный батальон формировался из местного контингента казачьих и крестьянских детей.

АНЦЫНЫ

В Сборнике «Немцы в России. Антропонимика» Анцыным — по сути немецким Гансам — посвящена большая статья, и создается иллюзия массового присутствия немцев в тобольском служилом сословии.

Судите сами:

Алфов Анцы (Вульф Ганс) – «немчин», тобольский пеший казак. Его имя встречается в документах с начала 1620-х гг.; его двор располагался в тупике «поперек Гостиного двора». Последний раз он упоминается в документах 1626 г. [Тобольск XVII–XVIII вв., с. 7; Никитин, 1991, с. 63].

Анцы Ангельберх — «иноземец» из полка И. Эграта в Тобольске (1668 г.). [СП, стлб. 827, л. 76].

Анцын Григорий (у. 1696 г.) – «немец московский кормовой Анцу, руское имя Гришка, Вентерберх». За измену и «воровство» (находились в русской армии при осаде Смоленска и бегали в «королевский» польский лагерь) велено в 1632 г. сослать в Сибирь вместе с другими «ворами» Т. Саком и М. Бургаза. Сопровождал их в ссылку на службу тобольский сын боярский И. Ростопчин. В Тобольске он был определен в конные казаки литовского списка с окладом 7 руб. в год. [СП, стлб. 59, л. 3–4; Тобольск XVII–XVIII вв., с. 49].

Анцы Локман — согласно царской грамоте от 5 июня 1620 г. игумену Белозерско-Кириллова монастыря предписывалось выдать содержавшихся в этом монастыре двух немцев Ганса Локмана и Матюшку, для отправки их в Тобольск на службу. И далее Анца Локман как конный казак упоминается в окладных книгах Тобольска 1624 г. [АА, т. 3, с. 156; Тобольск XVII–XVIII вв.; Буцинский, Заселение... с. 201].

Анцын Лоренц — Тобольск, квартирмейстер из рейтарского полка И. Эграта. Отпущен к Москве; жена — Софья (1666–1668 гг.). [СП, стлб. 827, л. 76].

Анца Пекуев — сначала назывался в документах «латыш», а затем уже «немец». В 1601 г. был сослан в Тобольск и проезжал

через Верхотурье. В дорогу ему было велено дать «полосмины» муки, четверик крупы и четверик толокна [Верхотурские грамоты, с. 109–110, № 63].

Анца Яковлев — «немчин». Служил в Тобольске с 1620 г. в «иноземной» роте Б. Станиславова. Согласно дозорной книге 1624 г., его двор находился на улице от Воскресенской церкви. Имел также деревню-однодворку за Иртышом против Чуваш-мыса в межах с землями Ф. Девяткина и Б. Мордвина; последний раз упоминается в документах 1628 г., когда вместе со всеми подписывал войсковую челобитную своей роты о назначении им нового ротмистра [СП, стлб. 16, л. 389; Тобольск XVII–XVIII вв., с. 8; Никитин, 1986, с. 164].

Анцыны — тобольские служилые люди немецкого происхождения: — Герасим — казак литовского списка. Имел оклад 9 руб. с четью (1696 г.) [Тобольск XVII–XVIII вв., с. 48].

Иван Большой — конный казак литовского списка. Оклад 9 руб. (1696 г.); по документам его служба прослеживается с 1671 г. [Тобольск XVII–XVIII вв., с. 48].

Иван Меньшой — конный казак литовского списка. Оклад 7 руб. (1696 г.); по документам его служба прослеживается с 1681 г. [Тобольск XVII–XVIII вв., с. 49].

Иван Кузьмин — конный казак литовского списка. Послан на службу в Даурию (1696 г.) [Тобольск XVII–XVIII вв., с. 49].

Иван Федоров Большой — конный казак литовского списка из рейтар. Имел оклад 7 руб. (1696 г.). [Тобольск XVII–XVIII вв., с. 49].

Кузьма — тобольский «немчин», толмач. Был пытан воеводою Годуновым и вынужден поступиться частью своего жалованья [Бахрушин, т. 3, ч. 1, с. 290].

Микифор — конный казак литовского списка. Имел оклад 9 руб., 6 четей ржи, 4 чети овса и 2 пуда соли; упоминается в окладных книгах Тобольска с 1635 по 1662 г. [СП, стлб. 159, л. 164].

Федор — конный казак литовского списка, уроженец Тобольска. Имел денежный оклад 9 руб. 8 алт. 2 деньги; служил с пашни, но ему добавляли к его хлебному окладу 2 чети ржи, полчетверти овса. Проходит по окладным книгам Тобольска с 1635 по 1672 г. В 1646 г. был послан к калмыкам с посольской миссией [СП, кн. 62, л. 166 об.; кн. 607, л. 27 об.; кн. 549, л. 105].

Но в именных списках казаков литовского списка (в которых и вносили в первую очередь казаков иностранного «происхождения») за 1661 год мы найдем всего два имени — Ивашку и Федьку Анцыных [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Д. 409. Лл. 137 об., 139 об.].

А если заглянуть в переписную книгу Тобольска 1710 года, то мы найдем в ней запись о деревне Анцына, в которой проживало к тому времени всего три семьи Анцыных:

«Деревня Анцына. Во дворе конной казак Герасим Федоров сын Анцын сказал себе 60 лет (1650), вдов. У него дети: Андрей 20 лет записан в салдаты, Степан 15 лет, Дарья 13 лет.

Во дворе отставной конной казак Иван Никифоров Анцын сказал себе 76 лет (1634), вдов. У него дети: сын Алексей 20 лет записан в салдаты. Да зять у него живет на подворье пешей казак Никита Петров Чигев 40 лет, жена у него Лукерья 40 лет, дети Егор году [л. 103 об.], Онисья 2 лет.

Во дворе отставной конной казак Иван Никифоров сын Анцын сказал себе 50 лет (1660), жена у него Окулина 50 лет. Дети: Федор 20 лет записан в салдаты, Остафей 16 лет, Матфей 8 лет, дочери Федóра 20 лет и Лукерья 10 лет».

Обратим внимание на имена последних — оба Ивана. Иван Большой и Иван Меньшой.

Судя по возрасту — это внуки Ивашки Анцына.

Но…

Но, если вы были внимательны, то обратили внимание еще и на другое: был еще и Иван Федоров сын Большой.

Но и это еще не все. Был еще и Иван Кузьмин сын Анцын — сын толмача Кузьмы Анцына.

И по именным спискам Тобольска за 1693 год проходят:

«Рядовые Литовского списку казаки

По 9 рублев с четью — Гарасимко [Федоров сын] Анцын. По 9 рублев — Ивашко [Никифоров сын] Анцын болшой.

По 6 рублев [Л. 197 об.] — Ивашко Козмин Анцын в Даурех, [Л. 198 об.] Ивашко Федоров Анцын болшой, [Л. 199 об.] Гришка Анцын Ивашко [Никифоров сын] Анцын меншой» [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Д. 1048].

По именным спискам 1704 года:

«Рядовые литовского списку казаки

По 9 рублев с четю — Гарасим Анцын. По 9 рублев — Иван [Никифоров сын] Анцын Болшой.

Литве из рейтар по 7 рублев — Андрей Григорев Анцын, Иван [Никифоров сын] Анцын Меншой» [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Д. 1376. Л. 210 об. – 211, л. 214].

В 1705 году этот список еще сокращается:

«Список тобольских служилых людей, взятых в 1705 году в солдаты

Андрей Григорьев Анцын» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1434. Л. 197 об.].

Но место службы у него оставалось прежнее — Тобольск:

«Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1 754 годом апреля по 1 число …Писарь Андрей Анцын».

А вот судьба Ивана Кузьмича Анцына, отправленного на службу в Даурию [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Д. 1048 Л. 161.], сложилась иначе.

Нерчинск, 1693 год: «Новоприборные, которые верстаны в конную службу и с пешей в 201 году марта в 1 день, оклад им Великих Государей денежного жалованья по семи рублев по восмь алтын по две деньги: Ивашко Анцын» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 51].

А вот более подробно:

«И в нынешнем 201 [1693] году по указу вел. гос. и по отписке из Ыркуцка от столника и воеводы от князя Ивана Петровича Гагарина поверстаны в конную службу в дополнку в Нерчинск к прежним нерчинским конным к дватцати к одному человеку в прибавку чтоб было в Нерчинску конных казаков двести человек кроме того людей что по острогам служат а досталные десят человек доверстаны впред а приверстано ис пеших казаков в конную службу шездесят девят человек а что им окладу быть против конных ли казаков того в отписке не написано, а велено их за хлебные оклады приискать под хлебную пахоту земли и у дела сметных списков столник и воевода князь Матвей Петрович Гагарин велел им покамест они приищут под хлебную пахоту земли служить им и с прежних окладов на месяц по два пуда муки ржаной по полутора пуда соли человеку в год».

И, конечно, нет смысла гадать, чьи дети Анцыны в период с 1722 по 1744 год были верстаны:

в службу

Василей Анцын

взяты на Камчатку

Прокопей Михаилов сын Калашников
Алексей Нестеров сын Кудеяров
Еким Иванов сын Сысоев
Федор Григорьев сын Шушонин
Иван Василев Щербаков
Григорей Алексеев сын Соколов
Гаврило Шадрин
Иван Шадрин
Ефим Силин сын Колосов
Матвей Бекетов
Михаило Иванов сын Корнилов
Лаврентей Анцын
Фадей Березовской

Я неслучайно привел весь список нерчинских казаков, определенных на Камчатку для участия в деятельности Второй Камчатской экспедиции.

Есть документ, в котором частично отражена эта деятельность на первом этапе их участия в этой экспедиции.

Рапорт геодезистов Скобельцына и Шатилова, посланных для отыскания кратчайшего пути на Камчатку, о событиях по дороге, о полном непослушании и бегстве служилых людей (3 июня 1736 г.)

Высокоблагородному господину капитану-камандору Ивану Ивановичю

репорт Прошлого 735 году августа 3 дня отправлены мы из Нерчинского от господ професоров для взыскания ближайшего пути к Камчацкому морю на плотах вниз по реке Шилки до реки Гарбицы. А от устье реки Гарбицы итить нам въюшными быками. И как стали отправлятца от устья реки Горбицы на быках, и пришел толмачь Иван Молодой, собравшися со служивыми, и говорил нам: “Служивые де просят указу, куды де мы идем”. И мы им сказали, что: “Идем для взыскания ближайшего пути к Камчатцкому морю. Разве вы нас за камандиров не признаваете, что у нас указу спрашиваете? Для такой далной посылки и выдано жалованье ис казны Ея Императорского Величества на сей 735 год и на предбудущей 736 год по окладом вашим как денежное, так и хлебное”. Служивой Михайло Осламов говорил: “Они де просят инструкции”. И мы им принуждены были прочесть инструкцию и присланной реэстр к нам от Нерчинской канцелярии, кому что жалованья дано, для того чтоб в надлежащем пути остоновки не было. И оставлено на резелюцию Вашу, господина капитана-камандора.

Того ж августа 18 числа с Россошины Желтугинской тунгус Шимали бежал. Того ж августа 22 числа говорил промышленной Григорей Судоков со служивыми с Ываном Пановым и с Тимофеем Наделяевым: “Как де дойдем до Утцкого острогу, да нас не отпустят, так можно силки прибавить”. Да того ж 735 году сентября 11 числа с Росошины Уркинской два тунгуса бежали: Атуней да Мурилт. Того ж сентября 17 числа на Росошине Уркинской за болезнию отставили служиваго Афонасья Чернецова.

Того ж сентября 21 числа пришли на болшую реку Урку, по которой промышленые ходят. Вожа Андрея Королева без вести не стало — шол наперед с вожами с Матвеем Овериным и с Васил[ь]ем Ходяковым ради прочищения дороги. Того ж сентября 25 числа вожь Герасим Трутнев нам сказал, что де: “Мне промышленой Григорей Судоков дорогу чистить и передом итить не надобен. Замахивался на меня топором и говорил: одного де вожа чорт взял, а тебя и убить — так ты тут и лежишь и казачьих голов не мучишь”. Пот те же речи говорил вожь Василей Худяков: “Королева не стало, ты де нас ныне ведешь и казачьи головы мучишь”. И за такие речи и за замашку на вожа топором у оного Судакова винтовка взята.

Того ж сентября 27 числа, как поднелис[ь] со стану, промышленной Григорей Судоков и пошел на убег. И мы ево велели поимать служивым Григорью Гуткову, Лаврентью Анцыну да Кандратью Мигунову. И оной Гутков и Анцын побежали ево, Судокова, ловить. И оной Судаков отбился от них топором. А Кандратей Мигунов не послушал и говорил: “Сам ты ево хватай, а я не иду”. Того ж сентября 29 числа с реки болшей Роголевой служивой Иван Плотников бежал. Да того ж 735 году октября 3 числа остановились ради делания нарт и лыж на речке болшей Еловой, и об[ъ]явили служилым, что: “Жалует Ея Императорское Величество вам быков на корм”. Того ж октября 5 числа приходил толмачь Иван Молодой и говорил, что де: “Служивыя быков государевых не б[ь]ют и нарт не потянут”. И таких мы быков побили, чем им занапрасно бес корму погибнуть.

Того ж октября на 6 число стояли служи-

выя на карауле, а последние часы стоял Стефан Деревцов и самоволно с часов ушел. А как ушел с часов, погодя маленко, пришли все служивыя и взяли самоволно ружье. Того ж числа ввечеру велели мы толмачю Ивану Молодому служивых на караул наредить. И оной Молодой служивых на караул нарежал, и они ему сказали, что де: “Мы на караул не идем, ружье мы свое взяли, а казны нам подарочной не выстановят, у чего нам на карауле стоять”. А на карауле ночью стояли не ради ружья, служивых ради опасности от неприятелных иноземцов, тако ж и какия на небе знаки, и ради скота от зверей — много волков и медведей, есть и бобры. А как служивыя взяли ис под часов ружье свое самоволно и не стали нас слушать ни в чем и стали ходить промышлять соболей. И сказывал толмачь, что служивыя одного соболя упромышляли рублев в десять или в пятнатцать, и хотят итить на промысл соболиной. А ежел[ь] бы Антон Поляков своих артелщиков не уговорил, то бы нам оставатца на пустом месте с вожем да служивым, понеже ево артелщики в согласи тут же со служивыми были.

Того ж октября 17 числа приходили к нам есашные Олекминского острогу тунгусы роду Шелагинского Тимнага да Алгачан, и мы с ними со всякою ласкою и дружелюбием объхождение имели, и выспрашивали у них, что к нашему пути годно. И оныя тунгусы нам чрез толмача сказывали, что: “Ничего не знаем, и вершин рек Удии и Олдану, и Зеи и Болшего Алдекону, и в Нюкзинской вершине не бывали, и не на какия покати промышлят[ь] не ходим, кроме своих жилищь. После ясашного плотежу ходим от устья верх по Олекме в лотках берестеных десять дней до устья Нюгзыи. Верх по Нюгзыи ходят теми же лотками десять дней до Росошин Нюкзинских, и промышляем на Росошинах Нюкзинских по Лагашиной и по Еловой всякаго зверя”. А как вышли от нас из зимовья тунгусы, стрелял служилой Семен Кутузов из винтовки, не допустя тунгусов до своего зимовья неведомо для чего. И зазвавши их к себе в зимов[ь]е, и оной толмачь у одного тонгуса снял парку и взял себе. И надеемся мы, что оной толмачь и служивыя таких тунгусов словами какими-нибудь стращали, что после того тонгусы к нам не бывали, а обещались к нам прийтить с женами и з детьми, и юртами к нам хотели перекочевать, понеже мы им обещали Ея Императорского Величества подарки и корм.

Того ж октября 27 числа призывали вожа Матвея Оверина, Васил[ь]я Худякова и служивых Ивана Панова, Микиту Портнягина и велели им зделать четыре нарты. И оныя вожи и служивыя нас не послушали и нарт не зделали. Да того ж 735 году ноября 2 числа приходили служивыя Иван Панов, Микита Портнягин и говорили: “Покамест нарты делают, а мы сходим на соболиные промыслы”. И не явно ли их плутовство и над нами их насмешка, что заставляем делать нарты, а они просятся на соболиные промыслы? И мы им сказали, что: “Посланы мы для взыскания ближайшего пути к Камчатцкому морю, а не на соболиные промыслы”. И вышеозначенной Панов и Портнягин самоволно ушли на соболиные промыслы, да с ними же ушел толмачь Иван Молодой да вожь Василей Худяков. Того ж ноября 6 числа служивой Михайло Шедрин сказал, что: “Вожь Матвей Оверин и служивыя уходят на соболиные промыслы, и меня де звали с собою домой”. И мы послали служиваго Григор[ь]я Гуткова по вожа и по служивых, чтоб принесли порох и свинец, которой им дан для дороги, а не на соболиные промыслы. И оной вожь и служивые явилис[ь] ослушны — порох и свинец не отдали, и сами к нам не пошли, и ушли самоволно на соболиные промыслы за границу на Малой Олдекон. А с вожем ушли служивыя Михайло Осламов, Лаврентей Анцын, Кондратей Мигунов, Семен Кутузов, Стефан Деревцов, Тимофей Наделаев, Козма Астраханцов, Кирило Куликов. И дано им в городе Нерчинском по полфунту пороху, а свинцу полфунту.

А как отправились от устья речки Горбицы, то вьюшныя быки под подорожными вещами отданы были служивым на руки, и велено им смотреть накрепко, чтоб в пути со в[ь]юшных быков утрачена не было, а вьюшная, на которой был порох и свинец, отдана была на руки служивому Семену Кутузову, которой своим несмотрением просыпал из бочонка пороху сем фунтов дватцать один золотник. Остались при нас: вож Герасим Трутнев, служивыя Антон Полеков, Михайло Щедрин, Петр Петелин, Григорей Измайлов, Андрей Киргизов, Григорей Гутков. И в такой путь нами далной с такими служивыми отправитца невозможно. И опасение имели от иноземцов, понеже у нас толмача и язычного из служилых никого не имеетца.

В прошлом 735-м году декабря 15 дня от нас господам профессором о таких беглецах репортовано с тунгусами с Ыгною Лозоевым, да с Меньделтуем Дунаевым, да с Мухалим Давжиным. И велено им репорт подать в Нерчинской канцелярии. А в Нерчинскую канцелярию от нас промемория послана: как прибудут с репортом тунгусы в Нерчинскую канцелярию, и Нерчинская канцелярия соблаговолила бы репорт отослать в Ыркуцк господам профессорам без задержания: ежели попучиков не имеетца, то послать с нарочным посылщиком. А вышеозначенных беглецов сыскать и содержать под карaулом до присланного из Иркуцкой провинцыалной концеляри указу. А порох и свинец на таких беглецах доправить и отослать в Ыркуцк господам профессорам.

А что такие беглецы в ближайшем пути учинили остоновку и трата в казне Ея Императорского Величества, то оставлено на резелюцию Вашу, господина капитана-камандора. А после таких беглецов жили мы на речке болшей Еловой. Да

сего 736 году апреля по 7 число и нартами перешли на реку Нюгзу для делания лотки. А как зделали лотку и отправились вниз по реке Нюгзе и вниз по Олекме водяным путем маия 7 числа, и прибыли на устье Олекмы того ж маия 17 числа. И стояли на устье за лдом по 19 число. Того ж числа переправились за реку Лену в Олекминской острог, и жили в Олекминском остроге маия по 30 число — ожидали господ профессоров, понеже мы господ профессоров репортовали, что будем ожидат[ь] ихь, господ професьсоров, в Олекминском остроге. И отправилис[ь] в Якуцк к Вашему высокоблагородию. И при сем репорте пред[ъ] являем ланкарту и котолог и журнал каждого дни: какою дорогою шли и какая была погода.

1736 году июня 3 дня. Подлинной за руками геодезистов Петра Скобелцына, Васил[ь]я Шатилова» [РГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 16, л. 4–6 об.].

Дальнейшая судьба Лаврентия Анцына и его товарищей нам пока неизвестна — но, скорее всего, они понесли серьезное наказание.

А вот судьба его брата — Василия Ивановича — прослеживается на основе материалов Государственного архива Забайкальского края на протяжении нескольких десятилетий.

1-го ноября 1722 года у служилого Василья Анцына родилась дочь Матрона.

27 января 1727 года он отдал замуж свою сестру: «Служилой человек Осип Павлов сын Корякин Ивановой дочерью Анцына девкою Параскевою полвторым браком».

А 24 октября этого же года «У служилого Василья Анцына [померла] жена ево Ирина».

28 апреля 1728 года он женился вновь: «Служилой Василей Иванов сын Анцын Михаиловою дочерью Стуковой девкою Мариею полвторым браком».

13 октября 1729 года у него родился сын Яков.

8 мая 1733 года: «У служилого Василья Анцыных [родилась] дочь Гликерия».

15 декабря 1746 года — «У служилого Василья Анцына [родился] сын Петр».

13 июля 1750 года он женит своего младшего брата: «Нерчинской казачей сын Семен Иванов Анцын Григорьевой дочерью Пчелина девкою Марфою первым браком».

19 января 1751 года: «У казака Василья Анцына [родилась] дочь Ксения».

4 мая 1774 года: «Венчан казак Стефан [Васильев сын?] Анцын салдата Юды Вахмина з дочерью ево девицею Устиньею первым браком».

1785 год: «У служителя Александра Гуселникова [родился] сын Петр, у коего восприемником был Петр [Васильев сын] Анцын».

1824 год: «в Зульзинской слободе городовые крестьяне Иван Семенов Анцын» — внук Ивана Кузьмича, сын Семена Ивановича.

1828 год: «Исповедная ведомость Зюльзинской Предтеченской церкви за 1828 год …Иван Семенов Анцын 71 (1757), жена ево Параскева 59; дети их Герасим 36 (1792) да жена ево Анна 27, Лукиян 27 (1801) да жена ево Параскева 25; внучка их Евдокия 10» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 224].

Теперь это село Зюльзя в Нерчинском районе Забайкальского края.

Около 1760 года императорским указом часть крестьянского населения окрестностей Зюльзи была причислена к сереброплавильным заводам, а в 1851 году перечислена в казачье сословие. В итоге село было разделено на две половины — казачью и инородческую. Казаков переселили за реку Зюльзю, поселок этот назывался Эповским, по преобладающей там фамилии.

АНЦИФЕРОВЫ

В XVII веке имя Анцифер было весьма популярным, и мы в великом множестве видим Анциферовых детей.

«В 1691 году по указу Тобольского воеводы приказчик Анциферов основал на высоком бугре (впоследствии названном Шаньгиным) крепость. Называли ее Орлово Городище из-за находившихся орлиных гнезд. Плотники во главе с Викуловым построили тын (изгородь), первые избы и амбары.

Вскоре в новую слободу на реку Ишим прибыл отряд драгун для службы, стали прибывать крестьяне. Около 1700 г. на Шаньгином бугре появляется церковь.

На первой большой карте Сибири 1698 года слобода Викулова была уже обозначена» [История села Викулово].

Вот и в Якутске:

«Якутцкого города служилые люди
Рядовые казаки
Женатые

Ярофейко Максимов Дьячков в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою.

И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Ярофейково место Петрушка Анцыфоров в холостой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 35 об.].

В 1706 году Петр Анцыфоров служит в 13-й пятидесятне Якутского казачьего полка [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Якутск, 1720 год:

«Во дворе Сава Осипов сын Корякин … у него ж в доме живет отставной служивой Петр Анцыфоров» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 4 об.].

Перепись 1722/1748 гг.:

«Города Якуцка разночинцы:

Умершие: Петр Анцыфоров» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий, Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 118].

В 1722 году в Илимском уезде в Нижне-Илимской слободе основал деревню Сотниковскую сотник Яков Анциферов [Шерстобоев В.Н., Илимская пашня, т. 1, Иркутск, 1949, с. 82].

Но это не тот Яков Анциферов, о котором у нас пойдет речь в дальнейшем.

Наш Яков служил в Томске и был уроженцем этого города:

Анцыфоров Якушка: «Отец родился в Томске. Он, Якушка, поверстан в отцово место. Соли 2 пуда. Пашня» [Томск в XVII веке, стр. 60].

Это данные за 1680 год.

А это тоже информация примерно за тот же период времени:

«Якунка Анциферов за многолетнюю службу был ранен только на поимке аманата: «…взял я, холоп твой, аманата именем Колбайка и на той имке меня, холопа твоего, ранили в двух местех» [СДИБ, 1960. С. 131].

А конкретно:

«…Якунка Анциферов ранен из лука стрелою в поясницу, в другом месте ранен в лоб, повыше правой брови…» (из отписки 1681 г. о службах служилого) [Багрин Е. А. Защитное вооружение служилых людей в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII–XVIII в. (по письменным источникам) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Т. 5, Ч. 1. Владивосток, 2007].

А это его сын:

«В Томском уезде в Запоросском стану Данила Яковлев сын Анцыферов, детей нет» [Дозорная книга Томского уезда. 1703 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л. 108 об.].

Теперь становится понятным, почему в некоторых документах его называют Данилой Томским.

Но тогда еще никто не знал, что Данило Томский станет исторической фигурой.

В 1706 году илимскому воеводе Федору Качанову была послана грамота:

«Велено Володимера Отласова в Якуцку из тюрьмы освободить и послать ево в Камчадальский острог, чтоб он прежние вины заслужил…

Да с ним послать из Якуцка охотников и в неволю, и холостых казаков, и казачьих детей, и ис промышленных людей добрых и ко всякому воинскому делу искусных сто человек.

Да к тому в прибавку ис казачьих детей из Илимска десять человек, да из Брацкого острогу десять же человек.

А которые казаки или казачьи дети похотят вместо себя нанимать из охочих, из гулящих людей, и им нанимать вместо себя велеть. И в том брать по них поруки добрые…»

Как и почему оказались в этом отряде Владимира Атласова томские казаки, мы пока не знаем — добровольно ли они пожелали служить на Камчатке, не желая оставаться в Томске до глубокой старости заштатными казачьими детьми, или принудительно верстали их в казаки-«годовальщики»?

Суть в другом — на Камчатке впоследствии оказалась целая — и весьма сплоченная — группа томских казаков.

«Велено Володимера Отласова из тюрьмы освободить» — напомним, что, возвращаясь из Москвы, где он был всячески обласкан и награжден, Атласов, помня о том, что победителя не судят, ограбил на Ангаре дощаник (то есть судно) одного из сибирских купцов, наполненный товаром, за что и угодил в тюрьму вместе со своим ближайшим кругом товарищей-компаньонов, а основной состав его отряда, набранный в Тобольске и Енисейске, был отправлен на Камчатку в отряде приказчика Михаила Многогрешного.

Теперь Атласов шел во второй свой поход на Камчатку. Шел… под угрозой смертной казни, если не сможет навести порядка на Камчатке, где казаки боятся камчадалов и не рискуют собирать ясак в царскую казну. Шел злой, ненавидя весь якутский казачий мір, который так и не принял его, а наоборот, отверг и вышвырнул на Камчатку.

И всю свою злость, всю свою ненависть к этому Міру Атласов выплескивал на подчиненных ему казаков, отправленных вместе с ним служить на Камчатку.

С Атласовым шло всего двадцать человек. И все двадцать в Анадырском остроге, где приказчиком был Осип Миронов сын Липин, подали жалобы на оскорбления, обиды и побои, нанесенные им Атласовым:

«И Данила Анцыферова резал [Атласов]».

«Данило Томского [Анциферова] и Михаила Федотова бити [Атласов] кнутом» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 23 об.].

С.П. Крашенинников: «Но Атласов, отправившись из Якутска с немалым числом служивых людей и с военными припасами, между которыми были и две небольшие медные пушки, вскоре возвратился на прежнее, ибо, не доехав еще до Анадырска, безвинными побоями и другими предосудительными поступками привел служивых в такое огорчение, что все почти послали на него в Якутск челобитные».

Столь же резко, грубо, не считаясь с мнением бывалых казаков, повел себя казачий голова приказчик камчатских острогов Владимир Атласов, вступив в должность и… был лишен власти кругом казаков Верхнекамчатского острога, посажен в «казенку» [тюрьму], откуда с чьей-то помощью бежал в Нижнекамчатский острог и отсиживался там до поры до времени.

А это время наступило, когда на Камчатку прибыл в качестве нового приказчика уже известный нам Осип Миронов сын Липин, бывший приказчик Анадырского острога, отказавший в беде казакам, жаловавшихся на притеснения Атласова.

Осип Миронов оказался еще покруче нравом, чем Атласов. Миронову было наказано разобраться со смещением с приказа Владимира Атласова. И Миронов открыл следствие в… Нижнекамчатском остроге, казаки которого не только не принимали участия в смещении Атласова, но и предоставили ему по факту — политическое — убежище.

Но Миронову нужен был повод — чтобы под видом расследования выпытывать у нижнекамчатских казаков их личные схроны — склады с пушниной, приобретенной в личное пользование.

И как мы увидим в дальнейшем, он действовал весьма успешно — пытал, бил батогами, сажал в колодки… и обогащался.

В это время вокруг Данилы Томского объединились земляки, которые решились дать Миронову встречный бой — перехватить его на пути из Нижнего Камчатского острога в Верхний — и убить.

«И генваря де в 29 день, прежних посылок у служилых людей Данила Анцифоровых с товарищи учинилась злая мысль: не допустя де до острогу из тех служилых 3 человека, по его, Данилову, с товарищи велению, Харитон Березин, Григорей Шибанов, Степан Большаков ножем его, Осипа, зарезали до смерти. И пришед де они, Данило с товарищи, 20 человек, в ясачное зимовье, про то убийство сказали, а по дорогам де от нижнего зимовья поставили они заставы, чтоб о том в Нижней острог ведомости не пропустить. И учали де они, Данило с товарищи, призывать к своему зломыслию иных волских чинов людей и говорили: естли де кто с ними хочет служить на Большей реке и смирять неприятельских неясачных людей, тот бы к ним выступался. И по тому де их призыву пристали к нему, Данилу, с товарищи казаков 11 чел., а осталые де служилые люди в Верхнем Камчадальском остроге про тот их, Данилов с товарищи, злой совет не ведали. И собралось де у него, Данила, в Верхнем Камчадальском остроге служилых и промышленных людей 31 человек.

…Данило, собрався многолюдством, заводят круги, и называют его, Данило, атаманом, а Ивана Козыревского ясаулом, и учинены у них меж собою десятники, и вынесши де знамя, в ту злую мысль призывают и иных служилых и промышленных людей в неволю, кто итти не похочет, и тех убьют каршами.

…И генваря де в 30 день 711 году, они, Данило с товарищи, из Верхнего острогу собрався, пошли в Нижний острог…

…В прошлом де 711 году ведомо им, Данилу с товарищи, учинилось: казачей голова Володимер Атласов держит у себя в доме доброго зверя лисицу чернобурую, и они де приехав в Нижней Камчадальской острог небольшими людьми и хотели его, Володимера, связать и про такого доброго зверя спросить, и он с служилыми людьми стал дратся, и служилые де люди Алексей Посников, Григорей Шибанов, Андрей Петровых, боронясь от себя и опасаясь от него, Володимера, к себе убойства, с их казачья совету, в такой случай убили его, Володимера, до смерти, а после де того нашли они в доме у жены его, Володимеровой, 2 лисицы бурые, которые отдали они в Верхнем остроге в твою, великого государя, казну, а про третью де добрую чернобурую лисицу жена его, Володимерова, в Нижнем остроге в ясачной избе им сказала: муж де ее, Володимер, в 707 году на оборе тое лисицу бросил в огонь.

…да в том анбаре 2 лисицы бурые без хвостов, драные и прелые, которые принесли в ясашную избу вышеписанные Данило Анцифоровых с товарищи, а взяли де они те лисицы у прежняго казачья головы Володимера Атласова.

[второй вариант] … И подослал де он, Данило, к голове казачью Володимеру Атласову в дом с ложною составною грамоткою 3 человек служилых людей; Алексея Посникова, Григорья Шибанова, Андрея Петровых и велел зарезать его, Володимера, до смерти, в кое время он, Володимер, приняв грамоту, учнет прочитать. И они де, Алексей Посников с товарищи, пришед, застали его, Володимера, в доме соннова и в верхней горнице зарезали ножами до смерти. И то ж де время послал он, Данило, по товарищей своих, а товарищи де его, Даниловы, были оставлены в прикрытом месте в лесу, от острогу разстоянием в полуверсте, и объявилось с ним, Данилом, казаков из Верхнего острогу 31 человек, и стали де они, Данило, десятками своими на 3 двора, с нарядным делом, с оружьем и с копьями и учали де статки и животы прикащиков Володимера Атласова, Петра Чирикова, Осипа Липина делить по себе и служилых людей к себе в думу призывать. И подозвал де он, Данилов, в том Нижнем остроге к себе в злую думу и в шатость служилых и бездомовных 31 же человека, и собралось де у него, Данила, в той злой думе многолюдство.

…И марта де в 20 день того ж 711 году, вышеписанные воры Данило Анцифоров с товарищи, приехав в Верхней Камчадальской острог, вызвав к себе на постоялый двор прежнего прикащика сын боярского Петра Чирикова, которому идти было с твоею, великого государя, ясачною казною в Якуцкой, и связав ему руки назад, и наложа на ноги кандалы, бросили его в воду и в воде кольями убили до смерти.

…И апреля де в 17 день, после убийства прикащиков Осипа Липина и Петра Чирикова те убийцы, Данило Анцифоров с товарищи, с 75 человеки… в Верхнем остроге в ясачной избе подали за своими руками три повинные челобитные о убийстве казачья головы Володимера Атласова и прикащиков Осипа Липина и Петра Чирикова… А в тех их повинных заручных челобитных 75 человек, в том числе в первой и второй написано: Осипа де Липина и Петра Чирикова убили за то: будто они, Осип и Петр, твоею, великого государя, казною воровали и в камчадальских острогах своею упрямкою тое казну остановили, и ясачных иноземцов своими обиды и налоги в шатость привели, и денежное де жалованье у них, казаков, отъимали, и непомерные к ним великие обиды и налоги чинили; а челобитчиков де их до Якуцка они, прикащики, ведая на себя многие улики и воровство, не допустили б и в том де их прикащичьем убийстве тебе, великому государю, они, Данило с товарищи, вину свою приносят.

…И они де, Данило с товарищи, после побитых прикащиков пожитки свои у них взяли, которые нападками своими они, прикащики, с них,

казаков, брали, в том числе у Петра Чирикова 15 сороков соболей, 500 лисиц красных, 30 бобров морских и на те де взятые соболи и лисицы купили пороху, нарты с собаками, куклянки и парки, и пошли де они, Данило, служить тебе, великому государю, на Большую реку.

...Да в тех же числах он, Данило, товарищей своих, 8 человек, на Пенжинском море на Кигиль реку посылал по пожитки Володимера Отласова. И те его, Даниловы, посыльщики ездя на Кигиле реке, пожитки Володимера Отласова взяли и кормовые запасы служилых людей, у которых были перевезены в отпуск в Якуцкой за волок, все побрали и твои, великого государя, судовые припасы, паруса и шеймы, которые оставлены были от прикащика Осипа Липина, и те де парусы драли и судовые припасы резали и по себе делили.

...Данило Анцифоров с товарищи били челом тебе, великому государю, а в Верхнем Камчадальском остроге тому ж Алексею Пещере подали за руками своими челобитную, а в челобитной их написано. Идут де они, Данило с товарищи, служить тебе, великому государю, на Большую реку, для умирения неприятельских людей и приводить под твою, великого государя, царскую самодержавную руку и в вечной ясачной платеж призывать, и чтоб им из твоей, великого государя, казны выдать пороху и свинцу и подарочной казны. И он, Алексей, против челобитья их, выдал им 20 фунтов пороху пушечного» крупного, 10 фунтов ручного, 12 фунтов свинцу, да подарочной 5 фунтов одекую, котел зеленой меди, весом 5 фунтов, а из Верхняго Камчадальского острогу с ним, Данилом, служилых и промышленных людей всех собралось 44 ч., а с ним де, Алексеем, осталось в Верхнем остроге служилых людей только 45 человек, в том числе иные престарелые и хворые» [Памятники сибирск. истории XVIII в., кн. 1, стр. 472–486].

Замысел Данилы Томского и его есаула Ивана Козыревского был понятен — заслужить царское прощение за убийство камчатских приказчиков, открывая новые земли с новыми ясачными людьми.

Собственно, также рассуждала и Москва:

«А вышеписанных воров и бунтовщиков, пущих к злому умыслу заводчиков и смертных убийцов, Данила Анцифорова, Харитона Березина, Степана Большакова, Алексея Посникова, Григорья Шибанова, Андрея Петровых в смертном убийстве камчадальских прикащиков казачья головы Володимера Атласова, Осипа Липина, Петра Чирикова, по их, Даниловым, с товарищи повинным челобитным, и пущих заводчиков всех, которых у тех челобитен руки есть, сыскав роспросить, и в том злом умысле и в смертных убивствах пытать накрепко, кто из них к такому злому умыслу и к смертному убийству, сверх Данила Анцифорова с товарищи, еще пущие заводчики. А по роспросам и пыточным речем, по твоему, великого государя, указу и по соборному уложенью и по градским законам, и по новым статьям 177 и по статьям же 192 и по наказным статьям 205, и по 3 твоим, великого государя, грамотам 707 годов, и их повинных челобитен, тех вышепомянутых воров и смертных убийцов, Данила Анцифорова с товарищи, 6 человек, буде они с пыток в том убийстве против своих повинных челобитен повинятся, при многих руских людех и иноземцах, велели казнить смертию для того, что они в повинных своих челобитных написали: убили де они вышепомянутых прикащиков Володимера Атласова за то, будто он с казаками стал дратся, а Петра Чирикова и Осипа Липина будто за изгони и налоги их и за отерь у них денежного жалованья. Да и для того их воров велели казнить смертию, чтоб в такой дальней стране впредь иные также воровать не помышляли и к такому злу не приставали и прикащиков побивать до смерти не дерзали; а достальным всем, которые в том злом совете и умысле были, велели учинить жестокое наказанье, бить кнутьем, и сказать им твой, великого государя, указ с подкреплением, что им за такое их злое дело учинена легкая казнь, чтоб они вины свои тебе, великому государю заслужили и впредь бы так не делали» [Памятники сибирск. истории XVIII в., кн. 1, стр. 472–486].

С.П. Крашенинников тоже видит в происшедшем огромную вину самих приказчиков — в их алчной жадности:

«Того же 1711 года апреля 17 дня подали они в Верхнем остроге для отсылки в Якутск повинную челобитную, в которой объявили причины, за что они побили двух приказчиков, Петра Чирикова и Миронова, а об Атласове не упомянули.

Вся важность челобитья их состоит в лакомстве приказчиков, коим образом пользовались они государевою казною, покупая на оную товары и тем получая себе непомерную прибыль, как утесняли служивых и ясачных людей и вымучивали из-за побоев и пристрастия пожитки их, как жалованье денежное за себя переводили, а им неволею давали товары по тамошней камчатской цене: за полный казачий оклад 9 рублей 25 копеек по 12 аршин холстины или табака китайского по 6 золотников, да сверх того с каждого оклада брали себе скупа по два рубля; а они, служивые, в расходных книгах расписывались не в товарах, но в деньгах, и прочее тому подобное.

А такое дерзновение учинили они для того, что жалоба их на приказчиков не дойдет за дальним расстоянием, особливо же что приказчики челобитчиков до Якутска не допустили б. При том сообщили они и опись пограбленным пожиткам Чирикова и Миронова, а по описи их досталось им на артель: пожитков Петра Чирикова — 15 сороков соболей, 500 лисиц красных, 20 бобров морских, Осипа Миронова — 20 со-

роков соболей, 400 лисиц красных да 30 бобров морских».

С.П. Крашенинников:

«Из Верхнего острога пошли они весною того года в помянутом числе в 75 человеках, на Большую реку, чтоб тамошних изменников усмирить, Большерецкий острог построить и тем заслужить вины свои. В первых числах апреля разбили они камчатский острожек между впадающими в Большую реку с правой стороны Быстрою и Гольцовкою-реками, где ныне российский Большерецкий острог, в котором они засели и жили по май месяц без всякого нападения от камчадалов.

А мая 22 числа приплыло к их острожку с верха и с низа Большой реки великое множество камчадалов и курильцев для взятия оного острожка и истребления служивых людей, и, обступив оный, всяким образом осажденных страшили и похвалялись шапками их заметать без оружия.

Мая 23 дня казаки …выслали половину партии своей на вылазку, которые, выпалив несколько раз по камчадалам из винтовок, бились с ними на копьях до самого вечера; наконец одержали победу.

На сражении побито и перетонуло изменников такое великое множество, что трупами их Большая река запрудилась, а с российской стороны три человека убито да несколько ранено. Сия победа тем наиначе важна была, что все большерецкие острожки [которых считалось до 19] без боя покорились и стали ясак давать по-прежнему.

Ходили же бунтовщики и в Курильскую землицу, были за проливом на первом Курильском острове и жителей тамошних в ясак обложили, а до того времени никто не бывал на острове Курильском».

Итак, камчатские бунтовщики впервые вступили на Первый Курильский остров — Шумшу [«Памятники Сибирской истории XVIII века, книга первая 1700–1713, Петербург, 1882 г.].

В 1713 году большерецкие казаки во главе с Иваном Козыревским вновь совершат поход на Курильские острова, соберут информацию и составят первую в истории географии карту Курильских островов.

Но это произойдет уже без Данилы Якова сына Анциферова Томского, ибо он «…в 1712 году в феврале месяце … убит от авачинских изменников обманом, ибо как он в 25 человеках на Авачу поехал, а иноземцы о том сведали, то сделали они крепкий и пространный балаган с потайными подъемными дверями для его принятия.

С приезда приняли его честно, отвели в помянутый балаган, дарили щедрою рукою, довольствовали, богатый ясак платить обещались без прекословия и дали несколько человек в аманаты из людей лучших, но следующей ночью сожгли их в помянутом балагане купно со своими аманатами.

Злобу, какую имели камчадалы на служивых людей, можно видеть по речам помянутых аманатов их, ибо сказывают, что при зажжении балагана камчадалы кричали им, поднимая двери, чтоб они, как можно, вон выбросились, но аманаты ответствовали, что они скованны, и приказывали жечь балаган, не щадя себя, токмо бы служивые сгорели.

Таким образом бунтовщичий атаман Анциферов с некоторыми смертоубийцами предупредил казнь свою, доказав смертью своею истину пословицы, которую бунтовщики обыкновенно употребляли: что на Камчатке можно прожить семь лет, что ни сделаешь, а семь-де лет прожить, кому Бог велит».

Но потомки оценили по-другому землепроходческий подвиг Данилы Томского: остров Ширинки в Курильском архипелаге был назван именем Анциферова, а также гора и мыс на острове Парамушир.

АРЕФЬЕВЫ

Фамилия, сохранившаяся у крещеных аборигенов Камчатки. Информации по крестному отцу этих аборигенов, оставившего им свою фамилию, было очень мало.

Первоначально такая — «в проповеднической свите архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского был драгун Арефьев (Орефьев), который и оставил камчадалам и корякам свое имя».

Но позже мы стали обладателями новой архивной информации, связанной с миссионерской деятельностью Иоасафа Хотунцевского в 1745 году, и выяснили, что среди новокрещенных было трое Арефьевых:

Арефьев Петр Осипов (острожек на реке Крутогорова, западное побережье Камчатки)

Арефьев Наум Осипов (острожек на реке Морошечная, западное побережье Камчатки)

Арефьев Емельян Осипов (острожек Машура в долине реки Камчатки — центральная часть полуострова) [РГИА, фонд 796, опись 23, дело 106].

И из этой информации мы извлекаем исходное имя их крестного отца — Осип Арефьев.

И мы нашли Осипа Арефьева, который действительно служил в драгунах.

Вот Смотровой Список Сибирскаго Гарнизона Новоучрежденнаго Драгунскаго Полку за 1754 год: «Драгуны 6-й роты. Осип Арефьев» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439. Л. 45].

«Забривали» в солдаты по всей Сибири — и казачьих, и крестьянских, и посадских детей.

Например, первым из якутских казаков Арефьевых был тобольский пеший казак Микитка Орефьев [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 18 об.]. А из Тобольска, сибирской столицы того времени, и шло основное пополнение как нерегулярных (казачьих), так и регулярных войск.

АРЖАКОВЫ

В истории Республики Саха (Якутия) это имя является священным дважды.

В первом случае — в память главы Борогонского улуса Сэсэна Аржакова:

«В 1789 г. голова Борогонского улуса Аржаков подал записку Екатерине II под названием “План о якутах”, в которой просил даровать якутским тойонам дворянские права, отменить земельные переделы, учредить должности якутского областного головы или якутского областного предводителя, назначить исправниками лиц, знающих якутские обычаи и якутский язык, учредить школы для якутских детей на казенный счет. Последние три пожелания были признаны Екатериной II возможными для осуществления, хотя и не были выполнены. Первые два были отвергнуты, так как их принятие означало бы уравнение якутских тойонов с русским дворянством, на что самодержавие, выражавшее классовые интересы русских крепостников-помещиков, пойти не могло».

1 октября 1789 года «План о якутах с показанием казенной пользы и выгоднейших положениев для них», представленный Сэсэном Аржаковым, обсуждался на заседании Государственного Совета Российской Империи.

Подчеркнем этот факт — обсуждался на Государственном Совете.

И еще — насчет «первых двух», выражавших «классовые интересы» — все русские в Сибири подвергались той же классовой обструкции, что и якуты и другие национальные меньшинства. Все казачьи чины — даже с громкими названиями — «дети боярские» и титулы — «сибирские дворяне» — не имели никакого веса. Дети боярские — обычные, как выяснилось впоследствии, унтер-офицеры. А дворянство только личное, скоротечное, без права наследования.

Было еще дворянство московское — но лишь для избранных, которых можно было по пальцам одной руки пересчитать.

Так что историкам не нужно наводить «тень на плетень» по поводу уравнения якутов с русскими — в Якутии они были на равных: такие же бесправные, как и по всей Сибири.

Во втором случае — председатель Совнаркома Якутии Степан Максимович Аржаков.

В «Летописи Вилюйского улуса» его рождение обозначено вот так:

«1899 г., 9 ноября. В Вилюйске в семье разнорабочего родился Степан Максимович Аржаков — один из первых якутских революционеров-большевиков, видный государственный деятель Якутии, один из создателей Якутской АССР, первый из якутян экономист с высшим образованием. Уполномоченный по установлению Советской власти в Вилюйском округе. В 1921 году заведующий Якутским отделом при Наркомнаце РСФСР. В 1922–1938 годах начальник ГПУ, народный комиссар внутренних дел, торговли и снабжения, земледелия, Председатель Совета Народных Комиссаров — правительства ЯАССР».

В Интернете так: «Степан Максимович Аржаков родился 10 ноября 1899 года в семье бедняков Вилюйского улуса. Хотя его отец Максим Ильич Аржаков и был талантливым кузнецом, чьи услуги пользовались успехом у местных богачей, но он со своей женой Александрой Ивановной жили очень бедно» [https://100yakutia.ru/istoriya-yakutii/46-stepan-arzhakov-odin-iz-ottsov-avtonomii-yakutii].

А это более подробная биография:

«Аржаков Степан Максимович.

Председателем СНК ЯАССР назначен в июне 1924 – декабрь 1924 гг., с 1937 по 1938 г.

Якутский советский государственный, политический и хозяйственный деятель. Участник установления Советской власти в Якутии, один из основателей автономной Якутии, Председатель Совета народных комиссаров Якутской АССР (с августа 1937).

Работал некоторое время в Наркомнаце в Москве, совместно с П.А. Ойунским и другими, был автором “Декларации прав и обязанностей трудящихся Якутской АССР”, имевшей большое политическое и правовое значение. Избирался делегатом XVI и XVII Чрезвычайного Всероссийских, также IV и VIII Чрезвычайного Всесоюзных съездов Советов. Член Совета Национальностей ЦИК СССР седьмого созыва, депутат Верховного Совета СССР первого созыва. Член ЦИК Якутской АССР I–VIII созывов, член бюро Якутского обкома ВКП(б), делегат XIII съезда РКП(б), первой сибирской краевой партийной конференции (1924).

Аржаков был арестован 5 февраля 1939 года; проходил по “процессу двадцати пяти” в апреле–мае 1940 года. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 17 мая 1941 г. смертный приговор был заменен ссылкой в лагерь на 8 лет. Он был этапирован в поселок Певек. Однако дело было возобновлено вторично 17 мая 1941 года, и 5 марта 1942 г. он был осужден Военным трибуналом войск НКВД по Дальстрою к высшей мере наказания; расстрелян 17 мая 1942 года. Реабилитирован 31 марта 1956 г. решением Президиума Верховного суда ЯАССР».

Откуда же появились Аржаковы с Якутии?

В «Окладной книге» Якутского казачьего полка за 1706 год появляется такая вот – мало что нам говорящая – запись:

«Казак Аржаников Дмитрий (9-я пятидесятня)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Но вскоре вносится поправка:

«Переписная книга убылых после 1-й переписи (1718–1721) года [хранится в числе ревизских книг за № 20854/4158]

Города Якуцка разночинцы: Умершие. Дмитрий Аржаков» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 120].

Второе поколение:

«Воеводы Якутского уезда.

Секретари: Аржаков Калина Дмитриевич, подканцелярист, канцелярист (до 19 августа 1770), губернский регистратор, 1766–1775» [Казарян П.Л., Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 217].

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость: Казаки. Аржаков Петр [Дмитриев сын]. Ж. Марья Федоровна. Сын Федор — 6 (1762). Дочери: Прасковья — 11, Настасья — 2, Наталья — 1. Пасынок Филип Хлестунов» [РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело 28, Л. 18].

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781: Казаки. Петр [Дмитриев сын] Аржаков, Федор [Петров сын] Аржаков» [РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 88, л. 21–21 об.].

И, конечно же, возникает вопрос — из каких же «разнорабочих» появился на свет величайший государственный деятель Якутии?

АСНАШЕВЫ

Фамилия редкая, и я, скорее всего, не ошибусь, предположив, что у гижигинской и тигильской ветвей этой фамилии был один родоначальник.

Начнем с Тигильской ветви — она самая короткая: в Тигильской крепости служил Кирила Исаев сын Аснашев (1811).

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.
Список по старшинству их службы в Петропавловске.

Прикомандированные из Тигиля:

Аснашев Кирила — 43; из казачьих детей, на службе и в чине с 1832 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10].

А в Петропавловской экипажной роте служил его младший брат — Аснашев Алексей Исаев сын (1828), из солдатских детей, уроженец Камчатской области.

Выбыл в Николаевск-на-Амуре в мае 1855 года. О дальнейшей судьбе его неизвестно.

Следовательно, их отец — Исай — служил на Камчатке в солдатах Камчатского гарнизонного батальона.

По материалам Магаданского государственного архива удалось создать поколенную роспись Аснашевых.

Но она тоже без общего для этих двух ветвей патриарха:

	А[с]нашев Василий Георгиевич, Гижигинский мещанин. Ж. Мария Евсеевна
2 колено	
	Аснашев Косьма Васильев (1848). Ж. (с 15.10.1877) Горбовская Фекла Николаевна (1855), дочь Гижигинского мещанина
	Аснашев Георгий Васильевич (10.06.1845), гижигинский мещанин, 1878 г. Ж. 1 ? Ж. 2 Кожевина Ирина Андреевна (1872)
	Аснашева Наталья Васильевна (1865), мещан. дочь. М. (13.01.1885) Кокоулин Харитон Андреевич (1859), гиж. казак
3 колено	
	Аснашова Агриппина Кузьмина (1883), дочь мещанина. М. (с 11.05.1903) Брагин Игнатий Андрианович (1881), Гижигинский мещанин
	Аснашев Василий Кузьмич (12.11.1887). Ж. Данилова (в девичестве Попова) Елена Ивановна (09.05.1888), вдова Пантелеймона Георгиевича Данилова
4 колено	
	Аснашева Мария Георгиевна (1893). М. (с 06.02.1911) Нифантьев Константин Федорович (13.06.1890)
	Аснашев Андрей Георгиевич (17.02.1901)
	Аснашев Кузьма Георгиевич (11.09.1904)
	Аснашев Иван Георгиевич (25.08.1910)

БАГУЛИНЫ

Конечно, первая же ассоциация, связанная с происхождением этой фамилии, касается багульника — одного из видов рододендронов. Особенно для Забайкалья, где по весне все сопки окрашиваются в необычный цвет:

А у нас в Забайкалье
сопки — малиновые!
Вы небось и не знаете,
что такое — багул?
Вы напрасно стараетесь
жизнь мне сделать малиною,
все равно я однажды
в Забайкалье сбегу...
Г. Головатый

Увы...

Все гораздо проще и гораздо сложнее.

Проще — потому что мы знаем изначальную фамилию патриарха дальневосточного рода Багулиных.

Сложнее — потому что мы не знаем историю происхождения этой — изначальной — фамилии:

«Камчадалского острогу разночинцы
Илья Багуи
Ильи Багуя холопи некрещеные Огин, Ликшуга, Люлюкав» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 93 об., Л. 101 об.].

Илья, судя по количеству холопов, был из числа первопоселенцев Камчатки из числа новоприборных казаков.

Он быстро завел здесь себе и семью:

«Илья Багуи. У него дети Андрей, Михаило, Иван, внук Алексей у него ж казачьи сын Алексеи [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 93 об.].

Судя по тому, что Илья воспитывал внука, у него был еще один сын. Вероятно, которого уже не было в живых.

Через двадцать лет мы встречаем имя Андрея Ильича на Чукотке.

Первоначально в «Очерке главнейших событий в Камчатке» А.С. Сгибнева:

«…Куркин с 30-ю казаками 10-го февраля 1765 г. выехал из Анадырска на собаках с следующей инструкцией: "Следовать с поспешением, дабы от нескораго следования за случившимся зимним студеным климатом людям изнурения, а собакам гибели не случилось. От неприятелей (чукоч) иметь крепкую и недремотною осторожность, и чтобы ружья всегда были в исправности и заряжены. Следовать в соединении друг от друга, дабы в случае нападения неприятельского оправиться легко можно было (чего Боже не дай!). В случае нападения, то буде случай допустить, сделать из нарт крепостцу и из той чинить отпор. Во время пути иметь верный маршрут, в котором каждодневно вписывать сколько разстояния, хотя, например, место от места, какия лесные реки, годен ли лес и какой именно; для какого употребления: в судовое, крепостное или зимовейное строение можно употребить. Для описи взять бумаги одну десть, а для письма сотника Багулина"».

Второй раз — в год прекращения деятельности Анадырского острога и расформирования его гарнизона:

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость.

Сотник Андрей Багулин. Жена Анна Андреевна. Сыновья: Прокопий — 11 (1757), Андрей — 6 (1762). Дочь Наталья — 13 (1755)» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28].

Сотник — это обер-офицерский чин. Он переходил либо по наследству, либо — за военные заслуги.

Вот что сообщает историк Г.Ф. Быконя:

«Во второй половине XVIII в. среди офицеров удельный вес, выслужившихся из податных и казаков, как по всей стране, так и по Восточной Сибири, сокращается. Об этом свидетельствуют данные выборки из формуляров тех, занимавших в 1799 г. классные должности в Иркутской губернии чиновников, что были сибирского происхождения и начинали свою карьеру с военной службы. Таких из 172 чел. насчитывалось всего 18, из них 12 в офицерском звании ушли на гражданскую службу. Ни один представитель сибирских податных сословий и казачества не пробился через военную службу и офицерский ранг в ряды классных чиновников, в то время как дети лиц из привилегированных сословий, хотя их число было меньшим, смогли это сделать. Шестеро же (солдатские дети Толстиков, Якимов, Савельев, Шлаков, унтер-офицерский сын Багулин, казачий сын Бритюков), начав службу в Иркутском, Селенгинском батальонах (3 чел.), Иркутской городовой команде (2 чел.) и Якутском пехотном полку (1 чел.) и, дослужившись до первых унтер-офицерских чинов, очевидно, почувствовали при своем незавидном сословном происхождении бесперспективность выслуги офицерского чина в местных условиях мирного времени, ушли на гражданскую приказную службу, со временем получив через нее свои классные чины» [Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект) Красноярск 2007].

То есть отец Андрея был казачьим пятидесятником, что соответствовало унтер-офицерскому чину.

Новосибирский историк А.С. Зуев, описывая процедуру принятия чукчей в 1778 году в подданство России, дважды упоминает сотника Багулина:

«…Шмалев вел подготовку к переговорам, обсуждая все детали с подчиненными. А приготовился он весьма обстоятельно. Им была разработана и осуществлена особая торжественная церемония приема чукотских старшин, которая состоялась 25 февраля. От ворот крепости до комендантской канцелярии был выстроен почетный караул — 200 солдат и казаков "в чистоте" с ружьем на плечах. Еще один караул — капрал и 11 солдат в гренадерских шапках — стоял у канцелярии. У ворот крепости тойонов встречали сотники А. Багулин и И. Башиев. Они провели чукчей через плац, где их приветствовал сибирский дворянин Н. Дауркин, к канцелярии, где приветствовал штурман Г. Прибылов. В канцелярии тойонов встретили Шмалев, гарнизонные офицеры, унтер-офицеры, казачьи сотники и пятидесятники. При встрече Шмалев по "их чукоцкому обычаю" крепко обнял каждого тойона. После этого все присутствующие сели за стол и приступили к обеду. Шмалев не преминул в своем "прибавлении" упомянуть о том, что именно ели: "…когда приготовлено было кушать, то оные подчиваны яко гости обеденным кушеньем, употреблено было только на блюдах в куски изрезанное недовареное и жирное аленье мясо, охотно ж кушали и булки, после тово потчиваны канфетками как то ягодами и протчим што случилось". Включение в меню "недоваренного" жирного оленьего мяса говорит о знании Шмалевым (возможно, со слов Н. Дауркина) одного из любимых кушаний чукчей. Кроме того, он продемонстрировал осведомленность о чукотском обычае одаривать гостей одеждой со своего плеча: после обеда, писал Шмалев, "…принужден я, хоша был и в мундире (чтоб оне уверены были более о безопасности), припасенныя к тому рубахи, надевая на себя поверх кавтана и паки снимая, надевая на каждого своими руками. На главного тоена надета была новая фанзовая, тож на исподнее платье, а на протчих красныя из даб, и повязано было на шеи по платку, чему они весма были рады". Во время первой встречи Шмалев не стал торопить события и ограничился беседой "о партикулярных обстоятельствах" и обменом любезностями. 26 февраля тойоны посетили

стойбище главного корякского князца, и коряки по примеру русских встретили своих исконных врагов в "полном параде" — одетые в куяки и вооруженные луками и ружьями, "а главной князец семилетняго сына своего с пистолетом ставил во фрунт". "Потом по их обыкновению коряки подвели к чукоцкому тоену хорошева аленя, которой сам заколол, сим образом сотворившему жертву приносят и землю дарят, кровью ж аленьей мажут приезжающих на лбу". После этого чукчи еще дважды (27 февраля и 1 марта) посещали коряков. Устраивая столь помпезное мероприятие по встрече чукчей, Шмалев, как представляется, хотел, с одной стороны, выказать почет и уважение чукотским тойонам, дабы последние, видя ласку и обхождение, склонились в российское подданство и ясачный платеж, а с другой — продемонстрировать силу и величие Российской империи. Расчет оказался верным.

...5 марта чукчи внесли ясак на сумму 13 р. 20 к., получив взамен подарков на 32 р. 23,5 к. В тот же день были отпущены 28 человек пленных, которых также одарили подарками, чукчам вернули часть их имущества, захваченного в 1775 г. Тойоны одарили Шмалева меховыми парками, а тот в ответ — медными котлами, табаком и "протчими приличными вещами". 6 марта Хергынтов с женой осмотрели стоящую в устье Гижиги бригантину "Св. Надежда", а 8 марта — крепость, причем посетили и Пересыпкина, от которого получили в подарок табакерку и платок. 10 марта чукчи с прощальным визитом вновь побывали в Гижигинске, где получили подарки от Дауркина, сотников Багулина и Баишева, и "растались з желаемым дружелюбием"» [Зуев А.С., Русско-чукотские переговоры 1778 года и принятие чукчей в подданство России].

А по ведомости Гижигинской крепости за 1781 год сотник Андрей Ильич Багулин проходил службу в Охотске [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 18 об.].

В 1772 году на казачьей службе в Гижигинской крепости уже и Прокопий Андреев сын Багулин [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 10 об.].

В 1781 году — гижигинский казак Андрей Андреев сын Багулин [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20].

Но...

Некоторый итог казачьей службы Багулиных подводит все тот же Г.Ф. Быконя, продолжая свой рассказ о неких успешных, но «неблагородных» сибирских чиновниках.

Кстати, как выяснилось, эти сведения относятся к Иркутску и 1799 году:

«Шестеро же (солдатские дети Толстиков, Якимов, Савельев, Шлаков, унтер-офицерский сын Багулин, казачий сын Бритюков), начав службу в Иркутском, Селенгинском батальонах (3 чел.), Иркутской городовой команде (2 чел.) и Якутском пехотном полку (1 чел.) и, дослужившись до первых унтер-офицерских чинов, очевидно, почувствовали при своем незавидном сословном происхождении бесперспективность выслуги офицерского чина в местных условиях мирного времени, ушли на гражданскую приказную службу, со временем получив через нее свои классные чины».

БАЖЕНОВЫ

Фамилия, скажем сразу, не из редких. Но в наших фамильных историях весьма любопытная.

В 1654 году был сослан в Илимский острог и верстан в службу Баженов Ивашка Егунов, московский стрелец.

Судя по дате — он мог быть участником Московского Соляного бунта 1648/1649 гг., когда правительство царя Алексея Михайловича подняло налоги и на бунт поднялся посадский люд, а также служилые люди нижнего звена — казаки и стрельцы.

Хотя причины ссылки могли быть и другими.

«Якутцкого города служилые люди. Рядовые казаки. Женатые. Ивашко Баженов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 33].

Но в Переписи 1693 года указан его сын: «Рядовые казаки: умершаго Ивашки Баженов с[ын]. Федька 4 л. (1689)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 104].

В 1706 году Федор служит в девятой пятидесятне Якутского казачьего полка. Женится.

«Во дворе Петра Иванова сына Шадрина и он Петр послан Великого государя на службу на Ильчу в 718-м году ... у него шурин Федор (Иванов сын) Баженов и он послан Великого государя на службу Верховилюйское зимовье в 719 году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 8].

Это одна история. История без конца, так как ее продолжение нам неизвестно.

История вторая.

«В дворе фескал Василей Иванов сын Бобровской ... у него ж живет на подворье присыльной Тобольского города Зиновей Иванов сын Баженов тритцати лет (1790) ... и он Зиновей послан Великого государя на службу во Анадырской острог в 719 году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 30].

В переписи за 1748 год указано, что в якутскую казачью службу верстан его сын Андрей.

А в 1734 году прислан «из Тобольска для подушного сбора прапорщик Иван Баженов. От него немало досталось якутскому духовенству. Особенно много перенес священник Богородской церкви Ив. Аф. Сукнев. Сборщик потребовал от него подушные деньги за несколько лет. Сукнев, как состоящий в духовном звании с 1717 г., отказался от уплаты, но, когда был посажен под арест и приводим на правеж, вынужден был выложить последние свои грошовые сбережения» [Явловский П.П., Летопись города Якутска]. Возможно, это тоже имеет какое-то отношение к нашей второй истории. Но она снова без конца.

Третья история:

«В переписной книге служилых людей Енисейского уезда 1669 г. значится Данило Баженов. В 1721 году его сын служилый человек

65-летний Яков Данилович Баженов с семьей жил в Братске. Служил “он Яков Великому Государю по Братскому острогу всякую пешую казачью службу, настенных караулов, за ясачными сборами и во многих посылках”. Получал 5 рублей и соли 2 пуда. Сын Якова Алексей нес службу в Братске до 1746 года; в этот год по указу вице-губернатора Иркутской провинции Ланга выбирали “для посылки в Анадырский острог молодых, здоровых и лепных 15 человек”. Алексея причислили к этой группе и отправили с семьей в Якутию».

Возможно, ее продолжение в этом сообщении П.П. Явловского, датированное 1759 годом: «…якутский казачий пятидесятник Баженов показал ясачной комиссии, что он отправляется в ясачные тунгусские шесть улусов для сбора лошадей, но это поручение он купил, заплативши за него воеводе Лебедеву 150 рублей, которые принужден был занять. Обвиняемый показал, что Баженов принес ему эти деньги добровольно, и он взял их вследствие крайней бедности за неполучением жалования, и с других, отправляющихся за ясаком, брал без вымогательства. Свой поступок Лебедев объяснял дороговизною местной жизни и отсутствием таких дел, от которых можно бы себя содержать; он проехал до Якутска 9 тысяч верст на своем иждивении, занявши до 1500 рублей».

Но, скорее всего, настоящая наша северная история Баженовых начинается вот с этого сообщения:

> *«Гижигинская крепость и в ней верноподданные народы от неприятельского нападения июня по 5-е число сего 754 году состоят все благополучно и изменников по близости не имеется.*
> *…На подлинном пишет тако. Пример маэор Афанасей Зыбин.*
> *В должности с приписью канцелярист Иван Баженов».*

Это, возможно, и есть, Баженов-отец, Баженов-патриарх рода гижигинских и тигильских Баженовых, дети которого, находясь вместе с отцом в Гижигинской крепости, были записаны уже казаками.

Спорно? Согласен. Не хватает некоторых «кирпичиков». А точнее, отчеств гижигинских казаков, чтобы восстановить реальную поколенную роспись рода.

Но исходим из того, что у нас имеется на сегодняшний день.

«Ведомость Гижигинской крепости 1772 года. Казак Василий Баженов» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 10].

«Ведомость Гижигинской крепости 1781 года. Казак Демид Баженов.

Гижигинский школьник Иван Баженов (9 лет) обучается “азбуке склады”» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 22].

Есть еще одна запись за 1784 год: «Иван Баженов — 13 лет (1771)» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 7. Л. 77].

В 1812 году в Тигильской крепости в качестве губернского секретаря мы обнаруживаем Ивана Ивановича Баженова (1757) [РГИА ДВ Ф. 1009, Оп. 2. Д. 2].

А в 1831 году в Гижигинской крепости в 3-й сотне казака Ивана Баженова (1767) [Национальный архив РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.].

Возможно, это разные люди. Возможно, это один и тот же человек (возраст здесь не является определяющим — его записывали не по документам, а со слов — кто как помнил свой возраст).

У канцеляриста Ивана Ивановича был сын Дмитрий (1795) — тигильский казак, у которого с супругой Пелагеей Осиповной было трое сыновей: Арсений (1816), Петр (1820), Иван (1830).

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.
Список по старшинству их службы в Петропавловске

Прикомандированные из Тигиля:

Баженов Иван [Дмитриев] — 26; из казачьих детей, на службе и в чине с 1847 года» [РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 10].

Любопытно, что в одном рапорте встретились двое Баженовых — тигильский и гижигинский.

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.
Список по старшинству их службы в Петропавловске

Казаки: …Баженов Николай — 29; из казачьих детей, на службе и в чине с 1843 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 9].

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год. Гижигинская крепость. Служащие. Казаки: …Баженов Николай Александров — 25 (1827)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

Но самое важное в этой истории — это то, что Дмитрий Иванович (отец Ивана Дмитриевича) и Александр Иванович (отец Николая Александровича) — родные братья, дети Ивана Ивановича.

Баженов Николай Александрович (1826), гижигинский, петропавловский, потом тигильский казак, отставной казак Тигильской команды. Ж. 1 (с 05.02.1862) Попова Варвара Хрисантьевна (1839), вдова тигильского казака Попова Николая Васильевича. Ж. 2 (с 08.02.1876) Черных Мария Филипповна (вдова в 1893), дочь седанкинского камчадала Филиппа Черных.

У Александра Ивановича было еще двое сыновей.

История одного из них — Петра Александровича (1840) нам неизвестна.

А вот самый младший — Федор Александрович (1855), гижигинский крестьянин — женился в 1882 году на дочери крестьянина из долины реки Камчатки селения Кресты Лаврентия Андреевича Докучаева Татьяне Лаврентьевне (1853) и переселился на постоянное место жительства в селение Харчино на реке Еловке (главном притоке реки Камчатки).

Дочери Ивана Дмитриевича Баженова влились в семьи казаков Анисимовых и петропавловских мещан Толман.

Сын — тигильский казак Василий Иванович Баженов, участник народного ополчения в пе-

риод Русско-японской войны 1904–1905 гг., женился на дочери тигильского же кантониста Сиглитикии Ивановне Юшиной.

У него была дочь, которая вышла замуж за паланского священника: Баженова Мария Васильевна (1890 – 13.12.1917). М. Лонгинов Николай Васильевич (16.10.1886 – 20.03.1938)

Это ее дети:

Лонгинова Домна (Домника, Доминика) Николаевна (06.01.1913 – 1981). М. 1 Мутовин Георгий Петрович. М. 2 Брек Георгий

Лонгинова Ульяна (Улита) Николаевна (15.01.1915 – 1940). М. Кукало

Лонгинова Вера Николаевна (11.12.1917). М. Дадеуш Дементий

Лонгинова Надежда Николаевна (11.12.1917). М. Комаров

У Домны Николаевны и Георгия Петровича Мутовина было трое детей — Дина, Валентин и Нелля. Нелля Георгиевна Мутовина — мать Героя России Олега Евгеньевича Мутовина.

Но всех Баженовых обошел по количеству детей харчинский крестьянин Федор Александрович Баженов: Евдокия Федоровна (1883), Александр Федорович (1884), Ферапонт Федорович (10.02.1887), Иннокентий Федорович (1891), Александр Федорович (?), Тимофей Федорович (21.02.1894).

Тимофей Федорович в 1922 году женился на камчадалке Марии Семеновне Клочевой (27.12.1906), уроженке, как и он сам, села Харчино. От их дочери — Прасковьи Тимофеевны (1925) и ее супруга Кропочева Павла Егоровича (1921) пошла новая ветвь семьи Баженовых – Кропочевы. А точнее, Раиса, Любовь, Геннадий, Владимир, Сергей, Виктор Павловны и Павловичи…

БАИШЕВЫ

В первом томе книги «Тайны якутских фамилий» мы наметили начальную канву истории этой фамилии, но появились новые факты, и мы возвращаемся к этой теме.

Что нам было известно?

Впервые мы отмечаем эту фамилию в Якутске в 1692 году:

«Якутцкого города служилые люди. Рядовые казаки. Женатые. …Офонька Васильев Баишев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 22].

Вносим уточнение: «Баишев Афонька — конюх, сослан в Якутск и верстан в службу в 1689 г.» [Ф.Г. Софронова «История Северо-Восточной Азии XVII – начала XX века»].

1706 год

Второй пятидесятни:

Десятник Василий Качанов; — рядовые: …
Афанасий Васильев с[ын] Баишев,..

1748 год

Города Якуцка разночинцы:

Умершие:

Афанасий [Васильев сын] Баишев
Василий [Афанасьев сын] Баишев

Определены по гор. Якуцку в дети боярские:

Петр Афанасьев с. Баишев
Захар Афанасьев с. Баишев
Степан Афанасьев с. Баишев

Якутск, 1761 год

…действительно при команде имеются и употребляются в караул с переменою: казаки: …Андрей Баишев … Иван Баишев … Степан Баишев…

Это одна история.

А вот и другая:

«В 1743 году пятидесятник Якутского казачьего полка Захар Баишев создал регулярный Государственный Иркутско-Якутский почтовый тракт, поставив якутских казаков для создания ямских станций через каждые 25 верст» [История Якутского казачьего полка].

А вот и подробности:

«…так как с 1742 г. началось интенсивное движение людей и отправка грузов беринговской экспедиции из Камчатки и Охотска через Иркутск в Тобольск, то существующий порядок почтовой гоньбы не мог обеспечить возрастающие потребности в бесперебойном движении по тракту. Поэтому по поручению исполняющего должность воеводы Якутского уезда капитана Ивана Яковлевича Остякова служащий воеводской канцелярии Захар Баишев в 1743 г. между Витимской слободой и Якутском организовал 28 почтовых станков (станции), возложив их содержание на местные общества.

Однако эта повинность в 40–60-х годах вызывало неоднократные жалобы якутов и просьбы освободить их от этой повинности. Местные жители обязаны были не только перевозить грузы и служилых людей, но и снабжать почтовые станции лошадьми, продовольствием. В 1770 г. иркутский губернатор Адам Иванович Бриль, с ведома и дозволения императрицы Екатерины, освободил якутов от ямской повинности, указав заселить тракт русскими переселенцами. Но прошло почти два года и “за неявкою охотников”, т. е. добровольцев, губернатор предписал заменить их на “каторжных и ссыльных”.

“Служилый З. Баишев в 1743–1745 гг. собрал с якутов 147 лошадей, 122 кобылы, 129 коров и 17 быков. Сохранились жалобы о том, что он разорил якутов на 700 лошадей и ‘много взял себе’, а также что проезжающие по этому тракту ‘забирают по 40–60 лошадей без всякой платы’. Действие указов, возложивших на якутов перевозку грузов и почты, распространили на Охотск, Удск, Анадырь, Ковымскую вершину, Большерецкий острог и Командорские острова. Наслежные общества выделяли на каждый станок по 25 лошадей, 8 кобыл, 1 жеребцу; 1–3 быков для одного станка и снабжали 7–8 работников харчами, платьем и др., выделяли по 5 коров для питания проезжающих и платили за поселенцев ясак. Так, Кангаласский улус содержал 10 станков, олекминские якуты — 8 в пределах своего округа, оленские (вилюйские) — станки до Витима Иркутского тракта, жители Ботурусского улуса — 6 станков Охотского тракта, остальные были распределены между другими улусами (всего 41 станок). Для организации сообщения между Якутском и Охотском на про-

тяжении 1014 верст поселили якутов. Частично туда были водворены ссыльные, которые вскоре сбежали. До Алдана почту и людей зимой доставляли на повозках, летом — на лошадях, далее — на оленях и собаках до Охотска"» [В.П. Захаров, Из истории почтовой гоньбы в Якутии (30–40-е годы XVIII – начало XX века), сб-к «Северо-Восток России на рубеже XX векеов: власть и общество», Якутск, 2012].

Анадырский острог.

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость. Иван Баишев, казак. Жена Анна Семеновна» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Уверен, что отцом Ивана Баишева был кто-то их детей Боярских — Михаила, Захара или Степана, так как в 1778 году при заключении договора о вхождении Чукотки в состав Российской империи Иван уже в чине казачьего сотника.

А в 1781 году служит в сотниках же в Охотске [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 18 об.].

В 1831 году в Гижигинской крепости служит казак Семен [Иванов сын] Баишев, но затем его след на Дальнем Востоке теряется.

В 1830-х годах в Якутской городской управе служит губернский — а с 31 декабря 1830 года коллежский (X чин в Табеле о рангах, равный чину казачьего сотника) — секретарь Стефан Михайлов сын Баишев [Казарян П.Л., Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 317].

А в Нижнеколымске в конце XIX столетия управляет казачьей командой Иоаким Григорьев сын Баишев (1860) [Шадрина А.В., Казаки Колымы].

БАКЛАНОВЫ

Среди переведенных в 1768 году в Гижигинскую крепость казаков и солдат Анадырского острога было двое разночинцев:

«Разночинцы: Федор и Осип Баклановы» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Скорее всего, это были Андреевы дети, о котором в переписи за период 1822–1748 гг. сохранилось лишь такое упоминание:

«Андрея Бакланова дворовой Иван» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 78 об.].

Откуда же могли появиться Баклановы на Чукотке?

И не стоит связывать историю образования этой фамилии с морской птицей.

Это древнее мирское имя.

Вот, например, как звали одного из родственников Александра Сергеевича Пушкина из знаменитого рода Ратши:

Бутурлин Андрей Баклан Григорьев сын.

А смысл этого названия варьировал в двух полюсах — положительном и отрицательном: «болван, чурбан, чурка» или «большая голова, головастый».

27 августа 1641 года якутский воевода Петр Петрович Головин подписал наказ:

«…велели из Якутского острогу идти служивым людем Максимку Телицыну, Ивашку Сергееву, Пашке Малафееву, Потапку Кондратьеву, Ивашку Онисимову, Климке Олексееву, Олферке Алексееву, Ивашку Савельеву Ячменеву, Ивашку Савельеву Баклану, Ивашку Федорову Замараю, Петрушке Дементьеву Седому, Офонке Заеву, Дорожке Трофимову, Митке Фокину, Васке Григорьеву, Андрюшке Федорову, на море, в Юганды реку, для государева ясачного сбору и прииску новых неясачных землиц».

Это было первое и надолго уже последнее упоминание Баклановых в числе якутских казаков.

А вот вопрос: откуда мог появиться в Анадырском остроге Андрей Бакланов? – прямого ответа так до сих пор и не имеет.

Пока в ответ только гадание.

Он мог быть потомком:

— Бакланова Микитки Афанасьева, сосланного в Илимск в 1656 г. и верстанного в казачью службу [Софронов Ф.Г., История Северо-Восточной Азии XVII – начала XX века].

— Бакланова Семена Федоровича, томского казака, как и его сын Семен Семенович [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л. 177 об.].

— бывшего верхотурского крестьянина из Ощепковской слободы Мишки Ефимова сына Бакланова, поселившегося в 1670-х годах в Царевом городище (в деревне Черемухино на Тоболе), его тогда ее малолетних детей Тимошки и Окимки, у которых в 1710 году при восьмидесятилетнем отце были свои взрослые уже дети, внуки Тимофея — Иван, Назар, Леонтий [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. ч. 8. Д. 6894. Л. 37; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1526. Л. 210 об, 212].

— рядового драгуна роты Шадринской слободы Тобольского уезда Бориски Бакланова [РГАДА. Ф. 214, Оп. 1. Д. 1248. Л. 137].

Впоследствии и этот фамильный след на Северо-Востоке куда-то исчезает.

БАЛИНЫ

По именным спискам казаков он везде проходит как Бадлин.

Но такой фамилии нам более не встретилось.

Встретилась другая. Но, чтобы перейти к ней, нужно кое-что уточнить.

В 1712 году на Камчатке был поднят бунт, о котором приказчик Василий Михайлович Колесов высказался очень категорично (и, скажем так, не совсем справедливо):

«…в Камчадальских острогах первоначалные бунты и нынешней чинятца от тобольских уроженцов служилых людей; а вершенной вышеписанной разбойник Константин Кыргызов урожением тоболской; да с ним же пущие воры были единомысленники его, первоначальные на Камчатке бунтовщики, и на злое всякое дело заводчики и потаковщики, и на всякое злое дело вымышленники, товарыщи его, тоболские же уроженцы: Кирило Бекирев, Иван Панютин, Иван Баднан, Иван Лосев, Никита Дурынин, Иван Терентьев, Лазарь Ощепков. А и впредь тоболские уроженцы буде по государеву указу

будут присылатца на Камчатку, и в Камчадальских острогах от тех тоболских уроженцов его великого государя вотчина прочна и состоятельна не будет и будут от них всегда шатости. А без … домовых якуцких и с Руси жителей в здешней Камчадалской земле быть нельзя и вотчина великого государя в Камчадалских острогах будет прочна и состоятельна» [Памятники сибирской истории, т. 1, стр. 550–551].

Пошли из Верхнекамчатска в Нижний бунтари Иван Григорьевич Торгуя, Кирилла Бекирев, Иван Терентьев, Никита Дурынин, Лазарь Ощепков, Иван Бадлин, Андрей Орлик, Козьма Баландин, Прокопий Месихин, Федор Онкудинов, Леонтий Беляев, Иван Сиряна, Павел Кабан, Иван Панютин.

В другом источнике эта фамилия звучит уже в двух вариантах:

«Верхнекамчадальского острогу разночинцы. Иван Бадлин … Ивана Балдина дворовой некрещеной Ланши» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 108 об., 112 об.].

Балдиных-Бадлиных мы в Тобольске не нашли. Но нашли многочисленный род Балиных.

Вот самые первые.

Тобольск, 1623.

Посадские люди:

«Деревня за рекою Кундускою в дуброве

Во дворе посацкой человек Бориско Балин. Пашни паханые середние земли 12 четей в поле а в дву потому ж да пашенново лесу в дуброве 10 десятин. Сенных покосов в Япанчинском лугу 400 копен. У Бориска ж вобче с Игнашкою поскотинные земли лесново места 8 десятин. Да у Бориска ж Балина другая пашня на Чувашех паханые середние земли две чети с осминою да перелогу 12 четей в поле а в дву потому ж.

Деревня на старице вверх по реке Иляку на лугу

Во дворе посацкой человек Семейка Балин. Пашни паханые луговые середние земли три чети без третника да на березняке и по край березника подле Иляк на лугу двенадцать четей в поле а в дву потому ж. Да луговые ж земли низкова места двадцать десятин. Поскотинные луговые 50 десятин сенных покосов в Старицком лугу 500 копен. У нево ж половник гулящий человек Савка Михайлов с женою. Скота у Савки две коровы да свинья. А у Семейки ему со 130-го году в половниках до сроку жить.

Деревня за Иртышем за остовицей

Во дворе посацкой человек Еремка Балин. Пашни у нево паханные середние земли 8 четей да перелогу 8 четей в поле а в дву потому ж. Пашеннова лесу дубровы 5 десятин. Сена косит 300 копен» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л.95 об.,97, 143].

Тобольск, 1627 год.

Атаман пеших казаков Третьяк Юрлов.

Пешие казаки … рядовым казаком по 4 рубли с четью … Семеика Яковлев Балин [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 14. Л. 91].

Стрельцы … а рядовым стрельцом по 4 рубли с четью (по 5-ти чети с осминою ржи по 4 чети овса) … Данилко Балин [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 14. Л. 94].

Тобольск, 1653 год

Казак Ивашка Михайлов сын Балин из сотни атамана пеших казаков Михайлы Остафьева.

Тобольск, 1683

«Погост Кугаевской на реке Иртыше.

Во дворе стре[ле]ц Нефедко Мокеев. А тою землею владеет он по закладной служилого человека Климка Балина со 174-го году.

…Во дворе казачей сын Васка Климов сын Балин. У него братья: Ивашко 17 лет, Ивашко ж 16 лет, Васка 12 лет.

Деревня Слинкина на реке Иртише.

Во дворе пешей казак Васка Иванов сын Балин. У него братья: Ганка, Игнашка в пеших же казаках, Офонка 10 лет, Ивашко 9 лет. У Игнашки сын Ивашко 2 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 112, 112 об., 140].

Тобольск, 1693 год

«Тимошка Иванов и в 201-м году по указу великих государей и по приказу боярина и воеводы Степана Ивановича Салтыкова с товарыщи прибавлено великих государей жалованья ему Тимошке к прежнему ево окладу за ево службу из убылого окладу Прохорка Балина денег 2 рубли и учинен ему оклад 10 рублев».

И, конечно, нам своего Ивана не отыскать.

Тобольск, 1704 год

«Василей Иванов Балин за старость отставлен в ево место велено быть сыну ево Алексею».

«Федор Салдатов за старость отставлен в ево место быть казачю сыну Василю Балину».

Тобольск, 1710 год

«Во дворе отставной пешей казак Игнатей Иванов Балин сказал 63 лет жена Овдотья 55 лет дети Иван 35 лет жена ево Катерина 30 лет внучка Иванова дочь Лукерья полтора году другой сын ево Игнатьев Козма 27 лет жена ево Овдотья 25 лет да внук Козмин сын Егор полтора году ево ж Игнатьевы дети Василей 9 лет Федор 7 лет дочь Марья 20 лет».

Деревня Слинкина

Во дворе пешей казак Иван Иванов Балин сказал 59 лет жена ево Федора 50 лет дети ево Иван 30 лет Евдоким 3 лет Петр пол году дочери Агафья 12 лет Овдотья 7 лет Катерина 5 лет

Во дворе конной казак Григорей Андреев сын Балин сказал 59 лет жена ево Матрена 45 лет дети Дмитрей 17 лет Алексей 15 лет Иван 12 лет Иван пол году дочери Окулина 14 лет Марья 10 лет Катерина 5 лет.

Двор отставного пешего казака Гаврила Иванова Балина пуст а он Гаврила 70 лет вдов жены и детей никого нет.

Во дворе перваго полку пешей казак Иван Клементеев сын Балин сказал себе от роду 47 лет у него жена Стефанида 32 лет детей нет.

Погост Кугаевский

Во дворе перваго полку пешей казак Василей Клементеев сын Балин сказал себе от роду 45 лет у него жена Орина 30 лет дети у него сын Федор 2 лет дочери Василиса 8 лет Парасковья 5 дней да брат у него родной пешей казак второго полку Василей 50 лет да сестра салдацкая жена Ульяна 35 лет…

Подведем черту…

Владимир Владимиров сын Атласов, возвращаясь из Москвы, получил наказ набрать в Тобольске из числа семейственных казаков (то есть из старинных казачьих родов) пятьдесят казачьих детей для службы на Камчатке.

Иван Балин (или Бадлин, как его окрестили на Камчатке) был из этого числа — и приказчик Василий Колесов, коверкая фамилию, все же не исключает его из числа ненавистных ему тобольчан.

И расправился он с этими казачьими детьми так, как, наверное, прежде еще НИКОГДА не расправлялись, хотя они никого, в отличие от казаков, поднявших бунт в 1711 году, НИКОГО не убили. Пограбили — да! Вынудили нижнекамчатского приказчика надеть монашью рясу — да! Изображали себя, как модно сейчас говорить, «крутых» — да!

Но в Москве даже за камчатские убийства приказчиков воровских казаков ПРОСТИЛИ.

А вот Колесов почему-то был беспощаден в своей злобе к тобольчанам:

«…мы его Константина и Леонтия Беляева положа на плаху смертью показнили; а тех его Константиновых товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводки водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным так бунтовать, и свои и заговоры и круги заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно»…

След Ивана Балина (Бадлина, Баднана) затерялся — а семьи он так и не завел…

БАЛЫКОВЫ

С этой фамилией мы встречаемся на Дальнем Востоке дважды.

В первый раз в переписи 1722/1748 годов в Тауйском остроге — разночинец Матвей Балыков [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 128 об.].

Второй раз — в документах за 1775 год:

«1775 г. марта 3. — Указ Большерецкой канцелярии купцам Г.И. Шелихову и П.С. Лебедеву-Ласточкину о снаряжении экспедиции на Курильские острова», который подписали «Пример-майор Бем. В должности секретаря канцелярист Лаврентей Батурин. Канцелярист Иван Балыков» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2539. Л. 444–445].

Поиск родовых (или просто фамильных) корней привел нас в Тобольск.

Только там, среди казаков литовского списка, бывших рейтар, мы нашли Балыкова.

Тобольск, 1689 год

«Литва ж которые из рейтар а оклады им дают в приказ до выбылых окладов денег по 7 рублев хлеба по 6 чети ржи по 3 чети овса по два пуда соли Якушко Балыков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948. Л. 228].

Тобольск, 1693 год

«Во 186 году по грамоте великих государей и по книге какова прислана в Тоболеск литве ж которым велено быть из рейтар оклады им давать в приказ до убылых окладов по 7 рублев Якушко Балыков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 200].

Тобольск, 1704 год

«Литве из рейтар по 7 рублев Яков Балыков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Л. 214].

И последняя запись, которая нас потрясла.

Тобольск, 1710 год

«Ялуторовская слобода. Деревня Кутинка

Двор а в нем отставной драгун Иван Федоров Стрельников сказал себе от роду 46 лет у него жена Федосия 30 лет у них сын Гаврило 2 лет дочь Елена 4 лет у него дядя ево тобольской конной казак Яков Андреев Балыков 86 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 60 об.].

Племянник в 46 лет — отставной драгун, а его дядя — в 86 лет! — действующий конный казак.

Да, казаки (иррегулярные войска), в отличие от служилого люда регулярных войск, служили до самой смерти…

БАРАННИКОВЫ

Первый из Баранниковых пришел на Северо-Восток России с якутским воеводой Петром Петровичем Головиным, который возглавил открывшееся в России новое воеводство в 1638 году.

Прибыли они в Якутск в 1640 году. Бывший приказчик Ленского острога енисейский сын боярский (из рода Рюриковичей) Парфентий Ходырев, предполагая, что он сам займет воеводское место в этом краю, изобилующем прекрасными соболями, начал плести против московского стольника Головина плети заговора, забыв о том, что Головин из византийской императорской семьи, которая в течение несколько веков была хранителем царской казны Московского государства, и сюда Головин был направлен с одной конкретной целью — продвигать и укреплять власть Москвы.

О Федоре Панкратьевиче Баранникове, как и о самом воеводе Головине, в официальной истории утвердилась мысль, как о прислужнике якутского сатрапа — он был заплечных дел мастером, то есть палачом при Головине и карал тех, кому воевода выносил обвинительный приговор.

И этот приговор касался многих сильных якутского мира, пронизанного коррупционными нитями пушной мафии.

О Баранникове фигурирует такая запись в делах РГАДА: «…дело по обвинению служилых людей Федора Панкратова Баранникова, Гаврила Сурнина и Семена Кырнаева промышленными людьми в насильственном захвате у них и у якутов якутских женок и других насилиях во время сбора служилыми людьми ясака на зимовье на устъ Молоды реки».

Из этой записи вроде как бы следует о «насильственном захвате».

Но в росписи дел есть звездочка. А под ней пояснение:

«Роспись “что сколько явилось в нынешнем 150 году в Жиганах и на Молоде реке по всем зимовьям и беглых людей и торговых и промышленных людей и всяких русских людей у кого ясырей, и детей и сколько давно в Жигане и на Молоде реке по всем зимовьям служилых и беглых людей и торговых и промышленных людей и всяких русских людей у ясырей, и детей и сколько давно в Жигане и на Молоде живет, у которого кто в городе то писано в сей росписи порознь статьям из Усть-Молоди”».

То есть делаем вывод — люди Головина вводили строгий учет всех русских лиц, пребывающих на территории Якутского воеводства, а также их имущества (в том числе и холопов — ясырей). Цель — проверка, во-первых, уплаты таможенной пошлины и других налогов в царскую казну. А во-вторых — правомочность закрепления в свою собственность представителей коренного населения, которые должны не батрачить на русских хозяев, а платить ясак в казну.

Так что жалобы на Баранникова рождались не на пустой почве, но контекст этих жалоб был несколько иной, нежели тот, что улавливали советские историки, видя в данном инциденте пример классовой борьбы. Нет, это яркий пример борьбы с пушной мафией.

Нет, Головин ее не победил. Он хоть и успел построить несколько виселиц, но повесить своего главного врага — Парфентия Ходырева — не успел.

А в истории благодаря идеологам «классовой борьбы» он представлен как царский сатрап, а по моей личной оценке — он выдающийся патриот России, организатор целого ряда экспедиций, позволивших России прирасти новыми территориями на юге, севере и востоке от Якутска.

Вполне возможно, что Федор Панкратьевич прибыл в Якутию из Тобольска.

По крайней мере, у нас есть факты такой возможной связи, хотя между прибытием Федора Панкратьевича и его либо однофамильца, либо просто земляка, либо прямого потомка расстояние почти в сто лет.

Первая информация касается Переписной книги 3-й ревизии крестьян и разночинцев Тобольского уезда за 1763 год. В скобках дан возраст по итогам переписи 1747 года.

«Данило Максимовъ с. Баранников (5) отбыл изъ Т[обольска] 756 г. и гдѣ находится неизвѣстно, у него бр[ат] Иванъ (2) вз[ят] въ выписные казаки».

Конечно, это пример, в принципе, ни о чем, так как интересующий нас Иван Баранников появляется на Камчатке в 1732 году, когда Ивана Максимовича еще просто не существовало.

Приговор походной розыскной канцелярии от 28 февраля 1735 г.

«А бытности ж 729 году камисара Михаила Петрова, которой ныне в Якуцку, подьячему Федору Сухому и зборщиком Петру Чижевскому, Гаврилу Чюдинову, Ивану Каташевцову, и бытности ж 732 году управителя Михаила Борисова зборщиком Ивану Баранникову, толмачю Петру Сургуцкому до прибытия показанных камисара Петрова и управителя Борисова наказание не чинить, но токмо взятые как ими, так и протчими зборщики и толмачи сверх ясаку чащины, с кого сколько надлежит по реэстру, доправя, отдать в казну Ея И.В., а взятых у ясашных иноземцов служилыми людми жен их и детей, которые живут у служилых людей, тех всех, взяв, отдать тем иноземцам, у кого оные взяты, по прежнему» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 43 об. – 44 об.].

Нас же в приведенном примере с «взятым в выписные казаки» Иваном Баранниковым интересует именно сам принцип верстания в казаки (точнее, в крестьяне с правами казаков) из посадских людей, к которым относились многочисленные тобольские Баранниковы.

И поэтому возникает вопрос, а не могли ли отправиться в Якутск, а оттуда на Камчатку другие из Иванов? Например, эти двое:

Тобольск, 1710 год: «Двор купленой посадцкого человека Алексея Спиридонова сына прозвище Баранникова сказал себе 40 лет у него жена Анисья Петрова дочь 35 дети сыновья Гаврило 13 Иван 8 Иван-ж 4 дочери Орина 15 Варвара 7 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317].

По возрасту подходит любой из них.

Да и Баранниковы — фамилия, весьма распространенная в Тобольске.

Но это все-таки версия.

Факты же в другом: эта фамилия появляется после крестовых миссионерских походов на землях камчадалов и коряков: 1747 г. — сс. Хайрюзово, Тигиль; 1748 г. — с. Седанка; 1754 г. — с. Сопочная.

Какое-то время казаки Баранниковы еще присутствовали на Камчатке или появлялись здесь время от времени: так в Петропавловском порту в 1815–1819 гг. в списке казачьих и солдатских детей — сирот был записан Варфоломей Баранников (1803/1804), по одним данным — Петрович, по другим — Яковлевич [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

Но, когда наступило время защищать Камчатку от японских агрессоров в период Русско-японской войны, то наступила очередь уже жителей камчатского Севера, так в Паланской дружине народного ополчения защищали свою землю с оружием в руках жители « …с. Кахтана — Баранников Иннокентий … с. Воямполка — Баранников Трофим … Баранников Петр».

В последнем походе гражданской войны на Северо-Востоке новой страны — Союза Советских Социалистических Республик — наряду с регулярными частями Красной Армии участвовали и камчатские проводники:

«18 марта 1923 года в поход на север пошли: Мухин Андрей Лукьянович, Пенизин Николай Алексеевич, Юшин Иннокентий Иванович, Чертовской А.М., Косыгин Тимон Филатович, Наседкин Николай Гаврилович (Напана), Федотов Николай Стратилатович (Седанка), Наянов Алексей Флорентьевич (Аманино), Баранников

Николай Акимович (Воямполка), Панкарин Николай и Пантелей Лонгинов — из Паланы.

«…Сначала мы шли по маршруту Тигиль – Палана — Лесная. В Лесной была длительная остановка: запаслись продуктами и теплой одеждой, так как ехать нам предстояло через Парапольский дол — Подкагерную — Рекинники. В Лесную был доставлен пакет из Тигиля от Юшина Павла, в котором предписывалось в Лесной подождать отряд красноармейцев.

Дальше мы двигались под командованием Чубарова. Держали связь с кочующими оленеводами, которые выполняли роль разведчиков. Недалеко от хребта Урылгин ими было сообщено, что идет небольшая группа белых в составе семи человек. На вершине перевала мы их окружили, обезоружили и расстреляли. Одного взяли в плен в качестве "языка". Дальше до самого Каменского мы никого не встретили. В Каменском нам сообщили, что в Анадырскую сторону проехал отряд белых численностью в 13 человек под командованием Шевчука. Об этом мы известили командира Зенкова, а сами срочно поехали в деревню Шестаково, чтобы на всякий случай перерезать белым обратную дорогу. На третий день здесь появился белогвардейский разведчик, который нами был захвачен и расстрелян. Через 3 дня Зенков известил, что отряд Шевчука уничтожен, и просил его обождать. Через три дня мы все объединились в Шестаково и назавтра выехали в Гижигу, куда и прибыли в 11 часов. Бочкарева здесь не оказалось — за день раньше он выехал в Наяхан. В Гижиге было 27 офицеров, которые яростно отстреливались, а на призывы сдаться — отвечали усиленным огнем. Лишь в пять часов утра оставшиеся в живых сдались, некоторые офицеры были расстреляны.

Сразу же было проведено собрание местных жителей. В 2 часа красноармейские отряды выехали в Наяхан, который находился в 100 км от Гижиги. По пути встретили двух белогвардейцев, которых ликвидировали. К утру мы были в Наяхане. Бочкарев и Поляков, жившие в отдельном доме, были еще в постелях. После взрыва двух брошенных под окна гранат они сдались. Офицеры, засевшие в здании радиостанции, отстреливались долго. В этом бою были убиты командир Василий Зенков, военком Гаврилов, Николай Стратилатович Федотов и трое ранены. Наши бойцы сумели подползти к станции и забросали ее гранатами. Оставшиеся в живых белые сдались и были нами расстреляны.

Так была окончательно установлена советская власть» [из книги Крамнистой Н.А., Расскажу о своих земляках / Н.А. Крамнистая. — СПб.: Маматов, 2017].

Но и внутриполитическая борьба в СССР в 1930-х годах не прошла бесследно для жителей Крайнего Северо-Востока страны:

Баранников Фома Иннокентьевич.

Родился в 1901 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Кахтана; коряк; малограмотный; б/п; Занимался охотой. Проживал: Тигильский р-н, с. Палана. Арестован 28 июля 1938 г. Приговорен: Корякский окрсуд 26 ноября 1940 г., обв.: по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 6 июня 1990 г. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР .

Баранников Федор Иннокентьевич.

Родился в 1898 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Кахтана; коряк; образование низшее; б/п; был секретарем Кахтанского сельсовета. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Кахтана. Арестован 26 декабря 1942 г. Приговорен: Корякский окрсуд 19 июля 1942 г., обв.: по ст. 58-10 ч.2 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Реабилитирован 8 февраля 1993 г. Реабилитирован заключением помощника Генпрокурора РФ.

Как не могла Советская власть не коснуться и другой — духовной — стороны развития общества.

В Ленинграде был открыт Институт народов Севера (имени Герцена). Среди первых его студентов был и Иван Тимофеевич Баранников, о котором впоследствии писали: «Национальная литература нашего округа началась с творчества известных теперь первых писателей Кецая Кеккетына, Ивана Баранникова, Льва Жукова».

Но случилась Великая Отечественная война.

«В историю Камчатки, как собиратель фольклора и классик корякской литературы, вошел Иван Тимофеевич Баранников (Тымлаткэн). Он родился в 1921 году, а в 1941 году погиб на фронте, защищая Ленинград. Родился в стойбище Пахтыткуваям близ села Анапка в Корякии. В 1931 году пошел в Кичигинскую школу. В 1940 г. направлен в Ленинград, в Институт народов Севера. На первом курсе под влиянием своего преподавателя С.Н. Стебницкого переложил на бумагу бабушкины сказки, которые впоследствии составили книгу "Сказки об Эмэмкуте".

На основе тех фольклорных материалов, которые были собраны первыми писателями, поэтами, композиторами Корякского национального округа, создавались и создаются фольклорные ансамбли. Вот один из них, носящий звание "Народный":

"Ансамбль танца 'Вэем'" создан в 1992 году народным артистом России Валерием Этнеутом. После его смерти с 1997 года руководит им Василий Иванович Баранников. В ансамбле 7 человек, все молодые, студенты учебных заведений п. г. т. Палана. В 2013 году ансамблю присуждено звание "Народный ансамбль"».

БАРМИНЫ

Не знаю, как насчет того, что фамилия происходит от слова «бармы» — парадное оплечье московских князей и царей, иносказательно парадная, богатая одежда.

Вообще-то вятские земли — где эта фамилия была весьма распространенной — когда-то входили во владения Господина Великого Новгорода и были частью древней Республики, независимой от московских князей.

И на Камчатке в период обороны Петропавловского порта 1854 года служил бывший сол-

дат, на Камчатке — матрос с далекой для Дальнего Востока России вятской земли:

Бармин Иван Ермолов сын (1831) — матрос 2-й статьи, из крестьян Вятского уезда Агафоновской волости, в 1854 г. переведен из 13-го линейного батальона в 46-й флотский экипаж, в 1854 г. участвовал в обороне Петропавловского порта, 8–9 мая 1855 г. — в сражении в заливе Де-Кастри на транспорте «Иртыш».

Возможно, где-то здесь его корни.

1710 год, Вятская губерния

«Деревня третья Обросовская

Во дворе Вятского полку салдат Матфей Михайлов сын Бармин 50 лет у него жена Марфа 47 лет у них дочь Матрена 12 лет.

Деревня Барминская

Во дворе Яков Петров сын Бармин 70 лет у него жена Марфа 49 лет у него дети Василей 40 лет Сила 29 лет Василей 13 лет у Василья жена Евдокия 30 лет у них дети Федот 10 лет у Силы жена Фекла Елфимова дочь 25 лет у них сын Семен 6 лет дочь Матрона 7 лет.

Деревня Пестровская

Во дворе Тимофей Сидоров сын Барминых 60 лет у него сын Зиновей 30 лет у него жена Татьяна Андреева дочь 30 лет у них дети Семен 5 лет Дарья 3 лет Агрипена году» [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034, Лл. 311, 383 об., 389 об.].

Но первый из Барминых — торговых людей, которых и выбирали в таможенные целовальники, — вошел в историю златокипящей Мангазеи.

Правда, попал при этом в самый эпицентр борьбы за власть первого и второго воевод Мангазеи.

Бармин поставил не на ту фигуру:

«По приезде в Мангазею 28 августа 1629 г. Палицын отказался “ставиться в городе, где преж стаивали оба воеводы совместно”, и заставил торговых и промышленных людей выстроить ему особый двор на посаде, где и поселился отдельно от Кокорева. Мнительность Палицына еще более усилилась, когда 26 октября, по распоряжению Кокорева, был произведен обыск у таможенного головы Тимошки Бармина, открывший у него незаконно провезенное Палицыным вино. С этого момента начинается со стороны обоих воевод деятельное писание друг на друга доносов по всякому крупному и мелкому поводу».

А вот и результат:

«…Таможенный голова Тимофей Бармин жалуется, что Кокорев, заподозрив его в незаконной торговле вином, велел его, больного, “сволочь с постеленки в одной рубашонке… и знаючи его лютую жесточь, никакое человек за меня не вступался… и учал бить ослопом новым, на земле велел держать четырем человекам, изломал четыре ослопа, руки и ноги обломал (по словам Палицына, ‘персты ручные разорваны до запястий’, и ‘бив его замертво, велел выволочь позорна и убита на смерть’)”. “И лежал я, — продолжает таможенный голова, — по всю зиму только жив, и отец духовный меня поновлял, и ныне брожу, только чуть жив”» [Сергей Бахрушин. Герои своего времени. Койданава. «Кальвіна». 2012].

Не повезло и енисейскому казаку Бармину, задумавшему побег на… реку Лену:

«Отписки енисейское атаману Осипу Галкину: сына боярского Парфена Ходырева о задержании и заключении в тюрьму служилых людей Федора Макарова Уса, Афанасия Лукьянова Бармина и др., бежавших в Ленский острог из отряда Ходырева, отправившегося на сбор ясака».

А в 1718 году сибирский дворянин Афанасий Федотов сын Шестаков производил набор казаков для службы на Чукотке.

«Служивой Афонасья Шестакова набору Тимофей Васильев сын Бармин сказал дватцети шти лет (1694) а стоит на подворье у Жеребца» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.121].

И прослужил он в Якутии до самой своей смерти.

А по переписи 1722/1748 гг. мы находим еще одного Бармина:

«В Охоцком остроге. Разночинцы. …2436 Семен Бармин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 88].

Возможно, это сын Тимофея Васильевича. Возможно, просто однофамилец.

Вопрос у нас другой: откуда родом эти Барминыы.

И мы видим три пути.

Первый мы уже назвали — Вятка.

Из Вятки было два известных нам пути для Барминых (места, где мы обнаруживаем в Сибири эту фамилию).

Первый — Тобольск.

Пашка Бармин, тобольский казак, в 1691 году служил в Удинске [Багрин Е.А. Гарнизон Удинска в 1690-е гг.: формирование и арсенал (с именным списком состава 1691 и 1697 гг.)]. Позже он вернулся в Тобольск.

В Удинске же в этот период служит и тобольский казачий сын Сенка Бармин.

А второй путь лежал в Красноярский острог — здесь в конце XVII века служили два конных казака в женатых окладах — Терешка и Сенка Бармины [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1057. Л. 42].

По переписи 1719/1722 гг. у Терентия была уже большая семья. А вот Сенки не было — как бы не вернулся он в Тобольск.

«Двор отставного конного казака Терентей Бармин. И под апасением смертныя казни сказал: он — шестидесять лет. Сын Андрей — тритцати пяти лет, Яков — тритцати лет, Микифор — дватцати трех лет. У Андрея сын Афонасей — десети лет, Федор — пяти лет, Степан — десети лет» [Перепись города Красноярска и его уезда. 1719–1722, М., 2014].

«Круговорот» фамилий в Сибири завораживает.

Мы подняли «Смотровой Список Сибирскаго Гарнизона Новоучрежденнаго Драгунскаго Полку» за 1753 год.

И обнаружили здесь четырех Барминых одновременно. По двум информации не было. А вот по другим двум — преинтересная: Иван Бармин, Степан Бармин.

«Борис Бармин — 57 л., в 738 г., ис казаков г. Красноярска села Лодейскаго, женат, у него дети Алексей 14 л., Иван 7 лет; по Кузнецкой линии в Катунской крепости.

Борис Бармин — 33 г., с 738 г., из казаков г. Красноярска, холост, в расположении по Кузнецкой линии в Барнаульском заводе» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439. Лл. 38, 79 об., 122, 167].

Могли солдаты Бармины оказаться и на Северо-Востоке.

Впрочем, почему могли — в 1854 году, как мы уже знаем, один из бывших солдат Барминых — матрос 47-го Камчатского флотского экипажа — отражал десант англо-французов, пытавшийся высадить на камчатский берег, захватить Петропавловский порт и уничтожить стоящие в гавани святых апостолов Петра и Павла фрегат «Аврора» и транспорт «Двина».

А в 1855 году в Николаевске-на-Амуре в состав этого экипажа влились новобранцы — среди них два молодых матроса 2-й статьи Прохор и Спиридон Бармины…

БАРХАТОВЫ

В 1761 году в Гижигинской крепости служил казак Прохор Бархатов [РГВИА, Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об.].

Бархатовых в Сибири было немало – практически в каждом городе-крепости был свой или свои Бархатовы.

Как есть и легенда о появлении этой фамилии в Сибири:

«Исследователь Сибири С.В. Максимов пишет, что распространенная в Сибири фамилия Бархатов принадлежит потомкам знаменитого московского ката» [Анисимов Е.В., Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке, М., 1999].

Кат — это палач. «Палаческие обязанности являлись пожизненными и, возможно, потомственными».

Но ни о каких сибирских палачах Бархатовых мы не нашли ни одного упоминания.

Поэтому мы постараемся проследить (по возможности) историю появления Бархатовых в разных сибирских городах, чтобы попытаться определить, откуда прибыл на Северо-Восток России казак Прохор Бархатов.

В биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири» сообщают, что в 1607 году в Верхотурье служил стрелец Федор Бархатов, который был направлен на защиту Туринска от нападения кучумовского царевича Алея.

В 1630 году в том же Верхотурье служили стрелец Феодосий (Федосей) Бархатов (оклад 4 рубля 8 алтын, 5 четей с осьминой ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли. И Иларион (Ларион) Бархатов с окладом 4 рубля 8 алтын, 5 четей с осьминой ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли. Феодосий был женат.

Известно также из этого же словаря, что отец тарского конного казака Бархатова (1668) служил в Верхотурье. Вероятно, это был Василий Верхотуров, который впоследствии был направлен «годовальщиком» из Тары в Енисейск, откуда вернулся в 1672 году.

А в 1655 году в Даурию был отправлен большой сводный отряд казаков, собранных со всех городов-крепостей Западной Сибири, во главе с первым воеводой Даурии Афанасием Пашковым. Известно, что из того похода мало кто вернулся живым.

В составе верхотурской команды был Козьма Бархатов, о котором мы узнаем из челобитной даурских казаков, подписавших коллективную жалобу на протопопа Аввакума:

«Челобитная даурских служилых людей о наказании протопопа Аввакума “за многие непристойные свои речи”, написанные им в “безымянной” “подметной памяти”. Написана она была в 1656 году в Даурии. Подписали ее по требованию воеводы Пашкова почти все казаки:

«Верхотурсково города десятничишка казачьи: Ивашко Корташов, Ивашко Лапин и рядовые казачишка: Васька Божин, Петрушка Григорьев, Игнашка Сусоров, Микитка Евсевьев, Микитка Павлов, Куземка Бархатов, Самылко Володимеров, Ивашко Офонасьев с товарыщи — все дватцать человек» [РГАДА, Сибирск. пр. № 508, лл. 188–193].

Я не знаю, почему авторы биобиблиографического словаря «Служилые люди Сибири» отнесли его к разряду енисейских казаков. Документы говорят о том, что он в течение ряда последующих лет продолжает службу в Даурии.

Г.Б. Красноштанов в своем документальном исследовании о Никифоре Черниговском приводит целый ряд документов, подтверждающих данный факт:

«И ныне по вашему великих государей указу посланы с Москвы в Сибирь, в Даурскую землю, в Нерчинской да в Ыргенской и в Телембинской остроги, даурские служилые люди, пятидесятник казачей Стенька Вятка, рядовые Ивашко Бубенной, Вавилко Фомин, Куземка Бархатов. А с ними послано вашего государева жалованья даурским служилым людем, которые остались в Даурской земле после Офонасья Пашкова, сороку шти человеком, на прошлые годы, на 167 [1658–1659] и на 168 [1659–1660], и на 169 [1660–1661], и на 170 [1661–1662], и на 171 [1662–1663], и на 172 [1663–1664] год денег четыреста шездесят рублев на два года, по пяти рублев человеку на год, да на два ж году суконами анбурскими да сетьми неводными и холстами, и крашенинами».

А вот и более полное изложение этого документа.

«…И ныне по нашему великого государя указу посланы с Москвы в Сибирь, в Даурскую землю, в Нерчинской да в Иргенской и в Теленбинской остроги, Даурские служилые люди, пятидесятник казачей Степан Вятка, рядовые Ивашко Бубенной, Вавилко Фомин, Куземко Бархатов, а с ними послано нашего государева жалованья Даурским служилым людем сороку шести человеком, на прошлые на 167 [1659] и на 168 [1666] и на 169 [1661] и на 170 [1662] и на 171 [1663] и на нынешней на 172 [1664] годы, денег че-

тыреста шестьдесят рублев, на два года, по пяти рублев человеку на год, да на два ж года сукон Анбурских розных цветов да сетей неводных, и холстов и крашенин, в том числе сукон тридцать семь половинок, по цене на четыреста на семь рублев, а сетей и холстов и крашенин на пятьдесят на три рубли; да хлебных запасов купя велено послати из Енисейского на два годы шесть сот девяносто четей, вместо пяти четей с осминою ржи мукою тож число, да вместо четырех четей овса по две чети муки ржаные человеку на год; а на тое хлебную покупку и на судовое дело послано в Енисейской с Москвы нашие государевы денежные казны четыреста шестьдесят рублев, да из Енисейска ж велено послати девяносто два пуда соли, по два пуда человеку; да в Даурскую ж землю послано с Москвы на роздачю иноземцом, ясачным людем, у ясачного сбору три пуда олова в блюдах и в торелех, два пуда одекую. А за тою нашею государевою казною в провожатых и для подъему хлебных запасов, указали мы великий государь к Даурским служилым людем Стенке Вятке с товарыщи в прибавку послати служилых людей, из Томского сорок человек стрелцов и пеших казаков, из Енисейского десять человек, добрых, которым бы плотничное дело и судовой ход были за обычай; и тем служилым людем для Даурской посылки дати им наше государево денежное жалованье на 173 и на 174 год в тех городех, кто из которого города будет послан, из тамошних городцких доходов, а хлеб и соль на теж годы Томским и Енисейским дать в Енисейском остроге по окладом же; а как Томские и Енисейские стрелцы и казаки нашу государеву казну и хлебные и соляные запасы в Даурскую землю привезут, и тех служилых из Даурских острогов велено отпустить в те городы кто из которого города послан, потом наш государев указ в Даурскую землю к Лариону Толбузину послан. — И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и Даурские служилые люди пятидесятник казачей Стенка Вятка с товарыщи нашу государеву казну, денги и хлеб и товары, в Томской привезут: и вы б велели у них тое нашу государеву казну, денги и товары, что с ними послано с Москвы и что они Стенка с товарыщи купят едучи с Москвы в Сибирь дорогою, против сей нашей государевы грамоты пересмотрили на лицо, а пересмотря из Томского отпустили их в Енисейской острог по зимнему пути на нартах, а отпустя Стенку Вятку с товарыщи, велели выбрать в Томском из Томских стрелцов и пеших казаков в Даурскую посылку сорок человек добрых с ружьем, которым бы плотничное дело и судовой ход был за обычей; а будет только выбрать в Томском в Даурскую посылку служилых людей сорок человек, и тем в Томском служилыми людми оскудит, и вы б велели из Томских стрелцов и казаков в Даурскую посылку выбрать сколко пригоже, а к тем в прибавку велели бы вместе выбрать Томского розряду из острогов, которые остроги подошли близко Томского, стрелцов же и казаков, чтоб Томских и Томского розряду острогов служилых людей в Даурскую посылку выбрати сорок человек, опричь Енисейских десяти человек; а выбрав Томских и Томского розряду острогов служилых людей в Даурскую посылку сорок человек, и дати им наше государево денежное жалованье впредь на 173 и на 174 годы, по окладом их сполна, из тамошних Томских денежных доходов, и отпустити их из Томского в Енисейской на нартах после Стенкина отпуску Вятки с товарыщи вскоре, чтоб им дойтить до Енисейского до полой воды, а хлебное и соляное жалованье тем служилым людем на теж годы дано будет в Енисейском остроге; а будет которые Томские служилые люди учнут бити челом нам великому государю, чтоб им нашего государева хлебного и соляного жалованья, для их бедности и Даурские посылки, дати в Томском на полгода или на год, и вы б против их челобитья велели им нашего государева хлебного и соляного жалованья дати в Томском по своему разсмотрению; а кто имяны Томские и Томскаго, розряду острогов служилые люди выбраны, и из Томского в Енисейской отпущены будут, и что им нашего государева жалованья денег и хлеба и соли на которой год дано будет, и вы б о том в Енисейской острог к воеводам Василью Голохвастову и в Даурскую землю к Лариону Толбузину из Томского отписали, и имянные росписи с денежными и с хлебными и с соляными оклады под отписками послали. А которого числа Даурские служилые люди, пятидесятник казачей Стенка Вятка с товарыщи, с нашею государевою денежною казною и с товары в Томской приедут, и сколко человек и кто имяны Томские и Томского розрядов из острогов служилые люди в Даурскую посылку выбраны будут, и что им нашего государева денежного и хлебного и соляного жалованья и на которые годы в Томском дано будет, и которого ж числа Стенку Вятку с товарыщи с нашею государевою казною и после их Томских или Томского розряду острогов служилых людей из Томского в Енисейской отпустите: и вы б о том о всем отписали, и служилым людем имянную роспись с оклады послали к нам великому государю к Москве, а отписку велели подать в Сибирском Приказе, околничему нашему Родиону Матвеевичю Стрешневу, да дьяком нашим Григорью Порошину да Лву Ермолаеву. Писан на Москве, лета 7172 [1664], августа в 25 день. — На подлинной грамоте пишет: дьяк Григорей Порошин; справил подьячей Васка Корнилов» [1663 декабря 30 – 1664 в августе. Акты о посылке в Нерчинский и другие остроги прибавочных служивых людей].

Судя же по следующей информации, Кузьма Бархатов остался служить в Даурии:

«181 [1672], декабря в 13 день, з даурским казаком с Коземкою Бархатовым». «И у выписки даурские казаки, которые приехали из Даур к Москве с отписки, Куземка Бархатов, Шестачко Офонасьев, по допросу сказали: в прошлом во 180 [1672] году, майя в 10 день, посланы они из Даур к великому государю к Москве с отписками».

Это одна даурская история.

А вот и другая:

«Перепись С. В. Шахаева проживающих в Тобольском уезде беглых крестьян Верхотурского уезда 1694/95 года. …Алешка Бархатов с сыном Кондрашкою» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж (Денежный стол). Д. 253. Л. 136 об.].

А вот и главное: «По результатам сыска Шахаева сто семей беглых верхотурских крестьян, всего 626 человек, были в 1697 году сосланы из Тобольска в Нерчинск для поселения там на десятинную пашню (см. ПСЗ, № 1835)».

Но есть и третья даурская история, о которой сообщает Е.А. Багрин:

«Иркутские новоприборные из промышленных и гулящих людей, отправленные в Даурию в конце 1686–1690 гг. …Бархатов Юрка (Юшка)» [Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком)].

Нерчинск, 1708 год

«Рядовые пешие казаки. Оклады денег по пяти рублев, хлеба по шти чети ржи, по полтора пуда соли».

Но «Юрья Бархатов, а за хлебное жалованье служит с пашни» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 44].

Нерчинск, 1721 год

«Нерчинской казачей сын Григорей [Юрьев сын] Бархатов 25 (1694) да зять ево ясачной новокрещеной Марко Кузнецов 45 да у него сын Иван 2» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 44].

Нерчинск, 1744 год

«Деревни Поповой

померло

Григорей Бархатов у него зять Федор Кузнецов» [РГАДА. Ф. 350. Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917].

Ундинская слобода, 1794 год

«Реэстр Ундинской слободы Преображенской церкви священника Григория Попова небывших во исповеди и святаго причастия людей кто сколко лет не был значит ниже сего имянно 1794-го года

В Ундинской слободе Нерчинской мещанин Герасим Андреев Бархатов 5 л. (1789)» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 64. Л. 150].

Вероятно, сирота.

Но даурские казаки служили и в Селенгинске. И здесь мы тоже находим Бархатовых. Но уже в другом сословии:

«1762 г. мая 1 д. уд. пос. Василий Егоров с. Бархатов (18) 33 г.; у него отец Егор Михайлов с[ын] Бархатов (68) ум. в 751 г., бр. Федор (15) отд. в рекр. в 758 г.; у Василья ж. Агафья Мосеева дч. 25 л., вз. …аго разночинца Мосея Васильева с[ын] Малых; у него дети: дочери: Евдокия 5 л., Палагея 3 л.» [Демин Э.В., Древние жители селенгинских весей].

И эта линия обрывается.

Были свои Бархатовы и в Иркутске. Но это были посадские люди — на дочери иркутского посадского Василия Бархотова был женат потомок албазинского атамана Никифора Черниговского Антип.

Вполне вероятным может быть и отправление в далекую Гижигинскую крепость «годовальщиков» из Тобольска, которые могли прийти сюда еще с тобольскими драгунами (а это еще в недавнем тобольские крестьяне), которые были посланы на помощь Дмитрию Павлуцкому во второй половине 1740-х годов.

Вполне возможно, что тобольские Бархатовы, как и тарские Бархатовы, тоже из Верхотурья.

Собственно, мы отмечаем трех Бархатовых в служилой среде Тобольска.

1689 год:

«Стрельцы.

(Л. 403)

Андрюшка Бархатов.

(Л. 404 об.)

Гришка Бархатов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948].

Позже выясняется, что это отец и сын:

Тобольск, 1710

«В Кокуйском переулке

…Жена Андрея Григорьева сына Бархатова» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 526. Л. 298].

А третий, вероятно, сын либо Григория, либо Андрея.

Тобольск, 1704 г.

«Первого полку пешие казаки

Семен Бархатов умре в ево место велено быть племяннику ево … Строкину» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Л. 27 об.].

Возможно, и эта тобольская линия Бархатовых прервалась бы, если бы в Тобольском уезде не проживали крестьяне Бархатовы.

«Исетский острог.

(л. 280)

Деревня Бархатова

(л. 280 об.)

Двор а в нем пашенной крестьянин Степан Гаврилов Бархатов сказал себе от роду 36 лет у него жена Акилина 30 ж лет у них четыре сына Кирило 13 лет Иван 12 лет Федор 5 лет Степан 4 лет две дочери девки Лукерия 9 лет Федосья 7 лет у него отец Гаврило 80 лет жена Парасковья 80 лет.

(л. 281 об.)

Двор а в нем оброшной крестьянин Онтон Иванов Бархатов сказал себе от роду 50 лет у него жена Марина 46 лет у них детей сын Ларион 5 лет две дочери девка Татьяна 7 лет Марья 5 лет Олена 4 лет Евдокия полугоду.

(л. 412)

Двор а в нем пашенной крестьянин Лука Семенов Бархатов сказал себе от роду 60 лет у него жена Лукерия 30 лет у них сын Никита 5 лет дочь Настасья 7 лет у него брат Михайло 30 лет у него жена Елисавет 20 лет у него сын Аврам 7 лет дочь Ефимия 10 лет Федосья 8 лет Ирина 7 лет Евдокия 5 лет Степанида году.

Двор а в нем драгун Никифор Костентинов Бархатовых сказал себе от роду 42 лет у него жена Анна 30 лет у них сын Матвей 2 лет дочь Парасковья полугоду у него брат Матвей 26 лет в салдатех набору столника Ивана Фомича Бибикова у них сестра девка Парасковья 16 (л. 412 об.) лет у него ж в доме кунгурец Трифон Сергиев Лукиных сказал себе от роду 70 лет у него жена Агафия 50 лет у них сын Борис 3 лет четыре дочери девки Устиния 13 лет Настасья 11 лет Евдокия 6 лет Домникия 3 лет».

Но ни одного Прохора…

«Слобода Усть Мияская. Деревни Каргаполовы.

Двор крестьянина Тимофея Бархатова сказался 47 лет, у него жена Агафья 45 лет, дети Миней 17, Иван 10, Андрей 5 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1526. Л. 19 об.].

А далее следует любопытное научное исследование, изложенное в монографии Н.В. Кабаковой «Формирование населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.» [Омск, 2008].

«Сопоставим списки семьи Бархатовых по данным исповедных ведомостей и ревизских сказок за 1795 г. Составители ревизии показывают, что на момент ее проведения в семье Федора Алексеева Бархатова, включавшей его сыновей, племянников, внуков и снох, насчитывалось 42 д.о.п. Наиболее достоверно ситуация в семье Бархатовых отражена в исповедных ведомостях. Здесь названо 6 семей Бархатовых (38 д.о.п.), которые выделились из состава большой неразделенной семьи ее главы Федора Алексеева Бархатова. Это отдельные семьи его сыновей — Петра и Ивана, племянников — Ивана, Василия и Афанасия Бархатовых. Всего в соответствии с данными ревизии среди членов данной семьи насчитывалось 20 д.м.п. и 22 д.ж.п., а по церковным источникам — 20 д.м.п. и 20 д.ж.п.».

Д.о.п. — это «душ обоего пола».

Д.м.п — «душ мужского пола».

Д.ж.п. — соответственно, «душ женского пола».

Нас, естественно, интересуют 20 д.м.п.:

«Семья Федора Алексеева Бархатова к 1812 году разделилась на две семьи во главе с его внуками, Семеном Антоновым и Иваном Васильевым. К 1834 году из этих двух семей выделилось еще семь».

Но это все уже происходило позже службы казака Прохора Бархатова в Гижигинской крепости в 1761 году.

И осталось у нас еще два варианта.

Начнем с того, по которому у нас нет положительного ответа, — мы не имеем пока фактов того, чтобы кузнецкие казаки привлекались для годовалой службы на Северо-Востоке России. Возможно, они и служили на охотском побережье, но пока мы об этом ничего не знаем.

Но на всякий случай сообщаем о кузнецких Бархатовых.

«Список 1758 г. доводил до сведения, что в Кузнецкой канцелярии трудились [братья]:

…8) копиист Василий Бархатов, 26 лет;

9) копиист Афанасий Бархатов, 21 года, в ведомости 1761 г. указано их происхождение “из подьяческих детей”;

…В 1761 г. о Василии Бархатове сообщалось: “Ныне в канцелярии Колывано-Воскресенского горного началства; во оную… взят… при сыне боярском для переписи необрочных статей, где остался за болезнью и о высылке ево для ведомостей и репортов в Малышеву слободу к соляным целовальникам и ко определенных у вина выборных во упомянутую канцелярию представлено, но толко на то еще указу не получено”. В апреле 1761 г. такой указ был получен — в итоге, по указу и по определению Колывано-Воскресенской канцелярии горного начальства и по рапорту из Кузнецкой воеводской канцелярии “об отсылке в Малышевскую слободу к выборным к целовалникам для записи прихода и росхода подьяческого сына Василья Бархатова велено копеиста Бархатова… для изображенной в репорте надобности отослать”» [РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 419. Л. 39].

И остается у нас последний вариант — красноярские казаки. На примере казаков Потылицыных мы знаем, что красноярцы служили на Северо-Востоке России. Кстати, красноярские казаки участвовали вместе с якутскими казаками во многих походах по открытию новых земель.

А вот и первый из Бархатовых:

Красноярск, 1657 год:

«Пешие

По 5 рублев рядовые служилые люди.

Стенка Исаев Бархатов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 672. Л. 77].

Красноярск, 1671 год:

«Конная сотня

Стенька Исаев с. Бархатов ж-т в том же селе Ясаулове, а у него с. Ивашко 14 л. (1657)»

Красноярск, 1677 год:

«Пешие холостые, с хлебным жалованьем.

Ивашко [Степанов сын] Бархатов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 643. Л. 43].

Красноярск, 1683 год:

«Ивашко Бархатов сказал, отец ево Степан Бархатов служил по Красноярскому в конной службе 30 лет. А Ивашко служит в Красноярском в отцове окладе четвертой год» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 734].

Красноярск, 1719/1722 гг.:

«Двор пешего казака Ивана [Степанова сына] Бархатова. И под опасением смертныя казни сказал, что он, Иван, — штидесять лет (~1660). У него детей: Алексей — тритцати лет, Матвей— дватцати лет».

Двор пешего казака Ивана [Иванова сына] Бархатова. И под опасением смертныя казни сказал, что он, Иван, — тритцати одного году (~1690). У него ж детей: Иван — шти лет, Семен — трех лет» [Перепись города Красноярска и его уезда. 1719–1722. Подготовил и издал И.А. Сиротинин, М., 2014].

А вот и доказательство, что этот казачий род не пресекся:

«*Бархатов Анатолий Максимович* родился 20 апреля 1945 года в селе Бархатово [родовое гнездо красноярских казаков Бархатовых], Березовского района Красноярского края. В 1960 году окончил Бархатовскую семилетнюю школу; в 1962 году — ремесленное училище № 3 города Красноярска, в 1970 году — полный курс школы рабочей молодежи № 9 города Красноярска, в 1973 году — Красноярский вечерний машиностроительный техникум, по специальности "Сельхозмашины".

С 1964 по 1967 год проходил службу в рядах Советской Армии, служил в Забайкальском военном округе.

После окончания учебы в училище был принят в метизный цех завода комбайнов города Красноярска. С 1962 по 1964 год работал слесарем-инструментальщиком, наладчиком. С 1967 года — наладчиком, автоматчиком-пружинщиком. В 2001 году вышел на пенсию. В 2007 году окончил свою трудовую деятельность.

Награжден медалью "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина" (1970 год), орденом Трудового Красного Знамени (1974 год), орденом Ленина (1981 год), знаком "Отличник социалистического соревнования МТЕХМ", золотой медалью "Серп и Молот" (1991 год), почетным знаком "Ветеран автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения" (2001 год).

Ударник девятой пятилетки (1975 год), ударник десятой пятилетки (1979 год), ударник одиннадцатой пятилетки (1983 год). Четырежды становился победителем социалистического соревнования. Заслуженный машиностроитель РСФСР. Лауреат заводской премии (1981 год), Ветеран труда (1981 год). Лауреат Государственной премии СССР (1986 год). Герой Социалистического Труда (1991 год).

Женат, имеет сына и внука».

Но Прохора нам не удалось обнаружить и по красноярской линии.

Так что поиски не окончены…

БАСОВЫ

Крупнейшая историческая фигура — Емельян Софронович Басов, заложивший первый «камень» в фундамент промыслового освоения Русской Америки.

Именно его пример воодушевил самых азартных людей России отправиться на тихоокеанское побережье России и пересечь Великий, но отнюдь не Тихий океан, чтобы достичь берегов «золоторунной» Америки.

Сама же судьба Емельяна Софроновича была и счастливой, и трагичной.

Но все по порядку.

Сегодня мы знаем, что его отец уроженец Тобольского уезда:

«Липовские слободы деревня Яркова на реке Тоболе.

Живут оброчные крестьяне.

Во дворе Софронко Давыдов сын Басов.

Сказал: родился де он в той же деревне Яркове.

У него сын Ганка полугоду. У него ж брат Игнашка 20 лет да двоюродные братья: Сенка 16 лет, Федотко 14 лет, Ларка 12 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 230 об.].

Это данные за 1680 год, и мы можем восстановить годы рождения наших героев:

Игнатий Давыдов сын — 1660.

Двоюродные братья — Сенка (1664), Федотко (1666), Ларка (1668).

По материалам переписи 1710 года мы находим в той же деревне Ярковой одного из братьев:

«Деревня Яркова

Во дворе оброчной крестьянин Ларион Васильев сын Басов сказал себе от роду 45 лет у него жена Офимья 35 лет у него дети сыновья Федор 10 лет Яков 7 лет Иван 5 лет дочери Парасковья 12 лет Стефанида 3 лет а сверх того он Ларион у себя никого не сказал Ларион об утайки дворов и людей Великого государя Указ под опасением смертныя казни слышал по его велению Нефед Попов руку приложил» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1320].

То есть третьего из Давыдовых сыновей звали Василием.

А вот и сведения о других из братьев и их потомков по переписи 1710 года:

«Деревня Искинская верхней мельницы

Во дворе оброчной крестьянин Игнатей Давыдов сын Басов сказал себе 56 лет у него жена Настасья 50 лет дети у него сыновья Иван 22 лет записан в салдаты у него жена Марина 20 лет Семен 19 лет у него жена Матрена 16 лет Петр 12 лет дочери девицы Стефанида 10 лет Маремьяна 5 лет Овдотья 3 лет Наталья 9 недель да внук Иванов сын Ондрей году да наподворье живет да зять у него новоприборной салдат Лаврентей Терентьев сын у него жена Татьяна 20 лет у него дети сын Стефан пол году Марина дочь 2 лет а (л. 370) сверх того он Игнатей у себя никого не сказал Игнатей об утайки дворов и людей Великого государя Указ под опасением смертныя казни слышал по его велению Нефед Попов руку приложил.

Деревня Искинская верхней мельницы:

Во дворе оброчной крестьянин Софрон Давыдов сын Басов сказал себе от роду шестьдесят пять лет у него жена Катерина 40 лет дети сыновья Омельян 20 лет записан в салдаты у него жена Орина 17 лет Василей 10 лет Василей же 7 лет Сидор 3 лет дочери Парасковья 8 лет Наталья 5 лет а сверх того он Софрон у себя никого не сказал Софрон об утайки дворов и людей Великого государя Указ под опасением смертныя казни слышал по его велению Нефед Попов руку приложил» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1320. Л. 370–370 об.].

По данным за 1704 год мы встречаем казака второго пешего полка Семена Басова. Если это Васильев сын — значит, из двоюродных братьев Софрона Давыдовича. Но вопрос пока открытый.

А вот по Семеновым детям информация следующая — в конце 17-го столетия они перебираются в Тарский уезд, на юг:

«В Татмыцкой Шипицыне слободе жители

Вновь приверстаны во крестьяне из беломесных казаков и пушкарь, и затинщик Иваш-

ко Семенов сын Басов сказался, родом де он, Ивашко, Тобольского уезду Нижной Ницынской слободы крестьянской сын, платил отец ево денежного оброку по рублю в год и умре, а он, Ивашко, на Тару пришел в 200-м году, а в беломесных казаках служит з 206-го году. У него дети Якушко дву лет, Ганька полугоду. Скота лошадь да корова. А пашни у него паханые, десятина в поле, а в дву по тому ж. Сенных покосов на пятьдесят копен. И по указу великого Государя наложено на него, Ивашка з детьми, вновь великого Государя десятинной пашни четь десятины в поле, а в дву по тому ж.

Егорко Семенов сын Басов. Басов сказался, родом де он, Егорко, Тобольского уезду Нижной Ницынской слободы крестьянской сын, платил отец ево денежного оброку по рублю в год и умре, а он, Егорко, на Тару пришел в 200-м году. У него сын Андрюшка пяти лет. Племянник Микитка Петров шеснатцати лет. Скота лошадь да корова. А пашни у него паханые, десятина в поле, а в дву по тому ж. Сенных покосов на пятьдесят копен. И по указу великого Государя наложено на него, Егорка с сыном, вновь великого Государя десятинной пашни четь десятины в поле, а в дву по тому ж» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1182, Л. 260 об. – 261].

Но далее других из родственников Басовых пошел сын Федота.

В книге А.В. Дмитриева «Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.)» [Новосибирск, 2018] мы находим две интересующие нас информации: «Поручики Ф. Попов и В. Басов появились в составе [Якутского пехотного] полка в мае 1736 г.»; «В. Басов и вовсе был сыном тобольского крестьянина».

А в церковных книгах Нерчинска за 1741 год находим запись: «Часть третия умирающих … В Марте … 12-го Якуцкого полку седмой роты поручик Василей Федотов сын Басов — 40 лет».

Мы видим, какая «россыпь» потомков Давыда Басова ожидает раскрытия своей родовой истории, чтобы встать в один родовой ряд с человеком, который открыл россиянам путь в Русскую Америку.

Итак, Емельян Софронович Басов.

Судя по информации за 1710 год, Емельян (Омельян) Софронов сын Басов «20 лет записан в салдаты», то есть год его рождения — 1690. Он был уже женат на семнадцатилетней Орине (Арине).

И, судя по нижеприведенному документу, он и в 1736 году был солдатом, а не казаком, как принято считать. Кстати, этот документ рассказывает о непростых (мягко скажем) отношениях начальника Охотского порта ссыльного Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева с одним из руководителей Второй Камчатской экспедиции Мартыном Петровичем Шпанбергом.

«Рапорт Наумова Шпанбергу с объяснениями, что Скорняков-Писарев возвел на него поклеп; найденный у него табак содержался законно, а ясашные книги и черновик документа попали к нему случайно (6 сентября 1736 г.)

В Охоцку ко управлению Камчатской экспедиции высокоблагородному господину от флота капитану Мартыну Петровичю Шпанберху Сего сентября 4 числа 1736-го году в данном мне от Вашего высокоблагородия ордере написано: понеже де в сообщенной копии с ынструкции, оставленой за рукою Григорья Писарева, показано, чтоб меня к делам Ея Императорского Величества писменным и ни х каким яко вора отнюд[ь] не допускат[ь], будто я явился в краже конфискованного табаку и в привозном ко мне из Якуцка табаке ж, да будто ж в краже ис канцелярии Охоцкого порта писменных дел, которые де при описи в пожитках моих выняты, и в протчих будто подозрениях.

А по справке де от дел Охоцкого порта показано, что в пожитках моих явилось табаку китайского фунтов с восем[ь], одна руля табаку ж галандского витого весом фунтов в сем[ь], да листового черкаского табаку ж в четверть фунта. В суме, в которой были бобры, явилос[ь] заверчано в холщевых чюлках зборные с Курилских островов книги, а имянно первая збору 1733-го году за рукою зборщика Андрея Шергина, вторая збору 1734-го году за рукою служивого Колодезникова, третия збору 1735-го года за рукою маеора Павлуцкого, четвертая того ж году збору Федора Асламова за рукою камчацкого командира Добрынского сына ево Сергея. Да в моих же де пожитках явился указ, писанной вчерне рукою Писарева, каков дан посланному за колодником Арзамасовым ефрейтуру Басову. И на вышеписанное учиня б мне писменное ответствие, подат[ь] Вашему высокоблагородию немедлено: китайской и галанской и листовой табак где я взял, и помянутые зборные ясашные книги, также и черной Писарева руки указ ис канцелярии ево, Писарева, каким вымыслом вынес и в пожитках своих будто удержал чего ради?

…В Охоцку, сентября 6-го дня 1736 году. Федот Наумов» [РГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 19, л. 42].

Казаком же был брат Емельяна Софроновича Василий – точнее, один из братьев Василиев. Их было в семье, согласно переписи 1710 года, двое.

«…а того де 743 году в поход в морской вояж по требованию ево (Емельяна Софроновича Басова, руководителя первой морской промысловой экспедиции. — *С.В.*) отданы были бывшими до того камчатскими командирами Петром Борисовым, Михайлом Поповым знающей по компасу служилой Евтифей Санников, да плотничной работе служилой де Алексей Воробьев, да большерецкие казачьи дети: Петр Верхотуров, Лука Насеткин. И означенные де служилые и казачьи дети в том морском вояже малое искусство познавали, которыя де от него взяты обратно бывшим управителем охоцким капралом Кирилом Уваровским, а ему де надлежало тогда ко отправлению паки в морской вояж оных в команде иметь да сверх оных потреб-

ны брат ево казак Василей Басов для определения к присмотру порядочных вещей да казак же Гаврила Чюдинов для купарной работы...» [АВПР, фонд РАК, д. 8].

Это из рапорта Большерецкой канцелярии — и здесь не могли ошибиться.

Но до 1743 — исторического — года прошло с 1710 года достаточно много времени, чтобы о нем тоже рассказать.

Вот что, например, сообщает А.И. Алексеев о Басове в книге «Колумбы росские» [Магадан, 1966], ссылаясь на архив Русского Географического общества:

«Известно, что в службу он вступил в 1726 году, когда был записан в казаки, в партию казачьего головы А.Ф. Шестакова, ходившего к чукчам. Намереваясь организовать исследование Охотско-Чукотского края и Камчатки, Шестаков из Якутска отправил вниз по Лене судно "Эверс" к морю "для проведывания пути в Камчатку", тот самый "Эверс", на котором пытал счастье неугомонный монах Игнатий Козыревский. Вот с ним-то судьба и свела Емельяна Басова.

После того как судно во время плавания было разбито, пришлось построить три шитика и продолжать путь на них. До моря не дошли и плыть дальше не решились. "Остановившись, не доходя устьев Лены, при урочище Быков мыс, они проведывали оттуда, — передает А. Полонский, — куда возможно впредь большими морскими судами иметь плавание" [Архив Всесоюзного Географического общества, раз. 60, оп. 1, д., 2].

Басов возвратился в Якутск и был назначен в 1733 году в строящийся Охотский порт, где первым командиром был сподвижник Петра I Г. Г. Скорняков-Писарев, сосланный в Сибирь за ссоры с всесильным Меншиковым. При Скорнякове-Писареве "Басов находился постоянно, пять лет, для разных поручений и произведен им в сержанты"» [Архив Всесоюзного Географического общества, раз. 60, оп. 1, д. 2, л. 2].

И уж коли Александр Иванович ссылается на Александра Полонского, как и многие другие историки, то и мы дадим ему первое слово, тем более что полностью рукопись А. Полонского до недавнего времени не была опубликована:

«На поприще промысловых предприятий в Восточном море первый выступает сержант Охотской казачьей команды Емельян Софронов БАСОВ, неграмотный, а только подписывающий свой чин, имя и прозвание. — Крестьянский сын деревни Ярковой Тобольского уезда в 1726 г. БАСОВ написан в казаки в партию головы Аф. ШЕСТАКОВА для усмирения чукчей и с прочими товарищами отправлен им из Тобольска в Якутск. Оттуда, в числе 30 чел., он послан был головою на судне "Эверсе" вниз по р. Лене к морю для проведения пути в Камчатку. В р. Сиктоке судно это разбило несшимся льдом; вместо его казаки построили здесь три шитика и, разделившись на каждый по 10 чел., поплыли на них по морю. Остановившись, недоходя устьев Лены, при урочище Быков мыс, они проведывали оттуда — куда возможно впредь большими морскими судами иметь плавание. Через два года по указу Якутской воеводской канцелярии казаки возвращены в Якутск на службу, а в 1733 г. поступили в команду начальника вновь устроеннаго Охотского порта Скорнякова-Писарева, при котором Басов находился постоянно лет пять, для разных поручений и произведен им в сержанты. Отправленный им вкруг моря на Камчатку с указами к подполковнику Мерлину, находившемуся в Нижекамчатске на следствии, Басов назначен там ясачным сборщиком на место умершаго И. Шестакова и следующим летом возвратился в Охотск с ясаками. Здесь он опять поступил к Скорнякову для посылок и в 1738 г. отправлен им в Якутск для принятия и наблюдения за сплавом в Охотск провианта и разных припасов. По окончании этой операции Басов получил в Якутске от Скорнякова инструкцию отправиться в Москву с дорогими соболями и лисицами в Сибирский приказ и это поручение доставило возможность обратить в свою пользу производство бобровых промыслов на соседних Камчатке островах и совершать последовавшия для того предприятия.

В Москве живший в Сибирском приказе Басов просил приказ о дозволении ему с товарищами Якутскими служилыми Суховым и Хабаровым ходить на Курильские и прочие незнаемые острова для привода в подданство живущих там, снабдив его пособием и инструкциею от Охотской канцелярии и 5 февр. 1739 г. Сибирский приказ определил послать Басова с товарищами по изъявленному им желанию. Получив указ, Басов отправился из Москвы и в Иркутске принял для подарков неясачным 20 медных котлов, 3 половинки сукна, 2 тюня китайки и 2 пуда шары (китайский табак), бисер, корольки, иглы и для обережи 15-ть ружей и 1 п. пороху.

Басов, рассчитывавший совершить предприятие на казенный счет, предъявил в Охотске разныя требования, но Охотская канцелярия, основываясь на том, что с курильцев и карагинцев ясак уже собирается, приостановила и даже хотела вовсе прекратить посылку Басова потому более, что затруднялась назначением в поход с ним казаков, которых и там и в Камчатке было недостаточно для прямой их службы при большом их расходе по снаряжению в то время второй Камчатской экспедиции. Басов, не желавший оставить втупе данное ему Сибирским приказом дозволение, вынужден выл обязаться подпискою построить морския суда для похода и завести принадлежащие к тому материалы и прочее на собственный капитал, да и вообще весь поход совершить на свой счет. На таких только условиях Охотский командир Девиер согласился отпустить его в Камчатку для совершения оттуда похода и дал ему 11-го Июля 1741 г. инструкцию.

1-е. Построить в Камчатке по обязательству два надежныя и безопасныя суда, которыя были бы способны к ходу на острова и между островами, морем, под парусами и греблею;

2-е. От Большерецкой канцелярии взять за плату, на время строения судов, кузнеца и двух плотников и для похода толмача, компас и байдары;

3-е. Брать с собою промышленных и вольных людей кто пожелает;

4-е. До похода самому неотлучаться с Камчатки, а подарочные вещи сдать для хранения Камчатскому командиру;

5-е. Сухов и Хабаров отправлены будут в Камчатку по прибытии их из Якутска;

6-е. Во время похода склонять живущих на островах в ясак ласкою ясаки записывать в книгу, а князькам и лучшим мужикам давать подарки;

7-е. Беречься неприятельских нападений от островитян и 8-е по окончании похода, суда со всем такелажем поручить Камчатскому командиру, а самим всем троим, идти в Охотск на казенном судне для представления шнуровных книг, остаточной казны и рапорта о походе.

Осенью 1741 г. Басов прибыл в Камчатку на казенном галиоте "Охотск" конвоиром важных арестантов (Александр Долгорукий) и зиму прожил в Большерецке, придумывая способ и средства дать движение предположенному предприятию. Обязавшись совершить поход для призыва неясачных в подданство, на собственный капитал, которого у него небыло, он невыдумал ничего лучше, как отправиться, взяв с собою брата своего Василия, на Курильские и прочие незнаемые острова, на казенной байдаре, посланной из Большерецка с сержантом Астафьевым на 1-й Курильский остров за сбором ясака. Басов имел намерение, по приходе на 1-й остров, взять у здешних курильцов байдару и на ней следовать на 5-й остров и далее для выполнения взятого им на себя обязательства, по большей в это время здесь с своего эскадрою начальник Курильского отдела Камчатской экспедиции, капитан Шпанберг, запретил Басову ехать дальше и курильцам невелел давать ему байдару. Таким образом Басов, после шестинедельного отсутствия, воротился в Большерецк ни с чем с тем же Астафьевым, а когда установился зимний путь поехал отсюда в Нижекамчатск приискивать там вольножелающих в товарищи для снаряжения промыслового судна».

Обратим внимание на то, с каким упрямством, несмотря на сопротивление власть имущих в лице всесильного охотского «сатрапа» Шпанберга, стремится Басов к некогда поставленной цели поиска и открытия новых земель.

И вот, наконец, это случилось.

«"Петр". (1743–1744) компании Басова

Компанию составляли, или были главными хозяевами судна: служилые — Ем. Басов, Евтихий Санников, промышленные Попов, Холшевников, посадские — Паншин, Данило Соснин (кроме хозяев на шитике отправлялись в море: служилые Алексей Воробьев, Д. Наквасин, Бекирев, В. Басов, казачий сын Верхотуров с товарищем, 3 работника Холшевникова и промышленный Ефремов), которые постановили: 250 р. следующие за постройку судна, 50 р. за оковку его и деньги, причитающиеся за разные материалы по вооружению судна, по 70 р. с каждого участника, или пая, заплатить по возвращении из вояжа, а промысла делить поровну на 20 паев.

На общий счет с явившимися участниками, Басов подрядил Нижнекамчатскаго служилого Петра Колокольникова построить судно-шитик с гребями и парусами длинною по килю от корга до корга, в сажень шириною, внутри, 7 аршин и вышиною, внутри же 3 аршина, с условием — деньги за строение получить по возврате из вояжа. В течение зимы 1742–43, Колокольников построил на р. Еловке судно и по вскрытии рек привел его в Нижекамчатск. Приняв шитик, Басов наименовал его "Петр" и немедленно приступил к изготовлению его в поход, причем употреблено им 25 п. смолы, 10 п. железа на скрепление, 50 п. крапивы на конопать и 300 арш. холста на паруса — фок и брифок; два якоря по 6 пуд. каждый, от разбитой японской бусы, взяты в казне, а два компаса куплены за 150 р. у пробирнаго мастера Гардеболя. Мореходом по компасам, смотря по ветру, указательство чинить избран служилый Евтихий Санников, а для указания пути к островам, замеченным во время похода Беринга на восток от Камчатки и богатств бобрами взяты два казачьи сыновья (Петр Верхотуров и Лука Наседкин. — *С.В.*), возвратившиеся в 1742 г. с Берингова острова на гукоре "Петр" в числе команды потерпевшего там крушение пакетбота "Петр".

1743 г. Авг. 1-го Басов вышел на шитеке из р. Камчатки в числе 20 чел. (кроме хозяев на шитике отправлялись в море: служилые Алексей Воробьев, Д. Наквасин, Бекирев, В. Басов, казачий сын Верхотуров с товарищем, 3 работника Холшевникова и промышленный Ефремов) в вояж по океану для изыскания незнаемых земель и прочаго порученнаго ему дела. На пятыя сутки, в тихую погоду, подошли к одному острову и стали на якорь; но в следующую ночь канат лопнул и шитик выбросило на берег к счастию однакож не разбило. Верхотуров опознал, что это тот остров, на котором разбился в 1741 г. пакетбот Беринга. По недостатку леса на покати небыло возможности стянуть шитик на воду, а потому остались здесь зимовать и занимались промыслами: выходившаго во время великой погоды из моря зверя били палками, а на песцов ставили пасти и случалось достать в день бобров 50, а песцов 100 и более. Питались котами, сивучами, бобрами и морскими коровами; последних было множество, но промышлять нечем в море, а на берег не выходили. Что бы и впредь не было нужды в пропитании, мясо морских зверей солили и вялили.

С Берингова острова видны были: под ветром обеденником вер. 70 другой остров (Медный), а под полуночником, временно великая и высокая земля и когда дул от нея ветер, оттуда приносило рубленный лес, еловый и сосновый, ру-

коделия и резанных морских коров, но нельзя признать чем резаны.

Зиму и весну команда собирала по берегу наносной лес для спуска шитика на воду и 6 июля 1744 г. стянули его с земли хотя и с нуждою ибо японские якоря весьма плохи, да и снасти невыдерживали. Басов непосмел идти на видимыя им земли, асигновать, что имеется на них какия вещи или люди, — дабы за плохостию снастей и якорей безвременно непогибнуть и ради только снастей и якорей и по недостатку всяких припасов к морскому пути, должен был возвратиться в Камчатку. 13 Авг. подошли к устью Камчатки и за противным ветром стали на якорь, но канат опять лопнул и шитик выбросило на берег.

Упромышлено на Беринговом острове морских бобров 1,200 и голубых писцов 4,000. 50 бобров приложено в церковь Св. Николая в Нижнекамчатске (Прикладные, по обещанию, 50 бобров, отданы с общаго согласия старостою Расторгуевым тотемцу П.С. Попову в тысячу руб. с тем, чтобы он доставил к той церкви: 7 колоколов, ризу, 2 кадила, серебряное и медное, 4 медных вызол. лампады, воску белаго 10 п., краснаго 6(?) п. муки пшеничной. В 1746 церковныя потребности привезены тотемцем П. Козариновым и сданы архимандриту)».

ИЗ СПРАВКИ…

«1746 г. не ранее сентября 13. – Из справки Большерецкой канцелярии о плаваниях сержанта Е.С. Басова на шитике “Св. Петр” на Командорские острова в 1743–1746 гг. и открытии острова Медный

По справке ж в Большерецкой канцелярии оказалось.

Прошлого 1745 году генваря 11 дня команды Охоцкого порта сержант Емельян Басов доношением Большерецкой канцелярии объявил.

По данной де ему инструкции от канцелярии Охоцкаго порта повелено иттить в морской вояж на Курильския дальныя и Карагинския и протчия морския острова для приводу под высокосамодержавную ея и.в. руку в ясак со всякою ласкою и приветом. И прошедшаго де 743 году августа с 1 числа вступил он из устья Камчатки реки в морской вояж и, прибыв обратно на Камчатку, и что им взыскано и чего ради обратно на Камчатку возвратился, о том де в канцелярию Охоцкого порта со обстоятством от него репортовано. А во время де того мореплавания усмотрел он два острова, только до них не касался за опасностию яко еще на незнаемыя, а особливо за скудностию снастей, якорей, для чего де и возврат учинил. А по особливо де прикладному к нему ис канцелярии Охоцкого порта ея и.в. указу велено ему с прежнею командою впредбудущее тогда лето паки итти в морской вояж и те два острова освидетельствовать: имеются ли там живущия какия люди или какия признаки, и описать обстоятельно с крайним радением. А того де 743 году к походу в морской вояж по требованию ево отданы были бывшими до того камчатскими командирами Петром Борисовым, Михайлом Поповым знающей по компасу служилой Евтифей Санников да плотничной работе служилой де Алексей Воробьев, да большерецкие казачьи дети: Петр Верхотуров, Лука Насеткин. И означенные де служилые и казачьи дети в том морском вояже малое искуство познавали, которыя де от него взяты обратно бывшим управителем охоцким капралом Кирилом Уваровским, а ему де надлежало тогда ко отправлению паки в морской вояж оных в команде иметь да сверх де оных потребны брат ево казак Василей Басов для определения к присмотру порядочных вещей да казак же Гаврила Чюдинов для купарной работы, также железа 10 пуд, кузнеца к железной ковке, две пушки небольших, которыя де имелись в Верхнем остроге. И просил, чтоб для отправления ево в морской вояж преждеопределенных казаков Санникова и казачьих детей Верхотурова и Воробьева, и Насеткина по-прежнему в команду ево, притом и двух казаков, Басова и Чюдинова, ему отдать, дабы де за неотдачею не было во отправлении ево остановки» [АВПР, ф. РАК, д. 8, л. 112 об].

«“Петр”. (1745–1746) к-нии Басова

Исправив шитик и запасти новые якоря и снасти, Басов отправился во второй вояж с прежним, кроме Воробьева и Ефремова и набранными вновь товарищами: Е. Басов, Е. Санников, 6 казаков, 2 монастырских — Попов и Фролов, посадские — Холшевников, Паншин, Копырин, Никитин, Тюзнев, Д. Соснин, В. Обухов, Батожков, Расторгуев, промышленных 6 и камчадалов 7, всего 32 человека. Целию вояжа было опознание виденных Басовым в первое плавание земель.

Басов, по выходе 16 июля из р. Камчатки 30 прибыл ко второму острову (Медный) и на нем в верхнем конце к изголовью крест поставил. Как кругом того острова гавани обыскать не могли, а провизии было мало, то через два дня отошли от него на шолоник; ветрами пошло неведомо целый месяц, а когда потом стихло, подошли 6 авг. к острову, на котором прежде зимовали и следуя шитиком вдоль острова, в трети его от западного края обыскали постоянную гавань; там судно ввели в речку, а на берегу построили юрту. Басов с командою освидетельствовал обширность острова, который явился в длину до 200 и более верст, ширины неравномерно, как на 25, а инде и на 5 верст. Ноября 8-го казак Расторгуев нашел озеро, шириною 5 верст, из котораго текут в разныя стороны малыя речки и в них рыбы, гольцов, лийка, красной и кизючи [кижуча], весьма довольно. На острове лес, рябина и таловый, многое число, да нерослый; травы сладкой, морошки, шикши, сараны много; а вокруг острова бобры, коты, сивучи, нерп довольно, а морских коров множество; если их промышлять то уповательно, хотябы и множество народа, прокормить можно.

Посланные Басовым для осмотра местности нашли пристань потерпевших крушение на

пакетботе Беринга. На берегу лежало судовое днище, а вблизи его анбар, построенный из боковых досок разбившагося судна, покрытый парусами и в нем судовые припасы. По переписи Басовым (реестр в несколько страниц) оказалось много казенных вещей, которые имелись по близости морского берега и в магазине без покрытия, а многия вещи, разбросанныя на расстоянии версты от магазина до пристани, валялись на земле. Басов собрал отчасти вещи в одно место; построить магазин было не из чего, а взять вещи на свое судно от несмел без указа.

В зимовку занимались промыслом бобров, котиков, писцов, а питались мясом морских коров, которых удачно ловили крюком из взятаго в магазине казенного лома, а также питались рыбою, куропатками и другими птицами.

В 1746 Мая 26 отбыли из гавани в вояж для изыскания незнаемых островов, которые знаменовались с того острова под полуночником. Шли сутки, а потом поворотив между полуночником и востоком, четверо суток, но от туда принуждены были возротиться за превеликим туманом. По причине неблагоприятных погод, а еще более потому, что карты и счисления познать невозможно, ибо знающего человека небыло; да к томуж и данный из Нижекамчатска за штурмана Санников в морском вояже вовсе ненадежен, они блуждали по морю более месяца и терпя крайний недостаток в провизии и воде, желали попасть в Камчатку; но к удивлению, когда стихло, они увидели, 7 июля, тот остров, на котором ранее крест поставили и с радостию пристали к нему. Остров, по определению Басова длиною до 100, шириною 5,2 и 1 верста; на нем имеется озеро малое, из котораго течет небольшая речка и в ней бывает рыба, но недовольно, а кругом острова в море всякий зверь, как и на первом. Оставались здесь, для производства промыслов, по 25 июля, а стояли, по неимению гавани, на якоре. В короткое это время добыто 900 бобров, 2,000 котиков и оставили опасное место потому только, что судно, по малому его размеру, небыло возможности поместить более груза.

С острова Меднаго шитик благополучно прибыл 31 июля в р. Камчатку и Басов предъявил промыслов: бобров, маток и кошлоков 1,670, хвостов 1,600, котиков 2,200 и песцов голубых 2,240, которые разделены на 33 пая, из которых один приложен в Никольскую церковь.

По Берху [Хронологическая история открытия Алеутских островов] промысла стоили 112,220 р.

Из доставшихся Басову на два пая бобров, 100 он продал за 1,500 купцу р. А. Шелихову.

С этого похода началась разладица в компании. Басов жаловался, что во время вояжа 1746 г., до прибытия на Медный остров, подходили ко многим островам, но мореход по согласию с промышленными, нарочно отворачивал в море, необъявляя об них Басову чтобы за потерею времени на исследование их, нелишиться верных выгод от добычи зверей на Беринговом. Промышленные жаловались на Басова в произвольном распоряжении добычею. Компанионы недовольные Басовым по возвращении на Камчатку, отказались от участия в его компании и продали свои паи в шитик “Петр”, по 70 р. каждый, предпочитая сообщиться с другими, имевшими разрешение строить суда и идти на них на промысла. Причем они грозили Басову в отмщение за прежния обиды, притеснения и обманы, изгнанием его с островов, где только его застанут. Санников так же оставил Басова. Два пая его перешли Селенгинскому купцу Андреану Толстых но Басов и товарищ его московский купец Андрей Шелихов неприняли рабочих от Толстых и сами завладели его паями».

РАПОРТ ЕМЕЛЬЯНА БАСОВА

«Прошлого 744 году сентября 28 дня по силе присланного к нему ея и.в. ис канцелярии Охоцкого порта указу и данной ему инструкцыи отправлен он в морской вояж в 745-м году июля 16 дня от Большерецкой канцелярии на острова для взыскания островов и незнаемаго народа к призыву под высокосамодержавную ея и.в. руку в подданство и в платеж ясака с промышленными разного чина людьми, всего 32 человека. И прибыли того ж июля 30 дня к земле на остров, на котором де и крест поставили.

И кругом того острова гавани обыскать за оскудением кормовых припасов не могли и от того острова пошли между запад и полдень, и прибыли судном на остров августа 6 дня. И кругом того острова от западного краю в трете острова обыскали пристойную гавань судном шитиком, которую де гавань того острова асигновал он с командою своею и по земле свидетельствовал всеобширность острова, которого де явилось по свидетельству в длину, например, ста два или болея, а шириною неравномерно как дватцать на пять и на дватцать, и на петнатцать, а ино де и на петь верст. И на том острову лесу талочаго и ребинова малое число и то невзрослой. Да на том же де острову имеется озеро длиною на 10, а шириною как на пять верст. И из оного озера истекают малыя речки по всем сторонам, а в тех речках рыбы разной всякой, называемой по-камчатски гольцом, кайка, красной — кижуча, весьма пребогато, також и травы сладкой, сараны, и ягод мурошка и шикши много число, а кругом того острова в море имеется зверей морских: бобров, кошлоков, котов, нерп, сивучей довольно и коров морских премножество, ежели де оных промышлять, то де уповательно множество народа прокормить можно.

А во время де зимования на том острову посылал он команды своей людей служилых Гаврила Чюдинова, Дмитрея Наквасина, нарымского посацкого Данила Соснина, посацкого ж Венидикта Обухова, казачья сына Петра Верхотурова, Невъянских заводов жителя Михаила Никитина для достовернаго свидетельства земли. И обыскана ими пристань бывшаго Камчацкой экспедицыи капита-

на-командора Беринга, где пакетбот разбило. Причем де по усмотрении ими и по переписи явилось казенного материалу от разных вещей и от железа недельного, от болтов, от скляниц часовых, от ружья заржавелого з замками и без замков, ящиков: обтешной притом и протчие ящики, которыя де явились не заперты, також и снастей карабельных пеньковых и протчаго немалое число. Которыя де вещи имеются во близости морскаго берегу в бывшем магазейне бес прикрытия, понеже де хотя прежде и прикрыто было, но от сильных погод и от дождей разбило, и ис того числа довольно пригнило и песком замело, которых де вещей и описать ни по которой мере невозможно; а не гниющих вещей имелось: два котла палаусных 3, медных, один котел медной же большей, один меденик, два куба: один винной куб с трубицей, два блюда оловянных, две торелки, одна миска оловянная ж, одна крышка медная, одна чаша с руковяткой медная, кои де разбросало как на версту растоянием, из оных де собрано, а много и собрать не могли, а что собрано, то де положено вышеписанными ж вещьми в безопасном месте. А магазей построить за неимением леса было не ис чего, а вещей без указу взять смелости не имели. А во время там на остров бытия промышляли бобров, маток кошлоков, котиков, песцов голубых, ис коего должны отдать в Большерецкую тогдашную таможню у казну пошлину.

А того ж де 746 года маия 26 дня вступил с командующими своими из гавони в вояж на дальныя острова, которыя де с того острова знаменуются под полуношным ветром, и шли одне сутки и потом, поворотя промежду полуношником и встоком, шли четверы сутки и от того места принуждены обратно возвратиться за случившимися превеликими туманами, что де и познать было неможно, к тому ж де знающего человека не было, а данной де за штюрмана казак Санников в том вояже весьма ненадежен. И по возврате пришли к вышеписанному ж острову, на котором крест был поставлен, июня 7 числа 746 году, и оной остров и земле освидетельствовали ж, а по свидетельству явилось длиною сто верст, а шириною пять и две, и одна верста. А на том острову имеется озеро малое, ис котораго течет малая речка, в которой рыбы бывает же, но недовольное число, а кругом острова в море всякой зверь. Против вышеписанного как и на первом острову и на том острове жили с показанного июня 7 по 25 число июля месяца, но гавани на том острову не имеется и с июля де 25 числа отправились с острова в вояж х Камчатскому устью и того же июля 31 дня вошли в устье благополучно...» [АВПР, ф. РАК, д. 8, л. 114].

Поворотным в судьбе Емельяна Софроновича стал третий его «вояж» — на втором, открытом Басовым острове была найдена медь, почему этот остров и получил впоследствии имя Медный.

«“Петр” (1747–48) к-нии Басова

Камчатский посадский Никифор Трапезников, скупивший у разных участников в компании Басова 9-ть паев, получил разрешение Большерецкой канцелярии идти мореходом на “Петре”. Несмотря на то Басов, из опасения, чтобы он за отъездом главнаго компаниона Шелихова в Москву не стал во главе предприятия, принял его рабочих, но самого невзял в поход, а в мореходы пригласил штурмана своего казака Наквасина. Промысла определенно делить на 33 пая. В судне было паев 1 богу — на церковь. 18 паев прежних компанионов и 14 присоединившихся вновь; но команды на шитике ушло 38 чел, 13 русских и 25 камчадалов.

Компанионами были кроме Толстых и Трапезникова, купцы: Московские — Шелихов, Солтнер и Андрей Серебренников, Галицкий, Тюзнев, посадские — Беляев, Басин, швед Мальцган (Хотунцевский) бывший в услужении у покойного Беринга.

Целию вояжа в 1747 г. было открытие земель, которых Санников, будто бы, необъявляв Басову в последнее плавание, но как Басов по праву сильнаго уступил Шелихову паи оставшихся компанионов — 1 Баранникова и 3 Холшевникова, которых они никому непродавали — и прибавил для себя произвольно лишних, собачьих, 7 паев, то тем доказывал, что не для изысканий, а для своей корысти шел в вояж и стеснял судно лишними рабочими. А чтобы недопустить отложившихся товарищей от совместнаго пребывания на островах, Басов представил о необходимости запрещения производить промысла на Командорских островах за тем, что по его предложению добычу бобров можно отдать там из половины вместо выдела теперь только десятой части и что, кроме того на Беринговом находятся казенные вещи от разбитого пакетбота, которыя могут расхитить промышленные. В ожидании разрешения Сибирскаго приказа на предложение Басова 5 авг. 1747 последовало из Большерецкой канцелярии запрещение производить промысла бобров и прочих зверей на острове, где находятся экспедические материалы; а потому отправляясь в море, БАСОВ запасся для себя дозволением местной власти остаться зимовать, за каким либо случаем, на островах, где запрещалось промышлять.

Исправив шитик и запасшись необходимыми припасами, т. е. бочками с водою, юколою, Басов отправился в море в конце авг. 1747 и при благополучных погодах через неделю прибыл на о. Медный. Остановившись на якоре на его стороне, он отправил рабочих за водою и добычею коров и сивучей для продовольствия в дальнейшем плавании. Возвратившийся через 5 дней с добытым мясом морских зверей, мореход Наквасин представил Басову около 3 золот. меди, которую отыскал в утесах бывший с ним камчадал Илья Пирожников. Для розыскания найденной меди отправился туда сам Басов и в один день собрал ея 15 ф.; на следующий день он открыл по другую сторону утесов медную руду, вышедшую из моря жилою и молотом от-

бил кусок, а через три дня потом, около тех же утесов, нашел еще брусок фунтов 20 сыпавшейся из утесов листочками медной руды.

Дня через два по возврате Басова с поисков меди погодою и прибылою водою шитик выбросило на берег и повредило, при чем разбились и бывшие при нем два елбота. Поневоле пришлось здесь зимовать. Из бывших в запас на судне досок рабочие построили прежде елбот и отправились на нем собирать по берегу приносимый морем лес на исправление шитика. Исправленное судно поставлено в найденной на N [северной] стороне острова гавани и тогда занялись добычею морских котов и сивучей, чтобы не было недостатка в пропитании; но притом непропускали убивать и неподававшихся запретных бобров.

По прозимовке, Басов отправился в Камчатку и в три недели совершил переход туда, где предъявил бобров, маток и кошлоков 970, песцов голубых 1,520 и котиков 2,000. Кроме того БАСОВ представил найденныя во время пребывания на Медном: 50 ф. меди, выкинутую морем куриозную рыбу — более поларшина длиною, 6 гранная с двумя костяными рогами на голове, без чешуи, подобная ловимой в Оби и Лене и 205 небольших цветных камней; из них один малиновый, один жолтый и один красный, прочие все белыя. По объяснению Басова, медь находится на северной стороне острова в носу по утесам и в каменистых лайдах; жилы лежат к морю и в море под водою, а куски меди попадаются на лайде только немного, за неудобством собирать их там».

Рейс предпоследний.

«“Петр” (1749–50)

В следующий поход шитика БАСОВ остался в Камчатке, а командиром на судно вместо себя назначил морехода Наквасина. Из прежних компанионов В. БАСОВ и купец Тюзнев продали свой пай Устюж. купцу В. Сем. Попову, а Шелихов свои 5 паев уступил Московск. купцу Рыбинскому. Н. Тропезников, владевший 10 паями сделался теперь главным компанионом в шитике “Петр”. — Кроме Наквасина на судне небыло никого из служилых.

Наквасин вышел на шитике в числе 34 чел, из р. Камчатки 8 июля 1749 г. и после безуспешнаго немалаго странствования за поиском островов, пришел на Медный и остался там зимовать. В следующем году он предлагал идти опять за поиском неизвестных земель, но промышленные несогласились; все были вольножелающие и имели свои права и нравы и Наквасин несмотря на данное ему Басовым полномочие, не мог их к тому принудить, исполняя в сущности только обязанности морехода, он во всем остальном подчинялся власти бывших на судне компанионов.

20 июля 1750 шитик возвратился в Камчатку и на нем привезено: бобров 522, котиков 1,300, песцов голубых 1,080 (на 19376 р. Б), 19 ф. меди, 20 цветных камешков, 1½ ф. чернаго с искрою песку и кокосовый орех.

Вытребованный в Большерецк в июне 1751 года Басов отправлен в Охотск оттуда по делу о взятом им на Беринговом острове казенном ломе. Здесь он получил 11 авг. 1751 г. инструкцию и при ней копию с указов Берг-коллегии, которыми поручалось ему описать и положить на карту островов, где находится самородная медь и изследовать месторождение ея. По пробе в Берг-коллегии медь, найденная в 1747 году, оказалась лучшею по лигатуре для делания червонцев, подобна японской и прежде посылки на остров горнаго чиновника, надеялись получить от Басова сведения местоположении и количестве руды. Для вспоможения Басову при освидетельствовании меди разрешено ему взять в Камчатке трех казаков, из них одного кузнеца, Наквасину быть в послушании у Басова, а купцов впредь никого не отпускать на о. Медный и вывозимую ими оттуда медь отбирать в казну.

Басов осенью 1751 года возвратился в Камчатку, давши Охотской канцелярии обещание отправиться на Медный для составления требуемых сведений, лично потому, что хотя Наквасин и был постоянно с ним в вояжах, но на него положиться он не может. В Августе Басов прибыл в Нижекамчатск и незастал уже там шитик ожидаемого с моря».

И последний рейс.

«“Петр” (1750–52) к-нии Басова

Перед отправлением в Охотск, когда шитик готовился в том же году идти на острова, Басов поручил Наквасину составить описание Меднаго острова и месторождения меди и для разработки медной руды дал ему казенные инструменты, а для производства промыслов Басов нанял 3-х рабочих.

Наквасин вышел в море 25 Августа 1750 года. В походе ушли с ним купцы: курский Осьминин, Иркутский Соснин, Устюжский Шемякин и 21 чел. разных промышленных. Посадский Беляев был выбран передовщиком.

Шитик “Петр”, совершивший вояжи под фирмою Басова, теперь окончательно перешол во владение купца Трапезникова и Басов неимел особеннаго значения в компании, если бы его неподдерживало поручение свыше описать Медный остров и содержащейся на нем медной руды.

В 1752 г. Наквасин воротился в Нижний на судне Трапезников (Борис и Глеб передал ему 15 июня печальную повесть о судьбе шитика “Петр”: Судно пронесло в восточную сторону далее ближних Алеутских островов и здесь представилось до десяти островов, которые довольно населены. На одном большом (Атха) островитяне одарены отпущенными для того из казны медными котлами и сшитыми из казенного сукна камзолами, для придания им охоты в платеж ясака, а как с ними немогли объясниться по незнанию языка, то по согласию компанейщиков, пойман для обучения русскому языку, иноземец по имени Халюнасан (по крещении в Камчатке названный Илья

и там через год умерший). На другие острова, за наступившим тогда осенним временем и за оторванием в море елбота, идти не посмели, а воротились к первым двум (ближним алеутским) и у одного из них, Атту, на котором живет не малое число иноземцев остановились. Речи их переводил взятый с большого острова ХАЛюнасан, уже немного разумевший русский язык; в туземцов взято в ясак 11-ть бобров. В бытность здесь от учинившейся великой погоды шитик выкинуло на восточном мысу острова Атту, в каменное место сажень на 50 и разбило до основания, едва сами спаслись; только один работник БАСОВА неуспевший выскочить на камни, утонул; компанейское и собственное имущество потонуло все без остатка.

Команда шитика оставалась два года на Атту, согласившись промышлять вместе с прилучившимися здесь на судне компании Трапезникова — Борис и Глеб, и на нем в 1752 г. возвратилась в Камчатку, кроме трех камчадалов, которые перед самым отправлением судна бежали.

По разделе промыслов на пай досталось 15 бобров».

А на Камчатке в это время решалась судьба самого Басова.

«В 1752 г. Басов получил подтверждение идти для описания острова, на котором найдена им самородная медь. Лишившись своего шитика, но имея в виду свою выгоду при исполнении такого поручения, Басов приторговал за тысячу рублей на вексель у купца Жилкина принадлежавшия ему при четверти в судне "Капитон" и донес в Охотск, что у него готово для похода на Медный судно, но что неушол на нем в море только за недостатком якорей которые просил выдать ему из казны. Между тем осенью 1753 г. прибыл в Камчатку маркшейдер Яковлев, посланный от горного ведомства, чтобы идти на судне Басова, с ним и Наквасиным на остров для освидетельствования меди. Пока он оставался в Большерецке, Басов исправив на казенный счет чужое судно и потом сдал его Яковлеву, а вексель при посредстве лейтенанта Хметевскаго отнял насильно у Жилкина и уничтожил на том основании, что судно "Капитон", как построенное на Беринговом острове частию из казенных материалов, у него конфискованное. Перед отправлением в 1754 г. в море, ЯКовлев узнал о проделках Басова и что сданное ему судно чужое, старое им мало надежное для похода.

Исправив по возможности шитик "Капитон", Яковлев отправился на нем в 1754 году на Медный с мореходом Наквасиным и зимовал там. Басов за неграмотностию и потому, что вообще не мог оказать особеннаго пособия Яковлеву в порученном ему деле не был взят им в поход. Шитик, по возврате в 1755 г. сдан под охранение настоящему его хозяину Жилкину.

Выгоды, получаемыя от промыслов не подняли житейского уровня Басова выше бедняков, собратов его населявший Нижекамчатск. Когда с "Капитоном" рушились и последние надежды на поправление состояния, Басов, живший с женою и детьми в Нижекамчатске постоянно в нищенстве и убожестве, дошел наконец до такой крайности, что даже нуждался в денном пропитании. Не предвидя средств поправить настоящее печальное положение, Басов, занимавшийся прежде деланием оловянных ложек, измыслил сделать деньги. В 1755 году, незадолго до праздника Р. Хр. он собрал бывшие у него медные и оловянные обломки и из сплава их вылил в три раза в бане, по ночам, 4 рублевика и 8 полтинников, на них он купил у Нижекамчатских обывателей к празднику ягод на 1 полтинник, молока на 3 р. 50 к., табаку на 2 полтинника и заплатил за соленую рыбу 3 р. Но дело скоро обнаружилось, Басов повинился и арестованный представлен в Большерецк. Там он розыскиван один раз и потом отправлен в Иркутск в Следственную Комиссию Сибирских и Камчатских дел и конец концов… 22 июля 1763 года взят с гауптвахты к отправлению на Нерчинские заводы, каторжный Емельян Басов, которому по определению Иркутской канцелярии 4 сент. 1762 года, учинено на публичном месте, при барабанном бое, позорное наказание, недавно так навсегда отмененное. На заводах недолго мог проработать изувеченный тяжким наказанием почти 70-летний старик».

Не почти — в 1763 году ему было уже 73 — он родился в 1690 году.

Но в России он не был забыт — в Анадырском заливе его именем назван мыс, а на Новой Земле — залив и полуостров.

Историограф отечественного флота Василий Николаевич Берх оставил о Басове следующую восторженную информацию:

«…1743. Первый, покусившийся на отважное предприятие плыть за бобрами, был сержант нижнекамчатской команды Емельян Басов. Предприимчивый воин сей, взирая неравнодушно на богатства, вывезенные сопутниками Беринга и Чирикова, решился, подобно Язону, плыть сам за золотым руном. Вступив в сотоварищество с московским купцом Андреем Серебренниковым, построил он маленький шитик, именовал оный Капитоном и отправился на малом и ненадежном судне сем летом 1743 года в море.

Кто был у него штурманом или, как тогда называли, мореходом, неизвестно; но по запискам Большерецкой канцелярии видно, что он доходил только до Берингова острова и, проведя там зиму, возвратился на следующий год в Камчатку. Неизвестно, богат ли был груз сего судна.

1745. В сем году отправился Басов вторично в море, приняв к себе в товарищи иркутского купца Никифора Трапезникова. На Беринговом острове и двух к нему от онаго лежащих собрали они 1600 морских бобров, 2000 котиков и столько же голубых песцов. Басов возвратился 31 июля 1746 года и показал соотечественни-

кам новую дорогу к обширной и богатой промышленности.

Приложенная при сем приписка из рапорта Басова открывает, что он совершил еще одно путешествие. Басов умер около 1754. После него осталась одна дочь, которую г. Лапин знал лично. Рапорт сей получил я от г. капитан-лейтенанта кн. Шаховского, который отыскал оный в охотском архиве. Видно, что Басов был не токмо предприимчивый человек, но умный и полезный сын своего отечества.

В канцелярию Охотского порта от сержанта Емельяна Басова покорнейший рапорт.

По вступлении моем с козаками в морской вояж в прошлом 1747 году, для прииску неведомых островов на судне Петр шитике, на своем собственном коште… прибыли на прежде обысканной второй малый остров в августе (вероятно, на Медный)… на лайдах собрано самородной меди 50 фунтов. На том же острове в полунощной стороне нашли незнаемую вещь, руда ли она или какая незнаемая вещь, которой взято и привезено фунта с два. Да найдено на берегу служителями 205 камешков больших и малых, в том числе два желтых, один малиновый. Да еще найдена новокурьезная рыбка… Вывезено нами в Нижний Камчатской острог: бобров, кошлаков и маток 970, хвостов бобровых тож число, песцов голубых 1520. И оные звери разделены обще всем по паям; кто со мною в вышеупомянутом вояже был… Сержант Емельян Басов.

Когда рапорт Басова препровожден был в Правительствующий Сенат, то послан был из онаго указ в государственную Адмиралтейств-Коллегию, дабы она, составя обстоятельную карту плаваниям капитанов Беринга и Чирикова, вместе с выписками из журналов их доставило бы оную в Сенат для отсылки к Сибирскому губернатору. Коллегия поручила исполнение дела сего знаменитому гидрографу нашему, адмиралу Алексею Ивановичу Нагаеву, который и составил из всех прежних сведений выписку, приложа к оной карту, коею и руководствовались все промышленники, плававшие к Алеутским островам.

Почтенный издатель Сибирского вестника Г.И. Спасский поместил в 4-й книжке своего журнала за 1822 год описание Медного острова и приложил карту онаго. Судя по последней, надобно заключить, что Басов собрал главнейшее количество мехов на Медном; ибо по северо-восточную сторону онаго видны две губы: Басовская и Петровская (по имени судна). Из описания же видно, что Басов и зимовал здесь в 1749 году; ибо 1750 года апреля 7 дня, как по стоявшему там кресту видно, задавлен навесом команды его новокрещенный Ефим Кузнецов. Следовательно, Басов отправлялся четыре раза на острова, то есть в 1743, 1745, 1747 и 1749 годах» [Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги Российского купечества (Часть 1)].

Роза Владимировна Макарова:

«Положил начало развитию пушного промысла на Алеутских островах сержант команды Охотского порта Емельян Басов. В 1733 г. он был командирован начальником порта Г.Г. Скорняковым-Писаревым в Москву для доставки в Сибирский приказ ценных соболиных и лисьих мехов. Уже тогда Басов оценил всю выгодность мехового промысла и решил использовать свое пребывание в Москве для получения разрешения на плавание его с товарищами — якутскими служилыми Суховым и Хабаровым — на Курильские и другие острова, которые им удастся открыть, для приведения в российское подданство жителей “вновь найденных” островов. 5 февраля 1739 г. такое разрешение ему было дано. Но по возвращении в Охотск Басов столкнулся с противодействием местного начальства. Ему было отказано в помощи людьми и средствами, которых у администрации Охотска и так не хватало. Тогда Басов решил снарядить экспедицию на свои средства. В этом командир Охотского порта А. Девиер (сменивший в 1740 г. Скорнякова-Писарева) отказать Басову не мог. Разрешение было дано, а затем 11 июля 1741 г. Басов получил специальную инструкцию, в которой излагались его права и обязанности.

Собственных средств Е. Басова оказалось, конечно, недостаточно, и он вступил в компанию с московским купцом Андреем Серебренниковым, со служилым человеком Евтихием Санниковым, посадскими людьми Паншиным и Данилой Сосниным и с крестьянами Поповым и Холщевниковым. К лету 1743 г. был выстроен маленький шитик “Петр”, и в августе того же года он ушел в море. В составе команды “Петра” находились два участника Второй Камчатской экспедиции – Петр Верхотуров и Лука Наседкин» [Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в., Москва, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968].

Правда, после предательской (а какой еще?!) продажи Русской Америки Северным Соединенным Штатам, мы предали и саму память о наших мореходах-тихоокеанцах, благодаря которым эта часть Америки и стала Русской.

Теперь о былых подвигах наших русских мореходов рассказывают только в Музее мореходов в маленьком вологодском городке, который не имеет даже выхода к морю — когда-то купцы из этого городка — Тотьмы — участвовали в промысловых экспедициях, и в честь этого императрица Екатерина не только наградила некоторых из этих купцов золотыми медалями, но и подарила самому городу герб с обозначением черной алеутской лисицы, в благодарность за тот подвиг российского купечества, который столь высоко был оценен императрицей, которая видела в этих промысловых «вояжах» великую пользу для Отечества.

Увы, последующие цари и дипломаты, мерою помельче и разумом поскуднее, постарались практически задарма продать Русскую Америку, хотя еще совсем недавно император Николай Первый заявлял про русский флаг: там, где он поднят, он никогда не может быть опущен.

Опустили спустя всего полтора десятка лет — его сын, великий либерал Александр Второй, поддался на провокацию последователей того самого английского агента и масона, министра иностранных дел, предпоследнего канцлера Российской империи Карла Несельроде, который еще недавно яростно выступал против нашего — русского — флага, поднятого на Амуре, а еще ранее весьма успешно травил великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, подведя его к дуэли с Дантесом.

Но вернемся на Камчатку.

После ареста Басова мы не находим на полуострове и следов его семьи. Исчезает и брат – казак Василий Софронович Басов.

Вполне вероятно, что они были высланы с Камчатки.

Куда? Наверное, куда-то поближе к Нерчинской каторге.

И мы действительно находим в Нерчинске и Селенгинске Басовых.

Но…

Находим, оказывается, других. Хотя, кто его знает — может быть, они тоже тобольские…

В 1693 году в конных казаках Нерчинского острога служит Федор Никифоров сын Басов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 447 об.].

Затем Басовы из списков нерчинских казаков исчезают и появляются сначала в 1708 году — Иван:

«Теленбинского острогу

конные казаки

оклады денег по семи рублев с четью, по шти чети с осминою ржи по четыре чети овса по два пуда соли.

Десятник Михайло Носов, а за хлебное жалованье служит с пашни.

Рядовые

Сава Перфирьев, а за хлебное жалованье служит с пашни.

…Иван Басов…» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л.14об].

А затем в 1721 году:

«Конной казак Осип Басов 23 (1698) у нево брат Иван 17 (1704), Лука 7 (1714)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 98 об.].

Пока нет отчеств, трудно связать эту информацию.

Но вот что мы находим, порывшись в архивных материалах.

Во-первых, мы обнаруживаем следы Федора Никифоровича:

Запись о бракосочетании в Воскресенской церкви города Нерчинска:

«1727 года венчаны в генваре 10-го Казачей сын Агафон Никифоров сын Малышев Федоровой дочерью Басова девкою Евдокией первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 108].

В таком случае и конный казак в Теленбинском остроге Иван Басов может быть Федоровым сыном.

А Осип, Иван и Лука — сыновьями Ивана. По крайней мере, по возрасту все стыкуется.

А далее фамильные следы ведут нас в Селенгинск. Судя по материалам переписи 1762 года, мы здесь находим:

«Города Нерчинска из разночинцов Иван Басов. Умре в 756 году.

У него жена Ирина Алексеева дочь пятидесяти лет взятая Селенгинского Троицкого монастыря у вкладчика Алексея Михайлова сына Потребных.

У них дети написанные в последней переписи: Василей 11 (лет в период второй переписи) 28 (лет в 1762 году); Демид 7 (24); Иван 3 (20).

Рожденной после переписи: Алексей 7, дочери Анна пятнатцати, Анна ж десяти лет.

У Василья жена Фекла Кирилова дочь дватцати двух лет взятая у Итанцинского разночинца Кирила Рохина. У них дочь Наталья дву лет» [РГАДА, Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. Л. 164].

«Города Нерчинска из разночинцов Лука Басов 31 (48). У него жена Варвара Иванова дочь сорока лет взятая Селенгинского Троицкого монастыря у крестьянина Ивана Иванцова.

У него дети написанные по вторичной переписи Демид, Матвей умре [оба] в 757-м году.

Дочь Васа шеснатцати лет» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. 163 об.].

Нерчинск, 1745 год.

«…венчано в Сентябре 9-го Нерчинской казачей сын Василей Иванов сын Басов Петровой дочерью Каменшиковых вдовою Евдокиею полвторым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 247 об.].

Нерчинск: «1746 году родились:

В ноябре 21-го у казачья сына Василья Басова сын Стефан» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 313].

Мы не знаем пока, есть ли тут связь с тобольскими крестьянами Басовыми, но знаем другое — открывается большое поле для поиска…

Но тогда это еще не все: свои Басовы были и в Илимском уезде. И казаки.

Илимский острог, 1677 год.

«…оклад служилым людям пятидесятникам по 5 рублев с полтиною, десятникам по 5 рублев по 8 алтын по 2 денги, рядовым служилым казаком по 5 рублев человека. …десятник Митка Васильев сын Злыгостев … Авдейко Исаков сын Басов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 633. Л. 38 об.].

«Воспользуемся данными книг 1667 года для вычисления средней урожайности. 29 пашенных крестьян волости засевали 42¾ дес. государевой пашни. Для выдела хлеба в государеву казну были назначены: приказчик Иван Решетник, илимские служилые люди Ганька Торлопов и Овдейка Басов и житничный целовальник Мирошка Ильин» [Шерстобоев В.Н., Илимская пашня, т.1, Иркутск, 1949].

И крестьяне:

«Деревня Басова.

Ивашко Созонов. Сын ево Ивашко 11 лет. … Оверка Ряхин. А детей у него нет».

В 1686 году здесь добавился еще один пашенный крестьянин. Приказчик Орленской волости Иван Жирков сообщал в Якутск в мае 1686 года: «Да в той же в Орленской волости пашенной крестьянин Ивашко Созонов хром и увечен. Пашет на великих государей полдесятины. И он, Ивашко, за увечьем здал четверть десятины промышленному человеку Гришке (Никонову) Басову в нынешнем во 194 (1686) году» [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях 17 века].

Далее:

«Бывали случаи смены приказчиков по просьбам крестьян. Выборный мирской челобитчик Илгинской Знаменской слободы пашенный крестьянин Семен Басов в июле 1721 года доносил от имени названной волости: “С прошлого 710-го году по нынешней 721 год всего, опроче других прикащиков, в 7 лет, будучи у нас… десятник казачьей Яков Сенотрусов на приказе, учинил он нам… в те годы… в государевых денежных и хлебных поборах великие переборы и многих из нас держал на правеже и брал с нас себе поминки и бил безвинно и бес пощады своими руками напрасно”. Басов указывает, что Сенотрусов с бобыльских дворов брал поборы себе, “а в зборные книги не записывал”, кортомные деньги (арендную плату) за сенные покосы с трех бежавших крестьян взял себе. Созывал крестьян из дальних деревень и держал по неделе и дней по десяти. Если бывало челобитье, то он “с правого и виноватого только опивал вином и брал себе поминки”. За рекрутов вымогал деньгами и хлебом “с кого сколько мог смучить”. Часто отписей не давал. В нынешнем, т. е. в 1721 году, откупил он в Илгинской Знаменской слободе и на усть Илги квасной и пивной промысел и “держит нас, чтоб мы пили, многие дни”. В заключение крестьяне просят сменить Сенотрусова» [Шерстобоев В.Н., там же].

И еще. Иркутск, 1762 год:

«…взятая Илгинскаго острогу из Безносовской деревни у крестьянина Семена Басова».

«Олонской Слободы

Крестьяне

…старинная взятая Илимского острогу ведомства из Орленской слободы крестьянина Григорья Басова дочь» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1059. Л. 456. 473 об.].

Так что фамилия Басовых — одна из старинный русских сибирских и дальневосточных фамилий.

БАТОВЫ

В 1659 году в Якутской приказной избе появляется первый документ с упоминанием о первом из Батовых, появившихся на Северо-Востоке России.

«Явочная челобитная ленского служилого человека Григория Горбуна об увозе его вещей служилым человеком Петром Афанасьевым с товарищами, с описанием бедствий в пути при сопровождении соболиной казны с р. Индигирки в Якутск.

(л. 1а)

Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю… (т.) [бьет челом] и являет холоп твой Якуцкого острогу служивой человек Гришка Васильев сын Горбун Якуцкого острогу на служилых людей: на Петра Афонасьева сына, на Григорея Михайлова сына Батова, на Нехорошева Перфильева сына, на Мокия Игнатьева сына, на Григорья Иванова сына Чорнова да на промышленых людей: на Семена Гаврилова сына Протодьяконова, на Семена Кирилова сына Кокору, на Пимина Матфиева сына, на Ондрея Андреева сына Якута.

В прошлом, государь, во 166-м [1658] году по твоему, государеву, указу послан был я, холоп твой, за твоею, государевою, казною соболиною с-Ындигирки реки кочем в Якуцкой острог. А со мною были на коче с твоею, государевою, казною соболиною торговые и промышленые люди, и судом праведнаго бога моря не пропустила: на море замерзли из-за морозу. С твоею, государевою, казною соболиною пошел я, холоп твой, с торговыми и промышленными людьми к лесам и вышел на Яну реку, и на Яне реке яз, холоп твой, с твоею, государевою, казною зазимовали. А что было моего борошнишку всякого, и то осталось в заморозе на коче.

И будучи я, холоп, на Яне реке зимою занемог, а твою, государеву, казну отпустил в Якуцкой острог на нартах с торговыми промышленными людьми. А я, холоп твой, после государевы казны весною по полой воде почел прибирать службу на новую реку на Чондон служивой человек Петр Афонасьев. И я, холоп твой, походил с ним, Петром, на твою, государеву, службу на Чондон реку, и поделали кочи на Яне реке, и пошли по морю подле земли. И как будем у заморозу, где замерзли з государевою казною и с кочем, и на том коче что было моего борошнишку 2-е сумы набиты — ролдог и постель, и парак иноземских 20 ролдог, цена 20 рублев, 10 недоростей (шкурка оленьего теленка моложе года, шкура взрослого оленя, на которой шерсть, вылиняв, не совсем еще подросла. — *Ред.*) цена 10 рублев, 10 парак, цена 10 рублев, писцаль гладкая [ди]ла казанская, цена 10 рублев, 2 котла медные, цена 5 рублев, 50 комасов оленьих, цена полтретья рубли, сковоротка медная, цена 2 рубли и всего того, государь, 59 рублев 16 алтын 4 деньги. И во 167-м году он, Петр Афонасьев, с товарысщи будет у того заморознаго коча и сошел с-Ындигирки реки и взяли борошнишко мои. И я, холоп твой, почел говорить ему, Петру Офонасьеву, с товарисщи о том борошнешке своем, чтобы они не имали, и он, Петр Афонасьев, с товарысщи почели меня, холопа твоего, бить и топтунками топтать и хотели на тундре покинуть.

А говорили ту речь — возьми де у нас таково же пай… а на нас де не отыскивать… большую что на них не отыскивать.

(л. 16)

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович… (т.), пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, сию челобитную принять на Колыме реке… ярманге сыну боярскому Ивану Ерастову и сослать в Якуцкой острог, и подать в съезжею избу стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю о том моем деле, а мне бы тою челобитною явошною быть праву и виноватому.

Царь, государь, смилуйся» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 2143, лл. 1а – 16].

А вот их дальнейший путь. Воровство и грабеж впрок не пошли:

«*1660/61 (169) г.* — Отписка служилого человека Петра Афанасьева, сменившего анадырского целовальника Ивана Синицина, в Якутскую приказную избу о плаванье в 1656 г. вместе с приказным человеком Амосом Михайловым и о принятии на р. Анадыре таможенного збора.

(л. 70)

Государя, царя и великого князя Алексея Михайловича… (т.) Якуцкого о[строгу] стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю, дьяку Федору Васильевичю служилой человек Петрушка Офонасьев челом бьет.

В прошлом во 164-м [1656] году по государеву указу и по наказной памяти стольника и воеводы Михаила Семеновича Лодыженского да дьяка Федора Тонково послан я из Якутцкого острогу на Анандырь реку верным целовальником для государева таможенного десятинного збору соболиново и рыбья моржевого зуба с казачьим сотником Амосом Михайловым. А он, Амос, послан был на Анандырь реку приказным человеком. И судом божиим, идучи морем, бросило нас в Омолоевскую губу, и в Омолоевой реки зимовали. И во 165-м [1657] году шли морем, и бросило на Янскую коргу, и на Яне реке жили 2 года. И во 166-м [1658] году казачья сотника Амоса Михайлова велено воротить в Якуцкой острог, а обо мне указу никаково не было. И я, собрався с служилыми и с промышленными людьми и зделав 2 коча небольшие, и купя снасти кочевые — якори и парусы, и ноги, и дроги, и всякой кочевой завод большею дорогою ценою у торгово[го] человека у Прокопья Аминева, и по осьми человек на судне перешли на Ковыму реку с большею нужею. И один коч пошел вверх по Ковыме реки до Крестов Якуцкого острогу служилой человек Мокей Игнатьев с товарыщи, а яз другим кочем прошел в Анюй и с Анюя хотел передти весною за Камень на Анандырь реку.

И пришед в Анюй рыбного корму в реке и в озерах не добыли, и пошел на Анандырь реку за 4 недели до Филипова заговенья с служилым человеком с Гришкою Батовым, а тово яз Гришку взял с Яны на Анандырь реку для государева таможенного письма, да с служилыми же людьми: Гаранькою Максимовым, с Гришкою Черным, с Мишкою с Шанаурой, да промышленными людьми с Сенькою Кокорой, а у нево были 2 покрученика, да с Харькою Никифоровым Усольцом. Да со мною ж шел гостя Василья Шорина лавошной ево посиделец Алешка Сидоров с торгом хозяйским животом и с посыльным товаром торгового человека Любима Казанца, а с ним было 4 человека. Да мы же наняли в вожи на Анюе реке — перевести с Анюя на Анандырь реку черес Камень промышленого человека Завьяла Иванова Пинеженина. И тот Завьялко, куды подымаютца с Анюя на Камень на хребет и на Анандырь реку, итти не узнал. И, ходя и по Анюйским вершинам по Каменю, опять вышли о Николине дни осеннего на Анюй же реку и оголодали, и воротились к зимовьям, а пошли служилые люди Тарасом Максимов да Мишка

(л. 71)

Шанаура, да промышленой человек Харька Никифоров, Завьялко Иванов, что нанялся было в вожи, покиня свое борошнишко в розных местех. Да Шорина лавошной посиделец Алексей Сидоров пошел наперед тех людей сам четверта, покиня хозяйские и посыльные товары Любима Казанца торгового человека в розных местех. И он, Алешка, вышел до зимовья с великою нужею и голодою с служилые люди Гарасимко и Мишка Шанаура, и Харька Никифоров, и Завьялко, и те все померли с голоду в розных местех. А яз да служилой человек Гришка Батов с Николина дни осеннего да по мясное заговенно одною сосною в розных местех, живучи с великую нужею, прожили. А что было какова рухледишка и заводу на анандырскую руку, и то все розметано было в розных же местех и роспрапало все без остатку. И только бы не пришел тот же Алексей Шорина на мясное заговенье от зимовей з запасенком к веже, где выходит твоя, государева, казна рыбей моржевой зуб кость, и нам было и достальным помереть, и так собрал нас замертва, волоча на нартах чють живых, и пошли с ясашными иноземцы с ходынцы на Анандырь реку на оленях, которые вывозять твою, государеву, казну с Анандыря реки кость рыбей моржевой зуб, и пришел на Анандырь реку во 168-м [1670] году майя в 7 день» [РГАДА. ф. Якутская приказная изба, ст. № 28, лл. 70–71].

1670 год

«Григорий Михайлов сын Батов — снова для письма — был послан в Вилюйское среднее зимовье с приказчиком — пятидесятником Потапом Федоровым сыном Роговым» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

1671 год

«На двоегодные службы. В заморские дальныя реки на Индигирку в 3 зимовья: для письма Гришка Батов» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 101].

1678 год

«Книга сбора ясака за 1678–1679 (187) г. по Колымскому Верхнему зимовью казака Ивана Исакова Тобольского. Скрепили Иван Бибиков и за Тобольского — казак Григорий Михайлов Батов» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

Интересную запись в документах Якутской приказной избы мы находим за 1684 год:

«Дело о взыскании сыном боярским Якутского острога Иваном Крыжановским со служилого человека Григория Батова хлебного и денежного жалованья (за него и отца) взамен долга (денежного) по заемной кабале» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

Жизнь его завершилась в 1692 году: «Якутцкого города служилые люди. Рядовые казаки. Женатые. …Гришка Батов в нынешнем в 200-м [1692] году идучи из Охотцкого на Юдоме на пороге утонул» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 18].

В 1651 году в Якутске служил еще один Батов — Онтон (Антон).

Вполне возможно, что это был брат Григория.

Сохранилось сообщение:

«В мае 1679 г. Некрас Федоров находился в Сиктяхе. В делах Приказной избы сохранились наказная память на его имя, в которой ему приказано было, починив поврежденный во время плавания по Лене коч, итти "на море", и наказная память Устьянскому приказному Сидору Возмищеву с приказанием отпустить на Колыму с Некрасом своих служилых людей. В деле имеется также другая отписка Некраса Федорова с товарищами, присланная в Якутск из Устьянска. В отряд Некраса входили казаки: Яков Пермяков, один из открывателей Новосибирских островов, Антон Батов, Иван Алексеев, Борис Конашеев. Из этой отписки видно, что казаки ехали в Нижнеколымское зимовье» [ЛОИИ, Якутские акты, карты 34, ст. 23, сст. 16].

Антон был женат. У него был сын Данило, который в 1681 году уже служил в казаках [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

В списках казаков Якутска за 1681 год отмечен еще и Федор Батов, возможно, сын Григория.

«Якутцкого города служилые люди. Холостые рядовые казаки. …Федька Батов в нынешнем в 200-м [1692] году марта в 1 день хлебной оклад учинен ему женатой» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 43 об.].

В 1706 году в тринадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка служит Андрей Батов.

На этом следы этой фамилии на Северо-Востоке обрываются.

Были Батовы и в Красноярске. Но это был казак «тобольской присылки»:

1688 год

«Пешие служилые люди тобольские присылки … Васка Батов» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 902. Л. 27].

В Тобольском уезде Батовы в те времена проживали в нескольких слободах.

1680 год

«Липовские слободы деревня Иевлева на реке Тоболе.

Живут оброчные крестьяне.

Во дворе Алешка Петров сын Батов.

Сказал: родился де он Важского уезду на реке Двине в Чаростровской волости, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в деревне Иевлеве со 185-го году. У него сын Микитка 5 лет

Мурзинская слобода. Деревня Мокрогуская на ключе.

Во дворе Гришка Григорьев сын Батов.

Сказал: родился де он в Мурзинской же слободе…

Во дворе Ефимко Григорьев сын Батов.

Сказал: родился де он в Мурзинской слободе…

Во дворе Марчко Кондратьев сын Батов.

Сказал: родился де он в Мурзинской же слободе… У него дети: Мишка 4 лет, Сенка полугоду…» [РГАДА, Ф. 214, оп. 5, д. 261. л. 217 об., л. 1532 об.].

1710 год

«Усть-Суерская слобода над рекой Тобол

Во дворе Иван Батов 80 лет, жена Ирина 80 же лет (1630). Дети: Михайло 15 лет, Петр 14 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1526. Л. 261].

Но далее следы Батовых обрываются…

БАТОЖКОВЫ (БАТОШКОВЫ)

В основе основ этого фамильного прозвища лежит слово «батоги» — толстый прут для телесных наказаний. Такое прозвище могли дать и тому, кого часто «пользовали» батогами, и тому, кто был «мастером» по наказанию этими самыми батогами.

В работе над историей этой фамилии столкнулся с интересной версией о том, что патриархом этого рода был томский казак Григорий Емельянов сын Щербаков, прибывший из Великого Устюга.

Но вот что сразу бросилось в глаза и заставило усомниться в этой версии: в одно и то же время, в одной и той же «Расходной книге Томского уезда» за 1630/1631 годы записаны:

Казаки конные «7 рублев 25 алтын

Десятник Баженко Еремеев сын Кайгородец.

(л. 56)

Ево десятка по 7 рублев с четью

Ивашко Михайлов. Марко Максимов сын Оловеничников.

(л. 56 об.)

Филко Григорьев сын Баташков…

7 рублев 25 алтын

Десятник Петрушка Офонасев сын Попов.

(л. 73 об.)

Ево десятка по 7 рублев с четью

Микитка Бурнашов сын Никонов. Омелка Еремеев сын Вершинин.

(л. 74)

Ондрюшка Ортемьев сын Оловеничник. Гришка Яков сын Щербаков…»

«Баташков Филя (Филка) Григорьев, томский конный казак десятка Б.Е. Кайгородца. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей муки, по чети круп и толокна. Женат (1630, 1643 гг.)».

«Щербаков Григорий (Гришка) Яковлев, конный казак десятка П.А. Попова. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей муки, по чети круп и толокна. Женат (1626–1630 гг.)».

В 1680 году томских казаков опрашивали по поводу их родителей.

И вот каков ответ:

«Десятник Андрюшка Григорьев сын Батошков, отец родом Устюга Великого прибиран в Тобольске, в Томск прислан город ставить и был в службе, а он, Андрюшка, верстан при воеводе князе Ромодановском. Оклад 7 рублев с четью, и за мунгальскую посылку по грамо-

те прибавлено 2 рубля, а в десятники написан при воеводе Петре Львове и прибавлено окладу полтина. Два пуда соли. Пашня.

Микишка Григорьев сын Батожков, отец родиною из Устюга Великого и прибиран в Тобольске, а из Тобольска для городового ставленья прислан в Томск и был в службе в конных казаках, а он, Микишка, после отца своего взят в конные казаки при воеводе князе Семене Масальском. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня» [Томск в 17 веке. Посмертное издание В.А. Горохова].

В биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири» на стр. 74 есть тоже прелюбопытная запись о Батожкове-старшем:

«Григорий — конный казак … 8 июля 1634 судился с С. Дмитриевым. Сыновья: Кирилл, Никита, Андрей, Филимон».

О четвертом из сыновей:

«Кирилл Григорьев — конный казак. На службу верстан при воеводе М.П. Волынском (1649–1652). В 1665 состоял в десятке Григория Казанцова с окладом 7 руб с четью. …служил с пашни…

Томск, 1703 год:

«В Томском уезде в Окологородном стану конные казаки живут в разных деревнях на пашенных своих заимках…

Деревня Корьнилова вверх Ушайки речки на правой стороне промеж речек Ушайки и Киргиски

Кирила Баташков, сын Дементей женат, Яков 20, Василей 15.

…Андрей Кирилов сын Баташков [Дозорная книга Томского уезда. 1703 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371].

Томск, 1707 год

Яков Кирилов сын Баташков

Иван Андреев сын Баташков

Тимофей Андреев сын Баташков

Пятидесятник Афанасий Микифоров сын Баташков: «В 1682 сын пешего казака, назначен в поход И. Суворова “в киргизы”, в пути следования отряда сбежал. В 1700 десятник конных казаков… В 1705 пятидесятник».

В начале 1700-х годов большая группа томских казачьих детей была отправлена на Камчатку. В 1711 году они стали ядром казачьего бунта, возглавил который Данило Яковлев сын Анцыферов Томский, сын томского пешего казака Якова Анцыферова.

Вполне вероятно, что в этом отряде томских казаков могли оказаться и двое Батожковых — один в казачьем сословии, а другой — будучи посадским (или даже промышленным) человеком.

Могло ли такое быть?

Очень даже легко — в начале 1700-х годов именно в Томске находились вне штата не только казачьи дети, но и дети сынов боярских, которые самыми разными способами устраивали свою жизнь — кто-то уходил в торговлю, кто-то отправлялся на пушные промыслы…

Но начнем со служилого.

Он прибыл на Камчатку в составе отряда камчатского приказчика черкашенина Михаила Зиновьева сына Многорешного, который отправил группу казаков в низовья Камчатки для строительства нового — Нижнекамчатского — острога. Но там они встретили яростное сопротивление камчадалов, «побитых» Владимиром Атласовым в союзе с верхнекамчатскими камчадалами в 1697 году.

«Запись служилым людям, которые служилые люди в Камчадальские остроги шли. …Прошлого 703 году в Нижнем остроге побиты … Баташн[к]ов Амос» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 134 об.].

Почему я предполагаю, что на Камчатку прибыли двое Батожковых (Баташковых)?

Да вот почему: в переписи 1722/1748 года указан проживающий в Нижнекамчатском остроге посадский человек Аника Баташков [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 122 об.].

Но уж больно этот посадский человек не походил ни на торгового, ни, тем более, ремесленного человека, обладая, как и многие служилые люди на Камчатке, собственными дворовыми людьми — то есть ясырем, военной добычей:

«Камчадальского острогу служилые.

Промышленного Аники Баташкова дворовые крещеные Егор, Алексей, Уемтина, Кинач, Семака» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 104 об.].

На Камчатке следы Баташковых обрываются.

Но… появляются на Чукотке:

«Смотровые списки Сибирскаго Гарнизона Пехотнаго батальона штаб обер ундер афицерам капралам рядовым и другим чинам. Учинен при осмотре брегадира и Таболского обер коменданта Павлуцкаго апреля 1 дня 1754 года.

…Гаврило Бадашков — 35 л. (1719), с 738 г. генваря 1-го, из казаков г. Сургута, женат детей мужска полу нет, в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г. июня с 28 числа» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478. Л. 76 об. – 77].

В Сургуте в начале 1700 годов Батошковы занимали одно из ведущих мест служилого сословия города-крепости:

«Алексей — казак; в 1710 получал 5 руб. с четью, 4 чети ржи, 2 чети с полтиной овса, 1,5 пуда соли.

Сыновья: Петр (1699), Иван (1706–1710).

Василий — казачий десятник с окладом 5 руб. с четью, 4 чети ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли (1710).

Дементий — казак…

Дмитрий — подьячий (1710).

Иван — казак (1710). Сын Дмитрий (1707).

Петр — казачий десятник (1710). Сын Никифор» [Служилые люди Сибири в конце XVI – начале XVIII вв., М-СПб, 2020, стр. 75].

БАЧИНИНЫ

В 1689 г. в Исетской волости Тобольского уезда была деревня Баченина (Бачинина) на реке Юрюме. Но самих Бачининых в этой деревне уже не было — вполне вероятно, что они были переселены на новые места, а может быть, либо верстаны в казачью службу, либо забраны в рекруты и забриты в солдаты.

Вот пример:

«Команда Анадырской Секретной экспедиции 1761 г.

Солдаты Енисейского пехотного полка:

Максим Бичинин (Бачинин)» [ГВИА. Ф. РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3].

И его вероятный внук.

«Тигильская крепость, 1815 год. Исповедальные росписи Тигильской Христорождественской церкви:

казаки

Косыгин Петр Иванович (32). Ж. Мария Тимофеева.

Дети: Иван (4), Настасия (2).

Племянники его: Максим Иванов Бачинин (17) (1799), Константин Иванов Камкин (19) (1796)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

Дети Максима Ивановича:

«Отец всех Бачининых — Баченин (так в документе) Максим Иванович (1799) происходил из солдатских детей. В 1845 году был вдов и имел на иждивении дочерей Софью (1831) и Варвару (1837)» [РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 5. Д. 515. Л. 724].

А сыновья были сами уже на службе.

«Камчатский флотский экипаж

Боцманманты

Бачинин Иван Максимов сын (1822) — боцманмант, из солдатских детей, уроженец Камчатской области, с 1839 года служил в Камчатской экипажной роте, с 1844 по 1855 год служил на боте “Камчадал”, имел бронзовую медаль в память о событиях 1853–1856 гг.

Квартермейстеры

Бачинин Александр Максимов сын (1828) — квартирмейстер, из солдатских детей, уроженец Камчатской области, поступил в Камчатскую экипажную роту матросом 2-й статьи в 1840 г., с 1845 г. — матрос 1-й статьи, с 1850 г. квартирмейстер, в 1853 с 30 марта на корвете “Оливуца” в переходе на Гонолулу и обратно (1854 г.), на транспорте “Двина” 8 и 9 мая 1855 г. участвовал в действительном сражении в заливе Де-Кастри против англо-французской эскадры.

Матросы

Бачинин Андреян Максимов сын (1826) – матрос 1-й статьи, в 1853–1855 на боте № 1, экипаж которого предупредил о вражеском нападении на Петропавловск экипаж паровой шхуны “Восток”, поспешившей скрыться в лимане реки Большой на западном побережье Камчатки».

Интересная информация есть о тендере «Камчадал», на котором служил старший из братьев Бачининых:

«Тендер “Камчадал” был построен на Ситхе для службы в Камчатке, спущен там на воду в 1843 г. и 14 июня того же года пришел в Петропавловск. Судно это — 56 футов длиной, 18 футов шириной, с осадкой в 8½ футов, было вооружено 6 небольшими пушками (фальконетами) и, в случае нужды, могло идти при помощи 4 длинных весел, пропущенных через люки в бортах. Оно имело всего одну мачту и выдвижной бугшприт, чтобы иметь возможность в случае бури убавить паруса. Ему было предоставлено право носить русский военный флаг, и, пожалуй, лишь это одно напоминало в нем военное судно; дисциплина и опрятность, к сожалению, оставляли желать весьма многого. Капитаном этого судна состоял А.М. Чудинов, лейтенант корпуса штурманов. Он происходил из низшего сословия, родился в Охотске и получил образование в местном штурманском училище; это был обходительный и добродушный человек, хорошо понимавший дело управления своим судном. Ему недоставало общего образования, и кругозор его был, так сказать, чисто “охотским”, так как ему никогда не приходилось бывать нигде более. Под его командой состояли: один штурман — кадет Кокорин, 2 унтер-офицера и 12 матросов» [Карл фон Дитмар].

Сегодня мы знаем имена членов экипажа из состава 46-го флотского экипажа 1853 года:

Бачинин Иван Максимович — боцманмат

Голых Илья Петрович — матрос 1 статьи

Дурынин Степан Гаврилович — матрос-рулевой

Ломаев Илья Степанович — матрос 2 статьи

Миронов Максим Петрович — матрос 1 статьи

Наянов Матвей Елизарович — матрос 1 статьи

Никифоров Федор Федорович — матрос-рулевой

Паньшин Петр Николаевич — матрос 1 статьи

Соленов Александр Иванович — матрос 1 статьи.

Есть картина «Бот “Камчадал” в кипящем Охотском море». Художник Валерий Иванович Шиляев. Тема будущей трагедии этого бота и его экипажа.

А вот и подробности.

«Тендеръ “Камчадалъ” снялся съ якоря съ Николаевскаго рейда на Амурѣ 11-го октября 1858 г. для доставленія груза въ Удскъ съ тѣмъ, что ежели до 20 октября онъ не будетъ имѣть возможности придти по назначенію, то долженъ слѣдовать на зимовку въ Аянъ. При тендерѣ имѣлся одинъ 4-хъ весельный ялъ. Плаваніе тендеру предстояло самое тяжелое: погоды въ это время стояли бурныя, постоянно дули свѣжіе вѣтра, сопровождаемые морозомъ и снѣгомъ; самое же судно было уже старо и весьма не надежно; во время починки его, стоило много трудовъ чтобъ уменьшить въ немъ течь. Тендеръ, однако, нагрузили и, несмотря на позднее время года, отправили въ путь. Въ послѣднихъ числахъ ноября разнесся слухъ, что въ сѣверной части Амурскаго лимана позднею осенью погибло какое-то судно. При этомъ извѣстіи невольно приходилъ на умъ “Камчадалъ”. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого слуха, главный командиръ немедленно послалъ туда кап.-лейт. Болтина и полицмейстера хорунжаго Матвіевскаго; имъ было поручено освидѣтельствовать судно и собрать отъ гиляковъ свѣдѣнія относительно судовой команды. Когда они воротились въ Николаевскъ, то гибель тендера была уже не слухъ, а страшная истина. Они привезли съ собою замерзшаго унтеръ-офицера, тѣло котораго было найдено на льду между тендеромъ и берегомъ, крѣпко перевязанное веревками что заставляло предполагать какое-нибудь насиліе со стороны туземцевъ-гиляковъ. На вопросъ, зачѣмъ они его связали? они отвѣчали, что это ихъ обычай

относительно всякаго умершаго. Говорятъ, что какой-то гилякскій мальчишка проговорился, будто видѣлъ его живымъ, но потомъ опять сталъ отговариваться, что сказалъ неправду.

На тендерѣ “Камчадалъ” были офицеры: прапорщики Кузьминъ и Алексѣевъ; нижніе чины: квартермейстеръ Сѣровъ; матросы: Клишенко, Коршуновъ, Колчинъ, Топаровъ, Казаковъ, Куртышовъ, Потѣхинъ, Плюговъ, Широковъ и Ерешинъ. Прапорщикъ Алексѣевъ, сынъ смотрителя Николаевскаго госпиталя, бѣдные родители котораго нарочно поселилось на Амурѣ, чтобы быть вмѣстѣ съ сыномъ. За тѣмъ къ мѣсту крушенія была отправлена слѣдственная коммиссія, которая, прибывъ туда 12-го декабря 1858 года, нашла тендеръ на банкѣ у малаго Пуирскаго фарватера лежащимъ на правомъ боку; вся правая сторона по ватервейсу отошла на ½ фут. до половины праваго шкафута, а правая раковина отстала болѣе чѣмъ на футъ. Палуба и половина праваго шкафута переломлена и вся носовая часть опустилась около двухъ футовъ, такъ что обломокъ фокъ-мачты и кнехты поднялись около пяртнерса на полтора фута, фокъ-мачта сломана выше палубы на девять футовъ и лежитъ подъ лѣвой стороной; ванты съ обѣихъ сторонъ и весь бѣгучій такелажъ перерублены; на обломкѣ фокъ-мачты остались раксы, привязанные къ шхаторинѣ, но самый парусъ вырванъ; около мачты же найденъ форштевень отъ шлюпки; бушпритъ, сломанный у самаго форштевня, лежалъ на лѣвой сторонѣ, спутанный такелажемъ; гротъ мачта цѣла; гафель съ продернутыми гарделью и дирикъ-фаломъ, поднятъ до мѣста; гикъ на мѣстѣ; гикатопенантъ и гика-тали оборваны; гикъ лежалъ на правомъ борту; разносный грота-штагъ запутанъ около мачты и около него обвернутъ вымпелъ; гротъ-ванты съ правой стороны лопнули отъ топа на шесть футовъ; гротъ-стеньги нѣтъ и стень-такелажъ прихваченъ у езельгофта; руль положенъ лѣво на бортъ, но вышибленъ изъ петель и палуба около него разворочена; штурвалъ закрѣпленъ, и штуръ тросы цѣлы; люковъ на палубѣ нѣтъ и самая палуба прорублена въ трехъ мѣстахъ; обшивка фальшбортовъ на правой сторонѣ вся сломана; канатъ отклепанъ отъ якоря и якорь, повисши лапами за бортъ, лѣвый же якорь на мѣстѣ, принайтовленъ, также съ отклепаннымъ канатомъ, который приклепанъ къ маленькому верпу, лежавшему на якорѣ; сзади лѣваго якоря, на лѣвой сторонѣ принайтовленъ еще верпъ; около судна и въ особенности на правой сторонѣ громада льдинъ и вся носовая часть покрыта льдомъ и снѣгомъ, въ полторы сажени толщиною, воды въ суднѣ въ кормовой части пять футовъ девять дюймовъ, въ носовой же семь футовъ.

Послѣ наружнаго осмотра прорубили палубу въ кормовой части и вытащили крючками тѣло прапорщика корпуса флотскихъ штурмановъ Алексѣева; онъ былъ одѣтъ въ теплое форменное пальто, въ шерстяную рубашку, подъ которой была еще миткалевая рубашка; на шеи шерстяная шаль, на ногахъ большіе сапоги. Потомъ вытащили въ чехлѣ саблю съ портупеей, небольшой кожаный мѣшокъ съ деньгами и хронометръ, остановившійся на 4 час. 18 минутахъ. 13 декабря продолжали вырубать палубу, вытащили тѣло жены боцмана Сѣрова, вытащено нѣсколько мѣшковъ муки и разные лоскутки отъ платьевъ. 14-го декабря продолжали очищать палубу отъ льда и снѣга и вытащили нѣсколько мѣшковъ муки и сюртукъ прапорщика Алексѣева; въ карманѣ сюртука нашли маленькую тетрадку, въ которой двѣ страницы исписаны карандашомъ, но карандашъ уже потерся. 15-го декабря продолжали ломать палубу, вмѣстѣ съ тѣмъ работали крючками и вытащили изъ форъ-люка тѣло матроса и запасный парусъ; 16-го декабря вытащили нѣсколько мѣшковъ муки; 17-го декабря палуба была окончательно сломана и вытащили въ тотъ день четырехъ матросовъ. 18-го декабря продолжали еще поиски, но никого найти не могли. За тѣмъ началось слѣдственное дѣло, на которомъ были опрошены нѣсколько гиляковъ. Изъ нихъ а) Моуганъ показалъ, что именно въ которое время — не помнитъ, но послѣ сильнаго вѣтра увидѣлъ судно безъ парусовъ съ одной мачтой и на третій день отправился къ нему; въ этотъ день была тоже большая волна; судно съ одной стороны было полно воды, носъ его былъ цѣлъ, а корма съ правой стороны сломана; на палубѣ ледъ; въ палубѣ въ носу видѣлъ два тѣла, въ кормѣ одно и на палубѣ одно, которое взяли съ собою. Онъ, Моуганъ, говорилъ гилякамъ взять и другія тѣла, но они не согласились. Не дали знать въ Николаевскъ потому, что ледъ еще не стоялъ. Найденный на палубѣ человѣкъ былъ однимъ концемъ веревки обвернутъ вокругъ тѣла, а другой конецъ спущенъ за бортъ; казенныхъ ружей на суднѣ не видали, а взяли только винтовки. Бумагъ или инструментовъ на суднѣ не видалъ, мертвыхъ тѣлъ нигдѣ въ окрестностяхъ не выбрасывало. Опредѣлить время, въ какое онъ увидѣлъ судно — не можетъ, но помнитъ, что это было за три или четыре дня до пріѣзда казака Огибалова (Казакъ Огибаловъ былъ въ деревеѣ Лангре 16 ноября 1858 года.), б) Неринганъ не помнитъ когда увидѣлъ судно; но ледъ носило еще по лиману; вѣтеръ былъ NO. Парусовъ не было и судно стояло на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь; прежде подъ парусами его не видалъ. На третій день, какъ увидѣли судно, ѣздилъ туда гиляк Моуганъ на лодкѣ и воротился въ тотъ же день, разсказавъ, что видѣлъ на палубѣ мертваго человѣка; что мачта и корма сломаны, что воды въ суднѣ больше половины и лежитъ оно на правомъ боку. Моуганъ привезъ три куска дабы и три ружья. Въ тотъ же день отправились еще двѣ лодки; на одной изъ нихъ находился и онъ, Неринганъ, и нашли они судно въ такомъ видѣ, какъ разсказывалъ Моуганъ: въ суднѣ былъ ледъ; прорубивъ палубу, доставали вещи крючками, а нѣкоторыя вещи, лежавшія на лѣвой сторонѣ, внѣ воды были сухія; вещи отъ нихъ отобраны, только осталось немного дабы. До того времени какъ увидѣли судно, былъ сильный вѣтеръ съ морозомъ и снѣгомъ. У гротъ-мачты видѣлъ только двѣ доски; палу-

ба была покрыта льдомъ и снѣгомъ. Въ кормѣ и въ носу видѣлъ по одному трупу, а другіе гиляки говорили ему, что видѣли въ носу два трупа. Выстрѣловъ не слыхалъ и шлюпокъ не видалъ; трупъ, найденный на палубѣ, былъ обвязанъ веревкой, которая была завязана за гротъ мачту, а другой конецъ былъ спущенъ за бортъ, в) Сембреинъ показалъ, что на суднѣ былъ ледъ образовавшійся отъ замерзшей воды; люки были открыты, воды съ правой стороны судна въ полъ роста человѣка; видѣлъ провіантъ и два трупа въ форъ-люкѣ. Прежде судна подъ парусами не видалъ, а увидѣлъ его послѣ шторма, т. е. около половины пришедшей луны. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится судно, воды при убыли по колѣно, а въ полную — сажень; шлюпокъ не видалъ. Гиляки: Уалкинъ, Латунгъ, Полизвеинъ, Мевгунъ, Эддемъ, Очинъ, Янюнъ, Сегинъ, Топпенъ, Дабинъ и Надбель бывши опрошены каждый порознь, показали то же, что и гилякъ Сембреинъ. Гиляки: Чамтуръ и Кружка подтвердили показанія Сембреина, добавивъ, первый, что видѣлъ судно подъ парусами, шедшимъ съ моря къ Сахалину, послѣ того четыре дня былъ штормъ со снѣгомъ, такъ что ничего не было видно, а послѣ шторма увидалъ судно на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно теперь; а послѣдній сказалъ, что видѣлъ судно, шедшее подъ парусами въ море къ сѣверу, а потомъ, дней чрезъ 10 или болѣе, увидѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится. Вещи, найденныя на тендерѣ “Камчадалъ” отобраны отъ гиляковъ и возвращены по принадлежности (Гражданскому вѣдомству, въ 27 флотскій экипажъ и въ контору надъ портами Восточнаго океана и частнымъ лицамъ.). Изъ судебно-медицинскихъ свидѣтельствъ, найденныхъ на тендерѣ “Камчадалъ” семи тѣламъ, оказалось, что смерть всѣхъ ихъ произошла отъ апоплексіи вслѣдствіе замерзанія.

Командированный изъ числа членовъ слѣдственной коммисіи на островъ Сахалинъ, для собранія свѣдѣній о гибели тендера “Камчадалъ”, корпуса штурмановъ прапорщикъ Петровъ донесъ, что 14-го января 1859 г. онъ переѣхалъ лиманъ противъ острова въ Хаземпоръ, и сталъ собирать свѣдѣнія отъ гиляковъ въ первой встрѣтившейся ему деревнѣ; но гиляки объявили, что они ничего не знаютъ и вещей никакихъ не имѣютъ, кромѣ муки и мѣшковъ, которые выкидывало на берегъ въ исходѣ іюля или въ началѣ августа; а одинъ изъ гиляковъ сказалъ, что въ деревнѣ Теньги, къ сѣверу по Сахалину, есть у гиляковъ вещи, какъ то; ружье, пистолетъ, револьверъ, двѣ шкатулки и не много водки. Въ помянутую деревню онъ прибылъ 15-го числа и сталъ просить вещи, выкинутыя съ судовъ: гиляки безъ всякаго сопротивленія отдали двѣ китайскія шкатулки, обрѣзки платковъ (бѣлыхъ), которые они взяли цѣлымъ кускомъ, но раздѣлили между собой и сшили рубашки; казенное ружье безъ штыка и пистолетъ были переданы въ деревню Ташльво. Всѣ эти вещи были закупоренны въ ящикъ, который былъ принайтовленъ, какъ онъ послѣ увидѣлъ, къ диванной рамѣ (на которую наклыдывается подушка), ружье же и пистолетъ были привязаны на крышкѣ ящика; вещи эти выкинуты были въ концѣ іюля или въ началѣ августа. Потомъ гиляки объявили, что на другой день найдены три мертвыя тѣла, а чрезъ нѣсколько дней желѣзная шлюпка, и что тѣла они погребли, а шлюпку вытащили на берегъ; осенью же найденъ боченокъ съ водкой, замерзшій во льду на банкѣ и, какъ гиляки показываютъ, водки было не менѣе трехъ ведеръ; но уже вся выпита и ему показали въ глиняномъ кувшинѣ не болѣе какъ бутылки четыре, въ смѣси съ разсоломъ; муки въ этой деревнѣ видѣлъ пудовъ до пятидесяти, пересыпанной въ ящики и бочки, но подмоченной и даже сопрѣвшей; о тендерѣ они только и знаютъ, что онъ прошелъ утромъ при W вѣтрѣ къ сѣверу подъ парусами. Послѣ опроса прапорщикъ Петровъ отправился въ тотъ же день осмотрѣть тѣла и шлюпку; и какъ ближе къ деревнѣ находилась шлюпка, то онъ началъ съ нее и нашелъ въ слѣдующемъ состояніи: наружная обшивка нигдѣ не пробита, ящики въ кормѣ и въ носу срѣзаны, внутри полшлюпки льду; потомъ отправился къ мѣсту, гдѣ погребены тѣла, и когда прибылъ, приказалъ разрыть могилу и увидѣлъ, что мертвый положенъ въ теплой синей рубашкѣ и въ нижнихъ панталонахъ, лицомъ внизъ, и когда его подняли, то лица нельзя было различить, потому что тѣло уже сгнило, но на головѣ кое-гдѣ еще видны были свѣтлорусые волосы. Гилякъ, который при этомъ находился, сказалъ, что и другія два тѣла положены также въ такой же одеждѣ и въ одно время. Послѣ чего тѣло было погребено на томъ же мѣстѣ и поставленъ крестъ. Въ прочихъ деревняхъ гиляки знаютъ, что осенью, когда былъ ледъ на отмеляхъ, прошло двухмачтовое судно къ сѣверу подъ парусами. 17 числа прибылъ Петровъ въ деревню Тошльво и гиляки показали, что видѣли двухмачтовое судно, идущее къ сѣверу подъ парусами при вѣтрѣ; но оно въ тотъ же день скрылось, а послѣ, чрезъ два дня, былъ крѣпкій N вѣтеръ. Въ этой же деревнѣ взятъ пистолетъ; тутъ же были гиляки изъ сѣверныхъ деревень, но они судна осенью совсѣмъ не видали.

При разсмотрѣніи дѣла въ Генералъ-ауditоріатъ, членъ Генералъ-аудиторіата контръ-адмиралъ Завойка, по приказанію управляющаго Морскимъ Министерствомъ, представилъ по этому дѣлу записку; извлеченіе изъ нея нельзя не включить въ число самыхъ интересныхъ свѣдѣній касательно гибели “Камчадала”. Контръ-адмиралъ Завойка говоритъ слѣдующее: Прочитавши извѣстіе о гибели изъ Амурской флотиліи тендера “Камчадалъ” и джонки съ продовольствіемъ, предназначеннымъ для охотскаго края, я скорблю душой о потерѣ людей, которые дороги мнѣ, какъ мои дѣти, ибо каждый человѣкъ бывшаго 46 флотскаго экипажа перенесъ со мною столько трудовъ, что трудъ сроднилъ насъ. Такъ же скорблю о томъ бѣдномъ народонаселеніи въ пустыняхъ, которое обречено два года бѣдствовать отъ недоставленія къ нимъ продовольствія: сколько погибнетъ отъ этого людей и страдальческою смертью!

“Тендеръ ‘Камчадалъ’ построенный въ 1843 году или 1845, постоянно былъ въ работѣ и уже не могъ быть достаточно проченъ для зимняго плаванія въ 1858 г.; за симъ стоитъ взять метеорологическіе журналы и заглянуть въ нихъ, то окажется, что съ октября начинаются въ той странѣ значительные морозы; (въ мою бытность 10 октября ледъ покрылъ устье рѣки Амура и я ходилъ по льду). Тендеръ ‘Камчадалъ’ отправленъ 15 октября — и куда? Въ Удское! въ мѣсто, которому только наглядная составлена опись, а входить въ устьѣ рѣки Уды возможно только пять дней до новолунія, и пять послѣ новолунія; а не случись попутнаго вѣтра въ эти пять дней и какъ полная вода приходитъ въ ночное время, а въ темноту входить нельзя, то ожидать потребно цѣлый мѣсяцъ. Не угодно ли, для ясности, прочесть Кузьмина опись (Въ 1831 г. поручикъ Кузьминъ произвелъ опись рѣки Уды насчетъ Россійско-Американской Компаніи (см. Записк. Гидрографическаго Департамента) о входѣ въ рѣку Уду? Въ устьяхъ рѣки Уды жилья нѣтъ, а селеніе около 90 верстъ въ верховьяхъ рѣки, и помощи ожидать нельзя съ берега — пустыня совершенная. Въ октябрѣ, въ исходѣ, день бываетъ часовъ до шести, морозы за 10°, шторма; отъ пара, исходящаго изъ воды, съ наступленіемъ морозовъ бываетъ постоянный туманъ, доходящій до мглы; теченія около удскаго берега и Шантарскихъ острововъ, по измѣренію г. Кузьмина, доходятъ до 4 миль въ часъ, а въ самыхъ устьяхъ рѣки Уды, теченіе при низкихъ водахъ доходитъ до 8 узловъ, но приливы превозмогаютъ быстроту рѣки, останавливая, а иногда обращая теченіе ея на разстояніе 10 верстъ. На тендерѣ шлюпка двойка; на этой двойкѣ, командиру предстояла работа: имѣть сообщеніе съ берегомъ при означенномъ теченіи, промѣрить устье рѣки, поставить створы для входа. Все это онъ долженъ сдѣлать на двойкѣ при теченіи и морозахъ, и за тѣмъ ожидать новолунія, а первое новолуніе послѣ его выхода изъ Амура было 25 октября, а если вѣтръ не благопріятствовалъ бы въ это новолуніе, то ожидать слѣдующаго до 23 ноября. Итакъ, вышеозначенныя ожиданія всѣ должны исполниться на открытомъ рейдѣ при морозѣ и штормахъ, а за тѣмъ, къ означенному времени, какъ значится по наблюденію Кузьмина, рѣка Уда 21 октября покрывается льдомъ. Какъ же не оградить отъ несчастій въ этой дальней странѣ закономъ: не высылать судовъ позже 20 сентября въ рейды съ продовольствіемъ? Какъ же не дать средствъ для поданія помощи судамъ, подходящимъ къ пустынному берегу съ продовольствіемъ? а чрезъ неимѣніе означенныхъ средствъ предоставлять людей, живущихъ въ пустыняхъ, рисковать снабженіемъ въ продовольствіи, безъ котораго они въ суровомъ климатѣ остаются аки птицы небесныя, не имѣя что съѣсть; но у птицъ крылья есть, онѣ долетятъ къ пищѣ, а человѣку невозможно по пустынямъ перескочить 1200 верстъ до перваго жилья — города Якутска, гдѣ они могутъ найти себѣ продовольствіе. Я предвижу, если не отмѣнится въ такихъ способахъ снабженіе продовольствіемъ Удскаго и Охотскаго краевъ, какъ произведено въ 1858 году, то бѣдствія судовъ и людей будутъ неизбѣжно продолжаться и впредь”.

По поводу записки этой и возникшаго, вслѣдствіе ея, со стороны Генералъ-Аудиторіата запроса, военный губернаторъ Восточной Сибири заявилъ: что 1) по отдѣленіи Приморской области отъ Якутской, Удскій край отошелъ въ управленіе Приморской области и, по распоряженію генералъ-губернатора, долженъ былъ снабжаться провіантомъ изъ Николаевска, о чемъ и было сообщено въ Якутскъ, а потому онъ зналъ, что если не будетъ посланъ провіантъ изъ Николаевска, то Удской край останется безъ продовольствія. Но, по полученіи этого распоряженія, онъ не могъ тотчасъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, ибо въ это время въ Николаевскѣ не было ни одного судна, да и единственное, которое могло бы идти въ Удское, это былъ тендеръ “Камчадалъ”, непришедшій еще тогда въ Николаевскъ изъ Удскаго, гдѣ онъ зимовалъ. По приходѣ тендера въ Николаевскъ были, по требованію командира, сдѣланы всѣ исправленія какъ по корпусу судна, такъ и по его вооруженію. 2) Несмотря на словесныя объясненія бывшаго командира тендера “Камчадалъ”, удостовѣрявшаго, что ледъ въ рѣкѣ Удѣ не можетъ препятствовать входу тендера въ рѣку, ибо рѣка покрывается льдомъ въ ноябрѣ, онъ далъ ему предписаніе, на случай совершенной невозможности войти въ рѣку Уду, идти въ Аянъ и перезимовавъ тамъ, доставить провіантъ раннею весною въ назначенное мѣсто. Касательно климатическихъ условій онъ имѣлъ въ виду и то, что баркъ Пальмета, съ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ вышелъ изъ Николаевска 1 октября, и пришелъ въ Аянъ 18 октября, идя по Сахалинскому каналу, тогда какъ тендеръ “Камчадалъ”, состоящій въ грузу гораздо менѣе барка Пальмета, могъ идти пуирскимъ фарватеромъ, т. е. тѣмъ именно путемъ, которымъ онъ уже дѣлалъ рейсы благополучно и съ тѣмъ же самымъ командиромъ, слѣдовательно можно было разсчитывать на гораздо скорѣйшій переходъ тендера, нежели сдѣлалъ баркъ Пальмета. Притомъ онъ имѣлъ въ виду еще и то, что англо-французская эскадра осталась въ Охотскомъ морѣ до ноября, что китобойныя суда уходятъ изъ Охотскаго моря въ концѣ ноября и что всѣ плавающія суда имѣли самое лучшее время для плаванія въ Охотскомъ морѣ въ октябрѣ, ибо въ это время туманъ, постоянно господствующій лѣтомъ, исчезаетъ и наступаетъ ясная погода точно такъ же какъ и въ самомъ Николаевскѣ. Наконецъ, нельзя опредѣлить положительно, когда именно погибъ тендеръ “Камчадалъ”: тотчасъ ли по выходѣ его изъ Николаевска или въ то время, когда были уже морозы. Разсчитывать на невозможность плаванія въ октябрѣ въ Охотскомъ морѣ онъ полагалъ неосновательнымъ, да и короткое время плаванія не должно было удерживать судно въ гавани, въ томъ предположеніи, что судно можетъ разбиться. Довѣряя судно командиру, вмѣстѣ съ тѣмъ воз-

лагается на него и обязанность распорядиться по своему усмотрѣнію; ибо не всегда данное предписаніе можетъ быть выполнено, а дѣйствія командира можно разбирать только по исполненіи возложеннаго порученія. Это не разъ было съ судами сибирской флотиліи, гдѣ спасеніе судна и команды зависѣло отъ распорядительности командировъ. Такъ, напримѣръ, шхуна-бригъ "Байкалъ", выйдя поздно изъ Охотска въ Петропавловскъ, по предписанію же начальства, не могъ попасть въ Петропавловскъ и ушелъ на зимовку на Сандвичевы острова. Транспортъ "Японецъ", нагруженный казеннымъ грузомъ, долженъ былъ придти въ Николаевскъ, но, встрѣтивъ льды, не остался въ лиманѣ, а ушелъ на зимовку въ Хакодаде. И подобныя распоряженія командировъ никогда не ставятъ имъ въ вину, если только всѣ ихъ распоряженія были основаны на здравомъ обсужденіи своихъ дѣйствій, клонящихся къ сохраненію судна и команды. А потому командиръ тендера "Камчадалъ", которому не было дано предписаніе исполнить порученіе во что бы то ни стало, имѣлъ возможность дѣйствовать по обстоятельствамъ и могъ даже возвратиться въ Николаевскъ, тѣмъ болѣе, что въ то время, когда тендеръ былъ въ лиманѣ, только что возвращались другія суда сибирской флотиліи.

Разсмотрѣвъ слѣдственное дѣло и соображая обстоятельства этого дѣла морской Генералъ-аудиторіатъ не могъ не принять но вниманіе 1) что въ октябрѣ климатъ въ Удскомъ краѣ становится весьма уже суровымъ, а плаваніе при устьѣ рѣки Удѣ, и въ особенности входъ въ самую рѣку безъ створныхъ и другихъ знаковъ, невозможенъ во второй половинѣ октября, какъ видно изъ описанія Удскаго края, произведеннаго поручикомъ Кузьминымъ въ 1829 году; 2) что съ первыхъ чиселъ октября 1858 г. начались въ амурскомъ лиманѣ холода и въ день отправленія тендера "Камчадалъ" 11 числа морозъ доходилъ до 6°, какъ оказывается изъ метеорологическихъ наблюденій въ Николаевскѣ; 3) что октябрь сопровождается въ амурскомъ лиманѣ мятелями и сильными сѣверными вѣтрами, какъ надо заключить изъ вышеприписанныхъ словъ опредѣленія коммисіи военнаго суда и портоваго метеорологическаго журнала, и 4) что тендеръ "Камчадалъ", построенный еще въ 1843 году, едва ли могъ считаться благонадежнымъ для зимняго плаванія въ столь бурное и суровое время. Объясняя распоряженіе свое о поздней посылкѣ тендера, командиръ сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана указываетъ, между прочимъ на удостовѣреніе погибшаго командира тендера, зимовавшаго въ 1857 и 1858 годахъ въ Удскомъ, что ледъ въ рѣкѣ Удѣ не можетъ препятствовать входу тендера въ Уду, ибо рѣка покрывается льдомъ въ ноябрѣ; но при вышеозначенныхъ имѣющихся въ виду данныхъ, едва ли благоразумная предусмотрительность въ морскомъ отношеніи позволяла положиться безусловно на таковыя слова командира тендера, а за этимъ нельзя и признать означеннаго объясненія достаточнымъ для совершеннаго устраненія сомнѣній о томъ, не вслѣдствіе ли слишкомъ поздняго и несвоевременнаго отправленія тендера "Камчадалъ" послѣдовала гибель онаго и всей бывшей на немъ команды. Все сіе подлежитъ, по мнѣнію морскаго Генералъ-аудиторіата, поставить на видъ главному портовому начальству въ портахъ Восточнаго океана, для предупрежденія на будущее время подобныхъ гибельныхъ послѣдствій, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть нерѣдко предотвращаемы благовременной заботливостью и ближайшею попечительностью мѣстнаго начальства.

Полагая за симъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній къ положительному обвиненію кого-либо въ самой погибели тендера, для направленія дѣла сего на судебное разсмотрѣніе, морской Генералъ-аудиторіатъ опредѣляетъ: 1) слѣдственное о семъ несчастномъ случаѣ дѣло оставить безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. 2) Убытки, происшедшіе отъ погибели тендера "Камчадалъ", принять на счетъ казны. Мнѣніе генералъ-аудиторіата Высочайше утверждено» [Конкевичъ Л.Г. Лѣтопись крушеній и другихъ бѣдственныхъ случаевъ военныхъ судовъ русскаго флота. — С.-Петербургъ: Типографія Морскаго министерства, 1874].

Все Бачинины со своими семействами в 1855 году стали жителями Приамурского края, будучи переведенными вместе со всем гарнизоном Петропавловского порта в Николаевск-на-Амуре.

А там следы братьев теряются…

Но, возвращаясь к истокам этой фамилии на Дальнем Востоке, поиск корней Бачининых — участников Петропавловской обороны 1854 года, привел нас в Нерчинск.

Первое открытие сделал для нас историк Г.Ф. Быконя:

«Показательна … история сотрудничества с Берг-коллегией и Кабинетом семьи иркутских купцов Сибиряковых. Усилиями известного горного специалиста Шлаттера, который выяснял возможности расширения Нерчинских заводов, Сенат утвердил целую программу в "пользу вольного рудного промысла". В инструкцию начальнику Нерчинских заводов Н. Клеопину от 5 января 1758 г. вошли многие положения доклада Шлаттера. Там самокритично отмечалось, что "казенный прииск при добыче руд с вольными охотниками сравниться никогда никоим образом не может", поэтому следует компаниям в 4–6 человек разрешать горный промысел, предоставлять им казенную ссуду с "дачей умеренного числа людей на их щет, дабы они в такую отдаленную сторону ехать и в то полезное для государства дело вступить отважились", выводить их из-под ведения воевод и защищать от произвола. Податных и приписных крестьян, которые сами займутся рудным промыслом и будут доставлять руду на заводы, освобождать от заводских работ и натуральных повинностей, а подати позволить вносить "одной натурой" — деньгами. После публикации в Нерчинском и соседних уездах Восточной Сибири к маю 1758 г. охотниками

вольного рудного промысла вызвались быть иркутские первогильдийский купец Михаил Сибиряков и крестьянин А. Лопатин, нерчинский посадский К. Филиппов да пермский рудокопщик И. Кузнецов. Особенную активность проявил Сибиряков с компаньонами А. Лопатиным и унтер-штейгером Бачининым. С весны 1759 г. на добыче руд они задействовали уже несколько десятков "данных им горных служителей с прибавлением к тому партикулярных работников". К 1760 г. компаньоны истратили уже около 5 тыс., подрядившись ставить Нерчинским заводам с новооткрытых ими трех рудников руду с оплатой за каждый золотник выплавленного из ней серебра — по 7 копеек, если со ста пудов будет выходить по 2 фунта металла. Для развертывания работ и "освобождения от дальнего убытка" М. Сибиряков просил передать им еще казенный Новозерентуйский рудник, а так же дать ему "чин даурского рудного промыслу берг-комиссара". 13 января 1760 г. канцелярия Нерчинского горного начальства просила Берг-Коллегию утвердить ее соглашение с компанией Сибирякова и особым третьим пунктом поддержала его просьбу о чине. Аргументация была очень характерной: "Ему же Сибирякову для болшаго усиления и придачи охоты ему и другим на него смотря, к вольному рудному промыслу, в чем зависит интерес и чтоб удобно было ему командовать при рудном промысле работниками, иногда великим числом, в том числе и данными от здешней канцелярии горными служителями, и мог бы он голос иметь с надзиратели при казенных делах, где ему нужда случается, без презрения, и дабы впредь непослушания, посмеяния и нарекания, предписанныя работники и протчия ему делать не отважились (как то было, что некоторой из данных от здешней канцелярии горных служителей в случае бытия при горной работе, презирая называл ево с товарищем мужиками и свиньями, за что по изобличению оному и наказание учинено), дать чин даурского рудного промыслу берг-комиссара…с рангом прапорщика". Подчеркивалось также, что Сибиряков грамотен, выбирался бургомистром и нес другие общественные службы. Наконец, напоминалось, что в 1734 г. уже имелся подобный прецендент с присвоением чина пермскому рудопромышленнику П. Коркину. Берг- коллегия 15 октября 1760 г. ответила, что преждевременно ставить вопрос о чине, ибо, хотя Сибиряков старается, но пока основательного "ничего к пользе им не найдено". Желанный чин ни Сибиряков, ни его дети, активно участвовавшие в промышленном освоении Восточной Сибири, не получили. Печальный финал этой обанкротившейся к 90-м гг. семьи обстоятельно освещен в литературе» [Г.Ф. Быконя, Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект), Красноярск, 2007].

Откуда появились Бачинины в Нерчинске, мы так пока и не узнали. Но то, что эта фамилия в Нерчинске была не редкой, мы выяснили по материалам Государственного архива Забайкальского края:

1804 год

«Венчан служитель Дмитрей Васильев Бачинин полвторым браком умершаго служителя Василья Филюшина женой ево Параскевой» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 86. Л. 24].

1808 год

«В Генваре. 12/01 Крестьянин Кирило Гаврилов сын Бачинин первым браком крестьянина Ефима Самохвалова з дочерью девицей Наталией» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 95. Л. 14].

«У бергайера Антона Бачинина сын Иоанн.

Восприемники были: отцем бергайер Роман Шеметов, матерью кузнецкого мастера Киприяна Бачинина дочь девица Екатерина» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 95. Л. 13 об.].

1823 год

«Кузнечный подмастерье. Антон Бачинин» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 174. Л. 50 об.].

1826 год

«У крестьянина Логи Бачинина дочь Татиана … Мастера Пуда Бачинина дочь Елисавета … Бергайера Василья Бачинина сын Михайло. Восприемники: отставной бергайер Дмитрей Бачинин» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 210. Лл. 1 об., 10, 12].

Обращает на себя внимание разнообразие имен и сословной принадлежности.

И снова в наших руках документ, с которого мы и начали, собственно, свой рассказ:

«Команда Анадырской Секретной экспедиции 1761 г.

Тобольского полка

1. Иван Кошигин
2. Иван Зубарев
3. Яков Черепанов
4. Иван Дудин
5. Тимофей Глатков
6. Михайло Соколов

Енисейского полка

7. Сергей Завьялов
8. Данило Будылдин
9. Михайло Червяников
10. Михайло Шестаков
11. Степан Киселев
12. Андрей Агадонов
13. Кирило Краснояров
14. Еким Корнилов
15. Андрей Глатов
16. Петр Колл…
17. Семен Угольцов
18. Яков Саламатов

Иван Бедной — 759 г. Мая 4 дня умре

19. Григорий Белкин
20. Максим Бичинин (Бачинин)

Иван Шлыков — умре 1760.

Писарь Дмитрий Шихарев» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3. Л. 27].

И возникает закономерный вопрос: могли ли быть солдатами этих полков, расквартированных в Тобольске и других городах Сибири, нерчинцы?

Да — ответ положительный.

«Смотровые списки Сибирскаго Гарнизона Пехотнаго батальона штаб обер ундер афицерам капралам рядовым и другим чинам. Учинен при осмотре брегадира и Таболского обер коменданта Павлуцкаго апреля 1 дня 1754 года.

Иван Коровин — 66 л., с 710 г., из казаков г. Нерчинска, женат сын у него Леонтий 30 лет в Сибирской Гарнизонной Канцелярии писарем; где обретается — при батальоне.

Иван Кузнецов — 38 л., с 739 г., из казаков г. Нерчинска деревни Илечей, женат у него сын Яков 8 лет живет в Тоболску; в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г.

Андрей Никифоров — 41 г., с 740 г., из казаков г. Нерчинска, холост, в командировании в Бикатунской крепости 742 г.; в штрафах — … шпицрутен 3 раза» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478].

«Смотровой Список Сибирскаго Гарнизона Новоучрежденнаго Драгунскаго Полку 1753 г.

Андрон Плотников — 39 л., в 739 г., ис казаков г. Нерчинска, женат у него сын Никита 15 л. живет в доме.

Афонасей Попов — 47 л., в 739 г., ис казаков г. Нерчинска; женат детей мужска полу нет; в командировании в Томску в команде порутчика Языкова 748 г. августа с 1 числа.

Семен Ячменев — 28 л. в 739 г., ис казаков г. Нерчинска Ильинскаго острогу, грамоте читать и писать умеет; женат у него сын Алексей 4 лет живет при нем; где обретается — по Кузнецкой линии в Бикатунской крепости при полку; 751 г. … написан из плотников» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439].

БЕКЕТОВЫ

О Петре Ивановиче Бекетове написано множество статей самого разного уровня — от краткой биографии в энциклопедиях до популярных исторических очерков Владимира Бахмутова-Красноярского, в которых автор обращает внимание на целый ряд исторических деталей, выпавших из внимания предыдущих исследователей. Есть очень подробный очерк Е.В. Вершинина «Землепроходец Петр Иванович Бекетов», с которого мы и начнем собственный рассказ об истории этой сибирской фамилии.

И начнем мы эту историю с одной странной истории, случившейся в Тобольске.

Вот что пишет Е.В. Вершинин:

«Нарушая общепринятую схему изложения биографий, начнем с обстоятельств смерти П.И. Бекетова, которые вроде бы хрестоматийно известны благодаря замечательному “Житию” протопопа Аввакума. Версия Аввакума, часто повторяемая историками, сводится к тому, что в начале марта 1655 г. Петр Бекетов, “сын боярский лутчей”, проживал в Тобольске в своем дворе и был назначен в приставы к дьяку Тобольского архиепископского дома Ивану Струне. Последний, будучи посажен на цепь для “смирения” архиепископом Симеоном, бежал к гражданским воеводским властям и объявил “государево слово” как на Аввакума, так и на самого архиепископа. Именно поэтому воеводы не выдали его обратно Симеону, а назначили к нему пристава. Если верить Аввакуму, то 4 марта 1655 г. архиепископ предал Струну анафеме “в церкви большой”. Эта процедура вызвала протест со стороны Бекетова, который в церкви бранил Симеона и Аввакума, после чего “взбесился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертию зле”. Тело Бекетова якобы 3 дня лежало на улице и только потом было погребено сердобольными владыкой и протопопом» [Житие протопопа Аввакума. М., 1960. С. 69; Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 39].

И далее следует опровержение:

«Между тем известный енисейский землепроходец сын боярский Петр Бекетов в это время находился на Амуре в “войске” Онуфрия Степанова. С 13 марта по 4 апреля 1655 г. он “бился явственно” при защите осажденного маньчжурами Кумарского острога, о чем свидетельствуют сохранившиеся и заслуживающие доверия документы» [Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 134–140; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 556. Л. 44–45].

Владимир Бахмутов-Красноярский добавляет, основываясь на других источниках:

«П.А. Словцов в своей книге “Историческое обозрение Сибири” писал: «Степанов в 1656 году… отправляет ясачную казну с 50 казаками и приказывает им уже не возвращаться; с ними вместе отправился Бекетов в Енисейск и Пущин, строитель Аргунского зимовья, оба с ясаком, но последний со 120 сороками соболей, взятых с дучеров и гиляков».

«Недавно обнаруженные в архивах документы свидетельствуют о том, что Петр Бекетов, прикрывая государеву казну выйдет к Тунгирскому острожку вместе с Федором Пущиным. В мае 1657 года он прибудет в Якутск (РГАДА. Ф. 1177 “Якутская приказная изба”. Оп. 3. Д. 1191. Л. 2–7), откуда 17 июля 1657 года будет направлен с меховой казной и моржовой костью в столицу в сопровождении 33 служилых людей и двух целовальников. 21 сентября отряд прибыл в Енисейский острог, где ему пришлось зимовать. Сохранилась отписка Петра Бекетова якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о трудностях пути от Якутского до Енисейского острогов».

«Фишер со слов Миллера писал: “В 1660 году, возвратясь через Якутск и Илимск назад в Енисейск, он привез с собою немало соболей, которые ему служили защитою к отвращению наказания, коего он опасался за оставление острогов…”. Никаких ссылок на первоисточники Фишер при этом не привел. По всей вероятности, копии актов, вывезенные из Якутска Миллером, так и остались лежать в его бумагах, а их подлинники сгнили в Якутском архиве».

И тогда возникает вопрос: либо протопоп Аввакум нафантазировал, либо в Тобольске в

1655 году в приставах был другой сын боярский Петр Бекетов, умерший при столь запомнившихся протопопу Аввакуму обстоятельствах.

Бекетовы — старинный дворянский род, записанный в VI (самую древнюю) часть родословия отечественного дворянства.

Бекет — это учитель. Не простой учитель — а учитель детей бека (хана).

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечено: «*Бекетовы*. — Происходят от некоего Федора Бекетова. В XVII ст. Иван Ананьевич, Лев Ананьевич и Иван Афанасьевич были: первый — дворянином московским, второй — стряпчим, третий — также дворянином московским».

По поводу происхождения самого Петра Ивановича сведения весьма неопределенные. Вот что сообщает Е.В. Вершинин:

«В 1641 г. сам Петр Бекетов в челобитной указывал: “А родители, государь, мои служат тебе... по Твери и по Арзамасу по дворовому и по выбору” [Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века: Сб. док. М., 1951. С. 95]. Таким образом, старшие родственники Петра Ивановича числились в списках “дворовых” и “выборных” детей боярских своих уездов. В тогдашней иерархии чинов-званий служилых людей “по отечеству” ниже их были городовые дети боярские, выше — жильцы и дворяне московские. Достоверность показаний Петра Ивановича о родственных связях подтверждается сохранившейся жалованной грамотой (от 30 августа 1669 г.) “тверитину” Богдану Бекетову: за боевые заслуги во время войны с Польшей часть поместных земель Богдана была пожалована ему в вотчину [РГАДА, ф. 199, оп. 3, № 150, ч. 9, д. 1, л. 1–10]. В нескольких актах за 1510–1541 гг. отмечены дмитровский землевладелец Константин Васильевич Бекетов и его сын Андрей [Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. М., 1998. С. 119–120, 448]. Представляется, что Бекетовых в XVI в. и следует искать среди тверских и дмитровских детей боярских. В Арзамас кто-то из представителей данной фамилии мог быть переведен после основания этого города в 1578 г.».

Но, думаю, что ситуация могла быть гораздо более сложной. Приведу только один пример, когда представитель рода Бекетовых был лишен дворянских (поместных) льгот, а потом их вновь приобрел:

«Полонный опыт имел и Гаврило Савинов сын Бекетов. В десятне Водской пятины 1605 г. его скитания описываются следующим образом:

“Въ Иванегороде въ толмачахъ для Свейскаго языку, а въ московскомъ списке и въ десятне 112 году къ поместному и къ денежному верстанью не написанъ: Гаврило Савиновъ сынъ Бекетовъ, и во 114 году въ Иванегороде Гаврило Бекетовъ билъ челомъ государю, а сказалъ: былъ де онъ въ полону в Свеи 11 летъ, а изъ полону вышелъ в 97 году, а государева жалованья поместья за нимъ учинено безъ верстанья за полонъ и за службу въ Вотской пятине 400 чети, а велено ему быть въ Иванегороде на время для толмачества свейскаго языку, а поместнымъ де окладомъ не верстанъ, и государь бы его пожаловалъ, велел его поверстать поместным верстаньемъ, кому онъ въ Вотской пятине въ версту отечествомъ и службою. А денежное де государево жалованье оброкъ емлетъ изъ чети, и прежнюю свою ввозную поместную грамоту клалъ, а въ грамоте прежний его окладъ написанъ 400 чети. И бояринъ и воеводы Михайло Глебовичъ Салтыковъ да Василій Ивановичъ Белеутовъ да дьякъ Михайло Огарковъ Гаврила Бекетова поместьемъ поверстали по его поместью съ детьми боярскими Вотскія пятины. А окладчики про него сказали, что пригодится ему быть въ 550 чети“» [Селин А.А. Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году].

Примерно в такой же ситуации, по всей видимости, оказался и Петр Иванович Бекетов:

«1627 г. января 12. — Челобитная сына боярского П. Бекетова о поверстании его в стрелецкие сотники на место утонувшего в р. Обь П. Фирсова.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии бьет челом холоп твой сынчишко боярской Петрушка Бекетов. Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели мне быть в своей государеве в далней вотчине в Сибири в Енисейском остроге у стрелцов в сотниках на Поздеево место Фирсова. А того, государь, сотника Поздея Фирсова нестало, чтоб я, холоп твой, волочась меж дворов, голодною смертью не умер. Царь государь, смилуйся».

На л. 92 об.: 135-го [1627] генваря в 12 день отпустить на Поздеева место Фирсово и велеть иво в Тоболску поверстати... службою...» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 12. Л. 92–92 об.].

И, естественно, возникает вопрос: почему с подобной просьбой не мог обратиться в Сибирский приказ и кто-то другой из рода Бекетовых, не нашедший себя на малой родине?

Правда, Е.В. Вершинин подводит черту:

«Рассказ Аввакума о смерти в Тобольске именно землепроходца Бекетова следует признать недостоверным. Однако какой-либо другой Петр Бекетов, служивший в 1650-е гг. в Сибири, на сегодняшний день исторической науке неизвестен».

Неизвестен — не значит, что такого человека не могло быть в природе.

И протопоп Аввакум был не из тех людей, кто возводил напраслину. Дыма без огня, как правило, не бывает.

Да и не такая уж редкая это фамилия, чтобы вовсе исключать кого-либо из Бекетовых из возможного тобольского служилого списка.

Кстати, а вообще пересекались ли пути-дороги енисейского казачьего и стрелецкого сотника Петра Бекетова и протопопа Аввакума?

Вернемся к очерку Е.В. Вершинина:

«…известно, что ссыльный протопоп был отправлен из Тобольска далее в Восточную Сибирь 29 июня 1655 г. Грамоту из Москвы о переводе Аввакума с семьей в Якутский острог тобольские власти получили 27 июня 1655 г. Если верить воеводе кн. В.И. Хилкову, то он выполнил указ в тот же день [Никольский В.К. Указ. соч. С. 160–161. Об этом же свидетельствует отписка тобольского воеводы Хилкова якутскому М.С. Ладыженскому, которую последний получил 11 июня 1656 г. (См.: РГАДА, ф. 1177, оп. 3, д. 1118, л. 1–2)]. Аввакум в сопровождении красноярского сына боярского Милослава Кольцова отправился в Енисейск обычным водным путем по Иртышу, Оби и через Маковский волок на реке Кеть. Зиму 1655/56 г. Аввакум провел в Енисейске, куда пришел очередной указ из Москвы — отдать протопопа под начало бывшего енисейского воеводы А.Ф. Пашкова, который формировал в это время полк для похода в Забайкалье. Аввакум, между прочим, хорошо помнил, что из Тобольска в якутскую ссылку он отправился в Петров день (29 июня), а с воеводой Пашковым из Енисейска — “на другое лето” [Житие протопопа Аввакума. С. 363, 317–318.]. Пашков выступил из Енисейска 18 июля 1656 г. [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 508, л. 269]».

Где же в это время находился Петр Иванович Бекетов?

Слово енисейскому воеводе Афанасию Пашкову:

«1655 г. января 31. — Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова в Сибирский приказ о походах енисейского сына боярского Петра Бекетова в 1652 г. на реки Шилку и Нерчу и о мерах закрепления новых земель за Русским государством.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Офонка Пашков челом бьет.

В прошлом государь во 161[1653] г. по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу послал я, холоп твой, из Енисейсково острога через Байкал озеро Селенгою и Килкою реками в новые немирные земли на Иргень озеро и на великую реку Шилку енисейсково сына боярсково Петра Бекетова с служилыми людьми, а велел, государь, ему Петру в тех новых немирных землях на Иргень озере и на великой реке Шилке на усть реки Нерчи в самых в крепких в угожих местех поставить твои государевы два острога и приводить немирных людей землиц под твоею государеву царскую руку и збирать с них на тебя, государя, ясак и как милосердый бог помочь подаст.

И милостию, государь, божиею и твоим, государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии, счастьем, будучи на той твоей государеве службе на Иргень озере и на великой реке Шилке, сын боярской Петр Бекетов да с ним пятидесятники казачьи Дружинка Васильев сын Попов, Максимко Уразов, Ивашко Котельников, десятники Ондрюшка Гусев, Ивашко Герасимов Чебучаков, Петрушка Малышов, Стенка Иванов, Левка Крохалев, Стенка Ипатов, Панка Клементьев, Ивашко Онтонов и все служилые люди, которые с ним, Петром Бекетовым, на тое твою государеву службу посланы были, тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии, служили, в новых немирных землях в области Китайсково государства подданных ево богдойсково царя Шамшакана на великой реке Шилке и на Иргень озере промеж неясачных людей в самых угожих местех поставили твои государевы два острога и к тем острогам немирных землиц людей Какагильсково роду князя Бабуга, Налятцково роду князя Тякша, Баягареково роду князя Кагила, Почегирсково роду князя Топука, Чамамагирсково роду князя Болдоноя, Кокогирсково роду улусново лутчево человека Индака и их улусных 6 землиц людей под твою государеву царскую высокую руку привели и ясак с них и с прежних новоприводных землиц князцов Нелюдцково князя Гентамура с товарыщи и с их улусных с 10 землиц людей на тебя государя собольми на нынешней на 162 [1654] г. и с служилых енисейских и с промышленых людей с их промыслов, которые с ним, с Петром, на той твоей государеве службе были, десятинную твою государеву соболиную казну взяли.

И всево, государь, в тех твоих государевых новоприводных землях тово ево, Петрова, и служилых людей ясачново и десятинново збору 19 сороков 5 соболей с хвосты, 17 сороков 2 пупка собольи, а по оценке, государь, торговых людей той твоей государевы ясачной и десятинной соболиной казны на 3728 руб. на 6 алтын на 4 деньги. А что, государь, цена той твоей государеве ясачной и десятинной соболиной казне порознь и что прибрана на нынешней на 162 г. при прошлом 161 г., и то писано в ясачных и десятинных книгах и в оценной росписи порознь. И собрав, государь, твою государеву соболиную казну, сын боярской Петр Бекетов прислал ко мне, холопу твоему, в Енисейской острог с служилыми людьми с пятидесятники казачьи с Дружинкою Васильевым сыном Поповым, с Максимком Уразовым и с десятники казачьи с Ондрюшкою Гусевым с товарыщи нынешняго 162 [1654] г. июня в 12 день, а с великие, государь, реки Шилки от сына боярсково Петра Бекетова отпущены они служилые люди с твоею государевою соболиного казною ныняшняго ж 162 [1654] г. маия в 9 день.

Да они ж, государь, пятидесятники и слу-

жилые люди мне, холопу твоему, в съезжей избе сказали, как де они с твоею государевою соболиного казною будут на Килке реке и на них де, государь, приходили братцкие немирные мужики улусные люди Турукая Табуна те ж, которые, государь, в прошлом … побили твоево государева посланника тобольсково сына боярсково Ярафея Заблоцково с товарыщи и к твоей де государеве соболиной казне приступали, с ними служилыми людьми бились с утра день весь до вечера, и милостию, государь, божиею и твоим государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии счастьем, на том бою они служилые люди пятидесятники казачьи Дружинка Васильев сын Попов, Максимко Уразов, десятники Ондрюшка Гусев с товарыщи 31 человек тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, служили, братцких немирных мужиков многих людей побили и твою государеву соболиную казну отстояли, а у них, государь, служилых людей на том же бою служилово человека десятника казачья Панку Клементьева ранили, а по осмотру, государь, он, Панка застрелен из лука, пониже уха пробиты щели на обе стороны.

И на той, государь, половины Килки реки, не дошед до Иргень озера, на Красном бору на Мугальской стороне пристоит поставить твой государев острог, для того как учнут ходить из Енисейсково острога, на великую реку Шилку тою рекою Килкою твои государевы воеводы и ратные люди, и будет, государь, хто ратных людей зачем по великой нуже назаде останетца и до Иргень озера и до великие реки Шилки до заморозов не дойдет, и они, государь, в том остроге зимовать учнут в покое и изрону им дорогою никакова не будет. Да и для, государь, тово тот твой государев острог на той Килке реке пристоит поставить, что есть твоих государевых ясачных тунгусов и неясачные многие люди, те все живут по той Килке реке в кочевьях своих у соболиново и у звериново и у рыбных промыслов, идучи тою рекою Килкою в верх по левую сторону, а по правую, государь, сторону по той Килке реке кочуют мугальские царевичи с своими улусными людьми, братцкие немирные мужики. И за помочью, государь, божиею из тово острогу мугальских царевичей и их улусных и братцких немирных людей и тунгусов под твою государеву царскую высокую руку приводить будет мочно, и в твоей государеве ясачной соболиной казне прибыль тебе, государю, будет большая. А служилых, государь, людей надобно послать из Енисейсково тово твоего государева острога ставить и для приводу немирных землиц людей под твою государеву царскую высокую руку и для ясачново збору 100 человек. И о той, государь, острожной постановке я, холоп твой, к тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии к Москве писал в прошлом во 160 [1652] г. 5 июня в 18 числе с енисейским сыном боярским с Максимом Перфирьевым, и нынешнего, государь, 162 г. 6 июня по 25 число о том ко мне, холопу твоему, твой государев указ не бывал.

А будет, государь, укажешь послать своих государевых воевод да с ними разных сибирских служилых людей в те свои государевы новоприводные земли из Енисейсково острогу тем прямым ведомым путем, что посылкою своею из Енисейсково розыскал я, холоп твой, через Байкал озеро мимо Мугальскую землю реками Селенгою и Килкою, а укажешь, государь, к тем своим государевым новым острогом в прибавку по великой реке Шилке и по Зие и по Амуре рекам поставить свои государевы остроги и из тех, государь, острогов твоим государевым воеводам и ратным служилым людем за помочью божиею мочно привесть под твою государеву царскую высокую руку многих земель людей и тебе, государю, в тех твоих государевых новоприводных землях будет другое сибирское государство. А только, государь, не укажешь послать в те свои государевы новоприводные земли своих государевых воевод и служилых ратных людей, и енисейскими, государь, служилыми небольшими людьми тех земель людьми на тебя, государя, обовладать и под твою государеву царскую высокую руку их привесть будет неким.

И тем твоим государевым новым острогам по великой реке Шилке и к Иргень озеру прилегли Китайсково и Богдойсково государств многих землиц люди. А по скаске, государь, енисейских служилых людей, которые ко мне, холопу твоему, в Енисейской острог из тех твоих государевых новых острогов с великие реки Шилки и с Иргень озера с твоею государевою соболиною казною приехали, пятидесятников казачьих Дружинки Васильева, Максимка Уразова с товарыщи в тех де, государь, новых землях по великой реке Шилке и по Зие и по Амуру рекам живут торговые и рукодельные и соболиново промыслу многие невоинские люди, а наряду де государь у них в тех ближних землях пушек и пищалей нет, а соболиные де, государь, промыслы у них большие и соболи де, государь, у них ленских соболей лутчи.

А для, государь, той твоей государевы службы суды в Енисейском остроге твоим государевым воеводам и ратным служилым людем зделаны готовы, а снастей, государь, всяких судовых и на парусы холстов в тот отпуск в твоей государеве енисейской казне нет, и у торговых, государь, людей столько купить не сыскать. А сколько, государь, всяких судовых снастей и на парусы холстов в тот отпуск в Енисейском надобно, и о том я, холоп твой, к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, к Москве писал в прошлом во 1617 г. декабря в 19 день с енисеиским пятидесятником казачьим с Федосейком Поясницыным. А будет, государь, по твоему государеву ука-

зу в тот отпуск всякие судовые снасти и холсты на парусы купить в руских городах, и в той, государь, покупке в росходе перед сибирскою ценою в твоей государеве казне будет тебе, государю, прибыль, которые, государь, холсты на парусы в Енисейском купят по 8 денег аршин, а в руских, государь, городех таковы ж холсты купят по 3 деньги аршин. А каковы, государь, к судам снасти, завозы и подчалы и бечевы для той твоей государевы службы в Енисейском надобны, и тому, государь, послал я, холоп твой, образец с теми ж служилыми людьми с пятидесятники казачьи с Дружинкою Васильевым, с Максимком Уразовым с товарыщи.

А будет, государь, укажешь послать в Китайское государство своих государевых послов и посланников для какова своево государева дела и разсмотрения, и с великие, государь, реки Шилки от твоево государева нововo острога до Китайскоко государства мочно дойтить безо всяково опасения тихим ходом летним или зимним путем недели в 4.

Да обещался, государь, я, холоп твой, и все твои государевы служилые люди, которых послал я, холоп твой, из Енисейскоко острога на твою государеву новую службу на великую реку Шилку, как им милосердый бог поручит немирных земель людей привесть под твою государеву царскую высокую руку, в новом твоем государеве остроге на великой реке Шилке воздвигнуть церковь во имя пресвятые владычицы нашея богородицы и пречистой девы Марии честнаго и славнаго ея стретения иконы Владимирския да в приделех собор архистратига Михаила и протчих небесных безплотных сил иже во святых отца нашего Алексея митрополита киевского и всеа Русии чюдотворца. А о благословенной, государь, грамоте и о антиминсах писал я, холоп твой, из Енисейскоко и послал под отпискою своею енисейских служилых людей за руками челобитную к великому господину святейшему Никону патриарху московскому и всеа Русии к Москве в нынешнем же во 1628 г. июня в 25 день, чтоб он, великий господин святейший Никон патриарх московский и всеа Русии, по твоему государеву указу, а по нашему обещанию, меня, холопа твоего, и служилых людей пожаловал, благословил в твоих государевых новоприводных великих землях на великой реке Шилке в новом твоем государеве остроге на то церковное строение лес ронить и в том лесу воздвигнуть церковь во имя пресвятые владычицы нашей богородицы и присной девы Марии, чесного и славного ея сретения иконы Владимирския да в пределех собор архистратига Михаила и протчих небесных бесплотных сил и иже во святых отца нашего Алексея митрополита киевского и всеа Русии чюдотворца, и для освещения тех церковей дал свою святительскую благословенную грамоту и антиминсы и чтоб по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу великий господин святейший Никон патриарх московский и всеа Русии тех твоих государевых новоприводных земель церкви божий и церковных причетников принял в свою святительскую паству. А для, государь, освящения и службы к тем церквам, покаместа твой государев указ о священниках будет, призвал я, холоп твой, Енисейскоко острогу соборного богоявленского попа Игнатья Олексеева да дьякона Олексея Иванова и церковных причетников, чтоб государь, милостию божиею и твоими государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии молитвами и счастьем в тех твоих государевых новоприводных великих землях построились церкви божии и учинилось благочестие и истинная православная христианская вера во веки была неподвижна, а к тому б, государь, иноверных земель люди за помочью божиею обратились от тмы к свету и познали б истинного господа бога и спаса нашего Иисуса Христа и приняли святое крещение и истинную православную христианскую веру и были б под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве неотступно.

И с тою, государь, службою и с твоею государевою ясачною десятинною соболиною казною послал я, холоп твой, к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, к Москве енисейских служилых людей пятидесятников казачьих Дружинку Васильева сына Попова, Максимка Уразова, десятников Ондрюшку Гусева, Петрушку Малышова, Стенку Иванова, Левку Крохалева, Стенку Ипатова, Панку Клементьева, Ивашка Онтонова в нынешнем же во 162 г. июня в 25 день, а на Москве велел им явитца и отписку подать и твою государеву казну объявить в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да твоим государевым диаком Григорью Протопопову да Третьяку Васильеву.

На обороте документа пометы: «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии 163 [1655] г. генваря в 31 день подал Енисейского острогу пятидесятник Максимко Степанов Уразов» [РГАДА. Ф. 214 — Сибирский приказ. Ст. 6388/344. Лл. 572–589].

То есть пути-дороги протопопа Аввакума и сына боярского Петра Бекетова… НЕ ПЕРЕСЕКАЛИСЬ. Они не были даже знакомы.

А вот история самого протопопа:

«Потом послали меня в Сибирь в ссылку с женою и детьми (в 1653 году. — *С.В.*). И сколько дорогою было нужды, обо всем том говорить долго, разве что малое помянуть. Протопопица родила младенца, больную в телеге и потащили, до Тобольска три тысячи верст, недель с тринадцать волокли телегами и водою и на санях половину пути.

Архиепископ Симеон Сибирский — тогда добр был, а ныне учинился отступником —

устроил меня в Тобольске к месту. Тут, живучи у церкви, великие беды постигли меня. Пять раз слова государевы сказывали на меня за полтора года. А один, архиепископского двора дьяк Иван Струна, тот и душою моею потряс; вот как. Владыка отъехал в Москву, а он без него, по наущению бесовскому и по его козням, напал на меня, — церкви моей дьяка Антония захотел мучить напрасно. Тот же Антон убежал от него и прибежал ко мне в церковь. Иван же Струна, собравшись с людьми, на другой день пришел ко мне в церковь — а я пою вечерню — и, вскочив в церковь, ухватил Антона на клиросе за бороду. А я в то время затворил двери и замкнул их, никого не пустил в церковь, один тот Струна вертится, что бес, в церкви. И я, оставив вечерню, с Антоном посадил его на полу и за мятеж церковный постегал его ремнем изрядно-таки. А прочие, человек с двадцать, все побежали, гонимые духом. И я, покаяние приняв от Струны, отпустил его к себе снова. Сродники же его, попы и чернецы, весь город возмутили, как бы меня погубить. И в полночь привезли сани ко двору моему, ломились в избу, хотели меня схватить и в воду бросить. И Божиим страхом отогнаны были и вспять побежали.

Мучился я, от них бегаючи, с месяц. Иной раз тайно в церкви ночую, иной раз уйду к воеводе. Княгиня меня в сундук посылала: "Я-де, батюшка, над тобою сяду, как-де придут тебя искать к нам". А воевода их, мятежников, боялся, лишь плачет, на меня глядя. Я уже и в тюрьму просился, — ан не пускают. Таково-то время было. Провожал меня многажды Матфей Ломков, что Митрофаном в чернецах именуем, в Москве у Павла митрополита ризничим был, когда тот стриг меня с дьяконом Афанасьем. Тогда в Сибири при мне добр был, а после проглотил его дьявол: тоже отступил от веры.

Потом приехал из Москвы архиепископ, и мне мало-мало легче стало. Посадил его, Струну, по церковным правилам на цепь вот за что: человек некий с дочерью кровосмешение сотворил, а тот Струна, взяв с мужика полтину, не наказав, отпустил его. И владыка его за это сковать приказал и мое дело тут же помянул. Тот же Струна ушел к воеводам в приказ и сказал на меня слово и дело государево. Отдали его лучшему сыну боярскому Петру Бекетову под караул. Увы, пришла Петру погибель! Подумав, архиепископ по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в церкви. Петр же Бекетов в то время, браня архиепископа и меня, вышел из церкви и взбесился, идучи домой, упал и испустил дух, горькою смертью помер. Мы же с владыкою приказали его среди улицы бросить псам на съедение, чтобы горожане оплакали его согрешение; а сами три дня прилежно Божеству докучали о нем, да отпустится ему в день кончины века от Господа: жалея Струну, таковую пагубу он принял; и по истечении трех дней тело его сами по чести погребли. Полно говорить о том плачевном деле».

Самое главное в том, что само событие, связанное со Струной, имело место быть.

«Эта история случилась в 1658 году, то есть через три года после отбытия протопопа из Тобольска в Даурию, и за пять лет до его возвращения из ссылки. Об этом свидетельствует отписка, поданная архиепископом Симеоном в Сибирский приказ в 1659 году. Архиепископ сообщал, что Ивану Струне "подали челобитную жена на мужа, а дочь на отца, что тот мужик дочь свою насильствовал. И он, вор, сделал по неправде. Мужика оправдал, а жену ево и дочь велел бить без пощады и отдал ему, мужику, головою без всякия крепости". Об этой отписке говорится в комментариях к "Житию", написанных Н.С. Сарафановой и В.И. Малышевым (со ссылкой на Никольского)» [В. Бахмутов-Красноярский].

Поэтому исследователи начали искать новые пути для связи Петра Ивановича Бекетова и его смерти с событиями более поздними — возвращением протопопа Аввакума из Даурии и их встречей с Бекетовым в Тобольске в 1663 году.

Мнение Е.В. Вершинина: «Мне представляется, что с Амура Бекетов уже не вернулся.

…в 1660-е гг. Бекетов, вопреки мнению И.Э. Фишера, уже не числился среди енисейских служилых людей. Например, упомянутую челобитную 1665 г. подписали дети боярские И. Галкин, И. Максимов, Я. Похабов, Н. Кольцов и другие; Бекетов среди них отсутствует. В переписной книге Енисейского уезда 1669 г. среди продавцов земли названа вдова сына боярского Петра Бекетова [Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С.191]. Возможно, после гибели мужа она уехала обратно за Урал, почему мы и не находим потомков Петра Ивановича в служилой среде Енисейска».

Правда, в Переписной книге посадских людей Енисейского острога за 1669 год мы находим несколько иную запись: «(д) посадцкого человека Елфимка Иванова Кропивина, у него брат Каземка(!) … заимка куплена у Петровской жены Бекетова, отведена земля и даная дана во 148-м году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 394].

Но то, что земля покупается у жены, а не у самого Бекетова, конечно, наводит на мысль о том, что владелицей землей стала, скорее всего, не жена, а вдова.

Возможно, она действительно вернулась куда-то за Урал. Возможно, и не вернулась. Никаких фактов на этот счет не существует.

Но есть другое. Или, точнее, — другие Бекетовы.

И первый из них:

В 1686 году в полку Федора Головина, пришедшего на защиту Албазина и амурских владений, был тобольский казак Федор Бекетов. [Багрин Е.А. Полк Головина 1686–1690, Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком)].

Это к утверждению Е.В. Вершинина о том, что в Тобольске не было никаких Бекетовых. Были.

По данным за 1666 год, в Илимском остроге в казачьих десятниках служил Мишка Бекетов [Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черни-

говский. Документальное повествование, Иркутск, 2008].

Родственник? Однофамилец? Неизвестно.

Но, если вспомнить, что Петр Иванович с 1648 года был в опале — лишен чина казачьего головы (полковника) — и переведен в разряд детей боярских, то возможность использования его детей на невысоких казачьих должностях весьма возможна.

Но остановимся пока на более надежной версии, что Петр Иванович и Михаил Бекетовы — однофамильцы.

В Окладной книге Илимского острога за 1677 год мы видим сына Михаила:

«Служилые люди

Гаврило Михайлов сын Бекетов» [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 633. Л. 40 об.].

А во втором томе «Илимской пашни» В.Н. Шерстобоев рассказывает о неком «верстомере» Бекетове, который «прошел от Илимска до деревни Иванушковой, т. е. до последней деревни Илимского уезда на Лене, затем направился «пустым местом до Частых островов… до щек» и добрался до «Курейской деревни она ж и Шелагинская» Якутского ведомства. Всего на его пути лежало 69 селений и зимовий, а намерил он 684 версты 250 сажен».

Судя по всему, это был некий чиновник:

«Подканцелярист Яков Бекетов, сидя в тюрьме, “крычал необычайно и показывал за ассесором и города Илимска воеводою… Своитиновым подозрение”. Доносителя направили в Иркутск».

Но он был оправдан:

«…служивший в Илимске в 1740 г. “за подканцеляриста” Яков Бекетов, произведенный в 1741 г. в канцеляристы».

Подканцеляристами, а тем более канцеляристами, как правило, становились в Сибири чиновники, вышедшие из семей детей боярских.

Но, вполне возможно, что это не совсем наша история. Хотя, кто это знает, пока мы не нашли новых документов, может, все эти вышеперечисленные фамилии и имеют некую родовую связь.

Но новых документов нет. Поэтому работаем сейчас с тем, что имеем.

В числе защитников Албазинского острога, оставшихся в живых, есть и это имя — Ларка Бекетов [РГАДА, Столбец Сибирского приказа за № 1044/7089].

«Роспись албазинцев, получивших семена для посадки яровой пшеницы и гречихи в мае 1688 г.

…Бекетов Ларион (Ларка) (1 сентября 1691 г. поверстан в нерчинские конные казаки)» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 56. Л. 171–171об.].

«Новоприборные, которые верстаны в конную службу и с пешей в 201 году марта в 1 день, оклад им Великих Государей денежного жалованья по семи рублев по восмь алтын по две деньги:

…Ларка Бекетов… [РГАДА. Фонд 214, оп. 1, дело 1063, л. 50 об.].

«Рядовые из пеших: оклад хлеба по шти четей ржы по полтора пуда соли

из пеших Иван Михайлов Туруханов в 202 [1694] году приверстан в Ларкино место Бекетова, а Ларка Бекетов приверстан в пешую в ево Ивашково место.

Ивашко Михайлов Турухан в 202 [1694] году службою менялся с конным с Ларкою Бекетовым и он Ивашко приверстан в конную службу на Ларкино место Бекетова, а Ларка Бекетов приверстан в пешую на Ивашково место Туруханова» [РГАДА. Фонд 214, оп. 1, дело 1063, л. 455 об., 458].

Нерчинск, 1700 г.:

«Оклады по пяти рублев

Пятидесятник Лука Пушников

Рядовые

Ларион Бекетов» [РГАДА, Фонд 214, оп.1, дело 1272, л. 80 об.].

Нерчинск, 1708 год:

«Оклады денег по пяти рублев, хлеба по шти чети ржи, по полтора пуда соли.

Рядовые пешие казаки

Иван [Ларионов сын] Бекетов» [РГАДА. Фонд 214. Опись 5. Дело 1424. Л. 11].

Нерчинск, 1721 год:

«Нерчинской фискалской сын Иван Гутков 47 да в доме у него пасынок пеший казак Иван [Ларионов сын] Бекетов 27 (1694), другой Матфей [Ларионов сын] 19 (1702)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626].

Нерчинск:

«1722 году венчано. В Генваре 8-го. Нерчинской житель Стефан Иванов сын Золотарев Ларионовою дочерью Бекетова девкою Пелагиею первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.].

Нерчинск, 1727 год:

«В январе 26-го. Служилой Иван Ларионов сын Бекетов Семеновой дочерью Маленких девкою Ксенией первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 108 об.].

«В Декабре родились … 14-го. У служилого Ивана Бекетова сын Петр» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 107 об.].

Нерчинск, 1730 год:

«В апреле родились … 11-го. У нерчинского пушкаря Ивана [Ларионова сына] Бекетова сын Иоанн» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 125].

Нерчинск, 1744

«Взяты в службу (повторно, из разночинцев)

Иван [Ларионов сын] Бекетов

взяты на Камчатку

Матвей [Ларионов сын] Бекетов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1917. 2-я ревизия].

Нерчинск, 1749 год:

«В мае 13-го. Нерчинской казак Петр Иванов сын Бекетов Ивановой дочерью Першиных девкою Марьей первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 405 об.].

Нерчинск, 1780 год:

«В Декабре померли

1-го казак Иван [Иванов сын] Бекетов 52 исповедав иерею согрешения своя и причастившися стых таин.

…9-го казак Петр [Иванов сын] Бекетов 55 исповедав иерею согрешения своя и причастившися стых таин» [Книга города Нерчинска Воскресенского собора, ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 45].

«Роспись Нерчинского Воскресенского собора на 1824-й год

Отставные урядники
Егор Бекетов
Козаки
Иван Егоров Бекетов» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 163. Л. 128].

И финальная часть:

Посемейные списки казаков 8-го пешего батальона Забайкальского казачьего войска, назначенных к переселению на Амур:

«В 1861 году в Амурский пеший батальон. Д. Шаранайской.

Михайло Иванов Бекетов (27). Его жена Ирина (24). Сын Николай (2) … Дмитрий Семенов Бекетов (36). Его жена Анисья (25)» [Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 30 (Войсковое хозяйственное правление Забайкальского казачьего войска). Оп. 2. Д. 270].

БЕКИРЕВЫ (БЕКЕРОВЫ, БЕККЕРОВЫ)

Беккер (Бекер) по-немецки пекарь. Но откуда же могла взяться на камчатском Севере у коряков (Бекеревых) и ительменов (Беккеревых) немецкая фамилия?

Начнем с того, что до прихода русских ни коряки, ни камчадалы (в том числе и ительмены) не имели фамилий, хотя у них могли быть и сложные имена, например, Начика Машурин.

История же этой фамилии в Сибири начинается задолго до прихода русских на Камчатку.

Замечательный тюменский исследователь С.Е. Дурынин, сам потомок тобольского атамана Ивана Дурыни, по моей просьбе поднял архивные документы, связанные с появлением носителей этих фамилий в Тобольске — столице Сибири 17-го столетия, когда первый из Бекеров появляется на казачьей службе.

1627 год:

Литва и немцы и черкасы служат пешую службу … Юшко Бекер [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 14. Л. 92 об.].

1645 год:

«Пешие казаки Остафьевы станицы Онтонова а государева жалованья им по окладу пятидесятником по 5 рублев с четью десятником по 4 рубли по 25 алтын рядовым по 4 рубли с четью человеку … Десятник Юшко Бекер» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 167. Л. 104].

1652 год:

«Книги имянные … ко 160 [1652] году. Литва. По 6 рублев … Данилко Юрьев Бекерев [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 279. Л. 134].

В книге «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века» [М-СПб, 2020, с. 81] имеются пояснения: «Данила Юрьев Бекерев (казак литовского списка в 1652 году получал 6 рублей с полтиной, 6 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли) и Иван (отчество не указано, но, вероятно, старший из сыновей Юрия) Бекирев – казак Литовского списка, в 1650 г. получал 9 четей ржи, 5 четей овса, 2 пуда соли)».

1663 год:

«Книги имянные окладные тобольским служилым людям с денежными окладами ко 171-му [1663] году. Литва. По 6 рублев … Данилко Юрьев Бекерев велено быть в рейтарех» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 432. Л. 93].

1668 год.

«*Прибыльная» книга*
175–177 [1667–1669]
годов тобольского
воеводы стольника
П.И. Годунова
(Л. 372)

И против сей челобитной выписано:

Оклад Великих государей денежного и хлебного, и соляного жалованья тобольским Литовскому списку казаком Данилку Бекиреву, Гришке Караганову денег по 6 рублев. Данилку хлеба 6 чети с осминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда с четью соли. Гришке Караганову хлеба пять чети ржи, 4 чети овса, пуд соли. И в прошлом во
(Л. 372об.)
168-м [1660] году по розбору боярина и воевод князя Ивана Андреевича Хилкова с товарищи велено им быть в рейтарех, и служат они в рейтарех и по нынешней по 176-й [1668] год.

И Великим государем бьют челом Данилко Бекирев, Гришка Караганов чтоб Великие государи пожаловали — велели им быть по-прежнему в Литовском списке в конных казаках с прежним их денежным и соляным окладами, а хлебного жалованья поступаются они в казну Великим государем по 2 чети овса.

А у сей выписки челобитчики ж Данилко Бекирев, Гришка Караганов сказали только де Великие государи пожелают велят им быть в прежних местах с прежними их денежными и соляными окладами, а хлебного ж жалованья поступаютца они Великим государем своею волею и от тово де им изгони и налога нет.

А позади подлинныя сказки написано: к сей
(Л. 373)
скаске вместо Данилка Бекирева, да Гришки Караганова по их веленью рейтар Гришка Измайлов руку приложил.

Челобитчики ж Данилко Бекирев, да Гришка Караганов сказали: только де Великие государи пожалуют — велят им быть в прежних их местах, и у них же де велели вычитать из хлебного жалованья треть оклада, и за тот вычет пахать им пашню где они земли приищут.

А позади подлинное скаски написано: к сей скаске вместо Данилка Бекирева, да Гришки Караганова по их веленью рейтар Гришка Измайлов руку приложил.

А на выписке помета дьяка Михайла Посникова: 176-го [1668] маия во 21 день стольник и воевода Петр Иванович Годунов слушав сие выписки и челобитья Данилка Бекирева, да Гришки Караганова, приказал им быть в прежнем в Литовском списке в прежних их денежных окладех, а хлеба давать им по две трети окладу ржи и овса, а за третью треть служить с пашни» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 367].

1682 год

«Переписная книга (подворная, по улицам) населения г. Тобольска не ранее 1682 года

Улица за речкою Курдюмкою
под Паниным бугром

Конные казаки

Двор Кирилко Данилов сын Бекирев сказал родом он города Тобольска У него братья Лар-

ка дватцати лет Меркушка четырех лет Олешка трех лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 231. Л. 81–82].

1685 год

«Книги имянные … ко 193-му [1685] году

Литовского списку казаки. По 6 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли … Данилко Бекирев, и во 192-м [1684] году велено в ево Данилкове месте быть сыну ево Кирюшке в том же хлебном и соляном окладе. А Данилко за старость отставлен» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 773. Лл. 143–143 об.].

1689 год

«Смотренная книга тобольских служилых людей. 1689 (7197) г.

Кирюшка Бекирев. Оклад ему жалованья Великих государей денег 6 рублев, хлеба 6 чети с осминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда с четью соли. Отец ево служил в Тобольску в Литовском списке, а он Кирюшка верстан в Литовской список по приговору стольника и воеводы князя Кирилла Яковлева во 192-м [1684] году. А оклад ему учинен из окладу отца ево денег 6 рублев, хлеба 6 чети с осминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда с четью соли. А от роду ему 24 года (1665). Службы ево посылан в слободы по хлебные запасы и для раскольщиков. Детей у него нет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948. Л. 210].

1696 год

Тобольск. «Книги имянные … ко 204 [1696] году

Литовского списка рядовые. По 6 рублев … Кирюшка Бекирев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1059. Л. 170 об.].

В каком году Кирилл Бекирев поступил на службу в Якутский казачий полк, мы пока не знаем, но, по данным за 1706 год, он служил в шестой пятидесятне и находился на Камчатке [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

И находился здесь он не один — а с сыном Лазарем.

В 1707 году у Кирилла Даниловича случился конфликт с Атласовым. Собственно, этот конфликт по разным причинам коснулся многих из камчатских казаков в связи с тем, что Атласов прибыл на Камчатку для наведения здесь порядка… под угрозой смертной казни, и действовал очень жестко. Того же требовал и от казаков, отправляя их за ясаком — пушниной в государеву казну.

Вот что касается Кирилла Даниловича: «Посылал [Отласов] для ясашного недобору на Пенжинское море Кирила Бекирева. … Бекирев сидел в осаде. К нему послали на помощь Федора Зыкова и его убили» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 34. Л. 36].

И таких случаев было множество в тот, злополучный для Атласова, 1707 год.

И неслучайно Кирилл Данилович ставит свою подпись в челобитной об отказе казачьему голове Владимиру Атласову во власти на Камчатке [Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 34. Л. 39].

По данным за 1710 год, удается узнать имя супруги Кирилла Даниловича, которая оставалась в Тобольске: «Качаловой улицой по праву ж от Федосеева переулка …жена конного казака Кирила Бекерева…» [Переписная книга г. Тобольска, РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 526. Л. 80 об.].

В 1711 году камчатские казаки подняли бунт против приказчиков и уже не остановились на лишении их власти, а вынесли смертный приговор.

Первым они убили приказчика Осипа Мироновича Липина. В 1707 году, когда отряд Атласова прибыл в Анадырский острог, приказчиком которого был Липин, практически все спутники Атласова подали челобитные на казачьего голову, но Липин не предпринял никаких следственных мер.

А в 1711 году он сам прибыл на Камчатку на смену приказчика Петра Чирикова с наказом провести следствие о причинах отстранения Атласова от власти, но предпочел использовать данные ему права о сыске для того, чтобы под пытками вымогать у казаков их «животы» — имущество, прежде всего пушнину.

Начал он «сыск» с Нижнекамчатского острога, казаки в котором не принимали никакого участия в отказе Атласову от власти, а наоборот, приютили его, когда он бежал из «казенки» (тюрьмы) Верхнекамчатского острога — столицы Камчатки того времени.

На пути Липина из Нижнекамчатска в Верхнекамчатск взбунтовавшиеся верхнекамчатские казаки встретили двух приказчиков — Липина, который следовал сюда для «сыска» и сопровождавшего его на свою беду бывшего приказчика Петра Чирикова, сдавшего уже все полномочия и не вступавшего ни в какой конфликт с казаками.

Липина убили сразу. А судьбу Чирикова отложили на потом, отправившись в Нижнекамчатск для расправы с Владимиром Атласовым.

Захваченный бунтовщиками Петр Чириков до вынесения ему смертного приговора находился в Верхнекамчатске под караулом Кирилла и Лазаря Бекиревых. Позже он тоже будет убит и утоплен.

Но, судя по дальнейшему развитию событий, отец и сын Бекиревых не поддержали восставших, которые, разграбив и «продуванив» (разделив) имущество убитых приказчиков, отправились на реку Большую, где восстановили уничтоженный в 1707 году камчадалами Большерецкий острог и начали освоение южной Камчатки, жители которой — авачинские и курильские камчадалы не желали платить ясак, а также Курильские острова.

Они остались в Верхнекамчатском остроге среди своих молодых земляков, которых верстал в Тобольске в камчатские казаки еще Владимир Атласов, возвращаясь из Москвы, где он отчитывался по итогам своего первого камчатского похода.

В 1712 году эти тобольские казачьи дети, недовольные итогами дележа 1711 года, в котором их явно обошли, отправились в Нижнекамчатск и занялись грабежом местных казаков.

Бекиревы, как выясняется, были в этом отряде грабителей.

Итог был плачевен. Прибывший для проведения сыска новый камчатский приказчик Василий Колесов писал в отчетных документах: «…в Камчадальских острогах первоначалные бунты и нынешней чинятца от тобольских уроженцов служилых людей; а вершенной вышеписанной разбойник Константин Кыргызов урожением тоболской; да с ним же пущие воры были единомысленники его, первоначальные на Камчатке бунтовщики, и на злое всякое дело заводчики и потаковщики, и на всякое злое дело вымышленники, товарыщи его, тоболские же уроженцы: Кирило Бекирев, Иван Панютин, Иван Балин, Иван Лосев, Никита Дурынин, Иван Терентьев, Лазарь Ощепков. А и впредь тоболские уроженцы буде по государеву указу будут присылатца на Камчатку, и в Камчадальских острогах от тех тоболских уроженцов его великого государя вотчина прочна и состоятельна не будет и будут от них всегда шатости. А без … домовых якуцких и с Руси жителей в здешней Камчадалской земле быть нельзя и вотчина великого государя в Камчадалских острогах будет прочна и состоятельна».

Наказание было жестокое: «…а тех его Константиновых товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводки водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным так бунтовать, и свои и заговоры и круги заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».

Путь обратно в Тобольск теперь для камчатских Бекиревых был закрыт — все бунтовщики, судя по дальнейшему развитию событий, были приговорены к «вечной ссылке»… в Камчатку.

Но Кирилл Данилович, несмотря на наказание, был в авторитете у казаков. «Известно, что при Козыревском в Большерецком остроге приказчиками (заказчиками) ясачной избы сидели сначала Михаил Козыревский (июль 1714 г.), затем Василий Полуехтов (декабрь 1715 г.), а в Верхнекамчатском — Кирилл Бекирев.

…по документам прослеживается, что в это время в других острогах при ясачных избах были собственные приказчики (заказчики), которые то ли назначались из Нижнекамчатска, то ли выбирались самими казаками: в Верхнекамчатске — Степан Козлов (январь 1716 г.), Кирилл Бекирев (январь 1717 г.)» [Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002].

В Тобольске, как мы выяснили, у Кирилла были братья Ларка (1662), Меркушка (1674), Олешка (1679), сын Илюшка (1681).

Вполне возможно, что камчатский казак Лазарь Бекирев — это и есть брат Ларка. И наши сомнения в этом рассеются, если мы познакомимся еще с одной выдержской из документа: «Господам моим, стольникам и воеводам Юрью Федоровичю, Михайлу Юрьевичю, Якутцкого города служилой человек Алексей Бурой челом бью.

…Вашего Величества нижайши раби Кирило Бекирев,.. Лазарь Бекирев, Алексей Бекирев…» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 34. Л. 39 об.]. Если Алексей — это брат Олешка, то Лазарь — вероятно, и есть Ларка.

В тобольских именных книгах ни Ларка, ни Олешка более не упоминаются.

А вот Илюшку мы находим в переписях за 1720 год: «Илья Кирилов сын Бекирев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1617. Л. 346].

На Камчатке у Кирилла Даниловича появилась новая семья. Об этом мы можем судить по следующему документу, который мы назвали «Крестовые походы священника Ермолая Иванова 1738–1740 гг.» [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106]. В числе участников этих походов по крещению камчадалов и коряков был Андрей Кириллов сын Бекирев.

Был еще Карп. Он отмечен как новокрещенный, то есть, по всей видимости, духовный сын кого-то из братьев Бекиревых, но в 1731 году он погибает:

«Во оном же 731-м году присудствия Верхнего Камчадальского острогу Харьюзовой и Белоголовой рек ясашные иноземцы Максимко да Щербак с товарыщи изменили и на Белоголовой реке трех человек служилых людей Кирила Золотавина, Василья Портново, Карпа Бекирева убили, да на Сопошную реку приходили и на оной Сопошной реке иноземческого парня убили, а у протчих иноземцов жен и детей всего семь человек, також и пожитки их иноземческие и платья взяв, разделили по себе, да на Иче реке ясашных же иноземцов десять человек убили, а жен их и детей и пожитки взяв, разделили по себе» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

Дальнейшая судьба Андрея Кирилловича Бекирева, оставившего свою фамилию на Камчатке, нам пока неизвестна.

Возможно, это его камчатский след:

«1743 г. Авг. 1-го Басов вышел на шитеке из р. Камчатки в числе 20 чел. в вояж по океану для изыскания незнаемых земель и прочаго порученнаго ему дела.

Кроме хозяев на шитике отправлялись в море: служилые Алексей Воробьев, Д. Наквасин, Бекирев, В. Басов, казачий сын Верхотуров с товарищем, 3 работника Холшевникова и промышленный Ефремов» [Полонский А., Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год, Архив Географического Общества, р. 60, оп. 1, № 2].

Есть еще один слабый след, отмеченный по переписи 1748 года, в Якутии:

«Олекминского острогу. Разночинцы. Бежало. … Василей Бекирев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 62 об.] .

Но в Тобольске этот след еще некоторое время прослеживался:

1710 год

«Двор купленой конного казака Василья Иванова сына прозвище Бекирева … дети сыновья Прокофей 5 лет (1705) Михайло полугоду (1710)

дочери девки Марфа 17 Катерина 12 Наталья 3 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 396].

«Двор купленой втораго полку пешего казака Федора Алексеева сына прозвище Неводчикова сказал себе 25 у него жена Татьяна Селиверстова дочь 25-ж лет у него живет тесть ево отставной пешей казак Селиверст Яковлев сын прозвище Бекирев 60 (1650) у него дочь девка Наталья 20 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 458 об.].

«1738 году августа дня список имянной тобольским служилым людем конного и пешаго полков, которые обретаются при Тобольску у разных дел, также и кроме дел налицо в караулах, и по заставам тем при сем значит ниже сего.

Конного полку. Рядовые. … Микула Бекирев у хлебных амбаров в целовалниках».

И самое позднее, обнаруженное нами упоминание, относится к 1785 году:

«…дворянский заседатель Бекирев. Сентября 19 дня, 1785 года» [Евгений Кузнецов, Сибирский летописец].

А на Камчатке это имя прославлено.

В 1960 году в результате объединения рыболовецких артелей имени Левченко (с. Ука), «Рыбак» (с. Дранка), «13 лет Октября» (с. Ивашка) и «Коммунар» (с. Хайлюля) был образован крупный рыболовецкий колхоз имени Бекерева, названный в честь председателя Корякского окрисполкома, уроженца с. Дранка, коряка Георгия Игнатьевича Бекерева (1911–1959).

Его сменил на должности председателя Корякского окружного исполкома уроженец села Седанка ительмен Василий Полуэктович Беккеров (1917–1986) — участник Великой Отечественной войны, служивший на Северном флоте и сопровождавший транспортные караваны из Великобритании, впоследствии партийный и советский работник, руководитель Корякского округа (1959–1971).

БЕЛОКОПЫТОВЫ

Интересно, как наши предки давали прозвища. Понятно, что Белобород — это человек с белой бородой. А Белоног? А Белокопыт?

Ноги еще могут быть белыми.

Ну вот кто у человека нашел копыта? Да еще белые?

Оказывается, в древности якобы существовало такое мирское неканоническое имя — Белокопыт. Возможно, связанное каким-то образом с одноименной породой голубей.

Я здесь теряюсь — и не знаю, как отделить зерна от плевел. Кстати, плевелы — это сорняки.

Поэтому мы начнем с одного интересного письма:

> *«У меня довольно специфичная история рода… Мой прапрадед был китайцем, его в детстве усыновил некий Белокопытов, который был кулаком. Для того чтобы его раскулачили, у него должно было быть энное количество детей, я точно не помню… от 10 примерно:) он дал ему свою фамилию. А как дед попал в Россию — об этом история умалчивает) все это происходило на территории Приморского края… все, что я знаю) возможно, тот Белокопытов и был с Камчатки, кто знает…»*

Действительно, кто знает…

Я сейчас представлю выборку из списка жертв политического террора в СССР – и вы увидите сколько только Белокопытовых в Восточной Сибири оказались этими самыми «врагами народа» — кулаками, подкулачниками и контрреволюционерами, белогвардейцами и просто «белыми прихвостнями»…

Сколько семей Белокопытовых осиротело в эти самые кровавые тридцатые годы:

Репрессии

Белокопытов Александр Васильевич.

Родился в 1892 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, В-Цасучей. Приговорен: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 7 сентября 1996 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Александр Васильевич.

Родился в 1893 г., с. Цасучей Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; Служил в Белой армии. Работал инспектором по страхованию. Проживал: г. Чита. Арестован 14 февраля 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 17 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-1а, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 11 мая 1938 г. Реабилитирован 28 мая 1957 г. военным трибуналом ЗабВО [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Александр Васильевич.

Родился в 1885 г., г. Нерчинск Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: г. Нерчинска ВСК. Арестован 18 октября 1930 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 25 марта 1931 г., обв.: по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 6 апреля 1931 г. Реабилитирован 31 марта 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Александр Васильевич.

Родился в 1897 г., г. Чита; русский; начальник охраны стройконторы пассажирских дорог. Проживал: п. Эхо, Маньчжурия. Арестован 6 сентября 1945 г. Приговорен: особое совещание при МВД СССР 20 июня 1946 г., обв.: ст. 58-6 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 24 февраля 1960 г. По определению Военного Трибунала ДВО за отсутствием состава преступления [Книга памяти Хабаровского края].

Белокопытов Александр Иванович.

Родился в 1907 г., с. Цасучей Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; работал в сельхозартели, пом. бригадира. Проживал: с. Цасучей Оловяннинского р-на Читинской обл. Арестован 15 января 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 25 января 1938 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 8 годам лишения свободы. Реабилитирован 30 июля 1959 г. Читинским облсудом [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Александр Клеоникович.

Родился в 1914 г., Читинская обл., Борзинский р-н, Ключевское; Проживал: Читинская обл.,

Борзинский р-н, Ключевское. Приговорен: особая тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 27 мая 2003 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Александр Клеоникович.

Родился в 1914 г., Читинская обл., Борзинский р-н, Ключевское; Проживал: Читинская обл., Борзинский р-н, Ключевское. Приговорен: Особая тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 16 июля 1992 г. [УВД Читинской обл.]

Белокопытов Александр Петрович.

Родился в 1935 г., Красноярский кр., Удерейский; Проживал: Красноярский кр., Удерейский. Приговорен: в 1935 г. Реабилитирован 1 апреля 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Александр Сидорович.

Родился в 1892 г., Томская губ.; русский; единоличник. Проживал: Курьинский р-н, с. Таловка. Арестован 17 мая 1930 г. Приговорен: особая тройка при ПП ОГПУ по Запсибкраю 30 августа 1930 г., обв.: по ст. 58-10 УК. Приговор: 5 лет. Реабилитирован 5 октября 1989 г. прокуратурой Алтайского края [Книга памяти Алтайского края].

Белокопытов Алексей Иван.

Родился в 1895 г. Проживал: Красноярский кр., Минусинский р-н. Приговорен: 12 декабря 1930 г., обв.: кулаки (Постановление СНК и ЦИК СССР от 1.02.1930). Приговор: спецпоселение в Томской обл. [УВД Томской обл.].

Белокопытов Алексей Иванович.

Родился в 1897 г., с. Тесь Минусинского округа Енисейской губ.; неграмотный; в Личном хозяйстве. Проживал: с. Тесь Минусинского округа Енисейской губ. Арестован 23 января 1930 г. Приговорен: тройкой УНКВД КК 22 марта 1930 г., обв.: ст. 58-8 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 6 июня 1989 г. прокуратурой КК [Книга памяти Красноярского края].

Белокопытов Алексей Иванович.

Родился в 1897 г., Красноярский кр., Минусинский р-н, Тесь; Проживал: Красноярский кр. Приговорен: тройка при УНКВД Красноярского края [Красноярское общество «Мемориал»].

Белокопытов Анатолий Степанович.

Родился в 1894 г., Амурская обл., Михайловский р-н, с. Чесноково; русский; заведующий столовой. Проживал: Нижне-Амурская обл., с. Богородское. Арестован 29 июня 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 10 августа 1938 г. Место захоронения — г. Николаевск-на-Амуре. Реабилитирован 2 апреля 1957 г. По постановлению Президиума Хабаровского краевого суда за отсутствием состава преступления [Книга памяти Хабаровского края].

Белокопытов Андрей Михайлович

Родился в 1904 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Ононский р-н, В-Цасучей. Приговорен: в 1933 г. Реабилитирован 15 января 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Афонасий Андреевич

Родился в 1934 г. Приговорен: в 1934 г. Реабилитирован 15 января 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Валентин Иванович.

Родился в 1924 г., г. Благовещенск; русские; б/п; ИТК-8, без определенных занятий. Арестован 8 июля 1949 г. УМВД Смоленской обл. Приговорен: Смоленский областной суд 2 сентября 1949 г., обв.: 58-14. Приговор: 25 лет ИТЛ. Реабилитирован 12 июля 1957 г. Смоленский областной суд [Книга памяти Смоленской обл.].

Белокопытов Василий Михайлович.

Родился в 1905 г., Восточно-Сибирский кр., Оловяннинский р-н, с. Цасучей; русский; б/п; без определенных занятий. Проживал: Китай. Арестован 25 января 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК 4 июля 1933 г., обв.: по ст. 58-6 УК РСФСР. Приговор: 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 17 апреля 1991 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.].

Белокопытов Виталий Иванович.

Родился в 1907 г., с. Константиновка; русский; работал в колхозе. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 15 октября 1938 г. Приговор: ВМН [Книга памяти Амурской обл.].

Белокопытов Гавриил (Григорий) Перфильевич.

Родился в 1895 г., г. Нерчинск Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Служил в Белой армии. Работал на почте, ямщик. Проживал: г. Нерчинска ВСК. Арестован 17 октября 1930 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 25 марта 1931 г., обв.: по ст. 19-58-2 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 31 марта 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Гаврил Спиридонович.

Родился в 1881 г., с. Цасучей Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; работал в колхозе. Проживал: с. Цасучей Оловяннинского р-на Читинской обл. Арестован 2 декабря 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 14 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 4 октября 1958 г. Читинским облсудом [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Геннадий Андреевич.

Родился в 1931 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Ононский р-н, В-Цасучей. Приговорен: в 1933 г. Реабилитирован 15 января 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Геннадий Иванович.

Родился в 1891 г., с. Ключевское Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Ключевское Борзинского р-на ВСК. Арестован 15 августа 1933 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 29 августа 1933 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к высылке с семьей. Реабилитирован Читинским облсудом [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Георгий Семенович.

Родился в Читинская обл., Борзинский р-н, Ключевское; Проживал: Читинская обл., Борзинский р-н, Ключевское. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК. Реабилитирован 28 марта 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Григорий Иванович.

Родился в 1915 г., с. Благовещенское Шумихинского р-на; русский; б/п; военнослужащий.

Арестован 16 марта 1942 г. Приговорен: Военным трибуналом 12 апреля 1942 г., обв.: по обвинению в измене Родине, ст. 58-1. Приговор: к 6 г. лишения свободы. Реабилитирован 9 января 1956 г. Реабилитирован Военной прокуратурой МВО [Книга памяти Курганской обл.].

Белокопытов Дмитрий Федорович.

Родился в 1897 г., Красноярский кр., г. Красноярск; Судья. Проживал: Красноярский кр., Курагинский р-н, город Артемовск. Приговорен: в 1937 г. Приговор: ИТЛ-10 [Красноярское общество «Мемориал»].

Белокопытов Иван Александрович.

Родился в 1921 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, В-Цасучей. Приговорен: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 7 сентября 1996 г. [Источник: УВД Читинской обл.].

Белокопытов Иван Афанасьевич.

Родился в 1895 г., с. Кубухай Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; работал в сельском Совете, председатель. Проживал: с. Буйлэсен Оловяннинского р-на Читинской обл. Арестован 19 декабря 1937 г. Приговорен: комиссией НКВД и прокурором СССР 11 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 14 марта 1938 г. Реабилитирован 27 января 1959 г. коллегией Верховного суда РСФСР [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Иван Васильевич.

Родился в 1895 г., Забайкальская обл., п. Ключевской; русский; разнорабочий. Проживал: Китай, ст. Чжалайнор. Арест. КРО ПП ОГПУ ДВК 23 декабря 1929 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 30 марта 1930 г., обв.: по ст. 58-3-4 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 2 апреля 1930 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 21 июня 1990 г. По заключению Прокуратуры Хабаровского края по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. [Книга памяти Хабаровского края].

Белокопытов Иван Данилович.

Родился в 1902 г., Читинская обл., Борзинский р-н, Цаган-Олуй; Проживал: Читинская обл. Приговорен: в 1936 г. Реабилитирован 14 сентября 1992 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Иван Иванович.

Родился в 1903 г., с. Кулусутай Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; работал в магазине, продавец. Проживал: с. Кулусутай Борзинского р-на Читинской обл. Арестован 3 ноября 1937 г. Приговорен: комиссией НКВД и прокурором СССР 5 января 1938 г., обв.: по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 29 января 1938 г. Реабилитирован 9 декабря 1958 г. военным трибуналом ЗабВО [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Иван Иванович.

Родился в 1904 г., Забайкальская обл., п. Ключевской; русский; крестьянин. Проживал: п. Чжалайнор КВЖД. Арест. КРО ПП ОГПУ ДВК 30 апреля 1930 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 18 июня 1930 г., обв.: по ст. 58-4 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 28 июня 1930 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 22 августа 1989 г. по заключению Прокуратуры Хабаровского края по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. [Книга памяти Хабаровского края].

Белокопытов Иван Кириллович.

Родился в 1897 г., с. Цасучей Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; Заготовитель. Проживал: с. Акша Акшинского р-на Читинской обл. Арестован 24 декабря 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 11 мая 1938 г., обв.: по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 13 июня 1938 г. Реабилитирован 15 мая 1959 г. военным трибуналом ЗабВО [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Иван Констан.

Родился в 1878 г. Проживал: Красноярский кр., Минусинский р-н. Приговорен: 12 декабря 1930 г., обв.: кулаки (Постановление СНК и ЦИК СССР от 1.02.1930). Приговор: спецпоселение в Томской обл. [УВД Томской обл.].

Белокопытов Иван Никитович.

Родился в 1925 г. Проживал: Красноярский кр., Минусинский р-н, с. Тесь. Приговорен: 12 декабря 1931 г. Приговор: спецпоселение в Томской обл. [УВД Томской обл.].

Белокопытов Иван Романович.

Родился в 1897 г., д. Сотниково Маклаковской вол. Енисейской губ.; в Личном хозяйстве. Проживал: д. Сотниково Маклаковской вол. Енисейской губ. Арестован 14 июля 1920 г. Приговорен, обв.: КРД. Приговор: дело прекращено. Реабилитирован 10 апреля 2003 г. прокуратурой КК [Книга памяти Красноярского края].

Белокопытов Илья Иванович.

Родился в 1896 г., с. Кулусутай Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; служил в Белой армии. Работал в магазине, заведующий. Проживал: с. Новый Дурулгуй Оловяннинского р-на Читинской обл. Арестован в ноябре 1937 г. Приговорен: комиссией НКВД и прокурором СССР 5 января 1938 г., обв.: по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 29 января 1938 г. Реабилитирован 9 декабря 1958 г. военным трибуналом ЗабВО [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Клеоник Прокопьевич.

Родился в 1871 г., Читинская обл., Борзинский р-н, Ключевское; Проживал: Читинская обл., Борзинский р-н, Ключевское. Приговорен: Особая тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 27 июля 1992 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Константин Данилович.

Родился в 1904 г., Забайкальская обл.; русский; преподаватель пед. училища. Проживал: г. Бийск. Арестован 19 ноября 1937 г. Приговорен: Верховный суд СССР 1 июля 1938 г., обв.: по ст. 58-8, 11. Приговор: ВМН. Расстрелян 1 июля 1938 г. Место захоронения — г. Барнаул. Реабилитирован 28 июня 1958 г. Верховным судом СССР, дело прекращено за отсутствием состава преступления [Книга памяти Алтайского края].

Белокопытов Константин Константинович.

Родился в 1890 г., с. Тесь Минусинского округа Енисейской губ.; русский; образование сельская школа; вольностарателем. Проживал:

прииске «Сергеевский» Каратузского р-на КК. Арестован 12 марта 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД КК 5 апреля 1938 г., обв.: КРА. Приговор: ВМН. Расстрелян 28 апреля 1938 г. Место захоронения — в г. Минусинске. Реабилитирован 14 июня 1960 г. президиумом Красноярского крайсуда [Книга памяти Красноярского края].

Белокопытов Константин Константинович.

Родился в 1890 г., Красноярский кр., Минусинский р-н, Тесь; старатель. Проживал: Россия, Красноярский кр., Каратузский р-н, приск Сергиевский. Приговорен: тройка при УНКВД Красноярского края 5 апреля 1938 г. Приговор: ВМН [Красноярское общество «Мемориал»].

Белокопытов Константин Никитович.

Родился в 1923 г. Проживал: Красноярский кр., Минусинский р-н, с. Тесь. Приговорен: 12 декабря 1931 г. Приговор: спецпоселение в Томской обл. [УВД Томской обл.].

Белокопытов Константин Николаевич.

Родился в 1900 г., пос. Ольховка Артемовского р-на Минусинского уезда Енисейской губ.; помощником горного мастера. Проживал: рудник «Коммунар» Артемовского р-на КК. Арестован 19 октября 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД КК 21 ноября 1937 г., обв.: КРО. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 1 сентября 1956 г. президиумом Красноярского крайсуда [Книга памяти Красноярского края].

Белокопытов Константин Николаевич.

Родился в 1900 г., Хакасия, Ширинский р-н, поселок городского типа Коммунар; русский; Проживал: Красноярский кр., Курагинский р-н, Ольховка. Арестован 19 октября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Красноярского края 21 ноября 1937 г. Приговор: ИТЛ-10 [Красноярское общество «Мемориал»].

Белокопытов Константин Филиппович.

Родился в 1914 г., с. Цасучей Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; работал на складе топлива, тракторист. Проживал: ст. Шилка Шилкинского р-на Читинской обл. Арестован 15 апреля 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 9 июня 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 4 октября 1958 г. Читинским облсудом [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Леонтий Алексеевич.

Родился в 1894 г., с. Усть-Изыкчуль Ужурского уезда Ачинского округа Енисейской губ.; в колхозе. Проживал: с. Усть-Изыкчуль Ужурского уезда Ачинского округа Енисейской губ. Арестован 30 июня 1933 г. Приговорен: 13 июля 1933 г., обв.: КРПО, АСА. Приговор: дело прекращено по реабилитирующим обстоятельствам [Книга памяти Красноярского края].

Белокопытов Логин Григорьевич.

Родился в 1865 г. Проживал: Красноярский кр., Минусинский р-н. Приговорен: 5 мая 1931 г. Приговор: спецпоселение в Томской обл. [УВД Томской обл.].

Белокопытов Михаил Алексеевич.

Родился в 1923 г. Проживал: Красноярский кр., Минусинский р-н. Приговорен: 12 декабря 1930 г., обв.: кулаки (Постановление СНК и ЦИК СССР от 1.02.1930). Приговор: спецпоселение в Томской обл. [УВД Томской обл.].

Белокопытов Михаил Дмитриевич.

Родился в 1900 г., Воронежской губ.; русский; образование среднее; беспартийный; заместитель начальника 2-го отделения станции Красноярск. Арестован 19 мая 1937 г. Приговорен: ВТ КЖД 21 апреля 1938 г., обв.: ст. 58-9 УК РСФСР. Приговор: 15 лет ИТЛ. Реабилитирован 22.09.1939 [Книга памяти Красноярского края].

Белокопытов Михаил Иванович.

Родился в 1872 г., с. Тесь Минусинского округа Енисейской губ.; русский; малограмотный; беспартийный; плотник в колхозе. Проживал: с. Тесь Минусинского округа Енисейской губ. Арестован 8 июля 1937 г. Приговорен: 9 сентября 1937 г., обв.: ст. 58-10 УК. Приговор: принимая во внимание преклонный возраст, водворить на поселение в Ольховскую комендатуру НКВД со всей семьей Реабилитирован 23 июля 2004 г. прокуратурой КК [Книга памяти Красноярского края].

Белокопытов Никита Иванович.

Родился в 1900 г., с. Тесь Минусинского р-на; малограмотный; плотник в колхозе «Красный маяк» в с. Маяки Минусинского р-на КК. Проживал: с. Тесь Минусинского р-на. Арестован 8 июля 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД КК 24 августа 1937 г., обв.: КРА. Приговор: ВМН. Расстрелян 2 сентября 1937 г. Место захоронения — в г. Минусинске. Реабилитирован 21 июля 1989 г. прокуратурой КК [Книга памяти Красноярского края].

Белокопытов Никита Иванович.

Родился в 1898 г., Томская губ.; русский; член к-за «Степан Разин». Проживал: Калманский р-н, с. Панфилово. Арестован 28 июля 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по АК 30 октября 1937 г., обв.: по ст. 58-2, 11. Приговор: 10 лет с последующим поражением в правах на 5 лет, умер 4.06.1943 в заключении в Новосибирской обл. Реабилитирован 27 июля 1959 г. Алтайским крайсудом, дело прекращено за отсутствием состава преступления [Книга памяти Алтайского края].

Белокопытов Никита Иванович.

Родился в 1900 г., Красноярский кр., Минусинский р-н, Тесь; Проживал: Красноярский кр., Минусинский р-н. Приговорен: тройка при УНКВД Красноярского края 24 августа 1937 г., обв.: антисоветская агитация. Приговор: ВМН [Красноярское общество «Мемориал»].

Белокопытов Никита Иванович.

Родился в 1900 г. Проживал: Красноярский кр., Минусинский р-н, с. Тесь. Приговорен: 12 декабря 1931 г. Приговор: спецпоселение в Томской обл. [УВД Томской обл.].

Белокопытов Николай Александрович.

Родился в Читинская обл., Нерчинский р-н, Нерчинск; проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Нерчинск. Приговорен: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 14 июля 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Николай Андреевич

Родился в 1927 г., Читинская обл.; проживал: Читинская обл., Ононский р-н, В-Цасучей. При-

говорен: в 1933 г. Реабилитирован 15 января 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Николай Петрович.

Родился в 1895 г., с. Малая Иня Минусинского округа Енисейской губ.; русский; без определенных занятий. Проживал: пос. Курагино Курагинского р-на КК. Арестован 19 ноября 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД КК 9 декабря 1937 г., обв.: КРП. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 19 апреля 1958 г. президиумом Красноярского крайсуда [Книга памяти Красноярского края].

Белокопытов Николай Петрович.

Родился в 1895 г., Красноярский кр., Минусинский р-н, Малая Иня; б/п; проживал: Красноярский кр., Курагинский р-н. Приговорен: тройка при УНКВД Красноярского края 9 декабря 1937 г. Приговор: ИТЛ-10 [Красноярское общество «Мемориал»].

Белокопытов Николай Семенович.

Родился в Читинской обл., Борзинский р-н, Ключевское; проживал: Читинская обл., Борзинский р-н, Ключевское. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК. Реабилитирован 28 марта 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Павел Никитович.

Родился в 1927 г. Проживал: Красноярский кр., Минусинский р-н, с. Тесь. Приговорен: 12 декабря 1931 г. Приговор: спецпоселение в Томской обл. [УВД Томской обл.].

Белокопытов Петр Васильевич.

Родился в 1903 г., Читинская обл.; проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, В-Цасучей. Приговорен: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 7 сентября 1996 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Порфирий Порфирьевич.

Родился в 1915 г., Читинская обл. г. Нерчинск; русский; грамотный; мастер газогенераторной станции ПВЗ. Проживал: БМАССР, г. Улан-Удэ. Арестован 19 марта 1938 г. Приговорен: тройкой НКВД 11 мая 1938 г., обв.: ст. 58-7, 58-10. Приговор: ВМН. Реабилитирован 21 февраля 1959 г. ВТ ЗабВО [Книга памяти Бурятии: подготовительные материалы].

Белокопытов Семен Ермолаевич.

Родился в 1902 г., Читинская обл., Борзинский р-н, с. Ключевское; русский; рабочий по найму. Проживал: Китай, Маньчжурия. Арестован 16 августа 1945 г. Приговорен: ОКР «СМЕРШ» 36 армии 18 октября 1945 г., обв.: ст. 58-6 УК РСФСР. Приговор: уголовное дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 7 октября 1999 г. По заключению Прокуратуры Омской области по Закону РФ от 18.10.1991 г. [Книга памяти Хабаровского края].

Белокопытов Семен Феоктистович.

Родился в 1890 г., Читинская обл., Борзинский р-н, Ключевское; проживал: Читинская обл., Борзинский р-н, Ключевское. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК. Реабилитирован 28 марта 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Семен Феоктистович.

Родился в 1879 г., Забайкальской обл. Приамурской губ.; бывший кулак. Рабочий. Проживал: прииск Леоновский Удерейского р-на КК. Арестован 23 марта 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД КК 14 апреля 1938 г., обв.: КРП. Приговор: ВМН. Расстрелян 15 мая 1938 г. Место захоронения — в г. Енисейске. Реабилитирован 10 мая 1958 г. президиумом Красноярского крайсуда. [Книга памяти Красноярского края].

Белокопытов Семен Феоктистович.

Родился в 1879 г., Читинская обл., Борзинский р-н, поселок Ключевское; русский; малограмотный; б/п; проживал: Россия, Красноярский кр., Мотыгинский р-н, прииск Леоновский. Арестован 23 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Красноярского края 14 апреля 1938 г. Приговор: ВМН. Реабилитирован 10 мая 1958 г. Красноярский краевой суд [Красноярское общество «Мемориал»].

Белокопытов Сергей Иванович.

Родился в 1928 г., Читинская обл., Борзинский р-н, Цаган-Олуй; проживал: Читинская обл., Борзинский р-н, Цаган-Олуй. Приговорен: райтройка по выселению кулацких семей Борзинского района в 1933 г. Реабилитирован 14 сентября 1992 г. [УВД Читинской обл.].

Белокопытов Степан Перфильевич.

Родился в 1892 г., г. Нерчинск Забайкальской обл.; русский; работал в ветеринарной школе, преподаватель. Проживал: с. Олинское Нерчинского р-на Читинской обл. Арестован 8 ноября 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 23 мая 1938 г., обв.: по ст. 58-1а, 58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 7 июля 1938 г. Реабилитирован 8 января 1960 г. военным трибуналом ЗабВО [Книга памяти Читинской обл.].

Белокопытов Феоктист Семенович.

Родился в Читинской обл., Борзинский р-н, Ключевское; проживал: Читинская обл., Борзинский р-н, Ключевское. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК. Реабилитирован 28 марта 1995 г. [УВД Читинской обл.].

В основном, как видите, Забайкалье.

Обычно мы изучаем эти списки «жертв политического террора» по каким-то конкретным фамилиям, касающимся либо наших родственников, либо какой-то темы, связанной с конкретными именами.

Я не знаю, насколько связаны между собой родственными узами люди в этом списке.

Знаю другое — что мало какую семью в Сибири и на Дальнем Востоке обошла эта беда.

И поэтому мы все, живущие в России, — СВЯЗАНЫ этим общим горем.

История же Белокопытовых — и, возможно, многих Белокопытовых из этого списка, начинается в Енисейске, в документах за 1632 год, которые называются «Именные окладные книги денежного жалованья служилых людей, ружников и оброчников Енисейского острога» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 47, л. 83–90], находим имя стрельца Васьки Назарова сына Белокопыта.

Енисейск в этот период истории – стартовая площадка для начала открытия и освоения региона, который войдет в состав России под будущим названием Северо- и Дальний Восток.

Именно енисейские стрельцы в команде сотника Петра Бекетова в этом самом 1632 году основали на реке Лене Ленский острог. В том же году этот же отряд енисейских стрельцов основал Жиганск, в 1636 году — Олекминск, в 1653 году енисейцы под командой стрелецкого головы Петра Бекетова основали Ингодинское зимовье (Чита), в 1654 году — Нелюдский острог (Нерчинск).

То есть с 1638 года, когда по царскому указу Якутское воеводство выделено в самостоятельную территориально-административную единицу, юрисдикция Енисейска, как разрядного города, была перенаправлена в юго-восточном направлении — на Предбайкалье и Забайкалье.

Енисейск, 1669 год.

«В Енисейском уезде вверх по Енисею енисейские дети боярские и атаманы и все … чинов служилые люди, которые служат с пашен без хлебного жалования

Деревня Стрелошная

(д[вор]) служилово человека Никитки Белокопытова, у него брат Гаврилко 12 … землею владеет отцовскою Васки Белокопытова, у них же вотчим Ивашко Иванов Волжанин» [РГАДА, Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 166].

Дозорная книга Енисейского уезда 1673 (181) г.

«Енисейского присуду Усть-Тунгуские …оргины и по Галкине речке деревень пашенные крестьяне … Митка Васильев сын Белокопытов з братьями с Васкою с Мишкою…» [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 89 об.].

В библиографическом словаре «Служилые люди Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.» есть подробности:

Василий Назаров сын умер в 1662 году.

Его дети: Дмитрий Васильев — казак (1684), Иван Васильев — казак (1684), Михаил Васильев — казак, служил «с пашни» (1684), Никита Васильев — стрелец, в 1663 г. поверстан, служил «с пашни» (1684).

Иван Дмитриев — вероятно, сын Дмитрия Васильева, енисейский казак (1684).

И отдельно стоит Василий Белокопытов — прежде пушкарь, в 1677 г. — стрелец, в 1684 году — енисейский казак.

В «Родословном справочнике Иркутска 1661–1775 годов» А.В. Черепанова мы находим новые любопытные подробности.

Михаил Белокопытов — наемщик, в 1684 г. служил вместо своего брата Василия, енисейского казака. То есть «отдельно стоящий Василий» — это на самом деле Василий Васильевич — брат Михаила Васильевича.

А дальше идут дети Дмитрия (полагаю, тоже Васильева сына): Андрей — в 1690 г. стрелец, Иван — в 1712 г. пеший казак.

У Ивана сын Антон (умер в 1762 г.).

У Антона сын Леонтий, примерно 1739 года рождения, в 1764 г. служилый. Выделим его особо. Он нам еще ой как пригодится. У него жена Татьяна Амосовна.

Их дети: Федор Леонтьевич — примерно 1759 года рождения, Гавриил Леонтьевич (1762), Николай Леонтьевич (1764).

Но продолжим енисейскую линию.

Енисейск, 1688 год.

«Белокопытов Иван (Ивашко) [Дмитриев сын], енисейский казак, отправленный из Иркутска на Селенгу в Ильинскую слободу к полковнику Ф.И. Скрипицыну».

По данным за 1676 год, Иван (Ивашко) Белокопытов служит в Албазинском остроге:

«В 1676 году Иван Белокопытов сопровождал высланных из Албазинского острога в Нерчинск "…дву человека, что препроводили с Аргуни реки служилой человек Василий Терентьев с товарищи, Гантимурова роду Солоуна да Солбогона…"

В 1681–1682 годах Иван Белокопытов в составе отряда Ивашка Мартынова был послан "…из Албазинска к Великим Государям к Москве, с ясашною и десятинною Великих Государей соболиною казною…".

Вернувшийся из Москвы в 1685 году, Нерчинским воеводой Иваном Власовым Иван Белокопытов был направлен из Нерчинска с "Ивашком Мартыновым с товарищи" с "государевою оружейною казною" в подкрепление отряду, уже восстанавливающему Албазинский острог: "…да к тому ж в прибавку послал я с Албазинскими казаки с Ивашком Белокопытовым, с Ивашком Мартыновым с товарищи великих государей казны: пищаль затинную ж, 100 пищалей ручных с ложами и с фурмами и с трещетми, 50 бердышев, знамя, средина полотняная, каймы кумачные красныя, да барабан, 850 кремней пищальных…"

Участвовал в героической обороне Албазинского острога 1686–1687 года».

Личность известная. Упоминается в документах:

1676 г. Донесение албазинского приказчика Федора Евсевьева нерчинскому воеводе П.Я. Шульгину о прекращении экспедиций по рекам Амуру и Зее до возвращения посольства Н.Г. Спафария из Цинской империи [Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М. Наука. 1969, № 208, стр. 491–492].

1684–1685 гг. Дела из Албазинского архива

Русская вивлио́фика[1] или собрание материалов для отечественной истории географии, статистики и древней русской литературы, издаваемое Николаем Полевым. Москва 1833г.

1685 г. Акты об осаде и взятии Албазина Китайцами. (Отписка Нерчинскаго воеводы Ивана Власова Енисейскому воеводе князю Щербатову о вестях про Китайцев и о принятых им мерах по возобновлению Албазина).

Дополнения к актам историческим, 1872 г., т. 12, СПб. стр. 107–114.

Е.А. Багрин восстановил и его отчество. И, оказывается, он тоже… Васильев сын

«Белокопытов Иван Васильев.

Служилые люди, бывшие в Албазине во время его осады в 1686 г.» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 43. Л. 10–10 об.; Д. 56. Л. 160–160 об., 171–172 об., 180];

1 сентября 1691 г. поверстан в нерчинские конные казаки [РГАДА. Ф. 1142. Д. 56. Л. 171–171 об.].

[1] Старинное название библиотеки, использовавшееся еще в XVIII столетии.

Стоит ли этому удивляться?

В составе объединенных полков, собранных со всех сибирских городов, которые пришли на помощь героически обороняющимся защитникам Албазинского острога, чтобы защитить южные границы империи от вторжения войск маньчжуров (китайцев), были и енисейцы:

Енисейские казаки, стрельцы и казачьи дети. Полк П. Грабова. Удинск (73 чел.)

Белокопытов Ивашка [вероятно, Дмитриев сын]

Енисейские казаки, стрельцы и казачьи дети. Полк П. Грабова. Нерчинск (21 чел.)

Белокопытов Мишка [Васильев сын]».

В «Делах Албазинского архива» обнаружен один интересный документ, который касается Ивана Васильевича Белокопытова:

«Донесение Толбузина Власову, о прошении Албазинскими Казаками жалованья и помощи, 1685 г.

7193 года, Августа 6 дня, по Государевым Царевым и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцев указу, Стольнику и Воеводе Ивану Астафьевичу Власову. Июня в 28-й день, на встречу из Нерчинска , вниз по Шилке по реке, повыше Бойца камня, на стану, перед Воеводою, перед Алексеем Ларионовичем Толбозиным, Албазинский казак Ивашка Мартынов сказал: в прошлом-де во 190 году, послан-де быль он Ивашка с товарищи из Албазинска к Великим Государям к Москве, с ясашною и десятинною Великих Государей соболиною казною; и по их челобитью послано с Москвы и из Енисейска, с ним Ивашкой с товарищи, Великих Государей жалованья денег и сукон Албазинским служилым людям; и с тою Великих Государей казною товарищ его Ивашков, Албазинский-же казак, Ивашко Белокопытов остался в Нерчинске; а на который год Великих Государей жалованье, деньги и сукна, им служилым людям велено давать, и о том указ В. Г. прислан в Нерчинск, к Стольнику и Воеводе Ивану Астафьевичу; а в Албазин-де к Воеводе Алексею Ларионовичу Толбозину указ Великих Государей о раздаче того жалованья с ним Ивашком не послан; и били челом Великим Государям Царям и Великим Князьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, всея Великия Малыя и Бѣлыя России Самодержцам, а в Нерчинске Алексею Ларионовичу Толбозину, Албазинские служилые люди, десятники казачьи, Петрушка Исаков с товарищи, и все рядовые казаки, всего 111-ть человек, в том числе 12 человек, которые в 191-м и 192-м годах были на службе Великих Государей на Быстрой и на Хамун реках, с Албазинским же казаком, с Гаврилом Фроловым; в словесном своем челобитье сказали: в нынешнем во 193-м году, Июня 12 дня, пришли под Албазинский острог неприятельские, Богдойские, воинские люди на бусах водою, на конях горою, со всяким огненным, городовым и простым боем, и Албазинский острог взяли; а убили воинских и всяких чинов людей человек до ста и более; и их служилых людей по договору отпустили в Государские города; а животы их и хлебные запасы тогда били все без остатка; и шли-де они, служилые люди, дорогою, с женами и детьми, пешие с великою нужею , и питались травою и кореньем; и ныне помирают голодною смертно; а запасу им служилым людям на пропитание купить не чем, и чтоб Великие Государи их пожаловали: для разоренья и голоду, велели-бы то Государское жалованье, деньги и сукна, и всякие товары, корые посланы с Албазинским казаком, с Ивашком Мартыновым, им служивым людям выдашь, кому по чем за прошлые годы доведется».

Иван Васильевич недолго прослужил в Нерчинске:

«Сметной и имянной список 7201 года (1693) Нерчинским, Теленбинским и другим служилым людям

Конные казаки

Иван Белокопытов в 201 году декабря в 17 день умре, а в оклад ево приверстан того ж году посацкой человек Матюшка Арзамаз марта 27 день» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063].

Но вскоре на службу заступил его сын:

Нерчинск, 1708 г. «Оклады денег по семи рублев, хлеба по шти чети с осминою ржи, по четыре чети овса, по два пуда соли

Конные казаки

Десятник Петр Белокопытов, а за хлебное жалованье служит с пашни» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л. 4 об.].

Нерчинск, 1719 год:

«23 октября в [...] день Нерчинской сын боярской Петр Иванов сын Белокопытов, в доме у него в Нерчинском уезде по Урулге реке в деревне муж. полу: он, Петр, 35 лет (1684), у него дети: конной казак Максим Белокопытов 16 лет (1703), Харлам 4 лет (1715), брат его, Петров, конной казак Семен Екимов 24 лет (1695)» [Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886].

Нерчинск, 1721 год:

«Конной казак Семен Екимов 26 ... Десятник отставных казаков Максим Белокопытов 18 да у него брат Харлампий 5» [РГАДА Ф. 214 Оп. 1 Д. 1626. Л. 39 об.].

Нерчинск, 1727 год:

«В 1727 году померли ... В Ыюле 12-го. У сына боярского Максима Белокопытова сын Максим — младенец» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 110].

Нерчинск, 1728 год:

«1728 году венчаны ... В Ыюне 2-го. Служилого Максима Белокопытова человек ево Иван Гаврилов сын Шаров Филиповою дочерью оного же Белокопытова девкою Еленою первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 114 об.].

С сыном боярским Максимом Петровым сыном Белокопытовым приключилась история, которую описал Е.В. Анисимов в книге «Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке» [М., 1999]:

«В 1735 г. Егор Столетов донес на вице-губернатора Сибири Алексея Жолобова о том, что однажды Жолобов показал ему 300 рублей, которые получил по делу боярского сына Белокопытова “Какое это дело?” — спросил Столетов — и “Желобов ответил: ‘Вина не велика, говорили, что бабы городами не владеют’”. Разговор этот для знающих историю политического сыска кажется очень выразительным. Вероятно, в компании, за дружеским столом Белокопытов сказал в том смысле, что плохи стали наши дела, “баба государством правит” или “что с бабы взять — волос долог, а ум короток”. За такие речи о правящей государыне Анне Ивановне люди оказывались в застенке, а потом в Сибири, о чем есть немало свидетельств. Но из дела Жолобова, который на следствии подтвердил, что взял деньги, чтобы “уничтожить” донос, видно: не все такие преступные высказывания попадали в следственное дело. Многое зависело от суммы, которую требовалось дать чиновнику, чтобы в Петербурге о доносе никогда не узнали. Из истории Жолобова видно, что цены на “уничтожение” дел были высокие, подчас непомерные. Как известно, взятки и посулы — норма жизни России XVIII в. Есть легенда о том, как Петр I, известный борец со взятками, как-то выслушал Феодосия, который обнаруживал посулы по 500 и 1000 руб. в бочках, залитых медом и засыпанных сахаром. На жалобу пастыря царь отвечал: “Для чего же не брать, КОЛИ приносят?”».

Нерчинск, 1744: «…перешедшие из города Нерчинска Петр Иванов сын Белокопытов у него брат Семен Екимов.

Деревни Буториной разночинцов померло …

1317 Иван [Дмитриев сын] Белокопытов

1318 у него дети Дмитреи

1319 Федор

1320 Иван» [РГАДА. Ф. 350. Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917. 2-я ревизия. Л. 38–41].

А куда же подевался Харлампий Петров сын Белокопытов?

Читаем:

«1752 году февраля дня, по Указу Ея Императорского Величества, асессор и нерчинский воевода Губин слушал доношение, поданное января 27 дня, от казачьего головы Ивана Лоншакова, на посланной к нему от здешней Нерчинской воеводской канцелярии, минувшего 750 году ноября от 15 числа Ея Императорского Величества Указ в силу присланного из селенгинской гарнизонной канцелярии апреля от 20 числа Ея Императорского Величества Указ и при оном доношении поданы от него Лоншакова учиненные аттестаты, коими оным Лоншаковым с товарищи аттестованы на порозжие вакансии во дворяне, в дети боярские и в казачьи сотники.

А именно, во дворяне нерчинского комплекта, из детей боярских Афонасий Епифанцов, которой в штатской Ея Императорского Величества службе состоит беспорочно, грамоте читать и писать умеет, на место умершего дворянина Василия Юрганова. В дети боярские, на место умершего сына боярского Ивана Самсонова исконный казак Иван Епифанцов же. А вместо вышереченого Афонасья Епифанцева, в дети боярские нерчинский пятидесятник Никита Щеголев.

Нерчинской казак Филип Новоселов, вместо умершего сына боярского Алексея Пыхалова.

Нерчинского комплекта сына боярского Антона Гудкова, сын Иван Гудков, вместо сына боярского Лаврентья Беломестного, ибо оной Беломеснов, по резолюции бригадира и Селенгинского коменданта Якоби за ведение о перебежчике и за недонос, публично наказан плетьми и написан в рядовые казаки.

А вместо сотника Харлама Белокопытова в сотники исконный казак Семен Белокопытов.

И оные Епифанцов и Щеголев, Новоселов и Гудков, и Белокопытов в штатской Ея Императорского Величества службе состоят и в те чины быть достойны, грамоте читать и писать умеют и ту должность все исправно отправлять могут и в подушной оклад, кроме оного Ивана Епифанцева не положены, а хотя оные другие есть и старее, токмо одни за неумениям грамоте, а другие за разными резонами к повышению чина в дети боярские аттестовать неспособно.

…Того ради приказал в силу вышеупомянутых присланных Ея Императорского Величества Указов из иркутской провинциальной и из селенгинской гарнизонной канцелярии, вышеупомянутые поданные от казачьего головы Лоншакова о предъявленных Епифанцова с товарищи на порозжия вакансии во дворяне и в дети боярские и в сотники аттестаты отправить на конфирмацию в иркутскую провинциальную канцелярию при доношении немедленно, и при том иркутскую провинциальную канцелярию почтенно просить не благоволит ли оная провинциальная канцелярия по тем аттестатам реченных Епифанцовых и Щеголева, Новоселова и Гудкова и Белокопытова произвести и удостоить во оные чины, ибо здесь, в Нерчинске за малоимением дворян и детей боярских, грамоте умеющих и делам достойных, состоит самая крайняя нужда и когда потребно бывает определить к каким делам и в том случается за неимением грамотных и достойных в те дела немалые остановки, понеже мной присутствующим об оных Епифанцовых с товарищи довольно усмотрено как и от казачьего головы Лоншакова с товарищи, в помянутых аттестатах показано, что оные Епифанцовы, Щеголев, Шемелин, Гудков и Белокопытов в той штатской службе могут состоять беспорочно и в тем чинам быть достойны а другие, хотя их и старее, токмо к произведению и к повышению в оные чины за разными резонами имеют быть неспособны».

Интересно, а каково отчество Семена — не Екимов ли он сын?

А вот еще новость:

«С 1754 года в городе начинает и работает Нерчинская навигацкая школа. Конкурс для

поступления был очень жесткий. Туда мог поступить только читающий ребенок. Указ правительствующего Сената Иркутской губернской канцелярии. Получено 8 января 1757 года. Рапорт в Нерчинскую воеводскую канцелярию. Казачьи дети: велено выучить казачьих детей для обучения навигацких наук: Иван Белокопытов, Лев Петелин, Федор Попов, Потап Анисимов, Зайков, Григорий Петров (Квашнин), Демид М., Иван Ефимов, Яков Котельников, Иван Бородин, Илья Попов, Петр, Денис Большаковы, Данило Пешков, Спиридон Мусорин, Федор Шунков, Ларион Пешков, Харлам Соколов, Емельян Цветков, Сидор Кулаков, Гаврило Васильев, Ефим, Антон Пешковы, Сил, Лазарь, Иван Новиков».

Кто он, этот будущий мореход Иван Белокопытов? И чей он?

И вот что интересного мы нашли в рукописи Александра Полонского «Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год.» [Архив Географического Общества, р. 60, оп.1 № 2]:

«[Промысловое судно] Александр Н[евский]. (1781–91) к[омпании купцов] Орехова, Якнина и Шилова.

Передовщик Устюжский кр. В. Шишев, мореход штурм. ученик Потап Зайков и рабочих 62 рус. и 7 иногодцев.

Судно построено в Охотске и в нем компания определила иметь 70 паев. Зайков вышел в море 1 авг. 1781 г. перезимовав на Беринговом, он перешол на Уналашку и оттуда, вместе с Михаилом Холодилова, в 1783 отправился по южную сторону Аляски для изыскания промысловых мест. Подойдя к Американскому берегу, они останавливались в разных местах на якоре и наконец оба судна пристали для зимовки на о. Сукли в устьи Шугацкой губы. Из опасения потерпеть от туземцев, которые под защитою густой травы делали удачныя нападения на русских, промыслами занимались мало, а доставали бобров больше меною.

В 1784 мая 11 оба судна пришли в Шаноцкую гавань, оттуда Александр прибыл 15 июля на Уналашку и соединился там для совместнаго производства промыслов с Нагаевым к. Холодилова и Черепановым к. Пановых; огромныя по обычаю их партии алеутов расположились для того в селениях по Лисьим островам.

За смертию 26 марта 1791 г. Зайкова, судно возвратилось в 1791 г. в Охотск под командою мещанина Белорукого, рабочего из к-нии Голикова и Шелихова. Он отправился с Уналашки 15 мая 1791 г., 18 июня прошол 1 Курильским проливом в Охотское море и 5 июля вошол в р. Охоту.

Определенный на судно для сбора ясаков прапорщик Белокопытов представил 127 бобров, 149 лисиц чернобурых, 281 сиводушку и 92 красных.

Промысла: бобров 1,181, кошлоков 380, межсумков 50, медведков 272, хвостов бобр. 1,278, кошлоковых 240, бобров парочных 40, лисиц чернобурых 682, сиводушек 1,181, красных 1,484, песцов 2,475, котиков 37,712, выдр 120 и пр. всего 238,700 р.».

В 1807 году по документам в Нерчинске проходят унтер-офицер Иван Белокопытов и почтальон Аника Белокопытов [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 91. Лл. 3 об., 15 об, л. 19].

Но, возможно, здесь другая история.

В 1661 году с Колымы вместе с Семеном Дежневым возвращается в Якутск казак Ивашко Иванов сын Белокопыт [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 2144, лл. 4–7]. И не сын ли он Ивана Васильевича Белокопытова, внук Василия Назаровича? Вполне возможно…

Якутск, 1692 год:

«Якутцкого города служилые люди. Казенные кузнецы … Федька Белокопытов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 62]. Он прибыл в Якутск из… Енисейска.

Юдомский крест, 1736 год, Вторая Камчатская экспедиция:

«Да по репорту квартерместера Савы Ганюкова, что идучи де дорогою с правиянтом на Юдоме, от воли Божии захварал и остался у Креста плотник Федот Белокопытов, а два человека пазнобили ноги. …Белокопытов Федот, плотник и казак» [Вторая Камчатская экспедиция, документы 1734–1736, Морские отряды, составители Наталья Охотина-Линд, Петер Ульф Меллер, Санкт-Петербург, Нестор-История, 2009].

Вполне вероятно, что и этот плотник из казаков был причислен к команде Витуса Беринга где-нибудь в Сибири, может быть, в том же Енисейске.

Впрочем, во второй половине XVIII века, когда Иркутск становится столицей Восточной Сибири, на Камчатку направлялись и иркутские, и нерчинские, и селенгинские казаки.

Впрочем, как мы видим, корень всех (точнее большинства) известных нам сибирских Белокопытовых находился в Енисейске.

К сожалению, тот прапорщик Белокопытов, который был направлен в Русскую Америку для сбора ясака, известен нам без имени.

Но…

Но кое-что нам все-таки известно.

Из Исповедальных росписей камчатских церквей [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2, Д. 3] нам удалось извлечь интересные сведения:

Петропавловский порт, 1815
Камчатская казачья команда
Казак отставной

Белокопытов Егор Петрович (1768) (Вполне вероятно, что он и есть сын того прапорщика Белокопытова, о котором упомянул А. Полонский. Двумя годами раньше Егор Петрович служил солдатом в Камчатском (бывшем Иркутском) гарнизонном батальоне — но случаи перевода из казаков в солдаты или в матросы были весьма типичными для Камчатки того времени. — *С.В.*).

Ж. Марья Михайловна

Дети: Гаврило (1805), Иван (1807), Ирина (1807).

Петропавловский порт, 1819
Петропавловская экипажная рота
матросы

Белокопытов Гаврило Егорович (1802).

Петропавловский порт, 1835 год
Петропавловская экипажная рота
Канониры
Белокопытов Иван Егорович 28 (1807).
Ж. Пелагея Григ. 26 (1809).
Дети: Василий 10 (1825), Николай 7 (1828).
Петропавловский порт, 1845 год
Матросы 1-й статьи:
Белокопытов Иван Егорович (1804)
Матросы 2-й статьи
Белокопытов Василий Иванов сын (1827), из солдатских детей, уроженец Камчатской области.
Белокопытов Николай Иванов сын (1828), из солдатских детей, уроженец Камчатской области.
Петропавловский порт, 1855 год:
Кантонист
Белокопытов Василий Васильевич (1848)
Белокопытов Иван Егорович (1802), отставной унтер-офицер, участник обороны Петропавловского порта в 1854 году, «Список участников обороны Петропавловского порта, которые отозвались на призыв Завойко и "добровольно явились к защите Петропавловского порта от нападения неприятеля и участвовали в действительном сражении при отражении Англо-Французской Эскадры", нападавшей в Августе месяце 1854 года на Петропавловский порт. Этот список уточняется сообщением: «Лица действительно участвовавшие при отражении неприятеля в 1854 г. от Петропавловского порта».
Отставные унтер-офицеры:
Иван Белокопытов (53), награжден бронзовой медалью в память о Крымской войне 1853–1856 гг. на Георгиевской ленте.
Петропавловск-Камчатский, 1905 год
«Список наградам, испрашиваемым за служебные отличия по обороне Камчатки по Петропавловскому уезду Приморской области
Петропавловский мещанин Федор Николаевич Белокопытов, 25 лет (1880). "За усердную службу по охране побережья от хищных японцев" представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.
Его братья и сестра:
Белокопытов Николай Николаевич,
Белокопытова Пелагея Николаевна (1890),
Белокопытов Павел Николаевич (1890).»
Был еще и Иван Николаевич, отец Николая Ивановича, который так же, как и многие другие Белокопытовы, стал жертвой политического террора, но его имя почему-то отсутствует в общем списке:
Белокопытов Николай Иванович (1896, Петропавловск-на-Камчатке — январь 1934, Хабаровск), участник антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске. Камчадал. Малограмотный. Холост. Чернорабочий. Имел две судимости: один месяц в 1928 г. за хулиганство, шесть месяцев в 1931 г. по ст. 169 УК РСФСР. На момент ареста по делу «Автономная Камчатка» 5 марта 1933 г. — без определенных занятий. Обвинен по ст. 58-2-6-8-9-11 УК РСФСР. Расстрелян. Реабилитирован решением ВТ ДВО от 27 апреля 1957 г. [Пустовит В.П. Камчатские персоналии].
А дело «Автономная Камчатка» оказалось полностью сфабрикованным чекистами.

Курильский десант, остров Шумшу, 18 августа 1945 года: Белокопытов Василий Павлович, старшина, начальник радиостанции 103-го о.б.с. 101-й с.д. Родился в 1918 году в с. Елизово Камчатской области. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК в 1939 году. Погиб в бою при высадке десанта на о. Шумшу 18.08.1945 года [ЦАМО, ф. 1279, оп. 2, д. 6].
Но был еще один Белокопытов на камчатской службе. И он тоже в 1812 году служил в Петропавловском порту в Камчатском (бывшем Иркутском) гарнизонном батальоне:
Белокопытов Иван Леонтьевич (1777). Такое совпадение бывает крайне редко — чтобы и отчество, которое встречается весьма даже не часто, и примерный возраст нашего героя соответствовали появлению в семье Леонтия Антоновича Белокопытова — потомка енисейского стрельца Василия Назаровича Белокопыта еще одного сына, не упомянутого в справочнике А.В. Черепанова, — Ивана Леонтьевича, который в составе бывшего Иркутского гарнизонного батальона был передислоцирован на Камчатку, и, ясное дело, его имя исчезло из иркутского документооборота и было потеряно своей енисейской, иркутской и нерчинской родней.
Его сын. Воспитанники Камчатского отделения императорского военно-сиротского дома:
Белокопытов Гаврило Иванович (1803)
Казачьи и солдатские дети
Белокопытов Никита [Иванович] [1807]
Петропавловский порт, 1835 год
Белокопытов Никита Иванович
Ж. Евдокия Тимофеевна [1808]
Дети: Ефим [1829]
Петропавловский порт, 1845 год
Матросы:
Белокопытов Ефим Никитич (1829)
Петропавловский порт, 1854 год
Белокопытов Павел Никитин сын (1834) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. на боте № 1. [РГАВМФ, ф. 406, оп. 5, д. 803, л. 254].
Матросы Белокопытовы из обеих семей, за исключением Николая Ивановича (вполне возможно, что он был ранен в сражении и оставлен на Камчатке, а не отбыл вместе с остальными и всей своей семьей на Амур, почему его имени мы не находим в списке Камчатского флотского экипажа за 1855 год), как раз и выбыли с Камчатки вместе со всем гарнизоном Петропавловского порта, который был переведен в Николаевск-на-Амуре в мае 1855 года, и следы их исчезают на дальневосточных просторах, и кто знает, не потомки ли камчатских Белокопытовых усыновили того китайского мальчика, потомки уже которого носят сегодня в Приморье фамилию Белокопытовых, с истории которого мы и начали свой рассказ.

БЕЛОНОГОВЫ

Любопытная фамилия: кто же это умудрился разглядывать чьи-то ноги?

Но есть и другая версия — Белоног и Белоножка — прозвища людей изнеженных и, вероятно, не очень гожих для дальних походов.

Правда, наши истории эту версию целиком и полностью опровергают: может ли неженка пройти путь от Уральских гор до Камчатки?

Конечно, на это способен только человек мужественный, сильный, крепкий, закаленный…

Или преодолевать этот огромный по расстоянию путь постепенно – из поколения в поколение.

Так оно и было.

Первые Белоноговы отмечены нами уже в Илимском остроге, где в 1677 году служили Ивашко Васильев сын Белоног и его сын «судовые плотники Илимские служилые люди Елеска Иванов Белонога, а поверстан он Елеска во 185-м [1677] году на выбылое умершаго Гришкино место Кузнецова в ево оклад» [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 633. Л. 45–45 об.].

А через двадцать лет в истории Илимского уезда отметился, по всей видимости, их сын и внук, который оказался в числе тех, кто смещал с его поста илимского воеводу Челищева, который впоследствии заявлял:

«…Да после, государь, того они ж, бунтовщики, Мишка Березовской, Васька Воронетцкой, Офонька Литвинцов, Митька Сторожилов, Левка Белоногов, Петрушка Суслов с товарыщи, хотя меня, холопа твоего, з голоду уморить, хлеб мой изпод паперти пограбили и к двору приступали и бердыши отнимали и людей моих батогами били и в тюрьму сажали и к воде калитку замыкали и караул приставливали и воды не давали. И я, холоп твой, в осаде голодом сидел и всякую нужду терпел, и видя смерть свою дал выборным ворам 100 рублев денег да пуд хмелю, цена 8 рублев. И они взяв деньги и хмель людей моих ис тюрьмы свободили и для хлеба в Братской ездить велели и караулу у калитки быть не велели. А грабежей, государь, хлеба взяли и на дороге отняли 250 пуд, цена хлебу 75 рублев. Да мне ж, холопу твоему, от отказу хлебной покупки учинилось убытку 200 рублев, а иное людишка мои побирались и милостину збирали…» [РГАДА Ф. Сибирский приказ, стб. № 1139. Л. 518].

А после возникает некоторая историческая развилка, которая вносит эффект неопределенности.

В 1720 году в Якутске появляется тобольский ссыльный Семен Федоров сын Белоногов.

Как правило, ссыльных верстали в казаки либо отправляли на пашню крестьянствовать.

Но у нас нет никаких данных.

Но есть другое — в переписи якутских жителей в период с 1722 по 1748 год в Якутске верстаны в казаки Иван и Михаил Белоноговы.

А в Сиптацком зимовье в в этот же период бежал разночинец Федор Белоногов.

Ивана мы позже находим: в 1781 году он (или его тезка) служит в Жиганском комиссарстве.

Находим и Михаила, с которого, собственно, и начинается наша первая история: в том же 1781 году он служит в Олекминском комиссарстве [НА РС(Я). Ф. 401п. Оп. 1. Д.1. Т. 2. Л. 253–256].

В списке якутских казаков за 1796 год мы находим и его сына Ивана Михайловича [НАРС(Я) Ф. 401И. Оп.1. Д. 1. Т. 2. Л. 238], который впоследствии служит на Камчатке:

«Камчатская казачья команда

Казак отставной

Белоногой Иван Михайлович (1774)

Ж. Ульяна Ивановна (1785)

Дети: Абрам (1804), Параскева (1808), Матрона (1810)» [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

Абрам Иванович Белоногов — казак в 1815 году, в 1819 — канонир экипажной роты в Петропавловском порту.

А в казаках Петропавловской казачьей команды в 1835 году служит его брат Николай Иванович (1817) [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

И в материалах за тот же 1835 год мы встречаем интересную запись:

«Жители Ближнего озера

Отставные

Некрасов Петр Никифорович — 45. Ж. Анна Ивановна — 38. Жили у Некрасова умершего казака [Ивана Михайловича] Белоногова дети: Капитон — 3 (1833), Екатерина — 9 (1826)».

Чем же для нас интересна эта запись?

А тем, что она переносит нас на север:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казачьи дети сироты

Белоногов Капитон [Иванович] — 21» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

А его старший брат тоже меняет место дислокации:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Нижнекамчатск

Служащие казаки

Белоногов Николай Иванов — 40» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

Сын Николая Ивановича — Белоногов Феодосий Николаевич, казак Усть-Камчатской команды, был участником обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

У него с супругой Любовью Тимофеевной в 1907 году родился сын Павел.

Это одна история.

А вот другая.

В период с 1722 по 1748 г. в якутские казаки были определены не только Иван с Михаилом, но и еще двое:

«По гор. Якуцку в казачью службу определены Дмитрий Белоногов, у него с. Степан» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.123].

А в 1796 году служит уже их сын и внук — урядник Иван Степанов сын Белоногов [НАРС(Я). Ф. 401И. Оп. 1. Д. 1. Т. 2. Л. 238].

И вот перекрестие казачьих судеб — Камчатка.

«Тигильская крепость, 1812 год:

Казачья команда

Пятидесятники
Белоногов Лев Степанович (1755)
Ж. Ксения Семеновна (1767)
Дочь Матрена (1810)
Казак
Белоногов Семен Львович (1791)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Тигильская крепость

Служащие
Отставные казаки
Белоногов Семен Львович
Ж. Агафья Васильевна (1810)
Дочь Александра (1833)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 43].

Но закончить этот очерк хочется якутской историей: в 1781 году в Жиганском комиссарстве служит в рядовых казаках Павел Белоногов, а в именных списках Якутского казачьего полка мы находим его уже в чине пятидесятника второй сотни на уряднической вакансии.

Но дальнейшие следы казаков Белоноговых, к сожалению, пока для нас скрыты.

БЕЛОУСОВЫ

Истории этой сибирской фамилии посвятил большой очерк Андрей Черепанов, автор книги «Сибирская кровь», который к этой фамилии имеет самое прямое отношение:

«Рожденная в 1722 году и отданная взамужество крестьянину Тимофею Петровичу Тюменцову дочь верхоленского казака Терентия Ивановича Белоусова с морским именем Марина — моя шестижды прабабушка.

Фамилия Белоусовых связана с Сибирью уже с первой половины XVII века, если и того не раньше. В 1611 году пеший казак Лука Белоус входил в состав делегации города Томска, направлявшейся к московскому государю; в 1630 году в послужном списке томских казаков сказано о “Нехорошко Полуянове сыне Белоусове”, который в одном из боев “под мужиком лошадь убил”; в 1696 году казачий десятник Наум Белоусов подписывал договор служилых людей Селенгинска, Удинска, Кабанского и Ильинского острогов о взаимной поддержке и организации органов самоуправления; в 1699 году енисеец Яков Яковлевич Белоусов получил пашню под Нерчинском, а его брат Клим из Енисейска бежал; томский десятник Иван Белоусов свидетельствовал в 1705 году об отказе части городских жителей подчиняться указу царя Петра Алексеевича брить бороды и носить иноземное платье; Семен Белоусов был определен между первой и второй ревизиями в казачью службу по Якутску.

С давних пор Белоусовы появились и на верхнеленской земле. Так, еще до 1653 года илимский воевода Богдан Оладьин направлял Савелия Белоусова вместе с другими служилыми людьми “на заставу к Чечюйскому волоку,.. чтоб в Даурскую землю из Илимского и Верхоленского острогов, и от судового дела служилые и наемные охочие промышленые люди, не поделав судов, не розбежались”; Кузьма Белоусов был в 1673 году пашенным крестьянином Щукиной заимки под Иркутском; Семен Петрович Белоусов перечислен среди казаков в окладной книге Илимского острога за 7161 (1673) год, а казак, затем — пятидесятник Верхоленского острога Иван Павлович Белоусов — в книгах за 7185 (1677), 7192 (1684) и 7201 (1693) годы; приказчик Илимского острога с тем же именем — Иван Белоус — по распоряжению воеводы Ивана Зубова в 1679 году пытался, хотя безуспешно, расселить несколько ссыльных крестьян на манзурскую пашню.

Еще в “Переписной книге Илимской слободы о сборе хлеба, и сколько они имеют пашенной земли и сенных покосов” за 7207 (1699) год сказано: “От Качинской деревни вверх по Лене полверсты на левой стороне за Качиком речкой двор верхоленского конного казака Лаврушки Белоусова. Пашет пашню за хлебное жалование”. Судя по приведенным координатам, та пашня находилась в районе современного Качуга, его улицы Ленина. Позднее Белоусовы основали еще одну деревню — Белоусово — на левом берегу Куленги напротив впадения в нее Тальмы.

Не знаю, имели ли казаки Белоусовы из Илимска и Верхоленска близкое родство между собой, но верхоленский пятидесятник Иван Павлович Белоусов наверняка был отцом казака Терентия Ивановича Белоусова, в чьей семье родилась моя шестижды прабабушка Марина. Может, и “пашенный” казак Лаврентий — тоже сын Ивана. Если вышеназванная версия верна, то самый дальний из ставших известными мне предков под фамилией Белоусовых был основоположник их верхоленской династии пятидесятник казачий Иван Павлович Белоусов. И тогда его отец Павел — мой девятижды прадед».

Но, если следовать избранной Андреем Черепановым традиции, то не нужно забывать и про столицу Сибири — город Тобольск, в котором в 1624 году отмечен казак Федор Белоусов, имевший к тому времени свой двор у Казачьих ворот [Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий, М., 1885].

Для нас это важно — основной гарнизон Ленского (впоследствии Якутского) острога был сформирован из тобольских казаков.

И действительно, именно в этой связке Тобольск – Якутск мы обнаруживаем историческую связь с Илимским острогом и уездом:

«Тобольские пешие казаки прежнего наряду с столь... с Петром Головиным с товарыщи ... Левка Григорьев сын Белоус в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 12 об.].

Но это далеко еще не полный список:

«Тобольские служилые люди которые присланы с Тобольска с пятидесятником с Ларкою Едомским прежним на перемену ... Пронка Иванов сын Белоус» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 101].

«Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником с Ларкою Едомским прежним на перемену … Пронка Иванов сын Белоус в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 31].

По данным за 1660 год, в Якутии служит Семен Петров сын Белоусов.

По данным за 1661 год, — Левка (Леонтий Григорьев сын) Белоусов.

Но возвращаемся мы снова в Илимский уезд, в Верхоленск, откуда в 1748 году направлен на службу в Охотск Петр Терентьев сын Белоусов [из материалов книги А. Черепанова «Сибирская кровь»].

Что важно — в Верхоленске у Петра Терентьевича была семья.

Вот она:

Афанасея жена Петра (1727) 35 [лет] дочь Фрола болшедворского, верхоленского разночинца;

Татияна дочь Петра (1748);

Аврам сын Терентья (1734);

Матрена жена Аврама (1732) дочь Савы Дорофеева, верхоленского посадского;

Наталья дочь Аврама (1753);

Агафия дочь Аврама (1755);

Иван сын Аврама (1756);

Устинья дочь аврама (1759);

Афанасей сын Аврама (1761;

Анисья дочь Аврама (1762) родилась около декабря;

Иван сын Терентья (1739) по г. Иркутску в службе;

Григорей сын Терентья (1741);

Евдокия жена Григорья (1742) дочь Афанасья Шеметова, верхоленского казака.

А сам Петр Терентьевич, казак, по данным за 1766 год, несет службу в Гижигинской крепости [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 13. Л. 9].

С ним в 1772 году служит казак Петр Петров сын Белоусов [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22]. Вероятно, сын.

Как, вероятно, и другие его сыновья — Андрей и Василий Белоусовы [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 21 об.] и солдат Еремей Белоусов [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20], имена которых мы обнаруживаем в ведомости Гижигинской крепости за 1781 год.

Далее следует разрыв в добрые полвека, и в списках Гижигинской казачьей сотни мы обнаруживаем Михея Белоусова (1787), а в списке «Состоящих при Охотской Казацкой чинах с показанием лет» другого Михея Белоусова, уже 1805 года рождения (умер в Охотске 30.05.1868).

Вместе с ним в Охотске служил Белоусов Иван (1811) [НА РС(Я). Ф. 401п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 660 об. – 661 об.].

А в 1851 году начинается еще одна — уже камчатская — история: «Прибывшего … с почтою из Гижигинской крепости казака Евдокима Белоусова, назначенного на службу в Камчатскую казачью команду, предписываю зачислить при полиции налицо…» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16А. Л. 28].

Но не успел Евдоким обустроиться в Петропавловском порту, как ему выпадает новое назначение — на этот раз в Амурскую экспедицию Г.И. Невельского:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчаткой казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы

Петровское зимовье

Казаки

Евдоким Белоусов — 30 [лет], из казачьих детей в службе с 1845 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1, Д. 29. Л. 11].

Остался ли кто-нибудь из Белоусовых в Гижигинской крепости?

Имеются данные и на этот счет:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Служащие

Казаки

Белоусов Ефим Яковлев — 24 (года)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

Оставлен фамильный след казаков Белоусовых и на Камчатке:

Белоусовы — коряки, жители села Лесная.

Белоусов Николай, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Паланская дружина), с. Лесная.

Белоусов Анисим Николаевич

Родился в 1908 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование 3 класса сельской школы; б/п. Работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная. Арестован 20 июля 1938 г. Приговорен облпрокурором 1 декабря 1939 г., обв.: по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 19 декабря 1989 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Белоусов Петр Игнатьевич

Родился в 1892 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование 3 группы сельской школы; б/п. Работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная. Арестован 20 июля 1938 г. Приговорен облпрокурором 1 декабря 1939 г., обв.: по ст. 58-2-7-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 19 декабря 1989 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

БЕЛОХВОСТОВЫ

Город Советская Гавань расположен на берегу одноименной бухты, которую первооткрыватели назвали Императорской (точнее, императора Николая I), вкладывая в это название не столько верноподданнический дух, сколько апофеоз идеи приобретения Российской империей замечательного выхода в Тихий океан в новообретенной дальневосточной земле.

В городе есть несколько памятников, посвященных руководителю этой экспедиции — Ни-

колаю Константиновичу Бошняку — и музей его имени.

Этот день отмечен и в истории Советско-Гаванского района: «23 мая (4 июня)1853 года. Офицер российского флота лейтенант Николай Константинович Бошняк вместе с казаками Якутского полка Семеном Парфентьевым, Киром Белохвостовым и крестьянином Иваном Мосеевым открыл залив Хаджи (гавань Императора Николая I, Императорская гавань, Советская гавань)».

Есть и памятник, посвященный всей группе первооткрывателей, на котором выбиты имена этих людей.

И, собственно, все…

Нет, не совсем так.

Их подвиг описан во многих научных статьях по истории Дальнего Востока и в книгах, в том числе и в многочисленных научно-популярных трудах замечательного дальневосточного писателя-документалиста Александра Ивановича Алексеева.

Давайте и мы с вами коснемся этих страниц нашей отечественной истории.

«Ну, а затем наступила очередь Бошняка. 15 февраля 1853 года Бошняк начал свою третью поездку-плавание. Первые две дали важные результаты. Впервые был описан путь по Амуру и Амгуни до озер. В путешествии по Сахалину впервые пересекли остров по направлению реки Тымь, открыли каменный уголь, узнали о пребывании на острове в недавнем времени русских людей и о том, что они время от времени появляются на Сахалине. Все это было настолько важно, что Невельской немедленно сообщал об открытиях Бошняка в Петербург. Этому своему самому активному офицеру и талантливому исследователю Невельской поручил и поход к неизвестному заливу, лежащему к югу от лимана Амура, от пролива Невельского, где-то на побережье Татарского пролива. Николай Константинович выбрал себе в спутники горного мастера Ивана Блинникова, казаков Семена Парфентьева и Кира Белохвостова, а также якута Ивана Мосеева, знакомого с языком орочей, которые, по словам местных жителей, живут в нескольких местах на побережье залива Хаджи.

Наезженный путь по Амуру был пройден без каких-либо происшествий. В Кизи им сказали, что все имущество сохраняется до приезда офицера, который будет строить здесь пост. Когда путешественники прибыли на берег залива Нангмар (Чихачева), то были встречены Березиным, заканчивавшим постройку небольшого домика для поста. Он же подобрал нивхскую лодку, которую Бошняк укрепил, поднял ее борта, чтобы не заливало во время плавания, и еще раз просмолил.

Затем, собрав местных жителей, Бошняк поднял на поставленном флагштоке русский флаг, а старейшине селения передал Лист, написанный на русском и французском языках, подписанный Невельским. В том Листе говорилось, что все побережье от сего места и до берегов Кореи является русским, что жителей этих мест русский император берет под свое покровительство. Бошняк наказал старейшине, чтобы он показывал Лист капитану всякого приходившего в залив судна или военного корабля.

Покончив с официальным поручением Невельского и оставив в посту, названном Александровским, Березина, Бошняк со спутниками тронулись в плавание. Пока они шли по заливу, все было хорошо, но как только стали поворачивать за мыс, чтобы выйти в Татарский пролив, плоскодонную лодку начало так быстро заливать, что стало ясно — кому-то необходимо остаться и снять часть груза. Все это решили на перешейке: остался Иван Блинников, который налегке отправился к Березину, а затем они вдвоем перенесли груз в Александровский пост.

После разгрузки лодка вела себя нормально, теперь плавание на ней вблизи берега не представляло опасности. Небольшой косой парус двигал лодку, которой управляли короткими лопастями-веслами, с их же помощью продвигались при безветрии. Бошняк все внимание уделял описи берега, а в местах стоянок — определению глубин, особенно в устьях ручейков, рек и речушек. Не упускал он и возможности поговорить с местными жителями. Во всяком случае, записки Бошняка, опубликованные впоследствии в журнале “Морской сборник”, говорят о незаурядном таланте этого молодого человека, его пытливости и научной наблюдательности.

Продолжая плавание вдоль берега, огибая все мысы, заходя во все заливы, Бошняк подошел к узкому перешейку, за которым было видно большое пространство воды. Перетащив лодку через перешеек, исследователи оказались в огромном озере, в берега которого с разных сторон врезались широкие и узкие заливы и заливчики. Оно было спокойным. Позже выяснилось, что путешественники совсем немного не дошли до входа в залив, тот самый, который местные жители называли заливом Хаджи или Большим. Случилось это 23 мая 1853 года. Путешественники пробыли тут неделю, подробно его описали, дали названия мысам и заливам, повстречались с местными жителями, а перед уходом поставили на мысе Анастасии, недалеко от выхода в Татарский пролив, крест. На кресте вырезали надпись, гласящую, что эта гавань открыта лейтенантом Бошняком со спутниками-казаками Семеном Парфентьевым, Киром Белохвостовым и амгуньским крестьянином Иваном Мосеевым и названа Гаванью Императора Николая I. Обратный путь был намного легче, хотя и окончились запасы продовольствия. Александровский и основанный А.И. Петровым на берегу озера Кизи в селении Кэтово Мариинский пост, были пусты, хотя продукты остались на месте. Здешние старейшины ответственно относились к доверию русских, поэтому на обоих постах все было в порядке».

А это уже В.К. Тренев, Путь к океану. [Глава XXVI. Невиданное оживление в Приамурском крае. Последнее путешествие Бошняка]:

«Муравьев, побывавший в Императорской гавани, познакомился там с Бошняком — ближайшим и деятельным сотрудником Геннадия Ивановича. Лейтенант Бошняк, всю зиму державшийся бодро, сейчас заболел и едва мог передвигаться. Когда миновала всякая опасность для вверенных ему людей и не о чем было больше беспокоиться, нервы сдали и наступила реакция.

Муравьев, знавший о неутомимой, многолетней деятельности Бошняка, видя его желтым, отекшим, с потухшим взглядом, предложил ему отпуск. Решено было, что Бошняк отправится на шхуне "Восток" в Петровское, чтобы собрать вещи. Шхуна должна была возвратиться в Де-Кастри, а в начале июля отправиться в Аян и захватить по пути лейтенанта. Бошняк просил отпустить в Петровское двух верных спутников своих, казаков Семена Парфентьева и Кирилла Белохвостова. С ними сотни верст прошел он по пустыням Приамурья, с ними провел страшную зиму в Императорской гавани. Получив разрешение, Бошняк, опираясь на палочку, торопливо заковылял по трапу шхуны на берег, чтобы порадовать казаков.

В те несколько дней, что стояла шхуна "Восток" в Императорской гавани, лейтенант заметно поправился, поздоровел и повеселел. Но каждый день Бошняк бывал на мыске, где белели 19 свежих крестов. Он приводил в порядок могилы или просто сидел на каком-нибудь дерновом холмике и смотрел на тихие воды бухты затуманенными от слез глазами.

"Кому из сослуживцев придется побывать в этом месте тяжелых испытаний моей молодости, того прошу не забыть тихим поклоном и крестом за меня почтить память моих несчастных товарищей-страдальцев..." — пишет Бошняк в своем дневнике.

Но вот и день отплытия. Парфентьев и Белохвостов весело тащат свои пожитки по трапу шхуны. Бошняк прощается с Императорской гаванью. Загремела лебедка, зашумели пары, и шхуна направилась к выходу из гавани. Медленно прошло судно мимо мыска-кладбища, бородатые казаки сняли шапки и, крестясь, поклонились умершим товарищам. Бошняк надел фуражку только тогда, когда белые кресты скрылись из виду.

Шхуна, побывав в Де-Кастри, отправилась в Петровское и бросила якорь на рейде. Погода была свежая, с моря шли волны, и бурун раскатывался белой полосой вдоль берега. Пришлось пережидать погоду, шлюпка не смогла бы пройти в залив Счастья. Но казакам не терпелось на берег. Бошняк тоже хотел поскорее побывать "дома", увидеть людей, с которыми сжился, как с родными, за годы службы в Амурской экспедиции. Вместе с Парфентьевым и Белохвостовым сошел он в легкую кожаную байдарку. Но случилось несчастье: гребцы оплошали, кипящая пена буруна залила байдарку, и Бошняк с казаками оказались в ревущих и грохочущих волнах. Головы пловцов то скрывались в пенистых гребнях, то выныривали в промежутках между валами. Но вот прокатился вал, и из пены вынырнули только двое. Еще и еще валы, и вот только один пловец борется с волнами недалеко от береговой отмели. Гиляки и матросы из Петровского вытащили изнемогающего Бошняка. Оба казака утонули.

Через несколько дней Бошняк, простившись с Невельским, Екатериной Ивановной и остальными, навсегда уехал с берегов Амура».

А что же произошло в Императорской гавани, что за страшная зима, о которой упоминает Тренев?

О настоящих причинах того, что случилось здесь в зиму 1853/1854 гг., нет какого-то единого мнения и по сей день:

«На зиму 1853–1854 годов в заливе [Императора Николая I] остались зимовать команды транспортов "Иртыш" и "Николай I", всего около 90 человек. Первая зимовка русских в Императорской гавани была трагичной: от плохого питания, холода и цинги в Константиновском посту и на судах умерло 29 человек. Невельской же, в свою очередь и приказавший устроить эту малоподготовленную зимовку, позже пытался переложить вину за гибель людей на Н.В. Бу́ссе (который якобы не поделился продуктами и не заменил больных из экипажа транспорта "Иртыш", когда тот был на рейде поста Муравьевский). С этой целью он самолично внес изменения, обвинявшие начальника поста как бы от лица лейтенанта Бошняка, в воспоминания последнего, опубликованные в "Морском сборнике" (№ 10 за 1859 год). Как выяснилось вскоре, редакция журнала поручила Невельскому лишь "просмотреть статью г. Бошняка и сказать о ней свое мнение" (№ 2 за 1860 год). Н.В. Буссе в письме редактору, напечатанном в № 7 за 1860 год, изложил свою, полностью оправдывающего его версию событий, представив в качестве доказательства подлинник рапорта командира "Иртыша". Однако спустя много лет свои измышления Невельской изложил уже в главе XXIV книги "Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России" (издана посмертно в 1878 году и, благодаря авторитету автора, до сих пор считается достоверным источником информации)».

И так бывает.

Но вот что сообщал сам Н. Бошняк, начальник этого поста в своих записках:

«8 августа (1853 года) прибыл в Николаевский пост капитан Невельской, возвращавшийся из Кастри в Петровское зимовье; он сообщил мне, что в Императорской гавани поставил, до моего прибытия, временный пост из 10 человек казаков, из числа команды сахалинского десанта.

7-го сентября 1853 года в 9 часов вечера, отслуживши напутственный молебен на корабле Р.А.К. "Николай", мы снялись с якоря. Транспорту "Иртыш" под командою лейтенанта 47-го фл[отского] экип[ажа] Гаврилова приказано было, по окончании выгрузки, следовать в Аниву, и в случае, если бы в этом заливе по ка-

кому-либо обстоятельству не сделано было высадки, а тем более если бы не был там кор[абль] “Николай”, или если бы по позднему времени года невозможно уже было возвратиться в Петропавловск, то в таких обстоятельствах идти на зимовку в Императорскую гавань, непременно обеспечив себя для этой зимовки надлежащими запасами, о чем и сделано будет во всяком случае распоряжение отношением майору Буссе.

25 сентября вся выгрузка [на острове Сахалин] была окончена, батарея на высотах из 8 орудий выставлена, люди и товары под крышею. Заняв таким образом главный пункт острова и обеспечив совершенно зимовку людей, кап[итану] Невельскому оставалось высадить меня в Императорской гавани и возвратиться в Кастри. Меня посылали в Императорскую гавань с целью основать там опорный пункт для дальнейших наших исследований южного Маньчжурского берега и сообщения его с реками Уссури и Амуром, почему кап[итан] Невельской положил иметь в гавани на первое время не более 10 человек, зимовка которых и была там сколь возможно обеспечена предварительно.

На другой день [8 октября 1853 г.] командир “Николая”, по позднему времени года, решился остаться здесь на зимовку, почему подтянулся ближе к берегу и, положив 3 становых якоря и стоп-анкер и завезя кабельтов за дерево, начал разгружаться. Утром 8 октября гавань за мысами подернулась тонким слоем льда, и термометр показал 1° морозу: хотя к полдню лед и исчез, но за всем тем эти признаки наступающей зимы нас сильно беспокоили. На берегу у нас для большей части людей, сверх 10 человек, не было ни кола ни двора.

13 октября часовые с маячного острова дали знать об идущем с моря судне. Это был транспорт “Иртыш”. Войдя в залив, он стал на якорь, так как мертвый штиль в бухте не дозволил ему войти под парусами прямо в гавань. Узнав от нас о признаках наступающей зимы, командир его, лейтенант Гаврилов, не имея возможности по позднему времени года возвратиться в Петропавловск, вынужденным нашелся идти на зимовку также в Императорскую гавань; он немедленно принялся тянуться, причем потерял стоп-анкер (грунт в гавани вязкий ил и, несмотря ни на какие последующие розыски, стоп-анкера не нашли; вероятно, он утонул в грунте). Завезя кабельтовы за деревья и положив 2 становых якоря, “Иртыш” немедленно разружился и мы начали принимать меры к предстоящей зимовке.

Таким образом, по крайности и неожиданно собралось на зимовку в Императорскую гавань вместо 10 человек, как предполагалось, 90 человек, и в такое еще позднее время года; из них 8 человек офицеров и штурманов; пришлось нам думать думу крепкую. Разделяло нас от прочих товарищей пространство в 500 верст, пустынное и мрачное, без малейшего почти признака жизни; следовательно, помощи нам было ожидать не от кого. Надобно было обходиться собственными средствами, которые были не велики. В Аниве, куда “Иртыш” заходил для сдачи груза сахалинской экспедиции, майор Буссе, в противность данным ему распоряжениям, забрал с транспорта все, что можно было забрать, ссылаясь на то, что в гавани всего вдоволь. Так у нас не осталось, на остальное количество людей сверх 10, ни чарки вина. Камчатские же запасы судов, по обыкновению, были не только что ограниченные, но скудные до высшей бедности и, видимо, рассчитаны по день обратного прихода в Петропавловский порт. Оставалось, следовательно, рассчитывать на запасы, завезенные на “Николае”. Правду сказать, они были достаточны для нероскошного, существовали и состояли из муки, крупы, масла, гамбургской и аянской солонины, чая, сахара, рисовой крупы и небольшого количества белых сухарей; для торговли же с туземцами — из небольшого количества товаров, состоявших в дабе, китайке, миткале и разных безделушках. Корабль Р.А.К. “Николай” имел пред нами больше преимуществ и, как торговое судно, был снабжен для своей команды большим запасом вина, которым он для нас, по непредвиденности дальнейшего его назначения, очень скупился.

Как скоро суда разружились, транспорт “Иртыш” присоединил свою команду к береговой и вместе принялись готовить помещение. Стук топоров загремел в непроходимой чаще лиственничного и елового леса и вслед за тем показались окладники первых зданий гавани.

Октябрь прошел благополучно, больных было не много. Казармы поспели под крышу, печи были сложены из камня, ломаемого от утесов гавани, и все шло порядочно. С начала ноября показались слабые признаки цинги. Тогда я еще не имел понятия о силе этой убийственной болезни. Число рабочих рук стало быстро уменьшаться.

В начале декабря моя команда перебралась во вновь выстроенные казармы, а захворавший офицер с транспорта, подпоручик Чудинов, — в домик, построенный казаками. Начали строить было и офицерский флигель. Но тут цинга стала развиваться с такою необыкновенною быстротою, что боле половины команды уже была в постелях. На работу выходило едва двадцать человек. К концу декабря число больных увеличилось в такой степени, что на работу едва выходило уже 5 человек.

С половины января начали умирать. Первою жертвою этой убийственной болезни был несчастный Чудинов, который умер почти скоропостижно. Самая ужасная смертность была с 15 января по 15 февраля; редкий день проходил без покойника, зато иногда по три сряду. Излагать это в спокойном состоянии духа и теплом кабинете хорошо; думать и судить о прошедшем, другим еще лучше, но кто из нас вспомнит о прошлом — волосы дыбом становятся.

Кому случалось видеть смерть честного русского солдата, тот поймет меня, если я скажу: безбожно и грешно жертвовать их жизнью для личных видов! Но видеть эти святые кончины и не иметь средств протянуть руку помощи несчастному, невольному и бедному страдальцу —

вдвое ужаснее, — я это испытал на самом себе. С тех пор во мне еще более развилось *презрение к людям, если они на подчиненных смотрят как на машину для получения крестов, чинов и прочих благ мира сего! а еще более к таким, которые по своему невежественному и тупому развитию, находят в этом средства, как называется, подсолить нелюбимому человеку и выставить себя пред правительством в ярком блеске меньшей смертности, людьми распорядительными и заботливыми* (выделено мной. — *С.В.*). С Крещения уже здоровых почти никого не было из всей военной команды. Работ, по этому случаю, разумеется, никаких. Наших людей, несмотря на состояние по спискам 60 человек, недоставало, чтобы рыть могилы и хоронить. Это все делалось с трудом и общими силами. С 15 февраля смертность начала постоянно ослабевать, но до 15 марта была все еще довольно сильна, с 18 же апреля совершенно прекратилась».

Интересно, кого имел в виду Николай Бошняк, когда, спустя годы, заново переживая ту трагедию, писал эти выделенные мною строки?

О наших же героях у Бошняка я нашел единственное упоминание:

«...с первыми признаками наступающей весны я отправил на байдарке казака Парфентьева отрывать из земли на м. Путятина черемшевые коренья, как известное противоядие этой убийственной болезни. Несмотря на все, когда время болезни прошло, из 90 человек мы недосчитались 20, а выдающийся мысок покрылся крестами. Кому из сослуживцев придется побывать в этом месте тяжелых испытаний моей молодости, того прошу не забыть тихим поклоном и крестом за меня почтить память моих несчастных товарищей страдальцев! Граф Путятин хотел построить в этом месте церковь в 1854 году; обстоятельства не позволили этого исполнить; надеюсь, не забудут этого скромного и приветливого русского желанья те, которых судьба назначит возводить в тех местах что-нибудь!»

Кстати, Бошняк путается даже в цифрах:

«...Гаврилов, командир транспорта, лежал при смерти; старший его помощник — в могиле, кондуктор также был при смерти, здоровой команды 13 человек — 13 лежало в могиле и 10 человек на берегу больных. На “Николае” командир и 2 старших помощника — больные, оставался один младший с 18 человеками команды; у меня 13 человек было в могиле, 8 больных и 4 здоровых, прислуживающих больным».

А вот и финал той страшной истории:

«Вскоре по прибытии вице-адмирал Путятин отправил транспорт “Меншиков” в Аниву для снятия поста по невозможности защитить его от нападения неприятельских крейсеров, а шхуну “Восток” — в залив де Кастри. Адмирал уведомлял кап[итана] Невельского и генерал-губернатора Восточной Сибири о своем прибытии, о намерении своем укрепиться в Императорской гавани и требовал различные продовольственные запасы, одежду и материалов. Транспорты “Двина”, “Меншиков”, “Иртыш” и корабль “Николай” вскоре вернулись в гавань, доставивши снятый десант под командою майора Буссе, а через несколько дней прибыл на шхуне “Восток” и сам генерал-губернатор Восточной Сибири. Прием ему был сделан самый торжественный, и гром орудий фрегата огласил в первый раз дикие и угрюмые окрестности гавани. Но все же то была политическая радость, но не такова она была для меня. Генерал разрешил мне ехать в продолжительный отпуск для поправления совершенно истощенных сил, в особенности в последнюю зимовку. Сдав пост, я на другой же день отправился на шхуне, вместе с генералом, в залив де Кастри и оттуда к Петровскому зимовью. Переход этот, как и все подобные ему, не отличался никакою особенностью, только придя в Петровское, я чуть не сделался сам жертвою скудности средств зимовья и неудобства окружающей его местности. Два казака, Парфентьев и Белохвостов, бывшие со мною на байдарке, потонули, а я выплыл и прибрежными бурунами был выброшен на берег.

Через два дня шхуна была готова к отходу с почтою в Аян и я, имея в кармане отпускной билет, с радостным трепетом перешел на шхуну; 7 июля мы пришли в Аян, а 9-го, верхом, с тремя вьючными лошадьми, я уже катил по Московскому тракту. Быстро миновал я Якутск, роскошную Лену, Иркутск, останавливаясь только для того, чтобы перевести дух, и через 53 дня, со дня выезда из Аяна, 3 сентября завидел купола церквей города Костромы. Вот въехал в заставу, на почтовую станцию, беру лошадей, и в полночь ямщик заворотил в деревянные ворота родного дома. Кто был в подобном положении, особенно после такой жизни, какова была моя, тот поймет мою радость при виде родного уголка, где прошли первые дни молодости, где сердце и душа, вдали от холодных столичных приветов, были так чисты и теплы. Но довольно! Далее следовали горькие семейные обстоятельства; еще не суждено мне было отдохнуть вполне.

Лейтенант Н. Башняк».

Даже имен их, цитируя В.К. Тренева, «двух верных спутников своих, казаков Семена Парфентьева и Кирилла Белохвостова [с которыми] сотни верст прошел он по пустыням Приамурья, [с которыми] провел страшную зиму в Императорской гавани», — не удосужился оставить нам сам лейтенант Бошняк в своих знаменитых записках «Занятие части о-ва Сахалина и зимовка в Императорской гавани»?

А может, он просто даже не знал?

Кстати, общепринято считать, что казака Белохвостова звали Киром. Это имя указано и на памятнике первооткрывателей Императорской гавани.

В книге воспоминаний первого начальника Николаевского поста Александра Ивановича Петрова Белохвостов тоже назван Киром, и о нем, как и о всех других первых строителях — отцах-основателях — будущей дальневосточной столицы, Петров не удосужился сказать ни одного доброго слова.

Хотя я не совсем точен. Удосужился — в траурном (или заупокойном) панегирике:

«Может быть, эта моя рукопись будет когда-нибудь любопытна для публики и напечатана, тогда пускай предадутся гласности фамилии тех, которые были невидными, но весьма полезными деятелями на Амуре, которые принесли государству безропотно, не ожидая наград и повышений, громадную услугу и, терпя страшные лишения, подорвали свое здоровье и почти все, исключая троих или четверых, лежат там, на Амуре, в земле сырой.

Выписываю из имеющихся у меня дел список нижних чинов и их семейств из строевого рапорта, поданного мною начальнику экспедиции от 5 декабря 1852 года за № 157.

…Кир Белохвостов — плотник».

А вот в «Рапорте о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.» он назван полным своим именем:

Список по старшинству их службы

Петровское зимовье

Казаки

Кирила Белохвостов» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

Судя же по тому, что в рапорте не отражен возраст и послужные данные Кирилла, он из числа не камчатских, а охотских казаков.

В состав Камчатской казачьей команды в 1849 году в связи с образованием Камчатской области вошла и Гижигинская казачья сотня, ранее входившая в состав Якутского казачьего пешего полка.

И вот какие сведения о Белохвостовых были в этом рапорте:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Казаки

Белохвостов Фока [Иванов] — 19; из казачьих детей, на службе и в чине с 1854 года».

Существовали и посемейные списки казаков:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Белохвостов Иван Иванов — 69 (1789)

Его дети: Фотий — 16 (1836), Сава — 8 (1844) [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44].

Имени Кирилла в этом списке нет.

Белохвостов Иван Иванов, казак Гижигинской сотни, — сын солдата гарнизона Гижигинской крепости, имя которого мы находим в материалах архива за 1761 год [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3. Л. 47 об.].

У него, судя по их возрасту, было два сына:

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Белохвостов Иван Иванов (1784), казак [Национальный архив РС (Я). Ф. 401п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.].

Обратите внимание на блуждающие данные о возрасте — это было характерной приметой того времени.

«Именной список

Состоящих при Охотской Казацкой чинах с показанием лет. Март месяц сего 1831 года

Белохвостов Андрей [Иванов] [1808], казак» [[Национальный архив РС (Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 660 об. – 661 об.].

Хотя Андрей, судя по возрасту, может быть уже и сыном Ивана Ивановича (разница в возрасте составляет от 19 до 24 лет).

Главное заключается в другом — казаки Гижигинской сотни несли службу и в Охотске.

Вывод — и охотские, и гижигинские Белохвостовы — представители одного рода.

А патриархом этого был солдат Иван Белохвостов.

Не просто солдат, а рядовой Сибирского гарнизона пехотного батальона, отмеченный в списках смотра батальона, учиненного бригадиром и Тобольским обер-комендантом Павлуцким 1 апреля 1754 года [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478. Л. 47].

Вот такая история…

БЕРЕСТОВЫ

Эта фамилия в нашей информационной базе встретилась только один раз в переписи 1722/1748 гг.:

«В Анадырском остроге

Разночинцы

2182) Аврам Берестов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 79 об.].

Было еще одно упоминание — дьяк Берестов Данила Андреевич — но это был московский чиновник.

«Специальный “розыск” о Красноярском бунте производили в 1695–1699 гг. московские “сыщики” думный дьяк Данило Леонтьевич Полянский и дьяк Данило Андреевич Берестов, посланные Петром Великим в Сибирь для “большаго сыска” о злоупотреблениях всех вообще сибирских воевод и других служилых людей. К сожалению, этот розыск сохранился не весь целиком, да и не был закончен».

А других следов пока нет.

БЕЦКИЕ

В истории России известен Иван Иванович Бецкой — внебрачный сын генерал-фельдмаршала Иван Юрьевича Трубецкого, родившегося в 1704 году в Стокгольме, где находился в то время — в шведском плену — его отец.

В России Иван Иванович сделал большую карьеру.

Но в нашей истории важно другое — он был холост.

Хотя:

«Иван Иванович Бецкой (1704–1795), сын фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого (он же был и последним русским боярином), взятого шведами в плен под Нарвой, и некоей шведки. Просветитель, основатель и первый директор Академии художеств, Иван Иванович особенно заботился о судьбе незаконнорожденных и явился инициатором создания воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге. По слухам, Бецкой якобы был отцом Екатерины II, в доказательство чего приводили дружбу Бецкого с матерью императрицы, высокое положение, которое Иван Иванович занимал при Екатерине II, и, наконец, их внешнее сходство. Активным сторонником этой версии был граф Николай Николаевич Бобринский (1927–2000), генеалог и писатель, потомок Екатерины II. Если довериться ей, получается, что императрица-немка на самом деле — потомок знатнейшего русского рода. Однако, скорее всего, это лишь легенда. Большинству прославленных государей приписывают не тех отцов, стремясь окружить и их происхождение тайной (таковы, например, мнения о происхождении Ивана Грозного от князя Овчины Оболенского, Петра I от боярина Стрешнева и даже Сталина от Николая Михайловича Пржевальского (!)). У Ивана Ивановича Бецкого известна одна дочь, так же незаконнорожденная, как и он сам, Анастасия Соколова (1741–1822), ставшая женой адмирала Осипа Михайловича де Рибаса, столь почитаемого в Одессе».

А вот и наш дальневосточник:

«Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1 754 годом апреля по 1 число.

Иван Бецкой — 45 л. (1710); 733 г.; из рекрут ис крестьянских детей г. Тобольска; вдов у него сын Федор 22 лет в Тобольску в казаках; в командировании в секретной экспедиции 748 г. марта 22 дня».

Точнее — он находился в Анадырской Секретной экспедиции, пытаясь военной силой защитить ясачных коряков от набегов чукчей.

А вот и тобольские крестьяне Бецких:

1710 год.

«Ялуторовская слобода.
Деревня Снигульская

Двор, а в нем пашенной крестьянин Игнатей Андреев Бецких сказал себе от роду 80 лет (1630) у него две дочери девки Настасья 14 лет, Евдокия 8 лет» .

«Двор а в нем пашенной крестьянин Иван Яковлев Бецких сказал себе от роду 40 лет у него два сына Федор 8 лет Карп 2 лет две дочери девки Федора 9 лет Дарья 3 лет [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Лл. 57 об., 59].

БОБРОВСКИЕ

Носителями этой фамилии на Дальнем Востоке являются коренные камчадалы — так, например, Лев Бобровский из западнокамчатского села Хайрюзова был участником народного ополчения, защищая Камчатку в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

А вот история ее прихода на Камчатку пока является для меня загадкой.

Хотя, казалось бы, чего же проще — в 1720 году тобольский сын боярский на якутской службе был назначен приказчиком Камчатки.

«Степан Микитин с. Бобровской; оклад ему ден. 8 руб. 16 алт., хлеба 4 чети с ½ осм. и пол-полу четка и малой чет-к ржи, овса тож, 2 пуда соли; в пр. в 206 г. послан он по выбору в Чаринское и в Патамское зимовье для сбору вел. госуд. ясачные казны, а в полковую службу его в воинские походы будет» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 107].

У него было особое задание:

«Бобровский должен был собрать у ясачных жалобы на прежних приказчиков, “розыскать” виновных в злоупотреблениях, оградить ительменов от обид со стороны русских, улучшить содержание аманатов, но самое главное — реорганизовать сбор ясака. Отныне ясак “иноземцы” должны были сами привозить в Большерецкий острог, а казакам вообще запрещалось появляться в их поселениях; запрещалась всякая торговля с иноземцами до ясачного сбора; приказчикам и служилым людям запрещалось вмешиваться во внутренние дела иноземцев, которые должны были управляться собственными старшинами. Кроме того, Бобровский должен был распустить по домам казачьих холопов из числа женщин и детей, попавших в холопство за долги, а их владельцев-казаков, практиковавших похолопление за долги, бить батогами. Предписывалось также запретить картежные игры» [Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002].

И не по этой ли самой причине Степан Никитич Бобровский не вернулся в Якутск: скончался по пути в Якутск в августе 1723 г. на р. Урак [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 196].

Можно, конечно, выдвинуть версию о том, что кто-то из камчадалов был крещен Бобровским. Но в тот период активного крещения еще не было, а в тех, известных нам случаях, новокрещеный камчадал получал при крещении имя не крестного, а родного отца: сын Тареи при крещении стал Тареиным, сыновья Харучи — Харчиными.

Но, тем не менее, фигура Степана Никитича Бобровского в истории Дальнего Востока до-

статочно колоритная, чтобы не обойти ее вниманием.

В 1661 году в списке тобольских казаков мы находим отца Степана:

«Служилые люди
Литва и литовского списку казаки
Микита Бобровской» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 133].

Почему «Литва и литовского списка казаки»?

Литва — это иноземные люди на сибирской службе. Чаще всего военнопленные, то есть кадровые военные, профессионалы. Но были и добровольцы из иностранцев, поступавшие на русскую службу, но тоже, как правило, кадровые военные.

Вот пример:

«Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди князь Адам Чаплин … Александр Бобровской; и по государеве грамоте посланы ис Тоболска те ссылные люди … в Красноярской острогь, а государеву службу велено им служить в конных казаках».

И позже в Кузнецком остроге служил пятидесятник Григорий Бобровский.

«Литовского списка казаки» — первоначально этот список составляла исключительно Литва. Но впоследствии (особенно после размена пленными с Речью Посполитой, когда значительная часть сибирской Литвы вернулась на родину) за «литовским списком» закрепилось понятие элитных казачьих подразделений, выше которых были только дети боярские и сибирские дворяне.

И этот список начал пополняться в качестве поощрения из числа русских казаков, получив, по сути, новое определение — элитарный список.

«В 1668 г. по челобитью приказчика Атбашского острожка Никиты Бобровского было решено построить острог на реке Вагай, куда прибыли 28 беломестных казаков, которые остались и после Годунова (тобольского воеводы. — *С.В.*). В 1669 г. в Атбашский острожек на годовую службу было послано 40 тобольских служилых людей — 28 литвы, казаков и новокрещенов и 12 татар, им был положен равный оклад. В 1677 г. из Тобольска в Атбашский острожек посылался "на годовую" только 1 сын боярский, который принимал под команду живших там 28 беломестных казаков».

Беломестные казаки — казаки, жившие на земле, как пашенные крестьяне, — без денежного, хлебного и соляного жалованья.

Его дети: «Дети боярские. По 8 рублев с полтиною … Иван Никитин сын Бобровской … Степан Никитин сын Бобровской в 201 [1693] году послан в Якуцкой» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Л. 204].

Дети Ивана Никитича:

«Драгунской майер Иван Иванов сын Бобровской ныне он в отлучке в Санкт Питербурхе отец ево Иван Никитин сказал ему Ивану 36 лет (1674)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434.Л. 1000 об.].

«Тоболской сын боярской Иван Никитин сын Бобровской сказал себе 66 лет (1644) у него поткидыш Андрей Иванов 15 лет (1695) да приемыш Козма Иванов 12 лет (1698)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 1001].

«В 1714 году в соседних с Царевом городищем Ишимских слободах начался бунт. Крестьяне "отказали… от суда" приказчику С. Немтинову, "пограбили" его "пожитки" и распустили собранных для отправки в Тобольск рекрут. На следствии Немтинов сообщил, что крестьяне "хотели его, Семена, и драгун (живших в слободах — *М.А.*) убить до смерти".

Для следствия о "противности" крестьян Ишимских слобод губернскими властями был послан полковник Нефедьев с отрядом драгун, но "крестьяне угрожали ему… и присланным с ним… смертным убийством и из слобод его выгнали". Следом из слобод был изгнан сибирский дворянин М. Городничий, посланный в слободы из Тобольска "для розыску… и сбору податей". Та же судьба постигла и майора И. Бобровского, отправленного в слободы с солдатами и пушками. Около 1000 крестьян "збили" его караульных, отбили две пушки, называли майора "вором и выслали из слобод… вон"» [Акишин М.О. Тобольский драгунский полк на Урале в первой половине XVIII в.].

А это финал?

«В 1727 г. к расстрелу приговорили генерал-фискала А.А. Мякинина, а в 1739 г. — березовского воеводу Ивана Бобровского за поблажки князьям Долгоруким» [Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. — М., 1999].

Князья Долгоруковы пытались, используя ложное завещание, возвести на трон Государыню-Невесту умершего императора Петра II — княгиню Екатерину Долгорукову. Были сосланы сначала в Березов (по делу о попытке ограничить самодержавную власть Анны Иоанновны), но потом вскрылась и тайна ложного завещания, за которой последовали казни…

Но в 1720 году в Якутске объявляется еще один Бобровский — возможно, тоже сын (или уже внук) Ивана Никитича:

«Служивые люди

В дворе фескал Василей Иванов сын Бобровской» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 30].

Но и он вскоре умер.

Но в службе был уже сын Василия Ивановича:

«Служивые люди

…сын ево служивой Семен девятнацати лет (1701) и он послан Великого государя на службу Верховилюйское зимовье в 719 году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 30].

Последнего из казаков Бобровских мы встретили в записях за 1761 год:

«При корауле рудника: … Иван Бобровской» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.144].

Но является ли она продолжением тобольской линии нам установить пока не удалось.

Могла ли это быть самостоятельная якутская линия?

В 1682 году в Пустозерске был отмечен торговый человек устюжанин Андрей Михайлов сын Березовский.

В 1691 году он в Якутии:

«Ужинная и умолотная книга выдельного десятинного хлеба по Орленском волости Петра Козыревского, Осипа Чудинова и житничного целовальника Федора Грузного, декабрь 1691 (200) г. Скрепили Гагарин и за Грузного — устюжанин Андрей Бобровский» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

А еще через год появляется такая вот запись в окладной книге Якутского казачьего полка:

«Якутцкого города служилые люди
Рядовые казаки
Женатые

Ортюшка Рязанов в прошлом во 198-м [1690] году в верху на заимках умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Ортюшкино место казачей брат Ондрюшка Бобровской в холостой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 33 об.].

Могли ли родственника торгового человека верстать в казаки? Легко — если он уроженец Якутска. И еще легче — если он казачий брат (двоюродный, троюродный — неважно).

Кстати, и самим торговым людям это было выгодно. У нас есть множество примеров о семейных торгово-служило-промышленных корпорациях, когда один представитель семьи специализировался на добыче пушнины, другой — на его безопасности, а третий успешно этой пушниной торговал (часто — контрабандно).

И вот еще одна линия торговцев Бобровских:

1668 год. «А на Индигирку реку с Лены реки пришло 2 коча торговых людей, коч гостя Василья Шорина, человек ево Гришка Варфоломеев с товарыщи, а на другом коче торговые люди Никифор Бобровской Лалетин с товарыщи. И оне, Никифор Бобровской, свои хлебные запасы и руские товары переволочили через гору на Ковыму реку, а коч у них остается на Индигирке реке порожжден».

Никифор Бобровский в 1674–1684 годах попеременно служил в целовальниках (на приеме пушнины) на Колыме.

Так что якутские служилые Березовские — это, возможно, его родовая линия…

А как эта фамилия попала на Камчатку, нам еще предстоит выяснить. Пока ответа нет.

БОЛЬШАКОВЫ

Очень даже не редкая фамилия. Большак — это старший. Прежде всего, старший в семье по сравнению с меньшаками — меньшими братьями.

Большак или болшак — поэтому и написание встречается разное.

Первое упоминание о сибирских Большаковых — это енисейские казаки.

В книге «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века. Биобиблиографический словарь» [М-СПб, 2020] мы находим следующую информацию:

Большаковы (Болшаковы) — енисейские служилые люди.

Емельян (Омелька) Миронов — стрелецкий пятидесятник. В 1655 г. рядовой казак, поверстан в десятники на место И. Елисеева. В 1662 — стрелецкий пятидесятник. Сыновья: Максим, Степан.

Максим Емельянов — казак (1677). В 1684 г. стрелец, отправлен на службу в Иркутский острог.

Степан Емельянов — казак (1677). [РГАДА. Ф. 214. Стб. 433. Л. 24 об.; Кн. 413. Л. 79 об., 85; Кн. 815. Л. 144].

Правда, не со всеми данными, несмотря на ссылки, можно согласиться.

В Енисейске в то время казаков не было — все служилые люди здесь были стрельцами.

И еще одна интересная подробность: в 1669 году Максимке было 10 лет (Степан не указан), то есть Максим 1659 года рождения, уроженец Енисейска [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 292].

Автор книги «Первые иркутяне» С.А. Гурулев [Иркутск, 2011] сообщает некоторые подробности о дальнейшей судьбе Максима Емельяновича:

«Большаков (Болшаков) Максим (Максимка), рядовой пеший казак, 1697 г.; пятидесятник пеших казаков с окладом 5 руб. с полтиною, 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.; пятидесятник пеших казаков с окладом 7 руб. в год, 1704 г.».

Любопытен еще один факт — в этот же самый период — 1700–1704 годы — казак Максим Большаков появляется в… и затем исчезает из Нерчинска.

Мог ли это быть Максим Емельянович?

Вопрос остается открытым.

Если это был он, то, вероятно, имеет самое непосредственное отношение к тому, что одновременно с ним появляется в Нерчинске и казак Алексей Большаков.

В отличие от Максима Алексей Большаков продолжает служить в Нерчинске:

«Алексей Болшаков, а за хлебное жалованье служит с пашни», то есть имеет свое хозяйство [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л. 7 об.] и семью:

«Конной казак Василей [Алексеев сын] Болшаков 19 (1702). У него отец отставной казак Алексей Болшаков 58 (1663). У него Алексея три сына Михайло 15 (1706), Исак 5 (1716), Пуд полугодовой» [Нерчинск, 1721 год, РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626].

Следующие данные мы имеем за 1744 год:

«Перешедшие из Ундинскои Слободы
Деревни Пешковой
взято в рекруты

1667) Пуд [Алексеев сын] Болшаков (1721)
выбыл в посад

1670) Михаило [Алексеев сын] Болшаков (1706)» [РГАДА. Ф. 350. Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917].

Ни о каких других Большаковых в Нерчинской переписи 1744 года не упоминается, хотя в 1721 году была зафиксирована еще одна семья:

«Аргунские переведенцы Олочинской деревни

Петр Болшаков 55 (1666) у него сын Еким 23 (1698)».

Нам удалось найти место службы Пуда Алексеевича Большакова — это Тобольск, Сибирскаго Гарнизона новоучрежденный драгунский Полк, 1753 год [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439. Л. 124 об.].

Драгуны, как известно, были главной составляющей того военного отряда, который был направлен после трагической гибели Дмитрия Павлуцкого на Чукотку.

И не с именем ли Пуда Алексеевича Большакова (а других Большаковых в именных списках тех полков, которые направляли своих солдат на Чукотку) мы не обнаружили, связано появление в Гижигинской крепости целой группы солдат Большаковых:

«1772 год … Петр Болшаков» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 9 об.].

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781

Солдаты

Петр Болшаков

Матвей Болшаков

Феофан Болшаков [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Лл. 18 об. – 19 об.].

По данным Национального архива Республики Саха (Якутия) [Ф. 401п. Оп. 1. Д. 6Б. Л 713–714 об.], в 1831 году в Гижигинской крепости служили двое Большаковых: пятидесятник Леонтий Большаков (1794) и Прокопий (1790).

В большую историю вошли сыновья Леонтия:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми.

1852 год

Гижигинская крепость

Служащие

Казаки

Большаков Михайло Леонтьев — 30 (1822)

Большаков Алексей Леонтьев — 22 (1830)

Большаков Флегонт Леонтьев — 22 (1830)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

Но затем возникает некоторая путаница, в которой сложно разобраться, даже имея в руках официальные документы, но не имея отчеств героев тех далеких событий.

Скажем главное — Большаковы были участниками Амурской и Сахалинской экспедиций, первопоселенцами Приамурья, основателями Петровского зимовья, а также участниками Петропавловской обороны 1854 года.

Уверен, что все они из одной гижигинско-охотско-камчатской семьи.

«Петровское зимовье 1852 г.

Якутского казачьего полка казаки

Матвей Большаков» [Петров А.И. Амурский щит, с. 361].

«Список участников Сахалинской экспедиции.

1853 год

Казаки

Большаков Михаил

Большаков Иван [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 42. Л. 2].

«Список по старшинству их службы

Петровское зимовье, 1856 г.

Казаки

Большаков Матвей

Большаков Флегонт — 25, из казачьих детей в службе с 1849 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

«Список по старшинству их службы

в Петропавловске. 1856 г.

Казаки

Михайло Большаков — 34; из казачьих детей, на службе и в чине с 1839 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 9].

«В августе 1882 г. был составлен “Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне п. Петропавловска 24 августа 1855 года при нападении англо-французской эскадры”, в который вписаны удостоенные наград герои: баталер Николай Ипатьев; матросы Игнатий Краснояров, Василий Байков, Федор Колинда, Андрей Кодошников, Ефим Ершов; пятидесятники Алексей Карандашев, Александр Томский; казаки: урядник Василий Крупенин, Влас Ордин, Матвей Миниохин, Иннокентий Неворотов, Манаков, Иван Пшенников, Михаил [Леонтьевич] Большаков, Петр Корюкин, Дмитрий Тувалин» [Горчаков А.А. Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.)].

Но это не единственная история, связанная с Большаковыми.

В Якутии появление этой фамилии связано с Семеном Яковлевым сыном Большаковым, который в 1706 году служил в шестой пятидесятне Якутского казачьего полка.

А служил он, вероятно, на Камчатке — в 1738–1740-х годах в крестовых миссионерских походах нижнекамчатского священника Ермолая Иванова [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106] участвовал его сын Еким Семенович Большаков.

Сама же судьба Семена Яковлевича нам неизвестна. Известно другое — в 1711 году на Камчатке отметился Степан Большаков. И не просто отметился:

«Харитон Березин, Григорий Шибанов, Степан Болшаков зарезали до смерти [приказчика Осипа Липина]» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 34. Л. 139 об.].

То есть Степан (хотя на письме имена Семка и Степка весьма схожи) Большаков был в числе самых близких к воровскому атаману Даниле Анциферову Томскому людей.

Его же (Степку или Семку) Данила Анцыферов взял в свой поход на авачинских камчадалов, который закончился трагедией — камчадалы, притворившись миротворцами и вволю накормив и напоив «бражной сладкой травой» казаков, ночью сожгли их заживо.

Погиб и Большаков.

Мы не знаем сегодня, есть ли какая связь между этой историей и тем, что по архивным материалам за 1812 год в уездном городе Нижнекамчатск, в Камчатском гарнизонном батальоне служил рядовым солдатом

«Большаков Дмитрий Иванов (1776). Ж. Матрена Ивановна (1782). Дочь Агрипина (1805)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 6 об.].

Но возможна другая связь — Камчатский гарнизонный батальон (первоначально полк генерал-майора Сомова) был сформирован из Иркутского гарнизонного батальона, а тот, в свою очередь, формировался из иркутских, нерчинских и селенгинских казачьих детей.

О Нерчинске и Иркутске мы писали выше.

Вот что касается Селенгинска:

«В “Ведомостях Селенгинского дистрикта о земельных делах” расписаны подробно деревни

по всем рекам и речкам, вот выписка по Чикою: “От Чикойской же стрелки вверх по Чикою… до крайняго поселения до деревни селенгинского отставного служилого Бориса Большакова 289 верст пятисотных, а во оных урочищах мелких деревень разных чинов обывателей при помянутой Чикое реке и по посторонным речкам, которые течение имеют в Чикой реку, 29 дворов”. “…при оных деревнях … пахотной распашной земли 333 десятины с полудесятиной, а не распашной 217 десятин…”» [Залкинд Е.М. «Ведомости Селенгинского дистрикта о земельных делах в 18-м в. – начале 19-го в.»].

Вполне возможно, что все эти предбайкальские и забайкальские Большаковы связаны одной (невидимой пока еще) родовой нитью.

И, возможно, из этого же рода еще один участник обороны Петропавловского порта 1854 года: Большаков Иван Спиридонов сын (1812). Он из крестьян Иркутской губернии Нижнеудинского округа Яндинской волости. Служил в 13-м восточно-сибирском линейном батальоне. В 1850 году переведен в Камчатский флотский экипаж. В августе (сентябре по новому стилю) 1854 года участвовал в отражении десанта англо-французов, пытавшихся захватить Петропавловский порт и находившиеся в Петропавловской гавани фрегат «Аврора» и транспорт «Двина». 8–9 мая (по старому стилю) 1855 года при переходе из Петропавловского порта в военный пост Николаевский (на Амуре) участвовал в сражении с английским флотом в заливе Де-Кастри на транспорте «Иртыш».

Центром Яндинской волости был казачий Яндинский острог на реке Ангаре, основанный енисейскими казаками на год раньше основания Иркутска — в 1660 году.

Яндинская волость протянулась на расстоянии более 100 верст вдоль Ангары.

Входили в эту волость деревни и деревушки: Ключи, Попова, Серова, Хутор, Шишиморова, Монастырское, Аносово, Федоровка, Бердникова, Бутакова, Филиппова, Куй, Аталанка, Криволуцкая, Еремина, Шайдорова.

«1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. Список офицеров, участвовавших в походе против Японцев в 1904 и 1905 гг. … Есаул Большаков».

Для нашего времени историческим показателем мест традиционного проживания россиян в начале XX века являются места рождения участников Великой Отечественной войны, большинство из которых родилось или до Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны или в первые годы существования СССР, когда страну не захватили мощные миграционные потоки в связи с индустриализацией, политическим террором, а затем и самой Великой войной, которая тоже весьма основательно разорила старые родовые гнезда и разорвала внутрисемейные связи…

Среди Большаковых-фронтовиков мы нашли несколько иркутян, в том числе и в селе Аталанка бывшей Яндинской волости: Большаков Николай Иннокентьевич. Дата рождения: 1920. Место рождения: Иркутская обл., Усть-Удинский р-н, Аталанский с/с. Воинское звание: сержант.

Село Аталанка — это и место, где провел свое детство великий русский сибирский писатель Валентин Григорьевич Распутин. Расположено на реке Ангара. Старая Аталанка, где жил писатель, попала в зону затопления Братским водохранилищем. К Новой Аталанке присоединили также старые деревни, попавшие под затопление, — Замараевка, Филлипово, Куй, Криволуцкая, Еремина, Баранова. А прототипом распутинской Матеры («Прощание с Матерой»), как предполагают жители новой Аталанки, был поселок Горный Куй.

А вот места рождения остальных.

Большаков Василий Васильевич. Дата рождения: 1918. Место рождения: Иркутская обл., Братский р-н, Париловский с/с. Дата поступления на службу: 1942. медаль «За боевые заслуги» (14.11.1943), медаль «За боевые заслуги» (11.09.1944), орден Красной Звезды (30.05.1944), орден Славы III степени (26.02.1945), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

Село Парилово также находилось на берегу Ангары. И старое село также исчезло в водах Братского водохранилища.

Большаков Леонид Леонтьевич. Дата рождения: 1906. Наименование военкомата: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Дата и место призыва: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Дата поступления на службу: 25.02.1943. Воинское звание: гв. мл. лейтенант. Воинская часть: 15 гв. воздушно-десантный полк. Орден Красной Звезды, медаль «За отвагу».

Большаков Владимир Иванович. Дата рождения: 1908. Место рождения: Иркутская обл., Усольский р-н, п. Мишелевка. Дата поступления на службу: 1943. Орден Красной Звезды (22.09.1945), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), медаль «За победу над Японией» (30.09.1945), медаль «За боевые заслуги» (14.10.1945).

Так что носителям этой фамилии есть, чем гордиться, есть, что помнить, есть, что знать из истории своей фамилии, а может быть, и предков…

БОРОВЫХ

В Гижинской крепости в 1761–1766 гг. служил капрал нерегулярной (казачьей) команды Василий Гаврилов сын Боровых [ГВИА. Ф. РГВИА. Ф. 14808 Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об. Д. 13. Л. 9].

История этой фамилии весьма занятна – некоторые специалисты по антропонимике считают, что патриарх этого рода родился в боровых лесах.

Я думаю, что фамилия напрямую связана с географической точкой, откуда пришел патриарх этого рода в Сибирь – Боровых деревень на Руси всегда было и остается предостаточно.

Но есть и более точное определение ареала распространениях русских фамилий, заканчивающих на -ых:

«Основной массив русских фамилий в форме родительного падежа множественного числа — -их, -ых охватывал бассейн Северной Двины и северо-восточную часть Заволжья, откуда они стали распространяться на восток, пересекли Вятку, Каму, Урал и появились в Зауралье. В Онежском уезде, по течению р. Онеги ниже Иксы проживали: Боровых, Долгих, Коротких, Косых, Широких, Лисых (Лисьих), Гладких, Рыжих, Ильиных. В 1710 г. носители этих же фамилий отмечены в новопоставленной Крутихинской слободе».

Примерно в эти же годы эта фамилия появляется и в Ялуторовской слободе Тобольского уезда:

«Ялуторовская слобода

Двор а в нем драгун Никифор Володимеров сын Горохов сказал себе от роду 30 лет у него жена Татьяна 25 лет у них сын Степан году да у него ж на подворье пришлой человек Арамильские слободы крестьянин Никифор Мокеев сын Боровых 50 лет у него жена Огафья 50 лет у них два сына Михайло 15 лет Андрей 4 лет три дочери девки Овдотья 10 лет Хевронья 8 лет Акилина 4 лет у него ж племянник Семен 6 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 6].

А потом мы обнаруживаем Боровых в Верхнеудинском уезде:

«Кабанского острогу [основан селенгинскими казаками в 1660 году] крестьяне:

Померли:

1192) Федор Каргин,

193) у него с. Никифор, у Никифора дети:

194) Иван;

195) Кирило;

196) Василий Боровых;

197) Евдоким Боровых…» [Демин Э.П. Древние жители селенгинских весей (по селенгинским переписям после 1722 до 1764 г.)]

А это, вероятно, отец гижигинского капрала Василия Гаврилова Боровых:

«Никифор Хлыстов 70. Умре в 749-м году. У него дети написанные по последней переписи: Яков 17 (32); Яков же 27 (42); Семен 27. Умре в 757-м году; Алексей 10 (25).

У большего Якова жена Варвара Иванова дочь тритцати четырех лет взята в замужество у ясашного Ивана Наделяева. У малого Якова жена Степанида тритцати лет взята в замужство у отставного казака Гаврила Боровых» [РГАДА: Ф. 350, оп. 2, д. 3070. Л. 294об. – 295].

Конечно, пока это только версия. Но версия вполне себе рабочая: селенгинские, нерчинские, верхоленские и иркутские казаки постоянно пополняли гарнизоны острогов и крепостей Северо-Востока России.

БОЧКАРЕВЫ

Не такая уж и редкая фамилия, как и профессия посадских людей — бочкарей, ставшая их профессиональным фамильным прозвищем.

Не знаю, чем уж провинился наш Бочкарь, но:

«В августе 1647 года енисейский сотник Максим Перфильев и тобольский пятидесятник Ларька Едомский на Ленский волок привезли около 30 ссыльных семей. В том числе присланы на службу: дети боярские, тверичи Сенька Епищев с женой и Ивашко Епищев, человек стрелецкого головы Ивана Бечечева Ондрюшка Федоров, стрельцы Богдашко Карпов, Гришка Черноус, Мишка Чаколка, Мишка Чернычёнок с женой, Яков Бронник, Васька Скоробогатый, казанские “тюремные стрельцы”, — Друин Трофимов, Семейка Скоморох и Овдюшка Бочкар; на пашню: калужанин Демка Дуров, подъячего приказа Большого дворца Юрия Блудова человек Лазарько Григорьев с женой и с детьми, поп Иван Федоров. Из прибывших около десятка семей устроены на чечуйской пашне, остальные записаны на службу» [Бахмутов-Красноярский В.Н. «Землепроходец Максим Перфильев»].

А вот и второе свидетельство его появления в Якутии:

«Да в нынешнем во 158-м [1650] году апреля в 4 день по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова приверстаны в государеву службу ссыльные люди которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михаиловича всеа Русии грамотам велено быть в государеве службе на выбылые места а иным в пашне и в Якутцком остроге пашенных мест и служилых … Овдюшка Бочкарь» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 110 об.].

Уточняется: «Служилые люди которые поверстаны в государеву службу в прошлом во 158-м [1650] году в тобольской оклад денег… Овдюшка Бочкарь» [там же, л. 40].

Возможно, Петрушка Бочкарев, служивший в Якутском казачьем полку в 1681 году, был сыном Бочкаря, но «Петрушка Бочкарев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Петрушкино место Стенька Мыльников в холостой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 30].

А вот Петр оставил после себя наследника — в 1689 году у него родился сын Василий, который в 1706 году служил в девятой пятидесятне Якутского казачьего полка.

По переписи 1722/1748 гг. в Якутии отмечены двое Бочкаревых: Кузьма, верстанный в казаки и отправленный на службу в Охотск [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 90], и Федор, который был набран в рекруты. Следы которых теряются…

А в 1697 году в Нерчинск были сосланы верхотурские крестьяне:

«Перепись С.В. Шахаева проживающих в Тобольском уезде беглых крестьян Верхотурского уезда 1694/95 года.

По результатам сыска Шахаева сто семей беглых верхотурских крестьян, всего 626 человек, были в 1697 году сосланы из Тобольска в Нерчинск для поселения там на десятинную пашню (см. ПСЗ (полн. собр. законов), № 1835)».

А вот и нерчинские Бочкаревы:

«Ивашко Васильев сын Бочкарев сказал: в Арамильскую де слободу пришел он в 1692/93-м году Верхотурского уезду из Чусовской слободы, а принял ево прикащик Алексей Черкасов. И по накладу ево платит он денежного оброку шесть алтын полторы денги. У него дети: Юдка семнатцати лет, Филка пятнатцати лет, Микитка двенатцати лет. Живет своим двором» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж (Денежный стол). Д. 253. Л. 97 об. – 98].

Через двадцать лет в Нерчинске переписывают крестьян:

«100) Октября в 29 день паш. кр. Юда Бочкарев 44 года (1665), у него дети: Ефрем 13 лет (1706), Артамон 11 лет (1708), Козма 2 лет (1717).

101) Октября в 29 день паш. кр. Иван Бочкарев 80 лет (1639), у него дети: Никита 40 лет (1679), живет своим двором, а государеву пашню пашет и потуг платит с отцом вместе, Кирило 34 года (1675), Федор 19 лет (1700), внучата: Сисой годовой (1718), Дмитрий 2 недели (1719)» [Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М.,1886, стр. 27].

В 1721 году в Нерчинске отмечены казаки Бочкаревы:

«Конной казак Семен Бочкарев 33 (1688), дети ево: сын Борис 6 (1715); сын Дементей 2 (1719); отец ево Семен 63 (1658)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 94 об.].

И «бездворной пеший казак Филип Бочкарев 40 (1679)» [там же, Л. 43].

Но по переписи 1744 года при всем многолюдстве Бочкаревых казаков мы не находим:

Из Ундинскои слободы
взято в рекруты
Степан Бочкарев
Деревни Фирсовой
крестьян померло
Никита Бочкарев
Деревни Буториной
разночинцов померло
Филип Бочкарев
взяты в рекруты
Иван Бочкарев
Читинского острогу
померло крестьян
Олентуиской Слободы
Иван Бочкарев
Деревни Бочкаревой
померли
Июда Бочкарев
Иван Бочкарев у него дети Федор, Дмитрей» [РГАДА. Ф. 350. Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917, 2-я ревизия].

Казачий след теряется. Но, может быть, разгадка в этом вот сообщении:

«…велено к вышеозначенной посылке вместо прежде определенных из одиночества Афанасья Чеусова да Матвея Бузунова ис теленбынских служилых двух человекъ из семейныхъ домов а именно от Семена Бочкарева от Авдея Власова от Сергея Салтанова от Сыдора Трухина от которых домовъ напередъ его в драгунскую и рекруцкую службу небрать…» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 139. Ч. Л. 94–94об. 1742 г.].

Видимо, все-таки взяли.

И свой Семен Бочкарь появляется примерно в этот же период на Камчатке в составе Первой Камчатской экспедиции:

«1730 г. ноября 12. — “Реестр служилым людям, которые присланы были с реестром от штурмана Якова Генса на мореходное восточное судно для морскаго пути в Большерецкой острог, а ныне которыя имеютца налицо в Большерецком остроге и коликое число в росходе и о том явствет ниже”

Налицо в Большерецком остроге:

Матрозы: Петр Таранкин, Агафон Назаров.

…Служилыя: Алексей Привалихин, Алексей Антипин, Лаврентей Базлуков, Григорей Томилов, Степан Коровин, Андрей Верхотуров, Иван Удалой, Дмитрей Осколков, Николай Нечаев, Сава Чагин, Семен Бочкарь, Петр Колокольников, Трифан Крупышев, Алексей Мешков, Иван Усов, Иван Поляков».

«1733 г. мая 22. — Промемория М. С. Гвоздева Я. Генсу о передаче последнему бота “Св. Гавриил” с командой и снаряжением и подготовке бота к плаванию в Охотск

…Служилые: для письма Иван Шаньгин, Василей Анкудинов, Иван Садовников, Федор Паранчин, Андрей Верхотуров, Илья Скурихин, Алексей Гиляшев, Федор Жеркоков, Григорей Хорошей, Иван Удалой, Макар Новосельцов, Семен Бочкарь».

Впоследствии Семен Бочкарь продолжает служить на полуострове, о чем сообщает в своих рапортах будущий академик Степан Петрович Крашенинников в 1737/1740 годах:

«Из Кшумтана острожка апреля 1 дня отпустил я возвратно в Нижней Камчатской острог бывшего в провожатых казачья сына Александра Мурзинцова, понеже оставливанной в Большерецке служивой Семен Бочкарь ко мне приехал.

…И на оное требование маия 24 числа от Большерецкой приказной избы ответствовано, что де при Большерецку стрельцов не имеется, а имеются де у меня стрелки, а имянно, Никифор Саламатов, Семен Бочкарь, из казачьих детей Михайло Лепихин меньшей. И хотя из означенных служивых Никифор Саламатов слеп, Семен Бочкарь и сроду десяти птиц не убивывал, а Михайло Лепихин отпущен в Курилы от закащика, однакож я требовал от приказной избы, чтоб на место стрелка, которой определен будет из обретающихся при мне служивых, служивой прислан» [Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, No 34, лл. 82–92].

Конечно, было бы весьма замечательно связать Семена Бочкарева камчатского с Семеном Бочкаревым нерчинским.

Но нерчинский Семен был Семеном Семеновым сыном, а камчатский — Семеном Андреевым сыном [РГИА, ф. 796, оп. 23, д. 106]. Хотя с этими отчествами иногда происходят «метаморфозы»…

Позже, уже в материалах за 1812 год, мы отыскали сына Семена Андреевича:

«Казачья команда
казаки

Бочкарев Егор Семенович (1740/1748)» [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4, Лл. 10 об. – 12].

И, вероятно, у него был брат, Семен Семенович, или, скорее всего, сын, Семен Егорович, — иначе откуда же появился на свет еще один Семен Семенович:

«Нижнекамчатск, 1812
Камчатский гарнизонный батальон
Унтер-офицер

Горохов Гаврило Алексеев (1776), Ж. Вера Васильевна. Пасынок Семен Семенович Бочкарев (1808 г.р.)» [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4, л. 7].

Хотя возможна и другая версия — Камчатский гарнизонный батальон — это бывший Иркутский гарнизонный батальон, который пополняли казачьи и крестьянские дети Иркутска, Селенгинска, Нерчинска. И, возможно, корни оттуда…

По всей видимости, на Камчатке проходил службу еще один Бочкарев — Ксенофонт. Был ли он в казаках или в солдатах, неизвестно.

Известно другое: в 1812 году в Нижнекамчатске находились двое его сыновей.

Первый:

Камчатский гарнизонный батальон
Рядовой

Бочкарев Василий Ксенофонтович (1791)

Второй:

Воспитанники Камчатского отделения императорского военно-сиротского дома:

Бочкарев Михайло Ксенофонтович (1794) [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4, л. 7, 8].

Судя по возрасту, если они не родились на Камчатке, то их привезли совсем маленькими детьми — завозили солдат и их семьи на Камчатку в 1799 году.

После расформирования Камчатского гарнизонного батальона основная его часть возвратилась в Иркутск, а вышедшие в отставку — на свою историческую родину.

Михаил Ксенофонтович остался на Камчатке. В 1845 году его сын Бочкарев Данило Михайлов сын (1824), из солдатских детей, уроженец Камчатской области, был поставлен для присмотра за маяками.

А далее следы Бочкаревых теряются…

БОЯРКИНЫ

«Родовое прозвище Боярка еще не так давно встречалось среди жителей зауральских деревень, оно могло быть дано по чертам характера, поведения человека. Бояркой также называли обедневшего дворянина, проживавшего в людях. Ист. примеры: ирбитский крестьянин Ондрюшка Бояркин — 1679 г.; Сергей Бояркин 40 лет, бобыль Невьянской сл. — 1710 г.; д. Боярки в Кировской обл» [А.Г. Мосин].

Нас же интересует история казака Михаила Семенова сына Бояркина, служившего в Гижигинской крепости в 1766 году.

В «Истории долматовских фамилий», с цитаты из которой мы и начали этот очерк, говорится следующее:

«Переписями 1710 и 1719 гг. в д. Загайнова Крутихинской слободы отмечен оброчный крестьянин Григорий Сидоров Бояркин, у него дети Василий, Иван. В 1719 г. в д. Любимова той же слободы проживали Григорий Максимов Бояркин 40 лет с сыном Павлом, брат Никита 35 лет с сыновьями Иваном, Григорием, Дмитрием».

Но это не только неполная, но и весьма даже неточная информация.

Еще в 1694 году была осуществлена «Перепись С.В. Шахаева проживающих в Тобольском уезде беглых крестьян Верхотурского уезда 1694/95 года». А финальная часть этой переписи такова:

«По результатам сыска Шахаева сто семей беглых верхотурских крестьян, всего 626 человек, были в 1697 году сосланы из Тобольска в Нерчинск для поселения там на десятинную пашню (см. ПСЗ, № 1835)».

И в том списке мы находим искомое:

«Да в той же слободе сверх росписи по имянным крестьянским книгам явились верхотурских слобод крестьяне:

Матюшка да Гришка да Савка Сидоровы дети Бояркины сказали: Верхотурского де уезду ис Тагильской слободы пришли они Тобольского уезду в Шадринскую слободу во 1683/84-м году, а из Шадринской слободы в Крутихинскую слободу во 1686/87-м году, а принял их в той слободе слободчик Сенька Белошейкин, а по какому указу не ведают. И по накладу ево платят они денежного оброку шесть алтын полторы денги. У Матюшки сын Варламко [8] лет. У Гришки да у Савки детей нет. Живут своим двор[ом]» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж (Денежный стол). Д. 253. Л. 118 об.].

Почему эта информация для нас так важна?

Да потому что именно она объясняет появление крестьян Бояркиных в Нерчинске.

Это во-первых.

А во-вторых, позволяет нам выстроить рабочую версию о появлении в Гижигинской крепости казака Михаила Семенова сына Бояркина.

Кстати, Бояркины — не такая уж и редкая фамилия.

Только в Тобольском уезде мы нашли в переписи 1689 и 1710 годов несколько семей:

«1689 год:
Слобода Тебеняцкая над речкою Тебеняком.

Двор крестьянина Ивана Бояркина сказался 50 лет, жена Настасья 45 лет, дети Назар 22, жена Каптелина 20 лет, Осип 8, Василей полугоду, Фекла 9, племянник Егор 9 лет.

Тебеняцкая слобода при реке Мияпе.

Беломестный Федор Юрьев Бояркин 39 лет, у него дети: Гаврило 5, Василий полугоду. Брат Ефим 10 лет.

Деревни Тебеняцкой.

Двор крестьянина Алексея Бояркина сказался 70 лет, жена Гликерия 50 лет, дети Григорей 20 жена Пелагия 20, дочь Агафья полугоду, Семен 15, Афонасей 13, Евдокия 17, Федора 8, Евдокия 3, Марья 2 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1526. Л. 106 об., 119].

1710 год.

Ялуторовская слобода:

«Деревня Кондина

Двор а в нем живет бобыль Иван Иванов Бояркин сказал себе от роду 25 лет у него жена Овдотья 19 лет у них дочь Марья 3 лет.

Двор а в нем живет пашенной крестьянин Федор Иванов Сохарев сказал себе от роду 23 лет у него жена Агафья 23 лет у них две дочери девки Устинья 3 лет Марья году у него мать Катерина 40 лет у него ж живет в доме салдат Петр Иванов Бояркин 20 лет у него мать Катерина 60 лет у него ж брат 15 лет сестра Парасковья 13 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 631, 633].

Орлово Городище

«Деревня Усть Барсуцкая

Двор а в нем живет отставной драгун Андрей Алексеев Бояркин сказал от роду ему 60 лет у него дети Ларион 20 лет Максим 19 лет Иван 10 лет дочери Татьяна 16 лет Ирина 15 лет» [РГАДА. Ф. 214. ОП. 1 Д. 1493. Л. 10 об.].

Список далеко не полный:

В истории о первых жителях Братского острога говорится:

«Челобитные XVII века дают нам обильную информацию о родоначальниках местных фамилий. В списках значатся: Бояркин Петр, Горностаев Василий, Дорофеев Борис, Лютиков Алексей, Рыбкины Григорий и Василий, Вотяк Иван, Жидовкин Потап, Василий и Иван Ильины. Последние жаловались, что Кафтырев их избивал, а Ивана сажал в колоду».

Иркутск, 1712 год:

«В “Книге расходной г. Иркутска и иркутского присуду пригородов и острогов служилым людям” за 1712 год Афанасий Шеметов назван верхоленским сыном боярским. Под тем же званием он приведен в сказках третьей ревизии г. Иркутска как отец Прасковьи — жены иркутского посадского Никиты Ивановича Бояркина» [Черепанов А.В. Сибирская кровь].

Кузнецк, 1719 год:

«Деревни Тулинской

(Л. 215)

Евтифей Бояркин

Деревни Чюмыской

(Л. 241 об.)

Григорей Бояркин

(Л.250)

Иван Бояркин» [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 1611].

В коллективном сборнике об истории города Зашиверска, написанном под руководством академика А.П. Окладникова, приводится интересный документ, подписал который один из возможных наших героев:

«1735 году июля 18 дня Зашиверского острогу жители нижеподписавшийся приговорили мы в Якуцке соборной Троицкой церкви дьячка Алексея Иванова сына Слепцова во оной Зашиверской острог к церкви Нерукотворенного образа господа бога и спаса нашего Иисуса Христа во священники понеже де он человек доброй и не пияница и искусной к церковному званию, а питатца ему Слепцову ругою от нас зашиверских жителей и за сим нашим выбором и писменным обязателством ево Алексея нам зашиверским жителям во всяком снабдении не оставлять а ему Алексею быть тщателну и радетелну во святом церковном служании без всякого пороку а кроме вышеявленной спаской церкви в другия места ни под каким видом неотлучатца и у той святой спаской церкви житель до окончания живота своево в том и подписуемся своеручно 1735 году июля 18 дня.

К сему выбору вместо посадцкого человека Алексея Рожина ево велением драгун Василий Тетрин руку приложил. К сему выбору посацкой человек Марко Кашин руку приложил. К сему выбору вместо посадцкого человека Алексея Кондинского ево прошением посланной партии служилой человек Григорий Борисов руку приложил. К сему выбору якуцкой посацкой Федор Бояркин руку приложил. К сему выбору вместо посацкого человека Федора Латышева ево прошением енисейской посацкой человек Иван Плотников руку приложил. К сему выбору вместо сын боярского Федора Галкина его прошением Емельян Чусин руку приложил».

Бояркиных много. А вот к кому из них приписать одного из участников Второй Камчатской экспедиции, совершенно неясно.

Поэтому пока просто расскажем то, что нам удалось о нем узнать:

«Список морским и адмиралтейским служителем и сибирских разных чинов людем, которые прибыли ныне на судах в каманде моей. На боту “Гавриле”.

…Якуцкого полку: Остафей Бояркин, Григорей Кайгородов, Дмитрей Амосов, Епифан Захаров, Дмитрей Вологдин, Василей Абалаков, Козьма Черняев, Прокофей Алексеев, Тимофей Ивачев» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 44. Л. 136–141].

«Якуцкого полку

Окладного без вычету на мундир — по девяносту копеек, и за вычетом на мундир — по сороку по шти копеек, да вторичного в награждение без вычету на мундир — полной оклад по девяносту копеек, итого по рублю по тритцати по шти копеек, хлебного — муки по пуду по тритцати по два с половиною фунта, круп по пяти фунтов, соли по два фунта на месяц человеку.

Егор Губин, Семен Стрижев, Терентей Типсин, Алексей Колоколников, Андрей Тепнин, Сава Песков, Сергей Ермолин, Дмитрей Колотовкин, Иван Волков, Кирило Ланбин, Никифор Роспопин, Клементей Чюдинов, Никита Пилюков, Василей Абалаков, Дмитрей Вологдин, Дмитрей Аммосов, Епифан Захаров, Коз[ь]ма Черняев, Григорей Кайгородов, Василей Спирин, Стафей Бояркин, Прокофей Алексеев, Тимофей Ивачев» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 31. Л. 148].

И последнее. Но самое важное:

«1741 г. декабря 7. — Список служителей пакетбота “Св. Петра”, которые ныне в вояже.

…Якуцкого полку: Сава Степанов, Григорей Измайлов, Остафей Бояркин, Василей Попков, Григорей Кайгородов, Степан Жегалов, Дмитрей Колодин».

Из этой экспедиции, участникам которой пришлось претерпеть кораблекрушение и высадку на необитаемом острове, получившего впоследствии имя капитана-командора Витуса Беринга, вернулись домой не все:

«Якуцкого полку: Сава Степанов (умер 16 ноября 1741 г.), Григорей Измайлов, Остафей Бояркин, Василей Попков (умер 15 ноября 1741 г.), Григорей Кайгородов, Степан Жегалов, Дмитрей Колодин».

Якутский пехотный полк, штаб-квартира которого располагалась в Селенгинске, пополнялся за счет казачьих, крестьянских и посадских детей Селенгинска, Нерчинска, Иркутска.

Были ли Бояркины в Селенгинске?

По данным Эдуарда Викторовича Демина, опубликовавшего книгу «Древние жители селенгинских весей (по селенгинским переписям после 1722 до 1764 г.)», крестьяне Бояркины проживали в деревне Большая речка Посольского Преображенского монастыря.

Так что вполне возможно, что Остафий был из тех мест.

Но мы говорили с вами о Нерчинске, куда были переселены сбежавшие из Верхотурья крестьяне.

И мы находим этих крестьян. Точнее, их потомков.

Нерчинск, 1740 год. Записи в «Книге Нерчинских Серебряных Заводов Петро-Павловской церкви Священника Силы Федорова»:

«1740 год венчаны:

В Генваре

16-го Серебряных заводов крестьянской сын Афонасей Екимов сын Бояркин женитца у крестьянина Василья Ельгина на дочере ево девице Федосье первым браком [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 176].

В Майе

25-го Того ж ведомства крестьянин Василей Екимов сын Боярк[ин] женица у заводскаго крестьянина Терентья Макуши[на] на дочери ево девице Матрене первым браком» [Л. 176 об.].

«1741 году родились:

В апреле

13-го У крестьянина Афонасья Бояркина сын Артемий» [Л. 225].

«1747 году венчались:

В Генваре

Горной ученик Григорей Якимов сын Бояркин Кириловой дочерью девкой Агафией Туровых первым браком» [Л. 350].

«1748 году венчаны:

В Феврале

10-го Заводской крестьянин Федор Данилов сын Марков Семеновой дочерью Бояркиных девкою Гликериею первым браком» [Л. 361 об.].

И рождается рабочая версия — не из этой ли крестьянской семьи вышел гижигинский казак Михаил Семенов сын Бояркин?

В середине XIX века значительную часть населения Забайкалья приписали к Забайкальскому казачьему войску, которому волею судьбы и российской власти было определено заселить приамурские и приморские (уссурийские) территории, вошедшие в состав Российской империи.

И не удивлюсь, если потомки верхотурских крестьян, бежавших в слободы Тобольского уезда и переселенные в Даурию, оказались в рядах Амурского и Уссурийского казачьих войск.

Уже в октябре 1855 года забайкальским казакам пришлось отражать попытку высадки английского десанта в заливе Де Кастри.

Все «нижние чины» — защитники бухты — будут награждены по Высочайшей воле серебряным рублем. Наградные рубли умерших от ран или болезней казаков или солдат (а таких за период ожидания повторного натиска интервентов до весны 1856 года насчитывалось больше трети от первоначального состава) пересылались родственникам.

Все участники боевых действий были награждены светло-бронзовыми медалями «В память войны 1853–1856 гг.» на ленте ордена Святого Андрея Первозванного. Это будет одна из первых массовых боевых наград забайкальцев.

И это было символично — ведь первой наградой государя служилым людям, казакам были специально выкованные золотые монеты в 1689 году за бои в Приононье.

А вот список сводного пешего полубатальона ЗКВ, принимавшего участие в боевых действиях:

Казаки

Бояркин Илья

Бояркин Тимофей

«Имянной список казакам прибывшим из Забайкала на поселение в Уссурийский батальон в 1862 году с означением в какия станицы зачислены на жительство. июля 26 дня 1862 г.

ст. Нижне-Михайловская

(л. 8 об.)

Бояркин Димитрий

Бояркин Андрей

список уволенных на льготу в 25 лет

(68 об. – 69)

Марк Бояркин

список нижних чинов 2-й Уссурийской сотни

производятся в приказные

(Л. 49 об.)

Трофим Бояркин

(Л. 141)

на 1 полугодие 1884 года артельщиком первоочередной сотни Трофим Бояркин, кандидатами по нем казаки Иван Кожевников, Никита Пустынцев, Андрей Бунаков» [РГВИА. Ф. 5294. Уссурийский казачий дивизион. Оп. 1. Д. 55. Уссурийский пеший батальон Амурского казачьего войска].

«Послужные списки казаков Амурского казачьего войска 1898 г.

Бояркин Максим Спиридонович» [ГААО. Ф. 10и. Оп. 1. Д. 30. Л. 152].

В 1900–1901 гг. в Китае отметились амурские казаки. Георгиевскими крестами 4-й степени были награждены:

«Раддевский станичный округ:
…урядник Спиридон Бояркин
Поярковский станичный округ:
Младший урядник Николай Бояркин».
Русско-японская война 1904–1905 гг.
«Список гг. офицерам, урядникам и казакам Амурского казачьего полка, убитых в делах с японцами

…Старший урядник Николай Бояркин — 3 мая 1904 года в перестрелке с хунхузами на перевале Ганчалин».

«Однажды разъезд сотника Доможирова, в числе 51 казака, натолкнулся на японо-хунхузов, в числе 120 человек; несмотря на превосходство сил неприятеля, вступил с ним в перестрелку и держался до тех пор, пока были патроны, но, когда был убит лихой урядник Николай Бояркин, воодушевлявший своим примером остальных казаков, — разъезд наш начал отступать и на протяжении 25 верст отбивался от ярого нападения неприятеля. В этой неравной стычке все казаки вели себя превосходно. Кроме убитого Бояркина, лихо действовал урядник Кузнецов и казак Тимофей Малышев, взявшие в плен пять хунхузов. Тело Бояркина казаки привезли с собой и с большими почестями похоронили на русском кладбище у Син-цзин-тина в деревне Линкай. Товарищи любили Бояркина. В память его соорудили в хуторе Димском небольшой памятник, а на смерть его поется песня:

Буря воет кругом,
В чистом поле буран,
То заплачет он, то захохочет;
Не уснуть казаку от полученных ран:
Боль ужасная в сердце клокочет…».

БРАГИНЫ

Интересно работать с материалом, когда кто-то тоже ищет, находит, радуется своей удаче. Поэтому мне было очень интересно, когда в результате археологических раскопок на месте былого расположения Гижигинской крепости у студентов Северо-Восточного государственного университета появился интерес и к истории крепости, и тому времени, когда эта крепость существовала. Среди магаданских студентов оказался и прямой потомок гижигинских купцов и мещан Брагиных, многие из которых захоронены на старом гижигинском кладбище.

И появились первые публикации. Сначала робкие, поверхностные, более эмоциональные, нежели содержательные.

А потом подключились и старшие товарищи — преподаватели. И вот уже родилась на свет большая публикация «Население города Гижигинска в XIX – начале XX веков (на примере реконструкции генеалогии семьи Брагиных)». Ее авторы — доктор исторических наук, археолог Ирина Юрьевна Понкратова и студент Анатолий Владимирович Береговых.

Так что Брагиным повезло — наконец-то хоть кто-то начал работу по сбору родовой истории наших северян…

А то… Вот какое письмо однажды пришло в мой адрес на форум нашего сайта Камчадалы.ру:

«Моя бабушка — дочь репрессированного Брагина Матвея Прокопьевича, камчадала из Гижиги. Для начала я стала изучать историю самой Гижиги, пообщалась с некоторыми жителями через соц. сети, кое-кто, оказалось, знал моего двоюродного прадеда Данилова Семена Ивановича. Выяснила, что мои предки по бабушке все из Гижиги, камчадалы. Это Нифантьевы, Даниловы и Брагины. Насколько я знаю, в книге "Камчадалы Магаданской области" упоминаются Брагины, но почему-то там мой прадед Брагин М.П. числится как из мещан, а также меня там заинтересовало имя Брагина Прокопия Прокопьевича, купца 1-й гильдии из Гижиги. Кто знает, может, и он мой предок. Знаю, что Брагин М.П. был репрессирован в 1938 и расстрелян, его имя есть в КП. Пока я только получила архивную справку из ФСБ, т. к. еще не могу доказать с ним родство и посмотреть его личное дело. Он проходил по делу Дальстроя, арестовали его ночью, а при обыске искали в доме даже золото (это со слов бабушки). Женат мой дед был на камчадалке Даниловой Анне Ивановне, которая уже после войны переехала в п. Ола. Вот имена их детей — Брагина Анна Матвеевна (моя бабушка), Брагин Май Матвеевич, Брагин Эдуард Матвеевич. У Мая и Эдуарда семей не было. В Гижиге много однофамильцев Брагиных, пока ни с кем из них родственных связей я не вижу. Но если мои предположения на счет купца Брагина П.П. верны, то я с удовольствием послушаю ваши комментарии и советы. А еще знаю, что Брагин М.П. бы одним из первых коммунистов, но пока это еще не подтверждено документально. Выше было сказано насчет репрессий, я согласна, что действительно уничтожались лучшие. Например, из моих Нифантьевых были репрессированы четверо, а среди них были и купцы (Осип Федорович Нифантьев), и зажиточные оленеводы. У меня сохранилась статья из Магаданской газеты, где мой дв. прадед Данилов С.И., много лет работавший в областном краеведческом музее Магадана, писал как раз о репрессиях в Гижиге и всему району».

Автор этого письма совершенно прав в частностях. И совершенно не прав в ЦЕЛОМ — все гижигинские Брагины являются родственниками — потомками Прокопия Брагина, отца троих сыновей — Александра, Прокопия и Матвея.

А вот отчество самого патриарха — Прокопия — остается, к сожалению, или, наоборот, к счастью, нам неизвестно.

К сожалению — потому что не удается погрузиться в еще более глубокие слои истории.

К счастью — потому что можно… пофантазировать, перебирая различные версии появления Брагиных на Северо-Востоке нашей страны.

Собственно, фамилия эта не является редкой для нашей страны, как и напиток, который лежит в основе этой фамилии и, возможно, говорит о том, что первоноситель прозвища Брага позволял себе, наверное, непозволительно много бражничать.

Уже в казачьей команде города-крепости Березова был некий Брагин, а впоследствии эта фамилия «засветилась» и в Якутске:

Березовский казак «Васка Третьяков сын Серебреник в прошлом во 150-м [1642] году убит и того же 150-го [1642] году в его Васкино место Ондрюшка Иванов сын Брагин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 77 об.].

Но он не был первым из Брагиных на Лене.

Как сообщает Владимир Юльевич Визе, здесь скандально прославился другой Брагин:

«Енисейский казак Прокофий [Васильев сын] Брагин совершил плавание на восток от Лены. Возвращаясь из похода, он в 1638 году встретился в устье Лены с Елеской Бузой, с которым произошла драка, “Взошли ко мне на судно и меня учали бить и увечить”, — доносил Буза».

Примерно в эти же годы появляется свой Брагин и в Кузнецком остроге — Васка Игнатьев сын Брагин, «московский воровской стрелец».

Мы не знаем, связаны ли каким-либо образом Ондрюшка Иванов Брагин и известный с 1660-х годов якутский казак, впоследствии десятник, Ивашка Брагин, но последний прослужил в Якутии более двадцати лет (последнее упоминание о нем относится к 1681 году, и сообщается, что он был в женатом окладе).

Больше двух десятилетий прослужил здесь и Парфенко Брага. Первое упоминание о нем относится к 1670 году: «В Охоцкой острожек: рядовой казак Парфенко Брага».

В Илимском уезде, который то входил в состав Якутского воеводства, то получал самостоятельность, то снова отдавал свои территории то Якутии, то Иркутску, питая и тех, и других крестьянскими кадровыми ресурсами для службы на Охотоморье и Северо-Востоке.

И здесь тоже служил казак Андрюшка Савельев сын Брага, который в период обороны Албазинского острога находился в Нерчинске в полку А. Смаленберга в чине пятидесятника, а чуть позже он уже — подъячий, о котором упоминает Федор Алексеевич Головин, внук первого якутского воеводы Петра Петровича Головина, прибывшего в Нерчинск для подписания с Китаем нерушимого Нерчинского договора.

А ситуация, которую излагает в своем письме Головин нерчинскому воеводе Ивану Власову, крайне сложная. В чем вы тоже сможете убедиться:

«Господину Ивану Остафьевичу Федор Головин челом бьет. В нынешнем во 197 году Сентября в 4 день писал ты ко мне, с Албазинским казаком с Савкою Степановым, что, по ведомости из Албазина от Афонасья Бейтона, посылал ты, с Албазинским казаком с Алешкою Буториным, вниз по Шилке и по Амуру рекам до тех мест, где встретят на бусах или горою конницу Китайских людей, Нерчинских конных казаков Андрюшку Ларионова да подьячего Андрюшку Брагина с товарыщи четырех человек; и Августа в 20 день прошлого 196 году те вышеписанные Нерчинские казаки, Андрюшка Ларионов с товарыщи, приехав в Нерчинской, перед тобою в роспросе, сказали: не доезжали де они до Албазина, за половину днища, встретили Албазинских казаков Ганку Фролова с товарыщи, а сказали, что неприятелские Китайские люди выше и ниже Албазина насеяной хлеб потолочили, а досталной покосили и пожгли, и пошли от Албазина прочь вниз Амура реки; а в отписке де, какову тебе подал Албазинской казак Савка Степанов, написано: Июля де в... день прошлого 196 году Китайские воинские люди приходили под Албазин на бусах, и стояли под Албазиным Июля ж до 23 числа, и которой хлеб около Албазина посеян был пудов тысячи две, и тот де хлеб Китайские люди покосили и сожгли ж весь без остатку ж, и пошли от Албазина прочь, а живет де он Афанасей в Албазине ныне со всяким опасением и хлебных де запасов в Албазине скудно, и чтоб прислать в Албазин хлебных запасов и служилых людей. И те вести мне ведомы. И по указу Великих Государей, послать бы тебе, господине, из Нерчинска в Албазин, взяв на Плодбище у подрядчиков хлебных запасов шесть сот пуд, также и служилых людей шестьдесят человек, которые хлебными запасы доволны, и о том к нему Афонасью в Албазин от себя писать, чтоб он Афонасей в Албазине жил со всякою осторожностию и о Китайских замыслех разведывал накрепко; а о посылке хлебных запасов на Плодбище к прикащику и подрядчиком памяти от меня посланы наперед сего; а что у тебя будет чиниться, также и что уведано будет каких ведомостей вновь, и о том ко мне для ведома писать; а к Афонасью Байтону о том от меня послана указная память, для обнадеживания служилых людей, что присланы к нему будут в споможение служилые люди с хлебными ж запасы».

В 1696 году, когда взбунтовавшиеся казаки Илимского уезда составили свой «выбор» об отказе илимскому воеводе стольнику В.А. Челищеву от власти и о передаче управления выборным людям, то среди его многочисленных подписантов находим: «...Илимского острогу дети боярские Пимин Сташкеев, Степан да Василей Воронецкие, подьячие Борис Зубов, Степан Березовский, Андрей Учюжников, Петр Лазарев, Иван Зубов, таможенные голова Степан Пежемской, подьячий Степан Шангин, городничей Иван Брагин...».

Почему мы столь подробно говорим о казаках Березова, Илимска, Нерчинска — да потому, что эти города и остроги и были кузницей кадров для Северо-Востока России.

1692 год. Свирепствует оспа. Более ста пятидесяти якутских казаков навечно выбыли из строя. И никто не был застрахован погибнуть от остроконечной стрелы, выпущенной метким аборигеном.

«Федька Сумороков в прошлом во 197-м [1689] году на Анандыре реке от иноземцов убит. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля

в 9 день приверстан в ево Федькино место казачей племянник Матюшка Брагин в холостой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 22 об.].

Обратили внимание на место, куда должен быть направлен Матюшка (Матвей) Брагин?

В Анадырский острог.

Но туда открыты пути-дороги из разных мест. На Камчатке в 1720-х годах в Верхнекамчатском остроге находится посадский человек Григорий Брагин. В Охотск командирован в 1748 году из Верхоленска казак Федор Алексеев сын Брагин.

В тот же год посланы на Чукотке две сотни драгун из Тобольска. И среди них вполне могли тоже быть Брагины. Мы проверили — в Сибирском новоучрежденном драгунском полку служили в этот период Фрол и Трофим Брагины. В Тобольском пехотном полку — Моисей (умер в 1753 г.) и Марк Брагины.

Кстати, выборка из списка Тобольского полка показала, что солдаты этого полка были командированы в Анадырь, например:

«Анадырская экспедиция:

Осип Ефремов — 31 год, в службе с 738 г., ис казаков г. Томска, холост, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22-го дня, в штрафах был в 742 г. … с солдатами Никифоровым Рытниковым с товарищи и за то при собрании полку бит ботогами.

Андрей Черкашенин — 30 лет, в службе с 740 г., из казачих детей г. Тоболска деревни Пановой, холост, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22-го числа.

Иван Завьялов — 33 года, с 742 г., из рекрут ис крестьян Ялуторовскаго дистрикту Погорелской(?) слободы, женат, детей мужска полу нет, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22 числа.

Леонтей Попов — 27 лет, с 740 г. марта 16 дня, из драгунских детей Царева Городища; холост; в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22 числа.

Ивана Белскаго служитель Марко Кондратев — в командировании в секретной партии в Анадырску при оном порутчике Белском 748 г. марта с 28 числа» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478].

Но мы не находим солдат Брагиных на Чукотке.

Мы находим… казаков.

1761 год. Гижигинская крепость. Казак Иван Андреев сын Брагин [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 13. Л. 9].

Но, как обратила наше внимание автор письма, — в Гижигинской крепости жили не казаки, а мещане Брагины.

И поэтому все предыдущие версии нам с вами нужно свернуть. Солдаты после окончания срока службы возвращались на свою малую родину. А казаки сибирские несли свою службу до смерти, и ее наследовали (если не переходили в регулярные войска) потомки.

И вот тогда (в принципе, гораздо раньше, когда я очень плотно занимался историей Русской Америки и готовил к изданию две свои книги — «Покорители Великого океана» и «Встречь солнцу») родилась одна идея.

Суть ее заключается в том, что в 1762 году на острове Уналашка погибли экипажи четырех промысловых судов, спаслось всего несколько человек — частью коренные камчадалы, частью русские промышленники.

И было подозрение, что восстание алеутов на этом острове кто-то спровоцировал. Возможно, те из русских, кто и остался жив, кто был заранее готов к этому бунту и каким-то образом обезопасил себя и сохранил жизнь, когда погибло около двухсот человек.

Русских было трое. Все они были из Тотьмы — Степан Корелин, Дмитрий Брагин и Григорий Шавырин.

Григорий Шавырин вскоре умер.

А вот дальнейшую судьбу Степана Корелина стоит обсудить.

Оценка его промысловых успехов свыше всяких похвал:

«Среди удачливых мореходов из числа вологжан следует отметить уже известных по плаванию с мореходами Степаном Глотовым и Иваном Коровиным в качестве рядовых компанейщиков тотьмичей Дмитрия Брагина и Степана Корелина. Последний более 15 лет находился в морских вояжах и на промыслах. В 1762 году он отправляется компанейщиком на судне “Захарий и Елизавета” и в течение четырех полных невзгод и лишений лет участвует в ведении промысла на острове Уналашка. В 1777 году Степан Корелин снова отправляется к островам, уже в качестве морехода. В 1782 году, через год после возвращения с Андреяновских островов, он вновь уходит в плавание на Лисьи острова мореходом на этом же судне и находится на промысле до 1791 года».

Вроде бы ничего не произошло.

Но это только для невнимательных глаз.

На самом деле произошло нечто важное: в 1812 году (это мы нашли в документах, а произошло гораздо раньше) бывший посадский города Тотьма Вологодской губернии Степан Корелин записан… мещанином города Нижнекамчатска.

Есть такие судебные вердикты: приговорить «к ссылке в Камчатке вечно».

И не такой ли приговор был вынесен и в отношении тотемского крестьянина Дмитрия Брагина — и не потому ли многие из потомков гижигинских Брагиных облюбовали для своего постоянного места жительства долину реки Камчатки, село Ключи, откуда, возможно, и была родом их мать и с жителями, которых их связывало общее родство?

Конечно, это вопрос?

Но давайте проследим судьбу Корелиных:

1 колено

Степан Карелин

2 колено

Карелин Григорий Степанов (1795), Нижнекамчатск, мещанин, 1812 г.

Ж. Параскева Игнатьевна

3 колено

Карелин Игнат Григорьевич (1844), Петропавловский мещанин

Ж. 1 (с 1867 г.) Бобрякова Анна Петровна (1845), дочь мильковского крестьянина
Ж. 2 Александра Павловна (1861)
4 колено
Карелина Евгения Игнатьевна
Карелин Семен Игнатьевич (1875)
Карелина Елена Игнатьевна (1876)
Карелин Михаил Игнатьевич (1883)
Карелин Павел Игнатьевич (1886), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., репрессирован в 1932 г.
Ж. Плотникова Улита Николаевна (1888), дочь крестьянина с. Мильково
Карелина Нина Игнатьевна (1890)
Карелин Семен Игнатьевич (15.12.1913)
Ж. Мария Анисимовна
5 колено
Дети Корелина Павла Игнатьевича
Карелина Наталья Павловна (1922)
М. Толман
Карелин Валентин Павлович (18.09.1926–1976), с. Мильково, участник войны с Японией (1945 г.)
Дети Корелина Семена Игнатьевича
Корелин Павел Семенович (15.12.1913), с. Мильково
Карелин Семен Семенович (1919), участник войны с Японией
Карелин Петр Семенович (1922)
Карелин Игнат Семенович (1926), участник войны с Японией

Почему Брагин избрал именно Гижигинскую крепость для своего постоянного места жительства?

На этот вопрос тоже есть ответ.

Об этом пишет весьма знающий человек – временно исполняющий обязанности командира Охотского порта князь Александр Егорович Шаховской:

«Цветущее состояние Гижиги было в промежутке времени от 1775-го до 1800-го года. Тогда прибыточный вымень звериных кож у инородцев привлек туда из России многих торговых людей. Стоявшие около крепости в близком расстоянии Коряки с бесчисленными табунами оленей доставляли оной изобилие во вкусном оленьем мясе и в мехах. Деятельная торговля щедрою рукой рассыпала богатства на сие новое поселение. Довольство вещей и самого золота везде было приметно. Но с 1800-го года произошел там весьма приметный упадок в торговле по причине откочевки Коряков от Гижигинской крепости, из которых иные удалились в северные места к реке Анадыру, другие перешли в Камчатку, к Тигильской крепости».

Как раз то время, когда деятельность купеческих промысловых экспедиций на Тихом океане сворачивалась в связи с тем, что этот промысел монополизировался — сосредотачивался в руках будущих создателей Российско-Американской компании и нужно было искать новые прибыльные места, связанные с пушниной — и лучшего места, чем Гижига, тогда просто не представлялось:

«Прежде сего в Гижигинской крепости золотая и серебряная монета были весьма обыкновенны. Притом, от изобилия во всем, большая часть жителей носили шелковые фанзовые рубашки; женщины одевались в парчовые епанечки с богатым меховым воротником, на голову повязывали шелковые платки, золотом и серебром шитые, и не только перчатки, но даже комнатные оленьи сапоги украшали искусным золотым и серебряным шитьем; Козаки имели на куклянках стоячие собольи воротники, а на подоле оных бобровую опушку; наконец все без изъятия привыкли к употреблению чая. Теперь осталась одна тень прежнего изобилия».

Но уже были пущены корни.

Купец Прокопий Брагин (может быть, действительно Дмитриев сын?) имел троих наследников — Александра, Прокопия и Матвея.

И.Ю. Понкратова и А.В. Береговых в своем исследовании «Население города Гижигинска в XIX – начале XX веков (на примере реконструкции генеалогии семьи Брагиных)» сделали следующие выводы:

«Первая ветвь гижигинских Брагиных берет начало с купца Прокопия Прокопьевича Брагина (1800–1862) и насчитывает как минимум 118 человек (49 мужчин, 69 женщин)».

«Вторая ветвь — линия Александра (1789–11.02.1865) (брата П.П. Брагина) — менее многочисленна. Общее количество его потомков в XIX – начале XX вв. составляет около 50 человек».

Я полагаю, что авторы поспешили сделать свои выводы, хотя у них в руках и была подсказка, но они ею не воспользовались или воспользовались только в той ее части, которая работала на их вывод по части населения Гижиги. Но ведь факт того, что часть гижигинцев перебралась в Анадырь и основала там село Марково, а другая — гораздо более значительная по количеству потомков часть, перебралась на Камчатку — в Тигиль и Ключи, не отрицает причастности тигильских, анадырских, ключевских Брагиных к их гижигинским наследственным корням? А как быть с теми потомками Брагиных, которые идут по женской линии — а мы покажем сегодня, с какими камчатскими и гижигинскими фамилиями породнились Брагины, и тогда эта цифра возрастет многократно.

Нет, я не хочу сказать, что вывод сделан неправильный.

Это просто еще только часть вывода.

Потому что на самом деле родовая ветвь Александра Прокопьевича Брагина, возможно, даже «погуще» в своих ветвях и корневой поросли, чем ветка его родного брата Прокопия Прокопьевича. А ведь есть еще, пусть менее могучая, но так же достойная нашего самого пристального внимания ветвь Матвея Прокопьевича.

Ну, а теперь перейдем-ка к свадьбам.

Гижига, 1861	Попова Дарья Захаровна (1829), дочь мещанина. М. (24.02.1861) Брагин Прокопий Прокопьевич (1800), гижигинский купец 3-й гильдии
Гижигинская крепость, 1861	Подымахин Марк Андреевич (1840), гижигинский мещанин, Ж. (12.06.1861) Брагина Матрона Прокопьевна (1827), дочь купца 3-й гильдии Прокопия Прокопьевича Брагина
Гижигинская крепость, 1862	Красовская Евдокия Дионисьевна (20.10.1843) М. (28.10.1862) Брагин Андриян Александрович (1832), гижигинский мещанин
Гижигинская крепость, 1865	Русанова Елена Михайловна (18.05.1845), дочь гижигинского купца Михаила Диомидовича Русанова М. (с 10.10.1865) Брагин Матвей Прокопьевич (1839), купеческий брат
Гижига, 1869	Воробьева Татьяна Васильевна (1852), дочь купца Воробьева Василия Ивановича, с. Гижига М. (с 1869) Брагин Николай Прокопьевич (1838), гижигинский купец 2-й гильдии
Харчино, 1870	Сновидова Параскева Георгиевна (1843), Харчино М. (с 1870 г.) Брагин Власий Александрович (1816), Гижига, мещанин, второй брак
Тигиль, 1878	Жених: сын тигильскаго лекарскаго ученика Иоанна Миронова, исправляющий должность причетника Тигильской церкви кантонист Афанасий Иоаннов Миронов, пр. исп., первым браком, 24 года Невеста: дочь гижигинского мещанина Иннокентия Прокопиевича Брагина девица Елена Иннокентиева Брагина, пр. исп., первым браком, 20 лет Св. Илия Коллегов
Сероглазка, 1872	Крупенин Егор (Георгий) Васильевич (1872–1916), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Ж. Брагина Матрена Иннокентьевна (1872)
Козыревск, 1877	Ирина Яковлевна Чуркина (1877, Козыревск) М. Александр Васильевич Брагин, Ключи
Гижига, 1882	Кокоулина Александра Андреевна (1866), дочь гижигинского казака М. (с 03.11.1882) Брагин Илья Власьевич (1857), гижигинский мещанин
Еловка, 1882	Попов Алексей Хрисанфович (1862), Еловка Ж. (с 1882) Брагина Агафья Власовна (1866), Гижига, воспитанница мещанина Власия Александровича Брагина
Гижига, 1882	Трифонова Елена Иннокентьевна (1849), дочь гижигинского мещанина М. (с 09.05.1882) Брагин Иван Михайлович (1850), гижигинский мещанин
Петропавловск, 1893	Мирия Ильина, дочь Петропавловскаго 2 гильдии купца Ильи Брагина. Девица, пр. исп., 32 г. М. (с 20.07.1893) Феодосий Николин Косыгин. Мещанин г. Петропавловска Приморской области, пр. исп., первым браком 34 г.
Гижига, 1893	Падерина Евдокия Деевна, казачья дочь М. (с 30.06. 1893) Брагин Александр Андреянович, гижигинский мещанин
Анадырь, 1893	Брагин Павел Матвеевич, мещанин с. Анадырь, 72 года [1821 г.р.], его сын Иосиф Павлович (32 года [1861 г.р.]) и внук Андрей Иосифович (3 года [89 г.р.])
Гижига, 1900	Падерин Георгий (Егор) Деевич (? – 1900), управляющий делами Гижигинской команды, сотник Ж. 1 Ж. 2 (с 29.10.1900) Брагина Александра Андреевна, вдова гижигинского мещанина Ильи Брагина
Ключи, 1901	Брагин Александр Романович (1869) Ж. 1 Ж. 2 (с 08.01.1901) Чуркина Ирина Яковлевна (1878), дочь камчадала с. Козыревск Якова Ивановича Чуркина
Гижига, 1903	Аснашова Агриппина Кузьмина (1883), дочь мещанина М. (с 11.05.1903) Брагин Игнатий Андрианович (1881)
Тигиль, 1906	Брагина Анна Прокопьевна (1889), дочь вдовы гижигинского мещанина Брагина, девица Анна Прокопьева Брагина М. (с 17.09.1906) Косыгин Михаил Кириллович (1877), казак Тигильского казачьего отряда Камчатской команды
Гижига, 1907	Адолин Иоанн Николаев [1 бр., 28 л.], Нижегородский мещанин Брагина Екатерина Николаева [1 бр., 17 л.], дочь гижигинского 2-й гильдии купца Николая Прокопиева Брагина
Гижига, 1908	Подымахина Минодора Ивановна (1889), дочь гижигинского мещанина М. (с 24.01.1908) Брагин Власий Ильич (02.02.1885), в 1924 г. проживали в с. Левчик
Ключи, 1908	Крестьянин селения Ключевского Василий Кириаков Брагин, первым браком, 20 Дочь петропавловского мещанина Алексия Константинова Косыгина девица Валентина, первым браком, 17
Гижига, 1908	Собинина Анастасия Ивановна (1888), дочь мещанина М.1 М.2 Брагин Роман Андрианович
Ключи, 1908	Косыгина Валентина Алексеевна (1891) М. (с 1908) Брагин Василий Кириакович (15.03.1888), с. Ключи
Ключи, 1910	Попова Анна Измайловна (02.02.1891) М. (с 22.08.1910) Брагин Алексей Николаевич (1883), крестьянин, с. Ключи
Гижига, 1910	Беломоин Иван Васильевич (1886), гижигинский мещанин Ж. (с 17.01.1910) Брагина Мария Андриановна (1881), дочь гижигинского мещанина
Нижнекамчатск, 1910	Невеста: Брагина Феоктиста Николаева /Александрова/ дочь гижигинского мещанина, 20 лет Жених: Иоанн Глебов Сновидов, крестьянин с. Нижнекамчатск, 21 год

Тигиль, 1910	Невеста: Брагина Иулитта Прокопьева, дочь умершего гижигинского мещанина, 17 лет Жених: Илья Стефанов Негруц (временно проживающий крестьянин Бессарабской губер. Измаильского уезда, Килейской волости, села Хадут), 28 лет
Гижига, 1911	Баранов Никифор Николаевич, гижигинский мещанин Ж. (с 06.02.1911) Брагина Екатерина Ильинична (1891)
Гижига, 1912	Кокоулин Гавриил Федорович (04.01.1892) Ж. 1 (с 18.01.1912) Брагина Екатерина Васильевна (1889), дочь гижигинского мещанина
Гижига, 1915	Корюкин Ефим Ефимович (15.02.1894), в 1924 г. проживал в с. Левчик Ж. 1 (с 07.10.1915) Брагина Синклитикия Александровна (1894), дочь Александра Андриановича Брагина
Гижига, 1915	Новоселова Параскева Васильевна (12.05.1928) М. Брагин Иннокентий Михайлович (1915)
Гижига 1915	Колмакова Евдокия Ефимовна (1897), дочь казака М. (с 14.09.1915) Брагин Василий Иннокентьевич (1888), гижигинский мещанин
Гижига, 1916	Долгоколова (Долгополова) Анастасия Константиновна (1898) М. (с 10.02.1916) Брагин Никифор Иннокентьевич (1884), гижигинский мещанин
Козыревск, 1917	Брагин Георгий Кириакович (1896) Ж. (с 16.08.1917) Чуркина Екатерина Константиновна (1901), дочь камчадала с. Козыревск
Ключи, 1920	Гражданин сел. Ключи Ксенофонт Гурьев Ушаков, первым браком, 30 Умершего крестьянина сел. Ключи Александра Власьева Брагина, вдова Ирина Иаковлева, вторым браком, 42
Гижига, 1916	Овчинникова Евдокия Николаевна (02.11.1915) М. Брагин Прокопий Игнатьевич (1916), в 1943 г. проживал в с. Арестово
Ключи, 1927	Кречетова Ирина Владимировна (1910) М. (с 24.09.1927) Брагин Василий Васильевич (1910)
Арестово, 1943	Кудьярова Мария Ефимовна (22.07.1927) М. Брагин Прохор Власьевич (28.07.1921), в 1943 г. проживал в с. Арестово
Арестово, 1943	Котельников Александр Николаевич (03.03.1903), проживал в 1943 г. в с. Арестово Ж. Брагина Нина Игнатьевна (1911)
Арестово, 1943	Кокоулина Елена Гавриловна (19.05.1918) М. Брагин Иннокентий Игнатьевич (1911), в 1943 г. проживал в с. Арестово
Арестово, 1943	Русанов Василий Михайлович (10.04.1918), в 1943 г. проживал в с. Арестово Ж. Брагина Анна Александровна (1918)
Арестово, 1943	Трифонова Александра Илив. (1925) М. Брагин Иннокентий Михайлович (1915), в 1943 г. проживал в с. Арестово
Ключи, 1945	Попова Ирина Измайловна (1884), награждена медалью «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (супруга Дмитрия Кирьяковича Брагина)
Ключи, 1950	Коллегова Фрея Васильевна (1932) М. Брагин Владимир Васильевич (1930)

А ведь этот список далеко-далеко не полный…

БРЕХОВЫ

Интереснейшая и древнейшая русская фамилия. Точнее, прозвище.

Вроде бы обидное прозвище: брех — это собачий лай. Брехать — это лгать, говорить на человека напраслину, болтать попусту…

Но уже в роду одного из самых знаменитых боярских родов — потомков Андрея Кобылы, из которого вышли цари Романовы, была ветвь Кошки.

И у Федора Андреева сына Кошки Кобылина был сын — Федор Иванович Брех Кошкин.

Известен и достаточно многочисленный дворянский род Бреховых, занесенный в VI (самую древнюю) часть Родословной книги дворянства.

И не «собачий лай», «не напраслина» лежали же в основе основ этого мирского имени? Хотя, если это было имя-оберег, в который вкладывался как раз обратный (защитный от темных сил) смысл, тогда возможен и этот вариант…

Правда, не все так просто было и с дворянством.

В 1664 году разгорелся яростный местнический спор — спор о «правильном» месте в иерархической лестнице власти дьяков Артемия Ивановича Козлова и Василия Владимировича Брехова.

«На приеме английского посла В.В. Брехову велено было быть в “середней встрече”, а А.И. Козлову в “передней встрече”, что вызвало челобитье последнего. 9 февраля была проведена очная ставка, судили боярин князь Б.А. Репнин и дьяк С.С. Титов в Приказе денежного сбора (называвшегося также Приказом сбора пятой деньги), который они тогда возглавляли; записывал подьячий В. Никитин.

Оба дьяка предъявили родословные росписи, памяти о службах и обвинили друг друга в самозваном приписывании к дворянским родам. Судьи послали запросы в Иноземский, Конюшенный, Монастырский, Разрядный, Челобитенный приказы об их прежних службах.

Из Разрядного пришли подробные памяти — справки о службах обоих родов, а также копии более ранних местнических дел Козлова с дьяками Авраамием Кощеевым и В.В. Ушаковым.

Затем Козлов обнаружил, что сведения в памяти из Разряда сфальсифицированы друзьями Брехова, и подал свою, дополнительную роспись служб своей родни. Князь Б.А. Репнин, по мнению Козлова, был необъективен и держал сторону

Брехова; в конце лета 1664 г. Репнин и Никитин уехали на службу в Белгород и увезли документы с собой, попытавшись, видимо, замять дело.

Вновь назначенные судьи, видные приказные дельцы, думный дьяк Д.М. Башмаков и дьяк Ф.И. Грибоедов, перенесли дело в Разряд и добились его возвращения в Москву, о чем сохранилась большая переписка.

Репнин оправдывался тем, что дело у него якобы не приняли при отъезде, и "прикрыл" Никитина, не отпустив его в Москву. В 1668 г. дело продолжалось, перепроверялись некоторые материалы. За Козлова вступился весь его звенигородский клан, который в коллективной челобитной жаловался на Брехова; вне зависимости от истинной родственной близости этих городовых дворян к дьяку Артемию, подобные связи были взаимовыгодны — происхождение приказного дельца обретало зримую убедительность, а городовые служивые люди получали влиятельного родственника в высших кругах столичной бюрократии. Впрочем, "выше" Брехова Козлову стать не удалось. Позднее они оба служили во Владимирском судном приказе: Брехов — в 1669–1671, Козлов — в 1672–1674 гг., причем (судя по порядку написания их имен после судей) примерно в одинаковом ранге».

Что же касается первых сибирских Бреховых, то это были представители «Литвы» — Великого княжества Литовского — литвины или белорусы в самом начале 17-го столетия:

«Сохранились документальные свидетельства о тоболяках И. Любинском, И. Поступинском, Я. Федьковском, К. Оскорском, М. Вишневском, а также литвинах, служивших в Тюмени (И. Семенов), Березове (Ф. Волошенин, Н. Орехов, Н. Брехов, С. Луцкий), Пелыме (Л. Ядровский, К. Иванов, К. Грицков, Л. Игнатьев, Б. Захарьев, П. Михайлов, десятник Б. Волошенин), Сургуте (Я. Высоцкий, Я. Сергунов, Я. Шпаковский, Я. Плешевский), Таре (И. Мошкович, С. Михайлов, Н. Давыдков, Н. Аксенов, десятник Т. Петров), Томске (Г. Михайлов, А. Олфов, И. Сатковский)» [Солодкин Я.Г. «Литовские люди» на военной службе в Сибири в конце XVI – первой трети XVII века (к ранней истории формирования служилого населения Азиатской России)].

В Тобольске в 1689 году существовало «дворовое место пешего казака Ондрюшки Брехова» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6894. Л. 82 об.].

А вот Енисейск в 1680-х годах отметился Н. Бреховым — представителем торгового люда:

«По сравнению с 70-ми годами продажа крупными купцами "русских товаров" в Енисейске сократилась во много раз. На протяжении четырех лет, 1672/73 – 1675/76 гг., с продажи "русских товаров" в Енисейске было соответственно собрано десятинной пошлины на 1103, 2727, 1216 и 1857 руб.

В 1689/90 г. "русского товара" было продано в Енисейске девятью крупными купцами только на 2650 руб. (гость О. Филатьев, Н. Брехов, В. Команев, П. Микулин и др.), а в 1697/98 г. — четырнадцатью торговцами на 4573 руб. (из них гостями Филатьевыми и Л. Добрыниным, гостиной сотни И. Саватеевым, торговцами П. Норицыным, Я. Протопоповым, М. Поскотиным — на 3693 руб.). Значительная часть (1250 руб.) вырученных в 1697/98 г. денег была вывезена этими купцами в Туруханск, Иркутск и Нерчинск».

Григорий Спасский расшифровывает имя торговца Брехова:

«Доказательством тому, что во второй половине XVII столетия Сибирь приобрела уже важное экономическое значение для государственной казны, служит масса указов, трактующих о взятии пошлин в сибирских таможнях и городах.

30 генваря 1661 года повелено вместо прежней пошлины в 5 копеек с рубля взимать двойную, то есть 10 копеек, каковая пошлина вошла и в торговый устав, объявленный 22 апреля 1665 года. Сбор 5 копеек с рубля оставлен только для соболей, привозимых из Сибири, так как за них уплачивалась на месте десятина "и иныя многия проезжия пошлины". Это распоряжение однако, не исполнялось, как усматривается из прошения устюжанина Никиты Брехова с товарищи, поданного в 1683 году государям Иоанну и Петру Алексеевичам на то, что с соболей, привезенных ими в Москву, взята пошлина десятинная» [Сибирский вестник издаваемый Григорием Спасским, часть первая, Санкт-Петербург, 1818].

Свой Брехов появляется и в Якутске:

«Брехов Пронька — донской казак, сослан в Якутск в 1686 г.» [Софронов Ф.Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке]:

«В мае 1686 тобольский сын боярский Андрей Неприпасов … привез в Енисейский острог четырех донских казаков ("скованных") Сергушку Бочарова, Ивашка Попова, Никишку Федорова, Проньку Брехова. В том же году они были привезены в Якутск якутскими служивыми людьми с Максимом Муховлевым во главе».

Но наше внимание больше привлекла другая история: «30 декабря 1701 г. из Киренска отправили жалобу на Атласова сын боярский Козьма Мочехин и его "товарыщи" — казаки Афанасий Петров, Стефан Бобров, Евгений Аргунов, Лука Литвинец, Елфей Бреха и другие».

Это сообщение Н.Н. Оглоблина о ситуации с грабежом казаками Атласова купеческого судна с товарами и дебошем, устроенным этими казаками в Киренске.

Почему она нас заинтересовала?

Да потому, что в истории Дальнего Востока немалую роль сыграл не только сам служилый человек Тимофей Ефимов (а может, Елфимов) сын Брехов, но и его православный крестник — коряк Егор Брехов.

Но все по порядку.

Тимофей Ефимович прибыл на Камчатку, вероятно, в отряде пятидесятника Харитонова:

1719 год

«Летом, в июне, по распоряжению ландрата Ракитина отправлен в Камчатку боярский сын

Иван Харитонов. Ему велено произвести самое тщательное расследование касательно покупки служилыми людьми разграбленной юкагирами и коряками государевой казны, сделать попытку к покорению Курильских островов, слухи о богатствах которых постоянно приходили в Якутск, достроить в Охотске заложенное в 1718 г. "камчатским нарядом" судно и по дороге между Якутском и Охотском ставить зимовья, "чтобы людям в пути не было остановки, а якутам изнурения и разорения"». [Явловский П.П., Летопись города Якутска].

Вот что случилось далее в сообщении С.П. Крашенинникова:

«В 1719 году прислан был на смену тем приказчикам дворянин Иван Харитонов, который ходил в поход против немирных сидячих коряков на Паллан-реку, и в оном походе убит обманом: ибо коряки сперва приняли его честно, дали ясак и аманатов и, таким образом исплоша, за ужиною с несколькими человеками закололи; однако тот подлог не совсем им удался, ибо большая часть казаков, справясь, имели счастье из юрты выйти и изменников сжечь без остатка в остроге.

...1720 году в марте месяце вышепомянутой Иван Харитонов пошел в поход на впадающую в Пенжинское море Паллан реку в 50 человеках, чтоб живущих на оной реке иноземцов без бою к ясашному платежу привесть. И пришед на оную реку иноземцов без бою к ясашному платежу привел, а иноземцы не бились с ними для того, что они не войною их, но лукавством убить зговорились. И как помянутой Харитонов со служивыми вошел в иноземческую юрту, то они его, Харитонова, во время ужина с несколькими служивыми нечаянно побили, иные раненые служивые вон выбежали; которые были на отводном карауле, услыша о убивстве своего прикащика, всех их иноземцов в юрте сожгли».

А далее эту ситуацию излагает А.С. Сгибнев:

«...Якутский воевода Ракитин послал прикащиком на Камчатку и для приведения в подданство Курильских островов дворянина Ивана Харитонова. Ему, между прочим, предписывалось в Охотске достроить заложенное в 1718 г. камчатским нарядом судно, взять морехода и потребное число служилых из партии Ельчина и идти на Камчатку. По дороге же от Якутска до Охотска ставить зимовья, чтобы людям от пути не было остановки, а Якутам изнурения и разорения. Харитонов вышел 19 августа 1719 г. из Охотска в Большерецк с артиллерией, сколько мог вместить на судне. Перед отбытием своим в Камчатку он послал 4 августа в Якутск донесение о разных беспорядках в Охотске, возникших, по его словам, еще при жизни капитана Абыштова. Сентября 1-го Харитонов прибыл в Большерецк и избрал Верхнекамчатск для постоянного жительства, как по надежному острогу, так и по положению его. Находясь в феврале 1720 г. в Нижнекамчатске, он узнал от ясачных с р. Тигиля, что палланцы и лесные камчадалы не хотят платить ясаков и обещались убить сборщиков.

Эти слухи заставили Харитонова в марте месяце идти на изменников с 60 казаками и тигильскими камчадалами. Хотя возмутившиеся не показали сопротивления, однакоже, по совету тигильцев, Харитонов для осторожности отобрал у бунтовщиков оружие. Но, когда палланцы беспрекословно заплатили ясака, Харитонов отдал им оружие и расположился с своими казаками на ночлег в особой юрте. Камчадалы, дав заснуть русским, подступили к занимаемой ими юрте, вооруженные копьями, ножами и луками, напали на спящих.

Харитонова и 9 казаков закололи копьями и ножами, а 14 казаков ранили, остальные, схватив ружья, бросились на изменников и отмстили за смерть своих товарищей. Одни из камчадалов пали под оружием пробившихся из юрты казаков, остальные сожжены в юрте вместе с убитыми ими русскими.

Когда не осталось ни одного камчадала в Палланском остроге, русские заперлись в нем и не знали, что и делать, потому что им не известны были дальнейшие планы Харитонова. Камчадалы же ближайших острогов также разбежались, боясь мести казаков, не щадивших в подобных случаях ни правого, ни виноватого. Наконец, 2-го апреля, казаки дали знать о себе в Большерецк, а вслед за тем и сами благополучно возвратились в Нижнекамчатск».

Почему мы вспоминаем эту давнюю историю?

Потому что Степан Петрович Крашенинников в десятом своем рапорте Гмелину и Миллеру от 7 июня 1740 года сообщал:

«На Лесной, Кинкиле и Паллане реках живущие коряки от прочих сидячих коряк весьма разнствуют возрастом и крепостью и смелостью. И хотя оные ясак платят, однакож повольно почти и есть много таких, которые ясаку не платят, и во время ясашного платежа скрываются. Говорят весьма громко, и буде о чем речь начнется, то все кричат, а все одно. Они часто русских убивали, да и сего 1740 году посыланных к ним за ясашним збором убить хотели следующей ради причины. Нижнего Камчатского острога казачей сын Багуев прозванием, будучи на Пенжинском море, сказал ясашным мужикам, что де будет ясак збирать Нижнего острога зборщик Тимофей Брехов, которой де на Паллане, как убили Ивана Харитонова, был ранен и будет де обиду свою отмщать. Как эти вести до Паллана и Кинкили дошли, то кинкильские коряки собрались на Паллан и дожидались зборщика, чтоб его убить со служивыми. И хотя не сам Брехов за збором поехал, то однакож они намерение исполнить хотели, и исполнили б, ежели бы не розговорил тойон Паллана реки, а служивые между тем всегда караул имели, и так едва спаслися» [Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 95–109].

Но встреча все же состоялась: «В 1748 г. Алык (предводитель коряков. — *С.В.*) с 80 человеками пошел на Ямской острог; но ссора родовичей заставила его возвратиться в Ижигу с половины пути. В том же году он выжег Акланский острог, взял в нем пушку, ружья и порох. Из донесения по этому делу видно, что острог этот стоял на самой стрелке при впадении р. Аклана в Пенжину.

После того Алык с родовичами встретил на р. Чикане 25 июня отряд русских и тунгусов в числе 88 человек под начальством сержантов Брехова и Белобородова, высланных для усмирения бунта и успевших уже покорить чендонских инородцев. Русские напали на отряд Алыка и убили 17 коряк; многие побили себя сами, а Алык с остальными коряками убежал на р. Наяхану. Брехов отправился по его следам и на пути встретился с наяханскими коряками, которых было до 300 человек. В стычке с ними русские убили до 100 коряк, да тунгусский отряд под начальством Качибоя убил 10 коряк и 18-ть человек взял в плен. Оставшиеся в живых коряки отступили, закололи своих жен и детей и, напившись их крови для храбрости, снова вступили в отчаянную борьбу с русскими. Но вскоре были рассеяны. Одни из них уплыли на байдарках, а Алык с несколькими товарищами ушел на р. Ижигу, где у него был свой хорошо укрепленный острог» [Сгибнев А.С.].

В 1730-х годах Тимофей Брехов служил в Охотске. Его начальником был командир Охотско-Камчатского края ссыльный генерал Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев.

С прибытием в Охотск Мартына Шпанберга – одного из трех руководителей Второй Камчатской экспедиции – началась яростная борьба за власть.

В этой книге мы приводим многочисленные документальные свидетельства той жестокости, которую проявлял Мартын Шпанберг по отношению и к казакам, и к крестьянам, и к самому охотскому начальству.

Вот только один из примеров его жестокости, связанный с нашим героем:

«Рапорт Скорнякова-Писарева в Сибирский приказ, в котором он оправдывает свое невыполнение инструкций вмешательством Шпанберга в дела Охотского порта (*7 ноября 1737 г.*)

…А в приезд мой в Охоцк те оставленные от меня управители в репортах своих мне об[ъ]явили: вышеписанных де повеленных им указом Ея Императорского Величества дел исправит[ь] они не могли за взятьем капитаном Шпанберхом на работы к себе немалого числа служилых людей и пеших тунгусов. И получа де вышепоказанной указ, ему, Шпанберху, они, управители, ответствовали писменно, что де им на работы к нему людей давать не велено. И с тем де ответом ходил к нему, Шпанберху, из них, управителей, сержант Тимофей Брехов, которого де он, Шпанберх, в квартире своей бил, говоря: “Ежели де ты людей мне не отдашь, я де тебя до смерти уб[ь]ю”. И бив, взял в прибавок к сороку трем человеком служилых людей, которые у него в то время работали, еще служилых же людей дватцать шесть человек, да тунгусов дватцать одного человека. А сколко по отбытии моем из Охоцка в Якуцк до приезду моего в Охоцк он, Шпанберх, на работы к себе брал и в которые времена у него сколко работали, тому приложен при сем реэстр» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1361. Л. 674–678].

У нас пока нет доказательств, но, исходя из преемственности казачьих чинов и должностей, которые, как правило, передавались по наследству мы вряд ли ошибемся, предположив, что сержант Матвей Брехов, приказчик Удского острога в 1773 году, затем унтер-офицер Олекминской городовой штатной воинской команды в 1784 г., переведенный затем из Олекминской в Якутскую городовую военную команду и умерший в Якутске в 1803 году, был сыном Тимофея Ефимовича Брехова [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 219, 394].

Как, вероятно, были либо его детьми, либо его внуками служившие в Олекминской штатной городовой военной команде Петр и Прокопий Бреховы [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 394, 405].

В 1738–1740 гг. Тимофей Ефимов сын Брехов участвовал в крестовых миссионерских походах священника Ермолая Иванова [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

Правда, его крестники позже не отличались особой религиозностью:

Так, толмач Василий Мохнаткин в рапорте сообщал, что «… в прошлом 752 (1752. — *Ред.*) году на реке Еловке в Харчинском остроге у тоена Ивана Брехова с родниками происходило шаманство …оные иноземцы к прежним своим богам приносят жертвы и мнимое претворяют себе щастие» [Колониальная полтика царизма на Камчатке и Чукотке, М.-Л.,1935].

Но некоторые из них вошли в мировую историю.

В 1771 году на Камчатке произошел знаменитый Большерецкий бунт, возглавил который ссыльный словак Август Мориц Беньевский. Ядром этого бунта были камчатские ссыльные — сосланные за подготовку дворцовых переворотов; зверопромышленники, которые должны были идти в Русскую Америку, на задержанные на два года на Камчатке, местные казаки, матросы и жители, в том числе и коренные.

Среди них был и коряк Егор Брехов.

Скорее всего, он был в числе этих самых зверопромышленников — так как коренное население Камчатки очень активно привлекалось к охоте на Алеутских островах.

Захватив казенный галиот, бунтари отправились на нем в Китай — и первыми в истории

российского мореплавания осуществили переход с Камчатки в Китай.

Здесь судно было продано, и уже на французских судах беглецы отправились во Францию.

По дороге выяснилось, что мотивация простых людей для участия в этом бунте оказалась ложной — Беньевский их обманул, заставив присягнуть царевичу Павлу при живой императрице Екатерине, пообещав красивую и счастливую жизнь на мифическом острове Свободы.

А финал этой истории нам расскажет В.И. Штейн в очерке «Самозванный король Мадагаскара»:

«19 марта 1773 г. Беньовский убедил 11 человек из команды последовать за ним в неведомую экспедицию. В числе этих удальцов оказались священнический сын Уфтюжанинов, бывший приказчик Холодилова Чулошников, два матроса, Андреянов (с женою) и Потолов, и шесть бывших "работных" Холодилова. Из остальных сотоварищей по странствию швед Винблад остался в Лориане и позднее уехал в Швецию, Хрущов вступил во французскую службу капитаном, Кузнецов — поручиком, а Мейдер лекарем; остальные же 14 или 18 русских беглецов, изверившись в Беньовском, выразили упорное намерение вернуться на родину и были отпущены командиром с нижеследующим аттестатом:

"Nous Maurice baron de Beniowsky, colonel, commandant le corps des volontaires de notre nom, au service de France, certifions a tous ceux qu'il appartiendra, que le nomme Jean Sibaeffest de bonne vie et moeurs, qu'il a servi tres fidelement pres de nous en qualite de volontaire, que desirant se retirer en Hongrie, sa patrie, prions tous ceux qui sont a prier de lui preter tous secours et assistance, pour lesquels nous serons reconnaissant.
En foi de quoi, lui avons delivre le present certificat pour servir a ce que de raison et avons fait approser en marque le sceau de nos armes.
A Lorient ce 4 Avril 1773.
Baron de Beniowsky".

"Мы, Маврикий, барон Беньовский, полковник и командир корпуса волонтеров, носящего наше имя и состоящего на службе Франции, свидетельствуем пред всеми, кому ведать надлежит, что предъявитель сего Иван Сибаев, хорошей нравственности, служит верно с честью и отличиями при нас в качестве волонтера. Так как он пожелал возвратиться к себе на родину, в Венгрию, то мы просим всех, кого надлежит, оказывать Сибаеву всяческую помощь и содействие, за что будем признательны.
В удостоверение мы Сибаеву и выдали настоящий аттестат для пользования в чем следует, с приложением герба нашего печати.
Лориан, 4 апреля 1773 г.
Барон де-Беньовский".

Аттестаты одинакового содержания выданы: Ивану Сибаеву, Свиридову Судейкину, Дмитрию Бочарову, Егору Ловцову, Кондратию Пятчинину, Алексею Мухину, Ивану Казакову, Егору Брехову, Василию Лапину, Петру Софронову, Якову Серебрянникову и другим.

По-видимому, командир не снабдил самозванных волонтеров на прощание достаточными средствами, и им из Лориана пришлось добираться до Парижа пешком. Претерпев там великую нужду, они прибегли к российскому резиденту Хотинскому, умоляя его исходатайствовать им прощение, и представили написанный рукою Судейкина журнал всего их морского путешествия, карту пути от Камчатки до Макао и список всей "собранной компании для имени его императорского высочества Павла Петровича".

В бесхитростной челобитной, поданной Хотинскому, беглецы объясняют просто и ясно все перипетии своих злоключений.

"Несчастие наше оттого, — пишут они: — что мы, слыша об имени наследника государя Павла Петровича, желали показать ему усердие, но в том мы обмануты таким посредством.

'В 1770 году присланы были из Петербурга пять человек арестантов, из них двое чужестранцев, а какие они люди, указа объявлено не было, и мы не знали, а сказывались они, что сосланы в Камчатку за государя Павла Петровича.

Из чужестранцев один назвался бароном, и все его почитали, а особливо присланные и командир его отменно предпочитали.

А мы искали ото всех помоги, он познакомился с нами и старался за нас у командира, а между тем из нашей компании одному объявил, что он несчастлив за то, что ваш-де государь желает сочетаться браком из фамилии римского императора, а я послан был с письмами, а государь до того не допускается. От государыни приставлен к нему караул, а меня, взявши с товарищами, послали в Камчатку, но тем счастлив, что мог сохранить данный мне конверт от вашего государя (которому я вернейший слуга) к римскому императору, а теперь вы имеете случай показать своему законному государю услугу, за что получите особливую милость, а при том вы от притеснения здешнего избавитесь, и хотя стараюся об вас, но ничто не успевается.

И как мы про сие узнали, то по простосердечию своему требовали от него, чрез какое средство можем мы государю услужить, а между тем от присланных об нем спрашивали, а особливо у Степанова, который с ним был, казалося нам, дружным, и ему мы верили, а все одинаково уверяли нас, что он знатный человек, и будто им клялся пред Богом, что подлинно прислан был от императора к государю Павлу Петровичу'.

И на том мы утвердилися.

Напоследок от называемого барона объявлено было нам, что мы имеем судно, то как совсем готово будет, то нас может взять, а я до европейских мест выпровожу, оттудова вы скорее в свое отечество возвратиться можете; мы охотно на то согласились, а в сохранении тайны мы и все присланные государю Павлу Петровичу присягли, а к пущему нашему несчастно прежде того времени компанейщик усилился, просил начальника, чтоб нас высек, а мы на него челобитную подали, а присланные присо-

ветовали, чтобы штурмана Чурина просили о защищении, а он нас безотговорочно принял, а зато командир штурмана Чурина и арестантов велел взять под караул, они не далися и призвали нас и сказали, что дело открылося, то де худо с нами воспоследует, а больше, что государь будет огорчен; мы не знали, что начинать, а сказали: как вы изволите, а мы слушаться рады и за государя помереть готовы; они начали командовать, о чем в Петербург писано, что взято в вояж и велели называться собранная компания для имени его императорского высочества Павла Петровича.

По претерпении столь дальнего и труднейшего вояжа, какова мы не воображали, нам сказали, что близко, а вместо того находились в превеликой опасности, но, приехав в Макао, называвшийся барон в губернаторе усилился, зачал нас бить, офицеров бранить, не велел молиться образам и по нашему креститься, велел называться унграми, — мы все терпели; наконец стал государя поносить, а сказывал про какова-то принца Альберта, что он ваш государь, а ту де присягу ни во что не считаю. Мы не знали, что делать, но из русских присланных — назывался капитан Степанов — ему всегда противоречил, а наконец объявил нам, что все то, видно, обман: в Гишпанию хотел ехать, а ныне отменил; едет с французами, а французы иметь будут войну с англичанами и потому французам люди надобны, а притом отдаст журнал, то де вред нанесут нашему отечеству, да и с приятелями драться своего отечества дурно, а вы неумышленно из Камчатки бежали и обмануты, в чем государыня, как она великодушна и рассудительна, конечно, простит, а когда против отечества станете воевать, то можно ли надеяться о милости, и показать глаз будет нельзя, а вы люди вольные — властны с ним ехать и властны не ехать.

После сего он (Беньовский) товарища своего, который назывался майором фон Бинблат, разругал и посадил под караул, а между тем изнасильничал девку, камчадалку-работницу Чурина, то люди за насилие стали роптать, а майор объявил капитану (т. е. Степанову), а капитан нам, что он его знатным человеком не знал, а знал его капитаном гусарским и по своим обманам он де и его довел до несчастия; он от императора и посылан вовсе не был, а одна выдумка, чтоб избавиться, и вас уверял и эту компанию хочет в Венгрии поселить на порожие. Тут мы просили майора, чтоб он нас от его рук избавил. Он хотя чужестранец, но, видно, честный человек, обещался так, как он клялся, стараться о нашей вольности и о возврате в отечество и объяснился он о том англичанам, а называемый барон хотел взять журнал, то мы не дали, и капитан сказал, чтоб не отдавать до тех пор, покуда из сената Макао кто будет для того, чтоб всем о таком насилии было известно, и потому де губернатор принужден будет отослать нас всех к королю в Португалию, а там переводчика сыщем и сможем объяснить сделанный обман.

А вместо того решилося тем, соперник наш всклепал на нас, что мы хотим городом завладеть, то собрался весь город брать нас под караул, в том числе и капитана и майора взял с собой епископ, а на другой день пришел называемый барон в квартиру, сказал нам, что всех в тюрьме поморю и перепытаю, ежели не дадите подписки, что вы идете под защиту императора римского, а капитана и майора сошлю в ссылку. Мы видели, что его губернатор слушает, мы, испужавшися, дали подписку, какую он хотел, то всех из-под караула выпустил и губернатор отдал нас ему в команду, а майора содержал два месяца под караулом, а капитан заупрямился, с ним не поехал и остался в Макао и потому насильно принужден живот свой мучить.

А ныне имели случай найти вас, как национального русского человека, покорнейше просим подать нам руку помощи, избавить от насилия, и мы желаем возвратиться в отечество, знаем великодушие государыни, что за нашу простоту помилует, а ежели и накажет, то нам лучше претерпеть от своей государыни, нежели от врага нашего отечества" (дело Беньовского. Рукоп. Имп. Публ. Библиотеки. Коллекция автографов и грамот, № 135,5).

…Препровождая к генерал-прокурору письмо о беглецах резидента Хотинского, императрица писала князю Вяземскому 2 октября 1773 года:

"Семнадцать человек из тех, кои бездельником Беньовским были обмануты и увезены, по моему соизволению, ныне сюда возвратились и им от меня прощение обещано, которое им и дать надлежит, ибо довольно за свои грехи наказаны были, претерпев долгое время и помучив свой живот на море и на сухом пути; но видно, что русак любит свою Русь, а надежда их на меня и милосердие мое не может сердцу моему де быть чувствительна. Итак, чтоб судьбину их решить наискорее и доставить им спокойное житье, не мешкав извольте их требовать от графа Панина, ибо они теперь в ведомстве иностранной коллегии, которая им нанимает квартиру, приведите их вновь к присяге верности и спросите у каждого из них, куда они желают впредь свое пребывание иметь, окроме двух столиц, и, отобрав у них желание, отправьте каждого в то место, куда сам изберет. Есть ли же все желали ехать паки в Камчатку, тем бы и лучше, ибо их судьба была такова, что прочих удержать от подобных предприятий (может); что же им денег и кормовых на дороге издержите, то сие возьмите из суммы тайной экспедиции".

Вследствие ясно выраженной державной воли канцелярист Судейкин и лишенный прав канцелярист, а затем казак Иван Рюмин с женою Любовью Савиной были устроены в Тобольске; а штурманский ученик Бочаров — в Иркутске, матросы Ляпин и Береснев опять поступили на службу в Охотском порте, матрос Софронов получил отставку и поселился в Охотске, равно как камчадал Попов и коряк Брехов, бывшие же "работные" Холодилова вступили в иркутское купечество. Вся партия отправлена была по назначению 6 октября 1773 г. и в конце того же года прибыла в избранные места поселения».

«Брехов Егор, "корякской породы". Вернулся из Франции в Россию. Желал быть в Охотском порту ясачным плательщиком. Определен в Охотск».

Польский историк Эдвард Кайданьский в ответ на мою публикацию в журнале «Вокруг света» [1990, № 1–2] под названием «Экипаж мятежного галиота» уточнял: «Добавлю только, что в 1794 году другой польский пленник, участник восстания Костюшко генерал Юзеф Копец, был сослан указом Екатерины II в Большерецк и там встретил Брехова и двух камчадалов — Сидора Красильникова и Ефрема Иванова, и те рассказали ему правду о своих приключениях с Бениовским на Камчатке и в пути из Камчатки в Макао. Этот рассказ, записанный Копецом со слов камчадалов в дневнике, поныне хранящемся в рукописи в одной из краковских библиотек, весьма отличается от приведенного Сгибневым следственного отчета».

Я бы, честно говоря, удивился бы, если бы они совпали…

БРЕЧАЛОВЫ

Известный в истории Иркутска купеческий род.

Вот что сообщает по этому поводу Иркипедия:

«Бречаловы — иркутские купцы XVIII – начала XIX века, выходцы из крестьян деревни Никифоровой Верховажской десятины г. Ваги. Предположительно Сергей, Трифон, Иван, Исак, Николай были родными братьями.

Сергей (1695), записан в иркутский посад в 1729 с сыном Иваном (1729). Торговал мелочным товаром. По 2-й ревизии (1744) значился в иркутских купцах.

Трифон, купец 3-й гильдии середины XVIII в. Женат на Авдотье (1714), дочери селенгинского дворянина Василия Фирсова. Имел крепостных людей. Стал первым бургомистром созданной в 1728 вместо магистрата иркутской ратуши.

Иван (1713), в 1740-х числился среди купцов.

Исак (1691–1752), записан в иркутский посад в 1730. Женат на крестьянской дочери. Дети: Варлам (1723–1745), Иасаф (1723); дети: Петр (1743), Андрей (1754), Прокопий (1755), Марья (1745), Михаил (1727). Марья в 17 лет вышла замуж за иркутского цехового. В 1740–1760-х семья Исака состояла в купечестве. В 1806 иркутским купцом 3-й гильдии с капиталом более 2 тыс. руб. был Прокопий Иасафович с детьми Андреем и Василием.

Николай (1710), записан в посад Иркутска в 1730. В середине XVIII в. — один из самых богатых купцов 1-й гильдии с капиталом более 30 тыс. руб. Состояние сколотил на контрабандной торговле с китайцами. В 1748 при очередном переходе границы недалеко от Кяхты был задержан с поличным — пушниной. На следствии выяснилось, что он неоднократно менял китайцам камчатскую пушнину, купленную им в Иркутске у тотемского купца Холодилова, на разные китайские ткани. В частности, после одной такой контрабандной сделки он получил тканей, по таможенной оценке, на сумму 6008 руб.

От наказания за контрабанду каким-то образом уходил и более того – за свою предприимчивость и смекалку пользовался авторитетом у иркутских купцов: трижды избирался ими в губернский магистрат бургомистром (1748–1750, 1755–1757, 1759–1760). Занимался винокурением. Пострадал от комиссии П.Н. Крылова. Был подвергнут пыткам. Первым из купцов, привлеченных по делу “о винных недоимках”, не выдержал истязаний и сделал на себя “ложное показание”: сознался в чрезмерном завышении цен на вино, от чего получил прибыль в 5 тыс. руб. Дабы выпутаться из следствия, дал Крылову взятку в размере 23 тыс. руб.

Григорий (ум. 1791), возможно, сын Николая. Жена Марья Федоровна (1795), дети: Алексей (1768), Алексей (1776), Иван (1777), Ефим (род. 1780), Анна (1784), Константин.

После смерти Григория его сыновья дела вели совместно и объявляли капитал по 3-й гильдии. Владели тремя домами. В 1791 в Иркутской духовной консистории разбиралось дело по жалобе жены Алексея Григорьевича Татьяны Дмитриевны на чинимые ей “тиранства и несносные обиды” от мужа и свекра. Она просилась “отойти” на время в дом своего отца, иркутского купца Дмитрия Яковлевича Пуляева. Духовные пастыри, рассудив супругов, взяли с них письменное обязательство жить в будущем сообразно законам: Алексей Григорьевич обязался “оную жену свою любить как самого себя и напрасно ее не бить, а содержать ее как долг христианский требует”, а Татьяна Дмитриевна обязалась же “оного мужа своего любить, почитать и во всем ему повиноваться, как должность супружества требует во всем непременно”».

В 1807 Бречаловы перешли из купечества в мещанское сословие. В начале же XX века фамилия Бречаловых и вовсе не значилась среди иркутских домовладельцев.

Литература

Бречаловы // Иркутск: Историко-краеведческий словарь / худож. С. Григорьев, Н. Кондратьева. — Иркутск: Сибирская книга (ИП Лаптева А.К.), 2011. — С. 76.

Зуева Е.А. Бречаловы // Историческая энциклопедия Сибири / Институт истории СО РАН. — Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. — Т. 1 (А – И). — С. 245.

Зуева Е.А. Бречаловы // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. — Т. 1 (А – Е). — Кн. 1. – Новосибирск, 1994. — С. 148–150.

Зуева Е.А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX в. — Новосибирск, 2007.

Шахеров В.П. Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах / В.П. Шахеров. — Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2006. — С. 20.

Шахеров В.П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири): монография / В.П. Шахеров. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 256 с.

Странно. Даже очень странно — такая огромная и весьма состоятельная семья к началу XX века полностью исчезает из числа иркутских домовладельцев либо растворяется (по женской линии) среди иркутского населения.

Благодаря скрупулезнейшей работе Андрея Владимировича Черепанова [Родословный справочник Иркутска 1665–1775 гг., Иркутск, 2021] и данных Иркипедии мы можем сегодня воссоздать поколенную роспись посадского и купеческого люда из династии важских крестьян Бречаловых.

	Бречалов Прокопий, государственный крестьянин г. Ваги Верховажской трети Погожской десятины дер. Никифоровской	Черепанов А.В., Справочник
1 колено		
	Трифон, купец 3-й гильдии середины XVIII в. Женат на Авдотье (1714), дочери селенгинского дворянина Василия Фирсова. Имел крепостных людей. Стал первым бургомистром созданной в 1728 вместо магистрата иркутской ратуши. Умер в период между 1734–1742 гг. В 1728–1729 гг. — бурмистр ратуши Иркутской канцелярии, в 1734 г. посадский, проходил по делу Жолобова, признан невиновным	Иркипедия; Черепанов А.В., Справочник
«Капиталист», иркутский журнал для предпринимателей № 2(2) Август–Сентябрь 2004 года. В 1722 году в Иркутске была открыта городовая ратуша, подчиненная тобольскому магистрату. Первыми иркутскими бургомистрами были Михаил Сухой и Семен Гранин. Через год вместо ратуши в Иркутске был учрежден магистрат. Бургомистры остались те же, а ратманами выбраны купцы Прокопий Верховцев, Иван Толмачев и Савва Котов. В 1728 году магистрат в Иркутске был закрыт, а вместо него учреждена ратуша во главе с бургомистром купцом Трифоном Бречаловым. Ратуша находилась в ведении Иркутской провинциальной канцелярии [http://new.hist.asu.ru/biblio/razgon/68-111.html]		
Дети Прокопия	Бречалов Исак Прокопьев сын (1691–1752), записан в Иркутский посад в 1730. Женат на крестьянской дочери. В 1806 иркутским купцом 3-й гильдии с капиталом более 2 тыс. руб. был Прокопий Иасафович с детьми Андреем и Василием Ж. Дарья (1684), дочь Ивана Лысковых, крестьянина Важских дворцовых волостей	Иркипедия
	Бречалов Осип Прокопьев сын, посадский Ильинского острога, селенгинский цеховой	
	Бречалов Сергей Прокопьевич (1695–1758), сын государственного крестьянина г. Ваги Верховажской трети Погожской десятины дер. Никифоровской (вероятно, Прокопей) записан в Иркутский посад в 1729, торговал мелочным товаром. По 2-й ревизии (1744) значился в иркутских купцах Ж. Овдотья Антонова дочь Шабалина, дочь посадского	Иркипедия
	Бречалов Николай Прокопьев сын (1710), сын государственного крестьянина г. Ваги Погоцкой десятины, в 1730 г. определен в Иркутский посад, в 1744 г. бургомистр, в 1754 г. посадский Ж. Фекла Семеновна (1719) В середине XVIII в. — один из самых богатых купцов 1-й гильдии с капиталом более 30 тыс. руб. Состояние сколотил на контрабандной торговле с китайцами. В 1748 при очередном переходе границы недалеко от Кяхты был задержан с поличным — пушниной. На следствии выяснилось, что он неоднократно менял китайцам камчатскую пушнину, купленную им в Иркутске у тотемского купца Холодилова, на разные китайские ткани. В частности, после одной такой контрабандной сделки он получил тканей по таможенной оценке на сумму 6008 руб.	Иркипедия
«Самым влиятельным из арестантов оказался один из фактических управляющих регионом помощник Вульфа (вице-губернатора) бургомистр Бречалов. Крылов всем продемонстрировал, что для него в городе нет авторитетов. “Акция устрашения” возымела действие. Ведь все горожане прекрасно знали, кто на самом деле руководил Иркутском. И вдруг этот человек оказался в кандалах. Под пытками и истязаниями Крылов вынудил бургомистра Бречалова показать, что вино, стоившее в выкурке от 50 до 60 копеек, иркутские купцы продавали за рубль, а излишки денег делили между собой. Арестованным членам магистрата Крылов предъявил ведомость, согласно которой недоимки казны составляли 800 тысяч рублей». Бречалов Николай — один из самых богатых иркутских купцов середины XVIII в. Занимался пушной торговлей, винокурением, брал казенные подряды на изготовление и продажу вина и водки. Будучи иркутским бургомистром, пострадал от произвола следователя П.Н. Крылова, являясь первым из купцов, привлеченных к делу «о винных недоимках». «Иван Иванович Замощиков был сыном тобольского дворянина, после назначения на должность полицмейстера перестал официально числиться в составе Якутского полка. Исходя из текста указа, на момент назначения он находился в Санкт-Петербурге, скорее всего, в качестве курьера иркутской администрации. И.И. Замощиков имел недвижимую собственность в Иркутске и, что менее характерно для сибирских дворян, имел крепостных. Часть из них была приобретена уже в должности полицмейстера в дополнение к полученным по наследству от отца и получена в качестве приданого за женой, дочерью иркутского сына боярского Ивана Пивоварова. Согласно свидетельству современника, 28 марта 1758 г. Замощиков прибыл в город, а уже 30 марта вступил в должность. В период деятельности сенатского ревизора П.Н. Крылова, во время одного из застолий, вступился за оскорбляемого Крыловым публично иркутского купца Николая Бречалова, причем конфликт дошел буквально до кулачного боя. Есть основание утверждать, что полицмейстер был одним из немногих должностных лиц иркутской администрации, которые выступали против превышения полномочий и самодурства Крылова при расследовании дела о винном откупе. Отстаивая интересы купечества, с которым он, по-видимому, был связан родственными узами, в отношении других горожан был достаточно жесток» [Шободоев Е. Во власти истории, Иркутск, 2009]		

	Бречалов Козьма Прокопьев сын	
	Бречалов Иван Прокопьев сын (1713), сын государственного крестьянина г. Ваги Верхневажской трети Погожской десятины, в 1742 г. определен в иркутский посад Ж. Пелагея Максимовна	Иркипедия
2 колено		
	Линия Исака Прокопьевича	
Дети Исака	В 1740–1760-х семья Исака состояла в купечестве	Иркипедия
	Варлам (1723–1754) Ж. Марья Васильевна	Иркипедия
	Иасаф (род. 1723), в 1745 г. купил у вкладчика Знаменского девичьего монастыря Василья Зимарева домовладение в приходе Троицкой церкви Ж. Евдокия Афанасьевна (вероятно, дочь Афанасия Лихачева, казака)	Иркипедия
	Михаил (род. 1727)	Иркипедия
	Линия Осипа Прокопьевича	
Дети Осипа Прокопьевича	Бречалов Никифор Осипов (1727), в 1757 г. переведен в Иркутск из посадских Ильинского острога	
	Бречалова Анна Осиповна (1733) М. Шумков Фома Григорьев, крестьянин Итанцынского острога	
	Бречалова Настасья Осиповна (1735) М. Собенин Михайло, посадский	
	Бречалова Агафья Осиповна (1738) М. Бахматов Иван, посадский	
	Линия Сергея Прокопьевича	
Дети Сергея Прокопьевича	Записан в Иркутский посад в 1729 с сыном Иваном (1729–1773) Ж. Анисья (1732), дочь купца Никифора Храмова, в 1773 г. вдова, вышла замуж за Ивана Мышина, присыльного из Балтийского флота	Иркипедия
	Татьяна (1729) М. Пахолков Иван, купец	
	Агрипина (1734) М. Литвинцов Петр, купец	
	Дарья (1740) М. Тохтуев Дмитрий, цеховой	
	Меланья (1741) М. Старцов Николай, дьячок Богоявленского собора	
	Наталья (1743)	
	Григорий (1747) Ж. Мария, дочь Федора Киселева	
	Параскева (1752) М. (с 1767) Чураков Иосиф, сын посадского	
	Линия Николая Прокопьевича	
Дети Николая Прокопьевича	Григорий (ум. 1791), возможно, сын Николая Жена Марья Федоровна	
	Дарья (1737) М. (с 1757) Мясников Иван, посадский	
	Линия Кузьмы Прокопьевича	
Дети Кузьмы Прокопьевича	Бречалов Иван Кузьмич (1736)	
3 колено		
	Линия Исака Прокопьевича	
Дети Иасафа	Петр (1743), в 1775 г. мещанин Ж. Агрипина (1735) Ивановна (вероятно, дочь Ивана Каргополцева, крестьянина Усть-Удинской слободы)	Иркипедия
	Прокопий старший	Иркипедия
	Марья (1745). В 17 лет вышла замуж за иркутского цехового М. Петр Первушин, иркутский цеховой	Иркипедия
	Андрей (1754), в 1775 г. в ходоках Земской палаты Ж. Марфа, дочь казака Максима Малкова	Иркипедия
	Прокопий младший (1755)	
	Линия Сергея Прокопьевича	
Дети Ивана Сергеевича	Парасковья (1755)	
	Иван (1757)	
	Фекла (1758)	
	Борис (1760), в 1775 г. в ходоках Земской управы	
	Линия Николая Прокопьевича	
Дети Григория	Анастасия (1763)	
	Алексей большой (род. 1766)	Иркипедия

	Григорий младший (1769)	
	Алексей меньший (1774)	
	Иван (род. 1775)	Иркипедия
	Ефим (род. 1780)	Иркипедия
	Анна (род. 1784)	Иркипедия
	Константин	Иркипедия
4 колено		
	Линия Исака Прокопьевича	
Дети Петра Иасафовича	Палагея (1765)	
	Николай (1766)	
	Парасковья (1771)	
	Иустинап (1775)	
Дети Прокопия Иасафовича	В 1806 иркутским купцом 3-й гильдии с капиталом более 2 тыс. руб. был Прокопий Иасафович с детьми Андреем	Иркипедия
	В 1806 иркутским купцом 3-й гильдии с капиталом более 2 тыс. руб. был Прокопий Иасафович с детьми … и Василием	Иркипедия

Причина появления иркутского посадского Бречалова более чем понятна. Вспомним о деятельности купца Николая Прокопьевича:

«Состояние сколотил на контрабандной торговле с китайцами. В 1748 при очередном переходе границы недалеко от Кяхты был задержан с поличным – пушниной. На следствии выяснилось, что он неоднократно менял китайцам камчатскую пушнину, купленную им в Иркутске у тотемского купца Холодилова, на разные китайские ткани. В частности, после одной такой контрабандной сделки он получил тканей, по таможенной оценке, на сумму 6008 руб.».

Стоило ли покупать пушнину втридорога в Иркутске, когда гораздо дешевле можно было ее приобрести на самой Камчатке. И хотя в переписи 1722/1748 года мы не находим на Камчатке посадского человека Бречалова, мы его находим совершенно в другом списке – в списке участников Крестовых миссионерских походов священника Ермолая Иванова, в которых значится имя Григория Бречалова.

И вот тут возникает интереснейшая генеалогическая «заковыка».

Если посчитать, что Андрею Владимировичу Черепанову посчастливилось собрать в своих «сетях» весь иркутский род Бречаловых, то тогда появляется закономерный вопрос: а откуда же появился в истории некий Алексей Григорьевич Бречалов… примерно 1736 года рождения? Да-да, в 1815 году, когда он стал военным поселенцем в Тигильской крепости, ему было 79 лет.

О нем же, вероятно, рассказывает и историк Г.Ф. Быконя в одной из своих книг [Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект), Красноярск 2007]:

«В глухих отдаленных уездах Восточной Сибири канцелярские чины нередко выполняли административные функции и в конце XVIII в. Так из формулярного списка 1799 г. казначея Нижнекамчатского уезда Ивана Матвеевича Балыкова, из казачьих детей, 51 года, явствует, что за 35 лет службы, начатой копиистом Охотской портовой канцелярии, он, будучи канцеляристом, замещал в 1772 г. секретаря Большерецкой канцелярии, в 1785 г. был секретарем же Нижнекамчатского нижнего земского суда, затем уездным стряпчим, а по нескольку месяцев в 1792–1794 гг. “оставался за городничего”, причем в первый раз — когда ему еще не пришел указ о присвоении ранга коллежского регистратора XIV класса чинов. Канцелярист же соседнего Акланского уезда 62-летний Алексей Григорьевич Бречалов, родом из казачьих детей, в течение 34-летней службы, так и оставшись в выслуженном через 13 лет ранге канцеляриста, выполнял в 1785–1789 гг. классные должности секретаря и в местном исполнительном органе, то есть нижнем земском суде, и в судебном — нижней расправе, а также был “командирован в должности казначея” в Большерецк».

Судя по возрасту — это сын Григория Николаевича.

И вполне возможно, что интересы Николая Прокопьевича на Камчатке (в том числе и с семьей Холодиловых) представлял именно Григорий Николаевич.

А его старший сын, по всей видимости, и стал родоначальником камчатской ветви иркутского рода сначала посадских, а потом большерецких крестьян Бречаловых.

Но не будем спешить, так как в 1771 году в Большерецком остроге во время Большерецкого бунта, поднятого камчатскими ссыльными во главе в Августом Беньевским и промышленными людьми того самого тотемского купца Холодиловым, с которым Бречаловы наладили весьма успешную контрабандную связь по сбыту американской пушнины, под горячую руку следствия попал посадский человек Моисей Бречалов, который вместе с другими людьми, ставшими невольными свидетелями бунта, были выведены в Иркутск, где их в течение двух лет допрашивали и переспрашивали, пока из столицы не пришел указ простить этих людей и зачтить им в знак погашение вины (того, что они ничего не предприняли против бунтовщиков) время нахождения под следствием.

Вот как об этом пишет А.С. Сгибнев:

«По итогу расследования не соблюдшим долга своего вменить в наказание двухлетнее их заключение и снова привести к присяге».

Вернулся ли Моисей на Камчатку, неизвестно.

Но поиски этого имени в Справочнике, как видите, ничего не дали.

Возможный ответ мы нашли в ревизских сказках Селенгинского дистрикта по итогам третьей переписи (1762 года). И вот какую запись мы обнаружили:

«Мосей Бречалов (51 год) [примерно 1711 г.р.] “в бегу с 748 года”».

А селенгинским цеховым в те годы был Осип Прокопьев сын Бречалов.

В принципе, это одна и та же семья. Поэтому и две камчатские линии Бречаловых — тигильская и большерецкая — это, скорее всего, общая линия иркутского рода Бречаловых, сохранившаяся на Камчатке.

И что мы здесь имеем?

Начальное камчатское колено	
Линия Моисея Осиповича	
Большерецкий острог, 1771	Бречалов Моисей Осипович (1711)
Линия Алексея Григорьевича	
Тигильская крепость, 1815	Бречалов Алексей Григорьевич (1736)
колено	
Линия Моисея Осиповича	
Большерецк, 1833	Бречалов Иван, Большерецк Ж. (вдова в 1893) Агриппина Ивановна (1833)
Большерецк, 1833	Бречалов Алексей, Большерецк Ж. (вдова в 1893) Агриппина Николаевна (1835)
Большерецк, 1833	Бречалов Тарас, Большерецк Ж. (вдова в 1893) Ираида Никитична (1839)
Большерецк, 1833	Бречалов Петр
Линия Алексея Григорьевича	
Тигиль	Бречалов Константин (Алексеевич?), Тигиль
	Бречалов Иннокентий (Алексеевич?), Тигиль
	Бречалов Василий (Алексеевич?), Тигиль
	Бречалов Иван (Алексеевич?), Тигиль
колено	
Линия Моисея Осиповича	
Большерецк Дети Ивана	Брячалова Мария Ивановна (1853) М. (с 04.04.1871) Толстихин Иван Васильевич (1851), отставной казак Тигильской команды
	Брячалов Василий Иванович
	Бречалова Асинефа Ивановна (1872–1899) М. (с 1892) Селиванов Николай Ильич, отставной казак
	Бречалова Анна Ивановна (1860)
	Бречалов Илларион Иванович (1858), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. Мария Дмитриевна (1863)
Большерецк, 1893 год: Брячалов (Бречалов) Илларион Иванович Крестьянин с. Большерецк, 35 лет Жена: Мария Дмитриевна (30). Дети: Иоанн (5), Анна (1). Братья его: Андрей (27), Георгий (20), Петр (24). Жена Петра Матрена Александровна (22), сын Николай (1). Мать их вдова Агриппина Ивановна Брячалова (60). Дети ее: Анна (33), Елена (30)	
	Бречалова Мария Ивановна
	Бречалова Елена Ивановна (1863)
	Бречалов Андрей Иванович (1866), староста с. Большерецк, награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте за формирование народного ополчения в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. (с 20.04.1903) Начнова Гликерия, дочь служащего по морскому ведомству
«Протокол. 1904 г. июня 28-го дня. 10 час. 30 мин. По полудни. Устье р. Апалы. Я, заведывающий обороной западного берега Камчатки от вторжения японских хищников старший унтер-офицер Сотников в присутствии нижеподписавшихся лиц составил настоящий протокол в подтверждение в силу следующих обстоятельств. В 9 час. утра подойдя к табору хищников, японцев, расположившихся на устье р. Апалы, на берегу увидели: около табора сложено в 2-х кучах до 300 кул. соли, растянут для просушки один невод и у берега в реке стоят 2 японских кунгаса, в одном из них собран невод, только что выбран из реки. Во время подхода к табору мною команде отдан приказ без надобности никто не должен употреблять в дело оружия. И вообще в команде должна быть тишина и спокойствие. Таким образом атаковав табор хищников, по команде “вперед ребята!”, японцы выбежали из табора, которые тотчас задержаны, в то время японцы закричали: “Типо! Типо! Хае”, обнажив кинжалы, которые были у каждого японца и пустились бежать от табора в сторону, видя такой поступок японцев, полагая, что они где нибудь имеют тайно сложенное оружие, а также голос их услышат со шхуны, где неизвестно нам, сколько там находится еще японцев, откуда может быть подана им помощь. Вследствие чего мною по убегающим хищникам тотчас же открыт огонь, а с готовым оружием в руках мы, 6 человек, я, Александр Максимов Селиванов, его сын Александр Селиванов, мещане Иван Ворошилов и Македон Ворошилов и камчадал Иван Панов отправились на шлюпке на шхуну, вооруженных людей, под командою кантониста Ивана Максимова Селиванова разместил в более закрытой местности, по берегу против шхуны и на случай выстрелов со шхуны во время нашего подхода к шхуне Селиванову приказал открыть огонь по шхуне, дабы мы под выстрелами могли вернуться на берег. Входя на шхуну, увидели четырех укрывшихся с саблями японцев, которые тотчас же убиты… Таким образом завладев шхуной, причем оказалось 20 японцев убито. Упромышлено в реке и погружено в шхуну до 12-ти тысяч рыбы “хайка” и “кеты”» (Шхуну «Сие-Мару» сожгли. Участники: большерецкий староста Андр. Бречалов, Павел Логинов, камч. Власий Панов) [РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 82].	
	Бречалов Петр Иванович (1869) Ж. (с 1892) Ворошилова Матрена Александровна (1871)
	Бречалов Георгий Иванович (1873–1908), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Дети Алексея	Брячалова Харитина Алексеевна (1861) М. (с 05.02.1889) Заочный Александр Ермолаевич (1860)
	Бречалова Екатерина Алексеевна (1863) М. (с 03.02.1889) Коршунов Николай Михайлович, петропавловский мещанин
	Бречалов (Бряцалов) Петр Алексеевич (1877), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.
	Большерецк, 1893 г.: Бречалов (Брячалов) Петр Алексеевич Крестьянин, с. Большерецк, 18 лет. Мать вдова Агриппина Николаевна (58). Сестра Екатерина (30)
	Бряцалова Фотина Алексеевна (1883) М. (с 1901) Заочный Клеоник Павлович (1874), житель с. Старый Острог
Дети Тараса	Бречалов Николай Тарасиевич (1864)
	Большерецк, 1893 г.: Брячалов (Бречалов) Николай Тарасиевич Крестьянин, Большерецк, 29 лет. Брат Александр (17). Мать их вдова Ираида Никитична Брячалова (54). Дочь ее Елизавета (12)
	Бряцалова Агриппина Тарасьевна (1867) М. (с 1884) Сторожев Мирон Феоктистович (1866), камчадал, с. Голыгино
	Брячалова Марфа Тарасьевна (1871) М. (с 19.04.1889) Дуринин Фотий Ерастович (1864)
	Бречалов Александр Тарасиевич (1876)
	Бречалова Елизавета Тарасиевна (1881) М. 1 Спешнев Василий Петрович, камчадал, с. Воровское
	Линия Бречалова Петра
	Бречалова Агриппина Петровна (1863) М. (с 1882) Игнатьев Петр Иванович (1861), крестьянин, с. Большерецк
	Бречалова Александра Петровна М. (с 1888) Селиванов Иван Максимович (1870), казак
	Бречалов Алексей Петрович, особенно отличился в Русско-японскую войну 1904–1905 гг., большерецкий староста, он был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за участие в боевых действиях в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (№ 171283). Был награжден также серебряной медалью «За усердие» (РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 2020, л. 55). Крестьянин с. Большерецка Алексей Бречалов ранен в левую руку при отражении десанта на р. Озерная, «служил примером своей неустрашимости и отваги. Серьезно ранен в левую руку и левую ногу пулями» (РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 82)
	Линия Алексея Григорьевича
Дети Константина Тигиль	Бречалова Наталья Константиновна (1888) М. Копылов Евстафий (Стахей) Копылов (1874), льготный казак Тигильского казачьего отряда
Дети Иннокентия	Бречалов Антон Иннокентьевич (07.01.1871), с. Тигиль Ж. Ульяна Тимофеевна (16.02.1870)
	Бречалов Семен Иннокентьевич (05.04.1877) Ж. Александра Ивановна (03.12.1883)
	Бречалова Анастасия Иннокентьевна (03.01.1887)
	Бречалов Лука Иннокентьевич (18.10.1896) Ж. Фекла Даниловна (12.08.1893)
Дети Василия	Бречалов Иннокентий Васильевич (1843), с. Тигиль Ж. (с 1880) Мохнаткина Дарья Саввовна (10.06.1866), дочь камчадала с. Палана
Дети Ивана	Бракосочетание Бречалов Семен Иванович, Тигиль. Ж. (с 11.01.1887)Арефьева Параскева Егоровна, камчадалка
	Бречалов Василий Иванович (1873–1893)
колено	
	Линия Моисея Осиповича
Дети Иллариона Ивановича	Бречалов Егор Илларионович (1873), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.
	Бречалов Иван Илларионович (1888) Ж. (с 01.07.1907) Сторожевская Анна Иосифовна (1882), дочь большерецкого псаломщика
	Бречалова Анна Илларионовна (1892)
Дети Петра Ивановича	Бречалов Николай Петрович (30.11.1892)
Брячалов Николай Петрович Дата рождения — 30 ноября 1892 года. Дата крещения — 30 ноября 1892 года. Родители — Большерецкого селения крестьянин Петр Иванович Брячалов и законная жена его Матрена Александровна. Восприемники — того же селения крестьянин Василий Иванович Брячалов и жена отставного казака Николая Ильича Селиванова Асинефа Ивановна. Таинство крещения совершал священник Григорий Коллегов	
	Бречалов Иван Петрович (25.12.1901), репрессирован
Брячалов Иван Петрович Дата рождения — 25 декабря 1901 года. Дата крещения — 26 декабря 1901 года. Родители — крестьянин Большерецкого селения Петр Иванович Брячалов и законная жена его Матрона Александровна. Восприемники — Петропавловский мещанин Александр Павлович Ворошилов. Таинство крещения совершал священник Агофопод Шипицын. В 1920 г. Иван Петрович закончил обучение в Петропавловском высшем начальном училище	

Бречалов Иван Петрович Родился в 1901 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Усть-Большерецк; камчадал; малограмотный; б/п; был продавцом АКОснабторга. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Апача. Арестован 9 января 1938 г. Приговорен: Усть-Большерецкого РО НКВД 14 февраля 1940 г., обв.: по ст. 58-2-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 22 декабря 1989 г. постановлением прокурора Камчатской обл. Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.	
Дети Петра Алексеевича	Бречалова Анна Петровна (16.02.1898) М. Аббакумов Иван Петрович, камчадал, с. Малка
	Бречалов Алексей Петрович (1900), репрессирован
Бречалов Алексей Петрович 1900 г.р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Усть-Большерецк; камчадал; образование: низшее; б/п; был членом рыболовецкого колхоза им. Сталина; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Ленино. Арест: 10.10.1937. Осужд. 14.02.1940 Усть-Большерецкого РО НКВД. Обв. по ст. 58-2-7-10-11 УК РСФСР. Приговор: из-под стражи освобожден. Постановлением УКГБ по Камчатской обл. от 5 февраля 1957 г. дело прекращено на основании ст. 4 п. 5 УПК. Реаб. 28.11.1989 постановлением прокурора Камчатской обл.	
	Бречалов Николай Петрович
	Брячалова Мария Петровна (04.06.1904)
	Бречалов Илья Петрович (1910), репрессирован
Бречалов Илья Петрович 1910 г.р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецый р-н, с. Большерецк; русский; образование: начальное; б/п; был военнослужащим (красноармеец); место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк. Арест: 02.10.1942. Осужд. 16.10.1942 Военный трибунал в/ч п/я №50. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 8 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 14.03.1990 определением Военного трибунала ДВО	
колено	
Линия Алексея Григорьевича	
Дети Антона Иннокентьевича	Бречалов Захар Антонович (07.02.1900), с. Тигиль Ж. Феврония Парфентьевна (05.06.1905)
	Бречалова Феодосия Антоновна (21.02.1902)
	Бречалов Фотий Антонович (27.03.1906)
Палана, 1922 г.: «Артимон Александрович Копылов попал в паланскую дружину, когда стало известно, что из Гижигинской долины в район должны прийти бочкаревцы. «В апреле месяце того года у нас под руководством Сарафанникова была организована боевая дружина для борьбы с белыми»: Алексей, Пантелей, Иннокентий и Петр Васильевичи Лонгиновы, Нестор и Вячеслав Николаевичи Лонгиновы, Африкан Петрович Лонгинов, Косыгины Василий Васильевич и Иннокентий Иннокентьевич, Федор Ефимович и Михаил Андрианович Мохнаткины, Захар и Фотий Антоновичи Бречаловы, Фирс Антонович Никифоров, Иван Федорович Шмагин, Василий Иванович Сновидов	
Дети Семена Иннокентьевича	Бречалов Данил Семенович (18.12.1887)
	Бречалов Гермоген Семенович (07.12.1905)
	Бречалова Мария Семеновна (14.08.1915)
	Бречалов Петр Семенович (09.01.1917)
	Бречалова Илария Семеновна (10.02.1919)
	Бречалова Дарья Семеновна (23.09.1923)
Дети Луки Иннокентьевича	Бречалова Анастасия Лукинична (10.10.1914)
	Бречалова Акилина Лукинична (10.06.1918)
	Бречалов Иннокентий Лукич (10.08.1924)
	Бречалова Анна Лукинична (15.10.1921)
Линия Моисея Осиповича	
Дети Николая Петровича	Бречалова Елена Николаевна
	Брічалова Ольга Николаевна (09.07.1916), участник Великой Отечественной войны
	Брічалов Валентин Николаевич (1921), участник Второй мировой войны
	Бречалов Севирион Николаевич (1926), участник Второй мировой войны, в 1985 г. награжден орденом Отечественной войны 2-й степени
Дети Ивана Петровича	Бречалов Антон Иванович (1942)
	Бречалова Зинаида Ивановна. М. Игнатьев
колено	
Линия Алексея Григорьевича	
Дети Захара Антоновича	Бречалова Мария Захаровна (1922), с. Тигиль
	Бречалова Тамара Захаровна (14.08.1924), с. Тигиль
	Бречалова Галина Захаровна (14.08.1924), с. Тигиль
Палана, 1927	О рождении 1927 год. Паланский с/с № Ф. Р – 220, оп. 1, д. 93 *№; дата рожд.; пол; имя и фамилия ребенка; место рожд.; имена и фамилии родителей; род занятий; пост. место жит-ва род-й; возраст род-й; который ребенок по счету; № стр.* 2; 14.01.1927; М; Иван Бречалов; селение Палана; Захар Бречалов, Феврония Бречалова; рыболовство, охота; с. Палана; 7.02.1900 г., 5.06.1905 г.; четвертый; 29

БРОДНИКОВЫ

Получается, что в первом томе книги «Тайны якутских фамилий» я допустил ошибку, полагая, что Бродниковы — это то же самое, что и Бронниковы.

Нет, это все-таки разные фамилии. С разной, соответственно, историей.

Историкам известно. Древняя история. [И.Р. Кохановсков]:

«1. В Хозарском каганате (VII век) были славяне. По словам академика В.Д. Грекова и профессора Нидерле *(Niederle)*, даже “много славян”.

2. В IX–XIII веках в Подонье жили люди — “языка славянского и веры Христианской” и назывались они бродниками.

3. В начале XIV века в Подонье появились казаки, той же этнической группы и веры.

О происхождении казаков в XVII веке создалась гипотеза, что это “беглые” из Московского государства, бежавшие по разным причинам оттуда, а свое название “казаков” “беглые” получили от татар. В дореволюционное время некоторые историки высказали гипотезу об автономности казаков. Из пореволюционных историков академик Греков, М.Н. Тихомиров, профессор В.В. Мавродин, Л.Н. Гумилев, В. Минорский, Н.М. Волынкин (кандидат исторических наук) и некоторые другие высказали гипотезу, что предшественниками казаков (в нашем понимании) были бродники.

Благодаря введению мною в научный оборот нескольких новых документов, из которых, по моему мнению, основным является Египетская рукопись от 1245 года, выше высказанная гипотеза академиком Грековым и другими переходит в теорию, и таким образом решается проблема происхождения казачества.

Откуда же взялись бродники?

Предшественниками бродников были славяне Хазарского каганата, и вот почему: Поляне, Северяне в свое время платили дань Хозарам. Жили они по сравнению со славянами Хозарского каганата более оседло, нежели все население последнего. Вот эти-то Поляне, Северяне, в отличие от своего образа жизни, дали хозарским славянам название бродников, от корня слова “бродить” — перемещаться; которое в течение определенного времени и укрепилось за последними.

В донских станицах до последнего времени бытует выражение: “и где ты бродишь”, то есть шатаешься, и т. д.

В конце IX века Баварский географ уже упоминает о славянах-бродниках, которые живут поблизости Хозар. Далее этот термин появляется в византийской, римской — папской, венгерской и русской письменности в отношении славянского населения Подонья, и в большинстве случаев бродники упоминаются вместе с половцами. По некоторым из приведенных данных, была и страна Бродиния.

Известно, что половцы пришли в Подонье в первой половине XI века. Из Египетской рукописи 1245 года мы узнаем, что в то время половецкому слову “казак” соответствовало славяно-русское понятие “*бродяга*” — одинокий. Указанную рукопись перевел на немецкий язык в 1894 году von M. Th. Houtsma под названием “Em tiirkisch-arabisches Glossar” nach der Leidener Handschrift, herausgegeben und edautert von M. Th. Houtsma, Leiden — E. J. Brill, 1894.

Эту рукопись знал и профессор Санкт-Петербургского университета Мелиоранский.

Из исторической литературы известно о совместном выступлении бродников и половцев, и нетрудно догадаться о причине исчезновения с исторической сцены бродников (последний раз, если не ошибаюсь, они появляются в 1254 году в документе венгерского короля Белы IV) и появления в тех же местах, той же этнической принадлежности группы — казаков. В самом деле, половцы на своем языке называют бродников «казаками», и естественно, что всякий человек, попавший в половецкую орду, слышал, как половцы называют бродников казаками, усваивал это название и распространял его далее. Это название в конце концов укрепилось за бродниками.

В русском языке половецкий термин “казак” был воспринят в другом значении — одинокого, ничего не имеющего человека в смысле наемной рабочей силы, а в письменность попал в этом смысле, как было приведено выше, в 1395 году.

В польской литературе у Стрыйковского этот термин зафиксирован в 1396–1397 годах в смысле “русские казаки” в Подонье.

В *Codex Cumanicus*, то есть половецком словаре, составленном, как предполагают, крымским генуэзцем в конце XIII века, половецкому термину “казак” соответствует понятие “сторож, сторожевой отряд”. Как видим, в значении термина “казак” отразилась в словаре того времени функция казаков в рамках Золотой Орды. Это подтверждается также митрополичьими грамотами на Червленный Яр Феогноста между 1334–1353 годами и Алексея — около 1360 года.

В 1308 году в Крыму имеется запись такого содержания: “имярек убили казаки”. Таким образом, с первой половины XI века до конца XIII века в Подонье и Крыму исчезает термин бродников, а появился термин “казаки”, что говорит за то, что половецкое название “казаками” бродников укрепилось за ними».

Но, оказывается, что это слово не ушло из нашего языка.

П.Л. Казарян в книге «Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг.» [Справочник, Якутск, 2020, с. 395] сообщает о первом Бродникове:

Это солдат Михаил Бродников (?–1800) из Олекминской городовой штатной воинской команды.

А затем в нашей дальневосточной истории появляются Парфентьевичи.

И первый из них оказался сначала на Камчатке:

«Нижнекамчатск, 1812 год.

Штатские

Почтовой экспедиции помощник экспедитора 14 класса

Бродников Семен Парфентьевич (1780)

Ж. Акилина Петровна (1779)» [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4, л. 10 об.].

«Якутск, 1820 год.

Якутского провиантского комиссионерства
казначей

Бродников Семен Парфентьевич, коллежский секретарь, титулярный советник (с 31 декабря 1824 г.), 1820–1826 гг.» [Казарян П.Л., стр. 426].

«Якутск, 1830 год.

Якутский казачий полк

Бродников Зосима [Парфентьевич], пятидесятник на уряднической вакансии, вторая сотня» [НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 1- I].

«Якутск, 1840 год.

Атаманы и управляющие Якутского городового казачьего полка (с 22 июля 1822 г.), Якутского пешего городового казачьего пока (с 21 июля 1836 г.).

Бродников Изосим (Зосим) Порфентьевич, сотник 12 класса, атаман 9 класса (с 29 ноября 1840 г. по 19 июня 1844 г.). Атаман полка. Удален от должности. За разные злоупотребления разжалован в солдаты.

Сотник 12 класса с 2 сентября 1837 г., атаман 9 класса — с 28 апреля 1844 г.

И.П. Бродников отправлен на службу в Отдельный Оренбургский корпус (в ноябре 1848 г. уже был в корпусе), откуда вернулся в г. Якутск 24 ноября 1865 г. и вышел в отставку в звании унтер-офицера. Скончался 13 марта 1877 г. в 1-м Одейском наслеге Намского улуса Якутского округа, где имел домообразование и хозяйство. Жена Наталья Алексеевна (во втором браке)» [Казарян П.Л., стр. 476–477].

У Семена Парфентьевича был сын Константин (1810) [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4, л. 10 об.].

Сын Изосима Парфентьевича от первого брака — Евтропий Изосимович Бродников — в 1877 г. служил пятидесятником в Якутском пешем городском казачьем полку.

И были дочери от второго брака — Параскovия (1828), Евдокия (1831), Татьяна (1838) [Казарян П.Л., с. 476, 477].

В 1830 году, когда Зосим Парфентьевич был еще пятидесятником, правда, уже на уряднической вакансии во второй сотне Якутского казачьего полка, в первой сотне в рядовых казаках служил Конон Бродников, о котором мы пока еще ничего не знаем.

Собственно, мы пока не знаем и о том, как в дальнейшем сложилась судьба потомков атамана Бродникова.

Да, и судьба самого Зосима Парфентьевича была незавидной, как, впрочем, и многих якутских атаманов, имевших только звучный казачий чин, который, по сути, ничего не значил в системе военной номенклатуры дворянской России:

«…якутский атаман постепенно превращался в незначительного чиновника, но судьба многих якутских из них заканчивалась печально. Скажем, прослуживший до старости атаман А.И. Нарицын умер в больнице и похоронен за казенный счет; Н.В. Чокуров по выходу в отставку ютился в полковой сторожке, кормился подачками казаков и был похоронен за их счет. З.П. Бродников сенатской ревизией был обвинен в злоупотреблениях по службе, притеснении казаков и осужден к ссылке в тобольский батальон рядовым; К.Р. Киринский не смог возместить недостачу полковых денег, совершенную офицером Корытовым, и самоубился; К.Г. Шахурдин умер, прослужив 20 лет, а жене его назначили пенсион в 47 рублей; другой Шахурдин А.С. по доносу два года находился под следствием и вышел в отставку» [Коваленко А.И. Роль исторических личностей в становлении казачества Восточных окраин России (Благовещенск)].

БРОННИКОВЫ

Дальневосточная история Бронниковых начинается с Якова:

«В августе 1647 года енисейский сотник Максим Перфильев и тобольский пятидесятник Ларька Едомский на Ленский волок привезли около 30 ссыльных семей. В том числе присланы на службу: дети боярские, тверичи Сенька Епищев с женой и Ивашко Епищев, человек стрелецкого головы Ивана Бечечева Ондрюшка Федоров, стрельцы Богдашко Карпов, Гришка Черноус, Мишка Чаколка, Мишка Чернычонок с женой, Яков Бронник, Васька Скоробогатый, казанские “тюремные стрельцы”, — Друин Трофимов, Семейка Скоморох и Овдюшка Бочкар; на пашню: калужанин Демка Дуров, подъячего приказа Большого дворца Юрия Блудова человек Лазарько Григорьев с женой и с детьми, поп Иван Федоров. Из прибывших около десятка семей устроены на чечуйской пашне, остальные записаны на службу».

Далее:

«Вниз по течению на левой же стороне в 7-ми километрах, а по суше почти рядом с заимкой Тимошки Буторина при поселении второй партии черкасов возникла заимка с названием Кривая Лука.

…В 1648 году на эту же заимку поселили в пашню русского ссыльного стрельца Якушку Бронник» [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях XVII века].

Но уже в следующем году ситуация резко поменялась:

«Воевода [Илимского воеводства] Т. Шушерин писал в Москву:

“А в прошлом государь во 157-м (1649) году воевода Дмитрий Францбеков, будучи на Ленском волоку в Ылимском остроге, взял к себе во двор ссыльных черкас Илимского уезду с великие реки Лены выше Чечюского волоку ис Кривой Луки с пашен Якунку Бронника, Карпунку Игнатьева”».

И снова ситуация меняется самым коренным образом:

«Да в нынешнем во 158-м [1650] году апреля в 4 день по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова приверстаны в государеву службу ссыльные люди которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михаиловича всеа Русии грамотам велено быть в государеве службе на выбылые места а иным в пашне и в Якутцком остроге пашенных мест и служилых

…Якунька Бронник» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 110 об.].

А поверстан был бывший (вероятно, московский) стрелец в оклад, который не мог не ввести нас в заблуждение:

«Служилые люди которые поверстаны в государеву службу в прошлом во 158-м [1650] году в тобольской оклад денег…

Якунька Бронник» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 40].

А далее след обрывается.

Если Агафонко Яковлев Бронников — сын Якуньки, то он по неизвестной нам причине в 1669 году является рядовым служилым человеком с окладом «денег 5 рублев», но уже по Енисейску [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 330 об.].

А в Якутии в это время входил в силу некий Васька Бронник, впервые отмеченный в документах за 1661 год [РГАДА ф. Якутская приказная изба, ст. № 2144, лл. 4–7].

В 1669 году Василий подписал поручительство по сыну землепроходца Михаила Стадухина:

«Се яз служилые люди Василей Бронник, Багдан Иванов, толмач Марко Кирилов, Иван Леонтиев Хворой поручилися есми приставу Дмитрею Алексееву по кабале по Нефоде Михайлове сыне Стадухине в статье в том, отпущен он, Нефед, из Якутцкого острогу на государеву службу на Маю, и как он, Нефед, будет в Якутцкой острог, ему, Нефеду, за нашею порукою ставитца в съезжей избе по вся дни до вершения судного дела от исца атамана казачья Семена Дежнева по кобале во штинатцати рублех. Из Якутцкого острогу за нашею порукою ему, Нефеду, не сотти, не сбежать. А буде он, Нефед, за нашею порукою не учнет ставитца в Якутцком остроге в съезжей избе до вершения судного дела или из Якутцкого острогу сойдет, или збежит, на нас, на порутчиках, исцев иск и порука, а которой нас порутчиков будет в лицах, на том и порука вся сполна нерозвытно. На то послух Якутцкого острогу площадной подъячей Вахрамей Максимов сын Олександров. Поручную писал Филька Юрьев сын Рычков 177-го году июля в 26 день» [Бахмутов В. Жизнь и судьба Семена Дежнева].

Но вот в чем проблема — одновременно в Якутске служили два Васьки Бронника.

Первый:

«Роспись служилым людем, каторые посланы в Якутцкой острог за государевою соболиною казною с сыном боярским с-Ываном Ерастовым:

Андрюшка Федоров Пан, Васька Варфоломиев Бронник, Потапко Данилов, Гришка Черной, Никифорко Мощильцов, Софонко Симанов, Ивашко Белокопыт, Мишка Коновал».

И это, скорее всего, был тот Васька, на которого пришла жалоба в 1666 году «Анюйского хребта ясачных иноземцов на служилого человека Василия Бронника и колымских якутов, ограбивших их и увезших их аманатов из нового ясачного зимовья на реке Анюе в старое зимовье на реку Колыму», о чем сообщалось в сборнике «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. [Сборник архивных док-в. Л. Изд-во ин-та народов Севера, 1936].

Второй, но это уже относится к именным спискам 1692 года:

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Васка Данилов Бронник» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 39].

Именно этот Бронник — Василий Данилов сын — был участником похода Владимира Владимировича Атласова.

Но, тут мы сталкиваемся с неким противоречием, которое обнаруживаем в одном и том же источнике, но в разных его частях:

«Неполный список участников похода Владимира Атласова 1696–1699 гг. … Бронник Василий Данилов сын, умер при возвращении с Камчатки…»

«Уже в 1700 г. в Якутске стали понимать, что местным властям необходимо как можно скорее закрепить русский успех на полуострове Камчатка и направить туда новую экспедицию. Исполнить эту новую миссию поручили бывалому землепроходцу Тимофею Кобелеву. Ему в помощь был выделен небольшой отряд казаков, в который были включены такие опытные служилые люди как сын боярский Иван Мокринский, Семен Ломаев, Иван Куклин, Василий Бронник и другие» [Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки, П-К, 1997].

По всей видимости, умер Василий Варфоломеевич Бронник.

Поэтому мы сейчас с вами не определим, к какому роду-племени — Варфоломеевичей или Даниловичей — принадлежит якутский казак Федор Васильевич Бронников из восьмой пятидесятни, о котором сообщается в окладной книге Якутского казачьего полка за 1706 год [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Но, по всей видимости, он сын Василия Даниловича и последовал вместе с отцом на Камчатку, где в 1707 году в Верхнекамчатском остроге подписал первый приговор казачьему голове Владимира Атласову, по которому Владимир Владимирович отстранялся казачьим кругом от власти камчатского приказчика [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 39–40].

«Державнейший царь государь милостивейший!

В прошлом 1706-м году по твоему, Великого государя, указу и по приказу стольников и воевод Юрья Федоровича, Михаила Юрьевича Шишкиных послан из Якутцка голова казачей Володимер Отласов со служилыми людми в новопостроенные камчатцкие острошки для ясачного збору в твою казну Великого государя, и для подзыву немирных иноземцов под твою царскую высокосамодержавную руку в ясачной платеж. И пришед он, Володимер, в нынешнем 1707-м году июля в 11-м числе, и принял в прием Верхнее и Нижное острошки и ясачные зимовья, и

твою, Великого государя, зборную ясачную соболиную и лисичную, и бобровую казну, которая казна збирина с ясачных иноземцов, ясак на 1707 год, и зборные ясачные книги, и нас, твоих нижайших рабов — служилых людей, и аманатов. А приняв, нарядил нас на твою, Великого государя, службу на Бобровую и на Болшую реку на измеников, которые изменики на Бобровой побили ясачных зборщиков Ивана Ливанова с товарыщи, и которые изменники на Большой реке твое, Великого государя, ясачное зимовье раззорили, и служилых людей побили, и твою, Великого государя, недоборную ясачную и оружейную казну пограбили. А были мы на той твоей государеве службе августа с 17-го числа ноября по 27 число. А будучи мы на Бобровой, поимали от тех изменников лутчих мужиков трех человек имяны Маштам, Чекава, Шитач. И взяли мы их тебе, Великому государю, в аманаты. Из-за тех трех аманатов с тех изменников собрали тебе, Великому государю, ясаку десять соболей, четыре лисицы красных, девятьнатцать бобров морских. И ту твою, Великого государя, казну, и тех поиманых аманатов привели в Верхней камчатцкой острог, в ясачном зимовье отдали Володимеру Отласову. А он, Володимер, тех вышеписанных аманатов отпустил ради своея безделныя корысти. А в те вышеписанные числа будучи мы на твоей государеве службе, служилые и промышленые люди, проходили рыбные ловли. А в прошлых годех при прежних прикащиках таковое было их расмотрение — которые служилые и промышленые люди посыланы бывая те за государевым делом в то время, в рыбную ловлю, — и на тех служилых и промышленых людей те, прежние, прикащики збирали корм с ясачных иноземцов того ради, что на Камчатке хлебных припасов нет, питаемся мы, твои нижайшие раби, рыбою, да травою и кореньем. А тому корму бывает промысел в году об одну пору, и то на малое время. А он, Володимер, с ясачных иноземцов кормы собрал и положил в свои анбары, а нам, твоим нижайшим рабам, в роздачю не дал — хотел от того корму получить себе пожитки. А мы, твои нижайши раби, ноября с 27-го числа голодуем. А впредь до нового корму прижить не чем. Да он же, Володимер, выпустил из казенки аманатов — лутчих камчатцких ясачных иноземцов детей: Курина сына, Ирюмя, да Колычева сына, Яткунина сына, Лагада, Пойду, да Нечайву, да лутчего мужика Каханумат. А выпустил безделныя ради своея корысти. А как он, Володимер, тех аманатов выпустил, и с того времени во всех ясачных иноземцах сталась шатость. А после того выпуску послал он, Володимер, на Пенжинское море для ясачного збору Марка Москвина с товарыщи. И приехал он, Марко, с товарыщи на то Пенжинское море. И увидя в тех ясачных иноземцах шатость, хотели ево, Марко, с товарыщи побить. И он, Марко, не собрав ясачные казны убежал. Да в нынешнем же 1707 году ноября в 29 день служилой человек Данило Беляев извещал нам, твоим нижаишим рабам служилым и промышленым людем. А в словесном своем извете сказывал он, Данило, на него, Володимера, твое, Великого государя, дело, и написал тебе, Великому государю, челобитную. А подал тою челобитную Ни[ко]л[ь]скому старосте Михайлу Тимофееву донесть в Якутцкой в приказную избу стольником и воеводам Юрью Федоровичю, Михайлу Юрьевичу Шишкиным. А послыша он, Володимер, от того Данила на себя извет, идучи из ясачного зимовья, увидяв ево, Данила, на путе, и набежал он, Володимер, учел ево, Данила, колоть насмерть. И увидя служилые люди с караулу — Иван Башмаков, Григорей Переломов, Харитон Березин — ево, Володимеров, находе, прибежали, отняли того Данила истыкана палашем насмерть. И после того отъему били челом мы, твои нижайшии раби — служилые и промышленые люди — ему, Володимеру, чтоб впредь нас, твоих нижайших рабов, тем палашем не рубил, и своими руками безвинно не бил. И он, Володимер, против нашего словесного челобитья такие речи говорил: “Хотя де я, Володимер, и всех вас палашем прирублю! В том де мне Великий государь в пеню не поставит!” А после того нашего челобитья пришед он, Володимер, в свое зимовье, взял к себе лутчего камчатцкаго мужика Курю. И говорил он, Володимер, тому Курю: “Того де ради я, Володимер, того Данила колол палашем насмерть — хотят де вас, ясачных иноземцов, служилые и промышленые люди всех прибить, а жен и детей ваших и кормовые припасы по себе разделить!” А мы, твои нижайшии раби — служилые и промышленые люди — того ничего промеж собою не ведаем, и таких непристойных речей меж собою не бывало. Служили мы тебе, Великому государю, со всяким радением и чистосердием. И видя мы, твои нижайшии раби, ево, Володимерово, к твоему, Великого государя, правлению, и слышав от того Данила извет, и видяв что в ево Данилове челобитие на него, Володимера, писано, и слышав от ясачного иноземца про те ево, Володимеровы, ко тому ясачному иноземцу про вышеписанные непристойные речи, и бояся ево, Володимера, дерзновения, и помнячи свое обещание на чем мы обещались пред Святым Евангелием, что служить тебе, Великому государю, вправду, и мы, твои нижайшии раби — служилые и промышленые люди — от твоего, Великого государя, ясачного збору отказали. А пожитки ево, Володимеровы, обрали. А тех пожитков налицо явилось тритцать сороков тритцать четыре соболя, четыреста лисиц красных, четырнатцать лисиц сиводущатых, семдесят пять бобров морских, шуба соболья пластинная под чешуйчатым лазоревым баибереком, пушена собольи хвосты, шуба пластинная

соболья под лимонной камкою, пушена бобром, шуба пластинная соболья под лимонной же камкой, пушена бобром, шупка женская пластинная соболья под зеленым отласом, пушена собольи хвосты, шупка женская пластинная соболья под красною камкою, пушена бобром, круживо золотное, шупка женская пластинная соболья под зеленой камкой, пушена бобром, шупка женская пластинная соболья под вишневой камкою, пушена бобром, одеяло пластинное соболье, пушено бобром, крыта отласом темно-вишневым, по краям — красные дороги, мех пластинной соболей, два меха пластинные собольи, полы шубные собольих хвостов, два меха собольи пупчатые, парка соболья, оплечье и клинье бобровое, пушена бобром, парка соболья, оплечье бобровое, куклянка соболья, парка соболья маленкая, две постели шиты из бобров, шуба бобровая под китайкою, пушена бобром, санаяк бобровой, оплечье сиводущатых лисиц, санаяк выдряной, оплечье сиводущатых лисиц, пушена бобром, шупка женская бобровая без кровли, два меха бобровые, санаяк бобровый маленькой, оплечье соболье, мех хрептовой сиводущатых лисиц без рукав, мех хрептовой красных лисиц, пушен бобром, мех хрептовой красных лисиц без рукав, мех черевей сиводущатых лисиц без рукав, мех черевей красных лисиц без рукав, куклянка красных лисиц, лоскут лапчатой лисей, дватцать фунтов пороху. И те пожитки положили в твою, Великого государя, казну. А к твоим, Великого государя, делам к ясачному збору, и ко всякому правлению мы, служилые люди, промеж собою выбрали служилого человека Семена Ломаева. Всемилостивейший государь, просим Вашего Величества, вели, государь, сию нашу челобитную стольником и воеводам Юрью Федоровичю, Михайлу Юрьевичю Шишкиным принять.

Вашего Величества нижайши раби Кирило Бекирев, Иван Шагин, Дмитрей Томской, Михайло Тимофеев, Алексей Дехтерев, Яков Братцкой, Данило Томской, Петр Саламатов, Федор Анкидинов, Федор Зыков, Яков Наседкин, Гаврило Келтяка, Обросим Двойкин, Исак Таратин, Петр Федотов, Костянтин Кыргызов, Федор Куковеров, Иван Башмаков, Федор Бабарыкин, Семен Лепихин, Григорей Холкин, Тимофей Коромыслов, Петр Фомин, Андрей Арменеев, Петр Неворотов, Никита Дурынин, Степан Токуя, Иван Отласов, Андрей Орлик, Петр Травин, Лазырь Ощепков, Федор Бронников, Иван Обуховской, Леонтей Носов, Сава Нецветаев, Василей Беляев, Григорей Переломов, Харитон Березин, Григорей Малафеев, Лазарь Назаров, Лазарь Бекирев, Алексей Бекирев, Василей Куракало, Андрей Никин, Петр Иконников декабря в день нынешнего 1707-го году».

Факт, что Федор Васильевич Бронников был из первопосленцев Камчатки, можно подтвердить еще одним, хотя и более поздним, документом:

По переписи за период с 1722 по 1748 год у него, как у старожила, множество холопов-камчадалов, захваченных в бою, так называемый ясырь:

«Верхнекамчадальского острогу
разночинцы
Федор Бронников
Федора Бронникова дворовые
некрещеные Ихачюч
Кикала
Шантала
Иумгач
Брюч [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 108, 113].

Это один факт.

Есть и второй, согласно этой же переписи:

«Верхнекамчадальского острогу
разночинцы
Федор Бронников
у него дети Семен
Гаврила» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 108].

Вполне вероятно, что вместе с Федором Васильевичем пришел и его брат — Сава:

А.С. Зуев: «Шедший на Камчатку приказчик М.З. Многогрешный забрал с р. Уки Кутьина и часть его людей. Прибыв в Нижнекамчатское зимовье, Многогрешный отправил Кутьина с 40 чел. “вниз по Камчатке реке для завоевания неплатежных камчадалов”. Отряд Кутьина в верстах 50-ти от устья р. Еловки был внезапно атакован ительменами, которые убили пять казаков. Нападение удалось отбить. Ительмены укрылись в своем острожке Тушашеры, “к которому казаки с неделю приступали, но взять не могли. И многие на тех приступах переранены, между ими и командир их Кутьин”».

Сегодня нам известны имена погибших в тот год казаков: Яков Дурынин (Дурыниных), Амос Баташнов (Баташков), Афанасий Заплетаев, Григорий Ворыпаев, Осип Долгополов.

Умерли от ран: Иван Антропов, Василий Беляев, Сава Бронников, Сава Нецветаев, Иван Никифоров, Мартын Спар, Федор Ушаров [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 134 об.].

Кстати, эта трагедия решает извечный спор ученых о том, когда же был построен Нижнекамчатский острог — в 1703 или в 1704 году.

Так вот эта трагедия в долине реки Камчатки произошла в 1703 году. Казаки вынуждены были отступить и вернуться в Верхнекамчатский острог, чтобы в следующем — 1704 году — этот — Нижнекамчатский острог — построить?

Камчатский след неожиданно обрывается…

Но столь же неожиданно появляется другой след, который, вполне возможно, имеет енисейские корни — дело в том, что пополнение гарнизона Нерчинска в основном шло из Енисейска, поэтому вполне возможна эта связь.

Возможен, конечно, и другой вариант, о котором сообщает Е.А. Багрин — о казаках Бронниковых, прибывших на защиту Албазинского острога [Полк Головина 1686–1690. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с

поименным списком)]: 1686 год. «Тобольские стрелецкие дети. Полк Павла Грабова. Удинск.
Бронников Марчко
Драгуны Исецких слобод. Полк П. Грабова. Удинск
Бронников Алешка».

Поэтому пока остается вариант с енисейскими корнями, тем более что действительно есть хоть слабый, но след:

«Да с площадного письма откупу взять с откупщика с Ывашка Бронникова на 191-й [1687] год дватцать два рубля.

Бронников Иван, енисейский площадный откупщик» [Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях, Красноярск, 2019, стр. 177].

Нерчинск, 1699 год: «Оклады по 7 руб. с четью: Василий Белевцов, Иван Бронников, Данило Селиверстов, Максим Миронов, Микифор Волохов, Гаврило Шаров, Иван Анцын, Василий Гурлев, Сава Поликарпов» [Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886].

Нерчинск, 1700 год: «Оклады по семи рублев с четью: Иван Бронников» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1272. Л. 78 об.].

Нерчинск, 1708 год: «Рядовые: Гаврило Шаров, Иван Анцын, Иван Бронников (л. 9 об.)» — из списка 1699 года.

«Иван Иванов сын Бронников (л. 9)» — то есть уже пошли сыновья: «Афонасей [Иванов сын] Бронников, а за хлебное жалованье служит с пашни (л. 9). Петр [Иванов сын] Бронников (л. 13 об.) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424].

Нерчинск, 1721 год: Нерчинской конной казак Иван Бронников 55 (1666), сын ево Никулай 14
(Л. 22)

Нерчинской пеший казак Данило Бронников 50 (1671), дети ево сын Иван 11, Дмитрей 19, Федор 4
(Л. 14)

Нерчинской пеший казак Иван Бронников 50 (1671), сын Еким 15

Нерчинской пеший казак Петр Бронников 48 (1673)
(Л. 17)

«Нерчинской конный казак Степан Бронников 23 (1698)
(Л. 13)

[РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626].

Нерчинск, 1744 год:

«Города Нерчинска разночинцов
померло
Степан Бронников
Данило Бронников
Петр Бронников
перешедшие разночинцы
из Торгинской Слободы
Иван Бронников
В службу
Иван Бронников
Дмитрей Бронников
ис перешедших
Николай Иванов сын Бронников
Торгинской Слободы
перешедшие из города Нерчинска
Афонасей Иванов сын Бронников
у него сын Осип
Ундинскои слободы
Тои же слободы разночинцов померло:
перешедшеи из города Нерчинска
Иван Бронников [Фонд 350 Ландрадские книги и ревизские сказки. Опись 2. Дело 1917].

И вот вопрос, который задает мне нерчинский краевед Александр Андреевич Номоконов:

«…хотел спросить, возможно, где-то встретится упоминание о морсом капрале Тимофее Бронникове ок. 1750 г. р. Он из Нерчинских Бронниковых. А вот как он появился на Акшинской пограничной дистанции и где служил, сведений нет».

«Книга Записная Иркуцкой Епархии Нерчинскаго Заказа Акшинской крепости Николаевской церкви Священника Сергия Мартимианова. На три части и кто имяны когда родились браками венчались и кто коликих лет померли то значит ниже.

Часть первая. Рождающихся. 1774 год.

40). 14-го Октября У казака Алексея Батурина родилась дочь Параскева у коей восприемниками были отцем морского флота капрал Тимофей Бронников, материю казака Павла Бронникова дочь Евдокия

4)1. 15-го Октября У казака Ивана Фалалеева родился сын Ефим у коего восприемниками были морского флота капрал Тимофей Бронников, материю казака Петра Фалалеева дочь Агрофена» [ГАЗК. Ф. 282, оп. 1, д. 46, л. 52 об.].

Возможно, он Бронников Тимофей Дмитриевич?

«Нерчинск. 1749 году венчаны. В Генваре 8-го … Нерчинской казак Дмитрей Данилов сын Бронников Ивановой дочерью Подойницыных девкою Феклою вторым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 405].

«1750 году родились: В Феврале 14-го … У казака Дмитрея Бронникова сын Тимофей» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 431].

Других Тимофеев Бронниковых в Нерчинске не отмечено.

Что касается чина — морской капрал, то это, возможно, относится и не к Охотоморью. Свое морское ведомство было и на Байкале. В свое время «байкальским адмиралом» хотели назначить Владимира Ивановича Штейнгейля, до этого служившего на судах Охотской флотилии.

Хотя возможны любые изменения в географии, как, например, у отца и сына Бронниковых:

Нерчинск, 1719 год: «Нерчинской сын боярской Афанасий Иванов сын Бронников 57 лет. У него дети три сына: Афанасий 19 лет, Стефан 13 лет, Осип 6 лет» [Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886].

«…Города Нерчинска соборныя Воскресенския церкви … 1725 года венчаны: в Апреле 11-го … Сын боярской Афанасей Афанасьев сын Бронников Михайловой дочерью Гудкова девкою Марфой первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 97 об.].

Иркутск, 1729 год: «1729 года померли … В Августе 6-го … Отставной сын боярской Афанасей Бронников 67 лет» [РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 224].

Но в Иркутске были уже и свои Бронники:

«Бронник Андрей, Бронник Григорий…

Бронников Андрей Иванов сын оружейник, присланный в 1694 г. в Иркутск из Енисейска. В 1702 г. предлагал наладить добычу железной руды и производство оружия в Иркутске.

Брат А.И. Бронникова, иркутский кузнец» [Леонтьева Г.И. Служилые люди Восточной Сибири, 2012. С. 157–158].

Но… опять большое НО…

Читаем внимательно книгу «Служилые люди Восточной Сибири» Г. Леонтьевой:

«Неоднократно использовались на казенных работах и нерчинские кузнецы казаки Данила и Иван Бронниковы (стр. 156).

Однако среди постоянных жителей Иркутска не хватало знатоков оружейного дела, и даже в начале 90-х гг. иркутские власти постоянно ратовали о присылке в Иркутск оружейника. В 1694 г., вняв, наконец, этим просьбам, Сибирский приказ распорядился послать в Иркутск оружейника из Енисейска посадского человека Андрея Иванова Бронникова. Вместе с ним “без отпуска” прибыл его родной брат Григорий, а немногим позже — брат Михаил. В 1696 г. из Енисейска “по выбору” на смену А. Бронникову был послан кузнец П. Леонтьев. Но, несмотря на замену, Бронников так и не вернулся в Енисейск. Весьма вероятно, что улучшение оружейного дела в Иркутске было обязано именно Андрею Бронникову, а перечисленные в “росписном списке” 1701 г. “среди прочего иркутского наряда 2 пушечки медные маленькие иркутского литья и 65 мушкетов и санапалов в старых и новых ложах с замки иркутского литья” являлись результатом работы братьев Андрея, Григория и Михаила Бронниковых. В 1698 г. по ходатайству иркутских казаков оружейный мастер Андрей Бронников был поверстан в конную казачью службу. Несмотря на это, енисейская администрация вплоть до 1700 г. числила А. Бронникова в посадском тягле, потребовав от него в 1701 г. уплаты накопившегося за 6 лет оброка в размере 6 рублей. Однако это требование было отклонено Сибирским приказом, который, учтя заслугу Бронникова, “перечинившего в Иркутске все старое оружие”, оставил его служить “в казаках и бронных мастерах по-прежнему”. В 1702 г. Андрей Бронников, ссылаясь на то, что в Иркутске “иных бронных мастеров, кроме него нет”, предложил организовать силами енисейских и иркутских кузнецов добычу железной руды и изготовление оружия. В числе иркутских кузнецов он называл своего брата Григория Бронникова, поверстанного в 1699 г. в казачью службу по иркутскому гарнизону. Фактически Андрей Бронников предлагал создать кооперацию по добыче железной руды, ее обработке и изготовлению из местного сырья оружия, что предполагало один из моментов разделения труда в металлургии и привлечения дополнительной наемной силы» (стр. 157–158).

А далее мы касаемся архивных материалов, связанных с Баргузинским острогом:

1762 год.

«Степан Бронников (1727). У него жена Прасковья Никитина дочь сорока лет, взятая у быв. баргузинского подушенного плательщика Никиты Вылкова. У него мать Овдотья Алексеева дочь 65 лет, взятая у баргузинского отставного казака Никиты Котиова. У него братья, написанные в прошлую бывшую ревизию: Андрей (1730), Иван (1733) взяты в охоцкую службу в 748 г.» [РГАДА Ф. 350. Оп. 2. Дд. 3070, 3074].

Амур, 1857 год.

Приказы по иррегулярным войскам 18.09.1857 № 32.

Назначенные в Амурский полк, старшие урядники ЗКВ Даниил Пешков, Андрей Апрелков, Александр Хабаров и Петр Бронников, за отличноусердную и ревностную их службу, начальством засвидетельствованную, производятся мною в зауряд-хорунжие, со старшинством с 28.05.1857. Муравьев.

Кавалеры знака отличия военного ордена 1-го Нерчинского полка:
Чаоянжен 18-го ноября 1900 года.

3-я сотня

Казак Николай Бронников, 4 ст.

Эрпадзян 20-го июня 1901 г.

6-я сотня

Казак Степан Бронников, 4 ст.

Кавалеры знака отличия военного ордена 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, награжденные за дела в Русско-японскую войну.

4-й сотни

Пр. Михаил Бронников, 4 ст. 39.

БУРЛАКОВЫ

Конечно, первое приходит на ум: Бурлаковы — потомки некоего бурлака (именно с маленькой буквы). И вспоминается сразу картина Ильи Репина «Бурлаки на Волге», где несчастные люди в лохмотьях, надрываясь, тянут против течения тяжелую, груженную купеческими товарами, баржу.

Но первоначально значение этого слова было иным: «крестьянин, идущий на заработки», а уже потом «бездомный, бессемейный человек, нанимающийся на какие-то временные заработки».

Поэтому совершенно не обязательно, что пришедший человек с прозвищем Бурлак был бурлаком на Волге.

Но мы хотим рассказать вам другую историю, которая, возможно, имеет какое-то отношение к одному из героев нашего очерка.

Мы часто говорим и пишем о военной экспансии в Сибири, о фронтире, увлекаясь этим иностранным термином, чтобы уравнять завоевание Америки конкистадорами всех мастей с русской колонизацией Сибири.

Но военная колонизация (этот факт отрицать глупо) была лишь частью (и не столь значительной, как мы уверены сегодня, опираясь на идеологию фронитира) — вспомните разгром полка Ермака Тимофеевича, его собственную гибель

и бегство оставшихся в живых казаков на Русь. Там, где были только военные действия — нас очень часто ожидало поражение. Так, например, мы на столетие потеряли Амур…

А вот народная дипломатия, союзы с племенами и народами, пытавшимися вырваться из цепких рук Кучума и его потомков, творили порой чудеса:

«Район города Томска был “проведан” русскими еще в 1601 году, когда дипломатическое посольство с “государским жалованьем, с милостивым словом и с ковши, и с платьем, и з грамотами”, возглавленное тобольским сыном боярским В. Тырковым, отправилось из Тобольска на Томь “ко киязцем и к мурзам”. Миссия имела успех. В 1603 году в Москву прибыл князец томских татар-эуштинцев Тоян и попросил соорудить русский острог в Томской земле. Был сформирован экспедиционный отряд для строительства Томска во главе с письменным головою Г. Писемским и В. Тырковым. Застучали топоры на таежной реке. 27 сентября 1604 года Г. Писемский уже сообщал в Москву об окончании работ. С первых дней своего существования Томск стал важнейшим военно-административным центром. Местный гарнизон, состоявший из стрельцов, казаков и служилых татар, обеспечивал охрану и самого города, и населения вновь образованного Томского уезда.

Регулярно из Томска “на береженье” посылались казаки-годовальщики в городки чатских татар: Чатский, стоявший на берегу Оби, возле современной деревни Юрт-Оры, и Мурзинский расположенный севернее Чатского. Здесь жили предводители чатов: в Мурзинском городке Кызлан и Бурлак, в Чатском — Тарлава. Городки были укреплены, и в случае военной угрозы в них укрывалось население окрестных улусов.

Однако не только “Кучумовичи” и ойраты нападали на чатов. С конца XVI века в верхнее Приобье с юга проникают телеуты (“белые калмыки”). В XVII веке они захватывают обширную территорию: от рек Ипи и Уепи на севере до Телецкого озера на юге и от верхнего Чулыма на востоке почти до Иртыша на западе. Лишь к концу столетия северная их граница была отодвинута с р. Ини на Бердь».

А теперь обратим внимание на то, что в составе местного гарнизона были служилые татары — в том числе и из четы мурзы Бурлака. И не одним ли из них и был наш герой — казак Иван Васильев сын Бурлак.

ИВАН ВАСИЛЬЕВ СЫН БУРЛАК

К сожалению, в книге «Томск в XVII веке. Документы и материалы» [Томск, 2005] нет ни одного упоминания об этом человеке, который в составе отряда Дмитрия Копылова пришел в Якутию, а в 1639 году в составе команды Ивана Юрьева сына Стадухина вышел к берегам Ламского (Охотского) моря.

Но вот что сообщает Андрей Звягин в исторических очерках «Искитимские покорители сибирской земли»:

«Документы по истории Сибири XVII века сохранили имена трех мурз — Тарлавы, Кызлана и Бурлака. С 1630 года мурза Бурлак находился на русской службе в Чатском городке.

Известен и один из его сыновей — Сургаян Бурлаков. В XIX–XX вв. чатские татары продолжали обитать в Новосибирском Приобье. В начале XX столетия в искитимской деревне Горевке, входившей тогда в состав Локтевской волости Барнаульского уезда, жили Бурлаковы — возможные потомки одного из чатских вождей, мурзы Бурлака».

Факт нахождения Бурлака на государевой службе подтверждают и документы из книги «Томск в XVII веке…»:

«Неокладной всякой мелкой росход.

Сентября в 3 день торговому человеку Степанку Лукянову лалетину за полчетверта аршина сукна аглинского красново, по рублю за аршин, итого три рубли шеснатцат алтын четыре денги дано. А то сукно [дано] 10 государева жалованья за службу чацкому мурзе Бурлаку [л. 119].

Марта в 6 день чатцкому мурзе Бурлаку государева жалованья на кафтан рубль шеснатцат алтын четыре денги дано [л. 207 об.]».

А в примечаниях к «Истории Сибири» Г. Миллера есть такая информация:

«Тарлав в 1629 г. со всеми своими людьми бежал “из Чат” и кочевал вверх по Оби, поставя городок на речке Чингизе. “Не хотя быти под государевою рукою”, Тарлав и его люди приходили на томские ясачные волости и под Томск, в Томском уезде Чатский городок выжгли и в деревнях русских и татар и всяких ясачных людей побивали. В 1631 г. томские воеводы князь Петр Пронский с товарищи послали против него Якова Тухачевского с отрядом в 300 человек томских служилых людей и чатского мурзу Бурлака с сотней чатских и томских мурз и татар. Войско выступило ранней весной, “на третьей неделе великого поста”, шли нартами и на лыжах на Чингиску реку под городок Тарлава. В городке Тарлава было чатских мурз и татар и тарских барабинцев и теренинцев и калмыков 192 человека. “На выручку” к Тарлаву подошли царевичи Кирей и Аблагирим с многими людьми, с черными и с белыми колмаками и с орчаками. Тухачевский бился с ними и не пропустил их к городку и взял “изменнической городов”. “А твой государев изменник Торлавка с товарищи, — писали 11 июля 1631 г. чатские мурзы Кизлак и Бурлак и другие, — во взятье городка, видячи твоих государевых изменников царевичев приход со многими людьми, из городка вон побежал на утек”. За ним послан был сын боярский Ост. Харламов и служилые люди. Они настигли Тарлава и убили его на побеге. Потом опять подходили те же царевичи с черными и белыми калмыками, но Тухачевский снова от них отбился [Сиб. Прик., ст. № 31, лл. 592–595, 629–633]».

И вот еще одно сообщение:

«Вот уже более 10 лет в устье Ульи стоит памятник, посвященный этому важному событию в

истории нашей родины. На памятнике надпись: “Казаку Ивану Москвитину и его товарищам: Дорофею Трофимову, Ивану Бурлак, Прокопию Иконнику, Степану Варламову, Алферу Немчину, Ивану Онисимову, Тимофею Овдокимову, Ивану Ремез, Еремею Епифанову, Денисову ‘Пеньке’, Василию Иванову, Дружину Иванову, Семену Петрову — первым русским, вышедшим в 1639 году к берегам Тихого океана благодарные потомки”. Данный список был заимствован из моей публикации 1959 г. 22 с необоснованным пропуском имен Афанасия Иванова и Нехорошего Иванова Колобова. Но с тех пор по документам удалось установить еще ряд имен участников похода. Это — Иван Иванов, Павел Иванов, “Пятунька” Иванов, Никита Ермолаев, Сергей Корнилов, Кирилл Осипов, Даниил Федосов, Клим Олексеев, Потап Кондратьев и умерший Петр Саламатов 23. Следовательно, теперь из 31 участника исторического похода нам известны 25 имен» [Полевой Б.П. Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных].

А в комментариях есть еще ссылка: «Иван Бурлак добавлял: “…всякую поганую гадину ел”» [РГАДА. ЯПИ. Оп. 3. 1650. Стб. 55. Л. 101].

Известно сегодня, что москвитинцы не только вышли к Ламскому (Охотскому) морю, но они успели побывать и в устье реки Амур, о чем не стали сообщать якутскому воеводе Петру Головину, который был очень недоволен появлению в его воеводстве томских казаков — он забрал в казну собранный томичами ясак и оставил на службе в Якутии часть отряда Москвитина, в том числе и казака Ивана Васильева сына Бурлака.

С.Б. Веселовский в книге «Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии» [М. Изд-во «Наука». 1974] упоминает Ивана Бурлака, как енисейского казака.

Дело в том, что действительно Иван Васильев сын был записан в енисейский оклад. Вопрос — почему?

А вот ответ:

«Енисейские казаки. Кузнецы

Оклад денег по 5 рублев да хлеба по 5 чети ржи весом иметьца по 22 пуда по 37 гривенок с полугривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по 2 пуда с четью соли.

Дружинка Семенов в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи с того Дружинку по его … отставили а в его Дружинкино место велено быть из … томскому казаку Ивашку Васильеву сыну Бурлаку и в нынешнем во 158-м [1650] году послан к государю к Москве наскоро с отписки» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 96 об.].

В гарнизоне Якутского острога в то время еще не было своего постоянного гарнизона, и службу несли «годовальщики» (прикомандированные городовые казаки) из Березова, Тобольска и Енисейска, получающие соответствующий их городу-крепости служилый — хлебный, солевой, пороховой, денежный — оклад.

Томск не входил в этот состав, и томские казаки, попав (против своей воли) на службу в Якутии, зачислялись на оклады других городов.

Но вот что интересно — в 1650 году Иван Васильевич Бурлак послан в Москву «с отписками» (то есть служебными бумагами), а вернулся из Москвы… пятидесятником.

Так — запросто — Москва чинами не разбрасывалась. На каждое обращение (челобитную) отправлялись на место службы запросы с требованием показать действительные заслуги того или иного человека в его просьбе о повышении в чине.

Вполне возможно, что «сработало» участие Бурлака в походе Ивана Москвитина. А может быть — родственная связь с мурзой Бурлаком?

А далее мы поведем хронологию службы Ивана Васильевича Бурлака, основываясь в основном на материалах справочника РГАДА, Якутская приказная изба, тт. 1–3, Я., 2016–2017.

Итак, 1652 год:

«Приправочная книга сбора ясака и поминков на 1652–1653 (161) г. и доимок за прошлые годы с эвенков по Майскому Верхнему зимовью, данная пятидесятнику Ивану Васильеву Бурлаку» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

Декабрь 1652 г.

«III. Росписи служилых людей. Посланных в ясачные якутские волости … — на Индигирку с Иваном Бурлаком» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

К этому периоду он был уже женат, о чем мы узнаем из интересного сообщения из челобитной «жены пятидесятника Ивана Бурлака Марьи Кузьминой о побеге от нее купленной якутки Тозон».

1653 год.

«Книга сбора ясака и поминков за 1653–1654 (162) г. с якутов по Янскому Верхнему зимовью пятидесятника Ивана Васильева Бурлака с товарищами».

Отписка служилого человека Тимофея Булдакова с Омолоевы реки якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о том, что их суда, наполненные соболиной казной с Колымы и Алазеи, разбило на море у устья Яны и они на нартах дошли до Омолоевы реки, откуда будут пробираться на Лену:

«Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дияку Федору Васильевичю Якутцкого острогу служилой человек Тимошка Булдаков челом бьет. В прошлом во 161 [1653] году пошел я, Тимошка, с служилыми и с торговыми и с промышленными людьми с Колымы реки з государевою соболиною казною колымскою и алазейскою морем. И морем идучи, ветры были встрешные и прижимные большие, море чисто не ледяно, зыбь большая – не мошно никак отстоят-

ца. Коч весь розбило и шеймы пирвало и якори приломало — четыре якоря. И на кошку на берег в пяти местах збивало. И з берегу с великою нужею сымались долгое время. И ход опоздало. Все лето на море мучилися и голод терпели, ели постели оленьи и ровдуги, и дошли в осень поздо, уже на море губы стали, до Янсково устья сентября в 14 день. И от Янсково устья прочь иттить не смели, потому что время стало позное, чтоб на море з государевою казною не погинуть. И пошли на Яну реку и пришли на Яну в ясачное Нижное зимовье к служилым людем о заморозе голодны. А у служилых людей, у янских запасов нет, купить нечево. А у нас с собою с Колымы сетей и мереж не было, рыбы добывать ловить нечем. И у служилых людей, у янских сетишками небольшими сподобились и рыбенка добыли, и то небольшое место, зимы прозимовать нечем. И я посылал зимою верх по Яне реке служилого человека Ивашка Хворово к служилым людем к Ивану Бурлаку с товарищи – мочно ли вверх по Яне реке з государевою казною поднятца коньми и мочно ли у якутов корму залести, чем быть сытым и государева казна доправадить до Якутцкого острогу? И Иван Бурлак писал и служилой человек Ивашко Хворой сказал, что под государеву казну коньми с великою нужею промыслить, а кормом якутами горазно нужно, сами з голоду умирают, прокормитца нечем, нам служилым людем. А у нас корму добыто у самих мало, а купить у янских служилых людей нечево, запасов нет. И поднятца верх по Яне реке з государевою казной нечем, потому что казна немалая, колымская и алазейская, обеих рек вместе» [ЛОИИ, Якутские акты, карт. 15, ст. 4, сст. 6–9].

1654 год:

«…о пятидесятнике Иване Бурлаке с товарищами, посланных в Москву с соболиной казной, о выдаче им денежного, хлебного и соляного жалованья».

1656 год:

«Памяти служилым людям Ивану Рябову и Ивану Михайлову о розыске на р. Синей пятидесятника Ивана Бурлака и денежной казны, которую он вез из Москвы и был задержан морозом на р. Синей».

1658 год:

«Приправочная книга сбора ясака и поминков на 166 г. и доимок за прошлые годы по Майскому Среднему зимовью, данная пятидесятнику Ивану Бурлаку».

1660 год:

«Книга сбора ясака с эвенков на 1660–1661 (169) г. по Майскому Среднему зимовью пятидесятника Ивана Бурлака с товарищами».

1663 год:

«Приправочная книга сбора ясака на 171 г. и доимок за прошлые годы по Майскому Верхнему и Тугурскому зимовьям, данная пятидесятнику Ивану Бурлаку. Скрепил Иван Большой Голенищев Кутузов».

«Отписка пятидесятника Ивана Тильного из Охотского острожка о неправильных действиях приказчика Ивана Бурлака по отношению аманатов; о недовольстве тунгусов разных родов приказчиком Иваном Бурлаком».

1664 год:

«Бурлак Иван Васильевич

Приказчики Чечуйского зимовья (заставы)

Бурлак Иван Васильевич. Пятидесятник. До 14 декабря 1664 – 21 июля 1665 г.

Целовальник Григорьев Петр

Подъячие таможенной избы: Петр Семенович Журавлев; Максим Григорьевич Чумак (с 1665 г.)» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, сс. 180, 183].

1665 год:

«…запись в делах Якутской приказной избы, которая датирована 1664 или 1665 годом: “…о наказании батогами мельничного целовальника Леонтия Григорьева Белоуса, оскорбившего чечуйского приказчика Ивана Бурлака”».

Особый период службы Ивана Бурлака на Чечуйском волоке связан с казачьим бунтом, который начался с убийства воеводы и завершился бегством казаков и местных крестьян на Амур, где они построили Албазинский острог. Здесь мы публикуем некоторые данные из книги Г.Б. Красноштанова «Никифор Романов Черниговский. Документальное повествование» [Иркутск, 2008].

«У Ивана Бурлака записано: “И того ж числа [4 июля 1665 г. — Г.К.] торговой человек Васка Васильев сын Протопопов на Чичюйском волоку в Судной избе извещал приказному Ивану Васильеву сыну Бурлаку: Илимского де волоку служилые беглые воровские люди, Никифорко Черниговской с товарыщи, взяли де у меня, Васьки, они, воровские беглые люди, грабежем двести пуд муки ржаной да огненново оружья — пищаль и з борошнем. Цена той пищале десять рублев. А за тем грабежем дали де ему, Васке, грабежново живота шеснатцать соболей [с] хвосты да полшеста [5,5] сорока пупков собольих, да шеснатцать хвостишков собольих, да восмьдесят белок. И тот даной ему грабежной живот принес он, Васка, Чичюйского волоку в Судную избу перед приказного перед Ивана Васильева сына Бурлака”».

«Пребывая на Сполошенском лугу, Никифор Черниговский решил заплатить приказному человеку Ивану Бурлаку за награбленное имущество. “А за тот грабеж оне, воровские люди, прислали к нему, Ивану, Чичюйские волости из деревни Сполошенново лугу Якутцкого острогу [с] служилым человеком с Ывашком Деревнею за угрозой, чтоб ту посылку он, Иван Деревня, взял и отвез бы к нему, Ивану Бурлаку, кумган медной лужоной да три братины медных же, ветчаных. И он, Ивашко, тое посылку от них привез и объявил в Судной избе приказному Ивану Васильеву сыну Бурлаку. А в то время он, Ивашко, был в приставах на Сполошном лугу за попом Фомою. И тот грабленой живот, кумган и братины, приказной человек Иван Васильев

сын Бурлак, пересмотря, велел записать и, запечатав, велел положить на Чичюйском волоку в Богородицкую казну до указу великих государей и до ведома стольника и воеводы Ивана Федоровича большего Голенищева-Кутузова”».

«Перед отплытием с Чечуйского волока Ивану Бурлаку была вручена челобитная беглых людей. В отрывке из отписки в Якутск Ивана Бурлака сообщается, что его вывели “из двора насильством, взошли на берег к дощаникам своим. И по неволе оне, воры, Никифорко Черниговской, велели мне, Ивашку, принять изветную челобитную на воеводу на Лаврентья Обухова, и велели тое челобитную честь тут же на берегу при многих людех. И я, Ивашко, тое их челобитную послал в Якуцкой острог к вашему стольнику и воеводе Ивану Федоровичю. И с Чичюйского волоку оне, воровские люди, подьячево, свезав, свезли с собою на низ сильно”».

«После того как Никифор Черниговский со своими людьми покинул Чечуйский волок, Иван Бурлак своей рукой записал все изветы с жалобами на беглых людей, в том числе и свою жалобу: “А пришед на Чичюйской волок, на государев двор, со многими людьми, где живут приказные люди, и приказново человека Ивана Васильева сына Бурлака своим насильством пограбили. А грабежем взяли у него, Ивана, живота ево. Водили ево за руки, угрожая всякими угрозами. А жена ево, Ивана, видя такое разорение и мученичество, они ево, Ивана, водя, мучат и спрашивают огненново оружья, пищалей, и она им из анбара окном выкинула им пищаль, чтоб ево, Ивана, в том не мучили. И после того три дни приходили со многими ж людьми Фетька Черниговской с товарыщи в два пойма, человек по тритцати и больши, и Иванова не взял. А спрашивают огненново же оружья, пищалей и свинцу, и пороху по их же, воровских людей, скаске, которые с ними в побеге. И он, Иван, пищали им не дал и не сказал, потому что сам человек служилой, было бы с чем великому государю служить. А которую пищаль взяли, и той пищале цена десять рублев. Да оне же взяли грабежем его ж, Иванова, запасу сто дватцать пуд муки ржаной у пашенново ж крестьянина у Омельки Степанова на мельнице. Да у пашенного крестьянина у Захарка Игнатьева на заимке взяли его же, Иванова, запасу сто пуд ржи. Да у него ж взяли грабежем лотку-набойницу. Цена той лотки десять рублев”».

1666 год:

«Доезды ясачных сборщиков — служилых людей Якутского острога сыном боярским Архипом Лыткиным, казачьим десятником Иваном Бурлаком с товарищами о сборе ясака с ясачных якутов Бетюнской, Бояназейской, Борогонской, Батуруской, Батулинской, Баягантайской, Бодайской, Добелыской, Намской и Одугейской волостей за 7174 (1665–1666 гг.) и недоимок за прошлые годы».

Обращает на себя внимание тот факт — что, видимо, за казачий бунт и все, что с этим бунтом связывало Ивана Бурлака, он был понижен в чине — до десятника.

Хотя, возможно, сыграло свою роль это:

«Выписка из докладной отписи приказного человека Федора Тышкевича о сыске над бывшим чечуйским приказчиком Иваном Бурлаком, обвиняемом в различных злоупотреблениях».

1667 год:

«Розпись розходная государевым дощаником и лоткам 175-го году у судовова приемщика у Фомы Кондратьева. Взят дощаник под государеву казну да лотка, а взял пятидесятник казачей Иван Бурлак».

То есть Иван Васильевич в прежнем чине.

1670 год:

Книга сбора ясака за 1670–1671 (179) г. по Тонторскому зимовью пятидесятника Ивана Васильева Бурлака».

1671 год:

«Дело о взыскании ячной крупы казачьим десятником Иваном Бурлаком с крестьянина Амгинской волости Матвея Семенова».

То есть снова десятник.

«Дело о продаже якутом Лукачаном сена, принадлежащего пятидесятнику Ивану Бурлаку».

Снова пятидесятник.

1672 год:

«Таможенная застава

28 мая — отписка подьячего Петра Удина и целовальника Якова Кожева об осмотре и переписи ясачной казны и имущества пришедших с рр. Маи, Олоты казачьих сотника Третьяка Смирнягина, пятидесятников Ивана Бурлака и Устина Панфилова с товарищами, о распоряжении им явиться в съезжую избу к воеводе кн. Я.П. Волконскому».

«Учурское зимовье

30 мая — [отправить] казачьего пятидесятника Ивана Бурлака».

Как видите, служба шла без передышки…

1675 год:

«Книга сбора ясака за 1675–1676 (184) г. с эвенков по Майскому зимовью пятидесятника Ивана Васильева Бурлака».

«Книга сбора ясака за 1676–1677 (185) г. с эвенков по Майскому зимовью пятидесятника Ивана Бурлака».

1679 год

«В конце июля прибыл из Енисейска казачий пятидесятник Иван Бурлак с товарищами и с некоторыми другими попутчиками. С ним прислано от Енисейского воеводы Ивана Барятинского несколько грамот, из которых три царских, адресованных на имя якутского воеводы Фомы Бибикова. Все грамоты переданы по адресам 1 августа».

1681 год:

«8 июля получена грамота царя, от 5 мая 1680 года, о приписке к Якутскому острогу Илимского уезда волостей: Усть-Кутской, Орленской, Тутурской, Верхне-Киренской, Верхолуцкой, Илгинской и Бирюльской… “с пашнею и со крестьяны”. Вследствие этого 22 того же июля отправлены в те волости приказчики, дети боярские Григорий Пущин, Матвей Ярыгин, казачий пятидесятник Иван Бурлак и выдельщики» [Явловский П.П. Летопись города Якутска].

«Именная окладная книга пашенных крестьян по Устькутской, Верхней Устькиренгской, Орленской, Тутурской, Ильгинской и Бирюльской волостям Илимского уезда, приписанным к Якутскому острогу и принятым детьми боярскими Григорием Пущиным, Матвеем Ярыгиным и пятидесятником Иваном Бурлаком, 1681–1682 (190) г.».

«Окладная книга 1681 года

Якутск

Пятидесятники казачьи женатые:

ден. по 6 руб., хлеба по 7 ч-тей, по 4 ч-ти овса, по 1 ½ пуда соли: Ивашко Бурлак; на 178 г. в додачу 3 руб., на 178 г. 32 пуд. 4 гр. с ½ гр. ржи и круп, на 179 г. 20 пудъ 4 гр. с ½ гр. ржи и круп, на 180 г. 22 пуда 24 гр. с ½ гр. ржи и круп, на 181 г. 28 пудъ 2 гр. с ¼ гр. ржи и круп, на 182 г. 15 пудъ 4 гр. с ½ гр. ржи и круп,на 185 г. 3 ч-ти с осм. ржи, 2 ч-ти овса» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 82].

«Челобитные:

а) приказчика Орленской и Тутурской волостей И. Бурлака об освобождении от должности ввиду полученного им увечья».

И последняя запись, датированная 1682 годом: «Дело о выплате жене казачьего пятидесятника И. Бурлака Марье Кузьминой денег за дощаник, взятый в казну у ее».

ВАСИЛИЙ ПОТАПОВ СЫН БУРЛАК

Конечно, первая мысль, которая пришла мне в голову, была о том: а не отец ли с сыном, пятидесятники Василий и Иван Васильев сын Бурлаки, которые стоят в одном ряду с Семеном Ивановичем Дежневым, Михаилом Васильевичем Стадухиным и другими землепроходцами в челобитных по поводу нехватки служилого жалованья и других проблемах государевой службы на дальней окраине государства Российского…

Но документы говорят о другом, хотя однажды мне и встретилось сообщение, что пятидесятник Василий Бурлак из числа томских казаков.

Но это была явная ошибка.

У нас есть уникальный документ, написанный Курбатом Ивановым:

«Государя [М.Ф.] воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю да диаку Петру Григорьевичю пятидесятничишко Курбатко Иванов да Данилко Скребыкин челом бьют.

В нынешнем во 154-м [1646] году, маия в 12 день, по государеву [М.Ф.] указу и по наказной памяте воевод Василья Никитича Пушкина, Кирила Осиповича Супонева да диака Петра Стеньшина велено нам быть у государева [М.Ф.] дела в Верхоленском в Братцком острожке. И будучи нам у государева дела, всякие государевы дела делать по наказу, каков нам дан наказ за печатьми воевод Василья Никитича Пушкина, Кирила Осиповича Супонева и за рукою диака Петра Григорьевича Стеньшина.

Да нам же велено по государеву указу и по вашей наказной памяте, как, сходя в поход с Кузьмою Семеновичем да сыном боярским с Олексеем Бедаревым, Божиею милостию, государским счастьем поиск учинитца над брацкими людьми, которые государю непослушны и государю ясаку с себя не платят, и, пришед ис походу, стать на новом месте с великим береженим, где быть новому Братцкому острогу на речке Куленге в стрелке, и велеть служилым и охочим новоприборным людем, сметя по острожному месту, каков мочно поставить, бревна ронить. И ис тех бревен поставить новой острог, что[б] на малую статью в длину в одну сторону был мерою 20 саж. печатных, а в 3 стороны по тому же, а на углах поставить избы по 4 сажени и с нагороднями, и с нижним и с верхним боем по всем по 4-м углам. А среде острогу поставить аманатцкая изба с острогом и въезжую башню с вороты поставить, чтобы была высока и караулиста.

И однолишно б нам тем государевым делом и новым острогом порадеть, и вновь поставить со всякими крепостьми, чтоб в том острошке жить от приходу немирных братцких людей жить было безстрашно и надежно.

…И, Божиею милостию и государьским счастьем, в поход сходили, и братцкие улусы погромили, скота и живота, коней и коров взяли.

И как, пришед ис походу, перешли на Лену реку на острожную сторону, где было быть новому острогу, не дошед перестрела с два, и мы стали говорить Кузьме и Алексею, что у нас з Данилом в наказной памяти написано: велено по государеву указу и по наказной памяти воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи, как милости Бог подаст и государьским счастьем поиск учинитца над непослушными братцкими людьми, которые государю ясаку не дают, ис походу пришед, стати на новом месте на усть Куленге реке в стрелке, где быть ныне новому острогу, со всеми служилыми людьми и с новоприборными охочими людьми всеми, поставить острог и с проезжую башнею, и по углам 4 избы, и аманатцкую избу с острогом середи острогу — все сказали по наказной памяте. [Упомянутый здесь Алексей — сын боярский Алексей Бедарев, приказчик Ленского волока, а Кузьма Семенович — племянник воеводы К.О. Супонева].

…И Кузьма и Алексей стали говорить служилым и охочим промышленым людем. И служилые люди [говорили]: мы де ево, государевы, холопи, что де по государеву указу делать ни заставят — делать де мы готовы, государев острог ставить.

А охочие промышленые и гулящие люди закрычали в тоя поры с отказом, невеликие люди:

Васька Бугров;
Мишка Шадра;
Васька Бурлак;
Стенька Востроий;
Семейка Верхотур;
Ивашко Ларионов Липа;
Ивашко Черной;
Оверка Никитин;
Мишка Шабаков;
Епифанко Шалин;
Вторко Теленок;

отнюдь де нам острогу не ставить, то де завод Курбатков, он де заводит и бьет челом, он де и ставь острог.

И вступилса из них Федька Львов, Тренка Бердонос и иные промышленые: выслушаем де государева наказу и побьем челом об сроке, и подумаем, за што де за то стоять, что де не ставить острогу.

И мы им про то острожное дело в наказе вычесть велели. И оне, промышленые, прошали на 3 дни сроку.

И Кузьма почал говорить: у меня де в наказе не написано, и словом де мне не приказано от воевод, от Василья Никитича с товарыщи, ставить, и вы де ставьте. И поехал в старой острог.

И промышленые и гулящие почали говорить: посланы де мы на службу с Кузьмою Семеновичем не острог ставить. И поехали за ним все в острог.

И Олексей: что де нам делать, и мы де поедем в острог.

И как, пришед в острог, скот и живот, кони и коровы, розделили, и куяки почали имать на государя, и те ж промышленые люди у креста Васка Бугров, Ивашко Липа, Епифанко Шалин с товарыщи, почали крычать: все де заводы Курбатковы, он де у нас куяки отъимает и привез де наказную память ставить острог, ему де будет выслуга.

И после того, на другой день, собрав всех промышленых людей, и сказали про острожное дело, чтобы делать готовились острог. И оне все отказали: отнюдь де нам острогу не делать.

Июля в 3 день велели собрать служилых людей всех и охочих промышленых, гулящих людей, на конях поехали на новое место острожное, на усть Куленги. И приехав в острожное место, розмеря, а те промышленые люди стали себе в кругу, и по них послали служилых людей. И оне, промышленые люди, приехали все, и сказали, чтоб оне к утру готовились на острожное место лес волочить, по 6 бревен острожных на человека, да на избу и на башню по 6 ж бревен, и в тех бревнах ставить острог и избы, и проезжую башню.

И Васька Бугров, Васька Бурлак, Мишка Шадра с товарыщи, почали крычать с отказом, невежливо: отнюдь де нам острогу не ставить, и тово де мы слушаем, что у нево, Курбатка, да у Данилка написано в наказе.

И велели мы на тех завотчиков и бунтовщиков принесть служилым людем батогов, и хотели им дать поученье человеком 5-ти, 6-ти, от которых ставятца бунты. И велено взять Ваську Бурлака, Мишку Шадру, Ваську Бугрова. И он, Васька Бугров, Мишка Шадра даватьца не почали. И Васька Бугров: за што де бить даватьца, чего де терпеть?

И за ними все промышленые люди кинулись и почали служилых людей стегать плетьми, и бить пищальными дулами, и многих служилых людей перебили. На Олексея и на меня, Курбатка, метались. И мы от них прочь отъехали.

И почали грозить: хотя де мы тебя, Курбатка, и убьем, за то де нас государь повесить не велит, а в службу де ты с нами отнюдь не ходи, посланы де мы с Кузьмою да с Олексеем, а тобя де мы отнюдь не слушаем. И бранят всякою неподобною бранью.

Мочно было тем делом острожным порадеть и Кузьме Семеновичю, а за такое ослушанье и дурость тех бунтовщиков мочно было человека-другово сослать к вам в Якутцкой острог, или было тех завотчиков дать на поруки. И кому приказано больше, и тот не тянет, а нам с миром ничево не пособить, позабыли мы все, что вы нам велели жить в совете».

Конфликт интересов промышленных и служилых людей в Сибири был довольно острый, постоянный и повсеместный. Промышленникам нужна была скорая выгода от пушного промысла, казакам же нужно было укореняться на сибирской земле — строить зимовья и остроги, собирать ясак с коренного населения, торить тропы к дальним восточным — неведомым еще — границам Российской империи.

Но нередко случалось обратное превращение: «Енисейские казаки.

Лучка Дружинин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Онтонко Спиридонов сын Сорока а по скаске служилых людей Кондрашки Мокеева … что де тот Онтонко в нынешнем во 158-м [1650] году … по помете на выписке диака Осипа Степанова велено быть в его Онтонково место промышленому человеку Васке Потапову Бурлаку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 96].

Правда, имеется и другая запись: «Книга сбора ясака и поминков за 1644–1645 (153) г. и прошлый 152 г. на Ленском волоке с эвенков в верховьях р. Илима служилых людей Якова Иванова, Петра Андреева и Федора Козьмина.

Скрепил за Иванова, Андреева и Козьмина — томский служилый человек Василий Потапов Бурлак».

И Г.Б. Красноштанов в книге «На ленских пашнях в XVII веке» отмечает служилого Василия Бурлака в том же 1646 году, когда у промышленных людей был конфликт с Курбатом Ивановым: «Все черкасы были неграмотны, по их велению руки приложили служилые люди Верхоленского острожка Васька Потапов Бурлак и Федотко Баран».

Но главное не это.

Вот событие, которое ввело его имя в историю: «Зашиверский острожек построен в конце 40-х или начале 50-х годов казачьим десятником Василием Бурлаком, приложившим много усилий для подчинения России эвенского горного племени ламутов. Якутская Приказная изба направляла раз в два года в первые два индигирские зимовья одного приказчика, который сам назначал себе помощника. В Зашиверск назначался отдельный приказчик, но он находился в зависимости от главного приказчика реки Индигирки».

Хотя и здесь ведутся споры:

«М.И. Белов пишет, что Зашиверское зимовье поставил В. Бурлак в 1653 г. (см. История

открытия и освоения северного морского пути, т. I. М., 1956, с. 178).

Нам кажется, что более близки к истине утверждения В.Л. Огородникова и С.В. Бахрушина о том, что Зашиверское зимовье основано И. Постником (Посником Ивановым. — *С.В.*). Он в 1638 г. двигался по р. Тостах и пересек хребет Тас-Хаяхтаах. Кто в то время направлялся по этому пути к Индигирке, не мог миновать выгодное во всех отношениях место, где был основан Зашиверск. И. Постник после долгого пути и ряда стычек с юкагирами достиг Индигирки, для отдыха отряда и сбора ясака тогда, возможно, и было срублено Зашиверское зимовье [Фишер И. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1779, с. 385. Бахрушин С.В. Очерки… с. 163. Записаны разные варианты этого предания (Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 597, л. 14–15; д. 670, л. 74–77; д. 597, л. 16–17] — из книги А.П. Окладников, З.В. Гоголев, Е.А. Ащепков «Древний Зашиверск».

В спор не вступаем. Но реальный Зашиверск, как административный центр, появляется с Бурлаком:

«Книга приправочная сбора ясака на 1650–1651 (159) г. и доимок за прошлые годы с якутов по Янскому Верхнему зимовью, данная ясачному сборщику Василию Потапову Бурлаку».

«Книга сбора ясака за 1650–1651 (159) г. с якутов по Янскому Верхнему зимовью служилого человека Василия Бурлака» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

То есть Василий Потапов сын уже не только простой служилый человек, и не только в первом чине десятника — он приказной человек, ведающий сбором ясака.

1651 год:

«Наказные памяти: служилым людям Василию Потапову Бурлаку с товарищами, посланным на службу в зимовье на реку Индигирку (Собачью).

“Память … десятнику Кондратию Моисееву-Сапожнику с товарищами и целовальнику Дементию Гаврилову Караблеву о возвращении в Якутский острог якутских крещеных девушек, бежавших со служилыми людьми Василием Бурлаком, Григорием Киселем и другими”».

1652 год:

«Книга сбора ясака и поминков с юкагиров по Индигирскому острожку служилых людей Василия Потапова Бурлака с товарищами, 14 ноября 1652 (161) г.».

«“Известие о северном морском ходе” — историческое сочинение Миллера о плаваниях русских землепроходцев по Северному Ледовитому океану и вокруг Чукотского носа

…В 1652-м году в морском ходу также немалое нещастие. Один служилой человек Василей Бурлак, которой послан был на Индигирку в Уяндинское зимовье прикащиком, об[ъ]являл: отпущен де он в прошлом 1651-м году из Якутска в самое познее время, а имянно августа 3 дня. И того де ради принужден был зимоват[ь] в Жиганах. А как де он летом вышепоказанного году в путъ свой вступил, то де на устье Лены-реки ради противного ветру от моря столко лду наехал, что де он там до 17 августа стоять принужден был. Потом де путь его чрез некоторое время хотя и благополучен был, понеже он по 7 число сентября свободной проход имел и почти в Ындигирку войти можно было, однако ж де в самое то время, как он надеялся путь свой совершить, поднялься с берегу силной ветр, которым де его кочь между великими льдинами 4 дня по морю носило. Но потом де он, как ветр утих, токмо в 8 верстах от берегу замерз, и перетаскавши де оттуды все припасы и правиант по льду на берег, пошол нартами в Уяндинское зимовье, куды он ноября 8 дня прибыл».

«Отписка служилого человека Василия Бурлака с товарищами якутскому воеводе Ивану Акинфову о прибытии в Индигирский острог и о принятии у служилого человека Фомы Кондратьева острожка, аманатов и толмачей.

Государя, царя и великого князя Алексея Михайловича Всеа Русии стольнику и воеводе Ивану Павловичю Акинфову да дьяку Осипу Степановичю Якутцкого острогу служилой человек Васька Бурлак с товарищи челом бьем. В прошлом во 159 году посланы мы из Якутцкого острогу на государеву службу на Индигирку реку, а отпущены поздо, августа в 3 день; и замерзли мы в Жиганях, а зимовали на Красном песку. И во 160 году летовье мы имали на Курочкине тоне и, взяв летовье, и поплыли на низ по Лене к морю. И приплыв на усть Лены, и стояли мы за ветрами у моря и за великими льдами долгое время. И пошли мы на море августа в 17 день и дошли до усть Индигирки сентября в 7 день. И судом божьим взяло нас горнею относною погодою и отнесло со льдом на море и носило в море четверо сутки в великих льдах; и еще божиею милостью подхватила тишина с моря и прибетовались с великою нужею к земли во льду, а до материка не допустило версты с четыре, потому что великие лайды от земли залегли и льды, да тут государев коч и замерзл; а снасти и якори и парус волочили на матерую землю и государев запас. А мы нартами с великою нужею едва попали в Индигирку реку. И шли мы по Индигирке вверх пять недель до усть Уяндины реки и пришли мы в Индигирской острожек в ясачное зимовье 161 году, ноября в 8 день. Приняли мы по государеву указу и по вашему приказу стольника и воеводы Ивана Павловича Акинфова да дьяка Осипа Степанова ясачное зимовье на усть Уяндины реки Якутцкого острогу у служилого человека у Фомы Кондратьева и аманатов и толмача юкагирсково родом тынгускую бабу Бырчика, новокрещеное имя Матренку» [ЛОИИ, Якутские акты, карт. 15, ст. 4, сст. 32].

1656 год:

Сообщение «М. Лифанова с р. Омолоевы о том, что собранная соболиная казна послана через Янское верхнее зимовье. Сообщается о погроме юкагирей В. Бурлаком и о захвате жен и детей и дележе их дуваном между себя, в то время как юкагиры сами не дрались и требовали мирного разбирательства дела. Такие погромы делались и потом, юкагирей пытали огнем, забирали у них оленей и делили по себе.

На попытку Ливанова удержать людей Бурлака от этих действий последние, во главе с Бусурмановым, ответили побоями; приехавших на р. Омолоево с Лифановым юкагирей люди Бурлака схватили и держали в железах, а потом прикололи».

А это уточненные данные. Их любопытно сравнить:

«В августе 1657 г. служилый Василий Бурлак, его покрученники, промышленные и служилые люди (Василий Козьмин, Алексей Бусорманов с "товарыщи") совместно с индигирскими (хромовскими) юкагирами "тайным обычаем" напали на омолоевских юкагиров, ограбили их, убив двух человек. "Жен и детей юкагирских ясачных людей побрали с собой и з дувану их по себе разделили», отогнали оленей" [Зуев А.С. Хроника присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII – первой четверти XVIII вв.].

И так очень часто — сначала размытые сведения о кровавых многочисленных жертвах, а потом оказывается — действовали в союзе с индигирскими (хромовскими) юкагирами против омолоевских юкагиров же. И кто кого убивал, большой вопрос…

1658 год:

«Книга сбора ясака и поминков за 1658–1659 (167) г. с юкагиров и эвенков по Индигирскому Верхнему Зашиверскому острожку служилого человека Василия Потапова Бурлака».

1659 год:

«Книга сбора новой десятой пошлины по Индигирскому Зашиверскому острожку приказчика Василия Потапова Бурлака, 21 февраля – 8 марта 1659».

«Книга сбора ясака за 1658–1659 (167) г. с омолаевских хромовских и янских юкагиров на р. Хромой служилого человека В. Бурлака».

«Книги сбора ясака с юкагиров на рр. Омолоеве и Охоте за 1659–1660, 1661–1662 (168–170) гг. служилых людей Василия Бурлака, Ивана Рубца, сотника Амоса Михайлова и десятника Ивана Жирка».

1660 год:

«Книга сбора ясака по Индгирскому Верхнему Зашиверскому острожку за 168–170 гг. служилого человека Василия Бурлака и сотника Амоса Михайлова».

«Книга сбора ясака и поминков за 168 г. с юкагиров на рр. Омолоеве, Хроме и Яне служилых людей Василия Бурлака, Ивана Рубца».

1661 год:

«Дела о поверстании в казачьи пятидесятники служилых людей Василия Бурлака, Ивана Иевлева, Григория Татарников, Федора Яковлева и Дмитрия Хохрякова».

«1661 (170) г. не ранее сентября 20 — не позднее ноября 18. 1 — Отписка ленских служилых людей Лазаря Аргунова и Василия Бурлака в Якутскую приказную избу о провозе соболиной казны с р. Яны в Якутск, крушении кочa, лишениях в тундре.

Великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича… (т.) стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Якуцкого острогу служылые люди Лазарко Аргунов да Васька Бурлак челом бьем.

В прошлом во 169-м году марта в… 2 день отпущены мы, служылые люди, с-Ындигирки реки с его, великого государя, соболиною ясачною и десятинною казною через гору на нартах зимным путем на Яну реку, а с Яны реки пошли мы на коче по морю с государевою казною ясачною и десятинною соболиною. И судом божиим учинились ветры великие с моря, и навело из голомени 3 лед, и льдом у нас коч разломало, и два якоря с шеймами льдом затопило, и добыть мы не могли. А его, великого государя, ясачную и десятинную казну соболиную ис коча на лед выхватали, и парус кочевой и со льду на своих головах на землю выносили целу и сохранну, а на землю днем на великую силу могли донашивать, бродили водою со льду.

И мы жыли у моря на тундре великое время, помирали голодною смертью, дожыдались с Ковымы реки кочей. Мы их насилу дождались с Ковымы с кочами и великого государя соболиную казну и парус к торговому человеку к Ондрюшке Ворыпаеву на коч положыли. И мы с нею служылые люди тут же на коче и до Жыган до Красного песку и его, великого государя, казною дошли здорово в нынешнем во 170-м году сентября в 20 день. И мы ныне живем в Жыганех на Красном песку. А на нартах из Жыган итти не посмели в якуцкой острог с его, великого государя, казною, потому что в прежние годы бывали убойства от иноземцов от тунгусов. А служылых людей у нас немного, потому мы не посмели итти в Якуцкой острог на нартах.

А таможенной целовальник Ивашко Максимов Творогов пошел из Жыган в Якуцкой острог на нартах, и что он собрал в прошлых годех на Индигирке реке в таможне великого государя настоящей десятой и новой соболиной казны, и ту казну он, Ивашко, свой збор взял с собою из Жыган на нартах в Якуцкой острог. А что есть прошлого ж году десятинная же соболиная казна збору Карпушки Ондреева, и он, Ивашко, тот ево, Карпушкин, збор с собою в Якуцкой не взял, а оставил ея у нас в Жыганех на Красном песку в анбаре с ясачною казною вместе» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 28, л. 92].

1662 год:

7170 г. — Росписи служилых людей, посланных … на р. Охоту с пятидесятником Василием Бурлаком и с Иваном Иевлевым».

«…казаков на Охотском побережье для защиты всех острожков крайне не хватало, и командир Охотского острога Леонтий Юрий Кутузов писал в Якутск, что в Охотском остроге только 60 человек. Понимая это, якутский воевода Иван Голенищев-Кутузов в том же 1662 г., где-то во второй его половине, отчитывался в "Отписке об Охотском острожках" на имя царя, что он "…на Охоту и вновь на Тоуй реки послал в прибавку и для оберегания от Богдойских людей к Л. Кутузову пятидесятника казачьего Василия Бурлака, а с ним послано 30 человек, а больше того… людей на Охоту послать некого…"» [Долгая дорога к Тауйску. Походы первопрходцев]

1664 год:

«Книга сбора ясака за 1664–1665 (173) г. с эвенков и якутов по Жиганскому зимовью пятидесятника Василия Потапова Бурлака».

«Книга сбора ясака за 172 г. с эвенков по Охотскому острожку пятидесятников Василия Бурлака и Ивана Евлева Тильного. Скрепил Бурлак за себя и за Иевлева».

«Отписка якутского воеводы в Сибирский приказ и челобитная служилого человека Василия Потапова Бурлака о поверстании его за долголетнюю службу в дети боярские вместо умершего Степана Жеглова».

Не поверстали…

1666 год:

«В январе 1666 г. на смену И.М. Хворому на Блудную и Гижигу назначен пятидесятник Василий Бурлак с предписанием "поставить на Блудной реке ясачное зимовье и укрепить накрепко". Смена произошла в 1667/68 г.» [Зуев А.С. Хроника присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII – первой четверти XVIII вв.].

«*1666 года января 10. —* Из наказной памяти якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова в Жиганск казачьему пятидесятнику Василию Бурлаку о посылке его на реки Блудную и Чондон на смену Ивану Хворому.

Лета 7174, генваря в 10 день, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии, и государя благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии память в Жиганы Якуцкого острогу служилому человеку пятидесятнику казачью Ваське Бурлаку. В нынешнем во 174 году, ноября в 5 день, писал ты в Якуцкой к стольнику и воеводе Ывану Федоровичу Большему Голенищеву-Кутузову: в прошлом де во 173 году послан ты из Якуцкого острогу великих государей на службу на Блудную на перемену служилому человеку Ивашку Хворому, а велено тебе у него, Ивашка, принять аманатов… А тот де, Ивашка, хочет итти через Камень в Якуцкой острог, и тебе де итти не х кому… И в прошлом же во 173 году послал он, Ивашка (Ермолин), с тем аманатом, который был на Блудной реке у Федьки Чюкичева, по той же по Быстрой реке и вверх по Блудной реке. А коч де тебе (с служилыми людьми) для великих государей службы из Якуцкого дан худ. Ты в том коче плыл вниз по Лене реке, потонул и итти на море не смел, потому что тот коч розен, и ты де зимуешь на Лене, в Зырянке речке и о том бы тебе указ учинить. И как к тебе ся память придет, и тебе б в нынешнем во 174 году, весною, починя тот коч, тотчас итти великих государей на службу на Чондон и на Блудную реку. И, приехав на Ковыму, взять тебе у приказново у Семена Аврамова аманата… И с ним Семеном роспискатца и с тем аманатом итти на Блудную реку. И приехав на Блудную… поставить на Блудной реке ясачное зимовье и укрепить накрепко, и укрепя, жить в том зимовье для великих государей ясачного збору и великих государей ясак збирать по наказу, каков наказ велено тебе взять у Ивашка Хворово. А будет тово коча починить нельзя, и тебе б взять коч сына боярскова Второва Катаева,который стоит в Бузине губе».

Василий Бурлак, казачий пятидесятник, продолжительное время нес службы на северо-восточных сибирских реках. Нам известны следующие его походы: в 1651–1652 гг. он совершил плавание с Лены к устью Индигирки (док. 78). Летом 1654 г. он пришел по морю с Индигирки в Жиганск. В отписке Жиганского приказчика о приходе Бурлака сказано: «"Из-за моря, с Индигирки на коче пришли служилые люди Василей Бурлак с товарищи з государевой казной и с ним промышленные люди человек с тритцать" (ЯА, карт. 15, ст. 8, сст. 63). В 1658 г. Бурлак был послан в Зашеверский острог, но около реки Омолоевой судно его замерзло во льдах. Остальной путь он прошел на нартах (ЯА, карт. 16, ст. 9, сст. 28). В 1665 г. Бурлак поехал на реку Блудную (Омолон) (ЯА, карт. 19, ст. 11, сст. 801). Только в 1670 г. летом он по морю вышел с Колымы на Лену вместе с казаком Михаилом Колесовым (док. 123). В 1672 г. его снова послали на Омолон и Пенжину "для прииску новых неясачных землиц" (ЯА, карт. 25, ст. 9, сст. 3). О дальнейших службах Василия Бурлака нам ничего неизвестно. Во всяком случае, в 1676 г. якутский воевода запрашивал колымского приказчика Петра Ярыжкина о местонахождении Бурлака, приказав выслать его в Якутск по судебному делу (ЯА, карт. 29, ст. 3, сст. 38)» [ЛОИИ, Якутские акты, карт. 19, ст. 11, сст. 80–81].

1667 год:

«Приказчик на Колыме пятидесятник Василий Бурлак».

1669 год:

«Книга сбора ясака за 1669–1670 (178) г. по Колымскому Нижнему зимовью пятидесятника Василия Потапова Бурлака».

1672 год:

«Книга сбора ясака с эвенков и якутов по Оленскому зимовью пятидесятника Василия Бурлака за 180 г.».

1673 год:

«Приказчиком Чендонского зимовья до 1673 г. был Андрей Щипунов. В 1673 г. его сменил в этой должности Василий Бурлак, однако из-за плохого обращения Щипунова с аманатами юкагиры отошли от зимовья, не являлись к Бурлаку и не платили ему ясака. К концу 1676 г. Василий Бурлак, проведя три года на Пенжине (за это время аборигены так и не подошли к зимовью и не платили ясака), бросил зимовье и вместе со своими людьми ушел в Якутск, куда прибыл летом 1677 г.».

[«1677 г. августа 13. — Из наказа якутского воеводы А.А. Барнешлева Василию Пермяку». ДАИ 7, 23:II1]:

Лета 7185 августа в 13 день (13.08.1677), по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу и по приказу воеводы Андрея Афонасьевича Барнешлева, память Якутцкого острога казаку Васке Тарасову. Идти ему со служилыми людми великого государя на службу на Омолон и Пенжину реки для того: в прошлом во 180 году (сент. 1671 – авг. 1672) послан на те реки из Якутцкого острогу, для великого государя ясачного сбору пятидесятник казначей Васка Бурлак с служилыми людми, а велено ему, приехав на те реки, принять у казака у Ондрюшки Щипунова великого государя ясачное зимовье и служилых людей и аманатов, по росписи, и в том с ним Ондрюшкою росписатца и под тех аманатов собрать великого государя ясак; и в нынешнем во 185 году (сент. 1676 – авг. 1677) тот Васка, приехав в Якутцкой в чернецех, а в иноцех имя ему Венедикт, а с собою великого государя ясачные казны ничего не привез, а сказал, что-де он Васка великого государя на службу на Омолон и на Пенжину реки с служилыми людми ходил и у казака Ондрюшки Щипунова ясачное зимовье и двух аманатов на лицо принял, и жил-де он Венедикт в том зимовье три годы, и ясачные-де иноземцы великого государя с ясаком в те годы к зимовью не бывали и аманатов своих покинули, и те аманаты в зимовье с голоду померли, да и сам он Венедикт с голоду мало не умер и вышед на Ковыму реку в Ружниково зимовье».

П.П. Явловский в «Летописи города Якутска» изложил эту историю в трех словах:

«Возвратился с Пенжины и Омолона сборщик ясака казачий пятидесятник Василий Бурлак, “в чернецех и в иноцех имя ему Венедикт”. Он отправлен был туда в 1672 году. От кого он принял там пострижение — неизвестно».

1678 год:

«Дело по обвинению в насильственном пострижении в монахи казачьего пятидесятника Василия Бурлака его женой Катериной Яковлевой совместно с приказным человеком — пятидесятником Герасимом Цыпандиным и о подмене ими соболей сбора Василия Бурлака».

Так печально завершилась государева служба Василия Потаповича.

А вот теперь очень важное в отношении потомков Василия Потапова сына Бурлака.

Мы уже упомянули в этом очерке имя сотника Амоса Михалова — потомки которого стали Амосовыми.

В одном из документов промелькнуло такое сообщение «Потаповы-Бурлаки» — и вполне вероятно, чтобы не путать с возможными детьми Ивана Васильева сына Бурлака, дети Василия Потапова сына Бурлака писались уже Потаповыми. Но это другая история, которая будет рассказана ниже.

«Жалоба промышленного человека Алексеева на служилого человека Потапова-Бурлака о невозвращении позаимствованных соболей» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 1, Я., 2016].

ЯКОВ ВАСИЛЬЕВ СЫН БУРЛАК

Вполне возможно, что именно с него начинается забайкальская история Бурлаковых.

«…служилые люди которые в прошлом во 158-м [1650] году для государеву новой Даурской земли ис промышленых людей поверстаны … Якунка Васильев Бурлаков на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 43 об.].

А вот «россыпь» Бурлаковых в Селенгинске:

«Состав гарнизона Селенгинска в 1683
Десятники пеших казаков
Состав гарнизона Селенгинска в 1693
Пешие десятники

Бурлак Василий» [Багрин Е.А. Гарнизон Селенгинска и учреждение конной службы в 1690–1693 гг.].

Селенгинский острог. Набор в казаки, рекруты и в Камчатскую экспедицию после Первой переписи (1724 г.).

Бурлаков Иван — Ильинский острог, в действительную казачью службу

Селенгинск, 1762 год

Архангельской слободы крестьяне:

Померли:

1324) … Осип Бурлаков

Селенгинск, 1805 год:

«Регистр

Урлуцкой волости десятку Тамирского крестьянам, обязавшимся поставкой в могазейн Селенгинский на срок июля к 20 числу муки ржаной с означением разстояний, количества хлеба по какой цене и на какую сумму с выдачей наперед от сказанного могазейных половинных денег.

Марта 1 дня 1805 год.

Деревни Шазагайской

Игнатей Бурлаков 29 пуд

Семен Бурлаков 7 пуд 10 фунтов» [ГБУ ГАРБ, ф. 401, оп. 1, д. 36, л. 10].

Возможно, здесь и нет связи с моим рассказом, но кто его знает…

БУТАКОВЫ (БУДАКОВЫ)

Фамилия эта оказалась не просто, а очень распространенной, вероятно, потому, что пер-

вичное прозвище патриархов этих родов было связано с разными смыслами: оно происходило от глагола “бутать”, имевшего разные значения: в калужских говорах — “шить”, в псковских — “шумом, стуком пугать рыбу”».

Но это еще не все: «…неприметная фамилия Бутаков (во многих волостях) — с “секретом”: на других территориях страны она пишется как Будаков; здесь просматривается характерная местная диалектная черта — оглушение звонкого согласного д→т в позиции между гласными».

Если мы откроем с вами биобиблиографический словарь «Служилые люди конца XVI – начала XVIII вв.», то увидим множество верхотурских и тарских Будаковых (Бутаковых) и казаков, и детей боярских, и крестьян.

Вполне вероятно, что многочисленные Будаковы (Бутаковы) из Верхотурья являются патриархами многих сибирских и дальневосточных родов.

Но в великом множестве всегда разобраться сложно. Поэтому нужно брать за основу что-то конкретное.

И в этом деле нам поможет Андрей Владимирович Черепанов, который в своей книге «Сибирская кровь» вплотную подошел к этой теме:

«Бутаковы. Запорожская история

Мои предки по чисто мужской линии породнились с четырьмя фамильными линиями Бутаковых, и ближайшими мне родственницами под такой девичьей фамилией оказались три моих шестижды и одна семижды прабабушки. Старшая из них — Васса, или Василиса, дочь верхоленского разночинца Марка Осиповича Бутакова, родилась в 1717 году и умерла в 1800 году, мужем ее был разночинец Никита Иванович Витецкий. Следующая за ней – Агриппина, дочь разночинца Дементия Бутакова, которая появилась на свет спустя пять лет, в 1722 году, была женой опять же разночинца Федота Макаровича Кистенева. Далее — Евдокия, 1724 года рождения. Она происходила из семьи верхоленского казака Кондратия Леонтьевича Бутакова, вышла замуж за бирюльского крестьянина Дмитрия Леонтьевича Скорнякова и умерла в 1785 году. И младшая — Ефимия, родившаяся в 1727 году в семье верхоленского казака Савелия Леонтьевича Бутакова и отданная взамужество бирюльскому крестьянину Ивану Амосовичу Зуеву.

Восходящую родословную линию двух первых из них — Василисы Марковны и Агриппины Дементьевны Бутаковых — мне удалось установить довольно легко из илимско-верхоленских архивных документов. По ним, еще в 7163 (1655) году в Илимском остроге был казак Игнатий Бутаков, и тогдашний воевода Богдан Оладьин (Аладьев), узнав, что “в Ылымском уезде у Тунгуски реки в горе есть железная руда”, направил его со служилым Шесташкой Коршуновым на поиски этой руды. Они ее успешно сыскали и доставили образцы в Илимск, положив тем самым начало освоения железорудных месторождений в Восточной Сибири. Через много лет, по поручению другого илимского воеводы — Силы Оничкова, казачий пятидесятник Игнатий Бутаков с группой товарищей искал угожие пашенные места в районе илимской реки Туны и Ангары вверх от будущего Яндинского волока до Идинского острожка. По итогам поиска воевода сообщил в доставленном в январе 1672 года Московскому царю послании, что “на луговых землях и по нагорным еланям можно построить в пашню по Илиму и Туне больше двадцати семей и за Ангарским волоком, вверх по Ангаре, до Идинского острожка — больше пятидесяти семей”.

В 1673 или 1674 году в одной из деревень Нижнеилимской волости некий крестьянин Федор Лыткин “остарел и за увечьем ис пашни выпущен в Енисейской монастырь, а в ево Феткино место Лыткина по челобитной за порукою поверстан в тож тягло казачей сын Фетка Игнатьев сын Бутаков”, но уже 1 сентября 1674 года, “по указу великого государя и по грамоте, Фетка Бутаков от пашни отставлен и та феткинская пашня Бутакова отдана отцу ево Феткину илимскому пятидесятнику казачью Игнашке Бутакову за государево хлебное жалование”. Однако и он владел землей совсем не долго — 9 марта 1676 года умер. Запись об этом в окладной книге 7185 (1677) года раскрывает его отчество — Севастьянович. Примерно тогда же (начав до 1682 года) имеющие те же отчество и фамилию Герасим и Даниил служили судовыми плотниками Илимского острога, “которые на Якутцкой обиход суды делают”, а Максим Севастьянович Бутаков — пешим казаком Верхоленского острога. В 1684 году Герасим, Даниил и Максим Севастьяновичи, а также два Петра Игнатьевича и Алексей Максимович Бутаковы пашню пахали (эта пашня или та ее часть, что досталась Максиму Севастьяновичу, прилегала к деревне, называемой сегодня в честь русского историка XIX века Щапова). По потомкам: у Герасима Севастьяновича были сыновья Василий, Григорий и Федор, у Даниила Севастьяновича — Михаил и Никита, у Игнатия Севастьяновича — кроме двух Петров и Федора, еще Агафон, Кузьма и Михаил, у Максима Севастьяновича, кроме Алексея, Дементий и Осип (они были верхоленскими казаками), у кого-то из Петров — Афанасий, Василий, два Степана, Терентий и Яков.

В результате исследования выяснилось также, что в 1624 году в Тарском городе служил конный казак Семен Бутаков; в 1696 году казачий десятник Петр Бутаков подписывал договор служилых людей Селенгинска, Удинска, Кабанского и Ильинского острогов о взаимной поддержке и организации органов самоуправления; в том же году в Илимском остроге служили рядовые казаки Агафон, Михаил и Никита Бутаковы; в 1725 году в Илимске умер служилый Михаил Бутаков, около 1657 года рождения; во вторую ревизию в Идинском остроге жил Афанасий Бутаков, 1667 года рождения, а в Иркутске — рожденный в 1689 году “города Устюга посадского отца сын в прежнюю перепись написанной в онном городе Алексей Бутаков”.

Может, и илимские казаки Бутаковы – тоже выходцы из Устюга?

По всей вероятности, большая часть Бутаковых из Илимска так и осталась в его ведомстве, перейдя в крестьяне: в “Списке жителей Илимского уезда в 1744 году по сравнению с переписью 1719–1723 годов” перечислены рожденные в самом конце 1680-х годов братья-крестьяне Григорий, Иван и Федор Бутаковы из деревни Бутакова, и тогда там жили только потомки этого Ивана. В исповедной росписи Преображенской церкви Яндинского острога за 1799 год я нашел перечень крестьян той же деревни, состоящий исключительно из четырех семейств под фамилией Бутаковы в составе сорока трех человек».

Андрей Владимирович не упомянул в своей родовой летописи еще один случай, который произошел в Чечуйском остроге.

Сын боярский Курбат Иванов, первый в России исследователь озера Байкал, впоследствии был приказчиком Анадырского острога. По возвращении в Якутск произошла беда — сгорела вся ясачная казна. Пока шло следствие, Курбат был направлен в Чечуйский острог, где в это время приказным человеком был Семен Иванович Дежнев. Когда следствие подошло к своему логическому завершению, в Чечуйский острог был направлен сын боярский Семен Епишев с казаками, в числе которых был и пятидесятник Игнатий Бутаков:

«*1667 (175) г. не ранее мая 7 — не позднее августа 31. —*
Отписка сына боярского Ивана Ерастова в Якутскую приказную избу о высылке в Илимский острог сына боярского Курбата Иванова, находившегося на Чечуйском волоке с атаманом Семеном Дежневым.

Государя, царя и великого князя Алексея Михайловича … (т.) и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича… (т.) и государя благоверного царевича и великого князя Феодора Алексеевича… (т.) и государя благоверного царевича и великого князя Симеона Алексеевича… (т.) окольничему и воеводе князю Ивану Петровичю с Чичюйского волоку Якуцкого острогу сынок боярской Ивашко Ерастов челом бьет.

В нынешнем во 175-м году майя в 7 день Илимского острогу воевода Сила Осипович Аничков писал на Чичюйской волок Якуцкого острогу к атаману к Семену Дежневу память о тобольском сыне боярском о Курбате Иванове, а в памяти ево написано:

Присланы де к нему, Силе Осиповичю, из Енисейского острогу от тобя, окольничево и воеводы, от князя Ивана Петровича, отписка, а велено де ему, Силе Осиповичю, из-Ылимского острогу послать нарошно служилых людей на Чичюйской волок по того сына боярского по Курбата Иванова и велено ево, Курбата, взять тем служилым людем на Чичюйской у атамана у Семена Дежнева и привесть ево, Курбата, с собою в-Ылимской острог, и держать до твоего, окольничево и воеводы князь Ивана Петровича, приезду. И он, атаман, память от воеводы от Силы Осиповича у служилых людей у пятидесятника у Игнатья Бутакова да у десятника у Лариона Смирново принял, а ево, сына боярсково Курбата Иванова, не отдал и скаску за своею рукою мне, Ивашку, в судной избе подал — отдать де я ево, Курбата, не умею, а за нево де я не стою же, потому что де не Курбат под моим началом послан, а яз де, Сенька, с ним, Курбатом, послан на Чичюйской волок по хлебные запасы, и росписки де я дать не умею же. И я, Ивашко, тем делом не замешкал, того сына боярского Курбата Иванова Илимским служилым людем пятидесятнику Игнатью Бутакову да десятнику Лариону Смирному из судные избы отдал и в том с ними росписался, а взял за их руками росписку и подводы им дал, и об том в-Ылимской острог к воеводе к Силе Осиповичю Аничкову писал в отписке. Сын боярской Ивашко Ерастов» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 2146 (474), лл. 26–27].

Сын боярский, исследователь Байкала и Чукотки Курбат Иванов избежал позорного наказания — он умер по пути в Якутск…

А сын Игнатия — Федор Игнатьевич Бутаков — в 1692 году числится в Якутском казачьем полку в женатом окладе [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 23 об.].

И в том же 1692 году мы находим еще одного Бутакова в списках Идинского острога (на реке Ангара):

«201 [1692], октября в 20 день, с ыркуцкими казаки, с Оничкою Воловым с товарыщи». К отписке приложена челобитная: “Великим государем [И.А., П.А.] бьют челом холопи ваши, Идинского острогу служилые люди: десятник казачей Пронька Черниговской конные казаки: Ивашко Захаров Митка Кулаков пешие казаки: Сенка Шувай Оничка Волов Илюшка да Пронька Маньковы Федька Безпалов Максимко Переломов Кирюшка Учюжников Петрушка (не Игнатьев ли тоже сын? — *С.В.*) Бутаков Якунька Жидов. На прошлой, государи, на 199-й [1690–1691] год не пожалованы мы, холопи ваши, вашим великих государей денежным и соляным жалованьем. И в тот год, служа вам, великим государем, по Идинскому и в розных посылках для всяких ваших уско(ренных) дел, и ездя за ясачным соболиным збором, без вашего великих государей жалованья, и задолжали неоткупны[ми] долга[ми]. А стольники и воеводы Иван Петрович да (Матвей) Петрович Гагарины нам, холопем вашим, на прошлой на 199-й [1690–1691] год (денеж)ного и соляного жалованья [не выдали]. Ве[лите] нашу челобитную по[слать] к вам, великим государем, к Москве и велите государи, нам, холоп[ем] вашим, на 199-й год денежн[ое] и соляное [жа]лованье выдать”.

На обороте челобитной — рукоприклад-

ства: “К сей челобитной вместо служилых людей Прокопья Черниговскова, Ивана Захарова, Мини Кулакова, Семена Шувая, Аники Яволова по их веленью иркуцкой казак Фомка Кузнецев руку приложил. К сей челобитной вместо служилых людей Илюшки да Прокопия Маньковых, да Федора Безпалова, Кирила Учюжникова, Петра Бутакова по их велению Ивашко Захаров Хорошево руку приложил”» [Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование, Иркутск, 2008].

В 1696 году он уже десятник: «К сему договору [между служилыми людьми Селенгинска, Удинска, Кабанского и Ильинского острогов о взаимной поддержке и организации органов самоуправления] в [место сына] боярского Ивана Новикова, [Се]мена Сенотрусова по их велению конной казак Сенька Мальцов руку приложил. К сему договору вместо пятидесятников Ивана Алемасова, да Моисея Борисова да Прокопья Кузнецова, да Семена Дьяконова по их велению удинской стрелец. Якушко Лосев руку приложил. К сему договору вместо пятидесятника Анисима Падерина по ево велению десятник Петрушка Бутаков руку приложил» [РГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. № 1697, гг. Л. 30].

И, кстати, в списках илимских казаков того же 1696 года Петра Игнатьева сына нет — есть рядовые казаки Мишко Бутаков, Агафонко Бутаков, Микишка Бутаков.

Илимские Бутаковы в 1686 году появляются и в Нерчинске: «Илимские “стенные” служилые люди. Полк А. Смаленберга. Нерчинск (9 чел.).

Брагин Андрюшка, пятидесятник, Брусенкин Савка, Бутаков Тимошка, Дедюхин Ивашко, Падерин Пашка, Сенотрусов Андрюшка, Стариков Федка, Черемисинов Никитка» [Багрин Е.А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность].

Илимская воеводская канцелярия, 1756 год:

«подканцеляристы:

1) Петр Бутаков, 34 лет, “из илимских казаков, определен к делам в 747 году … у него дети Прокопей, который грамоте читать обучен, а ныне обучается писать, Дмитрей, 4 года”;

2) Степан Бутаков, 30 лет, “находится у дел с 750 году… мужеска полу детей не имеет”».

В переписи 1722/1748 года Тауйского острога мы находим имя разночинца (то есть в недавнем еще казака) Ивана Бутакова.

Вопрос: какого он роду племени?

В приложении к книге «Сибирская кровь» Андрея Черепанова есть ведомость верхоленских казаков, в которой обозначены верхоленские Бутаковы, направлявшиеся на службу в охотоморские военные гарнизоны.

Матвей сын Марка (1725), в службе с 1748 г., в командировке в Охотске; Федор сын Тихона (1724), в службе с 1748 г., в командировке в Охотске; Константин сын Тихона (1730), в командировке в Анадырской партии, в службе в 1747 г.

А впоследствии в именных списках Гижигинской крепости мы находим сразу нескольких казаков Бутаковых:

1761 год — казак Иван Бутаков

1766 год — казак Иван Вавилов Бутаков

1766 год — казак Тимофей Митрофанов Бутаков

1766 год — казак Евдоким Марков Бутаков

1772 год — казак Федор Бутаков

1781 год — солдат Куприян Бутаков [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Дд. 3, 13, 22, 88].

«1792 г. июля 14. – Рапорт Р.Р. Галла в Адмиралтейств-коллегию о зимовке на о-ве Уналашка и о подготовке судна “Черный орел” к обследованию Курильских островов

Получа о всем том известие, поспешая соединиться с тем г-ном Сарычевым, того ж самаго дня из той губы Св. Лаврентия к острову Уналашке и отправилса. А прибыл на оной 2-го сентября и судно “Слава России” нашел, где, в разсуждении наступившей осени, сверх сего и дальнее отстояние помянутаго острова от гавани Св. Петра и Павла, паче всего по недостатку дров, так как оных весьма недостаточно, и на изыскание потребно будет время, по учинении общаго консилиума, остались на оном прозимовать 4. Во время коей от случившейся тяшкой цинготной болезни померло: из Иркутска взятых: геодезии сержант Елистратов, ис казаков: матрос Яков Сизых, Семен Оглоблин, Григорей Донских, Иван Корелин, Дмитрей Тюменцов; утопших: Артамон Мельников, наименованных егарями Илья Тюменцов, Петр Мираманов, армейской егарь Артемей Герасимов, из Охотска боцманмат Григорей Гладкой, на судне “Чернаго орла” из Иркутска взятых — ис казаков: матроз Петр Ознобихин, Никита Наянов, Никифор Бутаков, Николай Скуратов: всего на обоих судах 15 человек» [РГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 67, л. 4–6].

А в Нижнекамчатске в 1812 году заканчивает службу в Камчатском гарнизонном батальоне рядовой солдат Алексей Сергеев Бутаков (1793), то есть прибывший на Камчатку еще ребенком.

А среди воспитанников Камчатского отделения императорского военно-сиротского дома в это же время записан Бутаков Андрей Павлович (1796) [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4, л.6 об., 8–9].

Следовательно, их родителями были солдаты бывшего Иркутского гарнизонного батальона Сергей и Павел Бутаковы.

В 1850 году из Охотска в Петропавловский порт прибыл в числе мастеровых Охотского флотского экипажа унтер-офицер Василий Бутаков [РГИА ДВ, фонд 1009, оп. 2, д. 3, л. 707].

И мы забыли про забайкальцев:

«Среди местных уроженцев были редкие исключения — казачьи офицеры, сумевшие самостоятельно достичь высокого положения благодаря способностям и усердию. М.И. Венюков называл их “сибирскими самородками”. Они попадали на значительные должности, не имея на то формальных прав — ни высокого со-

словного статуса, ни образования, но обладали богатым жизненным опытом и достигли всего долгими годами канцелярского труда. Ярким представителем такого служащего был А.М. Бутаков. Он происходил из казачьих детей Забайкальской области. Воспитывался при родителях. В 1862 г., будучи 17 лет от роду, вступил в службу писарем в правление 1-й пешей бригады Забайкальского казачьего войска. В 1867 г. был старшим урядником и столоначальником правления 1-й пешей бригады. В 1872–1874 гг. исполнял должность старшего адъютанта Управления атамана III отдела Забайкальского казачьего войска. В 1877–1883 гг. в чине сотника заведовал Нерчинскими ссыльнокаторжными. В 1883–1884 гг. являлся смотрителем Александровской каторжной тюрьмы на Сахалине. А в 1884–1896 гг. был Тымовским окружным начальником, успев потрудиться при трех губернаторах.

Начальник о. Сахалина генерал-майор А.И. Гинце называл сотника Бутакова “самым бдительным и усердным своим помощником”. А политический заключенный И.П. Миролюбов вспоминал: “Бутаков считался на Сахалине образцовым хозяином и неусыпным деятелем. В самом деле, он знал всех поселенцев каждого по фамилии, знал, сколько у кого детей, какое хозяйство, сколько скота, его прилежание к работе, поведение. Будучи прекрасным семьянином, Арсений Михайлович напоминал хорошего помещика времен крепостного права. С 7 часов утра он обыкновенно сидел в канцелярии и принимал ежедневно толпу просителей. Каждому он умел помочь не одним только советом. При таких отзывах о нашем начальнике мы довольно успокоительно смотрели на свое будущее”.

Сахалинские губернаторы неоднократно ходатайствовали о выдаче ему единовременного годового оклада жалованья “ввиду многосемейного положения”, так как за исправную службу он не получал особого поощрения. Генерал-губернатор А.Н. Корф считал такие ходатайства не только заслуживающими внимания, но желательными и даже необходимыми, “как в интересах дела, так и согласно справедливости”. Хотя выплата годового оклада жалованья Бутакову не полагалась по закону (он был не отставным офицером, а состоял на действительной военной службе, числясь по Забайкальскому казачьему войску), но в уважение к его заслугам и просьбе А.Н. Корфа Бутаков в 1890 г. был награжден годовым окладом жалованья в размере 1500 руб.» [Павлов Ю.А. Казачьи офицеры и гражданская служба на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.), Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX – XX вв., Хабаровск, 2006].

Из маленького илимского ростка — казака Севастьяна Бутакова — за последующие столетия выросло огромное родословное древо потомков. Мы сегодня даже не представляем масштабы этого древа.

Вот только часть из его кроны, обагренная кровью в годы великого политического террора 1930-х годов:

Реабилитированные жертвы массовых политических репрессий

Бутаков Василий Ильич

Родился в 1898 г., Иркутская обл., Куйтунский р-н, пос. Куйтун; русский; б/п; работал бухгалтером Мехлесзаготпункта в г. Усолье-Сибирское. Проживал: Иркутская обл., г. Усолье-Сибирское. Арестован 3 сентября 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 20 сентября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-2, 58-8, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 2 октября 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 10 сентября 1955 г. постановлением комиссии Иркутской области по пересмотру уголовных дел на осужденных за контрреволюционные преступления [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Василий Леонтьевич

Родился в 1859 г., Иркутская обл., Качугский р-н, д. Бутаково; русский; б/п; колхозник сельхозартели им. Парижской коммуны в дер. Бутаково. Проживал: Иркутская обл., Качугский р-н, д. Бутаково. Арестован 30 мая 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 2 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 18 января 1990 г., заключением прокуратуры Иркутской области [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Бутаков Василий Петрович

Родился в 1909 г., Иркутская обл., Кировский р-н, пос. Тимирей; русский; б/п; колхозник колхоза «Путь социализма» в пос. Тимирей. Проживал: Иркутская обл., Кировский р-н, пос. Тимирей. Арестован 14 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 20 декабря 1937 г., обв.: по ст. ст. 58-7, 58-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ Реабилитирован 27 марта 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.].

Бутаков Владимир Дмитриевич

Родился в 1896 г., Бессарабская обл., с. Окница; русский; б/п; работал бухгалтером Бодайбинской медсет треста Лензолото. Проживал: Иркутская обл., г. Бодайбо. Арестован 10 февраля 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 8 марта 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-7, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 8 апреля 1938 г. Место захоронения — г. Бодайбо. Реабилитирован 2 марта 1957 г. постановлением президиума Иркутского областного суда [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Владимир Спиридонович

Родился в 1911 г., Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково; русский; грамотный. Проживал: БМАССР лагерь Джидалаг. Арестован 24 февраля 1942 г. Приговорен: Верховным судом БМАССР 19 марта 1942 г., обв.: ст. 58-11. Приговор: 10 лет лишения свободы. Реабилитирован

11 апреля 1994 г. Верховным судом РБ [Книга памяти Бурятии: подготовительные материалы]

Бутаков Герман Григорьевич

Родился в 1888 г., Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково; русский; б/п; работал кузнецом на прииске Нерпо. Проживал: Иркутская обл., Бодайбинский р-н, на прииске Нерпо. Арестован 3 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 15 мая 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-7, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Реабилитирован 2 марта 1957 г. постановлением президиума Иркутского областного суда [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Григорий Викторович

Родился в 1912 г., Иркутская обл., Заларинский р-н, д. Букашкино; русский; б/п; отбывал наказание в местах лишения свободы в ИТЛ г. Усть-Кута Иркутской области. Арестован 5 августа 1938 г. Приговорен: <...>, обв.: по ст. ст. 58-7, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Реабилитирован 17 ноября 1939 г. постановлением УНКВД Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Григорий Евсеевич

Родился в 1882 г., Иркутская обл., Кировский р-н, участок Большой Тимирей; русский; б/п; колхозник сельхозартели «Путь социализма» Кировского района. Проживал: Иркутская обл., Кировский р-н, участок Большой Тимирей. Арестован 3 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 8 декабря 1937 г., обв.: по обвинению в совершении контрреволюционных преступлений. Приговор: расстрел. Расстрелян 9 января 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 31 мая 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Григорий Никандрович

Родился в 1908 г., Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково; русский; б/п; работал кузнецом сельскохозяйственного комбината в пос. Качуг. Проживал: Иркутская обл., пос. Качуг. Арестован 10 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 13 августа 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-2, 58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 19 января 1957 г. постановлением президиума Иркутского областного суда [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Дмитрий Федорович

Родился в 1908 г., Иркутская обл., Усть-Удинский р-н, д. Федоровка; русский; б/п; работал десятником лесозаготовок Усть-Удинского лесхоза. Проживал: Иркутская обл., Усть-Удинский р-н, дер. Берденникова. Арестован 19 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 5 июня 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-2, 58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Реабилитирован 4 мая 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Иван Кириллович

Родился в 1880 г., Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ханда; русский; б/п; крестьянин-единоличник. Проживал: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, с. Карам. Арестован 22 февраля 1938 г. Приговорен: иройка при УНКВД Иркутской обл. 19 мая 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-9, 58-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 25 октября 1957 г. реабилитирован определением Военного трибунала ЗабВО [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Иван Николаевич

Родился в 1868 г., Иркутская обл., Куйтунский р-н, с. Харик; русский; б/п; работал сторожем Куйтунского райлесхоза. Проживал: Иркутская обл., Куйтунский р-н, с. Или. Арестован 20 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 27 февраля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 7 марта 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 19 мая 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Иван Федорович

Родился в 1882 г., Иркутская обл., Братский р-н, с. Шаманово; русский; б/п; крестьянин-единоличник. Проживал: Иркутская обл., Братский р-н, с. Шаманово. Арестован 21 ноября 1929 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК 12 февраля 1930 г., обв.: по ст. 58-8 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Реабилитирован 5 апреля 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Иннокентий Никонорович

Родился в 1896 г., Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково; русский; б/п; работал бригадиром сельхозартели им. Ворошилова в с. Бутаково. Проживал: Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково. Арестован 18 мая 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 7 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 2 апреля 1956 г. постановлением комиссии Иркутской области по пересмотру уголовных дел на осужденных за контрреволюционные преступления [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Иосиф Иосифович

Родился в 1888 г., Иркутская обл., Тункинский айм[ак], с. Тунка; русский; б/п; работал техником-строителем банно-прачечного треста в г. Иркутске. Проживал: г. Иркутске. Арестован 27 сентября 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 9 октября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-7, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел Расстрелян 19 октября 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 29 апреля 1958 г. определением Военного трибунала ЗабВО [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Константин Павлович

Родился в 1907 г., Иркутская обл., Качугский р-н, д. Бутаково; русский; б/п; отбывал наказание в местах лишения свободы в Кяхтинской ИТК. Арестован 7 апреля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 25 октября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-2, 58-7, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Рас-

стрелян 3 ноября 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 24 апреля 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Константин Петрович

Родился в 1891 г., д. Романово Нижнеилимской волости Тулунского уезда Иркутской губ.; образование начальное; приказчик в рабочем кооперативе. Проживал: г. Хабаровск. Арестован 16 марта 1926 г. Приговорен: Иркутским губсудом 3 июля 1926 г., обв.: по обвинению в «службе в колчаковской контрразведке в г. Бодайбо и Усть-Кут в 1919 г.» (ст. 57, 58, 66 и 213 УК РСФСР). Приговор: дело прекращено за «отсутствием состава преступления», освобожден в июне 1926 [Книга памяти Новосибирской обл.]

Бутаков Леонтий Дмитриевич

(варианты имени: Меркурий)

Родился в 1883 г., Бурятия, с. Тунка; б/п; работал лесообъездчиком. Проживал: Иркутская обл., с. Никола-Лиственичное. Арестован 22 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 7 марта 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 15 марта 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 23 февраля 1957 г. постановлением президиума Иркутского областного суда [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Николай Александрович

Родился в 1887 г., Иркутская обл., Кировский р-н, с. Тымырей; русский; б/п; без определенных занятий. Проживал: Иркутская обл., Кировский р-н, с. Тымырей. Арестован 13 ноября 1937 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 11 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 13 февраля 1989 г. реабилитирован постановлением президиума Иркутского областного суда [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Николай Егорович

Родился в 1868 г., Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково; русский; б/п; колхозник колхоза в с. Бутаково. Проживал: Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково. Арестован 18 мая 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 7 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 2 апреля 1956 г. постановлением комиссии Иркутской области по пересмотру уголовных дел на осужденных за контрреволюционные преступления [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Николай Игнатьевич

Родился в 1894 г., д. Бутаково Качугского р-на Иркутской обл.; русский; без определенного места работы. Проживал: в г. Якутске. Арестован 10 декабря 1941 г. НКВД ЯАССР. Приговорен: Постановлением Особого совещания при НКВД СССР 13 марта 1943 г., обв.: по ч. 2 ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 29 марта 1989 г. Заключением Прокуратуры ЯАССР по Указу ПВС СССР от 16.01.89. [Книга памяти Республики Саха (Якутия)]

Бутаков Парфен Кононович

Родился в 1879 г., Иркутская обл., Качугский р-н, д. Бутаково; русский; б/п; колхозник сельхозартели им. Парижской коммуны в дер. Бутаково. Проживал: Иркутская обл., Качугский р-н, д. Бутаково. Арестован 22 мая 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 3 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 20 марта 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Прокопий Иванович

Родился в 1897 г., Иркутская обл., Куйтунский р-н, д. Или; русский; б/п; работал плотником Иркутского жилуправления № 213. Проживал: г. Иркутск. Арестован 7 октября 1938 г. Приговорен: <...>, обв.: по ст. ст. 58-2, 58-7, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Реабилитирован 15 июля 1939 г. постановлением УНКВД Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Роман Ефремович

Родился в 1888 г., Иркутская обл., Качугский р-н, д. Бутаково; русский; б/п; работал заготовителем в дер. Бутаково. Проживал: Иркутская обл., Качугский р-н, д. Бутаково. Арестован 22 мая 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 2 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 7 июля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 3 ноября 1958 г. постановлением президиума Иркутского областного суда [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Сергей Сергеевич

Родился в 1884 г., Иркутская обл., Кировский р-н, с. Тимирей; русский; б/п; работал продавцом магазина в с. Тимирей. Проживал: Иркутская обл., Кировский р-н, с. Тимирей. Арестован 20 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 11 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Реабилитирован 1 октября 1956 г. постановлением президиума Иркутского областного суда [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Спиридон Архипович

Родился в 1890 г., Иркутская обл., Качугский р-н, д. Бутаково; русский; б/п; работал рабочим в колхозе им. Ворошилова в дер. Бутаково. Проживал: Иркутская обл., Качугский р-н, д. Бутаково. Арестован 22 мая 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 2 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 7 июля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 3 ноября 1958 г. постановлением президиума Иркутского областного суда [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Сысой Петрович

Родился в 1900 г., Челябинская губ., с. Хорлутовское; русский; неграмотный. Проживал: Ганзуринский завод. Арестован 17 февраля 1921 г. Приговорен: Иркутской губчека 8 июня 1921 г., обв.: ст. 58-13. Приговор: 6 месяцев. Реабилитирован 2 июня 1992 г. Прокуратурой РБ [Книга памяти Бурятии: подготовительные материалы]

Бутаков Тимофей Евсеевич

Родился в 1895 г., Иркутская обл., Кировский р-н, д. Тимирей; русский; б/п; работал заведующим зерносушилкой в с. Каменка. Проживал: Иркутская обл., Кировский р-н, с. Каменка. Арестован 7 июня 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 7 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-9, 58-10 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 15 июля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 30 декабря 1955 г. постановлением комиссии Иркутской области по пересмотру уголовных дел на осужденных за контрреволюционные преступления [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Трофим Иванович

Родился в 1883 г., Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково; русский; б/п; колхозник сельхозартели им. Ворошилова в с. Бутаково. Проживал: Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково. Арестован 18 мая 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 2 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 7 июля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 27 апреля 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Федор Иванович

Родился в 1897 г., Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково; русский; б/п; колхозник в дер. Шенино. Проживал: Иркутская обл., Качугский р-н, дер. Шенино. Арестован 22 мая 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 7 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 15 июля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 2 апреля 1956 г. постановлением комиссии Иркутской области по пересмотру уголовных дел на осужденных за контрреволюционные преступления [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Федор Павлович

Родился в 1891 г., Иркутская обл., Нижнеилимский р-н, д. Макарово; русский; б/п; работал председателем колхоза «Прожектор» в дер. Макарове. Проживал: Иркутская обл., Нижнеилимский р-н, д. Макарове. Арестован 19 октября 1938 г. Приговорен: <...>, обв.: по ст. 58-7. ; Реабилитирован 15 августа 1939 г. постановлением УНКВД Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Филимон Федорович

Родился в 1883 г., с. Тимирей Иркутской губ.; русский; Избирался членом месткома. Работал на станции, рабочий. Проживал: ст. Борзя Борзинского р-на Читинской обл. Арестован 22 июня 1933 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 21 сентября 1933 г., обв.: по ст. 58-6 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 21 сентября 1933 г. Реабилитирован 7 марта 1990 г. военной прокуратурой ЗабВО [Книга памяти Читинской обл.]

Бутаков Филипп Иванович

Родился в 1875 г., Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково; русский; б/п; колхозник в с. Бутаково. Проживал: Иркутская обл., Качугский р-н, с. Бутаково. Арестован 22 мая 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 7 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 15 июля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 2 апреля 1956 г. реабилитирован постановлением комиссии Иркутской области по пересмотру уголовных дел на осужденных за контрреволюционные преступления [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутаков Яков Романович

Родился в 1890 г., Нижнеилимской волости Тулунского уезда Иркутской губ.; крестьянин, бывший младший офицер. Проживал: с. Заусаево Нижнеилимской волости Тулунского окр. Сибирского края. Арестован в 1921 г. Приговорен: <...>, обв.: по обвинению в «контрреволюционной деятельности (служба в армии Колчака)» [Книга памяти Новосибирской обл.]

Бутаков Яков Романович

Родился в 1890 г., Нижнеилимской волости Тулунского уезда Иркутской губ.; заготовитель от кожевенного синдиката. Арестован 6 сентября 1926 г. Приговорен: Сибкрайсудом 24 октября 1927 г., обв.: по обвинению в «контрреволюционной деятельности (служба в армии Колчака)» (ст. 60 УК РСФР). Приговор: дело прекращено, освобожден под подписку 17.12.1926 г. [Книга памяти Новосибирской обл.]

Бутаков Яков Романович

Родился в 1890 г., Иркутская обл., Нижнеилимский р-н, д. Заусаево; русский; б/п; работал бухгалтером продснаба на прииске Светлый. Проживал: Иркутская обл., Бодайбинокий р-н, на прииске Светлый. Арестован 28 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 4 марта 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-2, 58-7, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 13 марта 1938 г. Место захоронения — г. Бодайбо. Реабилитирован 18 октября 1956 г. определением Военного трибунала ЗабВО [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутакова Валентина Андреевна

Родилась в 1913 г., Иркутская обл. Голумент-ский р-н, с. Грязнуха; русская; малограмотная; Проживала: БМАССР лагерь Джидалаг. Арестована 29 мая 1943 г. Приговорена: Верховным судом БМАССР 14 июня 1943 г., обв.: ст. 58-11, 58-14. Приговор: 10 лет лишения свободы. Реабилитирована 21 июля 1995 г. Прокуратурой РБ [Книга памяти Бурятии: подготовительные материалы]

Бутакова Варвара Васильевна

Родилась в 1882 г., Горьковская обл., Шацкий р-н, с. Париловка; русская; б/п; без определенных занятий. Проживала: Иркутская обл., Кировский р-н, д. Тимирей. Арестована 16 мая 1938 г. Приговорена: тройка при УНКВД Иркутской обл. 7 июля 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ. Реабилитирована 19 марта 1993 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Книга памяти Иркутской обл.]

Бутакова Екатерина Ивановна

Родилась в 1896 г., Иркутская губ., г. Иркутске; русская; образование среднее; Машинистка Губпрофсовета. Проживала: г. Омск. Аре-

стована 3 июля 1922 г. Приговорена: Омский губотдел ГПУ 30 марта 1923 г., обв.: за контрреволюционную деятельность. Приговор: дело прекращено со снятием подписки о невыезде. Реабилитирована 22 ноября 1999 г. Прокуратурой Омской обл. на основании Закона РФ [Книга памяти Омской обл.]

Бутакова Татьяна Кирилловна

Родилась в 1889 г., с. Тимирей Иркутской губ.; русская; домохозяйка. Проживала: ст. Борзя Борзинского р-на Читинской обл. Арестована 26 июня 1933 г. Приговорена: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 21 сентября 1933 г., обв.: по ст. 58-6 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстреляна 21 сентября 1933 г. Реабилитирована 7 марта 1990 г. военной прокуратурой ЗабВО [Книга памяти Читинской обл.]

БУТИНЫ

Это довольно распространенная старинная сибирская фамилия, которая пришла сюда, скорее всего, с Русского Севера — в самой основе образования этой фамилии лежат северные диалекты.

Прозвище Бута (Бутя) «могло быть связано и с рус. диалектным словом бута “верхний торфяной слой почвы в тундре” или сев.-рус. бут “грязь”.» [Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий, Пермь, 2005].

А в псковской земле, которая к Русскому Северу, как и Господин Великий Новгород, имели самое непосредственное отношение слово «бутить» означало «толстеть».

Самое первое упоминание Бутиных в Сибири, найденное нами, относится к 1660 годам:

«Бутин Никифор Яковлев — кузнецкий служилый человек, пеший казак с окладом 5 руб., 5 четей ржи, 2 чети овса и полпуда соли. Холост (1660–1662 гг.) [Именной указатель к «Книге государева хлебного жалованья кузнецким служилым людям 7178–7187 (1670–1679) гг.»].

И далее:

«Микифорка Бутин. Дано ему г. х. ж. на 178-й год [дано ему, Микифорку] (зачеркнуто) 2 чети без полуо-ы ржи, 2 чети без полуо-ы овса. А к тому додать ему 4 чети без полуо-ы ржи, 2 чети с полуо-ю овса. Да на 179-й год дано ему, Микифорку, г. х. ж. о-а ржи, 3 чети овса. А к тому додать ему 5 чети ржи, четь овса. Да на 180-й год дано ему, Микифорку, г. х. ж. 4 чети с о-ю ржи, четь овса. А к тому додать ему четь ржи, 3 чети овса. Да на 181-й год дано ему, Микифорку, г. х. ж. 4 чети с о-ю ржи, 3 чети овса. А к тому додать г. х. ж. четь ржи, четь овса.

Да на 182-й год дано ему, Микифорку, г. х. ж. 4 чети с о-ю ржи, 3 чети овса. А к тому // додать ему четь ржи, четь овса. Да на 183-й год дано ему, Микифорку, г. х. ж. 5 чети ржи, 2 чети овса. А к тому додать ему о-а ржи, 2 чети овса. Да на 184-й год дано ему, Микифорку, г. х. ж. 3 чети ржи, 2 чети овса. А к тому додать ему 2 чети с о-ю ржи, 2 чети овса. Да на 185-й год дано ему, Микифорку, г. х. ж. 2 чети с полуо-ю ржи, 2 чети овса. А к тому додать ему 3 чети с полуо-ю ржи, 2 чети овса. Да на 186-й год дано ему, Микифорку, г. х. ж. четь ржи, 4 чети овса. А к тому додать ему 4 чети с о-ю овса. Да на 187-й год дано ему, Микифорку, г. х. ж. 3 чети с полуо-ю ржи, 2 чети без полуо-ы овса. А к тому додать ему 2 чети с полуо-ю ржи, // (л. 141) 2 чети с полуо-ю овса» [Книга раздачи хлебного жалованья служилым людям Кузнецка (1670–1679 гг.) (л. 140) (л. 140 об.)].

В биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири» (стр. 125–126) отмечены и другие кузнецкие казаки Бутины:

Василий [вероятно, сын Никифора] — служилый в 1672 году.

Игнатий, так же, по всей видимости, сын Никифора, родился в 1659 году. Сыновья: Яков (1691), конный казак; Илья (1699), Степан (1704).

Дмитрий, вероятно, сын Василия, родился в 1674 году. Его сыновья: Иван (1705), Тихон (1708), Петр (1715).

Отмечен также пеший казак Михаил Бутин (1699) и его брат Яков, возможно, тоже сыновья Василия.

Откуда пришли в Кузнецкий острог казаки Бутины, вопрос в настоящее время пока открытый.

А вот с красноярскими Бутиными, которые служили примерно в одно и то же время с кузнецкими Бутиными, дело обстоит совершенно по-другому.

Во-первых, ни один из них не упомянут в вышеукащанном словаре, что очень и очень странно.

Во-вторых, история этого казачьего рода имеет совершенно иную историю:

Первое известное нам упоминание:

«Красноярским служилым людям. Список послужной имянной хто на государевой службе был и служил и бился явственно с изменником с Ереняком князцом с киргиским и с воинскими людми с трема стами … Максимко Бутин».

А вот и уточнение:

1667 год. «По 5 рублев, рядовые черкасы и московские стрельцы … Максимко Костин Бутин» [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 543. Л. 26].

1677 год. «Черкасы холостые … Гришка [Костин] Бутин» [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 643. Л. 30].

А вот и главный ответ:

1680 год. «Черкасы женатые … Костя Бутя. За старость отставлен, а в ево место поверстан и сын ево Васка Бутин без зачету с хлебным жалованьем» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 717. Л. 66].

Красноярск, 1688. «Черкаская пятидесятня женатые. Васка Бутин» [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 902. Л. 23].

Красноярск, 1694. «Пешие служилые люди 5 руб … Ларка Бутин … Васка Бутин… Пронка Бутин…» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1057. Л. 54, 57, 62].

Красноярск, 1705 год. «Игнатей Бутин Великого Государя послужное жалованя дано ему аршин шест вершковь сукна анбурскаго за шестьнатцат алтын за четыре денги» [Книга послужного жалования, Л. 197 об.].

Перепись Красноярска, 1710 год:

«…Во дворе пешей казак Иларион Бутин с женой Евдокией, детей у него Афонасей 17, Гри-

горей 12, Спиридон 10, Иван 5, дочь Евдокия 9, Татьяна 4, Ефимья 3, Катерина году…

…Во дворе казачей сын Прокопей Бутин с женой Александрой, детей у него Яков 11, Иван 8, Артемей 4, Семен году, дочь Парасковья 14, Ефросинья 2

…Во дворе пешей казак Василей Бутин с женой Катериной, у него сын Филип 30, Прокопей 20, Андрей 16, Ярафей 8, Степан 3, Ефимья 12, Марфа 7, Анна 4, Агафья году

…Во дворе пешей казак Василей Бутин с женой Матреной, у него сын Гаврило 15, дочь Ирина 12, Мавра 7, Пелагея 5, Гликерья 2» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Л.1949].

Красноярск, 1719/1722 годы:

«Двор пешего казака Прокофья [Васильевва сына] Бутина. …Прокофей, — тритцети лет. Брате[й] у него Филип — сорока лет, Ярафей — семнатцати лет, Степан двенатцати лет».

«Двор казачья сына Афанасья [Иллариионов сын] Бутина. Под опосением смертной казни сказал: он, Офанасей, — дватцети семи лет. Братья: Григорей — дватцети пяти лет, Спиридон— дватцети двух лет, Иван— тринатцати лет. У Афанасья дете: Иван — четырех лет, Афанасей — трех лет, Федор— году»

«Двор отставного пешего казака Прокофья Бутина. И он, Прокофей, под опосением смертной казни сказал: он, Прокофей, — пятидесять пяти лет. Дете: сын Яков— деветнатнатцати лет, Иван— двенатцати лет, Семен — семи лет, Раман — году»

«Двор казачья сына Овдея Бутина. И он, Овдей, под опосением смертной казни сказал: он, Овдей, — дватцети пяти лет». [Перепись города Красноярска и его уезда, М., 2014]

Обратим внимание на тот факт, что из Переписи 1719/1722 года выпала огромная часть красноярских казачьих детей Бутиных, которых мы видим в переписи 1710 года.

Следующая история появления Бутиных связана с Забайкальем. Этой теме посвятили свое родовое исследование забайкальские же родоведы Александр Андреевич Номоконов и Майя Николаевна Мельникова [http://www.kamchadaly.ru/index.php/501-butin-timofej-i-ego-potomki-iz-durulguya-i-zyulzi].

Правда, в их исследовании остался открытым главный вопрос: откуда был родом патриарх этого рода Тимофей Бутин.

Мы тоже не знаем ответа на этот вопрос, но есть одно предположение.

В 1680 году Лев Поскочин проводит перепись Тобольского уезда, и в этом документе мы обнаруживам двух Бутиных с местом их прежнего проживания:

«Мехонинская слобода на реке Исете.

Во дворе Сенка Ярофеев сын Бутин.

Сказал: родился де он в Чордынском уезде Лимешского стану в деревне Какши, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Мехонинской слободе со 180-го году. У него дети: Федка 8 лет, Корнилко 6 лет, Петрушка 2 лет.

Барневская слобода на реке Исете.

Во дворе Ромашка Федосеев сын Бутин.

Сказал: родился де он Верхотурского уезду в Ырбицкой слободе, беломесного казака сын. А в Барневской слободе живет со 184-го году. У него дети: Ганка 9 лет, Мишка 7 лет, Тимошка 4 лет [1676 г.р.]» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Лл. 1013 об. – 1014, л. 1152].

По возрасту почти полное совпадение – в 1721 году Тимофею было 50 лет, то есть он 1671 года рождения. Исходя из того, что возраст записывался со слов самого Тимофея, то разница в пять лет была вполне допустимой.

Осталось только найти подтверждение, что Тимофей Бутин был Романовым сыном.

Увы, версия, вероятнее всего, несостоятельна: Александр Андреевич нашел отчество нерчинского Тимофея:

Нерчинская воеводская канцелярия.

Книга для записи таможенных зборов и пошлин за 1705 год.

С промышленных людей: по полтине да в часы по алтыну с человека, с Тимофея Семенова Бутина…» [ГАЗК. Ф. 10, оп. 1, д. 2, л. 22].

Так что теперь нам нужен некий Семен Бутин.

Но пока ответ на этот вопрос не найден, остановимся на том, что доподлинно известно.

Первое известное нам упоминание Тимофея Бутина в Нерчинске относится к 1708 году:

«708 году нерчинским посадским людем кто имяны и сколко годового денежного и хлебного оброку в казну вел гос по окладу платият и сколко человек призвано и поселено вновь в посад и то писано ниже сего порознь.

…Тимофей Бутин, семь гривен» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424, Книга окладная…].

То есть Тимофей Бутин пришел в Нерчинск неким торговым (либо ремесленным) путем, а уж здесь, в Забайкалье, был верстан в конные казаки.

И вот что интересно: оказывается, Тимофей Бутин не был первым из Бутиных на забайкальской земле.

Вот какую информацию мы отыскали в документах Нерчинской приказной избы за 1701 год: «Память в Итанцинское зимовье приказчику Кондрату Свешникову о зачислении подьячим в Приказную избу Ивана Бутина вместо Марка Шижгутова».

Любопытно и другое — всего двое Бутиных отмечено в «Книге е. и. в. города Нерчинска переписная душам мужеска полу людей в г. Нерчинску, да посаде и Нерчинскаго присудствия в острогах, в слободах и в деревнях Нерчинским конным и пешим казакам, а кто имяны служилыя люди и дети их и братья и племянники в каковы лета, и то писано ниже сего, и тем, которые в 719 г. были не переписаны и оные сказки посланы в Иркутскую провинцию для посылки в Тобольск в Губернскую канцелярию с Нерчинскими детьми боярскими с Васильем Казанцовым, Егором Птицыным, а ныне по милостивому указу 721 г., по которому велено переписывать тех, которые в 719 г. были на записаны, чего требует по указу е. и. в. и по велению из Тобольской Губернской канцелярии г-н

порутчик Маслов, и с тем с подлинных копии о свидетельствовании душ мужеска полу посылаются из градской канцелярии к нему; г-ну порутчику в канцелярию свидетельство душ и расположения на полки; копии ж таковых за управительской рукою слово в слово»:

Конной казак Тимофей Бутин 50, да сын Киприян 12 [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 67].

В то время как забайкальские исследователи находят и более старших детей Тимофея: Никита (1697), Леонтий и Варвара.

О Варваре известно, что в ноябре 1723 года происходит бракосочетание:

«Служилой Стефан Семенов сын Потехин Тимофеевой дочерью Бутина девкою Варварою первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 51].

Затем, после Киприяна, идут [цитирую вышеуказанных авторов]:

«Евдокия Тимофеевна (жива 1734), муж Деревцов Василей Васильевич (жив 1734). Куенская деревня.

Матрона Тимофеевна (жива 1734), муж Котелников Михаил Леонтьевич (жив 1734). Куенская деревня.

Евдокия Тимофеевна (жива 1736), муж Кичаков Прокопей Иванович (жив 1736). Куенская деревня.

Сидор Тимофеевич (07.05.1722, ум. после 1774).

Федор Тимофеевич (01.02.1727, жив 1757).

Гавриил Тимофеевич (06.07.1729, ум. после 1774).

Яков Тимофеевич (15.03.1733, жив 1766).

Василей Тимофеевич (15.03.1733, жив 1763)».

Пока неясна исследователям история появления в Селенгинске казака Ивана Бутина и пятидесятника Осипа Бутина, которые, возможно, имеют либо кузнецкие, либо красноярские корни.

Но что касается забайкальских [и амурских?!] Бутиных — то это, как правило, прямые потомки посадского, а впоследствии конного нерчинского казака Тимофея Бутина.

Александр Андреевич Номоконов и Майя Николаевна Мельникова очень подробно исследовали историю рода нерчинских Бутиных — и казаков, и знаменитых купцов.

Я хочу остановиться на другом — какое огромное горе понес этот род в период политического террора 1930-х годов.

Список имен просто ошеломляет. Но мы должны это знать и помнить.

Вот этот список:

Бутин Аввакум Миронович

Родился в 1907 г., с. Даякон Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал в колхозе им. Ворошилова, бригадир. Проживал: с. Даякон Шахтаминского р-на Читинской обл. Арестован 27 февраля 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 25 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-2, 58-7, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 2 мая 1938 г. Реабилитирован 24 октября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.]

Бутин Александр Виндемьянович

Родился в 1929 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, Н-Дурулгуй. Реабилитирован 30 мая 1996 г. [УВД Читинской обл.]

Бутин Александр Михайлович

Родился в 1908 г., с. Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал в НГЧ-4, плотник. Проживал: г. Читы. Арестован 14 марта 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 25 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 29 мая 1956 г. Читинским облсудом [Книга памяти Читинской обл.]

Бутин Андрей Анисимович

Родился в 1916 г., Забайкальской обл. Приамурской губ.; товаровед райпотребсоюза. Проживал: г. Ачинске. Арестован 1 ноября 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД КК 21 ноября 1937 г., обв.: АСО. Приговор: 10 лет ИТЛ Реабилитирован 13 января 1956 г. ВТ Западно-Сибирского военного округа [Книга памяти Красноярского края].

Бутин Андрей Анисимович

Родился в 1916 г., Читинская обл., Оловяннинский р-н, с. Старый Дурулгуй; б/п; Проживал: Красноярский кр., Ачинский р-н, город Ачинск. Арестован 1 ноября 1937 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Красноярского края 21 ноября 1937 г. Приговор: ИТЛ-10 [Красноярское общество «Мемориал»].

Бутин Андрей Ильич

Родился в 1919 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, Ново-Дурулгуй. Приговорен: Особая тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 29 апреля 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Бутин Анисим Корнилович

Родился в 1888 г., ст. Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Дурулгуй Оловяннинского р-на ВСК. Арестован 7 августа 1930 г. по «делу ононцев». Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 10 декабря 1930 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 17 января 1931 г. Реабилитирован 30 апреля 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Арефий Арсентьевич.

Родился в 1898 г., с. Старый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; Служил в Белой армии, крестьянин-единоличник. Проживал: с. Старый Дурулгуй Оловяннинского р-на ВСК. Арестован 11 августа 1930 г. по «делу ононцев» Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 10 декабря 1930 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 17 января 1931 г. Реабилитирован 30 апреля 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.]

Бутин Арсентий Иннокентьевич

Родился в 1864 г., с. Старый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; Избирался станичным атаманом. крестьянин-единоличник. Проживал: с. Старый Дурулгуй

Оловяннинского р-на ВСК.. Арестован 11 августа 1930 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 10 декабря 1930 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 17 января 1931 г. Реабилитирован 30 апреля 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.]

Бутин Валентин Яковлевич

Родился в 1883 г., г. Нерчинск Забайкальской обл.; русский; Работал в магазине «Книгоцентр», заведующий. Проживал: г. Нерчинска Нерчинского р-на Читинской обл. Арестован 22 октября 1937 г. Приговорен: 13 октября 1938 г., обв.: по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: Дело прекращено в связи со смертью. Умер, находясь под следствием, 17.09.1938 г. Реабилитирован 9 декабря 1957 г. военным трибуналом ЗабВО. [Книга памяти Читинской обл.]

Бутин Василий Арсентьевич

Родился в 1902 г., Забайкальской обл. Приамурской губ.; русский; образование 4 класса; беспартийный; кладовщик транспортного отдела управления авиагруппы. Проживал: г. Красноярск. Арестован 10 июня 1938 г. Приговорен: ВТ СибВО 29 августа 1939 г., обв.: ст. 58-6, 58-9 УК РСФСР. Приговор: Дело прекращено по реабилитирующим обстоятельствам, из-под стражи освобожден [Книга памяти Красноярского края]

Бутин Василий Иванович

Родился в 1893 г., с. Даякон Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Служил в Белой армии. Работал в колхозе, конюх. Проживал: с. Даякон Шахтаминского р-на Читинской обл. Арестован 5 февраля 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 13 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-2, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 17 мая 1938 г. Реабилитирован 16 мая 1958 г. военным трибуналом ЗабВО [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Василий Семенович

Родился в 1905 г., с. Константиновка Тамбовского р-на.; Приговорен: в 1932 г., обв.: в порядке кулацкого расселения на основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930. Приговор: выселен в Джелтулакский р-н. Реабилитирован 14 сентября 2001 г. УВД Амурской обл. [УВД Амурской обл.]

Бутин Виктор Матвеевич

Родился в 1901 г., с. Новый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Новый Дурулгуй Оловяннинского р-на ДВК. Арестован 17 декабря 1929 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 15 февраля 1930 г., обв.: по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 16 января 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Владимир Васильевич

Родился в 1937 г., п. Соловьевский Джелтулакского р-на; Приговор: родился на спецпоселении родителей. Реабилитирован 14 сентября 2001 г. УВД Амурской обл. [УВД Амурской обл.]

Бутин Владимир Матвеевич

Родился в 1897 г., с. Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал в школе, завхоз. Проживал: с. Цасучей Оловяннинского р-на Читинской обл. Арестован 21 декабря 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 20 января 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 17 марта 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Геннадий Виндемьянович

Родился в 1923 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, Н-Дурулгуй. Реабилитирован 30 мая 1996 г. [УВД Читинской обл.].

Бутин Георгий Васильевич

Родился в 1885 г., с. Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Дурулгуй Оловяннинского р-на Читинской обл. Арестован 16 декабря 1937 г. Приговорен: Особым совещанием НКВД СССР 11 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 14 марта 1938 г. Реабилитирован 30 октября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Георгий Ильич

Родился в 1921 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, Ново-Дурулгуй. Приговорен: Особая тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 29 апреля 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Бутин Георгий Лаврентьевич

Родился в 1935 г., Читинская обл., Ононский р-н, Старый Дурулгуй; Проживал: Читинская обл., Ононский р-н, Старый Дурулгуй. Приговорен: Оловяннинский РИК в 1933 г. Реабилитирован 3 ноября 1993 г. [УВД Читинской обл.].

Бутин Георгий Лаврентьевич

Родился в 1933 г., Читинская обл., Ононский р-н, Старый Дурулгуй; Проживал: Читинская обл., Ононский р-н, Старый Дурулгуй. Приговорен: Оловяннинский РИК в 1933 г. Реабилитирован 25 февраля 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Бутин Георгий Лаврентьевич

Родился в 1933 г. Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, ст. Другуй. Приговорен: 12 декабря 1933 г. Приговор: спецпоселение в Томской обл. [УВД Томской обл.].

Бутин Гордей Хрисанфович (Христофорович)

Родился в 1898 г., станица Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; Служил в Белой армии. Работал в райотделе госбанка, инспектор. Проживал: с. Агинское Агинского округа Читинской обл. Арестован 9 октября 1937 г. Приговорен: 22 января 1940 г., обв.: по ст. 58-1а, 58-2, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено. Реабилитирован 30 июля 1997 г. Прокуратурой Омской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Гордей Христофорович

Родился в 1898 г., Забайкальский край Оловянинский р-н, с. Дурулгуй; русский; малограмотный; Агинский аймисполком. Проживал: БМАССР, с. Агинск. Арестован 26 ноября 1935 г. Приговорен: Пом. нач.1-го отд.штаба Даурского Краснознаменного погранотряда в апреле 1936 г., обв.: ст. 58-12. Реабилитирован 16 сен-

тября 2002 г. Прокуратурой РБ [Книга памяти Бурятии: подготовительные материалы].

Бутин Гурий Михайлович

Родился в 1911 г., с. Константиновка; русский; Работал счетоводом в с. Тамбовка. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 7 декабря 1937 г. Приговор: ВМН [Книга памяти Амурской обл.].

Бутин Деомид Моисеевич

Родился в 1899 г., с. Старый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Старый Дурулгуй Оловяннинского р-на Читинской обл. Арестован 19 декабря 1937 г. Приговорен: Особым совещанием НКВД СССР 11 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 14 марта 1938 г. Реабилитирован 20 сентября 1960 г. военным трибуналом ЗабВО. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Дмитрий Арсентьевич

Родился в 1897 г., с. Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Дурулгуй Оловяннинского р-на ДВК. Арестован 19 июня 1927 г. Приговорен: коллегией ОГПУ СССР 5 декабря 1927 г., обв.: по ст. 58-11, 58-13 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 14 декабря 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Еремей Яковлевич

Родился 1876 (1874), с. Нижние Ключи Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: в с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл. Арестован 18 июля 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 23 октября 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 5 ноября 1937 г. Реабилитирован 26 сентября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Еремей Яковлевич

Родился 1876 (1874), с. Нижние Ключи Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал плотником по найму. Проживал: с. Нижние Ключи Нерчинского р-на ВСК. Арестован 22 ноября 1930 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 29 января 1931 г., обв.: ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к высылке на 5 лет. Реабилитирован 25 октября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Иван Арсентьевич

Родился в 1913 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, Ст.Дурулгуй. Приговорен: Особая тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 20 августа 1996 г. [УВД Читинской обл.].

Бутин Иван Арсентьевич

Родился в 1916 г., Читинская обл., Оловяннинский р-н, Дурулгуй; Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, Дурулгуй. Приговорен: Особая тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирован 6 октября 1994 г. [УВД Читинской обл.].

Бутин Иван Владимирович

Родился в 1913 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, Ст. Дурулгуй. Приговорен: в 1931 г. Реабилитирован 23 июля 1999 г. [УВД Читинской обл.].

Бутин Иван Еремеевич

Родился в 1910 г., с. Нижние Ключи Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал на прииске «Ермолиха», старатель. Проживал: с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл. Арестован 18 января 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 15 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 31 марта 1938 г. Реабилитирован 16 апреля 1958 г. Читинским облсудом [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Иван Ильич

Родился в 1909 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, Ново-Дурулгуй. Приговорен: Особая тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 29 апреля 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Бутин Иван Ильич

Родился в 1910 г., с. Новый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Новый Дурулгуй Оловяннинского р-на ДВК. Арестован 19 марта 1930 г. Приговорен: 1 декабря 1930 г., обв.: по ст. 58-11 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено Реабилитирован 20 декабря 2001 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Иван Максимович

Родился в 1880 г., Амурская обл., стан. Иннокентьевская; русский; плотник 126-го завода. Проживал: г. Комсомольск-на-Амуре. Комсомольским РО НКВД 16 марта 1938 г. Приговорен: Комсомольский ГО НКВД 20 марта 1939 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: уголовное дело прекращено, из-под стражи освобожден [Книга памяти Хабаровского края].

Бутин Иван Михайлович.

Родился в 1904 г., Забайкальской обл. Приамурской губ.; малограмотный; плотником на кирпичном заводе. Проживал: г. Новосибирска. Арестован 23 октября 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД КК 4 декабря 1937 г., обв.: КРА. Приговор: ВМН. Расстрелян 11 декабря 1937 г. Место захоронения — в г. Ачинске. Реабилитирован 5 ноября 1957 г. ВТ СибВО [Книга памяти Красноярского края].

Бутин Иван Михайлович

Родился в 1904 г., Читинская обл., Оловяннинский р-н, с. Новый Дурулгуй; забайк. казак; б/п; Плотник. Проживал: Новосибирская обл., город Новосибирск. Арестован 23 октября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Красноярского края 4 декабря 1937 г. Приговор: Конфискация имущества, ВМН [Красноярское общество «Мемориал»].

Бутин Иван Семенович

Родился в 1895 г., с. Цаган-Олуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; Красный партизан. Участник крестьянского восстания в Борзинском р-не. Работал в совхозе, исполнял обязанности директора. Проживал: с. Сокту́й-Милозан Борзинского р-на Читинской обл. Арестован 5 июля 1938 г. Приговорен: тройкой

УНКВД по Читинской обл. 1 августа 1938 г., обв.: по ст. 58-2, 58-7, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 31 марта 1958 г. Читинским облсудом [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Иван Христофорович

Родился в 1902 г., с. Старый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Старый Дурулгуй Оловяннинского р-на ВСК. Арестован 7 августа 1930 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 10 декабря 1930 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 17 января 1931 г. Реабилитирован 30 апреля 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Илья Иванович

Родился в 1872 г., с. Константиновка; русский; Работал зав. магазином в с. Поярково. Приговорен: тройка при ОГПУ ДВК 30 апреля 1932 г. Приговор: ВМН [Книга памяти Амурской обл.].

Бутин Илья Федорович.

Родился в 1881 г., с. Новый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Новый Дурулгуй Оловяннинского р-на ДВК. Арестован 14 декабря 1929 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ДВК 15 февраля 1930 г., обв.: по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 16 января 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Иннокентий Иванович

Родился в 1900 г., с. Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал в колхозе, кузнец. Проживал: с. Новый Дурулгуй Оловяннинского р-на Читинской обл. Арестован 2 февраля 1938 г. Приговорен: Особым совещанием НКВД СССР 28 августа 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 2 октября 1938 г. Реабилитирован 15 января 1990 г. Коллегией Верховного суда РСФСР [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Константин Яковлевич

Родился в 1879 г., г. Нерчинск Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал в средней школе, преподаватель. Проживал: г. Нерчинск Нерчинского р-на Читинской обл. Арестован 22 октября 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 13 октября 1938 г., обв.: по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 14 ноября 1938 г. Реабилитирован 9 декабря 1957 г. военным трибуналом ЗабВО [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Кузьма Федорович

Родился в 1854 г., с. Даякон Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Даякон Сретенского р-на ВСК. Арестован 10 мая 1931 г. Приговорен: 14 июля 1931 г., обв.: по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено. Реабилитирован 4 августа 1997 г. Прокуратурой Омской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Лаврентий Яковлевич

Родился в 1897 г., Восточно-Сибирский кр., Оловяннинский р-н, д. Старо-Дурулгай; русский; образование начальное; б/п; артель «Победа Нарыма», помощник счетовода. Проживал: Томская обл., Бакчарский р-н, Черный Ключ пос. Арестован 3 июля 1937 г. Приговорен: 7 августа 1937 г., обв.: РОВС. Приговор: расстрел. Расстрелян 27 августа 1937 г. Реабилитирован в июле 1959 г. [Книга памяти Томской обл.].

Бутин Лаврентий Яковлевич

Родился в 1897 г. Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, ст. Другуй. Приговорен: 12 декабря 1933 г. Приговор: спецпоселение в Томской обл. [УВД Томской обл.].

Бутин Леонид Лаврентьевич

Родился в 1928 г., Читинская обл., Ононский р-н, Старый Дурулгуй; Проживал: Читинская обл., Ононский р-н, Старый Дурулгуй. Приговорен: Оловяннинский РИК в 1933 г. Реабилитирован 3 ноября 1993 г. [УВД Читинской обл.].

Бутин Леонид Лаврентьевич

Родился в 1929 г. Проживал: Читинская обл., Оловяннинский р-н, ст. Другуй. Приговорен: 12 декабря 1933 г. Приговор: спецпоселение в Томской обл. [УВД Томской обл.].

Бутин Маркедон Михеевич

Родился в 1878 г., с. Новый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал в колхозе, рабочий. Проживал: с. Новый Дурулгуй Оловяннинского р-на Читинской обл. Арестован 30 ноября 1937 г. Приговорен: комиссией НКВД и прокурором СССР 28 января 1938 г., обв.: по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 20 февраля 1938 г. Реабилитирован 14 января 1960 г. Коллегией Верховного суда РСФСР [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Михаил Арсентьевич

Родился в 1912 г., с. Старый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Старый Дурулгуй Оловяннинского р-на ВСК. Арестован 11 августа 1930 г. по «делу ононцев». Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 10 декабря 1930 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 20 декабря 2001 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Михаил Филиппович

Родился в 1882 г., г. Благовещенск; русский; Проживал: г. Благовещенск. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 15 октября 1938 г. Приговор: ВМН [Книга памяти Амурской обл.].

Бутин Никифор Кузьмич

Родился в 1886 г., с. Даякон Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Красный партизан. Работал фельдшером. Проживал: с. Клин Александрово-Заводского р-на Читинской обл. Арестован 27 февраля 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 15 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 1 мая 1938 г. Реабилитирован 5 января 1957 г. Читинским облсудом [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Николай Васильевич

Родился в 1852 г., с. Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Баин-Далай МНР. Арестован 14 сентября 1931 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 23 февраля 1932 г.,

обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ссылке. Реабилитирован 12 октября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Николай Евлампиевич

Родился в 1888 г., Амурская обл., Магдагачинский р-н, с. Черняево; русский; Проживал: Амурская обл., Магдагачинский р-н, с. Черняево. Приговорен: Амурское ОГПУ 25 февраля 1925 г. [Книга памяти Амурской обл.].

Бутин Николай Прокопьевич

Родился в 1892 г., Амурская обл., Тамбовский р-н, с. Константиновка; русский; зав. ларьком на лесоучастке «Осиновая падь». Проживал: Комсомольский р-н, с. Вознесенское. Арестован 3 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ по ДВК 23 ноября 1933 г., обв.: ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 27 мая 1961 г. по постановлению Президиума Хабаровского краевого суда за отсутствием состава преступления [Книга памяти Хабаровского края].

Бутин Николай Родионович

Родился в 1874 г., с. Старый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; Служил в Белой армии. Работал в колхозе им. Ленина. Проживал: с. Новый Дурулгуй Оловяннинского р-на Читинской обл. Арестован 30 ноября 1937 г. Приговорен: Особым совещанием НКВД СССР 1 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 20 февраля 1938 г. Реабилитирован 26 октября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Павел Егорович

Родился в 1908 г., с. Старый Олов Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал в райпо, рабочий. Проживал: п. Чернышевск Чернышевского р-на Читинской обл. Арестован 5 февраля 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 13 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован. Сведений о реаб. не имеется [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Павел Моисеевич

Родился в 1905 г., с. Старый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; работал в колхозе. Проживал: с. Усть-Лиска Оловяннинского р-на Читинской обл. Арестован 3 февраля 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 10 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 27 мая 1938 г. Реабилитирован 30 октября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Петр Архипович

Родился в 1892 г., с. Константиновка; русский; Работал зав. магазином в с. Озеряне Белогорского р-на. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 31 декабря 1937 г. Приговор: ВМН [Книга памяти Амурской обл.].

Бутин Петр Николаевич

Родился в 1901 г., Михайловский р-н, с. Григорьевка; русский; образование начальное; б/п; охранник в тресте «Артемуголь». Проживал: г. Артем. Арестован 2 марта 1938 г. Приговорен: тройка при НКВД 26 марта 1938 г., обв.: в антисоветской агитации. Приговор: ВМН. Расстрелян 11 мая 1938 г. Место захоронения — г. Владивосток. Реабилитирован 28 декабря 1989 г. на основании Указа ПВС СССР [База данных о жертвах репрессий Приморского края].

Бутин Петр Федорович

Родился в 1898 г., Читинская обл., Читинский р-н; русский; малограмотный; машинист Сыйской ЦЭС Ширинского р-на. Арестован 8 июля 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД 31 октября 1937 г., обв.: КРД. Приговор: расстрел. Реабилитирован 3 февраля 1960 г. Постановлением ПС ХАО [Книга памяти Республики Хакасия].

Бутин Петр Федорович

Родился в 1898 г., Читинская обл.; русский; малограмотный; Проживал: Россия, Красноярский край, Хакасская АО, Ширинский р-н, поселок Малая Сыя. Арестован 7 июля 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Красноярского края 31 октября 1937 г. Приговор: конфискация имущества, ВМН. Реабилитирован 3 февраля 1960 г. Президиум Хакоблсуда [Красноярское общество «Мемориал»].

Бутин Семен Архипович

Родился в 1870 г., с. Константиновка; крестьянин. Приговорен: тройка при ОГПУ ДВК 22 марта 1932 г. Приговор: ссылка с семьей на спецпоселение [Книга памяти Амурской обл.].

Бутин Семен Иванович

Родился в 1927 г., Читинская обл., Борзинский р-н, с. Цаган-Олуй; русский; Заключенный Дубравлага, в 1958 осужден Магаданским облсудом по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР за «контрреволюционную агитацию» на 5 л. Приговорен: Верховным судом Морд. АССР 18 сентября 1961 г., обв.: 70 ч. 2, 72 УК РСФСР. Приговор: 3 г. к 3 годам с присоединением неотбытого срока, всего 4 года. Срок отбывал в Дубравлаге. Осв. 4.05.65 [НИПЦ «Мемориал», Москва].

Бутин Семен Христофорович

Родился в 1880 г., с. Старый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; работал в колхозе. Проживал: с. Цокто-Хангил Агинского р-на Читинской обл. Арестован 22 декабря 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 13 января 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 14 марта 1938 г. Реабилитирован 21 апреля 1962 г. Читинским облсудом [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Степан Павлович

Родился в 1892 г., с. Дая Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Служил в Белой армии. Работал в колхозе, кузнец. Проживал: с. Дая Шахтаминского р-на Читинской обл. Арестован 19 февраля 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 13 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-2, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 1 мая 1938 г. Реабилитирован 16 мая 1958 г. военным трибуналом ЗабВО [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Федор Ильич

Родился в 1906 г., с. Новый Дурулгуй Акшинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Новый Дурулгуй Оловяннинского р-на Читинской обл.

Арестован 19 марта 1930 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 10 августа 1930 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 30 апреля 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Федор Сергеевич

Родился в 1885 г., с. Даякон Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал на шахте, рабочий. Проживал: п. Букачача Черныше вского р-на ВСК. Арестован 20 марта 1935 г. Приговорен: 4 апреля 1936 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено. Реабилитирован 10 октября 1997 г. Прокуратурой Омской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Бутин Яков Афанасьевич

Родился в 1884 г., с. Дая Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал на селекционной станции, чернорабочий. Проживал: п. Опытное поле Шахтаминского р-на Читинской обл. Арестован 27 октября 1938 г. Приговорен: Особым совещанием НКВД СССР 5 октября 1940 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 5 годам лишения свободы. Реабилитирован 13 октября 1988 г. Читинским облсудом [Книга памяти Читинской обл.].

В этом списке жертв политических репрессий есть еще одно имя, которое связано еще с двумя историями появления фамилии Бутиных на самых дальних восточных просторах России:

Бутин Василий Иванович

Родился в 1901 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Галычино [Голыгино]; камчадал; образование 3 класса сельской школы; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Галычино [Голыгино]. Арестован. 3 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Расстрелян 22 августа 1938 г. Реабилитирован 28 мая 1960 г. постановлением президиума Камчатского облсуда [База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.].

Царь Петр I неоднократно ставил перед генерал-губернатором Сибири задачу определения границ Российской империи на восточных окраинах государства, о которых в столице имели к тому времени еще самое смутное представление.

Наше современное историческое представление об открытии морских путей и освоении Северного Ледовитого и Тихого океанов ограничивается, как правило, знаниями (в том числе и домыслами) о Камчатских экспедициях Витуса Беринга, но у этой экспедиции были свои предшественники.

Не будем сегодня углубляться в те события, которые происходили на морских просторах Северного Ледовитого океана, и плавании русских мореходов в будущем Беринговом проливе и Беринговом море в XVII столетии, осуществленном холмогорцем Федотом Поповым — пинежанином Семеном Дежневым — тобольчанином Герасимом Анкудиновым в 1648 году и тобольчанином же Иваном Меркурьевым сыном Рубцом Бакшеевым в 1662 году, осуществившим переход с устья реки Лены на устье реки Анадырь, а оттуда на устье «реки Ивана Камчатова».

Александр Степанович Сгибнев, автор очерка о «Большом Камчатском наряде», сообщал:

«19 декабря 1716 года бывший якутский воевода полковник Яков Алексеевич Ельчин был назначен генерал-губернатором Сибири князем Матвеем Петровичем Гагариным руководителем Большого Камчатского наряда, которому поручалось:

“Исследовать Камчатку с землями чукоч, коряк, юкагир и иных туземцев, заведя с окрестными жителями торговлю”.

“Построить остроги и нарядить экспедиции к берегам морей северного и восточного, а также по рекам: Ковыме, Камчатке, Пенжине, Чендону, Яме, Охоту, Уди и Тугуру, для проведания и покорения неизвестных земель, лежащих против устий этих рек”.

“Открыть и объясачить сопредельные острова и проведывать новые земли”.

В ведение Ельчина “поступили подчиненные до того якутской канцелярии, три камчатские, анадырский, охотский, тауйский и удский остроги, а также ясачный сбор с охотских и камчатских инородцев”».

«Средства экспедиции, — пишет А. Сгибнев, — по тогдашнему времени и отдаленности края, можно сказать, были громадные. В Москве и Тобольске Ельчину дано было 200 служилых, пленный флота поручик шведской службы Молик (*Ambiorn Molyk*), капитан Петр Абыштов, четверо дворян, 6 сыновей боярских, 2 сотника, 2 пятидесятника, 2 чертежника. Кроме того, Ельчину было разрешено взять еще 200 человек команды в Енисейске, Илимске и прочих местах и капитана Петра Татаринова с драгунами из Анадырска… Всем чинам экспедиции, при отправлении из Якутска, велено выдать, на подъем, жалованье за три года вперед.

Содержание, кроме провианта, положено было, указом князя Гагарина, полковнику Ельчину 250 р., флота поручику 100 р., капитану 80 р., поручику 50 р., подъячему 10 р., попу Ивану Васильеву и иеромонаху Иосифу по 15 р., мореходу Бушу 15 р., мореходам и кормщикам: Невейцину, Григорию Березину, Прокопью Нагибину, Треске по 40 р. в год, мореходам: Мошкову, Тарасову, Серебренникову и Бутину, прибывшим из Тобольска, по 30 руб.».

На самом деле большая группа мореходов прибыла в Охотск гораздо ранее: Федор Григорьевич Сафронов в книге «Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил» [Хабаровск, 1988] уточняет причину появления этих людей:

«Видя, что Якутск и Охотск своими силами “камчацкого” пути через Ламское море не отыщут, Петр I приказал послать туда опытных судостроителей и мореходов — выходцев из Ар-

хангельска. Повеление его было исполнено. В экспедицию назначены мореходы Кондратий Мошков, Никифор Моисеев Треска, Иван Бутин и Яков Васильевич Невейцын, кораблестроитель Кирилл Плотницкий с помощниками Варфоломеем Федоровым, Иваном Каргополовым и Андреем Бушем. Им были отпущены жалованье, кормовые деньги (то есть командировочные), судовые снасти, порох и свинец, плотницкие инструменты и материалы, 600 аршин парусного холста. И приказано: под страхом смерти построить в Охотске судно для дальнего плавания, открыть регулярное морское сообщение между Охотском и Камчаткой, а в дальнейшем — с Курилами и Японией».

Вот так — «под страхом смерти»…

И ведь открыли!

В «мае 1716 г. лодью спустили на воду. Она была сделана “наподобие русских лодий, на которых прежде сего из Архангельского города ходили в Мезень, в Пустозерский острог и на Новую Землю”. Судно было прочным, хорошо держалось на волне и слушалось руля. Длина его составляла 8½ сажен, ширина — 3 сажени. Осадка в полном грузу 3½ фута».

Иван Бутин не участвовал в историческом открытии этого морского пути. Честь и слава морехода-первооткрывателя целиком и полностью принадлежит его земляку-архангелогородцу Никифору Моисеевичу Треске.

В том же 1716 году архангелогородских мореходов приписали к Большому Камчатскому Наряду.

«В начале 1718 г. в Якутске закончилось снаряжение экспедиции: были собраны у тунгусов нужные сведения о реках, впадающих в Охотское море, всем членам команды выплачено жалование на 3 года вперед, получены от якутской палаты вооружение, снаряжение для судов, продовольствие и казна. Все грузы предстояло доставить из Якутска в Охотск по труднопроходимой местности. Однако экспедиции не удалось вплотную приступить к выполнению поставленных перед ней задач. В июле 1718 г. в связи с доносами нового якутского воеводы И.В. Ракитина Я.А. Ельчин вынужден был отправиться в Тобольск к М.П. Гагарину для личных объяснений о положении дел в экспедиции, за него оставался П. Абыштов [ЛОА АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 318]. Только в 1719 г. П. Абыштову удалось реками достичь Охотска, где в 1717 г. А. Молик заложил для нужд экспедиции четыре судна, которые так и не были достроены. В связи с многочисленными трудностями в осуществлении экспедиции в 1719 г. действие Большого Камчатского наряда было прекращено. П. Абыштов умер в Охотске в июне 1719 г., команда разбрелась, заготовленный лес, припасы были разнесены водой во время сильного наводнения в Охотске в 1723 г. Отряды, посланные к берегам Северного и Восточного морей, ничего кроме льдов, не видели. Только части экспедиции — 17 казакам во главе с сыном боярским Филькеевым и кормщиком Татариновым, отправленным в 1718 г. в Удский острог, — удалось осмотреть Шантарские острова, перезимовать на о-ве Большой Шантар и доставить в Якутскую канцелярию в 1721 г. донесение о своем походе [Сгибнев А.С. Большой Камчатский наряд, с. 131–139]. Хотя экспедиция Я.А. Ельчина не выполнила возложенных на нее задач, однако в ходе подготовки экспедиции был открыт и опробован путь от Якутска до Охотска реками: вниз по р. Лене, затем вверх реками Алданом, Маей и Юдомой до Юдомского Креста, волоком до р. Урак, по ней — к Охотску, а дальше — через море до Камчатки [ЦГАДА, ф. 9, отд. II, д. 43, л. 372–373]. Этот путь был значительно короче и безопаснее прежнего, проходившего из Якутска через Верхоянск, Индигирск, Алазейск и Колымские остроги. Оба маршрута положены на карту, названную “Карта Якуцкая и Камчатскому мысу и прежнему пути на Камчатский мыс, також и новой”, которая была представлена Я.А. Ельчиным Сенату [ЦГАДА, ф. 9, отд. II, д. 43, л. 374; Атлас географических открытий в XVIII в. М., 1964, № 56]. Именно этим маршрутом двигались И.М. Евреинов и Ф.Ф. Лужин и обе экспедиции В.И. Беринга».

О Бутине мы встречаем только немногочисленные сообщения:

«В 1723 г. послан в Камчатские остроги прикащиком сын боярский Федор Шелковников. Мореходом к нему определен Иван Бутин, с которым из Якутска отправлены к снаряжению и починке судна смола, пенька, железо и холст. Шелковникову по его прошению назначен на Камчатку от якутского Спасского монастыря священник Ермолай Иванов; кроме того, 19 человек казаков из команды головы Афанасия Шестакова и с ним пятидесятник Андрей Штинников»

«…в 1729 г. был послан из Якутска в камчатские остроги на смену Петровых с прежнею инструкциею Иван Новгородов и с ним пищик Мухоплев, служилый Максим Лукашевский и монах Спиридон. По прибытии их в Охотск, он принял в свое ведение судно и уже погрузил на него 7 августа некоторые вещи; но казачий голова Шестаков велел матросу Сметанину все сгрузить и переписать; а мореходам Мошкову, Треске и Бутину приказал не уходить в море до его распоряжения» [Сгибнев А.С. Очерк главнейших событий в Камчатке].

Судя по данным переписи 1722/1748 года, Иван Бутин жил попеременно то в Охотске, то в Большерецком остроге:

«В Охоцком остроге

Разночинцы

Иван Бутин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 88 об.].

«Большерецкого острогу

Разночинцы

Ивана Бутина жены ево дворовой

Ама

Мулькунжа

Ефим

Осталец

Талач» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 120–121 об.].

Затем мореходы были приписаны к Первой Камчатской экспедиции. В своем рапорте Мошков и Бутин писали: «Служим мы… мореходами для переноски чрез море от Камчацкой земли до Охоцкого острогу ясашной казны, а в прошлом 1727 году взяты мы из Охоцкого острогу сюда на Камчацкую землю на судах для перевоски команды вашего благородия служителей и протчих вещей, а денежного жалования… не получали Кондратий Мошков с 726 году, Иван Бутин с 723 году и поныне. А об оном жаловании просить было некогда, понеже, когда прибудем отсюда в Охоцкий острог с казною… то паки подчиненные комиссары нас возвратно на Камчатку и за такими отлучками вошли в великие долги» [РГАВМФ. Ф. 216 (экспедиция Беринга). Оп. 1. д. 87. Л. 233].

Обратим внимание на годы задержки выплаты мореходам жалования.

А пока вернемся к событиям, связанным с Первой Камчатской экспедицией Витуса Беринга.

Сначала обратимся к авторитетному заявлению морского офицера А.С. Сгибнева:

«Осенью 1727 г. пришел в Большерецк Беринг с двумя судами, погруженными провизиею и другими экспедиционными припасами. Все эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск поперек всего полуострова (833 версты) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских ботах, а между этими реками зимою в нартах, на собаках, согнанных из всех камчатских селений. Независимо от того, камчадалы перевозили на собаках в Нижнекамчатск и самого Беринга со всею командою. Такое безрассудное распоряжение Беринга вредно отразилось на хозяйстве камчадалов. Собранные на продолжительное время из селений для траспортирования грузов, камчадалы потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Да и оставшиеся в селениях камчадалы, по неимению собак, принуждены были прекратить свои обычные зимние занятия. Наконец, большая часть собак подохла от продолжительных и тяжких работ, что на долгое время привело в расстройство хозяйство камчадалов, не получивших за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причиненного им камчадалам, и как бы в очищение своей совести писал президенту адмиралтейств-коллегии: “Весьма желали идти в Нижнекамчатск кругом Камчатского носа; но для осеннего времени и за жестокими ветрами на таком ветхом карбусе идти не посмел”. Но если не посмел идти в Нижнекамчатск осенью, то мог бы доставить туда грузы на судах весною. Ведь привел же мореход Мошков весною 1728 г. в Нижнекамчатск пустое его судно “Фортуну”. Положим, что самому Берингу необходимо было провести зиму в Нижнекамчатске, где предположил он построить для предстоящей экспедиции новое судно; но переезд его туда зимним путем с мастеровыми и необходимыми припасами для судостроения не был бы так обременителен для камчадалов, как в настоящем случае».

Беринг, как это ни странно, лгал президенту адмиралтейств-коллегии.

«“Фортуна”, нагруженная провиантом и материалами для строения судов, направилась к Камчатке 1 июля 1727 г. На судне под командой М.П. Шпанберга было 48 человек, в том числе: Г. Путилов, Ф. Козлов, шесть матросов, семь солдат, плотник-десятник, три адмиралтейских плотника, конопатчик и кузнец, 12 енисейских и иркутских плотников и кузнецов, а также камчатский комиссар с 13 служилыми людьми (Кушнарев Е.Г. В поисках пролива, с. 56). 11 августа М. П. Шпанберг на “Фортуне” вернулся в Охотск, где в это время уже находился А.И. Чириков с отрядом, доставивший 3 июля из Якутска 1500 пудов муки. 10 июля прибыли с Камчатки мореходы Н. М. Треска и И. Бутин на старом судне (лодии «Восток», построенной в 1716 году. — *С.В.*), которое решено было после непродолжительного ремонта использовать для перевозки оставшихся грузов. 18 августа суда были полностью нагружены и 21 августа отправились в путь через Охотское море: на “Фортуне” — В.Й. Беринг и М.П. Шпанберг, на лодье — А.И. Чириков и П.А. Чаплин».

Подчеркнем — Витус Беринг отправлялся на Камчатку на совершенно новом судне, спущенном на воду в том же 1727 году.

В следующем 1728 году, преодолев Курильские переливы, впервые привели судно «Фортуну» в Нижнекамчатск мореходы Кондратий Мошков и Иван Бутин.

«…в апреле 1731 г. по распоряжению В. Шестакова из Нижнего Камчатского острога (вероятно, все-таки из Большерецкого острога. — *С.В.*) на байдарах отправился не первые четыре Курильские острова И. Бутин … для сбора “новишного” за 1731 г. ясака.

…В апреле 1732 г. А. Шергин возглавил новый поход на Курилы. В его команде И. Бутин, К. Полежаев, писарь Е. Босиков и 17 служилых людей» [Гольденберг Л.А. Между двумя экспедициями Беринга, Магадан, 1984].

А вот к вопросу о выплате жалованья мореходам-тихоокеанцам Витус Беринг возвращается только в период деятельности… Второй Камчатской экспедиции.

«Доношение Беринга Сенату о выплате недоданного жалования мореходам Треске и Бутину

В высокоучрежденный Правителствующий Сенат доношение Прошлого 736-го году февраля 2-го дня присланным ко мне репортом из Охоцка каманды моей капитан Шпанберх об[ъ]явил, что обретающияся де при Охоцку и на Камчатке для морскаго ходу мореходы Никифор Треска, Иван Бутин взяты в коман-

ду ево для потребностей во время походов на море, ис которых и посылались от него, капитана, на Камчатку на боту “Гавриле” с протчими служител[ь]ми нужнейшаго ради ко экспедиции тамо приуготовления, ибо и по указу Ея Императорского Величества ис Правител[ь]ствующаго Сената морским служителем и мореходам, имеющимся в Сибире, повелено быть в команде экспедиции, а денежного и хлебного жалованья по окладом их они не получали за многие годы, а имянно Никифор Треска с прошлого 727-го году по 736-й год денежного по сороку по пяти рублев, хлебного по сороку пудов, Бутин с 723-го по прошлой же 736-й год денежного по тритцати по пяти рублев, хлебного по несколку юфтей на год, отчего они, мореходы, пришли в немалое оскудение. И для такой их нужды выдал он, капитан Шпанберх, на пропитание им в число годовых их окладов по нескол[ь]ку пуд хлебного жалован[ь]я, да Треске денежного за четыре месяца пятнатцать рублев.

...

И для того посланною от меня вь Якуцкую воеводцкую канцелярию того ж февраля 17-го числа промемориею требовано о присылке ко мне известия, по чему им, мореходам, денежного и хлебного жалованья определено давать и по какому указу, чтоб с того сообщить ко мне копию. На которое требование ис той Якуцкой канцелярии апреля 17-го числа того ж 736-го году промемориею ж ответствовано: по справке де в той канцелярии по окладным хлебным прошлого 735-го году книгам написано, оным мореходам Треске и Бутину годовые оклады хлебного жало ван[ь]я — ржи по пяти четвертей, соли по два пуда человеку на год. Да по росходной того ж 735-го году книге показано по определению бывшаго вь Якуцку воеводы стол[ь]ника Ивана Полуехтова в дачю помянутому мореходу Треске на прошлые 724, 725, 726 годы денежного жалованья полные ево оклады против прежних дачь по сороку рублев, да кормовых по пяти рублев на год. А Ивану Бутину такого де окладу денежного жалован[ь]я вь Якуцкой канцелярии не сыскано, точию де и помянутому Треске вышеписанной оклад денежного жалован[ь]я учинен был в Тоболску от бывшаго сибирского губернатора князя Гагарина. А по указу де блаженныя и вечнодостойныя памяти Его Императорского Величества ис Тоболской земской канторы маия 31-го дня 723-го году велено во всей Сибирской губернии учиненные помянутым бывшим сибирским губернатором князем Гагариным служилым и протчим всякаго звания людем денежные и хлебные оклады отставить. Да по указу ж де блаженные и вечнодостойныя памяти Его Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии февраля 12-го дня 728-го году помянутой мореход Треска с товарыщи написаны беглыми служилыми людми, которым велено быть по Якуцку в службе. И по тому де указу с того 728-го году оные бывшие мореходы Треска с товарыщи написаны беглыми служилыми людми, которым велено быть по Якуцку в службе и в окладех денежного жалован[ь]я сь якуцкими служилыми людми в равенстве. А понеже хотя по указу он, Треска, беглым и служилым и написан, токмо он не беглой и казачей службы по городу Якуцку не служивал, а служил морскую службу. И в бытность нашу в прежней экспедиции в 725-м году означенной мореход Треска посылан был от Якуцкой воеводцкой канцелярии на Камчатку от Охоцка морем с прикащиком Стефаном Трифановым, а оттуда возвратился в Охоцк в 727-м году. И после того всегда безотлучно был в каманде нашей до окончания экспедиции, до самаго отбытия нашего из Охоцка в Санкътпитербурх до августа месяца 729-го году и исправлял положенное на него дело, в чем могу я, и не токмо я, но и все служители, бывшия в прежней экспедиции, засвидетел[ь]ствовать в том, что он, Треска, в помянутых годех был на Камчатке и в Охоцку в службе безотлучно, о чем и вь Якуцкой канцелярии известно. А хотя он, Треска, на вышеоб[ъ]явленной оклад определен и от бывшаго сибирского губернатора князя Гагарина, токмо не в казачью службу, но в морскую с протчими мореходами к самому нужному сысканию, а имянно для проведания прямо ходу чрез Ламское и Пенжинское моря на Камчатцкой нос, что и тогда оной морской путь сыскать весма был надобен, которой он и проведал. И как всем здесь известно, что он, Треска, до присылки туда штюрманов первый человек морем прошел на Камчатку с прикащиком Козмою Соколовым и показал ход другим.

Да и по вышеписанному Ея Императорского Величества ис Правителствующаго Сената указу, писанному маия 15-го дня 1732-го году, мореходы не отставлены, но велено им с протчими морскими служител[ь]ми быть в каманде нашей. Того ради, по мнению моему, надлежит за означенные годы ему, Треске, за ево труд заслуженое им денежное и хлебное Ея Императорского Величества жалованье выдать все по окладу сполна, а не против служилых, для того, что он не служилой и казачьей службы не служивал, а служил морскую службу, как выше об[ъ]явлено, и не бегивал, а из служилых людей, обретающихся на Камчатке в партии маэора Павлуцкого от неполучения многое время жалованья за неприсылкою от Якуцкой воеводцкой канцелярии не тол[ь]ко терпели голод, но несколко от голоду уже и померли, как явствует в присланном ко мне ево, Павлуцкого, доношении имянно, с которого доношения при репорте моем марта 10-го числа прошлого 735-го году предложена высокоучрежденному Правительствующему Сенату точная копия. Тако ж и в Сибирскую губернскую канцелярию тогда ж о том от меня писано, о чем ныне принужден паки предложить в высокое размотрение, какую в таких далных и безхлебных и нужных местах за службу свою от недачи жалованья горкую смерть

напрасно примают. А помянутой мореход Никифор Треска хотя и не умер, но нужду и голод великой претерпевал и одолжал весма, токмо не бегивал, а был безотлучно. И для того надлежит ему, Треске, все жалованье полное выдать против прежних дачь, а имянно денежного по сороку рублев, кормовых по пяти рублев, хлебного ржи по пяти четвертей, соли по два пуда на год. И ежели соблаговолено будет ему, Треске, выдать по оному окладу, о том бы, тако ж и о выдаче, впред[ь] Якуцкую воеводцкую канцелярию определить Ея Императорского Величества указом. А до получения того указу оному мореходу Треске за долговремянное ево терпение без получения жалованья и за показанной ево прилежной труд и для самой ево скудости на пропитание и на росплату многих долгов требовал я от Якуцкой воеводцкой канцелярии промемориею, чтоб ему, Треске, изо всего ево окладного денежного заслуженого жалованья из годовago выдано было половинное, а имянно из сорока рублев по двацати рублев, а ис кормовых из пяти рублев по два рубли по пятидесят копеек на каждой год с 727-го году по прошлой 736 год, а хлебное за те годы по окладу ево все сполна денгами по якуцкой цене. Тако ж покорнейше предлагаю и о вышереченном мореходе ж Иване Бутине, что, хотя о денежном ево годовом тритцати пяти рублевом окладе, о котором показано от капитана Шпанберха в вышеозначенном репорте, помянутою присланною из Якуцкой воеводцкой канцелярии промемориею об[ъ]явлено, что такого денежного ему, Бутину, окладу вь Якуцкой канцелярии и не сыскано, и в помянутых сообщенных ко мне из Якуцкой канцелярии с присланных указов копиях имени ево, Бутина, и не написано. Однако ж и об нем засвидетел[ь]ствую, тако ж и все бывшие в прежней экспедиции служители ж, что и он, Бутин, счисляетца мореходом и во всю бытность нашу в той прежней экспедиции был он безотлучно в Охоцку и на Камчатке, переменяяся, когда помянутой Треска ходил на Камчатку, тогда он, Бутин, был в Охоцку. И трудов и ево, Бутина, довол[ь]но было, а не бегивал. И для того предлагаю в высокое разсмотрение и об нем, Бутине, по какому окладу денежное и хлебное за прошлые годы заслуженое жалованье ему повелено будет выдать и впред[ь] по чему давать, о том бы також соблаговолено б было Якуцкую воеводцкую канцелярию подтвердить Ея Императорского Величества указом. А по мнению моему надлежит и ему, Бутину, за показанной труд заслуженое им за прошлые годы денежное жалованье выдать по окладу ево, по чему ему прежде определено, ежели такое известие в Сибирской губернской канцелярии имеетца, как он определен мореходом и какой ему оклад учинен, а хлебное по вышеписанному ево окладу все сполна, понеже о том хлебном жалованье и вь Якуцкой канцелярии известие имеетца. И обо всем вышеписанном прошлого 736-го году июля 27-го дня в Сибирскую губернскую6, а в Ыркуцкую правинциалную канцелярии прошлого ж 737-го году октября 11-го дня промемориями от меня предложено. Точию и поныне никакого определения о даче помянутым мореходам жалованья не получил. А прошлого ж 737-го году по прибытии моем в Охоцкой острог вышереченной Бутин октября 3-го дня поданным ко мне доношением об[ъ]явил: в прошлом де 1718-м году указом Еяа Императорского Величества взят он от города Архангелского в Сибирскую губернию и послан на Камчатку для походов на морских судах в мореходы. И служил на судах в походех с камандующими камисарами, а имянно в 724-м с Федором Шелковниковым, в 725-м с Офонас[ь]ем Жирковым, в 728 и в 729-м при Камчатцкой экспедиции, а в 730-м с Васильем Шестаковым, в 731-м с Ываном Уваровским, в 732-м и в 733-м з дворянином Иваном Эверстовым, в 734-м с маэором Мерлиным, в 735-м с маэором Павлуцким, в 736-м годех от Охоцкого правления послан был на судне “Фартуне” и прибыл обратно в прошлом 737-м году в Охоцкой острог благополучно.

А жалован[ь]е определено де ему давать денег по тритцати по пяти рублев, хлебного по семидесят по два пуда, соли по три пуда на год, которого де по тому окладу и получил с прошлого 719-го по 724-й год от Якуцкой воеводцкой канцелярии. А со оного году как денежного, так и хлебного жалованья ниоткуда и поныне не получал и пришел во всеконечную скудость и нищету, и претерпевает голод, и посылаетца де он для перевозу на Болшую реку купецких людей и для збору ясака камисаров [которой в тот пут[ь] и отправлен в прошлом 737-м году октября 4-го числа], а к Охоцкому де правлению и подана от него челобитная, по которой челобитной охоцкой командир сказал, что по ево де, Бутина, окладу дачи жалованья не будет, а давал за прошлыя 736-й и 737-й годы токмо по семи рублев на год, которым де ему жалованьем не токмо платьем и обувью можно удоволствоватца или долги оплатить, но и на пропитание по здешней дороговизне недостанет. И оным доношением просил, чтоб по окладу ево денежное и хлебное жалован[ь]е для ево скудости и крайней нищеты на пропитание и для росплаты долгов, и дабы в показанной ево путь мог потребным исправитца, выдано б было. И я, видя такую ево нужду и явную нищету, приказал от экспедиции выдать в зачот ево жалован[ь]я пятдесят рублев, ибо оныя мореходы в Охоцку не празно находятца, но повсягодно ясашную казну с Камчатки, тако ж из Охоцка для збору ясаку камисаров и купецких людей перевозят, и по тому видно, что они, мореходы, люди надобныя и впред[ь] будет в них не без нужды, а старания об них никто не имеет. А охоцкой командир хотя и определяет им жалованья против служилых людей по семи рублев в год, но такого малаго

жалованья по здешней дороговизне не токмо на платье и на обувь, но и на пропитание недостанет того для, что они не на одном месте живут и в удобное время по здешнему обычаю корму себе запасти за показанными отлучками не могут. А сего 738-го году марта 22-го дня вышереченной капитан Шпанберх репортом же ко мне об[ъ]явил: обретающейся де ныне при экспедиции мореход Никифор Треска бывал немалое время здесь мореплаванием до Камчатки и даже до осмаго на десять японского острова, и между островов о глубоких местах, тако ж и о берегах и о землях, и о губах, и о гавонях, лежащих при море около Камчатки, может де быть небез[ъ]известен, и в случившуюся де на море великую погоду рулем править умеет, и в таковых де местах потребен он, Треска, быть у него вожем. И требовал, чтоб определен был в ево вояж. И по тому ево требованию вышепомянутой мореход Треска в каманду капитана Шпанберха и определен. И для такого дал[ь]наго и нужнейшаго вояжу определил было я ему, Треске, жалованья с начала сего 738-го году по дватцати по два рубли по пятидесят копеек в год до указу. Точию вышереченной капитан Шпанберх репортом ко мне сего апреля 19-го числа об[ъ]явил, что он, Треска, от такого малаго жалованья, будучи в далном и нужном пути, в платье и обуви воз[ъ] имеет немалую нужду, и требовал, чтоб помянутому Треске, пока он будет на море, для показанных нужд определить денежное жалованье прежнее по окладу ево по сороку по пяти рублев на год. А ежели же де, паче чаяния, по сему моему предложению о прежнем ево, Трескине, окладе или о додаче жалованья определения от Правител[ь]ствующаго Сената никакова не будет, а в бытность при нем, Шпанберхе, на море в вояже что сверх вышеозначенного от меня определения половинного окладу в даче будет, и о том де воспоследуетца ко взысканию в том ответствовать и заплатит[ь] ему, Шпанберху. И по тому ево, Шпанберхова, требованию и обязател[ь]ству определил означенному мореходу Треске за то время, пока он, Треска, будет в показанном вояже, полной оклад по сороку по пяти рублев в год. Тако ж и бывшей матроз Буш, которой определен был в прошлом 712-м году по указу и по определению бывшаго сибирского губернатора князя Гагарина для ходу на море ж, и жалован[ь]я определено ему по пятнатцати рублев, да хлеба по осми юфтей на год, которого жалованья не получал с 727-го году. И от охоцкого командира за старостию от службы отставлен и отпущен вь Якуцк еще в прошлом 736-м году в Якуцкую воеводцкую канцелярию для исходатайства заслуженого жалованья, точию и поныне за неполучением ходит вь Якуцку по миру. И обо всем вышеписанном высокоучрежденному Правителствующему Сенату покорнейше предлагаю в высокое разсмотрение. И ежели повелено будет вышереченным мореходам Треске и Бутину заслуженое их жалованье по прежним их окладом выдать и впред[ь] производить, тако ж и матрозу Бушу заслуженое жалованье выдать, то покорно прошу о том определить Якуцкую воеводцкую канцелярию Ея Императорского Величества указом.

W.J. Bering

В 26 день апреля 1738 году» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Ч. 1. Л. 208–213].

Охотск, 1739 год. Состав экспедиции Мартына Шпанберга в Японию:

«На боту “Большерецком”.

За боцманмата квартермейстер Василей Эрт.

Матрозы 1 статьи: Лаврентей Сметанин, Гаврило Беляев.

Сибирского гварнизона салдаты: Антон Шароглазов, Иван Козлов, Иван Чикачев, Елизар Зыков, Иван Соколов. [184]

Якуцкого полку: Андрей Тепнин (умре июля 16 числа 1739 году).

Мореход Иван Бутин».

Когда последовала отставка от службы, Иван Бутин нашел свое место в промысловых экспедициях в Русскую Америку.

1747 год.

«…промысловое судно “Симеон и Анна” (1747–49) к[омпа]нии Московского купца Рыбинскаго (Н. Трапезников, Овросимов, Холщевников, А.Ф. Чебаевский, Колесов, И. и А. Всевидовы, Строганов).

Передов[щ]ик посадский Дан. Соснин, мореход отставной шкипер Охотскаго порта Бутин и при них согласником Ст. Попов. Всей команды 46 чел., в том числе 33 камчадала.

По выходе 26 авг. из р. Камчатки, шитик вскоре подошел к о. Медному. Как для промыслов и здесь было довольно зверя, то несмотря на запрещение, престарелый мореход предпочел оставаться на Медном, чем рисковать идти на поиски неведомых земель. Шитик введен в гавань на северо-восточной стороне острова, где он простоял спокойно два года (Гавань с того времени носит название Всевидова, от имени Тотемскаго купца Андрея Всевидова, прикащика Рыбинскаго, который за отсутствием хозяина, правил его делами в Сибири и отправлял суда на промысла. Самая компания обыкновенно называлась Всевидовской)» [Поклонский А.].

«В 1751 г. только компания Никифора Трапезникова отправила одно судно “Борис и Глеб” за пушниной. Рапорта об этом плавании подано не было, поэтому неизвестно, где производили промысел. Известно лишь, что мореходом на “Борисе и Глебе” был шкипер Бутин — первый мореход, сведущий в науке мореплавания. Для сбора ясака был послан казак Сила Шевырин, имевший уже опыт в этом деле. В 1752 г. “Борис и Глеб” возвратился на Камчатку. С промысла, доставленного на нем, в казну поступило “десятой” пошлины на 1165 руб.» [Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века, М., 1968].

Но это еще не вся история.

Мореход Иван Бутин участвовал в крещении не только коренных жителей Камчатки, камчадалов, в православную веру, но и коренных жителей Северных Курильских островов — ку-

рильцев или куру, по названию которых и сами острова получили наименование Курильских. Курильцы — это потомки айну (мохнатых курильцев, живших на Южных Курильских островах и острове Хоккайдо) и камчадалов — аборигенов Камчатки.

Фамилия крестных детей морехода Ивана Бутина — курильцев Бутиных — исторически прослеживается и на острове Шумшу, и на острове Парамушир.

Но в 1875 году, когда царское правительство передает Курильские острова вместе с их коренным населением во владение императора Страны Восходящего Солнца, жители островов Шумшу и Парамушир, не желая быть в подданстве у микадо, самостоятельно перебираются на Камчатку и расселяются в селах юго-западного побережья полуострова — Явино, Голыгино, Кихчик, Коль.

Но накануне объявления России войны японцы задумывают и весьма оригинальный ход, направленный на отторжение от России Камчатки. Замысел был чрезвычайно прост — прийти на Камчатку как освободители подданных микадо — сбежавших с Шумшу и Парамушира курильцев.

Японцы знали к тому времени о просто баснословных рыбных ресурсах Камчатки и хотели стать полноправными обладателями этих богатств. Но согласно международному праву, которого Япония до Русско-японской войны еще придерживалась, Камчатку — как демилитаризованную территорию — военным способом захватить было нельзя. И тогда японцы решили высадить на Камчатке десант из «мирных японских рыбаков» — вооруженных до зубов отставных унтер-офицеров, которые летом 1904 года высадились в устье реки Озерной — в нескольких километрах до ближайшего поселения сбежавших курильцев — Явино.

Но Явино встретило врага негостеприимно – население покинуло свое село. Тогда командир японского отряда отставной лейтенант Сечу Гундзи (как он сам себя называл) прибил доску с надписью о том, что эта земля, на которой находятся японцы, уже принадлежит Японии, а тот, кто посмеет снять эту доску с надписью, будет убит.

Сечу Гундзи и те, кто его прислал с миссией «мирного» отторжения Камчатки от России, не подозревали (хотя провели на Камчатке предварительную разведку) о том, насколько мирное население полуострова (а военных здесь не было, если не считать казаков, которые исполняли полицейские, а не военные функции) готово к отражению любого врага, посягнувшего на их малую родину.

Первым известным нам тойоном (вождем или старостой) селения Явино был Степан Яковлев сын Бутин (1809–1894). Старостой соседнего села Голыгино в период Русско-японской войны был Иван Ефремович Бутин.

А вот список курильцев и камчадалов Бутиных — участников народного ополчения — отразивших японский десант в 1904 году и захвативших в плен их командира Сечу Гундзи, а затем в период 1904–1905 гг. громивших «мирных японских рыбаков», грабивших камчатские нерестовые реки. Благодаря народному ополчению Камчатка осталась за Россией.

Бутин Василий Иванович (1877), с. Явино
Бутин Василий Лукич (1878), с. Явино
Бутин Иван Ефремович (1874), староста с. Голыгино, награжден серебряной медалью «За усердие»
Бутин Максим Ефремович (1876), с. Явино
Бутин Михаил Ефремович (1871), с. Явино
Бутин Петр Ефремович (1870), с. Явино

БЯНКИНЫ

Забайкальцы, наверное, возмутятся — это же чисто их фамилия, история появления которой в Забайкалье напрямую связана с защитой знаменитого Албазинского острога, из-за которого у нас с Китаем (то бишь маньчжурским государством Цин) произошло столкновение, переросшее в героическую оборону Албазина и завершившееся Нерчинским мирным договором, по которому мы потеряли свои владения на Амуре, но обрели торговлю с Китаем и процветание приграничных с Китаем торговых центров.

Свой рассказ мы, конечно же, начнем не с Севера, а с Юга, постепенно двигаясь в нашей родовой истории вслед за героями этого рассказа в тех направлениях, которыми они следовали, исполняя государеву волю.

В списке последних оставшихся в живых защитников Албазинского острога мы находим имя Ивана Бянкина.

Владимир Николаевич Абеленцев, автор исследования «Албазинцы. Нерчинское воеводство и Албазинский острог. XVII в.» уточняет:

«Бянкин Ивашка Васильев, сын албазинского пашенного крестьянина, участник обороны (1686/87), остался в живых (столбец Сибирского приказа № 1084/7089). Поверстан Головиным в албазинские казаки; выдано жалованье 5 руб. и послан в Нерчинск (1688). Нерчинский конный казак, оклад 7 руб. с четью (1699)».

У Е.А. Багрина в статье «Гарнизон Албазинской крепости в 1687–1689 гг.» добавлен еще один промежуточный эпизод в биографии Ивана Васильевича:

«Стрельцы полка П. Грабова. Иркутские новоприборные … Бянкин Ивашко Васильев сын (вместо Никитки Шмонина албазинского пашенного крестьянина)».

Полноправным нерчинским казаком Иван Васильевич стал только в 7201 году от сотворения Міра (то есть минус 5508 лет, что равняется 1693 году от Рождения Христа):

«И в нынешнем 201 году по указу вел гос и по отписке из Ыркуцка от столника и воеводы от князя Ивана Петровича Гагарина поверстаны в конную службу в дополнку в Нерчинск к прежним нерчинским конным к дватцати к одному человеку в прибавку чтоб было в Нерчинску конных казаков двести человек кроме того людей что по острогам служат а досталные десят человек доверстаны впред а приверстано ис

пеших казаков в конную службу шездесят девят человек а что им окладу быть против конных ли казаков того в отписке не написано, а велено их за хлебные оклады приискать под хлебную пахоту земли и у дела сметных списков столник и воевода князь Матвей Петрович Гагарин велел им покамест они приищут под хлебную пахоту земли служить им и с прежних окладов на месяц по два пуда муки ржаной по полутора пуда соли человеку в год» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 98–99].

В числе их и Ивашко Васильев сын Бянкин.

И вот именная его отметка в 1694 году:

«Рядовые … оклад хлеба по шти четей ржы по полтора пуда соли … Иван Бянкин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 453].

Но…

Иван Васильевич был не единственным из албазинских крестьян Бянкиных, верстанных впоследствии в нерчинские казаки.

В той же статье Егора Андреевича Багрина, на которую мы ссылались выше, есть еще одно сообщение:

«Роспись албазинцев, получивших семена для посадки яровой пшеницы и гречихи в мае 1688 г. … Бянкин Иван Васильев … Бянкин Ондрей [Иванов]».

Эти посадки производились перед завершающим сражением, когда албазинцы, рассчитывая на помощь из сибирских городов, готовились к длительной осаде.

Позже мы находим имя Андрея Ивановича Бянкина в книге окладного жалованья служилым людям по Нерчинску за 1708 год [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л. 8 об.] — он служит в конных казаках.

А в переписи нерчинских казаков за 1721 год [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 70] он указан как конной казак Андрей [Иванов] Бянкин 60 лет. То есть мы знаем примерную дату его рождения — 1659 год. Но казаков Андреев Бянкиных в этой переписной книге несколько, и конный казак Андрей Бянкин в этой переписи стоит вторым. Мы его и отметим как Бянкин 2-й.

В этой же переписи указаны и его дети: Бянкин Яков Андреев 20 (1701); Бянкин Иван Андреев 16 (1705); Бянкин Семен Андреев 12 (1709); Бянкин Афонасей Андреев 8 (1713).

Но…

Это тоже еще не весь список албазинских крестьян Бянкиных. И это говорит о том, что албазинский семейный узел Бянкиных был весьма крепко связан и, следовательно, возник в самый ранний период, когда бывшее даурское поселение Албазин, уничтоженное по приказу Ерофея Хабарова, было восстановлено как Албазинский казачий острог при — «воровском» тогда еще — атамане Черниговском.

Вот еще одна архивная выписка, датированная 1693 годом:

«Албазинские ж, которые верстаны из пашни за осадное сиденье в пешую службу против отписки околничего и воеводы Федора Алексеевича Головина Васка Бянкин».

В 1694 году уточнено:

«Васка Артемьев Бянкин служит с пашни».

Судя по отчествам, все трое Бянкиных, если они из одного рода (а скорее всего, так оно и есть) — представители уже третьего поколения албазинцев – дети, скорее всего, родных братьев Ивана, Василия и Артемия Бянкиных.

Поэтому, если мы даже запутаемся (а мы запутаемся) в дальнейшей их родовой сети — все равно они будут представлять разные ветви, но одного казачьего рода.

Запутаемся…

Потому что появляется в окладной книге Нерчинска за 1708 год молодой казак Трофим Бянкин, отчества которого мы не знаем, а потому и не знаем, к какой ветви его отнести.

«Трофим Бянкин, а за хлебное жалованье служит с пашни» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л. 12 об.]. Но, судя по информации, которую мы получим в дальнейшем, он проживает вместе с Андреем Ивановичем и его детьми в станице (селе) Бянкино — и вполне вероятно, что является его родным старшим сыном. Конечно, это пока предположение. Но предположение очень даже основательное.

Но точно мы знаем другое — его многочисленное потомство:

Пешей казак Трофим Бянкин 37 лет в 1721 году — то есть он примерно 1684 года рождения и, конечно же, родился в Албазине. «Служит с пашни» — это еще ни о чем не говорит. Как и о том, что он пеший казак — это может быть просто первый уровень для последующего перехода в конные казаки, на смену отцу.

Сыновья Трофима: Иван (1709), Михайла (1715) и Андрей (1721).

Вряд ли полугодовалый в то время Андрей Михайловича Бянкин мог быть Андреем 1-м. Его мы в расчет не берем пока.

И действительно, мы находим Андрея 1-го Бянкина, возраст которого точь-в-точь совпадает с Андреем 2-м — ему тоже 60 лет. Но только он пеший казак, в отличие от Андрея — конного казака.

У него тоже есть дети, по которым мы, собственно, и можем разобраться в дальнейшем, кто есть кто по родословной линии: Бянкин Афонасей Андреев 20 (1701); Бянкин Алексей Андреев 6 (1715).

Но…

И это еще не все.

В той же переписной книге за 1721 год и так же без отчества указаны два казачьих сына, два брата Петр 23 (1698) и… еще один Андрей 20 (1701).

Петр, будучи еще казачьим сыном, то есть не будучи верстан в казаки, уже сам был отцом — его сыну Ивану было 5 лет (1716).

Позже мы выясним отчество братьев — они Васильевичи. И возникает вопрос: а не занимает ли их вакантное родовое казачье место пеший казак Андрей, который может быть их родным старшим братом? Конечно, это вопрос. Но тогда становится понятным, почему не нашлось места для одного из сыновей Василия Бянкина.

Кроме того, этот факт говорит о том, что количество нерчинских казачьих детей превышало уже штатные возможности казачьих подраз-

делений. И вот что далее происходит — казачий род албазинцев Бянкиных начинает рассыпаться по разным сословиям.

Вот каковы итоговые материалы переписи Нерчинска за 1744 год [Фонд 350. Ландрадские книги и ревизские сказки. Опись 2. Дело 1917. 2-я ревизия]:

Торгинской Слободы
разночинцов померло
перешедшие из города Нерчинска
Андрей [Васильев? сын] Бянкин (1-й)
в службу
Афонасей [Андреев сын] Бянкин
Деревни Бянкинои
померло
980) Андреи [Иванов сын] Бянкин (2-й)
981) Трофим [Андреев сын] Бянкин
взяты в рекруты
982) Афанасеи [Андреев сын] Бянкин
993) Михаило [Трофимов] Бянкин
выбыли в посад
984) Иван [Андреев или Трофимов сын] Бянкин
985) Семен [Андреев сын] Бянкин
986) Петр [Васильев сын] Бянкин
987) у него сын Иван [Петров сын]
988) брат Андреи [Васильев сын] (3-й)
итого настоящих померло 2
взято в рекруты 2
выбыло в посад 5
Всего 9.

Дальнейшие исследования, как мы уже говорили, помогают нам найти отчество посадского Петра (и, соответственно, его брата Андрея):

«1745 году померло. В августе 12-го … У посацкого Трофима Бянкина сын Федор – 18 лет.

В ноябре 23-го … Посацкой человек Петр Васильев сын Бянкин — 47 лет» [РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 224. Л. 91 об. МК церквей Иркутской епархии за 1729 год, л. 249 об. – 250].

И в дальнейший путь по Забайкалью мы сейчас пускаться не будем — так как частота рождения и смертности детей была очень высокой.

Мы начнем свой отсчет с конца — с тех Бянкиных, которым выпала честь служить на Севере.

Что мы о них знаем? Немного. Только общие данные.

Гижигинская крепость 1772 г. Казак Козьма Бянкин [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 10 об.].

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781
Казаки
Гаврила Бянкин
Козма Бянкин — в Охотске
Яков Бянкин — в Охотске» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 21, 22 об.]

По метрическим книгам мы нашли только одного Якова, который по возрасту мог служить в Охотске в тот период:

«1729 … родились … В Октябре 2-го … У служилого Трофима Бянкина сын Ияков» [РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 224. Л. 93].

Но… В 1731 он уже умер.

В период, который мы рассматриваем, — вторая половина 18-го столетия пополнение северных военных гарнизонов — Анадырского острога, Нижнеколымской, Гижигинской и Тигильской крепостей шло с самых разных сторон.

Казачьи отряды приходили из Якутска, Нерчинска, Селенгинска, Иркутска.

Солдатское пополнение шло в основном через Якутский (бывший до 1727 года Тобольским) пехотный полк, располагавшийся на границе с Китаем и пополнявшийся также за счет казачьих детей Селенгинска, Нерчинска, Иркутска.

Формирование других полков, которые отправляли своих солдат в указанные гарнизоны — Енисейского пехотного, Тобольского драгунского, Сибирского пехотного и Сибирского драгунского полков, шло из самых разных мест Сибири и других регионов империи — и здесь вместе с казачьими детьми служили рекруты из крестьян, промышленных и торговых людей.

Вполне вероятно, что Гаврила и Яков Бянкины, проходящие по ведомости гарнизона Гижигинской крепости, — это дети Козьмы, которые отмечены в документах более раннего периода своей службы.

Таких северных служилых казачьих (да и солдатских тоже) семей, когда дети, вслед за отцами и дедами, продолжали службу в северных гарнизонах, — множество.

Но нередки были случаи и перехода из казаков в солдаты, что позволяло ограничить срок службы от пожизненной до 25 лет и по выходу в отставку иметь возможность сменить место своего дальнейшего жительства — как говорят в наше время, выехать на ПМЖ.

Кроме того, после официального принятия чукчей в подданство России в 1779 году, расформирования гарнизона Анадырского острога, начиная с 1768 года и завершая уничтожением самого острога в 1771 году, происходит и постепенное сокращение штата сначала военных (регулярных частей), а потом и казаков (нерегулярных войск) и направление и тех, и других к новым местам службы.

Пытаться сегодня разобраться в иерархии родового древа казаков и посадских людей Бянкиных — задача не из легких.

А вскоре и коренным забайкальским казакам придется перебраться к новым местам службы — сначала в Приамурье, а потом и в Приморье.

Забайкальское казачье войско представляло из себя следующий состав:

«Низшее звено в конном войске состояло из 36 сотенных, а в пешем — из 12 батальонных управлений. Три пешие бригады были расположены по долинам рек Газимуру, Унде, Онону и Ингоде, а три конные бригады размещались в основном вдоль китайской и монгольской границ. Штабы батальонов были сильно разбросаны по занимаемым бригадами территориям.

Например, штаб второй пешей бригады находился в Шелопугино, а штабы ее четырех батальонов находились по всей Унде — в станицах Шелопугинской, Жидкинской, Ундинской и Ново-Троицкой. Штаб первой пешей бригады находился в Газимурском Заводе, а третьей — в Бянкино, в начале Нерчинского тракта.

Биограф генерала-губернатора Восточной Сибири Иван Платонович Барсуков оставил

нам интересный рассказ о последнем дне перед началом знаменитого сплава по Амуру:

“…7 мая 1854 года прибыл в Шилкинский завод на лодке, из станицы Бянкиной, и остановился в лагерях линейного Сибирского, № 15, батальона на противоположном, или правом берегу реки Шилки, где в то время квартировал линейный сводный батальон и артиллерия, назначенные в экспедицию на Амур… Явился из Нерчинского завода благочинный, протоиерей Симеон Боголюбский… поднес Муравьеву в дар … от Нерчинскозаводского Богоявленского собора древнюю святую икону Знамения Божией Матери, вынесенную, по преданию, выходцами из уступленного китайцам Албазина, в серебряном чеканной работы окладе и с серебряным же венцом, в деревянном наборном оклеенном киоте за стеклом, а при ней в ящике 3 фунта ладану и 5 фунтов восковых свеч и молитвенник со святцами… Съехались в Шилкинский завод купцы, мещане и разночинцы, так что в продолжение пребывания Муравьева Шилкинский завод, украшенный флотилией, оживленный наплывом народонаселения, кипучей жизнью и деятельностью, говором и движением, представлял из себя вид как бы портового города; а разнообразием мундиров — флотских, армейских, артиллерийских, инженерных, казачьих и т. д. — походил вполне на военный лагерь… Исправляющий должность горного начальника Нерчинских заводов подполковник Разгильдеев пожелал устроить в честь Н.Н. Муравьева праздник с иллюминацией, фейерверком и русским хлебосольством… Праздник был назначен на 9 мая, в день святителя Николая. Вечером этого дня главная улица завода, на полторы версты в длину, по обеим сторонам обставлена была деревьями, в виде большой аллеи, и при них на подмостках стояли плошки. На этой же улице возвышался храм ‘Славы’ с боковыми пирамидами, украшенными плошками и разноцветными фонарями; в центре помещен был транспарант с вензелевым изображением Государя Императора под короною, вверху был парящий орел… Посреди улицы, на нагорной площадке, … устроен был из деревьев — лиственницы, черемухи, березы, сосны, багульника и мелкого кустарника — полукруглый садик с аллеей, обставленной такими же деревьями. В полукружии возвышались: посредине — храм, а по бокам — пирамиды. Все это сооружение связывалось арками легко и красиво, а пирамиды, кроме огней, украшены были цветами. В глубине этих арок, или храмиков, вставлены были три транспаранта…

В 8,5 часов вечера прибыл из-за реки Муравьев со своею свитою. Приезд гостей возвещен был пушечным выстрелом и 100 ракетами… И.Е. Разгильдеев… встретил встретил Муравьева на берегу и провел его сначала по улице, а потом в сад, где расставлена была военная кавалерийская и инструментальная заводская музыка и русские певцы (из каторжных). Муравьев со всею свитою отправился смотреть иллюминацию, и когда они подошли к Царскому щиту с вензелем Государя, тотчас громкое ‘ура’ раздалось повсюду. Взлетели на воздух сотни ракет, бураков, загремели горные пушки, и военная музыка огласила воздух народным гимном: ‘Боже, Царя храни!’. Затем Муравьев пошел далее вниз по улице к триумфальным воротам, замыкающим иллюминацию. Осмотрев их, он обратился вверх по улице, а когда поравнялся с садиком, его встретили два шумящие фейерверочные фонтана. В это время поплыли по реке две лодки, сражавшиеся одна с другой ракетами; вид огней на реке был очарователен… Муравьев, посмотрев это ‘сражение’, возвратился в сад казенного дома, где поочередно играла военная музыка, и певцы пели русские песни… Были пропеты следующие стихи, сочиненные карийским ссыльно-каторжным Макеевым…:

Как за Шилкой за рекой,
В деревушке грязной,
Собрался народ толпой,
И народ все разный.
Ни чу-чу,
Ни гу-гу!
Мы молчим,
Не говорим —
Без нас!
Новобранцы казаки
Собрались толпами.
И градские торгаши
С ихними женами…

Затем был дан роскошный ужин, за которым провозглашены были тосты… за здравие и благополучие сподвижников Муравьева и всей экспедиции… Ужин окончился в час по полудни…”

Перед отплытием флотилии, которой командовал капитан 2-го ранга П.В. Казакевич, священник благословил участников экспедиции иконой Божией Матери, вывезенной в XVII веке из Албазина, и состоялся молебен. Затем флотилия, растянувшись на две с лишним версты, двинулась вниз по Шилке.

Первыми забайкальскими переселенцами на Амурской земле были казаки 6-й отдельной сотни Амурского полка, которые в 1855 году приняли самое активное участие по отражению английского десанта, пытавшегося высадиться и закрепиться на побережье залива Де-Кастри. В составе сотни был казак Роман Бянкин.

А в составе сводного действующего пешего полубатальона Забайкальского казачьего войска, который прибыл в Де-Кастри под командой подполковника, адъютанта генерал-губернатора Восточной Сибири, командующего русскими сухопутными войсками на Амуре Александра Николаевича Сеславина, участвовал в разгроме английского десанта казак Захар Бянкин.

В 1862 году забайкальцы начали заселять бассейн реки Уссури, которая впоследствии даст название не только самому краю, но и Уссурийскому казачьему войску.

Казак Егор Бянкин был одним из основателей станицы Киселевой.

В 1874 году принимал присягу казак Уссурийского казачьего дивизиона из станицы Корсаковской Федор Бянкин.

А в районе Сучана, на острове Аскольд после появления первых русских поселенцев начинаются осложнения с китайцами, которые, проживая на территории Российской империи в этом районе (их называли манзами), находились под юрисдикцией Китая, что и приводило к многочисленным конфликтам, осложнениям, завершившимися так называемой Манзовской войной в 1868 году.

И в нескольких ее эпизодах отмечен хорунжий Бянкин, имя-отчество которого, к сожалению, не приводится даже в инициалах:

“Отряд капитана Баранова 3 июня вышел со станции Тихменевой, но, двигаясь исключительно трудным маршрутом, лишь 14 июня прибыл на Лефу. Близ устья этой реки он попал в болота, из которых едва выбрался, и был вынужден повернуть обратно. Возвращаясь, Баранов сжег все найденные им, к тому времени пустовавшие фанзы, вместе с хранившимися там запасами хлеба.

Хорунжий Бянкин, отправившийся в поход с 4-го сунгачинского поста, 7 июня достиг Лоренцовой, взяв по дороге в разных фанзах 25 пленных, а также оружие, порох и припасы. Некоторые из манз оказывали ему ожесточенное сопротивление. Спустя несколько дней Бянкин получил приказание пройти вдоль Даубихэ в станицу Буссе, истребляя то манзовское имущество, которое не могли использовать русские крестьяне, а затем отпустить казаков на льготу.

…Чтобы связать отряды Маркова и Флоренского, одновременно устранив возможность прорыва хунхузов через караулы унтер-офицера Раскотова в долину Сунгачи, капитану Баранову, вновь поступившему в подчинение полковнику, приказано было выйти со станции Тихменевой с 45-ю солдатами, а хорунжему Бянкину с 4-го сунгачинского поста с 35-ю казаками на Лефу.

Предполагалось, что там они соединятся около устья реки Лифуцзин, в узле двух дорог, одна из которых вела по течению Лефу к озеру Ханка, другая — по Лифуцзин к границе. В тот же день, 26 мая, из Бельцовой ушла по назначению рота поручика Садовникова.

…В соответствии с выработанным планом последовали приказания: подполковнику Маркову, оставив казачью полуроту под начальством хорунжего Бянкина на 4-м сунгачинском посту, с остальными людьми следовать в Камень-Рыболов, где присоединить солдат 3-го батальона, доведя численность отряда до 200 штыков, и усиленным маршем двигаться на Суйфунскую дорогу к Никольской. Одновременно ему предписывалось занять караулом тропу, ведущую от Лефу по реке Лифуцзин (Сахеза) к верховьям Мо и далее, за границу, чтобы лишить китайцев возможности пользоваться путем, которым успела ускользнуть первая шайка. Капитан Флоренский получил указание следовать с двумя ротами сводного полубатальона вверх по Уссури и Даубихэ, чтобы очистить долину последней от манз, обеспечив спокойствие уссурийских поселений. Затем он должен был перейти на Лефу и вместе с Марковым теснить разбойников в уже опустошенные ими долины Майхэ и Цымухэ, чтобы там окончательно истребить”.

Принимали участие казаки Бянкины и в первой мировой войне.

1915 год, Кавказский фронт: “28 июня русская пехота перешла в наступление при поддержке огня 2-й Забайкальской батареи. В 8 часов 30 минут, когда батальоны находились в развернутом боевом порядке, разъезд 3-го Верхнеудинского полка под командой зауряд-прапорщика Бянкина обнаружил большую колонну турок, которая спешно спускалась с гор в направлении правого фланга отряда.

…С 16 июня по 9 июля в бригаде ранено 2 офицера: зауряд-прапорщики Д.В. Бянкин и А.Е. Чугуевский; контужено и ранено 27 казаков. В 3-м Верхнеудинском полку с 9 по 31 июля пропало без вести 9 казаков, находившихся в разведке”». [Николай Смирнов, Забайкальское казачество, М., 2008]

Принимали участие в революционных событиях:

«В полковой комитет 1-го Читинского полка входили 5 офицеров и 9 казаков, и если бы вдруг офицеры захотели оказать какое-либо принудительное воздействие на них, то казаки полка не позволили бы им сделать это, выбрав новый состав полкового комитета. В конце апреля в полковой комитет 1-го Читинского полка входили: офицеры-есаулы Широких, Шильников, Шароглазов, Эпов и подъесаул Семенов; казаки-урядники Щеголев (1-я сотня), Молоков (5-я сотня), Большаков из команды связи; подхорунжий Воросов (4-я сотня); приказные Новиков (3-я сотня), Лев Перминов (6-я сотня), Терентий Перминов (пулеметная команда); рядовые казаки Бянкин (2-я сотня), Акулов (писарская команда)» [там же].

Отметились они и в белоэмиграции в Китае:

«Многие, не имея иного образования кроме военного, искали работу, которая в той или иной степени была бы приближена к их знаниям, опыту и умениям. Значительная часть офицеров состояла в местных вооруженных формированиях, принимала активное участие в гражданской войне на территории Китая, служила в полиции, в охране лесных концессий, железных и шоссейных дорог, оказывала помощь в борьбе с хунхузами и прочими криминальными элементами. По далеко не полным сведениям с военной и полицейской службой на территории Китая было связано не менее 100 офицеров Приамурских казачьих войск.

Среди них: Г. Адамсон, А. Бородин, В. Воробей, А. Лазарев, П. Сотников, Н. Танаев (амурцы); С. Антипьев, И. Бакшеев, М. Бянкин, М. Ваулин, И. Достовалов, А. Зимин, В. Зырянов, С. Иванов, В. Казачихин, И. Кобылкин, Т. Козлов, Е. Куклин (забайкальцы); С. Аладьин, М. Архипов, Н. Шихобалов (уссурийцы)» [Амурское казачества: вчера и сегодня, Благовещенск, 2017].

В «Предыстории» [https://predistoria.org/forums/index.php?topic=3174.0] представлен огромный список Бянкиных — жителей Забай-

калья (станиц и сел Бянкино, Кумаки, Тюкавкино, Бишигино, Бургень, Ишикан, Чиндант, Курлыч, Атамановка), — которые подверглись репрессиям в годы политического террора 1930-х годов.

Но… Жизнь продолжалась.

И огромное значение для развития морской транспортной сети Дальнего Востока имела деятельность на посту начальника Дальневосточного морского пароходства в 1969–1977 годах Валентина Петровича Бянкина, более известного сегодня по своим книгам об истории развития морского судоходства.

Он родился, как пишут его биографы, в селе Пашково Хабаровского края Дальневосточного округа РСФСР.

Сегодня это село Пашково находится в составе Облученского района Еврейской автономной области.

А вот что самое интересное: село это основано в 1857 году казаками-переселенцами из Забайкалья как пограничный пост Хинганский. В 1858 году пост был переименован в честь первого даурского воеводы Афанасия Пашкова в пост Пашковский.

То есть и Валентин Петрович Бянкин — казачьих кровей.

А точку в нашем рассказе ставит почетный атаман Камчатского отдела Уссурийского казачьего войска, Глава Совета стариков этого войска, казачий полковник Николай Васильевич Бянкин, который продолжает нести казачью службу на Камчатке в чине почетного атамана.

ВАСЮТИНСКИЕ

Этой фамилии посвящен большой очерк в книге «Тайны якутских фамилий», поэтому сейчас я постараюсь кратко представить дальневосточное родословное древо казаков Васютинских.

Якутск, 1699 год:

«Дети боярские … Иван Васютинской; в пр. в 203 г. прислан в Якуцкой в ссылку, а велено ему быть в казачьей службе, и в 202 же г. и при преж. воев. стольниках М. и А. Арсеньевых верст. он в дети боярские в выбылой казачий оклад Фролка Яковлева; а оклад ему учинен: ден. 5 руб. с четью, хлеба 4 чети ржи, 2 чети овса, пол-2 пуда соли; а по сказке его от рожд. ему, И., 42 г., а к службе у него ружья пищаль, сабля; а по осмотру он здоров; с полковую службу его в воинские походы будет» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.106].

Якутск, 1720 год:

«Служивые люди … Во дворе посадной Иван Андреев сын Обутов … у него ж живет на подворье в юрте служивой Семен [Иванов сын] Воситинской по скаске жены ево ему Семену дватцать пять лет (1695) и он послан Великого государя на службу по хлебные припасы в 719 году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 30 об.].

Большерецкий острог, Камчатка, 1737 год:

«Амшигачева, по камчатски Уаушиммель (Там же есть дополнительные данные о населении близ речки Уаушиммель: “Учю речка от Уаушиммеля верстах в 2 впала в Большую реку с левой стороны… На устье ее есть летовье служивого человека Семена Васютинскова”. — *Ред.*), речка от Чекавиной верстах в 9 течет в Большую реку с северо-восточной стороны. Обе объявленные речки прозваны от казаков» [Крашенинников С.П. Описание Земли Камчатки, М., 1949].

Большерецкий острог, 1760:

«Петр [Семенов сын] Васютинский, казак Большерецкого острога был отправлен для сбора ясака с казаком Максимом Лазаревым на Алеутские острова (1760–1764) на судне “Св. Андриан и Наталья” Степана Глотова, за свой отчет по плаванью — открытие и освоение Андреяновских островов — произведен вместе с Лазаревым в сибирские дворяне».

Петропавловский порт, 1815 год:

«Петропавловская экипажная рота

Васютинский Федор Петрович (1777), канонир. Ж. Екатерина Никитовна» [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

Тигильская крепость, 1831 год:

«Казаки … Васютинский Федор Петрович. Дети Федора Петровича: Васютинский Захар Федорович (1806), Васютинский Василий Федорович (1811) [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

Возможно, у Петра Семеновича был еще один сын Дмитрий, о котором мы узнаем из отчества солдата Васютинского, служившего в Петропавловском порту в 1812 году:

«Камчатский гарнизонный батальон

Гренадерская рота капитана Семена Васильевича Молчанова

Васютинский Федор Дмитриевич (1779), гренадер. Ж. Ефимида Васильевна (1781)».

Солдатские дети (то есть сироты). Петропавловский порт, 1823 год:

Васютинский Иван [Федорович] (1805)

Васютинский Данило [Федорович] (1808)

Васютинский Петр [Федорович] (1810) [Петропавловский собор. Исповедальные росписи РГИА ДВ, фонд 1009, оп. 2, д. 3].

Дальнейшая судьба представителей этой дальневосточной фамилии нам пока неизвестна.

ВЕРЕЩАГИНЫ

Этот очерк мы начнем с письма-обращения. Для меня эти письма являются первоочередным сигналом к действию — значит, это кому-то надо…

Как там у бессмертного Владимира Маяковского:

«Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!».

И когда мне приходит вот такое письмо — я, конечно же, бросаю все свои дела: ведь это кому-то нужно…

«Меня зовут Кантор Юлия Юрьевна, я живу в городе Магадане, родилась в поселке Эвенск, моя бабушка чистая камчадалка: Геворкян (девичья Верещагина) Любовь Владимировна, 20.11.1943 года рождения, родилась в селе Гарманда, ее родители: отец: Верещагин Владимир Макарович, возможно, родился в поселке Суманы, возможно, Чайбухе, годы жизни примерные: 1916–1991, мать: Сальникова (либо Санникова, либо Красовская) Марфа Егоровна, неизвестного года рождения, умерла примерно в 65–66 лет.
Отец Верещагина Владимира Макаровича: Верещагин Макар … Дальше все обрывается…
Занимался Верещагин Владимир Макарович охотой на пушину, умел обращаться с собачьей упряжкой (даже меня катал на ней, хоть и было мне года 2–3 от силы, до сих пор помню, было страшно, когда летишь в неизвестность, а в глаза снег и ты не видишь ничего), имел свою коптильню, был человеком с характером и уважаемым в поселке, по словам бабушки.
Поэтому если у Вас есть хоть маленькая ниточка, за которую можно зацепиться, то дайте, пожалуйста, знать.
На вашу книгу наткнулась случайно, так как стала задавать вопросы бабушке про камчадалов, про обычаи и язык, может, народные сказки какие… оказалось, все давно утрачено (хотя в интернете пишут, что все-таки изначально существовали и язык, и обычаи), и обнаружила у вас в книге Верещагина Макария Федоровича, который родился в селе Гижига, по датам очень похоже, что это мог быть прапрадед».

Кстати, одновременно мы попытаемся ответить и на неразрешимый для некоторых магаданских этнографов вопрос, каким образом в Магаданской области оказались так называемые магаданские камчадалы.

Но давайте сначала попытаемся ответить на прямые вопросы Юлии Юрьевны, чтобы связать ее с одной из крупнейших дальневосточных династий казаков и священников Верещагиных, чтобы она почувствала свою сопричастность к огромному этому роду и к нашей дальневосточной истории, которой в нашей общероссийской истории в 2032 году будет 400 лет.

Итак, Верещагин Макарий Федорович (1876), Гиж. мещ. Ж. (с 10.02.1916) Брагина Любовь Николаевна (1896), дочь гижигинского мещанина Николая Иннокентьевича Брагина.

А это его родные сестры:

Верещагина Иустиния Феодорова (1867), дочь и. д. Псаломщика Анадырской церкви Феодора Иоаннова Верещагина. М. (27.01.1906) Сметанин Амвросим Кузьмин (1865), Петропавловский мещанин.

Верещагина Мария Федоровна (1886), дочь псаломщика Федора Ивановича Верещагина. М. (с 29.10.1900) Зиновьев Николай Алексеевич (21.02.1882), гижигинский казак [Фонд Д-73, оп. 1, д. 16].

Свадьба состоялась после всеобщего горя после эпидемии кори, унесшей жизни многих гижигинцев — умирали целыми семьями, так как некому было прийти на помощь.

Потерял свою супругу Степаниду псаломщик Гижигинской церкви Стефан Верещагин. С 19 на 20 января 1900 года умер от этой страшной для Гижиги болезни и псаломщик Федор Иоаннович Верещагин [там же].

Верещагина Вера Федоровна (1896), дочь ум. псаломщика Гижигинской Спасской церкви. М. (с 06.02.1911) Кокоулин Трифон Федорович (01.02.1881), гижигинский мещанин.

У Владимира Макаровича — прадедушки Юлии Юрьевны, — судя по нашей информации, был родной брат: Верещагин Федор Макариевич.

Родился 17 января 1918 г. Родители — Гижигинский гражданин Макарий Феодорович Верещагин и жена его Любовь Николаевна.

Восприемники — Гижигинский гражданин Василий Николаевич Брагин (родной брат Любови Николаевны) и жена Гижигинского гражданина Иоанна Неустроева — Иулитта Владимировна. Священник иеромонах Нифонт с псаломщиком Петром Куркутским [Выписка из метрической книги Паланской церкви за 1918 г., ГАКК].

Итак, Федор Иванович, точнее, Феодор Иоаннович — псаломщик Гижигинской Спасской церкви.

А в 1843 году по архивным документам Гижигинской Спасской церкви проходит дьячок Иоанн Верещагин, у которого была жена Ирина Ивановна [ГАМО. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 1].

А в 1844 году родилась Елена — дочь Гижигинского священника Романа Верещагина.

А в числе восприемников одной из новорожденной в том же году указана его (уже совершеннолетняя) дочь Мария Романовна.

Ее родная сестра: Верещагина Марфа Романовна (1828), дочь гижигинского священника Романа Верещагина. М. (27.04.1845) Чудинов Гурий Михайлович (1815), командир брига «Охотск», прапорщик Корпуса штурманов. Счастье продлится недолго — в 1853 году от цинги Гурий Михайлович станет первой жертвой трагедии Императорской гавани, когда погибли в результате неподготовленной зимовки моряки Камчатской флотилии.

5 февраля 1847 года пономарь Гижигинской Спасской церкви Иоанна Верещагина стал восприемником (крестным отцом) дочери гижигинского мещанина Ивана Семеновича Новоселова.

Осталось малое — восстановить отчества и историю появления Верещагиных в Гижигинской крепости.

Начнем с первого лица: Верещагин Роман Иванович (1804), 1820 г., Петропавловский порт, Камчатское духовное училище; в 1827 году определен к Охотскому Преображенскому собору причетником; с 1844 г. священник Гижигинской Спасской церкви (Анадырская миссия).

Но не все здесь было гладко. Вот что сообщают нам исследователи по истории православия на Северо-Востоке России:

«Гижига всегда была тесно связана с Анадырским острогом, в котором в 1746 г. уже действовала церковь. В 1770 г., после ликвидации острога, жители в основном переселились в Гижигу и селения на Колыме, а церковь была разобрана. Вторичное заселение Анадырской крепости гижигинскими промышленными людьми произошло в начале XIX в. Центром распространения православия в районе бывшего острога с этого периода становится Гижигинская церковь. На базе Гижигинской церкви с 1844 г. стала действовать Анадырская миссия, или Гижигинская походная Благовещенская церковь. В этом же году в Анадырскую часовню, построенную в 1839 г. в селении Майнской промысловой артели, прибыл первый причт, посланный И.Е. Вениаминовым "приобщать к слову Божию чукоч". Возглавлявший миссию гижигинский священник Роман Иоаннович Верещагин с 1844 по 1849 г. окрестил 225 чукчей. Ему помогал пономарь Иннокентий Иванович Трифонов. Р.И. Верещагин неоднократно выезжал в устье р. Анадырь и принял деятельное участие в строительстве местной часовни. Он известен также тем, что во время голодовок юкагиров кормил их своими припасами. Однако Р.И. Верещагин, по-видимому, допустил серьезные нарушения в работе, так как в 1855 г. был понижен до должности дьячка, а в 1859 г. "запрещен" и отбывал послушание в Якутском монастыре».

Что касается псаломщика Ивана Верещагина, то он отмечен в документах Магаданского архива за 1843 год (старше этих документов нет здесь больше ничего) — то есть как минимум за год до прибытия сюда с миссией Романа Иоанновича.

Поэтому вопрос о том, был ли Иван сыном Романа, пока открытый.

Но это вопрос, оказывается, закрыл Святитель Иннокентий — отец Роман прибыл в Гижигу гораздо раньше, чем это отражено в официальной литературе по истории православия на Северо-Востоке России: «В последнее время и именно в 1839 и 1842 годах священники: Гижигинский — Роман Верещагин, Лесновский — Стефан Вениаминов и Дранкинский — Алексей Кокшарский, как ближайшие к Чукотской земле имели случаи предлагать слово Божие некоторым из Чукоч; и, благодарение Господу Богу, хотящему всем спастися! беседы их были увенчаны, можно сказать, полным успехом; ибо из слышавших слово почти все приняли его любезно и тотчас крестились, и крестились не из каких-либо корыстных видов (Чукчи ясака не платят), но просто, без всяких подарков и без всяких условий, уговоров или отговорок. Кроме того, священник Верещагин уверял меня, что в 1842 году изъявляли желание креститься еще и другие из живущих на реке Анадырь Чукоч (где он крестил в первый раз в 1839 г.); но он по трудности сообщений и за неимением средств к путешествию, быть у них не мог» [XLIV. Путевой Журнал Иннокентия, Епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, веденный им во время первого путешествия его по вверенной ему епархии в 1842 и 1843 годах].

И есть еще нюансы. Вот, например.

Гижигинская крепость. 1859 год.

«В Гижиге избрали на трехлетие в мещанские старосты мещанина Ивана Новоселова, кандидатом — Ивана Верещагина».

То есть бывший псаломщик Иван Верещагин был выведен за штат Спасской церкви. Как видите, и время его «опалы» совпадает с запретом, наложенным на деятельность священника Романа Верещагина.

Но при этом дети Иоанна остались в церковном штате. И Федор Иоаннович — псаломщик Гижигинской Спасской церкви вплоть до своей трагической смерти в 1900 году. И его брат — Александр, о котором мы узнаем из следующего сообщения: в том же 1900 году «вдова заштатного псаломщика Корякской миссии Александра Иванова Верещагина» Соломония выходит замуж за гижигинского казака Матвея Николаевича Беломоина. Она 1863 года рождения. Вероятно, такого же возраста был и ее супруг Александр Иванович Верещагин, родившийся на свет Божий уже после опалы Романа Иоанновича и своего отца.

Но все-таки что-то здесь не так.

Если сравнить с чем-то подобным, то примерно в эти же годы нечто похожее случилось со священником Верхнекамчатской Богоявленской церкви. Родной дядя Романа Ивановича сын Романа Федоровича Верещагина — Иоанн Романович — был священником Мильковской Богоявленской церкви, но в 1843 году был лишен этого сана: «…утверждаю мнение правления о лишении священства за прелюбодеяние бывшего мильковского священника Иоанна Верещагина» [«Творения Иннокентия, митрополита Московского», книга вторая, М., 1887 г., гл. 3, Путешествие по Камчатке (с 19 августа 1842 г. по 9 февраля 1843 г., 174 дня), стр. 72].

В результате все потомки Ивана Романовича стали верхнекамчатскими крестьянами.

В Гижигинской крепости, по всей видимости, был в те годы страшный дефицит кадров в связи с образованием в 1840 году огромной по территории Камчатской епархии, простирающейся на Северо-Востоке России (захватывая Якутию) и Северо-Западе Америки (в Русской Америке — Аляске и Алеутских островах), и, соответственно, этот дефицит резко обострялся в связи со строительством все новых и новых храмов, в том числе и на Охотоморье.

Например, «Ямская Благовещенская церковь начала строиться в 1845 г. Охотское окружное казначейство выделило на первую половину 1845 г. на содержание и строительство церкви 316 руб. 17 коп. серебром. В феврале 1847 г. храм уже был освящен архиепископом И. Вениаминовым. По указу Новоархангельского духовного правления от 3 ноября 1844 г. первым ямским священником стал Игнатий Правоверов, дьячком — Николай Логгинов. И. Правоверов был обременен многочисленным семейством и отличался сварливым, неуживчивым характером. В 1847 г. Игнатия Правоверова сменил священник Михаил Тимофеевич Масюков, а Николая Логгинова — дьячок Иринарх Верещa-

гин» [Хаховская Л.Н. Охотские церкви в XIX – начале XX в. (Гижигинская, Тауйская, Ямская и Ольская)].

Верещагин Иринарх Иванович (1785–1885) — родной брат Романа Ивановича, родился в с. Верхнекамчатск, последнее место службы — заштатный священник Приморской области Софийского округа с. Циммермановка, церковь Софийской Божьей Матери [ГАХК, ф. И85, оп. 44, д. 55]. Впрочем, возможно, что в Циммермановке служил другой Иринарх Иванович — по линии Федора Романовича: Верещагин Иринарх Иванович (1868), что более вероятно.

Не будем пока углубляться в эту тему, сделаем первые выводы: Юлия Юрьевна имеет все основания считать гижигинских Верещагиных своими прямыми родственниками и предками по линии Макария Федоровича Верещагина.

А теперь попробуем привести Юлию Владимировну к другим ее предкам, исходя из того, что гижигинский псаломщик Иоанн Верещагин — это все-таки родной сын священника Гижигинской Спасской церкви Романа Иоанновича Верещагина.

Отцом Романа Иоанновича и его братьев Иринарха (1795), Иоанна (1795) [в 1818 году определен пономарем к Ключевской Троицкой церкви, 1826 г. поступил на вакантное место дьячка Петропавловского собора] и, возможно, Василия [псаломщика Облуковинской церкви] был Роман Федорович Верещагин, отцом которого, в свою очередь, был камчатский казак Федор Дмитриевич Верещагин, имя которого не раз упоминает в своих письмах Гмелину и Миллеру будущий русский академик Степан Петрович Крашенинников.

Итак, Роман Федорович, казачий сын. В отличие от своего старшего брата Василия, который еще в 1750 году был замечен архимандритом Камчатским Иоасафом Хотунцевским — главой Камчатской Духовной Миссии и принят в духовное звание, Роман Федорович не просто остался в истории замеченным — он прославился на весь мир в связи с заходом в Петропавловскую гавань судов Тихоокеанской экспедиции Джеймса Кука, на которых отец Роман произвел действительно неизгладимое впечатление:

«Священник Роман Федорович Верещагин имеет от роду 44 года и родился в Большерецке. Отец его был русским, мать — камчадалкой. У него было пятеро или шестеро детей, и их, и жену он достойно содержал, получая 80 рублей в год. Ежегодно летом он в открытой лодке совершал переход на ближайший из Курильских островов, чтобы наставлять его обитателей в христианской вере. Первый раз он там побывал в 1777 году. Он обратил в христианство жителей 14 Курильских островов. У камчадалов он пользовался большим уважением и говорил на языках Верхней и Нижней Камчатки, Пенжинской [Пенжинского берега] и Курильских островов. Это был умный, щедрый и мыслящий человек, хотя его так и нельзя было убедить, что Лютер и Кальвин были достойными особами. Поведение его было очень общительным, и к людям он хорошо был расположен, и эти качества создали ему доброе имя и известность у многих обитателей Камчатки».

И в комментариях: «Роман Федорович Верещагин (1735–1782) — священник в Паратунке, личность весьма примечательная. С его отцом, “служилым” человеком, летом 1738 г. встречался С.П. Крашенинников. Два сына этого служилого человека, по словам И.Ф. Крузенштерна, “сделали величайшую честь своему состоянию”. Старший, Роман, сыграл большую роль в распространении русской культуры на Камчатке и Курильских островах, на которых он неоднократно бывал. Р.Ф. Верещагин в совершенстве владел камчадальским и корякским языками и пользовался у коренных жителей Камчатки огромным авторитетом» [Джеймс Кук. Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг., стр. 511].

Петропавловский порт, 1779 год. «Пятница, 27 августа. Этой ночью прибыл наш старый друг приходский священник из Паратунки Роман Федорович Верещагин и утром посетил капитана Гора. Он отказался похоронить капитана Клерка в Паратунке, ссылаясь на то, что мы не христиане или по меньшей мере люди, не приобщенные к греческой церкви, но предложил предать тело земле в том месте, где в будущем году должны построить церковь и где похоронено много русских. Священник сказал, что там также погребен профессор Делиль [де] ла Кройер, который сопровождал к берегам Америки Беринга. Взяв в расчет, что людей этих убедить невозможно, мы согласились с предложением священника, и оба капитана отправились с ним на берег, чтобы выбрать надлежащее место для могилы. Когда место было выбрано, туда послали партию людей, чтобы выкосить траву, удалить подлесок и расчистить поляну для погребальной процессии. Вечером вырыли могилу у подножия дерева в самой глубине бухты Петра и Павла, чтобы там в субботу похоронить капитана Клерка.

…Воскресенье, 29 августа. Между 12 часами и 1 часом тело капитана Клерка было предано земле с воинскими почестями, достойными его ранга по церемониалу, принятому англиканской церковью. С кораблей было дано по 12 пушечных залпов, и солдаты трижды салютовали из мушкетов у могилы. На погребении присутствовали капитаны, все офицеры обоих кораблей, священник, сержант. В качестве зрителей было много русских и большинство наших матросов. В палатке капитаны и офицеры отобедали со священником и сержантом…» [Джеймс Кук. Плавание в Тихом океане. Из дневника помощника хирурга Д. Самвелла].

«Роману новый руководитель проповеднической миссии Пахомий исходатайствовал увольнение с казачьей службы и лично в 1758 г. 13 мая представил в Иркутске к рукоположению в диаконы. Прослужив в этом сане при большерецкой церкви около 10 лет, Роман Верещагин, вторично посланный в Иркутск 14 ноября 1767 г., рукоположен в священники и был первоначально определен к Нижнекамчатской Николаевской церкви, а потом переведен в проповедниче-

скую свиту. Временно служил и при Паратунской церкви. Умер в Нижнекамчатске 11 апреля 1801 г.» [Прокопий Громов. «Историко-статистическое описание камчатских церквей»].

Но существовало и прямо противоположное мнение на сей счет.

Читаем в «Очерке главнейших событий в Камчатке…» А.С. Сгибнева: «Из следственного … дела видно, что в 1791 г. прибыл в Петропавловскую гавань священник Верещагин для того, чтобы отправиться оттуда на Курильские острова для проповеди слова Божия; но Шмалев не пустил его и писал охотскому начальнику: "Это большое отягощение камчадалам, а потому самому Богу, яко милосердному человеколюбцу, приятно быть не может таким образом доставление проповеди слова Божьяго. Все духовные лица отправляются на острова только для своих выгод". Когда же камчатский протоиерей Никифоров вступился за Верещагина, то Шмалев, поссорившись с ним, выдернул ему клок бороды».

Тимофей Шмалев — фигура историческая, подстать С.П. Крашенинникову он также общался с академиками.

Но чего не бывает — люди разные. И у каждого своя правда.

А мы продолжим свое исследование.

Линия старшего брата — Василия Федоровича, довольно короткая.

Известны двое из его сыновей: Верещагин Федор [Васильевич], священник в 1795 г. Верещагин Петр [Васильевич], «утопший» дьячок, который прежде служил в Петропавловском порту.

У Петра Васильевича остались дети: Верещагина Евдокия Петровна (1799); Верещагин Константин Петрович (1801), пономарь Петропавловского собора, в 1821 году произведен в дьяконы, в 1830 году выбыл в Иркутск. Ж. Настасья Ивановна (1805).

Возможно, где-то там, на территории бывшей Иркутской (Восточно-Сибирской) епархии отыщутся следы его потомков.

Вся остальная — известная нам огромная, рассыпанная по всей территории Камчатской епархии, от Якутии до Амура и Аляски, — династия священно- и церковнослужителей (а также их потомков, перешедших в различные сословия) — это прямые наследники Романа Федоровича Верещагина.

Но, прежде чем перейти к этим многочисленным потомкам, давайте попробуем найти и более глубокие истоки этого рода — те первые известные нам ключики, которые начали пробиваться в истории нашего Отечества.

Первыми в истории Якутского воеводства был Верещага Ивашко Иванов сын — тобольский казак станицы Степана Выходцова, который прибыл в составе отряда первого якутского воеводы Петра Петровича Головина в 1640 году [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141. Л. 227].

Возможно, вместе с братом — по документам, датированных 1642 годом, отмечен ленский казак Верещага Александр Иванов сын.

В то время в Якутске и на территории Якутского воеводства дислоцировались только тобольские, березовские и енисейские казаки-годовальщики, из которых впоследствии формировался уже постоянный состав ленских (позже — якутских) казаков.

Фамилия не очень редкая, но обидная: «Верещага — резкий болтун, говорун, таранта, трещетка; брюзга, воркотун, бранчивый, сварливый человек».

Вот и Ивашка, осознавая, в какой переплет он попал, — в этой якутской командировке легко было остаться навечно — предпочел поменяться службой с енисейским казаком Иваном Ермолиным. Такое разрешалось — Ермолин брал на себя все обязательства Верещаги, а тот — отдавал Ермолину свой оклад — денежный, хлебный, пороховой.

Но договориться не удалось.

И в 1642 году на свет появляется: «Челобитная тобольского служилого человека Богдана Осипова с товарищами о разрешении тобольскому служилому человеку И.И. Верещагину нанять вместо себя "на ленскую службу" промышленного человека».

Это ему, по всей видимости, удалось.

Позже фамилия появляется на территории, которая постоянно в административном отношении гуляла — то была под Якутском, то получала самостоятельность, то какими-то своими частями входила в другие административно-территориальные образования, так как в то время власть над всей Восточной Сибирью была в руках иркутских чиновников.

И вот: «В 1662 г. первопоселенец заимки Савка Федоров Коровай умер. Перед смертью его по приказу приказчика Ивана Жеглова били батогами за утайку снопов. У Савки был работник, бывший «промышленый человек», Кондрашка Федоров Верещагин, который женился на Савкиной вдове (Маврушка Иванова дочь) и в 1663 г. уже упоминался как пашенный крестьянин. По имени этого Кондрашки заимка Другие Гребени (называвшаяся также Короваевской заимкой и Короваевскими Гребенями) и стала впоследствии называться Кондрашиной (Кондрашинской). Пашня у Кондрашки Федорова Верещагина была и в старых Гребенях, где он также упоминался. Умер Кондрашка скоропостижно в 1701 г., будучи в Якутске. Фамилия Верещагины сохранилась на Лене до настоящего времени» [К своим истокам, Иркутск, 2009].

Из истории мы знаем, что в период, например, освоения Камчатки очень значимые кадровые ресурсы черпались именно из крестьянских семей верхней Лены — Илимского уезда.

В 1673 году Кондрашка с Маврушкой обросли уже и собственными детьми:

«Якутский уезд

Якуцкого присуду Чечюйского острожку пашенные крестьяне … Кондрашка Федоров сын Верещагин з детьми с Сенкою з Гришкою с Савкою с пасынком с Кускою Савельевым» [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях XVII в.].

Свои казаки Верещагины были и в Томске, откуда также черпались кадровые служилые. Вспомнить, что полное имя воровского атамана Данилы Яковлева сына Анцыферова было с при-

бавкой Томский и вокруг него, в отряде, было, по меньшей мере, четверо казаков Томских, с которыми он вершил приговор и над приказчиками и покорял Курильские острова, пока авачинские камчадалы не заманили его в ловушку и не сожгли живьем вместе с его товарищами.

Поэтому и нам с вами должно быть любопытно узнать, кто и откуда были эти томские казаки Верещагины.

Верещагин Афонька Кузьмин: «Отец был на Москве дворовым человеком Никиты Ивановича Романова, а он взят был к великому государю в конюхи, а в прошлых годах сослали с Москвы в Томск по грамоте в пешую службу. Оклад 4 рубли с четью, хлеба 5 четей с осьминою ржи, 2 чети овса, 1½ пуда соли».

Верещагин Гришка Омельянов сын: «…отец родился в Томске и был в конной службе, а он родился в Томске и верстан в отцово место при воеводе князе Даниле Афанасьевиче Барятинском. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

Верещагин Ивашко Федоров сын: «Родом он … посадского человека сын, в Томск пришел гулящим человеком и поверстан в пешую службу. Оклад 4 рубли с четью, 5 четей с осьминою ржи, 2 чети овса, 1½ пуда соли».

В 1672 году из Енисейска в Якутск присланы ссыльные люди, в числе которых был Аким (Екимко) Верещагин, верстанный в казаки. Это не было каким-то исключительным событием — в казаки верстали и ссыльных, и военнопленных и беспаспортных гулящих людей.

В 1692 году Екимко Верещагин показан в женатом окладе — то есть у него были дети [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 31 об.].

Укреплялось хозяйство и Кондратия Федоровича Верещагина на Чечуйском волоке: дело «о сдаче на оброк чечуйскому пашенному крестьянину Кондратию Верещагину сенных покосов в устье речки Чолбаковской (притока Лены) и о разрешении ему поставить мельницу — “колотовку”» [Красноштанов Г.Б.].

В 1686 году на помощь в обороне Албазинского острога и защите Даурии от манчжуров пришли казаки из разных городов Тобольского, Томского и Енисейского разрядов.

Был среди них в полку Павла Грабова тобольский казак Федька Верещагин.

Правда, в 1693 году он указан в стрельцах Тобольска. Но помимо самих казаков вместе с отцами приходили и казачьи дети, племянники, братья, которых не было в официальных списках.

Вероятно (утверждать без документов невозможно), что и десятник Дмитрий Верещагин — казачий десятник в именном списке Нерчинского острога пришел вместе с тобольскими казаками. А может, и с томскими… Или…

Вот его «десятина»:

«Десятник Дмитрий Верещагин, рядовые: Исаак Аршинской, Семен Томской, Григорий Степанов, Сергей Гусев, Иван Сидоров, Максим Чернецких, Федор Пешков, Иван Дунаев, Иван Доброхот и в 193 году умре, а в его место приверстан по отписке из Енисейска Иван Захаров» — некая сборная солянка из казаков Тобольска, Енисейска, Томска [Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886].

Добавим, что это конные казаки: «Нерчинским коннным казаком дано великих государей денежного жалованья на нынешней на 196-й год по половине окладу десятником Ивашку Астраханцову, Митьке Верещагину по 3 рубли по 25 алтын человеку» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 43. Л. 28].

1693 год.

«В Ытанцынску (Итанцинском) *остроге*
Конные казаки

оклады хлеба по шти четей ржы по четыре чети овса по два пуда соли … Десятник Митка Верещагин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д.1063. л. 466 об.].

В 1699 году происходит смена.

1700 год.

«Итанцынские
Конные казаки

оклады по семи рублев с четью
Десятники

Гаврило Верещагин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1272. Л. 84 об.].

1708 год. Новая смена:

«Десятник Гаврило Верещагин и в 707 году умре, а в ево место и в оклад приверстан брат ево родной Иван Верещагин, служит с пашни» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л. 18]

1721 год.

«Итацынского острогу

Десятник Иван Верещагин 54 (1667) да брат ево Иванов Василей 25 (1696)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 100 об.].

Почему я так подробно исследую эту нерчинскую ветвь Верещагиных? По одной простой причине — патриарха камчатского рода казаков и священнослужителей Верещагиных звали Федором Дмитриевичем.

Мог ли Федор Дмитриевич быть сыном нерчинского десятника Митьки Верещагина?

А давайте сравним возраст детей его брата Ивана, который сменил на должности Дмитрия и Гаврилу.

Нерчинск, 1721 год. «Десятник Иван Верещагин 54, дети ево: сын Гаврила 14; Михайло 12; Фрол 10 да брат ево Иванов Василей 25».

Для верности представим, что дети Дмитрия лет на двадцать-тридцать могут быть старше детей Ивана.

И все равно это был возраст, когда и служат, когда и детей на свет пускают.

И в 1738 году мог появиться на свет этот документ:

«Рапорт Гмелину
и Миллеру
от 29 августа 1738 г.

И по силе вышеозначенного требования отправлен от Большерецкой приказной избы от закащика Тимофея Гусельникова служивой Федор Верещагин, которому дан ее императорского величества указ, чтоб ему ехать на Авачю, на Налачеву и в Калахтыри для покупки иноземческого платья, о чем ко мне из помянутой приказной избы июня 13 дня прислано известие.

Июля 19 дня получил я из Большерецкой приказной избы веле-

ние, в котором написано: сего де 1738 году июня 12 дня, по присланному от меня требованию, послан был от Большерецкой приказной избы служивой Федор Верещагин на Авачю и на Налачеву и в Калахтыри для покупки иноземческого самого лутчего платья муского и женского и робячья; и по указу де ее императорского величества оной Верещагин ездил до Авачи и до прочих острожков, и, прибыв до сего ж 1738 году июля 7 дня в Большерецкую приказную избу» [Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 55–74 об.].

В 1740 году Федор Дмитриевич принимает участие в Крестовом миссионерском походе иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина (15 ноября 1740 – 8 февраля 1741 гг.) [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

Обращает на себя внимание следующее: он записан как «партовщик» — то есть казак из Охотского порта. А Охотский порт начиная с 1720-х годов пополнялся казаками и казачьими детьми из Нерчинска, Иркутска, Селенгинска.

Из Иркутска, например, были сын боярский Матвей и его брат казак Василий Ивановы дети Новограбленные.

Из Селенгинска — пятидесятник Андрей Штинников.

Я называю фигуры, которые были привлечены к наказанию за то, что своими действиями спровоцировали Харчинский бунт 1731 года. Братья Новограбленные были публично «вместо кнута биты батожьем». А Штинников казнен — его повесили.

Поэтому нерчинская версия прихода на Камчатку казака Федора Дмитриевича Верещагина вполне рабочая. Но пока только версия.

Поэтому мы переходим к тому, что имеет уже силу факта.

Итак, Роман Федорович Верещагин. Его дети.

Старший сын — Иоанн Романович Верещагин. Тот самый, который первым был лишен священства Святителем Иннокентием — епископом Камчатским, Курильским и Алеутским.

Что мы знаем о нем? Немного:

Верещагин Иоанн Романович (1768), 1808 г., священник Нижнекамчатской Николаевской церкви; 1816 г., священник в Петропавловском порту; в 1828 г. переведен в Мильковскую Богоявленскую церковь; в 1843 году лишен священств; в 1846 г., Петропавловский порт, находится в списках «поселенцев», то есть ссыльных. Ж. Марфа Афанасьевна (1769).

«…В 1841 г. декабря 16 утверждено мной имение Духовного Правления о лишении диаконского сана Серапиона Мамина за пьянство и бесчинные поступки и того же дня приведено в исполнение. В 1842 г. ноября 12 дня тоже — о лишении священства Ивана Верещагина, за прелюбодеяние, и приведено в исполнение. Первый оставлен в духовном звании, а другой исключен. О том и другом донесено Святейшему Синоду своевременно» [XLIV. Путевой Журнал Иннокентия, Епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, веденный им во время первого путешествия его по вверенной ему епархии в 1842 и 1843 годах].

Его потомки — верхнекамчатские (впоследствии — мильковские) крестьяне Верещагины. Огромный, переплетенный со множеством камчатских фамилий род.

Следующий по возрасту — Верещагин Федор Романович (1779), дьячок в Петропавловском порту в 1808 г.; священник Мильковской Богоявленской церкви, в 1826 году переведен в Большерецкую церковь; священник Тигильской Христорождественской церкви; священник Ичинской церкви в 1845 г.; священник Верхнекамчатской Богоявленской церкви. Ж. 1. Наталья Михайловна. Ж. 2 Васса Лукьяновна (1771).

Верещагин Афанасий Романович (1773), 1808 г., дьячок Тигильской Христорождественской церкви; 1815 г., в 1830 г. отставной дьячок Тигильской церкви. Ж. Анфиса (Анисия) Ивановна (1782).

Верещагин Никифор Романович (1782), 1808 г., пономарь Ичинской церкви; дьячок, Петропавловский порт, 1823 г.; в 1825 году определен на вакантное место дьячка Ичинской Вознесенской церкви. Ж. Параскева Васильевна.

По количеству своих детей братья могут поспорить.

ВОТ СЛЕДУЮЩЕЕ КОЛЕНО:

Линия Ивана Романовича	
Дети Ивана Романовича	Верещагин Иринарх Иванович (1785–1885). Ж. Евдокия Петровна (1771)
	Верещагина Анна Ивановна (1792)
	Верещагин Иван Иванович (1795), в 1818 году определен пономарем к Ключевской Троицкой церкви, в 1826 г. поступил на вакантное место дьячка Петропавловского собора. Ж. Акилина Васильевна (1803)
	Верещагин Роман Иванович (1804), 1820 г., Петропавловский порт, Камчатское духовное училище; В 1827 году определен к Охотскому Преображенскому собору причетником; 1844 г., священник Гижигинской Спасской церкви (Анадырская миссия), в 1855 г. был понижен до должности дьячка, а в 1859 г. «запрещен» и отбывал послушание в Якутском монастыре

«1-го февраля [1847 г.] вечером приехал в Гижигу Анадырский миссионер священник Роман Верещагин приятно порадовал меня, что Господь помог ему в прошедшие два дня обратить более 100 человек Чукоч, и что есть надежда на дальнейшие успехи; всех Чукоч, крещенных по 1847 год, 151 душа, о чем донесено мной Святейшему Синоду особым рапортом.
Из действий миссионера и особенно из слов его видно, что он много приобрел опытности в деле миссионерства, а что всего лучше, действует с преданностью воле Божией.
Он, по окончании трехлетнего срока, на который он быль послан мной в Анадырск, изъявил было желание оставить служение в Анадырске, к чему его принуждают особенно семейные его обстоятельства (у него еще две дочери), но с первого слова моего согласился еще продолжать служение в Анадырске.
Таковое послушание его, и те труды и трудности, какие он переносит в путях и прожитии на самом месте, достойны особенной награды и кроме того

Во время прожития его в Анадырске он большей частью своими руками построил часовню; и во время голодовки живущих подле Анадырска Юкагир, принадлежащих Колымскому Ведомству и которым потому Гижигинское начальство не хотело помочь, деятельно помог им сколько уделением своих запасов безвозмездно, столько и тем, что достал и сам привез для них хлеба из Гижиги. Старшина Юкагирский прошением своим ко мне засвидетельствовал об этом. Причетник, бывший при миссионере, как безнадежный к дальнейшему и важнейшему служению при миссии, уволен от служения там и, по желанию его, и из духовного звания, и на место его послан более надежный из обучавшихся в Иркутской семинарии до философии» [XLVII. Путевой журнал Иннокентия Епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, веденный им во второе путешествие его по Камчатке и Охотской области в 1846 и 1847 годах].	
	Верещагина Виринея Ивановна (1808)
Линия Федора Романовича	
Дети Федора Романовича	Верещагин Федор Федорович (1797), в 1827 году определен священником в Тигильскую Христорожденственскую церковь. Ж. Надежда Михайловна (1794)
Это не о нем ли писал Святитель Иннокентий: «Тигильская церковь. Бывший священник Верещагин кроток, деятелен, исполнителен и при всей своей бедности благотворителен (он дом свой уступил церкви за полцены и деньги готов ждать пять лет) и гостеприимен. Один из причетников хорош, но беден; а другой здоров, но ненадежен.	
	Верещагин Захар Федорович (1797)
	Верещагина Маргарита Федоровна (1805)
	Верещагин Иоаким Федорович (1807–1891), 1820 г., Петропавловский порт, Камчатское духовное училище, в 1886 г. заштатный дьячок Большерецкой и Мильковской церквей. Ж. Анна Михайловна (1812)
	Верещагин Константин Федорович (1810)
	Верещагин Гаврила Федорович (1808), Петропавловский порт, Камчатское духовное училище, в 1827 году определен причетником в Охотск
	Верещагин Иван Федорович (1811). Ж. Анна Федоровна (1827), участник обороны Петропавловского порта в 1854 г.
Священнический сын, с 1820 г. находился в Петропавловском порту в Камчатском духовном училище; с 1835 г. обучался в Иркутской духовной семинарии. Был учителем в нижнем отделении Якутского духовного училища, в 1831 г. рукопоположен в диаконы по Ситхинскому собору, в 1847 году был экономом в Новоархангельской семинарии, исправлял должность секретаря Новоархангельского духовного правления, в 1848 году рукоположен в священники Ичинской церкви. В память о войне 1854 года награжден наперсным бронзовым крестом на Владимирской ленте и медалью на Андреевской ленте. В 1862 году определен соборным священником и помощником Благочинного Камчатских церквей [РГИА ДВ, фонд 1009, оп. 3, д 2.]. «Клировая ведомость Петропавловской церкви за 1831 г. Построено в 1826 г. казенной суммою. Здание деревянное с таковою же колокольнею. Не достроены при оной зап. и сев. крыльцо по недостатку лиственн. леса. Престол в нем один во имя святых апостолов Петра и Павла. Протоиерей Иоанн Бурдуков и дьяков Григорий Жилин. Собственных домов не имеют. Живут в училищном корпусе. Дьякон Ив. Верещагин, пономарь Ермолай Никифоров» [РГИА ДВ, ф. 4, оп. 1, д. 27]	
	Верещагина Варвара Федоровна (1824)
	Верещагина Наталья Федоровна (1828)
	Верещагин Власий Федорович (1830), с 1845 г. в Ситхинской духовной семинарии
	Верещагин Николай Федорович (1832), столоначальник Камчатского духовного правления. Ж. (с 1864) Коллегова Ирина Михайловна (1844), дочь священника Петропавловского собора Михаила Григорьевича Коллегова
	Верещагина Параскева Федоровна (1835)
	Верещагина Анна Федоровна (1838)
	Верещагин Иннокентий Федорович
«Особо следует сказать о миссионере Пуциловского стана в 1891–1895 гг. Иннокентии Федоровиче Верещагине. По отзыву епископа Камчатского Макария, это был «опытный миссионер и хороший учитель», основательно изучивший корейский язык. 16 марта 1895 г. он скоропостижно скончался от воспаления легких. Отцу Иннокентию Верещагину в школьной работе «деятельно» помогал псаломщик Александр Иоаннович Петрологинов»	
Линия Афанасия Романовича	
Дети Афанасия Романовича	Верещагина Мелания Афанасьевна (1802)
	Верещагина Анна Афанасьевна (1806)
	Верещагин Василий Афанасьевич (1808), 1823 г., Петропавловский порт, Камчатское духовное училище; с 1830 г. дьячок в Тигильской церкви (1874). Ж. 1 Анна Ларионовна (1811). Ж. 2 Анна Егоровна (1820)
	Верещагина Матрена Афанасьевна (1810)
	Верещагина Варвара Афанасьевна (1811)
	Верещагин Афанасий Афанасьевич (1818) — в 1831 году поступил в Камчатское духовное училище
	Верещагина Мария Афанасьевна (1832)
Линия Никифора Романовича	
Дети Никифора Романовича	Верещагина Анна Никифоровна (1812)
	Верещагин Василий Никифорович (1815), в 1830 году записан в крестьяне
	Верещагина Меланья Никифоровна (1819)
	Верещагина Дарья Никифоровна (1823)
	Верещагина Феодора Никифоровна (1827). М. (с 10.05.1887) Плотников Порфирий Стефанович (1831)

СЛЕДУЮЩЕЕ КОЛЕНО

Оно гораздо короче. Точнее, здесь множество «белых пятен». Почему?

Дело в том, что в 1840 году была создана огромная по территории Камчатская, Курильская и Алеутская епархия во главе с епископом Иннокентием Вениаминовым, который до своего назначения был настоятелем им же и построенной на острове Уналашка (Алеутские острова) в Русской Америке церкви Вознесения Господня.

Собственно, церквей в Камчатской епархии на момент назначения епископа и создания епархии было совсем небольшое количество. Несколько церквей на Камчатке: две церкви Успения Пресвятой Богородицы в Нижнекамчатске и Большерецке, церковь Богоявления Господня в Верхнекамчатске (перенесена в Мильково), церковь Живоначальной Троицы в Ключах, Церковь Вознесения Господня в Иче (перенесена в с. Облуковино), церковь Рождества Христова в Тигильской крепости и церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Петропавловском порту.

Епископ Иннокентий Вениаминов, впоследствии апостол Сибири и Америки, начинает свою деятельность со строительства храмов и расширения приходского пространства на территории епархии. При этом и сама территория Камчатской епархии стремительно расширяется — в нее вошли все Охотоморье, весь Северо-Восток и Якутия, а затем Приамурье и Приморье, охватывая не только русское, но и все коренное население епархии. До 1867 года в Камчатскую епархию входила и вся православная территория Русской Америки, где также строили новые храмы в землях алеутов, эскимосов, индейцев.

И основной кадровый резерв для новых кадров епископ черпал из семей церковно- и священнослужителей Камчатки, отправляя отроков в духовные училища и семинарии, а затем распределяя их по уже многочисленным приходам вдали от родного дома. И терялись родовые связи, появлялись те самые «белые пятна» в поколенных росписях рода, о которых мы сейчас и говорим.

Линия Ивана Романовича	
Дети Ивана Ивановича	Верещагина Анфиса Ивановна (1822)
	Верещагина Асенефа Ивановна (1824)
	Верещагин Иринарх Иванович (1826), р. в с. Верхнекамчатск, обучался в Камчатском духовном училище в 1835 г.

«5 апреля 1844 года Правительствующий Синод издал Указ № 2664 о строительстве церкви в Ямске и переводе туда причта Малкинской больницы из Камчатки. Согласно указу Новоархангельского духовного правления от 3 ноября 1844 года первым священником Ямской церкви стал Игнатий Правоверов, а дьячком — Николай Логинов. «Согласно церковным документам И. Правоверов отличался сварливым, неуживчивым характером. Поэтому вскоре его сменил священник Михаил Тимофеевич Масюков, а Николая Логинова — дьячок Иринарх Верещагин» [Громов Прокопий, «Домашняя беседа», 1869, вып. 27, стр. 1165; ЦГА ДВ ф. 1011, оп. 1, д. 109]. Последнее место службы отца Иринарха в должности заштатного священника Приморской области Софийского округа с. Циммермановка, церковь Софийской Божьей Матери [ГАХК, ф. И85, оп. 44, д. 55].

«А определенному мною в Ямск пономарем Иринарху Верещагину, обучавшемуся в Иркутской семинарии, и по исключении его из оной прибывшему в Ново-архангельск (и которому я требовал прогонные деньги от Иркутска до Ямска), Палата совсем не выдала прогонов за тем, как она пишет ко мне, от 9-го января 1846 года, за № 278-м, что она не имеет в виду никакого закона, ни особого предписания на выдачу прогонов и пособия исключенным ученикам.

Таковые распоряжения Иркутской Казенной Палаты поставляют и могут поставлять меня в немалое затруднение при определении мною священно и церковнослужителей из семинаристов и других лиц Камчатской епархии принадлежащих, так напр.: я, в полной надежде, что вышеозначенному ученику Верещагину будут выданы прогонные деньги, приказал выдать ему заимообразно из экономических сумм необходимую для него сумму, и теперь, за невыдачею ему прогонов, деньги сии должны считаться в долгу за Верещагиным». [Святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский, Письма. Том I]

	Верещагина Агния Ивановна (1828)
	Верещагин Иван Иванович (1830)
	Верещагин Иннокентий Иванович (1831), с. Верхнекамчатск. Ж. (с 1873) Красильникова Мария Антиповна (1856)
	Верещагина Ревеккса Ивановна (1832)
	Верещагин Филарет Иванович (1837), с. Верхнекамчатск. Ж. (с 1880) Шишкина Евдокия Спиридоновна (1872), дочь пономаря
	Верещагин Николай Иванович (1838), р. в с. Мильково, окончил курс Благовещенской духовной семинарии. Ж. (с 1878) Артемьева Евдокия Андреевна, дочь коллежского асессора
	Верещагин Василий Иоаннович, с. Облуковино, псаломщик. Ж. (вдова в 1893) Татьяна Андреевна (1839)
Дети Романа Ивановича	Верещагин Иван Романович (? – ~11.05.1890, псаломщик Гижигинской Спасской церкви в 1843 г., в 1859 г. мещанин
	Верещагин Макар Романович
	Верещагин Афанасий Романович
	Верещагина Марфа Романовна (1828). М. (с 27.04.1845) Чудинов Гурий Михайлович (1817 – 10.01.1854), прапорщик Корпуса флотских штурманов, командир брига «Охотск»
Линия Федора Романовича	
Дети Федора Федоровича	Верещагина Евдокия Федоровна. М. (с 1830 г.) Ворошилов Павел Афанасьевич, купеческий сын
	Верещагина Дарья Федоровна. М. (с 1831) Яковлевых Тимофей Яковлевич, боцманмат
	Верещагин Иван Федорович (1819) — в 1834 году отправлен в Иркутск для продолжения наук
	Верещагина Варвара Федоровна (1824)
	Верещагина Наталья Федоровна (1829)
	Верещагин Власий Федорович (1831)
	Верещагин Николай Федорович (1833)
Дети Захара Федоровича	Верещагин Иван Захарович (1831)
	Верещагина Анастасия Захаровна (1833)
Дети Иоакима Федоровича	Верещагин Константин Иоакимович (1832)

Дети Ивана Федоровича	Верещагин Иринарх Иванович (1868) Ж. (с 02.06.1889) Михайлова Евдокия Петровна (1871)
	Верещагин Александр Иванович
	Верещагин Иннокентий Иванович
	Верещагин Виктор Иванович
	Верещагин Федор Иванович, псаломщик Анадырской церкви
	Верещагина Мария Ивановна
Линия Афанасия Романовича	
Дети Василия Афанасьевича	Верещагина Евдокия Васильевна (1833)
	Верещагина Матрона Васильевна (1839)

СЛЕДУЮЩЕЕ КОЛЕНО

Линия Ивана Ивановича	
Дети Иннокентия Ивановича, с. Верхнекамчатск	Верещагина Анфиса Иннокентьевна (1874), с. Верхнекамчатск. М. (с 18.04.1893) Нечаев Кирик Иванович (1870)
	Верещагина Виринея (Веренея) Иннокентьевна (1875). М. Мерлин Всеволод Васильевич (1877), с. Машура, репрессирован в 1932 г.
	Верещагин Долмат Иннокентьевич (1879). Ж. Екатерина Федоровна, впоследствии вдова, жена Зимина Петра Афанасьевича, с. Верхнекамчатск
	Верещагина Екатерина Иннокентьевна (1884). М. 1 (с 08.01.1903) Машихин Евфим Егорович (1875). М. 2 (с 17.08.1914) Толман Алексей Михайлович (1885)
	Верещагин Модест Иннокентьевич (17.12.1887 – умер под стражей во время следствия 02.06.1932), репрессирован. Ж. 1 Коршунова Екатерина Арсентьевна (?–1923) Ж. 2 Коршунова Анна Арсентьевна
Верещагин Модест Иннокентьевич. Родился в 1884 г., Камчатская обл., с. Верхне-Камчатск; русский; неграмотный; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., с. Верхне-Камчатск. Арестован 3 мая 1932 г. Приговорен: , обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор:<...>. Умер под стражей во время следствия 6 июня 1932 г. Сведений о прекращении дела по ст. 4 п. 1 УПК в деле нет. Реабилитирован 20 июня 1989 г. заключением прокурора Камчатской обл. [База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.]	
	Верещагина Феоктиста Иннокентьевна (26.09.1890). М. (с 08.07.1907) Крупенин Павел Васильевич (1871), с. Сероглазка, казак
	Верещагин Кассиан Иннокентьевич (21.05.1893), с Верхнекамчатск, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ж. (с 12.01.1914) Машихина Евдокия Николаевна (1898), дочь крестьянина с. Верхнекамчатск Николая Степановича Машихина
	Верещагина Евдокия Иннокентьевна (1900) М. (с 1917) Зимин Порфирий Петрович (1896)
	Верещагина Олимпиада Иннокентьевна, дочь крестьянина из с. Верхнекамчатск Иннокентия Ивановича Верещагина. М. (с 28.04.1913) Зимин Василий Афанасьевич (1885)
Дети Филарета Ивановича, с. Верхнекамчатск	Верещагина Агриппина Филаретовна (1888)
	Верещагин Филипп Филаретович (13.11.1890). Ж. 1 (с 04.04.1912) Зимина Елена Фотиевна. Ж. 2 (с 17.04.1916) Ушакова Александра Гурьевна, дочь ключевского крестьянина Гурия Александровича Ушакова
	Верещагина Акилина Филаретовна (06.07.1887). М. (с 1903) Атласов Иван Каллистович (1889), камчадал, с. Шаромы
	Верещагина Таисия Филаретовна (08.10.1894). М. (с 16.04.1814) Зимин Емельян Иванович, крестьянин, с. Верхнекамчатск, проживавший в с. Шаромы
Дети Василия Ивановича, с. Облуковино	Верещагина Евдокия Васильевна (1863)
	Октемская Свято-Троицкая церковь была построена в 1876 году и освящена епископом Мелетием 27 июня 1890 года. Церковно- приходская школа находилась в 10 верстах от церкви,в Техтюре. В 1914 году в этой школе учились 11 детей. Священником в Октемской церкви был Николай Васильевич Верещагин, окончивший три класса Якутского духовного училища.
	Верещагин Кириак (Кириан) Васильевич (1875 – 22.08.1938), дьяческий сын, псаломщик Облуковинской церкви, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., репрессирован. Ж. (с 09.04.1895) Коллегова Надежда Иннокентьевна (1880) Ж. 2 (Миронова?) Мария Ильинична

Дата бракосочетания – 9 апреля 1895 года. Жених — Псаломщик Облуковинской Вознесенской церкви Кириак Васильев Верещагин православнаго /так в документе/ вероисповедания, первым браком. Лет жениху — 22. Невеста — дочь Священника Иннокентия Коллегова, девица Надежда Иннокентиева, православнаго /так в документе/ вероисповедания. Лет невесте — 17.
Поручители: по жениху — Петропавловскаго /так в документе/ города мещане Феодосий Николин /так в документе/ Косыгин и Иван Иннокентиев Косыгин; по невесте — Гижигинский мещанин Орест Ильин Брагин и Петропавловский мещанин Стефан Николаев Толман. Таинство бракосочетания совершал Священник Иннокентий Коллегов с причтом [КГКУ ГАКК Ф. Р-220, оп. 1, д. 23, л. 343].
...из архивного фонда № 1199 «Управление министерства безопасности по Камчатской области»/ Уголовное дело по обвинению ... Верещагина Кирияка Васильевича

Анкета арестованного Верещагина Кирияка Вас. /так в документе/

Фамилия — Верещагин. Имя и отчество — Кирияк Васильевич. Дата рождения – 1875 года. Место рождения — с. Облуковино, Усть-Большерецкого района, Камч. Окр. Социальное происхождение — потомственный гражданин. Постоянное место жительство — село Крутогорово, Усть-Большерецкого района. Гр-н какого государства (подданство) — СССР. Национальность — камчадал. Образование — церковноприходская школа и домашнее. Социальное и имущественное положение в момент ареста — лишен избирательных прав как церковнослужитель. Из имущества имею: дом, сарай, стая, огород, корова, 1 нарта ездовых собак. То же до 1929 г. — служил псаломщиком и, кроме того, имел хозяйство: дом, амбар, балаган, 1 нарта ездовых, 3 коровы, огород, запор на рыбу. То же до 1917 г. — служил в местной церкви псаломщиком, жил в доме ц/приходском, амбар, 4 коровы, 3 лошади, 1 нарта собак, огород, бат и запор на рыбу

Партийная принадлежность — в партиях не состоял.
Состав семьи: жена — Верещагина Мария Ильин. /так в документе/ — 48 лет; сын — Николай Кириякович — 14 лет, работа по хозяйству; сын — Федор Кириякович — 11 лет, учится; сын — Серафим Кириякович – 6 лет, учится; дочь — Акулина Кирияковна — 9 лет, учится.
Место работы: а) с начала войны до февральской революции — Облуковинская церковь псаломщик; б) с февральской революции до 1921 г. — тоже; в) с 1921 г. по день ареста — псаломщиком и работа в своем хозяйстве.
Категория военного учета — на военном учете не был. Служил ли в старой армии — не служил. Участвовал ли в парт. отрядах / так в документе/ — не участвовал. Отношение к военной повинности — не подлежу. Жил ли за границей — не жил. Привлекался ли к судебной ответственности — не был. Когда и кем арестован — 3 марта 1932 г. Нач. Колпаково. Когда и кем допрошен 3 марта 1932 г. … Предъявлено ли обвинение и по какой статье — 8 марта 1932 г. Ст. 58/10 и 11 УК. Место жительство перед арестом — с. Крутогорово, Усть-Большерецкого района. Примечание арестованного — … Подпись арестованного — Кириак Верещагин /так в документе/. 3 марта 1932 г.

Верещагин Кириян Васильевич. Родился в 1877 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; русский; образование Церковно-приходская школа; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Ударник». Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорово. Арестован 3 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Расстрелян 22 августа 1938 г. Реабилитирован 25 декабря 1958 г. постановлением президиума Камчатского облсуда. [База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.]

Линия Федора Федоровича	
Дети Иринарха Ивановича, с. Мильково	Верещагина Зиновия Иринарховна (1891) М. Телятьев Константин Степанович (1878), осужден 14.01.1932 г. и приговорен к 10 годам лишения свободы
	Верещагина Феония Иринарховна (1893). М. 1 Бобряков Тарасий Арефьевич, крестьянин с. Мильково. М. 2 (с 01.04.1912) Толман Иван Михайлович, петропавловский мещанин
	Верещагин Андрей Иринархович (1897). Ж. (с 1918) Зимина Евдокия Афанасьевна (1894), с. Верхнекамчатск, дочь Зимина Афанасия Николаевича
Линия Романа Ивановича	
Дети Ивана Романовича, с. Гижига	Верещагин Федор Иванович (? – 1900), псаломщик Гижигинской Спасской церкви
	Верещагин Александр Иванович, заштатный псаломщик Корякской миссии. Ж. Соломония (1863 г.), вдова, в 1900 г. вышла замуж за гижигинского казака Матвея Николаевича Беломоина

СЛЕДУЮЩЕЕ КОЛЕНО

Оно еще более сокращается по количеству основных ветвей. Доминирует верхнекамчатская (она же мильковская) ветвь.

Линия Ивана Ивановича	
Дети Долмата Иннокентьевича, с. Верхнекамчатск	Верещагин Ксенофонт Долматович (23.01.1902). Ж. Михайлова Елизавета Ильинична (19.04.1913)
	Верещагина Мария Долматовна (10.1904). М. Мальцев Федор Викентьевич (04.1901)
Дети Модеста Иннокентьевича, с. Верхнекамчатск	Верещагин Иннокентий Модестович (1909–1985), награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ж. Машихина Анна Агеевна
	Верещагин Модест Модестович (1912)
	Верещагин Арсений Модестович (12.02.1914), участник войны с Японией
	Верещагин Константин Модестович (1916), награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ж. Плотникова Ульяна Петровна (1916)
	Верещагин Павел Модестович (1924), участник Курильского десанта, медаль «За отвагу»
	Верещагина Мария Модестовна. М. Кокотов
	Верещагина Екатерина Модестовна М. Шевцов
	Верещагин Арсентий Модестович (1930)
Дети Кассиана (Касьяна) Иннокентьевича, с. Верхнекамчатск	Верещагина Мария Касьяновна (17.09.1918). М 1. Коршунов Кон. М 2. Копитев Иван. М 3. Верещагин Иван
	Верещагина Матрена Касьяновна (11.09.1923)
	Верещагина Анфиса Касьяновна (27.03.1928), награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». М. Машихин Егор Гаврилович
	Верещагина Зоя Касьяновна (02.08.1930)
	Верещагина Раиса Касьяновна (20.04.1933). М. Козеко Иннокентий Владимирович (1929)
	Верещагин Иннокентий Касьянович (04.03.1941)
	Верещагин Анатолий Касьянович (1945)
	Верещагин Владимир Касьянович
	Верещагина Мария Касьяновна
Дети Кириака Васильевича, с. Облуковино	Верещагина Мария Кирьяковна (24.03.1896)
	Верещагин Николай Кирьякович (1917 – 30.08.1941), участник Великой Отечественной войны. Ж. Акулина Георгиевна

Верещагин Николай Кирьякович, красноармеец. Дата рождения — ___.1917. Место рождения — Камчатка, Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорова. Дата и место призыва — Усть-Большерецкий РВК, Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н. Последнее место службы — Донской фр. 109 ТД 109 МСП. Дата выбытия — 30.08.1941. Причина выбытия — убит. Первичное место захоронения — Смоленская обл., Екимовичский р-н, д. Брянцевка, южнее [ЦАМО]

	Верещагин Федор Кирьякович (1920)
	Верещагина Акулина Кирьяковна (1922)
	Верещагин Серафим Кирьякович (21.10.1924), участник Курильского десанта

Верещагин Серафим Кирьякович. Дата рождения — __.__.1925. — Место рождения. Камчатская обл., Соболевский р-н, с. Колпаково. Наименование награды — Орден Отечественной войны II степени	
Линия Федора Федоровича	
Телятьевы, с. Мильково	Телятьев Лев Константинович (1912), Амурская область, с. Черняево Магдагачинского района
	Телятьев Вячеслав Константинович
	Телятьев Витольд Константинович (1925), участник Великой Отечественной войны, Белоруссия, г. Витебск
	Телятьев Славьян Константинович, погиб в 1942 г. под Сталинградом
	Телятьева Екатерина Константиновна, Амурская область
	Телятьева Евдокия Константиновна
	Телятьева Августа Константиновна
	Телятьева Ольга Константиновна
	Телятьева Клена Константиновна
Дети Андрея Иринарховича, с. Мильково	Верещагин Иринарх Андреевич (1924 – 18.08.1945), призван Усть-Камчатским РВК 15.06.1942 г. Погиб 18.08.1945 г. на о. Шумшу
	Верещагина Екатерина Андреевна (1926)
	Верещагин Афанасий Андреевич (1929)
	Верещагин Иван Андреевич (18.12.1934) Ж. Зимина Елена Дмитриевна (08.03.1932)
Линия Романа Ивановича	
Дети Федора Ивановича	Верещагин Макарий Федорович (1876), гижигинский мещанин. Ж. (с 10.02.1916) Брагина Любовь Николаевна (1896), дочь гижигинского мещанина Николая Иннокентьевича Брагина
	Верещагина Мария Федоровна (1886), дочь ум. псаломщика Федора Ивановича Верещагина. М. (с 29.10. 1900) Зиновьев Николай Алексеевич (21.02.1882), гижигинский казак
	Верещагина Иустиния Федоровна (1887), дочь псаломщика Анадырской церкви Федора Иоанновна Верещагина. М. (с 27.01.1906) Сметанин Амвросий Кузьмич (1885)
	Верещагина Вера Федоровна (1896), дочь ум. псаломщика Гижигинской Спасской церкви. М. (с 06.02. 1911) Кокоулин Трифон Федорович (01.02.1881)
?	Верещагин Никифор Федорович (1909), руководитель оперативной связью Уэлькальского аэропорта, обеспечивающего поставки самолетов по ленд-лизу

И ЗАВЕРШАЮЩЕЕ ДЛЯ НАШЕГО ПОИСКА КОЛЕНО

Дети Иннокентия Модестовича, с. Мильково	Верещагин Владимир Иннокентьевич (09.08.1931)
	Верещагина Альбина Иннокентьевна (22.11.1933). М. Знаменский Борис Дмитриевич (28.12.1932)
	Верещагина Нелли Иннокентьевна (12.02.1936)
	Верещагин Иннокентий Иннокентьевич (23.08.1939)
	Верещагина Екатерина Иннокентьевна (22.12.1943)
	Верещагин Александр Иннокентьевич (1950)
	Верещагина Нина Иннокентьевна (30.01.1946)
	Верещагина Галина Иннокентьевна
	Верещагина Людмила Иннокентьевна (1953). М. Загурский Петр Петрович (1954)
Дети Константина Модестовича	Верещагин Борис Константинович (1937)
Дети Марии Касьяновны	Коршунов Геннадий Константинович (1939)
	Копитев Виктор Иванович (1941)
	Верещагин Сергей Иванович (1945)
	Верещагин Валерий Иванович (1948)
Дети Ксенофонта Долматовича	Верещагина Мария Ксенофонтовна (13.03.1927). М. Кокотов Федор Егорович (06.02.1907)
	Верещагин Эрик Ксенофонтович (1930)
	Верещагин Юрий Ксенофонтович (26.08.1933). Ж. Татьяна Валентиновна
	Верещагина Нонна (Анна) Ксенофонтовна (1936)
	Верещагин Владимир Ксенофонтович (03.08.1939). Ж. Кутенева Алла Николаевна
	Верещагина Валентина Ксенофонтовна (18.09.1941) М. Пироженко Валентин Михайлович
	Верещагина Анна Ксенофонтовна (1941)
	Верещагин Юрий Ксенофонтович (1946)
	Верещагин Валерий Ксенофонтович (22.01.1949)
	Верещагин Василий Ксенофонтович (1951)
Дети Афанасия Андреевича	Верещагин Иринарх Афанасьевич (1947)
Линия Ивана Романовича	
Дети Макария Федоровича	Верещагин Владимир Макарович (1916–1991) Ж. Марфа Егоровна (Сальникова, Санникова, Красовская)
	Верещагин Федор Макариевич

Родился 17 января 1918 г. Родители — Гижигинский гражданин Макарий Феодорович Верещагин и жена его Любовь Николаевна. Восприемники — Гижигинский гражданин Василий Николаевич Брагин (родной брат Любови Николаевны) и жена Гижигинского гражданина Иоанна Неустроева — Иулитта Владимировна. Священник иеромонах Нифонт с псаломщиком Петром Куркутским. [Выписка из метрической книги Паланской церкви за 1918 г., ГАКК]

В списках жертв политических репрессий 1932–1938 гг. немало фамилий Верещагиных. Мы выбрали только те, которые по факту рождения связаны с Дальним Востоком, а это значит, что, возможно, эти люди также являются представителями рода казаков и священнослужителей Верещагиных. Мы не брали во внимание Читинскую область — но помним, что исторически возможна связь камчатских и нерчинских казаков Верещагиных.

Верещагин Анатолий Николаевич
Родился в 1944 г., Якутская АССР, Алданский р-н, Лебединый; Приговорен: в 1931 г., обв.: Пост. ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930. Приговор: род. на спецпоселении. Реабилитирован 3 мая 2005 г. МВД Республики Саха (Якутия) [МВД Республики Саха (Якутия)].

Верещагин Григорий Иванович
Родился в 1879 г., с. Новопокровка Ивановского р-на; русский; Проживал: в с. Астрахановка. Арестован 9 января 1934 г. Приговорен: Постановлением АОО ОГПУ 7 марта 1934 г., обв.: по ст. 58-6 УК РСФСР. Приговор: уголовное дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 16 июня 2003 г. заключением прокурора Амурской области. [Книга памяти Амурской обл.].

Верещагин Григорий Иванович
Родился в 1879 г., д. Новопетровка; русский; Работал весовщиком на спиртзаводе в Астрахановке. Арестован 9 августа 1938 г. Приговорен: Благовещенское РО НКВД 20 января 1939 г., обв.: по ст. 58-2, 58-11 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено. [Книга памяти Амурской обл.].

Верещагин Иван Михайлович
Родился в 1885 г., Анучинский р-н, с. Петропавловка; русский; малограмотный; б/п; колхозник. Проживал: Анучинский р-н, с. Таежка. Арестован 21 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при НКВД 20 января 1938 г., обв.: в религиозной деятельности (старовер). Приговор: ВМН. Расстрелян 26 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Уссурийск. Реабилитирован 30 сентября 1960 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда. [База данных о жертвах репрессий Приморского края].

Верещагин Михаил Федорович
Родился в 1898 г., Ивановский р-н, с. Новопокровка; русский; работал бригадиром в колхозе «Красная нива». Приговорен: тройка при ОГПУ ДВК 23 марта 1933 г. Приговор: 10 лет ИТЛ. [Книга памяти Амурской обл.].

Верещагин Николай Николаевич
Родился в 1908 г., Зейский р-н, д. Новопокровка; русский; Служил красноармейцем 9-го ж.-д. полка. Приговорен: Военный трибунал 18 стр. корпуса 27 мая 1931 г. Приговор: 7 лет ИТЛ. [Книга памяти Амурской обл.].

Верещагин Тимофей Иванович
Родился в 1902 г., г. Благовещенск; русский; Работал возчиком в строительном техникуме. Арестован 10 августа 1938 г. Приговорен: ЭКО УГБ АОУ НКВД 18 февраля 1939 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено. [Книга памяти Амурской обл.].

Верещагин Федор Михайлович
Родился в 1904 г., Анучинский р-н, с. Петропавловка; русский; образование начальное; б/п; счетовод в колхозе «Красный Октябрь». Проживал: Приморская обл. Хабаровская обл., Иманский р-н, с. Лаулю. Арестован 27 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при НКВД 13 марта 1938 г., обв.: в антисоветской агитации. Приговор: ВМН. Расстрелян 26 апреля 1938 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 11 июня 1974 г. постановлением Президиума Приморского краевого суда. [База данных о жертвах репрессий Приморского края].

Верещагин Яков Дмитриевич
Родился в 1883 г., Благовещенский р-н, с. Новотроицкое; русский; Работал сторожем в Благовещенске. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 31 октября 1938 г. Приговор: ВМН. [Книга памяти Амурской обл.].

А это фамильный след, оставленный Верещагиными в последней столице Камчатской епархии — городе Благовещенске:

Благовещенск

Верещагины:

Верещагин Александр, учился в Благовещенской мужской гимназии (1901–1902).

Верещагин Андрей Васильевич, (1835), фельдшер 2-го линейного батальона Восточной Сибири.

Жена — Ефимия Евстафьевна (1840), дочь крестьянина Кудинской волости Иркутского округа (брак 23.10.1860).

Верещагин Василий, первый священник Константиновского прихода (04.10.1866–29.07.1869). Руководил постройкой храма (1867), освященного 23.01.1869.

Верещагин Иван, ранен во время вооруженного конфликта (02 – 03.1918) в Благовещенске.

Верещагин Иоанн, сын священника, определен 3-м псаломщиком при Покрово-Николаевской церкви (09.11.1894). Командирован к Крестовоздвиженской (11.06.1896). Перемещен к Игнатьевской (27.03.1897). Уволен от службы (30.11.1898). Допущен и. о. псаломщика церкви ст. Иннокентьевской (30.10.1901). Отчислен от должности (23.09.1903).

Верещагин Павел Петрович, ранен во время вооруженного конфликта (02 – 03.1918) в Благовещенске.

Верещагин Парфений, ученик духовного училища (1895/1897). В приготовительном классе по 1-му разряду (1896). В 1-м классе по 2-му разряду (1897).

Верещагин Петр Васильевич, (25.11.1861, стан. Пояркова — 17.11.1914, Благовещенск), статский советник, преподаватель духовных и светских учебных заведений, редактор газеты.

Сын священника-миссионера, рано лишился родителей. Учился в Якутском духовном училище, Иркутской духовной семинарии. По окончании семинарии, как лучший ученик, отправлен в Казанскую духовную академию (1884). Окончил курс кандидатом богословия, указом Св. Синода назначен преподавателем словесности и истории русской литературы в Благовещенскую духовную семинарию (16.08.1887 – 1899). Избран членом распорядительного собрания правления семинарии (1888). Был приглашен преподавателем педагогики (позже словесности) в Алексеевскую женскую гимназию (1890–1896). Назначен на должность инспектора семинарии, член Камчатского епархиального училищного совета (11.11.1891). Преподавал русский язык в духовном училище (1893–1898). Член и казначей епархиального училищного совета (1894–1896). Надворный советник, коллежский советник (1897). Член распорядительного и педагогического собраний семинарского правления (1899). Избран старостой семинарской домовой Иоанно-Богословской церкви. Помощник редактора «Камчатских епархиальных ведомостей» (1894), редактор (24.04.1896 – 1904). Член имп. Православного палестинского общества (07.1897). Член благовещенской городской управы (01.05.1898). Статский советник (29.01.1900). Член совета и почетный член Иоанно-Богословского братства (03.1900–1911). Назначен членом Епархиального ревизионного комитета (02.07.1902). Преподаватель французского языка в семинарии (01.09.1902). Член-сотрудник Благовещенского отдела православного Палестинского общества (01.03.1903). Почетный мировой судья 1-го участка Благовещенского окружного суда (1903–1913). Приглашен преподавать в мужскую гимназию (1906). Почетный член и член совета братства «Всех скорбящих радосте» (1907/08). Оставил преподавание в семинарии, перешел в мужскую гимназию (1909). Член ревизионной комиссии Иоанно-Богословского братства (26.09.1909). Заместитель городского головы, преподаватель мужской гимназии, почетный мировой судья благовещенского окружного суда (1911-1913). Награды: ордена — Св. Станислава 2-й (06.05.1901) и 3-й ст., Св. Анны 3-й ст. (06.05.1897). [Ист.: БЕВ. 1899. № 24; 1904. № 24; 1914. № 24].

Верещагина Ольга Петровна, благовещ. домовлад.: Муравьевская, 35.

Верещагина Е. А., жена священника, начальница детского приюта Лечебно-благотворительного общества (1895).

ВОЛКОВЫ

В России очень любили «звериные» фамилии — Волковы, Зайцевы, Медведевы, Лисицыны…

А с так называемыми широко распространенными фамилиями работать всегда очень сложно — и нужно, как правило, начинать поиски родовых корней не с предполагаемых дальних родственников — патриархов тех или иных родов, а как можно ближе к современности — начиная с самого себя и далее по иерархической ветви к дедушкам-бабушкам, к пра- и прапра- …

Наша же задача отличается от собственно генеалогической — создания поколенных росписей, хотя мы и не исключаем эту задачу в своей работе.

Но главное для нас — это исследование роли и значения представителей данной фамилии в истории нашего большого дальневосточного региона и страны в целом.

Волковы, как и Медведевы, Зайцевы, Лисицыны, не появлялись ниоткуда. Это были живые люди, уроженцы самых разных регионов Руси (как в Сибири очень долгое время называли Европейскую часть России), которые по самым разным причинам оказались в Сибири и служили в казаках. Это могли быть торговые люди и их дети, промышленники, заштатные дети церковно- и священнослужителей (которым при их многочисленности не хватило места в штатном церковном расписании), это могли быть дети пашенных крестьян, это могли быть беспаспортные гулящие люди или люди ссыльные…

И в 1640 году в Ленский острог в составе отряда казаков первого якутского воеводы Петра Петровича Головина прибывает тобольский казак станицы Тугарина Панютина Фторышка Наумов сын Волков.

Это был казак-годовальщик, находящийся в служебной командировке.

Тобольский казачий род Волковых — один из самых древних сибирских казачьих родов. По сохранившимся архивным материалам мы узнаем сведения о Волковых, датированные 1623 годом:

«Починок Шамша над озером Шучьим

Двор конной казак Ивашка Волков. Пашни паханые середние земли 4 чети да перелогу две чети в поле а в дву потому ж да дубровные лесново места 7 десятин за речкою /Усом/чистого места дубровы ж две десятины сенных покосов на лугу меж Щучьим и Карасовым озерами сто копен» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 76–174 об.].

Но вот и другая история:

«Дружинка Иванов сын Пурышев в прошлом во 155-м [1647] году по его Дружинкину челобитью за увечье что он рослаблен отставлен а велено быть в его Дружинкино место по государеве грамоте ссыльному новгородцу сыну боярскому Ивашку Волкову и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 82].

В 1681–1706 годах в Якутии служили, но не оставили четкого родового следа, женатые казаки Кузка (Коземко) Волков, Федька Волков. У Якуньки Дементьева сына Волкова, служившего в Тауйске и Охотске, был сын Павел, но дальнейшая их семейная история нам так же неизвестна [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 90].

С 1720 по 1732 год в Якутске служил в подъячих (позже в канцеляристах) Дмитрий Никитин сын Волков [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное

управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 208]. Но и здесь мы не находим каких-либо родовых линий.

И снова появляются уроженцы Тобольска (что, впрочем, не отменяет версии о том, что и все предыдущие Волковы также связаны с Тобольском): «Во дворе Иван Степанов сын … у него ж стоят стояльцы Приказные полаты приставу набору Афонасья Шестакова Тобольского города Иван Данилов Прянишников … Алексей Волков … Иван Алексеев сын Черных» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 11 об.].

А вот далее начинается интересное: в изданном Андреем Черепановым по следам написания книги «Сибирская кровь» «Родословном справочнике Иркутска 1661–1775 годов» [Иркутск, 2021] имеется сообщение: «Волков Федор Филипов — в 1684 г. промышленный человек, назначенный по челобитной в казачью службу, в 1688–1708 гг. пеший казак, в 1692 г. в Баргузинском остроге» [стр. 113].

Идем далее, читаем «Родословный справочник» и находим на той же странице: «Волков Иван Большой — в период 1722–1744 гг. переведен в казаки из разночинцев, в 1757 г., вероятно, он — сын боярский».

Если был Иван Большой — старший, значит, должен быть и Меньшой (младший).

Ищем.

И находим: Волков Иван Меньшой, в период 1722–1744 гг. «взято в Камчатскую экспедицию в службу» [Иркутск в 17 в., Переписная книга выбывших после первой (1722 г.) ревизии].

И далее: Волков Иван Федоров, Иркутский служилый, — участник Крестового миссионерского похода иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина по западному побережью Камчатки в 1740 году [(15 ноября 1740 – 8 февраля 1741 гг.) [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

Поэтому все Волковы — камчадалы и ительмены — уроженцы западного побережья Камчатки являются потомками крестных детей иркутского казака Ивана Федоровича Волкова.

Именно западного — потому что на юго-востоке Камчатки в Гаванском острожке (впоследствии Петропавловском порту) со времени строительства базы для Второй Камчатской экспедиции была подарена Камчатке Витусом Берингом судовая походная церковь Рождества Пресвятой Богородицы со служителями братьями Волковыми — священником Филиппом (умер в 1750 году) и дьячком Михаилом Волковым. Поэтому потомки камчадалов окрестных сел — Авачи, Коряк, Малок — и по сей день носят фамилии этих братьев.

А далее мы предложим вам еще более интересную историю, в которой есть и значительная часть предположений, но эти предположения базируются на объективной исторической основе и *могли бы быть* в действительности.

Итак, в 1739 году в Якутске взят (вернее, забрит) в солдаты разночинец Степан Волков.

Почему забрит: «До устава о воинской повинности 1874 г. при рекрутских наборах брили наголо переднюю половину головы тем, кто был годен к военной службе».

Почему разночинец: расказачивание происходило не только при Советской власти, но и в царской России — сокращая штаты казачьих полков, казаков переводили в разряд разночинцев, из которых впоследствии формировались либо крестьяне, либо посадский люд, либо вновь — по первой надобности — возвращали на службу.

Итак, Степан Волков набран в рекруты, и его забрили в солдаты.

Мы его имя находим впоследствии в «Смотровом Списке Сибирскаго Гарнизона Новоучрежденнаго Драгунскаго Полку 1753 г.»:

Степан Волков — 33 г[ода] (1721), время вступления в службу — 739 г., ис казаков г. Якуцка, женат, детей мужска полу нет, в расположении по Кузнецкой линии в Барнаульском заводе» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439. Л. 169 об.].

Теперь вопрос: мог ли Степан Волков (или его дети) оказаться на Северо-Восточной окраине России?

Легко!

Начиная с 1748 года именно расквартированные в Тобольске драгуны формировали гарнизон Анадырского острога и Гижигинской крепости. Они находились там на постоянной основе, заводили семьи и уже их дети служили солдатами в северных гарнизонах.

Вполне возможно, что и в нашем случае было нечто подобное.

Гижигинская крепость, 1831 год.

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Волков Иван (1787), казак» [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.].

В материалах Магаданского государственного архива за 1843 год, благодаря помощи сотрудников архива, мы находим и отчество Ивана: Волков Иоанн Стефанов (1787), отставной казак Гижигинской сотни.

А это уже его сыновья: «Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Волков Николай Иванов — 36 (1816)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Прикомандированные из Гижиги

Волков Николай — 40; из казачьих детей, на службе и в чине с 1833 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10].

Волков Кузьма Иванович (1824–1881), Гижигинский казак.

А это внуки:

Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год

Семейства казачьи

Евдокия Волкова — 29 (жена Николая Ивановича).

Дети: Прокопий — 10; Кирик — 6; Иван — 4» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

И еще один важный штрих в истории казаков Волковых — один из них — Егор Волков (возможно, Кузьмич) — был первостроителем Николаевского на Амуре военного поста, о чем сообщает в своей книге «Амурский щит» [с. 93] командир этого поста А.И. Петров. Егор был пильщиком и плотником.

Тот факт, что он был гижигинским казаком, не поддается сомнению — есть документ:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.
Список по старшинству их службы
В Петровском зимовье
казаки
Егор Волков» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

Камчатская казачья команда в то время включала в свой состав Гижигинскую сотню.

Жизнь многих гижигинцев оборвалась в страшную зиму 1900 года, когда на бывшую уже к тому времени крепость обрушилось страшное несчастье — эпидемия кори.

Не избежала этой страшной участи — смерти от заразной болезни — и семья Волковых.

Умер глава семьи: Волков Кирилл Николаевич (15.10. 1849 – 1900).

Но, тем не менее, мы находим среди гижигинцев начала XX века Волковых:

Волкова Аграфена Иннокентьевна (27.05.1911),

Волков Николай Христофорович (16.10. 1886).

Его дети: Волкова Аза Николаевна (1935), Волкова Валентина Николаевна (1937).

Что же касается Волковых-камчадалов, то в числе участников обороны Камчатки в период Русско-японской войны в народном ополчении были представители юго-восточной ветви Волковых — уроженцы села Малка:

Волков Федор Михайлович (1886) и его племянник Волков Захарий Евфимович (1885);

Отец Федора Михайловича и дед Захария Евфимовича — Волков Михаил Николаевич (1831–1884) — был награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 гг. за участие в эвакуации гарнизона и укреплений Петропавловского порта в 1855 г.

Такой же наградой были удостоены и его земляки — Роман (1825) и Семен (1829) Волковы.

ВОЛЫНКИНЫ

Единственное найденное нами упоминание о первостроителях Мариинского поста:

«9 августа 1853 года экспедиция в составе начальника Николаевского поста А.И. Петрова, рядовых Замиралова, Волынкина, Кашкарова, Кирсантьева, Анкудинова, приказчика Овсянникова достигла на лодках стойбища Кизи, где по предписанию Невельского Г.И. № 222 от 15 июня 1853 следовало определить место для основания поста и постройки помещений для зимовки».

Здесь ими был основан Мариинский пост.

ВОРЫПАЕВЫ (ВОРОПАЕВЫ)

В книге «Тайны якутских фамилий» опубликован большой очерк по истории этой интереснейшей сибирской фамилии торговых и служилых людей.

Но мы не можем пройти мимо этой фамилии и в этой книге, посвященной освоению Северо-Востока, так как роль и значение Ворыпаевых в этом процессе и по сей день еще по достоинству не оценены.

Лальск — город, откуда прибыли в Сибирь купцы Ворыпаевы.

Сегодня о нем мало кто знает — это теперь просто поселок городского типа в Лузском районе Кировской области, да и проживает здесь сегодня всего две с половиной тысячи человек.

Но это очень древний и некогда весьма знатный город.

«Основание Лальска как крупного поселения связано с событиями в Великом Новгороде: голод от неурожаев 1568 и 1569 годов и опричный погром в 1570 году, о котором упомянуто в Устюжской летописи: «А когда грозный царь Иван Васильевич казнил новгородцев и своих изменников, будучи сам своею особою в Новеграде, тогда нецыи от граждан совещавшиеся, усоветовали тайно избежати Новеграда и вселитиеся в пусте месте, де же Бог наставит, и тем освободитися от царского гнева и тако оставивше жительство свое Великий Новеград странствовали по лесам, пустыням и непроходимым местам до толе, до нележе достигли Богом наставляемы реки Лалы, в пустом месте течение свое продолжающей от Устюга на Сибирь в разстоянии 80 верст, и ту поселитися. Пребывающе же на том месте начали размножаться и нарекошася по имени реки Лалы лалечана».

И именно на торговле сибирской пушниной разбогатели лальские купцы. И не только Ворыпаевы, но и Норицыны, Саватеевы, Бобровские, Паламошновы.

«В Лальске сходились несколько важных торговых путей. На запад — Устюжский тракт, по которому ездили на Устюг, а оттуда на Москву и Архангельск. На восток шел Сибирский тракт, ведущий в Сибирь и оттуда в Китай через город Кяхту».

Судя по записям Якутской приказной избы, Ворыпаевы были в Якутии уже в 1639 году (а значит, прибыли еще раньше): «Не ранее 1639 г. (7147). Выписи из таможенных книг и проезжих грамот Якутских зимовий о количестве пушнины, закупленной торговыми людьми гостинной сотни Баженом Балезеным и его приказчиками: Фед[ором], и Мат[веем] Ворыпаевыми и Фед. Мошенниковым в 7147 г.» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 1, Я, 2016].

1653 год:

«…челобитные торгового человека М.Я. Ворыпаева и С.С. Самойлова о разрешении построить кочи в Якутском остроге».

О чем это говорит? О создании отечественными купцами собственного торгового флота в Северном Ледовитом океане. В 1657 году, как отмечает М.И. Белов, Матвей Ворыпаев на собственном коче ушел на Индигирку.

Это, конечно же, в первую очередь было связано с освоением новых промысловых районов, так как конкуренция была просто бешеной:

«Из жалобы торговых людей Матвея Ворыпаева и Степана Самойлова, обвинявших Хабарова в переманивании их покрученников и присвоении им соболей, следует, что этого же условия придерживался и Хабаров. Разница состояла лишь в том, что в богатом зверем районе охотники из его отряда брали только соболей, а до россомах и песцов руки у них не доходили: «Промысел у Ярофея был на всякую ужину по 2 сорока по 4 соболя. И нам довелось у тех ужин наших покрученников на 12 человек 16 сороков 32 соболя», – писали торговые люди. Таким образом, каждый из покрученников от добытых им 84 соболей оставлял себе 28 соболей, или ⅓, а 56 соболей, или ⅔, отдавал Хабарову. Вся же добытая промысловиками партия составила 1008 соболей. Из них Хабаров получал 672, а покрученники — 336 соболей».

«…о начале промыслового освоения Амура экспедицией Хабарова можно говорить уже с зимы 1649–1650 гг. Летом 1650 г. промышленный человек Ворыпаев, жалуясь в своем челобитье на Хабарова, сообщал, что его промысловики добыли 1009 соболей, из которых 2/3 взял себе Хабаров. Эти соболи, вероятно, входили в состав той партии мягкой рухляди, которую Хабаров в 1650 г. прихватил в Якутск в счет своего долга. Только держа соболиные шкурки в руках и любуясь ими, Францбеков мог согласиться с мнением Хабарова, что “амурский соболь ленского лучше”, и сообщить об этом с полной ответственностью в Сибирский приказ» [Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров].

В 1654 году к двум братьям Ворыпаевым присоединяется третий:

«Книга сбора десятой пошлины (соболиная) таможенного головы Андрея Курдюкова и новых целовальников Емельяна Яковлева Ворыпаева и Никифора Клементьева, 10 июля – 31 августа 1654 (162) г.» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я, 2017].

В 1659 году приказчик Анадырского острога Юрий Селиверстов сообщает в своем извете на Курбата Иванова, бывшего анадырского приказчика: «Курбат … из Жиган де на покруте пошел у Омельки Ворыпаева на коче с Курбатом в одной котляне».

Котляна — это артель морских промышленников. Главный в котляне назывался корщик, за ним полукорщик, третий полуженщик (ужина-пай), остальные покрученики.

То есть уже и Емельян Яковлевич стал купцом-мореходом, как и его старший брат.

Это был тот самый Емельян Ворыпаев, который в 1660 году откажется взять на свой коч Семена Ивановича Дежнева с грузом моржовых клыков:

«Государя, царя и великого князя Алексея Михайловича… (т.) стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю Якуцкого острогу служивой человек Семейка Иванов Дежнев челом бьет.

В нынешнем во 168-м году пришел яз, Семейка, з государевы службы из-за Камени с Анандыря реки на Колыму реку. А что собрано на Анандыре реке государева ясаку на прошлой на 167-й год и на нынешной на 168-й год — 48 соболей в косках с пупки и с хвосты, в том числе 3 соболи пороты по задним агачинам, 11 пластин собольих поротых и в напольниках с хвосты и з задними лапами, 24 соболи с хвосты, десетинных 16 пупков собольих моего, Семейкина, збору. А та государева ясашная и десетинная соболиная казна послана к вам в Якуцкой острог [с] служилыми людьми Енисейского острогу з Дружинкою Чистяковым да Якуцкого острогу служилыми людьми Гришкою Васильевым Горбуном, да с Нехорошкам Перфильевым и велено та казна отдать в государеву казну вам в приказную избу. А что со мною, Семейкою, пришло с Анандыря реки государевы костиной казны рыбья зубу моржевого и умерших статков служилых и промышленых людей рыбья кости моржевого зубу и моего, Семенкины, кости, и с тою государевою костеною казною рыбьи моржевого зубу и умерших служилых и промышленых людей осталыя кости меня, Семейку, на Колыме реке торговые люди Емельян Яковлев Ворыпаев на коч не взяли. И я, Семейка, с тою государевою костяною рыбья моржевого зубу казною и осталою костью умерших служилых и промышленных людей остался на Колыме реке» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 2143, л. 8.].

Понятно, что имя Семена Дежнева для нас особо дорого, но у Емельяна Яковлевича было оправдание на то, чтобы отказать Семену Ивановичу:

«1660 (168) г. не позднее марта 30. 1 — Челобитная промышленных и торговых людей с р. Колымы в Якутскую приказную избу с жалобой на погрузку в их коч моржовой кости, добытой Семеном Дежневым.

Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю… (т.) бьют челом твои, государевы, сироты торговые людишка и промышленные: Андрюшка Егоргиев Косицын, Омелька Яковлев Ворыпаев, Карпушка Яковлев Вологжемец, да промышленной человек Пятунка Иванов Лобанов, Осташко Васильев Курсов, Ивашко Осипов Пинега, Осташко Ларионов, Ларька Андреев, оба пинежане, Ивашко Яковлев Шульга, усолец, Васька Михайлов Гулызинской, устюжанин, Пашко Федоров Унжак, Максимко Агапитов Непряха, Матюшка Ларионов Репа, мезенец, Васька Тарасов Пермяк, Фадюшка Борисов Колмогорец, Гришка Антонов по прозвищу Бурко, Терешка Нестеров Вымитянин, Кирюшка Васильев Усолец.

В том в нынешном во 168-м году отпущены мы, твои государевы, сироты, с Колымы реки ис таможни в Якутцкой острог. А приняли мы, сиро-

ты твои, торговые и промышленные людишка твою, государеву, казну соболиных трех рек: колымскую и алазейскую, ясачную и десятинную, и перекупную, и Федора Чюкичева збору с Омолону реки. А сверх той, государевы, соболиной казны кладут к нам, сиротам твоим, на кочишко наше твою ж, государеву, казну костяную збору целовальника Семена Дежнева 80 пуд, да ево Семена, своей кости 50 пуд весом, а тот наш кочишко худо и гнило, конопати не держит. И мы, твои, государевы, сироты, по нужде ради на том кочишке сево году пошли, а что купити негде иново кочa.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович… пожалуй нас, сирот своих, не вели, государь, той костяной казны на то наше кочишко класти и ево, Семена Дежнева, кости, чтобы тою костяною казною и Семеновою твою, государеву, казну соболи не утопити и порухи не учинити, сиротам твоим…»

Вскоре в дело вступает сын Матвея Андрей Ворыпаев.

Михаил Иванович Белов пытался посчитать, сколько Ворыпаевых участвовало в те годы «в деле».

«Андрей Варыпаев принадлежал к известной семье колымских торговцев-мореходов. Его братья, племянники и дяди неоднократно ходили по “студеному морю”. Например, летом 1657 г. с Лены на Колыму совершил морской поход Матвей Ворыпаев, в 1658 г. Алексей Ворыпаев предпринял плавание с Колымы на Лену; в 1660 г. Никифор Ворыпаев ходил по морю из Жиганска на Колыму; в 1663 г. Григорий [Никитин сын] Ворыпаев с устья Лены отправился на море, стремясь достичь реки Колымы, летом 1668 г. Дмитрий Ворыпаев прошел на коче от устья Лены на Яну».

Понятно, что фрахт не был налажен. И жалобы на купцов-мореходов сыпались отовсюду. Вот жалобы Ивана Ерастова с Колымы:

«В прошлом во 159-м [1651] году был я на государеве службе на Ковыме реке приказным, а на мое место пришел сын боярской Второй Катаев, и мы с ним во всем росписались, ручал великого государя казну отпущать со мною, Ивашком, на моем, Ивашкове, коче к Русе. И торговых людей Ондрея Ворыпаева с товарыщи, и целовальника прошлого Степана Журливого призывали, чтоб оне, торговые люди, великого государя ясачную и десятинную и всякую казну приимали со мною, Ивашком, вместе, как преж сего бывали с Ковымы отпуски. И оне, торговые люди Ондрей Ворыпаев с товарыщи и целовальник Степан Журливой, со мною вместе великого государя соболиной казны не приимали и в путном в морском ходу во всем отказали, и прошали у меня великого государя казны на роздел, как не ведется. И на Второво Катаева, и на меня являли в том, что шли со мною с Анандыря служилые люди Семенка Дежнев с товарыщи с рыбьим зубом с костью» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 28, лл. 77–78].

И в прошлом же во 169-м году в августе, то грехом учинилось, прижало мой, Ивашков, коч за Святым Носом к земле льдом. А оне, торговые люди Ондрей Ворыпаев с товарыщи, попали своим кочем за Нос и ко мне вести не подержали. А иные промышленые люди с ево, Ондреева, судна хотели для ради великого государя казны ко /л. 78/ мне за Нос итти и проведать.

Но было и по-другому:

«В прошлом во 169-м [1661] году марта в… 2 день отпущены мы, служылые люди, с-Ындигирки реки с его, великого государя, соболиною ясачною и десятинною казною через гору на нартах зимным путем на Яну реку, а с Яны реки пошли мы на коче по морю с государевою казною ясачною и десятинною соболиною. И судом божиим учинились ветры великие с моря, и навело из голомени лед, и льдом у нас коч разломало, и два якоря с шеймами льдом затопило, и добыть мы не могли. А его, великого государя, ясачную и десятинную казну соболиную ис коча на лед выхватали, и парус кочевой и со льду на своих головах на землю выносили целу и сохранну, а на землю днем на великую силу могли донашивать, бродили водою со льду.

И мы жыли у моря на тундре великое время, помирали голодною смертью, дожыдались с Ковымы реки кочей. Мы их насилу дождались с Ковымы с кочами и великого государя соболиную казну и парус к торговому человеку к Ондрюшке Ворыпаеву на коч положыли. И мы с нею служылые люди тут же на коче и до Жыган до Красного песку и его, великого государя, казною дошли здорово в нынешнем во 170-м году сентября в 20 день» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 28, л. 92].

1671 год:

«Дело о ложном «извете» (доносе) на торговых людей в вывозе ими из Якутского острога в Москву “животов” (имущества) воевод Михаила Лодыженского и Ивана Голенищева-Кутузова (“вывоз де Матюшка Ворыпаева с сыном своим Андрюшкою в два выезда у Михаила Лодыженского сто сороков соболей, а в тех де соболях взял на них кабалу”, “он же Андрюшка Ворыпаев вывез Ивана Голенищева животов денег пятьсот рублев серебряных, да тридцать сороков соболей”».

Дыма без огня не бывает. Извет, может быть, был и ложным. Но то, что воевода Голенищев-Кутузов создал целую контрабандную сеть по вывозу пушнины — это факт.

В 1657 году в Якутске в выборных целовальниках (приемщиках и оценщиках пушнины, поступаемой в казну) был сын Федора Яковлевича Иван Федорович Ворыпаев. В 1661 году он служил целовальником на Индигирке. Последняя запись о нем датирована 1698 годом:

«…о розыске по челобитью строителя Якутского острога Спасского монастыря статков умершего в Жиганах монастырского вкладчика торгового человека Ив. Ворыпаева, захваченных сыном боярским Аф. Пущиным» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 1, Я, 2016].

В книге «Подвиг Семена Дежнева» Михаил Иванович Белов разовьет свою мысль о купцах-мореходах Ворыпаевых:

«Прекрасными мореходами считались на Лене и Колыме торговцы и промышленники Ворыпаевы. На Колыме у них были солидные торги. Они имели свои суда, которые искусно водили в водах Северного Ледовитого океана. Сохранившиеся документы оставили нам имена 13 человек, принадлежавших к этому большому и деятельному семейству. И все они были мореходами. Наиболее известными из них были Никита Федоров и Никита Ворыпаев. Купец Никита Ворыпаев совершил десятки опасных морских путешествий с Лены на Индигирку и Колыму и обратно. Так, летом 1650 года он проплыл от устья Лены на Индигирку, в 1654 году от Колымы до Жиганска, в 1660 году он повторил этот маршрут, в 1664 году он снова ходил от Колымы, но был остановлен льдами в районе Янских островов, в 1685 году, в период упадка мореходства, он предпринял один из последних морских походов с Колымы на Лену. Хорошо знал "заповедную дорогу" в "море-океяне" казак Никита Ворыпаев-младший. В 1679 году якутский воевода И. Бибиков, накладывая резолюцию на челобитную Никиты, признал, что "послан он, Никитка, для морского ходу, что ему тот хот за обычай и от Колымы дорогу за Нос знает, и для того послан". Никита был направлен на службу в Анадырский острог. Существует предположение, что во время этой своей поездки Ворыпаев повторил подвиг Семена Дежнева – прошел от Колымы вокруг Чукотского полуострова. Однако имеющиеся в делах Якутской приказной избы документы не подтверждают этого. Они определенно говорят о том, что Никита Ворыпаев, пройдя по морю от Лены до Колымы, оставшуюся часть пути совершил по суше».

Никита Федорович — брат Ивана, сын Федора Яковлевича.

«Книга сбора записной пошлины с продажи мягкой рухляди на р. Колыме таможенного целовальника Никиты Федорова Ворыпаева, 15 декабря 1668 – 25 июля 1669 (177) г. Скрепил за Никиту Ворыпаева — сын его Михаил».

То есть в дело вступает Михаил Никитич Ворыпаев.

Но он выступает уже в роли служилого человека: «…в 1678 г. на смену Пермяку (в качестве приказчика Пенжинского зимовья. — *С.В.*) — [направляют] Михаила Ворыпаева. Ворыпаев получил также приказ совершить с Пенжины экспедицию в Анадырский острог и передать туда ряд припасов».

«…На Пенжине … Михаила Ворыпаева сменил (в мае 1681 г.) в должности приказчика Иван Исаков. Получив просьбу Курбатова о помощи, Иван Исаков сам двинулся со своими людьми в Анадырский острог, а Михаила Ворыпаева, до тех пор остававшегося при нем, отправил с отпиской обо всем случившемся в Якутск (осень или первая половина 1682 г.)…

…Михаил Ворыпаев был отправлен из Якутска в Анадырский острог с назначением новым его приказчиком».

В начале 1684 г. в Анадырский острог прибыл и взял его под власть Михаил Ворыпаев.

«…в конце 1684 г. из Анадыря в Якутск была отправлена с Иваном Грыцким и Никитой Ворыпаевым большая "костяная казна" (приказчиком в Анадыре был в это время Михаил Ворыпаев)» [Немировский А.А. Материалы по истории юкагиров и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х – середине 1680-х гг.].

То есть торговцы Ворыпаевы становятся государственными служилыми людьми, образуя таким образом торгово-служило-промышленную корпорацию, позволяющую объединить в рамках своей семьи весь процесс от открытия новых промысловых районов, добычи пушнины и ее реализации.

А открывает эту страницу отец Михаила — Никита Федорович:

«1679 г. августа 3. — Челобитная казака Никиты Ворыпаева Федору III об отсрочке ему уплаты долга ввиду его отправления в Анадырь

Царю, государю и великому князю Феодору Алексеевичю… (т.) бьет челом холоп твой казак Микитка Ворыпаев. Бил челом тебе, великому государю, на меня, холопа твоего, по кабале в долгу в четырехстах рублех торговой человек Иван Федоров сын Катаев, а мне, холопу твоему, ныне сказана твоя, великого государя, служба — итти морем за Нос [в Анадырский острог] вожем.

Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич… (т.), пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том ево иску дать сроку, как я, холоп твой, приду с твоей, государевы, з заморские службы.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. 2398, л. 9].

Обратим внимание — вожем, то есть проводником, морем, за Нос. Получается, что Никите Федоровичу был известен морской путь из Ледовитого океана в океан Тихий.

А далее пошла некая путаница, в которой мы попытаемся разобраться.

Борис Петрович Полевой пишет:

«…в Санкт-Петербурге был найден … документ, связанный с камчатским походом 1695–1696 гг. Это была подлинная челобитная Луки Семенова Мороско и его товарищей — Ивана Голыгина, Максима Албазинского, Алешки Тюти, Сидора Иванова Бычана и Григория Худякова, в которой они сообщали, что в поход пошли "на своих проторях", то есть за свой счет, и взяли

двух аманатов “Вонты, да и Немли” и “с оленных пуцких коряк и с олюторов и с камчатцких первых людей пластину чернобурую лисию, да дватцать осемь соболей красных, да шесть лисиц сиводущатых, да соболя крашенного без хвоста, да на погроме взяли с олюторов лисицу черную”. Особо Лука Семенов отмечал, что он “взял камчатцкий острожек, а до Камчатки реки не доходил один день для того за малолюдством служилых людей. Да у них же взяли на погроме листы писаны неведомо какие и те письма отдали Володимеру Отласову. Да я же, Лучка, служа правдою вам, великим государям для достальных опуцких коряк призову под ваши великих государей самодержавные царские высокие руки оставил двух человек казаков, да третьего толмача Мишку Ворыпаева, чтобы им оленным опуцкого коряка итти с вашим великого государя ясачным платежом в Анандырский острожек без боязни”...».

То есть на реке Опуке, в непосредственной близи с полуостровом Камчатка было заложено Опукское зимовье, толмачом в котором был некий Мишка Ворыпаев.

Михаил Иванович Белов ставит вопрос совершенно по-другому:

«Поход Морозки положил начало постоянным русским поселениям и непрерывному пребыванию русских на Камчатке. Уходя с Опуки, Морозко оставил там небольшой отряд казаков и, очевидно, юкагир. В число казаков входил известный в те годы полярный мореход Михаил Ворыпаев. Перед Ворыпаевым с товарищами были поставлены задачи, во-первых, держать связь с опукскими коряками с тем, чтобы им “итти с ваших великих государей ясачным платежом в Анадырский острог без боязни”, во-вторых, стараться призывать под “великих государей самодержавные царские руки в ясачный платеж” соседние племена, иными словами расширять русское влияние на Камчатке».

Но в другом месте у Михаила Ивановича по этому же поводу другое мнение:

«Торговый человек Никита Ворыпаев — один из крупных колымских промышленников XVII в., выдающийся полярный мореход и землепроходец. ... Он принимал участие в открытии Камчатского полуострова и побывал там с торгами раньше Морозки и Атласова, как косвенно подтверждает сам Морозко».

Странная, не правда ли, ситуация?

Михаил Никитич Ворыпаев — в недавнем еще приказчик Пенжинского зимовья и Анадырского острога, вдруг становится в подчинение рядового анадырского казака Луки Старицына Мороски и выполняет какую-то вспомогательную роль в Опукском зимовье?

А вот и третье мнение:

«В 1693–1694 гг. Морозко и Голыгин с 20-ю казаками вновь направились на юг и, “не дойдя до Камчатки-реки один день”, повернули на север. На р. Опуке (Апуке), которая берет начало на Олюторском хребте и впадает в Олюторский залив, в местах обитания “оленных” коряков они построили первое в этой части полуострова русское зимовье, оставив в нем для охраны взятых у местных коряков аманатов-заложников двух казаков и толмача Никиту Ворыпаева» [Ципоруха М.И. Покорение Сибири от Ермака до Беринга].

Просто был еще один Никита (скорее всего, сын Михаила Никитича, внук Никиты Федоровича) Ворыпаев:

«Окладная книга 1681 года

Казаки

Ворыпаев Микитка, казак (х/о)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

«...в конце 1684 г. из Анадыря в Якутск была отправлена с Иваном Грыцким и Никитой Ворыпаевым большая “костяная казна” (приказчиком в Анадыре был в это время Михаил Ворыпаев). [Немировский А.А. Материалы по истории юкагиров и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х – середине 1680-х гг.].

А далее еще интереснее.

Борис Петрович Полевой частично восстановил список участников похода уже Владимира Владимировича Атласова 1696–1699 гг.:

Атласов Василий, племянник руководителя похода; Атласов Володимер Володимерович, руководитель похода, около 35 лет; Бронник Василий Данилович, умер при возвращении с Камчатки; Бурня Григорий; Верхотуров Филат; Волокита Яков; Ворыпаев... — без имени.

В 1692 году в служилых людях «Якутцкого города» в холостом окладе записан Гришка Михайлов Ворыпаев.

А в 1703 году Григорий Ворыпаев погиб в столкновении с камчадалами долины реки Камчатки при попытке построить здесь Нижнекамчатский острог [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 134 об.].

Известно, что в отряде первого камчатского приказчика Тимофея Кобелева была группа из казаков, которые принимали участие в походе Владимира Атласова. И не был ли из их числа и Григорий Михайлович Ворыпаев? Вполне возможно.

И еще одна интересная деталь — по доносу о чернобурой лисице, которую якобы присвоил казачий голова Владимир Атласов, проходит коренной новокрещеный камчадал Иван Ворыпаев, хотя о каком-либо крещении камчадалов в тот период времени — это 1707 год — не могло быть и речи.

В период 1722/1748 годов в Анадырском остроге отмечается казак Евдоким Ворыпаев. Но в 1731 году он оказывается тоже на Камчатке — в самом эпицентре Харчинского бунта:

«Убит камчадалами в 1731 г. на рыбных промыслах Бологов с товарыщем да служилые ж, которые были на рыбных промыслах: Данило Комаров, Семен Островской, Евсей Чирышев,

Г

Гаврила Бубенной, Андрей Багуев, Евдоким Ворыпаев, казачей сын Иван Кузнецов да посатцкого сын Макар Обухов, да промышленной Василей Жировиков, да промышленной Михайло Жировиков, а у служилых Дмитрея Бологова, Григорья Попова руки обрублены и на колье втыканы да служилых людей Ивана Смирнова жена с двумя дочерьми убиты, Андрея Багуева жена за ноги повешена» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л., 1935].

В этот же период с 1722 по 1748 год в Нижнекамчатском остроге живут посадские Ворыпаевы — Иван с сыновьями Лукой и Семеном.

А в 1731 году в Анадырском остроге служит казак Иван Ворыпаев:

«Павлуцкий же повел в атаку свой правый фланг регулярным строем, но просчитался, ибо на этом фланге помимо русских были коряки и юкагиры. Последние не умели воевать сомкнутым строем и "по их всегдашней непостоянности от множественного числа неприятеля пришли в робость", дрогнули и стали отступать. Чукчи потеснили правый фланг к морю. Но тут на выручку корякам и юкагирам подоспели находившиеся при обозе (стоявшем на морском льду) казаки Иван Пурга, Иван Ворыпаев и Василий Заледеев, которые, "усердуя к службе и оказали свою отменную противу протчих храбрость", помогли устоять правому флангу» [Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002].

А потом фамильный дальневосточный след Ворыпаевых неожиданно исчезает…

ГАНТИМУРОВЫ

Гантимуровы — это чисто забайкальская тема, как и Бянкины. Но, тем не менее, она касается и Северо-Востока, так как здесь, в Гижигинской крепости, проходила в 1766 году служба казака Кондратия Григорьева сына Гантимурова [РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело, 13, л. 9].

И поэтому мы тоже вместе с забайкальцами начинаем поиск.

Имя тунгусского князя Гантимура было известно русским давно, с самого первого прихода русских в Даурию.

Но конфликт, который произошел на Амуре, чуть было не отворотил князя от союза с русскими:

«И декабря в 18 день из Албазина города он, приказной человек Ярофей Хабаров, учинил поход на Даурских людей, на Дасауля князца и на иных улусных людей, на даурских. И, не дошед Дасауля князца за два дни, тут он, Ярофей, послал по реке Ширилке служилого человека Третьяка Ермолаева Чечигина да ясаула Стеньку Полякова, да толмача Костьку Иванова, да с ними шездесят человек служилых и охочих казаков на сторонних мужиков, на лаурских и на тингуских мужиков. И те мужики стояли нат сторонною рекою с пяти юртах. И мы, государь, холопи твои государевы, тех даурских и тынгуских мужиков взяли на роте без бою, а рота наша была на том, что их мужиков, не убить, ни жен их, ни детей их, а им мужикам быть под твоею государской высокою рукою в вечном ясачном холопстве навеки неотступны и ясак тебе государев давать по вся годы и с роду своего, а Дасаула де мы призовем, иных многих даурских мужиков и тыгуских многих подзовем де под царскую высокую руку и ясак де государю давать станут и сверх тово де, сверх Шилки гантимурския будут же давать ясак государю с нелюдов, своих родников, а он де нам, Гантимур зять, мы де ево призовем Гантимура, а в том де наши головы будут сидеть у вас в аманатах. И мы, холопи твои государевы, на том их взяли с женами и з детьми и … привели тех мужиков к приказному человеку Ярофею Хабарову. И он, Ярофей, тех мужиков у нас, холопей твоих, принял и велел посадити в воду, а жены и дети и их шубы, соболи подуванить велел, утекаючи, он, Ярофей, на свой бездельной нажиток а тебе государю большую поруху учинил в ясачном зборе, а в земле Даурской — шатость, а твоей государственной службе непостоянство а те государь, мужики даурские были добрые…» [Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования) т. 2 с. 7–30]

«Впервые о Гантимуре русские (казаки из отряда Е.П. Хабарова) узнали либо в конце 1650 г., либо в начале 1651 г. Тогда он возглавлял одну из территориальных групп забайкальских конных тунгусов (эвенков) — нелюдов, обитавших в верховьях р. Шилки, в районе между устьями рек Онона и Нерчи. Первоначально отношения между нелюдами и казаками-землепроходцами имели мирный характер, и Гантимур даже без всякого принуждения, "волею своею", давал русским ясак. В конце 1653 г. казаки (отряд М. Уразова) поставили на территории нелюдов — на правом берегу р. Шилки "против устья Нерчи реки" — "малый острожек" (Шилкский острожек). Это вызвало враждебное отношение Гантимура к русским. А в сентябре 1656 г. "беглые воровские казаки Филька Полетай с товарыщи" совершили разбойные нападения на тунгусов, обитавших на реках Ингода и Шилка, в том числе "ясачных нелюдцких Гантимуровых людей погромили и скот и ясырь поимали". В результате Гантимур со своими нелюдами, а также еще несколько "родов" забайкальских конных тунгусов откочевали с территории, над которой русские устанавливали свою власть. В каком конкретно году прошла эта откочевка, не известно, но вполне определенно во второй половине 1650-х гг. Новым местом обитания переселенцев стал район реки Наун

(Нонни, ныне — р. Нэньцзян, приток р. Сунгари), который в то время находился в процессе включения в состав цинского (маньчжурского) Китая [Зуев А.С.].

«Деда моево Ивана Перфирьева службы: во 161-м [1653] году на великой реке Шилке призвал князя Гантимура с родом и иных родов в ясашной платеж и взял с них ясаку 7 сороков 5 соболей» [ГПНТБ СО РАН, Тих. Дп. XXVI 8, л. 1].

«В этом же 1653 г. на водоразделе рек Хилок и Ингода, в устье реки Нерчи, казачьим десятником Максимом Уразовым был построен Шилкский острожек (в конце 1656 г. был сожжен дагурским князем Гантимуром)» [Бураева О.В. Новые данные о присоединении Бурятии к России].

А вот историческое сообщение Данилы Аршинского, нерчинского воеводы, в Москву:

«в прошлом… во 175 (1666/67. — *А.З.*) году при Ларионе Толбузине пришел из Богдойские земли в Нерчинской острог под вашу великих государей царьскую самодержавную высокую руку князец, родом тунгус Нелюдцково роду, Гантимур з детьми и з братьями и с улусными своими людьми, 40 человек. И ныне тот Гантимур з детьми и з братьеми и с улусными людьми платит вам, великим государем, ясак в Нерчинском остроге по 3 соболя с человека» [АИ, 1842. С. 455; РКО, 1969. С. 275].

«Чтобы подтвердить свою лояльность, в июне 1684 г. "князец" Гантимур со своим старшим сыном Катанаем выразил желание креститься. Их крещение и поверстание в службу имело очень большое значение, так как окончательно лишало оснований притязания маньчжурского двора.

После крещения Гантимура и Катаная нерчинский воевода И. О. Власов срочно отправил их в Москву с сыном боярским И. Миловановым. Старик Гантимур (в крещении Петр) не выдержал трудного пути и умер в Нарыме. Его сын Катанай (Павел) благополучно был доставлен в Москву, где его наградили дорогим оружием и одеждой и с подарками для 12 братьев и 9 сыновей в марте 1685 г. отправили назад. В Москве Павел Гантимуров вновь подтвердил, что до этого в ином подданстве он не был, и просил защитить его род и улусных людей от маньчжуров и монголов.

…Енисейскому воеводе С. Собакину 16 марта 1685 г. было указано выстроить Павлу Гантимурову в Нерчинске дом и от маньчжуров охранять с особенным "радением". Русское правительство придавало настолько большое значение Гантимуру, что сохранило за ним и его потомством княжеский титул и записало их в состав российского дворянства по наиболее привилегированному "московскому" списку» [Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.), М., 1969].

Переход князя Гантимура в русское подданство был не просто важным. Он был принципиальным для подписания Нерчинского договора о владении Амуром.

«Совершенно очевидно, что не последнюю роль в пресечении Головиным попыток маньчжуров выторговать себе никогда не принадлежавшую им территорию Забайкалья сыграло то обстоятельство, что Албазин продолжал оставаться русским, а также позиция возглавлявшего местных эвенков князя П.П. Гантимурова. В отличие от бурят и онкотов он не перешел на сторону маньчжуров и твердо придерживался русского подданства. Его отец, князь Гантимур, возглавлял большинство эвенков Восточного Забайкалья и первым в 1651 г. принял русское подданство. В 1684 г. Гантимур с сыном приняли православие, получив в крещении имена Петра и Павла. В 1685 г. они ездили в Москву представляться царям Иоанну и Петру Алексеевичам. Петр Гантимуров в пути умер в Нарыме, а Павел и его сын Чекулай, получивший в крещении имя Василий, были щедро награждены и записаны в московские дворяне с сохранением княжеского титула. Позднее П. П. Гантимуров был пожалован чином стольника.

В феврале 1690 г. из Москвы были доставлены специально отчеканенные золотые наградные монеты для участников переговоров и всех находившихся там служилых людей. Посол, окольничий Ф.А. Головин, получил золотой в 8 золотых, Власов — в 6 золотых, три полковника по золотому в полтора золотых, а дьяк С. Корницкий, восемь стольников и князь Гантимуров по "одинарному золотому". Остальные служилые люди в зависимости от ранга получили золотые, полузолотые и золоченые копейки. На одной стороне каждого такого наградного знака был изображен государственный герб, а на другой выбита надпись: "Божиею милостию великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня, благоверная царевна Софья Алексеевна, всея Великия, Малыя и Белыя России самодержцы"» [Артемьев А.Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII века (из истории кадровой политики царской администрации в Забайкалье и Приамурье)].

«Как и в Западной Сибири, постоянное, хотя и незначительное, пополнение нерчинского гарнизона происходило за счет нерусского населения. В первую очередь, в службу зачислялась "туземная" знать, на которую можно было положиться и которая была влиятельной среди своих соплеменников. В Нерчинске одними из первых добровольно приняли православие и были зачислены в службу тунгусский князец Гантимуров с сыном, перешедшие в русское подданство еще в 50-е гг. XVII в. При крещении Гантимуров старший был наречен Петром, а его сын — Павлом. В 1683 г. Петр и Павел Гантимуровы ездили в Москву. По пути уже престарелый Петр Гантимуров умер. Павел же был ласково встречен в столице, допущен к царской руке, пожалован в московские дворяне, одарен ценным оружием и платьем. По возвращении в Нерчинск ему были выстро-

ены за счет казны достойные его нового чина и положения хоромы» [Леонтьева Г.И., Служилые люди Восточной Сибири, стр. 34].

Нельзя сказать, что этот переход, крещение, казачья служба Гантимуровых спокойно воспринимались манчжурами даже спустя много лет: «В 1698 году … был построен Верхнеудинский острог и начались пререкания с Китайцами по поводу невыдачи им Тунгусского князя Гантимура(ова), который тяготясь Китайскою властью, в 1667 г. снова перекочевал на р. Урульгу, приток Ингоды, и сделался данником России добровольно. Правитель Манджурии настоятельно требовал Гантимурова, и это побудило воеводу отправить посольство к Богдыхану с предложением союза».

Немногие из сибирских князцов были удостоены звания дворянина по московскому списку, то есть с правом наследования дворянства:

«Первому чин московского дворянина по политическим соображениям был пожалован в Москве в 1681 г. местному тунгусскому князцу Павлу Гантимурову, который позже получил чин стольника».

Нерчинск, 1685 год: «Оклад денег 30 рублев Московский дворянин князь Павел Петров сын Гантимуров» [Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886].

«10 ноября 1688 года Семен Гаврилов принимал участие в походе Нерчинских казаков с князем Павлом Гантимуровым за “воровскими людьми ясашными Чемчегиры и Ноинкиты и Карануты, которые приезжали под Нерчинские остроги и ясашных иноземцов на Ононе реке юрты разбили, а жен их и детей в полон поимали, из под Теленбинскаго острогу конные табуны отогнали”.

Погоня за “воровскими людьми” продолжалась две недели. Преследуемые были настигнуты в верховьях р. Онон где, не поддавшись на уговоры, вступили со служилыми казаками и людьми князя Павла Гантимурова в бой. Несмотря на то, что преследуемые понесли серьезные потери (“…и побили де тех воров человек 70…”) угнанные табуны вернуть не удалось» [Выписки из Нерчинского архива // Русский вестник, Том 4. 1841].

Нерчинск, 1708 год: «Оклад денег тритцать рублев хлеба тритцать чети ржи овса тож пять пуд соли Московского списку дворянин князь Ларион Гантимуров» [РГАДА, фонд 214, опись 5, дело 1424, лист 1].

Нерчинск, 1711 год:

«Одними из первых в службу по нерчинскому гарнизону попали дети тунгусского “князца” стольника Гантимурова. Вслед за ними в службу потянулись их сородичи. В 1711–1712 гг. в нерчинский гарнизон было зачислено 20 некрещеных родственников князя Гантимурова.

…Особое положение занимал род князей Гантимуровых, старшие отпрыски которого в 1714 г. имели чин стольников, а младшие сородичи служили рядовыми пешими казаками» [Леонтьева Г.И. Служилые люди Восточной Сибири, с. 56, 65].

На самом деле этот процесс начался гораздо раньше:

Нерчинск, 1693 год:

«Десятник

Степан Яковлев Портняга служит с пашни

Рядовые

Максим Иванов Кулгавин служит с пашни

Епифан Обухов служит с пашни

Никифор Васильев

Гаврило Конанов Суботин служит с пашни

Ефрем Судаков

Обрам Анисимов служит с пашни

Леонтей Никитин Тонких служит с пашни

Новокрещен Михаило Алексеев Гантимуров служит с пашни» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 447].

«1719 г. октября в — день в Нерчинску в Приказной полате стольник князь Ларион Павлов сын Гантимуров сказал, в доме де у него, князь Лариона, в Нерчинску мужеска полу людей: он князь Ларион 37 лет, у него, князь Лариона дети: Андрей князь Ларионов сын 17 лет, Алексей 15 лет…

Нерчинской дворянин Михайло Павлов сын Гантимуров 60 лет, у него сын конной казак Захар Гантимуров 32 года, сын у него, Захара, Степан 2 лет, у него Михаила племянник его Иван Михайлов Типканчин 16 лет…

Нерчинской дворянин Семен Петров сын Гантимуров 50 лет, у него дети: Михайло 20 лет, Василий 18 лет» [Нерчинск 1719 г. Сказки о душах мужеска полу Сибирской губернии по указу 1719 г. города Нерчинска].

Нерчинск: «1725 года померли … В Генваре … В Декабре … 14-го Столник и Князь Ларион Гантимуров [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 101 об].

Нерчинск, «1722 году венчано … В Генваре … 15-го Новокрещеный Иван Михаилов сын Гантимуров Антоновою дочерью Березовских девкою Екатериною первым браком».

Это сын Михаила Алексеевича Гантимурова.

Среди многочисленных казаков Гантимуровых, проходивших по спискам 1721 года, мы нашли только одного Григория:

«Конной казак Григорей Гантимуров 40 (1679) Сын Василей годовой (1720)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 38 об].

Судя по возрасту, у Григория могли быть более старшие дети, уже верстанные в казаки.

Но вопрос пока открытый.

В книге «Князья Гантимуровы» мы обратили внимание на один факт:

«Гантимуров Гавриил Павлович. Награжден бронзовой медалью “В память минувшей войны 1853–1856 гг.” на Андреевской ленте. Служил в ЗКВ [Забайкальское казачье войско], АКВ [Амурское казачье войско]».

На Андреевской ленте — значит, не был непосредственным участником сражения с английским десантом в заливе Де-Кастри в октябре 1855 года. Участникам сражения вручалась медаль на Георгиевской ленте.

Его подвиг был мирным: «Все четыре сплава [по Амуру], а также переселение казаков Забайкальского войска на Амур вплоть до 1862 года было принудительным. И лишь одна казачья

сотня — Горбичевская, заселявшая станицы на притоке Аргуни — Горбице, соглашалась отправиться на Амур добровольно в полном составе, что было высоко оценено царем и его окружением. Сотня была переименована в Буреинскую и заняла кордонную линию на Амуре, основав три станицы — Иннокентьевскую, Касаткину и Пашкову. Сотня состояла из восьмидесяти одной семьи, с общим числом душ — четыреста пятьдесят. Командовал ею зауряд-сотник Гавриил Гантимуров».

В период Русско-японской войны личным адъютантом генерала А.М. Стесселя, коменданта Порт-Артура, был поручик князь Гантемиров.

И вот что интересно — одним из генералов (обвиняемых в поражении) было опротестовано его награждение орденом Святого Георгия 4-й степени. И этот протест был отклонен:

«Поручик князь Гантимуров был представлен к ордену Св. Георгия IV степени не им, обвиняемым, а собранною под его председательством Кавалерскою думою ордена, за то, что был два раза посылаем охотником в армию, а 20 июня на Зеленых горах оказал подвиг мужества, выведя под огнем пулеметы и установив их удачно на позицию, причем был тяжело ранен».

Имя героя — Гантимуров Николай Иннокентьевич (14 ноября 1880 — 1 сентября 1924).

Награды: Орден Святой Анны 4-й степени (10 марта 1904) с надписью «За храбрость»; Орден Святого Станислава 3-й степени с бантом и мечами (4 мая 1904) — за прорыв с 12 казаками из Порт-Артура в Ляоян через японское сторожевое охранение в Маньчжурскую армию; Орден Святой Анны 3-й степени с бантом и мечами (21 июня 1904) — за прорыв блокады на миноносце «Лейтенант Бураков»; Орден Святого Георгия 4-й степени (4 апреля 1905) — «За отличия в делах с японцами при отбитии штурмов Порт-Артура в сентябре, октябре, ноябре и декабре 1904 года»; медаль «В память русско-японской войны» (1906); Орден Святого Станислава 2-й степени (около 1912 года); Орден Святой Изабеллы (Испания) (20 января 1911); Орден Вазы (Швеция) (20 января 1911).

«По свидетельствам очевидцев Гантимуров в качестве адъютанта Стесселя был постоянно посылаем им по различным поручениям. В начале мая был послан в Маньчжурскую армию с донесением, вернулся по свидетельству подполковника С.А. Рашевского “часть пути проделав помещаясь между двумя днищами лодки”.

В июне второй раз успешно прорвал блокаду Порт-Артура на борту миноносца “Лейтенант Бураков”, переправив донесения в Чифу.

13 июня 1905 года получил чин поручика (по некоторым сведениям был переименован в поручика гвардии из армейского штабс-капитана)

В 1907 году проходил свидетелем по делу о сдаче Порт-Артура генералом Стесселем».

Участник белого движения.

«25 августа 1924 года коллегией ОГПУ приговорен к расстрелу. Расстрелян 1 сентября 1924 года. Похоронен на территории Яузской больницы в Москве. Реабилитирован посмертно».

А это его старший брат?

«Гантимуров Иннокентий Иннокентьевич (25.4.1878–22.01.1933), окончил Сибирский кадетский корпус. После корпуса разжалован в рядовые, прослужил 2 года солдатом на Дальнем Востоке. Младший офицер 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Иркутского военного округа (губернский г. Иркутск) (1904–1905). В составе полка участвовал в обороне крепости Порт-Артур (1904–1905).

Участник Первой мировой войны: “В бою с немцами, был тяжело отравлен газами, был госпитализирован с болезнью легких (12.09.1916 – 1917)”.

Участник гражданской войны: Белая гвардия: “По мобилизации служил в тыловых частях Сибирской армии (11.1918–12.1919)”.

Красная гвардия: “В РККА: Инспектор кавалерии Амурского фронта и партизанских отрядов Народной революционной армии Дальневосточной республики (04 – 12.1920…)”.

Награды: знак отличия Военного ордена 4-й ст.; ордена: Св. Анны 4-й ст. с надписью: За храбрость, Св. Станислава 2-й ст. , Св. Анны 3-й ст.; Почетная Грамота Реввоенсовета РСФСР (1920).

Финал: “Райпарткомиссией Карымского района лишен удостоверения красного партизана и красноармейца за то, что был офицером ‘старой царской армии’”.

Был арестован по 58-13-й ст. УК РСФСР на основании того, что “происходит из потомственных князей и в чине офицера является опасным элементом для рабочего класса” (7.01.1933).

Умер в тюремной больнице НКВД во время следствия от обострения болезни легких на ст. Ксеньевская, Могочинского района (22.01.1933).

Реабилитирован (15.12.1989)».

ГИЛЕВЫ

Вопрос о том, откуда и когда появились на Северо-Востоке России Гилевы, остается для меня пока открытым.

Само прозвище, которое легло в основу образования фамилии, говорит о том, что Гилевы — люди ссыльные. По крайней мере, специалисты по антропонимике уверяют нас в этом: «От социально окрашенных прозвищ ведут начало и такие фамилии как Жигалов (подстрекатель) и Гилев (бунтовщик)».

Правда, Е.Н. Полякова, в «Словаре пермских фамилий» значительно расширяет горизонты значения этого прозвища:

«Гиль из слова гиль “буйство, самоуправство; смута, мятеж” (С45). Ф. могла возникнуть и от прозв. Гиль из коми-перм. слова гиль. “гильголь — изобразительное слово ‘бряк, звяк’. В урал. говорах есть слово гильки ‘цыплята’, видимо, названные так за писк, который они издают. Прозв. Гиль могли дать болтуну или человеку с высоким голосом”».

Владимир Геннадьевич Волков (г. Томск, Томский государственный педагогический университет) в своей статье «История сузунских фамилий» значительно расширяет и горизонты появления этой фамилии в Сибири:

«Гилевых мы встречаем в Верхотурском, Тобольском, Тюменском, Томском и Кузнецком уездах и даже дальше на востоке, в городах и уездах Восточной Сибири. Родство между многочисленными Гилевыми установить не всегда удается. Предки Гилевых из Сузунского района упомянуты в 1719 году в деревне Чумышской Кузнецкого уезда. “Во дворе Степан Гилев сказал себе от рождения (60 лет) у него дети Алексей (20) Иван (10) Степан (6)”. В 1710 году в деревне Чернорецкой Белослудской слободы Верхотурского уезда мы находим Степана Гилева (30 лет) с женой Анной и детьми Алексеем (8), Андреем (7), Кириллом (4) и Степаном (полгода). В 1681 г. в Буткинской слободе указан Данилко Еремеев Гилев, который сказал о себе, что “родился де он в Чердынском уезде в деревне Мошеве, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и жил Верхотурского уезду Белослудцкие слободы в деревне Черново в десятинной пашне. И тое пашню здал тое ж деревни крстьяном Сергушке да Пронке Васильевым. А в Будкинской слободе живет со 186-го (1677/78) году”. Без сомнения, Данилко Еремеев Гилев родственник Степана Гилева и, следовательно, родина сузунских Гилевых — деревня Мошева Чердынского уезда. В 1623 году в деревне Верхнее Мошево “на речке на Мошевице” указано 10 семей Гилевых. В переписной книге 1710 года в деревне Верхнее Мошево Мошевского стана Чердынского уезда проживали несколько семей Гилевых. В 1744 году в деревне Поротниковой указан Алексей Степанов Гилев (60 лет) с братьями Иваном (30), Степаном (27) и Андреем (40). В 1759 году в деревне Тарадановой жил вдовец Степан Степанов Гилев (55 лет) с сыновьями Алексеем (22), Василием (17), Михаилом (10), Семеном (7) и дочерью Марией (20 лет). В соседней деревне Малышевой жили Иван Степанов Гилев (60 лет) с женой Агафьей Ивановой (50) и детьми Прокопием (15), Маремьяной (20), Татьяной (10), Наталья (7) и Андрей Степанов Гилев (70 лет) с женой Анисьей Александровой (40) и детьми Петром (16), Федором (13), Иваном (11), Исаком (8), Калистратом (4), Марией (18), Евгенией (14), Натальей (6) Ириной году.

В 1782 году в окладной книге Малышевской слободы указан Алексей Гилев из деревни Тарадановой (47 лет) “дряхл” с детьми Козьмой (22) и Сысоем (19). В 1793 году Сысой Алексеев Гилев (31 год) с женой Акилиной Ивановой (23) числится мастеровым на Нижне-Сузунском заводе. В 1829 году этому Сысою указано (60 лет), отдельно записан Евстафий Сысоев Гилев (24 лет) с женой Мариной Андреевой (20). Среди мастеровых Сузунского завода в 1829 году указаны также Василий Кирилов Гилев (70), Павел Григорьев Гилев (62) с сыном Петром (25) и Кирило Борисов Гилев (21). В рекрутском списке 1868 года по Сузуну указаны Дмитрий Евстафьев Гилев (40) с женой Параскевой Федоровой (40). В настоящее время Гилевы проживают в Сузуне, Битках, Каргополово и Зорино».

Сузун – это приток реки Оби.

А населенный пункт Сузун основан по именному указу Сенату Екатерины II от 7 ноября 1763 года в связи с необходимостью начать чеканку монет на территории Сибири. Несмотря на то, что в отдельных источниках датой основания указан 1765 год, официальной датой считается 30 января 1764 года, когда начальник Колывано-Воскресенских заводов А.И. Порошин подписал приказ об определении места для постройки медеплавильного завода.

Согласно версии В.Г. Волкова «родина сузунских Гилевых — деревня Мошева Чердынского уезда».

Чердынский уезд — это современный Пермский край. Мошева — деревня в Кудымкарском районе Пермского края. Входила в состав Белоевского сельского поселения.

И, возможно, одним из первых поселенцев Сузуна был Иван Гилев: «Написанные в ту ж ныне минувшую препись сверх генералитецкой книги и приписных по указаи и промемориям из бывшей тогда канцелярии генеральной ревизии Сибирской губернии мужеска полу душ разночинцы … Иван Гилев — в 748-м году высланы на поселение в Колывано Воскресенские заводы» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070, Ревизская сказка (выдержки) 3 ревизии по Селенгинскому дистрикту Сибирской губернии].

Е.Н. Полякова «Словарь пермских фамилий»: «Гилев, Гилевых. Крестьянин д. Кудымкар на р. Ин(ь)ве Бориско Гилев, 1579. Я, 41; Крестьянин поч. Гилев на р. Юрмане Максимко Афо насьев сын Гилев, 1623. К, 131; Крестьянин д. Рожина на р. Сылве Максимко Афанасьев сын Гилев, 1647. Е, 94; Крестьянин д. Кулико ва Ивашко Гилев, 1690. КА, 184; Крестьянин пог. Чигимер Павел Лукиянов сын Гилев, 1711. Ч, 117 об.; Житель г. Перми Иван Михайлов сын Гилев, 1796. Пр1, 163; Крестьянин д. Немзя Филип Аникиев сын Гилевых, 1711.4,126; Житель пог. Нижное Мошево Фирст Аникиев сын Гилевых, пере. пол. XVIII в. СЧ, 131 об. Ф. от некаленд. имени или прозв.».

То есть версия появления в Сибири Гилевых из Перми весьма устойчивая.

Одним из первых начал разработку этой – пермской — версии появления в Сибири Гилевых Георг Миллер в «Истории Сибири»:

«…наступило время для заселения русскими крестьянами верховьев реки Чусовой, принадлежавших также к Сибири. Хотя вся эта река, начиная от своих истоков, как это уже указано в первом томе, была пожалована Строгановым, но они освоили ее не далее тех мест, где начинались юрты сибирских вогулов. Последние входили в состав Верхотурского уезда, и верхотурские воеводы имели, следовательно, право селить на реке Чусовой русских государевых крестьян. Начало этим поселениям положили в 7159 (1651) г. два соликамских жителя — Семен Васильев и Афанасий Иванов Гилевы, подавшие челобитную о разрешении им переселиться туда самим, а также поселить там охочих людей и устроить слободу. Для этого они просили отвести им места по верхнему течению реки Утки, которые и были им предоставлены. Тогда-то под названием “Уткинской слободы” и было положено начало местечку, которое известно

ныне под названием “Уткинская пристань”, где строятся суда и нагружаются для перевозки в Россию сибирского железа и других металлов. Самым замечательным в этой слободе является ее положение. Река Чусовая образует в этом месте большую, овальной формы луку в пять верст окружностью и снова подходит к своему прежнему течению на расстояние не более 50 саженей. Это место было избрано для слободы, которая оказалась вследствие этого орошаемой с двух сторон рекой Чусовой, с третьей — имела перед собой большой, замкнутый той же рекою луг, а с четвертой — была защищена высокой горой. Впрочем, слобода занимает правый, или северный, берег реки Чусовой, а река Утка впадает в упомянутую луку реки Чусовой с юго-восточной стороны, в расстоянии полуверсты от слободы».

А это тоже Г. Миллер, но уже по вопросу, который все ближе и ближе к нашей теме — мы вступаем на земли Тобольского разряда:

«Необходимо упомянуть еще о двух слободах, основание которых падает тоже на это время. Первая из них — это Липовская слобода, ныне Гилев погост, основателем которой в 7165 (1657) г. был крестьянин Елисей Гилев. Относительно второго, Ялуторовского, острога мы усматриваем из архивных документов следующее: как челобитье о разрешении его постройки, так и самая постройка относится к 7167 (1659) г., а так как при этом имелось в виду только занятие земледелием, то в устройстве приняли участие одни пашенные крестьяне во главе с упомянутым выше Елисеем Гилевым. Ялуторовский острог основан на месте заброшенного с незапамятных времен старого татарского городка, и выбор этого места дал то преимущество, что позволил сберечь много расходов на сооружение острога. Впрочем, городок этот был такой же, как и все остальные. Его природное положение было прекрасным. Он находился на возвышенном, выступающем в реку Тобол мысу, образующем почти прямой угол и окруженном, следовательно, с двух сторон рекой; с третьей стороны находилось озеро, а с четвертой — два рва глубиною в три сажени с насыпанным между ними земляным валом. Так был описан старый городок до постройки на его месте слободы. Место, занимавшееся городком, имело в длину 70 и в ширину 50 саженей, которые нужно считать равными 73 и 46 саженям современной меры, ибо таковы размеры маленького четырехугольного острожка, построенного там при заведении слободы. Татары называли этот городок истари по неизвестной причине “Явлутуром”, и отсюда произошло название “Ялуторовского острога”, который в то время назывался также “Ялуторовской слободой”. Вообще же можно часто слышать в просторечии также название “Бачамской слободы”, или “слободы на Бачамке”, происходящее от речки Бачамки, впадающей в Тобол с восточной стороны, в 32 верстах ниже по течению».

Место выбрано настолько удачно, что даже породило конфликтную ситуацию:

«В 1659 году Тюменский воевода Федор Веригин писал в челобитной грамоте царю Алексею Михайловичу: “Близко к Тюмени, ниже устья реки Исети и Белого Яру, по годовую сторону Тобола, реки, которые осматривали пашенные крестьяне Петрушка Ульянов да Елеська Гилев, понравились бы любому земледельцу. Земли добрые и многие и для сенных покосов и скотных выпасов великие и травные. А где быть твоей государевой слободе пролегли дороги проезжие”. Воевода поручил Ульянову и Гилеву на облюбованной ими земле строить Ялуторовский острог. Ялуторовский острог представлял собой большую деревянную ограду с тремя проезжими башнями, а длину 70 сажен (140 метров), а поперек 50 сажен (100 метров). Со стороны поля ограда была укреплена двумя глубокими рвами и меж ними земляным валом. С основанием острога приказчики развернули деятельность по привлечению в острог на льготные годы людей. Охрану несли 30 беломестных казаков. В 1660 году второй Тюменский воевода жалуется царю: “…те, государь, слободчики Елеска Гилев и Петрушка Ульянов приезжают в Тюмень по частую твоих, великий государь, людей тяглых, посадских и пашенных и оброчных крестьян, детей, братьев и племянников подговаривают к себе позывают, чтобы они на Тюмени твое, великого государя, тягло покинули, а своей слободе были на тягле…”. С уходом людей из Тюмени пашни запустело 48 десятин — так доносил царю воевода Кефтырев. Бегство и уход пашенных крестьян наблюдались и в Исетском остроге, так как Ялуторовский острог стоял в 60 верстах от Исетского».

Фамильное прозвище тяготело: 1654 год. «…Елдезин [Елдезин Никифор Иванович, тюменский воевода] называет среди своих противников — выборных челобитчиков миров — не только представителей служилой верхушки, но и конного казака Ефима Гаврилова, посадского Данилу Константинова, пашенных крестьян Степана Сунгурова и Елисея Гилева, юртовского служилого татарина Канчуру Менлыбаева, захребетного татарина Итпалу Кошилдеева».

1683 год. «Поиски [старообрядца] Авраамия привели к новому конфликту. Когда 15 января 1683 г. в д. Гилевой близ с. Кармацкого, важного центра старообрядчества, одним из воинских отрядов был схвачен посадский Иван Коробейников, связанный с Авраамием, крестьяне этой деревни отбили арестованного» [В.А. Александров, Н.Н. Покровский Власть и общество, Сибирь в XVII веке, М., 1991].

«Скорость» разрастания только одной из веточек бывших ялуторовских крестьян, ставших впоследствии казаками, а затем драгунами Ялуторовской сотни (и даже роты) Тобольского драгунского полка мы покажем на примере только одной семьи: «Родка Деев сын Гилев сказал родом он города Тюмени конного казака сын а в Ялуторовскую слободу пришол во 185-м [1677]

году и служит в драгунех у него братей Юшка, Микишка, Ивашко служат в драгунех же у него Родки дети Ганка 13 лет, Ондрюшка 9 лет, у Ивашка сын Алешка 2 лет, у Родки сын Афонка году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 270. Л. 4 об.].

Е.А. Багрин в статье «Сибирские “выборные” служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком)» указывает, что в числе этих служилых людей, прибывших на защиту Албазинского острога, были драгуны Исецкой слободы Тобольского уезда. Вот состав полка Никифора Сенотрусова, размещавшегося в Удинске в 1691 г. … Десятники Сергушка и Ивашко Гилевы, рядовой драгун Юшко Гилев [Архив СпбИИ РАН. Ф. 168. Д. 25. Сст. 12–19].

Исетский острог был расположен в 60 верстах от Ялуторовска. Все трое из Ялуторовской слободы. Попробуем их отыскать.

Ялуторовская слобода, 1673 г.: «Беломестные казаки за денежное и хлебное жалованье служат с пашни. Сергушка Елесеев сын Гилев [родился] на Тюмени». Родной сын первостроителя Ялуторовска [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 735].

Ялуторовская слобода, 1676 г.: «Беломестные казаки. Дейко Гилев с сыном Юркою» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 163, 167, 169].

1696, сотня Ялуторовской слободы: «Ивашко Диев Гилев … Юрка [Деев] Гилев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1104. Лл. 36–37].

В именных списках этой сотни за 1696 год нет Сергея Елисеевича Гилева.

Возможно, он был уже в отставке. А возможно, остался, как это сделали многие, на службе в Нерчинском остроге.

Это важный вопрос, так как появление Гилевых на Чукотке для нас пока еще вопрос открытый.

Известны три пути формирования Анадырского гарнизона.

Первый — это традиционный путь прибытия казаков-«годовальщиков» из Якутска.

Но якутских казаков Гилевых нам найти не удалось.

Второй путь — формирование анадырского гарнизона их солдат Якутского пехотного полка, набранных в Нерчинске, Иркутске, Селенгинске.

И у нас есть прецедент: в 1744 году в рекруты был набран в Нерчинске Григорей Сидоров сын Гилев [РГАДА. Ф. 350. Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917].

И третий путь — это тобольские драгуны и солдаты.

И тоже имеется прецедент: наличие Гилевых в полках, которые участвовали в чукотских событиях:

«Смотровой Список Сибирскаго Гарнизона Новоучрежденнаго Драгунскаго Полку 1753 г.

(л. 25)

Каптенармусы Иван Гилев

(л. 102 об.)

Подпрапорщики Иван Гилев

(л. 144)

Драгуны Гаврило Гилев» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439].

«Смотровые списки Сибирскаго Гарнизона Пехотнаго батальона штаб обер ундер афицерам капралам рядовым и другим чинам. Учинен при осмотре брегадира и Таболского обер коменданта Павлуцкаго апреля 1 дня 1754 года.

Солдаты

Ларион Гилев

Андрей Гилев — 31 г., с 741 г., из рекрут из крестьян г. Тюмени, женат, детей мужска полу нет, в командировании по Кузнецкой линии в Бикатунской крепости 744 г. ноября с 4-го числа» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478. Л. 16, л. 38].

Есть подсказка: в книге «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке» сообщается:

«Прошлого де 1745 году в ноябре месяце в бытность ево, Потапова, в Акланском остроге, в 746 году прибыли до них в Анадырск охоцкой команды Степан Беляев да партовщиков Гилев, Соболев, Зеленовской.

…оной Сокуев, оставя у промыслу четырех человек: Прокопья Шемаева, Андрея Старкова, Афанасья Змиева, да Гилева, а как зовут именем сказать не упомнит, с достальною командою пошел в лодках искать оного аманата вниз по реке Аклану к морю и, отошед де например верст с сорок, постречал на реке Аклане идущих к Акланскому острогу в байдарах ветхих, то есть лодки малые, походом изменников многое число, которые изменники означенного Сокуева с командою, не допустя до берегу, и покололи на воде копьями, токмо де с того побоитца убежали Акланского острогу служилые Степан Беляев, Иван Черной, Трифон Крымской, да партовщики Федор Соболев, Иван Матвеев, Иван Оконешников, Антон Петров, да еще три человека, а как их зовут, сказать не упомнит, и из оных де служилых пришед в Акланской острог Трифон Крымской о том убивстве ему, Потапову с товарыщи, росказал».

Эта подсказка говорит о том, что портовщик (казак из Охотского порта) мог быть нерчинским служилым человеком — так как формирование Охотска в тот период времени шло по той линии.

Но до этой черты вопрос о появлении Гилевых на Чукотке остается пока для нас открытым.

В 1768 году при расформировании гарнизона Анадырского острога и выводе казаков и солдат в Гижигинскую, Тигильскую и Нижнеколымскую крепости мы имеем сведения о семье казаков Гилевых:

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

казаки

Афанасий Гилев. Жена Анна Васильевна.

Сыновья: Иван — 10 (1758); Петр — 7 (1761); Григорий — 4 (1764); Дочь Анна — 13» [РГВИА. Ф. 14808 Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

По данным за 1781 год: казак Иван [Афанасьев сын] Гилев служит в Охотске [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 22 об.].

В 1831 году в Охотске служат его дети Иван (1797), Дмитрий (1805) [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 660 об. – 661 об.] и Николай (воз-

можно, уже внук, который умер 02.05.1868 г.) [РГИА. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 398. Л. 101–101 об.].

В Гижигинской крепости в 1831 году служил казак Афанасий [Петров сын] Гилев (1805), внук Афанасия.

А дальнейшая история охотских и гижигинских казаков Гилевых нам пока неизвестна.

ГОВОРИНЫ

Первое предположение о появлении дальневосточных Говориных было связано с Тобольским уездом, где в Туринской слободе в 1680 году в составе беломестных казаков, которые «за денежное и за хлебное жалованье служат с пашни», было отмечено:

«Во дворе Ивашко Васильев сын Говорин.

Сказал: родился де он Устюжского уезду на Двине реке в Чередковскои волости, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Туринскои слободе со 185-го [1677] году.

Пашни не пашет. И ему, Ивашке, отведена пашня, что владел оброчнои крестьянин Максимко Коновалов, как был в беломесных казаках: три десятины в поле, а в дву по тому ж. Сенных у него покосов за Турою рекою на двесте копен» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 250].

Но на год раньше его в Илимском уезде уже жил в своей именной деревне (позже она стала называться Тубинской) крестьянин Кирюшка Тимофеев сын Говорин [Переписная (дозорная) книга Илимского острога 1676 (184) г. л. 207об.].

Правда, и он не был первым из Говориных, кто оказался в Восточной Сибири, из которой позже в связи с присоединением Приамурья и Приморья будет выделен некий обособленный от Сибири регион, названный Дальним Востоком.

В 1646 году енисейский служилый человек (вероятно, стрелец) Федор Говорин принимал участие в походе Ивана Похабова и с реки Иркут был послан на реку Погромную за ясаком, откуда прибыл и с ясаком (37 соболей), и с ясырем (один мужчина и семь женщин).

«В Култуке Иван Похабов построил острог. Отсюда он отправил на восток на промысел группу служилых людей и наемщиков под начальством Федора Говорина. Говорин с товарищами шел на нартах из Култука до р. Погромной 12 дней [РГАДА. Ф. 214 — «Сибирский приказ». Столб. 227. Л. 271]. Здесь он встретил четыре юрты кыштымов князя Турухай табунана. После этого из Култука к Турухай табунану отправился сам Иван Похабов. До табунана они шли “лыжным путем” 15 дней (там же). Он завязал с Турухай табунаном дружественные отношения и уговорил его дать ему провожатых к Цэцэн-хану, чтобы собрать сведения о месторождениях серебра и золота в Монголии» [Румянцев Л.И. Русские источники XVII в. о Байкале // Краеведческий сборник. / Под ред. Л.Е. Элиасова. — 1958. — Вып. 3. — С. 3–12].

А в 1650 году он был послан из Енисейска на Лену и попал в очень неприятную историю, которая закончилась и для него самого прескверно.

Он был послан в составе конвоя по переводу ссыльного Григория Подреза из Томска в Якутск.

Григорий Подрез был не простым ссыльным.

Полное имя его — Григорий Осипович Подрез Плещеев, племянник того самого Леонтия Степановича Плещеева, судья Земского приказа, который в 1647 году был казнен в период Соляного бунта по требованию москвичей.

А племянник московского «олигарха» — патриарший стольник — Плещеева Григорий Подрез за свои многочисленные злоупотребления был сослан в Сибирь, где творил непотребное «воровство», и, не зная, как от него избавиться, его передавали то в Нарым, то в Кузнецк, то снова в Томск, где он спровоцировал бунт 1648 года и откуда его отправили в ссылку в Якутск.

И вот что произошло:

«...Казачий сын Левка Родючихин в убойственном деле посажен в тюрьму другой год, потому в прошлом во 158 году по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси указу ис Томсково города послан за воровство Гришка Подрез Плещеев на великую реку Лену в Якутцкой острог с Томским сыном боярским с Романом Старковым и в Енисейской острог привезен (Л. 28) к зиме и для воровства и заводов. И с Енисейсково острогу воивода Федор Полибин послал в Енисейскои уезд в деревню на усть Тунгуски с тем же томским сыном боярским с Романом Старковым да у нево ж Гришки Подреза велено быти в приставах до ленской посылки енисейским служилым людем Федьке Говорину, Семейке Щербак, Проньке Крашенинникову, Ивашку Тынгусу, Ивашку Попову, Ивашку Голенищеву. И, будучи он, Подреза приставом, принял к себе во двор казачья сына тово тюремново сидельца Левку Родючихина да гулящево человека Семейку Лебедя. И в то время в той деревне на усть Тунгуски у крестьянина у Галанки Туголукова была свадьба и тот Подрез Гришка с приставом своим с томским сыном боярским с Романом Старковым и с енисейскими служилыми людьми с Феткою Говориным с товарыщи и с своими дворовыми новоприемными людьми з гулящим человеком Семейкою Лебедем да с казачьим сыном с Левкою Родючихиным пошли к тому двору, где была у крестьянина свадьба с пищальми и с саблями и с топорками и стали блиско тово двора. И тое свадьбы з двора послышыли приход тово Гришки Подреза с товарыщи крстьяне Моська Носов с товарыщи учали за тем Подрезом с товарыщи гонит до тово двора, где тот Гришка Подрез за приставом живет и хотели иво, Гришку Подреза, изымать, что он ночью под свадьбу с ружьем приходил. И тот Подрез по тех крестьянех стрелял ис пищали и человеку своему казачью сыну Левке Родючихину, что ныне в тюрьме стрелять по них велел же. И по иво, Гришкину, веленью тот ево человек Левка Родючихин убил ис пищали енисейского пашенново крестьянина Варламка Носова. И тем всем служилым людем,

которые с ним, Гришкою, в приставех были Федьке Говорину с товарыщи и человеку иво Сеньке Лебедю по роспросу и по сыску при воиводе при Федоре Полибине учинено наказанье бити кнутом и ис тюрьмы свобожены. А ево Гришки Подреза человек казачей сын Левка Родючихин, что убил по иво Гришкину веленью пашенново крестьянина Варлама Носова в том убийственном деле посажен в тюрьму тому другой год и с ним, Гришкою Подрезом, с очей на очи не ставлен, а Гришка Подрез и пристав иво томской сын боярской Роман Старков в том убийственном деле не роспрашиваны ж, посланы на Лену в Якуцкои острог в прошлом во 158 году» [РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 1560. Л. 24–31].

Впоследствии мы находим Говориных в Иркутске. В «Родословном справочнике Иркутска» [стр. 136] Андрея Черепанова есть указание на Ивана Говорина — солдата Иркутского батальона 4-й роты.

И аналогичные сведения мы находим затем в метрических книгах нерчинских церквей:

Богоявленская церковь г. Нерчинска, 1801 год:

«Родились … В Феврале … 14-го Солдата Ивана Говорина дочь Евдокия, у коей восприемной матерью была священника Иоанна Лихачева жена Елена» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 77. Л. 28 об.]

Петропавловский собор г. Нерчинска, 1808 г.:

«Родились в июле … 14/19. У заводского работника Василья Малова сын Симион. Восприемники были: отцем солдат Пимен Белянин, матерью солдата Ивана Говорина жена Марья» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 95. Л. 7].

И мы не можем исключать, что казаки Говорины — Варлам и Андрей, служившие в Гижигинской крепости в 1781 году, — тоже откуда-то из этих мест, как и многие другие казаки и солдаты Гижигинского гарнизона [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20, 22 об.].

Петропавловский собор г. Нерчинска, 1823 г.

Заводского училища школники: Антон Говорин 10 лет (1813). Вероятно, сын солдата Ивана Говорина и его жены Марии. Брат Евдокии [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 174. Л. 26 об.].

В 1853/1854 в морской экспедиции, связанной с посольством в Японию, принимал участие на фрегате «Оливуца» Ефим Михайлов сын Говорин (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец Иркутской губернии, из солдатских детей, поступил на службу в Камчатский флотский экипаж из Иркутского полубатальона военных кантонистов.

И вот любопытные, но документально не связанные между собой сведения.

Говорин — проводник белогвардейцев: «С началом зимнего пути Бочкарев с частью офицеров выехал в Гижигу, а мы, четыре человека, остались в распоряжении бочкаревского уполномоченного по фамилии Беренс. Спустя приблизительно полтора месяца Беренс нас направил, тоже на собаках, в Гижигу, куда мы прибыли к началу апреля 1923 года. Прожив в Гижиге, мы получили сообщение, что город Владивосток и Петропавловск заняты советскими… Бочкарев дал распоряжение: кто не хочет оставаться, может идти на все четыре стороны. После этого распоряжения я, Крысов, Тюнин и Пахаруков выехали на заимку в 50 верстах от Гижиги. Туда нас сопровождал некий Говорин, ныне проживающий с сыном в Петропавловске…» И далее следует уточнение: «…ему лет пятьдесят с лишним…» [В.П. Пустовит Противостояние, Очерки истории гражданской войны в Охотско-Камчатском крае].

Говорин (Гаворин) — проводник киноэкспедиции: «В 1929–1930 годах на Камчатке работала первая киноэкспедиция московской кинофабрики “Совкино” (будущей киностудии “Мосфильм”). Впервые за всю историю Камчатки край был пройден с киноаппаратом. Кинопоход продолжался с марта 1929 по июнь 1930 года по следующему маршруту: Москва – Владивосток – Хакодатэ – Петропавловск – Командоры – Усть-Камчатск – Ключи – Козыревск – Седанка – Тигиль – Каменское – Пенжино – Парень – Ново-Мариинск – Гижига – Петропавловск.

Экспедиция прибыла в Петропавловск на пароходе “Астрахань” 21 апреля 1929 года. В ее состав входило 5 человек: режиссер А.А. Литвинов, помощник-администратор И.И. Дорогов, кинооператор П.М. Мершин, его помощник,19-летний комсомолец Саша Приезжев, и рабочий- он же каюр, он же “проводник собачьего экспресса”, камчадал Ф.Н. Гаворин» [Н.В. Дивнина «Каюры культуры» (к истории первой киноэкспедиции на Камчатку в 1929–1930 гг.), «Крашенинниковские чтения», 2009].

Село Нерчинский Завод, 29 декабря 1952 года. Родились две забайкальские знаменитости.

Анатолий Васильевич Говорин (род. 29 декабря 1952, с. Нерчинский Завод, Читинская область) — российский терапевт и кардиолог, доктор медицинских наук, профессор. Почетный ректор Читинской государственной медицинской академии. Отличник здравоохранения, заслуженный врач Российской Федерации.

Николай Васильевич Говорин (род. 29 декабря 1952 года, село Нерчинский Завод, Читинская область, РСФСР, СССР) — российский государственный и общественный деятель, депутат Государственной Думы VI и VII созывов, член фракции «Единая Россия», заместитель председателя комитета Государственной Думы по охране здоровья.

Иркутск, 27 июня 1947 года:

Борис Александрович Говорин (род. 27 июня 1947, Иркутск) — российский государственный деятель, с 1992 года — глава администрации (мэр) г. Иркутска, в 1997—2005 годах — губернатор Иркутской области, почетный профессор Иркутского государственного университета, Почетный гражданин г. Иркутска.

В поисках белогвардейского проводника я просмотрел списки жертв политического террора в СССР:

Говорин Андрей Андреевич

Родился в 1903 г., Иркутская обл., Нижнеилимский р-н, с. Туба; русский; б/п; работал

уполномоченным Заярского «Водторгпита». Проживал: Иркутская обл., Братский р-н, пос. Заярск. Арестован 3 июля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 7 октября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-7, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 13 октября 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 10 января 1959 г. реабилитирован постановлением президиума Иркутского областного суда. [Книга памяти Иркутской обл.].

Говорин Василий Елизарьевич

Родился в 1897 г., Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Шерагул; русский; б/п; крестьянин-единоличник. Проживал: Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Шерагул. Арестован 12 февраля 1930 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ СК 14 июня 1930 г., обв.: по ст. 58-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 29 марта 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области. [Книга памяти Иркутской обл.]

Говорин Дмитрий Семенович

Родился в 1907 г., Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Мураши; русский; б/п; работал шофером «Востсибтранслеса» в г. Иркутске. Проживал: г. Иркутске. Арестован 5 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 23 марта 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Реабилитирован 31 марта 1956 г. постановлением комиссии Иркутской области по пересмотру уголовных дел на осужденных за контрреволюционные преступления. [Книга памяти Иркутской обл.].

Говорин Иван Иннокентьевич

Родился в 1878 г., Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Гадалей; русский; б/п; работал плотником в Тулунской государственной сберкассе. Проживал: Иркутская обл., г. Тулуне. Арестован 18 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 4 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 9 мая 1959 г. постановлением президиума Иркутского областного суда. [Книга памяти Иркутской обл.].

Говорин Лука Ананьевич

Родился в 1890 г., Восточно-Сибирский кр., Нижне-Илимский р-н, с. Ипатьевка; русский; б/п; плотник по найму в с. Ипатьевка. Проживал: Восточно-Сибирский кр., Нижне-Илимский р-н, с. Ипатьевка. Арестован 20 апреля 1933 г. Приговорен:<...> , обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Реабилитирован 3 июля 1933 г. постановлением ПП ОГПУ ВСК. [Книга памяти Иркутской обл.].

Говорин Лука Ананьевич

Родился в 1888 г., Иркутская обл., Нижнеилимский р-н, с. Туба; русский; б/п; работал десятником Стройшосдора. Проживал: Нижнеилимский р-н, с. Илимск. Арестован 3 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 13 августа 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-2, 58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел Реабилитирован 21 апреля 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области. [Книга памяти Иркутской обл.].

Говорин Михаил Елизарьевич

Родился в 1888 г., Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Шерагул; русский; б/п; крестьянин-единоличник. Проживал: Иркутская обл., Тулунский р-н, на заимке Панова. Арестован 12 февраля 1930 г. Приговорен: тройка при УНКВД ПП ОГПУ СК 14 июня 1930 г., обв.: по ст. 58-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 29 марта 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области. [Книга памяти Иркутской обл.]

Говорин Николай Степанович

Родился в 1899 г. в г. Иркутске. Русский, из крестьян, образование низшее, беспартийный. Проживал на лесоучастке Стародубская Падь Александровского района Сахалинской области. Работал лесорубом. Арестован 31.03.1936 г. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР. Дело прекращено 25.07.1936 г. Освобожден. ГАСО. Ф. Л174. О. 2. Д. 1664. [Книга памяти Сахалинской области].

Говорин Осип Иннокентьевич

Родился в 1875 г., Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Гадалей; русский; б/п; колхозник колхоза «Большевик» в с. Гадалей. Проживал: Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Гадалей. Арестован 17 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 27 февраля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 9 марта 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 14 ноября 1959 г. постановлением президиума Иркутского областного суда. [Книга памяти Иркутской обл.]

Говорин Петр Трифонович

Родился в 1903 г., Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Гадалей; русский; б/п; Бригадир колхоза «Большевик». Проживал: Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Гадалей. Арестован 19 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 26 февраля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 28 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 4 мая 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области. [Книга памяти Иркутской обл.].

Говорин Федор Арсентьевич

Родился в 1897 г., с. Шаберта Иркутской губ.; русский; Красный партизан. Работал на железнодорожной станции, рабочий. Проживал: ст. Шилка Шилкинского р-на Читинской обл. Арестован 7 ноября 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 3 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 29 января 1957 г. Читинским облсудом. [Книга памяти Читинской обл.]

Говорин Федор Васильевич

Родился в 1888 г., Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Гадалей; русский; б/п; работал заведующим конной фермой колхоза «Большевик». Проживал: Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Гадалей. Арестован 17 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 26 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР.

Приговор: расстрел. Расстрелян 28 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 28 декабря 1957 г. постановлением президиума Иркутского областного суда. [Книга памяти Иркутской обл.].

Говорин Федор Николаевич

Родился в 1883 г., ст. Тулуп Забайкальской ж. д.; русский; рабочий. Проживал: Пенжинский р-н, с. Каменское, ДВК. Арест. Охотско-Колымским ПО ОГПУ 5 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 5 декабря 1933 г., обв.: по ст. 58-6 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 16 декабря 1933 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 18 октября 1989 г. По заключению Военной прокуратуры КДВО по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. [Книга памяти Хабаровского края].

Говорин Яков Прокопьевич

Родился в 1896 г., Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Гадалей; русский; б/п; без определенных занятий. Проживал: Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Гадалей. Арестован 18 января 1938 г. Приговорен: Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР 5 сентября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 21 ноября 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 6 июня 1956 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР. [Книга памяти Иркутской обл.].

ГОРБОВСКИЕ

История этой гижигинской фамилии, вполне вероятно, начинается с набора, произведенного в 1718 году сибирским дворянином Афанасием Федотовичем Шестаковым.

Об этом наборе знают немногие. Но сведения о нем сохранились в переписи города Якутска за 1720 год, и у нас есть данные, что многие из этого набора, призванные служить на Чукотке, служили в Якутском казачьем полку всю оставшуюся жизнь.

Горбовских в этом наборе было трое. Мы не знаем, были ли они родственниками, — отчества у них разные.

«Служивой Афонасья Шестакова набору Иван Прохоров сын Горбовских сказал дватцети трех лет (1697) холост» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 70].

1722/1748 гг. Города Якуцка разночинцы:

«Служивой набору Афонасья Шестакова Федор Иванов сын Горбоцкой сказал трицети лет (1690)».

«Служивой ево ж Афонасья набору Федор Данилов сын Горбовских сказал дватцети трех лет (1697) холост» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 60 об., Л. 70].

1722/1748 гг. Города Якуцка разночинцы:

Умершие: Федор Горбовских … Иван [Прохоров] Горбовских [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.119, 121].

А далее в нашей истории пробел — нет никаких данных.

Вплоть до 1772 года.

В 1772 году в гарнизоне Гижигинской крепости служит солдат Михаил Горбовский.

В 1781 году солдат Горбовских уже двое — Михаил и Тимофей.

Тимофей Михайлович, судя по дальнейшим нашим исследованиям, стал солдатом совсем в юном возрасте — по данным школьной ведомости за 1784 год, ему было 16 лет.

И у него было три брата: Василий, Андрей и еще один Василий — Меньший [РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело 7].

Дальнейшая судьба Тимофея Михайловича нам неизвестна — возможно, он был переведен куда-то по службе.

Кто-то один из Василиев Михайловичей был записан в гижигинские мещане: Горбовский Василий Михайлович (1774 – 14.02.1845), Гижигинский мещанин. Ж. Параскева Егоровна, вдова, с 13.01. 1846 г. жена Каллистрата Саввина Красовского – казака Охотской сотни.

А Андрей Михайлович был верстан в казаки:

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков … Май 1-го дня 1831 года … Горбовский Андрей Михайлов [1779], казак» [НА РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.].

И дальнейшая прослеживаемая нами родовая история Горбовских — это история мещан, родовая ветвь Василия Михайловича Горбовского: Его сын: Горбовский Николай Васильевич, гижигинский мещанин; Ж. 1 Ульяна Семеновна (1803–1845); Ж. 2 (с 20.01.1846) Курилова Александра Прокопьевна, дочь ум. казака Гижигинской сотни. Его внуки: Горбовская Фекла Николаевна (1855), дочь гижигинского мещанина; М. (15.10.1877) Аснашев Козьма Васильев (1848), гижигинский мещанин.

Горбовский Иван Николаевич (11.02.1857), гижигинский мещанин, в 1924 г. проживал в с. Левчик; Ж. 1 (с 25.01.1893) Подымахина Параскева Николаевна (1864), мещанская дочь; Ж. 2 (с 04.05.1903) Красовская Евдокия Федосьевна (1889), дочь отставного казака.

Горбовский Макар Николаевич (20.01.1872), проживал в 1924 г. в с. Левчик; Ж. Поликсения (1902). Правнуки: Горбовский Николай Иванович (28.01.1905); Горбовский Харитон Иванович (28.09.1911); Горбовский Иуда Макарович. Праправнуки: Горбовский Николай Иудьевич (05.12.1921); Горбовский Василий Иудьевич (08.01.1923).

ГОРОХОВЫ

И снова письмо призвало меня выйти на исследовательскую историческую дорогу.

Сергей Иванович, здравствуйте!
Меня зовут Олеся Юрьевна, я прочитала на сайте статью с вашими исследованиями про фамилию Горохов. Дело в том, что мой дед, Горохов Михаил Александрович, похоронен в Иркутске (рожден, скорее всего в селе Горохово, как и 2 его сестры и 4 брата), и, я к своему стыду, знаю лишь, что его родителей звали Горохов Александр Мартынович и Горохова Ульяна Николаевна. В вашей статье описывается первый Горохов в Якутии, может ли такое быть, что он и мой

предок? Подскажите, пожалуйста, как можно найти потомков Горохова из вашей статьи? Буду признательна любой информации Заранее благодарю!

С уважением,
Куликова Олеся.

Вопрос весьма и весьма непростой — только в одной Якутии «горошины» этой фамилии рассыпаны по огромной территории Республики, собранные мной в книге «Тайны якутских фамилий», а тут вопрос вообще касается другой, хоть и соседней, территории Иркутской области.

Но история фамилий, как известно, границ не знает, и поэтому мы попытаемся если не отыскать конкретный ответ на поставленный вопрос, то хотя бы дать совет, где следует этот ответ искать.

А пока пойдем по пути, который нам более или менее известен, и, может быть, мы найдем то, что ищем…

Итак, первый Горохов, который появился в Якутии, — тобольский казачий сын Иван Иванов Горохов.

Шел 1650 год. И Иван Иванович отправился в дальний поход на реку Охоту, где в 1647 году ленскими казаками был построен Охотский острог. Первоначально я полагал, что Иван Иванович как раз и был в этом отряде. Но я ошибался. В 1650 году в Охотск был направлен отряд сына боярского Семена Епишева, в составе которого и был Иван Горохов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 32]. Именно они и сообщили в Якутск о том, что половина отряда Семена Шелковника погибла во время осады острога ламутами — охотоморскими эвенскими воинами — от голода и цинги.

Но не устоял против ламутов и отряд Епишева — частично он был разгромлен, частично бежал из острога на реку Улью, где находилось зимовье, построенное еще казаками Москвитина и обжитое казаками Пояркова. А Охотский острог был полностью разорен и сожжен.

Какова же была судьба Ивана Ивановича, о котором более ничего в документах, связанных с Якутией, мне найти не удалось.

Тобольск. Материалы именных книг, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), рассказывают нам о том, что Ивашко и Михалко Гороховы — конный и пеший казаки — отмечены в документах за 1627 год. По всей видимости, это были братья.

В материалах за 1661 год мы находим следующие сведения о Гороховых:

«Голова конных казаков Гаврило Грозин
Конные казаки

Терешка Горохов, Ивашко Горохов, Ивашко Горохов Лодыга» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Лл. 145 об., 146 об.].

Ивашко Горохов — это, скорее всего, и есть наш охотский герой.

А вот и доказательство:

«Слобода Софейского дому
Усть Ницынская

Во дворе Софейского дома сын боярской Иван Иванов сын Горохов сорока девяти (1661) лет. Жена его Татьяна Савина дочь сорока пяти лет. Дети его: Гаврило семнатцети лет, Стефан тринатцети лет, Семен шести лет. Дочери его девицы: Елена дватцети дву лет, Федосья шести лет».

А это, судя по возрасту и должностям его детей, старший сын Ивана Ивановича:

«Во дворе вдова тобольского сына боярского Василья Петрова сына Горохова жена Пелагея Иванова дочь сорока трех лет. У нее дети, два сына в детях боярских: Елисей дватцати дву лет, Василей девятнатцати лет; дочери: Дарья тринатцати лет, Февронья десяти лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1528. Л. 4, л. 222].

Ивашка, как мы увидим из следующей истории, проходил годовалую службу и в Мангазее:

«Лета 7138 [1629] году, сентября в 1 день, извещал государю, а в Мангазейском городе воеводам Григорью Ивановичю Кокореву да Ондрею Федоровичю Палицыну сказывал промышленой человек Микулка Петров сын Собинин лалетин: был де он, Микулка, в Пясиде в прошлом во 137 [1628–1629] году для соболиного промыслу. И из Мангазейского де города воеводы Тимофей Бобарыкин да Поликарп Полтев посылали в Пясиду для государева ясачного збору мангазейского стрельца Ивашка Горохова да целовальника Ярофейка Павлова устюженина (Хабарова. — *С.В.*).

И как де он, служивой человек Ивашко Горохов, да целовальник Ярофейко поехали ис Пясиды в Мангазею и он де, Микулка, с ними ж ехал. И видял де он у служивого Ивашка Горохова ево, Ивашковых, четыре сороку десять соболей, а у целовальника у Ярафейка з братом с Микифорком восмь сороков соболей. А того де он, Микулка, не ведает: у служивого Ивашка купленые или промышленые соболи.

А целовальник де Ярофейко сказывал ему, Микулке, что были у него з братом с Микифорком покрученики пять человек, и те де соболи с покрученики промыслом добыли. А по государеву указу государевым ясачным зборщиком служивым людем и целовальником, будучи у государева ясачного збору, торговати и с покрученики своими промышлять соболей не велено.

И воеводы Григорей Иванович Кокорев да Ондрей Федорович Палицын велели того ж часу служивого человека Ивашка Горохова и целовальника Ярофейка з братом с Микифорком в Съезжую избу привесть и порознь их роспрашивали».

Как было заведено в то время, по Ерофею и Никифору, Хабаровым взяли поручную запись в том, что, пока будет вестись сыск, они никуда из Мангазеи не уедут. Далее в документе описываются расспросные речи. Из речей Ивашки Горохова мы приводим только ту часть, где сказано о Хабарове:

«А про целовальника п[р]о Ярка в роспросе Ивашко сказал, что был с ним промышленой завод, топоры и сети, и он де на то купил сорок

пять соболей. А иные де отпущал з братом ужины. И тех де соболей пришло с промыслу у брата его осмь сороков. А ужин было пять тотаринов на покруте. Да брат его ходил ж на промысел. А жил де брат его, Ярков, в ыном зимовье. А иные де и с ним в зимовье.

Ярко целовальник в роспросе сказал, что он наемной целовальник. А соболей привез с собою сорок пять соболей. А взял де их за долг у Богдашки Белоряса да у Ефимка Федотова за долг по кабале. В опросу в другой ряд сказал, что по двум кабалам. А про брата своего про Никифорка сказал, что он с ним живет за делом, и промышляли де соболи с покрученики своими в Пясиде на Хете реке.

<…> Целовальников брат Микифорко в роспросе сказал, что де был он в Пясиде и ходил на промысел сам с покрученики своими. А покрученик было шесть человек. А промыслу было на ужину по тритцати соболей. А з братом в зимовье не живал. Да и соболи де мои, а не братни. И ныне де от десятые осталось шесть сороков семнатцать соболей.

Ивашко Горохов на очной ставке с Микифорком говорил, что у них де з братом ужины ввопче или не ввопче, того не ведает. А промышлял он, Микифорко, и жил во всю зиму с одным покрученик выше ясачного зимовья. А пять покрученик промышляли и жили во всю зиму ниже ясачного зимовья.

А про то у Ярафейка и у Микифорка слыхал, что они живут не вместе в дому. И соболях Микифорко Ярофейку повытья не сказывал. А Микифорко говорил: брат де живет с ним за делом, а не вместе.

А целовальник Ярофейко на очной ставке с Ывашком говорил, что семь сороков соболей брата его Микифорка, а не ево, Ярофейковы» [Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров].

Вот так в «златокипящей Мангазее» накапливал свои первые капиталы Ерофей Павлович, занимаясь браконьерским промыслом и контрабандой пушнины.

Тобольских казаков направляли на службу в самые разные уголки Сибири. В 1668 году отправлен на годовалую службу и сын Михалки — «Митька Михайлов Горохов послан в Дауры» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 501. Л. 132], который впоследствии сделал очень серьезную служебную карьеру:

«Правительство видело опасность того, что при появлении крупных конных масс противника развернуть сотни полка в условиях крайней распыленности его состава по разбросанным на сотни верст друг от друга острогам будет нелегко. Действительно, в 1690-х годах конные отряды казахов (по разным источникам от 1300 до 3000 человек) нападали на слободы Зауралья, появляясь внезапно под теми поселениями, которые хотели взять, и разбивая поодиночке отряды беломестных казаков. Например, так они перебили половину сотни слободы Царево Городище в 1692 году. Попытки воевод Тобольска усилить отряды казаков более подготовленными войсками не принесли особого успеха и закончились разгромом объединенного отряда Василия Шульгина 27 июля 1693 года. В результате очевидной стала необходимость изменения в положении служилых людей юга Сибири.

На должности [казачьего] головы Обольянинов пробыл три года, а в 1693 г. во время крупного набега казахов на южные слободы Сибири он не выполнил приказ Шульгина, командира отряда служилых людей Тобольска и Тюмени, который требовал идти на соединение с ним: “Учинился великих государей указу ослушен и на береговую службу в полк к Василию Шульгину не пошел, а зачем не пошел, о том к ним в Тобольск не писал”. Воевода А.Ф. Нарышкин отстранил Обольянинова, назначив головой временно из Тобольска Бориса Черницына. 29 января 1695 г. Репнин назначил головой тобольского сына боярского стрелецкого сотника Дмитрия Горохова. К этому времени ему было уже 60 лет (1633); он выслужился из стрелецких десятников, побывал по воеводским посылкам на реке Лене, в Енисейске и на озере Ямыш» [Пузанов В.Д. Беломестные казаки в Сибири XVII – первой трети XVIII в.].

Хотя, возможно, мы ошибаемся.

В материалах за 1704 год отчество Дмитрия не Михайлович, а Григорьевич:

«Дворяне

Дмитрей Григорьев сын Горохов умре в ево место поверстан брат ево Андрей Горохов в тот же оклад и велено ему быть с тем окладом в детех боярских.

…Да в нынешнем 1703 году по указу Великого Государя и по приказу ближних боярина иво князя Михайла Яковлевича да столника князя Петр Михайловича Черкаских велено быти в Тоболску неверстаному сыну боярскому Андрияну Горохову а оклад ему учинен из окладу брата ево Дмитрея денег 7 рублев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Лл. 202, 209].

И действительно, в 1693 году стрелецким сотником был Григорий Горохов, отчество которого нам пока установить не удалось.

А в 1720 году отмечен «Степан Григорьев сын Горохов, казачей сотник» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1617. Л. 84].

И, видимо, где-то мы утратили родовую нить, ведущую нас к стрельцам Гороховым.

И ничего странного в этом нет. Вот только те из тобольских казаков Гороховых, которые служили в 1704 году, исключая братьев Дмитрия:

«Дети боярские

Осип Петров сын Горохов (Л. 204 об.)

Василей Петров сын Горохов (Л. 207)

Рядовые литовского списку казаки

Максим Горохов (Л. 211 об.)

Конные казаки

Иван Лодыгин Горохов за старость отставлен а в ево место велено быть сыну ево Терентью в том же окладе

Иван Горохов (216 об.)

Иван Офонасьев Горохов (Л. 217)

Офонасей Терентьев Горохов (Л. 217 об.)

Пешие казаки

Сотник Степан Горохов (Л. 221 об.)

Пятидесятник Федор Степанов Горохов (Л. 231 об.)

Рядовые

Григорей Максимов Горохов

Алексей Андреев Горохов (Л. 233)» [там же].

Но в 1705 году ситуация изменилась. Многих казаков в тот год «забрили» в солдаты. В том числе и казаков Гороховых:

«Список тобольских служилых людей,
взятых в 1705 году в солдаты

Дети боярские

Осип Петров сын Горохов

Конные казаки

Терентей Лодыгин Горохов

Иван Горохов

Пешие казаки

пятидесятник Федор Горохов

рядовой Алексей Горохов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1434. Лл. 184, 202 об., 221, 227].

И куда привели военные пути-дороги Гороховых, нам неизвестно.

Могли они служить в Восточной части Сибири?

Конечно.

Вот один только из примеров: в 1739 году в составе Второй Камчатской экспедиции находились солдаты Сибирского гарнизона: Давыд Ячменев, Гаврило Тяткин, Федор Борисов, Федор Чермных, Афанасей Редикорцов, Андрей Тарлышев, Осип Косторев, Михайло Вершинин, Крисанф Попов, Герасим Горохов, Андрей Исаков, Иван Окулов, Афонасей Новиков.

Что не исключает и другого — здесь же могли служить в «годовальщиках» (то есть в командировках) и тобольские казаки Гороховы, и тогда, возможно, мы найдем ответ на вопрос о том, откуда появился в Нижнекамчатском остроге казак (впоследствии разночинец) Федор Горохов, в Тауйском остроге — разночинец Василий Горохов [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 94, 126].

Хотя, возможно, ответ на этот вопрос мы должны искать совсем даже не там — в период, когда в Якутском казачьем полку не хватало служилых людей, их набирали из местного населения — из крестьян, промышленников и гулящих (то есть беспаспортных) людей.

И по этой же переписи мы видим, что в деревнях вокруг Олекминского острога проживало большое семейство крестьян Гороховых, откуда и могли быть набраны в казаки Федор и Василий.

«Олекминского острогу крестьяне

Григорей Горохов

Лаврентей Горохов

Михайло Горохов

Гаврило Горохов

Софрон Горохов

Нифантей Горохов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 82 об. – 83].

Но пора бы нам приблизиться и к Иркутску, где проживали когда-то родственники Олеси Юрьевны.

В 1799 году на Камчатку были переведены солдаты и офицеры Иркутского гарнизонного батальона, который получил новое название – сначала полк генерала Сомова, когда генерал Сомов сбежал от камчатских проблем, с которыми столкнулся его полк, он получил название Камчатского гарнизонного батальона. Солдаты этого батальона должны были не только служить военную службу, но и обеспечивать себя здесь всем необходимым, прежде всего продовольствием, занимаясь землепашеством. Из этого ничего не вышло, и полк был в 1812 году расформирован — солдаты возвращены к месту прежней службы или отправлены на родину, а все желающие остались служить на Камчатке в казаках местной команды или в матросах экипажной роты.

Нижнекамчатск, 1812 год:

«Камчатский гарнизонный батальон

Унтер-офицер Горохов Гаврило Алексеев (1776). Ж. Вера Васильевна. Дочь Александра (1810). Пасынок Семен Семенович Бочкарев (1808)» [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4, л. 7].

Скорее всего, семья Гороховых покинула Камчатку.

Но один из них остался:

«Петропавловский порт, 1845 год.

Экипажная рота.

Матросы 1-й статьи

Горохов Дементий Гаврилов сын (1813), из солдатских детей, уроженец Камчатской области» [РГАВМФ, ф. 406, оп. 5, д. 515].

Судя по дате рождения, я допустил серьезную ошибку в своих предположениях — семья Гороховых не вернулась на свою историческую родину, а осталась на Камчатке.

Итак, Иркутск.

Как сообщает Андрей Черепанов в «Родословном справочнике Иркутска 1661–1775 гг.», в 1773 году в третьей роте Иркутского батальона служил Осип Горохов — возможно, дед Гаврилы Алексеевича. Возможно, однофамилец.

Возможно, Гаврила Алексеевич был выходцем из той самой деревни Горохова, в которой проживали и родственники Олеси Юрьевны?

Где же находилась эта деревня?

1893 год:

Усть-Балейская волость: Александровское с[ело]; Баруй д[еревня]; Быковское с.; Горохова д.; Еловская д.; Середнинский в[ыселки].; Степанова д.; Тихонападская д.; Усть-Балей с. вол. пр.; Усть-Китойский в.; Усть-Балейский в.

И находим ответ в «Справочнике» Андрея Черепанова.

Из посадских (необязательно, как у Черепанова, купцов: посадские люди — это ремесленники, прежде всего, а во вторую очередь уже торговые люди, а купцы — это уже самостоятельное сословие).

Филип сын Кузьмы — иркутский посадский, житель Балейской деревни. Овдотья жена Филипа — (1727), дочь Симона Меринова, крестьянина Кудинской слободы Хомутовской деревни. Афанасей сын Филипа в 1775 г. посадский деревни Балейской. Агафья, жена Афанасья — дочь Василья Иванова Хвойнова, крестьянина Урецкой слободы (замужем с 1775 г.).

В 1775 году в Балейской слободе умер Терентий Васильев сын Горохов (1709), у которого была большая семья — из сыновей Василий, Алексей, Сидор, Григорий, Кирило.

У Дмитрия Васильева сына Горохова, проживавшего в Балейской слободе в 1773 году, были сыновья Василий, Моисей, Аника, Ларион.

Иван Яковлевич Горохов — иркутский посадский, житель Балейской деревни в 1773 году. У него дети Иван да Лука.

И вопрос: кто из братьев Гороховых основал село Горохова?

И кто из них прямой предок Олеси Юрьевны?

В 2020 году село Горохова отметило свое 280-летие. А это примерно 10–12 поколений Гороховых.

Вполне возможно, что и нижнекамчатский унтер-офицер Гаврила Алексеев сын Горохов имеет к этому роду какое-то отношение.

Но вопрос остается открытым…

ГРЕХОВЫ

Фамилия настолько трудная для поиска — что вы даже себе не представляете, как часто встречается слово «грех» в нашей исторической литературе, затрудняя возможности поиска исторического лица.

Впрочем, поисковые трудности возникают и совершенно иного порядка.

В документах военно-сиротского императорского дома при Камчатском гарнизонном батальоне в уездном городе Нижнекамчатске за 1812 год мы нашли упоминание о двух малолетних братьях:

Воспитанники Камчатского отделения императорского военно-сиротского дома:

Грехов Николай Иванович (1792)

Грехов Семен Иванович (1798)

Родителей, в военно-сиротском доме проходили обучение не только сироты, обнаружить нам не удалось. То есть Николай и Семен действительно были сиротами.

И попробуй-ка отыскать хоть какую-то зацепку.

Известно единственное — Камчатский гарнизонный батальон — это в прошлом Иркутский гарнизонный батальон, который формировался из местных кадров.

В истории Якутии был небольшой исторический фрагмент, когда на какой-то миг проявилась (всего один раз!) фамилия Грехова:

«Ужинная и умолотная книга выдельного десятинного хлеба по Ильгинской волости сына боярского Козьмы Мачехнина, сотника Михаила Колесова и житничного целовальника Семена Григорьева Грехова, декабрь 1691 (200) г. Скрепили Гагарин, Колесов и за Грехова — Южаков» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

Но возник вопрос: что это за Илгинская такая волость?

Илга — это приток Лены.

Первые известия о русских поселениях на реке Илга относятся к концу 1640-х гг. В 1664 крестьяне из Илимска основали здесь слободу.

В настоящее время это Знаменское — село Жигаловского района Иркутской области.

И последний штрих. В приложениях к книге А.В. Черепанова «Сибирская кровь», в которой он рассказывает об исторических родовых связях жителей Иркутской области, встречается в документах за 1793 год имя илгинского крестьянина Родиона Грехова.

И не из этих ли мест прибыл на Камчатку солдат полка Сомова (впоследствии Камчатского гарнизонного батальона) Иван Грехов?

Вопрос пока открытый.

Но вот что мы знаем.

«Грехов Николай Иванович (1792), отставной унтер-офицер, участник Петропавловской обороны 1854 г., награжден бронзовой медалью в память о Крымской войне 1853–1856 гг. на Георгиевской ленте.

Грехов Прокопий Николаев сын (1831) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте “Иртыш” принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного парохода-корвета и одного фрегата.

Грехов Василий Николаев сын (1836) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете “Оливуца” на переходе в порт Гонолулу, в мае 1855 г. в заливе Де-Кастри на этом же корвете участвовал в действительном сражении с англо-французской эскадрой» [РГАВМФ, ф. 406, оп. 5, д. 803].

«Формулярный список о службе…
47 флотского экипажа. Январь 1856 г.

Грехов Константин Семенович.

Писарь 3 класса.

Из солдатских детей, уроженец Камчатской области, 20 лет (1835). Из кантонистов Камчатской неранжированной роты в штабе командира Петропавловского и камчатских портов — 24.12.1852. Был в действительном сражении 1854 и 1855 гг.» [РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 36, Л. 323].

В 1855 году братья вместе со всем Петропавловским гарнизоном были переведены в Николаевск-на-Амуре. И где-то там затерялся их родовой след.

ГРЕЧЕНИНЫ

Хотел начать с того, что известно — со справочника «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века» (страницы 215–216), но сразу же столкнулся с явным противоречием, который виден даже «невооруженным глазом».

Судите сами.

Вот одна трактовка: Гречениновы — еще одна ветвь томских служилых людей.

«Степан Александров (Степан Александров Грек) — сын боярский. Основатель династии сынов боярских. В 1680 его сын Федор сообщил, что отец его Степан родом из Царьграда, сослан при Михаиле Федоровиче “с Москвы” в Томск, поверстан в сыны боярские при воеводе И. Бутурлине и служит уже 15 лет без пашни… Федор Степанов — томский сын боярский, сын Степана Грека, верстан “в место” отца. Упоминается в 1665 … с окладом 16 руб., 16 четей ржи, 16 четей овса, 4 пуда соли».

Да, Федор Степанович… и все! Род иссяк…

Есть, правда, дополнительная информация, но очень скудная:

«Какой-то грек Степан, уроженец Стамбула, был сослан при царе Михаиле Федоровиче в Томск. Его сын Федор Степанов Греченинов заявлял: “Сказал отец де его Степан… родом Царяграда, по государеве грамоте сослан с Москвы в дети боярские блаженной памяти при царе Михаиле Федоровиче всея Руси и служил в Томске лет с пол четырнатцать и умре, а он Федор после отца своего в его место поверстан в Томске в дети боярские при воеводе Бутурлине (7167–7172)”» [Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004].

«Какой-то грек»…

А вот другая династия из того же справочника:

«Гречениновы (Греченины, Гречаниновы) — томские служилые люди.

Мануил (Мануйло) Константинов (Мануил Грек) — сын боярский. Основатель династии сынов боярских. Родом из Царьграда. Прислан в Томск в 1642 г. при воеводе С. Клубкове-Мосальском; оклад 12 руб., 10 четей ржи, 7 четей овса, 3 пуда соли, служил с пашни без хлебного жалованья … неграмотен — за него расписывался под войсковой челобитной И. Кулаковский … Служил в Томске более 60 лет, “в его место” поверстан сын Савелий. Женат. В 1680 г. упоминались его сыновья: Дмитрий (1660), Аверка (1663), Пронька (1677). В том же году в его доме проживал также внук Петр Яковлев, отец которого “помер” на годовой службе.

Авраам (Аврам, Аверка) Мануйлов — неверстанный сын боярский … 15 марта 1687 повез из Енисейска в Томск для домашнего обихода “русского товара” на 5 руб.

Дмитрий Мануйлов (Манойлов) — сын боярский, приказчик Ачинского острога. В 1700 году выкупил у киргиз трех казаков ясатчиков, плененных киргизами в верховьях Чулыма на “русский товар”, который был послан для мены на пушнину.

Иван Манойлов — сын боярский … Верстан в выбылое место, в 1665 имел оклад 10 руб. … В 1674 г. нес службу в Мелеском остроге…»

«22 сентября 1679 г. в Томском городе стало известно, что киргизы вместе с ясачными людьми снова сожгли Ачинский острог, убив при этом пятерых казаков. В сожженном острожке киргизы захватили две пушки. В ответ на разорительные набеги в русские уезды правительством было решено “смирить войною” киргизов. Для этого в начале 1680 г. был организован совместный поход силами Енисейского, Красноярского, Кузнецкого острогов и Томского города. Русские отряды должны были сойтись “на Белом озере, вниз речки Сереси, на усть речки Тереклы-Юл”. Всего в Томске собралось 1018 “ратных людей” (в том числе были русские служилые люди, “охочие” казачьи дети, посадские и пашенные крестьяне, а также чацкие мурзы и татары). Во главе войска были постелены дети боярские Роман Старков и Иван Гречанинов. В отписке томских служилых людей о походе сказано, что красноярцев было 472 чел. Красноярский послужной список содержит имена 476 человек (включая командиров войска детей боярских Михаила Ярлыкова и Михаила Садовского). Конница состояла из 28 детей боярских, 153 конных казаков атамана Михаила Злобина и 43 “татар” сына боярского Григория Ермолаева. Пехота была представлена 85 казаками “сотни” атамана Родиона Кольцова, 116 казаками “сотни” атамана Емельяна Тюменцова (вместо престарелого Емельяна казаков вел в бой его сын Аника) и 34 “охочих” отставных служилых людей, пашенных крестьян и посадских людей. Еще 12 посадских ходили “в подводах под казною и под пушками”. Артиллерия войска Ярлыкова и Садовского была представлена, как минимум, одной полевой пушкой, которая была “приказана” сотне Кольцова» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 709. Л. 171. 606 Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб., 1862. Т. 8. 15. С. 45].

Калина Мануйлов — сын боярский. Верстан в 1670 при воеводе Н.А. Вельяминове с окладом 10 руб. …

«Принадлежность к служилой элите накладывала и ряд обязанностей. Как и другим его братьям, Калине Гречанинову периодически приходилось исполнять посольские обязанности. Так в 1694–95 годах в меновом торге между телеутами и русскими возникают множество конфликтов из-за прямых обманов, за обиду “за свой живот” телеуты грабят кого попадется, даже послов. Посольство Калины Гречанинова и Алексея Кругликова, прибывшее к Табуну “с выговором за неправды”, также было ограблено, причем с угрозой войны против Томска.

В 1700 г. Калина Гречанинов сопровождал в Москву томскую соболиною казну великого государя. Во время пребывания в Москве Калина Гречанинов был расспрошен в Сибирском приказе о приходе в Томский уезд “киргизских и шустских воровских людей”. “А в допросе они Калина в сибирском приказе сказали: до поезду де их из Томского за двенадцать дней, приезжал в Томской ясашной татарин; а в вестях сказал, что де киргизские и шустские воровские люди приходили Томского уезду на Яю реку, в Спаскую да в Бурнашеву и в Бедрину деревни, и в тех де деревнях на полях 15 человек мужеска и женска полу убили до смерти, а иных и сыскать не могли, и всякой скот отогнали. И по тем де вестям, из Томского за теми киргискими людми послан томской казачей голова Осип Качанов с служилыми людми, с тремя стами человеки; а они де Калина после его Осипа в Томску жили 9 дней и про Осипа Качанова с товарыщи, где он и жив ли, ведомости про него никакой при них не было”.

К 1705 году У Калины Гречанинова было четверо сыновей: Иван, Алексей, Федор и Петр».

«Михаил Мануйлов (1660) — сын боярский…

Савелий Мануйлов (Манойлов) — сын боярский. В 1680 при “разборе” сообщил, что верстан на “выбылое” место в оклад “деда своего родного Христофора Токмаклова” с окладом 7 руб.,

служил в Томске “лет с тридцать и больше”, имел оклад в 1680 — 12 руб. После его смерти на службу верстаны два его сына: Иван и Михаил.

Спиридон Мануйлов — сын боярский. В 1696 вместе с братом Федором и С. Тупальским отправлен на р. Кыштак для поисков руды; в 1697 повез в Москву чертежи и образцы руды.

Тимофей Мануйлов — сын боярский. На службе в Томске состоял с 1679, получал оклад 7 руб., “учиненный” из оклада сына боярского Христофора Тонгайлова, служил без пашни.

Федор Мануйлов (Манойлов) — сын боярский. В 1676 получал оклад 10 руб. В 1696 вместе с братом Спиридоном послан для разведки и выплавки серебра на р. Кыштак».

И там столько продолжателей рода, что он кажется (а может быть, так и на самом деле) кажется бесконечным…

А теперь вернемся к историям, которые привели наших героев в Сибирь — Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв.» [книга первая, очерк «Ротмистр Юрий Трапезундский: заметки к биографии», стр. 284–315]: Православные греки испокон веков состояли на службе у русских царей. Но история томской диаспоры Гречениных (Гречаниновых), которые были сосланы в Сибирь, несколько отличается от общей традиции. Первым в Томск прибыл Христофор Тонгайлов (Тогкаглов), уроженец Константинополя, который сдался русским под Смоленском во время боевых действий, а потом попытался совершить обратное, и поэтому «закованным в колоды и в сопровождении семьи — сына Мануила Христофорова Греченинова и дочерей Марии и Анны» он был сослан в Томск, куда был доставлен 22 сентября 1635 года. Двое других, называвшихся дядей и племянником, что вполне вероятно соответствовало действительности, так как они были неразлучны на протяжении многих лет, прибыли позже — в 1643 году. Старший из них — оставшийся в истории Сибири как Юрий Трапезунский (Трапизовский, Трапезанский, Драбызонский) — прошел «через огонь, воду и медные трубы», втянув затем в свои авантюрные дела и племянника Мануила Константинова, который станет патриархом рода томских (впоследствии иркутских и камчатских) Гречениных. Но все по порядку.

«Юрий Иванов, родом греченин Трапизона города», — сообщают архивные документы. А далее информация только из уст самого Юрия, которая была зафиксирована дьяками и сохранилась до нашего времени.

Историки, попытавшиеся извлечь некое подобие правды из этих рассказов, пришли к следующим выводам: Юрий Трапезундский «изначально входил в военную охрану купеческих кораблей». Ему не повезло — судно, перевозившее зерно в Стамбул, было захвачено алжирскими пиратами: «на море погромили турские люди и многих гречан побили, а ево взяли жива и свезли в турский город Алзер».

Юрий был продан в рабство и попал гребцом на галеры: «…был де он в неволе у турских людей с полтретья годы, в неволи будучи, был он у турских людей на катарге с ыными полоняники».

У берегов Испании рабы подняли бунт: «…и те де турские люди поуснули и оне де неволники тех турских людей всех побили».

А затем возникает полная неясность — каким-то образом Юрий Трапезунский перемещается в Великобританию, где знакомится с еще двумя потомками Палеологов — двоюродными братьями Иваном и Дмитрием, получившими позже в России фамилию Альбертусов-Далмацких.

Они и определили его дальнейший путь в Россию, куда он прибывает 8 августа 1627 года в Архангелогородский порт, чтобы «служить государю верою и правдою, слыша к иноземцем царьское жалованье и неизреченную милость».

Царь свою часть обещанного исполнил: «греченя и турский полоняник» был верстан в поместно денежный оклад в 250 чети и 12 рублей. При этом поденный корм его составлял по какой-то необъяснимой причине 10 алтын в день. Как пишет Т. Опарина: «Ю. Трапезундский оказался самым высокооплачиваемым участником «греческой роты». В Москве он женился.

В 1628 году в Москву прибыли Альбертусы, которые были обласканы русским царем.

И примерно в это же время Юрий Трапезундский находит своего родственника Мануила Константинова, который был захвачен донскими казаками во время крупного морского похода в 1625 году. Так как Мануилов отец в это время был «в турках, в басурманах», то донцы, похитив турецкого мальчика, продали его в рабство на воронежском рынке.

Так Мануил оказался в российской столице, будучи купленным ювелиром мастеровых палат англичанином Яковом Гаст, от которого он бежал, вспомнив о своих православных греческих корнях. Сам патриарх Филарет совершил таинство, и Мануил, став православным, обрел духовную свободу. Духовный глава греческого землячества в России келарь Новоспасского монастыря Иоанникий «обратился к патриарху Филарету с прошением о предоставлении личной свободы М. Константинову».

Такая свобода ему была предоставлена, и он был определен в рядовые Иноземского приказа. «20 октября 1628 года администрация Иноземского приказа вынесла решение о наделении М. Константинова поместным окладом в 250 чети, денежным — в 13 рублей. Поденный корм составил восемь денег в день».

На свою будущую беду он встретился здесь со своим дядей Юрием Ивановичем Трапезундским.

Из греков была сформирована в 1630 году отдельная «греческая рота», а 9 августа 1632 года рота выступила в поход в составе Большого полка Михаила Шеина и Артемия Измайлова.

Боевые действия рота начала под Дорогобужем, где наши герои неожиданно… исчезли, изменив царю и став перебежчиками-информаторами польского командования. Юрия Трапезундского принял сначала князь Степан Массальский, потом гетман Лев Сапега и, наконец, наследник польской короны Владислав. Он был участником церемонии погребения короля Сигизмунда III и коронации Владислава IV…

А потом оба дезертира вдруг решают вернуться в Россию. Скорее всего, решал Юрий — у него в Устюге в ссылке находилась семья, наказанная за его измену.

И вот что удивительно и необъяснимо до сих пор: «В делопроизводственной документации было зафиксировано, что его прислал к царю Михаилу Федоровичу “голанской князь голанских немец”».

«И по государеву указу велено им государева служба служить и государева жалованья кормовые деньги давати по-прежнему в Ыноземском приказе с ыноземцы вместе».

Мало того — в будущем, вплоть до 1642, рокового для обоих, года он возглавлял греческую роту в чине ротмистра, «его поместный и денежный оклады составляли уже 400 чети и 30 рублей, ежемесячное кормовое жалованье — 10 рублей».

По-прежнему принадлежа к клану князей Альбертусов-Далмацких, Юрий и Мануил не могли не быть втянуты в конфликт этой семьи с другой влиятельной фамилией из Османской империи — Алибеевых-Макидонских. Конфликт закончился поножовщиной — в присутствии Мануила Дмитрий Альбертус попытался убить Федора Алибеева, которого заслонил своим телом холоп, получивший при этом пять ножевых ран и скончавшийся на месте.

Началось следствие… Ниточки потянулись к прошлому… И уже ротмистра Трапезундского обвинили в государственной измене:

«А тот… изменник рохмистр Юрья Тропизонской… ведомой вор и крестопреступник, под Смоленском сперва государю изменил и переехал к литовским людям, весть подал, и, быв в Литве, опять переехал к государю, а сказал, будто ево взяли в языкех. И про ево воровство и про измену сыскано. И по сыску сослан он, Юрьи, в Сибирь».

Туда же, в Томский город, был сослан и Мануил Константинов, где уже пребывали в ссылке греки Тонгайловы, одна из дочерей которого стала женой Мануила Константинова Греченина (Гречанинова). Восемь их сыновей были будущим ядром «боярских детей» Томска, купцов и рудознатцев.

Томск, 1680 год:

По двѣнадцати Рублевъ. Мануйло Константиновъ сынъ Гречанинъ сказалъ: выѣхалъ блаженной памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и пр., а въ которомъ году, того онъ не помнитъ, и служилъ де на Москвѣ въ греческой ротѣ многіе годы и съ Москвы па указу великаго государя и по грамотѣ присланъ въ Томской городъ въ дѣти боярскіе въ 150 году при воеводѣ, при князѣ Семенѣ Клубковѣ-Мосальскомъ. Окладъ государева жалованья денегъ 12 рублевъ, хлѣба десять четей ржи, семь четей овса, 3 пуда соли. Служитъ съ пашни безъ хлѣбнаго жалованья; дѣтей у него Мануйла неверстанныхъ три сына: Мишка 20 лѣтъ, Аврамка 17 лѣтъ, Пронька 3-хъ лѣтъ, живутъ съ нимъ, да внукъ у него Петрунька 9 лѣтъ, а отецъ его Петрушкинъ на государевой службѣ на годовой, его Мануйловъ сынъ, померъ.

Восемь сыновей и соответственное количество внуков — такого не выдержит ни одно штатное расписание.

Но… что мы видим?!

«Дозорная книга Томского уезда. 1703 г.

Сын боярской Дмитрей Манойлов сын Греченин, детей нет, брат родной неверстан в службу Прокофей 23 лет (Л. 15 об.). Сын боярской Иван Калинин сын Греченин, сын Иван 2 лет (Л. 16)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371].

Но куда же подевались остальные — столь многочисленные — родственники?

Начинаем искать.

«Красноярск, 1677 год:

Пешие холостые казаки.

Савка Греченин [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 643. Л. 29].

В 1705 году по делу о бритье бороды по Омску проходят:

«Петр Греченин, Калина Греченин, … Иван, Алексей и Федор Калинины дети Греченины, … Иван да Михаила Савельевы дети Греченины … У подлинного челобитья пишет: Калина Греченин вместо детей своих, Ивана, Федора, Алексея, Петра, и за себя руку приложил» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1597. Л. 318–329 об.].

Томские служилые в 1707 году:

Дети боярские

Оклад 9 рублей

Федор Калинин сын Гречанин

Оклад 7 рублей с полтиною

Иван Калинин сын Гречанин

Алексей Калинин сын Гречанин

Володимер Иванов сын Гречанин

Илья Тимофеев сын Гречанин

Прокофей Манойлов сын Гречанин

Оклад по 6 рублей

Иван Савельев сын Гречанин

Михайла Савельев сын Гречанин

«В 1703 г. из 270 семей посадских людей 235 владели своими заимками. При выявлении поземельных крепостей в 1788 г. для Тобольской казенной палаты городские власти установили, что только подгородними землями владели 13 купцов по 35 крепостям и 49 мещан — по 69. Купец П. Шумилов владел землей по 12 крепостям, оформленным в период с 1671 по 1775 год, мещанка Е. Греченина — по 6 крепостям и т. д. Такие люди свободно сбывали продукты сельского хозяйства на рынке» [Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху, Томск, 1984, стр. 179].

«Сибирь считалась пограничной территорией, и с живого товара, покупаемого у иностранных продавцов, взималась таможенная пошлина, так же как со скота и других предметов торговли. Тот, кто покупал раба, платил “поголовное” в размере восемь алтын и две деньги (то есть 25 копеек) за каждого, а тот, кто продавал, платил “десятую пошлину”, 10% с цены продажи. При этом средняя цена на раба в Сибири конца XVII столетия составляла два рубля с полтиной.

Цены на красивых женщин были традиционно выше. Так, “записная книга крепостей” (сибирский аналог кабальных книг, фиксировавших сделки с живым товаром) города Томска

содержит запись о том, что “1702 года, генваря в 11 день” сын боярский Петр Греченин подал купчую крепость на “полонную жонку киргизские породы” (то есть пленницу из енисейских киргизов), которую продал Греченину томский казак Федор Черепанов за пять рублей. Чиновник сделал запись, что “жонкой киргизские породы” покупатель может “владеть вечно” и “на сторону продать и заложить”. С этой сделки была взята пошлина: “По указу великого государя, пошлинные деньги с рубля по алтыну, итого пять алтын в казну великого государя взято сполна”. Итого женщина “киргизской породы” обошлась дворянину Греченину в 5 рублей 15 копеек» [статья «Сибирское рабство»].

«Внук Мануйлы Петр Яковлев сын Гречанинов был в 1720 приказчиком Сосновского острога (что Южнее Томска) и провел полную перепись всех жителей этого острога и близлежащих деревень. Некоторые из Гречаниновых, например, Иван Аврамович и Илья Алексеевич, внук и правнук Мануйлы, числились в 1742 г. дворянами. Другой правнук Мануйлы, Михаил Яковлевич в 1750–70-х гг. был одним из богатейших купцов Томска, в 1750–59 он занимал пост бургомистра. Будучи городским головою, он имел отношение к попытке создания первого российского “парламента” — екатерининской Уложенной комиссии 1767 г. и подписал депутатский наказ в комиссии от города Томска.

В дальнейшем Гречаниновы продолжали служить чиновниками различного ранга, но в XIX в. они уже ничем особенным себя не проявили» [Владимир Волков].

Прихожане Духосошественской церкви г. Томска 1742 г. (к сожалению, без имен):
Дворяне:
Греченин (Гречанин) …Греченин.
Дети боярские:
Греченин (Гречанин), Греченин, Греченина…
Неверстаные дети боярские:
Греченин, Греченин … Греченин, Греченин …

«До 1756 г. Томск снабжался вином, которое производилось на частном заводе купца Греченина. Этот завод явно был мануфактурой. … До 1756 г. в Томске действовал винокуренный завод бурмистра [бургомистра Михаила Яковлевича] Греченина… [Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху, Томск, 1984, стр. 167].

«Завод по производству вина купца Греченина (на Ушайке), который просуществовал до 1756 г., являлся сложным производственным организмом, поскольку при производстве вина надо было иметь мастеров и подсобных рабочих. Судя по сложившейся практике в масштабах всей страны, это прежде всего сложное сооружение с поварнями, солодовнями, амбарами, овином, подвалом для вина и жилыми покоями; вполне возможно, что и со своей мельницей. Поварня имела печи для кипячения воды в казанах, трубы, емкости для воды и получения вина, кубы и котлы. Все это стоило не менее 50 руб. при производстве в сезон хотя бы 500 ведер вина. Это уже ближе к крупной промышленности, где следовало соблюдать разделение труда, так как весь процесс не был под силу 1–2 чел. Здесь есть винокуры-мастера, их помощники подкурки, браговары, истопники печей — жеганы, солодовники, мельники и др. Это уже сложная кооперация, близкая по структуре к мануфактуре» [Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху, Томск, 1984, стр. 100–101].

«…рынок во многом зависел от привоза европейских товаров. Деньги, которые поступали в виде жалованья служилым людям, а также пушнина обеспечивали основной оборот товаров и денег на рынке. Но постепенно заметную роль стала играть промышленность, усиливая местный рынок. Торговый капитал уже тогда стремился подчинить местное производство товаров. Он привел к образованию в конце первой четверти XVIII в. купечества, которое было многочисленным и мелким, хотя уже имелись такие крупные торговцы и промышленники, как Шумилов, Греченин, Степанов, Мыльников и др. Товарное производство укрепилось, и хозяевами рынка стали купцы-капиталисты» [Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху, Томск, 1984, стр. 134].

«Восточносибирские воеводы использовали благоприятно сложившуюся обстановку и, несмотря на строжайшие запрещения, принимали также активное участие в китайской торговле, сплошь и рядом принуждая торговых людей провозить их товары в Китай. Конечно, эти партии нерчинской таможней не регистрировались. Без особого преувеличения можно сказать, что почти все воеводы Иркутска, Якутска, Илимска, Нерчинска в 90-х годах принимали участие в китайских торгах (Антон и Афанасий Савеловы, Г. Грибоедов, Иван Михайлович, Иван Петрович и Матвей Петрович Гагарины). Львиная доля конфискованного имущества у И.П. и М.П. Гагариных состояла из различных китайских тканей и зерен жемчуга, причем во время сыска они наивно ссылались на своих предшественников, также торговавших с Китаем. Не ограничиваясь посылкой в Китай мехов, приобретенных теми или иными путями у подвластного им населения, воеводы часто “насильством” отнимали у торговых людей имущество. Антон Савелов, например, отобрал у приказчиков Филатьевых Ф. Кочетова и И. Калуги 1020 лан[1] серебра и отправил его назад в Китай с Г. Осколковым для обмена на ткани. Тяжесть таможенного обложения, установленною в 1693 г., вызывала подкуп таможенников со стороны торговых людей. Упомянутые 1020 лан серебра в таможенных книгах не зафиксированы; семь драгоценных камней, отобранных у “человека” Г. Никитина, Николая Иванова Греченина, прибывшего из Нерчинска в Тобольск в июне 1694 г., также не нашли отражения в таможенных книгах»

[1] Лян — мера веса, а также денежная единица в Юго-Восточной Азии. Серебряные слитки, вес которых измерялся в лянах, служили валютой. Как мера веса, лян используется до сих пор. На территории континентального Китая рыночный лян равен 50 граммам.

[Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах, М., 1969, стр. 223].

Греченин Иван (1699–1757) — иркутский купец 1740–1750-х. Женат на Ирине Михайловне Ипатьевой — дочери иркутского сына боярского; дети: Михайло (1730), Афанасий (1737, в 1759 взят в рекруты), Егор (1743–1744), Алексей (1747), Иван (1749). Сестры Ивана — Екатерина (1728, замужем за иркутским казаком), Татьяна (1740, замужем за дьячком) [Иркутская энциклопедия].

А.В. Черепанов в «Родословном справочнике Иркутска» находит двух Гречениных:

Иван — в 1735 году поручик Сибирского гарнизона Якутского полка.

Андреян — в 1736 году поручик Сибирского гарнизона Якутского полка.

А вот на счет купца Ивана Гречанина у А.В. Черепанова другая версия — «Иван Гаврилович из Туринска, разночинец, в 1724 году определен в иркутский посад».

Но томские купцы те приграничные с Китаем окраины начали обживать гораздо раньше: вот сообщение за 1693 год:

«По указу вел гос. и по грамоте из сибирского приказу за приписью дьяка Афанасья Парфенова у торгового человека у Дмитрея [Мануйлова сына] Гречанина с ним в Китай сто песцов…» [РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 1. Д. 1063. Л. 180].

А вот и камчатские Греченины.

Кто из них из томского, кто из них из иркутского «гнезда»?

1 колено	
	Греченин Кондратий Иванович (1760), плотник Петропавловской экипажной роты, 1815 г.
	Греченин Иван Афанасьевич (1768), с. Нижнекамчатск, 1813 г., иркутский мещанин. Ж. Дарья Ивановна
2 колено	
Дети Ивана Афанасьевича	Греченин Андрей Иванович (1816)
	Греченин Захар Иванович (1818), с. Нижнекамчатск, государственный крестьянин, награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 гг. за участие в эвакуации гарнизона и укреплений Петропавловского порта в 1855 г. Ж. Екатерина Степановна (1820)
3 колено	
	Греченина Матрена Захаровна (1833)
	Греченин Иван Захарович (1834)
	Греченин Петр Захарович (1838), с. Нижнекамчатск, крестьянин. Ж. (с 1863) Савинская Агафья Дмитриевна (1844), дочь усть-приморского казака Дмитрия Савинского
	Греченин Николай Захарович (1845)
	Греченин Андрей Захарович (1849), с. Нижнекамчатск, крестьянин. Ж. 1 Акулина. Ж. 2 (с 1870) Сновидова Пелагея Семеновна (1852), Нижнекамчатской Успенской церкви дьячка Семена Петровича Сновидова дочь
4 колено	
Дети Петра Захаровича	Греченина Анна Петровна (1864). М. (с 1880) Кузнецов Иосиф Васильевич (1847), с. Нижнекамчатск, крестьянин (внук тотемского мещанина, последнего градоначальника с. Нижнекамчатск)
	Греченина Екатерина Петровна (1867) М. (с 03.05.1889) Ушаков Георгий Николаевич (1863), крестьянин, с. Ключи
	Греченин Захар Петрович (1869), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., староста с. Нижнекамчатск, награжден серебряной медалью «За усердие». Ж. 1 Акулина (1869). Ж. 2 (с 1894) Гусева Елена Ивановна (1877–1907), дочь крестьянина, с. Нижнекамчатск. Ж. 3 (с 1908) вдова Чурина (в дев. Кречетова из с. Кресты) Агафоклия (Акулина) Васильевна, с. Еловское
Староста Нижне-Камчатского селения Захар Петрович Греченин, 36 лет. «За усердие и распорядительность по службе» представлен к нагрудной серебряной медали на Станиславской ленте [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2020. Л. 72 «О награждении», 1905 год]	
	Греченин Иван Петрович (1874) Ж. (с 1892) Тарабыкина Акилина Платоновна (1869), с. Нижнекамчатск
	Греченина Надежда Петровна (1877), с. Нижнекамчатск. М. (с 1894) Турнаев Прокопий Тарасович (1853)
	Греченина Агриппина Петровна (1879)
Линия Андрея Захаровича	
	Греченина Матрона Андреевна. М. (с 1893) Клочев Василий Кириллович (1874), камчадал, с. Камаки
	Греченин Николай Андреевич (1875)
	Греченин Василий Андреевич (1882), крестьянин с. Нижнекамчатск. Ж. (с 12.01.1904) Савинская Анна Александровна (1886), дочь казака Усть-Камчатского казачьего отряда
	Греченина Агриппина Андреевна (1885)
	Греченина Анфиса Андреевна (11.04.1889)
5 колено	
Линия Петра Захаровича	
Дети Захара Петровича	Греченин Петр Захарович (1896). Ж. (с 1921) Расторгуева Параскева Петровна, вдова Расторгуева Семена Автономовича, с. Камаки
	Греченина Акулина Захаровна (06.06.1909). М. Портнягин Владимир
	Греченин Павел Захарович (11.03.1911), награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Ж. Мутовина Агриппина Петровна
	Греченин Георгий Захарович (07.04.1913). Ж. Никифорова Глафира Львовна (1916)
	Греченин Илья Захарович

Линия Андрея Захаровича	
Дети Василия Андреевича	Греченин Петр Васильевич, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ж. Коллегова Павлина Петровна, с. Харчино
	Греченин Афиноген Васильевич (02.01.1906). Ж. Савинская Екатерина Федоровна
6 колено	
Линия Петра Захаровича	
Дети Павла Захаровича	Греченина Раиса Павловна (06.07.1936)
	Греченина Лидия Павловна (16.06.1938). М. Терехов Виктор Кузьмич
	Греченин Станислав Павлович (07.12.1941)
	Греченина Вера Павловна (1947)
	Греченина Диана Павловна (07.01.1950). М. Панюшкин Сергей Гаврилович
	Греченина Ирина Павловна (25.07.1952). М. Проняев Валерий Васильевич
	Греченин Вячеслав Павлович
Дети Георгия Захаровича	Греченин Леонид Георгиевич (1936)
Линия Андрея Захаровича	
Дети Афиногена Васильевича	Греченина Зоя Афиногеновна (1927). М. Соболев
	Греченин Геннадий Афиногенович (1928). Ж. Папченко Людмила
	Греченин Федор Афиногенович (1930). Ж. Валентина Ефимовна
	Греченин Леонард Афиногенович (1932–2008)
	Греченина Алевтина Афиногеновна (1935). М. Крюков Георгий Яковлевич
	Греченин Валерий Афиногенович (1939–2001). Ж. Мартынова Анна Васильевна
	Греченина Людмила Афиногеновна (1942). М. Владимиров
	Греченина Лина Афиногеновна (1945). М. Карташев Сергей Александрович (1944)

ГРИГОРЬЕВЫ

Известная фамильная формула «Ивановы, Петровы, Сидоровы» включает в себя и эту фамилию — Григорьевы.

Я сейчас продемонстрирую вам список Григорьевых, которые пополнили поредевшие после оспы 1691/1692 года ряды Якутского казачьего полка, чтобы понять очень и очень важное — в тех случаях, когда действует формула «Ивановы, Петровы, Сидоровы», нужно идти не от «корней», а от «ветвей», «листьев», «цветков».

Что мы в данном случае и попытаемся сделать.

А вот и список Якутского казачьего полка за 1692 год:

«Приказные избы подьячие

Иван Григорьев

Григорей Мухоплев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 12 день по помете на челобитной стольника и воеводы князя Ивана Михайловича Гагарина приверстан в ево Григорьево место казак Ивашко Григорьев

Таможенной подьячей

Тимофей Григорьев

в холостой оклад в рядовые казаки

Петрушка Григорьев в прошлом во 1997-м [1689] году едучи к Москве в Сургуте умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Петрушкино место казачей брат Гришка Осипов Чарошник в холостой оклад в рядовые казаки

Женатые рядовые казаки

Новокрещен Алешка Григорьев

Митка Григорьев

Аверчка Григорьев

Холостые рядовые казаки

Сидорко Григорьев

Акишка Григорьев в нынешнем в 200-м [1692] году идучи с заморских рек на Янском каменю от иноземцов убит.

Стенька Григорьев

Тимошка Григорьев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году сентября в 9 день приверстан в ево Тимошкино место казачей сын Офонька Петров

Якунька Григорьев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 43 об.].

И вроде бы удивительно: как могло случиться, что в окладной книге 1706 года, через четырнадцать лет в именных казачьих списках мы обнаруживаем всего… двух Григорьевых:

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Якутск

Григорьев Дмитрий (5)

Григорьев Яков, д-к (8)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Я думаю, что ответ прост — наши многочисленные Григорьевы приобрели за эти годы новые фамильные прозвища, чтобы отличать одного Григорьева от другого. По переписи, охватывающей период после 1722 и по 1748 год, тоже зафиксировано всего несколько Григорьевых:

«Тауиского острогу

Разночинцы

Афанасеи Григорьев (Л. 134 об.)

Зашиверского острогу

Разночинцы

В службе

Афанасей Григорьев (Л. 69 об.)

Бежало

(Л. 70 об.)

Антон Григорьев

Среднековымского зимовья

Разночинцы

Матвей Григорьев (Л. 73 об.)

В Анадырском остроге

Разночинцы

Егор Григорьев (Л. 79)

Иван Григорьев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 80].

В 1781 году в Гижигинской крепости служил казак Иван Григорьев [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20].

Но я не уверен, что он имеет какое-то отношение к «посельщику» Матвею Иванову сыну Григорьеву, который после расформирования Камчатского гарнизонного батальона принял решение остаться вместе со своими сыновьями на Камчатке.

Впрочем, есть основания и для такой версии.

Первое — из казаков переводили в солдаты и матросы (и мы имеем множество фактов в подтверждение).

Второй — бывшим солдатам Камчатского гарнизонного батальона было предложено следующее:

— вернуться на свою историческую родину;

— остаться на Камчатке в службе — в казачьей команде или в экипажной роте;

— стать военными поселенцами-землепашцами, получив для этого соответствующие права и материальные ценности.

Но родословный отчет мы начнем все-таки с Матвея Ивановича и его сыновей. И получается прелюбопытнейшая картина — «круговорот» Григорьевых на Камчатке.

«Григорьев Матвей Иванов, посельщик. Дети: Семен 13 (1799); Зиновий 12 (1800); Григорий 3 (1809)» [Тигиль, Исповедальные росписи. РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

ГУТОРОВЫ

Патриарх этого рода сам в 1680 году рассказал о причинах своего появления в Сибири:

«Михайло Степанов сын Гуторов сказал: родом де он польские земли, взят на бою в 165 году и приведен к Москве и сослан был в Сибирь в Енисейской, а из Енисейска взят был к Москве для размена, но в свою землю не пошел и в 176 году по указу великого государя и грамоте прислан в Томской в службу в дети боярские. Оклад ему учинен в Москве: денег четырнадцать рублев, хлеба двенадцать четей ржи, овса тоже, три пуда соли и служить в Томску тринадцать лет. А детей у него один сын Федька 5 лет (1675), а пашни за ним и сенных покосов нету».

В 1691/1692 гг. на Якутию обрушилось «оспенное поветрие», и Якутский казачий полк, разбросанный на огромном пространстве самого большого в Российской империи уезда, испытывал кадровый «голод».

На помощь Якутску пришла вся Сибирь, посылая сюда на службу своих представителей — кого в качестве «годовальщиков», а кого-то — навечно.

Так в 1711 году приказчиком Охотского острога стал Петр Михайлов сын Гуторов, якутский уже сын боярский.

Первая попытка прибытия Гуторовых на Камчатку окончилась неудачей:

«В 1711 г. якутский воевода Д. А. Траурнихт приказал сыну боярскому Петру Гуторову, бывшему тогда приказчиком в Охотске, ехать морем на Камчатку. Гуторов отправился в Тауйский острог и оттуда морем на батах до р. Игилана (Иглигана). Но из-за отсутствия морских судов и мореходов приказчик не отважился ехать далее морем и воротился назад в Охотск» [Зуев А.С. Хроника присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII – первой четверти XVIII вв.].

В «Летописи города Якутска» П.П. Явловский более подробно останавливается на этом — очень важном — историческом событии:

«Послан в Охотск приказчик, боярский сын Петр Гуторов, которому велено отыскать кратчайший путь в Камчатку, так как прежний путь через Анадырский острог был длинен, весьма неудобен и опасен. Но Гуторов, проплававши в байдарках и ботах по Охотскому морю, со своей небольшой партией дошел только до Иглиланского острога, что в Корякской земле и имел столкновение с туземцами, которых хотел привести в русское подданство. По возвращении в Охотск он построил новый острог вокруг старого острога, так как последний сгнил и весь развалился. В Таунском же остроге им построена аманатская изба, потому что старая оказалась малою».

В 1720 году Петр Михайлович продолжает службу в Якутии, о чем мы узнаем из архивной выписки:

«Томского города сын боярской Федор Михайлов сын Гуторов в Якуцк приплыл в 716-м году к брату для свидания а живет на подворье у вдовы Матрены Леонтьевы дочери Софонихи» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 43 об.].

О брате: Литовские люди шляхта дети боярские … Оклад 14 рублей … Федор Михайлов сын Гуторов.

И все-таки Петр Михайлович, на свою беду, попал на Камчатку. Об этом мы узнаем из приговора Розыскной канцелярии по делу о причинах Харчинского бунта 1731 года.

Вот ее приговор:

«А по следствии и по розыске казнены смертию повешены в Нижнем Камчадальском остроге марта 10 дня 1735 году камисар Иван Новогородов, казачей сын Никитка Родихин, учинено телесное наказание, вместо смерти биты кнутом в Нижнем остроге камисары Михайло Шехурдин, Михайло Петров, управитель Михайло Борисов, подьячей Яким Мухоплев, ясашные зборщики Матфей Новогородов, Петр Чижевской, Гаврило Чудинов, Иван Каташевцов, Василей Конев, Петр Гуторов, Иван Калашников, Евдоким Колегов, Алексей Воробьев, толмачи и служилые люди Спиридон Перебякин, Федор Кырасов, Алексей Колмогоров, Петр Сургуцкой, Василей Нижегородов, Яков Лазарев, Семен Минюхин, Костентин Веретнов, Алексей Ярыгин, Федот Спиридонов, Степан Власов, салдат Александр Змиев гонян спицрутен, подьячей Федор Сухов вместо кнута бит батожьем». [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

Но имеется еще и отдельная запись: «Марта 6 числа ясашныя зборщики и подьячия и толмачи Матфей Новогородов с товарыщи на площади биты кнутом, а Петру Гуторову, Алексею Ярыгину учинено наказание вместо кнута биты

батожьем» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 43 об. – 44 об.].

В чем же дело — чем так «отличился» Петр Михайлович, сын боярский?

Впрочем, он даже уже и не сын боярский…

«Приговор походной розыскной канцелярии от 28 февраля 1735 г.

“А бытности оного камисара Шехурдина зборщикам Петру Гуторову, за подьячих Федоту Спиридонову, Семену Минюхину, толмачем Спиридону Перебякину, Федору Кырасову, Петру Сургуцкому учинить наказание ж — бить кнутом нещадно ж, для того — вышепоказанные подьячие и зборщики и толмачи в бытность показанных камисаров ездили за ясашным збором и брали сверх ясаку в чащины по три и по четыре места, и, привозя, отдавали камисаром, и в тех собранных чащинах ясашным иноземцам чинили разорение и обиды”» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 43 об. – 44 об.].

Петр Михайлович неплохо устроился на Камчатке: у него здесь были даже собственные холопы:

«Камчадальского острогу служилые

2732) Петр Гуторов

Петра Гуторова дворовые некрещеные

2927) Курюмьча

2928) Харкач

2929) Эвбич

2930) Камич» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 98, Л. 105].

А своей фамилией камчатские Гуторовы — и коряки, и ительмены — обязаны сыну — Федору Петровичу и внуку — Ивану Федоровичу — Гуторовым, которые в 1738–1740-х годах были участниками крестовых миссионерских походов нижнекамчатского священника Ермолая Иванова.

Сама же казачья линия, по всей видимости, оборвалась на Камчатке в 1746 году, когда служилый Зосим Гуторов был убит восставшими коряками [«Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», Л., 1935 г., стр. 100].

В Российском государственном архиве Военно-Морского флота обнаружен список участников обороны, которые отозвались на призыв Завойко и «добровольно явились к защите Петропавловского порта от нападения неприятеля и участвовали в действительном сражении при отражении англо-французской эскадры, нападавшей в августе месяце 1854 года на Петропавловский порт» [Д. 909. Оп. 3. Д. 14. Лл. 176–194].

В этом списке и житель села Коряки тридцатичетырехлетний камчадал Прокопий Степанович Гуторов, награжденный впоследствии бронзовой медалью на Георгиевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 годов, одним из важных эпизодов которого была победа над англо-французами при обороне Петропавловского порта.

В эвакуации Петропавловского порта в 1855 году приняли участие и его земляк Ермолай Петрович Гуторов, награжденный точно такой же медалью, но на Андреевской ленте.

Их далекий потомок — лейтенант, старший лейтенант — Иван Григорьевич Гуторов, уроженец села Запорожье Усть-Большерецкого района Камчатской области, брал в мае 1945 года Берлин. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

Известна эта фамилия и на камчатском Севере. Замечательная сказительница Татьяна Евстроповна Гуторова, собиратель древнего фольклора, на основе найденного устного народного творчества восстановила древнюю ительменскую легенду «Эльвель», а затем создала вместе со своими единомышленниками национальный балет «Эльвель» и ительменский фольклорный (танцевально-хоровой) ансамбль, которым долгое время и руководила.

ДАНИЛОВЫ

Фамилия довольно распространенная в нашей стране, и история ее происхождения ясна — от церковного имени Данила (Даниил).

А вот история этой фамилии на Северо-Востоке России не столь проста.

В 1640 году в Якутск прибыли в составе отряда первого якутского воеводы П. Головина тобольские казаки:

Данилов Семейка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина.

Данилов Таскайко, стрелец [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141. Лл. 216 об., 219 об.].

Таскай Данилов был назначен целовальником по приему зерна (1640 г.) [РГАДА, Справочник, т. 1].

Семейка Данилов, как выясняется, тоже стал целовальником:

«Книга сбора ясака по Верхоленскому Братскому острожку с эвенков и бурятов разных родов, пришедших с верховьев рек Киренги, Хамды, Куленги и с устья р. Тутуры пятидесятника Курбата Иванова и целовальника Семена Данилова Черкашенина, 11 апреля 1644 (152) г.» [РГАДА, Справочник, т. 3].

Что же касается дальнейшей судьбы тобольских казаков Даниловых, то, отслужив положенное, они были командированы в Москву с последующим возвращением на родину:

«Степановы станицы Выходцова

…Семейка Данилов в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых [Л. 49 об.].

…Савка Данилов в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 60 об.].

В материалах за 1647 год мы находим указание еще на один документ: «Наказная память служилому человеку Я. Данилову с направлением в Столбовское ясачное зимовье для ясачного сбора и роспись служилых людей и посылаемых с ними материалов и провизии» [РГАДА, Справочник, т. 1]. Но последующий анализ документов показывает, что речь идет о Якове Данилове Щербаке.

Такая уж была закономерность того далекого времени — обозначать в документах только часть полного имени. И только при царе Петре было дано указание писать в обязательном порядке фамилию, а не только отчее имя.

«Челобитная П. Бекетова на промышленного человека Григория Виженца, служилого человека Якутского острога Прокопия Данилова и илимского пашенного крестьянина Ерофея Савостьянова, ограбивших его на Тугирском волоке» [РГАДА, Справочник, т. 2].

В документах за 1661 год мы находим два имени: Ермолка и Потапко Даниловы. Но к нашей родовой истории, как выясняется, они не имеют никакого отношения.

Но имеют прямое отношение к истории Якутии: «1661 (169) г. не ранее января 28 – не позднее августа 31. — Отписка сына боярского Второго Катаева в Якутскую приказную избу о приеме зимовий на р. Колыме от сына боярского Ивана Ерастова и роспись соболиной казне, имущества и служилых людей… Роспись служилым людем, каторые посланы в Якутцкой острог за государевою соболиною казною с сыном боярским с-Ываном Ерастовым: Андрюшка Федоров Пан, Васька Варфоломиев Бронник, Потапко Данилов, Гришка Черной, Никифорко Мощильцов, Софонко Симанов, Ивашко Белокопыт, Мишка Коновал».

В документах за 1681 год мы встречаем еще два новых имени, что опять же подчеркивает распространение этой фамилии и в сибирских просторах: Данилов Пахомко, новокрещенный казак (ж/о — женатый оклад); Данилов Тимошка, новокрещеный казак (ж/о).

Что означает слово «новокрещенный»?

Только одно — человек, который недавно обращен в православие.

Для того времени, о котором идет речь, новокрещенными, как правило, становились сосланные в Сибирь военнопленные, которых с великою охотою принимали на казачью службу, потому что они были и грамотными людьми, и людьми, обученными военному искусству, что в условиях военной колонизации Сибири ценилось очень высоко.

И эти новокрещенные казаки, как правило, делали весьма успешную карьеру.

Новокрещенными казаками могли стать и коренные жители Якутии, служащие первоначально проводниками и толмачами, а затем верстанные в государеву службу.

Вот какова судьба одного из Даниловых:

«1683 г. не ранее сентября 23. – Отписка царям Якутскаго воеводы Ивана Приклонскаго об успешных походах Якутских и Албазинских казаков против неясачных Тунгусов, об измене некоторых из означенных казаков и о взятии ими Тугирскаго острожка.

…в Тугирском аманаты три человека убили до смерти на карауле казака Тимошку Данилова, а сами из острожку ушли [Дополнения к актам историческим, 1867 г., т. X, СПб., № 78: III, сс. 346–348].

Но по архивным материалам за 1692 год выясняется, что Тимофеев Даниловых было двое, и у «новокрещена» Тимофея была иная судьба:

«Новокрещен Тимошка Данилов в прошлом во 199-м [1691] году в верху на заимках умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Тимошкино место казачей брат Сенька Дорофеев в холостой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 23].

«Новокрещен» Пахомко Данилов продолжал служить [там же, Л. 21].

Но в этот же период появляется и новое имя: «Ивашко Матвеев Балда в прошлом во 199-м [1691] году в Жиганском зимовье умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Ивашково место казачей брат Ефимко Федоров Даниловых в холостой оклад [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 33].

В именных списках казаков Якутского полка за 1706 год в составе четвертой пятидесятни снова появляется имя… Тимофея Данилова. На этот раз это был сын Ефима Данилова (в списке он указан как Даниловых), который служит в седьмой пятидесятне.

Это подтверждается материалами переписи Якутска за 1720 год: «Во дворе Ефим Федоров сын Даниловых … сын ево Тимофей двацати лет и он Тимофей послан Великого государя на службу в Оходской острог в 718 году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 16 об. – 17].

В 1748 году в казачью службу по Якутску определены Алексей и Федор Даниловы — сын и внук Тимофея Ефимовича. А их отец и дед — Тимофей Ефимов сын Даниловых — был записан в разночинцы Тауйского острога [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 127 об.].

П.П. Явловский в «Летописи города Якутска» сообщает интересные подробности об одном из них: «С 24 мая по 15 июня проездом в Камчатку жил член Камчатской экспедиции академик по кафедре натуральной истории Георг Вильгельм Стеллер. С ним были живописец Беркан, студент Алексей Горланов и якутский боярский сын из казачьих детей Алексей Данилов, возвращавшийся из Москвы, куда был отправлен с казенною рухлядью в конвое Охотского сержанта Алексея Мокрошубова и присоединившийся к Стеллеру в Тобольске».

1744 год

«…21 октября возвратился из Камчатки академик Стеллер. В Якутске он оставался до лета следующего года. В это время он съездил в Вилюйск и составил: 1) описание пути от Якутска до Вилюя; 2) описание Вилюя реки и живущих по оной якутов; 3) реестр зверям, птицам и рыбам, около Вилюя находящимся. Кроме того, ему принадлежит описание трав, растущих между Якутском и Охотском. Из Якутска он выехал в сопровождении знакомого Алексея Данилова, который вернулся из Камчатки раньше, побывавши со Шпанбергом в Японии. На пути в Петербург умер в Тюмени 12 ноября 1746 г.» [Явловский П.П. Летопись города Якутска].

В 1744 году при формировании Камчатской духовной миссии архимандрита Хотунцевского в ее штат в Тобольске был зачислен дьячок из якутских казачьих детей Петр Данилов.

Но еще раньше его в 1740 году Охотский служилый Михаил Данилов принял участие в кре-

стовом миссионерском походе по западному побережью Камчатки иеродиакона Якутского Спасского монатыря Гавриила Притчина, оставив при крещении свою фамидию крестным детям — корякам и камчадалам [РГИА, фонд 796, опись 23, дело 106].

«Список 1761 года
По Сибир. прик. за № 1647, лл. 1, 11–15.

Росписной список в бытности в Якуцке воеводы коллежскаго ассесора Лебедева по смене его в отдаче титулярному советнику и воеводе Чередову города, городовым ключам, канцелярии и в ней делам и протчаго интереса по нижеписанным званиям 1761 году.

Ведомость гор. Якуцка о дворянах и детях боярских, коликое число оных состоит и кто у каких дел и не у дел и что еще в полное число требуется.

Дети боярские 1-й статьи:

15) Алексей Федоров Данилов в Москву в Сибир. приказ с отвозом казенной мягкой рухляди».

В этом же году отмечены: пятидесятник Федот Данилов, казак Иван Данилов, казак Софрон Данилов…

В 1780-х годах — солдат Иван Данилов (Якутск), капрал Данилов Мефодий (Удский острог), унтер-офицер Данилов Варфоломей (Зашиверский острог)…

В 1770 году сержант Охотской казачьей команды Иван Данилов сопровождал на Камчатку ссыльных — словака Августа Морица Беньевского и шведа Адольфа Винбланда, участников Барской конфедерации против ставленника Екатериной II польского короля. Впоследствии Беньевский возглавил на Камчатке бунт, захватил судно и бежал на нем в Китай, затем добрался до Франции и оттуда отправился на остров Мадагаскар, чтобы стать там королем.

Даниловы принимали участие и в Секретной морской экспедиции Креницына-Левашева:

«Из рапорта А.И. Дудина П. К. Креницыну от 3 августа 1767 года: “В море померли своею смертию: штюрман ундер афицерскаго ранга Александр Степанов, казаки — Никифор Пастухов, Михаил Соловаров, Гаврила Колесников. С судна валом сшибло и утонул Михайло Касимов. При разбитии судна сошедшия на кекур прибывшею водою потоплены: штюрманские ученики Михайло Моршинцов, Иван Еремин, Алексей Плотников, квартирмейстер Андрей Жданов, за камисара сын боярской Андрей Климовской, за матрозов казак Василей Данилов, Петр Пушкарев, Афонасей Сургуцкой, Василей Калинин, Алексей Данилов, Иван Попов, Василей Чеботнягин, Михайло Пинегин, Михайло Брусенин, Михайло Луковцов, Афонасей Хлепятин, Алексей Новгородов, Леонтей Дьяконов, Максим Ремязов, Алексей Турбин, Еким Корякин, Федор Новиков, Иван Дранишников, Никифор Олесов, промышленной Петр Анфилатов”» (АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 16, лл. 64 об. – 65).

В 1803 году в Санкт-Петербургских ведомостях [№ 42. 26 мая 1803 года. С. 1478] в числе именитых лиц Якутии, пожертвовавших лошадей и скот для Камчатского гарнизонного батальона, отмечен дворянин Иван Данилов.

В 1812 году мы отмечаем эту фамилию и на Камчатке в составе сначала Камчатского гарнизонного батальона, а затем, после его расформирования, — в составе Петропавловской экипажной роты:

«Петропавловская флотская экипажная рота.

Матросы:

Данилов Петр Васильевич (1786)

В 1830 году в составе Якутского казачьего полка отмечены:

Данилов Сава — казак, вторая сотня

Данилов Семен — казак, первая сотня» [НА РС (Я), Ф. 401, Оп. 1, Д. 1-I, Якутский казачий полк].

«Именной список
Состоящих при Охотской Казацкой чинах
с показанием лет
Март месяц сего 1831 года

Данилов Александр (1795), казак

Данилов Николай (1797), младший урядник» [НА РС (Я), Ф. 401 п, Оп. 1. Д. 6Б. Л. 660 об. – 661 об.].

Не обошли Даниловы и Гижигу — здесь в 1913 году появилась на свет Данилова Ирина Пантелеймонова (09.06.1913).

А камчатские крестные внуки и правнуки Михаила Данилова в 1904–1905 гг. дали отпор японцам, которые, пользуясь негативными для России результатами Русско-японской войны, попытались овладеть Камчаткой, но получили отпор от самого населения полуострова. В составе народного ополчения было трое уроженцев села Хайрюзово — Алексей, Илья и Степан Даниловы.

ДОЛГИХ

Возможно, что корневая основа этой фамилии тобольская: «Во дворе оброчной крестьянин Ивашко Максимов Долгой. Пашни паханные середние земли 14 четей в поле а в дву потому ж. Пашенного лесу дубровы 6 десятин. Сена косит в Абалацком лугу 200 копен» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 118].

В 1655 году в отряде Ерофея Павловича Хабарова были «служилые люди и вольные охочие казаки, которые пришли в прежних годех с приказным человеком с Ярофеем Хабаровым».

Среди них — Ивашко Евсевьев Долгой.

Судьба его, как и многих, кто поверил в Хабарова и пошел с ним в Даурию, неизвестна — в живых тогда остались буквально единицы.

Но, тем не менее, само собой или по какой-то другой причине, но: «В Орленской волости пашенные крестьяне пашут государевы десятинные пашни по десятине ржаной по десятине яровой». Среди них — Офонка Иванов сын Долгой [Крестьянская именная книга Илимского острога 1677 (185) г., л. 164].

В период с 1722 по 1748 год в Анадырском остроге отмечены казаки Алексей и Тимофей Долгих. Вполне возможно, что это отец и сын, так как через двадцать лет Тимофей Долгих был переведен из Анадырского острога в Гижигинскую крепость в связи с принятием решения

об упразднении и уничтожении Анадырского острога, а имени Алексея в этом списке уже нет.

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

казаки

Тимофей Долгих. Жена Евдокия Афанасьевна» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Но, согласно ведомости о составе гарнизона Гижигинской крепости за 1781 год, Тимофей снова служил «в чукоцкой землице» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 22 об.].

Вместе с родителями прибыл в Гижигинскую крепость и их шестилетний сын Максим, который в 1781 году служил уже в Гижигинской казачьей сотне.

Но это еще не все. Среди казаков-переведенцев 1768 года была еще одна семья:

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

казаки

Кирило Долгих. Жена Марфа Михайловна. Дочь Анна — 3. Мать Татьяна Ивановна. Брат — казачий сын Яков Курилов — 18 (1750)» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Он также продолжает казачью службу в 1781 году, как и Тимофей с Максимом.

Но! Это далеко не полный список казаков Долгих, которые отмечены в ведомости 1781 года:

Пятидесятник

Иван Долгих — в Охотске (Л. 18 об.)

Казаки

Иван Долгих — болен (Л. 20 об.)

Михайла Долгих (Л. 21)

Андрей Долгих [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 21 об.].

Но и это еще не все.

В 1778 году было подписано мирное соглашение между чукотскими вождями и представителями русской администрации Северо-Востока:

«С русской стороны подписи на протоколе поставили капитан Т. Шмалев, переводчики государственный крестьянин Г. Попов, казаки А. Долгих и Е. Пургин (вместо двух последних по их неграмотности подписался казак С. Анкудинов), а также три капрала, 4 каптенармуса, 4 сержанта, 7 сотников, 4 пятидесятника и один сибирский дворянин (Н. Дауркин)» [Зуев А.С. Русско-чукотские переговоры 1778 г. и принятие чукчей в подданство России].

То есть свою подпись под этим историческим документом поставил Андрей Долгих.

С помощью сотрудников Магаданского государственного архива нам удалось узнать некоторые подробности родовой истории Долгих.

Вот, например:

Долгих Кирик (в других документах Кирилл) Иванович (1816–1865), пятидесятник Гижигинской казачьей сотни. Ж. (с 06.02.1849) Красовская Марфа Ивановна, дочь умершего казака.

Зная о том, что в казачестве было в обычае унаследовать отцовский чин (и его соответствующие заслуги), делаем вывод о том, что из двух Иванов, обозначенных нами выше, отцом Кирика (Кирилла) был пятидесятник Иван.

Но судьба не баловала пятидесятника:

«Казак Кирило Иванов Долгих — 41, из казачьих детей. Ж. Марфа Ивановна.

1833 — поступил в Гижигинскую 3-ю сотню.

1840 — переведен из Гижигинской сотни в Якутский полк.

1845 — пятидесятник, переведен в Гижигу.

1851 — разжалован в рядовые казаки.

Дочь Татьяна — 15 лет» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1, Д. 29. Л. 48].

Одновременно проходил службу и сын казака Ивана Долгих (хотя и наш пятидесятник был тоже уже рядовым казаком, и Ивановичи могли быть родными братьями): Долгих Алексей Иванович (1820), сын умершего казака. Ж. (с 16.05.1847) Нифантьева Татьяна Петровна (1831), дочь Гижигинского казака.

Последняя запись, которую мы имеем о казаках Долгих, датирована 1856 годом:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Гижиге

казаки

Долгих Алексей [Иванов] — 34; из казачьих детей, на службе и в чине с 1839 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

Никаких дальнейших сведений о представителях этой фамилии мы пока не имеем.

ДОЛГОПОЛОВЫ

Прозвище для обозначения того типа людей, которые предпочитают нестандартную одежду, выбивающуюся из картины привычного. По крайней мере, такое объяснение дают специалисты, изучающие историю возникновения фамилий.

Спорить не будем — но, нам кажется, что это слишком простое, если не поверхностное объяснение.

Как, например, объясняли нам происхождение прозвища Отлас у отца Владимира Владимировича Атласова — он якобы предпочитал одежду из атласа. А Иван Камчатой, наоборот, — предпочитал камчатые ткани.

Но, оказывается, в целом ряде наших северных регионов «отласы» — это непромокаемые рыбацкие рукавицы. И тогда прозвище Отлас приобретает совершенно другой смысл…

Вероятно, и в случае с долгополами скрыт какой-то совершенно другой смысл, нежели длинные полы кафтана, который носили в те времена…

И вот, пожалуйста:

«Фамилия Долгопол происходит от двух слов: “долго” и “поле”. Она была образована в XVII веке и связана с местонахождением первых носителей фамилии.

Известно, что родовое имение Долгополь находилось на территории, где располагалось длинное поле. Вполне вероятно, что именно это поле послужило причиной выбора такой фамилии.

Существует также версия о том, что фамилия могла возникнуть из прозвища, данного крестьянину, который отличался выносливостью и терпением в работе на длинном поле».

И тогда кое-что становится понятным. Например, вот эта цитата о ленских крестьянах:

«Наличие двойных фамилий в ленских деревнях не было каким-то исключительным явлением. Например, в деревне Сукневой Данилко Михайлов Минин имел прозвище Репа. Один лишь раз его записали с истинной фамилией, обычно же писали с прозвищем. А его детей писали с фамилией Репины. Ивашко Филипов Зуев (из д. Долгополовой, потом она называлась Чайка, его также записывали в д. Кондрашиной) имел прозвище Долгопол, а дети писались по фамилии Долгополовы» [К своим истокам, Иркутск, 2009].

И вполне вероятно, что сын Ивашки Филипова сына Зуева по прозвищу Долгопол был верстан в якутские казаки уже под новой фамилией:

Якутцкого города служилые люди

Рядовые казаки

Женатые

Ивашко Иванов Долгополов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 31].

А затем в окладных списках Якутска уже идут его дети: Василий, Осип, Елисей.

По крайней мере, по одному из них у нас имеется документальное подтверждение:

Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Долгополов Василий Иванов (5) [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886. С. 86–99].

Судьба же Осипа и Елисея оказалась связанной с Камчаткой.

Осип Долгополов был в составе казачьего отряда, который приказчик Михаил Многогрешный направил в долину реки Камчатки, чтобы заложить там новый — Нижнекамчатский — острог. Но отряд встретил отчаянное сопротивление камчадалов, которые во время первого похода Владимира Атласова были атакованы русскими в союзе с верхнекамчатскими камчадалами. Теперь нижнекамчатские камчадалы наносили ответный удар. Погибло пять казаков. В числе убитых был и Осип Долгополов. Это по тем временам было весьма серьезно. Казаки отступили, чтобы вернуться с большими силами летом 1704 года и построить Нижнекамчатский острог.

А на смену Осипу на Камчатку прибыл Елисей Долгополов:

«1723–1724 годы. Сын боярский Федор Иванович Шелковников. Назначен в качестве комиссара в 1723 г., прибыл в сентябре того же года. Обосновался в Нижнекамчатском остроге, приняв там дела у М. Нифонтьева. В Большерецкий острог на смену А. Попову отправил Ивана Федоровича Эверстова, в Верхнекамчатский на смену П. Баранова — Безсонова. Выезжая с Камчатки, оставил на приказе в Нижнекамчатске Елисея Долгополова, в Верхнекамчатске — М. Нифонтьева, в Большерецке — Петра Чупрова. Прибыл в Охотск 24 июня 1724 г.».

То есть Елисей Долгополов стал заказчиком (управляющим делами и сбором ясака) Нижнекамчатского острога.

А в 1731 году камчадалы окрестных острожков, как назывались их поселения, представлявшие собой небольшие укрепления, подняли бунт, который по имени их предводителя Федора Харчина вошел в историю как Харчинский бунт.

И вот новое печальное сообщение:

«…В начале [восставшие камчадалы пошли] вверх по Камчатке … у Крестов убили Нижнего Камчадальского острогу толмача Андрея Орлика да служи[лы]х Ананью Тюхова, Степана Ларионова да Елесея Долгополова, да казачью жену Алексея Чурина, да казачью жену с детьми Обросима Сорокоумова с двумя сыновьями, да посадских людей Захара Третьякова, Ивана Татаринова с сыном и с женой».

А далее история этого рода продолжается на далекой Чукотке.

В 1768 году принято решение о расформировании гарнизона Анадырского острога и переводе солдат и казаков в Тигильскую, Гижигинскую и Нижнеколымскую крепости.

В числе тех, кто был направлен в Гижигинскую крепость, мы видим семью казака Ивана Долгополова.

Сыновья: Матвей — 15 (1753), Василий — 16 (1752), Афанасий — 10 (1758). Дочери: Парасковья — 13 (1755), Офимия — 8 (1760) [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Но, судя по данным за 1781 год, семья разделится и казак Афанасий Долгополов будет переведен в состав гарнизона Охотска [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 22 об.].

Гижигинскую же родовую казачью линию поведет Василий Иванович Долгополов, у которого в 1790 году родится сын Гаврила.

У его сына — гижигинского казака Николая Гавриловича (1823–1859) с супругой Ольгой Константиновной — будет четверо детей:

Долгополова Неонила Николаевна. М. (с 11.10.1878) Лифантьев Федор Петрович, гижигинский казак.

Долгополов Константин Николаевич (1854), гижигинский казак. Ж. (с 01.11.1878) Кокшарова Матрона Семеновна (1857), дочь отставного гижигинского казака.

Долгополов Федор Николаевич.

Долгополов Николай Николаевич.

У Константина Николаевича будет пять дочерей, которые создадут брачные союзы этой семьи с другими гижигинскими родами.

И обратите внимание на то, как можно исковеркать такую простую фамилию, как Долгополов:

Долбоколова (Долгополова) Ольга Константиновна (1879). М. (с 1914) Куркутский Петр Андреевич (31.03.1891), псаломщик Гижигинской Спасской церкви.

Долгополова Марфа Константиновна, дочь казака. М. (с 09.02.1908) Парфентьев Яков Тимофеев, гижигинский казак.

Долгобоколова (Долгополова) Евдокия Константиновна (1891). М. (с 06.02.1911) Кожевин Фирс Андреев (1883), гижигинский казак.

Долгоколова (Долгополова) Анастаия Константиновна (1898). М. (с 10.02.1916) Брагин

Никифор Иннокентьевич (1884), гижигинский мещанин.

Долгоколова (Долгополова) Меланья Константиновна (1900). М. (с 11.01.1919) Падерин Илья Андреевич (1897).

Фамилию Долгополовых сохранили только сыновья младших братьев:

Долгополов Константин Николаевич (14.08.1909), в 1924 г. жил в с. Крестовая.

Долгополов Филимон Федорович (14.12.1877). Ж. Улита Николаевна (13.06.1877), вдова Иосифа Волкова.

Дальнейшая судьба представителей этой гижинской фамилии нам неизвестна.

ДУШЕЧКИНЫ

И снова основанием для работы над новым историческим очерком послужило письмо:

> *Сергей Иванович, здравствуйте! Мы с Вами незнакомы, но прочла Ваше сообщение членам ПИРО (Приамурского историко-родословного общества) и могу сказать, что Вы занимаетесь благородным делом! Я исследовала всю свою жизнь (а точнее — 30 лет), свое Ген[еологическое] Древо, нашла почти всех родных с 1830 года, издала эту книгу. Но не останавливаюсь в поисках и теперь знаю, что наш Род Душечкиных начался с 1650 года…*

Нерчинский казак Федор Душечкин, согласно материалам 3-й ревизии, был отправлен служить на Камчатку, и таким образом история этой фамилии также попадала в зону моего исследования.

И, соответственно, первый материал, с которым я познакомился, касался результатов этой 3-й ревизии.

Но он был печальным.

Нерчинск, 1744 год:

«Деревни Чикиревой

разночинцов померло

Иван [Кирилов сын] Душечкин (1694) у него дети Петр [Иванов сын], отец Кирило, брат Еким [Кирилов сын]

взято в рекруты

Иван [Иванов сын] Душечкин (1717)

взято на Камчатку

Федор [Иванов сын] Душечкин (1711)» [РГАДА. Ф. 350. Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917].

Более ранние сведения относятся к 1721 году:

«Пешей казак Иван Душечкин 27 (1694), дети у него сын Федор 10 (1711), Афонасей 7 (1714), Иван 4 (1717), Петр 3 (1718), да отец ево отставной казак Кирило Душечкин 70 (1649), да братья ево Алексей 25 (1696), Еким 22 (1699)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626].

А вот самые ранние сведения:

«В 1684 г. Максим Чернец(кий) просил об отводе земли в пашню: "…розпахал я под рожь дикую землю десятин з десять вниз по Шилке реке по правой стороне на Усть Карины речке на лугу…".

В марте 1683 г. просил о выдаче отводной "вниз по Шилке… по правой стороне по речке Куренге…" казак Леонтьев (там же, л. 126). Одновременно с ним подал челобитную казак Птицын об отводе земли "…вниз по Шилке… с нижнего Матакану до Ломов по обе стороны…" Там же поселился казак Ларионов».

Среди других «соискателей» земельных угодий, служилых Нерчинска, упоминаются: Михаил Размахнин, Филипп Лапшиков, Михаил Савватеев, Афанасий Кулаков, Иван Кутузов, Семен Борщев, Филипп Борода, Кирилл Душечкин, Семен Бянкин, Григорий Кайдалов [РГАДА, кн. СИБ. Пр. № 1631. Л. 123, 130].

Судьба Алексея Кирилова сына Душечкина также не легла в общую казачью семейную канву: согласно церковным книгам, он был посадским человеком, в 1730 году у него родился сын Иван, в 1731 — Петр, а затем он выдал замуж своих дочерей:

В 1736 году

«В Ноябре 1-го … Приходу Нерчинска Успенского монастыря крестьянин Конон Алексеев сын Пятин Алексеевой дочерью Душечкина того ж приходу девкой Параскевою 1-м браком».

В 1745 году:

«В феврале 13-го Нерчинской служилой Семен Григорьев сын Новиков ис приходу Куенской слободы Алексеевой дочерью Душечкиных девкою Анною первым браком».

«1745 году померло … В Ноябре 27-го … Посацкой Алексей Кирилов сын Душечкин — 50 лет» [Книга города Нерчинска соборныя Воскресенския церкви, ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1].

А затем, судя по отчествам, идет большое семейное разветвление потомков нерчинского казака Кирила Душечкина, но это уже 1824 год — за четверть столетия до великого Амурского переселения забайкальцев:

«Деревни Чанкировой

вдова Ксения Родионова Душечкина, Иван Федосеев Дущечкин, Василий Федосеев Душечкин, Леонтий Максимов Душечкин, Леонтий Силин Душечкин» [Исповедальные ведомости Бянкиной Троицкой церкви за 1824 год. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 163. Л. 391–392].

В самом Нерчинске в 1825 году отмечен только служитель Андрей Душечкин [Ведомость Иркутской Епархии, Нерчинского уезда, Нерчинского Большого Завода Петропавловского Собора/ ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 191. Л. 415].

А далее наш рассказ продолжит автор книги «Теплый дом Душечкиных» [Хабаровск, 2018, https://nasledie27.ru/novosti-npc/356-teplyy-dom-dushechkinyh.html] Ольга Анатольевна Крупнова:

«Мои предки Душечкины, о которых я хочу поведать, переселились из Забайкалья на Дальний Восток, в станицу Корсаковку, с пятым Амурским сплавом в 1859 году. Жительница поселка Корсаковский, Валентина Павловна Жеребцова, вспоминает слова своего деда: "Приплыли мы с отцом Прокопьевым Василием, когда на реке было много пропавшей рыбы. С нами переселялись: Душечкины, Лончаковы, Митрофановы, Глотовы, Дружинины и многие другие. Достали палатки, разобрали плоты и начали обживаться, строить дома". Именно от Ивана Спиридонови-

ча и Прасковьи Константиновны, от двух храбрецов, не побоявшихся трудностей, именно от этой семьи пошел наш род — род Душечкиных, который будет жить и процветать далее…

…Вместе с семьей Ивана Спиридоновича прибыл и двухлетний сын Алексей Иванович Душечкин, и если родоначальник Иван Душечкин — мой прапрапрадед, 1830 года рождения, то:

1-е поколение, сын Алексей Иванович — мой прапрадед (1857);
2-е поколение, внук — Алексей Алексеевич — мой прадед (1876);
3-е поколение, правнук — Антон Алексеевич — мой дед (1900);
4-е поколение, праправнучка — Вера Антоновна Душечкина, моя мама (1929);
5-е поколение, прапраправнучка — Ольга Анатольевна Крупнова, автор рукописи (1956);
6-е поколение, прапрапраправнучка — Александра Валерьевна Крупнова (1981) и т. д. до 8 поколений.

В семье казака Ивана родилось пятеро детей, из них в живых осталось трое сыновей: Алексей, Андрей и Яков, двое умерли, не дожив до года. Мой небольшой рассказ о старшем сыне — Алексее.

Казак Алексей Иванович, гласный Хабаровской городской думы в 1912 году, впоследствии достаточно успешный мужчина, по современным меркам — предприниматель. Человек с большой буквы, вырос, возмужал, стал достойным преемником своего отца — казака Ивана Спиридоновича.

У первого сына, Алексея Ивановича, и его жены Агапьи родилось десять детей, одиннадцатый мальчик Иван был усыновлен (за подвиг в Первой мировой войне он был награжден Георгиевским крестом IV степени, № 277519). Десятая дочь родилась у Агапьи на 61 году жизни, в 1913 году, но судьба ее печальна, она ушла из жизни при родах. Об этом говорит исторический снимок, который датирован именно 1913 годом.

Сыновья и внуки Алексея Ивановича Душечкина росли трудолюбивыми, обживались на самом берегу реки Уссури. Алексей Иванович был работник очень хозяйственный, все у него получалось.

Для того чтобы садить огороды, надо было сначала расчистить участки от леса и кустарников. А так как река Уссури оказалась нерестовой речкой и в летнее время года было много рыбы, то ее излишки продавались на рынке в Хабаровке. Излишки леса, сена, рыбы, наличие баркаса давали толчок к торговле. Торговля, почтовый извоз, пчеловодство получили свое развитие. Прибыль, полученная от торговли, вкладывалась в недвижимость.

Связь Хабаровки с селом Корсаково была только по реке, расстояние неблизкое, 20 верст. Поэтому, чтобы родным Алексея Ивановича и другим продавцам дать ночлег, а гужевому транспорту отдых, возникла необходимость строительства жилья в районе рынка. Это были три смежных участка недалеко от улицы Барановской (ныне улица Ленина). Алексею Ивановичу помогали все сыновья и внуки. Построили 12 домов всем “Душевным миром”.

В первом томе “Воспоминаний из жизни на Амуре” (издательство “Русская старина”, 1907 г.) говорится: “В 1873–1876 гг. деревень в окрестностях не было. Ближайшая казачья станица Корсаковка, которую не затопляло, находилась в 20-ти верстах от Хабаровска… Жители ее, потомки Забайкальских казаков, существовали недурно. Они поставляли лесной материал для военного ведомства и частных лиц, занимались охотой и рыбной ловлей, зимою возили почту”.

Вся большая и дружная семья Душечкиных считалась в станице Корсаково самой зажиточной. Во главе рода стоял казак Алексей Иванович, который со своими братьями взял в аренду два участка в районе “нижнего рынка” г. Хабаровска. С 1896-го по 1912 год все дружное семейство, половина из которых проживала в Корсаково и снабжала всем необходимым для жизни городских родных, сумело отстроить более 12 домов в городе Хабаровске.

Душечкины были прописаны на начало XX века по трем адресам: по улицам Артиллерийской (Истомина), Барабашевской (Запарина) и Поповской (Калинина). Два из их многих домов, что на улице Калинина, 27 (1912 г. постройки) и 27б (1907 г. постройки), охраняются государством; остальные несколько, по улице Истомина, сохранились до наших дней и до сих пор служат людям…»

Дома остались. А людей — род забайкальских и амурских казаков Душечкиных, не только отцов и сыновей, но и жен и дочерей — не пощадила страшная эпоха политического террора…

Вот этот кровавый список:

Душечкин Абрам Никифорович

Родился в 1915 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 3 марта 2000 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Абрам Никифорович

Родился в 1915 г., Дальне-Восточный кр., Нерчинско-Заводской р-н, с. Душечкино; русский; Проживал: Дальне-Восточный кр., Нерчинско-Заводской р-н, с. Душечкино. Приговорен: тройка ЧОС ПП ОГПУ ВСК 16 июня 1931 г. Приговор: депортация. Реабилитирован 8 февраля 2000 г. УВД Читинской обл. [Красноярское общество «Мемориал»].

Душечкин Александр Абрамович

Родился в 1924 г., Читинская обл., пос. Шеметово; русский; полицейский отряд Горно-лесной полиции, рядовой полицейский. Проживал: пос. Чебачи Саньцзянской провинции, Маньчжурия. Арест. ОКР «СМЕРШ» 15 армии ДВФ 2 сентября 1945 г. Приговорен: Военный трибунал 15 армии 23 октября 1945 г., обв.: по ст. 58-4 УК РСФСР. Приговор: к 4 годам л/св. Реабилитирован 21 ноября 1956 г. определением Военного Трибунала ДВО дело прекращено за отсутствием состава преступления [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Александр Алексеевич

Родился в 1903 г., Дальне-Восточный кр., Хабаровский р-н, с. Корсаково; русский; кре-

стьянин. Проживал: с. Корсаково ДВК. Арест. Хабаровским ОТКЗ кав. ПО ОГПУ 3 июля 1931 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 10 октября 1931 г., обв.: по ст. 58-10-13 УК РСФСР. Приговор: к 5 годам концлагеря. Реабилитирован 9 августа 1989 г. по заключению Прокуратуры Хабаровского края по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Алексей Алексеевич

Родился в 1876 г., Дальне-Восточный кр., Хабаровский р-н, с. Корсаково; русский; крестьянин. Проживал: с. Корсаково ДВК. Арест. Хабаровским кав. ПО ОГПУ 12 октября 1931 г. Приговорен: коллегия ОГПУ ДВК 14 апреля 1932 г., обв.: по ст. 58-10-13 УК РСФСР. Приговор: к 5 годам л/св. Реабилитирован 28 сентября 1989 г. по заключению Прокуратуры Хабаровского края по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Алексей Алексеевич

Родился в 1910 г., Дальне-Восточный кр., Хабаровский р-н, с. Корсаково; русский; Десятник. Проживал: ст. Нанса, Маньчжурия. Арест. УМГБ Хабаровского края 19 сентября 1945 г. Приговорен: ОСО при МВД СССР 25 июля 1946 г., обв.: по ст. 58-4 УК РСФСР. Приговор: к 5 годам л/св. Реабилитирован 18 июля 1989 г. По заключению Прокуратуры Хабаровского края по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Алексей Иванович

Родился в 1850 г., Забайкальская обл., д. Душечкино; русский; безработный, находился на иждивении внука. Проживал: г. Хабаровск. Хабаровским РО НКВД по ДВК 4 августа 1938 г. Приговорен: Хабаровское РО НКВД 13 января 1939 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: Дело прекращено, из-под стражи освобожден [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Антон Алексеевич

Родился в 1898 г., Дальне-Восточный кр., Хабаровский р-н, с. Корсаково; русский; крестьянин. Проживал: с. Корсаково ДВК. Арест. Хабаровским ОТКЗ кав. ПО ОГПУ 3 июля 1931 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 10 октября 1931 г., обв.: по ст. 58-10-13 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам концлагеря. Реабилитирован 9 августа 1989 г. По заключению Прокуратуры Хабаровского края по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Афанасий Андреевич

Родился в 1888 г., Дальне-Восточный кр., Хабаровский р-н, с. Корсаково; русский; сторож при в/ч 230 при детлагерях. Проживал: Хабаровский р-н, с. Корсаково, ДВК. Хабаровским РО НКВД 4 августа 1938 г. Приговорен: Хабаровское РО НКВД 9 мая 1939 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено за недоказанностью преступления [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Валентин Гаврилович

Родился: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирован 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Василий Васильевич

Родился в 1928 г., Читинская обл., Нерчинский р-н; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н. Приговорен: в 1933 г. Реабилитирован 8 июня 1993 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Василий Гаврилович

Родился: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирован 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Василий Иванович

Родился в 1903 г., Читинская обл., Нерчинский р-н; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н. Приговорен: в 1933 г. Реабилитирован 8 июня 1993 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Василий Михайлович

Родился в 1898 г., Дальне-Восточный кр., Хабаровский р-н, с. Корсаково; русский; колхозник. Проживал: с. Корсаково ДВК. Арест. ПП ОГПУ ДВК 12 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 23 июля 1933 г., обв.: по ст. 58-7-10 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 17 февраля 1989 г. Постановлением президиума Хабаровского краевого суда дело прекращено за отсутствием состава преступления [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Василий Никифорович

Родился в 1928 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 7 июня 2000 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Василий Никифорович

Родился в 1928 г., Дальне-Восточный кр., Нерчинско-Заводской р-н, с. Душечкино; русский; Проживал: Дальне-Восточный кр., Нерчинско-Заводской р-н, с. Душечкино. Приговорен: тройка ЧОС ПП ОГПУ ВСК 16 июня 1931 г. Приговор: Депортация. Реабилитирован 8 февраля 2000 г. УВД Читинской обл. [Красноярское общество «Мемориал»].

Душечкин Василий Петрович

Родился в 1891 г., пос. Екатеринославка; Работал в Кухтеринском ЛПХ в Шимановском р-не. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 7 апреля 1938 г. Приговор: ВМН [Книга памяти Амурской обл.].

Душечкин Василий Яковлевич

Родился в 1904 г., Дальне-Восточный кр., Хабаровский р-н, с. Корсаково; русский; колхозник. Проживал: Хабаровский р-н, с. Корсаково, ДВК. Хабаровским РО НКВД по ДВК 26 августа 1938 г. Приговорен: Хабаровское РО НКВД 25 февраля 1939 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено, из-под стражи освобожден за недоказанностью преступления [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Гавриил Андреевич

Родился в 1894 г., с. Душечкино Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Служил в Белой армии, крестьянин-единоличник. Проживал: с. Душечкино Нерчинского р-на ВСК. Арестован 18 ноября 1930 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 29 января 1931 г., обв.: ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам ли-

шения свободы. Освобожден досрочно в 1936 г. Реабилитирован 1 ноября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Душечкин Гавриил Андреевич

Родился в 1894 г., с. Душечкино Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Работал в вагонном участке, чернорабочий. Проживал: на ст. Зилово Чернышевского р-на Читинской обл. Арестован 23 ноября 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 3 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 26 декабря 1937 г. Реабилитирован 20 августа 1958 г. Читинским обл. судом [Книга памяти Читинской обл.].

Душечкин Георгий Гаврилович

Родился: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирован 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Георгий Никифорович

Родился в 1924 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 7 июня 2000 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Георгий Никифорович

Родился в 1924 г., Дальне-Восточный кр., Нерчинско-Заводской р-н, с. Душечкино; русский; Проживал: Дальне-Восточный кр., Нерчинско-Заводской р-н, с. Душечкино. Приговорен: тройка ЧОС ПП ОГПУ ВСК 16 июня 1931 г. Приговор: депортация. Реабилитирован 19 апреля 2000 г. УВД Читинской обл. [Красноярское общество «Мемориал»].

Душечкин Григорий Гаврилович

Родился: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирован 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Евгений Филиппович

Родился: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирован 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Иван Алексеевич

Родился в 1885 г., Дальне-Восточный кр., Хабаровский р-н, с. Казакевичево; нанаец; фонарщик на реке. Проживал: Хабаровский р-н, с. Красная Речка, ДВК. УНКВД по Хабаровскому краю 25 июня 1941 г. Приговорен: КРО УНКВД по Хабаровскому краю 17 октября 1941 г., обв.: по ст.ст. 58-1а, 58-10 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено за недоказанностью преступления [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Иван Гаврилович

Родился: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирован 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Иван Никифорович

Родился в 1930 г., Читинская обл.; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 7 июня 2000 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Иван Никифорович

Родился в 1930 г., Дальне-Восточный кр., Нерчинско-Заводской р-н, с. Душечкино; русский; Проживал: Дальне-Восточный кр., Нерчинско-Заводской р-н, с. Душечкино. Приговорен: тройка ЧОС ПП ОГПУ ВСК 16 июня 1931 г. Приговор: депортация Реабилитирован 10 апреля 2000 г. УВД Читинской обл. [Красноярское общество «Мемориал»].

Душечкин Иван Петрович

Родился в 1863 г., Амурская обл., Свободненский р-н, с. Буссе; Работал в своем хозяйстве. Арестован в мае 1924 г. Приговорен: , обв.: по подозрению в участии в Зазейском восстании. Приговор: освобожден [Книга памяти Амурской обл.].

Душечкин Иван Софронович

Родился в 1873 г., с. Душечкино Нерчинского уезда Забайкальской обл.; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Душечкино Нерчинского р-на ВСК. Арестован 18 ноября 1930 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 29 января 1931 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к высылке на 3 года. Реабилитирован 1 ноября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Душечкин Иннокентий Петрович

Родился в 1894 г., с. Екатеринославка; русский; работал рабочим в леспромхозе. Приговорен: тройка при ОГПУ ДВК 17 мая 1933 г. Приговор: ссылка с семьей на спецпоселение [Книга памяти Амурской обл.].

Душечкин Ион Алексеевич

Родился в 1892 г., Приморский кр., г. Хабаровск; русский; пакгауз фирмы «Чурика и Ко», заведующий. Проживал: Китай, Манчжурия, г. Харбин. Арестован 21 января 1947 г. Приговорен: 29 марта 1947 г. Приговор: 10 лет ИТЛ [Книга памяти Свердловской обл.].

Душечкин Леонид Гаврилович

Родился: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирован 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Матвей Гаврилович

Родился: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирован 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Михаил Алексеевич

Родился в 1879 г., Дальне-Восточный кр., Хабаровский р-н, с. Корсаково; русский; крестьянин. Проживал: с. Корсаково ДВК. Арест. Хабаровским ОТКЗ кав. ПО ОГПУ 8 июля 1931 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 10 октября 1931 г., обв.: по ст. 58-10, 58-13 УК РСФСР. Приговор: к 5 годам концлагеря. Реабилитирован 9 августа 1989 г. По заключению Прокуратуры Хабаровского края по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Михаил Алексеевич
Родился в 1880 г., Дальне-Восточный кр., Хабаровский р-н, с. Корсаково; русский; чернорабочий Хабаров. МДС. Проживал: г. Хабаровск. Хабаровским РО НКВД 4 августа 1938 г. Приговорен: Хабаровское РО НКВД 19 января 1939 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено за недоказанностью преступления [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкин Михаил Иванович
Родился: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка по выселению кулачества в 1931 г. Реабилитирован 19 августа 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Михаил Петрович
Родился в 1858 г., Амурская обл., Свободненский р-н, с. Буссе; Работал в своем хозяйстве. Арестован в мае 1924 г. Приговорен: , обв.: по подозрению в участии в Зазейском восстании. Приговор: Освобожден [Книга памяти Амурской обл.].

Душечкин Никифор Кириллович
Родился в 1895 г., с. Душечкино Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; Служил в Белой армии, крестьянин-единоличник. Проживал: с. Душечкино Нерчинского р-на ВСК. Арестован 18 ноября 1930 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 29 января 1931 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 18 февраля 1931 г. Реабилитирован 1 ноября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Душечкин Николай Иванович
Родился: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка по выселению кулачества в 1931 г. Реабилитирован 19 августа 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Николай Иванович
Родился в 1908 г., с. Душечкино Нерчинского уезда Забайкальской обл.; русский; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Душечкино Нерчинского р-на ВСК. Арестован 18 ноября 1930 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ по ВСК 29 января 1931 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 1 ноября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. [Книга памяти Читинской обл.].

Душечкин Николай Иванович
Родился в 1891 г., Амурская обл., Свободненский р-н, с. Буссе; работал в колхозе. Приговорен: тройка при ОГПУ ДВК 17 октября 1932 г. Приговор: ссылка с семьей на спецпоселение [Книга памяти Амурской обл.].

Душечкин Панкратий Федорович
Родился в 1882 г., с. Верея Нерчинско-Заводского уезда Забайкальской обл.; русский; Служил в Белой армии. Работал в колхозе. Проживал: с. Верея Нерчинско-Заводского р-на Читинской обл. Арестован 19 декабря 1937 г. Приговорен: комиссией НКВД и прокурором СССР 11 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-1а, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 23 марта 1938 г. Реабилитирован 26 апреля 1960 г. военным трибуналом ЗабВО [Книга памяти Читинской обл.].

Душечкин Панфил Иванович.
Родился в 1895 г., Амурская обл., Свободненский р-н, с. Буссе; Арестован в 1924 г. Приговорен: <...>, обв.: по подозрению в участии в Зазейском восстании. Приговор: Освобожден [Книга памяти Амурской обл.].

Душечкин Петр Матвеевич
Родился в 1868 г., Благовещенский р-н, с. Екатериновка; русский; Работал разнорабочим. Приговорен: тройка при ОГПУ ДВК 17 мая 1933 г. Приговор: ссылка с семьей на спецпоселение. [Книга памяти Амурской обл.].

Душечкин Семен Иванович
Родился: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорен: тройка по Выселению Кулачества в 1931 г. Реабилитирован 19 августа 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Сергей Сафонович
Родился в 1868 г., Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово; Проживал: Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово. Приговорен: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирован 19 марта 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкин Яков Яковлевич
Родился в 1908 г., Дальне-Восточный кр., Хабаровский р-н, с. Корсаково; русский; счетовод НАУРП. Проживал: г. Хабаровск. Арест. 1 отд. УГБ УНКВД 2 августа 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 23 сентября 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 3 октября 1938 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 30 июня 1989 г. По заключению Прокуратуры Хабаровского края по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. [Книга памяти Хабаровского края].

Душечкина Агафья Алексеевна
Родилась: Читинская обл.; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорена: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирована 3 марта 2000 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Агафья Алексеевна
Родилась в 1898 г., Дальне-Восточный кр., Нерчинско-Заводской р-н, с. Душечкино; русский; Проживала: Дальне-Восточный кр., Нерчинско-Заводской р-н, с. Душечкино. Приговорена: тройка ЧОС ПП ОГПУ ВСК 16 июня 1931 г. Приговор: Депортация. Реабилитирована 8 февраля 2000 г. УВД Читинской обл. [Красноярское общество «Мемориал»].

Душечкина Агриппина Васильевна
Родилась в 1925 г., Читинская обл., Нерчинский р-н; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н. Приговорена: в 1933 г. Реабилитирована 8 июня 1993 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Александра Никифоровна
Родилась в 1917 г., Читинская обл.; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорена: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирована 27 июля 2000 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Александра Никифоровна
Родилась в 1917 г., Дальне-Восточный кр., Нерчинско-Заводской р-н, с. Душечкино; русский; Проживала: Дальне-Восточный кр., Нер-

чинско-Заводской р-н, с. Душечкино. Приговорена: тройка ЧОС ПП ОГПУ ВСК 16 июня 1931 г. Приговор: депортация [Красноярское общество «Мемориал»].

Душечкина Анастасия Семеновна

Родилась в Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорена: тройка по выселению кулачества в 1931 г. Реабилитирована 19 августа 1997 г. [УВД Читинской обл.]

Душечкина Анна Афанасьевна

Родилась: Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово. Приговорена: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирована 19 марта 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Антонида Афанасьевна

Родилась в 1921 г., Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово. Приговорена: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирована 28 сентября 1999 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Анфиса Андреевна

Родилась: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорена: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирована 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Астраканида Гавриловна

Родилась в 1917 г., Читинская обл., Сретенский р-н, Куэнга; Проживала: Читинская обл., Сретенский р-н, Куэнга. Приговорена: в 1930 г. Реабилитирована 19 августа 1998 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Валентина Афанасьевна

Родилась в 1924 г., Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово. Приговорена: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирована 28 сентября 1999 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Валентина Ивановна

Родилась: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорена: тройка по Выселению Кулачества в 1931 г. Реабилитирована 19 августа 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Галина Афанасьевна

Родилась: Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово. Приговорена: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирована 19 марта 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Евгения Васильевна

Родилась в 1922 г., Читинская обл., Нерчинский р-н; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н. Приговорена: в 1933 г. Реабилитирована 8 июня 1993 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Елена Понтелеевна

Родилась в 1900 г., Читинская обл., Нерчинский р-н; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н. Приговорена: в 1933 г. Реабилитирована 8 июня 1993 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Елизавета Гавриловна

Родилась: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорена: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирована 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Крестинья Дмитриевна

Родилась: Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово. Приговорена: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирована 19 марта 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Мария Александровна

Родилась: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорена: тройка по Выселению Кулачества в 1931 г. Реабилитирована 19 августа 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Мария Михайловна

Родилась: Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Шеметово. Приговорена: тройка при ЧОС ПП ОГПУ ВСК в 1931 г. Реабилитирована 19 марта 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Матрена Фадеевна

Родилась: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорена: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирована 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Татьяна Тихоновна

Родилась: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорена: тройка по Выселению Кулачества в 1931 г. Реабилитирована 19 августа 1997 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Устинья Савельевна

Родилась: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорена: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1930 г. Реабилитирована 24 октября 1995 г. [УВД Читинской обл.].

Душечкина Федора Панфентьевна

Родилась в 1873 г., Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино; Проживала: Читинская обл., Нерчинский р-н, Душечкино. Приговорена: тройка по Выселению Кулачества в 1931 г. Реабилитирована 19 августа 1997 г. [УВД Читинской обл.].

ДЬЯЧКОВЫ

Фамилии Поповы, Протопоповы, Дьяконовы, Дьячковы – не редкость в ономастике (науке об изучении собственных имен).

Семьи церковно- и священнослужителей, существование которых поддерживалось самим обществом (приходом), были, как правило, многодетными, и очень часто эти дети оказывались за церковным штатом, так как все места были заняты — и они уходили кто в посад, становясь ремесленником или торговым человеком, кто в пашенные крестьяне, а кто — в служилые люди.

Но, в отличие от остальных вышеперечисленных церковных должностей, слово «дьяк, дьячок» имело и второе значение.

Первое — «в православной церкви церковнослужитель низшего разряда, не имеющий степени священства; дьяк, псаломщик, причетник».

Второе, более значительное, — «на Руси до XVIII в. письмоводитель или начальник в канцелярии разных ведомств»: «А вместо его Афонасья по его веленью приказной полаты подьячей Александр Дьячков руку приложил» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317].

А дети и тех, и других могли быть Дьячковыми (дьячковыми детьми).

Таковыми в Якутске были Максимовы дети Дьячковы: Ярофей, Никифор (Микифор) и Юрий.

«Ярофейко Максимов Дьячков в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Ярофейково место Петрушка Анцыфоров в холостой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 35 об.].

Якутск, 1720 год: «В юрте служивые Юрья да Микифор [Максимовы] дети Дьячковы … Юрья шестидесяти трех лет (1657)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 25 – 25 об.].

Дальнейшую службу нес уже сын Юрия Петр, который примерно в 1718 году был верстан в казаки.

1720 год: «Дьячков Петр [Юрьев сын] трицати пяти лет (1685) в службе, и он послан на службу в Анадырской острог в 719 году».

Именно с Петра Юрьевича и начинается анадырская история Дьячковых [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 25 – 25 об.].

Но Петр Юрьевич был не единственным из третьего поколения якутских Дьячковых.

Примерно в одно время с Петром верстан в казаки и его брат: «Дьячков Гаврило [Юрьев сын] двацати шти лет (1694) в службе посланы на службу на Ковыму в 714 году» [там же].

Послан не один — еще с одним братом: «Дьячков Дементей [Юрьев сын] двацати четырех лет (1696) в службе посланы на службу на Ковыму в 714 году» [там же].

А в Тауйском остроге в период 1722/1748 гг. проходила служба их двоюродного брата — Тимофея Никифорова сына Дьячкова [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 130].

Тауйск в то время — военно-стратегическая база для защиты ясачного населения юго-западных районов Северо-Востока империи от набегов воинственных неясачных коряков и чукчей.

Дальнейшая прямая родовая связь между анадырскими, колымскими и тауйскими Дьячковыми нами пока не обнаружена. Но имеются интересные факты, которые мы не можем не обойти своим вниманием.

1761 год: «Имянной список содержащимся в городовой крепости по разным делам колодникам бытности прежних воевод и колежскаго ассесора Лесли и кто имены и по каким делам, о том значит ниже сего: Василий Дьячков — в утерянии ехавшаго с ним в Ковымския зимовья для ясашнаго сбору комисара сын боярскаго Перфилья Аммосова, которой как с роспросу так и поднятия в застенке на виску в том утерянии не принес извинение, о чем по делу явно».

В «Исповедальном листе Среднеколымской Покровской церкви» за 1822 год [НА РС(Я), Ф-225и, оп-3, д-2, 1822 год, лист 802] Анна Васильевна Шадрина, автор книги «Казаки Колымы. Дарю вам ваши корни» нашла одного из потомков якутских казаков Дьячковых — Гаврилы или Дементия — Прокопия Дьячкова, которому было, согласно записи, 99 лет , то есть он был 1723 года рождения — именно тогда, когда оба брата проходили службу на Колыме.

И вот что писала Анна Васильевна о колымских Дьячковых:

«Дьячковы — огромный старинный колымский род. Изначально служили в Верхнеколымске. В Реестре св-ка Пр. Трифонова Дьячковы прописаны с 1773 года, вполне возможно, что они прибыли на Колыму еще раньше. В Реестре все они прописаны в роли крестных отцов, а там возраст не указывается. Крестным может быть и новорожденный, глубокий старик. С 1772 по 1775 г. прописаны крестными в Верхнеколымской крепости Дьячковы: Петр Петрович, Николай Деомидович, Василий Федорович, Ксенофонт Петрович, Федор Деомидович, его жена Татьяна Харитоновна, Яков Деомидович, Василий Деомидович, его сестра Ирина. Вполне возможно, что корень у них один. Но кто? Запись в М.К.: 1825 г. Умер казачий урядник Деомид Дьячков, в 58 лет, г. р, — 1767. Были братья Петр и Ксенофонт Петровичи Дьячковы. У Федора Деомидовича Дьячкова и жены его Татьяны Харитоновны — сын Василий Федорович. Самых старших по возрасту нахожу в Метрических книгах Покровской церкви: 1800 год, в Верхнеколымске умер казак Яков Дьячков, 76 лет (1724). Еще один старейший казак прописан в исповедальной ведомости Среднеколымской Покровской церкви за 1822 год: Прокопий Дьячков, 99 лет (1727). Именно потомки этого казака — внук Алексей Михайлович и его братья, поведут наш среднеколымский род Дьячковых. По спискам казаков на Колыме в 1788 г. проходили службу: Федор Дьячков, Василий Дьячков, а в 1796 г.: Федор, Василий, Михаил, Андрей, Яков, Николай, Матвей и Гавриил Дьячковы».

А далее Анна Васильевна разворачивает эту цепочку:

Михаил Дьячков, 51 год, жена — Елена, 45 лет. Дети — Прокопий, 21 год (казачья традиция называть старшего сына в честь деда); Дмитрий, 18 лет; Алимпиада, 16 лет [там же].

Алексей Прокопьев Дьячков, 33 года (1789), жена — Евдокия Михайловна, 24 года (1798).

Следующее поколение:

Дьячков Семен Михайлович, 37 лет (1785), жена — Анна Гавриловна, 39 лет (1783).

Дьячков Николай Михайлов, 27 лет (1795), Дьячков Прокопий Михайлович, 21 год (1801), Дьячков Дмитрий Михайлович, 18 лет (1804).

И новое колено:

Михаил Семенович Дьячков — 36 (1804), Дьячков Гавриил Семенович, 7 лет (1815), Дьячков Яков Семенович, 4 года (1818) [Именной список Колымской казачьей команды за 1840 г. НА РС(Я), Ф-401, оп-1, д-33.].

И далее следуют новые и новые Дьячковы, в поколенной росписи которых пока разобраться сложно — нужны детальные выборки.

По именным спискам Якутского казачьего полка за 1830 год мы находим следующие данные:

Якутский казачий полк, 1830 год

Дьячков Алексей — урядник, пятая сотня (Верхоленские)

Дьячков Алексей — казак, пятая сотня (Колымские)

Дьячков Семен [Михайлович] — казак, пятая сотня (Колымские)

Дьячков Прокопий [Михайлович] — казак, пятая сотня (Колымские)

По всей видимости, это представители одной казачьей семьи.

Но появляются и их крестники:

«Архимандрит Якутский Нафанаил II заявил себя ревностным распространителем христовой веры среди якутов. Так, из записной книги Якутского Спасского монастыря, в бытность Архимандрита Нафанаила видим следующий список новокрещенным якутам с 1 января 1757 года.

1) Борогонской волости девка Манька Адтююхова, 25 лет, обмолитвена и окрещена, имя в крещении Татьяна Алексеева Дьячкова» [Г.А. Попов Миссионерство в Якутии].

Или другой пример, уже на Чукотке: «анадырский житель, обрусевший чуванец Дьячков фиксировал: "чукчи из всех племен в крае были самые воинственные", а коряки "искони считались вероломным племенем"». А фиксировал он — марковский учитель Афанасий Ермилович Дьячков — все это в своем очерке по истории Чукотки — «Анадырский край», опубликованном в Записках общества изучения Амурского края в 1893 году.

В 1992 году вышла в Магадане книга Н.А. Жихарева «Повесть об Афанасии Дьячкове» — о первом учителе Чукотки.

У Афанасия Ермиловича были и свои последователи.

20 апреля 1917 года в Петропавловске в Высшем Начальном Училище, которое готовило камчатских учителей, в связи с Февральской революцией занятия окончились без экзаменов; аттестаты об окончании курса получили семь человек: первым в списке – чуванец Иван Дьячков.

На свою беду он не покинет революционную Камчатку, а наоборот, примет участие в событиях, которые станут впоследствии для него трагическими:

Сначала «Чуванец Иван Дьячков вместе с русским Василием [Егоровичем] Крупениным свергал в 1918 году красную власть в Петропавловске, сторожил в тюрьме совработников».

Действовал ли он сознательно — неизвестно. Известно другое: 12.05.1919 г. он женился на сестре Василия Егоровича.

Дьячков Иоанн Михайлов /1 бр., 25 л./ гр-н

Крупенина Мария Георгиева /1 бр., 20 л./ дочь казака Камч. команды.

Судя по сообщению В.П. Пустовита, в этот период в Петропавловске были и другие Дьячковы:

«События в Петропавловске:

…28 октября 1921 г. пароход "Свирь" (с остатками Белой армии. — *С.В.*) подошел к Авачинской губе.

…Экстренное общегородское собрание открылось в девять часов вечера. Его участник А.И. Дьячков спустя год с небольшим воспроизвел некоторые выступления.

Е.А. Колмаков: "Обсуждать приказы не следует и не приходится считаться с ушедшей властью".

П.Т. Новограбленов: "Правящая партия ушла, и нам нужно принять меры по охране города, так как времени осталось мало".

П. Овцын: "Бочкаревцев нечего бояться, они нас берут на испуг и приехали голые и босые, не имеют даже оружия и угля".

На него прикрикнул Н. П. Косыгин, председатель Союза домовладельцев: "Вашего брата здесь много находится, которые ничего не имеют, а у нас имущества и дома!".

Е.А. Колмаков: "Выбирать в охрану нужно лиц надежных и обратить внимание на радиостанцию".

П.Т. Новограбленов, Косыгин, Щипчинский и особенно Колмаков, по утверждению А.И. Дьячкова, настаивали на признании Временного Приамурского правительства.

Выступали многие. Сошлись на том, что, раз население не в состоянии сопротивляться прибывшему отряду, надо выполнять все приказы генерала и тем самым спасти город, а то, в самом деле, камня на камне от него не оставят.

Принято было четыре постановления. О власти в городе Петропавловске: "Ввиду ухода от управления и неизвестно куда местной коммунистической партии, стоящей против желания большинства населения у областной власти и в настоящее время сбежавшей, как не чувствующей никакой поддержки населения, — передать власть в г. Петропавловске временно городскому самоуправлению, как законно избранному гражданами города и отвечающему своему назначению впредь до установления нового порядка от Приамурского правительства…" О сдаче огнестрельного оружия: "Принимая во внимание, что почти все население г. Петропавловска добывает средства к пропитанию охотой на разного зверя, которому оружие может понадобиться каждый день — сдать в городское самоуправление все имеющееся оружие военного образца (берданы), а другое пулевое оружие (винчестера) и дробовики просить представителей Приамурского правительства оставить себе, как необходимость для каждого охотника…" Два других постановления (принятых так же единогласно) касались охраны города и мирной делегации к генералу Полякову на "Свирь". Для наблюдения за порядком, тишиной и спокойствием в Петропавловске собрание поручило городскому самоуправлению назначить караул из двадцати пяти человек "вполне надежных лиц, при вооружении кто чем может, в состав коих входят оставшиеся не ушедшими шесть милиционеров, которым собрание выражает доверие". Старшим караульным пожелал стать

гласный Петропавловской Думы Ефим Феликсович Одынец (из дворян), его и избрали.

Собрание поручилось за всех оставшихся в городе граждан, что они примут горячее участие в восстановлении мирной и спокойной жизни, “надеясь, что и ушедшая от власти коммунистическая партия не будет вредить этому”» [В.П. Пустовит Восполняя белые пятна, Противостояние. Очерки истории гражданской войны в Охотско-Камчатском крае].

Но о нем мы больше ничего не знаем.

А вот о дальнейшей судьбе Ивана Михайловича доподлинно известно следующее:

«Дьячков Иван Михайлович (1899, с. Марково на Чукотке — 8.03.1938, Петропавловск-Камчатский), участник июльского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске, делегат мильковского трехволостного съезда, избранный на съезде Завойкинской волости 27 марта 1922 г. Чуванец-кочевник. Окончил Петропавловское ВНУ. Отцовская собственность: дом в Анадыре, двадцать четыре собаки. 2 декабря 1922 г. Н.П. Фроловым был выписан ордер на его арест как “видного контрреволюционера”. Вскоре освобожден. В 1933 г. осужден на девять месяцев за пьянство. Жена (Крупенина Мария Васильевна — на самом деле Георгиевна. — *С.В.*) развелась с ним в 1929 г. По показаниям В.Г. Крупенина 1933 г., принимал участие в аресте совдеповцев вместе с ним самим, В.А. и А.В. Крупениными, охранял красных в тюрьме. Взят под стражу 8 октября 1937 г., будучи жителем села Сероглазка. Обвинен в контрреволюционной агитации, принадлежности к организации “Автономная Камчатка” и тесной связи (с 1931 г.) с японской резидентурой. Приговорен к ВМН с конфискацией имущества тройкой УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 20 ноября 1963 г. Камчатским областным судом» [В. П. Пустовит Камчатские персоналии (1917–1991), Общественно-политический справочник].

Есть еще одно интересное дополнение к биографии этого человека:

«В 1931 году инженер Анатолий Дмитриевич Батурин и камчадал Иван Дьячков совершили долгую поездку на собачьих упряжках из Петропавловска в Москву. Финишировали на Красной площади. Домой вернулся поездом, затем пароходом только Дьячков, который привез в качестве награды тульский карабин с дарственной надписью от кого-то из первых руководителей страны» [Александр Смышляев, очерк «На собаках по Камчатке» в альманахе «Тобольск и вся Сибирь», стр. 473].

У него остался сын — Владислав Иванович Дьячков (1925). Он был одним из участников Курильского десанта — раненный во время высадки десанта он не вышел из боя и одним из первых ворвался в траншеи противника на мысе Кокутан-Саки. Был награжден медалью «За боевые заслуги».

В 1920 году в Петропавловске-Камчатском родился Александр Александрович Дьячков — вероятно, сын участника событий 1921 года А.И. Дьячкова.

Будучи курсантом, он встретил войну 22 июня 1941 года под Львовом. И по сей день считается пропавшим без вести.

Но и на Чукотке эта фамилия на слуху:

Сборник «Айвэрэттэ», вып. 9. Анадырь, 1995, запись и перевод автора, исполнитель — Дьячков Семен Михайлович, с. Кепервеем Билибинского района Чукотского автономного округа.

ДЮКОВЫ

Конечно, интересно произвести эту фамилию от иностранного титула «дюк» — то есть «герцог»…

Дюк Ришелье, крепость Бар-де-Люк…

Просто мы основательно подзабыли свой родной язык и своих собственных былинных (следовательно, исторических) героев — того же Дюка Степановича:

Во тоя во Индеи во богатыи,
У честной вдовы Мамельфы Тимофеевне
Там был молодой боярин Дюк Степанович.
…
… Из той из Нижной Малой Галицы,
Из той Корелочки да из богатоей,
Выезжал-то на добром коне, на троелеточке,
Молодой Дюк да сын Степанович,
Выезжал на горы на высокия,
На ти на шóлони окатисты…

Имя Дюк, по версии некоторых из исследователей, вариант имени Георгий — Гюргий — Дюргий — Юрий — Дюк.

Возможно.

Но возможно и другое — это обычное мирское (защитное от злых духов) имя Дюк — «ленивый, неповоротливый, угрюмый, неразговорчивый человек; несговорчивый, упрямый человек»; смол. «кабан»; новг. «польза, прок» (СРНГ); ср.: дюка — влад. «молчаливый или угрюмый человек, медведь, бука» [Даль].

Дюка — Бука… Как вам такой вариант?

И тогда становится понятным, почему в России так много потомков французских «герцогов»:

«“Федот Дюка, крестьянин, 1495 г., Новгород; там же в конце XV в. несколько Дюкиных; Дюка Яковлев, крестьянин, 1606 г., Белев; Константин Степанов Дюков, крестьянин, 1610 г., Новгород” (Веселовский I); “Лях Дюкин, помещик, 1495; Костентин Степанов сын Дюкова, крестьянин, 1611” (Тупиков); “Крестьянин д. Майкор на р. Иньве Микифорко прозв. Дюк Стефанов, 1623” (Полякова). В Вологде фамилия учтена в 1745 г. (Чайкина)».

Но Дмитрий Яковлевич Резун, известный историк, соавтор книги «Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных» по поводу тобольских Дюковых писал однозначное:

«Среди казаков “литовского списка” Тобольска были Дюковы, фамилия которых происходит от старинного редкого латинского имени “Дюк”, “Дюкс” (“вождь”, “герцог”). Один из этих Дюковых, Федор, был среди казаков, сопровождавших посольство Н.М.Спафария в Китай в 1675 г.» [С. 59].

Позже в книге, изданной на основе его материалов, но уже после смерти Дмитрия Яковлевича» — биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. [М. — СПб, 2020, стр. 266] — он привел довольно большой список казаков Дюковых (Дюкиных):

«Дюкин Андрей Степанов — тобольский служилый. “литвин”, получал оклад 7 руб с четью (1652).

Дюков Андрей Семенов — тобольский пеший казак с окладом 4 руб. с четью; в 1696 “в его место” поверстан его сын Иван.

Дюков Василий — тобольский сын боярский; в 1682 назначен в поход И. Суворова “в киргизы”, но по дороге из Томска ушел.

Дюков Григорий — красноярский конный казак, в 1679 во время осады города киргизами на вылазках “бился явственно”.

Дюков Даниил (Данило) Якимов – тобольский казак “литовского списка” с окладом 10 руб. (1696).

Дюков Иван Андреев — тобольский казак “литовского списка”. В 1696 поверстан в пешие казаки “в место” своего отца Андрея. В 1700 получил хлебное жалование в Ялуторовской слободе.

Дюков Леонтий (Левка) — тобольский казак “литовского списка”; 16 июня 1673 приехал из Сургута и “явил” в таможне пушнины на 3 руб. В 1696 имел оклад 8 руб. с четью.

Дюков Матвей — томский служилый. Грамотен, в 1680 “прикладывал руку” вместо Л. Евсеева.

Дюкин Степан — тобольский служилый, “литвин”, с окладом 10 руб. (1671–1674).

Дюков Федор — тобольский казак “литовского списка” с окладом 10 руб. с четью. В 1675 направлен с посольством Н. Спафария в Китай. Упоминается в 1696 в том же чине и с тем же окладом.

Дюков Яким — тобольский казак “литовского списка”, в 1671–1696 имел оклад 10 руб. с четью. В феврале 1673 приехал из Москвы и “явил” “русского” товара на 33 руб. Кроме того, его же “осталый” товар на 8 руб. был представлен в таможне служилым С. Саранчиным».

Наша попытка найти красноярского Дюкова — не увенчалась успехом, вполне вероятно, что Григорий Дюков был тобольским казаком на «годовалой» службе в Красноярске (то есть находился там в служебной командировке).

Что же касается томского казака Матвея Дюкова — то это отдельная история, к которой мы вернемся чуть ниже. А пока попробуем выстроить родословную линию Дюковых, чтобы понять, кто кому как приходится в этом длинном (но далеко не полном) списке имен.

Собственно, имена первых Дюковых мы отыскали в именных списках служилых людей Тобольска за 1661 год.

Их было два. И ни один из этих Дюковых не проходил по знаменитым литовским спискам, куда, как правило, в первую очередь вносили иностранцев, обученных военному строю — военнопленных литвинов, черкасов, немчинов, поляков, ляхов…

| *И вот первая запись:*

Атаман новокрещенных татар
Офонасей Черкасов

Новокрещены

Стенка Дюков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 152 об].

| *А вот и вторая запись:*

Пешие казаки Михайловы станицы Остафьева

Рядовые

Семейка Иванов Дюков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 165].

Кстати говоря, Семена Ивановича Дюкова мы не находим в перечне служилых людей Дюковых из биобиблиографического словаря «Служилые люди Сибири», а именно он является родоначальником пеших казаков Дюковых — отцом Андрея Семеновича и дедом Ивана Андреевича Дюкова.

А что касается Дюкина Андрея Степановича — это, скорее всего, сын Степана Дюкова, который в биобиблиографическом словаре указан уже казаком «литовского списка», а не новокрещенных татар.

Сергей Евгеньевич Дурынин нашел документы, которые восстановили некий исторический баланс, и оказалось, что:

Первое: Степан и Семен родные братья — оба Ивановы дети, и оба еще не Дюковы, а Дючки — то есть дети Дюка, Дючки. И это не иноземное, а исконно русское имя.

И второе — оба первоначально были пешими казаками.

А третье — Стенька Иванов сын Дюков был переведен из пеших казаков в новокрещенные казаки, что согласно казачьему сибирскому рангу было серьезным повышением по службе.

«Государева царева и Великого князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованья дать тобольским служивым людем и ружником и оброчником и юртовским служивым тотаром на нынешней на 135 [1627] год по окладу (Л. 76)

Атаман пеших казаков Третьяк Юрлов (Л. 89)

Пешие казаки

Пятидесятником по 5 рублев с четью а десятником по 5 рублев без счети рядовым казаком по 4 рубли с четью

Дючко Степанов (Л. 91 об.)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 14].

«Книги имянные тоболским служилым людем и ружником и оброчником с хлебными оклады нынешнего 147-го [1639] году (Л. 258)

Казаки пешие Гавриловы станицы Ильина

По 5 чети с осминою ржи по 2 чети овса (Л. 302)

Степанко Дюков (Л. 302 об.)

По 5 чети с осминою ржи по 2 чети овса (Л. 306)

Холостые

Семейка Дюков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 111].

«Книги имянные Тобольского города ружником и детем боярским и съезжие избы подьячим и литве и конным и пешим казаком и новокрещеном и стрельцом и оброчником и юртовским служилым татаром с хлебными и соляными оклады ко 160-му [1652] году (Л.61)
[Новокрещены] (Л.100)
По 6 чети с осминою ржи по 5 чети овса по 2 пуда с четью соли
Стенька Иванов Дюков (Л. 100 об.)
Пешие казаки Остафьевы станицы Онтонова (Л. 110 об.)
По 5 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли
Семейка Иванов Дюков (Л. 111 об.)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 280].

И последующая линия тобольских казаков Дюковых — это уже, как выявил С.Е. Дурынин, — внуки Ивана Дючки.

Федька Дюков, уже как казак «литовского списка», впервые появляется в документе, датированном 1675 годом:

«*1675 г. не позднее мая 2. —* Роспись, составленная в Тобольской приказной избе, тобольских служилых людей, посланных с посольством Н.Г. Спафария
Казаки литовского списку: Костька Скибин, Петрушка Попов, Федька Дюков, Алешка Кривого меньшой, Федька Заев, Васька Кобыльской, Митька Крушинской, в ево место брат ево двоюродной Микифорко Офонасьев, Пашка Иванов, Илюшка Лихачев, Филька Сергеев, Якушка Юрганов, Стенька Ларионов, Игнашка Тычинской, в ево место брат ево двоюродной Васька Маликин, Оська Рачковской, Ондрюшка Трушников, Ивашко Воробьев, Гришка Залесов, в ево место сын ево тобольской пешей казак Матюшка Залесов, Ондрюшка Андреев Розказов, Александричка Алемасов» [РГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, кн. 3, лл. 230 об. – 231].

Следующий из Дюковых — Якимко — впервые объявляется в документах за 1682 год:

«Конные по спискам посланы на службы а у веры объявились в Тоболску на лицо Якимко Дюков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 754. Л. 25].

В тобольских окладных книгах за 1686 год тюменский исследователь С.Е. Дурынин обнаруживает еще одного Дюкова, имя которого отсутствует в списках «Служилых людей Сибири»:

«…в 1684 году казаки отправлялись из Тобольска в Дауры только в составе отряда казачьего головы Афанасия Ивановича Бейтона, а основу гарнизона Албазина во время его второй героической обороны составили пришедшие на помощь албазинцам казаки этого отряда, набранные из казачьих детей, братьев и племянников Тобольска и городов его разряда. Вот список этих героев: …Митька Дюков».

В «Смотренной книге тобольских служилых людей. 1689 (7197) г.» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948] представлены следующие имена:

Литовского списку казаки
Якимко Дюков (Л. 151)
Федка Дюков (Л. 152 об.)
Васка Дюков (Л. 154 об.)
Пешие казаки
Андрюшка Семенов Дюков» (Л. 427 об.).
Тобольск, 1693 год:
«Рядовые Литовского списку казаки
По 10 рублев с четью
[Ф]едка Дюков
По 10 рубли
Васка Дюков и в 201-м году на береговой службе в слободах у Семискулья озера от воинских людей убит
По 9 рублев
Левка Дюков в Даурех
Пешие казаки
Рядовым пешим казаком по 4 рубли с четью
Андрюшка Семенов Дюков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 191. Л. 192. Л. 236].

Появляется новое имя — Леонтий.

И оказывается, что все четверо — Федька, Якимко, Левка, Васька Дюковы — родные братья.

Вот какой документ за 1689 год открыл для нас исследователь тобольских казачьих фамилий Сергей Евгеньевич Дурынин:

Якимко Дюков
Оклад ему жалованья Великих государей денег 10 рублев с четью хлеба 5 чети с осминою ржи 4 чети овса 2 пуда без чети соли. Отец ево … Стенька Дюков служил в Тобольску в Литовском списке лет с 60. А он Якимко верстан по приговору …стольника и воеводы Петра Годунова с товарыщи во 176-м году.

А во 187-м году тот ево оклад по грамоте отдан Артемью Рачковскому.

И во 191-м году по грамоте ж Великих государей оклад ему учинен из убылого окладу Гришки Измайлова денег 10 рублев с четью хлеба 5 чети с осминою ржи 4 чети овса 2 пуда без чети соли.

А от роду ему 53 (1836) годы.

У него 3 брата служат в Литовском списке.

У него ж сын Данилко 11 лет (1678).

А службы ево служил в рейтарех в полку у полковника Дмитрея Полуехтова лет 15 и с изменники башкирцы бился в полку ж у думнаго дворенина у Якова Тимофеевича Хитрово под Уралом да посылан дважды в калмыки и к Ямышу озеру.

Федька Дюков
Оклад ему жалованья Великих государей денег 10 рублев с четью хлеба 9 чети ржи 7 чети овса 2 пуда с четью соли. Отец ево Стенка служил по грамоте в Тобольску в Литовском списке лет с 60. А он Федька верстан в Литовской список по приговору стольника и воеводы Петра Годунова с товарыщи во 178-м году.

А оклад ему учинен из выбылых денег 8 рублев с четью хлеба 7 чети ржи 5 чети овса 2 пуда с четью соли.

Да во 186-м году по грамоте прибавлено ему за китайскую службу денег 2 рубли хлеба 2 чети ржи овса тож.

А от роду ему 40 лет (1649).

У него сын Богдашко 7 лет (1682).

А службы ево в розных годех посылан на Урал в полк к думному дворянину к Якову Тимофеевичю Хитрово и город на Урале ставил да с посланником с Микулаем Спафарием в Китай да в Томской город в полку у воеводы Ивана Суворова и ис Томска на киргиз и к Ямышу озеру.

Васка Дюков

Оклад ему жалованья Великих государей денег 10 рублев хлеба 6 чети с осминою ржи 4 чети овса 2 пуда с четью соли. Отец ево Стенка служил в Тобольску Литовского списку в казаках лет с 60. А он Васка верстан по приговору стольника и воеводы Алексея Семеновича Шеина с товарыщи во 189-м году.

А оклад ему учинен что был отцу ево денег 10 рублев хлеба 6 чети с осминою ржи 4 чети овса 2 пуда с четью соли.

А от роду ему 36 лет (1653).

А службы ево посылан в Томск и ис Томска в степь на киргиз в полку у воеводы у Ивана Суворова да к Ямышу озеру по соль дважды в слободы по хлебные запасы трижды.

У него братья Якимко Федька служат в Литовском ж списке. Детей у него нет.

Андрюшка Семенов Дюков

Верстан он в пешие казаки по приговору боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хилкова с товарыщи в выбылой оклад. А службы ево посылан в Мангазею восмью к Ямышу озеру по соль шестью в слободы по хлебные запасы восемью.

А отроду ему 35 лет (1654).

У него сын Ивашко 8 лет (1681) племянник Андрюшка 13 лет (1676) не в службе» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948. Лл. 151–154; 427 об. – 428].

Леонтия Степанова сына в этом списке нет — он в те же годы служит в Нерчинске в пятидесятниках. Но речь сейчас и не о нем — о его сыновьях.

И вот первый из них:

«Двор старинной умершаго пешего казака Ивановские дочери Неводчикова девки Овдотьи сказала себе 30 лет слепа у нее в доме живет зять ее конной казак Иван Леонтьев сын прозвище Дюков сказал себе 39 лет (1671) у него жена Палагея Иванова дочь 39-ж лет дети сын Максим 13 Степан 9 дочери девки Степанида 6 лет Окулина полутора году да с ним-ж живет мать ево вдова Ирина Петрова дочь сказала себе 64 года (1646).

Платит в казну великого государя в концелярии с того двора она девка Овдотья банных 5 алтын подымных 2 деньги на год.

Великого государя жалованья ему Ивану денег 8 рублев 8 алтын 2 деньги хлеба ржи 3 четьи с полуосминою и с четвериком овса 2 четьи с полуосминою и с четвериком соли по два пуда с четью.

При сей переписке великого государя указ и подтвержение под казнию как о том писано выше сего их Троецкого приходу попа с причетники они слышав сказали Иван Дюков и вместо девки Овдотьи по ея велению руку приложил».

И эту руку он «приложил» вместо неграмотных своих земляков еще в нескольких случаях. То есть делаем вывод — был грамотен.

Если же мы пробежимся по списку казаков Дюковых из словаря «Служилые люди Сибири», то найдем еще одно упоминание о грамотности, и относится оно к томскому казаку Матвею Дюкову.

И кстати, точно так же, как и с красноярским Дюковым, никаких упоминаний, кроме тех, что сделаны в словаре Д.Я. Резуна, о Матвее Дюкове в томских источниках больше нет.

Начнем с того, что в исторических документах совершенно неожиданно мы обнаружили и отчество Матвея — Дюков Матвей Леонтьев сын.

И тогда становится понятным это уточнение Е. Багрина: «Именной список полков П. Грабова и А. Смаленберга, размещенных в Удинске и Нерчинске в 1690 г.

Тобольские литва, литва из рейтар, конные казаки, конные казаки из рейтар, новокрещены, их дети, братья и племянники (81 чел.)

«“Литовский список”. Полк П. Грабова. Удинск (25 чел.) … Дюков Левка, [пятидесятник]» [РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 302–327].

В «Служилых людях Сибири» об этом героическом прошлом Леонтия, к сожалению, ни слова. Известно только, что в 1696 году он снова проходит по тобольским спискам служилых людей.

«“Литовский список”. Полк П. Грабова. Удинск *пятидесятник*

Пятидесятник Лешка Дюков сопровождал в Китае Государственого Посольского приказу подьячего Ивана Логинова. 19 июня 1689 г. с отпиской приехал в Нерчинск, а оттуда 1 июля 1689 г. к Ф. Головину в урочище Мокрай Калтус (РКО. 1972. С. 451, 456, 459) [Багрин Е.А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком)].

Тобольск, 1696 год: Дюков Левка, казак литовского списка, оклад 8 руб. с четью [там же].

А его сын — Матвей Леонтьевич — в числе томской команды служилых людей был командирован на Камчатку, где эта команда во главе с Данилой Яковлевым сыном Анцыферовым Томским, подняли в 1711 году бунт, убили трех камчатских приказчиков, в числе которых был и первооткрыватель Камчатки Владимир Владимирович Атласов, и отправились на реку Большую, где в 1707 году восставшие камчадалы уничтожили гарнизон Большерецкого острога, разорили и сожгли сам острог.

Цель восставших казаков — восстановить острог, покорить неподвластных еще им авачинских камчадалов и присоединить к России соседние с Камчаткой Курильские острова.

И в том же 1711 году они начали этот процесс.

Вот исторический документ о том давнем событии, опубликованный в книге «Памятники сибирской истории XVIII в.» [кн. I, стр. 459–464]:

«“Челобитная” служилых людей Анциферова, Козыревского и других. Петру I от *26 сентября 1711 г.*

Державнейший царь, государь милостивейший! В нынешнем 711 году, в Верхнем и в Нижнем в Камчадальских острогах, прежде бывшие прикащики от нас, рабов твоих, побиты 1, а за что они,

прикащики, побиты, и в той своей 2 страдничьей вине подали тебе, великому государю, за руками две челобитные в Верхнем Камчадальском остроге прикащику служилому человеку Алексею Александровых, апреля в 12 день. И за такую свою страдничью вину пошли мы, раби твои, вышеписанного месяца из камчадальских острогов служить тебе, великому государю, на Большую реку, умирять изменников, которые в прошлом 707 и 710 годех тебе, великому государю, изменяли и ясачное зимовье и острог на Большой реке сожгли, а твою, великого государя, сборную ясачную казну разграбили, и прикащика со служилыми людьми побили, и с того вышеписанного 707 году по нынешней 711 год повсягодно многих служилых людей побивали ж, а твою, великого государя, сборную ясачную казну, порох, и свинец, и пищали побитых служилых людей отбили ж. И будучи мы, раби твои, на Большой реке, апреля 23 числа, лутчего иноземца Кушугу с родниками ласкою и приветом под твою царскую высокосамодержавную руку с ясачным платежом из острогу его вызывали и вызвать не могли. И ныне от нас, рабов твоих, тот его Кущугин острог крепким приступом взят; и на том приступе нас, рабов твоих, многих на смерть исперанили, а иных камением увечили, трех человек служилых убили, а его лутчего иноземца Кушугу из за бою в аманаты взяли, и ныне из за того аманата с родников его ясак тебе, великому государю, сбирается. И на том их месте мы, раби твои, ниже прежнего ясачного зимовья острог земленой построили, а в нем ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стаялой бревенчатой поставили; а прежних воров заводчиков лучших иноземцов Карымчу Товача с товарищи под твою царскую высокосамодержавную руку ласкою и приветом, службою своею и радением мы, раби твои, к ясачному зимовью с ясачным платежем 8 человек призвали и ясак с них тебе, великому государю, взяли, а их в аманаты изсажали. И нынешнего ж 711 году, маия в 21 день, вор и заводчик, лутчей иноземец Большия реки Канач, собрався с родами своими Большой реки пяти острогами, и подозвав к себе с иных многих посторонних рек иноземцов, в многолюдстве к ясачному зимовью и к острогу с приступом приходили, хотя он, Канач, по прежнему своему лукавому умыслу и понадеяся на свое великое многолюдство, ясачное зимовье и острог взять, а нас, рабов твоих, побить, а из казенки аманатов выручить. И мы, раби твои, Большой реки острог и ясачное зимовье от таких неприятельских немирных иноземцов и от великого их многолюдства своим малолюдством отстояли, и казну твою, великого государя, и аманатов оберегли, и к ним на вылазку из острогу своего с ратным боем выходили и от острогу своего вспять их прогнали, и на побеге его пущаго вора заводчика Канача со изменники побили; а осталые иноземцы в крепкие остроги засели; и мы, раби твои, под острогом Тавачевым, маия с 21 числа июля по 8 число, стояли тайно, себе великой голод принимали и многими крепкими приступы приступали; а на приступех нас, рабов твоих, под тем Тавачевым острогом многих на смерть исперанили. И видя они, иноземцы, наши крепкие к себе приступы, отсидется в остроге не могли и из острогу своего выбежали; а иные осталые иноземцы тебе, великому государю, вину принесли. И ныне тот их Тавачев острог взят и разорен, а из 4-х острогов тутошних иноземцов под твою царскую высокосамодержавную руку с ясачным платежем привели и умирили. А в прошлом, государь, в 706 году, будучи в Камчадальских острогах, прикащик Василей Колесов посылал в поход служилых людей в Курильскую землю для умирительства на немирных иноземцов. И будучи служилые люди в Курильской земле, от Курильского острогу видели за переливами землю по Пенжинскому морю, на той земле не были, и какие люди тамо пребывают и какую битву имеют и какими они промыслы промышляют, про то они в достаток, служилые люди, сказать не знали. А в нынешнем, государь, в 711 году, мы, раби твои, с Большой реки, августа с 1 числа, в ту Курильскую землю край Камчадальского Носу ходили; а где прежде сего служилые люди у Курильского острогу были, и от того их места до самого краю Камчадальского Носу дни ходу, и с того Носу мы, раби твои, в мелких судах и байдаром за переливами на море на островах были, и до той земли доходили, где велено нам, рабом твоим, по твоему, великого государя, указу, проведать и дать той земле особой чертеж. И будучи мы, раби твои, за первым переливом на первом острову, на усть Кудтугана реки, те курильские мужики, скопився в многолюдстве, дали с нами бой крепкой. И к бою ратному тамошние курильские мужики досужи, и из всех иноземцов бойчивее, которые живут от Анандырского по Камчатскому Носу. И божиею помощию, у них, курильских мужиков, 10 человек побили, а иных многих исперанили, и 3 карбаса морских у них отбили. А на том их острову соболей и лисиц не живет и бобрового промыслу и привалу не бывает, и промышляют они нерпу, а одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьяго перья. А за другим переливом, на другом острову, на Ясовилке реке, живут иноземцы езовитяне, и собралось их многое число, а бою с нами они не дали, а чрез толмач под твою царскую высокосамодержавную руку ласкою и приветом призывали. И они, иноземцы, нам, рабам твоим, сказали, что де мы здесь живучи ясаку платить никому не знаем, и прежде де сего с нас ясаку никто не бирывал, соболей и лисиц не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце, а которые де у нас были до вашего при-

ходу бобры, и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные тканые пестрые, и ныне де у нас дать ясаку нечего; а впредь ясак тебе, великому государю, платить хотят ли, про то нам, рабом твоим, не сказали. И стояли против нас своим великим войском изоружены, на битву с нами были готовы. И мы, раби твои, стояли на той их земле двои сутки, а дать бою с ними, за своим малолюдством и за скудостию пороховою, не посмели и себя от них опасли. И с той их земли мы, раби твои, в новопостроенной земленой острог на Большую реку пришли сентября в 18 числе, и тому, государь, учинили за руками чертеж. И ныне мы, раби твои, против твоего, великого государя, указу, каков был дан указ прежде бывшим прикащиком о проведании в Курильской земле против Камчадальского Носу на море за переливами землю проведали. А которых прошлого 710 году мы, раби твои, Апонского государства жителей у немирных иноземцов на Жупановской реке по бобровскому берегу отбили 4, и они сказывают, что де от вышепомянутой дальней земли, которую землю в полуденной стороне видите на море близь де Матмайского города и Апонского государства, и об том Матмайском и Апонском государстве радетельное свое тщание к службе твоей, великого государя, мы, раби твои, приложим и чрез дальную видимую землю проведать впредь обещаемся.

Всемилостивейший государь, просим вашего величества, вели, великий государь, сию нашу челобитную в Верхнем Камчадальском остроге прикащику Василью Севастьянову принять и в Якуцк под отпискою челобитную и чертеж послать. Вашего величества нижайшии раби служилые люди: Данило Яковлев сын Анцифоров, Иван Петров сын Козыревской, Алексей Посников, Матвей Дюков, Дмитрей Торской, Андрей Кутьин, Алексей Меледин, Гаврило, Келтяка, Василей Барашков, Лука Савинский, Алексей Михалев с товарищи, нынешняго 711 году, сентября в 26 день».

А в 1712 году отряд во главе с атаманом Данилой Анцыферовым отправился в поход на авачинских камчадалов.

И на подходе к селению, который впоследствии будет назван Старым Острогом (старинное название современного города Елизово), на одном из притоков реки Авача, которая сегодня носит название река Пиничева, произошла историческая встреча камчадалов и казаков.

Историческая в том смысле, что она имела весьма печальное — трагическое — завершение и для казаков, и для камчадалов.

Камчадалы радушно встретили казачий отряд. Но это радушие было прикрытием. Они напоили-накормили русских, отдали часть своих родственников в аманаты (заложники, как гаранты последующей выплаты ясака), а ночью заперли казаков в балагане и сожгли их заживо вместе со своими родственниками-аманатами.

Кстати, Пинич — на языке камчадалов означает «огонь». В память о сожженном отце или брате будущий тойон (вождь) Пиничь получил это имя, а в честь него и река, на берегу которой располагался его острожек, его поселение.

В следующем году сводный отряд из 150 камчадалов долины реки Камчатки (союзников русских) и 120 казаков пришел отомстить авачинцам за смерть Данилы Анциферова Томского и его товарищей. Главный авачинский острог был захвачен и уничтожен. Сохранилось только название — Старый Острог. И в 1834/1835 годах здесь была поселена семья бывших верхнекамчатских казаков (впоследствии крестьян и мещан) Машихиных.

В числе заживо сгоревших на Огненной реке (реке Пиничева) был и Матвей Леонтьев сын Дюков.

Но…

Но линия Матвея Леонтьевича Дюкова не прервалась. В переписи Тобольска за 1710 год мы находим имя Петра Матвеева сына Дюкова, что еще раз подтверждает тобольское происхождение томского казака Матвея Дюкова.

«В Тобольске же по материалам
1704 года служат:
Рядовые литовского списку казаки
По 10 рублев с четю
Яким Дюков
Федор Дюков
По 10 рублев
Данило Якимов Дюков
По 8 рублев с четю
Иван [Андреев сын] Дюков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 526. Л. 200].

Но Камчатка Дюковых не отпускает. В 1737 году мы обнаруживаем имя солдата Якутского пехотного полка Григория Дюкова в составе Второй Камчатской экспедиции [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 20. Л. 302–302 об., 304–308].

«Якуцкого полку салдат
Окладного без вычету на мундир — по девяносту копеек, а за вычетом на мундир — по сороку по шти копеек, да вторичного в награждение без вычету на мундир — полной оклад, итого по рублю по тритцати по шти копеек, хлебного — муки по пуду по тритцати по два с половиною фунта, круп по пяти фунтов, соли по два фунта на месяц.
Григорей Дюков» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 31. Л. 141–142].

Позже, в городе Сретенске, в числе военных поселенцев, мы снова обнаруживаем это имя:

«Список оказавшимся по росписи не бывшим во святую четыредесятницу и будущии по нем петров и успениев посты у исповеди военых поселщиков и их женам и детям а кто оныя имяны значит ниже сего 1792 году
Военные поселщики
Деревни Шаринской, Павел Андреев сын Балашев 68, Дети ево Конон 17, Феврония 20.

Дмитрей Федоров сын Черных 29, жена ево Ксения Матвеева дочь 20, брат ево Осип 17, сестра их Марья 16.

Николай Иванов сын Бздицкой 38.

Иван Данилов сын Менщиков 68, жена ево Анна Петрова 51, дочь их Евдокия 16.

Василей Григорьев сын Оксенов 97.

Григорей Алексеев сын Дюков 56 (1736).

Дмитрей Иванов сын Аммосов 70.

Калина Андреев сын Душкин 67, жена ево Наталья Петрова дочь 61» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 64.]

Но Григорию Алексеевичу в 1737 году исполнился только один год со дня рождения — и это какая-то другая, пока неизвестная нам дальневосточная история.

Но она говорит о многом.

Штаб-квартира Якутского пехотного полка располагалась в Селенгинске, и главная задача полка — это охрана границы России с Китаем. Все остальные задачи были вспомогательными, временными. Поэтому и выход в отставку с последующим поселением в Забайкалье был весьма закономерным. И вероятно, именно с этим и связано появление в Забайкалье крестьян Дюковых, дети которых, в свою очередь, могли пополнять ряды и Якутского пехотного полка, и казаков Дальнего Востока.

«Нерчинск. 1740 году родились: 21 августа у крестьяниа Ивана Дюкова дочь Васса [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 175].

«1750 году венчаны: В Маие … 6-го Того ж ведомства крестьянин Сергей Иванов сын Дюков женится у крестьянина Андрея Петухова на дочери ево девице Анне первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 450 об.].

Дучарский завод, 1823 год:
деревни Чашиной

Григорий Силин Дюков [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 171. Л. 32 об.].

Дучарский сереброплавильный завод, построен в 1760 как Калукченский в 40 верстах от Нерчинского Завода на рч. Калукша (Калукча), в месте слияния с р. Ниж. Борзя. После приезда нач. з-дов В.И. Суворова переименован в Борзинский, затем в Дучарский, по имени кочевавших здесь дучар… Закрыт в 1851 [Энциклопедия Забайкалья].

Дучарский завод, 1844:
Часть первая о родившихся

Декабрь … 20-го/23-го Евгения. Крестьянин Тарас Прокопьев Дюков и законная жена его Анна Ефимова.

Бракосочетание

Крестьянин Тимофей Егоров Дюков, 26, и дочь умершаго крестьянина Лаврентия Боровскаго, 26» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 827. Л. 99 об., 120].

И снова Камчатка.

В списках служилых людей Нижнекамчатска за 1813 год мы находим имя Дюкова Егора Андреевича (1792). А в списках служилых людей Петропавловского порта — имя его старшего брата — Дюкова Григория Андреевича (1787/9).

К 1845 году семейство Дюковых на Камчатке было представлено весьма и весьма основательно и все они — отцы и дети — проходили службу в Петропавловской экипажной роте.

Канониры 1-й статьи

Дюков Григорий Андреев сын (1791), из казачьих детей, уроженец Камчатской области.

Канониры 2 статьи

Дюков Андрей Григорьев сын 2-й (1826), из солдатских детей, уроженец Камчатской области.

Дюков Михайло Григорьев сын (1828), из солдатских детей, уроженец Камчатской области.

Канониры 1-й статьи

Дюков Егор Андреев сын (1787), из казачьих детей, уроженец Камчатской области.

Канониры 2-й статьи

Дюков Андрей Егоров сын 1-й (1823), из солдатских детей, уроженец Камчатской области

Матросы 2 статьи

Дюков Семен Егоров сын 1-й (1826), из солдатских детей, уроженец Камчатской области.

А вот что мы знаем о судьбе отцов:

«Дюков Григорий Андреевич (1791), канонир, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду в 1807 г., определен в экипажную роту в 1817 г., в 1817 г. по определению Охотского суда за кражу у мещанина Сенотрусова коробки с деньгами (750 руб.) наказан шпицрутенами через 1000 человек один раз».

Брат Григория — Егор Андреевич — за сокрытие этого преступления также бы переведен из казаков в матросы.

Удивительно, но, вероятно, этому мы тоже найдем когда-нибудь какое-то объяснение, но своих детей братья Дюковы называли одинаково. Четверо из Дюковых принимали участие в событиях, связанных с Крымской войной на… Тихом океане:

Дюков Андрей Григорьев сын (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детй, в 1853–1854 г. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. на этом же корвете участвует в сражении с англо-французской эскадрой в заливе Де-Кастри.

Дюков Андрей Григорьев сын (1826) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1840 г., в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Дюков Семен Григорьев сын (1833) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1855 гг. на корвете «Оливуца», в 1855 г. принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Дюков Семен Егоров сын (1826) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на корвете «Оливуца» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Участие в сражении с английским флотом в заливе Де-Кастри связано с выводом Петропавловского гарнизона в Николаевск-на-Амуре, где и продолжили свою службу матросы Дюковы.

В 1880 году в посемейных списках урядников и казаков Уссурийского пешего казачьего батальона [РГВИА, Ф. 5294] мы обнаруживаем знакомую фамилию:

«Пос. Кукелевский

Дюков Харлампий Иванов 47 (1833), жена Евдокия 40».

Что мы знаем об истории этого поселения?

В 1859 году был неурожай в Забайкалье. Переселение продвигалось туго. В этом году … на Уссури переселились 284 семьи, образовавшия 20 новых поселков: Буссе, Верхне-Михайловский, Верхне-Никольский, Ильинский, Красноярский, Графский, Княжеский, Нижне-Михайловский, Нижне-Никольский, Зарубинский, Покровский, станицы: Козловская, Лончаковская, Видная, Шереметьевская, Кедровская, Вешоковская, Кукелевская, Трехсвятительская и Дьяченковская.

В 1858 году 54 семейства заложили станицу Корсакову, Казакевичеву и Невельскую. В 1859 году 284 семейства заняли Уссури до станицы Буссе, образовав станицы: Дьяченкову, Киселеву, Трехсвятительскую, Верхнеголготайскую (переименованную впоследствии в станицу Кукеля).

То есть основали это поселение забайкальские казаки (точнее, забайкальские заводские крестьяне, верстанные в казаки).

И последнее встретившееся нам в исторической литературе упоминание этой казачьей фамилии связано с героической обороной Порт-Артура и гибелью генерала Романа Исидоровича Кондратенко.

«…некоторые подробности о гибели генерала Кондратенко.

В этот день японцы выкуривали наших из капонира форта II какими-то ядовитыми веществами; пришлось через две минуты менять людей. Но и японцы не могли нападать при этих ядовитых газах и потому ничего не взяли.

В девятом часу вечера генерал Кондратенко прибыл на форт и зашел в капонир, который наполовину в руках японцев, чтобы лично убедиться, в каком положении дела. Один из бывших там солдат будто ответил на привет генерала громковато: "Здравия желаем, ваше превосходительство!" Японцы тут же, за траверсом из мешков, наверно, слышали это и сообщили своему начальству, что какой-то генерал пришел на форт. Тотчас начали стрелять по форту из 11-дюймовых мортир и стреляли довольно долго, но после катастрофы вскоре прекратили огонь.

Кроме перечисленных в приказе лиц, одновременно с генералом Кондратенко погибли еще фельдфебель — зауряд-прапорщик Дюков и три солдата.

Сегодня будут хоронить всех под Крестовой батареей» [Ларенко П.Н. Страдные дни Порт-Артура? Русско-японская война: Взгляд побежденных. — М., 2005.].

Будем надеяться, что отыщутся и новые следы казаков-дальневосточников Дюковых.

ЕЛАНЦЕВЫ

Вектор для нашего поиска был задан в 1720 году:

«Роспись приежим людем разных городов и разных чинов и кто в коем году приплыл и за каким делом и то писано ниже сего … Тобольского города Федор Борисов сын Еланцов сказал девятнатцати лет (1701) приплыл в Якуцк с Офонасьем Шестаковым стоит на подворье у вдовы Марфы Ивановой робит на каштаке оброку на нем никокова нет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 43].

А затем мы находим интересную информацию из второго тома исторического исследования «Илимская пашня» В.Н. Шерстобоева: «Федор Еланцов 23 апреля 1740 г. подрядился при казначее монахе Лаврентии "в срок на год, до того ж числа стряпать в хлебне на братию и петчи хлеб на монахов и на бельцов и на работных людей. А жить ему всяким добром, не пить и не бражничать, по пустому не гулять и келарного старца во всем слушать и не огурятися. А за работу ряжено ему денег 10 рублев, холсту 6 аршин, чарки (обувь), аршин сукна, рукавицы с варегами. А наперед дано ему денег 2 рубли"» [Фонд 482, арх. № 3, стр. 547].

Судя по времени и «частоте» появления этой фамилии на Дальнем Востоке — это наш Федор Борисович.

Поиск Еланцевых в Тобольском уезде нам ничего не дал — мы только нашли деревню Белую Елань на реке Пышма и сообщение о том, что кто-то из тобольских крестьян сказал о себе: «… родился де он за Знаменским монастырем в деревне Еланской, жил во крестьянех».

Информацию мы получили совершенно из другого источника — «Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1754 годом апреля по 1 число: Данило Еланцов — 55 л; из рекрут ис крестьянских детей Исецкого дистрикту Терсюцкой слободы; женат у него сын Викул 21 г. в наполных полках в драгунах; при полку».

Затем мы нашли тобольчан Еланцевых в Туруханском крае:

«Туруханскій магазинъ состоялъ теперь въ ведѣніи тобольскаго провіантскаго коммиссіонерства; завѣдывалъ имъ вахтеръ Еланцевъ. По предписанію туруханскаго городничаго Леонтьева, Еланцевъ принялъ магазинъ отъ вахтеровъ казаковъ Алексѣя Сотникова и Попова» [Кытманов А.И. Краткая летопись… Красноярск, 2016, с. 150].

Возможно, из этих же мест и другой якутский служилый человек, попавший под «расказачивание»:

«В Анадырском остроге

Разночинцы

Иван Елонцов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. л. 79].

И не его ли (его детей) судьба впоследствии привела на Камчатку, в крестьянство, где они появляются как-то неожиданно в селе Мильково?

ЕЛАНЦЕВЫ

1 колено	
	Еланцов Иван (1826), с. Мильково, награжден бронзовой медалью в память о Крымской войне 1853–1856 гг. на Андреевской ленте за участие в эвакуации гарнизона Петропавловского порта в 1855 г.
	Еланцев Григорий Стефанович, крестьянин, с. Мильково. Ж. Евдокия Лаврентьевна (1833), в 1869 г. вдова, замужем за Иваном Ларионовичем Потаповым (1846), крестьянином с. Мильково
2 колено	
	Еланцев Алексей Иванович (1858), с. Толбачик, в 1886 году причислен из с. Мильково. Ж. (с 1886) Савинская Агафья Семеновна (1868), дочь отставного казака из с. Усть-Приморск Семена Петровича Савинского
	Еланцева Мария Ивановна (1861). М. (с 1878) Бобряков Иван Петрович (1856), мильковский крестьянин
	Еланцева Агафия Ивановна (1862), дочь крестьянина с. Мильково. М. (с 1885) Садовников Федор Романович (1861), камчадал с. Щапино
	Еланцев Карп Иванович (1865), с. Толбачик. Ж. (с 24.08.1890) Ворошилова Екатерина Павловна (1871)
	Еланцева Агафья Ивановна (зам. с 1884, ум. в 1888)
	Еланцева Елена Ивановна
	Еланцев Стефан
Дети Григория Стефановича	Еланцев Егор (Георгий) Григорьевич (18.01.1862), мильковский крестьянин. Ж. (с 08.04.1885) Машихина Параскева Митрофановна (1865), дочь верхнекамчатского крестьянина
	Еланцева … Григорьевна (1865). М. (с 1884) Красильников Иннокентий Николаевич (1865)
3 колено	
	Линия Еланцева Ивана
Дети Карпа Ивановича	Еланцев Александр Карпович (1891), с. Толбачик, камчадал. Ж. 1 (с 05.04.1909 по 29.12.1925, развод) Чуркина Феоктиста Евлампиевна (1891), дочь умершего камчадала Евлампия Флегонтова Чуркина. Ж. 2 Плотникова Ефалия Ивановна (1909)
	Еланцева Олимпиада Карповна (03.04.1908), с. Толбачик. М. Каргопольцев Николай Степанович, с. Ключи
	Еланцева Варвара Карповна (19.12.1904) М. Плотников Петр Семенович (1900)
	Линия Еланцева Григория Стефановича
Дети Егора (Георгия) Григорьевича	Еланцева Антонина (Антонида) Егоровна (1888). М. Подкорытов Дмитрий Егорович (1884), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Мильковская дружина)
	Еланцев Николай Егорович (06.12.1889)
	Еланцева Раиса Егоровна (1891)
	Еланцев Григорий Георгиевич (01.03.1896). Ж. (с 07.02.1916) Плотникова Феоктиста Евстигнеевна (1895), с. Мильково
	Еланцев Серафим Георгиевич (06.1904 – 31.07.1943), участник Великой Отечественной войны, погиб под г. Тула. Ж. Логинова Надежда Михайловна (1921), с. Шаромы
	Еланцев Фаддей (Фарадей) Георгиевич (01.05.1910 – 12.11.1976), участник Великой Отечественной войны
4 колено	
	Линия Еланцева Ивана
Дети Александра Карповича	Еланцев Федор Александрович (1910 – 26.10.1942), п. Среднекамчатск, участник Великой Отечественной войны, скончался в госпитале
От первого брака	Еланцева Дарья Александровна (1911–1991). М. Корытов
	Еланцева Парасковия Александровна (1915–1992). М. Скоробогатов
	Еланцев Евлампий Александрович (1918–1943)
От второго брака	Еланцева Феоктиста Александровна
	Еланцева Прасковья Александровна (27.10.1919)
	Еланцева Екатерина Александровна (1920) М. 1 Плотников. М. 2 Крысин
	Еланцев Карп Александрович (1926–1980)
	Еланцева Евдокия Александровна
	Еланцева Вевея Александровна
	Еланцев Иван Александрович
	Еланцев Виктор Александрович — умер в детстве
	Еланцева Галина Александровна
	Еланцев Валентин Александрович
	Еланцев Николай Александрович
	Еланцев Леонид Александрович
	Линия Еланцева Григория Стефановича
Дети Григория Егоровича (Георгиевича)	Еланцев Сергей Григорьевич (25.09.1923), участник Великой Отечественной войны Ж. Александра Семеновна
5 колено	
	Линия Еланцева Ивана
Дети Карпа Александровича	Еланцева Зинаида Карповна (1949–1989)
	Еланцев Владимир Карпович (1953–2003)

Мы начали камчатскую историю Еланцевых с награды в память о Крымской войне 1853–1856 гг. и обороне Петропавловского порта 1854 года.

А завершает эту историю один из Еланцевых — участник Великой Отечественной войны: фронтовику, разведчику Фаддею Георгиевичу Еланцеву его земляк — поэт Георгий Германович Поротов — посвятил свое стихотворение «Кочевой учитель»:

Мы в школе учили немецкий язык.
На встречу пришел к нам земляк-фронтовик.
В разведке служил он. Дошел до Берлина.
Награды надеты по пояс картинно.
Мгновенно утих переполненный класс,
И гость издалека повел свой рассказ:
— В тридцатых годах при товарище Отке
Работал учителем я на Чукотке.
А школа тогда кочевою была,
Не клеились спервоначалу дела:
Во-первых, не знал я чукотский язык,
Еще, во-вторых, кочевать не привык.
И некому в тундре парнишке помочь
Из стойбища гнал злой шаман меня прочь.
— Все брошу! —
Кольнула мыслишка на миг…
Но все же я выучил этот язык!
Потом все смеялись от стара до мала:
— Ты помнишь, как плохо учил нас сначала?
И стала Чукотка мне близкой, родной.
Да вот заявился к нам Гитлер с войной…
— Вы знали немецкий? —
Спросил мой сосед.
Разведчик подумал и вымолвил:
— Нет.
По-ихнему знал лишь одно — хенде хох! —
По классу пронесся завистливый вздох, —
Но знать языки мы, ребята, должны,
Они нам для мира сегодня нужны!

ЕМЕЛЬЯНОВЫ

Имя Емельян, Омельян, Омелка — было в свое время очень распространенным, и поэтому от этого имени образовались сотни фамилий по всему бескрайнему российскому пространству.

И первым из Емельяновых, кто дошел до самого края — до того места, где восходит солнце, был устюжанин промышленный человек Сидорко Емельянов.

Он был в команде тобольского казака-разбойника Герасима Анкудинова (Онкудинова), который боролся с Семеном Дежневым за право возглавить промысловую экспедицию торгового человека Федота Алексеева сына Попова, но наказ колымского приказчика был дан Дежневу.

Анкудинов с командой не отступил — слишком заманчивыми были слухи о легендарной реке Погыче — и отправился вслед за командой Дежнева-Попова в морской вояж.

Но им первым и не повезло — их суда в шторм потерпели кораблекрушение, но люди не погибли — их спасли и приняли на борт кочи Попова.

А потом обрушился новый шторм — и суда разметало в проливе, который потом Джеймс Кук назовет Беринговым в память о человеке, который пытался ответить на вопрос, сходится ли Азия с Америкой, но так и не смог решить эту задачу, которую решили за него камчатские казаки и мореходы в 1732 году, открыв Большую Землю — Аляску.

А далее мы предоставляем слово главному свидетелю тех давних событий — Семену Ивановичу Дежневу:

1655 года не ранее апреля 75. — Из отписки якутскому воеводе Ивану Акинфову казака Семена Дежнева о походе на Анадырь, о судьбе его спутников…

«Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии, воеводе Ивану Павловичю да дьяку Осипу Степановичю Ленского острогу служилой человек Семейка Иванов Дежнев челом бьет. В прошлом во 156-м [1648] году, июня в 20 день, с Ковымы реки послан я, Семейка, на новую реку на Анандырь для прииску новых неясачных людей. И в прошлом же во 157-м году, месяца сентября в 20 день, идучи с Ковымы реки морем, на пристанище торгового человека Федота Алексеева чухочьи люди на драке ранили, и того Федота со мною, Семейкою, на море рознесло без вести. И носило меня, Семейку, по морю после покрова богородицы всюда неволею, и выбросило на берег в передней конец за Анандырь реку. А было нас на коче всех дватцать пять человек. И пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шел я, бедной Семейка, с товарищи до Анандиры реки ровно десять недель, и пали на Анандырь реку вниз близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И з голоду мы, бедные, врознь розбрелись. И вверх по Анандыре пошло двенатцать человек, и ходили дватцать ден, людей и аргишниц, дорог иноземских не видали и воротились назад и, не дошед за три дня днища до стану, обначевались, почели в снегу ямы копать. А с ними был промышленой человек Фомка Семенов Пермяк, учал им говорить, что де тут нам ночевать нечево, пойдем де к стану к товарищем. И с ним, Фомкою, только пошел промышленой человек Сидорко Емельянов да Ивашко Зырянин, а достальные люди тут остались, потому что з голоду итти не могут. А приказали ему, Фомке, чтоб де я, Семейка, послал им постеленко спальные, и парки худые чем бы де нам напитатися и к стану добрести. И Фомка и Сидорко до стану дошли, и мне, Семейке, сказали. И я, Семейка, последнее свое постеленка и одеялишка и с ним Фомкою к ним на Камень послал, и тех достальных людей на том месте не нашли, неведомо их иноземцы розвезли. А что статков

записных прикащиков Безсона Астафьева, Офанасья Андреева осталось, и у тех статков оставлен был и приказано ему покрученик их Елфимко Меркурьев. А в те поры у нас не было подъячих, записывать некому. А осталось нас от дватцати пяти человек всего нас двенатцать человек».

Дежнев обозначил и маршрут своего морского похода:

«А с Ковымы реки итти морем на Анандырь реку, и есть Нос, вышел в море далеко, а не тот Нос, который от Чухочьи реки лежит, до того Носу Михайло Стадухин не доходил, а против того Носу есть два острова, а на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб, а лежит тот Нос промеж сивер на полуношник. А с рускую сторону Носа признака: вышла речка, становье тут у чухоч делано, что башни ис кости китовой. Нос поворотит кругом, к Онандыре реке подлегло. А доброго побегу от Носа до Онандыри реки трои сутки, а боле нет. А итти от берегу до реки недале, потому что река Анандырь пала в губу. А в прошлом 162 году ходил я, Семейка, возле моря в поход. И отгромил я, Семейка, у коряков якуцкую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что де Федот и служилой человек Герасим померли цынгою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душею, не знаю де куда» [ААН, фонд 21, кн. 31, № 65].

Какова дальнейшая судьба Сидора Емельянова? Кое-какие подробности раскрыл писатель Сергей Марков в очерке «Анадырское житье:

«Как отправляли впервые в 1657 году дорогой груз моржовой кости в Якутск? Об этом у Дежнева ничего не сказано, а между тем известно, что Федот Ветошка (кстати, Емельянов сын. — *С.В.*) и вздорный человек Евсейка Павлов появились тогда в Жиганском зимовье на Лене. Торговый человек Никита Малахов с сокрушением доносил, что “служилые люди у него пропились”. Федот Ветошка и Евсейка пропили по десять пудов моржовой кости. Дело не в размерах разгула служилых, а в том, каким путем они попали в Жиганск. Известно, что с Чекчоем сухим путем пошли только два человека — Сидор Емельянов и Панфил Лаврентьев, и о доставке ими мехов и кости у Дежнева ничего не говорится. Они везли только одну почту. В ней лежала ведомость о количестве впервые добытой моржовой кости. Дорога на Колыму и Якутск сухим путем пролегла с Анадыря через “Камень”, Анюй, Нижнеколымск, Алазею, Индигирку, Яну и Алдан. Жиганск, лежащий севернее Якутска, был, в свою очередь, местом досмотра судов, идущих в моря из устья Лены. В Жиганске взимались таможенные пошлины. Сухого пути в Жиганск с Яны, через “Камень”, тогда и в помине не было. Это достоверно известно из челобитной казачьего десятника Михаила Колесова. В 1678 году он писал, что лет восемь назад совершил зимний поход на оленях с низовьев Яны “в Жиганы” через горный хребет... “...а преж того русские люди через тот камень нихто не бывал”, — писал Михаил Колесов.

Как же очутились в жиганских питейных домах Ветошка и Евсей Павлов? Пришли с моря, только этот путь был у них! Но одного этого примера мало. В том же 1657 году торговый человек Прокофий Аминев встретил коч Василия Бугра на море, в Омолоевой губе, между Яной и Леной. Бугор шел с востока и вез груз моржовых клыков.

Беспутство Ветошки и Евсея в Жиганске, о котором вынуждены были даже доносить в Якутск, помогло нам установить, что костяная казна была впервые доставлена в Якутск с Анадыря на корабле. Почему же биографы Дежнева не заметили этих удивительных свидетельств о плаваниях от Анадыря на Лену? Ведь в этих походах нельзя было миновать пролива между Азией и Америкой, нельзя было не обойти Чукотского полуострова с востока на запад!

Трудно допустить, что костяную казну когда-либо сплавляли через верховья Анадыря с его порогами, перетаскивали волоком в Анюй, по Анюю проникали в Колыму и лишь колымским устьем выходили в море, чтобы оттуда держать путь к устью Лены.

Якутский воевода Михайло Лодыженский не должен был особенно распространяться о привозе моржовой кости морем с Анадыря, потому что был замешан в одном темном деле. Мы должны быть благодарны разбитному ярославцу Никите Агапитову (Малахову), у которого пропился Ветошка».

Вот так, благодаря сопоставлению походов Сидора Емельянова и Федота Емельянова сына Ветошки (в некоторых документах Веточки), открылось невероятное — о первых морских вояжах русских мореходов из Тихого океана через «Берингов» пролив в Северный Ледовитый океан.

Г. Чебыкина — зав. отдела истории Великоустюгского музея-заповедника, собирая сведения о своих знаменитых земляках, отмечала:

«В написанной памяти Михаила Захарова (документ 1653 года) Сидор Емельянов числится как устюжанин. В 1660- е годы он служил у приказчика С. Дежнева на Оленеке».

И вполне возможно, что казачий сын Афанасий Емельянов, верстанный в казаки в 1687 году, имеет к устюжанину Емельянову какое-то отношение.

Впрочем, Сидор Емельянов не был единственным, кто поступил на якутскую казачью службу.

В числе первых служилых людей были тобольские казаки — Самышка, Филька и Якимко — Емельяновы.

В 1670 годах в денщиках (приставах) в Чечуйском зимовье служил Никита Емельянов.

В 1673 году в деревнях Илимского уезда Усть-Кутской волости поселилась семья Васки Емельянова сына с детьми «сын з детьми с Тенкою с Обросимком».

Но вот что происходит далее:

«В окладной книге 1682 года здесь записан Васка Емельянов сын вычегжанин. В последний раз он упомянут в ужинной книге 194 (1686) года. В именной книге 1686 года записано: «Васка Емельянов. … А детей у него: Обросимко 14 лет, Максимко 13 лет, Алешка 8 лет, Ивашко 6 лет, Ивашко ж 4 лет». В записной книге 1688 года Васька Емельянов не упомянут. Не упоминается и дальше» [Красноштанов Г.Б. На Илимских пашнях XVII в.].

Вопрос: а куда же он со всей своей «оравой» подевался?

А если вспомнить, что в 14 лет верстали в казаки и то, что в 1691/1692 году более полутора сотни якутских казаков умерли от оспы, то становится понятным, почему илимских крестьянских детей не прочь были якутские воеводы верстать в казаки.

И в 1712 году в Нижнекамчатском остроге действительно служил Алексей Емельянов [Памятники сибирской истории, т. 1]? Не сын ли это илимского крестьянина вычегжанина Василия Емельянова?

Это одна версия.

Административные границы Илимского уезда постоянно менялись — волости переходили из одних начальственных рук в другие, то Якутск командовал, то Иркутск – крестьян переселяли с места на место, исходя из каких-то своих целесообразностей и вышестоящих наказов и указов.

Может быть, эти две истории и не связаны между собой, но одно не исключает другое:

«Селение Оекское возникло, ориентировочно, в последней четверти XVII века. В 1688 году началось заселение местности в 35 верстах (37 км) от Иркутска в пойме р. Куда и р. Оек. По приказу иркутского воеводы Леонтия Кислянского, здесь были поселены первые пашенные крестьяне Панкрат Тимофеев, Сорокин и Евсей Емельянов. Место было выбрано удобное как для земледелия, так и для скотоводства. Вероятно, бурятское население Буяновского и Абаганатского родов, обитавшее здесь ранее, миролюбиво отнеслось к русским казакам, поселившимся по соседству, и небольшая заимка скоро превратилась в село. Населили ее крестьяне, принудительно отправленные в Сибирь “по указу”, то есть по особому правительственному распоряжению “…поселены отцы наши и мы нижайшие во оную Оекскую слободу по указу”. Землеустройством оекских крестьян занимался боярский сын Иван Максимович Перфильев».

Сибирских крестьян верстали не только в казаки, но и «забривали» в солдаты:

«Амгинской слободы государственные
пашенные крестьяне
Взято в рекруты
Сергея Емельянова племянник Алексей» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 81 об.].

И стоит ли тогда удивляться, что в составе Второй Камчатской экспедиции на пакетботе «Святой Петр» капитана-командора Витуса Беринга вместе с Дмитрием Овцыным (бывшим лейтенантом, разжалованным за связь с ссыльной княжной Долгоруковой) и ветераном-тихоокеанцем Лаврентием Сметаниным служит в матросах 1-го класса Иван Емельянов?

Может быть, тоже из илимских крестьян — сыновей Василия Емельянова?

В 1812 году в Тигильской крепости служит рядовой солдат Василий Варламов сын Емельянов (1764).

У него здесь семья — супруга Анна Семеновна, дочь Агрипина (1800), сыновья Алексей (1804) и Степан (1809).

В 1831 году Степан Васильевич записан в Тигильской крепости школьником — по всей видимости, кантонистом [РГИА ДВ, фонд 1009, Оп. 2, дело 2].

А вот далее интересная накладка, в которой мы пока не можем толком разобраться:

Петропавловский порт, 1854 год.

«Емельянов Максим Алексеев сын (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте “Байкал” принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата».

Вроде как бы все совпадает — и уроженец Камчатки, и солдатский сын.

Но не тут-то было. История, как выясняется, здесь другая — уже не тигильская:

Его отец — Алексей Емельянов сын Емельянов был из крестьян помещика Ивана Борисова Ярославской губернии Даниловского уезда деревни Клоково, на Камчатку он прибыл 1827 году и служил в Петропавловской экипажной роте кузнецом.

Но это еще не все.

В числе кантонистов (школьников) в Исповедальных росписях Петропавловского собора за 1846 год мы находим Емельянова Хрисанфа Максимова сына.

Удивление вызывают два факта.

Первый — в кантонисты Хрисанф записан в возрасте… двух лет. Он 1844 года рождения.

Второй — Хрисанф Максимович никак не мог быть сыном Максима Алексеевича, если тот родился в 1836 году.

Конечно, возраст мог быть и другой — расхождения (все же было не на бумаге, а в памяти, а память не всегда надежна) были очень частыми и весьма значительными. Вполне вероятно, что Максим Алексеевич мог быть и постарше лет на десять. Или был еще один Максим, о котором у нас нет пока никаких данных.

И еще одна история. Весьма, на наш взгляд, курьезная, но имеющая к истории фамилии Емельяновых самое непосредственное отношение.

Г.Б. Красноштанов в книге, которую мы уже цитировали, сообщает:

«161 (1653) году, марта в 9 день, построен в государеву десятинную пашню под Верхоленским острошком, по Куленге реке, ис промышленных людей Оска Емельянов пахать на государя десятина ржи да полдесятины яри. И во 163 (1655)

году, на весне, Оска Емельянов, покиня государеву пашню, збежал в Даурскую землю».

Сбежал, да не весь…

Какие-то крестьяне Емельяновы здесь все же остались:

«Емельянов Андрей Тимофеев сын (1823) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии и округа, Верхоленской волости, из крестьян, рекрутом зачислен в 14 линейный Сибирский батальон рядовым, включен в Камчатскую экипажную роту, в 1854 г. на транспорте "Байкал", в 1855 г. на транспорте "Иртыш" принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата».

Так в одном сражении на берегу Авачинской бухты сошлись судьбы сразу трех Емельяновых — матросов Максима Алексеевича и Андрея Тимофеевича и юного кантониста Хрисанфа Максимовича — героев обороны Петропавловского порта.

ЕРОФЕЕВЫ

Свою дальневосточную биографию Ерофеевы начали писать «лихо».

Березовские казаки, которые прибыли в Ленский острог вместе с первым якутским воеводой Петром Петровичем Головиным:

«Семейка Иванов в его место прислан Демка Ярофеев и в прошлом во 148-м [1640] году тот Демка в Енисейском остроге зарезал казака до смерти и посажен в тюрму и в том ж во 148-м [1640] году велено быть в его Демкино место промышленому человеку Карпуньке Мартемьянову».

Впрочем, до Якутска этот разбойник не дошел.

С казаками, «которые присланы ис Тобольска с пятидесятником з Бориском Оноховским прежним на перемену» послан был «Васка Ермаков в его место казачей брат Микифорко Ярофеев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 105].

«…Микифорко Ярофеев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в верхнее зимовье» [Л. 34].

А в последующие годы в Якутии служили Баженко, Любим, Кирила, Ивашко, Сенька, Тимошка Макаров сын Ерофеевы.

Из Зашиверского острога в поход на Камчатку был взят Федорко Ерофеев:

«…в прошлом 709 году писал в Якуцкой из заморских рек камчадалской прикащик, Болшей реки сын боярской Иван Панютин: осталось де от него в Зашиверском и Уяндинском зимовьях, за скорбью служилых людей, 16 человек: … Федор Ерофеев … и велено их забрать в Камчатку Осипу Миронову».

В Илимском уезде по сообщению В.Н. Шерстобоева [Илимская пашня, И., 1949, с. 562] объявился еще один Ерофеев:

«…воевода произвел опрос тунгусов. Они повторили свои жалобы. Новым оказалось убийство аманатами двух притеснителей — толмача Вас. Тимофеева с братом, которое произошло "тому де пять лет". Названы новые лица — ясачные сборщики Макс. Ярофеев, Дм. Микулин, толмач Семен, "а чей сын, того сказать не помнят"».

В 1723 году, по сообщению В.Н. Шерстобоева, возле Яндинского острога появляется деревня Ярофеевская, которую основал некий Василий Ярофеев.

Еще раньше, по сообщению С.А. Гурулева, появляются Ерофеевы в Иркутске:

Ерофеев Дмитрий, казак, упомянут в 1684 г., в 1687 г. служил в Тункинском остроге.

Ерофеев Филат, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей с пометой «Калитинские».

И в Албазинском остроге на Амуре:

«Ярофеев Олешка (Алексей), албазинский казак, в числе других значился в челобитной от 120 албазинцев (1672).

"В 1682 г. Фролов находится в зимовье на р. Амгунь. Ему на смену был послан из Албазина казачий десятник Гришка Степанов сын Мельников с 20 служилыми и 47 промышленными людьми. Однако добраться до зимовья им не удалось. По дороге они столкнулись с плывущими на судах к Албазину маньчжурскими войсками, большинство из них вместе с десятником были пленены, а остальные бежали".

Ерофеев Васка, албазинский казак, был в партии Г. Фролова на р. Быстрой (1683), давал показания о походе в Енисейске (1685). Защитник Албазинского острога (1686/87), остался в живых. Церковный староста, после разорения Албазина вывез в Нерчинск церковную казну и иконы, прибыл в августе 1690».

Впоследствии албазинцы стали нерчинскими казаками. А из Нерчинска, как нам известно, и Иркутска шло кадровое пополнение северных гарнизонов — Анадырского острога, Гижигинской и Тигильской крепостей.

Тигильская крепость, 1812 год:

«казаки

Ерофеев Василий Федоров 18 (1794)

Брат его Петро 14 (1798)» [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 2].

Но эта линия на Камчатке прерывается.

И… появляется новая. Откуда — вероятно, с верховий Лены, из Илимского уезда, откуда в 1850-х годах губернатор Камчатской области набирал крестьян для переселения на Камчатку. Замысел был огромный, но тот план рухнул в связи с Крымской войной, обороной Петропавловского порта, а главное — с выводом военного гарнизона с Камчатки на Амур, для обеспечения продовольствием которого и было задумано переселение на Камчатку землепашцев.

ЕРОФЕЕВЫ

1 колено	
	Ерофеев Иван Максимович (1837), с. Николаевка, крестьянин. Ж. (с 1864) Бекерева Прасковья Николаевна (1829), с. Седанка, вдова камчадала Александра Бекерева
	Ерофеев Моисей Максимович (? – до 1873). Ж. Мария Федоровна (1836), с 1873 г. вдова, замужем за отставным казаком Иваном Алексеевичем Кореневым (1825)

2 колено	
Дети Моисея	Ерофеев Митрофан Моисеевич (1847), с. Николаевка, крестьянин. Ж. (с 1869) Бурнашева Анна Александровна (1852), дочь камчадала с. Начики
3 колено	
Дети Митрофана Моисеевича	Ерофеева Елена Митрофановна (1870). М. (с 19.08.1887) Поротов Василий Иванович (1864)
	Ерофеев Андрей Митрофанович (1872), с. Николаевка. Ж. (с 1894) Шелковникова Елена Никифоровна (1875), с. Николаевка
	Ерофеева Ольга Митрофановна (1875), с. Николаевка. М. (с 1892) Хабаров Семен Иванович (1860), креол, о-в Медный
	Ерофеев Алексей Митрофанович
	Ерофеев Мартиниан Митрофанович (1882). Ж. (с 31.10.1904) Ворошилова Евдокия Афанасьевна (1888)
	Ерофеева Елена Митрофановна
	Ерофев Михаил Митрофанович (1891)
4 колено	
Дети Андрея Митрофановича	Ерофеева Евдокия Андреевна (1975), с. Николаевка. М. (с 1892) Черкашин Иван Митрофанович (1866), с. Николаевка
	Ерофеев Прокопий Андреевич (1908)

ЖИЛЯКОВЫ

Самуил Жиляков в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. участвовал в народном ополчении и состоял в Паланской дружине, будучи уроженцем села Кахтана.

Я не нашел никаких пока сведений о том Жилякове, который мог оставить свою фамилию на Камчатке при крещении камчадалов.

Сначала я думал, что, возможно, это искажение фамилии Жировиков, которая встречается в долине реки Камчатки.

Но, оказывается, такая фамилии в Сибири, в тех местах, откуда шли на Северо-Восток казаки, имелась среди как драгун Коркиной слободы Тобольского уезда: драгунской отец Алексей Васильев сын Жиляков [РГАДА. Ф. 214. ОП. 1 Д. 1493. Л. 117, 1710 г.], так и среди крестьян деревни Суботина Краснослобоцкого острога при реке Нице [Переписная книга Тобольского уезда 1719 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1587. Л. 1053 об.].

Были свои Жиляковы и в Селенгинске, где была штаб-квартира Якутского пехотного полка:

Ведомость Иркутской епархии Верхнеудинского уезда Троицкосавского заказа Харацайской крепости Вознесенской церкви священника Иоанна Корнакова церковь на 1825 год.

В приходе Харацайской крепости
Вознесенской церкви

Рядовых

Данило Устинов Жиляков

Иван Устинов Жиляков [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 191. Л. 258 об.].

Исповедные ведомости Селенгинской
Покровской церкви на 1825 год

Селенгинского военно-сиротского отделения Кантонисты

Прокопей Жиляков [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 191. Л. 84 об.].

Конечно, ответ отнюдь не исчерпывающий, но все-таки что-то…

И Самуил был не единственным из камчатских Жиляковых:

1 декабря 1887 года у Андрея Жилякова родился сын Аввакум, а 23 ноября 1888 года – у Иннокентия Жилякова сын Аврам.

Собственно, это пока и все, что нам на сегодняшний день известно.

ЖИРКОВЫ

При изучении родовых связей всегда-что-нибудь мешает.

В одних случаях — множество вариантов (или трансформаций) написания фамилии.

Во-вторых — наоборот, отсутствие даже слабого напоминания аналога этой фамилии.

А в-третьих — множество одинаковых фамилий, связать которые друг с другом крайне сложно…

Но во всех трех (или более) случаях у нас есть главное — опора на реально существующий род, от которого можно начинать свое исследование или расследование.

Но… и опять же «но» — фамилия может быть приобретенной, то есть не отцовской.

В одном случае — при крещении.

Во втором — при усыновлении.

И в третьем — если человек рождается вне брака и его записывают (как велось у казаков) на отца матери, то есть на деда и с присвоением отчества деда.

В жизни это случалось не так уж и редко. А вот для человека, изучающего историю рода, это порой серьезная «головная боль»…

Что касается Жирковых, то у нас есть огромная масса исходного материала — это одна из самых распространенных фамилий на Северо-Востоке России — от Якутии до Камчатки.

И с написанием ее все в порядке (хотя и есть нюансы, о которым мы расскажем).

И с аналогами — хоть пруд пруди.

А вот с межродовыми связями при таком обилии этой фамилии в разных регионах гораздо сложнее.

И при крещении казаки Жирковы — «наследили» повсеместно…

Поэтому начнем все-таки с предположений, которые попытаемся связать с имеющимися у нас фактами.

Первым человеком, который появляется на историческом горизонте наших исследований, был енисейский казак Иван Семенов сын Жирко.

Первое упоминание о нем мы находим в коллективной челобитной енисейских казаков, опубликованной в сборнике «Русские морехо-

ды в Ледовитом и Тихом океанах» [Сост. М.И. Белов. Л., 1952]:

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои государевы Енисейского острогу служилые люди: десятники казачьи — Оська Семенов, Семейка Тимофеев Чюфарист, Вахрушка Максимов Попов, рядовые служивые люди — Якунька Данилов Щербак, Багдашка Ортемьев Сорокоумов, Сивко Семенов Махнев, Левка Тимофеев Головачев, Гришка Кирилов, Васька Федоров Коваль, Семейка Костянтинов, Семейка Архипов, Афонька Иванов Брусенкин, Фомка Кондратьев, Третька Карпов Хомяк, Матюшка Иванов, Гаврилко Никитин Пашенной, Семейка Иванов Дежнев, Ивашко Семенов Жирко. В нынешнем, государь, во 148 году по твоему государеву указу и по приказу стольников и воеводы Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова да дьяка Еуфимия Филатова велено нам, холопем твоим, быть на Лене реке и служить твоя государева служба в Ленском острожке, а твоего государева денежного жалованья велено нам, холопем твоим, дать по полуокладу, по два рубли с полтиною. Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам дать из своей царской казны своего государевого денежного жалованья енисейской присылки [или других] неких доходов, годового полному окладу по пяти рублей человеку, чтоб нам, холопем твоим, было в чем платьишко и обувь купить в чем бы было твоя государева служба служить, покамест из Ле(нского) острожку торговые и промышленные люди не разбредутца. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Специалисты по антропонимике говорят следующее: «Основой фамилии Жирков послужило мирское имя Жирок. Такое имя присоединялось родителями ребенка к имени, полученному им при крещении. Это имя употреблялось чаще крестильного и закреплялось за человеком на всю жизнь».

Жирок, Жирко — вполне убедительно.

«Мирское имя Жирок, от которого произошла исследуемая фамилия, было очень популярно в старину. Таким именем могли назвать как толстощекого, плотного малыша, так и зажиточного, богатого человека. Причем последняя версия более правдоподобна, поскольку во многих среднерусских говорах (орловских, тамбовских, воронежских, саратовских, калужских, рязанских, владимирских) глагол “жировать” употреблялся в значении “жить роскошно, кутить, расточать”».

То есть Жирку родители, давая это имя, предопределяли роскошную, богатую жизнь.

И они угадали — у Ивана Семенова сына Жирка она была весьма богатой… на походную жизнь.

И не только. Я был не совсем прав, утверждая о самом первом упоминании этого имени в 1640 году. В изданном в 2016 году справочнике «РГАДА. Якутская приказная изба» есть ссылка на документ, датированный 1638 годом, в котором сообщается: «Гулящий человек Т. Осипов бил казака Ив. Жиркого придя из “зерновой избы”».

Для нас здесь интересны два факта.

Во-первых, — взаимоотношения ленских казаков с пришлым с Руси гулящим (то есть беспаспортным) людом.

А во-вторых, — написанием фамилии.

И в-третьих, — в этом справочнике прослеживается служба Ивана Семенова сына Жирка на протяжении десятилетий его службы в Якутии. Чаще всего его служба проходила в Вилюйских зимовьях, но он служил и в Жиганах (1651), на реке Яне, был приказчиком Зашиверского острога на Индигирке…

В 1659 году Иван Семенович верстан в казачьи десятники — первый командный чин.

В 1664 году поступил указ «о приверстании служилых людей Герасима Цыпандина и Ивана Жиркова за долгую службу и радение в пятидесятники».

Для нас же, кто исследует историю рода Жирковых, это верстание важно не только как некий событийный факт, но и как последующий вектор — чины в казачьей иерархии были *наследственными* — их передавали детям и внукам.

В 1640 году, если кто помнит, Иван Семенов сын Жирко отметился в одном списке с Семеном Ивановым сыном Дежневым.

В документах за 1666 год есть еще одна историческая отметка для потомков Жирка:

«Память десятнику Ивану Ермолину о продолжении службы по приисканию ясачных людей и сбору ясака и о сдаче Колымского зимовья Михаилу Стадухину и пятидесятнику Ивану Жирку».

То есть выходит, что Михаил Стадухин в 1666 году — а это год его гибели — не мог оказаться в Зашиверском остроге на Индигирке (где он погиб по утверждению некоторых историков), так как следовал на Колыму.

Это подтверждает еще одна находка за 1666 год:

«Наказная память якутского воеводы И.Ф Большого Голенищева-Кутузова приказным людям колымских зимовий атаману М. Стадухину и пятидесятнику Ивану Жирку о назначении подьячим к ясачному сбору десятника Михаила Колесова».

И еще очень важное — после этого рокового для Михаила Васильевича Стадухина 1666 года, когда он погибает, исчезает из исторических документов и имя Ивана Семеновича Жирка.

Вполне вероятно, что, если был уничтожен полностью отряд атамана Стадухина, значит, должен был вместе с ним погибнуть и его товарищ — пятидесятник Жирко.

И тому есть теперь (благодаря Сергею Дурынину, отыскавшему этот документ, подтверждение от сына Стадухина [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 679. Ч. 1. Л. 241]:

«Царю государю и Великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу бьет челом холоп твой Якутцкого острогу ка-

зак Нефетко Михаилов сын Стадухин.

В прошлых Великий государь годех служил тебе Великому государю отец Михаило на твоих Великого государя на дальных заморских службах на Ковыме и на Охоте и на иных реках и на немирных неясачных тунгусов и юкагирей тот отец мой Михаило по многие времена с служилы людьми в походы ходил и многих немирных неясачных иноземцов под твою Великого государя царскую высокую руку в вечное ясачное холопство приводил и твой Великого государя ясак сбирал и на боях во многих местех тот отец мой Михаило был изранен и нужу всякую и голод терпел и с тех иноземцов твой Великого государя ясак и нынешнего збираетца и за то государь службы отец мой пожалован на Москве был по Якутцкому острогу в атаманы.

А что Великий государь есть отца моего к тебе Великому государю службишко и то ведомо в Якутцком остроге в съезжей избе.

И в прошлом Великий государь во 174-м [1666] году тот мой отец Михаило послан был на твою Великого государя дальную заморскою службу на Ковыму реку и того отца моего на дороге юкагири и ламутские мужики убили.

Милосердный государь царь и Великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец пожалуй меня холопа своего за многие службы к тебе Великому государю отца моего и за раны и за кровь что убит на твоей Великий государь службе вели Великий государь ту отца моего службишко в Якутцком остроге в съезжей избе выписать и выписав ту отца моего службишко вели Великий государь сию мою челобитную под отпискою послать к тебе Великому государю к Москве.

Царь государь смилуйся пожалуй».

А затем появляется (в 1671 году) в числе якутских подъячих (канцелярских служителей) Осип Жирков. С трудом, но мы отыскали его отчество:

«Дела уголовные (кражи, избиения и др.) по челобитиям подьячего Григория Устинова на подьячего Осипа Иванова Жиркова в краже лошади».

Да-да, в справочнике «РГАДА. Якутская приказная изба» [т. 2, Я., 2016] имеется единственное (не очень приятное для потомков) упоминание отчества Осипа Жиркова — он сын Ивана, сын Ивана Семенова Жирка, потому уже и не Жирок, не Жирко, а Жирков.

А следом за ним, но на определенном возрастном расстоянии, появляется в документах и первое упоминание еще одного Жиркова — Ивана.

Вот первая запись:

«Книга сбора ясака за 1677–1678 (186) г. по Вилюйскому Верхнему зимовью сына боярского Григория Мохначевского. Скрепили Иван Бибиков, за Мохначевского — казак Иван Жирков».

Рядовой казак скрепляет документы за сына боярского. Это о многом говорит.

И вот запись, сделанная всего лишь годом спустя:

«Книга сбора ясака за 1678–1679 (187) г. по Жиганскому зимовью атамана Степана Полуехтова. Скрепили Иван Бибиков и за Полуехтова — пятидесятник Иван Жирков».

Как можно попасть в пятидесятники, минуя чин десятника? Только по наследству.

Вопрос: какому наследству?

Исходя из обнаруженных нами фактов в документах этого периода упоминаются пятидесятник Иван Нестеров сын Жирков и Иван Архипов сын Жирков. Последний упоминается единожды, и может быть, запись про Архипова сына — это просто ошибка, описка.

Но тем не менее, и имени Нестора мы нигде не встречаем.

Есть, конечно, версия, что Нестор Иванович шел на Колыму вместе с отцом в отряде атамана Стадухина и погиб вместе со всеми остальными. Такое часто бывало. Версия вполне рабочая. Тем более что для дальнейшего размышления на сей счет у нас есть еще одна весьма любопытная информация, которая в некоторой степени сводит концы с концами, хотя при этом есть и очередное «но»:

«Челобитные казака Мих. Жиркова, его сестры Натальи и именинника Анатолия Осипова о присвоении имущества умерших родителей их братом Иваном Чирковым [Жирковым], с росписью имущества».

И что же мы получаем в «сухом остатке» из этой информации, датированной 1682 годом:

Михаил, Наталья, Иван — родные братья и сестра. То есть они дети Нестора.

Анатолий Осипов, как мы понимаем, — родной сын Осипа Ивановича Жиркова.

Иван Несторович присваивает имущество умерших родителей — то есть Нестора и Осипа Ивановичей.

И этот вывод позволяет нам следовать дальше в своем исследовании, не касаясь деталей, о которых нам ничего неизвестно.

А далее так же в документах за тот же 1682 год сообщается о том, что у пятидесятника Ивана Жиркова есть племянник Степан 1677 года рождения — пяти лет.

Какая-то странная история. И вот в чем ее странность.

Внутрисемейный конфликт происходит в 1682 году. В этом же году в документах отмечено, что у пятидесятника Ивана Жиркова есть племянник Степан в возрасте пяти лет.

В 1693 году у него записан, кроме пятнадцатилетнего племянника Степана, и собственный сын Иван (1681).

Вполне вероятно было бы предположить, что Степан — сын какого-то третьего брата Ивана, так как у Михаила Несторовича, рядового казака (с которым и был семейный конфликт), в том же 1693 году было четверо своих сыновей: Ондрюшка 6 л. (1687), Офонка 5 л. (1688), Оска 4 л. (1689), Сенка 2 л. (1691).

И откуда же тогда взялся Степан?

Но версия о третьем брате Ивана Нестеровича весьма пошатнулась, когда мы нашли материал по Тауйскому острогу за период после первой переписи 1718 года:

«Тауиского острогу
Разночинцы

3469) Степан Михаилов сын Жирков» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 126].

И хотя ответ получен, вопросов появилось еще больше: почему Степан Михайлович воспитывался в семье Ивана, а не Михаила. Или в семье Жирковых Михаилов было двое?

Ответов у нас нет.

Из всех родных и двоюродных братьев Жирковых в истории Северо-Востока наиболее заметными историческими фигурами были двое. Правда, здесь есть некоторые разночтения в отношении их чинов, но, тем не менее:

А.С. Зуев: «1724–1725 годы. Сын боярский Андрей Жирков. Назначен комиссаром всех острогов в 1724 г. Ему в помощники определен сын боярский Афанасий Жирков, видимо, близкий родственник. Оба прибыли в октябре 1724 г., и вскоре Андрей скончался. Обязанности комиссара стал выполнять Афанасий Жирков».

С.П. Крашенинников: «1724 году в октябре месяце приехал из Якуцка на место Федора Шелковникова прикащиком якуцкой (в рукописи зачеркнуто: сын боярской) служивой Афонасей Жирков, которой всеми тремя острогами управлял, как и прежние прикащики, один год. В бытность его объясачено на Карагинском острову карагинцов дватцать один человек чрез промышленного Ивана Золотавина, а ныне их в ясаке обретается 30 человек, а всех их на оном острову живет человек со сто или больше. Платят в ясак лисицы красные».

Это были дети Михаила Несторовича Жиркова.

В истории Камчатки 1740 года был еще один Жирков — Алексей, и тоже Михайлов сын. Вероятно, судя по возрасту, это был меньший из сыновей Михаила: в казаки верстали с 14 лет, и Михаил мог быть 1693 года рождения, не попавший еще в список родившихся, но уже верстанный в казаки в раннем возрасте.

Как бы там ни было — якутский казак Алексей Михайлович Жирков, служилый человек Большерецкого острога, является крестным отцом всех камчадалов и коряков Жирковых. Он был участником Крестового похода (15 ноября 1740 – 8 февраля 1741 г.) иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина [РГИА, фонд 796, опись 23, дело 106].

А далее начинается россыпь имен, разобраться в которых пока не представляется возможным.

Но мы нашли решение, которое позволяет рассматривать отдельные ветви этого огромного родового древа казаков Жирковых.

Замечательный историк П.Л. Казарян, автор книги «Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. [Справочник, Якутск, 2020 г.] на стр. 370–371 сообщает об управляющем в 1821 году Удским острогом старшем урядник Андрее Ивановиче Жиркове, который прежде, до назначения на эту должность, был с 1814 по 1817 г. провиантским квартирмейстером Якутской казачьей команды.

А в 1851 году на Камчатку прибывает его сын:

«Прибывшему в Камчатку на службу командированному от Якутского полка Г. Хорунжему 14-го класса Жиркову предписываю производить согласно общих положений жалованье вдвое против окладу». Интересно, что эти сведения мы находим в материалах Российского государственного военно-морского архива [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16А. Л. 33], так как командирами Камчатки того периода были морские офицеры.

А вот и подробности:

«Посемейный список о казаках
Камчатской команды служащих и отставных
с их детьми. 1852 год
Тигильская крепость
Служащие

Хорунжий 14 класса Иван Андреев Жирков (1827) — 25 лет [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 42].

С ним прибывает брат:

«Командир Тигильской крепости
Хорунжий

Жирков Иван Андреевич

Брат его Федор 26 л. (1826)» [Исповедальные росписи Тигильской Христорождественской церкви за 1852 г. РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы
В Тигиле
Состоят на льготе
казаки

Федор Жирков [Андреев сын] — 29; из обер-офицерских детей, на службе и в чине с 1855 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

А затем мы находим рапорт самого Ивана Андреевича:

«…живя в таком дорогом крае как Камчатка во всех необходимых потребностях для жизни, при самой моей аккуратности, на получаемом мною ныне жалованьи (по 22 руб. 15 коп. в треть), совершенно не имею возможности содержать себя, и из этого моего жалованья должен пополнять (и пополняю) ежегодно, при поверке мною казенного имущества, находящегося в моем ведении, оказывающимися недостатками, при продаже разных припасов. Через что я в настоящее время терплю большую нужду в моем прожитии и при всем моем нежелании по необходимости должен впасть в неоплатные долги и наконец дойти до крайней бедности.

…прошу исходатайствовать мне перевод на службу обратно в Якутский пеший городовой казачий полк.

Тигильский частный командир

Сотник 14 класса … Жирков … 2 февраля 1854 года» [РГА ВМФ. Ф. 909. Оп. 3. Д. 8. Л. 1].

Дело называлось «О переводе сотника Жиркова в Якутский полк».

Как же сложилась дальнейшая судьба сбежавшего с Камчатки сотника Жиркова?

В декабре 1860 года он квартальный надзиратель в полиции города Якутска.

В 1872–1873 гг. — исправник Якутского округа, но почему-то пошел на понижение и с 10 ноября

1873 г. по 4 февраля 1876 г. состоял в той же должности, но в Вилюйском округе, а в этот день — 4 февраля — вообще отстранен от должности и против него начато следствие [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, сс. 296, 325, 337].

Мы не знаем, чем оно закончилось. Вопрос в другом: а как же несли на Камчатке службу рядовые казаки, не обремененные двойным обер-офицерским жалованьем и не состоя на льготе, как брат Ивана Андреевича — Федор?

Вопрос…

Служба Ивана Андреевича пришлась на события чрезвычайно важные для Камчатки того периода — оборону Петропавловского порта 1854 года. Нет, он не принимал участия в сражении. Не был откомандирован в Петропавловский порт и позже — когда сюда прибыла группа тигильских казаков. Но, тем не менее, был награжден бронзовой медалью в память о Крымской войне 1853–1856 гг. на Владимирской ленте.

На Камчатке, где оставил свой фамильный след Алексей Михайлович Жирков, в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. в составе народного ополчения уничтожал японских хищников награжденный впоследствии памятной медалью о Русско-японской войне уроженец селения Сопочного камчадал Никита Жирков.

А его прямой потомок — Борис Александрович Жирков из села Сопочного, родившийся в 1945 году, — народный артист, солист ансамбля «Мэнго», создатель целого ряда творческих национальных коллективов, в 2010 году был удостоен высшей награды, какая может только существовать, — стал лауреатом премии «Душа России»…

ЖИРОВИКОВЫ

Эта фамилия долгое время сохранялась на Камчатке в селении Ушки, будучи полученной при крещении.

Ее интерпретация и географическое размещение по Дальнему Востоку весьма интересны, хотя сама фамилия бесследно исчезла, оставив свой след, как мы уже говорили, только на Камчатке.

В переписи Якутска за 1722/1748 годы сообщается:

«По гор. Якуцку в казачью службу определены:
Петр Жирявиков
В числе умерших
Давыд Жиряков
В Анадырском остроге
…Того ж острогу разночинцы
Умершие
Иван Жиривунов
В Анадырском остроге
В службе
Петр Жиривиков» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 80].

«В Анадырском остроге
Разночинцы
Иван Жиривунов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 78].

«В Нижнем камчацком остроге
Посацкие
Прокопеи Жеровиков, у него сын Василий,
Михаило Жаровиков, у него дети Гарасим» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 122 об.]

Русская фамилия на Камчатке исчезает в связи с трагическими событиями Харчинского бунта 1731 года.

«А после того пришел де к нам Тадея и Урин сын, и пошли де мы на Еловку реку для собрания людей. И пришел де я в Тавачев острог, и тут де я нашел брата своего Стефана, которой был посылан со служилыми людьми Дмитреем Бологовым, Григорьем Поповым на Уку для сбору ясашного толмачем. Он де мне сказал, что де вышеозначенные Бологов с товарыщем да служилые ж, которые были на рыбных промыслах: Данило Комаров, Семен Островской, Евсей Чирышев, Гаврила Бубенной, Андрей Багуев, Евдоким Ворыпаев, казачей сын Иван Кузнецов да посатцкого сын Макар Обухов, да промышленной Василей Жировиков, да промышленной Михайло Жировиков, а у служилых Дмитрея Бологова, Григорья Попова руки обрублены и на колье втыканы да служилых людей Ивана Смирнова жена с двумя дочерьми убиты, Андрея Багуева жена за ноги повешена» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М.-Л., 1935].

ЗАЕВЫ

Еще одна из самых распространенных среди аборигенов Камчатки фамилия, которую все их предки получили при крещении от их крестного отца — большерецкого казачьего сына Ивана Михайлова Заева — участника Крестового миссионерского похода иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гаврилы Притчина в ноябре 1740 – феврале 1741 г. [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

В том большом списке «новокрещенных» камчадалов 87 человек стали Заевыми.

А далее нам повезло.

Отец Михаила отмечен в переписи 1722/1748 гг.:

«Камчадалского острогу служилые
Михайло Заев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 97].

«Окладная книга 1706 года
Список по пятидесятням (в скобках номера)
Казаки
Заев Михайло Мартынов (13)
В десятничье месте рядовой Михайло Мартынов с. Заев» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

А вот и его отец:

Тобольск, 1710 год. «Двор купленой конного отставного казака Мартына Евсевьева сына Заева сказал себе 65 лет (1645) у него жена Домна Иванова дочь 50 лет два сына Михайло 35 (1675) Федор 25 (1625) лет дочь девка Татьяна 24 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 229].

У Мартына был в Тобольске еще и брат:

«Двор купленой конного казака Ивана Евсевьева сына Заева коробейник а он на бере-

говой службе в Катайском остроге вдов у него сын Дмитрей а ныне он Дмитрей в посылке у Ямыша озера у него жена Катерина Никитина дочь сказала себе 21 год а ему Дмитрию 30 лет а свекру ея Ивану 60 лет у него Дмитрия дочь Ульяна 10 недель» [там же, л. 215].

А начало казакам Заевым в Тобольске положил либо в 1627 году Климко Заев — в то время еще холостой конный казак с годовым окладом «7 рублев с четью», «по 5-ти чети с осминою ржи и по 2 чети овса» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 14. Лл. 86, 133].

Либо Якунка Заев, о котором мы случайно узнаем из подорожной грамоты за 1633 год:

«Сент. 3 по тобольской подорожной стольника и воеводы кн. Федора Андреевича Телятевскаго ехали из Тобольска к Москве тобольский сын боярский Евгений Поливанов да конный казак Якунка Заев. Дано им на Тюмени до Туринскаго острога сухим путем сыну боярскому 2 подводы, а казаку подвода, всем ввопче проводник на подвод. Всего им дано 4 подводы. Подорожная писана 140 г. авг. в 8 день. А подводы отпустили ямщики свои, без найма» [Тюмень в XVII столетии, М., 1903, стр. 88].

Либо Алексеев Иван — Зай — тобольский казак, который в 1655 году пришел на Амур в составе отряда Д.И. Зиновьева [РГАДА: СП — Стб. 556. — Л. 49–42].

Но отец и сын — камчатские служилые люди — Заевы были не единственными представителями этой фамилии на территории Якутского воеводства.

В «Книге сбора ясака и поминков за 1645–1646 (154) г. по Оленскому зимовью с эвенков» называются имена служилых людей Ивана Реброва, Максима Телицына и Афанасия Заева.

Поиски Афанасия привели нас в Томск:

«Афонька Назарьев сын Заев. Дед родом москвитин, послан в Сургут городового строения уставщиком над плотниками и переведен в Томск для городового же строения, а отец его поверстан был в пешую службу, а он, Афонька, тоже поверстан в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

Вместе с ним служил и брат:

«Кирюшка Назаров сын Заев. Дед был прислан с Москвы в Сургут уставщиком над плотниками и оттуда был переведен в Томск, а отец его Назар родился в Сургуте, с отцом пришел в Томск и поверстан в пешую службу, а он, Кирюшка, верстан после отца в его место. Оклад пеший, рядовой» [Томск в XVII веке].

Но впоследствии следы казаков Заевых теряются…

ЗАМИРАЛОВЫ

Единственное найденное нами упоминание о первостроителях Мариинского поста:

«9 августа 1853 года экспедиция в составе начальника Николаевского поста А.И. Петрова, рядовых Замиралова, Волынкина, Кашкарова, Кирсантьева, Анкудинова, приказчика Овсянникова достигла на лодках стойбища Кизи, где по предписанию Невельского Г.И. № 222 от 15 июня 1853 следовало определить место для основания поста и постройки помещений для зимовки».

Здесь ими был основан Мариинский пост.

ЗВЕРЕВЫ

Интересная и не такая уж редкая фамилия, в основе которой лежит прозвище, связанное с некоторыми личностными качествами. Это может быть и жестокость, это может быть и сила, в том числе и сила духа: говорят же: «Яростный, как зверь…»

В 1707 году по воле Владимира Атласова, который был назначен приказчиком Камчатки с требованием под угрозой смертной казни навести на Камчатке порядок, связанный с постоянной угрозой ясачным сборщикам от камчадалов, не желающих платить ясак.

Владимир Атласов попытался кардинально решить эту проблему, но потерпел полное фиаско: камчадалы племени кыкша-ай уничтожили полностью гарнизон Большерецкого острога, а сам острог сожгли: авачинские камчадалы разгромили казачий отряд в бассейне реки Авачи…

«Да в прошлом [1707 году] … по приказу головы казачья Володимера Отласова посыланы были служилые люди … и на той службе побили Андрея Боброва, Ивана Потанина, Григория Белова, Василия Ляпина, Ивана Зверева, да преставились сын боярский Иван Мокринский, Григорий Власов…» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 35 об.].

В поисках родовых корней камчатского казака Ивана Зверева мы начали исследовать свою информационную базу сибирского казачества, откуда в те годы шло пополнение гарнизонов Камчатки. И выяснили, что пополнение шло из ключевых точек — Якутска, Енисейска, Илимска, Томска, Тобольска.

Мы нашли Ивана Зверева в Томске — но он был посадским человеком:

«Томские посацкие люди живут в Сосновском стану в разных деревнях на пашенных своих заимках … Иван Зверев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371].

Мы нашли Ивана Зверева в Тобольске, но… его забрали в солдаты:

«Список тобольских служилых людей, взятых в 1705 году в солдаты … Иван Зверев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1434. Л. 216. Л. 384].

Наконец, мы нашли и в Иркутске Ивана Зверева:

«…Да доимочных за квасной откуп того ж Идинского острогу на прошлой 1703 год с откупщика иркуцкого сына боярского Юрья Крыжановского пятнатцать алтын две деньги. Всего дватцать шесть рублев пятнатцать алтын две деньги принято у посыльщика того ж Идинского острогу пешего казака Ивана Зверева и отдано в приход выборному казенному целовальнику Андрею Юдину. Под тою запискою в приеме тех денег он, целовальник Андрей Юдин, росписался».

В «Родословном справочнике Иркутска» А.В. Черепанова мы нашли казака Ивана Звере-

ва, который в 1717 году был переведен в более высокий разряд служилых людей — в конные казаки, а в 1757 году стал даже сыном боярским.

Понимая, что чины в казачьем сословии в мирное время, как правило, передавались по наследству, мы попытались восстановить общую картину казачьей семьи Зверевых.

Отцом Ивана был Козьма Игнатьев сын Зверев.

Что интересно — он был верстан в казаки из пахотных крестьян.

Но…

Но сделал головокружительную карьеру. Вот что сообщает А.В. Черепанов:

«В период между 1691 и 1695 поверстан в казачью службу из пашенных крестьян, в 1695 г. — иркутский городовой толмач, в 1699 г. — отставной толмач, в 1700 г. поверстан с братьями в казаки за прошлые заслуги, в 1704, 1708 гг. — казак, умер в 1714 г. толмачем».

С братьями…

В этом «Родословном справочнике Иркутска» мы нашли только одного брата:

«Василий сын Игнатия — в 1702 г. служилый, в 1709 г. определен из конных казаков в дети боярские, в 1729 г. отставной сын боярский, в 1731 г. житель Балейской деревни».

Возможно, что кто-то из этого списка является братом Кузьмы и Василия Игнатьевича?

«Зверев Михаил (Мишка), прислан в Иркутск на пашню, поверстан на казачью службу при воеводе И.П. Гагарине, 1690-е гг; казак, 1699 г.

Зверев Яков (Якунка), прислан в Иркутск на пашню, поверстан на казачью службу при воеводе И.П. Гагарине, 1690-е гг.; казак, 1699 г.

Зверев Яков (Якушко), пашенный крестьянин деревни Балей на реке Иде, приписанной к Идинскому острогу; в 1695 г. он сдал 1 четь десятины гулящему человеку Ивану Красноярову, передав ему 2 лошади, корову с теленком, 20 пудов ржи, соху, сошники, топоры, косы, серп и 1 рубль денег, он, кроме того, должен “лесу пособить выронить и избу срубить”; после сдачи тягла З. был поверстан в Иркутске в казачью службу» [Гурулев С.А Первые иркутяне, Иркутск, 2011].

Связывающим звеном для нашего дальнейшего исследования являются две географические точки: деревня Балей, приписанная к Индинскому острогу.

И вот какая история.

В 1640-х годах на Лену начинают доставлять ссыльных черкасов (казаков), которых здесь «сажают на пашню».

В числе этих ссыльных был и Остап Васильев сын Вишневецкий — курский черкашенин, который был на русской службе и участвовал в походе против татар. После побега в Литву был сослан в стрелецкую службу в Царево-Кокшайск.

После побега остался без семьи.

Но в последующую ссылку на Лену в 1648 г. он прибыл с новой женой.

Красноштанов Г.Б., автор книги «На ленских пашнях 17 века», тщательно проследил дальнейший путь Игнатия Ивановича Зверева — отца наших героев.

«В 1648 году в Тутурской слободе по-прежнему пахали пашню черкесы:

Игнашка Васильев Купряк
Якушка Абросимов
Ивашко Оксентьев Рудой
Ивашка Федоров Диряев
Данилка Игнатьев Головной
Мишка Данилов Головной
Сенька Андреев.

Вместо Осташки Васильева Вишневецкого, которого убили “братские люди”, стал пахать его пасынок Игнашка Иванов Зверев».

«Игнашка Иванов Зверев — пасынок убитого “братскими людьми” черкашенина Осташки Васильева. Его пашня была на берегу Тутуры, предположительно, это заимка Наумовская».

«Переписная (дозорная) книга Илимского острога 1676 (184) г.

В Новоиндинском острошке, что Илимского уезду на Верхоленской стороне подле Ангары реки поставлен острожек на Мунгайской Сакме и Перевозе и великого государя в десятинную пашню пашенные крестьяне построены во 179-м [1671] и во 180-м годех изо льготы выдано 182-м году … на великого государя десятин… пахать по указу великого государя и по строенью…
(д) а в ней (в) Митка Васильев сын Тетерин…
(в) Кирюшка Оникиев
(в) Ортюшка Елисеев сын Девяшка (Дедяшка?) он же…
(д) …реке, а в ней
(в) Сенка Михайлов сын [Синков]…
(в) Максимко Селиванов сын Шишкин… (л. 248)
(в) Микитка Леонтьев сын Нехорошево…
(в) Ивашко Тимофеев сын Серевкин…
(в) Алешка Тихонов сын Краснояр…
(в) Фочка Семенов сын Серевкин…
(в) Евсевейко Лаврентьев…
(в) Куска Микифоров…
(в) Игнашка Иванов сын Зверев» (л. 248 об)

Индинский острог, 1677 «в новой Идинской волосте пашенные крестьяне пашут государевы десятинные пашни по десятине ржаной по десятине яровой … Игнашка Иванов сын Зверев учнет пахать…»

Индинский острог, 1696 год

«Великим государем [И.А., П.А.] бьют челом холопи ваши, Идинского острогу служилые люди:

атаман казачей Петрушка Офонасьев
пятидесятник казачей Емелька Чернеговской
десятники:
Пронька Чернеговской
Минька Кулаков
Максимко Переломов
рядовые казаки:
Ивашко Захаров
Сергушка Нефедьев
Сенька Зверев
Сергушка Чернеговской
Алешка Шуваев
Максимко Кулаков
пешие казаки:
Якунька Жидов
Илюшка да Пронька да Коземка Манковы
Фетька Беспалов

да посацкие люди Левка Клыков и все Идинского острогу служилые люди и посацкие. В нынешнем, великие государи, 204-м [1696] году в Ыдинском хлеб не родился у жителей. И мы, холопи ваши, помираем голодною смертью, и впредь ко 205 году [к 1 сентября 1696 г.] посеять нечево. Велите, государи, из ыдинские пахоты, ис казны вашея великих государей дать нам, холопям вашим, на ссуду, на пропитание и на семена, чтоб нам, холопям вашим, не помереть голодною смертью» [Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский. Документальное повествование, Иркутск, 2008, с.315].

«Яндинский острог был на правом берегу Ангары, ниже Идинского острожка, и подчинялся илимскому воеводе.

Отписка о розыске краденого коня:

«Великих государей [И.А., П.А.] стольнику и воеводе князю Ивану Петровичю Фетька Чернеговской челом бьет. В нынешнем 201-м [1693] году, июня в … день прислана ко мне от тебя, стольника и воеводы князя Ивана Петровича, подписная челобитная иркуцково толмача Козьмы Зверева. А велено мне у идинскова казака у Петрушки Бутакова, выня с понятыми коня чалово, и отдать Козьме Звереву. И я тово коня у нево, Петрушки, взял и отдал ему, Козьме Звереву. А ево, Петрушку, допрашивал. И те допросные речи под сею отпискою послал в Ыркутцкой, и велел подать в Приказной избе тебе, стольнику и воеводе князю Ивану Петровичю».

Но это не единственная история, связанная с Кузьмой Зверевым и Индинским острогом:

«В том же 1693 г. З. привозил из Идинского острога гвозди, что отметил иркутский воевода И.П. Гагарин в памяти идинскому приказчику Ф.Н. Черниговскому:

"…Да с Кузьмой Зверевым прислал тысячю гвоздей тесовых малые руки да триста шездесят гвоздей большие руки.

А в отписке твоей написано, что послано с ним, Кузькою, малых гвоздей тысяча сто гвоздей. И против счету в отдачю ста гвоздей не объявилось.

И тебе б о том велеть с кузнецами справиттца и те недовозные гвоздья прислать по тому ж в Ыркутцкой. И те гвоздья самого плохого дела, шляпки малы и не присадисты, и кованы из худово железа.

И как к тебе ся память придет, и тебе б велеть кузнецам сковать из доброго мяхково железа, которое было неломко, малые руки полторы тысячи гвоздей присадистых, и шляпки велеть ковать больши прежних, чтоб было к городовому строению прочнее, и прислать их в Ыркутцкой с нарочным посыльщиком тотчас, и велеть явить стольнику и воеводе князю Ивану Петровичю Гагарину"».

А вот еще одна история, связанная и с Балеем, и с Индинским острогом, и с одним из этих двух Якушек — Якушкой Зверевым:

«Зверев Яков (Якунка), прислан в Иркутск на пашню, поверстан на казачью службу при воеводе И.П. Гагарине, 1690-е гг.; казак, 1699 г.

Зверев Яков (Якушко), пашенный крестьянин деревни Балей на реке Иде, приписанной к Идинскому острогу; в 1695 г. он сдал 1 четь десятины гулящему человеку Ивану Красноярову, передав ему 2 лошади, корову с теленком, 20 пудов ржи, соху, сошники, топоры, косы, серп и 1 рубль денег, он, кроме того, должен "лесу пособить выронить и избу срубить"; после сдачи тягла З. был поверстан в Иркутске в казачью службу» [Гурулев С.А. Первые иркутяне].

«К временной, а иногда и пожизненной потере независимости приводила невыплата кабальных долгов, которые заимщик, согласно "Соборному Уложению", был обязан отработать в хозяйстве кредитора. В 1698 г. попал в "зажив головою" для "искупу долга" сроком на 8 лет и 6 мес. к сыну боярскому А. Плотникову отставной стрелец И. Котельников, а к нерчинскому конному казаку И. Варламову — тобольский казачий сын В. Колесников на 5 лет.

Еще более драматичный случай имел место в 1701 г., когда "скупив с правежу с восьмидесят рублех" гулящего человека И. Чипизубова, иркутский пеший казак Я. Зверев предложил последнему "за те вышеписанные деньги жениться на крепостной своей девке Федорке", что последний и сделал. Сам же Я. Зверев, используя труд "наймитов" и крепостных, расширял свое пашенное хозяйство, являясь в 90-е гг. одним из регулярных плательщиков "пятинного" хлеба» [Леонтьева Г.А. Служилые люди Восточной Сибири, с. 149].

Вполне возможно, что и Хрисанф Ильин сын Зверев — казак, служивший в Гижигинской крепости в 1766–1781 годах, из этой же индинско-балейской семьи иркутских казаков Зверевых.

Возможно, что в родственниках у них и Зверев Сидор Иванов (1819) — мастеровой, из крестьян Иркутской губернии и округа Тункинской мирской избы, переведенный в 1848 г. из 13-го линейного батальона в Охотский, а затем и в Петропавловский порт, который в 1854 г. участвовал в обороне Петропавловского порта, а 8–9 мая 1855 г. — в сражении в заливе Де-Кастри на транспорте «Двина».

Возможно, что из этого рода и забайкалец Дормидонт Зверев, который в составе сводного действующего пешего полубатальона Забайкальского казачьего войска участвовал в разгроме английского десанта, пытавшегося высадиться на дальневосточный берег России в заливе Де Кастри.

А в 1862 году забайкалец Зверев стал уссурийским казаком:

«Имянной список казакам прибывшим из Забайкала на поселение в Уссурийский батальон в 1862 году с означением в какия станицы зачислены на жительство. Июля 26 дня 1862 г.

Ст. Лончакова

Зверев Яков Васильев 58 (1804), вдов, дочери Аксиния 23, Харитиния 17» [РГВИА. Ф. 5294. Уссурийский казачий дивизион. 1 Оп. Д55. Уссурийский пеший батальон Амурского казачьего войска].

Конечно, эту возможную родовую связь еще нужно доказывать.

Но основания для такого анализа уже есть.

ЗИНОВЬЕВЫ

Эта фамилия — одна из интереснейших генеалогических загадок Северо-Востока, хотя в ее появлении на свет нет ничего загадочного: дети Михаила Зиновьева сына стали называться Зиновьевыми.

Да таких примеров у нас тьма-тьмущая, когда по имени-отчеству рождались новые фамилии. Так дети казачьего и стрелецкого сотника Амоса Михайлова, схитрившего и не исполнившего наказ якутского воеводы стать приказчиком Анадырского острога, — Амосовы дети остались в истории Северо-Востока Амосовыми или Аммосовыми.

И все-так мы говорим о какой-то тайне.

В ней, в этой тайне, первым, кто запутался, был студент Славяно-Греко-Латинской академии, будущий наш отечественный академик Степан Петрович Крашенинников, автор бессмертного «Описания земли Камчатки», в которой он и запутался сам, и запутал других, кто компилировал его труды.

Вот с этой «путаницы» мы и начнем свой рассказ:

«Михайло Черкашенин, он же и Многогрешной, и вышеобъявленной служивой Михайло Зиновьев, которой по возвращении своем, а кто сколько времени сидел на приказе, и кто такую учинил прибыль, того заподлинно объявить нельзя, ибо все, особливо же Кобелев и Зиновьев приписывают себе в челобитных своих за службу, что они Нижней Камчатской и Большерецкой остроги построили, но по словесным известиям дается оная честь Тимофею Кобелеву, а о Зиновьеве ничего не упоминается, может быть, для того, что он как рядовой служивой был у Кобелева под командою.

В бытность свою перенес он жилье Верхнего Камчатского острога на реку Кали-кыг, которая от прежнего острожногоместа в полуверсте, да вновь построил зимовье на реке Еловке; а ясак, как по реке Камчатке, так по Пенжинскому и Бобровому морю, сбирал он довольной, и с ясашною казною выехал в Якутск в 1704 году благополучно. В то ж время партия анадырских служивых людей под командою служивого Андрея Кутьина построила шесть зимовей на впадающей в Восточное море Уке реке, и начала сбирать ясак с тамошних коряк».

И далее:

«Кобелева сменил (В рукописи зачеркнуто: анадырской прикащик казачей пятидесятник Василей Колесов. — *Ред.*) вышеписанной Михайло Зиновьев, которой отправлен из Якутска вместо Володимира Атласова, а правил он камчатскими острогами до прибытия казачья пятидесятника Василья Колесова, с 1703 по 1704 год. Во время бытности своей первой он завел ясачные книги, в которые камчадалов поимянно начал вписывать. Нижние камчатские зимовья за неспособностию места перенес на ключи, и на Большей реке острог построил. Он же перевел из укинских зимовей на Камчатку анадырских служивых людей по прозьбе их; таким образом приведши камчатские дела в некоторой порядок, щастливо в Якутск возвратился с ясачною казною. (В другом варианте… “на место его в 1702 году отправлен на Камчатку по выбору служивой Михайло Зиновьев, который бывал на Камчатке, как в отписке из Якутска объявлено, еще прежде Атласова, может быть с Морозкою…”). В 1704 году под осень приехал из Якутска на место Михаила Зиновьева казачей пятидесятник Василий Колесов…»

С легкой руки Степана Петровича Крашенинникова сегодня из исторической литературы исчезло несколько важных фактов, которые отметил, но в которые не поверил сам будущий российский академик: «а о Зиновьеве ничего не упоминается, может быть, для того, что он как рядовой служивой был у Кобелева под командою».

Итак, судя по анализу ситуации, о которой рассказывает Степан Петрович, мы имеем трех первостепенных в истории Камчатки лиц – Михайло Черкашенин, он же Многогрешный, приказчик Камчатки.

Михаил Зиновьев — человек истории не известный, но приписывающий себе строительство Нижнекамчатского и Большерецкого острога. Версия Крашенинникова — он всего лишь рядовой исполнитель в отряде камчатского приказчика Тимофея Кобелева, ясачный сборщик, который выехал с Камчатки вместе с ясаком в 1704 году.

Тимофей Кобелев, тоже приказчик Камчатки. Добавим — ПЕРВЫЙ, официальный приказчик Камчатки в 1700–1703 гг.

Мы преднамеренно не указали срок пребывания Михаила Черкашенина Многогрешного на посту приказчика Камчатки, потому что все написанное Степаном Петровичем было бы автоматически перенесено на время правления камчатским приказом Михаила Черкашенина, или Михаила Многогрешного, или Михаила Зиновьевы сына Черкашенина Многогрешного.

И тайна в итоге переставала быть тайной.

Вопрос в другом. Почему Степану Петровичу никто не прояснил, что Михаил Зиновьев и Михаил Многогрешный — это одно и то же историческое лицо?

Более того — лицо весьма известное в истории всего Российского государства, а не только крайнего Северо-Востока.

Вероятно, потому, что, продержав добрый десяток лет в якутской тюрьме, а потом выпустив на волю в чине рядового казака и не поднимая, несмотря на немалые заслуги этого человека в открытии и освоении Камчатки, в чинах долгие годы, его история забылась в этой северной глуши, и никто уже в своей памяти не связывал историю появления в Сибири этого человека с именем его знаменитого дяди — гетмана левобережной Украины Демьяна Игнатьева Многогрешного, сосланного в Сибирь вместе со своей ближайшей родней, в том числе и племянником Михаилом Зиновьевичем.

История братьев — Демьяна и Василия Многогрешных — широко известна в Восточной Сибири. Пробыв какое-то количество лет в

тюрьмах, они добились свободы, были верстаны в дети боярские и прославили свои имена уже и здесь, на своей новой родине. Демьян Игнатьевич умер в Селенгинске. Его брат — Василий Игнатьевич, бывший полковник Войска Запорожского, — в Красноярском остроге. Потомки Василия — Яков, в середине XVIII в. состоял священником в Красноярске, а сыновья его, Егор и Василий пребывали в городских крестьянах. Егор Яковлевич позже станет дьяконом городской соборной церкви, а затем, уже в Тобольске, будет рукоположен в священники села Арейского.

Федор Григорьевич Сафронов в своей книге «История Северо-Восточной Азии XVII – нач. XX в.» сообщает:

«Михаила Зиновьева в Якутск привезли в сентябре 1674 г. якутские и красноярские служилые люди. Он, в отличие от Демьяна Многогрешного, в Якутске и в уезде жил постоянно, до смерти. Сначала его сколько-то лет держали в тюрьме "скована", затем освободили и во второй половине 1670-х годов зачислили в служилые люди. В Якутской окладной книге 1681 г. он числится рядовым казаком с годовым окладом жалованья в 5 рублей денег, 7 четвертей ржи, 6 четвертей овса и 2 пуда соли. В окладной книге 1684 г. о нем пишется: "Мишка Зиновьев сын Многогрешного, в нынешнем во 192 году июля в 21 день хлебной оклад учинен ему женатой, потому что он женат". Рядовым казаком, но с женатым окладом, он числится в окладных книгах 1686, 1691, 1696, 1701 и 1702 г. И только после столь долгой (более 20 лет) службы в самом низшем разряде служилой лестницы смог он выдвинуться. По данным Н. Оглоблина в 1702 г. его назначают приказчиком одного из камчатских острогов».

Не совсем так.

Продвинуться в чинах он действительно не мог — это было запрещено.

Но управляющими приказами его начали назначать гораздо раньше, чем это следует из сообщения Н.Н. Оглоблина, который на самом деле сообщал только о конкретном факте — о назначении Михаила Зиновьевича в 1702 году приказчиком Камчатки на смену прежнему приказчику сыну боярскому Тимофею Родионовичу Кобелеву.

Но вернемся к истории возвращения Михаила Многогрешного на службу.

Окладная книга 1681 года

Казаки

Зиновьев Мишка, казак (холостой оклад).

И снова возвращаемся к Николаю Николаевичу Оглоблину с его замечательными историческими справками [Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). Том 3, стр.109]:

«О присваивании казакам
дворянского звания

Естественным служебным передвижением казаков был переход в "начальные люди" своих казачьих частей — в десятники, пятидесятники, сотники, головы и атаманы. Из последних 2–3 чинов казаки могли достигать и звания боярских детей. Но бывали исключения, когда рядовые казаки из состоявших в роли "приказных людей" (последними нередко бывали и рядовые казаки, вследствие небольшаго количества начальных людей) прямо переходили за особыя заслуги в боярские дети, а с конца 17 в. и в "сибирские дворяне", напр. — челобитное дело 1707 г. Якутскаго казака Михаила Зиновьева Многогрешнаго (внук Малороссийскаго гетмана Демьяна Многогрешнаго) о пожаловании "во дворяне" за "многую службу" и проч.».

За «многую службу» понятно — почти сорок лет службы в якутских казаках.

А вот что такое «и проч.», которое во много раз важнее «многой службы», ибо каждый сибирский казак обязан был служить до самой *смерти*, если только какие обстоятельства — «немощь» либо «увечье» — не вырывали казака из служилых рядов.

Итак.

1674. Память от енисейского воеводы Михаила Приклонского якутскому воеводе кн. Якову Петровичу (Волконскому) о посылке в Якутск Мих. Зиновьева племянника бывшего гетмана Демки Игнатова (Многогрешного) с указанием держать скованными в тюрьме впредь до распоряжения.

1687. Книга сбора ясака за 1687—1688 (196) г. с юкагиров по Алазейскому зимовью казака Михаила Многогрешного.

1688–1689. Книги сбора ясака с юкагиров по Колымскому Верхнему, Среднему и Нижнему зимовьям казака Михаила Многогрешного.

1689–1690. Книги сбора ясака с якутов по Янскому Верхнему зимовью казака Михаила Многогрешного.

Книга сбора ясака за *1698–1699* (207) г. с юкагиров и нимыланов Анадырского острожка приказчика казака Михаила Зиновьева Многогрешного [РГАДА, Якутская приказная изба, тт. 2, 3, Якутск, 2016, 2017].

Но это еще далеко не все.

И мы снова вернемся к той путанице имен, что случилась у Степана Петровича Крашенинникова.

Первое: «служивой Михайло Зиновьев, который бывал на Камчатке, как в отписке из Якутска объявлено, еще прежде Атласова, может быть с Морозкою…».

Второе: «Кобелева сменил … вышеписанной Михайло Зиновьев, которой отправлен из Якутска вместо Володимира Атласова, а правил он камчатскими острогами до прибытия казачья пятидесятника Василья Колесова, с 1703 по 1704 год. Во время бытности своей первой он завел ясачные книги, в которые камчадалов поимянно начал вписывать. Нижние камчатские зимовья за неспособностию места перенес на ключи, и на Большей реке острог построил. Он же перевел из укинских зимовей на Камчатку анадырских служивых людей по прозьбе их; таким образом приведши камчатские дела в некоторой порядок, щастливо в Якутск возвратился с ясачною казною».

И главное, все это полностью соответствует исторической правде.

Более того.

Михаил Зиновьев сын Многогрешный Черкашенин не только сам участвовал в 1693 году, по мнению А.С. Зуева, в походе по корякской земле вплоть до устья реки Пенжины, но он и направлял на Камчатку несколько промысловых экспедиций под руководством казаков Ивана Васильева сына Голыгина (1686–1688 г.) и Луки Семенова сына Старицына Мороски (1695 г.).

Но это еще не все.

По его приказу было начато строительство зимовий на северо-восточной части полуострова Камчатки, а на реке Апуке Лукой Старицыным Мороской был создан опорный пункт для колонизации Камчатки.

«Между тем анадырские тумаки Андрей Кутьин с товарыщи из Анадырского острогу проведали про живущих на Уке реке, которая впала в Восточное море, иноземцов, и, пришед на оную реку близ устья впадающей в помянутую реку с левой стороны Кальны речки, построили шесть зимовей, и стали брать с оных иноземцов ясак».

Тумаки — это метисы, рожденные в смешанных браках русских казаков и промышленников с аборигенами: «Ребенок, родившийся от блуда. Давалось незаконнорожденным детям (мальчикам)». Видимо, именно поэтому Андрея Кутьина и нет в списках якутских казаков.

Приказ о строительстве этих зимовий приходится как раз на время правления Анадырским присудом Михаила Зиновьевича Многогрешного.

И кстати, в этот период, до назначения первым официальным приказчиком Камчатки сына боярского Тимофея Родионова сына Кобелева, Камчатка была в ведении Анадырского острога и ее приказчика Михаила Многогрешного — того самого Михаила Зиновьева, которого С.П. Крашенинникова определил в роли рядового казака, подчиненного Кобелеву. И он действительно фактически управлял и Камчаткой до прихода туда Кобелева.

А затем Михаил Зиновьевич по приказу Якутска не просто меняет в 1703 году Кобелева на должности официального камчатского приказчика — его назначают вместо Владимира Атласова, в отношении которого ведется следствие о разграблении торгового судна на Ангаре. И именно Многогрешный переводит укинских тумаков с северо-востока полуострова и направляет их в 1703 году на строительство Нижнекамчатского острога, закончившегося неудачей и гибелью пятерых казаков из отряда Многогрешного, затем — другую часть казаков, пришедших с ним тобольских детей казачьих, набранных еще Владимиром Атласовым, и якутских казаков, оставленных Кобелевым, направляет в августе 1703 года строить Большерецкий острог, который в том же году и был поставлен в землях камчадалов племени кыкша-ай.

Поэтому право первостроительства Большерецкого (1703 г.) и Нижнекамчатского (1704 г.) острогов принадлежит именно Михаилу Зиновьевичу Многорешному Черкашенину.

А вот как эти события отражаются в хронологии освоения Северо-Востока России на основе собранных материалов А.С. Зуевым:

«1686–1688 гг.

Иван Васильевич … Голыгин совершил поход с 13 казаками и промышленниками в сопровождении юкагиров из Анадырска в “коряцкую землю” на р. Пенжину. С Пенжины Голыгин с тремя казаками вышел на Камчатку до р. Караги и о. Карагинского. Из-за малочисленности своего отряда объясачить коряков не смог.

1693 год

Анадырский приказчик Михаил Зиновьевич Многогрешный (Черкашенин) совершил поход из Анадырска до устья р. Пенжины.

Вероятно, в том же году из Анадырска в корякскую землю отправился отряд Луки Семеновича Старицына, известного более как Морозко. Сохранился пересказ в грамоте Сибирского приказа от 9 января 1711 г. челобитной участника похода Ивана Енисейского. Согласно ей отряд Морозко вышел из Анадырска в бытность там приказчиком М. Многогрешного. Последний был приказчиком с 1693 по 1696 г. Из похода сам Енисейский вернулся через три года, но до того момента как приказчиком в Анадырске стал В. Атласов, т. е. в 1695 или в начале 1696 г.

…В 1693–1694 гг. из Анадырска к пенжинским корякам по р. Пенжине и далее к югу по Пенжинскому побережью Камчатки ходил отряд казака Сидора Бычана. Его попытка привести в подданство живших там оленных коряков лишь частично увенчалась успехом. Только немногие из них заплатили ясак, а остальные, видя малочисленность русского отряда, оказали сопротивление и наотрез отказали в ясаке.

1696 год

Л. Морозко в конце 1695 или в начале 1696 г. отправился во второй поход на Камчатку (среди участников этого похода называют также И. Голыгина и И. Енисейского). Приказчик Анадырского острога М. Многогрешний дал Морозко задание объясачить коряков на р. Апуке. Численность отряда определяется в литературе по-разному: 16 казаков; 11 казаков, 7 промышленных людей и 40 чуванских и ходынских юкагиров; 13 русских и 40 иноземцов.

…Приказчик Анадырского острога М. Многогрешный обложил ясаком “Пенжины реки пеших коряк сто человек”, но каких именно поселений, не сообщил.

1697 год

…Известия о столкновениях атласовцев с коряками каким-то образом дошли до Анадырского острога. М. Многогрешный писал в Якутск: “а у камчатских и у олюторских у оленных и пеших коряк великий скоп на него Володимера: ис своей де Корятцкой земли выпустить не хотят”.

1703 год

Отряд казаков из Анадырска под командой Андрея Кутьина построил 6 зимовий на р. Уке, впадающей в Карагинский залив на севере Камчатки, и начал собирать ясак с окрестных коряков. Как писал С.П. Крашенинников, “Андрей Кутьин с товарыщи из Анадырского острогу проведали про живущих на Уке реке, которая впала в Восточное море, иноземцов, и,

пришед на оную реку близ устья впадающей в помянутую реку с левой стороны Кальны речки, построили шесть зимовей, и стали брать с оных иноземцов ясак”.

Шедший на Камчатку приказчик М.З. Многогрешный забрал с р. Уки Кутьина и часть его людей. Прибыв в Нижнекамчатское зимовье, Многогрешный отправил Кутьина с 40 чел. “вниз по Камчатке реке для завоевания неплатежных камчадалов”. Отряд Кутьина в верстах 50-ти от устья р. Еловки был внезапно атакован ительменами, которые убили пять казаков. Нападение удалось отбить. Ительмены укрылись в своем острожке Тушашеры, “к которому казаки с неделю приступали, но взять не могли. И многие на тех приступах переранены, между ими и командир их Кутьин”.

1704 год

Т. Кобелев, возвращаясь с Камчатки, оставил на устье р. Еловки несколько человек “вольницы” (т. е. добровольцев) и “велел им зимовья построить и ясак збирать с шантальских иноземцов, которые в то время еще неплатежные были”.

Весной 1704 г. Многогрешный совершил поход из Верхнекамчатска по р. Камчатке и “всех немирных камчадалов в ясак привел, иных ласкою, а иных войною”. Возвращаясь, перенес Нижнекамчатское зимовье с Еловки на пять верст ниже по р. Камчатке к “Ключам”. Затем, в начале августа 1704 г. (в документах 1703. — *С.В.*), Многогрешный отправил 15 служилых на Большую реку и велел им поставить там острог и взять с местных ительменов аманатов. Был основан Большерецкий острог» [Хроника присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII – первой четверти XVIII вв.].

Прокопий Прокопьевич Явловский также отметил Многогрешного в своей «Летописи города Якутска»:

«Летом привезен Михаил Зиновьев, племянник запорожского гетмана Демьяна Многогрешного. Вина его состояла в том, что он знал об измене своего дяди и не сообщил Московскому правительству, а Многогрешный хотел перейти на сторону Дороженка [Дорошенко] и принять турецкое подданство. В Якутске Зиновьев сперва сидел в тюрьме и в оковах, но потом был зачислен в пешую казачью службу и отправлен с командою в Камчатку, где он построил Нижне-Камчатский острог… Послан в Камчатку, на место Атласова, казак Мих. Зиновьев, племянник гетмана Демьяна Многогрешного. С ним отправлено туда 45 казаков из набранных и привезенных Атласовым. В Камчатке Зиновьев сменил Кобелева, построил Нижний острог, при Ключах завел для камчадалов ясачные книги, перевел анадырских казаков с Укинских зимовий на р. Камчатку и вообще сделал много хорошего на полуострове».

Все это было весьма и весьма значительным вкладом, почему Михаила Зиновьевича, не переводя его даже в десятники (в 1706 году в окладной книге он числится как рядовой казак четвертой пятидесятни Михайло Зиновьев с[ын] Многогрешной), последовал указ о возведении его сразу в дворянское достоинство.

Потому что заслуги его в освоении и открытии Камчатки были оценены на самом высоком уровне и по достоинству.

Но возвращаемся к фамилии.

Выписка из Переписной книги Якутского острога 1720 года: «Во дворе Федора Шелковникова живет дворянин Семен Михайлов сын Зиновьев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 3].

А теперь главное:

«Согласно доношению Павлуцкого от 26 ноября 1730 г. вместе с ним в Анадырск прибыло: “взятых из Якуцка и собранных по разным острогам и зимовьям… дворянин Семен Зиновьев, служилых 150, казачьих детей и промышленных людей 55, кузнец 1, итого 207 человек”».

В Российском государственном военно-историческом архиве мы обнаружили именной список Гижигинской команды за 1761 год [ГВИА. Фонд РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об., а также РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3. Л. 11].

В списках гижигинских казаков Зиновьев Яков Алексеев.

Это сын Алексея Михайловича Зиновьева, верстанного в дети боярские в период с 1722 по 1748 год.

Примерно в эти же годы верстаны в казаки братья Якова — Семен и Иван Алексеевичи Зиновьевы.

А далее на основе архивных материалов [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45] мы находим и потомков наших героев:

Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год. Гижигинская крепость. Казаки. Зиновьев Алексей Яковлев — 61 (1791). Сын его служащий Григорий — 32 (1820). Сын Григория Николай — 6 (1846). Лука — (1853).

Дочь Алексея — Зиновьева Варвара Алексеевна (1835) 23 мая 1862 года вышла замуж за гижигинского казака Федора Сократовича Русанова.

Линия ее брата, по всей видимости, не прекратилась и в нашем времени:

Его сын — Зиновьев Федор Николаевич (1869) в 1893 году был женат в первом браке на казачьей дочери Дарья Михайловна Переплеткиной. Вторая его жена — Марфа Михайловна, фамилия которой не установлена.

У Федора было пятеро детей: Дарья (08.04.1904), Иван (19.10.1906), Елизавета (22.09.1914), Аграфена (15.06.1918), Никифор Федорович (04.09.1919), женившийся впоследствии на Ирине Ефимовне Кудьяровой и «выпустивших в свет» в 1950-х годах Александра, Дарью, Леонида и Ефима Зиновьевых.

У Николая Григорьевича (08.07.1846 – 1878) была и дочь Пелагея Николаевна (1878). Седьмого октября 1898 года она вышла замуж за крестьянина бывшего Таватомского селения Гижигинского округа Андрея Давидовича Неустроева.

Его брат — Алексей Григорьевич Зиновьев (1856) гижигинский казак 28 октября 1881 года женился на Анне Андреяновне Попковой.

Его племянники:

— Николай Алексеевич (21.02.1882), женатый 29.10.1900 года на дочери умершего псаломщика Федора Ивановича Верещагина Марии.

— Давид Алексеевич (28.06.1890), женой которого 18.01.1915 года стала вдова Архипа Беломоина, гижигинского мещанина, Анна Феофантовна.

Один из них — Николай Алексеевич — дал «дорогу в жизнь» целому племени Зиновьевых. Его дети:

Зиновьев Алексей Николаевич (10.01.1903),
Зиновьев Федор Николаевич (12.12.1909),
Зиновьев Григорий Николаевич (03.08.1911),
Зиновьев Иван Николаевич (04.01.1915),
Зиновьев Николай Николаевич (18.08.1917), проживал в 1943 г. в с. Арестово,
Зиновьева Ирина Николаевна (28.04.1920).

А вот и вторая линия, начальное звено которой нам пока неизвестно, хотя, возможно, это родные (или двоюродные) братья с Григорием Алексеевичем:

Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков
Май 1-го дня 1831 года
Зиновьев Матвей (1787), казак.

А это список 1852 года [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45]: Зиновьев Иван Матвеев — 24 (1828).

А далее, на основе собранных в Государственном архиве Магаданской области материалах, мы можем продолжать эту тему.

Сын Ивана Матвеевича — Иван Иванович. Внучка — Елизавета Ивановна Зиновьева (1867), дочь оставного Гижигинского казачьего урядника 6 ноября 1888 вышла замуж за сына священника Федота Митрофановича Шипицына.

Сестра Ивана Матвеевича – Зиновьева Надежда Матвеевна (1823) 18 мая 1845 года вышла замуж за гижигинского мещанина Николая Ивановича Воробьева.

И вполне вероятно, что представители этого многочисленного племени и знать не знают о происхождении своей фамилии от имени одного из братьев гетмана левобережной Украины Зиновия Игнатьевича Многогрешного, сын которого был сослан на вечное житье в далекий северный край…

ЗОЛОТАВИНЫ

Вполне вероятно, что Золотавины на Камчатке представляли семейную промышленно-служилую корпорацию, каких в те годы было много.

Первый из Золотавиных был отмечен в книге С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»:

«1724 году в октябре месяце приехал из Якуцка на место Федора Шелковникова прикащиком якуцкой (В рукописи зачеркнуто: сын боярской) служивой Афонасей Жирков, которой всеми тремя острогами управлял, как и прежние прикащики, один год. В бытность его объясачено на Карагинском острову карагинцов дватцать один человек чрез промышленного Ивана Золотавина, а ныне их в ясаке обретается 30 человек, а всех их на оном острову живет человек со сто или больше. Платят в ясак лисицы красные».

Иван Золотавин, судя по количеству холопов (дворовых), осел на Камчатке уже давно. Вот что записано о нем в переписи за период с 1722 по 1748 годы:

«Верхнекамчадальского острогу
Посацкие
2985) Иван Золотавин
Промышленного Ивана Золотавина дворовые крещеные
3036) Кирик
3037) Петр
3038) у него дети Алексей [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 107, л. 109].

У него был сын:

«Верхнекамчадальского острогу
Посацкие
2985) Иван Золотавин
2987) у него сын Спиридон» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 107].

И вполне возможно, что был еще один сын — служилый человек. Или, возможно, брат. Но только о его существовании мы узнаем из сообщения о его же гибели:

«Во оном же 731-м году присудствия Верхнего Камчадальского острогу Харьюзовой и Белоголовой рек ясашные иноземцы Максимко да Щербак с товарыщи изменили и на Белоголовой реке трех человек служилых людей Кирила Золотавина, Василья Портново, Карпа Бекирева убили, да на Сопошную реку приходили и на оной Сопошной реке иноземческого парня убили, а у протчих иноземцов жен и детей всего семь человек, також и пожитки их иноземческие и платья взяв, разделили по себе, да на Иче реке ясашных же иноземцов десять человек убили, а жен их и детей и пожитки взяв, разделили по себе» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

Золотавины не оставили своего следа на Камчатке.

Но есть маленькая сибирская метка: «Захребетник всяким промыслом промышляет Куземка Осипов сын Золотавин живет в деревне Мостовке [Тобольского уезда]»…

ЗЫКОВЫ

Возможно, самое первое упоминание этой фамилии в Сибири относится к периоду формирования новых казачьих и стрелецких сотен в Тобольске:

«Пешие ж новоприборные казаки, которые прибраны по Государеву указу во 137-м [1629] году … Якунька Иванов Зыков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 27. Л. 29].

А потом громозвучная россыпь этой фамилии прокатилась по всей уже Сибири.

Нет, это, конечно, не были родственники: мы видим весьма разнородный состав. И, кстати, в самом Тобольске мы обнаруживаем снова эту фамилию (по крайней мере, на основе нашей базы дынных) только в 1704 году — в казачьем полку записан Федор Зыков [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Л. 234 об.]. В последующих именных росписях Тобольска мы этого имени не встречаем.

Но такое имя появляется в окладной книге Якутского казачьего полка в 1706 году:

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Якутск

Зыков Федор Петров (17)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

И это неудивительно — ведь сам казачий голова Владимир Владимирович Атласов в 1702 году по пути из Москвы по царскому указу набирал в Тобольске из потомственных и крепких казачьих семей пятьдесят казачьих детей, которые должны были теперь нести службу на Камчатке.

И Федор Зыков служил на Камчатке. Подтверждением тому его участие в казачьем круге по лишению полномочий камчатского приказчика Владимира Атласова в 1707 году: его подпись стоит в общей челобитной об отказе Атласову во власти [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 39].

Но и сам же Федор стал жертвой произвола Владимира Атласова, который привел к очередному конфликту камчадалов с казаками:

«Посылал [Отласов] для ясашного недобору на Пенжинское море Кирила Бекирева … Бекирев сидел в осаде. К нему послали на помощь Федора Зыкова и его убили» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 36].

Известная нам родовая история начинается с Петра Зыкова — казака Гижигинской крепости в 1772 году.

Откуда он прибыл — нам неизвестно.

Но на этот период Зыковы были не только в Тобольске, но и в Енисейске, Иркутске, Нерчинске, в Илимске, Верхоленске и Якутске — откуда приходили казаки-годовальщики на Северо-Восток — в Анадырский острог и Гижигинкую крепость. Служили также Зыковы в солдатах и драгунах, которые могли пополнять северо-восточные гарнизоны.

Но здесь для нас пока большое белое пятно.

Расскажем о том, что известно.

Итак, 1772 год, Гижигинская крепость: Казак Петр Зыков [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22Ю. Л. 10 об.].

Он же, согласно ведомости, продолжает здесь же служить и в 1781 году.

В 1784 году у него рождается сын Иван, о котором мы узнаем из документов Национального архива Республики Саха (Якутия):

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Зыков Иван 1-й — 47 (1784), казак» [НА РС (Я), Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.].

Почему Иван 1-й?

Потому, что вместе с ним служит уже его сын:

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Зыков Иван [Иванов] 2-й — 18 (1813), казак» [там же].

А это информация, спустя 20 лет:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Зыков Иван Иванов — 42

Сын его Емельян — 6 (1846)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

Позже Иван Иванович будет прикомандирован к Камчатской казачьей команде:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Прикомандированные из Гижиги

Зыков Иван — 46; из казачьих детей, на службе и в чине с 1830 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10].

И параллельно пришла и другая информация: «Казачий сын Герман [Емельян?] Зыков из Гижиги в Петропавловский порт для совместного жительства с отцом» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 5].

В Гижигинской крепости оставалась сестра Ивана Ивановича — Марфа Ивановна, которая 21 мая 1745 года образовала новую семью, выйдя замуж за писаря Ивана Сидоровича Куркутского (1793).

И был еще, по всей видимости, брат — Николай Иванович, у которого с супругой Параскевой Гавриловной родился 24 марта 1844 года сын Прокопий.

Но дальнейшая судьба представителей этой фамилии нам пока неизвестна.

ИНЕШИНЫ

Согласитесь, фамилия редкая. И былое значение ее не совсем понятное. Объясняют существованием татарского имени Инеш — что значит живой, энергичный, активный человек. Но если по сути, это вариант русского Иванов, Петров, Сидоров. Но не с такой частотой употребления…

Мы обнаружили ее в Забайкалье.

Оймурской деревни крестьяне.

Померли … Никита Инешин… [Демин Э.В. Древние жители селенгинских весей (по селенгинским переписям после 1722 до 1764 гг.)].

По архивным данным, первыми жителями деревни Усть-Уровской в 1726 году были Кайгородов, Инешин, Плотников, Поляков, Астафьев, Матафонов, Толстокулаков, Молоков и др. [ГАЗК [Забайкальского края]. — Ф. 31. Оп. 1. Д. 8. Л. 24 об.].

«Селенгинск. …написанной в ныне последную перепись:

Осип Инешин 48 (1674). Умре в 756-м году.

У него рожденные в ту ж перепись дети.

Тихон 13 (1709). Умре в 756-м году.

Леонтей 9 (1713).

Козма 7 (1715). Умре в 757-м году.

Петр 1 (1721)» [РГАДА. Ф. 350 оп. 2 д. 3070].

И тогда становится понятным, откуда на Камчатку мог прибыть после переписи 1718 отмеченный в период с 1722 по 1748 год Тимо-

фей Инешин – именно в период после 1722 года начинается формирование казачьих подразделений в Охотоморье и на Камчатке из казаков Селенгинска, Нерчинска и Иркутска.

И вполне вероятно, что Петр Осипов сын Инешин, рожденный в Селенгинске в 1721 году, имеет самое непосредственное отношение к пятидесятнику Петру Инешину, служившему в Гижигинской крепости в 1781 году [РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 88, Л. 18 об.].

В 1822 году войдет в историю мореплавания еще одно имя — возможно, сына Петра Инешина (к сожалению, ни имени, ни отчества в публикации не называется).

«Бригантина "Святой Павел", 1822 г.

Бригантина "Святой Павел", следуя из Охотска к Гижиге с провизией и разными вещами, по утру 6 октября подошла к берегу. Когда туман несколько "подобрало", заметили, что попали не туда, а в губу, образуемую р. Германда. Для выхода стали лавировать назад, все прижимаемые ветром к берегу.

Вечером встали на якоря, но судно дрейфовало — "…неурядица была большая: оторопелый капитан спрашивал команду: что ему делать? рубить ли мачты? идти ли в берег?". Один из бывших на борту казаков — Инешин, вызвался провести транспорт в реку — и ему это удалось, поставив судно на мель носом к берегу.

Связав плот, направили его к берегу и организовали переправу. Подоспевшие коряки, помогли команде перебраться по натянутому канату.

Рапортом капитана отмечено, что казак Инешин "…показал много усердия при спасении. Первым вышедший на берег, помогал другим, не раз кидаясь для этого в воду…". Спустя неделю, транспорт был разбит. Потеря только одного груза была оценена в 22 144 руб.» [Ведерников Ю.В. Российское мореплавание на Тихом океане за триста семьдесят пять лет своей истории. Хроника судоходства и кораблекрушений, 1639–2014 годы].

Вполне возможно, что этого казака Инешина звали Павлом. И тогда он был отцом гижигинского казака Тимофея Инешина:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми.
1852 год
Гижигинская крепость

Казаки

Инешин Тимофей Павлов — 33 (1819)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

Но это еще не все — в числе охотских казаков первостроителем Николаевского-на-Амуре военного поста и будущей столицы новообретенного Дальнего Востока (Приамурья и Приморья) был Яков Инешин — «плотник и пильщик» — по скупой характеристике командира этого поста Александра Ивановича Петрова.

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы
Петровское зимовье

Казаки

Инешин Яков» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

Впоследствии все казаки, участвовавшие в Амурской и Сахалинской экспедициях, были приписаны к 6-й отдельной сотне Амурского полка, поселившихся на реке Амур рядом с Мариинским постом в местечке Суча.

Был ли Яков тоже сыном неизвестного нам казака Павла Инешина, остается пока под вопросом.

Известно другое. Тимофей Павлович был женат дважды:

Инешин Тимофей Павлович (1829), казак Гижигинской сотни. Ж. 1 (с 11.11.1845) Огибалова Мавра Леонтьевна (1824). Ж. 2 (с 02.04.1859) вдова ум. казака Захара Чертовского Лукия Яковлевна (1813). У него было трое детей: Анастасия (1846), Гавриил (1849) и Петр…

ИПАТЬЕВЫ

Скорее всего, эта фамилия — Ипатьевы — пришла на Дальний Восток из сибирской столицы — Тобольска, как и многие другие фамилии, ставшие здесь, на северо-восточных рубежах Отечества, родовыми.

В Тобольске были свои казаки Ипатьевы — Василий Борисов сын с годовым окладом «5 рублев с полтиною» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 189].

И свои чиновники — подъячие Ипатьевы.

С этими вообще были интереснейшие истории.

В 1696 году в Красноярск, где народ восстал против воеводы, «"…на перемену" Мирону Башковскому были временно назначены из Тобольска дворянин Федор Тутолмин и подьячий тобольской приказной палаты Василий Ипатьев. 18 февраля 1696 г. они прибыли в Красноярск. Но Мирон Башковский в острог Тутолмина не пустил и печати и казны ему не сдал. Раздраженный Тутолмин посоветовал морить строптивого воеводу голодом, а сам жил в деревнях, курил вино и устраивал пиры "судейкам". В августе ему было дано официальное поручение о производстве следствия по жалобам на Алексея Башковского, и он приступил к делу, всячески "норовя" красноярцам, от которых, как говорили, получил взятку».

Но есть тут и обратная сторона медали, о которой сообщает Н.Н. Оглоблин в очерке «Красноярский бунт 1695–1698 гг. (к истории народных движений XVII века»:

«Тутолмин, мироволивший "воровским людям", был невыносим для Дурново, старавшегося во что бы ни стало очернить Тутолмина, чтобы прекратить его сыски, направленные против Башковских и Дурново. Случай скоро представился. Присланный с Тутолминым Тобольский подьячий Василий Ипатьев, не ладивший с ним из-за споров о "перстосложении", подал Дурново "извет" на Тутолмина, жалуясь, что Тутолмин его ограбил и избил. Он уверял, будто в розыске о злоупотреблениях А. Башковскаго сыщик "чинил красноярцам поноровку для своей бездельной взятки", взял с них "белью хрептовую шубу". Видя такой "неправый розыск" Тутолмина, подьячий "от розыску отстал". В новом розыске о причинах

красноярской шатости Ипатьев не принимал никакого участия, так как в царской грамоте Тутолмину не было упомянуто о подьячем, да и сам он сознает, что "за ссорою" с сыщиком не может быть с ним у розыска. Подьячий просит отпустить его в Тобольск. Дурново схватился за извет Ипатьева, но обвинения подьячаго оказались голословными, и только позже Дурново добился отозвания Тутолмина и прекращения его розысков».

В столице Восточной Сибири было не менее весело: как раз шли разборки по ношению бороды и иноземного платья:

«...в январе 1706 г. иркутянин Федор Игумнов отказался брить бороду и платить за нее указную пошлину. Когда на воеводском дворе подьячий Иван Ипатьев стал брить Игумнова насильно, тот "говорил непристойные слова: будто он, Иван, учинил над ним, Федором, не по ... великого государя указу, а указ де антихриста; и о том де он будет и в народе возмущать"».

Первого из дальневосточных Ипатьевых мы обнаруживаем в Охотске в период с 1722 по 1748 г., где он в разряде разночинцев — то есть бывших казаков, попавших под реформы о сокращении численности сибирских казаков.

Это был Михаил Ипатьев. Возможно, он тоже впоследствии сделал чиновничью карьеру, по которой пошли его дети и внуки:

«Формулярные списки писарей штаба
командира Петропавловского и камчатских
портов за 1853 год.

Ипатьев Николай Федоров

Уроженец Охотска, из детей канцелярских служителей, 25 лет. Охотское штурманское училище — 03.11.1843. Вахтер — 01.05.1853» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 18. Л. 48].

Надо полагать, участник Петропавловской обороны 1854 года. Впоследствии вахтер 27-го Амурского флотского экипажа. 24 мая 1862 года в Николаевске-на-Амуре у них с супругой Анастасией Константиновной родился сын Иван.

Но на этом концы обрываются.

Возможно, не совсем. Чиновники Ипатьевы проявятся и в Якутии:

«Исправники Верхоянского округа
Помощники окружного исправника

1877–1881, губернский секретарь (с 19 апреля 1877), коллежский секретарь Ипатьев Харлампий Николаевич.

"Свидетельство.

1832 года февраля 12 дня мы ниже подписавшиеся свидетельствуем по присяжного должности в том, что действительно служащих в штате Якутского Провиантского Комиссионерства шетчиком Гаврила и вахтером Семен Антипиных дед их Степан Михайлов сын Антипин в службу вступил из Сибирских дворян в Якутской дворянской штат дворянином 1736 года и продолжал служение свойственную дворянину, занимая благородного нарицания должности и разных командировки и находился в службе безропочно [так в тексте] по день смерти 1779 года; отец же их Василей Степанов сын Антипин вступил в службу из сибирских же дворян 1757 года в якутский дворянский штат дворянином же, где занимая разные свойственные благородного нарицания должности и командировки и в продолжении службы в штрафах и под судом не бывал, отколь за болезненными припадками уволен от службы 1792 года в чем и подписуемся; на подлинном подписали:
Статский Советник и кавалер Алексей Ачкасов
титулярный Советник Иван Климантов
титулярный Советник Семен Аммосов
титулярный Советник Кир Егоров
титулярный Советник Алексей Пирашков
титулярный Советник Афанасий Уваровский
титулярный Советник Харлампий Ипатьев
титулярный Советник Семен Астраханцов
титулярный Советник Василей Есратов
титулярный Советник Дмитрий Сабакин
титулярный Советник Игнатей Расторгуев
Хорунжий 12 класса Алексей Сивцов"»

А это его родной брат:

«Исправники Верхоянского округа
Помощники окружного исправника

1883, губернский секретарь Ипатьев Егор Николаевич» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 353].

Наша же история начинается в Тигильской крепости, где в 1812 году служит (точнее уже отслужил, так как был в отставке) унтер-офицер Иван Прокопьевич Ипатьев (1753).

У него было два сына:

Осип Иванович (1787), который в 1815 году служил матросом в Петропавловской экипажной роте.

Егор Иванович, в 1812 году рядовой Камчатского гарнизонного батальона, а в 1815 году — казак Тигильской казачьей команды. [Исповедальные росписи Тигильской Христорождественской церкви; РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

1 колено	
	Ипатьев Иван Прокопьевич (1753), с. Тигиль, 1812 г., отставной унтер-офицер
2 колено	
	Ипатьев Осип Иванович (1787), матрос 2 статьи Петропавловской экипажной роты в 1815 г. Ж. Пелагея Егоровна (1804)
	Ипатьев Егор Иванович (1791), с. Тигиль, 1812 г., рядовой; с. Тигиль, 1815 г., казак. Ж. Параскева Васильевна (1791)
3 колено	
Дети Осипа Ивановича	Ипатьева Екатерина Осиповна (1821)
	Ипатьев Николай Осипович (1822)
Дети Егора Ивановича	Ипатьев Ксенофонт Егорович (1810 г.р.), с. Тигиль, 1831 г., «школьник», в 1845 году конопатчик 3-го класса Петропавловской экипажной роты. Ж. Мария Елизаровна

	Ипатьева Мария Егоровна (1807)
	Ипатьев Иван Егоров сын (1812) — с. Тигиль, 1831 г., «школьник», в 1854 г. мастеровой, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1832 г., в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата. Ж. Анна Ивановна
	Ипатьев Прокопий Егорович (1812), с. Тигиль, 1831 г., «школьник»
	Ипатьев Петр Егорович (1815), с. Тигиль, 1831 г., «школьник»
4 колено	
Дети Николая Осиповича	Ипатьев Иван Николаевич (24.05.1862)
Дети Ксенофонта Егоровича	Ипатьев Николай Ксенофонтович (1839), кантонист морского ведомства, Петропавловский порт, 1850 г.; баталер, участник Петропавловской обороны в 1854 г., «…в 1882 году внесен в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры».
Дети Ивана Егоровича	Ипатьева Фекла Ивановна (1842)
	Ипатьева Марфа Ивановна (1844)

Далее следы теряются…

КАМКИНЫ

Путей появления этой фамилии на Дальнем Востоке мы обнаружили два.

Первый, датированный 1649 годом:

«В годовщину отъезда Дежнева на Анадырь, 20 июня 1649 года, казаки поймали за Анюем “ходынского (юкагирского) мужика” Ангара, рассказавшего, что по Анюю можно перейти через хребет на новую реку Анадырь, и хотя сведения о реке Анадырь и что она лежит за хребтом, получены были еще в 1646 году, рассказ Ангара дал новый толчок. Новая весть с быстротой молнии разнеслась по Колыме и собрала вокруг новых вожаков толпы людей, готовых немедленно идти в поход. Чтобы придать движению официальный характер, состоятельные торговцы Матвей Камкин, Анисим Костромин, Михаил Захаров и другие подали челобитную Василию Власьеву с просьбой отпустить с ними на Анадырь служилого человека. При этом торговцы “объявили прибыль государю” с новой реки — 40 соболей.

Руководителем экспедиции и приказчиком на Анадырь Власьев назначил Семена Иванова, по прозвищу Мотора, бывалого и смелого казака».

И второй — из числа тобольских казаков, которые в качестве «годовальщиков» сменяли друг друга в Якутии в течение практически столетия с момента образования воеводства в 1638 году.

В 1661 году в пеших казаках «Мурзины станицы Выходцова» служил рядовой Мишка Камкин [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 186].

По всей видимости, уже его внук Иван Оникеев (по другой версии Онисимов) участвовал в обороне Албазинского острога [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 829. Л. 89 об.].

Тобольск, 1696 год: Камкин (Какмин в оригинале) Ондрюшка Завьялов, десятник, «в 204 г. велено в его месте быть сыну его Олешке».

И в начале XVIII века в Анадырском остроге появляется Григорий Камкин. А потом вот такая «чехарда» на Камчатке:

«1716– ? годы. Служилый Григорий Камкин. Прислан из Анадырска Татариновым. Принял дела от К. Вежливцова и сел “на приказ” в Нижнекамчатске. Как долго управлял камчатскими острогами, неизвестно» [Зуев А.С.].

«После Петриловского был приказчиком Кузьма Вежливцев, после Вежливцева — присланный из Анадырска служивый Григорий Камкин» [Крашенинников С.П.].

Анадырский острог, 1717:

«Татаринов послал с коряками 14-го апреля 2-х служилых и толмача, которые и взяли ясаки с оленных и акланских коряк; а юкагиры за три дня до прихода русских вышли силою из осажденного коряками острога и хотя заплатили ясаки, но на требование казаков выдать аманатов не согласились. После того Татаринов, оставив (14 апреля 1718 года) в Анадырском остроге казака Федота Татаринова с 36 человеками (в делах иркутского архива мы нашли донесение Федора Татаринова о тогдашнем Анадырском остроге. Острог решетчатый, в нем: ясачная с перерубом и прирубом казенки изба; в казенке держат аманатов; сени с прирубом; два амбара; над сенями вышка; под вышкою в боку 3 амбарца; в острожной стене амбар. В остроге государев двор: в дворе 3 строения; изба и сени крыты под одну кровлю, желобьями тесаными. — Авт.), и предоставив Трифанову отыскать остальную пропавшую камчатскую рухлядь и окончательно покорить юкагир, сам, несмотря на представление последнего повременить походом, а потом вместе идти на акланских коряк, отправился с 80 человеками на р. Пенжину, откуда послал 60 человек с казаком Григорием Камкиным в Камчатку, а с остальными воротился в Анадырск» [Сгибнев А.С].

Перепись 1722/1748 года

«В Охоцком остроге

Разночинцы

Иван [Григорьев сын] Камкин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 89].

Охотск, 1735 год:

«В прошлом 1735-м году в бытность мою в Охоцку положенного ясака я не збирал, а збирали и принимали охоцкой закащик Борис Суханов [которой определен был от меня вместо взятаго в каманду экспедиции штюрмана Бирева], а с целовальником Екимом Писаревым

по оценке ценовщиков охоцких служилых людей Ивана Камкина, Никифора Мельникова, Фадея Осенина при определенном служилом же за подьячего Михайле Попове…» [Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1737–1738. Морские отряды, Спб, 2013, стр. 464].

Тигильская крепость, 1815 год, Исповедальные росписи Тигильской Христорождественской церкви:

«казаки

Косыгин Петр Иванович — 32. Ж. Мария Тимофеева. Дети: Иван — 4, Настасия — 2. Племянники его: Максим Иванов Бачинин — 17, Константин Иванов Камкин — 19 (1796)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2]

Дальнейший фамильный след проследить не удалось.

КАРАНДАШЕВЫ

Если первые карандаши появляются, как говорят историки, в эпоху царя Петра, то каким тогда образом в Тобольске в 1689 году уже отмечена эта фамилия?

«Литовского списку казаки

Петрушка Карандашев [Смотренная книга тобольских служилых людей, 1689 (7197) г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948. Л. 175 об.].

Хорошо — эта фамилия пришла к нам из Великого Княжества Литовского.

А эта фамилия, возможно, пришла из Бухары:

«Карандашев Маметяр — Тоболские юртовские служилые татары» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376].

А как тогда быть с русскими крестьянами?

Тобольский уезд, 1710,

Ялуторовская слобода, деревня Ильина

«Двор а в нем пашенной крестьянин Степан Григорьев Карандашев сказал себе от роду 45 лет у него жена Акилина 40 лет у них три сына Потап 12 лет Евдоким 10 лет Борис 3 лет две дочери девки Татьяна 5 лет Мария году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434].

А может быть, изначально фамилия писалась несколько по-иному?

Например, так:

«Петрушка Иванов сын Карандышев сказался, родом де он, Петрушка, Тарского города казачей сын. У него дети Гараська дватцати лет, Алешка тринатцати лет, Левка девяти лет. Скота две лошади да корова. А оклад ему, Петрушке, великого Государя жалованья денег четыре рубли с четью [л. 98 об.], хлеба три чети и полтора четверика ржи, две чети с осьминою без получетверика овса. А пашни у него паханые от города наездом вверх по Оше, две десятины в поле, а в дву по тому ж. Да непаханой, залежи и пустоши, и лесных мест дватцать десятин.

Сенных у него покосов около поль на сорок копен. В межах та ево пашня подле конного казака Лаврушки Петрашевского, а по другую сторону Байгачевская пашня, а с третюю сторону Оша река, а с четвертую сторону болото. Владеет вопче с стрельцом з Ганькою Вакулиным по поступной вдовы татарского головы Ивановской жены Лаптева Агрофены Малафеевы со 193-го году. А с пахоты платит в казну великого Государя выдельной хлеб – десятой сноп. И по указу великого Государя служить ему, Петрушке, за пахоту ево, за хлебной полной оклад с пашни» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 98–98 об.].

«Во дворе Стенка Борисов сын Карандышев. Сказал: родился де он Вяцкого пригородка Слободцкого уезду в Сырянском стану, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 188-го году [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261].

Во дворе Фролко Борисов сын Карандышев. Сказал: родился де он Вяцкого пригородка Слободцкого уезду в Сырянском стану, жил за великим государем в бобыльском тягле. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 188-го году. У него дети: Федка 5 лет, Гришка 3 лет» [там же, л. 1221 об.].

Карандыш — значит «короткий, коротыш» — слово весьма удобное для прозвища людей маленького роста.

Но факт остается фактом, и сын Степана Григорьевича — Потап — солдат Тобольского пехотного полка в 1720-х годах — по-прежнему писался Карандашевым.

И казак литовского списка Тобольского казачьего полка Петр Карандашев оставался Карандашевым, а не Карандышевым и в последующие годы [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376].

Любопытно и другое — по данным за 1689 год, Петр Карандашев до 1686 года служил в чине сына боярского: «Дети боярские которые по указу великих государей и по грамоте во 194 году из детей боярских отставлены а оклады их окладу из велено выложить и ныне им тех окладов не даетца Петрушка Карандашев» [Смотренная книга тобольских служилых людей. 1689 (7197) г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948. Л. 175 об.].

К чему это я? К тому, что в 1701 году Владимир Атласов, возвращаясь из Москвы, где он доложил о Камчатке, набрал из семейственных казачьих родов пятьдесят казачьих детей для службы на Камчатке. И не могли ли быть в этом списке Карандашевы?

Первым из дальневосточных Карандашевых был отмеченный в переписи 1722/1748 годов в Тауйском остроге разночинец (казак за штатом) Сила Карандашев.

Больше о нем мы ничего не знаем.

На Камчатке в 1731 году в составе экспедиции Шестакова-Павлуцкого появляется казак Степан Карандашев.

О нем мы узнаем случайно: в период Харчинского бунта, задержавшего выход бота «Святой Гавриил» в море, в подготовке которого к плаванию принимал участие и Карандашев. Но в связи с бунтом камчадалов он в составе отряда солдата Александра Змиева отправился наказывать виновных:

«3 октября 1731 г. Змиев прибыл в Верхнекамчатский острог, где потребовал от местного закащика Василия Пашкова выдать ему В. Новограбленного, А. Рюмина и Н. Дурынина. Но Пашков отказался “сдать” своих людей и “учинился указу противен”. 7 октября Змиев повторил свои требования. На этот раз его поддержала часть местных казаков. Один из

них, Гаврила Юрлов, явился к Пашкову и стал уговаривать его выдать Новограбленного, а о последнем говорил: “Не подлежит де ему у дел быть подъячим, многие де за ним плутовства”. В ответ на это Пашков заковал Юрлова в кандалы и посадил в казенку. Змиев, поняв, что ничего не добьется и получив известие о движении “изменников” на рр. Козыревка и Чажма, 8 октября выехал из Верхнекамчатска, оставив, однако, там трех своих людей — казаков Ефима Пермякова, Степана Карандашева и Макара Новосельцева, приказав им не допустить расправы над Юрловым».

Собственно, вероятно, с этого времени и начинается летоисчисление камчатской династии Карандашевых.

Карандашев (а вот кто именно — Сила или Степан — неизвестно) был участником Первой Камчатской экспедиции, доставляя провиант из Якутска и Охотска на Камчатку:

«По требованию от Якуцкой канцелярии 46 человек служилых людей, чтоб присланы были на Горбью, а из Якуцкой канцелярии вышеписанное число людей пришлетца или нет, о том и ваше благородие известие не имеете, а ныне из ымеющих нашей команды служителей здесь надлежит отправить на Камчатку с матриалы для заготовления лесу к строению ботов и ради заготовления в зимнее время рыбных кормов, а по показанному моему пред сим мнением его благородию г-ну капитану апреля 19 дня, чтоб дождався правианту, которой будет сухим путем з г-ном лейтенантом Чириковым и с служилым Карандашевым иттить в показанной нам путь, а ныне оное судно с обретающимися здесь вещами нагружено и боле грузу положить во оное судно невозможно, и безо всякого замедления ныне надлежит оное судно отправить в скорости ради возврату, чтоб сей положенной груз перевесть на Камчатку и возвратитца на Ламу ради переправления других вещей, которые прибудут от Якуцка, не упустя летняго времяни» [из рапорта М. Шпанберга от 28 июня 1727 г.].

11 августа М.П. Шпанберг на «Фортуне» вернулся в Охотск, где в это время уже находился А.И. Чириков с отрядом, доставивший 3 июля из Якутска 1500 пудов муки. 10 июля прибыли с Камчатки мореходы Н.М. Треска и И. Бутин на старом судне (на лодии), которое решено было после непродолжительного ремонта использовать для перевозки оставшихся грузов. 18 августа суда были полностью нагружены и 21 августа отправились в путь через Охотское море: на «Фортуне» — В.Й. Беринг и М.П. Шпанберг, на лодье — А.И. Чириков и П.А. Чаплин.

Лука Карандашев, если исходить, что он был примерно одного возраста со своей супругой Анисьей Родионовной, которая родилась в 1762 году, мог быть сыном Степана Карандашева.

Но не факт.

А вот факты: исповедальные росписи Петропавловского собора [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3.] за разные годы:

Казаки:

Карандашев Василий Лукич (1780) — в 1812 г. гренадер Петропавловской роты Камчатского гарнизонного батальона, в 1815 г. — канонир Петропавловской экипажной роты. Жена Акилина Михайловна. Дочь Анна (1810).

Казак Карандашев Степан Лукич [1787], в 1835 году урядник Петропавловской казачьей команды. Ж. Евдокия Андреева 27 (1793). Мать его Анисья Родионовна (1762), вдова Луки Карандашева. Дети ее Агафья (1797), Мария (1802).

Дети его: Алексей (1809) — с 25 апреля 1828 года стал казаком Камчатской казачьей команды. В 1841 году был произведен в урядники, 31 декабря 1853 года — в пятидесятники.

Дата рождения «гуляет»:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Проживающие в Петропавловском порте

Служащие

Урядники

Алексей Степанов Карандашев — 39» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 41].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Пятидесятник Алексей Карандашев — 46 лет, из казачьих детей, в службе с 1828 года, в чине с 1853 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 8].

Но, судя по тому, что он унаследовал отцовский чин урядника — Алексей был старшим из братьев.

Братья: Иван (1811), в 1835 г. — Иван Стефанович Карандашев 1-й — канонир Камчатской экипажной роты; Антон (1813) — впоследствии казак.

И вторая линия Карандашевых:

Карандашев Петр Евсееевич (1796), казачий сын, был в 1819 году записан в Камчатскую казачью команду, а в 1820 году переведен в Петропавловскую экипажную роту матросом.

И его младший брат:

«Камчатская экипажная рота

канониры

Карандашев Иван Евсеевич 2-й (1811). Ж. Анна Самойловна (1816)».

В историю обороны Петропавловского порта вошел казачий пятидесятник Алексей Степанович Карандашев.

В 1974 году в журнале «Дальний Восток» [№ 1, стр. 139–142] камчатский краевед Вячеслав Кусков опубликовал очерк «Пятидесятник Алексей Карандашев», в котором впервые, на основе архивных документов, рассказал о подробностях того исторического военного события, в результате которого Алексей Степанович — единственный из казаков Камчатской казачьей команды — был удостоен высшей (для низших чинов царской армии) награды — знака военного ордена Святого Георгия Победоносца № 1024888. События, о котором в приказе военного губернатора лишь скромное упоминание:

«Пятидесятник Карандашев. Будучи ранен тяжело, все же выстрелил метко в кучу неприятеля, уже готового напасть на горсть людей, оставшихся у погреба, и затем не оставил пуш-

ки, пока я не приказал ему отправиться в госпиталь» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 32. Л. 51 об.].

А вот как описывает эти события Вячеслав Кусков:

«Во время подготовки порта к обороне Алексея Карандашева назначили в расчет 3-фунтовой полевой пушки, являвшейся единственным подвижным огневым средством. Предполагалось, что пушка будет прибывать к местам высадки десанта и обстреливать его картечью. Так оно и случилось впоследствии. Командование пушкой было поручено чиновнику П.И. Юдицкому, расчет ее состоял из девятнадцати казаков и писарей.

17 (29) августа 1854 года к Петропавловскому порту подошла англо-французская эскадра. С этого дня и по 27 августа (8 сентября) гарнизон порта находился в постоянной боевой готовности. Бои, впрочем, происходили лишь 20 и 24 августа (1 и 5 сентября), в остальные дни боевые действия заключались в кратковременных безрезультатных перестрелках корабельной и береговой артиллерии. Что делал Карандашев 20 августа, неизвестно. 24 августа расчет их пушки уменьшился на полдюжины человек, получивших другие назначения, ушел на другой пост и Юдицкий. Карандашев остался при пушке и вступил в командование ею.

К полудню на северном фланге обороны сложилось критическое положение. Неприятельские фрегаты разбили батареи номер 3 и 7, после чего у северного подножья Никольской сопки был высажен десант. Часть его пошла к перешейку, чтобы оттуда подняться на вершину сопки, остальные намеревались атаковать батарею номер 6 и пороховой погреб. Когда заморенные лошаденки притащили полевую пушку к озеру, расчет развернул ее неподалеку от батареи номер 6, глазам Карандашева представилась картина, наводящая на мрачные мысли: десантники строились в колонну для атаки батареи номер 6 и порохового погреба. На вершине Никольской мелькали цветные пятна чужих мундиров, а все пространство между озером и сопкой осыпалось дождем пуль и ручных гранат. Казаки и писаря не стали размышлять о том, как развернутся события в дальнейшем, по команде Карандашева они занялись своим прямым делом — заряжали пушку и стреляли из нее. Притом действовали они довольно проворно, успели сделать по неприятельской колонне три картечных выстрела.

Когда расчет зарядил пушку в четвертый раз, на пушкарей обрушился град штуцерных пуль. Большинство из пушкарей были ранены, некоторые убиты. Была убита наповал и одна из лошадей, вторая ранена в глаз. Обезумевшее от боли животное бешено забилось в постромках и потащило в сторону неприятеля и пушку, и зарядный ящик. В конце концов порвалась упряжь и лошадь умчалась куда-то.

Уже заряженная пушка оказалась поверженной в ров возле батареи, ствол ее свалился со станка. Спрыгнул в ров и Карандашев. Посмотрев на ствол, он принялся вытаскивать его изо рва. Не так уж много весила старая медная пушчонка, отлитая еще в екатерининские времена, всего-навсего пудов пятнадцать. Помогать Карандашеву было некому — все, кроме самого пятидесятника, вышли из строя. Приходилось напрягаться одному. Он сумел выкатить ствол пушки по крутости рва наверх, развернул его в сторону неприятеля и начал наводить поточнее, подкладывая под ствол камни и деревяшки. Затем раздул фитиль, но в этот момент ему пулей прострелило руку. Карандашев испугался того, что рана заставит его упасть, и поспешил приложить фитиль к затравке. Прогремел выстрел. В сторону неприятеля с визгом полетели картечины, кусочки железа и прочая мелочь, которой набили ствол из-за нехватки картечи, в другую сторону отскочила сама пушка и снова покатилась в ров, вопреки стараниям раненого Карандашева задержать ее. Трудно сказать, то ли Карандашев очень хорошо навел пушку, то ли это случайно, но выстрел оказался на редкость удачным: заряд картечи ударил в центр колонны. Ряды наступающих смешались, расстроились, и вот они уже бегут назад, стремясь укрыться за склоном сопки. Карандашев снова опустился в ров, пытался что-то сделать с пушкой.

В это время боцман С.В. Спылихин, старый знакомый Карандашева, с горсткой смельчаков сеял панику среди англо-французов, захвативших вершину Никольской сопки. Пока те разобрались, что перед ними меньше двух десятков бойцов, на помощь подоспели несколько стрелковых партий с фрегата “Аврора” и 47-го флотского экипажа. Захватчики были сброшены с крутых утесов на прибрежную полосу, усеянную острыми камнями. Такое зрелище охладило пыл и той части десанта, что наступала севернее сопки. Атака на пороховой погреб и батарею номер 6 не возобновлялась.

А Карандашев продолжал возиться с пушкой, за этим занятием и застал его Завойко».

23 октября 1854 года В.С. Завойко даст уже новую и более подробную оценку того, что произошло на шестой батарее:

«Пятидесятник этот в сражении 24 августа был командиром при полевом орудии и, когда находившаяся при этом орудии лошадь, вследствие полученной раны в глаз, утащила орудие в ров, то Карандашев, несмотря на град пуль (у этого орудия убило и ранило зараз 13-ть человек, т. е. всех, которые при оном были), не теряя присутствия духа прибыл к орудию, навел его в неприятеля и только хотел приложить фитиль, как был ранен в руку, но несмотря и на это, он сделал выстрел так удачно, что неприятель после онаго немедленно ретировался» [ЦГВИА. Ф. 330. Оп. 22. Д. 105. К. 706. Л. 122].

А далее следует обыденная российская история — Карандашева, ставшего инвалидом после ранения, отправили в отставку и о нем… забывают на долгие-долгие годы.

Спохватились лишь спустя почти тридцать лет, когда готовились к тридцатилетию Петропавловской обороны и готовили праздничные мероприятия, освящая памятник «Слава», собирали сведения о ветеранах.

Вот интереснейший документ, хранящийся в недрах РГИА ДВ [Ф. 1. Оп. 4. Д. 512. Лл. 75–77].

М.В.Д.
Чиновникъ особыхъ порученіи Приморскаго
Областнаго Правленія.
1 Ноября 1882 года, г. Хабаровска №4.
О ходатайствѣ участвовавшихъ въ войнѣ въ
1854 году о выдачѣ имъ пособія.
Господину Военному Губернатору
Приморской Области
Рапортъ

24 Августа, сего года, въ г. Петропавловскѣ происходило торжественное освященіе памятника воинамъ павшимъ при отраженіи Англо-французской эскадры 24 Августа 1854 года. При осященіи этаго памятника присутствовали восемьнадцать ветерановъ участвовавшихъ в славномъ Петропавловскомъ бою: одинъ хорунжий, одинадцать казаков (изъ коихъ два пятидесятника и одинъ урядникъ), один баталеръ и пять матросовъ. Все они, за исключениемъ Хорунжаго Савинскаго, завѣдывающего Камчатской казачьей командой, — въ отставкѣ. Один из пятидесятниковъ, Алексѣй Карандашевъ, тяжело раненый въ сраженіи въ лѣвую руку, кавалеръ Знака военнаго ордена. Хорунжій Савинскій получаетъ жалования 200 рублей въ годъ, имѣя жену и десять человѣкъ детей. Остальные казаки получаютъ одинъ паекъ провіанта. Отставные матросы ничего неполучаютъ. При общей бѣдности жителей Камчатки весьма близко граничащей съ нищетою, всѣ ветераны находятся также въ бѣдности и несмотря на свои преклонныя лета, принуждены тяжелымъ трудомъ зарабатывать свое пропитаніе. (Отставной пятидесятникъ Карандашевъ напримеръ 72 лѣт отъ роду, почти невладѣя лѣвою рукою, ѣздитъ на шлюпкѣ за 15 верстъ изъ Авачинскаго въ п. Петропавловскъ вдвоемъ съ женою, чтобы продать ведро ягодъ за одинъ рубль).

Хорунжий Савинскій и 18 нижнихъ чиновъ обратились ко мне съ просбой о ходатайствѣ передъ Вашимъ Превосходительствомъ о пособіи. Прилагая при семъ копію формулярнаго списка и аттестата Хорунжаго Савинскаго, прошеніе отставнаго Степанова Карандашева и списокъ нижнимъ чинамъ участвовавшимъ въ оборонѣ г. Петропавловска, и вмѣсте сътѣмъ имѣю честь присовокупить, что пособіе Савинскому моглобы быть оказано — помимо увеличенія крайне недостаточнаго содержанія его — принятіемъ дѣтей его на воспитаніе насчетъ казны. Пятидесятнику Карандашеву, 31 Августа 1862 года, было объявлено бывшимъ Петропавловскимъ земскимъ судомъ, что Комитетъ о раненныхъ, 3 Августа, 1860 г., за № 5745, сообщилъ Г-ну Военному Губернатору Приморской Области, что онъ Карандашевъ, внесенъ въ списокъ кандидатовъ на пенсію, но до сего времени нѣтъ никакого распоряженія. Остальные же матросы, несмотря на то, что съ 1854 года проживаютъ въ Камчаткѣ, — неполучили должное отъ казны пособіе, по 130 рублей на каждаго, слѣдуемое имъ какъ оставшимся на жительствѣ в Приморской Области и имѣющимъ осѣдлость.

Кромѣ присутствовавшихъ на торжествѣ открытія памятника, усть еще нѣсколько ветерановъ, живущихъ въ Камчаткѣ и неимѣющихъ возможности, — по отдаленности мѣста жительства, — прибыть къ этому дню въ Петропавловскъ, какъ напримеръ: матросы Василій Митюговъ и Константинъ Краснояровъ и казакъ Прокопій Русановъ, которымъ пособіе может быть выдано через Петропавловскаго Исправника въ томъ размѣрѣ, который будетъ назначенъ другимъ.

Титулярный Советник Кишинский

И оказалось, что единственный на Камчатке Георгиевский кавалер все эти прошедшие тридцать лет не получает положенную ему по статусу об этом знаке военного ордена пенсии.

И ему помогают оформить прошение [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 512. Лл. 83–83 об.].

Его Превосходительству
Губернатору Приморской Области
Отставнаго пятидесятника
Камчатской казачей команды
Алексѣя Степанова Карандашева
Прошеніе

Находясь в рядахъ защитниковъ г. Петропавловска, при бомбандировкѣ его Англо-французами въ 1854-и году, при полевомъ орудии, я былъ раненъ въ руку и вскорѣ по болѣзни уволенъ въ отставку съ званіемъ пятидесятника Камчатской Казачей команды. За свою службу награжденъ былъ знакомъ военнаго орена. Трудность пропитывать себя съ семейством, получая лишь одинъ паекъ, при частомъ моемъ нездоровьи, побуждала меня неоднократно обращаться къ Начальству съ просьбой объ исходатайствованіи причитающагося мнѣ на орденъ пенсіона, но прошенія мои, по неизвѣстнымъ причинамъ, остаются по сіе время безъ послѣдствій.

А потому, имѣя въ виду преклонность моихъ лѣтъ, лишающую меня возможности зарабатывать насущный хлѣбъ, осмѣливаюсь припасть къ стопамъ Вышего Превосходительства съ почтительнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи мнѣ пенсіи и выдать мнѣ единовременно пособіе.

Алексей Карандашевъ
Г. Петропавловскъ. Августа 1882-го

Увы, пенсии ему не дали. Оформили только… кандидатом на пенсию. Умер 17 декабря 1885 г. в возрасте 77 лет от воспаления легких, не дождавшись от государства никакой помощи.

Собственно, и остальным ветеранам отказали в каких-либо их просьбах и в каком-либо пособии.

Вот этими самыми каракулями и отказали [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 512. Лл. 84–84 об.]:

8 Января 1883 г.
Г. Петропавловскому окружному исправнику
Вслѣдствіе рапорта Чиновника особыхъ поручений Пр. Об. Пр-нія [зачеркнуто] Титулярнаго совѣтника Кишинскаго отъ 1 Ноября за № 4, о полученіи дѣтей Хорунжаго Савинскаго

на воспитаніе насчетъ казны, о выдачѣ пятидесятнику Алексѣю Карандашеву пенсіи за знакъ военнаго ордены и низшим чинамъ: Николаю Ипатьеву ... Тувалину, Василію Митюгову ... Русанову пособія, — покорнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе объявить Хорунжему Савицкому, что такъ какъ изъ рапорта Кишинскаго невидно въ какое именно учебное заведеніе Савинскій желаетъ поместить дѣтей своихъ [зачеркнуто] ходатайство это оставлено безъ последствій, пятидесятнику Карандашеву что о пенсіи, слѣдующім знакомъ военнаго ордена вместе с симъ за № 78 сообщено въ комитетъ о раненныхъ и вышеупомянутымъ нижнимъ чинамъ, что законъ о выдачѣ [зачеркнуто] 130 руб. в пособіе до нихъ неотносится, так какъ состоялся после ихъ увольненія въ отставку, а потому ходатайство [Кишинскаго] въ отношеніи сего оставлено безъ последствій.

Но на этом история не заканчивается.

В период Русско-японской войны в составе Петропавловской дружины был кантонист Камчатского казачьего ведомства Ананий Карандашев.

По всей видимости, это внук Антона Степановича – брата Алексея Степановича, который также был участником Петропавловской обороны и тоже был ранен в бою.

В списках ветеранов 1882 года Антона Степановича уже нет — значит, его уже не было в живых.

Его дети: Капитон (1835), Агрипина (1837).

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Проживающие в Петропавловском порте

Отставной казак

Антон Степанов Карандашев

Сын его неслужащий Иван — (1840/1842)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 41].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Казаки

Иван Карандашев — 16; из казачьих детей, на службе и в чине с 1855 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10].

Ананий Карандашев, скорее всего, — сын Ивана Антоновича. В 1895 году он уже был в составе кантонистов и принимал участие, как свидетель, в заключении брака своих земляков Порфирия Николаевича Наянова и Ксении Андреевны Заниной.

Но затем следы камчатских Карандашевых либо теряются, либо исчезают вовсе...

КАРМАЛИНЫ

В первом томе своей книги «Тайны якутских фамилий» я опубликовал очерк об истории якутских Кармалиных.

Но родоведение — процесс живой: открываешь новые архивные материалы, всплывают новые исторические события, появляются подробности и детали, о которых раньше не знал, но которые имеют важное значение для того, чтобы увидеть роль и значение конкретных людей в историческом процессе, в жизни Северо-Востока России.

И поэтому данный очерк мы будем рассматривать именно как продолжение предыдущего — с новыми подробностями и новыми фактами.

Итак, что мы писали в книге «Тайны якутских фамилий»:

Казаков Кармалиных ссылали дважды. Один раз в Якутск. Другой раз — из Якутска.

И оба раза — с семьей.

В первый раз Иван Семенов сын Кармалин с сыном Микиткой и другими детьми — всей семьей — был сослан в Сибирь «за воровство». По другой версии — «Казак Микитка Кармалин, ссыльной человек, прислан с Москвы со отцом своим с-Ывашком [Семеновым] Кармалиным в прошлом во 159-м [1651] году за винную и за табашную продажу» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, опись 1, ст. № 139, лл. 25–33].

В Якутске с ними особо не церемонились и поверстали в рядовые казаки с окладом «5 рублев с четью, 7 четь ржи да 4 чети овса, а вместо овса крупами и толокном 2 чети, полдва пуда соли».

Но, так как Иван Семенович был человеком грамотным, то он быстро сделал карьеру и стал казачьим десятником. По крайней мере, в 1666 году в «Поручной записи сына боярского Ивана Ерастова с товарищами, в числе которых казачий атаман Семен Дежнев по промышленном человеке Петре Михайлове Вятчанине, верстаемого в казачью службу» записано: «Иван Семен Кармалин ... К сей поручной порутчик Иван Ерастов и вместо Матфея Ярыгина да десятника Ивана Кармалина по их веленью и за себя руку приложил» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 2107 (35), лл. 287–288].

Впрочем, по обнаруженным документам Якутской приказной избы его сын — Никита Иванович — был казачьем десятником уже в 1662 году, раньше своего отца — вот что делает грамотность, объединенная с молодостью.

Но Иван Семенович, по данным материалов Якутской приказной избы, в 1657 году является уже приказным человеком — ясачным сборщиком по Оленскому зимовью, в 1664–1665 гг. — по Вилюйскому Нижнему зимовью. А Никита указан в этой должности только в 1698–1699 гг. по Тонторскому, а затем по Бутальскому зимовьям [РГАДА, Справочник, т. 3].

В 1661 году Кармалиных на казачьей службе было еще двое — Иван Семенов сын и Микитка Иванов сын Кармалины.

А через двадцать лет — в 1681 году — их стало уже трое. Вероятно, трое братьев.

Кармалин Васка, казак (х/о).

Кармалин Макарко, казак (ж/о).

Карманин (Кармалин) Микитка [Иванов], казак (ж/о).

Но этот список, как оказалось, был неполным:

У Кармалина Микитки [в некоторых источниках — Митьки] — сыновья Петрушка (1672),

Ивашко (1678), а в 1685 году родился еще один сын Ивашко.

1682 г.

В конце февраля отправлены в Баягантайскую волость Яков Авксентьев и казак Макар Кармалин для отыскания неясачных якутов, укрывшихся у шамана Кубы, и привода их в Якутскую приказную избу. Об этих якутах сообщил воеводе якут Игидейской волости Текочка Сойлесов. [Явловский П.П. Летопись города Якутска].

В 1677 году Макар исполняет должность денщика (современного пристава): «памяти денщикам Макару Кармалину о взыскании с выборщиков таможенного целовальника Нижне-Янского зимовья Никиты Ворыпаева начетных на него денег и приказчику Колымского зимовья Сем. Сорокоумову о товарах, предназначенных на жалование ясачным людям и на нужды ясачной избы, имеющиеся в Колымском зимовье» [РГАДА, Справочник, т. 2].

Макара Кармалина не станет в 1691 году: «Макарко Кармалин в прошлом во 199-м [1691] году в Жиганском зимовье умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 30 день приверстан в ево Макарково место сына боярского Родиона Кобелева сын ево Тимошка в женатой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Лл. 21–21 об.].

А в 1690 году вновь ссылка.

«Роспись ссыльным людем, которые посланы в ссылку в-Ыркутцкой острог: Казак Микитка Кармалин с сыном с Петрушкою».

А это приговор. Дело, как оказалось, было «высосано из пальцев», но жертвы были реальными:

«Приговор якутского воеводы
П.П. Зиновьева по делу о восставших
и запись об исполнении его.

198-го [1690] году июля в 14 день. По указу великих государей стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев, слушав роспросных и пыточных речей и сыску, и всего подлинного дела, и выписки великих государей из указу и из Соборного Уложенья, и из грамот великих государей, и из Новоуставных статей, приговорил воров и бунтовщиков, которые с воры и з бунтовщики с Филькою Щербаковым, с-Ывашком Паламошным с пытки говорили и винились, хотели в Якутцком великих государей пороховую и свинцовою казну пограбить и стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева и градцких жителей побить досмерти и животы их, и на гостине дворе торговых и промышленых людей животы ж их пограбить и бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реки — сына боярского Мишку Онтипина казнить смертью, а товарыщей ево, Мишкиных, ж десятника Ивашка Голыгина, рядовых казаков: Софонка Ильина, Ивашка Ондронова, Микитку Гребенщикова, Игнашка Шишева, посадцкого человека Офоньку Балушкина, которые в воровстве и в бунту с пытки говорили и винились, вместо смертной казни бить на козле /л. 29/ кнутом и в проводку нещадно и сослать их в сылку з женами и з детьми в Нерчинской острог. А посадцкого Офоньку Балушкина сослать в ссылку ж з женою и з детьми на заморские реки в Омолонское зимовье на вечное житье. А оговорных людей — атамана Стеньку Полуехтова да казаков Микитку Кармолина, Митьку Попова сослать в сылку ж з женами и з детьми в-Ыркутцкой острог» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, опись 1, ст. № 139, лл. 25–33].

Позже, при смене воевод, князь Гагарин, новый якутский воевода, отменил этот приговор и вернул ссыльных в Якутию.

В 1692 году Петрушка Кармалин снова в строю [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 57].

А вот список служилых Кармалиных за 1706 год:

Никита Иванов сын Кармалин служит в первой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Кармалин Василий Макаров (16-я).

Кармалин Иван Никитин (4-я).

Кармалин Федор Петров (8-я).

Куда-то из этих списков исчезает имя Петра Никитича Кармалина. Но в 1720 году в Якутске проживает его сын: «Во дворе служивой Федор Петров сын Кармалин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 24 об.].

В 1745 году на Чукотке обнаруживается новый представитель этого рода, вполне вероятно, это и есть родоначальник анадырско-гижигинской ветви якутских казаков Кармалиных:

«Прошлого де 1745 году в ноябре месяце в бытность ево, Потапова, в Акланском остроге, в небытность сержанта Ивана Енисейского, которой тогда был в Охоцке, прибыли из Анадырского острогу в Акланск партии сержант Алексей Мокрошубов да служилый Иван ... бикин для встречи едущаго из Охоцка в Анадырск иеромонаха Флавиана со свитою да дв ... Анадырского платежа оленных коряк в Анадырской острог с оленными табунами, князца Косинского с родниками, гранадер Иван Мамруков, служилые Козьма Ерганьин, Афанасей Решетков, Лев Баигачев, Василей Онофриев, да за ясашным сбором Анадырского платежа из коряк Антипа Кармалин, Алексей Юрганин, Иван Проидошин, Афанасей Кожевин, всего одиннадцать человек, и быв во оном Акланском остроге дни с четыре, того ж ноября 19 числа поехали означенные Мокрошубов с товарищи к имеющимся по реке Аклане у моря пешим корякам, которые жили разстоянием от Акланского острогу например верстах в шестидесяти в двух юртах всего мужеска полу человек семь. А он де, Потапов, да служилой Степан Беляев того ж ноября 20 числа поехали за оными ж Мокрошубовым с товарищи для взятья упромышленной ими в лете рыбных кормов, то де недоехав до вышеупоминаемых пеших коряк от юрты их в виду разстоянием менее десятины, увидели убитого на самой дороге из вышеупоминаемых команды гранадера Мамрукова, служилого Льва Баигачева, которой лежит наг в одних штанах, а оных Мокрошубова с товарищи побили».

Данные за 1856 год приоткрывают нам завесу гижигинских фамилий, которые еще не пере-

кочевали (полностью или частично в 1853 году) на Камчатку — это список казаков, которые были откомандированы в Петропавловский порт после эвакуации гарнизона Петропавловского порта в Николаевск-на-Амуре: «Кармалин Иван — 41 (1815), из казачьих детей» [РГАВМФ. Ф. 909. Оп. 1. Д. 29].

На этом, собственно, и заканчивалась историческая часть очерка в книге «Тайны якутских фамилий».

Но на самом деле окончания этой истории еще не последовало.

В 1768 году гарнизон Анадырского острога в связи с решением о его упразднении и уничтожении в большей своей части был переведен в Гижигинскую крепость (остальные части — в Нижнеколымскую и Тигильскую крепости).

В составе той части, которая перешла в Гижигинскую крепость, была семья Григория Кармалина [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28, Л. 18]. Вероятно, Григория Антиповича, но доказательств этого у нас нет.

С ним была жена Анна Елисеевна. Детей не было — они появляются позже (по данным школьной ведомости за 1781 и 1784 годы):

Василий [Григорьев сын] Кармалин (1770) обучается часослову.

Прокопий Кармалин — 9 (1772) обучается катехизису.

Иван Кармалин (1772) обучается «азбуке склады».

Появление двух последних Кармалиных в 1772 году говорит либо о том, что данные о рождении неверные, либо о том, что это близняшки, либо о том, что кроме Григория Кармалина был кто-то еще.

И действительно, в ведомости Гижигинской крепости за 1772 год мы находим казака Ефима Кармалина [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 10 об.].

Степень родства Григория и Ефима нам неизвестна. Возможно родственники, возможно, отец и сын, возможно, братья… Все возможно.

У Ефима был сын Василий (1776) [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 7. Л. 31].

Но это еще не все — в ведомости Гижигинской крепости за 1778 годы мы находим еще одного казака Кармалина — Гаврилу [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20 об.], у которого тоже, но в 1777 году, рождается сын Василий [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 7. Л. 31].

В этой группе школьников Кармалиных был еще Игнатий (1780) [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 7. Л. 31].

Но в 1831 году в Гижигинской крепости служил один-единственный из Кармалиных — Василий Кармалин (1770/1771). Судя по возрасту — это был сын Григория Кармалина. Но это версия.

Что известно точно — именно этот Василий и стал патриархом гижигинской ветви московского рода Кармалиных, и благодаря помощи магаданских архивистов мы сумели воссоздать поколенную роспись этого рода.

Гижигинская крепость, 1831	Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков. Май 1-го дня 1831 года. Кармалин Василий (1771), казак	Национальный архив РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.
Гижигинская крепость, 1845	Кармалин Василий, казак Гижигинской сотни. Ж. Иулина Матвеевна (1781 – 18.04.1845)	По материалам ГА Магаданской области
Колено		
	Дети Василия	
Гижигинская крепость, 1845	Кармалин Иван Васильевич, казак Гижигинской сотни. Ж. (08.01.1845) Колмогорова Варвара Романовна (1826), дочь отставного солдата Романа Колмогорова	По материалам ГА Магаданской области
Гижигинская крепость, 1852	Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год. Казаки. Кармалин Иван Васильев — 36 (1816)	РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45
Петропавловский порт, 1855	Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г. Список по старшинству их службы в Петропавловске. Прикомандированные из Гижиги Иван Кармалин — 40; из казачьих детей, на службе и в чине с 1833 года	РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10
Петропавловский порт, 1855	Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г. «По предписанию Адъютанта Генерал-Губернатогра Восточной Сибири Г. Есаула Мартынова от 28 октября 1855 г. переведены обратно из Петропавловского порта на службу в Гижигу урядник Николай Курилов, казаки Николай Кожевин, Андрей Кокоулин. По этому же предписанию уволены в отпуск из Петропавловского порта для свидания с семействами сроком с 20 ноября по 15 марта 1856 г., а именно: …В Гижигу: Казак Петр Савинский, Николай Волков, *Иван Кармалин*, Михайла Русанов, Николай Овчинников, Александр Колмогоров, Николай Парфентьев, Иван Красовский, Крестент Толстихин, Николай Долгополов, Григорий Зиновьев, Василий Нижегородов, Тимофей Инешин и Михайла Переплеткин	РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 4
Петропавловский порт, 1855	Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г. В Петропавловском порту. Убыло … «Утонувшие 7 июля [1855 года] казаки Иван [Васильев, прикомандированный из Гижиги] Кармалин и Евгений [Осипов] Соловьев и умерший 20 августа сего года Елисей Нижегородов»	РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 17
	Дети Ивана Васильевича	
Гижигинская крепость, 1852	Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год. Казаки Кармалин Иван Васильев — 36 (1816). Сыновья: Иннокентий — 7 (1845)	РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45

Гижигинская крепость, 1856	Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год. Семейства казачьи. Варвара Кармалина — 28 (Жена Ивана Васильевича Кармалина). Сыновья: Иннокентий — 10	РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75
Гижигинская крепость, 1882	Кармалин Иннокентий Иванович (25.11.1845). Ж. (с 26.04.1882) Кокоулина Таисия Яковлевна (06.10.1852), дочь лекарского ученика Якова Кокоулина	По материалам ГА Магаданской области
Гижигинская крепость, 1847	Кармалин Василий Иванович (31.12.1847)	— " —
Гижигинская крепость, 1852	Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год. Казаки. Кармалин Иван Васильев — 36 (1816). Сыновья: Василий — 5 (1847)	РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45
Гижигинская крепость, 1856	Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год. Семейства казачьи. Варвара Кармалина — 28 [Жена Ивана Васильевича Кармалина] Сыновья: Василий — 7. Дочери: Улита — 4 (1852), Параскева — 2 (1856)	РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75
колено		
	Дети Иннокентия Ивановича	
Гижигинская крепость, 1887	Кармалин Яков Иннокентьевич (19.03.1887). Ж. (с 06.02.1911), Аксенова Елена Евпловна (07.08.1888), дочь ум. псаломщика	По материалам ГА Магаданской области
Гижигинская крепость, 1889	Кармалин Роман Иннокентьевич (09.09.1889). Ж. Дарья Владимировна (25.09.1891), вдова Александра Овчинникова	— " —
колено		
	Дети Якова Иннокентьевича	
Гижигинская крепость, 1912	Кармалин Иннокентий Яковлевич (08.03.1912), в 1938 г. проживал в с. Кушка. Ж. Екатерина Михайловна (1919)	— " —
Гижигинская крепость, 1915	Кармалин Иван Яковлевич (14.08. 1915)	— " —
Гижигинская крепость, 1921	Кармалина Степанида Яковлевна (11.11. 1921)	— " —
	Дети Романа Иннокентьевича	
Гижигинская крепость, 1922	Кармалина Лукерья Романовна (07.10.1922)	— " —
колено		
	Дети Иннокентия Яковлевича	
Гижига, 1937	Кармалин Иван Иннокентьевич (1937)	— " —
Гижига, 1939	Кармалина Надежда Иннокентьевна (1939)	— " —
Гижига, 1943	Кармалина Валентина Иннокентьевна (1943)	— " —

И есть еще одна «зацепочка», пути-дороги по которой для дальнейшего расследования нам неизвестны:

«Именной список состоящих
при Охотской Казацкой чинах
с показанием лет.
Март месяц сего 1831 года

Кармалин Иона (1794), казак» [НА РС (Я). Ф. 401 п, Оп. 1. Д. 6Б. Лл. 660 об. – 661 об.].

Так что, возможно, новое продолжение и для этого очерка…

КАТАСОНОВЫ

Специалисты по антропонимике утверждают, что эта фамилия тюрского (и даже конкретно — турецкого) происхождения и аналогична русской фамилии Поскребышев (поскребыш — последний ребенок в семье).

И действительно, эта фамилия весьма нередкая на казачьем Дону.

Могли ли донские казаки служить в Сибири?

Честно скажу — не знаю. Упоминание о том, что казаки с Дона присутствовали в Сибири 17-го столетия есть, но я лично пока не обнаружил ни одного конкретного факта.

Дмитрий (Митька) Катасонов появляется в Якутии как-то неожиданно и сразу в чине сына боярского.

1656 год.

«Изветные челобитные: … служилых людей из Жиган о злоупотреблениях сына боярского Дм. Катасонова».

1659 год.

«Дело … о причинах недобора ясака в Олекминском острожке Дм. Катасоновым и о сборе ясака сыном боярским Воином Якуниным».

«Отписка сына боярского Дмитрия Катасонова из Олекминского острожка о сборе ясака с якутов и тунгусов об отказе мальягорских якутов от платежа ясака, об отпуске в Якутский острог пашенного крестьянина Степана Горохова за выданной ему из казны лошадью».

1660 год:

«Отписи служилых людей и их жен в получении соляного, хлебного и денежного жалованья на 7168 г., на будущий 7169 г. и прошлые годы у хлебного приемщика сына боярского Кузьмы Лошакова, Воина Богданова и Дмитрия Катасонова» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

«1663 (171) г. Челобитная служилых людей Якутского острога, в том числе атамана Михаила Стадухина и пятидесятника Ивана Реброва, о снижении цен на хлеб, ввиду дороговизны снаряжения, покупаемого при походах в “дальние землицы”.

Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю …(т.) бьют челом дальные твоей, великого государя, сибирские украины, вели-

кия реки Лены, Якутцкого острогу богомольцы твои поп Яковище, да поп Спиридонище, да дьякон Артемьище и холопи твои детишка боярские: Пашко Шульгин, Петрушка Ярышкин, Фетька Пущин, Матюшка Ярыгин, Митька Катасонов…» [РГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. № 361, ч. 1, л. 127].

1665 год.

«Челобитная промышленного человека Семена Захарьева об ограблении его служилым человеком Д.Н. Катасоновым с товарищами в Жиганном зимовье в 7172 (1663–1664)».

1669 год.

«…сказки промышленных людей по обвинению служ. человека Ив. Хворого и Дм. Катасонова, бывших на приказе на рр. Блудной и Анадыре в обидах и насилиях над инозем. и рус. людьми и в приеме воровских людей».

1671 год.

«Дело по челобитью сына боярского Дмитрия Катасонова о не выдаче ему казаком Петром Белдяевым купленной у него коровы (“ни коровы, ни денег не отдает”)».

А затем начинается эпоха его детей.

В исторической литературе (и я этого тоже не избежал) происходит путаница двух имен Митьки (Дмитрия) и Никиты (Никитки) Катасоновых. Многие историки считали, что это имя одного и того же человека.

Но, оказывается, это не так — полное имя Никиты — Никита Дмитриев сын Катасонов.

«Приказчики Анадырского острога Катасонов Никита Дмитриевич, сын боярский. Назначен в 1664 г., в должность вступил в 1666 — 20 января 1671 г.» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 198].

У сына боярского Дмитрия Катасонова было много детей.

О Никите сохранились следующие сведения:

1665 год.

«Челобитная сына боярского Курбата Иванова и память приказчику Анадырского острожка Никите Катасонову об отпуске в Якутский острог сына Курбата — Герасима и высылке с ним Юрия Селиверстова для взыскания с него по кабалам».

Но в историю он вошел совсем по другому поводу:

«…еще в 1664 г. какие-то сведения о самовольном походе Рубца дошли до Якутска, а поэтому в 1665 г. посланному на Анадырь новому приказному Никите Катасонову якутский воевода И.Ф. Кутузов-Голенищев повелел “сыскать про приказного человека Ивана Рубца” и его поход. К сожалению, пока остается неизвестным, что же смог Н. Катасонов узнать про поход Рубца».

Речь идет о морском походе приказчика Анадырского острога казачьего десятника Ивана Меркурьева сына Бакшеева Рубца на Камчатку в 1662 году, откуда Рубец привез пушнины на огромную сумму.

«Катасонов арестовал его в 1666 г. за попытку скрыть от казны свои “прибытки”. Он утверждал, что Рубцу удалось для себя собрать всякого добра на целых 1050 рублей. Для тех времен это была колоссальная сумма: ведь тогда рядовой казак получал всего 6 рублей годового жалованья. Почти все добытое Рубцом было у него отобрано. В описи “якутской архивы” 1703 г. упомянут “Столп, в нем дело казака Ивашка Рубца в грабеже животов ево в Онадырском острожке прикащика сына боярского Никиты Катасонова 180 (1671–1672. — *Б.П.*) года… В нем двести сорок ставов”. К сожалению, пока это дело разыскать не удалось. А оно, безусловно, представило бы для нас большой интерес, потому что в этом деле шла речь и о вещах, добытых Рубцом еще во время южного похода 1662–1663 гг.».

Остальные сыновья Дмитрия Катасонова.

«Роспись служилых людей
Жиганского зимовья (1663 год)

Казаки

Ивашко [Дмитриев] Катасонов»

«Дела о поверстании в казачью службу: сына боярского Дмитрия Катасонова Ивана Дмитриева» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016]

«Окладная книга 1681 года

Казаки

Катасонов (Котосонов) Ивашко, казак (в холостом окладе)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

Якутск, 1692 год.

«Якутцкого города служилые люди

Рядовые казаки

Женатые

Ивашко Катасонов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 34 об.].

Якутск, 1706

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

казаки

Катасонов Иван (6) [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Якутск, 1720 год:

«Дети боярские. Во дворе Иван Дмитреев сын Катасонов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 4].

Следующий.

В Якутской приказной избе за 1682 год проводили учет казачьих детей и родилась такая запись:

«…ум-го сына бояр. Дмитрия Катасанова с Федотко 12 л. (1670)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 102].

1688 год.

«…(сентябрь) … Дело о поверстании в пешую казачью службу сына боярского Федора Дмитриева Катасонова».

1692 год.

«Якутцкого города служилые люди. Холостые рядовые казаки.

Федотко Катасонов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 3 день приверстан в ево Федотково место казачей сын Офонька Володимеров и августа в 31 день хлебной оклад учинен ему женатой» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 60]

Павел Дмитриевич.

«ум-го сына бояр. Дмитрия Катасанова с. Пашко 9 л. (1673)»

«Роспись служилых людей
Жиганского зимовья (1663 год)

Казаки:

Пашка [Дмитриев] Катасонов» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

казаки

Катасонов Павел [Дмитриев сын], десятник (12)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99]

Павел Дмитриев сын Катасонов служил на Камчатке в Верхнекамчатском остроге и в 1711 году был не просто участником казачьего бунта, завершившегося убийством трех камчатских приказчиков — Осипа Липина, Владимира Атласова и Петра Чирикова. Он был в числе тех казаков из ближайшего окружения «воровского» атамана Данилы Анцыферова, с кем тот возводил новый Большерецкий острог, высаживался на Первом Курильском острове — Шумшу, а в 1712 году отправился в поход на авачинских камчадалов, не признающих власти русского царя. В том походе камчадалы заманили казаков в ловушку и заживо их сожгли. Погиб и Павел Катасонов.

А это уже внук:

«Окладная книга 1681 года

Казаки

Катасонов Олешка [Никитин сын], казак (в холостом окладе)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85]

Якутск, 1692 год.

Якутского города служилые люди

Рядовые казаки

Женатые

Алешка Катасонов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 28 об.].

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

казаки

Катасонов Алексей (4)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99]

Правнуки сына боярского Дмитрия Катасонова.

«Переписная книга 1693 года
[По сибир. приказу кн. за № 1222]

Рядовые казаки:

Алешка Катасонов, у него с. Ондрюшка 8 л. (1685)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 104].

Якутск, 1720 год.

«Дети боярские … “Во дворе Иван Дмитреев сын Катасонов … племянники ево Андрей Алексеев сын трицати лет (1690) а ныне он Андрей послан Великого государя на службу на Камчатку в 710-м году”» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 4].

Якутск, 1706 год.

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

казаки

Катасонов Федор Алексеев (13)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.86–99].

А далее происходит временной разрыв.

В Переписи за 1722/1748 годы мы находим лишь одно упоминание о Катасоновых:

«Оленки реки разночинцы … Петр Катасонов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 66].

В Гижигинской крепости в 1778–1781 гг. служил казак Алексей Мартынов сын Катасонов.

Других следов этой дальневосточной фамилии нам пока обнаружить не удалось…

КИБИРЕВЫ

История этой фамилии для нас начинается со встречи двух патриархов этого рода:

«1682 г. не ранее мая 11. — Отписка пятидесятника Федорова иркутскому воеводе Власову с именной росписью людей, сосланных в албазинскую пашню.

Государя Царя и Великого князя Феодора Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца Стольнику и воеводе Ивану Остафьевичу пятидесятник казачей Коземка Федоров челом бьет в нынешнем 190 году маия в 11-й день послан из Иркуцкого острогу за Байкал в Удинские и Даурские остроги в Албазинской в пашню с приказчиком стольника и воеводы Феодора Дементьевича Воейкова с Василием Онофреевым на дощанике ссыльные люди, а хто имяны тому роспись под сею отпискою о путех ссыльных людей в Иркуцком ему Василию дан дощаник с лоткою и с парусом и со всякими судовыми припасы дав запас большая на парус.

Роспись ссыльным людям
в Албазинскую в пашню:

дворцовые Пуретцкой волости крестьяне Оска Кибирев з детьми с тремя сыновьями, Сенка Филипов Ремезов з женою Аниской с сыном Якушкою, Якушко Ортемьев с женою Дарицею и с сыном Ивашком, Галахтионко Данилов с женою Фетюшкою, Ивашко Масин з женою Мавруткою з детьми с сыном Тимошкою з дочерью Палашкою;

дворцового ж села Пурецкие волости крестьянин Демка Иванов да боярина Михайла Ивановича Морозова жены боярыни вдовы Домны Семеновны человек ево Ивашка Соколов(?) для немочи в Иркуцком оставлены потому что они Демка и Ивашка скорбны гораздо и послать их нельзя.

Против сей отписки и росписи Василий Онофриев ссыльных людей Оску Кибирева с товарищи пять человек с женами и детьми принят по его Васильеву велению иркуцкой казак Гришка Кибирев».

Вот так в далеком 1682 году сошлись, чтобы «запутать» последующих родоведов-исследователей две ветви Кибиревых, пустивших впо-

следствии самостоятельные родовые корешки по всей необъятной дальневосточной земле.

Попытка отыскать дворцовую Пуретцкую волость окончилась неудачей.

Поэтому пока мы оставим Оску с его тремя сыновьями и начнем свой рассказ о Григории Кибиреве.

Это, как выяснилось, был не простой казак.

Вот самая первая информация о нем:

«Кибирев Григорий Петрович, казак, десятник конных казаков, подьячий таможенной избы, толмач; в 1684 г. участвовал в приеме в Иркутске монгольских посланцев; возглавлял в 1691 г. миссию к монгольскому Бушухту-хану».

То есть он был не просто казачьим десятником, но еще и толмачом (переводчиком), подъячим таможенной избы (а это уже чиновничья — писарская — должность), а самое главное — был дипломатом(!).

С.А. Гурулев, на сведения которого мы ссылались выше («Первые иркутяне»), нашел интереснейшие сведения о роли Григория Петровича Киберева в установлении русско-монгольских отношениях. Документ очень любопытный — мы привыкли в исторической литературе подчеркивать военно-колониальный (фронтирный) характер деятельности сибирских казаков, а оказывается (и в очень многих(!) случаях), сибирские казаки выступали в роли дипломатов и вступали в союзы с местными племенами и народами, защищая их от вражеских набегов, насилия, угнетения, грабежа, рабства.

Я очень рекомендую познакомиться с этим материалом С.А. Гурулева:

«Кибирев Григорий Петрович, казак, таможенный подьячий, толмач, 1683–1685 гг.; подьячий приказной избы, посланец для переговоров с монголами, 1690–1692 гг.; десятник конных казаков, 1692 г.

Официальные документы, составлявшиеся в 1680–1690-х гг. в Иркутске, скупо рассказывают о К., рядовом казаке, который ездил к монгольским ханам для дипломатических переговоров.

Впервые имя К. упоминается в августе 1683 г., когда в Иркутский острог приходили посланцы от джунгарского хана Галдана Бушухту-хана. У сопровождавших посланцев бухарских торговых людей товары досматривали таможенный и заставный голова И. Штинников, целовальник Я. Псковитин и подьячий К. После досмотра они обратились за разъяснениями к воеводе И.Е. Власову, и воевода повелел с досмотренных товаров пошлину не брать.

Когда в Иркутский острог в сентябре 1684 г. приехал посланец Эйту Дарго от монгольского хана Дайси Косючи, то на приеме К. был в качестве пристава (то есть человека, приставленного для обслуживания посланца — его сопровождения, угощения и т. п.).

В мае 1684 г. иркутский таможенный голова И. Штинников подал в приказную избу “сказку” по поводу сбора пошлин с товаров, привозимых от монголов бухарскими торговыми людьми. Так вот этот документ писал таможенный подьячий К. В это же время казак И. Пила доставил сообщение о том, что из Тункинского острога самовольно ушли на Белую и Китой люди, до этого назвавшиеся монгольскими посланцами. На поиски этих людей из Иркутского острога был послан отряд казаков, которым командовали Д. Уразов и А. Корбецкий. В отряде находился рядовой казак К.

И вот тут невольно закрадывается сомнение, не с двумя ли персонажами, однофамильцами и тезками, мы имеем дело. Однако дальнейшее знакомство с документами показывает, что это был один человек. К. служил казаком (рядовым) и в то же время, будучи грамотным, выполнял функции таможенного подьячего. Сейчас мы говорим — по совместительству.

К. присутствовал на приеме в мае 1684 г. монгольских посланцев Тушету-хана, тех самых, на поиски которых посылался отряд казаков. Прием проводил письменный голова Л.К. Кислянский. Подьячий К. был на приеме одет, как и все, в праздничное платье.

Подьячий — низшая должность в администрации того времени. В его обязанность входило ведение делопроизводства под руководством дьяка. А дьяки — это секретари различных учреждений. Дьяками назначались люди весьма грамотные, а таковых, как обычно, недоставало. Поэтому далеко не во все сибирские остроги подбирались дьяки, и в небольших острогах, как, например, в Иркутском, делопроизводство вели подьячие, которые могли назначаться и из среды грамотных казаков. Так было, видимо, и в этом случае.

В октябре 1685 г. К. и другие иркутские казаки в поданной Л.К. Кислянскому “скаске” писали о том, что на Китое и Белой появляются монголы и собирают с бурят ясак, уговаривая их перейти к ним, в Монголию, а то и просто угоняют скот как у служилых, так и у ясачных людей.

В ноябре 1685 г. Л.К. Кислянский принимает посланца Мергеня-хошучи опять же от Галдана Бушухту-хана. На приеме К., вместе с М. Епифановым, был толмачом. А после подношения посланцем письменному голове подарков он, вместе с иркутским казаком А. Москвитиным, исполнял обязанности пристава, а толмачом при этом выступал только М. Епифанов. Приставы потчевали посланцев, а затем проводили их, снабдив кормом, за Ангару реку. Видимо, на следующий день у монгольских посланцев и приехавших с ними бухарских торговых людей был произведен досмотр привезенных ими товаров. В досмотре участвовали таможенный и заставный голова И. Штинников, приставы А. Савельев, К., Т. Полежаев. Роспись о досмотре была послана в Енисейск.

Вновь монгольские посланцы от Бушухту-хана и ойратского тайши Номун-хана появились в районе Тункинского острога в октябре 1686 г. На их поиски посылался из Иркутска отряд казаков, который возглавляли С. Жареников и К. В начале ноября посланцев доставили в Иркутск. Вместе с ними находились бухарские торговые люди и русские люди из Тобольска, ходившие к монголам, видимо, по торговым делам.

После заключения в 1689 г. Нерчинского договора долго велись переговоры с монгольскими ханами. И вот к этим переговорам подключался К. В феврале 1690 г. он участвовал на приеме в приказной избе Иркутска посланца Дархан-зайсана от Галдана Бушухту-хана. Прием вел Ф.А. Головин, который в конце разговора с посланцем сказал ему, что посылает с ним своего посланца к Бушухту-хану «с листом и для подлинной ведомости иркутцкого казака Григорья Кибирева, а с ним служилых людей 20 человек». Наказная память К. была выписана 26 марта. В ней рассказывалось подробно, как вести себя посланнику, о чем говорить с самим ханом. Выделялось в памяти пять статей (тем) для разговора с ханом:

"И как Бушукту-кан статьи чести велит, и ему говорить.

1-я

Чтоб он, Бушукту-кан, собрався со всеми своими силами, и на тех неприятелей поступил и всякой воинской поиск над ними чинил со всяким тщанием. А в которых числех на мунгал войною поступит, и ис которых урочищ, и на которых тайшей, и сколько при нем будет ратных людей числом, о том бы он, Бушукту-кан, к великим и полномочным послом послал с посланцы своими, также и в городы царского величества.

2-я

С стороны царского величества на тех же неприятельских мунгальских людей ис пограничных городов, из Селенгинска, и из Удинска, и из Нерчинска, и из-ыных, смотря по ево Бушукту-канову наступлению и по вестям, для воинского поиску ходити никогда да не престанут. А чтоб войска царского величества случить с ево Бушукту-кановыми силами, и того учинить за дальностию невозможно. И ежели с стороны своей он, Бушукту-кан, будет на мунгал наступать, також де и з стороны царского величества на мунгальские улусы ходити войною не престанут.

3-я

Как он, Бушукту-кан, прибудет к порубежным царского величества городом, к Селенгинску и к Удинску, и которые есть в подданстве у великих государей мунгальские тайши, также и иные ясачные иноземцы, и тем бы людем он обид и никакого насилия чинити не велел.

4-я

Которые мунгальские владельцы, тайши или каких иных чинов люди, похотят идти в подданство в сторону царского величества, и таким никакие запности и прешкоды чинить не велел, и сам бы не возбранял. А которые у него, у Бушукту-кана, мунгалы будут в подданстве, и з стороны царского величества учинено будет також де и разорения никакова им не будет.

А буде впредь к нему, Бушукту-кану, будут ис Китаи в присылке какие посланцы и станут о каких делех предлагать о мунгальской войне, и ему о таких посланцах давать ведать в сторону [ц]арского [в]еличества, в которые городы ближе.

5-я

Буде он, Бушукту-кан, похочет выслать с товары торговых своих людей и бухарцов, и он бы со всякими товары людей своих, также и бухарцов, высылал чрез Тункинской в-Ыркуцкой. А те торговые приняты будут и назад отпущены со удовольствованием, и торг им дан будет свободной".

В памяти давались и другие поручения, которые посланник должен выполнить и "проведывать всякими мерами". В частности, предписывалось выяснить, что это за русский человек, которого Бушухту-хан хотел послать с Дархан-зайсаном, и почему тот человек не пошел с посланником, и какие русские люди находятся сейчас с торгом у хана. В наказной памяти были перечислены люди, сопровождавшие К. Толмачом был назначен М. Епифанов. Для отправки посольства К. по приказу Ф.А. Головина было собрано с бурятских родов 50 лошадей в подводы. В Иркутске К. получил 15 подвод, в Тункинском остроге еще 25 подвод, из них 15 – для Дархан-зайсана и его людей. Кроме того, в Тунке были даны скотины рогатые и верблюды вместо лошадей.

Между русскими владениями и Монголией происходили интенсивные связи различных людей: торговых, ясачных, гостивших у сородичей, посланцев. И вскоре были получены сведения о посольстве К. Одно о том, что К. и Дархан-зайсан еще не дошли до Бушухту-хана, второе, в декабре, тревожное, что они "были побиты до смерти" на реке Толе одним монгольским ханом. В январе 1691 г. нерчинский воевода расспрашивал тунгусов о К., но они на этот вопрос отвечали, что ничего о нем не знают. Надо полагать, что в Иркутске были обеспокоены сообщением о гибели посланника.

Вернувшись от монголов в феврале 1691 г., то есть почти через год, К. сам подробно рассказал о своей миссии в "скаске" в Ильинской слободе Л.К. Кислянскому. В "скаске" он называет себя казачьим десятником. Давая отчет о поездке, он пишет, что они в степях выехали на кочевья Ирким-зайсана, подданного Бушухту-хана, оставленного здесь "для расправы" (то есть для управления) монгольскими тайшами. Ирким-зайсан не пускал его дальше, не давая ни подвод, ни кормов. И жил он у зайсана 20 дней. Тогда он поднес Иркиму "пять аршин сукна красного анбурского, 3 лисицы красные да своих статчишков юфьть кож красных, 2 выдры, зеркало ярославское большой руки". Да еще двум тайшам Ирким-зайсана — по красной лисице, по "юфьть кож красных", по выдре. И только тогда его пропустили. А "вожа" (проводника) ему пришлось нанять за особую плату – за кожу красную и одну выдру.

Через шесть недель они достигли реки Керулен. В степях бродили монголы, разоренные Бушухту-ханом, голодные — "друг друга едят". На реке они встретили посла от далай-ламы Жирим-кутухту и посла китайского богдыхана Илгусун-кутухту, а с ними было провожатых 400 человек "з женами и з детьми". И снова К. пришлось подносить подарки. Далее он ехал с монголами. И вскоре на них напали трое тай-

шей с войском “сот с восемь”. Между монголами произошла кровавая стычка. Воины Жирим-кутухту побили тех “воровских людей” человек “ста с полтора и боле, а достальные де убежали налегке”.

С монголами К. ехал еще шесть недель. И доехали до Бушухту-хана в июле “на праздник Илии пророка”. В дороге К. пришлось купить подводы и скот (видимо, на пропитание) “дорогою ценою”.

Принял К. Бушухту-хан, сидя в шапке, “по своему обычаю”, взял от него “лист” (грамоту), положил его себе на голову, затем отдал своему тайше “на свой язык списывать”. Помогал переводить М. Епифанов.

А ответа Бушухту-хан К. сразу не дал, потому что он принимал посла китайского. А на следующий день на него напал “воинским наступлением” подданный китайского богдыхана Алехан Ханбай. Нападение Бушухту-хан отбил, а затем пошел наступать на Очирой Саин-хана, призывая при этом К. в наблюдатели и свидетели. Китайцы на помощь Очирою выслали “тысяч сто и больше силы с огненым ружьем и с пушками и с рогатками”. Бой между войсками Бушухту и Очироя длился “с половины дни до темные вечерние зори”, а ночью войска китайские и Очироя бежали. Возвращался с боя Бушухту-хан “тою же сакмою и разорял” кочевых людей. На Керулене у хана появились китайские послы. У них хан потребовал выдачи ему Очироя. При переговорах К. с товарищами сидели рядом с ханом. Переговоры завершились тем, что отправили посланцев Бушухту-хана к китайцам (да с ними бухарских торговых людей) для того, чтобы либо казнить там Очироя, либо выдать его далай-ламе, либо привезти к Бушухту-хану.

К. узнал от монголов, что перед его приездом у Бушухту-хана умерла жена, а когда хан возвратился после боя с Очироем и китайцами, у него умер брат.

В ноябре Бушухту-хан отпустил К. в Иркутск и отправил с ним своих посланцев “с листы” к русскому царю. В феврале 1691 г. К. вместе с монгольскими посланцами прибыл в Удинский острог. Сообщал при этом К. и другие интересные новости. Например, о том, что у Бушухту-хана в полоне находится “иркенской бухарской царь и з женою”, а в “Ыркенском де городе” заложником оставлен один из зайсанов хана. Например, о приезде к Бушухту- хану русских посланцев из Нерчинска во главе с Я. Судейкиным. Последний при хане говорил невежливо, бранил далай-ламу, которого монголы весьма почитают, называя богом. Бушухту-хан в разговоре с К. называл Я. Судейкина дураком и выражал недоумение, зачем тот приезжал. При этом он подчеркивал, что нельзя насаждать у них, монголов, другую веру и что они, монголы, своей вере никого не учат. Судейкина после его речей хан больше не принимал и “корму не давал”.

Посланцев, которых направил с К. Бушухту-хан, в Нерчинске принимал воевода Ф. Скрипицын, но он, К., при этом не присутствовал. Кроме того, при них в Нерчинск приезжали посланцы от китайского богдыхана, и он, К., о целях этих посланцев спрашивал у Ф.И. Скрипицына, но тот “в том ему отказал”.

К. сообщал подробно о том, как они возвращались от Бушухту-хана. Ставка хана находилась в верховьях Онона. Оттуда посольство вместе с монгольскими посланцами шло вниз по Онону “розвоеванными пустыми местами”. С Онона через хребет затем перешли на Агу-реку, по ней шли до Нерчинска две недели. В Нерчинске им дали подводы и корм небольшой. Но уже в Еравнинском подводы “испристали”, корму “им не стало”. В Еравне им не дали ни подвод, ни корму, ни провожатых, дали только служилых четверых человек. Дальше они шли до бурятских улусов пешком.

Монгольских посланцев от Бушухту-хана, прибывших с К., принимал по поручению Л.К. Кислянского в Удинском остроге капитан О.Г. Булгаков. К. на приеме не присутствовал. Вслед за этим посланцев принимал в Ильинской слободе сам Л.К. Кислянский. На этом приеме К. и М. Епифанов присутствовали в качестве толмачей.

Подробнейший отчет Л.К. Кислянского о расспросах посланцев занимает более пятидесяти листов текста.

После переговоров с посланцами Л.К. Кислянский все документы по посольству К. “на скоро” отправил в Москву. Он просил при этом прислать указ о высылке посланцев в столицу. Документы везли казачий десятник К. и конный казак Ф. Москвитинов. Они подали документы в Москве 20 сентября 1692 г.

О своей победе над Тушету-ханом (Очирой-ханом), чему свидетелем был К., Галдан Бушухту-хан сообщал русским в специально посланной грамоте, в которой упоминались Федор Алексеевич (Головин) и Григорий (К.). Грамота сопровождалась подарками. Вообще монголы в своих грамотах К. называли Кибора-тай, а за Ф.А. Головиным, из-за его тучности, у них закрепилось прозвище Будун-нойон — Толстый господин.

Переговоры с монгольскими ханами завершились установлением мирных отношений. И в этом была великая заслуга русских дипломатов и немалая десятника иркутских конных казаков К.

Казачий десятник К. выступал и в роли гонца по доставке документов из Иркутска в Москву. Так, 25 мая 1691 г., вскоре после возвращения из Монголии, он, вместе с рядовым казаком Федором Москвитиновым, доставлял в Сибирский приказ 18 различных отписок и дел, в том числе дела о своем посольстве в Монголию» [Первые иркутяне, И., 2011].

А далее мы на распутье двух дорог.

Известно, что Енисейск был центром по кадровому обеспечению и Нерчинска, и Иркутска. Поэтому мы можем создать первую рабочую версию о том, что нерчинский казак Микитка (Никита) Кибирев мог быть сыном иркутского десятника Григория Петровича Кибирева.

Но не будем спешить.

Первое найденное нами упоминание о нерчинском казаке Миките Кибиреве относится к 1699 году:

«Оклады по 7 руб. с четью, рядовые: Михайло Кучин, Василий Симановых, Иван Иванов Соколов, Микита Кибирев, Дмитрий Костромин, Иван Новограбленой, Лука Даурцов».

А в 1693 году бывший албазинский крестьянин Оска Кибирев становится пашенным крестьянином города Нерчинска:

«Нерчинского города пашенные крестьяне оклады на них по полудесятне в пол а дву потому ж. Урульгинская деревня оклад десятина в пол а в дву потому ж … Оска Кибир» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 104].

Мы ничего пока не знаем об участии семьи албазинского крестьянина Оски Кибирева в обороне Албазинского острога.

Но мы знаем другое, что после албазинского сражения часть пашенных албазинских крестьян были записаны в нерчинские казаки:

«Албазинские ж, которые верстаны из пашни за осадное сиденье в пешую службу против отписки околничего и воеводы Федора Алексеевича Головина, окладу им по пять же рублев.

Омелка Созонов, Васка Бянка, Ивашко Олонец, Макарко Леонтьев, Климко Дементьев, Назарко Алексеев в 201 году стал в пашне, Карпушка Ортеев, Фомка Григорьев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 54].

Интересно, сколько лет было Никите в период обороны Албазинского острога?

21 год. Он 1665 года рождения [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 41 об.].

То есть теоретически он мог быть участником этих событий. Но тогда его в казаки не зачислили. Может быть, к этому времени семья Оски уже была переселена в Урульгинскую деревню?

Но, тем не менее, вопрос интересный.

Сообщалось о том, что у ссыльного Оски было трое сыновей.

И в «Сказках о душах мужеска полу Сибирской губернии по указу 1719 г. города Нерчинска», есть сведения об этих сыновьях.

Но только о двух:

«В Урулгинской слободе пашенный крестьянин Андрей Кибирев 70 лет (1649), сын его Трофим 24 года (1695), у Андрея пасынок Сергей 17 лет (1702).

…паш. кр. Григорий Кибирев 60 лет (1659), у него детей: Петр 24 года (1695) очми слеп, Василий 22 года (1697), Андрей 18 лет (1701), Николай 15 лет (1704)».

А где же третий?

А это не он ли со своей столь же многочисленной семьей?

«Конной казак Иван Кибирев 27 (1694). У него отец отставной казак Никита Кибирев 56 (1665). Да у него три брата: Осип 24 (1697), Сава 20 (1701), Наум 19 (1702). У него ж Ивана сын Григорей 3 лет (1718) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 41 об.].

Возможен такой вариант? Вполне — при том кадровом голоде, который испытывали восточносибирские остроги, в казаки верстали и посадский люд, и гулящих, и промышленных людей, и крестьянских детей.

Но тем не менее, пока у нас не появятся доказательства, принадлежность Никиты к семье Осипа мы будем считать второй рабочей версией.

Но продолжим.

В 1708 году в нерчинских казаках служит Иван Никитин сын Кибирев [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д.1424. Л. 6 об.]. Ему тогда исполнилось 14 лет.

Но стоит обратить внимание еще на один факт, относящийся все к тому же 1708 году:

«Никита Кибирев, а за хлебное жалованье служит с пашни» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. л. 10].

В 1738 году его брат — Наум Никитин сын Кибирев, нерчинский казак — принял непосредственное участие в событии, не менее важном, чем то, в котором когда-то принимал участие иркутский казак Григорий Петров сын Кибирев — в открытии пути из Нерчинска к Камчатскому (Охотскому морю):

«Рапорт геодезистов Скобельцына и Шатилова Берингу о результатах разведывания пути к Камчатскому морю и о трудностях, с которыми столкнулся их отряд (9 марта 1738 г.)

(Л. 69) Высокоблагородному господину капитану и камандору Берингу репорт

Прошедшего 736 году августа […]а дня отправлены мы были от Вашего высокоблагородия из Якуцка для окончания ближайшаго пути х Камчатцкому морю. А прошлого 737 году июля 8 дня отправилис[ь] мы из Нерчинска для вышеозначенного пути, о котором нашем об отправлении из Нерчинска к Вашему высокоблагородию от нас и репортовано. И будучи в том пути, таго ж 737 году августа 6 числа дорогою вож Гарасим Трутнев от нас бежал. А оной Трутнев самоохотно господам професором доношением пред[ъ] явил, что такой путь знает. Однако ж нашею ревностию и прилежным нашим старанием надеялис[ь], чтоб такой пут[ь] окончать со оставшими двумя вожами, со Олексеем Федоровым и Максимом Стуковым. И паки стали следовать такой пут[ь] вперед, и будучи на реке Гилюе, пониже ус[ь]яа реки Танды растоянием 8 верст и принуждены были остановитца для делания нарт и лыж, понеже весма скот исхудал и пришел в бесилие, что уже на таких быках далее иттить невозможно. А остановилис[ь] сентября 19 дня и зделали два зимов[ь]я для просушки нарт и лыж, и жили во оных зимов[ь]ях ноября по 14 число. И как зделали нарты и лыжи, и отправили на нартах вниз по реке Гилюю того ж ноября 14 числа, и прибыли на реку Зею декабря 17 числа растоянием от зимовья 298 верст. И отправилис[ь] от устья Гилюю вверх по реке Зее того же декабря 17 числа, и шли по Зее декабря до 21 числа растоянием 59 верст.

И того ж декабря 22 числа пришли к нам, собравши, солдаты и служивыя и два вожа и об[ъ]евили, что у салдат и у служивых правианту и никакова корму не имеетца, а померет[ь] де нам голодною смертию. Тако ж и вожи об[ъ]евили, что дале реки Зеи не знают, а иноземцов на реке Зее никаких кочующих не имеетца, а спросить про вершину реки Уди и каким путем иттит[ь], не у кого. И просили у нас

вожи, салдаты и служивыя, чтоб за таким гладом возвратитца в Нерчинск и чтоб иттит[ь] на Шиловскую покать и на реку Амур для пропитания, понеже на Гилюйской и на Шиловской покати имеютца из Нерчинска промышленыя для соболиного промыслу, а на реке Амуре имеетца нерчинской казачей сын Данило Бурдук с двумя сынов[ь]ями и з двумя тунгусами для промыслу звринаго, и таким // (Л. 69 об.) трактом пропитание получить можем. А ежели де иттит[ь] вперед, а пути не знаем или назат тем же трактом, а в том пути никакова способу нам в пропитании мы не знаем и помереть нам будет голодною смертию. И принуждены мы были возвратитца, оставя такой путь за неимением вожа, а наипаче за неимением салдатом, и вожам, и служивым правианту, в Нерчинск.

А как возвратилис[ь] мы от реки Зеи декабря 24 дня, то подарочныя вещи, инструмент наш, скарб и правиант роздали на каждого человека по месту, чтобы всякой тенул на нарте до показанного места. И шли до речки Рожественской растоянием 118 верст до зимов[ь]я промышленных. И прибыли во оное зимов[ь]е декабря 29 числа. А оная речка Рожественска пала ус[ь]ем в реку Гилюй по течению с правой стороны. И у оных промышленных, у Семена Зимина с товарыщи, взято бычьева мяса пят[ь] грудин, шесть костецов, одиннатцат[ь] задних ног, передних пятнатцат[ь] ног, муки пят[ь] пуд. И оные места и муку роздали салдатом и служивым и пяти человеком промышленным на выход. А от зимовья отправилис[ь] сего 738 году генваря 1 числа вверх по речки Рожественской и чрез хребет на Шиловскую покат. И на Шиловской покате нашли отставнова нерчинского казака Ивана Тонких с сыном, и взяли у него четыре ноги малых быков. И перешед реку Шилову, не доходя реки Амура за два дни, взяли у него ж, Тонких, еще четыре ноги малых быков.

Того ж генваря 6 дня осталис[ь] на Шиловской покати три салтатаа — Петр Чистой, Егор Мокрецов, Леонтей Другов — самоволна, а при оных осталос[ь] подарочных вещей: табаку пуд дватцат[ь] пят[ь] фунтов, четыре котла железных, дватцат[ь] топоров, дватцат[ь] палем ножей, шездесят три напари, две телы, пят[ь] скобелей, пешня, петнатцат[ь] сверлоков. Того ж генваря 12 числа посланы были от нас для звринаго мяса на пропитание салдатом и служивым вож Алексей Федоров, салдат Егор Микулин, служивой Василей Судаков, Иван Тонких, и велено им привесть на другое становище, где будем начеват[ь]. Иван Тонких нас настиг на реке Амуре и об[ъ]евил, что Алексей Федоров, Егор Микулин, Василей Судаков осталис[ь] от него с промышленным Семеном Зиминым, идут тихон[ь]ко, а скоро итти не могут. Того ж генваря 15 дня осталис[ь] от нас двое служивых, Иван Высоцкой, Федор Дорофеев, салдат Борис Бучунов и при них осталос[ь] подарочных вещей: десят[ь] тазов, четыре котла, стрел четыре ста сорок пят[ь], сто скоб, семдесят гвоздей, кожа юфтяная.

И прибыли мы на реку Амур // (Л. 70) генваря 18 числа в юрты х китайским ясашным тунгусам, и стояли у них генваря по 20 число. А оные тунгусы дали нам в наем две лошади до реки Албазихи со служивым, продали на корм кобылицу з жеребенком. И нас два тунгуса провожали до реки Албазихи, где стоит зимов[ь]е Данилы Бурдука, а как отправилис[ь] от китайских тунгусов, осталис[ь] от нас капрал Никифор Аркашев и салдаты Ефим Бутаков, Иван Плотников, Иван Телушкин, Антипа Винокуров. И прибыли в зимов[ь]е Данилы Бурдука того ж генваря 29 дня и взяли на пропитание пять изубрей да уликты сушеной пуд восем, и жили в зимов[ь]е у Данилы Бурдука февраля по 2 число. А во оном зимов[ь]е остался салдат Самойло Шестаков за болезнию глазною. И отправился я из зимов[ь]я наперет до реки Горбицы, взяв с собою служиваго, да из зимов[ь]я Бурдукова сына Васил[ь]я, да тунгуса для высылки навстречю подвот и правианту таварищу своему Петру Скобелцыну и салдатом и служивым, которые имеютца с ним. И по прибытии моем на Горбицу отправил четыре лошади, а на пропитание салдатом и служивым скотинного мяса и муки.

И отправился я з Горбицы в Нерчинск и прибыл в Нерчинск февраля 21 дня и требовал от Нерчинской канцелярии правианту десят[ь] пуд сухарей то ж число, да сына боярского и двух служивых, да двух тунгусов навстречу по оставших от нас капрала, и салдат, и служивых. И против требования от Нерчинской канцелярии февраля 26 дня отправлен сын боярской Алексей Пыхалов и правиянт настречу оставшим от нас.

А Петр Скобелцын прибыл в Нерчинск февраля 27 числа с камандою з досталной. А как Петр Скобелцын шел от зимов[ь]я Данилы Бурдука до реки Горбицы, и не дошед до реки Горбицы растоянием за пятдесят верст, один служивой иркуцкой Григорей Сибиряков умер. А кто имеютца ныне у нас в каманде, тому значит ниже сего реэстр. А что к Вашему высокоблагородию от нас ланкарта, каталог и журнал не послан, понеже от такова труднаго пути пришли в безсилие, на руках и на ногах имеем опухол[ь], и за такой болезнию зделать вскорости ланкарту, каталог и журнал невозможно. А ежели освободимся от такой болезни, то к Вашему высокоблагородию ланкарту, каталог и журнал вскорости пришлем. Також получили известие от сына боярского о оставших каманды нашей, хто жив или умер, // (Л. 70 об.) чего и не дай Боже, то прибудем в Ыркуцк и станем ожидать от Вашего высокоблагородия ордера: куды повелено нам будет ехат[ь].

Еще ж Вашему высокоблагородию пред[ъ] являем, что сей тракт по нашему мнению ко ближайшему пути быть негоден, что

много непроходимых мест, и гор каменных, и болоты топкия, что с великою нуждою переправитца можно, и каменныя россыпи вострыя, також корму лошадям и быкам имеетца немалая нужда, а ход на лошадях и на быках самой тихой, что в ден[ь] верст по 8 и по 9. За необходимою нуждою, что пристат[ь] негде, идем и бол[ь]ше. А в таком трудном пути невозможно лошадям на скорой езде прослужит[ь] и трех дней. А таких вожей в Нерчинском не имеетца, чтоб знат[ь] подлинной хот вдол[ь] подле хрепта и чрез поперешныя реки, и в таком пути за незнанием много вожи блудят, и многим рекам и речкам звания не знают. А из Нерчинска такова пути окончат[ь] нерчинскими вожами невозможно для того, что ходят хотя и далное растояние от Нерчинска на соболиные промыслы, то оные промышленны плавают плотами вниз по реке Амуру и выбирают себе пристойную речку, и от Амуру вверх по той речки ходят на быках дней десят[ь], и многа что дней пятнатцат[ь], и сыщут себе угодныя места, и тут быков бьют на корм, а быки у промышленных приходят на места в полном в жиру.

А оной ход промышленной к нашему ходу применит[ь] ево нелзя, что идем мы далное растояние и трудным путем, и быки придут в безсилие и едва на себе имеют тела. А ежели сей пут[ь] надобен Ея Императорскому Величеству впред[ь] для пограничного дела, то такой пут[ь] надлежит окончать из Утцкаго острогу ясашными тунгусами. Двум тунгусам быт[ь] олекминским, которыя кочюют по Танде и по Гилюю и в Зейскую вершину; четырем тунгусам — утцким, которыя кочюют на Зейския покати на реку Геп и на реку Хамун; да Тацкой волости шесть якутов, которых вменит[ь] в число казаков, которыи ходят на соболиныя промыслы чрез Утцкую вершину на реку Геп, и на Хамунския покати. И надеемся, что такими иноземцами сей пут[ь] окончаетъца. А всего ходу нашего было от города Нерчинска до реки Зеи, откуда возвратилис[ь], растоянием 1316 верст.

подпорутчик Петр Скобелцын Василей Шетилов

Реэстр салдаты Степан Гладышев, Андрей Лаптев толмачи Максим Чернцов, Тимофей Перевалов вож Максим Стуков служивыя Алексей Фирсов, Наум Кибирев, Григорей Гутков, Семен Асламов, Андрей Рожнев, Андрей Лоншаков, Алексей Оксенов, Василей Анцын, Онтон Полеков, Николай Мирсанов, Иван Антипин.

Марта 9 дня 1738 году» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 16. Л. 69–70 об.].

Любопытны для нас материалы ревизской сказки города Нерчинска за 1744 год:

«Деревни Кибиревои

посацких померло

1259) Антон Кибирев
1260) у него дети Максим
1261) Володимер

взято в рекруты

1268) Николаи Кибирев

Деревни Кибиревои

разночинцов померло

1338) Никита Кибирев
1339) у него дети Осип
1340) Сава

Орулгинскои слободы

крестян померло

1682) Андреи Кибирев
1683) у него сын Трофим
1686) Григореи Кибирев
1687) у него дети Петр
1688) Николаи» [Фонд 350 Ландрадские книги и ревизские сказки. Опись 2. Дело 1917. 2-ая ревизия. Книга переписная населения г. Нерчинска и уезда].

Из этой переписи в живых остался только Николай, который «взят в рекруты», то есть в солдаты.

А куда же подевались все остальные нерчинские казаки и крестьяне Кибиревы?

Нас, по крайней мере, интересует один из них — сын пашенного крестьянина Василий Григорьев сын Кибирев, которому в 1719 году было 22 года.

Дело в том, что, по данным за 1766 год, в Гижигинской крепости служит в казаках Кибирев Григорий Васильев [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 13. Л. 9].

А в Нерчинске в 1749 году:

«конные казаки

Григорий Кибирев» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 50. Л. 32 об.].

По возрасту все совпадает отлично.

По ситуации — после убийства чукчами Дмитрия Павлуцкого на Северо-Восток были направлены служилые люди — из драгунских и казачьих полков Тобольска, Нерчинска, Иркутска.

Так, например, в одной десятне с Иваном Никитичем Кибиревым служил казак Михайло Худеяров, потомки которого впоследствии оказались в Анадырском остроге вместе с еще одним — а может быть, даже двумя Кибиревыми.

Вот что выясняется: в 1768 году гарнизон Анадырского острога в связи с решением об его упразднении переводится в Гижигискую крепость (частично — в Нижнеколымскую и Тигильскую крепости тоже).

И вот что мы видим в именных списках: самостоятельно выезжает тринадцатилетний казачий сын Евдоким Кибирев. Возможно, сын Григория Васильевича — не знаем;

И в семье солдата Ильи Окулова пасынки — дети от первого мужа его супруги Орины Никифоровны — семнадцатилетний Гаврила и одиннадцатилетний Афанасий Кибиревы [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28].

То есть констатируем, что на Северо-Востоке России в середине XVIII века несли службу в Анадырском остроге и Гижигинской крепости то ли двое, то ли трое Кибиревых.

А вот что касается этих троих, то в Гижигинской крепости остался служить только Евдоким, Афанасий и Гаврила Кибиревы были переведены в Охотск [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20, 23].

В 1784 году в Гижигинской школе обучались двое Кибиревых — вероятно, это были сыновья Евдокима: Павел Кибирев — (1777) и Степан Кибирев (примерно 1780).

Что же касается Охотской линии Кибиревых, то к 1831 году в Охотской казачьей команде служили: Кибирев Федор (1787), младший урядник, сверх комплекта; Кибирев Дмитрий (1787), казак; Кибирев Лука (1804), казак — в 1863 г. вышел в отставку; Кибирев Николай (1802), казак; Кибирев Иван (1822), казацкие дети — уволен в отставку 04.03.1874 [по материалам РГИА и НА РС (Я)].

В Гижигинской крепости, по данным 1831 года, служил казак Кибирев Василий (1789) [Национальный архив РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.].

Благодаря архивистам Магаданского государственного архива мы нашли и следующее родовое гижигинское колено:

«Кибирев Феодосий Васильев (1826–1884), казак Гижигинской сотни. Ж. 1 (с 30.01.1849) Захарова Дарья Дмитриевна. Ж. 2 Дарья Изотовна (1832–1877), дочь ум. крестьянина. Ж. 3 (с 10.05.1878) вдова Овчинникова Улита Алексеевна (1824)».

Правда, есть вопрос:

Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Служащие

Казаки

Киберев Феодосий Иванов — 25 (1827)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

Но это, скорее всего, писарская ошибка.

Продолжали службу и охотские Кибиревы:

«Список казаков, находившихся в Охотской команде. Яков Кибирев — 21.11.1866 поступил на службу. Никита Кибирев — 01.10.1868 г. поступил на службу, умер 10.02.1875» [РГИА. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 398. Лл. 101 об., 134]

Казалось бы, исчерпан весь арсенал Кибиревых…

Но не тут-то было.

Игорь Пешков в очерке «Неизвестные списки защитников Де-Кастри и их награды за Крымскую войну 1853–1856 гг.» в именном списке этих людей называет Андрея Кибирева из сводного действующего пешего полубатальона Забайкальского казачьего войска.

Правда, говорить о том, что это неизвестные списки, наверное, не совсем корректно – просто прошедшие столетия ни один исследователь из Приамурья, где в побережье залива Де-Кастри в октябре 1855 года была отражена попытка высадки английского десанта, желавшего отомстить за позорное поражение на Камчатке, не заглянул в дебри Российского государственного военно-исторического архива, где и хранятся списки героев.

Но и на этом мы не ставим точку, а, наоборот, возвращаемся снова к истокам – к нерчинским, а впоследствии забайкальским, казакам.

Что произошло? Почему мы потеряли с ними связь?

Вероятно, потому, что значительная часть нерчинских казаков и пашенных крестьян были переведены в разряд государственных горнозаводских крестьян для работы на нерчинских серебряных рудниках.

Но впоследствии генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев, произведенный в графское достоинство с титулом Амурский в целях заселения казаками Приамурья, а потом и Приморья — создал Забайкальское казачье войско, произведя в казаки горнозаводских крестьян, и заселил забайкальцами приграничье для защиты новых российских владений на Амуре и Уссури.

И в списке переселенцев мы находи потерянных было нерчинцев Кибиревых:

Посемейный список урядников и казаков № 8 батальона Забайкальского казачьего войска, назначенных к переселению на Амур в лето 1860 года.

Д. Ложниковой. Казаки.

Василий Елизаров Кибирев 52 (1808). Жена его Лукерья 37 (1823) Сыновья Михайло 6 (1854). Дочери Арина 10 (1850), Анна 2 (1858). А.П.Б. 1860 г.

Андрей Васильев Кибирев 23 (1837). Жена его Варвара 23 (1837). Сын Анисим 6 мес. (1859). А.П.Б. 1860 г.

Для справки: Деревня Ложникова упоминается в документе о приписке Ундинской слободы к Нерчинским сереброплавильным заводам.

В 1851–1852 годах, согласно «Высочайше утвержденному росписанию пешего Забайкальского казачьего войска», деревня Ложникова пополнила войско на 82 души мужского пола.

В Балейском районе находятся два села с названием Ложниково. Одно из них — Ложниково-по-Унде, в котором до революции находилась Кресто-Воздвиженская церковь, другое — Ложниково-по-Талангую, где в начале XX века была построена Космо-Дамиановская церковь. По моей версии, села были основаны братьями Ефимом и Елисеем Литвинцевыми примерно в середине XVIII века, отсюда одинаковые названия.

Посемейный список урядников и казаков № 8 батальона Забайкальского казачьего войска, назначенных к переселению на Амур в лето 1860 года.

Д. Верхнегалгатайской.

Павел Осипов Кибирев 21. Жена его Дарья 22. Сын Григорий 1 мес. А.П.Б. 1860 г.

Виссарион Иванов Кибирев 41. Жена его Арина 36. Сыновья их Григорий 15, Ефрем 12, Ермолай 5. А.П.Б. 1860 г.

Варлам Иванов Кибирев 40. Жена его Василиса 40. Сыновья Антон 15. Дочери Марфа 11, Катерина 3. А.П.Б. 1860 г.

Для справки: река Галтай, бассейн реки Селенги.

Посемейный список урядников и казаков № 8 батальона Забайкальского казачьего войска, назначенных к переселению на Амур в лето 1860 года

Д. Кокуйской.

В 1861 году в Амурский пеший батальон. 12. Елистарх Дементьев Кибирев 34. Его жена Авдотья 34. Дочери Прасковья 11, Агафья 5.

Для справки: Кокуй основан в начале XVIII века крестьянами, приписанными к Нерчинскому сереброплавильному заводу.

В XIX веке после реорганизаций губернатора Восточной Сибири Николая Муравьева-Амурского и других административно-территориальных реформ 1870-х годов Кокуй получает статус казачьего поселка Сретенской станицы. Его население получает статус казачьего сословия.

Можно было бы поставить точку. Но как бы не так.

В «Исповедной ведомости Петро-Павло-заводской церкви Верхнеудинского округа за 1860 год» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1816] имеется продолжение:

«Работники

254/581 ветеринаровый

Александр Кибирев 52, жена его Ксения 46, дети их Александра 18, Елена 15, Валентина

Служителя

726) Михайло Кибирев 25, жена его Ирина 24, дочь Анна 3

737) Николай Кибирев 20

Ученики заводского училища

967) Дмитрий Кибирев 11».

Скорее всего, это одна семья — отец, сыновья и внук.

И последняя запись в нашей информационной базе о Кибиревых, датированная 1900 годом:

«1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. Кавалеры знака отличия военного ордена 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, награжденные за дела против китайцев, 2-я сотня, Тали-чен-гоуза, 28-го Июня. Казак Евгений Кибирев, 4 ст. [Георгиевский крест 4-й степени]».

КИРЕНСКИЕ

Если вдуматься в суть, то получается, что Киренские — это бесфамильные (возможно, гулящие, то есть беспаспортные, не имеющие специального разрешение на жизнь в Сибири) люди, верстанные в казаки в Киренском, либо уроженцы этого острога (что, если исходить из расчета времени верстания, вряд ли).

Первый казак Киренский — Ивашка — появляется в Якутске в середине XVII века в общем списке казаков-челобитчиков за 1661 год [РГАДА ф. Якутская приказная изба, ст. № 2144, лл. 4–7].

В 1682 году у «у[мершего]го каз[ака]. Ивашка Киринскаго с. Оска 15 л. (1667), с. Ивашко 10 л. (1672), с. Федотко 7 л. (1675)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 103].

И это — начало всего дальневосточного рода служилых людей Киренских.

В 1692 году положено начало и новой ветви этого рода:

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Ивашко [Иванов сын] Киренской в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 10 день хлебной оклад учинен ему женатой».

То есть Иван Иванович не просто женился, а стал отцом семейства.

И в 1761 году отмечены в казачьих списках уже его дети. Двое из них служат в Якутске:

«В Якуцкой Воеводской канцелярии у приходу и расходу денежной и товарной казны: казак Иван [Иванов сын] Киренской

…действительно при команде имеются и употребляются в караул с переменою: казак Лев [Иванов сын] Киренской».

Еще один — Василий — в 1778 году служит в Гижигинской крепости [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 71. Л. 7].

Стоит обратить внимание на тот факт, что Иван Иванов сын Киренский служит в канцелярии и исполняет должность «у приходу и расходу денежной и товарной казны». Это очень серьезное продвижение по карьерной лестнице для служилого человека — это разряд подъячего.

Постепенно меняются и служилые функции: так, например, Герасим Иванов сын Киренский служит уже не казаком, а солдатом: сначала рядовым в воинской команде Якутского областного управления, а затем уже унтер-офицером Якутской городовой штатной воинской команды [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 392, 405].

Его брат — Григорий — тоже уже солдат — рядовой Якутской служащей инвалидной команды [там же, стр. 416].

Дальше всех пошел сын Льва — Рафаил, который стал лекарским учеником Амгинского комиссарства Якутского округа.

Данила Григорьевич, как и отец, первоначально служит рядовым в инвалидной команде, но впоследствии он уже с 1807 года служитель Якутского провиантского комиссионерства.

Но, уже повторяюсь, но это факт — дальше всех пошли дети Рафаила Львовича:

Киренский Кесарий Рафаилович (8 апреля 1807 – 22 ноября 1874). Сын лекарского ученика Амгинского комиссарства Якутского уезда Иркутской губернии Рафаила Львовича Киренского. Крещен в Амгинской Преображенской церкви.

Сотник 12 класса — с 20 февраля 1841 г., атаман 9 класса — с 6 июня 1850 г., коллежский асессор — с 3 марта 1872 г.

С 21 июня 1845 г. по 6 июня 1850 г. — управляющий Якутским казачьим полком. С 6 июня 1850 г. по 15 октября 1872 г. — атаман полка.

Уволен с должности и вовсе со службы по прошению, по болезни и старости (10 мая 1870 г. вступил во второй брак с 34-летней чиновничьей вдовой Евгенией Александровной Аммосовой). Скончался в г. Якутске 22 ноября 1874 г. [там же, стр. 476, 478]. Кавалер орденов Св. Анны 3-й ст. и Св. Станислава 3-й ст. [Памятная книжка Якутской области за 1863 год, Спб, 1864, с. 19–20].

Сын Кесария Рафаиловича — Киренский Юлиан Кесариевич, титулярный советник — 4 декабря 1898 г. назначен исправником Верхоянского округа [там же, стр. 338].

А вот брат — Михаил Рафаилович — в 1830 году казак первой сотни Якутского казачьего полка к 1852 году был в чине пятидесятника:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Пятидесятники

Михаил Рафаилов Киренский — 40 … на службе … с 1829 года (1812)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44].

Но вскоре что-то произошло:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

"…По высочайшей конфирмации по военно-судному делу за незаконные и фальшивые поступки пятидесятник Михайла Киринский разжалован в рядовые казаки"» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 4].

Но вернемся к Даниле Григорьевичу и его переходу на службу в провиантское комиссарство.

Судя по дальнейшему развитию событий, у него был сын Алексей, о котором мы ничего не знаем, но к нему ведет карьерная линия внуков Данилы Григорьевича через это самое провиантское комиссарство:

Вот первый из внуков:

«Якутского провиантского комиссионерства

Служители и писари

Киренский Василий Алексеевич, писарь, письмоводитель, сибирский дворянин 14-го класса (на 10 марта 1820 г.), губернский секретарь, провиантского 10-го (с 31 декабря 1826 г.), 9-го (с 31 декабря 1829 г.) класса. 13 ноября 1823 – 19 января 1832 комиссионер. Скончался в 53-летнем возрасте. Похоронен в Якутске при Богородской церкви» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 424].

Его брат, возможно, старший:

«Якутского провиантского комиссионерства

Служители и писари

Киренский Егор Алексеевич, писарь, сибирский дворянин, до 1819 г. (уволен в отставку). В 1820–1834 гг. — комиссионер 14 класса, сибирский дворянин, унтер-офицер (на 25 июня 1827 г.) [там же стр. 425].

И, вероятно, еще один брат:

«Киренский Яков [Алексеев сын] … Якутского провиантского комиссионерства Вахтер» [стр. 428].

И еще один сын — на этот раз в истории хорошо известный — Аким (Иаким) Данилов сын Киренский. В 1830 году — рядовой казак второй сотни.

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске…

Урядник Аким [Данилов] Киринский — 46 лет, из казачьих детей, в службе с 1828 года, в чине с 1845 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 8].

Отчество подтверждается другим документом:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Петропавловский порт

Урядник Аким Данилов Киренский» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 17].

В 1854 году Аким Данилович участвует в обороне Петропавловского порта и разгроме десанта англо-французов.

Здесь же, на Камчатке, продолжен род Киренских.

Киренский Михаил Акимович, пятидесятник Камчатской казачьей команды, участник Петропавловской обороны.

Киренский Максим Иакимович (1863). Ж. Попова Улита Федоровна (1863), дочь казака Камчатской команды Федора Васильевича Попова.

Киренский Илья Иакимович (1869–1903).

Следующее поколение:

Киренский Максим Иванович (1862), казак, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. Ирина Федоровна.

И еще одно известное нам:

Киренская (Киринская) Елена Максимовна (20.05.1887), дочь льготного казака М. (с 20.04.1903) Дехтярев Лев Владимирович (1883), камчадал, с. Коряки.

Киренский Николай Максимович (06.05.1889)

Киренская Евгения Максимовна (1892)

Киренская Анна Максимовна (03.02.1898). М. (1924) Гребинский Александр Пантелеевич (01.10, 1887), чернорабочий.

Дальнейшая история представителей этой камчатской семьи нам неизвестна. И мы возвращаемся в Якутию.

Надо полагать, что Василий Алексеевич, будучи комиссионером Якутского провиантского комиссариатства, чиновником 9 класса по Табелю о рангах, что соответствовало рангу обер-офицера, не мог быть тем Василием Киренским, который из рядовых казаков вышел в унтер-офицеры. Скорее всего, это был казак Василий Киренский, который в 1830 году служил в первой сотне Якутского казачьего полка.

И вот что сообщается в журнале «Илин» № 1–2 за 1999 год:

«Василий Киренский, прослужив 25 лет в казачьих войсках, ушел на пенсию в чине унтер-офицера и остался в г. Якутске. …у отставного унтер-офицера В.Киренского жена была якуткой. …У них в 1860 году родился сын Василий. Отец отдал Василия учиться в Духовную семинарию. Несмотря на успехи в учебе после 6-го класса Василий был вынужден бросить учебу из-за материальных затруднений в семье — в то время его отец Василий Киренский получал только маленькую пенсию.

…В.В. Киренский женился на амгинской крестьянке Пелагее Чиркиной (Чирковой. — *С.В.*) и переехал в Амгу, где занялся хлебопашеством. Отец Пелагеи Матвей Петрович Чирков был членом Амгинского крестьянского общества.

Василий Васильевич с большим трудом корчевал под пашню участок дикой тайги. Научился пахать, сеять и получать урожай.

…у Василия Васильевича с первой женой Пелагеей Чирковой жизнь сложилась неудачно, их

сын умер. В.В. Киренский уехал в Красноярск, где встретил курсантку Екатерину Васильевну Яковлеву…

…Василий Васильевич Киренский и Екатерина Васильевна в начале XX века вернулись в Амгу-Слободу, и он вступил в крестьянское общество, а Екатерина Васильевна начала работать сестрой в улусной больнице. Василий Васильевич, как и раньше, занимался хлебопашеством. На территории старой столовой с. Амги (против нынешней каменной школы, по улице Партизанской) построил большой по тем временам трехрамный теплый дом, во дворе находились амбары, сарай, хлев для коровы и конюшня. Хозяйство Киренских было средним. В 1905 году родилась дочь Галина, а 7 апреля 1909 г. в семье произошло радостное событие — родился сын Леонид. Тогда отцу было 49 лет, матери 32 года.

В.В. Киренский скоропостижно умер в 1915 г. в возрасте 55 лет».

В Национальном архиве Республики Саха (Якутия) хранятся материалы Амгинского крестьянского общества с XIX века. В документе «Именной список наличных крестьян Амгинского сельского общества, как значится в посемейном списке», составленном 2 июня 1914 года, значатся под № 28 Киренский Василий Васильевич — 54 года, жена Екатерина 37 лет, сын Леонит (так написано. — *Ред.*) 3 года, дочь Галина 8 лет (ф. 54. оп. 1, дело 81)».

Леонид Васильевич Киренский (25 марта (7 апреля) 1909, с. Амга, Якутия — 3 ноября 1969, Москва) — академик, основатель Института физики в Красноярске, создатель красноярской физической школы и научной школы по физике магнитных полей, Герой Социалистического Труда, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

КИРСАНТЬЕВЫ

Начнем мы эту историю с того, что Степан Андреевич Кирсантьев малóй (ему было в 1852 году восемнадцать лет) был вестовым при первом начальнике Николаевского поста (впоследствии города Николаевска-на-Амуре) мичмане Александре Ивановича Петрове, благодаря которому и стало известно имя этого вестового [книга «Амурский щит»].

Правда, морские офицеры, участники и Амурской, и Сахалинской экспедиции, были весьма скупы в своих оценках нижних чинов.

И А.И. Петров ни в чем от них в этом вопросе не отличался.

Вот что он оставил о Степане Андреевиче для нашей истории: «Степан Кирсантьев — мой вестовой».

И в приписке: «…мать казака Кирсантьева Дарья, дочь ее Ульяна».

Из других же источников нам стало известно более важное, чем повседневная служба вестовым при мичмане:

«9 августа 1853 года экспедиция в составе начальника Николаевского поста А.И. Петрова, рядовых Замиралова, Волынкина, Кашкарова, Кирсантьева, Анкудинова, приказчика Овсянникова достигла на лодках стойбища Кизи, где по предписанию Невельского Г.И. № 222 от 15 июня 1853 следовало определить место для основания поста и постройки помещений для зимовки».

Здесь ими был основан Мариинский пост.

Отчество Степана Андреевича нам помогла установить Екатерина Анатольевна, сотрудник Национального архива Республики Саха (Якутия):

Именной список Состоящих при Охотской
Казацкой чинах с показанием лет
Март месяц сего 1831 года

Кырсантьев Андрей (1794), казак [НА РС (Я), Ф/ 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 660 об. – 661 об.].

А завесу над дальнейшей историей появления этой фамилии на Дальнем Востоке приоткрыла нам иркутский историк Марина Василенко в статье «Кадровые проблемы Охотской флотилии во второй половине XVIII века по следственным документам Иркутской палаты уголовного суда», опубликованной в сборнике «Известия архитектурно-этнографического музея “Тальцы”». Иркутск, 2005 г.:

Там есть краткое сообщение. Но оно действительно на многое в истории приоткрывает завесу:

«…подштурман Кирсантьев дважды наказан при команде морскими кошками за воровство: в 1772 и в 1774 годах, в том числе за кражу в Тигильской крепости церковных денег, кроме того — был замечен в воровстве двух сум казенного провианта…»

И эта «завеса» никоим образом не связана с криминальным прошлым подштурмана Кирсантьева, который, скорее всего, понес уже в далеком прошлом заслуженное наказание, она связана с тем, что детей, провинившихся на службе охотских (и не только охотских) обер-офицеров, пониженных в службе или даже вовсе из нее исключенных, верстали на общих основаниях… в казаки.

КИСЕЛЕВЫ

Фамилия довольно простенькая. Только вот истинное содержание не ясно.

Фамилия, как пишут специалисты, восходит к прозвищу или некрестильному имени Кисель. У восточных славян кисель был почитаемым и распространенным блюдом. В XVI–XVII веках даже возникла профессия кисельников, которые селились в так называемых Кисельных слободах и зачастую имели прозвище Кисель.

Но вот и другая версия: «Возможно, что в основу этого прозвища положены глаголы “киселить”, т. е. “льстить, улещать”, и “кисельничать” — “важничать, таять от лести”. Таким образом, прозвище могло характеризовать человека по его поведению».

Но есть другое значение — липкий, клейкий… или даже «ни то, ни се» — кисель, одним словом…

Но история этой фамилии в связи с ее широчайшим распространением весьма богата.

Ее носили и титулованные лица.

Мы же коснемся служилого люда наших дальневосточных окраин.

Первым, вероятно, в Якутске был Григорий Васильев сын Киселев.

Хотя вопрос спорный — так как другой, более яркий представитель этой фамилии, — енисейский казак «Ярофейко Киселев в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцкого острогу збежал на море», примкнув к бунтовщикам, возглавляемых якутскими пятидесятниками Иваном Ребровым и Василием Бугром.

А потом пути-дороги этих «воровских» (по определению того времени) казаков разошлись.

И вот что случилось с Ярофеем:

«Да в нынешном же, во 158-м [1650] году декабря в 26 день пришел с Колымы реки сын боярской Василей Власьев в Нижное ясашное зимовье и, собрав всех служывых и торговых и промышленых людей, и прочитал государево жалованье — наказную память вслух всяким людям, что велено от всякого насильства тех беглых людей Васьки Бугра с товарищы боронитца беспенно, а воров Ярафейка Киселева да Ивашка Пуляева с товарищы велено взять в Ленской острог в государевых делах. И как тот Ярафейко пришел к нашим зимовьям, и служывые люди Пашко Кокоулин, Артюшка Федотов Салдат [с] служивыми и с промышлеными людьми того вора Ярафейка Киселева взяли и, связав, отвели в ясашное зимовье, и отдали сыну боярскому Василью Власьеву. И ево, вора Ярафейка Киселева, крепине держать в ясашном зимовье укрепить не могли, свестяся по слову с Михаилом Стадухиным и с-ыными беглыми служивыми людьми, ночью неведомо как из ясашново зимовья убежал. А тот Михайло с теми беглыми служывыми людьми его, Ярка Киселева, ночью по слову, укарауля, свели к себе в зимовье. И учали те служывые люди Михайло Стадухин [с] служывыми и с промышлеными людьми, и те беглые служывые люди Васька Бугор с товарищы на нас, холопей и сирот твоих, учали приметыватца всякими мерами бездельно и подают торговым и промышленым людем на нас челобитные изветные, описываютца. А ставят оне затейной извет свой впредь себе в поправку и угрожают нам, а хотят, дорогою идучи и на месте, где бог велит быть, в ясашных и не в ясашных людех запасы и оружье, и собаки хотят сильно имать, чтоб нам, холопям и сиротам государевым, та государева служба за... жыт и между б нами рознь учинить. Да в нынешнем во 158 году ноября в 8 день он, Михайло, нашел полчанина промышленого человека Матюшку Кальина у себя на дому, бил неведомо за что напрасно. Да февраля в 10 день он же, Михайло, з беглыми служывыми людьми с Ярафейком Киселевым нашего ж полчанина промышленого ж человека Кирилка Проклова бил неведомо за что напрасно ж и ясыря у него сильно взял».

То есть, по сообщению Семена Моторы, Ярофея Киселева защитил Михаил Васильевич Стадухин.

И вместе со Стадухиным Киселев совершил тот самый — беспримерный(!) даже для того времени — переход с Колымы на Анадырь, с Анадыря на Гижигу, с Гижиги на Тауй, с Тауя в Охотск и оттуда в Якутск.

Но у Ярофея Киселева путь был короче — в 1654 году он погиб:

«... ходили в поход, и те Тунгусы подсмотрели нас, разбежались, а как мы пошли назад и те Тунгусы на дороге запали, убили у нас служилого человека Ярофея Киселева», — сообщал впоследствии Михаил Стадухин по повду военных столкновений с тунгусами — ламутами — охотоморскими эвенами.

В книге «Тайны якутских фамилий» мы останавливаемся на легенде, связанной со старожилами селения Русской Устье на реке Индигирка, в которой проводится связь между Киселевыми — старожилами этого поселения и с Киселевыми Русской Америки, с которыми связана версия об исчезнувшей так называемой Новгородской колонии на Аляске — селении Казилове у устья реки Казиловой (или река Киселева) в районе Кенайского залива, где в 1957 г. были обнаружены остатки древнего, вероятно русского, поселения 300-летней давности [П.Л. Биркенгоф. К вопросу о древней «Новгородской колонии» на Аляске. — «Известия Всесоюзного Географического общества», 1967, № 4].

Но не будем повторяться. Нашу книгу легко найти в разделе «Историческая библиотека» сайта Камчадалы.ру и познакомиться с этой легендой.

А мы коснемся истории дальневосточных наших окраин.

«В период с 1722/1748 год

В Охоцком остроге

Разночинцы

Захар Киселев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 87 об.].

А затем мы перемещаемся на Камчатку.

«Нижнекамчатск, 1812

Камчатский гарнизонный батальон

Рядовые

Киселев Василий Пантелеев (1777). Ж. Ирина Осиповна (1786) [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 4 об.]

«Камчатский гарнизонный батальон

Рядовой

Киселев Степан Кирилов (1785)

Петропавловский порт, 1815

Матросы Петропавловской экипажной роты

Киселев Степан Кирилов (1785)

Петропавловский порт, 1823

Боцманматы

Киселев Стефан Кириллов

Петропавловский порт, 1831

Киселев Стефан Кирилов сын (51). Ж. Татьяна Ник. (1801). Его дети: Киселева Александра Степановна (1821), Киселева Евдокия Степановна (1829)»

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год.

Проживающие в Петропавловском порте
Отставные казаки

Умершего урядника [Степана] Киселева сын неслужащий Иван — 12» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 42].

И это трагическое сообщение о нем:

«Кисилев Иван [Степанович – 2-й] (1839/1840), кантонист 46-го флотского экипажа, убит 20 августа 1854 года» [Краеведческие записки, П-К, 2019].

Он погиб на Сигнальной батарее во время артиллерийской дуэли с англо-французским флотом. Мальчики-кантонисты участвовали в сражении наряду со взрослыми. К сожалению, помня о пионерах-героях, о героях-мальчишках — погибших и покалеченных — участниках обороны Петропавловского порта за все истекшие десятилетия никто ни в России, ни на Камчатке не вспомнил.

Но почему второй?

Потому что у него был родной брат — и тоже Иван Степанов сын Киселев. Только чуть постарше — матрос Камчатского флотского экипажа.

Но все по порядку.

«21 числа [августа 1854 года] неприятель продолжал исправлять повреждения и кренил пароход.

В час пополудни от адмиральского французского фрегата отвалила шлюпка по направлению к Сигнальному мысу.

Это была наша шестерка, взятая неприятелем вместе с плашхоутом; на ней пристали к берегу квартирмейстер Усов, жена его с двумя малолетними детьми и матрос Киселев.

Первый передал мне от французского адмирала письмо следующего содержания:

“Его превосходительству господину губернатору Завойко.

Господин губернатор. Благодаря военной случайности в мои руки попала русская семья. Имею честь вернуть ее Вам. Примите, г. губернатор, уверение в моем высоком почтении. Командующий адмирал и шеф К. Депуант”.

Поименованные люди рассказали, что они утром 19-го числа отправились из Тарьинской губы в Петропавловский порт на плашкоуте с 4 тысячами кирпича, имея на буксире шестерку. Усов взял с собою жену, которая пришла к нему из деревни Озерной с двумя малолетними детьми. Неприятельскую эскадру они приняли за эскадру адмирала Путятина, и хотя, подойдя ближе, узнали неприятельские флаги и отворотили от эскадры, но гребные суда отрезали им отступление; выстрелы, слышанные ими накануне и утром 19-го числа, приняты ими были за салюты и за пальбу в цель; оружия они не имели. Квартирмейстер Усов передал, что на фрегате “Форт” убито 7 человек и что французы приглашали пленных вступить к ним в службу, но они отказались; что офицеры, отпуская его, обещали остальным пленным освобождение, когда Петропавловский порт будет взят».

Юлия Завойко, супруга губернатора Камчатской области Василия Степановича Завойко, которого мы цитировали выше, дополняет сообщение своего мужа:

«Усова (Черных Рахиль Ивановна (1825), дочь священника. — *С.В.*) рассказывала, что адмирал — старик, что он ласкал ее маленьких, смуглых ребятишек (Екатерину (1848) и Василия (1852). — *С.В.*), давал им конфет и говорил матери, или она это уже себе так истолковала, что у него во Франции остались также маленькие дети. Камчадалка любила это рассказывать. Во время сражения их держали внизу; они говорили, что видели раненых на фрегате. 21-го августа адмирал сказал, что отошлет женщину одну с детьми, но та с отчаянием ухватилась за мужа и объявила, что она не оставит его. Адмирал не мог противостоять слезам и рыданиям женщины. Впрочем, Усов [Павел Васильевич (1815)] на вид невзрачный, черненький, худенький, хиленький, седенький старичок. Не подозревал адмирал, какие меткие стрелки наши камчадалы… Выпросив мужа, камчадалка выпросила и брата, на вид почти юношу (1832 г. р. — *С.В.*)».

Но это еще не все Киселевы.

Тигильская крепость, 1815 год. Киселев Вавило Степанович (1765). Вместе с отцом служит Киселев Георгий Вавилович (1797).

В Нижнекамчатске в 1812 году в военно-сиротском доме обучается Киселев Егор Вавилович (1797), который в 1815 году служит вместе с отцом в Тигильской крепости, а в 1819 году он уже матрос Петропавловской экипажной роты.

В Тигиле с отцом два брата: Киселев Андрей Вавилович (1802), Киселев Стефан Вавилович (1805) [РГИА ДВ фонд 1009, оп. 2].

А это уже его дети:

Петропавловск, 1887 год. Киселева Евдокия Степановна (1864). М. (с 01.07.1887) Попов Иван Федорович (1867), казак.

Но и эта история Киселевых-дальневосточников отнюдь не последняя.

В Тигильской крепости служили дети Бориса (нам пока неизвестного) Киселева:

Рядовой Камчатского гарнизонного батальона Киселев Григорий Борисов (1786).

Казак, а в 1831 году урядник Тигильской казачьей команды Киселев Михаил Борисович (1788).

И в 1815 году здесь же остался в качестве «военного поселенца» отставной солдат Камчатского гарнизонного батальона Киселев Ефим Борисович (1776) [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

У Ефима Борисовича был сын Петр Ефимович.

А это родовой след Киселевых уже в Гижигинской крепости:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казачьи дети сироты

Киселев Сафроний [Петрович] — 11 лет (1841)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

У него была сестра: Киселева Агриппина Петровна (1837).

И младший брат: Киселев Иван Петрович (1846).

Сафроний (Сафоний) впоследствии служил в Петропавловской казачьей команде.

КЛЕСТОВЫ (ХЛЕСТОВЫ)

Вариант написания фамилии Хлестов встретился нам только однажды, но, что самое главное, именно этот вариант фамилии закрепился у «новокрещенных» камчадалов, получивших фамилию своего крестного отца.

Но в других случаях Никифор Хлестов — участник крестового похода иеродиакона Гавриила Притчина по западному побережью Камчатки (15 ноября 1740 – 8 февраля 1741 гг.) — писался как Клестов.

Сохранились исторические документы об участии Никифора Клестова в экспедиции якутского казачьего головы Афанасия Шестакова и драгунского офицера Дмитрия Павлуцкого:

Вот первый из них:

«1730 г. ноября 12. —
“Реестр служилым людям, которые присланы были с реестром от штурмана Якова Генса на мореходное восточное судно 1 для морскаго пути в Большерецкой острог, а ныне которыя имеютца налицо в Большерецком остроге и коликое число в росходе и о том явствет ниже”

Налицо в Большерецком остроге:

Матрозы: Петр Таранкин, Агафон Назаров.

Служилыя: Алексей Привалихин, Алексей Антипин, Лаврентей Базлуков, Григорей Томилов, Степан Коровин, Андрей Верхотуров, Иван Удалой, Дмитрей Осколков, Николай Нечаев, Сава Чагин, Семен Бочкарь, Петр Колокольников, Трифан Крупышев, Алексей Мешков, Иван Усов, Иван Поляков.

Никифор Клестов на восточное судно прислан с ордером.

У восточнаго судна и у припасов на карауле: Иван Амосов, Алексей Малышев, Михайло Хмылев, Леонтей Амосов, Иван Святовой, Клим Пахолков.

На реке Утке на карауле у правианту: Герасим Епифанов, салдат Сава Медведев.

Мореход Андрей Буш остался на Утке реке.

Под караулом выслан в Якуцк Иван Зуев.

Афонасей Саламатов на боту “Гавриле”.

Иван Томской прислан в реестре, и оной в Охоцку на восточное судно не явился.

Семен Таюрзской в море утонул: выкинуло волною в шхерботе в море» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 5. Л. 113].

А это второй документ:

«Инструкция штурмана Генса
солдату Змиеву, март 1732 г.

От посланной партии от штурмана Якова Генса, данная солдату Александру Змиеву, по которой поступать по нижеписанным пунктам.

1

Минувшего февраля 26 дня сего 732 году Нижнего Камчадальского острогу от управителя Михаила Борисова из ясачной избы в партию объявлено. По присланному де ея императорского величества указу из Верхнего Камчадальского острогу от камисара Ивана Эверстова к нему, Борисову, велено для походу на изменников на Харюзову для споможения сборшику Леонтию Черных требовать из партии служилых людей, для того что де харюзовские ясачные иноземцы изменили и от ясачного платежа отложились, а служилых людей побили. Да оного ж де февраля 23 дня харюзовский де ясачной иноземец Леглек, пришед в ясачную избу скаскою объявил, означенные де харюзовские ясачные иноземцы Максимка да Шербак с товарыши собрався во стех человеках и пошли по Пенжинскому морю до морского судна “Фартуны” в поход.

2

Итого ради ехать тебе, Змиеву, со служилыми людьми по данной, сей инструкции с усть Камчатки реки от пристани морскаго судна, вверх по Камчатке реке и на Харюзову реку и до Пенжинского моря, куды способней, без потеряния люцкова и до судна “Фартуны” и сыскивать означенных изменников и прилежным старанием по присяжной должности.

3

А ежели оные изменники вами сысканы будут, то призывать их под ея императорского величества высокосамодержавную руку ласкою и приветом и розговором, чтоб они платили ясак в казну ея и[мператорского] в[еличества] попрежнему.

4

А ежели на ласковой ваш призыв не сдадутца и ясак в казну ея императорского величества платить не станут, и прося вам у всещедрого бога помоши, поступать на них военною рукою легулярно, елико всешедрый бог помоши подаст.

5

А буде с военной руки сдадутца, то взять с них, изменников, аманатов и их спросить, отчего они, ясачные иноземцы, изменили, и не было ли к ним от ясачных сборшиков служилых людей обид и разорения, а буде были какие несносные к ним обиды и от того они изменили, то сбирать с них ясак в казну ея императорского величества на сей 732 год, а сборную казну и аманатов отсылать в партию, тако ж и главных изменников под крепким караулом.

6

А ежели с баталии на погроме явятца у них изменников в пожитках их лисицы добрые черные и чернобурые и соболи добрые, то присылать в партию в казну ея величества против вышеписанного.

7

А которые имеютца от партии служилые люди в Верхнем и в Большерецком острогах, и принять к себе в команду и об отправлении оных служилых, что будет востребно Верхнего Камчадальского острогу от камисара Ивана Эверстова, а в Большерецку от закащика требовать.

8

А ездить тебе, Змиеву, в показанном тракте со служилыми людьми с великим опасением, чтоб караул иметь неусыпно, чтоб от неприятельских людей от изменников служилым, тако ж и алтилерной и другой казне траты не учинилось.

9

А в показанном тракте по дорогам, как тебе, так и служилым, ясачным иноземцам обид и

разорения не чинить, излишних каюр не брать, и в том им тягости не чинить, а ежели ты, Змиев, учинишь не противо данной тебе инструкции и про то будет кем донесено, и за такую твою противность учинено будет вам наказание со взятием немалого штрафу.

10

Тебе ж, Змиеву, над посланными с тобою служилыми людьми смотреть, чтоб как тебе, так и служилым людем никакой зернью не играть, дабы от такой зерни в карауле помешательства не было, а от неприятельских людей шкоты не учинилось, и тако ж и ссоры бы у них, служилых, меж собой не было, а что будут чинить противно, и тебе, Змиеву, по вине смотря наказывать, бить батоги.

11

А как помошию всещедрого бога в показанных местех изменники будут все под ея императорского величества высокосамодержавную руку подведены, станут ясак платить попрежнему [и тебе, Змиеву, брать с них ясак против вышеписанного и обо всем в посланную партию ответствовать обстоятельно].

12

[А по окончании означенного походу] и то тебе, Змиеву, итти со служилыми людьми в поход на Авачю по тамошным вестем с моря, куды способнее Верхнего и Большерецкого острогов служилым на помочь, которые имеютца в походе на Аваче, и поступить по силе данной тебе от партии инструкции, применяясь вышеписанным пунктом.

13

А ежели у оных изменников острогу их взять будет не в мочь, то писать тебе в партию в неукоснительном времени, и отправлены будут вам от партии на боте “Гавриле” служилые люди с алтилерными припасы.

14

А ездить тебе, Змиеву, в показанном походе с великим радением и в партию поспешать, а по прибытии своем со служилыми людьми в партию во всем подать за своею рукою доезд от посланной партии господину штурману Якову Генсу, а кто имяны с тобою служилые люди, при сем предлагаетца реестр. Марта дня 1732 году.

Таков белую инструкцию Александр Змиев принял и росписался.

Реестр

За канонера матрос Агафон Назаров.

Пищик Иван Коринцов.

Солдат Клим Полежаев, Григорей Хорошев, Лаврентей Поляков, Емельян Нагаев, Федор Жернаков, Илья Скурихин, Семен Раздобреев, Семен Гобов, Дмитрей Жилин, Мирон Санинков, Федор Щеглов, Максим Теребяков, Моисей Добрынин, Андрей Верхотуров, Леонтей Амосов, Павел Попов, Иван Световой, Тимофей Чешкин, Иван Шигин, Никифор Клестов, Андрей Березкин, Степан Костров, Иван Исаков, Иван Портягин, Иван Заливин, Алексей Наумов.

Для толмачества Алексей Поливанов» [Экспедиция Беринга, д. № 5, лл. 588–590].

Но у меня складывается впечатление, что он был привлечен в Экспедицию из числа камчатских казаков.

И вот почему.

Он есть в материалах Переписи за 1722/1748 годы. И не просто есть — у него в Большерецком остроге был сын. И были собственные дворовые — то есть ясырь, который добывался в военных походах включительно до Харчинского бунта 1731 года и эти холопы были возвращены к своему месту жительства в соответствии с приговором 1735 года по розыску о причинах этого бунта. Следовательно, дворовые у Клестова появились раньше, чем он попал в Экспедицию.

«Большерецкого острогу

Разночинцы

3216) Никифор Хлестов

3217) у него сын Иван

Никифора Хлестова дворовые

3338) некрещеные Аюч

3339) Хомоч» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 117, 120 об.]

В Тауйском остроге по Переписи 1722/1748 годов был отмечен разночинец (то есть бывший казак) Андрей Клестов [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 129].

Откуда же могли появиться Клестовы на Дальнем нашем Востоке?

Первый из сибирских Клестовых отмечен в 1654 году: «В прошлом во 162-м году октября в 5 де по государеве Цареве и великого князя Алексея Михаиловича, в. в. и м. и б. Р. с., грамоте присланы о Москвы в Тоболеск литовские выходцы Панка Коченовской да Зиновко Клестов. Панка Коченовской в Тобольску крестился и женился на руской казачьей жене и ныне в Тобольску и государеву службу служить в детех боярских; а Зиновко Клестов послан в Енисейской острог» [Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете 1903 г., кн. 3].

Но он попал не в казаки: «В «посадские жильцы» был поверстан «литовский выходец» Зиновий Клестов» [Соколовский И.Р. Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в., Новосибирск, 2000].

А казаки Клестовы появляются в Томске.

В 1686 году в составе полка Ф.Головина, прибывшего на защиту наших амурских владений, был томский казачий сын Алешка Клестов [Багрин Е.А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком)].

Возможно, это появление связано с Тобольским уездом:

«Станец Иковской при реке Тоболе

Деревня Русакова при речке Ику

Во дворе беломестный драгун Игнатей Петров сын Клестов 34 лет, у него сын Яков 3 лет, отец Петр Калистратов 78 лет.» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 8, д. 6894, л. 1279].

Тобольские не только казаки, драгуны, но и крестьяне пополняли ряды томских, енисейских, якутских, нерчинских казаков, а их дети шли дальше на восток.

В 1705 году в Томске возникло народное волнение по поводу петровских нововведений.

Дело «О противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород». В числе протестантов были:

«…пешей козак Матвей Клестов … казачей сын Илья Клестов…»

Матвей — это десятник Матвей Иванов сын Клестов.

И (возможно, это совпадение): «Иван Клестов, Томский посадской — ж. Впоследствии он … дважды был приказчиком [главой гражданской и военной власти в ведомстве Умревинского острога и в самом остроге] этого острога и проводил первую перепись населения вновь образованного Умревинского "стана"-волости».

И еще одно возможное совпадение:

Тобольск, 1720 год:

«Стретенского приходу причетниковы дворы

Анисим Матфеев сын Клестов» [РГАДА, Ф. 214. Оп. 1. Д. 1617. Л. 299].

А может, и не совпадение?..

КЛЮШЕВЫ

Патриарх это рода, вероятно, был сапожником или, точнее, башмачником, так как клюшевы — это важная составляющая именно башмаков: «кожаная (или из ткани на подошве сшитая) обувь на плюсну, состоящая из передка, клюшев, подошвы и иногда каблука, а изнутри из стельки, задников и подкладки».

Но наш герой был из казачьих детей Селенгинска: «Взятого в рекруты Осипа Клюшева сын Фадей (1724) выслан на поселение в Анадырск в 747-м году» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. Л. 97].

В том же списке переписи Селенгинска за 1762 год находятся «Троицкого монастыря Хилоцкой деревни крестьяне» Клюшевы: «Илья Семенов сын Клюшев (1725). У него мать родная Параскева Агафонова дочь пятидесяти шести лет, у него ж жена Евдокия Васильева дочь тритцати одного лета взятая у Селенгинского ясашного Логина Филатьева. У них после ныне минувшей последней переписи рожденные дети: Галавтион 11, Павел 6, Терентей 2» [там же Л. 683 об. – 684].

Отмечен еще один Клюшев: «Артемей Арсентьев 42 умре в 762 году у него жена Устинья Петрова дочь пятидесяти одного лета взятая у Кабанского разночинца Петра Клюшева» [там же, Л. 689].

Разночинец — значит, в прошлом казак.

Не удивлюсь, если все эти представители разных сословий из одной семьи.

А вот и продолжение:

«Книга метрическая сочиненная в
Троицко-савском духовном правлении и
данная Хилоцкой слободы Богородцкой
церкви священникам: Игнатью Сухневу, и
Ивану Преловскому на записку рождающихся
бракосочетавшихся и умирающих 1786 года.

Август 4. Верхнеудинского ведомства экономического крестьянина Галактиона Клюшева родилась дочь Параскева.

Часть 3 [об] умирающих

Январь 19. Верхнеудинского ведомства … экономической крестьянин Илия Семенов Клюшев 65 (1721).

Май 14. Верхнеудинского ведомства экономический крестьянин Павел Ильин сын Клюшев 30 (1756)» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 45].

КОБЕЛЕВЫ

История появления этой фамилии и самих Кобелевых в Сибири пока полна загадок.

Самое раннее ее появление отмечено (по нашим данным) в 1630 году в Таре при весьма непростых обстоятельствах, о которых писали в своей книге «Власть и общество. Сибирь в XVII веке» В.А. Александров и Н.Н. Покровский [Новосибирск, «Наука», 1991]:

«В1630-хгг. в двух уездах — Тарском и Томском — служилые люди сочли себя вправе отказать воеводам от власти. О причинах тарских событий 1636 г.: здесь сошлись вместе и резкое недовольство войска нарушением воеводами его статуса, служебных прерогатив, и обременение служилых повинностями по созданию общественных и воеводских построек, и кабальные операции с хлебом, и монополия в торговле со степняками, и воровство хлеба, и прямое взяточничество.

Уже на Троицу 5 июля 1636 г. "заводчики бунта", "стакався" с вторым воеводой Г.А. Кафтыревым, публично, в соборной церкви, "лаяли" первого воеводу кн. Ф.П. Барятинского. На следующий день, 6 июня, бурная сцена произошла в съезжей избе, причем гнев тарских служилых был направлен уже против обоих воевод. Поводом послужили попытка воевод "занарядить" людей, минуя войсковую организацию, на трудную работу по подготовке дощаников, а также подозрения, что причиной неудачи недавнего похода был выпуск Ф.П. Барятинским за взятку из города бухарского посла Казыя.

Выражение 6 июня гнева служилых совпало с потасовкой между обоими воеводами, с трудом пресеченной представителями войска. Когда же оказалось, что мирское недовольство воеводами грозит последним немалыми неприятностями, оба они в совместной отписке стали упрекать служилых в бунте в тот день: "приходили на них в съезжую избу Тарсково города ротмистр Ондрей Кропотов, да сотники стрелецкие Матвей Кобелев, Иван Лаптев, Дмитрей Меркулов, а с ними многие служилые люди, Федька Шоломов, Ивашко Барма, Степанко Корела, Наумко Митрофанов, Савка Олексеев с великим шумом и заговором казачьим и заводом и хотели их, воевод, побить… и во всяких-де государевых делех ротмистр и сотники служилым людем их, воевод, слушать не велели", после чего тут же "завели казачьи круги" и составили на воевод "ложную воровскую челобитную"».

То есть тарский сотник Матвей Кобелев выступил одним из застрельщиков народного бунта.

Якутская же история казаков Кобелевых начинается не из Тары, а, как мы выяснили, из Березова, хотя и здесь могло быть их историческое родовое пересечение, о котором у нас, возможно, пока нет никаких сведений.

Сохранилась «Имянная книга с хлебными окладами Березовским ружником, детем боярским и казаком после 1630 года» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 13. Л. 5], в которой содержится обрывок информации о служившем в Березове казаке Кобелеве — «…оров Кобелев». Сравнивая с другими именами и фамилиями березовцев, приходим к выводу, что это было отчество — Федоров либо Сидоров.

А вот какое же было имя березовского казака Кобелева, оставалось долгое время неизвестным.

До формирования Якутского казачьего гарнизона, куда вместе с первым воеводой Петром Петровичем Головиным пришли на годовалую службу 50 березовских казаков, а потом они поочередно в течение ряда лет либо менялись и возвращались на родину, либо уже навсегда оставались на казачьей службе в Якутском воеводстве.

И вот что нам удалось выяснить:

«Максимко Иванов а в его место прислан Кондрашка Иванов сын Кобелев в прошлом во 155-м [1647] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 77].

Но казаки Кобелевы служили не только в Березове и Таре, они были и в составе военного гарнизона столицы Сибири — Тобольске.

И вот первая выявленная архивная запись:

«Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником з Бориском Оноховским прежним на перемену Митька Григорьев сын Кобелев в его место казачей брат Васка Кузьмин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 105 об.].

Следующую интересную запись мы обнаруживаем уже в архивных документах за 1670 год:

«1670 (178) г. июня 28. — Поручная запись сына боярского Петра Ярышкина, сына боярского Федора Рукина, атамана казачьего Семена Дежнева с товарищами по новокрещене Стефане Моторе, верстаемого в казачью службу.

Се яз Якутцкого острогу сын боярской Петр Андреев сын Ярышкин, да яз Федор Иванов сын Рукин, атаман казачей Семен Иванов сын Дежнев, пятидесятники казачьи: Микифор Иванов сын Аргамаков, Федор Яковлев Кузнец, Потап Федоров сын Ротов, десятники казачьи: Максим Аргунов, Василей Игнатьев сын Дураков, рядовые казаки: …Иван Григорьев Кобелев … поручилися есми в Якутцком остроге по новокрещене по Стефане Михайлове сыне Моторе, быти ему, Стефану, за нашею порукою в Якутцком остроге великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича… в казачье службе. И будучи за нашею порукою зернью и карты не играть и за пьянством не ходить, и никаким воровством не воровать, и великого государя службы не збежать, и великого государя денежное и хлебное жалованье, и соляное не снесть. А буде он, Стефан, за нашею порукою, будичи великого государя в службе учнет каким воровством воровать, зернью и карты играть, за пьянством ходить и великого государя службы збежит, и великого государя денежное и хлебное, и соляное жалованье снесет — и на нас на порутчиках великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича… пеня, а пеню что великий государь укажет.

И великого государя сносное денежное и хлебное, и соляное жалованье на нас же на порутчиках и наши порутчиковы головы в его Стефанову голову место. А которой нас, порутчиков, будет в лицах, на том, великого государя пеня и великого государя денежное и хлебное, и соляное жалованье на нас же на порутчиках нерозвытно» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. №2126 (637), лл. 98–99].

Иван Григорьевич Кобелев был не простым казаком. Как сообщает П.П. Явловский в своем историческом труде «Летопись города Якутска»:

«В конце ноября [1674 года] учреждены в Якутске заставы для якутов, приезжающих с ясаком. Заставщиками назначены: казаки Иван Кобелев, Прокопий Тимофеев и Сергей Григорьев. Они обязаны были “быть на карауле в день и в ночь для того: каки поедут из ясачных волостей якуцкие князцы и улусные их люди… с ясаком и с поминки и что для продажи привезут харчевого на продажу зайцов и всяких птиц и зверей, и… тех ясачных людей с ясаком и с поминки, с мягкою рухлядью, с соболями и с лисицами, и с харчевым, приводить в острог, к съезжей избе и объявлять воеводе”. Причем до явки к воеводе якутов строго воспрещалось жителям что-либо покупать от них и даже пускать их к себе во дворы. Главный заставщик Иван Кобелев должен был “стояти для бережения середи посаду и на крайных дворех, от которых бы дворов было караулить усторожливо и видеть бы мочно, откуды дорогами якуты к острогу приезжают”».

Через десять лет, в 1684 году, его имя встречается в документах другого рода: «Ужинная и умолотная книга десятинного хлеба по Верхней Кангаласской заимке выдельщика казака Ивана Кобелева». То есть он был уже приказным человеком.

А вот и последняя запись об Иване Григорьевиче:

«Якутцкого города служилые люди
Рядовые казаки
Женатые

Ивашко Кобелев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 7 день приверстан в ево Ивашково место казачей брат Логинко Констянтинов в холостой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 17 об].

О Родионе Кобелеве, будущем хозяине Анадырского острога, информация обрушивается как-то сразу, неожиданно — он не проходит послужную цепочку от казака в десятники и

пятидесятники, появляясь в должности сына боярского (то есть, по сути того времени, чиновника):

«Дело о выдаче сыну боярскому Якутского острога Родиону Кобелеву с товарищами хлебного жалованья на 7174 (рожью и ячменем) сыном боярским Алексеем Ларионовым в Илимском остроге» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2026)].

7174 год от сотворения міра — это 1666 год от Рождества Христова.

Но главное не в этом. Только спустя несколько лет, когда Кобелев станет приказчиком Анадырского острога, мы узнаем его отчество:

«Книга сбора ясака по Анадырскому острожку за прошлые 179–182 гг. сына боярского Родиона Григорьева Кобелева в 1674–1675 (183) г.» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2027].

То есть все наши трое якутских казаков Кобелевых были Григорьевичами. А следовательно, — уроженцами города Тобольска.

Дмитрий Григорьевич, как мы уже знаем, был отправлен с казной в Москву — это был обычный путь возвращения с годовалой службы в Якутии на родину. И в материалах за 1661 год мы находим имя этого тобольского казака:

«Пешие казаки Омельяновы станицы Васильева Митка Кобелев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 191 об.].

А вот как развивались события далее [по сообщению М.И. Белова]:

«В отделении рукописей Государственного исторического музея хранится наказная память сыну боярскому Родиону Кобелеву, помеченная 9 июня 1668 г. (ГИМ, ящик 622, ст. 1175, лл. 193–208). В ней, между прочим, сказано: “Итти ему за море в Анадырский острожек для того, чтоб в прошлом во 164 году писали в Якутской острог к стольнику и воеводе к Михаилу Лодыженскому… с Анадыря реки служилые люди Семен Дежнев да Микита Семенов, а в отписке их написано…”. Родиону поручалось принять Анадырский острожек у сына боярского Никиты Катасанова и приискивать “новые землицы” по Анадырю и по сторонним рекам, “которые реки поблиску прилегли к той же Анадыре реке”. В связи с тем, что до него ясак с местного населения собирался беспорядочно и не существовало окладных книг, Родион должен был “на тех родах (юкагирских — М[ихаил] Б[елов]) великого государя ясак расписать поименно, порознь, всякого человека и оклады учинить розные: соболи по два и по три и по четыре и по пять соболей и больше, на кого сколько мочно положить, чтоб великого государя в ясаке перед прежним окладом убыли не было”».

В составе Анадырской команды всего тринадцать казаков: десятник Григорий Горбун, Алексей Самсыгин, Прокофий Травин, Кузьма Тихвинец, Кирила Тюрин, Иван Сабинин, Константин Васильев, Василий Сухарев, Давыд Павлов, Дмитрий Ларионов Плотник, Артемий Сизой, Иван Кобелев и для письма Василий Епишев.

То есть в этот дальний и весьма трудный поход братья Кобелевы отправились вместе.

Сам Родион Григорьевич позже сообщал о том, с чем столкнулась его команда:

«…Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца окольничему и воеводе князю Ивану Петровичю Борятинскому сын боярской Родька Кобелев с товарищи челом бьет. В нынешнем во 176 году, августа в 26 день, судом божиим коч на море против Бузина острова о лед розбило и отнесло со льдом в море со всем запасом и з заводом. А сами мы насилу вышли на лед все и со льду попали на землю душою и телом. И осеновали мы на Яне в ясачном зимовье… А которые торговые люди отпущены из Якутцкого острогу на Колыму с хлебными запасы, и пришли оне зимовать на усть Яны в ясачное зимовье. И служилые люди, которые посланы за Нос со мною, Родькою, били челом великому государю, а мне, Родьке, подали за руками челобитную, что у тех у торговых и у промышленых людей, у Ивашка Лукьянова сына Пьянова, да у Ивашка Елфимова, да у Фильки Иванова взять у них хлебных запасов по три пуда на человека, чем бы поднятца великого государя на службу за Нос. И я, Родька, против их челобитья и заручной челобитной у тех промышленых людей взял запасу по три пуда на человека. А оне, служилые люди, которые имали запас, давали на себя память по два рубли за пуд. И пошел я, Родька, с ними, служилыми людьми, с Яны реки за Нос через гору на нартах. А пороху и свинцу государева у нас нет, пошли безо всево. А в город мы итти не смели, потому что слышал я, Родька, за Носом стало малолюдство, а иноземцы стали немирные по всем рекам. А которой послан служилой человек Михайло Шадра на усть Яны в ясачное зимовье, и он, Михайло, октября по 8 число на Яну не бывал, а вести к нам на Яну от него никаких не бывало — неведомо он жив, неведомо мертв, а Янское ясачное зимовье стало пусто…» [ЛОИИ, Якутские акты, карт. 22, ст. 15, сст. 37–34; ГИМ, ящик 622, ст. 1175, лл. 193–208].

А это тоже комментарии замечательного советского историка, летописца северо-восточного мореходческого движения Михаила Ивановича Белова:

«Родион Кобелев благополучно прибыл на Анадырь, где пробыл 13 лет. Весной 1682 г. вместе с десятником Иваном Потаповым он приехал на Колыму с “костяной казной”, а 7 июня он бил челом приказчику, казачьему десятнику Сергею Брусенкину о выдаче ему кочевого якоря, так как, писал Брусенкин, Родион Кобелев с товарищами “идут морем в Якутцкий острог на ‘спаском’ коче, а тольке де на том коче один парус”. 10 июня 1682 г. путешественники вышли из Нижнеколымска, а 18 апреля 1683 г. прибыли в Якутск, по всей вероятности, на нартах из Жиганска [ЯОУ, ст. б/н. 1682–1689 гг., л. 19]. Это плавание с Колымы на Лену — одно из последних морских походов на северо-востоке Сибири в XVII веке».

Итак, тринадцать лет беспрерывного пребывания в Анадырском остроге в роли то приказчика (1671–1674, 1676–1678 гг.), то рядового казака.

В 1676 году в Якутске было заведено «Дело о выступлении ходынских ясачных юкагиров против русских служилых и промышленных людей из-за жестокого обращения с аманатами и их родственниками бывшего приказчика Анадырского острожка сына боярского Родиона Григ. Кобелева» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

Но такими «делами» заполнены многие папки в фонде «Якутская приказная изба» Российского государственного архива древних актов — жалобы, челобитные, доносы шли со всех сторон и от всех — и коренных жителей, и служилого, торгового, промышленного люда — все выживали в суровых условиях Севера, как могли, и весьма нередко это было сопряжено с насилиями и жестокостями по отношению и друг к другу, и к потенциальному противнику. Никто никого в этих условиях не щадил. Нужно это признать.

Согласно окладу на 1681 год он у сына боярского составлял:

«…ден. 8 руб., хлеба 5 ч-тей ржи, 5 ч-тей овса, 2 пуда с ¼ соли: Родион Кобелев заносом на 179–188 гг. по окладу по 8 руб. на год, на 179–188 гг. по окладу по 8 руб. на год, на 179 г. 22 пуд. 37 гр. с ½ гр. ржи, 3 пуд. круп, да на 180–188. гг. по 5 ч-тей ржи, по 5 ч-тей овса на год».

Он этот оклад не получал в течение тех самых тринадцати лет, что находился на анадырской службе.

Не будем преувеличивать степень влюбленности Родиона Григорьевича в чукотскую землю, как не будем преувеличивать чувства Семена Дежнева, который беспрерывно пробыл на Чукотке девятнадцать лет. Все было гораздо проще — выгода, связанная с добычей «рыбьего зуба», «рыбьей кости», то бишь моржовых клыков.

«Вместе с Потаповым ехал и Родион Кобелев, приказчик на Анадыре в 1668–1676, смененный в этой должности Иваном Потаповым, но так и оставшийся при нем служить в Анадырском остроге. Весной 1682 г. Кобелев и Потапов прибыли на Колыму с “костяной казной” из Анадыря, но далее задержались из-за затруднений с транспортом; 7 июня 1682 г. в Нижнеколымском зимовье Кобелев бил челом нижнеколымскому приказчику о выдаче им коча для продолжения пути; 10 июня 1682 г. они вышли из Нижнеколымского зимовья в Якутск морем на этом коче, а 18 апреля 1683 г. прибыли в Якутск [РМЛТО: 301, прим.1, со ссылкой на ЯОУ, ст. б/н 1682–1689 гг., л. 19].

В заслугу (а это было, безусловно, за годы, проведенные на Чукотке) Родион Григорьевич назначается на «хлебное» (в буквальном смысле этого слова) место — на Чечуйский волок (или Чечуйскую заставу), где он числится выдельщиком.

Последняя обнаруженная нами запись относится к 1688 году: «…памяти воеводы П.П. Зиновьева земскому старосте Роману Тихвинцу, хлебному приемщику отписных пашенных волостей сыну боярскому Родиону Кобелеву».

Его сын Тимофей Родионович верстается в казаки в 1692 году:

«Якутцкого города служилые люди
Рядовые казаки
Женатые

Макарко Кармалин в прошлом во 199-м [1691] году в Жиганском зимовье умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 30 день приверстан в ево Макарково место сына боярского Родиона Кобелева сын ево Тимошка в женатой оклад».

Обратим внимание на последний факт — сразу в женатый оклад. Женились в 18 лет. В казаки верстали с 14 лет.

Вопрос: почему?

А вот сыном боярским Тимофей Родионович становится в 1698 году [по грамоте 1695 года]:

«Тимофей Кобелев; в дети боярские верст. он в пр. в 206 г. по грам. 203 г., а оклад ему учинен убылой отца его Родиона Кобелева: ден. 7 руб., хлеба 2 чети с осм. и с ½ осм. и с пол-пол-третником и с пол-пол-чет-ком ржи, 2 чети с осм. овса, 2 пуда с четью соли; в пр. в 206 г. послан он по выбору в Анандырской острожек для сбору вел. госуд. ясачные казны; а с полковую службу в воинские походы его будет».

Я предполагаю, что Тимофей Родионович родился в Якутске примерно в 1670 году накануне отправки Родиона Григорьевича на Чукотку. Хотя возможен и другой вариант — что родился он на Чукотке, куда и был впоследствии отправлен на службу.

В фонде «Якутская приказная изба» сохраняется «Книга сбора ясака за 1699–1700 г. по Анадырскому острожку приказчика сына боярского Тимофея [Родионова] Кобелева».

Но в мировую историю он войдет как первый официальный приказчик новообретенной Камчатки.

Сохранилась также книга сборов ясака, но с удивительной информацией: «Книга сбора ясака за 1702 г. с нымыланов на реке Камчатке приказчика сына боярского Тимофея Кобелева», хотя Атласов сообщал, что жителями Камчатки являются камчадалы, а не коряки.

В истории долгое еще время будут спорить о том, кто из приказчиков — анадырский (в юрисдикцию которого временно отходила Камчатка в момент ее присоединения) Михаил Зиновьев сын Многогрешный Черкашенин или камчатский (официально утвержденный якутским воеводой) Тимофей Родионович Кобелев — первым начал процесс ее освоения и заселения.

Скажем так — это был именно процесс, положенный еще до Владимира Атласова, когда промышленные люди из команды Ивана Меркурьева сына Бакшеева Рубца, Ивана Васильевича Голыгина и Луки Семеновича Старицына Мороски, а затем Атласова и оставленного им в качестве приказного человека Потапа Серюкова начали осваивать Камчатку.

Вполне вероятно, что Тимофей Родионович перенес Верхнекамчатское зимовье на новое место и основал Верхнекамчатский острог. На большее у него не было ни времени, ни сил – так как значительную часть своего отряда во главе с казаком Родионом Преснецовым он отправил на исследование камчатского юга и объясачивание местного населения тех мест.

Приказ о строительстве Большерецкого и Нижнекамчатского острогов отдавал уже сменивший его на посту приказчика Михаил Зиновьев сын Многогрешный.

Новосибирский историк А.С. Зуев в своей работе» Хроника присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII – первой четверти XVIII в.» сообщает следующее:

«Прибытие на Камчатку отряда первого камчатского приказчика сына боярского Тимофея Кобелева. По дороге он имел столкновения с коряками. Сначала подошли к острожку князца Ачи, который убил Сюрюкова. С ним пытались было вступить в переговоры. “Для розговору в призыв к ясачному платежу” Кобелев отправил к Аче Ивана Енисейского. Но Ача “в ясачной платеж не пошел”. Тогда русские пошли на него “боем” и “приступали к двум острогам и того князца с людьми его побили, а иных привели в ваш великого государя ясачной платеж”. Часть коряков разбежалась, а острожки были разорены. Затем Кобелев напал на острожек Кохча, жители которого убили Л. Морозко.

Прибыв на р. Камчатку, Кобелев перенес Верхнекамчатское зимовье на р. Коли-Кыг, “разстоянием от зимовей Сюрюкова около полуверсты”, и основал Нижнекамчатское зимовье (ошибка — первая попытка основания Нижнекамчатского острога была предпринята Многогрешным в 1703 году, но нижнекамчатские камчадалы, убив пять казаков и многих ранив, этого сделать не позволили, и только в следующем 1704 году удалось построить Нижнекамчатский острог. — *С.В.*). Пробыв на Камчатке до 1704 г. (? — *С.В.*), Кобелев, как писал С.П. Крашенинников, “брал с живущих на Камчатке реке, близ новопостроенного острога, на Бобровском и на Пенжинском морях иноземцов повольной ясак, сколько в котором острожке дадут”. Однако сам Кобелев по возвращении в Якутск заявлял: “да подле Пенженского моря большая и многия реки, а какие де на тех реках народы неизвестен”. Т. е. он не имел представления о населении западного берега Камчатки и, соответственно, не брал с них ясак. Кроме того, участник похода И. Енисейский в своей челобитной сообщал, что после прибытия на р. Камчатку Кобелев разослал служилых для призыву неясачных “мужиков” в ясачной платеж, и тех, кто отказывался идти в ясак, принуждали силой: “и на тех людей с ним Тимофеем ходили они боем и розбили 7 острогов”.

Согласно составленной Кобелевым ясачной книге 1702–1704 гг. (? — *С.В.*), русские собирали ясак на р. Семячик и 11 других реках к югу от нее, в том числе на р. Налачевой и Аваче. Следуя топонимическим данным этой книги и сведениям, собранным Г.Ф. Миллером, Б.П. Полевой утверждал, что Кобелев осенью 1703 г. послал 22 казака во главе с Родионом Преснецовым из Верхнекамчатского острога к Бобровому морю (Кроноцкому заливу) для сбора ясака. Отряд вышел на р. Семячик, далее вдоль морского побережья до Авачинской губы и за ней — до острожка “курильских мужиков Икако Датекукакула” (вероятно, Икако да Текукалула). Отсюда через р. Авачу вышли в верховья р. Большой, дошли до западного побережья Камчатки и повернули на юг к Курильскому озеру, но дальше дорогу им преградили “воистые курилы и ительмены”».

Последнее обнаруженное нами упоминание о Тимофее Кобелеве относится к 1706 году.

В этой же окладной книге за 1706 год есть еще одна запись о Кобелевых:

«Кобелев Алексей (9 пятидесятня Якутского казачьего полка): “Яков Ильин с. Кобяков, в пр. 705 г. на Камчатке убит и в нын. 706 г. дек. в 31 д. приверстан в казачью службу в его Яковлево место казачий сын Алексей Кобелев”. Умер он будучи разночинцем в Средне-Вилюйском зимовье в период между 1722 и 1748 годами».

Не сын боярский, а казачий сын — то есть не сын Тимофея Родионовича.

Возможно, кого-то из его братьев, если таковые были (но нам они неизвестны).

А затем образуется генеалогический провал — нет целого ряда звеньев в родовой цепочке Кобелевых, чтобы понять степень их родства.

В мировую историю неожиданно попал казачий сотник Иван Кобелев, но это случилось спустя несколько десятилетий после данных о Кобелевых за 1706 год.

О нем написана интереснейшая статья С.Г. Федоровой: «Исследователь Чукотки и Аляски казачий сотник Иван Кобелев», которая обнаружила материалы о нем в РГАВМФ, ф. 214, оп. 1, д. 62, л. 15, 16:

«№ 1, 1792 г., 27 июля. Аттестат, выданный начальником северо-восточной экспедициии И. Биллингсом казачьему сотнику Ивану Кобелеву в связи с отправлением последнего к иркутскому генерал-губернатору И.А. Пилю с материалами экспедиции

Аттестат

Объявитель сего бывшей Гижигинской команды сотник Иван Кобелев в службу Ея Императорского Величества из казачьих есаульских детей в 752-м году ноября с 1 дня казаком и продолжал оную по 755-й год. А того году вступил в поход вниз по течению Анадыра водяною коммуникациею против немирных тогда чукоч и был со оными на сражениях а оттоль возвратясь находился в Анадырской крепости равно порушенной оной в Гижигинской крепост ж, с 764-го по 780-й год у письменных дел, а в том 780-м году по откомандированию г-на порутчика Полозова был в Чукотской землице для збору с чукотских народов в казну ясака, описания их людства, во время ево бытности учинено им описание от устья реки Анадыра до самого Восточного носу и с принадлежащими островами и часть Америки и простирался до второго между проливами острова называемого Игеллина и всему тому сочинил карту, также собрано им часть с аленных и пеших чукоч мужеска и женска пола; а по возврату оттоль находился в Гижигинской крепости у записей прихода и расхода денежной казны у ясашного збору провиантмейстером у разных казенных

материалов из крепостных статей писарем; а 787-го году майя с 30-го взят в морскую Секретную экспедицию где с протчими и вояжировал из устья реки Ковымы в северо-восточную сторону по Ледовитому морю а по возвращении оттоль, 788-м апреля с 13-го, 789-го августа по 22-е находился в Охотской области при строении экспедичных судов безотлучно, а с того 22-го августа командирован через город Гижигинск в Чукотскую землицу для ожидания прибытия экспедичных судов; 791-го с 11-го июня был на самой Америке, а оттоль повортя к острову Укипень с находящимися там народами обращался добропорядочно и во всю ево там бытность в Чукотской землице, в Америке, и в острове Укипане примечанию достойных надобностях сочинил журнал; откуль водяным и сухим путем до урочища Ангарки, а от Ангарки до областного города Якутска; а чинами он Кобелев происходил 771-го 2 енваря с 1-го казачьим пятидесятником, в нынешнем сотническом звании состоит 775-го годов июня с 29-го числа. И от роду себе имеет 54-й год.

А как означенный сотник Кобелев со вступления в службу Ея Императорского Величества вел себя добропорядочно и в трезвом состоянии в штрафах и наказаниях не бывал и будучи в должности чукотского переводчика по оказанному его усердию и ревности во время продолжения службы его при мне неусыпным радением и старанием в предварении и уговаривании чукотских народов к приведению в подданство Российскому престолу, рекомендуя его Кобелева яко расторопного н достойного человека к награждению обер-офицерского чина, в чем и предаю по всем вышеописанным обстоятельствам прозорливому разсмотрению Вышнего начальства; дан сей в областном городе Якутске за подписанием моим (И.И. Биллингса. — *С.Ф.*) и с приложением обыкновенной моей печати июля 27 дня 1792 года; № тож 22-й».

Сообщение Ивана Кобелева было опубликовано в журнале «Мясяцослов» за 1784 год

Перечень из дневной записки казачьева сотника Ивана Кобелева, посыланного 1779 года в марте месяце из Гижигинской крепости в Чукоцкую землю.

(*Из Месяцослова на 1784 год*)

Кобелев Маия 28 дня был у каменной горы, Капитаном Берингом от подобия Сердце камень названной. От сего места начинаются сидячие Коряки, т. е. оленей не имеющие: оленние Чукчи с сидячими поступают так как в России помещики с своими крестьянами; сидячие для оленних должны заготовлять китовой жир, моржовое мясо, а оленние привозят к ним только оленье мясо.

Июля 2 дня был Кобелев у речки Крапивной, в урочище Бутсин. Жители сего урочища живут в юртах, которые вокруг оставлены китовыми щеками и ребрами и сверх того осыпаны землею. В таких же юртах живут сидячие Коряки по берегу северного Окиана.

Июля 17 дня был Кобелев в острожке Ягягеинском; в некотором от него расстоянии находится другой острожек Нунемгинской и между ими губа в устье шириною верст до осьми, в которой по объявлению жителей в 1778 году были два Аглинские судна, и с них сходили Агличане на трех ботах для торгу с жителями меною: Агличане давали бисер, а у жителей брали лисиц. Ширина места, где судно стояло на якоре, 65°18′ северная, а долгота щитая от острова Ферро 206°30′.

Жители сих острожков сказывали, что в давных годех к тем же местам приходили подобные Аглинским два судна, но какой был на них народ, не знают. Из путешествия Капитана Беринга явствует, что сии судна были Российские, ибо он на возвратном пути был у того же места. Смотр. Ежемесячные сочинения 1758 года, Маия, стр. 395.

Июля 26 дня Кобелев от матерого Чукоцкого носа переехал на первой остров Имовлин, до которого от берегу примерно до сорока верст. В длину остров до пяти верст, а в ширину около двух: на нем два острожка, в которых мужеска полу с малолетными 203 человека, а женского с малолетными же 195, говорят, как пешие Чукчи и питаются китами, нерпою и моржами; лесу на острове нет никакого; зверей также, кроме голубых песцов, нет никаких.

Июля 31 дня Кобелев переехал на второй остров, называемой Игельлин, отстоящий от первого около трех верст и подобно первому безлесной; длиною сей остров около трех верст, а шириною около полуторы версты; жителей на нем мужеского полу 85, женского 79 с малолетними, питаются тем же, чем жители первого острова; для варения пищи употребляют китовые кости, обливая их нерпичьим жиром. Звери водятся на нем только песцы и то в малом числе. От сего острова до берегу северной Америки полагает Кобелев около 30 верст, и уверяет, что с оного как Чукоцкой нос, так и Американские берега видны.

Старшина сего острова, называемой Кайгуню Момахунина, объявил о себе, что он природою Американец, и якобы в Америке по реке Хеврени в острожке Кинговеи живут люди, которые говорят по Российски, читают книги, кланяются иконам и разнствуют от Американцев тем, что бороды имеют большие и густые, и по тому прозваны Бородатыми, а у Американцев бороды редкие, да и те выщипывают.

Кобелев просил старшину, чтобы он препроводил его на Американской берег и до Бородатых людей; однако старшина везти его не согласился, по тому что ясачные Чукчи при отправлении его на остров Имоглин островским жителям запрещали возить на Американской берег, опасаясь, может быть, чтоб Кобелева на Американском берегу не убили, или не задержали.

Старшина согласился переслать письмо от Кобелева к жителям в Америке похожим на Россиан следующего содержания.

Прелюбезные мои по плоти братцы, жительствующие на большой почитаемой Американской земле!

Естьли вы Греческого исповедания, веруете в распятого Господа нашего Иисуса Христа и

просвещены святым крещением, то изъясняю вам, что я послан из Гижигинской крепости в Чукоцкую землю для примечания, и оттуда бывши на Имоглине острове, которой против самого Чукоцкого носу, и чрез тутошного старшину Кайгуню Момахунина разведал об вас, что в Америке есть такие же люди как и мы, кланяются святым образам; а живут по реке Хеврене, в острожке по их званию Кингювеи. Естьли точно так, и получите от меня сие письмо, то стараться вам каждое лето приезжать на острове Имоглин, или пересылать на оной письма, и уведомить, особливо по которой реке жительство имеете, и ежели впала та река в море или в какую нибудь губу, то бы на устье оной реки или губы на открытом месте поставить крест высокой, чтобы виден был с моря или из губы. А ежели случай допустит самим вам быть на тех островах, то от жителей иметь предосторожность, по тому что они со всем в подданство еще не приведены. Слыхал я бывши в Анадырске от предков моих, что в давные годы вышло из устья реки Лены семь кочей, и поворота северным морем шли благополучно до реки Колымы, и оттуда хотели плыть около Чукоцкого носа; но когда поравнялись против оного, то сделалась буря, которою кочи разнесло; из них о четырех известно, а что с прочими тремя и с людьми на них бывшими сделалось, не известно.

Пешей Чукча Ехилка Опухин в Каигунском Евунминском острожке сказывал Кобелеву, якобы он бывал на Американской земле для торгу разов до пяти, и имел он там друга на острове Укипани, который приходил к нему на остров Имоглин, и приносил к нему от Бородатых дощечку, на которой вырезаны были слова на одной черные, а на другой красные, сказывая, что она послана от Бородатых людей, живущих по той же реке в острожке Скангунеи, с тем, чтоб оную дощечку доставить Руским в Анадырск, где тогда находилась Российская команда; друг Ехилкин сказывал о Бородатых, что у них всего довольно кроме железа, и от них слышал, что ежели письмо их даставлено будет в Анадырск, то к ним пришлют оттуда и железа. При чем сказывал, что они для моления собираются в одну большую храмину, и показывал, как во время моления крестятся. Сверьх сего на поле имеют они место, где ставят деревянные писанные дощечки, пред которыми стоят прямо напереди мужеской пол, а позади их прочие. Из сего описания видеть можно, что Бородатые суть отрывок Россиян, и весьма вероятно, что их занесло туда на кочах без вести пропавших выше сего упомянутых.

Сверх сего старшина Кобелеву объявил, что по берегу Америки есть множество заливов, рек и озер, и хотя многим речкам сказывал имена, но не знал расстоянии одной от другой. По чему соображаясь с описанием Агличан показаны они примерно на приложенной здесь карте. Он же объявлял, что по берегу Америки живет множество народа, рыбы всякой и оленей довольно, и что Аглинские суда на три раза обходили около островов Имоглина и Игельлина.

Кобелев объявляет, будто между Чукоткою и Американскою землею и лежащими между ими двумя островами прилива и отлива нет, а токмо между островами бывает небыстрое течение с колошнем; течение бывает во все лето из восточного Окиана в северной, а с Августа месяца возвращается к Югу и наносит льды, а в северном Окиане при Чукоцких берегах прилив бывает вышиною до 6-ти футов».

А вот от сотника Ивана Кобелева мы уже можем продолжить гижигинскую линию Кобелевых.

В Ведомости Гижигинской крепости за 1781 год записано: «Сотник Иван Кобелев — “в чукотской землице”» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 18].

Но в этой ведомости записан и другой Кобелев: казак Андрей [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 22]. Уверен, что не ошибусь в том, что его отчество Иванович. Но, даже если это не так, Андрей является родоначальником гижигинских казаков Кобелевых.

По материалам Магаданского государственного архива за 1846 год, находим: Кобелев Виссарион Андреевич, в 1846 году отставной казак Гижигинской сотни. Ж. Кира Кириковна.

Согласно «Рапорту о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды на 1 января 1856 г.»

Список по старшинству их службы в Петропавловске.

Прикомандированные из Гижиги.

Кобелев Виссарион — 64 (1792); из казачьих детей, на службе и в чине с 1811 года [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

Но он на самом деле был не в Петропавловске: «Виссарион Андреев Кобелев — на судне ССШа “Винсент” как переводчик корякского и чукотского языков» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 5].

И далее: Кобелев Василий Виссарионович (21.02.1846), гижигинский казак. Ж. Александра Васильевна (1874). Дети Василия Виссарионовича: Кобелеева Кира Васильевна, дочь казака. М. (с 05.11.1900) Попков Антоний Митрофанович, гижигинский мещанин;

Кобелев Виссарион Васильевич (1881), гижигинский казак. Ж. (с 09.02.1908) Аксенова Евдокия Евпловна, дочь ум. псаломщика Гижигинской церкви;

Кобелев Николай Васильевич (1898). Ж. Степанида Макаровна (10.04.1907);

Кобелев Дмитрий Васильевич (1901);

Кобелев Иннокентий Васильевич (17.02.1903);

Кобелева Екатерина Васильевна (1891), дочь казака. М. (с 05.05.1908) Собинин Иван Васильевич (1886), гижигинский мещанин.

КОЖЕВИНЫ

Кожевины — весьма распространенная и очень понятная по своему происхождению фамилия, связанная с кожевенным ремеслом — выделкой кож.

Причины, по которым посадский человек Кожевин был верстан в сибирские казаки, тоже понятны и лежат на поверхности — острый дефицит служилых кадров в связи с расширением колониального пространства Сибири приводил

к тому, что в казаки верстали всех подряд, кто подвернулся в тот момент под горячую руку воеводы — Тобольского, Томского, Енисейского, Якутского…

Якутские Кожевины, скорее всего, родом из Тобольска.

И мы находим здесь прямую связь — первым в Якутии в 1692 году в женатом окладе отмечен Василий Васильев сын Кожевин.

И по переписи Тобольска за 1710 годы мы находи аналогичную запись о вероятном его брате: «Двор купленой втораго полку пешего казака Ивана Васильева сына Кожевина сказал себе 52 года (1658)».

То есть и по возрасту они очень друг к другу близки.

Но, тем не менее, это пока еще версия.

В окладной книге Якутского казачьего полка за 1706 год упоминается в пятнадцатой пятидесятне казак Андрей Васильев сын Кожевин. Это, вероятно, уже сын Василия Васильевича.

И на такой вот «вероятности» в истории с Кожевиными будет построено многое в нашем рассказе, потому что свести концы с концами удается не только не всегда, но это и вообще крайне сложно сделать, потому что сама фамилия была в Сибири не редкой и ее носители могли быть представлены на Северо-Востоке России по самым разным причинам.

Вот, например, как появляется на Камчатке Григорий Кожевин.

1712 год. Идет расследование убийства якутского казачьего головы Владимира Атласова и двух камчатских приказчиков Осипа Липина и Петра Чирикова. «Отписка» якутских воевод Петру I от 14 марта 1712 г.:

«А вышеписанных воров и бунтовщиков, пущих к злому умыслу заводчиков и смертных убийцов, Данила Анцифорова, Харитона Березина, Степана Большакова, Алексея Посникова, Григорья Шибанова, Андрея Петровых в смертном убийстве камчадальских прикащиков казачья головы Володимера Атласова, Осипа Липина, Петра Чирикова, по их, Даниловым, с товарищи повинным челобитным, и пущих заводчиков всех, которых у тех челобитен руки есть, сыскав роспросить, и в том злом умысле и в смертных убивствах пытать накрепко, кто из них к такому злому умыслу и к смертному убийству, сверх Данила Анцифорова с товарищи, еще пущие заводчики. А по роспросам и пыточным речем, по твоему, великого государя, указу и по соборному уложенью и по градским законам, и по новым статьям 177 3 и по статьям же 192 4 и по наказным статьям 205 5, и по 3 твоим, великого государя, грамотам 707 годов, и их повинных челобитен, тех вышепомянутых воров и смертных убийцов, Данила Анцифорова с товарищи, 6 человек, буде они с пыток в том убийстве против своих повинных челобитен повинятся, при многих руских людех и иноземцах, велели казнить смертию для того, что они в повинных своих челобитных написали: убили де они вышепомянутых прикащиков Володимера Атласова за то, будто он с казаками стал дратся, а Петра Чирикова и Осипа Липина будто за изгони и налоги их и за отерь у них денежного жалованья. Да и для того их воров велели казнить смертию, чтоб в такой дальней стране впредь иные также воровать не помышляли и к такому злу не приставали и прикащиков побивать до смерти не дерзали; а достальным всем, которые в том злом совете и умысле были, велели учинить жестокое наказанье, вбить кнутьем, и сказать им твой, великого государя, указ с подкреплением, что им за такое их злое дело учинена легкая казнь, чтоб они вины свои тебе, великому государю заслужили и впредь бы так не делали. И о том к камчадальскому прикащику к дворянину Василью Колесову послана в путь в нагонь, наскоро, указная память с нарочными посылщики, с якуцкими казаками с Тимофеем Воробьевым, с Григорьем Кожевиным, а под тою указною памятью, для подтвержения, из твоего, великого государя, указу, из соборного уложенья и из статей и из грамот послана к нему, Василью, выписка из Камчадальском остроге со всего посланного твоего, великого государя, к Василью Колесову указу списав списки, велено оставить в ясачных избах впредь для ведения и страху таким ворам. А животы убитых прикащиков и кажненых воров пожитки, что их явитца, и 4 человек полонеников отискав, велено прислать в Якуцк с твоею, великого государя, сборною казною вместе. А служилым людем, Алексею Пещере, Семену Ламаеву, Тимофею Путимцову, Козьме Марманскому, Ивану Харитонову, Петру Иконникову с товарищи, которые к тому злому умыслу и убийству не пристали, велено сказать при всем народе твое, великого государя, милостивое слово. А что по тому делу учинено и как та твоя, великого государя, казна в Якуцкой в присылке будет, о том к тебе, великому государю, мы, холопи твои, станем писать впредь с нарочными посылщики не замотчав. А сию отписку к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя России, послали мы, холопи твои, через почту до Илимска с посылщики, с казаком с Иваном Орефиным с товарищем, марта в 14 день нынешняго 712 году, и велели подать в Сибирском приказе губернатору князю Матвею Петровичю Гагарину с товарищи» [Памятники сибирск. истории XVIII в., кн. 1, стр. 472–486].

А в этом документе, связанном с событиями 1746 года на Чукотке, речь идет об Афанасии Кожевине:

«Допрос служилого Потапова от 21 июня 1751 г.

Понеже с прошлого 1746 году с начатия бунту и измене живущими вкруг Пензинского моря оленными и пешими коряками в каком состоянии Акланской острог находится и кем и от чего оной и каким случаем раззо-

рен, о том и поныне в канцелярии Охоцкого порта достоверно и подлинного известия, хотя Охоцкая канцелярия от присланных из Ямского острогу изменников коряк и домогалась, токмо оного за пресечением изменниками пути в подлинно получено не было. А сего 1751 году июня 21 дня в канцелярии Охоцкого порта прибывшей сего июня 11 числа из Якуцка на почте с указами ея императорского величества команды Охоцкого порта служилой, которой был в Акланском остроге Иван Потапов допрашивая, а в допросе показал.

Прошлого де 1745 году в ноябре месяце в бытность ево, Потапова, в Акланском остроге, в небытность сержанта Ивана Енисейского, которой тогда был в Охоцке, прибыли из Анадырского острогу в Акланск партии сержант Алексей Мокрошубов да служилый Иван [Тара] бикин для встречи едущаго из Охоцка в Анадырск иеромонаха Флавиана … да … Анадырского платежа оленных коряк в Анадырской острог с оленными табунами, князца Косинского с родниками, гранадер Иван Мамруков, служилые Козьма Ерганьин, Афанасей Решетков, Лев Баигачев, Василей Онофриев, да за ясашным сбором Анадырского платежа из коряк Антипа Кармалин, Алексей Юрганин, Иван Проидошин, Афанасей Кожевин, всего одиннадцать человек, и быв во оном Акланском остроге дни с четыре, того ж ноября 19 числа поехали означенные Мокрошубов с товарищи к имеющимся по реке Аклане у моря пешим корякам, которые жили разстоянием от Акланского острогу например верстах в шестидесяти в двух юртах всего мужеска полу человек семь. А он де, Потапов, да служилой Степан Беляев того ж ноября 20 числа поехали за оными ж Мокрошубовым с товарищи для взятья упромышленной ими в лете рыбных кормов, то де недоехав до вышеупоминаемых пеших коряк от юрты их в виду разстоянием менее десятины, увидели убитого на самой дороге из вышеупоминаемых команды гранадера Мамрукова, служилого Льва Баигачева, которой лежит наг в одних штанах, а оных Мокрошубова с товарищи побили».

В том же сборнике в «“Доношении” майора А. Зыбина в Иркутскую провинциальную канцелярию от 17 декабря 1753 г.» упоминается об казаке Евдокиме Кожевине:

«Поданным де определенные от канцелярии Охоцкого порта за приемом денежной казны и протчего целовальники Якуцкого полку солдат Максим Брянской, казак Евдоким Кожевин репортом объявили. Из посланного де с ними для предосторожности казенного свинцу и протчаго отыскано ими свинцу 7 пуд. 10 фунтов, железа полосоваго 2 пуда 20 фунтов, укладу 1 пуд, сум провианских порожжих драных и избитых от морскаго сильного волнения 55. И вышепоказанная денежная казна, железа и протчие припасы все приняты на лицо и в приход тамо записаны, точию из означенных денег состоящим у предосторожности солдатам и казакам для всеконечной их крайней скудости и смертнаго гладу на сей 753 год денежное и за хлеб деньгами жалованье по полтора рубли за пуд выдано с запискою в росход и с росписками, а кроме вышеписанного из утопшаго на означенном судне казенного интереса ни единой вещи, также из провианту, кроме порожжих сум, ни одного золотника обыскать и по се число не могли» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л., 1935; РГАДА, Сенат, 1 департ., д. № 750, лл. 633–638].

А далее мы касаемся истории двух Кожевиных, служивших в Охотском порту. А основанием для того, чтобы эти истории были связаны с нашей темой, послужил рассказ о том, что дети подштурмана Кирсантьева, провинившегося по службе, были верстаны в охотские казаки.

Кто знает – не лежат ли подобные события и в наших охотских историях.

История первая.

Создание Охотской навигационной школы: в 1758 г. в Охотск Вульф (Иван Петрович, иркутский вице-губернатор) послал пять учителей из иркутской навигационной школы. В 1760 преподавателем школы стал опытный лейтенант И. Синдт, затем пришли лейтенант Юрлов, штурман Кожевин, подштурман Софьин и М. Неводчиков.

Это начало его тихоокеанской карьеры.

А вот финал:

«В мореходы (промыслового судна “Зосима и Савватий”) поступил штурман Кожевин и судно в 1798 ушло из Охотска обратно на Уналашку. У Камчатских берегов Кожевин умер и старовояжные одни никак не могли найти Уналашку. Их носило в море до ноября и отнесло далеко к югу, что на судне стала таять смола. В пути промышленные видели остров и около него бобров, но приписывая чудное свое путешествие наваждению нечистаго духа, боялись приставать к острову. Когда поворотили к северу, их постоянным попутным ветром принесло через 18 дней к о. Афогнаку, откуда с данным от к. Шелихова мореходом они пришли на Уналашку.

“Изосим и Савватий” с Уналашки возвратились в Охотск в 1803 году».

Без ссылок на источники имеется сообщение о его семье. Е. Добрынина: «Известно, что жена Г.И. Шелихова, Наталья Алексеевна, в девичестве имела фамилию Кожевина. Ее родителями были Алексей и Фекла Кожевины».

В таком случае могли быть и другие дети – ведь Алексей Кожевин прослужил в Охотске без малого 40 лет.

И тогда, может быть, это его потомки:

«Список казаков, находившихся в Охотской команде

Алексей Кожевин — поступил на службу 01.05.1865

Дмитрий Кожевин — поступил на службу 01.10.1868

Ананий Кожевин — поступил на службу 01.05.1865, 15 марта 1873 г. переведен в Якутск

Пантелеймон Кожевин — поступил на службу 23.03.1874 г. [РГИА. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 398. Л. 101–101 об. Л. 134].

История вторая.

Прибытие в Охотский порт на смену его былого начальника Бухарина новой команды:

«25 января 1802 г. окончательно сформированный отряд моряков по санному пути выехал из Петербурга. 1 мая Башуцкий сдал часть команды начальнику Иркутского адмиралтейства лейтенанту Д.И. Бабаеву и 22 июля благополучно закончил свое длительное путешествие в Охотск. Вместе с ним в Охотский порт прибыли мичман Владимир Баков, аудитор Лука Попов и семь штурманов 14-го класса, окончивших Кронштадтское штурманское училище: Василий Кожевин, Яков Потапов, Семен Трубников, Михайла Кирилов, Козьма Петров, Ефим Борисов и Василий Астафьев.

Разместив свою команду, Башуцкий рапортом донес вице-президенту Адмиралтейств-коллегии, графу, адмиралу Г.Г. Кушелеву о выполнении задания и приступил к приемке морской части порта у капитана 2 ранга И.Н. Бухарина, которую в связи с отсутствием почти всех транспортов завершил в тот же день. Осенью 1802 г. после окончания распутицы Бухарин выехал из Охотска в столицу» [Болгурцев Б.Н. Из военной истории. Организатор нового порядка управления Охотским портом].

Но эта история с печальным концом:

«1806 год. Транспорт Св. Николай. Командир штурман В.И. Кожевин. (Охотское море.) Возвращаясь из Нижнекамчатска с одними пассажирами, нагруженный только балластом, 19 сентября находился уже близко Охотска, в виду мыса Марикан; но командир по ошибке в счислении полагал себя на 120 миль восточнее, у мыса Мотыклейского, и продолжал лавировать к западу. Чрез десять дней лавирования он, однако же, убедился, что снесен значительно южнее Охотска, и потому обратился в ту сторону. Но ветер стоял противный, так что в целую неделю не могли ничего выиграть и 7 октября “с общего совета команды и пассажиров”, принимая в расчет позднее время года, плохое вооружение транспорта, недостатки в воде и провизии, решились спуститься к удскому берегу, на зимовье. 12 октября остановились пред устьем реки Уды, в одной от него миле, на глубине 4 сажени. Посланный для промера фарватера штурманский ученик еще не успел воротиться, как сделался крепкий ветер от ONO, и транспорт понесло на камни. Бросив другой якорь, до утра следующих суток продержались между камней, ударяемые довольно легко; но как ветер свежел и несло снег, а посланная шлюпка не возвращалась, то опасаясь при отливной воде окончательного разбития, решились, опять с общего совета, идти прямо на отлогий берег. Вынув один якорь и отрубив канат другого, с помощью поставленного паруса вышли благополучно, оставшись, при наступившем отливе, совершенно на суше. Транспорт был разгружен, а при следующих приливах втянут еще далее.

Место выхода было повыше реки Уды, у речки Варбот. Спасшиеся от крушения около двух лет проживали в удском остроге. Управлявший в то время охотским портом капитан Бухарин, зная об этом крушении, скрывал его и показывал транспорт числившимся в кампании. Только по смене Бухарина, в 1808 году, лейтенантом Бабаевым немедленно было послано судно на место крушения, которое и привезло бедствовавших в Охотск; а транспорт по ветхости его сожгли. Следственная комиссия обвинила Кожевина в неверности счисления и в сделанных исправлениях в журнале. Сверх того, на него были жалобы его подчиненных, оставшиеся не исследованными. Впрочем, капитан 2 ранга Миницкий, представляя это дело в Аудиториатский департамент, рекомендовал подсудимого как человека “хорошего поведения, усердного, честного и потому заслуживающего снисхождения”. Кожевин утонул прежде произнесения над ним приговора в 1812 году [А.П. Соколов Летопись крушений и пожаров судов русского флота 1713–1853. — СПб: Типография Императорской Академии наук, 1855].

Но более вероятной является версия о том, что все эти охотские казаки Кожевины являются выходцами из Гижигинской казачьей сотни.

Служба Афанасия Кожевина в Анадырском остроге — возможно, это и есть первая завязь появления казаков Кожевиных на Северо-Востоке России.

В 1772 году в гарнизоне Гижигинской крепости служат уже двое казаков Кожевиных — Максим и Петр.

А в ведомости Гижигинской крепости за 1781 год появляется казак Андрей Кожевин, родовая линия которого прослеживается нами на материалах государственного архива Магаданской области на протяжении всего следующего столетия.

В списках гижигинских школьников за 1784 год [РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело 7] мы находим: Дмитрия Кожевина (1770), Михаила Кожевина (1777).

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Кожевин Николай Андреев — 33 (1819). Его сыновья: Андрей (1843), Гаврило (1851), Михайло (1856).

Дети Андрея Николаевича: Кожевина Мария Андреевна (1863). М. (с 10.10.1882) Аксенов Евпл, псаломщик Гижигинской церкви (1836); Кожевина Матрена Андреевна (18.11.1867, дочь казака. М. (с 26.04.1889) Калмаков Роман Васильев (1855), гижигинский казак; Кожевина Ирина Андреевна (1872), дочь казака. М Аснашев Георгий Васильевич (1851), гижигинский мещанин, 1878 г.; Кожевин Фирс Андреев (1883), Гиж. казак. Ж. (с 06.02.1911) Долгобоколова (Долгополова) Евдокия Константиновна (1891.

Дети Фирса Андреевича: Кожевина Анна Фирсовна (1908); Кожевин Андрей Фирсович

(30.08.1910); Кожевин Александр Фирсович (1911); Кожевина Ксения Фирсовна (21.01.1913).

Но это не полная (в географическим смысле) история фамилия Кожевиных.

В 1812 году на Камчатке в составе Камчатского гарнизонного батальона служат два (возможно, даже три) брата Кожевины.

Рядовые Алексей Иванович (1783) и Илья Иванович (1788). Возможно, был еще Петр, так как среди воспитанников военно-сиротского отделения Камчатского гарнизонного батальона упоминается Кожевин Василий Петрович (1799).

И вот что интересно — в 1815 году Алексей Иванович находится в Тигиле и служит… в казаках.

У него растет сын Федор, о котором в формулярном списке Петропавловской экипажной роты, где он будет впоследствии служить, такая запись: Кожевин Федор Алексеевич (1807), матрос 2-й статьи, из казачьих детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую казачью команду, затем определен в экипажную роту в 1822 г.

То есть в период появления на свет Федора его отец Алексей Иванович (как и его братья) тоже был… казаком.

Гижигинским? Охотским? Якутским?

Это еще предстоит разгадать…

КОКОУЛИНЫ

Кокоулины — одна из интереснейших сибирских фамилий, с которой связаны многочисленные и самые разнообразные истории.

Кокоулина — это бородавка.

И вот кто-то из казаков либо стрельцов пришел в Сибирь с какой-то особой бородавкой, которая не только была заметной, но и стала фамильным прозвищем.

А может, и другая причина лежала в основе – ее выходцами были вятичи из деревень Кокоулина, Кокоуличи либо Кокоулята.

А может, и третья, связапнное с родовыми прозвищами — кокули (олон) — неумелые руки или кокыля (коми-зырян) — сгорбленный, сутулый человек.

А може,т и сам человек был, что бородавка – и не сведешь (не отвяжешься), а жить мешает…

А если еще к этому фамильному родовому прозвищу добавляется Заварза, а ответ на то, что это за прозвище мы, опять же, найдем в языке вятичей, которое, с одной стороны, вроде как и не обидное — от варзать, что значит озорничать, но с другой стороны — отрицательная характеристика — «неряха» и даже «нечистоплотный» человек, каким, похоже, по данным исторических источников был Павел Кокоулин Заварза, который прибыл в Якутию в 1640 году в отряде казаков из старинного сибирского города-крепости Березова.

Прежде чем мы коснемся истории Заварзы, вернемся в Березов, в числе первопоселенцев, а может и основателей которого, называют казаков Кокоулиных. И не просто казаков — Бажен Кокоулин был здесь атаманом.

Он вошел в историю географических открытий. Это о нем писал историк М.И. Белов в книге «Подвиг Дежнева» [М., 1973]:

«Путь на Лену через Оленек был долог и труден. Проще было идти через Вилюйский хребет или от южных притоков Нижней Тунгуски к верховьям Лены. Последний путь избрал Матвей Парфеньев. Этой дорогой на Лену ходил летом 1626 года и мангазейский казак Важен [Бажен] Кокоулин».

Кокоулины были мореходами.

Вот интересный факт, обнаруженный в документах Березовской приказной избы [РГАДА. Ф. 214. Стб. 289. Л . 9–11]:

«А на Березове, государь, березовских служилых людей, которым морской ход мангазейской за обычей, из нас четыре человека: Семейка Кокоулин, Семейка Савин, Семейка Болтин, Федька Ананьин. И тех, государь, березовских служилых людей два человека, Семейка Кокоулин, Семейка Савин посланы з Березова на твою государеву службу в кормщиках и в вожех на кочах за твоими государевыми запасы в прошлом в 154-м [1646] году».

По более раннему документу мы узнаем полное имя Семейки — он Семен Гаврилов сын Кокоулин.

Родной брат березовского казака Савастьяна, прибывшего в Якутию в составе отряда первого якутского воеводы Петра Петровича Головина:

«Севастьянко Гаврилов сын Кокоулин во 150-м [1642] году убит и во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Никитич Пушкин с товарыщи велели быть енисейскому казаку Федьке Иванову сыну Кайгорову потому что он Федька в енисейских приверстан в Якутцком острогу и во 154-м [1646] же году отпу[щен] за казною к Москве и нынешнего 155-го [1647] сентября с 1го числа воеводы Василей Никитич Пушкин с товарыщи по прежней розборной росписи велели быть из новоприборных Васке Иванову сыну Жаворонку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 74. Л. 13].

Отчество Павла Кокоулина Заварзы было Васильевич. Но, судя по всему, все березовские Кокоулины — одного и того же родового корня.

И, как мы уже говорили, и фамильное прозвище, и собственное тоже были даны неслучайно.

Вот самое первое историческое о нем упоминание в материалах Якутской приказной избы за 1646 год: «Запись об извете промышленного человека Ивана Камчатого (того самого, имя которого в названии нашего полуострова) о посаженном в караульню служилыми людьми Заварзой Кокоулиным с товарищами».

И далее:

«Березовской казак Пашко Кокоулин в прошлом во155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал на море а в его Пашково место велено быть в том же во155-м [1647] году ссыльного Офонки Булыги сыну ево Васке Булыгину».

Сбежал не один. Да и не сбежал вовсе, а стал участников казачьего бунта.

Вот что на самом деле произошло в изложении якутских воевод В.Н. Пушкина и К.О. Супонева в Сибирский приказ.

Причина вроде как, на первый взгляд, объективная: казаки требовали, «чтобы ты, государь,

царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, их, служилых людей, пожаловал, велел им прежней тобольской и березовской, и енисейской присылки, и которые взяты на Лену в твою, государеву, службу и вновь поверстаны в выбылые места, и которые, государь, присланы ис Тобольска с нами, холопи твоими, прежним тобольским и березовским, и енисейским окладом для своих государевых служеб и для их скудости и бедности, и раззоренья денежным и хлебным, и соленым своим государевым жалованьем полным окладом без выворот и крупами, и толокном на прошлые на 153-й и на 154-й, и на нынешней на 155-й, и вперед на 156-й год пожаловал бы ты, государь, тем выворотом и недодаточною крупою и толокном, чтоб им, служилым людем, твоей, государевы, службы не отбыть и в долгех на правеже убитым не быть».

А кто же виноват, по мнению первого и второго якутских воевод?

Виноват, разумеется, предыдущий воевода — Головин:

«...того, Якуцкого острогу служилые люди, приходили к нам, холопем твоим, в съезжую избу все своими головами, которые в нынешнем во 155-м году в Якуцком остроге зимовали, и которые с твоих, государевых, служеб с твоею, государевою, соболиною казною съехались. И сверх, государь, того своего челобитья говорили нам, холопем твоим, большим шумом, а иные, государь, из них, служилых ж людей, пятидесятник Шаламко Иванов да десятники: Васька Бугор, Симанко Головачев, Евсевейка Павлов да рядовые казаки: Ерофейко Киселев, Филька Мартынов, Пашко Кокоулин, Ивашко Пуляев, Федотко Салдат, Ивашко Микитин говорили и невежливо с отказом, а сказали что де, государь, они ныне бедны и раззорены от Петра Головина. Которые де, государь, по указу /л. 27/ отца твоего, государева, блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии старые стрельцы и казаки по наряду ис Тобольска пришли с Петром Головиным с товарыщи на Лену, и он де, Петр, учиня с товарыщи своими недружбу и рознь, их, служилых людей, раззорил многих внапрасне, пытал и кнутьем бил, и огнем жог без вины, и в тюрьмах морил года по 2 и по 3 и больши. А твоево де, государева, денежного и хлебного жалованья по окладу не давал, а в их место верстал ис промышленных людей в полные оклады. Да им же де, государь, служилым людем, выворотных, у которых по две трети их окладов, давал только твоево, государева, хлебного жалованья тобольским меньшей статьи по штинатцати пуд по 30 по 3 гривенки безо штинатцати золотников. А в твои, государевы, указные чети по 4 чети без третника муки ржаной и ржи, а круп и толокна по 2 пуда по 20 по 7-ми гривенок без трети гривенки на год. И за тем де, государь, им за своею бедностью и за недостаточным выворотными хлебными запасы, что им не додают против окладов хлебных запасов, а круп и толокна и не давывано, и от того им всякая нужа и голод, и нагота, и босота, и ныне де, государь, той твоей, государевы, службы им, служилым людем, служить не за чем».

Но вот что было дальше. Якутские воеводы пошли казакам навстречу:

«...приговорили мы, холопи твои, тем служилым людем и ружником, и оброчником вперед на 156-й год для их ленской службы и безхлебной нужи дать оклады их сполна до твоево, государева, указу, для того чтоб в том твоему, государеву, делу большой порухи, а в твоем, государеве, ясачном зборе твоей, государеве, казне большой убыли не учинить.

И то твое, государево, денежное и хлебное жалованье и соль, и за крупы, и за толокно мукою и рожью, что было в привозе, и которые для того ж хлебные запасы у торговых людей на твои, государевы, деньги куплены, велели выдать и на твои, государевы, службы их выслать».

И после...

«И после, государь, того их челобитья ленские служилые люди, которым было на твои, государевы, службы на дальние и на ближние реки наряжены, и твое, государево, денежное и хлебное жалованье дано, а иным и двугодовые полные оклады даны, июля в 1-м числе нынешняго 155-го году ночною порою, отняв у торгового человека у Васьки Щукина кочи, пограбя у промышленых людей хлебные запасы, а у иных лодки, собрався со многими с промышленными людьми воровски, пятидесятники: Ивашко Реткин, Шаламко Иванов, да десятники казачьи: Васька Бугор, Симанко Головачев, рядовые казаки: Ерофейка Киселев, Ивашко Пуляев, Павлик Кокоулин, Евсевейко Павлов, Гришка Онтонов, Филька Мартынов, Гаврилко Фролов, Митька Васильев, Ортюшка Федотов, Васька Щукин, Ивашко Микитин сын Пушкарев, Ивашко Павлов сын Южак, Ивашко Яковлев, Гришка Вахромеев, Ивашко Борисов сын Пенега, Архипко Максимов сын Аршин, Васька Иванов сын Вилюй, Парфенко Григорьев, Максимко Васильев сын Тотменин, всех 23 человека, да ссыльной человек, которово по твоему, государеву, указу велено было на Лене устроить в пашню, Макушка Семенов, побрав с собою ружье и зделав на том кочю бой, на низ Леною рекою побежали».

И не просто побежали:

«Да к нам же, государь, холопем твоим, приходили в съезжую избу ясачные якуты и били челом тебе, государю, словесно, что де, государь, те беглые служилые люди Ивашко Реткин с товарыщи, пловучи Леною рекою, их якуцкие улусы грабили, куяки и палмы и жон их, и детей, девок с собою у многих пои-

мали и скот их, коровы и быки, били и с собою поимали.

А собралось де, государь, тех служилых и к ним промышленых людей на том коче и в лодках человек с 50 и больши. А где побежали, и того, государь, мы, холопи твои, не ведаем»

И причина была совсем-совсем в другом, не в деньгах копеечных и не в толокне с просом:

«А которые, государь, служилые люди остались, и в тех учело быть непослушанье великое, потому что те служилые люди все холостые и беззаводные, и домами своими не стройные. И били челом тебе, государю, а нам, холопем твоим, по многое время до того побегу говорили, чтобы их отпустить без твоево, государева, указу в новую землю, которую проведал письмяной голова Василей Поярков в Андауры и в новую ж землю морем на две реки на Ковыму да на Погычю. А нихто мимо тех мест в прежние твои, государевы, ясачные зимовья, где по иным сторонним рекам и по зимовьям на тебя, государя, ясак збираетца, итить не хотят» [РГАДА. Ф. Сибирский приказ, ст. № 298, лл. 22–32].

А «итти» не хотят по самой банальной причине — старые ясачные места, по которым прошлись уже енисейские казаки (и которых изгнал за это из Якутии Головин, но прибрал Пушкин) не представляли для прибывших «годовальщиков» серьезного материального интереса — и потому им нужны были новые богатые пушниной земли…

И потому эта воровская ватажка, возглавляемая в том числе и Пашкой Заварзой, отправилась на поиски неведомой реки Потычи, о которой ходили легенды в Якутии.

Но сначала попали они на Колыму, где сразу же попытались взять власть в свои руки. Правда, разделившись на две неравные части.

Вот свидетельство.

«Да в нынешном же, во 158-м году декабря в 26 день пришел с Колымы реки сын боярской Василей Власьев в Нижное ясашное зимовье и, собрав всех служывых и торговых и промышленых людей, и прочитал государево жалованье — наказную память вслух всяким людям, что велено от всякого насильства тех беглых людей Васьки Бугра с товарищы боронитца беспенно, а воров Ярафейка Киселева да Ивашка Пуляева с товарищы велено взять в Ленской острог в государевых делах. И как тот Ярафейко пришел к нашим зимовьям, и служывые люди Пашко Кокоулин, Артюшка Федотов Салдат [с] служивыми и с промышленымы людьми того вора Ярафейка Киселева взяли и, связав, отвели в ясашное зимовье, и отдали сыну боярскому Василью Власьеву. И ево, вора Ярафейка Киселева, крепине держать в ясашном зимовье укрепить не могли, свестяся по слову с Михаилом Стадухиным и с-ыными беглыми служивыми людьми, ночью неведомо как из ясашново зимовья убежал. А тот Михайло с теми беглыми служывыми людьми его, Ярка Киселева, ночью по слову, укараула, свели к себе в зимовье».

Воровская эта партия-ватажка начала быстро рассыпаться по личным интересам. Кто-то, как Заварза, начал дружить с местным приказчиком Власьевым, рассчитывая на снисхождение и прощение. Кто-то примкнул к Михаилу Стадухину, имеющему полномочия отыскать реку Потычу. Кто-то — к отряду Семена Моторы, который готовился к походу на Анандырь-реку. Кто-то с Иваном Барановым, кто-то с Пинегой — пошли в самостоятельные походы…

Заварза тоже на Колыме не задержался. С кем же он ушел?

Кто-то считает, что Заварза вообще был участником легендарного морского похода Семена Дежнева: «Дело в том, что архивные документы говорят, что вместе с Дежневым уйдут в поход Павел Кокоулин, Иван Пуляев и Артемий Солдат, — казаки, бежавшие из Якутска вместе с Василием Бугром».

Но именно на этих самых архивных документах М.И. Белов утверждал совершенно другое:

«Руководителем экспедиции и приказчиком на Анадырь Власьев назначил Семена Иванова, по прозвищу Мотора, бывалого и смелого казака. Мотора пытался пройти на реку Анадырь еще летом 1648 года.

Отряд Моторы состоял из 9 служилых и 30 промышленных людей. Из челобитной Семена Моторы, сохранившейся в делах Якутского областного управления, отправленной с устья реки Анюя не позже 1 марта 1650 года, узнаем некоторые имена участников похода. Среди них были и “сошлые” (беглые) казаки: Павел Кокоулин, Кирилла Проклов и Артемий Солдат. Следует заметить, что некоторые биографы Дежнева ошибочно считают этих людей участниками его экспедиции».

Итак, отряд Моторы практически в одно время с Михаилом Стадухиным прибывает на Анадырь, где уже расположились спасшиеся в период кораблекрушений люди Семена Дежнева.

Каждый из командиров считал себя главным на Анадыре. И хотя Дежнев с Моторой сумели найти общий язык и объединиться, Михаил Стадухин вытеснил их с Анадыря, и они ушли на поиски реки Пенжины, о которой так же ходили легенды.

Поиски оказались безуспешными, и пришлось возвращаться назад.

Но к этому времени Стадухин, разобравшись, что пушниной на Анадыре разжиться невозможно (а лежбища моржей были открыты позже), собрал своих людей и ушел в тот самый легендарный поход на реки Гижигу и Тауй, который навечно войдет в историю географии Северо-Востока России.

И многие в Анадырском, тогда еще зимовье, стояли перед выбором — остаться или уйти со Стадухиным.

Кокоулин остался.

Что же было дальше?

Об этом в историческом очерке Владимира Бахмутова-Красноярского «Жизнь и судьба Семена Дежнева»:

«Матора и Семен Дежнев со своими людьми остались на Анадыре полными хозяевами. Судя по тому, что до 1655 года не было о них никаких известий, они были вполне удовлетворены своим положением. В 1651 году Матора с Дежневым предприняли поход на реку Анюй, где был бой с ходынцами. Взяли аманата Чекчоя. "На той драке, — писал в 1655 году Дежнев, пятидесятника Шалама Иванова ранили смертною раною, а помер он на Анандыре реке того ж году июля в 5 день". Были ранены Титка Семенов, Тренка Курсов и служивый человек Пашка Кокоулин. В бою отличились "служивой человек Ветошка и промышленнн Васка Бугор", – убили по "мужику".

Нужно было исполнять государеву волю и свои обещания — приводить под руку государеву иноземцев, брать аманатов и собирать под них ясак. Чем-то нужно было и самим разжиться. Однако сделать это было непросто — каждая встреча с иноземцами сопровождалась потерями.

В начале 1652 года дежневцы пытались призвать под государеву руку строптивого анаульского князца Мекерку, но им это не удалось. Схватка оказалась кровопролитной. В бою был убит Семен Матора, ранены Пашка Кокоулин, Федотка Ветошка и Стенка Сидоров. Правда, захватили анаульских жен и детей, однако сам Мекерка "с родниками" сумел уйти. К слову сказать, в архивах есть сведения о том, что в это время в Анадырском русском поселении было более тридцати аборигенок — ясырок на положении наложниц служилых людей и промышленников. Пишут, что они якобы все были крещеными. Государевым указом действительно дозволялось русским людям жениться на иноземках только лишь после их крещения. Но можно представить себе насколько формально исполнялась эта процедура на Анадыре, где не было, ни церкви, ни священнослужителя, если она вообще исполнялась».

Забегая вперед, скажем, что из этих казачьих детей, формально таковыми не признанных, анадырский приказчик Михаил Зиновьев сын Многогрешный Черкашенин в конце столетия сформирует целый отряд тумаков (незаконнорожденных анадырских казачат) во главе с Андреем Кутьиным, которые создадут цепь зимовий на северо-востоке полуострова Камчатка, в 1704 году воздвигнут Нижнекамчатский острог и будут держать оборону от нападения коряков:

«…в прошлом 708 году посланы из Якуцка на Камчатку служилые люди с сыном боярским Иваном Панютиным нововерстанные … и из тех служилых людей многие пищалей и замков пищалиных разбирать и складывать, из пищалей и луков стрелять не умеют, и на таких людей в воинском деле надеетца нельзя, а на боях противники, видя их простоту и незаобывность, смело поступают».

Так оно и случилось — при столкновении с олюторцами «нововерстанные казаки многие разбежались прочь. Сын боярский Иван Панютин был убит, а с ним погибли и десять его нововерстанных казаков.

Выручили анадырские казаки Андрея Кутьина, служившие в этих местах…»

Но Павел Васильев сын Кокоулин не оставил наследников со своей фамилией.

А в это время в Анадырском остроге появляется новый официальный приказчик — Юрий Селиверстов, оценки которого в исторической литературе самые отрицательные. Может быть, это и справедливо, но ситуация с переделом власти на Анадыре красноярский писатель Владимир Бахмутов раскрывает с некоторых нетрадиционных позиций:

«В популярных книгах о Семене Дежневе с восторгом отмечается "смелость" Дежнева, не побоявшегося назвать якутского воеводу вором. Хотя с позиции житейской это была глупость, поставившая и его самого, и его сторонников в положение "государевых ослушников", по сути дела — преступников. Это в полной мере осознали наиболее трезвомыслящие и сообразительные люди его окружения. И вскоре на сторону Селиверстова перешли Василий Ермолаев Бугор, Павел Кокоулин, Митка Васильев, Евсейка Павлов, промышленник Юшка Трофимов и торговый человек Онисим Мартемьянов Костромин. То есть Дежнев в одночасье потерял четверть еще недавних своих союзников и единомышленников».

Сложно сказать о степени союзнических обязательств, а тем более об уровне единомыслия среди анадырских жителей той поры.

Конечно, судить сегодня можно по-всякому, но давайте заглянем в сохранившиеся документы и сравним оценки.

Павел Кокоулин был, оказывается, грамотным человеком и был определен писарем.

И вот что сообщал по этому поводу Семен Дежнев:

«А который был дан ко государеву делу к письму служилой человек Пашко Кокоулин, и тот подьячей, будучи у государева дела, писал нас, холопей государевых, по своему жестосердию во всем нам прописывал, в пошлинных деньгах и в подарках — все на нас написывал».

Конечно, Дежнев таил обиду — и мог быть несправедлив.

Но вот колымские похождения Заварзы: «в 1649 г. во время похода "…на Ковыме реке … Пашко Кокоулин Заварза своровал содомским блудом … которого мы взяли в Жиганех для толмачества ясачного якута, именем Арсютку … и убил бы его он, Пашко, после того … из пищали … бил его сковородником и бровь у него, Орсютка розсадил и изувечил навек, и за то ему, Заварзе, учинили наказание, били батоги"».

И потому удивительно ли (мы говорим сейчас только о Заварзе), что он переметнулся, как это было уже на той же Колыме, к тому, кто сильнее — к Селиверстову.

Но закончил Павел Васильевич свою жизнь трагически:

«Которых служилых охочих людей охочей служилой человек Юрье Селиверстов посылал на море для промыслу же приказным человеком с Павлом Кокоулиным, а с ним 14 человек, и их божиим посещеньем на море и з двемя аманаты занесло, без вести погибли» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 624, лл. 66–80].

На этом обрывается вторая трагическая история из жизни якутских казаков, уроженцев Березова, Кокоулиных.

Следующая наша история связана со временем царствования Анны Иоанновны — точнее, ее преследования недавних фаворитов покойного императора Петра II князей Долгоруковых, которые с помощью подложного завещания хотели возвести на царский трон несостоявшуюся царицу — Государыню Невесту — княгиню Екатерину Алексеевну Долгорукову.

Первоначально семья Долгоруковых оказалась в Березове, где еще недавно нашел свое последнее земное пристанище князь Александр Меншиков.

И они полагали, что спрятались от всевидящего ока императрицы.

У лейтенанта Дмитрия Овцына, будущего (за это) то ли денщика, то ли адъютанта Витуса Беринга, разжалованного в матросы, даже завязался было роман с бывшей Государыней Невестой.

Но открылось то, что называется государственной изменой. Старших из князей казнили. Младших сослали на Камчатку.

«Одновременно с березовскими Долгоруковыми и по их делу, сосланы частию в Илимск и частию в Охотск в работу на солеваренный завод священники Илья Прохоров, Андрей, Тимофей и Артемий Васильевы, Федор Кузнецов и диакон Федор Кокоулин. В Тобольске они были судимы капитаном Ушаковым и обвинены в сношениях с ссыльными в том, что не только совершали у них требы (молебны, панихиды, крест и т. п.), но и вели с ними дружбу, обедали и ужинали и присуждены: священники Прохоров и Васильевы с диаконом к наказанию плетьми, а священник Кузнецов — кнутом с вырыванием ноздрей, и все сосланы — первые без лишения, а последний — с лишением сана. Почти одновременно сосланы были и некоторые обдорские священники и диакон Павел Кокоулин. У митрополита Сибирского Антония Стаховского хватило благородства и мужества вступиться за 5 священников и диакона, но все было тщетно. На его ходатайство за них последовала такая резолюция гражданской власти: “Понеже и в Охотском священники надобны, того ради оных надлежит туда послать неотменно, а в Томск и в другие отдаленные города, есть ли нужда потребует, оных посвятить вновь”. В царствование Елизаветы Петровны они были возвращены в 1743 г. из мест ссылки, причем березовские священники и диакон вернулись в Березов, а обдорские священники и диакон уехали в Москву по просьбе Долгоруких и служили в их домовой церкви» [Явловский П.П. Летопись города Якутска].

А в 1761 году в Якутске отмечен казак Андрей Кокоулин. Возможно, рожденный в якутских землях.

Но и он не оставил нам своего родового следа. Или мы еще этот след не отыскали.

Но у нас есть другой след, по которому мы можем пройти большой путь вплоть до сегодняшнего времени. Он обнаружен в материалах государственного архива Магадской области и начинается с лекарского ученика Якова Малафеевича Кокоулина (1784), который и является родоначальником этой некогда березовской ветви на Северо-Востоке России.

Женой его во втором, уже позднем браке (о первом мы сведений не нашли), совершенном в 1845 году, была Брюшенина Степанида Ефремовна (1818–1877), дочь умершего отставного солдата (вероятно, солдата Брусенина — из якутских казаков).

Продолжили этот род Кокоулин Андрей Яковлев сын (1819), казак Гижигинской сотни, со своей супругой (тоже, как и отец, обвенчавшись в 1845 году) с дочерью коряка Натальей Гавриловной Семеновой.

А вот дальше пойдет целая россыпь гижигинских фамилий, с которыми Кокоулины породнились в конце XIX века.

Кокоулин Харитон Андреевич (1859), гиж. казак. Ж. (13.01.1885) Аснашева Наталья Васильевна (1865), мещанская дочь.

Кокоулин Владимир Андреевич (1861), кантонист Гижигинской казачьей команды. Ж. (с 06.11.1883) Сновидова Елена Ивановна (11.05.1865), дочь священника.

Кокоулина Фекла Андреевна (1864), казачья дочь. М. (с 23.01.1885) Корюкин Евоклий Данилович (1852), гижигинский казак.

Кокоулина Александра Андреевна (1866), дочь гижигинского казака. М. (с 03.11.1882) Брагин Илья Власьевич (1857), гижигинский мещанин.

Кокоулина Мокрина Андреевна, дочь казака. М. (с 09.02.1883) Тюшев Дмитрий Иванович (1851), гижигинский казак.

Но есть еще один любопытный след, который, возможно, как-то связан с пребыванием Кокоулиных в охотской ссылке:

Кокоулин Лавр Александрович. С 13 октября 1855 г. благочинный Верхоянских и Колымских церквей в сане священника (с 6 декабря 1850 г.), Верхоянской Благовещенской церкви (с 13 октября 1855).

Возведен в сан протоиерея, в марте 1857 г. архиепископом Иннокентием утвержден благочинным Верхоянских церквей.

Протоиерей в 1857–1865 гг. Переведен в Иркутскую и Нерчинскую епархию [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 520].

КОКШАРОВЫ

Мы не раз и не два говорили и еще будем говорить о самых невероятных искажениях фа-

милий, с которыми приходится сталкиваться в процессе изучения родовой истории.

Не обошла эта беда (для кого-то ставшая критической при создании своих поколенных росписей) и эту фамилию.

Вот ее варианты — Какшаров, Кашкаров, Кашкарев, Кошкарев…

И чтобы понять исходную форму этой фамилии, нам нужно вернуться к истокам ее появления.

Вот что сообщают нам специалисты по антропонимике — истории происхождения фамилий:

«Что такое Кокшеньга?

Сначала о том, как это, угро-финское по своему происхождению, слово читать. В прошлом ударение в нем падало на первый слог: Ко́кшеньга. В наше время в речи местных жителей оно переместилось на предпоследний: Кокше́ньга. Древнее ударение сохранилось лишь в двух словах: Ра́куло-Ко́кшеньга (ст. Северной ж. д.) и в прилагательном "ве́рхнеко́кшеньгский". Читатель волен выбирать один из двух произносительных вариантов.

Кокшеньга — это река. Чтобы найти ее на карте, надо сначала отыскать треугольник, образованный реками Сухоной, Северной Двиной и Вагой. Внутри этого треугольника и пробивает она себе путь на север, пока не отдаст свои воды реке Устье, правому притоку Ваги.

Это и местность, прилегающая к реке, давшей ей название. Местность таежная, но давно обжитая нашими предками. Неширокие долины реки Кокшеньги и ее многочисленных притоков с весны до осени благоухают душистым разнотравьем. Чист и прозрачен здесь воздух, не замутненный еще дымами большой индустрии

Кокшеньга — это часть древнего Заволочья. Она упоминается во многих письменных памятниках начиная с конца XIV в. В 30-е годы XX века эта некогда единая административно-территориальная единица была разделена. Верхняя и средняя части бассейна Кокшеньги находятся с той поры в пределах Тарногского района Вологодской области, нижняя — в Устьянском районе Архангельской области. В просторечии Тарногский район и его райцентр Тарногский Городок теперь зовут Та́рногой. Это новое название и в официальной речи почти вытеснило слово Кокшеньга».

При чем, — спросите вы, — какая-то река Кокшеньга и фамилия Кокшаров? Какая тут может быть связь?

Послушаем мнение специалистов.

Самая что ни есть прямая — кокшарами называли жителей бассейна этой самой реки Кокшеньги:

«Прозвище кокшары произошло от названия города Кокшаров на реке Кокшеньге в Важской земле (ныне — территория Кировской области). В 1143 г. под названием Кокшаров в летописях упоминается марийский городок, который сейчас называется Котельнич (Кировская область); История города Котельнича начинается в XII веке: «Повесть о стране Вятской» — литературный памятник конца XVII – начала XVIII вв. сообщает, что город был основан в 1181 году новгородцами на месте захваченного марийского городка Кокшарова».

А вот и интересные подробности:

«В 1452 г. великий князь московский сжег городок дотла, а жителей истребил; успевшие бежать кокшары рассеяны по всему Северу, их потомки — Кокшаровы».

А название этой и других рек со схожим названием — Кокша (Какшей) — сопоставляют со словом «кокс» на кетском языке, что значит — «речка».

Вятские земли, некогда бывшие частью Новгородской республики, представляли собой поселения вольных людей, значительная часть которых впоследствии ушла в Сибирь, почему эта фамилия и стала весьма распространенной в сибирских землях.

В самом ближнем для нашего дальневосточного края центре — Енисейском остроге — представляли кокшаров многие служилые и посадские люди:

Рядовой стрелец Васька Клементьев Кокшар, получавший годовой оклад 5 рублей. Он был участником похода Василия Пояркова — прошел с ним весь Амур, совершил морской переход с устья Амура до реки Улья.

В архивных документах есть список, датированный 1636 годом. Обратите внимание, как часто в те времена историческая родина сибирских служилых людей становилась именным обозначением:

«Енисейские ж служилые люди, которые переведены ис Тоболска, из Березова на житье в Енисейской острог.

По 5-ти рублев:

Шестачко Федосов,
Ивашко Федоров Москвитин,
Посничко Семенов Кашинец
Демка Осипов Черевковец,
Ивашко Лукьянов Чердынец,
Пятунка Семенов Устюжанин,
Федка Родионов Кокшар,
Ивашка Федоров Вологжанин,
Ондрюшка Сидоров Кокшар».

В 1645 году в Ленском остроге служил Тренька Кокшар. Его имя осталось в истории «благодаря» мирской челобитной служилого и торгового населения Ленского острога на первого якутского воеводу Петра Петровича Головина. Я не буду останавливаться на истории этой челобитной (об этом я очень подробно, детально, на фактах рассказываю в первом томе своего трехтомника «Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибириада»).

Тренька как раз и попал «под ту раздачу», которую определял воевода для людей, личные интересы которых были, по оценке Головина, несопоставимо выше государственных.

О Треньке в челобитной говорится слезно: «в шею кололи пальмою … били».

И, кстати, от енисейских казаков, попавших в круг его подозрений, Головин беспощадно избавлялся. Возможно, в этом причина и исчезновения имени Треньки Кокшара со страниц якутской летописи.

Хотя вокруг Якутского воеводства своих Кокшаров — Кокшаровых было предостаточно.

Кокшаровы — и служилые люди, и крестьяне были в Илимском воеводстве.

Свои Кокшаровы служили и в Нерчинских казаках.

Наша же, северная история, начинается с документов, обнаруженных в Российском государственном военно-историческом архиве.

Гижигинская крепость 1778 г.

Солдаты:

Роман Кокшаров, Андрей Кокшаров [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 71. Л. 1].

Правда, всего несколькими листами далее мы видим невиданный взлет их карьеры, из солдат — сразу в обер-офицеры.

Ведомость Гижигинской крепости за 1781.

Подпрапорщики:

Роман Кокшаров, Андрей Кокшаров [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л.18].

Как это могло случиться? Очень просто, если это были дети обер-офицера Кокшарова, которые первоначально были записаны в солдаты, а потом произведены в офицеры на унаследованную от отца должность.

Вопрос другой: откуда могли появиться в Гижигинской крепости эти два молодых человека?

Формирование гарнизона Гижигинской крепости шло с разных направлений.

Первое и главное — это были солдаты Якутского (до 1727 года Тобольского) пехотного полка, расквартированного на границе с Китаем и пополняемого за счет казачьих детей Нерчинска, Селенгинска, Иркутска.

Второе — пополнение северных гарнизонов шло также из состава Енисейского пехотного полка, Сибирского пехотного и драгунского полков.

И сегодня у нас появилась уникальная возможность познакомиться с кадровым составом этих полков:

«Смотровые списки Сибирскаго Гарнизона Пехотнаго батальона штаб обер ундер афицерам капралам рядовым и другим чинам. Учинен при осмотре брегадира и Таболского обер коменданта Павлуцкаго апреля 1 дня 1754 года.

Пантелей Кошкаров — 47, с 738 г., из казаков г. Тюмени села Рождественскаго деревни Лучинкиной, женат детей мужска полу не имеет, в командировании в лесных урочищах для добычи лесных припасов 754 г. февраля с 23 числа.

Василей Кошкаров — 47 г., с 738 г. февраля 3 дня, ис казаков г. Верхотурья деревни Кошкаровой, женат у него сын Иван 15 лет живет в г. Верхотурье; в командировании в Верхотурье на заставе 752г апреля с 20 числа».

«Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1 754 годом апреля по 1 число

Петр Кошкаров — 62 г.; в 719 г.; из крестьянских детей г. Тюмени; холост; в командировании в Екатеринбурхе для содержания колодников 752 г. августа с 10 числа.

Василей Кошкаров — 63 г.; в службу вступил в 725 г.; из рекрут ис крестьянских детей г. Кузнецка Березовского острогу; вдов детей мужска полу не имеет; где обретается — в командировании по Колыванской линии в Шульбинском заводе 732 г. июля с 1 числа.

Матвей Кошкаров — 25 л.; 749 г.; из салдацких детей г. Тобольска; холост; в командировании по Кузнецкой линии в Барнаульском заводе с 749 г. ноября 7 числа».

Но эта информация, хотя и интересная, дающая нам представление, откуда брались солдаты и каковы географические маршруты их перемещения по всей Сибири, тем не менее нам мало что дает для раскрытия темы.

И поэтому мы продолжим наш рассказ, используя материал, который может позволить нам раскрыть тайну еще одной нашей северной фамилии.

Документ называется «Список именной о находящихся в 3-й (Гижигинской) сотне чинов и казаков. Май 1-го дня 1831 года» [Национальный архив РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.]:

Кокшаров Варфоломей (1771), казак
Кокшаров Петр (1794), казак
Кокшаров Захар (1795), казак
Кокшаров Николай (1813), казак
Кокшаров Григорий (1797), казак, служит в Охотске
Кокшаров Евдоким [Григорьев сын] (1828), казачий сын, Охотск

Судя по имеющейся у нас информации (правда, далеко не полной), мы можем сделать некоторые предположения.

В ведомости Гижигинской школы за 1781 и 1784 годы нет ни одного упоминания этой фамилии, что говорит о том, что Варфоломей Кокшаров является родоначальником всех гижигинских, охотских и камчатских Кокшаровых (в различных вариантах написания этой фамилии).

Из чего мы исходим?

Из данных, полученных в государственном архиве Магаданской области, из которых мы извлекаем информацию о том, что все отмеченные в здешних документах Кокшаровы — дети Варфоломея.

Кокшарова Мавра Варфоломеевна (1819), дочь умершего казака. М. (16.02.1845) Тюшев Василий Кирикович (1821), казак Охотской сотни.

Судя по этим данным, Варфоломей Кокшаров умер до 1845 года.

Кокшаров Павел [Варфоломеевич] (1819), Охотского экипажа матрос 1-й статьи. Ж. (с 27.04.1845) Нижегородова Мелания Осиповна (1814).

А этот факт подчеркивает традицию использования гижигинских казаков в Охотске, в том числе и в составе Охотского флотского экипажа.

Кокшаров Семен Варфоломеевич (1823–1881), Гижигинский казак.

Но это еще не полный список.

В 1853 году часть казаков гарнизона Гижигинской крепости была переселена в Петропавловский порт в селение Сероглазка.

И в числе участников обороны Петропавловского порта мы находим двух братьев-двой-

няшек, которые в этот — богатый на военные события — год были верстаны в камчатские казаки с весьма серьезным искажением прежней фамилии:

Кошкарев Дмитрий Варфоломеевич (1836),

Кошкарев Петр Варфоломеевич (1836).

Род которых продолжился на Камчатке в казачьем селе Сероглазка.

Кошкарев Иннокентий Петрович (1879), казак. Ж. (с 16.01.1907) Крупенина Ираида Ивановна (23.09.1890), дочь отставного казака Ивана Васильевича Крупенина.

Но наша история была бы не полной, если бы мы не рассказали еще об одном Варфоломее Кошкарове (Кашкарове):

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы
Петровское зимовье

Казаки

Кашкаров Варфоломей

Кашкаров Василий

Кошкаров Роман» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

Как они там оказались?

«12 февраля 1851 года было принято решение об организации Амурской экспедиции, которая хотя и снабжалась от щедрот Российско-Американской компании, но подчинялась генерал-губернатору Восточной Сибири через представителей власти на местах. Начальником экспедиции при помощи Муравьева и Меншикова назначался капитан 1-го ранга Г.И. Невельской. В ее состав входили 60 нижних чинов при двух офицерах и докторе» [Алексеев А.И. Любовь, Амур, Счастье].

В примечании к книге «Подвиги морских офицеров на крайнем северо-востоке России» Г.И. Невельского имеются подробности:

«Первоначально в составе экспедиции были: Г.И. Невельской с супругой, лейтенант Н.К. Бошняк, поручик корпуса флотских штурманов А.И. Воронин, топограф прапорщик по армии П. Попов, унтер-офицер штейгер Иван Блинников; матросы — Александр Хашьянов, Егор Некрасов, Игнатий Горбовский, Евграф Карасев, Афанасий Пономарев, Аверьян Чухомлин, Петр и Ефим Дойниковы, Михаил Чупин и Александр Шишкин; комендоры — Аксентий Усов, Григорий Попов, Алексей Попов, Мирон Вяткин, Егор Кузнецов и Перфил Дианов; семьи мастеровых — Степана Решетникова, Осипа Гайдука, Григория Москвитина, Евдокима Вознюка, а также семьи казаков — Николая Пестрякова, Константина Русанова, Андрея Тюшева, Логина Нижегородова, Мартына Красовского, Романа Кошкарева и прислуга Невельского и Бошняка, а также фельдшер Шишерин с семьей» [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 384, с. 44].

Но список, опять же, неполный:

«Осенью 1852 года в Амурской экспедиции состояло 64 человека: 25 в Николаевском посту, 23 в Петровском зимовье, 16 в разъездах».

В приложении к книге А.И. Петрова «Амурский щит» есть рапорт корпуса штурманов подпоручика Д.И. Орлова от 9 октября 1852 года:

«Ранжирный список нижним чинам частей 46-го [Камчатского] флотского экипажа и Якутского казачьего полка, состоящим в команде зимовья Петровского.

№	Чина, имена и прозвания
1	Боцманмат Петр Релюк
2	Квартирмейстер Кирилл Подобин
	Матросы.
	…Павел Кошкаров».

Конечно же, это был тот самый Павел Варфоломеевич Кошкаров (Кокшаров), о котором мы рассказывали выше.

«…в Петровском нередким явлением были и крестины: в январе 1853 года у фельдшера Андрея Шишерина родилась дочь Анна, в феврале у матроса 1-й статьи Павла Кошкарева — сын Василий…» [«Подвиги морских офицеров на крайнем северо-востоке России»].

Вполне вероятно, что впоследствии мы найдем документ, который подтвердит нашу версию о том, что и Роман Кошкарев (Кошкаров) был Романом Варфоломеевичем Кокшаровым, и неслучайно один из его сыновей был назван в честь деда Варфоломеем, как это традиционно водилось в казачьих семьях.

«6 мая 1853 г. было решено учредить в устье Амура особую команду для его защиты, которая должна была состоять из регулярной роты флотского экипажа и сотни забайкальских казаков. Но в 1853 г. переправить казаков в устье Амура не удалось, и охрану этого района несли небольшие отряды Амурской экспедиции. В ее составе с 1850-х гг. находились 33 казака из Якутского городового полка» [Сергеев О.И., Переселение российского казачества на Дальний Восток в середине XVII – начале XX вв.: основные этапы и особенности, Интернет-ресурс: «Труды института истории» (https://www.pro-ihae.ru/doc/2022.37/Works-IHAE-37_014-024.pdf)].

«Амурская экспедиция выходила из подчинения Российско-Американской компании, утверждался ее штат (два лейтенанта, два мичмана, два штурманских офицера, один артиллерийский офицер, 240 старшин и матросов, сотня казаков с двумя офицерами, взвод горной артиллерии с двумя офицерами, доктор, священник, правитель канцелярии с помощником, три писаря, содержатель имущества, два фельдшера)».

Кокшаровы (Кошкаровы, Кашкаровы, Кошкаревы) были в числе первостроителей Николаевского-на-Амуре поста.

Правда, их командир — начальник Николаевского поста мичман 46-го Камчатского флотского экипажа Александр Иванович Петров — был недоволен своими строителями и в своих записках оставил весьма нелицеприятные оценки их деятельности. По сути, нет ни одной положительной оценки. Правда, стоило бы, наверное, и сказать о том, что казаки из Охотска и Гижиги, профессиональная деятельность которых не состояла в сложении печей и строительстве казарм, совершили невероятное — и создали с нуля Николаевский пост, ставший впоследствии столицей Дальнего Востока.

Но в своей работе, связанной с Амурской и Сахалинской экспедициями, мы еще не раз

столкнемся с такого рода необъективными и весьма обидными оценками.

«Может быть, эта моя рукопись будет когда-нибудь любопытна для публики и напечатана, тогда пускай предадутся гласности фамилии тех, которые были невидными, но весьма полезными деятелями на Амуре, которые принесли государству безропотно, не ожидая наград и повышений, громадную услугу и, терпя страшные лишения, подорвали свое здоровье и почти все, исключая троих или четверых, лежат там, на Амуре, в земле сырой.

Выписываю из имеющихся у меня дел список нижних чинов и их семейств из строевого рапорта, поданного мною начальнику экспедиции от 5 декабря 1852 года за № 157.

…Варфоломей Кошкаров — (не сказано ничего: ни хорошего, ни плохого).

…Василий Кошкаров — всегда больной и ленивый.

…Яков Кошкаров — плотник, но плохой».

А вот пример еще одной оценки их реальной деятельности:

«9 августа 1853 года экспедиция в составе начальника Николаевского поста А.И. Петрова, рядовых Замиралова, Волынкина, Кашкарова, Кирсантьева, Анкудинова, приказчика Овсянникова достигла на лодках стойбища Кизи, где по предписанию Невельского Г.И. № 222 от 15 июня 1853 следовало определить место для основания поста и постройки помещений для зимовки».

Здесь ими был основан Мариинский пост.

Мало того, что построили Николаевский пост.

Основали и Мариинский — но авторы даже не удосужились поставить хотя бы инициалы этих людей — первопроходцев, первооткрывателей, первостроителей. А что уже говорить о дальнейшей судьбе этих рядовых участников великих исторических событий. О них мы тоже обязательно расскажем.

В материалах Российского государственного архива военно-морского флота мне встретились такие строки, на которые я первоначально не обратил внимание. Речь шла о якутских, гижигинских и камчатских казаках, которые были участниками Амурской и Сахалинской экспедиций и о которых сообщалось следующее — те, кто *не умер*, были включены по распоряжению Петра Васильевича Казакевича, сменившего Г.И. Невельского, в состав 6-й сотни Амурского казачьего полка, основавшей первое на Амуре казачье поселение — Сучи. Станица возникла рядом с Мариинским постом — впоследствии село Мариинско-Успенское, ныне Мариинское.

Не удержусь, чтобы не привести здесь строки из стихов местного поэта Зои Георгиевны Злобиной (из семьи первопоселенцев) о любимом селе:

Голубая ночь раскрыла окна,
Ветерком прошлася по селу.
Задрожали вдруг на окнах стекла,
Выпорхнули звездочки во тьму.
В мягкой неге тишина спустилась.
Гладит землю нежною рукой…
По Амуру эхо прокатилось…
Улеглось и обрело покой.
Тихо-тихо звезды хороводят.
В зеркало Амурское глядясь…
И луна девчонкой рядом ходит,
Сыплет свет истомы, подбочась.
Спит туман, укрывшись покрывалом
Ночи необъятно голубой…
Родиной тебя я называю —
Мариинск — любимый и родной!

Впоследствии, изучая новые архивные документы, мы действительно встречаем некоторые из знакомых уже нам северных имен в списках казаков этой сотни, награжденных за участие в отражении английского десанта, попытавшегося высадиться в заливе Де-Кастри в 1855 году.

В этом списке есть имя Ивана Кошкарова…

Возможно, тоже уроженца Гижиги или Охотска…

Но, возможно, это казак из нерчинской — забайкальской — ветви казаков Кокшаровых…

И тогда это уже другая, но не менее интересная родовая история…

КОЛЕГОВЫ (КОЛЛЕГОВЫ)

С.П. Крашенинников: «…по левую сторону [реки] Камчатки (в двадцати шести верстах ниже устья реки Еловки. — *С.В.*) есть камчатской острожек Пингаушчь, а по русски Каменной, которой бывши прежде сего весьма многолюдным, пришел ныне в толь бедное состояние, что жителей в нем не больше 15 человек осталось. Причина тому собственное их неспокойство: ибо не было ни одного бунта, в котором бы жители сего острога не имели участия».

После С.П. Крашенинников уточнит, что в числе 15 он имел в виду коренных каменцев: «А по переписным книгам объявляется 69 человек, которые однакож из новообъясаченных или из холопства освобожденных после к помянутому острожку приписаны, с тойном не живут или совсем его не знают».

Тойном же при С.П. Крашенинникове был некий Иван Карбаганов, новокрещенный камчадал, по всей видимости, из недавно назначенных нижнекамчатским приказчиком на эту должность.

Дело в том, что в период Харчинского бунта каменские камчадалы были в союзе с еловскими и ключевскими «изменниками», за что и сильно пострадали.

Правда, А.С. Зуев в своем очерке «Восполняя белые пятна» не совсем верно интерпретирует те цифры, которые обозначил С.П. Крашенинников: «Часть ительменских поселений, по сведениям Крашенинникова, запустела или оказалась на грани исчезновения. В частности, в “острожке Кыллуша” из 45 взрослых мужчин осталось “человек с 12”, в Каменном острожке, где было 69 ясачных плательщиков, “не больше 15 человек осталось”».

Всего, по его же собственным подсчетам, погибло в период нижнекамчатских событий 69 человек (а это и еловские, и ключевские, и каменские, а также убитые самими восставшими камчадалами их земляки из Козыревского, Щапинского, Крестовского и Камаковского острожков).

А вот тойоном у них в этот период был вовсе даже не Иван Карбаганов.

Андрей Сергеевич Зуев только единожды упоминает имя вождя из Каменного острога, но в очень даже любопытной для восстания камчадалов ситуации: «По признанию самого Ф. Харчина, вырвавшись из острога, он спрятался "близ острогу в лесу" и наблюдал за сражением до его конца. Здесь к нему присоединился Ор Тавач, бежавший из острога вместе с тойоном Ликочем (Ливуч, Лювич) еще в ночь с 26 на 27 июля. Затем Федор и Ор Тавач перебрались на другой берег р. Камчатка и "жили на зарешной стороне до отбытия служилых к морю"».

А затем: «После ухода отряда Спешнева из Нижнекамчатского острога, Ф. Харчин, Тадея Пурин (он был взят в плен при штурме, но бежал), Ор Тавач и новокрещенный Михаил Катканов (Чарым Камач, или Канач?) сожгли уцелевшие после боя церковь, "государев" двор и две казачьи избы».

2 ноября 1731 года Федору Харчину был задан вопрос: «Ты, Федор, и с протчими своею братиею о измене согласия было в которых годех, что Нижне Камчадальский острог выжечь, а казаков прибить».

Ответ: «О измене мы согласие имели, что острог выжечь, а казаков прибить, мая девятого дня сего ж 1731 году».

Вопрос: «А с тобою ко оному зломыслию в согласии были тоены кто имяны и которых острогов, и протчая ваша братья иноземцы, коликое вас число имелось быть».

Ответ: «О согласии тоены с нами были от Крестов Ивол, Тавач да Дурига, да Ханея и Хомычев, да ключевские Ханея да Дадея и Урин, да подострожной Хавроткин да Колыч, еловской Валага и Купин да Игил да Лалот, Голгоч, ключевской Налач, Каменного острогу Ливуч, еловской Чаромаш, Колычева брат Гижур и вышеозначенные тоены все с родниками».

Урин (Тадея Иурин), Чаромыш (Черемач Баргачев), Ор Тавач были впоследствии казнены.

В списке тойнов, возглавивших Харчинский бунт, мы находим еще одно знакомое имя — Ливуч (Лювич, Ликоч), тойон Каменного острога, который сбежал из Нижнекамчатска в ночь перед штурмом, опережая трагические события, вместе с Ором Тавачем. И затем, по всей видимости, тоже, как и Ор Тавач, последовал за своим предводителем, и, вполне возможно, был в составе того отряда, который сжег первую на Камчатке церковь с приходом в память Николая Мирликийского Чудотворца.

Возможно — потому что более о нем в следственных материалах, на которые ссылаются исследователи, нигде ни слова…

Только Федор Харчин на допросе называет его в числе тех, кто бежал вместе с ним из острога — Голгоч, Урил, Налач, Итту — Налачев брат, Дадея, Тавач, Лювич — «и пошли по Еловке в старые свои жилища»…

Нет этого имени, как имен Нефеда Тенивина и Степана Харчина, и в приговоре походной розыскной канцелярии.

Но все эти три имени встречаются позже в другом месте — в списке тойонов камчатских острогов.

«На Уачьхаче речке, которая от русских ключами называется, потому что зимою никогда не мерзнет, есть камчатский острожек Кыллуша, которой до измены был весьма знатен и многолюден; но от тойона с подчиненными, которые в 1731 году были в числе главных бунтовщиков, пришел оной а толь жалостное состояние, что от великого множества жителей ныне только человек с 12 в нем числится».

И вновь уточнение: «По переписным книгам 43 человека считается, по той же причине, которая о Каменном острожке объявлена».

А тойоном этого Ключевского острожка был… Ликоч, бывший тойон Каменного острожка…

И вот какая прелюбопытная история: «После первого Ключевского священника Максима, внука иеромонаха Иосифа Лазарева (сына которого — дьячка Андрея — смертельно ранили камчадалы в 1731 году, предварительно спалив церковный двор, чтобы в огне пожарища перебить казаков и захватить Нижнекамчатский острог. И вполне вероятно, что это могла быть и стрела, пущенная Ликочем. — *С.В.*), вторым священником был Григорий Коллегов. Отец его природный камчадал, тойон Ключевского острожка Лыкоч, в крещении наименованный Никитою Евдокимовым Коллеговым, сделался за смышленность свою любимцем архимандрита Хотунцевского, и был первым церковным старостой при начальной Ключевской церкви. Григорий поступил в 1760 году пономарем к сей же церкви, а в 1777 году 7 января рукоположен иркутским епископом Михаилом I во священника. Скончался 27 февраля 1797 года. Место умершего занял сын его Михаил, рукоположенный в священника 21 апреля 1799 года иркутским епископом Вениамином. За пастырские труды Михаил был впоследствии украшен наперсным крестом. А в 1842 году преосвященным камчатским Иннокентием, совершавшим первое служение в Ключевской церкви 15 декабря, — как в воздаяние заслуг, так и в ознаменование дня открытия камчатской епархии, Михаил почтен саном протоиерея. Скончался в сентябре 1852 года. Место его занял сын его Илья. И уже один из внуков его Михаил священствует на Камчатке. Только род Коллеговых чисто камчадальский упрочился на службе церкви» [Прокопий Громов, «Историко-статистическое описание камчатских церквей», Труды Киевской духовной академии, Киев, 1861].

У Григория Никитовича Коллегова было три сына — Михаил, Григорий и Георгий, каждый из которых также пошел по духовной линии.

Дети старшего — Михаила — служили в Ключевской церкви, младший из них, Василий Михайлович, был уже за штатом и крестьянствовал. Он был отцом последнего священника Нижнекамчатской Успенской церкви Геронтия Васильевича Коллегова, который, в отличие от представителей старшей линии своего рода не имел духовного образования.

Интересная судьба Михаила Григорьевича Коллегова, сына Григория Григорьевича, по-

номаря Ключевской Троицкой церкви. Он получил образование в Иркутской духовной семинарии. 26 ноября 1842 года рукоположен в священники и с 1850 года служил в Петропавловском соборе.

Именно он, во главе с настоятелем собора Георгием Ивановичем Логиновым и его братом Александром, под обстрелом англо-французской эскадры, бомбардировавшей укрепления Петропавловского порта перед штурмом, проводили торжественный молебен перед боем. В 1855 году «за оказанный им подвиг самоотвержения при отражении неприятельского нападения на Петропавловский порт в лето 1854 года в августе месяце Высочайше награжден бархотною фиолетовою скуфеею», в 1856 году награжден наперсным крестом на Владимирской ленте и памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте, которой награждались непосредственные участники сражения за Петропавловск.

Вместе с ним проводил молебен старший брат Геронтия Васильевича Коллегова Моисей Васильевич, выпускник Камчатского духовного училища, дьячок Петропавловского собора, впоследствии священник Дранкинской церкви.

В 1840 году с образованием в Российской империи Камчатской епархии, охватывающей два континента (Аляску с Алеутскими островами в Америке и Камчатку, Чукотку, Курильские острова, Якутию, Охотский край, а впоследствии еще и Приамурье с Приморьем) выпускники духовной семинарии Иркутска, Новоархангельска, Якутска, Благовещенска и духовных училищ распределялись для службы по всей этой огромнейшей территории, утрачивая всякую связь со своей малой родиной и своими родниками (родственниками), о дальнейшей судьбе многих из которых нам сегодня ничего неизвестно.

Когда в Хабаровске, будущем центре Приамурского генерал-губернаторства, был построен первый православный храм, то службу в нем начал прибывший из Николаевска-на-Амуре священник К. Коллегов — Константин Григорьевич (1829), выпускник Камчатского духовного училища, сын Григория Михайловича – представитель третьего поколения камчатских священников Коллеговых.

А на Камчатке сегодня род потомков Лыкоча — один из крупнейших, объединяющий ключевских и большерецких Коллеговых.

Ключевских — по их исторической родине. В том числе и нижнекамчатских — здесь, как мы уже говорили, последним настоятелем Успенской церкви был Геронтий Васильевич Коллегов, сын ключевского крестьянина Василия Михайловича Коллегова.

Большерецких — по службе брата Василия Михайловича — настоятеля Большерецкой Успенской церкви Григория Михайловича Коллегова, дети которого породнились со многими старинными фамилиями Камчатки — Спешневыми, Логиновыми, Селивановыми, Сторожевскими…

А есть еще и крестники священников Коллеговых — из некогда существовавших на Камчатке сел Харчино и Еловка.

Но возможно, что это не совсем и так — и камчадалов Коллеговых (жителей долины реки Камчатка) и коряков Колеговых (жителей восточного побережья полуострова) объединяет один и тот же человек — нижнекамчатский казак Евдоким Колегов, участвовавший в крещении и тех, и других, сопровождая архимандрита Камчатского — Иоасафа Хотунцевского в его Духовной Миссии из центра миссионерской деятельности — Успенской церкви Нижнекамчатского острога по «присудственным подострожным» землям. По крайней мере известно, что знаменитого корякского бунтаря тойона (вождя) Умьевушку, впоследствии прозванного Дранкой, официально называли после крещения Стефаном Евдокимовым сыном Колеговым, то есть крестным отцом и этого — уже корякского — вождя был Евдоким Колегов.

Вот так переплелась наша камчатская история в судьбах ее коренных жителей.

И несколько слов о написании двух букв «лл» в этой фамилии: потомки Лыкоча пишут свою фамилию с двумя «лл», а крещенные священниками Коллеговы коряки — с одной буквой «л».

Конечно же, грамотные священники Коллеговы связали происхождение своей фамилии со словом «коллега».

Но специалисты по антропонимике говорят о более древнем происхождении этой фамилии и о том, что патриархом этого рода был представитель народов коми — коми-пермяков и коми-зырян, которые задолго до похода Ермака Тимофеевича начали осваивать сибирские земли за Камнем (Уральскими горами).

И вот что говорят специалисты:

«У коми фамилии появились начиная с XV столетия. Дело в том, что Пермь Вычегодская и Пермь Великая первоначально подчинялись Новгородской республике, где фамилии присваивались представителям всех слоев населения. Таким образом все ныне существующие фамилии народов коми образованы по “русскому” типу — с помощью суффиксов -ов (-ев), -ин, -ский. Однако корни, лежащие в основе фамилий, можно разделить на три разновидности. К первой относятся корни, позаимствованные из языка коми. Ко второй — корни, взятые из русского языка. К третьей — корни, имеющие интернациональное происхождение от собственных имен.

Так, фамилия Бурматов происходит от “бур” (добрый) и “морт” (человек), Ичеткин — от “ичет” (маленький), Кудымов — от мифологического коми-пермяцкого героя Кудым-Оша, Колегов — от “кальог” (болтливый), Кычанов — от “кычи” (щенок), Пупышев — от “пупыш” (прыщ), Ческидов — от “ческыд” (сладкий, приятный), Юров — от “юр” (голова)».

Значение слова «болтливый» не нужно рассматривать в негативно-ироническом смысле — ведь это не только собственно «болтун», но и — в другом контексте — говорун, замечательный рассказчик, хранитель эпоса, сказочник.

В 1706 году в седьмой пятидесятне Якутского казачьего полка служил Никифор Яковлев Колегов.

А в 1720 году – Евдоким Борисов сын Колегов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 20 об.], с которым и перекрестилась в долине реки Камчатки судьба тойона Лыкоча — именно нижнекамчатский казак Евдоким Борисович Колегов и стал крестным отцом Лыкоча.

Но разделил их первоначально Харчинский бунт, одним из виновников которого был и Колегов:

«Приговор походной розыскной канцелярии
от 28 февраля 1735 г.

“И подьячего Екима Мухоплева, зборщиков Матфея Новогородова, Евдокима Колегова, Ивана Калашникова, Василья Конева, Алексея Воробьева, да манастырского слушку Василья Нижегородова, которые в бытность камисара Новогородова в 730-м году были за ясашным збором и чинили иноземцам по ево, Новогородову, приказу великое раззорение и обиды, сверх ясаку збирали в чащины по три и по четыре места соболми и лисицами и отдавали ему ж Новогородову, за что по следствию и по розыску подлежили б все смертной казни, но однако ж оные чинили по приказу камисарскому, а не сами собою, и за то им учинить наказание — бить кнутом нещадно”» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 43 об. – 44 об.].

С Евдокимом Борисовичем лично был знаком Степан Петрович Крашенинников, о чем осталось свидетельство:

«Февраля 10 дня требовал я от приказной избы, чтоб два человека карагинцов Халишин да Велли чрез нарочного посыльщика привезены были для написания слов их языка, о которых я известился, что не на острову, но на здешнем берегу зимуют, и чтоб посланному служивому приказано было купить у них иноземцов усовой куяк, да привезть бы с Уки иноземца, имеющего каменную жену, с женою и с малым робенком. И против означенного требования послан по них иноземцов наречной посыльщик служивой Евдоким Колегов» [Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 82–92].

Прежнее письмо было 1739 года, а следующее написан в июне 1740 года:

«Октября 31 дня требовал я Нижнего Камчатского острога от приказной избы двух человек служивых для посылки в ясашные иноземцы, одного в Коряки за покупкою коряцкого платья, а другого для привезения, ежели найдутся на здешнем берегу, островных карагинцов. И против означенного требования присланы ко мне партии служивой Иван Карташев да камчатской житель Евдоким Колегов, из которых Карташев послан для привезения карагинцов и велено ему в проезде, ежели найдутся, покупать усовые и костяные куяки, а на покупку куяков послано с ним китайского табаку один фунт, из того числа велено ему в дороге карагинцов довольствовать кормом и табаком поить. А Колегов послан для покупки коряцкого платья, а на покупку того платья дано ему табаку два фунта.

...Того же генваря 4 дня возвратился в Нижней Камчатской острог посыланной для покупки коряцкого платья служивой Евдоким Колегов и объявил репортом, что де коряк в близости не имеется, а которые де и были и те де до прибытия его откочевали в олюторскую сторону, токмо де куплено из коряцкого платья два малахая, в том де числе один с красками, да хоньбы женские, а за все де дано табаку четверть фунта. Означенного служивого, приняв у него остальной табак, того же числа отослал при ведении Нижнего Камчатского острога в приказную избу» [Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 95–109].

Была у Евдокима Борисовича и семья в Якутске:

«По гор. Якуцку в казачью службу определены
Иван Евдокимов с. Колегов»
«Города Якуцка разночинцы:
Взято в рекруты: Яким Колегов» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.122, 124].

КОЛМАКОВЫ (КАЛМАКОВЫ)

Диапазон распространения этой фамилии необычайно широкий, впрочем, как и само значение этнонима калмак (колмак), от которого и произошла фамилия.

Е.Н. Полякова в «Словаре пермских фамилий» [Пермь, 2005] производит эту фамилию «от некаленд. имени или прозв. Калмак из этнонима калмак — древнего названия одного из башк. родов».

Но вряд ли с ней согласятся сибирские историки. Мы сейчас приведем цитаты из разных текстов, описывающих ситуацию в различных сибирских регионах, и увидим, насколько широко и неоднозначно было понимание и восприятие этого этнонима в Сибири:

«1623 г. — Отписка тюменских воевод тобольскому ...В нынешнем, господине, во 131-м году июня в 28 день пришли на Тюмень ис калмаков казанские торговые татарове... и в распросе нам сказали: были де они в колмаках для торгу... и слышали де они от таишей колмацких в разговоре: только де в Тюмени воеводы послов русских не пришлют, и они де колмацкие люди хотят прити под Тюмень войною в скоп, Тюмень де от иных городов удалела, а люди де на Тюмени живут в уезде от города в одале, покаместа де русские люди збираютца, и мы де хлеб потопчем и деревни пожжем... А на Тюмени, господине, служивых людей мало: во многих розсылках...» [Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. Приложения. №206. С. 304].

«Лета 7143-го сентября 19 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, в Нижную Ницынскую слободу приказщику тобольскому сыну боярскому Ивану Венгерскому. В нынешнем во 143-м году сентября с 18 числа вышел на Тюмень ис Калмаков Тюменской ясашной татарин Баймаметко Булайчин а в роспросе мне сказал: ныне де летом бега-

ли они Баймаметко да Юзеянко Кудабянов с товарищи в Калмаки…

Абла похваляетца войною на государевых людей, покаместа он и жив будет; а людей де в войну им Кирею и Абле дает Гушей тайша; а кочуют де они Кирей и Абла и калмацкие тайши Талай и сын его Аблай и Гущин за Ишимом, блиско речки Колоты…» [ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 25 и 25 об., № 17].

«В 1638 году кузнецкие воеводы сообщили в Москву, что в пределы уезда вторглись орды калмыков (монголоиды; они же калмаки, ойраты, джунгары) под командованием князя Коки. Они "кузнецких служилых и всяких чинов людей и подгорных юртовских татар многих побили и лошадей и рогатый скот отогнали без остатку… сжатый хлеб пожгли, а несжатый потоптали"».

1689 год. «Воевода сообщал в своей отписке, что "послы" должны были шпионить для джунгарских владетелей, "…те бухарцы пришли с тем полоненным ясырем в Красноярской ваших, Великих Государей красноярских, ратных людей подсматривать и сколко на степях скота и они б бухарцы под красноярской калмаков и киргиз и войною не подняли б а которой, Государи, киргиской мужик яранчакова улусу ясаул конженячко на ваше Великих Государей царьского величества на вечное подданство вышел, а сказывал, что идучи на Киргискую землю две тысячи калмаков и от них де калмаков ничего не чаять доброго нечево…"» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1052. Л. 110].

«В пределах Кузнецкого уезда в конце XVII в. русских селений на Оби не было. На ее берегах отмечены юрты белых и черных калмаков, телеутов, карсагалов. Русские селения отмечены на левых притоках Томи — 24 деревни, на правом берегу Томи с ее правыми притоками — 7 деревень» [Вопросы истории Сибири, выпуск 1, Томск, 1954].

По данным «Книги государева жалованья и окладныя…» Тобольска за 1696 год, казаки Колмаковы (Калмаковы) представлены (и это очень характерно) в двух списках: в перечне казаков Литовского списка (где учитывались в первую очередь иноземцы); Литовского списка казак Калмаков Ондрюшка Ларионов (в 1705 году «забрит» в солдаты).

Литовского списка казак Калмаков Ивашка в перечне казаков новокрещенного списка (где так же, в первую очередь, учитывали иноземцы).

Новокрещенного списку казак Калмаков Ивашко Володимеров. Новокрещенного списку казак Калмаков Ивашка большой. Новокрещенного списку казак Колмаков Ивашко меньшой.

В Якутии первый казак — Федотко Пантелеев сын Колмак — отмечен в 1670 году. Что важно — он был человеком грамотным. И только за 1670 год он одновременно был направлен, согласно документу, для письма сразу в три разных места — в Майское зимовье, на Вилюй в нижнее зимовье и в ясачные волости [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.100, 101].

В окладной книге 1681 года он показан уже в женатом окладе — значит, у него уже была семья, на которую полагался дополнительный оклад.

К 1692 году Федот Пантелеевич становится чиновником — подъячим Приказной избы [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 9].

В 1683 году у него родился сын Иван.

«…в 1699 г. якутский казак Ивашка Калмак был переведен в пятидесятники "за службу и за кровь и за раны отца ево", подъячего Федота Калмака» [Сафронов Ф.Г. История Северо-Восточной Азии 17 – нач. 20 в.].

«Иван Федотов с. Колмаков, в пр. 705 г. по грамоте вел. гос., приверстан в дети боярские, и в нын. 706 г. апр. в 29 д. приверстан в казачью службу в его Иванов оклад казачий племянник Семен Михайлов с. Тугумов» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

В 1688 году в Якутске появляется еще один Калмаков — что интересно, из местных жителей, возможно, якут — саха, так как Якутский полк испытывал кадровый «голод»:

«Дело о поверстании в пешую казачью службу сына казачьего десятника Никиту Иванова Голыгина и якутского уроженца Матвея Колмакова» (18.12.1688)».

Но уже в 1691 году его не стало:

«Новокрещен Матюшка Калмаков в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 61].

В тот год от оспы умерло более ста пятидесяти казаков, и необходимо было в самом срочном порядке пополнять резко поредевшие ряды Якутского казачьего полка, куда были направлены казаки и казачьи дети, братья, племянники из разных городов Сибири.

И вот пример — по именным спискам якутских казаков за 1692 год проходит в женатом окладе Ларка Колмак [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 21 об.]. В 1706 году Ларион служит во второй пятидесятне Якутского казачьего полка.

И в том же 1692 году вместе с отцом служит казак Федор Ларионов сын Колмак (в 1706 году он отмечен в пятнадцатой пятидесятне).

А теперь давайте вспомним Андрея Ларионова сына Колмака — тобольского казака Литовского списка, «забритого» в 1705 году в солдады.

Совпадение? Вряд ли — тобольские казаки постоянно приходили на годовалую службу в Якутию, которая из годовалой нередко переходила в «вечную».

А вот данные за 1720 год:

«Во дворе служилово Якова Ильина сына Фролова живет служивой Федор Ларионов сын Калмаков и он Федор послан Великого государя на службу на Вилюй а по скаске жены ево ему Федору пятьдесят лет (1670)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 56 об.].

Последнее место службы Федора Ларионовича — Средне-Вилюйское зимовье, где он умер.

Его сын — Иван Федорович — продолжил казачью службу, а вот другой сын — Степан Федорович, — показан в переписи 1748 года раз-

ночинцем в Тауйском остроге. Но, полагаю, что этот период дальневосточного расказачивания длился недолго — так как уже после гибели на Чукотке Дмитрия Павлуцкого здесь начали концентрироваться части регулярных и нерегулярных военных соединений для защиты от грабительских набегов чукчей и коряков ясачного населения Охотоморья.

Регулярные войска на Чукотке первоначально представлял Якутский пехотный полк, формирование которого шло за счет жителей (в первую очередь, казачьих детей) Нерчинска, Селенгинка и Иркутска.

И вот пример:

«перешедшеи из Стретенского острогу
взято в рекруты

410) Михаило [Герасимов сын] Калмаков» [РГАДА, Ф. 350 Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917 2-я ревизия. 1744 год].

А вот другой пример из тех же архивных материалов:

Взят в службу «на Камчатку ис перешедших
из Стретенского острогу

807) Василей Калмаков».

В 1766 году в Гижигинской крепости служит казак Андрей Никитин Калмаков.

А спустя шесть лет, в 1772 году, солдат Степан Калмаков и казак Егор Калмаков.

Вполне возможно, что оба — дети Андрея Никитича, так как пополнение крепости шло, в первую очередь, за счет казачьих и солдатских детей, которые самим фактом своего рождения уже были верстаны в ту или иную службу — в зависимости от штатной необходимости.

В 1781 году появляется в рядах гарнизона крепости солдат Данила Калмаков [РГВИА, ф. 14808, оп. 1, д. 88].

Гижигинская крепость, 1831 год:

«Список именной о находящихся в 3-й
[Гижигинской] сотне чинов и казаков
Май 1-го дня 1831 года

Колмаков Андрей (1771), мастеровой» [НА РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.].

Кто был его отцом? Мы этого не знаем.

Но мы знаем другое.

Вместе с отцом служит уже и сын: Калмаков Григорий [Андреев] (1811), казак» [там же].

Другой сын:

«Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола.
За 1856 год

казаки

Василий [Андреев сын] Колмаков — 41 (1815), поступил на службу в 1833 году. Ж. Параскева Ильина — 41 (1815)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

А вот с третьим его сыном проблемы — мы никак не можем установить его истинное имя:

«Посемейный список о казаках Камчатской
команды служащих и отставных с их детьми.
1852 год
Гижигинская крепость

Служащие
Казаки

Колмаков Феноген Андреев — 24 (1828)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

«Именной список казакам Гижигинской
казачьей команды и их семействам обоего
пола. За 1856 год

казаки

Колмаков Феопонт [Андреев] — 29, поступил на службу в 1845 году» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы
В Гижиге

казаки

Колмаков Феофил [Андреев] — 28; из казачьих детей, на службе и в чине с 1849 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской
казачьей команды. 1 января 1856 г.

“Переведены на службу в Петропавловский порт приказом от 19.12.1855 г. из Гижиги казаки Степан Попов и Феофей [Андреев] Колмаков”» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 15].

Но только Василий Андреевич продолжил род гижигинских казаков Колмаковых:

«Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола.
За 1856 год

казаки

Василий Колмаков — 41, поступил на службу в 1833 году. Ж. Параскева Ильина — 41. Сыновья: Степан — 15, Семен — 12, Роман — 9, Александр — 6, Яков — 1» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

Благодаря сотрудникам Магаданского государственного архива, мы имеем продолжение этой семейной истории:

Колмаков Степан Васильев (1841), гижигинский казак. Ж. (с 24.02.1861) Пшенникова Зиновия (1837), дочь гижигинского казака.

Колмаков Роман Васильевич (01.10.1846), Гижигинский казак. Ж. (с 10.05.1878) Трифонова Зиновия Иннокентьевна (1853), дочь гижигинского мещанина. Ж. 2. Ж. 3 (с 26.04.1889) Кожевина Матрена Андреевна (18.11.1867), дочь гижигинского казака.

Следующее колено:

Колмаков Евсевий Степанович (1864), казачий сын. Ж. (с 21.05.1889), Котельникова Анастасия Михайловна (1871), мещанская дочь.

Колмаков Иван Степанович (1870), кантонист Гижигинской казачьей команды. Ж. (09.11.1889) Нифантьева Ольга Егоровна, казачья дочь.

Колмакова Параскева Романовна (1892), дочь каз. М. (с 1915) Малахов Сергей Афиногенович (1892), сын ум. священника.

Колмаков Василий Романович (1894), кантонист Гижигинской сотни. Ж. (08.11.1915) Нифантьева Мария Федоровна (1895), дочь ум. казака Федора Петровича Нифантьева.

Колмакова Анна Яковлевна (1879), дочь отст. Гиж. казака. М. (с 17.05.1896) Зиновьев Григорий Николаевич (1875), льготный Гиж. казак.

А вот и дети потерянного нами имени — Феофана (или Феопонта?) Андреева сына — Колмакова:

Колмакова Дарья Феофановна (1876), дочь гижигинского казака. М. (с 23.01.1895) Трифо-

нов Иван Иннокентьевич (1874), гижигинский мещанин.

Колмакова Улита Феофановна (1878). М. (05.11.1895) казака Парфентьев Алексей Тимофеевич (1871), Гиж. казак.

Колмакова Феоктиста (Анна) Феопонтовна, дочь ум. казака Феопонта Андреева Колмакова. М. 1 (с 08.11.1900) Беломоин Архип Андреевич, Гиж. мещанин. М. 2 Зиновьев Давид Алексеевич (1892).

КОЛОГРИВОВЫ

В 1753 году в Анадырский острог в состав Секретной экспедиции был направлен солдат пехотного батальона Сибирского гарнизона Алексей Кологривов:

«34 лет, из казаков г. Томска, женат, детей мужска полу нет, в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г. июня с 25-го числа» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478. Л. 33 об. – 34].

Томский род казаков Кологривов начинается с Кузьмы Емельянова сына Кологривова:

«Куземка Емелянов сын Кологривов. И сентября в 5 день Куземке государево жаловане на нынешней на 139-й год оклад ево, четыре рубли с четю, дат. Взял сам».

«Кологривов Кузьма (Куземка) Емелянов, томский пеший казак десятка Б.Н. Вилеженина» [Томск в XVII веке: документы н материалы Приходные и расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в., Томск, 2005].

В «Дозорной книге Томского уезда» за 1703 год находим его потомков.

Вероятно, старший из братьев (показан в именной книге за 1680 год):

«Деревня Аркашева на Малой Уксайке речке.

Борис Кузмин сын Кологривов (Л. 194)

В Томском уезде в Окологородном стану конные казаки живут в разных деревнях на пашенных своих заимках.

Деревня Кологривова.

Семен [Кузьмин сын] Кологривов, сын Иван Большой — 20, Ларион — 19, Иван Меньшой — 5, Семен — 3 (Л. 79 об.).

Деревня Верхняя Искитимская Червева тож на р. Томи на усть речки Верхнего Искитима

Артамон Кузмин сын Кологривов (Л. 181).

А далее следуют представители уже третьего поколения Кологривовых:

Федор Борисов сын Кологривов (Л.106).

Томскаго уезду Окологородного стану казачьи дети живут в разных деревнях на пашенных своих заимках…

Василей Семенов сын Кологривов (Л. 315).

Андрей Иванов сын Кологривов (Л. 320) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371].

Алексей, родившийся в 1720 году, представляет, по всей видимости, уже четвертое поколение томских казаков Кологривовых.

КОЛОКОЛЬНИКОВЫ

Петру Иванову сыну Колокольникову мы обязаны дважды.

Во-первых, он руководил артелью по строительству в Нижнекамчатском остроге на реке Радуге церкви Успения Пресвятой Богородицы — первой миссионерской церкви на Дальнем Востоке, деятельность которой простиралась на два континента — российский Дальний Восток и Русскую Америку.

А во-вторых, он был первым мастером-кораблестроителем промыслового тихоокеанского флота России, срубив на реке Еловке первый шитик — шитый лозой и вичами (тонкими смоляными кореньями лиственницы).

Вот что сообщает по этому поводу один из летописцев промыслового освоения Русской Америки А. Полонский в рукописи «Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год», хранящейся в Архиве Русского Географического Общества [р. 60, оп. 1 № 2]:

«“Петр”. (1743–1744) компании Басова.

Компанию составляли, или были главными хозяевами судна: служилые — Ем. Басов, Евтихий Санников, промышленные Попов, Холшевников, посадские — Паншин, Данило Соснин, которые постановили: 250 р. следующие за постройку судна, 50 р. за оковку его и деньги, причитающиеся за разные материалы по вооружению судна, по 70 р. с каждого участника, или пая, заплатить по возвращении из вояжа, а промысла делить поровну на 20 паев.

На общий счет с явившимися участниками Басов подрядил Нижнекамчатскаго служилого *Петра Колокольникова* построить судно-шитик с гребями и парусами длинною по килю от корга до корга, в сажень шириною, внутри, 7 аршин и вышиною, внутри же 3 аршина, с условием — деньги за строение получить по возврате из вояжа. В течение зимы 1742–43, Колокольников построил на р. Еловке судно и по вскрытии рек привел его в Нижекамчатск. Приняв шитик, Басов наименовал его “Петр” и немедленно приступил к изготовлению его в поход, причем употреблено им 25 п. смолы, 10 п. железа на скрепление, 50 п. крапивы на конопать и 300 арш. холста на паруса — фок и брифок; два якоря по 6 пуд. каждый, от разбитой японской бусы, взяты в казне, а два компаса куплены за 150 р. у пробирнаго мастера Гардеболя. Мореходом по компасам, смотря по ветру, указательство чинить избран служилый Евтихий Санников, а для указания пути к островам, замеченным во время похода Беринга на восток от Камчатки и богатств бобрами взяты два казачьи сыновья, возвратившиеся в 1742 г. с Берингова острова на гукоре “Петр” в числе команды потерпевшего там крушение пакетбота “Петр”».

Но знаем мы о замечательном кораблестроителе Петре Иванове сыне Колокольникове до обидного очень мало.

Вот данные по Якутску за 1720 год:

«Служивые люди

В юрте служивой Петр Колокольников … у него живет сын боярской Захар Панятовской» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 21 об.].

Обратим внимание на два факта.

Во-первых, не дом, а юрта. О чем это говорит — о том, что Петр Колокольников был старожилом Якутска и не случайно построил для себя не избу (дом), а юрту — так ему было комфортнее.

Во-вторых, эта юрта не представляла собой какое-то примитивное строение, раз уж в ней поселился на правах квартиранта сын боярский.

Но через десять лет судьба Колокольникова резко меняется: он включен в состав экспедиции Шестакова-Павлуцкого.

«1730 г. ноября 12. — "Реестр служилым людям, которые присланы были с реестром от штурмана Якова Генса на мореходное восточное судно для морскаго пути в Большерецкой острог, а ныне которыя имеютца налицо в Большерецком остроге и коликое число в росходе и о том явствет ниже".

Налицо в Большерецком остроге:

Матрозы: Петр Таранкин, Агафон Назаров.

Служилыя: Алексей Привалихин, Алексей Антипин, Лаврентей Базлуков, Григорей Томилов, Степан Коровин, Андрей Верхотуров, Иван Удалой, Дмитрей Осколков, Николай Нечаев, Сава Чагин, Семен Бочкарь, Петр Колокольников, Трифан Крупышев, Алексей Мешков, Иван Усов, Иван Поляков.

Никифор Клестов на восточное судно прислан с ордером.

У восточнаго судна и у припасов на карауле: Иван Амосов, Алексей Малышев, Михайло Хмылев, Леонтей Амосов, Иван Святовой, Клим Пахолков.

На реке Утке на карауле у правианту: Герасим Епифанов, салдат Сава Медведев.

Мореход Андрей Буш остался на Утке реке.

Под караулом выслан в Якуцк Иван Зуев.

Афонасей Саламатов на боту "Гавриле".

Иван Томской прислан в реестре, и оной в Охоцку на восточное судно не явился.

Семен Таюрзской в море утонул: выкинуло волною в шхерботе в море».

Конечно, нас не может интересовать вопрос, почему Петр Колокольников, имея собственное жилье в Якутске, остался служить на Камчатке?

Вполне возможно, что и не по своей воле. Вот, например, версия, которую выдвинул писатель Николай Бушнев в очерке «Мореход трагической судьбы»:

«В 1730 году подштурман Иван Федоров принял бот "Восточный Гавриил". 18 сентября 1730 года боты "Святой Гавриил" под командой Я. Генса и "Восточный Гавриил" Ивана Федорова изготовились к отплытию. В этот день штурманский дневник Федорова заполнялся дважды. Вначале о том, что казак Иван Зуев, не получивший сполна жалованье за 1730 год, не хотел "в партии служить" и "учинил при отвале немалое возмущение, чтоб всю партию остановить", объявил на Генса и Федорова "слово и дело". Отход судов задержался и отплыли лишь после того, как под конвоем в оковах казака Зуева отправили в Якутскую канцелярию. Предчувствия Ивана Федорова из-за неудачного отхода в путь оправдались. Когда бот "Восточный Гавриил" приблизился к Камчатке неподалеку от устья р. Кыгчик [Кихчик], налетевшая буря отнесла судно в море и, растрепав на волне, выбросила на берег 4 октября в 30 верстах севернее устья р.Большой. Выбравшись на косу, команда переносила с корабля припасы и снасти.

Тревожные донесения явно растерявшегося подштурмана И. Федорова следуют одно за другим. "Кормов нет, служивые просятся в острог". Ухудшилось положение тем, что сбежали десять проводников, бывшие на судне. Донесения Федорова служилый А. Мошков все же доставил в Большерецк и оттуда принес указ от Генса: судно поднять из воды "повыше", просушить пеньку, вблизи построить юрту, куда сложить все припасы, оставить караул, после чего прибыть в острог. Болезнь подштурмана все больше давала о себе знать, и Федоров перебрался с берега в ближайший ительменский острожек. Оттуда просил Генса "учинить вспоможение", а также выделить ему в Большерецке "покойную фатеру". 19 октября он сообщил Генсу о бегстве двух служилых и о том, что А. Назаров "крычал на меня необычно", П. Колокольников и остальные служилые люди "в работе ослушны и бранят меня матерно в глаза". Из этого явствует, что в сложной ситуации Иван Федоров не смог справиться с подчиненными, и причиной этому могли служить либо его усиливающаяся болезнь, либо отсутствие у него командирских навыков и твердого характера. Лишь в ноябре, оставив шесть служилых у разбитого судна в карауле, Федоров с командой в 19 человек (было 30) добрался до Большерецка, где началась тяжелая зимовка отрядов экспедиции».

В переписи Якутского уезда за 1748 год Петр Колокольников числится уже умершим.

Но Петр Иванов сын Колокольников не был первым из камчатских Колокольниковых.

В 1712 году верхнекамчатские казаки (ядром которых были уроженцы Тобольска) пришли грабить своих коллег — нижнекамчатских казаков. В результате этого грабительского набега часть нижнекамчатских казаков (по доброй воле или неволе) присоединилась к грабителям. Среди них был и Степан Колокольников.

Вероятно, он был в этой группе по неволе, так как спустя четыре года ему было доверено командование:

«В мае 1716 г. в Курильскую землю был послан отряд Степана Колокольникова. Он призвал в ясак четыре человека. "А непокорные идти не похотели и на бой со служилыми людьми становились и их смирял он разным боем. И был он на р. Авачике и там неясашные иноземцы в ясашный платеж не идут"».

Вполне возможно, что Степан Колокольников, как и Петр, были внуками Григория Колокольникова, который служил в Якутии в казаках еще в начале 1650-х годов:

«…в 1651 г. Григорий Горбун был послан на Индигирку в отряде Василия Бурлака. В 1658 г. Цыпандин выслал Горбуна и Семена Чухчерема

в Якутск с государевой казной на коче. Миновав реку Хрому, судно попало в бурю и погибло (в челобитной — замерзло). Голодные и больные пришли казаки в Устьянск глухой осенью. Всю зиму проболел Горбун. В 1650 г., отослав казну с казаком Григорием Колокольником и Дружиной Чистяковым в Якутск».

1654 год.

«Роспись служилым людем, которые посланы на государеву дальную службу на Ковыму реку с сыном боярским, с Костянтином Дунаем:

Гришка Иванов, Шестачко Сергеев, Данилко Тихонов, Гаврилко Черепан, Гришка Колокольник, Митька Шабаков, Овдокимко Кирилов, Никраско Федоров, Семейка Чюхчерем, Васька Шалюта, Ивашко Носко.

Да с ним же, Костянтином, послано на Ковыму реку из государевы казны:

Юкагирем на государево жалованье пол 2 пуда меди зеленой в котлах да пол пуда олова в блюдех.

Юкагирем же аманатом на корм 20 пуд муки ржаной. Да для рыбной ловли аманатом же на корм 100 сажен сетей неводных, да на сшивку 10 гривенок прядена неводнову. Да на государевы дела 3 дести бумаги писчей, да для судовой поделки напарья большая, тесла да пешня. Да с ним же, Костянтином, послано государева ладану 2 пуда продать на Ковыме реке ковымскою торговою ценою».

1658 год.

«Книга сбора ясака за 1657–1658 (166) г. с юкагиров по Индигирскому острожку служилого человека Герасима Иванова и таможенного целовальника Луки Артемьева Ощепкова. Скрепили Иванов и Ощепков. “167-го году июня в 21 день подал служилой человек Гришка Колокольник”» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

А вот эти братья, скорее всего, дети Степана Колокольникова, судя по количеству дворовых, записанных на имя одного из них. Петр прибыл на Камчатку в разгар Харчинского бунта и по итогам деятельности Розыскной канцелярии, расследовавшей причины этого бунта, было приказано отпустить всех холопов на волю.

«Большерецкого острогу

Разночинцы

3188) Кондратеи Колокольников
3189) у него брат Лука
3272) Кондратья Колокольникова дворовые некрещеные Кенюга
3273) Карымча
3274) Киврич
3275) Мгат
3276) Ченава
3277) Шаишама
3278) Сучея
3279) Синук
3280) Чекава
3281) Кыкша» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 116, 118].

Лука Колокольников, казачий сын, был в 1740 году толмачом у студента Степана Петровича Крашенинникова [Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 34].

А потом идет интересная череда Федоров Колокольниковых.

«Якутск, перепись 1722/1748 гг.:

Города Якуцка разночинцы:

Умершие:

Федор Колоколников [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.118].

Федор Колоколников [там же, стр. 119].

«Гижигинская крепость, 1761 год:

Казаки

Федор Колокольников» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3. Л. 11].

«Петропавловский порт, 1815

Петропавловская казачья команда

Колокольников Никита Иванович (1773), казак. Ж. Татьяна Ефремовна (1769). Дети: Федор (1804), Константин (1812)» [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

В 1815 году Никита Иванович в числе отставных казаков. И с той поры следы семьи теряются — вероятно, казаки Колокольниковы вернулись в Якутию.

КОЛЧИНЫ

В период с 1722 по 1748 год в Анадырском остроге служил казак Илья Колчин, записанный впоследствии в разночинцы [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л.78 об.].

Используя свою информационную базу, мы нашли два пути появления этой фамилии на Северо-Востоке России.

Первый — традиционный — из тобольского родового казачьего гнезда.

Тобольск, 1661 год:

«Пешие казаки Ивановы станицы Федорова

Ивашко Мартынов Колча» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 171].

Колча — это, чаще всего, колченогий (вероятно, раненный в ногу, хромающий).

В 1689 году в Тобольске в пеших казаках станицы атамана Ивана Булдакова служат двое Колчиных: Степан и Яков [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948. Л. 470 об., 478].

Илья может быть тобольским казаком в третьем поколении. Казаком — годовальщиком.

Второй вариант не традиционный — мы не имеем примеров службы красноярских казаков на Северо-Востоке, но мы находим здесь аналоговые фамилии и не можем об этом не сказать.

В красноярских «черкасах» (ссыльных запорожских казаках) в 1664 году служит Алексей Наумов сын Колча [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 466. Л. 30].

В «Переписи города Красноярска и его уезда 1719–1722» [М., 2012, Л. 840, 874] отмечены две семьи Колчиных:

«Двор казачьего сына Федора Колчина. И он под опасением смертные казни сказал: он, Федор, — сорока лет. Детей у него: Иван — пятнатцати лет, Андрей — четырех лет.

…Двор пешего казака Микиты Колчина. И под опасением смертные казни сказал: 874 он, Микита, — пятидесяти четырех лет. Сын Андрей — тритцати лет, Андрей же — дватцати лет, Михайло — восмнатцати лет».

Есть еще третья версия, но она еще более слабенькая и касается Даурии [Багрин Е.А., Трухин В.И. Полк Афанасия Пашкова в 1655 г.: состав, вопросы комплектования и обеспечения перед отправкой в Даурию из Енисейска (с именным списком)]:

«К Пашкову из Москвы был послан даурский толмач Ондрюшка Колча, которого в столицу привез из экспедиции Дмитрий Зиновьев.

…Ондрюшка Колча "изменил" в Даурии. Позвав ясачных сборщиков "прежнего" даурского служилого человека Ивана Иванова и томского казака Алешку Каленова в земли таргачинцев, подчинявшихся богдойским людям» [РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 319].

Вполне вероятно, что все эти перечисленные Колчины могут быть и не связаны друг с другом, но, тем не менее, все они — часть нашей общей истории.

Как и этот:

«Колчин Иван Степанов сын (1824) — матрос 1-й статьи, из крестьян Иркутской губернии и округа Шилкинской волости, в 1850 г. переведен из 13-го линейного батальона в 46-й флотский экипаж, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца», в 1855 г. на этом же корвете участвует в сражении в заливе Де-Кастри».

Впоследствии Иван Степанович переведен в Амурский флотский экипаж и служил на тендере «Камчадал». Последние сведения о нем связаны с трагическими событиями — гибелью товарища:

«9 сентября этого же 1858 года командиром тендера "Камчадал" прапорщиком Кузьминым были опрошены члены экипажа — квартирмейстер Степан Серов, матросы Иван Колчин, Иван Пашков, Иван Карасеев, Антон Клименко, Увар Торопов, Алексей Кирпугиев и Игнатий Никитин.

И вот что выяснилось: квартирмейстер Степан Дурынин с матросами Анисимом Култышевым и Николаем Казаковым были отправлены с тендера на берег на лодке, чтобы выяснить о прибыли воды в реке Уда. На сильном ветру и при большом волнении лодка перевернулась. Матросы успели ухватиться за лодку, и подоспевшая шлюпка с тенедера спасла их, а квартимейстер Степан Дурынин погиб. Утром на береговой полосе было обнаружено его тело».

Вполне вероятно, что участник морского сражения после отставки вернулся в родные места…

КОЛЫЧЕВЫ

У казачьего историка Андрея Андреевича Гордеева есть любопытный сюжет, связанный одновременно с двумя историческими фигурами, которые он объединил:

«Против набегов ногайской орды со стороны Астрахани на Переволоке между Волгой и Доном донские казаки держали все время сильную заставу. По прибытии на Дон Ермак был назначен атаманом этой заставы. Как опытный воин, Ермак видел, что обороной против ногайских хищников безопасности достигнуть нельзя, и решил покончить с ними решительными мерами. Он привлек к намеченному плану разгрома орды яицких и гребенских казаков с их атаманами Нечаем и Андреевым. Кроме яицких и гребенских казаков, к отряду Ермака присоединился отряд "вольницы" под начальством Ивана Колычева, вошедшего в историю под названием Ивана Кольцо, история которого тесно связана с событиями, происходившими в то время при московском дворе.

Установленная царем "Опричнина" и производившиеся казни княжеских и боярских родов вызвали в стране недовольство и порицание царя. В числе первых обвинителей царя оказался митрополит Филипп, принадлежавший к роду бояр Колычевых. Он открыто стал порицать царя за его жестокости и несправедливые казни подвластных ему людей. Митрополит был лишен сана и отправлен в заточение, а весь род Колычевых подвергся жестокой расправе. Воевода Колычев был казнен, один из племянников митрополита попытался скрыться во владениях Челядиных, был схвачен и подвергся жестокой казни, отрубленная голова его была отправлена митрополиту. Второй племянник митрополита, состоявший при царе в качестве стремянного, или окольничего, бежал из московских пределов, и "Московские ведомости" сообщили, что "окольничий" Колычев "ушел в нети", что означало на языке писцов того времени — "бежал из Москвы". Окольничий Колычев появился под именем Ивана Кольцо на Волге, собрал отряд вольницы и стал заниматься "разбоем" в районе Самары. Будучи окольничим при царе, Иван Колычев не мог не знать атамана Ермака, находившегося в составе московских войск на Ливонском фронте. Он присоединился к Ермаку и принял участие в походе против Ногайской орды».

Работая над книгой «Орден кромешников», связанной с камчатским ссыльным Василием Ивановичем Колычевым, который был сослан по делу о царевиче Алексее Петровиче, с которым был дружен с детства, почему и был подвергнут опале со стороны Петра I ссылке и безвестному концу, я пытался найти подтверждение слов А.А. Гордеева.

И хотя эта версия вполне рабочая — фактов, ее подтверждающих, я не нашел.

Интересно другое. Колычевы — это один род с царями Романовыми. Их общее родовое пристанище — Кострома, Ипатьевский монастырь.

И вот любопытная запись, датированная 1632 годом:

«Яицкие казаки по переписи 1632 г.

Как отметил А.Б. Карпов по поводу материалов переписи, найденные списки казаков в числе 950 человек "представляют из себя списки только 'воровских казаков', тех, которые были 'на промыслах' и пришли в Москву заслуживать свои вины"… Ивашко Степ. Колычев Костромитин».

По поводу фамилии: «Фамилия восточного происхождения. От тюркского слова, означающего "меч, сабля". Фамилия образована от

прозвища Колыч, основа которого восходит к тюркскому имени Кылыч, до настоящего времени, распространенного среди тюркских народов. Возможно прозвище Колыч соответствует русскому слову, см. Колчин. Не менее вероятно происхождение прозвища Колыч из тюркского "нищий проситель" или "солдат, находящийся в патруле". Наконец не менее интересно сближение прозвища с тюркским словом со значением "нарукавник, панцирные наручи", в современных языках встречается в уменьшительной форме qolc+aq. Именно от последнего слова произошла фамилия Колчак. Колычевы. Спорная фамилия. В Огдр (II, с. 27) записано происхождение фамилии от Федора Колыча, внука Андрея Ивановича Кобылы, вышедшего "из прус" к Александру Невскому. С.Б. Веселовский (1969, с. 140–146), хотя и считает, что А.И. Кобыла был реальной личностью, но жил почти 100 лет спустя после Ал. Невского, в середине XIV века. К этому мнению присоединяется и А.А. Зимин (1980, с. 175–180), полагающий, что Колычевы происходят от Федора Колыча, сына Александра Елко, внука Андрея Кобылы. В этой родословной упомянут и ряд тюркских имен — прозвищ: Стербей Григорий — брат Федора Колыча, Аслан и Батуй — сыновья Федора Колыча (Веселовский 1974, с. 151), да и сама фамилия Колычевых, как считает Н.А. Баскаков (1979, с. 91–92), имеет тюркское происхождение: колча "колченогий", кылыч "сабля". Уже в конце XV века Колычевы становятся видными фигурами в истории Руси; так, в 1492 году отмечается Лобан Колычев — посол в Крым, в XVI веке — это известные бояре, особенно активно участвовавшие в завоевании Казани и Поволжья, крупные землевладельцы Подмосковья, позднее — государственные деятели (Рбс, IX, с. 81–84). В родстве с Шереметевыми».

Интересно, что в «родстве с Шереметевыми» отметили, а «в родстве с Романовыми» оставили почему-то в сторонке?!

К середине XIX века род бояр Колычевых… исчезает. Эту фамилию передают французскому роду Боде, породнившемуся с Колычевыми. Но и Боде вскоре исчезают.

А что у нас в Сибири?

Колычевы появляются в Якутии после эпидемии оспы 1691 года:

«Якутцкого города служилые люди
Десятники казачьи

Ивашка Епишев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Ивашково место казачей брат Алешка Петров Колычев в холостой оклад в рядовые казаки» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 15].

Могли ли это быть потомки яицких казаков?

Теоретически да, но документальных фактов у нас нет.

Далее — обратим внимание на то, что Алексей Петрович — казачий брат.

Но только в архивных материалах за 1710 год мы находим вторую линию якутских Колычевых:

«Служивой Харитон Яковлев сын Колычев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 64].

У Харитона, который служил в Среднеколымском зимовье, было двое детей — Иван и Афанасий.

Алексей Петрович служил на Камчатке, имел там семью. Был в авторитете — назначался приказчиком Нижнекамчатского острога в 1712 и 1718 годах, был церковным старостой построенной в Нижнекамчатске первой на полуострове церкви — Николая Угодника.

Иван Харитонович Колычев тоже побывал на Камчатке — в 1711 году он был помощником приказчика Василия Колесова, который проводил розыск по делу об убийстве камчатских приказчиков Владимира Атласова, Осипа Липина и Петра Чирикова [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 47].

Но он был в числе «годовальщиков» по принципу пришел-ушел. А Алексей Петрович обзавелся здесь большой семьей, но в 1731 году произошла трагедия, связанная с Харчинским бунтом камчадалов:

«…на устье Еловки реки убили служилых Петра Саранчина, да двух казачьих детей Колычевых…» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л, 1935].

Семья Алексея Петровича к тому времени была большая:

«Камчадалского острогу
Разночинцы

Алексея Колычева дети Василей, Иван, Семен, Осип, Петр, Иван» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 92 об. – Л. 93].

Погибли Василий и Осип.

Алексей Петрович имел за годы своего проживания на Камчатке весьма крепкое хозяйство:

«Камчадальского острогу
Служилые

Алексей Колычев. Алексея Колычева дворовые Никита, у него сын Иван, некрещеные Карымча, Лехтач, Хобин, Шайча, Чтач [там же, Лл. 97, 100].

А затем образовалось «белое пятно» в истории этого рода — не имеем никаких известий, кроме одного:

«Присланной при указе из Якуцкой-же канцелярии для употребления в кораулы до будущей весны возвратившиеся с Усть-Майской пристани для зимы следующие в Охотск.

Из якуцких: казак Яков Колычев» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 146].

Вероятно, это линия Харитона Яковлевича Колычева.

В 1781 году Колычевы (Колычовы) служат в Средне-Колымске:

«При Средне-Ковымском остроге

…Дмитрий Колычов

…Петр Колычов» [НА РС (Я), ф. 401 п, оп. 1, д. 1 т. 2, л. 253–256].

На Камчатке мы обнаруживаем новые сведения о казаках Колычевых только в Исповедальных росписях Петропавловского собора за 1821 год [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 3]:

Казаки

Колычев Мирон Егорович — 53 (1768). Ж. Гликерия Ивановна — 43 (1778). Дети: Василий —17 (1804), Иван — 13 (1808), Георгий — 3 (1818).

В 1823 году Василий Миронович был в казаках, а в 1835 году — уже в отставке, будучи к тому времени женатым человеком:

Колычев Василий Миронович. Ж. Параскева Тимофеевна —18 (1817).

Женат к этому времени был и его брат:

Иван Миронович Колычев. Ж. Ирина Михайловна — 23 (1812).

В 1833 году у Ивана Мироновича родился сын Николай, будущий участник обороны Петропавловского порта:

Колычев Николай Иванов сын (1833) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1855 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата. Выбыл в Николаевск-на-Амуре в 1855 г.

Выбыли тогда на Амур, по всей видимости, все Колычевы. И теперь их родовой след нужно искать где-то в тех краях.

КОНОВАЛОВЫ

Привычное вроде бы понятие коновал — тот, кто валит (убивает) коней. Но в народе закрепилось более широкое понятие этого слова: коновал — это, как правило, неумеха; человек, очень грубо выполняющий свою работу.

Но это еще не все. Есть, оказывается, и нюансы.

«По старинному списку русских служилых людей в Тюмени, Тобольске и Сургуте можно видеть, что почти половина носит поморские фамилии: Лопаревы, Черемисовы, Вепсовы, Перегородовы. А другая половина ходит с коми-зырянскими фамилиями: Печорины, Вычегжанины, Выметины, Зыряновы, Медведевы, Галкины, Коноваловы.

…У русских старожилов Коноваловых … очень интересное происхождение. Конь на языке коми — "вал", в первом поколении зырянские выходцы из рода "коня" были Валовы, потом эту фамилию писали на русский лад — Коноваловы. Затем во втором-третьем поколении зыряне Коноваловы становились уже русскими».

Первыми же Коноваловыми, которые пришли на реку Лену, были тобольские казаки.

Но и среди тобольских казаков тоже были свои первые Коноваловы:

«Пешие ж новоприборные казаки, которые прибраны по Государеву указу во 137-м году … рядовым казаком по 4 рубли с четью … Васька Митрофанов Коновалов» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 27. Л. 25 об.].

Но потом их прибывало все больше и больше.

Это видно и по ленским (впоследствии якутским) казакам Коноваловым.

В составе отряда первого якутского воеводы П.П. Головина, прибывшего на Лену в 1640 году, был стрелец Ивашко Иванов Коновалов [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Кн. 141. Л. 216 об.].

Следующий отмечен в 1651 году:

«Тобольские ж … которые присланы на великую реку Лену с воеводы … с товарыщи прежним на перемену … Титко Спиридонов сын Коновалов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 8 об.].

Он довольно долго служил на Лене – по крайней мере, мы его имя находим в списке якутских казаков-челобитчиков за 1663 год [РГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. № 361, ч. 1, л. 127].

По спискам 1689 г. проходит стрелец Спирка Пантелеев сын Коновалов, но мы не уверены, что он имеет какое-то отношение к Титу Спиридоновичу — но, возможно, внук, так как детям часто давали имена дедов.

В одно время с Титом Спиридоновичем служил и другой Коновалов, о котором в окладной книге за тот же 1651 год одновременно две записи: «Михалко Савин сын Коновал на государеве дальней службе на Ковыме реке послан от прежних» [Л. 25 об.].

«Михалко Савин сын Коновал на государеве дальней службе на Оленке реке» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 89 об.].

Он тоже долгое время служит в Якутии — по крайней мере, отмечен в казачьих именных списках за 1661 год [РГАДА ф. Якутская приказная изба, ст. № 2144, лл. 4–7].

С родовыми корнями тоже вопрос, хотя и есть некая вероятность, но временной расклад, как и в случае с Титом, не в пользу этой версии.

Тобольский уезд, Шадринская волость, 1685 год: «Во дворе Савинко Матвеив сын Коновалов. Сказал: родился де он в Важском уезде Кокшенские чети Ромашевской волости в деревне Березкине, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 183-го году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 1173 об.].

Или другой вариант: Тобольск, 1689 год.

«Стрельцы … Савка Кононов сын Коновалов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6894. Л. 67 об.]

А в 1704 году в первом полку казаком (бывшим стрельцом) служил, вероятно, сын Савки:

«Первого полку пешие казаки … Сотник Степан Кляпиков … Рядовым казаком по 4 рубли с четю человеку … Дементей Савин Коновалов» [РГАДА. Ф. 214, Оп. 1. Д. 1376. Л. 219 об.].

А в Тобольском уезде проживал, вероятно, брат Дементия:

«Красномыская слобода

Афонасей Савельев сын Коновалов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1617. Л. 803].

В 1681 году в Якутии служили два Ивана Коноваловых — один Исаков сын, другой Григорьев сын. В 1692 году добавился еще один Иван:

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Игнашка Попов Лощенов в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит. И августа в 26 день приверстан в ево Игнашкино место казачей брат Ивашко Каргапол Коновал» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 47 об.].

В 1706 году — Иван Григорьев сын, который служил в шестнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка и Коновал Иван сын Каргополь — в двенадцатой пятидесятне.

По переписи, охватывающей период с 1722 по 1748 год, мы находим Коновалова в Охотске:

«В Охоцком остроге

Разночинцы

Максим Коновалов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 87 об.].

К 1735 году он уже нашел свое место в дальневосточной жизни, о чем сообщает нам Мартын Шпанберг в своем рапорте в Адмиралтейств-коллегию о численности и составе его команды:

«Оставлены при Охоцку того для, что иные охоцкие жители:

Поп Анисим Аврамов.

Мореход Никифор Треска.

Из охоцких служилых кузнец Максим Коновалов» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 43. Л. 176–181].

В составе экипажа пакетбота «Святой Петр» Витуса Беринга тоже был свой Коновалов – лекарский ученик Архип Коновалов, который, скорее всего, прибыл с основным составом команды из Санкт-Петербурга.

В истории Русской Америки тоже был свой Коновалов, о котором оставил память Александр Полонский в своей рукописи «Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год» [Архив Географического Общества, р. 60, оп. 1 № 2].

«[судно] “Георгий” (1790–1797) к[омпания купца] Лебедева-Ласточкина.

Передовщик и мореход Тотемский мещ[анин Григорий] Коновалов. Галиот, теперь уже вооруженный 9 пушками и с 81 чел. команды, ушол из Охотска 17 сент. 1790 г. и первую зиму простоял на Беринговом. Оттуда Коновалов отправился прямо к Американскому берегу и остановился в Кенайском заливе. Признав удобным для отстоя судна место в р. Икатке на о. Нучек, Коновалов ввел туда галиот, а в 2 вер. от устья речки, с 20 авг. 1791 по 4 марта 1792, построил селение, которое в случае опастности могло служить крепостью, потому что около него в приличных местах были разставлены привезенныя с собою 9 пушек с надлежащим прибором; затем был вытащен на берег и исправлен галиот, чтобы был готов к выходу в море при первой надобности.

Коновалов предлагал идти с весны на галиоте с частию команды в Чугацкий залив, но 4 марта бывшие у судна 20 чел. рабочих схватили его и заковали в железо. Прочие рабочие и канайцы с удивлением смотрели на происходившее, но невступались; последние покрайней мере кормили арестанта ракушками, чем может быть спасли его от голодной смерти. 20 марта Коновалов увезен в артель компании Голикова и Шелихова и оттуда на о. Кадьяк к правителю той компании Баранову, который отправил его на судне с Деларовым в Охотск, показав на него уголовныя преступления. Передовщиком на место Коновалова избран Амос Балушин.

Возмущение произошло по наущению Голиковской компании для подрыва Лебедевской, потому что и донос зачинщику Коломину писал, по приказанию Баранова, служитель его Бутковский. Видно было, что Баранов намерен был отправиться байдарами и судном на отысканныя Коноваловым способныя к промыслу места, которыя по прежней его тут бытности были ему известны. Лебедев Л. недал веры доносу, ни доверия Баранову на том основании, что Баранов, будучи таким же передовщиком как и Коновалов, неимел права оставлять компанию его без опытнаго передовщика, что жалобы произошли от 12 чел., а не от всей команды и потому следовало прежде убедиться виноват ли он, а не отправлять его самовольно в Охотск и что Баранов за что нибудь же взял от рабочих табак в подарок, а потому в 1794 году Коновалов возвратился в Кенайский залив в прежнем звании.

Когда по безпорядкам в компании и насилию туземцев компания Лебедева оставила свои заведения в Америке, “Георгий” ушол в Охотск в 1797 г. Кенайскаго или из Чугацкаго залива, в котором были две гавани Лебедевской компании, Георгиевская и Павловская, от имени ея судов. Продолжая путь с Уналашки, Коновалов принужден был за противными ветрами зайти в Камчатку. По ветхости такелажа и самого судна, бывшаго постоянно в море с 1776 г., рабочими годный такелаж и промысла увезены с Камчатки в 1798 г. в Охотск на казенном галиоте “Николай”. Галиот послуживший казне, а потом настоящему хозяину, по невозможности за ветхостию перевести в Охотск, остался секвестрованный, в р. Камчатке до 1804 года, когда разрешено было продать его с аукционного торга.

Промысла: бобров 1,189, хвостов 710, лисиц чернобурых 40, сиводушек 60, красных 102, речных бобров 2,300, песцов 1,453, котиков 66,860, китовых усов 750, выдр 492, на 183,200 р».

Двое из Коноваловых принимали участие в обороне Петропавловского порта 1854 года.

Прокопий Коновалов погиб в бою 24 августа (по старому стилю) 1854 года и похоронен в братской могиле. О нем, к сожалению, мы почти ничего не знаем.

И второй:

Коновалов Андреян Ильин сын (1822) — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутского округу и города, из солдатских детей, поступил на службу из Иркутского полубатальона военных кантонистов с причислением к Иркутскому Адмиралтейству в Охотский порт в 1839 г., в 1854 г. был в сражении с англо-французской эскадрой в Петропавловском порту, в 1855 г. на транспорте «Байкал» участвовал в сражении в заливе Де-Кастри [РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 5. Д. 803].

И еще одну историю, связанную с нижнеколымскими Коноваловыми, поведала нам Анна Васильевна Шадрина в своей книге «Казаки Колымы. Дарю вам ваши корни» [Среднеколымск, 2018]:

«Итак, казаки Коноваловы. Нашлось прошение сына канцелярского служащего Петра Коновалова о принятии его в казачью службу. Видимо, приняли не сразу, в списках казаков 1872 г. его нет. Фамилия появилась в 1885 г. в графе — “отставные”: “Коновалов Петр Инно-

кентьевич, 36 лет, 1849, жена — Прасковья Ивановна, 21 год. 1864. Сын Василий, 3 г., 1882 г. р.”.

Интересует вопрос, почему П. Коновалов в свои 36 лет попал в графу “отставные”? Заболел? Увечного не стали бы брать в казаки. Пока у него один сын — Василий.

Однако по списку 1894 г. семья его увеличилась: “Коновалов Петр Иннокентьевич, 47 лет, 1847 г.р., жена — Александра Иннокентьевна, 37, 1857. Дети: Василий, 10 (1894); Пантелеймон, 8 (1886); Матрена, 4 г. (1890): Анна, 2 (1892)”.

У него второй брак: видимо, первая жена умерла. Наконец, в 2016 г. нашелся документ от 1848 года. Это просьба писца Ин. Сем. Коновалова о переводе его из Колымы в другой район. Просьба обуславливалась дороговизной жизни: “жалования не хватает на пропитание семейства… в службу я вступил из военных кантонистов и был направлен в Якутск. Здесь на Колыме нахожусь уже 9 лет” (ф-12и, оп-1, д-414. Якутское областное управление, 1848 год). Ответ не обнаружен. Выходит, канцелярский чиновник И.С. Коновалов прибыл на Колыму в 1839 г.

По исповедальному листу 1846 г. устанавливается и год рождения чиновника: писарь И.С. Коновалов, 28 лет (1818), жена Матрона Васильевна, 30 лет, сын Николай 3 г. (1843).

Испов. лист за 1860 г.: Умершего канцелярского служащего Коновалова жена, Матрона Васильевна. Дети: Николай, 14; Акилина, 13; Петр, 12; Семен, 8; Александр, 4 г. Как видим, остались несовершеннолетние дети.

Сейчас объяснимо и прошение его сына Петра: М.К. (метрическая книга):

“18.01.1841 года …канцелярский служащий Иннокентий Семенович Коновалов обвенчался с дочерью умершего урядника Василия Березкина — Матроной Васильевной, 23 г.” Уже одно то, что невесту величают по отчеству, следует, что она не худородного (бедного) роду. Сопоставив несколько документов, уяснила, что Матрона младшая дочь урядника Василия Афанасьевича Березкина и внучка основателя колымского рода Березкиных по линии Афанасия. Так что в генах всех Коноваловых течет кровь казаков Березкиных.

25.01.1877 года. У канцелярского служащего Николая Ин. Коновалова и законной жены его, Екатерины Степановны (ур. Березкина — линия казака Ст. Ник. Березкина), родился сын Иннокентий. И.Н. Коновалов уйдет из жизни в 1948 г. на 71 г. жизни. Жил в доме инвалидов. Помню, большое участие в похоронах принял учитель В.Ин. Березкин, потомок казаков Березкиных. А я все гадала: “Почему хоронит В.И. Березкин, в каком они родстве?”

М.К. 1878 г. “Отставной канцелярский служащий Н.Ин. Коновалов, законная жена Екатерина — родился сын Порфирий”.

О Порфирии Коновалове упоминает в своих воспоминаниях С.И. Мицкевич: “7 сентября 1900 г. Акт вскрытия трупа заседателя Иванова. Состав комиссии: ‘В том числе псаломщик Среднеколымского собора — Порфирий Николаевич Коновалов’. Также в 1901 г. П. Коновалов был учителем в одноклассной ЦПШ”.

Архив: “псаломщик П.И. Коновалов рукоположен в диаконы в 1902 г.”. Следы его можно найти в клировых ведомостях Нижнеколымской Спасской церкви, где он в 1900 г. служил псаломщиком. “Псаломщик Походской церкви Порфирий Николаевич Коновалов, 22 года, женился на дочери мещанина Елене Бережновой, 17 лет”. Полагаю, это Нижнеколымские Бережновы, корни которых восходят к архангельскому крестьянину Ефимию Бережнову, 1717 г.р.

Документ за № 9463 от 13.03.1891 г. Якутского областного правления доносит до нас интересное сведение о сыне Ин. С. Коновалова, Николае. Из него узнаем, что 30.04.1891 г. Н.И. Коновалов был награжден серебряной медалью на Владимирской ленте для ношения на груди “За спасение утопающих”. Сам случай произошел 22.VII.1890 г. на озере Абый. Н.И. спас тонущую женщину — Марфу Николаевну Слепцову. Здесь интересен не только сам добрый поступок, но еще и то, что медаль “За спасение утопающих” существовала еще в XIX веке. Возможно, кто-то скажет: “пишет А.В. всякую-всячину”, но именно из этих мелочей мы узнаем о жизни наших земляков тех лет».

И я с этим полностью согласен — из таких «мелочей», небольших событий, незначительных, на первый взгляд, фактов, деталей и складывается человеческая жизнь…

КОПЫЛОВЫ

Имя Дмитрия Епифановича Копылова золотыми буквами вписано с историю географических открытий в связи с тем, что именно он организовал и отправил отряд Ивана Юрьевича Москвитина в дальний поход «встречь солнцу», завершившийся выходом русских землепроходцев к берегам Ламского (Охотского) моря — Тихого океана.

До недавнего времени биография этого человека была абсолютно белым пятном: историки даже путались с его отчеством, производя в Ивановичи.

Первое более или менее подробное исследование личности Д.Е. Копылова предприняли томские историки в работе «Томск в XVII веке: документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в.»:

«Копылов Дмитрий (Митка) Епифанов, пятидесятник конных казаков. По словам его сына, в молодых годах пришел он в Томск, начинал свою службу рядовым пешим казаком, был поверстан в конные казаки (до 1621 г.), затем — в десятники конных казаков (1626 г.), пятидесятники (1630 г.) и атаманы конных казаков (1637 г.). Денежный оклад: 7 руб. 25 алт. (1626 г.), 10 рублей (1637 г.). Служил с пашни: пахоты 30 четей ржи, 17 четей овса, 12 четей ячменя, 4 чети пшеницы и перелога 27 десятин. Легендарная личность в истории Томска и всей Сибири. В 1621 г. отвозил отписку в Москву. Вся жизнь его прошла в походах, посольствах и сражениях. В общей сложности на его теле были следы от 13 ранений. В конце своей жизни был сделан сыном боярским и послед-

ний раз упоминается под 1659/1660 г. Основал Бутальское зимовье, Сосновский, Вилюйский и новый Братский остроги. До сих пор в Кемеровской области существует деревня Копылова, заведенная им. Был грамотен. Во время событий томского бунта 1648/49 г. пытался соблюсти нейтралитет, но в конечном счете был вместе со своими братьями бит кнутом бунаковцами».

Но самой (на сегодняшний день) полной биографией Дмитрия Епифановича мы обязаны оренбургскому ученому И.П. Каменецкому — автору статьи «Атаманы Сибири в XVII в. (к социальному портрету сибирских военачальников)» [Вестник Оренбургского государственного педагогического университета, 2018, № 4, стр. 155–157]:

«Важным источником комплектования и пополнения командного состава в Сибири было назначение в атаманы и на другие вакантные места их близких родственников, как правило сыновей, проявивших себя на службе и пользующихся авторитетом среди служилых людей. В 1630 г. после убийства красноярскими казаками своего атамана Ивана Кольцова, не сумевшего обеспечить их продовольствием, на его место был назначен сын Милослав Кольцов [11, с. 71]. Известный сибирский землепроходец Дмитрий Копылов был назначен в 1637 г. атаманом не только за свои заслуги, но и по родственному принципу, его отец был атаманом пеших казаков в Томске [52, с. 31, 39 — Томск в XVII веке. Материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями П.М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. СПб., (1911)].

Назначение на атаманскую должность часто осуществлялось в качестве вознаграждения и поощрения за приискание “новых землиц” и “учинение государевой прибыли”. Известный землепроходец томский пятидесятник Дмитрий Копылов был произведен в чин атамана пеших казаков в 1637 г. за походы в Братскую землю, возведение там Бугальского зимовья, а позднее Сосновского острога на Оби [9, с. 152 — 9. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1955].

Д. Копылов впервые упоминается в документах в 1621 г. как рядовой конный женатый казак. В 1626 г. — как десятник конных казаков с окладом 7 руб. 25 алтын, 6 четей с осминой муки, 2 чети круп и толокна [42, л. 229 — РГАДА. Ф. 214. Кн. 716].

В 1630 г. он уже пятидесятник, вместе с В. Борисовым возил киргизским князьям “сукно красное узорочное” и собирал ясак с их “кыштымов” [42 — РГАДА. Ф. 214. Кн. 716.].

Учитывая его грамотность и влияние, воеводы и служилый “мир” давали ему ответственные задания и поручения. В 1634 г., будучи в Москве, он подал извет в Сибирский приказ о грабеже Софийской казны тобольским атаманом Г. Ильиным, который не подтвердился; в этом же году судился с женой казака К. Медведева [15, л. 14, 22 — Государственный архив Томской области. Ф. 530. Оп. 1. Д. 4].

В 1635 г. подписал челобитную служилых людей с просьбой о присылке и выдаче им панцирей. В 1642 г. привез в Москву ясачную казну, был расспрошен в Сибирском приказе о причинах “смуты”, произошедшей в отряде Я. Тухачевского, отправленном ставить острог “в Киргизы”. Но атаман уклонился от ответа, заявив, что “ничто, мол, не знал о них”, хотя в этой смуте принимали активное участие томские казаки, а о произошедших событиях в ней было известно в Томске [34, с. 59–61 — Резун Д.Я. Русские в среднем Причулымье в XVII–XIX вв. (Проблемы социального развития малых городов Сибири). Новосибирск : Наука, 1984].

В 1647 г. он вновь был в Москве, откуда вместе с И. Москвитиным привез в Томск денежную казну — 2000 руб. В 1658 г. расписался за себя и сына Григория под войсковой челобитной на скандально известного подьячего Г. Чебучакова [31, с. 34, 345 — Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1989].

Копылов также прославился своими походами на р. Лену и Алдан, совершенными им в 1630-е гг. В 1635 г. он был послан приказчиком в новый Братский острог, где вскоре им было основано выше устья р. Маи Бугальское зимовье. В сентябре 1637 г. во время похода на р. Алдан у него произошло столкновение с енисейским сыном боярским П. Ходыревым, завершившееся сражением между служилыми людьми [23; 38 — Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1941; Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 1. Документы воеводского управления. М., 1895].

Некоторые исследователи полагают, что одной из возможных причин вооруженного конфликта было то, что Копылов, будучи в Ленском остроге, насильно взял с собой толмача Ходырева. Но подлинной причиной, очевидно, была острая конкурентная борьба служилых людей за ясачных людей и пушные угодья, которая была нередким явлением в разных регионах Сибири. В ходе восстания в Томске атаман занимал двойственную позицию. 31 июля 1648 г. был вызван в съезжую избу прибывшим из Москвы дьяком М. Ключаревым, с которым пытался примирить враждующих воевод Осипа Щербатого и Илью Бунакова. В первое время поддерживал воеводу Бунакова, но затем отошел от него, за что был бит кнутом. 30 октября 1648 г., “боясь убойства”, бежал со смотра войск, организованного Бунаковым, и отказался вместе с другими подписать “запись” о его поддержке. В 1649 г. выполнял разные поручения восставших: прятал от расправы бунаковцев Ивана Петрова, нес службу на островной заставе Томи, чтобы не пропустить людей воеводы Щербатого в Москву, участвовал в составлении мирских челобитных [31, с. 250, 289, 312 — Покровский Н. Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1989].

Д. Копылов проявил себя и на дипломатическом поприще. 10 мая 1635 г. вместе с Д. Семеновым, Д. Якимовым и И. Улановым ходил с по-

сольством к тангутскому ламе Даин Мергеню с целью оказать содействие в приведении киргиз "под высокую государеву руку" [46, л. 7–7 об. — РГАДА. Ф. 214. Стб. 84].

В 1650 г. Алтын-хан просил прислать к нему послов С. Гречанинова, П. Сабанского и Д. Копылова [45, л. 89–90, 214–215; 48 — РГАДА. Ф. 214. Стб. 76.; Русско-монгольские отношения. 1636–1654 : сб. документов / под ред. И.Я. Златкина. М. : Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1974].

В июле 1658 г. вместе с детьми боярскими Д. Епифановым и Д. Вяткиным был отправлен послом к Коке Абакову [53, с. 101–102 — Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск : Наука, 1980]. Атаман служил без получения хлебного жалованья, так как имел пашню, собирал значительный урожай: 30 четей ржи, 17 четей овса, 12 четей ячменя, 4 чети пшеницы с пашни в 27 десятин [46, л. 7–7 об. — РГАДА. Ф. 214. Стб. 84].

В 1657 г. основал на притоке Томи Сосновский острог, где вскоре возникла большая "десятинная государева пашня" [35, с. 235 — Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1989].

Проживал в Томске на Береговом посаде р. Томи, имел трех сыновей: Тимофея, Петра, Григория, поверстанных в дети боярские и также оставивших заметный след в ранней истории Томска [21, с. 21; 31, с. 347 — Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1992; Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1989]».

Попробуем проследить информацию о появлении Копыловых в Томске в соответствии с данными, на которые ссылается И.П. Каменецкий:

Вот что говорит сын Дмитрия Епифановича:

«Григорий Дмитриев сын Копылов сказал: дед его родиною … (сгнило) служил по Томскому. А отец из Тобольска в Томской пришел в молодых летах и был в пешей службе у казаков атаманом и за ясачный сбор пожалован был на Москве в дети боярские» [Томск в XVII веке. Материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями П. М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. СПб., (1911), стр. 39].

На стр. 31: «По 7 рублевъ по 25 алтынъ десятники конныхъ казаковъ: …Митька Копылов…».

Но есть еще и другие данные из этой же книги, на которые автор почему-то не ссылается.

Это говорит внук:

«Василий Петров сын Копылов: дед родом из Москвы, в Томску служил в детях боярских, отец и он родились в Томску, и поверстан он Василий в дети боярские вместо деда своего по указу государя» [там же, стр. 41].

То есть, судя по общей информации, картина выглядит так: Епифаний Копылов прибыл в Томск из Москвы (возможно, из московских стрельцов) в качестве «годовальщика», возможно, на период строительства крепости и вернулся обратно, так как упоминаний о нем никто никаких пока не нашел.

А вот версия о том, что Дмитрий Копылов пришел на службу в Томск из Тобольска (а в Тобольск из Москвы), наводит на некоторые мысли.

Но сначала о томском атаманстве Епифания Копылова. Было ли оно на самом деле? Фактов нет. Да и сам автор вступает в прямое противоречие сам с собой, говоря то о наследственном принципе получения Копыловым чина атамана, то о заслугах:

«Известный землепроходец томский пятидесятник Дмитрий Копылов был произведен в чин атамана пеших казаков в 1637 г. за походы в Братскую (? — *С.В.*) землю, возведение там Бугальского (Бутальского. — *С.В.*) зимовья, а позднее Сосновского острога на Оби [9, с. 152 — 9. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1955].

То есть получается, что ему дали чин атамана за заслуги, которых еще и в помине не было: в 1636 году Копылов отправляется в поход в Якутию, и только в 1638 году он ставит там — в бассейне реки Алдан — Бутальский острог.

Есть даже точная дата, определенная ленинградским ученым Б.П. Полевым:

«Еще в 1957 г., работая в Центральном государственном архиве древних актов, я обнаружил ценнейшую челобитную участников похода томских казаков вверх по Алдану весной и летом 1638 г. В ней, в частности, рассказывалось, как после нелегких боев у устья реки Майи они "по Алдану реке вверх пошли и дошли до Янды реки в Бутальскую землю", сразились с буталами, которые "не хотели дать место, где… острог поставить" и под конец "берег взяли и острог… поставили июля 28 дня и атаманов у них якутцких и тунгусских князцов взяли"» (ЦГАДА, ф. Сибирского приказа, стлб. 368, лл. 183, 184).

А Сосновский острог вообще строили в 1657 г.

А вот Тобольск дает интересную информацию. Примерно в одно и то же время с Дмитрием Епифановым сыном (рядовым конным казаком) в Тобольске служит конный казак Якуш Копылов:

«Да вверх по Тоболу на левой стороне по конец Турбинсково яру.

Во дворе конной казак Якуш Копылов. Пашни паханные середние земли 2 чети. Перелогу в дуброве 12 чети в поле а в дву потому ж. Сенных покосов у нево Якуша нет нисколько. Косит он сена за рекой Тоболом на другой стороне в татарские займищах по упросу Турбинских татар» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 165].

И конечно же, напрашивается вопрос: а не родня ли они?

И по времени совпадает — из Тобольска в Томск Дмитрий Епифанович переходит на службу в 1621 году.

Но этот вопрос пока остается открытым.

Суть в другом.

В 1620-х годах ни в Тобольске, ни в Томске других Копыловых, кроме Якуша и Дмитрия, не было.

Позже в Томске появляется еще один Копылов: «Копылов Андрюшка Иванов сын … родом

иноземец Якутские земли, поверстан в Томске в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

Но он не оставил своего родового следа.

У Дмитрия Епифановича было, как сообщает И.П. Каменецкий, ссылаясь, в свою очередь, на А.А. Люцидарскую, трое сыновей: Тимофей, Петр, Григорий.

В Дозорной книге за 1707 год отмечен еще один из внуков: Федор Григорьев сын Копылов.

А эти, вероятно, уже из числа правнуков:

«Сын боярской Федор Васильев сын Копылов, детей нет, братья родные неверстанные в службу Афонасей 25 лет, Федор 22 лет, Степан 17 лет» [Дозорная книга Томского уезда. 1703 г., РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л. 19].

Потомков Якуша Копылова к этому времени — началу 18-го столетия — было в Тобольске поболее.

Расставим их по старшинству:

Во дворе отставной конной казак Максим Афонасьев сын (Копылов) сказал себе 80 лет у него внучата Осиповы дети Савелей 14 лет Алексей 13 лет Козма 4 лет да сноха сыновья жена Орина 40 лет внучка Варвара 15 лет да сестра вдова Анна 90 лет.

Во дворе отставной конной казак Миней Богданов (Копылов) сказал себе 60 лет у него жена Анна 45 лет дети сын Дементей конной казак 25 лет у него дочь Марья 5 лет да покормленица Окулина 10 лет.

Во дворе казачей сын Федор Тимофеев сын сын Копылов сказал себе 50 лет у него жена Орина 40 лет сыновья Борис 13 лет дочери Федора 10 лет Овдотья 2 лет Орина полгоду да зять на подворье Иван Павлов 50 лет у него жена Наталья 20 лет у него сын Григорей 2 лет.

Во дворе конной казак Михайло Омельянов сын Копылов 45 лет у него жена Устинья 30 лет у него дети Филип 13 лет Андрей 8 лет Тимофей 3 лет да мать вдова Агафья 50 лет.

Во дворе конной казак Иван Копылов а по скаске жены ево Агафьи ему Ивану 40 лет а ей столько же лет у них дети Михайло 10 лет Артамон 6 лет да сноха сыновья салдацкая жена Овдотья 20 лет.

Во дворе конной казак Дмитрей Иванов сын Копылов по скаске жены ево Анны 37 лет на береговой службе а ей Анне 38 лет у него дети дочери Овдотья 13 лет да Дарья 11 лет Устинья 7 лет.

Во дворе казачей сын Дмитрей Омельянов сын Копылов 30 лет у него жена Агафья 20 лет дочери Соломанида 11 лет Матрена 7 лет Соломанида ж 3 лет.

На казачью службу в Якутии люди приходили из самых разных мест, в том числе из Тобольска и Томска.

И конечно, хотелось связать вместе эти две информации:

Тобольск, 1710 г. «Дворы от юрт по берегу вверх Иртыша реки. Двор купленой казачья сына Тимофея Офонасьева сына прозвище Копылова сказал себе 70 лет у него жена Анисья Афонасьева дочь 65 сын Кузьма 35 лет в приказной полате в приставех у него жена Федора Клементьева дочь 30 дочь девка Маланья 9 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 610 об.].

И службу в Якутии казака Кузьмы Копылова.

Увы — сведения не совпадают:

«Запись служилым людям, которые служилые люди в Камчадальские остроги шли. В прошлом 703 году с Михаилом Многогрешным идучи Пенжинским морем побиты. На Пустой реке Копылов Козьма» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 133 об.].

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Копылов Кузма (1): “Кузма Копылов, на Камчатке убит, и в нын. 706 г. июля в 9 д. приверстан в казачью службу в его Кузмино место и оклад казачий сын Степан Григорьев с. Томской”» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Количество томских неверстанных детей боярских к началу 18-го столетия значительно превышало количество штатных мест, и те, кто оказался за штатом, конечно же искали себе новое «место под солнцем», так, например, потомки детей боярских Гречениных начали заниматься винокурением в Иркутске и его окрестностях, распространяя свое торговое влияние вплоть до Камчатки.

И не подобный ли случай описывает Г. Леонтьева в книге «Служилые люди Восточной Сибири»:

«Для многих из служилых людей скорняжный промысел был только одним из вариантов хозяйственной деятельности. Изделия нерчинских скорняков, в том числе и служилых людей, пользовались спросом не только на сибирских рынках, но и за рубежом. В 1706 г. нерчинский житель Г. Маковеев с целью вывоза за рубеж и перепродажи скупил на нерчинском рынке у служилых людей 250 кож тарбаганьих, 10 дах и 7 волков; 69 торговый человек Ф. Юринский обменял на наунский чай в числе прочих товаров 10 дах тарбаганьих, 70 заменивший удинского служилого человека Т. Вагу иркутский казачий сын А. Копылов, поехавший в Китай “для обережи” каравана, вез для продажи “по иркутской выписи” 23 одеяла ушканых, 13 шуб ушканых черевьих».

Но в книге С.А. Гурулева «Первые иркутяне» нет ни строчки о казаках Копыловых.

Но есть другая история, рассказанная Андреем Черепановым в книге «Сибирская кровь», которая в связи с постоянными административно-территориальными переделами Восточной Сибири относилась то к Якутску, то к Илимску, то к Иркутску, но, возможно, имеет самое прямое отношение к нашей дальнейшей истории:

«…выше по р. Манзурке, близ замечательной в бурятских легендах горы Капцагай, за хребтом, из ущелья которого вытекает р. Манзурка и направляется далее по сплошной изгибистой долине, тянущейся до самой Лены, — расположено селение Копыловское или, по просторечью, “Копыловы”. Это опять селение одного

или почти одного крестьянского рода Копыловых. Около 1703–1704 г. прибыл сюда из России низоволенским водным путем и по р. Манзурке первый крестьянин Афанасий Копылов с женой и с одним малолетним сыном. Вскоре потом у него, один за другим, родились еще 4 сына, — и все 5 сыновей в период времени с 1722–1729 г. женились уже на дочерях крестьян манзурской слободы, Подпругинской деревни и др., а частью, вероятно, и на "восприемницах брацкой породы", каких тогда манзурские крестьяне весьма нередко принимали в состав своих семейств, также как и восприемников. От 5 сыновей первого пришедшего из России крестьянина Афанасия Копылова до 1757 года, как видно из исповедных росписей манзурской церкви за этот год, родилось 16 сыновей и 7 дочерей, от 2 внуков его — 4 сына и 7 дочерей. Таким образом, всего крестьянского рода Копыловых, происшедшего от первого их прародича Афанасия Копылова, в 1757 году, считая и отцов семейств, было 41 душа об. пола. Дальнейшая генеалогия русско-крестьянского рода Копыловых нам неизвестна. Но как бы то ни было, а род этот непрерывно и генеративно-последовательно размножался и размножается до настоящего времени. В настоящее время, по подворным спискам манзурского волостного правления за 1873 год, в селении Копыловском, — при 62 всех дворов, при 389 душ об. пола всех жителей, или при 109 жителей, инородовых, — собственно одних однородовых крестьян, прозывающихся по роду Копыловыми, или вообще всего генеративно-размножившегося единокровного крестьянского рода Копыловых числится до 280 душ обоего пола, до 138 м. п. и 142 ж. п., а по росписям манзурской церкви за 1873–74 г. только при 85 инородовых жителях, собственно однородовых крестьян Копыловых числится до 304 душ об. п., до 162 м. п. и 142 ж. п. Копыловы живут в 49 дворах. Из них не мало больше семейных, имеющих по 10, 14 и 18 членов семейств».

И не отсюда ли родом Кузьма Копылов, который шел в отряде Михаила Многогрешного на Камчатку и не дошел?..

Впрочем, кто-то из Копыловых все-таки дошел, и мы находим о нем упоминание в рапорте о разграблении японской шхуны, выброшенной на камчатский берег во время шторма в 1730 году:

«…как открылось по следствию, освободил Штинникова и взял себе из японских вещей: 8 фанз, 2 войлока, тюфяк, кусок крепу, зеркал медных 2, азямов из дабы (китайская бумажная ткань. — *Ред.*) 2, саблю и другие вещи, брат Новгородова Матвей взял 2 фанзы и конец крепу; подъячий Мухоплев фанзу; Кирил Мапожников 2 фанзы, креп белой, 2 куска холста, азям, войлок и саблю; казак Копылов фанзу белую…» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л, 1935].

В документах, связанных со Второй Камчатской экспедицией [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 92. Л. 58 об. – 60], сообщается о трагической гибели матроса 1-й статьи Алексея Копылова с товарищами, шлюпку которых унесло из Охотска и разбило штормом.

Но, приводя все эти примеры, наша история пока не имеет своего исторического начала, ибо она по настоящему начинается в Тигильской крепости в 1812 году.

Состав гарнизона Тигильской крепости определяли солдаты и казаки.

Основное солдатское формирование шло из Сибирского драгунского и Енисейского пехотных полков.

Копыловы (если по фамилиям) в тех полках присутствовали и могли служить на Северо-Востоке, чему есть многочисленные факты, связанные с их сослуживцами. И не только служить, но и обзаводиться семьями.

«Реэстр тоболского полку обер и ундер афицером гранодером салдатом которые посланы из Екатерин бурха в Тоболеск» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 44. Л. 102]:

Солдат Борис Копылов.

«Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1 754 годом апреля по 1 число»:

Солдаты

Данило Копылов

Артем Копылов

Но нам нужны другие имена. Например, кто и откуда Дмитрий Копылов — отец троих сыновей.

Тигильская крепость, 1812 г.

Рядовые

Копылов Осип Дмитриев — 50 (1762).

Копылов Степан Дмитриев — 37 (1775) [Тигильская Христорождественская церковь, Исповедальные росписи, РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

Нижнекамчатск, 1812 г.

Камчатский гарнизонный батальон

Рядовые

Копылов Иван Дмитриев (1780) [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 5].

Но это еще не весь список:

Копыловы не только служили в Камчатском гарнизонном батальоне, но и воспитывались в военно-сиротском доме этого батальона (и для этого вовсе не обязательно было быть сиротами):

воспитанники Копылов Алексей Иванович, 16 лет, братья Семен и Роман Гавриловичи, 9 и 14 лет соответственно.

Отца последних мы нашли:

Тигиль, 1812 г. Копылов Гаврила Семенов, помощник вахтера провиантского штата — 39 (1773). Ж. Екатерина Михайлова. Дети: Афанасий — 6, Анна — 9, Настасья — 7 [РГИА ДВ фонд 1009, Оп. 2, дело 2].

А также его брата: Тигиль, 1815 г. Копылов Савелий Семенов — 37 (1778) [там же].

В 1815 году в Петропавловском порту матросом 2-й статьи в экипажной роте служит Копылов Герасим Титович (1762).

И естественно, возникает вопрос — *откуда* могли появиться на Камчатке эти Копыловы?

Камчатский гарнизонный батальон был сформирован в 1799 году на основе Иркутского гарнизонного батальона.

И вот что мы находим:

...«ГУРУЛЕВО

Впервые упоминается у Г.Ф. Миллера под названием Гуритева в списке 1735 года: "Гуритева, на том же [левом] берегу, в 5 верстах от предыдущей [Плюсниной]. Немного выше и ниже деревни с этой стороны в Итанцу текут две речки: обе называются Чивилей [Цивлей]".

...Сейчас в селе насчитывается 78 дворов и 230 жителей. В селе находится часовня XVIII века. Расстояние до райцентра 35 км. Входит в состав Нестеровского поселения.

О коренных жителях. В 1839 году в селении Гурулевском было 10 семейств: Ефрема Сахарова, Никиты Горулева, Архипа Горулева, Егора Копылова, Макара Копылова, Семена Затеева, Прокопия Копылова, Герасима Сахарова, Трифона Копылова и Прохора Сахарова.

Название с. Гурулево получило, по мнению многих авторов и старожилов, по фамилии одной из семей-основателей этого населенного пункта. При этом написание часто даже в документах XVIII–XIX веков имело различное написание; Горулево, Гурулево, Гуритево и даже Горлево (видимо, часто написание зависело просто от степени грамотности писарей).

...В деревне Гурылевой 6 семей имели: Никита Гурылев с двумя сыновьями — 12 десятин пашни и 12 сенокосов; Прохор Гурылев с двумя сыновьями — 12 пашни и 8 покосов; Петр Копылов четырьмя сыновьями — 16 пашни и 16 десятин покосов; Иван Затеев с четырьмя сыновьями — 6 десятин пашни и 15 десятин покосов; Иван Воротников — 2 десятины пашни и 2 десятины покосов» [Александр Козин, Имена из глубины веков, Топонимика Прибайкалья, Иркутск, 2007].

В настоящее время село Гурулево находится в Байкальском районе Республики Бурятия.

Но связь гурулевцев с камчатскими Копыловыми пока только лишь предположение, одна из возможных версий.

После расформирования Камчатского гарнизонного батальона в 1812 году часть солдат перешла на службу в Петропавловскую экипажную роту, а также в казаки.

И сын Василия Семеновича Копылова Тимофей Васильевич уже числится родом из казачьих детей:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.
Список по старшинству их службы
в Петропавловске
Прикомандированные из Тигиля

Копылов Тимофей [Васильев сын] — 31; из казачьих детей, на службе и в чине с 1845 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10].

А сын Осипа Дмитриевича Копылова — Варфоломей Осипович (1806) — «из солдатских детей, уроженец Камчатки», из солдат Тигильской крепости в 1835 году переведен в матросы Петропавловской экипажной роты. С ним служит и его брат Александр Осипович (1808).

И мы можем сегодня иметь довольно полное представление о том, как в дальнейшем развивалась на Камчатке династия тигильских солдат Копыловых.

КОПЫЛОВЫ КАМЧАТКА

1 колено	
Линия Копылова Дмитрия	
	Копылов Осип (Иосиф) Дмитриевич (1762), Тигильская крепость, 1812 г., рядовой; с. Тигиль, 1831 г., солдат. Ж. Анна Степановна (1774)
	Копылов Степан Дмитриевич (1775), с. Тигиль, 1812 г., рядовой
	Копылов Иван Дмитриевич (1780), рядовой в Камчатском гарнизоном батальоне, с. Нижнекамчатск; Петропавловский порт, 1820 год, «военнопосельщик»
Линия Копылова Семена	
	Копылов Гавриил Семенович (1773), с. Тигиль, 1812 г., помощник вахтера, провиантский штат с. Тигиль, 1815 г., «военный посельщик». Ж. Екатерина Михайловна (1766)
	Копылов Василий Семенович (1778), с. Тигиль, 1812 г., рядовой; с. Тигиль, 1831 г., солдат
	Копылов Савелий Семенович (1778), с. Тигиль, 1815 г., «военный посельщик»
	Копылов Афанасий, с. Тигиль, 1815 г., умерший казак
2 колено	
Линия Копылова Дмитрия	
Дети Осипа Дмитриевича	Копылова Пелагея Осиповна (1803)
	Копылов Варфоломей Осипович (1806), с. Тигиль, 1831 г., солдат, «из солдатских детей, уроженец Камчатки»; Петропавловская экипажная рота, 1835 г. Ж. Ирина Алексеевна (1810)
	Копылов Александр Осипович (1808), матрос Петропавловской экипажной роты, 1835 г.
Дети Ивана Дмитриевича	Копылов Алексей Иванович (1794), воспитанник военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона
Линия Копылова Семена	
Дети Гаврилы Семеновича	Копылов Роман Гаврилович (1798), воспитанник военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона
	Копылов Семен Гаврилович (1803), воспитанник военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона
	Копылов Афанасий Гаврилович (1806)
?	Копылов Иван Гаврилович

Дети Василия Семеновича	Копылов Тимофей Васильевич (1823–1891), Тигильская крепость, 1852 г., казак Ж. Пелагея Яковлевна (1828)
	Линия Копылова Афанасия
Дети Афанасия Копылова	Копылов Алексей Афанасьевич (1796), матрос Петропавловской экипажной роты, 1819 г.
3 колено	
	Линия Копылова Дмитрия
Дети Александра Иосифовича	Копылова Евдокия Александровна (1830)
	Копылова Марфа Александровна (1832)
	Копылов Павел Александрович (1842), 1846 г., Петропавловский порт, кантонист морского ведомства
Дети Варфоломея Иосифовича	Копылова Марфа Варфоломеевна (1825)
	Копылова Анна Варфоломеевна (1838)
	Копылов Василий Варфоломеевич (1835), кантонист морского ведомства, Петропавловский порт, 1850 г.
	Линия Копылова Семена
Дети Ивана Гавриловича	Копылов Стахий Иванович (1841), с. Тигиль, отставной казак, 1893 г. Ж. (с 1867) Беломоева Наталья Семеновна (1854), дочь Гижигинского мещанина Семена Васильевича Беломоева
Дети Тимофея Васильевича	Копылов Иннокентий Тимофеевич (1849). Ж. Мария Николаевна (1844), г. Петропавловск, вдова
	Копылова Мария Тимофеевна (1865), дочь отставного казака. М. (с 12.01.1886) Пинижин Иван Николаевич (1856), Тигильской казачьей команды кантонист
	Копылова Татьяна Тимофеевна (1867). М. (с 15.09.1889) Толстихин Иннокентий Васильевич (1845)
	Копылов Александр Тимофеевич (1870–1900), с. Тигиль, казак Ж. Беломоева Манефа Григорьевна (? – 1897)
	Копылова Александра Тимофеевна (1869–1901)
	Копылова Дарья Тимофеевна (1872–1902). М. (24.09.1889) Шемаев Лука Павлович (1851)
4 колено	
Дети Стахея Ивановича	Копылов Евстафий Стахеевич (1872 – 20.05.1938), с. Тигиль, кантонист, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Тигильская дружина). Ж. Бречалова Наталья Константиновна (1888)
	Копылов Михаил Стахеевич (1875 – 25.05.1938), с. Тигиль, кантонист, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Тигильская дружина), репрессирован. Ж. Попова Виктория Федоровна
	Копылова Устиния Стахеевна (1881), делегат 1-го съезда Советов на Камчатке М. (с 1900) Логинов Александр Константинович, псаломщик Тигильской церкви
	Копылов Вениамин Стахеевич (1883), кантонист, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Петропавловская дружина), затем служил в с. Усть-Камчатск
	Копылов Захарий Стахеевич (1871–1893)
	Копылов Прохор (Прокопий) (1874), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., награжден Георгиевским крестом 4 степени: «Участвовал в экспедиции по охране восточного побережья Камчатки в 1904 г., а в 1905 г. также был в экспедиции с Горбуновым и участвовал в разбитии японцев, кроме того, Копылов был под японскими выстрелами и простоял на посту на Мишенной горе целые сутки» Ж. (с 1893) Косыгина Евдокия Александровна (1871), дочь петропавловского мещанина
Дети Иннокентия Тимофеевича	Копылов Николай Иннокентьевич (1875) Ж. (с 11.01.1898) Савинская Параскева Давыдовна
	Копылов Савва Иннокентьевич (1882), кантонист, участник обороны Камчатки в период Руско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. (с 05.02.1903) Варрен Александра Васильевна (1887), дочь петропавловского мещанина
	Копылов Иннокентий Иннокентьевич (1886)
Дети Александра Тимофеевича	Копылова Дарья Александровна (20.03.1889)
	Копылов Гурий Александрович (1891)
	Копылов Афанасий Александрович (1894)
	Копылов Артамон Александрович (12.03.1895) Ж. (с 29.04.1918) Лонгинова Мария Николаевна (02.04.1893), дочь священника Паланской церкви
5 колено	
Дети Евстафия Стахеевича	Копылова Александра Евстафьевна (1909–1953)
	Копылова Анна Евстафьевна (1911)
	Копылов Павел Евстафьевич (1919)
	Копылов Борис Евстафьевич (1922), участник войны с Японией
Дети Михаила Стахеевича	Копылова Варвара Михайловна (14.08.1908) М. Лонгинов Африкан Петрович, репрессирован
	Копылов Сергей Михайлович (1911) Ж. Борисова Ксения Ильинична, дочь камчадала из с. Аманино
	Копылова Софья Михайловна
	Копылова Наталья Михайловна

	Копылов Никодим Михайлович
	Копылов Михаил Михайлович
Дети Николая Иннокентьевича	Копылов Михаил Николаевич (11.01.1900) Ж. (с 11.07.1924) Селиванова Надежда Ивановна (14.02.1905)
	Копылов Антон Николаевич (1907)
Дети Артамона Александровича	Николай Артамонович (20.02.1921), с. Палана Ж. Зина
	Копылова Александра Артамоновна (19.01.1914)
	Копылова Варвара Артамоновна М. Синяков
	Копылова Александр Артамонович
	Копылова Людмила Артамоновна

КОРЕНЕВЫ

Кореневы – это как раз тот случай, когда нужно идти не от корневой основы этого рода, а от его вершины, чтобы добраться до этого самого корня – настолько распространенной является фамилия Кореневых на дальневосточных рубежах нашего Отечества.

И начнем мы с Камчатки, где Кореневы появляются в 1853 году в связи с переводом части Гижигинской казачьей сотни в Петропавловский порт в специально отстроенный для них казачий поселок на берегу бухты Сероглазки.

Поколенная камчатская роспись рода оказалась короткой – в роду начали преимущественно рождаться девочки, и камчатские Кореневы «растворились» в других родах:

КОРЕНЕВЫ

1 колено	
	Коренев Иван Алексеевич (1829), 1846 г., Петропавловский порт, казачий сын; казак, Петропавловский порт, 1850 г.; 1873 г., отставной казак, с. Сероглазка. Ж. 1. Ж. 2 (с 1873) Ерофеева Мария Федоровна (1836), вдова крестьянина
2 колено	
	Коренев Петр Иванович (1859), петропавловский льготный казак, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. 1 (с 1880) Мария Фавставна Монакова (1864), дочь отставного казака. Ж. 2 (с 1882) Крупенина Анна Васильевна (1863), дочь отставного казака Василия Крупенина
	Коренев Дмитрий Иванович (1857), Камчатской казачьей команды казак, урядник в 1901 г., начальник Камчатской казачьей команды. Ж. (с 07.01.1888) Новограбленная Александра Стефановна (1860), дочь «унтерофицерской вдовы Анисии Иосифовой Новограблиной»
3 колено	
	Коренева Екатерина Петровна (1869). М. (с 1890) Козленко Николай Федорович (1856), Петропавловский мещанин
	Коренева Варвара Петровна (1884). М. (с 07.01.1904) Черных Алексей Алексеевич (1879), казак
	Коренева Ирина Петровна (1884). М. (с 31.04.1907) Боков Иван Григорьевич (1880), «запасной камендор»
	Коренев Алексей Петрович (08.03.1887)
	Коренева Александра Петровна. М. (с 14.01.1907) Корякин Михаил Петрович (1879)
	Коренева Анна Петровна (15.07.1893)
	Коренев Сергей Петрович
4 колено	
Дети Сергея Петровича	Коренева Феодосия Сергеевна (1904). М. Бертау Фридрих Генрихович (1892), надсмотрщик радиостанции

Итак, патриарх камчатского рода Кореневых — Иван Алексеевич Коренев.

Что мы знаем о нем? Совсем немного:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Ведомость находящихся на льготе Петропавловского порта

Казаки

Иван Алексеев Коренев.

...Иван Коренев – 27 (1829); из казачьих детей, на службе и в чине с 1846 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 7, 10].

Ведомость Гижигинской крепости за 1781

Казаки

Иван Коренев — болен

Максим Коренев [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20 об. – 21].

«Гижигинская крепость 1778 г.

Иван Коренев ...Матвей [Максим] Коренев» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 71. Л. 1].

«Гижигинская крепость 1772 г.

Максим Коренев» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 10].

Идем дальше.

Охотск, 1761 год: «Присланной при указе из Якуцкой-же канцелярии для употребления в кораулы до будущей весны возвратившиеся с Усть-Майской пристани для зимы следующие в Охотск. Из якуцких: Казаки ... Иван Коренев» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 146].

Далее материалы Переписи 1722/1748 гг.:

«В Охоцком остроге
Разночинцы
Алексей Коренев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 86].

Ранее 1722 года Кореневы в Якутии не служили. По крайней мере, в нашей информационной базе их нет.

Но мы знаем другое — именно начиная с этого времени кадровое пополнение казаков Охотска и Камчатки происходит не только из состава Якутского казачьего полка, но и из Нерчинска, Селенгинска, Иркутска.

В «Родословной книге Иркутска» Андрея Черепанова есть Кореневы — но это бывшие енисейские казаки и дети боярские.

Что касается Нерчинска, то там в 1693 году появляется новоприборный казак Ивашка Коренев:

«И в нынешнем 201 году по указу вел гос и по отписке из Ыркуцка от столника и воеводы от князя Ивана Петровича Гагарина поверстаны в конную службу в дополнку в Нерчинск к прежним нерчинским конну к дватцати к одному человеку в прибавку чтоб было в Нерчинску конных казаков двести человек кроме того людей что по острогам служат а досталные десят человек доверстаны впред а приверстано ис пеших казаков в конную службу шездесят девят человек а что им окладу быть против конных ли казаков того в отписке не написано, а велено их за хлебные оклады приискать под хлебную пахоту земли и у дела сметных списков столник и воевода князь Матвей Петрович Гагарин велел им покамест они приищут под хлебную пахоту земли служить им и с прежних окладов на месяц по два пуда муки ржаной по полутора пуда соли человеку в год» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 97 об. – 98].

Последняя запись об Иване Кореневе датирована 1700 годом:

«Оклады по семи рублев с четью … Иван Коренев» [РГАДА. Ф. 214, Оп. 1, Д. 1272. Л. 76 об.].

Нерчинск, 1721 год. Вероятно, это дети и внуки Ивана:

Пешей казак Емельян Коренев — 46 (1675), у него сын Иван — 6 (1715).

Пешей казак Козма Коренев — 30 (1691), у него сын Сава годовой (1720)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 76 об. – 77].

Нерчинск, 1744 год:

«Аргунского острогу
того ж острогу разночинцев померло
Сава Козмин сын Коренев, Емелян Коренев
определены в службу
Иван [Емельянов сын] Коренев (1715)» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1917. Лл. 38–41].

В 1693 году был отмечен казак Коренев в Селенгинске: «Рядовые пешие казаки … Коренев Сава Федоров сын» [Багрин Е.А. Гарнизон Селенгинска и учреждение конной службы в 1690–1693 гг.].

Но, в свою очередь, пополнение казаков Предбайкалья и Забайкалья шло из Енисейска – как разрядного города, в юрисдикции которого находились эти территории после того, как территория безграничного на тот момент Якутского воеводства начала дробиться на Илимское и Даурское (Нерчинское) воеводства (уезды).

И вот вам пример:

«1684 апреля 20 – июня 28. — Распросные речи енисейских детей боярских, казаков и торговых людей о том, полезно ли будет перевести из Селенгинска в Удинской острог приказного человека и служилых людей.

Енисейские пятидесятник казачей Афонасей Коренев, рядовые казаки Демка Белянинов, Сергушка Соколов, Мишка Стахиев, Ивашко Хломин, Сенка Окунешник, допрашиваны, а в допросе сказали… (За сим то же, что в отзыве сына боярского Андрея Строгонова, с начала до слов: «и деревнями строитца будет безстрашно»).

А конкретно:

«…пристойно де селенгинским служилые людем служить в Удинском и в Селенгинском острогах, по сколку человек великие государи укажут, для обереганья от приходу воинских людей, потому что де мимо Удинской острог в Даурские и из Даурских острогов с казнами великих государей и со всякими делы, и служилым и торговым и промышленным и всяким людем проезд бывает болшой, и в казну великих государей в том Удинском остроге пошлины сбираютца; и за тем де Удинским острогом жить служилым и ясашным людем и пашенным крестьяном от приходу воинских людей впредь будет безстрашно и оберегательно потому что де тот Удинской острог стоит в большой крепости, меж Селенгою и Удою реками, в боровом лесном месте, и степи де подле Селенгу реку к Удинскому острогу подошли узкие, и пашенные крестьяне поселены и ясашные иноземцы живут от Удинского острогу в ближних местех, и ныне и впредь от приходу воинских людей служилым людем и пашенным крестьяном и ясачным иноземцам жить около того Удинского острогу и деревнями строитца будет безстрашно» [ААН. Ф. 21. Оп. 4, № 24; ДАИ, т. XI, № 34, стр. 117–120].

И поэтому не удивляет сообщение Е.А. Багрина о том, что в 1691 году в гарнизоне Удинска служил рядовой казак Стенька Коренев [Гарнизон Удинска в 1690-е гг.: формирование и арсенал (с именным списком состава 1691 и 1697 гг.)].

Об Афанасии Кореневе

В 1669 году:

«Оклад денег по 5 рублев … рядовые служилые люди … Офонка Коренев, послан с соболиною казною к Москве» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 283].

«Административно-территориальное деление Енисейского уезда в 1688 г.

Административные центры:

Дубчесская слобода “на заставе”

“Приказные люди”: Сын боярский Афанасий Коренев

Количество дворов: “под присудком” 27

Состав населения: Посадские люди» [Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории, Красноярск, 2019].

Это тот самый Афанасий Коренев, сын которого, по предположению Андрея Черепанова, Алексей Афанасьевич, был подъячим Енисейской таможенной избы, а в 1686 году взят по-

дьячим в Иркутскую приказную избу. Но он здесь прослужил недолго — в том же году или в следующем уже умер.

Коренев Алексей 1683–86 под. Енисейск. тамож. из.

1683–86 окл. 7 руб.

1685/6 хл. жал. рожь 7 ч., овес 4 ч.; сол. жал. 2 п.

1685/6 отставлен (как выясняется — переведен в Иркутск. — *С.В.*)» [Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник, М., 2011].

У него был брат Василий:

«На протяжении всего XVII столетия в Сибири ощущался недостаток в квалифицированных подьячих, “работавших” в съезжих избах. Так, в 1685 г. енисейский воевода писал в Москву, что с тех пор как был образован Енисейский разряд, количество дел увеличилось, и имеющиеся в его распоряжении подьячие не справляются с ними. Чтобы справиться с недостатком “кадров”, в подьячие брали грамотных служилых людей. Так, из челобитной “служащих” енисейской приказной избы об увеличении окладов 1693 г. можно узнать, что из четырех “столов” избы подьячий находился только в одном, в остальных — служилые люди. В денежном столе казачий десятник Василий Коренев, в хлебном — казак Федор Федосеев, в ясачном — рядовой казак Федор Красильников, и только в судном столе находился подьячий Степан Агафонов. Несмотря на то, что казакам приходилось исполнять несвойственные им обязанности, “работая” в приказной избе, они продолжали получать казачье жалованье» [Барахович П.Н. Служилое население центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды), Красноярск, 2016].

«…в конце сентября 1722 г., в Кузнецке, в ходе сыска о злоупотреблениях местного коменданта Бориса Синявина, состоялся допрос “лучших людей кузнецких обывателей”. На бывшего коменданта “бил челом” джунгарский князец Байгорок Табунов, а допрос проводил “сыщик” Василий Коренев, сын боярский из Енисейска» [сб-к «Из Кузнекой старины», выпуск 2, Новокузнецк, 2011].

Помимо Афанасия и его детей, в Енисейске в 1669 году служили десятник Кирилко Коренев и рядовой казак Мишка Петров Коренев [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527].

Был еще Влас Коренев, о котором сообщает С.А. Гурулев:

«Коренев Влас (Власко), енисейский казак, отправленный из Иркутска на Селенгу в Ильинскую слободу к полковнику Ф.И. Скрипицыну, 1688 г.» [Первые иркутяне, Иркутск, 2011].

Но в истории Дальнего Востока и Русской Америки наиболее активно себя проявил енисейский посадский Коренев, о котором мы узнаем из рукописи А. Полонского, хранящейся в архиве Русского Географического общества:

«“Петр и Павел” (1764–66) к[омпании купца]. Уледникова.

Иркутский купец Я.Ф. Уледников и Камчатский посадский Тронин обязались в компании построить судно и отправить его в вояж в 1763; но как оба они замотались, то бот снаряжон был компаниею уже в 1764.

Мореход и передовщик, Тобольский посадский И. Соловьев, в 45 чел. в число их грек Деларов и 13 камчадалов, вышел в море 25 августа, чтобы идти прямо на дальние к востоку острова. Погоды стояли легкия; курс имели глубником на обеденник, потом полуднем между веток и обеденник к 31 прошли Берингов. Следуя дальше переменными ветрами, Соловьев [написано Башмаков] подошол 16 сент. к о. Умнаку и пошол по северной его стороне вблизи берега для осмотра способнаго к отстою судна места но как такого неоказалось, то продолжал путь к другому о. Уналашке, через пролив около 5 верст и 17 вошол в бухту на северозападной его стороне. Для осмотра места и людей, послан Коренев в 20 чел., которые нашли пустую и обвалившуюся юрту туземцев и в ней скорописное житье Св. Николая и изломанную ложу. В тот же день Соловьев подошол ближе к берегу и стал судном под самый бывший острожек. Решившись остаться здесь зимовать, судно ввели в речку Чиканок, озерная, и разгрузили. Все это время туземцы непоказывались.

22 сент. пришли к Соловьеву в гавань его прежние алеуты. Агаяк бывший толмачем и Кашмак, живший в к. Никифорова и объявили ему, что на мысу было судно Кулькова, но здешними жителями сожено, а люди побиты, а с другого судна “Св. Троица” где Кашмак был толмачом, в Маушинской бухте, люди в двух артелях побиты, но мореход Коровин с прочими при гавани спасся и теперь на Умнаке, откуда и он бежал при выкиде судна. В тоже время Агаяк сказал, что на Умнаке русских к. Протасова по артелям и при судне алеуты всех убили, а он толмач у них спрятался. С погрома русских оба жили в побегах и слышали от девок, что алеуты положили приходящих сюда и впредь русских побить всех без остатка. Соловьев услыша такия печальныя вести, принял меры осторожности против нечаяннаго нападения алеутов и затем, по присяжной должности, начал чинить всякое старание о приводе их в повиновение.

29 сент. Соловьев отправился на трех байдарах 33 рус. и оба толмача к Зап. мысу для осмотра острова, а паче для прииска на покати леса. Через 3–4 часа он прибыл на жило Умшалаи и в нем нашол кости 10 чел. по сказанию толмачей убитых с судна “Троица”. Жители завидев Соловьева, все бежали на море; но потом сдавшись на убеждение что небудут преследовать, стали выходить на берег, но к промышленным не приближались. Соловьев захотел поймать из них в аманаты, а алеуты защищались стрелками, потеряли 4 чел. убитыми, а тоен их Седан и 7 родников, отлученные от байдарок, схвачены, связаны и оставлены под караулом. Алеуты возвратили 5 ружей и некоторые вещи, доставшиеся им после погрома русских. Соловьев узнал здесь, что на жиле Иналга находится Коровин с рабочими на двух байдарах и послал к нему с алеутами письмо приглашая его к себе. 2 окт. Коровин приехал и когда стали с ним здоро-

ваться, здешние алеуты бросились с ножами на караульных, чтобы выручить тоена и родников и потеряли убитыми еще 6 чел. Коровин просил у Соловьева людей для разведки о погибших людях и вещах с судов; но он немог удовлетворить его желания, потому что судно его еще небыло убрано на землю. Отпустив свои байдары и Коровина в гавань, Соловьев сам ушол туда пешком, взяв с собою и связанного тоена, котораго провожали алеуты с их семьями. Тоен содержался там под караулом, но вскоре взяли его сына в аманаты, а самого его отпустили. В тоже время и из других острожков Агулака, Кучлока и Мауш представлены добровольно по одному аманату. Коровин уехал из гавани 5 октября.

В гавани из леса обвалившейся юрты построили себе другую, а 14 окт. вытащили на берег судно. Устроившись в гавани, Соловьев послал Коренева для осмотра, на южную сторону острова, поперек земли, неболее 5-6 верст от гавани; на этом расстоянии половину пути переносят байдары на себе до озера, а другую следуют на них водою. По ту сторону озер в бухте Коренев нашол только пустую юрту, а обогнув мыс к востоку, в другой бухте, на островке, застал 40 алеутов, которые жили в байдарках и взял у них 3 аманатов. Алеуты перебрались опять в первую бухту (Киллюлюк) против гавани и стали посещать русских. За поиском разграбленнаго алеутами с судов имущества и для усмирения их, 28 октября отправился к Северному мысу сам Соловьев. Шли подли земли до мыса, а с него пошли через бухту (Мокровская) до другого мыса, на котором стоит жило Агулок, 70 чел. жит. обоего пола; они возвратили вещи после убитых здесь — промышленных с "Троицы"; переходу было 4 часа. Отсюда 5 ноября пошли далее и через 6 часов подошли к жилу Икучлок, от котораго за мысом, Маушинская бухта, где зимовало судно "Троица". Незаходя в жило пошли в бухту, где зимовало судно "Троица" и там на островке застали двух Маушинских тоенов, приехавших сюда с родниками, 70 муж. 180 женского пола и детей, для промысла котиков. По приглашению тоенов Соловьев поехал 10 ноября на их жилище, 2 юрты саж. по 20 при речке текущей из озера, а вблизи на лайде горячий ключ, покрывающийся прибылою водою. Шторма задержали здесь Соловьева до 6 декабря, а поехав отсюда утром, он прибыл вечером к жилу Тачикала, в бухте в которой небольшой островок. Сопровождавший его Маушинский тоен и толмачи объявили Соловьеву, что здесь люди худые; они убили 9 человек Кульковских и ходили походом на Коровина, да и нынче не хотят дружиться с русскими. Соловьев остановился ночевать на пустом месте, а по утру отправил тоена в острожек для переговоров. Немногие только решились остаться и принять Соловьева; прочие все бежали. На жиле 4 юрты при речке, текущей из озера, Соловьев нашол до 300 стрелок и 10 луков со стрелками и все велел изломать. По убеждению оставшихся на жиле, начали понемногу собираться скрывшиеся и к 10 дек. собралось одних мужчин до 100 человек. Но они немирились и видно было таили злыя намерения и в самом деле уже небыло возможности уехать отсюда Соловьеву. 17 дек. они и напали на него; но потеряли убитыми 19 человек, в том числе одного тоена; другой тоен взят в плен, но обещал быть верным и отпущен. Алеуты дали 6 аманатов и возвратили судовыя вещи Кульковской компании. Отсюда Соловьев отправился в обратный путь 23 янв. 1765 года. В Маушинском острожке тоены, Маушинский, Тачикальский, Угамнчинский и их родники 1-го февраля объявили ему, что на шестом от Уналашки острове, Унимоке, было судно (Николая Трапезникова) и слышали они — отправленных с него на двух байдарах на промысла людей убили, да при судне убито же 5 чел., а судно все разломано. Соловьев предлагал им послать нарочного на Унимок для обстоятельного в том проведения; но они отклонили от себя такое предложение за дальностию расстояния, а больше из опасения тамошних жителей. Соловьев возвратился в гавань 11 февраля и 16-го опять ушол к Запад. мысу. Побыв недолго на жиле Умшалок, ушол и в тот же день прибыл на ж. Икалга — в бухте одна юрта; отсюда 20 февраля пришол в ж. Такамитка — на мысу при речке одна юрта, где застал Коровина. Нарезав мяса выброшеннаго здесь кита разъехались; Коровин уехал на Умнак, а Соловьев в свою гавань.

Возвратившись 15 марта к судну, Соловьев застал почти всю команду в цинге, от которой потом умерло в марте 6, апреле 9 и мае 6 чел. При постигшем компанию таком несчастии, заметна стала немалая отмена в аманатах, ибо к ним приходили и уходили их родники. Толмачам поручено разведать и они донесли, что Маушинские алеуты имеют намерение истребить команду русских. Соловьев находился в великой опасности, потому что многие у него померли от цинги, другие хворали и немогли принять участия в защите, а здоровых было только 13 чел. 27 мая увидели заподозренного Мауш. тоена с двумя алеутами, который ездил в море поблизости гавани, а на берег не выходил. По зову толмача, они пристали и тоен просил прислать к нему на короткое время для свидания его родников аманатов. По приказанию Соловьева[1] тоена взяли под караул и подвергли допросу, что у него за намаерение. Он долго ничего не отвечал на распросы, наконец 12 июня объявил, что подъезжал узнать много ли в команде здоровых и нет ли из них в отлучке, чтобы в пристойное время напасть. В то же время ездили по морю и другие алеуты, ходили мимо гавани, но не заезжали. В них так же почему то признавали дурное намерение. По долгом увещании оставить шалость, тоен содержавшийся под караулом, отпущен. Впрочем команда поправилась, а 30 июня прибыл и Коровин с 6 чел., приглашенный по малолюдству в компании.

22 июля Соловьев отправился с половиною командою на поиски к Вост. мысу. Миновав Агулок, Икучлок, Мауши, Тачкала и в 10 вер. от него Игонок — одна юрта в бухте под мысом, следовали отсюда подле берега в бухту (Капитанский залив) верст 4–5 до речки, против коей

[1] Алеутов схватили, а в байдаре у них нашли луки и стрелы, которые и приломали.

два островка, один Окунадак, жилой — 6 юрт, Натыкинское жило. Побыв здесь, пошли по бухте вер. 2–3 до места, где стояло Кульковское судно; оттуда бухтою 7–8 верст к морю на летовье жила Умгакнах при речке где застали до 50 мужчин, а прочие были в разъезде. Отсюда пошли далее к востоку морем и за 15 верст причалили на летовье жила Калехта, 170 ч. обоего пола. Здесь взяли двух аманатов и кроме того посланные за пролив Акутан привезли оттуда двух же аманатов. Отсюда пошли в обратный путь и достигли гавани 6 августа. Сколько же за его проезд пострадало алеутов Соловьев неговорит; но по преданию известно, что опасаясь грозы, алеуты скрывались где могли, но их отыскивали и истребляли и что по следу Коровина с Соловьевым оставались только признаки разгромленных ими юрт.

11-го августа Соловьев отправился с Коровиным на Умнак к Глотову за оставшимся имуществом Трапезниковской компании и встретили его на дороге в разъезде для осмотра острова. Заехав ненадолго в гавань, пошли на северную сторону Умнака, где по объявлению Коровина, у тоена были погромленыя вещи. Алеуты скрылись, но когда их нечаянно открыли в пещере, они бросились с ножами на промышленных и скрылись. Успели убить только одного и захватили в плен тоена, но и того, по требованию Глотова, у которого дети его были в аманатах, отпустили. Заезжали 17-го в гавань к Глотову и ехавши оттуда встретили опять Глотова; 27 июля возвратились в свою гавань.

Сентября 19 Соловьев отправил Коренева в 20 чел. за промыслами к Полуночному мысу и далее, а сам с остальными людьми в течении ноября, декабря и января промышлял зверье у гавани. 30 янв. 1766 г. возвратился Коренев и объявил, что следуя по Уналашке в Маушинском, как и в других острожках он роздал кляпичный завод для ловли лисиц и поехал далее, 31 окт. прибыл в Калехту и хотел поблизости производить промысла собою, но жители того же дня стали разбегаться, а 1-го ноября собравшись напали на него; но ружейною пальбою у них убито 26 чел., другие переиманы. Потом и прочие возвратились и отдали похищенное оружие и вещи. Оттуда 19 ноября Коренев пошол назад и когда остановился в Маушинском острожке, один тоен Атхадак, отдалился, неговорил, а потом вместо представления зверей и возвращения отданного ему снаряда, напал 19 янв. на промышленных и ими убит, а с ним убиты и 14 алеутов его родников. Тоен другой Кагумага неучаствовал.

4 февраля Коренев отправлен собирать промысла к Зап. мысу и 3 марта возврапился с донесением: проехав через жилища туземцев до ж. Такатытха, он встретил там рабочих Глотова и в одно время с ними 11-го февр. уехал на Умнак и взял 13-го в одной юрте разныя вещи, после погрома русских; возвратился с Умнака 17 февр. отправился опять по Уналашке.

Из команды Соловьева умерло в разное время 28 человек и замечательно, только один из камчадалов; а многие от болезней и к работе стали неспособны, а потому он решился возвратиться в Камчатку; 27 мая спустил судно на воду, 29 погруж. промысла, провизия. Раздав затем прибывшим родникам аманатов, которых у него было 31 и при них, по их обычаю, 4 чел. для услуги, Соловьев 1 июня оставил Уналашку и никуда не заходя по пути, 4 июля подошол к Камчатскому мысу, а на следующий день вошол в р. Камчатку. на боте прибыли 5 чел. с погибших судов: Коровин и Мусорин с Троицы, Корелин, Брагин и Коковин с Захария и Елисаветы.

Промысла: лисиц чорных 50, чернобурых 523, сиводушек 506, красных 209, бобров 191, маток 80, кошлоков 52, лоскутов бобр. 120, бобров парочных 18, медведков 20, хвостов 90, на 42,280 р. Выдела поступило на 780 р. 70 к. и ясака разными лисицами с 35 человек.

Бот “Петр и Павел” по возврате, поступил во владение купца Петра Панова. По жалобе компанионов Кулькова с товарищами, на Уледникова и Тропина в расхищении ими и воровстве из порученной им на снаряжение в вояж суммы, 19 т. рублей, и за неплатеж по розданным векселям, имение их описано и продано с аукциона; но и затем оставалось за ними 5 т. р. Уледников увезен за конвоем в Иркутск.

Соловьев представил краткий очерк быта Лисьевских алеутов, а о своих к ним отношениях доносил: по получении от толмачей известия о измене тамошних народов и побитии русских, он по должности своей имел всякое старание приводить их в подданство разговорами и снисходительным обращением увещевал в гавани и в их острожках угощал, а тоенов и хороших мужиков дарил; в случае от них нападений, хотя и имел сопротивление, но то чинил только по необходимости, а больше уговаривал отказаться от худого своего намерения и с русскими людьми жить в дружестве. Все меры принимал к переводу в подданство с такою ревностию как присяжная должность требовала и хотя тамошние народы оказались к уговору склонны, а некоторые приносили уже ясаки, только надежды иметь никак невозможно понеже непостоянны, когда видят все осторожности и они оказывают знаки дружества на словах, а делом всегда смотрят, как бы наиспособнее учинить нападение, что и было от тоена Итхадака.

Мореход Коровин, описывая быт туземцев, ничего не упоминает о своих к ним отношениях».

Но это не все еще его приключения:

«“Петр и Павел” (1767–70) к. Панова [Участники: И. Попов, Холодилов, Буренин, Плотников, Шапошников, Ф. Кузнецов, Корнильцев, грек Деларов].

Передовщик Енисейский посадский Гр. Коренев, мореход Важ. кр. Коровин рабочих 29 и камчадалов 23.

Судно Уледникова, перешедшее к Панову, снарядил прикащик его Попов для следования на Андриановские и Лисьи острова. Мореходом был договорен посадский Соловьев; но он взят был в экспедицию капитаном Креницыным и вместо его нанят Коровин.

Коровин вышел из р. Камчатки 25 августа и 29-го пристал к о. Медный с намерением остаться на нем зимовать. Недостаток гавани и выкидного леса, чтобы вытащить бот на берег, были причиной, что он 4 окт. перешол зимовать на о. Берингов, остановился в гавани Низовцева на северной его стороне; на южной в Баневской гавани, стояло в это время судно Попова "Андриан и Наталия".

В 1768 Коровин оставил Берингов 29 июня и 5 июля вошол в северную гавань о. Атту, где тогда стоял "Владимир" Красильникова. Взяв здесь толмачей, он 9-го июня отправился далее и 10 пришол к небольшому остр. Аюдаг; 15 снялся отсюда и попути заходил 16-го на Ильях (Булдырь), 18-го на Уях (Семисопочный) за водою и отысканием гавани для зимовки. Удобной не оказалось, а туземцы уверяли, что и зверей тут нет и потому 26 июля Коровин продолжал путь далее. 18-го набежали во время тумана на остров, у котораго Вост. мыс низменный, а Зап. весь состоит из высоких сопок; далее от него верст за 50, виден был другой остров; около острова ездили алеуты, но к судну не приближались. До настоящаго места Коровин все время держался северной стороны Алеутской гряды, а теперь перешол на южную и 31 вошол в Андреановскую или Бечевинскую бухту на западной стороне о. Адага.

Взяв для безопасности аманатов, компания производила промысла на островах, объясненных Толстым: Четхине, Атхе, Амле, Танаге, Канаге и посещала Кигалгу, Укагалку, Иллях, Аматыгнак; кроме того в 1769 Кузнецов ездил на острова, по близости Канаги, к западу, на которых небывали еще промышленные: Сагуагах — 80 чел. жителей, Алгахах — 13, кавалга — 80, Укагалга — 30, Юляка — 80, Аматыгнак — 50 и несколько туземцов на них объясачил.

Коровин ушол с Андреановских 1-го августа 1770 г. для следования в Камчатку; 10-го миновал Командорские острова и 12 подошел к Камчатскому мысу; 16 августа бот вошол в р. Камчатку и на нем доставлено промыслов: бобров 4,524, медведков 524, объедков бобр. 62, лоскутов бобр. 591, хвостов 3,991, песцов голубых 1,093, на 294,868 р. и ясаков 154 бобра».

Макарова Р.В.: «В сентябре того же 1767 г. купцы Пановы отправили на промысел судно "Петр и Павел", которое они купили у разорившихся купцов Уледникова и Тропина. Мореходом судна был назначен уже известный Иван Коровин, передовщиком — Григорий Коренев. Перезимовав на острове Беринга, Коровин в июле 1768 г. прибыл со своим судном на остров Атту за толмачом. Затем он направился дальше на восток и 3 августа пристал к острову Аях. Отсюда Коровин рассылал промышленных людей на соседние острова для промысла пушнины и за ясаком. Артель под командой крестьянина Алексея Кузнецова с 4 июля 1769 г. по 2 апреля 1770 г. посетила острова Сагаугах, Алгахах, Кавалга, Укагалга, Иляка (Оляк), Аматыгнах и доставила сведения об их населений. По данным Кузнецова, на этих островах жило около 350 человек. Передовщику Кореневу Кузнецов доложил, что был на островах, "на которых прежде ни единого купеческого судна не бывало и тамошние жители никого не видали". На острове Аматыгнах, продолжал Кузнецов, "тамошние жители обходились с ним и другими ласково и к ним от тех народов никакого озлобления чинено не было"».

Самым «скромным» по количеству проживающих там Кореневых казался нам Селенгинск — в 1693 году в рядовых пеших казаках здесь служит Сава Федоров Коренев.

Но вот что произошло с Селенгинском через восемь десятилетий, согласно переписи 1762 года:

«Троицкого Селенгинского монастыря
Темлюйской деревни крестьяне

Григорей Савин сын Коренев — 45 умре в 752-м году у него брат Прокопей Коренев — 40 умре в 758-м году. У него жена Агафья Демьянова дочь сорока лет взятая того ж монастыря у крестьянина Демьянова Софонова Сергей Коренев — 32 умре в 752-м году, Анисим Коренев [29–47 644].

У Григорья жена Анна Иванова дочь шестидесяти одного году взятая у крестьянина Ивана Марковых. У них дочь Настасья сорока одного году.

У Анисима жена Домника Петрова дочь тритцати четырех лет году взятая у Кабанского посацкого Петра Единского. У них дочери Фекла тринатцати, Ирина девяти, Ирина ж пяти, Марина одного.

У Сергея дочь Евдокия дватцати девяти лет выдана в замужество за Кяхтинского цехового Павла Пластинина. Матрена дватцати лет выдана в замужство Кабанского острогу за посацкого Михаила Васильева сына Паламошных. Марья пятнатцати лет.

Василий Коренев — 11 (28)
Петр Коренев —7 (24)
Иван Коренев — 2 (19)

У них братья. После ныне минувшей переписи рожденные Филип — 17, Петр — 11.

У них сестра Васса дватцати шести лет.

Евдокия дватцати лет выдана в замужство Ильинского острогу за крестьянина Григорья Залуцких.

У Василья жена Васса Никифорова дочь дватцати девяти лет взятая Кабанского острогу у посадцкого Никифора Добрыниных. У них после ныне минувшей переписи рожденные дети: Андрей —3; дочери Евдокия семи, Пелагея пяти лет.

Петрова жена Евдокия Герасимова дочь дватцати одного году взятая Кабанского острогу у посацкого Герасима Безгодовых. У них дочь Анна трех лет

У Сергея сын написанной в ныне минувшую последнюю перепись Козма — 8 взят в рекруты в 757-м году.

У него сестра Евдокея дватцати девяти лет выдана в замужество за Кяхтинского цехового Павла Пластинина.

Андрей Коренев — 15 бежал в 757-м году.

У него братья написанные в ныне минувшую перепись Михайло —12 (30), Алексей — 10 (27), Степан — 6 (23). У них мать вдова Васса Иванова

дочь пятидесяти девяти лет взятая Ильинского ведомства у Ивана Варламовых.

У него дочери Катерина дватцати дву лет

Степанида восмнатцати лет

У Андрея жена Федосья Иванова дочь тритцати четырех лет взятая Ильинского ведомства у крестьянина Ивана Курочкиных. У них дети после ныне минувшей переписи рожденные Егор —13, Петр — 10, Прокопей — 7.

У Михаила жена Анисья Данилова дочь Кабанского ведомства Твароговской деревни у посацкого Данила Могилевых. У них дети после ныне минувшей переписи рожденные Иван — 3, дочери Настасья пяти, Анна двух лет.

У Алексея жена Парасковея Иванова дочь дватцати шести лет взятая Кабанского острогу у цехового Ивана Кириловых. У них дочери Ксения четырех, Степанида одного» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. Лл. 644–644 об. – 645–645 об. – 646–646 об. – 647].

Но это еще не вся картина:

Верхоленск, перепись 1762 года

«Антон Спиридонов сын Кротов. У него жена Татьяна Савина дочь семядесяти дву лет взятая Троицкого манастыря Темлюйской вотчины у крестьянина Савы Коренева».

«Иван Курилов. Дочь …Прасковья дватцати пяти лет выдана в замужство Троицкого Селенгинского манастыря в Темлюйскую слободу за крестьянина Алексея Коренева».

«Данило Степанов сын Могилев. …Дочь Анисья тритцати лет выдана в замужство Троицкого Селенгинского манастыря за крестьянина Михайла Коренева»

«Евдоким Карпов Един. Дочь … Домна тритцати дву лет выдана в замужество Троицкого Селенгинского монастыря за крестьянина Анисима Коренева».

«Семен Гаврилов сын Кожемякин — 22 (37). У него жена Матрена Алексеева дочь тритцати лет взята в замужство бывшего якуцкого полку салдата Алексея Коренева».

«Василей Коренев — 10 отдан в рекруты в 759-м году. У него написанные по последней переписи братья Иван — 8 (25), Прокопей — 2 (19)» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. Л. 644 об.].

Разобраться в родовых корнях Кореневых, как вы видите, не просто.

Скажем главное: Кореневы не посрамили честь и славу дальневосточного казачества:

«9 апреля 1904 года в 9 часов вечера в здание городской больницы тайно была приглашена вся петропавловская “интеллигенция”, разумеется уездный начальник в известность поставлен не был. Открыл заседание уездный врач В.Н. Тюшов, сообщив собравшимся, что к нему поступили многочисленные заявления о душевной болезни уездного начальника Сильницкого, но, не будучи психиатром, он затрудняется самостоятельно дать заключение. Поэтому вопрос о болезни Антона Петровича Сильницкого выносится на общее рассмотрение. После чего собравшимся были приведены примеры из специальной медицинской литературы, иллюстрирующие различные случаи психических расстройств, которые как нельзя лучше были подведены под действия А.П. Сильницкого. Собрание практически единогласно постановило, что А.П. Сильницкий действительно серьезно психически болен и его необходимо немедленно устранить от занимаемой должности. К чести петропавловских служащих, нашлись и люди, которые не согласились с подобной постановкой вопроса, среди них были: помощник А.П. Сильницкого — Векентьев, городской староста Корякин и и. д. начальника камчатской казачьей команды Коренев» [Сильницкий А.П. 14 месяцев службы на Камчатке // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 507–541.]

В 2024 году в 120-летнюю годовщину обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. начальник Петропавловского уезда Антон Петрович Сильницкий, как главный организатор обороны Камчатки и разгрома японского десанта, решением Думы города Петропавловска-Камчатского объявлен Почетным гражданином города Петропавловска-Камчатского.

«Приказ
Приамурского генерал-губернатора
(октябрь 1906 г.)

“Награждаются мною [за участие в обороне Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.]. … званием зауряд-хорунжего: Камчатской казачьей команды пятидесятники Дмитрий Иванов Коренев, Федор Давидов Савинский и Гавриил Николаев Крыжановский и урядник Давид Давидов Савинский за усердную и полезную службу…”» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2020. Лл. 66–67].

«Кавалеры знака отличия военного ордена
1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, награжденные
за дела против китайцев.

4-я сотня.

Сяосытхэ 15-го декабря.

Казак Федор Коренев. Георгиевский крест 4 ст.»

«Список георгиевских кавалеров
за китайский поход 1900–1901 гг.
Амурское казачье войско

4-й ст.

Кумарский станичный округ
(станица Кумарская основана в 1858 году
казаками-забайкальцами):

Казак Андрей Коренев,
Приказный Максим Коренев,
Трубач Николай Коренев,
Казак Сергей Коренев».

КОРКИНЫ

Истории этой фамилии мы посвятили большой очерк в первом томе книги «Тайны якутских фамилий».

Но нас заинтересовало исследование Андрея Владимировича Черепанова об истории этой фамилии на Лене, и мы бы хотели его проанализировать и дополнить.

Но сразу же скажем, что у Андрея Владимировича версии.

У нас тоже.

Итак, слово А.В. Черепанову, автору замечательной книги «Сибирская кровь» и «Родословного справочника Иркутска»:

«Я не нашел своих предков под этой фамилией, однако она входила в число двадцати пяти самых распространенных в Верхоленском остроге 1763 года фамилий, и среди ее представителей оказались две семьи разночинцев (бывших казаков) — потомков Герасима и Григория, и одна семья посадских — потомков Алексея. Приходились ли они друг другу близкими родственниками, мне выяснить не удалось, как не удалось найти какой-либо версии происхождения Коркиных-посадских.

А вот по одной из моих версий, линия верхоленских разночинцев могла восходить к служилому Якутского острога Алексею Коркину из Тобольска, который летом 1645 года набросился на якутского воеводу за то, что тот хотел наказать батогами казаков, досрочно покинувших караул “у казенных анбаров соболиных”. Разумеется, за такую провинность Алексей Коркин был наказан, может, сослан на службу из столицы Ленского разряда в Илимское ведомство, в составе которого тогда был Верхоленский острог.

По другой версии, Коркины из Верхоленска являлись потомками казака Федора Коркина, служившего с 1650 года в Даурии, а до того занимавшийся соболиным промыслом на Олекме. Третья версия — они потомки Савелия, основавшего деревню Коркина в Тутурской волости, первое упоминание о которой найдено за 1649 год. Вероятно также, что племянником или внуком кого-то из них — Алексея, Савелия или Федора — являлся илимский десятник Еремей Мартемьянович Коркин, который, как утверждается в окладной книге 1683 года, “в Орленской волосте пахал на себя пашню, а челобитья о той ево пашне в приказе нет. А по государевой грамоте земель пахать даром никому не велено”. Наверняка именно его сыном был Михаил Еремеевич Коркин, перечисленный среди илимских пеших казаков по Верхоленскому острогу в “Книге окладной денежному, хлебному и соляному жалованию” за 7192 (1684) год (он был поверстан в 1684 году на место умершего Василия Кудрина). А другой же его сын — Андрей Еремеевич Коркин — устроился в 1698 году на пашню в УстьКиренской Нижней волости “на збеглого Якушково место Кондратьево Кошевого в десятину без чети ржаную, ярового тож” со льготой на два года. И, по всей вероятности, именно тот Андрей умер в 1724 году, оставив после себя в деревне Коркиной сыновей Лаврентия с Сидором, пасынка Леонтия и племянника Ивана.

О рядовых пеших казаках Коркиных — Андрее, Михаиле и брате Михаила Григории — говорится во многих именных и приходно-расходных книгах Верхоленска за 1699–1712 годы. И хотя их отчество не приведено, они — наверняка Еремеевичи».

Следы тобольского казака-задиры Алексея (Олешки) Коркина утеряны — и здесь мы строим только предположения, которые для подкрепления нашей версии не имеют никакого веса.

В 1649 году, как сообщает в книге «Илимская пашня» В.Н. Шерстобоев, основана заимка Коркина. Но сам ее основатель там и не жил:

«А Савка Иванов Коркин был устроен там, где была деревня Коркина. Но пробыл он там недолго. Какими-то путями он оказался на Амуре и записан в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца среди охочих служилых людей, отличившихся при обороне Комарского острожка. Эти охочие служилые люди пришли в амурское войско с Третьяком Чичигиным и с племянником Е. Хабарова Артемием Петриловским в 1651 году. В 1653 году Савка Коркин был послан с отписками на Лену» [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях XVII века].

Но и его дальнейший след утерян.

Вместе с Саввой на Амуре был еще один Коркин:

«Служилые люди и вольные охочие казаки, которые пришли в прежных годех с приказным человеком с Ярофеем Хабаровым … Федька Максимов Коркин» [РГАДА: СП. – Стб. 556].

Его дальнейшая судьба известна. Но только чуть-чуть:

«Весной 1656 года Степанов отправил в Москву собранный ясак, — более 120 сороков соболей. Это была самая большая амурская ясачная казна. С казной пошли Захарка Козьмин, Михаил Кашинец и Федор Коркин. С этим же отрядом Онуфрий Степанов отправил в Москву двух китайцев, попавших к нему из дючерских улусов. Во время боевых действий в Китае они были взяты в плен маньчжурами, а затем проданы в рабство дючерам. Оказавшись среди русских, китайцы добровольно крестились в православную веру в походной Спасской церкви, и теперь Степанов с Бекетовым отправляли их для расспросов в Москву.

До Тунгирского острога казну должны были сопровождать Федор Пущин с отрядом из двадцати якутских казаков и Петр Бекетов с группой енисейских служилых людей, сплавившихся вместе с ним с Шилки. После проводов казны Пущин со своими людьми должен был следовать на Аргунь, а Петр Бекетов с енисейцами, — на Шилку навстречу Пашкову.

Что произошло на Тунгирском волоке, — неизвестно, но что-то помешало исполнению намерений предводителей отрядов. Завесу неизвестности в какой-то мере приоткрывают материалы, содержащиеся в “Дополнениях к Актам историческим”, где говорится о том, что 27 человека из отряда, сопровождавшего амурскую меховую казну, в том числе Захарка Козмин и Михаил Кашинец, погибли в пути. Ясачная казна была доставлена в Москву принявшим на себя начальство Федором Коркиным» [Владимир Бахмутов-Красноярский, Абрашка Парфенов — основатель Албазинского острога].

А дальше — тоже полная неизвестность…

Следующая версия, которую создает Андрей Владимирович, связана с Еремеем и Еремеевичами.

Точнее, с их предполагаемыми предками.

И мы можем активно помочь в увеличении этого списка предполагаемых имен.

Коркин Стенька — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в казаки «мимо указу» [Софронов Ф.Г. История Северо-Восточной Азии XVII начала XX века].

Еремей интересен еще и тем, что в числе самых первых илимских казаков «служил с пашни:

«В 1682 году в Орленской волости пахали за хлебное жалованье три служилых человека. В деревне Скокниной Васька Мишарин, в деревне Зехиной Еремка Коркин, а в деревне Омолойской Матюшка Шипицын».

Так может быть, Еремей — крестьянских корней?

А если это так, то здесь просто непаханое еще поле для версий.

Тобольский уезд, Шадринская слобода:

«…в Шадринской же слободе вновь прибраны крестьяне в десятинную пашню, которые здав пашни живут своими дворами, и с Руси пришлые люди поселились своими ж дворами и пашут свои собинные пашни, а государевы десятинные пашни не пахали.

И по указу великого государя наложена на них вновь десятинная пашня; пахать им со 191-го [1683] году безо льготы.

Во дворе Тимошка Овдокимов сын Коркин. Сказал: родился де он Кайгороцкого уезду в Волосницкой волости, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 185-го [1677] году. У него дети: Марчко 12 лет, Матюшка 7 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 1225].

Тобольский уезд, 1689 год:

«Слобода Усть Суерская на речке Тоболе.

Деревня Коркина на реке Тоболе.

Во дворе Сенка Павлов сын Коркин. Сказал родом он Туринского острогу ямщичей сын, а в Усть Суерскую слободу пришел … служит в беломесных казаках у него дети Ивашко 15 лет, Кондрашка 9 лет, Федка 7 лет, Сенка 3 лет.

Во дворе Якунка Павлов сын Коркин. Сказал родом он с Туринского остогу казачей сын а в Усть Суерскую слободу пришел … у него сын Тимошка 10 лет, а Якунка служит в беломесных» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6894. Л. 6 об.].

Они же и служилые люди:

«Именные списки драгун

Тобольского полка. 1700 г.

Рота Суерские слободы

Капитан Степан Ранчковской

Ивашко Семенов Коркин

Федка [Семенов] Коркин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1248. Л. 127, 128].

И не из этих ли служилых людей албазинец Коркин?

«Побывавший в Сибирском приказе в 1681 г. албазинский пятидесятник Ивашко Коркин дал следующую сказку: “Да блиско де Албазинского, в[низ] по Амуру с версту, на Брусяном камне построена пустыня и в пустыни церковь во имя Спаса Нерукотворенного. А чернецов де в той пустыни — четыре человека. И хлеб пахали на себя наемными людьми. В той же де пустыни построены две мельницы. И от мельницы помольными деньгами они и питались. А ныне де те мельницы и пашня, и сенные покосы от той пустыни взяты на великого государя по государеве грамоте, и поселено пашенных крестьян четыре человека”» [Абеленцев В.Н. Албазинцы. Нерчинское воеводство и Албазинский острог. XVII в.]

Если вы думаете, что это все Коркины, то глубоко ошибаетесь:

Тобольский уезд, 1710 год.

Слобода Орлова Городища

Деревня Коркина

Двор а в нем живет драгунской отец Иван Карпов сын Коркин сказал себе от роду 55 лет у него жена Устинья 55 лет у него дети Елисей 30 лет Михайло 22 лет жена у него Олена 22 лет у него сын Абрам году да у него ж Ивана Карпова сын Василей 15 лет дочь Ирина 16 лет.

Двор а в нем живет оброчной крестьянин Леонтей Иванов сын Коркин сказал себе от роду 40 лет жена у него Федосья 38 лет у него дети Нестер 12 лет Андрей 7 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1493. Л. 12].

Слобода Беляковская.

Деревня Коркина

Двор крестьянина Максима Семенова сына Коркина а он Максим 35 лет.

Двор крестьянина Осипа Евсевьева сына Коркина а он 25 лет.

Двор крестьянина Василья Иванова сына Коркина.

Двор крестьянина Григорья Семенова сына Коркина» [РГАДА. Ф.214. Оп. 1. Д. 1524. Лл. 46 об. – 47 об.].

«Ялуторовская слобода.

Деревня Шадрина.

Двор а в нем пашенной крестьянин Иван Мокиев Коркиных сказал себе от роду 50 лет у него жена Марфа 60 лет (л. 403)

Двор а в нем пашенной крестьянин Калина Мокиев Коркиных сказал себе от роду 40 лет у него жена Парасковья 40 лет у них две дочери девки Софья 13 лет Марфа году (л. 404)

Двор а в нем пашенной крестьянин Василей Мокиев Коркин сказал себе от роду 30 лет у него жена Евдокия 40 лет у них сын Алексей 10 лет две дочери девки Евдокия 7 лет, Парасковья 5 лет два племянника Петр 15 лет, Алексей 10 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Лл. 403, 404, 404 об.].

И разве после этого у нас вызовет удивление появление фамилии Коркиных в Селенгинске:

«Юговской деревни крестьяне:

Померли:

…Василий Коркин…

Ильинского острогу крестьяне:

Определен в посад:

… Иван Коркин» [Древние жители селенгинских весей (по селенгинским переписям после 1722 до 1764 гг.)]

А также на крайнем Северо-Востоке России:

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Коркин Андрей Клементьев (7)»

Якутск, 1720 г.

«Служивые люди

Во дворе служивой Алексей Никитин сын Поломошнов … у него ж живут служивые Андрей Клементьев сын Коркин пятидесяти лет (1670).

«В Анадырском остроге

Разночинцы

Афанасей Коркин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 78].

Еще один Коркин отметился — весьма скандально — в 1742 году:

«19-го Октября 1742-го года, бывшие с Профессором Академии Наук, Иоанном Эбергардом Фишером, Якутские служилые люди Николай Кураев и Василий Коркин на Юдомском Кресте (NB: станция на дороге от Якутска к Охотску) кричали важность; почему они Профессором отосланы под караул к Юдомскому Капралу Пинигину, от которого препровождены в Охотск. Там при допросе показали: Василий Коркин, что он у Юдомского Креста важное слово и дело на Г-н. Профессора кричал и доказать может. Николай Кураев показал, что он кричал не важность, а подозрение о противных Указам Ее Императорского Величества поступках, которые состояли: 1-е в том, что Г-н. Профессор, встретив двух служилых, гнавших в Охотск покупной скот для Камчатской Экспедиции, взял у них под себя 4 лошади: а на другой день, проехав на них несколько верст, отослал обратно; 2-й и 3-й пункты состояли в показаниях о подобных же поступках; 4-е, что он у Якушев взял соболя, красную лисицу и 3 рогдуги и дал тем Якутам один рубль; 5-е, что Профессор за два санаяха, за которые встретившиеся Якуты просили 10 рублей, дал только 4 руб. 50 коп. и взял санаяхи. — При других показаниях, Коркин и Кураев обвиняли еще Г-на. Фишера в курении вина для домашнего обихода» [Известия о Гижигинской крепости].

А в 1803 году царскую награду — серебряную медаль — пожаловали якутским мещанам Андрею Суздалову и Дмитрию Коркину (в числе многих представителей якутской элиты) за помощь Камчатскому гарнизонному батальону в обеспечении солдат крупным рогатым скотом и лошадями.

«После продажи Аляски и упразднения Российско-Американской компании в 1867 году поток перевозок по Аянскому тракту резко сократился. Крестьяне притрактовых сел потеряли возможность зарабатывать, поэтому большая их часть с легкостью откликнулась на призыв переселиться в недавно присоединенный к России Приамурский край. Опустели многие станции. В Нелькане остались две крестьянские семьи, одна из них — Коркины».

Коркины служили и в Енисейской губернии:

Красноярский острог

«Именной список 1662 года.

По 5 рублев пешие казаки … Ортюшка Петров Коркин, Стенка Петров Коркин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 438. Л. 312–326.].

1671 год:

«Казачьи дети, а отцы их побиты, а у иных собою померли, а в службу они поспели, а не приверстаны, а иные малы, в службу не поспели.

Ромашка Леонтьев с. Коркина 15 л.» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 566].

И потомок кого-то из этих казаков или казачьих детей в 1854 году принимает участие в обороне Петропавловского порта:

Коркин Николай Константинов (1923) — матрос 2-й статьи, из крестьян Енисейской губернии Красноярского округа, в 1854 г. переведен из 14-го линейного батальона в 46-й флотский экипаж, в 1854 г. участвовал в обороне Петропавловского порта, 8–9 мая 1855 г. – в сражении в заливе Де-Кастри на транспорте «Иртыш».

А другой — потомок бурятских казаков или пашенных крестьян — Коркин Иван Иванов (1824), матрос 2-й статьи, уроженец Иркутской губернии и округа, Верхнеудинской волости, переведенный в 46-й флотский экипаж из 14-го линейного батальона — в 1852–1855 гг. служит на транспорте «Байкал». Это был тот самый «Байкал», экипаж которого вместе со своим командиром Г. Невельским не только нашел в устье Амура фарватер для проводки больших судов, но и доказал, что Татарский пролив является проливом, а не заливом, как считалось со времен Крузенштерна, и тем самым спасли Тихоокеанский флот в 1855 году от разгрома его объединенной эскадрой англо-французов.

КОРНИЛОВЫ

Родовые истории, когда начинаешь их распутывать, могут преподнести самые неожиданные сюрпризы.

Историей рода камчатских Корниловых долгое время до своей неожиданной (по возрасту) смерти занималась Ирина Аверьянова.

Мы с ней прошли большой путь в поисках истоков этого замечательного рода и проследили его историю на протяжении весьма длительного времени — начиная с 1812 года, когда в Тигиле мы обнаружили двух братьев — Александра и Николая Ефимовичей Корниловых.

Александр Ефимович (1766) был солдатом в Тигильской крепости.

Николай Ефимович (1771) в это же время служил в провиантской команде вахтером, а после расформирования батальона в соответствии со своим унтер-офицерским чином был переведен в казачьи урядники.

Оба были женаты.

Дети в Тигиле не задержались.

Петр Александрович (1790) в 1812 году был рядовым солдатом в Нижнекамчатске.

Гаврило Александрович (1796) был каноником Камчатской экипажной роты в Петропавловском порту.

Алексей Николаевич (1797) тоже был матросом Камчатской экипажной роты.

А вот Андрей Николаевич (1818) первоначально был записан в Камчатскую казачью команду, а затем тоже, как и братья, переведен в экипажную роту и, будучи матросом 1-й статьи, принимал участие в обороне Петропавловского порта в августе 1854 года, а затем на переходе из Петропавловского порта в Николаевск-на-Амуре принимал участие и в майском морском сражении с английскими судами в заливе Де-Кастри.

В связи с переводом гарнизона Петропавловского порта в Николаевск-на-Амуре сюда отбыли и матросы Корниловы.

И далее свой родовой след на Камчатке оставили только потомки Алексея Николаевича, который с 1850 года был в отставке, — остальные Корниловы растворились на просторах только что обретенного Россией Дальнего Востока. И следы их, естественно, затерялись.

В 1847 году родился Евграф Алексеевич, который впоследствии женился на крестьянке из села Николаевка Мурашевой Анастасии Константиновне (1850).

Его брат, Николай Алексеевич (1852), обзаведясь семьей, стал жителем селения Паратунские ключи, как первоначально называлась известная сегодня на всю Россию своими горячими лечебными ключами Паратунка.

И, собственно, Паратунка и стала для Корниловых родовым местом.

Сыновья Николая Алексеевича — Николай и Харитон — женятся на Челпановых — Екатерине Никитичне и Анне Васильевне.

Сын Евграфа Алексеевича — Алексей Евграфович — играет свадьбу на день позже Николая Николаевича — его избранницей стала тоже местная девушка из Паратунки — дочь отставного матроса Игнатия Герасимовича Красноярова — Красноярова Евдокия.

А вот сестры расширяют границы паратунского семейного ареала и находят себе супругов в камчатской столице.

Улита Николаевна (1893) выходит замуж за Иллариона Пименовича Курякова.

Стефанида Николаевна — за Коршунова Михаила Николаевича.

А дальше случилось несчастье.

Мы не знаем, что произошло между двумя соседями, проживающими в селении на Паратунских ключах, но этот конфликт завершился убийством одного из них.

Убит был Алексей Корнилов.

Убийцей — Егор Яковлевич Ивойловский (Евойловский) (1868), женатый на вдове отставного матроса Игнатия Красноярова — Елене Романовне (1850), которая приходилась Алексею Евграфовичу… тещей.

Версия — убил из ревности… Но что-то здесь явно не сходится… Да и молодые еще и года не прожили после свадьбы.

Когда в апреле 1904 года на Камчатку пришло сообщение о Русско-японской войне и народ начал записываться в народное ополчение, Егор Яковлевич, находясь в тот период под следствием по тяжелому уголовному обвинению, был, тем не менее, записан и встал в ряды защитников.

30 мая 1904 года отряд из 150 японцев — отставных унтер-офицеров, вооруженных скорострельными винтовками и двумя легкими полевыми пушками, высадился в устье реки Озерной. А еще через несколько дней, захватив село Явино (15 километров к северу от р. Озерной), Гундзи обнародовал свои планы, прибив в этом селе к столбу доску со следующей надписью:

«Смысло на этой тын писаних слов: именно это земля уже принадлежит Японии, поэтому кто того трогай будут убиты. Командир японской войска Сечи Гундзи».

Камчатские дружинники на тот период не знали еще, какими реальными силами располагает враг. Нужен был разведчик. Им вызвался быть паратунский житель Егор Ивойловский, которому нужно было загладить свою вину перед обществом.

И 12 июля 1904 года на свет рождается это постановление Сотникова:

«Крестьянин селения Паратунских ключей Петропавловского уезда Егор Яковлевич Ивойловский, состоящий под судом по уголовному дело по убийству односельчанина, мещанина Алексея Корнилова, заявил на мой вопрос следующее:

“Я, Егор Ивойловский, считаю себя виновным в убийстве соседа Алексея Корнилова, теперь в виду войны России с Японией я узнал от Вас г. Сотников и других жителей, что на Озерной стоят японские шхуны и пришедшие на них японцы разграбили у явинских жителей все имущество, скота и проч., угнали жителей в лес с ружейными выстрелами, на Ваше предложение гг. Сотников, Карлсон, Ал. Селиванов и явинский староста Игнатьев узнать неизвестную силу врага на Озерной я искренне и охотно. …свое желание итти на Озерную и может, Господь Бог, поможет мне узнать силу оружия и личность врага и вернуться к Вам. Ибо я теперь жалею погубившего мною собрата, так равно жалею, если кого из Вас невинно убьют японцы, почему прошу указать мне место Озерной.

А потому согласно заявления Ивойловского постановил таковое принять за единственный случай узнать силу врага. Личным побыванием желающего Ивойловского в таборе расположения японцев, так как устье Озерной неприступное, открытое место для военных действий с каким-то ни было отрядом, да к тому же, если у них как слышно есть пушки или две, то приглашаю Вас поименованные выше братцы дать Ваши мне свое мнение, которое очень важно, и я искренно принимаю, если будут таковые по местным условиям, а потом видно что нам делать”.

Явинский староста Игнатьев вызвался идти на разведку вместе с Ивойловским. 13 июля в 5 часов пополудни разведчики возвратились, побывав во вражеском стане. Именно благодаря этим двум людям и удалось заманить командира японского отряда отставного лейтенанта императорского флота Японии Сечу Гундзи (якобы на встречу с бывшими курильскими жителями) и взять его в плен.

После поражения японцев на Камчатке в 1904–1905 гг. царское правительство щедро раздавало награды.

Было рассмотрено и прошение о награждении Егора Яковлевича, с которого за проявленный героизм была снята уголовная ответственность.

Представление к награде: “Подследственного по обвинению в убийстве по ревности крестьянина Евойловского, который, будучи

освобожден от стражи Уездным Начальником и находясь составе отряда, посаженному на шхуну ‘Мария’, произвел, опасностью жизни, подробную разведку расположения японцев селения Явино и реке Озерной, участвовал бою и лично пленил Сечу Гундзи. Знаков отличия не имеет”».

Таков конец у этой истории.

Восемь детей было у Николая Николаевича.

Шесть у Харитона Николаевича.

Четверо — у Куряковых.

Ирина Аверьянова была из Харитоновичей: Александра Харитоновна Корнилова (1920–1998) вышла замуж за Аверьянова Дмитрия Степановича (1916–2002).

К сожалению, Ирина так и не узнала, чем же продолжились мои поиски ее далекого предка.

Рабочая версия была такова: в свое время в материалах РГАДА в «Книге переписной населения г. Нерчинска и уезда [Фонд 350. Ландрадские книги и ревизские сказки. Опись 2. Дело 1917. 2-я ревизия] мы обнаружили большой список имен нерчинских казаков, которые были отправлены на Камчатку:

«…взяты на Камчатку

Прокопей Михаилов сын Калашников
Алексей Нестеров сын Кудеяров
Еким Иванов сын Сысоев
Федор Григорьев сын Шушонин
Иван Василев Щербаков
Григорей Алексеев сын Соколов
Гаврило Шадрин
Иван Шадрин
Ефим Силин сын Колосов
Матвей Бекетов
Михаило Иванов сын Корнилов
Лаврентей Анцын
Фадей Березовской».

Были ли у нас основания принять в работу эту версию?

Безусловно.

Тем более что было с чем сравнить: Алексей Нестеров сын Кудеяров из этого «нерчинского» списка мог быть родоначальником гижигинских казаков Кудеяровых (Кудьяровых, Кудияровых, Худеяровых), а Еким Иванов сын Сысоев — тигильских Сысоевых.

Мы начали проработку этой версии и вышли на… Дурыниных.

Вышли на огромнейшую всесибирскую, включая и Западную, и Восточную Сибирь с Дальним и Северо-Востоком, родовую сеть потомков тобольского атамана Ивана Савельева сына Дурыни, от которой по именам атаманов Шестака и Корнилы Дурыниных отпочковались Шестаковы и Корниловы.

Трое из этого рода были отправлены из Тобольска в Даурию на помощь защитникам Албазинского острога. Это были Ивашка Иванов сын Корнилов 20 лет — сын тобольского конного казака Ивана Афанасьева Корнилова, а также братья — Оська 26 лет и Федька 21 года — дети тобольского конного казака Мишки Корнилова сына Дурынина.

А далее служилая судьба распорядилась следующим образом: Ивашка Иванов Корнилов и Оська Михайлов Корнилов после заключения Нерчинского мирного договора, как и некоторые другие защитники Албазина из отряда казачьего головы Афанасия Иванова Бейтона, остались на вечную службу в Нерчинске, став нерчинскими казаками [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1272. Л. 77, 81].

А уже оттуда, из Нерчинска, сын Ивана Иванова Корнилова Михаил был отправлен на Камчатку, где проходили службу его многочисленные родственники по линии Никиты Прокопьева сына Дурынина, который появляется на Камчатке в составе отряда тобольских казаков атласовского набора в 1706 году. А в 1703 году при попытке строительства в низовьях Камчатки Нижнекамчатского острога погибает в стычке с камчадалами Яков Корнилов сын Дурынин, как пояснил нам семейный летописец Сергей Дурынин, в свою очередь, являлся двоюродным братом нерчинского казака Ивана Иванова Корнилова (отца Михаила), был сыном Корнилы Афанасьева Дурынина, согласно «Смотреной книге 1689 года» — то есть был в прямом родстве с Михаилом Ивановичем, отправленным служить на Камчатку.

Вот такая у нас получалась схема.

Но…

Но выпадало одно важнейшее звено — мы никак не могли найти связи между Михаилом Ивановичем и Ефимом Корниловыми.

Михаил Иванович, полагали мы, родился после 1721 года — так как в Переписной книге за 1721 год род Ивана Ивановича, в отличие от рода Осипа Михайловича, не указан вовсе [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626].

В Переписи Нерчинска за 1744 год Иван Иванов сын Корнилов, с сыновьями Прокопием, Саввой и Петром, показаны в списке умерших разночинцев города Нерчинска. То есть они тоже, судя по предыдущей версии, появились на свет после 1721 года.

У Михаила Ивановича был еще брат — Тимофей Иванович, который был записан в нерчинские казаки.

Мы подняли архивные материалы Забайкалья. И выяснилось.

Иван Иванович Корнилов умер 6 октября 1727 года в возрасте… 70 лет.

Сыну Петру, который умер, в 1728 году было 15 лет, то есть родился он в 1713 году.

18 февраля 1728 года казачей сын Сава Иванов сын Корнилов женится на Феодосии Андреевой дочери Седельниковой. То есть и он родился гораздо раньше, чем мы предполагали.

11 января 1735 года заключен еще один брак: «Нерчинского приходу казачей сын Семен Яковлев Чюрочкин приходу Нерчинска Ивановой дочерью Корниловых девкою Феодосией».

В 1745 году, то есть через год, как забрали на Камчатку Михаила Ивановича, заключен еще один брак: «венчано в Сентябре 9-го Служилой Яков Тимофеев сын Корнилов Нестеровой дочерью Кудеяровых девкою Татияною первым браком».

А вот и итоговый материал, обнаруженный в государственном архиве Забайкалья: Михаил

благополучно вернулся… домой с Камчатки и проживал в Сретенске:

«Книга записей церковных сборов
за 1724–1751 гг.

3-го Июля 1750 г. дана венечная память Нижняго Острогу Сретенской церкви Священнику Андрею Стефанову о венчании со изследованием о сродстве ево приходу казачья сына Михаила Иванова сына Корнилова первым браком на девке новокрещеной Евфимие Козмине дочере Козминых. И со оной венечной памяти пошлинных и лазаретных по двенатцати копеек за писмо и отвоз три копейки взято. В приеме памяти росписался Алексей Соломатов» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1. Л. 339].

И здесь он продолжил свой род:

Из метрической книги нерчинского уезда Нижнего острога Сретенской церкви: 16 апреля 1751 года родилась «казачья сына Михаила Корнилова дочь Ирина» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 482].

И далее нерчинский род Корниловых, благодаря еще и ветви Осипа Михайловича, расширяется и расширяется в потоке времени…

И мы остановились в своем поиске.

Эти исчисления возраста нам нужны были, чтобы понять: могло или не могло — по возрасту — быть между Михаилом Ивановичем Корниловым, нерчинским казаком, и Ефимом Корниловым — отцом тигильских казаков, еще одно звено — Ефим Михайлович Корнилов, который соединил бы естественным образом две наши ветви — камчатскую и нерчинскую в единую — тобольскую.

Но этого звена мы так и не нашли. И теоретически его тоже быть не могло — между рождением Александра Ефимовича (1766 год) и прибытием на Камчатку Михаила Ивановича (1744 год) нет места для еще одного родового колена.

Вариант возможен только в том случае, если на самом деле Михаил Иванович Корнилов прибыл на Камчатку лет на двадцать раньше… Что, в принципе, могло быть…

Но совершенно неожиданно, как это на самом деле очень часто бывает в расследовании родовых историй, разгадка пришла совсем с другой стороны.

В наши руки попал список команды секретной Анадырской экспедиции за 1761 год.

И вот что мы обнаружили.

Тобольского полка
Иван Кошигин
Иван Зубарев
Яков Черепанов
Иван Дудин
Тимофей Глатков
Михало Соколов
Енисейского полка
Сергей Завьялов
Данило Будылдин
Михайло Червяников
Михайло Шестаков
Степан Киселев
Андрей Агадонов
Кирило Краснояров
Еким Корнилов
Андрей Глатов
Петр Колл…
Семен Угольцов
Яков Саламатов
Иван Бедной — 759 г. Мая 4 дня умре
Григорий Белкин
Максим Бичинин (Бачинин)
Иван Шлыков — умре 1760.

Писарь Дмитрий Шихарев
[РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3. Л. 27].

Возможно, мы бы не обратили внимание на присутствие в этом списке фамилии солдата Енисейского полка Екима Корнилова, так как эта фамилия на самом деле весьма распространенная и сама по себе без связи с нашей темой вроде как выпадает из зоны нашего внимания, да и полк Енисейский, сформированный где-то за пределами Восточной Сибири, не вносил ясности. На Чукотке в то время присутствовали в основном солдаты Якутского пехотного полка, набранные в Забайкалье и потому представлявшие для нашего рассказа какой-то интерес. А тут..

Но наше отношение к именам в этом списке резко изменил пункт 20, в котором именовался некий Максим Бичинин.

Буквы «и» и «а» при написании очень схожи, и ошибки при их прочтении бывают очень частыми. И мы тоже бы не обратили на эту фамилию никакого внимания, если бы среди участников обороны Петропавловского порта не было бы двух братьев Бачининых — Александра и Андреяна Максимовичей.

И тогда мы, конечно же, обратили внимание и на Екима (почему не Ефима?) Корнилова.

И вот что обнаружили.

«Сибирского гарнизона Енисейский
пехотный полк

Еким Корнилов — 17 л (1736); 753 г. ноября 11 числа; ис казачьих детей г. Тобольска; холост; в командировании в секретной Экспедиции с 753 г. июля 1 числа».

И круг замкнулся — в 1736 году в Тобольске не было никаких других Корниловых, кроме Корниловых из старинного казачьего рода, патриархом которого был Иван Савельев сын Дурыня.

А что касается командировки Екима (Ефима) Корнилова, то она, как и у Бачинина,оказывается, затянулась на многие годы, оставив большой родовой след…

КОРОВИНЫ

Самое простое объяснение причины появления такой фамилии связано с мирским именем Корова — «в XVI веке жили холоп Семенко Корова, московский отчинник Иван Корова Микулин сын Соболев, князь Петр Борисович Корова Пожарский».

То есть этим именем могли наречь как холопа, так и князя, настолько оно было распространенным.

Соответственно, весьмиа распространенной была и фамилия.

А самым известным из Коровиных был… царевич Лжепетр, судьба которого ненароком переплелась еще с одним интересным для нас

человеком — Плещеевым-Юрловым, о котором речь в соответствующей главе.

А вот Коровин — Лжепетр:

«Лжепетр — истинное имя Илья Горчаков (Коровин) — был незаконнорожденным сыном муромского посадского человека. С юных лет он странствовал, был слугой торгового человека, холопом, стрельцом и, наконец, попал к терским казакам. Зимой 1605–1606 гг. казаки, жалуясь на задержку жалованья и голодную "нужу", винили во всем бояр. Среди казаков возник план провозгласить одного из своих молодых товарищей "царевичем Петром", сыном Федора Ивановича, и идти к Москве, искать милости государя. Выбор казаков пал на Илейку, или Муромца, потому, что он был в Москве и знаком со столичными обычаями. Илейка довольно быстро освоился со своей ролью и принялся с увлечением играть "в царевича". В январе 1607 г. Лжепетр с казаками появился в Туле, стремясь оказать помощь Болотникову, осажденному царскими войсками в Калуге. В мае Болотникову удалось прорваться в Тулу и соединиться с Лжепетром и другими своими сторонниками, но длительную осаду царя Василия Шуйского мятежники выдержать не смогли — они капитулировали, когда царь обещал сохранить им жизнь. Шуйский не сдержал своего слова — Лжепетр был повешен под Москвой, а Болотников утоплен в Каргополе. Лжепетр обладал весьма характерной простонародной внешностью. Источники называют его "детиной".

"Перед боярским судом в 1607 г. самозванец назвал свое подлинное имя — Илейка Коровин и показал, что родился и воспитывался в семье бабы Ульяны, вдовы торгового человека Тихона Юрьева из Мурома. Живя в Муроме, вдова 'без венца' прижила сына Илью от посадского человека Ивана Коровина. Илейка остался сиротой после того, как Иван Коровин умер, а мать по приказу сожителя постриглась под именем старицы Улицы в девичьем Воскресенском монастыре. Торговый человек Т. Грознильников подобрал сироту едва ли не на дороге и увез в Нижний Новгород, где определил сидельцем в свою лавку. Через три года Илейка сбежал от купца и стал служить наймитом-казаком на стругах, плававших с товарами по Волге из Астрахани в Казань и Вятку"».

А вот пересечение с Юрловым:

«От Казани навстречу терцам (которые и выдвигали Илейку в царевичи. — *С.В.*) двигалась судовая рать боярина Федора Шереметева. У воеводы было достаточно сил, чтобы заставить мятежных казаков повернуть вспять. Но в районе Самары к "Петрушке" прибыл Третьяк Юрлов-Плещеев с грамотой. Лжедмитрий I приказал "итти к Москве наспех". Однако под Свияжском атаманы узнали о гибели Лжедмитрия I.

Войско оказалось в западне. Впереди была Москва, свергшая "Дмитрия", позади — Шереметев. Тогда казаки решили в последний раз воспользоваться услугами Юрлова. Тот явился в Казань и уверил тамошних воевод, что терское войско готово выдать им нового самозванца и принести присягу царю Василию. Усыпив бдительность бояр, казаки пробрались ночью мимо казанских пристаней и ушли к Самаре. Спустившись до устья Камышенки, казаки миновали Переволоку и укрылись в донских станицах. Там "Петр" провел несколько месяцев».

А потом был разгром его «войска» под Тулой…

«10 октября 1607 г. Тула сдалась. Из вождей восстания в цепи заковали лишь "царевича" Петра. Болотников подъехал к царскому шатру в полном вооружении, сошел с коня, положил обнаженную саблю себе на шею. Рослый дюжий молодец и маленький тучный старик глянули друг на друга. Злодей пал ниц и сказал: "Я был верен своей присяге, которую дал в Польше тому, кто называл себя Дмитрием. Дмитрий это или нет, я не могу знать, ибо никогда прежде его не видел. Я ему служил верою, а он меня покинул, и теперь я здесь в твоей воле и власти. Захочешь меня убить — вот моя собственная сабля для этого готова; захочешь, напротив, помиловать по своему обещанию и крестоцелованию — я буду верно тебе служить".

Слово свое царь открыто нарушить не решился. Расправился лишь с "вором Петрушкой", на допросе назвавшимся Илейкой Коровиным из Мурома. Илейку повесили в Москве, близ Данилова монастыря».

Следующие знаменитые Коровины восходят к дружинникам князя Александра Невского. И это не самозванцы:

Кутузовы. Родовое предание: «Гаврило пришел из Немец к великому князю Александру Ярославичу Невскому, а у Гаврила сын Ондрей, у Ондрея сын Прокша, а лежит в Новегороде в Великом у Спаса в Нередицах, а у него сын Александр, у Александра сын Федор Кутуз да Григорей Горбатой, да Онанья.

Федор Александрович Кутуз жил в последней четверти XIV в. и первой четверти XV в., женат был на дочери боярина Константина Дмитриевича Зернова и принадлежал к верхам московского боярства. У него было семь сыновей: Глеб, Иван, Василий, Юрий, Семен Лапа, Федот и Парфений. От Глеба пошли Коровины…» [Веселовский С.Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев].

Первым же Коровиным на Дальнем Востоке стоит считать торгового человека Ивашку Семенова сына Коровина, который отправился по торговым делам в первой трети 17-го столетия из Томска в Енисейский острог, а оттуда — в новооткрытые якольские земли в бассейне реки Лены.

Торговый кругозор его был довольно широк, недаром в Якутской приказной избе осталось дело «Распросные речи торгового человека Ивана Коровина по поводу сведений, полученных им в Енисейском остроге, о предпринимаемом енисейским служилым человеком Максимом Перфильевым походе на Байкал-озеро для приискания новых земель» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 1, Я., 2016].

Дело в том, что в 1642 году, когда было открыто это дело, все земли вокруг Байкал-озера

относились еще к юрисдикции Якутского воеводства, и появление там, а тем более открытие новых земель и взимание ясака с местного населения, енисейских казаков, было незаконным и нуждалось в соответствующем расследовании, почему и был допрошен Коровин.

И это было не единственное дело, по которому был допрошен Иван Семенов сын Коровин.

«В грамоте ленским воеводам В.Н. Пушкину с товарищами, которые ехали на смену воеводе Головину и зимовали в Енисейском остроге, сообщалось, что в Енисейский острог пришли с Лены служилые люди Микифорко Качин и Семейка Матвеев. Как обычно, их расспрашивали о вестях. И те де служилые люди в роспросе ему, Осипу (Оничкову. — *Ред.*) сказали: "в прошлом де во 151 [1643] году пришли они из зимовей в Якутской острог" и там узнали о беззакониях воеводы Головина. Кроме прочего, они сообщили, "что торговые люди Ивашко Коровин, Исачко Пантелеев, Вторко Едорской, Незговорко Григорьев посажены в тюрьмы другой год, а Васка Онтонов вологженин посажен в тюрму ж, а Ивашко Пеунов, Ерофейко Хабаров сидят за приставы"» [ДАИ, т. II, СПб, 1846, № 101, с. 276].

Из одного тома по истории Сибири в другой перетасовывается одна и та же история о сибирском сатрапе Петре Петровиче Головине, который переморил в тюрьме всю служилую и торговую элиту, включая и знаменитых землепроходцев, включая Ерофея Хабарова.

Правда, Хабаров тогда еще не был землепроходцем, но уже действовал в соответствии со своим прозвищем: хабаров — это выгода, «навар»...

И он, как и многие другие, попавшие в цепкие руки первого якутского воеводы, «наваривал» свои барыши на вывозе якутской пушнины, минуя государственную таможню и не платя налоги.

В первом томе своей книги «Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибириада» я попытался проанализировать ситуацию с тюремными сидельцами и выяснил, что все они (по крайней мере, абсолютное большинство) занимались откровенной контрабандой.

Думаю, что не был исключением и Ивашка Семенов сын Коровин, которого палач пытал «многими разными пытками и на костре огнем жег».

Значит, был не простым торговым человеком. Он даже и в тюрьме умудрился привлечь внимание: «Распросные речи служилых и промышленных людей ... о ноже, найденном у Ивана Коровина в тюрьме».

У Головина не получилось довести дело до логического конца, хотя он успел построить в Якутском остроге несколько виселиц — его остановила Москва, боясь, что прервется поток пушнины, поступающей на заморские рынки, принося в казну государства огромные денежные поступления.

И Коровин продолжил дело, начатое им до тюрьмы: «Дело о покупке посидельцем торгового человека Ивана Коровина Поздеем Ларионовым у Базена Иванова товаров, не значившихся в его енисейской проезжей грамоте». То есть снова занялся контрабандой...

Чем и как завершилась его торговая деятельность, нам пока неизвестно. Известно другое — он стал одним из полярных мореходов, прокладывавших Северный морской путь:

«Май 1648 г. – июнь 1649 г. (7156–7157). Дело о досмотре коча, сделанного промышленным человеком Афанасием Лотковым Верещагиным по заказу торгового человека Ивана Семенова Коровина» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 1, Я., 2016].

Спустя почти столетие мы находим имя Коровина в списке моряков-тихоокеанцев:

1730 год. «"Реестр служилым людям, которые присланы были с реестром от штурмана Якова Генса на мореходное восточное судно для морскаго пути в Большерецкой острог, а ныне которыя имеютца налицо в Большерецком остроге и коликое число в росходе и о том явствет ниже":

...Служилые: ...Степан Коровин...» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 5. Л. 113].

Первое военно-морское судно — бот «Святой Гавриил» — было построено на Камчатке для Первой Камчатской морской экспедиции.

К 1 сентября 1729 года на охотской верфи было построено еще два бота — «Восточный Гавриил» и «Лев» для морской экспедиции Шестакова-Павлуцкого, которая должна была расширить рамки, масштабы и результаты Первой Камчатской экспедиции В. Беринга.

«25 апреля 1730 года, получив известие о гибели А. Шестакова, все руководство экспедицией взял на себя капитан Д. Павлуцкий. По ордеру Д. Павлуцкого из Анадырского острога, полученному в Охотске 1 сентября 1730 года, штурману Якову Генсу предписывалось на боте "Святой Гавриил" с людьми и материалами прибыть на Камчатку, чтобы в следующую кампанию совершить оттуда плаванье к Анадырскому устью. И Шестакову было приказано передать бот Якову Генсу, которому "возыметь путь", куда "по ордеру предъявлено". Осеннее время в Охотском море опасно для плаванья, и разумно было бы дождаться следующей весны, но ордер требовал отправляться "в самой скорости" и Я. Генс 19 сентября 1730 года вышел в море на "Святом Гаврииле". С ним пошел и "Восточный Гавриил", на котором везли людей, "артиллерные всякие припасы", деньги и провиант, не поместившиеся на судне Я. Генса.

Переход судов штормовым морем был тяжел и едва не окончился гибелью "Восточного Гавриила", шедшего под командой подштурмана Ивана Федорова».

На этом судне и шел на Камчатку служилый Степан Коровин.

«2 октября ударами волн сорвало с "Восточного" часть наружной обшивки левого борта "от каюты и до носу", местами на целый фут ниже палубы, "и во весь бок от оного борту стало поло", а спустя некоторое время "у каюты левую сторону прочь отвалило". В проломы хлынула ледяная вода. Ее "налилось в судно чуть не до половины судна... и едва оное суд-

но не осело ко дну”, — доносил впоследствии И. Федоров Я. Генсу. Ветром изодрало парус и сломало мачту. Люди выбились из сил, отливая воду из трюма, заделывая проломы парусиной, пенькой и собственной одеждой. Федоров приказал стянуть корпус канатами в пяти местах. Когда судно приблизилось к Камчатскому берегу, измученные люди на общем совете команды, чтобы на поврежденном судне не подвергаться риску вновь быть унесенными в море, решили выброситься с ботом на отмелый берег, что и было сделано 7 октября. Федоров отмечал впоследствии, что “Восточное” судно весьма дряхло... Между тем “Святой Гавриил” без затруднений и каких-либо повреждений достиг Большерецкого устья и стал на зимовку. Грузы с разбитого “Восточного” судна перевезли в Большерецкий острог, люди разместились на “Гаврииле”.

Эта ситуация удивительным образом напоминает другую — Витус Беринг, не желая идти из Большерецка в Нижнекамчатск по морю, тоже определил судно “Фортуна” как “дряхлое”, хотя со времени строительства этого судна также не прошло и полгода — этот шитик был построен под руководством гардемарина П.А. Чаплина для экспедиции В.И. Беринга на Охотской верфи в 1727 году, и мореход Кондратий Мошков, не имея того уровня мореходного образования, какое в сумме имели Витус Беринг, Алексей Чириков и Мартын Шпанберг, самостоятельно привел “Фортуну” в Нижнекамчатск. А Беринг заставил камчадалов на батах (лодках) и собаках перевозить все грузы экспедиции из Большерецка в Нижнекамчатск по речной системе осенью и на собаках зимой, уморив собак и сорвав камчадалам охотничий сезон на пушного зверя».

«1730 г. ноября 30. —
Доношение И. Федорова Я. Генсу о плавании из Охотска на Камчатку на боте “Восточный Гавриил” и гибели судна у берегов Камчатки

№ 170

От посланной парти штурману Якову Генсу во известие

Сего 730-го году сентября 19-го дня с полудни отправились мы из охоцкаго устья на море на восточном мореходном судне в камчацкой тракт на Большую реку.

Сентября 25-го дня пополуночи в ысходе 5-го часа ветр стал быть противной от зюйда, пополудни в ысходе 3-го часа дошли мы до камчацкаго берегу против устья Воровской реки, которое место опознал мореход Андрей Буш и протчие тутошныя обыватели. И оным противным ветром от того места не пустило нас к Большой реке, и для того противнаго ветру пошли мы от берегу прочь на море.

28-го дня сентября пополуночи во 8-м часу пришли мы х камчацкому берегу, и мореход Андрей Буш опознал на оном берегу устья реки Крутогоровой, и от того места пошли мы возле камчацкаго берегу к Большой реке.

29-го дня сентября пополудни в ысходе 3-го часа дошли мы до устья реки Кыкшиги.

30-го дня сентября с полуночи в 10-м часу ветр стал быть противной от SO, и для онаго противнаго ветру ходили мы на реях до половины дни, а с половины дни ветр стал быть от SSO велик, и для онаго ветру пошли мы от камчацкаго берегу на море; в 6-м часу пополудни ветр стал быть зело велик или оворсторм.

1-го дня октября с полуночи в 10-м часу ветр был ON зело велик, з дождем, и для онаго усильчиваго ветру спустили раину на одну четверть вышины от палубы, с половины дни в 4-м часу от великаго ветру изорвало у нас новой парус сверху и донизу, а иныя части и прочь отрывало. И оной парус спустили нанис и починивали, как мочно было, и по нокам парус перевязали по четверти раины с ноку, а испод у паруса собрали комом и перевязали веревкою, и к мачте притянули, да чрез раину и чрез парус перекинули веревкою и к мачте притянули, дабы от погоды оной парус не так драло, в 6-м часу подняли раину с парусом на 6 или 7 фут вышины от палубы и пустились по ветру, понеже без паруса блиско к ветру не могли.

Октября против 2 числа пополуночи в начале 2-го часа ветр зело был велик и усильчивей прежняго, от такого усильчиваго ветру и от морских волн сломило у нашего судна левой борт, ниже палубы от кормовой каюты и до носу, в места ж на фут ниже палубы и во весь бок от онаго борту стало поло, у каюты левую сторону прочь отвалило и шхербот скинуло с палубы в море. Да во оном же шхерботе скинуло служилаго Семена Таюрзскаго в море, да казенной лагун з жиром скинуло в море же, також моего корму и у служилых людей кормов скинуло волнами в море много, а иныя кормы и метали. И во оныя в проломныя дыры изверху налилось в судно воды чуть не до половины судна и пенек подмочило весь, и едва оное наше судно не осело ко дну. В том же часу у сопца верхняя петля переломилась и стропы перервались, и сопец отбило прочь, и оной сопец привязали на конат и опустили за корму, а оной конат закрепили за мачту. А полыя места наперво служилыя утыкали своею одежею, а протчим велел воду из судна выливать котлами и помпами, и всякой посудой, и оною своею одежею служилые затыкать не могли, и приказал я утыкать пенькою и старой парус восточнаго судна велел резать и затыкать оные проломные места.

А сие разбойное время было на море по смекнутой ширине 52°49′ северной в разстоянии от устья реки Кыкшиги 65 миль аглинских, румб был SWW одна половина к W.

2-го дня октября во 8-м часу с полуночи погодою сломило у нас мачту и со всеми снастьми возле палубы вплот, и на котором конате сопец был привязан и за мачту закреплен, и оной конат на мачте пересекли и сопец в море опустили, дабы от оной мачты пущей вреды нашему судну не учинило. В 9-м часу приказал я новой драной парус резать и убивать левую сторону у судна сверху. В 10-м часу велел я служилым конатами здраить наше судно в пяти местах, дабы оное наше судно не развалилось вовсе. Пополудни в начале 2-го часа велел я поставить

вместо мачты рузбуину, в начале 3-го часа велел я служилым людям зделать раину и привязать лодочной парус, и оные служилыя не захотели и отложили до другаго дни, а мы де ныне устали, а ветр был W и SW.

3-го дня октября с полуночи в 9-м часу велел я зделать раину и привязать щерботной парус, и пошли к земле на румб SSO и на протчия, а ветр был SW и W, а вместо сопца для правежу опустили перлинь с кормы.

4-го дня октября с полуночи в ысходе 9-го часа увидели камчацкой берех на остен-норден. А пополудни во 8-м часу пришли на якорь против устья реки Утки, глубины 15 сажен, в разстоянии от устья Утки реки миль 5 или 6 аглинских.

5-го дня октября с полуночи ветр стал быть SO и S, пополудни в ысходе 4-го часа якорь подняли и пошли ближе к берегу для спасения людей, в 6-м часу стали на якорь глубины 7 сажен против устья реки Утки, в разстоянии, например, 2 версты.

6-го дня октября пополуночи в 7-м часу служилыя люди все приходили ко мне и говорили, чтоб мы выняли якарь и пошли на берех с судном, для того что де погода зело велика и усильчива, дабы де нам худым разбитым судном на якаре стоя смертно не погинуть, в том я у них со общаго совету их дали мне за всеми их руками под подписку, чтобы нам всем итти со общаго совету с судном на берех, дабы напрасною смертию не погинуть всем. В 9-м часу с полуночи якарь подняли и пошли на берех, в 10-м часу выкинуло нас на берех к северу от устья реки Утки в разстоянии, например, 3 мили аглинских.

Под сим предлагается реестр, коликое число и каких припасов принято в Охоцком остроге сего 730-го году сентября 16-го дня з боту "Гаврила" для морскаго ходу в камчацкой тракт на мореходное восточное судно, о сем явствует на обороте…

Сии припасы в сохранении на руках у матроза Ахафона Назарова.

Морскаго флоту подштурман Иван Федоров.

И оное восточное судно весьма было дряхло, понеже прошедшаго 729-го году оное восточное судно в розбое было на Тауе с казачьим головой Афонасьем Шестаковым, и от онаго розбою у онаго судна в правом боку неподалеку от киля кокоры все изпереломаны, да в 730-м году оное же восточное судно, идучи в Таую в Охоцк, было же в розбое против урацкаго устья» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 3. Л. 129–130].

Мы не нашли пока исходную географическую (и соотвественно — родословную) точку о месте, откуда прибыл служить в экспедиции Шестакова-Павлуцкого Степан Коровин.

Хотя известно, что основная кадровая часть этой экспедиции формировалась из казаков Удинска и Нерчинска.

И действительно, мы находим в Забайкалье две родовые ветви Коровиных.

И у каждой из них своя история.

Начнем с крестьян Коровиных, которые по велению власти (по мановению руки) в любой момент могли быть переведены в казачье сословие.

И вот начало большой истории:

«Пашко Андреев сын Коровин сказал: в Багарацкую де слободу пришол он в 1694/95-м г[оду] Верхотурского уезду из Аяцкой слободы, а принял ево прикащик Андрей Хворово, а по какому указу не ведает. И по накладу ево платит он вновь денежного оброку шесть алтын полторы денги. У него брат Трошка 15-ти лет, дети: Микишка 4-х лет, Корни[л]ко 2 лет. Живет он Пашко своим двором» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж (Денежный стол). Д. 253. Л. 116].

И это не обычная перепись — перепись С.В. Шахаева проживающих в Тобольском уезде беглых крестьян Верхотурского уезда 1694/95 года.

А вот главное:

«По результатам сыска Шахаева сто семей беглых верхотурских крестьян, всего 626 человек, были в 1697 году сосланы из Тобольска в Нерчинск для поселения там на десятинную пашню (см. ПСЗ, № 1835)».

Нерчинск, 1719 год:

«…паш. кр. Павел Коровин 50 лет, у него брат Трофим 40 лет, у него, Трофима дети: Козма 16 лет, Андрей 15 лет, Терентий 6 лет, Михей 2 лет» [Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886].

Нерчинск, Книга Нерчинского уезду
Ундинской слободы церкви Николаевской.

1724 году венчаны: в Генваре 13-го …Пашенной Козма Коровин Дорофеевой дочерью девкою Мариею первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 83].

«1724 году родились: в Маие 2-го …У пашенного Трофима Коровина сын Иоанн» [Л. 81 об.].

Нерчинск, 1744 год:

«Ундинскои слободы крестьян померло

Павел Коровин у него брат Трофим, у Трофима дети Козма, Терентей, Михей» [РГАДА, Ф. 350. Ландрадские книги и ревизские сказки, оп. 2. Д. 1917].

Книга Нерчинского уезду Ундинской слободы церкви Николаевской:

«В 1748 родились в Ыюне 22-го …У крестьянина Андрея Коровина сын Евсей» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 388 об.].

Книга Записная Иркуцкой Епархии Нерчинскаго Заказа Акшинской крепости Николаевской церкви…

«О бракосочитавшихся. 1788 год.

В генваре венчан крестьянин Аверий Андреев сын Коровин бывшего ясашного новокрещенного Федора Нефедиева с женою ево вдовою Устинею первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 47. Л. 53].

«в июле 8-го у крестьянина Аверкия Коровина родился сын Прокопий у коего восприемниками были отцем крестьянин Василей Нефедев матерью крестьянина Дмитрия Иванова дочь Анна девица» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 47. Л. 51].

1792 год:

В Ундинской слободе крестьяне
Алексей Яковлев сын Коровин

Федор Гаврилов сын Коровин

В деревне Лукиной Алексей Андреев сын Коровин» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 64].

И вот искомое — казаки: «Посемейный список 2-й бригады Забайкальского казачьего войска на заселение Амура на 1859 г.

Ундинское селение

Коровин Пахом Федорович — 23 лет; жена Агафья 20 лет; отец Федор 55 лет; его жена Анна — 55 лет; Список на переселение на 1859 год; батальон № 6» [РГВИА. Ф. 749. Оп. 1 Д. 12].

Уссурийский казачий дивизион. Уссурийского пешего казачьего батальона. «Посемейные списки урядникам и казакам. 1880 год:

Коровин Пахом Федоров 40, жена Агафия 39, дети Прасковья 10, Иван 20, Кирило 15, Панкратий 7» [РГВИА, ф. 5294, оп. 1, д. 83].

В 1686 году в Селенгинске появляется еще один Коровин — Степан Яковлев сын, которого царский посланник по переговорам с Китаем Федор Головин, внук якутского воеводы Петра Головина, направляет с посольством в Китай, чтобы обеспечить условия для подготовки будущего Нерчинского договора и установлении границ с Китаем.

Но это не казак — это дворянин, стряпчий…

«К 25 октября Головин передвинулся из Удинска в Селенгинск и в ноябре отправил к пограничным китайским властям жильца Степана Коровина с уведомлением о своем прибытии и для того, чтоб договориться о месте свидания уполномоченных.

Пока шли переговоры об определении места для съезда уполномоченных послов, монгольский хан Очирой и брат его Кутухта, видя малочисленность русского войска, всего около 2000 челов. (500 стрел. и 1400 сборнаго сибирскаго войска), стали домогаться возврата им братских, кочевавших по обе стороны Байкала в районе ведения острогов: Балаганскаго, Верхоленскаго, Тункинскаго, Удинскаго, Селенгинскаго и Нерчинскаго. Получив категорический отказ, они в первых числах генваря 1688 г. направили в Селенгинск и Удинск брата своего Батур-Контайшу с 4000 монголов, с пушками и огнестрельным боем, высланым из Китая. Другое нападение на Селенгинск было произведено 28 февраля.

Нападения монголов были счастливо отражаемы на всех пунктах, что подготовило принятие российского подданства Кутухтою и некоторыми монгольскими тайшами.

В июне возвратился из Пекина Коровин, привезя лист, по которому съезд уполномоченных назначался под Селенгнском, с войском из 500 человек» [Андриевич В.К. История Сибири, часть II, СПб, 1889].

«Ф.А. Головину наказано было: учинить непременно рубеж по реку Амур, давая знать, что кроме оной реки, издревле разделяющей оба государства, никакая граница не будет крепка, так же, чтобы подданные обоих государств с одной стороны в другую за реку Амур не переходили, с ясашных людей ясака не сбирали и никаких обид им не чинили; пограничныя ссоры успокоить; разоренные острожки построить и людьми населить паче прежняго. А буде Китайцы той границы по Амур учинить не похотят, то, по крайней мере, учинить границу рекой Амуром по р. Быструю или Зею, в Амур впадавшия. Буде же и в сем поупрямятся, то по самой последней мере быть границей Албазину, а промыслы иметь по реке Амуру, Быстрой и по Зее. Буде же и на сем не захотят учинить мира, то военною всего сего домогаться рукою. Внушить Китайским поверенным, что Даурская земля никогда во владении Китайском не бывала; а жили на той земле ясашные, в Россию плативщие ясак люди, а хотя в древния лета те Даурские жители и платили им Китайцам ясак, но то делали они поневоле, быв в недальнем разстоянии от Китайских городов; по выстроении же вновь острогов, Даурские жители попрежнему ясак платить начали в Российскую сторону, и в том обиды подданным Китайским не учинено, а следовательно и войны за то начинать было нечего. Объявив сие, требовать награждения за убытки и за разорение острожков, или, в знак государевой дружбы с Богдыханом, уступить оные без взыскания. Князя Гантимура с детьми и родом, яко принявших святое крещение, не выдавать; прочих же беглецов отдать за окуп, но не более 30 р. за человека.

Несчетныя и несметныя войска у Головина было таковы: полковник солдатскаго строя Антон Фон-Швалымберх с начальными людьми, стольник и полковник Скрипицын, подполковник Богатырев с пятью капитанами и 506 Московскими стрельцами; солдат-[327]ского строю полковник Грибов с 11 начальными его полку человеками, да Сибирских служилых людей 1400 человек.

Головин 26 Января 1687 выехал из Москвы и 25 Октября был в Селенгинске. Оттуда он отправил в Пекин жильца Коровина, дабы условиться о месте съезда и о равенственном числе людей» [Бартенев Ю. Герои Албазина и Даурской земли].

«В 1688 г. С. Коровин сначала прибыл в Калган, где 15–19 марта вел переговоры с Лантанем. Он проинформировал, что имеет полномочия прекратить войну, а виновные с русской стороны будут наказаны. То, что монголы не смогли овладеть Селенгинском, обусловило то, что маньчжуры прервали на месяц переговоры. После перерыва русскому послу вручили документ, по которому маньчжуры соглашались провести мирную конференцию в Селенгинске. Предполагалось отправить цинское посольство в 500 человек во главе с Сонготу, Арани, Мацы, Мала. В ставке хутукты С. Коровин узнал об осаде Селенгинска. Тогда джунгарский хан Галдан-бошокту распускал слухи о том, что вступил в союз с русскими, и этим воспользовался Ф. Головин. Свое местопребывание он перенес в Удинск. 28 июня С. Коровин встретился с Ф. Головиным. Тем временем Канси выбрал своим главным послом маньчжура Сонготу, а вторым — китайца Дун Гогана, третьим — мань-

чжура Маци, четвертым — маньчжура Мала, пятым — маньчжура Арани. С ними были и китайские чиновники. Переговоры между империей Цин и Русским государством велись на монгольском и латыни (которая более широко употреблялась). Экскорт посольства состоял из 6 тыс. человек, из которых было 800 солдат. Тем временем в мае 1688 г. маньчжурские войска Лантаня и Баньдарши выдвинулись к Албазину и Нерчинску. Канси высказывал претензии на Приамурье. Ф. Головин же получил инструкцию заявлять, что Албазин и Нерчинск никогда не были под властью богдыхана. Реальной границей империи Цин русские считали земли Ивового палисада, которые находились южнее Нингуты (это, несомненно, было преуменьшенье, реальными форпостами маньчжуров к тому времени стали Цицикар, Айгун и крепость на Зее) [16; 15, с. 352–356; 7, с. 80–82; 18]. Канси же инициативу конфликта возлагал на русских, указывая на то, что те ходили на его земли, и маньчжуры, только построив Айгун и совершая походы на Албазин, прекратили нападения. Русские требовали, чтобы маньчжуры возместили убытки, связаные с военными действиями, и считали, что граница должна проходить по Амуру. Канси указывал, что беспокоится о жителях Приамурья и, если империя Цин не обретет там свою власть, местные жители не обретут спокойствие. Нерчинск и Албазин, а также бассейн Амура император считал землями империи Цин. Также предписывалось требовать выдачи Гантимура и других беженцев. Ф. Головин от своего правителя получил инструкцию, что Гантимур уже умер, а его потомки приняли православие и их невозможно выдать. Канси же инструктировал Сонготу, что если русские не подчинятся его требованиям, то необходимо свернуть переговоры. Ф. Головин от государя имел возможность лавировать и, если маньчжуры не пойдут на границу по Амуру, установить границу по Зее и Быстрой. Предлагалось на реках Зее и Бурее иметь совместные промыслы. Среднее и нижнее течение предлагалось не разграничивать, а иметь там нечто вроде кондоминимума. На дальнейшие уступки предписывалось не идти. Ф. Головин в таком случае собирался защищать русские владения военным способом» [Пилипчук Я.В. Приамурье в контексте русско-маньчжурских отношений, Сибирский сборник, Тобольск, 2019].

В 1694 году был верстан в нерчинские казаки Василий Коровин:

«Рядовые из пеших

оклад хлеба по шти четей ржы по полтора пуда соли … Василей Коровин приверстан в указное число 202 году сентября в 1 день» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д.1063. Л. 454 об.].

Больше нам о нем пока ничего неизвестно. В том числе и откуда он. Возможно, из числа беломестных казаков Тобольского уезда, будучи казачьим братом или племянником, которых много было в составе войска Федора Головина, прибывшего на границу с Китаем.

Возможно, из тобольских крестьян, верстанных в казаки:

Из числа беглых верхотурских крестьян были направлены в Нерчинск на пашню

«Ницинская слобода

Из Ницынской:

Мишка Елфимко Коровин с племянником с Ывашком, з Гришкою» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж (Денежный стол). Д. 253. Л. 136].

«Шадринская слобода, 1680–83 гг.

Во дворе Максимко Сидоров сын Коровин. Сказал: родился де он Кайгороцкого уезду в Лоенской волости, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 189-го году. У него дети: Макарко 6 лет, Зотейко 2 лет, Артемонко полугоду.

Во дворе Ермолка Кузмин. Сказал: родился де он Важского уезду Верховажские чети в деревне Судоромскои, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 189-го году. У него сын Антипка 15 лет. У него ж тесть Кирилко Микитин сын Коровин.

Во дворе Петрушка Микитин сын Коровин. Сказал: родился де он Каигороцкого уезду в Лоимскои волости, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 174-го году. У него дети: Куземка, Мишка 12 лет, Васка 5 лет. У Куземки сын Пронка полугоду» [РГАДА Ф. 214, оп. 5, д. 261. Л. 1225, лл. 1185 об. – л. 1186 об.].

1683 год.

«Ялуторовская слобода на реке Тоболе

Деревня Бердюгина на реке Тоболе

Микитка Омельянов сын Коровин, [родился] в уезде Соли Вычегодцкой Лалского погосту в деревне Пестове» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 793 об.].

Позже из состава этих крестьян формировался Тобольский драгунский полк:

1700 год. «Тобольский драгунский полк

Рота Масленские слободы

Капитан Василей Бентов

драгуны

Андрюшка Коровин

Волотка Коровин

Рота Шадринской слободы

драгуны

Васка Коровин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1248. Лл. 133, 137].

Возможно, Коровин был из служилых людей Кузнецкого острога — здесь в 1660–1670-х годах служили пушкарь Иван Семенов сын Коровин и тюремный сторож Федор Коровин.

Е. Багрин сообщает, что в числе сибирских служилых полка Головина были и иркутские «новоприборные» люди, в числе которых был Филка Коровин.

Но это все версии.

Факт заключается в том, что с 1694 года Василий Коровин служит в Нерчинске.

1700 год: «Оклады по семи рублев с четью … Василей Коровин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1272. Л. 78 об.].

1708 год: «Василей Коровин, а за хлебное жалованье служит с пашни» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л. 9].

1721 год. Торгинская слобода.

«Нерчинской конной казак Дмитрей [Васильев сын] Коровин 27 (1694), дети ево сын Влас [Василий?] 10 (1711)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 21].

«Нерчинской казачей племянник Михайло Коровин 44 (1677), дети ево сын Семен 3 (1718)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 25].

«1723 году венчаны: в мае 31-го …Казачей племянник Михайло Иванов сын Коровиных Андреевой дочерью Серебренникова вдовою Мариею третьим браком» [ГАЗК. Ф. 282.Оп. 1. Д. 1. Л. 50 об.].

«1723 года померли: в мае 8-го …У казачья племянника Михаила [Андреева сына] Коровина жена Дария» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 52].

«1727 года венчаны: В Генваре 9-го …Новопереведенец Козма Иванов сын Шишиморовых Павловой дочерью Коровина вдовою Вассой вторым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 108].

«В 1727 году родились: в октябре 10-го …У служилого Дмитрия Коровина дочь Параскева. … 10-го У казачья племянника Михаила Коровина дочь Параскева» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 107 об.].

«В Декабре [1730 года] родились …20-го … У служилого Димитрия Коровина сын Стефан» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 126].

«1732 года родились: в Генваре 24/01 у служилого Дмитрия Коровина сын Иоанн» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 137].

«1736 году венчаны: в июле 7-го Нерчинской казачей сын Василей Дмитриев сын Коровин Максимовой дочерью Далаевых того ж приходу девкою Евдокиею первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 154].

1744 год: «Торгинской Слободы [взяты] на Камчатку …Василей Дмитриев сын Коровин» [РГАДА, ф. 350, Ландрадские книги и ревизские сказки, оп. 2 , д. 1917].

Книга Нерчинского дистрикта Торгинской деревни Знаменской Богороцкой церкви:

«1744 году венчаны: в Октябре 30-го Нерчинской служилой Иван Дмитриев сын Коровин Семеновою дочерью Веденикговой девкою Матроною первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 234].

1744 год. «Торгинской Слободы разночинцов …Михаило Коровина» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1917].

Тобольск, «Смотровые списки Сибирскаго Гарнизона Пехотнаго батальона штаб обер ундер афицерам капралам рядовым и другим чинам. Учинен при осмотре брегадира и Таболского обер коменданта Павлуцкаго апреля 1 дня 1754 года».

«…Солдаты

Иван Коровин — 66 л., с 710 г., из казаков г. Нерчинска, женат сын у него Леонтий 30 лет в Сибирской Гарнизонной Канцелярии писарем; где обретается — при батальоне» [РГВИА, Фонд 490, Оп.1, Дело 478].

Нерчинск, «Исповедные ведомости Дучарского завода Благовещенской церкви за 1823 год»:

«военныя

Рядовыя

Семен Иванов Коровин» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 171. Л. 12].

1825 год:

«умершие … Ноябрь … Отставной солдат Семен Коровин — 58 (1767) — чахоткой — [отпет] св. Е. Поповым — при заводе» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 186. Л. 145 об.].

Судьба посланного на Камчатку Василия Дмитриева сына Коровина остается пока неизвестной. Вполне вероятно, что он вернулся затем в родную Торгинскую слободу, где у него была семья, где у него была родня.

Служилые (впрочем, неслужилые тоже) люди Сибири сами себе не принадлежали — их «перетасовывали» в сложной геополитической игре, заселяя и закрепляя территории за Российской империей, разрывая родовые связи, теряя связь с малой родиной…

На примере Коровиных мы видим это огромное географическое поле, по которому были разбросаны представители только двух родов, начиная с Верхотурья и завершая Камчаткой и Уссурийским краем…

КОРЮКИНЫ

Люди, занимающиеся даже только историей своего рода, и то часто сталкиваются с проблемой правильного написания своей фамилии, которую писари всех времен и народов искажали в силу своей грамотности, а порой и скудости ума или исторического невежества.

Я сам в собственной практике столкнулся с таким фактом, когда принял на фоне довольно распространенной на Камчатке фамилии Корякиных за ошибку написание фамилии Корюкин, которая встретилась мне лишь один раз.

И в своем двухтомнике «Тайны камчатских фамилий» на стр. 376 я написал:

«Встречается и другое (вероятно, ошибочное) написание этой фамилии: Корюкин Алексей. Участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Петропавловская дружина)».

Но эти мои выводы были неверными.

Алексей Петрович Корюкин был сыном участника Петропавловской обороны 1854 года казака Петра Корюкина, имя которого было внесено в список ветеранов героической обороны в 1882 году, хотя в Камчатскую казачью команду он был зачислен только в 1855 году — получается, был в числе добровольцев, как и кантонисты морского ведомства, которые, начиная с десятилетнего возраста, помогали старшим обслуживать батареи, подвергаясь вместе со взрослыми той же опасности. В истории Петропавловской обороны остался образ раненого мальчика, который стойко переносил ампутацию руки. Но, к сожалению, совершенно забыт при этом Иван Киселев, которому было четырнадцать лет и который погиб 20 августа (по старому стилю) 1854 года во время высадки французского десанта.

Антон Павлович Сильницкий, впоследствии начальник Петропавловского уезда, организатор борьбы с японцами в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., работая в архивах с

документами об обороне Петропавловского порта, в изумлении восклицал:

«Все дети-кокорщики исполняли свои обязанности во время сражения с превосходною расторопностью и были так веселы, что нередко по окончании сражений, тотчас после боя, начинали пускать кораблики».

Не менее был изумлен Антон Петрович, когда жители Петропавловска, еще вчера недовольные своим уездным начальником и признававшие его чуть ли не сумасшедшим, в том числе и торговые люди, которым он перекрыл возможность спаивания коренного населения дешевым спиртом, обменивая его на пушнину. И, введя аукцион на продажу тех шкур соболя, и лисицы, которые поступали в казну, при объявлении войны безоговорочно и единодушно вступили в ряды народного ополчения и дали отпор врагу.

Что же касается истории фамилии Корюкиных, то она, вероятно, свой сибирский исток начинает с Тобольска, где концентрировались основные силы для последующего продвижения на восток. Тобольск был столицей Сибири, и отсюда шло наполнение и пополнение гарнизонов городов-крепостей, острогов, зимовий. Когда не хватало казачьих кадров, то верстали в казаки детей крестьян, посадских и торговых, промышленных и гулящих людей.

Самые ранние системные упоминания о населении Тобольска относятся к 1623 году.

И вот что мы там находим:

«Деревня на речке Кундуске.

Посадкой человек Ивашка Корюк. Пашни паханые на Услоне и на Угорье и Япанчинском лугу середние земли 17 чети с третником в поле а в дву потому ж. Пашенного лесу дубровы 4 десятины да поскотинные луговые водопойменные земли 3 десятины. Сено косит в Япанчинском лугу 400 копен у него ж во дворе половник гулящий человек Васька Андреев с женою. Скота у него корова да два подтелка».

А вот еще:

«Деревня за Иртышем против острова.

Во дворе посацкой человек Степан Корюков. Пашни паханные середние земли 8 четей да перелогу 6 четей в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 10 десятин. Сена косит 200 копен».

В 1689 году в деревне Корюкова прибыла из других волостей Тобольского же уезда большая семья… Корюкиных — это были Гордеевы сыновья, крестьяне Ондрюшка, Сенка, Матюшка, Федотко со своими уже сыновьями Миткой, Матюшкой, Мишкой, Офонкой, Ваской…

В 1705 году в Томске отмечен казак Василий Андреев сын Корюкин.

А в 1768 году, когда было принято решение об уничтожении Анадырского острога, существование которого было признано не только затратным, но и бессмысленным, его гарнизон был переведен в Гижигинскую крепость.

И в итоге мы знакомимся с патриархом гижигинского рода казаков Корюкиных, потомки которого впоследствии несли службу во всех регионах Северо- и Дальнего Востока.

Из материалов Российского государственного военно-исторического архива нам известно, что пятидесятник Федор Корюкин прибыл в Гижигинскую крепость вместе со своими малолетними детьми. Сыновья, находившиеся уже на службе, считались самостоятельными и проходили по отдельным спискам.

С пятидесятником была его жена Мария Васильевна, сыновья Иван и Петр — семнадцати и шести лет, дочери — Анна и Наталья.

В 1781 году Иван Федорович унаследует унтер-офицерский чин отца и будет служить в Гижигинской крепости капралом.

А другой из Корюкиных (вероятно, старший из сыновей Федора) — Игнатий — будет служить в Охотске в чине каптенармуса. Кстати, это уже воинский, а не казачий сын, но переход из казаков в солдаты был на Северо-Востоке весьма перспективным для казаков — было гораздо больше льгот, а главное отслужив 25 лет можно было выйти в отставку и выехать из этих северных далей на материк, что постоянно и происходило, меняя родовую структуру гарнизона, обрывая родовые связи.

Но благодаря помощи сотрудников государственного архива Магаданской области (отдельное спасибо Галине Юрьевне Зеленской) нам удалось кое-какие родовые линии все-таки восстановить.

Это как раз и касается Ивана и Петра Федоровичей.

Их дети носили не очень распространенные на Севере имена. Например, сына Ивана звали Лазарем. У него было две дочери, которые вышли замуж за гижигинских казаков Ивана Николаевича Огибалова (1824) и Михаила Михайловича Переплеткина (1825).

У Петра было два сына — Матвей и Зосима (Изосим). И дочь Анна, которая также была замужем за гижигинским казаком Андреем Николаевичем Кожевиным (1843).

По Матвею родовая цепочка такая: Матвей Петрович — Данило Матвеевич — Ефим Матвеевич (жена казачка Кокоулина Фекла Андреевна) — Данила Ефимович (жена дочь якута Дьяконова Ульяна Петровна) и Ефим Ефимович (дочь гижигинского купца Синклитикия Александровна Брагина).

И вот на этом родовом перекрестке начинается все то, с чего я и начал свой рассказ — с написания фамилии.

Дело в том, что ветвь Ефима Ефимовича продолжается, как и было в старину, по линии казаков Корюкиных.

А линия Данилы Ефимовича кардинально изменяет (сами или по чужой прихоти) написание своей фамилии — они теперь Курюкины.

И вполне вероятно, что представители последующих поколений Корюкиных и Курюкиных даже не подозревают о своем кровном родстве.

Ну а мы пойдем дальше.

В Охотске происходит новое сословное смешение Корюкиных. Часть их уходит служить в регулярные войска, как это случилось с каптенармусом Игнатием Корюкиным, часть перево-

дится в матросы Охотского флотского экипажа, часть остается в казаках.

Интересна судьба казака Ивана Корюкина, служившего в двухсотенной Камчатской казачьей команде — вероятно, в Гижигинской крепости, откуда он, и несколько других казаков, о которых мы также расскажем, были переведены на службу в Российско-Американскую компанию, под эгидой которой были ороганизованы Амурская и Сахалинская экспедиции, целью которых была разведка Сахалина и Приамурья.

К сожалению, мы пока не можем привязать Ивана (не зная его отчества) к конкретной Ивановой или Петровой ветви.

Известно, что на 1 января 1856 года ему было 25 лет, то есть он 1830 года рождения, верстан в казаки в 1849 году. Место его службы на эту дату — Петровское зимовье, то есть первое русское поселение в Приамурье.

А далее, как сообщают нам документы, казаки — участники Амурской и Сахалинской экспедиций — были приписаны к 6-й отдельной сотне Амурского полка, расселившейся на Амуре и принявшей в октябре 1855 года бой с английским десантом, попытавшимся высадиться на побережье залива Де-Кастри.

И вот что еще интересного мы находим в архивных документах:

«Сорок девять человек нижних чинов, находящихся на устье Амура, участвовавших в сражении против неприятеля во время пребывания английской эскадры в гавани Де-Кастри с 3 по 18 октября 1855 года в награду по 1 руб. [серебром]».

В списке награжденных Иван Корюкин.

И вернемся к той ошибке, которую я совершил при написании своей книги «Тайны камчатских имен».

Иван Петрович Корюкин был женат дважды — первой его женой была дочь крестьянина-переселенца с Верхней Лены Елена Никитична Челпанова. Брак был совершен в 1908 году. Второй женой — коренная камчадалка Ульяна Григорьевна Спешнева из рода камчадалов селения Воровское (ныне Соболево).

И снова, в который уже раз, мы констатируем внесенные изменения в написание фамилии. По моим данным, все дети Алексея Петровича записаны Карюкиными: Алексей, Наталья и Вера.

Хотя в наградном приказе в 1905 году записано четко и ясно:

«Список наградам, испрашиваемым за служебные отличия по обороне Камчатки по Петропавловскому уезду Приморской области

Казак Алексей Корюкин, 20 лет. “За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска представлен к нагрудной серебряной медали ‘За усердие’ на Станиславской ленте”» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2020. Л. 72].

КОРЯКИНЫ

Долгие годы, пока я не коснулся истории Гижигинской крепости, считал, что Корякины и Корюкины — представители одного родового гнезда с искаженной писарями фамилией одной из родовых ветвей.

Оказалось, что это совсем даже не так.

И поэтому эту историю Корякиных мы начнем именно с Севера — с Анадырского острога и Гижигинской крепости — а не из Якутска и других сибирских городов, откуда могли быть призваны в северные гарнизоны наши герои под общей для них фамилией (и необязательно родовой) Корякины.

В сборнике документов «Колониальная политика царизма на Камчатке и на Чукотке» [М-Л., 1935] имеется рапорт от 30 июня 1751 года капитана Якутского пехотного полка Шатилова на «коммисара» (как тогда писали, а прежде – приказчика) Анадырского острога Андрея Корякина:

«В Иркутскую провинциальную канцелярию сибирского гарнизона Якуцкого полку от капитана Шатилова репорт.

Сего 1751 году прошедшаго июня 3 дня за отбытием моим из Анадырской крепости с командою вниз по реке Анадырю за недостатком провианта и за весьма скудостию рыбного корму, где имеются обыкновенный оленныя и рыбныя ловы до урочищ Родионова далее и до Бани, а паче для предосторожности от неприятелей чюкоч, дабы нынешним летним времянем водяною коммуникацию не подошли к Анадырской крепостей не учинили б высочайшему ея императорского величества интересу ущербу и верноподданным ея императорского величества народом незапного нападения и смертнаго убивства и оной Анадырской крепости повреждения, и за оным моим отбытием, слабостию и понаровкою камисара якуцкого служилого Андрея Корякина, которой мною ордирован был декабря от 24 дня минувшаго 750 года, чтоб ему содержащихся аманатов весьма содержать под крепким караулом в ясашной избе в казенке безвыпускно. А он, Корякин, тех аманатов содержал слабо, и всегда были выпущены из казенки и жили свободно в крепости по разным анбаром, и давал им собственный свои пологи, также и порутчик Кекеров ордирован же был июня от 2 дня сего ж 1751 года, чтоб ему над ним камисаром иметь смотрение, дабы означенные аманаты всемерно по вышеписанному ж содержаны были в казенке под караулом безвыпускно. И от того их камисара Корякина слабого содержания, неведомо через какие способы, сидя в аманатах, получа луки, стрелы и копья, сего июля 8 на девятое число в полночь в крепости в ясашной избе предъявленныя аманаты анадырские оленныя коряки князец Айвулан Омъятов с товарыщи, всего 15 человек, изменили и имеющагося ясаула и одного караульного казака, также и своих аманатов трех девок закололи и потом в крепости стоящих у казны и у ворот двух часовых закололи ж и, выскоча из ворот калиткою прибехши к гоубвахте, одного часоваго, паки побили и ранили гранодера одного, солдата одного, казака одного ж и бросились в лес и унесли с собою побитых часовых две фузеи с лядунками и с патронами.

И того ж моменту командированы были от порутчика Кекерова для поимки тех бунтовщиков и изменников, а паче в сикурс к имеющемуся в карауле в казенном оленном табуне за капрала солдату Никите Рушкову, у коего было в команде рядовых 24 человека, из оного числа послано в Анадырск с пойманными беглыми арестантами трое в оленной табун, на караул шесть, дабы они, неприятели, на тех караульных незапно не пали и смертно не побили и оленьего табуна не отогнали, солдат и казаков и протчих чинов тридцать человек в команду пятидесятника Верхотурова, которой пришедши к табуну сего ж июля 9 числа, а имеющияся в том табуне пастухи коряки ж, коих было 7 человек, еще до прибытия того числа паки по согласию с помянутыми Айвуланом Омъятовым убили караульных: солдата одного, трех казаков и оленной табун угнали за реку на остров, которой табун предъявленной пятидесятник Верхотуров с командою от них изменников возвратил и, переправя за реку, перегнал к урочищу Бурнову камню и поймал из изменников коряк одного мужика да двух женок с девочкою. Да кроме оных в крепости пойманы один табунной же коряка да из содержащихся с аманатами их работниц три женки, который содержатца под крепким караулом, и оставя в помощь предъявленному солдату Шуркову к прежним 16-ти человекам 16 же, итого 32 человека с ружьем и аммуницией, а сам он, Верхотуров, с достальными в 14 человеках возвратился в Анадырскую крепость, понеже при оной осталось в карауле при порутчике Кекерове солдат и казаков малое число, только 26.

И после отбытия ево, Верхотурова, сего ж июля 12 дня означенные ж изменники Айвулан Омъятов с товарыщи, пришедши к тому табуну, паки незапно неприятельски напали на означенных солдата Шуркова с командою и побили смертно гранодера одного, солдата одного ж, ружье и аммуницию их себе побрали, также и оленной табун угнали весь без остатку, в чем помянутым камисаром Корякиным и пойманными изменниками табунными коряками и протчими, кем надлежит, имеет быть следовано и по окончании оного писано будет в Ыркуцкую провинциальную канцелярию без упущения, а об оном же в Якуцкую и в Охоцкую канцелярии сообщено промемориями июля 30 дня 1751 году.

На подлинном пишет тако.
Капитан Шатилов.
Подканцелярист Алексей Мельников».

Шатилов в своем рапорте указал на то, что Андрей Корякин — это якутский служилый человек.

И поэтому мы следуем с вами в Якутск.

Павел Левонович Казарян, замечательную книгу которого мне подарил в Якутии председатель Якутского республиканского отделения ВООПИК Руслан Васильевич Васильев, предполагает, что отчество анадырского приказчика Андрея Корякина было Петрович [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 215].

В таком случае его назначение приказчиком совершенно не случайно — он сын Петра Осиповича Корякина, сына боярского, который был назначен в 1724 году помощником приказчика Камчатки якутского дворянина Степана Трифанова.

У Александра Степановича Сгибнева в его фундаментальном труде «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке» это событие также в числе главнейших:

«Вследствие “антигагаринского” указа от 24 декабря 1724 г. назначен в Камчатку прежде бывший уже там дворянин Степан Трифанов; а в подчиненные к нему коммисары служилый Петр Корякин; мореходы Мошков и Треска, подъячий Михайло Борисов и 30 челов. казаков якутского полка, а за сбором подушных денег Никита Жданов».

Что значит «антигагаринский» указ?

Царь Петр заподозрил сибирского генерал-губернатора Матвея Петровича Гагарина в государственной измене и после его казни велел провести замену всех приказных людей, поставленных на управление приказами людьми Гагарина.

Произошла смена власти в Сибири…

Хотя в этом можно сомневаться хотя бы на примере семьи якутских казаков и подъячих Корякиных, в жизни которых ровным счетом ничего не изменилось.

Петр Осипович Корякин, якутский сын боярский, а в то время еще просто казачий сын, самой судьбой был связан с Камчаткой: «Десятник Михайло Иванов с. Макаровых на Камчатке убит, и в нын. 706 г. ноября в 1 д. приверстан в казачью службу в его Михайлово место и оклад казачий сын Петр Корякин (1688)».

Безусловно, обращает на себя внимание тот факт, что казачий сын верстан сразу в десятники, под началом которого оказался десяток людей, пройденных уже боевое испытание на Камчатке.

И… нет ничего удивительного в этом факте — так как должности у казаков распределялись не только по собственным боевым качествам и заслугам, но и по заслугам своих отцов и дедов.

И вот как был представлен в казачьей иерархии 1706 года казачий род Корякиных:

Глава семьи — Осип Данилов сын Корякин:

Четвертой на десять пятидесятни:

Пятидесятник, ден. 5 руб. с ¼, хлеба 4 ч-ти ржи, 2 ч-ти овса, пол- 2 пуда соли, Осип Корякин

И его сыновья:

Второй пятидесятни:

Десятник Сава Корякин (1679)

Третьей пятидесятни:

Десятник Дмитрий Корякин (1685)

Восьмой пятидесятни:

…рядовые: Иван Осипов с. Корякин (1684)

А вот и самый старший из сыновей – 1674 года рождения:

Приказные избы подъячие:

1-й статьи:

Окл. ден. 20 руб., хлеба 12 ч-тей ржи, овса тож, 3 пуда соли: разряднаго и ясачнаго столов Данило Корякин.

Точнее, Данило Осипов сын Корякин молодой в отличие от Данилы Осипова сына Корякина старого, место которого в 1690 году получил пищик Приказной избы Данило Корякин молодой.

То есть, подчеркнем это, якутские Корякины — из числа служилой — приказной и казачьей — элиты Якутского воеводства на протяжении 17-го и 18-го столетий.

Впоследствии, вполне вероятно, ситуация изменилась, ибо мы обнаруживаем документ такого содержания:

«С 1803-го года июля дня мы, нижеподписавшиеся, обязуемся родственника своего, просящегося в отставку, казачья урядника Валерия Корякина, в рассуждении старости ево лет, дабы он иногда (вероятно, никогда. — *Г.Б.*) не мог скитаться по миру, по смерть ево пропитывать и отнюдь не допуская до оного, в чем подписуемся: Оленского нижняго земского суда канцелярист Федор Корякин; в вышеписаном подписуюсь: оленской купец Василий Санников. Дворянин Андрей Поротов».

Из его формулярного списка узнаем, что Корякину было 62 года, «мерою с 2 аршин, 7 вершков; имеет следующие приметы: лицом смугловатый, глаза карие, по голове волосы темнорусые, говорит твердо». Уроженец Якутска, он 25-ти летним, с 5 апреля 1766 г. вступил в казачью службу, а в 50 лет стал урядником. В разных походах и «у дела против неприятелей» не бывал… российской грамоте читать и писать умеет, в штрафах, под судом и в домовых отпусках не был. Женат на казачьей дочери Марфе, но детей не имел» [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 766. Л. 124–125 об.; Быконя Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект), Краснояр. гос. пед.].

Оленского нижняго земского суда канцелярист Федор Корякин, подписавший эту петицию, по всей видимости, тот самый канцелярист (впоследствии титулярный советник — чиновник IX класса в Вилюйском округе) Федор Саввич Корякин, о котором упоминается в книге П.Л. Казаряна [сс. 262, 325]. У него отмечен в этой же книге [с. 218] его старший брат Иван Саввич Корякин — канцелярист в 1784 году в Якутском воеводстве Иркутской провинции.

Вполне возможно, что последующие Ивановичи, о которых пойдет у нас речь, из одного семейного гнезда, хотя в этом можно очень и очень сомневаться, исходя из того, что у сыновей Осипа Даниловича Корякина, казачьего пятидесятника — было шесть сыновей, у каждого из которых могло (и вероятно, было) свое потомство.

Но, тем не менее, в нашей истории сходятся несколько Ивановичей, о которых мы не можем не поведать вам.

Первый из них — Корякин Конон Иванович, коллежский регистратор (с 31 декабря 1820 г.). Назначен 21 февраля 1821 и служил до 1827 года управляющим Удского острога.

«Поступил 10 декабря 1796 г. на службу казаком в Якутскую казачью команду. Дослужился до чина сотника (26 октября 1808 г.). Уволен с казачьей службы и 1 сентября 1817 г. принят в штат Якутского областного правления канцеляристом» [Казарян П.Л., с. 370–371].

Второй — Корякин Тимофей Иванович, губернский секретарь, титулярный советник. С 30 марта 1830 по 1837 г. секретарь Вилюйского ОУ. Помощник исправника в 1844–1846 гг. Скончался в Вилюйске [там же, сс. 335–336].

Третий — Корякин Иннокентий Иванович, сотник 12-го класса, командир Гижигинской сотни в 1843 году.

И четвертый — Корякин Петр Иванов (1774), рядовой Камчатского гарнизонного батальона, Нижнекамчатск, 1812 год, родоначальник камчатской ветви Корякиных.

Но эта — северная — история рода Корякиных будет неполной, если мы не назовем еще и другие имена, отмеченные в северо-восточных гарнизонах.

В 1722/1748 годах на службе в Анадырском остроге находится Иван, а в Тауйском остроге — Степан и Яков Корякины [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Лл, 80, 129 об., 133 об.].

В 1740 году участие в крестовых походах первого камчатского миссионера Ермолая Иванова принимает солдат Иван Елисеев сын Корякин [РГИА, фонд 796, опись 23, дело 106].

В 1768–1770 гг. участие в Секретной правительственной экспедиции Креницына-Левашева в Русскую Америку принимает охотский матрос из казаков Иван Корякин.

В Ведомости Гижигинской крепости за 1781 год отмечены:

Сержант

Михаил Корякин – в Охотске

Солдат

Григорий Корякин.

Имя сержанта мы находим также в именном списке «Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку» за 1754 год:

Корякин Михаил.

Место, откуда он был призван, нам пока неизвестно.

И у нас остается единственная веточка, по которой мы можем проследить дальнейшую историю рода.

Это камчатская веточка, идущая от рядового солдата Камчатского гарнизонного батальона Петра Ивановича Корякина, который после расформирования батальона не покинул, как многие его коллеги по службе, наш полуостров, а продолжил служить сначала матросом, а потом мастеровым (плотником) в Петропавловской экипажной роте.

У него с верной его спутницей — супругой Татьяной Андреевной — родились на Камчатке дети: Федор (1804), Анна (1807), Ирина (1810), Василий (1812), Алексей (1818), Мария (1825), Михайло (1827).

Самым известным в этом роду стал Корякин Петр Михайлович (1850 – 24.10.1904), петропавловский мещанин, в 1897 г. награжден медалью «За усердие». Ж. 1 (с 1872) Козленко Параскева Федоровна (1854), дочь петропавловского умершего вольного человека Федора

Козленко. Ж. 2 Непомнящая Параскева Федоровна (1850).

Но это не полный список его наград:

Вот извлечение из дела «О награждении» его за участие в обороне Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.): Петропавловского городского старосту Петра Корякина, который всеми зависящими от него способами содействовал быстрому сформированию Петропавловской дружины, устройству ея отдельном помещении, что дало возможность придать ей характер воинской части, принял начальствование дозором, высланном шлюпках Петропавловска мыс Лопатку. Около десяти лет состоял кандидатом должность городского старосты, четвертый год старостой. Имеет нагрудные серебряную и золотую медали Станиславской ленте за усердие. Последняя пожалована шестого декабря 1903» [РГИА ДВ (РГИА ДВ). Ф. 702, оп. 1, д. 2020].

Но он вошел в историю Камчатки еще и по другой причине — еще до Русско-японской войны.

Вот какова она в изложении будущего академика Академии наук СССР Владимира Леонтьева Комарова, побывавшего в начале XX века на Камчатке в экспедиции:

«Я разговаривал с привезшими нас завойкинцами, которые все были кто родством, кто свойством связаны с родом Машигиных. Мимо проезжал В.П. Карякин, который и раскланялся со мной. Собеседникам это не понравилось, и они рассказали мне, что между ними и Карякиными существует серьезная вражда. Дело в том, что Н.Е. Машигин, хороший и отважный промышленник, уходил иногда за соболем один-одинешенек сразу на несколько месяцев. Говорят, что в своих скитаниях он нарушил запретную грань Кроноцкого района и именно оттуда-то и приносил особенно много соболей. П. Карякин (теперь уже умерший) с двумя другими петропавловцами несколько раз обращались к начальнику Камчатки Ошуркову с жалобой на это и просьбой принять меры к защите запретного района и наказанию Машигина. Начальник как-то и сказал им: “Делайте с нарушителем, что хотите”. По словам Машигиных, П. Карякин с товарищами подкараулили Н.Е. Машигина чуть ли не на Кроноцкой реке, когда он выходил из своей юрты, и всадили в него залп из винтовок. Вернувшись, они доложили начальнику, что Машигин исчез, всего вероятнее, уехал на каком-либо корабле в Америку, и принесли 40 соболей, как бы брошенных им в юрте. Хотя Карякин и его сподвижники уже умерли, но Машигины не забыли этого и теперь перенесли свой гнев на детей покойного» [В.Л. Комаров Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.].

«В убийстве Николая Егоровича Машихина помимо Петра Корякина принимали участие: Георгий Поротов (крестьянин), камчадал Иннокентий Слободчиков и казак Максим Киренский» [РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 104, л. 5 об.]

Петр Михайлович не только покончил с браконьерством в Кроноцком соболином заказнике, созданном по инициативе самих жителей Камчатки, но он же первым обнаружил лежбище морских бобров — каланов (считавшихся на Камчатке практически полностью уничтоженных) в районе мыса Лопатка и на юго-восточном побережье Камчатки и добился, будучи человеком весьма авторитетным — городским старостой — создания охраны этого лежбища из казаков, в которой и сам принимал участие и умер там, на мысе Лопатка, а был похоронен в районе мыса Трех сестер, откуда можно видеть остров Уташуд — тот самый, который сегодня является главным местом обитания южно-камчатских каланов, некогда спасенных по инициативе Корякина.

Он не был награжден по итогам Русско-японской войны, как его товарищи, которые вместе с ним встретили японских браконьеров на мысе Лопатка меткими выстрелами. Он скончался 24 октября 1904 года.

Но среди участников народного ополчения был его сын — Михаил Петрович, который впоследствии исполнял и обязанности отца — городского старосты.

Читаем в документе «О награждении» за участие в обороне Камчатки в период Русско-войны 1904–1905 гг.): Петропавловского мещанина Михаила Корякина, сына старосты, который сопутствовал Векентьеву при организации Камчатского ополчения и, будучи выдающимся охотником, способствовал благополучному проезду по Камчатке, при весенней распутице, протяжением 2.500 верст. Знаков отличия не имеет [РГИА ДВ (РГИА ДВ. Ф.702, опись 1, д. 2020]. Награжден серебряной медалью «За усердие».

Другой его сын — Николай Петрович (1890–1934) — был священником Облуковинской Вознесенской церкви и репрессирован в годы политического террора.

Уже его сын — Корякин Валерий Николаевич (1924 – 18.01.1945), участник Великой Отечественной войны.

И, как это нередко бывает, дальнейший камчатский род Корякиных исчезает, растворяясь, по женской линии, в других фамильных родах:

Линия Владимира Петровича:

Корякина Прасковья Владимировна (1889). М. 1 Штильников Акинф Алексеевич (1888), с. Ключи. М. 2 (с 1922 г.) Ушаков Николай Георгиевич (Егорович) (1889).

Корякина Евдокия Владимировна (09.11.1898). М. 1 Бушуев Егор Иннокентьевич (22.04.1896). М. 2 Сновидов Иван Федорович (20.10.1900).

Корякина Мария Владимировна (26.03.1913). М. Удачин Иннокентий Иннокентьевич (1904), с. Ключи.

КОСТОЛОМОВЫ

Казак Петропавловской казачьей команды Александр Леонтьевич Костоломов погиб 24 августа (5 сентября по новому стилю) 1854 года, отражая высадку на камчатский берег десан-

та англо-французской эскадры, и похоронен в братской могиле.

Он был уроженцем Камчатки 1817 года рождения.

Его отец — Леонтий Матвеевич Костоломов (1787 г.р.) — служил писарем в Камчатском гарнизонном батальоне.

Костоломовы прибыли на Камчатку в составе Сомовского полка (впоследствии Камчатского гарнизонного батальона) всей семьей:

Отец — унтер-офицер Нижнекамчатской штатной городской команды Матвей Елисеевич Костоломов (1754) с сыновьями Леонтием и Михаилом (1786). Михаил служил рядовым солдатом в Камчатском гарнизонном батальоне.

После расформирования батальона братья Костоломовы остались на Камчатке.

У Михаила с его супругой Евдокией Ивановной в 1809 году родился сын Петр, который впоследствии с 1827 года служил в Петропавловской экипажной роте. Был женат на Марии Даниловне, у них были сыновья: Марк (1832), Степан (1844), дочери: Евдокия (1836), Наталья (1842) [РГАВМФ, ф. 406, оп. 5, д. 515. л. 737]. В том же документе пометка: «1843 г. 9 января по приказу Начальника Камчатки за кражу дров у кузнеца Емельянова наказан 300-мя стами ударами розгами с лишением нашивки за 10-летнюю безпорочную службу». В списках Камчатского флотского экипажа за 1855 год его имя отсутствует.

Супругу Леонтия Матвеевича Костоломова тоже звали Евдокией Ивановной. У них с мужем в 1810 году родилась дочь Ирина, а в 1817 году — сын Александр.

В 1849 году у самого Александра Леонтьевича и его супруги Ефросиньи Васильевны родилась дочь Елена.

В 1855 году, по всей видимовсти, Костоломовы вместе с гарнизоном Петропавловского порта выбыли с Камчатки в Николаевск-на-Амуре, где следы их затерялись.

Неизвестно также, откуда и когда они поступили на службу в Камчатский гарнизонный батальон.

Вполне возможно, что их отец — Матвей Елисеевич был направлен на Камчатку совсем по другой линии — при формировании Нижнекамчатского уездного штата городской военной команды, которую необходимо было иметь в каждом уезде, а Нижнекамчатск получает статус уездного города в… 1783 году.

В 1710 году в Тобольским уезде при переписи отмечены крестьяне Костоломовы, один из которых был взят в рекруты. Возможно, отсюда и начинается история сибирских военных Костоломовых:

Ялуторовская слобода
Деревня Бешкильская

«Двор а в нем пашенной крестьянин Никита Козмин Костоломов сказал себе от роду 19 лет у него жена Парасковия 19 лету него братей трое Леонтей 16 лет в салдатех набору столника Ивана Фомича Бибикова Конан 8 лет Иван 3 лет у него ж мать 40 лет у нея две дочери девки Марфа 10 лет Ирина 5 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 429 об.].

Обращает на себя внимание также характерный традиционный повтор имен, переходящий по наследству…

Хотя, конечно, это может быть и случайностью.

Пока же это все, что нам известно о герое обороны Петропавловского порта и его родственниках.

КОСЫГИНЫ

У меня был замечательный друг — Сергей, Сережа, Сергей Михайлович Косыгин. Бард, поэт, писатель, композитор. Он оставил после себя замечательный, не имеющий себе равных голос и свои песни.

Вот одна из них, которая имеет к нашей теме самое непосредственное отношение:

Лодка Камчатка

По сибирским дорогам я шел без оглядки,
У бессонных костров звезды в небе считал.
И мой путь на восток, где отроги Камчатки,
Я по памяти генной у предков искал.
Под Полярной звездой, малым северным солнцем,
У всех найденных рек лед под килем давил.
В белый свет, как иконам, молился оконцам
В тех острогах, которые сам застолбил.
Край предела познаний и вечных скитаний,
С изначальной судьбой, ты с великих времен
Скоморошьей душой, полосой испытаний
Стал околицей, русской землей наречен.
Медный крест под сопревшей тунгусской рубахой,
Крест дубовый у моря, последней воды
Православных бродяг, замордованных плахой,
Уводил от обиды, хранил от беды.
По размаху — плечо, а по Сеньке и шапка,
Как и прадед, спешу в край ветров, край снегов.
И встречает меня моя лодка Камчатка,
Забирая на борт под отеческий кров.
День умоет и выпустит из-за вулкана
Древний Кутх, прародитель камчатской земли.
Из разбитой губы слижет соль океана,
В новый поиск свои снарядив корабли.

И мы вместе с ним отправляемся «в новый поиск»: «И мой путь на восток, где отроги Камчатки, Я по памяти генной у предков искал».

Путь был длинный — первый из обнаруженных нами сибирских Косыгиных — тогда еще Косыга — служил в 1648 году в Таре в конных казаках, а его сын — уже Косыгин, Петр Иванов — в стрельцах [Служилые люди Сибири конца XVI начала XVIII века, М. 2020, стр. 447].

Не знаю, откуда конкретно прибыли на Илим служилые люди Косыгины — плотники, рукотворные творители знаменитых ленских (усть-кутских) кочей, для которых не страшны были дальние переходы по Северному Ледовитому океану вплоть до Камчатки (поход Ивана Меркурьева сына Бакшеева Рубца), ни льды, ни шторма — но, вполне возможно, что и здесь мы со временем обнаружим следы Тары.

Главой илимской семьи Косыгиных был Роман (Ромашка) Иванов сын Косыгин.

Дозорная книга Илимского острога за 1677 год:

«судовые плотники Илимские служилые люди

Ромашка Иванов сын Косыгин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 633. Л. 45 об.].

А вот данные за 1676, которые дают нас ясно понять, что в Илимский острог Косыгины пришли гораздо раньше указанного времени:

«Илимские ж судовые плотники, которые на Якутцкой обиход суды делают за судовые ж свои хлебные оклады пашни пашут: Ромашка Иванов Косыгин».

И уже в тот год вместе с отцом плотничью судовую службу нес его сын — Игнашка Романов сын Косыгин [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 633. Л. 45].

Спустя еще двадцать лет отметились в своем «выборе» — отказе от власти илимскому воеводе Челищеву уже трое братьев Косыгиных:

«“Выбор”, составленный в Илимске об отказе илимскому воеводе стольнику В.А. Челищеву от власти и о передаче управления выборным людям. …Рядовые казаки Игнашка Косыгин … Алешка Косыгин… Ивашко Косыгин» [РГАДА, ф. Сибирский приказ, стб № 1139, лл. 117–121].

Но это, оказывается, не полный список:

«Ремесло судового плотника настолько прочно внедрялось в семьи этих тружеников, что есть возможность привести редкий случай работы у государевых судов одной женщины. В 1695 году умер Федька Романов сын Косыгин. “И после смерти ево жена ево дослужить год и у судов работать наймована для того, что дано ему жалованье”. Жена полностью отработала деньги, взятые ее умершим мужем, и таким образом не понадобилось взыскивать выданное вперед жалованье». Это был единственный случай, как сообщает В.Н. Шерстобоев первом томе книги «Илимская пашня» (стр. 480–481), когда в судовых плотниках — служилых людях — была женщина.

Усть-Кутским приказчиком в начале уже следующего – XVIII столетия — был Яков Косыгин.

В Якутске в 1720 году появляется уже внук Романа Ивановича — сын Игната:

«Роспись приежим людем разных городов и разных чинов и кто в коем году приплыл и за каким делом и то писано ниже сего. Илимского города житель служивой Иван Игнатьев сын Косыгиных в Якуцк приплыл в 719-м году в наймах на плотех государевых а живет в работе на каштаке» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 42 об.].

И он стал якутским казаком, о чем свидетельствует запись уже о его смерти в период 1722–1748 годов в Якутске:

Города Якуцка разночинцы: Умершие: Иван [Игнатьев сын] Косыгин [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 119].

Но это в настоящее время не объясняет нам появление в Тигильской крепости казака Петра Иванова сына 1783 года рождения.

Вполне возможно, что Петр Иванович представляет не якутскую ветвь казаков Косыгиных, а илимскую. Впрочем, это, по сути, одна и та же ветвь.

Могла быть, правда, еще и иркутская.

А.В. Черепанов в своем «Родословном справочнике Иркутска» (стр. 304) сообщает об Иване Федосьевиче Косыгине — сыне копеиста, подканцеляриста, канцеляриста (в 1745–1773 гг.) Архирейской консистории г. Иркутска, который, вслед за отцом, был копеистом Иркутской духовной консистории в 1761–1775 гг.

Но вопрос: мог ли сын приказного человека стать простым казаком? Если и мог — то в чине…

Поэтому, скорее всего, это илимская линия, тем более что илимских казачьих детей направляли на Камчатку с первых же лет ее открытия.

У казака Петра Ивановича Косыгина и его супруги Марии Тимофеевна (1791) было двое сыновей, от которых и пошло раскидистое древо казачьего камчатского рода Косыгиных — Иван и Федот.

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Тигиле

Состоят на льготе

казаки

Косыгин Иван — 44 (1812); из казачьих детей, на службе и в чине с 1831 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Прикомандированные из Тигиля

Косыгин Федот — 35 (1821); из казачьих детей, на службе и в чине с 1841 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10].

Я не первый, кто начал собирать семейную летопись Косыгиных. Задолго до меня в газете «Абориген Камчатки» появилась статья «Сослали на Дальний Восток троих братьев Косыгиных. Родословная Косыгиных», в которой есть столь привычный для «внутреннего семейного пользования» и обязательный миф о некой романтической предыстории появления на камчатской земле тех или иных ее представителей:

«Существует версия, о ней рассказал мне Косыгин Евгений Иннокентьевич, согласно которой шеф третьего отделения жандармов граф Разумовский сослал на Дальний Восток троих крепостных крестьян — братьев Косыгиных. Двое из них оказались на Камчатке. У одного сосланного крестьянина здесь родилось 10 детей. Со временем один из братьев вернулся в Петербург и будто бы приходится родственником бывшего главы правительства — Косыгина Алексея Николаевича».

Эта «вероятная» связь с Алексеем Николаевичем проходит красной линией через все семейные истории Косыгиных: рассказывают, что в столичных гостиницах, куда часто приезжали представители камчатского советского чиновничества, их воспринимали тоже как родственников Председателя Совета Министров СССР.

Кстати, свой карьерный рост Алексей Николаевич тоже начал в Киренске. То есть какая-то, пусть и в степени «седьмой воды на киселе», но связь угадывалась, и московская гостиничная прислуга вела себя на всякий случай настороженно.

Автор также считает, что основу династии Косыгиных заложили три брата:

«Основателем нашего рода был Косыгин Петр. В церковные метрические книги записаны имена трех его сыновей — Федота, Ивана и Николая. У Федота Петровича пока найдены имена четырех его детей. Не исключено, что у Федота Петровича было больше детей, и родились они и жили на материке.

Иван Петрович и Николай Петрович были многодетными отцами. В возрасте 68 лет Иван Петрович женился вторично, жена Попова Матрена Ивановна (1854 – 2.09.1892), камчадалка селения Напана. У сына Ивана Петровича — Петра Ивановича (1839 – 21.01.1878) и его жены Меланьи Александровны в Тигиле родились две дочери — Анна (1.02.1871) и Елена (9.12.1973). Это первые дети Косыгиных на Камчатке, дата рождения которых известна».

Но попытка коммунистов Косыгиных увязать свою фамилию с какими-то революционными деятелями терпит… сокрушительное фиаско.

Да, в 1696 году илимские казаки участвовали в «государственном перевороте», сбросив с илимского «трона» воеводу-казнокрада Челищева.

Но это ровным счетом не помешало им стать местными богатеями. И в Илимском воеводстве потомки усть-кутских плотников, выбившись в приказные люди, времени зря не теряли — пускали в оборот свои капиталы.

Иркипедия сообщает:

«Косыгины — киренские купцы XVIII – XIX.

Федор и Петр Митрофановичи — братья, купцы 3-й гильдии г. Киренска конца XVIII – начала XIX вв. В 1805–1807 Федор Митрофанович объявлял капитал 2030 руб., его брат Петр — 2020 руб. В 1811 обе семьи объявили капитал по 8020 руб.

В течение 6 лет (точная дата неизвестна) Федор Митрофанович являлся церковным старостой, в 1807 служил ратманом.

Имел сыновей Андрея и Василия.

Андрей Федорович (1798) продолжил дела отца. В середине 1820-х числился в списках киренского купечества. Проживал в доме, доставшемся по наследству. В 1825 исполнял должность словесного судьи. Был женат на дочери иркутского купца Агрипине Алексеевне Чураковой (1794), имел сына Ермогена.

Брат Андрея — Василий Федорович проживал отдельно, был женат на дочери крестьянина Павла Абатского.

Косыгин И., киренский купец конца XVIII в. Владел двумя барками, торговал хлебом и “другим товаром”. В начале XIX в. выбыл из гильдии.

Косыгин А. (ум. 1840), киренский купец. Занимался скупкой пушнины. В конце 1830-х имел около 130 должников среди крестьян Макаровской и Петропавловской волостей и эвенков Курейско-Хондогирской инородческой управы. Общая сумма задолженности составила 15,5 тыс. руб.

Петр Петрович Косыгин (около 1846 – ?), киренский купец последней трети XIX в., почетный гражданин. Неоднократно служил по общественным выборам: в 1878 — депутатом и оценщиком от купечества, с 1885 — гласным киренской думы».

Но…

«Большинство первых киренских купцов — Д. Тарасов, И. Попов, И. Арбатский, И. Косыгин — уже в начале XIX в. по различным причинам выбыли из гильдии. По словам современника И. Затопляева: “Почти все старинные купцы киренские более или менее подверглись банкротству, заплатя дань общему перевороту торговли и несчастный опыт не переменил торговой системы в счетах молодых купцов, слепо читающих историю здешней торговли”.

…у умершего в 1840 г. купца А. Косыгина оказалось около 130 должников среди крестьян Макаровской и Петропавловской волостей и эвенков Курейско-Хондогирской инородческой управы. Общая сумма задолженности составила 15,5 тыс. руб. Долги эти погашались в течение 5–6 лет, но еще в 1845 г. в должниках числилось 26 крестьян».

Как сообщал в своих записях М.С. Латернер, путешествующий по Камчатке в 1908 году [Вопросы истории Камчатки, выпуск 3, 2007 г., стр. 429] патриарх торгового рода Косыгиных появился на Дальнем Востоке в 1820-х годах. Он был киренским мещанином, переселился в Охотск, а затем перебрался на Камчатку. Здесь женился и переехал в Гижигу. Он имел четырех сыновей, которые в начале XX века жили частью на севере Камчатки (один в Тигиле и двое в бухте барона Корфа, а старший Петр Николаевич был городским старостой в Петропавловске).

Эти сыновья тоже пустили свои камчатские веточки и осели чуть ли не в каждом крупном населенном пункте Камчатки — Облуковино, Усть-Камчатске, Ключах, открывая собственную торговлю или выступая в роли приказчиков.

Киренский, впоследствии охотский, гижигинский и камчатский, купец Николай Петрович Косыгин — сын Петра Митрофановича.

Николай Петрович Косыгин (1801/1806), киренский купец, в 1820 г. поселился в г. Охотске, затем на Камчатке — в с. Гижига. В 1855 г., киренский мещанин Николай Петрович Косыгин определен старостой Камчатского собора, то есть уже имел собственное домовладение в Петропавловском порту.

А вот что сообщает А. Прозоров в своем экономическом обзоре Камчатского края:

«1873 г. в списках купцов 2-й гильдии: Е.Ф. Колесов (имел двух приказчиков); Н.П. Красавцев; Н. Косыгин (6 свидетельств); Петр Косыгин (2 свидетельства), Илья Брагин (2 свидетельства); З.О. Топольский (его доверенные Г.Р. Карякин, Михаил Гарднер, Калмыков, Воробьев (в Тигиле), Бушуевы и др.).

В 1893 году в Петропавловском округе торговали только Н.П. Косыгин (оборот 12–15 тыс. рубл.), И.П. Брагин (15–20 тыс.), И.М. Колесов (8–12 тыс.), Н.М. Селиванов (4–6 тыс). Мало кто из них остался теперь: Селиванов состоит приказчиком Товарищества (котиковых промыслов. — *С.В.*), И.М. Колесов торгует в Мильково, Брагин умер, Косыгин умер, оставив много сыновей, которые разошлись с торговыми целями

по Петропавловскому, Гижигинскому и Анадырскому округам, причем старший, Петр, имеет в окрестностях порта небольшую торговлю, младший на Анадыре, остальные — приказчики Товарищества котиковых промыслов. (Лавки Товарищества в Начиках, Верхнее-Камчатске, Ганалах, Щапино, Усть-Камчатске, Ключах, Харчино, Голыгино, Облуковино, Толбачике, Большерецке, Явино. Алексей Косыгин — приказчик Товарищества в Усть-Камчатске (выезжает для торговли в Камаки и Нижнекамчатск), его отец, Константин, торгует в Ключах).

К.П. Косыгин в 1875 году был приказчиком в Усть-Камчатске.

П.Н. Косыгин — купец в устье Облуковиной».

Но вернемся к семейной летописи:

«Дети Ивана Петровича и жены Поповой Матрены Ивановны: 1 — Петр (1839 – 21.01.1878); жена Меланья Александровна, 2 — Иннокентий (1843 – 13.09.1895 (?), жена Дарья Григорьевна; 3 — Лука (1849 – 18.09.1899), жена Дарья Ивановна; 4 — Феодосий (1851 – 23.09.1899), жена Евдокия Зиновьевна (1857 – 18.09.1899); 5 — Кирилл (1858 – 3.04.1902), первая жена Крыжановская Августа Николаевна, 1853, вторая жена Екатерина Николаевна (1811–1881); 6 — Федул, жена Евдокия Зиновьевна; 7 — Апполинарий; 8 — Георгий (…–3.05.1905); 9 — видимо, дочь Ивана Петровича — Мария (1885 – 25.08.1901); 10 — Викентий (…–24.04.1888); 11 — Варфоломей (24.11.1889); 12 — Василий (24.11.1889, вне брака).

…Дети Федота Петровича: 1 — Дина, 2 — Анна, 3 — Илларион, 4 — Феофилакт.

…Дети Николая Петровича: 1 — Петр (1836), вторая жена Юшина Вера (1874); Константин (1837), жена Мария Александровна. 3–5 — имена не установлены; 6 — Иннокентий (1847), вторая жена Миронова Матрена Софоньевна (1874); 7 — имя не установлено; 8 — Николай (1851), жена Александра Петровна; 9 — Александр, год рождения неизвестен, имя жены неизвестно; 10 — Василий (1858 – 8.11.1909), жена Анна Васильевна (1857); 11 — Феодосий (1859), вторая жена Брагина Мария Ильинична (1861–12.10.1894); 12 — Мануил (1863 – 28.06.1910, жена Толстихина Анна Иннокентьевна (28.07.1872 – 17.08.1952); 13 — имя не установлено».

Автор статьи — Геннадий Митрофанович Косыгин, кандидат биологических наук, преподаватель Дальрыбвтуза в далекие советские времена. Он проделал огромную работу по сбору материала, и мы не раз еще ее коснемся.

Семья Косыгиных (я тоже, как и Геннадий Митрофанович, не разделяю корневую — илимскую, киренскую — основу этой семьи, хотя считаю (приводя необходимые доказательства), что все-таки это не одна, а две родственные ветви — одна казачья, другая купеческая.

Хотя в годы политических репрессий — фамилия всех уравняла:

Косыгин Василий Васильевич

1889 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; камчадал; образование: низшее; б/п; был потомственным рыбаком-охотником.; место проживания: Тигильский р-н, с. Тигиль Арест: 29.07.1931. Осужд. 07.09.1932 тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Расстрел. Реабилитирован 03.08.1959. определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Василий Иннокентьевич

1897 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана; камчадал; образование: 3 класса сельской школы; б/п; был потомственным рыбаком-охотником.; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана Арест: 07.07.1931 Осужд. 07.09.1932 тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т.н. «Тигильскому делу»). Приговор: 10 лет. Арестован повторно в заключении. Привлекался по т.н. делу «Автономная Камчатская». Тройкой ПП ОГПУ ДВК от 1 января 1934 г. оставлен в силе приговор от 7 июля 1931 г. Освобожден из лагеря в 1952 г. После реабилитации вернулся на Камчатку, с 1960 г. Реабилитирован 03.08.1959. определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Василий Иннокентьевич

1912 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: 5 классов сельской школы; б/п; был рыбаком-охотником.; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль Арест: 12.04.1933 Осужд. 16.06.1933 Камчатский погранотряд. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 4 п. 5 УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 27.04.1957. определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Виктор Иннокентьевич

1911 г. р. Место рождения: Камчатская обл., с. Палана Тигильского; камчадал; образование: малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником.; место проживания: Карагинский р-н, с. Ивашка Арест: 06.05.1934 Осужд. 28.01.1935 Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-2 УК РСФСР Приговор: к 3 годам лишения свободы. Освобожден 16 июля 1937 г. Реабилитирован 19.02.1990 заключением прокурора Камчатской обл.

Косыгин Владимир Иннокентьевич

1908 г. р. Место рождения: Камчатская обл., с. Палана Тигильского; камчадал; образование: низшее; б/п; был членом рыболовецкого колхоза им. «13-й годовщины Октября».; место проживания: Карагинский р-н, с. Ивашка Арест: 15.03.1938 Осужд. 02.09.1939 440 Военной прокуратуры. Обв. по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 01.02.1990. постановлением прокурора Камчатской обл.

Косыгин Иван Иннокентьевич.

1878 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: низшее; б/п; был рыбаком-охотником.; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский Арест: 06.09.1931. Осужд. 28.10.1932 тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10-11 УК РСФСР Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реабилитирован 30.06.1989 заключением прокурора Камчатской обл.

Косыгин Иннокентий Васильевич
1897 г. р. Место рождения: Камчатская обл., с. Тигиль Тигильского; русский; образование: малограмотный; б/п; работал в личном хозяйстве.; место проживания: Камчатская обл., с. Тигиль Тигильского Арест: 31.07.1931. Осужд. 07.09.1932 тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11- УК РСФСР (по т.н. «Тигильскому делу») Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реабилитирован 03.08.1959 определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Иннокентий Эммануилович
1895 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; камчадал; образование: малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником.; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино Арест: 25.04.1933. Осужд. 01.01.1934 тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка») Приговор: 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реабилитирован 27.04.1957 определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Конон Филатович
1898 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: малограмотный; б/п; заведовал складом АКО.; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль Арест: 11.10.1937. Осужд. 01.02.1938 тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения Приговор: 10 лет. Умер в заключении. Дата смерти неизвестна. Реабилитирован 28.11.1958. определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Константин Константинович
1905 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; камчадал; образование: неграмотный; б/п; был потомствееным рыбаком-охотником.; место проживания: Карагинский р-н, с. Ивашка. Арест: 06.05.1934. Осужд. 28.01.1935 Особое совещание при НКВД по ДВК. Обв. по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реабилитирован 19.02.1990 заключением прокурора Камчатской обл.

Косыгин Митрофан Эммануилович
1899 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; русский; образование: низшее; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза им. «17-й Партконференции».; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино. Арест: 09.02.1940 Осужд. 04.10.1941 военный прокурор войск НКВД по Камчатской обл. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 02.01.1990 постановлением прокурора Камчатской обл.

Косыгин Михаил Харлампиевич
1906 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: 4 класса; б/п; был возчиком базы АКО.; место проживания: Мильковский р-н, с. Средне-Камчатск Арест: 28.09.1938. Осужд. 10.06.1939 Камчатский облсуд. Обв. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: 6 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реабилитирован 14.03.1990. постановлением Президиума ВС РСФСР.

Косыгин Николай Васильевич
1891 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: малограмотный; б/п; был рыбаком-охотником.; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 02.07.1931 Осужд. 07.09.1932 тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11-6 УК РСФСР (по т.н. «Тигильскому делу»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 03.08.1959. по этому делу определением Военного трибунала ДВО

Косыгин Николай Мануилович (Эмануилович)1891 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; камчадал; образование: 4 класса сельской школы; б/п; был потомственным рыбаком-охотником.; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино Арест: 05.10.1931. Осужд. 07.09.1932 тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т.н. «Тигильскому делу»). Приговор: на срок предварительного заключения. Реабилитирован 03.08.1959 по этому делу определением Военного трибунала ДВО.

Что, впрочем, несмотря на многочисленные истории о трагедии семей «врагов народа», не отразилось на советской и партийной карьере Косыгиных. Тот же Евгений Иннокентьевич Косыгин, сочинивший миф о революционном прошлом своей семьи, работал в облисполкоме. Отец Сергея Михайловича Косыгина возглавлял отдел культуры в Корякском окрисполкоме, а потом много лет проработал в должности секретаря райкома КПСС (Коммунистической партии Советского Союза) на Командорских островах. Его братья все были в чинах — кто прокурор, кто просто начальник.

Кстати, как вспоминал участник гижигинского разгрома белых в 1922 году Пантелеймон Васильевич Лонгинов, первым коммунистом среди Косыгиных был Митрофан Эммануилович (Еманиуллович, Мануилович), который в 1916 году закончив Высшее Начальное училище в Петропавловске и отправился поступать в мореходное училище во Владивостоке. А тут грянула Великая Октябрьская революция, и в том же 1917 году Эммануил вернулся на Камчатку уже большевиком.

А это воспоминания Николая Николаевича Косыгина — племянника Митрофана Эммануиловича:

«Одного из братьев отца — дядю Митрофана — отправили учиться в гимназию в Петропавловск-Камчатский. Этим очень все в семье гордились — свой ученый будет. В 1917 году, когда в центре уже свершилась революция, наиболее просвещенная, передовая по тем временам молодежь вышла на улицы города. С ними был и дядя Митрофан. Отец узнал об Октябрьской революции, когда по делам житейским ездил в город вместе с Афанасием Ле-

онтьевичем Климовским к своему брату. Узнал не только о революции, но и о Ленине. Это имя стало тогда всем известно.

...Работу охотника отец не бросал много лет, вместе с братом Кешей они стали отличными охотниками. Мясо, шкуры — все шло в дело. Семья не знала унизительной батрачной жизни. В доме уже тогда держали лошадь. Матери в приданое досталась корова, потом дядя Кеша купил вторую лошадь. Они были незаменимы для большой семьи.

Вскоре после Октябрьской революции в с. Мономахово состоялся уездный съезд. Отца избрали на него делегатом. А съезд избрал его товарищем председателем съезда.

Вторая половина двадцатых была смутным временем. На многие вопросы (а среди них — как жить дальше?) сельчане не могли найти ответа. Когда началась коллективизация, на сельском сходе было решено колхоз не создавать, что по тому времени считалось довольно смелым решением, а попробовать создать рыболовецкую артель. Уже через год артель была переименована в колхоз имени 17 партконференции. А в конце 1932 года отца избрали председателем колхоза. Трудно было начинать, ведь многого тогда не знали, не было навыков возделывания земли, не знали, что ее можно пахать, а не вскапывать, не знали, что ее нужно удобрять, да и не было тогда никаких удобрений. Землей занимались в основном женщины, а мужчины на все лето уплывали на батах на ловлю рыбы. Сдавали ее купцу-скупщику Чуркину, а потом в отделение акционерного общества. Ловля рыбы была делом не из легких, тем более, что резиновой обуви тогда не хватало, и многие рыбаки сутками ходили в мокрых кожаных броднях. У них болели ноги, тогда уже знали о ревматизме. Несмотря на то, что отец был председателем колхоза, его в том же 1932 году посчитали чуть ли не кулаком — в хозяйстве у нас осталась корова и одна нарта ездовых собак. Отца арестовали, но через несколько месяцев освободили. После возвращения его избрали председателем сельского Совета. В 1934 году отца и его брата Иннокентия вновь арестовали, теперь как врагов народа. Никто не объяснил ни им, ни их семьям, в чем их вина.

...В 1936 году неожиданно вернулся отец. Мы не имели от него вестей, и потому радость нашу трудно было описать. Но сам отец был молчалив, замкнут. На расспросы отвечал мало. Когда ему предложили председательство, он отказался. Два года вне дома, время вопросов и мыслей, не могло не сказаться. Он согласился быть бригадиром в одной из бригад на путине. В другой бригадирствовал А.Л. Климовский. Мужик он был деятельный, активный в труде, и в общественных делах. Сразу же предложил отцу соревноваться. Отец был дома и для нас, детей, познавших трудное время безотцовщины, косых взглядов и шепотков, это было главным. Мы были за ним, как за прикрытием. Он всегда мог посоветовать, помочь, подсказать. Но это счастье длилось недолго. Беда в наш дом пришла скоро, в 1937 году. На этот раз через порог перешагнули не просто милиционеры, а люди из НКВД. Тогда же забрали и дядю Кешу, и Афанасия Леонтьевича Климовского. Теперь объявили всем, что забрали их как врагов народа. Больше они не вернулись. Правда, дядю Кешу мне еще раз довелось увидеть. Через какое-то время его под конвоем привезли в село. Все сбежались, но к нему никого не подпускали, даже его жену тетю Катю. Дали ему лопату и велели откапывать угол своего дома. Он копал под одним, под другим, окопал весь дом... потом мы узнали, что он не выдержал допросов и одиночек. От него требовали указать, где он прячет золото. Но золотом у нас в селе никто не занимался. И, конечно, его не нашли. Дядю Кешу вскоре осудили за ложные показания и выслали в Караганду с лишением права возврата на Камчатку...

Я до сих пор помню, как за несколько месяцев до последнего ареста отец зашел в дом с улицы. Увидел, что я в комнате один. Посмотрел, помолчал. Потом сел и долго сидел за столом неподвижно. Мне стало не по себе. Отец поднялся, достал брагу, выпил. Посидел еще неподвижно и вдруг запел надрывно песню, где есть такие слова "Сижу за решеткой в темнице сырой...". И заплакал, тяжело, по-мужски. Сквозь слезы он спрашивал и говорил, что ничего не понимает в том, что творится кругом» [газета Соболевского района «Рассвет» за 17 мая 1990 г.].

Где-то что-то когда-то сказал... Кто-то донес — кто из идейных соображений, кто — по-соседски просто, кто — имея что-то «за пазухой», а кто-то — лишь бы не меня...

Время было непростое, и с «врагами народа» не церемонились. Формулировка «десять лет без права переписки» — стала классической ...

Но и сказать, что происходящему в те далеки годы нет оправдания — значит, лгать. Лгать истории — лгать той железной логике революции, что первыми под революционную гильотину идут сами революционеры, те, кто «высовывает» свою голову из общей народной массы. И не случайно, что политический террор 1930-х годов был направлен против лучшей части российского общества. Кто-то очень хотел народного восстания и государственного переворота — свержения власти Сталина и замены его на Троцкого и использования России в качестве поленьев для пожара мировой революции, чтобы позволило закулисному правительству США установить уже тогда свою гегемонию в мире. Но тогда просчитались... Но погубили при этом миллионы ни в чем не повинных людей.

Я это говорю к тому, чтобы понять мотивацию будущих партийных и советских служащих Косыгиных, поверивших в Советскую власть.

Они (или, по крайней мере, не все из них) были приспособленцами в новой — без отцов — жизни. Они просто жили вместе со всеми, учились, были достойными людьми, и кадровый выбор останавливался на них по одной простой причине — они были лучшими.

Кто сегодня помнит, сколько усилий приложил Михаил Николаевич Косыгин, начальник

отдела или управления культуры Корякского окружного исполкома, чтобы из обычного любительского танцевального коллектива, руководимого талантливым Александром Гилем, создать будущий национальный балет «Мэнго».

Хотя и говорят, что у победы, как правило, много отцов, но без поддержки со стороны управления культуры округа этого любительского коллектива на самом раннем периоде его становления неизвестно, какая была бы у него судьба…

Хотя, конечно, сегодня со мной можно и спорить.

Но вклад династии Косыгиных в нашу камчатскую жизнь трудно переоценить.

Вот с какой гордостью пишет о своих родственниках Геннадий Митрофанович Косыгин:

«Косыгины всегда стремились к грамоте. По летописи П. Новограбленова (1960), Петропавловскую гимназию за период с 1884 года по 1919 год окончили 11 ребят из семей Косыгиных, среди них две девочки.

Из этих выпускников Митрофан Николаевич (1882), Иннокентий Николаевич и Матрена Петровна стали педагогами. Учителем церковно-приходской школы был Новиков Дмитрий Васильевич (1884), муж Екатерины Васильевны Косыгиной (1885). В Палане преподавал муж Веры Николаевны Косыгиной (1920) — Борис. Муж Екатерины Мануиловны Косыгиной — Плахута Алексей Григорьевич (14.03.1902–30.03.1970) добросовестно трудился учителем. Награжден орденом “Трудового Красного Знамени” и значком “Отличник просвещения”. Семья Плахута состоит из образованных людей. По стопам отца пошел сын Виктор (14.01.1929), дочь Людмила (8.11.1931) училась на втором курсе пединститута, сын Владимир (16.03.1934) — геолог, дочь Елизавета — экономист, ее муж Клюс Владимир — агроном.

Косыгины окончили Высшую партийную школу. Василий Николаевич (13.01.1926) учился на отделении журналистики, Пентелей Петрович стал преподавателем географии. Здесь же учились Исихей Николаевич (12.08.1929), Евгений Иннокентьевич (15.07.1940).

У Евгения Иннокентьевича жена Ада Игнатьевна Вельможная — техник-метеоролог. Дочь Елена (26.11.1966) — преподаватель истории и английского языка. Сын Олег (26.11.1966) инженер-механик.

Косыгин Геннадий Митрофанович (18.05.1927) читал лекции по биологии студентам Дальневосточного университета, Дальрыбвтуза, Малой Академии. Высокого звания “Заслуженный учитель РСФСР” удостоилась жена Косыгина Пантелея Петровича Галина Владимировна Муратова (3.12.1926 – 1996). Их дети Татьяна и Ольга закончили Железнодорожный институт.

Педагогами стали дети Конона Феофилактовича Косыгина — дочери Екатерина (23.10.1920–1.09.1960), Зоя (21.12.1936), Агнесса (6.01.1927–10.01.1987), невестка Галина Николаевна Герасимец (1.01.1960), внучка Валентина Николаевна Захарова (30.01.1942), внучка Людмила (1946) стала инженером-путейцем. Диплом учителя имеет наш родственник Попов Юрий Герасимович (1934).

Петропавловский пединститут окончила Юдина Галина Петровна, жена Косыгина Виталия Николаевича. Сам Виталий Николаевич (29.06.1936–2.02.1990), закончив заочно Юридический институт, работал прокурором в Петропавловске-Камчатском. Их дочь Ирина Витальевна (19.04.1956) после окончания пединститута работала преподавателем иностранного языка. Сын Евгений Витальевич (6.03.1960) обучение прошел в Высшем военном училище, теперь он инженер связи.

Преподавателем математики был муж Косыгиной Ирины Витальевны — Исакин Николай Иванович. Александр Николаевич Петров (16.09.1939), сын Анны Иннокентьевны Косыгиной (1920–1995), по окончании Дальрыбвтуза получил диплом инженера промрыболовства.

Два курса пединститута окончила Ия Митрофановна Косыгина (30.03.1947), по семейным обстоятельствам не завершила высшее образование. Ее дочь Оксана Георгиевна (30.10,1972) получила диплом педагога этого вуза, зять Эдуард Берестов (11.04.1970) — выпускник Петропавловского высшего инженерного училища, он механик.

Специальность педагога у Косыгиных очень популярна. Трудятся в нашем роду и люди науки: профессор Алма-Атинского института электроники Голованов, муж Дины Алиевны, два кандидата биологических наук — сын Косыгина Митрофана Мануиловича (22.02.1899–18.05.1949) и Соболевой Домники Ильиничны (8.01. 1887 – 1934) — Геннадий и Ганин Геннадий Николаевич – муж Натальи Исихеевны Косыгиной (6.11.1957), она инженер-экономист.

Имеются у нас и медицинские работники. В 1940-х годах в Облуковино работала фельдшером Раиса Серебренникова (16.09.1918). Многие годы лечит больных фельдшер города Елизово Харлашкина Наталья Валентиновна (3.08.1951), дочь Косыгина Валентина Николаевича (18.04.1922–9.12.1993). Наша родственница по Толстихинской линии — Медведева Людмила Владимировна (25.09.1954) — медсестра Елизовской больницы. Специальность медицинских сестер имеют Косыгина Ирина Геннадьевна (18.03.1962), Черешкова Наталья Николаевна. Наталья, окончив сельхозинститут, работает зоотехником-звероводом. Она дочь Марии Иунварьевны Гуражинской (13.03.1917–24.08.1989). Невестка Ии Косыгиной — Светлана Васильевна Лемак тоже медсестра.

Крепкий физический род Косыгиных известен своими спортсменами. Автор этих строк — мастер спорта СССР, двухкратный чемпион зоны Сибири и Дальнего Востока по стендовой стрельбе. Геннадий Егорович Епанчинцев (7.02.1943) — сын Косыгиной Анастасии Иннокентьевны (28.04.1922) — мастер спорта СССР, чемпион зоны, РСФСР, страны, на лыжах бегал — на олене не догонишь. Николай Федорович Колесников (25.12.1945), зять Анастасии Косыгиной — мастер спорта СССР, чемпион республики,

страны по биатлону — пули его винтовки без промаха поражали мишени. Набирает силу внук Косыгина Валентина Николаевича (18.041922–9.12.1993) — Алексей Николаевич Харлашкин. Он чемпион района, города, области по лыжным гонкам, кандидат в мастера спорта.

Не обеднен род Косыгиных дарованиями. Имя поэта и журналиста Косыгина Владимира Владимировича (Коянто) широко известно. Он — "Заслуженный работник культуры РСФСР".

В старину село Облуковино было бедно образованными людьми, но здесь рождались и жили поэтически и музыкально ярко одаренные личности.

В давние времена жил скрипач Трофимыч. Играл он виртуозно, с самозабвением. Приглашали его на многие вечеринки. Обычно расплачивались с ним балыком и медвежьим жиром.

Позднее в деревне появилась гармошка. Приобрел ее и играл Николай Ильич Соболев. Хорошо научился на ней играть его брат Василий (1.08.1912–22.09.1974). У отца перенял мастерство сын Ливерий (16.12.1931). Их брат Марк (28.03.1899–…) с отменным мастерством сам изготавливал скрипки и ублажал игрой сельчан. Это братья моей матери.

Далеко в хребтах, на берегу незамерзающего ключа, стояла палатка. Тихо кругом. Морозно. Из трубы печки столбом идет дым. И следом за дымом в звездное небо летят мелодии балалайки. Это после охоты тешил душу Иван Владимирович Серебренников.

Душевная, лирическая музыка захватывает, когда в руки берут баян Исихей Косыгин и Александр Петров. На вечерках постоянными гармонистами были мои брат и сестра Анатолий и Мария. У музыкального Анатолия музыкальны и дети. Дочь Альбина (25.06.1945) играет на баяне, гитаре; сын Александр — баянист, гитарист; дочь Галина — баянист, играет на ложках. Все чаще на экранах телевизора мы видим барда Сергея Косыгина (6.09.1956), сына Исихея (второе имя — Михаил. — *С.В.*) Косыгина. Растет его мастерство.

Наши сельчане любили петь, они обладали от природы поставленными голосами. В церковном хоре пели братья Серебренниковы — Венедикт Алексеевич (14.03.1891–…) и Владимир Алексеевич. И в наше время любят песню. В художественной самодеятельности с песней выступала жена Виталия Косыгина — Галина. С увлечением многие годы пела в хоре ремесленного училища, а затем в заводской самодеятельности Эльвира Николаевна Косыгина (1.02.1939), моя жена. И уже в эти дни на сцену Дома культуры с лирической песней выходит юная солистка Косыгина Катюша (4.03.1985) — наша с Эльвирой внучка.

Мне порою вспоминаются яркие музыкальные картинки, которые полвека назад исполнялись моими увлеченными односельчанами. Помню однажды собрались у дяди Петра Мануиловича Косыгина (29.01.1876 – 1976), обедали, шутили, потом запели. Пели популярную в нашей деревне песню о природе:

"…И, затихнув,
Речка встала,
Скованная льдом…".

Уже притих, дающий хору своеобразную окраску, красивый голос Евдокии Уксусниковой, потом постепенно угас тенор дяди Пети, а бархатный бас Владимира Алексеевича Серебренникова все еще плыл, плыл, нежно растворяясь, пока не затерялся, будто "среди льдин". Но вот дядя Петя встал — крепкий, плечистый, улыбающийся, роскошные усы в сторону, и удало зазвенел его голос, приобрел особый окрас голос Евдокии, а бас Владимира Алексеевича гудел мощно, широко:

"Снова плещется
В ней рыбка,
Солнышко блестит,
У реки под веткой
Гибкой
Рыболов сидит".

Природа родной стороны в песне вставала яркой, красочной. Умели наши старики потешить свою душу стихом, музыкой, пляской, песней. Душа у них была широкая, отзывчивая. Однажды у облуковинцев закончился праздничный митинг. Уже сошли с трибуны руководители колхоза. В этот момент на юрте примчался коряк Бокки. Он молча взошел на трибуну. Лицо его было мокрым то ли от пота, то ли от слез. Он обратился к колхозникам: "Я и моя баба поздравляем вас с большим праздником! Но у нас беда— олени заболели копыткой, а тут ударил мороз, обледенела тундра. Помогите перевезти оленей в другое место пастбища".

У колхозников уже стояли на столе праздничные пироги. Но они запрягли упряжки собак, перевезли на нартах больных оленей и сделали это безвозмездно.

Вот такие мои родники».

КОТЕЛЬНИКОВЫ

Эта фамилия была одна из самых распространенных, так как ремесло ее носителей — создателей России — котлов и котелков — было востребовано *повсеместно*.

И вот одно из первых сообщений из Якутии:

«1670 г. 26 апреля – 14 мая 7178 г. Дело о взыскании подьячим Петром Удиным красной меди с Ивана Медника (Котельника), отданной ему для изготовления братины» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

Но, помимо своего ремесла, давшего фамилию, казак Иван нес и службу. В 1670 году он был отправлен «на одногодные службы» в Борогонскую ясачную волость.

Но что-то, видимо, у Ивана Котельника не совсем ладилось с ремеслом, и в материалах за 1680 год мы находим следующую запись: «Дело о взыскании сотником Ларионом Трофимовым с казака Ивана Котельника котла меди зеленой». А в 1682 году эту:

«о взыскании долгов по закладным кабалам квасным откупщикам Никоном Сищяновым с казака котельника Ивана Харитонова».

То есть полное имя котельника — Иван Харитонов сын.

Судя по данным за 1681 год, Ивашка был в женатом окладе. И вполне вероятно, что в следующем сообщении за 1720 год речь идет о его сыне:

«Во дворе Алексей Иванов сын Борисов и он послан на службу на Усть Яну и по скаски матери ево Феклы он Алексей двадцети дву лет … в том же дворе живет зять ево служилой Федор Иванов сын Котельников тритцети семи лет и он послан на службу Верховилюйское зимовье в 719-м году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 48].

А в Тауйском остроге служил внук.

«Тауиского острогу

Разночинцы

Иван Федоров сын Котельников» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 130 об.].

На самом деле Котельниковых в Якутии XVII века было значительно больше.

Уже в первом десятилетии существования Якутского воеводства отметились торговые люди:

«Книга сбора десятой пошлины (соболиная) с промышленной мягкой рухляди в устье р. Илима и вверх и вниз по р. Тунгуске целовальника Илимского волока Харитона Львова, 22 марта – 29 апреля 1646 (154) г. Скрепили Стеншин, Львов и за Кондакова — торговый человек Иван Емельянов Котельников».

Впоследствии успешными выборными целовальниками были торговые люди — братья — Савва и Яков Ивановичи Котельниковы, дети которых также могли быть верстаны в якутские казаки. Но отсутствие отчеств и большое количество однофамильцев не позволяет выделить какие-то родовые связи.

Разве что в 1706 году во второй пятидесятне Якутского казачьего полка служил Василий Котельников, и вполне вероятно, что это его родовая линия:

«Якутцкого ж города дворяне и дети боярские и всякаго чина люди посланы были из Якутцка Великого государя по службам в прошлом 719-м году у переписки не были а в нынешнем 720 м году ис посылок в Якутцком явились.

Служивой Прокопей Васильев сын Котельников сказал дватцети лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 73 об.].

По переписи 1748 года Котельниковы служили в Охотске, Нижнеколымске, Анадыре.

Удивительным образом могли происходить перемещения: так, например, в Анадырском остроге был взят в рекруты Федот Котельников, который впоследствии служил в воинской команде Якутской провинциальной канцелярии.

Или вот такое перемещение:

В Анадырском остроге

Разночинцы

2165) Осип Котельников [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 79].

Нижноковымского зимовья

Разночинцы

2059) Иван Осипов сын Котельников [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 75 об.].

А вот далее события развивались следующим образом:

Анадырский острог, 1746	«…едучи обратно из Олюторска он, Потапов, да Степан Беляев с партовщиками Ефремом [Ефимом] Котельниковым, с Петром Куклиным, да с Егором, а чьих прозванием не упомнит, в Акланск и поехали, а как де прибыли в Акланск, то де оной острог уже весь раззорен и созжен, токмо оставлено одно зимовье, которое стояло в отдаль от острогу, а пороховая де казна, которую закопал он, Потапов, в землю, и пушку и оружие все выкопано и взято изменниками»	Сенат. 1 департ. д. № 1552, лл. 312–318 Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотки, М-Л, 1935
Колено		
Дети Ефима		
Анадырский острог — Гижигинская крепость, 1768	Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость казаки: Петр Котельников. Мать Вера Моисеевна	РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18
Гижигинская крепость, 1772	казаки Петр Ефимов Котельников	РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22
Гижигинская крепость, 1781	Ведомость Гижигинской крепости за 1781: казаки. Петр [Ефимов] Котелников	РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 21
Колено		
Дети Петра		
Анадырский острог — Гижигинская крепость, 1768	Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость: казаки. Петр Котельников. Сын Тимофей — 16 (1852). Дочь Евдокия — 20 (1748), Орина — 18, Агафья — 8. Мать Вера Моисеевна	РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18
Гижигинская крепость, 1772	казаки Тимофей Котельников	РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22
Гижигинская крепость, 1781	Ведомость Гижигинской крепости за 1781 Сотник Тимофей Котелников — в Каменном остроге	РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 18
Гижигинская крепость, 1772	казаки: Петр Котельников	РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22
Гижигинская крепость, 1781	Ведомость Гижигинской крепости за 1781. Казаки: Петр Котелников	РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 21 об.
Гижигинская крепость, 1781	Ведомость Гижигинской крепости за 1781. Казаки: Иван Котельников	РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20 об.
Колено		
Дети Тимофея		
Нижнекамчатск, 1812	Штатские, подканцеляристы: Котельников Константин Тимофеев (1787)	РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л.1

В гижигинской школе в 1784 году учится один из внуков или правнуков Ефима Котельникова

Гижигинская крепость, 1784	Ведомость Гижигинской школы 1784 г.: Василий Котельников — 8 (1776)	РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 7
Колено		
Дети Василия		
Гижигинская крепость, 1852	Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год. Гижигинская крепость. Пятидесятники: Котельников Николай Васильев — 36 (1816)	РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44
Гижигинская крепость, 1853	Котельников Николай Васильевич. Из унтер-офицерских детей, с 1830 г. в Гижигинской сотне, с 1852 г. переведен в Камчатскую казачью команду, с 1842 по 1846 г. находился при Гижигинском рейде лоцманом для привода и вывода судов, по приказу Командира Петропавловского порта от 1 марта 1853 г. № 34 за незнание порядка службы и дисциплины разжалован в рядовые казаки	РГИА ДВ. Ф. 1007. Оп. 2. Д. 128
Петропавловский порт, 1855	Котельниковы 1855 ККК (Камчатская казачья команда). Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г. Список по старшинству их службы в Петропавловске. Казаки: Николай Котельников — 45 лет, из казачьих детей, на службе и в чине с 1830 года	РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 9

А вот и продолжение этой Гижигинской ветви на основе материалов Магаданского государственного архива:

1 колено	
	Котельников Василий, унтер-офицер Гижигинской казачьей сотни, урядник. Ж. Параскева Семеновна (1776 – 19.03.1845)
	Котельников Константин Тимофеев сын
2 колено	
Дети Василия	Котельников Николай Васильевич, урядник Гижигинской казачьей сотни. Ж. Дарья Ивановна
	Котельникова Евдокия Васильевна (1809), дочь ум. унтер-офицера. М. (с 12.05. 1847) Большаков Михаил Леонтьевич (1825), казак Гижигинской сотни
Дети Константина	Котельников Михаил Константинович (1842–1892), гижигинский мещанин
3 колено	
Дети Николая Васильевича	Котельникова Параскева Николаевна (21.04.1847)
	Котельникова Татьяна Николаевна (1863), каз. дочь. М. (с 20.01.1885) Большаков Александр Алексеевич (1855), гижигинский казак
Дети дочери урядника Евдокии Васильевны Котельникова	Котельникова Анна Николаевна (1834), незаконнорожденная дочь дочери ум. урядника Василия Котельникова. М. (03.09.1858) Курилов Петр Дмитриевич (1825), квартирмейстер 27-го флотского экипажа
	Котельников Архип
4 колено	
Дети Михаила Константиновича	Котельников Василий Михайлович (28.12.1877). Ж. Евдокия Прокопьевна (1890)
	Котельников Иван Михайлович (27.01.1891). Ж. Анастасия (1901)
	Котельникова Анастасия Михайловна (1871), мещанская дочь. М. (с 21.05.1889) Колмаков Евсевий Степанович (1864), казачий сын
	Котельников Николай Михайлович (1881), Гиж. мещ. Ж. (с 25.04.1908) Падерина Александра Андреевна (1868), казачья вдова
Дети Архипа	Котельников Николай Архипович (1872). Ж. Мария Иннокентьевна (1874)
5 колено	
Дети Василия Михайловича	Котельникова Евдокия Васильевна (1900), дочь казака. М. (23.09.1915) Богун Иван Михайлович (1875), крестьянин Полтавской губернии Прилукского уезда Переволочанской волости
	Котельников Николай Васильевич (02.06. 1911), проживал в 1943 г. в с. Арестово. Ж. Анисья Дмитриевна (1913)
	Котельников Петр Васильевич (08.06.1919), близнец
	Котельников Павел Васильевич (08.06.1919), близнец, в 1943 г. проживал в с. Арестово. Ж. 1 Параскева Александровна (1906). Ж. 2 Высоцкая Анфиса Даниловна (1925)
Дети Ивана Михайловича	Котельникова Александра Ивановна (02.11.1913)
	Котельникова Ксения Ивановна (22.04.1916)
	Котельникова Елена Ивановна (24.05.1920)
Дети Николая Архиповича	Котельников Александр Николаевич (03.03.1903), проживал в 1943 г. в с. Арестово. Ж. Брагина Нина Игнатьевна (1911)
	Котельникова Прасковья Николаевна (12.09.1911)
	Котельников Иннокентий Николаевич (19.11.1913)
6 колено	
Дети Николая Васильевича	Котельникова Наталья Николаевна (1934)
	Котельников Василий Николаевич (20.09.1936)
	Котельникова Светлана Николаевна (1939)
	Котельников Борис Николаевич (1942)

Дети Павла Васильевича	Котельникова Лариса Павловна (1930)
	Котельников Николай Павлович (1937)
	Котельникова Раиса Павловна (1940) М. Шкуринский Виктор Васильевич (29.03.1935)
	Котельникова Валентина Павловна (19.04. 1949)
	Котельников Василий Павлович (29.11. 1957)
Дети Александра Николаевича	Котельников Александр Александрович (1931)
	Котельникова Людмила Александровна (1933)
	Котельников Николай Александрович (1940)
	Котельников Сергей Александрович (1942)

КОТКОВЫ

Историю этой дальневосточной фамилии полностью раскрыл для нас Андрей Владимирович Черепанов в своем «Родословном справочнике Иркутска 1661–1775 годов» [Иркутск, 2021].

Внесем только небольшое историческое дополнение.

Котковы — изначально енисейские стрельцы.

Марк, Марко, Марчко Котков был в 1632 году рядовым стрельцом с окладом 5 рублей в год.

В «Челобитная служилых людей, бывших на службе в Ленском острожке с атаманом Иваном Галкиным в 1633–1634 гг.» он назван вообще Марчишкой.

В 1651 году он снова на службе в Якутском остроге:

«Енисейские служилые люди которые присланы из Енисейсково острогу з десятником с Марчко Котковым прежним на перемену».

Но в 1639 году в Ленском остроге служит еще один енисейский казак Котков:

«Челобитная служилого человека Полуяна Яковлева Коткова по иску на служилого человека П.Ф. Мокрошубова и письмо к нему об уплате половины денег по кабале».

Якутский острог, 1651 год:

«Полуянко Яковлев сын Котков в нынешнем во 159-м (1651) году выслан в Енисейской острог» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 38].

В именной книге Енисейского острога за 1669 год появляется еще одно имя:

десятники

Васка Полуянов Котков, детей у него Васки нет [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 314 об.].

В юрисдикцию Енисенйского разряда входило Предбайкалье и Забайкуалье, поэтому нет ничего удивительного в том, что в своей работе «Первые иркутяне» С.А. Гурулев отмечает:

«Котков Василий, казачий десятник, упомянут в 1684 г.».

И вот теперь мы подходим к фундаментальной работе Андрея Владимировича Черепанова.

КОТКОВЫ

Василий сын Полуяна, г. р. не установлен. В 1669 г. — енисейский десятник, в 1682 г. — приказчик, казачий десятник Кучицкого острога, затем служил в Баунтовском остроге, в 1683, 1687 г. — десятник Иркутского острога; убит в 1688 г. на службе в Баунте.

Алексей сын Василья, г. р. не установлен. В 1688 г. поверстан на казачью службу в оклад своего убитого отца, в 1691, 1693 г. — пеший казак /в 1692 г. в Баргузинском остроге/.

Яков сын Василья, г. р. не установлен. В 1688 г. поверстан в пешие казаки.

Михайло сын Василья, г. р. не установлен. В 1698, 1717 гг. — пеший казак; умер в период между 1722 и 1744 гг. разночинцем.

И появляется еще один Михаил сын Василья примерно 1684 г. р., который, по данным А. Черепанова, являлся служилым Камчатской экспедиции в 1745 году.

Здесь мы вынуждены прервать это интереснейшее повествование.

Дело в том, что Михаил (как теперь выясняется, еще один сын Василия Полуяновича) Котков, по материалам Переписи, находился на Камчатке в период с 1722 по 1748 год:

«Верхнекамчадальского острогу

Разночинцы

Михаило Котков» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 109].

А если уж быть предельно точным — то Михаил Васильевич проходил по розыску о причинах Харчинского бунта 1731 года. И не в качестве свидетеля, а в качестве обвиняемого — то есть лица, виновного в бунте:

«В Большерецком остроге казнен смертию повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников.

Учинено телесное наказание биты кнутом служилые люди: Осип Соловьев, Матфей Новограбленой, Михайло Лепихин, Федор Лобанов, Андрей Марамыгин, Андрей Рубцов, Петр Евлатьев, Андрей Воронин, Григорей Томилов, Онофрий Черкашенин, Лука Трескин, Ларион Валынкин, Григорей Келтякин, Петр Валынкин, Степан Вахрушев, Михайло Котков, Федор Асламов, Иван Лукашевской, Сава Усов, Василей Посников, Василей Щеголев, Семен Вагин, Михайло Лепихин меньшой, Петр Матфеев, Семен Шарапов, Афонасей Попов, Михайло Лукашевской, Семен Сургуцкой, Петр Чупров, Антон Хмылевской» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. №481. Ч. 7. Л. 358–367].

Михаил Васильевич, как указывает А. Черепанов, был женат. Примерно в 1725 году у него родился сын Степан. В 1747 г. служилый, в 1753 г. казачий пятидесятник.

Был женат на дочери казака Дмитрия Львовского Настасье. Его дети: Александр (1748), Андрей (1752), Василий младший (1754).

И вот что удивительно: скорее всего, мы сможем продолжить эту иркутскую историю.

Гижигинская крепость 1778 г.

Казаки

Александр Котков [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 71. Л. 20].

Ведомость Гижигинской крепости за 1781
Казаки
Александр Котков — в Камчатке [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л.23].
Нижнекамчатск, 1812 год
«Казачья команда
Казаки
Вдова Маланья Коткова (1752) [жена Александра Михайловича?]»
«Штат провиантского комиссионерства
Унтер-офицер
Котков Федор Андреев (1772)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Лл. 10 об. – 12].
Тигильская крепость, 1815 год
«Рядские казаки
Котков Федор Андреев» [Тигильская Христорождественская церковь. Исповедальные росписи. РГИА ДВ, фонд 1009, Оп. 2, дело 2].

КОШЕЛЕВЫ

Я уже не раз по просьбе своих читателей возвращаюсь к истории фамилий, которые были представлены в первом томе «Тайны якутских фамилий». И ничего удивительного в этом нет — наши герои были живыми людьми и перемещались по необъятным просторам Сибири и России в целом, будучи людьми служилыми, государственными, себе не принадлежавшими.

Вот и на этот раз пришло письмо.

«Добрый вечер, уважаемый Сергей!
Огромное Вам спасибо за книгу: «Тайны якутских фамилий».
Наши предки служили в драгунском полку в 1756 году в г. Бийске.
В ходе поисков нашла дело
РГВИА 490-1-431

(л. 1)

Список по формуляру Новоучрежденного драгунского полку учиненной по осмотру по осмотру полковника Дегадрига по инспекторской должности что каких чинов состоит по списку значит на обороте ноября 1 дня 1754 года.

(л. 3 об. – 4)

полкового штату … 5) барабанщик Дмитрей Кошелев 37 лет. Время вступления в службу — в 739 году ноября 16 дня ис казаков города Якудцка, грамоте читать и писать не умеет. Женат, детей мужеска полу нет, в нынешнем чине — 754 году июня с 1 числа, при полку, в штрафах не бывал.

(л. 9 об. – 10)

гранодерской роты … 12). цырюльник Иван Кошелев 33 лет. Время вступления в службу — в 739 году ноября 16 дня ис казаков города Якуцка, грамоте читать и писать не умеет. Женат, у него сын Иван 5 лет живет при нем, в нынешнем чине — 744 году мая с 30 числа, состоит при полку, в штрафах не бывал.
Дальше по книге Сибирские города нашла, что после 1-й переписи их уже нет, и вот в Вашей книге нашла историю фамилии Кошелевых, где как раз упомянуты Иван и Дмитрий Кошелевы.
Хочется, конечно, продвинуться дальше и найти Михайлу Кошелева и его детей Ивана и Дмитрия (хотя необязательно, что они братья).
Меня интересует Иван Михайлович Кошелев. У Вас в книге есть ссылка:
По данным за 1748 год:
Города Якуцка разночинцы:
Умершие:
258) Дмитрий Кошелев
259) Михайло Кошелев
644) Михайло Кошелев
Не могли бы Вы подсказать, в каких источниках можно их найти или, может быть, сохранился текст?
Не могу никак найти шифр (не говоря уж о фото) 1-й переписи или другие документы.
У Вас проделана такая огромная работа, что, может быть, Вы могли бы посмотреть в Ваших рабочих записях.
Простите за беспокойство.
С уважением, Светлана».

Таким письмам, таким просьбам — всегда и безусловно *приоритет*. Потому что эти письма пишут те люди, которым по-настоящему дорога история рода, история фамилии, и они годами ведут свой поиск, который, к сожалению, не всегда результативен.

Вот и в данном случае мне сложно дать какой-то определенный ответ.

Но я все-таки поделюсь теми рабочими версиями, которые рождаются в результате поисков и которые в конечном итоге если и не дадут результат, но все-таки откроют какую-то новую страницу, если не в истории рода, то в истории самой фамилии, что порой не менее важно.

Итак, кто же из Кошелевых был в числе первых сибиряков?

Вполне вероятно, что первым был ссыльный Кошелев, который был отправлен в Сибирь в 1657 году:

О том, какая история с ним произошла:

«…сокольники потешного двора подали однажды царю челобитную с жалобой на задержку в выплате им жалованья. Челобитную эту по поручению сокольников написал наиболее грамотный из них помощник начального сокольника пятой статьи Федор Кошелев, неоднократно упоминаемый в составленном царем “Чине Сокольничья пути”.

Требовавший от сокольников “тешить царя до кончины живота своего”, Алексей Михайлович возмутился такой дерзостью. Усмотрев в этой робкой челобитной чуть ли не бунт, царь тут же продиктовал дьяку грамоту о том, что, собираясь в Семеновское на очередную потеху, он намеревался осчастливить сокольников таким “многим денежным жалованьем, какого у них и на уме не бывало”, они же этого не дождались и завели “воровски” челобитье.

Отчитывая прежде всего начальных сокольников, в том числе и новопожалованного Ярышкина, царь напоминал им об их обязанностях “за своими людьми смотреть и от воровства и от всякого дурна унимать”.

Для устрашения же челобитчиков, чтобы в другой раз неповадно было подавать такие жа-

лобы, он указал “главному заводчику Федьке Кошелеву отсечь левую руку” и… положить ее на написанную им челобитную, к которой и другие сокольники также приложили свои руки. Остальных же челобитчиков в грамоте указано было бить кнутом и батогами» [Роман Пересветов, Тайны выцветших строк https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/peresvetov-roman/tajni-vicvetshih-strok/4?ysclid=m3ctcu8gdw372875874].

«Соколник Федор Кошелев и по указу великих государей велено ему быть в Тоболску в службе салдацкого строя в начальных людех в какой чин пригодитца и в Тоболску тому соколнику Федору Кошелеву велено быть у салдат в капитанах, потому что в ыных во всех чинех начальные люди написаны» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3, Ст. 663].

И здесь мы сделаем акцент на чине — «в капитанах». Почему?

Потому что это тоже имеет (возможно, прямое) отношение к Бийску начала XIX уже века:

«Бийский гарнизонный батальон в это время состоял из четырех строевых рот. Например, на 1 февраля 1812 г. это были следующие роты: 1-я (командирская) рота — командир роты подполковник Шульц, 2-я рота — командир роты капитан Гурладий, 3-я рота — командир роты капитан Кошелев и 4-я рота — командир роты майор Храмцов. Как раз 3-я рота капитана Кошелева находилась тогда на Кузнецкой крепости. По “Списку Бийского гарнизонного батальона штаб- и обер-офицеров, по старшинству их службы” от 1 февраля 1812 г., о старших офицерах из роты капитана Кошелева сообщалось следующее: 1) капитан Кошелев — в армии — с 1789 г., в офицерах — с 1799 г., в нынешнем звании – с 27.06.1807 г.

…На 1 марта 1812 г. рота капитана Кошелева насчитывала 204 человека, из них: обер-офицеров — 5, унтер-офицеров — 12, музыкантов — 3, рядовых — 178, нестроевых — 6. До полного комплекта на тот момент не доставало одного обер-офицера и двух рядовых. Также отмечалось, что в ротном лазарете находятся 2 человека рядовых. В первой солдатской казарме находились инвалиды в количестве 90 человек. Вторая солдатская казарма в одной связи со штаб и обер-офицерским домом стояла пустая.

…Кстати, в “Списке армейским офицерам по полкам и батальонам”, составленном на 15 марта 1802 г., есть сведения, что в Бийском гарнизонном полку (командир — полковник Богданов) служат прапорщики Кошелев и Спицын. Получается, что они служили в этом подразделении как минимум 10 лет» [Сб-к «Из Кузнецкой старины», Новокузнецк, 2021, выпуск 9, Лл. 131–132].

Следующими Кошелевыми-сибиряками, по всей видимости, были крестьяне Тобольского уезда, появившиеся здесь в 1680-х годах:

Шадринская слобода:

«Во дворе Лучка Семенов сын Кошелев. Сказал: родился де он в Кайгородке, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 189-го году. У него дети: Власко 7 лет, Онофрейко 5 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Де. 261. Л. 1217].

«Нижняя Ницынская Красная слобода по реке Нице

Деревня Кошелева на реке Бобровке

Савка Алексеев сын Кошелев, родился в уезде Соли Вычегодцкой на Виледи в Ильинском погосте.

Володка Алексеев сын Кошелев, родился в уезде Соли Вычегодцкой на Виледи реке в Ильинском погосте» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 334 – 334 об.].

«Верхняя Ницынская слобода Яланская тож на реке Нице

Деревня Игнатьева на реке Нице

Мартынко Яковлев сын Кошелев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 438].

В 1690-х годах в Красноярском остроге в пятидесятне Ивана Мезенина служит казак Иван Кошелев. Его дети по материалам переписи 1710 года:

«Во дворе конной казак Иван Кошелев с женой Овдотьей, детей у него Федор — 17, Дмитрей — 10, Григорей — 2, дочь Анна — 17, Ефросинья — 16, Дарья — 14, Марья — 10, Матрена — 7, Марья — 5» [РГАДА. 214-5-1949. Л. 21 об., 26].

Они же при отце и в переписи за 1719/1722 гг.:

«Двор конного казака Ивана Кошелева. И он, Иван, под опасением смертные казни сказал: он, Иван, — пятидесять лет. Детей у него: Федор — дватцати пяти лет, Дмитрей — дватцати лет, Григорей — восми» [Перепись города Красноярска и его уезда 1719–1722, М. 2014].

В 1692 году сослан в Якутск [вероятно, московский] стрелец Данилко Кошелев [Софронов Ф.Г. «История Северо-Восточной Азии XVII — начала XX века»], записанный в 1706 году в шестую пятидесятню Якутского казачьего полка.

Вполне вероятно, что Данило Кошелев был сослан в Якутск вместе со своей семьей.

Эта информация, конечно же, пока под вопросом, но весьма и весьма любопытная:

Окладная книга якутских служилых за тот же, 1706, год: «Кошелев Михаил (11-я пятидесятня): “Иван Степанов с. Шибалиных, в нын. 706 г. на мае от иноземцов убит, и окт. в 7 д. приверстан в казачью службу в его Иваново место и оклад казачий сын Михайло Кошелев”».

Конечно, эту информацию можно было бы проигнорировать, если бы не было другой:

Якутск, 1720 год:

«Служивые люди

В юрте служивой Дмитрей Данилов сын Кошелев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 28].

То есть у казака Данилы Кошелева действительно были в Якутии дети.

И не один Данила:

Якутск 1718 год:

«По гор. Якуцку в казачью службу определены Иван Данилов с. Кошелев» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 123].

Якутск, 1720 год:

«Во дворе посадной Родион Власов сын … у него ж в доме живет на подворье служивой Иван Данилов сын Кошелев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 30].

Вывод: согласно этим данным, в Якутии в начале XVIII века служили дети Данилы Кошелева — Михаил Данилович, Дмитрий Данилович и Иван Данилович.

Служебную карьеру (по материалам за 1761 год) делает Иван Данилович:

«За вахмистра в ходоках и в разных розсылках: казак Иван Кошелев» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.144].

Сын (или один из сыновей Дмитрия) отправлен служить в Охотоморье:

«Тауиского острогу

Разночинцы

Степан Дмитреев сын Кошелев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 127].

По переписи 1722/1748 гг. мы узнаем, что в рекруты взяты двое братьев (родных или двоюродных) — Иван и Дмитрий — Кошелевы [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 124].

Мы их находим в «Смотровом Списке Сибирскаго Гарнизона Новоучрежденнаго Драгунскаго Полку 1753 г.

Полковые барабанщики (Л. 4 об. – 5)

Дмитрей Кошелев (Л. 8 об. – 9)

12. Цырюлник Иван Кошелев» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439].

Светлана Тимонина пошла дальше — установила, что бывший якутский рекрут Иван Михайлович Кошелев обосновался в Бийске:

«Полк был расквартирован по разным городам. Дмитрия Михайлова я вижу с 1752, Ивана с 1756. После 1778 примерно Ивана как отставного поселили в Верх-Ануйской (Верх-Ануйское — село в Быстроистокском районе Алтайского края)» [из письма Светланы Тимониной].

По материалам Генеалогического форума [https://forum.vgd.ru/?t=161177] можно проследить поисковые пути-дороги Светланы.

Все началось с брака.

«…брак Афанасия Осипова Осипова и Ульяны Ивановой дочери отставного драгуна Кошелева Ивана, проживающего в Верх-Ануйской».

Затем — запись в исповедальной росписи:

«Иван Михайлов Кошелев — 35 [лет]. Жена ево Авдотья Иванова — 23. Сын их Иван».

А потом она отыскала в Интернете мою книгу «Тайны якутских фамилий» — и все сошлось. Конечно, относительно, но, тем не менее, поисковые «вешки» уже расставлены, и путь обозначен.

А мы вернемся на Дальний Восток.

Охотск, 1761 год:

«Присланной при указе из Якуцкой-же канцелярии для употребления в кораулы до будущей весны возвратившиеся с Усть-Майской пристани для зимы следующие в Охотск: Из якуцких: казаки …Сидор Кошелев…» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 146].

Прошло десять лет.

На галиоте «Святой Петр» служит матрос из казаков Алексей Кошелев. В 1770 году на этом галиоте доставлены из Охотска в Большерецкий острог на Камчатке группа ссыльных военнопленных, в числе которых был Август Беньевский — словак по рождению, авантюрист по натуре, участник Барской конфедерации, дважды захваченный в плен. В первый раз — отпущенный под честное слово больше не воевать против России. Слова не сдержал. Будучи в плену во второй раз и отправленный в ссылку в Казань — попытался бежать вместе со своим коллегой по плену шведом Винбландом, но попался и был сослан на Камчатку.

Историки пишут, что уже в Охотске ссыльные задумали побег в Японию, захватив судно, капитан которого — штурман Чурин — был участником этого заговора. Но судно попало в жестокий шторм, его изрядно потрепало, и совершить дальний переход без необходимого ремонта было бессмысленно.

В Большерецке заговор оброс большим числом людей — к вновь прибывшим ссыльным прибавились ссыльные-старожилы, в заговор были втянуты зверопромышленники, которые в течение уже двух лет не были отправлены в Русскую Америку и от безделья готовы были поднять бунт…

И 26 апреля 1771 года ссыльные и промышленные люди подняли бунт, убили командира Камчатки капитана Нилова, ограбили большерецких жителей и казну, захватили подготовленный к дальнему плаванию галиот «Святой Петр» и ушли на нем в самый дальний в истории России морской поход с Камчатки в Китай, который они благополучно и завершили в порту Макао (Кантон).

Пока «путешественники» совершали свой вояж до Китая, а затем до Франции, а некоторые из них и до острова Мадагаскар, на Камчатке шло следствие по бунту, и в числе других свидетелей матрос из казаков Алексей Кошелев был отправлен под караулом в Иркутск, где «свидетели» провели два года постоянных допросов, а потом их выпустили на волю, зачтя погашением «вины» годы пребывания в иркутских застенках.

Вероятнее всего, Алексей был возвращен в Охотск на морскую службу.

Но и в самой Якутии род Кошелевых не угас.

Правда, не все из них служили уже в казаках. Гораздо предпочтительнее казачьей службы была служба воинская. У казака служба была бессрочной. У солдата — максимум 25 лет, а потом он имел право выбрать себе место для поселения. Казак же был привязан к месту службы и не мог это место покинуть без приказа.

И в Зашиверской городовой штатной воинской команде в период 1784–1804 гг. служит в солдатах Кошелев Иван Андреевич [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 402].

Но и в казаках служили тоже. Якутский казачий полк, 1830 год:

«Кошелев Виктор — казак, 1-я сотня

Кошелев Иван — казак, 2-я сотня

Кошелев Николай — казак, 2-я сотня

Кошелев Семен — казак, 1-я сотня» [Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 401. Оп. 1. Д. 1-I].

В этот период начинает активно перестраиваться система управления Восточной Сибирью и ее административно-территориальными структурами — вводятся «статские» [гражданские] должности, которые приходят на смену казакам и детям боярским, появляются вместо дьяков и подьячих канцелярские служители разных рангов:

1863 год:

«Якутский казачий полк

Асессоры

Кошелев Алексей Прокопьевич, делопроизводитель, аудитор, коллежский секретарь» [Памятная книжка Якутской области за 1863 год, Спб, 1864, с. 18].

1885 год:

Секретари земского суда Якутского округа, с 1 января 1868 г. — Якутского окружного полицейского управления

«…с 20 марта 1885 г. по 3 марта 1889 г. и. д. канцелярист, коллежский регистратор (с 30 апреля 1887 г.) Иван Вениаминович Кошелев (Причислен к ЯОП [Якутскому областному правлению]). Находясь под следствием, скончался в Якутской тюрьма 17 октября 1897 г.» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 318].

И эта история ждет дальнейшего своего продолжения…

КРАСНОЯРОВЫ

Дальневосточную историю этой фамилии открывает Прохор (Пронька) Иванов сын Краснояров.

Краснояров — вовсе не значит, что из Красноярска. Красных Яров — то есть высоких обрывистых берегов хватает на самых разных реках. И Красных Яров, а отсюда и Краснояровых в России не счесть.

Прохор Иванович, вероятно, был из тобольских казаков, хотя подтверждения этого у меня нет. Есть предположение, основанное на том, что в 1689 году в Тобольске отмечен в документах «Отставной стрелец Кузка Прокопьев сын Краснояров» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6894. Л. 87].

Возможно, это и совпадение. Но оно ничего и не решает — этот родословный след на Кузьме Прокопьевиче и обрывается…

Но осталось имя в истории.

«Казак Андрей Горелый летом 1643 г. по морю прибыл с Индигирки на Лену вместе с Федором Чюкичевым и другими казаками. Казак Прокопий Краснояр, принимавший участие в этом выдающемся морском походе, писал царю: “И мы… шли… через море с великим опасом и з береженьем в Якутцкий острог и, недошед, государь, до Якутцкого острогу, в Жиганске замороз взял”».

То есть Прохор Иванович был казаком-мореходом, одним из покорителей морей Северного Ледовитого океана.

Во втором томе своей книги «Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибириада» (стр. 53 и далее) рассказывается об индигирских событиях начала 1640-х годов, об отряде Посника Иванова Губаря, в составе которого был и Прокопий (Пронка, Прохор) Иванов сын Краснояр, который в 1644 году в Якутске сообщал о своей службе и заслугах:

«А подымался яз, холоп твой, на твою государеву дальную службу, должася великими долгами, а подъем, государь, мне, холопу твоему, стал рублев в семьдесят, а служил яз, холоп твой, тебе, государь, на твоей государеве службе на Индигирской реке и на Лене всякие твои государевы службы — конную, и струговую, и пешую. И от той твоей службы яз, холоп твой, обнищал и одолжал великими долгами, и от той раны (полученной в 1642 году в бою. — *С.В.*) стал изувечен. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии, пожалуй, государь, меня, холопа своего, своим царевым жалованием послугою за тое мою службу и за рану, чем тебе, государю, бог известит. Царь государь, смилуйся!»

Последние сведения о нем, уже как о пятидесятнике относятся к 1650 году, когда он вернулся с Колымы. И далее след обрывается… Возможно, как и двести других тобольских казаков, он был возвращен к месту былой службы.

Я первоначально предполагал, что казак, а впоследствии сын боярский Михаил Краснояров, — его прямой наследник, судя по карьерному росту по чину, который нередко передавался по наследству от отца сыну.

Нет, Михаил Клементьевич Краснояров строил свою карьеру сам — а вот его сын, Федор Михайлович, получил этот чин по наследству. Последняя запись о Михаиле Клементьевиче, приказчике Бирюльской и Илгинской волостей, относится к 1684 году — «по расследованию злоупотреблений прежнего приказчика».

Как было дело на самом деле, неизвестно.

Известно другое — в 1679 году в Якутске было начато «Дело по извету якутских служилых людей сына боярского Мих[аила] Краснояра и сотника казачьего Лариона Трофимова об обмене соболей из ясачного сбора на собственных соболей низкого качества воеводой Андреем Барнешлевым и сыном боярским Юрием Крыжановским с целью присвоения ясачных соболей».

Воевода Андрей Афанасьевич Барнешлев (урожденный William Barnsley) был человеком весьма коварным и опасным.

Это следствие, выявившее целый ряд крупных злоупотреблений, стоило русскому англичанину жизни — он неожиданно скончался на реке Кеть в Западной уже Сибири, следуя в Москву для дальнейшего расследования. И, кстати, он не был первым, кого из якутских воевод, находящихся под следствием, постигла неожиданная кончина. В 1667 году столь же скоропостижно скончался воевода Голенищев-Кутузов Иван Федорович Большой, который, как выяви-

ло следствие, «имел в личной собственности 22 920 соболиных шкурок».

Федор Михайлович появляется в именных казачьих списках в начале 1660-х годов.

Судя по этой записи, он уже пятидесятник: «Книга сбора ясака с якутов по Янскому Верхнему зимовью пятидесятника Федора Краснояра, 1685–1686 (194) г.» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

А 7 июня 1687 года верстан в дети боярские, по всей видимости, на «убылое» место отца — Михаила Клементьевича.

А вот и конец его карьеры:

«Дети боярские

Федор Краснояров в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 6 об.].

«Дети боярские

Якутские

Родион Кашинцов; в дети боярские верст. он в 203 [1695] г. по грам. при преж. воеводах стольниках при Михаиле и Андрее Арсеньевых; а оклад ему учинен убылой сына бояр. Федора Красноярова: ден. 7 руб., хлеба 4 чети ржи, 3 чети овса, пол-3 пуда соли».

Это говорит об одном — у Федора Михайловича не осталось после смерти наследника.

25 августа 1688 года в Якутске поверстан в казачью службу казачий сын Краснояров Григорий Трофимович.

В 1692 году он показан в женатом окладе [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 34].

В 1706 году — десятник шестой пятидесятни Якутского казачьего полка.

В 1720 году у него отмечен сын: «Служивой Михайло Григорьев сын Краснояров сказал восьмнатцети лет (1702) холост» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 71 об.].

А далее снова следует разрыв, ибо мы не знаем отчество казака Афанасия Красноярова, который в период между переписями 1718–1748 годов служит в Большерецком остроге, где в разночинцах указан и его сын Михаил, который вошел в историю Камчатки как крестный отец всех камчадалов и коряков Краснояровых, будучи участником Крестового миссионерского похода иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина с 15 ноября 1740 по 8 февраля 1741 гг. [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

В 1768 году в связи с принятием решения об упразднении и последующем уничтожении Анадырского острога его гарнизон был переведен в Гижигинскую, Тигильскую и Нижнеколымскую крепости.

В Гижигинскую крепость были переведены две семьи Краснояровых:

«Казаки

Григорий Краснояров. Жена Аграфена Ивановна. Брат Евдоким — 7 (1761). Дочь Мавра — 4.

Разночинцы:

Григорий Краснояров. Жена Мавра Степановна. Мать Елена Васильевна. Дочь Настасья — 2» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

И вот что интересно — в 1761 году в составе секретной Анадырской экспедиции находится солдат Енисейского пехотного полка Кирил (с одной «л») Краснояров.

Имеет ли он какое-либо отношение к одному или к обоим Григориям? Ответа у нас нет — так как нет никаких фактов.

Кроме одного:

В 1831 году в Гижигинске и в Охотске служат в казаках два Кирила Краснояровых примерно одного и того же возраста — 1792 и 1793 годов рождения [Национальный архив РС (Я), фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.].

Очень часто старших внуков в казачьих семьях называли в честь деда.

А вот кто был отцами каждого из Кириллов, установить сложно — на период их рождения в Гижигинской крепости кроме повзрослевшего Евдокима служили Евгений, Егор и Петр Краснояровы. Возможно, Григорьевичи.

Постарше этих двух Кириллов был ученик Гижигинской школы Осип Краснояров (отчество мы пока не знаем).

Но именно он повел дальнейшую известную нам ветвь гижигинских и камчатских казаков Краснояровых.

2 колено

«Список именной о находящихся
в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков
Май 1-го дня 1831 года

Краснояров Онуфрий (1792), младший урядник» [Национальный архив РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы
в Петропавловске

Казаки

Анофрей Краснояров — 66; из солдатских детей, на службе и в чине с 1813 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Ведомость находящихся на льготе
Петропавловского порта

казаки

Ануфрий Осипов Краснояров» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 7].

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Урядники

Краснояров Ануфрий Осипов

Сын его служащий казак Константин — 22 (1830)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44].

Петропавловск-Камчатский, 1902 год. Список ветеранов — участников обороны Петропавловского порта 1854 года:

Отставной казак Константин Онуфриевич Краснояров, 73 г., участвовал в сражении, находился при полевой пушке, стоявшей на Кошке, где ныне сооружен памятник «Слава».

Краснояров Константин Онуфриевич (1823–1908), в 1879 г. отставной казак Петропавловского порта, участник обороны Петропавловского порта в 1854 г., в 1893 г. проживал в с. Колпаково. Ж. Ксения Матвеевна (1835). Его

дети: Красноярова … Константиновна, дочь казака Красноярова. М. (с 1879) Серебренников Алексей Владимирович (1857), псаломщик Вознесенской Облуковинской церкви; Красноярова Мария Константиновна (1856), дочь отставного казака, Петропавловский порт. М. (с 1879) Толстихин Михаил Васильевич (1860), кантонист Тигильской казачьей команды.

Но это еще не все.

С событиями 1854 года связана, оказывается, еще одна история, и тоже Краснояровых.

Она начинается примерно за двести лет до камчатских событий, когда в верховьях реки Лены построен Яндинский острог, вокруг которого начали заселять пашенных крестьян. У Георгия Борисовича Красноштанова в его трехтомной истории «На ленских пашнях XVII века» очень подробно, по годам, на основе архивных материалов создается летопись ленского землепашества.

«Да в нынешнем во 180-м году ниже Тидинского острожку по Ангаре реке посажены на льготу пашенные крестьяне на речках Яндах, а льготы дано им на три года с нынешнего со 180 году да по 183 год а со 183 году пахать им великих государей десятинныя пашня

Илюшка Парфенов сын Краснояр … [Дозорная книга Илимского уезда 1673 (181) г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 455 об.].

«На Илимской же и Верхоленской стороне по Янда речка новоприборные и присыльные пашенные крестьяне выйдут ко 185-му году изо льготы и на великого государя десятинные пашни будут пахать со 185 году … новоприборные … Илюшка Перфирев сын Краснояр [Переписная (дозорная) книга Илимского острога 1676 (184) г., л. 249].

Минуло почти два века:

«Краснояров Степан Герасимов сын (1837) – матрос 2-й статьи, уроженец Иркутской губернии, из кантонистов полубатальона военных кантонистов, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте “Байкал” принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата».

А это его родной брат:

«Краснояров Игнатий Герасимов сын (1831) — матрос 2-й статьи, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского округа Яндинской волости, поступил на службу из Иркутского полубатальона военных кантонистов морского ведомства в Иркутский внутренний гарнизонный батальон, в 1850 г. определен матросом в Камчатский флотский экипаж, в 1853–1855 гг. на боте “Кадьяк”».

Братья будут вместе со всем гарнизоном Петропавловского порта переведены в Николаевск-на-Амуре. Но Игнатий Герасимович после своей отставки местом постоянного жительства на берегу Восточного моря выбрал Петропавловский порт:

Краснояров Игнатий Герасимович (1830 – 04.08.1885), матрос 27-го флотского экипажа, участник обороны Петропавловского порта в 1854 г. Ж. 1 (с 28.01.1862) Черных Ирина Ивановна (1825), вдова матроса Осипа Черных. Ж. 2 Елена Романовна (1858), с 18.02.1891 жена Евойловского Георгия Яковлевича (1869), крестьянина с. Паратунка.

«В августе 1882 г. был составлен “Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне п. Петропавловска 24 августа 1855 года при нападении англо-французской эскадры”, в который вписаны удостоенные наград герои: баталер Николай Ипатьев; матросы Игнатий Краснояров, Василий Байков, Федор Колинда, Андрей Кодошников, Ефим Ершов; пятидесятники Алексей Карандашев, Александр Томский; казаки: урядник Василий Крупенин, Влас Ордин, Матвей Миниохин, Иннокентий Неворотов, Манаков, Иван Пшенников, Михаил Большаков, Петр Корюкин, Дмитрий Тувалин» [Горчаков А.А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.»].

У него остались дети на Камчатке:

Краснояров Дмитрий Игнатьевич (06.10.1862).

Красноярова Евдокия Игнатьевна (1883), крестьянка, с. Паратунка. М. (с 05.04.1904) Корнилов Алексей Евграфович (1871).

Но и это еще не вся история.

Мы говорили о том, что казак Михаил Афанасьевич Краснояров оставил свою фамилию крестным детям — камчадалам и корякам.

В период Русско-японской войны народное ополчение Камчатки отразило попытку японцев захватить Камчатку в качестве «военного трофея», желая прибрать к своим рукам ее рыбные богатства.

В народном ополчении были и Краснояровы:

Краснояров Егор, с. Хайрюзово, камчадал,

Краснояров Иван, с. Хайрюзово, камчадал,

Краснояров Николай Степанович, Мильково,

Краснояров Федот Ананьевич, с. Щапино — крестьяне, возможно, как и многие жители села Мильково, из числа потомков верхоленских крестьян, переселенных на Камчатку из Илимского уезда во времена правления императрицы Анны Иоанновны.

Сын Федота Ананьевича — Краснояров Иван Федотович (1921, с. Щапино, — 18.05.1945, остров Шумшу) — участник Курильской десантной операции по освобождению Курильских островов от японских милитаристов.

КРАСОВСКИЕ

Об истории появления этой фамилии на Северо-Восточных окраинах России мы знаем немного.

Первое.

«Красовский Дементий (Казимир) — «иноземец», польский шляхтич, родом из местечка Дрочина Подлеского воеводства, служил в королевском войске в полку Бидинского. В 1667 “отъехал в Москву”, получил “за выезд” жалование 5 руб. и кормовых на два месяца по 8 денег в день и английское сукно; перешел в православие с именем Дементий и был направлен в Сибирский приказ» [Дополнение к «Актам

историческим», собранным и изданным Археографической комиссией, СПб, 1875, т. 9, № 17, с. 53].

Второе.

«Приказчики, заказчики, комиссары Анадырского острога

…Красовский Василий, есаул. 1760–1767 гг.» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 215].

А вот далее родовая спираль начала постепенно раскручиваться.

В ведомости Гижигинской крепости за 1781 год, где продолжал службу сотник, казачий обер-офицер, Василий Красовский, было отмечено, что он болен [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 18].

Но вместе с отцом несут службу и его сыновья.

В 1768 году из Анадырского острога была переведена в Гижигинскую крепость значительная часть гарнизона, размещавшегося прежде на Чукотке.

Скорее всего, это было второе и третье поколение — дети и внуки Василия Красовского.

«Федор [Васильев сын] Красовский. Жена Федосья Афанасьевна. Сыновья: Андреян — 3 (1865), Аврам — 12 (1756). Дочь Матрена — 16.

Тимофей [Васильев сын] Красовский. Жена Анна Ивановна. Сыновья: Сава — 13 (1755), Мартын — 1 (1767). Дочери: Федора — 15, Параскева — 4» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Эти данные открывают нам оперативный простор для исследования. Тем более что благодаря сотрудникам Магаданского государственного архива мы имеем интереснейший материал об истории этого рода в Гижигинской крепости, Охотском порту, в Приамурье.

В 1778 году в Гижигинской крепости служили уже не двое, а трое сыновей Василия Красовского [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 71. Л. 20]. Третьего, старшего из братьев, мы вычисляем по его казачьему чину, который в условиях мирного времени передавался, как правило, по наследству, — третьим братом был Денис [Васильев сын] Красовский — казачий пятидесятник в 1781 году [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 18 об.].

И в этот же период — 1778–12791 годы — в составе Гижигинской казачьей команды казаки Андреян и Аврам Федоровы дети, Савва и Мартын Тимофеевы дети Красовские, а также Петр и Савт (Севастьян), вероятно, дети Дениса Васильевича.

В документах Магаданского архива за 1843 год есть упоминание о Савве:

Красовский Савва, унтер-офицер. Ж. вдова Матрона Борисовна (1761–1846).

И имеются подробности о его детях:

Красовский Каллистрат Саввин, казак Охотской сотни. Ж. 1 … Ж. 2 (с 13.01.1846) Парскева Егоровна, вдова умершего гижигинского мещанина Василия Горбовского;

Красовский Власий Савин сын (1794–1849), казак Гижигинской сотни. Ж. Евдокия Самсоновна.

И о внуках

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Красовский Иван Власов — 26 (1826)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Прикомандированные из Гижиги

Иван Красинский — 30; из казачьих детей, на службе и в чине с 1843 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10].

Красовский Иван Власьевич (1825–1900), казак Гижигинской сотни. Ж. 1 (23.05.1849) Огибалова Александра Николаевна (1831), дочь пятидесятника. Ж. 2 … Ж. 3 (с 10.11.1878) Нифантьева Татьяна Георгиевна (1856), вдова казака Георгия Нифантьева.

Красовский Григорий Власьевич (01.06.1843 – 1900), Гиж. казак. Ж. (с 19.04.1896). Корюкина Фекла Андреевна, вдова Корюкина.

Красовский Василий Власьевич (05.01.1845).

Также в документах за 1781 год мы встречаем имя Дмитрия Красовского:

«Ведомость школьников Гижигинской школы, 5 февраля 1781 г.

Дмитрий Красовский (13 лет) обучается нотному пению» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88].

В 1843 году он был унтер-офицером в Гижигинской крепости.

А это уже его дети:

Красовский Стефан Дмитриевич (1810–1862), Гижигинский мещанин. Ж. Иулита Андреевна.

Красовская Анна Дмитриевна (1821), дочь умершего унтер-офицера. М. (28.05.1850) Нижегородов Василий Евсевич (1820), казак Гижигинской сотни.

А это внучка Дмитрия:

Красовская Мелания Степановна (01.01.1848).

И еще несколько школьных записей:

«Ведомость школьников Гижигинской школы, 5 февраля 1781 г.

Тимофей Красовский (11) обучается “азбуке склады”» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88].

«Ведомость Гижигинской школы 1784 г.

Григорий Красовский — 8 (1776)

Прокопий Красовский — 6 (1778)» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 7].

Но без отчеств практически невозможно определить родовые связи. И концы обрываются.

В 1830 году в Якутском казачьем полку во второй сотне служит Афанасий Красовский. В тот период Гижигинская третья сотня входила в его состав, и поэтому возможны были переходы в полк.

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков. Май 1-го дня 1831 года … Красовский Константин (1793), сверх комплекта младший урядник» [НА РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.].

Его дочь: Красовская Наталья Константиновна, дочь умершего урядника. М. (с 09.15. 1849) Тюшев Иван Тимофеевич, казак Гижигинской сотни.

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков. Май 1-го дня 1831 года ...

Красовский Калистрат (1792), казак
Красовский Панфил (1794), казак
Красовский Павел (1809), казак
Красовский Николай (1813), казак» [НА РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713-714 об.].

А вот сведения из другого списка:

«Именной список
Состоящих при Охотской Казацкой чинах
с показанием лет.
Март месяц сего 1831 года

Красовский Ефим (1813), казак» [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 660 об. – 661 об.].

Позже мы узнаем из книги А.И. Петрова «Амурский щит» [стр. 93–94] о первостроителях Николаевского на Амуре военного поста, которому суждено будет впоследствии стать первой столицей вновь прибретенной Россией земли в Приамурье и Приморье.

Вот эта семья:

«Ефим Красовский 1-й (отец) — кирпичный заводчик. Жена казака Красовского 1-го Прасковья, дочь ее Елена. Иван Красовский 2-й (сын) — семнадцати лет».

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы
Петровское зимовье

Казаки

Красовский Иван» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

С ними были еще двое из охотских казаков Красовских — возможно, братья Ивана, возможно, ближняя родня: Мартын и Феодосий, которые служили в Петровском зимовье.

Впоследствии оставшиеся в живых первые казаки-дальневосточники (а их осталось немного) будут переведены в восьмую сотню Амурского казачьего полка — забайкальских первопоселенцев на Амуре, устроивших свою станицу вблизи Мариинского поста.

Говоря о школьниках, мы пропустили одну из фигур, которая, вероятно, имеет для родовой истории Красовских большое значение:

«Ведомость
школьников Гижигинской школы,
5 февраля 1781 г.

Иван Красовский (8) обучается часослову»

А это уже его сын:

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков. Май 1-го дня 1831 года

...Красовский Денис (1809), казак [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.].

Красовский Дионисий Иванович, писарь Гижигинской сотни, урядник. Ж. Варвара Григорьевна (в 1856 г. вдова).

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Урядники

Красовский Денис Иванов — 43 (1809)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44].

Это дочь: Красовская Марфа Ивановна, дочь ум. казака. М. (с 06.02.1849) Долгих Кирилл Иванович, пятидесятник Гижигинской казачьей сотни.

А это дети Дионисия (Дениса) Ивановича:

«Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год. Вдовы ... Варвара Красовская — 39; Дети ... Феодосий — 14 (1842), Николай — 3 (1853), Евдокия — 12 (1844)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

Были еще двое, почему-то не внесенные в этот список: Красовский Василий Дионисьевич (23.12.1844), Красовский Иоаннн Дионисьевич (23.02.1846).

А вот и подробности:

Красовская Евдокия Дионисьевна (20.10.1843). М. (28.10.1862) Брагин Андриян Александрович (1832), гижигинский мещанин.

Красовский Николай Денисович (1853), Гижигинский казак. Ж. (с 22.101878) Беломоина Анна Семеновна (1845), дочь ум. Гижигинского мещанина.

| *Дети Ивана Денисовича:*

Красовский Власий Иванович (10.04.1887), казачий кантонист. Ж. (с 30.01.1908) Подымахина Мария Николаевна (1889), дочь мещанина.

Красовская Евдокия Ивановна, дочь казака. М. (с 08.01.1907) Падерин Иван Андреевич, гижигинский кантонист.

Красовский Георгий Иванович (06.06.1894)

Красовский Дионисий Иванович (13.01.1889). Ж. Анна Александровна (19.07.1888), вдова Н. Нифантьева.

| *Дети Феодосия Денисовича:*

Красовский Андрей Федосеевич (30.11.1876), в 1924 г. с. Крестовая. Ж. Дарья Ивановна (1878);

Красовская Евдокия Федосьевна (1889), дочь отставного казака. М (с 04.05.1903) Горбовский Иван Николаевич (11.02.1857), гижигинский мещанин, в 1924 г. проживал в с. Левчик;

Красовский Иван Федосьевич (30.11.1890), в 1924 г. проживала в с. Левчик. Ж. Евдокия Ильинична (1897);

Красовская Анна Федосеевна (1891), в 1924 г. проживала в с. Левчик.

| *Дети Николая Денисовича:*

Красовская Матрона Николаевна, дочь умершего казака. М. (с 07.01.1908) Какаулин Иов Владимирович (1879), гижигинский казак.

Следуюшее колено.

| *Дети Власия Ивановича:*

Красовская Феодора Власьевна (31.10.1908);
Красовская Пелагея Власьевна (26.06.1913);
Красовский Самуил Власьевич (17.08.1915);
Красовская Агапия Власьевна (22.02.1921);
Красовский Николай Власьевич (12.09.1923).

Дети Андрея Федосеевича:

Красовский Алексей Андреевич (04.02.1903), в 1943 г. проживал в с. Арестово. Ж. 1 Варвара (1912). Ж. 2 Падерина (в замужестве) Анастасия Федоровна (1902), вдова Дея Падерина.

Дети Николая Федосеевича:
Красовский Федот Николаевич (1910).
Дети Ивана Федосеевича:
Красовская Варвара Ивановна (02.06. 1918);
Красовский Феофан Иванович (12.03. 1920).
И поколение XX века:
Дети Алексея Андреевича:
Красовская Софья Алексеевна (1929);
Красовский Иван Алексеевич (1932);
Красовская Тамара Алексеевна (1939).
Дети Федота Николаевича:
Красовская Зинаида Федотовна (1934);
Красовская Ольга Федотовна (1939);
Красовская Валентина Федотовна (1945);
Красовский Николай Федотович (1948).
Список, разумеется, не полный.

И, к сожалению, приходится его пополнять из книги «Жертв политического террора в СССР»:

Красовский Денис Васильевич

(сын Василия Денисовича). Родился в 1885 г., Дальне-Восточный кр.; русский; Проживал: Дальне-Восточный кр. Арестован в 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Дальстрою 21 апреля 1938 г., обв.: 58. Расстрелян 8 июня 1938 г. Реабилитирован 12 сентября 1989 г. [Источник: Книга памяти Магаданской обл.].

Красовский Федор Федосеевич

(сын Феодосия — Федоса Денисовича). Родился в 1887 г., Камчатка; камчадал; Арестован в 1935 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Дальстрою 21 апреля 1938 г., обв.: 58. Расстрелян 8 июня 1938 г. Реабилитирован 11 мая 1989 г. [Источник: Книга памяти Магаданской обл.].

КРИВЕНЦОВЫ

Известно мало.

Можем только констатировать два факта:

Якутск, 1706 год:

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Кривенцов Федор (11)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Перепись за период 1722/1748 годы:

«В Анадырском остроге

Разночинцы

Федор Кривенцов у него дворовые новокрещеные Яков Урванов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 78 об. – 79].

Больше нам пока ничего неизвестно.

КРИВОНОСОВЫ

Распутывать родовые «узлы», связывающие целые поколения людей, — занятие *преинтереснейшее*. Порой, как вот сегодня, вскрываются целые пласты отечественной истории, к которой наши современники — прямые потомки участников давних событий — имеют самое непосредственное отношение — являясь носителями исторического наследия…

Имя пятидесятника Михаила Кривоносова мелькнуло в нашей дальневосточной истории дважды.

Первый раз – его имя прозвучало в наказе:

«1714 г. июля 3. —
Наказная память якутского воеводы полковника Я.А. Ельчина служилому человеку К. Соколову, кормщику Я.В. Невейцыну, пятидесятнику М. Кривоносову о поиске морского пути на Камчатку и описании открытых земель

Лета 1714, июля в 3 день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца и по приказу полковника и воеводы Якова Агеевича Ельчина да дьяка Ивана Татаринова память Якуцкаго города служилому Козьме Соколову, да мореходцем, кормщику Якову Невейцыну, да служилым Михаилу Кривоносову с товарищи.

Итти им из Якуцка в судах реками: Леною, Алданом, Маею, Юдомою до Креста, а от Креста чрез волок до реки Урака и тою рекою Ураком до Охоцкого острогу и до Ламского моря днем и ночьми, везде не мешкая ни малого времени, чтоб до Охоцкого острогу дойтить нынешним летним путем. Для того в прошлом 713 году июля в 26 день в указе великого государя за рукою Сибири губернатора князя Матвея Петровича Гагарина в Якуцкой в приказную полату написано: по его, великого государя, имянному указу велено послать из Якуцка на Камчатку сына боярского да с ним служилых 12 человек, прося от господа бога помощи, для проведывания чрез Ламское море камчацкого пути. И по тому великого государя имянному указу послан в тое службу их, детей боярских, Иван Сорокоумов с товарищи. А в нынешнем 714 году маия в 23 день в указе великого государя за рукою губернатора князя Матвея Петровича Гагарина в Якуцкой написано: посланы из Тобольска в Якуцкой мореходцы и плотники для строения морских судов – Яков Невейцын с товарищи 7 человек – для проведывания прямого ходу чрез Ламское ж море на Камчатской Нос и, построя суды к морскому ходу, также с Камчатки чрез Ламское море тем же путем велено итти в Охоцкой острог.

И по тем вышеписанным великого государя указом ему, Козьме Соколову, с мореходцы и с плотники, и с служилыми людьми, которые написаны под сим наказом, итти из Якуцка вышеписанными реками до Ламского моря днем и ночьми, у Ламского моря, усмотря к морскому ходу для строения лесных угоден, построить теми присланными плотники морские суда и, прося от господа бога помощи, с теми мореходцы и с плотники, и с служилыми людьми итти чрез Ламское море на Камчатской Нос без всякого одержания. И естли содетель Христос бог наш помилует и перейдете на Камчатку, то, не медля многово времени, взяв на Камчатке ведение от государевых людей, из камчатских острогов итти тем же путем на Ламу и в Якуцкой. И естли по милости божией возвратятся в целости, то зело по его, великого государя, милостивому обещанию пожалованы все будете великою его царского

величества милостию и переменены чинами, и повышены многим числом, окладами и дачею в приказ его, великого государя, жалованья, и богатством будете уснабждены. Буде же по воли Христа бога нашего в той посылке и кончину животу своему примете, надеяние на него, содетеля всех Христа бога нашего, что он, содетель наш, даст вам во оном веце живот вечный; предела сего смертнаго никая плоть минути не может, и о сих посланных всегда просити будет церковь божия, чтоб, прося себе от Христа помощи, шли в тот путь по повелению его царского величества без всякого сомнения, а надежду б имели, что он, всего содетель, не оставит вас своего ради имени. А оставшие жены и дети не будут оставлены, по указу его царского величества уснабжены будут.

И по его, великого государя, указу велено дать вам в Якуцком для того морского ходу и по росписи мореходцев: Якова Невейцына с товарыщи, всякие судовые морского ходу припасы, и порох, и свинец. А какие припасы и много ли пороху и свинцу, о том написано в росписи, ниже сего. А те припасы и порох, и свинец велено до Охоцкого острогу везти того Охоцкого острогу прикащику с служилыми людьми, чтоб отнюдь нигде никакой остановки не учинить, и итти в тот камчатской путь чрез Ламское море без всякого сомнения. А буде вы в том пути учнете нерадение и мешкоту чинить для каких своих прихотей или, не хотя великому государю служить, в тот путь вскоре не пойдете, или, не быв на Камчатке и не взяв на Камчатке от государевых людей ведения, возвратитесь, и за то вам по указу великого государя быть в смертной казни без всякого милосердия и пощады, потому что сия посылка и служба вам учинена по его царского величества имянному указу и денежное, и хлебное, и соляное жалованье дано вам полное. А буде Иван Сорокоумов чрез Ламское море с служилыми людьми не пошел, и вам посланных с ним служилых людей и всякую казну и припасы у него, Ивана, принять, а ему, Ивану, с той службы отказать, и взяв тех служилых с посланными с нынешними служилыми и с мореходцы, и с плотники, в тот назначенной камчатской путь чрез Ламское море иттить всем без всякого медления. К сей памяти великого государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца, печать.

Да тебе же, Козьме, с товарыщи, как вы пойдете от Охоцкого морем на Камчатской Нос, много ли дней или недель до того Камчацкого Носу пойдете и в том морском пути буде явятца какие жилые острова: те люди какой веры, и под чьим владением, и какую битву и богатство имеют, также буде явятца пустые острова, много ли по смете мерою и какой зверь описывать имянно и чинить чертеж всему. А по возвращении с той Камчацкой земли итти в Якуцкой и те описные росписи и чертеж подать в приказной полате.

Роспись мореходцах, и плотником, и служилым людем.

Матрос Андрей Яковлев сын Буш, Яков Невейцын, Никита Тряска.

Плотники: Кирило Плоских, Варфоломей Федоров.

На Ламе построя морския суды, плотников Ивана Каргапола, Михайла Кармакулова отпустить в Якуцкой.

Служилые люди: пятидесятник Михайло Кривоносов (за сим имена 12 человек).

Роспись морского ходу судовым припасом: якорь железной весом 5 пуд, якорь железной весом 4 пуда, якорь железной весом 3½ пуда; 600 аршин на парус холста тонкого; 4 спуска снастей мерою по 110 сажен, спуск 90 сажен, весом всего 20 пудов 20 фунтов; 5 спусков тонких веревок мерою 110 сажен, весом 16 пуд 10 фунтов; 2 спуска по 110 сажен, весом 4 пуда, на фонари и на компасы 15 фунтов слюды; 4 человеком дано 4 пищали, по 1½ рубля пищаль; пороху 1 пуд 20 фунтов; свинцу 3 пуда 2 фунта; 8 напарей больших и средних, 9 топоров, 4 долота, 2 пазника, 3 теслы, 5 скобелей, 20 сверл, 4 кляпика, 3 пилы круглые, 28 ведр смолы» [Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб., 1885, кн. 2, с. 37–40].

А второй раз имя Кривоносова упоминается в книге П.Л. Казаряна «Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник» [Якутск, 2020, с. 190, 191]:

«Приказчики и комиссары Охотского острога

Кривоносов Михаил, пятидесятник, август 1715 – июль 1717».

В нашей базе данных мы нашли только несколько географических точек с упоминанием фамилии казаков Кривоносовых.

Первые Кривоносовы появляются в городе-крепости Таре:

«Мишка Кривоносов верстан он в пешие казаки в прошлом во 185-м [1677] году при писмянным голове при Федоре Кохе. Оклад ему Великих государей денежного жалованья 4 рубли с четью хлеба 3 чети с четвериком и полпол четверика ржи 2 чети с полу осминой и полпол четверика и малой четверик овса 2 пуда соли. А служеб ево в те годы посылан был в степь и вывез де калмыка и той калмык платит Великих государей ясак. Да он же посылан был по государеву соляную казну к Ямыш озеру. Да он же посылан был четырежды для оберегаънья ясашных людей от калмыцких воинских людей. Да он же посылан был четырежды на Верхотурья по хлебные запасы. А от рождения ему сорок лет. А детей у него сын Ивашко 12 лет сын Мишка 10 лет Ондрюшка 4 годов Васка дву годов» [Крих А.А. Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX века), Омск, 2016].

А вот далее хронология расходится.

В 1686 году в составе войск, которые пришли в Даурию вместе с Федором Головиным (внуком якутского воеводы Петра Петровича Головина), было двое Кривоносовых. К сожалению, откуда они прибыли, указания нет, но по косвенным признакам — оба они из Тобольска.

Вот как отмечает их Е.А. Багрин в статье «Сибирские “выборные” служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком)»:

«Служилые без разделения на категории. Несли конную службу в Нерчинске (65 чел. из них отмечены в Удинске, т. е. дважды записаны). Полк П. Грабова (100 чел.)

Кривоносов Афонка.

Вероятно, его родственник Кривоносов Андрюшка 30 марта 1687 г. был отправлен с отпиской в Москву (РКО. 1972. С. 134)».

Андрюшку мы позже находим в тобольских именных казачьих списках:

«Тобольск, 1704 год.

Конные казаки

По 6 рублев с полтиною

Андрей Семенов Кривоносов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Л. 218].

В 1710 году его уже не было в живых:

«Двор купленой конного казака Андреевские жены Кривоносова вдовы Марьи Васильевы дочери сказала себе 47 у ней сын Яков 10 дочь девка Палагея 23 лет у ней живет зять ея конной казак Афонасей Фунтасов 27 лет а ныне он на службе в слободах у него жена Марья Андреева дочь 19 дочь девка Марфа 2 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 180 об.].

Но это был не единственный из Кривоносовых на казачьей службе в Тобольске:

Тобольск, 1689 год

Литовского списку казаки

Ивашко Кривоносов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948. Л. 190].

Тобольск, 1696 год:

«В 204 г., по указу вел. госуд. и по приказу ближнего стольника и воевод Ондрея Федоровича Нарышкина со товарищи, велено быть в новокрещеном списке в казаках … казачью сыну Васке Кривоносову, а оклад ему учинен новокрещеного списку казака Васки Степанова 6 руб.» [Тобольск, Материалы для истории города XVII и XVIII столетий].

Новокрещеного списка казаки: «Васка Степановъ и въ 204 г. велѣно въ его мѣстѣ быть казачью сыну Тимошкѣ Кривоносову, а онъ Васка умре» [Тобольск, Материалы для истории города XVII и XVIII столетий].

То есть два брата Кривоносова были верстаны на одно казачье место.

Судя по тому, что они верстаны в элитные новокрещеные казаки, — это дети Ивана Кривоносова.

Значит, в Тобольске сохранялись две линии (возможно, родственные) казаков Кривоносовых.

Какова же история Афанасия Кривоносова, который, как выясняется, остался на службе в Даурии?

Нерчинск, 1694 год.

«Рядовые казаки

Ивашко Серебреник в 201-м [1693] году служит по Удинску а в ево окладе служит в Нерчинску Афонка Кривоносов февраля с последних чисел» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 100 об.].

«Афонка Кривоносов служит с пашни» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 459].

И последнее упоминание в 1708 году:

«Рядовые

Афонасей Кривоносов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424].

Но у него остались дети. И что интересно — будучи в весьма взрослом уже возрасте, они оставались казачьими детьми, то есть не были верстаны в казаки.

Нерчинск, 1721 год.

«Казачей сын Сава Кривоносов — 29 (1692), у него братья: Михайло — 26 (1695); Герасим — 20 (1701); Иван — 18 (1703); Степан — 15 (1706); Пахом — 13 (1708); Анисим — 11 (1710); Яков — 8 (1713), да племянник ево Иван — 5 (1716)» (то есть у Саввы был еще один брат — вероятно, самый старший, уже женатый, находящийся либо где-то на службе — верстанный казак, либо умерший — возможно, это тот самый Михаил Кривоносов, о котором шла речь выше и который находился на службе в Якутии. В православных семьях, как известно, могло быть два-три Ивана, Василия или Михаила. — *С.В.*).

Возможен такой вариант? Вполне!

Нерчинск, 1744 год:

«Деревни Шаранай [Городищенской слободы]
перешедшеи из Удинскои слободы
из разночинцов
померло
Сава Кривоносов
взят на Камчатку
Иван Кривоносов
деревни Кулаковой [Городищенской слободы]
разночинцов померло
перешедшие из Ундинской слободы
Анисим Кривоносов
взят на Камчатку ис перешедшие
Пахом Кривоносов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1917].

В начале 1800-х годов в Городищенской слободе отмечены крестьяне Дмитрий и Павел Кривоносовы.

1808 год:

«Апрель … 4-го/4-го …У кре[стьянина] Павла Кривоносова сын Никита»

1809 год:

«Июнь … 1-го/2-го …У кре[стьянина] Павла Кривоносова сын Устин» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 78. Л. 56, 72].

«Городищенская слобода, 1823 год:
[в деревне] Митрофановской
Павел Дмитриев Кривоносов».

Нерчинск, 1854, Городищенская волость, Урульгинская Николаевская церковь.

И снова казаки. Обратим внимание на название станицы:

«Часть первая о родившихся
Март
| 14 | 19 | — Дарья — Станицы Кулаковой Забайкальский казак Михаил Филиппов Кривоносов и законная жена его Афанасия Алексеева, оба православного вероисповедания.
Восприемники: станиц Кулаковой Забайкальский казак Семен Кривоносов и Забайкальскаго казака Николая Красноярова дочь девица Анна.

Октябрь
| 15 | 17 | — Логин — Станицы Кулаковой казак Димитрий Родионов Кривоносов и законная

жена его Стефанида, оба православного вероисповедания.
Восприемники: той же станицы казак Иван Кривоносов, казака Димитрия Кривоносова дочь девица Анна.

Часть вторая о бракосочетавшихся

Июнь

| 2 | Станицы Кулаковой казак Кирилло Кривоносов первым браком, православного вероисповедания, 31 года (1822(3)) Станицы Андроникиовой умершаго казака Стефана Филиппова жена Екатерина, вторым браком, православного вероисповедания, 33 лет (1820(1)). Поручители: По жениху — станицы Кулаковой казак Иван Кривоносов и … По невесте — Иван и Феодор Кривоносовы.

Ноябрь

| 8 | Станицы Кулаковой казак Павел Каширин первым браком, православного вероисповедания, 24 лет (1829(30)) Станицы Мирсановой умершаго казака Михаила Мирсанова дочь девица Мария, православного вероисповедания, 21 года (1832(3))
Поручители: станицы Кулаковой казак Иван Кривоносов, Естигней Кривоносов (запомним это имя. — *С.В.*), Родион и Даниил Сенотрусовы» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1433].
Городищенская волость, 1860:
Деревни Лапшиковой казаков

84 | 281 | - | Дмитрий Емельянов Кривоносов 75 л. (1785)
- | 282 | - | Дети его: Алексей 50 л.
- | 283 | - | Филимон 35 л.
- | - | 228 | Невеска их Ксения 51 г.
- | 284 | - | Сын ея: Прохор 31 г.
- | - | 229 | Жена его Вера 28 л.
- | 285 | - | Сын Иаков 9 л.
- | - | 230 | Алексеева жена Марина 43 л.
- | 286 | - | Сын их: Иосиф 17 л.
- | - | 231 | Дочь Палагея 18 л.
- | - | 232 | Филимонова жена Палагея 35 л.
- | 287 | - | Дети их: Симеон 16 л.
- | 288 | - | Ларион 13 л.
- | - | 233 | Дочь Ксения 8 л.
85 | 289 | - | Петр Родионов Кривоносов 44 л.
- | - | 234 | Жена его Ефимия 40 л.
- | 290 | - | Дети: Митрофан 20 л.
- | 291 | - | Зиновий 3 л.
- | - | 235 | Соломония 15 л.
- | - | 236 | Евдокия 11 л.
- | 292 | - | Брат его Дмитрий Родионов 42 л.
- | - | 237 | Жена его Стефанида 40 л.
- | 293 | - | Дети их: Дмитрий 20 л.
- | - | 238 | Наталья 15 л.
- | - | 239 | Марья 12 л.
- | - | 240 | Анна 14 л.
- | - | 241 | Мать их Матрена 69 л.
86 | - | 242 | Вдова Дарья Никитина Кривоносова 74 л.
- | 294 | - | Дети ея: Симеон 56 л.
- | - | 243 | Жена его Евгения 47 л.
- | 295 | - | Воспитанник их Иоанн 23 л
- | - | 244 | Жена его Матрена 23 л.
87 | 296 | - | Василий Матвеев Кривоносов 50 л. (1810)
- | 297 | - | Братья его: Иоанн 42 л.
- | 298 | - | Иов 39 л.
- | - | 245 | Жена его (Иова) Елена 35 л.
- | - | 246 | Васильева жена Параскева 40 л.
- | - | 247 | Дочь их Мавра 13 л.
- | - | 248 | Иоаннова жена Агапия 41 г.
- | 299 | - | Дети: Василий 18 л.
- | 300 | - | Иоанн 13 л.
- | 301 | - | Христофор 12 л.
88 | 302 | - | Иоанн Титов Кривоносов 72 л (1788)
- | - | 249 | Жена его Агапия 63 л.
89 | 303 | - | Симеон Дмитр. Кривоносов 41 г.
- | - | 250 | Жена его Анна Иванова 37 л.
- | 304 | - | Дети: Порфирий 11 л.
- | 305 | - | Евсевий 4 л.
- | - | 251 | Дочь Палагея 14 л.
90 | 306 | - | Михаил Филиппов Кривоносов 56 л. (1804)
- | - | 252 | Жена его Афанасия Алексеева 47 л.
- | 307 | - | Дети: Андреян 19 л.?
- | 308 | - | Феодор 11 л.
- | 309 | - | Стефан 8 л.
- | 310 | - | Яков 4 л.
- | - | 253 | Мария 15 л.
- | - | 254 | Анна 14 л.
- | - | 255 | Афанасия 12 л.
- | 311 | - | Брат его Иоанн 46 л.
- | 312 | - | Сын его Антоний 9 л.
92 | 316 | - | Леонтий Дмитриев Кривоносов 52 л.
- | - | 257 | Жена его Алимпиада 43 л.
- | 317 | - | Дети их: Петр 21 г.
- | 318 | - | Кузьма 16 л.
- | 319 | - | Василий 12 л.
- | - | 258 | Агапия 6л.

[ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1829. Л. 7–7 об.].

А далее фамильные следы ведут в Приамурье и Приморье:

«Старший урядник Амурского войска Кривоносов в 1887 г. арендовал на Амуре рыбалку и занимался продажей рыбы» [Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв. К 120-летию Уссурийского казачьего войска, выпуск 2, Хабаровск, 2009].

В 1895 году в станице Козловской Уссурийского казачьего войска служил грамотный казак Естигней Кривоносов (не из станицы ли Кулаковской Забайкальского казачьего войска?) [РГВИА, Ф. 5294, Уссурийский казачий дивизион. оп. 1, д. 81].

Но и нерчинские Кривоносовы не выпадали из героической казачьей летописи: за события в Китае в 1900 году Георгиевскими крестами были отмечены казаки 1-го Нерчинского полка, в том числе и трубач Иннокентий Кривоносов.

КРУПЕНИНЫ

Иногда приходится не один год ломать голову, разбирая по ниточкам генеалогические узлы, чтобы вытянуть нужную нить и завязать ее с остальными, уже выуженными из сплошного исторического клубка, из которого торчат только кончики имен, да и то не все, чтобы затем заплести каждую в ее родовую ячейку и вывести на просторы родовой истории, где каждый является героем — участником тех или

иных событий, которые через них связывают нас, современников, не только с родовой памятью, но и со всей отечественной историей.

Вот так произошло (да почему произошло — происходит и по сей день!) у меня с Крупениными.

Во-первых, создалось ложное представление о том, что они переселились на Камчатку из Гижиги, проживая в селе Сероглазка, которое специально было отстроено по приказу губернатора Камчатской области генерала В.С. Завойко для гижигинских переселенцев.

Исследуя материалы архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Магадана, я не нашел никакого следа, указывающего на присутствие Крупениных в Гижигинской крепости и Гижигинской казачьей сотне.

Но я не обнаружил этого следа… нигде(!).

Кроме разве что одного — слабого-преслабого:

«Служилые татары оказывали активное противодействие насильственному крещению. В 1724 г. Ф. Лещинский писал в Синод о том, что татары "подъезжают к новокрещенным и, смущая, велят именем своего начальника Сабанака церкви жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побросать". Другой ревностный православный креститель — митрополит Сильвестр Гловацкий, сообщал в Синод о том, что, когда в 1753 г. дворовая девка татарина Мусы Маметнарова захотела креститься вместе с малолетним сыном, Муса Маметнаров, узнав об этом, для отвращения от крещения чинил "бесчеловечные мучения и побои жжением огнем".

Такие же побои, по словам митрополита, "учинил" другой татарин Медянских юрт — Кутумов за попытку "вернуться в христианство Григорию Елбаеву". В.П. Клюева приводит сведения о том, что сохранились челобитные на имя митрополита Павла от новокрещенных Павла Крупенина "с товарищи" (16 человек), перешедших в православие в 1755 г., с жалобой на татарского голову Сабанакова и бухарского старшину Алимова "…Восприяли мы, нижайшие, православную христианскую веру. А понеже на нас по восприятии святого крещения по происку и домогательству татарского головы Азбакея Сабанакова и бухарского старшины Муллы Алимова положен неумеренной ясак. А именно по 2 рубля в год. Которой они с нас спрашивают с немалою строгостию, …угрожают держать под караулом…". В этой же челобитной говорится: "При чем они, Сабанаков и Алимов, произносят и такие еще к поруганию христианской веры речи, что де хотя мы и крестились, а ис-под их власти не вышли, и что де хотят, то с нами новокрещеными, они и делают, и впредь делать будут".

Сабанаков — это голова служилых и ясачных татар города Тобольска мурза Сабанака Авазбакеевич Кульмаметьев (первый) — представитель известного татарского рода, ведущего начало от беклярибека Сибирского ханства князя Бегиша».

Семейная легенда гласит, что патриарх рода Крупениных прибыл из Иркутска.

Вполне возможно — но подтвердить этого мы не можем.

Мы попытались найти хоть какой-то сибирский след Крупениных среди жертв политического террора в СССР, который миновал редкую семью…

Но сначала обратили внимание на этимологию:

Крупенин — новгородское (крупеня-кашица). Крупеня и крупеник — крупяное кушанье; крупенник — человек, занимающийся приготовлением круп.

И, вы знаете, ареал рождения и проживания Крупениных, ставших жертвами политических репрессий, как раз и концентрируется (исключая наших пятерых камчатцев) вокруг Великого Новгорода — на новгородской, псковской, ленинградской, смоленской, белорусской землях:

Крупенин Александр Андреевич

Родился в 1883 г., д. Громково [Старорусский уезд, Жгловская волость Новгородской губернии]; русский; б/п; колхозник. Проживал: Новгородская обл., Старорусский р-н, д. Громково. Арестован 19 ноября 1937 г. Приговор: 10 лет лагерей [Источник: Книга памяти Новгородской обл.].

Крупенин Александр Сергеевич

Родился в 1908 г., Московская обл., Химкинский р-н, Крюково; красноармеец, пересыльный пункт Северо-Западного фронта. Проживал: по месту дислокации [Источник: Книга памяти Московской обл.].

Крупенин Алексей Иванович

Родился в 1915 г., Ленинградская обл., д. Запоны; русский; Проживал: г. Ленинград. Арестован 20 января 1937 г. Приговорен: В/т 19-го стрелкового корпуса 16 апреля 1937 г., обв.: ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР. Приговор: 4 г. л/св. Воркута. Осв. 20.01.1941 [Источник: Книга памяти Республики Коми].

Крупенин Алексей Иванович

Родился в 1915 г., Псковская обл., Дедовичский р-н, д. Заполье; русский; военнослужащий. Арестован 31 января 1937 г. Приговорен: Военный трибунал 19 стр. корпуса 16 апреля 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 4. года л/с. Реабилитирован 29 мая 1979 г. [Источник: Книга памяти Псковской обл.].

Крупенин Алексей Федорович

Родился в 1901 г., Псковская обл., Славковский р-н, д. Моньшино; Проживал: Псковская обл., Славковский р-н, д. Моньшино. Приговорен: Славковский РИК в 1930 г., обв.: пост. СНК и ЦИК от 01.02.1930 г. Приговор: выселение — Мурманская обл., Кандалакшский р-н. [Источник: УВД Мурманской обл.].

Крупенин Алексей Яковлевич

Родился в 1907 г., Калужская обл., Спас-Деменский р-н, д. Ст. Стребки; б/п; колхозник. Проживал: Калужская обл., Думиничский р-н, д. Гульцово. Приговорен: начальник Особого отдела НКВД 10 армии 20 января 1942 г., обв.: по ст. 58 УК РСФСР как изменник Родины. Приговор: ВМН. Расстрелян 20 января 1942 г. [Источник: Книга памяти Калужской обл.].

Крупенин Давид Шоломович

Родился в 1885 г., г. Витебск; еврей; образование н/начальное; портной, Витебский щетокомбинат. Проживал: Витебская обл., Витебский р-н, Витебск, ул. 1-я Гуторовская, д. 18. Арестован 20 ноября 1937 г. Приговорен: тройка 28 ноября 1937 г., обв.: 70, 72, 76 УК БССР — Деятельность в составе к/р эсеровско-бундовской орг-ции. Приговор: 10 лет ИТЛ, отбыв.: Севвостлаг, умер 02.07.1939, в ИТЛ. Реабилитирован 15 сентября 1956 г. Президиум Витебского областного суда [Источник: Белорусский «Мемориал»].

Крупенин Залман Шаевич

Родился в 1886 г., г. Витебск; еврей; образование н/начальное; преподаватель пения, Средняя школа, г. Витебск. Проживал: Витебская обл., Витебский р-н, Витебск, ул. Медведевская, д. 6. Арестован 20 ноября 1937 г. Приговорен: тройка 28 ноября 1937 г., обв.: 70, 72, 76 УК БССР — Деятельность в составе к/р эсеровско-бундовской орг-ции. Приговор: ВМН, конфискация имущества. Расстрелян 16 января 1938 г. Место захоронения — Витебск. Реабилитирован 15 сентября 1956 г. Президиум Витебского областного суда. [Источник: Белорусский «Мемориал»].

Крупенин Иван Григорьевич

Родился в 1891 г., уроженец д. Крутое Гдовского р-на [Ленинградской области]; русский; кладовщик. Арестован 22 декабря 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД Ленинградской обл. 30 декабря 1937 г., обв.: ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: на 10 лет л/с. Реабилитирован 23 мая 1963 г. [Источник: Книга памяти Псковской обл.].

Крупенин Иван Дмитриевич

Проживал: Починковский р-н, с.Наруксово [Нижегородской области]. Приговорен: в 1930 г. Приговор: раскулачивание. [Источник: УВД Нижегородской обл.].

Крупенин Иван Никифорович.

Родился в 1896 г., Курская обл., Малоархангельский р-н, с. Языково; русский; сотрудник УНКВД по Хабаровскому краю. Проживал: г. Хабаровск ДВК. Арестован 15 ноября 1937 г. Приговорен: Военный трибунал Краснознаменной пограничной и внутрен. охраны ДВК 4 декабря 1938 г., обв.: ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 5 лет л/с. Реабилитирован 11 марта 1963 г. по определению Военного Трибунала ДВО за отсутствием состава преступления. [Источник: Книга памяти Хабаровского края].

Крупенин Иван Павлович

Родился в 1877 г., Смоленская обл., Монастырщинский р-н, дер. Дуравки; русские; б/п; крестьянин-единоличник. Арестован 19 декабря 1937 г. Монастырщинским РО УНКВД. Приговорен: тройка УНКВД Смоленской обл. 25 декабря 1937 г. Приговор: расстрел. Расстрелян 14 января 1938 г. Реабилитирован 29 декабря 1960 г. Смоленским областным судом. [Источник: Книга памяти Смоленской обл.].

Крупенин Кирилл Максимович.

Родился в 1907 г., Псковская обл., Идрицкий р-н, д. Костелищи; русский; колхозник. Арестован 9 августа 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Калининской обл. 28 сентября 1937 г., обв.: б/ст. Приговор: 5 лет л/с Реабилитирован 8 февраля 1996 г. [Источник: Книга памяти Псковской обл.].

Крупенин Константин Иванович

Родился в 1867 г., Виленская губ.; русский; крестьянин. Проживал: Солонешенский р-н, д. Каракол. Арестован 30 сентября 1929 г. Приговорен: особая тройка при ПП ОГПУ по Сибкраю 24 октября 1929 г., обв.: 58-11. Приговор: ВМН. Расстрелян 27 октября 1929 г. Место захоронения — Бийск. Реабилитирован в мае 1989 г. прокуратурой Алтайского края [Источник: Книга памяти Алтайского края].

Крупенин Леон Мартынович

Родился в 1875 г., с. Марьевка [село в Пестравском районе Самарской области]; русский; б/п. Арестован 26 ноября 1930 г. Приговорен: ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю 2 июня 1931 г., обв.: по ст. 58-10 и 58-11. Приговор: из-под стражи освобожден. Реабилитирован Законом от 18 октября 1991. [Источник: Книга памяти Самарской обл.].

Крупенин Логин Финогенович

Родился в 1895 г., уроженец д. Лубьево Себежского р-на [Псковской области]; рабочий. Арестован 15 февраля 1938 г. Приговорен: органами НКВД 21 декабря 1938 г., обв.: ст. 58-6-10 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено. Реабилитирован. [Источник: Книга памяти Псковской обл.].

Крупенин Логин Финогенович

Родился в 1895 г., Псковская обл., Себежский р-н, д. Лубьево; русский; малограмотный; крестьянин. Арестован 20 февраля 1930 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ в ЛВО 29 марта 1930 г., обв.: б/ст. Приговор: 5 лет л/с. Реабилитирован 16 января 1989 г. [Источник: Книга памяти Псковской обл.].

Крупенин Лука Маркович

Родился в 1909 г., г. Вильно, Польша; белорус; образование начальное; шофер, завод №4. Проживал: Могилевская обл., Бобруйск. Арестован 1 ноября 1937 г. Приговорен: ВКВС СССР 19 декабря 1937 г., обв.: 70, 76 — Состоял в а/с троцкистской террористической организации. Приговор: ВМН, конфискация имущества. Расстрелян 20 декабря 1937 г. Реабилитирован 22 мая 1958 г. опред. ВК Верховного суда СССР [Источник: Белорусский «Мемориал»].

Крупенин Максим Илларионович

Родился в 1918 г., Смоленская обл., Монастырщинский р-н, дер. Хотята; русские; б/п; 72 отд. радиобатальон ВНОС, красноармеец. Арестован 11 июля 1943 г. ОО НКВД Ленинградской армии ПВО. Приговорен: Военный трибунал Ленинградской армии ПВО 1 августа 1943 г., обв.: 58-10 ч.2 УК. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 31 июля 1964 г. Военный трибунал Ленинградского ВО, коллегия НКВД и прокурор [Источник: Книга памяти Смоленской обл.].

Крупенин Михаил Андреевич

Родился в 1874 г., уроженец д. Меньшино Славковского р-на; русский; крестьянин. Арестован 19 октября 1929 г. Приговорен: коллеги-

ей ОГПУ СССР 3 февраля 1930 г., обв.: ст.58-11 УК РСФСР. Приговор: на 5 лет л/с. Реабилитирован 15 января 1998 г. [Источник: Книга памяти Псковской обл.].

Крупенин Никифор Егорович

Родился в 1874 г., Московская обл., Клинский р-н, Селенское; крестьянин. Проживал: Московская обл., Клинский р-н, Селенское. [Источник: Книга памяти Московской обл.].

Крупенин Николай Егорович

Родился в 1874 г., д. Селинское Московской обл.; Проживал: д. Селинское. Арестован 20 октября 1920 г. МЧК. Приговорен: следственного отдела МЧК 8 ноября 1920 г., обв.: по политическим мотивам. Приговор: освобожден в связи с 3-ей Годовщиной Октябрьской революции. Реабилитирован в сентябре 2004 г. Прокуратура г. Москвы. [Источник: Прокуратура г. Москвы].

Крупенин Павел Иосифович.

Родился в 1914 г., д. Сучная Тверской губ.; русский; Работал в райзо, старший ветеринарный врач. Проживал: с. Акша Акшинского р-на Читинской обл. Арестован 8 июля 1938 г. Приговорен: военным трибуналом ж. д. им. Молотова 10 сентября 1939 г., обв.: по ст. 58-1а, 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: оправдан. Реабилитирован: сведений о реаб. не имеется [Источник: Книга памяти Читинской обл.].

Крупенин Семен Алексеевич

Родился в 1874 г., Московская обл., Уваровский р-н, д. Свенцево; крестьянин. Проживал: Московская обл., Уваровский р-н, д. Свенцево [Источник: Книга памяти Московской обл.].

Крупенин Семен Мартынович

Родился в 1872 г., с. Марьевка (Самарской области); русский; б/п; колхозник. Арестован 12 декабря 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Куйбышевской обл. 27 декабря 1937 г., обв.: по ст. ст. 58-8 и 58-10. Приговор: расстрел. Расстрелян 27 января 1938 г. Место захоронения — Сызрань. Реабилитирован в июле 1989 г. Куйбышевской облпрокуратурой [Источник: Книга памяти Самарской обл.].

Крупенин Семен Михайлович

Родился в 1906 г., Западная обл., Усвятский р-н, д. Пекарево; Проживал: г. Ленинград. Приговорен: тройка УНКВД по ЛО в 1935 г., обв.: нарушение Закона о паспортизации — кулак. Приговор: выселение — Мурманская обл., Кировский р-н. Реабилитирован 28 апреля 1994 г. прокуратурой города СПб [Источник: УВД Мурманской обл.].

Крупенин Семен Михайлович

Родился в 1906 г., уроженец д. Пекарево Усвятского р-на Западной [Псковской] области; военнослужащий. Арестован 20 декабря 1942 г. Приговорен: ВТ 122-й стрелковой дивизии 16 января 1943 г., обв.: ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: на 10 лет л/с. Реабилитирован 20 июня 2001 г. [Источник: Книга памяти Псковской обл.].

Крупенин Федор Степанович.

Родился в 1884 г., Московская обл., Клинский р-н, д. Третьяково; кустарь. Проживал: Московская обл., Клинский р-н, д. Третьяково. [Источник: Книга памяти Московской обл.].

Крупенин Федор Яковлевич

Родился в 1873 г. русский; работал в с-зе. Проживал: пос. Усвяты [Псковской области]. Арестован 15 ноября 1930 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ в Западной обл. 22 декабря 1931 г., обв.: по ст. 58-7-10-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет л/с. Реабилитирован 28 сентября 1989 г. [Источник: Книга памяти Псковской обл.].

Тогда было решено зайти со стороны фронтовиков — а это еще более плотный, чем политические жертвы, отбор взрослого мужского населения СССР, позволяющий также выделять ареалы проживания представителей тех или иных династий до периода великого переселения народов СССР, связанных с индустриализацией страны.

Мы попытались найти Крупениных-сибиряков. И нашли только одного (исключая камчатцев):

Крупенин Андрей Романович.

Дата рождения: 1922. Место рождения: Красноярский край, Нижне-Ингашский р-н, д. Горелый Борон. Дата призыва: 10.10.1941. Воинское звание: рядовой. Дата выбытия: 09.01.1943. Причина выбытия: пропал без вести.

Сначала мы обрадовались: «Нижний Ингаш — поселок городского типа, административный центр Нижнеингашского района Красноярского края России. Населенный пункт основан в 1775 году».

Но колесо поиска, провернувшись, снова возвратило нас к исходным позициям:

«Деревня Горелый Борок. Основана в 1900 году. По данным 1926 года в деревне имелось 54 хозяйства и проживало 282 человека (135 мужчин и 147 женщин). В национальном составе населения того периода преобладали белорусы».

То есть вопрос, откуда прибыли на Камчатку казаки Крупенины, остается пока открытым.

Но если бы только был один этот вопрос, а им «несть числа».

И вот первый из них.

В Исповедальных росписях Нижнекамчатской Успенской церкви за 1812 год среди воспитанников императорского военно-сиротского дома мы находим Ивана Трофимовича Крупенина примерно 1796 года рождения. Примерно — потому что без метрической записи о рождении возраст наших героев легко «гуляет» в пределах 5–6 лет.

Отца его — Трофима Крупенина — нам обнаружить так и не удалось.

И конечно, возникает вопрос: может быть, Иван Трофимович не случайно оказался в этом сиротском заведении?

Хотя мы знаем, что здесь учились не только сироты, но и дети, обладающие «полноценной парой» своих родителей.

Но в данном случае, что еще можно подумать: ни отца, ни матери Ивана Трофимовича нет в списках камчатских, гижигинских, тигильских казаков этого периода…

Но вот какая «заковыка» — мы находим в Российском государственном архиве Военно-Морского флота (обратите на это внимание!) интереснейшие документы:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Проживающие в Петропавловском порте

Служащие

казаки

Василий Крупенин 1-й — 31 [год]

Его сын Иван — 4

Федор Крупенин 2-й — 25

Василий Крупенин 3-й — 23» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 41].

В принципе, он мало пока для нас интересен, так как в нем нет конкретики.

Конкретика появляется чуть позже:

«Формулярный список службы нижних чинов 2-х сотенной Камчатской казачьей команды, состоящей в службе Российского-Американской компании в Сахалинской экспедиции и ныне находящихся в Аянском порте. За 1855 год.

Крупенин Василий Трофимов сын, 24 года, из казачьих детей

1843 г. — казак

1853 г. — РАК» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 36. Л. 54].

Во-первых, снова появляется *Трофимович*.

Во-вторых, ему в 1855 году 24 года — то есть он родился… в 1830 или 1831 году, то есть через тридцать с лишним лет после своего брата, которого мы приняли за сироту, Ивана Трофимовича.

А теперь давайте вернемся к первому сообщению и попытаемся выяснить, кто здесь первый, кто второй, а кто третий.

Василий Крупенин 3-й — это, судя по возрасту, Василий Трофимович.

А Василий Крупенин первый?

И снова мы заглядываем в Исповедальные росписи, но на этот раз — Петропавловского собора за 1850 год:

«Казаки

Крупенин Василий Иванов сын 1-й — 28 лет (примерно 1821–1822 года рождения). Ж. Евгения Николаевна — 26 (1823/1824). Сын Иван — 3 (1846/1847)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

То есть, если здесь нет никакого генеалогического подвоха, Василий 1-й или Василий старший (по возрасту) является… племянником Василия 2-го — младшего, который по отношению к первому является его дядей.

Кстати, Федор Крупенин тоже Трофимович, и тоже дядя Василию Ивановичу.

Так бывает только в двух случаях.

Первый — когда у папы две, а то и три (молодые по отношению к папе) жены, рождающие ему детей с разницей от старшего к младшему в тридцать и даже сорок лет, как в нашем случае.

Второй — когда вдова рождает после смерти мужа незаконнорожденных детей, которым присваивается отчество покойного мужа.

Конечно, может быть и третий случай — на самом деле могло быть два разных Трофима, два разных отца — один у Ивана Трофимовича и другой — у Василия с Федором.

Но ни на один из этих трех вопросов у нас пока нет ответа.

Как и еще на один — где продолжил свою службу после участия в Сахалинской экспедиции Василий Трофимович Крупенин.

Вполне вероятно, что он, как и многие другие казаки — участники Амурской и Сахалинской экспедиций — были приписаны к Амурскому казачьему войску. Но и это пока только лишь предположение, хотя такой приказ от П.В. Казакевича, сменившего в Николаевске-на-Амуре на губернаторском посту В.С. Завойко, на самом деле был. Но списка казаков, причисленных из Камчатской казачьей команды в Амурский казачий полк, обнаружить не удалось.

Вернемся на Камчатку.

И Василий Иванович, и Федор Трофимович были участниками обороны Петропавловского порта.

В 1882 году при подготовке к тридцатилетию победы над англо-французами был составлен «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне п. Петропавловска 24 августа 1855 года при нападении англо-французской эскадры», в который вписаны удостоенные наград герои: баталер Николай Ипатьев; матросы Игнатий Краснояров, Василий Байков, Федор Колинда, Андрей Кодошников, Ефим Ершов; пятидесятники Алексей Карандашев, Александр Томский; казаки: урядник Василий Крупенин, Влас Ордин, Матвей Миниохин, Иннокентий Неворотов, Манаков, Иван Пшенников, Михаил Большаков, Петр Корюкин, Дмитрий Тувалин» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 512. Л. 82].

Федора Трифоновича, судя по этому документу, уже не было в живых.

Но после него остался сын — еще один Василий: Крупенин Василий Федорович. Ж. (вдова в 1893) Татьяна Степановна (1840).

И внук, названный в честь прадеда: Крупенин Трофим Васильевич (1860), кантонист. Ж. Прасковья Григорьевна

И правнуки — Трофимовичи:

Крупенина Наталья Трофимовна (1881);

Крупенина Анна Трофимовна (1885);

Крупенин Федор Трофимович (1889);

Крупенин Григорий Трофимович (1891).

Но о дальнейшей судьбе Трофимовичей мне, к сожалению, пока ничего неизвестно.

В истории Камчатки наиболее известными стали дети и внуки Василия Ивановича.

Сначала о детях, которые породнились со многими другими старинными камчатскими династиями. Но и здесь у меня возникают вопросы, на которые я пока еще не нашел ответа.

Судя по материалам РГАВМФ у Василия Ивановича первенец — Иван, 1847 года рождения.

Но, вероятно, мальчик умер.

И старшим в семье стал Крупенин Прокопий Васильевич (1853), льготный казак Камчатской казачьей команды. Ж. (с 1885) Гарднер Августа Константиновна (1865).

И далее:

Крупенин Иван Васильевич (1860), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны. Ж. (с 1885) Машихина Наталья Егоровна (1861), дочь ум. Петропавловского мещанина Георгия Ивановича Машихина.

Льготный казак Камчатской казачьей команды Иван Васильевич Крупенин, 45 лет. «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Крупенина Анна Васильевна (03.09.1862). М. (с 1882) Коренев Петр Иванович (1859), льготный казак.

Крупенин Александр Васильевич (1863 – 10.01.1938), льготный казак Камчатской казачьей команды, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. (с 28.04.1886) Тюменцева Ирина Матвеевна (1867), дочь крестьянина с. Паратунских горячих ключей Матфея Савватиевича Тюменцева.

Крупенин Петр Васильевич (30.06.1869 – 23.02.1927). Ж. Подпругина Дарья Гавриловна (1879–1932), дочь крестьянина с. Паратунка.

Крупенин Павел Васильевич (1871–1916), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171301. Ж. (с 08.07.1907) Верещагина Феоктиста Иннокентьевна (26.09.1890), дочь крестьянина с. Верхнекамчатск Верещагина Иннокентия Ивановича.

Крупенин Георгий (Егор) Васильевич (1872–1916), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. Брагина Матрена Иннокентьевна (1872).

Крупенина Каллиста (Каллисса) Васильевна (1875–1937). М. Новограбленов Трифон Иннокентьевич (1862–1916), мещанин г. Петропавловска.

Судя по оценкам разных людей, посещавших Камчатку в дореволюционный период, население полуострова не влачило жалкое существование, как привычно писали советские исследователи раннего послереволюионного периода, отыскивая социальные изъяны царского режима и его колониальной политики на дальней окраине (или даже забытой окраине) России.

Пушнина приносила ощутимый доход.

А режим порто-франко (свободной торговли с купцами из Северных Соединенных Штатов Америки) обеспечивал Камчатку не только всем необходимым, но даже и предметами роскоши.

И конечно же, наиболее зажиточный слой людей приходился на окрестные с чиновничьм и мещанским Петропавловском поселения — в том числе и на Сероглазку, где у каждого казака было свое хозяйство.

Пушное зверье, игравшее в жизни населения полуострова исключительно важную роль, не истреблялось хищнически и жестоко в погоне за прибылью, а всячески защищалось. Согласно народной воле был введен запрет на промысел соболя в Кроноцком заказнике, полагая, что именно здесь зверь и размножается, разбегаясь потом по окрестным лесам, становясь желанной добычей охотников-промысловиков.

Однажды один из местных жителей нарушил этот запрет и был… убит своими земляками по негласному общественному приговору.

Когда первые рыбопромышленники поставили на побережье Авачинской бухты в Тарье свой рыбоконсервный завод, то волею народа этот завод прекратил свою производственную деятельность, ибо было признано, что это производство может отразиться на непосредственной жизнедеятельности окрестного населения, в жизни и хозяйстве (собаководстве) которых рыба играла первостепенную роль.

К чему это я?

А к тому, что не очень пойму, что произошло с Крупениными, разделив их внутри собственной семьи на красных и белых.

Вот перечень мужского состава села Сероглазка, проживавших здесь в 1911 году:

Петр Крупенин, И. Кошкарев, Павел Крупенин, Николай Косыгин, И[ннокетий]. Крупенин, Федор Черных, И. Томской, Степан Попов, А. Силин, Всеволод Третьяков, Николай Манаков, Александр Крупенин, Д. Шипицын, Егор Крупенин, Иван Крупенин, Илья Ф. Третьяков, В. Атласов.

А вот всего несколько эпизодов из исследований камчатского писателя Валентина Петровича Пустовита, раскрывающих отношение казаков Крупениных к большевикам — красным партизанам:

«Тогдашний председатель сельского комитета В. Г. Крупенин рассказывал: “Мы организовали ночную охрану для самозащиты, в которой участвовал я, Попов Григорий, Алексей Черных, Александр Черных, Крупенин Павел, Томский Гавриил, Третьяков Федор, Петр Третьяков, Винокуров Петр, Илья Черных, Третьяков Егор, Попов Константин… Охрана продолжалась шесть-семь дней и только в ночное время. Мы поставили караул, который помещался в доме Анны Алексеевой. Цель нашей охраны была предупреждение наступления красных на деревню Сероглазку, и мы были в полной боевой готовности”».

«Делегат от партизанского отряда В. Крупенин, “разоблачая деятельность Завойкинской волости”, напомнил о событиях 1918 г., когда были свергнуты Советы и к власти вернулись Пурин, Добровольский и другие, кои, “являются агентами черносотенного меркуловского правительства, на поводке которых идут ‘заправилы’ Завойкинской волости”. К сероглазкинцам у партизана были свои претензии.

Те “возвели клевету” на него и на тов. Елизова и Пересвет-Солтана, будто бы все трое охотились на пушного зверя в заповеднике, то есть зарекомендовали себя хищниками».

«Сельский сход в Сероглазке (председатель В.Г. Крупенин, секретарь Г.Н. Попов), рассмотрев вопрос “О вооруженном выступлении коммунистов в количестве около семидесяти пяти человек, которые стараются вовлечь местное население к свержению существующей областной власти и которые в настоящее время двинулись по тракту в селение Завойко”, постановил: “Принимая во внимание, что всякое вооруженное выступление в городе даст основание иностранцам (японцам. — *Автор*) высадить десант и оккупировать город, сель-

ский сход, во избежание этого", предупреждает: если это произойдет, "все подобные русские подвергнутся с нашей стороны жестокому наказанию".

"В начале марта сего года у нас назначен съезд нескольких волостей, на котором будут разрешены все областные вопросы. Все, которые идут сейчас к вооруженному выступлению, ведут область к анархии и дают право иностранцам вмешаться в наши дела, в противном случае мы обратимся к японскому командованию (военных кораблей, курсирующих по побережьям и регулярно заходящих в Петропавловск. — *Автор*) за содействием".

Постановление Сероглазкинского схода завершалось словами: "…предложить коммунистам не занимать здания нашего волостного комитета, а также чтобы они не беспокоили и не задерживали местных жителей".

Под данным постановлением подписались все 15 присутствующих: И.М. Дьячков, П.И. Виноградов, В.Г., И.Г. и П.А. Крупенины, Г.Н., К.Н., С.Н. и С.Ф. Поповы, Г.И. Томский, П.В. и Ф.В. Третьяковы, Александр и Алексей Черных, Чю-чи-лю».

«П.А. Крупенин привлекался к суду дважды: в апреле 1923 г. как участник антисоветского переворота 18-го года в Петропавловске (четыре года заключения, амнистия через девять месяцев) и в 1932 г. за контрреволюционную пропаганду (трехлетний запрет на проживание на Камчатке и в стокилометровой погранзоне). На допросе по второму делу он поведал об одном из эпизодов рассматриваемого нами периода. "В марте 1922 г. я и мой зять, Малышев Я.И., ездили в Паратунку погостить к родным Тюменцевым. Малышев тогда служил конторщиком в фирме Чурина и К° и по поручению доверенного Проскурякова покупал пушнину. Куплена им была одна выдра. По возвращении обратно в Петропавловск возле с. Авача мы встретились с партизаном Коробко, который нас остановил и спросил, что откуда вы едете. Мы ответили, что с Паратунки.

Тогда Коробко сказал, что вас необходимо обыскать и что нет ли у вас пушнины. Я был выпивши, погорячился и сказал Коробко, я хозяин нарты и не позволю производить обыск в нарте, и добавил, что у нас в нарте есть одна выдра, но я вам ее не отдам и началась у меня с Коробко ссора и площадная брань. Не отрицаю, я назвал партизан разбойниками. Малышев перепугался и молчал.

Партизаны, когда были в Налычево, то поломали у моего отца бот, который служил специально для переправы реки Налычево во время поездки на охоту. Я все это ему припомнил основательно и уехал в Петропавловск. Кроме того, партизаны взяли у нас в Налычево соленое мясо из амбара пудов шесть, но я против этого ничего не имел"».

«…против этого ничего не имел» — это уже сказано на следствии. Конечно же имел — неслучайно именно против красных партизан, которые, не стесняясь, грабили окрестные села, была выставлена охрана казачьей Сероглазки.

Писатель Валентин Пустовит в своих «Исторических персоналиях» («Вопросы истории Камчатки» № 8) проводит мини-исследование судеб этих людей:

«Крупенин Петр Александрович (1893, с. Сероглазка), участник июльского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске, после чего член облкома. Из казаков, сын занимавшегося развозным торгом, русский. Рыбак-охотник. Окончил высшее начальное училище в Петропавловске. В 1914 г. служил у инженера-архитектора. С 1915 г., как казак, проходил военную службу в уездной полиции паспортистом, "машинистом" и по пособиям призванных. "Служа в полицейском управлении, жалование получал из остатков разных сумм, так как для канцелярских служащих из казаков на жалование прямых средств не отпускалось". После февраля 1917 г. — секретарь в милиции. "Служа в милиции с 1917 г., я жалование получал по ведомостям из прямых кредитов…" В августе 1918 г. назначен эмиссаром острова Карагинского для принятия мер против хищничества, а в августе следующего года — вновь секретарем милиции и служил до увольнения в июне 1921 г. При белой администрации 1921–1922 гг. нигде не служил. В 1923 г. осужден за контрреволюционную деятельность на три года лишения свободы, сидел девять месяцев, освобожден по амнистии. Арестован 2 марта 1933 г. Из показаний мясника Ф. Я. Белея в апреле того же года в ОГПУ: "…в 1918 г. участвовал в заговоре по… свержению советской власти и аресту большевиков… Как местный житель-камчадал служил для связи от группы заговорщиков с местным камчадальским населением, рассылал по селам воззвания с призывом к вооруженной борьбе с большевиками-захватчиками, которые подвергают грабежу казачество, магазины и частных жителей. В результате чего камчадальское население съехалось в марте 1918 г. в деревню Сероглазка, куда собрались все заговорщики, в том числе К., где они объявили автономию Камчатки и постановили разоружить местную команду и арестовать большевиков, послав на делегатов в местную команду… (неудавшийся переворот. — *В.П.*) В июле того же года заговорщикам при содействии прибывшего военного парохода 'Завойко' во главе с офицером Токаревским удалось членов совета большевиков арестовать, здесь К. распоясался, на каждом собрании кричал: 'Долой мурок с Камчатки!'… Особенная дружба у него была с начальником милиции Пригоровским и офицером Колышкиным, с последним ездил под видом охоты с солдатами для вылавливания партизан и передавал все сведения о нахождении партизан…" После окончательного установления советской власти, по Белею, говорил: "Советская власть заморила народ голодом, население этой власти не сочувствует и при первой возможности избавится от рабства. От народа берет все: рыбу, пушнину, а взамен ничего не дает, кроме как последнее имущество отбирая и разоряя дотла крестьян". Тройкой ПП ОГПУ ДВК 4 авгу-

ста 1932 г. по ст. 58-10 лишен права проживания на Камчатке и в стокилометровой погранзоне; срок не указан. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.»

Валентин Петрович, вероятно, не знал, что в отношении Петра Александровича был еще и третий суд, и третий приговор:

Крупенин Петр Александрович

Родился в 1893 г., Петропавловск-Камчатский, с. Сероглазовка; русский; образование начальное; б/п; работал рулевым парохода «Интернационал» треста «Байкалзолото». Проживал: Иркутская обл., Слюдянский р-н, с. Лиственичное. Арестован 25 февраля 1938 г. Приговорен: Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР 5 сентября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-8, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 11 октября 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 20 сентября 1957 г. определением Военного трибунала Воронежского военного округа [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Следующим на очереди был председатель сельского комитета Сероглазки:

Крупенин Василий Егорович

Родился в 1893 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; грамотный; б/п; Работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка. Арестован 29 марта 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: ВМН. Имущество (дом, скот, шлюпка) конфисковано. Расстрелян в январе 1934 г. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. определением Военного трибунала ДВО [Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.].

Крупенин Павел Александрович

Родился в 1898 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка. Арестован 4 мая 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: ВМН. Имущество (дом, ездовые собаки, шлюпка) конфисковано. Расстрелян в январе 1934 г. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. определением Военного трибунала ДВО [Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.].

А вот совершенно другая история из того же цикла «Камчатских персоналий»:

Курро-Крупенина Евдокия Ивановна (1893), в 1921–1922 г. партизанская помощница: передавала им продукты, лекарства. Русская, беспартийная. По ее словам, в 1921 г. арестована белыми. 21 января 1922 г. сероглазкинский сельком опровергает слухи, распространяемые Ираидой Щукиной (ее родной сестрой. — *С.В.*), что братья Поповы якобы бежали с коммунистами в сопки и, вернувшись к Рождеству их делегатами, организуют кружки для свержения существующей власти, и постановил: Щукину, В.И. Крупенина и Евдокию Крупенину, оскорбившую конвой (Пересвет-Солтана, Деткова и Елизова) при аресте квартирантов, которые подозревались в связях с красными, переправить в распоряжение областной власти как «вредных граждан селения», источник дрязг и смуты. Во второй половине 1960-х гг. — персональная пенсионерка. В 1967 г. как участница борьбы за установление советской власти на Камчатке, награждена медалью «За боевые заслуги».

А вот эта история еще более интересная:

«Крупенин Степан Иванович (1903, с. Сероглазка, Камчатка), в 1934–1938 гг. заместитель прокурора КО. Из бывшего казачьего сословия, окончил высшее начальное училище в Петропавловске. В ВКП(б) с 1928 г. В 1922–1923 гг. рыбак в Усть-Камчатске, с 1924 г. трудился в губкомхозе. В 1925 г. — инструктор по туземцам при Гижигинском уревкоме, с 1928 г. — на Чукотке. В 1930 г. — в Петропавловске в бухгалтерии отдела визовой службы. Тогда же получил выговор за правый уклон в коллективизации кочевого населения. С 1932 г. в областной КК и РКИ. На партчистке 1933 г. ответил на вопросы присутствующих и выслушал мнения о себе. Ткачук спросил, есть ли у него родственники кулаки “или не раскулаченные еще”. Ответ: “Раскулаченных я не знаю, были торговцы и контрреволюционеры, которые вывезены”. Бузин высказался так: “Он — камчадал, при мне в 1926 г. был еще комсомольцем, мы его выдвигали на руководящую работу, работает хорошо, в партии быть достоин”. Слободчиков: “Знаю его с 1917 г. Роль Крупениных играла в Сероглазке контрреволюционный характер, а К., каковой здесь, отчитывался с его отцом и братом, они были революционно настроены. В городском райинтегралсоюзе была большая запутанность и, надо сказать, К. много сделал в распутывании…” Фелонович (беспартийный): “В Сероглазке было четыре дома Крупениных, он с его братьями вели беспощадную борьбу с контрреволюционерами, три же дома были настроены против революции. В партии быть достоин, в особенности то, что он камчадал, и агитационную борьбу может вести с местным населением”. Чистку прошел. 1 сентября 1937 г. Петропавловский ГК ВКП(б) исключил его из партии за то, что, ведя дело отъявленного троцкиста Петрова, “смазал сущность вопроса, этим самым дал возможность махровому троцкисту… в течение семи месяцев свободно проповедовать контрреволюционный троцкизм”. Вспомнили ему репрессированного дядю и братьев. 25 ноября 1937 г. бюро ОК партии утвердило решение первичной парторганизации об исключении за связь с врагами народа и пособничество им, прекращение судебных дел над контрреволюционными элементами. Арестован 5 сентября 1938 г. В тот же день снят с работы в прокуратуре и исключен из партии. (Значит, восстанавливался ранее.) Обвинение К. было предъявлено по ст. 58-1а-7-8-11 УК

РСФСР. 5 января 1940 г. постановлением военной прокуратуры 2-й Особой Краснознаменной армии дело прекращено. Из-под стражи освобожден. Его апелляция о восстановлении в партии рассматривалась на бюро ОК ВКП(б) 28 марта 1940 г. В постановлении говорилось: "…допустил расследования уголовных дел Петрова и Бабенко, чем создавал волокиту и смазывал факты преступной их деятельности. По делу троцкиста Бабенко подготовил для суда материал с явно заниженной мерой наказания, и суд присудил Б. только к трем годам лишения свободы, впоследствии Б. осужден к ВМН. Кроме того, незаконно привлек к судебной ответственности группу комсомольцев, осужденную судом на восемь лет. Пробыв в заключении два года, эти комсомольцы освобождены как неправильно осужденные. Брат К. и муж сестры Курро осуждены в ВМН за контрреволюционную деятельность". В связи с этим был вновь исключен из ВКП(б)».

Вроде бы тоже жертва политических репрессий.

Но факты говорят о другом:

«…Вечером 22 апреля 1937 г. временно исполняющий должность КОУ НКВД лейтенант госбезопасности Страхов, оперуполномоченный 4-го отделения управления сержант госбезопасности Алексеева и заместитель областного прокурора Крупенин изъяли на квартире И.А. Адамовича и С.С. Шамардиной переписку и разные записи начальника АКО. Одна из записей весны 1937 г., когда его уже начали "топить", а он еще надеялся провести — не провалить путину, заканчивалась так: "Жаль, что Софушка, этот замечательный большевик и друг, будет нервно переживать при ее чуткости и любви ко мне. Жалею и люблю ее, но она крепкий большевик, понимает трудности и обстановку и, более того, поможет мне спокойно работать на пользу партии".

В копии предсмертного письма Адамовича, находящейся в его следственном деле (прекращено 19 мая 1938 г.), есть приписка: "Прости, Сонюшка, что я так тебя подвел. Попросил тебя итти на конференцию, а сам позором окончил свою жизнь партийца и твоего друга. Прости, целую, прости, не мог устоять против стены недоверия ко мне. Твой Иосиф".

Пройти сквозь стену — стену недоверия и непонимания — Адамовичу не удалось даже ценой смерти. Более того, она была воспринята как доказательство некой "вины" и стала своеобразным спусковым крючком для начавшейся вскоре расправы с руководителями АКО — его заместителями, начальниками основных управлений».

Для справки: Адамович Иосиф Александрович (1896 – 22.04.1937), начальник Акционерного Камчатского общества (АКО) в 1934–1937 годах.

Родился в городе Борисове Минской области.

Участвовал в Первой мировой войне 1914–1918 годов, кавалер трех Георгиевских крестов.

В 1920–1927 годах был членом Реввоенсовета и ЦК КП(б) Белоруссии, наркомом по военным делам, наркомом внутренних дел и председателем ЧК, заместителем председателя Совнаркома Белорусской ССР.

В 1927 году возглавлял Сахаротрест СССР, был членом Президиума ВСНХ СССР.

С 1934 года был начальником Акционерного Камчатского общества (АКО).

В 1937 году, предвидя свой арест, застрелился.

А вот еще один любопытный документ из биографии заместителя камчатского областного прокурора:

«Мы, нижеподписавшиеся, председатель облсуда Бобыкин, зам.облпрокурора Крупенин, ст. уполномоченный погранотряда НКВД Панков и комендант Облотдела УГБ Заярный составили настоящий акт в следующем:

Приговором Камчатского отделения Военного трибунала от 13 апреля 1935 г. Усачев Григорий Иванович, 50 лет, из крестьян Тигильского района, ст. 58. лит. 2, 6, 7 и 11 УК приговорен к высшей мере уголовного наказания — расстрелу. Приговор этот согласно телеграмме Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 10 июля 1935 г. за № 15042 утвержден и предложен привести в исполнение.

На основании этого, ввиду нахождения в командировке председателя трибунала, мною, предоблсуда Бобыкиным совместно со ст. уполномоченным п/о Панковым и комендантом О.О. УГБ Заярным в присутствии зам. облпрокурора Крупенина означенный приговор над шпионом Усачевым приведен в исполнение сего 11 июля в 23 час. 30 мин. местного времени на море, в 6 км. от Петропавловска в юго-западном направлении. Труп шпиона Усачева с привязанным грузом на месте расстрела спущен в море. Подписи».

Вопрос: присутствовал ли заместитель областного прокурора Степан Иванович Крупенин при расстреле членов своей семьи?

И это тоже история.

История, которую нельзя забывать.

Среди расстрелянных и упокоенных в море — родной брат, вместе с которым они боролись за установление Советской власти на Камчатке, боролись с Крупениными-«контрреволюционерами»:

«Крупенин Василий Иванович (1901, с. Сероглазка — 26.08.1938, г. Петропавловск-Камчатский), участник июльского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске. Из крестьян, образование среднее и двухгодичные педагогические курсы. По профессии учитель. Осенью 1918 г. возле Сероглазки нашел залежи пемзы. В 1925 г. — член-секретарь Командорского военно-революционного комитета. На момент ареста 6 июля 1938 г. — инспектор торгового отдела АКО. На допросе 23 июля показал: "Сусляк, будучи моим учителем, предложил мне принять участие в свержении совдепа в г. Петропавловске, пригрозив далее, что в случае отказа я не буду допущен к испытаниям в высшей школе. Я предложение С. принял и участвовал в аресте и окарауливании членов совдепа вместе со своим двоюродным братом Крупениным Василием Егоровичем. Начиная с этого време-

ни, я находился под идейным влиянием своих двоюродных братьев Крупенина В.Е., Крупенина П.В., Крупенина П.А. …" Приговорен к ВМН 15 августа 1938 г. постановлением ОСО НКВД по ст. 58-6 УК РСФСР. Реабилитирован военной прокуратурой ДВО 6 ноября 1957 г.».

В этом списке нет Петра Васильевича Крупенина — он избежал общей участи «контрреволюционеров» Крупениных по простой причине — умер в 1927 году. И поэтому клеймо «врагов народа» не отразилось на судьбе его детей, учителей и партийных работников:

Крупенин Виктор Петрович (05.10.1905 – октябрь 1996). Окончил педучилище в Петропавловске-Камчатском, педтехникум в г. Хабаровске, пединститут в г. Благовещенске, факультет географии, вечерний институт марксизма-ленинизма, факультет международных отношений. Работал учителем в с. Паратунка, г. Елизово, учителем и зав. отделом народного образования в г. Уссурийске.

Крупенин Петр Петрович (род. 2.01.1914), педагог. Из семьи крестьянина-середняка. В ВЛКСМ в 1932–1940 гг., в ВКП(б) с 1942 г. До 1914 г. семья жила охотой и рыболовством. В 1914–1920 гг. отец занялся развозным торгом по западному побережью Камчатки «Кроме того, имел лавку при доме. С 1920 г… прекратил торговлю и стал заниматься только охотой и рыболовством. В хозяйстве было две коровы, лошадь, ездовые собаки. В 1927 г. умер отец, а спустя пять лет в 1932 г. умерла мать. В 1923 г. я поступил в начальную школу в Петропавловске, которая находилась в трех километрах от села. В 1932 г. окончил фабрично-заводское обучение, направлен на трехмесячные педагогические курсы и затем в Мильковский район». Был учителем начальной школы. С августа 1944 по январь 1946 г. — инструктор Мильковского РК ВКП(б). Освобожден по личной просьбе, возвратился на учительскую работу» [Пустовит В.П. Камчатские персоналии].

Крупенин Гавриил Петрович, родился 18 апреля 1921 г. в г. Петропавловске-Камчатском в семье рыбака и охотника. Был младшим из 5 детей. В 13 (точнее, в 6. — *С.В.*) лет остался сиротой и воспитывался в семье старшей сестры Александры, проживавшей в с. Анавгай. В 1939 г. со 2-го курса педагогического техникума был взят в армию связистом. Принимал участие в войне с Японией в качестве связиста, начальника пункта сбора донесений. После войны был комсоргом на судоремонтной верфи им. В.И. Ленина. Дальнейший трудовой путь был связан с партийной работой. Умер 25 августа 1980 г. [информация предоставлена дочерью Т.Г. Костенец].

Из детей Павла Васильевича Крупенина (Георгиевского кавалера) особо отличился Анисифор Павлович, который считается одним из первооткрывателей знаменитой Долины гейзеров на Камчатке.

Менее известен двоюродный брат Анисифора Павловича, сын Георгия (Егора) Васильевича Крупенина — Василий Егорович, который был женат на Екатерине Спиридоновне Атласовой. И мало кто в те времена и сейчас знал и знает о том, что Екатерина Спиридоновна — прямой потомок первооткрывателя Камчатки казачьего пятидесятника Владимира Владимировича Атласова.

В похозяйственной книге за 1940 г. Моховского сельского совета, к которому относилось и село Сероглазка, удалось найти следующую информацию о камчатских потомках Владимира Атласова [ГАКК, ф. 469, оп. 1, д. 12, л. 31]:

Атласова Екатерина Спиридоновна (1895), работает санитаркой в городской больнице, проживает в с. Сероглазка по улице Заводская, 4-а.

Крупенина Людмила Васильевна, дочь (1927), школа им. Толстого, 6 класс.

Крупенин Борис Васильевич, сын (1920).

Крупенин Василий Васильевич, сын (1920), радист на передающей радиостанции.

А потом в газете «Камчатская правда за 1959 год появились новые сведения:

Крупенин Борис Васильевич (1920), сотрудник КоТИНРО. Ж. Федосова Ульяна Емельяновна (1926).

Крупенин Василий Васильевич (1922), радиотехник в г. Елизово.

Крупенина Людмила Васильевна (1927), инженер водного транспорта.

Но это еще не вся история родственных связей Крупениных с потомками атамана Атласова:

Крупенин Иван Георгиевич (1894–1963). Ж. Алексеева (в дев. Атласова, прямой потомок В.В. Атласова) Анна Спиридоновна (01.08.1892).

Был сын и у Евдокии Ивановны Курро:

Крупенин Нарцисс Васильевич (31.12.1924 – 26.03.1943), участник Великой Отечественной войны. Захоронен: с. Красная Гусаровка Савинского района, Харьковской обл., Украина.

Сегодня род Крупениных представляет собой громадное древо, ветви которого разбросаны не только по всей нашей огромной стране, но и далеко за ее пределами, вплоть до Австралии (Татьяна Гавриловна Костенец).

Дочь Михаила Петровича Крупенина – Наталья Михайловна Ильцова – в серии «Камчатская родословная книга» издала книгу «Род Крупениных. Я на предков своих не в обиде…», в которой представила поколенную роспись рода: http://www.kamchadaly.ru/files/doc/krupeniny.pdf.

Но…

Но как много еще здесь «белых пятен», которые нужно заполнить…

КРЫЖАНОВСКИЕ

Крыжановский Гавриил Николаевич, командир Тигильской дружины в 1904–1905 гг., участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны, был произведен в почетный казачий чин зауряд-хорунжего, который был ступенькой (или предоставлял возможность) к производству в офицерский чин.

Нет, офицером Гавриил Николаевич не стал.

Хотя потенциал для этого у представителей данной фамилии был преогромным.

Судите сами.

История рода казаков Крыжановских — черкасов — напрямую связана с Запорожской Сечью — в первой половине XVII века Федор Крыжановский дал начало запорожской ветви генеральной старшины Запорожских казаков Крыжановских. В Генеральную старшину и число полковников войска Малороссийского до 1764 г. входили (по алфавиту): Гоголи, Зеленские, Кравченко, Крыжановские, Мазепа, Максимовичи, Маркевичи, Павлюки.

Полковник Антон Степанович Крыжановский в период гетманства Кирилла Разумовского (1747–1764 гг.) участвовал в реформе казачьих войск, судебной реформе, программе обязательного обучения казацких детей. В 1775 г. после ликвидации Запорожской Сечи российскими войсками по манифесту Екатерины Великой запорожское войско привел под Одессу Крыжановский, где и основал малороссийскую Крыжановку. Впоследствии из этих — бывших запорожских — казаков возникло Черноморское, а затем — Кубанское казачество, и Крыжановские служили поколениями в царской армии. Известен генерал Кубанского казачьего войска Федор Григорьевич Крыжановский, который после революции стал председателем Кубанского Правительства.

Конечно, возникает вопрос, а какое отношение к запорожским казакам имеют наши дальневосточные Крыжановские?

Самое что ни есть прямое.

Вот история появления в Якутске одного из них:

«…Декабря в 30 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск с тобольским сыном боярским с Семеном Выходцовым ссыльные полские и литовские люди и татаровя 58 человек, а в Тобольску по указу великих государей боярину и воеводе князю Ивану Андреевичю Хилкову велено их розобрать и быть в Тоболску в службе, в какую пригодятца, а досталных розослать в розные сибирские городы.

— Тое ж присылки ссыльные ж полские и литовские люди Сенка Лебецкой з женою Анюткою, Казимерко Крыженевский; и по указу великих государей посланы они ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

1663 год

«…дела по изветам ссыльного Казимира Крыжановского об изготовлении фальшивых денег посадским человеком Якутского острога Иваном Серебрянном».

1665 год

Отписи «Юрия Крыжановского в получении денег за крещение». Так бывший католик Казимир стал православным Юрием [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

Со вторым было посложнее. И, самое главное, стоит обратить внимание на тот факт, что ему — ссыльному военнопленному — все прощалось и разрешалось:

1666 год.

В этом году в Якутске объявляется еще один «литвин» Крыжановский — Ян, ставший Иваном. «Он в 1655 г. был “взят на бою в Борисове” и в 1662 г. сослан в Якутск “с своею братьею с польскими людьми” служить в детях боярских. Но остался в Енисейске по своей воле, женился на дочери посадского человека и только потом приехал в Якутск вместе с тестем Савкой Казанцом» [Сафронов Ф.Г. История Северо-Восточной Азии 17 – нач. 20 в.].

1667 год

«…память откупщикам Ив. Крыжковскому и Сеньке Андрееву [Каргопольцу] по их челобитью о даче им на откуп квасной и бани в Якутске на 176 г. с 1.09 по 177 г. 1.09 [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 1, Я., 2016].

А далее история закручивается в ожидаемую спираль шляхетской алчности.

«И. Криженовский в воеводство М.О. Кровкова [1688 год] вывез из Удского зимовья только для себя 30 сороков соболей и 2 шубы собольих, а ясаку — всего лишь 5 сороков 13 соболей».

И ничего — даже под следствие не попал.

Не повезло Юрию — после его правления в Охотском остроге тунгусы подняли восстание. А он-то посчитал, что после огромной взятки воеводе Барнешлеву в тысячу рублей (при годовом казачьем жаловании 5 рублей) с него взятки гладки и все, что он ни сотворит, будет слито, как с гуся вода.

Но дело приняло совершенно другой оборот. Вскрылась не только алчность шляхтича, но и его непотребство — насилие и надругательство над тунгусами и тунгусками.

И это был не единственный случай:

«Так, посланный воеводой Барнешлевым в Зашиверский острог — сын боярский Юрий Крыжановский “иноземцам обиды и налоги чинил и приведя к себе во двор иноземцев брал у них лучших соболей по 10, 7 и 6 штук, а меньше пяти не брал”… Он же, “жен и дочерей к себе на постелю у них у ясачных тунгусов, для блуднаго воровства имел” и угрожая кнутами в холопство жен и детей брал и иных крестил своими приметами».

1677 год.

«…в начале декабря оленные эвены Годниканского рода напали на Охотский острог. Они “пошли валом на приступ, и сына боярского Юрия Крыжановского за острожком во дворе обсадили, и у избы окна выбили, и под стену огня склали, и в казачьи дворишки засели, и из дворишек в острог стрелять учали (начали), и стрел на острог полетело со всех сторон, что комаров”. То есть осада велась по всем правилам военной науки. Казаки, видя, что в осаде им не отбиться и слыша крики командира острога Крыжановского о помощи, несмотря на малолюдство, решили выйти “из острожку на вылазку драться с ними Тунгусами”.

Сражение продолжалось с утра и до вечера, когда казаки еле отбились от эвенов. Но снять осаду не удалось. Днем и ночью казаки караулили на башне и стене. Выйти из острога за дровами и за рыбой они не могли, не рискуя быть подстреленными. В такой обстановке Крыжановский обратился за помощью в Якутск к воеводе, чтобы он “наскоро” послал на выручку в

Охотский острог казаков, “пороху и свинцу и мушкетов и куяков (доспехи), чтобы нам, сидячи в Охотском, голодною смертию не помереть и побитым не быть”. Страдали от этой осады и голода и аманаты, несколько из них померло

Но причину восстаний в Якутском воеводстве выяснили довольно быстро. Эвены подали туда многочисленные жалобы с описанием вымогательств и насилия, совершенных командирами Охотского острога Крыжановским, Бибиковым, Пущиным, Ярышкиным. В расспросном листе звена Некруна, например, сообщалось, что Крыжановский, помимо сбора ясака, занимался поборами: “имал де с нас соболи добрые и рыси и парки рысьи и олени, с человека соболи по четыре и по пяти, да и малых де робят у нас всех выискал и велел за них приносити по соболю...”. А эвен Тавиканка показал на Крыжановского, что тот взял с него и “родников его... три лисицы черных себе, а не в ясак великому государю”» [Слободин С. Долгая дорога к Тауйску. Походы первопроходцев].

1681 год.

«В августе, по жалобе приезжих охотских тунгусов — ясачных людей, производилось следствие над бывшими охотскими ясачными сборщиками, боярскими детьми Петром Ярыжиным и Юрием Крыжановским. Они обвинялись в том, что “воровали, преж великих государей сбору у ясачных людей ясачные соболи добрые и лисицы черные имали себе, и для воровства и перемены, мимо ясачныя избы, ясачных людей с ясачными соболями пущали к себе избы, и у себя в избах соболи добрые выбирая себе имали, и вместо тех добрых соболей давали иноземцам свои худые соболи, и с теми переменными худыми соболями отсылали от себя в ясачную избу, и в том воровстве учинили великого государя в казне великий недобор и в оценке недоценку великую ж, и ясачных людей разоряли и грабили, и налоги и обиды им чинили великие ж, и от того разоренья и грабежу и налог и обид, охотские ясачные тунгусы многих служилых людей побили, и сами великим государем изменили”. За это воровство, доказанное следствием, Ярыжкин и Крыжановский в августе “биты на козле кнутом, и в проводку, и животы их все взяты на великих государей” и сосланы с женами и детьми в ссылку в Даурские остроги, в пешую казачью службу “и ни к каким Великих государей делам посылать их не велено”» [там же].

Забегая вперед, скажем, что отправленный в Баргузинский острог Юрий Крыжановский очень быстро обзавелся необходимыми связями и не только возвратил себе чин сына боярского (на этот раз рангом повыше — иркутского), но и занялся очень выгодным торговым промыслом с Китаем.

Но о потомстве Юрия Крыжановского сведений у нас нет.

Иван Андреев сын Крыжановский, женатый на дочери енисейского посадского Казанца, как мы уже знаем, начал свою сибирскую карьеру очень круто, начиная с самовольного поселения в Енисейске и прибытия на место ссылки только спустя годы. Да и в Якутске он начал свою деятельность с крупного дела — с откупа квасного производства и банного дела, за которыми явно прослеживалось и винокурение.

Масштабы грабительских набегов приказчика Ивана Крыжановского на ясачных подданных тоже впечатляют — грабил не штуками — сороками, то есть связками по сорок соболей.

Есть очень любопытный материал о его службе: «Отписка якутского воеводы Ивана Приклонского в Сибирский приказ о службе ленского сына боярского Ивана Крыжановского», датированный 1680–1681 годами. И вот что любопытно — этот документ состоит из двух совершенно противоположных.

Часть первая:

Государю царю и великому князю Федору Алексеевичу ... холоп твой Ивашко Приклонской челом бьет. В твоей великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича ... грамоте писано ко мне холопу твоему: в прошлом де в 188 (1680) году бил челом тебе великому государю и великому князю Федору Алексеевичу ... ленской сын боярской Иван Крыжановской: в прошлом де 163-м (1655) году жил он Иван в Польше и взят на бою в Борисове и послан к Москве, а с Москвы послан в Сибирь в Якутцкой, а в Якутцком де велено служить в детех боярских с ево братьею шляхтою, а твоего великого государя жалованья оклад учинен ему малой, денег 10 руб., хлеба 8 четь ржи, овса тож, 3 пуда соли; а в Якутцком де служил он Иван тебе великому государю 25 лет; и во 176-м (1668) году прислана в Сибирь в Якутцкой твоя великого государя грамота, велено их вязней (военнопленных. — *С.В.*) взять к Москве и велено им твое великого государя милостивое слово сказать, будет хто из них вязней похочет вечно тебе великому государю служить, и им велено подавать челобитные; и он, Иван, помня кресно целованье и твою великого государя милость, бил челом тебе великому государю в вечное холопство влужить по Якутцкому; а которые его братья шляхта били челом тебе великому государю служить в вечное холопство по сибирским городам, и те взысканы твоим государевым жалованьем к окладам их деньгами и хлебом и солью, и годовые оклады учинрены большие, а иные де из малых чинов верстаны в дети боярские; а он Иван перед своею братьею оскорблен; и будучи ему в таком дальном безхлебном городе таким малым окладом з женою и з детьми прокормитца не возможно; а детей у него 4 сына, Петрушка 20-ти лет, Васька 14-ти лет, и сын де ево Петрушка послан на твою великого государя службу на Вилюй в 184-м (1676) году для твоего великого государя ясачного сбору, а в твою великого государя службу не поверстаны; да в прошлых де годех посылан он Иван для твоего великого государя ясачного сбору в розные волости и в зимовья, и будучи на твоих великого государя службах в розных ясачных волостях и в зимовьях собрал твоего ве-

ликого государя ясаку и поминков и воевоцких и дьячьих поминков же с ясачных людей 64 сорока 35 соболей, лисицу чернобурую, 3 лисицы сиводушчатых, 500 лисиц красных, да вновь приискал неясачных якутов 61-го человека, а твоего великого государя ясаку с них взял 30 соболей, 37 лисиц красных; да в прошлом же 188-м (1680) году били челом тебе великому государю ленские ясачные князцы Мазары Бозеков и все ясачные Верховилюйского зимовья якуты, чтоб ему Ивану быть в Верховилюйском зимовье приказным человеком для твоего великого государя ясачного соболиного сбору, а он де Иван служит тебе великому государю многие годы и твою великого государя соболину казны сбирает без недобору и служилых людей и их якутов и тунгусов не обидит и не грабит и налог не чинит; и по твоему великого государя указу велено ему Ивану быть в Верховилюйском зимовье приказным человеком до твоего великого государя указу, и по чему он в том Верховилюйском зимовье служилых людей ведать и твой великого государя ясак збирать с ясачных людей дать ему Ивану в Якуцком наказ; да детям ево Петру да Василью велеть твою великого государя службу служить по Якутцкому в детех боярских, а твоего великого государя жалованья оклады им учинены на Москве из выбылого умершего ленского сына боярского из Ондреева окладу Булыгина: Петру денег 7 руб., хлеба 6 чети ржи, овса тож, 2 пуда с четью соли, а Василью денег 6 руб., хлеба 5 чети ржи, овса тож, 2 пуда соли; и с теми з денежными и и с хлебными и соляными оклады велено их написать в окладные именные книги и твою великого государя службу служить в Якутцком и твое великого государя денежное и хлебное и соляное жалованье давать им по вся годы по окладом их з детьми боярскими вряд».

Часть вторая:

«И в прошлом, великий государь, во 170-м (1662) году по твоему великого государя указу и по грамоте послан он Иван в Якутцкой со своей братьею с польскими людьми, а велено ему в Якутцком быть в детех боярских, и он Иван с своею братьею в Якутцкой во 170-м году не бывал, а жил он Иван в Енисейску по своей воли в посаде и женат был в Енисейску у посацкого человека на дочери. И во 174-м (1666) году он Иван с тестем своим с Савкою казанцом в Якутцкой приехал и писался енисейским посадцким человеком, и в том же 174-м году он Иван в Якутцком с тестем своим Савкою откупил квасную баню и держал за собою на откупу два годы. И во 176-м (1668) по твоему великого государя и по грамоте, что он Иван бил челом тебе великому государю в вечное холопство служить по Якутцкому, и приверстан в дети боярские. И во 177-м (1669) году посылан он Иван для ясачного сбору на Маю в Верхнее зимовье, и собрал он Иван твоего великого государя ясаку 9 сороков 5 соболей, а не добрал он Иван твоего великого государя ясаку с ясачных тунгусов, которые были у ясачного платежу, 3-х сороков 7 соболей. Да во 178-м (1670) он же Иван посылан был в Жиганское зимовье для ясачного сбору и собрал твоего великого государя ясаку 9 сороков 33 соболи, а не добрал он Иван в том зимовье на ясачных тунгусах и якутах твоего великого государя ясаку на 178-й и на прошлые годы дву сороков 26-ти соболей да 24-х лисиц красных; да во 181-м (1673) году он же Иван посылан был зимним путем из Якутцкого для ясачного збору в ясачные в розные волости в Борогонскую и в Дубчинскую и в Успетцкую и в Чиринтейскую и приискал вновь якутов 30 человек, а взял он Иван с тех новоприискных якутов твоего великого государя ясаку 2 соболи 28 лисиц красных, а не добрал в тех волостях он Иван с ясачных якутов, с которых якутов он Иван твой великого государя ясак имал, опричь тех, которых он Иван сыскать не мог, на 181-й и на прошлые годы 27 сороков 8 соболей, за 6 соболей вполы 6 лисиц красных по окладу, 11 лисиц сиводушчатых, 414 лисиц красных; да во 182-м году посылан был он же Иван на Вилюй в Верхнее зимовье для ясачного збору и собрал твоего великого государя ясаку 15 сороков 25 соболей, 50 лисиц красных, а не добрал он Иван в том Вилюйском зимовье твоего великого государя ясаку на ясачных тунгусах и якутах 3 сорока 18 соболей, 10 лисиц красных; да во 184-м (1676) году посылан был он же Иван в Олексинский острожек для ясачного збору и собрал он Иван твоего великого государя ясаку 8 сороков 15 соболей, а не добрал он Иван в том Олекминском острошке твоего великого государя ясаку на ясачных тунгусах и якутах 3 сорока 32 соболя; и будучи он Иван в том Олекминском острожке, винона себя курил. Да во 187-м (1679) году посылан был он же Иван на Вилюй в Среднее зимовье и собрал твоего великого государя ясаку 4 сорока соболей, 338 лисиц красных, а не добрал он Иван твоего великого государя ясаку в том Вилюйском в Среднем зимовье на ясачных тунгусах и якутах на 187-й и на прошлые годы 12 сороков 26 соболей, лисица сиводушчатая, 532 лисицы красных. И будучи он Иван в том Вилюйском зимовьи, вино на себя курил же; и всего он Иван в тех волостях и зимовьях не добрал твоего великого государя ясаку и поминков 52 сорока 37 соболей, за 6 соболей вполы 6 лисиц красных по окладу, 12 лисиц сиводушчатых, 980 лисиц красных. Да он же Иван во 186-м (1678) году, будучи на Чичюйском волоку на приказе, на воеводу на Фому Бибикова и на себя вино курил, и ныне, будучи в Якутцком с твоею великого государя з денежною казною, на Чичюйском вино курил же. И за те ево Ивановы винные куренья по твоему великого государя указу велел я холоп твой на нем Иване доправить пени 40 руб. И я холоп твой по твоему великого государя указу и по грамоте ево Ивана на Вилюй в Верхнее зимовье для твоего великого государя ясачного збору не отпустил для того, что он Иван бил челом тебе великому государю на Москве ложно и сказал, что де он служил тебе великому государю по Якутцкому 25 лет и

собрал твой великого государя ясак с прибылью, и сына своего Василья сказал 14-ти лет; а он Иван в Якутцком служит тебе великому государю 13 лет и в твоем великого государя ясаке учинил великий недобор и сын ево Васька 7-ми лет, а не 14-ти лет и служить тебе великому государю службы сыну ево Ваське за малыми летами некому. Да и для того ево Ивана холоп я твой не отпустил, что он Иван, будучи на твоих великого государя службах, во многих местах вина курил. И о том ево Иванове ложном челобитие и в верстанье сына ево Васьки что ты великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич … мне холопу своему укажешь».

Но дожил Иван Андреевич до глубокой старости. Умер в 1706 году. Пережил нескольких своих сыновей, которые вместе со старшим — сыном боярским Петром — в 1692 году встретились на пути в Зашиверский острог на Янском хребте с озлобленными казачьими поборами тунгусами и были убиты.

Вот их имена: «Дело по челобитью детей боярских Ивана, Петра и Василия Крыжановских о выдаче хлебного и соляного жалованья для службы на реках Колыме и Алазейке и хлебного и соляного жалования по заемным кабалам и отписям якутских служилых людей (7–26 августа 1689)».

Младшему из них — но уже сыну боярскому Василию – было тогда 13 лет. Погиб в 16.

Но есть свидетельство еще более раннего периода его службы:

«Последняя служба Атласова в Даурии относится к 1687–1688 гг. В июле 1687 г. он пошел на реку Удь в отряде детей боярских Ивана и Василия Крыжевских (Крыжановских. — *С.В.*) и вернулся на Лену не позднее 28 июня 1688 г.» [Белов М.И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку].

Оставались еще двое самых младших — Андрей (1677) и Федор (1679).

29 июня 1691 года сын сына боярского Андрей Иванов сын Крыжановский в возрасте 14 лет верстан в пешую казачью службу.

В 1706 году вместе с Андреем Ивановичем [9-я пятидесятня] служит и еще один его брат — Кирилл [Кирюшка] Иванов сын (1681), [2-я пятидесятня].

Старший из братьев — Петр — был женат. Вот что нам поведали документы за 1682 год:

«…о возвращении сыну боярскому Григорию Мохначевскому приданого умершей его дочери зятем его — сыном боярским Петром Ивановым Крыжановским» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

И так бывало… Но были ли у него дети — неизвестно.

Дети были у Андрея — нам известен Федор Андреевич, служивший в 1706 году в 15-й пятидесятне Якутского казачьего полка и отмеченный впоследствии в Тауйском остроге [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 127 об.]. Но связывать его с казаком Иваном Федоровичем Крыжановским (1787), служившим в Тигильской крепости в 1812 году, конечно же, абсурдно — между ними возрастная разница в несколько поколений.

Мы не знаем откуда — из Якутска или Иркутска — появляются в Тигильской крепости и вообще на Камчатке казаки Крыжановские.

Но первый из них зафиксирован в Тигиле.

И мы начинаем свой отсчет.

Иван Федорович был не единственным из этого рода на Камчатке — по данным Исповедальной росписи Петропавловского собора, в Петропавловском порту служил некий Крезеновский Спиридон (1784).

Вполне возможно — старший брат Ивана Федоровича.

Спиридон был женат.

И, согласно архивным материалам, его сын Николай Спиридонович Крыжановский станет впоследствии частным командиром Тигильской крепости.

Вот его послужной список:

Урядник Крыжановский
Николай Спиридонович — 40 (1816);
Из казачьих детей, уроженец Камчатской области;
Поступил на службу в Камчатскую казачью команду казаком 1 января 1835 г.;
Произведен в урядники 15 августа 1841 г.
Назначен к исправлению должности Тигильского частного командира 5 февраля 1845 г.;
Переведен в Большерецк частным командиром 6 марта 1847 г.;
Переведен в Тигиль в должности содержателя и находился в этой должности по 1 мая 1852 г. с 30 марта 1851 г.;
Назначен к исправлению должности частного командира 5 февраля 1855 г.;
Женат на Катерине Васильевой.
Дети: Гаврил — 8, Николай — 1, Дарья — 7 мес., Августа — 3;
В сражении не был» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 88].

А это уже о его старшем сыне:

Приказ
Приамурского генерал-губернатора
(октябрь 1906 г.)

«Награждаются мною [за участие в обороне Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.]. … званием зауряд-хорунжего: Камчатской казачьей команды пятидесятники Дмитрий Иванов Коренев, Федор Давидов Савинский и Гавриил Николаев Крыжановский и урядник Давид Давидов Савинский за усердную и полезную службу…»

«Пятидесятник Камчатской казачьей команды Гавриил Николаевич Крыжановский, 54 года — «Умело организовал дружины, выказал свою особую распорядительность по наблюдении берегами от внезапного вторжения японских хищников, благодаря чему одна шхуна одним из его отрядов взята с боя. Представлен к званию зауряд-хорунжего» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2020. Л. 63. Лл. 66–67].

Гавриил Николаевич (1849) был женат на дочери бывшего гижигинского, а теперь тигильского казака Николая Яковлевича Толстихина Евдокии.

Другой сын Николая Спиридоновича — Прокопий Николаевич (1854) — был женат дважды — на казачках Марии Ивановне Юшиной (с 1876 года) и казачке Инне Андревне Шемаевой (с 1894 года). А его сын, с которым они под командой Гавриила Николаевича вместе обороняли Камчатку в составе Тигильской дружины, вновь породнился с Толстихиными:

Крыжановский Маркел Прокопьевич (1882). Жена (с 16.04.1903) Толстихина Анна Иоанновна (1875), дочь кантониста Иоанна Васильева Толстихина (сына бывшего гижигинского казака Василия Яковлевича Толстихина).

Фамилия жены Григория Николаевича Крыжановского — Стефаниды Ивановны — нам пока неизвестна.

А вот четвертый из сыновей — Михаил Николаевич (1880) — в 1907 году вступил в брак с Александрой Иннокентьевной Савинской — дочерью отставного пятидесятника Иннокентия Федоровича Савинского, внучкой бывшего гижигинского командира сотника Федора Ивановича Савинского.

В годы политических репрессий кровавый топор коснулся только одного из Крыжановских — сына Гавриила Николаевича:

Крыжановский Николай Гаврилович (1879). Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: сельская школа; б/п; работал в своем хозяйстве.; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль Арест: 24.09.1937. Осужд. 01.02.1938 тройкой при УНКВД по ДВК. Обв. по обвинению в «антисоветской агитации и продаже пушнины иностранным фирмам» (без ссылки на закон). Расстр. 01.04.1938. Реабилитирован 20.06.1989 заключением прокурора Камчатской обл.

Но эта фамилия как-то неожиданно исчезла с Северо-Востока.

То ли растворилась в женской половине: Крыжановская Евгения Гавриловна (1876) стала Косыгиной, Крыжановская Матрена Гавриловна (1880) — Лонгиновой, Крыжановская Августина Григорьевна (1890) — Петровой…

То ли сами Крыжановские покинули свое родовое гнездо и разлетелись по разным городам и весям, потеряв связь со своей малой родиной…

КРЫКОВЫ

Фамилия очень редкая.

«Имя Крык возникло от слова “крык” или “крыч”, что означает “крайний, последний”. В древности земли, населенные людьми, назывались “кры” или “краи”, а их жители — “крычевцы“ или “крыковцы”. Со временем эти населенные пункты получили свои названия, и из них могли образоваться фамилии, в том числе и фамилия Крыков».

Первый из Крыковых — сын боярский Иван Крыков — прибыл в Ленский острог вместе с отрядом первого якутского воеводы Петра Петровича Головина в 1640 году. Об этом мы узнали случайно — из коллективной жалобы на Головина, пытавшегося навести порядок в Якутии с пушным промыслом и ясачным сбором.

О Крыкове в этой челобитной лишь упоминание. Нет никаких сведений о нем и в других документах, которые были у нас.

И в Тобольске, откуда, по нашей версии, он прибыл на Лену, мы тоже пока не нашли о нем никаких упоминаний.

Только сын, по отчеству, напоминал об отце.

Тобольск, 1689 год:

«Улица Благовещенская

Литовского списку казак Стенка Лукьянов сын Новицкой, на подворье казачей сын Гришка Иванов сын Крыков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6894. Л. 52 об.].

Обращает внимание ссылка на отчество — обычные казаки писались по имени, а тут всего лишь казачий сын.

Но в 1693 году этот бывший казачий сын Гришка Иванов сам казак и записан в самую элитную казачью часть:

«Рядовые Литовского списку казаки

По 6 рублев

Гришка Иванов Крыков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 200 об.].

И, разумеется, такую высокую честь заслужил не казачий сын, а его отец — сын боярский.

И теперь мы можем понять, чем же и другой Иван Крыков [вероятно, Иван Григорьев сын] заслужил высокое право быть приказным человеком на Камчатке.

Вот что пишет по этому поводу Степан Петрович Крашенинников:

«1731 как вышеозначенные прикащики Шахурдин с товарыщем с Камчатки на Ламу поехали, а вместо себя оставили закащиком в Нижнем Камчатском остроге Ивана Крыкова, в Верхнем Василья Пашкова, а в Большерецком Козму Олесова; в то же время бывшей на Камчатке штюрман Яков Генс, подмастерье Спешнев да геодезист Михайло Гвоздев на боту “Гаврииле” нарежалися было идти до Чюкоцкого носу по ордеру от господина капитана, а ныне маеора Павлуцкого, которой то время был в Анадырском остроге и нарежался итти в чюкчи, и уже совсем собралися на судно, только замедлились за деланием шверцов, то камчадалы ключевские и еловскне, каменные и крестовские изменили, которой измены причины сию сказывали.

С самого взятия Камчатки по 1733 или 1734 год камчадалы каждой платил от себя в год в казну ее императорского величества одного соболя или лисицу, да четыре чащины, то есть четыре соболя или лисицы ясашным зборщикам. С них же летом и осенью збирали юколу, гусей, траву сладкую, кипрей, нерпичьи кожи и прочее, где какой промысел бывав, которое они с прикащиками по себе делили, а у кого чего дать не было, у того детей и жену за чащины бирали, которых держали у себя в холопстве, отчего камчадалам разорение немалое было, и они ясашных зборщиков, не стерпя обид, часто побивали, а в 1728 году вздумали было они и всех русских на Камчатке перевесть, только ждали к тому удобного времени. Начальники той измены ключевские

да еловские камчадалы, которые весною 1731 по всей Камчатке розгуливали, будто по обычаю в гости ездили, а они других рек тойонов к измене подговаривали и подговорили.

А летом того же 1731 году, как судно нарежалось в поход, то у них совет был на ключах (*В рукописи зачеркнуто*: изменять или нет) о измене и побитии русских, что большая часть иноземцов (*В рукописи зачеркнуто:* перетерпеть) отложить измену присоветовала. И так разошлись было. В то же время закащик Крыков послал толмача Орликова за збором ягод голубели, которой, пришед на Ключи, стал посылать камчадальских баб неволею по ягоды, что камчадалам за великую досаду показалось, ибо у них прежде того ягодных зборов не бывало. Того ради побежали они на Еловку к тойону новокрещенному Федору Харчину и сказали, что Орликов прислан ягод збирать, и им де зборов не переплатить будет ибо де наступают травяные, кжольные и прочие летние зборы; Харчин с товарыщи собравшись поплыл на Ключи и убил вначале ягодного зборщика Орликова да казачью жену, оттуда того же дня поплыл на низ, и по летовьям бывших всех казаков прибил, а приплыв под Нижней острог, сперва зажгли они попов двор, в таком намерении, чтоб служивых людей свободнее и скорее побить, ибо служивые на пожары для отниманья ходить охотники, и как попов сын по обычаю в набат бить бросился, то в него иноземцы на колокольне стрелять стали и жестоко ранили, которой, пришед в ясашную избу, невдолге умер, после того они бывших в остроге служивых людей и казачьих детей, не щадя и малых робят били, также и несколько женского полу, сперва наругався над ними, перекололи, а иных в холопи себе и в наложницы побрали, и хвалились собак казачьих на Камчатке вывести.

Из служивых спаслося малое число, которые в батах к морю того же дня приехали к бывшим на судно штюрману Генсу с товарыщи о измене иноземческой объявили, которой, посоветовав с прочими, поход в чюкчи оставил, и для взятья Нижнего острога и усмирения камчадалов итить присоветовал».

Иван Крыков в это время был на устье реки Камчатки, провожая в морскую экспедицию экипаж бота «Святой Гавриил», который, к счастью для него и других камчатских казаков, за «противным ветром» вернулся назад…

Имя Ивана Крыкова не значится в приговорах по Харчинскому бунту, хотя по этим приговорам выносилась и смертная казнь виновным.

Вероятно, его самого в это время уже не было в живых.

Но, судя по дальнейшему развитию событий, у него на Камчатке остались дети, о существовании которых мы можем судить по архивным данным.

Петропавловский порт, 1813 год.

«Петропавловская казачья команда

Крыков Гаврило Дмитриевич (1773), казак. Ж. Марина Егоровна (1765)» [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

Нижнекамчатск, 1812

Казачья команда

Казаки

Крыков Дмитрий Семенович (1795)

[Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4].

Судя по отчествам, можно построить условную линию:

Иван Крыков, приказчик Нижнекамчатского острога в 1731 году.

Крыков Дмитрий Иванович (примерно 1731).

Крыков Семен Дмитриевич (примерно 1770).

Крыков Гаврило Дмитриевич (1773).

А далее мы можем повести уже не условную, а опирающуюся на материалы архивов эту дальневосточную фамильную линию.

Начнем с Гаврилы Дмитриевича.

В 1801 году родился Егор Гаврилович Крыков, сын казака, который сначала — в 1817 году — был зачислен в Камчатскую казачью команду, а в 1822 году переведен в Петропавловскую экипажную роту матросом 2 класса, в 1834 году (вероятно, как потомок сына боярского) назначен квартирмейстером, в 1836 году — боцманматом, в 1843 году — старшим унтер-офицером.

Дети Егора Гавриловича:

Экипажная рота

Квартирмейстер Егор Гаврилович Крыков. Дети: Василий (1830), Ираида (1826).

Петропавловский порт, 1854 год.

Крыков 1-й Василий Егорович, участник Петропавловской обороны.

Почему первый?

У Дмитрия Семеновича Крыкова, который в 1815 году служил в Тигильской крепости, а потом был переведен в Петропавловскую казачью команду, был брат Иван, казачий сын, тоже служивший впоследствии в Петропавловской казачьей команде. И у Ивана Семеновича был также сын Василий Иванович, который в 1854 году находился в Камчатском флотском экипаже и был представлен в списках как Крыков 2-й.

Впоследствии, как известно, гарнизон Петропавловского порта был переведен в Николаевск-на-Амуре, и обоих Крыковых нужно теперь искать в списках 27-го Амурского флотского экипажа или, позднее, в списках уже Сибирской флотилии, базирующейся во Владивостоке.

КУДЕЯРОВЫ

Они же — Худеяровы… Они же — Кудияровы… И они же — Кудьяровы… На форуме Предыстории до сих пор спорят о том, это одна или разные фамилии [https://predistoria.org/forums/index.php?topic=3083.0].

И с каких из них мы должны начать свой рассказ?

Конечно же, с тех, которые отметились в нашей истории первыми.

А первым известным нам из этой родовой сибирской цепочки был отмечен в 1685 году нерчинский рядовой казак в десятке Федора Шайдура Михайло Петров сын Кудеяров [Сибирские города. Материалы для их истории

XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886].

И далее мы движемся по его родовым стопам.

Нерчинск, 1694 год. Михаил Петрович по прежнему служит в десятке Федора Шайдура [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 448 об.].

«Книга окладная жалованья служилым людям по Нерчинску» за 1708 год.

Он уже Михайла Худеяров [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л. 6].

Нерчинск, 1721 год.

«Нерчинской конный казак Михайло Кудеяров 85 [лет] (1636), ево сын Нестер — 37, сын Григорей — 26, а у Нестера сын Алексей — 5 (1716), сын Яков — 5» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 6].

В 1722 году у Нестора родился еще один сын — Степан [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Нерчинск, 1744 год:

«Города Нерчинска разночинцов

померло

98) Михаило Кудеяров

99) у него внук Яков» [Нестеров сын] [РГАДА. Ф. 350 Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917, 2-я ревизия. Книга переписная населения г. Нерчинска и уезда].

А вот и главное.

В том же самом документе, но в другом списке обозначены братья:

«[определены в казачью] службу

266) Нестер [Михайлов сын] Худеяров

267) Григорей Михаилов сын Худеяров

Взяты на Камчатку Алексей Нестеров сын Кудеяров…»

Правда, понятие «взяты на Камчатку» весьма условное.

Через двадцать с лишним лет мы находи родовой след Алексея Нестеровича.

И где же?

На пути из Анадырского острога (Чукотка) в Гижигинскую крепость (современная Магаданская область):

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

Худеяров Алексей. Жена Меланья Никитична. Сыновья: Данило — 17 (1751), Дмитрий — 14 (1754), Иван — 10 (1758), Петр — 7 (1761). Дочь Матрена — 2 (1766)» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Нам сегодня неведомо, из какого роду-племени была Меланья Никитична — чукчанка, корячка, юкагирка, тунгуска или, может, камчадалка…

Кстати, многие из современных потомков охотских, гижигинских, тауйских и ямских казаков считают себя… камчадалами.

И в этом нет ничего удивительного. Мы увидим на примере этой семьи, как происходило ее разделение по разным географическим точкам Дальнего Востока.

В 1781 году Иван Кудеяров служит в Охотске, а его отец и братья — в Гижигинской крепости [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 19–22]. При этом Иван и Дмитрий остаются в казаках, а Петр служит в солдатах, что было значительно выгоднее — служба завершалась не с периодом полной профнепригодности, а через 25 календарных лет с последующим поселением по месту своего избрания.

По ведомости Гижигинской школы мы находим год появления на свет Льва Дмитриевича Худеярова — в 1784 году ему было шесть лет и он был еще не «школьником», а «подготовишкой», то есть родился он в 1778 году [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 7].

Но если мы заглянем «Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков за Май 1-го дня 1831 года», то он уже не Худеяров, а Кудьяров и год рождения у него — 1771 [Национальный архив РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.].

В этом же списке за 1831 год и его сын: Худеяров Василий [Львович] 1-й (1794).

В материалах государственного архива Магаданской области за 1848 год в фамильном написании снова изменения: Кудьяров Василий [Львович] (1794–1848), сотник Гижигинской казачьей сотни.

А вот записи о его родном брате:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Кудеяров Дмитрий Львов — 57 (1795)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы

В Гижиге

Состоят на льготе

казаки

Кудияров Дмитрий — 60; из казачьих детей, на службе и в чине с 1817 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

«Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год

Льготные казаки

Кудьяров Дмитрий — 60, на службе с 1807, на льготе с 23.07.1854. Ж. Авдотья Васильевна — 46 (1810)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

Худеяров Василий Львович в списке за 1831 год представлен как Василий 1-й.

Мы не знаем отчества Василия 2-го, но мы его нашли:

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Худеяров Василий 2-й (1805)».

В последующем, по всей видимости, именно он служил в Охотске:

«Список казаков, находившихся в Охотской команде … с 1860 г.

Урядник Василий Кудияров — до 1863 г., до перевода в урядники, служил в казаках, 20.05.1873 г. уволен в отставку» [РГВИА. Ф. 1286. Оп. 29, Д. 398. Л. 134].

То есть географически семья продолжала делиться.

В 1904 году в составе Петропавловской дружины оборонял Камчатку от японцев некий К. Кудьяров.

Вполне возможно, что это был Кузьма Кудьяров, отец Ефима Кузьмича Кудьярова, который в период завершения гражданской войны в 1922 году, согласно сведениям, собранным его внуком, «был проводником с Камчатки до Гижигинска отряда Г. И. Чубарова, который в 1923 г. освободил город от отряда В. Бочкарева. В начале 1930-х гг. Е.К. Кудьяров был арестован и осужден на 5 лет. Так как он был охотником-профессионалом, то его отправили в район Северного Ледовитого океана на промысел китов и моржей» [Брагин В.В. Населении «забытого» города Гижигинска: из истории семьи Брагиных; Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием, Иркутск, Издательство ИГУ, 2020].

Мне, правда, не удалось найти имя Ефима Кузьмича в списках жертв политического террора в СССР, но встретилось среди многочисленных Забайкальских, Иркутских и томских Кудияровых, Кудеяровых, Кудьяровых это вот имя:

Кудьяров Михаил Николаевич.

Родился в 1901 г., Дальне-Восточный кр.; русский; Арестован в 1936 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Дальстрою 11 мая 1938 г., обв.: антисоветская агитация. Расстрелян 8 июня 1938 г. Реабилитирован в январе 1989 г. [Источник: Книга памяти Магаданской обл.].

Это родной сын Николая Михайловича (1874) — внук Михаила Дмитриевича (1838) — правнук Дмитрия Львовича (1795) — праправнук Льва Дмитриевича – прапраправнук Дмитрия Алексеевича (1754) — прапраправнук Алексея Нестеровича (1716) — прапрапраправнук Нестера Михайловича (1684) — прапрапрапраправнук Михаила Петровича Кудеярова (Худеярова, Кудиярова, Кудьярова).

Можно ставить и точку в этом исследовании — ясно, что все остальные гижигинские и охотские Кудеяровы (при всем разнообразии написания фамилии) — это потомки нерчинского казака Михаила Петрова сына Кудеярова.

Но было бы любопытно узнать и о том, что происходило в Нерчинске после отправки Алексея Нестеровича на службу, которая стала для него и его семьи «вечной».

Алексей Кудеяров уходил на службу в составе группы — и одним из его товарищей был Михаил Иванович Корнилов, который впоследствии, как сообщил мне представитель рода Дурыниных-Корниловых С.Е. Дурынин, вернулся на свою малую родину — в Нерчинск.

3 июля 1750 года он сыграл свадьбу:

«Дана венечная память Нижняго Острогу Сретенской церкви Священнику Андрею Стефанову о венчании со исследованием о сродстве ево приходу казачья сына Михаила Иванова сына Корнилова первым браком на девке новокрещенной Евфимии Козмине дочери Козминых».

Но пятью годами ранее Корниловы породнились и с Кудеяровыми:

«Дана венечная память Нерчинского собору священнику Симеону Иванову венчать ево приходу служилого Якова Тимофеева сына Корнилова первым браком на девице Татьяне Несторовой дочери Кудеяровых того ж приходу» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 5. Л. 235 об.].

Вообще-то в тот год семья Кудеяровых праздновала не одну, а две свадьбы:

Нерчинскому собору священник Симеон Иванов венчал также «ево приходу посацкого Никифора Григорьева сына Дорофеевых вторым браком на девице Варваре Несторовой дочери Кудеяровых» [там же, л. 235 об].

А в 1751 году сыграли третью — «1751 году венчались. В генваре … 20-го Крестьянин Анфиноген Леонтьев сын Веретенников невестою девицей Дарьею Нестеровой дочерью Кудеяровых первым браком» [там же, л. 480].

Но это уже не Кудеяровские родовые линии.

У Григория Михайловича Кудеярова, как мы прослеживаем по архивным материалам, дети часто умирали – младенец Василий (в 1728), девятилетний Симеон (в 1745), четырнадцатилетний Алексей (в 1751).

И у Нестора, как мы выяснили, были еще сыновья — в 1722 году родился Стефан, в 1730 году — Петр.

И вот еще одна информация в материалах Нерчинска за 1819 год:

«О рождающихся

февраль

24/25 у казака Михайла Кудеярова сын Василей воспр Иркутский мещанин Лев Коротаев молитвил и крестил священник Георгий Стуков».

Михаилу Петровичу было в тот год 83 года — он 1636 года рождения. Но в казачьих списках Нерчинска другого Михаила Кудеярова нам обнаружить не удалось.

Может быть, пока. И на сегодняшний день пусть это останется для нас загадкой.

Загадкой для того, чтобы понять, откуда вдруг в Восточной Сибири такое множество казаков Кудияровых, Кудеяровых, Кудьяровых…

Не от одного ли они могучего родового корня, патриархом которого был Михаил Петрович Кудеяров?!

КУИМОВЫ

Куимовы — это то же, что у русских Третьяковы, то есть третий ребенок (как правило, сын) в семье.

Только в этом случае счет вели представители народа коми — коми-зырян или коми-пермяков, которые задолго до похода Ермака начали осваивать Сибирь и создавать так называемые «зырянские городки», а в походах русских землепроходцев были самыми надежными проводниками и главным кадровым потенциалом казачества, почему в Сибири укоренялось так много казаков Пермяковых и Зыряновых, Колеговых и Куимовых.

Так и в самой древней из сохранившихся «Дозорных книг Тобольска», датированной 1623 годом, представлен патриарх этого тобольского казачьего рода:

«Деревня на речке Сузгунке в Вершинах. Во дворе конной казак Семен Куим. Пашни у нево

паханные середние земли 2 чети да перелогу 10 четей в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 10 десятин. Сено косит 200 копен».

Тобольск, 1630 год.

«Конные казаки. По 7 рублев с четью … Семейка Куимов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 27. Л. 16 об.].

Пеший казак Ивашка Куимов – возможно, уже его сын. Конные казаки — это уже более высокий ранг государственного служилого человека.

Но уже в 1627 году Ивашка в одном списке показан рядовым пешим казаком, а в другом — уже десятником:

«Атаман пеших казаков Третьяк Юрлов
Казаки пешие

Оклад по 5-ти чети с осминою ржи по 4 чети овса … Ивашко Куимов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 14. Л. 137 об.].

«Атаман пеших казаков Третьяк Юрлов
Пешие казаки

Пятидесятником по 5 рублев с четью, а десятником по 5 рублев бес чети, рядовым казаком по 4 рубли с четью … Десятник Ивашко Куимов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 14. Л. Л. 91 об.].

Должности в казачьих войсках попросту не раздавали — их или передавали по наследству «за заслуги отцов и дедом», либо получали за собственные заслуги.

Какие же заслуги были у Ивана Куимова?

Скорее всего, это были «мангазейские дела». Правда, тот случай, о котором мы расскажем, на заслуги явно «не тянул»:

«В 733 [1625] г. с верховьев Нижней Тунгуски, «из новой Шилягинской земли», казаки — тобольский Ивашко Куимов и березовский Нечайко Яковлев — привели в Туруханское зимовье двух шилягинских людей в качестве аманатов; здесь они получили подводы и сторожей для следования далее в Мангазею, но на дороге аманатчики у тех казаков “ушли безвестно на лес”. Казаки, прибывшие без аманатов в Мангазею, были отправлены оттуда в Москву, где они на допросе сообщили, “как они привели под царскую руку новых шилягинских людей и ясак с тех людей взяли, а взяв ясак, взяли у тех людей в заклад дву человек закладчиков: Долножая да Докуная, и ехали они от тех шилягиров с собольми и с теми закладчики на низ Нижнею Тунгускою до Туруханского зимовья 4 недели”; здесь они получили от “приказных людей” — литвина Юрия Воеводского и казака Василия Кокоулина — судно, гребцов и сторожей, и поехали далее “рекою Туруханью вверх, и ехали тою рекою ден с семь, и как приехали на усть речки Волочанки, и учали на берегу, в зимовье, есть варить, и те закладчики остались на судне, туруханских сторожей за сторожею; и у тех сторожей с судна ушли в леса…”; грамотой 1626 г. приказано тобольским воеводам произвести строгое расследование этого дела и выяснить: “тех закладчиков отпустили казаки или сторожи, и хитростью ль тех закладчиков отпустили, взяв у тех закладчиков откуп”; в случае отпуска “хитростью” виноватых “бить кнутом нещадно”; если же закладчики ушли “не по отпуску”, казаков и сторожей все-таки “бить батоги”» [РГАДА, Сиб. прик., кн. 6, лл. 579–583 об.].

В следующем поколении Куимовых двое — Андрей (период 1647–1675 гг.) и, по всей видимости, его сын Иван (период 1670–1676) служили подъячими в Тобольской приказной избе.

Оклад Андрея за эти годы поднялся с 8 рублей в год до 14 рублей.

Оклад Ивана с 2,2 рублей до 4,5 — скорее всего, это для него была временная служба при отце. А может ранняя смерть помешала дальнейшей карьере — но о нем более никакой информации мы не нашли.

В Тобольск, 1661 год.

«Пешие казаки Омельяновы
станицы Васильева
Рядовые

Петрушка Куимов» [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Д. 409. Л. 190 об.].

А это его сыновья:

«В Ялуторовской же слободе драгуны за хлебное жалованье служат с пашни

Микишка Петров сын Куимов, [родился] в Тоболску в подгородной деревне Куимове

Офонка Петров сын Куимов, [родился] в Тоболску

Ондрюшка Петров сын Куимов, г. Тобольска пешего казака сын» [РГАДА, Ф, 214, Оп. 5, Д. 261, 270].

К 1686 году этот — ялуторовский — список казаков Куимовых расширяется: «Ялуторовская слобода, Рядовые драгуны, Петрушка Куимов, Офонка Куимов. Драгунские отцы и братья и племянники Микишка да Ондреянко да Ондрюшка Куимовы

Ивашко Петров Куимов» [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Кн. 610, Л. 164 об., 168–168 об.].

Это одна ветвь.

А вот и вторая.

Тобольск, 1661 год.

«Голова конных казаков Гаврило Грозин
Конные казаки

Микитка Куимов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 146 об.].

В 1686 году Никита и Алексей Куимовы были направлены в Даурию в составе войск Федора Головина для решения Амурского вопроса с Китаем. Они находились в полку П. Грабова, дислоцировавшегося в Удинске [Багрин Е.А. Полк Головина 1686–1690. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком)].

Тобольск, 1693 год:

«Новокрещеного ж списку казаком которые из рейтар а оклад велено давать в приказ до убылых окладов по 7 рублев … Микитка Куимов в Даурех [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 208].

Микитка и Петрушка, по всей видимости, родные братья – выходцы из одной деревни Куимова, как и их дети:

Тобольск, 1710 год.

«Деревня Куимова. Во дворе отставной конной казак Костянтин Микитин сын Куимов сказал себе от роду 73 лет (1637) вдов у него сын конной казак Алексей 45 лет у него жена Орина 40 лет у него дети сыновья Егор 15 лет Микита 12 лет да сноха сыновья салдацкая жена Федо-

ра Сидорова 30 лет да дочери ево Костянтиновы девицы Орина 15 лет Анна 10 лет да внучка Алексеева дочь Устинья 16 лет.

Во дворе казачей сын Афонасей Никитин сын Куимов сказал себе от роду 65 лет (1645) у него жена Парасковья 40 лет у него дети Иван 18 лет Никифор 13 лет дочери Онисья 14 лет Марина 8 лет Овдотья 6 лет Олена 3 лет.

Во дворе отставной конной казак Илья Никитин сын Куимов сказал себе от роду 60 лет (1650) у него жена Овдотья 60 лет у него дети сын Александр 25 лет у него жена Варвара 25 лет у него дети дочери Онисья 2 лет Ненила году.

Во дворе конной казак Микифор Никитин сын Куимов сказал себе от роду 55 лет (1655) у него жена Наталья Иванова 50 лет у него сын Иван 19 лет дочерь Василиса 8 лет да приемыш Иван Яковлев 20 лет у него жена Федосья 20 лет».

Обратим внимание на тот факт, что Аванасий Никитич Куимов, возраст которого 65 лет, все еще «казачий сын».

Что это значит? То, что он оказался вне служилого штата и должен был самостоятельно заботиться о своем житье-бытье.

Обратим внимание еще на одну важную деталь: в переписи указаны только те дети, которые были *при родителях*. Все остальные дети, которые вели уже самостоятельный образ жизни, в этом списке *не указывались*.

Почему мы это подчеркиваем?

Потому что в данном перечне имен нет того имени, которое мы ищем:

Якутск. «Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Куимов Григорий (11): «Григорий Куимов, на Камчатке от иноземцов убит, и в нын. 706 г. мая в 16 д. приверстан в казачью службу в его Григорьево место и оклад Петр Федотов».

«Запись служилым людям, которые служилые люди в Камчадальские остроги шли.

В прошлом 705 … побиты

Куимов Григорий» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 133 об.].

Кстати, Григорий Куимов мог быть и из других тобольских (уверен — родственных) семей Куимовых:

1689 год

«Царево Городище при реке Тобол

Во дворе драгун Никита Степанов сын Куимов (Кумов) — 40 (1649), Василий 13, Осип 9.

Во дворе драгун Никита Степанов Куимов — 27 (1862), сын Ефим полугоду, брат драгун Федор Степанов — 30 (1659), сын Иван 6 лет». [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1617. Л. 13–14].

1710 год.

«Двор купленой третьяго набору салдата Василья Иванова сына Куимова сказал себе 22 года (1688) у него мать Марфа Иванова дочь 52 лет.

Двор купленой втораго набору салдата Андрея Иванова сына Куимова сказал себе 30 лет (1680) у него жена Агафья Павлова дочь 25 лет сын Афонасей году дочери Овдотья 4 Лукерья 3 лет Палагея полугоду мать Анна Остафьева дочь 40 лет» [РГАДА. Ф.214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 193 об., 311 об.].

Но дальневосточный список Куимовых у нас еще далеко не исчерпан.

1762 год, Охотск, промысловые экспедиции в Русскую Америку:

«“Варфоломей и Варнава” принадлежало компании московского купца Ивана Савельева и тотемских купцов Пановых. Мореходом был назначен камчатский мещанин Степан Корелин (в недавнем еще житель Тотьмы), передовщиком — Петр Всевидов. Нижнекамчатская приказная изба направила на острова сержанта Куимова и казака Бочкарева».

Это был, возможно, первый вояж сержанта Куимова. Но не последний:

«Во время зимовки 1779–80 на Атхе компания Панова имела частыя ссоры и даже драки с к[омпанией] Киселева. Мало того, мореход Корелин и сборщик сержант Куимов подговорили алеутов в дек. 1779 г. убить передовщика Полозкова, а незадолго перед тем, в Октябре, сменили своего передовщика Всевидова по желанию будто бы всей компании, а в самом деле за то, что он неодобрял поведения морехода и сборщика.

Корелин ушол с Атки в 1780 г. взяв с собою 7 чел. Киселевских, оставшихся в живых после умертвщления артели Полозкова и зимовал на Медном. Оттуда в следующем году он прошол 20–21 июля 2 Кур[ильским] проливом в Охотск» [Полонский А. рукопись «Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год» (Архив Географического общества, р. 60, оп. 1 №2)].

К сожалению, имя сержанта остается нам пока неизвестным, чтобы можно было связывать какие-то родовые линии.

Но вот другой пример.

Тобольск, 1754 год. «Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1754 годом апреля по 1 число.

Солдат Яков Куимов».

При этом нам хорошо известно, что солдаты Енисейского пехотного полка служили как в Анадырском остроге в составе Секретной Анадырской экспедиции, так и в Гижигинской крепости. И мы можем привести другой пример из того же Тобольска:

«Смотровые списки Сибирскаго Гарнизона Пехотнаго батальона штаб обер ундер афицерам капралам рядовым и другим чинам. Учинен при осмотре брегадира и Таболского обер коменданта Павлуцкаго апреля 1 дня 1754 года … Солдаты … Терентий Куимов» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478. Л. 37 об].

А теперь заглянем в «Ведомость Гижигинской крепости за 1772 год:

Солдаты

Терентий Куимов» [РГВИА. Ф 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 9 об.].

Но вернемся к Якову.

Тигильская крепость, 1812 год.

«Унтер-офицеры

Куимов Алексей Яковлевич — 34 (1778). Ж. Анна Матвеева — 28 (1784). Дети: Яков — 5

(1807), Минодора — 10, Агафья — 6, Екатерина — 3» [РГИА ДВ фонд 1009, Оп. 2, дело 2].

Но и это еще не весь список.

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781
Солдаты
Никита Куимов» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 18 об.].

Нижнекамчатск, 1812 год:

«Камчатский гарнизонный батальон
Унтер-офицер
Куимов Василий Иванов (1788)
Рядовой
Куимов Иван Иванов (1789)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 4].

К сожалению, в дальнейшем фамильный след обрывается…

КУКЛИНЫ

Одна из интереснейших фамилий в истории открытия и освоения Северо-Востока России.

В 1629 году на Русском Севере были набраны 500 человек для создания новых станиц Тобольских городовых казаков.

Городовых — то есть закрепленных за основным составом сибирских городов-крепостей, которые обеспечивают денежный, соляной, хлебный, пороховой оклады служилых людей.

Таких городов первоначально было немного: Сургут, Верхотурье, Березов, Тюмень, Тобольск, Томск, Енисейск, Красноярск, Якутск…

«Пешие ж новоприборные казаки, которые прибраны по Государеву указу во 137-м году … рядовым казаком по 4 рубли с четью

Васька Куклин, Якунька Куклин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 27. Л. 24].

Возможно, братья.

Якунька был определен в отряд тобольских «годовальщиков», прикомандированных к первому якутскому воеводе Петру Петровичу Головину.

Но уже в Тобольске местные казаки хотели показать Головину, кто «в Сибири хозяин» и поставить воеводу в зависимое от себя положение:

«1639 г., не ранее мая 31. — Отписка якутских воевод Петра Головина и Матвея Глебова из Тобольска о приеме под свое начало тобольских и березовских служилых людей и об их волнении из-за нежелания воевод выдать в Тобольске жалованье на три года».

Мотивация воеводы была весьма понятной — деньги будут тотчас пропиты, проиграны, заложены…

Казаки думали по-другому:

«И, выступя из них пешей казак Безсоновы станицы Жукова Сенка Павлов, Мишка Ортемьев да Тугариновы станицы Панютина десятник Стенка Колмогорец, учели кричать болшим озорничеством и невежеством и отказывать, что им твоей государевы [казн]ы и хлебных запасов не приймывать и на твою государеву службу не итить.

И мы, холопи твои, велели детем боярским Сенку Павлова, Мишку да Стенку изымать и под[ержать] в съезжей избе, и Стенка из избы ушол, а Мишку велели бить батоги. И на [Мишку] Ортемьева товарыщи ево Сенка Скороходов да Олешка Чюкмасов поволялися на него и бить не дали. А товарыщи их перед избою и на дворе около съезжей избы кричали болшим шумом. И мы, холопи твои, Сенку Скороходова, да Сенку Павлова, и Мишку Ортемьева, и Олешку Чюкмасова велели в съезжей избе подержать, а тех людей, которые озорничеством кричали, послали писменого голову Василья Пояркова, а с ним детей боярских, а велели их на дворе изымать. И ис тех служилых тоболских людей Якунка Куклин да березовской казак Васка Серебреник писменого голову Василья Пояркова лаели и в шею толкали и изымать тех воров, которые у съезжие избы кричали, не дали. И мы, холопи твои, тех служилых людей Сенку Павлова, Мишку Ортемьева, да Сенку Скороходова, да Олешку Чюкмасова велели бить перед собою батоги, вместо кнутья, нещадно. А как их били, и в те поры ссыльной человек тоболской стрелец Ивашко Болховитин, собрався со многими служилыми людми, пришед к съезжей избе под окошко, кричал на нас, холопей твоих, болшим шумом, что бьем товарищев их запосмешно, не по твоему государеву указу.

И мы, холопи твои, послали писменого голову Иналея Бахтеярова з детми боярскими, а велели ево, Ивашка, изымать. И служилые люди ево, Ивашка, изымать не дали, а он, Ивашка, на писменова голову и на детей боярских нож вынел и хотел резать. И мы, холопи твои, Сенку Павлова, да Мишку Ортемьева, да Олешку Чюкмасова, да Сенку Скороходова, бив батоги нещадно, послали з детми боярскими и с подьячим в тюрму. И как их, Сенку Скороходова с товарыщи, повели в тюрму, и служилые люди, собрався, хотели у детей боярских и у подьячево Сенку Скороходова с товарыщи отнять. И Сенка Скороходов и Олешка Чюкмасов служилых людей от себя отбили и в тюрму пошли. И того ж, государь, дни березовские казаки Васка Юрьев, Максимко Архипов с товарыщи того березовского казака Ваську Серебреника, которой писменого голову лаел и толкал, и тоболские служилые люди Якунку Куклина привели ж к нам, холопем твоим, в съез[жею] избу. И мы, холопи твои, того В[аску], бив батоги нещадно, послали в тюрму. [И по И]вашке Болховитине прислал к нам, хо[лопем] твоим, твой государев богомолец архиепи[скоп] Нехтарей, чтоб тому Ивашку Болховитину для ево наказанья не учинить, потому что он озорничел в те поры пьянством. И назавтрее, государь, того дни те служилые лутч[ие] люди, пришед к нам, холопем твоим, в съезжею избу, били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, и в том своем озорничестве и невежестве винились. И мы, холопи тв[ои], велели им твои государевы хлебные и судовые всякие запасы приймать и грузить в суды и им твое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье по их челобитью для их бедности дали на 148-й год сполна. А Сенку Скороходова и Ивашка Болховитина с товарыщи, держав в тюрме неделю, велел[и] дать на поруки з записми, что им впредь бунтов и заводов не делать и скопом, и заговором, и озорничеством не приходить».

Бунт закончился миром. И березовские, и тобольские казаки отправились на службу в далекую Якутию, границы которой только еще приобретали какие-то (совершенно неясные) очертания. И Куклиным выпала важная историческая доля эти границы России определять и укреплять.

И вот оно — первое из сообщений мирового исторического уровня. Задействован, правда, в этом походе был не казак, а промышленный человек Куклин, о котором мы более ничего не знаем, но то, что его имя вошло в мировую географическую науку, — это факт.

Речь пойдет о первооткрывателях Колымы:

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси биют челом холопи твои государевы ленские служилые люди Мишка Стадухин, Митька Михайлов Ярило, Фторко Гаврилов, Онисимко Иванов, Гришка Фофанов, Завьялко Сидоров, Семейка Дежнев, Макарко Тверяков, Мишка Савин Коновал, Мокейко Игнатьев, Сергейко Ортемьев, да томской служивой человек Ромашка Иванов Немчин, Ивашко Беляна, Семейка Мотора, енисейской служивой человек Поспелко Козьмин, красноярской служивой человек Бориско Прокофьев, да сироты твои государевы, промышленые люди Ивашко Гаврилов Куклин, Сысойко Васильев, Ульянко Карпов, Ивашко Павлов, Офонько Якимов, Ивашко Собуров, Федька Федоров.

В прошлом государь во 151-м (1643) году июля в 8 день сошлися мы, холопи твои государевы и сироты твои государевы, на море и сложилися мы, служивые люди и промышленые люди, Мишка Стадухин с товарищи да Митька Михайлов Ерило с товарищи вместе за един, чтоб нам, холопем твоим государевым, служити всякая твоя государева служба вместе за един человек ити нам на новую реку на Ковыму к новым людям неясашным к оленным людям и к пешим сидячим людям и призывать их к государеву жалованью и ясаку с них прошать. И как мы, холопи твои государевы, пришли на ту новую реку Ковыму…» [Находка челобитья первооткрывателей Колымы // Сибирь периода феодализма, вып. 2, Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск. Наука. 1965].

Якунька, прослужив в Якутии шесть лет, был отправлен в Мокву:

«Безсоновы станицы Жукова … Якунька Михаилов сын и Перфирьев он же Куклин в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых».

Как правило, это означало возвращение в Тобольск.

Но и Яков Михайлович успел отметиться в событии такого же уровня, как и Иван Гаврилович:

«1646 г. не позднее сентября 11. — Челобитная тобольских, березовских и енисейских служилых людей в Сибирский приказ об основании Верхоленского острога, сборе ясака с тунгусов и бурят, столкновениях с ними и лишениях, которым подвергались служилые люди.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои государевы из Верхоленсково Братцково острошку тобольские, березовские и енисейские служилые люди Якунка Куклин, Мишка Сорокин, Поспелко Иванов, Пахомко Левонтьев, Юшко Поспелов, Сенка Иванов, Степка Малахов, Федка Литвин, Олешка Офонасьев, Олешка Иванов, Акимка Иванов, Якунка Федоров, березовские Бориско Канкаров, Кирилко Кунсин, Пронка Задубин, Федка Мещеряков, Гришка Жихнов, Мишка Козлов, Онтипка Сорокин, Шестанко Коршунов, Артюшка Яковлев; енисейские Макарко Никитин, Трошко Сидоров, Якунка Софронов, Федка Стефанов толмач.

В прошлом, государь, во 149 г. (1641 год) маия в 30 день посланы мы, холопи твои, с усть Куты на твою государеву службу в верх по Лене реке во усть Куленги реки с пятидесятником с Мартыном Васильевым 50 человек и велено нам, холопем твоим, по твоему государеву указу и по наказной памяте стольников и воевод Петра Петровича Головина, Матвея Богдановича Глебова, дьяка Еуфимья Филатова, в верх Лены реки на усть Куленги поставить острог и, поставя острог, збирать твой государев ясак с тынгусов с розных родов, которые иноземцы тынгусы и братцкие люди тебе, государю, непокорны были и ясаку с себя преж сего не давывали, и поставя острог, и велено нам жить Верхоленском в Братцком острошке до перемены и на остроге караул караулить и аманатов беречь и всякие твои государевы зделья делать. И как, государь, мы, холопи твои, пошли с усть Куты в верх по Лене реке с хлебными запасы и с аманатом братцким в досщенниках и на Лене реке замелели, досщениками итти невозможно , и пятидесятник Мартын Васильев велел делать струги новые, в чем бы мошно поднятца, и мы, холопи твои, зделали четырнатцать стругов великою нужею и топоренка приломали, и что было взято с собою у нас, холопей твоих, предена для ради сетишек рыбные ловли, из тово предена поделали бечевы и пошли в верх Лены, не дошед до усть Куленги версты за 4, и почал быть путь поздной. Изобрав место, где быть острогу, и почали делать острог на спех днем и ночью, потому что стала осень, и острог и башни и избы в остроге поставили и около острогу чеснок побили и надолобы двойные и твой государев ясак собрали на 150 г. (1641/42 год) с тынгусов с розных родов и с брацких людей. И после ясаку, по твоему государеву указу и по наказной памяте стольников и воевод Петра Петровича Головина с товарыщи велено пятидесятнику Мартину Васильеву аманата Куржума выпустить, а в его место взять сына его Чевдока в оманаты, и как ево, Куржума, выпустили, и с ним, Куржумом,

послал пятидесятник Мартын Васильев 6 человек служилых людей для твоего государева ясаку и для прииску новых землиц. И те брацкие люди икирежи Куржум своими людьми тех служилых людей побили и тебе, государю, впредь ясак отказали и тебе, государю, изменили, позабыли твою государеву хлеб соль и на чем свою дали шерть.

И в прошлом же государь во 150 г. твои государевы стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарищи по твоему государеву указу послали из Якутцково острогу пятидесятника Курбата Иванова на перемену пятидесятнику Мартыну Васильеву, и велено ему, пятидесятнику Курбату Иванову, дождався с Илимсково волоку пятидесятника Василья Горемыкина, служилыми людьми и нам холопем твоим с ним, Курбатом, итти войною на тех твоих государевых изменников на братцких людей на икирежей, что те брацкие люди тебе, государю, изменили и служилых людей побили и на 151 г. твоего государева ясаку не дали. И нас, холопей твоих, пятидесятник Курбат послал на Илимской волок для ради хлебной нужи, а иные невеликие люди в остроге остались у государевой казны и у аманата. И на Илимской волок нас, холопей твоих, пошло 15 человек, и велено нам прибрать на Илимском волоку на государеву службу из промышленных и из гу[ля] щих охочих людей на твоих государевых изменников на братцких людей, и прибрали мы, холопи твои, охочих людей 30 человек на твою государеву службу и подымали собою хлебными запасы и оружием и порохом и свинцом, покупаючи и должася у торговых людей дорогою ценою.

И как, государь, с Илимсково волоку и в Верхоленской в Братцкой острог пришел пятидесятник Василей Горемыкин с нами служилыми людьми и с охочими с промышленными людьми 50 человеки в Верхоленской острог, и нам, холопем твоим государевым, пятидесятник Курбат Иванов по твоему государеву указу сказал твою государеву службу, итти на тех твоих государевых изменников на икирех, и мы, холопи твои, поделали лыжи и нарты и промеж собою покупали дорогою ценою и марта в 27 день с пятидесятники с Курбатом Ивановым да с Васильем Горемыкиным пошли на ту твою государеву службу 44 человеки, взяв с собою в вожи тынгусково князца Нокора. И, с божиею милостию и твоим государьским счастием, пришли на братцких людей на улусы апреля в 2 день на самое Христово светлое воскресенье и тех твоих государевых изменников погромили, князца Бобока взяли ранена и скота и ясырю взяли ж и с тех погромных юрт сошли версты з 2 и стали в засеку. И братцкие люди почали приезжать и стали мирится и тебе, государю, с себя и своих улусных людей стали ясак сулить и почали прошать ясырь на выкуп, и пятидесятник Курбат Иванов ясырь на выкуп велели отдавать. И они, государь, братцкие люди икирежи и булгудаи на утреной зоре собрався большими людьми сот 6 и кругом с щитами обошли и почали по нас из за щитов стрелять, и мы, государь, холопи твои, прося у бога милости, с теми братцкими людьми поставили бой и из засеки вышли вон невеликими людьми с Курбатом и стали по обе стороны по щитам стрелять, а иные служилые люди из засеки почали стрелять и, божиею милостию и твоим государьским счастьем, у братцких людей сщиты отбили и братцких людей на приступе и на побеге многих побили и переранили и копья и луки и саадаки и шеломы с голов отбили. И они, братцкие люди, с того бою побежали, друг друга не зведали, и мы, государь, после того бою с пятидесятником с Курбатом Ивановым да с Васильем Горемыкиным на отход пошли в Верхоленской острог и пришли все с бою здравы, а хто, государь, на бою мужика убил ли, ранил и хто под мужиком коня подстрелил, пятидесятники Курбат Иванов да Василей Горемыкин писали в Якутцкой острог имянно в росписи к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарыщи.

А в прошлом же, государь во 151 г. по твоему государеву указу и по наказной памяте стольников и воевод Петра Петровича Головина с товарыщи, послал нас, холопей твоих, из Верхоленсково Братцково острошку пятидесятник Курбат Иванов на усть Куты для твоего государева жалованья хлебново и денежново и соляных окладов и велел нам, холопем твоим, по твоему государеву указу прибрать из промышленых и из гуляющих охочих людей на твою государеву службу на Байкал и на Ламу. И по твоему государеву указу и по наказной памяте пятидесятника Курбата Иванова прибрали мы, холопи твои, промышленых и гулящих охочих людей на твою государеву службу на Байкал и на Ламу 48 человек и мы, холопи твои государевы, должилися у торговых людей хлебными запасы, а оружие и порох и свинец покупали дорогою ценою, должася великими долгами, и подымали на твою государеву службу на Байкал промышленых и гулящих охочих людей, рублев по 50 и по 60 ставился подъем. И как, государь, пришли в Верхоленской в Братцкой острог с хлебными запасы и с денежным жалованьем и с охочими с промышлеными людьми, и пятидесятник Курбат Иванов исказал нам, холопем твоим, твою государеву службу на Байкал. Июня в 21 день с пятидесятником с Курбатом Ивановым, взяв в вожи тынгусково князца Можеуля, и пошли на твою государеву службу на Байкал 48 человек, а иных невеликих служилых людей оставили в остроге у государевой казны и у аманата. И божиею милостию и твоим государьским счастием, пришли край Ламы июля в 2 день и пятидесятник Курбат Иванов велел нам, холопем твоим, поделать суды, а которые, государь, братцкие люди по сю сторону Ламы коринцы и батулинцы князец Обоголдей

стали миритца и ясак тебе, государю, с себя сулить, и тех братцких людей не воевали.

И переехали на Ольхон остров, и братцкие люди тебе, государю, непокорны и поставили с нами бой, учали дратися, сели в осаде в каменю и, с божиею милостию и твоим государьским счастием, тех братцких людей на драке многих побили, а иных взяли живьем и ясырю и скота взяли. И после бою те братцкие люди почали миритца и тебе, государю, с себя стали ясак сулить, и которые братцкие люди взяты были на бою живьем и тех братцких людей пятидесятник Курбат Иванов и мы, холопи твои, отпустили з женами и с детьми на твое государево имя, а в оманаты взять было, государь, неково лутчие люди все разбежались. И на Ламе пятидесятник Курбат оставил для твоего государева ясашново збору и прииску новых землиц 6 человек служилых людей Семенку Скороходова да Ондрюшку Лопухина с товарыщи 30 человек промышленых и охочих людей и оманат, име его ж Вал, тынгуской князец Киндигирсково роду, и те, государь, служилые люди божиим судом на Ламе побиты их 16 человек промышленых людей, а 12 человек промышленых людей вышло зимою в Верхоленской острог, а 2 человека выплыли Ламою и по Енисею с твоею государевою казною в Енисейской острог Левка Вятченин, что он Семенка Скороходов с товарыщи собрал с новой землицы на Байкале и на усть Ангары твоего государева ясаку с тынгусов Киндигирсково роду.

И во 152 г. сентября в 4 день с пятидесятником с Курбатом пришли в Верхоленской острог, и нам, холопем твоим государевым, на 152 г. твоего государева хлебново и денежново жалованья не дано, и нам, государь, что бог подаровал на твоей государевой службе на Байкале и на Ламе скотишка, и промеж говейна ели сповал мясо, души свои сквернили, а в великой пост ели муку, с сосною мешали. И служили мы, холопи твои, без твоего государева жалованья 9 месяцев, нужу и голод терпели и твоей государевы службы не отстали и твой государев ясак збирали.

Да в прошлом же, государь, во 152 г. мы, холопи твои, били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, подали челобитную в Верхоленском острошке пятидесятнику Курбату Иванову, что живут братцкие люди готелы на речке на Оде, чинятца государю сильны и ясаку с себя не дают и угрожают служилых людей убойством. И мы, холопи твои, пошли на твою государеву службу с пятидесятником с Курбатом Ивановым к Енисею на речку на Оду войною на тех сильных на братцких людей на князца Тоглоя и на его улусных людей, что те братцкие люди учинились тебе, государю, непокорны, ясаку с себя не дают, а буде де служилые люди с тынгусами будут к нам для ясаку и мы де служилых людей побьем, а тынгусов де в котле сварим. И, божиею милостию и твоим государьским счастьем, тех братцких людей погромили юрт с 40 и братцких людей многих побили и князца Тоглоя на бою взяли в аманаты и ясарю взяли душ с 50 и скота и [в] Верхоленской острог пришли все с бою здравы. И после того братцкие люди стали приезжать в острог, икирежи и булгудаи и готелы шерть давали на том, что тебе, государю, ясак дать и быть под твоею государевою царскою высокою рукою навеки, и ясарь на выкуп отдали весь. И осенью пришед под острог, братцкие люди у нас, холопей твоих, кони все отгонили, и генваря в 1 день, скопися братцкие люди всею землею, пришли под острог и острог осадили кругом и сена у нас, холопей твоих, прижгли и стояли под острогом десять ден, а иные брацкие люди ленские ходили на Тутуру и пашенново крестьянина Оверку Елизарева розорили, 5 человек руских людей убили, кони и коровы отогнали, и мы, государь невеликими людьми острог отсидели и твой государев ясак собрали. И пятидесятник Курбат писал на Илимской волок к сыну боярскому к Олексею Бедареву о прибавошных людех, и сын боярской Олексей Бедарев прибрал охочих и промышленых людей 100 человек и с ними енисейсково служилого человека Олексея Яковлева Оленя и послал в Верхоленской острог, и мы, холопы твои государевы, с пятидесятником Курбатом и с Олексеем ходили в два похода на тех твоих государевых изменников на братцких людей и братцких людей сойти не могли, потому что охочие промышленые люди пеши, а у нас, государь, лошаденка была и те лошаденка нужны, пристали лошаденка вешные и безкормица, что было сенишек, и то брацкие люди прижгли, и на той твоей государеве службе много нуж и голоду терпели. И как пришли в острог и Олексей с промышленными людьми, поделав плоты и сплыв на усть Куты, и мы, холопи твои государевы, опять остались в остроге с пятидесятником невеликими людьми в осаде от тех же братцких людей.

И мы, государь, на той твоей государеве службе обдолжали великими долгами, подымаючи на те твои государевы службы охочих промышленых людей, а твое государево хлебное жалованье нам, холопем твоим, по вся годы не доходит, помираем голодною смертию на твоей государеве дальной службе, женатым нам, холопем твоим, идет твое государево жалованье хлебное и соляное с выворотом, треть выворот и на жен и на детей, а мы, холопи твои, в том и в конец погибли, а хлебное твое государево жалованье идет нам, холопем твоим, не против твоего государева указу вчетверопудную четверть в колтарной вес, а тот вес, государь, голоден. Да нам же, государь, твоего государева жалованья не дано пороху и свинцу на 151 и на 152 г. и на нынешней на 153 г. порох и свинец покупали дорогою ценою и гулящих и промышленых людей подымали на твою государеву службу своим порохом

и свинцом, должася великими долгами, головы свои складываем и кровь свою проливаем за тебя, праведного государя, а те наши службишка тебе, праведному государю, невестимы. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй государь нас, холопей своих, вели государь своим государевым воеводам Василью Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Супоневу, диаку Петру Стеншину принять сию челобитную и подклеить под списку и послать к себе, ко государь, к Москве, чтоб наши службишка, нужи и бедности тебе государю были б вестимы, чтоб нам, холопем твоим государевым, будучи на твоей государеве дальной службе, голодною смертию не помереть и впредь бы твоей царьской службы не отбыть. Царь, государь, смилуйся».

В 1661 году мы находим имя Якунки Куклина в списках пеших казаков станицы атамана Ивана Федорова [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 170].

А далее начинается интересное – вполне вероятно, что у Якова Михайловича было два сына, и два Ивана.

Тобольск, 1664 год. Иван старший (или большой): «Ивановы станицы Ярославцова … десятник Ивашко Яковлев Куклин в Даурах» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 450. Л. 167 об.].

Якутск, 1692 год:

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Ивашко Яковлев Куклин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 50].

И этот Ивашко так же, как и его предшественники, войдет в мировую историю, став участником похода пятидесятника Владимира Владимировича Атласова.

Борис Петрович Полевой в книге «Новое об открытии Камчатки» (часть 2) опубликовал неполный список участников этого похода, включив в него и Ивана Куклина.

А также добавил:

«Уже в 1700 г. в Якутске стали понимать, что местным властям необходимо как можно скорее закрепить русский успех на полуострове Камчатка и направить туда новую экспедицию. Исполнить эту новую миссию поручили бывалому землепроходцу Тимофею Кобелеву. Ему в помощь был выделен небольшой отряд казаков, в который были включены такие опытные служилые люди, как сын боярский Иван Мокринский, Семен Ломаев, Иван Куклин, Василий Бронник и другие».

Куклины в Тобольске были людьми знатными — по их имени был назван даже переулок. Вот перечень улиц и дворов Тобольска за 1710 год:

«От Воскресенской улицы Куклиным же переулком по правую сторону.

…Двор купленой вторага пешего полку пятидесятника Ивана Яковлева прозвание Куклина а он послан на Тюмень для государевых запасов жена ево Настасья Иванова дочь сказала ему 53 года (1657) ей 40 лет. У них дети: сын Никита полутора году, дочери девки Дарья 13 лет, Наталья 6 недель. У негож живут брат ево родной тогож полку отставной казак Петр Куклин 67 (1643/родился в Якутии?/) у него жена Ографена Степанова дочь 60 лет перваго набору отставной салдат Василей Антипин 30 лет.

…Двор купленой вторага пеших казаков пятидесятника Ивана Яковлева сына Куклина а в том дворе живет посацкой человек Ефтифей Лазарев у него жена Мавра Иванова дочь сказала себе 30 лет а ему Ефтифею 35 лет а ныне он в Сибирских низовых городех дочь Парасковья году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 94, 760 об.].

Что касается старшего из братьев десятника Ивана Яковлевича Куклина, то в Нерчинске за 1708 год появляется в казачьих списках Иван [не Иванов ли сын] Куклин [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л. 16].

Камчатка. Период с 1722 по 1748 год. В материалах переписи:

«Камчадалского острогу

Разночинцы

2625) Петр Куклин

2626) у него брат Семен

2627) у него ж сын Осип» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 94 об].

Чьи же это дети?

Вопрос открытый. Правда, нерчинский Куклин почему-то исчезает из казачьих списков. Появляется, правда, другой, но это торговый человек, торгующий с Китаем – «Роспись пежорца торгового человека Григория Семенова сына Куклина, взятая с него в Нерчинском таможне на привезенные им из Китая товары» [выписка из Нерчинской приказной избы].

В книге 2-й ревизии Нерчинска за 1844 год, правда, появляется снова эта фамилия, но какая-то очень невнятная:

«взято в рекруты

Спиридон сын Куклин» [РГАДА. Ф. 350 Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917].

В 1746 году Петр Куклин упоминается как «партовщик» — то есть служилый человек Охотского порта:

«…едучи обратно из Олюторска он, Потапов, да Степан Беляев с партовщиками Ефремом Котельниковым, с Петром Куклиным, да с Егором, а чьих прозванием не упомнит, в Акланск и поехали, а как де прибыли в Акланск, то де оной острог уже весь раззорен и созжен, токмо оставлено одно зимовье, которое стояло в отдаль от острогу, а пороховая де казна, которую закопал он, Потапов, в землю, и пушку и оружие все выкопано и взято изменниками» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотки, М-Л, 1935].

А вот с братом Семеном (или его тезкой) другая картина:

«Смотровой Список Сибирскаго Гарнизона Новоучрежденнаго Драгунскаго Полку 1753 г.

Капитана Хрушкова денщики

Семен Куклин» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439. Л. 192 об.].

Возможность появления камчатского Семена Куклина в этом драгунском полку возможна только в том случае, если эти драгуны служили на Северо-Востоке. И мы знаем, что в 1747 году на Чукотку было отправлено более двух сотен драгун из Тобольска.

Хотя… выстраивается некая закономерность. Смотрите сами:

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

Солдат Иван Куклин. Жена Евдокия Даниловна. Сын Яков — 3 (1765). Дочери: Настасья — 11 (1757)» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Снова Иван и снова Яков…

«Гижигинская крепость, 1772 год:

Солдаты

Иван Куклин [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 8].

Гижигинская крепость, 1781 год:

Солдаты

Яков Куклин» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 19 об.].

Потом эта фамилия на Северо-Востоке исчезает.

Но… появляется в Забайкалье. Мы обнаруживаем ее совершенно случайно на самой южной границе — в Акшинской крепости, где казак Яков (опять же Яков!) Куклин в 1774 и в 1779 годах становится крестным отцом [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 46 и 47; Книга Записная Иркуцкой Епархии Нерчинскаго Заказа Акшинской крепости Николаевской церкви].

И конечно же, было бы несправедливым оставить без внимания Илимский уезд, где эта фамилия появляется еще в XVII веке: «в 1700 г. были в Москве …илимские пашенные крестьяне Савостка Куклин, Ивашка Погадаев…».

А в следующем — XVIII — веке В.Н. Шерстобоев в книге «Илимская пашня» называет троих успешных крестьян Куклиных:

1754 год: «За неграмотного главу волости, велением приказчика Андрея Анцыфорова крестьянин Никифор Куклин руку приложил».

1770 год: «насколько неравномерно распределялся этот средний показатель, можно судить по тому, что 12 дворов имели хлеба менее, чем по 3 пуда на душу, 7 дворов — до 5 пудов. 7 — до 8 пудов, 9 — до 10 пудов, 21 — до 20 пудов и 5 семей имели более чем по 20 пудов на душу. Среди них можно назвать Василия Москвина, имевшего на 23 души 575 пудов хлеба, Ефима Черных из деревни Игнатьевской, который запас 593 пуда на 15 душ, Тимофея Куклина из деревни Заусаевой, хранившего 590 пудов при 23 душах».

1795 год: «…Из государственных крестьян мы, нижеподписавшиеся, по общему согласию пяти сот душ крестьян выбрали между собою Степана Петрова сына Куклина, действительно дом и землю в деревне Игнатьевской имеющаго, женатого, детей имеющаго, в наказаниях, подозрениях, ябедах и явных пороках не бывалого, но добраго и незазорнаго поведения, не моложе 30 лет, которому и дали сие доверенное письмо».

И снова появляется Яков Куклин. Из числа охотских казаков, которые были направлены в 1853 году в Амурскую экспедицию и строили Петровское зимовье. Его имя называет В.И. Петров — начальник Николаевского-на-Амуре поста. Отмечен он и в документе:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы

Петровское зимовье

Казаки

Яков Куклин» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

1854 год. Петропавловский порт. Высадка французского десанта 24 августа 1854 года:

«Утром 1 сентября 1854 года союзники двинулись на штурм. Фрегаты “Президент”, “Пик”, “Форт” и пароход “Вираго” вели огонь по батареям № 1, 2 и 4, “Авроре” и “Двине”. В это время фрегат “Евридика” и бриг “Облигадо” обстреливали батарею № 3, отвлекая внимание защитников; также ими велся перекидной огонь через Никольскую сопку в надежде поразить “Аврору” и “Двину”. После продолжительной перестрелки и полученных ими многочисленных попаданий от русских, “Президент”, “Пик”, “Форт” и “Вираго” “сбили внешний замок с дверей” Петропавловска — заставили замолчать батареи № 1 и 4. Батарею № 2 они уничтожить не смогли. Также не удалось нанести сколько-нибудь значительные повреждения “Авроре” и “Двине”. Огонь “Евридики” и “Облигадо” не принес никакого успеха. После того как прекратили огонь батареи № 1 и 4, французы высадили десант на батарею № 4, в количестве 600 человек. Батарея № 2 дала несколько залпов по десантникам, но воспрепятствовать их высадке не смогла. По приказу В.С. Завойко в контратаку на “Кладбищенскую” батарею был послан отряд в количестве 130 человек (матросы с “Авроры” и добровольцы стрелковых отрядов) — все, кто был “под рукой” у командования. Завидя приближение отряда петропавловцев, французские десантники, нанеся несколько ударов палашами по станкам уже заклепанных отступившими русскими комендорами пушек, бросились к своим шлюпкам и вернулись обратно на корабли, не дав защитникам приблизиться к себе даже на расстояние ружейного выстрела. После чего корабли союзников вернулись на свои якорные стоянки у входа в бухту».

Так закончился 1-й штурм Петропавловска.

Но при бомбардировке «Кладбищенской» батареи понесли потери и русские. В тот день погибли матросы 46-го флотского экипажа Даниил Белоусов (1824), Трофим Губин (1823), Савелий Гудин (1820), Иван Жбанов (1821), боцманмат Андрей Лысаков (1820), унтер-офицер Алексей Лыткин (1824) и двенадцатилетний кантонист Иван Киселев. Умер от полученных в том бою ран матрос Федор Куклин (1823).

К сожалению, больше мы о нем ничего не знаем…

КУЛАКОВСКИЕ

Фамилия пришла с Запада. Из Польши.

Вот интересный пример, когда запятая вносит путаницу в определение исходной национальности:

1665 г. не ранее июля 21. — Отписка царю Якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова о восстании в Илимском уезде слу-

жилых людей и пашенных крестьян, об убийстве ими Илимского воеводы Л.А. Обухова.

Два варианта прочтения:

«Г(о)с(у)д(а)рь ворам пристали з дощаника в даурской побег илимские служилые люди Гришка Кулаковской Поляк, Ивашко Сташкеев, да воеводской повар Стенка Коурко».

«Да к ним же, ворам, пристали з дощаника в даурский побег илимские служилые люди Гришка Кулаковской, поляк Ивашко Сташкеев да воевоцкой повар Стенька Коурко. Да они же, воры, колодников, убойца Савка Иванова да а тех воров на том погроме было в зборе и в заговоре людей много, потому что де говорили они, воры, идти им в Даурскую землю рекою Олекмою через Тугирской волок. А с сею отпискою послан с погрому в Якутцкой острог Якутцкого же острогу служилой человек поляк Иван Жданович. А как воеводу убили, он, Иван, с воеводою был же и смерть ево видял» [РГАДА. Ф. 214, Сибирский приказ, ст. 361, л. 139–142].

А вот и пояснение — Кулаковский Гришка, илимский служилый человек из конвоя воеводы Обухова, присоединился к партии Н. Черниговского (1665 г.).

О Черниговских у нас большой очерк впереди. Поэтому здесь мы не будем акцентировать на этом событии свое внимание.

Но в книге «Служилые люди Сибири» на стр. 475 есть пояснение: «Кулаковский Григорий — илимский служилый, бывший ссыльный поляк». Не просто ссыльный — дезертир, так как до 1635 года добровольно выехал из Литвы на службу в Москву, а потом попытался дезертировать и был сослан в Сибирь…

Кулаковских в середине 1660 годов в Сибири было много.

В книге «Первое столетие сибирских городов. XVII век» [Новосибирск, 1996] рассказывается о появлении Кулаковских в Тобольске:

«Да в памяти ж ис Приказу полоняничных дел за приписью дьяка Ивана Михайлова нынешняго ж 175-го [1667 года] июля в 17 день написано. Били челом великому государю шляхта и шляхецкие дети, драгуны в вечную службу в сибирские городы, а в сторону Королевского Величества ехать не похотели, а хто имяны, и тому роспись.

…*Драгуны*.

Мишка Воронченок, Юрка Степанов, Сенка Кулаковской, Матюшка Григорьев, по Тоболску».

Но самая крупная служилая корпорация Кулаковских была в Томске.

Томск, 1676 год:

«Имена томским детям боярским и конным и пешим казакам и всяких чинов русским людям которые после стольника князь Тимофея Козловского приведены к вере.

Дети боярские

Матвей Кулаковский» [Ф. 214. Оп. 1. Д. 605. Л. 159].

О ее патриархе в 1680 году рассказал сын боярский Федор Иванович Кулаковский:

«…в прошлых годах дед его Юрий Фомин служил на Москве в ротмистрах по дворянскому списку и прислан в Томской и служил в детях боярских, а он Федор поверстан в дети боярские по грамоте государя» [Томск в XVII веке, стр. 40].

Не совсем понятно — если дед был дворянином, то почему дети и внуки не унаследовали это звание.

Ответ один — Юрий Фомич был сослан в Сибирь с лишением дворянского звания и записан в дети боярские.

Или вовсе даже не был дворянином, а был представителем польской шляхты, то ли добровольно, то ли подневольно оказавшегося в Сибири.

Пока неясно. Но в 1620 году он служил в Томске. Что интересно — при этом активно занимался торговлей

Его сын — Иван Кузьмин Кулаковский до 1648 года рядовой казак в Кузнецком остроге, «иноземец» затем переведен в Томск в чине сына боярского.

А Федор Иванович, внук, — оказывается, был не томским, а кузнецким сыном боярским и тоже, как и отец, активно торговал.

Матвей Иванов сын — верстан в выбылое место своего отца. Его собственный сын Иван (1658) в 1680 году был в казачьей службе, но, как мы увидим далее, в дети боярские верстан не был [Служилые люди Сибири… М-СПб, 2020, с. 474–475].

А причина одна — в конце все того же XVII столетия служилая корпорация томских детей боярских Кулаковских оказалась настолько большой, что им уже не находилось места в штатном расписании служилых людей Томска.

Вот расклад на 1703 год:

Деревня Скороходова на р. Томи

Сын боярской Григорей Иванов сын Кулаковской, сын Алексей женат, Иван 20 лет, Михайло 18 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л. 7].

В Томском уезде в Сосновском стану неверстанные дети боярские живут по р. Томи в разных деревнях на пашенных своих заимках

Иван Матвеев сын Кулаковской, детей нет, брат родной Петр году;

Василей Федоров сын Кулаковской, детей нет, братья родные Яков 10, Петр 7 лет

Иван Иванов сын Кулаковской, детей нет, брат родной Алексей 18 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Лл. 30, 30 об., 33].

И стоит ли удивляться появлению детей боярских Кулаковских в Енисейске:

Кулаковский Борис Иванов сын – енисейский сын боярский, в 1684 году имел оклад 6 руб. с полтиной, 6 четей с осьминой ржи, 6 четей овса, пуд соли [Служилые люди Сибири, стр. 475].

«Летом 1684 г. енисейский воевода князь Константин Осипович Щербатый отправил Астафия в Нерчинский и Албазинский остроги в качестве провожатого “за казною” (с оружием, порохом и свинцом) с небольшим отрядом енисейских казаков. Прибыв в Удинский острог на судах 19 сентября, на следующий день он решил написать письмо своему отцу, Ивану Максимовичу, бывшему в то время приказчиком в Баргузинском остроге. Среди подчиненных у Астафия Перфирьева в этом походе были не

только казаки, но и дети боярские: из Удинска 20-го же сентября он послал в Нерчинск сына боярского Бориса Кулаковского и двух казаков для организации нерчинским воеводой встречи и помощи его отряду — "для подвод и для вестей… для поспешанья казне" [Бродников А.А. Третье поколение Перфирьевых (из истории сибирской служилой династии XVII века)].

Кулаковский Степан Иванов сын — енисейский сын боярский; в 1684 г. получал оклад 6 руб. с полтиной, 6 четей с осьминой ржи, 6 четей овса, пуд соли [Служилые люди Сибири, стр. 475].

1699 год, Якутск:

«Дети боярские

Енисейские:

Иван Иванов с. Кулаковской; оклад ему ден. 6 руб., хлеба 3 чети ржи, овса тож, пол-2 пуда соли; в пр. в 202 г. при стольнике и воеводе князь Иване Гагарине послан к вел. госуд. к Москве за соболиною казною в провожатых и в Якуцкой не бывал.

Дети боярские

Енисейские:

Борис [Иванов сын] Кулаковской; оклад ему ден. 6 руб. 16 алт. 4 ден., хлеба 3 чети с ½ осм. ржи, овса тож, пуд соли; в пр. в 206 г. послан вверх на заимки в Илимской уезд для приему хлебных запасов.

Дети боярские

Енисейские:

Степан [Иванов сын] Кулаковской; оклад ему ден. 6 руб. 16 алт. 4 ден., хлеба 3 чети с ½ осм. ржи, овса тож, пуд соли; по сказке его верстан он в дети боярские в Енисейску в оклад отца своего при стольнике и воеводе при Федоре Петровиче Салтыкове; а от рождения ему, Ст., 29 л. (1670); а к службе у него ружья карабин; а по осмотру он нужен и беден» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 108].

Об их якутской службе мы знаем пока очень мало. Буквально несколько фрагментов:

«Книга сбора новой десятой деньги за прошлые 1701–1703 гг. с якутских посадских людей сына боярского Бориса Кулаковского, пятидесятника Артемия Исакова Чапчикова, служилого человека Ивана Замятнина, 9 февраля – 20 июля 1704 г. Скрепили Кулаковский и Чапчиков» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

«Приказчики Чечуйского зимовья (заставы)

Кулаковский Борис [Иванович]. Якутский сын боярский. 28 мая 1702 – август 1703» [Казарян П.Л., Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 182].

«20 августа [1702 года] привезен приказчик Чечуйского острога Кузьма Мачехнин, вместе с чечуйским "старостою пашенных крестьян" Иваном Сукневым, замешанные в деле Вл. Атласова. За ними был послан боярский сын Борис Кулаковский с товарищами. Старосту "распрашивали в застенке" про "винное курение" Мачехнина. Сукнев сознался, что приказчик вино курил и торговал им, но староста не писал о том в Якутск, потому что "грамоте не умеет", а другие молчали, и "боясь" Мачехнина "что де он человек грозной". Мачехнин же "в распросе" сперва во всем отпирался, но после очной ставки с Атласовым "никакова оправдания себе не сказал", даже с пытки "ничего не сказал"».

До этого в Чечуйской волости приказчиком был Иван Иванович Кулаковский:

«Ужинная и умолотная книга десятинного хлеба по Чечуйской волости приказчика сына боярского Ивана Иванова Кулаковского и целовальников Ивана Емельянова и Ильи Давыдова Салдатова, 1703–1704 гг. Скрепили Кулаковский и за целовальников — церковный дьячок Федот Иродионов Чупров» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

В окладной книге Якутского казачьего полка показаны все три брата Кулаковские.

В переписи 1722/1748 — среди умерших разночинцев Степан Кулаковский, вероятно, переживший ранее умерших Ивана и Бориса, которые так же служили в Якутии вплоть до смерти.

В окладной книге Якутска за 1706 год записан сын Ивана Ивановича 6 рядовой казак четырнадцатой пятидесятни Якутского казачьего полка Иван Иванов сын Кулаковский [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

В окладной книге Якутска за 1720 год записан сын Бориса:

«Двор служилово Стефана Борисова сына Кулаковского и он Стефан послан на службу Великого государя по запас в 719 м году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 52 об.].

Интересно появление Кулаковских среди разночинцев Виктимской слободы – там оказываются Иван и Александр Кулаковские.

А на Камчатке в период с1722–1748 года отмечен Михаил Кулаковский. Конечно, это мог быть неизвестный нам сын Ивана-Бориса-Степана Ивановичей Кулаковских.

Но возможно и другое.

Выше мы отмечали в числе детей сына боярского Григория Михаила Кулаковского, которому было в 1703 году всего 18 лет. То есть в период 1722–1748 гг. это был уже зрелый мужчина, который (судя особенно по торговым замашкам своих родственников) с большим удовольствием отправился бы служить на прославленную своими пушными богатствами Камчатку. Впереди у нас уже был очерк о камчатских Гречениных — которые тоже были потомками неверстанных томских детей боярских, ищущих свое деловое место в жизни и нашедшие их на Камчатке. Вполне возможно, что и здесь такой же случай.

Но далее его следы теряются…

Прославил же фамилию обычный школьный учитель Алексей Елисеевич Кулаковский.

13 сентября 1913 года Вилюйское городское 4-классное училище преобразовано в высшее начальное училище повышенного типа. На со-

держание училища выделялось 2465 рублей, а на хозяйственные расходы — 175 рублей. За обучение учащиеся платили по 4 рубля в год, но дети из беднейших семей освобождались от платы, а некоторые получали пособия. Хозяйственными делами ведал попечительский совет в составе: инспектора И.В Попова, попечителя Н.А. Расторгуева, сотника Г.М. Кондакова, учителей А.Е. Кулаковского и П.Х. Староватова. Училище просуществовало до 1920 года.

А вот его официальная биография:

«Алексей Кулаковский родился 4 (16) марта 1877 года в 4-м Жехсогонском наслеге Ботурусского улуса (ныне Таттинского) Якутской области в традиционной патриархальной семье якутов среднего достатка Елисея Васильевича и Анастасии Николаевны Кулаковских третьим ребенком. Семья считалась зажиточной. В становлении личности А. Кулаковского, помимо родителей, сыграли большую роль дед и бабушка по материнской линии — Николай Алексеевич, Ирина Алексеевна Собакины и старший брат Иван Елисеевич Кулаковский. У деда Алексей воспитывался до девяти лет. Он же, будучи грамотным, обучил внука чтению и письму, а также элементарной арифметике. А бабушка долгими зимними вечерами загадывала ему загадки, рассказывала сказки. Ее речь изобиловала пословицами и поговорками. Брат создал в семье атмосферу творческого духа. По мнению современников, Иван был великолепным импровизатором с сильным голосом и глубоким дыханием.

А.Е. Кулаковскому удалось получить хорошее образование. В 1886–1890 гг. он учился в Чурапчинской инородческой школе. В 13 лет, окончив с отличием школу, продолжил учебу в Якутском духовном училище, где проучился один год. Далее он окончил реальное училище в Якутске в 1897 году. Начал трудовую деятельность в должности помощника письмоводителя Ботурусской инородной управы. Начиная с 1910 года А.Е. Кулаковский работал учителем в разных улусах. В годы революции и гражданской войны А.Е. Кулаковский находился на Севере. В августе 1917 года был назначен комиссаром Временного правительства по Верхоянскому округу. В 1920 году, когда в Якутии установилась советская власть, А.Е. Кулаковский получил возможность продолжить работу в качестве учителя и заняться наукой. В 1920–1921 гг. он работал учителем в Качикатцах и Черкехе. В октябре 1921 г. А.Е. Кулаковский, как сотрудник подотдела исследования Сибири Якутского губревкома, получил открытый лист, дающий право проезда по территории всей области для сбора научного материала и в конце декабря сдал уполномоченному подотдела Г.А. Попову свой труд “Материалы для изучения верований якутов”. Назначался особоуполномоченным временного якутского областного народного управления (ВЯОНУ). В августе 1924 г. был назначен преподавателем якутского языка в педагогический техникум, а также утвержден членом Литературно-переводческой комиссии. Кулаковского назначали заведующим литературно-художественной секцией Наркомпроса Якутской АССР, сотрудником Якутского краевого географического общества. Вместе с А. Софроновым, П. Ойунским, А. Бояровым он стал организатором научно-исследовательского общества “Саха кэскилэ”, работал в составе вновь организованного Комитета помощи малым народам Севера при ЯЦИК.

А.Е. Кулаковский посетил практически все уголки громадной Якутии, изучая родной край, его природу, этнографию, экономику. Большую часть своей сознательной жизни посвятил духовному развитию народа, видя в нем единственную возможность улучшения жизни.

В декабре 1925 года выехал делегатом от Якутской АССР на I тюркологический съезд в Баку. По пути заболел, умер от болезни в Москве 6 июня 1926 года. Похоронен в Москве на Даниловском кладбище».

Мы посмотрели историю появления в Якутии фамилии Собакиных — родного дедушки Алексея Елисеевича.

Она весьма интересна.

В 1720 году в переписи Якутска появляется такая вот запись:

«Во дворе сына боярского Тихона Сергеева сына Шапошникова живут на подворье москвич Дмитрей Михайлов сын Собакин сказал дватцати пяти лет (1695)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 45 об.].

А далее еще более интересное — раскрывающее наши глаза на то, почему дед Собакин был человеком столь грамотным, что не просто сумел обучить внука, а дать ему путевку в жизнь.

Почему?

А вот и ответ из книги П.Л. Казаряна «Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. [Справочник, Якутск, 2020]:

«Воеводы Якутского уезда

Канцелярские служители

1756–1764 копеист Дмитрий Дмитриевич Собакин [1-й], Собакин Дмитрий Дмитриевич.

Воеводы Якутского уезда

Секретари

Собакин Дмитрий Дмитриевич 1-й, копеист, подканцелярист (с 18 февраля 1771 г.), 1764–1775, Собакин Дмитрий Дмитриевич, копеист, 1756–1774» [стр. 208, 217].

Где-то затерялся Собакин 2-й. Но, по всей видимости, он тоже был канцелярским служителем. Отсюда, видимо, и наследственная грамотность Алексея Елисеевича Кулаковского, матерью которого была Анастасия Николаевна Собакина.

КУРИКАЛОВЫ

Фамилия очень редкая. Запоминающаяся.

Когда в Санкт-Петербургском филиале Академии наук я расшифровывал один важный документ, мне показалось, что я принял букву «и» за «а» и неправильно написал фамилию Куракало.

Оказалось, что я записал правильно.

Это документ об отстранении казачьего головы и камчатского приказчика Владимира Владимировича Атласова от власти в 1707 году [СПбФ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 34]:

(Л. 37) «Державнейший царь государь милостивейший! В прошлом 1706 году по твоему, Великого государя, указу и по приказу столников и воевод Юрья Федоровича, Михаила Юрьевича Шишкиных послан из Якутска голова казачей Володимер Отласов со служилыми людми в новопостроенные камчатцкие острошки для ясачного збору в твою казну Великого государя, и для подзыву немирных иноземцов под твою царскую высокосамодержавную руку в ясачной платеж. И пришед он, Володимер, в нынешнем 1707-м году июля в 11-м числе, и принял в прием Верхнее и Нижное острошки и ясачные зимовья, и твою, Великого государя, зборную ясачную соболиную и лисичную, и бобровую казну, которая казна збирина с ясачных иноземцов, ясак на 1707 год, и зборные ясачные книги, и нас, твоих нижайших рабов — служилых людей, и аманатов. А приняв, нарядил нас на твою, Великого государя, службу на Бобровую и на Болшую реку на измеников, которые изменики на Бобровой побили ясачных зборщиков Ивана Ливанова с товарыщи, и которые изменники на Большой реке твое, Великого государя, ясачное зимовье раззорили, и служилых людей побили, и твою, Великого государя, недоборную ясачную и оружейную казну пограбили. А были мы на той твоей государеве службе августа с 17-го числа ноября по 27 число. А будучи мы на Бобровой, поимали от тех изменников лутчих мужиков трех человек имяны Маштам, Чекава, Шитач. И взяли мы их тебе, Великому государю, в аманаты. Из-за тех трех аманатов с тех изменников собрали тебе, Великому государю, ясаку десять соболей, четыре лисицы красных, девятьнатцать бобров морских. И ту твою, Великого государя, казну, и тех поиманых аманатов привели в Верхней камчатцкой острог, в ясачном зимовье отдали Володимеру Отласову. А он, Володимер, тех вышеписанных аманатов отпустил ради своея безделныя корысти. А в те вышеписанные числа будучи мы на твоей государеве службе, служилые и промышленые люди, проходили рыбные ловли. А в прошлых годех при прежних прикащиках таковое было их рассмотрение — которые служилые и промышленые люди посыланы бывая те за государевым делом в то время, в рыбную ловлю, — и на тех служилых и промышленых людей те, прежние, прикащики збирали корм с ясачных иноземцов того ради, что на Камчатке хлебных припасов нет, питаемся мы, твои нижайшие раби, рыбою, да травою и кореньем. А тому (Л. 38 об.) корму бывает промысел в году об одну пору, и то на малое время. А он, Володимер, с ясачных иноземцов кормы собрал и положил в свои анбары, а нам, твоим нижайшим рабам, в роздачю не дал — хотел от того корму получил себе пожитки. А мы, твои нижайши раби, ноября с 27-го числа голодуем. А впредь до нового корму прижить не чем. Да он же, Володимер, выпустил из казенки аманатов — лутчих камчатцких ясачных иноземцов детей: Курина сына, Ирюмя, да Колычева сына, Яткунина сына, Лагада, Пойду, да Нечайву, да лутчего мужика Каханумат. А выпустил безделныя ради своея корысти. А как он, Володимер, тех аманатов выпустил, и с того времени во всех ясачных иноземцах сталась шатость. А после того выпуску послал он, Володимер, на Пенжинское море для ясачного збору Марка Москвина с товарыщи. И приехал он, Марко, с товарыщи на то Пенжинское море. И увидя в тех ясачных иноземцах шатость, хотели ево, Марко, с товарыщи побить. И он, Марко, не собрав ясачные казны убежал. Да в нынешнем же 1707 году ноября в 29 день служилой человек Данило Беляев извещал нам, твоим нижаишим рабомслужилым и промышленым людем. А в словесном своем извете сказывал он, Данило, на него, Володимера, твое, Великого государя, дело, и написал тебе, Великому государю, челобитную. А подал тою челобитную Ни[ко]л[ь]скому старосте Михайлу Тимофееву донесть в Якутцкой в приказную избу стольником и воеводам Юрью Федоровичю, Михайлу Юрьевичу Шишкиным. А послыша он, Володимер, от того Данила на себя извет, идучи из ясачного зимовья, увидяв ево, Данила, на путе, (Л. 39) и набежал он, Володимер, учел ево, Данила, колоть насмерть. И увидя служилые люди с караулу — Иван Башмаков, Григорей Переломов, Харитон Березин — ево, Володимеров, находе, прибежали, отняли того Данила истыкана палашем насмерть. И после того отъему били челом мы, твои нижайшии раби — служилые и промышленые люди — ему, Володимеру, чтоб впредь нас, твоих нижайших рабов, тем палашем не рубил, и своими руками безвинно не бил. И он, Володимер, против нашего словесного челобитья такие речи говорил: “Хотя де я, Володимер, и всех вас палашем прирублю! В том де мне Великий государь в пеню не поставит!” А после того нашего челобитья пришед он, Володимер, в свое зимовье, взял к себе лутчего камчатцкаго мужика Курю. И говорил он, Володимер, тому Курю: “Того де ради я, Володимер, того Данила колол палашем насмерть — хотят де вас, ясачных иноземцов, служилые и промышленые люди всех прибить, а жен и детей ваших и кормовые припасы по себе разделить!” А мы, твои нижайшии раби — служилые и промышленые люди — того ничего промеж собою не ведаем, и таких непристойных речей меж собою не бывало. Служили мы тебе, Великому государю, со всяким радением и чистосердием. И видя мы, твои нижайшии раби, ево, Володимерово, к твоему, Великого государя, правлению, и слышав от того Данила извет, и видяв что в ево Данилове челобитие

на него, Володимера, писано, и слышав от ясачного иноземца про те ево, Володимеровы, ко тому ясачному иноземцу про вышеписанные непристойные речи, и бояся ево, Володимера, дерзновения, и помнячи (Л. 39 об.) свое обещание на чем мы обещались пред Святым Еванелием, что служить тебе, Великому государю, вправду, и мы, твои нижайшии раби — служилые и промышленые люди — от твоего, Великого государя, ясачного збору отказали. А пожитки ево, Володимеровы, обрали. А тех пожитков налицо явилось тритцать сороков тритцать четыре соболя, четыреста лисиц красных, четырнатцать лисиц сивотущатых, семдесят пять бобров морских, шуба соболья пластинная под чешуйчатым лазоревым баибереком, пушена собольи хвосты, шуба пластинная соболья под лимонной камкою, пушена бобром, шуба пластинная соболья под лимонной же камкой, пушена бобром, шупка женская пластинная соболья под зеленым отласом, пушена собольи хвосты, шупка женска пластинная соболья под красною камкою, пушена бобром, круживо золотное, шупка женская пластинная соболья под зеленой камкой, пушена бобром, шупка женска пластинна соболья под вишневой камкою, пушена бобром, одеяло пластинно соболье, пушено бобром, крыта отласом темно-вишневым, по краям — красные дороги, мех пластинной соболей, два меха пластинные собольи, полы шубные собольих хвостов, два меха собольи пупчатые, парка соболья, оплечье и клинье бобровое, пущена бобром, парка соболья, оплечье бобровое, куклянка соболья, парка соболья маленка, две постели шиты из бобров, шуба бобровая под китайкою, пушена бобром, санаяк бобровой, оплечье сиводушатых лисиц, санаяк выдряной, оплечье сиводкщатых лисиц, пушена бобром, шупка женска бобровая без кровли, два меха бобровые, санаяк бобровый маленькой, оплечье соболье, мех хрептовой сиводущатых (Л. 40) лисиц без рукав, мех хрептовой красных лисиц, пушен бобром, мех хрептовой красных лисиц без рукав, мех черевей сиводущатых лисиц без рукав, мех черевей красных лисиц без рукав, куклянка красных лисиц, лоскут лапчатой лисей, дватцать фунтов пороху. И те пожитки положили в твою, Великого государя, казну. А к твоим, Великого государя, делам к ясачному збору, и ко всякому правлению мы, служилые люди, промеж собою выбрали служилого человека Семена Ломаева. Всемилостивейший государь, просим Вашего Величества, вели, государь, сию нашу челобитную стольником и воеводам Юрью Федоровичю, Михайлу Юрьевичю Шишкиным принять.

Вашего Величества нижайши раби Кирило Бекирев, Иван Шагин, Дмитрей Томской, Михайло Тимофеев, Алексей Дехтерев, Яков Братцкой, Данило Томской, Петр Саламатов, Федор Анкидинов, Федор Зыков, Яков Наседкин, Гаврило Келтяка, Обросим Двойкин, Исак Таратин, Петр Федотов, Костянтин Кыргызов, Федор Куковеров, Иван Башмаков, Федор Бабарыкин, Семен Лепихин, Григорей Холкин, Тимофей Коромыслов, Петр Фомин, Андрей Арменеев, Петр Неворотов, Никита Дурынин, Степан Токуя, Иван Отласов, Андрей Орлик, Петр Травин, Лазырь Ощепков, Федор Бронников, Иван Обуховской, Леонтей Носов, Сава Нецветаев, Василей Беляев, Григорей Переломов, Харитон Березин, Григорей Малафеев, Лазарь Назаров, Лазарь Бекирев, Алексей Бекирев, Василей Куракало, Андрей Никин, Петр Иконников декабря в день нынешнего 1707-го году» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 39].

Там же, в Санкт-Петербургском филиале найдено было и покаянное письмо бунтовщиков, принимавших участие в бунте 1711 года и убийстве камчатских приказчиков, в том числе и Владимира Атласова. Среди подписантов и имя Василия Куракало.

После этого следы Куракало теряются.

А причина, почему я полагал, что допустил ошибку в написании этой фамилии возникла не на пустом месте — в Петропавловской экипажной роте по спискам 1845 года я обнаружил Курикалова Григория Ларионова сына (1809), из солдатских детей, уроженца Камчатской области.

То есть на самом деле след не пропал — потомки Василия Куракало продолжали свою службу на Камчатке.

Но это, собственно, и все, что нам пока известно.

КУРИЛОВЫ

Странная, если вдуматься, какая-то фамилия.

Курильцев (айну) и Курильские острова еще не открыли, когда она уже появилась.

И табак тогда вроде еще не курили…

Но уже в 1641 году в Якутске в одной из книг записано «об отпуске с Ленского волока в Олекминский острог на ярмарку таможенного целовальника сольвычегодского торгового человека Завьяла Курилова».

А через десять лет у торговых дел уже его сын — а в Якутии от его имени действует «приказчик и племянник суконной сотни торгового человека Дементья Завьялова Курилова» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 1, 3, Я., 2016, 2017].

Но якутский казачий род Куриловых начинается все-таки не с торговых людей. Хотя и это не факт — мы знаем множество случаев, когда рожденные в Якутии дети торговых людей, посадских людей, церковно- и священнослужителей верстались в казаки.

Патриархом этого рода был:

1692 год. «Якутцкого города служилые люди

Рядовые казаки … Женатые … Якунька Афонасьев Курилов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 25 об.].

Конечно, он начал свою службу в Якутии гораздо раньше, так как его сын — Иван Яковлев

Курилов — был верстан в казаки в 1689 году. А это значит, что сыну было как минимум четырнадцать лет.

В 1706 году Иван Яковлевич уже десятник двенадцатой пятидесятни Якутского казачьего полка.

И в тот же год произошло пополнение в полку:

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Якутск

Курилов Андрей Яковлев (8): «Родион Игнатьев с. Дорошкин, на Ковыме от иноземцов убит, и в нын. 706 г. апр. в 13 д. приверстан в казачью службу в его Родионово место и оклад казачий сын Андрей Яковлев с. Курилов» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886].

После 1722 года верстаны в казаки Яков и Петр Куриловы, служба которых проходила в Зашиверском остроге. Но они здесь были не одни — в числе разночинцев (расказаченных) здесь также находились Кузьма, Семен, Володимер (взяли в рекурты) Куриловы. А в Алазейском зимовье — разночинец Василий и в службе Иван [Яковлев] Курилов.

Судя по возрасту, это все либо дети, либо братья Ивана Яковлевича.

В 1768 году при переводе гарнизона Анадырского острога в Гижигинскую крепость мы снова встречаемся с Петром [Ивановым сыном]:

«Пятидесятник Петр Курилов. Жена Меланья Федоровна.

Сын Иван — 7 (1761)» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Через десять лет Иван Петров сын Курилов сам становится казаком Гижигинской крепости [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 71. Л. 20].

И здесь же «проявляется» еще один из сыновей Ивана Яковлевича:

«Казачий сын Яков Иванов Курилов был денщиком у капитана Пересыпкина» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 71. Л. 143]. И уже продолжительное время – мы нашли данные за 1772 год.

А в 1781 году Яков Иванович Курилов, казачий сын, служит уже в… солдатах [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 19].

Откуда-то, мы так и не выяснили, появляется некий Федор (по другой версии Борис) Курилов — отец родившегося в 1795 году Дмитрия:

«Воспитанники Камчатского отделения императорского военно-сиротского дома:

Курилов Дмитрий Федорович (1795)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 8–9].

«Курилов Дмитрий Борисович (1795), боцман, уроженец Камчатки, из солдатских детей, зачислен в Петропавловскую экипажную роту в 1813 г., в 1817 г. на бриге “Рюрик” ходил в Кронштадт и обратно, в 1821 г. по приказу П.И. Рикорда “за развратное поведение и худые поступки” переведен из боцманов в матросы 2-й статьи, затем вновь поднялся до боцманмата».

Можно было бы, конечно, предположить, что солдат Борис (Федор) Курилов был в составе Камчатского гарнизонного батальона, прибывшего из Иркутска, откуда и «растут» его корни.

Но есть одна любопытная деталь, вновь связывающая нас с Гижигинской крепость. Может быть, и не прямо, но факт есть факт…

У Дмитрия Курилова на Камчатке было три сына (по крайней мере, столько нам известно):

Курилов Федор Дмитриевич (1825), марсовый матрос, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г.

Курилов Петр Дмитриевич (1827) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 г. на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Камчатский флотский экипаж:

Курилов Василий [Дмитриевич] — матрос 2-й статьи.

И вот какой интересный документ мы обнаруживаем в Магаданском государственном архиве, занимаясь поисками истории гижигинских родов:

Курилов Петр Дмитриевич (1825), квартирмейстер 27-го флотского экипажа. Ж. 1. ? Ж. 2 (03.09.1858) Котельникова Анна Николаевна (1834), незаконнорожденная дочь дочери умершего урядника Гижигинской сотни Василия Котельникова.

И вопрос: случайно ли оказался квартирмейстер 27-го Амурского флотского экипажа Курилов в Гижигинской крепости или это был «зов крови»?

От первого брака у Петра Дмитриевича был сын Михаил (1843), участник, как и отец, событий Петропавловского порта, так как дети-кантонисты сражались наравне со взрослыми. Позже он отбыл на службу, как и отец, в Николаевск-на-Амуре, и следы его затерялись.

А в Гижинигской крепости нес в те же годы службу его старший тезка 1815 года рождения — урядник Михаил Курилов.

Вполне возможно, что его отчество Прокопьевич, так как по материалам Национального архива Республики Саха (Якутия) за 1831 год мы обнаруживаем в Гижигинской крепости только одного казака Курилова:

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Курилов Прокопий (1777), казак» [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.].

Судя по тому, что Михаил [Прокопьев сын] стал урядником — это линия пятидесятника Петра Иванова сына Курилова (казачьи чины передавались по наследству).

И вот дальнейшая линия Прокопьевичей по материалам Магаданского государственного архива: Курилов Николай Прокопьевич (1824), казак Гижигинской сотни. Ж. (с 27.10.1846) Чертовская Агния Захаровна (1822), дочь умершего казака

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы

В Гижиге

Урядник Николай Курилов — 40; из казачьих детей, на службе с 1833, в чине с 1853 года» [РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 11].

Курилова Александра Прокопьевна

М. (с 20.01.1846) Горбовский Николай Васильевич, Гижигинский мещанин.

И был у Прокопия еще один сын (или брат?) — Кирилл, о существовании которого мы знаем только вот из этого архивного сообщения:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Курилов Иннокентий Кирилов — 36 (1816)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1, Д. 16. Л. 45].

Вот пока и вся история. История без конца… И хотелось бы, конечно, надеяться на ее продолжение.

КУРКУТСКИЕ

Я долго не мог найти объяснения истории появления этой фамилии, пока совершенно случайно не натолкнулся на архивную запись:

«Ангарское лесничество, г. Иркутск Ф. 158, 152 ед. хр., 1900–1920 гг., оп. 2, 3.

В состав лесничества в 1910 г. входят земли селений Иркутского уезда: Больше-Жилкинского, Китойского, Биликтуйского, Целотского, Суховского, Бархатовского, Быковского, Подгородно-Жилкинского, Уриковского, Балейского, Александровского, Савватеевского и инородцев Китойского ведомства (родов Куркутского, Чеколаевского) и Бардинского ведомства (Сайгутский род)».

То есть патриархом казаков Куркутских был представитель Куркутского рода — один из коренных народов Приангарья, верстанных в казачью службу.

Этот род довольно обширный:

Селенгинский округ, Закаменская инородная управа: Первый Куркутский род 878 Бартойский ул.

Селенгинский округ, Закаменская инородная управа: Первый Куркутский род 879 Момдокульский ул.

Селенгинский округ, Закаменская инородная управа: Первый Куркутский род 880 Уленту-Хурой Цакирский ул.

Селенгинский округ, Закаменская инородная управа: Первый Куркутский род 881 Цакирский ул.

Селенгинский округ, Закаменская инородная управа: Второй Куркутский род.

Кто же был из них первым казаком?

Трудно сказать. В Якутии, вероятно, этот:

1692 год. «Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки … Васка Григорьев Куркутцкой» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 49].

И в том же году ряды Куркутских пополнились:

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки … Ивашко Евтифеев сын Косой в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит. И августа в 31 день приверстан в ево Ивашково место казачей брат Ивашко Куркутцкой».

Василий Григорьевич Куркутский служит впоследствии в Анадырском остроге вместе с казаком Владимиром Атласовым, сосланным на Чукотку за какую-то неизвестную нам пока провинность или злоупотребления (возможно, связанные с его рвением по вышибанию долгов из якутов, за что он уже был бит кнутом):

«…в 1694 году анадырский приказчик Афанасий Пущин отправляет ясак в Якутск: “Везти эту казну” в Якутск поручили бывалому казаку Михаилу Голыгину. Ему в помощь выделили Владимира Атласова и Василия Куркуцкого» [Полевой Б.П., Новое об открытии Камчатки].

Именно этот поход был историческим, так как брат Ивана Васильевича Голыгина — одного из первых камчатских казаков, побывавших на территории полуострова Камчатка — Михаил Васильевич, вероятно, тоже участник этого похода, раскрыл Владимиру Атласову все тайны этого похода, о чем Атласов поспешил доложить якутскому воеводе и выторговать у него чин казачьего пятидесятника, должность Анадырского приказчика и наказ о поиске «незнаемых» земель.

В сборнике «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке» [М-Л, 1935] имеется интересная для нашей темы информация:

«Показания 1763 г., взятые командиром Анадырской партии Ф. Х. Плениснером у сотников Осипа Нижегородова, Ивана Попова, пятидесятника Алексея Русанова, казаков Василья Кургуцкого, Степана Перфильева, Ивана Русанова, Алексея Шипунова, Прокопия Чертовских — участников чукотских походов Дмитрия Павлуцкого 1730 года».

Позже она повторяется:

«Показания 1772 г., взятые командиром Гижигинской крепости Я.М. Пересыпкиным у отставных казаков Василия Куркуцкого (Кургуцкого), Прокопья Чертовских, Ивана Русанова. В этих показаниях “респонденты” по сравнению с показаниями 1763 г. внесли существенные дополнения, которые позволяют детализировать ряд событий похода 1731 г.».

Конечно, это не Василий Григорьевич, которому в 1772 году было бы, по меньшей мере, 100 лет.

Это, скорее всего, уже Василий Васильевич или Василий Иванович Куркутский, участник первого чукотского похода Дмитрия Павлуцкого в 1731 году.

А вот и продолжение.

В 1768 году при переводе части гарнизона Анадырского острога в Гижигинскую крепость в связи с упразднением и последующим уничтожением самого острога сюда были переведены братья Куркутские — по всей видимости, Васильевичи:

Куркуцкий Трофим. Жена Мария Ивановна.

Братья Афансий — 11 (1757), Гаврило — 16 (1752). Сын Александр — 3 (1765)» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

В Ведомости Гижигинской крепости за 1781 год появляются еще два имени:

Казаки Иван и Сидор Куркуцкие [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 21 об. – 22].

Сидор Куркутский продолжит этот род:

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Куркутский Иван [1792], писарь» [НА РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713-714 об.].

В материалах Магаданского государственного архива находим отчество:

Куркутский Иван Сидоров (1792), в 1845 г. отставной писарь. Ж. (с 21.05.1845) Зыкова Марфа Ивановна (1812–1883).

А это уже его дети:

Куркутская Варвара Ивановна (1809), дочь отставного казака. М. (с 04.01.1845) Липатников Сидор (1827), Охотского экипажа матрос 1 статьи.

Куркутский Григорий Иванович, сын отставного казака, 1847 г., казак Гижигинской команды, урядник, 1862 г.

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Служащие

Казаки

Куркутский (Курлуцкий) Григорий Иванов – 24 (1828)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1, Д. 16, Л. 45].

«Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год

казаки

Григорий Куркутский — 29, поступил на службу в 1845 году. Ж. Парасковья Захаровна — 20 [1835]»

Второй сын:

Куркутский Андрей Иванович (03.06.1845 – 1900), гижигинский казак. Ж. Параскева (? – 1900).

1900 год — страшнейший в истории Гижигинской крепости. В ту зиму свирепствовала в крепости эпидемия кори — люди тогда гибли семьями…

И была у Ивана Сидоровича еще и дочь:

Куркутская Параскева Иоанновна. М. (с 22.01.1912) Селиванов Дионисий Александрович (1884), сын камчатского казачьего пятидесятника Александра Максимовича Селиванова — героя обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

А далее уже идут внуки Ивана Сидоровича:

«Куркутские 1856 ГК

Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год

казаки

Григорий Куркутский. Сын Иван — 2 мес. (1855)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

Куркутский Иван Григорьевич (1850), гижигинский казак. Ж. (с 02.11.1880) Баранова Анна Петровна (1859), дочь гижигинского мещанина.

А это дети Андрея Ивановича:

Куркутская Пелагея Андреевна (1875), дочь отставного гижигинского казака Андрея Иванова Куркутского. Ж. 1 (с 03.11.1895) Беломоин Матвей Николаевич (25.08.1873), гижигинский казак

Куркутский Петр Андреевич (31.03. 1891), псаломщик Гижигинской Спасской церкви. Ж. 1. Ж. 2 (с 11.01.1901) Татьяна Ефимовна. Ж. 3 (с 1914) Долбоколова (Долгополова) Ольга Константиновна (1879).

Служение в православной церкви стоило впоследствии Петру Андреевичу и его брату жизни:

Куркутский Петр Андреевич.

Родился в 1891 г., Дальне-Восточный кр.; русский; Арестован в 1936 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Дальстрою 21 апреля 1938 г., обв.: 58. Расстрелян 8 июня 1938 г. Реабилитирован в июне 1989 г.

Куркутский Захар Андреевич.

Родился в 1894 г., Дальне-Восточный кр.; камчадал; Арестован в 1936 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Дальстрою 21 апреля 1938 г., обв.: 58. Расстрелян 8 июня 1938 г. Реабилитирован в июне 1989 г. [Книга памяти Магаданской области]

И вот еще одна линия Куркутских:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Казаки

Егор Куркутский – 19 [1837 г.р.]; из казачьих детей, на службе и в чине с 1854 года» [РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 10].

«Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год

Вдовы

Марья Куркутская — 37 (1819)…

Дети: Андрей — 12 (1843); Николай — 8 (1847); Ольга — 6 (1849); Аким — 4 (1851)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

Но известна только одна маленькая родовая веточка:

«Куркутская Анастасия Акимовна (20.10.1887), дочь умершего казака. М. (с 12.11.1907) Попов Георгий Иванович (30.11.1883), гижигинский мещанин.

И есть еще одна история, связанная с Чукоткой. Не знаю, имеет ли она прямую связь с нашей историей, но к данной фамилии имеет самое прямое отношение.

Во-первых, в Петропавловском высшем начальном училище в 1917 году учился Михаил Иванович Куркутский.

Во-вторых, его тезка (а может быть, просто в одном случае допущена ошибка с отчеством?) был участником установления на Чукотке Советской власти:

«16 декабря 1919 г. в Ново-Мариинске (теперь г. Анадырь) была свергнута контрреволюционная власть. На Чукотке была провозглашена власть Советав — создан Анадырский ревком. Председателем ревкома избрали Михаила Мандрикова, секретарем — Михаила Куркутского.

Михаил Куркутский (1898–1938), чуванец по национальности, родился в с. Марково, учился там в начальной школе, сначала у А.Е. Дьячкова, ученого-самоучки, автора книги “Анадырский край”, потом у А.М. Яцевич, высоко-

образованной и демократически настроенной учительницы. Именно она повезла М. Куркутского в 1910 г. в Петропавловск-Камчатский, как лучшего ученика, для определения его там в городское училище.

После окончания училища Куркутский два года учился на педагогических курсах, окончил их в 1918 г. и стал учительствовать в Крутогорском училище на Камчатке.

В Анадырь он приехал из Петропавловска на пароходе "Томск" вместе с М. Мандриковым и А. Берзинем. И сразу принялся за дело: проводил разъяснительную работу среди чукчей, чуванцев, выяснял настроение рыбаков и охотников.

16 декабря 1919 г. он становится секретарем Первого Ревкома Чукотки. В обязанность М.П. Куркутского входило все делопроизводство, он вел прием граждан, выясняя их нужды, вникая в их просьбы, ведал распределением топлива, заработной платой служащих — вся бытовая сторона жизни голодного и холодного Анадыря была заботой М.П. Куркутского.

31 января М.П. Куркутский вместе с А.М. Берзинем отправляется в поездку по селам Усть-Белая, Еропол и Марково. Куркутский был необходим в этой поездке как тамошний уроженец, как грамотный и честный человек, знающий чукотский язык. 19 января общим собранием граждан был избран Марковский Совет, членом которого стал М.П. Куркутский, а в сентябре 1920 г. с образованием в Марково волостного исполнительного комитета Куркутский становится его секретарем.

Так впервые в истории Чукотки представитель местного населения чуванец Михаил Куркутский стал олицетворять народную власть.

Одной из самых острых проблем было снабжение населения продовольствием, учет, контроль и распределение продуктов питания. Куркутского как человека, доказавшего свою кристальную честность и организаторский талант, назначают заведовать продовольственным складом. Но в 1928 г. он снова переходит на советскую работу — его избирают секретарем Усть-Бельского Совета.

В 1932 г. было принято постановление о создании при Совете Народных Комиссаров СССР специального органа — Главного управления Северного морского пути, которому было поручено "проложить окончательно Северный морской путь, оборудовать этот путь и держать его в исправности", поэтому все промышленные предприятия, культурные учреждения и торговля севернее 62-й параллели перешли в ведение Главного управления Северного морского пути. Из работающих в этой системе на Чукотке было 20% местного населения. М.П. Куркутского назначили заведующим факторией Главсевморпути, он занимался очень важным участком работы — организацией развозной торговли» [http://zorinanata.ru/storozhily-chukotki/starozhily-chukotki-mihail-kurkutskij].

В очерке «Восполняя белые пятна» камчатский писатель Валентин Петрович Пустовит называет нам полное настоящее имя этого человека:

«На сегодня по уточненным данным известны десять ревкомовцев: М.С. Мандриков, А.М. Берзинь, А.Т. Булатов, М.Ф. Галицкий, С.И. Гринчук, В. Аренс, В.А. Клещин, Н.К. Кулиновский М.П. Куркутский, И. Фесенко. Из них остались в живых двое: Куркутский и Клещин.

Михаил Павлович Куркутский (умер в 1938 г. от туберкулеза), чуванец, большевик-интернационалист, впоследствии председатель Бельского сельсовета на Чукотке.

…Примечательно, что пять из десяти ревкомовцев с оружием в руках защищали советскую власть ранее на материке: Куркутский в качестве командира заградотряда, Берзин — интернационального отряда латышей, а Булатов, Галицкий и Гринчук были красноармейцами».

И все-таки отчество Иванович на Чукотке тоже существовало:

Куркутский Иван Иванович — 1916 г. р., с. Марково, участник Великой Отечественной войны (обеспечение на Чукотке поставок по ленд-лизу), орден «Знак Почета» (05.11.1944).

КУРСИНЫ

Это старинная березовская казачья фамилия. Известный исследователь истории казаков Березова Я.Г. Солодкин в статье «Родоначальники "династий" Березовских казаков XVII века» отмечал следующее:

«Потомки многих атаманов и казаков, входивших в ряды гарнизона Березова вскоре после его основания, продолжали нести там службу и в конце XVII в., и в следующем столетии, подчас даже в конце его. Так, в 1679, 1690 и 1712 гг. среди березовцев значились Аргуновы, Кокоулины, Канкаровы, Нестульцевы, Фроловы, Оболтины, Торлоповы, Лихачевы, Шаховы, Ангрышевы, Курсины, Фофановы, а также М. Юрьев и С. Бобарыкин. В 1703 г. одним из березовских детей боярских был А. Кокоулин, а через десять лет этот чин имели пятеро Лихачевых, двое Торлоповых, Ф. Оболтин, Ф. Кокоулин, Андрей Курсин, а в пятидесятниках состояли И. Торлопов, Алексей Курсин, Г. Нестульцев; тогда же сотником был М. Юрьев, городничим — А. Кокоулин, подьячими — И. и Н. Шаховы. Три года спустя в числе детей боярских и казаков Березова значились представители известных нам фамилий Бобарыкиных, Курсиных, Лихачевых, Кокоулиных, Нестульцевых, Шаховых, Фроловых, Канкаровых, Оболтиных, Торлоповых. Лихачевы, Канкаровы, Кокоулины, Курсины служили в Березове и впоследствии.

Таким образом, в первые годы XVII в. (а относительно И. Аргунова — и в конце предыдущего) началась служба в березовском гарнизоне многих атаманов и казаков, потомки которых состояли в его рядах на протяжении нескольких последующих десятилетий, а то (как, например, Лихачевы) даже в XVIII столетии; часто обнаруживаются и родственные связи этих атаманов и казаков со служилыми Томска, Енисейска, Тобольска и Якутска».

Биобиблиографический словарь «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века»

это подтверждает. Более того, он позволяет нам выделить две родовые линии березовских казаков Курсиных:

Курсин Василий Елфимцев (1630),
Курсин Якунка Васильев (1681),
Курсин Василий Яковлев (1681),
Курсин Павел Яковлев, пятидесятник (1681),
Курсин Петр Еуфимов, пятидесятник (1630),
Курсин Петр, пятидесятник (1647),
Курсин Яков Петров, пятидесятник (1663),
Курсин Елфимко (Еуфимко) Петров (1681),
Курсин Лантка Петров (1681).

А в случае если Елфим и Еуфим — одно и то же имя, то и линия тоже тогда одна.

И точно:

«В самых ранних из окладных книг Березова, зафиксировавших состав гарнизона этого города, имеются упоминания о казаках Кирилле, Василии и Петре Елфимове сыне Курсиных. Последний продолжал служить в 1647 г., будучи уже пятидесятником; в 1663 г. среди березовских казаков числились Якунко и Елфим Курсины».

Что касается Василия Елфимова (Ефимова) сына, то он в числе березовских казаков в 1638 году был направлен в Якутию.

Но…

«Васка Евфимов сын Курсин в прошлом во 148-м [1640] году умре а в его Васкино место велено быть гулящему человеку Онтипке Киприянову и в прошлом во 157-м [1649] году в Якутцком остроге умре и в том ж во 157-м [1649] году в его Онтипкино место велено быть ссыльному Федьке Посникову» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 74].

Что касается Кирилки, то он продолжил после смерти брата службу в Якутии:

«Березовские казаки

Оклад денег по 5 рублев с четью хлеба 7 чети ржи весом иметь 32 пуда 4 гривенки с полугривенкою против указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть 4 чети овса пол 2 пуда соли

Кирилко Курсин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 74. Л. 10 об.].

Но и он тоже попал в историю. Случилось это в 1646 году на речке Турука, которая находится в 14 километрах выше устья Куты. В составе казачьей команды он доставлял сюда пленных черкасов (запорожских казаков), распределяя их по пашням:

«Вскоре после отъезда случилось происшествие. Вместе с служилыми людьми и черкасами на судах были аманаты, среди них “брацкой доброй мужик Чокора”, который был приведен на Ленском волоке к шерти (присяге) служить государю.

“И прошед речку Туруку, и с усть Куты идучи, на другом начлеге ночною порою, поставя караулы отводные и на дощаниках, а у аманатов караульщики были служивые люди Якунька Кудря, Алешка Иванов, Кирилко Курсин, Ларка Никонов. И аманат Булуй почал прошаца на двор. И ане одново мужика Булуя вывели, а другой аманат Чекор в казенке был скован в железах. И выскочил ис казенки тот Чокор прост, без желез, и от караулщика от Ларьки отбился, и побежал. И караулщики почали кричати, и стали имать служилые люди и новоприборные.

И тот аманат Чекорко на имке почал резати ножем, и зарезал караулщика Алешку Иванова досмерти да промышленого Петрушку Панфилова по прозвищу Моторку зарезал досмерти же. А иных новоприборных, Никифорка Федорова да Савку Андреева, да ссыльново черкашенина Осташку Васильева переранил» [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке].

А далее казаков Курсиных мы обнаруживаем только на Камчатке в материалах переписи за 1722/1748 год:

«Камчадальского острогу служилые

Лука Курсин

Луки Курсина дворовые Аверкий молитвенной некрещеной Канахач» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Лл. 97,100 об.]

«Камчадалского острогу

Разночинцы

Луки Курсина дети Прокопей, Михаило.

Федор Курсин».

Временной разрыв между Кириллом Курсиным и Лукой очень большой, чтобы можно было принять их за отца с сыном. Больше подходит роль деда и внука, но нами не было обнаружено среди якутских казаков это «промежуточное звено».

Но мы нашли на Дальнем нашем Востоке других Курсиных — промышленных и торговых людей.

У Г. Миллера в «Истории Сибири» упоминается об енисейских событиях 1626 года, жертвами которых стал один из первых Курсиных:

«Причиной недовольства енисейских служилых людей, перешедшего в мае 1626 г. в открытое возмущение, была борьба между ними и торговыми людьми за недавно открытую Тюлькину землю. В торговле участвовал енисейский воевода Андрей Ошанин, который послал в 1626 г. с торговым человеком Мамруком Косицыным своего товару в Тюлькину и Качинскую земли на 600 руб. Мамрук “наметывал сильно” воеводские товары жителям. Служилые люди утверждали, что “от того-де земли его Андреева насильства от великого государя отложились”. Толчком для мятежа послужило обстоятельство, описанное Миллером. Посланные для усмирения енисейского князца Тасейка (служилые люди) под начальством атамана Василия Алексеева, вместо того побили и забрали в плен ясачных питских тунгусов. Опасаясь ответственности, они “поставили между собой образ Пречистые Богородицы”, чтобы “под суд не даватися”. Воевода из страха перед служилыми людьми, грозившими его убить, перестал ходить в съезжую избу. Раздражение служилых людей направилось не только против воеводы, но и против торговых людей, пользовавшихся его покровительством: они “его и торговых людей хотят побивать досмерти, а животы и товары грабити и хотят бежать неведомо куда”. 9 мая Мамрук Косицын, “исторговався”, вернулся из Тюлькиной земли и по приказу воеводы стал носить мягкую рухлядь на воеводский двор. Служилые люди во главе с

Василием Алексеевым выломали замок и цепь у острога и пошли на приступ воеводского двора, стреляли из пищалей и из луков по окнам, “мало из лука не убили воеводу, двери у сеней пищальными дулами сломали и окна и стены из пищалей насквозь испробили”. Воевода едва отсиделся с торговыми и промышленными людьми. Было убито несколько человек, в том числе торговые люди Якушка Михин и Федоска Курсин. Служилые люди представляли дело иначе: будто они явились к Андрею Ошанину, у которого “в ту пору пир был на торговых людей”, с заявлением, что Мамрук Косицын, “приехав из Тюлькиной земли с мягкой рухлядью, того товару на гостин двор и в лавки не носит, а носит к тебе на двор”; Ошанин будто бы сам первый напал на служилых людей, “и с той поры сносили на его Андреев двор его Андреев товар, мягкую рухлядь” [РГАДА, Сиб. прик., стб. 12, лл. 18 и сл., и портф. Миллера, № 478, II, грам. № 12]. Для сыска по этому делу был отправлен тобольский сын боярский Богдан Аршинский [РГАДА, Сиб. прик., стб. 12, лл. 465, 496], установивший не только “воровство” атамана Василия Алексеева, но и “многие обиды и насильства” воеводы Андрея Ошанина».

Следующий из Курсиных обозначился вблизи Илимского острога:

«В нынешнем, государь, во 155 [1657] году, зимою, у Соли Осип Боярщина и Третьяк держали корчму и зернь безпереводно, пива и браги варят, и меды ставят, и вина курят у Исака зырянина на заимке. А вино курит промышленной человек Ивашко Курсин.

И как, государь, шли ныне зимою из Якутцкого острогу служилые люди, восмь человек, и служивой человек Ивашко Семиглаз у Исака на винокурне был. И служивых людей Исак зырянин вином поил» [Красноштанов Г.Б.].

И возможно, именно сын винокура Ивашки Курсина стал таможенным целовальником – представителем торгового люда Якутии:

«Книга сбора оброка и явчей пошлины в Якутском остроге таможенного и заставного головы Осипа Казанцева и таможенных целовальников Андрея Иванова Курсина и Алексея Коротанова, 27 мая – 24 июля 1679 (187) г.» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

И в это роли — таможенного целовальника, представителя администрации уезда — он пробыл долгие годы. И не он один из Курсиных:

«Книги пятинного сбора с торгов и промыслов торговых и промышленных людей, зимующих в Якутском остроге выборных пятинных окладчиков: торгового человека Андрея Иванова Курсина и промышленного человека Саввы Дементьева Унжака, 18 июля – 20 августа 1665 (173) г. Скрепили Унжак, за Андрея Курсина — Афанасий Курсин» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

«Книга сбора оброка и явчей пошлины таможенного головы Петра Иванова Новоселова и целовальников Юрия Маркова Рычкова и Афанасия Селиванова Курсина, 23 сентября 1660 – 5 августа 1661 (169) г.» [там же, т. 3].

Одна из последних записей об Андрее Ивановиче относится к 1686 году:

«Дело о выдаче за долги имущества умершего квасного и банного откупщика Аники Семенова Осколкова торговым людям — Никифору Решетову, Андрею Курсину, Петру Собашкову по их челобитным».

И, естественно, возникает вопрос: а была ли у Андрея Ивановича здесь семья?

Ответ — вполне вероятно.

И это не тот ли самый случай:

«Книга сбора десятой денежной пошлины таможенного и заставного головы Петра Лобашкова, 12 декабря 1684 – 26 августа 1685 (193) г. Скрепили Лобашков, за целовальников — Иван Курсин, Игнатьев и Иванов».

«Расходная книга по Якутской таможне таможенного головы Петра Лобашкова, 25 декабря 1684 – май 1685 (193) г. Скрепили Лобашков и за целовальников — Иван Курсин [там же, т. 3].

Вопрос: могли ли дети торгового человека, рожденного в Якутии, быть записаны в якутские казаки?

Чаще всего так и было — записывали в казаки, записывали в подьячие, как, вероятно, и произошло с Иваном.

Но в отношении Луки Курсина — пока это только рабочая версия.

КУТЬИНЫ

Меня давно уже волновал образ Андрея Кутьина — руководителя отряда анадырских тумаков (незаконнорожденных анадырских казачьих детей), которые по приказу приказчика Анадырского острога Михаила Зиновьева сына Многогрешного Черкашенина сначала создали цепь из шести зимовий для организации пути на Камчатку с реки Апуки (Опуки), где было заложено зимовье казаком Ворыпаевым еще в период доатласовского присоединения Камчатки к России во время камчатского похода Луки Семенова сына Старицына Мороски — Ивана Васильева сына Голыгина.

Крашенинников даже считал, что сделано это было по инициативе самих тумаков:

«Между тем анадырские тумаки Андрей Кутьин с товарыщи из Анадырского острогу проведали про живущих на Уке реке, которая впала в Восточное море, иноземцов, и, пришед на оную реку близ устья впадающей в помянутую реку с левой стороны Кальны речки, построили шесть зимовей, и стали брать с оных иноземцов ясак».

Но инициатива этого похода исходила (и могла исходить только) от анадырского приказчика, и только по его наказу.

И эту связь мы обнаруживаем, когда Михаил Зиновьевич назначается приказчиком Камчатки на смену Тимофею Кобелеву и в 1703 году сам появляется на полуострове:

«Из укинских зимовей Михайло Черкашенин, взяв с собою Андрея Кутьина и несколько человек его партии, пошел весною нартами на Камчатку и, пришед до речки Еловки, Андрея Кутьина в 40 человеках послал вниз по Камчатке реке для завоевания неплатежных камчада-

лов, а сам с малыми людьми поехал в Верхней Камчатской острог.

Андрей Кутьин с товарыщи, отошед верст с 50 от речки Еловки, такое имел нещастие, что камчадалы врасплох на него напали и человек с пять из них убили, а потом как они справились, то камчадалы в острожек свой, Тушашеры называемой, засели, к которому казаки с неделю приступали, но взять не могли. И многие на тех приступах переранены, между ими и командир их Кутьин.

Оттуда возвратился оной Кутьин в Верхней Камчатской острог без всякого успеху. И следующей весны поплыл по Камчатке реке со служивыми людьми, и всех живущих по Камчатке немирных камчадалов в ясак привел, иных ласкою, а иных войною, возвратился в Верхней острог. Едучи в оной острог, ясашную избу и зимовья с Еловки реки перенесть велел на Камчатку реку, а завел острог немного повыше ключей, а ниже Еловки расстоянием верст с 5. И поставил им закащика Ивана Поливанова. Того же лета, оставшие в укинских зимовьях, служивые Кутьнной партии просили письменно прикащика Черкашенина, чтоб их перевесть на Камчатку, по которому их прошению оной Черкашенин с Уки на Камчатку их перевел, и поселил в новопостроенном Нижнем остроге вместе с оставленными от Кобелева служивыми.

По возвращении в Верхней острог Андрея Кутьина с товарыщи, прикащик Черкашенин августа 6 дня отправил служивых 15 человек на Большую реку к служивому Данилу Беляеву, он же Имикыз, которой на Большой реке от ясашных зборшиков остался и живет там своевольно, и велел оным служивым на Большой реке острог построить и аманатов с тутошных камчадалов побрать, которые, пришед на Большую реку, той же осени ясашную и казенной анбар и зимовья построили».

И таким образом, Степан Петрович Крашенинников дает всем последующим историкам и краеведам исчерпывающий ответ о том, что в 1703 году был построен Большерецкий острог, а Нижнекамчатский — в следующем, 1704 году.

Строителем Нижнекамчатского острога был Андрей Кутьин со своими товарищами.

И С.П. Крашенинников это подтверждает:

В «1713 году в августе месяце на смену прикащику Колесову приехал дворянин Иван Енисейской; в бытность его заложена церковь на ключах пониже немного Нижнего острога, которой заведен был от Андрея Кутьина; от того времени стали помалу строиться Нижнего острога жители на ключах, оставя старой острог».

Старый острог постройки Андрея Кутьина, который находился выше ключей.

В 1709 году при приказчике Петре Чирикове Андрей Кутьин выступает в должности походного пятидесятника:

«Весною апреля в первых числах на тех же конпаковских изменников посылан был от прикащика Чирикова анадырской тумак Андрей Кутьин в 50 человеках, которой Конпаковской острожек взял и главных изменников переколол, а с прочих ясак собрал попрежнему».

А в 1711 году он вступает в команду «воровского» атамана Данила Анциферова Томского и участвует в убийстве трех камчатских приказчиков, в том числе и Владимира Атласова.

А затем совершает первый в истории России поход на Первый Курильский остров:

«“Челобитная” служилых людей Анциферова, Козыревского и других. Петру I
от 26 сентября 1711 г.

Державнейший царь, государь милостивейший! В нынешнем 711 году, в Верхнем и в Нижнем в Камчадальских острогах, прежде бывшие прикащики от нас, рабов твоих, побиты 1, а за что они, прикащики, побиты, и в той своей 2 страдничьей вине подали тебе, великому государю, за руками две челобитные в Верхнем Камчадальском остроге прикащику служилому человеку Алексею Александровых, апреля в 12 день. И за такую свою страдничью вину пошли мы, раби твои, вышеписанного месяца из камчадальских острогов служить тебе, великому государю, на Большую реку, умирять изменников, которые в прошлом 707 и 710 годех тебе, великому государю, изменяли и ясачное зимовье и острог на Большой реке сожгли, а твою, великого государя, сборную ясачную казну разграбили, и прикащика со служилыми людьми побили, и с того вышеписанного 707 году но нынешней 711 год повсягодно многих служилых людей побивали ж, а твою, великого государя, сборную ясачную казну, порох, и свинец, и пищали побитых служилых людей отбили ж. И будучи мы, раби твои, на Большой реке, апреля 23 числа, лутчего иноземца Кушугу с родниками ласкою и приветом под твою царскую высокосамодержавную руку с ясачным платежом из острогу его вызывали и вызвать не могли. И ныне от нас, рабов твоих, тот его Кущугин острог крепким приступом взят; и на том приступе нас, рабов твоих, многих на смерть испераранили, а иных камением увечили, трех человек служилых убили, а его лутчего иноземца Кушугу из за бою в аманаты взяли, и ныне из за того аманата с родников его ясак тебе, великому государю, сбирается. И на том их месте мы, раби твои, ниже прежнего ясачного зимовья острог земленой построили, а в нем ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стаялой бревенчатой поставили 3; а прежних воров заводчиков лучших иноземцов Карымчу Товача с товарищи под твою царскую высокосамодержавную руку ласкою и приветом, службою своею и радением мы, раби твои, к ясачному зимовью с ясачным платежем 8 человек призвали и ясак с них тебе, великому государю, взяли, а их в аманаты изсажали. И нынешнего ж 711 году, маия в 21 день, вор и заводчик, лутчей иноземец Большия реки Канач, собрався с родами своими Большой реки пяти острогами, и подозвав к себе с иных многих посторонних рек иноземцов, в многолюдстве к ясачному зимовью и к острогу с

приступом приходили, хотя он, Канач, по прежнему своему лукавому умыслу и понадеяся на свое великое многолюдство, ясачное зимовье и острог взять, а нас, рабов твоих, побить, а из казенки аманатов выручить. И мы, раби твои, Большой реки острог и ясачное зимовье от таких неприятельских немирных иноземцов и от великого их многолюдства своим малолюдством отстояли, и казну твою, великого государя, и аманатов оберегли, и к ним на вылазку из острогу своего с ратным боем выходили и от острогу своего вспять их прогнали, и на побеге его пущаго вора заводчика Канача со изменники побили; а осталые иноземцы в крепкие остроги засели; и мы, раби твои, под острогом Тавачевым, маия с 21 числа июля по 8 число, стояли тайно, себе великой голод принимали и многими крепкими приступы приступали; а на приступех нас, рабов твоих, под тем Тавачевым острогом многих на смерть испереранили. И видя они, иноземцы, наши крепкие к себе приступы, отсидется в остроге не могли и из острогу своего выбежали; а иные осталые иноземцы тебе, великому государю, вину принесли. И ныне тот их Тавачев острог взят и разорен, а из 4-х острогов тутошних иноземцов под твою царскую высокосамодержавную руку с ясачным платежем привели и умирили. А в прошлом, государь, в 706 году, будучи в Камчадальских острогах, прикащик Василей Колесов посылал в поход служилых людей в Курильскую землю для умирительства на немирных иноземцов. И будучи служилые люди в Курильской земле, от Курильского острогу видели за переливами землю по Пенжинскому морю, на той земле не были, и какие люди тамо пребывают и какую битву имеют и какими они промыслы промышляют, про то они в достаток, служилые люди, сказать не знали. А в нынешнем, государь, в 711 году, мы, раби твои, с Большой реки, августа с 1 числа, в ту Курильскую землю край Камчадальского Носу ходили; а где прежде сего служилые люди у Курильского острогу были, и от того их места до самого краю Камчадальского Носу 2 дни ходу, и с того Носу мы, раби твои, в мелких судах и байдаром за переливами на море на островах были, и до той земли доходили, где велено нам, рабом твоим, по твоему, великого государя, указу, проведать и дать той земле особой чертеж. И будучи мы, раби твои, за первым переливом на первом острову, на усть Кудтугана реки, те курильские мужики, скопився в многолюдстве, дали с нами бой крепкой. И к бою ратному тамошние курильские мужики досужи, и из всех иноземцов бойчивее, которые живут от Анандырского по Камчатскому Носу. И божиею помощию, у них, курильских мужиков, 10 человек побили, а иных многих испереранили, и 3 карбаса морских у них отбили. А на том их острову соболей и лисиц не живет и бобрового промыслу и привалу не бывает, и промышляют они нерпу, а одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьяго перья. А за другим переливом, на другом острову, на Ясовилке реке, живут иноземцы езовитяне, и собралось их многое число, а бою с нами они не дали, а чрез толмач под твою царскую высокосамодержавную руку ласкою и приветом призывали. И они, иноземцы, нам, рабам твоим, сказали, что де мы здесь живучи ясаку платить никому не знаем, и прежде де сего с нас ясаку никто не бирывал, соболей и лисиц не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце, а которые де у нас были до вашего приходу бобры, и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные тканые пестрые, и ныне де у нас дать ясаку нечего; а впредь ясак тебе, великому государю, платить хотят ли, про то нам, рабом твоим, не сказали. И стояли против нас своим великим войском изоружены, на битву с нами были готовы. И мы, раби твои, стояли на той их земле двои сутки, а дать бою с ними, за своим малолюдством и за скудостию пороховою, не посмели и себя от них опасли. И с той их земли мы, раби твои, в новопостроенной земленой острог на Большую реку пришли сентября в 18 числе, и тому, государь, учинили за руками чертеж. И ныне мы, раби твои, против твоего, великого государя, указу, каков был дан указ прежде бывшим прикащиком о проведании в Курильской земле против Камчадальского Носу на море за переливами землю проведали. А которых прошлого 710 году мы, раби твои, Апонского государства жителей у немирных иноземцов на Жупановской реке по бобровскому берегу отбили 4, и они сказывают, что де от вышепомянутой дальней земли, которую землю в полуденной стороне видите на море близь де Матмайского города и Апонского государства, и об том Матмайском и Апонском государстве радетельное свое тщание к службе твоей, великого государя, мы, раби твои, приложим и чрез дальную видимую землю проведать впредь обещаемся.

Всемилостивейший государь, просим вашего величества, вели, великий государь, сию нашу челобитную в Верхнем Камчадальском остроге прикащику Василью Севастьянову принять и в Якуцк под отпискою челобитную и чертеж послать.

Вашего величества нижайшии раби служилые люди: Данило Яковлев сын Анцифоров, Иван Петров сын Козыревской, Алексей Посников, Матвей Дюков, Дмитрей Торской, Андрей Кутьин, Алексей Меледин, Гаврило, Келтяка, Василей Барашков, Лука Савинский, Алексей Михалев с товарищи, нынешняго 711 году, сентября в 26 день.

Но вот что интересно — от наказания он уходит, став в 1712 году проводником отряда кам-

чатского приказчика Василия Савастьянова Щепеткого.

И далее его следы растворяются где-то на просторах Якутского воеводства.

Тумак — это слово из лексикона людей, занимающихся звериным промыслом:

«Тумак — традиционное народное название межвидовых помесей животных, особенно помеси зайца-беляка и зайца-русака, реже — хорька и норки, волка и собаки».

И теперь понятно, почему оно возникло в среде промышленных людей Анадырского острога, которые как раз и занимались промыслом пушного зверя. Многие из этих промышленных людей годами не могли покинуть острог, неся за казаков их нелегкую службу, так как служилых людей не хватало, чтобы охватить такой огромный регион, как Чукотка.

За эти годы многие из промышленников завели себе семьи, взяв в жены местных женщин — юкагирок, эвенок, корячек, чукчанок. И, естественно, родились от этих смешанных браков некрещеные тумаки, которые и составили ядро отряда Андрея Кутьина и будущую постоянную основу гарнизона Нижнекамчатского острога.

Вполне возможно, что и сам Андрей был тумаком.

А кто же был его отцом?

В книге «Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск, Якутск» [М., 1886, С. 86–99] в списке служилых людей Якутского казачьего полка за 1706 год мы найдем одну, вполне вероятно, что очень важную для нашего рассказа, запись одной из десятин одиннадцатой пятидесятни Якутского полка:

«Первой на десять пятидесятни:

В десятничье месте рядовой Яков Ефтифеев с. Кутьин; — рядовые: Григорий Куимов, на Камчатке от иноземцов убит, и в нын. 706 г. мая в 16 д. приверстан в казачью службу в его Григорьево место и оклад Петр Федотов, Кузма Копылов, на Камчатке убит, и в нын. 706 г. июля в 9 д. приверстан в казачью службу в его Кузмино место и оклад казачий сын Степан Григорьев с. Томской, Иван Степанов с. Шибалиных, в нын. 706 г. на мае от иноземцов убит, и окт. в 7 д. приверстан в казачью службу в его Иваново место и оклад казачий сын Михайло Кошелев, Иван Толстиков, Гарасим Федосеев с. Лебедев, Завьял Васильев с. Федюниных, Филип Шостаков, Федот Котовщиков с. Сколдин, Василий Лапин, на Камчатке от иноземцов убит, и в нын. 706 г. авг. в 13 д. приверстан в Якуцком в казачью службу в его Васильево место и оклад Максим Зельев».

Других Кутьиных в Якутском полку на тот период обнаружить нам не удалось.

Но был в другое время.

В конце сентября 1683 года в Якутске была составлена «Отписка царям Якутскаго воеводы Ивана Приклонскаго об успешных походах Якутских и Албазинских казаков против неясачных Тунгусов, об измене некоторых из означенных казаков и о взятии ими Тугирскаго острожка»:

«...писал в Якуцкой ко мне холопу вашему из Тугирского острожку прикащик Петр Оксентьев, а в отписке его написано: в прошлом де во 191 [1683] году Тугирского острожку низовые ясачные Тунгусы Ударского, да Адатыгирского, да Нашатагирского родов пришли к нему Петру в Тугирской острожек и к аманатом своим с рыбным с кормом, и били челом вам великим Государем словесно, а ему Петру говорили, чтоб новое зимовье, поставить на Амгуне реке поблизку к ясачным иноземцам к рыбному месту на усть Немиляка речки; а Тугир де река голодная, рыбнаго корму добыть немочно, и служилые люди и аманаты будут помирать голодною смертью. И он де Петр оставил в том Тугирском острожке из служилых людей прикащиком Матюшку Кутьина с товарыщи, а сам де он Петр с служилыми и с промышленными людми пошел от того места, где острожек поставлен, в поход на Немиляк и на Амгунь реки на немирных неясачных Тунгусов Орилского роду и на изменников на прежних ясачных Тунгусов же, которые вам великим Государем изменили в прошлых годех в Майском зимовье. И пришед он Петр на Немиляк речку, поделав струги, хотел плыть вниз по Немиляку; и из Тугирского де острожку казак Матюшка Кутьин писал к нему Петру, что де в Тугирском аманаты три человека убили до смерти на карауле казака Тимошку Данилова, а сами из острожку ушли. И он де Петр воротился назад в Тугирской острожек, а служилых и промышленных людей, казака Митку Мокрошубова с товарыщи, послал по Нимиляку и по Амгуну рекам розговаривать и призывать под вашу великих государей царьскую высокую руку прежних ясачных Тунгусов и изменников и неясачных немирных Тунгусов же Орилского роду. И он де Митка с товарыщи выплыл на Амгунь реку и на Амгуне де реке сошелся с Албазиинскими воровскими казаками с Ганкою Фроловым с товарыщи, которые вам великим Государем изменили, в Албазинском ограбя воеводу Федора Воейкова и хотели его убить и бежали от него из Албазинского; и те де Албазинские воровские казаки учинили с Якуцкими казаками между собою веру на том, что им служить вам великим Государем вместе, и в походы ходить на неясачных иноземцов и на прежних изменников на Тунгусов, и меж себя им не дратца, и друг друга не обидить. И он де Митка с товарыщи с теми Албазинскими воровскими казаками в походы пошел вместе; и встретили де оне на Амгуне реке в стругах многих неясачных иноземцов Гиляк и Наток, которые шли под Тугирской острожек и хотели служилых людей убить и аманатов взять. И было де их в походе Якуцких казаков 33 человека, да промышленных людей, которые были с ними Якуцкими казаками 30 человек, да Албазинских воровских казаков 50 человек, и с теми неясачными иноземцы с Гиляки и с Натками собча вместе бились; и, Божиею милостию и вашим великих государей счастьем, на том бою тех иноземцов многих побили».

А впоследствии мы находим следы обоих якутских казаков Кутьиных в Томске [Русские старожилы Сибири конца XVI – начала XVIII вв., стр. 483–484].

«Кутьин Матвей — томский конный казак; в 1665 служил в десятке И. Чернояра с окладом 7 руб. с четью».

«Кутьин (Кутин) Евтифей (Евтюшка) — томский пеший казак; в 1653 получал оклад 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса; служил без пашни; женат».

И вообще служилые люди Кутьины были обнаружены нами только в Томске. Это была довольно мощная семейная корпорация.

Патриархом этого рода был, по всей видимости, Матвей Кутьин, который, возможно, и строил Томский острог в 1604 году:

«Кутьин Матвей — томский стрелецкий десятник. В 1607 вместе с Я. Осокиным совершил поход "в Кузнецкую землю". В 1608 один из авторов челобитной о "насильствах" томских письменных голов М. Ржевского и С. Бартенева. В том же году казак Я. Осокин говорил ему "непристойные речи" о Василии Шуйском. 10 апреля 1609 вместе с И. Белоглазовым и Ф. Ходыкиным послан с посольством к Алтын-хану и в Китай, но из-за противодействия Киргизов 18 марта послам пришлось вернуться домой».

К числу первостроителей относят и Ивана Кутьина:

«Кутьин Иван (ум. ок. 1652/1656) — томский конный казак (1680), один из основателей Томска, куда "пришел собою", служил "лет с пятдесят", умер при воеводе Н. Нащокине (1652–1656). У него сын Никита.

...Кутьин Никита Иванов — томский конный казак, родом из Томска, поверстан "в место" отца, умершего при воеводе Н. Нащокине. В 1665 служил в десятке И. Яковлева, получал оклад 7 руб. с четью, 6 четей ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли, имел пашню. Упоминается также в 1672, 1676, 1680».

Следующие имена Кутьиных отражены в книге «Томск в XVII веке: документы и материалы. Приходные и Расходные книги Томского города 30 гг. XVII в.» [Сост. В.А. Есипова. Томск: изд-во Том. ун-та, 2001]:

Кутьин Басалай Терентьев — томский конный казак. В 1626 получал оклад 7 руб. 8 алтын 2 деньги, 6 четей с осьминой ржи, по чети крупи толокна. В 1653 служил «с пашни». Женат (1626).

Кутьин (Кутин) Григорий (Гришка) Семенов, конный казак десятка П. Терентьева. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей муки, по чети круп и толокна. Служит с пашни. В 1627 г. продал на базаре 2 чети ржи. Женат.

Кутьин (Кутин) Путило (Путилко) Матвеев, конный казак десятка И.С.Веригина. Строитель первого и второго Кузнецкого острогов. Участник смуты в Кузнецке в 1620 г., «бил и мял» кузнецкого воеводу.

От Басалая пошли, как отмечают томские краеведы, уже Басалаевы.

Отмечается еще одно новое отчество:

Кутин Агей Панкратьев – томский конный казак, «литвин» с окладом 7 руб. с четью (1635)

Самой крупной — по чину — фигурой был Петр Кутьин:

«Кутьин Петр — томский пятидесятник конных казаков. В 1642 конный казак, поверстан "в место" С.П. Щепеткина с окладом 7 руб. с четью. В 1672 десятник конных казаков с окладом 7 руб. с четью, 6 четей с осьминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли. В 1677 пятидесятник с окладом 9 руб. Участник Томской смуты в 1648: 9 сентября арестовал попа Сидора, сторонника воеводы О. Щербатого. В 1673 ездил в Москву... В 1668 состоял в посольстве М. Ржицкого к Сенге-тайше, куда был взят для письма. Женат; сын — Яков».

«Кутьин Яков Петров — томский пятидесятник конных казаков, томич, его отец служил пятидесятником. Яков был поверстан при воеводе П.Л. Львове (1677–1680), в "отцово место". В 1672 конный казак с окладом 7 руб. с четью, 5 четей с осьминой ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли. В 1680 пятидесятник с окладом 9 руб., 6 четей с осьминой ржи, 4 чети овса, 1,5 пуда соли».

Служилые томичи в 1707 году:

Степан Микитин сын Кутьин,

Василий Петров сын Кутьин,

пятидесятник Яков Петров сын Кутьин,

десятник Иван Яковлев сын Кутьин.

Конечно, сегодня трудно разобраться в этом хитросплетении фамильных и родовых уз и связей томских казаков Кутьиных.

Но, тем не менее, мы можем предполагать, что и Андрей Кутьин из когорты тех казаков-томичей, которые первыми проторили дорогу к Охотскому морю в отряде Ивана Юрьева сына Москвитина, а он сам, анадырский тумак и камчатский казак, торил в отряде Данилы Анциферова Томского первую дорогу на Курильские острова...

КЫРАСОВЫ

Фамилия в нашей информационной базе встречается только два раза. Вполне вероятно, что ее изначальная форма — Курасов, искаженная на Камчатке.

Курасовы — курские дворяне.

Одна из возможных причин появления Курасовых в Сибири — это служение Лжедмитрию:

«Следующий этап политической истории Новгорода как правило связывают с прибывшими в Новгород представителями подмосковного ополчения и прежде всего — с чашником Василием Ивановичем Бутурлиным. Однако кроме него крупными представителями московских таборов, появившимися в Новгороде после переворота, были бывшие тушинцы — князь Семен Григорьевич Звенигородский и дьяк Денис Софонов. Вместе с ними в Новгород приехали дворяне московские Данило Замыцкий, Федор Пушкин, князья Юрий Звенигородский и Семен Хованский и Борис Поливанов, а также некоторые другие москвичи. 6 мая они получили по два ведра вина. Тогда же в Новгороде появились и служилые люди

других городов – вязьмичи отец и сын Третьяк и Иван Якушкины (первый служил в Новгороде судьей, второй послан из Новгорода в Швецию в сентябре 1611 г.) и курчанин Никита Курасов» [Селин А.А. Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году].

Вторая версия — после Смутного времени и войны с Речью Посполитой в Сибирь было сослано много казаков — черкасов воронежских и курских, которых либо «сажали в пашню», либо верстали в казаки.

Судя по количеству дворовых, которые были в собственности Кырасова-отца — Михаила, он прибыл на Камчатку в самом начале колонизационного процесса и участвовал в подавлении местных бунтов, откуда у него и взялся ясырь — военная людская добыча.

Нижнекамчатский острог в период переписи за 1722/1748 год:

«Камчадалского острогу

Разночинцы

Михаило Кырасов

Михаила Кырасова дворовые:

Отом, у него сын Олока; Кумач; Киткат; Кунже; Харнач; Карымча» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 92, 99 об.].

Сын Федор — вероятно, камчаддал «русской крови», то есть рожденный от мамки-камчадалки, пошел по стопам своего отца и в итоге стал одним из виновников Харчинского бунта 1731 года, что было установлено Розыскной канцелярией, вынесшей соответствующий приговор походной розыскной канцелярии от 28 февраля 1735 г.

«А бытности оного камисара Шехурдина зборщикам Петру Гуторову, за подьячих Федоту Спиридонову, Семену Минюхину, толмачем Спиридону Перебякину, Федору Кырасову, Петру Сургуцкому учинить наказание ж — бить кнутом нещадно ж, для того — вышепоказанные подьячие и зборщики и толмачи в бытность показанных камисаров ездили за ясашным збором и брали сверх ясаку в чащины по три и по четыре места, и, привозя, отдавали камисаром, и в тех собранных чащинах ясашным иноземцам чинили раззорение и обиды» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 43 об. – 44 об.].

Впоследствии следы камчатских казаков Кырасовых теряются в глубине истории…

ЛАВРЕНТЬЕВЫ

Образование фамилий от личных имен в 17-м столетии создает огромное множество вариантов по истории одной и той же фамилии.

Вот, например, томский вариант, о котором сообщает Владимир Волков, опираясь на материалы РГАДА, ГАТО и ОРК НБ ТГУ.

«Основателем рода Лаврентьевых был томский подьячий Лаврентий Степанов, родом из города Крапивны. Первоначально Лаврентий был послан из Москвы на службу в Сургут, а затем из Сургута прислан в Томск, вероятно, еще в 1604 г. В Томске он был взят подьячим в приказную избу. Этот пост закрепился за Лаврентьевыми на долгое время, что помогло возвышению этой семьи. Он имел как минимум четырех сыновей, и все носили имя Иван. Об одном, вероятно среднем, нам мало известно. Документ 1658 г. сообщает о смерти в бою с черными калмыками служилого человека Ивана Лаврентьева. В 1680 упоминаются Ивашко Старой Лаврентьев, десятник пеших казаков, верстанный еще в 1633 г., и Ивашко Меньшой Лаврентьев, конный казак, верстанный в 1671 г. Их брат Иван Лаврентьев служил первоначально конным казаком, а затем был взят в приказную избу подьячим в 1658 г., а на его место был верстан сын Петрушка Иванов сын Лаврентьев, упомянутый в 1680 г. вместе с дядьями.

Иван Старой (Большой) Лаврентьев в 1658 ходил с Дмитрием Копыловым в киргизскую землю, а в 1648 г., приехав из Нарымского острога, сообщил томским казакам о московском восстании.

Наиболее выдающимся представителем фамилии, без сомнения, был сын Ивана Меньшого Дмитрий, который в начале XVII в. числился томским дворянином. Дмитрий Иванович Лаврентьев в 1707 г. служил приказчиком Мелесского острога на р. Чулыме и вместе со своими казаками выдержал осаду киргизов. В 1713 он был направлен в район р. Чаусы для основания Чаусского острога. После основания острога он долгое время был его приказчиком и проживал там же со своей семьей.

Представители рода Лаврентьевых ныне проживают как в Томске, так и в других населенных пунктах Томской и Новосибирской областей и Алтайского края».

Иван Большой Лаврентьев был тем человеком, который привез в Томск известие о Московском восстании 1648 года:

«…Декабря в 28 день пришел из Нарыму томский казак Ивашко большой Лаврентьев и пришел на двор к Илье Бунакову и Илье рассказывал про московские вести, как он был Ивашко в Нарыме и при нем де Ивашке пришли в Нарым ис Сургута сургуцкие казаки и ему, Ивашку, и нарымским многим людей сказывали московские вести, что на Москве учинила чернь и стрельцы над бояры и над многими людми, и как домы грабили и побивали. И как сошлись к нему, Илье, советники ево, Остатка Люпатишка Хромой с товарищи и иные многие люди и он, Илья, ево Ивашковы вести сказывал всем людем вслух: на Москве чернь стала вскопе и бояр побили и хотели боярина Бориса Морозова убить, и Ивановича не молын (так в тексте), а домы де многих грабили, а здесь де недорого меня, Оську, с товарищи с дьяком с Михаилом Крючаремы да Петра Сабанского с товарищи убить, и домы наши розграбить все. И на Москве де государь сам выходил на лобное место, упрашивал де ево у черни Бориса Морозова, что де ево не убили, и для тово ево Бориса Морозова велит сослать на Белое озеро» [РГАДА, ф. 214, д. 469, л. 165].

Как известно, целый ряд томичей — активных участников Томского бунта 1648 года — по итогам расследования сослали в Якутск.

Но по поводу Лаврентьевых таких данных нет, хотя на самом деле семья находилась в состоянии гражданской войны — двоюродные братья Григорий Иванов сын Лаврентьев и Петр Иванов сын Лаврентьев оказались по разные стороны «баррикад»: «Петр выступил против воеводы Г. Петрово-Солового, обвинил своего брата в воровстве, в том, что он вместе с воеводой О. Качановым "по книгам брали заочно оклады служилых людей"»: [Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII вв., стр. 489].

В 1656 году один из томских казаков Иванов Лаврентьевых (возможно, тот самый — Средний — который «потерялся) был в составе Даурского полка воеводы Афанасия Пашкова, подписал челобитную о наказании протопопа Аввакума, сосланного в Даурию за верность старой православной вере [материалы о протопопе Аввакуме, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1953].

Возможно, с него и начинается история нерчинских Лаврентьевых.

В 1693 году в Нерчинске (в Аргунском остроге) служит конный казак Ивашка Лаврентьев [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1063. Л. 102 об.].

Его имя есть в списках 1700 года:

«Аргунские пешие казаки … оклады по пяти рублев … Иван Лаврентьев».

Нерчинск, 1721 год:

«Нерчинской пеший казак Василей Лаврентьевых — 25 (1696)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д 1626. Л. 15 об.].

Нерчинск, 1744 год:

«в службу…

Василей Лаврентьев…

Стретенского острогу крестьян померло…

Ипат Лаврентьев».

Мы не можем за неимением необходимых документов говорить что-либо о возможном родстве Ипата и Василия, хотя переход (точнее, перевод) из казаков в разночинцы, а затем в крестьяне был типичным для Нерчинска того времени.

Но с Ипатом на самом деле возможна другая история.

Вот что сообщает Г.Б. Красноштанов в книге «На ленских пашнях 17-го века»:

«В именной книге 1686 года записано:

"Богдан Лаврентьев. … А детей у него два сына да брат, да племянник". В ужинной книге 195 (1686) года записано:

"Да он же, Богдан, пахал великих государей полдесятины вместо умершево брата своево Ипата Лаврентьева"».

«Иван Миронов Чемякин поверстан в пашню вместо умершево пашенного крестьянина Ипатка Лаврентьева».

Конечно, речь не идет об Ипате, о котором сообщается в ревизский книге за 1744 год. Речь идет о преемственности имен, которые передавали от деда старшему из внуков.

Смерть же Ипата не была случайной:

«Крестьян Седых в то время на Манзурке не было. Зато автор рассматривает интересный документ об убийстве бирюльского пашенного крестьянина И.Лаврентьева. В 1685 г. В Бирюльской волости пашенный крестьянин Василий Дементьев Седой, ссыльный смоленский стрелец, в пьяной драке убил пашенного крестьянина Ипата Лаврентьева.

«Генерал и воевода Матвей Осипович Кровков, слушав сего сыскного дела и пыточных речей, что с трех пыток Васка Седой говорил одне речи, и по указу великих государей и по выписке из Соборного Уложенья тому убойце Ваське Седому дать вместо смерти живот, бить ево перед Приказом на козле и впроводку кнутом нещадно, водить по рядам до квасной, чтоб впредь и иным было неповадно досмерти людей побивать.…» [РГАДА. Ф. 1177 Оп. 3. Ч. VI. Ед. хр. 2373. Л. 69–71].

В именной книге 1686 года записано:

«Игнатка Лаврентьева сын Якунька Ипатов» [наверное, все-таки Ипатка Лаврентьева сын… И Евсютка Ипатов?].

А далее было перемещение крестьян Лаврентьевых: «Кузька Микифоров да Евсютка Лаврентьев из Бирюльской волости по челобитью во 180 (1672) году переведены в новую Идинскую волость в пашню в то же тягло, по десятине ржи по полудесятине яри, а в Кузькино место Микифорова построен в пашню в полудесятины ржи в четь яри ис промышленных людей Архипко Ярафиев». Идинская волость была на Ангаре.

В 1690 году записана жалоба служилых людей и крестьян Идинского острога:

«Жалоба идинских служилых людей и пашенных крестьян на монгольского выходца: "Великим государем [И.А., П.А.] бьют челом холопи ваши и сироты, Идинского острогу служилые люди: десятник конных казаков Пронька Черниговской да конные ж казаки: Ивашко Захаров Хорошево Сергушка Нефедьев Якушко Арсенов Алешка Шуваев Емелька да Сергушка Черниговские да рядовые служилые люди: Сенька да Пронька Маньков Кирюшка Учюжников да пашенные крестьяне: Евсютка Лаврентьев Пашко да Ивашко Сереткины Якунька Елисеев Максимко Шишкин все служилые люди и пашенные крестьяне Идинского острогу. Жалоба, великие государи, нам, холопем вашим и сиротам, на неясачного мунгальсково выходца на Хара Емегена в том, что в прошлом, государи, во 199 [1690–1691] году зарезал он, Хара Емеген, у нас, холопей ваших и сирот, семнатцать скотин рогатых, и в тех скотинах винился при приказном сыне боярском Василье Перфирьеве. И в нынешних годех он же, Хара Емеген, в Ыдинском руских людей гоняет для смертново убийства и скот тако же режет. Велите государи от нево, мунгальсково Хара Емегена, дать оборонь, чтобы, государь, от нево нам, холопям и сиротам, вовсе не погинуть и не разоритьца"» [Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование? Иркутск, 2008].

А это запись уже за 1719 год:

«1719 году октября в 15 Стретенского острогу прикащик нерчинской дворянин Иван Молодой оброчных крестьян выборные староста Онофрей Яковлев десятник Ипат Лаврентьев сказал во Стретенском остроге оброчных крестьян и детей их и родственников мужеска полу людей болших и малых тритцеть восмь человек

а живут в одиннатцати дворех да бездворных пять человек да десять человек болших и малых захребетников а живут в четырех дворех да девять человек захребетников болших и малых бездворных а болши де того во Стретенском остроге оброчных крестьян и детей их и родственников и бобылей и захребетников мужеска полу людей нет…» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1621].

И вопрос, который мы себе задаем: могло ли прийти пополнение казаков в Гижигискую крепость из Нерчинска, откуда постоянно черпались кадры для обеспечения гарнизонов острого и крепостей Охотоморья?

Конечно, могли. Но доказательств того, что гижигинцы Лаврентьевы пришли из Нерчинска, у нас пока нет.

Что мы знаем?

В 1761 году в Гижигинской крепости служит казак Иван Лаврентьев [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об.].

В 1781 году — пятидесятник Александр Лаврентьев и казак Семен Лаврентьев [РГВИА, фонд. 14808, оп. 1, д. 88, Л. 8, 13 об.].

И поэтому, минуя вариант Нерчинска, мы возвращаемся к традиционному — якутскому — следу.

И вот что мы находим, помня о том, что чины в казачьей среде выдавались не только за военные заслуги, но и по наследству — от дедов и отцов — сыновьям и внукам.

Первое известие о появлении Лаврентьевых на Лене относится к 1640 году:

«Да в прошлом во 147-м [1639] году послано ис Тобольска на государеву службу на великую реку Лену с стольники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи тобольских служилых людей
Пешие казаки
Гавриловы станицы Ильина
Дорофейко Лаврентьев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 130. Л. 162 об.].

Но впоследствии нас ожидало закономерное разочарование.

Закономерное в том смысле, что очень часто в 17-м столетии казаков записывали не по фамилиям, а по отчествам, что многих историков и краеведов вводило в заблуждение и путало все их «генеалогические карты».

И вот что мы обнаруживаем в других документах:

«Вершинин Дорофейко Лаврентьев, пеший казак станицы Гавриловы Ильина» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141. Л. 219 об.].

«Тобольские ж пешие казаки прежнего наряду … Гавриловы станицы Ильина … Дорофейко Лаврентьев в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 62].

Тобольск, 1661 год:

«Пешие казаки Михайловы станицы Остафьева … Дорофейко Лаврентьев Вершинец» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 165 об.].

Итак, тобольский след обрывается сразу…

Далее — заведующая отделом истории Великоустюгского музея-заповедника Г. Чебыкина обнаруживает великоустюжский след Лаврентьевых на Чукотке:

«в отряде Семена Дежнева… Среди них значатся Кирилл Степанов, Панфил Лаврентьев и Ефим Кириллов. Из опубликованных документов стало известно, что все трое — устюжане и что Кирилл Степанов и Панфил Лаврентьев служили с Дежневым в Анадырском зимовье до 1655 года».

В одном только ошибается Г. Чебыкина — Панфил Лаврентьев служил в Анадырском остроге и позже 1655 года.

В 1655 году анадырские служилые и промышленные люди направили свою челобитную царю, которую и доставил в Якутск Панфил Лаврентьев «со товарищи». В этом письме упоминается имя еще одного Лаврентьева — Ивашки Лаврентьева, который пополнил команду Семена Дежнева позже — он пришел в составе отряда Семена Маторы (Моторы) не по морю, как Дежнев с Панфилой Лаврентьевым, а по суше:

«*1655 года не раньше весны. —*
Из челобитной служилых и промышленных людей Федота Емельянова Ветошки с товарищами, о назначении им денежных и хлебных окладов за службу на реке Анадырь.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом холопи и сироты твои служивые и промышленные люди, которые отпущены с Колымы реки от сына боярскова Василья Власьева да целовальника Кирила Коткина, и которые промышленные люди подали челобитные на Колыме реке, усть Анюя реки служивому человеку Семену Моторе, служим твоя государева служба с ним, Семеном, на Анандыре реке, и которые были на Анандыре реке в прошлом во… году с Семеном Дежневым служилые люди: Федотко Емельянов Ветошка, Артюшка Федотов Салдатко, торговый человек Онисимко Костромин, промышленные люди: Васька Ермолаев Бугор, Терешка Микитин, Васька Марков, Стенька Сидоров Вилюй, Стенька Петров Каканин, Петрушка Михайлов, Ивашка Казанец, Онтонка Андреев, Гришка Онтонов, Томилко Елфимов, Титко Семенов, Морозко Малафеев, Дружинка Алексеев, Сидорко Емельянов, Пашко Максимов, Фомка Семенов, Кирилко Степанов, Ивашко Лаврентьев, Тренька Курсов, Филька Данилов, Данилко Панкратов.

В прошлом, государь, во 157 году, ведомо учинилось на Колыме реки сыну боярскому Василью Власьеву да целовальнику Кирилу Коткину, по роспросным речам от ходынского аманата Ангары, которого взяли мы, холопи и сироты твои, сверху Анюя реки, и от ходынских ясырей, что новая захребетная река Анандырь подошла к вершине Анюя реки близко. И по тем роспросным речам прибралось нас охочих промышленных людей и били челом тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а челобитную на Колыме реке сыну боярскому Василью Власьеву да целовальнику Кирилу Коткину, чтобы итти нам охочим промышленным людем в ту новую землю, на ту захребетную реку

Анандырь... И мы, сироты твои, на ту твою государеву службу отпущены с служилыми людьми с Семеном Моторою с товарищи... Да в прошлом, государь, во 160 году пошли мы, холопы и сироты твои, в судах на море для прииску, чтоб тебе государю где учинить прибыль прочная, и нашли мы усть той Анандыри реки за губою коргу, вышла в море далеко, а на ту коргу вылегает много морской зверь морж, и есть на той корге заморной зуб зверя того. И мы того зверя промышляли. А до той Анандыри реки и до той корги, что твоим государевым счастьем приискали мы, холопи и сироты твои, и до того места Михайло Стадухин с товарищи не ходили, потому, государь, знатно, что в прошлом во 157 году с Колымы реки ходил Михайло Стадухин морем вперед на Погычу реку, а с моря пришел во 158 году, сентября в... день. И писал он, Михайло, с Колымы реки в Якуцкой острог к твоим государевым воеводам, что бежал де он, Михайло, морем вперед семеры сутки, а реки де не нашел никакой, нашел де он, Михайло, небольших людей коряцких и языков де переимал, а на роспросе языки сказали, что впереде де людей много есть, а реки де они не знают никакой. А он, Михайло, с товарищи воротились назад в Колыму реку. А впереди того места есть каменной Нос большей, вышел в море далеко и людей на нем добре много. А против того Носу есть острова в море. А на островах людей добре много ж. А мы, сироты твои, которые были с Семеном Дежневым, тот каменной Нос и островы знаем и людей видели, а не тот Нос, что есть первой Святой нос от Колымы реки, а Анандыря река от того Большого Носу и от островов далеко. Да в прошлом, государь, во 162 году охочей служивой человек Юрье Селиверстов писал в Якуцкой острог с Анандыря к твоим государевым воеводам, с промышленным человеком с Оверкою Мартемьяновым, что де то место преж сего проведал он, Юрья, а не мы, холопи и сироты твои. И то он, Юрья, писал ложно, и отписки послал он от нас тайно, зависти ради, хотя нашею службою и прииском быть в твоем государеве жалованье. А был он, Юрья, и ходил морем вперед с Михаилом Стадухиным, а Михайло до Анандыри реки не доходил добре далеко. А потому твоя государева ясачная и десятинная соболиная казна и рыбья зубу в нынешнем, во 163 году, весною, не вышла, что мы, холопи и сироты твои, кормом нужны: ядим мы красную заморную рыбу, а ныне по плесам кормимся, и поднятца с твоею государевою казною не могли. А в прошлом, государь, во 162 году, весною того аманата Чекчоя братья и родники их хотели твою государеву казну, посадить закладчиков ближних своих родников, через Камень везти на Анюй реку на оленях. И в нынешнем, государь, во 163 году, осенью, тех твоих государевых ясашных людей, пришед с Камени от Пянжины реки, многие немирные коряцкие люди их побили и погромили и жен и детей их поймали и оленей отогнали, и ныне де твоей государевы казны везти им не на чем. И тот аманат Чекчой и з братьями и с родниками своими били челом тебе, государю, челобитную подали на Анандыре реке служивым людем, Семену Дежневу да Миките Семенову с товарищи, чтоб их государь пожаловал, велел бы своим всяким служилым людем от тех иноземцов оборонить их. А впредь де, во 164 году они, ясашные иноземцы, твою государеву казну хотят перевезть на Анюй реку на оленях. Да в прошлом же, во 162 году для твоей государевы службы дали мы, холопи и сироты твои, Юрью Селиверстову с товарищи два коча деланые, готовые, и з снастью, и карбас, кроме паруса и якоря, чтоб та твоя государева служба в год не застоялась и времени б не испоздать к морскому промыслу. А живучи мы, холопи и сироты твои, на твоей государеве службе на Анандыре реке, что было сетяное и всякое промышленое заводишко, водяное и горное, со 158 году, и то придержали все, и в тех мы сетяных заводах задолжали великими долгами. Имали мы новую сеть в долг ценою рублев по пятнатцати и больше, а искупитца нечем, потому, государь, что Анандырь река не лесная и соболей на ней мало, а иноземцов неясашных людей добре много. А впредь нам должитца не у ково, что заводных людей пришло с нами мало. И кормимся мы красною заморною рыбою кетою. А та рыба кета внизу Анандыри реки от моря идет добра, а вверх приходит худа, потому что та рыба замирает вверху Анандыри, а назад к морю не выплывает. А белой, государь, рыбы добываем мы мало, потому что у нас сетей добрых нет. А что и промыслитца белой рыбы, и то мы пасем, и кормим потолику твоим государевым аманатом: а тою рыбою, кетою, кормить их не смеем, чтоб им, от того корму оцынжав, не помереть и нам бы, холопям и сиротам твоим, от тебя государя за то в опале и в казне не быть. Милосердный государь царь и великой князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, своим государевым жалованьем по прежнему в наши оклады, для нашей службы и великой нужи и долгов, и вели, государь, нам, сиротам твоим, о той своей государеве службе указ учинить, и вели, государь, сию нашу челобитную на Анандыре в ясашном зимовье служивым людем, Семену Дежневу да Миките Семенову, принять и подпискою послать в Якуцкой острог к твоим государевым воеводам. Царь государь, смилуйся, пожалуй» [ААН, фонд 21, кн. 31, № 63. Полностью документ напечатан в ДАИ, т. IV, № 6].

То, что именно Панфил Лаврентьев отвозил эту челобитную в Якутск, подтверждает замечательный писатель Сергей Марков [Подвиг Семена Дежнева, Анадырское житье]:

«Как отправляли впервые в 1657 году дорогой груз моржовой кости в Якутск? Об этом у Дежнева ничего не сказано, а между тем известно, что Федот Ветошка и вздорный человек Евсейка Павлов появились тогда в Жиганском зимо-

вье на Лене. Торговый человек Никита Малахов с сокрушением доносил, что “служилые люди у него пропились”. Федот Ветошка и Евсейка пропили по десять пудов моржовой кости. Дело не в размерах разгула служилых, а в том, каким путем они попали в Жиганск. Известно, что с Чекчоем сухим путем пошли только два человека — Сидор Емельянов и Панфил Лаврентьев, и о доставке ими мехов и кости у Дежнева ничего не говорится. Они везли только одну почту. В ней лежала ведомость о количестве впервые добытой моржовой кости. Дорога на Колыму и Якутск сухим путем пролегла с Анадыря через “Камень”, Анюй, Нижнеколымск, Алазею, Индигирку, Яну и Алдан. Жиганск, лежащий севернее Якутска, был, в свою очередь, местом досмотра судов, идущих в моря из устья Лены. В Жиганске взимались таможенные пошлины. Сухого пути в Жиганск с Яны, через “Камень”, тогда и в помине не было. Это достоверно известно из челобитной казачьего десятника Михаила Колесова. В 1678 году он писал, что лет восемь назад совершил зимний поход на оленях с низовьев Яны “в Жиганы” через горный хребет… “…а преж того русские люди через тот камень нихто не бывал”, — писал Михаил Колесов».

Как же очутились в жиганских питейных домах Ветошка и Евсей Павлов? Пришли с моря, только этот путь был у них! Но одного этого примера мало. В том же 1657 году торговый человек Прокофий Аминев встретил коч Василия Бугра на море, в Омолоевой губе, между Яной и Леной. Бугор шел с востока и вез груз моржовых клыков.

Беспутство Ветошки и Евсея в Жиганске, о котором вынуждены были даже доносить в Якутск, помогло нам установить, что костяная казна была впервые доставлена в Якутск с Анадыря на корабле. Почему же биографы Дежнева не заметили этих удивительных свидетельств о плаваниях от Анадыря на Лену? Ведь в этих походах нельзя было миновать пролива между Азией и Америкой, нельзя было не обойти Чукотского полуострова с востока на запад!

Трудно допустить, что костяную казну когда-либо сплавляли через верховья Анадыря с его порогами, перетаскивали волоком в Анюй, по Анюю проникали в Колыму и лишь колымским устьем выходили в море, чтобы оттуда держать путь к устью Лены.

Якутский воевода Михайло Лодыженский не должен был особенно распространяться о привозе моржовой кости морем с Анадыря, потому что был замешан в одном темном деле. Мы должны быть благодарны разбитному ярославцу Никите Агапитову (Малахову), у которого пропился Ветошка».

То есть морской путь из устья Анадыря через Берингов пролив в Северный Ледовитый океан был проторен гораздо ранее, чем об этом принято считать в официальной российской истории. И совершили этот подвиг забытые неблагодарными потомками наши сибирские казаки-мореходы.

Но сегодня речь не об этом. Речь об анадырских Лаврентьевых.

Так вот, есть документ, датированный… 1681 годом и подтверждающий тот факт, что Панфил Лаврентьев продолжает жить и служить в Анадырском остроге:

«1681 г. август, начало. —
Из документов, отосланных в Якутск из Анадырского острога после принятия его Иваном Курбатовым от Ивана Потапова.
а) Челобитная промышленных людей из Анадырского острога Федору III (начало августа 1681 г.)

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьют челом сироты твои промышленные люди: Кирюшка Стефанов, Петрушка Аникиев Щукин, Мишка Малафеев, Васька Алексеев, Ларька Логинов, Панко Лаврентьев, Фомка Семена, Ивашка Савин Прикол, Пронька Ерофиев, Якунька Игнатьев, Нехорошко Григорьев, Савка Васильев, Ивашко Фомин, Васька Фомин, Нехорошко Панфилов, Ефимко Кирилов, Ивашко Григорьев, Пашко Леонтьев, Максимка Семенов, Якунька Афонасьев. В прошлых, великий государь, годех пришли мы, сироты твои, на Анадырь реку в та поры, когда не было на Анадыре реке твоих великого государя аманатов и приказные люди преже нас, сирот твоих, на ту реку не бывали. И как стали приходить по твоему великого государя указу приказные люди на Анадырь реку, и нас, сирот твоих, они, приказные люди, стали имать ходить в поход. И мы, сироты твои, с ними, приказными людьми, тебе, великому государю, на Анадыре реки служим с воды и с травы. И они, приказные люди, нас, сирот твоих, с Анадыря реки не выпущают для ради безлюдства. И караулы мы, сироты твои, у твоей великого государя казны и у аманатов караулим потому ж против служилых людей и тягло всякое и потуги платим и аманатцкие кормы кладем. И оттого мы, сироты твои, обнищали и погибли до конца, и жен и детей своих изохолопили в вечное холопство; и в прежние годы тебе, великому государю, с себя оброки платили и пятинные деньги давали. Милосердный государь царь и великий князь Федор Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй нас, сирот своих, вели, великий государь, в Анадырском острожке свободить от караулов и выпущать нас, сирот своих, из Анадырского острожку и вели, великий государь, сею нашу челобитную послать под отпискою в Якутцкой острог. Царь государь, смилуйся.

[На обороте помета:] К сей челобитной вместо промышленных людей Проньки Ярофеева, Савки Васильева, Фомки Семенова, Ивашка Фомина, Панфилка Лаврентьева, Нехорошка Панфилова, по их веленью Ивашко Анкудинов руку приложил, к сей челобитной отца своего Кирилка Стефанова, Морозка Малафеева, Дружинка Алексеева,

Яковки Офонасьева, Олешки Мелентьева, Петрушки Щукина, по их веленью, и за себя Ефимко Кирилов (Меркурьев) руку приложил.

б) Роспись ясырям в Анадырском остроге по состоянию на момент принятия его от Ивана Потаповым Иваном Курбатовым; составлена и отослана в Якутск Иваном Курбатовым.

Роспись ясырям, которые живут в Онандырском острошке у всяких чинов людей, погромные и непогромные, и ясачных и неясачных юкагирей, и то писано в сей росписе имянно.

У сына боярского у Родиона Кобелева ясырь крещеная Коряцкого роду именем Софьица, да 2 парня Чюхотцкого роду, в том числе один крещеной именем Куземка, а некрещеному имя Манякса. У старца Федосея Коряцкого роду девка некрещеная Манька, да Чюхочья роду Матрешка некрещеная ж, да Корятцкого ж роду девка Белянка, да крещеной малой Денисko — крепостные погромные, да с ним же живут промышленых людей дети крещеные Лупа да Оничка да сестра их Оришка, а чьи они дети, того он Федосей сказал не ведает, а ведает де про то мать их, умершего промышленого человека Онашки Максимова жена венчанная Харитинка, а сын ее Ондрюшка. У десятника казачья у Ивана Потапова 3 ясыря Корятцкого роду да 2 парня крещеные, а имяна тем ясырям — Обросинья да Анница да Окулинка, а ребятам имена Мишка да Гришка.

У казаков: у Ивашка Ондреева ясырь Омотцкого роду крещеная именем Каптелинка; у Назарка Максимова ясырь Чюванского роду крещеная Анисьица, купленая не крепосная; у Васьки Игнатьева жена венчанная Чюванского роду Домница, а была де она преж сего у казака у Данилка Хренова и отдал де ее Домницу за него Васильея замуж он Данилко; у Давыдка Павлова жена Корятцкого роду крещеная именем Паросковьица; у Васьки Сухарева ясырь Корятцкого роду, да парень погромные; у Сидорка Иванова ясырь Чюхочья роду погромная, живет в работницах; у Офонасья Ондреева ясырь Корятцкого роду некрещеная. У промышленых людей: у Мороза Малафеева жена венчанная крещеная Анаульского роду именем Устиньца, а была де она неясачных юкагирей; у Фомы Семенова жена венчанная Анаульского роду крещеная именем Устьиньица погромная; у Панька Лаврентиева ясырь Ходынского роду крещеная именем Настасьица; у Максимка Турсука ясырь Чюванского роду крещеная именем Анница; у Кирилка Степанова жена венчанная крещеная именем Феклица Анаульского роду неясачных юкагирей;

у Ивашка Фомина жена венчанная крещеная именем Катеринка Чюхочья роду; у Ветошки Кирилова ясырь Ходынского роду именем Феклица, а живет де она Феклица у него Ветошки волею, а она де Феклица крещена; у Савки Васильева ясырь некрещеная именем Лекочи Ходынского роду, умершего казака Михайла, а чей сын того не упомнят — ясырь крещеная именем Татьяница; казачья ясырь Гаврилка Важенина крещеная именем Марьица ясачных юкагирей Нижнего Колымского зимовья; у Проньки Голово ясырь Корятцкого роду некрещеная Етвага; Чюванокого роду ясырь умершего казака Микитки Кондратьева крещеная куплена,а живет де она ныне на воле, а преж сего де жила она по крепосте у казака у Давытка Павлова; Олешки Платонова мать крещеная ясырь именем Василиска Анаульского роду ясачных юкагирей; у Заледея 2 ясыря некрещеные Корятцкого роду погромные; у Пашка Леонтьева ясырь некрещеная Чюванского роду; Чюванского роду ясырь вольная крещеная именем Палашка» [А.А. Немировский Материалы по истории юкагиров и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х — середине 1680-х гг.].

Мы привели этот большой список ясырей не с проста — женщины в этом списке в своем большинстве это либо жены, либо матери казачьих детей — тумаков, которые впоследствии примут участие в строительстве зимовий на северо-восточном побережье полуострова Камчатка, а затем перейдут служить в отстроенный ими же Нижнекамчатский острог.

Но следов Лаврентьевых в списках нижнекамчатских казаков нами обнаружено не было.

И мы возвращаемся в Якутск, где в 1670 году подписывается казачья «порука» за верстаемого в казаки Степана Моторы:

«1670 (178) г. июня 28. — Поручная запись сына боярского Петра Ярышкина, сына боярского Федора Рукина, атамана казачьего Семена Дежнева с товарищами по новокрещене Стефане Моторе, верстаемого в казачью службу.

К сей поручной вместо порутчиков Данила Уракова да Ивана Суздальцова по их веленью казак Левка Лаврентьев руку приложил» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 2126 (637), л. 99].

Имеет ли Левка (Леонтий) какое-либо отношение в Панфилу Лаврентьеву, мы не знаем. Скорее всего, не имеет никакого.

Но есть фамильная история, мимо которой мы не можем пройти:

«…И в том же во 182-м году по указу великого государя велено про те сенные покосы сыскать казаку Левке Лаврентьеву — хто теми ево, Ивашковыми, покосы после ево владел, и хто ныне и почему владеет. И в сыску казака Левки Лаврентьева написано 2 человека съезжие избы подьячие, да 8 человек якутов сказали, что де те ево, Ивашковы, сенные покосы после ево смерти владеет казак Стенька Мотора, и сено косит он же. А по какому де указу он, Стенька, сено косит, того де они не ведают. А ставитца де на том покосе сена по 2 стога. А в межах де те покосы с верхнею сторону — казака Мишки Дехтерева, а с нижную — казака Мишки Краснояра. И подал он, Стенька, к делу на те сенные покосы подписную челобитную атамана казачья Семена Дежнева за рукою Михайла Голенищева-Кутузова. А отводной памяти и

дачь на те покосы нет, и тот Семен умер, а после ево смерти жена ево вышла замуж за казака» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 2429, лл. 5, 6, 11].

Подчеркнем главное — Леонтий Лаврентьев занимает в казачьей иерархии Якутска не последнее место, будучи (а это величайшая редкость!) человеком грамотным. И тогда возникает версия — а не из семьи ли он потомственных томских подъячих Лаврентьевых?

«Книга сбора ясака за 1672–1673 (181) г. с эвенков и якутов по Бутальскому и Усть-Камнунскому зимовьям казака Филиппа Щербакова. Скрепил за Щербакова — казак Леонтий Лаврентьев [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

Но вскоре мы получаем печальное известие:

«…Воевода Барнешлев очень долго вел допрос арестованных людей, заставляя палачей бить кнутом без пощады, в итоге были получены признания во всех грехах. От Балтуги спрашивали “за какую вину убил казака Леонтия Лаврентьева?”, он отвечал “… что де Левку убил за братей своих… и постелю де под них добыл”».

А вот и подробности:

«…во 184 году, Ярканской волости Якуты Балтуга Тимиреев с братьями и с детми и с родниками тебе великому государю изменили, и промышленых людей вверху по Лене реке, дву человек зимовальщиков убили до смерти, и хлебные запасы розграбили, и зимовье и их в зимовье сожгли и казака Федку Прохорова да пашенного Максимка Непряху с сыном у того ж зимовья убили; и после того, на Вилюе, в верхном ясачном зимовье, посылал приказной Микита Савин казаков дву человек, для ясачного сбору, Федотка Калмака да Левку Лаврентьева с Якутами, и он Балтуга с товарыщи Левку Лаврентьева убили до смерти и над ним всячески наругались, грудь споролы, и серце выняли, и глаза выкопали, и от рук персты обсекли, а Федотка Калмака и ясачного Якута Дюпсюню Оттуева палмами кололи; и призывал он, изменник Балтуга с родниками иных твоих государевых ясачных иноземцов, Якутов и Тунгусов к себе к воровскому умыслу и к измене, и хотел в зимовьях и в острожках служилых людей побить и аманатов взять и бежать в иные землицы, и многую шатость учинил» [1676–1679, ноября 30. Акты, относящиеся до ясачного Якута Балтуги Тимиреева и его действий против царских служилых людей].

«Так, во время возстания якута Балтуги Тимиреева был найден труп казака Левки Лаврентьева, у котораго оказалось “в правой руке отсечены три пальца, и по плечо и по локтю посечена палкою левая рука; перерезано горло и выколоты глаза; брюхо распорото так, что выпали кишки, все тело поколото копьем и палкою” [Григорий Попов Миссионерство в Якутском крае]

«Якут Балтуга Тимиреев по сути не выдержал ясачного гнета, когда в недородный год к нему раз за разом приходят за ясаком. “…В нынешнем во 184 году (1674–75 гг.) им тунгусам и якутам всем пешие соболиные промыслы не удавались, а на лошади де и на олени был падеж, а иные иноземцы с ясаком не бывали и присылают ясак с холопьями, а сами в зимовье не ходят… он Балтуга с родниками своими ясак с себя послали … семнадцать соболей, а достального де ясаку, сказали, добыть не могли, а иные де его родники ясаку не присылывали…”. Как видим, снова недород, а ясак требуют в прежнем объеме. Несколько раз к нему упорно ездят за ясаком: “…из Вилюйского Вернего зимовья приказной человек Никита Савин осенью посылал ко мне казаков Леонтия Лаврентьева (вот это имя стоит запомнить, посмотрите в списках служилых людей зимовья Чаринского по ‘Переписной книге за 1670–81 г.’ казака Стенку Лаврентьева № 12 — с ним мы еще тоже встретимся в этой истории, а пока это — указание на место событий), да Ивана Фомина, да в другой ряд посылал тогож Леонтия Лаврентьева, да Омельяна Иванова, и взяли они у меня и у родников моих пять лошадей добрых, да третий ряд приезжал тот же Леонтей Лаврентьев с казаками с Федотом Колмаком и просили у меня лисицы черные, да трех лошадей добрых”. В знак того, что от ясака Балтуга не отказывается он посылает в аманаты (заложники) племянника своего Окоя Байгина и с ним посылает две лисицы “одна чернобурая, другая бурая”, затем дает в аманаты сына своего Тонока и объясняет, что “мне ныне в город ехать не с чем”. И Балтуга попросту убивает казака Федьку Прохорова и пашенного Максимку Непряху. Об этом пишет десятнику казачьему Миките Савину из Олекминского острога боярский сын Крыженовский в 1675 г.: “И похвалялся он Балтуга с товарищи тебя Микитку с товарищи, будучи в улусе, убить, и ты, Микитка, слышал такую измену и злой умысел… и послал к нему, к Балтуге с товарищи двух казаков Федотка Колмака, да Левку Лаврентьева, да с ними же послал якутов лутчих людей Кангалаской волости Оргуя Делгеева, Дюбсюня Оттуева, да Бордонской волости Бартына Бойдонова, да Бакачю Тебикеева, да Ярканской волости Тюбяку Ивакова, да Таркая Барканова, и он Балтуга с детьми и с братьями с Байгою, да с Маврою и с родниками своими у Окоса Кукчанова в юрте казаков Левку Лаврентьева закололи до смерти, а Федотка Колмака кололи палмаю, а якута Дюпсюня Оттуева покололи палмою…”. Не простой, видимо, был этот якут Балтуга, коли собирают на него людей с близлежащих волостей, и с острога Олекминского, и с зимовья Чаринского, и с Верхоленского острога. И казак Левка Лаврентьев убит в этой борьбе за ясак. И далее в показаниях несколько раз фигурирует такой момент, что Балтуга “побив их русских людей, бежать хотел в Чаринские вершины на Кушканду озеро”. Это озеро Кушканда упоминается в тексте дела раз десять. И число Балтугиных родичей составляло не меньше 70 человек, а “вожем у него итти хотел Чикыр-шаман, да Болтана-шаман же”. В этой развязавшейся войне во время захвата Балтуги убивают брата Балтуги Байгу и сына его Айгу. И убивает никто иной, как казак Стенка Лаврентьев. Вот оно имя служилого человека зимовья Чаринского… Не выдержал казак, отомстил за сродника Левку Лаврентьева,

за что воевода Андрей Афанасьевич Барнешлев приговорил бить кнутом на козле… Стенку Лаврентьева за то, что он “изменников Байгу, да Айгу, пойманных и связанных, без государева указу самовольством убил до смерти”. Да и сам Балтуга пыткам и битью подвергался, о чем тоже есть в деле его. Почти три года тянулась тяжба. А исход дела решился таким образом: “186, июня в 6 день (1678 г.), по указу Великого Государя и по грамоте, учинить им наказанья, бить кнутом на козле, нещадно, Балтугу и брата, и сына его, и дать на поруки, и написать на них за убитых за братей, и за сына его Балтугина Великого государя ясак, и взять по них поручная запись, что им впредь не воровать и служилых и промышленных людей не побивать”» [Ирина Котельникова Зимовье Чаринское].

Брат мстил за брата, или сын за отца…

Вполне возможно, иначе как можно объяснить поступок Степана Лаврентьева, а точнее — ту меру наказания, которую определил для него воевода?

Вот как описываются действия Стеньки Лаврентьева в бою с восставшими якутами в 1676 г.: «Василей, взяв его, Стенку да Евсютку Аргунова да Якуты Бугынаса да Тогурая Трекова, гнались за теми изменниками с товарыщи семеры сутки, и сугнал де того Балтугу да брата его Байгу наперед он Стенка один, и они де по нем стреляли и стрелы де их приходили в него в куяк, и он де Стенка боронясь смерти Байгу копьем в спину ранил и лошадь под ним подстрелил…», далее пишется, что Стенька один догнал второго изменника и тот «учал по ним Стенке стрелять же и убить его не мог, что на нем Стенке был куяк, и лошадь под ним Стенкою ранил» [ДАИ, 1859. Т. 7. – С. 15].

Выдерживал куяк и выстрел из старой пищали. Верхоленские служилые в челобитной 1646 г. жаловались, что «и с своих худых пищаленок их брацких Куяков не пробиваем, а у ково есть у нас нарочитые пищали, те их и побивают, а ис худых ничево им не учинить» [СДИБ, 1960. — С. 59; Багрин Е.А. Защитное вооружение служилых людей в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII – XVIII в.; по письменным источникам) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Т. 5, Ч. 1. — Владивосток, 2007. — С. 269–283].

Вот информация о Степане Лаврентьеве, на которую ссылается журналист И. Котельникова:

«Переписная книга служилых людей за 1670–1681 гг.

178 году: На одногодные службы.

В Чаринское зимовье: казаки: Стенька Лаврентьев» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 100].

Мы помним, что Леонтий был грамотным человеком.

Вероятно, Степан тоже был грамотным, почему и сделал служебную карьеру.

«Книга сбора ясака за 1680–1681 (189) г. с якутов и эвенков по Олекминскому острожку казака Степана Лаврентьева».

«Ужинная и умолотная и расходная книги с десятинной пашни по Олекминскому острожку десятника Степана Лаврентьева, 1681–1682 (190) г.

Книга сбора ясака за 1683–1684 (192) г. по Оленскому зимовью пятидесятника Стефана Лаврентьева» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

«1684 г. мая 13. — Из отписки якутского воеводы И.В. Приклонского Ивану V и Петру I от 13 мая 1684 г. о преступлениях казачьего наемщика Кузьмы Михайлова и казни его через повешение [ДАИ 11, 3864].

…И в прошлом же, великие государи, во 191 году [сент. 1682 – авг. 1683], он же Кузка нанялся в Якуцком из воли у казака у Ивашка Куржаги, что служить ему Кузке за него Ивашка ваша великих государей двоегодная служба на Анадыре реке за Носом [мысом Дежнева]; и, по вашему великих государей указу, он Кузка, вместо того казака, в том же во 191 году послан был на вашу великих государей службу за Нос [на Анадырь] с прикащиком с казаком с Мишкою Ворыпаевым; и он Кузка, не дошед до той вашей великих государей службы, с дороги сбежал и объявился в Оленском зимовье, и написал составом, воровски, сам себе отпускную от прикащика казака от Мишки Ворыпаева, а в той воровской своей отпускной написал, бутто он Мишка его Кузку с службы отпустил, а он Кузка бутто в свое место нанял служить тое вашу великих государей двоегодную службу гулящего ж человека… (…) и тое воровскую отпускную подал в Оленском прикащику, пятидесятнику казачью Степану Лаврентьеву (…) …пятидесятник казачей Степан Лаврентьев, его Кузку и воровскую его составную отпускную и извет на него Кузку прислал в Якуцкой ко мне холопу вашему в нынешнем во 192 году [сент. 1683 – авг. 1684]…» [Немировский А.А. Материалы по истории юкагиров и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х – середине 1680-х гг.].

«Книга сбора ясака за 1687–1688 (196) г. с эвенков и якутов по Жиганскому зимовью пятидесятника Степана Лаврентьева» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

В 1688 году Степан Лаврентьев – приказчик Охотского острога [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 187].

«Книги сбора ясака за 1688–1689 (197) г. по Охотскому острожку приказчика пятидесятника Степана Лаврентьева».

Книга сбора ясака за 1689–1690 (198) г. с эвенков и якутов по Вилюйскому Верхнему зимовью пятидесятника Степана Лаврентьева» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

А в 1690 году в Якутске возникает знаменитое «Камчатское дело» о подготовке казачьего бунта и бегстве бунтовщиков на Чукотку и даже… Камчатку (известную в Якутске задолго до похода Владимира Атласова):

«…хотели де они (бунтовщики — *С.В.*) и стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева, да подьячево Михаила Ушницкого, да сотника Тре-

тьяка Смирягина, да умершего толмача Михаила Удина, да ево Ивана да Семена, да пятидесятника Степана Лаврентьева, да подьячево Федота Калмака, да десятника Василия Брусенина и иных градцких жителей убить, домы и животы все пограбить, а жен их и детей убить не хотели, а торговых и промышленных людей в гостином дворе грабить хотели ж, да ему же было Фильке с товарищи своими взять на реке у торговых людей три плота с хлебными запасы, а тому де убойству и грабежу быть было в нынешнем во 198-м (1690) году о Ильине дни и хотели бежать на Нос (Чукотку — *С.В.*), где побили иноземцы пятидесятника Василия Федорова с товарищи, а атаману де было быть у них сыну боярскому Михаилу Онтипину, а ясавули де быть казаку Софонку Ильину, а вожем было де быть казаку Ивашку Ондропову Котельнику, а про ту де думу и совет ведали брат ево Фильки атаман казачей Степан Полуэхтов, да казаки Сергушка, да и Максимко Мухоплевы и хотели они, Сергушка и Максимко, их, Фильку с товарищи, порохом свинцом и иных товарами ссужать, а сами де они с ними в совете и в думе не были и за Нос бежать не хотели…» [Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки].

На самом деле никакого бунта не было — а была провокация, в результате которой пострадали невинные люди.

Степан Лаврентьев ненадолго пережил это событие:

«Книга сбора ясака за 1690–1691 (199) г. с эвенков и якутов по Олекминскому острожку пятидесятника Степана Лаврентьева» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

«Выписка из окладной книги служилым
г. Якутска
Якутцкого города служилые люди
Пятидесятники казачьи
Женатые

Стенька Лаврентьев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 13 об.].

Сообщение о том, что он был в женатом окладе, — это значит, что у него были дети, на содержание которых полагался дополнительный хлебный оклад.

Но об этих детях мы пока ничего не знаем. Но это не исключает возможности, что гижигинские казаки Лаврентьевы могли быть его потомками. Особенно показателен тот факт, что Александр Лаврентьев был в чине пятидесятника. Хотя это могла быть и служебная выслуга за боевые действия на Чукотке.

Так что вопрос пока открыт, но что-то меня все более и более подталкивает к рассмотрению томской версии.

И вот почему.

У Лаврентия Степанова, который служил в подьячих с самого основания Томска, прибыв сюда в 1604 году из города Крапивны, было четверо сыновей Иванов.

У этих четверых Иванов были свои сыновья.

Томск, 1703:

«В Томском уезде в Окологородном стану приказные избы подячих пашенные их заимки в разных деревнях

Григорей Иванов сын Лаврентьев, сын Иван 4 лет

Иван Иванов сын Лаврентьев, сын Федор году

В Томском уезде в Окологородном стану иноземского списку конные казаки…

Михайла Петров сын Лаврентьев, детей нет

Томскаго уезду Окологородного стану казачьи дети живут в разных деревнях на пашенных своих заимках…

Иван Петров сын Лаврентьев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371].

То есть был еще Петр Иванов сын, отец Михаила и Ивана Петровичей.

Был еще и Дмитрий Иванов сын:

«…решили томские управители на месте деревеньки, незадолго до этого основанной отставным казаком Ивашкой Анисимовым, заслоном от набежчиков и воровских людишек Чаусский острог поставить.

Кому поручить это ответственное дело, долго не раздумывали. Ну конечно же Дмитрию Лаврентьеву. Его отец Иван Большой Томской город чуть ли не с пеленок помнит. Он в приказной избе службу подьячим начинал, а к зрелым годам в дворяне выбился. Дмитрий же приказчиком Мелесского острога на реке Чулыме успел себя показать. Под его началом тамошние казаки не одну осаду енисейских кыргызов выдержали. Много у него и других заслуг, не только военных, но и строительных.

Лаврентьев и его казаки постарались на совесть. Отмерив пятьдесят саженей в длину и тридцать в ширину, поставили четыре глухие наугольные башни да “две башни с передними и задними проезжими воротами и три запускные решетки”, а между ними заплот “рубленный в две стены с преградами и покрыт весь тесом”. С особым старанием “собрали” казаки съезжую избу и жилье для приказчика. Не дом получился, а воеводские хоромы. Видать, знал Лаврентьев, что он управлять острогом и останется.

Так оно и случилось» [Томские первопроходцы].

И вполне возможно, что кого-то из сыновей четырех Иванов — Старого, Большого, Среднего и Малого — мы не обнаруживаем в этих списках, как и случилось с Иваном Средним и, возможно, его нерчинским потомством, которые поменяли место службы. Томские казаки, как нам известно, нередко бывали на службе в казачьих гарнизонах Дальнего Востока.

И почему такого не могло случиться с Леонтием и Степаном Лаврентьевыми?..

Но это еще нужно *доказать*.

ЛАЗАРЕВЫ

Удивительное дело — в один и тот же день я получил запросы о Лазаревых от двух разных людей и из разных мест — Владивостока и Германии.

> *Сергей Иванович, добрый день!*
> *Меня зовут Стехова Юлия Владимировна.*

Исследование родословной семьи привело меня к вашей потрясающей книге «Камчатка – Россия – Мир. Петропавловская оборона 1854 г».
В ней упоминается мой прапрапрадед Коноплев Василий Мартынович из крестьян, Вологодской губернии.
Совсем недавно, благодаря документам из архива ВМФ, мы узнали, что он участвовал в обороне Петропавловска-Камчатского 1854 г., а также в кругосветном плавании Невельского на транспорте «Байкал». Эта информация позволила продвинуться на три поколения. Нашлась также метрическая запись Василия Мартыновича в архиве Вологды и данные о семье до 1744 г. Василий Мартынович был женат на ительменке Анне Ивановне Лазаревой, а их сын (мой прапрадед) Иоанн (Иван) Васильевич Коноплев был кафедральным протоиереем в Благовещенске, а затем во Владивостоке преподавал в Восточном институте. Мой отец рассказывал, что Василий Мартынович трагически погиб на службе, но что именно случилось и в каком году, нам неизвестно. Также мало известно о его жене из ительменов.
Знаю, что вы давно исследуете камчатские родословные. Возможно, вам попадались ительмены с фамилией Лазаревы?
Или вы сможете подсказать, как лучше исследовать это направление? В каких архивах искать информацию?
А также, может, у вас есть дополнительные сведения об экипаже транспорта «Байкал»?
Заранее благодарю.

И второе письмо.

Сергей, добрый день. В историко-географическом проекте «Пути великих свершений», в списках низших чинов команды Сахалинской экспедиции Константиновского поста фигурирует имя Иосифа Лазарева, казак.
Я разыскиваю предка, прапрапрадеда. Данные о месте службы и проживании его семьи.
История такая: примерные события относятся ко второй половине 19 века, (1850 – 1880/1890 гг.).
Мой прапрадед Алексей Сафонов (уроженец с. Карам Иркутской губернии) служил на Дальнем Востоке, близ мест реки Амур, матросом. Во время крушения корабля матрос Алексей Сафонов спас жизнь на воде некому офицеру, гос. служащему или командиру экипажа корабля. За спасение своей жизни этот человек пообещал отдать матросу Сафонову свою дочь в жены. Умысел был корыстный, так как обещанная дочь была глухонемой. Вскоре, узнав о намерении отца, девушка повесилась (28 лет отроду)! Обещание нужно было сдержать, замуж за матроса Алексея Сафонова (40 лет отроду) была отдана младшая дочь Александра Лазарева (в 19 лет).
Что бы вы могли подсказать в поиске данной информации? Не исключаю, что Иосиф Лазарев имеет какое-то отношение к Александре Лазаревой, моей прапрабабке.
С уважением, Артем Ветров.

Начнем по порядку.

Коноплев Василий Мартынов сын (1817) — матрос 2-й статьи, из крестьян Вологодской губернии и уезда, деревни Прокунино. Таких деревень в уезде было несколько — в Борисовской, Братковской, Ватлановской и Сычевской волостях.

Но есть важное уточнение для вологодских краеведов — Василий Мартынов сын Коноплев был из крестьян помещицы Анны Александровны Ефимовой.

Прибыл он на Дальний Восток в составе экипажа транспорта «Байкал» под командованием Геннадия Ивановича Невельского и, по всей видимости, был в числе участников великого географического открытия о том, что Сахалин — это остров, отделенный от материка Татарским проливом, а не заливом, как считалось ранее.

Напомним, что благодаря этому открытию — была спасена Камчатская флотилия в мае 1855 года, уходя от преследования объединенной Тихоокеанской эскадры англо-французов, полагавших, что они «намертво» заперли суда Камчатской флотилии в Татарском заливе, а они прошли Татарским проливом в устье Амура, которое также, благодаря экипажу «Байкала», было «распечатано» для судоходства, ибо со времен Крузенштерна в России считалось, что это устье настолько мелководно, что путь в Амур для морских судов закрыт — запечатан мощными выносами Амуром песка.

Василий Мартынович не только был участником великих географических открытий, но и военного сражения, которое потрясло американское и европейское (не говоря уже о русском) общества, ставшее разгромным для английского и французского морского десанта, попытавшегося высадиться на Камчатке, захватить Петропавловский порт и уничтожить находившиеся там суда — фрегат «Аврора» (имя которого впоследствии унаследовал крейсер — символ Великой Октябрьской социалистической революции) и транспорт «Двина».

В 1841 году Василий Мартынович набран в Вологодском уезде в число рекрутов партии поручика Леснина и доставлен в Свеаборг (Великое Княжество Финляндское), где был определен в матросы 2-й статьи 7-го флотского экипажа. В 1842 году служил на фрегате «Александр Невский». Затем на брандвахтенном фрегате «Кастор». В последующие годы на пароходе-фрегате «Отважный». В 1847 году стал матросом 1-й статьи. В 1849 году переведен в 46-й Камчатский флотский экипаж, совершив кругосветное плавание на транспорте «Байкал» (историю этого плавания мы рассказали во втором томе книги «Камчатка – Россия – Мир. Петропавловская оборона 1854 г.».

Экипаж транспорта «Байкал» не участвовал в обороне Петропавловского порта, выполняя другие задачи, но Василий Мартынович был участником этого сражения, так как в 1852 году его перевели из матросов в мастеровые, поэтому в его формулярном списке имеется следующая запись:

«В 1854 г. был в действительном Сражении противу Англо-Французской Эскадры бомбан-

дировавшей (так в тексте. — *С.В.*) Петропавловский порт с 18 по 23 августа».

Но в этот же год с ним случился и неприятный казус — по причине (вероятно) празднования Победы.

«Сентября 29 дня по приказу Командира Петропавловского порта за № 407 за пьянство во время военного действия разжалован в матросы 2-й статьи» [РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 5. Д. 803. Л. 356 об.].

И вот что главное — «женат в крестьянстве на Александре Егоровой, находится на родине», то есть на… Вологодчине.

Почему это главное?

Потому что, как сообщает нам Юлия Владимировна, ее прапрапрадед Василий Мартынович Коноплев был женат на ительменке Анне Ивановне Лазаревой.

Вполне вероятно, что по этой самой причине он и не вернулся на родину, так как в Приамурье у него родился сын — Иван Васильевич Коноплев — будущий протоиерей в столице Камчатской епархии того времени — городе Благовещенске.

Уточним, что до 1926 года такого этнонима — ительмены — в исторической литературе не существовало. Коренных жителей Камчатки называли камчадалами, и в настоящее время этот этноним восстановлен наравне с «ительменами». Ительмены — это небольшая группа камчадалов в Тигильском районе Камчатского края, сохранивших свой язык, и поэтому она была выделена в особую группу КМНС.

Лазаревы — фамилия очень распространенная, потому что церковное имя Лазарь в те давние времена встречалось весьма нередко.

И кстати, природные камчадалы (ительмены) и коряки, вступая в православие, так же носили эту фамилию, полученную ими при крещении.

Первым официальным священником на Камчатке был иеромонах Тобольского Знаменского монастыря Иосиф Лазарев:

«В 1716 году для исполнения духовных треб в Якутск и камчатские остроги из Тобольского Знаменского монастыря был послан иеромонах Иосиф Лазарев с сыном. Ему был положен очень значительный по тем временам оклад в 40 руб. (годовой оклад казак — 5–7 рублей. — *С.В.*), 96 пудов хлеба и 5 пудов соли».

Из Якутска путь отца и сына Лазаревых лежал через Охотск, морем на Камчатку.

«В Охоцком остроге

Разночинцы

2444) Еромонах Иосип [Иеромонах Иосиф Лазарев]

2445) у еромонаха Иосифа сын Андрей» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 88 об.].

На Камчатке к тому времени не один уже год (а точнее — с 1713 года) ожидала священника Лазарева до тех пор не освященная церковь в Нижнекамчатском остроге, построенная казаками в память Николая Угодника — покровителя землепроходцев.

Но быть настоятелем Николаевской церкви отцу Иосифу пришлось недолго:

Из «доношения» о допросах камчадала Федора Харчина, вождя камчадалов реки Еловки, руководителя Харчинского бунта 1731 года: «…И прибыв под острог ношным временем июля 20 дня, иермонаха Иосифа двор зажгли таким умыслом: как де побегут служилые на пожар и тут стрелять, и выбежал его ермонахов сын Андрей Лазарев бить в набат в колок[ол], и тут де его подстрелили и почали казаков бить и убили Алексея Чурина [с]сыном, Ивана Обуховского с пасынком, Дмитрея Новогородова с женою и двух сынов и две дочери, Ивана Буторина с тремя сыновьями, Александра Русанова да новокрещена Якова [с] сыном. И в острог мы зашли, а дворы казачьи сожгли, а острог мы хотели переносить на сопочку пониже острогу, а монастыри повыше над рекою, а церковь и двор государев хотели перевесть и сжечь на дрова» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М.-Л., 1935].

В 1736 году умер и священник Иосиф Лазарев.

Но его место впоследствии занял внук — Максим Андреев сын Лазарев, который был в 1758 году рукоположен в сан священника епископом Иркутским Софронием [в 1777 году его сменил, после смерти, священник Григорий Коллегов].

«Особые успехи начала деятельности проповеднической свиты (Камчатской Духовной Миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевского, прибывшего на Камчатку в августе 1745 года. — *С.В.*) связаны со священником Ключевской [Троицкой] церкви [построенной на месте сгоревшей Николаевской церкви] Максимом Лазаревым (родился на Камчатке от Андрея, сына покойного иеромонаха Иосифа Лазарева). Он знал все туземные языки и наречия, в 1760 г. начал крестить на р. Караге, прошел в Олюторские острожки, на Карагинский остров. А в 1764 г. заронил искру от света Христова и на гряду Алеутских островов через окрещение завезенных на Камчатку промышленниками шестерых алеутов. Тойонам ближайших пяти Олюторских острожков — Кичигинского, Вышнеутского, Тиличинского, Ветвейского и Култушного — он оставил фамилию Лазарев, в память, что был восприемным отцом их».

Нам удалось проследить примерную родовую цепочку церковно- и священнослужителей Лазаревых.

Дети Максима Андреевича:

Лазарев Дмитрий [Максимов сын], пономарь Троицкой церкви в 1774 г.;

Лазарев Георгий Максимович (1775–1827), служил в церкви Верхнекамчатского острога;

Лазарев Максим Максимович, пономарь Петропавловской церкви, умер до 1813 г.

Его внуки:

Лазарев Иван Дмитриевич (1788), сторож Нижнекамчатской церкви, 1812 г.

Лазарев Дмитрий Георгиевич

Лазарев Иван Георгиевич, пономарь Богоявленской церкви, в 1831 году определен дьячком Ключевской Троицкой церкви

Лазарев Иван Георгиевич (1806), пономарь Мильковской Богоявленской церкви, в 1831 году назначен в Ключевскую Троицкую церковь дьячком.

Правнуки:

Лазарев Герасим Максимович (1804), 1820 г., Петропавловский порт, Камчатское духовное училище;

Лазарев Ефим Максимович (1806), 1821 г., Петропавловский порт, Камчатское духовное училище; 1846 г., живет на Горячих (Паратунских) Ключах, коллежский регистратор, первый агроном Камчатки (вместе с Егором Черных);

Лазарев Иван Максимович (1812), 1820 г., Петропавловский порт, Камчатское духовное училище; с. Тигиль, 1831 г., «школьник».

О Ефиме Максимовиче Лазареве в академическом втором томе «Истории Сибири» очень лестный отзыв:

«Делались настойчивые попытки внедрения хлебопашества и на Камчатке. В первом десятилетии XIX в. в различных местах посевы производили солдаты Камчатского полка, переведенные в военных поселян; во втором десятилетии — добровольные поселенцы из военнослужащих расформированного полка; в четвертом десятилетии — акционеры Камчатской земледельческой компании и чиновник из местных уроженцев Ефим Лазарев, окончивший Московскую сельскохозяйственную школу» [М. Наука, Л., 1968].

Праправнуки:

Лазарев Георгий Иванович (1790), пономарь Нижнекамчатской церкви, 1812 г.;

Лазарева Марфа Ивановна (1819);

Лазарев Василий Иванович (1823), в 1830 г. поступил в Камчатское духовное училище;

Лазарев Георгий Иванович (1831);

Лазарев Федор Иванович (1832);

Лазарев Александр Иванович (1834).

Теоретически, в этой семье праправнуков Иосифа Лазарева могла быть и Анна Ивановна Лазарева. И это не факт, что ее мы не находим — по какой-то причине она могла быть не записана в Исповедальных росписях и не попасть в нашу базу данных.

Но важно другое — священниками Лазаревыми эта фамилия на Камчатке не исчерпывалась: ительмены и камчадалы Лазаревы своей фамилией как раз обязаны не священнику Лазареву, а казаку Матюшке (Матвею) Лазареву, который участвовал в крестовых миссионерских походах священника Ермолая Иванова в 1738–1740-х годах [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

Вполне вероятно, что полное имя Матюшки — Матвей Яковлев сын Лазарев, так как по розыску о причинах Харчинского бунта, жертвою которого стал Андрей Иосифович Лазарев, было «учинено телесное наказание вместо смерти биты кнутом … толмачи и служилые люди … Яков Лазарев …» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

Судя по итогу его деятельности — холопам (ясырю), которых мы чуть ниже представим, он служил на Камчатке не один год и участвовал в целом ряде военных походов, превращая пленных камчадалов в своих холопов:

Камчадальского острогу служилые

2744) Яков Лазарец

2969) Якова Лазареца дворовые некрещеные

Кенега

2970) Дынеч

2971) Чарагач

2972) Чагага

2973) Ничика

2974) Чирек» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 98 об., л. 106].

Пусть нас не напрягает разница в написании фамилии: Лазарец — это может быть сын Лазаря, а может и сын — Лазарева старшего.

И к этой теме мы еще вернемся.

Но пока постараемся разобраться с родословной линией потомков Якова.

Его собственная жизнь обрывается в 1746 году в результате бунта коряков:

«Во оной измене от тоена Умьевушки (Дранки. — *С.В.*) и родников ево и олюторов первым тоеном был и ясашных сборщиков Стефана Шапкина с товарищи я с Умьевушкою и протчими кололи, а имянно: я, Лазуков, служилого Семена Минюхина да новокрещена Демьяна; Карагинской тоен Экча служилого Якова Лазарева; Умьевушкин племянник Хале да олюторской мужик Апле Стефана Шапкина; Умьевушкин племянник Таннехлавол Дмитрея Обухова; Умьевушкин родник Лехта новокрещена Варлама Иконникова; олюторской мужик Аталан новокрещена Ивана Черепанова до новокрещена Прокопья Околтышева; Умьевушкин родник Умьеву новокрещена Петра Лазарева; Умьевушкин родник Амгыта новокрещена Алексея Перевалова; олюторской мужик Апле служилого Зосима Гуторова. А кололи де мы их без всякого резона и обиды на дворе по приезде их во острог к Умьевушке, когда стали собак выпрягать» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М.-Л., 1935].

Из детей Якова нам известен только его пасынок Семен [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 96].

Если Матюшка и был сыном Якова, то в 1738 году он уже самостоятельный служилый человек, имя которого уже не указывается в числе детей.

А вот далее мы, вероятно, сталкиваемся с определенной казачьей традицией, когда имя отца и деда передавалось по наследству:

Лазарев Петр Яковлевич (1760), Нижнекамчатская казачья команда 1815 г., казак; в 1819 г. отставной военный, Петропавловский порт.

Лазарев Яков Яковлев (1778), унтер-офицер Камчатского гарнизонного батальона, 1812 г.

И тогда вполне вероятно, что и отчество нижнекамчатского казака-морехода Максима Лазарева — Яковлевич. И он тоже, как и Матвей, не внук, а сын Якова Лазарева-Лазарца.

Имя Максима Лазарева золотыми буквами вписано в историю освоения Русской Америки:

«1753. В сем году отличнейшие и предприимчивейшие торговцы того времени московский купец Андрей Михайлов Серебренников, тотемский Федор Холодилов и тульский Семен Красильников, построя по кораблю, решили отправить оные для открытия новых островов и описания большой землицы: сим именем называли в те времена матерый берег Америки.

Серебрениково судно с 34 человеками экипажа и посланным для сбора ясака козаком

Максимом Лазаревым, находясь под командою архангелогородца Петра Башмакова, вышло в море в июле месяце и, направя путь свой к востоку, прибыло к островам неизвестным».

«1760. Теперь следует путешествие селенгинского купца Андреяна Толстых, упомянутое в вышеприведенном указе.

Андреян Толстых говорит в рапорте своем: "В силу Указа Ея Императорскаго Величества Императрицы Елисаветы Петровны из Камчатской Большерецкой Канцелярии от 4 Августа 1760 года, и ордера от находящаго в Нижнекамчатске при предосторожности Прапорщика Василия Шмалева, позволено мне выступить в море, с прикомандированными козаками, Петром Васютинским и Максимом Лазаревым".

...Толстых, Лазарев и Васюткин доставили начальству об открытых ими шести островах подробное сведение, а посему и назывались они впоследствии Андреяновскими. Но замечательно, что острова сии были уже прежде известны: Башмаков зимовал на оных с помянутым козаком Лазаревым в 1757 и 1758 годах: подобным образом приписываются нередко деяния одного другому.

...Между бумагами бывшего сибирского губернатора Дениса Ивановича Чичерина найден рескрипт премудрой императрицы Екатерины на счет сего путешествия. Читателям предложу я из онаго краткую выписку: "Денис Иванович! Реляцию вашу о сыскании и приведении Мне в подданство неизвестных доныне шести островов, так как копии с рапорта от козака Васюткина, с товарищи, читала Я с удовольствием, и сие приобретение Мне весьма приятно: жаль только, что обстоятельное всему описание и жителям переписанныя книги пропали (от разбития судна. — *Авт.*). Что вы купцу Толстых обещали, пожалованную от Меня, преждевышедшим из таковаго ж морскаго вояжа, компании десятую часть, ему возвратить, оное Я апробую, и прикажите то самым делом исполнить. Также козаков Васюткина и Лазарева, для поощрения их, произведите в тамошние дворяне. Дай Бог, чтоб они и предприемлемый ими нынешнею весною вояж окончили благополучно, и с добрым успехом.

Промышленникам подтвердите, чтоб они ласково и без малейшего притеснения и обмана обходились с новыми их собратьями, тех островов жителями. 1766 года, Марта 2 числа. Екатерина"» [Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества, Спб, 1823 г.].

Сибирские дворяне — это личный, не передаваемый по наследству титул, который иерархически представлял высшую ступеньку в казачьем послужном списке, следуя после чина сына боярского.

А казак-мореход продолжал бороздить просторы Тихого океана:

«В 1780 г. было отправлено на Алеутские острова несколько судов. Купцы сольвычегодский Василий Посельский и тотемский Иван Рыбников, приказчики купцов Пановых, перекупили судно "Евпл" у владельцев его купцов Буренина, Трапезникова и Серебренникова и снарядили его на пушной промысел. Дмитрий Панков исполнял обязанности и морехода и передовщика... Сборщиком ясака был назначен Максим Лазарев» [Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в., М., 1968].

Из детей Максима Лазаревы мы знаем только одного:

В 1815 году, в возрасте 23 лет (1792) он — Иван Максимович Лазарев — записан в гарнизоне Тигильской крепости как «школник».

Судя по времени, месту службы, казачьему сословию и возрасту, Петр и Яков Яковлевичи являются его двоюродными братьями.

И не только они.

В той же Тигильской крепости в 1812 году служит в казаках еще один Лазарев — Дмитрий Иванович (1796), а в Нижнекамчатске — рядовой Камчатского гарнизонного батальона Лазарев Василий Иванов (1773) [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4, л. 6 об., 10].

То есть у Максима с Яковом, возможно, был еще брат Иван.

Но и это еще не все:

В Петропавловском порту в 1813 году служит в казачьей команде казак Лазарев Петр Алексеевич (1760).

То есть, судя по возрасту и сословию, был еще один брат — Алексей.

А вот далее начинается самое интересное в отношении наших поисков родственников Анны Ивановны Лазаревой-Коноплевой.

В Тигильской крепости в 1815 году служит, как мы уже указывали выше, в казаках Лазарев Дмитрий Иванович (1796), в 1820 году он переведен в Нижнекамчатск, где служит его брат Василий Иванович. Вполне возможно, что Нижнекамчатск — и есть малая родина Лазаревых.

Но вряд ли является их братом еще один Иванович, проживавший в окрестностях Петропавловского порта. Возможно, он внук Петра Васильевича, служба которого проходила в Петропавловском порту. Но это пока предположение.

Лазарев Александр Иванович, крестьянин с. Озерновское (на Паратунских ключах). Ж. Агриппина Васильевна (1865), впоследствии вдова, жена петропавловского мещанина Иванова Александра Ивановича (1873).

И Анна Ивановна Лазарева-Коноплева, родственников которой мы разыскиваем, могла быть его сестрой.

Но вот, что узнаем мы об этом человеке, с которым в середине XIX столетия познакомился чиновник по особым поручениям при губернаторе Камчатской области Карл фон Дитмар.

«К 8 часам вечера мы достигли горячих Паратункинских ключей и остановились в большом доме, построенном для приезжающих на воды. Купаясь для освежения поздно вечером, я нашел температуру в большом бассейне ключей в 34½–35 °R[1], а у самого места истока воды — в 38 °R. День был пасмурный, и по небу неслись тяжелые тучи, не предвещавшие ничего доброго. Рано утром 17 июля хлынул ужасный дождь,

[1] Температура по Ренкину.

сделавший дальнейший путь совершенно невозможным, и наступил дождливый период, продержавший меня в доме целых 5 дней. К счастью, здесь находился некто Лазарев, сын сосланных когда-то сюда родителей, теперь состоявший сторожем этого, принадлежавшего казне дома. Он много разъезжал по Камчатке и, благодаря своим охотничьим походам, хорошо знал страну. Я сейчас же залучил его себе в проводники и старался, в продолжение дней моего заключения здесь, извлечь для себя пользу из его путевой опытности и знания края, что, впрочем, к сожалению, дало менее результатов, чем я надеялся сначала. Прежде всего Лазарев дал мне довольно полную картину системы Паратунки, — картину, которую я, насколько простирался мой собственный опыт, нашел совершенно верной.

…Бывал много раз Лазарев и на Курильских островах; при этом доезжал даже до 13-го. По его рассказу, острова эти состоят лишь из высоких вулканических гор и скал, покрываются долго не стаивающей массой снега, а в отношении растительности или совсем голы, или покрыты редким кустарным кедровником. Медведи попадаются только на двух первых островах, как редкость. Айны, населявшие прежде все острова, прогнаны, по словам Лазарева, японцами с северных островов и оставлены на южных» [Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.: Часть первая. Исторический отчет по путевым дневникам. — СПб., 1901].

Если у Александра Ивановича была сестра Анна Ивановна — то, конечно же, она могла быть супругой Василия Мартыновича, но у нас нет фактов, подтверждающих или отрицающих эту версию. Но версия рабочая.

А вот сообщение о том, что паратунский Лазарев много ездил по Камчатке, наводит нас еще на одну мысль — не занимался ли он торговлей? В Петропавловске в 1846 году был отмечен камчатский купец Василий Лазарев (1823), который так же мог быть из казачьих детей, разбогатевших на пушном промысле в Русской Америке.

Что же касается той истории, которую нам поведал Артем Ветров, то с этой семейной легендой пока разобраться не представляется возможным, потому что у нее нет документального первоисточника. Это то, что в семье передается из уст в уста, не имея никакого документального подтверждения.

Служил ли Иосиф Лазарев на Амуре? Да, служил.

«4 (16) августа 1853 года в бухте Постовой Императорской гавани Г.И. Невельским был выставлен Константиновский пост из 11 человек во главе с урядником Д. Хороших. 7 октября в залив Великого Князя Константина, находящийся в гавани, вошел транспорт Российско-Американской компании "Николай I", на котором в качестве начальника Константиновского поста прибыл Н.К. Бошняк, назначенный на эту должность Г.И. Невельским. К тому времени в бухте Постовой поставили небольшой дом для проживания постовой команды и амбар. Бошняка встретили бравый унтер-офицер Дмитрий Хороших и казаки Иркутского полка Перфил Толмачев, Никифор Челпанов, Николай Молдаванов, Осип Лазарев, Николай Дроздов, Григорий Толмачев» [Сеселкина Н. Трагическая зимовка в Императорской гавани].

Но недолго:

Тот же 1853 год: «Вышли из Сахалинской команды по приказу генерал-губернатора Восточной Сибири… Казаки… Лазарев Иосиф» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 42. Л. 14].

В следующем письме в ответ на мою просьбу поделиться хоть какими-либо подробностями Артем написал:

> *«Информация передается из уст в уста. Семейная легенда. Имеются данные о датах рождения предков последующих поколений. Все указывает на то, что Лазарева Александра была с мест Амура, дочерью какого-то начальника. Была грамотной. Впоследствии в замужестве "бабничала" — принимала роды. Ее звали "Бабушка матросика". В списках жертв политических репрессий Иркутской области имеются данные на двух людей, предположительно братьев, — так указано на сайте. Не исключаю, что это дети той самой Александры. В ответе на обращения в госархив иркутской области по воду прояснения информации касательно матери предполагаемых родственников, дедов-братьев, сказано, что ответ возможен при подтверждении родства копиями документов или личном присутствии. В настоящий момент я проживаю в Германии, и мне не совсем удобно заниматься поисками предков».*

Но Осип (Иосиф), которого мы назвали, был Иркутским казаком, а не матросом.

Хотя переход из казаков в солдаты или в матросы был обычным для того времени.

В Гижигинской крепости в 1766 году служит казак Григорий Васильевич Лазарев [РГВИА, ф. 14808, оп. 1, д. 13, л. 9]. Он же указан и в ведомости Гижигинской крепости за 1781 год [РГВИА, Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 21 об.].

И одновременно с ним в 1781 году служит, возможно, его сын, но он солдат:

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781
Солдаты
Иван Лазарев» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20].

Кстати, сибирские казаки с большой охотой переходили на службу в регулярные войска (в солдаты или в матросы), так как там служба определялась сроком в 25 лет, а казачья сибирская служба была бессрочной — до кончины или увечья.

Хотя история появления солдата Ивана Лазарева может быть и не связана с казаком Григорием Васильевичем Лазаревым.

Дело в том, что начиная с 1748 года, после гибели на Чукотке Дмитрия Ивановича Павлуцкого, в Анадырский острог, Гижигинскую и Тигильскую крепости были направлены солдаты и драгуны из Тобольского драгунского и Енисейского пехотных полков.

Мы наши Ивана Лазарева в «Смотровоом списке Сибирскаго Гарнизона Пехотнаго батальона

штаб обер ундер афицерам капралам рядовым и другим чинам. Учинен при осмотре брегадира и Таболского обер коменданта Павлуцкаго апреля 1 дня 1754 года» — солдат Иван Лазарев [РГВИА, Фонд 490, Оп.1, Дело 478. Л. 41 об.].

Правда, в этом списке были только его имя и фамилия.

Но параллельно мы нашли доказательства того, что из этого батальона направлялись солдаты на Чукотку, так что и наш Иван Лазарев мог попасть в Анадырский острог из Тобольска, где дислоцировался Сибирский гарнизонный батальон:

«Леонтей Попов — 27 л., с 740 г. марта 16 дня, из драгунских детей Царева Городища; холост; в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22 числа» (Лист 84 об. – 85).

«Ивана Белскаго служитель Марко Кондратев — в командировании в секретной партии в Анадырску при оном порутчике Белском 748 г. марта с 28 числа» (Л. 97 об.).

«Осип Ефремов — 31 г., в службе с 738 г., ис казаков г. Томска, холост, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22 дня» (Л. 7 об.).

«Андрей Черкашенин — 30 лет, в службе с 740 г., из казачих детей г. Тоболска деревни Пановой, холост, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22-го числа» (Л. 13 об.).

«Иван Завьялов — 33 г., с 742 г., из рекрут ис крестьян Ялуторовскаго дистрикту Погорелской(?) слободы, женат детей мужска полу нет, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22 числа» (Л. 38).

Не исключено также, что солдат Иван Лазарев мог быть семейным человеком, и появление в Тигильской крепости казаков Василия и Дмитрия Ивановичей Лазаревых связано с ним.

Такие факты, когда солдатские дети записывались в казаки, нами тоже выявлены.

Какой же окончательный вывод следует из всего написанного, когда мы фактически не ответили ни на один из поставленных перед нами вопросов?

Следует *искать* дальше, отрабатывать версии. Только на основе фактического материала можно делать какие-то окончательные выводы, которые помогут установить степень того или иного родства. У нас пока все строится на предположениях. Конечно серьезных, обоснованных, но… но… но…

Поэтому предлагаю искать.

Помните, как в «Двух капитанах» у Вениамина Каверина: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

ЛЕМЗЯКОВЫ

Фамилия, вполне возможно, пришла в Сибирь с Яика (реки Урал). По крайней мере, в переписи яицких казаков за 1632 год мы обнаруживаем имя Фадея Григорьева сына Лемзяка.

Я не нашел в литературе четкого объяснения происхождения этого фамильного прозвища, хотя в ряду аналогичных фамилий есть Лемзы и Лемзяновы.

В Сибири эта фамилия четко прослеживалась в Селенгинске:

1693 год – рядовой пеший казак Иван Лемзяков [Багрин Е.А. Гарнизон Селенгинска и учреждение конной службы в 1690–1693 гг.].

1708 год — пеший казак Осип [Иванов сын] Лемзяков [Пашинин А.В. Документы второй половины XVII – первой половина XVIII вв. как источники составления родословной].

1762 год:

«Третья Ревизия

Афанасей Филипов сын Лемзяков 34 (года в 1747 году), 49 [(лет в 1762). У него жена Ульяна Федорова дочь дватцати семи лет взятая у посацкого Федора Кругликова.

У него написанные по последней переписи братья Семен Филипов сын Лемзяков — 48, Прокопей — 14 — в 747-м году взяты оба в Анадырскую партию — Иван —13 (28)» [РГАДА. Ф. 350 Оп. 2 д. 3070. Л. 302]

И еще:

Иван Иванов сын Лемзяков 19 (37), у него жена Катерина Семенова дочь сорока восми лет взятая того ж манастыря у вкладчика Семена Кузнецова у них дочь Анна десяти лет [там же].

Нас же больше всего интересует Семен.

Дело в том, что в Гижигинской крепости в 1766 году служит казак Семен Дмитриев сын Лемзяков. С отчеством, я уверен, писаря явно напутали — слишком редкая для Сибири фамилия и слишком близко сходятся события – служба Семена Филиппова сына Лемзякова в Анадырском остроге.

И именно Семен Лемзяков оказался в самом центре событий, связанных с Большерецким бунтом 1771 года.

Что здесь произошло?

К 1771 году в Большерецком остроге по причине абсолютной халатности проживала большая группа ссыльных — начиная с государственных преступников, обвиняемых в подготовке дворцовых переворотов и продолжая ссыльными военнопленными — участниками Барской конфедерации — наемниками в военных противоборствах Речи Посполитой и Российской империи.

Главным в стане заговорщиков был словак на польской службе Август Мориц Беньевский.

Будучи людьми грамотными, говорливыми и коммуникабельными, ссыльные втянули в свой заговор проживавших в Большерецком остроге промышленников, намеревавшихся плыть в Русскую Америку, и местных людей — казаков, матросов, чиновников, камчадалов, коряков, алеутов. Всего набралось порядка семи десятков человек.

И заговорщики решились в апреле 1771 года на прямой захват власти в Большерецком остроге.

В материалах РГАДА, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 409 и других источниках имеется целый ряд событий, связанных с Семеном Лемзяковым.

«Беньевский освободил арестованных на гауптвахте рабочих Холодилова и назначил их в караул, а часовых обезоружил и посадил на гауптвахту. Затем, в 3 часа утра 27-го апреля, он отправился в дом Нилова, где в это время

находились: сын Нилова, сержант Лемзяков, пятидесятник Потапов и в черной избе для караула 3 казака и два камчадала. Выломав дверь, бунтовщики ворвались в спальню Нилова, которого, по словам самого Беньевского, хотели только арестовать; но, встретив с его стороны сопротивление, во время которого он чуть не задушил Беньевского, Панов нанес ему сильную рану в голову, а рабочие Холодилова довершили убийство. Сын Нилова, испуганный криком отца: "караул!" спрятался в отхожее место. Все остальные лица, находившиеся в доме, были связаны и отправлены на гауптвахту, за исключением казака Дурынина, сидевшего незамеченным под столом».

«С командиром Камчатки капитаном Ниловым жил сержант Охотской нерегулярной команды Семен Лемзяков и вестовые Камчатской команды казачий пятидесятник Потапов, казак Михаил Вагин, Петр Дурынин, Иван Мутовин и работники — камчадалы Иван Володимеров и Павел Пашков.

Все спали. Сын командира Иван Нилов и Семен Лемзяков — в большой прихожей. Вестовые и работники — в черной. Нилов — в спальной. Потапов — в малой прихожей.

Первым проснулся, услышав шум и голоса, Лемзяков. Он разбудил Ивана. Тот бросился в спальню к отцу. Тот тоже уже не спал, в панике схватил сына и так крепко его сжал, что тот еле вырвался и убежал в другие покои.

Бунтари "вошли в избу и закричали все приходящие громогласно хватай, имай, режь, пали и вяжи…"».

По голосам Иван распознал многих из людей, которые ворвались в спальню отца — «Бейпоск, Иасаф Батурин, Винблан, Ипполит Степанов, Василий Панов, Петр Хрущов, купец Чулошников, крестьянин Кузнецов, матрос Василий Лапин, промышленные и протчие чины, которых в ужасти такой признать по голосам не мог…».

Отец трижды прокричал «караул» и звал вестовых. Позже Иван описывал тело убитого отца: «…одна рука левая в трех местах изрезана, на лице под ушицей язва проломленная сквозная, на стегне рана великая, а по корпусу и ногам великие синевые пятна…».

Бунтовщики разоружили:

Ушарова Андрея, капрала

солдат

Волкова Осипа
Еварлакова Степана
Иванова Владимира
Пивоварова Никиту
Плетнева Никиту
Самойлова Матвея
Федорова Прокопия
Шеина Тимофея

казаков:

Лемзякова Семена, Охотского порта казачьего сержанта
Секерина Ивана, казачьего сотника
Потапова Кузьму, пятидесятнника
Верхотурова Федора
Дьякова Федора
Евлантьева Павла
Марамузина Михаила
Сметанина Ивана
Гобова Василия
Паранчина Ивана, подканцеляриста

Большерецких обывателей:

Бречалова Моисея, большерецкого посадского
Игнатьева Зиновия, большерецкого посадского
Голышева Василия, крестьянина.

«Когда Казаринова вели под арест, то он заметил, что между канцеляриею и домом Черных было поставлено две пушки, мортира и несколько ружей в козлах, кроме той пушки, которая стояла на лафете у самого дома сотника Черных. На гауптвахте Казаринов нашел своего однофамильца, тотемца Василия Казаринова, штурмана Софьина, штурманских учеников Измайлова и Зябликова, канцеляриста Спиридона Судейкина, сержанта Лемзякова и пятидесятника Потапова. У всех у них были связаны руки назад ремнями. После Казаринова привели на гауптвахту казака Черных и купца Шапкина. Караул состоял из рабочих Холодилова, а начальником караула, по прибытии туда Казаринова, вступил Панов; часовые у дверей стояли с примкнутыми штыками и с заряженными ружьями. К вечеру того же дня Казаринова заковали в ножные кандалы, а казака Черных, кроме того, приковали в стене. На другой день утром привели под арест солдата Матвея Самойлова, который объявил всем арестованным, что бунтовщики приказывали ему сделать гроб убитому Нилову, но он, увидав израненный во многих местах труп покойника, а на полу лужу крови, отказался от работы, за что его и арестовали. Вслед за ним пришел на гауптвахту Винблан и прибил Самойлова прикладом ружья за ослушание, а находящийся с Винбланом промышленник Шабаев, кроме того, ударил Самойлова несколько раз по лицу» [Сгибнев А.С. Бунт Беньевского в Камчатке в 1771 г.].

Захвати казенный галиот «Святой Петр», бунтовщики ушли на нем в Китай (Макао-Кантон).

Позже всех, кто прямо или косвенно был связан с большерецкими событиями 1771 года, отправили под конвоем на следствие в Иркутск, где, просидев два года в тюрьме, все были освобождены и разлсланы на прежнее место жительство и службы.

Куда вернулся Семен Лемзяков, неизвестно. Возможно, в родной Селенгинск.

В 1823 году среди крестьян Куйтунской слободы [административный центр Куйтунского района Иркутской области] отмечен Василий Лемзяков [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 161. Л. 536].

А в 1930-х годах в списках жертв политического террора оказывается целая семья Лемзяковых из Жигаловского района Иркутской области. Деревня Жигалова была образована в 1723 г. и до 25 мая 1925 г. входила в состав Тутурской волости Иркутского уезда

Отец:

Лемзяков Осип Тихонович

(варианты имени: Иосиф). Родился в 1869 г., Иркутская обл., Жигаловский р-н, д. Наумовка; русский; неграмотный; б/п; крестьянин-едино-

личник. Проживал: Иркутская обл., Жигаловский р-н, д. Наумовка. Арестован 30 мая 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 28 июня 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 3 июля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 1 октября 1957 г. определением Военного трибунала ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Сыновья:

Лемзяков Алексей Осипович

Родился в 1914 г., Иркутская обл., Жигаловский р-н, д. Тарасово; русский; б/п; работал кузнецом колхоза. Проживал: Иркутская обл., Жигаловский р-н, д. Тарасово. Арестован 28 августа 1937 г. Приговорен: <…>, обв.: по обвинению в совершении контрреволюционного преступления. Реабилитирован 30 декабря 1938 г. постановлением УНКВД Иркутской области [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Лемзяков Даниил Иосифович

Родился в 1894 г., Иркутская обл., Жигаловский р-н, д. Наумово; русский; образование высшее; б/п; работал экономистом «Ленвостранса». Проживал: г. Иркутск. Арестован 11 июля 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 25 мая 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 28 мая 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 8 июня 1957 г. постановлением президиума Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Лемзяков Иван Осипович

Родился в 1898 г., Восточно-Сибирский кр., Жигаловский р-н, д. Наумовка; русский; грамотный; б/п; работал нормировщиком плотницкого цеха Соленовского затона. Проживал: Иркутская обл., пос. Жигалово. Арестован 17 июня 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 10 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет лишения свободы Реабилитирован 27 апреля 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Лемзяков Николай Михайлович

Родился в 1886 г., Иркутская обл., Жигаловский р-н, д. Наумовка; русский; б/п; работал бухгалтером пристани «Лензолотофлота». Проживал: Иркутская обл., пос. Жигалово. Арестован 25 мая 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 28 июня 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 3 июля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 1 октября 1957 г. определением Военного трибунала ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Внук:

Лемзяков Степан Николаевич

Родился в 1905 г., Иркутская обл., Жигаловский р-н, с. Наумово; русский; образование 7 классов; б/п; работал счетоводом-секретарем сельсовета. Проживал: Иркутская обл., Жигаловский р-н, с. Наумове. Арестован 19 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 28 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет лишения свободы. Реабилитирован 12 апреля 1958 г. постановлением президиума Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Судя же по тому, что в книге С.А. Гурулева «Первые иркутяне» нет никаких сведений об иркутских Лемзяковых — они поселились здесь позже. Возможно — это потомки Василия Лемзякова из Куйтунской слободы, а тот — возможно, потомок селенгинцев.

Вопрос в другом — остался ли кто-то живым из их семьи?

ЛЕПИХИНЫ (ЛЕПЕХИНЫ)

Лепихины — это дети Боголепа.

И в прямом, и в переносном смысле.

Боголеп — или в простонародье Лепа.

Патриарх этого рода известен — «Чюбаровской слободы дьячок Федька Лепихин» с годовым окладом содержания «по 3 рубли».

Но Боголеп не он, а его сын Борис, который в монашестве стал носить это имя.

Собственно, само имя Боголеп — это калька с греческого Феопрепий — «подобающий богу». Феопрепий был мучеником, пострадавшим за христианскую веру в эпоху императора Максимиана (IV в.): «Мученически пострадал в местности Потама вместе со свв. Зотиком и Акиндином. Мучеников вели во Фракию на суд императора, но казнили их по дороге, так как они не могли далее идти за колесницей правителя из-за полученных ими во время истязаний ран».

Кстати, такое имя в монашестве принимали многие, кто в миру носил имя Борис. Боголепом был назван перед смертью после принятия пострига царь Борис Годунов. То есть Борис Федорович Лепихин не из гордыни принял это имя, а в соответствии с православной традицией.

Но именно Боголеп Лепихин породил одного из самых яростных борцов за старую православную веру, порушенную монахами-малороссами, укоренившимися в Кремле при царе Алексее Михайловиче, который начал переиначивать на польский лад сначала внутренний царский двор, а затем и страну с ее православным народом, который и спустя четыре столетия так и не смирился с церковным расколом, рассеявшись по всему миру, уходя от гонений и преследований.

Крестьяне Лепихины, поселившиеся в конце 17 в. в Пышминской слободе, были выходцами из Каргапольского уезда, с р. Ваги.» [А.Г. Мосин].

Яков Борисов (Боголевов) сын Лепихин родился в 1640-х годах уже в той самой Чубаровской слободе Тобольского уезда, где дьячком был их дед. Отец же его служил дьячком Никольской церкви в Нижненицынской слободе. Здесь же родились и его братья — Андрей и Петр.

Свой рассказ о потомках Боголепа и далее мы будем строить на основе очерка сотрудника Уральского университета А.Т. Шашкова «Яков Борисов сын Лепихин (из истории уральского старообрядчества конца XVII в.)».

Сын слободского дьячка Яков Лепихин был человеком грамотным, что позволило ему занять место подьячего судной избы в Пышминской Ощепковой слободе Верхотурского уезда.

Он рано овдовел.

Второй его супругой была дочь сына боярского Тыркова из служилого клана администрации Верхотурья. И не без участия своей родни Яков Борисович начал делать просто стремительную служилую карьеру.

Сначала в бизнесе — заведя «кречатную ловлю» в 1668 году, «прибрав» в помощники несколько беломестных казаков во главе с бывшим пышминским слободчиком Алексеем Ощепковым. И первых пойманных кречетов уже в 1669 артельщики везут в Москву, зная, что царь Алексей Михайлович страстный любитель соколиной охоты.

Развивая свой промысел, Лепихин добивается у местных властей разрешения на создание новой слободы на реке Пышме на Красном Яру.

В 1670 году начинается ее строительство, и постоянное место жительство обретают четверо беломестных казаков и 11 крестьян вместе со своими семействами.

И далее происходит нечто невероятное – сын дьячка подает челобитную о своем желании стать атаманом слободских беломестных казаков на выбылое место и оклад атамана (по другой версии – сына боярского) Андрея Липина, убитого «воровскими татарами» в 1663 году.

Эта просьба была удовлетворена.

В Красноярскую слободу перебрались и братья Лепихины — Петр был поверстан в беломестные казаки, а Андрей занялся промыслом — стал «крещатым помытчиком».

При строительстве своей слободы Яков Борисович, оказывается, нарушил целый ряд условий и вступил в конфликт со своими соседями, вторгшись в пределы чужих земельных владений, но благодаря шурину — сыну боярскому Михаилу Тыркову — дело через верхотурского воеводу удалось замять.

Что самое важное — по роду своей государевой службы Яков Борисович в те годы преследует всякие староверческие выступления на вверенной ему территории: в 1678 году даже отправляет в Верхотурье группу своих — красноярских — крестьян-старообрядцев для проведения следствия по поводу их религиозных выступлений.

В 1679 году Яков Борисович пытается вернуть в слободу одного из своих беломестных казаков, бежавшего вместе со всей семьей в Тобольский уезд в Мехонскую слободу, жители которой угрожали самосожжением, если их не оставят власти в покое.

То есть казак — Агапит Григорьев сын Палханов — бежал от Якова Борисовича Лепихина, который спустя всего лишь год — в 1680 году — будет этой же самой государевой властью объявлен «прелестником, прежним вором, еретиком и раскольщиком».

Вопрос о том, что произошло и кардинально изменило жизнь верхотурского казачьего атамана, остается открытым.

По одной версии — в 1678–1679 годах прошла чистка казачьих рядов, когда казаком, независимо от занимаемой должности, мог быть только казак по рождению или — по царской грамоте. В данном же случае — производство шло по воеводской отписке. И в результате сословной «чистки» 1679 года был осуществлен принудительный перевод его в пашенные крестьяне Киргинской слободы Тобольского уезда [Служилые люди Сибири, стр. 502].

По второй версии — произошел духовный перелом, и Лепихин впал в раскол «послушая учения проклятого Дометиана Тюменьского и жида Аврамка лжечернца Венгерскаго» (по мнению митрополита Игнатия Римского-Корсакова), установив связи с Долматовским Успенским монастырем.

И вот очень важный момент для финальной части нашего рассказа: в 1677 году 25 декабря Яков Борисович делает вклад в монастырь: «приложил Яков Лепихин красную корову по своей души; а прежде сего корову ж черную приложил по своей души, да денег три рубли без дву гривен, да сукна белаго 14 аршин». То есть из этого текста совершенно не следует вывод о том, что он делал вклад в помин души своего отца.

И вот главное — в 1680-х годах Яков Борисов (Боголепов) сын Лепихин становится ярым пропагандистом самой жертвенной меры борьбы за старую веру — *самосожжения*.

Но он был организатором. Жертвами же становились другие.

В 1688 году были арестованы его дети и племянники. Сам он из-под ареста ушел.

По данным за 1697 год, Яков Боголепов сын организовывал акции самосожжения в Ишимской слободе.

А вот далее, к сожалению, автор, не зная православных традиций монашеского пострига, смешивает два образа — отца и сына, полагая, что Яков скрылся от преследования власти следующим образом:

«Как сообщает … вкладная книга Далматовского Успенского монастыря, он был здесь «пострижен во иноцех, имя Боголеп, и преставился, и в Синодик написан».

Вывод, который делает автор: «Совершенно неожиданным является финал бурной жизни Якова Борисова сына Лепихина, который не укладывается в рамки привычных представлений о страстном проповеднике идей «старой веры» и активном организаторе массовых самосожжений».

Укладывается, если согласно традиции Боголепом стал после пострижения в монахи Борис Федоров сын Лепихин.

А Яков Борисович, в конце концов, мог и закончить свою жизнь в огне, как Аввакум. Только Аввакум — по принуждению, а Яков — по воле, почему следы его и затерялись…

А вот следы его родственников мы видим уже в Тобольском уезде:

«Беломесные казаки. Служат без денежного и без хлебного жалованья с пашни.

Красногорская слобода на реке Исете

Во дворе Фомка Федоров сын Лепихин.

Сказал: родился де он Тюменского уезду на Пышме реке в деревне Зырянской, крестьянской сын. А в Красногорской слободе живет со 186-го [1678] году. У него дети: Матюшка 2 лет, Петрушка году.

Бобыль. Оброку не платил.

Во дворе кузнец Федка Иванов сын Лепихин.

Сказал: родился де он на Тюмени на посаде, платил оброчной хлеб. И тот хлебной оброк здал крестьянину Ивашке Горохову. А в Красногорской слободе живет со 189-го году. У него сын Матюшка 15 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 848 об., 858 об.].

И не брат ли кузнеца — Федора Ивановича — появляется на казачьей службе в Якутске после опустошительной оспенной эпидемии 1691/1692 гг., когда ряды казачьего полка значительно поредели и сюда присылали для пополнения людей из разных сибирских городовых разрядов?

Якутск, Окладная книга 1706 года

Лепихин Алексей Иванов, 10-я пятидесятня Якутского казачьего полка [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

А следующими Лепихиными-дальневосточниками были братья — Семен и Михаил Игнатьевы дети Лепихины.

Возможно, они прибыли вместе с Алексеем Ивановичем. Может быть, даже из одного рода-племени.

Первое упоминание о Семене относится к 1707 году, когда верхнекамчатские казаки отказали во власти камчатскому приказчику казачьему голове Владимиру Владимировичу Атласову:

Челобитную [об отказе Отласову во власти] подписали:

«Вашего Величества нижайши раби Кирило Бекирев, Иван Шагин, Дмитрей Томской, Михайло Тимофеев, Алексей Дехтерев, Яков Братцкой, Данило Томской, Петр Саламатов, Федор Анкидинов, Федор Зыков, Яков Насеткин, Гаврило Келтяка, Обросим Двойкин, Исак Таратин, Петр Федотов, Костянтин Кыргызов, Федор Куковеров, Иван Башмаков, Федор Бабарыкин, Семен Лепихин…».

А в 1711 году он входит в команду воровского атамана Данилы Анциферова Томского и принимает участие в убийствах камчатских приказчиков и грабеже их имущества.

В 1713 году Семен Игнатьев сын Лепихин (в документе он почему-то назван Агапитом) участвует в походе по присоединению к Российскому государству Курильских островов:

«1715 г. не ранее марта 15. — Доношение Я.А. Ельчина в Кабинет Петра I о плавании И. П. и П. П. Козыревских с группой казаков к Курильским островам в 1713 г.

В 1713-м писал в Якуцк камчатской прикащик Василей Колясов. А под отпискою прислал доезд за руками камчатских казаков Ивана да Петра Козыревских, Федора Броникова, Агапита Лекихина (Лепихина. — *С.В.*) с товарищи 30 человек. Ходили они, Иван с товарищи, от Камчатки на морские острова, которые на восточную сторону прилегли к Японскому государству. От Камчатской земли морем до перваго острова парусом бежали день, на второй остров половину дня гребли, на третей день парусом бежали, на четвертой половину дня парусом же бежали. А на том острову людей множество и за их многолюдством на остров не ходили и бою сними не дали. А бой у них, иноземцов, лучной и пращи. А называются оные ярыгие чрез курильской язык, а курилы говорят чрез камчедальской язык, а камчатския толмачи на руской переводят. И те де ярышские землицы и острова от востока на левую сторону многия острова, а к ним приезжают по вся годы японцы и из Матманского города с торгами и привозят к ним платье японское камчатое и китайчетое, покрой долгой, стеган на бумаге, котлы медные, чюгунные, сабли — оправа серебреная, чашки фарфоровые, пшено сорочинское, а берут у них лисицы красныя, колаы и бобры. И ходили они, казаки, по многим островам недели с четыре, и находили на островах людей множество, и взяли у них двух человек и японское платье, котлы, сабли и посуду. А люди гораздо волосами обростают, а платье они, иноземцы, делают себе ис крапивы, красят сами и краски делают сами ж на тех же островах. А по скаске их, иноземцов, до японского первого города Матмая не доходили де за 7 дней, да они ж, иноземцы, сказывали, что около их в близости есть островов с 70 и больши и от последняго острова до Матманского японского города приезжают судами дни в 3 и в 4, а как они поехали от островов и приехали в 5 дней х Камчатской земле.

А тех пленников двух человек, платье, котлы, сабли и посуду на Камчатке взял у них камчатской прикащик Василей Колесов.

А как он, Василей, пошел з зборною великого государя ясашною и со всякою казною в Якуцкой и немирные иноземцы — олютары, да изменники — юкагири ево, Василья, с служилыми людьми во сте человеках побили и казну всякую побрали без остатку, в том же числе побили двух человек прикащиков: Ивана Енисейского, Афанасья Петрова. Подлинная за рукою Якова Ельчина» [РГАДА, ф. 9, отд. II, д. 43, л. 375–376].

Семен Игнатьевич был не простым казаком. Мы не знаем пока о причинах его смерти, но вполне возможно, что он принял смерть в бою, покоряя непокорных камчадалов. А думаем мы так потому, что он оставил своим детям весьма «богатое» наследие:

«Большерецкого острогу

Разночинцы

Михаила [Игнатьева сына] Лепехина племянника ево Фомы дворовые

Артемей, у него сын Никита

некрещеные Конаш, Тивач, Чекови, Тава, Кулеижа, Брюкач, Намакша

крещеной Яков

некрещеной Ушкамой» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 119].

Вероятно, не меньшее их число было и у второго из сыновей Семена Игнатьевича — Михаила Лепихина меньшего, как обозначали его для отличия от дяди.

Но…

В 1735 году Розыскной канцелярией по делу о Харчинском бунте был вынесен следующий приговор:

«Камчатка, Харчинский бунт.

"…А служилым людем, которые были в походах со оным петидесятником Андреем Штинниковым и со общаго согласия чинили ясашным иноземцам вышеозначенное ж раззорение и тиранство для своих же корыстей, чтоб женами и детьми владеть у себя в холопстве, а имянно Осипа Соловьева вместо смерти на площади бить кнутом и дать сто ударов и, водя по острогу, бить кнутом же нещадно, а протчим служилым учинить наказание — бить на площади кнутом нещадно ж, а имянно за писаря Матфея Новограбленного, ясаула Михаила Лепихина, толмача Федора Лобанова и протчих, кои были в показанном походе, которым надлежало учинить по правам смертную ж казнь, но однако ж по указом Ея И. В. велено на страх пущих раззорителей и завотчиков казнить смертию, а протчих от смертной казни свободить, чего ради служилых Соловьева с товарыщи от смертной казни и свободить, а вместо смерти наказание учинить. А взятыя ими, служилыми людми, от иноземцов в раззоренных острогах жен их и детей, взяв, роспустить на прежние жилища, а мужеск пол, которыя в ясашной оклад не написаны, тех определить в ясашной оклад, а которыя платят подушные денги, тем платить подушные денги самим собою. А для определения в ясашной оклад в Большерецку в Приказную избу послать с реэстром Ея И. В. указ, а иноземческие пожитки, которые служилые люди после полонных иноземцов, взяв, разделили по себе, на ком что по следствию подлежит, доправить в казну Ея И. В."» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358—367].

Но это были только еще «цветочки».

А вот и «ягодки»:

«В Большерецком остроге казнен смертию повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников.

Учинено телесное наказание, биты кнутом служилые люди: Осип Соловьев, Матфей Новограбленой, Михайло Лепихин, Федор Лобанов, Андрей Марамыгин, Андрей Рубцов, Петр Евлатьев, Андрей Воронин, Григорей Томилов, Онофрий Черкашенин, Лука Трескин, Ларион Валынкин, Григорей Келтякин, Петр Валынкин, Степан Вахрушев, Михайло Котков, Федор Асламов, Иван Лукашевской, Сава Усов, Василей Посников, Василей Щеголев, Семен Вагин, Михайло Лепихин меньшой, Петр Матфеев, Семен Шарапов, Афонасей Попов, Михайло Лукашевской, Семен Сургуцкой, Петр Чупров, Антон Хмылевской» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

Отчество же Михаила Игнатьева сына мы узнали из отчета иеродиакона Якутского Спасского монастыря, который в 1740/1741 годах осуществлял крестовый миссионерских поход по западному побережью Камчатки [РГИА, фонд 796, опись 23, дело 106].

А фамилия была записана Липихин.

В других случаях (смотрите выше) — Лепехин.

Но в данном случае правильно:

«Большерецкого острогу
Разночинцы
Михаила Лепихина племянники
Фома, Михаило» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 116].

Фома Семенов сын Лепихин, большерецкий казачий сын, был следующим из Лепихиных, которые вошли в большую (в том числе и мировую) историю.

«1741 г. декабря 7. — Список служителей пакетбота "Св. Петра", которые ныне в вояже.

…Да сверх вышеписанных 68 человек еще имеются з г-ном капитаном-командором Берингом на пакетботе "Св. Петре" в вояже, о которых в преждепосланном от меня при репорте списке не показано, а имянно: Академии наук адъюнкт Георг Вильгельм Штеллер, да с ним Большерецкого острога казачей сын Фома Лепихин, да взятой от Охоцкого правления капрал Фридрик Плениснер. Итого 3 человека».

А факт мировой истории — несостоявшаяся первая в истории России высадка на матером берегу соседнего континента — Америки — Большой Земле. Знаменитая, но очень и очень короткая, прогулка великого российского ученого (немца по национальности) Георга Вильгельма Стеллера по одному из островов вблизи Аляски.

Об этом написано огромное количество книг с самой разной (и положительной, и негативной) оценкой поведения капитана-командора Витуса Беринга, который выделил столь мизерное количество времени для знакомства с вновь открытой землей.

Но давайте дадим слово самому Георгу Стеллеру. А начнем с его крылатой фразы, которая вместила все его возмущение по поводу конечной цели плавания пакетбота «Святой Петр»:

«*…Мы пришли сюда лишь для того, чтобы увезти американскую воду в Азию*» (выделено мной здесь и далее. — *С.В.*).

Витус Беринг разрешал высадку только для того, чтобы пополнить запасы питьевой воды на судне для дальнейшего плавания – точнее для срочного возвращения на Камчатку.

«…договорились использовать для доставки воды малый ялбот, а лангбот предоставить мастеру Хитрову вместе с достаточными командой и снаряжением для обследования земли — назначения, к которому он проявил величайшую склонность. Когда я попросил одновременно послать и меня, потому что мастер Хитров не знает всего (сам Хитров, зная свои сильные стороны, также просил о моем участии), *на нашу просьбу последовал отказ, и сначала была сделана попытка запугать меня ужасными рассказами об убийствах*.

Но я ответил, что никогда не вел себя как женщина и не вижу причин, по которым мне нельзя разрешить сойти на берег. *Попасть туда — означало, в конечном счете, следовать своей основной задаче, профессии и долгу.* До сих пор я преданно служил Ее Величеству в соответствии со своими способностями и стремился сохранить за собой честь такой службы еще на много лет. *Я заявил, что если по причинам, противоречащим иели экспедиции, я не смогу высадиться, то сообщу о таком поведении в выражениях, которых оно заслуживает.*

Тогда меня назвали диким человеком, которого не удержать от работы, даже угостив шоколадом, который как раз в это время готовили.

Когда я понял, что против своей воли буду принужден к непростительному пренебрежению долгом, *я оставил все уважение и обратился с особой мольбой*, которая немедленно смягчила капитана-командора, и *он позволил мне отправиться с доставщиками воды, не оказав мне, однако , никакой помощи и не дав ни одного человека, кроме казака Фомы Лепехина, которого я привез с собой.*

При отплытии моем с судна капитан-командор попытался проверить, пойму ли я шутку, приказав сыграть на трубах мне во след. *Не поблагодарив его*, я воспринял свою задачу так, как было положено. Но я сам никогда не дудел в трубу и не ценю звуки труб в мою честь.

Однако теперь *я уже очень ясно понимал, почему меня убедили отправиться в плавание, а именно лишь для того, чтобы выполнить те требования инструкций, которые никто другой выполнить не мог, то есть чтобы минералы изучали знающие люди, которых восемь лет забывали запросить из Екатеринбурга*. Пробирного мастера Гардеболя, бывшего в Охотске , нельзя было взять с собой, поскольку его послали в Якутск сопровождать Шпанберга.

То есть *я должен был придать, но только для видимости, более высокий престиж этому предприятию*, а также стать корабельным лекарем и личным лекарем капитана-командора, потому что оказалось, что они располагают только подлекарем.

В этот день половина экипажа оставалась на борту на вахте и занималась выгрузкой пустых бочонков для воды и погрузкой полных. Меня отправили вместе с бочонками проверить качество воды, в то время как офицеры остались на борту наблюдать за ветром.

Оказавшись на берегу под защитой единственного помощника, я сразу понял, что время слишком дорого, и постарался наилучшим образом использовать ситуацию, со всей возможной поспешностью направившись в глубь земли, чтобы проникнуть как можно дальше и найти людей и их селения.

Я прошел вдоль берега не более версты, когда в одном месте обнаружил следующие признаки людей. Под деревом я нашел как бы корыто, выдолбленное из куска ствола дерева, в нем несколькими часами ранее дикари, не имеющие котлов и блюд, готовили пищу по везде описанному камчадальскому способу, с помощью разогретых камней. Там, где они сидели, валялись разбросанные кости, некоторые с остатками мяса, которые выглядели так, словно их жарили на огне. По характеру костей я понял, что они принадлежат не каким-то морским, а сухопутным животным, и мне показалось, что, судя по их форме и размерам, они скорее всего являются костями северного оленя, хотя здесь я такого животного больше не встретил.

Возможно, оно было доставлено сюда с материка. Кроме костей там были остатки “юколы”, или сушеной рыбы, которую на Камчатке употребляют за всеми трапезами вместо нашего хлеба. Рядом с оставленной рыбой лежало большое количество крупных мидий Якоба восьми дюймов в диаметре, а также синие мидии, или musculi, которые встречаются на Камчатке и, несомненно, поедаются здесь сырыми, как принято и там. В различных раковинах я нашел лежавшую, как в чашах, “сладкую траву”, которая была предварительно залита водой, чтобы извлечь из нее сладость, что показалось мне весьма примечательным и привело к следующим умозаключениям.

Эту редкую траву, которую, как до сих пор считалось, употребляли исключительно камчадалы, русские называют “сладкая трава”, а камчадалы — “каттик”, на самом же деле она относится к виду Sphondylium. Камчадальский способ ее приготовления путем очистки с помощью раковин моллюсков, а также способ употребления в пищу полностью соответствуют американским обычаям. С другой стороны, этот обычай не знаком соседним тунгусам и оленным корякам, живущим на Камчатке. Открытие и употребление этой травы не было вызвано необходимостью: добывают же они огонь, не имея стали. Все это является почти окончательным подтверждением того, что данное изобретение происходит с Камчатки, откуда следует, что оба народа прежде сообщались друг с другом или что это, возможно, тот же народ, что и камчадалы, и происходит от них.

Учитывая, что здесь их разделяет расстояние в 500 миль, можно предположить, что Америка на севере простирается дальше к западу и напротив Камчатки подходит к ней гораздо ближе, чем многие полагали без всяких на то оснований. В противном случае трудно было бы себе представить возможность сообщения, поскольку сейчас ни один из народов не имеет судов необходимой мореходности и нет признаков, что такие суда на Камчатке ранее существовали. Как бы там ни было, большинство американских предметов и изобретений идентичны камчатским либо азиатским или мало от них отличаются.

Рядом с деревом неподалеку от кострища, где сохранились свежие уголья, я нашел также деревянное огниво.

Не зная стали, народы как на Камчатке, так и по всей Америке обычно добывают огонь трением. Но трут, приготовляемый на Камчатке, отличается от американского, здесь это один из видов морских водорослей, fontinalis, выбеленных солнцем. Я прихватил с собой образчик.

Поваленные деревья, лежавшие там и тут, были так изрублены ударами тупого орудия,

что можно догадаться, что их срубили каменными или костяными топорами, в точности как на Камчатке и как это делали древние германцы до изобретения железа; теперь, когда эти топоры там давно вышли из употребления, их называют громовыми булавами.

Бегло осмотрев все эти вещи и сделав кое-какие заметки, я продолжил путь.

Пройдя примерно три версты, я нашел тропу, ведущую в очень густой темный лес, расположенный прямо на берегу.

Я коротко посовещался с моим казаком, который помимо ножа и топора был вооружен заряженным ружьем, чтобы решить, какие действия нам следует предпринять, если мы столкнемся с одним или более людьми, и велел ему вовсе ничего не делать без моего приказания. Я был вооружен только якутской "пальмой", которая мне служила для выкапывания камней и растений.

Я сразу заметил, что кто-то хотел замаскировать тропу, но ему помешало наше быстрое приближение, и она стала еще более заметной. Мы увидел и множество деревьев, с которых недавно была содрана кора, и предположили, что она предназначалась для устройства жилищ или амбаров, которые должны быть совсем неподалеку, поскольку, куда бы ни поглядели, нигде не было недостатка хорошего леса. Но так как тропа разделялась на несколько меньших, уводивших в лес, мы обследовали некоторые из них, не заходя, впрочем, слишком далеко в лес, и через полчаса вышли на место, устланное скошенной травой.

Я немедленно отгреб траву в сторону и нашел под ней каменную вымостку. Когда и она была удалена, мы обнаружили древесную кору, уложенную на жерди удлиненным прямоугольником три сажени в длину и две сажени в ширину, под ней находился выкопанный погреб в две сажени глубиной, где лежали следующие предметы.

1. "Лукошки", или емкости, изготовленные из коры, в полтора аршина высотой, наполненные копченой рыбой камчатских видов лосося, который в Охотске по-тунгусски называется "неркой", а на Камчатке известен под общим названием "красная рыба"; она была столь чисто и хорошо приготовлена, как мне никогда не приходилось видеть на Камчатке; по вкусу она также весьма превосходила камчатскую.

2. "Сладкая трава", из которой на Камчатке приготовляют водку.

3. Несколько видов травы, истрепанной, как это делают с коноплей. Я принял их за крапиву, которая здесь повсюду растет в изобилии и, вероятно, как и на Камчатке, используется для изготовления рыболовных сетей.

4. Еловая или лиственничная заболонь, свернутая в рулон и высушенная; ее едят в случае бедствий и голода не только на Камчатке, но по всей Сибири и даже в России, в Хлынове или Вятке.

5. Большие связки веревок, изготовленных из морской травы, которые я опробовал и нашел чрезвычайно прочными и крепкими. Среди них я нашел также несколько стрел, которые по размерам далеко превосходили камчатские и приближались к стрелам тунгусов и татар; они были окрашены в черный цвет и очень гладко выскоблены, так что можно было подумать, что у этих людей есть железные орудия и ножи.

Несмотря на опасения быть захваченным в погребе врасплох, я все внимательно осмотрел, но, не найдя ничего более, взял в доказательство того, что побывал здесь, две связки рыбы, стрелы, деревянное огниво, трут, связку веревок из морской травы и отправил их с моим казаком к тому месту, где набирали воду, с наказом передать их капитану-командору и попросить его прислать мне в помощь двух-трех человек для дальнейшего обследования местности. Я также велел ему предупредить тех, кто находился на берегу, не чувствовать себя слишком в безопасности, а быть настороже. Затем я прикрыл погреб так, как это было раньше, и в полном одиночестве продолжил выполнять свою задачу, изучая растения, животных и минералы до возвращения казака.

Пройдя около шести верст, я оказался у крутого утеса, который выступал в море столь далеко от берега, что далее идти было невозможно. Я решил подняться на утес и с трудом взобрался на него, но увидел, что его восточная сторона отвесна, как стена, и продолжать путь невозможно. Поэтому я отправился на юг в надежде добраться до другой стороны острова и там вдоль берега дойти до пролива, чтобы проверить мою теорию о наличии там реки и гавани. Однако, спускаясь с холма, повсюду поросшего густым темным лесом, я не нашел и следа тропы, по которой мог бы через него пробраться; тогда я подумал, что казак не сможет меня найти и что я окажусь слишком далеко от остальных, если что-либо случится, и не смогу до ночи вернуться обратно, не говоря уже о других опасностях, которых я мог бы не бояться, если бы мои товарищи оказали мне хотя бы малую помощь.

Поэтому я поднялся на холм и скорбно обозрел невеликие границы, установленные для моих исследований, *с унынием размышляя о поведении тех, кто держал в своих руках бразды правления в столь важных делах и, несмотря на такие действия, предвкушал деньги и почести*. Когда я вновь добрался до вершины холма и обратил взор к Большой земле, чтобы хотя бы как следует разглядеть места, *где мне не дозволено было с толком потратить мои усилия*, я увидел в версте от себя дым, поднимавшийся с открытого ветрам бугра, поросшего хвойным лесом, и у меня родилась определенная надежда встретить людей и узнать от них то, что мне требовалось для полного отчета.

Поэтому я с великой поспешностью спустился с холма и, нагруженный своими коллекциями, отправился на то место, где меня высадили на берег. Здесь с людьми, которые как раз поспешили с берега на судно, я послал известие капитану-командору и попросил его предоставить мне малый ялбот и несколько человек на несколько часов. Тем временем, совершенно измученный, я описывал на берегу самые редкие растения, которые, по моим опасениям, могли увянуть, и взбодрил себя, набрав превосходной воды и попив чая.

Примерно через час я получил патриотический и любезный ответ: мне надлежало немедленно вернуться на судно, иначе они не станут меня дожидаться и оставят на берегу.

Я подумал, что Бог дает нам место, время и возможность сделать то, что каждому надлежит и может послужить ему рекомендацией в наивысших кругах, и каждый на своем месте мог бы доставить удовольствие нашей всемилостивейшей Государыне после ее столь долгого ожидания и неописуемых затрат. Но, возможно, что при отплытии мы все видели Россию в последний раз, потому что я не мог надеяться, что Господь поможет нам на возвратном пути, если бы ветра и погода подражали нашим умыслам и стали бы столь же противны нам, сколь каждый был противен главной цели, а следовательно, и собственной фортуне.

Однако, поскольку уже не было времени морализировать, а лишь перед отплытием с берега собрать все, что возможно, и поскольку день клонился к вечеру, я послал казака подстрелить несколько редких птиц, которых наблюдал перед этим; тем временем я снова направился на запад и к закату вернулся с разнообразными сведениями и коллекциями (которые я опишу более подробно позднее) *и снова получил строгое предупреждение: если я тотчас же не вернусь на судно, со мной больше не станут считаться*.

Поэтому я отправился со своими коллекциями на судно, где, к моему великому удивлению, меня угостили шоколадом.

Хотя я изо всех сил старался не говорить ничего и никому, кроме тех, кто способен был оценить мои усилия, я тем не менее показал некоторые предметы и сообщил свои мнения о некоторых проблемах, из которых, однако, было принято лишь одно. То есть железный котел, фунт табаку, китайская трубка и кусок китайского шелка были посланы в погреб, *но взамен он был так разграблен*, что если бы в будущем мы вернулись на это место, люди бежали бы от нас так же, как и в этот раз. Или, поскольку мы выказали к ним враждебность, они, в свою очередь, будут враждебны, особенно если воспользуются табаком для еды или питья, так как могут не знать истинного предназначения табака или трубки; напротив, несколько ножей или топоров вызвали бы куда большее понимание, поскольку их назначение совершенно очевидно.

Мне ответили, что они воспримут их как знак объявления войны, хотя именно из-за табака, особенно при неправильном его употреблении, они скорее могли бы заключить, что мы намереваемся их погубить. Более того, впоследствии мы узнали, с какой радостью американцы приняли ножи от капитана Чирикова и показали, что хотели бы получить еще.

Я пробыл на судне едва ли час, когда мастер Хитров с партией примерно в пятнадцать человек вернулся на лангботе и привез нам следующие известия.

1. Среди островов рядом с Большой землей он нашел гавань, где корабль мог бы стоять без какой-либо опасности.

2. Разумеется, он не встретил людей, но наткнулся на небольшое деревянное жилище, внутренние стены которого были столь гладки, что казались выскобленными; поэтому представлялось естественным, что американцы имеют железные орудия и должны знать употребление и приготовление железа.

Кроме этих известий он привез с собой несколько предметов.

1. Деревянный сосуд, похожий на те, что в России изготавливают из липовой коры и используют вместо коробов.

2. Камень, который, вероятно, за отсутствием лучшего, служил точилом и на котором были видны полосы меди, откуда я заключил, что их орудия — в прежние времена — должны быть медными, поскольку плавление железной руды, особенно богатой медью, требует больших знаний и опыта, чем можно ожидать от этих людей, потому что она обычно разрушает самые лучшие плавильные печи.

3. Пустотелый шарик из обожженной глины два дюйма в диаметре, заключающий в себе камень, гремящий при встряхивании, который я счел игрушкой для малых детей.

4. Хвост чернобурой лисицы.

5. Лопасть весла от каноэ.

Эти вещи составляют все, что нам удалось сделать и найти, и, увы, происходят не с Большой земли, куда не ступала нога ни одного из нас, а лишь с острова, имеющего три мили в длину и полмили в ширину, первого и самого удаленного от Большой земли, образующей здесь большую бухту, усеянную множеством островов; острова, который отделен от Большой земли проливом не более полумили шириной. *Единственной причиной, по которой не была сделана попытка высадиться на Большую землю, были ленивое упрямство и трусливый страх перед горсткой безоружных и еще более напуганных дикарей, от которых нельзя было ожидать ни дружелюбных, ни враждебных действий, а также малодушная тоска по дому, которая этим господам, очевидно, казалась извинительной, особенно если бы высокие власти столь же мало прислушивались к недовольным и их жалобам, сколь сами офицеры. Время, затраченное на исследования, можно было выразить арифметическим отношением: подготовка к достижению цели длилась десять лет, самому же делу было уделено десять часов*» [Стеллер Г.В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки. 1741–1742, М., 1995, стр. 40–47].

Если вдуматься, то Георг Стеллер вынес обвинительный приговор Второй Камчатской экспедиции и конкретно капитану-командору Витусу Берингу.

Но у нас сейчас речь не о них — а о Лепихиных.

Дальнейшая судьба Фомы Семеновича нам пока неизвестна.

Но, благодаря второму российскому (уже русскому по национальности) ученому, будущему академику, но тогда еще студенту Славяно-Греко-Латинской академии Степану Петровичу Крашенинникову, который собирал материл для книги, обессмертившей его имя, — «Описание

земли Камчатки», мы кое-что знаем о дальнейшей судьбе Михаила Лепихина меньшего — брата Фомы Семеновича, толмача, и их дяди — Михаила Игнатьевича — большерецкого служилого человека (извлечения из рапортов СюАю Красшенинникова [Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 34].

«Получа вышеозначенное известие того же дня, послал я наскоре ордер служивому Михаиле Лепихину, чтоб он немедленно назад возвратился, а сам в коряки ехать для вышеозначенных причин опасен, о чем я генваря 15 дня послал репорт к господину адъюнкту Штеллеру, в котором репорте, кроме сего, объявил о пути моем до Верхнего Камчатского острога, и что, прибыв в Верхней Камчатской острог, посланной со мною ордер от господина профессора ла Кроера в приказную избу отдал и при том от себя послал требование, чтоб при новопостроенных к прибытию его благородия хоромах, все, что еще не в готовности, достроено было, о чем в том требовании объявил имянно, и что приказная изба все зделать обязалась, токмо требовала одного кирпишника, ибо в тех хоромах печь Евсьма худа, к тому ж одною печью обеих светлиц нагреть невозможно, чего ради во всякой горьнице по особливой пече понадобится; что Толбачинская сопка пепел из себя выбрасывала; о отправлении моем из Верхнего в Нижней острог, что в Нижнем остроге в приказной избе посланной от господина профессора ла Кроера ордер объявил; напоследок объявил, что я послал служивого для проведания коряк, и что, услышав о измене ясашных иноземцов, послал к нему ордер о возвращении, а сам я в коряки ехать опасен, но намерен возвратиться в Большерецк, токмо дожидаюсь служивого Михаила Лепихина».

«И по силе вышеписанного требования для чинения метеорологических наблюдений прислан ко мне из партии служивой Иван Шангидо, да для караулу оных инструментов из партии ж служивой Никифор Саламатов, да для караулу и россылок из партии же присланы служивые три человека, да толмач камчатского языка Михайло Лепихин, а коряцкого и курильского языков толмачей в здешнем остроге не имеется, да и курильского языка никто и не знает, а говорят курилы с русскими камчатским большерецким языком, и русские, которые за збором ясаку и за торгами на Курильские острова ездят, берут с собою в толмачи знающих камчатского языка».

«И на оное требование маия 24 числа от Большерецкой приказной избы ответствовано, что де при Большерецку стрельцов не имеется, а имеются де у меня стрелки, а имянно, Никифор Саламатов, Семен Бочкарь, из казачьих детей Михайло Лепихин меньшей. И хотя из означенных служивых Никифор Саламатов слеп, Семен Бочкарь и сроду десяти птиц не убивывал, а Михайло Лепихин отпущен в Курилы от закащика, однакож я требовал от приказной избы, чтоб на место стрелка, которой определен будет из обретающихся при мне служивых, служивой прислан».

«Декабря 16 дня [1738] просил меня письменно определенной мне в толмачи от Большерецкой приказной избы казачей сын Михайло Лепихин, чтоб его отпустить в дом свой, понеже де он здешнего языка не знает; и, против вышеписанного его Лепихина прошения, он отпущен в дом свой в Большерецк».

«Марта 19 дни часах в 3 по п[олудни] поехал я из Большерецкого острога в Курильскую землицу к имеющимся там двоим горячим ключам, оставя для чинения метеорологических обсерваций пищика Аргунова, а с собою взяв одного служивого, да толмача Лепихина, которого я для сей поездки удержал и от горячих ключей к служивому Шишкину отослать хотел. А санок с собаками брал под себя трои санки, да под служивых одни, всего четверы санки. И того дня ночевал в острожке, Коажчхажу называемом».

«Ноября 27 дня отправились они в свой путь, но за пургами паки возвратиться принуждены были, и жили во оном декабря по 6 число. А декабря 6 дня, как они для дня святителя Николая богу благодарственные молитвы отправляли, коряки все вон из юрты выбрались с бабами и с малыми робятами и со всем своим шкарбом. И мужики стали около окна, которым из юрты выходят, вкруг с луками и копьями, чего ради они с ружьем из юрты выходить принуждены были, а в юрте у них в жупане было накладено множество сухих дров, и можно думать, что они сжечь их хотели. А как бог пособил им выбраться из юрты, то они говорили, для чего они вооружились, разве убить их хотят, а они ответствовали, чести де ради так хотели проводить. И так оные того дни из их острожка поехали, а коряки их до стану провожали, и жили с ними и убили».

«1741 году генваря 5 дня послал я до Караги реки служивого Михайла Лепихина и приказал ему, чтоб он проведал, есть ли около Карага, или на Пенжинском берегу около Лесной и Паллана рек оленные коряки, и буде есть, то б ему прислать ко мне в Нижней Камчатской острог известие чрез иноземцов в самой скорости, а самому б дожидаться меня на Караге или ближе; а буде нет, то б подлинно достовериться ему, в которых они местах кочуют, и о том ко мне прежде прибытия своего в Нижней острог прислать известие, ибо по рассуждению расстояния тех мест и дале вышеписанных мест хотел я ехать, ежели б оттуда не очень в дальнем расстоянии находились. Да ему ж приказано выслать толмача Перебякина, где с ним встретиться».

«Февраля 25 дня послал я к оставленному на Аваче за его нуждами толмачю Михаилу Лепихину ордер, чтоб он привез с собою коряцкого тойона, понеже слова коряцкие еще не писаны были. А в то время, как я на Аваче был, коряк в их острожке не было, а уежжали они для платежа ясака на Березову реку, которого тойона он толмач и привез, и я чрез него слова их языка написал, также в сочиненной реэстр зверям птицам и рыбам их названия внес. И спрашивал у него, как они между иноземцами камчадалами поселились, на что он ответствовал, 41 о де их в здешней стороне прежде завоевания Камчатки жило немалое число, а как русские взяли Камчатку, то де прочие все с оленьми откочевали к Пенжинскому морю, а их де осталося только одна семья, и они де у себя имели оленей, но

все де по завоевании Камчатки извелися, и так де они ныне в промыслу зверей упражняются, и рыбою и кореньем так, как и прочие здешние иноземцы питаются; оные коряки говорят только между собою коряцким языком, а больше употребляют здешней иноземческой язык».

А мы возвращаемся к Боголепам.

«В соответствии с грамотой тобольского митрополита Павла, посланной 3 декабря 1688 года верхотурскому воеводе, в слободы был отправлен с отрядом стрельцов сын боярский Михаил Бибиков. 18 декабря он привез из Красноярской слободы в город "братей родных" Якова Лепихина, Андрея и Петра, а также "детей ево, Андрюшкиных, Якушка и Митку". В своем "доезде" Бибиков сообщил: "…жены де их, Андрюшкина и Петрушкина, да с ними шестеро детей их сожглись, а их де, Андрюшку и Петрушку, и детей ево, Андрюшкиных, выняли они из огня ж. А брата их, Якушка Лепихина, …в слободах нигде он, Михайло, не сыскал"».

1710 год.

«Тобольский уезд.

Ялуторовская слобода

Деревня Лепихина

Двор а в нем пашенной крестьянин Фома Федоров Лепихин сказал себе от роду 70 лет (1640) у него жена Ненила 70 лет у них два сына Матфей 35 лет у него жена Матрона 40 лет у них два сына Григорей 7 лет Павел 5 лет у него брат Тимофей 25 лет.

Двор а в нем пашенной крестьянин Матфей Федоров Лепихиных сказал себе от роду 45 (1665) лет у него жена Акилина 30 лет у них четыре сына Алексей 20 лет у него жена Парасковья 20 лет у них сын Микифор полугода Роман 19 лет Василей 12 лет Федор 5 лет у него Матфея мать Марфа 80 лет у нея дочь девка Татияна 30 лет у него Матфея две дочери девки Устиния 10 лет Олена 3 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 213 об.].

И еще один любопытный след, который, возможно, и не связан с Боголепами, но приоткрывает картину географического перемещения представителей этой фамилии в Сибири. И еще — это пример того, как трудно порой разобраться в том, кто есть кто:

1710 год.

«Тобольский уезд

Слобода Орлово Городище

Деревня Чабаелинская

Двор а в нем живет драгун Федор Михайлов Лепихин сказал себе от роду 35 лет у него сестра Матрена девка 30 лет.

Двор а в нем живет драгунской брат Корнило Михайлов Лепихин сказал себе от роду 30 лет унего жена Огрофена 20 лет у него сын Иван году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1493. Л. 43, 48 об.].

1719 год.

«Кузнецкий уезд

Бердский острог

Деревни Тулинской

Корнило Лепихин, 50 лет, сын Антон 2 лет

Деревни Чюмыской

Федор Лепихин — на подворье у Андрея Вдовина, 25 лет, у него брат Лука 20 лет» [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 1611. Л. 216, 249].

Но мы знаем главное — всех Лепихиных – независимо от их происхождения — связывает Боголеп.

ЛИФАНТЬЕВЫ

Предположительно первые из гижигинских Лифантьевых — иркутские казаки.

И вот почему: в материалах 3-й ревизии Иркутской губернии за 1762–1764 гг. есть сообщение о том, что «якуцкого полку гранодер Тимофей Федоров сын Лифантьев» женился на некой иркутянке [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1059].

А в материалах за 1810 год есть сообщение о казаке из Тункинского острога Демиде Лифантьеве.

Иркутские, нерчинские и селенгинские казачьи дети — были основой пополнения Якутского пехотного полка, который одной своей частью стоял на селенгинской границе, а второй — на Чукотке, пополняя гарнизоны Анадырского острога, Гижигинской и Тигильской крепостей.

И Тимофей Федорович Лифантьев мог служить на Чукотке и перевезти туда свою семью из Иркутска, что не было большой редкостью для того времени, когда срок солдатской службы составлял 25 лет.

Но это не было еще большой бедой — срок службы сибирского казака был безграничен, до самой смерти или до увечья.

Но ни солдат, ни казаков никто не спрашивал — и их легко могли поменять в служебных ролях.

Как, вероятно, и случилось с Лифантьевыми.

Согласно материалам Магаданского государственного архива Лифантьев Петр Михайлович (1786–1849) — гижигинский казак. Ж. Елена Федоровна.

2 колено.

Лифантьева Ольга Петровна, дочь казака. М. (с 18.05.1845) Колмогоров Александр Андреянович (1822), казак Гижигинской сотни.

Лифантьева Евдокия Петровна — 19 (1837). М. (с 11.11.1856) Михаил Сабинина 2-й, гижигинский мещанин.

Лифантьев Георгий Петрович (1840–1878), гижигинский казак. Ж. (с 28.10.1862) Нижегородова Елизавета Ивановна ((01.09.1845), дочь гижигинского казака.

Лифантьева Дарья Петровна (14.02.1844). М. (с 09.05.1862) Толстихин Крискент Иванович (1826), гижигинский казак.

Лифантьева Матрона Петровна (16.05.1846).

Лифантьев Илларион Петрович (27.03.1848).

Лифантьев Федор Петрович, Гижигинский казак. Ж. (с 11.10.1878) Долгополова … Николаевна.

Дальнейшая история гижигинских Лифантьевых нам пока неизвестна…

ЛУЗИНЫ

Луза — река и одноименный поселок в Великоустюжском уезде. Отсюда шли в Сибирь Лузины люди — стрельцы и казаки.

Первый из них — Луза Василий Федоров сын — служил на реке Лене в 1646 году.

Примерно в эти же годы появляются в Якутии и торговые люди гостя (купца, записанного в Гостинную сотню) Семена Лузина.

В 1720 году казачью службу в Якутске несет Афонасей Аврамов сын Лузин [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 17–17 об.]. Но в 1720-х годах он уже в качестве подъячего (писаря) отправлен на Камчатку, откуда возвратился в 1723 году в Охотск, где с ним случилась неприятность:

«Лузин при отправлении из Охотска ясаков Камчатских острогов, 2-го августа оставил там служилому Соболеву несколько камчатских преступников. Но Соболев бежал с колодниками на судне в Камчатку».

В 1737 году в составе Второй Камчатской экспедиции окажется солдат Лука Лузин. И как это часто бывает в истории, он попадает в эту самую официальную историю из-за случившейся с ним неприятности, о которой докладывал начальник Охотского порта в недавнем еще ссыльный «птенец гнезда Петрова» Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев:

«…сентября во 2-м числе партии служилой человек Иван Карташев в канцелярии Охоцкого порта словесно об[ъ]явил: вышеписанного де августа 25-го дня после осмотру вынесли из судна “Фартуны” служилой человек Иван Баранников, да матрозы Лаврентей Сметанин, Мирон Турнаев, Гаврило Беляев семь сум. А Баранников в допросе сказал: те де семь сум выняли они вышеписанных матрозов и отнесли на квартиру их к матрозу ж Ивану Ошмарину и положили в ево анбар. А сентября ж 15-го и 28-го чисел пойманы едущие из Охоцка в Якуцк капралом Андреем Фурманом с неявленою мяхкою рухлюд[ь]ю салдат Лука Лузин да Камчацкой экспедиции ботовой мастер Федор Козлов, ис которых Федор Козлов в канцелярии Охоцкого порта доношением об[ъ]явил, что де в той неявленой мяхкой рухляди купил он у мореходов Никифора Трески да Ивана Бутина по одному бобру, у матроза Гаврила Беляева одиннатцат[ь] соболей. А понеже морехода Трески свойственник был на Камчатке для торгового промысла и приехал на том судне в Охоцк, и можно явно по тому видет[ь], что те матрозы не токмо свою мяхкую рухляд[ь], но и того Трески свойсвеника и может быт[ь] и прочих неявленую ж мяхкую рухлядь вынесли …».

Но солдат Лука, возможно, «слабое звено» в цепочке нашего расследования — он мог попасть на Дальний Восток совершенно случайно и не оставить здесь никакого родового следа.

А вот другой Лузин, отмеченный на Камчатке Степаном Петровичем Крашенинниковым, имеет для нашего рассказа принципиальное значение, хотя он и упомянут будущим российским академиком всего лишь один раз в рапорте Гмелину и Миллеру от 5 августа 1739 года:

«Марта 14 дня прислано ко мне из приказной избы Нижнего Камчатского острога ведение, в котором на все вышеозначенные требования ответствовано, а имянно: 1) о определении к чинению метеорологических наблюдений служивого Василья Мохнаткина да казачья сына Егора Иконникова; 2) что де посыланы были ко мне два укинские тойона Начика да Коричь и при них шаман со всем своим нарядом, а с Тигиля де реки велено было послать лутчих же двух человек да шамана зборщику Андрею Лузину, и в том де ему Лузину от приказной избы и память дана, но и по сие де число такие лутчие люди с Тигиля не присланы…»

То есть и на этот раз попал Лузин в большую историю из-за случившейся с ним неприятности.

Но мы постараемся реабилитировать представителя этой дальневосточной фамилии в глазах общественности.

Александр Полонский – автор уникальной рукописи «Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год», хранящейся в Архиве Географического Общества [р. 60, оп. 1, № 2], на которую мы неоднократно ссылаемся, так как он, в отличие от многих авторов, пишущих на тему Русской Америки, говорит не только о важных событиях, но и возвращает в нашу историческую память сотни имен людей, творивших эту самую историю.

И вот один из таких фактов, который у многих историков изложен в трех предложениях:

«“Иоанн” (1747–48) к-нии Тотемского купца Холодилова [Участники: купцы — Толстых, Нератов, Никитин, Жуков, Балин.

Получив в 1746 г. разрешение идти в вояж для производства промыслов, открытия и приведения в подданство живущих на них, компания изготовила в 1 Июля 1747 г. шитик “Иоанн”. Строителем его были экспедичный плотник Колмаков и казак Лузин. Всей команды на судне было 40 чел. в том числе 23 камчадала. Промышленные дали подписку повиноваться в море Санникову, совершившему уже два вояжа с Басовым, а на земле Ярославскому купцу Ф. Жукову. Для соглашения того и другого а каком общем деле, а так же быть пищиком, избран купец Нератов.

Шитик вышел из устья Камчатки 20 авг. и хотя при отпуске его в вояж запрещалось заходить на Командорские острова, отданы на особых условиях купцу Югову, но по убеждениям Жукова и Нератова, что судно подвергалось опасности, оставаясь долее в море, решились пристать на о. Берингов зимовать. Несмотря на запрещение команда производила промысла, но зато некасалась запрещенных под страхом смертной казни материалов и вещей с погибшаго здесь пакетбота.

В 1748 мая 31 шитик ушол в море для открытий, заходил на о. Медный для запасения кормов и воды и затем продолжал плавание далеко на восток за поиском островов, но за туманами и непогодами, а более за скудностию продовольствия поворотил назад и 12 авг. вошол в р. Камчатку.

Добычу составляли: бобров 257, маток 25, кошлоков 39, медведков 40, хвостов бобровых 321, песцов голубых 1,421, всего на 23,024 р. С промыслов выделена 10-я часть по местной оценке на 356 р. 35 к. Необходимо заметить, что бобр, который ценился в Камчатке в 8 р. продавался на Кяхте по 50 р. и дороже».

А вот и следующее, завершающее в нашем исследовании звено родовой цепочки:

Тигильская крепость, 1812 год.
«Губернские регистраторы
Лузин Афанасий Андревич — 44 (1768)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

ЛЬВОВЫ

Эта фамилия впервые появляется в Якутске в 1654 году с грозной припиской:

«…служилого человека Федора Семенова Львова выслать в Якуцкий острог за крепкой порукой».

Второе ее явление было более торжественное и по историческому значению на тот момент не имело себе равных:

«Леонтий Львов (без мягкого знака) верстан в дети боярские в 7186 (1678) г. на убылое место Второва Катаева» Это был якутский князец: «В Москве на приеме у царя был … тойон Кисикей Сахалкин. После крещения ему дали имя Леонтий Львов, царь присвоил звание сына боярского ему и его сыну Ивану Львову». Иван Леонтьевич был 1671 года, то есть в год царского указа о присвоении ему чина сына боярского ему было шесть-семь лет от роду».

В период, когда весь исторический процесс анализировался не с общечеловеческих, а неких классовых позиций, переход Кисикея Сахалкина в православие и в служилые люди рассматривался под одним углом зрения. Позже точка зрения изменилась на противоположную:

«В погоне за авторитетом и в целях увеличения политического веса в обществе отдельные тойоны уже тогда начали приобретать звания детей боярских. Такое звание в 1677 г. получил Кисикей Сахалтин, получивший по крещению имя Леонтия Львова; в 1705 г. — его сын Иван Леонтьев».

Но есть и третья точка зрения — сибирские казачьи полки *повсеместно* пополнялись за счет местного населения — проводников, толмачей, влиятельных местных вождей (тойонов, князцов). То есть это был *нормальный* процесс формирования казачьих гарнизонов за счет местного населения. Ну, а мотивы, разумеется, перехода на казачью службу у каждого отдельного человека были, разумеется, разными.

О характере службы сына боярского Леонтия Львова говорят такие вот факты:

«1683 г. (17 ноября 7192 г.) — Память сыну боярскому Леонтию Львову и казаку Федору Мухоплеву об отправлении их на Еловый и Таловый острова для расследования об якутах, пришедших из разных волостей жить под город, воровавших у русских и подгородных якутов и не плативших ясака» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

То есть совершенно справедливо уездная администрация поручает коренному якуту проводить расследование поступков своих соплеменников.

А вот каким был его оклад:

«Новокрещен Леонтий Львов; в дети боярские верст. он в пр. во 186 г. по грам. при воеводе Фоме Бибикове; а оклад ему учинен убылой сына бояр. Второво Катаева; ден. 7 руб., хлеба 3 чети с ½ осм. и с чет-ком и с ½ чет-ком ржи, 3 чети овса, 3 пуда соли, и из того его окладу зачитают рубль за ясачную лисицу красную, что он плачивал в ясак, по сказке его от рожд. ему, Л., 55 л.; а к службе у него лошадь, ружья пищаль; а по осмотру он болен».

Это данные за 1699 год. В 1706 году сын боярский Леонтий Львов продолжает службу.

Помимо сына Ивана (Ивашки) (1679), у Леонтия был еще сын Кондратий (Кондрашка) (1684).

И служба обоих проходила на Северо-Востоке.

«1710 г., по царскому указу был послан в экспедицию сын боярский Иван Львов. Ему было приказано обследовать острова, лежащие от Колымского устья до Камчатской земли. Вот более подробные сведения об этом указе.

Стольник князь Василий Иванович Гагарин, ссылаясь на указ Петра I от 17 марта 1710 г., через якутского воеводу Траурнихта приказал Ивану Львову: “которы островы в море значат против Колымского устья и против Камчатской земли, и те островы проведывать с великим прилежным радением, какие на тех островах живут люди, и под чьим владением, и чем питаются, и сколь те островы велики, и много ль морем от материка расстояния”. Было приказано об открытиях послать известие с нарочным прямо царю. За “прямую ведомость” об острове была обещана награда. “И тебе Ивану из Устьянского устья остров, который значится в море, на чем можно проведывать накрепко какие люди на том острове… и чертеж и за своею и служилых людей руками и иноземцев за их знамени”». [Якутск, кн. 4, акт 42. Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, СПб., 1885, стр. 504].

Впоследствии сын боярский Иван Леонтьев сын Львов был одним из приказчиков Анадырского острога [Памятники сибирской истории XVIII в., ч. 2, стр. 73] с 1710 до 1714 г. Затем его служба проходила в Якутске, где в 1736 г. он передал созданную им самим карту Северо-Востока историку Г.Ф. Миллеру.

И он же был строителем Олюторского (Архангельского) острога-крепости, из-за которого река Олютора сменила свое название на Вывенку (от вуйвен — крепость), а моряки-гидрографа ошибочно переместили эту реку со старым названием на новое место.

«В 1714 г. из Анадырского острога состоялся большой поход против алюторов, в результате которого было разгромлено их самое крупное укрепление, прозванное русскими Большим посадом. Его точное местоположение определить трудно. На чертежах, вошедших в чертежные книги Ремезова, он локализовался в разных местах: у устья р. Олюторы, в ее среднем течении, ближе к верховьям и даже южнее или севернее самой реки. Участники похода, Василий Атаманов и Иван [Леонтьев сын] Львов, утверждали, что Большой посад располагался в 20 верстах к северу от устья р. Олюторы на берегу моря. Их информация, как очевидцев, заслуживает наибольшего доверия. В любом случае, Большой посад не находился на берегу реки, поскольку

такое его местоположение препятствовало бы использованию р. Олюторы в качестве маршрута движения русских отрядов.

…Еще большую ясность в вопрос внесли обнаруженные и опубликованные А.Х. Элертом воспоминания участников похода на алюторов и строительства острога упоминавшихся служилых людей В. Атаманова и И. Львова, записанные в 1737 г. в Якутске Г.Ф. Миллером. Согласно им, русский острог стал возводиться осенью 1714 г. примерно в 2–2,5 днях пути на "больших судах" от устья р. Олюторы вверх по ее течению. Он был поставлен на южном берегу р. Олюторы чуть выше устья маленькой речки Калкиной, впадающей в Олютору с юга. В неделе пути от Калкиной вверх по Олюторе с северной стороны в нее впала речка Глотова, от которой "уже недалеко до олюторских вершин". От построенного острога до Большого посада по прямой насчитывалось примерно 80 верст. Как видим, эти сведения о местоположении острога согласуются с данными Крашенинникова.

…На месте возводимого острога, по сведениям Львова, уже раньше "обычно строились суда, направлявшиеся на Камчатку, и приставали суда с Камчатки, так как дальше вверх по Олюторе они не могли пройти из-за мелководья и быстрого течения". Об этом же писал и Петров: "на Олюторской реке, в пристойном месте, усмотря приход судами из камчадальских острогов с камчатскою великого государя казною, построил он, Афанасей, со служилыми людьми острог". Данное обстоятельство наталкивает на мысль, что острог был построен на месте упоминавшегося зимовья Савостьянова. Прямых доказательств этого нет, однако вполне резонно предположить, что последний в 1708 г., поднялся вверх на судах по реке насколько это было возможно, т. е. до начала мелководья и зарослей тальника. Вероятно, основанное им укрепление в последующем использовалось русскими как перевалочная база на пути из Анадырска на Камчатку, здесь строились суда для плавания из р. Олюторы к р. Камчатке. На зимовье Савостьянова как возможное место строительства острога указывает и наказ, данный в 1714 г. анадырскому приказчику капитану П. Татаринову, с предписанием построить в Олюторской земле вместо земляного острожка большой деревянный острог. К этому времени в Олюторской земле мог быть только один "земляной острожек" — тот, который был построен Савостьяновым. Но все это не более, чем предположение, поскольку ни в одном известном источнике (отписках А. Петрова, воспоминаниях Атаманова и Львова, работе Крашенинникова) савостьяновский острожек не упоминается.

Атаманов и Львов в своих воспоминаниях сообщили, что новый острог был назван Архангельским. Однако встречается и другое его именование — Новоархангельский. Последнее мы находим на карте, изображающей бассейн р. Анадырь и ближайшие к нему побережья Чукотского и Берингова морей. Датировка и авторство этой карты до сих пор окончательно не выяснены. А.В. Ефимов, нашедший карту, приписал ее Ивану Львову и датировал сначала 1710, затем 1711–1714 гг. Свою датировку он основывал на том, что Львов с 1710 по 1714 г. был якобы "приказчиком или одним из приказчиков Анадырского острога", а в 1736 г. в Якутске передал карту Г.Ф. Миллеру. С.Е. Фель оспорил это мнение, отрицая авторство Львова и утверждая, что карта была составлена неизвестным лицом до 1700 г. Львов же только снял с нее копию, которую и вручил Миллеру. М.И. Белов еще более удревнил карту, полагая, что в ее основу мог быть положен чертеж Курбата Иванова, служившего в 1659–1663 гг. приказчиком Анадырского острога и совершившего в 1660 г. плавание из Анадырска вдоль Чукотского полуострова до залива Креста. Точку зрения Белова поддержали И.П. и В.И. Магидовичи.

…Автором же ее вполне мог быть И. Львов, служивший в начале 1710-х гг. в Анадырске (но не в качестве приказчика), участвовавший в 1714 г. в походе на р. Олютору и строительстве там острога, а в 1737 г. рассказывавший об этом «отцу сибирской историографии». [Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв., Новосибирск, 2002].

Что касается службы Кондратия Леонтьева сына Львова, то в июне 1712 года он руководил боем с коряками под Каменным острогом на реке Пенжине [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М.-Л., 1935].

Вполне вероятно, что у Леонтия Львова были еще сыновья.

В 1711 году, то есть в период когда на Чукотке служили братья Львовы, на Камчатке (на которую тогда можно было попасть только через Чукотку) служил еще один Львов — Василий, имя которого мы узнаем из интересного документа — отдельно отмечены камчатские казаки, не приставшие к бунту, в результате которого были убиты три камчатских приказчика — Владимир Атласов, Осип Липин и Петр Чириков:

«Тимофей Потимцов, Козма Марманский, Иван Харитонов, Петр Иконников, Василий Львов и 16 товарищей, которые в том злом умысле и убийстве не пристали» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 148].

А по переписи за 1722/1748 годы в Анадырском остроге отмечен в числе разночинцев Михаил Львов.

Однофамилец?

Вряд ли, если судить по карьере его детей.

«Воеводы Якутского уезда

Канцелярские служители,1756–1760 гг.

копеист Алексей Михайлович Львов» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 208].

«Сын боярский Егор Михайлов Львов, 75 лет отроду, из казачьих детей; 1756 году марта 12 дня в бывшую Якутскую воеводскую канцелярию определен копиистом, где находился по

1760 год; в том году в сентябре месяце командирован в Москву за отвозом ясашной мягкой рухляди при сыне боярском Алексее Данилове пищиком в бывший Сибирский приказ. По указу бывшего Сибирского приказа в 1761 году марта 26 дня из того приказного чина выключен и определен по причине предков моих по городу Якутску в дети боярские.

С определения в дети боярские находился: в 1762 году командирован в Майское, Тонторское и Бутальское зимовья за сбором ясака ж, где и находился по небытию ясашных к платежу ясака по 1765 год; по прибытии в Якутск в том же году в сентябре месяце командирован на Усть-Майскую пристань над поселенными казаками и каторжными командиром по 1767 год.

В том же году в июне месяце командирован в Верхоянское и Устьянское зимовья за сбором ясака, где находился по 1769 год. В 1770 году у канцелярских мелочных припасов комиссаром; в 1771 году — над дворянами и детьми боярскими старшиною и у почтмейстерской должности. В том же году в ноябре месяце командирован за отвозом в Москву под ведомством Кабинета экспедиции высоких цен ясашной мягкой рухляди отвощиком, отколь и прибыл в 1774 году. В 1775 году — у сочинения ведомостей в здешней канцелярии; в 1777 году — приходчиком и расходчиком ясашной мягкой рухляди и денежной казны; в 1778 и 1779 годах — при оной канцелярии у письменных дел; в 1780-м у артиллерийских припасов комиссаром; с 1781 го по 1785 год — при оной же канцелярии у письменных дел. В подушной оклад не положен. В том же году по открытии Якутской области с протчими находился в Якутской верхней расправе у письменных дел в 1786 году мая по 1-е число. В том же году января 16 дня по данному от господина подполковника и коменданта Мариловского паспорту в силу полученного им того же году января 14 дня от его превосходительства господина генерал- майора иркутского губернатора и кавалера Лампа (Ламба. — *Г.Б.*), доставленному к нему от его высокопревосходительства господина генерала-поручика, правящего должность генерал-губернатора Иркутского и Колыванского и разных орденов кавалера Якобия в сходство свидетельства штаб-лекаря Кривецкого за переломом левой ноги и правой руки, коими, как в руке, так и в ноге свободного владения не имеет, а посему и оставлен вовсе по городу Якутску на собственное его пропитание.

Проживает Мегинском улусе, в Умсайской волости. Покосными местами владеет с1786 года по отводу Якутского нижнего земского суда в силу насланного в оный суд того же году от 14 августа за № 181 из Якутской нижней расправы указу в Умсайской волости на островах Бегуре, Бестяхе, Мастыре и Куякане, Арытыне, Басе, всего 16 десятин по причине предков моих в природном своем поместье; тех моих предков из иноверцев по городу

Якутску (определили — *Г.Б.*) в дети боярские 1677-го февраля от 27 и 1705 годов от ноября месяца, бывшими тогда стольниками и воеводами Фомой Ивановичем Бибиковым, Юрием Федоровичем да Михаилом Юрьевичем Шишкиными. С присланных с Москвы грамот точные копии, на благорассмотрение при сем подносятся. А скотоводства имею конного и рогатого скота больших и малых, всего сорок (голов. — *Г.Б.*).

…В связи с отставкой Львов стал хлопотать о юридическом закреплении за собой потомственных земельных угодий. Из двух свидетельств, подписанных пятью якутскими князцами видно, что дед Егора, “иноземец Леонтий”, имел покосов на “шесть стогов кошенного сена”, однако после его смерти Спасский монастырь захватил половину угодий. Отец Егора отсудил их у монастыря, но с 1779 года часть сенокосов “усильно занял князец Хататов”. Через два месяца разбирательств 20 марта 1786 г. Якутская нижняя расправа со ссылкой на «Соборного уложения 1649 г. главу 10-ю статьи 211, 233, 286, 287; главу 16-ю статьи 27, 28, 41, 42, 44, 53; на Межевую инструкцию от 25 мая 1766 г. 4-й главы пункты 12, 13, 14,21; главы 21, пункты 10, 11 и главы 27, пункты 3, 7, 9 (рассудила. — *Г.Б.*) отдать в вечное потомственное владение просителю Львову землю, а с Хататова взыскать в пользу Львова за каждую десятину по 30 коп. ежегодно за 1779–1786 годы. С этим предложением нижняя расправа вошла в верхнюю расправу с обширной мотивировкой. Она констатировала, что по “Якутской области всеми здешними землями дворяне и дети боярские, и ясашные иноверцы, утвердительных крепостей не имевши, владеют”. Сама она не имеет права ни отводить, ни цену назначать на землю согласно пункта 28 Межевой инструкции и Приложения к ней от 25 сентября 1765 г., в которых вся Иркутская губерния с ее провинциями вообще не упомянута. Нет также “законного положения” по губернии о продаже земли и ценах на различные угодья. Между тем в “российских городах, где можно купить земли за единовременный оброк, положили хорошие угодья в 50 коп., а разные непахотные и бестравные сухие и леса — в 25 коп.”. Мотивируя тем, что “в вечное и потомственное владение с дачею утвердительного указа может больше принести казенной пользы, нежели четырехлетняя отдача оных сенных угодий за оброки”, нижняя расправа просила утвердить свое предложение.

Якутская верхняя расправа, в обход явного запрета купли-продажи земель в Сибири и раздачи их в поместное владение, пошла навстречу и отдала покосы Львову, ссылаясь на именной указ от 23 июля 1762 г. Сенату о том, что “где есть пустые еще земли, засеки, порожжие в дачах небывалые”, то их с лесами и прочими угодьями дворянам продать.

Неизвестно, взяли ли с Егора Львова деньги за отведенные 16 дес. сенокосов, но и в 1811 г. просимая земля была в его распоряжении» [РГАРС. Ф. 4. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–8 об, 86–86 об.; Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект), Краснояр. гос. пед. ун-т им В. П. Астафьева, Красноярск, 2007].

Поэтому мы вправе предположить, что переведенный в 1768 году из Анадырского острога в Гижигинскую крепость казак Герасим Львов

есть не кто иной, как сын Михаила Львова, внук кого-то из трех сыновей Леонтия — Ивана, Кондратия или Василия.

По крайней мере, никаких других Львовых на Чукотке того периода мы не находим, если не считать гижигинского школьника Николая Львова (1775) — но это тоже родственник из числа потомков Леонтия Львова, вероятно, сын анадырского казака Герасима, который в 1768 году еще не имел собственной семьи.

На основе материалов Магаданского государственного архива мы находим в списках за 1843 год в Гижигинской крепости казака Дмитрия (вероятно, еще одного сына Герасима) Львова, у которого в 1827 году родился сын Степан.

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске ... Прикомандированные из Тигиля ... Степан Львов — 28; из казачьих детей, на службе и в чине с 1845 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10].

Обращаем внимание на тот факт, что гижигинский казачий сын Степан Дмитриевич Львов переведен служить в Тигильскую крепость.

Это было, оказывается, в порядке вещей и определяло дальнейшую судьбу.

Например:

«Список наградам, испрашиваемым за служебные отличия по обороне Камчатки по Петропавловскому уезду Приморской области.

Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Урядник Камчатской казачьей команды Павел Степанович Львов, 49 лет (1856) — «За усердие и распорядительность по службе».

А это уже служба в Петропавловске-на-Камчатке. И это не единственный сын Степана Дмитриевича и Пелагеи Варфоломеевны:

Львов Флорентий Степанович (1856), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Львов Аполлон Степанович (14.12.1862), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. (10.02.1889) Татаринова Зиновия Стефановна (1872).

Львова Параскева Степановна (1869), дочь казака. М. (с 01.07.1894) Машихин Стефан Стефанович (1869), петропавловский мещанин.

Львова Павла Стефановна (1883), дочь урядника. М. (с 14.01.1901) Волынкин Николай Адрианович (1876), казак.

А следующую ветвь нам удалось проследить только по линии Аполлона Степановича:

Львова Дария Аполлоновна (1878);
Львова Параскева Аполлоновна (1879);
Львова Александра Аполлоновна (1883);
Львова Хиония Аполлоновна (1876);
Львов Степан Аполлонович (1890);
Львов Марк Аполлонович.

МАЛЫШЕВЫ

Алексей Малышев — один из первооткрывателей Большой Земли (Аляски) 21 августа 1732 года.

В истории, связанной с этим событием, о нем осталась всего одна запись:

«...и тогда же пришли ко мне служилые Ефим Пермяков, Лаврентий Поляков, Федор Паранчин, Алексей Малышев с товарищами и просили о возврате, чтоб возвратиться на Камчатку, понеже-де кормов у них малое число також де и не могут из судна воды уливать и я на то им сказал, что мне возвратиться без обчего согласия с подштурманом нельзя. Матрозы, мореход и служилые люди подали нам с подштурманом прошение за своими руками, которым объявя многие свои нужды просили, чтоб для тех их нужд и поздности времени из того вояжа возвратиться на Камчатку, по которому их прошению с обчего согласия с вышеписанным подштурманом мы возвратились к Камчацкому устью и пришли сентября "28" дня и во всем вышеписанном вояжу более объявленного мною островов и протчего обстоятельства никакого мы усмотреть и найтить не могли, чтоже и усмотренным и найденным нами островам румбов и градусов в сем моем репорте не написано оного объявить мне непочему для того что содержанной мною обще с объявленным подштурманом морски журнал или лаг бух без сочинения по оному карты отослан от меня же Охоцкому правлению и при репорте прошлого 733 году июня 22 дня из которой никакой карты сочинить было невозможно, ибо я от начала как пошли с Камчатки, ко оному журналу означенным подштурманом Федоровым допущен неведомо для чего двои сутки писал которые у него, Федорова в тот журнал не внесен, сверх того уже в бытность в той же им же Федоровым в тот журнал многих его вахт в которых плавание судна было внесено не было и не имеется, чего ради еще по прибытии моем из того вояжа на Камчатку ноября "10" дня 732 году к нему Федорову послано от меня было письмо, в котором писано, чтоб ему обще со мною объявленной журнал и лан-карту в каких местах были и что видели исправить, токмо он Федоров не токмо журнал исправил, но и к сочинению лан-карты меня не пустил» [РГАВМФ, ф. капитан-командор Беринг, 1742–1744, д. 53, л. 733–738].

Это сообщение одного из руководителей экспедиции — Михаила Спиридоновича Гвоздева, которое в энное уже количество раз показывает и доказывает то, что Охотская канцелярия была осведомлена о *результатах экспедиции* Гвоздева – Федорова – Мошкова в 1733 году и прибывший в Охотский порт в 1734 году Мартын Шпанберг *не мог не знать об этих результатах*.

И последующая попытка «открытия» этого события, перенесенная им на 1741 год — откровенная ложь, направленная на сокрытие правды о действительных результатах Первой Камчатской экспедиции, которая не только не решила поставленной перед ней государством задачи, но и закончилась на месяц раньше, чем экспедиция камчатских служилых людей.

В первом томе книги «Тайны якутских фамилий» мы уже касались истории фамилии Малышевых.

Но время идет — появляются новые данные, в научный оборот вводятся новые документы,

открываются новые «непознанные» еще горизонты…

И так случилось, что в нашей картотеке на период открытия Аляски оказалось два служилых человека, два казака, два Алексея Малышева.

Один — уроженец Якутска.

Другой — уроженец Иркутска.

Начнем с последнего — он в период с 1722 по 1744 год был переведен из Иркутска в Якутск на казачью службу [ГАИО, ф. 50, оп. 4, д. 1, Л. 43 об.].

Собственно, это и все, что мы о нем знаем. Малышевых в Иркутске было немало, но А.В. Черепанов в «Родословном справочнике Иркутска» не связывает Алексея ни с одной из этих семей. Вполне возможно, что Алексей впоследствии был снова переведен, на этот раз в Идинский острог, и в книге Г.Б. Красноштанова «Никифор Черниговский: документальное повествование» есть интересное сообщение:

«Написанной в бывшую последнюю ревизию Иван Чернеговский, 45. Взят в город Иркуцк в службу.

…У него брат Михайло, 62. Умре в 756 году. У него жена новокрещеная Анна Алексеева, пятидесят[и] годов, старинная, взятая Идинского острогу в Казачьей деревне казака Алексея Малышева дочь».

Вот и все, что мы знаем…

И поэтому возвращаемся к якутской родословной.

В переписи 1722/1748 годов мы находим искомое:

«Тауиского острогу

Разночинцы

Алексеи Савельев сын Малышев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 126 об.].

А в переписной книге служилых людей Якутска за 1720 год есть дополнительная информация:

«Служивой Алексей Савельев сын Малышев сказал дватцети четырех лет (1696) холост» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 74 об.].

Первые сведения о его отце мы обнаруживаем в документах за 1692 год:

«Якутцкого города служилые люди

Рядовые казаки

Женатые … Савка Володимеров Малышев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 30 об.].

Женатый — это не характеристика. Быть в женатом окладе — значит, иметь на своем иждивении семью, для обеспечения которой увеличивается денежный, хлебный, соляной оклады.

В 1706 году Сава Малышев служит в чине сына боярского.

В 1707–1708 годах Савва Владимирович — приказчик Охотского острога [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 188]

«В 1708 г. казак Степан Касимов, приказчик Тауйского зимовья, писал в Якутск, что в тот год сын боярский Савва Малышев собрал в Тауйском зимовье “ясачную соболиную и лисичную казну на 1798 год” и что в тот же год на Армань приходили неясачные оленные коряки и напали на “тутошних ясачных оленных и пеших тунгусов”. Но те дали отпор корякам и захватили одного из них в плен».

И возникает вопрос: каким образом Савва Владимирович достигает таких карьерных высот?

В трех томах справочника «Якутская приказная изба» нет ни одного упоминания о Савве.

Есть сообщение о целовальнике Федоре Никитовиче Малышеве, но целовальники — это, как правило, торговые люди.

В якутские казаки в случае кадрового «голода» верстали «близлежащих» илимских крестьян.

Да, крестьяне Малышевы имели даже свою деревню — Захаровку, названную так в честь патриарха их рода крестьянина Захара Игнатьева Малышева, которого поселили на Лене, по сообщению Г.Б. Красноштанова, еще в 1646 году.

1660 год.

«Захарко Игнатьев Малышев з детьми с Нехорошком (Никиткою) да с Мишкою».

1673 год.

«Захарко Игнатьев сын Малышев с сыном Мишкою со внучаты с Левкою с Федкою» [Дозорная книга Якутского уезда 1673 (181) г., РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 488].

«Захарко Игнатьев имел фамилию Малышев. Его потомки и сейчас живут в Киренском районе. Заимку эту называли Захаровой. Она была на левой стороне Лены в 28 километрах ниже Чечуйска, на том месте, где сейчас село Петропавловск. А деревня Захарова, которая выше Петропавловска, возникла позднее.

…Захарова речка впадает в Лену с левой стороны в 3 километрах ниже заимки Берендиловой. Названа речка по имени пашенного крестьянина Захара Игнатьева Малышева, у которого здесь была мельница» [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях XVII в.].

И целовальник Федор Никитич Малышев мог быть из этой семьи.

Но казаков среди них мы не находим.

Казаки были чуть дальше — в Енисейске.

И вот любопытная запись. Любопытная тем, что в ней появляется имя Савелий (Сава). А в казачьей сибирской среде имя деда очень часто переходило к внуку:

1643 год.

«…енисейский служилый человек Прокофий Малышев по вкладной записи, составленной 28 марта 1643 г., передал игумену Спасского монастыря Варлааму “заимку свою хлебную пашню внизу по Енисею реке усть Пити реки”. Вклад был внесен за отца Прокофия Савелия Малышева, а также за “братью” казака. Кроме пашни, Малышев отдавал монастырю все постройки, среди которых были изба, гумно, овин и баня. К дому “Всемилостивейшего Спаса” переходили все рыбные ловли, покосы и “котинный выпуск” Малышева. Запись составил площадный подьячий Енисейска Никон Артемьев и скрепил своей подписью послух Остафейко Пьянков, после чего воевода заверил документ печатью острога» [Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды)].

А было у Проньки Малышева «Пахоты его 4 чети ржи, 4 чети ячменя, 4 чети овса. А переложные земли 18 десятин» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 70, л. 613–617 об.].

В память о каком «братье» или «братьях», кроме отца, передавал свое хозяйство и пашню Прокопий Савельевич, мы пока не знаем.

Нашли только такую информацию за 1669 год:

«Служилые люди, у которых в Енисейском остроге дворовые и холосты, служат в Братских и Ыркутцком острогах и на Байкале озере без переменно и что им оклад денег и хлеба и соли

Оклад денег по 5 рублев с полтиною

Первушка Емельянов Малышев, служит на Байкале» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 327 об.].

То есть после смерти [вероятно, трагической] Савелия Малышева с сыновьями Малышевы покидают Енисейский острог.

Федька Малышев в 1686 году в отряде енисейских казаков и стрельцов прибыл в Албазин [Багрин Е.А. Гарнизон Удинска в 1690-е гг.: формирование и арсенал (с именным списком состава 1691 и 1697 гг.)].

В 1688 году Албазинский гарнизон пополнили иркутские казаки. А это тоже бывшие енисейские казаки, служившие на Байкале:

«Иркутские новоприборные служилые люди, зачисленные в албазинские пешие казаки в августе 1688 г.

…Малышев Никифорко Васильев сын» [Багрин Е.А. Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком)].

Никифор Васильевич продолжит службу в Аргунском остроге в пеших казаках. И это уже его потомки, отмеченные в 1721 году:

«Пешей казак Сидор Малышев 22, у него братья Семен — 22, Агафон — 16, Кирил — 13» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 78].

Их родовая деревня — деревня Малышева при Аргунском остроге.

В 1727 году «В Генваре 10-го … Казачей сын Агафон Никифоров сын Малышев Федоров с дочерью Басова девкою Евдокией первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 108].

В 1744 году «Деревни Малышевой … перешедшеи из Аргунского острогу Семен [Никифоров сын] Малышев».

В 1752 году «В Ноябре 3-го … Бунского приходу Новокрещеной Николай Агафонов сын Малышев девкою Марфою Васильевою дочерью Лазарева (казака Якова Лазарева сестрою ево) первым [браком]» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 538].

Но никто из этих казаков, кроме Савы Владимирова сына, так и не дослужился до чина сына боярского.

Единственный человек из Малышевых, кто в Сибири служил на высших командных постах — это был голова татарских служилых сотник Малышев:

«…при Михаиле Романове в начале 1614 г. приехали из Тюмени и получили награды в Москве тюменский голова татарский Бесчастный Малышев (27 января)…» [Рабинович Я.Н. Тюмень при царе Василии Шуйском и в период междуцарствия (1606–1612)].

«В царской грамоте 1649 года “на Тюмень” воеводе С.А. Чоглокову есть предписание за прежние службы и “за кровь” местного стрелецкого сотника Бесчастного Малышева передать эту должность его сыну Борису с тем же окладом деньгами, хлебом и солью. В грамоте излагается содержание челобитной Б. Малышева: он “беспрестанно” служил 65 лет, участвовал в пленении жен и сыновей хана Алея, когда был ранен, а посланный с оказавшимися в неволе царицами и царевичами в Москву из-за ее блокады тушинцами отправился в Новгород и в течение полутора лет сражался с “ворами” под началом знаменитого полководца боярина М.В. Скопина-Шуйского, был “на боех ранен в трех местах”. Вскоре после возвращения в Тюмень, в 1610–1611 гг. Б. Малышева опять направили в Москву, и “полтретья года” он бился с поляками и “литвой” в рядах ополчения боярина князя Д.Т. Трубецкого, получил четыре раны, а очутившись в плену, был “накрепко” пытан в Кремле и следом обменен на трех “литвинов”. Вернувшись в Тюмень, он (по его же свидетельству) на протяжении пяти лет, до болезни, являлся головой у служилых татар, а с 1621–1822 гг. — сотником пеших стрельцов».

Но есть ли здесь какая-то связь с Савелием Владимировичем Малышевым, пока неизвестно…

Возможно, у Савелия Малышева был еще один сын — в 1711 году в отряде камчатского приказчика Василия Колесова был казак Дмитрий Малышев, который, как сообщают документы, участвовал вместе с Колесовым в допросах взбунтовавшихся верхнекамчатских казаков [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 47].

Имя Алексей было традиционным у Малышевых.

И вот что мы видим, спустя годы:

«Служители и писари при дистанционном смотрителе…

Малышев Алексей Петрович, писарь, младший урядник (с 26 октября 1846 г.), 1847–1850 гг.» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 434].

И не Алексей ли Петрович становится впоследствии старожилом Нелькана:

«По ходатайству Н.Н. Муравьева в 1851 году правительство приняло решение преобразовать Аянский тракт в казенный почтовый. Началось быстрое заселение его. “Все подготовительные распоряжения по этому заселению” были возложены на иркутского губернатора Б.В. Струве. Он же выполнял главное поручение Н.Н. Муравьева: найти обход самого трудного и опасного участка тракта — перевала через Джугджур. “Огромную помощь, — пишет Струве, — оказал нам в этом деле своими советами опытности старик, ссыльнопоселенец Усть-Майской пристани, Сорокин”. На переселение вызвались 100 семей (600 душ) крестьян-старообрядцев из Забайкалья. Сопровождал транспорт с переселенцами адъютант генерал-губернатора капитан А.П. Заполский.

“Выступив из Якутска в половине июня, — вспоминал Струве, — последние переселенцы пришли к урочищу Нелькан в конце августа… недели за две до заморозков”.

Вдоль тракта на расстоянии 20–30 верст были образованы почтовые станции. Места для них выбирал чиновник для особых поручений М.С. Корсаков. На участке тракта от Аяна до Нелькана были заложены четыре станции: Алдомская, Джугджурская, Челаскинская и Маильская. Смотрителем этого участка тракта был назначен казак Алексей Малышев, на многие годы ставший нельканцем. В обязанности жителей станции входило содержание транспорта: от 4 до 20 лошадей или от 10 до 40 оленей, а также ремонт дороги.

Именно эти переселенцы и были первыми земледельцами Аянского тракта. Они выращивали рожь, овес, огородные культуры, содержали скот. Трудно давалось крестьянам хлебопашество, но еще труднее было поддерживать дорогу в проезжем состоянии. Вечная мерзлота, суровая зима и весенняя распутица сводили на нет все усилия людей».

«Список казаков, находившихся в Охотской команде…

Урядник Малышев Алексей — переведен из Охотска 01.09.1861» [РГИА. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 398. Л. 101–101 об.].

МАНАКОВЫ

Интересную — «бражную» — историю, связанную с илимским родом Манаковых, рассказывает Андрей Черепанов в своей интереснейшей книге «Сибирская кровь».

Не удержусь, чтобы не привести ее полностью:

«Параскева (Прасковья) с такой девичьей фамилией стала моей семижды прабабушкой. Она родилась в семье верхоленского разночинца Анания Васильевича Манакова в 1712 году и вышла замуж за разночинца Степана болшева Шелковникова. Муж был старше жены на два десятка лет.

В период второй и третьей ревизий в Верхоленском остроге жила только одна семья Манаковых, и происходила она от прожившего девяносто два года Анания. А первое упоминание о нем я нашел в “Книге о сборе оброчного хлеба с пашенных крестьян Илимска” за 7181 (1673) год среди крестьян Киренской волости: “Васка Стефанов сын Манаков з детьми с Тимошкою с Кирюшкою с Ывашком с Онашкою да с пасынком Елешою”. В том же году Василий Степанович умер. А спустя несколько лет Ананий Васильевич Манаков самостоятельно обрабатывал землю, что следует из “Переписной книги Илимской слободы о сборе хлеба, и сколько они имеют пашенной земли и сенных покосов” за 7207 (1699) год и окладной книги 1706 года.

На период между вышеуказанными годами пришлось совершенное Ананием Васильевичем, как бы это сегодня называлось, превышение пределов необходимой обороны. “Полковой камчацких казаков Петрушка Федоров сын Вальковский” в своей жалобе писал, что 12 апреля 1702 года Ананий резал его в доме у Фирса Москвитинова, придя к нему “неведомо зачем” и просил “его, Онашку, допросить и жену ево Маланью, и пашенных крестьян”. Вскоре Петр Вальковский “от того ножевого резанья в Усть-Киренском умер”.

На допросе Ананий подтвердил, что резал “ножем … пьянским делом. А за то де ево, Петрушку, он, Анашка, резал ножем, что де ево, Анашку, он, Петрушка, бил кулаками. И он де, Онашка, от побой боронясь, ево, Петрушку, ножем и резал. А в той де ево, Анашкине, вине волен великий государь. А пили де оне у Фирска Москвитина брагу… И пашенный крестьянин Анашка Манаков в застенке у пытки роспрашиван, и пытан. На пытке было ему двадцать пять ударов да две стряски. И с пытки сказал прежние свои речи…: зарезал де он, Анашка, Петрушку пьяным делом, бороняся от себя, потому что де Петрушка ево, Анашку бил. А ни с кем де он, Анашка, зарезать Петрушку не совещался, и товарыщей де с ним никого небыло”. То же самое он подтвердил 22 апреля, когда “на пытке было ему тритцать ударов. Да ему ж, Анашке, было три стряски, жжен и огнем”. Завершив расследование, стольник и воевода Дорофей Афанасьевич Траурнихт с дьяком Максимом Романовым приказали 23 апреля 1702 года “пашенному крестьянину Анашке Монакову за ножевое резанье, что он, Анашка, зарезал досметри новоприборного казачья сына Петрушку Фальковского, учинить ему наказание: бить ево, Анашку, при многих Якутцкого города жителях и при приезжих торговых и промышленных людех, вместо смертельные казни, на козле кнутом и впроводку по торгом и по улицам нещадно, чтоб ему, Анашке, и иным, на то смотря, впредь неповадно было так воровать и государевых людей досмерти ножем резать, и, не бив челом великому государю, собой управливаться. А смертною казнью его, Анашку, не казнить, для того, что он в распросе в ножевом резание не запирался, и з дву пыток… И очистился он, Анашка, от того убойства кровию своею и огнем. Да и в указе великого государя и в Соборном Уложении напечатано: кто кого ранит, от себя боронясь, и ответчика в том не винить, и за увечье на нем раненому ничего не указывать, потому что тот раненый сам неправ… И учиняя ему наказанья, дать ево на чистые поруки з записью о том, что впредь ему никого не убить и не зарезать, жить смирно… и отпустить ево, Анашку из Якутцкого вверх на заимки, в деревню ево, чтоб государева пашня не стала”. Поручились же за Анания Манакова якутского города сын боярский Родион Кашинцов, посадские люди Петр Вострецов и Яков Латышев, казаки Андрей Хабаров (сын известного первооткрывателя устюжанина Ерофея Павловича Хабарова, в честь которого назван г. Хабаровск), Яков Протасов, Федот Шестаков и Максим Прибылой.

Через месяц после того приговора Анания Манакова для учинения наказания доставили в оковах в Якутск, и установленное наказание свершилось. К вопросу о смертной казни: при-

говори тогда к ней Анания Васильевича, не родилась бы через десять лет в его семье дочь Параскева, еще через четыре года — сын Савелий, а потом — большое число его внуков и внучек…

У Георгия Красноштанова сказано, что "заимка Васьки Монакова, половника бывшего приказчика киренских пашенных крестьян Василия Скоблевского, находилась на Киренге, где впоследствии появились деревни Шорохово и Пахорукова… Половник — это, выражаясь посовременному, арендатор, отдававший половину урожая тому, у кого он арендовал землю". Судя по работе игумена Лаврентия Мордовского "Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря…", точное расположение той земли "и с рыбными ловлями и со всякими угодьи" — в районе монастырских земель. Фамилия семейства Манаковых закрепилась здесь в названии протяженного Манаковского ручья, впадающего в реку Киренгу в семнадцати километрах от ее главного города Киренска. А прежде была там и деревня Манаковская, и в конце 1690-х – начале 1720-х годов живший в ней "пашенной Яков Манаков, он же Кирилов сын, с чета десятины платил чет полторы осмин ржи". Судя по тому, что отчество у того Якова было Васильевич, он — тоже сын Василия Степановича Манакова. Это же подтверждается именной книгой 1687 года: "Кирилко Манаков … А братей у него: Якунька, Онашка".

Отец Василия Степановича Манакова и мой десятижды прадед Степан, вероятно, был в 1677 году целовальником и вместе с приказчиком и казаком входил в состав группы "выдельщиков и умолотчиков" по Орленской волости.

Имели ли илимско-верхоленские Манаковы какие-то родственные связи с "Оской Манаковым", перечисленным в 1692 году среди рядовых холостых казаков Якутского острога, осталось неизвестным».

Связь вполне возможна — илимских крестьянских детей весьма успешно использовали на казачьей службе, а эта служба границ не знала — легко можно было очутиться на самом краю земли российской, в чем мы скоро и сможем убедиться.

Но, тем не менее, — это только одна из версий.

Дело в том, что первым из известных нам якутских казаков Манаковых был промышленный человек Никита Еремеев Манаков, верстанный в казаки примерно в 1660 году и служивший на Индигирке в женатом окладе.

Так что Осип Манаков, якутский казак, о котором сообщает А. Черепанов, вполне себе может быть сыном Никиты (Микиты) Еремеевича.

А сам «Микитка Манаков в прошлом во 198-м [1690] году на Индигирке реке умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 3 день приверстан в ево Микиткино место Митька Савин в холостой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 20].

Осип Манаков также служил до самой смерти: «Осип Манаков, в прошлых годах на заморских реках умре, и в нын. 706 г. марта в 15 д. приверстан в казачью службу в его Осипово место и оклад казачий племянник Степан Ильиных».

И в это же время обнаруживается еще одна, но уже более определенная родовая ветвь:

1692 год. «Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки … Ивашко Ефремов Манаков в нынешнем в 200-м [1692] году на Индигирке реке умер воспою» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 56].

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

казаки

Манаковых Петр Иванов (10-я пятидесятня) [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Но, к сожалению, продолжения этой истории мы не нашли.

И естественно, возникает третья версия, связанная с пополнением северо-восточных гарнизонов из Нерчинска, Селенгинска, Иркутска.

Да, свои Манаковы служили в нерчинских казаках.

По крайней мере, по переписи 1721 года мы обнаруживаем две семьи:

«Нерчинской конный казак Василей Манаков — 25, у него сын Спиридон — 3» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 43 об.].

И Аргунские переведенцы Мулаченской деревни: «Илья Манаков — 45 у него дети: Яков — 12; Сергей — 18» [там же, л. 80 об.].

Но, тем не менее, определенного ответа на вопрос, откуда в 1766 году в гарнизоне Гижигинской крепости появляется служилый человек Омельян Герасимов сын Манаков, мы не получаем.

В 1812 году в уездном еще городе Нижнекамчатске в числе воспитанников Камчатского отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона отмечен Манаков Гаврило Потапович (1795).

В числе этих воспитанников (при живых родителях) были как дети солдат гарнизонного батальона, так и дети казаков Камчатской казачьей команды.

Мы пока еще не знаем о том, какая связь имеется между Гаврилой Потаповичем и нашей историей, но на этот раз мы, по всей видимости, гораздо ближе к разгадке истории этого рода, так как у нас появляется информация о некоем умершем казаке Илье Манакове — вполне возможно, что это был брат Гаврила Потаповича. Но другого брата Гаврилы мы действительно нашли — это был Монаков Елисей Потапович (1781), гренадер Камчатского гарнизонного батальона, служивший в Петропавловском порту.

Но как бы там ни было, именно с Ильи Манакова и начинается эта история.

Вот первая из наших архивных находок:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Большерецк

Отставные казаки

Дети умершего казака Манакова

Неслужащие: Фавст — 19, Поликарп — 11» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44].

Следующая находка позволяет нам установить отчество братьев:

«Формулярный список службы нижних чинов 2-х сотенной Камчатской казачьей команды, состоящей в службе Российского-Американской компании в Сахалинской экспедиции и ныне находящихся в Аянском порте. За 1855 год.

Манаков Фавст Ильин сын, 21 год, из казачьих детей: 1853 — Казак; 1853 — РАК» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 36. Л. 54].

Третья находка позволяет увеличить количество братьев: «Казаки Иоаким Ильич Манаков (18)» [Петропавловский собор. Исповедальные росписи РГИА ДВ, фонд 1009, оп. 2, д. 3].

А теперь что касается прохождения казачьей службы:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы
На Сахалине

казаки

Аким Манаков — 24, из казачьих детей в службе с 1849 года.

Феофет Манаков — 24, из казачьих детей в службе с 1853 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 12].

Феофет, он же Фавст и даже Филат — это одно и то же историческое лицо, он вместе с братом Акимом (Екимом, Иакимом) Манаковым был в команде Николая Вильгельмовича Буссе на Сахалине:

«7 сентября 1853 года транспорт "Император Николай I" с Невельским, Буссе и другими первопроходцами на борту направился на Сахалин. Плавание проходило успешно, и 17 сентября корабль вошел в залив Анива. Прокладывая курс по карте И.Ф. Крузенштерна, он направился к айнскому селению Томари-Анива в бухте Лососей и 19 сентября в 8 часов вечера встал на якорь примерно в трех милях от поселка.

Для охраны имущества на зиму японцы оставили сторожей (38 человек), и Невельской решил основать пост в главном селении Южного Сахалина, чтобы не было никаких сомнений, "что Россия всегда признавала территорию острова Сахалина своею". Буссе был противником выбранного места для русского поста, полагая, что нужно строить пост немного в стороне — так, чтобы он не соприкасался непосредственно с японцами и не осложнял с ними отношений. Эту мысль он много раз повторял в своем дневнике.

Утром 21 сентября началась высадка десанта. Транспорт "Император Николай I" подошел еще ближе к берегу. На воду спустили баркас, и 25 человек во главе с Николаем Рудановским, вслед за шестивесельной шлюпкой, в которой находились Невельской и Буссе, подошли к берегу. Айны, встречавшие десант, начали помогать выгрузке. На берегу установили два орудия и флагшток. Команда выстроилась в две шеренги. В торжественной обстановке, после исполнения гимна, под орудийный и оружейный залп на корабле и крики "ура" Г.И. Невельской и Н.В. Буссе подняли русский Андреевский флаг. Пост был назван Муравьевским в честь генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева».

Хотя история этого поселения на Сахалине была весьма короткой:

«Весной международное положение из-за объявления 15 (27) марта 1854 года Великобританией и Францией войны России сильно осложнилось. Тихоокеанские воды крейсировала объединенная англо-французская эскадра. Запланированная для переговоров в Томари-Анива встреча русского вице-адмирала Путятина с японскими представителями не могла состояться. 25 мая Путятин послал в Муравьевский пост транспорт "Князь Меншиков" с письмом Николаю Буссе, в котором он предложил русское укрепление на время упразднить и перевести в Императорскую гавань, при этом предоставляя действовать по собственному усмотрению. Буссе созвал совет из командиров и офицеров кораблей, оказавшихся одновременно в посту Муравьевском. Было принято решение снять пост, что и было сделано 30 мая 1854 года. Команда была погружена на транспорт "Двина" под командованием лейтенанта А.А. Васильева, а все имущество — на другие корабли».

Но братья Аким и Фавст Манаковы были не единственными детьми казака Ильи Манакова.

В Петропавловском порту служили Поликарп (Карп) Ильич Манаков (1835) и его младший брат Николай Ильич (1848). Вполне вероятно, что и Саватей Манаков, проживавший тогда в Сероглазке, приходится им если не родным, то двоюродным братом.

В Тигильской крепости служил Полиевкт Ильич Манаков (1836).

В 1882 году, готовясь к торжествам по поводу 30-летия разгрома англо-французского десанта, окружное начальство начало готовить «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне п. Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 512. Л. 82].

Этот список состоял всего из 17 пунктов. Из шести отставных матросов. И девяти казаков.

Пункт 13 — Манаков, казак.

Ни имени, ни отчества.

И в поисках героя обороны Петропавловского порта мы тогда, по всей видимости, заблудились, назвав тигильского казака Полиевкта Ильича Манакова в числе ветеранов.

Ветераном боевых действий, вероятно, был все-таки не он (почему вероятно — да потому, что четкой определенности пока нет, так как и тигильские казаки могли служить в порту), а его брат — Поликарп (Карп) Ильич Манаков, который впоследствии служил в Петропавловском порту.

Сомнения в другом — Поликарпу тогда было 9, а Полиевкту — 8 лет.

Хотя вопрос с возрастом для того времени не проблема — примерно начиная с этого возраста принимали участие в военных действиях юные кантонисты.

Более вероятным, но пока еще менее обоснованным является версия о том, что этим ве-

тераном был их старший брат Фавст, который мог на транспорте «Двина» в 1854 году возвратиться на Камчатку и принять участие в боевых действиях.

Увы, и эта версия также стремительно рушится: по данным из рапортов о состоянии Камчатской казачьей команды, братья Аким и Фавст находились в это время в Аянском порту.

Фавст (в отличие от брата Акима, сведений о котором мы не нашли) вернется на Камчатку.

Монакова Дарья Фавстовна (1859). М. (с 1878) Селиванов Павел Максимович (1853), отставной казак.

Монакова Мария Фавстовна (1864). М. (с 1880) Коренев Петр Иванович (1859), казак.

Монаков Николай Фавстович (1868), с. Сероглазка, казак.

И остался последний вариант по поиску ветерана обороны Петропавловского порта.

Им мог быть Саватий Манаков, отец Николая Саватевича Манакова (1868), который в составе Петропавловской дружины примет участие в обороне Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Наиболее же крупный родовой след оставит Полиевкт:

Манаков Петр Полиевктович (1870);
Манакова Татьяна Полиевктовна (1873);
Манаков Николай Полиевктович (1877);
Манакова Серафима Полиевктовна (1880);
Манакова Дарья Полиевктовна (1881);
Манаков Алексей Полиевктович (1886).

Но, к сожалению, дальнейшая история этого рода нам неизвестна…

МИНЮХИНЫ

В истории довольно ярко прослеживаются великоусюжские корни этой фамилии. И скорее всего, фамилии Минины и Минюхины имеют общий корень — патриархов их родов звали Мина, Минюха. Как, например, от имени Варфоломей идут Вахрушевы (Вахруша) и Вахрины (Вахря).

Нерчинск, 1685 год:

«Мина Орефьев и во 193 году в июне месяце он, Минка, утонул, а в его место приверстан того ж 193 года июля в 1-й день ссыльной конюх Федька Палков» [Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886.]

Филипп Минюхин, устюжанин, был торговым человеком, который участвовал в первых торговых экспедициях в Китай, организованных нерчинским воеводой Павлом Шульгиным.

Вполне вероятно, что и Андрей Минюхин, как и многие сибиряки, прибыл в Якутск так же с Русского Севера и был отмечен в документах за 1677 год:

«Запись ясачной избы Средне-Вилюйского зимовья о поимке беглой якутски Чигин, служившей до 7184 года в Якутске у жены казака Андрея Минюхина Федоры» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

И вполне вероятно, что Семен Минюхин прибыл в качестве писца (подьячего) на Камчатку вместе с приказчиком Михаилом Шехурдиным в 1730 году.

И за год они с Шехурдиным успели столько «дел понаделать», что попали в приговор Розыскной канцелярии по делу о Харчинском бунте:

«А по следствии и по розыске казнены смертию повешены в Нижнем Камчадальском остроге марта 10 дня 1735 году камисар Иван Новогородов, казачей сын Никитка Родихин, учинено телесное наказание вместо смерти биты кнутом в Нижнем остроге камисары Михайло Шехурдин, Михайло Петров, управитель Михайло Борисов, подьячей Яким Мухоплев, ясашные зборщики Матфей Новогородов, Петр Чижевской, Гаврило Чудинов, Иван Каташевцов, Василей Конев, Петр Гуторов, Иван Калашников, Евдоким Колегов, Алексей Воробьев, толмачи и служилые люди Спиридон Перебякин, Федор Кырасов, Алексей Колмогоров, Петр Сургуцкой, Василей Нижегородов, Яков Лазарев, Семен Минюхин, Костентин Веретнов, Алексей Ярыгин, Федот Спиридонов, Степан Власов, салдат Александр Змиев гонян спицрутен, подьячей Федор Сухов вместо кнута бит батожьем» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

А вот и разъяснение за что:

«Приговор походной розыскной Канцелярии
от 28 февраля 1735 г.

“А бытности оного камисара Шехурдина зборщикам Петру Гуторову, за подьячих Федоту Спиридонову, Семену Минюхину, толмачем Спиридону Перебякину, Федору Кырасову, Петру Сургуцкому учинить наказание ж — бить кнутом нещадно ж, для того — вышепоказанные подьячие и зборщики и толмачи в бытность показанных камисаров ездили за ясашным збором и брали сверх ясаку в чащины по три и по четыре места, и, привозя, отдавали камисаром, и в тех собранных чащинах ясашным иноземцам чинили раззорение и обиды”» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 43 об. – 44 об.].

Судя по дальнейшему развитию событий, Минюхин, кроме того, был приговорен и к вечному «житью» на Камчатке.

Финал этой ссылки пришелся на 1746 год — на новое восстание коренной Камчатки. И вот что сообщал А.С. Зуев в статье «Восстание коряков-карагинцев в 1746 г. и братья Лазуковы» [Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2003 № 2]:

«Восстание [коряков] началось с того, что в середине марта 1746 г. на р. Юмгиной (ныне р. Дранка) в карагинском Ентанском острожке были захвачены врасплох и убиты прибывшие туда ясачные сборщики — 5 казаков (Степан Шапкин, Семен Минюхин, Яков Лазарев, Дмитрий Обухов, Засима Гуторов) и 6 новокрещенных “иноземцев” (Демьян, Варлам Иконников,Иван Черепанов, Прокопий Околтышев, Петр Лазарев, Алексей Перевалов)».

Но на Камчатке остался сын Семена — Семен Семенович Минюхин.

Мы не раз уже говорили о наследственном принципе передаче казачьих должностей от отца к сыну.

Писарь — это вторая по значимости должность в приказе, ведущая делопроизводство. И

эту должность мог занимать только грамотный человек, что в условиях Дальнего Востока 18-го столетия было крайней редкостью.

Мы ничего пока не знаем о потомках Семена Семеновича. Да и о нем самом пока обнаружено только одно упоминание в переписи за период с 1722 по 1748 г. [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 94 об.].

Помимо Камчатки в этот же период в Енисейске проживал посадский человек Родион Минюхин [Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории, Красноярск, 2019], в Иркутске — казак Иван Минюхин (1714–1760) и его сын Иван Иванович (1754) [Черепанов А.В. Родословный справочник Иркутска].

Кстати, в Иркутской области эта фамилия сохранилась. В списках жертв политического террора в СССР мы обнаружили имена двух Минюхиных:

Минюхин Александр Иванович

Родился в 1891 г., Иркутская обл., с. Куяда; русский; образование среднее; б/п; работал завхозом Иркутского горного рабфака. Проживал: г. Иркутске. Арестован 11 августа 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 20 сентября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 2 октября 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 31 мая 1957 г. определением Военного трибунала ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Минюхин Иннокентий Степанович

Родился в 1886 г., Иркутская обл., Иркутский р-н, д. Куяда; русский; малограмотный; б/п; работал охранником «Якутсельхозснаба» в пос. Качуг. Арестован 14 мая 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 2 июля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет лишения свободы. Реабилитирован 20 апреля 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

А в 1799 году на Камчатку был переведен Иркутский гарнизонный батальон, в составе которого могли быть и Минюхины. Например

«Штат провиантского комиссионерства

Унтер-офицеры

Минюхин Иван Федоров (1779). Ж. Пелагея Ивановна (1788)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 9].

У них был сын, который находился на обучении в Камчатском отделении императорского военно-сиротского дома, — Афанасий Иванович (1802).

Петропавловский порт, 1852 год:

Минюхин Афанасий Иванович (1803). Ж. Стефанида Афанасьевна (1820). Дети: Марфа (1837), Ирина (1829). Сын ее Иннокентий (1850)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 351].

Минюхин Иннокентий Афанасьевич (1851), с. Усть-Приморск, казак. Ж. 1 (с 1870) Сновидова Марфа Ивановна (1850). Ж. 2 (с 1884) Штильникова … Януарьевна, дочь Януария Николаевича Штильникова.

Усть-Приморск (Усть-Камчатск), 1893 год:

«В Усть-Приморском селения казаки.

Урядник Александр Минюхин.

Отставные … Афанасий Минюхин».

И был еще один сын у Ивана Федоровича, который в 1855 году покинул Камчатку:

Минюхин Федор Иванов сын (1811) — мастеровой, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту матросом в 1831 г., в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Но связь с Иркутском все-таки очень зыбкая, и напрашивается другой вариант — все камчатские Минюхины являются прямыми потомками писаря Семена Минюхина. Отсюда у них и унтер-офицерские командные должности.

В том же 1812 году в списках жителей уездной столицы города Нижнекамчатска мы находим имена двух братьев:

«Минюхин Степан Степанович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 33 года (1779).

Минюхин Яков Степанович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 27 лет (1785)» [Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска].

О чем это говорит — о том, что состав Камчатского гарнизонного батальона формировался не только из состава Иркутского гарнизонного батальона, но и из местных казачьих кадров.

В 1813 году Камчатский гарнизонный батальон расформирован. И где, на какой службе находим мы Минюхиных?

«Петропавловский порт, 1823 год:

Казаки

Урядник Яков Степанович Минюхин — 40. Ж. Марфа Васильевна — 30. Дети: Александр — 11 (1812), Алексей — 2 (1821), Настасия — 14 (1809), Катерина — 5 (1818)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

«Петропавловский порт, 1835 год:

отставные

Минюхин Яков Стефан. — 51. Ж. Марфа Спиридон. — 35. Дети: Андрей —13 (1822), Матвей — 3 (1832), Екатерина — 17 (1818), Акилина — 7 (1828).

Племянники его (дети умершего в 1831 году в Тигиле отставного казака Матвея Степановича Минюхина. — *С.В.*) Алексей —15 (1820), Егор — 13 (1822)» [там же].

Кое-кого в этом списке явно не хватает. Причина простая — старшие сыновья уже служат, а не находятся на иждивении родителей и потому проходят уже по другим спискам.

Александр Яковлевич Минюхин в 1835 году служит казаком в Петропавловской казачьей команде, а в 1852 году он, согласно отцовскому чину, резко продвигается по службе:

«…урядник Минюхин Александр Яковлевич. Ж. Марфа Иванова (1817)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 350 об.].

«Нижнекамчатск, 1856 год

Служащие … Зауряд-хорунжий (старшинство с 23.11.1854)

Минюхин Александр Яковлев» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 43].

В 1893 году Минюхин Александр (1852, сын Александра Яковлевича) — тоже унаследует чин урядника в казачьей команде Усть-Приморска (Усть-Камчатска).

Брат Александра Яковлевича — Минюхин Андрей Яковлев сын (1823), из казачьих детей, уроженец Камчатской области — в 1845 году канонир 1 статьи Петропавловской экипажной роты.

Еще один из братьев: Минюхин Матвей Яковлевич (1828), казак, участник боевых действий по обороне Петропавловского порта 18–28 августа 1854 г.

В 1882 году казак Матвей Миниохин (точнее — Минюхин Матвей Яковлевич, казак, принимавший участие в обороне Петропавловского порта в 1854 г., из казачьих детей. Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128) внесен в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры». [Горчаков А.А. Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г., 27-е Крашенинниковские чтения, П-К, 2010, стр. 105]. В 1893 году в возрасте 65 лет Матвей Яковлевич, отставной казак, жил в Халактырке. Там же проживал, тоже будучи в отставке, его родной брат, казак Фирс Яковлевич Минюхин, 59 лет.

О младшем из братьев Яковлевичей:

«Достигшие 17-летнего возраста казачьи дети Евгений Соловьев, Фирс Минюхин и Федор Третьяков с довольствия провиантского исключаются с 1 мая сего [1852] года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16А. Л. 53].

В 1853 году братья — Матвей и Фирс — зачислены в состав Сахалинской экспедиции и выбыли с Камчатки.

«Петровское зимовье. 15 августа 1853 года

Казаки

Минюхин Фирс, Минюхин Матвей» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 42. Л. 6].

«Формулярный список службы нижних чинов 2-х сотенной Камчатской казачьей команды, состоящей в службе Российского-Американской компании в Сахалинской экспедиции и ныне находящихся в Аянском порте. За 1855 год.

Минюхин Фирс Яковлев, 21 год, из казачьих детей: 1853 — казак; 1853 — РАК» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 36. Л. 55].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы

На Сахалине

Казаки

Матвей Минюхин — 29; из казачьих детей, на службе и в чине с 1849 года.

Фирс Минюхин — 23, из казачьих детей в службе с 1853 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 9].

Позже они возвращаются на Камчатку:

Минюхин Матвей Яковлевич. Ж. (с 1863) Штильникова Елена Трифоновна (1838).

Фирс Яковлевич Минюхин, камчатский казак, 10.12.1862 г. у него родилась дочь Ульяния.

Но были еще и дети Матвея Степановича Минюхина.

«Петропавловский порт, 1845 год:

Матрос 2-й статьи

Минюхин Егор Матвеевич (1821), из казачьих детей, уроженец Камчатской области».

И не о нем ли это сообщение «Из Моторического журнала 20-ти пушечного корвета “Оливуца” за 1853–54 гг.»:

«В продолжении восемнадцати месячного плавания команда была в наилучшем состоянии здоровья; смертный случай был один: уроженец Камчатки, матрос Минюхин, вскоре по отходе от острова Банин Сима (ныне Огасавара). В 1853 году заболел водянкою и умер в декабре месяце» [РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 6936. Л. 50, 50 об., 51].

Хотя это может быть и матрос Андрей Яковлевич Минюхин, судьба которого тоже неясна.

Да и, собственно, судьба самого рода камчатских Минюхиных не ясна — она как-то, некогда многочисленная, растворяется к началу XX века и исчезает из поля зрения.

МИНЮХИНЫ КАМЧАТКА

1 колено	
	Минюхин Матвей Степанович, с. Тигиль, 1831 г., умерший солдат
	Минюхин Степан Степанович (1778), г. Нижнекамчатск, 1813 г., «военнопоселенец»
	Минюхин Яков Степанович (1783), казак Нижнекамчатской команды, 1813 г.; урядник, Петропавловский порт, 1823 г. Ж. Марфа Васильевна (1893)
	Минюхин Иван Федорович (1781), г. Нижнекамчатск, военнопоселенец, 1813 г. Ж. Пелагея Ивановна
2 колено	
Дети Минюхина Матвея Степановича	Минюхин Алексей Матвеевич (1819)
	Минюхин Егор Матвеевич (1820), матрос 1 статьи Камчатского флотского экипажа, 1850 г.
Дети Якова Степановича	Минюхина Наталья Яковлевна (1809)
	Минюхина Анастасия Яковлевна (1809)
	Минюхин Алексей Яковлевич (1810)
	Минюхин Александр Яковлевич (1812), камчатская казачья команда, Петропавловский порт, 1835 г.; в 1845 г. урядник в с. Усть-Камчатск, зауряд-хорунжий с 1854 г.
	Минюхина Екатерина Яковлевна (1818)
	Минюхина Параскева Яковлевна (1817)
	Минюхин Алексей Яковлевич (1821)
	Минюхин Андрей Яковлевич (1823), матрос 1 статьи Камчатского флотского экипажа, 1850 г.

	Минюхин Матвей Яковлевич (1833), 1846 г., Петропавловский порт, казачий сын; казак, участник обороны Петропавловского порта в 1854 г., в 1893 г. жил в с. Халактырка. Ж. (с 1863) Штильникова Елена Трифоновна (1838), с. Ключи, дочь крестьянина
	Минюхин Фирс Яковлевич (1835), 1846 г., Петропавловский порт, казачий сын; в 1856 г. служил на Сахалине, камчатский казак, жил в с. Халактырка. Ж. 1 ? Ж. 2 (с 1884) Соловьева Соломония (1865), уткинской камчадалки Евлампии Никифоровны Соловьевой дочь
	Минюхина Мария Яковлевна (1840). М. (с 1863) Третьяков Федор Иванович (1833), казак, Петропавловский порт
Дети Ивана Федоровича	Минюхин Афанасий Иванович (1798), казак, с. Нижнекамчатск в 1824–1836 гг., отставной казак в с. Усть-Приморск в 1852 г. Ж. Феодосия Ивановна (1804)
	Минюхин Федор Иванович (1810), матрос Петропавловской экипажной роты, 1835 г.; конопатчик Камчатского флотского экипажа, 1850 г. Ж. Феодосия Степановна (1811)
3 колено	
Линия Якова Степановича	
Дети Александра Яковлевича	Минюхин Александр Александрович (1852), урядник в с. Усть-Приморск
Дети Фирса Яковлевича	Минюхина Ульяния Фирсовна (10.12.1862)
Линия Ивана Федоровича	
Дети Афанасия Ивановича	Минюхина Ирина Афанасьевна (1829)
	Минюхин Иннокентий Афанасьевич (1831), с. Нижнекамчатск, казак. Ж. 1 Сновидова Марфа (Марефа) Ивановна. Ж. 2 (с 1884) Штильникова … Януарьевна, дочь ключевского крестьянина Януария Николаевича Штильникова
	Минюхина Марфа Афанасьевна
4 колено	
Линия Ивана Федоровича	
Дети Иннокентия Афанасьевича	Минюхина Параскева Иннокентьевна (16.10.1875). М. (с 1894) Савинский Александр Дмитриевич (1860), казак, с. Усть-Камчатск
Дети Пелагеи Афанасьевны	Минюхина Марфа Афанасьевна (1855), незаконнорожденная. М. (с 25.08.1874) Силиванов Николай Максимович (1850), Петропавловский казак

МИРОНОВЫ

В нашей собственной семейной истории эта фамилия имеет особый смысл, хотя никто прежде об этом даже не догадывался.

Моя бабушка — Ульяна Демьяновна Хомченко — родилась в урочище рядом с казачьим селом Усть-Камчатск в 1909 году в семье староверов-молокан Хомченко, прибывших на Камчатку из Приморья по приглашению рыбопромышленника Демби, построившего на устье реки Камчатки свой рыбоконсервный завод, для обеспечения рыбой которого и была приглашена и привезена большая группа староверов, расселившихся своими, как правило, большими семьями в низовьях реки Камчатки.

Позже поселение, в котором жили мои родственники, назвали Николаевкой, вероятно, в честь царя Николая Второго, который царствовал в этот период.

Бабушка со своим младшим братом Степаном рано остались сиротами — произошла какая-то семейная трагедия, о которой впоследствии до нас дошли лишь какие-то глухие и весьма смутные слухи.

А в 1924 году бабушка, в девчонках, родила своего первенца — Петрушку от разгульного (по рассказам двоюродной сестры дяди — Екатерины Константиновны Портнягиной) казака, картежника Александра Александровича Полякова, покорившего ее юное сердце.

Бракосочетания, естественно, не случилось — наш казак еще желал погулять, да и по вере православной вроде как союз с молоканкой не вписывался в традиционный обычай. Что же касается рожденного вне брака сына, то староверы-безпоповцы в церковь не обращались, детей крестили сами, в церковных записях не нуждались.

И пятнадцатилетняя Ульяна растила и малолетнего брата Степана, и младенца Петра Александровича.

А родной бабушкой, которая, по всей видимости, не признала моего дядюшку за своего внука, была Евдокия Сафроновна Миронова, казачка, супруга усть-камчатского казака Александра Семеновича Полякова — родного дедушки моего дяди Петра.

Вообще-то Мироновы были тигильскими казаками. Мне, правда, удалось хронологически выявить историю этого рода только с 1812 года, когда здесь в казаках служил старенький уже по возрасту, но еще весьма и весьма крепкий казак Петр Семенович Миронов (1749 — примерно — года рождения), у которого жена — Анна Игнатьевна — была на 30 лет моложе своего супруга и исправно, до глубокой старости мужа, рожала ему сыновей.

И если Иван, будущий глава большой семьи, родился в 1803 году, то его младшие братья — Михаил и Осип — соответственно, судя по возрасту, в 1824 и 1827, когда Петру Семеновичу было уже под восемьдесят.

Последнее упоминание о нем в Исповедальной росписи Тигильской Христорожденственской церкви относится к 1831 году, когда ему было уже 83 года.

Следующее родовое колено определяет его сын Иван Петрович, тигильский казак, у которого было к моменту его отставки со службы в 1852 году пятеро сыновей: Иван — 24 года, Алексей —21, Петр — 16, Михаил — 18, Софоний — 8 и дочь Акулина — 11.

В 1850 году Иван Иванович Миронов с личного соизволения генерал-губернатора Восточной Сибири через губернатора Камчатской области, пройдя необходимые процедуры, без «исключения из казачьего звания» стал лекарским учеником при Тигильской больнице, а затем и урядником Тигильской казачьей команды.

Именно с младшего, Сафония (или Софония), который, в отличие от своих братьев, служивших в бывшей Тигильской крепости или в Петропавловском порту, был направлен на службу в Усть-Приморск (впоследствии Усть-Камчатск), где располагался казачий пост из бывших нижнекамчатских казаков, и начинается история, в том числе и нашей, семьи Мироновых.

И здесь старинная тигильская родовая казачья линия крепко-накрепко переплетается с нижнекамчатской.

Сам Сафон Иванович Миронов в 1867 году женился на дочери тигильского казака Екатерине Васильевне Поповой, по всей видимости, имевшей прямую родовую связь с гижигинскими Поповыми, если вообще не были одной из ветвей этого рода, как многочисленные тигильские Павловы, Баженовы, Толстихины, прибывшие на службу в Тигильскую крепость из Гижиги…

А вот переселившаяся вместе с Сафоном Ивановичем в Усть-Камчатск часть (по крайней мере, женская) его семьи находила себе суженных уже в долине реки Камчатки.

Одна из сестер Евдокии — Еликонида (1882) — вышла замуж в 1902 году за усть-камчатского казака Дормидонта Венедиктовича Петрова. Другая сестра — Матрена (1874) — за местного усть-камчатского торговца, петропавловского мещанина Косыгина Иннокентия Николаевича.

В 1904 году с момента, когда на Камчатке узнали о событиях, связанных с Русско-японской войной (а весточка пришла с материка «полетучей» срочной почтой только в апреле – она доставлялась на собачьих упряжках вдоль побережья Охотского моря через Охотск – Гижигу – Тигиль – Петропавловский порт), на Камчатке началось формирование народного ополчения.

И вот список только одних казаков Мироновых, которые приняли участие в обороне Камчатки на восточном и западном ее побережьях:

Миронов Александр Михайлович (1856), с. Тигиль;
Миронов Афанасий Иванович (1854), с. Тигиль;
Миронов Василий Афанасьевич (1886), с. Тигиль;
Миронов Василий Сафонович (1887), с. Усть-Камчатск;
Миронов Иван Алексеевич (1875);
Миронов Иван;
Миронов Михаил Алексеевич (1869), с. Тигиль;
Миронов Митрофан Сафонович, с. Тигиль;
Миронов Павел Михайлович (1883), с. Тигиль;
Миронов Федор, с. Усть-Камчатск.

Конечно же, и от них от всех, в том числе и по женской линии, пошла своя родовая поросль, представители которой, надеюсь, продолжат эту, начатую мной, родовую историю…

МОКРОШУБОВЫ

Обычно такие яркие и запоминающиеся фамилии или прозвища дарили друг другу запорожские казаки — Пьяная Брага, Кривая Горница, Мокрая Шуба…

Вполне возможно, что по воле либо по неволе судьба забросила одного из них и в далекую Сибирь, в команду стрельцов Енисейского гарнизона.

Надо признать, что Пантюшка, как его звали в те времена, — или Пантелей Федорович Мокрошубов — был не из простых черкас. В отличие от многих стрельцов и казаков того времени, он был человеком грамотным. И довольно ушлым.

В первые же дни пребывания в Ленском остроге первого якутского воеводы Петра Петровича Головина он не только сумел приблизиться к этой весьма не ординарной особе, но и заручиться (а это была бо-о-ольшая редкость) его доверием и получить должность подьячего (приказного человека), который имел право распределять хлеб и соль.

Закончилось печально. Воевода Головин, потомок византийских императоров и российских государственных казначеев, был человеком другого внутреннего заряда, нежели те, что успели набить себе карманы на сибирском грабеже государственных ресурсов, винокурении и контрабанде пушниной.

Это был человек *государственного долга*. Хотя его наши отечественные историки и низвели до сибирского сатрапа.

В своей книге «Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибириада» я провожу детальный анализ людей, которые были арестованы и наказаны Головиным. И все они действительно были *виновными*.

Но «мирская челобитная», написанная в период безвластия Головина бывшими заключенными, сыграла свою «историческую» роль, и советские историки с большим энтузиазмом прошлись по этому сибирскому сатрапу.

«Миряне» писали:

«…отставил подъячево московского Семена Обрамова, а в его место посадил в подьячие служивых дву человек Пантелейка Мокрошубова да Вторка Катаева в неволю. И будучи твоего государева дела в съезжей избе з подьячих, по вся времена ругался, бил своею рукою по многие времена в голову и по роже и бороды драл и батоги бил многижда и изувечил насмерть. Да он же Петр, приметався не делом, во 151-м году март в 6 день отставил Вторна Катаева, и пытал всякими ровными пытками и огнем жег и за пристава дал, а после посадил в тюрьму. А Пайка Мокрошубова на новом острожном месте того ж 151-то году августа в 5 день посадил в тюрьму без дела, не сыскав вины, а в тюрьме велел положить на ноги колоду весом 43 фунта, а все, государь, измучивал на товарищев своих на Матвея Глебова да на дияка Еуфима Филатова».

Причина же крылась в другом — в тотальной коррупции сибирской власти и казачьей междуусобице в борьбе за богатые промысловые —

соболиные — районы. Эти конфликты доходили до боевых действий и смертоубийств.

Задача, поставленная царем перед Головиным, заключалась в том, чтобы прекратить междуусобицу и навести законный порядок.

И он оказался в стане врагов. Врагов со всех сторон. Куда ни обернись. Тюрьмы были переполнены злоумышленниками. Строились виселицы для главарей…

Перепугалась… Москва. Перепугалась, что прекратится поступление в казну драгоценной пушнины, за которую за границей можно было купить все.

И Головина остановили. Даже создали видимость проведения следствия. А потом отозвали в Москву для решения не менее важных вопросов, связанных с будущей Переяславской Радой и присоединением Левобережной Украины. Внук его — Федор Алексеевич Головин — ближайший друг царя Петра I, первый кавалер высшей награды Российской империи — ордена святого Андрея Первозванного — был человеком, подписавшим знаменитый мирный Нерчинский договор с империй Цин (Китаем) 1689 года, продолжая дело своего деда — о защите интересов своего государства.

Пантелей Федорович извлек из этого наказания какие-то свои уроки. А может, наоборот, — связь с тюремным криминалом впоследствии развязало ему руки и он начал делать служебную карьеру.

В 1648 году он получает наказную память как приказной человек:

«Память служилому человеку Мокрошубову, направляемому по маршруту: Лена – Чара – Кома для постройки зимовья с укреплением и сбора соболиной казны».

То есть он вышел на свою собственную тропу.

В 1649 году он, уже в чине казачьего десятника, получает новое задание:

«Панфилко Федоров сын Мокрошубов в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Алазеику реку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 80].

Но вскоре в Якутскую приказную избу поступает донос: явочная челобитная якутского служилого человека Леонтия Федотова, посланного на Индигирку реку о том, что Пантелеймон Мокрошубов не идет на Алазейку реку, распустил служилых людей, заменив их промышленными и торговыми людьми, «отторговывает» иноземцев прежде сбора ясака.

Но до Алазеи он все-таки дошел.

И задержался в пути, оказывается, если не по оговору, то по обстоятельствам весьма серьезным:

«В прошлом во 157 году посланы мы, холопи государевы, из Якуцкого острогу на государеву службу на Индигирку, а с Индигирки на Алазею, и запоздом мы, служилые люди, зимовали в Жиганех; и во 158 году, судом божиим, на море льды задержали, и до Индигирки реки не дошед, меж Индигирским устьем и Хромой реки во льдах замерзли в Иванов день честные главы усекновенье. И суды во льдах испроломало, а государевы хлебные запасы, и товары, и судовые снасти, и служилых людей запасы ж и всякие борошни, не хотя государевы службы поставить, по великой нуже волочили от судов верст десять и больши на берег по росольному льду; и ничего на судах не оставили, только во льдах остались суды да карбасы, голая щепа; и, поделав лыжи и нарты, с места от запасов пошли сентября в 24 день, и на устье первое с русково конца в покров пречистой богородицы 159 году; и шли вверх по Индигирке до усть Уяндины реки до ясачного зимовья больше пять недель. И живучи до Филипова заговенья, заняли муки с великою докукою у торгового человека у Степана Семенова Лалетина по нуже, по семи пуд муки, а за пуд на нас имал по 12 рублев за пуд; и без вожа и за безлюдством пятью человека и без лыжницы… иттить не смели и жили на Индигирке до Стретьньева дни; и для вожа мы, холопи государевы и ковымские, что на Ковыму посланы служилые люди, Тимофей Булдаков с товарищи, от усть Осетровки, в ясачное зимовье, вожа, чтоб не поставить государевых служеб, приходили, и о воже Фоме Кондратьеву с товарищи били челом словесно. И не хотя государевых служеб поставить, Фома Кондратьев собрал всех торговых и промышленых людей в ясачное зимовье. И торговые и промышленые люди не ослушались, для государевых служеб пришли в ясачную избу. А Степан Семенов да торговой ж человек Микита Федоров Ворыпаев Лалечи с покрученики в зимовье своем заперлися и на пищалях лежали и в сенях и в нагородне, а вызывали их трижды, и они не вышли. И тому записка под сей отпиской. И о том, что вы по государеву указу указ учините? И с Индигирки с вожем пошли февраля в 7 день. А пришед на Алазею марта в 11 день…»

«В 1641 г. енисейский казак Ерастов с отрядом из 15 человек из устья р. Алазеи на кочах дошел до лесных мест и здесь, на “краю тундры”, поставил зимовье, огороженное “косым острожком”. В 1646 г. он расширил и укрепил его. Новый “косой острог” вокруг избы “с нагородней” поставил в 1651 г. якутский казачий десятник П. Мокрошуб. На карте С.У. Ремезова 1701 г. показано только одно зимовье на р. Алазее в виде четырехугольника, огороженного частоколом без башен и строений. На карте И. Трескоты 1775 г. Алазейское зимовье показано в районе современного поселка Андрюшкино. В первой половине XVIII в. острог отстроен на новом месте».

Но и на Алазее проблем меньше не стало

«…по сообщению ясачного сборщика казачьего пятидесятника Пантелея Мокрошубова, на Алазее была “шатость”, и юкагиры убили “на промыслех промышленных людей и служилых в ясачном зимовье 15 человек”». [А.С. Зуев Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв., Новосибирск, 2002].

Сколько же их было с Пантелеем Федоровичем:

«А колько из Якуцкого острогу со мною, холопом государевым, служилых людей послано: Федька Кайгород, Лаврушка Григорьев, Левка

Федотов, Ивашка Перфирьев. И Федька Кайгород для своей болезни нутряной нанял на Индигирки в свое место промышленого человека Ивашка Ермолина, а он, Федька, отстал от нас на Индигирке реке. Да по челобитным служит государю со мною, холопом государевым, три человека. Да подали челобитную служилой человек Ивашка Пинега и та челобитная под сею отпискою. Да которые посланы служилые люди из Якуцкого острогу со мною, холопом государевым, на его государеву службу на Алазею реку в безхлебное и в безрыбное место, и они били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, и на Алазее реке в ясачном зимовье подали челобитную о хлебном и о денежном жалованье в наши оклады мне, холопу государеву. И я, холоп, тою челобитною, подклея под сю ж отписку, послал в Якуцкой острог к вам, государевым воеводам. Да на Алазее ж реке… промышленые люди ныне все пошли по промыслам собольим и по рыбным ловлям вверх и вниз… И вы, государевы воеводы Дмитрей Андреевич Францбеков да дияк Осип Степанович, о том как укажете?»

А далее идет взлет карьеры. Пантелей Федорович в 1655 году уже пятидесятник.

Но в 1661 году что-то произошло. Возможно, косвенное сообщение об этом кроется в собственной «челобитной казачьего пятидесятника Пантелеймона Мокрошубова о нанесении ему оскорбления и побоев служилым человеком Григ. Як. Криговорницыным».

Так как в следующем, 1662, году он указан в другом чине:

«Июля в 17 день [1662] посланы великого государя на службу на Анандырь реку ясачные сборщики, служилые люди, десятник казачей Панфилко Мокрошубов да с ним послано якутцких служилых людей 12 человек и тем служилым людем дан коч новой мерою 8 сажен…»

Дальнейшая же информация об этом плавании звучала так: «Сведений о выполнении задания в документах не обнаружено».

Позже выяснилось, что Мокрошубов не пошел по пути Семена Дежнева, а избрал более привычный и менее опасный — сухопутный.

А их кочу (морскому судну), видимо, была предписана свыше трагическая судьба. И не только деревянному кочу, но и служилому человеку, который планировал на этом коче доставить ясак и «рыбий зуб» (клыки моржей) в Якутск, — Ивану Курбатову:

«И в том же в прошлом во 171 году пришел из Якутцкого острогу морем на коче казачей десятник Панфил Мокрошубов. И я, холоп ваш, взял тот коч у него, Панфила, под вашу великих государей, казну кости моржового рыбья зуба со всею кочевою снастью и с парусом. А за море, великие государи, идти было поздно в Якутцкой острог — стала пора осенная. И я, холоп ваш, тот коч с целовальником и с служилыми людьми в сторонной реке в Анюе поставили на балки. И осенною порою с моря приходили мимо большие воды прибылые и коч теми водами прибылыми обморозило. И в прошлом, великие государи, во 172 году, весною тот коч с целовальником и с служилыми людьми ото льду отдалбливали, и слегами отгрести не могли; и пришла вода сверх Анюя, с Камени временная большая и, судом праведного бога, тот коч изломало, а кочевую снасть з большею нужею собрали, а с вашею, великий государь, казною кости моржоваго рыбья зуба и з соболиною казною делали вымостки и жили до упалой воды. И в том же в прошлом, великий государь, во 172 году как он, приказной человек Григорей Тотаринов, приплыл с Середней ярманги на Нижную ярмангу на дву кочах, и я, холоп ваш, бил челом ему, Григорью, о коче словесно, чтоб дал он, Григорей, под вашу великих государей казну кости моржевого рыбья зуба коч идти морем в Якутцкой острог… Июля ж в 7 день, как я, холоп ваш, приезжал с Песку на ярмангу бить челом об отпуске в Якутцкой острог с вашею великих государей с ясачною соболиною казною и с костью моржового рыбья зуба, и он, Григорей, отказал мне, холопу вашему: не будет де тебе и в новый год отпуску, и с вашею великих государей казною кости моржового рыбья зуба… А на Дуванном песку поставлен был у нас балаган для вашей великих государей казны ясачной и костяной и покрыт был вашим великих государей кочевым парусом. А та ясачная соболиная и десятинной збор казна на руках была у анандырсково целовальника у Петра Афанасьева, и свои пожитченка в том же балагане были. И неведомо коими мерами тот балаган без лание загорелся, и ваша великих государей соболиная казна погорела и кочевой парус згорел, и мои, холопа вашего, пожитчинка и икона образ пречистые богородице на окладе згорел, и книги и всякой домованой борошень. А моих пожитченков згорело на двести рублев. А все от него, Григорея, только бы он, Григорей, дал мне, холопу вашему, коч под вашу великих государей казну, и я бы склался на коч, и ваша б великих государей казна была цела и мои пожитченка».

Эта трагедия имела свои и горькие последствия — Иван Курбатов был арестован и, вероятно не выдержав выпавшего ему нового испытания, умер, предположительно, от разрыва сердца. Это был тот самый Иван Курбатов, который подарил России Байкал.

Что же касается Пантелея Федоровича, то после возвращения с Чукотки мы не имеем данных о возвращении ему утраченного чина.

Старший из сыновей Мокрошубова — Иван Пантелеевич — в какой-то степени повторяет судьбу своего отца.

Из служилых людей он переверстан в приказные — стал подьячим, как когда-то отец при воеводе Головине.

Но, как когда-то и отец, попался на каких-то темных делах:

«Приказные избы подьячие

Иван Мокрошубов в прошлом во 197-м [1689] году за плутовство и за пьянство ис подьячих отставлен и во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 9].

И не просто отставлен — разжалован в рядовые казаки.

Кроме Ивана у Пантелея Федоровича были и другие сыновья — Михаил и Тимофей (Минька).

Интересный поворот в судьбе казака Митьки (Миньки) Мокрошубова случился в 1683 году, о котором было сообщено в Москву в «Отписке царям Якутскаго воеводы Ивана Приклонскаго об успешных походах Якутских и Албазинских казаков против неясачных Тунгусов, об измене некоторых из означенных казаков и о взятии ими Тугирскаго острожка».

Об успехах мы отложим.

Коснемся сразу измены:

«И он де Петр воротился назад в Тугирской острожек, а служилых и промышленных людей, казака Митку Мокрошубова с товарыщи, послал по Нимиляку и по Амгуну рекам розговаривать и призывать под вашу великих государей царьскую высокую руку прежних ясачных Тунгусов и изменников и неясачных немирных Тунгусов же Орилского роду. И он де Митка с товарыщи выплыл на Амгунь реку и на Амгуне де реке сошелся с Албазиинскими воровскими казаками с Ганкою Фроловым с товарыщи, которые вам великим Государем изменили, в Албазинском ограбя воеводу Федора Воейкова и хотели его убить и бежали от него из Албазинского; и те де Албазинские воровские казаки учинили с Якуцкими казаками между собою веру на том, что им служить вам великим Государем вместе, и в походы ходить на неясачных иноземцов и на прежних изменников на Тунгусов, и меж себя им не дратца, и друг друга не обидить. И он де Митка с товарыщи с теми Албазинскими воровскими казаками в походы пошел вместе; и встретили де оне на Амгуне реке в стругах многих неясачных иноземцов Гиляк и Наток, которые шли под Тугирской острожек и хотели служилых людей убить и аманатов взять. И было де их в походе Якуцких казаков 33 человека, да промышленных людей, которые были с ними Якуцкими казаками 30 человек, да Албазинских воровских казаков 50 человек, и с теми неясачными иноземцы с Гиляки и с Натками собча вместе бились; и, Божиею милостию и вашим великих государей счастьем, на том бою тех иноземцов многих побили. Да после де того побою, Якуцкие ж и Албазинские казаки пошли на неясачных же Тунгусов на озера по край Амгуня реки, и, Божиею милостию и вашим великих государей счастьем, погромили три рода Тунгусов Орилского, да Тугучерского, да Сикварского, и из тех де трех родов взяли в аманаты лутчих людей трех человек и меж себя тех аманатов Якуцкие и Албазинские казаки поделили; и с делу достался казаком лутчей один человек аманат Орилского роду. И после де того походу Якуцкие казаки Митка Мокрошубов с товарыщи пошли назад к себе в Тугирской острожек вверх по Амгуне реке; и как де оне пришли на усть Немиляка речки, и Митка де Мокрошубов с товарыщи, 19 человек, да промышленных людей 30 человек, умысля воровски, вам великим Государем изменили, пристали к тем же Албазинским воровским казакам к Ганке Фролову с товарыщи, а досталных Якуцких казаков Петрушку Карпова с товарыща, 13 человек, которые к их воровству не пристали и вам великим Государем не изменили, те воровские Албазинские и Якуцкие изменники казаки их били, и перевезали, и вашу великих государей казну, порох и свинец, и железную судовую снасть, и прядено, и невод, что дан был для аманацкого рыбного промыслу, и аманата, которого они взяли в походе и с делу Якуцким казакам достался, и их казачье оружье, и погромные их ясыри, и всякие их пожитки они воровские казаки Митка и Ганка с товарыщи, пограбя, взяли себе, и связав и в колодках деревянных держали их Петрушку с товарыщи многое время, и с копьи и с оружьем над ними стояли для того, чтоб они Петрушка в Тугирской острожек к прикащику к Петру Оксентьеву вести не подали. И те воровские Якуцкие и Албазинские казаки Митка и Ганка с товарыщи прислали в Тугирской острожек многих Якуцких же и Албазинских воровских казаков, Петрушка Меркушева с товарыщи; а в то де время на карауле в острожке стоял казак Ганка Сорокин, и тот де Ганка ворота отпер, и Якуцкие де казаки из острожка вышли к ним на стречу; и те де воровские Якуцкие и Албазинские казаки Петрушка Меркушев с товарыщи, пришед в острожек; прикащика Петра Оксентьева связали и ваших великих государей аманатов 6 человек взяли к себе. Да в то ж время из того Тугирского острожку изменили вам великим Государем Якуцкие казаки Ганка Сорокин, Левка Кузмин, Евдокимко Федотов и пристали к тем же воровским Якуцким и Албазинским казакам; и всего Якуцких казаков изменили вам великим Государем 22 человека, да промышленных людей 30 человек. Да они ж воровские казаки пограбили вашей великих государей казны пошлинных денег, и его Петровы и казачьи пожитки пограбили ж и хотели его Петра в воду посадить. Да те ж воровские Якуцкие и Албазинские казаки похваляютца взять Уцкой острожек и вашу великих государей казну и аманатов побрать. А после приходу воровских казаков в Тугирской острожек, пришли в тот Тугирской острожек казаки Петрушка Карпов с товарыщи, 13 человек, которые вам великим Государем не изменили, к тем воровским Якуцким и Албазинским казакам не пристали, из того походу пограблены, и ныне вам великим Государем служат в том же Тугирском острожке с досталными Якуцкими казаками; всего в Тугирском острожке Якуцких казаков осталось 15 человек». [Дополнения к актам историческим, 1867 г., т. X, СПб., № 78 : III, сс. 346–348].

Итак, Тимофей, он же Митка, он же Минька Мокрошубов, стал албазинским воровским казаком.

И в документах за тот же самый 1683 год упоминается некий Андрей Никитич Мокрошубов, албазинский казак, и вот какая история, произошедшая с ним, описывается с сылкой на архивные документы:

«В 1683 г. приказчик Албазинского острога Иван Войлошников отпустил для сбора ясака в Селинбинский острожек группу из 21 казака во главе с Андреем Никитичем Мокрошубовым.

17 июля 1683 г. приказчик Албазинского острога И. Войлошников отправил на р. Амгунь в Дукинское зимовье десятника Г. Самойлова во главе отряда из 20 казаков, к которым присоединились 47 промышленных людей. 27 июля в полутора днях пути ниже устья р. Зея отряд встретил большое маньчжурское войско. Маньчжуры коварно пригласили Г. Самойлова с десятью казаками "к себе на честь хлеба есть" и захватили их в плен. Г. Самойлову удалось предупредить свой отряд об опасности, но не все поверили в реальность угрозы. В итоге только 23 человека спешно бежали по суше в Селембинский острог. Пятерых, из прибывших с "разгрома" промышленных людей, приказной человек Андрей Мокрошубов послал из Силинбинского зимовья в Зейский острог, предупредить находящихся там Албазинских казаков о приходе на Амур реку Китайских воинских людей. Остальные восемнадцать человек были направлены им из Силинбинского зимовья в Удское и далее в Якутский острог.

Казаки, возглавляемые А. Мокрошубовым прожили в острожке до 15 ноября, и все это время к острогу приезжали с явной угрозой его захвата по 500–600 вооруженных маньчжуров. Ввиду этого в конце ноября казаки покинули Селинбинский острог, чтобы у них "аманатов не отбили и дурна какого над ними не учинили; а аманатов де было 4 человека". Они попытались добраться до Удского острожка Якутского воеводства. Однако в пути на них напали ясачные тунгусы и отбили аманатов и ясачную казну. 15 казаков погибли в схватке, а оставшиеся в живых сначала добрались до Шивлейского зимовья, а затем до Удского острога. Там они узнали от ясачных тунгусов, что "Силинбинский острог Китайские люди сожгли"».

Судя по отчеству — Никитич — это мог быть сын Миньки (Митки, Тимофея Пантелеевича).

Что же касается других потомков Пантелея Федоровича, то в скандальной истории того неспокойного века отметился Филипп Иванов сын.

Это было связано с расследованием дела Владимира Атласова о грабеже купеческого судна, от которого Атласов всячески отговаривался, перекладывая всю вину на остальную казачью братию. А та, не выдержав пыток, поочередно выдавала своего атамана.

Замечательный русский ученый, архивист, Николай Николаевич Оглоблин очень подробно исследует это дело. И вот как развивались дальнейшие события:

«23 мая 1702 г. Атласов добровольно прибыл в Якутск. И тут к нему применили силу при аресте. По приказу воеводы его подвергли в якутской приказной избе пыткам. В документе сказано: "И Володимер Отласов распрашиван с великим пристрастием: и в ремень ставлен и подымай и на виске был на долгое время, а в распросе сказал: грабить Белозерова он не велел, а грабили ево казаки своим самовольством". Атласов утверждал, что "им казачьим детям животов имать не веливал и не посыливал и память им не давал". Но его "полчане" Василий Шипицын, Петр Кудрин, Павел Журавлев, Иван Томский утверждали, что набег на дощаник Добрынина был совершен по повелению Атласова. И якутские власти в соответствии с указанием руководителя Сибирского приказа Андрея Виниуса (который был уже в курсе событий на Ангаре и приказал провести следствие "с пристрастием". — *С.В.*) взяли Атласова "под караул", а "десять пущих заводчиков" — Шипицына, Кудрю, Кормилицына и других — отправили в тюрьму.

25 мая Траурнихт приказал провести обыск в якутском доме Атласова. Там были найдены многие вещи, захваченные на дощанике Добрынина. Тогда же в руки сыщиков попало любопытное письмо сына Атласова Ивана, которое он отправил из Олекминского острога в Киренск своему отцу. Оно начиналось так: "Государю моему батьку Володимеру Володимеровичу. Сынишко твой Ивашко. Благословения к себе прошу и пав предо твои стопы до лица земли и з женишкою своею премного челом бью". А далее он сообщал, что отправленная к нему с Афанасием Евсеевым "сума переметная" дошла до него, Ивана, по сравнению с росписью не полностью: "…одного атласа нет — черного" и добавлял: "…и ту посылку я послал к матюшке (т. е. матери) в горот с тем же с Офонькою Евсеевым". А сверху была надпись: "Отдать сю грамоту на усть Киренге государю моему батюшке Володимеру Володимеровичу". И дата: "22 марта 1702 года".

…После обнаружения этого письма якутские власти решили на якутском дворе Атласова произвести новый, еще более тщательный обыск. Воевода распорядился: "…ис приказной избы послать в другой ряд (т. е. вторично. — *Б.П.*) для обыска на двор Володьки Отласова грабленных животов гостя Логина Добрынина, приказчиков ево Мишку Белозерова, Алексея Дехтярева сына боярского Родиона Кашинца, подьячего Василия Басилова, пятидесятника казачьего Василия Колесова, служилых людей Гришку Югова, Якуньку Сабанина, Андрюшку Семенова, Фильку Мокрошубова и Ваську Турбина". В результате повторного обыска в атласовском амбаре "под сеном" обнаружили "завесу камчатцкого красного, шито золотом и разными шелками, три постава байберека репечатого, байберек гладкий, портище камки белое". Да в "анбаре против избы" были найдены: "…шапка польская соболья, варежки бархотные, да нити жемчуга китайского, две стопы серебряные, да лоскуты хлаврена китайского", в сенях: "…чагун китайский оловяный", в горнице: "…серебро, китайские чашки"».

И Атласову было уже… не отпереться.

А далее уже следует печальная история правнука Пантелея Федоровича — сержанта из Анадырской партии Алексея Михайлова сына Мокрошубова, племянника Филиппа.

Его отец, Михаил, сын подьячего Ивана Пантелеевича, успел сделать карьеру, когда отца уже с позором изгнали из подьячих:

«Якутцкого города служилые люди

Рядовые казаки

Женатые

Марчко Иванов Игнатьева в прошлом во 198-м [1690] году по Указу Великих государей и по грамоте приверстан в пятидесятники. И в

нынешнем в 200-м [1692] году октября в 3 день приверстан в ево Марчково место казачей сын Мишка [Иванов сын] Мокрошубов в холостой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 27]. Он проходил в ранге детей приказных служителей, что, соответственно, открывало для него служебные перспективы. И не только для него самого — для его детей тоже.

Алексей Михайлович проходил службу на Охотоморье.

Вот что сообщал П.П. Явловский в «Летописи города Якутска» за 1740 год:

«С 24 мая по 15 июня проездом в Камчатку жил член Камчатской экспедиции академик по кафедре натуральной истории Георг Вильгельм Стеллер. С ним были живописец Беркан, студент Алексей Горланов и якутский боярский сын из казачьих детей Алексей Данилов, возвращавшийся из Москвы, куда был отправлен с казенною рухлядью в конвое Охотского сержанта Алексея Мокрошубова и присоединившийся к Стеллеру в Тобольске».

В тот период чин «сержант», по всей видимости, относился к казачьему (был такой период истории).

А спустя пять лет в Анадырском остроге он сменился на воинский чин:

«В ноябре 1745 г. прибыли из Анадырска в Акланский острог 11 человек служилых для встречи Флавиана, назначенного в Анадырск, и для сбора ясака с оленных коряк. 19 ноября партия эта под начальством гренадера Мокрошубова отправилась по р. Аклану к морю для приобретения продовольствия у пеших коряк, а двое служилых, Потапов и Беляев, вышли из острога для покупки рыбы у соседних коряк. Но, не доезжая до коряцкого стойбища (в 60 вер. от Акланска), Потапов и Беляев увидели на дороге трупы Мокрошубова и его товарищей, убитых коряками. Опасаясь подвергнуться подобной же участи, они убежали в острог, где заперлись с остальными 14-ю казаками. 26 ноября партия коряк подошла к острогу и держала его в осаде по март месяц 1746 г. Осажденные по недостатку пищи ели сыромятные сумы, подошвы и ремни».

Позже Потапов сообщал:

«Прошлого де 1745 году в ноябре месяце в бытность ево, Потапова, в Акланском остроге, в небытность сержанта Ивана Енисейского, которой тогда был в Охоцке, прибыли из Анадырского острогу в Акланск партии сержант Алексей Мокрошубов да служилый Иван [Тара]бикин … гранадер Иван Мамруков, служилые Козьма Ерганьин, Афанасей Решетков, Лев Баигачев, Василей Онофриев, да за ясашным сбором Анадырского платежа из коряк Антипа Кармалин, Алексей Юрганин, Иван Проидошин, Афанасей Кожевин, всего одиннадцать человек».

Казаки на Северо-Востоке весьма охотно переходили на службу в регулярные войска (в архивах есть по этому поводу документы), так как солдатская служба коренным образом отличалась от казачьей: в армии служили не пожизненно, а 25 лет, получали казенное обмундированием, жалованье, паек…

Следующая наша история связана уже с Русской Америкой, с Секретной правительственной экспедицией Креницына-Левашева.

И вот почему:

Приступая к сдаче отчетного материала, Левашов прежде всего составил списки всех участников экспедиции и отдельно список «морских разных чинов и служителей», прибывших с ним в Петербург, где значились командированные из С.-Петербурга: «капитан-лейтенант М.Д. Левашов, штурман ранга прапорщичьего А.И. Дудин-меньший, сержант И.Л. Шипицын, квартирмейстеры Е.И. Иванов, К.И. Лошкарев, Р.И. Абрамовский; командированный из Тобольска лекарь И.М. Гриневский; командированные из Иркутска и Томска штурманские ученики Иван Андреевич Кондратов, Афанасий Михайлович Романов, командированный из Якутска казак А.П. Мокрошубов, взятый для охраны письменных дел, принадлежащих Креницыну» [Глушанков И.В. Секретная экспедиция, Магадан, 1972].

К сожалению, это только одно упоминание в книге, и мы не знаем ни имени-отчества, ни каких-то сведений об этом человеке.

Но мы знаем другое — если этот казак находился рядом с Петром Креницыным, то он испытал на себе все те ужасы, которые были связаны с, скажем мягко, «недружественными» отношениями с аборигенами, которые привели к трагическим последствиям для многих из людей, которые, к своему несчастью, оказались в команде Креницына, а не Левашева, суда которых, как в свое время суда Чирикова и Беринга, были разделены морской судьбой и ее последствиями.

Для многих членов команды Креницына эти последствия были роковыми — они навечно остались на Алеутских островах, погибнув от цинги.

Трагическая судьба ожидала и самого Креницына, хотя он благополучно возвратился на Камчатку:

«5 июля 1770 года экспедицию неожиданно постигло большое несчастье. В час дня начальник ее, П. К. Креницын, съехав на берег и взяв с собой четырех казаков, пошел проверить команду, ранее посланную для рыбной ловли к устью реки Камчатки. Идя по берегу реки, увидели небольшую лодку, и Креницын приказал спустить ее в реку, послав казака Михаила Замютина принести травы для подстилки в лодку. Но в это время нашли подле берега доску, которую положили поперек лодки, и Креницын сел на нее. Затем один казак сел на носу, другой — на корме, а казак Иван Черепанов стал позади Креницына и шестом оттолкнулись от берега. Лодка зашаталась и в 5–6 саженях от берега, где было сильное течение, опрокинулась. Сидящие в ней упали в воду, и течением всех разбросало в разные стороны, Креницына и Черепанова мгновенно отнесло на середину реки, и они утонули…»

Какова дальнейшая судьба А.П. Мокрошубова — нам пока неизвестно.

Мы знаем другое, что унтер-офицеры Мокрошубовы продолжали служить в воинских командах Якутии и бывших территорий воеводства — в Олеминске и Оленске в 1780-х

годах — Борис и Иван Мокрошубовы. На Камчатке в гарнизонном батальоне, часть которого дислоцировалась в Нижнекамчатске, служил в 1812 году Матвей Петрович Мокрошубов, но после расформирования батальона он с супругой Стефанидой Петровной, возможно коренной камчадалкой, выехал с Камчатки, и нынешние его потомки, если они есть, живут где-то на сибирских просторах.

В фамильной памяти же якутских крестников казаков Мокрошубовых — саха — они остались как Мокрощуповы…

МОХНАТКИНЫ

Специалисты по антропонимике считают, что в основе образования этой фамилии лежит слово мохнатка — «малахай шерстью наружу» или «рукавицы волчьей или собачьей шерстью наружу».

Для Сибири с ее морозами обладание мохнатками не было чем-то необычным — это были привычные, обиходные вещи.

Но и фамилия родилась не в Сибири. Вот что, например, сообщают пинежские краеведы:

«В начале XVII века в деревне Телеверовской Сильвестровской Волокопинежской волости жили Варлам и Афанасий Мохнаткины. Пока не могу сказать, братья они родные или двоюродные. В 1645–1678 годах некоторые из их детей и внуков уходили из уезда от хлебного недорода в Сибирь, как правило. Но некоторые возвращались. Все современные Мохнаткины — потомки Варлама и Афанасия Мохнаткиных».

Конечно, это предположение.

Потому что факты говорят о другом.

Вот, например, первый случай:

«Якутцкого города служилые люди

Рядовые казаки

Женатые

Стенка Григорьев Мохнатко в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 26 день приверстан в ево Стенькино место казачей сын Стенька Семенов Олесов в холостой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 35].

Женатый — значит, семейный. И, следовательно, дети Мохнатки писались уже Мохнаткиными.

Второй случай. В 1692 году в списках значится:

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Митька Елизарьев Мохнатко и Луток он же» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 52].

Сегодня — рядовой, завтра — женатый…

И в 1720 году в списках якутских казаков появляется: «Служивой Осип Максимов сын Мохнаткин сказал деветнатцети лет (1701) холост» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 68 об.].

Мы не утверждаем, что эти Мохнатки и Мохнаткин — родственники. Мы говорим об образовании фамилий — и Стенка Григорьев и Митька Елизарьев Мохнаткин прибыли в Сибирь уже с такими именами. Откуда — пока не знаем, но из тех мест, где мохнатка — рукавица или малахай — не были привычными и обыденными для тех мест.

Хотя нельзя забывать еще об одной важной особенности в образовании фамилий – они часто возникали от прозвищ. И кого, интересно, могли назвать тогда в Сибири Мохнаткой, если все казаки сплошь были бородатыми и носили длинные волосы?

Осип Максимович Мохнаткин впоследствии несет службу в Тауйском остроге [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 126 об.].

Затем на историческом горизонте появляется Василий Мохнаткин.

Приходился ли Василий родственником кому-то из трех вышеназванных героев этого материала — вопрос открытый.

Что мы знаем об этом человеке — который является крестным (то есть духовным) отцом всех камчатских камчадалов и коряков Мохнаткиных?

Знаем немного, но, тем не менее, есть чем поделиться.

По данным после первой переписи 1718 года, Василий Мохнаткин служил в Нижнекамчатском остроге. И не просто служил, а участвовал в военных походах и имел свой ясырь: «Василья Мохнаткина дворовые некрещеные Кумчюла, Комхас».

В своем Рапорте Гмелину и Миллеру от 5 августа 1739 г. Степан Петрович Крашенинников несколько раз упоминает камчатского служилого Василия Мохнаткина [Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 82–92].

Уверен, что для современных носителей этой фамилии информация из рапорта будет не лишней:

«…Между тем зделан ящик в доме у служивого Андрея Кривошеина, где метеорологические инструменты повешены, и начаты метеорологические обсервации генваря с 2–3 дня, а к чинению их определены служивой Василей Мохнаткин, да казачей сын Егор Иконников, также присыланы старожилы, партовщики, и прочие люди, которых требовал от приказной избы, и чрез оных написаны известия о раззорении Нижнего острога, о походах и о усмирении иноземцов. Чрез знающих про реки, впадающие в Восточное море, которые не от приказной избы присыланы, но самохотно о реках сказывали, сочинено описание оным рекам от устья Камчатского до Олюторского носу, а далее никто не бывал из служивых, а в Пенжинское море от реки Хариузовой до Лесной, чрез промышленников сочинены реэстры зверям, птицам, рыбам, деревам и ягодам.

…Марта по первое число обучал я определенных для чинения метеорологических обсерваций служивого Мохнаткина и казачья сына Иконникова, а марта с первого числа велел им начать метеорологические обсервации, а смотрел инструменты до поезду моего сам с ними. При здаче метеорологических инструментов означенным служивому Мохнаткину с товарищем дана ртуть, проволоки толстой полтора аршина, тоненькой поларшина, двои солнечные часы, компас, на полуденной линее зделанной, флюгер и письменная инструкция, в чем от них взята квитанция.

…Марта 12 дня требовано от приказной избы, чтоб определенным для чинения метеорологических обсерваций служивому Мохнаткину с товарищем чинено было вспоможение, а имянно: 1) чтоб им от приказной избы давать повелено было потребное число бумаги и чернил и жиру на свет, ибо им в ночи в 10 часах надлежит смотреть метеорологические инструменты; 2) ежели для примечания прибыли и убыли воды в Камчатке реке требовать будут столба, то б оной им отправить; 3) чтоб караульным приказано было, ежели нощным временем усмотрят на небе столбы или иные какие знамения, или горелая сопка гореть или греметь, или земля трястися будет, о том бы им Мохнаткину с товарищем тотчас объявлять повелено было, а от них бы Мохнаткина с товарищем по всякой месяц с их журнала принимать по две копии и отсылать ко мне приказано было, а за ними б накрепко смотреть, дабы они приказанное им дело прилежно отправляли.

Того же дня требовал я Нижнего Камчатского острога от приказной избы на семеры санки прогонных денег, и объявлял, что я поеду по берегу Восточного моря через Чажму до Авачи и оттуда в Большерецк, а чрез те места дорога не меряна, а сказывают, что будет около четырехсот верст, и чтоб приказная изба на четыреста верст прогонных денег мне выдала, а что из оных денег останется, то отдано будет в Большерецкую приказную избу.

Марта 14 дня прислано ко мне из приказной избы Нижнего Камчатского острога ведение, в котором на все вышеозначенные требования ответствовано, а имянно: 1) о определении к чинению метеорологических наблюдений служивого Василья Мохнаткина да казачья сына Егора Иконникова;

…Марта 15 дня в присланном ведении от приказной избы написано: что де определенным для чинения метеорологических обсерваций служивому Мохнаткину с товарищем вспоможение во всем вышетребованном учинено будет, только де бумаги ныне в казне мало, а в продаже де ни у кого не имеется, и от них де Мохнаткина с товарищем будут браться по всякой месяц по две копии и отсылаться ко мне в Большерецк. Да при оном же требовании присланы ко мне на четыреста верст прогонных денег, на семеры санки три рубли семьдесят пять копеек, а подводы де и с проводники будут присланы ко мне на показанное от меня число.

…Июня 22 дня получил я репорт из Нижнего Камчатского острога от определенных к чинению метеорологических обсерваций служивого Василья Мохнаткина с товарищем, в котором написано: по ее де императорского величества указу велено им быть при метеорологических наблюдениях и велено де им перемену воздуха и погоды записывать в журнал, и с журнала подавать на каждой месяц по две копии в приказную избу, и ныне де у них бумаги не имеется, а в Нижнем Камчадальском остроге в приказной избе скудаются казенною пищей бумагой. Апреля де 4 дня подавали они в приказную избу требование о бумаге, и выдали де им из казны ее императорского величества полдести пищей бумаги, да серой мохнатой бумаги два листа, и чтоб о вышеписанном учинено было рассмотрение. При оном же репорте присланы двойные копии двух месяцов марта и апреля».

В 1745 году на Камчатку прибывает Духовная Миссия во главе с архимандритом Хотунцевским. В ее составе «Охоцкой команды служилой же Василей Мохнаткин», который направлен сюда в качестве «проповеднического толмача».

Об этом мы узнаем из двух интересных документов, напрямую связанных с проповеднической деятельностью Миссии — ее победами и неудачами.

Первый — о сопротивлении.

«“Скаска ясачного иноземца” Орликова от 13 апреля 1746 г.

1746 года апреля 13 дня Ламахаручевского острога новокрещеной ясашной иноземец Петр Орликов, при присудствии заседающих господ высокопреподобнейшего отца архимандрита Иоасафа Хотунцевского и ревизий мужеска полу душ благородного господина капитана Завьялова, Якуцкого полку капрала Алексея Лебедева и прикащика Осипа Росторгуева, сею скаскою объявил.

Апреля де 3 дня сего 1746 года отправлен он был по ордеру от приказной избы чрез Столбы до Озерной реки для наведывания тайным образом таковой вести, не убили ли посланных для ясашного сбора служилых Степана Шапкина с товарищи, до которой реки он и доежал. А того ж апреля 7 дня приехал он на Озерную реку к тоену Отомначике, в оном остроге первую нощь ночевал и о побитии ясашных сборщиков у тоена спрашивал, токмо оной тоен с родником своим Керугой, а по крещении Семеном Минюхиным сказали: ясашныя де сборщики за сбором ясашным ушли на остров и затем де их долго нет, что знатно лед разбило и нельзя им обратно попасть. А того ж апреля 8 дня услышал он, Орликов, от тоена Хотомначики и с родника ево Керуги, что оныя сборщики конечно имеются на острове. Того ради оной Орликов объявляющего ему о том иноземца Керугу для вероятного к команде объявления звал в Нижней острог, которой напротив того говорил: “пойдем де мы в юрту”. И будучи он, Орликов, с ним Керугой в юрте, между протчим оной Керуга ему объявил, что де сборщиков поголовно всех на Юмгиной реке у Умьевушки четверо олюторов, Карагинской тоен и Алексей с братом Лазуковым убили, и при том говорил в бытность де ево, Керуги, у Умьевушки олюторы и Алексей с братом Лазуковым говорили: ежели де увидишь Орликова, скажи ему, чтобы он с нами ж был в одном согласии, а чюкчи де, коряки и юкагири на погромление здешняго Нижняго Камчатского острога к нам в споможение притти хотят, и нас де людей много, руским людям не поддадимся и приедем де все с женами и с детьми в здешней Нижней Камчатской острог и, которые де там имеются хорошие дворы, в тех

де будет жить Лазуков с командою и будет де ожидать с моря судов. При чем оной Керуга ему, Орликову, приказывал: вы де с Ламахаручем знаете, когда с моря суда приходят, смотрите, чтоб де они, прибыв к берегу, назад на море не ушли, а возьмем де мы их обманом. А на лето де две байдары олюторов с женами и с детьми, а имянно тоен с братом, которого имени он, Орликов, сказать не знает, уже совсем на поселение в Нижней острог приттить намерены, а на Авачу де будет Умьевушкин зять Канач с табуном и будет де ожидать судов, который из Охоцка прибудут. А другия де пойдут, совокупясь с тигильскими, на погром в Большерецк и в Верхней остроги. И при том оной Керуга ему, Орликову, сказывал, что де в Большерецке людей немного, и хотя де этих наших руские люди и прибьют, то де на лето будут чюкчи, которых де руские люди убить никак не возмогут, а юкагиры де и чюкчи колымскую дорогу уже заперли, коряки же де с чюкчами замирение возымели, объявляя: доколе де нам между собою иметь брань и от руских терпеть, мы де их, чтоб они на нашей земле не были, всех до единого искореним. А оленныя де коряки изобрав близ здешняго острога моховое оленное кормовище, будут на оном, переселяся оттуду, жительство иметь, а наши де камчадалы будут жить в самом остроге и иметь командира Алексея Лазукова камчюга. А хотели де они быть в острог по насту на костянных полозьях в нынешнем же апреле месяце и взять острог с северной страны с задняго бастиона на утреней зоре, уповая, что де руские люди во оное время весьма разоспятся. И на вышепредложенныя речи Керуги, Семена Минюхина ясашной иноземец Петр Орликов, опасаясь, чтоб не принять ему от того Керуги с прочими смерти, сказал ему: я де с вами в заговоре быть готов, только де пришлите ко мне четырех человек, которые де бы мне, когда наши родники подымутся в поход и будут на Столбы, весть поддержали. И на то оной Керуга ему, Орликову, сказал: я де твои речи, чтоб он к тебе тех людей прислал, Умьевушке скажу, а к прочим де тоенам, а имянно Поучева острога к Камаку, по крещении Стефану Кузнецову, с Уки реки от Начики, по крещении Ивана Колегова для призывания онаго Камака во общее согласие послан де будет того ж острога иноземец Карымча Черной, а по крещении Алексей Тихонов сын Антипин. И при всех вышеписанных Керуги с ним, Орликовым, разговорах представляет он свидетелей Столбовской реки есаула Ломача, по крещении Потапа Колегова, и Тениву, по крещении Петра Холщевникова, да вышеписанного ж Хотомначики зятя Кожача, по крещении Ивана Невотчикова, которых он с собою сюда в Нижней Камчатской острог и привез для доказательства, и в сей де своей скаске сказал он, Орликов, самую истину без всякой лжи и утайки и в том он во всем вышеписанном утверждается. У сей скаски иноземческие речи переводили здешняго Нижняго Камчатского острога служилыя Егор Иконников, Савин Пономарев да Охоцкой команды служилой же Василей Мохнаткин.

Петра Орликова иноземческие речи переводил служилой Василей Мохнаткин и вместо оного Орликова руку приложил. У сей скаски вышеписанного новокрещеного камчадала Петра Орликова иноземческие речи переводил служилой Егор Иконников и руку приложил. У сей скаски вышеписанного новокрещена камчадала Петра Орликова иноземческие речи переводил служилой Савин Пономарев и руку приложил».

Это событие закончилось весьма печально и для некоторых крестников самого Василия:

«1764 году октября 25 дня по указу ея императорского величества правительствующий Сенат слушав присланных из нижеозначенных мест доношений, а именно из Иркуцкой канцелярии. Втораго — августа 28, третьяго — сентября 3-го 1747, а четвертого — маия 9 числ[а] 1748 годов со мнениями о учинении таковым же содержащимся в Охоцке ясашным корякам и такого ж, как выше явствует, наказания за нижеследующие их вины и кото… 1) Теневу, Нияхке, Марке, Хажигытте, Тенехке, Ингате, Куте, Мыкынтыкане, итого осьми человекам за намерение их к измене и к побитию руских людей, из коих двое тогда умерли, о чем и особо представлено, 2) Чингину да Пишиге за учинение ими измены и за злоумышления к побитию руских людей происки, 3) камчадалам и олюторам Экче, Халюпу, Апле, Таннию, Хваволу, Лехту, Атакану, Амгытку, Апляжу да Ивашке, итого десяти человекам за убивство ими в 1746 году посланных к ним с Камчатки для ясашного сбору служилых и новокрещеных десяти ж человек, да корякам же новокрещеным Василью да Льву Мохнаткиным, Спиридону Бекиреву, Петру, Семену и Данилу Колеговым, Якову Антипову, Никите Заеву, Максиму Тиханову, Никите Чижевскому, Семену Минюхину, Ивану Ащепкову за убивство ж ими и взятье в полон в том же году в Столбовском остроге ясашных коряк, всего тридцати шести человек, и за протчия их показанные в приложенном экстракте важный злодейственныя вины, а согласникам оных убийц и имевшим намерение к тому ж бунту и измене, корякам же и камчадалам Каначю, Ипине, Леонтью Куске, Тиаке, новокрещенным Петру Эрангиму, Петру ж Васильеву с товарищи политическую смерть: положа на плаху и сняв со оной, бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри до кости, вывесть с Камчатки из их жилищ в город Якуцк и написать тамо в ясак».

Конечно, эта информация, которой я поделился, вызовет неоднозначную реакцию у моих читателей. Тем более что и один из наиболее авторитетных историков, работавших на основе архивных материалов, автор «Исторического очерка главнейших событий в Камчатке» Алек-

сандр Степанович Сгибнев еще в XIX столетии выражал свое возмущение по поводу проповеднической миссии архимандрита Хотунцевского:

«...Хотунцевский, обязанный по своему званию и назначению быть примером христианского человеколюбия, был до того жесток и бесчеловечен с туземцами и русскими служилыми, что получил от последних название антихриста. Пользуясь добротою и скромностию старика Лебедева, он вмешивался во все дела, не входившие даже в круг его обязанностей, и наказывал инородцев и служилых плетьми до полусмерти за всякое малейшее преступление. Инородцы, чтобы избавиться от частых посещений духовенства и преследований его, показывали сперва полную готовность быть христианами, надеясь, конечно, сохранить при этом и свои языческие обряды; но на деле оказалось, что с принятием христианства положение их не только не улучшилось, но, напротив того, сделалось еще тягостнее. Не внушив должного понятия об обязанностях христианина, духовенство заставляло их с принятием христианства тотчас же бросить все прежние обычаи, освященные веками, наблюдать посты, ходить аккуратно в церковь и т. д. Хотунцевский как палач наказывал всех плетьми перед церковью за малейшее несоблюдение церковных правил и непременно сам присутствовал при экзекуции.

В делах иркутского архива можно найти много фактов о бесчеловечных поступках Хотунцевского, который, впрочем, и сам не стеснялся доносить о своем усердии к распространению и упрочнению в Камчатке веры Христовой».

Но я тоже работал на основе архивных материалов и хочу сказать, что не Хотунцевский был главным Крестителем на Камчатке. Да и Александр Степанович приводит в своей работе весьма убедительные цифры, подтверждающие мои слова:

«В 1741 г. крещеных камчадалов считалось уже 878 челов. Иеродиакон Гавриил при содействии находившегося в экспедиции Беринга монаха Феофилакта обратил в христианство 1417 челов., а в 1744 г., по отчетам духовенства, было до 6000 челов., тогда как всех считалось в то время до 10 000 человек».

А Камчатская Духовная Миссия появляется на полуострове только в августе... 1745 года.

Иеродиакон Гавриил, о котором упоминает А.С. Сгибнев, — это иеродиакон Гавриил Притчин из Якутского Спасского монастыря, который прибыл на Камчатку для освещения двух одноименных церквей — Успения Пресвятой Богородицы — в Нижнекамчатском и Большерецком острогах.

И, будучи в Большерецком остроге, с 15 ноября 1740 по 8 февраля 1741 года [РГИА, ф. 796, оп. 23, д. 106] он в компании со служилыми людьми, тойонами окрестных селений и новокрещеными камчадалами, крестил... 1422 человека, многие потомки которых и по сей день носят фамилии, данные им при крещении отцом Гавриилом от крестных отцов.

Путь Иеродиакона Гавриила и его Духовной Миссии лежал на север и юг от Большерецкого острога.

Но он крестил всего 1422 человека, в то время как А.С. Сгибнев называет цифру новокрещеных камчадалов в шесть *тысяч* человек.

Кто же так и когда постарался?

И здесь мы должны говорить о первом миссионере Камчатки — священнике Ермолае Иванове, род которого по женской линии продолжится в священниках Никифоровых, первый из которых — бывший студент Славяно-Греко-Латинской академии Степан Никифорович Никифоров прибудет на Камчатку в Духовной миссии архимандрита Хотунцевского и первоначально будет обучать детей в школе — он был женат на дочери отца Ермолая Ирине.

Со мной, конечно, можно спорить — ведь фактически первым священником на полуострове был не он, а иеромонах Иосиф Лазарев — настоятель первой камчатской церкви — Нижнекамчатской Николаевской, построенной еще в 1713 году, а освященной лишь с прибытием Лазарева в 1725 году, но в 1731 году сожженой камчадалами и уже восстановленной на новом месте — в новом Нижнекамчатской остроге рядом с Успенской церковью, которая стала миссионерской, а Николаевская — приходской.

Спорить можно.

Но есть с чем сравнить.

В Российском государственном историческом архиве [ф. 796, оп. 27, д., 84А, лл. 206–206 об] обнаружена «Ведомость по полученных в канцелярии Охотского порта Камчадалских острогов ... в котором году ... восприяло язычные платежные иноверцов христианскую греческого исповедания веру а имянно»:

Большерецкий острог	1737 — 18
	1738 — 21
	1738 — 21
1733 — 2 (человека)	1739 — 4
1734 — 2	1740 — 54
1735 — 26	1741 — 132
1736 — 9	Итого: 272 человека.
Верхний Камчатский острог	1737 — 6
	1738 — 4
	1739 — 3
1733 — 1	1740 — 380
1735 — 13	1741 — 89
1736 — 1	Итого: 497 человек
Нижний Камчатский острог	1736 — 7
	1737 — 13
	1738 — 18
1732 — 25	1739 — 9
1733 — 10	1740 — 15
1734 — 4	1741 — 1
1735 — 7	Итого: 109 человек.

Общий итог — 878 человек

Судя по отчету отца Ермолая, его «крестовые походы» касались всей Камчатки. Но... до северных окраин он-таки не дошел.

Эту Духовную Миссию, действительно, осуществил архимандрит Камчатский — Иоасаф Хотунцевский, в свите которого находился охотский служилый человек, проповеднический толмач Василий Мохнаткин, без которого миссия обойтись не могла, и поэтому мы, изучая отчет Хотунцевского, видим повсеместное присутствие этой фамилии и этого имени в отчествах новокрещеных камчадалов и коряков.

И, честно говоря, это его столь активное участие в крещении «налево и направо» сегодня заводит в тупик любого, кто попытается отыскать свои родовые корни.

Приведу несколько примеров из крещения в Палане.

Местный тойон (вождь) Эчи в 1745 году после крещения по православному обряду становится Михаилом Васильевым сыном Мохнаткиным.

Но его крестный отец становится крестным отцом, и у его сыновей, которые после крещения также становятся один (15 лет) Иваном, а другой Петром (10 лет) Васильевыми сыновьями Мохнаткиными. И поди теперь разбери, кто из них отец или сын.

Но это еще не все.

В этой же «зоне» крещения оказались и родники — родственники — тойона.

Глава семьи — Мохнаткин Антоний Васильев сын.

Сыновья — Афанасий Васильев сын, Кирилл Васильев сын Мохнаткины.

Внук — Макарий Васильев сын Мохнаткин.

Вот и поди разберись…

Но время все расставило по своим местам, когда пошли уже самостоятельные родовые ветви, разрастаясь в родовые древа.

Да и православное христианство у северных народов долгое время (кое-где и по сей день) соседствовало с традиционными языческими религиями:

«…проповеднический толмач Василий Мохнаткин в рапорте сообщал, что "…в прошлом 752 году на реке Еловке в Харчинском остроге у тоена Ивана Брехова с родниками происходило шаманство… оные иноземцы к прежним своим богам приносят жертвы и мнимое претворяют себе щастие"».

Но чему удивляться — мы ведь тоже и по сей день празднуем Масленицу, хотя это праздник языческий, и ничего! Суть только поменяли:

«Масленица является древним языческим праздником. Считается, что первоначально Масленица была связана с днем весеннего солнцеворота, но с принятием христианства она стала предварять Великий пост и зависеть от его сроков. На Руси издавна было принято отмечать смену времен года».

Отсюда и блины — символ солнца.

Бубен — тоже символ солнца. Так что все рядышком — поклон природе, земле, небу, солнцу и ритму жизни…

Поэтому стоит ли удивляться, что на этих северных просторах родилось удивительнейшее явление — танцы и пляски северных народов — пластика которых и поражает, и завораживает.

Замечательный камчатский поэт Георгий Германович Поротов, много лет проработавший на Севере и стоявший у истоков создания корякского балета «Мэнго», писал:

Корякская пляска —
Веселья сестра,
Я мог любоваться
Тобой до утра.
Из песен чудусных,
Сплетенных в узор,
Я видел и слышал,
Присев у дверей, —
Безмолвие тундры,
Крик птиц
И повадки зверей…

И вот об одном из них — солисте государственного академического корякского ансамбля танца — в печальном сообщении камчатского писателя Валерия Кравченко:

«12 ноября 2014 года, после тяжелой болезни, ушел из жизни уникальный корякский мастер, неподражаемый актер и хореограф, солист Государственного академического корякского ансамбля танца "Мэнго" Анатолий Никонович Мохнаткин.

Он родился 7 августа 1949 года в селе Кахтана Тигильского района. Когда в сентябре 1967-го Толик Мохнаткин в Палане побывал на премьере первого корякского балета "Мэнго", то сразу же, по его признанию, захотел танцевать. Товарищ Анатолия — артист "Мэнго" Евгений Панкаринов (первый знаменитый исполнитель роли Шамана в балете) — свел его с Александром Гилем. 2 ноября 1967 года судьба Анатолия была решена: он стал артистом "Мэнго" и вместе с будущими знаменитостями ансамбля — Борисом Жирковым, Екатериной Гиль, Даниилом Ягановым и другими — стал постигать тайны национального искусства.

С тех пор минуло 47 лет.

Тысячи концертов, десятки стран мира прошли сквозь его судьбу. Став настоящим танцором, Анатолий Мохнаткин блестяще проявил себя и как уникальный драматический актер. Его участие в постановках "Мэнго" всегда восхищало публику. Его шуточные миниатюры на стихи Георгия Поротова, которые он исполнял с друзьями по сцене — Александром Мохнаткиным, Петром Ягановым, Екатериной Гиль, в последние годы — с Тарасом Гилем — поражали своей артистичностью и ярко выраженным национальным колоритом. Он стал настоящей звездой ансамбля, хотя никогда себя знаменитостью не считал. Он был скромен, улыбчив, даже застенчив. И только на сцене он преображался, становился Мастером…

Анатолий Мохнаткин был предан коллективу, которому отдал всю свою жизнь. Теперь можно сказать: он золотыми буквами вписал себя в творческую биографию уникального корякского ансамбля и в историю культуры всего Камчатского края».

Но коренные жители Севера не только прекрасные танцоры, они и воины. По-разному

строились взаимоотношения коренных народов Севера с сибирскими казаками. Кто-то становился мирным «ясачным плательщиком», а кто-то в течение многих десятилетий отстаивал свою независимость. Кто-то совершал грабительские набеги, а кто-то вместе с русскими эти набеги отражал…

Всякое было… Но в 1904 году, когда на Камчатку пришла весть о Русско-японской войне и возможности захвата японцами Камчатки, вопрос о создании народного ополчения достиг и Севера.

Жители Паланы создали собственную народную дружину, ядром которой были (тогда еще камчадалы) Мохнаткины:

Мохнаткин Андриан,
Мохнаткин Аристарх,
Мохнаткин Григорий,
Мохнаткин Иван,
Мохнаткин Иван,
Мохнаткин Константин,
Мохнаткин Роман (с. Кахтана),
Мохнаткин Трофим,
Мохнаткин Федор.

Интересны сообщения внучки Андриана Мохнаткина о том давнем времени, когда в результате революции и гражданской войны не только «смешались в кучу кони, люди» (перефразируя великого Лермонтова), но и племена и народы:

«Мама моя — пятый и последний ребенок в семье Мохнаткиных Андрияна и Матроны. О них, родителях мамы, в метрической книге Палланской (пишется именно так — с двумя буквами “л”) Николаевской церкви на 1904 год записано: “камчадал Палланского селения Андриан Мохнаткин и законная жена его Матрона Никитова, оба православного вероисповедания”. Интересно, что в этом документе и дедушка, и бабушка записаны как камчадалы, а всех их дети — уже коряки. В том числе и моя мама. Хотя, тигильские “родники” от старшей ее сестры, Марфы Андрияновны, почему-то все стали ительменами: мама — корячка, отец-русский, а они — ительмены?»

Не перестаем удивляться этому и мы, спустя десятилетия после того, как советские этнографы провели этническую чистку и, забраковав одни народы, дали другим новые имена, не заботясь о последствиях такой — весьма радикальной — национальной политики, решая за целые народы, кому из них кем быть и кем называться.

На Камчатке и по сей день камчадалы борются за свое *исконное* право быть теми, кем были их предки — коренным народом Камчатки. Но их решили считать неким национальным сбродом — и не переломить мнение пришлого большинства, укоренившегося на полуострове и распоряжающегося его благами.

Но вернемся к внучке Андриана Мохнаткина, участника обороны Камчатки в период Русско-японской войны.

Она тоже воин — и сражалась со своими врагами:

«В сентябре 1993 года Солодякова отказалась подчиниться Указу Президента Ельцина о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. Находилась в Доме Советов России вплоть до обстрела и штурма его 4 октября. Была включена в список лиц, на которых не распространялось действие Указа Президента от 23 сентября 1993 года «О социальных гарантиях для народных депутатов РФ созыва 1990–1995 годов» (Указом от 22 апреля 1994 года возвращены государственные гарантии социальной защиты)».

Да-да, его внучка — известный политик, коммунист, сохранивший верность социалистическим идеям, патриот своей родной земли Нина Ивановна Солодякова — и ей низкий мой поклон за ее любовь и верность родной земле, которую она по-прежнему защищает, как настоящий воин, но будучи уже не политиком, а писателем.

МУРОМЦЕВЫ

Здесь гадать не нужно: как родилась на свет эта фамилия:

«Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец».

Да-да, он самый — Илья Муромец.

Муром — один из древнейших городов России (впервые упоминается в «Повести временных лет» в недатированной части летописи до призвания варягов), расположен на левом берегу реки Оки, в 137 км от Владимира, на границе с Нижегородской областью».

Муромцевы же появились в Сибири в числе первых, возможно, в отряде Ермака Тимофеевича.

В 1627 году в Тобольске было уже четверо Муромцевых.

Двое пеших казаков — отец с сыном — десятник Посник и рядовой Семейка Посников сын Муромцова с окладом денег «по 4 рубли с четью» и «по 5-ти чети с осминою ржи по 2 чети овса» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 14. Л. 90, 91].

Третий — в том же денежном и хлебном окладе — стрелец Пронька Гарасимов Муромцов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 14. Л. 144].

А вот четвертый в 1727 году показан в стрельцах, в 1728 году — в элитном «литовском» казачьем списке, а в 1730 году — в таможенных подъячих — Бурнашка Муромцов [Солодкин Я.Г. «Литовские люди» на военной службе в Сибири в конце XVI – первой трети XVII века (к ранней истории формирования служилого населения азиатской России)].

Но потом служебные пути-дороги Муромцевых расходятся, и имя последнего из тобольских Муромцевых — Демку из «Литвы и литовского списку казаков» (вероятно, потомка Бурнаша) мы встречаем в именных списках за 1661 год [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 138].

Но Муромцевы появляются в Иркутске:

«Муромцев (Муромцов) Иван, рядовой пеший казак с окладом 5 руб., 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.; подьячий Иркутской приказной избы, 1709 г» [Гурулев С.А. Первые иркутяне, Иркутск, 2011].

У Андрея Владимировича Черепанова в «Родословном справочнике Иркутска» этот список побольше.

Иван Семенов сын Муромцов — прибывший в 1672 году из Енисейска казак. Енисейские казаки несли службу в Предбайкалье и Забайкалье, поэтому формирование иркутского гарнизона шло отсюда — из «разрядного» (или по-современному — губернского) города.

Сыновья Ивана Семеновича — Иван Иванович и Яков Иванович — служили в таможенных подьячих Иркутска.

Проживал в эти же годы в Иркутске разночинец (то есть из бывших казаков) Василий Муромцев с сыновьями Козьмой (примерно 1723) и Логином (пр. 1727). Известна только дальнейшая судьба Логина — он служил ямщиком Зиминского станца.

И наш следующий герой, вероятно, из иркутских купцов, но проверить это мы пока не можем.

Сообщаем только то, что известно:

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

Петр Муромцов. Жена Настасья Никитична.

Сын Степан — 5 (1763). Дочери: Евдокия — 7, Мелания — 1» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781

Казаки

Петр Муромцов

Яков Муромцов

Степан Муромцов» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20 об.].

И заключительный аккорд:

«Именной список состоящих при Охотской Казацкой чинах с показанием лет.

Март месяц сего 1831 года…

Муромцев Макар (1805), казак» [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 660 об. – 661 об.].

МУТОВИНЫ

Для меня это не просто фамилия, а конкретные люди, которых я знал с самого раннего своего детства, когда в 1959 году наша семья вернулась из далекого села Вывенка (Олюторского района Корякского национального округа) в село Усть-Камчатск, на родину моего отца, Ивана Григорьевича.

Первое время мы жили в домике моей бабушки — Ульяны Демьяновны (в девичестве Хомченко), а напротив нас, на другой стороне этой же улицы, жила семья с двойной фамилией — Мутовины-Пирожковы.

Главой семьи была тетя Мотя Мутовина, у которой было трое детей — Александра (тетя Шура, в то время уже замужем за Иваном Петуховым и носила фамилию мужа), Николай и Сергей.

Николай был уже взрослым мужчиной. А Сергей — тогда еще юноша, учился в школе, в старших классах.

Пирожков, как я теперь понимаю, был вторым мужем тети Моти. И тетя Мотя тоже, выходит, была Мутовиной по мужу.

Тогда, в далеком детстве, я не задавался, как и многие мои сверстники, этими вопросами. Мы часто бывали на их дворе — у них, в отличие от бабушкиного колодца, была отличная питьевая вода. А кроме того, мой отец с моим младшим братом Александром любили париться в их баньке, которая топилась по-черному и в которой можно было успеть не только попариться и помыться, но и изрядно испачкаться, коснувшись закопченных стен.

Тетя Мотя была невысокой, но крупной и очень доброй женщиной, мимо которой, чтобы не получить какое-то угощение, пройти было нельзя. Ее мужа помню плохо — запомнился как незаметный и тихий старичок.

Николай был инвалидом детства — он сильно припадал на правую ногу.

А Сергея я помню как молодого и задорного парня.

К чему я все это рассказываю?

К тому, что у большинства из нас сохраняются такие же отрывочные, бессистемные, а порой и просто бессвязные обрывки каких-то воспоминаний о людях, с которыми мы жили совсем рядом, но которые впоследствии стали предметом твоего изучения, но вспомнить что-то конкретное о них не получается…

Много лет спустя состоялась новая встреча с представителем этой фамилии, с которым познакомил и подружил меня мой замечательный старший друг — знаменитый камчатский певец Евгений Филаретович Лонгинов. Это был Герой России летчик-испытатель Олег Евгеньевич Мутовин, мама которого по материнской линии Лонгинова, а по отцовской — Мутовина.

А потом я получил письмо от Валерия Гарднера, отец которого тоже был Мутовиным, усыновленным супругами Гарднерами — потомками английского фабриканта, выпускающего в России великолепную продукцию из фарфора, волею судьбы заброшенных на Камчатку.

В 2014 году, специально к своему шестидесятилетию, я подготовил к изданию свой двухтомник «Тайны камчатских имен» с небольшим историческим очерком о Мутовиных. Затем попытался создать наиболее полную поколенную роспись рода в «Камчатской родословной книге». Через несколько лет снова вернулся к истории этой фамилии в книге «Камчатка – Россия – Мир. 325 лет вместе с Россией».

И вот сейчас зачем-то снова возвращаюсь к этой теме.

Зачем?

Изучая историю рода, невозможно оставаться в некоем статичном положении: собрал какой-то исходный материал и «дальше Вася не чешись». Нет, если руки действительно «чешутся», чтобы узнать как можно больше по истории рода, а точнее — о той роли в большой истории, которую играли в ней те или иные твои предки, то поиск ведет все дальше и дальше, открывая не зримые ранее просторы для того, кто ищет.

«Бороться и искать, найти и не сдаваться», — было лозунгом и моего поколения, а не только капитанов из замечательного романа Вениамина Каверина.

Поиск же по истории рода интересен еще и тем, что никогда заранее не знаешь, куда этот поиск тебя заведет, на какие мысли подтол-

кнет, какими документами или сведениями ты станешь располагать, чтобы найти ту ниточку, которая связывает целые поколения людей.

И вот этот свой очерк я и хочу посвятить истории не самого рода Мутовиных (может быть, мы даже и не откроем здесь с вами ничего нового, что нам неизвестно), а истории *поиска* родовых корней и родовых связей этой старинной служилой династии, подарившей нам Героя России.

Мутовины — фамилия, которая встречается гораздо реже, чем, например, Мутовкины, хотя обе они имеют общую корневую основу: «от мутова — "предмет домашней утвари" (Вят.), ср. мутовка — "палочка с крестом, кружком или рожками на конце, для пахтанья, мешанья и взболтни"» [В. Даль]».

Чтобы определить географические точки распространения этих фамилий, я обратился к списку «Жертв политического террора в СССР».

Почему?

Во-первых, потому что в своем большинстве эти люди, превращенные впоследствии в кровавые жертвы, до революции и гражданской войны, как правило, появлялись на свет в местах компактного проживания своего рода — волны глобальных переселений начались уже позже, когда революционная стихия породила гражданскую войну, а впоследствии и политический террор.

Во-вторых, политический террор был настолько плотным, что редкая семья (а тем более, род) избежала внимания делопроизводителей из органов ЧК-ГПУ-НКВД, чтобы кто-то из этой семьи не попал в паутину доносов и разоблачений — ведь приговоры «троек» были не только смертельными, но очень обильными по охвату предполагаемой «контры», «буржуев», «кулаков», которых не только приговаривали к разным срокам ГУЛАГа, но и ссылали в разные уголки необъятного СССР.

Так вот, Мутовкины встречаются среди этих жертв террора повсеместно: Калининская обл., г. Конаково; Варнавинский р-н, д. Варнавино; с. Петровское, Юргамышского р-на, Курган. обл.; с. Петровское Капельской вол. Челябинского у. Челябинской губ.; г. Кострома; Московская губ., Егорьевский, Закутное; Марий-Эл, Йошкар-Олинский р-н, с. Ежово; Калининская обл., Калязинский р-н, д. Екатериновка; г. Казань, с. Савиново; г. Брест; Вятская губ., Советский уезд, д. Яны, Ильинский с/с; Горьковская обл., Работкинский р-н, д. Лыткино; Ивановская обл., Лежневский р-н, д. Почевино.

Что же касается Мутовиных, то основное их родовое ядро, судя по информации о жертвах политического террора, было размещено на территории двух сопредельных краев и областей — Енисейской и Иркутской губерний.

Мы не поленились и представили весь список:

Мутовин Александр Прокопьевич

Родился в 1894 г., Восточно-Сибирский кр., Шиткинский р-н, с. Новочунка; русский; малограмотный; б/п; работал завхозом сельхозартели «Путь Ленина» в с. Новочунка. Проживал: Восточно-Сибирский кр., Шиткинский р-н, с. Новочунка. Арестован 11 января 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ВСК 7 мая 1933 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 5 годам ИТЛ. Реабилитирован 4 мая 1989 г. прокуратурой Иркутской области. [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Алексей Афанасьевич

Род. в 1873 в д. Заимка Богучанской вол. Енисейского округа Енисейской губ. Неграмотный. Из крестьян-середняков. Работал в личном хозяйстве. Арестован 11.03.1932. Обвинение в КРО, КРП. Осужден 19.02.1933 судебной тройкой ПП ОГПУ ВСК, ОСО коллегии ОГПУ на 3 года концлагерей с заменой ссылкой в Нарым на тот же срок, мера наказания изменена Осо коллегии ОГПУ от 05.09.1933 и определена на срок отбытый в предварительном заключении. Реабилитирован 30.04.1992 прокуратурой КК (П-20212) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Андрей Семенович.

Родился в 1893 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Пойма; русский; образование низшее; б/п; колхозник колхоза им. Сталина в с. Шиткино. Проживал: Иркутская обл., с. Шиткино. Арестован 10 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 25 мая 1938 г., обв.: по 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел Расстрелян 28 мая 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 2 марта 1957 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Артемий Архипович

Род. в 1867 в д. Лапино Абанскойй вол. Канского уезда Енисейской губ. Из крестьян. В 1930 раскулачен, сослан, из ссылки бежал. Без определенных занятий. Арестован 16.07.1937, содержался в Канской тюрьме. Обвинение в КРА. Приговорен 25.10.1937 тройкой УНКВД КК к ВМН с конфискацией имущества. Расстрелян 04.11.1937 в г. Канске. Реабилитирован 01.09.1989 прокуратурой КК (П-16990) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Василий Андреевич

(варианты отчества: Яковлевич) Родился в 1898 г., Енисейская губ.; русский; Плотник 13 дистанции пути ст. Славгород. Арестован 1 августа 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Омской обл. 26 октября 1937 г., обв.: по ст. 58-10. Приговор: ВМН. Расстрелян 5 ноября 1937 г. Место захоронения — г. Омск. Реабилитирован 20 апреля 1989 г. прокуратурой АК [Источник: Книга памяти Алтайского края].

Мутовин Василий Васильевич

Родился в 1885 г. русский; без определенных занятий. Проживал: г. Бийск. Арестован 10 февраля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ по Запсибкраю 8 апреля 1933 г., обв.: по ст. 58-2, 10, 11. Приговор: ВМН. Расстрелян 11 апреля 1933 г. Место захоронения — г. Новосибирск. Реабилитирован 19 декабря 1957 г. Алтайским крайсудом дело прекращено за отсутствием состава преступления [Источник: Книга памяти Алтайского края].

Мутовин Василий Демьянович

Родился в 1899 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Пойма; русский; Проживал: Крас-

ноярский кр., поселок городского типа Абан. Арестован 4 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Красноярского края 3 декабря 1937 г. Приговор: ИТЛ-10 [Источник: Красноярское общество «Мемориал»].

Мутовин Василий Демьянович

Род. в 1899 в д. Пойма Шиткинской вол. Иркутской губ. Русский. В 1930 раскулачен, осужден за невыполнение гособязательств на 2 года. Срок отбыл. Чернорабочий продторга в с. Абан КК. Арестован 04.11.1937 по делу Афанасьева А.И. (12 чел.), содержался в Канской тюрьме. Осужден 03.12.1937 тройкой УНКВД КК на 10 лет ИТЛ № 6352. Реабилитирован 26.11.1955 прокуратурой КК (П-7108) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Василий Родионович

Род. в 1863 в с. Заимка Богучанской вол. Енисейского округа Енисейской губ. Из крестьян. Работал в личном хозяйстве. Арестован 17.08.1932. Обвинение в КРО, КРП. Приговорен 19.02.1933 тройкой ПП ОГПУ ВСК, ОСО коллегии ОГПУ к ВМН, заменена 04.08.1933 Коллегией ОГПУ 5 годами ИТЛ. Реабилитирован 30.04.1992 прокуратурой КК (П-20212) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Василий Степанович

Родился в 1908 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, с. Пойма; русский; б/п; работал рабочим Шиткинского леспромхоза. Проживал: Иркутская обл., Шиткинский р-н, с. Пойма. Арестован 9 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 26 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-10, -11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 28 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 19 декабря 1959 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Всеволод Иванович

Родился в 1891 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Пойма; русский; грамотный; б/п; работал продавцом ларька Леспродторга на участке Каен. Проживал: Иркутская обл., Шиткинский р-н, на участке Каен. Арестован 3 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 5 апреля 1938 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 16 августа 1956 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Гавриил Дмитриевич

Родился в 1866 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Пойма; русский; неграмотный; б/п; без определенных занятий. Проживал: Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Пойма. Арестован 22 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 19 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 27 февраля 1993 г. прокуратурой Иркутской области [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Гурий Яковлевич

Родился в 1888 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, с. Н.Заимка; русский; грамотный; б/п; работал учетчиком Шиткинского райзо. Проживал: Иркутская обл., Шиткинский р-н, с. Шиткино. Арестован 14 февраля 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 4 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел Расстрелян 13 марта 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 5 июля 1957 г. Военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Денис Ефимович

Родился в 1875 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, с. Шиткино; русский; малограмотный; б/п; работал уборщиком Шиткинского леспромхоза. Проживал: Иркутская обл., Шиткинский р-н, с. Шиткино. Арестован 17 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 19 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УИ РСФСР. Приговор: к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 27 февраля 1993 г. прокуратурой Иркутской области [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Дмитрий Харитонович

Род. в 1895 в д. Заимка Богучанской вол. Енисейского округа Енисейской губ. Неграмотный. Из крестьян-середняков. Работал в личном хозяйстве. Арестован 01.03.1932. Обвинение в КРО, КРП. Осужден 19.02.1933 тройкой ПП ОГПУ ВСК, ОСО коллегии ОГПУ на 3 года условно. Реабилитирован 30.04.1992 прокуратурой КК (П-20212) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Елизар Фокеевич

Род. в 1878 в д. Лапино Абанской вол. Канского округа Енисейской губ. Русский, неграмотный. Без определенных занятий. Арестован 18.12.1937. Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговорен 30.12.1937 тройкой УНКВД КК к ВМН. Расстрелян 09.01.1938 в г. Канске. Реабилитирован 25.05.1989 прокуратурой КК (П-19308) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Иван Иванович

Родился в 1897 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Пойма; русский; б/п; работал рабочим Шиткинского ЛПХ. Проживал: Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Пойма. Арестован 15 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 2 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 9 марта 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 28 сентября 1963 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Иван Потапович

Род. в 1893. в д. Заимка Богучанской вол. Енисейского округа Енисейской губ. Малограмотный. Из крестьян-середняков. Работал в личном хозяйстве. Арестован 09.09.1931. Обвинение в КРО, КРП. Работал в личном хозяйстве. Арестован 01.08.1932. Обвинение в КРО, КРП. Осужден 19.02.1933 тройкой ПП ОГПУ ВСК, Осо коллегии ОГПУ на 3 года условно. Реабилитирован 30.04.1992 прокуратурой КК (П-20212) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Иван Романович

Родился в 1888 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Тремино; русский; б/п; работал рабочим Шиткинского леспромхоза. Проживал: Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Тре-

мино. Арестован 9 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 26 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 28 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 14 февраля 1959 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Илья Яковлевич

Родился в 1860 г., Канский окр., Шиткинский р-н, с. Шиткино; русский; неграмотный; б/п; был сторожем Ключевского лесокомбината. Проживал: Усть-Камчатский р-н, с. Ключи, На Камчатке проживал в. Арестован 27 октября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 17 февраля 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 20 марта 1938 г. Реабилитирован 20 июня 1989 г. заключением прокурора Камчатской обл. [Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.].

Мутовин Иннокентий Васильевич

Родился в 1899 г., Дальне-Восточный кр., г. Хабаровске; русский; преподаватель английского языка сельхозинститута. Проживал: Омска. Арестован 14 октября 1937 г. Приговорен: Комиссия НКВД и прокуратуры СССР 4 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 26 февраля 1938 г. Реабилитирован 23 мая 1958 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР за недоказанностью обвинения [Источник: Книга памяти Омской обл.].

Мутовин Иннокентий Иванович

Род. в 1879 в г. Канске Енисейской губ. Образование среднее. Работал в личном хозяйстве. Арестован 25.04.1922. Обвинение в КРД. Оправдан 11.08.1922 Енгубревтрибуналом по суду. (П-23630) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Кирилл Гаврилович

Родился в 1902 г., Восточно-Сибирский кр., Шиткинский р-н, с. Шиткино; русский; грамотный; б/п; работал агентом Сибторга Шиткинского района. Проживал: Восточно-Сибирский кр., Шиткинский р-н, с. Шиткино. Арестован 4 июня 1930 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ СК 2 марта 1931 г., обв.: по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 31 января 1996 г. прокуратурой Иркутской области [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Константин Александрович

Родился в 1904 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Пойма; русский; малограмотный; б/п; работал сторожем Шиткинского леспромторга. Проживал: Иркутская обл., с. Шитка. Арестован 21 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 19 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-10, 58-1 1 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 21 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 25 января 1957 г. Военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Мартын Фокеевич.

Род. в 1868 в д. Лапино Абанской вол. Канского округа Енисейской губ. Из крестьян. Занимался хлебопашеством. Арестован 27.11.1930. Обвинение по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Осужден 06.10.1931 тройкой ПП ОГПУ ВСК на 3 года условно. Реабилитирован 13.12.1989 прокуратурой КК (П-20043). [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Михаил Дмитриевич.

Родился в 1899 г. Проживал: Красноярский кр., Богучанский р-н, с. Богучаны. Приговорен: в 1934 г. Приговор: лишение избират. прав, раскулачивание, высылка. Реабилитирован 28 сентября 1998 г. УВД Красноярского края [Источник: Красноярское общество «Мемориал»].

Мутовин Михаил Иванович.

Родился в 1896 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Пойма; русский; грамотный; б/п; работал лесорубом на участке Колючий. Проживал: Иркутская обл., Шиткинский р-н, на участке Колючий. Арестован 4 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 8 апреля 1938 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 16 августа 1956 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Михаил Иванович

Род. в 1901 в д. Пойма Шиткинской вол. Канского уезда Енисейской губ. Русский. Занимался хлебопашеством. Арестован 11.03.1931. Обвинение по ст. 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Осужден 08.07.1931 тройкой ПП ОГПУ ВСК на 3 года условно. Реабилитирован 15.12.1989 прокуратурой КК (О-7892) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Мон Иванович

Родился в 1883 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, с. Пойма; русский; б/п; работал конюхом Шиткинского леспромхоза. Проживал: Иркутская обл., Шиткинский р-н, с. Пойма. Арестован 11 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 26 февраля 1938 г., обв.: по 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 28 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 19 декабря 1959 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Мутовин Парфен Афанасьевич

Род. в 1896 в Новониколаевском уезде Томской губ. Образование начальное. Красноармеец 19-й гвардейской дивизии в действующей армии. Арестован 01.05.1942. Обвинение по ст. 58-1 «б», 58-10 УК РСФСР. Осужден 10.05.1942 ВТ на 10 лет ИТЛ и 3 года лишения политических прав. Реабилитирован 29.05.2002 военной прокуратурой СибВО (П-24215) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Петр Дмитриевич

Род. в 1883 в г. Красноярске Енисейской губ. Русский, грамотный. Работал кладовщиком в отделе снабжения. Арестован 08.01.1936. Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Дело прекращено 16.02.1936 военной прокуратурой по реабилитирующим обстоятельствам (ст. 204 п. «б» УПК РСФСР) (П-20422) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Мутовин Роман Кузьмич
Родился в 1877 г. Проживал: Красноярский кр., поселок городского типа Абан. Приговорен: Особая тройка при ПП ОГПУ ВСК 7 декабря 1932 г. Приговор: ИТЛ-5. Реабилитирован 24 октября 1959 г. [Источник: Красноярское общество «Мемориал»].
Мутовин Роман Кузьмич
Род. в 1877 в с. Абан Абанской вол. Канского округа Енисейской губ. Неграмотный. Работал в колхозе. Арестован 16.05.1932. Обвинение по ст. 58-2, 58-11 УК РСФСР. Осужден 07.12.1932 тройкой ПП ОГПУ ВСК на 5 лет ИТЛ с заменой ссылкой в Нарым на тот же срок. Реабилитирован 24.10.1959 Красноярским крайсудом (П-17595) [Источник: Книга памяти Красноярского края].
Мутовин Степан Дмитриевич
Род. в 1892 в г. Красноярске Енисейской губ. Русский, окончил техническое железнодорожное училище. Из мещан. Беспартийный. Техник производственного отдела «Крайстройтреста». Арестован 14.05.1938. Обвинение в КРО. Приговорен 28.05.1938 тройкой УНКВД КК к ВМН с конфискацией личного имущества. Реабилитирован 10.09.1957 ВТ СибВО (П-7846) [Источник: Книга памяти Красноярского края].
Мутовин Тихон Васильевич
Родился в 1912 г., Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Пойма; русский; образование начальное; б/п; работал плотником Шиткинского леспромхоза. Проживал: Иркутская обл., Шиткинский р-н, д. Пойма. Арестован 24 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 15 февраля 1938 г., обв.: по 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 17 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 24 мая 1957 г. Военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].
Мутовин Трофим Денисович
Родился в 1906 г., Иркутская обл.; русский; образование 4 класса; Проживал: Красноярский кр., г. Красноярск. Приговорен: тройка при УНКВД Красноярского края 9 декабря 1937 г. Приговор: ИТЛ-10 [Источник: Красноярское общество «Мемориал»].
Мутовин Трофим Денисович
Род. 28.04.1906 в д. Шиткино Иркутской губ. Русский, образование начальное. Из крестьян. Проживал в г. Красноярске. Кассир мелькомбината. Арестован 02.11.1937. Осужден 09.12.1937 тройкой УНКВД КК на 10 лет ИТЛ с конфискацией личного имущества. Реабилитирован 26.11.1955 крайсудом КК (П-7297) [Источник: Книга памяти Красноярского края].
Мутовин Федор Алексеевич
Род. в 1884 в д. Заимка Богучанской вол. Енисейского округа Енисейской губ. Неграмотный. Из крестьян-середняков. Работал в личном хозяйстве. Арестован 01.03.1932. Обвинение в КРО, КРП. Осужден 19.02.1933 судебной тройкой ПП ОГПУ ВСК, Осо коллегии ОГПУ на 3 года условно. Реабилитирован 30.04.1992 прокуратурой КК (П-20212) [Источник: Книга памяти Красноярского края].
Мутовин-Тимофеев Федор Никитич
Род. в 1910 в д. Маркелово Абанской вол. Канского уезда Енисейской губ. Русский, образование начальное. Из крестьян. Беспартийный. Проживал в г. Канске. Старший надзиратель Канской тюрьмы. Арестован 21.05.1938, содержался в Канской тюрьме. Обвинение по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Дело прекращено 09.04.1939 Военной прокуратурой пограничных и внутренних войск НКВД ЗСВО по реабилитирующим обстоятельствам (ст. 4 п. 5 УПК РСФСР) (П-7343) [Источник: Книга памяти Красноярского края].

Явно выделяются два ядра:
Богучанская волость Енисейского округа Енисейской губернии и Шиткинская волость Иркутской губернии.
По поводу первой информация следующая:
«Основано в 1642 году. Богучанская деревня известна с 1630 года как деревня Богучанская на водно-волоковом пути Обь – Енисей – Ангара – Лена. Как и значительная часть других приангарских населенных пунктов, Богучаны возникли из отъезжей заимки. Основу населения составили выходцы из поморских районов Европейской России».
Село Шитка, Шиткино, как предполагают его жители, возникло примерно в 1726 году, то есть гораздо позже, чем Богучаны.
И еще очень важный нюанс — процесс заселения Предбайкалья и Забайкалья в XVII столетии контролировался енисейскими властями и шел через Енисейск и из Енисейска.
Но…
Как всегда, стройность той или иной генеалогической версии наталкивается на очередное «но» — фамилия Мутовиных на тот период, когда Мутовины появляются на Камчатке в составе подразделений Якутского казачьего полка, нами в Енисейске не обнаружена.
Но мы нашли другую интересную информацию, помня о том, что Богучаны населяли выходцы с Русского Севера:
«РГАДА, фонд 350, опись 2, дело 460 “Сказки о государственных, монастырских и архиерейских крестьянах, церковных работниках и бобылях Шенкурской, Верховажской, Подвинской, Кокшенской четвертей Важского у., 1719 г.”:
(лист 190) 1719 году июня в 10 день по указу Великого Государя Царя Великого Князя Петра Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца Архангелогородской губернии Важеской доли в Канцелярии перед лантратом князем Никитой Алексеевичем Дябринским да перед Камисаром Иваном Галахтионовичем Труновым Важеской доли Верховажской четверти Вельского стану Ракульской десятины выборные первостатейные крестьяне Дмитрей Герасимов сын Гусельников, Максим Петров, Григорей Петров сын Гусельников, Григорей Лаврентьев сказали в той их Ракульской десятине что ныне живущих деревень и в них мужеска полу людей от старого до самого последнего младенца и то значит подеревенно ниже сего, а имянно деревня Антрошевская, в ней мужеска

полу Петр Иванов сын Зеновьев 60, у него сын Максим 35, у Максима сын Федор 6, Ермола Зеновьев 40, у него дети Андрей 20, Назар 10, Козма 7, Григорей 6, Степан 3, Иван Данилов сын Мутовин 70, Осип Флоров сын Мутовин же 70…»

Мы специально не ограничили эту выборку только Мутовиными. Сразу же обращает на себя внимание тот факт, что оба Мутовиных — и сын Данилы, и сын Флора — показаны здесь без детей, хотя у других эти дети перечислены в обязательном порядке.

И не очень-то верится, чтобы сразу у двух семидесятилетних стариков не было детей.

Конечно, можно было предположить, что их сыновья ведут самостоятельную жизнь и их имена следует искать отдельно — далее в списке.

Увы, в этом обширном документе фамилия Мутовиных больше не встречается ни разу.

И вполне вероятно, что именно их дети покинули территорию своего былого проживания и оказались в Сибири.

Если это действительно так (а фактов у нас нет пока никаких), то вполне вероятно, что и камчатские Мутовины, и богучанские Мутовины — выходцы из Русского Севера, как и большинство первых сибиряков.

При этом мы не отбрасываем свою прежнюю версию о том, что сибирские Мутовины были (точнее, могли быть прежде) Мутовкиными, но обилие Мутовиных в Восточной Сибири уже несколько пошатнуло эту версию.

Но лишь пошатнуло — мы ведь не знаем времени появления в Богучанской волости первых поселенцев Мутовиных.

Кто знает — а может быть, эти Мутовины — на самом деле потомки тех камчатских матросов Мутовиных, которые были вывезены в 1855 году вместе с гарнизоном Петропавловского порта в Николаевск-на-Амуре, а после своей отставки выбрали себе новое место для постоянного жительства. Ведь эта тема — о переселении в 1855 году камчадалов — вообще пока никем не исследована. Они просто канули в Лету нашей исторической памяти.

Что мы знаем о первых камчатских Мутовиных — якутских казаках?

Первое упоминание относится к 1714 году:

«Ясачный сборщик служилый Иван Мутовин ходил на первый Курильский остров для “призыву” бежавшего туда с Лопатки “изменника” Ликушки с “родниками”.

Ликушка платить ясак отказался, заперся в острожке и оказал сопротивление. Служилые были отбиты и бежали назад на р. Большую, еле уйдя от погони».

И это уже не рядовой казак — а командир отряда казаков по сбору ясака. То есть уже уполномоченное лицо.

И это не «годовальщик» — казак, откомандированный на Камчатку для приема ясака и доставки его в Якутск, а из числа первопоселенцев.

А вот и доказательство:

«Того же [1723] году на Большой реке был прикащиком служивой человек Иван Эверстов, при котором курильские немирные иноземцы в 24 человеках приходили на Опалу реку и убили ясашного тойона Кушугу в 6 человеках и балаганы все прижгли, жен и детей в полон побрали, да и в Большерецкой острог идти и казаков побить хвалилися, о чем в Большерецку доносил Опалы реки ясашной лутчей мужик Хантай Хажихобин, которой от них курильских мужиков из полону бежал, и просил, чтоб на оных курильских мужиков послать служивых людей в поход.

И по силе вышеозначенного Хантаева прошения 1724 году в июне месяце из Большерецка отправлено на курильских мужиков несколько служивых под командою служивого Ивана Мутовина, которой нашед их у Камбалиной речки, имел с ними бой. И побивши их весь полон отнял, а на бою убит с их стороны только один человек» [Зуев А.С. Хроника присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII – первой четверти XVIII вв.].

То есть и спустя десять лет Иван Мутовин продолжает служить на Камчатке.

Здесь же он обзавелся и семьей:

«Большерецкого острогу
Разночинцы

Иван Мутовин, у него сын Алексей» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 117].

И разве после этой информации нас удивит тот факт, что Алексей Иванов сын Мутовин служил толмачом у Витуса Беринга?!

«В «Очерке главнейших событий в Камчатке» А.С. Сгибнева сообщается: «В 1741 г., во время зимовки Беринга в Камчатке, тароинские камчадалы убили 6 человек неякинцев, живших близ Петропавловской гавани. Неякинцы жаловались об этом Берингу и объявили при этом, что тароинские камчадалы хотят истребить русских по уходе в море экспедиционных судов. На них был послан с командою прапорщик Левашев; но он не встретил никакого сопротивления со стороны тароинских камчадалов, забрал с собою главнейших виновников, а прочих жестоко наказал».

Речь идет об авачинских камчадалах из рода тойона Тареи, которые жили на противоположной от Петропавловской гавани стороне Авачинской бухты, и угроза их нападения на русских была весьма реальной. Вот что, опять же, отмечал, но на этот раз студент Степан Крашенинников, касаясь истории взаимоотношений авачинских камчадалов и русских казаков: «В речку Купку верстах в 4 от устья пала с южной стороны Паратун речка, над которою стоит знатной камчатской острожек того же имени. Немного повыше означенного острожка есть на реке Купке остров, на котором во время случившегося в 1731 году великого бунта тамошние жители имели укрепление и сидели в нем с полтораста человек, но оное в 1732 году раззорено казаками до основания, а жители от большей части побиты».

В связи со всеми этими событиями проявляется первое имя будущих старожилов Петропавловска — Мутовиных. В 1739 году Мартын Шпанберг — третий руководитель Второй Камчатской экспедиции — создает любопытный документ:

«Инструкция сыну нашему Андрею Шпанбергу, по которой исполнение чинить нижеследующее:

И как будешь чинить при той губе (Авачинской. — *С.В.*) описание, то иметь тебе верное и прилежное смотрение и радетельное старание и лутчей пользе ея и. в. высокого интереса и поступать в том положенном тебе деле, как надлежит честному и верному к службе ея и. в. рабу, во всем твоем искустве и то положенное на тебя дело исполнить во всем неотменно. А для вспоможения надлежащего тебе дела определены от нас салдаты Василий Спирин да Петр Копотилов, а для толмачества иноземческих речей — толмач Алексей Мутовин. Також ежели какое вспоможение востребуетца, то требовать от тамошних жителей».

Далее в нашем поиске, как правило, следовало больше белое пятно, связанное с тем, что документов по истории Камчатки XVIII столетия сохранилось ничтожно мало. Мы должны быть бесконечно благодарны Александру Степановичу Сгибневу за то, что он успел создать свой «Очерк главнейших событий в Камчатке» до того, как страшный иркутский пожар 1879 года уничтожил здание архива вместе с документами.

Но, говоря о поиске, мы должны знать, что иногда совершенно неожиданные «мелочи» (это на первый взгляд) восстанавливают цельность большого исторического полотна.

В традиции сибирского казачество было наследование должности и оклада своего отца — казака, подьячего, сына боярского.

И вот любопытный маленький исторический штрих, который (опять же, только на первый взгляд) вроде как не имеет прямого отношения к нашей истории:

«3 октября 1762 года тобольский посадский Дмитрий Иванов сын Казаринов, дядей которого был покойный тобольский купец Федор Григорьев сын Тюменцов, переуступает пай дяди за шестьсот рублей.

Бумагу оформляет нижнекамчатский пищик Ефим Мутовин».

Пищик — это уже первая ступенька в чиновничьей карьерной лестнице, это подьячий.

Судя по возрасту, полное имя пищика — Ефим Алексеев сын Мутовин.

Но это еще не все.

Еще одно имя проглянуло из тьмы времени, как солнышко — на мгновение, но тоже осветило картину.

1771 год. Большерецкий острог накануне Большерецкого бунта, когда ссыльные люди вместе с квартировавшими в остроге промышленными людьми, выход которых на Алеутские острова на промысел был сорван в связи с крушением судна и они были озлоблены на весь белый свет, захватили власть в Большерецке и угнали казенное судно, на котором впоследствии совершили нечто невероятное в истории российского флота — впервые прошли морем от Камчатки до Китая (порт Макао).

Так вот в ночь, когда бунтовщики ворвались в здание Большерецкой канцелярии, где жил командир Камчатки капитан Нилов, то оказалось:

«С командиром Камчатки капитаном Ниловым жил сержант Охотской нерегулярной команды Семен Лемзяков и вестовые Камчатской команды казачий пятидесятник Потапов, казак Михаил Вагин, Петр Дурынин, Иван Мутовин и работники — камчадалы Иван Володимеров и Павел Пашков».

Иван Мутовин — либо Алексеев сын, либо уже Ефимов сын, внук или правнук Ивана-старшего, отчество которого нам пока неизвестно.

Конечно, детей и у Ивана, и у Алексея могло быть и больше — но пока мы не нашли о них никакой информации.

А вот далее мы с вами на некоторое время застрянем на родовом перекрестке.

В Исповедальных росписях камчатских церквей, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, есть сведения о жителях Камчатки начиная с 1812 года.

Открываем первую запись:

«Отставные унтер офицеры … Мутовин Гаврило Лаврович (1768). Ж. Анна Михайловна (1774)».

Но вторая и третья записи вступают с ней в прямое противоречие:

«Камчатская казачья команда

Казак отставной Мутовин Гавриил Анисимович (1768). Ж. Анна Михайловна (1774). Дети: Василий (1804), Иван (1807), Григорий (1813), Мавра (1811)».

И следующая запись. Петропавловский порт, 1823 год:

«Отставные … Мутовин Гаврила Анисимов — 56. Ж. Анна Михайловна — 50. Дети: Василий — 19, Иван — 17, Григорий — 11, Михаил — 6, Марья — 13» [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

Исповедальные книги заполнялись церковными служителями, которые, как и все остальные люди, могли писать с ошибками. Поэтому любой документ нужно по возможности проверять.

Итак, в данном случае мы выяснились, что отцом Гаврилы был Анисим Мутовин — Иванов или Ефимов сын.

А вот другая запись:

Нижнекамчатск, 1812 год:

«Камчатский гарнизонный батальон

Рядовой Мутовин Федор Фомин (1777). Ж. Матрена Егоровна (1778). Сын Егор (1810)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 6 об.].

Петропавловский порт, 1815 год:

«Петропавловская экипажная рота

Мутовин Федор Фотиевич (1777), слесарь. Ж. Матрона Егоровна (1784)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

И в данном случае сравнить не с чем — и мы не знаем, кто в действительности был отцом Федора — Фома или Фотий.

А в третьем случае нам вообще сравнить не с чем — нет в нашем распоряжении ни одного документа, в котором было бы упомянуто имя отца Николая Семеновича Мутовина, с которым — то бишь с самим Николаем — произошла странная история, о которой более подробно мы рассказываем в очерке «Санапальниковы».

Здесь же очень кратко события будут представлены так: в результате конфликта между

двумя морскими офицерами — командиром Тигильской крепости Забелой и командиром Камчатки Голенищевым жертвой этого конфликта стал незаконнорожденный ребенок казачки Санапальниковой, прижитый ею вместе с Забелой. Отец хотел забрать с собой своего сына на родину, администрация же Камчатки и Охотска этому всячески воспрепятствовала вплоть до ареста Забелы и сопровождения его под караулом в Иркутск.

Казачка Санапальникова с сыном Николаем в срочном порядке была выдана замуж за молодого казака Николая Семенова сына Мутовина, который только-только в 1829 году был верстан в казаки.

В 1831 году Николай Семенович служит, женится, принимая жену с приемным сыном в Тигильской крепости, а уже в следующем году он переведен в Петропавловский порт матросом в экипажную роту.

Судьба его приемного сына так и осталась для нас неизвестной — может быть, он даже умер, так как его имени в последующих семейных казачьих списках мы не находим.

Записан же он был на деда — Самуила Санапальникова.

Итак, у нас образовалbсь три самостоятельные линии камчатских казаков Мутовиных, которые мы не можем пока связать единой родовой нитью, хотя и отдаем себе полный отчет в том, что все эти камчатские Мутовины от единого родового корня.

Что мы знаем о следующем поколении Мутовиных, на долю которого выпало крупное историческое событие — Петропавловская оборона 1854 года.

Самая многочисленная семья была у отставного казачьего унтер-офицера Гаврилы Анисимовича Мутовина.

Но Гавриловичи — казачьи дети Василий и Иван — стали матросами Петропавловской экипажной роты.

В 1851 году Иван Гаврилович вышел в отставку:

«Инспекторский департамент морского министерства отношением от 12 мая 1851 г. № 2478 просит меня сделать распоряжение об увольнении от службы матросов 46-го флотского экипажа и мастеровых (прежде бывших матросами) Ивана Мутовина, Лариона Студенцова и неспособного Якова Винокурова за выслугу к 1-му января 1851 года узаконенного к отставке срока» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16 А. Л. 9].

Но в 1854 году он вновь — по собственной воле — встал в строй:

Мутовин Иван Гаврилович (1807), отставной матрос, участник обороны Петропавловского порта в 1854 году, награжден бронзовой медалью на Георгиевской ленте в память о Крымской войне 1853–1854 года.

Участие в обороне Петропавловского порта принимал и его младший брат:

«Мутовин Михайло Гаврилов сын (1817) — матрос 1-й статьи, из казачьих детей, уроженец Камчатской области, в 1835 г. поступил в Камчатскую экипажную роту кананиром, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте “Байкал” был в сражении с англо-французской эскадрой в заливе Де-Кастри» [РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 5. Д. 803].

Правда, репутация его была несколько подмоченной, но подвиги в сражении оказали свое действие: Михаил Гаврилович оказался под следствием по подозрению в краже ста рублей серебром у губернского секретаря Иванова, но за события Крымской войны «…понесенный в 1848 году штраф без телесного наказания не считать оным препятствием к награждению за безпорочную службу установленную за оказанные действия в 1854 году в сражении».

Сын Федора Фомича (или Фотиевича) Егор был солдатским сыном.

В 1835 году он служит в Петропавловской экипажной роте в мастеровых — слесарем [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

Николай Семенович Мутовин в 1845 году служил также в мастеровых — но унтер-офицером 2 класса.

У него были дети: Иван (1832) — от первого брака, и от второго брака с супругой Надеждой Семеновной — Николай (1841), Пелагея (1843) и Авдотья (1844) [РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 5. Д. 515. Л. 701].

В 1854 году:

«Мутовин Иван Николаев сын (1831) — мастеровой 1-го класса 46-го флотского экипажа, “в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.”, в 1855 г. на транспорте “Иртыш” принимал участие в сражении против англо-французской эскадры».

На транспорте «Иртыш»… — следовательно, Иван Николаевич тоже был в числе камчатских матросов, переведенных на службу в Николаевск-на-Амуре.

Но это уже следующее поколение Мутовиных.

А пока вернемся к событиям 1854 года. Согласно именному алфавитно-поисковому аннотированному указателю к сборнику «Защитники Отечества: героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году» [сб. офиц. док., восп., статей и писем. — 2-е изд., доп. / сост. Б.П. Полевой. — Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1989] в этом сборнике семь раз упоминается (в разных вариантах) отставной унтер-офицер Мутовин, приютивший в своем доме семью губернатора Камчатской области Василия Степановича Завойко. И *ни разу* он не упомянут по имени-отчеству:

«Мутовин (отставной унтер-офицер, старик) 106, 110, 112 (без фамилии: “старик”), 113, 114, 121, 239».

Так Юлия Завойко, гостившая в этом доме в период обороны Петропавловского порта, отблагодарила этого человека, не сохранив для потомков даже его имени.

Первым из всех вышеперечисленных Мутовиных на эту роль, как я предполагал, больше всех подходил именно Николай Семенович

Мутовин, который, в отличие от своего старшего сына Ивана Николаевича, остался жить на Камчатке. На Камчатке остался и младший брат Ивана — Николай Николаевич Мутовин, а также дочери Николая Семеновича — то есть основная часть семьи.

Но появился и второй вариант — Мутовин Егор Федорович (1809), уроженец Камчатки, из солдатских детей, имевший две нашивки за 15-летнюю «безпорочную» службу в Петропавловской экипажной роте, на которую он был определен матросом в 1827 году, а закончил службу тоже унтер-офицером.

Он, судя по детям, тоже остался жить на Камчатке.

И в этом случае мы тоже подошли к следующему поколению Мутовиных, которые, в свою очередь, помогли нам максимально приблизиться к раскрытию тайны имени этого «старика» — унтер-офицера Мутовина, жившего на Хуторе.

Петропавловский порт, 1873 год, 3 июля, бракосочетание в Петропавловском соборе:

Жених: Петропавловский мещанин Михаил Григорьев Винокуров, 22-х лет. Невеста: дочь отставного унтер-офицера Мутовина, девица Юлия Георгиева, 16 лет (1857).

Поручители по жениху: петропавловский мещанин Павел Степанов Заочный и Николай Григорьев Винокуров; по невесте: камчадал Евгений Осипов Слободчиков и отставной казак Иван Григорьев Пшенников.

Для человека, не погруженного в историю и географию Камчатки, эта информация ничтожна — не дает ровным счетом ничего и не открывает никаких тайн. Просто набор каких-то ФИО — фамилий, имен, отчеств.

Отвлекает название — Петропавловский порт. Но именно здесь находился Петропавловский собор, обслуживающий не только сам Петропавловск, но и окрестные села, в том числе Старый Острог, Хутор, Коряки.

Место, где располагался прежде Хутор, входит сегодня в состав поселения, который прежде именовался как Старый Острог, потом Завойко, а сегодня носит имя красного партизана Елизова.

Село Коряки — следующее по трассе Елизово – Коряки – Начики до развилки дорог на Усть-Большерецк и Усть-Камчатск.

А теперь определим место жительства участников этого бракосочетания.

Старый острог — Винокуровы (жених и свидетель), Заочный (свидетель).

Коряки — Слободчиков и Пшенников.

И вполне вероятно, определяя географический круг участников этого бракосочетания, что невеста была с Хутора.

И тогда «старик», приютивший семью Завойко, — Егор (Георгий) Федорович Мутовин.

И его родовая линия отходит к Винокуровым.

Правда, и второй сын Николая Семеновича Мутовина — Николай Николаевич — тоже выбрал себе супругу не в Петропавловском порту, а в селе Николаевка (по линии Старый Острог – Николаевка – Паратунские ключи). Поэтому Николай Семенович, отставной унтер-офицер, тоже мог проживать на Хуторе.

Супруга Николая Николаевича — в девичестве Татаринова Евдокия Киприяновна (1855) — из числа потомков иркутских крестьян, переселенных на Камчатку в 1853–1854 гг.

В первом замужестве она Брекаловская (в записи Греколовская, Геколовская). Ее первый муж Брекаловский (в записи Гекаловский) Кирияк Михайлович (1853–1872), так же как и супруга, из потомков переселенцев, живших в селении Николаевка.

Вторым ее супругом был Николай Николаевич Мутовин.

И, собственно, эта и есть родовая линия всех современных камчатских Мутовиных, так как линия Гавриловичей ушла вместе с Петропавловским гарнизоном в Николаевск-на-Амуре, а линия Федоровичей растворилась в Винокуровых.

Но и этот род неоднороден (прошу прощения за этот повтор) по своему составу.

Есть дети, рожденные в совместном браке Николая Николаевича и Евдокии Киприяновны.

И есть дети, рожденные Евдокией Киприяновной уже после смерти Николая Николаевича.

Итак, дети Николая Николаевича:

Мутовин Владимир Николаевич (1869);

Мутовина Ольга Николаевна (1877);

Мутовина Анна Николаевна (1881). М. (с 21.02.1899) Третьяков Илья Федорович (1878);

Мутовин Николай Николаевич (1882–1938). Ж. Евдокия Николаевна;

Мутовин Иван Николаевич, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., Петропавловская дружина.

Судьба Николая Николаевича была печальной: «Мутовин Николай Николаевич (1882, г. Петропавловск-на-Камчатке — 05.12.1938 г., Хабаровск), согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. Тогда же каюрный при думской парламентерской делегации (Артюхин, Н.П. Косыгин, Кобцев) в стан красных партизан. Из рабочих, русский, малограмотный. До 1917 г. — рыбак-охотник, после — мастер-засольщик. Беспартийный. На момент ареста 28 июня 1937 г. — сторож при магазине АКО-снабторга в с. Колпаково Большерецкого района. Обвинялся по статье 58-7-11 УК РСФСР. Умер под следствием в тюрьме в г. Хабаровск. Постановление о прекращении дела от 2 февраля 1939 г. подписал комбриг Никишов. Заключение о реабилитации до сих пор нет, как нет еще на 642 жертвы политических репрессий, чьи дела хранятся в фондах Государственного архива Камчатского края» [Пустовит В.П. Камчатские персоналии].

Да, в списках жертв политического террора имени Николая Николаевича Мутовина нет.

У младшего его брата — Ивана Николаевича — судьба была куда более счастливая:

«Добрую память оставил о себе преподаватель морской практики и эксплуатации флота Иван Николаевич Мутовин. Он был уроженцем нашего Петропавловска. Начал плавать

в АКОфлоте в 1929 г. матросом на теплоходе "Охотск". Потом работал на судах Дальневосточного морского пароходства, окончил Владивостокский морской техникум. Всю войну ходил в порты США и Канады. Имея большой стаж плавания и совершая интересные рейсы, Иван Николаевич очень интересно излагал материал. Он также вел занятия по теории и устройству корабля», — написал в своих воспоминаниях капитан дальнего плавания, писатель Т.М. Кривоногов.

А это дети Евдокии Кирияновны, которые в метрических книгах помечены как «незаконорожденные»:

Мутовин Стефан Николаевич;

Мутовин Еввод Николаевич. Ж. (с 08.11.1898) Коршунова Ольга Михайловна;

Мутовина Мария Николаевна. М. (с 02.05.1903) Селиванов Николай Николаевич — тот самый легендарный казак, который за участие в обороне Камчатки от японцев в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. был награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней.

Еввод — имя редкое.

У Еввода Николаевича было двое детей:

Мутовина Мария Евводовна (05.08.1904–04.04.1931). М. Чупин Виктор Иванович.

О дальнейшей судьбе этой семьи нам поведала правнучка Марии Евводовны:

> *«Здравствуйте.*
> *Я хочу рассказать про ее сына Евода — он является отцом моей прабабушки Марии. К сожалению, метрика моей прабабушки сохранилась частично, но из нее можно понять, что она родилась 5 августа 1904 года у Петропавловского мещанина Евода Николаевича Мутовина и законной его жены Ольги Михайловны, восприемники Петропавловский мещанин Константин Константинович Гард[нер] и вдова казачьего (…) Зиновия священник Иоанн Гуляев. Моя прабабушка вышла замуж за Виктора Ивановича Чупина. Мария Еводовна была грамотной и работала учителем. В 1925 году у них родился первый ребенок Георгий, в 1927 — Геннадий, в 1928 — Ольга, в 1930 — Лена.*
> *Лена умерла во младенчестве. Их мать Мария Еводовна 4 апреля 1931 года скончалась от порока сердца (свидетельство о смерти выписано на Иодовну). Ольгу отдали родне — по какой линий не знаю. После смерти прабабушки прадед женился повторно на Марии Глебовне Чистяковой. Впоследствии они уехали с Камчатки и остановились в городе Екатеринбурге. Мой дед Георгий всю свою жизнь вспоминал о Камчатке, хотя и увезли его оттуда, когда ему было 7 лет (проживали в поселки Ключи)».*

А также у Еввода Николаевича был сын Михаил.

В списках членов Петропавловской дружины 1904–1905 гг., созданной для отражения японской агрессии в период Русско-японской войны, было двое Мутовиных:

«Участники обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Дружина с. Сероглазка

Мутовин Михаил (Евводович?)

Петропавловская дружина 1904–1905 гг.

Иван [Николаевич] Мутовин» [Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129]

Почему стоит знак вопроса?

Потому что мы не знаем даты рождения Михаила Евводовича.

Да, и о нем, собственно, знаем немного.

1918 г. Полный курс высшего начального училища окончили и получили аттестаты следующие ученики:

1. Атласова Татьяна,
2. Ворошилов Петр,
3. Григорьев Иван,
4. Дюпина Параскева,
5. Копылов Михаил,
6. Косыгин Иван,
7. Машуков Николай,
8. Мутовин Михаил,
9. Пак Василий,
10. Святой Павел.

«Успехи в освоении богатств северо-восточных земель и морей России по достоинству оценивали и бывшие соотечественники, оказавшиеся в эмиграции. М.Е. Мутовин и А.А. Пурин камчатские чиновники, работавшие в области до 1922 года и игравшие заметные роли в истории (А.А. Пурин — председатель областного комитете в период Временного правительства), подвергнув анализу все стороны работы АКО, вынуждены были признать: "Камчатская область пробуждается от двухвекового сна и за всю историю превращается в мощную и независимую экономическую базу на Тихом океане… Это одинаково справедливо и для всего Севера… изобилующего несметными, неистощимыми естественными ресурсами. Русский народ вскрыл эти богатства и использует их на благо своей Родины". В годы непримиримого гражданского противостояния они были по другую сторону баррикад. Но Родина-мать для всех одна. Может с чужого берега она кажется еще милее, а ее успехи и достижения — еще более значительными…».

«Пурин, оказавшись в эмиграции, живя вначале в Циндао, а затем в Шанхае, не прекращал борьбы с режимом большевиков, что в те годы означало войну против своего Отечества. Он сотрудничал с французской и английской разведками, а позже — и с японской. В 20–30-е годы прошлого века через него шла работа по заброске на территорию советского Дальнего Востока агентов из числа бывших офицеров Белого движения для проведения диверсий и сбора разнообразной разведывательной информации. После Второй мировой войны Пурина китайские власти депортировали в СССР, где он умрет в хабаровской тюрьме 10 августа 1952 года.

Однако до этих событий пока еще далеко. Вот что А.А. Пурин пишет В.И. Моравскому дальше: "Пристроив в американские и японские фирмы своих людей, пожелавших остаться для связи на севере, мы 3 ноября 1922 года покинули последний клочок русской земли.

По делам эвакуированных мне пришлось быть в Токио, где видные японские общественные деятели, представители крупных фирм в Российском посольстве (Япония продолжала считать российского посла В.Н. Крупенского, назначен-

ного еще Николаем II, официальным представителем России вплоть до официального признания императорским правительством Советского Союза в 1925 году. Долгое время после Октябрьской революции В.Н. Крупенский оставался дуайеном дипломатического корпуса в Токио) жестоко бичевали поступок генерала Мумжиева и наши решения оставить северо-восточную окраину, каковым поступком мы привели".

Пурин становится все более и более откровенен: "Не имея возможности непосредственных сношений с населением (Камчатки. — *В.С.*), мы поддерживаем таковое через Японию при посредстве сети агентов. Эти агенты через капитанов пароходов и их помощников (наши сотрудники) информируют на местах население и наших представителей, часто доставляя им литературу и даже письма, через них же мы постоянно в курсе дел на севере".

Александр Антонович рассказывает о происходившем в 1926 году на полуострове нелегальном съезде. Его участники ходатайствовали перед Японией об оказании им помощи для свержения советской власти на полуострове. Пурин называет фамилии делегатов, представлявших семь волостей области. Самую большую депутацию снарядили Ключи. Их представляли Василий Ушаков, Петр Селиванов и Машинев. Имя последнего не названо, а всего упомянуто девять человек. Не исключено, что они являлись информаторами Пурина. Съезд принял короткое, но яркое обращение:

"Мы, полномочные представители от крестьян и казаков Камчатки, собравшись на съезд по воле своих односельчан для обсуждения вопросов дальнейшего существования нашей страны, постановили уполномочить председателя комитета Пурина и наших сородичей И.Я. Григорьева, М.Г. Мутовина (М.Е. Мутовина. — *С.В.*) и Орлова, находящихся за границей, выступить перед общественными и политическими организациями с ходатайством об отпуске нам средств и военного снаряжения для вооруженного восстания против коммунистов, которые нас совсем разорили. Мы считаем необходимым изгнать их из нашей окраины. Народ наш совсем разорился, налоги велики. Продуктов нет. Нас грабят и преследуют, как врагов. Все, что будет нам дано для борьбы, наш камчатский народ возвратит с благодарностью от доходов области"».

Какова судьба Михаила Евводовича в изгнании нам пока неизвестно, но, скорее всего, она была не менее печальной, чем у Николая Николаевича, умершего в застенках НКВД.

Старший из братьев Мутовиных – Владимир Николаевич. У него было трое сыновей:

Мутовин Петр Владимирович (22.06.1889). Ж. 1 (с 19.09.1907) Савинская Мария Антиповна (1890). Ж. 2 Мария Константиновна

Мутовин Павел Владимирович (1892). Ж. Анна Езизвоевна.

Мутовин Владимир Владимирович (21.10.1893).

Двое детей было у Николая Николаевича:

Мутовин Александр Николаевич (29.07.1911). Ж. Вагина Анна Даниловна.

Мутовина Мария Николаевна (12.03. 1921).

Николай Николаевич перед арестом работал на западном побережье Камчатки в поселке Колпаково, где и остались после его смерти дети.

А сын младшего из братьев — Ивана Николаевича — Иван Иванович — жил на восточном побережье полуострова в Усть-Камчатске.

С него же мы начнем и отсчет следующего поколения:

Мутовин Михаил Иванович. Ж. Аникина Светлана Диадоровна;

Мутовин Николай Иванович;

Мутовин Сергей Иванович.

У Павла Владимировича нам известен его сын Борис Павлович — участник Великой Отечественной войны.

Шестого апреля 1944 года в «кратком, конкретном изложении личного боевого подвига» по представлению к ордену Отечественной войны II степени командир писал о своем бойце Борисе Павловиче Мутовине: «Старший сержант Мутовин Б.П., участвуя в боях на Западном фронте, выполнял ответственную задачу по организации связи на НП командира (51-й стрелковой. — *С.В.*) дивизии. Несмотря на ожесточенную бомбежку района НП, связь с стрелковыми полками была организована вовремя. Во время наступления, несмотря на сильный обстрел пулеметов противника и потери в людях, старший сержант Мутовин Б.П. обеспечил устойчивую связь на всю глубину боя. Когда старший сержант Мутовин Б.П. был тяжело ранен, то, теряя сознание, он все-же исправил повреждение линии и без сознания был вынесен с поля боя, но связь с полками была обеспечена. Возвратившись снова в часть, старший сержант Мутовин Б.П. участвовал в боях на Западном фронте в августе 1943 года. Работая начальником Военно-телеграфной станции, он из-за недостатка резерва людей сам вышел на линию к 287 стрелковому полку и под огнем противника в течение 20 минут исправил повреждение, восстановил связь. Полк в это время наступал, непрерывно продвигаясь вперед, но из-за сильного обстрела вражеской артиллерии связь с ним была прервана, восстановив с полком связь, ст. серж. Мутовин Б.П. обеспечил успех боя».

Еще ранее, 9-го марта 1944 года, приказом по 51-й стрелковой Витебской Краснознаменной ордена Суворова дивизии начальник телеграфной станции 207 отдельного батальона связи Б.П. Мутовин был представлен к самой высокой солдатской награде — медали «За отвагу».

У старшего из сыновей Владимира Николаевича — Петра Владимировича — было два законных брака.

От первого брака:

Мутовин Владимир Петрович. Ж. Екатерина Васильевна (1912)

Мутовин Георгий Петрович (17.08.1913). Ж. Лонгинова (Домна) Доминика Николаевна (07.01.1913 – 1981) (во втором браке Брек).

Мутовина Агриппина Петровна (23.06.1916). М. Греченин Павел Захарович.

Об их дружной семье писали в районной газете «Ленинский путь»:

«Греченин Павел Захарович знал свою жену Агриппину Петровну Мутовину с детства — жили в Нижнекамчатске. В семье Павла было шестеро детей. Рано умер отец. Павел Захарович награжден медалью "За доблестный труд в годы ВОВ 1941–1945 гг.".

Дочь Лидия Павловна Терехова — много лет проработала в районном узле связи телефонисткой. В ее трудовой книжке была только одна запись. Муж Виктор Кузьмич — капитан буксирного катера. Сыновья — Павел, Олег, Юрий.

Дочь Диана Павловна Панюшкина, кондитер. Муж Сергей Гаврилович. Дети — Елена и Алексей.

Дочь Ирина Павловна Проняева, закончила Камчатский пединститут, работала в районной библиотеке. Муж — Валерий Васильевич — механик морпорта. Сын — Василий.

Сын Вячеслав Павлович Греченин».

Мутовина Мария Петровна.

Мутовин Николай Петрович.

Но Иван Петрович Мутовин.

От второго брака:

Мутовин Виктор Петрович; Мутовина Татьяна Петровна; Мутовина Галина Петровна; Мутовин Николай Петрович; Мутовина Алевтина Петровна.

Но Иван Петрович Мутовин исчезает с исторического поля, и на его месте появляется Иван Иннокентьевич Гарднер.

Об этом мне написал его сын — Валерий Иванович Гарднер. А потом эту историю продолжила его дочь — Людмила Ивановна Гарднер.

Первая история:

> *«Мой отец Гарднер Иван Иннокентьевич родился в Усть-Камчатске в 1924 г. На Камчатке кончил педучилище и в конце 1940-х годов поступил в Хабаровский пединститут по специальности русский и литература. В институте познакомился с моей матерью, так как мать не захотела ехать на Камчатку, остался в Хабаровском крае, потом вызвал с Камчатки свою мать Агнию Васильевну. Про своего отца он рассказывал, что в 30-х годах его забрали и больше ничего о нем неизвестно. Я на пенсии, но еще работаю в охране, трое детей, один внук. Сын и младшая дочь еще студенты».*

А вот и вторая история:

> *«Мой отец Мутовин Иван Петрович родился в Усть-Камчатске в многодетной бедной семье. И его усыновили Гарднер Иннокентий Константинович и Агния Васильевна. Оттуда он и стал Гарднер Иван Иннокентьевич. Про Гарднера Иннокентия вы знаете. А вот Мутовиных у отца сестер и братьев очень много. В конце 50-х годов отец ездил на Камчатку и встречался с братьями и сестрами Мутовиными.*
> *Потом отец как-то растерял связь с братьями и сестрами. В Хабаровск ко мне приезжал какой-то брат отца, но меня не было дома. По мутовинской линии у меня очень много двоюродных братьев и сестер. Я нашел одну только в Палане и в Усть-Камчатске двух двоюродных сестер и брата, про остальных ничего не знаю».*

ИВАН ИННОКЕНТЬЕВИЧ ГАРДНЕР (МУТОВИН)

Людмила Гарднер

Мои родители — отец, Иван Иннокентьевич Гарднер (р. 1924), и мать, Надежда Гавриловна Лава (р. 1925), познакомились и поженились (примерно в 1948–1949 гг.) в Хабаровске, там они учились в пединституте на отделении народов Севера. Учились на филфаке. Тогда все представители народов Севера учились на филфаке. Но моя мать, уже сама учась в институте, привезла своего младшего брата Ваню Лава, и тот тоже, безо всяких экзаменов, стал учиться, правда, на физмате. И всю свою трудовую жизнь проработал учителем физики и математики в селе Тахта Ульчского района Хабаровского края.

Отец приехал учиться с Камчатки. Говорил, что его родное село Ключи. Вообще-то он не Гарднер, а Мутовин. Многодетная семья Мутовиных осталась без родителей, мать умерла, когда отцу было два года. Его взяла на воспитание бездетная пара — Гарднер Иннокентий Константинович и Агния Васильевна, когда ему было восемь лет. Дали свою фамилию. Иннокентия Гарднера арестовали в 1933 году и расстреляли в 1934 году. Реабилитирован в 1957 году. Потом Агния Васильевна вышла замуж за Вовенко Марка Демьяновича, и они усыновили сироту Анатолия, он стал Вовенко. Они переехали с Камчатки на Амур, в село Кальму, куда отца направили работать после института. Доживала Агния Васильевна во второй семье отца в Маго-рейде, там и похоронена.

Из рассказов отца помню только, что на Камчатке на состязаниях (теперь я понимаю, что это были национальные игры) он всегда побеждал. Его называли за силу «умка». Да, он был хорошо сложен, физически силен. Помню, я висла на его бицепсах, они как яблоки выпирали на руках, и он меня раскачивал на весу. Отец был камчадал, в паспорте записано — «русский». Он был очень красивый. Тип лица европейский, не азиатский. Голова правильной формы, тонкий с горбинкой нос, брови вразлет, сухощавое лицо. До сих пор, если какая-нибудь бабушка вспоминает в разговоре его, обязательно скажет: «Иван Иннокентьевич такой красивый мужчина был!»

Там же, в институте, у них родился первый сын Валерик. Отец окончил институт, а мать из-за рождения ребенка бросила учебу. Отца направили работать в Кальму, маленькое национальное село, там живут нивхи, малая народность Нижнего Амура. Это малая родина моей матери, она нивх по национальности. Валерик умер в Кальме 21 мая 1951 года, диагноз — туберкулез. Было ему 2 года и 4 месяца. В Кальме родились дети: Геннадий (1950), Светлана (1951), второй Валерий (1953) и я, Людмила (1956). В 1958 году семья переехала в село Сусанино, это тоже в Ульчском районе, выше по Амуру.

Где-то примерно в 1965 году родители разошлись. Отец работал учителем в нескольких селах, помню, жила с ним в интернате в селе

Белая Гора Николаевского района. Потом осел в поселке Маго-рейд Николаевского района. Там он женился второй раз. Родился сын Саша Гарднер в 1970 году. Отец работал учителем в ШРМ, затем на причалах рейда, сторожем, ушел на пенсию. Умер в 1998 году.

Геннадия мы считаем старшим, хотя он родился после первого Валерика. Но так как Валерик умер в младенчестве, то старшим был Гена. Закон Менделя проявился в нас, детях: первый Валерик был вылитый отец, красивый, большеглазый, с волнистыми волосами. На фотографиях мы это видим. Гена же получился вылитый нивх, весь в деда Лава, по материнской линии. А остальные: Света, второй Валерий и я — метисы. Геннадий был самый умный из нас, наверное, хотя мы все хорошо учились, я постоянно была первой в классе по успеваемости. Он хорошо учился по физике, математике, а мы больше гуманитарии. Что-то мастерил, выпиливал, строгал. После десятилетки приехал в Алеевку (это в Амурском лимане, там до этого некоторое время жила наша мать, работала в магазине), устроился в Нижнее Пронге на рыбозавод работать перед армией. Помню, в районной газете была заметка о нем: «Комсомолец Гарднер готовится к путине». Вечером в шторм в Алеевке прыгнул в лодку, чтобы сетку проверить тут, у берега. Весла даже не взял. И унесло его. Шторм, уже ночь, говорят, вызывали пограничников, но те не смогли подойти к нему. А лиман — это, считай, море, другого берега не видать. Так и считается «пропавшим без вести» (1968).

Светлана родилась в 1951 году. Она жила у отца в Маго-рейде, временами в интернате там же, окончила десятилетку. Поступила в Магаданский пединститут, бросила. Жила некоторое время в Хабаровске. В конце концов вернулась в Маго-рейд, вышла замуж. У нее двое детей, Ольга (1973) и Иван (1983), пятеро внуков. Работала кладовщиком. Сейчас на пенсии.

Валерий тоже жил с отцом, окончил десятилетку. После армии ему дали направление на учебу в Волгоградскую высшую школу милиции. Окончил ее. Вернулся в Хабаровск, но следователем работать не стал. Много лет проработал на заводе отопительного оборудования, ушел оттуда на пенсию по горячей сетке. Пошел работать охранником на Южный рынок. Он женился поздно и очень интересно – по объявлению. Тогда они только начинали печататься. Вера вдова, у нее было двое детей. Еще двое родились, Вася (1991) и Юля (1992). Вася учился в Политене на архитектора, немного недоучился, на пятом курсе ушел. Юля там же, в Политене, окончила факультет «Международная журналистика» и теперь работает старшим корреспондентом в редакции «Российской газеты» в Хабаровске.

Валерий скоропостижно скончался от болезни сердца в 2014 году.

Я родилась 7 января 1956 года, мы еще жили в Кальме. Я себя помню уже в Сусанино, там я в 1963 году пошла в школу, где учителем русского языка и литературы работал мой отец Иван Иннокентьевич Гарднер.

После развода родителей жила то у отца, то у матери. Восемь классов окончила в Маго-рейде и поехала в Хабаровск, поступила в ГПТУ на штукатура-маляра. Работала на стройке. Потом окончила подготовительное отделение для рабочей молодежи в Политехническом институте, но с 1-го курса архитектурного факультета ушла. Восемнадцать лет проработала библиотекарем в селе Аннинские Минеральные Воды Ульчского района. Вернулась в Хабаровск, заочно окончила филфак педуниверситета, специальность «Издательское дело и редактирование». Работала в журнале «Дальний Восток» корректором с 2005 по 2011 год, в 2016 году пришла работать редактором отдела очерка и публицистики. Имеются публикации в журнале «Дальний Восток» и других изданиях. У меня двое детей, Катя (1980) и Слава (1982), четверо внуков.

Саша Гарднер (1970) – сын отца во втором браке с Татьяной Николаевной Лунтазовой. Он был очень похож на отца внешне. Еще в школе участвовал в самодеятельности, играл на гитаре. Поступил в Хабаровское училище искусств. Женился на девушке из семьи немцев, с ее семьей переехали в Алма-Ату. Там они собрались переезжать в Германию. Саша не захотел уезжать, остался в Алма-Ате. Снова женился, родилась дочь Юля Гарднер. Так что у нас две Юли Гарднер – в Хабаровске и в Алматы. Связь с Сашей мы не поддерживали, знали о его жизни от родителей. Когда родители умерли, вообще потеряли связь. Позже, когда все стали общаться через Интернет, Валерий вышел на Людмилу Лунтазову, старшую дочь Татьяны Николаевны Лунтазовой, она живет в Москве. Та сообщила, что Саша и из второй семьи ушел. А потом пришел кто-то из его знакомых и сказал, что Саши больше нет в живых.

Итак, мутовинские корни рассыпаны по всему Дальнему Востоку.

Но старшие братья Ивана Петровича/Иннокентьевича Мутовина/Гарднер продолжали жить в Нижнекамчатске.

Вот что в свое время писала газета «Камчатская правда» о самом старшем из них — Владимире:

«Охотник, значкист колхоза “Путь Ленина” Усть-Камчатского района В.П. Мутовин — участник Всесоюзной сельхоз. выставки 1940 года. Только за четвертый квартал прошлого года он сдал государству пушнины на 3880 рублей, выполнив сезонный план промысла на 293 проц. Много ценной пушнины добыл он за 16 лет».

А другой брат — Георгий — повстречал здесь свое личное счастье — молоденькую учительницу Домну (Доминику) Николаевну Лонгинову из знаменитой династии дальневосточных просветителей Логиновых-Лонгиновых-Петрологиновых.

Но счастье было недолгим — Георгия Петровича не стало.

А Домна Николаевна вернулась в родное село — Палану, где вышла замуж и стала знаменитой Домной Николаевной Брек — заслуженным учителем РСФСР.

В супружестве с Георгием Петровичем появились дети:

Мутовина Дина Георгиевна. М. Морозов.

Мутовин Валентин Георгиевич

Мутовина Нелли Георгиевна

Нелли Георгиевна Мутовина — мама летчика-испытателя Олега Евгеньевича Мутовина, Героя России.

О самом Евгении Олеговиче сообщает Министерство обороны России:

«Герой Российской Федерации (26.05.2008), летчик-испытатель I класса, полковник (31.10.2003).

Родился 4 октября 1965 года в г. Петропавловске-Камчатском — административном центре Камчатской области (с 1 июля 2007 года — Камчатского края). Русский. Окончил среднюю школу.

В Вооруженных силах с 1982 года. В 1986 г. окончил Качинское высшее военное авиационное училище летчиков. После окончания училища проходил службу на должностях летчика, старшего летчика, командира звена, заместителя командира авиационной эскадрильи — штурмана в истребительном полку авиации ПВО (301 иап). В 1994 году переведен в Дальневосточное объединение ВВС на должность командира авиационного звена истребительного авиационного полка (216 иап), через год назначен заместителем командира авиационной эскадрильи.

С этой должности в 1995 году поступил в Военно-воздушную инженерную Академию имени профессора Н.Е.Жуковского на отделение подготовки летчиков-инженеров-исследователей. Будучи на втором курсе академии, по собственной инициативе и без отрыва от учебы, он успешно сдал вступительные экзамены в Центр подготовки летчиков-испытателей. В 1998 г. экстерном и с отличием закончил ВВИА им. профессора Н.Е. Жуковского, а в 1999 — Центр подготовки летчиков-испытателей Государственного летно-испытательного центра им. В.П. Чкалова.

После окончания Центра подготовки летчиков-испытателей проходил службу на должностях старшего летчика-испытателя, заместителя командира авиационной эскадрильи — старшего летчика-испытателя службы летных испытаний Летно-испытательного центра ГЛИЦ.

Вносит большой вклад в развитие современных авиационных комплексов, являясь ведущим специалистом в области летной оценки систем управления самолетов, боевого применения средств поражения, аэродинамических свойств самолетов, эргономики, индикации и логики работы бортового радиоэлектронного оборудования и систем управления вооружением. Освоив практически все виды летной подготовки, он допущен к испытательным полетам всех степеней сложности. Под его руководством и при непосредственном участии проведены летно-испытательные работы на опытных и модифицированных авиационных комплексах семейства “Су” и “МиГ”.

Один из ведущих летчиков-испытателей Министерства обороны России, выполняющих испытательные полеты с палубы авианесущего корабля. Первым из военных летчиков России выполнил полет на опытном корабельном самолете Су-27КУБ (11.2004) с палубы тяжелого авианесущего крейсера “Адмирал Кузнецов”.

В период подготовки крейсера “Адмирал Кузнецов” к походу провел испытания аэрофинишеров корабля, а затем оказал помощь в восстановлении полетов с палубы летчиков руководящего состава полка палубной авиации. В период боевой службы ТАВКР выполнял полеты на Су-33 и Су-25УТГ с палубы корабля с целью оценки характеристик модернизированного оборудования самолетов в условиях дальнего морского похода.

За время летной работы освоил более 30 типов самолетов и их модификаций истребительной, истребительно-бомбардировочной, штурмовой и палубной авиации.

Указом Президента Российской Федерации от 26 мая 2008 года №837 за мужество и героизм, проявленные при испытании новой авиационной техники, старшему инспектору — старшему летчику-испытателю отдела (летно-методической и боевой подготовки) ГЛИЦ им. В.П. Чкалова (г. Ахтубинск) полковнику О.Е. Мутовину присвоено звание Героя Российской Федерации.

С 2016 года — летчик-испытатель ОАО “ОКБ имени А.С. Яковлева”. В октябре 2016 года установил 4 мировых рекорда скороподъемности на Як-130 (второй пилот).

Имеет общий налет более 2500 часов. Проживает в городе Раменское Московской области.

Награжден орденом “За военные заслуги” (30.06.2007), медалями».

Я не случайно выбрал для такого детального анализа именно эту родовую фамилию, которая вобрала в себя все, что связано именно со службой своему Отечеству.

Повторюсь — потому что она мне особенно дорога.

Дорога по многим причинам, о которых я говорил выше.

Но самое главное не в этом, а в том, что ее представители являются участниками самых разных событий нашей отечественной истории, отражающих ее сложный, в том числе и противоречивый характер, но, тем не менее, являющейся нашей общей историей — нашей общей победой и общей нашей бедой. И еще — исследование истории именно этого рода показывает, что в генеалогии не существует никаких «мелочей».

И еще: очерк по истории любого рода не имеет своего окончания, пока живы его представители, пока появляются все новые ветви и веточки.

И я очень надеюсь на то, что представители рода Мутовиных помогут мне написать и продолжение этого исторического очерка, а также помогут отыскать следы тех родовых веточек, которые мы потеряли из виду, но которые и сегодня представляют потомков этого рода на бескрайних просторах и России, и мира.

Я очень на это надеюсь…

МЫЛЬНИКОВЫ

Сегодня мы вряд ли отыщем корни «рядского» казака из Тигильской крепости Михаила Васильевича Мыльникова (1760), который служил здесь в начале XIX века [Исповедальные росписи Тигильской Христорождественской церкви за 1815 г.; РГИА ДВ фонд 1009, Оп. 2, дело 2].

Хотя историй с Мыльниковыми и Дальним Востоком у нас предостаточно.

Первым из Мыльниковых, прибывших в Якутский острог, был тобольский казак Епишка Иванов сын Мыльников, который послал вместо себя «на государеву дальную службу на Оленек реку» казачьего брата Куземку Иванова (может быть, тоже Мыльникова — но этому подтверждения нет, а может, просто нанял кого-то из своих земляков) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 103 А об.].

Следующий:

«Окладная книга 1681 года

Казаки

Мыльник Ивашко Дорофеев, казак (ж/о)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

Этот Мыльник служил на Камчатке и был в ближайшем окружении «воровского» атамана Данилы Яковлева сына Анцыферова Томского — того самого, по приказу которого был убит Владимир Владимирович Атласов.

Иван Дорофеевич, вполне возможно, был в отряде первооткрывателей Курильских островов в 1711 году, где побывал отряд Анцыферова и его есаула Ивана Петровича Козыревского.

В 1712 году в поход на авачинских камчадалов отправился отряд Анцыферова.

Вот его состав:

Алексей Посников, Степан Большаков, Дмитрий Томский, Иван Шабалин, Сергей Томский, Иван Смольянинов, Лука Савинский, Обросин Двойкин, Иван Башмаков, Осип Орлов, Иван Ярков, Михайло Обрезов, Федор Микин, Лука Мунгал, Матвей Дюков, Иван Мыльников, Ермолай Баршуков, Тимофей Коромыслов Григорий Хоткин, Иван Протопопов, Василий Барашков, Алексей Михайлов, Иван Пешков, Павел Катасонов.

Камчадалы устроили казакам ловушку, заманили в балаган, накормили-напоили, дали аманатов (заложников), а ночью сожгли заживо вместе со своими родственниками аманатами.

Но список этот я дал в развернутом виде не просто так. Помним, что Анцыферов был Томским — то есть из Томска.

Как и двое из его окружения — вероятно, прежде бесфамильных и беспаспортных гулящих людей, верстанных в Томске в казаки, которые и стали верной опорой для атамана Анцыферова.

Не удивлюсь, если и Иван Дорофеев сын Мыльников тоже был из Томска.

А вот и пример:

Томский казак Иовка Леонтьев сын Мыльников сообщал о себе в 1680 году «Родиною от Еренского городка, дед и отец его были в солдатской службе и побиты на государевой службе в низовских походах, а брат его родной служит в Якутском остроге, а он один поверстан на убылое место. Оклад денег 4 рубля с четью, хлеба 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 1½ пуда соли».

Понятно, что фамилия Мыльниковых привязана к их семейной профессии — производству мыла.

И вот что у нас происходит далее.

Это уже Иркутск.

«Еще большие масштабы имело мыловаренное производство, организованное Иваном Штинниковым. Это был очень предприимчивый человек. Он брал подряды на ломку слюды и соляное производство, занимался байкальскими рыбными промыслами и скупкой хлеба у крестьян. В 1683 г. вместе с родным братом, селенгинским казаком Андреем Штинниковым и енисейским мастером-мыловаром Иевом Мыльником он построил в Иркутске мыловаренный завод. Постройка и оборудование обошлись в 476 руб. 52 коп. Производство мыла было рассчитано не только на городской рынок и уезд, но и на вывоз в Забайкалье. И. Штинников имел лавочных сидельцев в Нерчинске и Албазине, к которым отправлял продукцию на своих дощаниках и подводах. В 1680-х гг. только в Нерчинске он ежегодно выручал до 600 рублей.

С 1685 г. И. Штинников отказался от услуг компаньонов и стал единоличным хозяином завода. В среднем завод вырабатывал до 200 косяков мыла, из которых около половины реализовывалось в Иркутске. Видимо, в эти годы его производство полностью обеспечивало потребности города. Во всяком случае, таможенные книги привоз мыла на иркутский рынок из других мест не зафиксировали. Следует сказать также, что стоимость косяка мыла в Иркутске не превышала 1 руб. 20 алтын, в то время как в Нерчинске он продавался уже по 3 руб. К концу XVII в. Штинников стал самым богатым посадским Иркутска. В 1690-х гг. он был приказчиком гостя Ивана Ушакова, ходил с торговыми караванами в Китай, а затем стал иркутским таможенным головой».

Запомним это…

Правда, брату его — Андрею Штинникову — не повезло: в чине пятидесятника он был отправлен на Камчатку (туда, откуда везли в Китай драгоценную пушнину), но со своей задачей не справился — по делу Розыскной канцелярии о причинах Харчинского бунта 1731 года он был приговорен к смертной казни и повешен.

А вот судьба другого компаньона Ивана Штинникова для нас загадка.

Но не будем забегать вперед.

Вернемся к енисейскому мастеру Иеву Мыльнику (имя которого удивительным образом совпадает с именем томского казака Иева Мыльника) — возможно, это один и тот же человек, так как томские казаки могли нести службу и в гарнизонах других городов-крепостей.

Но в Енисейске мы находим и своих Мыльников из числа посадских людей:

«177 году книги переписные Енисейским посадским людям, сколко в Енисейском остроге

и в уездах посадских людей и хто что платит великих государей в казну оброку и пятого снопа хлеба (д) посадцкого человека Ортюшки Еремиева Мыльника, у него детей Ромашка 15, Лучка 13, Ортюшка 7, промыслу у него никоторово нет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 353 об.].

Есть уточнение и о енисейском мастере:

«В качестве специалиста-мыльника на “заводе” работал енисейский посадский человек опытный мыловар Иев Евтихеев по прозвищу “Мыльник”, с которым был заключен договор о совместном производстве мыла и распределении доходов от его продажи».

Мы не случайно так сосредотачиваемся на этом редком (даже для того времени) Иев:

Якутск. «Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Мылныков Максим Иевлев (3)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Не слишком ли много совпадений?

Но вернемся к 1680-м годам.

Еще одна история.

Славные и бесславные страницы, связанные с утратой Амура и обороной Албазинского острога:

«В 1683 году “оленный охотник” Лантань выдвинулся вместе с речной флотилией на Амур и близ устья Зеи принудил к сдаче крупный казачий отряд Григория Мыльника, который вез военное снаряжение и провиант для Долонского и Селемджинского острогов. С потерей этого отряда московиты лишились не просто 70 человек вооруженного резерва, они потеряли какую-либо возможность для проявления военной инициативы в предстоящей войне. Албазинская крепость утратила оборонительное предполье, поскольку Долонский и Селемджинский остроги пришлось оставить без боя: без запаса пороха и свинца, без необходимого провианта удержать эти крепостицы было невозможно».

А вот и подробности:

«Самойлов Григорий Стефанов (Мыльник) — Албазинский казачий десятник.

В 1680 г. по государеву указу и наказной памяти приказчика Албазинского острога сына боярского Якова Евсевьева на Зею была послана группа из 12 казаков во главе с Гришкой Стефановым Самойловым по прозвищу Мыльник. Эти казаки поставили возле устья р. Долонец, впадающей в р. Зею несколько ниже р. Селемджи, Долонский острог. Острог был возведен по просьбе магирских тунгусов, обратившихся к русским через посредничество шамана улагирских тунгусов, казака родом. Однако в отличие от подавляющего большинства других острогов и зимовий этот острог был возведен не вблизи ясачных угодий местного населения в устье р. Селемджи, как хотели того тунгусы, а возле пригодных для пахоты земель. Г.С. Самойлов посеял вблизи острога хлеб и в следующем году “привез в Албазинский острог своей пахоты хлебной опыт”. По его словам, там была “пахотная земля добрая: мочно пахотных крестьян поселить слободами тысяча семей и больше”. В итоге Г.С. Самойлов по царскому указу был за ту “службу и острожную поставку поверстан по Албазинскому острогу в десятники казачьи, и отпущен из Нерчинского острогу на Зею реку в Зейской острог на перемену Нерчинскому Сыну боярскому Игнатею Михайлову (Милованову)”. Согласно описанию И.М. Милованова, осмотревшего острожок в 1681 г., Долонский острог был небольшим: “одне стены подолее трех сажен, а другие стены полтретьи сажени печатных; у того острогу изба четырех сажен, а на остроге и на избе верхний бой и вышка для караула”. Он также одобрил выбор казачьего десятника Самойлова, прибывшего ему на смену, подтвердив, что “в том месте на усть Долонца на край Зеи реки на берегу острогу быть пригоже и хлебородные места есть и пашенных крестьян селить есть где”.

17 июля 1683 г. приказчик Албазинского острога И. Семенов (Войлошников) отправил на р. Амгунь в Дукинское зимовье десятника Гришку Самойлова во главе отряда из 20 казаков, к которым присоединились 47 промышленных людей и среди них священник Максим Леонтьев, то есть всего 68 человек (по другим данным, их было — 73). 27 июля в полутора днях пути ниже устья р. Зея отряд встретил большое маньчжурское войско. Маньчжуры коварно пригласили Г. Самойлова “к себе на честь хлеба есть” и, когда он с десятью казаками и о. Максимом прибыл к ним, захватили их в плен. Г. Самойлову удалось предупредить свой отряд об опасности, но не все поверили в реальность угрозы. В итоге только 23 человека спешно бежали по суше в Селембинский острог, а затем дальше в Удский.

В сентябре 1684 года два пленных казака из его отряда привезли в Албазин грамоту богдыхана; они же сообщили, что Григорий Самойлов (Мыльник), попав в плен и узнав о том, что на родину ему “отпуску не будет”, не растерялся и решил строить в Китае заводы и мыло варить. С этими же пленными ему удалось переправить небольшое письмо адресованное своим родным и близким оставшимся в Албазинском остроге».

Финал этой истории — казачий десятник Гришка Стефанов Самойлов — Мыльник — начал варить мыло в Китае.

В 1719 году на Камчатку отправлен якутский казак Иван Мыльников.

А в именных списках казаков Якутска за 1720 год появляется имя набранного сибирским дворянином Иваном Шестаковым для боевых действий на Чукотке имя Тимофея Иванова сына Мыльникова (1673), который впоследствии служил в Тауйском остроге и имел сына Василия [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 131].

Может быть, того самого Василия, который и был отцом тигильского казака Ивана Васильева сына Мыльникова (1760)?

Из каких таких краев был набран Шестаковым Мыльников, нам неизвестно — из разных, сманивая людей будущими материальными перспективами, на которые охотно шли те, кто не имел стабильной службы или ремесла.

А теперь несколько цитат.

«По данным “Томской городской обывательской книги за 1786–1788 гг.”, в купцах первой гильдии состоял Петр Федоров Шумилов, во второй — Иван Васильев Губинский, Афанасий Иванов Даниловский, Григорий Семенов Зеленцов, Михаил Алексеев Мыльников, Матвей Федоров Шумилов. Указывалось, что все они произошли из “местной купеческой среды” … Генеалогические данные, которые содержатся в исповедных росписях 1742 и 1760 гг. по г. Томску, позволяют проследить происхождение этих купцов от служилых людей XVII в. через промежуточную стадию разночинцев и посадских».

К сожалению, данных о купцах Мыльниковых в этой статье не указано.

А потом мы находим интересную ссылку:

«Мыльников Михаила Алексеевич, томской купец в Иркутске».

Но это не о нем:

«Анализируя социальный состав владельцев предприятий обрабатывающей промышленности Иркутска начала XIX в., можно сделать вывод о значительном участии местного купечества в сфере производства.

Иркутским купцам принадлежало 26 предприятий, остальные 16 были в руках мещан и цеховых. Среди промышленников были такие крупнейшие капиталисты, как купцы первой гильдии Н.П. [Николай Прокофьевич] Мыльников, М.В. Сибиряков, второй гильдии — С. Дудоровский, С. Киселев, В. Ситников. Так, Н. Мыльникову принадлежали кожевенный и козловый заводы, шляпная фабрика. На всех его предприятиях в 1801 г. работали 44 постоянных работника, кроме того, для временных работ в кожевенном производстве нанимались еще 10–15 чел.».

«Наиболее ярким примером … являлся Иркутск, где изобилие дорогой пушнины и соседство с Поднебесной империей привело к расцвету меновой торговли с китайцами. Из крупного купечества в Иркутске сложилась олигархия, которая процветала и властвовала над общественным управлением. Особенную славу и могущество приобрел коммерции советник Мыльников, занимавшийся сбытом пушнины в Кяхту и вывозивший оттуда в большом количестве китайские товары».

«Кяхтинская торговля была настолько выгодна, что некоторые купцы Иркутска вкладывали в нее весь свой капитал. Так крупную коммерцию вел в Кяхте первостатейный иркутский купец Иван Бичевин. Его приказчики проникли на Курильские и даже Алеутские острова и привозили оттуда драгоценную пушнину. В большом количестве сбывал мягкую рухлядь китайцам через кяхтинский рынок иркутский купец и соляной промышленник Федор Ворошилов. Несколько позже такие же операции проводили купцы Мыльников, Мичурин и Сухов».

И далее процесс пошел активнее. Вот что рассказывает по этому поводу Бурлак В.Н. в книге «Русская Америка. «Землица великая, землица неведомая»:

«…Во второй половине XVIII в. крупные коммерческие операции в кяхтенской торговле проводили Мыльников, Мичурин и Сухих. В 1798 г. капитал, вложенный Мичуриным и Сухих в пушные товары, предназначенные для продажи в Кяхте, доходил до 90 тыс. рублей.

Отличительной чертой участия иркутского купечества являлась его двойственная деятельность в тихоокеанском промысле. Во-первых, следуя примеру своих предшественников, иркутские купцы создают свои промышленные компании, где существовал почти семейный принцип. Это компания Я.Я. Протасова и Ф. и М. Киселевых. Во-вторых, часть иркутского купечества занималась тихоокеанским промыслом параллельно торговой и промышленной деятельности в Иркутской губернии, причем участвовали не в одной компании, а сразу в нескольких. Это гарантировало им более стойкое финансовое положение. Среди них такие купцы, как М.В. Сибиряков, Н.П. Мыльников, В.В. Шарыпов, Ф. Дударовский, И. Сизых, в свое время тесно сотрудничавшие с Г.И.Шелиховым. Именно в среде представителей этого направления зарождаются объединительные тенденции, вылившиеся в создание Иркутской Коммерческой компании. Стоит детально рассмотреть два этих направления в организации пушного промысла и участия в нем иркутского купечества.

…иркутские купцы Яков Протасов и семейство Киселевых более 20 лет занимались, в основном, морским промыслом на берегах Тихого океана. Свою пушнину они сбывали либо в Охотске, либо в Иркутске в гостином дворе, где они имели свои части.

Убежденные в стабильности финансового положения компании, Я. Протасов и Киселевы были противниками наметившихся объединительных тенденций. Когда в 1797 г. Иркутская Коммерческая компания Мыльникова объединилась с компаниями Шелихова и Голикова, образовав Соединенную американскую компанию, Киселевы не только отказались участвовать в ней, но и всеми мерами старались навредить ей. Однако когда в 1799 г. Соединенная компания была взята под высочайшее императорское покровительство и ей была дарована монополия на морской промысел, купцам Киселевым ничего не оставалось, как просить дозволения присоединиться к этой компании, в чем им было отказано. Так завершилась промысловая деятельность в северной части Тихого океана иркутских купцов Киселевых и Протасова.

Начиная с конца 70-х годов XVIII в. на рынке пушного промысла появляются новые имена иркутских купцов: М.В. Сибирякова, Н.П. Мыльникова. В.В. Шарыпова. М.Ф. Душанова, И. Сизых, Ф. Дударовского и других. Свои капиталы они вкладывали в ведущие промысловые компании купцов С.П. Лебедева-Ласточкина, Луки Алина, Орехова, Пановых, Шелихова.

Николай Прокопьевич Мыльников первый раз вложил свой капитал в судно купцов Шелихова и Алина, которое называлось в честь святых Петра и Павла. Находясь с 1776 г. на Командорских островах, оно вернулось в 1779 г. с грузом на сумму 74240 рублей. Получив прибыль, Г.И. Шелихов и Н.П. Мыльников, а также иркутский купец

М.В. Сибиряков, иркутские мещане Дударовский и Добрынский выстроили новое судно "Иоанн Рыльский", которое было отправлено на Ближние Алеутские острова.

Почти одновременно с Мыльниковым свою деятельность в тихоокеанском промысле начинает его друг Михаил Васильевич Сибиряков. В 1777 г. он участвует в отправлении судна "Андрей Первозванный" купцов Голикова и Шелихова. На отправленном в 1779 г. судне этих же купцов "Иоанн Предтеча" Сибиряков имел пять паев. Впоследствии Сибиряков и Мыльников становятся постоянными компаньонами Г.И. Шелихова и принимают паевое участие в экспедиции 1783–1786 гг. к берегам Америки. Так, Сибиряков на судах этой экспедиции имел по одному паю.

Федор Яковлевич Дударовский имел паи на судах Г.И. Шелихова "Иоанн Рыльский", "Андрей Первозванный", "Архистратиг Михаил"; А. Орехова на "Александре Невском"; Пановых на "Алексее".

Михаил Федорович Душанов совместно с тульским купцом А. Ореховым отравляет в 1781 г. к берегам Америки судно "Александр Невский", где ему принадлежало около 10 паев. Тесно сотрудничает с якутским купцом С.П. Лебедевым-Ласточкиным. Так, на его судне "Св. Павел" Михаилу Душанову принадлежало 9 паев. На судне Лебедева-Ласточкина "Георгий Победоносец" имели паи и другие иркутские купцы. Мыльникову принадлежало 5 паев, Шарыпову — 1, И.А. Сизых — 2 пая. Имелись и единичные случаи паевого участия.

Фактически в 80–90-х гг. пай приравнивается к ценной бумаге, которую иркутские купцы использовали в купле-продаже и отдаче под залог. Так, в 1788 г. И.Н. Киселев, дав два векселя на сумму в 3285 рублей иркутскому купцу Д.А. Сизых, к поручительству приложил в залог 6,5 паев на судне "Изосим и Савватий".

В течение 1783–1785 гг. иркутскими купцами, путем скупки паев, было приобретено судно "Александр Невский" у тульского купца А. Орехова. Теперь уже новые хозяева, в том числе Михаил Сибиряков, Николай Мыльников, Василий Шарыпов, Михаил Обухов, Илья и Дмитрий Сизых, занимались решением текущих дел. По решению уже новых компаньонов был отдан целый суховой пай Иркутскому Вознесенскому монастырю. В результате столь выгодного коммерческого приобретения они получили прибыль с пушного промысла в 238 700 рублей.

Совершались и другие крупные операции. Так, иркутский купец Василий Васильевич Шарыпов с коммерческой целью купил в 1787 г. вернувшееся с промысла судно Пановых "Алексей" за 5500 рублей, а через месяц продал его Г.И. Шелихову с прибылью в 500 рублей.

Интерес здесь представляет имя Емельяна Григорьевича Ларионова. С 1786 по 1787 год он являлся приказчиком по торговым делам у курского купца И.Л. Голикова, где "показал себя ответственным… а все порученные дела, как требует долг честного человека исправил". На следующий год Емельян Ларионов переходит на службу к компаньону Голикова — Г.И. Шелихову. И в мае 1787 г. Григорий Шелихов отправляет Ларионова в Охотск для подготовки судна "Три Святителя", отправлявшегося к берегам Америки с главным правителем русских поселений Е.И. Деларовым.

Позднее он примет активное участие в образовании Иркутской Коммерческой компании и станет правителем острова Уналашка.

Как уже отмечалось, параллельно с участием в тихоокеанском промысле иркутские купцы занимались торговыми операциями, имели промышленные производства, участвовали в управлении городом.

Первостатейный иркутский купец, именитый гражданин Михаил Васильевич Сибиряков избирался несколько раз на должность городского головы. Так что Шелихову выгодно было иметь такого компаньона. С 1773 г. в течение 20 лет Михаил Сибиряков совместно с Алексеем Сибиряковым владел Тельминской суконной мануфактурой, имел заведения полотняной фабрики и 12 частей в купеческом гостином дворе, производил судоходство по Байкалу и по рекам. Интересен тот факт, что М.В. Сибиряков, как и Шелихов, поддерживал тесные отношения с Г.В. Державиным.

Первостатейный иркутский купец Николай Прокопьевич Мыльников славился вкладыванием крупных капиталов в кяхтинскую торговлю. Также поставлял он свои товары на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки и в Москву. Мыльников имел кожевенный завод, козловую фабрику и 40 частей в купеческом гостином дворе.

Из вышесказанного следует, что существовало две тенденции участия иркутского купечества в тихоокеанском пушном промысле. Одна из них — создание единой промысловой компании, где существовал почти семейный принцип. Организаторы этой компании отрицали необходимость объединения. Второе направление — сосуществование нескольких видов деятельности: организация промышленного производства, паевое участие в пушном промысле и реализация "мягкой рухляди" путем торговли. Именно в среде представителей второго направления зарождаются объединительные тенденции, вылившиеся в создание Иркутской Коммерческой компании.

Причин соединения капиталов было несколько:

во-первых, потеря основного компаньона, в связи со смертью Г.И. Шелихова, и обострение разногласий между наследниками Шелихова и И.Л. Голиковым;

во-вторых, последующие годы характеризовались обострением междоусобной борьбы различных промысловых компаний, вследствие чего в конце XVIII в. появилось стремление компаний заручиться покровительством и защитой правительства;

в-третьих, огромное значение имела конкуренция появившихся в водах Тихого океана иностранных промысловых компаний, таких как Гудзонской и Канадской.

Так, в начале 1797 г. в Иркутске возникает как альтернатива существующим Иркутская Коммерческая компания, инициатором которой явилось семейство купцов Мыльниковых. В компа-

нию, кроме Николая Прокопьевича Мыльникова и его детей Дмитрия, Якова, Михаила, вошли также иркутские купцы Иван Дмитриевич Мичурин с братьями Петром и Николаем; Стефан Федорович Дударовский с сыном Иосифом, Емельян Григорьевич Ларионов, известный как бывший приказчик Г.И Шелихова, и московский купец Евстрат Иванович Деларов, бывший правитель североамериканских колоний.

Основной деятельностью компании определялась "торговля в Охотске, Гижиге, Камчатке и других местах Российской империи". Кроме торговли и промысла, компаньоны надеялись организовать "исследование Северной Америки, лежащей от мыса Аляски к Северу и за проливом Беринговым". Управление делами компании вверялось Главной конторе в городе Иркутске. Подведомственные ей конторы были при верфи на реке Урак и на острове Уналашка. Для записи внесенных денежных средств была заведена Капитальная книга. Во главу компании были избраны два директора — Д.Н. Мыльников и С.А. Старцев.

Стараясь реализовать свои планы, они до наступления лета выполнили основные приготовления. Мыльниковы наняли приказчиков по торговым и морским делам. Так, иркутский мещанин Дмитрий Хромцов отправлялся приказчиком в Охотск, иркутский купец Петр Кузнецов — в Нижне-Камчатск, иркутский купец Иван Большаков — в Якутск.

Под контору Иркутской Коммерческой компании была арендована передняя половина дома А.Е. Полевого, служившего ранее в компании Голикова — Шелихова. А в мае этого же года между акционерами этой компании Н.П. Мыльниковым и Е.Г. Ларионовым состоялось письменное постановление, по которому последний отравлялся в качестве правителя на о. Уналашку сроком на пять лет. Необходимо отметить, что Ларионов был правителем вплоть до своей смерти в 1806 г. Николай Петрович Резанов, будучи на Уналашке в 1805 г., "был чрезвычайно доволен" его распоряжениями и наградил Ларионова медалью.

Очень спорным является утверждение Тихменева о несостоятельности компании, что побудило иркутских купцов просить Шелихова присоединится к ним. Так, в донесении от 22 июля 1797 г. иркутского генерал-губернатора Л.Т. Нагеля генерал-прокурору князю А.Б. Куракину отмечалось, что Иркутская Коммерческая компания сделала необходимые приготовления и находилась в "ожидании на дальнейшие свои подвиги высочайшего соизволения". В этот период первостатейный иркутский купец Н.П. Мыльников объявил Нагелю о том, что "существующий с 1781 г. Северо-восточной Северной и Курильской компании компаньоны сперва курской именитый гражданин Иван Голиков, а потом и товариществующая с ним покойного рыльского именитого гражданина Шелихова вдовствующая жена, каждый свою в помянутых компаниях половины соединили с его, Мыльникова, и товарищей его, в компанию воедино под названием Американской Голикова, Шелихова и Мыльникова".

За это время компания значительно пополнилась новыми компаньонами. При подписании объединительных документов в компании упоминались имена иркутских купцов С.А. Старцева, Ф. Дударовского, А.П. Лишинцева, Л.И. Зубова, Е.Н. Сухих, А.Ф. Останина, И.М. Киселева, верхнеудинского купца П.Ф. Серебренникова и рыльского Василия Шелихова.

Объединенная компания старалась продолжить изучение Северной Америки. Весной 1798 г. между компанией и отставным губернским секретарем Иваном Ивановичем Баннером был заключен договор, по которому он отправлялся к "Чукотскому носу или напротив оного Американскую землю", где необходимо было основать постоянные поселения и "всемерно старался завести с обитавшими там народами на дружественном расположении торговлю и чрез ласковое с ними обращение стараться приводить их в совершенное подданство Всероссийскому Императорскому престолу".

Дальнейшему образованию РАК способствовали донесение Л.Г. Нагеля Павлу I и доклады в сентябре 1797 г. коммерц-коллегии "О вредности многих в Америке компаний и о пользе от соединения их воедино" и целесообразности образования единой сильной Американской компании.

Для дальнейшего оформления компании необходимо было разработать правовую сторону этого объединения. В течение 1798 г. при содействии Н.П. Резанова разрабатывается Устав компании, с принятием которого 3 августа 1798 г. окончательно оформилась Соединенная Американская компания (САК). Двадцать человек, подписавших "акт соединения" принадлежали в основном к богатым и влиятельным в Иркутске купеческим фамилиям.

Однако, как отмечалось ранее историками Тихменевым, Макаровой, Окунем, не все иркутские купцы, занимавшиеся пушным промыслом, желали объединяться. Прежде всего компания Киселевых не только не участвовала в создании Иркутской Коммерческой компании, но и в 1797 г. отправила в плавание к берегам Америки судно "Изосим и Савватий". И даже выступила с обвинениями шелиховских компаний в жестоких методах эксплуатации алеутов. При содействии Киселевых иеромонах Макарий и несколько алеутских тойонов достигли Петербурга и были приняты в 1798 г. императором Павлом. Однако попытки алеутов представить факты жестокого обращения промышленников с туземцами не возымели результата, а Макарий чуть не поплатился наказанием за самовольную отлучку с островов.

Не вошел в компанию и якутский купец С.П. Лебедев-Ласточкин, хотя после объединения компании в 1797 г. ему все же пришлось вывести работных с побережья Аляски в Охотск. Таким образом, в результате тенденции к концентрации капиталов на тихоокеанском промысловом рынке была создана крупная компания, выжившая оттуда более мелкие. Указом Павла I от 8 июля 1799 г. Соединенная компания была взята "под высочайшее Его и. в-ва покровительство" и названа Российско-Американской. Этой компании была дарована привилегия на тихоокеанские промыслы сроком на 20 лет.

Первоначально правление располагалось в Иркутске. Затем после длительной борьбы с конкурентами, а также в связи с возникшими разногласиями между компаньонами из-за создавшихся финансовых проблем внутри компании, царским указом от 19 октября 1800 г. правление было переведено в Петербург. В результате этого произошло усиление положения семьи Шелиховых в компании и потеря иркутскими купцами решающего влияния на действия компании.

Однако Иркутск еще долгое время занимал значительное место в решении восточных вопросов. Здесь находилась одна из контор РАК, управляющие которой набирали приказчиков, отправляли пушные товары на ведущие российские ярмарки, в Кяхту а взамен везли в Сибирь российские и европейские товары, а из Кяхты — китайские шелка и чай. В Иркутске были построены "американские казармы", а иркутяне по-прежнему участвовали в морском промысле и освоении Русской Америки».

«После получения из столицы известий о подписании императором указа об образовании РАК в Иркутске произошли выборы директоров компании. Первенствующим директором был избран великоустюжский купец Михаил Матвеевич Булдаков, остальными директорами стали иркутские купцы: Яков Николаевич Мыльников, Дмитрий Николаевич Мыльников и Семен Алексеевич Старцев. 16 сентября 1799 г. в одном из храмов Иркутска директора компании были торжественно приведены к присяге. Сразу же после избрания начались разногласия между директорами, М.М. Булдаков, поддержанный Н.П. Резановым, вступил в конфликт с Мыльниковыми. В результате указом Правительствующего сената от 19 октября 1800 г. Главное правление РАК было переведено из Иркутска в Санкт-Петербург».

«В феврале 1801 года умер директор Яков Николаевич Мыльников. Несмотря на это, Мыльниковы и некоторые другие иркутские купцы не собирались сдаваться. Спустя полгода после переезда Главного правления в Санкт-Петербург иркутские купцы стали ходатайствовать о возвращении его обратно в Иркутск. В июне 1801 года на имя императора было подано соответствующее прошение…»

Иркутские купцы в период расцвета Русской Америки чувствовали себя хозяевами Восточной Сибири.

Но… все хорошее когда-нибудь заканчивается.

Генерал-губернатором Сибири был назначен Иван Борисович Пестель:

«Трескину [губернатору] Пестель отводил роль главного борца с купеческой фрондой. В отчете об управлении Иркутской губернией за 1806–1812 годы. Трескин не жалел мрачных красок в описании сложившегося положения: "…Расстройство и совершенный хаос во всех частях губернского управления, несогласие и устарелая вражда между чиновниками и гражданами, разделившимися на партии утонченнейшее в многоразличных видах зло, неизъяснимое распутство — и вообще растление в нравах". Пестель, вторя своему alter ego, также доносил царю об убыточности для казны купеческой монополии, о неповиновении иркутских городских властей губернскому начальству. Пестель и Трескин, разумеется, не могли терпеть независимого положения иркутского купечества, гордость которых, по свидетельству И.Т. Калашникова, "нередко доходила до дерзости". Им удалось сфабриковать ряд уголовных дел (что было весьма не трудно — купцы не были безгрешными ангелами) против наиболее влиятельных представителей купечества. Городской голова М.К. Сибиряков и его тесть купец Н.П. Мыльников, как главные возмутители общественного спокойствия, были высланы соответственно в Нерчинск и Баргузин, а откупщик Передовщиков осужден "за обычные деяния откупщиков того времени: обсчитыванье казны, разбавку водки водой и прибавки к ней для крепости купороса, от которой умерло несколько человек". Пострадало и несколько чиновников, попытавшихся вступиться за репрессированных купеческих тузов»…

А вот, кажется, и историия происхождения первостатейного купца Николая Прокопьевича Мыльникова.

В обширной статье А.В. Черепанова в его «Родословном справочнике», посвященной иркутским Мыльниковым, мы нашли Прокопия Васильева сына (примерно 1713) — из дворцовых крестьян Архангелогородской губернии Вологодского уезда с. Фрязиново, который в 1745 г. был определен в иркутские цеховые по сучению восковых свеч. В 1774 г. иркутский посадский.

Его супруга — Агафия Федоровна, сестра которой была замужем за служилым Камчатской экспедиции Григорием Бречаловым. И не отсюда ли интерес семьи к камчатской и американской пушнине?

У Прокопия был сын Николай (примерно 1747) — иркутский посадский.

Дети Николая Прокопьевича: Дмитрий (примерно 1764), Яков (примерно 1769).

НАГИБИНЫ

Меня нередко поражает странная избирательность нашей отечественной исторической науки — перед иностранцами мы готовы «на задних лапках ходить» и в рот им заглядывать, какую бы чушь они не плели о своих географических подвигах, а о своих — доморощенных — землепроходцах и мореходах — «ноги вытирать» в историческом своем беспамятстве…

Я о мореходе Прокопии Нагибине, о котором нет ни слова, а тем более ни строчки в «Морском биографическом справочнике Дальнего Востока России и Русской Америки».

Есть, правда, в других источниках, в одних из которых его похоронили в 1725 году, а в других — он беседовал со студентом Степаном Крашенинниковым в 1738 году, давая ему бесценные сведения о своих «внеисторичных» морских вояжах по проливу, которые сегодня носит имя Беринга.

«Внеисторичных» — то есть находящихся вне нашей отечественной истории, вероятно, по

боязни наших отечественных корифеев, что его — задолго до Беринга — путешествия с Камчатки в далекий Анадырь и к берегам Аляски затмят славу великого мореплавателя.

Первую историческую ошибку совершил А.С. Сгибнев:

«Чукчи же, пользуясь малолюдством русских в Анадырске, бесчинствовали, оставаясь не наказанными за убийство в 1725 г. морехода Нагибина, проведывавшего острова в Беринговом проливе и Большую землю. Они видели в этом бессилие русских и сделали в том же 1725 г. страшное опустошение в земле коряков, после чего многие ясачные коряки, отложившись от русских, снова покорились чукчам, у которых они до появления в их земле русских были в постоянной зависимости».

Но затем ее повторят один за другим многие авторитеты:

«Членом этой экспедиции был Нагибин Прокопий (ум. 1725) — промышленник, исследователь морей «Восточного океана». В 1718–19 гг. участвовал в правительственной экспедиции, исследовавшей западную часть Охотского моря и Шантарские о-ва (так называемый “Большой Камчатский наряд”). После 1720 г., собрав в Анадырском остроге сведения о заморской “Большой земле”, построил за свой счет судно (неизвестно, где именно) и пришел на нем в 1725 г. в устье р. Анадырь, где убит в стычке с луораветланами (чукчами)» [Явловский П.П. Летопись города Якутска].

«Попытка Прокопия Нагибина пройти в Америку. Участник бывшей экспедиции Елчина мореход и промышленник Нагибин еще в 1720 г. обратился к властям с предложением организовать большую экспедицию (в составе 200 чел.) для плавания к Большой Земле (Америке) из р. Анадырь. Не получив просимых людей и средств, Нагибин снарядил судно за свой “кошт” и отплыл из Анадырска, но в 1725 г. на р. Анадырь подвергся нападению чукчей и был убит» [Зуев А.С. Хроника присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII – первой четверти XVIII вв.].

Но читаем другое историческое исследование этого же Андрея Сергеевича Зуева и диву даемся:

«…Генс, получив рапорт Змиева о походе, а еще раньше, 18 октября, донесение Спешнева и Гвоздева с обстоятельной информацией о взятии Нижнекамчатского острога, на их основе составили отправил в Анадырск своему непосредственному начальнику капитану Д. Павлуцкому два рапорта о восстании ительменов и мерах по его подавлению. К рапорту он приложил первые допросы “изменников”. Эти рапорты, датированные 10 и 11 ноября 1731 г., повез мореход Прокопий Нагибин. В Анадырске они были получены 16 января 1732 г., а 10 февраля Павлуцкий составил свое донесение о “камчатском бунте” в Сибирскую губернскую канцелярию» [Зуев А.С. Восполняя белые пятна. «Камчатский бунт 1731 г.: из истории русско-ительменских отношений»].

«…9 октября Павлуцкий послал из Анадырска на Камчатку морехода Прокопья Нагибина с ордерами к И. Шестакову, Генсу и Федорову, которым велел всем вместе, взяв подмастерья Спешнева и геодезиста Гвоздева, а также матросов, солдат и служилых людей, плыть на боте «к нам, к анадырскому устью, в самой скорости без упущения удобного времяни, для проведывания морских островов», а кроме того, выслать к 1 февраля 1731 г. в Анадырск сухопутным трактом подкрепление. Павлуцкий также счел нелишним напомнить, что согласно «присланным е.и.в. указом и по силе данной ис Тобольской губернской канцелярии инструкцыи» он является главным командиром всей экспедиции» [Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002].

Читаем документы: 1730 г. октября 9. — Ордер капитана Д.И. Павлуцкого Я. Генсу и подштурману И. Федорову о формировании команды и прибытии на боте «Св. Гавриил» к устью р. Анадырь:

«Да вам же, штурману и подштурману, взять с собою с Камчатки обще с показанным Шестаковым посланного от нас морехода Прокопья Нагибина и при нем служилого Никиту Шевырина и прежних мореходов, которые были на море с капитаном г-ном Берингом, и во всем вам иметь з дворянином Шестаковым общее согласие без всякого между собою препятствия и врученнае вам дело управлять с общаго согласия вкупе, а не самовласно всяк с собою, чтоб от какого вашего несогласия между вами чего напрасно не произошло».

«1731 году ноября 11 дня. Таковые белые дела в яшчике за печатью Прокопей Нагибин принял, его велением Федор Тибалов расписался» [Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 165].

«С 19 марта по 1 апреля [1738] Крашенинников совершил поездку на юг, к реке Озерной, где также осмотрел и описал горячие ключи и маршрут путешествия. А в Большерецке он начал готовить огород, собираясь высадить там часть привезенных семян. Много времени он уделял историко-географическим и этнографическим занятиям: расспрашивал морехода Нагибина об Олюторском острожке и о пути оттуда до Камчатки, о первых мореплавателях камчатских, о беспримерном плавании Федота Алексеева Попова и Семена Иванова Дежнева, собирал коллекции животных и птиц Камчатки, записывал коряцкие слова и выражения, изучал предметы домашнего обихода, одежду жителей и прочее» [Алексеев А.И. Сыны отважные России, Магадан, Кн. изд., 1970].

«…чтоб мореход Нагибин, которой приехал из Анадырского острога и партии служивые, которые посажены были в новопостроенном Олюторском острожке, на время ко мне присланы были.

И по силе вышеозначенного требования колья навожено и огород огорожен маня 15 дня. Из рыб три рода принесено, а имянно: вахня, рамжа, камбала, красная рыба. Также и мореход Нагибин и служивой, бывшей при строении

Олюторского острога, присланы … Августа 29 дня 1738 году» [Крашенинников С.П. Рапорты, Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 55–74 об.].

Итак, последние данные мы имеем за 29 августа 1738 года.

А где же начало?

По этим данным — 1719 год:

«Приказчики Анадырского острога

Нагибин Прокопий, мореход. 1719 г. — октябрь 1725 г. Продолжал службу в Анадырском остроге. Убит чукчами.

Из команды полковника Я.А. Ельчина. Направлен в Анадырск из устья Колымы, где он пытался искать острова в море» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 202].

А началом был Большой Камчатский наряд:

«Инструкция М.Г. Гагарина предписывала Ельчину исследовать Камчатку, установив с проживающими там чукчами, коряками и юкагирами торговлю, другое предписание предусматривало приведение к русскому подданству населения островов Охотского моря и обложение их ясачным платежом. Таким образом, в рамках “Большого Камчатского наряда” планировалось исследовать огромную территорию от Колымы до Амура — побережья Ледовитого океана, Берингова и Охотского морей.

Успех столь масштабной экспедиции зависел от содействия местных властей, поэтому полковника Ельчина наделили значительными ревизорскими полномочиями в отношении всей сибирской администрации. Состав экспедиции и средства, отпущенные для ее проведения, были весьма значительные. …за морскую часть похода отвечали пленный шведский моряк Амбиорн Молик (Ambiorn Molijk), архангельские мореходы Березин, Нагибин, Мошков, Тарасов и Серебреников».

«Средства экспедиции, — как пишет сам А.С. Сгибнев в очерке “Большой Камчатский наряд — по тогдашнему времени и отдаленности края, можно сказать, были громадные. В Москве и Тобольске Ельчину дано было 200 служилых, пленный флота поручик шведской службы Молик (Ambiorn Molyk), капитан Петр Абыштов, четверо дворян, 6 сыновей боярских, 2 сотника, 2 пятидесятника, 2 чертежника. Кроме того, Ельчину было разрешено взять еще 200 человек команды в Енисейске, Илимске и прочих местах и капитана Петра Татаринова с драгунами из Анадырска…. Всем чинам экспедиции, при отправлении из Якутска, велено выдать, на подъем, жалованье за три года вперед. Содержание, кроме провианта, положено было, указом князя Гагарина, полковнику Ельчину 250 р., флота поручику 100 р., капитану 80 р., поручику 50 р., подъячему 10 р., попу Ивану Васильеву и иеромонаху Иосифу по 15 р., мореходу Бушу 15 р., мореходам и кормщикам: Невейцину, Григорию Березину, Прокопью Нагибину, Треске по 40 р. в год, мореходам: Мошкову, Тарасову, Серебренникову и Бутину, прибывшим из Тобольска, по 30 руб.”».

Обратим внимание и на тот факт, что Сгибнев не сообщает о том, что Прокопий Нагибин был архангелогородцем: у него написано: «прибывшим из Тобольска».

Но об этом потом.

Пока же вернемся в Анадырский острог, где, собственно, и служил мореход Прокопий Нагибин, совершая поочередно плавания то в Камчатском море (как назвали эту часть Тихого океана прежде), то в море Ламском, Охотском или Пенжинском.

И получается у нас период жизни на Чукотке Прокопия Нагибина, как минимум, в двадцать лет.

И стоит ли тогда удивляться тому, что в 1768 году в «Списке переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость» мы встречаем это имя: «казак Козьма Нагибин. Жена Евдокия Алексеевна. Дочь Анна — 4» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

А также тому, что еще через полтора десятка лет этот список увеличивается:

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781

Казаки

Герасим Нагибин

Семен Нагибин

Яков Нагибин — в Охотске» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20 об., 22 об.].

А потом их след пропадает.

Но в далеком Тобольске в 1793 году служит пятидесятник Михайло Нагибин, 43 лет (1750) [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Т. 1. Ч. 2. Д. 3756].

Возможна ли связь?

И да, и нет.

Впрочем, заглянем в прошлое.

Мне очень понравилось толкование истории происхождения этой фамилии в интерпретации «украинской мовы»:

Толкование исходного прозвища дано в словаре Ю.А. Федосюка: «В онежских говорах нагиба — человек очень высокого роста, который вынужден нагибаться, обращаясь к кому-либо. В староукраинском же языке нагиба — находка; в самом деле: чтобы поднять найденное, надо нагнуться».

Действительно, у каждого народа свой взгляд на одни и те же «вещи».

А вот В.А. Никонов ссылается на слова из уральских говоров: нагиба — «человек очень высокого роста» и нагибать — «обманывать».

И первой известной исторической фигурой с таким именем стал один из ближайших военачальников в стане Болотникова и лжецаря Петра (Илейки Муромца, но не былинного, а исторического — Ильи Ивановича Коровина) был атаман Федор Нагиба.

После разгрома войск Болотникова под Тулой, как сообщает Н.М. Кармзин» в «Истории государства Российского»:

«…злодея Илейку повесили на Серпуховской дороге, близ Данилова монастыря. Болотникова, Атамана Федора Нагибу и строптивейших мятежников отвезли в Каргополь и тайно утопили».

В 1649 году в Якутск был сослан «за воровство» еще один Нагиба — Ивашка «с женой Фекелькою и с сыном Гришкою» [Ф.Г. Софронов История Северо-Восточной Азии XVII начала XX века].

«Да в нынешнем во 158-м [1650] году апреля в 4 день по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова приверстаны в государеву службу ссыльные люди которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михаиловича всеа Русии грамотам велено быть в его государевой службе в выбылые места и в Якутцком остроге выбылых … со 159-го [1651] году сверх государева указного числа 48 человек в тобольском окладе для того что из Якутцкого острогу посылки на многие государевы службы для ясачного и поминочного зборов посылать старых служилых людей мало и многие государевы службы за безлюдством служилых людей стали а оклад им учинили денег по 4 рубли с четью да хлеба по 5 чети с осминою ржи весом иметьца…

Корнилка Скворцов
Митька Пушников
Ивашка Михаилов сын Деревня
Ганка Кузьмин…
Исачко Офонасьев
Гаранка Максимов
Ивашко Игнатьев
Ивашко Онтонов сын Нагиба» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Лл. 111–111 об.].

Обратите внимание — с одной стороны ссыльные, с другой — старые служилые люди!

И никто же думать не гадал, что этот Ивашка — Иван Антонов сын Нагиба — в 1652 году (уже после походов на Амур Москвитина, Пояркова в *третий* уже раз пройдет устьем реки Амур и выйдет в море, о невозможности чего доказывал спустя полтора *столетия* лет великий Крузенштерн).

Дадим слово дальневосточному историку Александру Ивановичу Алексееву [Сыны отважные России, Магадан, Кн. изд., 1970]:

«Когда Чечигин и Петриловский плыли по Амуру, то время от времени они посылали вперед легкие малые струги на разведку, но на след Хабарова напасть не удавалось. Приближалась зима. Стали на зимовку. Отряд Хабарова зимовал в разных местах: основные силы — в низовьях реки, а присланные — в верховьях. И никто из них ничего не знал друг о друге. С наступлением весны Чечигин отправил вперед на быстром струге пять служилых людей и двадцать одного казака во главе с Иваном Нагибой. Им было строго наказано плыть вниз десять дней и смотреть вокруг, чтобы не пропустить Хабарова. Плавание это оказалось настолько интересным, что на нем надо остановиться подробнее.

Из Банбулаева городка отряд Нагибы отправился 4 мая 1652 года. Десять дней плыли казаки, не спуская глаз с берега. За это время они пришли в страну дучеров. Вполне возможно, что где-то рядом находился отряд Хабарова, но встретить его не удалось. Оставалось предположить, что Хабаров ушел вниз к гилякам.

Нагиба посоветовался с товарищами и решил плыть дальше в низовья Амура. Вскоре казаки, сами того не зная, оказались в устье Амура, а затем и в Амурском лимане. Таким образом, отряд Нагибы был вторым после Пояркова русским отрядом, побывавшим в устье Амура.

Здесь Хабарова тоже не было: вероятно, разошлись с ним где-то в многочисленных протоках. Возвратиться домой можно было только морским путем, а струг Нагибы был совершенно неприспособлен для плавания по морю — не было даже паруса.

Несколько дней гребли вдоль берега, но встретились льды. Десять суток носилось судно вместе со льдами по морю, пока не было раздавлено у пустынного берега. Утонуло все снаряжение и продовольствие. Казаки с трудом, где по льдинам, где вплавь, добрались до земли. Измученные, побрели они вдоль берега, питаясь травой да ягодами, иногда трупами моржей и нерп. Через пять дней дошли до небольшой реки и решили здесь остановиться, построить новое судно. Работали без инструментов, не было даже топоров. И все же какое-то подобие судна через две недели было готово.

Снова поплыли по морю. Дойдя вдоль берега до устья реки Учальды, казаки увидели тунгусские юрты и остановились. Время было осеннее. Дождавшись зимнего пути, 15 декабря 1652 года на нартах отправились через горы. Спустя четыре недели вышли на реку Тугур, где набрели на гиляцкое стойбище. Казаки обязали гиляков платить ясак и сразу взяли семьдесят восемь соболей. Построили здесь острог, в котором и прожили до лета.

А 30 июня 1653 года на легком струге Иван Нагиба с четырьмя товарищами — Иваном Михайловым, Павлом Степановым, Федором Спиридоновым и Степаном Дмитриевым — поплыл вниз по реке. Выйдя в море, струг четыре недели плыл вдоль берега, а затем четыре дня поднимался вверх по реке Нангтары (может быть, Лантары, к югу от залива Аян). Когда плыть стало невозможно, пошли пешком, через хребет Джугджур. Перевалив через него, путешественники попали на реку Ватангу (Ваган), по которой на легком суденышке, построенном на ходу, спустились до реки Маи. Затем вышли на Алдан и уже оттуда на Лену. 15 сентября 1653 года Иван Нагиба со своими спутниками добрался, наконец, до Якутска. Здесь он немедленно организовал смену товарищам, оставленным во главе с Иваном Уваровым на реке Тугур».

«Поход Ивана Антоновича Нагибы по Амуру в поисках Хабарова и его людей в 1652 привел к вынужденному плаванию вдоль южной береговой черты Охотского моря и открытию заливов Ульбанского и Тугурского».

А вот теперь вопрос: случайно или нет ссыльный Иван Нагиба верстан в казаки — в тобольский оклад — и отправлен служить в Даурию? [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 40 об.].

Тобольск, 1661 год.

Конные казаки

Ивашко Исаков Нагиба [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 152].

Тобольск, 1666 год

«Да в росписи под наказом каков наказ дал на Москве провожатым сибирских городов служи-

лым людем Федке Накарякову да Онтропку Шестакову с товарыщи послано с ними с Москвы до Киргинской слободы Киргинской слободы пашенного крестьянина Петрушки Нагибина жена Маринка и велено ее отдать ему Петрушке и по отписке с Верхотурья столника и воеводы Ивана Колтовского та жонка Маринка с Верхотурья к мужу ей в Киргинскою слободу послана» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 663. Л. 406].

Тобольск, 1681 год.

…деревня Нагибина на Иштаманской протоке» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 232. Л. 118 об.].

Тобольск, 1682 год:

«Конные казаки

Петрушка Нагибин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 754. Л. 20].

Даурия, Албазинский острог, 1686 год:

«Тобольский казак, участник обороны

Ивашко Кузьмин Нагибин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 238].

Тобольск, 1704 год:

«Конные казаки

По 7 рублев с четю…

Петр Нагибин

6 рублев с четю…

Алексей Нагибин

Конные казаки из рейтар по 7 рублев…

Степан Нагибин

Рядовым пешим казаком по 4 рубли с четю…

Иван Иванов Нагибин [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Лл. 216 об, 218, 219, 230а].

И поэтому у меня и возник вопрос, а не здесь ли — в Тобольске — родовые корни замечательных русских мореходов Нагибы Ивана Антоновича и Нагибина Прокопия (отчество которого никто до сих пор не открыл), оставшихся почти неизвестными для своих неблагодарных соотечественников?..

НАЗАРОВЫ

Родовые истоки этой фамилии на Дальнем Востоке могут быть как дальними — Тобольск, так и ближними — из Илиского уезда.

«Тобольские служилые люди которые присланы с Тобольска с пятидесятником с Ларкою Едомским прежним на перемену. Ефтифейко Назарьев в прошлом во 154-м [1646] году поплыл ис Тобольска … тот Ефтифейко в свое место нанял Максимка Григорьева в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 101 об.].

Назаровы — один из старейших казачьих родов Тобольска, отмеченный в Дозорной книге за 1623 год:

«Деревня за плоским баяраком. Во дворе служилые люди литвин Первушка Сергеев да стрелец Степан Назаров у Первушки паханые середние земли у двора меж лугов и дубров четыре чети да перелогу три чети без третника в поле а в дву потому ж. Степановы паханые середние земли две чети да перелогу три чети без третника да в дву потому ж да у обех у них вопче поскотинные земли в логах пятьдесят сенных покосов около пашни и по логам и по отвержкам в дуброве сто копен да позади их паханых и переложных земель дуброва пашенова лесу десять десятин».

Но этот тобольский казак, как видим, предпочел нанять вместо себя другого и, по всей видимости, вернулся домой.

Остается Илимский острог, рядом с которым основали в 1652–1699 гг. деревню Назарскую (Назарову) «Назаровы Иван, Егор, Стенька» [Шерстобоев В.Н. Илимская пашня, т. 1, Иркутск, 1949, с. 85].

И вот их исторический след:

В 1696 году в Илимском остроге Назаровы выступили против илимского воеводы: «…Ивашко Назаров … да и все илимские служилые и посадские люди и пашенные крестьяне по советав меж собою, что в нынешнем в 204-м году июня в 7 день в-Ылимску остроге извещал в войско илимской служилой человек Абакумко Облизанов на стольника и воеводу на Богдана Анфиногеновича Челищева и сказывал на него, Богдана, великих государей дело».

В 1699 году пятидесятник Удинского острога докладывал о бунте «заморских» — то есть, забайкальских казаков и в частности сообщал: «И в 204 же году марта в 17 день слышал де он, Семен, от удинских стрельцов — приезжал де из Селенгинска в Удинской селенгинской казак Васька Творогов з грамоткою, а об чем и что в той грамотке писано и кому он, Васька, в Удинску в полку грамотку подал, и хто у него принял и из Удинского писали ли от себя ис полку в Селенгинской к казакам грамотку или не писал из тех человек удинских стрельцов Алешку Уварова да Тимошку Назарова посылали или нет, а про т[о] [о]н, Семен, не знает, потому что ево, Семена, по недружбе ни к каким советам не призыв[али]».

Как видите, время тогда было «веселое».

Возможно, Лазарь Назаров, служивший в Верхнекамчатском остроге, был из каких-то других мест, но и он отмечен в истории тем, что в 1707 году подписал челобитную об отказе Владимиру Атласову во власти [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 39].

А в приговоре 1735 года Розыскной канцелярии особой строкой выделен поступок матроса с бота «Святой Гавриил» Агафона Назарова:

«Приговор походной розыскной
канцелярии от 14 июля 1735 г.

1735 году июля 14 дня по указу Ея И. В. в Большерецку штап афицеры господа маэоры Василей Мерлин, Дмитрей Павлуцкой, слушав от партии салдата Александра Змиева и служилых людей роспросных речей и учиненного экстракта, приказали означенному Змиеву учинить наказание — бить на публичном месте батоги нещадно для того — в 732 году, будучи он, Змиев, в походе с петидесятником Штинниковым и со служилыми людми, изменников ясашных иноземцов на Аваче реке, ис которых, сидя морской губы на отпрядыше в осаде семь дней, выезжали к ним с острога в байдарах после измены с покорностию сами собою, и тех, взяв, прикололи одиннатцать человек, а до-

стальных сорок два человека оставили. А жен их иноземческих и детей и пожитки он, Змиев, брал обще с петидесятником со Штинниковым и со служилыми людми, делили и давали на них служилым людем за своею рукою без указу владетелныя писма, и показанное тиранство чинили для своей корысти, чтоб жен их и детей охолопить вечно. Того ради ему, Змиеву, и наказание учинить надлежит, а служилых, кои были при нем Змиеве и при пятидесятнике Штинникове на Аваче реке, и тех от наказания свободить для того, что те служилые были в каманде у него, Змиева, и оное тиранство чинили по ево, Змиева, велению. Да вышепоказанной же салдат Змиев в Авачинской губе за хребет посылал в подсмотр для изменников матроза Агафона Назарова со служилыми людми с тремя человеки, и оной матроз, будучи в подсмотре, у иноземцов Алгина и Кашеи взяли самовольно четыре девки да парня, и тех девок разделили со служилыми людми, а парня взял он, Змиев, чего было оному матрозу и делать не подлежало, и за то оному матрозу Назарову учинить наказание — бить батоги нещадно, чтоб впредь другим так делать было неповадно. А взятых им, Змиевым, на Аваче реке иноземческих жен и детей, которые разделены со служилыми людми, у всех служилых людей ис холопства свободить и распустить на прежние их жилища, а мужеск пол, которыя в ясашной платеж отослать Большерецкого острогу в приказную избу при указе Ея И. В., а иноземческие ж пожитки и мяхкую рухлядь, которые означенной Змиев со служилыми разделил, как на нем, Змиеве, так и на служилых людех, на ком что по следствию надлежит, доправить в казну Ея И. В.

На подлинном приговоре пишет тако маэор Павлуцкой, маэор Мерлин.

По вышепоказанной сентенции салдату Змиеву и матрозу Назарову наказание учинено — биты батоги нещадно июля 15 дня 1735 году» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 71].

В окладной книге Якутского казачьего полка за 1720 год записан «Служивой Василей Онкудинов сын Назаровых сказал сороки пяти лет холост» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 75 об.].

А в период 1722/1748 годов в переписи указан еще один житель Камчатки:

«Камчадалского острогу

разночинцы

Петр Назаровых» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194, Л. 94 об.].

Тигильская крепость, 1812 год.

Казаки

Назаров Никита Макеев (в другом варианте Матвеев) — 30 (1782)» [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

Гижигинская крепость:

Назаров Александр Прокопьевич (1892), гижигинский мещанин. Ж. (с 22.01. 1912) Ефремова Мавра Семеновна, дочь коряка Германдинского роду».

Но связи между всеми этими Назаровыми мы пока не обнаруживаем — просто констатируем факты и события.

НАКВАСИНЫ

Фамилия простая — от накваска — «закваска». Но встречается довольно редко. По крайней мере, в Сибири, кроме Камчатки, она была отмечена (по нашим данным) только в Бурятии.

В центральной России — «Накваса, 1455 г., Суздаль; Федор Наквасин, подьячий, 1636 г., Москва».

Но это не полный московский список:

«Наквасин Богдан 1642–49 под[ьячий]. Пушк[арский]. пр[иказ]. [1642] окл. 4 руб., 1645 окл. 4,5 руб., [1649] окл. 8 руб.

Наквасин Мартемьян (Матвей, Мартюшка) 1626–28 под. Ямск[ой]. пр[иказ]. 1626–27 окл. 2 руб., 1627–28 упом.

Наквасин Федор 1627–29 под. Сыскн[ой]. пр. б. М.Б. Шеина 1627–28 упом., [1627–29] окл. 28 руб., [1628–30] сидит в Сиб[ирском]. пр., 1629–49 под. Пушк[арский]. пр. 1629–34 окл. 30 руб., 1645–49 окл. 33 руб.» [Демидова Н.Ф., Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700), Биографический справочник, М. 2011].

История появления на Камчатке служилого человека Дмитрия Наквасина, чье имя вошло в мировую историю мореплавания, пока остается неизвестной, хотя кое-какие соображения на сей счет у нас и есть.

Какие же?

Начиная с Большого Камчатского наряда Ельчина и продолжая последующими за ним экспедициями Шестакова-Павлуцкого, Первой и Второй Камчатской экспедиции Беринга, экспедиции Креницына-Левашова, Биллингса-Сарычева, да и для организации каботажного плавания, привлекались казаки — иркутские, нерчинские, селенгинские, удинские, илимские, якутские.

И чуть позже мы вернемся к возможной родовой истории, а пока выделим те события, в которых важную историческую роль играл именно Дмитрий Наквасин, отчества которого мы пока не знаем.

Собственно, в истории отметился, и чуть раньше Дмитрия, еще один Наквасин — Андрей, участник Второй Камчатской экспедиции, о котором сообщал в своем письме Мартыну Шпанбергу сам Витус Беринг.

И мы приводим этот исторический документ:

Письмо Беринга Шпанбергу с сообщением об отправке из Якутска в Охотск рогатого скота для забоя на морской провиант (7 июня 1737 г.).

«Благородный господин капитан, по требованию нашему отправлено от Якуцкой воеводцкой канцелярии из Якуцка в Охоцк сего июня […]-го дня покупного от оной канцелярии на экспедицию рогатого скота, заклейменого экспедичными клеймами, которые явствуют ниже сего со определенным от той же канцелярии служилым Андреем Наквасиным, а имянно оставшей от прежней покупки якуцких детей боярских Савы Корякина, Филата Чирикова, Филипа Антипина от сорока от пяти сорок три скотины на девяносто на пять рублев на сорок копеек. А о досталных двух скотинах Якуцкая воеводцкая

канцелярия ко мне об[ъ]явила, что они померли, а имянно один бык ценою в три рубли, другой в один рубль в шездесят копеек, итого обеих по цене на четыре рубли на шездесят копеек. Да нынешней покупки у якуцкого дворянина Ивана Борисова отправлено ж семдесят скотин по покупным ценам на двести на сорок на пять рублев, всего оставшей от прежней и нынешней покупки быков и яловых коров сто тринатцат[ь] скотин по покупным разным ценам на триста на сорок рублев на сорок копеек. Да к тому ж служилому Наквасину для згону того скота придано якутов четыре человека разных волостей: Батуруской — Гытычый Мучучюков, Сыланской — Бырдыс Немненев, Намской — Иткыса Кулутаев, Мегинской — Кирило Отохов. А понеже одним им, служилому и якутам, в згоне того скота исправитца неможно, и для того, тако ж и для лутчаго в пути смотрения посланы за тем скотом и от каманды нашей три человека: Сибирского гварнизона салдат Матфей Садилов, да служилые Охоцкого правления, которые обретаютца при каманде нашей для посылок и толмачества якуцкого языка, Максим Данилов, Василей Мигалкин, и дано им и помянутым служилому Наквасину и якутам ис той канцелярии от Якуцка до Охоцка на восем лошадей прогонных денег по три рубли на лошад[ь], дватцат[ь] четыре рубли. Да означенным якутам четырем человеком за их труды на корм каждому по три ж рубли двенатцат[ь] рублев. Итого прогонных денег и на корм тритцат[ь] шесть рублев. И оные денги, тако ж и вышеоб[ъ]явленные за два умершия быка четыре рубли шездесят копеек, итого сорок рублев шездесят копеек положены на тою отправленную скотину на сто на тринатцат[ь] скотин. И всего по покупным ценам и со оною накладною той скотины имеетца на триста на восемдесят на один рубль. По розкладке каждая скотина, болшая и малая, обошлась по три рубли по тритцати по семи с четвертью копейки. Того ради оную скотину, когда пригната будет в Охоцк, изволте приказат[ь] у вышепомянутого якуцкого служилого человека Андрея Наквасина принять кому надлежит в ведомство Ваше с роспискою. И ис того скота, буде к прежнему побитому в морской правиант скоту еще надобно в добавок, то побив, лутче и осоля, употреблят[ь] в тот морской правиант сколко надлежит. А что за тем употреблением останетца, тот продават[ь] обретающимся в каманде Вашей служителем за денги настоящею ценою, смотря по великости скотины. А от той побитой в морской правиант скотины головы, потрох, ноги продават[ь] же служителем. А языки, осоля, употреблят[ь] в морской же правиант. А до тех пор, пока в морской правиант употреблят[ь] и служителем продават[ь] не будете, то помянутой скот, тако ж которой и за тем употреблением и за продажею оставатца будет, изволте определит[ь] к нему для пазбы заобычайных людей, сколко надлежит, и приказат[ь] прилежное в том иметь смотрение, чтоб напрасного урону не было. А ежели ис того скота, будучи в пути от Якуцка или в Охоцку, какимлибо случаем учинитца урон или в пазбе ево в Охоцку какой будет казенной росход, и тот урон и казенной росход накладыват[ь] же на всю оставшую скотину, по чему на каждую придет, смотря тако ж по великости ее, дабы в казне убытку не учинилос[ь]. И о принятии того скота и колико из него в морской правиант и на сколко рублев употребитца и сколко служителем продано будет, и что денег соберетца, и за тем что того скота останетца, о том нас по прибытии в Охоцк репортоват[ь]. И те собранные денги об[ъ]явит[ь] к нам при том репорте для отсылки в реченную Якуцкую канцелярию впред[ь] на покупку скота ж. А помянутых людей служилого Наквасина по принятии у него скота, тако ж и якутов четырех человек отпустит[ь] по-прежнему вь Якуцк. Салдата Садилова, служилых Охоцкого правления Максима Данилова, Василья Мигалкина иметь Вам при каманде своей до прибытия моего в Охоцк. А жалован[ь]е тем посланным от нас произведено салдату Садилову денежное маия по 1 число, а хлебное августа по 1 ж число сего 737-го году, служилым Данилову, Мигалкину денежное и хлебное по будущей 738 год.

W.J. Bering

Июня 7-го дня 1737 году. Шпанберху» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 12. Л. 117–118 об.].

Служилый — значит казак.

Дмитрий Наквасин тоже был казаком, и в 1743 году он был прикомандирован к экипажу шитика «Святой Петр» для проведывания новых земель и приведения к плате ясака (налога) местного населения.

В главе, посвященной руководителю этой первой тихоокеанской промысловой экспедиции Емельяну Софроновичу Басову — «Басовы» — мы подробно рассказываем об истории этого вояжа, поэтому в главе, посвященной Наквасиным, укажем на главное:

«1743 г. Авг. 1-го Басов вышел на шитике из р. Камчатки в числе 20 чел.* (* Кроме хозяев на шитике отправлялись в море: служилые Алексей Воробьев, Д. Наквасин, Бекирев, В. Басов, казачий сын Верхотуров с товарищем, 3 работника Холщевникова и промышленный Ефресов) в вояж по океану для изыскания незнаемых земель и прочаго порученнаго ему дела. На пятыя сутки, в тихую погоду, подошли к одному острову и стали на якорь; но в следующую ночь канат лопнул и шитик выбросило на берег к счастию однакож не разбило. Верхотуров опознал, что это тот остров, на котором разбился в 1741 г. пакетбот Беринга. По недостатку леса на покати небыло возможности стянуть шитик на воду, а потому остались здесь зимовать и занимались промыслами: выходившаго во время великой погоды из моря зверя били палками, а на песцов ставили пасти и случалось достать в день бобров 50, а песцов 100 и более. Питались котами, сивучами, бобрами и морскими коровами; последних было множество, но промышлять нечем в море, а на берег не выходили. Что бы и впредь не было нужды в пропитании, мясо морских зверей солили и вялили…)».

«А во время де зимования на том острову посылал он команды своей людей служилых Гав-

рила Чюдинова, Дмитрея Наквасина, нарымского посацкого Данила Соснина, посацкого ж Венидикта Обухова, казачья сына Петра Верхотурова, Невъянских заводов жителя Михаила Никитина для достовернаго свидетельства земли. И обыскана ими пристань бывшаго Камчацкой экспедицыи капитана-командора Беринга, где пакетбот разбило. Причем де по усмотрении ими и по переписи явилось казенного материалу от разных вещей и от железа недельного, от болтов, от скляниц часовых, от ружья заржавелого з замками и без замков, ящиков: обтешной притом и протчие ящики, которыя де явились не заперты, також и снастей карабельных пеньковых и протчаго немалое число. Которыя де вещи имеются во близости морскаго берегу в бывшем магазейне бес прикрытия, понеже де хотя прежде и прикрыто было, но от сильных погод и от дождей разбило, и ис того числа довольно пригнило и песком замело, которых де вещей и описать ни по которой мере невозможно; а не гниющих вещей имелось: два котла палаусных 3, медных, один котел медной же большей, один меденик, два куба: один винной куб с трубицей, два блюда оловянных, две торелки, одна миска оловянная ж, одна крышка медная, одна чаша с руковяткой медная, кои де разбросало как на версту растоянием, из оных де собрано, а много и собрать не могли, а что собрано, то де положено вышеписанными ж вещьми в безопасном месте. А магазей построить за неимением леса было не ис чего, а вещей без указу взять смелости не имели. А во время там на остров бытия промышляли бобров, маток кошлоков, котиков, песцов голубых, ис коего должны отдать в Большерецкую тогдашную таможню у казну пошлину» [АВПР, ф. РАК, д. 8, л. 112 об.-114].

«Наибольший интерес представляет плавание 1747–1748 гг. 1 сентября 1748 г. канцелярия Охотского порта сообщила в Иркутскую провинциальную канцелярию, что в августе сержант Басов направил служителя Дмитрия Наквасина (то есть он сам стал мореходом. — *С.В.*) ко Второму Малому острову «для промысла на пропитание».

На северной стороне этого острова, в утесе и на выдающихся в море каменных лайдах, была найдена самородная медь. Басов спешно направился к тому месту, где она была обнаружена. Вместе с казаком Алексеем Тезневым и другими он добыл 51 фунт меди и 205 камешков. 29 фунтов меди и камешки были отправлены в Иркутскую канцелярию, которая срочно потребовала письменный доклад о том, где найдена медь, в какое время удобнее ее добывать и живут ли вблизи люди».

Дмитрий Наквасин как раз и был тем человеком, который эту медь обнаружил. К тому же он был Басову и не чужим человеком – шурином, то есть был женат на его сестре. И конечно же, он не мог знать, что обнаруженная им медь, по которой впоследствии и дадут название этому острову в группе Командорских островов — Медный, сыграет роковую роль в судьбе их семьи и конкретно Емельяна Басова, который окончит свою жизнь на Нерчинской каторге.

Но это будет позже.

А пока Дмитрий Наквасин ведет в Русскую Америку знаменитый шитик «Святой Петр».

«В 1750 г. в свое последнее, пятое, плавание отправился шитик “Св. Петр”, принадлежавший компании Е. Басова и Н. Трапезникова, под командой морехода Д. Наквасина и передовщика Беляева. Шитик побывал у о-ва Атту и, возможно, Агатту из группы Ближних Алеутских о-вов. Местным жителям были вручены подарки, отпущенные казной “для придания им охоты в платеже ясака” (медные котлы и суконные камзолы). Затем, когда шитик вновь вернулся к о-ву Атту, он разбился о прибрежные скалы. Команде, правда, удалось спастись и спустя два года, в 1752 г., вернуться на Камчатку на судне Н. Трапезникова “Св. Борис и Св. Глеб”».

Следы Дмитрия Наквасина затерялись.

Но память о нем осталась:

«Мыс Наквасина.

В 1954 году расположенный на северо-восточном берегу полуострова Шипунского мыс Штейна, названный в 1900 году Ф. К. Геком в честь президента Оранжевой республики, был переименован в мыс Наквасина. Так на карте Камчатки появилось новое название, связанное с одним из эпизодов открытия и освоения Командорских островов.

В августе 1747 года из устья реки Камчатки к Командорским островам отправился на шитике “Св. Петр” сержант Нижнекамчатской команды Е.С. Басов. Двумя годами раньше он с товарищами впервые высадился на открытый им остров, получивший потом название Медный. Во второе плавание судно с партией промышленников повел якутский служилый человек Дмитрий Наквасин, считавшийся опытным мореходом. Шитик Басова попал в шторм и был выброшен на берег второго командорского острова, тогда еще безымянного. Здесь басовцам пришлось испытать все муки северной робинзонады.

Во время зимовки промышленники тщательно обследовали остров. Отправившись на северную оконечность его, кормщик Наквасин обнаружил на берегу выходы самородной меди. Басов придал открытию должное значение. Вернувшись в Нижнекамчатск, он доставил помимо добытой пушнины запас наломанной в утесах острова медной руды. Часть ее была отправлена в Охотск, затем в Иркутск. В сибирской столице, ознакомившись с камчатской посылкой, немедленно переправили ее в Петербург. Там находка Наквасина попала в руки М.В. Ломоносова. Исследовав образцы со всей тщательностью, ученый с удовлетворением сообщил в императорский Кабинет, что камчатская чистая самородная медь, как и выделенная из руды, «швецкую медь добротою превосходит и от японской добротою не разнится чувствительно».

Заинтересовавшись открытием Д. Наквасина, правительство предприняло попытки дальнейшей разведки островной меди. В отправленной из Иркутска специальной инструкции Е.С. Басову предлагалось отчитаться о том, каков путь до «показанного острова, где найдена им самородная медная руда… И той найденной са-

мородной меди в утесе довольно ль имеется, и сколько жил в том утесе, и какою толщиною значит, и тот утес камня крепкого или разборного, и каким образом оною (медь) доставать и инструменты иметь надлежит».

Ни Басову, ни Наквасину не суждено было выполнять правительственную инструкцию. Ко времени получения ее в Нижнекамчатске Басов, впав в последнюю нищету, решился на отчаянный шаг. Пытаясь поправить свое положение, он отлил фальшивые деньги из запаса той самой островной меди, на которую возлагал так много надежд. Первооткрывателя острова Медного постигла жестокая кара. Изувеченный палачом, он умер на Нерчинской каторге. Затерялись и следы Дмитрия Наквасина. Память о первых разведчиках острова Медного была впоследствии увековечена в названиях мысов в Анадырском заливе (мыс Басова) и на Шипунском полуострове (мыс Наквасина) [Мартыненко В.П. Камчатский берег, П-К, 1991].

След Дмитрия Наквасина теряется.

Но…

Появляется новый след.

В 1766 году в Гижигинской крепости служит казак Наквасин Фадей Андреев сын [РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело, 13, лист 9].

Скорее всего, это сын Андрея Наквасина, о котором писал Витус Беринг.

Но — что интересно — мы обнаруживаем родовое ядро Андреевичей Наквасиных и их потомков:

Иоанн Андреев Наквасин — 50 (1777), ж. е. Анна Матвеева — 40, сын их Димитрий — 20;

Борис Андреев Наквасин — 45 (1782), ж. е. Елена Иванова — 44, сын их Иоанн — 18, ж. е. Епистимия — 18;

Илия Андреев Наквасин — 35 (1792), ж. е. Мавра Стахиева — 32, дети их: Лога — 16, Роман — 8, Екатерина — 15, Евдокия — 7, Анна — 4. Мать его Евдокия Иванова — 71 (1756).

Это данные Исповедальной ведомости Мухоршибирской Верхнеудинского уезда Николаевской церкви на 1827 год.

Если посчитать, что муж Евдокии Ивановны был ее ровесником, то Андрей Семенов Наквасин, о котором есть сведения в Исповедальной росписи той же церкви за 1823 год, тоже родился примерно в те же годы — 1740/1750.

А это значит, что его отец — Семен Леонтьев сын Наквасин — был ровесником Дмитрия и Андрея Наквасиных, служивших в Охотске и на Камчатке [ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1616].

И возникает закономерный вопрос — а не из одного ли они родового гнезда?

И не является ли знаменитый мореход Дмитрий Наквасин уроженцем Верхнеудинского уезда (то есть современной Республики Бурятия)?

Пока этот вопрос открытый.

Конечно, мне можно возразить — мухоршибирские Наквасины были крестьянами:

«Регистр

Тарбагатайской волости Мухоршибирской слободы поселянам, обязавшимся поставкой в могазейн Селенгинский провианта сроком сего года июня к 29 числу с обозначением разстояний, количества хлеба по какой цене и на какую сумму с выдачей наперед половинных денег.

Генваря 28 дня 1805 г.

Трофим Гусляков муки 30 пуд

Андрей Наквасин 30 пуд…» [ГБУ ГАРБ (Госархив Респ. Бурятия) ф. 401, оп. 1, д. 36].

Это ровным счетом ни о чем — очень многие забайкальские и прибайкальские казаки были переведены в результате многочисленных реформ по «расказачиванию» еще в царские времена сначала в разночинцы, а потом — в крестьяне или в мещане.

И будем надеяться, что историки и краеведы Бурятии помогут нам найти ответ на этот вопрос.

НАСЕДКИНЫ

Специалисты, изучающие историю происхождения фамилии, не дают однозначного ответа на вопрос о происхождении фамилии Наседкин (Насеткин).

Но если вы все-таки захотите разобраться, то все, оказывается, гораздо сложнее и интереснее, чем те версии, которые связывают историю фамилии то с курицей-наседкой (прозвище домовитого семейственного человека), то с наседкой-скамейкой (наверное, так могли прозвать человека, который сиднем сидит и ничего не делает — скамейка скамейкой), то еще с чем-то — голь, как говорится, на выдумки хитра…

Но самое интересное заключается в том, что первично фамилия эта звучала не совсем так или совсем не так — *Насекины*.

А здесь, вероятно, аналогии несколько иные: засека — Засекин, просека — Просекин…

Насека — это трость с серебряной булавой, являющаяся знаком атаманской власти в казачьем войске (в Российском государстве до 1917 г.).

Но есть и более общеупотребительный вариант: насека — это острый молоток для насекания жерновов.

А жернова, как известно, были очень важной частью для мельниц самых разных вариантов, поэтому насекины были и в чести, и в почете.

Крестьянская сущность первых сибирских Насекиных проявилась и на их новой родине.

Вот что писали о парвых служилых людях Тюмени:

«В материалах переписи Тюменского уезда, составленной в 1623 году, упоминаются основатели первых деревень под Тюменью, давшие им названия, — Олешка и Михалка Насекины, Тренка Кулаков, Степан Молчанов, Ларька Гусельников, Петрушка Речкин и другие. Территорию будущего Тюменского района населяли посадские люди, стрельцы, казаки, ямские, охотники, подававшие челобитные об отведении пашенных земель, поскотин и сенокосных угодий.

Деревни — один из видов сельских населенных пунктов в 10–15 дворов — появились в Северо-Восточной Руси в XIV веке и оттуда распространились по другим областям. Название “деревня” произошло, вероятно, от древнерусского “деру” “драть”, что значит “расчищать землю от леса, распахивать целину”. Другим

типичным видом поселений было село, отличавшееся от деревни большими размерами, часто наличием помещичьей усадьбы или церкви; более мелкие поселения носили названия выселков, починков, хуторов, заимок.

Как жилось нашим предкам в Сибири? Да уж не очень весело. Земли в России были белые и черные, а в Сибири — только черные, то есть тяглые. Оброк в Сибири платился с земли и двора, подать — с лица или души, по обстоятельствам, деньги ямские и полонянычные взыскивались по гривне и в половину с двора. Подать с души — полтина, оброк с крестьянского двора заменялся повинностью десятинной пашни. С сибирских крестьян взыскивались денежные поборы даже на струговые скобы и гвозди — куда уж дальше! В 1701 году велено было взимать с бухарцев оброк за владение землями и угодьями по 15 копеек с десятины рожью засеянной и по 5 копеек — с десятины ярового зерна. Не отсюда ли пошло, что татары стали сеять предпочтительно ячмень и овес? В 1705 году было два набора в рекруты, брали по одному человеку с двадцати дворов. Наборы в 1706, 1707 и 1708 годах изъяли из Сибири 5000 человек — двадцатую долю населения» [Задорина Галина. Крестьянская душа Тюменского уезда // Тюменские известия. 2010, 21 июля. № 123 (5100). http://www.t-i.ru/article/15438/].

Уточним. Это: «Деревня вверх Туры р за р Каменкою конного казака Михалко Насекин».

«Пашня от гор 2 вер за бояраком коннова казака Кондрашки Васильева Насекина», «Дер. за р. Каменкою на берегу Туры стрелец Олешка Насекин» [РГАДА, ф.214, оп. 1, кн. 5, лл. 462, 462 об., 490].

Точно такая же картина и в Тобольске, где мы можем проследить историю семьи Александрика Насекина и его сыновей — Андрея и Ивана большого.

Но вот что любопытно.

В списках служилых людей, которые в 1686 году пришли в составе полков Федора Головина защищать наши владения на Амуре, пришли два Андрея — один тюменский, другой тобольский, но вот фамилии у них записаны по-разному.

Тобольский — Андрей Насекин.

А тюменский — Андрей Наседкин.

Но это еще не все.

В начале 1680-х годов в Нерчинск сосланы московские стрельцы, в том числе и пушкарь Алексей Насекин (Насеткин, Наседкин) — писался то так, то сяк, который и в Нерчинске был зачислен в штат пушкарем (по недостатку людей), а потом был отправлен на усиление Албазинского острога и участвовал в его обороне. Остался не только жив, но стал патриархом нерчинского рода Насеткиных (Наседкиных), отцом пушкаря Никиты Алексеевича, дедом казаков Семена и Василия Никитичей. А вот согласно записи Нерчинского сереброплавильного завода прихода Петропавловской церкви о венчании за 1774 год в октябре был совершен брак «крестьянина Никиты Васильева сына Насеткина крестьянина Осипа Гусева з дочерью ево девицой Параскевой первым браком».

Нам не удалось проследить дальнейшую судьбу нерчинского рода Насеткиных (Наседкиных), но если этот род сохранился, то в середине XIX столетия по приказу генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева нерчинские крестьяне вновь обрели статус представителей казачьего сословия и значительная часть забайкальцев стали первопоселенцами вновь обретенных Россией земель в Приамурье и Приморье.

К нашей же истории этот род, по всей видимости, не имеет никакого отношения.

Скорее всего, у северо-восточных Насеткиных (Наседкиных) тюменские корни: все-таки там пустили корни сразу три служилых рода. Да и появляются в Якутии Насеткины после того, как Якутский казачий полк обезлюдел в результате «оспенного поветрия» 1691/1692 года и когда на пополнение его рядов были брошены служилые люди из самых разных городов Сибири, в том числе и из Тюмени.

Это не утверждение – это версия. Тем более, что в Якутию прибыло несколько Насеткиных, в том числе два брата – Яков и Петр Прокопьевичи Насеткины. Третьим был Михаил Гаврилов сын Насеткин. Что интересно – все трое были зачислены в четырнадцатую пятидесятню Якутского казачьего полка и направлены на Камчатку.

«Петр Прокопьев с. Насеткин, на Камчатке умре, и в нын. 706 г. авг. в 5 д. приверстан в казачью службу в его Петрово место и оклад казачий сын Трифон Панфилов».

Его брат — Яков Прокопьевич — в 1707 году подписал вместе с другими верхнекамчатскими казаками отказ Владимиру Атласову от власти, а в 1711 году примкнул к «воровским» казакам атамана Данилы Анцыферова, приговоривших к смерти и казнивших трех камчатских приказчиков, в том числе и Владимира Атласова.

В историю же вошли Михаил Гаврилович Насеткин и его сын Лука Михайлович.

Вот одна из записей, на которую ссылаются многие историки, говоря о приоритете Михаила Гавриловича в сообщениях о существовании Курильских островов, а также будущего острова Беринга:

«Михайло Насеткин в допросе сказал: в прошлом де 702 году посылан был он Михайло в Камчадалской острог с прикащиком Михайлом Многогрешным, для ясачного сбору. И шли де они из Анадырского до Пенжинского острогу на оленях и на собаках, и на Пенжине поделав суды карбасы, выплыли в Пенжинское устье, и взяли у ясашных Коряк байдары, и в тех байдарах пошли они морем на Камчатку; и дошед до Лесной реки заосеновали, и осенью, поделав нарты и лыжи, пришли на Камчатку, и с Камчатки де они ходили вниз по Камчатке в поход на немирных камчатцких мужиков. И против Камчатского де устья значится остров, а какие на том острову люди есть, того де он Михайло не ведает, и преж сего на том острову руские люди бывали ль, того де он Михайло ни от кого не слыхал. Да его де Михайла с служилыми людми, в пятидесяти человеках, посылал с

Камчатки прикащик Василей Колесов [в 1706 г.] в Курильскую землю на немирных людей. И они де шли в ту землю на собаках, и проведывали от Курильского острогу дале в Нос земли, и от того де места дале земли в Нос нет, пришло море, толко видеть в море за переливами земля; а проведать де той земли не на чем, судов морских и судовых припасов нет и взять негде, потому что де лесу близко нет и снастей и якорей взять негде. И идучи де он Михайло назад с Камчатки из Анандырского с прикащиком Михайлом Многогрешным с плотбища судами выплыв по Ковыме в море, и морем в Индигирское устье, и от Ковымского де устья до Индигирки остров в море видеть. А кочевщик де Семен Монастырской сказывал ему Михайлу и служилым людем, что тот остров и земля одна, что с Камчатки от Пенжинского моря и против Ковымского и Ленского устья, а люди де на том острову против Ковымского и Ленского устья какие живут ли, того де он Семен им никому не сказывал и ни от кого он Михайло про людей на том острову не слыхал».

Вы не поверите — но Витус Беринг в Первую Камчатскую экспедицию 1728/1729 гг. не отыскал в море остров (который сегодня носит его имя), увиденный Михаилом Гавриловичем Насеткиным… с берега.

Но судьбой было так уготовано, что следующим, кто после Беринга и его команды оказался на Командорском острове (как его первоначально называли, так как здесь был похоронен капитан-командор), был экипаж промыслового судна (шитика — построенного без гвоздей, шитого лозой и вичами) «Святой Петр». А в числе этого экипажа — большерецкий казачий сын Лука Михайлович Наседкин.

У этого суда была историческая роль – он открывал русским зверопромышленникам путь в Русскую Америку.

И казачий сын, впоследствии казак, Лука Михайлович Наседкин стал мореходом.

И не только мореходом. В 1740 году он участвовал в крестовом походе иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина по западному побережью Камчатки и стал крестным отцом многих камчадалов, потомки которых и по сей день носят его фамилию.

Известны два плавания морехода Луки Наседкина.

О них есть подробное изложение в рукописи Александра Полонского, хранящейся в архиве Русского Географического общества:

«“Николай” (1758–1763) компании Трапезникова. Передовщик пустозерец Репин, мореход, сборщик казак Лука Наседкин и рабочих рус. 19, к. 18.

Бот, построенный в 1758 г. на р. Камчатке, в том же году, 29 Сентября ушол в море, чтобы следовать вдаль на восток для поиска неизвестных островов и на следующий день подошел к о. Беринга. Передовщик решил остаться здесь зимовать и занимался промыслом зверей для провизии, лахтаков и одежды; бобров боялся касаться.

Отсюда в 1759 июля 15 отправились для открытий, но плавали безуспешно по 25 августа, когда принесло их к тому же Берингову острову. За повреждением волнением руля принуждены были опять здесь зимовать. На следующий год пустились 24 мая за поисками на восток и набежали на небольшой остров. Бросив якорь послали промышленного Мухачева на берег для осмотра и за водою, но вдруг наступил такой густой туман, что с судна едва виднелся разложенный на берегу большой огонь, откуда между тем доносился крик островитян и как бы ружейная пальба. Предполагая по этим признакам нападение и торжество победы островитян, на судне были в отчаянии об участи десяти отлучившихся своих товарищей. Мухачев вернулся онакож благополучно и объяснил, что хотя туземцы и напали на него с озартом и криком, но когда русские показали им копья и ружья и затем положили их на землю, неприятное нападение островитян прекратилось. Они так же положили на землю свои стрелки и безоружные подошли, одни старики, к промышленным, которые одарили их иголками и собачьею шерстью. У острова плавало много бобров, но как судно стало дрейфовать, то снялись с якоря и в течение ночи сильным ветром отнесло его так далеко в море, что они лишились узнать более о найденном острове. По утру, на другой день увидели новый большой остров и по северную его сторону бросили якорь, а потом вошли в отысканную бухту. На судно приходили островитяне и были угощаемы и дарены. Когда потом Мусорин, ходивший байдарою за собиранием выкидного леса на покати, чтобы судно вытащить на зиму на берег, отыскал на северной стороне острова хорошую гавань, отправились было туда на боте, но вантросы лопнули и бот унесло к о. Семия, у котораго по причине наступившаго тумана, стали 9-го июля на якорь, а оттуда, когда просияло, перешли на о. Атту.

Повреждения в боте не позволили следовать за исками, и компания оставалась до 9 июля 1762 г. занимаясь промыслами, которых привезено на возвратившемся 23 июля в Камчатку боте: бобров 609, маток 145, кошлоков 45, лоскутов бобровых 12, медведков 92; кроме того выменянных у жителей бобров, маток и кошлоков 20, хвостов бобровых 5, шапок 17, ошейников бобровых 28, всего на 58,170 р. В казну поступило выдельных, по оценке в Нижнем на 1,043 р. 99 коп.».

Второй его рейс завершился трагически:

«“НИКОЛАЙ” (1763) компании Трапезникова
Мореход казак Наседкин, передовщик Тотемский посадский Шишкин, рабочих русских 22 и камчад. 19.

Бот, возвратившийся из вояжа в 1762 г., вновь отправлен в сентябре 1763 на острова. Полагать следует, что судно встретило сильные попутные ветры потому, что в ту же осень оно попало на отдаленнейший от Камчатки, крайний к востоку, остров Алеутской гряды Унимок, на кото-

ром в том же году все промышленные с судна “Николай” убиты туземцами. По разсказу алеутов, когда рабочие разошлись по промыслам, алеуты сначала убили всех ушедших от судна на двух байдарах, а потом такая же участь постигла и оставшихся у судна, которые не погибли от цинги и постоянных нападений в течение зимы.

Судно сожжено алеутами и при взрыве его погибло несколько человек из них.

О несчастливой судьбе, постигшей весь экипаж “Николая”, узнал в 1764 году на Уналашке мореход компании Уледникова, Соловьев, которому алеуты объявили, что судно Николай пришло в 1763 г. на о. Унимок, шестой от Уналашки и стало в бухте (Протасовской) в Исаноцком проливе и что жители острова были вооружены против промышленных поступками бывших здесь в 1761–62 г. на судах Красильникова и Бечевина.

На четырех судах, подвергшихся погрому от алеутов было промышленных: русских — 136, кам. — 39; из того числа побито алеутами русских — 125, алеутов — 33; померло и утонуло русских — 6, кам. — 0; возвратилось в Камчатку русских — 5, камч. — 6.

А капитала утратилось на 88,834 р. 13 коп.; кроме того о 40 паях не с кого было взять показаний; но с ними по примерному расчету, потерь в четырех судах простиралась на 100,459 р. 13 коп.».

Р.В. Макарова: «на Лисьих островах разыгралась трагедия. В течение осени и зимы 1763 г. на островах Умнак, Уналашка и Унимак были уничтожены четыре судна: “Иоанн” компании Я. Протасова и И. Лапина, “Захарий и Елизавета” вологодских купцов Куликовых, “Троица” и “Николай” компании Н. Трапезникова. Из отправленных на этих судах 175 промышленников почти все (6 человек умерли от болезней) были убиты алеутами.

Уцелевшие 11 человек были спасены и вывезены на Камчатку мореходами Степаном Глотовым и Иваном Соловьевым. Убытки компаний, по подсчетам купца Василия Куликова, превышали 100 тыс. руб.».

Служилая линия казаков-мореходов Наседкиных на этом оборвалась.

Но в историю камчатки входили камчадалы Наседкины. А период Русско-японской войны 1904–1905 годов в составе народного ополчения, отразившего попытку японцев превратить Камчатку в свой «трофей», были и камчадалы Наседкины:

Наседкин Никифор (Никанор) Гаврилович (1877), с. Напана

Наседкин Дмитрий Гаврилович (1884), с. Напана

Наседкин Григорий Иванович (1869), с. Колпаково

НАЯНОВЫ

Мне всегда казалось, что эта фамилия тюрская по своему происхождению. Но читаю «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля, и мои сомнения рассеиваются:

«*Надирать*, надрать, надирывать что, чего; начесывать, нацарапывать, нарывать, нащипывать, натеребливать, набирать отдирая. | Надрать струп, ногу, руку, начесать, нацарапать; надрать уши, чуб, натеребить; надрать на сукне ворсу, начесать, поднять; | надирать драни, лык, лубьев, моху, набирать отдирая. Чай больше твоего никто не надирывал. Надираться, надраться, быть надираему. | Надраться с кем (не от глаг. надрать, а от драться), драться досыта, биться вволю и перестать. | По стольку у нас лубьев не надирывалось николи, не драли. | Надираться, пск. твер. задориться, придираться. Надиранье ср. длит. надранье окончат. надир, надор м. надирка ж. об. действ. по знач. глаг. Много ль надору? Сколько надрано? | Надер, надера м. пенз. твер. нахал, наян, буян. Надирный, надорный, к надору относящ. Надирчивая щетка, цепкая, хорошо надирающая ворсу. Надрань ж. что надрано: луб, береста, лучина и пр. Надиратель м. надирательница ж. надирщик, надорщик м. -щица ж. кто что надрал, надирает. Надерень (м. ж.?) твер. рукавица? Надеристый пск. твер. задорный нахал. Задать надиру, оттрепать за волоса».

Буян, нахал, наян… Как вам это?

И нам еще придется убедиться, что прозвища в старые времена не давались просто так – они были всегда (или почти всегда) с глубоким смыслом.

Правда, было у этого слова и второе значение: «Немцами, русские называли обычно всех иноземцев — неславян, при этом финнов называли большей частью наянами».

В 1703 году в Илимском уезде находился «…двор служилого Тита Наяна…» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1528. Л. 123–123 об.]. В пахотные крестьяне Илимского воеводства записывали многих бывших военнопленных — возможно, что среди них оказался и наян — финн.

И далее, также вполне возможно, что в следующей нашей истории, произошедшей в тех же краях и примерно в то же время [1710 год], речь шла о его потомке:

«Расходная книга хлебных запасов по Полоратовской, Криволуцкой, Усть-Кутской и Верхне-Киренской волостям приказчика Федора [Иванова] Протасова и целовальников Василия [Яковлева] Комлева и Федора Нестерова, 1 июня 1700 г. Скрепили Романов, за Протасова — Алексей Наянов, за Комлева — Протасов,512 за Нестерова — казак Исак Гаранин».

Но вот что касается камчатских событий 1711 года и убийства казачьего головы Владимира Владимировича Атласова, то мы должны вспомнить о первой версии (хотя, конечно же, наш следующий «герой» мог быть из илимских крестьян, каких тогда весьма часто верстали на казачью службу в связи с кадровым голодом — малолюдством).

И вот что поведал нам Степан Петрович Крашенинников, укрывшееся в дальнейшем по неизвестным нам причинам от всех, кто впо-

следствии занимался вопросом об убийстве камчатских приказчиков:

«Пришедши под Нижней острог тайно, и ставши за протокою Камчатки реки, составили они ложную грамоту к Володимеру Атласову и послали оную с тремя служивыми с Григорьем Шибанкою, да с Алексеем Посниковым, да с Наянковым, которые, пришедши к Володимеру Атласову, подали ему помянутую составную грамоту, и как он стал читать помянутую грамотку, то ево Григорей Шибанко нечаянно ножем в бок заколол, а в то время при Володимере Атласове никово не случилось, и так оным убийцам к прочим бунтовщикам без вреда уйтить удалося».

Везде в исторической литературе впоследствии Наянков идет под именем «Андрей Петровых», как было сказано в официальном документе об убийстве трех камчатских приказчиков, в том числе и Атласова:

«В прошлом 711 году … Данило [Анцыферов] с товарищи учинил [что] казачьи голова Володимер Атласов держит у себя в доме доброго зверя лисицу чернобурую и они де приехав в Нижний Камчадальский острог … и хотели его Володимера связать и про … доброго зверя спросить, а он де со служилыми людьми стал драться и служилые де люди Алексей Посников, Григорий Шибанов, Андрей Петров боронясь от себя и опасаясь от него Володимера к себе убийства с казачья совета в таком случае убили его Володимера до смерти, а после де того нашли они в доме у него Володимера 2 лисицы бурые, которые везли они в Верхний острог в твою казну…» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 142-142 об.].

Что дальше?

«По розыске оным Колесовым учинена смертная казнь двум человекам, а имянно Харитону Березину и Григорью Шибанке, из которых Березин повешен, а Шибанке голова отрублена, сверх того несколько человек кнутом да несколько батожьем бито».

О Березине: «По отбытии его служивых человек с 20, между которыми главные были Данило Анцыферов, Харитон Березин, Иван Козыревской, Григорей Шибанко, Алексей Постников удумали его Миронова убить, и как он, Миронов, в 1711 году генваря в последних числах в Верхней Камчатской острог из Нижнего воротился, то его за полверсты, не допустя до острогу, служивые бунтовщики встретили и из них Харитон Березин его, Миронова, ножем зарезал».

О дальнейшей судьбе Алексея Посникова (Постникова) и Андрея Петрова сына Наянова (Наянкова) мы пока ничего не знаем.

Но знаем другое: в крестовом походе иеродиакона Якутского Спасского монастыря по западному побережью Камчатки участвовал в 1740/1741 гг. Семен Андреев Наянов, большерецкий казачий сын [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

Именно он, Семен Андреевич, и стал крестным отцом всех северных Наяновых.

Сохранились данные переписи за 1722/1748 года, которые очень показательны и подтверждают тот факт, что Наяновы находились на Камчатке в самый активный период ее колонизации, когда пленные воины-камчадалы становились ясырем (добычей) и обращались в холопов — или в «дворовых людей», как писали в переписных книгах:

«Большерецкого острогу

Разночинцы

3225) Семен Андреев сын Наянов

Семена Андреева сына Наянова дворовые

3352) Григореи

3353) Филип

3354) у Филипа сын некрещеной Ивашко

3355) некрещеные Урвач

3356) Секач

3357) Каханок

3358) Икбинеч

3359) Киурич

3360) Накач

3361) Иличька» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 117, Л. 120 об.].

В Илимском уезде, откуда, вероятно, и прибыл на Камчатку казак Андрей Петров сын Наянов (Наянков), семья Наяновых также разделилась на казаков и крестьян. Более того — возникла между ними усобица:

«Крестьянину деревни Оглоблиной Архипу Наянову илимская воеводская канцелярия отвела в 1773 году 22½ десятины земли. Но в 1774 году его братья казаки у него эту землю “усильно отнимали и тем обидели”. Когда [илимский воевода] Черемисинов вернулся в Илимск из Якутска, он приказал возвратить землю Наянову, а братьям его велел “не вступатца”. Едва Черемисинов выехал в июле 1776 года по делам службы в Иркутск, как его товарищ и другие чины воеводской канцелярии на другой же день решили дело в пользу казаков, “и остался он (Наянов) вовсе без пахотной земли и покосов”».

Впоследствии Илимский уезд вошел в состав Иркутской губернии, и казаки Наяновы служили теперь не только сухопутную, но и морскую службу.

14 июля 1792 года Р.Р. Галл [участник экспедиции Биллингса] в своем рапорте в Адмиралтейств-коллегию о зимовке на о-ве Уналашка и о подготовке судна «Черный орел» к обследованию Курильских островов сообщал:

«Получа о всем том известие, поспешая соединиться с тем г-ном Сарычевым, того ж самаго дня из той губы Св. Лаврентия к острову Уналашке и отправилса. А прибыл на оной 2-го сентября и судно “Слава России” нашел, где, в разсуждении наступившей осени, сверх сего и дальнее отстояние помянутаго острова от гавани Св. Петра и Павла, паче всего по недостатку дров, так как оных весьма недостаточно, и на изыскание потребно будет время, по учинении общаго консилиума, остались на оном прозимовать. Во время коей от случившейся тяшкой цинготной болезни померло: из Иркутска взятых: геодезии сержант Елистратов, ис казаков: матроз Яков Сизых, Семен Оглоблин, Григорей Донских, Иван Корелин, Дмитрей Тюменцов; утопших: Артамон Мельников, наименованных егарями Илья Тюменцов, Петр Мираманов, армейской егарь Артемей Герасимов, из Охотска боцманмат Григорей Гладкой, на судне

“Чернаго орла” из Иркутска взятых — ис казаков: матроз Петр Ознобихин, Никита Наянов, Никифор Бутаков, Николай Скуратов: всего на обоих судах 15 человек».

Вполне вероятно, что трое братьев Наяновых — Степановичей — оказались в Петропавловском порту не случайно, а после того, как был расформирован Камчатский гарнизонный батальон (1799–1812), прибывший на Камчатку из Иркутска – из состава Иркутского гарнизонного батальона, сформированного в ланд-милицкий полк Сомова, который должен был не только нести воинскую службу на Камчатке, но и всецело самостоятельно обеспечивать все нужды офицеров, солдат и членов их семей. С последним ничего не вышло — батальон был расформирован и желающие остаться на Камчатке были переведены либо в казаки, либо сформировали Петропавловскую экипажную роту, став матросами.

Это наглядно видно на семье Наяновых:

Матрос Петропавловской экипажной роты Козьма Степанович Наянов (1788);

Казак Петропавловской казачьей команды Наянов Елизар Степанович (1789);

Сначала казак, а затем матрос их младший брат Наянов Кузьма Стефанович (1792).

Дети Елизара Степановича в период нападения на Петропавловский порт англо-французов в 1854 году служили в Камчатском флотском экипаже.

Вот выписки из именных списков матросов Камчатского флотского экипажа — участников обороны Петропавловского порта:

Наянов Илья Елизаров сын (1827) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Наянов Матвей Елизаров сын (1821) 1-й – матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1843 г. на военном боте «Алеут», в 1844–1845 гг. на транспортном боте «Камчадал», в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Наянов Матвей Елизаров сын (1832) 2-й – матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 г. на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Но этот список не полный. В обороне Петропавловского порта участвовали и дети — камчатские кантонисты. Среди них были и братья Наяновы.

Данные о детях-кантонистах мы нашли в Исповедальных росписях Петропавловского собора за 1846 год.

И вот что интересно — в этом списке Наянов Иннокентий Кузьмич (1845–1862), которому в 1846 году был … годик!!!

В этом же списке и его брат Наянов Осип Кузьмич (1842 – до 1871), которому было 4 года.

В 1855 году семья распалась — матросы Камчатского флотского экипажа в составе гарнизона Петропавловского порта были переведены в Николаевск-на-Амуре в состав 27-го Амурского флотского экипажа, а впоследствии (кто не вышел в отставку по возрасту и не поселился в Приамурье) — в состав Сибирского флотского экипажа, расквартированного во Владивостоке.

А потом снова расставание. Внук Кузьмы Степановича:

«Наянов Арсений Порфирьевич. Родился в 1904 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача; русский; малограмотный; б/п; был рыбаком. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача. Арестован 8 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т.н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: 5 лет. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. определением Военного трибунала ДВО».

Но этот род был продолжен. Мы обнаружили список «Кадровых охотников Елизовской межрайонной конторы “Заготживсырье”, подлежащих выделению на промыслово-охотничий сезон 1955–1956 года», в котором указаны:

«Колхоз “Красная связь” с. Авача

12. Наянов Иван Панфилович (вероятно, все-таки Порфирьевич)

… 15. Наянов Виталий Иванович».

А далее мы эту родословную нить казаков Наяновых потеряли.

Но сохранилась линия крестников казаков Наяновых на севере Камчатского края.

Особенно ярко эта фамилия проявилась в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда было сформировано народное ополчение из жителей Камчатки для отражения японской военной агрессии.

В числе ополченцев были:

Наянов Андрей, с. Кинкиль

Наянов Валерьян, с. Аманино

Наянов Леонтий, с. Кинкиль

Наянов Корнелий Афанасьевич (1921), уроженец с. Кинкиль. Поэт, художник. Учился в Институте народов Севера им. Герцена в г. Ленинграде. Добровольцем ушел на фронт. Погиб в 1941 г. под Ленинградом.

НЕВОДЧИКОВЫ

Макарова Роза Владимировна:

«Успех Басова и его товарищей явился толчком для организации других экспедиций в “Восточное море”. 5 февраля 1745 г. участники новой компании, которую возглавили купцы: лальский — Афанасий Чебаевский и иркутский — Никифор Трапезников (бывший ком-

паньон Басова), бобыли Яков и Павел Чупровы, крестьяне Зотов, Сидоров, Холщевников, Беляев и Коробейников, обратились в Большерецкую канцелярию с просьбой разрешить им отправиться на собственном судне к востоку от Камчатки, где "могут ими какие-либо морские острова обысканы быть… от чего бы могла быть по изобретению ими польза государственная". 25 февраля компания получила разрешение. Кроме того, Большерецкая канцелярия выделила компании в качестве "толмача" (переводчика) казака Нижнекамчатского острога Силу Шевырина. Ему было предписано: "Призывать в подданство ласкою и приветом" жителей вновь открытых островов и "брать с них ясак, от чего б могла быть казенная прибыль"…»

И тогда же взошла звезда морехода Михаила Васильевича Неводчикова.

«Успех уже первого плавания Басова воодушевил камчатских купцов. В 1745 г. возникла новая компания во главе с А. Чебаевским и Н. Трапезниковым, на деньги которой был построен шитик "Св. Евдоким" (Евдокия). Мореходом (капитаном) "Св. Евдокима" был назначен М. Неводчиков, а передовщиком (приказчиком, ответственным за груз, сохранность судна и ведение промысла) — Я. Чупров. В середине сентября 1745 г. шитик отправился с Камчатки на восток и достиг Ближних, самых западных, Алеутских о-вов Атту, Агатгу и Семичи, которые Неводчиков нанес на карту. На о-ве Атту промышленники зазимовали. Именно тогда состоялись первые контакты с алеутами. Уже первая встреча закончилась трагически: вследствие досадного недоразумения ружейным выстрелом был ранен алеут. Такое начало оказалось симптоматичным. Несмотря на предписание Большерецкой канцелярии "ласково" обходиться с обитателями островов, столкновения имели место и в дальнейшем, при этом инициаторами и виновниками в большинстве случаев были промышленники и сам Я. Чупров, "чинившие непорядочные поступки и смертное убийство". Известно, что промышленники артели под началом Лариона Беляева при исследовании острова застрелили и закололи 15 алеутов. Становится поэтому понятным, почему попытки казака Шехурдина, посланного вместе с Неводчиковым, собрать ясак с жителей новооткрытых островов не увенчались успехом. В сентябре 1746 г. Неводчиков отправился назад на Камчатку, но 30 октября у ее берегов шитик разбился, часть экипажа при этом погибла (всего из похода не вернулось 32 человека): Пушнину, правда, частично удалось спасти. Тогда-то на Камчатку вместе с остатками экипажа "Св. Евдокима" попал и первый мальчик-алеут по имени Темнак, вывезенный Неводчиковым с о-ва Атту. Находясь на Камчатке, Темнак сообщил русским, что до них на островах уже побывали некие пришельцы, чему он сам был свидетелем. По словам мальчика, эти люди приплывали на небольших одномачтовых судах, они были одеты в длинные пестрые шелковые и хлопчатобумажные одежды, а головы у них были наполовину выбриты, причем оставшиеся на затылке волосы заплетены в косы. Рассказ Темнака касался, видимо, японских купцов или рыбаков, занесенных на Алеутские о-ва мощным океанским течением, берущим свое начало у берегов Японии». (Зубкова З.Н. Алеутские острова, М., 1948 г., стр. 16–17).

«1747 г. сентября 12. — Из рапорта Нижнекамчатской приказной избы в Большерецкую канцелярию о плавании М.В. Неводчикова на шитике «Св. Евдоким» к Алеутским островам в 1745–1747 гг. и открытии им Ближних Алеутских островов

От купца Афонасья Чебаевского, промышленных Якоба Чупрова, Родиона Зотова, Ивана Сидорова, Николая Чупрова, Кирила Козлова, Григорья Низовцова, Лазаря Карманова.

В силу де данного им 745 году февраля 25 дня из Большерецкой канцелярии указу по постройке того ж судна сентября 19 числа в морской вояж, на коем был мореходом тобольской посадской Михайло Невочиков и нашел незнаемыя три острова, ис которых де к одному острову без якоря и ялботу принесло, и на дни со снасью на берег выходили и на том острову зимовали и промышляли морских зверей: бобров и кошлоков. И на оном острову имеется незнаемой народ, неясашныя люди, у которых людей разговору их толмач и никто не знает. Того ради для подлинного знания тамошних народов и землиц привезен от них один человек, которой при том репорте с помянутым Невочиковым и прислан в Большерецкую канцелярию, которой де на российском языке объявил, что есть большей остров, на котором имеются люди, якобы русския, да против того острова, где зимовали, второй остров на румб OZO и ZOtZ, третей на O и на OtZ не в дальном растоянии, на которых имеются ж немалое число людей. А в каком растоянии от Камчатской земли оныя острова и в какой ширине, о том де объявить со обстоятельством, диурналом и картою вышеупомянутой Невочиков. И будучи де в тамошних островах, которыя поступали в противном ея и.в. указу и в непорядках, в Нижнем Камчатском остроге в приказную избу объявлено, дабы им, которыя ходили и не ходили в вояж и в недействии противных поступок впредь не воспоследовало б каково истязания.

И прошедшаго де 746 году в наступающую осень сентября 14 дня со общаго согласия с означеннаго острова, где зимовали, в море пошли, чтоб обыскать другия острова, на которых бы не было людей, в котором де морском ходу за поздостию от великих противных ветров и морских штормов ходили с показанного сентября с 14 числа октября по 30-е число, принесло к земле, которой опознать не могли. И о каменье судно разбило, шкарб и несколько бобров рознесло и потонуло, понеже якоря не было и удержаться было не на чем, и от гладу были все немощны. И от онаго места, где разбило судно, пошли ноября с 1 числа чрез

шерлопы и хребты, а инныя не пошли и возвращались, где осмотрен корм был, и дорогою помирали, а которыя и пошли искать какого жилья, едва живы к юртам пришли того ж ноября 18 дня к ясашным людям Каражинского острова, на котором и зимовали…

И пошли они от них с острова июня 27 дня во благополучности з деланными Каражинского острова людьми в двух байдарах, в которых и пришли в Нижней Камчатской острог июля 21 дня. А что упромышлено или где зимовали на незнаемом острову морскаго зверя: бобров и кошлоков и со оных в казну ея и.в. от девяти десятым зверем в Нижнем Камчатском остроге с 320 бобров, маток и кошлоков отдали, и будучи в вояже и на незнаемом острову, где промышляли, и на Каражинском [Карагинском] руских и крещеных камчадал померло 12 человек 9» [АВПР, ф. РАК, д. 6, л. 7 об. – 8].

Михаил Васильевич Неводчиков — руководитель первой отечественной промысловой экспедиции, начавший освоение территории, которая войдет в историю планеты под названием Русская Америка.

И он же первым запустил в документооборот слова «алеуты» и «Алеутские острова».

А что мы знаем о нем?

Еще со времен Василия Николаевича Берха гуляет по исторической литературе версия о том, что Михаил Васильевич прибыл на Дальний Восток из города Великий Устюг.

Надо признать, что действительно Великий Устюг был «кузницей кадров» для Сибири — многочисленные Устюжиновы, Устюжаниновы и Южанины были в составе практически всех известных походов и «вояжей» наших великих землепроходцев и мореходов.

Но Берх лично не был знаком с Неводчиковым и передавал слова другого человека:

«…соликамский купец Иван Савич Лапин был лично знаком с Неводчиковым, рассказывал мне, что он служил у капитан-командора Беринга во время плавания его к берегам Америки (1741). Неводчиков был серебреник из Устюга, и пошел искать фортуны в Сибирь; не встречая ее нигде, пришел он в Камчатку, и здесь, как безпашпортный, взят был в казенную службу. Г. Лапин показывал мне серебряную табакерку работы Неводчикова».

Но Е.Г. Горохова в интереснейшей статье «Подштурман забвенной» сообщает:

«…заведующая отделом истории Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Г.Н. Чебыкина сообщила, что она также не нашла фамилии Неводчикова ни в ревизских сказках 1744 г. по Великому Устюгу, где отмечены посадские люди, ушедшие в Сибирь в 1722–1744 гг., ни в списках цеховых серебряников, ни в числе крестьян, принадлежавших устюжским монастырям, живших вне пределов уезда.

…Больше того, в переписных книгах и ревизских сказках по Великому Устюгу и уезду вообще не встречается такой фамилии».

Кто такой неводчик?

Это рыбак, добывающий рыбу *неводом*.

Вот я выписал несколько цитат:

«Подтягивание невода к неводчику (лодке). На лошадь сажали мальчишек лет 9–12, чтобы лошадь меньше уставала. С помощью лошади выбирали и подтаскивали невод.

Вот невод притонили. Бежной конец невода подтянут к берегу. Теперь в действие вступают человеческая и конная силы. Невод постепенно вытягивают, сгоняя рыбу в мотню (большой сетной мешок, вшитый в невод). Сразу же производится укладка освободившегося от рыбы невода в неводчик.

Пошли на замет. Для замета на неводчик (лодка грузоподъемностью более тонны) укладывают невод длиной 150–180 м, изготовленный из простых сетных материалов, который в несколько раз объемней и тяжелее современного капронового. Четыре гребца создают тягу, чтобы провести нормальный замет».

Какие неводчики могли быть в Великом Устюге, чтобы добывать рыбу *неводами*?

Поэтому не стоит и удивляться, что в Великом Устюге такой фамилии *вообще* не было.

Откуда же родом Михаил Васильевич Неводчиков?

В «Экстракте» о службе Неводчикова, написанном 26 ноября 1775 г., хорошо знавший его командир Гижигинской крепости капитан Т.И. Шмалев написал: «От роду 67 лет. Урожденец города Тоболска».

67 лет — следовательно, родился примерно в 1707/1708 гг.

Первое упоминание о нем относится к 1741 году, когда Мартын Шпанберг взял (но не зачислил его) в команду Второй Камчатской экспедиции.

Почему? Потому что он был «безпашпортный».

И кстати, именно эта деталь об отсутствии паспорта подтверждает тот самый факт, что Михаил Васильевич был не просто Неводчиковым по фамилии — он был из семьи неводчиков.

Кто такие неводчики?

«…которые живутъ въ Тобольску пришлые изъ русскихъ городовъ своими дворами и по подворьямъ и владѣютъ въ *рыбныхъ промыслахъ* неводными паями по одному и по 2 и по 3 и больши, а въ казну вел. государя платятъ съ тѣхъ паевъ съ промыслу въ годъ по рублю съ пая и записываютца неводчиками, а служебъ не служатъ и въ посадѣ не бывали и тягла никакова не тянутъ и оброку не платятъ кромѣ того, что съ промыслу, а того имъ оброку въ посацкое и ни въ какое тягло зачитать не довелось для того, въ неводахъ съ тѣми жъ бобылями владѣютъ въ рыбныхъ промыслахъ паями по одному и по 2 и по 3…»

«…бобылей, которые владѣютъ въ рыбныхъ промыслахъ неводными паями и записались неводчиками, 58 ч-къ; у нихъ дѣтей и братьи и пл-ковъ 53 ч-ка…»

То есть неводчики — это *внесословная* категория *именно* тобольских жителей.

И немалая по количеству.
Вот данные за 1689 год:

«Оброчные неводчики
Васка Федоров сын Русак, на подворье казачей сын Ивашко Гарасимов сын Катинев
Ивашко Гарасимов сын Неводчик (Л. 61)
Федка Романов сын Трофимовых
Ермолка Григорьев сын Неводчик (Л. 61 об.)
Сергушка Иванов сын Неводчик (Л. 68 об.)
Ортюшка Терентьев сын Марковых, на подворье оброчной неводчик Сенка Костентинов сын Притупов (Л. 70)
Федка Иванов сын Агеев, на подворье оброчной неводчик Петрушка Леонтьев сын Леонтьев (Л. 80.)
Отставной посадцкой человек Ларка Степанов сын Шантрапай, на подворье оброчной неводчик Мишка Панкратьев сын Неводчик (Л. 76)
Оброчные неводчики
В. Куска Дмитреев сын Плешков сказал родом он Устюга Великого с посаду крестьянской сын а в Тоболеск пришол во 180м году у него дети Александрик 9 лет Матюшка 7 лет Петрушка 2 лет. Великих государей денежного оброку платит с неводу своего повытку рубль.
Якушко Микитин сын Клюка
Микитка Тимофеев сын Неводчик
Филка Миронов сын Миронов (Л. 80 об.)
Илюшка Омельянов сын Соколов
Якушко Родионов сын Сухорицыных
Олешка Иванов сын Ружников
Микишка Микитин сын Иванов (Л. 81)
Офонка Федоров сын Неводчик
Ульянко Осипов сын Оглоблин
Федка Павлов сын Неводчик (Л. 81 об.)
Мишка Иванов сын Неводчик (Л. 87.)
Обросимко Федоров сын Неводчик (Л. 88 об.)
Ивашко Елисеев сын Григоровской, на подворье оброчной неводчик Куска Петров сын Петров (Л. 92.)
Оброчные неводчики
Васка Степанов сын Неводчик
Ивашко Ларионов сын Неводчик (Л. 94 об.)
Двор вдовы Лу[к]ерьицы бывшего оброчного неводчика Михайловской жены Ондреева (Л. 95 об.)
Оброчные неводчики
Тимошка Офонасьев сын Токов
Ивашко Лукьянов сын Козел (Л. 101 об.)»
[РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6894].

И вполне вероятно, что в этом списке мы находим и отца Михаила Васильевича.

Василий здесь один — оброчный неводчик Васка Степанов Неводчик.

Возможно, что он прибыл и из Великого Устюга, но только как Васка Степанов, неводчиком он мог стать *только* в Тобольске.

Что же касается сословной принадлежности Михаила Васильевича, то совершенно не случайно, она у него «плавающая»: «капитаном Шпанбергом … из Нижнекамчатского острога взят я из купечества» [Е.Г. Горохова].

Такая же сословная путаница и в официальном документе:

«1749 г. июня 28. — Указ Сибирского приказа Иркутской канцелярии о составлении описания и карты Ближних Алеутских островов
№ 433

Указ ея и.в. самодержицы всероссийской из Сибирского приказу в Ыркуцкую правинцыальную канцелярию.

Сего 1749-го году маия 29-го числа в присланном в Сибирской приказ из оной канцелярии доношении и в сообщенной при том доношении копии з доношения города Тобольска посацкого Михаила Невочикова написано о обыскании им в бытность в морском вояже трех островов, называемых одного Ата 2, 2 – Агатту, 3 – Чамича 3, на которых островах живет незнаемой и неесашной народ и имеет свой язык, и о вывозе им, Невочиковым, в Большерецкой острог с тех островов, а из оного Большеретского острога об отправлении в Охоцк для подлиннаго знания и вероятности и для обучения руского языка одного человека. И что со оным Невочиковым и вывезенным им человеком повелено будет чинить, оная правинцыальная канцелярия требовала указу.

И сего июня 28 числа по указу ея и.в. и по определению Сибирского приказу велено в правинцыальную канцелярию послать указ, по которому велеть тобольскаго посацкого Невочикова за обыскание незнаемых 3-х с людьми островов и за вывоз с тех островов одного человека в Большерецкой острог обнадежить ея и.в. награждением, истребовав от него о путешествии к тем островам и о протчем с ясным описанием и карту, а вывознаго им, Невочиковым, одного человека, которой чаятельно поднесь российскому языку изучился, выспросить обстоятельно: те острова в чьем подданстве или каждой имеет особаго владельца и какого имянно, какую дань платят или властвуют обще собою без владельцев и какого те народу нраву и закону, и сколько которой велик и многолюден, и какое оружие имеют, и каким изобилием пользуетца, и с кем собственными землями и островами комерцию и купечество имеют, и есть ли какие знатные и мночисленные менералы и звери и о прочем, что чрез ево взять можно, описать.

А с помянутого купца Невочикова особливо взять же подлинное ж известие, когда он ис камчацких заливов и на каком звание судне большем или малом, и со скольки числом людей отправился, и чрез какое время приплыл и не было ль в путешествии ево от ветров и штурму погодности 5 тому судну вреда и страху, и впредь такие ж или другия суда к тому походу и сколько надобны ль, и где оные строить подлежит, и не будет ли при строении оных судов помянутому купцу Невочикову какого недостатку, чтоб объявил без утайки, с таким уверением обнадежить ея и.в. награждение и милость, и все то оставляетца в ево собственною пользу, и впредь в тех местах быть желает ли, а буде быть не желает, зачем и для чего, показал бы имянно и обстоятельно. И все от него, Невочикова, известие о судах и карту прислать с нарочным в Сибирской

приказ немедленно, а помянутого вывознаго им человека содержать в Охоцке камандиру до указу во всяком хранении и удовольствии. И между тем всячески старатца обучать ево по-российски говорить и грамоте писать и читать, и из российских молодых людей человек трех или четырех учить же на их языке со всевозможным прилежанием говорить.

Как оной Невочиков пойдет, то б был при нем вывезенной и из русских переводитель для вероятности переводу их языка. Иркуцкой правинцывальной канцелярии учинить о том по сему ея и.в. указу.

На подлинном указе пишут тако: Николай Салтыков, секретарь Иван Дмитриев, канцелярист Иван Степанов

Помета: В Охоцку получен июня 17 дня 1750-го года» [АВПР, ф. РАК, д. 6, л. 12].

Почему Михаил Васильевич, не имея паспорта, оказался на Дальнем Востоке — пока неясно.

Как неясно и другое — почему Мартын Шпанберг не просто приметил этого человека в Охотске, но и включил его (не вводя в штат) в состав своей Южной (Японской) экспедиции?

Вероятно, исключительное значение для этого решения заключалось в том, что Неводчиков был прекрасным картографом, что, собственно, определило и всю его дальнейшую судьбу моряка-тихоокеанца.

«20 июня 1752 г. М.В. Неводчиков “за обыскание незнаемых вновь островов и народов” по указу Сибирского приказа был назначен Охотской канцелярией унтер-офицером в команду Охотского порта, а через год, 28 августа 1753 г., после “экзаменации” ему было присвоено звание штурманского ученика [ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 82, л. 1162]. 4 июля 1760 г. М.В. Неводчиков за безупречную службу был произведен в подштурманы (там же, л. 1163, 1165) и в этом звании продолжал служить на Дальнем Востоке. Активно участвовал в работе экспедиции под руководством П.К. Креницына [там же, л. 1165 об., АВПР, ф. РАК, д. 7, л. 281 об.].

Имея опыт в составлении карт еще со времени экспедиций В.Й. Беринга [АВПР, ф. РАК, д. 7, л. 280], М.В. Неводчиков участвовал в подведении итогов экспедиции И. Синдта. В 1769–1771 гг. плавал на галиоте “Св. Павел” между Охотском и Камчаткой. Затем в Охотске обучал школьников основам картографии и рисованию, участвовал в описании р. Ульи [там же, л. 280]».

А вот предшествующий шаг:

«…в 1742 г. во время Второй Камчатской экспедиции он был взят капитаном Шпанбергом на пакетбот “Св. Иоанн” “к должности геодезической рисования карт и снимания з берегов прежектов”», — сообщает М.В. Неводчиков.

«…в 1743 году “по знанию моему,— пишет сам Неводчиков, — взят был из Большерецка бывшим тогда мичманом, а ныне капитан-лейтенантом Хметевским, вместо умершего штюрмана Шаганова для таковой же описи Пензинской (Пенжинской. — *Ред.*) губы от Харьюзовой к Тигилю и Кахтаны; и от толь до Большей реки (Большерецка. — *Ред.*) устьев”».

Здесь речь идет о гидрографических работах В.А. Хметевского в 1743–1744 годах, которые, собственно, и определили купеческий выбор морехода, способного не только вести судно в дальнее плавание, но и создать карту вновь открытых земель.

И именно созданная им карта Ближних Алеутских островов, предоставленная в Сенате — высшем государственном органе Российской империи — и определила всю дальнейшую судьбу Неводчикова.

«Неводчиков возвратился в Охотский порт и по 1770 год, не пропуская ни одной навигации, плавал из Охотска в Большерецк и обратно. Дубель-шлюпка “Елизавета”, бригантина “Михаил”, пакетбот “Св. Иоанн”, галиот “Св. Павел”, бот “Св. Гавриил” и многие другие суда Охотской флотилии прошли через руки Михаила Васильевича Неводчикова. Неводчиков был штурманом на боте “Св. Гавриил”, одном из четырех судов экспедиции Петра Кузьмича Креницына, и находился в это время в подчинении у прапорщика Афанасия Дудина Большого. В 1767 году он сдал в Большерецке бот П.К. Креницыну, а сам на боте купца Засыпкина возвратился в Охотск.

В 1768 году Неводчиков строил суда на Охотских верфях, а на следующий год ему пришлось совершить еще один рейс на Камчатку. На галиоте “Св. Павел” он доставил в Большерецк комиссию, возглавляемую полковником Зубрицким, и через год возвратился в Охотск. Это было его последнее плавание.

С 1771 года Неводчиков был определен в Охотскую навигацкую школу, где “обучал школьников рисованию карт”. Ему также была поручена проверка журналов плаваний судов. К голосу опытного штурмана флотилии прислушивались все мореходы. Не случайно Т.И. Шмалев в одном из своих “примечаний” сообщал, что при написании его пользовался различными сведениями, а “особливо от подштурмана Михаила Неводчикова и началного компанейщика Камчацкого купца Никифора Трапезникова”.

В 1775 году Неводчиков участвовал в работе по проектированию переноса Охотского порта на устье реки Ульи: сделал промер устьевой части реки и составил ее план. Ему же принадлежит и план Охотского порта, подписанный Т.И. Шмалевым в 1775 году, и многие другие карты и планы Охотского моря и Камчатки.

Михаил Неводчиков прожил большую и трудную жизнь, отдав всю ее развитию мореплавания на Тихом океане, делу освоения Дальневосточного края. Походы мореходов в XVIII веке на Алеутские острова и в Северную Америку — это славный период истории русского народа, период массовых открытий, за которым последовало изучение, освоение и заселение далеких островов».

Но первым из дальневосточных Неводчиков был все-таки не он.

В 1640 году в Якутский острог прибыл в составе отряда воеводы Петра Головина Неводчик Ивашко Кузьмин — тобольский казак станицы

Якова Елизарьева [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Кн. 141. Л. 220 об.].

Но его служба в Якутии была не просто короткой — чрезвычайно короткой:

«Безсоновы станицы Жукова

… Ивашко Кузьмин сын Неводчик Решетник в прошлом во 148-м [1640] году по его челобитью за увечье отставлен а в его место гулящей человек Онкудин Титов сын Пеняжанин в прошлом во 157-м [1649] году велено ему Онкудину быть в подьячих а в его место нихто не поверстан».

Впрочем, это могли быть и два разных человека.

Вообще в Тобольске в 1661 году отмечено не только большое число неводчиков Неводчиковых, но и служилых людей Неводчиковых тоже, которые так же вышли из среды неводчиков-рыбаков:

Сотник стрелецкой Володимер Кляпиков
Стрелцы
Омелка Яковлев Неводчик
Максимко Гаврилов Неводчик
Агафонко Еремеев Неводчик
Кондрашко Евсевьев Неводчик
Васильева приказу Пояркова
Атаман пеших казаков Михайло Остафьев
Пешие казаки Михайловы станицы Остафьева
Захарко Григорьев Неводчик
Тренка Игнатьев Неводчик
Атаман пеших казаков Иван Федоров
Пешие казаки Ивановы станицы Федорова
Пятунка Петров Неводчик
Атаман пеших казаков Мурза Выходцов
Пешие казаки Мурзины станицы Выходцова
Олешка Марков Неводчик
Максимко Силин Неводчик [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409].

Скорее всего, это были новоприборные казаки, которые активно использовались в качестве «годовальщиков» на дальних восточных службах, поэтому к концу 17-го столетия ряды Неводчиковых изрядно поредели.

Что произошло?

У них появились новые фамилии:

1693 год. Стрельцы … Васка Максимов Неводчик [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 217 об.].

1696 год. Стрельцы … Наволоков Васка Максимов неводчик [Тобольск, Материалы… М., 1885].

В том же 1696 году отмечен предпоследний из неводчиков:

«Яковлев Савка неводчик
Пеший казак
“в 204 г. велено в его месте быть присыльному Микушке Гарасимову, а он Савка за старость отставлен”. В 1704 году — только бывший стрелец Игнатей Кондратьев Неводчиков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Л. 221].

А в 1710 году нижеперечисленные Неводчиковы указаны как простые жители Тобольска:

«От той же Стретенской церкви улица Стретенская по ней дворы к Посниковой улице по праву
Михайла Филипов сын Неводчиков (Л.158).
Андрей Дмитреев сын Неводчиков (Л.159).
Исак Петров сын Неводчиков (Л.162).
Сергей Иванов сын Неводчик (Л.163)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 526].

В «Родословном справочнике Иркутска…» Андрея Черепанова указан один из Невотчиковых — Филип сын Петра, пеший казак в 1691 году, который в 1692 году то ли умер, то ли отпущен в Тобольск.

Кстати, в биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири…» вообще нет ни одного Неводчикова.

Надеюсь, что когда-нибудь мы узнаем, куда и почему «исчезли» остальные тобольские неводчики и Неводчиковы…

НЕНАШЕВЫ

Гижигинская веточка Ненашевых была короткой. Нам удалось отследить только три поколения, и фамильный след потерялся.

НЕНАШЕВЫ, ГИЖИГА

1 колено

Ненашев Егор

2 колено

Ненашев Василий Егорович, гижигинский мещанин. Ж. Мария Евсеевна

3 колено

Ненашев Николай Васильевич (03.03.1847)

Ненашев Косьма Васильевич (01.10.1848)

Попытка отыскать родовые «концы» привела нас в Томск. И в исторической литературе мы отыскали томского патриарха этого рода:

«Ненашев Матвей (Матюшка) Федоров, пеший казак десятка Н.Ф.Попадейкина. Был переведен из Березова “город ставить”. Денежный оклад: 4 руб. с четью. Хлебное жалованье: 5 четей ржи, 4 чети овса. Служит без пашни. Женат (1637 г.). В 1643 г. был послан в Нарым для сыска про нарымского воеводу Скобелцынова, где его ранили ножом в руку стороники воеводы. В событиях томского бунта принимал самое активное участие: ему приписывают слова, что, мол, восставшие могут уйти вверх по Оби и вверх по Бии и Катуни и “Дон завести”. По розыску о восстании был включен в “роспись воров” и выслан в Якутск в том же чине пятидесятника, что и был. Затем вернулся в Томск: его фамилия встречается под челобитной 1658 г. на В. Чебучакова. Сын Иван» [Томск в XVII веке: документы и материалы. Приходные и Расходные книги Томского города 30 гг. XVII в. / Сост. В.А.Есипова. Томск: изд-во Том. ун-та, 2001].

А вот и его сын:

«Пятидесятник Иван Матвеев сын Ненашев. Отец переведен с Березова по государевой грамоте, а он записан после отца своего в пятидесятники в пеших казаках. Оклад 7 руб., хлеба 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 1½ пуда соли. Пашня».

А это, вероятно, уже внук:

«Десятник Ивашко Прокопьев сын Ненашев. Отец по указу великого государя переведен из Березова в Томск, а служил в пеших казаках, а он после отца своего верстан в пешую службу десят-

ником. Оклад 5 рублев без четверти, хлеба 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 1½ пуда соли».

В 1705 году в Томске в связи с делом «О противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород» отмечен казачий сын Федор Ненашев.

В 1707 году в списках томских служилых людей все те же лица — пятидесятник Иван Матвеев сын Ненашев и десятник Иван Прокофьев сын Ненашев.

А где же их сыновья?

Может быть, в Секретной Анадырской экспедиции, как, например, солдаты из состава:

«Сибирскаго Гарнизона
Пехотнаго батальона

Лаврентий Кузнецов — 50 л., с 738 г., из казаков г. Томска, женат, детей мужска пола нет, с 738 г.; … в секретной экспедиции в команде … Шмалева с 752 г.

Алексей Кологривов — 34 г., их казаков г. Томска, женат, детей мужска полу нет, в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г. июня с 25-го числа.

Осип Ефремов — 31 г., в службе с 738 г., ис казаков г. Томска, холост, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22-го дня, в штрафах был в 742 г. … с солдатами Никифоровым Рытниковым с товарищи и за то при собрании полку бит ботогами.

Федор Жуков — 36 л., с 742 г., из рекрут казачих детей г. Томска деревни Никольской, холост, в командировании по Кузнецкой линии в Бикатунской крепости 744 г. февраля с 6-го числа.

Федор Жуков — 34 г., с 742 г., из рекрут крестьян г. Томска Урталинскаго острогу, холост, в командировании по Кузнецкой линии в Бикатунской крепости 744 г. февраля с 6 числа.

Фома Никитин — 39 л., с 742 г. мая 24-го дня, из рекрут казачих детей г. Томска Чеускаго(?) острогу, холост, в командировании по Кузнецкой линии в Бикатунской крепости 744 г. февраля с 6-го числа.

Федор Первушин — 32 г., в службе с 742 г., из рекрут крестьян г. Томска деревни Красноярскрй, женат, дети Осип 14, Василий 11 лет при нем, в командировании по Кузнецкой линии в Бикатунской крепости 744 г. ноября с 4-го числа.

Егор Березовской — 51 г., с 738г, из казаков г. Томска деревни Варехиной, женат, детей мужска полу нет, в командировании по Кузнецкой линии в Бикатунской крепости 744 г. февраля с 6го числа, в 743 г. … прогнан шпицрутен чрез полк три раза.

Петр Поздеев — 38, с 742 г., из рекрут крестьян г. Томска деревни Барабинской, холост, в командировании по Кузнецкой линии в Бикатунской крепости 744 г. февраля с 6 числа»

[РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478].

Или в составе

«Сибирскаго Гарнизона Новоучрежденнаго Драгунскаго Полку 1753 г.»:

«Прокопей Путимцов — 36 л., вступил в службу в 738 г., ис казаков г. Томска, грамоте читать и писать умеет, женат, детей мужска полу нет; в нынешнем чине с 746 июня 1 числа; где обретается — по Кузнецкой линии в Кузедеевском форпосте; 752 г. определением полковым переведен из 9 роты.

Гаврило Кузнецов — 44 г., в 738 г. ис казаков г. Томска, женат, у него сын Афонасей 18 лет живет при нем.

Федор Халдеев — 44 г., в службу вступил в 738 г., ис казаков г. Томска, женат, у него сын Федор 2 лет, живет при нем; где обретается — по Колыванской линии в Колыванском заводе.

Иван Попов — 40 л., в 738 г., ис казаков г. Томска, женат у него сын Иван 9 л. живет при нем; где обретается — при полку по Кузнецкой линии в Бикатунской крепости.

Иван Баташков — 53 г., в 738 г., ис казаков г. Томска, женат, детей мужска полу нет, в командировании на соленом Бурминском озере в команде прапорщика Попова 752 г. апреля с 30 числа.

Василей Халдеев — 37 л., в 743 г., ис крестьянских детей г. Томска, женат, детей мужска полу нет, в расположении по Колыванской линии в Таловском Станцу»

[РГВИА. Ф. 490, Оп. 1, Д. 439].

Или, наконец, из команды Енисейского пехотного полка, откуда также шло формирование гарнизона Гижигинской крепости:

«Мелентей Жуков — 41 г.; в 734 г.; ис казачьих детей г. Томска; холост; при полку; был в штрафах … ; 753 г. определением полковым написан из 3 роты из солдат.

Степан Згибнев — 47 л.; в 737 г.; из рекрут ис крестьянских детей г. Томска; женат, у него сын Варлам — 11 л. в школьной науке; в командировании в лесных урочищах для добычи на полковые расходы дров и прочаго 754 г. марта с 8 числа.

Федор Плотников — 43 г.; в 738 г.; из солдатских детей г. Томска; женат, детей мужска полу нет; при полку.

Матвей Асанов — 68 л.; в 716 г.; из казачьих детей г. Томска деревни Асановой; холост; в командировании в Москве за колодниками 754 г. генваря с 25 числа.

Максим Вагин — 63 г.; в 716 г.; из казачьих детей г. Томска; холост; в командировании в Екатеринбурхе на заставе 752 г. ноября с 10 числа.

Иван Круглыхин — 27 л.; в службу вступил в 744 г.; из рекрут из разночинцов г. Томска деревни Круглыхиной; холост; где обретается — в командировании по Колыванской линии в Шульбинском заводе 744 г. июля с 10 числа.

Иван Шелковников — 57 л.; в 722 г.; из рекрут ис крестьянских детей г. Томска; женат, у него дети Роман 30, Николай 17 в оном же полку в солдатех; в командировании по Колыванской линии в Шульбинском заводе 725 г. июля с 26 числа.

Василей Усольцов — 68 л.; в 715 г.; ис казачьих детей г. Томска; женат, у него сын Семен — 30 л. в оном ж полку в солдатех; в командировании в Екатеринбурхе на заставе 752 г. ноября с 16 числа.

Иван Аргунов — 41 г.; в службу вступил 737 г.; ис казачьих детей г. Томска деревни Моховой;

женат, у него сын Григорей 9 лет живет при нем; где обретается — в командировании в Колыванском заводе 744 г. февраля с 20 числа.

Федор Сваровской — 63 л.; 719 г.; ис казачьих детей г. Томска села Богородского; женат у него сын Осип — 27 л. в напольных полках в салдатех; в командировании по Кузнецкой линии в Барнаульском заводе 744 г. ноября с 4 числа.

Григорей Кузнецов — 50 л.; 716 г.; ис казачьих детей г. Томска деревни Шагарской; умеет; женат, у него дети Степан 20 л. в казачьей службе Осип 12 живет при нем; 738 г.; в командировании в Колыванском заводе 751 мая 26.

Михайло Соколов — 66 л.; 717 г.; ис казачьих детей г. Томска; холост; в командировании в Москве за колодниками 753 г. декабря с 29 числа.

Степан Бедарев — 54 л.; 723 г.; ис казачьих детей г. Кузнецка деревни Бедаревой; женат у него сын Афанасей — 11 л. живет в Томску при родственниках; в командировании в Екатеринбурхе при заставе 752 г. ноября с 15 числа; был в фелгере.

Ларион Романов — 44 л.; в службу вступил 728 г.; из казачьих детей г. Томска; женат, у него сын Кирило — 9 л. живет при нем; где обретается — в командировании в Колыванском заводе 746 г. июля с 10 числа».

Как видим, разброс командированных солдат весьма и весьма широк.

Что же касается отправки в Анадырскую секретную экспедицию, то можно привести примеры из этого же списка Енисейского пехотного полка за 1754 год:

«Василей Серебреников — 753 г. декабря 12 дня будучи в секретной партии в Анадырской крепости умре».

Можно расширить также и список Сибирского гарнизонного батальона:

«Леонтей Попов — 27 л., с 740 г. марта 16 дня, из драгунских детей Царева Городища; холост; в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22 числа.

Ивана Белскаго служитель Марко Кондратев — в командировании в секретной партии в Анадырску при оном порутчике Белском 748 г. марта с 28 числа.

Андрей Черкашенин — 30 лет, в службе с 740 г., из казачих детей г. Тоболска деревни Пановой, холост, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22го числа.

Иван Завьялов — 33 г., с 742 г., из рекрут ис крестьян Ялуторовскаго дистрикту Погорелской слободы, женат, детей мужска полу нет, в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22 числа».

Поэтому вполне возможно, что гижигинский солдат Егор Ненашев, дети которого после отставки отца стали гижигинскими мещанами, из томской казачьей семьи…

НИЖЕГОРОДОВЫ

Как хорошо, с позиций человека, изучающего историю фамилии, все начиналось — полная связь с исторической родиной: город Нижний Новгород.

И вроде как полная поколенная ясность:

Якутск, 1720 год: «Служивой Иван Стефанов сын Нижегородов сказал сороки семи лет (1673) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 70].

Тауйский острог, центр продвижения на северо-восток, 1722/1748 гг.: Тауиского острогу разночинцы Осип Иванов сын и Елисей Иванов сын Нижегородовы [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194, Л. 126 об.].

Затем происходит крутой поворот в военной политике на Чукотке после гибели майора Тобольского драгунского полка (в недавнем еще и Якутского воеводы) Дмитрия Павлуцкого, и разночинцы (бывшие казаки) снова в строю:

«В первой половине 1760-х годов в Анадырской крепости служили сотники Осип [Иванов сын] Нижегородов, Егор Кузнецов, казачий подпрапорщик Тимофей Осипович Перевалов» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 215].

В ведомостях Гижигинской крепости за 1761 и 1766 гг. мы не обнаруживаем фамилии Нижегородовых — следовательно, все они служат в составе гарнизона Анадырского острога.

В 1768 году, когда из Анадырского острога вышла первая партия переселенцев в связи с расформированием его гарнизона и переводом служилого люда в гарнизоны Гижигинской, Нижнеколымской и Тигильской крепостей, мы находим эти имена:

В списках два брата — сыновья Осипа Ивановича:

Нижегородов Афанасий. Ж. Евдокия Федоровна. Брат Иван — 16 (1752)

И собственный брат Осипа Ивановича:

Елисей Нижегородов. Жена Анна Ивановна. Сын Логин — 10 (1758) [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Но стройность нашего генеалогического построения вскоре будет самым кардинальным образом если не разрушена, то основательно нарушена:

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781 год:

Сотник Логин [Елисеев сын] Нижегородов [Л. 18]

Казаки

Михайла Нижегородов	(Л. 20 об.)
Яков Нижегородов	(Л. 21)
Михайло Нижегородов	(Л. 22)
Федор Нижегородов	(Л. 22)
Иван [Осипов сын] Нижегородов	(Л. 22)
Петр Нижегородов	(Л. 22)
Степан Нижегородов — в Охотске	(Л. 22 об.)
Афанасий [Осипов сын] Нижегородов — в Охотске	(Л. 22 об.)
Иван Нижегородов — в цирюльниках	(Л. 23)»

[РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88].

Попробуем провести анализ в обратном порядке по ведомости Гижигинской крепости за 1778 год:

Казаки:

1. Афанасий [Осипов сын] Нижегородов
2. Иван [Осипов сын] Нижегородов

3. Логин [Елисеев сын] Нижегородов
4. Михаил Нижегородов
5. Степан Нижегородов
6. Яков Нижегородов

А вот список казаков Гижигинской крепости за 1772 год [РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело 22]

1. Афанасий [Осипов сын] Нижегородов
2. Елисей [Иванов сын] Нижегородов
3. Иван [Осипов сын] Нижегородов
4. Логин [Елисеев сын] Нижегородов
5. Михаил Нижегородов
6. Степан Нижегородов

Ведомость Гижигинской школы за 1784 год:

Осип Нижегородов — 7 (1777)
Василий Нижегородов — 4 (1780)
Иван Нижегородов (примерно 1776/1780).

Следующий срез:

Список именной о находящихся
в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков …
Май 1-го дня 1831 года

1. Осип Нижегородов 1-й — 56 (лет, то есть примерно 1775 г. р.)
2. Евсей Нижегородов — 50 (1781)
3. Григорий Нижегородов — 43 (1788)
4. Федор Нижегородов — 43 (1788)
5. Николай Нижегородов — 41 (1790)
6. Осип Нижегородов 2-й — 39 (1792)
7. Михайло Нижегородов — 39 (1792)
8. Афанасий Нижегородов — 22 (1809)

[Национальный архив РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.].

Но это еще не все.

«Именной список
Состоящих при Охотской Казацкой чинах
с показанием лет
Март месяц сего 1831 года

Казаки

1. Александр Нижегородов — 27 [1804]
2. Василий Нижегородов — 22 (1809)»

[НА РС (Я), Фонд 401 п, Опись 1, Дело 6Б, л. 660 об. – 661 об.].

Делаем еще один срез:

Состав гарнизона Гижигинской крепости на 18 января 1857 года [РГАВМФ, фонд 909, оп. 1, д. 29, лл.75–81].

Казаки:

Иван Нижегородов 1-й — 32 (1824) — 1840 Ж. Аксиния Васильева — 31 (1825). Сыновья: Трифон — 7 (1849), Иосиф — 3 (1853), Иннокентий — 10 мес. 23 дн. (1855). Дочери: Елизавета — 10 (1846), Варвара — 5 (1862). Мать Нижегородова Татьяна — 62 (1794);

Иван Нижегородов 2-й — 26 (1830) — 1849 Ж. Дарья Зосимова — 21 (ум. 05.04.1856).

Отставной казак Федор Нижегородов — 65 (1791) — 1805. На льготе с 12.07.1852.

Да, вот так – до двух с половиной служилых казаков сузился этот казачий родовой круг Нижегородовых.

Ситуация несколько странная, так как всего несколькими годами ранее казаков Нижегородовых в Гижигинской крепости было значительно больше:

Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год:

«Гижигинская крепость

Казаки

Нижегородов Михайло Михайлов — 61 (1791)
Нижегородов Федор Степанов — 61 (1791)
Нижегородов Евсей Осипов — 36 (1816)
Нижегородов Иван Осипов — 28 (1824)
Нижегородов Иван Осипов — 22 (1830)
Нижегородов Василий Евсевьев — 31 (1821)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44].

И опять же — этот список не полный:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы
Петровское зимовье

Казаки

Логин Нижегородов (сведений нет, так как он, скорее всего, из охотских казаков)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

Это один из первостроителей Николаевского-на-Амуре поста: «Николаевский-на-Амуре военный пост. Логин Нижегородов — переводчик, жена казака Нижегородова Катерина» [А.И. Петров, Амурский щит, с. 93–94]

Отдельная информация об Елисее Нижегородове:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

В Петропавловском порту. Убыло

Утонувшие 7 июля [1855 года] казаки Иван [Васильев, прикомандированный из Гижиги] Кармалин и Евгений [Осипов] Соловьев и умерший 20 августа сего года Елисей Нижегородов». [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 17].

Уточняем отчество находящегося на льготе Федора Нижегородова — старейшего на тот период гижигинского казака:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Ведомость находящихся на льготе
Гижигинской команды

Казаки

Федор Степанов Нижегородов» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 7].

Определяем причину отсутствия в гарнизоне Ивана Осиповича 2-го:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Ведомость находящихся в командировках
Гижигинской команды

Иван Осипов Нижегородов 2-й при Анадырской миссии» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 6].

В командировке, кроме умершего в Петропавловском порту Елисея (Евсевия) Осиповича Нижегородова, находился также Василий Евсеевич:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы
в Петропавловске
Прикомандированные из Гижиги

Нижегородов Василий — 35; из казачьих детей, на службе и в чине с 1838 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

Но и тот список, который мы привели выше, за 1857 год, нужно скорректировать, так как умер один из Иванов Осиповичей:

«Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год

Семейства казачьи

Иван Нижегородов 2-й — 26. На службе с 1849 г. Умер 05.04.1856. Ж. Дарья Зосимовна — 21 [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

И в «сухом остатке» у нас только семья Ивана Осиповича Нижегородова 1-го. А с 05.04.1856 года — единственного.

Но это не совсем так.

Самой устойчивой оказалась линия Евсевия Осиповича.

Его сын — Нижегородов Василий Евсевич (1820), казак Гижигинской сотни. Ж. (28.05.1850) Красовская Анна Дмитриевна (1821), дочь унтер-офицера.

Его внуки:

Нижегородов Ефимий Васильевич (1857), гижигинский казак. Ж (15.04.1892) Волкова Татьяна Иннокентьевна(01.11.1861), вдова Волкова;

Нижегородов Петр Васильевич (1866–1898), гижигинскуй казак. Ж. (с 08.01.1897) Сновидова Дарья Ивановна (1877), дочь ум. священника Иоанна Сновидова.

Правнуки:

Нижегородова Анна Ефимовна (16.08.1896). М. Высоцкий Даниил;

Нижегородов Михаил Ефимович (07.11.1891);

Нижегородов Степан Ефимович (28.01.1894). Ж. Анна Ефимовна (1896).

Праправнуки:

Высоцкий Луп Данилович (23.08.1917);

Высотская Анфиса Даниловна (1925);

Высотская Ольга Даниловна (1928);

Нижегородов Лукиян Степанович (1918), проживал в 1943 г. в с. Арестово.

НИФАНТЬЕВЫ

В истории Северо-Востока России, на самой начальной стадии, когда великие географические открытия следовали непрерывно один за другим, был отмечен служилый человек Кирилл Нифантьев — один из первостроителей Верхоянска.

В именном списке первого тома справочника «РГАДА. Якутская приказная изба» записано, что Кирилл Нифантьев — промышленный человек, приказчик.

Но так в истории быть не могло — встать во главе отряда казаков, а тем более быть назначенным главным по сбору ясака мог только служилый человек — стрелец либо казак.

А в начальный период основной состав казаков, действовавших на Лене, был из Енисейска. Это потом уже воевода Петр Петрович Головин сократит число енисейских казаков в Якутии до минимума, умеряя их пушные «аппетиты» и выстраивая жесткую зависимость от государственной власти, пресекающую всякие вольности по отношению к коренному населению и контрабанду пушнины.

Петр Петрович Головин, представитель самой элитной части аристократии Московского государства, будучи не только из семьи царских казначеев, но и из семьи византийских императоров, прибыл в Якутию не с простой миссией — он обязан был ввести землепроходческий поток «встречь солнцу» в государственное политическое русло, прекратив анархию и беспредел, который творился в восточной части новой Сибири в связи с открывшимся здесь пушным «Клондайком».

И поэтому, строя новый Якутский острог, он строил тюрьмы и возводил виселицы… превратившись, благодаря классовому подходу в изложении российской истории, в сибирского сатрапа, а не в государственного деятеля, наводившего в Якутскому воеводстве жесткий и даже жестокий порядок, необходимый для прекращения всякой анархии и своеволия.

Одним из первых тогда пострадал Михаил Стадухин, который в поисках пушнины своевольно покинул Оймякон. И угодил в тюрьму.

Тюрьма грозила и Михаилу Зыряну Ярило, если бы он тоже, как Стадухин, возвратился бы в Якутский острог. Дело в том, что он тоже проявил, по обычаю енисейских казаков, своеволие:

«*1643 (151) г. августа.* — Наказная память служилому человеку Дмитрию Зыряну, отправившемуся самовольно на «новые реки».

Лета 7151-го августа в …. 1 день. По государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память служилому человеку Митьке Зыряну.

В прошлом во 149-м году послан ты с служивыми людьми из Якутцкого острогу в Юганду реку на перемену служивому человеку Кирилку Нифантьеву. И ты, Митька, пришел в Юганду реку здорово и Кирилка Нифантьева отпустил, а с тех мест государевы ясашные казны в Якутцкой острог не посылывал и ни о чем не писывал.

…А велено ноне быть на твое место в Юганде реке служилому человеку Кирилку Нифантьеву. А ты, будет ноне пришел в Юганду реку, и тебе б быть самому в Якутцкой острог, а служивые люди и промышленные, которые с тобою были, и тем всем велено по государеву указу быть с Кирилком Нифантьевым и с целовальники. А Мишка, будет Стадухин у тебе ноне в новой реке, и тебе б Мишку, дать на поруки з записью и прислать в Якутцкой острог за поруками. А будет поруки по нем, Мишке, не будет, и тебе б ево, сковав, прислать в Юганду реку к служивому человеку х Кирилку Нифантьеву, А будет ты ево, Мишку, не пришлешь, и тебе за то быть в жестоком наказанье» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 2426, л. 16].

Кирилл Нифантьев был первым приказчиком на Индигирке:

«Во второе посещение Индигирки Поснику Иванову удалось более прочно закрепить “новую землицу” за московским царем. Поэтому он решил оставить в Уяндинском зимовье 17 своих товарищей во главе с Кириллом Нифантьевым “для государева ясачного збору”, а сам с “соболиной казной” и соболями своих товарищей прибыл на Лену» [Белов М.И.].

И эта должность закреплена последующим наказом воеводы:

«В 1642 году якутский воевода Петр Петрович Головин дает наказ: “вновь назначенному приказчику [енисейскому казаку] Кирилу Нифантьеву и целовальникам Семену Васильеву Чухарете и Трофиму Иванову Табурину о совместной их службе на Индигирке и Яне, о приеме аманатов, ясачной и десятинной казны, о проверке соболей у служилых и промышленных людей”…» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 1, Я., 2026].

Стрельцы Нифантьевы издавна обосновались в Енисейске. Вполне возможно, что они были из числа сургутских служилых людей: по крайней мере, такая фамилия появляется на Амуре в 1653 году, когда туда прибывает Федор Зиновьев с казаками:

«Сургутцкие служилые люди [которые пришли с Дмитреем Зиновьевым в прошлом во 161 году]: Федка Дмитреев Козел б. я., Якунка Ортемьев б. я., Федка Иванов Попов б. я., Якимко Иванов Челыщев б. я., Никитка Нифантьев б. я. …» [РГАДА: СП. – Стб. 556. – Л. 49–72].

«Никитка Нифонтов, пахоты его 4 чети ржи, 6 четей овса, четь ячменя, и всего служилых людей к восьми пашенно писаны. А пахоты их с оклады их будет и с лишком. А служить им государева служба с пашен своих без хлебново жалованья 8 человек да сын боярской да казачей атаман» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 613–617 об.].

Обратим внимание на тот факт, что из всего енисейского воинства землю получили только десять человек.

А землю тогда давали за особые заслуги. Поэтому вполне понятна причина, почему знаменитые землепроходцы Посник Иванов сын Губарь и Дмитрий Михайлов сын Зырян Ярило выделим из общей массы казаков именно Кирилла Нифантьева.

Енисейск, 1669 год. Из «Переписной книги служилых людей Енисейского уезда» [ф. 214. оп. 1. д. 527]:

…д[вор] служилово человека Никиты Нифантьева, у него детей Васка 30 женат;

Митка Никитин Нифантьев;

Нифантьев Федька Никитин;

Нифантьев Лучка [тоже, я думаю, Никитин сын].

Федор Нифантьев в 1682 году на службе в якутских казаках, а служит он, обратите внимание:

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Федька Нифантьев в прошлом во 197-м [1689] году за Носом на Анандыре реке от иноземцов убит» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 39 об.].

То, что Федор в числе «холостых» казаков, на самом деле ни о чем не говорит. В холостом окладе были и женатые семейные казаки, семьи которых находились за пределами Якутского воеводства. Так Владимир Тимофеев Отлас служил в холостом окладе, когда на его малой родине подрастали трое будущих якутских казаков Атласовых — Иван, Владимир и Григорий.

Так же могло быть и у Федора.

В 1692 году в Якутске служат двое Нифантьевых:

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Пронька Нифантьев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 47 об.].

«Рядовые казаки

Женатые

Кондрашка Нифантьев» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 30 об.].

И вполне вероятно, что именно дети Кондратия — Борис и Матвей Нифантьевы — впоследствии будут служить на Камчатке.

А.С. Зуев в хронике «Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века. Приказчики камчатских острогов в 1700–1730 годы» сообщает следующее о Матвее:

«Дворянин Никита Лосев. Назначен в 1722 г. приказчиком всех острогов. 14 октября 1722 г. принял от С. Бобровского Верхнекамчатский острог, который сделал “столицей” Камчатки. Уезжая, оставил временных управителей: в Нижнекамчатске — Матвея Нифонтьева, в Большерецке — Артемия Попова, в Верхнекамчатске — Петра Баранова. С Камчатки отплыл 1 июля 1723 г. вместе с С. Бобровским. Умер в Охотске в июле 1723 г.».

А в 1731 году во время подавления Харчинского бунта в числе казаков, пытавшихся отбить захваченный восставшими камчадалами Нижнекамчатский острог, был казак Борис Нифантьев из экипажа бота «Святой Гавриил»:

«А из имеющихся служилых людей в партии, об которых репортовал к вашему благородию, из оного числа побито на приступе Камчадальского Нижнего острогу 3 человека: Сава Чигин, Борис Нифантьев, Никита Шавырин. Да сего ж 1731 году в разных числе[х] волею божиею померли гранадер Стефан Силиванов, матроз Петр Таранкин, служилые Дмитрей Осколков, Михайло Черниговской, Иван Маслецов» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л., 1935].

Можно предполагать, что гижигинские казаки Нифантьевы — это уже их дети.

Матвей, по переписи за 1722/1748 годы служит в Охотске, там же до гибели на Камчатке проходила и служба Бориса [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Лл. 88–88 об.].

В 1766 году в Гижигинской крепости служат два брата:

«казаки

Нифантьев Иван Григорьев

Нифантьев Илья Григорьев» [РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело, 13, лист 9].

В 1772 году происходит изменение: Нифантьевых уже трое, но состав совсем иной.

казаки

Михаил Никифоров Нифантьев

Иван [Григорьев] Нифантьев

Михайло Нифантьев [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 10 об.].

В 1781 году в Гижигинской крепости служат уже четверо Нифантьевых:

Казаки

Михайла [Никифоров сын] Нифантьев

Михайла Нифантьев
Иван [Григорьев сын] Нифантьев
Андрей Нифантьев» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88].

Но, судя по дальнейшим событиям, основным местом дислокации казаков Нифантьевых был все-таки Охотск, так как к 1831 году соотношение меняется в пользу Охотска, где служат
Нифантьев Павел [1785], казак
Нифантьев Андрей [1792], казак
Нифантьев Варфоломей [1808], казак.

А в Гижигинской крепости служит патриарх всех гижигинских Нифантьевых и их современных потомков

Нифантьев Петр [1790], казак [НА РС (Я), Фонд 401 п, Опись 1, Дело 6Б].

НИФАНТЬЕВЫ, ГИЖИГА

1 колено	
	Нифантьев Петр (1790), казак Гижигинской сотни. Ж. Елена Федоровна (1804–1883)
2 колено	
Дети Петра	Нифантьева Татьяна Петровна (1831), дочь гижигинского казака. М. (с 16.05.1847) Долгих Алексей Иванович (1820), сын умершего казака
	Нифантьев Георгий [Петрович]. Ж. Татьяна Георгиевна (1856), вдова, с 10.11.1878 жена Ивана Власьевича Красовского
	Нифантьев Федор Петрович (1840), гижигинский казак. Ж. 1 … Ж. 2 (15.04.1892) Сновидова Параскева Ивановна, дочь священника Иоанна Сновидова
3 колено	
Дети Георгия	Нифантьев Петр Георгиевич (21.12.1866). Ж. Ольга Константиновна (21.01.1881), вдова Ефима Калмакова
	Нифантьева Анисия Георгиевна. М. (с 15.05.1883) Русанов Трофим Михайлович (1860), льготный гижигинский казак
	Нифантьева Ольга Егоровна, казачья дочь. М. (09.11.1889) Колмаков Иван Степановия (1870), кантонист Гижигинской казачьей команды
Дети Федора	Нифантьев Георгий Федорович (11.06.1881). Ж. Елизавета Аксеновна (1890)
	Нифантьев Константин Федорович (13.06.1890). Ж. 1 (с 06.02.1911) Аснашева Мария Георгиевна (1893). Ж. 2 Евдокия Никитовна (26.02.1894)
	Нифантьев Константин Федорович. Родился в 1886 г., Дальне-Восточный кр.; русский; Арестован в 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Дальстрою 11 мая 1938 г., обв.: контрреволюционная повстанческая организация. Расстрелян 5 июня 1938 г. Реабилитирован в мае 1989 г. [Источник: Книга памяти Магаданской обл.]
	Нифантьев Трифон Федорович (23.04. 1893). Ж. Дарья Ивановна (1899)
	Нифантьев Трифон Федорович. Родился в 1893 г., Дальне-Восточный кр.; русский; Арестован в 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Дальстрою 21 апреля 1938 г., обв.: покушение на шпионаж. Расстрелян 16 июня 1939 г. Реабилитирован в июне 1989 г. [Источник: Книга памяти Магаданской обл.]
	Нифантьев Николай Федорович (1884), гижигинский казак. Ж. (03.02.1910) Зиновьева Анна Александровна (1890), дочь умершего казака
	Нифантьева Мария Федоровна (1895), дочь умершего казака Федора Петровича Нифантьева. М. (08.11.1915) Колмаков Василий Романович (1894), кантонист Гижигинской сотни
	Нифантьев Фока. Ж. Мария Григорьевна (22.11.1873)
	Нифантьев Н. Ж. Анна Александровна (19.07.1888), вдова, в 1924 г. Жена Красовского Дионисия Васильевича
4 колено	
Дети Петра Георгиевича	Нифантьева Елизавета Петровна (1890), дочь казака. М. (с 09.11.1908) Падерин Иннокентий Деевич (1880), гижигинский казак
	Нифантьев Михаил Петрович (18.03.1894). Ж. (с 08.01.1916) Аксенова Анна Григорьевна (28.04.1884), вдова, жена Дмитрия Кудьярова
	Нифантьева Ксения Петровна (ум. до 1924 г.)
	Нифантьев Назарий Петрович (13.09.1906)
	Нифантьев Котун Петрович (30.03.1909)
	Нифантьева Елизавета Петровна (19.04.1912)
	Нифантьева Зинаида Петровна (30.09.1917)
	Нифантьева Ксения Петровна (06.06.1922)
Дети Георгия Федоровича	Нифантьева Марфа Георгиевна (18.10.1906)
	Нифантьева Елизавета Георгиевна (04.03.1912)
	Нифантьева Мария Георгиевна (17.07.1914)
	Нифантьев Крескент Георгиевич (22.03.1917)
	Нифантьев Александр Георгиевич (14.12.1919)
	Нифантьев Федор Георгиевич (22.04.1922)
Дети Константина Федоровича	Нифантьев Федор Константинович (29.03.1919)
	Нифантьева Виринея Константиновна (08.03.1921)
	Нифантьев Петр Константинович (07.12.1923)
Дети Трифона Федоровича	Нифантьев Александр Трифонович (29.08.1919), в 1943 г. проживал в с. Арестово. Ж. Падерина Ольга Ефимовна (1921)
	Нифантьев Николай Трифонович (15.12.1920)
	Нифантьев Петр (Федор) Трифонович (21.04.1923)
Дети Н. Нифантьева	Нифантьева Улита Н. (1912)

	Нифантьев Иван Н. (1914)
	Нифантьева Дарья Н. (19.03.1917)
	Нифантьева Татьяна (08.01.1920)
Дети Фоки	Нифантьев Григорий Фокович (15.02.1903), в 1946 г. колхоз «Маяк Севера», с. Гижига. Ж. ?
	Нифантьев Николай Фокович (05.12.1905), в 1943 г. проживал в с. Арестово Ж. Анна Ивановна (1914)
	Нифантьев Кузьма Фокович (01.07.1908)
	Нифантьев Федор Фокич (29.07.1911)
	Нифантьев Василий Фокович (21.03.1914), в 1943 г. проживал в с. Арестово Ж.1 Падерина Ольга Ефимовна (1921) Ж. 2 Ковалева Матрена Васильевна (1914)
	Нифантьева Мария Фокична (17.08.1917)
	Нифантьев Павел Фокович
5 колено	
Дети Михаила Петровича	Нифантьева Татьяна Михайловна (10.08.1922)
Дети Ксении Петровны	Нифантьева Ефросинья (28.11.1915)
Дети Григория Фокича	Нифантьева Татьяна Григорьевна (1934)
	Нифантьев Федор Григорьевич (1936)
	Нифантьев Виктор Григорьевич (1940)
	Нифантьева Зоя Григорьевна (1938)
Дети Николая Фокича	Нифантьев Иван Николаевич (1931)
	Нифантьева Мария Николаевна (1935)
	Нифантьева Евдокия Николаевна (01.08.1938). М. Акопян Шмавон Каджикович (11.04.1931)
	Нифантьева Клавдия Николаевна (08.04.1942)
	Нифантьев Анатолий Николаевич (15.07.1946)
	Нифантьева Галина Николаевна (07.04.1950)
	Нифантьева Вера Николаевна (08.04.1952)
	Нифантьев Валерий Николаевич (05.12.1954)
Дети Василия Фокича	Мачуран Иван Васильеваич (1936)
	Нифантьев Василий Васильевич (1939)
	Нифантьев Валентин Васильевич (1940)

НОВОГРАБЛЕННЫЕ

Удивительная по своей внутренней сути фамилия — человек должен носить не просто фамилию, а некое семейное клеймо, «дарованное» ему за какие-то грехи своих предков.

Правда, великий генеалог Земли Русской — князь Петр Владимирович Долгоруков — в свое время написал очень справедливые слова, суть которых предельная ясна: все, что сделано представителями рода во благо людей, идет в зачет всему роду и каждому его представителю, а грехи остаются на совести того, кто их совершал.

Очень четкая и очень мудрая постановка вопроса.

Однажды, совершенно случайно, мы прикоснулись и к этой тайне.

Николай Николаевич Оглоблин, поднявший огромный архивный материал, в том числе связанный и с Томским бунтом 1748 года, писал об одном из представителей этого бунта — пятидесятнике Володимерцеве.

В официальной истории о его прозвище нет ни слова.

Вот что мы знаем со слов его сына Карпушки:

«Отец Володимерец по государеву указу переведен город Томск ставить и был в конных казаках пятидесятником, а он родился в Томске и приверстан в конную службу в новоприборные, а от службы отставлен в 182 (1674) году. Служит, с пашни».

А вот что сообщают нам томские исследователи:

«Володимерец Иван (Ивашка, Ивашко) Давыдов, томский десятник конных казаков. Денежный оклад: 7 руб. 25 алт. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою ржи, по чети круп и толокна (1626 г.). В 1653 г. имел пашню по берегам р. Ушайки, рядом с заимками С. Белоуса и Е. Еремеева. Женат (1626 г.). В 1622 г. в распросе в Казанском Дворце рассказывал о недавно построенном Кузнецком остроге; в 1630 г. отвозил отписку в Москву; в 1635 г., уже как десятник конных казаков, был в числе челобитчиков о выдаче служилым панцырей. Участник похода томских казаков в составе отряда В.Власьева на бурят, был ранен в этом походе (1640 г.). Пользовался авторитетом среди томичей, был среди тех, кто в челобитчиках от имени всего города ездил в Москву в 1644 г. за церковной ругой. Один из активных участников томских смут и бунтов 1637 и 1648 гг.; во время последнего бунта на его дворе стояла “воровская” съезжая изба. В числе челобитчиков ездил в Москву и якобы был допущен к самому царю. За участие в бунте был наказан кнутом и сослан в службу в Сургут, но вскоре вернулся в Томск. В 1653 г. вместе с женой Феодосией был сослан из Томска на службу в Якутск. Пасынок Степан».

И все-таки, как отмечает Н.Н. Оглоблин, у него было это прозвище. От которого ему, по примеру его товарища по бунту — Мухосрану, удалось отвязаться. Мухосран стал Мухопле-

вым. А Новограбленный остался Володимерцем.

Но грех не смоешь.

Что же произошло? Почему НОВОграбленный?

Старый грабеж казаков — вино, кости, карты — оказались в прошлом, когда появилось опасное и запрещенное царем для употребления зелье — табак. На продаже табака, за который страстные курильщики готовы были отдать последнее, не раз ловили и наказывали плетьми Володимерца… Вот и прилипло прозвище…

И отпало…

Возможно, потому, что в Томске появился новый претендент на это прозвище:

«Новограбленой Сенка Трофимов, пеший казак десятка В.А. Капустина. В 1625 г. продал пушнины на 7 руб. 4 гривны».

А в 1669 году Новограбленные объявляются в Енисейске — Матюшка Иванов сын Новограбленный [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 318].

Позже — в Нерчинске и Иркутске.

А в 1720 году в Якутске объявляется полный тезка енисейского казака:

«Во дворе сына боярского Тихона Сергеева сына Шапошникова живут на подворье … Иркутского города сын боярской Матфей Иванов сын Новограбленой девятнатцати лет (1701)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 45 об.].

Пополнение Иркутска и Нерчинска первоначально шло из Енисейского острога, поэтому вполне вероятно, что енисейские и иркутские тезки — это родной дед и родной внук. В простое подобное совпадение с такой необычной и редкой фамилией что-то не верится.

А вот имеет ли к ним какое-то отношение иконописец Иван Новограбленный, пока вопрос:

«…доношение Шестакова на злоупотребления некоего ландрата Ракитина (советника воеводы) содержит 109 пунктов обвинения как по поводу обид и разорений ясашного населения, так и других. Особый интерес вызывает то из них, где казачий голова обвиняет Ракитина в выдаче из казны без договора и подряда иконописцу Ивану Новограбленному свыше 150 рублей — “за письмо святых икон”. Как оказалось, иконописец передал изготовленные иконы устроителю Спасского монастыря Ивану Козыревскому для Камчатки».

Хотя время и место — одно и то же: Якутия, 1720-е годы…

Матвей Иванович был отправлен служить на Камчатку, где он поселился в Большерецком остроге и стал хозяином Курильской землицы и Курильских островов. Курильская землица — это вся южная часть Камчатки, начиная от реки Большой (Кыкши).

А его родной брат — Василий Иванович — расположился в Верхнекамчатске и так же, как и старший брат, занимался сбором ясака с коренного населения.

И настолько оба преуспели в этом пушном «бизнесе», что от их «старания» страдала и стонала земля камчатская.

«“Скаска” камчадальского тоена Начика.

1731 году сентября 27 дня Машурина острогу ясачной лутчей тоен Начика в скаске своей сказал. Чинятца нам обида, а именно от закащиков Верхнем Камчадальском остроге повсягодно берут де с нас неокладные тягосныя поборы ради своей корысти — сараны по пуду, кипрею по пуду да по бату, а ежели де кипрею и сараны нету, то берут лисицами и собольми, за бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако ж берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 731 году приезжал к нам от закащика Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и сбирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики в остроге в Тополином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брал и кунным на Шапиной и по Козыревской реках.

Да сего ж 731 году был за юкольным сбором служилой человек Никита Дурынин с товарыщи при сборщике Андреяне Рюмине и брали юколы с каждого человека по три вязки, а кормами у нас сего году против старого весьма недоход, не ведаем, как и зима нам будет проявить и ясак ея императорского величества добыть. А ежели и впредь будут такие поборы, изличиша, то нам притти будет во всеконечную нищету, понеже с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут но три соболи, а соболей нету, то берут парками и куклянками и собольными собаками. И что у нас имеетца, то все берут вместо чащин» [Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 140].

А это о старшем братце:

«“Репорт” солдата Змиева штурману Генсу от 15 апреля 1731 г.

В посланную партию в Большерецкой острог господину штурману Якову Яковлевичу Генсу из Курильския землицы от партии солдат Александр Змиев челом бью, репортую вашему почтенству нижеписанное.

Сего 731 году апреля 12 дня, как прибыли к нам курильские ясачные иноземцы с байдарами, и я прослышал от лутчего князца курильского Ломчи жалобу на служимого человека Лариона Волынкина, которой был послан от ясашного сборщика Матвея Новограбленного, для приуготовления кормов и байдар, что де он, Волынкин, чинил им многие обиды, о чем де по прибытии на свое жилище буду предъявлять письменно. И я велел толмачу своему Алексею Еремееву сказать означенному князцу и всем ясачным иноземцам, ежели кому были какие обиды, не токмо от Волынкина, но хотя б и от сборщика или от других от кого, то б приносили жалобу на письме, которое обидимое им возвращено будет. И он, толмач Еремеев, по

приказу моему те слова иноземцам говорил, а означенного Волынкина он, Матвей Новограбленной, отпустил домой тайно, знатно, что не без мирвольства.

Апреля 13 дня прибыли мы байдарами, не дошед Озерной реки, например, версты за две за противным сильным ветром, стали на берег, и означенной сборщик Новограбленной, схватав копье, учал бить толмача моего, помянутого Еремеева копьем и обранил у него правую руку, токмо не душевредно, в ладонь, и говорил: по какому де ты, ростая мать, указу спрашиваешь ясачных иноземцов про мои обиды, якобы он про его императорского величества указ не известен и чинит такую противность, понеже в указе блаженныя и вечно достойной памяти его императорского величества написано: велено посланной партии в отдаленных от Якуцка краех о обидах и разорениях ясачным иноземцом следовать, а по последствии, ежели кому от прикащиков, подьячих, толмачей и служилых людей были какие обиды, то обидимым обидимое возвращать, а кто обидил, тем чинить наказание. А означенной Новограбленной знатно, что, ведая над собою некакие неисправы пред иноземцами, кажет вид, яко бы он над собою большинства и суда не имеет, биет толмача нашего, чтоб иноземцы, то видя, что он никого не боится, не смели бы на него доносить.

Однако ж я в ясачных иноземцах никакого междуусобства не чиню, чтобы не было посмешества или от таких его, Новограбленного, непорядков, между иноземцами не учинилась какая шатость.

Да он же, Новограбленной, похвалялся, что я де вам байдары не дам, а к нам байдару привел означенной князец Ломча, которая байдара в прошлом 730 году отдана в партию по письменному требованию письменно ж, и оную байдару я взял и ему, Новограбленному, не отдам, а ежели впредь он, Новограбленной, будет чинить к нам какие противности, то ему я ни в чем не буду уступать. Да он же, Новограбленной, говорил мореходу Ивану Бутину: я де тебя и толмача вашего на острова не возьму, а им от партии по данной мне инструкции велено быть при мне, и для того я их не оставлю, чтоб ея императорского величества ясак не утратился» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М.-Л., 1935].

Были у этого солдата Александра Змеева пожелания разобраться и с Василием Новограбленным. И тоже неудачно:

«3 октября 1731 г. Змиев прибыл в Верхнекамчатский острог, где потребовал от местного закащика Василия Пашкова выдать ему В. Новограбленного, А. Рюмина и Н. Дурынина. Но Пашков отказался "сдать" своих людей и "учинился указу противен". 7 октября Змиев повторил свои требования. На этот раз его поддержала часть местных казаков. Один из них, Гаврила Юрлов, явился к Пашкову и стал уговаривать его выдать Новограбленного, а о последнем говорил: "Не подлежит де ему у дел быть подъячим, многие де за ним плутовства". В ответ на это Пашков заковал Юрлова в кандалы и посадил в казенку. Змиев, поняв, что ничего не добьется, и получив известие о движении "изменников" на рр. Козыревка и Чажма, 8 октября выехал из Верхнекамчатска, оставив, однако, там трех своих людей — казаков Ефима Пермякова, Степана Карандашева и Макара Новосельцева, приказав им не допустить расправы над Юрловым».

Камчадальский бунт 1731 года и последующее расследование его причин Розыскной канцелярии дали основание для двух приговоров:

«В Большерецком остроге казнен смертию повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников.

Учинено телесное наказание биты кнутом служилые люди: Осип Соловьев, Матфей Новограбленой, Михайло Лепихин, Федор Лобанов, Андрей Марамыгин, Андрей Рубцов, Петр Евлатьев, Андрей Воронин, Григорей Томилов, Онофрий Черкашенин, Лука Трескин, Ларион Валынкин, Григорей Келтякин, Петр Валынкин, Степан Вахрушев, Михайло Котков, Федор Асламов, Иван Лукашевской, Сава Усов, Василей Посников, Василей Щеголев, Семен Вагин, Михайло Лепихин меньшой, Петр Матфеев, Семен Шарапов, Афонасей Попов, Михайло Лукашевской, Семен Сургуцкой, Петр Чупров, Антон Хмылевской» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. №481. Ч. 7. Л. 358—367].

А вот более развернутый текст приговора:

«…А служилым людем, которые были в походах со оным петидесятником Андреем Штинниковым и со общаго согласия чинили ясашным иноземцам вышеозначенное ж раззорение и тиранство для своих же корыстей, чтоб женами и детьми владеть у себя в холопстве, а имянно Осипа Соловьева вместо смерти на площади бить кнутом и дать сто ударов и, водя по острогу, бить кнутом же нещадно, а протчим служилым учинить наказание — бить на площади кнутом нещадно ж, а имянно за писаря Матфея Новограбленного, ясаула Михаила Лепихина, толмача Федора Лобанова и протчих, кои были в показанном походе, которым надлежало учинить по правам смертную ж казнь, но однако ж по указом Ея И. В. велено на страх пущих раззорителей и завотчиков казнить смертию, а протчих от смертной казни свободить, чего ради служилых Соловьева с товарыщи от смертной казни и свободить, а вместо смерти наказание учинить. А взятыя ими, служилыми людми, от иноземцов в раззоренных острогах жен их и детей, взяв, роспустить на прежние жилища, а мужеск пол, которыя в ясашной оклад не написаны, тех определить в ясашной оклад, а которыя платят подушные денги, тем платить подушные денги самим собою. А для определения в ясашной оклад в Болшерецку в Приказную избу послать с реэстром Ея И. В. указ, а иноземческие пожитки, которые служилые люди после полонных иноземцов, взяв, разделили по себе, на ком что по следствию подлежит, доправить в казну Ея И. В.» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 69 об.–70 об.].

«В Верхнем Камчадальском остроге казнен смертию повешен ясашной зборщик Михайло Сапожников. Учинено телесное наказание, биты кнутом якуцкой сотник казачей Осип Верхотуров, ясашные зборщики Артемей Скрябин, Андреян Рюмин, вместо кнута биты батожьем Семен Путилов, Василей Новограбленой» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

По сведениям А. Сгибнева, по приговору Розыскной канцелярии от 17 апреля 1735 г. некоторые из служилых людей подверглись повторному наказанию: А. Скрябин, А. Рюмин и Е. Мухоплев биты кнутом нещадно, В. Новограбленной — батогами нещадно ж, С. Власов — кнутом, П. Матвеев — плетьми, А. Попов — батогами. Были также наказаны ранее не подвергавшиеся экзекуциям закащик Пашков — батогами (вследствие чего он умер) и целовальник Кирков — кнутом [83, с. 133] (возможно, это не Кирков, а Кырков).

Но все они остались на прежних местах и при прежних должностях.

В 1738 году Степан Петрович Крашенинников сообщал своим немецким начальникам Гмелину и Миллеру:

«Да в остроге Большерецком подарил мне обретающейся здесь иркутской сын боярской Матвей Новограбленой книжку на четверте листа незнаемым языком писанную, которая состоит из листов 73. Оная книжка местами по краям объедена, а взята она на японской же бусе».

В 1744 году сборщик ясака Матвей Новограбленный привез с острова Маканруши известие. Получил он его от курильца (айна) Камуарюии, возвратившегося с острова Симушир и сообщившего о том, «что живущий на острове Кунашире, на мысе, обращенном к о. Матмаю (Матцмай, Матсмай — остров Хоккайдо), знатный японец с Матмая желает, чтобы русские привозили свои товары прямо на Кунашир, а не дозволяли бы ближним курильцам торговать ими по мелочам».

В 1745 году на Камчатку сборщиками ясака М. Новограбленным и Ф. Слободчиковым был доставлен японец Ихэй, который принял православную веру и стал Василием Пановым, затем он был отправлен в Иркутск вместе с другими японцами: Кютаро (Петром Черным, Черных), Сеэмон (Григорием Свиньиным) преподавать японский язык.

Мы не знаем, кто из братьев Новограбленных оставил на Камчатке свое потомство. Может быть, оба.

В 1741 году для охраны имущества Второй Камчатской экспедиции в Петропавловской гавани были отправлены казаки из Большерецкого острога. Они и стали первопоселенцами Гавани — как первоначально называли на Камчатке поселение на берегу Петропавловской гавани.

Следующий временной отсчет в истории этого рода начинается с начала XIX столетия, когда в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (сначала в Томске, а потом во Владивостоке) мы обнаруживаем церковные книги Петропавловского собора с ценнейшими для нас записями.

В 1815 году в Петропавловском порту находятся отставные военные: унтер-офицер Иван Миронович Новограбленный (1768) и его брат Роман Миронович (1770).

Иван Миронович был многодетным отцом (данные за 1823 год):

«Новограбленный Иван Миронович. Дети: Давыд — 17, Сергей — 11, Харлампий — 7, Аверкий — 4, Иван — 9 мес., Елена —19» [РГИА ДВ, Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

В истории Камчатки первым из них прославился Харлампий (которого называли также Харитоном).

Вот что сообщал по поводу событий Петропавловской обороны 1854 года и подвига Харитона Ивановича Новограбленного писатель-историк Александр Иванович Алексеев в книге «Сыны отважные России»:

«26 августа 1854 года бот №1 под командованием боцмана Харитона Ивановича Новограбленного, шедший с полным грузом леса из Нижнекамчатска и ничего не знавший о событиях в Петропавловске, “пришел на вид Дальнего маячного мыса, но за туманной погодой самого маяка видеть не мог; придержавшись немного к северу, рассмотрел на мысу людей, стрелявших в море из ружей и увидевши в то же время сильную эскадру, стоявшую на якоре во внутренности губы, понял, что этой пальбой предупреждают его о неприятеле. Несмотря на очевидную опасность, боцман Новограбленный, зная, что за ним идет шхуна ‘Анадырь’ также с грузом леса из Нижнекамчатска, не теряя присутствия духа всю ночь крейсировал перед входом в губу и хотя не нашел того судна, которого желал предупредить о неприятеле, но оказал услугу не менее важнейшую, встретив и уведомив о блокаде порта винтовую шхуну ‘Восток’, командир которой лейтенант Римский-Корсаков, передав на борт бумагу для доставления в порт, немедленно поворотил в море и отправился в Большерецк. После этого, несмотря на чрезвычайно сильные ветры, форсируя парусами, боцман Новограбленный все еще продолжал крейсировать перед входом, надеясь дождаться ‘Анадырь’; утром 27-го не видя его и заметив, что неприятель снимается с якоря, решился сам искать спасения в Вилючинской бухте, куда и укрылся”. Насколько значителен был подвиг Новограбленного, можно представить из того, что у Римского-Корсакова были весьма важные бумаги от Н.Н. Муравьева к В.С. Завойко, а шхуна не была вооружена. В свою очередь и шхуна “Восток” встретила шедший в Петропавловск с продовольственными запасами транспорт “Байкал” под командой Никиты Ильича Шарыпова. “Байкал” также ушел в Большерецк. Таким образом, благодаря боцману Новограбленному двум русским кораблям удалось избежать неожиданной встречи с неприятелем. Сам же Новограбленный с места своей стоянки послал сухопутным путем к Завойко известие о шхуне “Восток” и передал ему письма от Римского-Корсакова. 1 сентября, после ухода англо-французской эскадры, Новограбленный благополучно привел свой бот в Петропавловск».

Сохранился формулярный список боцмана Новограбленого:

«Формулярный список о службе и достоинстве прикомандированного к управлению капитана над Петропавловским портом состоящего по адмиралтейству прапорщика Новограбленого. Январь 1856 г.

Прапорщик Харитон Иванов сын.

Уроженец Камчатской области. Из солдатских детей — 38 лет.

15.15.1834 — Поступил в Камчатскую экипажную роту матросом 2 статьи
31.12.1839 — марсовой
09.11.1843 — квартирмейстер
06.02.1845 — разжалован в матросы 2 статьи («за пьянство и буйство»)
09.04.1848 — произведен в квартирмейстеры
07.06.1852 — боцман
15.12.1854 — высочайшим приказом произведен в прапорщики по адмиралтейству

С 1834 по 1837 г. при береге.
1834–1840 — бот «Алеут».
1843 — транспортный бриг «Курил».
1845–1849 — тендер «Камчадал».
1849–1850 — лоцман и смотритель маяков.
1852 — командир бота № 1.

Женат первым браком на девице Параскове Захаровне. Дочь Ольга — 10 лет» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 36. Л. 113–114].

А вторая история случилась с семьей брата Харитона Ивановича — Давида Ивановича, сын которого — Иннокентий Давыдович — получил тяжелые ранения во время сражения с десантом англо-французов при обороне Петропавловского порта 1854 года и скончался от ран.

Я все время ломал голову по поводу того, что один из его сыновей — Трифон Иннокентьевич (1862) изменил свою фамилию и фамилию уже своих детей с Новограбленного на Новограбленова.

Я думал, что это дань какой-то моде или еще чего-нибудь подобного.

Нет — Трифон Иннокентьевич принципиально открестился от рода Новограбленных, так как не имел к этому роду *никакого отношения*.

Вдова Иннокентия Давыдовича родила всех своих детей (кроме Авдотьи, рожденной в 1852 году) уже после смерти Иннокентия Давыдовича.

Потомки же казаков Новограбленных, ставших матросами и офицерами Камчатского флотского экипажа, в составе Камчатской военной флотилии были переведены на Амур и проживали уже где-то там — сначала в Николаевске-на-Амуре, потом — во Владивостоке…

А Новограбленовы оставили и светлый, и печальный след в дальнейшей истории Камчатки, пройдя через все испытания ГУЛАГа.

Сын Трифона Иннокентьевича и его супруги — коренной камчадалки из села Апача Феодосии Прокопьевны Пановой Прокопий Трифонович Новограбленов стал первым человеком из коренной и старожильческой Камчатки, получившим высшее образование в Томском учительском институте. Впоследствии он стал выдающимся ученым, труды которого не потеряли своей актуальности и сегодня.

Семья Новограбленовых была огромной, самобытной и яркой.

Но судьба большинства представителей этой семьи была самой трагичной…

НОВОГРАБЛЕННЫЕ И НОВОГРАБЛЕНОВЫ

1 колено	
	Новограбленный Иван Миронович (1768), отставной унтер-офицер, Петропавловский порт, 1815 г. Ж. Татьяна Ивановна (1777)
	Новограбленный Роман Миронович (1770), отставной унтер-офицер в 1815 г.
2 колено	
Дети Ивана Мироновича	Новограбленная Елена Ивановна (1805)
	Новограбленный Давид Иванович (1807) Ж. Секлитикия Ивановна
	Новограбленный Сергей Иванович (1813), Петропавловская экипажная рота, 1835 г.; умер в с. Усть-Приморск. Ж. Евдокия Ивановна (1819 – 20.05.1873), с. Усть-Приморск
	Новограбленный Харитон (встречается в записи Харлампий) Иванович (1817), матрос Петропавловской экипажной роты, 1835 г.; боцман в 1852 г., прапорщик (1854). Ж. Параскева Захаровна (1826)
…Х.И. Новограбленный родился в солдатской семье на Камчатке в 1817 году. В 1834 году он поступил матросом 2-й статьи на службу, а в 1849 году стал боцманом. Плавал на многих судах Охотской флотилии, был смотрителем маяков Авачинской губы и лоцманом. В 1851 году – командир бота № 1. За находчивость и мужество при защите Петропавловска был 15 декабря 1854 года произведен в прапорщики. Участвовал на том же боте в переходе в залив Де-Кастри и в устье Амура. 17 апреля 1862 года произведен в подпоручики и «находился при береге в портовой комиссии и смотрителем такелажного и парусного мастерства». Последние сведения о нем относятся к 1865 году. Вполне возможно, что последние годы жизни он провел на Камчатке – своей родине» [Алексеев А.И. «Сыны отважные России», Магадан, 1970 г., стр. 253–254]	
	Новограбленный Аверкий Иванович (1819), матрос Петропавловской экипажной роты, 1835 г. Ж. Анна Петровна (1822)
	Новограбленный Иван Иванович (1823)
?	Новограбленный Иосиф
3 колено	
Дети Давида Ивановича	Новограбленный Иннокентий Давидович (1823–1854), матрос 2-й статьи, квартирмейстер (унтер-офицер), умер от ран, полученных при обороне Петропавловского порта в 1854 г. Ж. Анна Осиповна (Анисия Иосифовна)
	Новограбленная Ольга Давидовна (1831)
	Новограбленная Анна Давидовна (1841)
Дети Аверкия Ивановича	Новограбленный Иван Аверкиевич (1844), г. Николаевск-на-Амуре
	Новограбленная Екатерина Аверкиевна (1847)
Дети Харитона Ивановича	Новограбленная Ольга Харитоновна (1846)
4 колено	

Дети Иннокентия Давидовича и Анисии Иосифовны	Новограбленная Авдотья Иннокентьевна (1852)
	Новограбленова Александра Иннокентьевна (Стефановна) (1860), дочь унтер-офицерской вдовы Анисии Иосифовны Новограбленной. М. (с 07.01.1888) Коренев Димитрий Иоаннов (1857), казак Камчатской казачьей команды
	Новограбленный (изменил на Новограбленов) Трифон Иннокентьевич (08.02.1862), незаконнорожденный сын умершего квартирмейстера Новограбленнова и Анисьи Иосифовны [РГИА ДВ фонд 1009, оп. 1, д. 131]. Ж. 1 (с 23.01.1889) Панова Феодосия Прокопьевна (1867), с. Апача, дочь камчадала Панова Прокопия Яковлевича. Ж. 2 (с 14.01.1896) Крупенина Каллисса Васильевна (1876), с. Сероглазка, дочь казака Василия Ивановича Крупенина
	Новограбленная Пелагея Иннокентьевна (1871), дочь матросской вдовы Анисии Новограбленной. М. (с 01.07.1887) Степнов Михаил Иванович (1865), креол, о. Беринга
	Новограбленная Антонида Иннокентьевна (1874), матросская «девка». М. (с 11.11.1892) Семчдэ-Имси (Донской Николай Павлович) (1863), кореец, принявший православие
	Новограбленный Петр Иннокентьевич (1860 – 28.03.1887), матросский сын, умер от проказы
	Новограбленный Николай Иннокентьевич (1868), петропавловский мещанин. Ж. Аника Прокопьевна (1870)
	Новограбленная Елена Иннокентьевна (1877), матросская «девка». М. (с 10.01.1893) Юшин Александр Васильевич (1865), казак Камчатской казачьей команды
Дети Новограбленного Иосифа	Новограбленный Николай Иосифович (1868), матросский сын, камчадал, с. Коряки. Ж. (с 29.06.1887) Гуторова Анна Прокопьевна (1871), с. Начики, дочь камчадала Гуторова
	Новограбленный Трифон Иосифович
5 колено	
	Линия Давида Ивановича
	Внуки Иннокентия Давидовича
Дети Трифона Иннокентьевича От первого брака с Пановой	Новограбленов Иван Трифонович (07.09.1889 – 1934), репрессирован. Ж. Ксения, расстреляна вместе с мужем
	Новограбленов Иннокентий Трифонович (17.11.1890 – 20.06.1903), утонул в р. Авача
	Новограбленов Прокопий Трифонович (14/26.08.1892 – 1934), репрессирован Ж. 1 Коронатова Антонина Аркадьевна (1895–1984) — 16 сентября 1915 г. венчаны в Градо-Томской фабричной Петропавловской церкви. Развод 19 июля 1923 г. Ж. 2 (с 20.08.1923) Иванова Феоктиста Петровна (18.09.1901 – 27.12.1931)
	Новограбленов Павел Трифонович (12.03.1894 – 06.05.1894)
	Ж. (с 23.01.1889) Панова Феодосия Прокопьевна (1868)
	Новограбленов Николай Трифонович (25.04.1895 – 1929)
От второго брака с Крупениной	Новограбленов Илия Трифонович (19.07.1896)
	Новограбленова Анисия Трифоновна (21.03.1898 – 28.03.1898)
	Новограбленова Анисия Трифоновна (25.03.1899). М. 1 Плотников (арестован в период раскулачивания). М. 2 Никулин
	Новограбленова Ирина Трифоновна (01.05.1900 – 15.03.1901)
	Новограбленова Ирина Трифоновна (1901 – 05.11.1952), погибла в п. Северо-Курильск во время цунами. М. (02.05.1923) Горбачев Александр Алексеевич (1898–1940), Самарской губернии и уезда. Старо-Буяновской волости, с. Царевщина, партийный работник. Развод 7 сентября 1923 г.
	Новограбленова Анна Трифоновна (22.09.1902 – 21.06.1975) М. (с 15.02.1924) Глуховецкий Владимир Михайлович (18.02.1896), партийный работник
	Новограбенов Иннокентий Трифонович (26.04.1904 – 1934), репрессирован
	Новограбленов Василий Трифонович (29.01.1906 – 1934), репрессирован
	Новограбленов Павел Трифонович (27.05/09.06.1907), репрессирован, проживал в г. Чкалове, затем в г. Оренбурге
	Новограбленова Мария Трифоновна (23.05/07.06.1908 – 11.10.1974) М. Шепелев Давид Альбертович (29.02.1912 – 19.03.1982)
	Новограбленов Борис Трифонович (18.07.1909–01.07.1910)
	Новограбленов Борис Трифонович (19.05.1911 – 1982)
	Новограбленова Елизавета Трифоновна (02.09.1912). М. Лановой
	Новограбленова Татьяна Трифоновна (10.01/23.01.1914 – 16.07.1969). М. 1 Балахнов Степан. М. 2 Михеев Николай (погиб во время Курильского десанта). М. 3 Гросман Илья Борисович (03.10.1913–16.07.1984)
Дети Николая Иннокентьевича	Новограбленный Павел Николаевич (12.06.1889)
	Новограбленный Прокопий Николаевич (1892)
	Новограбленова Анисия Николаевна (05.09.1893). М. 1 (с 17.01.1910) Черных Павел Николаевич (1881), петропавловский мещанин. М. 2 Поротов
	Новограбленов Михаил Николаевич (03.11.1895), с. Начики. Ж. 1 (с 16.04.1914) Сторожевская Мария Алексеевна (1898), с. Большерецк, дочь личного почетного гражданина. Ж. 2 (с 29.06.1920) Пшенникова Параскева Николаевна (1903)
	Новограбленов Трифон Николаевич (10.12.1898), репрессирован Ж. (с 28.04.1921) Машихина Александра Петровна, с. Завойко
	Линия Иосифа
Дети Николая Иосифовича	Новограбленный Александр Николаевич (13.05.1888), «отец — матросский сын Николай Иосифов Новограбленный»
	Новограбленов Павел Николаевич (12.06.1889), «отец — камчадал Корякского селения Николай Иосифов Новограбленов, впоследствии Начикинского селения камчадал». Ж. (с 20.04.1908) Селиванова Наталья Александровна (1889), дочь льготного казака Александра Максимовича Селиванова

6 колено	
Линия Иннокентия	
Дети Ивана Трифоновича	Новограбленова Лидия Ивановна (01.04.1915–03.10.2001)
	Новограбленова Елена Ивановна (погибла в концлагере в период Великой Отечественной войны, казнена в «душегубке»)
	Новограбленов Юрий Иванович, погиб в период Великой Отечественной войны
Дети Прокопия Трифоновича От первого брака	Новограбленов Игорь Прокопьевич (23.05.1920–05.04.2014), участник Великой Отечественной войны. Ж. Белугина Ефросиния Даниловна (21.06.1919–29.04.2009)
От второго брака	Новограбленов Константин Прокопьевич (15.06.1922 – 1941), участник Великой Отечественной войны, пропал без вести
	Новограбленова Валерия Прокопьевна (13.04.1926–06.05.2002) М. Алфимов Евгений Николаевич (19.11.1914 – 11.07.1980)
Дети Анисии Трифоновны	Серафима
	Белла
	Владимир
	Лев
Горбачевы	Горбачева Гертруда Александровна (16.03.1924–03.06.2015), участник Великой Отечественной войны. М. 1 Лубенец Николай Демьянович (04.02.1913). М. 2 Доценко Федор Маркович (24.04.1916–20.04.1997), в гражданском браке. М. 3 Марендич Федор Иванович (15.10.1908–05.07.1980)
	Горбачева Нелли Александровна (03.09.1926–14.09.1994). М. 1 Гордейчук. М. 2 Рудь Филипп Федорович
	Горбачева Калисса Александровна (22.12.1940–05.11.1952)
Глуховецкие	Глуховецкий Владимир Владимирович, участник Великой Отечественной войны
Дети Василия Трифоновича	Новограбленов Георгий Васильевич
Шепелевы	Шепелева Эсфирь Давидовна (08.03.1930–28.10.1995) М. Кузнецов
	Шепелев Альберт Давидович (25.01.1939–21.01.1996)
Дети Бориса Трифоновича	дочь
Лановые	Лановая Вероника, г. Невельск Сахалинской области
Дети Татьяны Трифоновны	Балахнов Юрий Степанович (09.01.1933–24.07.1994)
	Михеев Евгений Николаевич (1938 – февраль 1945)
	Гросман Светлана Ильинична (08.04.1947). М. Прокопенко
Внуки Новограбленова Иннокентия Николаевича	
Дети Трифона Николаевича	Новограбленова Ольга Трифоновна (1922)
	Новограбленов Николай Трифонович (16 марта 1926 года), участник войны с Японией Ж. Александра Степановна
Дети Павла Николаевича	Новограбленова Зоя Павловна
	Новограбленова Ирина Павловна (1928)
	Новограбленова Галина Павловна (1930)
	Новограбленов Николай Павлович (1916)

НОВОСЕЛЬЦЕВЫ

Люди с такой фамилией дважды проходят на северо-восточных рубежах нашего Отечества – это прежде всего Макар Новосельцов, который был в составе команды Экспедиции Шестакова-Павлуцкого в 1730-х годах.

В 1731 году он оставил свою подпись под очень важными следственными документами, касающимися Харчинского бунта 1731 года:

«“Скаска” камчадальского тоена Начика от 27 сентября 1731 г.

1731 году сентября 27 дня Машурина острогу ясачной лутчей тоен Начика в скаске своей сказал. Чинятца нам обида, а именно от закащиков Верхнем Камчадальском остроге повсягодно берут де с нас неокладные тягосныя поборы ради своей корысти — сараны по пуду, кипрею по пуду да по бату, а ежели де кипрею и сараны нету, то берут лисицами и собольми, за бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако ж берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 731 году приезжал к нам от закащика Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и сбирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики в остроге в Тополином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брал и кунным на Шапиной и по Козыревской реках.

Да сего ж 731 году был за юкольным сбором служилой человек Никита Дурынин с товарыщи при сборщике Андреяне Рюмине и брали юколы с каждого человека по три вязки, а кормами у нас сего году против старого весьма недоход, не ведаем, как и зима нам будет проявить и ясак ея императорского величества добыть. А ежели и впредь будут такие поборы, излишша, то нам притти будет во всеконечную нищету, понеже с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут но три соболи, а соболей нету, то берут парками и куклянками и собольными собаками. И что у

нас имеетца, то все берут вместо чащин.

У вышеписанной скаски речи толмачил от партии служилой человек Иван Щигин да брат его Начикин Чистяк Машурин.

Знамя Начикино

На подлинной подписал его велением Федор Тибалов.

Знамя Чистякова

На подлинной подписал его велением Спиридон Черепанов.

В сей скаске вместо толмача Ивана Щигина его велением Макар Новосельцев руку приложил на подлинной» [Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 140].

В период подавления Харчинского бунта Макар Новосельцов был в составе отряда солдата Александра Змиева:

«3 октября 1731 г. Змиев прибыл в Верхнекамчатский острог, где потребовал от местного закащика Василия Пашкова выдать ему В. Новограбленного, А. Рюмина и Н. Дурынина. Но Пашков отказался "сдать" своих людей и "учинился указу противен". 7 октября Змиев повторил свои требования. На этот раз его поддержала часть местных казаков. Один из них, Гаврила Юрлов, явился к Пашкову и стал уговаривать его выдать Новограбленного, а о последнем говорил: "Не подлежит де ему у дел быть подъячим, многие де за ним плутовства". В ответ на это Пашков заковал Юрлова в кандалы и посадил в казенку. Змиев, поняв, что ничего не добьется, и получив известие о движении "изменников" на рр. Козыревка и Чажма, 8 октября выехал из Верхнекамчатска, оставив, однако, там трех своих людей — казаков Ефима Пермякова, Степана Карандашева и Макара Новосельцева, приказав им не допустить расправы над Юрловым [Зуев А.С. Восполняя белые пятна].

Сам Змиев пояснял:

«…он оставил в Верхнем Камчадальском остроге служимых людей Ефима Пермякова, Степана Карандашева, Макара Новосельцова и дал де им ордер, чтоб де они его, Юрлова, хранили и безвременно мучить без указу не давали, а может де быть, что он, Пашков, с подъячим Новограбленым, признав некакие притчины, его, Юрлова, и смертна замучет» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л., 1935].

Последнее найденное нами упоминание о Макаре Новосельцове относится к 1733 году:

«1733 г. мая 22. — Промемория М.С. Гвоздева Я. Генсу о передаче последнему бота "Св. Гавриил" с командой и снаряжением и подготовке бота к плаванию в Охотск

№ 90

От посланной партии г-ну штурману Якову Генсу

промемория

Сего 733 году по указу ея и.в. от управления Охотцкого острога и протчих к оному принадлежащих за рукою благородного г-на Григорья Григорьевича Скорнякова-Писарева, с которого указу послана к тебе копия, и против оного указу требовал ты апреля 8 и 20 дня промемориями, чтоб мне отдать к тебе бот "Гавриил" с принадлежащими припасы и матриалы, а при оном боте шлюпку с веслы и для починки оного боту и смаски снастей 20 ведр смолы, 6 сажен дров да 15 ганшпаков, один бегин-рей длиною шесть сажен, 2 гафиля длиной по две сажени, 8 весел запасных шлюпочных, 4 весла ботовые длиною по шти сажен, 15 шестов по пяти сажен с половиной, да толстого березнику на блоки и на шкивы, да 50 веников, да приготовить уголь для починки бота, да к тебе ж отправить в показанной морской тракт, без чего де тебе пробыть невозможно. Прислать толмача салдата Александра Змиева, что де тебе он отправлен от Тобольской губернской канцелярии с росписко́ю, а он, Змиев, от вас к нам в отдачю показан в реэстре не толмачем твоим, но токмо салдатом, однако ж он, Змиев, отсылаетца к вам, чтоб в чем остановки не было. Да матрозов, и морехода, и служилых по реэстру, да пищика Ивана Шишкина, и оной Шишкин в оддаче ботоваго дела у подмастерья Ивана Спешнева у записки продажи подарожной казны.

А против требования вашего отправить было в скорости невозможно, для того служилые люди были в оддаче у оного подмастерьи Спешнева и посланы были от него для заготовления лесу и досок, и починки боту "Гавриила", а для выкурки смолы посланы от меня и заготовления сухих дров служилые, и поныне еще не бывали.

И того ради против требования вашего по силе ея и.в. указу благоволи от нас принять бот "Гавриил" с принадлежащими матриалы и протчими припасы, шлюпку с веслы, бегин-рей, два гафиля и березы на аншпики и прутья на веники, что имеетца налицо, також матрозов и морехода, и толмача, и служилых людей по нижеписанному реэстру, а означенные на боте "Гаврииле" матриалы и припасы за приемом матроза Лаврентья Сметанина.

Реэстр

Матрозы: Лаврентий Сметанин, Агафен Назаров, Михайло Гусельников.

Мореход Кондратей Мошков.

Салдат Александр Змиев.

Служилые: для письма Иван Шаньгин, Василей Анкудинов, Иван Садовников, Федор Паранчин, Андрей Верхотуров, Илья Скурихин, Алексей Гиляшев, Федор Жеркоков (Жерноков. — *С.В.*), Григорей Хорошей, Иван Удалой, Макар Новосельцов, Семен Бочкарь.

Для починки парусов Андрей Круглой, Петр Верхотуров.

Геодезист Михайло Гвоздев» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 3. Л. 15].

А в 1761 году в Гижигинской крепости в казачьей команде служит Дмитрий [возможно, Макарович] Новосельцев [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об.].

А поиски родовых корней оказались чрезвычайно сложными.

Во-первых, есть Новосельцевы (Новосельцовы, Новоселцовы) и Новосильцевы (Новосилцевы).

Во-вторых, автор «Родословного справочника Иркутска 1661–1775 гг.» Андрей Черепанов сливает в одну фамилии Новоселов и Новосельцев.

Самое раннее упоминание этой сибирской фамилии (точнее одного из ее вариантов — Новосильцевых) относится, как сообщает В.Г. Волков, в «Списке самых древних нарымских фамилий». Он сообщает также:

«Представители этих фамилий проживали первоначально в Нарымском остроге, а затем расселились в пределах Нарымского края (в основном Парабельский и Каргасокский районы Томской области).

Родоначальником нарымского казачьего рода Новосильцевых был казак Иван Андреев сын Новосильцов, который служил в Нарыме еще в 1656 году.

В биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири» есть очень важное уточнение об Андрее Иванове сыне: в 1630 году он получал оклад 7 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли.

Но там же сообщается и о сургутском казаке Новосильцеве Алексее Иванове сыне, который в 1630 году получал оклад 6 четей ржи, две чети овса, пуд соли и Иване Иванове Новосильцеве (5 оклад 5 руб. с четью, 6 четей ржи, 2 чети овса, пуд соли) [стр. 625–626].

Но это, оказывается, не самый древний фамильный пласт. В этом же словаре есть информация о томском казаке Льве Лукьянове сыне, который в 1616–1617 гг. участвовал в осаде Чатского городка, о чем сообщал Г. Миллер в «Истории Сибири» [т. 2, М-Л, 1941, с. 238].

В именных списках тобольских казаков мы обнаруживаем эту фамилию лишь однажды:

«Ивановы станицы Федорова … Ивашко Федосеев Новосильцов во 163-м году послан в Дауры» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 450. Л. 125].

Судя по дате – 1655 год – Иван Федосеев сын Новосильцов был участником похода первого даурского воеводы Афанасия Пашкова, из которого мало кто вернулся живым.

Но мы не исключаем и возможность того, что Иван Федосеевич остался жив, связывая с его именем появление многочисленных Новосельцевых в окрестностях Селенгинска. Хотя, конечно, истоки появления здесь Новосельцевых — крестьян и посадских людей, могут быть самые разные.

Но вот что важно — для проведения Большого Камчатского наряда и других морских экспедиций очень часто набирали казаков из казачьих детей Селенгинска, Нерчинска, Иркутска, а также рекрутов — из крестьянских детей тех же городов-крепостей.

Поэтому мы не можем исключать возможности того, что Макар Новосельцев был из Селенгинска или Иркутска.

«Кабанского острогу посацкие

Матвей Иванов сын Новоселцов — 62 (77) (1685), у него жена Марья Иванова дочь пятидесяти пяти лет взятая у Кабанского посацкого Ивана Пелымцова. У них дети написанные в бывшую последнюю ревизию: Семен — 18 (33). У него жена Параскева Петрова дочь тритцати лет взятая у Иркуцкого посацкого Петра Соловьева; Тимофей — 13 отдан в рекруты в 749 году; Тихон — 11 (26). У них же после ревизии рожденной сын Сила — 15, дочери Анна дватцати пяти лет выдана в замужество за Кабанского посацкого Семена Каргина, Акилина семнатцати лет. У Семена дети после ревизии рожденные — сын Василей — 2, дочери Евдокея шести, Ульяна пяти лет» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. Л. 498 об.].

«…в Закалтуской деревне

Семен Матвеев сын Новоселцов 20 38 (1724). У него жена Прасковья Петрова дочь тритцати пяти лет взята у Иркуцкого посацкого Петра Соловьева. У них рожденной после вторичной переписи сын Василей — 4; дочери Евдокея девяти, Ульяна семи лет, Прасковья одного году» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. Л. 566 об.].

Эдуард Викторович Демин в статье «Древние жители селенгинских весей» упоминает крестьянина Кударинской слободы Никиту Новосельцева.

А в переписи Селенгинска 1762 года есть продолжение и этого рода:

Селенгинского уезду Архангельской слободы бобыли из Написанной ныне в минувшую перепись

Иван Никитин сын Новосельцов 28 (45) (1717), у него жена Татьяна Тиханова дочь сорока трех лет взятая у Иркуцкого крестьянина Тихона Киримкова у них после переписи рожденной сын Михайло — 6 м-цов (17), дочери Устиния семи, Параскева двух лет» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. Л. 392].

«…в Юговской деревне

Перфилей Никитин сын Новоселцов — 20 (37) (1725). У него жена Евдокея Афанасьева дочь тритцати трех лет взятая у Ильинского разночинца Афанасья Федотовых. У них рожденные после переписи дети: Степан полуторых годов, Платон 6. м-цов, брат ево родной Иван (27) умре в 749-м году [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. Л. 414].

Конечно, у нас нет уверенности, что родоначальником селенгинских Новосельцевых был тобольский (родом из Нарыма или Сургута?) казак Иван Федосеев сын Новосильцев.

Но оставим это предположение как рабочую версию.

НОРИНЫ

Родоведение — интереснейшая наука, раскрывающая не только родовые связи, но и определяющая место рода и ее представителей в Истории — истории большой и малой, мировой, отечественной и региональной.

Конечно, когда родовая история состоит из каких-то многочисленных обрывков-лепестков (пазлов), из которых невозможно сложить общую картину, то кажется, что в истории этого рода нет какой-то определенности, какой-то исторической заданности, какой-то родовой миссии…

А вот на примере служилого рода Нориных из случайных вроде бы обрывков, которые по отдельности вроде как и не имеют какой-то информационной ценности, начинает складываться картина — картина служения своему Отечеству из поколения в поколение…

Ялуторовская слобода Тобольского уезда.

«Крестоприводная книга сибирских городов 1676 г.»

Драгунского строю подпрапорщик

Олешка Матигоров

Сержанты

Федка Пономарев

Федка Норин

Рядовые драгуны

Ивашко Норин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 163 об., л. 167].

«Ялуторовская слобода, 1683 год:

В Ялуторовской же слободе драгуны за хлебное жалованье служат с пашни … Ивашко Михайлов сын Норин, [родился] на Колмогорах; Федка Михайлов сын Норин, [родился] на Тюмени, конного казака сын…

Захребетники ж живут своими дворами а Государева денежного оброку не платили и по указу Великого Государя наложен на них внов годовой денежной оброк по 16 алтын по 4 денги на год Митка Михайлов сын Норин, [родился] на Тюмени на посаде стрелецкой сын» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 737, л.739 об., л. 804].

Видите, какое интересное сочетание: Михаил, отец троих братьев, служил в Холмогорах, вероятно, в стрельцах, был переведен в Тюмень конным казаком, а затем снова — в стрельцы. Старшие сыновья — драгуны.

«Тобольский драгунский полк

Сотня Ялуторовские слободы

Пятидесятники

Ивашко Федоров Норин

Капиярнас [каптенармус] Митрошка [Федоров] Норин

Рядовые беломесные казаки

Микитка Норин

Андрюшка Норин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1104. Л. 36].

Ялуторовск, 1710 год

«Двор а в нем драгун Григорей Федоров сын Норин сказал себе от роду 20 лет (1690) у него мать Настасья 50 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 7 об.].

«Двор а в нем беломесной казак Ялуторовской слободы Козма Федоров Норин сказал себе от роду — 45 лет (1665), у него жена Авдотья — 40 лет, три сына Афонасьей — 14 лет (1696); Иван — 9 лет (1701); Петр — 3 лет (1707), у него ж две дочери девки Наталья — 17 лет, Василиса году» [там же, Л. 118].

Ялуторовск, 1720 год.

Отставной драгун Митрофан Федоров сын Норин.

Драгун Григорей Федоров сын Норин.

А далее начинается большая история — двое из Нориных принимают участие во Второй Камчатской экспедиции.

Первым из них отметился в истории солдат Михаил Норин.

Отметился как свидетель. Свидетель того, каким мерзавцем на русской службе был иноземец Мартын Шпанберг — третий по значимости руководитель экспедиции.

Но этот документ открывает и истинное лицо первого руководителя экспедиции, который не дал ему никакого хода, и этот документ нам известен по одной лишь причине — с него снял копии и потому сохранил для истории первый начальник Охотского порта и Охотско-Камчатского края Г.Г. Скорняков-Писарев. Обратите внимание на одну важную деталь, увиденную авторами сборника «Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1734–1736. Морские отряды» [Составители Наталья Охотина-Линд, Петер Ульф Меллер, СПб, 2009]: «Непоследовательная нумерация “пунктов” указывает на то, что Скорняков-Писарев (и/или его копиист) скопировали отдельные документы и расположили их в порядке, кажущемся им наиболее убедительным».

Я привожу этот документ полностью.

«Донос писаря Перевалова Берингу на Шпанберга, обвиняемого в многократном избиении людей, сбрасывании их в воду и травлей их собаками; в невыплате денег за работу и во взяточничестве при найме служителей (не ранее 31 мая 1735 г.)

Копии с пунктов поданного доношения капитану-командору Берингу от карабелного писаря Михаила Перевалова:

Идучи рекою Обью в деревне, а как прозванием — ныне не упомню, тутошних жителей двух человек он, господин капитан, не ведомо за что, бил кошками немилостивно, а сабаки ево их, мужиков, кусали. После того времяни некакой руской человек приехал к нему на лодке с рыбою, и он, господин капитан, спросил ево: “Для чего де вы к нам не ездите продавать рыбы?” И тот человек ему ответствовал: “Слышим де мы, идет на судах какой-то капитан-иноземец и нашу де братью и других очень болно бьет, и травит сабаками, и ево де, капитана, боимся, и за тем рыбы привозить продавать не смеем”. И он, господин капитан, толко лише росмеялся.

Да идучи ж реками Обью и Кетью на своем судне, многих бил батож[ь]ем и кошками, а временем из судна бросал в воду. Ис тех служилых людей Алексея Шкутина как бил кошками, собака изгрызла тело до крови, а он, господин капитан, толко смеялся, а собаку не унимал. Да та ж ево собака, на ково он, господин капитан, кинетца бить, а она тово грысть. И так во всю дорогу было, пока оная сабака при нем была, а бить ее никто за страхом не смел. Да он же, господин капитан Шпанберх, на реке Кете без всякой моей вины сперва ударил меня в щеку, а потом, схватя черемшину, из обеих рук ударил по голове в затылок, и от того удару едва в полчаса опамятовался, отчего и ныне в голове моей имеется болезнь немалая. И в то время собака ево изорвала на мне кафтан. И о вышеписанном о всем свидетелствуюсь бывшими на том судне тоболскими служилыми людми и команды ево салдатами Тимофеем Таланкиным да Михайлом Нориным с товарыщи, кои были в то время на судах, а салдат Михайла Норин ныне при Охоцку.

Он же, господин капитан Шпанберх, имевшаго в команде своей ботового и шлюпочного дела мастера Андрея Козмина в 734-м году по прибытии на судах на Сполошном Лугу без всякой ево

вины бил на судне палкою немилостиво и повредил ему правую руку, а собаки на нем рвали платье, а тела повредили или нет, того я не знаю. А меня в то ж время столкнул долой с судна. Да ево ж, мастера Козмина, и в Охоцку бивал неоднократно и чинил помешателствы в ево деле. И буде в том повелено будет следовать, то мастер Козмин сам покажет истинную правду.

Понеже обретаюсь я в Камчацкой экспедиции в команде ево, господина капитана Шпанберха, с начала прошлого 1733-го году, и по прибытии в сибирские городы видел за ним многия непорядки и противные Ея Императорского Величества указом поступки, и о том ему, господину капитану, со временем говаривал, а он от того не унялся, но токмо меня за то бивал неоднократно. А имянно, чинено им, господином капитаном, в бытность ево на Ускуте при строении судов марта от 3-го дня 1734-го году. В Государственную адмиралтейскую коллегию на присланной к нему проэкт предлагал между прочаго, взято из Енисейска на экспедицию правиант две тысячи четвертей, за заморозы остановился в Кежемской слободе. И того для поволил он, чтоб тот правиант, показав резоны, того году из Илимского ведомства крестьянам на Ускуту не перевозить, а с них взять за подводы толикое ж число, сколко оставилас[ь], и от того с тех крестьян по расположению острогов или как инако собрал себе муки пшеничной и арженой около осмисот пудов. А збирали тот правиант команды ево салдаты Федор Бурков да Андрей Седалников, которых и видел я, как Сполошного Лугу с крестьян взяли муки пшеничной пятдесят пудов, и тот собранной весь правиант, погрузя в новопостроенныя им на Ускуте суда, которые он называл лотки, и сплавил до Якуцка, а из Якуцка реками вниз по Лене, вверх Алданом, Маею и Юдомою, даже до Юдомских Щек. Тут за заморозы остановился купно с казенным правиантом и зимовал зиму 1735-го году, но токмо ис того ево собранного правианта за розбитием судна купно ж с казенным остановилис[ь] на реке Алдане несколко пудов. А в 735-м году майя с 31-го числа внов[ь] зделанныя в зимовьях четыре судна, ис которых два нагрузили казенным правиантом, а два ж тем ево правиантом, которого тут было около шести сот пудов, и проводили вверх по Юдоме пониже Кривой Луки версты за две, а дале за маловодием итит[ь] было невозможно. И тот собранной с крестьян ево правиант до вышепомянутого места поставлен с великим и тяшким трудом государевыми людми, которым за те труды от него, господина капитана, платы не было, а трудилис[ь] по два лета. А кто имяны при той работе были, про то знает боцманмат Степан Серебреников да салдат Федор Бурков, понеже оной правиант был на руках у него, Буркова, и от того места перевезен на реку Урак и до Охоцка, ис которого несколко продал пробирных дел мастеру Симону Гардеболу на десять бобров и посылал на Болшую реку в презент маэору Павлуцкому, а в Охоцку мука пониже дву рублев бывает, а в те поры была по три рубли.

Он же, господин капитан Шпанберх, по указу ис Тоболской губернской канцелярии в Енисейской и в Ыркуцкой правинциях из служилых людей в экспедиции набирал в плотники и в кузнецы близ двусот человек таким порядком: когда в которой город прибудет, тех городов всем что есть служилым людем имянных списков, а когда список получит, то под видом над иными богатыми людми становил сам отметки, якобы взяты в экспедицию, а потом изо взятков голевыми и семиланными подставами и другими, и протчим, с кого что можно взять, и тако дойдет и возмет уже самых небогатых и скудных людей, которым нечем откупитца, те взятки в Ыркуцку со многих обирал сам, а в Енисейском и живучи на Ускуте, с которых под видом и сожителница ево, госпожа капитанша, брала якобы за исходатайство, взяв, отпущал. Тако ж которые в тое службу богатые люди вместо себя нанимали, с тех с обоих сторон как с хозяев, так и с наемщиков брал взятки, и несколко человек иркуцких служилых людей с Ускута и отпустил из взятков же, которые брал сам и сожителница ево за исходатайство. И от того он, господин капитан Шпанберх, с сожителницею своею собрали себе немалое сокровище, а государевых людей обижали и разоряли напрасно. И ежели повелено будет о том следовать, то несколко человек о них обидящих покажу имянами, толко б даны мне были те имянные списки, которые он брал, и по городам, на которых имеютца ево руки отметки. И как то дело в Енисейску было, ведает мастер Андрей Козмин.

В бытность же при Болшерецку и на устье Болшей реки к нему ж, господину капитану, приносили бобры, а имянно, которые он брал у Федора Паранчина два, у Леонтья Черного два ж, у Никифора Трапезникова четыре, у Дмитрея Смирного два, у Матфея Новограбленого два, у Екима Мухоплева два и от ыных многих приношеных были, толко ныне сказать не упомню, за что они давали, о том сами покажут, токмо знаю, что Никифор Трапезников передавал ему не толко что четыре и болши, и несколко вина для того конфискованной им, господином капитаном, китайской табак у якута Тукуная, о котором помянуто выше в 4-м пункте. Тот табак был ево, Трапезникова, на что у него имеется выпис[ь] от Якуцкой таможни, и он, господин капитан, всегда ему обещал отдать, а не отдал, а бобры с него в разные времена брал, а сколко числом, о том покажет сам Трапезников истинную правду, и по тому видно, что и з других брал не даром» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1361. Л. 854 об. – 857 об.].

Другой из Нориных, отметившихся в составе Второй Камчатской экспедиции в 1737 году, был капрал Иван Норин.

Он трагически погиб:

«Рапорт Шпанберга Берингу о том, как из Охотска унесло в море шлюпку, о посланной на ее розыск команде и о гибели на море членов розыскной команды и их лодки (31 июля 1736 г.)

Высокоблагородному господину капитану-камандору Ивану Ивановичю Берингу репорт Новопостроенная при Охоцку осмивеселная шлюпка по спуску стояла на воде привязанная на канате, а для караула и охранения оной

шлюпки и протчих мелких судов сего июля с 5 числа, отреша от других работ, приказал определит[ь] матрозов, а имянно: 1 стат[ь]и Алексея Копылова, Васил[ь]я Беляева, 2 стат[ь]и Григор[ь]я Федорова, которые при том смотрении и были. А сего ж июля 15 числа поутру господин лейтенант Валтон о состоянии каманды мне репортовал, что служители де начевали благополучно, токмо де спущеную на воду показанную шлюпку под то число в ночи ис под присмотру определенных матрозов с каната оторвало и водою унесло безвесно. И для сыску де той шлюпки по берегам моря и рек розосланы от него служители. И те матрозы, у которых оная шлюпка под присмотром была, в том числе боцманмата Степана Серебрякова з двумя матрозы и з салдатом послал он в урацкую сторону. И от того де боцманмата чрез салдата Симана Иванова он, лейтенант, получил известие, что тою шлюпку увидели они носящуюся по морю в урацкой стороне. И того ж числа по приказу моему для сыску той шлюпки в урацкую сторону послан капрал Сава Малцов и с ним служителей три человека, а правианта с собою велено им взять на себя и на преждепосланных туда ж боцманмата и матрозов на четыре дни, и итти им всем по берегу до шлюпки, где оную выбросит, и нашед, буде возможно, привести к плодбищу, а буде ж неможно — вытащить на берег выше. И июля ж 16 дня пополудни во втором часу господин лейтенант Валтон репортовал, что посланные для сыску той шлюпки боцманъмат Степан Серебряков и капрал Малцов со служителми с урацкой стороны все пришли возвратно. А репортовал де ему боцманъмат, что показанную шлюпку за устьем урацким на море из виду их унесло. А капрал Сава Малцов по спросу моему в скаске об[ъ]явил: по посылке де отсюда, будучи они за урацким устьем версты з две, встретили боцманъмата Серебрякова с матрозы Алексеем Копыловым, Васил[ь]ем Беляевым, идущих назад, которые де ему, Малцову, сказали, что шлюпку де из виду их на море унесло, а далее де по берегу за прибылою великою дождевою водою и за разлитием рек и речек итти невозможно. Того ради они все купно назад и поворотилис[ь]. А боцманмат Степан Серебряков сказал то ж, что и капрал Малцов. И июля ж 17 дня отдан был от меня приказ: ежели завтрешняго числа на море будет благополучная погода или тихо, то б для сыскания показанной шлюпки послать морем подле берега на болшой четырехвеселной лодке, которая строением обрасцом против островки с рулем, с маштою, с парусом, и с кампасом, капрала Ивана Норина, да из матрозов Алексея Копылова, Васил[ь]я Беляева, да с ними ж бывает от повреждения для починки той шлюпки на месте, где найдетца, ис плотников Якуцкого полку салдата Васил[ь]я Шумилова, которому велеть взять топор, гвоздье, пенку и конопатку, вместо вожа знающаго от Охоцка до Урака, и от Урака до Морекана и уст[ь]и рек подле берега места из охоцкиха служилого бывшаго в каманде нашей Бориса Суханова. А буде на море погода не утихнет и ехать на лодке невозможно, послать сухим путем по берегу против прежняго приказу, а чрез речки по необходимой нужде можно переправитца хотя и на плотах. И июля ж 18 дня господин лейтенант Валтон о состоянии каманды репортовал, что все благополучно, и погода де утихла, и море явилос[ь] гладко. И отправил де он вышепомянутых служителей, капрала Норина с товарыщи, на показанной лодке того числа поутру рано, которые де и от[ъ]ехали благополучно, взяв с собою правианта на восемь дней. А 25 числа того ж месяца, прибыв с устья Урацкого, штюрман Иван Бирев, приплывшей до того устья с Урацкого плодбища на судах с правиантом, словесно нам об[ъ]явил, что на том де Урацком устье в разговорах слышал он, Бирев, от пешего тонгуса Долгомана, которой де, идучи с Ульи-реки, на устье речки Тугуна при море на берегу видел он выбросенное из моря мертвое тело нагое, по признанию де — человека русского, да и шлюпку де близ Ульи-реки, лежащую на берегу в целости, и в ней одно весло, выброшенную на берег же, он, Долгоман, видел же, а людей пловущих не видел и не встречал. И по таковой вести посланные от нас на лодке служители в добром здаров[ь]е обреталис[ь], подлинного известия не имелос[ь]. Того ради по требованию, взяв от Охоцкого правления ис пеших тонгусов в вожи одного, да казенных две лошади, о посланных людях и о унесенной шлюпке для подлинного проведывания до реки Ул[ь]и по берегу морскому посылал нарочно салдата Васил[ь]я Спирина, которой сего ж июля 30 дня, прибыв возвратно, скаскою об[ъ]явил: от устья де Урацкого по ту сторону верстах в трех на берегу моря наехал он мертвого человека лежащие кости, а тело де уже разбито, а признаваеце он, Спирин, на одной ноге штаны половинчатые, бывшие на матрозе Васил[ь]е Беляеве. По том же де берегу, не доехав до реки Марикана, нашел кости ж другаго человека, тело тако ж разбитое, а по волосам признавает был капрала Ивана Норина. И тех де мертвых людей зарыл он в землю. А окроме тех двух человек он, Спирин, до самой реки Ульи никого не нашел. А лодка де, на которой те служители были отправлены, по берегу ж во многих разных отдаленных места от места разстояниях вся розбита: штевень нашел за речкою Чилчиканом, от устья Урацкого по ту сторону версты с три, доски и гребь близ речки Марикана, а унесенную де водою шлюпку нашел он на берегу ж, опрокинутую верх дном, близ устья Ульи-реки в целости, и при ней одно весло, которую с тамошнями тонгусами вытащили они на берег выше. От оной шлюпке четыре весла нашли они за устьем реки Ул[ь]и ж на берегу, а досталных весел и руля не нашли и не видали. И по вышеписанным признакам и по розбитой лодке признаваем быть вышеписанных отправленных от каманды нашей служителей, а каким случаем гибел[ь] им учинилас[ь] — того не известно, понеже и тонгусы на Улью-реку и с Ул[ь]и к Охоцкому устью морем подле берега ходят зачасто на малых однодеревных лодках, и гибели им никогда не слыхано. А понеже, как показанные служители отсюда от[ъ]ехали, того числа и на другой день погода была неболшая. А гибель им, по-видимому, учинилас[ь] около

устья Урацкого, признаваем, того ж дня ввечеру, как отсюда отправлены были. И о вышеписанном Вашему высокоблагородию репортую» [РГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 92, л. 58 об.–60].

Но Дальний Восток уже не отпускает Нориных.

В 1754 году появляется «Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Камендантa Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1 754 годом апреля по 1 число».

В этом списке солдат Иван Норин.

Где Енисейский полк, — скажете вы, со штаб-квартирой в Тобольске, а где Камчатка?!

Но известно, что солдаты и офицеры Енисейского полка принимали участие в известных событиях на Чукотке, в том числе и в Анадырской секретной экспедиции.

У нас нет фактов, что именно этот Иван Норин побывал в здешних местах.

Но у нас есть предположение, что именно он, будучи уже младшим офицером, «попал под раздачу» в 1769 году:

«Случай несанкционированного отстранения от должности представителя власти произошел и во второй половине века, незадолго до Большерецкого восстания: капитан-лейтенант Иван Извеков, прославившийся буйным нравом, самодурством и бессмысленной жестокостью, в 1769 году был смещен в результате заговора, под караулом отправлен в Охотск, предстал перед судом и был лишен чинов и дворянского достоинства. Понесли наказание и заговорщики: поручик Петр Рахвалов был разжалован в солдаты до выслуги, прапорщики Попов и Норин — на год».

В 1771 году прапорщик Норин снова находился по делам службы в Большерецком остроге на Камчатке, где произошел знаменитый Большерецкий бунт, когда ссыльные и промышленные люди во главе с ссыльным же словаком, участником Барской конфедерации Августом Морицем Беньевским захватили власть в остроге, а затем на казенном галиоте «Святой Петр» ушли в Китай…

Свидетелей бунта отправили в Иркутск, где проходило основное следствие по делу о Большерецком бунте. Два года камчатцев держали в тюрьме, а затем выпустили на волю, посчитав за наказание пребывание в тюрьме. Среди них был и прапорщик Норин.

И смею предположить, что нашего героя звали Иваном.

Предположение, может быть, и смелое, но для него имеются весьма основательные предположения, ибо в 1792 году на Камчатке появляется на свет солдатский сын Лавр Иванович Норин, который в 1812 году будет служить рядовым в Камчатском гарнизонном батальоне, а в 1815 — матросом в Петропавловской экипажной роте.

А далее последуют новые исторические события — оборона Петропавловского порта 1854 года.

Норин Герасим Лавров сын (1821) — квартирмейстер, из солдатских детей, в 1839 г. поступил в Камчатскую экипажную роту, уроженец Камчатской области, в 1842 г. на военном боте «Алеут», в 1852 г. на корвете «Оливуца», в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на фрегате «Аврора».

Норин Егор Лавров сын (1826), из солдатских детей, уроженец Камчатской области.

Норин Александр Лавров сын (1831) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного парохода-корвета и одного фрегата.

Норин Михайло Лаврович (1843), из солдатских детей, уроженец Камчатской области, кантонист Камчатского флотского экипажа.

В 1855 году в связи с переводом гарнизона Петропавловского порта в Николаевск-на-Амуре следы Нориных растворились где-то на территории вновь приобретенных земель Приамурья или Приморья.

ОВЧИННИКОВЫ

Овчинников — первоначально посадский человек — ремесленник, мастер по выделке овечьих (овчинных) шкур.

Столь же распространенное прозвище, как Мясник или Пирожник.

Первый из Овчинников прибыл в Якутию в начале 1650-х. Это был тобольский казак Ивашка Козьмин сын Овчинников [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 389. Л. 163].

Но в истории Дальнего Востока остался Ивашка Овчинников с другим отчеством (но мне кажется, что это один и тот же человек, в отчестве которого местный писарь сделал ошибку):

«…И в прошлом же, государь, во 162-м [1654] году пришел на Индигирку реку на перемену приказной человек Иван Офонасьев Овчинников. И тот Иван меня, холопа твоего, в прием принял для ради твоего великого государя ясачного збору, а мне, холопу твоему, твоего, великого государя денежного и хлебного жалованья не привез. И я, холоп твой, с ним Иваном, твой великого государя ясак збирал без твоего великого государя денежного и хлебного жалованья. И в прошлом же, государь, во 163-м году приехал на перемену к нему, Ивану, приказной человек сын боярской Кирило Ванюков и меня, холопа твоего, тот Кирило в прием принял и мне, холопу твоему, твоего, великого государя денежного и хлебного жалованья не привез», — жаловалсся на свою судьбу Григорий Васильев сын Горбун.

Сохранились документы, описывающие путь Ивана Овчинниквоа на индигирскую службу:

«Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Ми-

хаилу Семеновичю, дияку Федору Васильевичю служивой человек Ивашка Овчинников, целовальник Васька Горбов челом бьют. В нынешном во 161-м [1653] году, августа в 15 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу, указали вы и послали нас на государеву службу на Индигирку реку морем на государеве коче. И волею божиею учинилось и море нас не пропустило и в Омолоевской губе коч розбило в преображеньев день, и колымской и алазейской кочи розбило ж. И запасы на коч с нами же были в побеге, и тот розбило ж и на отстоях нихто не могл отстоятца, и с якорей збило, и едва к земли живых вынесло. И погоды сево году были морские кручины и которые ходоки морем бывали и они сказывают, что таких погод не видали. И повозки все у судов отбило и испереломало в черенки. И мы ныне седим на тундре. А из розбитых кочей, что родитца, что мочно зделать судно или какой павозок, и того зделать нечем, свердел и напари нет, а которые напарьи давоны были — большие и те негодятца, велики; и поделать и починить нечем; и в которую руку мочно б отойтись с невеликими запасы, чем бы мочно пропитатца з большею нужею, чтоб у моря не перецинжать и напрасно не помереть; а которые запасы от морского розбою в остатке в море не разносило, и то все на тундре покинули и до основанья все разорились. И оттого розбойного места из Омолоевской губы промышлять как всещедрый бог помощь подаст будем. Из розбойных судов не мочно ничево зделать. И нам иттить на нартах з большею нужею. И что государевых снастей и государевых запасов у нас в остатке от морсково розбою, и те снасти нам из тундры выпроводить некем и невчем. И мы их, пристроя, складем тут же в губе на тундре, чтоб нам затем не помереть и государевы службы не поставить. А бог нас живых вынесет, и нам бы тое губинную государеву казну впред чтоб мочно было сыскать. Да на встрече взял я у приказного человека Фомы Кондратьева якорь государев и в том ему, Фоме, дал отпись, а мне который якорь дан из города, и тот якорь послан к вам с ним, Фомою. Да с ним же, Фомою, идет на судне торгового человека Карпа Ярославца прикащик, Оська Иванов и по вашей наказной памяти велено на нем доправить сто шестьдесят рублев денег по Дмитриеве кабале Францбекова. И мне на нем доправить было не в которую пору потому, чтоб государева соболиная казна не задержать. А товарищей он, Оська, сказывает, которые писаны с ним в их кабале, и те де на Индигирке реке. А с ним, Оською, идет соболей сороков с одиннатцать и больше. И вы о том что укажете, на нем Оське те деньги взяты будут в государеву казну или на товарищех ево доправить? А которые товарищи ево будут сысканы на Индигирке реке, и те даны будут на поруки до вашево указу, а похотят иттить в Якутцкой, и они будут отпущены к вам же за поруками» [ЛОИИ, Якутские акты, карт. 14, ст. 3, сст. 7–8].

О возвращении Ивана Афанасьева сына Овчинникова обратно в Тобольск мы узнаем из еще одной челобитной, датированной 1667 годом, в которой одновременно раскрываются и довольно суровые условия жизни якутской женщины того времени:

«Петрушкина жена Афонасьева Аграфенка Иванова сказала, что де она, Аграфенка, была Бетунские волости Отконова дочь, а отец де у ней был человек ясачной и тот де у ней отец умер и после де отца своего смерти она осталася у брата своего у Моксогола и тот де Моксогол выдал де ее замуж Нюрюптейской волости за ясачного якута за Татакана Чюкуева и жила де она за мужем своим два годы и тот де ее муж продал в улусе служилому человеку Пашку Скребычкину, а что де за нее взял, того де она не ведает, а продал де ее при Михайле Лодыженском и ныне де ее первой якутцкой муж и ныне жив, а Пашко де ее продал некрещеную служилому человеку Ивашку Овчинникову, а в котором году и что взял, того де она не ведает же и по ево де Ивашкову веленью крестил ее соборной церкви живоначалные Троицы поп Ияков Прокопьев, а крестной де у ней отец был торговой человек Ивашко Дмитреев, а как де Ивашко Овчинников поехал в Тоболеск и он де, Ивашко, после собя оставил ее, Аграфенку, пятидесятника казачья Федора Яковлева жене ево Акулинке, а велел де он, Ивашко, ее, Аграфенку, до собя никому ни продавать, ни заложить, а он де, Ивашко, говорил так, как де он, Ивашко, приедет и он было де, Ивашко, хотел ее замуж выдать за казака и она де, Акулинка, не послуша ее слов, променяла ее во двор Ивану Голенищеву Кутузову на даурскую девку на Акульку и он де, Иван, ее, Аграфенку, к собе во двор взял и выдал замуж за него, Петрушку, а даурскую де девку он, Иван, отдал ей, Акулинке».

Но в историю Якутии Иван Афанасьев сын Овчинников вошел как *основатель* Якутского Спасского монастыря:

«После 10 августа [1663 года] отправлен в Тобольск к архиепископу Симеону служилый человек Иван Афанасьев Овчинников “бить челом” от имени якутских обывателей о благословении на основание в Якутске монастыря и в нем церкви во имя Спаса Нерукотворного Образа, а также о посвящении Овчинникова “в черные попы”. Замечательно, что в ходатайстве этом приняли деятельное участие “всяких чинов жители Якутского острога”, т. е. “дети боярские, и сотники, и атаманы, и съезжей избы подъячие” и пятидесятники, и десятники, и рядовые служилые люди» [Явловский П.П. Летопись города Якутска].

Но с возвращением Ивана Афанасьевича Овчинникова в Тобольск наша история прерывается.

Но начинается новая.

«…во 181-м [1673] году по Ангаре ж реке на тех же речках Яндах пасажены на льготу пашенные крестьяне, а льготы дано им на три году со 181 году по 184 год а со 184 году пахать им великих государей десятинная пашня

…Илюшка Иванов сын Овчинников» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 457 об.].

А спустя почти 200 лет в обороне Петропавловского порта на Камчатке в 1854 году примет участие потомок Ильи Ивановича:

«Овчинников Алексей Иванов сын — матрос 1-й статьи, уроженец Иркутской губернии и округа Яндинской волости, из крестьян, рекрутом зачислен в 1846 г. в 13 линейный Сибирский батальон рядовым, переведен в Камчатскую экипажную роту, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на транспорте “Байкал” принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата».

А в Гижижинской крепости род Овчинниковых оставил глубокий след:

Патриарх этого рода — солдат Николай Овчинников, который служил в крепости в 1766 году.

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Овчинников Василий (1780), казак

Овчинников Федор (1787), казак [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.].

Далее: Овчинников Николай Федорович, казак Гижигинской сотни. Ж. 1 Евдокия Кириковна. Ж. 2 Улита Алексеевна.

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Овчинников Николай Федоров — 33 (1821)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Прикомандированные из Гижиги

Николай Овчинников — 37; из казачьих детей, на службе и в чине с 1836 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10].

Дети Николая Федоровича:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Овчинников Николай Федоров.

Сын Прокопий — 5 (1847)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

«Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год

Семейства казачьи

Улита Овчинникова

Алексей — 1 (1855)» [там же].

А далее мы основываемся на материалах Государственного архива Магаданской области.

Овчинников Прокопий Прокопьевич (10.04.1888)

Овчинников Алексей Николаевич (1861), гижигинский казак. Ж. (07.10.1884) Колмогорова Евдокия Александровна (1852), дочь умершего урядника

Овчинникова Елена Николаевна (1864), дочь гижигинского казака. М. (с 11.11.1882) Краснояров Георгий Николаевич (1859), гижигинский мещанин.

Дети Алексея Николаевича:

Овчинников Николай Алексеевич. Ж. (с 21.01.1908) Собинина Анастасия Ивановна (1889), в 1924 г. вдова, жена Романа Андриановича Брагина;

Овчинников Александр Алексеевич (1889), кантонист. Ж. (с 07.02.1911) Кокоулина Дарья Владимировна (25.09.1891), дочь казака

Дети Николая Алексеевича:

Овчинникова Улита Николаевна (10.03.1908);

Овчинникова Васса Николаевна (21.02.1911);

Овчинникова Евдокия Николаевна (02.11.1915). М. Брагин Прокопий Игнатьевич (1916), в 1943 г. проживал в с. Арестово;

Овчинникова Вера Николаевна (12.09.1917);

Овчинникова Параскева Николаевна (16.02.1920).

Сохранилась тогда только одна родовая веточка:

Овчинников Федор Александрович (08.06.1912), в 1943 г. проживал в с. Арестово. Ж. Агафья Антоновна (1911).

Но существует ли эта веточка и сегодня — для нас большой вопрос… И конечно же, хотелось бы получить на него ответ.

ОГИБАЛОВЫ

Есть и второй вариант — Агибаловы.

В Московском «осадном сидении» проявили себя рязанские дворяне Огибаловы.

А курскими черкасами (казаками) командовал казачий и стрелецкий голова Тимофей Агибалов.

В Енисейске в 1640 году тоже был Огибалов, который остался в истории по одной записи в сборнике РГАДА «Якутская приказная изба», т. 1, Я., 2016: «вызов в Москву в Казанский дворец Ив. Галкина и Огибалова по иску гостя Надея Светешникова».

Огибалов в данной ситуации, вероятно, выборный целовальник — оценщик и приемщик пушнины.

Почему я так думаю? Потому что спустя тридцать с лишним лет в Якутии вновь проявляется Огибалов — Баженко Анисимов сын Огибалов — выборный окладчик на Колыме в 1675–1678 гг.

И вполне вероятно, что посадские Огибаловы — это его же родовая ветвь, хотя доказательств у нас этого нет никаких.

Якутск, 1693 год:

«Посацкие люди:

у Ивашки Огибалова с. Афонка 7 л.» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 105].

Якутск, 1720 год.

«Во дворе сын боярской Тихон Иванов сын Рогалев … у него ж живет посадской Афонасей Иванов сын Огибалов».

Анадырский острог, 1768 год.

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

Сотник Иван Огибалов. Жена Марья Михайловна. Внучка Пелагея».

Гижигинская крепость, 1772 год.

Казак Яков [Иванов сын] Огибалов [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 10].

Гижигинская крепость, 1781 год.

Казачий сотник Иван Огибалов

Казак Николай [Иванов сын] Огибалов [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Лл. 18, 22].

А это уже внук:

«Ведомость школьников Гижигинской школы 5 февраля 1781 г.

Леонтий [Николаевич или Яковлевич] Огибалов —11 (1770) обучается псалтыри» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88].

Четкий родословный расклад мы можем сделать только с 1831 года благодаря помощи сотрудников Государственного архива Магаданской области.

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков.

Май 1-го дня 1831 года.

Огибалов Николай [Николаев сын] (1796), пятидесятник сверх комплекта» [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.].

Огибалов Николай Николаевич, пятидесятник Гижигинской казачьей сотни. Ж. Агриппина Львовна.

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 г.

Гижигинская крепость

Казаки

Огибалов Николай Николаев — 57» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44].

Был пятидесятником — стал рядовым казаком? Да.

Петропавловский порт, 1856 год.

«Огибалов Николай Николаевич — 64 года, из солдатских детей Камчатской области Гижигинского округа.

В Камчатской казачьей команде с 7 января 1814 г., с 7 апреля 1820 г. урядник, с 01.09.1830 г. — пятидесятник.

В 1851 г. за дурное поведение и беспорядки разжалован в рядовые казаки.

В 1854 г. был в действительном сражении.

В 1854 г. уволен в отставку на собственное пропитание с дозволением жить в Петропавловском порту.

Ж. Аграфена Львовна» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 58].

Сообщение за тот же год:

«Огибалов Николай Николаевич — 64 года. Ж. Аграфена Львовна. Дети: Анна — 22 (1833), Евдокия — 19 (1836), Ирина — 16 (1839), Серафима — 13 (1842)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 58].

Самая старшая из дочерей была уже замужем: Огибалова Александра Николаевна (1831), дочь пятидесятника. М. (23.05.1849) Красовский Иван Власьевич (1825), казак Гижигинской сотни.

Кстати, у его брата Леонтия тоже дочь:

Огибалова Мавра Леонтьевна (1824). М. (с 11.11.1845) Инешин Тимофей Павлович (1819), казак Гижигинской сотни.

Но у Николая Николаевича были и наследники:

Огибалов Иван Николаевич (1824), казак Гижигинской сотни. Ж. (с 19.05.1845) Корюкина Варвара Лазаревна, дочь казака.

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Огибалов Николай Николаев

У него сын служащий казак Яков — 25 (1827)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Казаки

Яков [Николаевич] Огибалов — 29; из казачьих детей, на службе и в чине с 1849 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 9].

Из числа охотских казаков первостроителем Николаевского на Амуре военного поста был Феодосий Огибалов, который прибыл сюда на службу с женой Матреной и дочерью Анной [А.И. Петров, Амурский щит, с. 93–94].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы

Петровское зимовье

Казаки

Огибалов Федосий» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

Возможно, они влились впоследствии в 6-ю сотню Амурского казачьего полка:

«Казаки в командировке в Петровское зимовье и на Сахалине …некоторые из них переведены в 6-ю сотню Амурского казачьего полка, а некоторые умерли. В следствие чего препровождаю при сем к Вашему Высокоблагородию список казаков переведенным в 6-ю сотню Амурского конного полка и умершим… Контр-адмирал Казакевич».

К сожалению, сам список не был нами найден.

И неизвестна нам пока также дальнейшая судьба гижигинских, охотских и амурских казаков Огибаловых.

Но, согласно сообщениям СМИ, на Дальнем Востоке вновь появляется эта фамилия:

«В Хабаровске 10 декабря 2022 года под председательством атамана Всероссийского казачьего общества Николая Александровича Долуды состоялся Большой отчетно-выборный Круг Уссурийского казачьего войска. Представители Республики Саха (Якутия), Камчатского, Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Магаданской, Сахалинской областей и Еврейской автономной области выбрали атамана и его заместителя.

Решением выборных казаков поддержана кандидатура атамана Сахалино-Курильского окружного казачьего общества Агибалова Александра Александровича.

Вновь избранный атаман – потомственный кубанский казак. В Краснодарском крае он занимался развитием системы образования и молодежной политики среди казаков, возглавлял направление духовно-нравственного и военно-патриотического воспитания подрастающего поколения, а также руководил региональным молодежным движением, в состав которого входило более 100 тыс. участников.

В 2020 году он переехал на Сахалин, где продолжил активное участие в казачьем движении, стал членом молодежного правительства Сахалинской области по военно-патриотическому воспитанию».

ОГЛОБЛИНЫ

Вполне понятно, что в основе этой фамилии лежит прозвище — Оглобля — несуразно (или слишком — с позиций тех, кто пониже ростом) высокий человек.

Поэтому фамилия на Руси не редкая.

Первая — дальневосточная весточка о представителе рода Оглоблиных в Якутском воеводстве:

«156-м [1648] в 10 день. Писать о кузнецах к государю к Мос(кве. А на) Чичюйской волок отписать: велеть (служило)му, которой ныне, и честь Ивашку Ф…у Оглоблину: для государевы пашни у пашенных крестьян указные сошники и косы, и серпы, и топоры поделывать и починивать. А что сверх указных их, черкаское, и по кузнечное всякое дело, и о том давать им наем. А от государева указного дела давать поденной корм или наймец, что доведетца, смотря по делу, чтоб за тем государева пашня не стала. А давать из государевых тамошных ис чичюйских и киренских доходов ис таможенных сборов».

И еще документ:

«…поручная запись: “Се аз Иван Олексеев, служилой человек да яз, Иван Федоров Оглоблин Соли Вычегоцк ясашном зимовье служилому человеку Онцыфору Юрьеву с товарыщи по промышленном человеке по Михайле Дмитрееве Пивоварове: стать ему, Михайлу, за нашею порукою в Якутцкой острог в Съезжей избе перед воевод, перед Василья Микитича Пушкина да перед Кирила Осиповича Супонева, да перед дьяка Петра Стеньшина, нынешнего 156-м [1648] году весною по первому водяному пути за лдом в винном куренье.

А буде он, Михайло, не станет за нашею порукою в Якуцкой острог на срок, кой в сей поручной выше сего писан, и на нас, порутчиках, государя [А.М.] пеня и порука вся сполна. А в той пене (и пору)ке, что государь укажет.

На то послух промышленной человек Кондратей Максимов устюжанин.

Поручную писал порутчик
Митька Костянтинов.

Лета 7156 [1648] году, маия в 3 день.”» [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях 17-го века].

А в 1655 году Иван Федоров Оглоблин отмечен в рядах Амурских охочих казаков в походе Ерофея Хабарова, из которого вернулись назад немногие [РГАДА, СП. Стб. 556. Л. 49–72].

Но в Якутске появляются новые Оглоблины:

1656 год: «об избиении Максимом Григорьевым Оглоблинским (промышленным человеком) гулящего человека Петра Трески».

1666 год:

«Память воеводы Ивана Федорова Большого Голенищева-Кутузова Савелию Казанцу и Федору Оглоблину о разрешении им перевода на себя квасного и банного откупа в Якутском остроге от Филиппа Щепотнина».

1669 год: «о завладении торговым человеком Андреем Ивановым Балдаковым мукой, купленной им у торгового человека Федора Дмитриева Оглоблина».

«о нападении приказчика гостя Остафия Филатьева — Василия Гаврилова — Худякова и торгового человека Федора Дмитриева Оглоблина на промышленного человека Филиппа Кондратьева Сысолятина во время совместного плавания 7176 г. по р. Лене и самовольной высадке на берег» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

Вполне допускаю, что это один и тот же человек, позднее отметившийся в Иркутской приказной избе:

«Оглоблин Федор, устюжанин, торговый человек, 1687–1690 гг.» [Гурулев С.А. Первые иркутяне, И., 2011].

Илимский уезд, 1666 год:

«Дмитрей Семенов сын Оглоблин, основатель деревни Оглоблина».

«…если сопоставить имена жителей Илимского воеводства с названиями населенных мест и с фамилиями живущих в них сейчас крестьян, то обнаруживается совпадение географических и личных имен в очень многих случаях. В конце XVII века Литвинцов, Оглоблин…» [Шерстобоев В.Н. Илимская пашня, И., 1949].

Дети Дмитрия Семенова сына:

Гаврилко Дмитриев сын Оглоблин — Илимского острогу Нижнеилимской волости пашенный крестьянин [Дозорная книга Илимского уезда 1673 (181) г. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 365 об.].

А это его брат:

Якутск «Окладная книга 1681 года»

Казаки

Оглоблин Ивашко Дмитриев, казак (в холостом окладе) [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

Якутск, 1692 год:

«Якутцкого города служилые люди

Рядовые казаки

Женатые

Ивашко Дмитреев Оглоблин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 29].

Якутск, 1706 год

Ивашко Дмитриев Оглоблин служит в четвертой пятидесятне Якутского казачьего полка [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Возможно, это сын Гаврилы, илимский плотник Федор Оглоблин, был востребован Мартыном Шпанбергом в 1734 году для строительных работ в Охотске [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 90. Л. 7 об. – 8 об].

А это уже, вероятно, сын этого Федора, верстанный в иркутские казаки: «Оглоблин Матвей Федоров (1753), из бездворных казаков».

Кстати, Шпанберг не ограничился только Федором Оглоблиным, в его бумагах мы находим еще одного илимского служилого человека:

«Ведение Шпанберга Илимской канцелярии
с отказом платить так дорого за бочки для

масла и за его перевоз подводами вместо саней

(11 апреля 1734 г.)

“…Да и в поставке оного нынешним последним путем в ынтересе Ея Императорского Величества в даче за подводы по плакату поверстных денег на щет экспедиции учинена передача, а имянно восем[ь] рублев десять копеек, которую не полагая на щет экспедиции, надлежит возвратить в Ылимскую канцелярию по-прежнему. Того масла и круп на продавцах и на закупщиках на Михаиле Оглоблине и Афонас[ь]е Сизове для того, когда оные закупщики тот правиант закупали, тех продавцов обязывали подпискою, что то масло им, продавцам, к отпуску в каманду нашу привести в Ылимск в ноябре и в декабре месяцех в удобное зимнее время. Но по той поставке за слабым их, закупщиков, принуждением, те продавцы то масло в Ылимск поставкою совокупили, упустя удобное зимнее время, […] и к нынешнему летнему времени для своей ползы к получению за провоз по плакату двойнаго платежа”» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 90. Л. 59 об. – 60].

В «Родословном справочнике Иркутска» А.В. Черепанова мы находи целый ряд Оглоблиных с совершенно разными отчествами — вероятно, настолько мощно к середине 18-го столетия пустил новые ветви этот род.

Оглоблин Иван Еремеев (≈1730), до 1770 г. казак, затем определен в иркутский посад из крестьянского оклада. Его сын: Оглоблин Кондратий Иванов (≈1756), после 1764 г. определен в посад из крестьянского оклада, в 1773 г. купец. Ж. Вторушина Матрена Егоровна, дочь посадского…

Оглоблин Стефан Осипов (≈1739), казак. Дети: Спиридон (≈1765), Иван (≈1767).

Оглоблин Яков Семенов (≈1742), в 1775 г. выбран из урядников в целовальники Иркутской рентереи. Сыновья: Андрей (1768), Яков (1771).

Оглоблин Николай Михайлович, казак в 1776 г. Сын Василий (1774).

1792 г. июля 14. — Рапорт Р.Р. Галла в Адмиралтейств-коллегию о зимовке на о-ве Уналашка и о подготовке судна «Черный орел» к обследованию Курильских островов

Получа о всем том известие, поспешая соединиться с тем г-ном Сарычевым, того ж самаго дня из той губы Св. Лаврентия к острову Уналашке и отправилса. А прибыл на оной 2-го сентября и судно «Слава России» нашел, где, в разсуждении наступившей осени, сверх сего и дальнее отстояние помянутаго острова от гавани Св. Петра и Павла, паче всего по недостатку дров, так как оных весьма недостаточно, и на изыскание потребно будет время, по учинении общаго консилиума, остались на оном прозимовать. Во время коей от случившейся тяшкой цинготной болезни померло: из Иркутска взятых: геодезии сержант Елистратов, ис казаков: матроз Яков Сизых, Семен Оглоблин… [РГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 67, л. 4–6].

В 1861 году в Петропавловском порту родился сын иркутского казака Кондратий Николаевич Оглоблин.

А в 1867 году родилась Ольга Николаевна Оглоблина (в документах почему-то встречается Прокопьевна), которая 30 августа 1887 года вышла замуж за Григория Степановича Машихина (1855).

У нее был к тому времени незаконнорожденный сын Василий Оглоблин, который появился на свет 16 марта 1887 года [Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1887, 1893 гг., ГАКК].

О судьбе Василия мы пока больше ничего не знаем.

А у супругов Машихиных было много сыновей, которые продолжили эту родовую ветвь Машихиных-Оглоблиных на Камчатке: Павел (1888), Евгений (1890), Семен (1891), Иннокентий (1893), Степан (1895), Петр (1902)…

Репрессии не обошли эту семью:

Машихин Евгений Григорьевич

Родился в 1890 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; малограмотный; б/п; был рыбаком. Проживал: Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 18 мая 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: 10 лет. Имущество (ружье) конфисковано. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. определением Военного трибунала ДВО [Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.].

Машихин Семен Григорьевич

Родился в 1891 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; малограмотный; б/п; Работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 8 августа 1937 г. Приговорен: Камчатский облсуд 16 сентября 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 6 лет. Досрочно свобожден из лагеря в 1943 г., вернулся на Камчатку, проживал в пос. Елизово. Реабилитирован 27 декабря 1989 г. постановлением Президиума ВС РСФСР [Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.].

Машихин Степан Григорьевич

Родился в 1895 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; малограмотный; б/п; был рыбаком. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 2 мая 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: ВМН. Имущество (дом, скот, рыболовные снасти) конфискованы. Дата расстрела неизвестна. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. определением Военного трибунала ДВО [Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.].

Как не обошли они и других иркутских Оглоблиных:

Оглоблин Александр Иванович

Родился в 1911 г., с. Толстухино Енисейской губ. .; русский; Работал в военторге, сапожник. Проживал: п. Даурия Борзинского р-на Читинской обл. Арестован 11 марта 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД по Читинской обл. 17 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-1а, 58-11 УК РСФСР. Приго-

вор: к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 1 марта 1957 г. военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Читинской обл.].

Оглоблин Аркадий Георгиевич

Родился в 1896 г., г. Иркутск; русский; образование среднее; б/п; работал инспектором снабжения в бюро «Лензолото» в г. Иркутске. Проживал: г. Иркутск. Арестован 21 декабря 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Иркутской обл. 7 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел Расстрелян 11 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 24 мая 1957 г. Военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Оглоблин Емельян Андреевич

Родился в 1896 г., Иркутская обл., Зиминский р-н, с. Кимильтей; русский; образование низшее; б/п; крестьянин-единоличник. Проживал: Иркутская обл., Зиминский р-н, с. Кимильтей. Арестован 15 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 10 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 14 января 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 19 мая 1989 г. прокуратурой Иркутской области [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Оглоблин Константин Васильевич

Родился в 1906 г., с. Танхой Забайкальской области; русский; образование среднее; бывший член ВКП(б) с 1928 года; Работал директором прииска «Юбилейный» треста «Амурзолото». Приговорен: Выездная сессия ВК ВС СССР 9 мая 1938 г., обв.: по ст. 58-1а, 58-2, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к ВМН. Расстрелян 9 мая 1938 г. Реабилитирован 20 марта 1961 г. постановлением президиума Амурского облсуд [Источник: Книга памяти Амурской обл.].

Оглоблин Павел Алексеевич

Родился в 1903 г., Иркутская обл., Нижнеилимский р-н, д. Коробейниково; русский; б/п; хозяйственник на руднике Луговка Мамского рудоуправления. Проживал: Иркутская обл., Бодайбинский р-н, на руднике Луговка. Арестован 2 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 8 марта 1938 г., обв.: по 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел Расстрелян 18 марта 1938 г. Место захоронения — г. Бодайбо. Реабилитирован 29 апреля 1958 г. Военным трибуналом ЗабВО. [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Оглоблин Сергей Иванович.

Родился в 1898 г., д. Оглоблино Нижне-Илимского р-на Иркутской обл.; русский; механик племхоза Наркомзема. Проживал: в г. Якутске. Арестован 20 октября 1938 г. УГБ НКВД ЯАССР. Приговорен: Постановлением Особого совещания при НКВД СССР 15 апреля 1939 г., обв.: по ст. 58-6 УК РСФСР. Приговор: к 8 годам ИТЛ. Реабилитирован 22 июня 1959 г. Постановлением президиума Верховного суда ЯАССР дело прекращено за отсутствием состава преступления [Источник: Книга памяти Республики Саха (Якутия)].

Оглоблин Федор Яковлевич

Родился в 1909 г., Иркутская обл., п. Тыреть; русский; делопроизводитель. Проживал: г. Хабаровск. Арест. ОДТО ОГПУ 5 марта 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ по ДВК 16 апреля 1932 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам концлагеря. Реабилитирован 31 октября 1989 г. По заключению Прокуратуры Хабаровского края по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. [Источник: Книга памяти Хабаровского края].

ОЗНОБИХИНЫ

Весьма запоминающаяся фамилия. Автор книги «Вологодские фамилии» Ю.И. Чайкина считает, что фамилия возникала из прозвища «Ознобиха < др.-рус. “ознобиха”; ср. др.-рус. ознобить “заставить страдать от холода”; в говорах ознобиха “лихорадка, малярия” — ознобыш “знобкий, зябкий человек| мерзляк, робкий к холоду и стуже”» [Вологда, 1995].

Ознобиха — то есть Мерзляка. Очень характерная северная фамилия.

В 1680 году в Беляковской слободе (Деревня Арамылская на речке Арамыле) Тобольского уезда проживали три брата Ознобихины.

Старший из них «Якимко Игнатьив сын Ознобихин.

Сказал: родился де он в Верхотурском уезде в Ырбицкой слободе, платил оброчной хлеб. А ныне тот хлеб платит дядя иво Ивашко Иванов. А в Беляковской слободе живет со 170-го [1662] году.

Братья — Ярофейко и Захарко.

«У Захарка сын Петрушка полугоду» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Л. 261 об.].

Но Ознобихины-дальневосточники, по всей видимости, имеют другие корни:

По данным биобиблиографического словаря «Служилые люди Сибири» в Енисейске в 1684 году отмечены (а значит, служили еще с более ранней поры) два брата — казачий десятник Дмитрий Кирилов сын Ознобихин и его брат, рядовой казак, Тихон Кирилов Ознобихин [ББС «Служилые люди Сибири…», стр 635; РГАДА, ф. 214, кн. 815, л. 141, 142 об.].

В зону юрисдикции Енисейского острога после образования Якутского и Илимского воеводств входили Предбайкалье и Забайкалье, поэтому нет ничего удивительного в том, что казаки Ознобихины оказались в Братском остроге.

«В.Н. Шерстобоев приводит в своей работе письмо, направленное в 1721 году в Братский острог из Илимска казаку Ивану Храмцову следующего содержания: в Братский острог посылались указы Гавриилу Рыбникову и Алексею Ознобихину, чтобы они правили доимки, но отчетов от них не поступало. На основании этого илимский воевода поручает Хромцову держать “оных Рыбникова и Ознобихина в тех зборах самих на правеже и бить их босых без всякой пощады, не норовя им ни в чем… А ежели ты… на правеже держать не станешь и за то тебе самому учинено будет жестокое наказание”. Думается, что указ этот был выполнен без проволочек».

Вообще в нашей дальневосточной истории Ознобихиным приходилось не сладко.

В 1734 году один из руководителей Второй Камчатской экспедиции Мартын Шпанберг

разразился страшной руганью по поводу присланных в Охотск илимских плотников:

«Ведение Шпанберга Илимской канцелярии об отсылке назад умышленно присланных из Илимска старых и больных плотников и требование прислать полноценных работников (12 января 1734 г.).

В Ылимскую канцелярию ведение Сего генваря 11 дня ис помянутой канцелярии при ведении к нам во определенное число прислано в плотники к нам в каманду к строению барок из илимских казачьих детей, которые в подушной оклад положены, 8 человек, а имянно: Илья Минин, Семен Ознобихин, Филип Балашев, Василей Буланов, Леонтей Мамонтов, Андрей Скуратов, Андрей Падерин, Алексей Кузнецов, которые по осмотру нашему явились дряхлые, кривые и хромые, такие как видно, что нищие и ни к чему не годные.

Того ради оные негодные люди в каманду нашу не приняты, но отосланы с салдатом Васильем Садиловым в Ылимск по-прежнему. А в присылке той усмотрели мы, что Илимская канцелярия, не доброхотъствуя к ползе Ея Императорского Величества интереса, оставя тамо годных и к плотничному мастерству достойных и в подушной оклад не положенных и ни х каким делам не определенных, но паче же признаваем для своего лакомства служилых людей, о которых имянех об[ъ]являем при сем ведении реэстром, к нам в каманду не прислано. Того ради по оному реэстру тех служилых людей в плотники к строению барок по получении сего ведения из Илимской канцелярии отдать посланному от нас салдату Садилову в самой скорости, которому о взят[ь]е их дана от нас инструкция. А ежели в присылке их учинитца какая хотя малая остановка, тогда для понуждения Илимской канцеляри прибуду я сам на коште оной канцелярии управителя, и со оною канцелярией будем поступат[ь], как Ея Императорского Величества указы повелевают, бес послабления. И о вышеписанном в Ылимской канцелярии ведать учинить по Ея Императорского Величества указу.

Реэстр

Федор Скорняков, Михайло Иконников, Козма Ознобихин, Федор Оглоблин, Захар Чернавской, Иван Рыбников, Иван Распутин, Петр Корелин, Прокофей Скуратов, Афонасей Сизов, Афонасей Бутаков, Василей Корелин, Андрей Кокшаров, Никита Лютиков, Матфей Мяконких, Петр Качин, Федор Потапов, Григорей Попов, Иван Молчанов, Давыд Дунаев» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 90. Л. 7 об. – 8 об.].

Но это еще не все.

«…подробный учет казаков был произведен в 1761 году, в общем совпадающий с данными 1756 года (Фонд 75. арх. № 2549, лл. 123–137). В том же году была произведена проверка состояния здоровья тех казаков, которые не отвечали требованиям службы. Но так как по указу Сибирского приказа от 17 ноября 1743 г. воеводы не могли сами увольнять хотя бы и явно не годных казаков от службы, то намеченные к увольнению 8 казаков были направлены для осмотра в Иркутск. С ними заодно высылается 5 казачьих детей (Фонд 75, опись 2, арх. № 765, лл. 115–117). В отношении трех казаков иркутская провинциальная канцелярия определила: “еще несколько времени службу при городе безнужно исправлять могут, затем и нет их желания к отставке”. Эти трое были в возрасте 55, 62 и 67 лет! Казак Ознобихин оказался по заключению лекаря непригодным к службе, так как у него “левая нога под коленом переломлена, у левой руки в плече сустав вышиблен. У него ж… нутряная болезнь, называемая колика”. Другой казак оказался годным, хотя у него “правая рука в плече бывала вышиблена“; кстати, он имел от роду 63 года. У третьего казака “сухая жила повреждена”. У четвертого “левая нога в холке и в колене от давления бревном повреждена и жилы сволокло… И правым глазом ничего не видит”. У пятого “огнивцо” переломлено. Наконец у шестого “жилу под коленом сволокло и от того нога короче и приступать не может”» [Шерстобоев В.Н. Илимская пашня].

Вероятно, этим Ознобихиным и был несчастный Семен.

«В 1746 год в челобитной служивых людей Братского острога о выдаче жалования значатся: Иван Микляев, Евдоким Микляев, Григорий Микляев, Степан Микляев, Тарас Микляев, Семен Ознобихин, Козьма Ознобихин, Семен Ознобихин-Засухин, Осип Ознобихин, Иван Рыбников, Михаил Скорняков, Федор Скорняков, Козьма Скорняков, Семен Мироманов, Андрей Мироманов, Федот Колгин, Степан Колгин, Алексей Баженов, Ефим Храмцов, Филипп Минин, Михаил Минин, Алексей Шапов, Михайло Иконников, Герасим Брянский, Иван Распутин, Семен Голятин, Сава Потапов, Федор Потапов».

Какой-то из двух Семенов дожил до 1775 году, исходя из данных «Родословного справочника Иркутска».

Дети Семена:

Петр Семенов сын (≈1741), в 1759 служилый Братского острога, в 1762 г. жил на подворье канцеляриста Льва Березовского, в 1769 г. — иркутский казак, в 1775 г. выбран в целовальники Иркутской рентереи.

Григорий сын Семена, сын илимского казака, в 1770 — солдат Иркутского батальона 2-й роты, умер в 1774. Жена — Мария Сименова, дочь разночинца Ширшикова [Родословный справочник Иркутска].

Никита сын Семена — казак, в 1766 году служил в Гижигинской крепости.

Возможно, было два Никиты Семеновича — так как другой, по данным «Родословного справочника Иркутска», был зачислен в казаки только в 1775 году. Но возможен и другой вариант — в 1775 году Никита Семенович возвращается из Гижигинской крепости в Иркутск.

В 1778 и 1781 годах в ведомостях Гижигинской крепости отмечен Тимофей Ознобихин —

возможно, это сын Никиты, так как очень часто казаки в дальних северных гарнизонах создавали семьи, а дети, рожденные в этих гарнизонах, продолжали потом здесь же службу своих отцов. Примеров таких гижигинских семей мы приводим предостаточно.

В составе гарнизона Братского острога отмечен Осип Ознобихин.

А это его дети:

Филип Осипов сын (≈1744) из казаков, в 1764 г. жил при семье казачьего сотника Лаврентья Погожаева [Родословный справочник Иркутска].

Ознобихин Иван Осипович, копеист, 1776 – 1784 гг., канцелярский служитель провинциальной канцелярии воеводы Якутской провинции Иркутской губернии [Казарян П.Л., Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 221].

«1792 г. июля 14. — Рапорт Р.Р. Галла в Адмиралтейств-коллегию о зимовке на о-ве Уналашка и о подготовке судна “Черный орел” к обследованию Курильских островов

Получа о всем том известие, поспешая соединиться с тем г-ном Сарычевым, того ж самаго дня из той губы Св. Лаврентия к острову Уналашке и отправилса. А прибыл на оной 2-го сентября и судно “Слава России” нашел, где, в разсуждении наступившей осени, сверх сего и дальнее отстояние помянутаго острова от гавани Св. Петра и Павла, паче всего по недостатку дров, так как оных весьма недостаточно, и на изыскание потребно будет время, по учинении общаго консилиума, остались на оном прозимовать. Во время коей от случившейся тяшкой цинготной болезни померло: из Иркутска взятых: геодезии сержант Елистратов, ис казаков: матроз Яков Сизых, Семен Оглоблин, Григорей Донских, Иван Корелин, Дмитрей Тюменцов; утопших: Артамон Мельников, наименованных егарями Илья Тюменцов, Петр Мираманов, армейской егарь Артемей Герасимов, из Охотска боцманмат Григорей Гладкой, на судне “Чернаго орла” из Иркутска взятых — ис казаков: матроз Петр Ознобихин, Никита Наянов, Никифор Бутаков, Николай Скуратов: всего на обоих судах 15 человек» [РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 67. Л. 4–6].

«Список Штаб и Обер офицерам, нижним чинам 46 флотского экипажа, их женам и детям, прибывшим из Охотска. 1850 год

Мастеровые. Унтер-офицеры

Федот Ознобихин» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3, Исповедальные росписи Петропавловского собора, Л. 707].

И последний штрих:

Жертвы политических репрессий 1930-х годов.

Ознобихин Александр Алексеевич.

Родился в 1902 г., Иркутская обл., Тулунский р-н, с. Заусаево; русский; член ВКП(б); работал дорожным мастером 3-й дистанции пути ВСЖД. Проживал: Иркутская обл., г. Тулуне. Арестован 2 августа 1937 г. Приговорен: Военная Коллегия Верховного Суда СССР 8 октября 1937 г., обв.: по ст. 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 8 октября 1937 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 15 марта 1958 г. Военной коллегией Верховного суда СССР [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Ознобихин Григорий Иванович

Родился в 1891 г., Иркутская обл., Слюдянский р-н, п. Култук; русский; малограмотный; б/п; колхозник колхоза им. «Коминтерна» в п. Култук. Проживал: Иркутская обл., Слюдянский р-н, п. Култук. Арестован 1 января 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 7 февраля 1938 г., обв.: по 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 25 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 10 мая 1957 г. Военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Ознобихин Денис Ефимович

Родился в 1893 г., Иркутская обл., Братский р-н, д. Долгий Луг; русский; б/п; рядовой боец военной части № 295 на ст. Тальцы ВСЖД. Проживал: Иркутская обл., на ст. Тальцы ВСЖД. Арестован 18 октября 1944 г. Приговорен: Иркутский облсуд 5 января 1945 г., обв.: по ст. 19, 58-2, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 6 годам ИТЛ Реабилитирован 24 апреля 1963 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Ознобихин Иван Ильич

Родился в 1879 г., Иркутская обл., с. Братска; русский; образование 5 классов; б/п; работал счетным работником «Якуттранс» в п. Заярск. Проживал: Иркутская обл., Братский р-н, п. Заярск. Арестован 17 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 13 февраля 1938 г., обв.: по 58-10, 58-1 1 УК РСФСР. Приговор: расстрел Расстрелян 16 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 20 апреля 1957 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Ознобихин Иван Матвеевич

Родился в 1882 г., Иркутская обл., Братский р-н, с. Красный Яр; русский; б/п; работал плотником мелькомбината в с. Б. Мамырь. Проживал: Иркутская обл., Братский р-н, д. Романово. Арестован 26 мая 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 2 июля 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 8 июля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 30 января 1960 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Ознобихин Иван Степанович

Родился в 1877 г., Иркутская обл., Братский р-н, п. Николаевский-Завод; русский; неграмотный; б/п; работал сторожем школы в п. Николаевский Завод. Проживал: Иркутская обл., Братский р-н, п. Николаевский-Завод. Арестован 25 июня 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 2 августа 1938 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам ИТЛ, умер 13.06.44 г. в местах заключения. Реабилитирован 31 марта 1956 г. комиссией Иркутской области по пересмотру уголовных дел на осужденных за контрреволю-

ционные преступления [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Ознобихин Иван Фелефатович

Родился в 1882 г., Бурятия, с. Тунка; русский; неграмотный; б/п; не работал. Проживал: Иркутская обл., г. Слюдянка. Арестован 2 марта 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 7 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 15 марта 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 17 мая 1957 г. Военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Ознобихин Максим Васильевич

Родился в 1885 г., Иркутская обл., Нижнеудинский р-н, д. Казачья Бадабановка; русский; б/п; без определенных занятий. Проживал: г. Нижнеудинск. Арестован 10 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 17 февраля 1938 г., обв.: по 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел Расстрелян 20 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 7 января 1958 г. Военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Ознобихин Селиверст Степанович

Родился в 1892 г., Иркутская обл., Тайшетский р-н, с. Бирюса; русский; образование низшее; б/п; колхозник колхоза «Бирюсинский партизан». Проживал: Иркутская обл., Тайшетский р-н, с. Бирюса. Арестован 14 ноября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 25 февраля 1938 г., обв.: по 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: расстрел. Расстрелян 27 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 2 марта 1957 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Ознобихин Федор Иванович

Родился в 1913 г., Иркутская обл., Братский р-н, с. Красный Яр; русский; б/п; возчик Заярской автобазы Якуттранса. Проживал: Иркутская обл., Братский р-н, пос. Заярск. Арестован 30 июня 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Иркутской обл. 10 сентября 1938 г., обв.: по ст. 58-10, -11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 16 апреля 1960 г. Президиумом Иркутского областного суда [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Ознобихин Яков Иванович

Родился в 1909 г., Иркутская обл., Братский р-н, с. Долгий Луг; русский; б/п; работал бухгалтером Восточно-Сибирского пароходства. Проживал: г. Иркутск. Арестован 3 октября 1938 г. Приговорен: , обв.: по ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР. Реабилитирован 20 октября 1939 г. прокуратурой Восточно-Сибирского водного бассейна [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

ОКОННИЧНИКОВЫ
(ОКОННИШНИКОВЫ, ОКОНЕШНИКОВЫ)

Оконничник — специалист по окнам. «В ряде сибирских городов высокой степени специализации достигла деревообработка. Занятые ею мастера делились на плотников, столешников, кадочников, оконничников, коробейников, сундучников, токарей и т. д.»:

Семен Федоров сын Рыжов оконнишник,

Афонасей Михайлов сын Муллин оконнишник.

А потом профессия переросла в фамильное прозвище и закрепилась за потомками как фамилия на века.

Первым в наших дальневосточных краях был тобольский казак, о чем мы писали уже в очерке об Оконнишниковых в первом томе книги «Тайны якутских фамилий», но в связи с новыми интересными фактами хотим напомнить:

«Мурзины станицы Выходцова

Федька Томилов Оконничников в прошлом во 155-м [1647] году послан на Лену» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 277. Л. 70 об].

«Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником з Бориском Оноховским прежним на перемену.

…Федька Томилов сын Оконничников в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 34].

И далее.

«Окладная книга 1681 года

Якутск

Казаки

Оконнишник Стенька Насонов, казак (х/о)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Стенька Насонов Оконишник в прошлом во 199-м [1691] году по ево челобитью за старостью и за увечьем от службы отставлен» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 37 об.].

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Якутск

Оконишников Афанасий (6): «Иван Павлов с. Худорошков, на Камчатке от иноземцов убит, и в нын. 706 г. авг. в 21 д. приверстан в казачью службу в его Иваново место и оклад казачий племянник Афанасий Оконишников» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Одновременно с формированием служилого населения Дальнего Востока, идет формирование населения земледельческого — пашенных казаков и пашенных крестьян.

«Криворлуцкая волость

Деревня Оконишникова

Основатели в 1699 г. «Исак Олонцов, Сенька Оконишников» [Шерстобоев В.Н. Илимская пашня, т. 1, Иркутск, 1949, с. 85].

Но одновременно идет еще один важнейший для Сибири в частности и для России, в целом важнейший процесс закрепления русского населения за вновь приобретенной территорией — продвижение русского православия.

В первую очередь — это освящение брака служилых людей с местными уроженками и крещение новорожденных детей — образование единого сибирского братства народов.

Сегодня об этом мало говорят и пишут. Но ведь это основа основ продвижения русских в

Сибири — из поколения в поколения, из семьи в семью, от Урала и до Камчатки, Алеутских островов, Аляски…

«Якутцкого города Троитцкой соборной церкви свешеники и дьякон и церковные причты.

Во дворе протопоп Михайло Данилов сын Оконешников … у него ж живет в доме ево той же церкви дьячек Иван Васильев сын Оконешников» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 33].

Анадырский острог, 1722/1748

«Еромонах Варлам Оконешников» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 78].

«Якутский заказ с 1741 по июль 1743 г. возглавил священник Якуцкой Николаевской церкви Иван [Васильев сын] Оконешников» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 534].

Изменения происходили и в казачьей службе — приходилось уже становиться и матросами (портовщиками):

Анадырский острог, 176 год:

«…партовщики Федор Соболев, Иван Матвеев, Иван Оконешников, Антон Петров» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л., 1935].

Собственно, это все нам уже было известно.

Но вот какие новые интересные факты.

Отцом якутского священника Михаила Даниловича Оконешникова был родной брат тобольского казака Федора Томилова Оконничникова десятник пеших казаков Данилко Томилов Оконнишников [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948. Л. 497].

Родной брат Михаила Даниловича — Яков Данилович в 1684 году был послан в Даурию на помощь казакам, оборонявшим Албазинский острог. В 1693 году он снова в Тобольске [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 236 об.].

В 1696 году в тобольских казаках служит уже и его сын — Игнашка Яковлев Оконнишников.

В 1710 году братья Игната:

«Двор купленой втораго полку пешего казака Федора Яковлева сына Оконнишникова сказал себе 45 лет (1665) у него жена Софья Тихонова дочь 30 лет сын Андрей 2 недель.

Государева жалованья ему Федору денег 4 рубли с четвертью хлеба ржи 3 четверти с полуосминою овса 2 четверти с полуосминою и с четвериком соли 2 пуда с четвертью.

…Двор купленой втораго полку пешего казака Леонтья Яковлева сына Оконнишникова сказал себе 37 лет (1673) у него жена Ульяна Иванова дочь 20 лет два сына Яков 6 Афонасей 5 лет у негож Леонтья брат родной тогож полку десятник Семен 40 лет (1670) у него жена Евдокея Трофимова дочь 37 лет сын Иван 14 лет.

Государева жалованья денег ему Леонтью 4 рубли с четвертью а брату ево Семену 4 рубли 25 алтын хлеба ржи по 3 четверти с полуосминою овса по 2 четверти с полуосминою и с четвериком соли по 2 пуда с четвертью человеку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 289–289 об.].

И я не очень удивлюсь, если у охотского портовщика Ивана Оконешникова определится отчество — например, Семенов сын…

ОКУЛОВЫ

Интересная фамилия — так и напрашивается по аналогии слово «акула», но откуда она могла взяться в Московском государстве?

Вот что говорят специалисты по антропонимике:

«По одной версии, фамилия образована от нецерковного имени Окула (в акающих говорах существует фонетический вариант Акула). Оно отражало негативные особенности характера носителя, поскольку в территориальных диалектах это слово имеет два значения — “плут, обманщик” и “хвастун”».

Если по аналогии с законом «отрицания отрицания», когда ребенка называли Некрасом, чтобы он вырос, наоборот — против злых черных сил — красивым, это понять можно.

Но что-то уж больно много Окуловых мы увидим в этом очерке — и неужели для всех их предков родители хотели, чтобы они не были хвастунами или обманщиками?

Тобольск, 1694 год:

«Арамильская слобода

В Арамилской слободе по росписи, какова под наказом:

…Матюшка Федоров сын Окулов сказал: в Арамильскую слободу пришол он в 1692/93-м году Верхотурского уезду из Чюсовской слободы, а принял ево прикащик Иван Полозов, а по какому указу не ведаем. И по накладу ево платит он денежного оброку шесть алтын полторы денги. У него дети: Коземка дватцати лет, Мишка семнатцати лет, Илюшка семи лет, Еремка шти лет, Ивашко трех лет. А живет своим двором» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж (Денежный стол). Д. 253. Л. 88].

И этого же самого Матвея Федоровича с детьми мы сейчас увидим в другом списке:

«Справка на переведенцев из “семьянистых” крестьян из Тобольска в Нерчинск — 100 семей беглых верхотурских крестьян, которые явились Тобольском уезде в слободах» (ПСЗ № 1853).

В 1697 г. крестьянские семьи были высланы с тобольским сыном боярским Петром Мелешкиным и 20 служилыми людьми. Из 626 человек до Енисейска и в Енисейске умерло 143 человека.

В 1698 г. в Нерчинск прибыла первая партия переселенцев-крестьян 37 (а с женами и детьми — 132 ч.).

В 1699 г. с самим Малешкиным прибыли остальные 271 ч. (там же).

Из прибывших была составлена роспись (кн. Сиб. Пр. № 1260 л. 1095), из которой выяснилось, что из Арамильской слободы Верхотурского уезда — 42 семьи, а из Багарадской слободы — 26 семей, из Суерской — 4 семьи.

«Матюшка Федоров Окулов с сыном Гаранькой умерли, а жена его Оксюшка, дети Мишка Илюшка Ивашка Коземка, а у Коземки жена Анютка сын Васька — в Нерчинску…»

«Немногие сохранили весь состав семьи: семья Ивана Томилова (8 ч.), братья Кирилловы (по 6 ч.), семьи Кондратия Стафеева, Степана Шипицина, Даниила Фомина, Ивана Титова, Степана Ушакова, Ивана Поздеева, Осипа Ше-

хирева, Исака Конева, Михаила Ваулина, Якова Белоусова, Петра Димова и др.

Из семьи Михаила Новокрещена пришел в Нерчинск только мальчик Ивашка 12 л. В семье Мокея Хренова померли 4 ч., т. е. все. Крестьянин Бажен Мальцев потерял 4-х родственников, в Нерчинск пришел бобылем. Самая большая семья — Демьяна Позднякова (15 ч.) уменьшилась на 5 ч. (кн. Сиб. ПР. № 1260 л. 1096).

Всего в Нерчинск прибыло 336 взрослых и детей. Их первые годы жизни на забайкальской земле были трудными, т. к. в 1699 и 1700 гг. были неурожаи в Иркутском уезде, повлекшие отсутствие привозного хлеба в Нерчинске».

Нерчинск, 1710 год:

«…пашенной крестьянин Козма Окулов сказал (л. 54).

…пашенной крестьянин Михайло Окулов сказал … К сей скаске вместо Михайло Окулов по его велению Иван Окулов руку приложил (л. 55).

…пашенной крестьянин Сава Окулов сказал… (л. 67)»

[РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1621 Ревизские сказки 1719 и 1720 гг. г. Нерчинска].

А вот и подробности.

Нерчинск, 1719 год. «Сказки о душах мужеска полу Сибирской губернии по указу 1719 г. города Нерчинска и при них выписка»:

«135) Октября в 29 день паш. кр. Козма Окулов 48 лет, у него дети: Василий 25 лет, Афанасий 23 лет, Иван 8 лет.

137) Октября в 29 день паш. кр. Михайло Окулов 40 лет, у него дети: Леонтий 12 лет, Тарас 4 лет, Евсевий 2 лет, брат его, Михайлов, Иван 30 лет, у него, Ивана, дети: Вавило 4 лет, Петр 2 лет, Володимир ½ году, племянник их Тихон 6 лет.

173) Октября в 17 день паш. кр. Савва Окулов 36 лет, у него дети: Петр 14 лет, Никита 8 лет, Калина 6 лет» [С. 23].

Нерчинск, 1744 год.

Семья Окуловых не только разрастается, но и… разлетается:

«Городищенской слободы

взято в рекруты

736) Петр Савин сын Окулов

737) Калина [Савин сын] Окулов

Ундинскои слободы

Ис приписных в посад

1245) Василеи Окулов

Тои же Ундинскои слободы

крестьян померло

1397) Козма Окулов

1398) у него дети Василеи

1399) Афонасеи

1400) Иван

Деревни Колобовои

1440) Михаило Окулов

выбыл в посад

1445) Иван Окулов

1446) у него дети Петр

1447) Василеи

1448) Володимер» [Фонд 350, Ландрадские книги и ревизские сказки, опись 2, дело 1917, 2-я ревизия].

Вторая Камчатская экспедиция, 1739 год.

«Остались в море на дубель-шлюпе “Надежде”: Салдаты … Сибирского гварнизона: Давыд Ячменев, Гаврило Тяткин, Федор Борисов, Федор Чермных, Афанасей Редикорцов, Андрей Тарлышев, Осип Косторев, Михайло Вершинин, Крисанф Попов, Герасим Горохов, Андрей Исаков, Иван Окулов, Афонасей Новиков».

Вторая Камчатская экспедиция, 1741 год.

«Список служителей пакетбота “Св. Петра”, которые ныне в вояже … Салдаты … Сибирского гарнизона: Иван Давыдов, Федор Дорофеев, Елизар Зыков, Матвей Антропов, Карп Пашенной, Иван Окулов».

Санкт-Петербург, 1742 год:

«Узнав, что Чириков отбыл летом в Охотск, Ваксель принял решение идти следом за ним, но из-за течи в днище гукора и непогоды вынужден был вернуться. В Петропавловске лейтенант приступил к составлению карты и рапорта в Адмиралтейств-коллегию. Эти и другие документы 15 ноября 1742 г. повезли “сухим путем с поспешением” через Анадырский острог в Петербург боцманмат Алексей Иванов и солдат Иван Окулов. В отчете об итогах плавания к берегам Нового Света Ваксель дал сдержанную оценку поискам злополучной “Земли де Гамы”, но в своих записках не пощадил Ж.Н. Делили: “…Упомянутая карта была неверной и лживой… Было бы, однако, честнее сперва исследовать на самом деле такие неизвестные земли, прежде чем широко осведомлять плавающих об открытии берегов земли Иедзо или земли де Гамы; в противном случае многие честные и храбрые люди, по необходимости бороздящие моря, бессовестно и возмутительно обманываются… Кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой… По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью”.

4 сентября 1743 г. отчет Вакселя был доставлен в Адмиралтейств-коллегию, а 25 сентября того же года Сенат издал указ о приостановлении деятельности Второй Камчатской экспедиции» [Глушанков И.В. Славные навигаторы российские].

Солдаты Сибирского гарнизона — это не солдаты Якутского пехотного полка, который формировался из казачьих детей Нерчинска, Иркутска, Селенгинска.

Ядром Сибирского гарнизона были тобольские казачьи и крестьянские дети.

И по переписи дворов Тобольского уезда в 1710 году мы видим, что и здесь Окуловы не были редкостью. Более того — многие из них были служилыми людьми:

«Деревня Галкина при реке Тоболе

Во дворе прапорщик Тимофей Иванов сын Окулов 45 лет, сын Степан 10 лет.

Деревня Чеусова при речке Черной

Во дворе драгун Василий Никитин сын Окулов 14 лет, брат Игнатий 11 лет.

Деревни Окуловы.

Двор крестьянина Микифора Окулова сказался 30 лет, брат Тимофей 25 жена Фекла 20 лет сын Стафий 3 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6894. Лл. 65 об., 1166 об, 1229].

Но свои Окуловы были и в Илимском уезде, который попеременно, полностью или частично входил то в Якутский, то в Иркутский уезды, то имел собственную самостоятельность.

В трехтомнике Г.Б. Красноштанова «На ленских пашнях XVII века» мы найдем следующую информацию об Окуловых:

«По тобольской указной памяти боярина и воеводы князя Ивана Борисовича Репнина от 30 июля 1671 года тобольский сын боярский Афанасий Ушаков в 1672 году произвел перепись пашенных крестьян и их окладов в Илимском и Якутском уездах».

«Семейка Григорьев сын Окуловых з детьми: Олешкою, с Левкою».

У него также было прозвище Кривой.

В 1667 году он не упоминается. В 1705 году эта деревня названа Окуловской заимкой.

«Деревня (Окуловская, впоследствии Федеряшина), один двор. А в ней пашенный крестьянин Сенька Григорьев сын Окуловых». В окладной книге 190 (1682) года он записан с прозвищем: «Сенка Григорьев сын Кривой».

А в ужинной книге 193 (1684) года записан с фамилией: «У Сенки Григорьева Окуловых».

Дозорная книга Илимского уезда за 1673 год:

«Семенка Григорьев сын Окулов з детьми с Олешкою с Левкою» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 409 об.].

И снова Г.Б. Красноштанов:

«Криволуцкая или Верхняя Киренская волость.

…деревня Окуловская — Алешка Семенов (сын Окуловых)… А братей у нево: Левка Семенов, Терешка Семенов, Петрушка Семенов, Селиверстко Семенов [Ссылка на записную книгу 1688 г. — РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 1448. Л. 9]. Это сын Сеньки Григорьева. В окладной книге 1682 г. он записан с прозвищем — «Сенка Григорьев сын Кривой. А в ужинной книге 1684 г. он записан с фамилией: «У Сенки Григорьева сына Окуловых…».

Но… как отмечает Георгий Борисович, «ундинские Окуловы — это потомки одного из “верхотурских беглых” крестьян».

Вот как!

И встает вопрос: какого роду-племени солдат, служивший в 1766 году в Гижигинской крепости, Михаил Яковлев сын Окулов?

Вопрос пока открытый. Но мы знаем другое:

«Смотровой список Сибирскаго гарнизона учиненный по смотру того гарнизона подполковника Угрюмова 1748 г, августа 13 дня

Енисейский пехотный полк.

Солдаты

Окулов Яков» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 14 об.].

Солдаты Енисейского пехотного полка составляли ядро Анадырской секретной экспедиции, поэтому Михаил Яковлевич не случайно оказался в Гижигинской крепости.

А в 1768 году из Анадырского острога был переведен в Гижигинскую крепость еще один Окулов:

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

Солдат Илья Окулов. Жена Орина Никифоровна. Пасынки: Кибирев Гаврило — 17 (1751); Кибирев Афанасий — 11 (1757). Сыновья: Егор — 8 (1760), Тихон — 2 (1766). Дочь Анна — 4 (1764)» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Вполне вероятно, что Илья также, судя по возрасту, мог быть сыном Якова Окулова — солдаты, служившие в этих полках, часто были семейными, имели детей.

Например, из того же списка солдат Енисейского полка:

«Павлов Алексей, 39 лет, с 722 г., из рекрутов крестьянских детей, Исецкого дискриту, д. Бархотовой. Женат, сын Ларион 20 лет в солдатах в онном полку, Ефрем 4-х лет. Командирован в Ямышевскую крепость с 732 года».

И кстати, мы нашли еще один документ:

«Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1 754 годом апреля по 1 число».

И в этом списке — Илья Окулов.

В 1781 году в гарнизоне Гижигинской крепости служат трое сыновей Ильи: Егор, Тихон, Никифор [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Лл. 18, 19 об.].

А в Гижигинской школе учится, вероятно, «поскребыш»:

«Ведомость школьников Гижигинской школы, 5 февраля 1781 г.

Афанасий Окулов — 8 (1773) обучается катехизису» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 39 об.].

А вот куда были переведены впоследствии солдаты из Гижигинской крепости, остается для нас вопросом…

И след гижигинских Окуловых потерян.

ОРДИНЫ

Об истории появления этой фамилии мы можем только строить предположения. Есть упоминание Ординых в Тобольской губернии и в Селенгинском остроге. Но только упоминание — один был в бобылях, а второй в 1762 году вообще бежал из острога.

Если сопоставлять с образованием подобной фамилии в роду Ординых-Нащокиных, то у одного из них — Андрея Филипповича Нащокина, убитого (8 сентября 1514) в сражении при Орше, — было прозвище Орда, а его потомки начали прозываться Ордиными-Нащокиными.

Но откуда родом и какого племени был Илья Ордин — казак, служивший в Гижигинской крепости в 1761 году, нам пока неизвестно [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3].

Возможно, его корни из Верхотурья. В биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири»:

Верхотурские стрельцы Нечай и Филип Ордины (1607 г.).

Но нам точно известно другое:

Нижнекамчатск, 1812 год

«Штатские

Подканцеляристы отставные

Ордин Петр Ильин (1768). Ж. Анна Васильевна (1782)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 10].

Тигильская крепость, 1831 год:

«Служители … Ордин Петр Ильич (61)» [Тигиль Исповедальные росписи; РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 2].

Предполагаемый сын — Ордин Иван Петрович, с. Тигиль, казак.

Почему предполагаемый?

Здесь действительно вопрос.

С одной стороны: «Умершего Петра Ордина внуки Николай (1832), Власий (1845)» [Тигиль Исповедальные росписи; РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 2].

И отчество: «Имя родившейся — Екатерина. Дата рождения — 19 ноября 1888 года. Дата крещения — 20 ноября 1888 года. Родители — отставной казак Влас Иоаннов Ордин и законная жена его Ия Николаева [в девичестве Мутовина]; оба православнаго вероисповедания» [ГАКК. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 12. Л. 290].

А с другой стороны — вот эта запись:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Тигильская крепость

Казачьи дети незаконно родившиеся

Ордин Василий — 15» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 43].

Конечно, здесь описка, и Василий — это Власий.

Обычно в таких случаях незаконнорожденным казачатам, рожденным вне брака, давали отчество деда — отца матери, родившей ребенка.

Но в данном случае получается, что Власий — сын невестки, мужем которой был Иван Петрович Ордин, вероятно, рано ушедший из жизни.

Следующая информация не менее интересная:

«В августе 1882 г. был составлен “Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне п. Петропавловска 24 августа 1855 года при нападении англо-французской эскадры”, в который вписаны удостоенные наград герои: баталер Николай Ипатьев; матросы Игнатий Красноярoв, Василий Байков, Федор Колинда, Андрей Кодошников, Ефим Ершов; пятидесятники Алексей Карандашев, Александр Томский; казаки: урядник Василий Крупенин, Влас Ордин, Матвей Минюхин, Иннокентий Неворотов, Манаков, Иван Пшенников, Михаил Большаков, Петр Корюкин, Дмитрий Тувалин» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 512. Л. 82].

Но давайте обратим внимание на возраст Власия Ивановича: если верить Исповедальным росписям Тигильской Христорождественской церкви, то ему в 1854 году было всего девять лет.

По данным РГАВМФ, Василию-Власию в 1852 году было 15 лет (1837).

Есть и другое подтверждение:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Казаки

Влас Ордин — 19 (1837); из казачьих детей, на службе и в чине с 1854 года. Его дети: Ордина Ирина Власьевна (1875), Ордина Евдокия Власьевна (1882), Ордина Надежда Власьевна (1879), Ордин Даниил Власьевич (1885–1903), кантонист казачьего ведомства, Ордина Екатерина Власьевна (19.11.1988), Ордина Татьяна Власьевна (1891)».

Вместе с Даниилом в Петропавловском высшем начальном училище учился Павел Ордин, но следы его затерялись.

Девушки же, конечно, вышли замуж и сменили свою фамилию.

Так что дальнейшая история этой семьи пока под вопросом…

ОСИЕВЫ

Фамилия довольно редкая, происходит от имени христианского святого Осия Кордовского.

Для нас же оно интересно тем, что в 1747 году из Селенгинска «выслан в Анадырскую партию» в 1747 году Игнатий Осиев (1725).

Возможно, он был Ивановым сыном, так как в тех же документах за 1762 год есть запись:

«Парфен Серебреников (1726). У него жена Анна Иванова дочь тритцати лет взятая в замужство у крестьянина Ивана Осиева. У них рожденные после ныне минувшей ревизии Сын Петр — 11. Незаконной рожденной Иван — 15, дочь Фекла дву лет» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. Л. 66 об., л. 237].

Возможно, здесь имеется какая-то связь с Илимским острогом:

«… описание Вишняковой заимки.

Заимка ниже Челбанова камени.

А на ней живут пашенные крестьяне: Вешнячко Евменьев (Тит Евменьев Вешняк), Ивашка Тимофеев Долгой, Васка Никитин Кикаев, Андрюшка Петров Гусев, Елисейко Осиев.

А посеяно у них ко 169 (к 1 сентября 1660) году на великого государя пять десятин ржи. Да по их скаске пашут они на великого государя по полдесятины ячмени на год.

Да на себя у них посеяно ко 169 (к 1 сентября 1660) году:

…У Елисейка Осиева посеяно две десятины без пятого жеребья. Да у него же паханой земли четыре десятины без чети» [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях 17 столетия].

Но…

Но: «В той же деревне — значит в Вешняковой. Ивашка Семенов — это сын черкашенина Сеньки Иванова Осысало и пасынок Елисея Осиева. А Елисей Осиев больше не упоминается» [там же].

Затем — в 1684 году — в Якутске появляется более крупная фигура — Дмитрий Осиев — «десятиник, боярский сын Тобольскаго Софийскаго дома».

Человек не простой:

«Представитель семьи Барнсли — Фенцель — Марселис действовал в Сибири согласно усвоенным с детства в кальвинистской семье правилам поведения. Андрей Барнешлев всегда был рад услужить “куму”, являвшемуся не только патроном, но и его деловым партнером. В письме из Енисейска к И.Ф. Голенищеву-Куту-

зову [якутскому воеводе] он извещал адресата о посылке со своим человеком (Дмитрием Осиевым) значительного количества привезенных из Москвы дорогих тканей. Не исключено, что источником заморского товара являлись голландские родные. Барнешлев предлагал "куму" отобрать понравившиеся вещи, а все остальные продать в Якутске: "А будет тебе, государю моему, какие товары понадобятца и ты… по цене отдай ему, Дмитрию, собольми, а которой товар тебе… не годен и ты, государь, прикажи променять на мяхкую рухлядь на пупки и на соболи". Безусловно, корреспондент понимал, что речь шла о скрытой форме взятки» [Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI—XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии, М, 2007, с. 97].

Впоследствии Барнешлев не просто впишется в эту коррупционную схему, но и станет якутским воеводой.

А Дмитрий Осиев «прогорит»:

«…в Якутске в 1684 г. десятинник Тобольского митрополита Д. Осиев был обвинен в прелюбодеянии с супругой подьячего, и если последняя была приговорена воеводой к битью батогами, то десятинника, находившегося в подчинении митрополита, мог наказать только архиерей, и он был отправлен в Тобольск» [Юрганова И.И. Деятельность русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVII – нач. XX вв), Иркутск, 2017].

«Книга метрическая учиненная в Троицкосавском Духовном Правлении и данная Кударинской крепости Христорождественской церкви Священникам Василье Шайдурову и Ивану Сизых на записку, рождающихся, браком сочетавшихся и умирающих 1787 года»:

Здесь «восприемниками были» крестьяне Прохор и Федор Осиевы [ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 40. Л. 1А].

Но в «Родословном справочнике Иркутска» А.В. Черепанова мы нашли упоминание только о Василии Осееве (1694–1748).

К сожалению, это все, что мы пока знаем об истории сибирских Осиевых (Осеевых).

ОХЛУПИНЫ

По переписи 1722/1748 годов в Анадырском остроге было двое Охлупиных.

«Разночинцы

2160) Афанасей Охлупин

2161) Спиридон Охлупин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. л. 79].

Пока мы отыскали одно место, где еще служили Охлупины:

«Гараска Охлупин в стрельцы верстан на Таре в прошлом во 187-м [1679] году при стольнике и воеводе при князе Федоре Мещерском. А оклад ему Великих государей денежного жалованья 4 рубли с четью хлеба 3 чети с четвериком и попол четверика ржи 2 чети с полу осминою и полпол четверика и малой четверик овса 2 пуда соли. А служеб его в те годы посылан был на годовую службу для обереганья ясашных татар и на Верхотурье посылан и по государеву казну соляную к соли посылан в Тоболеск с солью посылан и по городу и по острогу караулы караулит всякия и всякия службы служит своею братею вряд. А отроду ему 40 лет. А детей у него нет» [А.А. Крих, Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX века), Омск Издательский дом «Наука», 2016].

Казаки нередко женились и заводили детей поздно. Может быть, и это такой случай…

В «Словаре пермских фамилий» Е.Н. Поляковой имеется отдельная статья:

«Охлупин. Чердынец Баженко Охлупин, 1662. Ар, к. 3, 933; Крестьянин д. Шипицыно Сен(ь)ка Охлупин, 1684. РСЧ, 7, 28. Ф. от прозв. Охлупа. В сев.-рус. говорах есть однокоренное прозв. Охлупень из слова охлупень "неуклюжий человек, увалень; разиня; лентяй, бездельник; тупой, малоподвижный, с трудом соображающий человек, олух"» [Пермь, 2005, стр. 277].

ОЩЕПКОВЫ

Мы видим две основные родовые линии дальневосточных Ощепковых.

Первая — торговая, промышленная, она же посадская и она же крестьянская в одном лице:

«"Деревня Балахонская, а в ней:

двор — Ондрюшка Юрьев сын черкашенин.

двор — Якимка Иванов.

двор — Ивашко Кононов сын Кученок.

двор — Кузька Лукин сын Ощепков".

Кузька Лукин Ощепков — это сын Луки Артемьева Ощепкова, которого писали то промышленным, то торговым, то посадским человеком. Будучи целовальником Киренской таможенной избы, он участвовал в составлении описания Троицкого монастыря в 1679 году» [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях XVII в.].

То есть он был еще и служилым человеком — целовальником.

И вот такая сословная пертурбация происходила на Дальнем Востоке, да и по всей Сибири, постоянно, из века в век.

Но были и казаки Ощепковы.

В составе Амурского казачьего войска Ерофея Хабарова был казак Ивашка Ощепков из команды енисейских казаков, «которые приплыли от енисейского сына боярского Петрушки Бекетова в том же во 162-м [1654] году» [Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. — Москва, 1991].

Но в истории Дальнего Востока более известен другой Ощепков:

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Казаки

Ощепков Лазарь (2)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

А известен он по нескольким причинам.

Первая — он был в числе тех верхнекамчатских казаков, кто в 1707 году поставил свою подпись в челобитной по отказу Владимиру Атласову, камчатскому приказчику, во власти [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 34. Л. 40 об.].

Вторая — он один из участников казачьего бунта 1712 года:

Приказчик Василий Колесов, проводивший довольно-таки пристрастный розыск по этому бунту (не смея при этом тронуть казаков «воровского» Большерецкого острога — убийц камчатских приказчиков Владимира Атласова, Петра Чирикова, Осипа Липина, которые могли дать отпор), всю ответственность за камчатские бунты перенес с больной головы на здоровую, заклеймив в недавнем еще казачьих детей, набранных в Тобольске самим Атласовым: «…в Камчадальских острогах первоначалные бунты и нынешней чинятца от тобольских уроженцов служилых людей; а вершенной вышеписанной разбойник Константин Кыргызов урожением тоболской; да с ним же пущие воры были единомысленники его, первоначальные на Камчатке бунтовщики, и на злое всякое дело заводчики и потаковщики, и на всякое злое дело вымышленники, товарыщи его, тоболские же уроженцы: Кирило Бекирев, Иван Панютин, Иван Баднан (Бадлин. — *С.В.*), Иван Лосев, Никита Дурынин, Иван Терентьев, Лазарь Ощепков. А и впредь тоболские уроженцы буде по государеву указу будут присылатца на Камчатку, и в Камчадальских острогах от тех тоболских уроженцов его великого государя вотчина прочна и состоятельна не будет и будут от них всегда шатости. А без … домовых якуцких и с Руси жителей в здешней Камчадалской земле быть нельзя и вотчина великого государя в Камчадалских острогах будет прочна и состоятельна».

У уроженца Якутска Василия Михайловича Колесова был явный душевный настрой против столичных тобольских казаков, которых он, судя по приговору, откровенно ненавидел:

«…а тех его Константиновых товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводки водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным так бунтовать, и свои и заговоры и круги заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».

При этом они никого не убили. Ограбили, правда, своих товарищей из Нижнекамчатского острога, посчитав, что те живут побогаче их, хотя тобольские дети казачьи пришли на Камчатку на смену первого камчатского приказчика Тимофея Кобелева с Михаилом Зиновьевым сыном Многогрешным еще в 1703 году, участвовали в свержении Атласова в 1707 году, в бунте 1711 года, но в дележ награбленного добра убитых приказчиков (продуваненного) включены не были, что их и возмутило и повело «на подвиги»…

По переписи 1722/1748 годов

В Охоцком остроге

Разночинцы

Лазарь Ощепков, Лазаря Ощепкова сын Иван» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 88, 89 об.].

Но позже сын перемещается по службе:

«Тауиского острогу

Разночинцы

Лазаря Ощепкова сына ево Ивана дворовой некрещенои Анчи» [там же л. 113].

Среди казаков Тобольска мы не нашли Ощепковых.

Возможно, Лазарь из этой семьи:

«Деревня Барабинская при реке Тоболе

Во дворе отставной драгун Микифор Васильев сын Ощепков 60 лет, у него дети: Иван 12, Максим 9 лет».

Лазаря в этом списке и быть не может — так как писали вместе с родителями только малолетних иждивенцев, а тех сыновей, которые уже служили, отмечали в других послужных списках.

Другой вариант — Лазарь мог быть из крестьянской семьи, например:

«Деревня Гуковская

Двор а в нем пашенной крестьянин Нифантей Михайлов Ощепков сказал себе от роду 50 лет у него жена Фефрония 40 лет у них три сына Федор 15 лет Герасим 7 лет Володимер 2 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 38 об.].

Или:

«Исецкой острог

…у них же в доме живут пришлые люди с Пыщмы Ошепковой слободы крестьянин Федор Сидоров Ощепков 60 лет у него жена Матрена 50 лет у них детей два сына Киприян 26 лет Никула 16 лет дочь девка Наталия 10 лет у него ж Киприяна жена Мавра 30 лет у них сын Агафон полугоду» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 252].

В 1745 году в составе Камчатской Духовной Миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевского Иван Лазаревич Ощепков принимал участие в крещении камчадалов и коряков. И его фамилия известна и сегодня в долине реки Камчатки и на восточном побережье полуострова.

Ощепков Тимофей Васильевич.

Родился в 1895 г., Камчатская губ., Карагинский р-н, с. Дранка; камчадал; малограмотный; б/п; Работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская губ., Карагинский р-н, с. Дранка. Арестован 10 мая 1934 г. Приговорен: Особое совещание при НКВД СССР 28 января 1935 г., обв.: по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 19 февраля 1990 г. заключением прокурора Камчатской обл.

Ощепков Софрон Конович, с. Ушки, колхоз «Заветы Ильича», колхозник, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» «Колхозник с 1932 г. Несмотря на свой преклонный возраст 52 года и болезнь, принимает активное участие в работе колхоза, является примерным по дисциплине, на сенокосе принимает каждый год участие косцом. Хороший охотник. Нормы выработки выполняет на 120–140%» [ГАКК, ф. 129, оп. 1, д. 21, л. 60].

ПАВЛОВЫ

Фамилия, скажем так, не редкая. Поэтому мы начнем не с истории ее появления на Северо-Востоке, а с того, что сохранилось в поколенной росписи рода Павловых.

И начнем мы этот поиск с Камчатки.

1 колено

Павлов Иван Степанович (1776), подканцелярист, г. Нижнекамчатск

2 колено

Павлов Феофилакт [Иванов сын] (1802–1862), казак, с. Гижига

3 колено

Павлов Иван Филатович (Феофилактович) (1848), казак Тигильской команды. Ж. (с 13.01.1871) Шемаева Вера Павловна, дочь казака Тигильской команды Павла Ивановича Шемаева

Павлов Алексей Феофилактович (1848), урядник. Ж. Яблокова Ирина Игнатьевна (1858)

Павлова Анна Феофилактовна (1849), дочь гижигинского казака в 1878 г. М. (с 1878) Дьяконов Прокопий Терентьевич (1853), камчадал, с. Коряки

4 колено:

Павлова Елизавета Ивановна (1881)

Павлов Иван Иванович (24.02.1887)

Павлов Иван Иванович (27.08.1889)

Павлов Феодосий Иванович (1891)

В материалах Государственного архива Магаданской области мы находим подтверждение отчества Феофилакта: Павлов Феофилакт Иванович, казак Гижинской сотни. Ж. Акилина Ивановна

И уточняем даты рождения сыновей: Павлов Алексей Феофилактович (13.03.1845), Павлов Иоанн Феофилактович (17.02.1847).

Правда, с самим именем Феофилакта происходили сущие метаморфозы. Судите сами:

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Павлов Феофилакт [Иванов сын] [1802], казак» [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Лл. 713 – 714 об.].

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Павлов Филип Иванов — 52 (1800)» [РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 16, Л. 45].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Казаки

Филат [Иванов] Павлов – 55 лет (1800), из приказно-смотрительских детей, на службе и в чине с 1822 года» [РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 8].

Последняя запись о сословной принадлежности — «из приказно-смотрительских детей» — подтверждает, что отцом Феофилакта Павлова был Иван Степанович Павлов — подканцелярист.

Просто так — из рядовых казаков — в «приказно-смотрительские» ряды не выбивались. Для того чтобы в эти ряды вступить, нужно было иметь соответсвующее сословное наследство.

И мы его находим.

В 1781 году в Гижигинской крепости служат одновременно два Степана. Отец и сын — сотник Степан Павлов и сержант Степан [Степанов сын] Павлов. Сотник — это обер-офицерский чин.

Почему мы так уверены, что это отец и сын?

Потому что в переписи Анадырского острога за 1722/1748 годы записан один из них — тот, который впоследствии и станет сотником. А его сын, в соответствии со служебным рангом отца, также поднимается по служебной лестнице, чтобы потом занять должность — унаследовать чин — своего отца.

Нижнекамчатский подканцелярист Иван Степанович Павлов — скорее всего, сын Степана Степановича.

А далее следы теряются в многочисленных Павловых, служивших в Анадырском остроге, Гижигинской крепости на Камчатке и в самой Якутии…

ПАВЛУЦКИЕ

Связаны ли каким-то образом фамилии «конкистадора Чукотки» Дмитрия Ивановича Павлуцкого и камчадалов Павлуцких? Или это просто однофамильцы?

История такова — в 1731 году Дмитрий Иванович Павлуцкий, капитан Тобольского Драгунского полка, был назначен заместителем руководителя Розыскной канцелярии майора Якутского пехотного полка Василия Федоровича Мерлина, которые должны были расследовать причины бунта камчадалов 1731 года, вошедшего в историю как Харчинский бунт.

Степан Петрович Крашенинников в книге «Описание земли Камчатки» сообщает о первых камчадалах — тойонах (вождях), которые приняли православие и стали крестными детьми Мерлина и Павлуцкого.

В долине реки Камчатки, где и был эпицентр Харчинского бунта, Василий Федорович Мерлин стал крестным отцом тойона острожка Кунупочич Начики Машурина, лично убившего одного из руководителей Харчинского бунта – ключевского тойона Голгоча.

«Тахлюатынум острожек … в нем строения 2 юрты, 39 балаганов, одно зимовье, да баня, ясашных 43 человека, в том числе собольников 11, лисишников 22; тойон новокрещеной Иван Павлуцкой, иноземческим именем Шкенюга».

Острожек располагался на реке Тылуса, которую казаки прозвали Крутогорова.

Что любопытно — сам Степан Петрович Крашенинников, в то время еще студент Славяно-Греко-Латинской академии, а не академик, в Якутске женился на госпоже Цибульской — а Степанида Ивановна была родной племянницей Дмитрия Ивановича Павлуцкого.

А в 1740–1741 годах тойон Иван Дмитриев сын Павлуцкий лично участвует в Крестовом миссионерском походе иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина на западном побережье полуострова и стал крестным отцом около пятидесяти новокрещеных

камчадалов — поэтому фамилия Павлуцких была широко распространенной в этом регионе Камчатки.

А в 1766 году даже учителем в Ичинской школе при построенной там церкви был камчадал Алексей Павлуцкий, сын тойона.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. в составе народного ополчения, защищавшего Камчатку от японцев, был Григорий Павлуцкий из села Сопочная.

Что же касается судьбы человека, подарившего Камчатке свою фамилию, то она была трагической.

Вот как описывает последние события великий русский историк Сергей Михайлович Соловьев:

«Из Анадырского острога майор Павлуцкий доносил, что 1746 года в марте месяце из Анадырска ходил он с командою на Колымское море для сыску неприятелей-чукчей, которых и нашли в пяти юртах 16 человек, и всех их побили, а другие тут же сами, не хотя идти в покорность, прирезались, жен и детей своих всех приололи и повесили; русские взяли в добычу оленей сот с шесть, которые употреблены на пропитание служилым людям; потом опять нашли чукчей и отбили у них 50 оленей, а самих побить не могли, потому что они, приколов детей своих, бежали, а в погоню за ними по малолюдству команды и по неимению съестных припасов послать было нельзя. Летом того же года Павлуцкий донес, что ясачные акланские и каменные коряки изменили, убили ехавших из Охоцка священника и при нем 5 человек, также убили семь козаков Акланского острога да посланных Павлуцким за разными делами двоих сержантов, одного пятидесятника, 10 козаков, приезжали к Акланскому острогу, стояли под ним двое суток и убили козака. В марте 1747 года Павлуцкий, узнав о приближении чукчей, которые разбивают ясачных коряков, взял с собою лучших легких солдат и козаков 97 человек да коряков 35, отправился на оленях и собаках вперед и за собою велел следовать сотнику Котковскому с остальным войском, состоявшим из 202 человек. 14 марта Котковский получил известие, что Павлуцкий 13 числа ночью напал на чукчей при устье речки Орловой на горе; чукчи разбили его и убили, убили также 50 человек, ранили 28, взяли ружья, пушку, знамя, барабан; чукчи одолели числом, потому что их было с 500 или 600 человек, и удобством положения: чукчи были на горе, а Павлуцкий под горою. Посланный на место Павлуцкого поручик Кекеров в начале 1749 года начал действовать против изменивших коряков; изменники, прирезав жен и детей своих, человек до 30, ушли ночью; Кекеров сам не мог преследовать их, потому что был ранен из ружья; погнавшаяся часть войска настигла их, но они сели в осаду в пещере, к которой приступиться было нельзя, потому что в нее ходят на ремнях» [Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга XII. 1749–1761].

Дмитрий Павлуцкий был потомком польского военнопленного шляхтича Яна (Ивана) Павлуцкого, сосланного в Сибирь и сделавшего здесь неплохую карьеру в чинах детей боярских. А внук польского ссыльного стал офицером Сибирского драгунского полка и был направлен в экспедицию казачьего головы Афанасия Шестакова командовать приданными Шестакову регулярными военными силами.

Павлуцкий не мог стерпеть, что попал в подчинение к якутскому казачьему голове (полковнику), и сделал все возможное, чтобы разделить Анадырскую партию и отделиться от Шестакова. В этом он преуспел — Афанасий Шестаков пошел в свой поход с Охотоморья и погиб в схватке с чукчами. Павлуцкий ему на помощь не пришел.

Свой вздорный характер Павлуцкий показал и на Чукотке. А свой первый поход 1731 года он ознаменовал такими жестокостями, что приказчики охотоморских острогов вынуждены были обратиться к воеводе, чтобы приструнить зарвавшегося поляка, для которого не существовало никаких других мнений, кроме собственного.

После завершения розыскных дел и приведения приговора в исполнение Дмитрий Павлуцкий в 1739–1742 годах был даже одно время назначен воеводой в Якутск, но потом (как говорят, в результате каких-то интриг или злоупотреблений, а может быть, ему не могли простить смерть казачьего головы Афанасия Шестакова) отправлен снова в далекий Анадырский острог. Это было очевидной ссылкой.

Дмитрий Иванович, будучи человеком польских кровей, был человеком достаточно жестким и весьма конфликтным, не признающим над собой никаких авторитетов. В истории известен не только его конфликт с Афанасием Шестаковым, закончившийся весьма трагично для задуманной Шестаковым экспедиции. Вот еще один пример: «В это время в Большерецке находился для следствия по камчатскому бунту майор Павлуцкий. Беспокойный и грубый Шпанберг постоянно ссорился с ним, за что неоднократно был бит Павлуцким, который отличался своею силою и представительною наружностию».

Но оказалось, что и против него тоже может быть сила — та, которую он не признавал и не уважал, бросаясь с головой в самое пекло, не побеспокоившись о тылах…

Дмитрий Иванович был не единственным из Павлуцких на дальневосточной службе.

Дядя его, сын ссыльного Яна (Ивана Павлуцкого), в 1694 году (после «оспенного поветрия», унесшего более полутора сотен жизней якутских казаков, 1691/1692 гг.) был направлен в Якутию:

«Степан Иванов с. Павлуцкой; оклад ему ден. 7 руб., хлеба 3 чети с осм. и пол-2 чет-ка и пол-полу чет-ка и пол-малаго чет-ка ржи,3 чети с четком и малой чет-к овса, 2 пуда соли; в пр. в 203 г. при преж. воев. стольниках при М. и А. Арсеньевых послан к вел. госуд. к Москве за соболиною казною в провожатых и в Якуцкой не бывал».

Но и он был не последним из Павлуцких:

«Павлуцкий Андрей Степанович, коллежский асессор. 1 января 1759 – 9 сентября 1759. Скончался в Якутске» [Казарян П.Л. Административ-

ное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 207].

А в товарищах у якутского воеводы в 1761–1763 гг. был поручик Федот [вероятно, Степанович, а может быть, уже Андреевич] Федот Павлуцкий [там же, стр. 211].

ПАДЕРИНЫ

Падера — слово северное. И обозначает оно сильный ветер со снегом или дождем. Специалисты по антропонимике утверждают, что прозвище Падера давали детям, родившимся в такую погоду.

По крайней мере, такое объяснение дает своим читателям о причинах образования фамилии енисейского казака Ивана Ивановича Падерина и один из крупнейших специалистов по истории сибирских фамилий Д.Я. Резун, автор изданного после его смерти биобиблиографического словаря «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века», насчитывающего более 20 тысяч фамилий.

Правда, Падериных в том словаре немного. Сам Иван Иванович Падера, енисейский стрелец, отец которого до 1636 года проживал в Соли Вычегодской, откуда его с братом (дядей Ивана Ивановича) вывез в 1636 году сын Иван, или Иван Большой, в отличие от своего сына — еще одного Ивана, но Меньшого и уже Падерина.

И совершенно бегло, походя, отмечен еще один Падерин — Павел как «березовский казак с окладом 5 руб. с четью» в 1630 году. Столь же бегло он отмечен и в нашей истории: «Павлик Падерин в его место Патрачко Ондреев сын Кайгородец в верхоленском в Братцком острожке». То есть, будучи направлен служить на Лену в 1638 году, он предпочел поменяться службой с Кайгородцем и остаться дома.

Первым на северо-восточных землях будущего Якутского воеводства побывал Иван Иванович Падера. В 1632 году он в отряде казачьего и стрелецкого сотника Петра Бекетова строил Ленский острог, а потом по приказу своего командира с девятью казаками спустился вниз по Лене до самого ее устья. То есть он был первым из русских людей, из сибирских казаков, которые прошли этим маршрутом.

Вторым был промышленник Никита Падера (Падерин), избранный в 1642 году целовальником на реке Янге, который впоследствии охотился на соболей в бассейне реки Индигирки вместе с другим бывшим промышленником, но уже верстанным в якутские казаки, Иваном Камчатым, и оба они оставили в бассейне этой реки, вероятно, в собственных охотничьих угодьях, свои имена, закрепив их за названиями небольших рек — Падерихи и Камчатки, о чем сообщал историк Борис Полевой в своей книге «Новое об открытии Камчатки.

Он, кстати, и дает новое толкование причин появления в Сибири этой фамилии:

«Теперь о названии Падериха, которая по вине топографов XX в. превратились в “Бодяриху”. По колымским книгам сбора десятичной пошлины на Колыме в те времена русских людей было наперечет, а поэтому можно твердо сказать, что название “Падериха” возникло в 50-х гг. XVII в. от прозвища промышленного человека Никиты Падеры (прозвище “Падера” было дано по названию реки Падеры, притока Северной Двины, откуда происходил Никита). Среди русских промышленных людей было немало лиц, пришедших в Восточную Сибирь с европейского Поморья, прозвища которых происходили от названий поморских рек, на которых они в прошлом жили. Вспомните, например, Ивана Пинегу, Пантелея Пянду, Важениных (от реки Ваги, притока Северной Двины), Вычужанины (от Вычегды) и т. д. Поэтому тоже нет никаких сомнений, что река Падера (Бодяриха) получила свое название от прозвища промышленного человека Никиты Падеры».

И в этом действительно нет ничего удивительного – многие географические объекты, до которых первыми добрались те или иные люди, назывались их именами.

Но потомства в Якутии Никита Падера не оставил.

Что же касается продолжения истории Ивана Большого Падеры, то в соответствии с «Переписной книгой служилых людей Енисейского уезда 1669 (177) г.» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 298] известно, что в Енисейске того времени находился двор его сыновей «служилых людей Пронки да Ивашка Падериных, Ивашко женат, у них же два брата Митка 15, Ивашко 12, землею владеют куплею, а купил тое землю отец их Ивашка Падера у служилово человека у Гришки Пермяка во 155-м году, а Гришке дана земля с Олешкою Олентьевым во 150-м году при воеводе Осипе Оничкове».

Как поясняет в биобиблиографическом словаре Д.Я. Резун, Иван Иванович в свое время отказался идти на службу на Лену именно по той причине, что живет с пашни, которая его кормит.

И чтобы найти истоки появления этой фамилии в корякской земле, в Гижигинской крепости, и связать ее с именем последнего начальника Гижигинской казачьей команды, нам нужно будет пройти немалый генеалогический путь.

1677 год. Окладная книга Илимского острога 1677 (7185) г. Рядовые служилые казаки. Среди них Трошко Козмин сын Падерин.

Это начальный след.

Затем в третьем томе справочника РГАДА «Якутская приказная изба» находим упоминание, датированное 1699/1700 годом:

«Ужинная и умолотная книга выдельного десятинного хлеба по Нижней Киренской волости прежнего приказчика Никифора Корсакова и выдельщика Василия Цыпкина, 1699–1700 г. Переходящие скрепы Романова и Мухоплева, скрепа илимского сына казачьего Степана Трофимова Падерина за целовальника Василия Черепанова».

Степан Трофимович Падерин оказался неслучайным участником процесса скрепления своими подписями столь важного документа.

Андрей Черепанов, автор замечательного генеалогического исследования фамилий бассейна Верхней Лены, сообщает о том, что Степан Трофимович из казаков-разночинцев стал подьячим, то есть не служилым, а приказным человеком.

Падерин Степан Трофимов сын, подъячий, умер в 1747 г.

Жена Зубова Анна Ивановна (1662), дочь казака Илимского города [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1059. Л. 699, 819].

Его сын уже не считал себя уже казаком. Г.Ф. Быконя в своей книге «Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект)», изданной в Красноярске в 2007 году отмечал:

«…ревизская сказка 1762 г. копииста Верхне-Ленского присуда Иркутского уезда Андрея Степановича Падерина, 1718 г. рождения, сына местного подьячего, умершего в 1747 г. Его матерью была дочь илимского казака, три тетки — замужем за иркутским и местным казаками, и священником. Сам Падерин в момент подачи ревизской сказки был женат на 40-летней дочери местного разночинца. Две их дочери, 21 и 19 лет, выданы замуж за местного разночинца и бирюльского крестьянина. Кроме того, в семье было три сына: старший Петр, трехлетним попавший в подушные списки второй ревизии, уже служил вместе с отцом пищиком местной земской избы, средний, 10-летний Василий, обучался грамоте, а младшему было три года.

Насчет сыновей Падерин прямо в сказке написал, что согласно указу Иркутской провинциальной канцелярии от 23 ноября 1744 г. он желает “обучать их грамоте и писать за собою”, то есть он считал себя одновременно и приказным.

О том, что значительную часть сельских по функциональной своей роли приказных составляли казаки и разночинцы (разночинцы-казаки, не попавшие в штатное число в 1725–1728 гг.) свидетельствует рапорт в 1751 г. Сибирской губернской канцелярии в Сенат с просьбой выключить из подушного оклада 15 “действительно служащих дворян и детей боярских”, а также 150 казаков с их детьми и четырех приказнослужителей».

В ревизской сказке не был отмечен еще один из сыновей Андрея Степановича Падерина — Дей. Но он и не мог быть в отмечен, так как был «поскребышем» — родился через двадцать с лишним лет после братьев — 19 июля 1783 года.

И вот его судьба забросила на Камчатку в составе Камчатского (бывшего Иркутского) гарнизонного батальона, вошедшего в камчатскую историю как полк генерала Сомова и «сомовское поветрие» — страшнейшая оспенная эпидемия, унесшая жизни тысячи коренных камчадалов. [Сгибнев А.С.: «В зиму 1799 г. и 1800 г. болезнь похитила 1682 человека туземцев обоего пола, а с русскими более 2000 человек», «Очерк главнейших событий в Камчатке»].

Но Дей Андреевич не был в этом виноват. Он был обыкновенным писарем. И конечно, не мог отвечать за ошибки восточно-сибирских правителей (или, как еще их называли, — сатрапов), которые принимали совершенно непродуманные решения, в том числе и о поселении на Камчатке на ланд-милицком положении (аналог — военные поселения графа Аракчеева), суть которых сводилась к тому, что военные поселенцы на Камчатке будут сами себя обеспечивать продовольствием (продуктами собственного земледелия) и одновременно нести военную службу и быть в полной боевой готовности к отражению потенциального врага.

А вот реальная цена этого проекта, автор которого — генерал Сомов сбежал с Камчатки «по слабости злоровья», как только столкнулся с реальной действительностью; «гладко было на бумаге, за забыли про овраги»:

«Назначение в Камчатку батальона сделано помимо иркутского губернатора после манифеста 1799 г., июля 15, по политическим видам. На содержание батальона, кроме находящихся в Камчатке 129 челов. казаков, в течение 10 лет употреблено 1 791 566 руб., не считая единовременных расходов. Но все эти затраты ничего не значат против того бедственного положения, до которого доведен теперь Якутский край. Еще до назначения в Камчатку батальона якуты чувствовали уже ощутительную тягость в доставке в Охотск провианта; но с прибытием батальона потребовалось ежегодно по нескольку десятков тысяч лошадей, большая часть которых пала на дороге по недостатку кормов и изнурения по непроходимому пути. В одном 1808 г. пало у них до 10 000 лошадей. Разоренные якуты отказались от подрядов, и их стали наряжать для перевозки провианта силою, заставляя выполнять эту повинность и бедных, и богатых.

Прежние опыты хлебопашества в Камчатке, кажется, достаточно убедили правительство в его невозможности; но, несмотря на это, приступили к новым опытам, и в больших размерах, стоивших казне громадных расходов. Военная же команда отняла у камчадалов их первобытную простоту, свободу и спокойствие. Словом, край упал до того, что не скоро может поправиться» [из «Очерка главнейших событий в Камчатке»].

В итоге было выработано новое Положение о Камчатке, которое было Высочайше утверждено 9 апреля 1812 года. Оно состояло из 90 пунктов.

Нас интересуют первые три:

«Всех нижних чинов и унтер-офицеров камчатского баталиона, роты в Удском остроге находящейся, команд: штатной, провиантской и коммисариатской, выслуживших узаконенный срок, уволить в отставку.

Уволенным таким образом нижним чинам и унтер-офицерам всех вышеупомянутых команд предоставить свободу или остаться в Камчатке на поселении, или возвратиться внутрь государства на место прежнего их жилища либо куда пожелают.

Затем из не выслуживших узаконенные сроки унтер-офицеров и нижних чинов укомплектовать полагаемые §§ 12 и 25-м флотскую экипажную в Петропавловской гавани роту, также и казачьи команды, камчатскую и гижигинскую,

какое потребуется за пополнением сих последних команд казачьими детьми, к несению службы способными, что в особенности поручить будущему начальнику Камчатки, предписав ему наипаче избирать к тому, по возможности, людей, кои сами в Камчатке остаться пожелают, предпочтительно же сибирских уроженцев».

В 1812 году Дей Андреевич Падерин был писарем в штате провиантского комиссарства.

Он остался служить на Камчатке.

И, по данным за 1835 год, был не только казначеем Петропавловской экипажной роты, но и титулярным советником, то есть чиновником IX класса по табелю о рангах, что соответствовало обер-офицерскому чину.

Судя по документам той поры, у них с супругой Дарьей Степановной не было своих детей.

Первым из их воспитанников был Гаврило Яковлевич Гладкой, который в исповедальных записях Петропавловского собора за 1835 год отмечен уже как женатый казак Падерин Гаврило Деевич. Но дальнейшая судьба его осталась для нас неизвестной.

В том же 1835 году у супругов Падериных был новый воспитанник — Егор, 12 лет, то есть примерно 1823 года рождения.

Настоящее его имя — Константинов Егор Дмитриевич, сын военнопоселенца, то есть бывшего солдата Камчатского гарнизонного батальона Дмитрия Семеновича (1772) и его супруги Анисьи Лукиничны.

Братья Егора — Лев, Иов, Прокопий — служили в казаках Петропавловской казачьей команды.

Дочь Иова — Константинова Анисья Иовна (1862 г.р.), дочь отставного казака, в 1880 году вышла замуж за потомка якутского крестьянина, переселенного в начале этого века на Камчатку — Пономарева Николая Ивановича (1859–1908), проживавшего в окрестностях Петропавловского порта в селе Авача.

В 1850 году Егор Деевич Падерин/Егор Дмитриевич Константинов был верстан в казачью службу. В формулярных записях его продвижения по службе постоянно происходит путаница — то он, как это и было, из детей военного поселенца, из солдатских детей, то он из… обер-офицерских детей.

Наконец, в 1852 году все окончательно сложилось, и Егор Деевич Падерин, как обер-офицерский сын, был произведен в чин урядника и направлен в Гижигу начальником местной казачьей команды.

Первого из своих сыновей в честь своего приемного отца он назвал Деем, и это имя в дальнейшем переходило из поколения в поколение.

В «Посемейном списке о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми» за 1852 год [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16, Л. 41] отмечены:

Проживающие в Петропавловском порте
Служащие
Урядники

Егор Деев Падерин — 30. Его сыновья: Дей — 7, Степан — 2.

В «Именном списке казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола» за 1856 год [РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 75] Егор Деевич уже повышен в чине.

Пятидесятник Егор Падерин — 34, поступил на службу в 1850 г. Ж. Елизавета Александровна — 34. Дети: Дей — 12, Настасия — 9, Степан — 7, Андрей — 1.

Умер Егор Деевич в страшную гижигинскую зиму 1900 года, когда из 600 жителей этого поселения умерло 160 человек, рассказал дальневосточный журналист Антон Петрович Сильницкий:

«В эту зиму, с конца декабря 1899 года и по апрель 1900 года, Гижигинский край посетила эпидемия кори. Эта эпидемия, завезенная из Камчатки торгующим Федором Косыгиным, не страшная в городах, где есть и врачи, и аптеки, и возможность соблюдать различныя предписания врачей относительно диеты и гигиены вообще, приняла в далекой Гижиге угрожающие размеры, и картина бедствия населения от кори, в общем, такова.

Зима 1899–1900 года была в Гижиге лютая, холодная. Пурга свистела неделями. Снегу была такая масса, что всю Гижигу, можно сказать, засыпало снегом, из-под котораго торчали лишь крыши домов, а перед дверями, занесенными сугробами, вырывались в снегу тоннели, которые служили для входа и выхода людей. Болезнь началась 27-го декабря 1899 года, причем первым заболел зауряд-сотник Егор Падерин, который 2-го января 1900 года вследствие осложнений кори отдал Богу душу. Ко дню смерти Падерина, то есть ко 2-му января, из шестисот жителей Гижиги уже заболело до ста человек, а в середине января болезнь приняла такие размеры, что из всех жителей Гижиги здоровых было только восемнадцать человек, а остальные все поголовно заболели. Болели целыя семьи, так что дома оставались неотапливаемыми, ибо некому было сходить за дровами и истопить каминок. Смертность приняла такие размеры, что 12-го января 1900 года в один день умерло четырнадцать человек, а затем не проходило того дня, чтобы не было в Гижиге четырех-восьми смертей. О похоронах покойников не могло быть и речи, ибо некому было копать могил, и трупы умерших сносились в отдельные дома, где и складывались в кучу, причем к 9-му марта, когда болезнь приутихла, в трех домах, обитатели которых вымерли поголовно, было сложено 157 трупов. Из этих 157 покойников не все, однако, умерли от кори, а многие, особенно дети, замерзли живыми. Так, например, в семье гижигинскаго казака Беломойнова 10-го января умер глава семьи, сам Беломойнов. Вечером того же дня его жена стала мучиться родами, и ей Бог дал сына, но только появился на свет новый гижигинец, как его мать, ослабленная родами, заболела корью, нашедшей для себя настолько благоприятную почву, что 11-го января к вечеру родильница умерла, а новорожденный так и не дождался следующаго дня: он замерз в ночь с 10-го на 11-е января. Племянник Беломойнова, также больной, 11-го января в полдень, пытался затопить каминок, но он с лучинкой в руках

так и свалился у каминка, не успевши его затопить. И вот картина, когда здоровые заглянули в дом Беломойнова: племянник с лучинкой в руках лежит мертвым при входе у каминка, немного дальше лежит мертвый глава семейства, казак Беломойнов, а на кровати лежит мертвая его жена, а с нею рядом, кое-как завернутый в кухлянку лежит новорожденный. Но не вся семья вымерла: на другой кровати маялся без сознания мальчик одиннадцати лет. Его голова горит, а ноги отмерзли (впоследствии этот мальчик все-таки умер, причем причину его смерти гижигинцы объясняют тем, что отмороженныя ноги, не будучи во время ампутированы, повлекли за собою дальнейшия повреждения организма, окончившияся смертью мальчика).

Такая картина, как описанная, имела место во многих семьях, ибо теперь в Гижиге семь домов, обитатели которых вымерли поголовно, а про Беломойнова я разсказал не в виде исключения, а для иллюстрации картины бедствия, постигшаго Гижигу в зиму 1899–1900 годов. Вот при таких-то тяжелых условиях самоотверженно послужили бедствующему населению два лица: помощник начальника Гижигинской округи Анкудинов (бывший начальник округи статский советник Пржевалинский также заболел корью. Он, положим, оправился от этой болезни, но летом 1900 года все-таки умер, причем причина его смерти, как мы слышали, имеет большую связь с корью), бывший помощником Н.Л. Гондатти в Анадырском крае, и г. Янковский, сын нашего коннозаводчика. Эти два лица, будучи в числе восемнадцати, которых пощадила эпидемия, поработали с конца декабря 1899 года по апрель 1900 года так, как могут работать люди возлюбившее ближняго больше самого себя и готовые отдать ему душу не на словах, а на деле. Они разделили Гижигу на участки и привлекли всех здоровых к уходу за больными, а уход был нужен вот какой. Корь, постигшая Гижигинский край, осложнялась чрезвычайным разстройством желудка, и вот здоровый, подавая помощь больной семье, прежде всего, должен был вынести в покойницкую трупы, затем обмыть больных от экскрементов, затем принести дров, затопить каминок, сварить какую-нибудь еду, а затем уже ухаживать собственно за больным: ставить ему клизмы, компрессы, давать лекарства и прочее. А как много было больных, как много приходилось выносить трупов, обмывать прикованнаго к смертному одру больного необычайным поносом, как вообще трудно приходилось здоровым и, главным образом, Анкудинову и Янковскому, про то говорят цифры, которыя мы вновь повторим: населения шестьсот душ, из них здоровых в самый разгар болезни восемнадцать человек. Число смертей, главным образом за январь — сто шестьдесят человек. Помощи извне ждать было нечего, и гижигинцы обратились к взаимопомощи. Между состоятельными жителями была устроена подписка, которая дала 1300 руб., причем купец Брагин, лежа на смертном одре, нацарапал на подписном листе: “Зертвую тысячу рублей”, а другие — кто сто, кто десять (меньшей суммы нет). Могли подписать что-либо всего девять человек, и они подписали щедро. Собранные 1300 руб. пошли на дело призрения сирот, которых эпидемия лишила родителей и вообще тех, которые кормили их.

Эпидемия стала ослабевать с середины февраля, а в марте уже стали выпадать по два дня подряд, обходившиеся без случаев смерти, а к концу марта многие повыздоровели, и общими силами были выкопаны две братских могилы, в которыя и были перенесены сто пятьдесят семь (первые три покойника, умершие в декабре, тогда же и похоронены) покойников, и похоронены, конечно, без гробов. В наружном виде Гижиге остались следы описаннаго бедствия: навесы из-под рыбных вешал остались без крыш, ибо таковыя употреблены на топку каминков, да семь домов стоят заколоченными: их обитатели умерли все до единаго и покоятся в общей братской могиле… Много осталось сирот, много таких, у которых в нетопленной несколько дней подряд хате при температуре до минус сорока восьми градусов по Реомюру отмерзли ноги, руки, нос… Следы эпидемии, словом, были заметны и в мою бытность в Гижиге спустя полтора года. Много лет пройдет, когда гижигинцы станут забывать постигшее их бедствие, но, полагаем, не забудут они Анкудинова, Янковскаго и других гижигинцев, которые в дни бедствия поработали, как истинные христиане.

Свирепствовала корь и среди гижигинских, анадырских и, частию, охотских инородцев, много их умерло, но сколько именно и как вообще протекала эпидемия в инородческих стойбищах — про то знает один лишь Всеведущий Бог».

Но это еще не вся история, рассказанная Антоном Петровичем.

«Я позволил взять из Гижиги на свою личную ответственность мальчика, казачьего сына Ивана Падерина 11 лет, дабы выработать из этого мальчика будущего интеллигента Гижиги, которому были бы дороги интересы его далекой и бедствующей родины. Этого мальчика мне удалось определить в приготовительный класс хабаровского реального училища. Падерин учится не дурно, хотя, конечно, и не блестяще, ибо он до приезда в Хабаровск кроме тундры да пустынного гористого взморья его далекой родины ничего не видал, и даже те многие понятия, которые упоминаются в детских книжках для чтения, Падерину совершенно неизвестны. Вывозя Падерина из Гижиги, я далек был от мысли благодетельствовать этого мальчика, но я считал и считаю его тем орудием, при помощи которого с течением времени можно будет воздействовать на быт и экономическое благосостояние Гижигинского края. Падерин, по моему мнению, имеет право на благотворительность правительства: его дед и отец, природные гижигинские казаки, непрерывно прослужили Великому Государю 102 года, прослужили верой и правдой, получая за свою службу всего 36 руб. в год, да солдатский паек. Исходя из этого положения, я рассчитываю, что начальство хабаровского реального

училища окажет свою милость и вывезенному мною из Гижиги малолетнему казаку, наряду с теми учениками, которые пользуются щедротами правительства за службу их отцов».

Вполне вероятно, что именно с этим Иваном Падериным через десять лет и встретится в корякской тундре миссионер, впоследствии епископ Камчатский Нестор (Анисимов), оставивший об этой — необыкновенной — встрече свой рассказ:

«Вспоминается еще и такой случай, произошедший во время одной из моих поездок в глубь Камчатской области, едва не кончившейся трагически.

Вместе с коряками на ездовых собаках я отправился с Чукотки в селение Гижигу. Когда большая часть пути нами была пройдена и до Гижиги оставалось ехать около пяти часов, я, с согласия моих спутников-эвенов, отдал все, что было у нас съестного и для людей, и для собак, обитателям одной из последних юрт на нашем пути: ведь приближались к своему дому, где все есть. Стояла ясная, тихая погода, не предвещавшая ничего опасного для нашего последнего небольшого перехода.

Но неожиданно для нас начался снег с ветром, перешедший в неистовый буран; вскоре нас занесло так, что не стало видно ни зги. Собаки поджали хвосты и остановились, залепленные снегом, жутко завывая. Мы сперва не теряли бодрого расположения духа, так как были уверены в том, что буран к утру пройдет и мы тронемся в дальнейший путь на Гижигу. Но… пришлось просидеть на месте восемь суток!

И люди и собаки страдали от голода. Сначала коряки строгали тонкую стружку дерева “тальник” — “яый” и ели, но это нисколько не утоляло голод. Древесная стружка со снегом не могла быть нормальным питанием. Тогда эвены начали убивать наиболее истощенных из своих ездовых собак. Это была единственная возможность спасти остаток собак от голода, да и эвены жадно ели сырое мясо. Они уговаривали и меня есть собаку, но я предпочел жевать нерпичий ремень с отвратительным запахом жира, хотя это нисколько не утоляло голод. Только отчаяние вынуждало меня пытаться насытиться таким способом.

На исходе пятого дня нашего сидения под снегом неожиданно блеснул светлый луч спасения. Оставшиеся в живых собаки выбрались из-под снега и радостно, весело завыли хором. Мы объяснили это тем, что либо медведь близко, либо иной зверь, не ожидая ничего другого во время бурана.

Но вдруг к нам подъехали две собачьи нарты, и находившиеся при мне эвены закричали:

— Приехал Ванька, казак Падерин! Потеряв от голода самообладание, я выбрался из-под снега и взмолился, обращаясь к приехавшему казаку:

— Дай, Христа ради, хлеба!

Казак степенно улыбнулся и сказал:

— Погоди, батюшка, прежде благослови меня… я ведь с тобой два года не встречался. Благослови, а уж потом я тебе хлебушка дам.

Но в этот момент смертельной опасности от голода я забыл слова Христовой истины: не о едином хлебе человек жив будет, но всяким Божиим словом, исходящим из уст Его (Мф. 4, 4).

И я страдальчески продолжал просить:

— Нет, дай хлеба!..

После того как я, опомнившись, благословил Падерина, с его помощью была укреплена нартами палатка, куда меня с опухшими ногами втащили к костру. Мы были накормлены похлебкой с юколой, хлебом и чаем. Падерин растер мои окоченевшие больные ноги, чем значительно облегчил страдания.

Наше вынужденное сидение под снегом продолжалось с 24 января по 1 февраля. А 31 января я, собравшись с силами, полулежа в брезентовом плаще, отслужил благодарственный молебен о нашем спасении, при этом казак Падерин был певчим. После богослужения и искренней молитвы мы все как-то преобразились: настроение было светлое, радостное, праздничное, бодрое. Я, благодарный Падерину за спасение, восхищался его самоотверженностью и недоумевал, как он мог в такой буран подъехать к нам.

Как выяснилось, Падерин со своими спутниками ехал из Гижигинска. Ураган застиг его недалеко от нас, а так как ветер был для них попутный, собаки, на которых они ехали, учуяли близость нашего месторасположения и, напрягая силы, притащили своих седоков к нам. Мы вместе пробыли еще трое суток, и я искренно говорил, что в этой сооруженной общими силами палатке согласен остаться на все время. Затем наступила ясная погода, и мы двинулись дальше».

…А вот и самая первая встреча Нестора в Гижигинске:

«Переходя к рассказу о жизни в отдаленном Охотско-Камчатском и Чукотском краях, я должен пояснить, что собственно Камчатка — это только полуостров Камчатский с населением, в подавляющем большинстве своем состоящим из обрусевших камчадалов, русских, тунгусов и коряков. Но полуостров Камчатский — это только малая часть так называемой прежней Камчатской области, в которую входили, помимо Петропавловск-Камчатского, еще Охотский, Гижигинский, Анадырский и Чукотский уезды и Алеутские, или Командорские, острова. Вся Камчатская область занимала тогда площадь приблизительно 190 000 квадратных верст. Протяженность береговой полосы Охотского моря и Великого океана, окружавших всю Камчатскую область, равнялась десяти тысячам верст.

Дикий, северный, угрюмый край. Лютые морозы и снега, труднопроходимые просторы с немногочисленным населением и суровой природой. Таким предстал он полвека назад передо мной — юным, еще ничего не видевшим, кроме семьи и школы.

Свое служение я начал в Гижиге, севернее Камчатского полуострова, у берегов Охотского моря. Это небольшое, но по камчатским масштабам очень важное селение на реке Гижиге стало центром моей первоначальной миссионерской дея-

тельности. С большими трудностями добирался я туда. С парохода пересел на катер и миль 20 проплыл в открытом море, а потом по реке Гижиге поднимался бечевой. Лодку тянули собаки. Затем я пересел на полудикую лошадь. Летом в Камчатской области местами передвижение возможно только на лодках или верхом на лошади. Зимой лошадей отпускали в тундру на подножный корм, а весной их приходилось ловить арканами и снова приручать.

На другой же день после прибытия в глухое селение пришел ко мне камчадал и радостно произнес:

— Наконец у нас свой свясенник! Батюска, я просу тебя, доделай мой бабе ребенка!

Недоумевая, я стал возражать. Но он в ответ выразил недовольство: “Какой же ты батюска, если не знаесь своей обязанности”, — и уже в гневе повторил свою просьбу и в заключение сказал:

— Такого батюску нам не надо!

На мое счастье наш разговор услышала старушка, жена камчатского казака Падерина, у которых я остановился, и пояснила:

— Не сердитесь, батюшка, этот камчадал по своему понятию просит вас о следующем: из-за долгого отсутствия священника родившийся в его семье ребенок был окрещен повивальной бабкой с наречением ему имени, а ваш приезд обрадовал его, он просит вас завершить крещение младенца миропомазанием…

Второй подобный случай меня уже кое-чему научил. Один из камчадалов обратился как-то ко мне:

— Батюшка, дай моей бабе сорок!

Я уже понял, что он просит в сороковой день дать матери младенца положенную молитву. Впоследствии я научился их понимать».

Постараемся и мы понять, кто из Иванов Падериных встретился на жизненном пути таких знаменитых дальневосточников, как Антон Петрович Сильницкий, впоследствии начальник Петропавловского уезда, и епископ Камчатский Нестор (Николай Александрович Анисимов).

В тот период в Гижиге было три Ивана.

Старший — Иван Егорович Падерин, в 1908 году пятидесятник.

Средний — Падерин Иван Андреевич (родился 23.02.1886), с января 1907 года был женат на казачке Евдокии Ивановне Красовской.

И младший — Падерин Иван Степанович (1891). В январе 1910 года женился на дочери гижигинского мещанина Марфе Ивановне Поповой.

В любом из двух последних случаев (а по возрасту это мог быть любой из этих Иванов) мечта Антона Петровича Сильницкого не могла быть исполнена — та эпоха, ознаменованная политическим террором, особенно сильно ударила по малонаселенным дальним регионам.

Падерин Ив[ан] Андреевич (1886, с. Палана, Камчатка), в середине 1930-х «социально-вредный элемент». Из крестьян. Камчадал. Малограмотный. При царе служил рядовым казаком. На допросе в НКВД 4.01.1935 показал: «В 1922, проживая в с. Крестово, меня, как имеющего лучшую нарту собак, староста с. Гижиги Брагин Ник. Инн., проживающий сейчас в Гижиге, послал в числе др. в сел. Наяхан привезти в Гижигу Бочкарева, рук-ля белогвард. отрядов. Я это выполнил. Проживая в с. Гижига, Бочкарев предлагал мне быть у него на службе, обещал сделать рук-лем среди всего тузем. насел., т. к. я пользуюсь среди мест. насел. авторитетом. Я не соглашался, ссылаясь на свою неграмотность в обиду, что Б. с меня взыскал назаконно долг в 800 р. продовольств. Управе, которой я уже уплатил до его прихода». После разгрома Б. был 6 мес. пред. сельревкома. В 1926 лишался избир. прав как торговец. До 1930 занимался охотой и рыболов. В 1932 вступил в к/х, возил почту из Паланы в Карагу «с охватом кочевников». До 1917 дом, амбар, корова 3 лошади, до 1929 только дом и амбар, на момент ареста 27.03.1934 (зав. почтой с. Лесная) вдобавок одна лошадь и одна корова. Обвин. по ст. 58-2-6-10-11. Тройка УНКВД по ДВК пост. от 2.02.1935, признав его социально-вредным элементом, лишила его права прожив. «в 39 режим. местностях». Реабил. в 1993. В Книге Памяти жертв полит. репрессий Камч. обл. «Из тьмы забвения…» (2010) отсутствует. [В. Пустовит, Камчатские персоналии, ВИК, № 9, П-К., 2016].

Падерин Иван Степанович.

(1887, Охотско-Эвенский р-н, с. Гижига, ДВК —1933.12.09) камчадал, безработный, житель: Охотско-Эвенский р-н, с. Гижига, ДВК. Арест: 1933.04.07 Охотско-Колымским ПО ОГПУ. Осужд. 1933.12.05 тройка при ПП ОГПУ по ДВК. Обв. по ст. 58-6 УК РСФСР. Расстр. 1933.12.09. Место расстрела: г. Николаевск-на-Амуре. Реаб. 1989.10.18 по заключению Военной прокуратуры КДВО, основание: по Указу ПВС СССР от 1989.01.16 [Книга памяти Хабаровского края].

В 1901 году родился еще один Иван Падерин, но и его судьба была трагичной:

Падерин Иван Александрович (1901), место рождения: ДВК, русский, арестован в 1935 г., осудивший орган: тройка УНКВД по ДС, осужден 21.04.1938, статья: 58, расстрелян 16.06.1938, реабилитирован 14.06.1989.

Но остались дети.

У Ивана Андреевича: Падерина Анна Ивановна (12.03.1907), Падерин Андрей Иванович (23.01.1911), Падерина Степанида Ивановна (19.12.1912), Падерина Мария Ивановна (09.06.1915), Падерин Николай Иванович (14.10.1917), Падерина Татьяна Ивановна (04.01.1920), Падерин Семен Иванович (15.04.1922).

У Ивана Степановича: Падерин Иван Иванович (12.06.1911), Падерин Пантелеймон Иванович (27.06.1912), Падерина Вера Ивановна (18.09.1915), Падерин Вячеслав Иванович (13.04.1918), Падерин Степан Иванович (28.02.1922).

У Ивана Александровича — брат Анатолий (1898) и сестра Елизавета (1903).

Однажды мы получили письмо:

«Я, Алла Ивановна (по отцу Падерина), мне 60 лет. По просьбе моей внучки я пишу историю семьи. Но вот по линии отца у меня совсем нет данных о родне. Его звали Падерин Иван Иванович. Год рождения примерно 1900–1915. В 1946–1949 г. был на Украине, Кривой Рог. Единственное, что еще мне помнится – улыбка. На Камчатке у него было 20 пар ездовых собак. Так как многие боятся просьб о помощи, то сразу оговорюсь, что мне ничего и ни от кого не нужно. Я вполне себе живу хорошо. Заранее благодарна за внимание».

Иван Иванович — это, вероятно, один из сыновей Ивана Степановича, который родился 12 июня 1911 года.

Но вернемся к задумкам Антона Петровича Сильницкого. Конечно, ряды Падериных поредели. И не только среди Иванов.

Падерин Ефим Александрович (1892), место рождения: ДВК, русский, арестован в 1938 г., осудивший орган: тройка УНКВД по ДС, осужден 21.04.1938, статья: 58, расстрелян 16.06.1938, реабилитирован 14.06.1989.

В 1907 г. в Гижиге служили Степан Георгиевич Падерин, управляющий Гижигинской казачьей командой и хорунжий, и Иван Георгиевич Падерин.

Старшего брата — Дея Георгиевича — уже не было в живых.

Но последним управляющим Гижигинской казачьей команды был его сын — казачий (а не полицейский, как у автора) урядник:

Падерин Григ[орий]. Дейча (1881, с. Гижига ныне Магадан. обл. — 22.12.1937), бывш. полицейский урядник. Из семьи полицей. пристава. Русский. ЦПШ. На Камч. с 1906. До 1915 урядник в с. Марково, после чего занимался торговлей. По сов. данным, применял наем. труд, избивал батраков, обирал чукчей, несовершеннолетнюю чукчанку Надежду (1903 г. р. впоследствии канд. ВКП/б/, санитарка Анадыр. окрбольницы) продал охотнику Петушкову за 12 ездовых собак. В 1933 искл. из к/х, лишен избир. прав. Систематически недовольствовался существ. строем. Американофил. На момент ареста 21.09.1937 с женой и тремя детьми проживал в с. Усть-Белая Анадыр. р-на Чукот. нац. округа, работал в лич. хоз-ве. 28.11.1937. Тройка УНКВД по ДВК приговорила его без предъявл. обвин. к ВМН. Реабил. прокуратурой Камч. обл. 20.06.1989 [В. Пустовит, Камчатские персоналии, «Вопросы истории Камчатки», № 9, П-К, 2016].

В 1900 году на свет появляется еще один Дей — Георгиевич.

В 1934 — Дей Анатольевич.

За полвека проживания в Гижиге Падерины породнились со многими старожилами — потомками служилого люда Гижигинской крепости. Так Анастасия Георгиевна Падерина, дочь зауряд-сотника, вышла замуж за казака Гавриила Николаевича Кожевина. Ее племянница, Дарья, дочь Степана Георгиевича, вышла замуж за сына священника Шипицына Ивана Митрофановича. Другая племянница — Евдокия Деевна — за гижигинского мещанина Александра Андреяновича Брагина.

И сегодня, если проследить дальнейшую родовую историю Деевичей, начиная с Егора Дмитриевича Константинова, можно узнать много нового и интересного.

23 апреля 1942 года оформлен наградной лист на старшего лейтенанта Андрея Ивановича Падерина (1919), заместителя командира батальона 1150 стрелкового полка 342 стрелковой дивизии, в котором говорится:

«Тов. Падерин вступил в бой командиром взвода пешей разведки. С первых же дней боев тов. Падерин проявил героизм, смелость и отвагу. Тов. Падерин со своим взводом 16 раз ходил в разведку, принося ценные донесения и без единой потери возвращался в часть. Во время боев тов. Падерин сам лично уничтожил до 40 фашистов, броском гранаты вывел из строя расчет ручного пулемета и захватил его. Во время разведки тов. Падерин часто попадал в окружение, но выходил без единой потери, уничтожив при этом до 10 фашистов. В бою под селом Черемошна т. Падерину было поручено командовать ротой. С этой задачей т. Падерин справился на отлично 03.02.1942 г. т. Падерин со своим взводом вступил в бой против 80 немцев. В этой схватке т. Падерин уничтожил огневую точку противника. По возвращении после контузии т. Падерин был выдвинут на должность заместителя командира батальона. Представляется к Правительственной награде медалью “За боевые заслуги”».

А уже 24 февраля следующего, 1943, года Андрей Иванович Падерин представлен к высшей награде того времени — ордену Ленина:

«Капитан Падерин А.И. в боях за опорный пункт Городище 20.02.1943 г., когда выбыл из строя к-р б-на, принял на себя командование б-ном, смелым броском б-на занял опорный пункт Городище. Находясь в первых рядах, лично сам уничтожил 3 офицеров, до 30 солдат, подавил огонь 2-х ручных пулеметов. Под его руководством б-н отразил 20-21.02.1943 г. 8 контратак пр-ка. Был контужен и ранен. Достоин высшей правительственной награды орденом “Ленина”».

Если кто помнит, то в самом начале этого очерка я упомянул о том, что родная племянница Егора Деевича Падерина — Анисия Иовна Константинова вышла замуж за потомка якута Николая Ивановича Пономарева. Ее внук — Николай Иннокентьевич Пономарев (1917), как и Андрей Иванович Падерин, прошел всю войну, сражаясь с фашистами, и был награжден медалью за оборону Москвы (09.12.1944), медалью «За боевые заслуги» (12.06.1944), орденом Красной Звезды (16.07.1944), медалью «За отвагу» (27.03.1945), медалью «За освобождение Варшавы», медалью «За взятие Кенгсберга».

И еще один штрих в этой родовой истории северян Контантиновых-Падериных, вспоминая напутственные слова Антона Петровича Сильницкого.

Вячеслав Иванович Падерин (1968), пгт Палана, Корякский автономный округ: в 2004–2007

годах — депутат Думы Корякского автономного округа; в 2009 году — советник губернатора Камчатского края по вопросам коренных малочисленных народов Севера; в 2010 — заместитель краевого министра общественных отношений; в 2011 году — заместитель министра по делам Корякского округа.

ПАРАНЧИНЫ

Дальневосточная история Паранчиных начинается с якутского сына боярского Ивана Яковлевича Паранчина — приказчика над крестьянами, расселенными вокруг Чечуйского острога.

А его сын — Федор Иванович Паранчин — стал участником событий мирового значения.

«Во дворе Иван Яковлев сын Паранчин … дети ево Федор двацати пяти лет (1695) в службе и он Федор послан Великого государя на службу в Оходской острог в 718-м году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 5].

Кстати, в переписи 1722/1748 гг. Федор представлен дважды, но в одном из вариантов искажена:

Тауиского острогу … Разночинцы … Федор Иванов сын Парамсин [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 126].

В России сегодня мало кто помнит о неудачах Первой Камчатской экспедиции В. Беринга — эту неудачу затмила слава и трагедия Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции, руководителем и жертвой которых стал капитан-командор Витус Беринг.

Но экипаж бота «Святой Гавриил» (уже без кадровых морских офицеров на борту, если не считать смертельно больного подштурмана Ивана [с неустановленным и по сию пору отчеством] Федорова, который не покидал каюты во время плавания) во главе с геодезистом Михаилом Спиридоновичем Гвоздевым и опытнейшим дальневосточным мореходом-каботажником Кондратием Федоровичем Мошковым, участником Первой экспедиции, решил задачу, поставленную императором Петром I перед Берингом — они открыли Большую Землю — Аляску, правда наши отечественные историки все равно отдают и по сей день дань этого открытия команде Беринга, хотя это была уже — *принципиально* — иная команда, состоящая в своем большинстве из камчатский (якутских) казаков. Казаки первыми высаживались на американские острова, именно они же приняли решение о возвращении из того плавания:

«Спустя некоторое время к Гвоздеву … пришли служилые. Ефим Пермяков, Федор Паранчин, Лаврентий Поляков, Алексей Малышев и другие заявили, что еле успевают откачивать воду с бота, да и продовольствия осталось совсем немного, поэтому надо, мол, возвращаться на Камчатку. Гвоздев повторил им, что он один ничего не может делать. Тогда служилые во главе с мореходом Мошковым подали Гвоздеву и Федорову прошение, “которым объявя многие свои нужды просили, чтоб для тех их нужд и поздности времени из того вояжа возвратиться на Камчатку”. Посовещавшись, Гвоздев и Федоров направились к Камчатке, куда и прибыли благополучно 28 сентября» [Алексеев А.И. Сыны отважные России, Магадан, 1970 г.].

Напомню, кто этого не знает — Первая Камчатская экспедиция, состоящая в своем руководстве из кадровых морских офицеров, завершилась, не решив поставленной перед этой экспедицией задачи, гораздо раньше — 2 сентября 1828 года бот «Святой Гавриил» уже встал на зимовку в устье реки Камчатки.

«По свидетельству Скурихина (участника экспедиция 1731 года — *С.В.*), — на обратном пути через несколько дней на боте “великою погодою” сломало мачту. С большим трудом 28 сентября 1732 г. “Св. Гавриил” добрался до устья р. Камчатки».

Степан Петрович Крашенинников оставил в одном из своих рапортов благодарственную запись: «Да мне ж подарил копрал здешнего острога Федор Паранчин японской компас медной, у которого стрелочка наверху, закрыт стеклом, утвержденным медным оботом, на оботу написаны незнаемые слова, и зделан на нем гномон медной же; крышка у оного компаса медная же, а в ней утверждено зеркало, оной компас внешним видом зделан на подобие карманных часов».

Огромная ценность по тем временам — но не пожалел для ученого человека.

Интересно еще и другое — Федор Иванович, вероятно, был еще серебряных дел мастером, если приведенная цитата касается имено его:

«Беринг приказал объявить, чтобы в случае благополучного исхода русские сделали пожертвование для строящейся новой церкви в Петропавловской гавани, а лютеране — для собора в Выборге. Соответственно лейтенант Дм. Овцын “вызвал из Большерецка инока Михаила Неводчикова и серебряных дел мастера Паранчина для работы упомянутых икон в память обета на складочную сумму”. В дальнейшем среди церковных реликвий в Петропавловском соборе на Камчатке хранились “две иконы св. апостолов Петра и Павла”. На первой из них на серебре сделана надпись: “Сей светлый образ обложением украсился тщением и по обещанию флота лейтенанта Дмитрия Овцына и всех служителей, спасшихся с пустова острова и достигших Камчатских берегов на гукоре Св. Петра в 1742 г. в августе месяце”» [Путь на Новый Валаам: становление Русской Православной Церкви на Аляске]

В 1771 году в историю — и тоже мировую — вошли крестные дети Федора Ивановича — камчадалы Алексей Иванович и Лукерья Иванова Паранчины из небольшого поселения вблизи Большерецкого острога, которые стали невинной жертвой одного из государственных преступников, сосланного на Камчатку – бывшего гвардейца, обвиненного в подготовке дворцового переворота и сосланного на Камчатку, Петра Хрущова.

На Камчатке к 1771 году собралась целая команда ссыльных людей, которые безо всякого надзора — куда, дескать, с Камчатки убежишь? — разгуливала по Большерецкому острогу, обговаривая план бунта, захвата власти и бегства с Камчатки.

За атамана у них был участник Барской конфедерации Август Мориц Беньевский.

Сначала обсуждалась мысль об уходе на шлюпках через Курильские острова в Японию.

Потом, когда к заговору примкнули промышленные люди купца Холодилова, озлобленные тем, что в течение нескольких лет в связи с поломкой судна, не могли выйти на промыслы в море, теряя заработки, было решено уйти на промысловом судне — но при осмотре не решились идти в море на столь хилой конструкции.

Позже к заговору был привлечен капитан одного из казенных судов — штурман Максим Чурин — с частью своей команды из ссыльных матросов, и вопрос решился однозначно — захват власти в Большерецке и бегство с Камчатки на казенном галиоте «Святой Петр».

Весной 1771 года этот план был осуществлен — и под девизом свободы, братства и равенства отправились в путь за новой счастливой долей.

Но не всем повезло в том равенстве, братстве, а тем более свободы: Петр Хрущов (впоследствии офицер на французской службе Пьер Хрущовски) силой забрал с собой на судно камчадалов супругов Паранчиных.

Также как арестант был вывезен с Камчатки и будущий великий русский мореплаватель Герасим Измайлов — в будущем верный морской товарищ Григория Ивановича Шелихова, основавшего на острове Кадьяк первое русское поселение в Русской Америке.

На Семнадцатом Курильском острове, где экипаж судна заправлялся свежей водой, возник контрзаговор с целью захвата судна и возвращения с ним на Камчатку.

Заговор и возглавил штурманский ученик Герасим Измайлов. Участие в этом заговоре приняли и супруги Паранчины.

Но все планы заговорщиков рухнули — их предали.

Измайлова и супругов Паранчиных Беньевский приказал оставить на необитаемом острове, снабдив их по требованию команды небольшим количеством продовольствия.

Паранчиным повезло — на остров зашла промысловая ватага и взяла Паранчиных в дело.

А на обратном пути промышленные люди захватили с собой и Измайлова, который, как Робинзон Крузо, провел тот год в полном одиночестве.

На Камчатке тут же арестовали Измайлова и супругов Паранчиных, а затем, как свидетелей, спроводили под караулом в Иркутск, где велось следствие по Большерецкому бунту.

«31 декабря 1773 г., к генерал-губернатору поступило и последнее донесение иркутской губернской канцелярии с допросами, снятыми уже в Иркутске, с Измайлова и Паранчина…

Измайлов и Паранчин показали, что были взяты Беньовским насильно и много от него претерпели за желание возвратиться в отечество…

…31 марта 1774 г. генерал-прокурор, по докладе императрице об окончательном следствии по бунту Беньовского, объявил нижеследующее высочайшее повеление: 1) Измайлова и Паранчина с женою от ответственности освободить…».

Помимо этих троих под следствием в Иркутске находилось еще 36 человек. Среди них, возможно, был и подканцелярист Большерецкой канцелярии Иван [Федоров сын] Паранчин, которого бунтовщики разоружили во время бунта. Но его имени в списке арестованных мы не нашли.

Кстати, промышленные люди искали своих врагов — приказчиков Арсения Кузнецова и Степана Торговкина, которые были надежно спрятаны в доме Ивана Федоровича Паранчина.

Но даже если Паранчин и был в числе свидетелей, то «из очевидцев камчатского бунта и лиц, имевших касательство к беглецам, подверглось передопросам до 36 человек. Иные из солдат при допросах были сечены кнутом, а все вообще допрашиваемые долгое время протомились под крепким караулом, некоторые более двух лет. При этом местное начальство озаботилось увезенную мятежниками казну во что бы то ни стало возместить путем взысканий с местных жителей, хотя мятежники пред выездом роздали всего 1000 руб. казенных денег за разграбленное у отдельных лиц судовщиками имущество.

(Но приговор был относительно мягким) … прочим 27 человекам, не соблюдшим долга своего, вменить в наказание двухлетнее их заключение и снова привести к присяге; 6) розданных злодеями казенных денег ни с кого не взыскивать…»

А далее мы узнаем, вероятно, уже о внуках Ивана Федоровича: в 1812 году в Нижнекамчатске в гарнизонном батальоне служили

Барабанщик

Паранчин Петр Ильин (1790)

Рядовой

Паранчин Иван Михайлов (1793).

Петропавловский порт, 1845 год:

«Писарь 1-го класса Паранчин Иван Михайлович, 52 года, из солдатских детей. “Имеет на левом рукаве три нашивки из желтой тесьмы за 20 лет ‘безпорочной’ службы и за продолжение вторичного срока службы из золотого галуна две нашивки”. 26 января 1811 года зачислен рядовым в Камчатский гарнизонный батальон, а после его расформирования — 1 мая 1813 года был зачислен матросом в Камчатскую экипажную роту. При них с женой Екатериной Федоровной находились сын Евграф — 5 (1847) и дочь Аграфена — 7» [РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 5. Д. 515. Лл. 702].

В Петропавловской экипажной роте служил и брат Ивана Михайловича:

Матрос 2-й статьи Паранчин Моисей Михайлович (1799)» [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

В 1835 году у него тоже была уже семья:

Паранчин Моисей Михайлович. Ж. Феодосия Стефанова — 25 лет. Дети: Даниил — 8 лет (1828), Феврония — 3 года [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

Петропавловский порт, 1850 год: Паранчин Даниил Мосеевич (1828), канонир, из солдатских детей, уроженец Камчатки, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1843 г.

Но в связи с переводом в 1855 году гарнизона Петропавловского порта на Амур, этот фамильный след на Камчатке теряется…

ПАРФЕНТЬЕВЫ

И мы снова возвращаемся к теме открытия гавани Императора Николая I и трагедии зимовки 1853/1854 гг.

Вторым спутником Николая Бошняка после Кирилла Белохвостова (или, если по алфавиту, третьим, считая амгинского крестьянина Ивана Мосеева, который был переводчиком в этой экспедиции) был вплоть до своего трагического конца Семен Парфентьев.

Тот самый Парфентьев, который упомянут в записках его командира трижды.

Первое упоминание — о том, что он был в числе тех четырех человек из команды Бошняка, кто всю зиму, весь период трагедии, когда уже никто, кроме этих четырех, не поднимался на ноги, вынесли на себе всю тяжесть той страшной зимовки, был послан за первой черемшой для тех, кто остался в живых: «…с первыми признаками наступающей весны я отправил на байдарке казака Парфентьева отрывать из земли на м. Путятина, черемшевые коренья, как известное противоядие этой убийственной болезни».

О воронах, которых отстреливали и жарили, чтобы спастись от голода, Бошняк помнил.

А об этих четырех своих казаках, которые спасали жизни остальных, трудясь не покладая рук — и спасли большую часть людей, которые сами уже попрощались было с жизнью — ни слова. Запомнилась лишь черемша.

Второе упоминание — именно Парфентьев принес долгожданную весть, что в Императорскую гавань прибыло судно, что было спасением для всех. Ключевое слово — *спасение*. Парфентьев упомянут лишь всуе.

И третье упоминание, которое я не могу не привести дословно.

Напомню, что с этими двумя казаками — Белохвостовым и Парфентьевым — своими верными спутниками, Бошняк прошел огромный путь, преодолевая неимоверные трудности во имя события, которое обессмертило *его* и их имя.

«Переход этот, как и все подобные ему, не отличался никакою особенностью, только придя в Петровское, я чуть не сделался сам жертвою скудности средств зимовья и неудобства окружающей его местности. Два казака, Парфентьев и Белохвостов, бывшие со мною на байдарке, потонули, а я выплыл и прибрежными бурунами был выброшен на берег».

И все. Это и есть третье упоминание имени (собственно, имя то ни разу даже и не названо) Парфентьева лейтенантом Бошняком [Занятие части о-ва Сахалина и зимовка в Императорской гавани : Из записок лейтенанта Бошняка, [«Морской сборник», 1859, № 10, с. 391–413].

Может быть, я что-то преувеличиваю и несправедлив к памяти человека, которому в городе Советская Гавань поставлены памятники, открыт музей?

Собственно, к *памяти* то, о чем я говорю, это все отношения не имеет — факты и события от этого не меняют своего истинного достоинства и отношение к ним остается прежним — уважительным.

Вопрос в другом — в *благодарности*.

А это уже не категория истории и географии. Это категория более тонкой — духовной — материи.

И конечно же, мы вернемся к историческим событиям и их оценки уже нашими современниками.

Вот что сообщал, например, Александр Иванович Алексеев в своей замечательной книге «Любовь, Амур, Счатье»:

«Едва отдохнув, весной 1852 года Бошняк и казак Семен Парфентьев выехали в новое путешествие вверх по Амуру до селения Вайт, где они простояли десять суток из-за сильной пурги. Затем они перебрались к селению Ухтр, где Бошняку предстояло наблюдать вскрытие реки Амур и исследовать протоку Уй, ведшую к озеру Удыль, из которого она вытекала. Подождав вскрытия Амура до 11 мая, Бошняк еще больше месяца исследовал озеро, Серебряный остров на нем и протоку, и лишь 17 июня он прибыл на нивхской лодке в Николаевский пост. 20 июня Бошняк явился в Петровское для сдачи отчетов.

…15 февраля 1853 года Бошняк начал свою третью поездку-плавание. Первые две дали важные результаты. Впервые был описан путь по Амуру и Амгуни до озер. В путешествии по Сахалину впервые пересекли остров по направлению реки Тымь, открыли каменный уголь, узнали о пребывании на острове в недавнем времени русских людей и о том, что они время от времени появляются на Сахалине. Все это было настолько важно, что Невельской немедленно сообщал об открытиях Бошняка в Петербург. Этому своему самому активному офицеру и талантливому исследователю Невельской поручил и поход к неизвестному заливу, лежащему к югу от лимана Амура, от пролива Невельского, где-то на побережье Татарского пролива. Николай Константинович выбрал себе в спутники горного мастера Ивана Блинникова, казаков Семена Парфентьева и Кира Белохвостова, а также якута Ивана Мосеева, знакомого с языком орочей, которые, по словам местных жителей, живут в нескольких местах на побережье залива Хаджи.

…выяснилось, что путешественники совсем немного не дошли до входа в залив, тот самый, который местные жители называли заливом Хаджи или Большим. Случилось это 23 мая 1853 года. Путешественники пробыли тут неделю, подробно его описали, дали названия мысам и заливам, повстречались с местными жителями, а перед уходом поставили крест на мысе Анастасии, недалеко от выхода в Татарский пролив. На кресте вырезали надпись, гласящую, что эта гавань открыта лейтенантом Бошняком со спутниками казаками Семеном Парфентьевым, Киром Белохвостовым и амгуньским крестьянином Иваном Мосеевым и названа Гаванью Императора Николая I.

…На шхуне “Восток” из Императорской гавани прибыл измученный трагической зимовкой лейтенант Бошняк с постоянными спутниками во всех его путешествиях казаками Киром Белохвостовым и Семеном Парфентьевым. Не дожида-

ясь, когда рассеется густой туман, они втроем рискнули на байдарке добраться до Петровского. Не суждено было казакам повидать своих товарищей: байдарку буруном перевернуло и всех потащило вглубь залива. Парфентьев и Белохвостов плавать не умели, они вскоре исчезли в волнах. А Бошняку удалось выбраться на берег».

Столь же немногословен, как Н.К. Бошняк, по отношению к членам своей команды первостроителей Николаевского-на-Амуре поста был и их начальник Александр Иванович Петров.

При всей присущей тому времени пафосности в оценке деятельности Амурской экспедиции (что было, согласимся, справедливо!), оценку деятельности отцов-основателей будущей столицы Дальнего Востока он дал более, чем скромную (а некоторым — и вообще негативную).

Вот как это звучало:

«Может быть, эта моя рукопись будет когда-нибудь любопытна для публики и напечатана, тогда пускай предадутся гласности фамилии тех, которые были невидными, но весьма полезными деятелями на Амуре, которые принесли государству безропотно, не ожидая наград и повышений, громадную услугу и, терпя страшные лишения, подорвали свое здоровье и почти все, исключая троих или четверых, лежат там, на Амуре, в земле сырой.

Выписываю из имеющихся у меня дел список нижних чинов и их семейств из строевого рапорта, поданного мною начальнику экспедиции от 5 декабря 1852 года за № 157.

…Семен Парфентьев — плотник».

И все…

Словно все, что было построено в Николаевске-на-Амуре — было делом рук только самого Александра Ивановича Петрова, а не тех самых казаков-неумех, для которых он даже не нашел добрых слов, когда давал им свои личные характеристики, которые никак не вязались с изначальным его пафосом.

О Парфентьеве он хоть не сказал ничего обидного, как о других. Но о других мы расскажем в своем месте.

А теперь постараемся выяснить, кто такой казак Семен Парфентьев.

Благодаря материалам целого ряда архивов — московских и региональных — мы сегодня можем выстроить практические всю родословную цепочку этого рода начиная с 1768 года, когда из Анадырского острога в Гижигинскую крепость была переведена первая часть гарнизона в связи с его расформированием и уничтожением самого острога, как русского военно-стратегического форпоста на Крайнем Северо-Востоке империи.

Семен Федотьев сын Парфентьев был сыном гижигинского казака Федота Григорьева сына, внуком гижигинского урядника Григория Александрова сына Парфентьева и правнуком гижигинского казачьего пятидесятника (а в недавнем — анадырского капрала) Александра Парфентьева.

И вполне вероятно, что это о его семье после гибели самого Семена Федотьевича сообщалось в «Именном списке казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год

Семейства казачьи

Вдова Дарья Парфентьева. Дочери: Евдокия — 19, Матрена — 23. Дочь Матрены — Феодосия» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

Если это так, то он мог быть, чтобы совершать серьезные путешествия, в возрасте от 45 до 50 лет. Но это пока предположение.

Что известно точно — у него были братья Николай (1822/1825) и Тимофей (1830) Федотьевичи.

У Тимофея Федотьевича было три сына — Федот (1865), Алексей (1871) и Яков.

Их сестра — Матрена Тимофеевна Парфентьева (1872) 27 января 1891 года вышла замуж за гижигинского казака Дмитрия Николаевича Беломоина (1861). И эта семья также переживет страшную трагедию зимы 1900 года, о которой мы расскажем в соответствующей главе.

А последующее поколение потомков гижигинских казаков Парфентьевых, корни которых идут уже в наше время, формировал Яков Тимофеевич, у которого было четверо сыновей: Василий (1909), Тимофей (1912), Николай (1914), Алексей (1919).

А теперь мы возвратимся к патриарху андырско-гижигинского рода Парфентьевых — капралу Александру Парфентьеву.

К сожалению, мы не знаем, откуда прибыл в Анадырский острог капрал Парфентьев.

Что интересно, в Гижигинской крепости он уже был в чине казачьего пятидесятника.

В итоге рождаются два предположения.

Первое, связанное с казачьим чином. Возможно, здесь существует некая родовая связь с Красноярском, где в начале 18-го столетия служит сотник Михаил Парфентьев.

Но более интересной, на наш взгляд, выглядит другая версия — о связи Парфентьева с Тобольским (впоследствии Сибирским) драгунским полком, откуда, как известно, в помощь гарнизону Анадырского острога после гибели майора Тобольского драгунского полка Дмитрия Павлуцкого было направлены офицера и солдаты этого полка.

Хотя мы уже эти строки и цитировали, но вынуждены повторить:

«…иркутская канцелярия, послав 6 августа 1747 г. сибирскому приказу донесение о смерти Павлуцкого, просила прислать в Якутск 500 чел. драгун для усмирения чукоч.

Сибирский приказ по получении этого донесения послал в Иркутск сына боярского Алексея Новгородова, которому поручил:

…В Тобольске взять 320 челов. драгун и распорядиться, чтобы они были в Иркутске в феврале 1748 года.

…В апреле 1748 г. в Иркутске приготовили к походу 300 служилых и 218 челов. отправили со вскрытием Лены в Охотск с сотником Вергуновым, а остальных 82 человека немного позже.

…В 1749 г. по распоряжению сибирского приказа был командирован из Тобольска в Анадырск капитан Шатилов с 2 офицерами, 5 унтер-офицерами и 22 человеками нижних чи-

нов. Партия эта в августе 1749 г. выступила из Охотска, а в декабре 1750 г. прибыла в Анадырский острог.

В 1753 году, как сообщает Пленеснер: "Всех людей в остроге в настоящее время 287 человек"…» [Сгибнев А.С.].

И вот что для нас, безусловно, может иметь интерес — командиром Тобольского драгунского полка в течение целого ряда лет был полковник Леонтий Иванов сын Парфентьев.

Совпадение?

Возможно. Но — читаем: «Прадед и дед Леонтия служили дворянами "по московскому списку", отец — прослужил в чине тобольского сына боярского "больше 40 лет". Сам Леонтий с 1689 года в чине сына боярского посылался "с государевыми делами" в Москву, Енисейск, Нерчинск и Якутск. В 1694 году его отправили "на приказ" в Окуневскую слободу, находившуюся вблизи от места будущей дислокации драгунского полка. Парфеньев укрепил ее "острогом с башнями" на случай набегов кочевников, поселил в ней 130 крестьян.

Офицеры совмещали командование драгунами с должностями казенных приказчиков в острогах и слободах государевых крестьян, где размещался полк.

…С 1703 и до 1720-х годов почти бессменно командовал полком Парфеньев» [Акишин М.О. Тобольский драгунский полк на Урале в первой половине XVIII в.]

А что же дальше?

«Во время следствия о князе Гагарине 232 жителя Царева городища, Иковского и Утяцкого станцов подали 23 доношения о насилиях и грабежах на своего командира Парфеньева».

Он был под следствием.

Но «…успешными оказались действия полковника Андрея Парфеньева (сына Леонтия). Несмотря на то, что крестьяне заперлись от него в слободе, стреляли по его отряду из ружей и пушек, ранили пять драгун, он смог захватить и доставить под следствие в Тобольск 101 бунтовщика» (речь идет о подавлении бунта ишимских крестьян).

А братья Леонтия Ивановича тоже не дремали — Андрей Иванович был дворянином по московскому списку, Иван Иванович — по тобольскому.

Другой сын Леонтия Ивановича — Петр Леонтьевич — служил в Тобольске в казачьем полку в чине сына боярского.

Но это еще не все — помимо Тобольского (Сибирского) драгунского полка гарнизон Анадырского острога пополнялся еще и за счет Якутского (до 1727 года — Тобольского) и Енисейского (в Петровские времена — Московского) пехотных полков, формирование которых происходило за счет сибирского набора рекрутов из казачьих детей и крестьян.

И вот перед нами документ:

«Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1754 годом апреля по 1 число».

И далее:

«Полковаго Штаба

1. Полковник Михайло Лебедев
2. Подполковник Григорей Васильев — 62 г., в службу вступил в 712 г., из драгунских детей Тобольскаго уезду, по российски читать и писать умеет (о семье нет данных), в нынешнем чине с 751 году, где обретается — при полку (полк находился в Тобольске).
3. Пример Майор Василей Переводчиков — 56 л., в 765 г., из казачьих детей г. Томска, [читать и писать] умеет; с 752 г. при полку…
4. Гарнизонный Квартермистр Иван Тараканновский — 39 л, в 737 г; из детей боярских г. Красноярска; [читать и писать] умеет; женат у него сын Иван 19 л. в Тобольском полку в капралах; в нынешнем чине с 750 г.; при полку.
5. Адъютант Иван Парфеньев…»

Как вы думаете, мог адъютант полковника Лебедева быть из роду-племени тобольского служилого клана Парфентьевых?

А мог ли Александр Парфентьев — капрал то ли Тобольского драгунского, то ли Енисейского пехотного полка быть из того же служилого рода?

Конечно, ответа на этот вопрос у нас пока нет…

Но версия весьма интересная.

ПЕЖЕМСКИЕ

Петру Ивановичу Пежемскому, автору знаменитой «Иркутской летописи», на которую ссылаются многие историки, принадлежат эти слова:

«Если ты сын России, то не лишним будет для тебя знать дела твоих земляков в Сибири, если ты природный сибиряк, то тебе надо знать еще больше, потому что ты родился на той земле, где предки твои, первые русские люди, покорили, очистили, прирастили Сибирь к России… Если ты бурят, тунгус, якут или камчадал, то знаешь ли ты, что ты прежде был…»

А мы сегодня попытаемся разобраться в истории самих Пежемских в Сибири.

Представители этой фамилии — иноземной только на первый взгляд — рассыпались по просторам Восточной Сибири.

Первый из Пежемских — уроженец «важской дворцовых волостей Верховажской четверти Пежемской десятины» или в то время уже Пежемской волости Устюгского (Великоустюжского) уезда Павел Иванов сын Пежемский.

Вообще Пежемцев было много — только в Енисейском остроге в период 1630–1660-х годов служили в стрельцах трое Пежемцев — Анисим Микитин, Кирил Михайлов и Фома Спиридонов [Служилые люди Сибири, стр. 662].

В 1665 году, будучи уже в должности илимского подьячего, Павел Пежемский стал свидетелем убийства воеводы Обухова, что явилось причиной бегства на Амур илимских служилых во главе с пятидесятником Никифором Черниговским и основанием на Амуре Албазинского острога.

Вот как описывали это событие подьячие съезжей избы Илимского острога Павел Иванов сын Пежемский и Андрей Иванов сын Попов, сопровождавшие воеводу в поездке на киренскую ярмарку.

Они послали отписку якутскому воеводе Ивану Федоровичу большому Голенищеву-Кутузову, так как в Илимском воеводстве жаловаться уже было некому.

«В нынешнем во 173 [1665] году, на весне, по указу великого государя [А. М.] Илимского острогу воевода Лаврентей Овдеевич Обухов ездил из Ылимского острогу в Ылимской же уезд на усть реки Киренги на Никольской погост для сыску про выдел великого государя десятинного хлеба про прикащиков и про житничных хлебных целовальников, и про пашенных крестьян, и для иных великого государя росправных дел. И мы и служилые люди с ним, воеводою, в походе в Киренском были. И июня в 27 день пошел с усть Киренги с Никольского погосту в Илимской острог воевода Лаврентей Овдеевич Обухов. И июня против 28 числа, в ночи, на судовом ходу, наехали ночью в стругах, и набежав з берегу, на дощаник к воеводе к Лаврентию Овдеевичю Обухову воры и изменники с вогненым оружьем Илимского острогу служилые люди Федька Черниговской з братьями с Онискою да с Ваською Черниговскими, да усть-кутцкой судовой плотник Ярко Тварагов, Якутцкого острогу служилый человек Федотко Лукоянов, да Верхоленского острогу отставленой конной казак Федька Давыдов, да Усть-Киренские волости пашенные крестьяне Мишка Сапожник, Оска Подкамянной, Микулка черкашенин и с ними многие воровские люди, и на дощаник приступом взошли, и воеводу Лаврентия Овдеевича Обухова убили на плаву, в воде прикололи копьи досмерти. А иных служилых и промышленых людей убили же досмерти, и многие ранили, и великого государя знамя отбили, и дощаник со всеми верховыми и запасными снастми взяли, и воевоцкие животы, что было в дощанике, и наши животишка, и служилых людей пограбили все без остатку, и нас на погроме били и вязали, насмерть избили, и меня, Ондрюшку, ранили. А после бою и розгрому воры и изменники на том же великого государя дощанике, подняв великого государя илимское знамя, которое знамя воры отбили, и побежали наниз по Лене реке к Никольскому погосту. И на бою и на грабежу меж собою они, воры, говорили, называли пашенного крестьянина Мишку Сапожника атаманом. А говорили они, что де им идти в Даурскую землю. А большим де у них в даурском походе быть атаманом с Киренги Илимского острогу пятидесятнику казачью Микифорку Черниговскому. Да к ним же, ворам, пристали з дощаника в даурский побег илимские служилые люди Гришка Кулаковской, поляк Ивашко Сташкеев да воевоцкой повар Стенька Коурко. Да они же, воры, колодников, убойца Савка Иванова да беглого Илимского острогу Съезжие избы прежного целовальника Петрушку Осколкова, розломав железа, великого государя с товарными книгами Съезжие избы и с отписками ево, Петрушкина, приему и к себе их в воровской даурской побег взяли. А тех воров на том погроме было в зборе и в заговоре людей много, потому что де говорили они, воры, идти им в Даурскую землю рекою Олекмою через Тугирской волок. А с сею отпискою послан с погрому в Якутцкой острог Якутцкого же острогу служилой человек поляк Иван Жданович. А как воеводу убили, он, Иван, с воеводою был же и смерть ево видял» [Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский. Документальное повествование, Иркутск, 2008, стр. 78–79].

«Пежемский Павел Иванов 1669–79 под[ьячий] Илимск[ой] Прик[азной] Из[бы].

1669 дек. 13 в окл. дано 4,5 арш. сукна полукармазина (за 4 руб. 16 алт. 4 днг.), 1 арш. 9 врш. сукна кармазина (за 2 руб. 27 алт. 0,5 днг.), 1 арш. с четв. сукна “анбурск.” (за 20 алт. 5 днг.).

1674/5 пол. окл. хл. жал.: рожь 7 ч. 1 осм., овес 7 ч. 1 осм., за другую половину, за рожь и овес, пашет пашню; сол. жал. 3 п. — 7959 1678/9 под. ясачн. и ден. стл., окл. 15 руб.

1678/9 под[ьячий] ясачн[ого] и ден[ежного] стл., хл. жал. 15 юф., сол. жал. 3 п. — 7975 Не позднее авг. 1679 умер» [Демидова, Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник, М. 2011].

Вадим Николаевич Шерстобоев в первом томе книг «Илимская пашня» [Иркутск, 1949] приводит интересную таблицу окладов в Илимском уезде за 1683 год. В числе названных им в этой таблице лиц подьячий Павел Иванов сын Пежемский.

Служилые люди	Число человек	Оклад хлебного жалованья, четвертей ржи	Пашут за полов. или полн. оклад	Пашут за число четвертей ржи	Замена хлебного жалованья	
					десятин ржи	копен сена
Подьячий П.И. Пежемской	1	15	½	7½	7½	75

А это уже его сын:

«Пежемский (Пеженский) Тимофей Павлов 1678–85 под. Илимск. прик. из.

Сидит с 1678/9. Поверстан из казаков.

1678/9 хл. жал.: рожь 5,5 ч., овес 4 ч., сол. жал. 1,5 п. “И за этот хл. окл. велено ему… пахать на себя пашню на заимке отца ево”.

1678/9 под. ясачн. и ден. стл., окл. 5 руб.

1678/9 под. ясачн. и ден. стл., окл. 15 руб. «По приговору воеводы Ив. Зудова велено давать с убавкою по 12 руб. на год».

1679/80 под. ден. стл., хл. жал. 12 юф., сол. жал. 3 п. “И за половину пашню пахать (заимка отца)”.

1684/5 упом. Отец Пежемский Павел Иванов» [Демидова, Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник, М. 2011].

Но позднее имя Тимофея Павловича уходит из именных служилых списков.

Что же произошло?

«…документы отразили случаи ссылки из одного сибирского города в другой. Так, в 1687 г. на Красный яр должен был прибыть илимский подьячий Тимошка Пежемской…» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 847. Л. 163–168].

Но остались другие дети.

Первый под вопросом:

Якутск, август 7180 [1672] года.

«Выписка-справка хлебного стола о произведенном счета (ревизии) целовальников Якутской съезжей избы Никифора Рименского и Моисея Пежемского в приходе и расходе железа и других товаров за 7179–7180 гг.» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

А эти оба — точно дети Павла Ивановича:

«В 166 (1658) году [Заусаевская] заимка передается подьячему съезжей избы, как называлась в те годы приказная изба, Павлу Пежемскому. С тех пор и до настоящего времени, т. е. в течение почти 300 лет, это название сохранилось за тем маленьким клочком пахотной земли, верстах в 16 от Илимска вверх по Илиму, где ныне находится одно из отделений илимского колхоза. В 1679 году заимка Пежемского переходит к его сыну, тоже подьячему, за хлебное жалованье, а в 1687 году к его брату казачьему сотнику Григорию за хлебный оклад. Когда в 1700 году пришел указ о даче ружникам земли вместо жалованья, илимский воевода послал сына боярского Герасима Учюжникова и служилого человека Григория Торлопова осмотреть и описать обе заимки, или деревни — Петра Максимова и Григория Пежемского. По этому, очень подробному дозору, оказалось “на той поповской пашне, на трех лугах, опроче сенокосу, пахотной земли 21 десятина с четью. Да по скаске старожилов, посацких людей Дементья Тимофеева с товарыщи, станет де на тех вышеписанных сенокосах копен с триста”, т. е. примерно 30 десятин.

…Вторая деревня, подьячего Григория Пежемского, “по дозору… на той заимке в разных местех роспашные и заложные луговые и еланные земли, опроче сенокосных мест и лесных порослей, 25½ десятин. Да по скаске старожилов илимских посацких людей, по левой стороне от Казачьи речки (правый приток р. Илима, в 6 верстах от Илимска), а по правой стороне от больших кустов и от шиверы по обе стороны вверх Илима реки до порогу (немного выше заимки Пежемской) до Каменного мысу ставитца де сена по пятисот копен и те береговые покосы большим льдом выдирает. А по Казачье речке до межи до Ленские дороги (т. е. до Ленского волока) от Илима реки 5 верст, дикие лесные дубровные места, а пашенных лушков и сенокосов нет”. Таким образом, на обеих заимках насчитывалось тогда 46¾ десятин пашни и покосов по берегам около 80 десятин» [там же, стр. 528].

Но эта земля не была передана по наследству: «…в 1703 или в 1704 году Григорий и Степан Пежемские умерли. Тем самым предрешался вопрос о передаче земель второй заимки причетникам Спасской соборной церкви Илимского острога».

Может быть, не было наследников?

Или произошла какая-то другая история?

Читаем:

«15 сентября 1694 года в Илимский острог приехал новый воевода, стольник Богдан Анфиногенович Челищев. Уже первые шаги его вызвали у илимских жителей тревогу. Похоже на то, что, сменяя своего предшественника, воеводу Грибоедова, Челищев потребовал с него взятку, за что, вероятно, обещал отпустить его без начета.

…Вскоре в Сибирский приказ приходят из Илимска одна челобитная за другой. Таможенный голова Петр Соловаров, один из будущих илимских воевод, жалуется, что Богдан Челищев, приехав в Илимск, “в таможенные дела стал вступатца и пошлины терять для своей бездельной корысти”. П. Соловаров, по указу 1688 года, был выбран в Енисейске и послан в Илимск и поэтому не мог смещаться местным воеводой. Когда же Соловаров указал Челищеву на неправильность его действий, последний Соловарова “отставил, бил и увечил и кнутом стращал” … Вместо Соловарова Челищев без согласия посадских людей назначил таможенным головой Степана Пежемского, что, разумеется, не обошлось без взятки. Степан Пежемский вскоре убедился в ненадежности длительного сотрудничества с своим патроном. В допросе, по поручению думного дьяка Данилы Леонтьевича Полянского, который тогда вел сыск в Енисейске, Степан Пежемский, подделываясь под общий тон, заявил, что “в таможенные де дела и в пошлинной сбор вступался и всяких чинов людей из Ылимского отпускал и ярлыки им давал стольник и воевода Богдан Челищев… И куды тое зборную казну девал, про то ему, Степану, неведомо. А иные де торговые и всяких чинов люди для ево Богдановых налог ездить в Ылимской не смели, а иные и не торговали”. Челищев изъял у посадского Митьки Рокитина часть собранных таможенных денег и “вымучил” какую-то расписку у Степана Пежемского и “бил батоги насмерть”.

В январе 1696 года в Москву по поручению Челищева привозили казну и отписки илимские служилые люди, в том числе и Степан Пежемский. Последний был допрошен в Сибирском приказе и заявил, что Челищев вступается в таможенные дела, что поставил его, Пежемского, в таможенные головы без выбора посадскими людьми и заканчивает показания просьбой: “Вели, государь, голов не менять и не вступатца”. Возможно, что Ст. Пежемский, незаконно став таможенным головой, заметал следы и под видом жалоб на Челищева, добивался согласия Сибирского приказа на оставление его, Пежемского, в этой должности.

Более решительно и искренне действовали в Москве другие илимские служилые люди, при-

ехавшие вместе со Степаном Пежемским. Они 20 января 1696 года подали в Сибирский приказ следующее заявление: "…бьют челом сибиряке, Илимского острогу мирские выборные челобитчики, служилые люди Гришка Пежемской (брат Степана) и Иютка Кузнецов. В нынешнем, государь, 204-м (1696) году били челом мы, холопи твои, и подавали челобитную на илимского воеводу стольника Богдана Челищева в налогах и обидах и во всяком разорении и по твоему великого государя указу, а по нашему челобитью велено про него, Богдана, сыскать сыщику (т. е. Полянскому). И за нынешним нашим челобитьем под началом быть у него, Богдана, нам невозможно. Уведав, замучит и погубит и разорит нас всех до конца… Вели, государь, ево, Богдана, в Ылимску переменить. А в Ылымском вели, государь, до приезду нового воеводы… быть тамошних сибирских городов и нас, холопей и сирот твоих, ведать сыну боярскому, ис которого города ты, великий государь, укажешь"…» [там же, стр. 190–191].

На смену Челищеву был послан Остафий Иванов сын Перфирьев.

«Остафий Перфирьев призвал в приказную избу выборных и бывшего воеводу Челищева. Грамоту из Сибирского приказа о назначении его отца или его самого "велел вычесть всем людем вслух". Выборные вручили Остафью печать, городские ключи и "выбор за руками, по чему они были в Ылимску у наших государевых дел". Челищев тоже подал Перфирью "скаску", в которой он сообщал, что ни ключей, ни печати, ни казны у него нет, "потому что в прошлом в 204-м году в июне месяце в Ылимску, пришедь в приказную избу (зачеркнуто — с невежеством) илимские служилые люди — сын боярской Пимин Сташкеев да подьячей Герасим Учюжников с товарищи да таможенной голова Степан Пежемской да пятидесятники и струговые плотники с невежеством ему, Богдану, отказали и ис приказной избы выслали (зачеркнуто — с невежеством). И после ево в приказной избе сидели сын боярской Иван Качин да подьячей Герасим Учюжников"» [стр. 195].

«Перфирьев быстро разобрался в людях, которые являлись главными персонажами только что минувших событий. Осторожный Качин не потерял своего положения, Учюжников скоро сошел со сцены как деятель Илимского воеводства, другие остались на старых местах. Стоит остановиться на Степане Пежемском. Его главной целью было сохранить свое головство в таможенных делах. Он твердо расчитывал на это, так как в Сибирском приказе хранились донесения на Челищева, среди которых были листы с подписью Степана Пежемского. В день удаления Челищева он был в первых рядах недовольных и участвовал в изгнании Челищева из приказной избы. Было естественно, что Сибирский приказ в грамоте от 14 апреля 1697 года сообщил Остафью Перфирьеву: "велено быть в Ылимску в таможенных и заставных головах илимскому жителю Степану Пежемскому". Но Перфирьев сумел отклонить это назначение. Он писал в Сибирский приказ, что посадские отказались дать выбор Степану Пежемскому, так как он был головой у Челищева без их согласия, "накупаючись у стольника и воеводы у Богдана Челищева… явился в воровстве". Остафий Перфирьев на основании этого пишет: "велел я до твоего (государева) указу выбрать, кого посацкие люди похотят". Челобитную посацких людей он прилагает к своей отписке. В Сибирском приказе посчитались с Перфирьевым; об этом говорит помета на его письме: "выписать из таможенных книг Стеньки Пежемского бытия на илимском головстве. А илимских приезжих служилых людей допросить про все ево Стенькины злые поступки и про накуп у Богдана Челищева подлинно и записать"…» [там же, стр. 197].

То есть рухнула семейная карьерная лестница.

И наверное, неслучайно Тимошка Пежемский вновь появляется на восточносибирском горизонте, но уже в качестве рядового казака. И не он один:

«Пежемский (Пежемской) Тимофей (Тимошка), 1697 г.

Пежемский (Пежемской) Ефим, рядовой пеший казак с окладом 5 руб., 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.

Пежемский (Пежемской) Никифор, рядовой пеший казак с окладом 5 руб., 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.» [Гурулев С.А. Первые иркутяне, Иркутск, 2011].

Сохранились сведения о Никифоре Пежемском:

«По оному указу для строения на Косоголе остроге городу того ж 717 году посланы от него, лантрата Ракитина, из Ыркуцка иркуцкой дворянин Никита Богданов, сын боярской Федор Кочетов, из служилых сотники Осип Москвитинов, Василей Клюкин, рядовые 147 члвк, да ис казачьих детей 53 члвка, да определено взять ис Култука служилых 9 члвк, ис Тункинска 15 члвк. А построен оной острог вышеозначенными Богдановым и Кочетовым и служилыми людми в августе мце того ж 717 году деревянной, о чем от них Богданова и Кочетова писано. И были во оном остроге с построения означенные Богданов и Кочетов до октября мца и в октябре 717 году послан был дворянин Яков Бейтон, сын боярской Никифор Пежемской на годовую великого гдря службу в Косоголской острог да при них служилых людей 48 члвк со опасением и осторожностию. И велено у дворянина Никиты Богданова, у сына боярского Федора Кочетова Косоголской острог и пушки, порох, ядра, свинец и всякие к тому надлежащие припасы, переписав налицо и приняв то все, и их, Богданова и Кочетова, со служилыми людми сорокью осми члвки переменит[ь] и отпустит[ь] в Ыркуцк. И за переменою досталных 152 члвка оставит[ь] и преписат[ь] и осмотрет[ь] и сказат[ь] указ, чтоб оне служили в том Косоголском остроге годовую службу при них, Бейтоне и Пежемском, с посланными служилыми людми в двустах члвках, а сорок восемь члвк переменит[ь] и отпустит[ь] с ним, Богдановым, в Ыркуцк. По рас-

смотрению а будет по ведомости по приезде на Косоголе явятца какие люди, то быт[ь] при них, Бейтоне и [185] Пежемском, всем служилым людем бес перемены и жить с великим опасением и присланных от мунгал посланцов и никаких людех в Косоголской острог не принимат[ь], а переговоры всякие чинить за острогом.

А декабря 4 дня того ж 717 году в присланном при отписке росписном списке за руками означенных Якова Бейтона, Никиты Богданова, Федора Кочетова написано, что принял де он, Бейтон, у означенных Богданова и Кочетова Косоголского строения острог, в нем человня (часовня? — авт.), три анбара, пять пушек, знамя камчатое, 30 копей железных на древках, 292 ядра чюгунных, пушечной железной дробы 70 да пороху 13 пуд 2 чети, свинцу 24 пуда 31 фунтов, да муки ржаной 315 пуд 3 чети, 6 напарей железных, 5 пазников да пешня железные, кузнечной снасти — мехи, наковалня, 4 клещи, 2 молота боевых, один ручной, тиски болшие, за острогом баня, да 8 фунтов шар, 90 сажен варовых снастей, да служилых людей 158 члвк» [История Косогольского острога].

Тункинский острог, о котором упоминалось выше, был основан в 1676 году иркутскими казаками под командованием Ивана Перфильева (Перфирьева), отца Остафия (впоследствии это территория Верхоудиниского уезда, совр. Республика Бурятия), где и несли службу иркутские казаки Пежемские.

По данным за 1810 год в Тунке служили казаки Пежемские — Степан, Иван , Илья…

Но семейное ядро сложилось в Иркутске:

А отцом-основателем этого «ядра» был Тимофей Павлович Пежемский, сын Павла Ивановича.

В «Родословном справочнике Иркутска» [стр. 477–478] А.В. Черепанов расписал все очень подробно.

В 1677 году Тимофей поверстан в казаки Илимского острога, в 1691 году — в казачью службу по Селенгинскому острогу, в 1695 году — он подьячий Иркутской приказной избы, в 1704–1707 гг. снова пеший казак, затем пожалован в дети боярские и назначен приказчиком Идинского острога.

В 1722 году в Иркутске отмечены разночинцы Иван, Василий, Дмитрий Пежемские…

Василий Тимофеевич — иркутский сын боярский (с 1706 г.).

Иван Тимофеев сын — иркутский сын боярский (с 1707 г.).

Данило Тимофеев сын — иркутский сын боярский (с 1707 г.).

Дмитрий Тимофеев сын — в 1714 г. поверстан в казачьи сотники.

Никифор сын Тимофея (≈1682) — сын боярский (с 1707).

Федор Тимофеев сын (≈1708) — казак.

Иркутск, 1745/1762 год. Из книги «Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий» (1883 г.) с дополнениями из «Родословного справочника Иркутска):

Сын боярский Иван Тимофеев сын.

Дети Ивана: Филип (≈1730), Михайло (≈1733).

Филип [Иванов сын] Пежемской 16/ 33 (1729) у него брат Михайло 13 / 30 (1732). У Филипа жена Ирина Иванова 40 лет взята у иркуцкого казака Ивана Вяткина по доброволной отдаче. У Филипа дети рожденные после второй ревизии Василей — 15 (1747), Петр — 13 (1749), Илья — 11 (1751).

У Михаила жена Анна Никифорова 37 лет взята Вознесенского монастыря у крестьянина Никифора Попова по доброволной отдаче. У них дети рожденные после ревизии Егор — 3 (1759), Лука — 1 (1761).

Сын боярский Никифор [Тимофеев сын] Пежемской 62 / в 757 году умре (1683), у него брат Федор 38 / 55 (1707).

У Никифора дети Николай [Никифоров сын] — 29 (1716). По городу Иркуцку в казаках. Николай младший (≈1736) в 1759 г. взят в рекруты.

Петр [Никифоров сын] — 15 (1730) взят в 761 г. в драгуны, капрал Иркутского гарнизона.

Дочь Анна вышла замуж за разночинца Алексея Байбородина.

Герасим (≈1743).

Григорий — в 1775 г. в Усольской слободе.

У Федора жена Анна Тимофеева 60 (1702) лет взята Оецкой слободе у крестьянина Тимофея Усова по доброволной отдаче.

У них дети рожденные после ревизии Иван — 16 (1746), Егор — 13 (1749).

У Николая [Никифорова сына] дети Николай — 8 (1737) / в 750-м году взят в рекруты, Иван — 6 / умре в 764-м году, Герасим — 3 / 20 (1742).

Другая линия Пежемских оформилась в Киренске. Вот, что мы узнаем из описания Киренска за 1699 год:

«От той часовни, идучи берегом на усть Киренгу, стоят два двора монастырские. А в тех дворах живут монастырской дьякон Иван Дмитриев да вкладчик Степка Васильев.

Повыше тех дворов над Киренгою — двор скотцкой, где кормят коров. А на том дворе — две избы. А живут в них вкладчики женатые. От того скотцкого двора, идучи по дороге к монастырской ограде, на правой стороне на угоре — двор вкладчика Ивана Пежемского».

Более того:

«Казаки проживали в городе Киренске с первых лет его существования, пока город не имел статуса уездного центра, казаков насчитывалось в нем единицы. С переводом уездного начальства из города Илимска в Усть-Киренск была переведена на новое место и казачья команда. Станичники носили «илимские» фамилии: Березовские, Бутаковы, Качины, Кузнецовы, Курбатовы, Литвинцевы, Оглоблины, Пежемские, Скуратовы, Сизовы (Сизых). То есть в городе Киренске в XIX веке проживало несколько династий потомственных казаков».

«Большинство первых киренских купцов — Д. Тарасов, И. Попов, И. Арбатский, И. Косыгин — уже в начале XIX в. по различным причинам выбыли из гильдии. По словам современника И. Затопляева: “Почти все старинные купцы киренские более или менее подверглись банкротству, заплатя дань общему переворо-

ту торговли и несчастный опыт не переменил торговой системы в счетах молодых купцов, слепо читающих историю здешней торговли". На их фоне стабильностью отличалось многочисленное семейство Пежемских.

Происходили они из крестьян д. Хабаровской, занимались земледелием, различными промыслами, мелочной торговлей. В 1782 г. Семен Пежемский с братьями Андреем и Василием подал прошение "по наличии у него 500 руб. капитала быть по городу Усть-Киренску в 3-й гильдии". Со временем братья разделили капитал и зажили своими домами. Отец их остался в крестьянском окладе. Долгие годы он был содержателем мукомольной мельницы, находившейся на другом берегу Лены напротив города. В 1834 г. сын Андрея — Илья Пежемский с семейством переехал в Иркутск, где также занимался купеческой торговлей. Из этой семьи вышел П.И. Пежемский — иркутский историк и краевед, автор "Иркутской летописи"».

«На протяжении первой половины XIX в. происходил медленный, но неуклонный рост купечества и мещанства Киренска. О повышении их роли в социально-экономической и общественной жизни города свидетельствует тот факт, что если в 1784 г. им принадлежало 28,4% домов (23 из 81), то в середине 1850-х гг. уже 70,3% (104 из 148). К этому времени мещане превращаются в основную категорию городских жителей. Основными источниками роста мещанской общины был естественный прирост. В городе сложились целые династии мещан, такие как семейства Калашниковых, Шильниковых, Лютоевых, Ядрихинских, Пежемских, Лаврушиных».

«Пополнение [ленского речного] флота в те годы шло медленно: в 1897 году Громова купила построенный в Финляндии пароход "Сынок" за 25 тысяч рублей (кстати, "Громов" обошелся ей же в 65 тысяч). На следующий год киренский городской голова Пежемский приобретает 40-сильного "Смелого", который вскоре у него покупает Менделевич, затем Силин, Нейман, Кац, Пастернак».

Сегодня мы пока не знаем, откуда прибыл на службу в Охотск казак Андрей Пежемский — из Иркутска, Илимска или Киренска? Или для нас уже все равно, если все они связаны единой родовой цепочкой.

Охотск, 1738 год:

«Доношение писаря Серебренникова Берингу на Скорнякова-Писарева, создавшего невыносимые условия для переселенцев-крестьян в Охотске, в котором Скорняков-Писарев обвиняется также во взяточничестве, казнокрадстве и распутном поведении (11 марта 1738 г.).

"Да от него ж, Писарева, велено было мне словесным ево приказом продавать и выдавать до выдачи служилым людем денежного жалованья в цену казенное скотинное мясо двести осмнатцать пуд, по шестидесят копеек пуд, которое мясо имелося в приеме и охранении моем за собственною моею печатью, ис которого мяса за неимением у меня харчевых припасов сего 1738 году февраля 2 дня взял я ис того мяса для своего пропитания весом один пуд дватцат[ь] фунтов, да служилому Андрею Пежемскому выдал один же пуд дватцать фунтов в цену. А он, Писарев, уведав, и приказал то мясо роздать адмиралтейским и якутцким плотником, // (Л. 168) а меня бил безвинно батож[ь]ем, хотя поморить голодною смертию, а прежде того неоднократно говаривал тако: сровняю де я всех вас перваго с последним"» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Ч. 1. Л. 164–168 об.].

В 1742 году по поручению Я.И. Линденау ясачный сборщик А. Пежемский составил чертежи рек Охотского побережья (Ямы, Олы, Армана, Тауя и Ковы).

«В Охотске Стеллер выяснил также, что в ответ на его вопросы, посланные им еще до отъезда в Америку, из Тауйского и Ямского острогов от служилого Андрея Пежемского были получены соответствующее описание и вещи» [Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 2, Л, 1965].

У Андрея Пежемского остались в Охотске крестники.

1778 г. сентября 4 1. — Из рапорта передовщика, иркутского купца Д.Я. Шабалина в канцелярию Охотского порта о пребывании на Курильских островах и встречах с японскими купцами

«А о бывших со мною у японцов в конпанейских работных при сем реэстр подношу, а имянно: камчатской посацкой Никифор Кошкаров, большеретской посацкой Лаврентей Скокнев, города Тотьмы купец Василей Момотов, города Чердыни купец Иван Горохов, большеретской разночиц 8 Григорей Лоскутов, тобольской Михайло Пушкарев, иркутской посацкой Федор Глазунов, иркутской посацкой Василей Звездочетов, иркутской Василей Кожин, енисейской посацкой Михайло Туголуков, киренской крестьянин Амос Балушин, тобольской мещанин Василей Шустов, тяхтинской цеховой Петр Самойлов, екатеринбурской посацкой Тимофей Жуков, Исак Быков, илимской мещанин Алексей Курбатов, киренской крестьянин Михайло Марков, от Охотского порта ясашной Семен Пежемской, большеретской посацкой Петр Коломин, большеретской посацкой Иван Плюснин, Алексей Свиньин, Кудинского камисарства Оецкой слободы крестьянин Никита Кузнецов, камчадал Василей Шелковников, Иван Заев, Никита Мухоплев, Андрей Панов, Василей Овцын, курилец Никита Шпанберхов, алеут Александра Попов» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2539. Л. 124–132].

Самые известные из потомков киренских и иркутских купцов:

«Свой род Пежемские ведут от служилых людей Илимска XVII века. В XVIII веке представители этой фамилии встречаются среди казаков и боярских детей Илимска и Иркутска. Прадед Петра Ильича — Григорий Пежемский (ум. до 1790) — был экономическим крестьянином, а дед — Андрей Григорьевич (1753) — уже состоял в киренских купцах 3-й гильдии (с 1791 года), занимался торговлей, подрядами, пушным промыслом, снаряжал с иркутскими купцами П. Черепановым и Ширяевым промышленные артели для добычи слюды на Витиме, был бур-

гомистром Киренска (1811–1813). ... Его сын Илья Андреевич (1786) тоже исполнял обязанности киренского бургомистра (1820, 1822).

«Пежемский Петр Ильич (1809–1861 гг.) иркутский купец 3-й гильдии. Из торговавших киренских мещан. Окончил Киренское уездное училище. В 1834 году переехал в Иркутск. Держал лавку на базаре, служил конторщиком у золотопромышленника И. П. Катышевцева и других. Судья словесного суда в 1843 году, депутат в квартирной комиссии в 1833 году, гласный Иркутской городской думы в 1850-е годы, член-сотрудник Русского географического общества с 1852 году. В городе известен как краевед, летописец, художник-любитель. Основной работой, занявшей около 30 лет, стала “Панорама Иркутской губернии, заключающая в себе историческое описание завоевания Сибири Ермаком, взгляд на построение городов сибирских, географический, гидрографический и исторический очерк губернии с краткою хронологией за 150 лет. С присовокуплением летописи Иркутска за 150 лет”. Собирал различные старинные вещи, рукописи по истории Сибири.

Родственник Николай Николаевич, иркутский купец 3-й гильдии с 1849 года. В 1846–1847 году провел капитальный ремонт Тихвинской церкви. Имел богатое собрание старинных русских и иностранных монет».

«Пежемский, Петр Иванович, летописец г. Иркутска: о нем известно лишь то, что в 20-х г. XIX в. он был приказчиком у одного иркутского купца. П. на основании ходивших по рукам рукописных местных летописей, рассказов старожилов, проверенных, по возможности (как он сам говорит в предисловии к летописи), по печатным источникам, составил летопись г. Иркутска, начиная с основания его в 1652 г. и кончая первыми годами XIX столетия. В первый раз она была напечатана в “Современнике” (1850 г., т. 21, стр. 97–144 и т. 22, стр. 1–38, 115–158) под заглавием “Панорама Иркутской губернии”, но с большими пропусками, сделанными редакцией. Последнее обстоятельство побудило П. переиздать летопись, и он поместил ее в “Иркутских Губ. Ведомостях” за 1858 г., №№ 20–52; 1859 г. №№ 20–50; 1860 г. №№ 6–37 и 1861 г. №№ 18–32. Летопись эта содержит некоторые любопытные данные, касающиеся истории местного управления краем, характеристики администраторов и проч.; поэтому она не раз цитировалась сибирскими историками. П., кроме того, принадлежат статьи: “К Иркутскому летописцу пояснение” — в “Чтениях Моск. Общ. ист. и древн.” 1859 г., кн. 3; “Замечания и наблюдения в Иркутске” — в “Москвитянине” 1851 г., ч. III, № 12, кн. 2; “Заметка к письму Сперанского” — “Иркутские Губ. Вед.” 1859 г., № 38; “Иркутский Вознесенский монастырь” — там же 1861 г., №№ 15–25; “Сельский деревянный календарь” — в “Москвитянине” 1852 г., ч. I, № 2, кн. 2; то же в “Журнале Мин. Народн. Просвещ.” 1852 г., ч. 73, № 2; “Якуты” — в “Иллюстрации” 1848 г., № 24; “Рыбная производительность оз. Байкала” — в “Вестнике Имп. Русск. Геогр. Общ.” 1873 г., т. 4, № 4, стр. 168–179» [Русский биографический словарь].

Жертвы политического террора в СССР:

Пежемская Екатерина Ивановна

Родилась в 1927 г., Читинская обл., Калганский р-н, Михайловское; Проживала: Читинская обл., Калганский р-н, Михайловское. Приговорена: тройка при ПП ОГПУ ВСК в 1933 г. Реабилитирована 10 июля 1998 г. [Источник: УВД Читинской обл.].

Пежемский Алексей Федорович

Родился в 1872 г., д. Туркан Тункинского аймака БМАССР; русский; образование низшее; б/п; возчик артели в п. Пролетарка. Проживал: п. Пролетарка Тайшетского р-на Иркутской обл. Арестован 17 ноября 1937 г. Приговорен: тройкой УНКВД Иркутской области 22 февраля 1938 г., обв.: ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН Расстрелян 25 февраля 1938 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 14 декабря 1956 г. Военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Пежемский Виссарион Петрович

Родился в 1900 г., с. Хмелевское Барнаульского у. Томской губ.; русский; беспартийный; штабс-капитан Белой армии, зав. подпиской крайконторы Союзпечать. Проживал: г. Новосибирск. Арестован по делу «Белогвардейского заговора». Приговорен: Коллегией ОГПУ 5 августа 1933 г., обв.: по ст. ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ (срок с 3.03.1933 г.) [Источник: Ленинградский мартиролог: 1937–1938].

Пежемский Виссарион Петрович

Родился в 1900 г., с. Хмелевское Барнаульского у. Томской губ.; русский; беспартийный; Отбывал наказание в Соловках. Приговорен: Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. Приговор: ВМН. Расстрелян 27 октября 1937 г. Место захоронения — в Карелии (Сандармох) [Источник: Ленинградский мартиролог: 1937–1938].

Пежемский Владимир Иннокентьевич

Родился в 1896 г., Киренского р-на Иркутской обл. Приговорен: органами НКВД ЯАССР в 1930 г., обв.: на основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930 г. Приговор: раскулачен и выселен на спецпоселение в Иркутскую область. Сведений об освобождении нет. Реабилитирован 10 июля 1997 г. МВД Республики Саха (Якутия) [Источник: Книга памяти Республики Саха (Якутия)]

Пежемский Гавриил Георгиевич

Родился в 1899 г., Иркутская обл.; член ВКП(б); Проживал: Красноярский кр., Канский р-н, город Канск. Арестован 15 мая 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД Красноярского края 11 июля 1938 г. Приговор: ВМН. Реабилитирован 7 апреля 1956 г. Красноярский краевой суд [Источник: Красноярское общество «Мемориал»].

Пежемский Иван Данилович

Родился в 1900 г., с. Зактуй Тункинского аймака ВСК; русский; малограмотный; б/п; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Зактуй Тункинского аймака ВСК. Арестован 8 июня 1931 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ ВСК 31 мая 1932 г., обв.: ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Приговор: к 8 годам ИТЛ. Реабилитирован 4 апреля 1989 г. прокуратурой Иркутской области [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Пежемский Калистрат Анисимович

Родился в 1876 г., с. Зактуй Тункинского аймака ВСК; русский; малограмотный; б/п; крестьянин-единоличник. Проживал: с. Зактуй Тункинского аймака ВСК. Арестован 8 июня 1931 г. Приговорен: тройкой ПП ОГПУ ВСК 31 мая 1932 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 5 годам ссылки. Реабилитирован 4 апреля 1989 г. прокуратурой Иркутской области [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Пежемский Калистрат Анисимович

Родился в 1876 г., с. Зактуй Тункинского аймака ВСК; русский; малограмотный; б/п; кучер УНКВД Иркутской области, б/п, русский, грамотный. Проживал: г. Иркутск. Арестован 11 мая 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД Иркутской области 7 июля 1938 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 11 января 1957 г. Военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Пежемский Константин Петрович

Родился в 1893 г., БМАССР, Тункинский р-н, с. Туран; русский; неграмотный; Проживал: БМАССР Тункинский р-н, с. Туран. Арестован 24 марта 1932 г. Приговорен: Пп ОГПУ ВСК 26 апреля 1932 г., обв.: ст. 58-10. Реабилитирован 6 февраля 2001 г. Прокуратурой РБ [Источник: Книга памяти Бурятии: подготовительные материалы].

Пежемский Максим Тихонович.

Родился в 1899 г., с. Макарово Киренского р-на Иркутской обл.; русский; грамотный; б/п; счетовод колхоза им. Ворошилова в с. Макарово. Проживал: с. Макарово Киренского р-на Иркутской обл. Арестован 24 июня 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД Иркутской области 24 июля 1938 г., обв.: ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 20 ноября 1956 г. Военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Пежемский Михаил Хирсанович

Родился в 1881 г., БМАССР, Тункинский р-н, с. Туран; русский; малограмотный; Проживал: БМАССР, Тункинский р-н, с. Туран. Арестован 27 августа 1930 г. Приговорен: БМ ОООГПУ 7 февраля 1931 г., обв.: ст. 58-10, 59-3. Реабилитирован 9 сентября 2002 г. Прокуратурой РБ [Источник: Книга памяти Бурятии: подготовительные материалы].

Пежемский Михаил Хрисанфович

Родился в 1881 г., БМАССР, Тункинский р-н, с. Туран; русский; малограмотный; Проживал: БМАССР, Тункинский р-н, с. Туран. Арестован 24 марта 1932 г. Приговорен: Пп ОГПУ ВСК 21 апреля 1932 г., обв.: ст. 58-10. Реабилитирован 6 февраля 2001 г. Прокуратурой РБ [Источник: Книга памяти Бурятии: подготовительные материалы].

Пежемский Николай Сергеевич

Родился в 1911 г., г. Киренск Иркутской обл.; русский; образование среднее; б/п; техник Иркутской радиостанции. Проживал: г. Иркутск. Арестован 16 апреля 1933 г. Приговорен: Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ 19 марта 1934 г., обв.: по ст. 58-9, 58-10 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Пежемский Николай Сергеевич.

Родился в 1911 г., г. Киренска Иркутской обл.; русский; образование среднее; б/п; мастер цеха Иркутского завода №125. Проживал: г. Иркутск. Арестован 20 июня 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД Иркутской области 20 октября 1938 г., обв.: по ст. 58-1«а» УК РСФСР. Приговор: ВМН Расстрелян 23 октября 1938 г. Место захоронения — Иркутск. Реабилитирован 10 января 1958 г. Военным трибуналом ЗабВО. [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Пежемский Сергей Сергеевич.

Родился в 1900 г., г. Киренска Иркутской обл.; русский; образование образование высшее; б/п; зонный инженер дорожного отдела Иркутской области. Проживал: г. Иркутск. Арестован 25 декабря 1941 г. Приговорен: Особым совещанием при НКВД СССР 22 апреля 1942 г., обв.: ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 5 годам ИТЛ. Реабилитирован 15 мая 1989 г. прокуратурой Иркутской области [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

ПЕРЕПЛЕТКИНЫ

Сначала мы коснемся той истории этой фамилии, которая нам известна, а уж потом начнем строить различные версии, пытаясь понять, откуда «растут» родословные корни этой северо-восточной династии.

Вот какие сведения мы нашли в материалах Магаданского государственного архива.

Гижигинская крепость.

1-е поколение:

Переплеткин Михаил Андреевич 1-й (1794–1850). Ж. Акилина Ивановна(1796)

2-е поколение:

Переплеткин Михаил Михайлович (1825–1878), казак Гижигинской сотни. Ж. (с 09.05.1848) Корюкина Анна Лазаревна (1827), дочь гижигинского казака

Переплеткин Иван Михайлович (? – 1900), казак Гижигинской сотни

3-е поколение:

Переплеткина Ольга Михайловна (02.07. 1860)

Переплеткина Дарья Михайловна, казачья дочь. М. 1 (с 30.06.1893) Зиновьев Федор Николаевич (1869)

А вот теперь начнем проникать в исторические глубины.

В 1781–1784 гг. в Гижигинской крепости мы находим двух Андреев: один служит в солдатах, а другой — шестнадцатилетний (1769) школьник.

В солдатах в одно время с Андреем служат также Афанасий и Никита Переплеткины [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 18 об., 19 об.].

А командиром у них – подпрапорщик Иван Переплетки. Судя по возрасту – отец всех трех братьев.

А потом ситуация резко меняется.

В материалах за 1831 год в Гижигинской крепости служат двое Переплеткиных. По всей видимости, братья — оба примерно одного возраста:

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Переплеткин Петр (1794), казак

Переплеткин Михайло [Андреев сын] (1796), казак» [НА РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.].

А это уже сын Михаила Андреевича:

«Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола.

За 1856 год

казаки

Переплеткин Михаил — 34, поступил на службу в 1839 году. Ж. Анна Лазаревна — 27. Дочь Ефросиния — 1. Мать Переплеткина — Акулина — 60».

Мы знаем, что основное формирование гарнизона Гижигинской крепости шло из Якутского пехотного полка, который дислоцировался в Селенгинске и пополнялся из местных ресурсов — детей казаков и крестьян Нерчинска, Иркутска, Селенгинска.

Материалы Государственного архива Забайкальского края приоткрывают нам некую историческую завесу.

«У казака Бориса Бронникова сын Козма у коего восприемником был салдат Андрей Переплеткин» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 56. Л. 39; Николаевская церковь Цурухайтуевского форпоста 1786-го года].

«Часть третья о умирающих 1797-го года

В ыюле

16 [числа] Гренодир Адриан Андреев сын Переплеткин 19 лет, (1778)» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 70. Л. 13; Книга Метрическая Цурухаитуевскаго фарпоста 1797-го года].

1801 год.

«У мушкатера Ивана Переплеткина родилась дочь Наталия.

У поселщика Николая Топоркова родился сын Филип у коего восприемником был отцем мушкатера Ивана Переплеткина сын Кирило.

Венчан роты г-на капитана Быкова мушкатера Андрея Переплеткина сын ево Николаи с невестои инвалиднои команды мушкатера Панкрата Волкова з дочерью ево девицеи Марфои первым браком.

Часть третия о умирающих 1801-го года

В генваре … 23 [числа]. Мушкатер Андреи Иванов сын Переплеткин, исповедались, и святых тайн 60 (1741). Чехоткою [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 77. Лл. 22, 22 об, 24; Книга Метрическая Цурухаитуевскаго фарпоста Николаевской церкви 1801-го года].

Часть третия о умирающих

Февраля … 10. Мушкатер Иван Переплеткин исповедан и приобщен 55 (1747). Горячкою» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 80. Л. 28; Книга Метрическая Цурухаитуевскаго фарпоста Николаевской церкви на 1802 год].

«Венчаны Священником Иоанном Паргачевских.

Месяц Апрель …

Тунгуской казак Лев Высоцкой вторым браком, умершаго казака Киприана Гантимурова с женою Его Анной.

Поручители Тысецкой казатской Сотник Иван Переплеткин, поезжанин салдат Дмитрей Карманов» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 125. Л. 48; Книга Метрическая Цурухаитуевскаго фарпоста Николаевской церкви 1817 года].

1823 год.

Сотник Иван Переплеткин [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 177. Л. 21; Роспись Цурухайтуевской Николаевской церкви на 1823 год].

1825 год

«Отставных Казаков.

Сотник Иван Переплеткин» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 191. Л. 638; Исповедные ведомости Цурухайтуевской Николаевской церкви за 1825 год].

1838 год.

«Умершие

В октябре … 27 [числа] Иван Иванов Переплеткин отставной тунгуской казак 70 лет (1768). Старостию» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 143. Л. 275; Метрическая книга данная из Нерчинско-Заводскаго Духовнаго Правления в Цурухайтуевскую Николаевскую церковь для записи родившихся браком сочитавшихся и умерших на 1838 год».

Цурухтай не был простым местом — это был второй по значимости после Кяхты пункт, через который шла торговля с Китаем.

Казацкая станица Старый Цурухтай (совр. Староцуруха́йтуй) располагался на реке Аргун (Верхний Амур) возле китайской границы.

«Село основано в 1728 году по распоряжению графа Саввы Рагузинского как пограничный караул под названием Цурухайтуевская слобода. Позже стала называться Цурухайтуевская крепость. Внутри находились церковь, дом для коменданта, казарма, амбар, 2 маленькие пушки, гарнизон состоял из полуроты Селенгинского полка и 46 казаков. Рядом располагались 65 казачьих домов».

ПЕРФИЛЬЕВЫ

В книге «Тайны якутских фамилий» я довольно подробно останавливался на истории этой фамилии в Якутии, но сегодня мы выходим за административные границы былого воеводства в связи с тем, что 29 апреля 1731 года указом Правительствующего Сената «Об образовании самостоятельного Охотского правления» из состава Якутского уезда Иркутской провинции было выделено Охотское правление с центром в Охотском остроге, включавшее Охотско-Берингово побережье, Удский край, Камчатский полуостров и Курильские острова, правда, 14 марта 1773 года указом Иркутской губернской канцелярии Удский край был возвращен из Охотского правления в состав Якутского уезда.

Но в период, о котором сейчас пойдет речь, формирование военных гарнизонов Охотоморья, Чукотки и Камчатки шло как через Якутск (казаки), так и через Иркутск (регулярные войска).

И вот что мы имеем в отношении Перфильевых на тот период:

Якутск, 1720 год:

«Служивой Алексей Григорьев сын Атаманов сказал сороки лет а стоит на подворье у Федора Перфильева» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361].

Иркутск, 1722 год

Разночинцы. Взяты в рекруты:

«Ѳедора Перфильева крѣпостной человѣкъ Григорей,

Иванъ Перфильевъ Меньшой

В Охоцком остроге

Разночинцы

2485) Федор Перфильев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194, Л. 90].

«Тауиского острогу

Разночинцы

3512) Федор Перфирьев» [там же, Л. 127].

«Алазеиского зимовья разночинцы

В службе

братья

2113) Степан Перфильев

2114) Никита Перфильев» [там же, Л. 77 об.].

Возможно, что Федор Перфильев и Федор Перфирьев — это одно и то же лицо, такое путанное написание этой фамилии встречается повсеместно.

Более того, полагаю, что это тоже он:

Камчатка, 1738–1740-е годы

Перфильев Федор Дмитриев сын — служилый, участник Крестовых миссионерских походов священника Ермолая Иванова [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

1741 г. декабря 7 (1) — Список служителей пакетбота «Св. Петра», которые ныне в вояже. Матрозы за квартирмейстеров: Василей Перфильев.

В 1761 году в Охотск был отправлен еще один Перфильев:

«Присланной при указе из Якуцкой-же канцелярии для употребления в кораулы до будущей весны возвратившиеся с Усть-Майской пристани для зимы следующие в Охотск.

Из якуцких: казак Илья Перфильев» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 146].

«Показания 1763 г., взятые командиром Анадырской партии Ф.Х. Плениснером у сотников Осипа Нижегородова, Ивана Попова, пятидесятника Алексея Русанова, казаков Василья Кургуцкого, Степана Перфильева, Ивана Русанова, Алексея Шипунова, Прокопия Чертовских».

В первой половине XIX века в Гижигинской крепости служит казак Семен [Степанов сын?] Перфильев.

Петропавловский порт, экипажная рота, 1850 г.

Адмиралтейские матросы

Перфильев Федор Алексеевич (1800).

Сведения, конечно, очень разрозненные.

Первоначальным династическим центром Перфильевых был Енисейск, откуда вышли в походы в якутские земли основатель Среднеянского зимовья (1638) Илья Перфильев и Максим Перфильев — основатель Усть-Кутомарского зимовья в 1639 году [в устье притока р. Витим Кутомары (ныне Кутомала)] открывшего последующим землепроходцам путь на Амур.

Кстати, именно Максим Перфильев летом 1654 доставляет из Москвы енисейскому воеводе А.Ф. Пашкову разрешение для организации большого похода в Забайкалье — в Даурию.

Затем этот центр постепенно перемещается в Иркутск (находящийся в зоне ответственности Енисейска), приказным человеком которого (и других — Братского, Балаганского, Селенгинского, Баргузинского) был в разное время сын Максима — Иван.

В 1685 году Иван Перфильев принимает на себя воеводские полномочия в Иркутске.

У Ивана в Енисейске росло, как сообщает Владимир Бахмутов, трое сыновей — Остафий, Василий и Иван. На самом деле был еще и Федор:

«(д) сына боярского Ивана Максимова сына Перфильева, у него детей Федор женат 18, Иван холост 16, Василей 12, земля отведена отцу ево Иванову Максиму Перфильеву во 160-м году при воеводе Афонасье Пашкове» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 298 об.].

Как сообщает в своем замечательном очерке «Наследники знаменитого землепроходца» Владимир Бахмутов-Красноярский:

«Летом 1684 г. енисейский воевода князь Константин Осипович Щербатый отправил Астафия в Нерчинский и Албазинский остроги в качестве провожатого “за казною” (оружием, порохом и свинцом) с небольшим отрядом енисейских казаков. Прибыв в Удинский острог на судах 19 сентября, на следующий день он написал и отправил отписку своему отцу, — Ивану Максимовичу, бывшему в то время приказчиком в Баргузинском остроге. Доставленное осенью 1684 г. оружие оказалось весьма кстати, так как в мае 1685 г. началась осада Албазинского острога маньчжурскими войсками».

По сложившейся в казачестве традиции дети поднимались вслед за отцом по карьерной лестнице, становясь детьми боярскими и сибирскими дворянами, приказчиками острого и слобод.

В 1687 году Иван Максимович выходит в отставку с просьбой разделить его оклад между сыновьями:

«Просьба его была удовлетворена. Иван получил 7 рублей и 1,75 пуда соли; Василий — 7 рублей и 2,5 пуда соли; Астафий — 6 рублей и 0,75 пуда соли. После этого раздела размер окладов у первых двух стал по 15 рублей и 4 пуда соли, у последнего — 13 рублей и 2,25 пуда соли.

…В 1695 г. Василий Перфильев неожиданно скончался, чем это было вызвано, — не известно. Денежный оклад Василия воевода А. Савелов прибавил к окладу его брата Астафия. В 1695 г. Астафий Перфильев упоминается приказчиком Селенгинского острога».

В связи с бунтом жителей Илимского уезда против казнокрада воеводы Челищева карьера Перфильевых резко пошла вверх:

«В Сибирском приказе приняли решение о смещении воеводы Б.А. Челищева. Десятого июня 1696 г. в Илимск была отправлена грамота, в которой опальный воевода предупреждался о назначении на его место иркутского сына боярского Ивана Перфильева или его сына Астафия

(“а буде он, Иван, умер, или престарел, и ему за старостью в Илимску быть не можно, вместо ево, Ивана, на перемену тебе велено… послать в Илимской … сына ево Иванова Остафья Перфильева”. Астафий Перфильев возглавлял Илимский уезд до лета 1698 года. Это было самое почетное назначение за все время его службы.

…В 1711 г. по указу Петра I в Тобольске формируется Сибирский драгунский гарнизонный полк из “служилых старых служб” под командованием полковника Леонтия Перфильева. Ни в архивах, ни в исторической литературе нет прямых указаний, что это потомок именитого землепроходца. …На эту тему можно, конечно, спорить, но для автора настоящего очерка нет сомнений в том, что Леонтий Перфильев был сыном Астафия Перфильева — правнука именитого енисейского землепроходца.

…в конце 19-го — начале 20-го века Сибирь расцвела целым букетом славных имен — потомков Максима Перфильева.

Михаил Аполлонович Перфильев. Родился в 1866 году. В 1886 году окончил Иркутское пехотное юнкерское училище, был выпущен хорунжим в 1-й конный полк Забайкальского казачьего войска. С 1890 года — сотник, с 1895 — подъесаул, с 1898 — есаул. 4 года 7 месяцев командовал сотней. Участник похода в Китай 1900–01 года. Участник русско-японской войны 1904–05 года. С 1904 года — войсковой старшина. С 1907 года – полковник, командир 1-го Нерчинского полка. С 1914 года — генерал-майор, командир 2-й бригады 1-й Туркестанской казачьей дивизии. Участник мировой войны. В 1914–1915 гг. — командир 1-й бригады Оренбургской казачьей дивизии.

В 1915 году контужен в бою и отправлен в резерв чинов Киевского военного округа. В 1916 г. — генерал для поручений при командующем войсками Иркутского военного округа. Награды: ордена Святого Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1901); Святого Станислава 2-й ст. с мечами (1902); Святой Анны 2-й ст. с мечами (1904); Золотое оружие (1906); Святого Владимира 3-й ст. (1912); Святой Анны 1-й ст. с мечами (1917).

Александр Михайлович Перфильев родился в семье генерала Михаила Аполлоновича Перфильева, начальника 1-го Нерчинского казачьего полка. С детства мальчик слушал рассказы о своем предке — бесстрашном казачьем атамане Максиме Перфильеве. Юного Перфильева, вдохновленного увлекательными рассказами родителя, чрезвычайно занимала мысль о военной карьере, поэтому он поступил в кадетское училище, где учился вместе с будущим поэтом Георгием Ивановым и сам увлекался поэзией.

В 1908 году, прервав учение, вместе с отцом отправился в экспедицию, возглавляемую исследователем Центральной Азии И.К. Козловым, в Монголию и китайскую провинцию Сычуань. В ходе экспедиции был открыт древний город Хара-Хото. Вернувшись в 1909 в Россию, Перфильев поступил в Оренбургское казачье училище, откуда был выпущен в 1-й Нерчинский казачий полк. Служил в гвардейской сводной казачьей сотне. В годы Первой мировой войны принимал участие в боях, был контужен и ранен. За храбрость награжден Георгиевским крестом и оружием.

Сергей Аполлонович Перфильев. Родился в 1853 году. Образование получил в 1-й военной гимназии. В службу вступил в 1871 году. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Выпущен во 2-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду. В 1874 году — подпоручик, в 1876 — поручик, в 1877 — штабс-капитан. Участник русско-турецкой войны 1877–78 гг. (в т. ч. боя под Плевной 28.11.1877 г. и пленения армии Осман-паши). В 1883 году — капитан. Окончил офицерскую артиллерийскую школу. С 1895 года — подполковник, командир 4-й батареи 35-й артиллерийской бригады. В 1903 году отправлен на Дальний Восток. Участник Русско-японской войны, был ранен. К 1907 году — полковник русской императорской армии, в 1909 — генерал-майор, командир артиллерийской бригады.

В 1913 году уволен от службы с чином генерал-лейтенанта, однако с началом мировой войны возвращен на службу с зачислением в полевую легкую артиллерию и назначением инспектором артиллерии 43-го армейского корпуса. Награды: Св. Анны 4-й ст. (1878), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1879), Св. Анны 2-й ст. (1900), мечи к ордену Св. Анны 2-й ст. (1904), Золотое оружие (1906), Св. Владимира 3-й ст. (1908), Св. Станислава 1-й ст. (1912), Св. Анны 1-й ст. с мечами (1916).

Дмитрий Сергеевич Перфильев. Сын генерал-лейтенанта Сергея Аполлоновича Перфильева. В 1908 году окончил Пажеский корпус по 1-му разряду, был выпущен подпоручиком в Гвардейскую конно-артиллерийскую бригаду. В Первую мировую войну вступил с лейб-гвардии Конной артиллерией. В 1915 году — штабс-капитан. 2 апреля 1917 года произведен в полковники с утверждением в должности командира батареи. Награды: орден Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1914), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1914), георгиевское оружие (1915).

Перфильев, Василий Власьевич по свидетельству историка Б. Полевого (“КП”, 9 июня 1990 г., Б. Полевой “В начале века”) был сыном забайкальского казачьего урядника, — прямого потомка знаменитого основателя Братского острога Максима Перфильева. Василий окончил Харьковский университет. После призыва в армию был направлен в Санкт-Петербург на особые курсы при военно-медицинской академии, где ему было присвоено звание «военного лекаря». Из столицы в 1893 году его послали в Хабаровск, в местный «полугоспиталь», где он прослужил от простого врача до начальника госпиталя. Отсюда его забрал на должность делопроизводителя канцелярии генерал-губернатор Приморского края П.Ф. Унтербергер. Ему в то время было 43 года. Государь по предложению генерал-губернатора назначил разночинца Перфильева исполняющим обязанности губернатора Камчатки, которые он исполнял с 1909 по 1912 год.

Используя старые связи, Перфильев сумел добыть дополнительные ассигнования на раз-

витие области. В 1910 году на Камчатке появилась первая радиостанция, начали тянуть телеграфную линию от Петропавловска до Тигиля, приступили к строительству грунтовой дороги Петропавловск — село Завойко (ныне город Елизово), наметилось ее продолжение до Большерецка. До этого колесным транспортом не пользовались: летом плавали по рекам и ходили по тропам с вьючными лошадьми, а зимой ездили на собачьих упряжках.

Главной заботой В. В. Перфильева стало строительство административных и жилых зданий в Петропавловске, население которого составляло около 500 человек. За 1909–1912 годы в Петропавловске было возведено 22 здания. Большинство имели по два этажа. Кроме жилых домов, были построены здания для почтово-телеграфной конторы, казначейства, канцелярии губернатора и другие.

* * *

Какова же судьба потомков казачьего рода Перфильевых?

Генерал-майор Михаил Апполонович Перфильев в мае 1917 года был уволен в отставку. Однако принял участие в Белом движении на востоке России. В 1918 году — начальник военных сообщений Иркутского ВО, зачислен в резерв чинов штаба 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса войск А.В. Колчака с принятием на учет при управлении коменданта г. Иркутска. В 1919-м ввиду командирования в распоряжение войскового атамана Забайкальского казачьего войска исключен из числа чинов резерва. В 1919 году уволен от службы. Жил в Чите, ему в это время было 54 года. Дальнейшая его судьба и обстоятельства его смерти — неизвестны.

Есаул Александр Михайлович Перфильев в 1918 году жил в Петрограде, где находились жена и его малолетняя дочь. Как офицер царской армии был арестован, около года провел в одиночной камере. Освободившись, бежал на юг, вступил в белую армию.

В 1924 году Александр Перфильев оказался в Риге. На жизнь зарабатывал старой "казачьей профессией", — объездкой скаковых лошадей. С 1915 года стал печататься, сначала в газете "Рижский курьер", затем в газетах "Русское слово", "Сегодня", журналах "Огонек", "Новая нива", "Для Вас". Под псевдонимом Александр Ли в 1926 в Риге вышел первый его поэтический сборник под названием "Снежная месса: Стихи 1924–1925". Работал литературным сотрудником, фельетонистом, техническим редактором в рижских журналах "Наш огонек", "Новая нива", "Для Вас", "Русское слово", "Сегодня". Писал тексты для эстрады. Русские тексты всех песен, вышедших в рижском издательстве "короля танго" Оскара Строка (несмотря на то, что на них значится "Музыка и слова Оскара Строка", в т. ч. и пользовавшийся огромной популярностью романс "О, эти черные глаза") принадлежат перу Перфильева.

В период оккупации Латвии советскими войсками в 1940–41 Перфильев скрывался. Во время немецкой оккупации редактировал газету на русском языке. В 1942 издал сборник рассказов "Человек без воспоминаний". В 1944 уехал в Берлин, где сблизился с бывшим донским атаманом П.Н.Красновым, "снова надел военную форму, был послан в Италию, оттуда в Прагу и после фантастического бегства из-под расстрела очутился в Баварии". Из баварского г. Мюльдорфа Перфильев перебрался в Мюнхен, где и жил до самой смерти в 1973 году.

Тексты он писал исключительно ради заработка, о чем поведала его жена, поэтесса И.Сабурова в предисловии к посмертному сборнику стихов Перфильева, вышедшему в 1976 году в Мюнхене. После смерти Перфильева вдова писателя собрала отдельные его произведения и издала ротаторным способом под названием "Литературное наследие А.М.Перфильева (Александра Ли)". В 1976 вышла самая большая поэтическая книга Перфильева "Стихи". Едва ли не все, что вышло из-под пера Перфильева в эмигрантские годы, отмечено острой ностальгической интонацией. Он томился тоской по родине и одиночеством. В творчестве Перфильева преобладают три темы: любовь, смерть, Россия. Его стихи переполнены тоской о Родине, Сибири. Творческое наследие Перфильева не собрано до сих пор, — разбросано по многочисленным изданиям зарубежья.

Генерал-лейтенант Сергей Аполлонович Перфильев в 1917 году был уволен со службы по болезни. В 1918 проживал в Пятигорске, где был взят в заложники большевиками, и после мятежа главкома А.Л. Сорокина казнен в ночь с 18 на 19 октября 1918 года. Его участь разделили: князь, генерал Федор Урусов, князья Сергей и Николай Урусовы, князья Леонид и Владимир Шаховские, князь, генерал Туманов, граф, контр-адмирал Капнист, граф Бобринский, барон де-Форжет, барон, сенатор Медем, министр путей сообщения Рухлов, министр юстиции Добровольский. Генералы: Рузский, Колзаков, Шевцов, Медведев, Пирадов, Похателов, Бойчевский, Смирнов, Алешкевич, Радницкий, Назименко, Чижевский, Мельгунов, Радко-Дмитриев, Багратион-Мухранский, Евстафенко, Игнатьев, Желездовский, Кашерипников, Ушаков, Саратовкин, Покотилов, Тришатный. Полковники: Бочаров, Карташев, Исакович, Савельев, Васильев, Трубецкой, Николаев, Чичинадзе, Шведов, Рашковский, Бархударов, Беляев, Карганов, Рубцов. Подполковники Колосов и Турин. Цвет российского общества.

Опасаясь волнений городского населения, их казнили тайно ночью. Не расстреливали, рубили заложников со связанными руками шашками.

Полковник Дмитрий Сергеевич Перфильев участвовал в Белом движении в составе Добровольческой армии. С октября 1919 года командовал отдельным дивизионом гвардейской конной артиллерии 2-й кавалерийской дивизии. В начале 1920 года эвакуировался из Новороссийска. Затем вернулся в Крым, где служил в Русской армии барона Врангеля вплоть до Крымской эвакуации. В эмиграции в Константинополе был членом Морского клуба. В 1932–1938 годах жил в Шанхае. Дальнейшая судьба неизвестна.

Василий Власьевич Перфильев умер в Подмосковье в канун революции в возрасте 49 лет. Имел двух сыновей — Бориса и Виктора. В годы Советской власти Б.В. Перфильев стал видным биологом, которому дважды была присуждена Государственная премия. Другой сын, Виктор, стал инженером.

Борис Васильевич Перфильев родился в Петербурге в 1891 году, советский микробиолог, основоположник капиллярной микроскопии. В 1916 окончил естественное отделение Петроградского университета. С 1919 научный руководитель Бородинской биостанции, в 1934–50 гг. — ее директор. С 1940 — профессор. В 1952–64 гг. работает в Лаборатории гидрогеологических проблем АН СССР, в 1965–67 — в институте цитологии АН СССР.

Основные труды Б.В. Перфильева о роли микроорганизмов в образовании железных и марганцевых руд, по теоретическим проблемам лимнологии, разработке методов геомикробиологических исследований. Автор гипотезы (1927) о микрозональном строении иловых отложений. Разработал способы выделения микрофлоры илов и их исследования, наметив тем самым новые пути в изучении экологии микроорганизмов. Описал 30 новых родов и 3 новых порядка микроорганизмов. Лауреат Сталинской премии (1941), Ленинской премии (1964). Умер в Ленинграде в 1969 году.

Похоже, что это был последний крепкий росток на Русской земле некогда могучего казачьего рода Перфильевых, который удалось разыскать историкам».

Последнее утверждение Владимира Бахмутова, надеюсь, спорное…

Очень на это надеюсь.

ПЕТЛИНЫ

Свой рассказ об истории этой фамилии мы начнем не с начала, а с конца: по переписи 1722/1748 годов в Охотском остроге отмечен в числе разночинцев (казаков, выбывших за штат) Конон Петлин [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 87 об.].

Поиск истоков этой фамилии, конечно же, привел нас в Томск, где в «Дозорной книге г. Томска» за 1703 г. мы обнаружили большую династию казаков и казачьих детей Петлиных:

Служилые казаки:

Василей Семенов сын Петлин, сын Иван 10, Алексей 5 (Л. 124).

Иван Филипов сын Петлин, сын Иван женат, у него сын Яким 6, Гаврила 4; сын Илья женат, сын Михайла полугоду (Л. 125).

В Томском уезде в Опском стану казачьи дети живут в разных деревнях на пашенных своих заимках…

Петр Филипов сын Петлин (Л. 341 об.).
Максим Петлин (Л. 342).
Семен Петлин
Дмитрей Федоров сын Петлин (Л. 342 об.).
Козма Петлин (Л. 343).
Юрья Петлин
[РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л. 345 об.].

Но свои Петлины были и в Кузнецком остроге:

Книги окладные Кузнецкого острога с хлебными и соляными оклады 189 [1681] году

Иван Иванов сын Петлин

Митка Петлин [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 716].

И Митка Петлин, оказывается, как раз Иванов сын: «Отец конного казака Никиты Петлина Иван Петлин был убит в Томске “при выласке” киргизами в 1650-е гг.» [«Разбор» служилых людей в Кузнецке в 1681 году: к характеристике сибирского войска в XVII в., Гуманитарные проблемы военного дела, Военно-научный журнал, Выпуск № 1, 2014 год].

Более того, история еще более «закручивается»:

«Дмитрий (Митька) Иванов сын — кузнецкий конный казак, сын сына боярского Ивана Петлина, который был убит на вылазке под Томском. Верстан в место отца при воеводе Г. Кушелеве (1635–1639), с окладом 7 руб. с четью, 6 четей с осьминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли; женат. Упоминается в 1637, 1642, 1660, 1662, 1681 в том же чине и окладе. В 1642 имел «собинную» пашню и полностью обеспечивал себя хлебом».

А Иван Иванов сын Петлин — его брат, «кузнецкий сын боярский, бывший московский рейтар. За прежнюю службу был пожалован в дети боярские и в 1645 г. направлен в Кузнецк.…В 1680 участвовал в походе Р. Старкова и И. Гречанинова “в киргизы”… На обратном пути до Кузнецка не доехал, в Томске “от ран своих прежних заскорбел и умер”. Его родственниками были брат Дмитрий и племянник Федор Петлин, последний верстан “в его место”» [Служилые люди Сибири в конце XVI – начале XVIII вв., М.-СПб, 2020, стр. 674].

«Петлин Дмитрий Иванов — кузнецкий служилый человек, конный казак, верстан в 1637 г. с окладом 7 руб. с четью, 6 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли, в место своего отца, который был убит “на вылазке” при осаде Томска калмыками. Имел “собинную запашку” и полностью обеспечивал себя хлебом. В 1690 г. его жалованье получал уже его сын Федор» [Бобровский А.Ю. Кузнецкий гарнизон, Именной указатель к «Книге государева хлебного жалованья кузнецким служилым людям 7178–7187 (1670–1679) гг.», «Кузнецкая старина», Новокузнецк, 2018].

«Митька Петлин. Дано ему г. х. ж. на 178-й год 2 чети без полуо-ы ржи, 2 чети без полуо-ы овса. А к тому додать ему, Митьке, 5 чети без полуо-ы ржи, 2 чети с полуо-ю овса. Да на 179-й год дано ему, Митьке, г. х. ж. четь ржи, 3 чети овса. А к тому додать ему, Митьке, 5 чети с о-ю ржи (поверх слова «овса»), четь овса. Да на 180-й год дано ему, Митьке, г. х. ж. 6 чети с о-ю ржи, 2 чети овса. А к тому додать // (л. 47) 2 чети овса. Да на 181-й и на 182-й годы дано ему, Митьке, г. х. ж., ржи и овса, по окладу иво сполна. Да на 183-й год дано ему г. х. ж., ржи и овса, оклад иво сполна. Да на 184-й год дано ему г. х. ж. 3 чети ржи, 2 чети овса. А к тому додать г. х. ж. 3 чети с ою ржи, 2 чети овса. Да на 185-й год дано ему, Митьке, г. х. ж. 2 чети с полуо-ю ржи, 3 чети овса. А к тому додать г. х. ж. 4 чети с полуо-ю ржи (поверх слова «овса»), четь овса.

Да на 186-й год дано ему, Митьке, г. х. ж. четь ржи, 4 чети овса. А к тому // (л. 47 об.) додать г. х. ж. 5 чети с о-ю ржи. Да на 187-й год дано ему г. х. ж. 4 чети ржи, 2 чети без полуо-ы овса. А к тому додать г. х. ж. 2 чети с о-ю ржи, 2 чети с полуо-ю овса» [Книга государева хлебного жалованья кузнецким служилым людям 7178–7187 (1670–1679) гг. — в сб-ке «Кузнецкая старина», Новокузнецк, 2007].

То есть отец кузнецких казаков Ивана Ивановича и Никиты Ивановича Петлиных — томский казак (более того — сын боярский) Иван Петлин.

Томский краевед Владимир Волков провел исследование истории томских Петлиных, и вот что он выявил:

«Родоначальник рода Петлиных в Томске, Игнатий Алексеев сын Петлин, впервые упоминается в числе томских пеших казаков в 1630 г. По словам его внука, Сенки Наумова сына Петлина, "родом он был из Устюга Великого и переведен ставить Томский город". И действительно, в таможенных книгах Устюга 30 гг. XVII в. мы встречаем довольно много Петлиных. Это свидетельствует о том, что этот род весьма древний и фамилию свою они получили не позже середины XVI в. Иван Петлин, известный тем, что ходил в 1618 г. с посольством из Томска в Китай, без сомнения также принадлежит к этому роду.

Игнатий Петлин вместе со своим сыном Филиппом играли заметную роль в томском восстании против воеводы Осипа Щербатого в 1648–49 гг. Он обладал значительным авторитетом в среде восставших, так как был старостой Воскресенского прихода. Филипп же в первые дни восстания прославился тем, что приходил вместе со Степаном Володимерцем, Иваном Попадейкиным, Прокофием Аргуновым и Дмитрием Антипиным громить дворы сторонников воеводы Петра Сабанского, Юрия Тупальского, Василия Балахнина и Василия Былина. Филька Петлин вместе с Васькой Мухоплевым, Агейкой Пономаревым, Семеном Тарским избили и сняли одежды известного воеводского приспешника (шишиморы) подьячего Макара Колмогорца.

Потомки Филиппа и другого сына Игнатия Наума, имели земли в ведомстве села Никольского (ныне Кривошеинский район Томской области). В 1703 году мы встречаем уже девять дворов Петлиных. Главами семей были сыновья вышеупомянутого Филиппа: Иван и Петр, их племянник Дмитрий Федорович, сыновья Семена Наумовича — Максим, Василий и Семен, а также Козьма и Юрий Петлины. По мере образования новых деревень Петлины поселяются в деревнях Карнаухово, Каличкино, Карасево, Юрьево и Петлино (Чагино).

В 40-х годах XVIII в. Петлины числятся в казаках и разночинцах, затем переходят в разряд крестьян. Бурная религиозная борьба начала XVIII века между старообрядчеством и православием отразилась и на роде Петлиных. Сын Петра Филипповича, Григорий Петлин, со своей семьей числится среди приписных раскольников. Наиболее известен праправнук Григория Философ Петрович (родился в 1818 году). Ему удалось сколотить капитал и войти в число купцов третьей гильдии.

В данный момент род Петлиных является одним из самых многочисленных в Кривошеинском районе и находится в родстве с другими старыми фамилиями этого региона: Смокотиными, Кривошеиными, Кулаковскими, Жарковыми, Пичугиными, Тюменцевыми, Сайнаковыми, Селивановыми и др. В Томске также проживает значительное число представителей этого рода».

Но…

Несмотря на утверждение автора о том, что «Иван Петлин, известный тем, что ходил в 1618 г. с посольством из Томска в Китай, без сомнения также принадлежит к этому роду», у меня лично вызывает большие сомнения.

Судя по истории рода, представленной В. Волковым, в ней не нашлось места для Ивана.

Нет его имени и в списках томских казаков в 1630-х годах:

«Петлин Игнат (Игнашко) Алексеев, пеший казак десятка А.А. Гребенихина. Денежный оклад: 4 руб. с четью. Женат. Один из самых энергичных руководителей томского бунта 1648–1649 гг., церковный староста Воскресенского прихода.

(В словаре «Служилые люди Сибири» есть сообщение о томском казаке Иване Петлине на стр. 673, но это явная ошибка — речь в ней, судя по ссылкам на первоисточники, на самом деле идет об Игнатии, у которого был сын Филипп, а не об Иване.)

Петлин Терентий (Тренка) Игнатьев, конный казак десятка А.В. Ядринца» [Томск в XVII веке: документы и материалы. Приходные и Расходные книги Томского города 30 гг. XVII в. / Сост. В.А. Есипова. Томск: изд-во Том. ун-та, 2001].

И соответствующий дальнейший расклад: Н.Н. Покровский в книге «Томский бунт 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры» [Новосибирск, 1989, стр. 78] приводит документ из архива, в котором черным по белому написано, что в числе активных участников этого бунта называли «Игнашку Петлина с сыном с Филипкой». Об Иване Петлине у этого автора, в книге которого упоминаются сотни томских имен и фамилий, нет ни слова.

«Филип (Филка) Петлин — конный казак "родом томич". Принимал активное участие в смуте 1648/49… При проведении следствия умело отрекся от всех обвинений и, в отличие от других участников, не был наказан. Упоминается в 1642, 1653, 1672 и 1677 с окладом 7 руб. с четью, 6 четей с осьминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли; служил без пашни. Женат. Сын — Иван».

«Иван Филипов сын Петлин — конный казак. В 1680 сообщил, что его отец "родом томич", служил конным казаком, а он верстан "в отцово место" при воеводе П. Львове (1677–1680) с окладом 7 руб. с четью, 2 пуда соли, служил "с пашни"».

Но это не весь список: еще одним сыном Игнатия, как утверждают томские родоведы, был Наум Петлин.

Более того, и родоначальником томских Петлиных они считают не Ивана, а Игнатия Петлина:

«Родоначальник рода Петлиных в Томске, Игнатий Алексеев сын Петлин, впервые упоминается в числе томских пеших казаков в 1630 г. По словам его внука, Сенки Наумова сына Петлина, "родом он был из Устюга Великого и переведен ставить Томский город". И действительно, в таможенных книгах Устюга 30 гг. XVII в. мы встречаем довольно много Петлиных. Это свидетельствует о том, что этот род весьма древний и фамилию свою они получили не позже середины XVI в.».

«Наум [Игнатьев сын] Петлин — конный казак, в 1659 убит "в киргизах". Его отец был устюжанин, "ставил" Томск; у Наума остался сын Семен».

«Семен Наумов сын Петлин — томский казак "родом томич", верстан при воеводе И.В. Бутурлине (1659/1660–1664/1665) "в отцово место". В 1665 состоял в десятке Ф. Засухина с окладом 7 руб. с четью, 6 четей с осьминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли. Упоминается в 1672, 1677 и в 1680 в том же чине и с тем же окладом» [Служилые люди Сибири в конце XVI – начале XVIII вв., М, 2020, стр. 674].

А вот дети путешественника в Китай конного казака Ивана Петлина – Иван и Дмитрий, а также внук Федор Дмитриев сын, согласно биобиблиографическому словарю «Служилые люди Сибири», служили вовсе даже не в Томске, а в Кузнецком остроге в конных казаках и детях боярских. Дмитрий до Кузнецка служил в московский рейтарах.

Почему?

Может быть, потому, что Иван Петлин был первоначально… тобольским конным казаком и на «годовалой» службе в Томске и Кузнецке, почему и послужной список о нем велся в Тобольске:

Тобольск, 1627 год:

Конные казаки

По 8 рублев с четью

Иван Петлин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 14. Л. 87 об.].

Тобольск, 1630 год:

«Конные казаки

Ивашко Петлин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 27].

Тобольский казак на службе в Томске? Почему нет? Таких примеров мы приведем сотни. И тогда становится понятной история, которая с ним произошла и сделала его имя известным во всем мире. А также и причина, почему томские исследователи не обнаруживают его имени в томских списках служилых людей.

Конечно, эта история обросла массой легенд и мифов, но мы не собираемся делать их разбор.

Нам интересно другое — почему в исторической литературе Иван Петлин не тобольский, а томский казак, хотя подтверждений этому мы не находим?

Но коснемся истории:

«Написанный Петлиным трактат о поездке "Роспись Китайского государства и Монгольских земель, составленной томским казаком И. Петлиным", был признан самым ценным и полным описанием Китая со времен Марко Поло.

Отчет содержал сведения о сухопутном маршруте в Китай через Сибирь и Монголию.

В дальнейшем рукопись была переведена на многие европейские языки».

Историки и по сей день спорят о том, насколько оригинальным был этот отчет на самом деле:

«…великий русский историк Николай Карамзин сделал предположение, что первая русская экспедиция, руководимая неким Иваном Петровым, достигла Великой китайской стены еще при Иване Грозном, в 1567 году. Спор об этом длился целых сто лет. Точка была поставлена только во второй половине 20-го века, когда в Монгольском центральном архиве древних актов историки обнаружили любопытный документ — челобитную томских казаков, поданную в Посольский приказ, о награждении их за поездку в Китай».

«Царю государю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьют челом холопи твои, сибирского города казаки Ивашка Петлин да Ондрюшка Мадов. В прошлом, государь, в 126 году велено нам, холопем твоим, итить и проведать про Китайское государство… Шли до Китайского государства пять недель и голод и нужду терпели, и всякий скором ели…»

Посольский дьяк сделает помету на полях: «Души свои губили».

126 год — это сокращенное от 7126-й — год от сотворения мира. То есть 1618, от Рождества Христова. Очевидно, что именно Иван Петлин и Андрей Мадов первыми добрались до Китая. Они возвратились в Москву не с пустыми руками. Привезли с собой, как они пишут, «китайскому государству чертеж и роспись и грамоту от Тайбуна-царя». И, жалуются они дальше, «за эту службу не вознаграждены царем».

А вот и другие подробности:

«В мае 1619 г. в Томск вернулись томский казак И. Петлин и А. Мадов, первые русские люди, побывавшие в Китае (РМО, 1959 — № 37. — С. 88). «Да с ними ж пришли в Сибирь от Алтына-царя и из Лабинского государства и из Киргизские земли послы (РМО, 1959, — № 39. — С. 90). 11 января 1620 г. послы были приняты в Москве в Посольском приказе: И Тархан-Лаба сказал: послан он к великому государю Михаилу Федоровичю от Алтына-царя … А с ним, с Тархан-Лабою, товарыщей 8 человек. Да с ним ж 2 татарина кыргизцы, один Кары-князя посол Алтыджак, а другой Эмикчинжи-князя посол Тепчак. А приехали де они бити челом государю, что они государю дают ясак, а Алтын-царь с них ясак емлет же» (РМО, 1959, — № 40 — С. 91–92).

В мае 1620 г. Лаба Тархан с «товарыщи» был отпущен из Москвы и в начале августа прибыл в Тобольск. Здесь, в Тобольске, воевода отнял у него 8 пищалей. М.М. Годунов писал по этому поводу в Москву, что «по государеву указу и по грамоте велено им у алтыновых послов, которые пойдут от государя в свою землю, осматривать и обыскивать, что не провозили пищалей

и самопалов, да что сыщут, и то у них велено имати» (РМО, 1959, — № 129, — С. 289; см. также челобитную Лабы Тархана. № 46, — С. 100).

5 октября 1620 г. послы прибыли в Томск, а через 3 дня, 8 октября, томские воеводы «отпустили Алтына-царя и Мугальские земли и киргиских послов ис Томского города в их земли, дав им твой государев корм и подводы и служивых людей конных, десятника Ондрюшку Губу, да с ним казаков 20 человек в провожатых до киргисково рубежа» (РМО. 1959 № 53, — С. 109)».

А далее пошли «непонятки».

«Почему имя Ивана Петлина, еще в XVII в. ставшее известным всей Европе, на Руси долгое время то предавалось забвению, то объявлялось принадлежащим ловкому фальсификатору, вовсе не бывавшему в Китае, пока не заняло вновь достойного места среди имен известных русских путешественников?

Довольно обширная литература по истории ранних русско-китайских связей и специальные работы, посвященные поездке И. Петлина, лишь в общих чертах отвечают на эти вопросы, так как главным образом решают проблему реальности этой экспедиции (Г.Ф. Миллер, О первых российских путешествиях и посольствах в Китай, — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1766, июль, стр. 15–57; И.Э. Фишер, Сибирская история, СПб., 1774, стр. 268; Н.М. Карамзин, История государства Российского, т. IX, СПб., 1821, стр. 374–375; Х. Трусевич, Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.), М., 1882, стр. 1–3, 5–7; Ф.И. Покровский, Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.), — «Известия ОРЯС», т. XVIII, кн. 4, СПб., 1914; В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925, стр. 186–187; А.Г. Банников, Первые русские путешественники в Монголию и Северный Китай, М., 1954, стр. 17–27; Б.Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, Харьков, 1929, стр. 20–21; П.Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 г., М., 11958, стр. 81; Н.П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII в., М., 1958, стр. 28–29; Г. Рабич, К вопросу о русско-китайских отношениях XIII–XVII вв. — «Сборник студенческих работ Среднеазиатского университета», вып. XV, Ташкент, 1956; В.С. Мясников, Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина, — «Советское китаеведение», 1958, № 1, стр. 146–151; Л. А. Дербов, Начало дипломатических и торговых отношений России с Китаем — «Ученые записки Саратовского государственного университета имени Чернышевского», исторический выпуск, т. 68, 1960; J. F. Baddeley, Russia, Mongolia, China, vol. II, London, 1919, pp. 65–83)».

И далее — инициаторами похода русских в Китай были… англичане. Существовала в России задолго до американской РАК (Российско-американской компании) английская РАК (Русско-английская, или Московская компания), получившая в России монополию на торговлю еще при Иване Грозном.

В Смутные времена торговый представитель английской Московской компании Джон Мерик (впоследствии английский посол, именуемый в русских источниках как князь Иван Ульянович Мерик) настойчиво продвигал торговую идею с сопредельными государствами на юге от Тобольска и Томска, полагая, что это будет английский торговый путь:

«В октябре 1608 г. тобольский воевода В. В. Волынский отправил по указу царя Василия Шуйского группу казаков во главе с И. Белоголовом на поиски Алтына-царя и Китайского государства».

«Экспедицию И. Белоголова решено было отправить после того, как в Томске при расспросе киргизских князей Номчи и Кочебая узнали, что от их владений до Алтына-царя ходу месяц, “а до Китайсково де государства от Алтына-царя ходу 3 месяца”» [«Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов», М., 1959, — № 6, стр. 31].

Эта поездка явилась первой попыткой русского правительства самостоятельно разведать торговые пути в Центральную Азию и на Дальний Восток, но она оказалась безрезультатной. Война ойратов с Алтын-ханом Шолоем Убаши-хунтайджи помешала русским посланцам достичь района его кочевий (Там же, стр. 31)».

Во время царствования царя Михаила Федоровича Романова ситуация вообще накалилась:

«Интерес к дороге в Китай через территорию Русского государства все более возрастал. Английская дипломатия от просьб стала переходить к прямому нажиму. Мерик соглашался выступить посредником в русско-шведских переговорах при условии, если англичанам будет разрешено искать путь “мимо Оби-реки морем в-Ындейское государство, в Китайскую землю”» (ЦГАДА, ф. Сношения России со Швецией, оп. 2, 1616 г., д. 4, лл. 382, 384). Боярская дума, не желая поступаться интересами русской торговли со странами Востока, решила, как и в предшествовавших случаях, отказать Мерику (Там же, л. 384). Но отказ необходимо было облечь в дипломатическую форму, и царским указом от 2 мая 1616 г. переговоры об отыскании дороги в Китай были перенесены на время после возвращения Мерика из Швеции (Там же, лл. 404–405)».

Тобольский воевода князь Иван Семенович Куракин предостерегал царя:

«А по здешнему, государь, по сибирскому смотря делу, никоторыми обычаи немцам в Мангазею торговать ездити повелеть не мошно: да не токмо им ездити, ино б, государь, и русским людям морем в Мангазею от Архангельского города для немец ездить не велеть: чтоб, на них смотря, немцы дороги не узнали, а приехав бы, воинские многие люди сибирским городам какие порухи не учинили» (РИБ, т. II, СПб., 1875, № 254, стр. 1055; П. И. Буцинский, Заселение Сибири и быт ее первых насельников, Харьков, 1889, стр. 183–184; М. П. Алексеев, Сибирь в известиях… стр. 220)».

«29 июня 1615 г. из Москвы выехали служилые люди. В. Тюменец и И.П. Текутьев, которых И.С. Куракин должен был, согласно царской грамоте, снарядить послами к Алтан-хану Шолою Убаши-хунтайджи. 10 мая 1616 г. экспедиция начала свой путь».

И вот самое главное:

«22 ноября 1616 г. в Томск вернулись В. Тюменец и И.П. Текутьев, побывавшие в ставке Алтын-хана, и привезли новые сведения о Китае. Вот что сообщили они в феврале 1617 г. в Тобольской приказной избе: "А Китайское государство стоит на край губы морские… А под Китай де приходят суды великие парусами, а [на] них де люди торговые, а на судне де человек по 200 и по 300, а платье де они носят з бухарской стати. А ходу де от Золотого царя до Китая конем месяц, а рек де больших нет, а место де ровное, гор нет" (Там же, № 20, стр. 57). Прибывшие же с Тюменцом монгольские послы Скаян Мэргэн и Киченга в расспросе показали, что "есть де в их стороне от Алтынова царства Китайское государство, а ходу де до того государства от Ал[тына]-царя тихо 6 недель, а наскоро [четы]ре недели… а город де в Китаех кирпичной… [по] середине города великая река, а суды де приходят по той реке в Китай большие"» [ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1617 г., оп. 2, д. 1, лл. 6–7].

На поставленный И.С. Куракиным вопрос: «"Велит ли проводить царь их Алтын… государевых послов в Китайское государство?" послы Шолоя Убаши-хунтайджи ответили, что "царь их Алтын… государевых послов в Китайское государство проводит и подводы им до Китайского государства даст"» [Там же, лл. 8–9].

В конце марта 1617 г. В. Тюменец и монгольские послы повторили свои показания в Москве в Посольском приказе [См. «Русско-монгольские отношения», № 22, стр. 65–66].

В целом их сведения не противоречили версии о морском пути в Китай, но ими было точно указано, что от кочевий Шолоя Убаши-хунтайджи до Китая маршрут пролегает по степным районам и не включает больших рек.

Понимая реальную возможность достигнуть Китая этим маршрутом, И. С. Куракин начинает уже в апреле 1617 г. снаряжать в Тобольске новую экспедицию, на этот раз в Китай. Главой же ее назначается тобольский сын боярский Максим Трубчанинов. В составе этой экспедиции предполагалось «для письма послать в Китайское же государство толмача служилого человека Ивашка Петлина» [Архив АН СССР, ф. Портфели Миллера, оп. 4, кн. 17, № 38, лл. 48 об. – 49; J.F. Baddeley, Russia. Mongolia, China, vol. I, p. CCXIX].

Но далее в исторических документах постоянно делается упор на томскую службу толмача Ивана Петелина (который неожиданно из обычного переводчика становится руководителем посольства?):

«Когда во главе миссии предполагалось послать Максима Трубчанинова, И.С. Куракин распорядился отправить с ним "в Китайское государство тобольских служилых людей и юртовских татар 7 человек", а томскому воеводе Ф.В. Боборыкину предлагалось выбрать еще "томских служилых людей, которым мочно на государеву службу в Китайское государство поднятца, 4 человек", присоединив к ним толмача "служилого человека Ивашка Петлина". Кроме того, двое томских служилых людей должны были сопровождать экспедицию до ставки Шолоя Убаши-хунтайджи, чтобы вернуться оттуда в Томск "с вестью" о приеме и пропуске в Китай русских посланцев (Архив АН СССР, ф. Портфели Миллера, оп. 4, кн. 17, № 38, лл. 48 об. – 49; J.F. Baddeley, Russia, Mongolia, China, vol. I, p. CCXIX). Таким образом, постоянный состав миссии определялся в 12 человек. Маловероятно, что после того как возглавить поездку было поручено И. Петлину, численный состав экспедиции сильно изменился. В одном из хронографов XVII в. указывается: "По государеву указу послан из Томского острожка казак Ивашко Петлин с товарищи, 6 человек, в Китайское государство" (РОГПБ, Рукописный сборник XVII века, Q-XVII, № 73, л. 354).

…О самом Иване Петлине известно довольно мало. Был он томский казак, к моменту поездки в Китай прослужил немалый срок, еще в 1609 г. ездил к телеутскому князю Абаку. Размер "государева жалованья", определенного ему в Приказе Казанского дворца, ничем не отличался от оклада большинства сибирских казаков: "денежный оклад 7 рублев с четью, хлеба 6 чети с осьминою муки ржаные, четь круп, четь толокна" ("Русско-монгольские отношения", № 39, стр. 90).

Знание местных языков позволяло ему исполнять обязанности толмача, а это в свою очередь выработало определенные дипломатические навыки. И. Петлин, очевидно, был грамотным, так как первоначально его включили в состав миссии "для письма". До поездки в Китай Петлин бывал в Москве, только этим можно объяснить зрительное восприятие им китайского города Калгана (Чжанцзякоу): "А город высок и хорош и мудрен делом, а башни так же, что московские, высоки" (Там же, № 34, стр. 83). Способности и знания И. Петлина были известны И.С. Куракину, так как он назвал именно его среди томских служилых людей при формировании экспедиции; тобольский воевода по достоинству оценил кандидатуру Петлина, назначив его впоследствии главой миссии.

Документы о поездке в Китай И. Петлина постоянно упоминают вместе с ним имя Андрея Мадова [Там же, № 33, стр. 80; № 35, стр. 86; № 37, стр. 88; № 38–39, стр. 89–91), который являлся вторым по значимости лицом в экспедиции. А. Мадов так же был сибирским казаком Томского города, жалованье получал несколько меньше, чем Петлин, — "денежный оклад 7 ж рублев с четью, 5 чети с осьминою муки рженые, осьмина круп, осьмина толокна" (Там же, № 39; стр. 90). Другого товарища И. Петлина по путешествию звали Пятый Кизылов (Пятунька Кызыл) (Там же, № 35–36, стр. 86–87). Четвертым участником поездки был казак по имени Петр, фамилию которого документы не называют, именуя его просто "томского города казака Ивана Петлина товарищ

Петрушка" (ЦГАДА, ф. Монгольские дела, оп. 2, 1619 г., д. 1, л. 59. Хотя можно предположить, что здесь речь шла о том же П. Кизылове). Остальные спутники И. Петлина остаются неизвестными.

…отписка тобольского воеводы, хранящаяся в ЦГАДА. В ней имеются интересные сведения о лицах, сопровождавших послов в Москву. Кроме пристава Бурнаша Никонова, указывает И.С. Куракин, "в провожатых за послами отпущены служилые люди Андрюшка Мадов, Яков Куркин, Стенька Ядринский, Микитка Росторгуй, Андриянка Трофимов, Захарко Кузьмин, толмач татарин Абурим Айдаров" (ЦГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1620 г., стлб. 1, л. 4). Есть основания предположить, что, за исключением толмача А. Айдарова, перечисленные служилые люди во главе с Андреем Мадовым и были товарищами И. Петлина по путешествию в Китай. В таком случае цифра "6", указывающая в упомянутом ранее хронографе число спутников Петлина, может считаться верной)» [Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М. Наука. 1966.].

А вот и добавления из очерка Ю.А. Бобровского «Кузнецкий гарнизон» [сб-к «Кузнецкая старина», Новокузнецк, 2018]:

Попугаев Иван Матвеев — кузнецкий служилый человек, конный казак, оклад 7 руб. с четью (1659–1681 гг.). Его дед вместе со знаменитым И. Петлиным совершил одно из первых русских посольств в Китай.

«Роспись», которую создал обыкновенный томский толмач Иван Петлин, имела огромнейший успех в Европе:

«Князь Пожарский сдержал обещание, записи Петлина о Китае передали английскому послу — уже в 1625 году их переведут и издадут в Лондоне. В 1628 году последуют публикации на латинском и немецком языках, затем на французском, шведском и голландском».

И снова о нем — первом представителе Российского государства в Китае — забыли: нет сведений о нем как до этого похода в Китай, так и после него…

Такая вот у нас короткая память…

Сведения об Иване Петлине, томском сыне боярском, появляются только с выходом биобиблиографического словаря «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века» [М.—СПб., 2020]. Мы приводим полностью эту статью [стр. 674], которая создает еще больше вопросов:

«Петлины (Петелины) — томские и кузнецкие служилые люди.

Иван — томский сын боярский. В 1609 г. упомянут как томский конный казак с окладом 7 руб., 6 четей ржи, 2 чети круп и толокна. Вместе с М. Коломной и В. Малентиевым 4 февраля 1609 г. послан с посольством к телеутскому князцу Абаку. В мае ("на Николин день") 1618 года во главе отряда казаков отправлен в Китай для установления посольских связей с цинским императором. Пройдя через киргизские земли и монгольские владения Алтын-ханов, его спутники через 12 недель достигли Великой Китайской стены, а затем Пекина, где находились с 1 по 4 сентября. Русские посланцы вернулись в Томск "на Покров день" с грамотой от китайского императора Вань Ли. Результаты путешествия и посольства в Китай были изложены И. Петлиным в "росписи", которая содержит описание пути, сведения о жизни и быте китайского народа и его правителях. Весной 1619 И. Петлин был направлен с посольством к Алтын-хану, вернулся не позднее 16 мая. По возвращении направлен в Москву с "отпиской" о Мангазейском морском ходе и своих посольских делах (приехал в Москву 11 июня 1619). За службу и понесенный "изрон" ему было пожаловано 25 руб., камка, сукно и добавлены к окладу 1 руб., четь муки, осьмина круп и толокна. В 1626 его хлебное жалованье составляло 5 четей с осьминой муки, 2 осьмины круп и толокна. По словам его сына Дмитрия, Иван служил в Томске "лет с сорок" и был убит на вылазке при осаде города калмыками».

Но вот еще одна ссылка:

«Складывание служилого "мира" в Кузнецком остроге было тесно связано с формированием постоянного гарнизона и образованием самостоятельного воеводства. Ядро гарнизона составили томские годовальщики, присланные из Тобольска казаки, поверстанные в служилые гулящие люди и ссыльный служилый элемент, в котором преобладали "черкасы" и "литва". Опасные и тяжелые условия существования колонистов среди многочисленных и враждебных аборигенов побуждали их к единству, сплочению и созданию собственного органа управления. Его руководителями становились наиболее опытные, авторитетные и преимущественно грамотные представители служилой среды. Большинство из них составляли начальные люди, происходившие из разных слоев, в том числе и из рядовых казаков. Благодаря своим личным качествам и ратным заслугам они были выдвинуты на командные должности. К ним относились: дети боярские Роман Грожевский, Федор Сорокин, Иван Петлин, Петр Лавров; атаманы Петр Дорофеев, Корнила Петров, Иван Бедарь; пятидесятники Кузьма Володимеров, Петр Кузьмин, Кондратий Бызов; десятники Владимир Оверкиев, Борис Кузьмин, Шестак Яковлев, Парфен Борисов, Максим Остафьев, Степан Варламов, Григорий Тузовский и другие. Подписи указанных лиц сопровождали многочисленные мирские челобитные, содержание которых отражает реальное участие мира в постановке и разрешении самых злободневных вопросов жизнеобеспечения всех русских поселенцев» [И. П. Каменецкий Служилые люди Сибири XVII – начало XVIII века. Исторические портреты и очерки, Тобольск, 2023].

Но конкретного ответа на вопрос, кто такой казак Иван Петлин, с ссылками на соответствующие документы, мы так и не нашли. Но, судя по детям, которые были верстаны «в отцово место», он служил впоследствии в Кузнецке.

Что уж тогда говорить об охотском казаке Кононе Петлине, информация о котором промелькнула в нашей дальневосточной истории всего один раз.

Возможно, он «родом томич».

А может быть, нам снова стоит вернуться к тобольским корням?

Тем более что и Петлиных, и Петелиных там было предостаточно для поиска.

1676 год.

«Ялуторовская слобода

драгуны

Ондрюшка Петелин

Алешка Петелин

Федка Петелин

Драгунские отцы и братья и племянники

Микишка да Сенка Петелины» [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Кн. 610. Лл. 165–165 об, 167 об.].

1683 год.

«Тобольский уезд.

Деревня Пятелина на реке Тоболе.

Во дворе Федка Микифоров сын Петелин.

Сказал: родился де он (л. 789) Тюменского уезду в деревне Малкове, отец ево жил в государеве десятинной пашне. А он Федка в Ялуторовской слободе живет со 170-го году. У него брат Якунка 7 лет.

Деревня Бердюгина на реке Тоболе.

Во дворе Ондрюшка Петров сын Петелин.

Сказал: родился де он Тюменского уезду в деревне Малкове, крестьянской сын. А в Ялуторовской слободе живет со 174-го году. У него дети: Митка, Ивашко 4 лет.

Деревня Бешкильская на речке Бешките.

Во дворе Алешка Агафонов сын Петелин.

Сказал: родился де он Тотменского уезду Вотчинской волости в деревне Фетине, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Ысецком остроге со 178-го году.

У него сын Матюшка 2 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Лл. 788 об, 793 об., 918].

1689 год.

«Слобода Окуневская

Двор крестьянина Осипа Петелина сказался 50 лет, жена Соломанида 45 лет, дети Онтон 18 лет, Кандратей 8, Овдотья 14, Парасковья 3 лет.

Деревни Жарениковой.

Двор крестьянина Осипа Петелина сказался 70 лет, жена Афимья 40 лет, дочь Марфа 10 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6894. Лл. 47, 69].

1710 год.

«Ялуторовская слободы

Деревня Бердюгина

Двор а в нем пашенной крестьянин Дмитрей Андреев Петелин сказал себе от роду 60 лет у него сын Андреян 20 лет в салдатех набору столника Ивана Фомича Бибикова дочь девка Агафия 16 лет у него ж сноха вдова Фекла 26 лет у ней сын Федор 6 лет пасынок Яков 8 лет у него ж брат Иван 30 лет у него жена Ульяна 26 лет у них три сына Иван 10 лет Михайла 8 лет Антон году дочь Татьяна 2 лет у них же сестра девка Марфа 26 лет».

«Деревня Петелина

Двор а в нем захребетник Яков Никифоров Петелин сказал себе от роду 45 лет у него жена Ксения 40 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Лл. 75, 86 об.]

«1754 год, Тобольск

Енисейский пехотный полк

Солдаты

Аника Петелин

Иван Петелин

Сибирский гарнизонный пехотный батальон

Солдаты

Федор Петелин».

Как видите, диапазон поиска очень велик. Но мы не расстраиваемся — надеемся на удачу… Вопрос в другом — очень часто любители семейной генеалогии, отсекая все лишнее (лишнее на их неопытный взгляд), не видят в подобных вариациях написания фамилии родственную связь и теряют возможную тончайшую нить, которая как раз и связывает их с прошлым и уводит совершенно в другую сторону от исторической реальности.

Мы очень часто сталкиваемся с тем, что в истории написания многих фамилий существует многовариантность — «о» заменяется на «а», «е» на «и», шипящие звуки переходят в свистящие, звонкие — в глухие, а то и просто допускаются грубейшие ошибки при переходе слова из устной речи в письменную — кто-то при разговоре глотает слова, кто-то шепелявит, а кто-то при записи недослышал и записал фамилию так, что от нее осталось только воспоминание…

В данном же случае исследователям повезло — здесь только одна гуляющая «е».

Сложность же заключается в том, что фамилия охватывает огромный ареал от Уральских гор до берегов Тихого океана.

А что если родовой корень здесь все же единый?

Вы думаете, так не бывает?

Ошибаетесь — история сибирских родов очень часто преподносит подобные «сюрпризы»…

ПЕТРОВЫ

Генеалоги и родоведы (а для меня это два совершенно разных направления в создании поколенных росписей: генеалогам важно построить родовую лесенку «от Адама», а родоведам важно определить роль каждого из представителей рода в истории) сталкиваются с большими трудностями, когда их исследование касается представителей самых «редких» русских фамилий — «Ивановых, Петровых, Сидоров», которых было прежде «тьма-тьмущая», да и сегодня их фамильных тезок не перечесть.

Как же нужно действовать в этих случаях, чтобы не ошибиться и Петрова Петра Петровича привязать именно к той родовой линии, к которой он и принадлежит?

Конечно, в этом случае нужно идти от известного — и постепенно уже уходить в «дебри» дальнейшего поиска, чтобы не заблудиться и не потерять направление поиска.

Но для нашего случая это не подходит, потому что мы как раз и хотим продемонстрировать это «изобилие» Петровых на исторической сцене Дальнего Востока, чтобы наш читатель — исследователь, который идет по проторенной уже нами дорожке, понимал, с чем он имеет дело, когда берется за поиск своих Петровых.

Первая группа:

«Пешие ж казаки Ивановы станицы Федорова [Тобольск]

Федотко Петров в прошлом во 152-м [1644] году послан на Лену» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 210. Л.100 об].

Федотко и Федор — часто одно и то же имя.

Якутск, 1661 год

«Рядовые:

Федько Петров» [РГАДА ф. Якутская приказная изба, ст. № 2144, лл. 4–7].

Вилюйское зимовье, 1670 год

«На одногодные службы. На Вилюй в верхнее зимовье: казак Федька Петров, Ивашко Григорьев, Ортюшко солдат, Марчко Фомин, Автамонко Киселев, Ивашко Фомин» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 100].

Якутск

«Окладная книга 1681 года

Казаки

Петров Федька, казак (ж/о)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

Якутск, 1682

«у каз. у Федьки Петрова с. Ивашко 10 л. (1672), с. Гришка 5 л. (1677)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.102].

И на этом эта родовая линия обрывается…

Вторая группа:

Якутск, 1646/1648 годы

«…Семейка Петров сын тунгуской толмач на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 26 об.].

«[…]ка Петров сын Тунгуской толмач в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку» [там же, л. 92].

«Панфилко Петров сын Тунгуской толмач в прошлом во 156-м [1648] году на государеве службе на Вилюе в середнем зимовье умре и в том же во 156-м [1648] году велено быть в его Панфилково место ссыльному Ондрюшке Федорову в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 84].

Якутск, 1661 год

«Рядовые:

Сенька Петров» [РГАДА ф. Якутская приказная изба, ст. № 2144, лл. 4–7].

И эта линия обрывается…

Третья группа:

Называется: разберись, кто есть кто?

Якутск, 1661 год

Рядовые: Васька Петров [РГАДА ф. Якутская приказная изба, ст. № 2144, лл. 4–7].

Якутск, 1693 год.

Рядовые казаки:

Васька Петров, у него бр[ат] Васька 8 л. (1675) [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 104].

Четвертая группа:

Якутск, 1661 год

«Рядовые: Первушка Петров» [РГАДА ф. Якутская приказная изба, ст. № 2144, лл. 4–7].

Якутск

«Окладная книга 1681 года

Казаки

Петров Первушка, казак (х/о)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

Якутск, 1692 год

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Первушка Петров в прошлых годех на Ковыме реке умер» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 37 об.].

Якутск

«Окладная книга 1681 года

Казаки

Петров Ивашко, новокрещеный казак (х/о)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

Якутск, 1692 год

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Новокрещен Ивашко Петров в нынешнем в 200-м [1692] году сентября в 13 день в Якутцком умер воспою» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 45 об.].

Пятая группа:

«Приказчики Удского острога

Петров Григорий, якутский атаман. 1690 — после февраля 1691» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 203].

Якутск, 1692 год

«Выписка из окладной книги служилым г. Якутска

Атаманы казачьи

Григорей Петров» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 7 об. – 8].

И тоже след обрывается…

Из этой же группы, сделавших казачью карьеру:

Якутск, 1692 год

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Ефимко Петров в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 22 день хлебной оклад учинен ему женатой» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 48].

«Окладная книга 1706 года

Петров Ефим, десятник (7-я пятидесятня)» [Сибирские города, материалы для их истории

XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Якутск, 1720 год

«Дворяне

Ефим Петров» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 62 об.].

Якутск, 1722/1748

«Города Якуцка разночинцы: Умершие: Ефим Петров» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 121].

И здесь след обрывается…

Шестая группа:

Петров Алексей, пятидесятник: «Василий Иванов с. Игнатьев, в пр. 705 г. приверстан в дети боярские, и в нын. 706 г. февр. в 15 д. приверстан в казачью службу в его Васильев оклад Енисейской казачий сын Алексей Петров» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Обратите внимание: из казачьих детей сразу в… пятидесятники, в унтер-офицеры. Такое возможно было только в одном случае — по наследству.

И тоже след пропадает…

Седьмая группа:

Читаем:

«В прошлом 711 году … Данило [Анцыферов] с товарищи учинил [что] казачьи голова Володимер Атласов держит у себя в доме доброго зверя лисицу чернобурую и они де приехав в Нижний Камчадальский острог … и хотели его Володимера связать и про … доброго зверя спросить, а он де со служилыми людьми стал драться и служилые де люди Алексей Посников, Григорий Шибанов, Андрей Петров боронясь от себя и опасаясь от него Володимера к себе убийства с казачья совета в таком случае убили его Володимера до смерти, а после де того нашли они в доме у него Володимера 2 лисицы бурые, которые везли они в Верхний острог в твою казну…».

И во всей последующей исторической литературе Андрей упоминается как Петров или Петровых.

И только в одном месте — в дополнительных материалах к «Описанию Земли Камчатки», опубликованных в академическом издании этой книги [Издательство Севморпути, М.-Л., 1949 г.], — главе «О завоевании камчатской землицы, о бывших в разные времена от иноземцов измены и о бунтах служивых людей» на стр. 754 находим:

«Пришедщи под Нижний острог тайно, и ставши за протокою реки Камчатки, составили они ложную грамоту к Володимеру Атласову и послали оную с тремя сслуживыми с Григорей Шибанкою, да с Алексеем Посниковым, да с Наянковым, которые пришедши к Володимеру Атласову, подали ему помянутую составную грамоту, и как он стал читать помянутую грамоту, то его Григорей Шибанко нечаянно ножем в бок заколол, а в то время при Володимере Атласове никово не случилось, и так оным убийцам к прочим бунтовщикам без вреда уйтить удалося».

И так бывает часто, что за отчеством открывается фамильное прозвище или фамилия, которую на самом деле носит человек, которого мы до этого считали Петровым или Петровых.

В 1800-х годах, только на Камчатке одновременно служили [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4]:

«Уездный город Нижнекамчатск:

Губернский регистратор Петров Василий Ермилович (1768). И его дети: копеист Петр Васильев Петров (1797), Алексей (1803), Трифон (1804), Екатерина (1807).

Казачья команда

Казаки

Петров Иван Егорович (1790)

Петров Иван Иванович (1800)

Петропавловский порт

казаки отставные

Петров Прокопий Семенович (1758)

Матрос экипажной роты

Петров Андрей Петрович (1814)»

И попробуй-ка разберись, кто есть кто?

А вот и конкретика, когда мы начали отсчет от известного:

ПЕТРОВЫ. НИЖНЕКАМЧАТСК, УСТЬ-КАМЧАТСК

1 колено	
	Петров Иван Егорович (1788), отставной казак Нижнекамчатской казачьей команды, 1813 г.
2 колено	
	Петров Андриан Иванович (1815/1823), камчадал Нижнекамчатского селения, за участие в эвакуации Петропавловского порта награжден памятной медалью о войне 1853–1856 гг. на Андреевской ленте
	Петров Дормидонт Иванович (1821), в 1845 г. казак с. Усть-Приморск
	Петрова Матрена Ивановна (1845), дочь усть-приморского казака. М. (с 1863) Гарднер Петр Осипович (1831), петропавловский мещанин
3 колено	
	Петров Венедикт Дормидонтович (1853), с. Усть-Приморск, казак. Ж. (с 1873) Коллегова Фекла Григорьевна, дочь пономаря Ключевской церкви
	Петрова Марфа Дормидонтовна (1856), дочь казака. М. (с 1873) Штинников Алексей Акиндинович (1849), с. Ключи, крестьянин
4 колено	
	Петров Дормидонт Венедиктович (01.09.1874), казак, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. (с 30.06.1902) Миронова Еликонида Софоновна (1881)
5 колено	
Дети Дормидонта Венедиктовича	Петров Иоанн Дормидонтович (22.02.1903–17.12.1903)
	Петрова Матрона Дормидонтовна (08.11.1904)
	Петров Петр Дормидонтович (05.06.1907)

ПИНИЗИНЫ

Они же Пинижины, Пиняженины, Пяняжаниновы и прочая, прочая, прочая — вариантов множество. Во-первых, из-за трудности артикуляции при произношении (выговаривании) оригинала фамилии — попробуйте сами произнести — Пяняжанинов. И во-вторых, из-за писарской «грамотности».

Фамилия четко определяет край, откуда прибыл в Сибирь первый из представителей этого рода — уроженец Пинежья.

Это обширный район в современной Архангельской области, распахнувшийся по оба берега реки Пинеги, правого притока реки Северная Двина.

Это о Пинежье слова местного поэта Ивана Порохина:

Есть такие места былинные,
Край березовых белых ночей,
Здесь деревни стоят старинные,
Над домами дымки от печей.

Именно старинные — история Пинежья в истории нашего Отечества начинается примерно с XII века, когда на Русский Север, как он стал называться с тех пор, двинулись охотники-промысловики из новгородских и владимиро-суздальских земель за пушниной, которая во все времена была самой постоянной и надежной валютой.

И здесь, как всегда это водилось и водится на Руси, новгородцы, суздальцы и владимирцы, роднясь с коренными жителями Пинежья — пермянами (предками коми), «самоядью» (ненцами), заволочской чудью (вепсами), преображались, выходя на просторы Белого моря, в поморов — тех самых русских землепроходцев, которые первыми, задолго до Ермака Тимофеевича совместно со своими братьями из коми-зырян и коми-пермяков начали походы за Камень, за Уральские горы.

А впоследствии – именно выходцы с Русского Севера пополняли составы военных гарнизонов Сибири и были основной движущей силой того самого процесса, который вошел в нашу историю как движение «встречь солнцу», которое не было остановлено даже Великим Тихим океаном.

Не будем далеко ходить за примерами.

В составе отряда тобольских казаков, которые пришли в Якутию вместе с первым воеводой Петром Петровичем Головиным, было двести двадцать пять казаков из сибирской столицы.

Основной состав – молодые холостые казаки. Но не весь — шли в Якутию и семейные, некоторые — со своими еще юными сыновьями.

Так вот в этом небольшом тобольском отряде было четверо из Пинежья, которые еще не успели обзавестись своими фамилиями и именовались по месту былого жительства, по малой родине:

Пенежанин Микитка Семенов, казак станицы Ивана Александрова [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141. Л. 222 об.].

Пенюжанин Федька Родионов, казак станицы Клима Бобошина [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141. Л. 227].

Пеняженин Федоско Иванов, пеший казак станицы Мурзы Выходцова [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141. Л. 225 об.].

Пеняженин Митька Прокофьев, пеший казак станицы Мурзы Выходцова [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141. Л. 225 об.].

И не только пинежане:

«Тугариновы станицы Панютина … Марчко Ларионов сын Вычегжанин в прошлом во … по его челобитью за болезнью и за увечьем отставлен …гулящей человек Панфилко Павлов сын Вычегжанин убит в прошлом во 150-м [1642] году и того ж 150-го [1642] году в его место Офонька Михаилов сын Пеняжанин с Юсела в прошлом во 155-м [1647] году для болезни и увечья отставлен а в его место велено быть промышленому человеке Оничке Иванову и в прошлом во 157-м [1649] году на государеве службе на Май реке в верхнем зимовье убит и в нынешнем во 158-м [1650] году по помете на выписке диака Осипа Степанова велено быть в его Оничкино место промышленному человеку Ивашку Микитину сыну Угрюмову и в том же во 158-м [1650] году послан на государеву службу на новую на Охоту реку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 55].

И распределялись выходцы из Пинежья по самым разным волостям Якутского воеводства, простиравшегося с севера на юг от Северного Ледовитого океана (устье рек Яна, Алазея, Индигирка, Колыма) до Амура и на восток от Лены до Тихого океана.

«Тобольские пешие казаки прежнего наряду с столь… с Петром Головиным с товарыщи … Нехорошко Аврамов сын Пеняжанин на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 12].

«Тобольские ж служилые люди прежнего наряду…

Стрельцы

…Ондрюшка Васильев сын Пеняжанин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 17 об].

Но история, которую мы вам хотим сегодня рассказать, пока что мало связана с теми давними событиями, которые происходили в XVII столетии. Точнее — мы ничего не знаем об этой возможной связи.

Истории были разные — кто-то из тобольских казаков и стрельцов возвращался в Тобольск и там продолжал дальнейшую службу и свой — казачий или стрелецкий — служилый род. Кто-то навечно оставался в этой дальней восточной земле, пораженный меткой стрелой якута, эвена, юкагира, чукчи, коряка или камчадала… А кто-то, наоборот, обживался в здешней земле и по примеру бывших енисейских казаков, прибывших на Лену еще во времена, когда Якутского воеводства не существовало, Семена Чуфариста или Семена Дежнева, брали себе в жены новокрещенных якуток (саха) или юкагирок и обзаводились семьями…

Казак Пняженин Федор Иванович родился в 1753 году. Мы находим его имя в Исповедаль-

ных росписях Тигильской Христорождественской церкви за 1812 год. Ему уже под шестьдесят лет.

Он женат. И, судя по возрасту детей, — не в первый раз. Супруга — Евдокия Васильевна — младше мужа почти на тридцать лет — 1782 года рождения.

Последнее упоминание имени Федора Ивановича относится к 1815 году. Но он уже записан как Пинижин Федор Иванов.

В 1780 году у него рождается старший из сыновей — Пяняженинов Иван Федорович.

Через шесть лет — второй, но уже Пинижин Алексей Федорович.

Вот таким образом шла трансформация этой фамилии.

Меняется и география в послужном списке тигильских казаков Пяняжениных — Пинижиных. Сын Ивана Федоровича — Пинижин Александр Иванович (1827) — в 1846 году состоит на службе в Петропавловской казачьей команде.

А сын Алексея Федоровича — Пинижин Николай Алексеевич — дослужится до чина урядника Тигильской казачьей команды.

Собственно, Николай Алексеевич и является единственным из своих братьев, кто продолжил род Пинижиных и вписал имена своих потомков в героическую летопись всех военных событий.

Он был откомандирован в Петропавловский порт в период обороны 1854 года.

А его дети приняли самое непосредственное участие в событиях, связанных уже с обороной Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., и двое из его семьи — сын и внук стали Георгиевскими кавалерами.

Но это не вся правда — в Тигильской дружине народного ополчения казаки Пинижины (и уже Пинизины) были основным ядром. Судите сами:

Пинезин Василий Николаевич (1881), г. Петропавловск, награжден Георгиевским крестом 4-й степени (№ 171279)
Пинижин Иван Николаевич (1855), с. Тигиль
Пенизин Николай Николаевич (1856), г. Петропавловск, награжден Георгиевским крестом 4-й степени (№ 171285)
Пенижин Трофим Николаевич (1874), с. Тигиль
Пинижин Епифаний Алексеевич (1881), с. Тигиль
Пинизин Николай Алексеевич (1877), с. Тигиль
Пинизин Емельян, с. Тигиль
Пинизин Иван Николаевич (1856), с. Тигиль
Пинизин Космин, с. Тигиль

Иван Николаевич, старший из братьев, как и остальные представители рода, продолжали служить в Тигиле.

Николай Николаевич Пенизин (еще один вариант написания фамилии) с сыном Василием Николаевичем Пинезиным (!) служили в Петропавловском порту.

В 1904 году в составе отряда казаков Петропавловской казачьей команды Николай Николаевич был отправлен на мыс Лопатка для охраны лежбищ морских бобров (каланов) от американских, канадских и японских браконьеров («хищников» — как точно характеризовали их в те времена). И столкнулись с японцами, которые попытались высадиться на камчатский берег. И расстреляли их.

«Урядник Камчатской казачьей команды Петр Толстихин, казаки Петр Крупенин, Николай Селиванов, Николай Пинизин, Николай Волынкин, Чудинов, Помазкин — отразили попытки высадки японцев на бобровые лежбища м. Лопатка». И все они были представлены к солдатскому ордену Святого Георгия 4-й степени.

Его сын, Василий Николаевич, отметился в 1905 году во время артиллерийского обстрела Петропавловска с двух японских крейсеров, которые мстили жителям Камчатки за провал операции по ее захвату и уничтожение хищнических шхун вместе с их экипажами.

Вместе с казаком Коневым они вынесли из-под огня неприятеля казенное имущество, и «за более важные дела» (суть которых не раскрывается) оба представлены к награде.

Мать Василия Николаевича — дочь боцмана Игнатия Яблокова, который первым, будучи в 1854 году «маячником на дальнем маяке», оповестил губернатора Василия Завойко о приходе вражеской эскадры.

Пользуясь случаем, хотим напомнить потомкам Василия Николаевича и об их прадеде по женской линии:

Яблоков Игнатий Дмитриев сын (1816) — уроженец Костромской губернии Юрьевецкого уезда деревни Клюшево Макатовской волости, из крестьян помещика Ничаева, в 1837 г. переведен из Кронштадта в Камчатскую экипажную роту, в 1854 г. был в действительном сражении против англо-французской эскадры.

Выйдя в отставку, он остался жить вместе со своей супругой Дарьей Николаевной на Камчатке и успел стать счастливым дедом, породнившись с Пинизиными (Пенизаными или Пинезиными).

У нас же родовой след по линии Василия Николаевича (и вообще по петропавловской линии) обрывается…

Но остается довольно мощный тигильский родовой след, оставленный братьями Иваном, Епифанием и Артамоном.

Самым многодетным из них был Епифаний, супругой которого была казачка Евдокия Ксенофонтовна Юшина:

Пинижина Александра Епифановна (05.11.1904). М. Толстихин Петр Петрович.

Пинижина Мариамна Епифаньевна (09.02.1909). М. 1 Косыгин Илья Иванович. М. 2 Шемаев Николай

Пинизина Таисия Епифаниевна (27.04.1913)

Пинизина Ольга Епифаньевна (30.12.1915) М. Пушленков Борис Николаевич

Пинизин Николай Епифанович (03.05.1911) Ж. Галина Николаевна

Пинизин Павел Епифанович. Ж. Нина

Пинизина Мария Епифановна. М. Подпрятов Петр Константинович

Пинизина Евдокия Епифановна. М. Гришанов Константин Иванович

И не только общеродовой, но и героический след.

Артамон Алексеевич и его сын Василий Алексеевич были удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

А их сын и брат — Пенизин Владимир Артамонович (1923) — был участником Курильской десантной операции.

В наградном листе, в котором Владимир Артамонович был представлен к медали «За боевые заслуги», такая запись:

«При высадке взвода на остров Шумшу и Парамушир показал мужество и бесстрашие…».

А что же касается тех, кто в это время трудился в тылу, выковывая нашу победу своими трудовыми подвигами, то этому тигильскому роду не стыдно за своих родных, и к списку награжденных медалью «За доблестный труд», который у нас возглавили отец и сын Артамон (Артимон) и Василий Пенизины, мы с гордостью за этих людей добавляем их имена:

Пенизин Неофид Иванович,

Пинизин Павел Епифанович,

Пенизин Степан Калинович,

Пенизина (в девичестве Юшина) Евдокия Кирсановна, супруга Епифания Алексеевича,

Пенизина Екатерина Прокопьевна,

Пенизина Зинаида Васильевна.

И, как мы видим даже по этому списку, фамилия все еще продолжает свою трансформацию…

ПОДЫМАХИНЫ

В замечательном документальном повествовании — трехтомной истории «На ленских пашнях в XVII веке» — Георгия Борисовича Красноштанова прослеживается история появления на Лене первых земледельцев — ссыльного, промышленного и служилого люда.

О деревне Подымахинской, сохранившейся до наших дней в Усть-Кутском районе Иркутской области, он сообщает:

«Деревня Подымахина, два двора. А в ней пашенные крестьяне Ивашко Андреев сын Тюменцов (он же Сокол). Ивашко Васильев сын Подымаха».

И вот что отмечает в своем родовом исследовании потомок старшей линии этого рода — Виктор Леонидович Тюменцев:

«Как свидетельствуют документы, первыми поселенцами этих мест были казаки, которые были высланы в Сибирь. Память об их пребывании хранится в фамилиях, прозвищах и названиях местности. Затем сюда пришли переселенцы по “указу”, что означало принудительное переселение крестьян по особому распоряжению царского правительства. В окладной крестьянской книге 1656 года воеводы Б.Д. Оладьина есть первое упоминание о пашенном крестьянине Тюменцеве:

“На той же левой стороне, на низ по Лене реке, пашенный Сенка Ондреев тюменец пашет на государя полтретьи десятины ржи да полдесятины яри”. Эта заимка позже называлась Подымахинской. Она находится в 48 км ниже устья Куты. Когда был устроен в пашню Сенька Андреев тюменец, неизвестно, в 1660 году Сенька поверстан в судовые плотники. А пашни его за хлебное жалованье дано десятина ржи, а полторы десятины ржи и полдесятины яри пашет брат ево Ивашко Ондреев. Жили они на заимке Подымахиной».

То есть история появления этой деревни гораздо более ранняя, нежели та, которую определил Вадим Николаевич Шерстобоев в своем классическом труде «Илимская пашня» (Иркутск, 1949 г.):

Деревня Подымахинская. Основатель в 1699 г. «Ивашко Тимофеев Подымаха».

У Г.Б. Красноштанова другое мнение на этот счет:

«Ивашко Васильев Подымаха, видимо, был зятем Ивашки Андреева Тюменцова. Деревню стали называть Подымахиной. Потомки Ивашки Подымахи дожили до наших дней. Одному из его потомков, М.П. Подымахину, во время Великой Отечественной войны было присвоено звание героя Советского Союза».

Расходятся у авторов и отчества Ивашки Подымахи — в документах, приводимых Г.Б. Красноштановым, он все-таки Васильевич, а не Тимофеевич, как у В.Н. Шерстобоева.

История же, которую мы хотим вам рассказать, произошла значительно позже — в тридцатых годах следующего уже — XVIII — столетия.

В этот период в Якутском уезде в Жиганском остроге отбывал ссылку один из преданнейших императору Петру I человек — бывший обер-прокурор империи Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, вышедший в большие люди только благодаря личной преданности и исполнению любого приказа императора. Именно он допрашивал в свое время первую — и законную — супругу царя Петра, сосланную им в монастырь — Евдокию Лопухину. Именно он ставил свою подпись под смертным приговором царевичу Алексею. Собственно, и в якутскую ссылку угодил он по причине опасения расплаты за эту смерть, когда к власти шел по милости подкупленного императором Римской империи (супруга которого была родной сестрой жены царевича Алексея Петровича) светлейшего князя Александра Меншикова юный Петр Алексеевич — внук императора Петра I. Именно из опасения расплаты за убийство наследника русского престола Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев примкнул к заговорщикам и поплатился ссылкой в Жиганск. Подробнее обо всем этом можно прочитать в моей книге «Командиры Охотско-Камчатского края» [http://www.kamchadaly.ru/files/doc/block_1987_cmyk.pdf].

Мы же коснемся того момента истории, когда на дальневосточной окраине Российского государства, привыкшей к якутскому воеводскому единоначалию, появляется новый административный центр — Охотско-Камчатский край — со столицей в Охотском порту, который возглавил ссыльный Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев.

А в Якутске в это же время прибыл камергер двора ее императорского величества Фаддей Иванович Жадовский.

В Сибирь нередко направлялись царедворцы с одной единственной целью — поправить свои собственные финансовые дела, решить личные проблемы. И редкий якутский воевода выходил «чистеньким», разгребая пыльные или «грязные» дела своих предшественников. Да и не каждый из воевод возвращался на свою историческую родину в «живом виде» — тяжкие якутские грехи многих из них живыми уже не отпускали.

А тут, кроме всего, еще и все пути-дороги в новый административный центр на охотском побережье вели через Якутск.

Начал свой воеводский корыстный путь Фаддей Иванович традиционно — сотник Иван Шамаев доставлял ему собранный ясак и воевода отбирал себе в личное пользование все лучшее из пушной казны.

Но вскоре аппетиты разыгрались. И когда потребовалось отправить в Охотск необходимые грузы, воевода решил этого не делать: «…в 1732 году, с открытием весеннего пути, 11,670 пудов хлеба, круп и, кроме того разных железных изделий (все это должно было отправить на судах, по доставке в Охотск, в рейды), то Жадовский, ничего не исполнил. Суда ушли по назначению в рейды, забрав в Охотске весь хлеб, какой оставался там, и был разделен между жителями тамошнего края командиром Скорняковым-Писаревым, только что переведенным из Жиганска на этот пост… Охотский порт (по тогдашнему острог) остался совершенно без хлеба! Конечно, по обязанности Скорняков-Писарев донес об этом иркутской провинциальной канцелярии», — писал в своей статье «Воеводы и начальники г. Якутска и их действия» И.С. Москвин.

А далее, как сообщает автор, все закрутилось в вихре стремительных, быстро сменяющихся событий:

«…иркутская провинциальная канцелярия предписала Охотскому командиру Скорнякову-Писареву, указами 9/19 чисел сентября 1732 года, выехать в Якутск для производства следствия, послав в помощь ему из Иркутска поручика Шкадера и, вместо секретаря, канцеляриста. Портнягина. Комиссия эта именовалась “Канцеляриею Якутских следственных дел”. Неизвестно, когда приехали следователи, только канцелярия открыла первые свои действия 7-го февраля 1733 года, как это видно из премемории. Премемория эта в течение 3-х дней, как сказано в донесении в Иркутскую провинциальную комиссию, завинила и положила приговор. Февраля 9-го отдан приказ посадить воеводу Жадовского под арест, а 10-го приговор изменен и велено сковать его в цепь и железо. На исполнение этого дан был Скорняковым-Писаревым ордер штурману Аврааму Дементьеву. Покуда исполнялось это, приговоры канцелярии были вычитаны собранным якутским обывателям, а именно: казачьему голове Алексею Аргунову, сотникам, детям боярским, гостям торговым и всем лучшим людям, потом положено: скованного воеводу привести в канцелярию, где и прочитать ему указ из Иркутской провинциальной канцелярии. При чтении этого указа, когда дошло до оков и содержания воеводы под стражею, Жадовский не вытерпел… выразимся словами самого донесения: “он, Жадовский, схватя шапку, кинул ее на пол и кричал: что-де вы читаете указ! Он от Жолобова! И, хотя он генерал, он-де чинит это по злобе… и бранил его, г. вице-губернатора и статского советника Алексея Ивановича Жолобова…”».

При чем, спросите вы, здесь Жолобов?

Иркутский (которому подчинялась вся Восточная Сибирь) «Вице-губернатор Жолобов, захвативший по смерти святителя Иннокентия Кульчицкого имущество его, вместе с достоянием Вознесенского монастыря, точно так же распорядился, узнав о смерти архимандрита Якутского монастыря Феофана. Он предписал Якутскому воеводе Жадовскому захватить в монастыре все, что попадет под руку, и выслать в Иркутск. Воевода исполнил первую часть повеления, но не успел еще отослать вещей Жолобову, как туда в 1732 г. явился Лебратовский. Воспользовавшись простотою Жадовского, он успел из предназначенных Жолобову мехов лучшие отобрать себе, т.е. вор у вора сделал кражу. Жолобов, разразившись всею злобою на бедного воеводу Жадовского, присудил его к платежу за выкраденные Лебратовским вещи, и сверх того принес жалобу в Сибирскую (в Тобольске) канцелярию.

Этому главному всесибирскому судилищу, прежде всего надлежало бы спросить Жолобова: как ты вмешался в наследство монастырского настоятеля? — Ничего не бывало. Сибирская губернская канцелярия предписала Иркутской провинциальной судить «неумытным судом» Лебратовского. Его потребовали к производившему в Иркутске суд над Жолобовым бригадиру Сухареву. Преосвященный доверчиво подчинился нелепому распоряжению, и Лебратовский с туго набитым монастырскими деньгами карманом и с сорока вывезенными из Якутска соболями очутился под покровительством провинциальных властей» [«Иркутские епарх. вед.» 1865, № 29, С. 591].

А потом все переменилось:

«После этого Жадовского скованного отвели в якутскую воеводскую канцелярию, посадили за судейский стол, для окончания охотских дел, и приставили караул из 24 чел., 6 внутри, а остальных снаружи. Из показания караульного матроса видно: что Жадовский сидел скромно за судейским столом и занимался делами до прихода к нему протоиерея Андрея Тарлыкова и священника Григория (фамилии нет, а сказано: духовника воеводы), которые, переговорив что-то на ухо с воеводою, оттуда пошли в камеру казачьего головы Алексея Аргунова и с ним там шептались. После ухода их Аргунов с казаками, детьми боярскими и людьми служилыми явился в воеводскую канцелярию, в числе 13 человек, вытолкал караул (в донесении сказано: “воевода и казачий голова разбили караул”) воеводу же, еще до появления Аргунова, расковал денщик воеводы Григорий Поротов. По окончании этого ворота в крепости запер-

ли, завалили их колодами и торжественно отслужили молебен на площади.

Следователи, оставшись вне крепости, со своей стороны приставили ко всем воротам караул с заряженными ружьями и не впускали никого в крепость, а выходящих оттуда схватывали, пытали и мучили; потом перехватили почту, распечатали и оставили у себя. Таким образом, воевода был осажден следователями и… пошла война на бумаге! На самом деле, пробегая дела в архиве, можно бы положительно заключить, что: Жадовский отъявленный негодяй; но, соображаясь с фактами, доставленными впоследствии, видно, что Жадовский был не столько корыстолюбив, сколько слаб и смотрел на действия своих подчиненных сквозь пальцы».

Последнее, как выясняется, и было для подчиненных важнейшим: «…Обыватели вознегодовали, подстрекнули воеводу, и он, неожиданно, 18-го февраля, ночью, отдал приказ казачьему голове Аргунову: схватить, заковать и посадить под арест Скорнякова-Писарева и поручика Козьму Шкадера, что немедленно и было исполнено. Но, кажется, что Охотский командир не был скован; Шкадер же смирился и, от 19-го февраля, представил в Воеводскую Канцелярию униженную премеморию…».

С которой, собственно, и начинается дальнейшая наша история, связанная с потомком Ивана Васильевича Подымахи — усть-кутским крестьянином Дмитрием Подымахиным:

«Впоследствии уже, при проезде через Якутск капитан-командора Беринга, которому поручено было тобольскою губернскою канцеляриею следствие и едва ли не по жалобе Жадовского, бывшего в это время в Тобольске, — капитан Цей донес Берингу, как следователю, о лихоимстве и взятках Шкадера и указал, что он отправил в верховье реки Лены, к крестьянину Подымахину много имения и с ним в холопство : «одного мужчину, одну женскую персону и одну якутку» [Подлинные слова Цея, в донесении 23 февраля 1735 года]».

Но не это стало главным:

«Беринг, получив это донесение, распорядился отправить нарочного к капитану Чирикову, которому и приказал привести в Якутск как имущество, так и помянутых людей, что им и исполнено, а Шкадера велел арестовать лейтенанту Вальтону. Но Шкадер, запершись в своей квартире с 4-мя солдатами, не давался и даже, как пишет Беринг в своей премемории, “сам палил из пистолета пулями”, однако ж, не смотря на это, был взят, арестован, закован и выслан за караулом в сибирскую губернскую канцелярию (в Тобольск), вместе с комиссаром экспедиции Петром Мировичем, возводившим на самого начальника экспедиции: “слово и дело”! [Мирович возводил на своего начальника, что будто бы слышал от пастора Эрнста Миллеса и Иеромонаха Феофила, что Беринг имел тетрадь, исписанную по-немецки, которую показывал ему пастор; а Шкадер доносил, тоже через Мировича, что Беринг брал от него Библию на немецком языке и что в ней был белый лист, весь исписанный Берингом, и потом им вырван. На эти слова Шкадера не обращено было никакого внимания. Пастор был признан сумасшедшим и отправлен в Тобольск, а Иеромонах Феофил не был спрошен, потому что он отправился уже в экспедицию к Ледовитому морю]. Скорняков-Писарев был оправдан Берингом, возвращен из ссылки с Вилюя и снова сделан командиром Охотского острога».

Но закрутилось дело Шкадера-Мировича, связанное со «Словом и Делом» — то есть сообщением о государственной измене Витуса Беринга и Мартына Шпанберга.

Крестьянин Дмитрий Подымахин в это самое время занимался более выгодным, чем его предки, делом — он принимал подряды на строительство речных и морских судов.

Один из помощников Беринга — Мартын Шпанберг — доносил:

«…под казенную сплавку на строение одной барки усткуцкой крестьянин Дмитрей Подымахин подрядом своим прежде дела из Ылимской канцелярии получил казенных денег сто четырнатцать рублев. А от него, Подымахина, та барка пошла в постройку в разные руки чрез усткуцких жителей, а имянно от Подымахина Саве Нечаеву за сорок рублев, от Нечаева Ивану Гиляшеву за тритцать за восем рублев, от Гиляшова Степану Копшарову за дватцать за один рубль. Таковым видом все судовые подрядчики от Илимской канцелярии получают себе казенной прибыток» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2435. Л. 44 об. – 49 об.].

В «сухом остатке» — пятнадцать рублей за посредничество. Почти современный бизнес.

И надо же такой беде случиться, что «Слово и Дело», сказанное посторонним офицером, сломало столь успешную карьеру Подымахина.

1736 год. Москва. Тайная Канцелярия. «Рапорт Тайной конторы в Москве в Тайную канцелярию о подстрекательстве комиссаром Мировичем и поручиком Шкадером крестьян донести на Шпанберга (около 1 июля 1736 г.)».

«Присланы из Сибирской губернской канцелярии Илимского ведомства пашенныя крестьяне деревни Ильинской Сергей Ильин, деревни Подымахинской Дмитрей Подымахин».

Собственно, и доносить было нечего — ситуация была препростейшей, но интерпретированной в интересах одной из враждующих сторон.

Цитирую документы:

«Шкадер показал, как де они у вышеозначенного крестьянина Сергея начевали, и оной крестьянин в разговорах сказывал ему, Шкадеру, и помянутому Мировичю, что де от каманды капитана от флота Шпанберха чинились им, крестьяном, обиды. И он, Шкадер, говорил тому крестьянину: “Для чего де они о том […]а оного Шпанберха не просили?” И оной же крестьянин ему сказал: “Мы-де у него о том просить не смеем, понеже де оной Шпанберх говорил такие слова: ваш де государь наши городы брал и разорял, а ныне де мы вас насопротив так же станем брать и разорять”.

А крестьянин Сергей Ильин в роспросе и с Мировичем, и с Шкадером в очных ставках сказал, что он вышеоб[ъ]явленных слов им,

Мировичю и Шкадеру, не сказывал, и от Шпанберха не слыхал. Толко де как оныя Мирович и Шкадер у него начевали, и Шкадер спросил ево, Сергея, про капитана-камандора Беринга да про капитана Шпанберха: не чинили ль де они в проезде своем им, крестьяном, каких обид и разорения? И он, Сергей, ему сказал, что оные Беринг и Шпанберх обид им не чинили, толко де оной Беринг брал с них, крестьян, подводы, а прогонных денег им не платил. А при капитане де Шпанберхе плотники ронили на суда лес, а они, крестьяне, возили на берега, а заработных денег по силе плаката не получали».

А обид, как выясняется, ни Беринг, ни Чириков не чинили…

А вот в чем заключались слова Подымахина, за которые его доставили в Тайную канцелярию:

«Вышеозначенной же Шкадер показал: после де вышеоб[ъ]явленных крестьянина Сергея Ильина слов спустя с неделю, едучи они дорогою, начевали в деревне Подымахинской. Он, Шкадер, на квартере в доме у крестьянина Дмитрея Подымахина. А Мирович на другой квартере. И оной крестьянин Дмитрей сказывал ему, Шкадеру, что капитан Шпанберх чинил им, крестьяном, обиды. И он, Шкадер, на то говорил тому крестьянину: “Слышал де и он, Шкадер, что оной Шпанберх в словах своих дерзок”.

А крестьянин Дмитрей Подымахин в роспросе и с оным Шкадером в очной ставке сказал, что он вышеоб[ъ]явленных слов тому Шкадеру не сказывал. Толко де как оной Шкадер у него начевал и в разговорах спросил тот Шкадер ево, Дмитрея: “Не было ль де им, крестьяном, от капитана-камандора Беринга и от капитанов Шпанберха и Чирикова каких обид?” И он, Дмитрей, ему сказал, что от них обиды им, крестьяном, были великие. И оной Шкадер ему говорил: “Для чего они о том не били челом?” И он, Дмитрей, ему сказал, что они о том на них бить челом не смеют для того, что де оныя Беринг, и Шпанберх, и Чириков люди почтенныя. К тому ж они идут в далную сторону.

И оной же Шкадер ему говорил: “Пошлите-де со мною челобитную. Я-де тое челобитную довезу к самой Ея Императорскому Величеству”.

И он, Дмитрей, ему сказал, что де они, крестьяня, не в зборе и писать такой челобитной некому. И оной же Шкадер ему говорил: “И на низу-де пашенныя крестьяня на оного Беринга с товарыщи жаловалис[ь] и сказывали про капитана Шпанберха, что оной Шпанберх в словах своих дерзок и говорит, что-де государь чюжие города […]а, а свои разоряютца”. И он, Дмитрей, ему ска[…] от него, Шпанберха, в волости в народе разве человек с пятдесят заплакали.

А Шкадер в очной с оным крестьянином ставке утверждался на прежнем своем показании. А слов-де, каковы показал оной крестьянин, он, Шкадер, не говаривал. Толко-де как оной крестьянин ему сказал, что от Шпанберха обиды им, крестьяном, были великие, и он, Шкадер, говорил тому крестьянину: “Для чего они о том не били челом?”. И оной крестьянин ему сказал, что они о том на них бить челом не смеют, для того, что де зде[…] […]дитьс не станут, потому что де они идут в далную сторону. А по присланному де из Ыркуцкой правинцыалной канцелярии указу в показанных от капитана Шпанберха им, крестьяном, обидах, подали они илимскому воеводе Игумнову доношение. И оной де воевода то доношение у них принял, а в действие не произвел, знатно де боясь Камчацкой экспедиции. И он, Шкадер, ему говорил: “Ежели-де вы сумневаетесь, что тот воевода оного вашего доношения в действие не произвел, и вы-де пошлите со мною в Ыркуцкую правинцыалную канцелярию об оном доношение. Я-де то доношение подам в той канцелярии”.

И оной крестьянин ему сказал, что де они, крестьяня, не в зборе и писать такова доношения некому».

Еще один из свидетелей — казак Кисинеев – сообщил в Тайной канцелярии, что у крестьян в деревне Подымахиной все-таки вчерне уже готова была челобитная на Шпанберга.

Итак, что же было на самом деле? Подстрекательство на донос? Или правда на наносимые крестьянам обиды?

У Вадима Николаевича Шерстобоева в его книге «Илимская пашня» собран уникальный материал о всех тех обидах, творимых руководителями и членами Великой Северной экспедиции по отношению к илимским крестьянам, о которых историки предпочитают молчать или стыдливо (как по отношению и к делу Подымахина-Ильина) сообщать своим читателям:

«Совершенно очевидно, что инициатором сбора и фабрикования “компромата” на Шпанберга был Шкадер, который не только буквально вкладывал обвинительные слова в уста крестьянам…».

Эти слова не нужно было «вкладывать в уста» — илимские крестьяне в полный голос готовы были кричать о том произволе, который творили Беринг и Шпанберг, пользуясь своим полновластием на дальних рубежах Отечества. Но кричали они так, чтобы их, не дай Бог, не услышали — покоряясь силе…

Обратимся к бесценной «Илимской пашне»:

«ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Освоение такой громадной страны, как Сибирь, неизбежно было связано с передвижкой крестьян из освоенных и населенных частей Сибири в малолюдные.

Одни передвижки производились властями по особым указам, другие производились самовольно.

В течение XVIII века власти предпринимали несколько переселений крестьян из Илимского уезда в другие края Сибири: Аргунь … в Якутск, в Охотск, на Камчатку и на китайскую границу. Кроме того, было переселено некоторое количество крестьянских дворов из ленских волостей Илимского уезда в пределах Иркутского и Балаганского уездов. Немало илимских крестьян переселилось в XVIII веке по своему почину на Московскую дорогу.

В итоге этих передвижек илимские крестьяне появились в самых отдаленнейших углах Севе-

ро-Восточной Сибири, на Крайнем Востоке, в Забайкалье и вдоль путей, по которым прошла впоследствии великая сибирская железная дорога.

Одни отряды илимских крестьян, переведенные казенною рукою на безлюдные окраины окраин, затерялись, не оставив следа своей земледельческой деятельности, зато другие, особенно перешедшие на новые места по своей охоте, заложили там прочные основы русского хлебопашества.

Самыми мучительными переселениями, предпринятыми казной в Илимском уезде, был перевод крестьян в Якутск, в Охотск и на Камчатку.

На основании указа иркутской провинциальной канцелярии от 5 августа 1733 г. Илимск посылает в ленские волости сына боярского Петра Завьялова отобрать 50 крестьянских семей для поселения около Якутска. Завьялов должен был ехать в Киренскую, Чечуйскую и Криволуцкую волости "с великим поспешанием, денно и нощно, не мешкав нигде ни часа", и там выбрать "крестьян, лутчих людей", после чего отослать их на плотах в Якутск. На переезд 50 семей выдается из кабацких сборов 500 рублей, по 10 рублей на семью. Пропитание себе и корм для скота крестьяне должны запасти на дорогу сами.

Сопровождение переселенцев возлагалось на илимских служилых людей — Филипа Мамонтова и Бориса Караулова. Весной 1734 года один плот из Киренского острога, 2 плота из Криволуцкой слободы и 3 плота из Чечуйского острога, нагруженные переселенцами, отправились в дальний путь. Но служилый Мамонтов самовольно оставил 19 семей дома. За это последовал приговор — "вместо смертной казни учинить жестокое наказание — бить кнутом и, вырезав ноздри, послать на вечное житье в Охоцк з женою и з детьми в число тех переведенцов".

Прибывшие в Якутск илимские крестьяне подверглись осмотру — были "освидетельствованы" якутским воеводой Заборовским. Признанных годными он велел "поселить в удобных местах по рассуждению морского флота капитана-командора Беринга". В негодных оказалось 7 человек, а двое умерло.

С крестьян, оказавшихся, по мнению якутских властей, негодными, взыскивается выданная им 10-рублевая ссуда, а за умерших расплачиваются их родственники.

Итак, оторванных от хозяйства крестьян заставляют плыть в Якутск и там их, проделавших многотрудный путь, осматривают, как скот, бросают негодных к поселению на произвол судьбы, не забыв отобрать у них предварительно последние деньги.

Вместо негодных воевода Заборовский требует выслать из Илимска 10 человек "пашенных крестьян других, молодых, здоровых, прожиточных и к поселению в переведенцы годных и семьянистых пашенных крестьян з женами и з детьми и с их крестьянскими животы и с хлебом".

При отборе на поселение несколько крестьян жаловались на несправедливость старост и десятских. Один заявил, что назначили "для поселения в Якуцк, в Охоцкой острог в семейщики… согласясь не вем по какой злобе". Воеводская канцелярия запросила старосту и десятских, как они выбирали "в семейщики" (писали также — "в посельщики"), а если выбирали, то "со всего ли мирского совету или сами собою". Другое заявление было сделано от имени мира выборным крестьянином Ново-Удинской слободы. Суть заявления заключалась в просьбе вернуть в волость крестьянина, выбранного на поселение вместо негодного.

Иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг, разбиравший заявление, был вынужден согласиться с доводами мирского челобитчика и приказал вернуть поселенца домой.

В 1740 году происходило второе дальнее поселение илимских крестьян в Охотск и на Камчатку. В Братском остроге была отобрана целая группа крестьян во главе со старостой Ермаковым (дети его сразу же бежали) и пятью десятскими.

"Семьянистых" крестьян набралось 10 дворов. Впрочем, один десятский и двое крестьян бежали еще до отъезда партии на Восток.

Вскоре побежали и остальные. Староста побежал по следу своих сыновей; все десятские, глядя на старосту, побежали в свою очередь, а за ними последовали "семьянистые" крестьяне. Один при наборе заявил, что он стар, но, когда представилась возможность, он бежал не хуже молодых. Двое во время набора лежали "в немощи". Когда же пришло время бежать, то они увлекли за собой и сыновей, и братьев. Так исчезла вся партия.

Власти думали, что переселение обществом, во главе со старостой, будет более надежным. В действительности все вышло иначе: артель легче договорилась о бегстве.

Староста и десятские за отбор негодных крестьян-поселенцев и "за умедление" были биты плетьми.

По илимскому фонду невозможно проследить за судьбой илимских крестьян, заброшенных на крайний восток империи.

Несомненно, им пришлось до дна испить горькую чашу пионеров земледелия в безлюдных и суровых краях. Они сразу же оказались без хлеба и без семян. Об этом можно судить на основании неоднократных требований Охотского порта о посылке из Илимска хлеба для посельщиков».

«Прибывшие в Якутск 50 семей крестьян Чечуйской, Киренской и Криволуцкой волостей были "освидетельствованы" якутским воеводой. Он велел их поселить "в удобных местах по разсуждению морского флота капитана командора Беринга".

Но 8 крестьян оказались, по мнению воеводы, непригодными, а двое умерли по дороге. Лекарь из команды Беринга дал следующее заключение об одном из крестьян: "имеет на колене левой ноги рану и вящее де обдержим внутренною болезнию и исходит моча с кровию". Это Камчатская экспедиция так надрывала крестьян.

Присылка больных крестьян рассматривалась властями прежде всего с точки зрения ущерба казне.

<…> В "ведении" Чирикова 28 мая 1735 г. сообщается, что "от строения судов" с Илгинской пристани бежало 32 человека — илимские служилые люди, илгинские крестьяне и ссыльные.

По уведомлению Беринга от 7 июля того же года, из Якутска бежало 49 человек, в том числе 8 служилых людей, 20 крестьян, 20 ссыльных и разночинец.

Бегство ссыльных, крестьян и служилых людей из команд Камчатской экспедиции приняло к этому времени столь большие размеры, что руководители экспедиции и местные власти наряду с применением порки придумали новый способ устрашения беглецов. 10 апреля 1735 г. было направлено следущее "ведение из ылимской походной канцелярии благородному господину морского флота капитану господину Чирикову: велено на Лене реке в Киренском остроге поставить крепкия заставы и при тех заставах поставить три виселицы. И велено тем заставщикам смотреть накрепко, когда ваше благородие с командою своею упловете на судах в Якутск и после вашего благородия ежели пойманы будут… беглые, то велено из ссыльных, кто к тому побегу явитца больше виновен, до трех человек на тех виселицах повесить… чтоб другим бегать было неповадно".

<…> Общее число людей, взятых в 1735 году в Камчатскую экспедицию, можно установить по "ведению" Чирикова от 5 июня этого года. Всего было направлено на "судовую походную работу" 615 человек "всех чинов", из них служилых людей 129, разночинцев 34, крестьян 212 и ссыльных 240 человек. Главная часть рабочей силы была привлечена из Илимского уезда. Лиц свободных сословий, т.е. служилых людей, разночинцев и крестьян, взятых на работу в экспедицию, было 375 человек. Из этого числа 266 человек, т.е. 71% являлись илимскими жителями. Иркутск дал 38 служилых людей, Селенгинск 36, Удинск 10, Илимск 39, прочие города — 6. Илимск дал в работу 29 разночинцев, Иркутск 5. Илимских крестьян в экспедиции работало 196, иркутских — 16.

Некоторая и довольно значительная часть рабочих, как указывалось, бежала. По тем же ведомостям Чирикова, количество беглых к июню 1735 года достигло 75 человек, что составляет 12% от числа привлеченных рабочих. Значит, из экспедиции бежал каждый восьмой человек. Из 75 беглых 18 являлись служилыми людьми, 31 — крестьянами и 26 — ссыльными. Из разночинцев бежал один.

<…> сыски и розыски не миновали и самого Беринга. Сибирский приказ 10 ноября 1738 г. велел "подтвердить наикрепчайшим указом", чтобы на месте был назначен осмотрщик для проверки багажа жены Беринга и его людей с тем, чтобы все запрещенное к провозу в Россию отбиралось в казну. Илимск получил это скандальное распоряжение из иркутской провинциальной канцелярии, отправленное ею 12 марта 1739 г.

…Вещи, отобранные у жены Беринга, были сданы на хранение. В указе Сибирского приказа от 18 марта 1741 года об этих вещах допущены очень нелестные для Беринга выражения: "пожитки капитана командора Беринга (в скобках: 'в том числе может быть и немалая рухлядь, набранная им, Берингом, в Якуцку в посулы и выменная им и женою ево на вино, которое он Беринг в Якуцку курил') по отдаче жены ево, поставлена для охранения… в якуцкую казенную палату". Из Охотска предупреждали якутскую воеводскую канцелярию, чтобы она "тех бы (вещей) без описи жене Беринга отдавать не благоволила, дабы она (жена), ведав об указе, той мяхкой рухляди не ухоронила".

<…> В декабре 1741 года, когда уже были от всех уездов получены сведения о полном неурожае, из Иркутска написали в Сибирский приказ: "в зборе и в покупке провианта надежды никакой иметь невозможно, так как с 1734 года хлеб на Лене топило, а в 1741 году там 'хлеб весь вызяб', в Селенгинске и Нерчинске 'хлебы водами вытопило', в Илгинском остроге, где обычно покупали хлеб, урожай 'от морозу позяб'".

А в Охотске в это время сложилось невыносимое положение: там не было ни хлеба, ни денег, жалованье не платили ни за 1739, ни за 1740 год, вместо хлеба выдавали деньгами по 25 копеек за пуд. Как писал 28 декабря 1740 г. командир Охотского порта, мука продавалась там "по два рубли и по два рубли по пятьдесят копеек пуд", и заканчивал рапорт безнадежным тоном: "Команды Охоцкого порта служилые и протчих чинов люди не токмо что в пропитании претерпевают голод, но и платья и обуви у себя многие не имеют".

<…> А между тем положение с хлебом в Сибири и особенно в Енисейской провинции к лету 1742 года становилось плачевным.19 июня сибирская канцелярия писала в Сенат, что по сообщению енисейской провинциальной канцелярии "крестьяне за недостатком и недородом хлеба и паче за скудостию питаются травами, назад тому лет с пять, называемой сараною, черемшею, боршом, сосновым и пихтовым соком и кедровыми шишками. А тот де хлебной недород учинился у них назад тому лет з десять оттого, что в прошедших годех многие из оных жителей и крестьян посыланы были в Камчацкую экспедицию в подводах до города Илимска с лошадьми своими, которых лошади дорогою все перепропали. А имеющияся их пахотныя земли, на которых землях прежде сего деды и отцы их, также и они хлеб сеяли, все выпахались и хлеб де родится весьма плох".

<…> Сибирская губернская канцелярия 30 июля 1743 г. доносила в Сенат о неурожае в Иркутской провинции и просила выслать хлеб для Камчатской экспедиции из Енисейска и Тобольска. …Иркутская провинциальная канцелярия сама писала о том же в Енисейск: "В Ыркуцке, такж и в Ылимском ведомстве, где наперед сего те команды (Камчатской экспедиции) довольствовались провиантом, збором и покупкою, за недородом хлеба достать никак невозможно… Тамошния крестьяне и других чинов люди за неимением хлеба питаются травою и сосновою корою и разным кореньем".

<…> Чириков отправляет 26 августа из Якутска промеморию, полученную в Илимске 24 октября, что "за оскудением экспедичного провианта отпущено из Якуцка Камчатской экспедиции работных людей, служилых, пашенных крестьян и ссыльных, всего 150 человек"».

Мы не знаем, как сложилась дальнейшая судьба Дмитрия Подымахина.

Вполне возможно, что именно с него начинается новая — северная уже — ветвь Подымахиных, которую впоследствии мы обнаруживаем среди мещан Гижигинской крепости.

Подымахин Гордей Иванович (1822), Гижигинский мещанин. Ж. (с 12.05.1858) Воробьева (в дев. Зиновьева) Надежда Матвеевна, вдова купца Николая Воробьева.

Вероятно, его отец — Подымахин Иван Егорович, Гижигинский мещанин, проживавший в Маинской артели.

Бракосочетание 11.01.1887

Жених: Подымахин Гордий Иванович, 56 лет, Тигильская крепость, мещанин, второй брак. Невеста: Попова Вера Васильевна, 35 лет, казачка, Тигильская крепость.

Рождение

Дочь: Подымахина Голиндуха Гордеевна 14.03.1887, Тигильская крепость, мещанка. Сын: Подымахин Порфирий Гордеевич 13.09.1889, Тигильская крепость, мещанин. Внук: Подымахин Владимир [Октябрин] Порфирьевич (1925), с. Тигиль.

Вероятные, судя по возрасту, братья Гордея — Андрей и Василий, отчества которых нам пока обнаружить не удалось, но от которых пошла россыпь Подымахиных по всему Северо-Востоку России.

И вот где случилось первое перекрестье имен — в списках жертв политических репрессий.

Подымахин Алексей Михайлович.

Родился в 1889 г., с. Ключи Казачинско-Ленского р-на Иркутской обл.; русский; образование образование низшее; б/п; колхозник колхоза в с. Ключи. Проживал: с. Ключи Казачинско-Ленского р-на Иркутской обл. Арестован 19 февраля 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД Иркутской области 15 мая 1938 г., обв.: ст. 58-7, 58-9 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 15 мая 1938 г. Место захоронения — г. Киренск. Реабилитирован 9 апреля 1957 г. Военным трибуналом ЗабВО [Источник: Книга памяти Иркутской обл.].

Подымахин Василий Филиппович.

Родился в 1888 г., Дальне-Восточный кр., Гижигинский р-н, с. Крестовое; русский; колхозник. Проживал: Гижигинский р-н, с. Куска, ДВК. Арест. Охотско-Колымским ПО ОГПУ ДВК 17 мая 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 5 декабря 1933 г., обв.: по ст. 58-6 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 9 декабря 1933 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 18 октября 1989 г. По заключению Военной прокуратуры КДВО по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. [Источник: Книга памяти Хабаровского края].

А следующее перекрестье — в списках имен фронтовиков…

Подымахин Александр Иннокентьевич.

Дата рождения: 1907. Место рождения Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, с. Новоселово. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Воинское звание: красноармеец. Воинская часть: 781 артиллерийский полк 215 стрелковой дивизии (II), 20 стрелковая бригада, 226 осбр. Ранен … Награды: медаль «За отвагу».

Подымахин Александр Иннокентьевич.

Дата рождения: 1907. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, с. Новоселово. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Воинское звание: красноармеец. Воинская часть: 781 артиллерийский полк 215 стрелковой дивизии (II). Место захоронения: Калининградская обл., Краснознаменский р-н, п. Победино ; Восточная Пруссия, Гумбинненский окр., Пилькалленский р-н, с. Ботшкен, могила № 2, 1 ряд ; Германия, Восточная Пруссия, д. Батшкен

Подымахин Алексей Алексеевич.

Дата рождения: 1919. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи; Красноярский край, Ленинский р-н. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Воинское звание: мл. командир; гв. ст. сержант; ст. сержант. Воинская часть: Горьковский военно-пересыльный пункт (он же Нижегородский), Горьковская обл., г. Горький, эвакуационный госпиталь 2813, в/ч м-р Водник, 12 танковый полк 25 гвардейской механизированной бригады, Пересыльный пункт Московского городского военного комиссариата, Склад 235, Казанский пересыльный пункт, Татарский областной военкомат, Татарская АССР, г. Казань, танк. воен. лагерь по формированию, Костеревский танк. воен. лагерь. Награды: медаль «За отвагу», Орден Отечественной войны II степени.

Подымахин Алексей Сидорович.

Дата рождения: 1918. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Место призыва: Киренский РВК, Иркутская обл., Киренский р-н. Воинское звание: ефрейтор ; гв. ефрейтор. Воинская часть: 107 мотострелковая дивизия, Калининский фронт. Награды: медаль «За боевые заслуги», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Подымахин Аниф Григорьевич.

Дата рождения: 1915. Место рождения: Иркутская обл. Место призыва: Корошинский РВК, Иркутская обл., Корошинский р-н. Воинское звание: красноармеец. Воинская часть: 440 стрелковый полк 64 стрелковой дивизии (II). Место захоронения: Сталинградская обл., Городищенский р-н, д. Орловка, северо-восточнее, 3 км; Сталинградская обл., Городищенский р-н, Орловский с/с, д. Орловка, северо-восточнее, 3 км.

Подымахин Антон Николаевич.

Дата рождения: 1913. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 1942. Воинское звание: рядовой. Воинская часть: п/о 21 п/я 25 а.

Подымахин Анфим Георгиевич.

Дата рождения: 1915. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, с. Новоселово. Наименование военкомата: Ка-

зачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата и место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 28.07.1941. Воинское звание: красноармеец

Подымахин Афанасий Захарович.

Дата рождения: 1925. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Воинское звание: красноармеец. Воинская часть: 56 гвардейский кавалерийский полк 14 гвардейской кавалерийской дивизии. Награды: медаль «За отвагу».

Подымахин Афанасий Иванович.

Дата рождения: 1903. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Место призыва: Бодайбинский РВК, Иркутская обл., Бодайбинский р-н. Воинское звание: мл. сержант; рядовой; сержант. Воинская часть: 1203 стрелковый полк 354 стрелковой дивизии. Награды: медаль «За боевые заслуги»; медаль «За отвагу»; медаль «За отвагу».

Подымахин Варфоломей Нилович

Дата рождения: 1925. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 1943. Воинское звание: гв. красноармеец; красноармеец. Воинская часть: 82 гвардейский стрелковый полк 32 гвардейской стрелковой дивизии. Награды: медаль «За отвагу»; Орден Отечественной войны I степени; Орден Славы III степени; Орден Красной Звезды.

Подымахин Василий Кириллович.

Дата рождения: 1925. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Награды: Орден Отечественной войны II степени.

Подымахин Владимир Георгиевич.

Дата рождения: 1918. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи; Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, с. Казачинск. Место призыва: Шумячский РВК, Смоленская обл., Шумячский р-н. Дата призыва: 14.09.1940. Воинское звание: красноармеец. Воинская часть: 444 стрелковый полк 108 стрелковой дивизии; 446 стрелковый полк 397 стрелковой дивизии (II); 176 отдельная штрафная рота; 551 стрелковый полк; Шумячский РВК; 222 стрелковый полк 49 стрелковой дивизии (I). Награды: Орден Красной Звезды; медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Подымахин Георгий Захарович.

Дата рождения: 1925. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, Карамский с/с. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 14.07.1943. Воинское звание: гв. красноармеец; рядовой. Воинская часть: 56 гвардейский стрелковый полк 19 гвардейской стрелковой дивизии; 56 гвардейский кавалерийский полк 14 гвардейской кавалерийской дивизии; в/ч п/п 31734. Награды: медаль «За отвагу»

Подымахин Георгий И.

Место рождения: Иркутская обл., п. Усть-Кринск. Место призыва: Киренский РВК, Иркутская обл., Киренский р-н. Воинское звание: красноармеец. Воинская часть: 272 п. Место захоронения: Саратовская обл., г. Энгельс, городское кладбище.

Подымахин Георгий Иннокентьевич.

Дата рождения: 1909. Воинское звание: красноармеец. Дата выбытия: 16.09.1942. Причина выбытия: умер.

Подымахин Григорий Захарович.

Дата рождения: 1922. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, Карамский с/с, д. Тукалань. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 01.04.1943; 02.04.1943. Воинское звание: красноармеец; рядовой. Воинская часть: 710 отдельный автотранспортный батальон 296 стрелковой дивизии (I); 710 отд. трансп. б-н автоцистерн; 710 отдельный транспортный батальон автоцистерн; 67 запасной стрелковый полк 41 запасной стрелковой дивизии; Казачинский-Ленский РВК. Награды: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Подымахин Дементий Николаевич.

Дата рождения: 1902. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, с. Казачинск. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 01.1942. Воинское звание: красноармеец. Воинская часть: 385 запасной стрелковый полк 35 запасной стрелковой бригады

Подымахин Дмитрий Иванович.

Дата рождения: 1911. Место рождения: Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н, с. Тарасово; Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н, п. Мунок. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 29.06.1941. Воинское звание: гв. сержант; сержант; гв. сержант. Воинская часть: 162 гвардейский стрелковый полк 54 гвардейской стрелковой дивизии. Награды: медаль «За отвагу».

Подымахин Дмитрий Иннокентьевич.

Дата рождения: 1906. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Воинское звание: рядовой; красноармеец. Воинская часть: 41 гвардейский стрелковый полк 14 гвардейской стрелковой дивизии. Награды: Орден Славы III степени. медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Подымахин Евгений Иванович.

Дата рождения: 1913. Наименование военкомата: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата и место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Воинское звание: красноармеец.

Подымахин Евгений Иннокентьевич.

Дата рождения: 1914. Место рождения: Иркутская обл., Усть-Кутский р-н, с. Подымахино. Награды: Орден Славы III степени.

Подымахин Евгений Николаевич.

Дата рождения: 07.11.1925. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Дата призыва: 15.09.1943. Воинское звание: ст. инженер-лейтенант. Воинская часть: 386 запасной стрелковый полк 41 запасной стрелковой дивизии; 986 стрелковый полк. Награды: Орден Отечественной войны II степени.

Подымахин Елизар Степанович.

Дата рождения: 1923. Место рождения: Иркутская обл., Усть-Кутский р-н, с. Подымахино. Место призыва: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Дата призыва: 20.06.1942. Воинское звание: гв. сержант; сержант; красноармеец; ефрейтор; рядовой. Воинская часть: 96 гвардейский стрелковый полк 30 гвардейской стрелковой дивизии; 1016 стрелковый полк 288 стрелковой дивизии; 2 Прибалтийский фронт; 91 запасной стрелковый полк 41 запасной стрелковой дивизии; 190 минп РГКА; 223 армейский запасной стрелковый полк; 2 отдельный стрелковый батальон; полевой подвижной госпиталь 4; корпусной подвижной госпиталь 4 1 стрелкового корпуса, 22 армии, 24 армии, 52 армии, 4 армии, 54 армии, 59 армии, 67 армии, 19 армии, 49 армии. Награды: Орден Отечественной войны II степени; медаль «За отвагу» .

Подымахин Иван Емельянович

Дата рождения: 1919; Место призыва: Бодайбинский РВК, Иркутская обл., Бодайбинский р-н; Воинское звание: красноармеец. Воинская часть: 68 гвардейский стрелковый полк 23 гвардейской стрелковой дивизии. Награды: Орден Отечественной войны II степени.

Подымахин Ипат Иванович.

Дата рождения: 1916. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, Тарасово. Наименование военкомата: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата и место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 01.08.1941. Воинское звание: рядовой. Последнее место службы: 162 сп. Воинская часть: 162 сп. Дата выбытия: __.05.1942. Причина выбытия: пропал без вести.

Подымахин Иван Петрович.

Дата рождения: 1902. Место рождения: Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Место призыва: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Воинское звание: рядовой; красноармеец. Воинская часть: 42 гвардейская стрелковая дивизия; 202 запасной стрелковый полк; 20 армия; 14 гвардейский кавалерийский полк 3 гвардейской кавалерийской дивизии; военный госпиталь 290. Место захоронения: г. Зубцов, ул. Московская Гора; г. Зубцов, Московская Гора; Калининская обл., Зубцовский р-н, д. Холм Рогачевский, рядом.

Подымахин Иван Яковлевич.

Дата рождения: 1908. Место рождения: Иркутская обл., Усть-Кутский р-н, с. Подымахино. Дата и место призыва: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Дата призыва: __.03.1941. Воинское звание: ефрейтор.

Подымахин Игнатий Иванович.

Дата рождения: 1915. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, с. Казачинское. Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени.

Подымахин Илья Андреевич.

Дата рождения: 1924. Место рождения: Иркутская обл., Усть-Кутский р-н, с. Подымахино. Место призыва: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Воинское звание: ст. сержант. Воинская часть: 91 стрелковый корпус. 1232 стрелковый полк 370 стрелковой дивизии. Награды: Орден Отечественной войны I степени; Орден Отечественной войны II степени; медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Подымахин Иннокентий Иванович.

Дата рождения: 1924. Место рождения: Иркутская обл., г. Зима. Награды: Орден Отечественной войны II степени.

Подымахин Иннокентий Иванович.

Дата рождения: 1924. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Воинское звание: мл. сержант. Воинская часть: 582 стрелковый полк 210 стрелковой дивизии. Награды: медаль «За боевые заслуги»; медаль «За победу над Японией»

Подымахин Иннокентий Контантинович.

Дата рождения: 1917. Место рождения: Иркутская обл., Киренский р-н, д. Алексеевка. Место призыва: Киренский РВК, Иркутская обл., Киренский р-н. Воинское звание: старшина; ст. сержант. Воинская часть: 855 артиллерийский полк 311 стрелковой дивизии; 855 стрелковый полк; 8 гвардейская армия. Награды: медаль «За отвагу»; медаль «За боевые заслуги».

Подымахин Иннокентий Нилович.

Дата рождения: 1923. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Наименование военкомата: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата и Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: __.__.1942. Воинское звание: сержант. Последнее место службы: 93 гв. сд. Воинская часть: 93 гв. сд. Дата выбытия: 20.08.1943. Причина выбытия: убит. Первичное место захоронения: Курская обл., Саженский р-н, с. Стрельниково.

Подымахин Иннокентий Петрович.

Дата рождения: 22.02.1910. Место рождения: Иркутская обл., Усть-Кутский р-н, с. Подымахино. Место призыва: Сигнахский РВК, Грузинская ССР, Сигнахский р-н. Дата призыва: 1941. Воинское звание: рядовой; мл. сержант. Воинская часть: 235 армейский запасной стрелковый полк; 53 стрелковая дивизия. Место выбытия: Мартовка

Подымахин Иосиф Михайлович.

Дата рождения: 1904. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Пазок; Пензенская обл. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 04.03.1942. Воинское звание: рядовой.

Подымахин Иосиф Прокопьевич

Дата рождения: 1904. Место рождения: Иркутская обл., Киренский р-н; Пензенская обл., Керенский р-н. Место призыва: Киренский РВК, Иркутская обл., Киренский р-н. Дата призыва: 03.1942. Воинское звание: красноармеец; рядовой.

Подымахин Николай Александрович.

Дата рождения: 17.02.1917. Место рождения: Иркутская обл., Усть-Кутский р-н, с. Подымахино; Горьковская обл. Место призыва: Киренский РВК, Иркутская обл., Киренский р-н. Дата призыва: 18.10.1938. Воинское звание: сержант; гв. старшина; мл. лейтенант; старшина. Воинская часть: 133 отдельный полк связи; 58 гвардейская стрелковая дивизия; 5 гвардейская армия; ССБО МС; Береговая оборона Тихоокеанского флота; 87 гвардейский отдельный батальон связи; 214 армейский запасной стрелковый полк; 92 гвардейский стрелковый полк 28 гвардейской стрелковой дивизии; 22 бр. Награды: Орден Отечественной войны I степени; медаль «За отвагу»; Орден Красной Звезды.

Подымахин Николай Васильевич.

Дата рождения: 1911. Место рождения: Иркутская обл., г. Бодайбо. Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени.

Подымахин Леонтий Васильевич.

Дата рождения: 1904. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Место призыва: Якутский РеспВК, Якутская АССР. Дата призыва: 09.06.1942. Воинское звание: рядовой. Воинская часть: 25 запасной стрелковый полк 83 стрелковой бригады; Якутский ОВК, Якутская АССР, г. Якутск; 32 стрелковый полк 19 стрелковой дивизии.

Подымахин М.И.

Воинское звание: рядовой. Дата выбытия: 10.04.1942. Страна захоронения: Россия. Регион захоронения: Ленинградская обл. Место захоронения: Тосненский р-н, Любань, ул. Березовая Аллея.

Подымахин Максим Иванович.

Дата рождения: 1902. Место рождения: Иркутская обл. Место призыва: Чернукский РВК, Иркутская обл. Воинское звание: красноармеец. Воинская часть: 124 танковая бригада; Погиб. Место захоронения Ленинградская обл., Мгинский р-н, д. Кондуя, в районе

Подымахин Максим Иванович.

Дата рождения: 1904. Наименование военкомата: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата и Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Воинское звание: красноармеец.

Подымахин Матвей Прокофьевич.

Дата рождения: 1917. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, с. Казачинское. Дата и Место призыва: Киренский РВК, Иркутская обл., Киренский р-н. Дата призыва:: __.__.1937. Воинское звание: ст. лейтенант.

Родился 2 ноября 1917 года в деревне Ключи ныне Казачинско-Ленского района Иркутской области в крестьянской семье. Русский. Член ВКП(б)/КПСС с 1945 года. Окончил педагогическое училище.

С 1937 года в Военно-Морском Флоте. Окончил военно-морское училище. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года.

Командир звена 2-й бригады торпедных катеров старший лейтенант Подымахин М.П. в 1943 году успешно наносил удары по портам Камыш-Бурун, Феодосия, в блокаде акваторий от Анапы до Керченского пролива, провел 18 боев с торпедными катерами противника у селения Мысхако. Во время штурма Новороссийска первым высадил десант и обеспечил прорыв остальных катеров в порт. 7 мая 1944 года в бою под Севастополем потопил вражескую десантную баржу.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом геройство и мужество старшему лейтенанту Подымахину Матвею Прокопьевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После войны служил на Тихоокеанском флоте. В 1958 году он окончил Курсы усовершенствования офицерского состава при Военно-морской академии. С 1973 года капитан 1-го ранга Подымахин М.П. — в запасе, а затем в отставке. Жил в городе-герое Ленинграде, где и скончался 17 февраля 1993 года. Похоронен на Серафимовском кладбище (Кленовый участок).

Награжден орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды, медалями.

Бюст Героя установлен в Севастополе на территории Черноморского ВВМУ имени П.С. Нахимова, а также на территории бригады ракетных катеров в г. Севастополь, бухта Карантинная.

Подымахин Митрофан Филиппович.

Дата рождения: 1923. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н. Воинское звание: сержант. Последнее место службы: 235 сд. Воинская часть: 235 сд. Дата выбытия: 08.10.1943. Причина выбытия: убит. Первичное место захоронения: Белорусская ССР, Витебская обл., Меховский р-н, д. Болотница, южная окраина.

Подымахин Михаил Дмитриевич.

Дата рождения: 1916. Место рождения: Иркутская обл., Иркутский р-н. Место призыва: Киренский РВК, Иркутская обл., Киренский р-н. Дата призыва: 23.01.1942. Воинское звание: рядовой; красноармеец. Воинская часть: п/п 1575 ч 52; 24 мотострелковый полк 36 мотострелковой дивизии.

Подымахин Михаил Константинович.

Дата рождения: 1911. Наименование военкомата: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Дата и Место призыва: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Воинское звание: красноармеец. Последнее место службы: 146 сбр. Воинская часть: 146 сбр. Дата выбытия: 24.08.1942. Причина выбытия: пропал без вести. Место выбытия: Ленинградская обл.

Подымахин Николай Степанович.

Дата рождения: 1906. Наименование военкомата: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата и Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 01.03.1942. Воинское звание: красноармеец.

Подымахин Никонор Васильевич.

Дата рождения: 1909. Место рождения: Якутская АССР, г. Якутск. Награды: Орден Отечественной войны II степени.

Подымахин Никонор Васильевич.

Дата рождения: 05.11.1909. Место рождения: Иркутская обл., Усть-Кутский р-н, с. Подымахино. Дата призыва: 08.1941. Воинское звание: техник-лейтенант; мл. техник-лейтенант. Воинская часть: мастерская по ремонту тары и оборудования 44; склад ГСМ 606; фр. мастерская по ремонту тары и оборудования ЗабФ.

Подымахин Октябрин (Владимир) Парфирьевич.

Дата рождения: 1925. Наименование военкомата: Тигильский РВК, Камчатская обл., Корякский НО, Тигильский р-н. Дата и место призыва: Тигильский РВК, Камчатская обл., Корякский НО, Тигильский р-н. Дата призыва:: 10.06.1944. Воинское звание: рядовой.

Подымахин Октябрин Павлович.

Дата рождения: 1925. Наименование военкомата: Тигильский РВК, Камчатская обл., Корякский НО, Тигильский р-н. Дата и место призыва: Тигильский РВК, Камчатская обл., Корякский НО, Тигильский р-н. Дата призыва: 06.1944. Воинское звание: рядовой. Военно-пересыльный пункт: 5 зсп. Откуда прибыл: 69 геодезический отряд.

Подымахин П. И.

Страна захоронения: Россия. Регион захоронения: Ростовская обл. Место захоронения: Неклиновский р-н, с.п. Николаевское, с. Николаевка, х. Гаевка, гражданское кладбище.

Подымахин Павел Иванович.

Дата рождения: 1918. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, Карам. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 18.01.1942. Воинское звание: красноармеец. Воинская часть: 385 запасной стрелковый полк 35 запасной стрелковой бригады. Награды: Орден Отечественной войны II степени.

Подымахин Прокопий Алексеевич.

Дата рождения: 1916. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, с. Казачинское. Наименование Награды: Орден Отечественной войны II степени.

Подымахин Прокоп Михайлович.

Дата рождения: 1924. Наименование военкомата: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Дата и Место призыва: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н.

Подымахин Семен Иванович.

Дата рождения: 12.09.1920. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Место призыва: Киренский РВК, Иркутская обл., Киренский р-н. Дата призыва: 25.10.1939. Воинское звание: гв. ст. лейтенант; майор; гв. капитан; капитан. Воинская часть: 10 гвардейская воздушно-десантная дивизия; 37 армия; 28 гвардейская стрелковая дивизия. Награды: Орден Отечественной войны II степени; Орден Отечественной войны I степени; Орден Красной Звезды; медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; медаль «За боевые заслуги»

Подымахин Семен Никитович.

Дата рождения: 1900. Наименование военкомата: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Дата и место призыва: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Воинское звание: красноармеец

Подымахин Семен Николаевич.

Дата рождения: 1900. Наименование военкомата: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Дата и Место призыва: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Дата призыва: 1942. Воинское звание: красноармеец

Подымахин Сергей Алексеевич.

Дата рождения: 1907. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Воинское звание: красноармеец. Воинская часть: 152 стрелковый полк 94 стрелковой дивизии; 3 гвардейская армия. Место захоронения: Ростовская обл., Чернышевский р-н, Чистяковский с/с, х. Пичугин, кладбище; Ростовская обл., Чернышевский р-н, Чистяковский с/с, х. Пичугин.

Подымахин Сергей Иннокентьевич.

Дата рождения: 25.03.1912. Место рождения: Иркутская обл., Усть-Кутский р-н, с. Подымахино. Дата призыва: 10.1934. Воинское звание: красноармеец; техник-лейтенант. Награды: Орден «Знак Почета»; медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Подымахин Спиридон Иванович.

Дата рождения: 1924. Место призыва: Киренский РВК, Иркутская обл., Киренский р-н. Воинское звание: мл. сержант. Воинская часть: 582 стрелковый полк 210 стрелковой дивизии. Награды: медаль «За боевые заслуги».

Подымахин Степан Андреевич.

Дата рождения: 1905. Место рождения: Иркутская обл., Усть-Кутский р-н, с. Подымахино. Место призыва: Усть-Кутский РВК, Иркутская обл., Усть-Кутский р-н. Дата призыва: 19.07.1941. Воинское звание: красноармеец; краснофлотец; рядовой. Воинская часть: 69 морская стрелковая бригада; 127 легкий горно-стрелковый корпус; 1 зенитный артиллерийский полк; 127 корп. Награды: медаль «За отвагу»; Орден Славы III степени; медаль «За оборону Советского Заполярья»; медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Подымахин Трофим Нилович.

Дата рождения: 1915. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Наименование военкомата: Ленский РВК,

Якутская АССР, Ленский р-н. Дата и место призыва: Ленский РВК, Якутская АССР, Ленский р-н. Дата призыва: 29.07.1941. Воинское звание: рядовой. Дата выбытия: 06.1942. Причина выбытия: пропал без вести

Подымахин Федор Алексеевич.

Дата рождения: 1920. Место рождения: Иркутская обл., г. Киренск. Наименование Награды: Орден Отечественной войны I степени.

Подымахин Федор Николаевич.

Дата рождения: 1917. Место рождения: Иркутская обл., Казачинско-Ленский р-н, д. Ключи. Место призыва: Казачинский-Ленский РВК, Иркутская обл., Казачинский-Ленский р-н. Дата призыва: 10.1940. Воинское звание: курсант. Воинская часть: 53 учебный пулеметный полк.

ПОЛИВАНОВЫ

Редкая фамилия не имеет своей истории — фамильной или родовой. А иногда это бывает в такой исторической смеси, что только диву даешься.

Так случилось, например, с Поливановыми.

Вот какую историю рассказали специалисты, отыскивающие в нашей российский — сибирской — истории немцев или немчинов, как называли их в Сибири. А под немцами, как правило, понимали весь европейский сброд — бывших наемников из разных стран, которые воевали за интересы Речи Посполитой и попали в русский плен, откуда были отправлены либо на службу, либо «на пашню» сибирских городов и весей.

«Поливанов Богдан Романов — “немец новик”, беспоместный сын боярский из Рязани. В 1628 г. он просился на место тарского сына боярского Е. Пружинина, убитого калмыками и татарами в Барабинском острожке (СП, стлб. 3, л. 255; стлб. 16, л. 365; Оглоблин, ч. 3, с. 130). Однако возникла спорная ситуация с другими претендентами на это место, и он был верстан в сыны боярские по Тобольску на место О. Харламова с окладом 9 руб., 6 четей ржи, 2 чети круп и толокна (1630 г.). Там и прошла вся его жизнь. В 1655 г. его оклад составлял 9 руб., 9 четей ржи, 5 четей овса и 3 пуда соли (СП, Сибирь-1, л. 175). Известно, что в 1639 г. он был посажен в тюрьму за “оплошку”: без его разрешения, но, видимо, с попустительства (как “дворового” человека, который отвечал за тюремных “сидельцов”), ссыльный И. Ядловский ушел из тюрьмы (СП, кн. 75, л. 121; Оглоблин, ч. 1, с. 174–175). В 1644 г. командирован на Верхотурье для межевания пашни между крестьянами Киргинской, Чубаровской и Ирбитской слобод (Шунков, 1974, с. 88–89)».

Кстати, в один и тот же год, и вовсе даже не в Тобольске, а в Таре, в 1630/1631 году служили двое Поливановых — Богдан Романов сын и Евсевий (либо Никифорович, либо Никитович) Поливанов:

«В окладной книге 139 (1630/31) года указаны по-прежнему литовский ротмистр Андрей Кропотов, стрелецкий сотник Малах Макшеев, голова конных казаков Назар Жадовский, Богдан Байгач указан просто сыном боярским, кроме него в детях боярских служат; Воин Шахов, Евсевий Поливанов, Воин Дементьев, Богдан Поливанов, Дмитрий Харламов, Павел Костелецкий и Ерофей Заблоцкий» [Волков В. Г., Тарские «служилые по отечеству» конца XVI – начала XVII веков»].

И сразу возникает вопрос: так Богдан Романович — немец, новик (вновь поступивший на службу) или «служилый по отечеству» — то есть, представитель российского дворянства на службе в Сибири?

И вот что далее сообщает в своей статье В.Г. Волков:

«О Евсевии (Евсевее) Никифорове сыне Поливанове известно, что он был рязанским “безпоместным неверстанным” сыном боярским и в 1629 году бил челом о поверстании “на выморочное место” тарскаго казачего атамана боярскаго сына Василия Тюменцова, “сведенного в Тунгусы на житье” В 1641 году Евсевей Поливанов состоял на службе у Тарскаго воеводы Внукова. О Богдане Романове сыне Поливанове известно, что он также был рязанским “безпоместным неверстанным” сыном боярским и в 1628 г. он просился на место тарского сына боярского Еремея Пружинина, убитого калмыками и татарами в Барабинском острожке [25, С.129, 130]. Это весьма показательный пример. В 1622 году правительством Михаила Федоровича были проведены меры по наделению поместьями потомков тех лиц, кто во время Смуты выступал против Лжедмитриев и Ивана Болотникова. Вероятно, Богдан и Евсевий Поливановы не вошли в число избранных и вынуждены были искать возможности исполнения своей главной социальной функции в Сибири. Не случаен и год подания челобитной — 1629 — время создания в Сибири двух разрядов — Тобольского и Томского и, соответственно, некоторого расширения штатов. Таким образом, Евсевий и Богдан оказались в Сибири. Но в сразу же, в том же 1630/31 году возникла спорная ситуация с другими претендентами на это место, и Богдан Поливанов был верстан в сыны боярские по Тобольску на место О. Харламова с окладом 9 руб., 6 четей ржи, 2 чети круп и толокна. В то же время был переведен в Тобольск и Евсевий Поливанов».

Любопытная история.

Но еще не вся.

В 1703 году якутский воевода «Траурнихт оставался еще в Якутске, поджидая новаго воеводу, чтобы “росписаться”, с ним, т. е. сдать город, ратных людей, разные запасы и все вообще по воеводству.

Между тем назначенный преемником его, еще в 1702 году, стольник Василий Поливанов дорогою умер, в Илимском остроге».

Это был Василий Андреевич Поливанов.

В книге «Илимская пашня» Вадим Николаевич Шерстобоев дает интереснейшую картину тех «государственных» целей и задач, которые ставили перед собой воеводы, направлявшиеся служить в самом дальнем отечественном уезде:

«…в Илимске в 1702 году умер стольник В. А. Поливанов, ехавший в Якутск, чтобы занять воеводскую должность. В Москве он взял в долг 1300 рублей у якутских служилых людей, которые везли 4000 рублей на выдачу жалованья. Якутские служилые люди обратились за содействием к илимскому воеводе. Дело устроилось так: жена Поливанова отдала долг разными вещами, которые вез с собою ее муж, назначенный воеводой, а илимская приказная изба заверила все это дело. У жены Поливанова было взято: 192 ведра вина горячего, “цена 768 рублев”; 53 пуда 10 гривенок хмелю, по 7 рублей пуд, всего на 372 рубля 25 алтын; 9 пудов 25 гривенок меду “и з деревом, а начисто 8 пуд 27 гривенок” по 4 рубля, на 34 рубля 23 алтына 2 деньги; 1450 аршин холста на 38*/2 рублей; 26 гривенок меди зеленой на 7 рублей 28 алтын 2 деньги; полтретья (21/2) пуда олова на 20 рублей; половинка сукна зеленого, “шитухи алтуровой”, мерою 23 аршина на 20 рублей, пуд бисеру на 16 рублей, 3 кожи красных на 3 рубля; 2 пуда воску на 20 рублей. Вино было испытано на крепость, “по опыту” выгорело в стандартной стопке, присланной из Москвы в 207 (1699) году 5 частей. Илимский воевода обо всем случившемся написал письмо в Якутск для оправдания служилых людей. Набор товаров свидетельствует, что новый якутский воевода намеревался реализовать их на месте работы. Встает вопрос, какую сумму составили бы наценки на этот товар. Если подсчитать итоги оценки товаров илимской таможни за 1680 год (арх. № 26, св. 3), то окажется, что по 32 привозам было предъявлено товаров на 5186 рублей алтына 2 деньги. Илимская таможня наценила 2510 рублей 7 алтын, т. е. 48,4%. Продавец мог наценить еще 50–100%. Значит, воевода Поливанов, избавляясь только от таможенных сборов, мог выручить около 630 рублей, что составляло до 6 тысяч современных золотых рублей. Отсюда видно, что казенное жалованье могло составлять в доходах воеводы незаметную часть».

А теперь мы с помощью Г.В. Ровенского произведем генеалогический срез древней дворянской династии Поливановых.

РОД ДВОРЯН ПОЛИВАНОВЫХ. СОСТАВИТЕЛЬ РОВЕНСКИЙ Г.В.

1. Кочева Карапчаков, во крещении Анцифор. «Приехал из Орды великой к Москве в лето 6884 (1376) Октября в 9-й день к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому муж честен Ширецких родомъ татарин Кочева Карапчаков, а во крещении имя ему Анцифор. Былъ женат на дочери Князя Дмитрия Серебренова». (Выпись изъ родосл.. книги, см. прилож. I и II. Гербовн. Двор. родов, ч. III, отд. I, стр. 22. Родосл. кн., изд. Н. И. Новикова, ч. II, стр. 363. Времен. Имп. Моск. Общ. Ист. и древн., кн. X, с. 114); ж. Дочь князя Дмитрия Серебренова (Серебряный?). [см. Власьев, князья Серебряные из Оболенских. **Князья Серебряные**, к которым относилась жена Кочевы, были ветвью **князей** Оболенских – Щепиных — от Дмитрия Сем. Щепы (уп. 1482), правнука князя Константина Ивановича Оболенского (?–1368). Родоначальник, **князь** Семен Дмитриевич **Серебряный**, имел сыновей Петра и Василия. Оба они являются выдающимися полководцами времен Ивана Грозного).

2. Акинф Анцифорович (Выпись из родословной книги, прилож. I и II. Как в этих родословных росписях, сохранившихся в списках конца XVII века, так и в других, более ранних, документах, хранящихся в Архиве Министерства Иностранных Дел и в Синод. Библиотеке, под № 860, перечислены потомки Кочевы Карапчакова до VII колена включительно).

3/2. Глеб Акинфович.

5/3. Михаил Глебович, по прозванию Поливан. Согласно легенде, помещенной в выписи из родословной книги, Михаил был пожалован шубою и «пьючи перед великим князем на нее поливалъ», почему и получил прозвище Поливан.) (Выпись, прилож. II). *Вероятнее всего, происхождение фамилии связано с татарским именем Полеван (богатырь), а от него пошла и фамилия. В древние времена кроме церковного крестильного имени бытовало и родовые имена: у русских — славянские, у выходцев из Орды — тюркское. (Баскаков).*

8/5. Василий Михайлович.

18/8. Григорий Васильевич, по прозванию *Умный.*

19/8. Андрей Васильевич, по прозванию *Малый.*

43/18. Семен Григорьевич. Посол.

45/19. Андрей Андреевич.

47/19. Роман Андреевич.

58/43. Никита Семенович.

59/45. Дмитрий Андреевич.

59а/47?. Богдан Романов. В 1629 г . безпоместный и неверстанный боярский сын Богдан Романов Поливанов (не сын ли он Романа Андреевича, № 47?) бил челом о поверстании на выморочное место Тарскаго же убитаго боярскаго сына Еремея Пружинина; челобитья обоих рязанцев были удовлетворены. Богдан представил сказку рязанцев о службе отца их. См. № 63.

63/58. Евсевей Никитич. В 1629 году Рязанский «безпоместный неверстанный» боярский сын Евсей Никифоров (?) Поливанов бил челом о поверстании «на выморочное место» Тарскаго казачего атамана боярскаго сына Василия Тюменцова, «сведенного в Тунгусы на житье» (см. № 59а/47?). В 1641 году Евсевей Поливанов состоял на службе у Тарскаго воеводы Внукова. [Древн. Росс. Вифлиотика, т. 3, стр. 284].

66/59. Константин Дмитриевич. В 1550 году в числе Московских детей боярских значится «Костя Дмитриев Поливановъ». В 1564 году поручился в 100 рублях по боярине Иване Васильевиче большом Шереметеве о неотъезде его от царя Ивана Васильевича. 3-го Января 1565 года он привез Митрополиту Афанасию из Александровской слободы грамоту Царя Ивана Васильевича об оставлении им государствования. Был в 1568 году воеводою в Мценске, при чем ему писалось: «наместнику нашему и воеводе Константину Дмитриевичу Поливанову». Участвовал в походе 1569 г. «И 77 (1569 г.) Сентября в 4 день литовские люди как Псковский пригородок взяли и тогда был в передовом полку Константин Дмитриевич Поливановъ». В приезд Королевича Магнуса в Москву, был у него в приставах. Был во Пскове товарищем боярина и воеводы князя Ивана Петровича Шуйского, затем в 1574 году воеводою в Туле, также воеводою на Украйне в бол. полку вместе с князем Данилою Андреевичем Ногтевым.

Под 1577 г . числится дворянином из выбора по Можайску. Помета: «у крепостей» и «для прихода крымских людей». «И во 107 (1599) г. Константин Дмитриевич во многих местах был в товарищах». За ним значится земли 450 чети. (Древ. Росс. Вифлиотека, т. VIII, стр. 12, т. XIII, стр. 303. Карамзина, Ист. Госуд. Росс., изд. 1852 г ., т. IX, стр. 78. Русск. Ист. Сборн., изд. 1838 г. т. II, стр. 168. Акты Моск. Госуд. т. I, стр. 46. Выпись из родослов. Мат. для ист. русск. двор. В.Н. Сторожева, стр. 183).

71/66. Владимир Константинович. По писцовым книгам 1628–1630 гг. в Малоярославском уезде значится за ним сельцо Львово на речке Городенке. Также у него была вотчина в Московском уезде в селе Поливанове. Был женат на Марие Анофриевне (фамилия неизвестна)

(Арх. Мин. Юстиции по Алексину, столб. 329, № д. 3).

79/71. Василий Владимирович.

В Боярской книге 1619 г . имеется следующая запись: «Василий Владимиров сын Поливанов 127 г. Ноября в 20 день по памяти за приписью дьяка Марка Позднова, велено у Василья Поливанова убавить из окладу четвертное жалованье пять рублей за то, что он окольничого от князя Григорья Волконского с службы сбежал.» Под 1620 г. за ним значатся поместья в Костромском уезде в селе Селинге, в дер. Емельянихе с пуст., в Малом Ярославце и на Белоозере. Доставшаяся ему по разделу с матерью и братьями, вотчина в Московском уезде в с. Поливанове продана в 1637 году окольничему Салтыкову, который прибрел также части в этом имении, доставшаяся матери Василия Владимировича и его братьям Борису и Кочеве. В 1646 году он бил челом о поместье после отца его, которое находилось в порожних землях в Малоярославском уезде. В 1647–1648 гг. ему отказаны прож. поместья вдовы княгини Марии Степановны Шеховской в Галичском уезде в дер. Горбатой, Микляевой и Аксеновой, после девки Федосьи Сулешеве Зиновьевой, в том же уезде в дер. Брехове. За ним были поместья также в Костромском уезде. Был женат вторично на Агафье (фамилия?). Умер около 1662 года.

(Бояр. книга № 2, стр. 324, № 3, стр. 413, № 6, стр. 366. Отказн. кн. по Костроме 13, № 128. Послушн. грамота 12 ноября 1620 г . по Алексину. Отк. кн. по Галичу кн. 3, № 181 и кн. 4, пол. 1, № 5. Дела Поместного Приказа по гор. Москве, столб. 122, № д. 7).

93/79. Андрей Васильевич.

От второго брака. В 1653 году был воеводою в Олешне, откуда писал к разным воеводам, а также к боярину В.П. Шереметеву, по поводу Богдана Хмельницкого, о военных действиях, о намерениях крымских и ногайских татар и поляков, о моровом поветрии в черкасских городах и принятых им мерах (учреждении застав) и о других вестях. Оклад ему в разряде написан 400 чети. После смерти отца ему досталось поместье в Медынском уезде пуст. Горбатая, Ксатынь, Артемово и друг., и в Галичском уезде дер. Горбатьево, Аксенове, Михлачево и Брехово. Ему же досталась вотчина дяди его Кочевы Поливанова, что он выкупил у Василия Петрикова, в Медынском уезде, полов. с. Кондырева, Емельяново тож, на реке на Шане, и дер. Квасаты. Женился на вдове Леонтия Шетнева, Елене Тимофеевне, урожденной Анисимовой, за которой получил в приданое дер. Василькову, Степурину и Костехову, Галичского уезда, всего 95 чети. Умер в 1657 г . «пришедши с государевой службы из под Риги». После него осталась вдова Елена с детьми Андреем 13 лет, Иваном 10 лет и Василием 7 лет.

(Акты Моск. Госуд. т. 2, стр. 342, 344, 346, 360, 361, 365, 370.— Дела Поместного Приказа по г. Галичу, столб. 152, № 3. Отказн. кн. по Галичу, кн. 7, пол. 1).

Вероятно, он был с 17.12.1680 по 1682 воеводой в Сольвычегодске (Андрей Поливанов).

115/93 Василий Андреевич (1650–?).

Стольник (1681 г.). <…> В 1682 г . был воеводою Тотемским. В 1702 году был назначен воеводою в Якутск, но на пути туда умер. (В 1704 г. «всяких чинов люди Якутска просили о скорейшей присылке воеводы»). В 1661 году к нему перешло поместье в Галичском уезде (Васильево) от отца его с тем, чтобы он свою мать, вдову Елену, поил и кормил. В 1663 г. ему было отказано поместье после отца в Галичском уезде, в дер. Горбатове, Аксенове, Костюхове и Гаврилкове. Ему было пожаловано из поместья в вотчину в Можайском, Медынском и других уездах. (Арх. Мин. Юст., кн. жаловав, грам. № 18, л. 123. — Отказная кн. по Костроме 15, № 64).

Итак, тобольские дети боярские Поливановы — представители древнего рода, ведущего свою историю со времен Дмитрия Донского.

В 1702 году Владимир Владимирович Атласов получил царский указ набрать в Тобольске из традиционный «семейственных» родов казаков и детей боярских пятьдесят казачьих детей для службы на Камчатке.

Не можем утверждать, что Иван Поливанов был в этом отряде.

Но дальнейшие события дают нам все основания предполагать, что он был из семьи одного из детей боярских.

Какие же это события?

В 1704 году построен Нижнекамчатский острог. И первым его заказчиком камчатский приказчик черкашенин Михаил Зиновьев сын Многогрешный назначает Ивана Поливанова.

Почему? Вероятно, был, в отличие от многих других, грамотным человеком и мог вести делопроизводство, а также заполнять ясачные книги.

В 1707 году на Камчатку возвращается Владимир Атласов в качестве камчатского приказчика в чине якутского казачьего головы (полковника). Но все знали, что Атласов отправлен на Камчатку вместо тюрьмы за ограбление купцов на Ангаре (Нижней Тунгуске), в ссылку, для наведения порядка и если не справится с бунтующими камчатскими казаками, то будет наказан вплоть до смертной казни.

Ядром же камчатских казаков в этот период становятся казачьи дети из Томска, сплотившиеся вокруг своего «воровского» (то есть разбойного) атамана Данилы Анциферова Томского, который пришел на Камчатку вместе с Атласовым, перенеся все оскорбления, унижения, побои, которые позволял себе Атласов, приходивший в ярость по поводу и без повода на всем длинном, многомесячном пути из Якутска в Анадырь и из Анадыря на Камчатку, столь остро переживающий свой взлет и падение и вымещающий злобу на подчиненных ему казаках, которые в Анадыре подали свои жалобы приказчику Осипу Миронову сыну Липину… Тот же, на свою будущую беду, эти жалобы проигнорировал.

На Камчатке Владимир Владимирович повел себя еще круче. Не вникая в суть произошедших на полуострове за период его отсутствия перемен, не считаясь с мнением опытных казаков, он отправляет казачий отряд на воинственных авачинских камчадалов, которые наголову разбивают этот отряд. В этом же году большерецкие камчадалы захватывают Большерецкий острог, полностью уничтожают его гарнизон и сжигают сам острог.

Вот что пишут по этому поводу историки:

«Между тем большерецкие иноземцы изменили и острог сожгли и бывших в нем служивых без остатку побили. В то же время на Бобровом море тугошные иноземцы ясашного зборщика Ивана Поливанова в 5 человеках убили, ибо, по сказыванию служивых, иноземцы, видя что служивых вновь не приежжает, но все те же, и думая, что оные заплутовавшись в своей земле к ним збежали, к тому ж слыша, что посланных на смену Колесову из Якуцка Федора Верхотура да Василья Шелковникова на Тумлатах олюторы убили, и думали всех русских перевесть, надеяся на олюторов и коряк, в том что хотя некоторые из русских на Камчатку и поедут, на дороге их побьют».

«Иван Поливанов, как и Афанасий Поповцев, …будучи ясачными сборщиками, пострадали в результате неудачной военной операции, проведенной в 1707 году казачьим головой Владимиром Атласовым, когда основной отряд Ивана Таратина, состоящий из 70 казаков и 70 союзных казакам камчадалов из долины реки Камчатки, был разгромлен авачинскими камчадалами».

Обратите внимание на слова о «союзных казаков-камчадалов из долины реки Камчатки».

История колонизации Сибири — это, прежде всего, союзы казаков с местными народами использованием тактики и стратегии народной дипломатии.

Военная колонизация Сибири без таких союзов не привела бы к победе — яркий пример тому разгром войска Ермака Тимофеевича и бегство ермаковцев обратно на Русь.

Но союзы — не единственная стратегическая линия будущей победы сибирских казаков на огромном сибирском пространстве, которое наше казачество преодолело от Уральских гор до берегов Тихого океана за каких-то пятьдесят лет, а затем закрепилось на этой земле навечно.

Навечно — это уже врастание сибирского казачества в племена и народы, заселившие Сибирь до прихода русских.

Врастание — это рождение новых поколений сибирских казаков, рожденных от мамок-аборигенок. Признание этих детей. Признание своих жен. Строительство православных храмов, чтобы освятить свой брак перед богом, крестить жен и детей. А казачьи дети, знающие языки, уважающие обычаи и традиции своих предков по матери и продолжающие дело своего отца, шли далее и далее на восток, расширяя границы Московского государства до границ Российской империи.

И Иван Поливанов не был исключение из этого числа.

«“Доношение” ясачных “иноземцов” в “ясачную избу” от 31 января 1732 г.

Ея императорского величества в новопостроенную в ясачную избу доношение.

1

Сего 732 году генваря 28 дня по ея императорского величества указу, а по определению посланной партии, прибыл к нам на Озерную реку для сбору в казну ея императорского величества с нас ясачных иноземцов на сей 732 год ясаку сборщиком солдат Александр Змиев со служилыми людьми.

2

А ныне по присланным письмам и по копиям с ордеров от тигильского сборшика матроза Леонтия Петрова, имеет он, сборшик Змиев, со служилыми людьми остановку.

3

А мы, нижеименованныя, желаем в казну ея императорского величества в посланную пар-

тию ясак с Озерной реки и с родниками нашими платить попрежнему.

4

Того ради просим посланную партию, дабы повелено было указом ея императорского величества сие наше доношение в ясачной избе принять, а у нас на Озерной реке за ясачным сбором быть от посланной партии служилым людем, а не жителям Нижнего Камчадальского острогу служилым же людем, понеже нам чинятца от них, жителей, несносные обиды, от которых обид пришли в всеконечное раззорение и нищету.

О сем доносят Озерной реки лутчия ясачныя иноземцы Котомначика Чарожев сын, Канач Кожомчин сын, Керуга Шиман сын. При вышеписанном доношении речи толмачил служилой человек Алексей Поливанов. Генваря 31 дня 1732 году.

Знамя; Керугино Знамя; Котом-Начикова Знамя; Канычева. Подписал их велением через толмача Алексея Поливанова Леонтей Амосов. Вместо Алексея Поливанова его велением Федор Тибалов руку приложил».

И последняя обнаруженная нами запись о камчатском потомке древнего рода Ширецкого рода татарина Кочева (в крещении Анцифорова) Карапчакова, женатого на дочери князя Дмитрия Серебряного:

«1733 год. «После осмотра в тот же день в “указное 60-е число” в команду Гвоздева – Спешнева для распределения по острогам поступило 49 человек. По требованию геодезиста были оставлены на Камчатке “для толмачества иноземческих допросов” Ефим Пермяков и Алексей Поливанов».

И далее его следы теряются…

ПОЛЯКОВЫ

История происхождения этой фамилии лежит на поверхности — первый из Поляковых был природным поляком, который либо по доброй воле, либо по неволе (взятый в плен) оказался на русской службе и обрусел.

«В 1627 г. в Тобольске в составе корпорации детей боярских имелось 37 человек, из которых 24 принадлежали к настоящим детям боярским, а 10 поляков и 3 человека немцев служили с детьми боярскими».

Но и фамильная, и родовая история Поляковых-дальневосточников лежит несколько в иной плоскости от официальной истории — в густой (иногда даже необычайно густой) исторической тени или в историческом тумане.

Собственно, в таком тумане находится вся наша история освоения Сибири и Дальнего Востока. Мы одновременно гордимся и стесняемся подвигов наших предков, подаривших нам эту огромную землю — Сибирь, превратившую небольшое Московское государство в великую Российскую империю.

В нашем историческом современном сознании предки-герои выступают в роли казаков-разбойников, которых мы даже боимся защитить, поставить им памятники, как это случилось в Тобольске с Ермаком, а на самом восточном полуострове — с камчатским Ермаком (определение Александра Сергеевича Пушкина) Владимиром Владимировичем Атласовым.

Я даже целое трехтомное исследование посвятил делу об убийстве Володимера Атласова, чтобы понять, почему Хабарову есть памятник в Хабаровске, Бекетову в Якутске, а памятника Атласова как не было на Камчатке, так и нет.

И сделал вывод весьма нелицеприятный — мы подходим к истории с позиций не исторической правды, а исторической *выгоды*. Мы торгуем историей, торгуем памятью своих предков: и когда нам платят за то, чтобы эту память забыть — мы эту память продаем, когда нам выгодно эту память извлечь для каких-то своих, неважно каких, целей — мы ее извлекаем — парадно, громко, с шумом…

И потому мы (я говорю о нас — о русских) очень часто оказываемся в ситуации, когда исторические факты (которые наши идеологи разных эпох замалчивали, прятали, утаивали) работают против нас — против *исторической правды*. Именно той правды, которую мы и замалчивали, прятали, утаивали…

Сегодня сложилась интересная картина о военной колонизации Сибири. О модном фронтире. О сопоставлении движения двух цивилизаций: русской и западной.

И у нашей науки в руках сегодня не оказалось *козырей*. Со слезами на глазах наши историки на деньги иностранных грантодателей выдают «на гора» «историческую правду» другого рода — кровавую, насильственную, грубую, жестокую…

И они ведь *не врут*.

Была и кровь, были насилие, грубость, жестокость…

Но ведь это всего лишь… *полуправда*.

А правда в том, что сибирские войска разгромили отряд Ермака Тимофеевича.

И если бы в ход не пошла, с одной стороны, народная дипломатия (когда за помощью к русским обратилась коренная Сибирь), а с другой — врастание русского народа в коренные народы Сибири, то дело бы обернулось полным «швахом» — с теми силами, которыми мы шли в Сибирь, ее завоевать было *невозможно*.

И что касается экспансии военной. Которая, безусловно, играла свою роль и была важна.

Главным содержанием этой экспансии была *государева воля*.

И когда *государева воля* выступала главной движущей силой и главным мотивом казачьего движения, то русские строили зимовья, остроги, города-крепости, обживая Сибирь и врастая в его коренной народ, роднясь с ним, беря в жены местных женщин, признавая прижитых в этом браке детей своими, строя церкви, чтобы освятить этот свой брак и крестить детей…

Но а ежели воля была не *государевой*, а личной, корыстной, то военная экспансия превращалась в разбойный набег, грабеж, насилие, смертоубийство…

Неслучайно я делаю такое большое вступление к рассказу о том, почему мы на долгие годы

потеряли Амур, где побывали за короткий период с 1639 по 1655 год три экспедиции — Москвитина, Пояркова и Хабарова.

Первые две мы пропустим. Хотя именно экспедиция Пояркова вызвала ужас у местного населения — умирающие от голода казаки питались… человеческим мясом. Мертвечиной.

Страшнее для жителей Амура была экспедиция Ерофея Тимофеевича Хабарова, который шел и сжигал за собой не мосты, а жилье и посевы, чтобы не было возможности казакам из его полка вернуться назад.

Чтобы идти только вперед — и грабить, убивать, насиловать…

Борис Петрович Полевой, замечательный ленинградский ученый, доктор исторических наук, впустил в научный оборот документ, который многим не понравился. Это казачья челобитная — то есть жалоба на действия Хабарова. Эту челобитную самым тщательным образом изучили в Москве в Сибирском приказе. Инициатором этой челобитной грозила бы казнь, если бы в ней не было бы *правды*.

Жестокой правды. Челобитная эта огромная. Ее можно прочитать – она в свободном доступе в Интернете — https://drevlit.ru/docs/russia/XVII/1640-1660/Poljakov/text.php.

Главное в другом — эту челобитную подписали более 130 человек, для которых главным в походе на Амур была *государева воля*, а не военная добыча.

А вот теперь вдумайтесь в те слова, которые зазвучали более *трехсот лет назад*:

«И нам, холопям твоим государевым, с ним, Ярофеем, служить стало незаможно, тебе, государю. И от таковых обит и изгони и от непостоянства ево, Ярофеева, Стенька Васильев Поляков да Костька Иванов (Москвитин. — *С.В.*) с товарищи сто тритцеть два человека поплыли на низ тебе, государю, служить своими головами оприченно ево, Ярофея, с травы и с воды. И ково он, Ярофей, нас, холопей твоих, обижал напрасно и продавал всякими налогами и тому, государь, у нас будет особ тебе, государю, челобитные подавать. А на низ мы, холопи твои государевы, плыли для ради твоей государевой прибыли тебе, государь, служить и своя служба тебе, государю, явить. И как мы, холопи твои государевы, доплыли до Гиляцкия земли и божией милостью и твоим государским счастьем из девяти гиляцких родов в Гиляцкой земле девять добрых гиляцких князцев поймали и в аманаты посадили и середе Гиляцкой земли острог поставили тебе, государю, з башнями и тарасы зарубили и хрящем насыбали для ради иноземского приступу и ясаку к тебе, государь, взяли до ево, Ярофеева, приплава и что взято ясаку и тому следуют ясашные книги. А приплыл он, Ярофей, к нам, холопям твоим, сентября 30 дня, учал нас, холопей твоих, называть, он, Ярофей, ворами и хотел нас грабить. И мы ево, Ярофеево, озорнячество видячи, жили збережением. И он, Ярофей, и зимовье поставил на одну улицу и октября в 6 день приехали нижние мужики с моря в пяти стругах с твоим государевым ясаком под аманаты, которые аманаты сидели у нас, холопей твоих государевых. И он, Ярофей, послал в стругу ясавула Василья Панфилова с толмачем и служилыми людьми и велел толмачем говорить: “что де вы, мужики, ездите к ворам и ясак даете, мы де их побьем воров и ваших князцев повесим”. И тех гиляцких мужиков отогнал и к родникам не пустил. И тот ясак к тебе, государю, не взят и тово ж мисяца в 9 день приезжали в сороки стругах сверху Амура гиляки и порубежные дючеры с твоим государевым ясаком. И он же, Ярофей, послал того же ясавула Василья Панфилова с толмачем и велел он, Ярофей Хабаров, отгонити гиляков и дючер также: “к ворам де вы не ездите и под аманаты ясаку не давайте”. И тут он, Ярофей, тебе, государю, не радеет и твоему государеву ясашному збору учинил великую поруху. И как он, Ярофей, поставил зимовье и учинил роскаты и на роскаты вскатил пушки и велел стрелять ис пушек служилому человеку Онофрею Стефанову Кузнецу, да охочему служилому человеку Титу Левонтьеву Осташковцу и иным служилым людям велел стрелять по аманацкому двору и по твоему государеву острогу и по нас, холопям твоим государевым, велел стрелять из мелково ружья с ранново обеда задовечерья. И мы, холопи твои государевы, не стреляли по них противо бояся твоей государской грозы. И видит он, Ярофей, что нас, холопей твоих, в остроге неймет и он учал, Ярофей, умышлять как холопей твоих побить всех наголову до единово и статки наши подуванить. И учал щиты делать и умышлять своими потаковщики и судъники своими, служилыми людьми, нас, холопей твоих государевых, побить и поймал нас, двенатцать человек и велел палками на смерть прибить он, Ярофей, и мы, холопи твои государевы видячи ево, Ярофеева, воровство и непостоянство, что он, Ярофей учиняет позор твоему царскому величеству и славу недобрую и укор от иноземцев и в понос князцам иноземским. И мы, холопи твои по совету промежу собою били челом ему, Ярофею Хабарову, чтобы он Ярофей, не стрелял по твоему государеву острогу и нас, холопей твоих государевых, не побил и твоему государеву имени позору не учинил. И ведаючи мы, холопи твои государевы, ево, Ярофеево лукавство, за ротою мы ему, Ярофею, отдали(сь) и в тех аманатах мы у нево, Ярофея, отпись взяли, а рота была ево, Ярофеева, на том что нас было, холопей государевых, не убить, ни твоих государевых ясачных аманатов не терять, ни наших стаков не грабить. И он, Ярофей, не помня бога и не бояся твоей государевой грозы, нас, холопей твоих четверых, Стеньку Полякова да Костьку Иванова, да Фетьку Петрова, да Гаврилка Шипунова посадил в железа, а иных всех, холопей твоих государевых, батогами бил вместо кнута, без рубах насмерть, а иных давал за приставов и приставы их мучили из живота. И от ево, Ярофеевых, побой и мук умирало много. И всех нас, холопей твоих государевых, он, Ярофей, изувечил и статки наши и животишка вымучил

и пограбил. И что, государь, от ково он, Ярофей, вымучил и в том у нас будут челобитные к тебе, государю, особ подавать. И февраля в 7 день он, Ярофей, велел острог сломать и сожечь кузнецам на уголье и на дрова, которой мы, холопи твои, острог поставили…»

Степан Васильевич Поляков разрушил все планы Хабарова по его возвращении на Амур к тем «схронам» добычи, которые оставил бывший Ерофей Павлович Святицкий, фамилию которого перебороло отцовское прозвище Хабар — «добыча, выгода, навар».

Сибирский приказ и царь учли заслуги казаков по их выходу на Амур. И даже простили Хабарову все то, что он натворил на Амуре. Но на Амур возвращаться строго-настрого запретили и в чине сына боярского отправили к пахотным крестьянам Илимского уезда (о чем у нас еще будет разговор).

Кто же такой этот Степан Васильев сын Поляков, который не повел за собой более ста тридцати казаков, не желавший участвовать в амурских погромах Хабарова, а желающий проводить на Амуре *государеву волю* по отысканию новых земель и объясачиванию *лаской* коренные народы Сибири? Ясак — это налог пушниной, как правило, — одна шкурка какого-то зверька с человека.

Это уже потом — в условиях сибирской пушной коррупции и воеводской мафии — начали в Сибири вершиться «большие дела», в которых были замешаны многие якутские воеводы, жизнь которых в связи с тем, что они слишком много знали, заканчивалась, как правило, в Сибири и, как правило, внезапно…

Историю появления Степана Васильева сына Полякова в Тобольске мы не знаем. Но то, что он был не из простой семьи, говорят нам факты: в «середине 40-х годов XVII в. Поляков неоднократно избирался в Якутске “житнецким целовальником”, который ведал выдачей служилым людям государева жалованья — ржи и соли». «Позже возглавил большую промысловую артель, которая успешно действовала на Алдане».

То есть он был если не торговым, то промышленным человеком.

И кстати: «…когда Хабаров его пригласил в 1650 г. идти вместе с ним на Амур, он поручил ему ведать артиллерией и доставкой других тяжелых грузов».

И далее очень важное:

Для Полякова служба на Амуре оказалась началом его особо успешной карьеры. В одной из тобольских окладных книг сказано: «Степан Поляков верстан в дети боярские… по государевой грамоте из конных казаков за даурскую службу». В 1659–1660 гг. при тобольском воеводе князе И.А.Хилкове «взят он, Степан, из детей боярских в рейтары…», а в 1660–1661 гг. «велено ему, Степану, быть из рейтар у солдат в поручиках». И, наконец, в «176 г.» (1667–1668 гг.) при знаменитом тобольском воеводе П.И. Годунове было «велено ему (быть) у драгун в капитанах».

В 1671 году по указу Великаго Государя в Тобольск была послана грамота князю Ивану Борисовичу Репнину, в которой было «велено послать из Тобольска в Селенгинской острог из тобольских детей боярских добраго и знатнаго человека того острогу досмотреть тот острог, впредь Великому Государю прочен ли и ясак в сборе и прибыл из того острогу будет ли; и близко того острогу какие иноземцы живут и ясак Великому Государю платить учнут ли, или близко того острогу живут Калмыцкие или Мугальские люди, и не чает ли от них к тому острогу приход и служилым и промышленным людем обид и разоренья. А как тот сын боярской из Селенгинского острогу в Тобольск приедет, о том велено отписать и досмотру его список прислать к Москве».

Вследствие этого указа сын боярский драгунскаго строю капитан Поляков был отправлен в Селенгинский острог, а по возвращении вместе с представленными им «списком досмотру и чертежем всяким крепостям» в Москву.

По прибытию в Москву в Сибирском приказе С. Поляков «подал доезд за своею рукою, да два чертежа: один — Селенгинскому острогу, который чертеж писан в Тобольской отписке, а другой — чертеж — сверх Тобольской отписки — Енисейску и Селенгинскому и иным острогам; и Даурам, и Мугалам и Китайскому и Никанскому государствам. И про тот чертеж, что сверх отписки Тобольской он, Степан, в Сибирском приказе сказал: Делал он тот чертеж едучи из Тобольска к Москве на дороге на Чюсовой в Строгонове городке подлинной сам, для того что в Селенгинском остроге и в Енисейску иконников не было писать никому. А в Тобольске от того чертежа не делал, для того что посылки себе к Москве не чаял. И тот чертеж подал он в Сибирском приказе с тем Селенгинским чертежем и статейным списком, для того что он, Степан, в тех местех бывал».

На основании государева указа из Посольского приказа 13 июля 1674 г. тобольский сын боярский капитан С. В. Поляков был отправлен 15 июля 1674 г. из Сибирского приказа в Посольский вместе с двумя чертежами и «списком с доезду». Все эти материалы требовались «к отпуску в Китайское государство переводчика Николая Спафария».

В 1679 г. драгунский капитан Степан Поляков был назначен начальным человеком Исетского острога, где он тогда уже располагал значительными земельными угодьями.

В марте 1679 года С. Поляков принимал участие в розыске и поимке последователей раскола. …Вероятнее всего, Степан Поляков в Исетском остроге и окончил свою жизнь.

Вторая наша история вновь касается открытия Аляски камчатскими казаками 21 августа 1732 года, к которой мы будем регулярно возвращаться, рассказывая фамильные или родовые истории участников этого великого географического открытия.

В числе членов экипажа бота «Святой Гавриил» был казак Лаврентий Поляков.

Его происхождение пока для нас еще тайна.

Но вот что известно:

«Во дворе служилой человек Иван Михайлов сын Кузнецов … в том же дворе живет пашен-

ного сын Прокопей Никитин ... да подворники служивые набору Якова Ельчина Лаврентей Поляков двацети семи лет (1693)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 49].

Ни Первая, ни Вторая Камчатские, ни даже Великая Северная экспедиции не были *первыми*.

Первым задумывался Большой Камчатский наряд под командованием полковника, якутского воеводы Якова Агеева сына Ельчина. Ему поручалось: «Исследовать Камчатку с землями чукочь, коряк, юкагир, иных туземцев, заведя с окрестными жителями торговлю».

И не только исследовать, какова была миссия следующих экспедиций — поручалось: построить остроги и снарядить экспедиции к берегам морей Северного и Восточного, а также по рекам Колыме, Камчатке, Пенжине, Чандону (Чалдону), Яме, Охоте, Уди и Тугуру для «проведывания» и покорения неизвестных земель, лежащих против устья этих рек.

Этой великой задумке посвящена отдельная статья морского историка Александра Степановича Сгибнева, которая называется «Большой Камчатский наряд».

Но на Ельчина был написан донос, закрутилось следствие, и проект, начавший было осуществляться, рассыпался... пока его не подхватил предприимчивый якутский казачий голова Афанасий Федотов сын Шестаков.

Но Яков Агеевич, получив царский указ, начал было формировать свою команду.

И вот что по этому поводу пишет казачий забайкальский историк Афиноген Прокопьевич Васильев в трехтомной истории «Забайкальские казаки» [Чита,1916]:

«...В 1716 г. полковник Яков Елчин был “послан” из Якутска на морские острова, которые были видны с Якутского берега, для призыва иноземцев под высокую руку “Царя”.

В помощь Якутским казакам, для окончательного покорения северо-востока Сибири, были назначены 100 казаков Иркутских и Удинских: 2 дворянина, 15 детей боярских, 15 конных казаков, 68 пеших казаков.

Казаки были посланы преимущественно пешие. Ни из Иркутских, ни из Селенгинских конных казаков никого не взяли, так как экспедицию предполагалось отправить на судах.

15 конных казаков взяты были только за недостатком пеших казаков из незначительных внутренних острогов, где не было пограничной разъездной службы» [т. 2, стр. 8].

Итак, Лаврентий Поляков предположительно из числа иркутских или удинских пеших казаков.

Мы открыли «Родословный справочник Иркутска 1661–1775 гг.» А.В. Черепанова [стр. 508].

И действительно, в период с 1722 по 1744 год двое из иркутских казаков Поляковых были взяты в камчатские экспедиции.

Но не Лаврентий.

Два брата — Иван и Логин Поляковы.

След Ивана мы отыскали:

«*1730 г. ноября 12.* — “Реестр служилым людям, которые присланы были с реестром от штурмана Якова Генса на мореходное восточное судно для морскаго пути в Большерецкой острог, а ныне которыя имеютца налицо в Большерецком остроге и коликое число в росходе и о том явствет ниже”

Налицо в Большерецком остроге:

Матрозы: Петр Таранкин, Агафон Назаров.

Служилыя: Алексей Привалихин, Алексей Антипин, Лаврентей Базлуков, Григорей Томилов, Степан Коровин, Андрей Верхотуров, Иван Удалой, Дмитрей Осколков, Николай Нечаев, Сава Чагин, Семен Бочкарь, Петр Колокольников, Трифан Крупышев, Алексей Мешков, Иван Усов, Иван Поляков.

Никифор Клестов на восточное судно прислан с ордером.

У восточнаго судна и у припасов на карауле: Иван Амосов, Алексей Малышев, Михайло Хмылев, Леонтей Амосов, Иван Святовой, Клим Пахолков.

На реке Утке на карауле у правианту: Герасим Епифанов, салдат Сава Медведев.

Мореход Андрей Буш остался на Утке реке.

Под караулом выслан в Якуцк Иван Зуев.

Афонасей Саламатов на боту «Гавриле».

Иван Томской прислан в реестре, и оной в Охоцку на восточное судно не явился.

Семен Таюрзской в море утонул: выкинуло волною в шхерботе в море».

Возможно, что и эта информация о нем:

Якутск, 1722/1748:

«Города Якуцка разночинцы ... Умершие: Иван Поляков» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 119].

Находится и след Лаврентия в переписи 1722/1748 гг.:

«Тауиского острогу

Разночинцы

Лаврентеи Поляков» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 130 об.].

Но затем он появляется на Камчатке и его имя всплывает в очень важном для нас документе, под которым почему-то должна стоять подпись Лаврентия:

«Репорт» штурмана Генса капитану Павлуцкому, март 1732 г.

В посланную партию в Анадырской острог почтенному господину; господину капитану Дмитрию Ивановичю с Камчатки от пристани бота «Гаврила» штурман Яков Генс челом бью, репортую до вашего почтенства нижеписанное.

1

Сего 732 году февраля месяца слышно нам учинилась чрез иноземцов, что из Анадырского шли на Камчатку служилые люди и прошли на Тигиль, а к нам на Камчатку не бывали, а знатно, что они от изменников побиты, понеже камчадальские ясачные иноземцы Пенжинского и Бобровского моря и курильские от ясачного платежа отложились и ея и[мператорскому] в[еличеству] изменили.

2

И для примирения оных изменников отправлен в поход со служилыми людьми от партии солдат Александр Змиев на Пенжинское море, на Харюзову реку к судну «Фартуне», а оттуду велено ему итти на Авачю.

3

А в камчадальские остроги прибыл камисаром Иван Эверстов и прислал от себя к нам на пристань управителем Михайла Борисова, которой запретил всем ясачным иноземцом, чтоб нам в партию ясак не платили и [к]ормовых припасов не давали б, а нам аманатов и колодников прокормить нечем. И для того я ясачную избу, и аманатов, и колодников, и ясачной сбор отдал в камисарское ведомство, понеже у них книги имеютца и сбирать ему до позволительного от вашего почтенства указу.

4

А до прибытия камисарского был за ясачным сбором отправлен на Уку реку солдат Александр Змиев, и собрал ясаку два сорока, а я взял ясаку девять мест, которая казна содержитца ныне в партии.

5

А на Авачю и в Курила для умирения изменников имею намерение итти ботом «Гаврилом», понеже на Курильских островах имеетца ясачной сбор от партии, а на Аваче изменников крепятца пятьсот человек и построили острог стамо[во]й и осыпали землею, а у нас в партии свинцу уже не имеетца, и велел я ковать пули железные. А на Камчатке ныне кормами всеконечная скудость, купить вязки юколы ни на пять рублев негде, и служилые голодуют, а провиант уже весь в росходе.

6

А которые служилые имеютца в отдаче у геодезиста Михаила Гвоздева, и оных он в поход кумандровать не дает.

7

А обо всем ныне в досконал ясно репортовать не успели, понеже о посылке в Анадырск мы были не известны, а управитель Борисов нам не сказал, уже уведомились последнего часу. А сия отписка послана со служилым Федором Сосулиным и велено ему явитца в Анадырску и сию отписку подать тебе господину капитану Дмитрию Ивановичю. И о вышеписанном что укажешь. Марта дня 1732 году. Таковую белую отписку Федор Сосулин принял, его велением Иван Коринцов росписался.

К сему доношению велением Лаврентья Полякова и за себя Иван Шишкин руку приложил».

[Экспедиция Беринга, д. № 5, лл. 678–679].

Странно, не правда ли — при чем здесь Лаврентий Поляков?

И второе — Генс намеревался отправить бот «Святой Гавриил» в 1732 году вовсе даже не к берегам Америки, а на… Курильские острова.

В марте все того же 1732 года штурман Генс дает приказ солдату Змиеву:

«Инструкция штурмана Генса солдату Змиеву,
март 1732 г.

От посланной партии от штурмана Якова Генса, данная солдату Александру Змиеву, по которой поступать по нижеписанным пунктам.

1

Минувшего февраля 26 дня сего 732 году Нижнего Камчадальского острогу от управителя Михаила Борисова из ясачной избы в партию объявлено. По присланному де ея императорского величества указу из Верхнего Камчадальского острогу от камисара Ивана Эверстова к нему, Борисову, велено для походу на изменников на Харюзову для споможения сборшику Леонтию Черных требовать из партии служилых людей, для того что де харюзовские ясачные иноземцы изменили и от ясачного платежа отложились, а служилых людей побили. Да оного ж де февраля 23 дня харюзовский де ясачной иноземец Леглек, пришед в ясачную избу скаскою объявил, означенные де харюзовские ясачные иноземцы Максимка да Шербак с товарыши собрався во стех человеках и пошли по Пенжинскому морю до морского судна “Фартуны” в поход.

2

Итого ради ехать тебе, Змиеву, со служилыми людьми по данной, сей инструкции с усть Камчатки реки от пристани морскаго судна, вверх по Камчатке реке и на Харюзову реку и до Пенжинского моря, куды способней, без потеряния люцкова и до судна “Фартуны” и сыскивать означенных изменников и прилежным старанием по присяжной должности…»

А в указанном реестре солдат, матросов и казаков, посланных со Змиевым на западное побережье Камчатки спасать судно «Фортуну», и имя Лаврентия Полякова.

А в августе он уже в… Беринговом море, открывает Аляску:

«…и тогда же пришли ко мне служилые Ефим Пермяков, Лаврентий Поляков, Федор Паранчин, Алексей Малышев с товарищами и просили о возврате, чтоб возвратиться на Камчатку, понеже-де кормов у них малое число також де и не могут из судна воды уливать и я на то им сказал, что мне возвратиться без обчего согласия с подштюрманом нельзя. Матрозы, мореход и служилые люди подали нам с подштюрманом прошение за своими руками, которым объявя многие свои нужды просили, чтоб для тех их нужд и поздности времени из того вояжа возвратиться на Камчатку, по которому их прошению с обчего согласия с вышеписанным подштюрманом мы возвратились к Камчацкому устью и пришли сентября “28” дня…» [РГАВМФ, ф. капитан-командор Беринг, 1742–1744, д. 53, л. 733–738].

1733 год:

«После осмотра в тот же день в “указное 60-е число” в команду Гвоздева — Спешнева для распределения по острогам поступило 49 человек. По требованию геодезиста были оставлены на Камчатке “для толмачества иноземческих допросов” Ефим Пермяков и Алексей Поливанов. В течение августа произошли некоторые замены. Так, вместо Л. Полякова, просившего оставить его в остроге, на бот “Св. Гавриил” отправился Е. Босиков…».

Где-то среди этих людей были и иркутские братья Поляковы.

След Логина мы вновь находим в «Родословном справочнике» на исторической родине, то есть он вернулся в Иркутск:

«Полякова Анисья Логинова (1726). М. Шишков Иоанн, сын вкладчика Вознесенского монастыря.

Полякова Пелагия Логинова (1732). М. Конев Федор, цеховой Ильинского острога

Полякова Ульяния Логинова (1744). М. Кудря Григорий, посадский

Полякова Евдокия Логинова (1763)».

Возможно, кто-то из двух Поляковых — Иван или Лаврентий — продолжили свою службу на Камчатке, но таких сведений у нас нет.

Поляковы появляются снова в Исповедальных росписях Нижнекамчатской Успенской церкви за 1812 год:

«Штат провиантского комиссионерства
Служители

Вдова Дарья Васильевна Полякова (1772). Дети: Настасья (1804), Елена (1810)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 9].

Как видим, сына у нее в тот момент не было.

И потому неизвестно, кто был настоящим отцом ее сына Семена, родившегося уже после смерти Евсевия Полякова:

«Казаки

Поляков Семен Евсеевич (1820/1821). Ж. Устиния Андреевна (1828)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 43].

Интересно другое — он не был записан в число «незаконнорожденных»:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Прикомандированные из Нижнекамчатска

Поляков Семен — 34; из казачьих детей, на службе и в чине с 1839 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 4].

И самое главное для нас — Евсевий, отчество которого стало родным для Семена, был казаком. А значит — потомком одного из наших Поляковых — казаков-мореходов. Вполне возможно, — Лаврентия, который пожелал остаться служить на Камчатке.

А это уже семья Семена Евсевьевича:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Нижнекамчатск

Служащие
казаки

Поляков Семен Евсевьевич — 31, сыновья его: Иннокентий — 8 (1844), Афанасий — 3 (1849)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 43].

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ

Поляковы — старинный казачий камчатский род. Во времена С.П. Крашенинникова они жили в Верхнекамчатском остроге: вот что сообщается в описании пути от Верхнего до Нижнего Камчатских острогов (на пути от Кирганика): «Козткрог острожек, на правом берегу Камчатки, от Чачагычя в одной версте, строения в нем одна юрта, 5 балаганов, да один балаган служивого Полякова. Ясашных иноземцов 6 человек, в том числе 4 собольника, тойон Халечь».

Поляков Лаврентий, камчатский казак, участник экспедиции Гвоздева–Федорова на боте «Святой Гавриил», открывшей Аляску в августе 1732 года

1 колено	
	Поляков Евсевий, солдат Камчатского гарнизонного батальона, с. Нижнекамчатск. Ж. Дарья Васильевна (1773), вдова в 1813 г.
2 колено	
	Полякова Елена Евсеевна (1813)
	Поляков Семен Евсеевич (1820 – 23.04.1875), 1845 г. казак, с. Усть-Приморск. Ж. 1 Елена Михайловна. Ж. 2 Устиния Андреевна (1829 – 22.02.1875)
3 колено	
	Поляков Иннокентий Семенович (1844)
	Поляков Афанасий Семенович (1849)
	Александр Семенович Поляков (1854–1904). Ж. 1 Анисья Васильевна. Ж. 2 Миронова Евдокия Софоновна, дочь тигильского казака, служившего в с. Усть-Приморск
	Поляков Дмитрий Семенович (1863), казак, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. Параскева
	Поляков Петр Семенович (1865), казак, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. 1 Дарья Дмитриевна (1868). Ж. 2 Феврува Януарьевна
	Поляков Андрей Семенович (1869), льготный казак, 1893 г.
	Поляков Афанасий Семенович (1871), казак, 1893 г.
4 колено	
Дети Александра Семеновича От первого брака	Полякова Августа Александровна (29.05.1888), дочь казака Александра Семеновича Полякова, с. Усть-Приморск М. Портнягин Константин Епифанович, крестьянин, с. Нижнекамчатск
	Устиния Александровна (1889)
	Анастасия Александровна (1890)
От второго брака	Полякова Мария Александровна (29.06.1904) М. 1 (с 08.01.1921) Савинский Алексей Викентьевич (1883 – 19.05.1932) М. 2 Тарасов, с. Мильково
	Поляков Александр Александрович Ж. 1 Хомченко Ульяна Демьяновна (1909 – 21.01.1971) Ж. 2
	Полякова Екатерина Александровна, умерла в детстве
	Поляков Иван Александрович, умер в детстве
	Поляков Тимофей Александрович, умер в детстве
Дети Дмитрия Семеновича	Полякова Александра Дмитриевна (1887)
	Полякова Устиния Дмитриевна (1888)
	Поляков Яков Дмитриевич (1892)

Дети Петра Семеновича От первого брака	Полякова Устиния Петровна (1889)
	Полякова Екатерина Петровна (1892)
От второго брака	Поляков Иларий Петрович (1907)
5 колено	
Дети Александра Александровича	Поляков Петр Александрович/Вахрин Петр Григорьевич (1924), участник войны с Японией

[Камчатская родословная книга. С.И. Вахрин. — Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2019. — 820 с.]

И третье событие, в котором наши Полчковы принимали участие и которое так же осталось в тени большой истории, — оборона Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда жители Камчатки — народное ополчение — с оружием в руках противостояли японской агрессии и разгромили врага, не позволив Японии завладеть рыбным полуостровом.

Эту победу советские историки просто выбросили из общей истории в соответствии с идеологической концепцией: Русско-японская война *позорно проиграна царизмом*. А народная победа на Камчатке не укладывалась в эту идеологическую догму. И только в 2024 году параллельно со 170-летием разгрома десанта англо-французов на Камчатке отмечался и второй наш великий юбилей — 120-летие разгрома японского десанта в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

И потомки Петра и Дмитрия Семеновичей Поляковых тоже могли поднять свой бокал за эту *победу*, которую принесли Камчатке и Россию их прадеды…

ПОПКОВЫ

В «Тайнах якутских фамилий» я уже рассказывал об истории появления в Якутии этой фамилии.

Но за кадром остались интересные подробности:

23 мая 1862 года Брагина Анна Прокопьевна (1836), дочь купца 3-й гильдии П.П. Брагина вышла замуж за помощника Гижигинского Земского Исправника, коллежского секретаря Андреяна Тихоновича Попкова (1822).

Андриян Тихонович Попков в 1857–1859 гг. исполнял должность помощника Охотского окружного исправника в чине коллежского секретаря [Казарян П.Л., стр. 369].

Но в Гижиге он, вероятно, задержался надолго:

28 октября 1881 года гижигинский казак — потомок гетмана Правобережной Украины Демьяна Многогрешного — Зиновьев Алексей Григорьевич (1856) взял в жены Анну Андреяновну Попкову.

5 ноября 1900 года, только-только пережив трагедию, связанную с эпидемией кори и массовой гибелью более сотни жителей Гижиги, гижигинский мещанин Попков Антоний Митрофанович взял в жены казачью дочь Киру Васильевну Кобелеву из старинного и прославленного рода.

От этого брака были сыновья [по материалам ГА Магаданской области]: Василий Антонович (27.02.1902); Николай Антонович (03.03.1915).

Дочери: Анна Антоновна (20.12.1908); Агафья Антоновна (04.02.1912).

Во втором браке его женой была Марфа Федосьевна (16.03.1894).

Не знаю, были ли у них дети в этом браке.

По ведомости Гижигинской крепости за 1781 год в команде сотника Ивана Кобелева служил казак Григорий Попков [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 71. Л. 20].

Он же отмечен и в списках казаков крепости за 1772 год [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 10 об.].

Но это казачье сословие, переходящее по наследству.

В числе солдат Якутской воинской команды П.Л. Казарян [стр. 406] указывает солдата Василия Попкова, служившего до 1800 года. Отставные солдаты, особенно их дети, могли быть записаны в мещанское сословие.

И действительно, в солдатах Енисейского пехотного полка, которые формировали состав Анадырского острога и Гижигинской крепости, в 1748 году служил солдат Дмитрий Попков [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316], а в списках солдат пехотного батальона Сибирского гарнизона в 1754 году отмечен Егор Попков [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478].

Но не нужно забывать и о том, что в составе Охотской сотни Гижигинской казачьей команды, которая впоследствии была, по всей видимости, расформирована, служило в 1831 году сразу несколько казаков Попковых – вероятно, потомков гижигинского казака Григория Попкова:

Попков Прокопий (1794);

Попков Иван 1-й (1797);

Попков Федор (1799);

Попков Егор (1799) [НА РС (Я), Фонд 401 п, Опись 1, Дело 6Б, л. 660 об. – 661 об.].

Попков Иван 2-й (1803 – 27.06.1871);

Попков Афанасий (1822 – 14.04.1866);

Яков Попков — поступил на службу 01.10.1868 [РГИА. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 398. Л. 101–101 об.].

И поэтому мы не можем не вернуться к казачьей истории.

Вполне вероятно, что Григорий Попков был сыном Никифора Попкова, который был в числе разночинцев Тауйского острога отмечен в переписи 1722/1748 гг. [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194, Л. 128 об.].

С тем дефицитом служилых кадров, который обозначился в 1740-х годах в связи с началом боевых действий майора Дмитрия Павлуцкого на Чукотке, конечно же, все эти разночинцы, отмеченные в Охотском порту и Тауйском остроге, были тотчас востребованы на Северо-Востоке.

А открыл счет казакам Попковым в 1692 году (после «оспенного поветрия», унесшего жизни многим якутским казакам) Василий Попков:

«Якутцкого города служилые люди
Рядовые казаки
Женатые
Васка Михайлов Попко» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 28].

В 1706 году в казаках был его старший сын «Окладная книга 1706 года
Список по пятидесятням (в скобках номера)
Якутск
Попко Ярасим [Васильев сын] (10)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

А в 1718 году — на службу пришел и младший:

«По гор. Якуцку в казачью службу определены Осип Васильев с. Попков» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 123]

Есть и некоторые подробности о нем:

«Служивой Осип Васильев сын Попков сказал дватцети лет (1700) холост» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 69 об.].

Был еще Федор Попков [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 120].

В 1741 году в составе экипажа пакетбота «Святой Петр» Витуса Беринга находился солдат Якутского полка Василий Попков — он умер в море 15 ноября 1741 г., когда пакетбот встал на якорь у неизвестного (как оказалось, и необитаемого) острова, который с той поры стал носить имя Беринга, и у экипажа появилась, наконец, надежда на спасение…

Вот такая образовалась цепочка — но звенья, к сожалению, у нее пока не связаны друг с другом.

ПОПОВЫ

Если мы сейчас выложим россыпь казаков – якутских, анадырских, гижигинский, тауйских, камчатских — по фамилии Поповы, то мы в этой антропонимической «солянке», которая в народе еще называется и «куча-мала», *никогда* не разберемся без тщательного архивного анализа на основе тех документов, которых в природе, может быть, уже и не существует.

Поэтому мы пойдем по другому пути, которому уже не раз следовали — *от противного*, то есть начнем свое расследование не с «корней», а с «соцветий».

Из Анадырского острога в Гижигинскую крепость в 1768 году переведен казак Иван Попов.

Вообще-то Анадырскому острогу на Поповых не просто везло — здесь казаки Поповы были, наверное, через одного.

Приказчики Анадырского острога

Попов Ефим Петрович, пятидесятник. 1704–1707 гг. Назначен Якутской приказной избой 2 марта 1708 г. — после 7 октября 1709 г.

Попов Афанасий Петрович, тобольский сын боярский. 1712. «В [марте] 1714 г. пошел в поход против олюторцев. “Убит 2 декабря 1714 г. на Камчатке, на Таловке, в становище Аргиша, по пути в Анадырск с 40 спутниками изменившими ему юкагирами”».

1722/1748 год:

«В Анадырском остроге
Разночинцы
Петр Попов (Л. 78 об.).
Алексей Попов (Л. 78 об.).
Иван Попов (Л. 78 об.).
Егор Попов (Л. 79).
Илья Попов (Л. 79 об.).
В службе
Дементей Попов (Л. 80 об.)
Взято в рекруты
Ефрем Попов»
[РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 80 об].

Вы думаете, что это полный список? Нет, в это же время в Анадырском остроге находились в Секретной Анадырской экспедиции солдаты разных полков:

«Сибирскаго Гарнизона Пехотнаго батальона…

Василей Попов — 39 л., с 742 г., из рекрут крестьян г. Тюмени деревни Зыряновой, женат у него дети Алексей 14 Кирило 12 лет обучаюца в гарнизонной школе, в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г., в 742 г. … бит батаги.

Леонтей Попов — 27 л., с 740 г. марта 16 дня, из драгунских детей Царева Городища; холост; в командировании в секретной партии в Анадырску 748 г. марта с 22 числа» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478. Л. 64 об., Л. 85].

У казака Ивана Попова, переведенного из Анадырского острога в Гижигинскую крепость, был сын Иван (1766).

В 1781 году ему было уже 15 лет — в возрасте, когда уже верстали в казаки, поэтому казак Иван, отмеченный в ведомости 1781 года — это, скорее всего, Попов Иван Иванов сын [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20].

Но в этой же ведомости записаны и казаки: Лев Попов, Роман Попов, Борис Попов.

Правда, это нам сегодня вообще ничего не дает, так как нет между ними никакой связи.

Но есть дополнение к этой «горе» информации:

В 1766 году в Гижигинской крепости служил казак Савва Андреев Попов [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 13. Л. 9].

И это могут быть его дети.

А в солдатах в 1761 году в Гижигинской крепости служил Осип Попов [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об.].

Думал, выручит Ведомость Гижигинской школы за 1784 г. [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 7], но учился только лишь наш Иван Иванович.

Пошли дальше.

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков
Май 1-го дня 1831 года
Попов Григорий [1772], казак
Попов Карп [1800], казак» [НА РС (Я), ф. 401 п, оп. 1, д. 6Б, л. 713–714 об.].

Карп, скорее всего, Григорьев сын.

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

служащие

Урядники

Попов Василий Григорьев — 42 (1810)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44].

«Список по старшинству их службы

В Гижиге

Урядник Василий Попов — 40; из казачьих детей, на службе с 1833, в чине с 1851 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

служащие

казаки

Попов Степан Григорьев — 22 (1830)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 44].

В Государственном архиве Магаданской области мы нашли информацию о его жизни: 1800–1850 годы.

У него, если он Григорьевич, был брат.

Попов Василий Григорьевич, казак Гижигинской сотни. Ж. Улита Андреяновна. Их дочь: Попова Наталья Васильевна (22.08.1847).

Но линию гижигинских Поповых поведет, оказывается, совершенно другой человек:

Попов Захар Яковлевич (1830–1879), гижигинский мещанин, поселенец. Ж. Елена Осиповна.

Их дети: Попова Дарья Захаровна (1829), дочь мещанина. М. (24.02.1861) Брагин Прокопий Прокопьевич (1800), Гижигинский купец 3-й гильдии; Попов Мелетий Захарович (21.04.1846); Попов Иван Захарович (27.01.1854). Ж. (с 11.02.1881) Собинина Татьяна Михайловна (1869).

Дети Ивана Захаровича: Попов Георгий Иванович (30.11.1883), гижигинский мещанин. Ж. (с 12.11.1907) Куркутская Анастасия Акимовна (Яковлевна) (20.10.1887), дочь казака; Попов Василий Иванович (11.04.1889). Ж. Параскева Николаевна (1897); Попова Марфа Ивановна (30.01. 1892), дочь гижигинского мещанина. М. (с 17.01.1910) Падерин Иван Степанович (1891), казачий кантонист; Попов Михаил Иванович (30.10.1895).

Дети Георгия Ивановича: Попов Захар Георгиевич (14.01.1909); Попов Григорий Егорович (23.08.1911); Попова Александра Георгиевна (21.04.1915).

Дети Василия Ивановича: Попов Иван Васильевич (05.01.1916); Попов Иннокентий Васильевич (09.02.1918); Попов Николай Васильевич (04.05.1922).

ПОРОТОВЫ

Это одна из самых любимых моих фамилий — потому что много лет назад моим замечательным старшим другом и наставником был писатель, поэт, драматург, композитор, музыкант, фольклорист, песенник… и просто замечательный человек, дружбой с которым я гордился и горжусь, Георгий Германович Поротов, сын русской крестьянки-камчадалки из Мильково и потомка якутских крестьян, переселенных на Камчатку в середине XIX века в село, названное в честь царствующего в то время Николая I Николаевкой на реке Паратунке.

Много лет уже я собираю архивный материал, связанный с историей этой фамилии, и все никак не могу увязать концы с концами.

В книге «Тайны якутских фамилий» у меня опубликован большой очерк, посвященный Поротовым, но сегодня появился новый материал и новые интересные факты, о которых я хочу рассказать.

Начнем с того, что для кого-то является просто аксиомой:

«Правительство Петра I продолжило политику привлечения якутов на службу. Так, в начале XVIII в. несколько десятков якутов служили казаками. Как свидетельствуют источники, на протяжении наступившего столетия зафиксированы несколько десятков якутов в чинах детей боярских и дворян — Матвеевы, Поротовы, Новгородовы и др. Например, в 1709 г. зафиксирован один из первых случаев, когда дворянское звание получил новокрещенный князец Федор Матвеев. При этом многие из них учились грамоте. Всего ко второй половине XVIII в. уже было до 90 грамотных якутов» [А.А. Борисов, «Ранний этап политики мультикультурного патернализма в Якутии»].

«Первыми уже в течение XVII–XVIII веков вливались в состав верхних слоев русского сибирского общества представители верхушки местного населения, которых жаловали высокими чинами и званиями и привлекали к военной и административной службе. Известны такие династии служилых людей, детей боярских и дворян, как потомки мансийского князя Аблегирима (род Албычевых), мурзы Енбулата, кондинского князя Сатыги, знатного кыргыза Айкана, якутских тойонов Сахалтина, Матвеева-Отконова, Поротова, обуряченных тунгусских князей Гантимуровых и другие» [Сергей Скобелев, «Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра»].

Но я так и не докопался, откуда эти сведения? Где тот первоисточник, который дает основание утверждать, что Поротовы — это якутские князцы на русской службе?

Нет, я не спорю против этого утверждения. Просто я до сих пор не нашел этому факту подтверждения, не выяснил, из какого-рода-племени тот якутский князец, который пошел на русскую службу и которую в дальнейшем продолжили его потомки, о которых пойдет речь в этом очерке.

Подчеркнем — это ведь был не рядовой саха (якут), а вождь, имя которого очень хотелось бы знать, восстановить в исторической памяти потомков.

Итак, что мы знаем?

В окладной книге Якутского казачьего полка за 1706 год зафиксировано трое казаков Поротовых.

Один — старого набора:

«Список по пятидесятням (в скобках номера)

Поротов Алексей Васильев (14)».

И двое нового:

«Енисейской присылки служилые люди:

Десятники казачьи: ден. по 5 руб. с полтиною, хлеба по 3 ч-ти без ½ осм. ржи, по 2 чети овса, по 2 пуда без чети соли Леонтий Шипунов, Иван Митрофанов; — рядовые казаки: ден по 5 руб., хлеба и соли тож, что Леонтью и Ивану: Петр Дура, Григорий Федоров с. Соловьев, Яков Оголин, Еким Констянтинов, Василий Романов с. Архиповых, Петр Чертенков, Иван Шпекин, Григорий Подворов, Петр Лукьянов, Иван Стойлов, Степан Осипов, Антон Федоров, Кузма Семенов с. Табанаковых, Андрей Поротов, в нын. 706 г., по указу вел. гос. и по грамоте, приверстан в дети боярские, Семен Калашников, Сидор Ратьков, Григорий Деревнин, Тихон Костоусов, Иван Денисов с. Драчев, Петр Поливанов, Иван Поротов, Семен Манойлов с. Болотов, Семен Федоров с. Епифанов, Терентий Савостьянов с. Медведев, Алексей Таширев, Сергей Соколов, Максим Липак, Илья Иванов, Конон Васильев, Федор Рылев, Иван Орлов, Семен Калакаев, Иван Стадухин, Петр Семенов, Тарас Гаврилов, Федор Шелковников с. Жеребец, Василий котельник, Кондратий кожевник, Алексей Бахарев, Иван Немиров» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Все они дети енисейского казака Василия Поротова, о котором я выяснил только то, что он был «подельником» (возможно, невольным — почему и проходил свидетелем) в нечистоплотных делах братского приказчика Христофора Кофтырева, спекулирующего всем, что попадало в его руки — пушниной, зерном, вином…

Вот, если кратко, что пишут о Кофтыреве краеведы:

«В 1695–1696 годах посадские люди и пашенные крестьяне были возмущены безобразиями, творимыми приказчиком Христофором Кофтыревым. Он откупил у государства право на выгонку хлебной водки и стал заставлять покупать ее в местных селениях по высокой цене. Кофтырев вынуждал посадских людей бесплатно работать исключительно на себя самого, а за неповиновение сразу вводил ясак. В вину Кофтыреву вменялось то, что он-де брал взятки, присваивал кашу, а в страдную пору заставлял крестьян рубить лес. К посадским крестьянам присоединилось служилое казачество, которому из года в год не выплачивалось жалованье и не выдавался хлеб. Отказывались платить ясак «плохому люде» и местные буряты и тунгусы. Во главе восстания, если следовать документам, были Григорий Бессонов, Митяй Кириллов, Данила Терентьев.

В результате Кофтырев был изгнан, и на него была написана царю челобитная грамота, которую отправили в Енисейск. «Дело Кофтырева разбиралось более десяти лет, и, наконец, указом Петра I приказчик был освобожден от должности, а на нее был назначен сын Максима Перфильева. В течение 10 лет существовала эта «Брацкая республика».

А вот о Поротове из книги «Илимская пашня» В.Н. Шерстобоева:

«Показания… дали возможность вызвать двух свидетелей, которые бросили на чашу весов несколько крупиц правды. Посадский Васька Водовозов рассказал, как он вез хлеб Кафтырева Назимову; отставной казак Васька Поротов плавил хлеб из Братска в Енисейск: “150 пуд ржи воеводе Михаилу Римскому-Карсакову да в Рождественской девичь монастырь на милостыню 30 пуд да для богадельные избы богадельщиком по 10 пуд в богадельню”» [лл. 295 об. – 296].

Эти разоблачения были четвертым успехом братских «бунтовщиков». Но судьба еще раз порвала нить следствия: дьяку Полянскому было велено ехать в Тобольск и сыск приостановился».

Итак, просто отставной казак Васька Поротов.

А потом начинается в Якутске стремительный карьерный рост его сыновей. Какая связь? Не могу ее найти.

Но факты остаются фактами.

В 1706 году Андрей Васильевич становится сыном боярским.

Спустя всего три года он уже дворянин по… московскому списку. Не по сибирскому — личному, не передаваемому по наследству. А по московскому — высшему, наравне со всеми остальными дворянами Российской империи, на правах родового наследства, со всеми сопутствующими привилегиями вплоть до разработки и утверждения на высшем Герольдическом уровне родового герба…

> *«Щит разделен на две части, из коих в верхней в малом голубом поле горизонтально изображены три шестиугольные золотые звезды. В нижней части в пространном серебряном поле соболь, бегущий из леса в левую сторону. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный золотом. Фамилии Поротовых, Андрей Поротов, в 1709 году блаженного и вечной славы достойного памяти от Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, пожалован грамотою и велено ему быть за его службы в Московских дворянах. Потомки сего Андрея Поротова равным образом находились в службе. Все сие доказывается помянутою грамотою [РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 135. Л. 213 (Кн. 135. Д. 13) Дело Герольдмейстерской конторы: О выдаче копии с герба сыну дворянина Федора Поротова, 1812 г.; РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 5887. Гербовое дело Поротовых Департамента Герольдии Правительствующего Сената по внесению в Общий Гербовник, 1855–1876 гг.]*

Но за какие службы пожаловано Андрею Поротову московское дворянство?

С братом Иваном Васильевича, сыном боярским в 1709 году, понятно – он был Охотским приказчиком, ходил в походы на воинственных коряков. И, как сообщает П.Л. Казарян:

«В его команде был и брат, московский дворянин Андрей Поротов».

Об Андрее известно совсем немного:

«Книга сбора ясака за 1704 г. с якутов Усть-Вилюйского зимовья приказчика пятидесятника Ивана Исакова Тобольского. Скрепили Траурнихт и за Исакова — Андрей Поротов». Вероятно, был в команде Тобольского. Рядовой сбор ясака — никаких заслуг не зафиксировано.

Иван же, наоборот, весь в заслугах:

«В мае 1710 г. охотский приказчик И. Поротов предпринял поход из Тауйского острога на ямских коряков, на которых в прошлом году ходил И. Мухоплев. Несколько коряков, захваченных в плен, дали ясак. Но большая часть коряков укрылась на острове напротив р. Ямы. Посланным к ним казакам удалось уговорить их вернуться. Переговоры закончились миром. Коряки выдали пять аманатов, хотя ясак обещали внести только осенью».

«В 1718 г. в Якутске впервые были назначены на Камчатку три приказчика — И. Уваровский, И. Поротов и В. Качанов: первый в Нижнекамчатск, второй — в Верхнекамчатск, третий — в Большерецк. Из них Качанов был определен главным» [Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 14–24].

В 1761 году Иван Васильевич продолжал службу:

«Дети боярские 1-й статьи

Посланы за ясачным сбором:

Иван Васильев Поротой в Зашиверской острог» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 143].

Что же касается его брата, то самое удивительное — по переписи 1722/1748 годов московский дворянин показан в разночинцах:

«Камчадалского острогу

Разночинцы

Андрей Поротов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 92 об.].

Старший из братьев — Алексей Васильевич — тоже был на Камчатке — он был послан туда в 1704 году из Анадырского острога, где служил.

Вот его собственное подробное сообщение:

«Алексей Поротов в допросе сказал: в прошлом 704 году, послал его Алексея с Иваном Томским из Анандырского острогу прикащик Евфим Петров в Камчадальские остроги с присланными из Якутцка указными памятьми к прикащику Василью Колесову. И он де Алексей с товарищем шли с Анандыря до Пенжины и с Пенжины до Камчатки горою на оленях и на собакак 4 месяца, и отдал те указные памяти Василъю Колесову в целости. И идучи де они на Камчатку, не дошед до Камчатки, против Караги, от Брусеной, видели значится остров, и сказывал де ему Иван Голыгин, что он на том острову в байдарах был, и иноземцы де на том острову есть, и много ль иноземцов, того де он Иван ему Алексею не сказал. А грести де в байдарах до того острова от устья Караги реки с утра до вечера. А с Камчатки де он Алексей вышел в Анандырской с камчатскою казною с Васильем Колесовым с товарищи» [«Памятники Сибирской истории XVIII века». Книга вторая. 1885 г. Петербург, сс. 493–504].

Алексей Васильевич — в отличие от братьев, рядовой казак.

И проходит много-много лет, прежде чем Поротовы вернутся к своему дворянскому наследию.

Этот документ найден не мной. Но он многое объясняет.

Поэтому я позволю привести большую цитату:

«16 февраля 1790 г. якутский сын боярский Тимофей (Васильев сын. — *С.В.*) Поротов подал местному коменданту, полковнику Григорию Алексеевичу Козлову — Угренину прошение о переводе его во дворяне, ибо по указу 22 января 1709 г. его отец (все-таки дед — Андрей), родом из казаков, был переведен из якутских детей боярских с жалованием 10 руб., пять юфтей хлеба и три пуда соли во дворяне по московскому списку с жалованием в 16 руб. из убылых окладов. На свое место Тимофей просил поверстать брата Ивана, который служил с 1700 г. (?) в Якутске и на Камчатке. Повышение отец получил за “сбор ясака в излишек” в 1706–1707 гг. в Батурской волости и Верхневилюйском зимовье. Челобитчик подчеркивал при этом, что в поданной им копии жалованной грамоты, выданной на якутского воеводу Траурнихту, сказано, что дворянство по московскому списку дается наследственно, то есть “по смерти ево, на ево место быть сыну ево, Василью (Андрееву сына. — *С.В.*)”. Челобитчик в связи с этим предоставил особую родословную “Род Поротовых”, в которой схема была прокомментирована. Из нее видно, что отец (Василий. — *С.В.*) служил все время по штату. Его дети: Иван — служит в Охотской области унтер-офицером; Авраам — слеп, потому не в службе; Тимофей — проситель; Андрей — в Якутском дворянском штате сын боярский. Кроме того, у Ивана был сын Алексей, находившийся в казачьей службе в Охотской области, а Александр и Андрей — “мальцы”; у Тимофея и Андрея были сыновья Федор и Кирилл, которые обучались “российской грамоте”.

Столь позднее свое обращение по поводу законного статуса Тимофей объяснял тем, что после отца они остались малолетние, сам же в службу вступил в 1772 г. и “по незнанию” молчал. Якутский комендант направил прошение и приложенные к нему материалы в Иркутск генерал-губернатору Пилю, однако получил в ответ выговор, что не им этот вопрос решать, а высшему начальству. Тогда Якутск послал запрос в Герольдмейстерскую контору о том, точно ли была жалованная грамота Поротову. На это 19 ноября 1792 г., то есть через 2,5 года, пришел положительный ответ. Вместе с тем подняли материалы о службах Поротовых, что привело к значительной задержке в решении этого вопроса. Выяснилось, что еще в 1770 г. иркутский губернатор генерал — майор Иван Адамович Бриль якутского сына боярского Ивана Поротова за утрату собранных ясачных денег предписал выключить его из штатных списков, наказать кнутом и отправить в ссылку с семьей в Охотск на почтовый станок № 7 на реке Амге,

записав в разночинцы с платежем подушного оклада, с отводом под строение, скотский выпуск и пашню угодий в размерах, определенных новой Межевой инструкцией 1766 г. Якутская воеводская канцелярия возложила ответственность по выселению семьи Ивана Поротова на канцеляриста Аржакова, а по причислению в подушный оклад – на подканцеляриста Расторгуева, который заведывал подушным повытьем. Показательно, что Первая ясачная комиссия за "весьма малые взятки с ясачных" аналогичное наказание, только с принудительным поселением в новоучрежденный город Алдан, а также и в работы на Нерчинские заводы, назначила в 1768 г. 12 якутским казакам, в том числе одному сыну боярскому, и одному из бывших посадских.

Возможно, наказанный Поротов не был прямым родственником просителя Поротова, либо наказания удалось ему избежать, в связи с чем имел место в декабре 1770 г. выговор А.И. Бриля Якутской воеводской канцелярии о том, что сам воевода ответственен за спущенное сверху решение.

Как бы то ни было, Поротовы продолжали добиваться льготного статуса. Первого февраля 1795 г. Тимофей вновь сделал запрос о судьбе своего прошения "об утверждении меня с братьями и детьми в наследственном нашем дворянстве, а у высшего начальства просить награждения обер-офицерским чином". Интересно, что брат его Андрей и даже слепой Авраам тогда же запросили себе копии с жалованной грамоты деду, что хранилась в "Якутской архиве".

Настойчивость Тимофея Поротова была все же вознаграждена, но уже в правление Александра I. В 1810 г. он показан дворянином с 14 классом по Табели о рангах» [Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект), Краснояр. гос. пед. ун-т им В. П. Астафьева, Красноярск, 2007].

Благодаря этой находке Н.Ф. Быконе [ЦГАРС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 1–18; Ф. 4. Оп. 1. Д. 28. Л. 27 об. – 28], мы имеем теперь представление о родовой линии Поротовых, в том числе и о дворянской линии.

Мы нашли информацию об отце Тимофея. Отыскать ее было сложно, потому что он записан в переписи 1722/1748 гг. несколько под другой фамилией:

«Тауиского острогу

Разночинцы

Василей Поротов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 128 об.]. И опять же, не в московских дворянах, а все в тех же разночинцах — казаках, выведенных за штат.

А Тимофей Васильевич, добившись своего, на долгие годы утвердился хозяином Удского острога:

«Управители Удского острога

Поротов Тимофей Васильевич, якутский сын боярский. 1790–1791, 1795–1801 гг.».

«Частные комиссары Удского комиссарства

Поротов Тимофей Васильевич, якутский дворянин, коллежский регистратор (до 13 декабря 1810).

Назначен до 23 февраля 1809 г. — 1 февраля 1811 г. «Скончался в возрасте 61 года (1748). Отпет причтом удской Николаевской церкви и погребен … 3 февраля 1811 г.» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 259, 260].

В перечисленных Тимофеем Васильевичем его родных и двоюродных братьях не встречается имя Иннокентий, но вот интересный факт (пока не связанный с Якутией):

«Приказом военного министра России, Высочайше утвержденным 30 января 1858 г., управление начальника артиллерии Восточной Сибири, находящееся в Верхнеудинске, перемещается в Иркутск. …В январе 1859 г. открывается Военное училище на 250 человек … Первым директором Военного училища назначается Иннокентий Васильевич Поротов…» [Чернигов А.К. Иркутские повествованеия, т. 2, Иркутск, 2003, с. 234].

Дети Тимофея Васильевича:

«Поротов Федор Тимофеевич 1784

Воинская команда Якутского областного управления 1784–1797

Рядовой

На 4 октября 1801 г. отставной унтер-офицер».

«Управители Удского острога

У письменных дел

С 1803–1804 гг. канцелярист Поротов Федор Тимофеевич» [Казарян П.Л., с. 233].

В Санкт-Петербургских ведомостях №42 за 26 мая 1803 года опубликован список лиц, представляемых к награждению золотыми и серебряными медалями за «добровольное пожертвование лошадей и рогатого скота на формирование ладмилиции на Камчатке». В этом списке и Федор Тимофеевич — в звании почему-то сибирского, а не московского, дворянина. Ему пожалована серебряная медаль от Его Императорского Высочества.

В этот же период проявляется некий Александр Иванов сын Поротов в Нерчинске. Тоже несколько странно — в 1823 году он проходит по списку 12 класса [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 162, Роспись Нерчинского Воскресенского собора на 1823-й год] — коллежский секретарь, а годом спустя — 14 класса (коллежский регистратор) [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 163, Роспись Нерчинского Воскресенского собора на 1824-й год]. Может быть, просто описка…

Более интересен для нас другой Поротов:

«Казачий офицер Т.М. Поротов в 1851 г. был сотником, исполнял обязанности старшего адъютанта Войскового дежурства Забайкальского казачьего войска. Через шесть лет он стал войсковым старшиной и командиром 11-го пешего батальона Забайкальского казачьего войска. С 1860 по 1865 г. занимал должность Красноярского полицмейстера, в 1865 г. был уволен от службы полковником с мундиром, через три года приказом генерал-губернатора М.С. Корсакова причислен к Главному управлению Восточной Сибири. В 1868–1870 гг. Поротов исполнял обязанности Управителя Троицкосавского

солеваренного завода, в 1870–1873 гг. был Киренским, а в 1873–1875 гг. — Верхнеудинским окружным исправником» [ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1481. Л. 22–26; Ю.А. Павлов, Казачьи офицеры и гражданская служба на Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.)].

К сожалению, авторы так часто ограничиваются инициалами, что не позволяет нам связать между собой наших героев.

Вот и еще один. Мало кому известный герой сражения в заливе Де-Кастри в октябре 1855 года, когда на дальневосточном берегу нашего Отечества был второй раз (после Петропавловской обороны 1854 г.) разгромлен вражеский десант и враг позорно бежал.

«Нападение английской эскадры на восточный берег Сибири, в октябре 1855 года.

7-го Октября, в 7¾ часов утра, приказано переносить Американские товары из казарм в новый лагерь.

В 8 часов фрегат поднял флаг и, поворотясь на ширине бортом к берегу, открыл сильную канонаду ядрами по берегу, а бомбами и гранатами по казармам.

В 8½ часов пришел с моря винтовой корвет и, заняв прежнюю позицию, открыл огонь по направлению на госпиталь и дом, но снаряды не долетали или ложились в сторону.

В 10½ часов, так как бомбы и ядра ложились близь дороги в лагерь, переноска Американских товаров прекращена.

В 12 часов осколками бомбы выбило в казарме окна и зажгло стену, но огонь тотчас же был потушен.

В 12½ часов два барказа отделились от фрегата и пошли к бухте Сомон, обстреливая берег из карронад. Открытый с нашей стороны штуцерный огонь принудил барказы поворотить назад.

В час бомбардирование прекратилось.

В час с четвертью прибыли есаулы Скобельцин и Имберг с 40 казаками 6-й сотни коннаго Амурскаго полка. В 2½ часа, прибыл Линейнаго №14-го баталиона подпоручик Поротов: с тремя музыкантами, 21 унтер-офицером и 159 рядовыми; вслед за ним прибыл 2-й взвод Артиллерийскаго горнаго дивизиона, с надлежащей прислугою.

8-го Октября командующий войсками, имея под начальством своим две роты сводноаго казачьяго полубаталиона, одну роту Линейнаго №14-го баталиона, сорок человек 6-й сотни коннаго Амурскаго полка и четыре горных орудия, для предупреждения нападения неприятеля сделал следущее распоряжение: конные казаки, под начальством есаула Скобельцина, расположены близь Гиляцких юрт и заняли на мысе Сомон наблюдательный пост.

От дежурной роты высланы таковые же наблюдательные посты: первый к кладбищу, второй на мыс Спасения и третий в Северную бухту. Для наблюдения за всеми движениями неприятеля назначен офицер.

В ночное время, на случай нападения неприятеля, для первоначальнаго отражения его, приказано усиливать посты и назначен один взвод, при офицере, к оврагу устья речи Нелли, а в случае высадки десанта в Александровском посту (единственное место, где можно было предполагать высадку десанта), позиция распределена в следующем порядке: конная сотня должна отражать неприятеля близь Гиляцких юрт; первая рота Сводноаго баталиона, заняв пространство по опушке леса, вправо от речки Нелли до кладбища, действовать на неприятеля разсыпным фронтом; вторая рота в таком же порядке и также по опушке леса, расположившись от леваго берега речки Нелли до мыса Спасения, должна действовать одинаково с первою ротою. В резерве обеих рот, за срединою оных, поставлены два взвода роты Линейнаго № 14-го баталиона, прикрытые крутыми берегами речки Нелли; а третий стрелковый взвод должен служить прикрытием четырех орудий горнаго артиллерийскаго дивизиона, из коих два должны занять позицию на кладбище, а другие два на Александровской площадке, при начале просеки. Роты разсчитаны в ротныя колонны.

В ночь переправлен в брод чрез бухту Сомон есаул Имберг с 10 казаками, для занятия пикета у каскада, дабы предупредить налитие из него водою и для наблюдения за неприятелем, который, как казалось, имел там огонь.

В 7¾ часов утра винтовый корвет вышел с рейда и отправился под парусами к N-ду. Вслед за корветом отделились от фрегата два барказа и вошли в Северную бухту, где произвели четыре выстрела.

В 9½ часов утра вельбот с фрегата отправился к мысу Арбот; подойдя к берегу, поднял красный флаг. Люди с вельбота сошли на берег, но вскоре поспешно сели на вельбот и отправились на фрегат. Причиной тому было приближение команды есаула Имберга, который, заметив вельбот, поспешно бросился к нему, но по затруднительному сообщению и густоте леса не успел захватить его.

В 3 часа по всему лагерю пели песни до 5½ часов. В 4½ часа фрегат притянулся ближе к мысу Спасения и стал лагом к берегу.

В 5 часов есаул Имберг возвратился назад и донес, что каскад перемерз; поэтому командующий войсками, находя этот пост лишним, приказал есаулу Имбергу присоединиться к своей сотне.

9-го Октября фрегат оставался в бездействии и остальные пароходы не показывались.

На 10-е число сделано распоряжение, в случае если со стороны неприятеля не будет предпринимаемо никаких действий, командировать от каждой роты по 40 человек на очистку леса для расположения лагеря в будущем году, по назначению генерал-губернатора» [«Нападение английской эскадры на восточный берег Сибири, в октябре 1855 года», опубликованное в «Сборнике известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с высочайшего соизволения Н. Путиловым», 1856 г.].

В Российском государственном архиве Военно-Морского флота я нашел списки награжденных и имя нашего героя. К сожалению, он

не мог быть представлен к награде по удручающей причине:

«Линейного №14 батальона командующий 2-й ротой подпоручик Моисей Поротов вполне достоин награды ибо наравне с прочими усердно и с точностью исполнял все возлагаемые на него поручения и находился под выстрелами неприятеля, но будучи под следствием по неумышленному убийству того же батальона прапорщика Фон Раза к награде не представляется» [РГАВМФ, ф. 909, оп. 3, д. 14. Л. 64 об.].

И впоследствии мы встречаем и другие разрозненные фамилии Поротовых, служащих на разных должностях, но не имеем пока возможности связать их воедино. Видимо, еще не наступило время.

1839 год.

«Въ полдень 11 Іюля стали мы на правомъ берегу рѣки Юдомы. На лѣвомъ — Почтовая станція и селеніе. Первая вѣсть, что за рѣкой зараза на скота во всей силѣ. Мой Егоръ просилъ не допустить его до раззоренія, и уволить съ этого берега, куда еще зараза не проникла, домой, чтобъ спасти лошадей своихъ. За усердную добраго Якута службу я согласился на его прозьбу, имѣя въ виду шесть лошадей его замѣнить со станціи почтовыми по имѣвшейся у меня подорожной. Переплывъ чрезъ рѣку, на берегу увидѣли валявшіяся падали, а въ жителяхъ уныніе. Подъ гостепріимную сѣнь ввела насъ жена станціоннаго Смотрителя Поротова, который въ это время былъ въ Охотскѣ. Послѣ роскошнаго хлѣбосольства, чему отвѣчали и чайный приборъ и посуда столовая, Наталья Ивановна (имя странноприимцы) вывела нѣсколько дѣтей, и просила дать ей по случаю рожденія ихъ очистительную молитву, такъ какъ приходскіе священники изъ Охотска ихъ никогда не посѣщали, а крещены де дѣти разными проѣзжими священниками. За тѣмъ я и священники исправляли требы, но отказывали въ благословеніи браковъ, обѣщаясь обстоятельство сіе передать Охотскому Протоіерею» [Громов Прокопий, Иркутские епархиальные ведомости, 1869 г., 19 апреля, № 16].

Якутск, 1864 г.

«По соляной части.

Якутский соляной пристав, титулярный советник Алексей Михайлович Поротов».

Якутск, 1867 г.

«Земского стола помощник бухгалтера, канцелярский служитель Кирилл Сергеевич Поротов»

Якутск, 1876 г.

«Исправники Вилюйского округа

Поротов Кирилл Сергеевич, канцелярист, коллежский регистратор. 20 февраля 1876 – 11 марта 1876 гг. Помощник исправника. 7 ноября 1878 – до 16 декабря 1876».

Якутск, 1867 г.

«Столоначальники

Поротов Захар Сергеевич, канцелярский служащий».

Интересно, что Александр Игнатьевич Кытманов, в «Летописи Енисейского уезда» шесть раз упомянув Поротовых, ни разу не указал даже их инициалы.

«Дьякъ Успенской церкви Поротовъ жалуется въ 1838 году Томскому епископу Аганиту, посѣтившему Енисейскъ, что священникъ Входоіерусалимской церкви Хмѣлевъ избилъ его».

Енисейск, 1865.

«Исправникъ поручилъ своему помощнику Поротову слѣдить за исполненіемъ таксъ, выработанныхъ совѣщаніемъ».

1871 год.

«Рабочіе Сѣверной тайги подъ наблюденіемъ исправника Поротова, не доходя 3 верстъ до Енисейска отправлены по енисейскому почтовому тракту и староачинскому тракту; только до 500 рабочихъ допущены въ Енисейскъ и то большею частью не надолго».

«Исправникъ Поротовъ разъяснилъ Тарасову очень неопредѣленно, что на какое число кроватей нужно устроить больницу на пріискѣ…»

«Поротовъ просилъ командующаго приисковымъ казачьимъ отрядомъ удостовѣриться, какой провіантъ, какая больница и какое помѣщеніе у рабочихъ на пріискахъ Тарасова. Командующій отрядомъ заявилъ исправнику, что все было въ порядкѣ, а Тарасовъ считалъ, что пища у него для рабочихъ вполнѣ достаточная, чтобы быть не только сытымъ и здоровымъ, но даже и лѣнивымъ».

1873 год

«Только съ прошлаго года возобновлено благородное собраніе.

Оно помѣстилось въ домѣ И. Хейсина, первыми старшинами выбраны на настоящій сезонъ Фунтосовъ, И. Хейсинъ, Александръ и Игнатій Кытмановы, Вицынъ. Членскій установленъ въ 25 р., но для бальныхъ членовъ уменьшенъ до 10 р. Членами собранія были въ этотъ сезонъ: почетнымъ — губернаторъ Лохвицкій и дѣйствительными 65 лицъ: Фунтосовъ, А. Кытмановъ, И. Кытмановъ, И. Хейсинъ, Вицинъ, Семеновъ, Пфейферъ, Полежаевъ, Сизовъ, Тютюковъ, Яшинъ, Станкѣевъ, Жмаевъ, Ливенъ, Олигеръ, Щаповъ, Комягинъ, Ковригинъ, Дряминъ, Гундобинъ, Л. Хейсинъ, Даниловъ, Харченко, Кузьминыхъ, Бородкинъ, И. Дементьевъ, Е. Грязновъ, С. Щукинъ, А. Ерлыковъ, И. Щукинъ, Стодырновъ, Берендѣевъ, А. Грязновъ, Матонинъ, Лейдеръ, Г. Флоеръ, Я. Цыханскій, Шапиро, Я. Башуровъ, А. Петровъ, Ячменевъ, Н. Павловъ, Кандаловъ, Барташевичъ, Романовскій, Поротовъ, Клейнъ, Бѣлоозеровъ, Большанинъ, Вилькенскій, Гомолицкій, Реймерсъ, Протодіаконовъ, Загоскинъ, Коганъ, Врубель, Григоровичъ, Львовъ, Бѣляевскій, Ивановъ, Тольскій, Поплавскій, Фосгардтъ, Калининъ».

То есть этот некий безымянный пристав Поротов входил в группу «енисейской элиты».

К сожалению, мы не можем сегодня установить родственную связь камчатских Поротовых с их якутскими сородичами.

Первые известные нам камчадалы Поротовы родились уже на Камчатке — это дети Ивана Поротова: Кирилл (1855), затем братья Николай, Георгий, Василий и сестра Параскева (в замужестве Черных).

Георгий Германович Поротов, наша камчатская знаменитость, — внук Василия Ивановича,

сын Германа Васильевича и Елены Митрофановыны — дочери крестьянина из того же села Николаевка Митрофана Моисеевича Ерофеев, также прибывшего на Камчатку в середине XIX века по призыву камчатского губернатора В.С. Завойко, предполагавшего развить сельское хозяйство на полуострове, но военное столкновение с англо-французами в 1854 году резко изменило планы генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева и он отдал приказ о переводе военного гарнизона Петропавловского порта в Николаевск-на-Амуре. И идея о развитии сельского хозяйства на Камчатке (в какой уже раз!) снова рухнула…

Поротовы занялись традиционной камчадальской деятельность — рыбалкой и охотой.

Еще один Георгий Поротов — сын Кирилла Ивановича — как раз и был отмечен в истории по защите Кроноцкого соболиного заказника, созданного по инициативе камчадалов, чтобы сохранить то место, которое, по их мнению, было священным, ибо в здешних местах соболь наиболее активно вопроизводил на свет свое потомство (сегодня это Кроноцкий государственный заповедник).

Георгий Кириллович (1883) был воспитанником петропавловского мещанина Кондрата Николаевича Оглоблина. Случай же, о котором мы хотим рассказать, был описан будущим советским академиком В.Л. Комаровым в его еще дореволюционной книге «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.»:

«Уезжая с кошки в город, мы натолкнулись на следующую интересную страничку из местной жизни. Я разговаривал с привезшими нас завойкинцами, которые все были кто родством, кто свойством связаны с родом Машигиных. Мимо проезжал В.П. Карякин, который и раскланялся со мной. Собеседникам это не понравилось, и они рассказали мне, что между ними и Карякиными существует серьезная вражда. Дело в том, что Н.Е. Машигин, хороший и отважный промышленник, уходил иногда за соболем один-одинешенек сразу на несколько месяцев. Говорят, что в своих скитаниях он нарушил запретную грань Кроноцкого района и именно оттуда-то и приносил особенно много соболей. П. Карякин (теперь уже умерший) с двумя другими петропавловцами несколько раз обращались к начальнику Камчатки Ошуркову с жалобой на это и просьбой принять меры к защите запретного района и наказанию Машигина. Начальник как-то сказал им: “Делайте с нарушителем, что хотите”. По словам Машигиных, П. Карякин с товарищами подкараулили Н.Е. Машигина чуть ли не на Кроноцкой реке, когда он выходил из своей юрты, и всадили в него залп из винтовок. Вернувшись, они доложили начальнику, что Машигин исчез, всего вероятнее, уехал на каком-либо корабле в Америку, и принесли 40 соболей, как бы брошенных им в юрте. Хотя Карякин и его сподвижники уже умерли, но Машигины не забыли этого и теперь перенесли свой гнев на детей покойного».

Теперь нам известно, что «самосуд» над Николаем Егоровичем Машихиным, браконьерствующем в Кроноцком соболином заказнике, а, может быть, общественный приговор, вынесенный и другими камчатскими охотниками, которые свято соблюдали принятые обязательства не нарушать границ заказника и тем более не охотиться в этих местах, исполнили четверо — Петр Карякин, Иннокентий Слободчиков, Максим Киренский и Георгий Поротов.

ПОТАПОВЫ

Наверное, Потапыч — Топтыгин — неслучайно избран символом России, ибо Потаповых на российской службе не перечесть, не сосчитать.

Но мы попробуем хотя бы рассказать о самых знаковых из служилых людей Потаповых, оставивших свой след в истории открытия и освоения той земли, которую мы сегодня называем Дальним Востоком.

В именных служилых списках первого из якутских казаков Потаповых мы находим в документах за 1661 год — Ивашко Потапов. Рядовой казак.

Но обращает на себя внимание вот какой факт: в 1670 году Ивашка направлен на «одногодные службы… в ясачные волости: для толмачества».

А в следующем году:

«На двоегодные службы. В заморские дальныя реки на Индигирку в 3 зимовья: Десятник Ивашко Потапов; для письма Гришка Батов; для толмачества Игнашка Олферьев».

Далее: «Книга сбора ясака с юкагиров на р. Алазее десятника Ивана Потапова,1673–1674 (182) г.».

Ну, и разумеется, как водится, дальнейшую историю мы изучаем по доносам:

«Дело о вызове в Якутск для разбора дела, по жалобе казачьего десятника Терентия Аллаева на злоупотребления приказчика Алазейского зимовья Ивана Потапова».

«Записи приказной избы о служебных злоупотреблениях /приказчика/ острожка на р. Алазейке Ив. Потапова, неправильное обложение промышленных людей, избиение ясачных юкагиров, сбор соболей с них, превышающих ясак».

В 1678 году десятник Иван Потапов — приказчик Анадырского острога [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 198].

Сохранились данные о его годовом окладе в этом чине:

«Окладная книга 1681 года

Якутск. Десятники казачьи женатые:

Ивашко Потапов; на 186 г. и на 187 и на 188 г. в додачу по 2 руб. по 20 алт. по 5 ден. на год; на 178 г. рядовые оклады казачьи 38 пуд 4 гр. с ½ ржи и круп, на 179 г. 17 пуд 4 гр. с ½ гр. ржи, на 182 г. женатаго окладу 20 пуд 2 гр. с ¼ гр. ржи, на 186 г. 7 ч-тей ржи, 4 ч-ти овса, на 187 г. 6 ч-тей ржи, 3 ч-ти с осм. ржи (?), на 188 г. 6 ч-тей с ½ осм. ржи, 4 ч-ти овса» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 82].

В 1681 году Анадырский приказ принял у Ивана Потапова Иван Курбатов. Но уже в 1673 году было заведено в Якутской приказной избе новое дело:

«7191 г. август (1683) г. — Память приказчику Анадырского острожка сыну боярскому Ивану Богомолову о расследовании злоупотреблений по челобитью юкагиров на казачьего десятника Ивана Потапова и по челобитью казака Акима Никитина на прежнего приказчика казачьего сотника Ивана Курбатова».

Но в этом же году в новом своем чине — казачьего пятидесятника, Иван Потапов направлен приказчиком над крестьянскими Тутурской и Бирюльской волостями Илимского острога.

И… снова дело:

«Расспросные речи крестьян Тутурской и Бирюльской волостей о незаконном винокурении бывшего приказчика пятидесятника Ивана Потапова».

Выделим слово «бывшего» — все-таки лишили чина…

Но не должности:

«Книга прихода и расхода денежных сборов по Бирюльской и Тутурской волостям за 1689–1690 и 1691–1692 (198–200) гг. десятника Ивана Потапова» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, я., 2017].

Иван Потапов прожил долгую жизнь, если это его смерть была зафиксирована в переписях между 1722 и 1748 годами.

В 1670 году вместе с отцом нес казачью службу и старший из сыновей — Микифорко, направленный в Жиганское зимовье.

Второй из братьев, унаследовавший отцовский чин: «Книга сбора ясака за 1684–1685 (193) г. с юкагиров разных зимовий в Омолонском зимовье десятника Дмитрия Потапова».

Третий из сыновей:

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Якутск

Потапов Степан [Иванов сын] (9)»

«По гор. Якуцку в казачью службу определены Степан Иванов с. Потапов у него пл-к Василий Никитин» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 122].

«Служивые люди

Во дворе Степан Иванов сын Потапов … зять ево пушкарь Федор Андреев сын Сухой» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 15].

И последыш отца:

«Пятидесятники

Двор Василья [Иванова сына] Потапова и он Василей послан Великого государя на службу на Камчатку в 718-м году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 11 об.].

Но один из сыновей Ивана пошел по чиновничьей линии:

«Приказные полаты подьячие

Во дворе подьячей Григорей Иванов сын Потапов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 44].

И появляется еще один Иван — вероятно, Иван Иванович:

«По гор. Якуцку в казачью службу определены [в 1722/1748 гг.]

Иван Потапов [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 123].

И еще один Потапов. Возможно, тоже Иванов сын:

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Якутск

Потапов Петр (10)».

«Во дворе служилой Яков Иванов сын Каргин … у него ж живет на подворье служивой Петр Потапов и он Петр послан на службу Великого государя на Камчатку в 718-м году а по скаске матери ево он Петр тритцети лет [1690]» РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 54].

В 1722/1748 годах Петр служил в Верхнекамчатском остроге [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 110].

Здесь у него был сын Филипп.

А в Якутске в 1722/1748 годах были опередедены на казачью службу «Петра Потапова племянники: Василий, Федор».

Василий Потапов служил в Тауйском остроге [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 126].

А родовой след его брата Федора мы находим ближе к Чукотке:

«Гижигинская крепость 1766

Потапов Никифор Федоров

Потапов Козма Федоров» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 13. Л. 9].

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781

Казаки

Козма Потапов» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20 об.].

Следующее поколение:

«Нижнекамчатск, 1812

Камчатский гарнизонный батальон

Рядовые

Потапов Аксентий Кузьмин (1774)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 8–9].

«Петропавловский порт, 1815

экипажная рота

Потапов Александр Кузьмич (1774), матрос 2 статьи» [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3]. Но, возможно, это один и тот же человек.

А в Тигильской казачьей команде служат двое братьев — Федор и Никифор Кузьмичи — 1781 и 1785 годов рождения.

Вот такой географический разброс этой служилой семьи.

В Охотском порту в 1745 году служил и Иван [вероятно, Иванов сын] Потапов, который по служебным своим делам оказался в Акланском остроге, где произошли трагические события:

«Допрос служилого Потапова от 21 июня 1751 г.

Понеже с прошлого 1746 году с начатия бунту и измене живущими вкруг Пензинского моря оленными и пешими коряками в каком состоянии Акланской острог находится и кем и от чего оной и каким случаем раззорен, о том и поныне в канцелярии Охоцкого порта достоверно и подлинного известия, хотя Охоцкая канцелярия от присланных из Ямского острогу изменников коряк и домогалась, токмо оного за пресечени-

ем изменниками пути в подлинно получено не было. А сего 1751 году июня 21 дня в канцелярии Охоцкого порта прибывшей сего июня 11 числа из Якуцка на почте с указами ея императорского величества команды Охоцкого порта служилой, которой был в Акланском остроге Иван Потапов допрашивая, а в допросе показал.

Прошлого де 1745 году в ноябре месяце в бытность ево, Потапова, в Акланском остроге, в небытность сержанта Ивана Енисейского, которой тогда был в Охоцке, прибыли из Анадырского острогу в Акланск партии сержант Алексей Мокрошубов да служилый Иван ... бикин [Тарабыкин?] для встречи едущаго из Охоцка в Анадырск иеромонаха Флавиана со свитою... да Анадырского платежа оленных коряк в Анадырской острог с оленными табунами, князца Косинского с родниками, гранадер Иван Мамруков, служилые Козьма Ерганьин, Афанасей Решетков, Лев Баигачев, Василей Онофриев, да за ясашным сбором Анадырского платежа из коряк Антипа Кармалин, Алексей Юрганин, Иван Проидошин, Афанасей Кожевин, всего одиннадцать человек, и быв во оном Акланском остроге дни с четыре, того ж ноября 19 числа поехали означенные Мокрошубов с товарищи к имеющимся по реке Аклане у моря пешим корякам, которые жили разстоянием от Акланского острогу например верстах в шестидесяти в двух юртах всего мужеска полу человек семь. А он де, Потапов, да служилой Степан Беляев того ж ноября 20 числа поехали за оными ж Мокрошубовым с товарищи для взятья упромышленной ими в лете рыбных кормов, то де недоехав до вышеупоминаемых пеших коряк от юрты их в виду разстоянием менее десятины, увидели убитого на самой дороге из вышеупоминаемых команды гранадера Мамрукова, служилого Льва Баигачева, которой лежит наг в одних штанах, а оных Мокрошубова с товарищи побили, приехав к вышеозначенным пешим корякам, вышеупоминаемой Косинской с родниками и прибывшие из протчих близь того места из ыноземческих острожков, из Жачинского и из Каменного, из Жирового, из Косухи некого живущие в тех острожках пешие коряки, то де он, Потапов, и товарыш ево Беляев, поворотя собак своих от юрты, и поехали обратно по дороге, а изменники де коряки, вышед из юрты, стали их звать к себе, токмо оне к ним не пошли, то де отъехав от юрты например верст с пять за худобою собак своих он, Потапов, от товарища и остался и, отшед с дороги, стал под утес, то де миновав с час изменники коряки на оленях погнали вслед их, и не видав ево за темностию ношною и за тогдашнею пургою и паки обратно миновав с час же, поехали в юрты, а он, Потапов, пролежал под утесом. И разговаривали между собой по коряцки, что де нам их несустичь, понеже де осенью у руских собаки жирны. И пропусти де тех изменников, он, Потапов, и поехал в Акланской острог и, шед всю ночь, приехал уж днем под вечер.

И тако де означенная измена и убивство учинилось в начале в Акланском остроге от возмущения оленного коряцкого князца Косинского, а их де было в остроге и с ним, Потаповым, 12 человек, а имянно: служилые Козьма Коротких, Степан Беляев, Иван Колесов, Иван Ослоповской, Иван Черной, Трифон Крымской, Прокопей Шемаев, Никифор Солдатов, Алексей Тарбыкин, Иван Арзамас, Андрей Старков, и тако де они, Потапов с товарищи, и засели в том Акланском остроге в осад[е], и вышеупоминаемые де изменники коряки Косинской с товарищи на оленях в третей день, то есть ноября 26 дня, приехали всего человек со сто и более, и того де дни до прибытия тех изменников к острогу вышел от них для осмотру поставленных на крупашки пленок служилой Петр Карпов, то де оные изменники, напав на него незапно, не допустя до острогу сажень за сто, застрелили из луков и подступили под острог, от которых де отбились стрелянием из острогу из огненного ружья, токмо из изменников никого не побили, понеже стоят в отдаль. И простояв оные изменники одне сутки, паки от острогу отступили прочь и в третей де день паки подступили под острог и отошед чрез дни четыре и три, паки подступили к их острогу всего раз пять, токмо никакого им зла не учинили.

И между де тем времянем в декабре месяце приехал к ним в Акланск из Анадырского острогу за сбором с живущих около Акланского острогу Анадырского ведомства с коряк ясака якуцкой служилой Михаило Сорокоумов всего в трех человеках, а того де дни, которого он, Сорокоумов, к ним приехал, изменники, стояв под острогом, ввечеру отступили. И приехав, оной Сорокоумов засел с ними в остроге в осад[у], и сидели в осаде ноября с 26 числа 745 по 746 год до марта месяца, а пропитание имели самое нужное: ели сети сученые из китовых жил, и ремни нерпичьи, и подошвы от торбосов и едва де все с гладу не примерли.

А вышеозначенного де марта месяца 746 году, услышав о той измене и убивстве, в Анадырском остроге бывший маэор Павлуцкой прислал к ним в Акланск на выручку за прапорщика Петра Трошина с командою всего во сте пятидесяти человеках, а изменники де до прибытия к ним означенного Трошина отступили от них недели за три. И прибыв оной Трошин в Акланск, ночевав одну ночь, и поехал со всею командою на устье реки Аклана, где побили вышеупоминаемых Мокрошубова с товарищи, токмо де изменников никого в том месте не нашли, а убежали на реку Ягачю и, собрав убиенных показанного Мокрошубова с товарыщи тела, привезли в Акланской острог и похоронили в том остроге. А оной де за прапорщика Трошина с командою пошед ко оным изменникам на реку Ягачю и, не учиня к ним никакого приступу, токмо взяв от тех изменников одного аманата, которые изменники якобы сказали ему, что оне будут ясак платить в третей год, а тогда де у них от убивства руских людей руки кровавы, и якобы затем и ясаку им платить нельзя. И приехал он, Трошин, от них обратно в Акланск и, оставя в Акланском остроге для обережи острогу партии капрала Ефима Пермякова с командою в двадцати пяти человеках, и уехал обратно в Анадырск.

И жили они, Потапов с товарыщи, в Акланском остроге до июня месяца, а того де месяца июня 746 году приехав из Анадырска, сотник Алексей Котковской и увез с собою в Анадырск означенного Пермякова в трех человеках, а у них оставил при команде солдата Ивана Сокуева, которой Сокуев в том Акланском остроге определен был закащиком и жил июля до 8 числа и пошел с командою из Акланского острогу по реке Аклану вниз и в разстоянии от их острогу версты с четыре промышлять рыбу, а в остроге де рыбных промыслов не бывает, токмо промышляют в самую осень. И взяли с собою и взятого от изменников с Ягачи вышеупоминаемого аманата, да другова аманата Акланского острогу, для того де что их в остроге пропитать было тогда нечим, а для обережи острогу оставил ево, Потапова, да служилых Козьму Короткова, Бориса, а чьих прозванием сказать не упомнит, Никифора Солд[ат]ова, Алексея Тарабыкина, и вышеозначенной де взятой от изменников ягачинских аманат от помянутого Сокуева убежал, то де оной Сокуев, оставя у промыслу четырех человек: Прокопья Шемаева, Андрея Старкова, Афанасья Змиева, да Гилева, а как зовут именем сказать не упомнит, с достальною командою пошел в лодках искать оного аманата вниз по реке Аклану к морю и, отошед де например верст с сорок, пострелял на реке Аклане идущих к Акланскому острогу в байдарах ветхих, то есть лодки малые, походом изменников многое число, которые изменники означенного Сокуева с командою, не допустя до берегу, и покололи на воде копьями, токмо де с того побоитца убежали Акланского острогу служилые Степан Беляев, Иван Черной, Трифон Крымской, да партовщики Федор Соболев, Иван Матвеев, Иван Оконешников, Антон Петров, да еще три человека, а как их зовут, сказать не упомнит, и из оных де служилых пришед в Акланской острог Трифон Крымской о том убивстве ему, Потапову с товарыщи, росказал.

То де они и за неимением у них никакого пропитания, и что им в том остроге шести человекам спастись никак невозможно, пороховую казну в двух малых флягах, например весом в обоих один пуд, закопали в остроге в одном углу от жилья далее, да одну пушку малую и оружье закопали в онбаре под мост, а денежной де казны в том Акланском остроге не было, а присланные жалованные дачи деньги все употреблены были еще в бытности сержанта Енисейского в дачю служилым, взяв [с] собою образ Николая чюдотворца на цке шестеришной да псалтырь следованную старую и, выступя из острогу, пошли тундрою в Анадырск и, отшед от Акланска ден десять, вышли на реку Черную и за обдержащим их гладом далее итти уже мочи не возымели и зимовали на той реке Черной, а пропитание имели промышлением связанною из пестрединной рубахи сетью рыбою кетою, да зимою промышляли крупашек. И из них вышеозначенной Короткой да Борис, а чьих прозванием не знает, с той реки Черной по выпаду первого снегу пошли в Анадырской острог, а он де, Потапов, да Крымской, Колесов и Солдатов на той реке Черной, как выше показано, и зимовал и в марте месяце 747 году с той реки Черной пошли они, Потапов с товарищи, в Анадырской острог и того ж де марта месяца вышли в Анадырск. То де из ушедших от них прежде Короткой вышел в Анадырск, а товарищ его Борис, не дошед до Анадырска, помер голодом, а ушедших де с побоища Сокуева в 746 году прибыли до них в Анадырск охоцкой команды Степан Беляев да партовщиков Гилев, Соболев, Зеленовской, ... Зуев, а Прокопей Шамаев да Иван Черной утерялись без вести.

То де он, Потапов, прибыв в Анадырской острог, жил до октября месяца 747 году, а в октябре из Анадырска поехали в Олюторской острог, которой еще тогда был не в измене, за сбором ясака сборщик Михайло Сорокоумов с командою, то де и он, Потапов, для осмотру Акланского острогу, в каком состоянии оной находится, попутно и поехал, и едучи обратно из Олюторска он, Потапов, да Степан Беляев с партовшиками Ефремом Котельниковым, с Петром Куклиным, да с Егором, а чьих прозванием не упомнит, в Акланск и поехали, а как де прибыли в Акланск, то де оной острог уже весь раззорен и сожжен, токмо оставлено одно зимовье, которое стояло в отдаль от острогу, а пороховая де казна, которую закопал он, Потапов, в землю, и пушку и оружие все выкопано и взято изменниками, а у кого оная пороховая казна и пушка и оружие имеютца, того он, Потапов, не знает, токмо де нашли одну фузею, покинута в отдаль от острогу, которую взяв, и отвезли в Анадырск. И отдал он, Потапов, закащику якуцкому служилому Екиму Новогородову да свою данную в Охоцке от бывшего командира господина Дивиэра фузею ж с ледункою без патронов и образ Николая чюдотворца и псалтырь, в чем имеет за рукою ево росписку, которую объявляет при сем допросе.

И осмотрев де тот Акланской острог, и уехали обратно в Анадырск, и прибыли уже в марте месяце в 748 году, и жил во оном Анадырском остроге до 749 году до марта месяца, и того ж де марта, дав ему, Потапову, да товарищам ево Ивану Ослоповскому, Козьме Андрееву из Анадырской партии полкового двора за рукою командующаго тогда над партиею прапорщика Ковалева пашпорт, отпущен в Якуцк и велено явитца в Якуцкой или в Охоцкой канцелярии, а прибыл де он, Потапов, в Якуцк в 750-м году в декабре месяце, а сего 751 году апреля 1 дня послан он из Якуцкой воеводской канцелярии в Охоцк на почте с указами ея императорского величества.

А товарищи ево Ослоповской прибыл в Якуцк прежде ево, Потапова, и услан минувшего 750 году из Якуцка в Ыркуцк за колодниками, а товарищ ево Козьма Андреев остался в Нижнем Колымском зимовье, затем что поднятца оттудова ему не на чем, понеже ехали из Анадырска до Якуцка на своем коште.

А Акланской де острог построен был на острову между рекой Пензинской и Акланской в самой стрелке, ибо де Аклан река пала в Пензину реку, и место де болотное и понимает летом во-

дою, и рыба де приходит к Акланскому острогу августа в первых чисел, и всегда бывает голод. А в устье де реки Пензины с моря морскими судам можно ль входить, того он, Потапов, не знает, понеже де на устье у моря не бывал, ибо состоит от Акланского острогу до самого устья более ста верст. А от Акланска до Анадырского острогу езду налехке на оленях санками десять ден, а летною де порою ходят от Акланска по реке Пензине в лотках больших вверх бечевой ден восемь до устья Черной реки, которая пала в Пензину, а с устья Черной пешком до Анадырска тундрою ден шесть.

Во всем вышеписанном показал он, Потапов, самую сущую правду, а ежели сказал ложно или что утаил, и за то б учинено ему было по силе ея императорского величества указов, чем будет достоин без упущения.

К подлинному допросу вместо служилого Ивана Потапова Степан Петров руку приложил» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л., 1935].

Кроме казаков Потаповых в Гижигинской крепости в 1781 году служил и солдат Иван Потапов.

Мы не знаем, какого он роду-племени (из казаков в солдаты переводили запросто — по необходимости, и казаки этому были только рады).

Но возможен был и другой путь – из частей регулярных войск, направляемых на Чукотку.

И мы приведем только один пример, откуда черпались кадры для гарнизона Гижигинской (и не только ее) крепости:

«Смотровые списки Сибирскаго Гарнизона Пехотнаго батальона штаб обер ундер афицерам капралам рядовым и другим чинам. Учинен при осмотре брегадира и Таболского обер коменданта Павлуцкаго апреля 1 дня 1754 года.

Капралы

Иван Потапов	(л. 28)
Илья Потапов	(л. 38)
Михайло Потапов	(л. 49 об.)
Леонтей Потапов	(л. 58 об.)
Матвей Потапов	(л. 63 об.)»

[РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478].

Но и эта история не последняя.

«Илимский уезд, 1699

Криволуцкая слободла

Деревня Потаповых

Основатель в 1699 г. “Фетька Потапов (3 двора Потаповых)”» [Шерстобоев В.Н. Илимская пашня, т. 1, Иркутск, 1949, с. 85].

«В одной из челобитных Стенька Юрьев писал, что его дочь Овдотьица вышла замуж за промышленного человека Потапку Федорова мезенца, затем пашенного крестьянина, основателя деревни Потаповой, в 92 километрах выше Киренска, родоначальника ленских Потаповых, живущих и сейчас на Лене» [Краснощанов Г.Б. На ленских пашнях XVII в.].

В 1732 году по указу Анны Иоанновны часть крестьян верхоленских волостей было приказано переселить на Камчатку — с семьями и со всем хозяйством для развития на полуострове сельского хозяйства. Но вмешался Витус Беринг, используя на нужды своей экспедиции даровую крестьянскую силу и изымая скот и продовольствие.

Только после завершения Второй Камчатской экспедиции часть крестьян, оставшихся в живых или не сбежавших от непосильной каторжной работы, были отправлены на Камчатку. Возможно, в том числе и ленские крестьяне Потаповы, потомки которых проживают не только на Лене, но и в долине реки Камчатки в селе Мильково.

Почему снова это слово «возможно»?

Потому что нельзя нам забывать о Филиппе Петровиче Потапове — казачьем сыне, судьба которого нам неизвестна. В период массового расказачивания в Сибири, когда и его отец записан был в разночинцы, вполне вероятно, что Филипп, как и многие другие верхнекамчатские казаки — Машихины, Нечаевы, Беляевы — перешел в крестьянское сословие…

ПРИБЫЛОВЫ (ПРИБЫЛЫЕ)

Хочу начать с сенсации, которую, к сожалению, никто еще не оценил. Даже в Якутии, откуда все и начиналось.

Об островах Прибылова с огромнейшими лежбищами морских котиков знают многие.

Много написано и об открытии этих островов, правда, замечательный историограф русского флота, участник первой кругосветной экспедиции Василий Николаевич Берх допустил ошибку, которая сегодня гуляет по справочной литературе, внося некую неразбериху в вопросе о том, как же звали человека, открывшего эти острова.

Поэтому начнем не с В.Н. Берха и его «Хронологической истории открытия Алеутских островов, или Подвигов российского купечества», а с рукописи Александра Полонского, которая хранится (до сих пор не изданная, если не считать включения ее в один из наших трех томов книги «Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчаткая Сибириада») в архиве Русского Географического общества [«Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год», Архив Географического Общества, р. 60, оп. 1 № 2].

«По прошению [якутского купца] Лебедева-Ласточкина, с высочайшаго разрешения дан ему казенный галиот Георгий, совершавший плавание уже с 1776 года, для отправления на о. Уруп чтобы снять занесенное во время землетрясения далеко в берег его судно Наталию и вывезти бывших на нем людей; выплатить казне следующия за галиот 3,203 р. 11¾ к. положено в три года. Воспользовавшись только предлогом посылки судна на Уруп, Ласточкин снарядил галиот на промысла, определив в нем 70 паев: 30 его самого, 10 Холодилова, а остальные разных лиц. Передовщиком избран Балаганский крестьянин Ефим Попов, мореходом поступил Охотского порта подштурман Гаврило Прибылов; рабочих 65.

Галиот вышел из Охотского порта в море 3 сент. 1781 г. и направился не на Уруп, но пря-

мым путем на Алеутские острова. Оставив артель на Командорских, Прибылов продолжал плыть далее и 18 августа 1783 прибыл на Умнак. В 1784 компания Л. Ласточкина расположилась для производства промыслов на Уналашке, но как в 1785 г. происходили важныя несогласия с прочими компаниями за места промыслов, то в 1786 г. Прибылов отправился к северу от Уналашки и открыл о. Георгий, богатый морскими котами. По неимению гавани Прибылов на судне ушол на Уналашку, оставив на острове артель для добычи котиков. Управлявший его передовщик Попов ходил в 1787 г. байдарами на другой остров, названный им Павлом, и нашел на нем огнище, глиняную трубку, медный ефес от шпаги и другие признаки посещения острова промышленными. Острова Георгий и Павел названы, по изобилию котиков, котовыми, Шелихов потом назвал их именем графа Зубова, а теперь они носят название Прибылова.

В 1789 Прибылов ушол с Уналашки на поиски, зашол за Поповым на котовые острова и оттуда возвратился 15 августа в Охотск.

Промысла: бобров 2,720, хвостов 2,267, лисиц 1,025, песцов 6,794, моржовых зубов 469, китового уса 15 п. и котиков 31,151, на 253,018 р.».

А теперь цитата из «Хронологической истории...» В.Н. Берха:

«1781. Якутский купец Лебедев-Ласточкин, который, как упомянуто, был в сотовариществе с Шелеховым при отправлении двух судов к Курильским островам, снарядил опять общим иждивением судно, именовавшееся "Св. Георгием". Поручив начальство над оным подштурману Герасиму Прибылову, отправили они его в сем году в море.

Хотя о плавании Прибылова, продолжавшемся до 1789 года, нет никаких известий; но оно замечательно, потому что г. вице-адмирал Сарычев приписывает ему открытие островов Св. Павла и Георгия, к северу от Уналашки лежащих. По бумагам покойного Григория Ивановича Шелехова видно, что он назвал острова сии островами Зубова. Известно, что он пользовался благодеяниями князя Платона Александровича Зубова.

Груз, вывезенный Прибыловым в 1789 году в Охотск, можно почесть одним из богатейших; ибо он состоял из 2720 бобров, 2267 хвостов, 31150 морских котов, 6794 голубых песцов, 1025 разных лисиц, 11¼ пудов моржевых зубов и 15 пудов китовых усов. Но надобно заметить, что Прибылов провел на островах восемь лет!»

В одной из статей иркутского историка Евгения Шободаева [Во власти истории, Иркутск, 2009] есть сообщение с намеком о причинах перехода подштурмана Прибылова на службу к российскому купечеству:

«В течение последнего времени в фондах ГАИО удалось выявить следственные дела о гибели у камчатских островов в сентябре 1774 г. кораблей "Св. Павел" штурмана Афанасия Очередина и "Св. Екатерина" штурмана Ивана Должантова. В них содержатся обширные сведения не только о самом факте катастрофы, но и многочисленные детали жизни и повседневного быта мореходов, они позволяют нам судить об уровне подготовки командиров судов и экипажей, условиях судоходства в бассейне Охотского моря. Кроме того, документы существенно дополняют биографические сведения о видном судоводителе, штурмане А. Очередине. В дальнейшем — капитане купеческих судов, неоднократно ходившем к Алеутским островам. Важной, на наш взгляд, находкой можно считать показания по делу о гибели шмака "Св. Екатерина" подштурмана Гавриила Прибылова, члена экипажа разбившегося корабля. Документ тем более ценен, что имеет собственноручную скрепу — автограф знаменитого мореплавателя. Детальное изучение документов, возможно, прояснит обстоятельства перехода А. Очередина, И. Должантова и Г. Прибылова на службу к частным лицам, условия их найма и взаимосвязь крупных денежных начетов за гибель казенных судов и грузов с практически пожизненной службой указанных мореходов на купеческих судах».

Но это только лишь намек, так как Прибылов не был командиром этого судна. Шмак – полуторопарусное грузовое судно, совершавшее регулярные рейсы из Охотска на Камчатку.

В 1774 году, «Следуя из Охотска на Камчатку под командой штурмана Должантова, 30 сентября шмак "Екатерина" встал на якорь около рек Опалы и Голыгиной и здесь был разбит» [Ведерников Ю.В. Российское мореплавание на Тихом океане за триста семьдесят пять лет своей истории. Хроника судоходства и кораблекрушений 1639–2014 гг., Владивосток, 2016].

В тот же год случилось еще одно кораблекрушение:

«Галиот "Святой Павел", 1774 г. Галиот "Святой Павел" под командой штурмана А. Очередина, следовал из Охотска в Большерецк, с казенным провиантом, частным грузом и 33 пассажирами. 26 сентября находясь в близи назначенного места, "Святой Павел" был вынужден туманами и противными ветрами отстаиваться на якорях и лежать в дрейфе до 3 сентября. За это время галиот потерял оба якоря и два паруса и был отнесен от своего места в море. Когда, наконец, галиот подошел к устью р. Большой, он сел на мель и вскоре был разбит штормовой волной. Капитан был приговорен "...к написанию в рядовые на шесть месяцев..."».

А уж сколько за период службы подштурмана Прибылова разбилось купеческих судов, следующих в Русскую Америку, — не счесть...

Но факт остается фактом — подштурман Гавриил Прибылов поступил на коммерческую службу.

В Большой российской энциклопедии о нем написано следующее:

> *«Прибыло́в Гавриил Логинович (1747 или 1748–1796), рус. мореплаватель. Родился и умер, вероятно, в Охотске. В 1768–1769 ученик штурмана в экспедиции П. К. Креницына, исследователя Алеутских о-вов. Вернувшись в Охотск, причислен к команде Охотского порта. В поисках новых лежбищ мор. котиков — самого ценного объекта*

мор. промысла — весной 1773 отправился к северу и северо-востоку от Лисьих о-вов (Алеутские о-ва). П. много раз выходил на поиски котиков, меняя экипажи и подавляя бунты матросов. В 1788, командуя судном "Св. Георгий", принадлежавшим Рос.-Амер. компании, открыл два острова — Св. Георгия и Св. Павла — с крупнейшими лежбищами котиков и промышлял здесь до 1790. В 1789 Г.И. Шелихов назвал открытые П. острова его именем. Позднее П. добывал пушнину в зал. Аляска, доходя на юге до о-вов Королевы Шарлотты у берегов Сев. Америки. В 1795 доставил в зал. Якутат первых рус. переселенцев».

Скажем так — информация не совсем полная.

Вот, например, что сообщает П.П. Явловский в «Летописи города Якутска»:

1785 год. «В начале июня прибыл начальник Северной экспедиции, сформированной указом императрицы Екатерины II от 8 августа 1785 г. для астрономических, географических и физических исследований в Чукотской земле и Восточном океане флота капитан Иосиф Биллингс. С ним приехали доктор Карл Мерк, капитан Роберт Галл, шкипер Афанасий Баков с командою и припасами. В состав экспедиции, кроме названных лиц и лейтенанта Сарычева, входили: священник Василий Сивцев, лейтенант Христиан Беринг, штурманы Антон Батаков, Сергей Бронников, Гавриил Прибылов; подштурман Иван Кондратов; подшкипер Александр Мараков; штаб-лекарь Михаила Робек; лекарь Петр Алегрети и помощник доктора англичанин Иван Мейн; шихтмейстеры Даниил Гауз, Карл Кребс; подлекари Антон Лейман и Василий Воложенов; секретарь Мартын Соур; механик Иосиф Эдварц; рисовальный мастер Лука Воронин; боцманов — 3, квартирмейстеров — 3, корабельных дел мастер Тиммерман, плотник — 1, канониров — 3, геодезии унтер-офицеров — 5, казачьих сотников — 3, музыкантов — 4, егерей из казаков — 22, матросов из казаков — 49 и др., всего более 140 человек. Отсюда Биллингс выехал в Охотск, куда прибыл в первых числах июля».

То есть, помимо известных своих заслуг, Гавриил Логинович был еще и участником экспедиции Биллингса-Сарычева.

А вот и некоторые подробности:

«Назначенный штурманом на "Черный орел" известный мореход Г. Л. Прибылов был в экспедиции единственным человеком, кто все же встретил капитана Кокса. Это случилось в 1789 или 1790 г., в бытность Прибылова на Уналашке, куда зашел 16-пушечный "Меркурий" Кокса. Прибылов не знал о войне, на расспросы капитана о русских поселениях он показал ему жилища промышленников, однако не мог угостить ничем, кроме сараны, ягод и вяленого тюленьего мяса без хлеба. Кокс и его офицеры, собравшиеся разорять "русские поселения", были так потрясены образом жизни русских, что послали Прибылову с корабля хлеб, бренди, другие продукты, кое-какую одежду и (видимо, подражая Куку) в подарок необходимый навигатору прибор — квадран. Предоставив эту "гуманитарную помощь", они навсегда покинули российские владения».

История с Коксом — совершенно неизвестная страница в истории Русской Америки, поэтому мы позволим себе дать небольшое разъяснение:

«…опасность вражеского нападения нависла над российскими владениями в Америке не со стороны Испании, а Швеции во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. В ее начале свои услуги в качестве капера предложил шведской короне английский предприниматель, капитан 16-пушечного брига "Меркьюри" ("Меркурий") Дж. Г. Кокс. Он пообещал шведам разорить русские поселения по берегам Америки и Азии. Получив королевский патент и переименовав свой корабль в честь шведского короля в "Густаф III", Кокс уже в конце октября 1789 г. подошел к о. Уналашка, где находилось несколько артелей русских промышленников, добывавших на Алеутских островах пушнину. Они ничего не знали о войне, разразившейся в Европе, и без опаски контактировали с Коксом и его командой. Англичанин не стал предпринимать против них никаких враждебных действий и обходился с ними вполне дружески, после чего ушел на юг. В декабре 1789 г. он посетил о. Сайпан, а 1 января 1790 г. зашел в Кантон (Гуанчжоу), где и скончался в 1791 г.

Русские власти с некоторым запозданием отреагировали на "шведско-английскую" угрозу. Генерал-губернатор И.А. Пиль, после получения известия о предполагаемом рейде Кокса на Тихоокеанский Север, 23 февраля 1790 г. предупредил главу морской правительственной экспедиции капитана 2-го ранга И.И. Биллингса об опасности. Вместе с тем в донесении императрице Екатерине II Пиль сообщал, что предписывал Биллингсу "дабы он, по мере силы и возможности своей, защищал себя и те заведения, которые у берегов пространнаго океана и Охотскаго моря подданными вашими устроены, от всякаго нападения, прогоняя шведской капер ежели не мужественным образом, то по меньшей мере хотя благоразумными, но, однако ж, деятельнейшими способами". Со своей стороны, осторожный Биллингс вовсе не рвался в бой и в собственном предписании своему помощнику Р.Р. Галлу от 5 июля 1791 г. рекомендовал во время следования на Алеутские о-ва "стараться, если можно, уклонять себя от сражения, чем можете сохранить как целость людей, так и судно". Это было вполне разумной предосторожностью: вооруженный 20 легкими трехфунтовыми пушками флагманский шлюп экспедиции "Слава России" с недостаточно опытным экипажем вряд ли мог успешно сражаться с быстроходным шведским капером.

Таким образом, уже в 1789–1790 гг. перед российскими колониями впервые возникла реальная угроза внешней агрессии. Но им крупно повезло, поскольку если бы Кокс начал военные действия, последствия могли быть достаточно тяжелыми. Английский капитан, пользуясь преимуществом в артиллерии, скорости корабля и выучке экипажа, без особого труда сжег бы, потопил или захватил неповоротливые и слабо вооруженные боты и галиоты промышленников, а

также разорил их небольшие поселения на берегах островов» [Гринев А.В. Внешняя угроза Русской Америке: миф или реальность].

Начало известной морской биографии — 1766 год: определен штурманом-учеником в экспедиции П.К. Креницына и до ее окончания в 1770 принимал активное участие во всех ее работах. В июле 1768 на галиоте «Св. Екатерина» под командованием Креницына перешел из Нижнекамчатска к Алеутским о-вам, занимаясь в ходе плавания их описанием.

Следовательно, испытал и все трудности этой экспедиции, связанные с зимовкой на острове Уналашка и гибелью большей части членов экипажа галиота от голода и цинги.

В 1775 году Г.Л. Прибылов командовал бригантиной «Святая Наталья». Это, собственно, и вся дополнительная информация к общеизвестной, которую я смог почерпнуть из многостраничной книги Игоря Смирнова «Русские военные моряки на Тихом океане».

Столь же малоинформативен в отношении Г.Л. Прибылова и «Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки» Б.Н. Болгурцева.

Но, собственно, и мы сами еще пока ничего нового не сказали. Только пообещали…

Но не будем спешить.

Оттолкнемся от того предположения, что Гавриил (Гаврила) Логинов сын Прибылов родился в Охотске и закончил Охотское штурманское училище, куда набирали местных ребят — в основном казачьих детей.

А казачий состав Охотска определялся из Якутска или Иркутска.

И действительно, на службе в Якутском казачьем полку находились Прибыловы или Прибылые.

Первый из них — Семен Иванов сын Прибылов — впервые упомянут в документах за 1654 год:

«О передаче служилым человеком Иваном Антоновым Нагибой служилому человеку Семену Иванову Прибылому права иска по доправным памятям со служилого человека Дементия Федорова Дурова» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

А это уже сообщения за 1670-е годы:

«Дело по челобитным якутских казаков Семена Прибылого, Вас. Кычкина, Игнатия Асвепова, Петра Бочкарева и др. о зачете их жалованья в счет погашения квасного и банного откупа откупщика Андрея Балдакова».

«…о взыскании с приемщиков Дмитрия Спиридонова и Семена Прибылого излишне записанной в расход щуки на корм аманатам» (аманат — это заложники из числа коренного населения, которые являются гарантами уплаты ясака).

В 1682 году появляется еще одна запись: «умершего казака Сеньки Прибылова сын Васка 4 л. (1678)».

Но это «поскребыш».

А старший из сыновей — Максим — в это время был на казачьей службе в женатом окладе — то есть сам уже имел семью.

А второй из сыновей Семена Ивановича – Матюшка (Матвей) тоже был уже на службе, но в холостом окладе.

В 1691 году верстан в казаки и младший из братьев — Василий. Сохранился интересный документ казачьего ручательства:

«“Поручные записи
о приборе к пешей
казачьей службе
Василия Прибылова”,
“казачьего брата”.

Великим государем и царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем бьет челом холоп Ваш казачей братишко Васка Семенов.

Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя Росии самодержцы. Пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, меня приверстать в Якуцком в пешию казачью службу против своей братьи.

Цари государи, смилутейся.

Да Якутцкого города сын боярской Федор Краснояров, да пятидесятники Иван Дорофеев, Иван Тобольской, городничей Ерофей Шелковник, рядовые казаки Степан Замятнин, Степан Заплетаев, Лука Мороско, Григорей Булдаков, Иван Дураков, Тимофей Григорьев, Алексей Григорьев, Ерофей Максимов, Иван Калгин, Федот Онтропов, Фторой Питухин, Любим Ерофеев, Василей Фторой, Степан Аргунов, Семен Годнев, Ларион Шайкин, Иев Переломов, Илья Говоров, Федор Плотников, Илья Микулин, Михайло Лыткин, Галахтион Корелин, Данило Батов, Офонка Колковской, Семен Жерноков поручились есьми в Якутцком городе в приказную избу по казачье[м] брате по Василье Семенове Прибылове в том, что быти ему, Василью, за нынешнею порукою в Якутцком городе в пешей казачьей службе. И будучи ему не пить и не бражничать, зернью и карты не играть и не красть и никаким воровством не воровать и великим государем не изменить, з города и со службы без указу великих государей не сойти и не збежать и великих государей денежного и хлебного и соляного жалованья и ружья и свинцу и пороху не снести. И будучи у всяких великих государей дел порухи никакой не учинить. А буде он, Василей, будучи за нашею порукою учнет пить и бражничать и зернью и карты играть или каким воровством воровать или великим изменит и на нас, порутчиках, великих государей пеня. А пени, что великие государи укажут и наши порутчиковы головы ево, Васильевой головы, место» [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Д. 2592].

Матвей Семенов сын Прибылов был участником легендарного похода Владимира Владимировича Атласова на Камчатку в 1697 году.

Но в числе тех 55 товарищей Атласова, о которых сообщалось на поклонном кресте, установленном в долине реки Камчатки в знак присоединения этой земли к Российскому государству, Матюшки уже не было.

Владимир Атласов, набрав в Якутии долгов для снаряжения экспедиции на Камчатку, по-

нимал, какая огромная ответственность лежит на нем и, страшась этой ответственности, предупреждая возможные неудачи, совершал поступки, которые, с одной стороны, уменьшали его долги, но с другой стороны, приводили к внутренним и внешним конфликтам.

Так с ясачных коряков он повторно собрал ясак и отправил эту пушнину в Якутск как первый взнос. Коряки были не просто возмущены этим поступком Атласова — они постарались ему за это отомстить.

В поход вместе с русскими отправились и юкагиры, которые неожиданно (по другой версии — преднамеренно) взбунтовались и начали резню:

«В одном из неопубликованных архивных документов похода упоминаются юкагиры-изменники — Ома, Тыкно и их сообщники, которые, "будучи в походе с Володимером Отласовым, убили пять человек, Евдокима Старловского, Матюшку Прибылова, Архипа Микитина, Сеньку Галева, Ивашку Стадухина, да промышленных людей Кирилка Иванова, Лучку Федорова, Сидорка Дмитриева и ево Володимера избранили и с ним больше тридцати человек переранили служилых людей". Сам Атласов позже утверждал, что он на Палане был ранен "во шти местах"» [Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки].

В сборнике документов «Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 104] есть такая запись:

«Рядовые казаки: Максимко Прибылой, у него с. сын (?) 2 л. (1691)».

Именно так — со знаком вопроса.

А спустя какое-то время, совершенно случайно, при новом варианте написания этой фамилии, мы находим очень важный для нас ответ на вопрос: откуда же родом Гаврила Логинов сын Прибылов:

«1722/1748 гг.

Тауиского острогу

Разночинцы

Логин Максимов сын Прибылной» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 127 об.].

И вывод — Гаврила Логинов сын Прибылов — сын тауйского казака Логина Максимовича Прибылова, внук Максима Семеновича Прибылого, правнук Семена Ивановича Прибылова — казаков Якутского казачьего полка.

Но это не вся история.

«Отписка» прикащика камчатских острогов Колесова якутскому воеводе Траурнихту от 25 июня 1713 г.:

«…Да в нынешнем же 713 году, июня в 20 день Нижнего Камчадальского острогу нартеной откупщик служилой человек Иван Прибылой подал мне за своею рукою челобитную, и ту челобитную послал я с сею отпискою в Якуцк» [Памятники сибирск. истории XVIII в., кн. I, стр. 512].

Тигильская крепость, 1812 год.

«Казаки

Прибылов Семен Михайлов (53 года) (1759)» [Тигильская Христорождественская церковь. Исповедальные росписи. РГИА ДВ фонд 1009, Оп. 2, дело 2].

ПРИТЧИНЫ

На Камчатке это одна из самых распространенных фамилий. И не только на Севере. По всему западному побережью полуострова — от крайнего юга до Крайнего Севера.

А причина этого самая что ни есть простая — это результат крещения жителей западного побережья Камчатки в 1740 году иеродьяконом Якутского Спасского монастыря Гавриилом Притчиным.

Притчин прибыл на Камчатку с очень важной миссией — он доставил на полуостров необходимую атрибутику (антиминс, иконы, утварь, ризницу, книги и колокола) для освящения двух построенных, но не действующих до той поры православных храмов в Нижнекамчатском и Большерецком острогах — административных центрах Камчатки того времени.

15 ноября 1740 года Гавриил Притчин начал свой крестный поход. Он не был первым — крещением камчадалов (по мирскому обряду) занимались уже и сами казаки. В первую очередь те, кто обзаводился здесь семьями и не хотел, чтобы его дети были нехристями, а тем более «выблядками», как характеризовали незаконнорожденных (то есть внебрачных) детей в России, лишая их всяких наследственных (в том числе и сословных) прав.

Первую церковь в Нижнекамчатском остроге, еще старом, расположенном у подножия Ключевской сопки, построили в память о Николае-чудотворце — покровителе землепроходцев сами нижнекамчатцы в 1712/1713 годах. Но она долгое время стояла неосвященной.

А первый священник на Камчатке появляется только в 1716 году — это был иеромонах Тобольского Знаменского монастыря Иосиф Лазарев с сыном Андреем. Он и стал первым настоятелем Николаевской Нижнекамчатской церкви, которая была уничтожена восставшими камчадалами в 1731 году. Убит был и Андрей. В 1736 году скончался и отец Иосиф.

Священник Ермолай Иванов, прибывший на смену Иосифу Лазареву, застал на месте церкви и острога пепелище. Острог был перенесен на реку Радугу. Там же была построена церковь Успения Пресвятой Богородицы, освященная отцом Ермолаем с иеродиаконом Гавриилом 14 марта 1741 года. Чуть позже — 4 июня этого же, 1741 года, ими же была освящена и Большерецкая Успенская церковь. Но первый ее священник — Михаил Сивцов — прибыл на Камчатку только в 1743 году.

Нижнекамчатский священник Ермолай вместе со своим сыном Михаилом начиная с 1738 года провел несколько крестовых походов по центральной части полуострова.

Но крестовый поход протодьякона Гавриила Притчина не идет ни в какое сравнение ни с предыдущими походами священника Ермолая Иванова, ни с последующими походами главы Камчатской Духовной Миссии архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского, который прибыл на полуостров в 1745 году.

Судите сами — 15 ноября 1740 года этот поход начат. Завершился он [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106] 8 февраля 1741 года.

За этот чрезвычайно короткий период было крещено, согласно протоколу, 1422 камчадала.

В миссионерской партии в качестве крестных родителей новокрещенных камчадалов выступали казаки и казачьи дети, солдаты, посадские люди, купцы и сами новокрещенные камчадалы, в том числе и тойоны (вожди).

По сути дела, весь основной фамильный фонд коренной Западной Камчатки был сформирован в результате этого крестового похода иеродьякона Гавриила Притчина.

Но и сам иеродьякон нередко выступал в роли крестного отца. Согласно протоколу — более… 120 раз.

Поэтому разобраться в поколенных росписях камчадалов (ительменов) Притчиных чрезвычайно сложно. И я даже не пытался.

В материалах Государственного исторического архива Дальнего Востока мною были обнаружены материалы появления этой фамилии в разных местах Камчатки уже после отбытия иеродиакона в Якутск: «1745, о. Парамушир, Сопочная, Белоголовая, Ковран; 1747, Тигиль; 1748, Ича, Напана, Верхнее Хайрюзово, Хайрюзово (Нижний острог); 1749, Воровская, Ича, Сопочная, Хайрюзово, Брюмка; 1754, Хайрюзово».

И в этом нет ничего удивительного – в качестве крестных отцов в крестовых походах Камчатской Духовной Миссии выступали уже новокрещенные Притчины — сами камчадалы.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. на Камчатке, когда было сформировано из жителей полуострова народное ополчение, Притчины были представлены как раз на самом крайнем юге и севере полуострова:

Притчин Петр, с. Голыгино;

Притчин Степан, с. Ковран.

А после окончания Великой Отечественной войны трое тигильчан — Притчин Ананий Александрович, Притчин Борис Иннокентьевич, Притчин Владимир Васильевич — были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а Андрей Максимович Притчин — награжден медалью «За трудовое отличие».

И у меня тоже есть возможность представить еще одного Притчина — Александра Валерьевича — строителя нашего просветительского центра «Страна рыбы и рыбоедов» из славного племени камчатских ительменов.

А в современной истории Камчатки, несомненно, одну из ее первых страниц занимает каюр, многократный чемпион соревнований по собачьим гонкам, создатель собачьего питомника «Эйвет», уроженец села Карага в Корякском автономном округе Андрей Николаевич Притчин.

ПУТИЛОВЫ

Фамилия, как это часто бывает, происходит от давно забытого потомками имени их фамильного предка — Путилы.

Путила — это «мастер на все руки». Мы сохранили это древнее значение в слове «путевый» — «дельный, разумный, толковый» или «хорошо сделанный», «сделанный мастером».

И, конечно же, своих Путилов по стране было великое множество.

Но не все имена превратились в фамилию.

Первым, по нашим данным, в Сибири обозначился Путилов Елизарий (Елизар) Аникеев (Оникеев) сын — подьячий Тобольской приказной избы, где он начал службу в 1647 году и завершил ее в 1683:

«1647 окт. 3 по выписке учинен окл[ад]. Мол[одого]. под[ьячего].

1647/8 окл. 4 руб.

1652–54 хл. жал. 6 юф.; сол. жал. 1 п.

1659/60 хл. жал. 7 юф.; сол. жал. 1 п.

1662–67 окл. 7 руб. — 7885, 7904, 7917

1662/3, 1665/6 хл. жал. 7 юф.; сол. жал. 1 п.

1670–83 окл. 8 руб.

1677/8 хл. жал. 8 юф., сол. жал. 1 п.» [Н.Ф. Демидова Служилая бюрократия в россии XVII века (1625–1700). Биографический справочник, М. 2011].

Интересный случай произошел в 1696 году. Этот случай интересен тем, что в одной и той же семье сыновья, поступившие на службу, могли быть записаны под двумя разными фамилиями: один — Путилов по папиной фамилии, а другой – Елизарьев по папиному отчеству.

И вот, вероятно, как раз тот случай:

«Ивашко Елизарьев [Путилов?] в Даурех и в 204 г. велено в его место быть казачьему брату Федьке Путилову, а Ивашко Елизарьев в пр. 204 г. (вероятно, 201. — *С.В.*) послан в Дауры и из Даур в Тоболеск за пьянством по нын. 204 не бывал» [Тобольск, Материалы для истории города XVII и XVIII столетий].

Сына Федора (а может, его однофамильца) мы обнаруживаем позже в Тобольском уезде:

«Суерский острог при реке Тоболе

Пушкарь Борис Никифоров сын Коптяев, подворник бобыль Никита Федоров сын Путилов».

Это 1720 год, когда в полном разгаре казачья реформа по «расказачиванию», поэтому вполне возможно, что Никита Федоров в крестьянах, в бобылях (то есть в неимеющих собственного хозяйства). Но полной уверенности в его связи с бывшим подьячим у нас нет — наследственное право в те годы имело значительную силу.

В 1661 году отмечен в конных казаках Митка (либо тоже Микитка, либо Дмитрий) Путилов.

В 1686 году в Даурию для решения албазинского конфликта с Китаем были направлены тобольские казаки, в числе которых был конный казак Левка (Леонтий) Путилов [Багрин Е.А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком)].

По данным за 1704 год, он снова служит в Тобольске:

«Конные казаки. По 8 рублев … Леонтей Путилов» [РГАДА, Ф. 214, Оп.1, Д. 1376. Л. 216].

А завершают наш тобольский список две семьи в одной и той же Ялуторовской слободе. Одна — служилая. Другая — крестьянская.

«Двор а в нем пушкарь Андрей Васильев Путилов сказал себе от роду 40 лет у него жена Лукерья 30 лет у него братья салдат Иван 20 лет набору стольника Ивана Фомича Бибикова беломесной казак Федор 30 лет у него ж отец 70 лет у него жена Парасковья 50 лет у них дочь Авдотья 14 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 146].

«Двор а в нем живет пашенной крестьянин Гарасим Иванов Путилов сказал себе от роду 40 лет у него жена Огрофена 30 лет у них два сына Иван 3 лет Яков полугоду» [там же, л. 549].

Это могли быть двоюродные братья, разведенные по разным сословиям.

Гораздо ближе к Дальнему Востоку расположен город-крепость Енисейск, в гарнизоне которого служил в 1669 году десятник Иван Путилов:

«В новой Кемской слободе
В Нижной деревне
(д) служилого Ивашка Путилова, а у него сын Ивашко 11, да племянник Максимко 14» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 308].

Позже его должностной статус заметно меняется, что мы видим на основе трудов П.Н. Бараховича:

«Состав енисейского гарнизона в 1684 г. … Сотник стрелецкий Иван Путилов».

«В августе 1684 г. тобольский воевода известил Енисейск о присылке из Москвы в Тобольск разного военного снаряжения, предназначенного для даурской службы, в числе которого были “1000 бердышев, 5 знамен дорогильных, 5 знамен киндяшных, пушка верховая медная, ядром в пуд, к ней по кружалу 50 гранатов да 500 гранат ручных”. Вместе с гранатной пушкой (мортирой) в Енисейск должен был ехать московский “гранатчик” Гришка Фомин, которому было велено “к стрельбе из верховой пушки выучить учеников”. Часть этих припасов, а также Гришку Фомина, в Енисейск должны были сопровождать енисейские служилые люди во главе с сыном боярским Иваном Путиловым.

Для даурской службы в Тобольске был набран 591 чел. (380 чел. находились под командой сына боярского Бориса Непрепасова, 211 чел. шли вместе с Федором Лосевым). Они должны были везти при себе в Даурию “10 пушек полковых медных, и в том числе две пушки, ядро по 2 гривенки, к ним 50 ядер железных; 5 пушек, ядро по гривенке, к ним 79 ядер железных; пушка, ядро в гривенку без чети, к ней 30 ядер железных; 2 пушки, по полугривенке ядро, к ним 70 ядер железных”, а также “на ядра 30 пуд 26 грив. свинцу для того, что железных де ядер в Тобольску мало, да московские прислыки 100 пуд пороху, и в том числе 50 пуд пушечного, 50 пуд ручного без дерева, а з деревом де того пороху 118 пуд да 100 пуд свинцу”. Военное снаряжение и сопровождавшие их люди отправились речным путем в Енисейск 24 мая 1684 г.

<…>

Сотник Иван Путилов и пятидесятник Михаил Абалаков благополучно привезли в Енисейск московского “гранатчика”, а также “бердыши и ручные гранаты, и гранатные припасы, и знамена”…» [П.Н. Барахович «Енисейск в XVII–XVIII столетиях», Малоизвестные страницы истории, Красноярск, 2019].

«…в 1692 г. енисейский сын боярский Иван Прокопьев сын Путилов «постригся» в своем остроге.

…согласно окладной книге Енисейска 1698 г., в место поверстанного в дети боярские сотника Ивана Путилова был взят Петр Обалаков. «Остаток» от жалованья Путилова в 2 руб. причитался новому сотнику, но только «покамест не дослужитца».

Почему Обалакову (Абалокову), а не Путилову — сыну Ивану или племяннику Максиму?

А вот и ответ:

«1709 год. “Дело о записи казачьего сотника Петра Абалакина [Абалакова] в дворяне по г. Енисейску и выдаче ему жалования”:

Енисейский казачей сотник Петр Михайлов Абалаков и фрагмент царской грамоты о записи его во дворяне по г. Енисейску и выдаче жалования:

«…Да в 708 году посылан был он для нашего ВГ [Великий Государь] ясачного збору в Чадобские волости с служилыми людьми (л. с 10 человеками и учинил против прошлого 707 году в ясачном зборе прибыль. А в сотниках ж служит он нам ВГ в Енисейску 200 с году по нынешней 709 год. А родственники ж ево служат нам ВГ по Тоболску и по Енисейску во дворянех и детях боярских многие годы беспороку, а сын ево Александр служит в Енисейску в конных казаках и посылан был для збору банных денег с московским подьячим и на Абакане острог и приказ и анбары с своею братею с служилыми людьми делал и служил годовую до перемены. И он за те вышеписанные многие службы и за кровь и за раны и за ясачной збор и за призыв иноземцов и за розговор на Красном яру от междоусобные брани против ево братьи невзыскан и чином не переменен. И нам ВГ пожаловать бы ево велеть за те ево вышеписанные многие службы быть ему по Енисейску во дворянах, а наше ВГ денежное жалованье оклад ему учинить умершего Енисейского казачьего головы Ивана Поршенникова. [А вместо хлебного жалованья быть ему у енисейских конных и у беломестных кемских, тасеевских и бельских казаков и у казачьих детей полуполковником, а почему ему тех конных казаков и казачьих детей и братей и племянников судом и росправою во всем ведать и о том дать из Сибирского приказу наказ.] (текст зачеркнут)

А сыну ево Александру за ево многие службы быть в ево месте и в окладе у енисейских пеших казаков в первой сотне в сотниках с прибавочным окладом деда ево енисейского сына боярского Ивана Путилова, а за хлебное жалование служит ему на ево отцовой даной земле с пашни и о том послать в Енисейск нашу ВГ грамоту и по нынешнему ВГ указу велено ему Петру быть по Енисейску во дворянех, а оклад ему учинить денег 12 рублев, а сыну ево Петру в сотниках по Енисейску и к сотничью окладу прибавить 2 рубли. И как к вам сея наша ВГ грамота придет и вы б о бытности ево по Енисейску во дворянех, а сына ево в сотники и об окладе их учинили по сему нашему ВГ указ

как о том писано в сей нашей ВГ грамоте выше сего. Писан на Москве лета 1709 года февраля в 22 день. Припись дьяка Якова Щетинина”» [РГАДА Ф. 214 Оп. 5 Д. 1629. Лл. 3 об. – 4 об.].

В работах П.Н. Бараховича упоминаются енисейские казаки Путиловы и в 18-м столетии:

«Как и в 1712 г., братья Оплетаевы занимались приготовлением тасеевской “зженой извести” (теперь было поставлено не менее 3430 пудов). Потом известь сплавляли по Ангаре и Енисею Осип Каминский и Василий Путилов».

«Енисейские и красноярские казаки были задействованы в кожевенном производстве, обработке мехов, производстве веревочных изделий, изготовлении одежды и продуктов питания. Так, в конце столетия группа из 7 енисейских казаков во главе с Алешкой Путиловым были прядильщиками и платили 20 руб. откупа с “посторонной прядильной работы”».

И еще ближе к Дальнему Востоку оказываются иркутский казак Осип Путилов (1699 г.), селенгинский казак Иван Путилов (1701), илимский посадский человек Алексей Путилов (1703), якутский подьячий Егор Павлов Путилов (1720).

И, наконец, — Камчатка.

В переписи 1722/1748 гг. в Верхнекамчатском остроге указан Алексей Путилов, а в Большерецком остроге — его сын Семен Алексеевич Путилов [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 108 об., Л. 117].

Но прежде они жили вместе, и Семен Алексеевич отмечен в приговоре 1735 года по делу о Харчинском бунте:

«В Верхнем Камчадальском остроге казнен смертию повешен ясашной зборщик Михайло Сапожников. Учинено телесное наказание биты кнутом якуцкой сотник казачей Осип Верхотуров, ясашные зборщики Артемей Скрябин, Андреян Рюмин, вместо кнута биты батожьем Семен Путилов, Василей Новограбленой» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

В 1738/1740 и 1740/1741 годах Семен Алексеевич участвовал в крестных походах священника Ермолая Иванова и протодиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина и был крестным отцом камчадалов [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

Но и этот след обрывается.

В 1721 году мы обнаруживаем в Читинском остроге семью казаков Путиловых:

«Конные казаки

Петр Путилов 55 [1666]

дети ево

сын Тимофей 12 [1709]

Михайло 4 месяцов [1721]» [РГАДА. Ф. 214 Оп. 1. Д. 1626. Л. 98].

Но к 1744 году этот след также теряется:

«Того ж Читинского острогу разночинцов померло … Петр Путилов, у него сын Тимофей

взято в рекруты … Михаило Петров сын Путилов» [РГАДА. Ф. 350 Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917. 2-я ревизия].

Правда, в Нерчинске отмечены и другие Путиловы. В том числе и разночинцы (бывшие казаки), которых могли снова верстать в казачью службу:

1774 год.

«В Феврале … 4-го. У крестьянина Афанасья Путилова дочь Пелагия у коей восприемники были отцем крестьянин Венедикт Брякотилов материю разночинца Андрея Щербакова жена Ульяна Федорова

В Марте … 7-го. У разночинца Клима Путилова дочь Акилина у коей восприемники были отцем сын боярской Мосей Сенотрусов материю разночинца Аверкия Стукова жена Дарья Федорова» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 46. Л. 47].

Но ответа на главный наш вопрос – откуда, из какого рода-племени казак Петропавловской казачьей команды Михаил Филатович Путилов (1785), служивший в Петропавловском порту в 1815 году, мы пока не нашли…

ПУШКАРЕВЫ

Казалось бы, обычная фамилия: Пушкаревы — дети пушкаря. Когда-то, когда артиллерия только зарождалась, пушкарей было «раз-два и обчелся» — поэтому и их самих, и их детей отмечали особо, и прозвище перешло в родовую фамилию.

Правда, есть такая фамилия и у одного из старинных дворянских родов. И специалисты долго ломали голову над тем, каким образом у древнего старинного рода, история которого начинается с XIII века, такая фамилия — если пушки и пушкари появляются на Руси в начале XVI века?

И открывается еще одна прелюбопытная страница в образовании фамилий. Точнее, в преобразовании родовых фамилий — от родового корня начинают отделяться новые семейные ветви, патриархи которых, занимая важные государственные посты, закрепляют свои имена и прозвища за детьми.

Так было не только в служилом дворянстве. Так было и в служилом казачестве: например, дети тобольского атамана Ивана Дурыни — Дурынины — становились в процессе службы Шестаковыми и Корниловыми (вплоть до генерала Корнилова).

Что же касается дворян Пушкаревых, то их корневая основа — бояре Палицыны, потомки которых при Иване Грозном несли службу на украинной русской земле — на Курщине, в детях боярских и казаках.

Да-да, потомки бояр — людей с «голубой» кровью — могли быть не только испомещены за службу или «осадное сиденье» в родовые поместья, но быть и на казачьем или стрелецком жаловании, а то и вообще превратиться в крестьян — «сесть на пашню».

Принцип был простой — старший сын унаследует отцовский чин, остальные сыновья — у кого как получится…

И поэтому в начале XVII столетия в Сибири несли службу (и по собственной воле, и по неволе) в чине детей боярских представители многих древних дворянских фамилий, закрепляясь на сибирской земле, оседая, создавая новые родовые гнезда — Пущины, Чириковы…

Возможно, и Пушкаревы.

Мы же не знаем, откуда, например, появился в Таре отец этого казачьего сына, данные о котором были зафиксированы в 1630 году:

«Алешка Сидоров сын Пушкарев сказался, родом де он, Алешка, Тарского города казачей сын. У него сын Стенька четырех лет. Скота лошадь да корова. А оклад ему, Алешке, великого Государя жалованья денег четыре рубли с четью. Служит с хлебным полным окладом. А пашни и сенных покосов у него нет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 100].

Или отец казака (не пушкаря) станицы Тугарина Панютина из Тобольска Кондрашки Алексеева сына Пушкарева, который в составе отряда первого якутского воеводы П.П. Головина прибыл в Ленский острог в 1640 году?

Правда, потом он вернулся в Тобольск, и мы находим его имя в списках служилых людей Тобольска за 1661 год [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 182 об.].

Но в Якутске в 1645 году служил Иван Никитин (или Микитин) сын Пушкарев. Судя по тому, что он скреплял своей подписью «Книгу сбора ясака и поминков за 1645–1646 (154) г. по Вилюйскому Среднему зимовью служилого человека Ивана Пименова с товарищами», был человеком грамотным и мог бы сделать неплохую карьеру.

Но…

Но, как это часто бывает, — вписался в казачий бунт, требуя от воевод законного жалованья, а потом:

«И после, государь, того их челобитья ленские служилые люди, которым было на твои, государевы, службы на дальние и на ближние реки наряжены, и твое, государево, денежное и хлебное жалованье дано, а иным и двугодовые полные оклады даны, июля в 1-м числе нынешняго 155-го году ночною порою, отняв у торгового человека у Васьки Щукина кочи, пограбя у промышленых людей хлебные запасы, а у иных лодки, собрався со многими с промышлеными людьми воровски, пятидесятники: Ивашко Ретькин, Шаламко Иванов, да десятники казачьи: Васька Бугор, Симанко Головачев, рядовые казаки: Ерофейка Киселев, Ивашко Пуляев, Павлик Кокоулин, Евсевейко Павлов, Гришка Онтонов, Филька Мартынов, Гаврилко Фролов, Митька Васильев, Ортюшка Федотов, Васька Щукин, Ивашко Микитин сын Пушкарев, Ивашко Павлов сын Южак, /л. 30/ Ивашко Яковлев, Гришка Вахромеев, Ивашко Борисов сын Пенега, Архипко Максимов сын Аршин, Васька Иванов сын Вилюй, Парфенко Григорьев, Максимко Васильев сын Тотменин, всех 23 человека, да ссыльной человек, которово по твоему, государеву, указу велено было на Лене устроить в пашню, Макушка Семенов, побрав с собою ружье и зделав на том кочю бой, на низ Леною рекою побежали».

И в итоге, оказался на самом крайнем Северо-Востоке России, в Анадырском остроге, где его следы и затерялись.

В 1680 году в Иркутск прибыл сын пушкаря — москвитин Никифор Афанасьев сын Пушкарев. Прибыл не в службу — в пашню и до 1688 года числился в крестьянах Разводинской деревни. В 1688 году пеший казак, пушкарь. Умер в 1704 году [Черепанов А.В. Родословный справочник Иркутска, стр. 542].

С него и начинается большая *история* этой фамилии, которая, к сожалению, пока еще остается неизвестной.

У Никифора, по данным А.В. Черепанова, были сыновья:

Никита, родившийся примерно в 1671 году.

Гаврило, родившийся, тоже примерно, в 1679 году.

О нем: «В 1708, 1717 гг. пеший казак, в 1735 г. житель Верхангарской деревни, в период между 1722 и 1744 гг. взят в камчатскую экспедицию в службу, в 1747 г. отставной служилый; умер в 1752 г. разночинцем».

О его детях: Гаврило мл. — год рождения не установлен. В 1728 г. — среди неисповедавшихся.

Остальные дочери: Ульяна, Ефимья, Александра, Агриппина, Дарья, Федосья (с 1747 г. замужем за посадским Василием Аникеевым).

У Никиты Никифоровича с сыновьями было побогаче: Никита младший, Алексей, Яков.

Об Алексее Никитиче в «Родословном словаре» одна строчка: «умер в период между 1722 и 1744 гг.».

Но не только успел пожить, но и в период своей службы на Камчатке принял участие в крестовом миссионерском походе иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина с 15 ноября 1740 по 8 февраля 1741 г. и оставил свою фамилию новокрещенным камчадалам Пушкаревым [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

У Якова — сына Никиты Никифоровича — двое из сыновей были по службе связаны с Охотском:

Андрей Яковлевич Пушкарев (≈1730) «в 1763 г. услан в Охотск, в дальнейшем, вероятно, матрос».

Иван Яковлевич Пушкарев (≈1731) «в 1763 г. в Охотске в службе, в 1775 г. крестьянин Креженовской деревни».

Был еще Петр (почему-то младший) Яковлевич (≈1734), который в 1757 году был взят в рекруты, служил в матросах, а в 1766 году был взят в Секретную экспедицию Креницына-Левашова, отправлявшуюся к берегам Америки. Четыре судна экспедиции вышли из Охотска, но не все из них дошли даже до Камчатки.

Особенно досталось галиоту «Святой Павел»:

«24 мая 1766 года при переходе из Охотска на Камчатку галиот “Святой Павел” выбросило на один из островов Курильской гряды — и нам стала известна часть имен людей, участвовавших в экспедиции. И оказалось, что среди них многие имена нам уже знакомы.

Оставшиеся в живых, чудом уцелевшие 13 человек, были спасены местными жителями. Погибло 29 человек.

Из рапорта капитана галиота А.И. Дудина П.К. Креницыну от 3 августа 1767 года: “Список служителям прибывшим со мною: штюрман ранга ундер офицерской Иван Смалев, штюрманской ученик Алексей Шабалин, за квартирмейстера казак Никита Дурынин, салдат Дмитрий Малцов, за матроз казаки: Василей

Тарабыкин, Егор Шелудяков, Семен Мясников, Дмитрей Новиков, Иван Новиков, Федор Яцкой, Иван Корякин, промышленной Леонтей Дружинин. Итого 12 человек.

В море померли своею смертию: штюрман ундер афицерскаго ранга Александр Степанов, казаки — Никифор Пастухов, Михаил Соловаров, Гаврила Колесников. С судна валом сшибло и утонул Михайло Касимов. При разбитии судна сошедшия на кекур прибывшею водою потоплены: штюрманские ученики Михайло Моршинцов, Иван Еремин, Алексей Плотников, квартирмейстер Андрей Жданов, за камисара сын боярской Андрей Климовской, за матрозов казак Василей Данилов, Петр Пушкарев, Афонасей Сургуцкой, Василей Калинин, Алексей Данилов, Иван Попов, Василей Чеботнягин, Михайло Пинегин, Михайло Брусенин, Михайло Луковцов, Афонасей Хлепятин, Алексей Новгородов, Леонтей Дьяконов, Максим Ремязов, Алексей Турбин, Еким Корякин, Федор Новиков, Иван Дранишников, Никифор Олесов, промышленной Петр Анфилатов"» [АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 16 лл. 64 об. – 65].

А мы вернемся к его двоюродному брату — Гаврилу Гавриловичу Пушкареву, дважды вошедшему в мировую историю.

В принципе, даже трижды, если верить В.Н. Берху:

«Почтенный именитый гражданин города Соликамска Иван Савич Лапин, коему читал я тетради сии и обязан за многие материалы и пополнения, рассказывал мне следующее. Гаврило Пушкарев, умный козак, плававший в 1741 году с Берингом и зимовавший по разбитии судна на Беринговом острове, утверждал, что к югу от онаго должен непременно находиться остров. Бобры и коты, продолжал он, проведя лето при Беринговом и близ него лежащих островах, удаляются на зиму к югу; известно, что они не пристают ни к Камчатке, ни же к Курильским островам; и так где проводят они зимнее время? Пушкарев твердил многократно Лапину и Трапезникову: велите прежде отыскать те острова, где зимуют коты и бобры: тогда будет у вас успешный лов» [Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества].

А теперь откроем «Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки» [Владивосток, 1998]:

«Пушкарев Гавриил (?-?)

…В 1760 на судне "Св. Гавриил" вышел из Большерецка на промысел к Алеутским островам. На судне находилось 40 рус., 20 камчадалов, 3 кварт[имейстера] и 2 приказчика купца и. Бечевина. Перезимовав на о. Атха "по недаче более тамошними народами промысла и опасностию от них" весной 1761 продолжил плавание на В[осток] и откр. п-ов Аляска, считая его островом. В прол. между о. Унимак и Аляской откр. несколько удобных гаваней и якорных стоянок. Построил временный лагерь и отправил артели для промысла на соседние о-ва. Сначала промыш. И алеуты жили мирно, но вскоре из-за недостойного поведения команды началась вражда. Несколько чел. русских было убито и ранено, временный лагерь сожжен. П. вынужден был покинуть Аляску. На обратном пути 25.9.62 "Св. Гавриил" укрылся от шторма к Ю от м. Шипунского в небольшой бухте, получившей название Бечевинской. Затем судно вернулось в Большерецк. Результаты иссл. П. были использованы при подготовке экс. П.К. Креницына. Он был включен в ее состав. 24.7.68. на гукоре "Св. Павел" под ком. М.Д. Левашова вышел в плавание и вместе с судном зимовал в Капитанской гавани на о. Уналашка».

А вот и подробности от самого Пушкарева:

«*1762 г. октября 13.* — Из экстракта Большерецкой канцелярии о плавании квартирмейстера Г. Пушкарева на боте "Св. Гавриил" к Алеутским островам и Аляске в 1760–1762 гг.

Прошлого 1762-го года октября 13-го дня в Камчацкую Большерецкую канцелярию поданным репортом команды Охоцкого порта квартермейстер Гаврило Пушкарев объявил:

В прошлом де 1759-м году сентября 6 дня в силе данной ему от Управления охоцких морских дел инструкции на судне бывшаго иркуцкого купца Бечевина "Св. Гавриле" боте со определенными при нем от оных морских дел квартермейстерами Андреем Ждановым, Яковом Шарыповым, Прокопьем Лобашковым и реченного Бечевина прикащиками Никифором Голодовым, Афонасьем Осколковым и с работными российских разных городов промышленными сорокью, камчадалами дватцатью, а всего с шестиюдесять человеками следовал в поиск островов и промыслу зверей из Большерецкого устья 31-го июля 1760-го года и плыл мимо Курильских островов вторым проливом, и прибыл тем судном напред обысканные промышленики острова по званию Алеуцкие 24-го числа августа, где по пристании на якорь завидели суда, имеющияся тамо за промыслами зверей: вышедшее в 762-м году в Охоцк кампании купцов шуйскаго Стефана Постникова, иркуцкого Никифора Трапезникова, московского первой гильдии Ивана Рыбинского, прикащика Андрея Серебренникова. С коего острова по совету бывших на оном судне вышеписанных прикащиков Голодова с товарищи имели паки следование морем ко обыску других островов во открытое море к северным странам Чюкоцкому мысу, возле островов, склоняющихся куршем к 50.

И по прибеге сентября 25-го к острову, называемому Атху, на коем пристали для зимовки и промыслу зверей. И состоящее тамо за промыслом зверей туда прибывшее судно компании тульскаго купца Семена Красильникова от осады находящихся и живущих на том острову народов учинили свободными, и всегда имели крепчайшей денной, а ношными временами и неусыпной караул. И с коего судна, сообщась, в их компанию 11 человек, а с их судна компании ко оному Красильникову перешло 22 человека да вышепрописанной прикащик

Осколков, с коих и имел при зимовке промысел разного звания морских и земных зверей, коих и упромышлено бобров, маток и кошлоков числом 800, а каких по званию порознь по неразбору показать не может, медветков 110, хвостов бобровых и разных зверей 380, лоскутьев бобровых без щета, выдр 11, лисиц чернобурых, красных и сиводушек 408, кости моржевой 12 пуд. И по окончании всего промысла оные звери как тогда, и ныне состоят под смотрением компанейщика, перешедшаго в их компанию ис компании купца Красильникова, суздальца Василья Горелина за печатьми.…

А те народы на острову, где имели они зимовку, имеют платье ношебное из птичьих кож, шитые в подобие шуб, а более того никакой носки платия не имеют, ростом весьма матерыя, вкруг губ вставливают в вырезанные дыры костяные зубья и протчие кости и истачивают из носов кровь на ладони и сосут, и убивают детей своих для кровотия. Жилища их, зделанные в подобие здешних камчатских земляных юрт, со отлазами в юрте земляными (яко б как мышьими норами). Когда на них бывает от их братей наступление ко убитию влезанием в юрту сверху, тогда теми пролазами имеют убеги и спасаются, и с наружности друг на друга воюют и между собою запасенной корм отбирают, а начальников над собою не имеют.

Оружие имеют луки со стрелами и спицы деревянные длиною в сажень и более, а на концах укрепленные костяные спицы, и те спицы бросают руками и так медко бьют, что и дватцать сажен птицу и зверя всякого зашибают. На оном острову имеются алени полевые, медведи, волки, собаки, у коих уши весьма велики, яко у меделянских, и весьма борзы, а лисиц красных, черных и черно-бурых так довольно, что десятками и по два бегают. Лес имеется всякой наносной и земных овощей сарана и протчия питательныя человеком в еству разные сладимые травы и ягоды разные, а коренья весьма горчайшия, птиц разных земных налетных и морских довольно, каковые и в здешнем море видимые бывают.

А на том острову куриэзных вещей никаких не обыскано, где чрез зимовку, по недаче более тамошними народами промысла и за опасностию от них отправились они со оного Атхи острова на второй по званию Аирзку 3 маия 26 числа, а купца Красильникова судно еще осталось на оном же острову и зимовке со определенным на оное судно за квартермейстера Якова Шарапова, где ими по пристани взято им, Пушкаревым, по согласию ис тамошних народов по указанию для приставания судном к пристойным на островах губам два человека, на котором был намерен еще для ловли зверей паки прозимовать (где до того и имели ж промысел компании бывшаго московского купца Ивана Никифорова), токмо за весьма противными и сильнейшими ветрами в море и принесло 23-го числа к земле однеми снастьми к незнаемому месту, токмо к матерой земли Камчатки. Причем выпущен был с людьми в шести человеках елбот для воды и во особливо имеющих при судне двух байдарках кожаных взятые два человека ис чюкоч токмо. И едва мог выпущенной елбот чрез лаверование против того сильнейшаго ветра приближитьца к судну и схвататься от судна за отданной к елботу конат, а два человека в байдарках на берегу ль или уже для взъехания к судну от берега в море остались, о том за тою весьма ветренною погодою и за оторванием с того места судна с якоря и дрейфом паки склонением вдоль по земле к Большерецку им неизвестно. Коим ветром и принесло одними снастьми, не имея ни одного при судне паруса, кои сильными ветрами изорвало до основания, в Авачинскую сторону от гавани верстах в семидесяти в губу Налачеву, куда он, Пушкарев, и принужден уже был пуститься, где и остановился без повреждения судна сентября 25-го дня. Откуда сюда, в Большерецк, отправился с тремя человеки: посадским Михайлом Авдеевым, крестьянами: Васильем Бубновым, Васильем Голышевым и прибыли октября 9-го числа. А взятой ими впредь следования для толмачества с Алеуцких островов из компании купца Серебреникова у передовщика Башмакова один человек оставлен при судне.

А о сыску островов числом восьмидесяти семи и на них какие признании и видимые примечании, при том как окружностию островов от острова состоят и склонение имеют с каким градусам под ветрами и о протчем произхождение сочинен журнал, которой и оставлен при остановившемся судне, о коем имеет особо объявить по команде Охоцких морских портовых дел в кантору при репорте» [АВПР, ф. РАК, д. 8, л. 141–143].

Итак, Аляску (или, как первоначально звучало — Аляксу) Гаврила Гаврилович принял за остров.

А сам «остров», как выяснилось, не принял ни Пушкарева, ни его команду.

Вот что сообщал (правда, на основе другого сообщения, в котором сам же и сомневался» историограф российского флота Василий Николаевич Берх в первой части своей книги «Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества»:

«1760. Богатый иркутский купец Бечевин, отправлявший уже одно судно на Алеутские острова, об имени, грузе и плавании которого нет никаких известий, выслал в сем году еще другое из Большой реки.

Неизвестно, где строено было судно сие, в Большерецке или в Охотске; но замечательно, что оно превосходило величиною все суда, посланные до сего времени на Алеутские острова. Длина онаго была по килю 62 фута, а все прежние имели едва 45 футов по палубе. Бечевин наименовал корабль свой Гавриилом и определил на оный 42 человека русских промышленников и 20 человек камчадалов. Большерецкая канцелярия отрядила на оное сержанта Пуш-

карева для сбора ясака. Неизвестно, кто был у Бечевина мореходом. Кокс, доставивший нам обстоятельное известие о плавании его, не говорит о сем ни слова, а называет только артельщиков: Андрея Жданова, Якова Шарыпова, Прокопия Лобашкова, Никифора Голодова и Афанасия Осколкова.

Июля 31 миновало судно Св. Гавриил Второй Курильский пролив и направило путь свой к дальним островам. Сентября 25 прибыло оно к острову Атхе и, как мы выше видели, соединилось в складственную компанию с Св. Владимиром. Проведя зиму в сем месте, промыслили наши мореплаватели около 900 бобров, 400 разнородных лисиц, несколько речных выдр и собрали 12 пуд. моржевых зубов.

В июне 1761 года распорядились компанионы, чтоб Св. Владимир, побыв здесь несколько времени, отправился в Камчатку, а Св. Гавриилу назначили идти за поиском новых островов. Судно Бечевина, вышед в море, пристало к острову Умнаку и, запасшись водою, продолжало путь свой к западу. Вскоре прибыло оно к полуострову Аляксе и, нашед покойную гавань, расположилось там зимовать. Жители тамошних мест обошлися с россиянами весьма дружественно, торговали честно и даже дали им в аманаты детей своих; но мир сей и согласие господствовали недолго: буйные промышленники бечевинского судна подали скоро причину к раздорам.

В январе 1762 года Голодов и Пушкарев с партиею 20 человек промышленных учинили насилие женщинам острова Унги. Островитяне, оскорбясь сим поступком, напали на них врасплох, убили Голодова, еще одного промышленника и ранили троих. Вскоре после сего сделали островитяне на россиян вторичное нападение, при котором четыре человека убито, столько же ранено, и шалаши их обращены в пепел. В мае Лобашков и еще один промышленник, пошед к теплым минеральным ключам, в расстоянии пяти верст от гавани находившимися, были там убиты. Неизвестно, чем отомстили россияне островитянам за первые нападения; но за сей поступок лишили жизни семерых аманатов. Чрез несколько дней учинили жители Аляксы в большем числе приступ к российскому жилищу; но как островитяне были заблаговременно примечены, то и прогнали их очень скоро огнестрельным оружием.

Усмотрев, что жители полуострова Аляксы начали промышлять о истреблении россиян, весь экипаж собрался на судно и, поставив паруса, отплыл к острову Умнаку. Здесь буйные промышленники бечевинской компании захватили несколько островитян с тем, чтобы они указали им путь к новым или еще неизвестным островам. Но едва выступили они в море, настала от востока жестокая буря, которая, продолжаясь несколько недель, лишила их сентября 23 числа мачт, руля и всего вооружения. К счастию, находились они в сие время близ камчатских берегов и занесены были 25 числа в малую гавань, к северу от Шипунского мыса лежащую, которая до сих пор известна под названием Бечевинской.

Груз сего судна состоял из 900 бобров и 350 лисиц. По запискам же г. Зеленского, оценен он был в 52 570 рублей.

По Коксову описанию видно, что главным виновником всех упомянутых беспорядков был сержант Пушкарев. Кокс говорит, что по прибытии к камчатским берегам, когда буря утихла, Пушкарев послал четырнадцать алеутских девок за ягодами, и вскоре поехал туда сам. Неизвестно, от чего произошла у него ссора с алеутками; но когда надобно было возвращаться на судно, то две из них убежали в горы. Пушкарев, рассердясь за сие, убил одну девку на месте. Остальные, видя такую жестокость, кинулись в море и утопились. Надобно полагать, что страх, дабы злодеяние сие не открылось, побудил неистового Пушкарева еще к ужаснейшему преступлению: возвратясь на судно, велел он кинуть всех алеут за борт, исключая Моисея и Ивана, бывших толмачами. Но дабы читатель более поверил описанию сего происшествия (Коксовы повествования о России часто требуют подтверждения их достоверными свидетельствами), помещаю я здесь извлечение из Указа Охотской канцелярии, доставленного мне И. С. Лапиным. “Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской из Канцелярии Охотского порта, морских Компанейщиков, Тульского оружейника Орехова, купца Соликамского Ивана Лапина, Великоустюжского Василия Шилова, прикащику их Иркутскому купцу Ивану Власову, по Указу Ея Императорскаго Величества и по определению здешней Канцелярии, и по поданному от меня доношению велено, учинить нижеследующее.

...Как из производимаго Господином Полковником Плениснером следственного дела усматривается, что Бечевинская компания, бывшая на Алеутских островах для равного ж промысла зверей, тамошним народам неописанные обиды, разорения и смертоубийства чинила, в рассуждении таковых обстоятельств не остается, чтоб и сей компании за предмет и наставление не включить, чтобы не токмо тот ученик Измайлов и передовщик Луканин сами, и одним словом заключается и вся их компания, в столь варварской поступок и в грабежи и отъемы насильные ни под каким видом, будучи на островах, не входили, и того над тамошними народами не чинили, под смертною казнию. Но единственно со всеми тамошними народами обходится имели, как выше предписано, с ласкою, и приветствием; для чего, о сохранении сея заключенной силы, ученика Измайлова и передовщика Луканина со всеми работными обязать подпискою...”».

А. Полонский еще более усиливает картину насилия:

«В июне 1761 г. Пушкарев изготовился следовать за поиском неизвестных островов. Он взял с собою с Атхи и Амли 4-х алеутов с двумя их женами и двумя детьми для рыбнаго промысла, да с соседних островов 25 женщин для копания сараны на пищу и одного мальчика для обучения русскому языку. Проходя о. Умнак,

Пушкарев посылал на берег за водою и потом продолжал путь далее, по южную сторону Алеутской гряды, до полуострова Аляска. Отыскав удобную гавань в Исаноцком проливе, расположились там на зиму. Народа оказалось везде много, который хотя и миролюбиво обходился с русскими, но несмотря на то Пушкарев обеспечил себя 9-ю аманатами и тогда только расположил артели для промыслов. С туземцами сначала жили в мире; но вскоре поступки промышленных изменили их прежния отношения. Пушкарев с партиею в 20 чел. совершил насилие женщинам на о. Юнге; кроме того истреблены русскими четыре большия селения на о. Унимоке — промышленные тайком подходили к юртам, безнаказанно зажигали их и потом обваливали их; но в пятом селении в бухте Протасова, названном с того времени Погромным, промышленные встретили сопротивление и едва спаслись бегством, потеряв несколько человек убитыми. Оскорбленные островитяне в отмщение за побитых в разных жилищах родников, в числе 400 чел. напали на с. Саннахе врасплох на 27 промышленных находившихся здесь за поиском зверей и из них прикащика Голодова с сопутствовавшею ему девкою с Атхи и одного промышленного убили и троих ранили, остальные успели возвратиться в гавань. При погроме островитянами унесено несколько ружей, порох, свинец и кольчуга. В возмездие в компании убиты 7 аманатов, остальные два отпущены к своим родникам. Недели через три по убиении Голодова туземцы опять подходили скрыто, ночным временем к компанейским портам, скрали караул, зажгли юрту и стали вырезывать; четырех чел. убили, но остальные, услышав нападение, вооружиться успели и прогнали нападавших пальбою из ружей. Потом в мае перед отправлением судов Гавриила и Владимира, туземцы убили унтер офицера Лобашкова и одного рабочаго у горячих ключей в 5 верстах от судов мывших белье» [Полонский А. «Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год.», Архив Русского Географического Общества, р. 60, оп. 1 № 2].

«По доносу прибывших на боте “Гавриил” суздальца Горелина и Тотмянина Попова, что квартирмейстеры Пушкарев и Жданов с Иркутским посадским Авдеевым чинили над островитянами разные злодеяния, виновные допрашиваны и сознались в убийствах, насилии женщин и утоплении их. Подсудимые с “Гавриила” и судившиеся по убийствам на о. Киска Дружинин с товарищами и несколько человек с судна Попова за нападение на островитян, всех 40 чел. после долгих проволочек по окончании над ними следствия еще в 1764 г. только в 1774 по решению суда оставлены на поселение в Камчатке для хлебопашества» [А. Полонский].

Но странное дело — хотя все историки, как один, уверены в том, что Пушкарев виновен в тех беспорядках и преступлениях, которые он якобы творил, у меня вопрос: почему следственная комиссия полковника Плениснера, о которой сообщает В.Н. Берх, не вынесла по этому поводу никакого (ни сурового, ни условного) приговора, хотя других предупреждали о возможных последствиях — «под смертною казнию»?

Более того:

«В 1767 году за успешное путешествие к дальним Алеутским островам были награждены золотыми медалями купцы-промышленники Иван Лапин и Василий Шилов [Магидович И.П., Магидович В.И. Очерк по истории географических открытий. М., 1984, т. III, с. 221].

Годом позже за организацию вояжа на самый дальний остров Алеутской гряды Умнак, отделенный от полуострова Аляска лишь нешироким Исаноцким проливом, был награжден медалью вологодский купец Федор Буренин [Берх В., Хронологическая история открытия Алеутских островов. СПб., 1823, с. 71), а затем вся компания Гаврилы Пушкарева (ЦГАДА, Госархив, разряд VII, д. 2539, ч. 1, л. 191].

А в 1768 году Гаврила Гаврилович включен в состав Секретной экспедиции Креницына-Левашова и снова побывал на Аляске.

«Направляясь к Аляске, 26 августа корабли достигли островов Уналга, Акутан, Акун. Это был северный ряд архипелага островов, названных впоследствии “островами Креницына”. На следующий день шли на северо-восток вдоль берега полуострова Аляски. У участников экспедиции возникли сомнения, какой это “остров” — “Алякса” или “Алахшак”, но каждый был уверен, что это новый “остров”. На нем было немало растительности, вдали виднелся кустарник и отдельные деревья, чего не было на Алеутских островах. Квартирмейстер Пушкарев, побывавший в 1762 году в этих краях, уверял, что это “остров Алякса”, а Глотов убеждал, что “это остров Алахшак”, и оба они, как оказалось, говорили об одном и том же — полуострове Аляске, считавшемся островом…

…До сих пор нет полной ясности относительно первых плаваний промышленников на Аляску и остров Унимак, но есть убедительные доказательства открытия острова Унимака экспедицией Креницына— Левашова. В ее составе были известные мореходы Дмитрий Афанасьевич Панков и Алексей Иванович Дружинин, бывшие командиры судна “Владимир”, Гавриил Гаврилович Пушкарев и Алексей Иванович Удачин, которые командовали судном “Гавриил”. Вот от них и получены достоверные сведения. Наступала осень. Креницын принял решение пройти Исаноцкий пролив и при благоприятной погоде следовать к острову Кадьяк, а если будет какая задержка, найти в проливе удобную бухту и зимовать там. Незнакомый узкий пролив со сложным очертанием берега, с подозрительными бурунами не внушал доверия, и невольно закрадывались опасения. Опросили всю команду судов, не знает ли кто здешние места и удобные бухты на Унимаке и Аляске. Оказалось, что все, ходившие на промыслы, дальше Уналашки не бывали, и только Г.Г. Пушкарев и А.И. Удачин в 1762 году на судне “Гавриил” достигли Аляски и там зимовали в од-

ной из бухт Исаноцкого пролива, но пролив не проходили и лишь бывали здесь на байдарах во время промысла. С согласия Креницына Левашов разрешил Пушкареву ввести гукор “Св. Павел” в пролив. Галиот “Св. Екатерина” следовал в кильватере за гукором. Креницын и Левашов не знали, конечно, что эти места коварны из-за скрытых частых и больших песчано-глинистых мелей. Как только подошли к проливу, попали на мель. “Убрав паруса, стали палить из пушек в знак галиоту ‘Св. Екатерина’, чтобы оный за нами не следовал”, так как появился густой туман и опасность возросла. Для облегчения судна вылили из бочек пресную воду, спустили все байдары и только тогда снялись с мели. Повернув ближе к аляскинскому берегу, через час опять попали на мель и снова разгружали судно. На этот раз пришлось возить на берег провиант и многие другие грузы, но лишь когда завезли верпы и опустили 13-пудовый якорь, стянулись канатами с места. Вечером 31 августа состоялся секретный консилиум всего офицерского состава, на котором решили срочно начать поиски бухты для зимовки в районе Унимака и Аляски, а в случае устойчивых попутных ветров идти на зимовку к острову Кадьяку или Уналашке. На следующий день четыре байдары под командованием штурманов начали обследовать водные районы побережья Аляски и Унимака. Прошли около 20 верст на север и юго-восток, но безрезультатно, “удобных заливов сыскать не могли”. Попадались бухты, где можно было стоять кораблям, но там не было никакого леса для строительства зимних юрт. По решению консилиума корабли взяли курс на запад. Шли против северной стороны острова Унимака и 5 сентября при густом тумане потеряли друг друга из виду. 6 сентября Креницын разыскивал гукор, а 7-го начался шторм, и пришлось лежать в дрейфе. Поиск продолжили при сильных шквальных ветрах, лавируя северней Унимака, но безуспешно, и эта случайность в дальнейшем роковым образом сказалась на судьбе многих участников экспедиции.

Экспедиция обследовала около 200 километров побережья полуострова Аляски. До этого полуостров посетили мореход Г. Г. Пушкарев, но его пребывание ограничилось только зимовкой на западном берегу Аляскинского берега в заливе Бечевина. Экспедиция также основательно исследовала Лисьи острова, впервые открыла Исаноцкий пролив, отделяющий Алеутские острова от полуострова Аляски, и, пройдя его, произвела гидрографическое описание пролива и районов северней Унимака и западней Аляски. Здесь же была открыта группа мелких островов, лежащих у северного и южного берегов полуострова Аляски. За время плавания в 1768–1769 годах путешественники Научно описали и нанесли на карту свыше 40 островов Алеутской гряды. Такой картой могли уже пользоваться мореходы и географы. Она служила практическим пособием до 1802 года, то есть до карт Г.А. Сарычева» [Глушанков И.В. Секретная экспедиция с. 100; РГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 40].

Но это еще не все:

«Бот “Иоанн” был в таком надежном состоянии, что Пелопонисов готовил его отправить в 1773 г. на острова и для того нанял до 70 рабочих и в мореходы квартирмейстера Гавриила Пушкарева. По недостатку при порте судов бот был отправлен с казенным провиантом в Камчатку. По возврате он вытащен на берег и оставался там за неприемом его из казны за смертию Попова и за отсутствием Перепонисова» [А. Полонский].

«“Андрей Первозв[анный].” (1777–82) компании Лебедева. Передовщик Енисейский купец Самойлов, мореход квартирмейстер Гавриил Пушкарев.

Купцы — Якутский Лебедев, Курские Ситников и Голиков и Рыльский Гр. Шелихов построили в 1777 г. на р. Ураке бот, который приведен был в Охотск и оттуда в сент. отправлен в вояж. По прозимовке в Камчатке в р. Воровской судно следующую зиму оставалось на Беринговом и в 1779 г. ушло оттуда 4 августа на дальние острова.

Оставив по пути артель на Атту Пушкарев ушол далее и 17 сент. остановился на Амчитке, в гавани Сапожникова на северной стороне. Своевольные промышленные жили здесь два года праздно, почти без промыслов, а наконец 8 мая 1781 г. собравшись шайкою наказали безчеловечно передовщика и сменили. Обязанность передовщика поручена была мореходу Пушкареву; но когда 30 мая 1782 г. Пушкарев умер, то промышленные избрали в передовщики Становскаго, а Самойлова полумертваго заставили управлять ботом при следовании в обратный путь.

В 1782 г. 7 августа отправились с Амчитки и 8 сент. подошли к Атту. Сильный ветер непозволял войти в гавань, и потому стали на якорь; но шквалом судно сорвало с якорей и унесло в море и по случаю неблагоприятных погод оно немогло подойти опять к Атту за оставшеюся там артелью. Опасаясь, чтобы сильными ветрами неотнесло бот далеко на север и чтобы непотерпеть людям во время продолжительного плавания, решились идти на зимовку на Берингов. Подошли к восточному мысу и чтобы попасть в бухту на южную его сторону, обошли лайду и Яичный остров и потом стали тянуться, 14 сент. в гавань Басовскую лучшую на острове. Но как урывистый северный ветер непускал, а тросы лопались, то бросили якорь. Когда ветер начал стихать, 16 сентября поехали на байдаре в гавань, где стоял галиот “Георгий” к. Лебедева, за пособием; привезли оттуда трос и начали опять тянуться, но набегавшие шквалы остановили работу. С 16-го продолжался уже постоянно жестокий ветер со снегом и дождем, и 20 в 3 часа по полуночи судно сорвало им с якорей и бросило на подводные камни; проломилось дно и бот осел до нижних баргоутов. 21 сент. на убылой воде выгружали судно; потом 25 его снесло с камня и поставило на лайде в самом неудобном месте. Рабочие, взявшие пример в распущенности с к-нии Пановых на о. Амчитке,

вышли совершенно из повиновения Самойлова исправлявшаго обязанности морехода и собственно от небрежения и ленности их судно небыло введено в гавань и оставалось три дня на взморьи, пока усилившимся ветром неразбило его о потаеные камни. Избегая за то взыскания 13 человек из 41, прибывших на Берингов, самовольно под защитою ружей, перешли на "Георгий"; остальные возвратились в Камчатку в 1734 на "Николае" Пановых, а артель Шерскова с Ближних в 1786 на "Зосиме и Савватии", заплатив за провоз 9 человек 80 бобров.

Промысла: бобров 956, хвостов 826, котиков 4,715, песцов 609 на 133,150 р.» [А. Полонский].

Судя по данным «Родословного справочника Иркутска», у Гаврилы Гавриловича был брат Яким Гаврилович, который в 1749 году был отставным казаком и определен по дряхлости в богадельню Троицкой Сергиевской церкви и умер там в 1758 году.

Но, возможно, продолжили род дети Якова, служившие в Охотске.

А может быть, на этом завершается тихоокеанская эпопея иркутских Пушкаревых.

Но, возможно, начинается эпопея Пушкаревых тобольских:

«1778 г. сентября 4. — Из рапорта передовщика, иркутского купца Д.Я. Шабалина в канцелярию Охотского порта о пребывании на Курильских островах и встречах с японскими купцами…

…А о бывших со мною у японцов в конпанейских работных при сем реэстр подношу, а имянно: камчатской посацкой Никифор Кошкаров, большеретской посацкой Лаврентей Скокнев, города Тотьмы купец Василей Момотов, города Чердыни купец Иван Горохов, большеретской разночи[не]ц Григорей Лоскутов, тобольской Михайло Пушкарев, иркутской посацкой Федор Глазунов, иркутской посацкой Василей Звездочетов, иркутской Василей Кожин, енисейской посацкой Михайло Туголуков, киренской крестьянин Амос Балушин, тобольской мещанин Василей Шустов, тяхтинской цеховой Петр Самойлов, екатеринбурской посацкой Тимофей Жуков, Исак Быков, илимской мещанин Алексей Курбатов, киренской крестьянин Михайло Марков, от Охотского порта ясашной Семен Пежемской, большеретской посацкой Петр Коломин, большеретской посацкой Иван Плюснин, Алексей Свиньин, Кудинского камисарства Оецкой слободы крестьянин Никита Кузнецов, камчадал Василей Шелковников, Иван Заев, Никита Мухоплев, Андрей Панов, Василей Овцын, курилец Никита Шпанберхов, алеут Александра Попов» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2539, л. 124–132].

Пушкаревых в Тобольске и Тобольском уезде (в казаках, драгунах, крестьянах) было великое к тому времени множество, чтобы попытаться разобраться, откуда прибыл на Курильские острова Михайло Пушкарев.

Поэтому мы свернем с перекрестка этой дороги, ведущей в самые разные направления, и выберем только те, которые ведут на Дальний Восток.

Первая.

«Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1754 годом апреля по 1 число.

Барабанщик Петр Пушкарев — 28 л; в 742 г.; из солдацких детей г. Тобольска; читать и писать по росийски умеет; холост; обретается в командировании в секретной экспедиции 748 г. марта с 22 числа».

Эта Секретная экспедиция проходила на Чукотке.

И вторая.

В 1694 году была проведена «Перепись С.В. Шахаева проживающих в Тобольском уезде беглых крестьян Верхотурского уезда 1694/95 года».

По результатам сыска Шахаева сто семей беглых верхотурских крестьян, всего 626 человек, были в 1697 году сосланы из Тобольска в Нерчинск для поселения там на десятинную пашню (см. ПСЗ, № 1835):

«Белослудская слобода … Матюшка Пушкарев [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж (Денежный стол). Д. 253. Л. 139].

Мы не обнаружили следа Матюшки-Матвея Пушкарева, хотя Пушкаревых — и казаков, и посадских, и крестьян — и в Нерчинске, и в Селенгинске было много.

Один из потомков кого-то из забайкальских Пушкаревых — казак Петр Пушкарев — в 1855 году отражал английский десант, пытавшийся высадиться на нашей дальневосточной земле в заливе Де-Кастри.

ПШЕННИКОВЫ

Интересная фамилия — патриарх этого рода либо очень любил пшенники — пироги с пшеном, либо был мастером по их изготовлению…

История дальневосточного рода Пшенниковых начинается в Якутии в 1720 году: «Пятидесятники … Во дворе Алексей Федоров сын Пшеников» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 12 об.].

И, понятное дело, исходя из принципа наследования казачьих чинов, мы видим прямое (то бишь сословное) родство между пятидесятником Алексеем Федоровичем Пшенниковым и его, вероятно, внуком Федором, тоже пятидесятником, имя которого мы находим в якутских казачьих списках за 1761 год.

А вот отчество его, возможно, Иванович (по спискам умерших в Якутске в период с 1722 по 1748 год вместе с Алексеем Федоровичем есть и разночинец Иван Пшенников). Возможно, — Васильевич (по этим же спискам в тот же период был верстан в казаки Василий Пшенников) [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 120, 123].

Собственно, нам это и не важно, потому что следующее звено в этой цепочке вполне определенное:

Нижнекамчатск, 1812 год. «Камчатская казачья команда.

Сотники

Пшенников Дмитрий Федорович (1760). Ж. Агрипина Федоровна (1783). Воспитанница Параскева (1803)» [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4, Лл. 10 об. – 12].

В 1781 году в Гижигинской крепости служили двое казаков Пшенниковых — Никифор и Петр [РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 88, л. 20 об., 22]. В Охотске — казак Авксентий Пшенников [Л. 23 об.].

А уже дальнейшая линия Пшенников обязана Никифору, вероятно, одному из братьев Дмитрия Федоровича, судя по возрасту:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Пшенников Григорий Никифоров — 60 (1792).

У него дети служащие: Василий — 22 (1830).

Неслужащие: Иван — 18 (1834), Зиновий — 13 (1839).

Пшенников Ануарий Григорьев — 30 (1822)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

И еще один сын, который находился на службе Российско-Американской компании для участия в Амурской экспедиции:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы

Петровское зимовье

Казаки

Пшенников Петр» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы

В Гижиге

Состоят на льготе

казаки

Пшенников Григорий — 61; из казачьих детей, на службе и в чине с 1813 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Гижига

На льготе

Казак Григорий Никифоров Пшенников» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 17].

Дальнейшая судьба сыновей:

Пшенников Петр Григорьевич (1808 – 23.02.1879), казак. Ж. (с 1864) Слободчикова Евлампия (1840/48), дочь камчадала с. Коряки (с 09.05.1880 вторично замужем за Марковым Александром Кузьмичом (1850), камчадалом, с. Начики)

Гижигинская крепость, 1857 год:

«Ануарий Пшенников — 36 (1820) — 1839

Ж. Наталья Гаврилова — 29 (1827)

Сын Василий — 4 (1852)

Дочь Параскева — 9 (1847)» [РГАВМФ. Ф. 909. Оп. 1. Д. 29. Лл. 75–81].

«Список участников Сахалинской экспедиции. 1853 год

Казаки

Пшенников Василий [Григорьев сын]» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 42. Л. 2].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

«Умерший 2 числа сентября [1855 года] казак Василий Пшенников исключается из списка» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 4].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Казаки

Пшенников Иван [Григорьевич] — 19; из казачьих детей, на службе и в чине с 1854 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 9].

Пшенников Иван Григорьевич (1835–1908), казак, участник обороны Петропавловского порта в 1854 г. Ж. Анна Осиповна (1826).

«В августе 1882 г. был составлен “Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне п. Петропавловска 24 августа 1855 года при нападении англо-французской эскадры”, в который вписаны удостоенные наград герои: баталер Николай Ипатьев; матросы Игнатий Красноярoв, Василий Байков, Федор Колинда, Андрей Кодошников, Ефим Ершов; пятидесятники Алексей Карандашев, Александр Томский; казаки: урядник Василий Крупенин, Влас Ордин, Матвей Миниохин, Иннокентий Неворотов, Манаков, Иван Пшенников, Михаил Большаков, Петр Корюкин, Дмитрий Тувалин».

«Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год

Льготные казаки

Пшенников Зиновий — 18» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

Дети Ануария Васильевича:

Пшенникова Параскева Январовна (20.02.1844 – 1875), казачья дочь, Гижигинская крепость;

Пшенников Василий Январович (1851–1875), казак, Гижигинская крепость.

Дети Ивана Григорьевича:

Пшенникова Ксения Ивановна (1861).

М. (с 1880) Ухов Иван Федорович (1856);

Пшенников Григорий Иванович, казак;

Пшенников Николай Иванович (1869), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

«Список наградам, испрашиваемым за служебные отличия по обороне Камчатки по Петропавловскому уезду Приморской области

Льготный казак Николай Иванович Пшенников, 35 лет (1869): “За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска”. Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2020. Л. 72].

3 апреля 1871 года у петропавловского отставного казака Ивана Григорьевича Пшенникова и его супруги Анны Иосифовны (в девичестве Слободчиковой, уроженки села Коряки) родился сын Иосиф [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 138. Л. 126 об.].

О Пшенниковых, проживавших в селении Сероглазка, квартировавший у них будущий Петропавловский уездный начальник в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., а в то время редактор газеты «Приамурские ведомости», журналист Антон Петрович Сильницкий оставил свои воспоминания в книге «Поездка в Камчатку и на реку Анадырь», изданной в 1897 году:

«Существует мнение, что камчатское население живет в страшной нищете и бедности; осмеливаюсь высказать, что это нисколько не так. Был я, например, в деревне Сероглазке, отстоящей в нескольких верстах от Петропавловска. Деревня состоит из пятнадцати домов и по своему расположению напоминает великороссийскую деревню. Постройки состоят из изб, амбаров и бань. Избы, в зависимости от величины семьи, сделаны в два или в один сруб. Если в два, то между ними устроены сени. Избы маленькия, не более шести — семи аршин длины и ширины и трех высоты; освещены окнами. Всякая хата разделена на две половины: одна из них с печью и служит кухней, а другая, так сказать, парадная. Эта вторая половина непременно оклеена обоями, украшена зеркальцем, картинками; безукоризненной чистоты пол покрыт самодельными циновками из крапивы. В красном углу стоит стол, покрытый чистейшей скатертью; на столе сложена чайная посуда, покрытая полотенцем. В красном углу, под образами, висит лампада. Все дома Сероглазки имеют такое устройство и такую обстановку.

Когда я пришел в Сероглазку, то вошел в первую хату. Хозяева только что сели за обед. Считаю не лишним сказать о нем несколько слов. На столе, покрытом скатертью, стояла тарелка с нарезанными на ней ломтиками копченаго балыка, перед каждым лежала металлическая ложка и ломтик хлеба. Первое горячее кушанье состояло из прекраснейшей ухи, сваренной из свежепойманной чавычи. После ухи ели тушеную с картофелем утку.

Нужно сказать, что уток в Камчатке необыкновенное множество, и утка, так же как и рыба, доступна, безусловно, всякому камчадалу. Как на особенность еды камчадала, можно указать, что хлеб у него играет примерно такую же роль при еде, как сахар при чаепитии. Едят, собственно, мясо, рыбу, а хлеб служит приправой. А потому одного или двух пудов муки достаточно для большой семьи на целый месяц.

Пока семья обедала, хозяйка поставила самовар. Я был приглашен в чистую половину, и мне стали подавать чай. Стакан чаю подавался на подносе, на котором, кроме сахарницы и молочника со сливками, стояли две тарелки: одна с белым хлебом, а другая с американскими галетами. После чаю мы в сопровождении хозяина пошли посмотреть его “обзаведение”. Тут же, при домике, возделан огород, на котором был засажен картофель, репа, редька, морковь. По словам хозяина, он ежегодно выкапывает до 300 пудов картофеля.

Недалеко от хаты построен шалаш, в котором коптилась рыба. Шалаш имеет полуконическую форму. Посреди шалаша разложен костер из гнилушек; на тоненьких тальниковых прутьях в несколько рядов развешены балыки чавычи. Эти балыки, соленые и не соленые, провисев в шалаше десять дней, делаются очень вкусны. По берегу бухты, прямо против дома, устроены вешала для юкалы; в каждом хозяйстве обыкновенно две вешалы: одна меньшая — для людской юкалы, а другая большая — для собачьей. Юкалы заготовляется множество: столько, сколько нужно для годового запаса; кроме юкалы заготовляют на зиму еще так называемую “кислую рыбу”.

Заготовляют ее потому, что рыбы ловится так много, что приготовить всю добычу для юкалы нет возможности; а потому излишек добычи складывают в ямы, в которых рыба загнивает и в таком виде употребляется собаками. Случающияся в Камчатке голодовки происходят, главным образом, от того, что вешала для рыбы устраиваются непокрытыми. В случае ненастья рыба не сохнет, а загнивает. В настоящее время по строжайшему приказу губернатора Приморской области местная администрация следит за тем, чтобы вешала делались крытыми.

Близ вешал привязаны езжалыя собаки. У моего хозяина две нарты, то есть двадцать пять собак. Это дает ему возможность зарабатывать за зиму за перевозку купеческих товаров до 200 руб. Кроме извознаго промысла, немаловажным подспорьем служит промысел соболя.

Добыча пяти соболей считается средней. Считая камчатскаго соболя по 15 руб., мы имеем, что Пшенников (фамилия моего хозяина) в течение зимы зарабатывает около 300 руб. деньгами. Если принять во внимание, что у него имеется девять коров, из коих три молочных, что продовольствие у него есть, то нельзя не признать существование моего знакомца обезпеченным.

Остальные обыватели Сероглазки живут точно так же, как и Пшенников. Есть, конечно, некоторая разница в деталях, но о поражающей нищете нет и помина. Достаточно придти в праздник в церковь, чтобы убедиться, что нищеты, по крайней мере, в Петропавловске и его окрестностях, нет. Нужно заметить, что церковь в праздничные дни полна. 16-го июля в воскресенье я был у обедни. Было не менее двухсот человек, считая команду матросов с “Якута”. Обращает на себя внимание щеголеватость одежды. Женщины в башмаках варшавской работы, на голове шелковые платки; платья чистенькия, большинство шерстяныя. Мужчины также одеты очень хорошо.

Одеяние петропавловцев и окрестных деревень городское. Объясняю это тем, что Петропавловск в течение многих лет посещается иностранными судами. В числе товаров суда завозят европейское платье, которое, будучи сравнительно дешево, нашло себе распространение среди камчатскаго населения. Таким образом, виденное мною привело меня к полному убеждению, что живется камчадалу не так уж плохо, как о том случается читать.

По словам же людей, изъездивших всю Камчатку, население, живущее внутри полуострова,

живет с большим достатком, как петропавловцы и их соседи. Там во многих местах сеют и собирают хлеб и живут, благословляя свою судьбу. Правда, что г. Петропавловск на первый взгляд производит грустное впечатление: постройки очень маленькия и многия из них очень ветхи. Но происходит это потому, собственно, что в Камчатке ни плотников, ни столяров нет, и вопрос о постройке новаго дома и о капитальном ремонте стараго за отсутствием мастеров откладывается из года в год. Строят новый дом тогда, когда старый буквально разваливается.

Но я уже сказал, что это обстоятельство принято к сведению, и приняты вполне рациональныя меры к исправлению этого недостатка (разумное обучение школьников столярному ремеслу).

За все время моего пребывания в Камчатке стояла прекрасная погода, и это время оставило во мне самыя лучшия воспоминания…»

Следующее поколение Пшенниковых.

Вот что сообщал о нем в «Персоналиях» камчатской истории писатель Валентин Пустовит:

«Пшенников Иосиф Григ. (1886, с. Коряки, Камчатка), проходил по делу священника Н. Петрука. Из крестьян. Русский. Образ. домашнее. В Петропавловске в 1907–1918 служил казаком-писарем в полиции и милиции. На момент первого ареста 6.05.1929 рыбак-охотник с. Коряки. Вдов. Дом с надвор. постройками, две лошади, нарта собак. По словам одного из свидетелей, говорил: “Все люди, которые раньше служили царю и дали ему в этом присягу, должны и сейчас служить царю и из православ. веры не выходить”. Из письма нач-ка Камч. ОО ОГПУ Краузе ответ. секретарю окрбюро Зыкину от 9.04.1929: “Крестьянин с. Коряки Пшенников Иосиф, Винокуров Поликарп и сел. Елизово Родиков, Бибиков и Машихин ведут среди насел. антисов. агитацию, распростр. провокац. слухи (на осн. якобы писем получ. с материка), что на материке предвидится голод, крестьянство угнетено, высказывает недовольство против сов. вл., сеет хлеб только для лич. потребления, ВКП/б/ ведет Россию к гибели. Пшенников призывает к большему объединению всех верующих. Родиков в разговоре со своими близ. знакомыми указ., что в этом году Камч. вряд ли получит продукты с материка, что если это подтвердится, то нужно будет взять по пачке патрон, поехать в город и расправиться с коммунистами — создать свою власть и завязать дружеские отнош. с Японией или Америкой, которые и раньше оказывали торг. помощь Камч. На почве этих слухов большинство насел. прекратило сдачу пушнины, считая, что при наличии пушнины всегда можно приобрести необходимое…” 16.08.1929 Особ. совещание при коллегии ОГПУ осудило его по ст. 58-10 УК к четырем мес. л. с. и тогда же освобожд. под подписку о невыезде. Второй арест 16.02.1930. Тройкой при ПП ОГПУ ДВК 28.06.1931 приговорен по ст. 58-10-11 к ВМН с конф. имущества. Расстрелян. Реабил. Камч. облпрокуратурой по первому делу 13.09.1990, по второму — 28.03.1989».

В период до свершения Великой Октябрьской социалистической революции Иосиф Григорьевич Пшенников был урядником Камчатской казачьей команды.

Его сестры:

Пшенникова Мария Григорьевна (18.04.1889)

Пшенникова Анна Григорьевна (1893), дочь казака. М. (с 1908) Слободчиков Алексей Лукич (1876), с. Коряки.

У Николая Ивановича тоже была дочь:

Пшенникова Екатерина Николаевна (1888). М. (с 10.10.1904) Бурнашев Петр Григорьевич.

В 1920 году в селе Начики родился Петр Павлович Осьминин. «Восприемники — Граждане того же селения Иван Николаев Пшенников и Параскева Николаева Пшенникова» [ГАКК. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 99. Л. 13].

После гибели Иосифа Григорьевича Пшенникова остались дочери:

Пшенникова Каллиста Осиповна (14.09.1914–04.06.1998). М. Слободчиков Феодосий Иванович

Пшенникова Наталья Иосифовна (07.10.1915). М. Аббакумов Алексей Тимофеевич

Нам не удалось найти никаких сведений о Семене Пшенникове — но известно, что 27 ноября 1914 года в селе Привольное (Усть-Большерецкий район) у него родился сын Иннокентий Семенович Пшенников [ГАКК. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 58] — участник Великой Отечественной войны, погибший в боях за Родину в период с 01.04.1944 по 10.04.1944 г. и похороненный в деревне Кузьмино Псковского района Ленинградской области. В Привольном у него оставалась жена Мария Игнатьевна.

Но, в конце концов, отыскался и Семен (Симеон):

«Дата бракосочетания — 11 января 1904 года.

Жених — камчадал Корякского селения Александр Васильев Слободчиков; православного вероисповедания. Первым браком. Лет жениху — 22.

Невеста — дочь Петропавловского мещанина Илии /так в документе/ Стефанова Тюрукова — девица Евгения; православного вероисповедания. Первым браком. Лет невесте — 19.

Поручители по жениху — камчадал Корякского селения Андрей Петров Дуринин и кантонист Петропавловской команды Семион Иоаннов Пшенников.

Поручители по невесте — камчадалы Корякского селения Семион Прокопиев Диаконов и Иаков Филиппов Осминин.

Таинство бракосочетания совершал Священник Иоанн Гуляев» [ГАКК. Ф. 220. Оп. 1. Д. 39. Л. 34].

И таким образом, Иннокентий Семенович Пшенников — внук героя Петропавловской обороны Ивана Григорьевича Пшенникова и племянник героя обороны Камчатки в период Русско-японской войны Николая Ивановича Пшенникова.

РАСПУТИНЫ (РОСПУТИНЫ)

Нужно сразу же объяснить, что имя Роспута, которое и стало для Распутиных и Роспутиных фамильным именем, не имело и не имеет никакой связи с «распутством».

Правда, существовали имена-обереги: Некрас, Нелюб и др., которые, по мнению наших предков, защищали их потомство от злых духов, и некоторые исследователи относят к этой категории и Распуту:

«Нарицательное значение слова распута — “непутевый, безнравственный человек”, следовательно, предка, обладающего этими свойствами, также могли прозвать Распутой».

На самом деле чаще первоначально было не Распута, а Роспута, что в корне меняет значение этого слова.

А Роспутье — это лексическая многослойность: перекресток многих путей, развилка, разделение дорог (чтобы, наверное, тоже запутать злых духов и направить их по чужой дороге…), «раздорожица, развилина, росстани» (по определению В. Даля).

В мировую историю вошли два сибиряка Распутина.

Григорий Ефимович Распутин — из села Покровка Тобольской губернии.

Валентин Григорьевич Распутин из села Усть-Уда Восточно-Сибирской (впоследствии Иркутской) области.

Один — символ вырождающейся эпохи царской России.

Второй — символ возрождающейся патриотической России.

Но наш рассказ все-таки не о них — а об истории этих сибирских (в том числе и дальневосточных) фамилий.

История рода Григория Ефимовича Распутина изучена тюменскими исследователями.

В переписи Тобольского уезда обнаружена такая запись:

«Софейского дому слобода Покровская, Щучья тож.

Двор, а в нем живет крестьянин Евсей Насонов, сказал себе от роду 50 лет, у него жена Федора 40 лет, дети у него Осип 20 лет, Леонтей 18 лет — записан в салдаты — у него жена Марфа 18 лет, Василей 15 лет, Борис 12 лет, дочь Федосья 20 лет, внучка — Леонтьева дочь — Василиса 3 лет, а сверх того он Евсей [у себя в доме никого не сказал. Евсей] утайки дворов и людей великого государя указ под опасением смертныя казни слушал. По его велению Нефед Попов руку приложил.

…Двор, а в нем живет крестьянин Филип Насонов [сын] Роспутин, сказал себе от роду 30 лет, у него жена Парасковья 28 лет, дети у него сыновья Митрофан 7 лет, Федосей 6 лет, а сверх того он Филип у себя в доме никого не сказал. Филип утайки дворов и людей великого государя указ под опасением смертныя казни слушал. По его велению Нефед Попов руку приложил» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, е. х. 1320. л. 468 об. – 469].

Село Покровское — родина Григория Ефимовича.

А Евсей и Филипп — сыновья прадеда Григория в пятом колене Насона Изосимовича.

Только потомки одних стали Насоновыми, других — Роспутиными (Распутиными).

«Родоначальником рода Распутиных был “Изосим Федоров сын”. В переписной книге крестьян села Покровского за 1662 год говорится, что он с женой и тремя сыновьями — Семеном, Насоном и Евсеем — пришел на Покровскую слободу за двадцать лет до того из Яренского уезда и “стал на пашню”. Сын Насон позже получил прозвище “Роспута”. От него пошли все Роспутины, ставшие в начале XIX века Распутиными. По дворовой переписи 1858 года в Покровском значилось более тридцати крестьян, носивших фамилию “Распутины”, в том числе и Ефим, отец Григория».

А вот и другие подробности:

«Историкам известно, что род Григория Распутина идет от его деда — Якова Васильевича Распутина. А вот далекий предок Якова — Изосим Федоров сын — был бобылем деревни Палевицы на реке Вычегде в Яренском уезде (ныне это Сыктывдинский район Республики Коми).

…На основании «ревизских сказок» известно, что “двор пуст бобыльской Изосимка Федорова сын, а он сошел в Сибирь и с женою во 148-м году (1639/1640 г.), а детей нет”. Тринадцать лет об Изосиме ничего не было известно. Видимо, он скитался по Сибири в поисках лучшей доли и места под солнцем. В 1653 году его имя упоминается среди крестьян Покровской слободы. И было у него тогда уже три сына: Семен, Насон и Евсей. “Изосимко Федоров с детьми с Семейкою с Насонком с Евсейкой, в распросе сказал — жил де он Изосимко Еренского присуду в Палевицкой волости за государем в пашенных крестьянах, а с пашни платил де он в государеву казну денежный оброк, а в прошлом де во 161-м году (1652/1653 г.) пришел он Изосимко с женою и с детьми из Палевицкой волости в Сибирь в архиепископию в Покровскую слободу и стал в пашню” — так свидетельствуют документы той эпохи».

Обратим внимание на главное — двести последующих лет Распутины Насоновской линии проживали в одном и том же селе Покровском.

С Дальним нашим Востоком все обстоит гораздо сложнее — Роспутины (Распутины) были в Енисейске, Илимске, Якутске, Иркутске, Селенгинске, Охотске, Усть-Удинске…

Начнем разбирать этот фамильный «клубочек» в хронологическом порядке.

«Роспутины — кузнецкие служилые люди Анкудин (Онкудинко) Сергеев — пеший казак; в 1637 приехал из Еренска с семьей. В 1643 имел оклад 5 руб. В 1680 его сын Михаил на “разборе” (смотре) сообщил, что Анкудин служил в Кузнецком остроге 30 лет. Сыновья: Иван, Михаил.

Иван (Ивашко) Онкудинов — пеший (1660, 1673, 1681) и конный (1662) казак. В 1662 служил с окладом 7 руб с четью; в 1673 и 1681 — 5 руб.

Михаил (Мишка) Оекудинов — конный казак. В 1642, 1643, 1660 и 1681 служил с окладом 7 руб. с четью» [«Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII вв.», М.-СПб, 2020, стр. 753].

Следующее упоминание о Роспутиных мы находим в связи с братским приказчиком Иваном Похабовым [статья Андреева Л.В. «Первые поселенцы при Братском остроге»].

«Служивые люди с Иваном Похабовым засели в Братском остроге, ожидая помощи от енисей-

ского воеводы. Пашенные крестьяне также сидели скопом на Ратаеве (Наратай) острове и не смели пахать царские пашни. Воевода, в ответ на призыв Похабова, послал в Братск 150 человек служилых людей во главе с двумя сыновьями боярскими Иваном Перфильевым и Яковом Турчаниновым. Но освобождать остроги от осады не пришлось. Буряты ушли за пределы Братского уезда. Служивые люди единодушно показали, что откочевали ясачные из-за обид Похабова. В результате сыска 23 декабря 1659 года Москва приказала сменить Похабова.

И вот что важно. В самый разгар бурятского восстания Похабов находит нужным занять часть своего сообщения тем, что "у пашенного крестьянина Ивана Распутина есть лисица черная, а купил де ту лисицу у ясачных людей, а толмачил Распутин сын Федька, а та лисица годна в государеву казну". Думается, что Иван и Федор могли быть сыновьями Распуты, который явно не был у Похабова в соратниках, поэтому приказчик и счел нужным пожаловаться на незаконное приобретение пушнины Иваном и Федором. [Впрочем, в переписной книге служилых людей Енисейского уезда 1669 года записано: "детей у него Распуты нет". В это время Распута был в преклонных годах, сыновья могли отделиться от отца, могли и погибнуть… Безусловно, вопрос о детях Распуты нуждается в дальнейшем изучении]».

Иван Иванович Похабов, сын стрелецкого сотника из Великого Устюга Ивана Александровича Похабова, в 1650-х годах был приказчиком Братского острога, «прославившейся» грабежами и насилием братских крестьян и бурятов.

Федька Распутин — это, по всей видимости, будущий енисейский сын боярский Федор Терентьев сын Роспутин. Но братья у него — Петр и Семен (тоже енисейский сын боярский). В 1684 году вместе с А. Галкиным Федор Распутин составил опись деревень посадских и служилых людей на р. Илиме и Ангаре.

Был еще Стефан (Степан) Роспутин — тоже сын боярский, умерший в 1684 году.

Это и есть тот самый Роспута, о котором сообщается выше: «Оклад 10 рублев … Роспута Степанов, детей у него Роспуты нет» [Переписная книга служилых людей Енисейского уезда 1669 (177) г., РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 27. Л. 289].

Это был тот самый Роспута, о котором есть упоминание в книге В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня»:

«170-го (1662) … (неразб.) по сей челобитной енисейской сын боярской Роспута Стефанов … (неразб.) по Ангаре реке збеглого пашенного крестьянина Рошкова в Смородиной деревне по Анамыре реке и по обе стороны — Ваське Кромине государева пашня пахать и своя пашня пахать и распашною землею ево Рошко[ва] и землею владеть. К сей подписной челобитной приказной человек, сын боярской Роспута Стефанов печать свою приложил».

Но…

Но в «отцово место» был верстан в 1684 году его сын Петр. А другой его сын — Иван Степанович — в 1684 году служил «с пашни» в пеших казаках [«Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII вв.», М.-СПб, 2020, стр. 753].

Других енисейских Роспутиных в биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII вв.» мы не обнаружили.

Был томский:

«Распута Федор Васильев — томский десятник пеших казаков, «родом вычегжанин Еренского присуду», в Томск пришел гулящим человеком и здесь верстан "в службу". В 1680 имел оклад 4 руб 25 алтын, 5 четей ржи, 4 чети овса, 1,5 пуда соли» [«Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII вв.», М.-СПб, 2020, стр. 738].

Но судьбоносным для Восточной Сибири была ссылка в Илимское воеводство подьячего Тобольского приказа Ивана Ортемьева сына Роспутина, сведения о котором мы находим в интереснейшем биографическом словаре Н.Ф. Демидовой «Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700)» [М. 2011]:

«Распутин (Роспутин) Иван Артемьев (Ортемьев) 1652–60 под[ъячий]. Тобольск[ой]. Прик[азной]. Из[бы].

1652–54 хл. жал. 4 юф.; сол. жал. 1 п.

1656/7 хл. жал. рожь 4 ч. 1 осм., овес 4 ч. 1 осм, сол. жал. 1 п.

1659/60 хл. жал. 4,5 юф.; сол. жал. 1 п.

1669–80 под[ъячий]. Илимск[ой]. Прик[азной]. Из[бы]. 1669/70 дек. 11 в окл. за 8 руб. 20 алт. 4 днг. дано 8 арш. 10 вершк. сукна полукармазина.

1674/5 хл. жал. 12 юф.; сол. жал. 3 п.

1678/9 под. Судн. стл. окл. 12 руб.

1678/9 хл. жал. 10 юф., сол. жал. 3 п. За 2 ч. овса "по расчету пашет на собя пашню".

1678/9 "обезумел".

1679/80 хл. жал. 12 юф., сол. жал. 3 п. За 2 ч. ржи., 2 ч. овса (из этого окл.) пашет по 2 дес. в поле».

Кстати, его семейные корни в Тобольске тоже остались:

«Деревня Юрганова

Во дворе отставной конной казак Нефед Ортемьев сын Роспутин сказал себе от роду 62 года (1648) у него жена Федосья 52 лет дети у него сыновья Алексей 10 лет да у него родная жена салдатская Анна 30 лет у нее сын Григорей 5 лет а кроме того он Нефед никого не сказал Нефед Роспутин об утайки людей и дворов Великого государя Указ под опасением смертныя казни слышан по его велению Нефед Попов руку приложил» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1320. Л. 204].

А далее Г.Б. Красноштанов в своем обширном труде «Никифор Романов Черниговский: документальное повествование» [Иркутск, 2008] рассказывает весьма интересную, а главное – весьма полезную для нашего рассказа – историю о сыне Ивана Артемьевича:

«…Теперь скажем, по какому случаю появилась эта выписка Сибирского приказа: "И в нынешнем во 193-м [1685] году, февраля в … день, писал к великим государем из Ылимского Илья Змеев и прислал к Москве с отписки из государевою илимскою соболиною казною илимского казака Ивашка Роспутина. И великим госуда-

рем [И. А., П. А.] илимской казак Ивашко Роспутин бьет челом”.

Далее идет изложение челобитной, а мы ее приведем полностью. “Царем, государем [И. А., П. А.] бьет челом ваш сибирянин Ивашко Иванов сын Роспутин. Отец мой Иван Роспутин служил отцу вашему государеву, блаженные памяти великому государю [А. М.] в Сибири, в Ылимском, лет с тритцать и больши в Приказной избе в подьячих. А я, холоп ваш, служу вам, великим государем, в Ылимском казачью рядовую службу многие годы. А по вашему великих государей указу и по грамотам велено илимского пятидесятника казачья Федора Черниговского из Ылимского выслать в Енисейск на вечное житье. Велите, государи, мне быть и свою великих государей службу служить в Ылимском в пятидесятниках на Федорове месте Черниговского, и в ево денежном, и хлебном, и соляном окладе, и о том дать в Ылимской свою великих государей грамоту”.

На обороте челобитной дата: “193-м [1685], мая в 1 день. Выписать”.

По этому случаю и была составлена выписка. В ней отмечено: “А в ылимских окладных имянных и хлебных книгах 190 [1681–1682] году написано: во 189-м [1680] году, сентября в 12 день, поверстан в казачью рядовую службу на выбылое казачье ж Ивашково место Попова подьяческой сын Ивашко Иванов Роспутин. Оклад ему учинен рядовой казачей: денег 5 рублев, а за хлебной оклад дана ему пашня пахать”.

К слову сказать, отец этого Ивана Иванова Роспутина, подьячий Илимской приказной избы Иван Артемьев Роспутин, после убийства воеводы Л. Обухова вместе с другим подьячим Никитой Ивановым Лазоревым временно управлял Илимским воеводством до приезда в Илимск тобольского сына боярского Алексея Ларионова Расторгуева-Сандалова. В выписке отмечено: “А ныне они, Микифорковы дети Черниговского, Федька и Онисимко, и Васька, из Ылимского в Енисейск посланы ль, о том из Ылимского к великим государем в Москве майя по ... число нынешняго 193-м [1685] году не написано”.

Челобитье Ивана Иванова Роспутина было удовлетворено: “193-м [1685] году, [майя] в 21 день, по указу великих государей боярин князь Иван Борисович Репнин с товарыщи, сего челобитья и выписки слушав, приказали: послать великих государей грамоту в Ылимской к воеводе. Велеть илимского пятидесятника Федьку Черниговского з братьями по прежнему их, великих государей, указу сослать из Ылимского в Енисейск[ой] острог тотчас, безо всякие поноровки, з женами и з детьми на вечное житье. А на ево, Федькино, место велеть быть в Ылимском в пятидесятниках илимскому ж казаку Ивашку Роспутину в том же ево, Федькине, денежном и хлебном, и соляном окладе. И с тем окладом написать ево в илимские окладные книги, и давать по вся годы с ево братьею вряд. А которого числа Федька Черниговской из Ылимского в Енисейск послан будет, и наперед сего до сего великих государей указу зачем не сослан был, о том велеть ему к великим государем послать к Москве в Сибирской приказ”.

Соответствующая грамота была написана в Москве 26 мая 1685 года илимскому воеводе Илье Андреевичу Змееву. А ответ на нее неизвестен. Так Иван Иванов Роспутин из рядовых сразу стал пятидесятником. Подобные случаи не были редкостью. Например, сын племянника Ерофея Хабарова Артемия Петриловского Василий из рядовых сразу же был поверстан в атаманы».

На самом деле случай этот типичный — при условии, что Иван Иванович — сын подьячего Ивана Артемьевича Роспутина.

Подробности из книги «Илимская пашня» В.Н. Шерстобоева:

«10 марта 1706 года Парфен Караулов, которому велено быть “в Ылимском уезде в Ылгинском острожке у пашенных крестьян и у всяких чинов людей для росправных всяких дел на приказе”, сменял Ивана Роспутина».

«Из ... лиц, в течение нескольких лет управлявших волостями, можно назвать Василия Воронецкого (8 лет), Степана Лисовского (5 лет в Братском остроге), Ивана Роспутина (7 лет), Герасима Учюжникова (7 лет), Михаила Дунаева (8 лет), Михаила Шангина (6 лет), Петра Завьялова (5 лет)».

«Сохранилось также описание этого острожка при передаче его в марте 1706 года от старого приказчика Ив. Ив. Роспутина новому — Парф. Зах. Караулову (арх. № 74, св. 6, лл. 372–375). Были переданы: “Илгинской острожок з башнею, а в нем церковь Божия... Илгинского острожку судная изба подземая, а в ней решетка ради колодников... Перед избою сени, анбар, под анбаром жилье. Прикащичей двор, избу новую... Перед избою сени... Анбар новой... Под анбаром погреб с обрубом”».

«Из 91 мельницы пашенным крестьянам принадлежало 85 мельниц, а остальные — двум служилым людям, илимскому сыну боярскому Ивану Качину, пятидесятнику казачью Ивану Роспутину, отставному казаку Костянтинову и судовому плотнику Лузенину. В последних 6 случаях все мельницы, за исключением одной, принадлежавшей служилому человеку Сизову, были мутовками. Все более производительные мельницы, частью имевшие промышленное значение, находились у пашенных крестьян в личном или складническом владении».

Илгинский острог ныне — село Знаменское Жигаловского района Иркутской области.

А вот дальнейшую «ниточку» из этого фамильного клубка вытянул Андрей Черепанов [Родословный справочник Иркутска, И., 2021].

Иван, из разночинцев, был сыном боярским.

Фетинья, дочь Ивана — (≈1677), вышла замуж за Петра Щапина (Щепина), крестьянина Ильинского острога.

Борис, сын Ивана, сына илимского подьячего; в 1688 г., вероятно, он — промышленный или гулящий человек, направлен на службу в Ильинскую слободу; в 1693 определен в казачью службу по Иркутску, в 1698, 1708 г. — конный казак.

Ульяна, дочь Бориса (≈1699), вышла замуж за Федота Хабарова, посадского.

Михайло, сын Бориса — в 1717 г. определен в пешую казачью службу, в период между 1722 и 1744 гг. — в казаки из разночинцев г. Иркутска, илимец.

Федор сын Бориса — (вероятно, вторично) в 1731 г. служилый, в 1742 г. его дом в Иркутске пострадал от землетрясения, в 1774 г. умерший казак.

Следы Фетиньи обнаруживаются в Селенгинске в 1762 году:

Иван Петров сын Щапин (46 лет). У него жена Татьяна Ефимова дочь тритцати пяти лет, взятая у Ильинского посадцкого Ефима Шадрина.

У них после минувшей переписи рожденной сын Фирс 3 дочери Степанида семнатцати Макрида двенатцати Татьяна осьми Агафия шести Вергофья дву мцов (после подачи скаски сын рожденной Григорей 6 мцов).

Мать ево родная Фетинья Иванова дочь восмидесяти пяти (1677) лет взятая у Иркуцкого сын боярского Ивана Распутина [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. Л. 424 об.].

И неведомо откуда появляется еще один Распутин:

Енисейской правинции города Мангазейска посацкого отца сын Иван Андреев сын Шангин (32 года).

У него жена Настасья Андреева дочь 25 лет (1737) взята Якуцкого полку у салдата Андрея Распутина [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3070. Л. 727].

Возможно, это бывший илимский казак, о котором нам поведал все тот же В.Н. Шерстобоев:

«Второй случай розыска был вызван челобитьем порутчика из Криволуцкой слободы Дм. Шитых, который просил воеводу Ракитина, во время его приезда в Киренск, разыскать беглого присыльного человека Ив. Ем. Медведева, “он же Букарской”, так как Шитых поручился за него и теперь “изоброчен” — должен платить за бежавшего 1 четверть ржи в год. Ракитин по этой просьбе писал в Иркутск о сыске бежавшего Медведева. 23 октября 1703 года из Илимска в Иркутск посылается служилый человек Андрей Роспутин “с товарыщи” с письмом на имя иркутских воевод о сыске беглых. К письму прилагается список бежавших пашенных крестьян и посадских людей. Из Иркутска по уезду был послан с “сыскной памятью” денщик иркутской приказной избы, а за Байкал поехал илимский служилый человек Сила Сенотрусов, с которым “послан великого государя указ с прочетом”. В Удинском (ныне Улан-Удэ) были обнаружены двое беглецов из Илимского воеводства. Оба оказались “поверстаными по Удинску в пешую службу”. В Ильинском остроге были обнаружены: илимский посадский человек с сыном и один бежавший из Илимска ссыльный. Оказалось, что первый записался в ильинские посадские и был там выбран “ко всякому великого государя збору в приказную избу в целовальники”, а бывший ссыльный заявил, что он “скитаетца меж двор и кормитца Христовым имянем”. В Кабанском остроге был обнаружен илимский крестьянский сын Г.Н. Каргин, да и тот оказался “по Удинску в службе”» [Илимская пашня, т. 1, стр. 456–457].

Но, скорее всего, это другой Андрей, из Нерчинска, откуда тоже набирали солдат в Якутский пехотный полк, штаб-квартира которого находилась в Селенгинске.

Нерчинск, 1719 год:

«…в Городищенской де слободе пашенных крестьян и детей их и родственников муж. полу больших и малых 166 человек, а живут в 41 дворе, да 6 человек бобылей живут в 2 дворах.

…паш. кр. Гаврило Роспутин 70 лет (1651), у него сын Андрей 5 лет (1714)» [Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886].

Нерчинск, 1744 год:

«Тои же Городищенской слободы крестьян померло … Гаврило Роспутин
взято в реруты
Андрей Гаврилов сын Роспутин» [РГАДА. Ф. 350. Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917, 2-я ревизия].

В 1734 году Мартын Шпанберг активно использует илимских плотников на строительстве верфи Охотского порта. Но сталкивается с нежеланием местных крестьян менять привычную работу на каторжную в Охотске.

«Ведение Шпанберга Илимской канцелярии об отсылке назад умышленно присланных из Илимска старых и больных плотников и требование прислать полноценных работников (12 января 1734 г.).

Сего генваря 11 дня ис помянутой канцелярии при ведении к нам во определенное число прислано в плотники к нам в каманду к строению барок из илимских казачьих детей, которые в подушной оклад положены, 8 человек, а имянно: Илья Минин, Семен Ознобихин, Филип Балашев, Василей Буланов, Леонтей Мамонтов, Андрей Скуратов, Андрей Падерин, Алексей Кузнецов, которые по осмотру нашему явились дряхлые, кривые и хромые, такие как видно, что нищие и ни к чему не годные. Того ради оные негодные люди в каманду нашу не приняты, но отосланы с салдатом Васильем Садиловым в Ылимск по-прежнему. А в присылке той усмотрели мы, что Илимская канцелярия, не доброхотъствуя к ползе Ея Императорского Величества интереса, оставя тамо годных и к плотничному мастерству достойных и в подушной оклад не положенных и ни х каким делам не определенных, но паче же признаваем для своего лакомства служилых людей, о которых имянех об[ъ]являем при сем ведении реэстром, к нам в каманду не прислано. Того ради по оному реэстру тех служилых людей в плотники к строению барок по получении сего ведения из Илимской канцелярии отдать посланному от нас салдату Садилову в самой скорости, которому о взят[ь]е их дана от нас инструкция . А ежели в присылке их учинитца какая хотя малая остановка, тогда для понуждения Илимской канцеляри прибуду я сам на коште оной канцелярии управителя, и со оною канцелярией будем поступат[ь], как Ея Императорского Величества указы повелевают, бес послабления. И о вышеписанном в Ылимской канцелярии ведать учинить по Ея Императорского Величества указу.

Реэстр

Федор Скорняков, Михайло Иконников, Козма Ознобихин, Федор Оглоблин, Захар Чернавской, Иван Рыбников, Иван Распутин, Петр Корелин, Прокофей Скуратов, Афонасей Сизов, Афонасей Бутаков, Василей Корелин, Андрей Кокшаров, Никита Лютиков, Матфей Мяконких, Петр Качин, Федор Потапов, Григорей Попов, Иван Молчанов, Давыд Дунаев» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 90. Л. 7 об. – 8 об.].

Впоследствии фамилия Роспутиных всплывает в Ундинской слободе в 1792 году:

Кирило Григорьев Распутин. У нево жена Параскева Никифорова. Дети их Максим, Катерина, Акилина, Феодосия.

«Унда, с. на сев.-вост. Балейского р-на, центр сельского самоуправления, расположено на р. Унда, в 25 км от Балея, в 42 км от ближайшей ж.-д. ст. Приисковая. В состав Ундинского окр. входят также сс. Елкино, Лесково. Основано как Ундинская слобода в кон. XVII – нач. XVIII в. крестьянами, сосланными в Заб. для занятия земледелием, к-рые позже приписаны к Нерчинскому сереброплавильному заводу. С 1851 Ундинская ст-ца 2-й пешей бригады ЗКВ, в ней располагался штаб батальона. Крестьяне переведены в казачье сословие».

Возможно, в этом своем поиске мы где-то близко подошли к родовым корням Валентина Григорьевича Распутина, уроженца села Усть-Уда Восточно-Сибирской (впоследствии Иркутской) области.

По крайней мере, местные краеведы сообщают об открытии этих земель весьма интересное:

«Примерно в 1690 году в среднем течении Ангары гуляла ватага казаков во главе с атаманом Петром Бекетовым. Два казака из этого отряда — Орефий Шипицын и Иван Распута — поднялись вверх по течению реки и нашли очень хорошие земли.

Чем же были замечательны эти места? Прежде всего тут сходились плодородные поймы рек Ангары, Уды и Еловки. Земли под пашню и заливных лугов было вдоволь. От ветров с севера они защищены были Ефимовской горой, с востока — Красной горой, с юго-запада — Подкаменской горой, и с западной стороны — хребтами.

Возникновение села начиналось от устья реки Уды (по-бурятски — вода). Первые поселенцы строили дома и заимки по старой сибирской технологии — без гвоздей, используя преимущественно лиственницу. Это были пришедшие с отрядом казаков Литвиновы, Лбовы, Молоковы, стрельцы — Толстоуховы и Перетолчины. Они занимались охотой и рыбной ловлей, держали скотину и немного сеяли ярицу».

«В дедушке по отцу (по матери я деда не знал) просматривалась примесь коренной сибирской породы, этакая тунгуссковатость», — писал Валентин Григорьевич.

Дедушка — Никита Яковлевич Распутин и бабушка — Мария Герасимовна жили в селе Аталанка, где и родился Григорий Никитич — отец Валентина Распутина.

Аталанка прежде относилась к Яндинскому острогу, так же как и другие 22 деревни, основанные казаками, поставленными на страже Илимского уезда. Впервые упоминается она в летописи 1723 года.

Возможно, Никита и Мария были знакомы с детства, поскольку жили в соседних деревнях — Аталанке и Криволуцкой.

И вполне вероятно, что Распутины — это потомки илимских казаков Роспутиных, переведенных в разночинцы, а впоследствии, так как они традиционно служили «с пашни», были переведены в крестьянское сословие.

Но остался без ответа целый ряд вопросов, связанных с Роспутиными (Распутиными) — служилыми людьми Якутска и Охотска:

1692 год:

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Алешка Юрьев Роспутиных в прошлом во 199-м [1691] году в Удцком зимовье умер

Гришка Ларионов Роспутин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Лл. 39 об., 47 об.].

1722/1748 годы

«В Охоцком остроге

Разночинцы

Семен Роспутин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 87].

Так что наши поиски продолжаются…

РАСТОРГУЕВЫ

Фамилия говорящая: расторгуй — розничная (лавочная) торговля.

И вот самый первый, известный нам, из якутских Расторгуевых:

Якутск, 1656 год. Расторгуев Григорий Яковлев сын — якутский торговый человек.

Якутск, 1666 год. Расторгуев Григорий Яковлев сын — целовальник.

Якутск, 1670 год. Расторгуев Григорий Яковлев — квасной и банный откупщик.

Мы не знаем, были ли у него дети. Но то, что детей торговцев, рожденных в Якутии, верстали в казаки — это факт.

Вполне возможно, что и сейчас мы будем рассматривать подобный случай.

Якутск, 1692 год.

«Якутцкого города служилые люди

Рядовые казаки … Женатые

Мишка Галыгин в нынешнем в 200-м [1692] году на Янском каменю от зашиверских иноземцов убит. И августа в 31 день приверстан в ево Мишкино место Оска Росторгуев в женатой оклад» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 29 об.].

Мишка — Михаил Васильев сын — Голыгин, место которого досталось Осипу Расторгуеву, — родной брат землепроходца Ивана Васильевича Голыгина, который совершил два камчатских доатласовских похода. Вероятно, с Иваном в тех походах был и Михаил, который потом рассказал, доставляя с Владимиром Владимировичем Атласовым ясак из Анадырского острога, о путях-дорогах в Камчатку и ее баснословных пушных богатствах. Рассказал — и погиб по пути в Якутск…

В 1706 году рядовой казак Осип [Григорьев сын?] Расторгуев служит в четвертой пятидесятне Якутского казачьего полка.

В Переписи за период с 1722 по 1748 г. он показан разночинцев в Охотске [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 89].

Но это не совсем так или даже совсем не так: в 1746 году Осип Расторгуев — приказчик Нижнекамчатского острога.

И этого приказчика вместе со всеми остальными русскими людьми намеревались убить взбунтовавшиеся коряки. Вот показания одного из них на допросе:

«В построенных домах жить мы хотели, а именно: я, Алексей Лазуков, в новопостроенных покоях отца архимандрита и хотел его отца архимандрита Иосафа Хотунцевского и ревизии мужеска пола душ господина капитана Дементья Завьялова и капрала Алексея Лебедева, прикащика Осипа Расторгуева и протчих убить и христианскую веру истребить, а в намерении того побития учреждал я протчим жить в нижепоказанных домах, а имянно в остроге в государевом доме Умьевушкину зятю Агевлину, а протчии домы к житию своему разопределили ж и хотели, обождав с моря судов, взять их обманом. А о Каначе, чтобы он хотел с оленным табуном для ожидания прибывших из Охоцка судов на Авачю быть, не слыхал, точию тоен со мною Умьевушка посылали на Паллан во оба остроги Верхней и Нижней Верхнего Палланского острога иноземца Айгахлавол с таким приказанием, чтоб он, Айгахлавол, тем палланским мужикам сказал, чтоб они пошли через Тигиль и оттуда чрез Еловку для погромления Нижняго ж Камчатского острога, а после взятья онаго Нижняго острога хотели итти на Верхней и Большерецкой остроги для того ж погромления, а пошли ль оные палланские мужики через Тигиль, о том де мы известия не получали».

И, опять же, мы не знаем, были ли у Осипа Расторгуева дети.

Но именно после него начинается россыпь казаков и канцеляристов Расторгуевых по всему Дальнему Востоку.

Якутск, 1761 год:

«…действительно при команде имеются и употребляются в караул с переменою: казак Алексей Росторгуев» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.145].

Верхоянск, 1779 год:

«Комиссары Верхоянского комиссарства
Канцелярский служители

Росторгуев Максим Николаевич, подканцелярист, канцелярист (на 15 октября 1783 г.), 1779–1784».

Якутск, 1779 год:

«Воеводы Якутской провинции
Иркутской губернии
Канцелярские служители провинциальной канцелярии

Расторгуев Иона Николаевич, копеист, подканцелярист (на 3 июля 1783 г.), 1779–1784» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 221, 228].

Жиганск, 1784 год:

«Жиганская городовая штатная
воинская команда 1784–1804
Сержант Расторгуев Прокопий»

Якутск, 1794 год:

«Коменданты Якутской области
Комендантской канцелярии писари

Росторгуев Прокопей Данилович, сотник, сержант (на 1 сентября 1796 г.), 1794–1797».

И его сын:

Якутск, 1825 год:

«Канцеляристы городничего правления

Расторгуев Иван Прокопьевич. С 25 мая по 1 сентября 1825, канцелярист (с 5 ноября 1824)».

И внук: Расторгуев Михаил Иванович, канцелярист (ум. в 1850 г.).

У Николая Елисеевича Томского есть книга о жизни и деятельности вилюйского купца 2-й гильдии Николая Алексеевича Расторгуева, которая называется «Вилюйский Ротшильд».

Глава «Истоки» начинается с этих вот слов: «Род Расторгуевых в Вилюйске начинается с Михаила Ивановича, приехавшего в составе казачьего отряда с Урала».

И далее: «Михаил Расторгуев сын Иванов был приказно-служащим канцеляристом и состоял на службе в Вилюйском окружном полицейском управлении. У него было двое сыновей — Алексей и Дормидонт».

«В 1854 году Алексей Михайлович через коллежского регистратора Кирикова написал прошение императору о переводе его в сословие мещан. Прошение было удовлетворено, и ответ был получен примерно года через два, т. е. Вилюйское управление было извещено письмом из Якутска от 31 октября 1856 года. В это время Алексею было 32 года, и у него был сын Андрей четырех лет. Дормидонту было 28 лет.

В дальнейшем о Дормидонте нигде ничего не сказано, и все его следы теряются, документов никаких нет. Но на основании фотографии, случайно обнаруженной мною, можно предположить, что Дормидонт обосновался во II Едюгяйском наслеге Верхне-вилюйского улуса. Эта версия исходит из того, что свое фото Н.А.Расторгуев подарил своему брату и сестре Александре в 1896 году, что явствует из собственноручной дарственной надписи. Родные братья у Николая Алексеевича — Андрей и Федор. Следовательно, он мог подарить свое фото детям Дормидонта, которые являются двоюродными братьями.

Алексей Михайлович Расторгуев, перейдя в сословие мещан, жил безбедно, хотя и не очень зажиточно. В дальнейшем Расторгуевы писали про себя, что они мещане. Андрей и Федор Расторгуевы все время писали про себя, что они торгующие мещане, а Николай Алексеевич писал так только вначале, а затем все время, до 1919 года, подписывался как Вилюйский купец».

Но и в казачьем сословии, судя по материалам Национального архива Республики Саха (Якутия), оставалось немало Расторгуевых:

Росторгуевы 1796
«Сотник

Данило Росторгуев (не отец ли Прокопия Даниловича?)

Урядник
Никита Росторгуев
Казаки
Иван Росторгуев
Иван Иванов Росторгуев
Евтефей Росторгуев
Игнатей Росторгуев» [НАРС(Я). Ф. 401И. Оп. 1. Д. 1. Т. 2. Л. 238–239].
Нижнекамчатск, 1812 год:
«Штатной городской команды
Поручик Расторгуев Яков Алексеев (1746). Ж. Наталья Федоровна (1750)» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 4. Л. 10 об.].
У него сын здесь же служит:
«Камчатский гарнизонный батальон
Рядовые
Расторгуев Сергей Яковлев (1783)» [там же, л. 6].
Но это еще не все. Нижнекамчатск, 1812 год:
«Казачья команда
Сотники
Расторгуев Павел Андреевич (1786). Жена Анна Васильевна (1798)»
Петропавловский порт, 1819 год:
Урядник Павел Андреевич Расторгуев. Дети Михаил (1807), Андрей (1810).
И это еще не все. Нижнекамчатск, 1812 год:
«Камчатский гарнизонный батальон
Рядовые
Расторгуев Иван Григорьев (1763). Ж. Татьяна Митрофановна (1768)»
Его сын:
«Штат провиантского комиссионерства
Писарь
Расторгуев Иван Иванович (1792). Ж. Анна Яковлевна (1795)»
Второй сын:
«Камчатский гарнизонный батальон
рядовой
Расторгуев Михайло Иванов (1779)»
Петропавловский порт, 1815 год:
«Петропавловская экипажная рота
Расторгуев Михаил Иванович (1779), матрос 2-й статьи».
Вы думаете, это все? Напрасно.
Нижнекамчатск, 1812 год:
«Штат провиантского комиссионерства
Казначей 14 класса
Расторгуев Афанасий Михайлович (1772). Ж. Мария Ивановна (1795). Дети: Наталья (1807); Николай (1810)».
«Штатские Почтовой экспедиции
почтальон
Расторгуев Василий Михайлов (1774). Ж. Ирина Михайловна (1788)»
«Камчатская казачья команда
Казаки отставные
Расторгуев Николай Михайлович. Ж. Любовь Ивановна (1797)»
И так далее.
Проще все это представить уже в поколенной росписи.

РЕПИНЫ

Первый дальневосточный Репин появляется в Якутске в 1720 году:

«Во дворе Василей Стефанов сын Татаринов … у него ж живет служивой Максим Репин и он Максим послан на службу на Камчатку в 718 году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 25 об.].

По нашей информационной базе мы отыскали аналогичных Репиных только в Тобольском уезде.

Но, судя по данным за 1680-е годы, Репиных здесь было не просто много…

Переписная книга Тобольльского уезда переписи Льва Поскочина 7189 (1680/81), 7190 (1681/82) и 7191 (1682,83) гг.:

Деревня Репина на речке Нице.

Во дворе Ларка Микитин сын Репин. Сказал: родился де он в той же деревне Репине. У него сын Ивашко 3 лет.

Во дворе Микишка Микитин сын Репин. Сказал: родился де он в той же деревне Репине. У него брат Омелька. (л. 305)

Деревня Верхня Репина на речке Аталыку.

Во дворе Тимошка Иванов сын Репин. Сказал: родился де он в той же деревне. У него дети: Алешка 12 лет, Оска 4 лет. Сенных у него покосов в лугу по Аталыку речке на двести копен.

Во дворе Пахомко Иванов сын Репин.

Сказал: родился де он в той же деревне Репине. У него дети: Оска, Ивашко, Родка 15 лет. У Оски дети: Гришка 2 лет, Савка полугоду. У Ивашка сын Илюшка году. Сенных у него покосов в лугу подле речку Аталыку на триста копен (Л. 195 об.)

Деревня Репина Нижная на речке Аталыке.

Во дворе Алешка Микитин сын Репин. Сказал: родился де он в той же деревне Репине. У него сын Сенка. У Сенки дети: Якимко 7 лет, Ивашко 3 лет. Сенных у него покосов по Аталыку речке на двести копен.

Во дворе Тимошка Иванов сын Бурундуков. Сказал: родился де он в Московском уезде в селе Быкове, отец иво ловил на великого государя рыбу. В Сибирь сослан в ссылку на вечное житье со 186-го году. У него дети: Елеска 4 лет, Сенка 3 лет. У него ж брат Лучка. Сенных у него покосов подле речку Демьянку на сто копен.

Во дворе Якунка Карпов сын Репин. Сказал: родился де он в той же деревне. У него сын Гришка 7 лет. У него ж братья: Нифанко, Стенка 16 лет.

Во дворе Ивашко Осипов сын Репин. Сказал: родился де он в той же деревне. У него дети: Матюшка 13 лет, Алешка 10 лет, Федка 3 лет. Сенных у него покосов в лугу вверх по Аталыку речке на сто копен.

Во дворе Максимко Осипов сын Репин. Сказал: родился де он в той же деревне Репине. У него сын Мишка 2 лет. У него ж брат Власко. У Власка сын Васка 17 лет. Сенных у него покосов в Бабасанском лугу на сто копен.

Во дворе Васка Иванов сын Репин. Сказал: родился де он в той же деревне Репине.

Во дворе Исачко Иванов сын Репин. Сказал: родился де он в той же деревне Репине. У него дети: Левка, Огапитко 2 лет. Сенных у него покосов в лугу за речкою Тарловкою на сто копен.

Межа деревне Репины пашенной и непашенной земле с верхную сторону от речки Аталыку впрямь через дуброву на сосну, а с сонны на две

березы, а з берез на осиновой колок, а с колка на Нердинское болото, а по другую сторону речка Чюшум до устья той речки Чюшума. А сенные покосы вниз по речке Аталыку до проезжие зимние дороги тюменские (Лл. 194–195).

Тобольский драгунский полк

Месхонская слобода

Во дворе Андрюшка Иванов сын Репин. Сказал: родился де он в Тобольску, отец ево служил в салдатех. А он Андрюшка в Мехонинскую слободу прислан в драгуны со 186-го году.

Во дворе Ивашко Иванов сын Репинов. Сказал: родился де он в Тобольску, салдацкой сын. А в Мехонинской слободе живет в драгунех со 186-го году. У него брат Сенка 16 лет (л.1000 об.).

А ведь все эти Репины — потомки всего лишь двух братьев-крестьян:

Тобольск, 1623 год:

«Деревня Карачино

Во дворе пашенный крестьянин Панко Григорьев сын Репин. Пашни паханные середние земли подле деревни на лугу на веретеи и в отъезде за озером Карачинским на другой стороне от деревни версты с полторы в вершине Черной речки 4 чети с полутретником перелогу 14 чети с получетвериком а в дву потому ж».

«Деревня на Долгом яру пониже Тобол Туры

городища Репина

Во дворе пашенной крестьянин Микитка Григорьев сын Репин. У нево два сына Карпунка Ивашко. Пашни паханные середние земли 8 чети с третником. Перелогу 12 чети с осминою в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 25 десятин. Поскотинные земли перелогу 5 десятин. Сена косит в лугу около своей пашни по низким местем по колкам и по дубравам 70 копен. Живущим треть выти впусте пол выти» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. л. 173 об., 174 об.].

Были ли среди Репиных казаки?

Немного.

Из них пеший казак станицы Ивана Омельянова «Гришка Олексеев Репнин во 160-м [1652] году послан на службу в новую Даурскую землю» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 450. Л. 140 об.].

В 1691 году в составе полка Никифора Сенотрусова, расположенного в Удинске, находился Ивашко Репин — из Тобольского полка Исецкой (точнее, Месхонской) слободы.

«Книги имянные Тоболского уезду слободским беломесным казаком 204 году старым и новоприборным и с теми которые пришли из Даурских острогов

Сотня Мехонские слободы

Ивашко Репин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1104. Л. 33 об.].

Возможны ли другие варианты появления Репиных в Якутии?

Да, но между ними большой временной разрыв.

В 1661 году в Якутии служит Степанко Репа [РГАДА ф. Якутская приказная изба, ст. № 2144, лл. 4–7].

Второй случай относится к 1685 году:

«Ужинная и умолотная и расходная книги выдельного хлеба с десятинной пашни в Чечуйском острожке приказчика Федора Козыревского и житничных целовальников Михаила Андреева и Акинфия Данилова Репина 1685–1686 (194) г. Переходящие скрепы Кровкова и Козыревского и скрепа пашенного Федора Осипова за Андреева и Репина» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

Но, тем не менее, мы не можем их отбрасывать — вдруг Максим Репин является их прямым потомком.

Итак, Максим. О нем мы почти ничего не знаем.

В 1718 году он отправлен служить на Камчатку.

В переписи за 1748 год он показан в Охотске:

«В Охоцком остроге

Разночинцы

Максим Репин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 87].

И в этой же переписи указаны его дети:

«По гор. Якуцку в казачью службу определены:

Матвей Максимов с. Репин

Иван Репин» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 122, 123].

Далее: Иван находится среди разночинцев Большерецкого острога [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 117 об.].

Матвей — в Анадырском остроге:

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

казаки

Матвей [Максимов сын] Репин. Жена Параскева Васильева. Сын Афанасий (1767). Дочь Варвара» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

И добавляется еще двое Максимовичей:

Василий.

Сначала в Якутске в 1761 году «действительно при команде имеются и употребляются в караул с переменою: казак Василий Репин», а затем в Гижигинской крепости:

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781.

Казак Василий [Максимов сын] Репин» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 21].

Яков

Сначала Анадырский острог:

«Младший сотник Иван Кобелев, живя в Анадырском остроге, слышал и рассказы о бородатых людях Большой земли, подобные “сказкам”, записанным в 1762 году в Охотске.

Служилые из Анадырска — Иван Гребешков, Яков Репин и Леонтий Вершинин — сообщали тогда, что бородатые люди не раз просили чукчей привезти на Большую землю хотя бы одного русского человека. При этом жители Аляски будто бы говорили, что анадырские казаки — их деды.

Анадырские служилые вспоминали, что еще до 1742 года казак Решетников, прибывший на устье Анадыря, чуть было не уехал с чукчами к бородатым людям. Его уже посадили в байдарку, но набежали другие чукчи и не дали казаку плыть к Большой земле, говоря при этом, что не нужно допускать союза русских с бородатыми людьми.

Казак Яков Репин уверял в своей “сказке” 1762 года, что сам находил выточенное из дерева блюдо “русского дела”, привезенное с Большой земли» [Сергей Марков, Земной круг].

В 1766 году он служил уже в Гижигинской крепости:

Репин Яков Максимов [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 13. Л. 9].

В записях Исповедальных росписей Петропавловского собора за 1813 год мы находим имя казака Василия Матвеевича Репина, служившего в Камчатской казачьей команде (1751) [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

Здесь все ясно — сын Матвея Максимовича, внук Максима.

Но в Нижнекамчатске в составе Камчатского гарнизонного батальона служил в рядовых еще один Репин — Егор Исакович (1781).

Вполне вероятно, что он прибыл на Камчатку из числа тех, кто прежде служил в составе Иркутского гарнизонного полка.

Имени Исака (Исаака) Репина мы не нашли в «Родословной книге Иркутска» А.В. Черепанова. Нашли другое — все указанные им в этой книге Репины — из солдат:

Борис Андреевич Репин — отставной солдат Якутского конного полка в 1764 году. Его сын — Михайло — умер в 1773 году, будучи солдатом Иркутского батальона. Даже дочь Бориса — Васса — и та вышла замуж за солдата Якутского полка Ивана Жирнова.

Но далее следы теряются…

РУБЦОВЫ

Вполне понятно, что в основе этой фамилии лежит слово «рубец». И человек, который когда-то получил это прозвище, имел этот рубец. Вероятнее всего, на лице, где он наиболее заметен.

Но история, которую мы хотим вам рассказать, начинается не с этого прозвища.

Борис Петрович Полевой, известный ленинградский ученый, который занимался историей Дальнего Востока, открыл событие, имеющее не меньшую историческую значимость, чем поход Семена Дежнева — Федота Попова — Анкудина Герасимова или Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга — Алексея Чирикова — Мартына Шпанберга.

Он нашел в архивах документ, утверждающий, что некий казак Иван Меркурьев сын Бакшеев Рубец на морских кочах совершил переход из Северного Ледовитого океана в океан Тихий и добрался до реки Камчатки почти на полвека раньше, чем Владимир Атласов и почти на столетие раньше, чем Витус Беринг.

И это плавание до сих пор является *забытым*…

К этому мы еще вернемся, а пока и прежде всего нас интересует история этой фамилии.

Борис Петрович Полевой сделал следующее предположение:

«В росписи судовых запасов в Якутске в 1662 г. оказалась запись о том, что “Иван Бакшеев Рубец” был “в 169 году” отпущен “за Нос на коче с служилыми людьми”» [РГАДА, Якутская приказная изба, опись 3, 1662, № 42].

«Надо учесть, что у русских землепроходцев XVII в. часто было два отчества. Так организатор первого русского похода на Тихий океан Дмитрий Копылов имел отчества “Епифанович” и “Иванович”; Петр Бекетов, основатель Якутска и других сибирских городов, имел отчества “Иванович” и “Никитич”; колымский землепроходец Тарас Стадухин— “Васильевич” и “Терентьевич”. Иван Рубец тоже имел два отчества: в одних случаях “сын Меркурьев”, в других — “сын Бакшеев” (он как-то был связан с тобольскими татарами)».

Но это его предположение не было принято другим — новосибирским — историком Андреем Сергеевичем Зуевым:

«По версии Б.П. Полевого, десятник Иван Меркурьевич Бакшеев (Рубец) совершил морское плавание с Лены на Анадырь [758] (в другой работе Полевой называет дату 1662 г.).

1662 год

По версии Б.П. Полевого, И.М. Бакшеев из Анадыря морем дошел до р. Камчатки. Проведя в верховьях этой реки зиму 1662/63 г., вернулся в Анадырский острог. В верховьях р. Камчатки погромил иноземцев и собрал с них ясак.

1663 год

…Осенью 1663 г. неясачные коряки сожгли оставленные И. Бакшеевым в 10 верстах от Анадырского острога два коча, а также “под острогом” убили трех русских людей [765].

1664 год

В декабре 1664 г. анадырский приказчик И. Бакшеев организовал поход “в коряки”. Его обстоятельства и результаты неизвестны».

Так кто же из них все-таки прав?

Борису Петровичу Полевому следовало написать о двойных фамилиях, а не двойных отчествах. В XVII столетии, о котором у нас сейчас идет речь, фамилии еще не устоялись, перемежались с прозвищами, использовались в разных случаях разные варианты, и часто в документах следовало Иванов, Петров, Сидоров, но не в качестве фамилии, а в качестве имени отца — Иванов сын, Петров сын, Сидоров сын…

В других случаях использовались либо фамилии, либо родовые прозвища.

О первых тобольских Бакшеевых мы узнаем из Дозорной книги за 1623 год:

«На речке Кундуске в Санниковых деревнях

Во дворе пашенной крестьянин Сидорко Бакшеев у него брат Микитка. Пашни паханные середние земли 12 чети да перелогу 4 чети с полутретником в поле дву потому ж. Сена косит 300 копен. У него ж отъезжая пашня вверх по Кундуске в дуброве паханные середние земли 2 чети в полу-четвериком в поле а в дву потому ж».

В 1680 году в деревне Бакшеева и окрестных деревнях проживало уже с добрый десяток семей Бакшеевых.

У нас нет подтверждения, но Меркурий, отец Ивана, мог быть сыном одного из них — первых тобольских крестьян Бакшеевых, почему в казачьих списках такого имени мы не находим.

Но, скорее всего, именно он и носил прозвище Рубец, так как два — уже его — сына носили это родовое прозвище.

Вторым был Агафонко Меркурьев сын Рубцов, тобольский пеший казак станицы атамана Андрея Булдакова, который был послан на службу в Даурию в 1655 году от Рождества Христова

(или в 7163 году от сотворения Мира). Это была экспедиция первого Даурского воеводы Афанасия Пашкова, из которой живыми в Тобольск вернулись, как известно, единицы [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 389]. Последняя отысканная нами запись об Агафоне Меркурьевиче датирована 1664 годом [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 450].

Но…

Но в Забайкалье сохранилась фамилия Бакшеевых.

А мы вернемся к Ивану Меркурьевичу Рубцу.

«На основании архивных документов удалось установить, что Иван Меркурьев (или Бакшеев) Рубец в течение двадцати лет служил в Тобольске простым казаком. Оттуда его не раз посылали в различные далекие поездки. Из челобитной вологжанина Филиппа Бударева видно, что еще в августе 1648 г. Иван Рубец привез из Тобольска в Якутск какие-то “государевы грамоты” и вскоре оттуда выехал в обратный путь. В 1653 г. Рубец, как знаток пути из Тобольска до Якутска, был опять послан на восток. На этот раз он ехал из Тобольска на Лену в качестве “пристава” при колоднике-фальшивомонетчике Константине Конюховском. В Якутский острог он прибыл 30 июня 1654 г. Отсюда он должен был вернуться в Тобольск, но этому помешала “очная” (глазная) болезнь. Когда его здоровье улучшилось, ему стало очевидным, что он “за скудостью” уже не сможет скоро вернуться на свою родину. Поэтому он обратился к якутскому воеводе с челобитной, в которой он просил поверстать его в десятники Ленского острога “на убылое место” погибшего на Амуре десятника Т. Чечигина. 24 июля 1655 г. воевода Лодыженский согласился зачислить Рубца лишь в рядовые казаки Якутского острога. Вскоре после этого он был отправлен с казачьим десятником С.А. Мельненком на далекую реку Тугур за реку Уду. Там он прожил до 1657 г. При возвращении назад по Охотскому побережью Рубец был тяжело ранен в грудь (“и едва ожил”) на реке Лантарь. После выздоровления в 1659 г. он был послан вместе с пятидесятником Василием Бурлаком на Индигирку в Зашиверский острожек. Оттуда Рубец для самостоятельного сбора ясака проехал на реку Хромую. Сбор оказался весьма успешным. С реки Хромой Рубец повез прямо на Лену значительный ясак. Вернувшись в Якутск, он вновь подал челобитную о поверстании его в десятники. На этот раз новый якутский воевода И.Ф. Большой Голенищев-Кутузов пообещал исполнить эту просьбу, и действительно 15 декабря 1661 г. И.М. Рубец был поверстан в казачьи десятники. Но еще до этого в июле 1661 г. И.М. Рубец был послан из Якутска на Анадырь, где он должен был сменить знаменитого первооткрывателя Байкала Курбата Иванова на посту приказного в Анадырском остроге» [Б.П. Полевой].

«По инструкции “наказной памяти”, добраться к месту назначения должен был морем. Из Якутска он отплыл на двух кочах, но в начале августа одно судно потерпело крушение, погибла и часть груза; пришлось перебраться на другой коч. Авария задержала выход в море, и до морозов удалось достичь лишь устья Яны и там зазимовать. К отряду примкнула группа промысловиков на своем судне».

Это подтверждается и документами:

1661 (169) г. июня 6. —
Из книги расходной судов и судовых припасов за 169 г. — о выдаче коча и судовых снастей десятнику казачьему Ивану Рубцу, отправляющемуся на р. Анадырь.

|л. 65| … Росход вниз Леною рекою и по иным сторонным рекам, и за море.

Июня в 6 день, посланы великого государя на службу за море, на Анандырь реку, десятник казачей Ивашко Рубец, а с ним послано якутцких служилых людей 6 человек. И тем служилым людем дан коч мерою 8 сажен, да судовых снастей 2 дрога, да завозу мерою 30 сажен, да ног и возжей, и скутов, и роки, и подзору 120 сажен, завозу 50 сажен, на обшивины к парусу 48 сажен, бечевы, лотка шестерик, шейм 23 сажени, да из бечевы на возжи 40 сажен, якорь весом полтора пуда, якорь же весом полтретья пуда, 2 сверла, тесла, 2 напарьи, долото, пешня, да для звериного промыслу 30 спиц железных моржевых, /л. 65 об./ да 11 гривенок прядена на шитье к парусу и на починку к сетям, да на парус [329] 600 аршин холсту нового, да 16 гвоздей четвертных, да 600 скоб судовых, да для весу кости рыбья зубу безмен пудовой, гиря медная…»

«1661/62 (170) г. —
Из книги приходной судов и судовых припасов 170 г. — о недосланном коче десятником казачьим Иваном Рубцом.

|л. 80| … А по справке с судовым отпуском прошлого 169-го году:

Не дослал он, Ивашко Рубец, коча мерою 8 сажен, 45 сажен судовых снастей, шеймы 13 сажен, якоря весом полутретьих пуд, лотки шестерика, дву сверл, теслы, дву напарей, долота, пешни, 16-ти гвоздей четвертных, 600 скоб судовых.

И в нынешнем во 170-м году писал в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к-Ывану Федоровичю Большему Голенищеву-Кутузову он, Ивашко, а в отписке ево написано, что де в прошлом во 169-м году отпущен он, Ивашко, из Якутцкого острогу великого государя на службу за Нос на коче с служилыми людьми, и божиим судом плоучи вниз по Лене реке повыше Нижнего столба в лайдах 1 коч великого государя с казною погодою розбило августа в 4 день на отстое, а отстоятца не могли, с якорей збило. И он, Ивашко, не хотя великого государя службы поставить, пошел великого государя на службу на коче с-Ываном Хвостовым. А с собою он, Ивашко, взял напарью да долото, /л. 80 об./ а якорь де весом полтретья пуда, шеймы 13 сажен, 45 сажен судовых снастей отдал он, Ивашко, на коч служилому человеку Гарасимку Цыпандину, а 2 де сверла и тесла, и напарья, и пешня, и 16 гвоздей, и 600 скоб судовых, как де у него, Ивашка, розбило коч, в те поры все утонуло в воду» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, кн. № 271, лл. 80–80 об.].

«Приказчики Анадырского острога

Рубец Иван Меркурьевич, десятник. Назначен Ленской съезжей избой 6 июля 1661 г., должность принял в сентябре 1663 г. – июнь 1666 г.»

[Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 198].

Б.П. Полевому удалось найти черновой вариант наказной памяти Ивану Рубцу, назначенному новым приказчиком Анадырского острога:

«По тексту этого черновика видно, что Рубец первоначально должен был морем пройти только до Алазеи, а оттуда посуху пройти в первую "колымскую столицу" — Средне-Колымский острожек и уж потом отправиться обратным путем с колымского Анюя через волок на Анадырь. Однако позже вводную часть "памяти" изменили и она стала гласить так: "Служилому человеку десятнику казачью Ивашку Рубцу, да с ним служилым людям: итти им на великого государя службу из Якутцкого острогу вниз по Лене до устья Лены реки, где впала в море, и по морю на Индигирку реку для того, что в прошлом во 164-м (1656) году писали в Якутцкий острог к стольнику и воеводе к Михаилу Лодыженскому, да к дьякону к Федору Тонкову, с той Анандыря реки, служилые охочие люди Сенька Дежнев да Никитка Семенов, а в отписке написано: нашли они на устье Анандыря реки за губою коргу, вышла в море, а на той корге морской зверь морж ложитца много и того моржевого заморного зуба, на той корге служилые и с ними промышленные люди, промышляли и заморный зуб брали..." Уже этот отрывок говорит о том, что Ивану Рубцу было поручено морским путем идти от Лены до того самого места, где на море, за Анадырской губой на корге, велся промысел моржовой кости. Еще раз это подтверждает особое запрещение, включенное в последнюю часть той же наказной памяти: "а ему, Ивашку с товарищи, пловучи вниз Леною и морем до Индигирки, и до Алазейки, и до Ковымы, и до Анадыря рек, в дороге беглых и безпроезжих никого служилых и торговых, и промышелнных людей на суды к себе отнюдь не принимать и на Анадырь не свозить"».

Обратим внимание на последнюю фразу и запомним, что Иван Меркурьевич *нарушит* этот наказ.

Но главная задача, которая перед ним поставлена — идти к устью реки Анадырь, туда, где располагается *моржовая корга* (лежбище моржей, клыки которых — «рыбий зуб» — имели немалую ценность на европейских рынках) и обеспечить добычу этого «рыбьего зуба».

«В низовьях Лены у Нижних Столбов был в бурю разбит его коч. Погибла и часть груза. Однако это несчастье не остановило Рубца. Он пересел на шедший вместе с его судном коч казака Ивана Хворова, который был отправлен на службу на приток Колымы — Омолон ("Блудную"), Пенжину и "Чендон" (Гижигу). До конца навигации они смогли дойти только до устья Яны. В Нижне-Янском зимовье они провели зиму 1661–1662 гг. По сообщению анадырского приказного Курбата Иванова именно здесь "в 170 г. Иван Рубец шел морем и продавал на Яне холсты"» [Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки].

«Иван Михайлов Хворый 4 июля 1661 г. отпущен из Якутска на реки Блудную и Пенжину. В наказной памяти Хворому сказано: "Итти ему из Якуцкого острогу вниз по Лене до усть Лены, где пала в море, и по морю на Ковыму реку и, пришед на Ковыму, взять ему, Ивашке, у сына боярского у Второго Катаева дощаник со всеми судовыми снастями и парусом, и итти ему на новые на Блудную и Чондон реку и, пришед на те реки, принять ему у служилого человека у Федьки Чюкичева острожек, и в острожке аманатов" (ЯА, карт. 17, ст. 19). Вместе с Хворым на том же коче пошли: новый анадырский приказчик Иван Рубец и целовальник Колымы Дмитрий Калуга. Зимой 1662 г. путешественники находились на Яне, а со вскрытием моря продолжали путь (ЯА, карт. 19, ст. 10).

...В коллективной челобитной 48 анадырцев от 30 июля 173 (1665) г. оказалось весьма важное упоминание о том, что Рубец "в прошлом де 170-м году пришел для промыслу кости моржового зуба на Анадырскую коргу двумя кочами с служилыми и торговыми и охочьими людьми". Следовательно, Рубец смог дойти до Анадырской корги довольно быстро — еще до 31 августа 1662 г., когда заканчивался "170" год. Таким образом, стало очевидным: еще в середине июля 1662 г. Рубец был в низовьях Колымы и уже до конца августа 1662 г. он прибыл на так называемое анадырское "промыслище". Так быстро он смог совершить свое большое плавание только лишь на быстроходном добротном коче усть-кутской постройки. Итак, И.М. Рубец в полном соответствии с данной ему инструкцией мог достичь Анадырской моржовой корги, лишь обогнув всю северо-восточную оконечность Азии, т. е. повторив плавание С.И. Дежнева» [Полевой Б.П.].

«Иван Рубец и его целовальник Федор Лаптев, в середине июля 1662 г., в низовьях Колымы в Нижне-Колымском зимовье получили по специальному распоряжению якутского воеводы И.Ф. Большова Голенищева-Кутузова дополнительный карбас "для анадырской заносной службы". И этот карбас действительно смог попасть с Колымы на Анадырь лишь с каким-то морским кочем ... в 1991 г. мне посчастливилось обнаружить в ЦГАДА короткую отписку колымского приказного Втора Катаева, отправленную в Якутск воеводе Голенищеву-Кутузову от 15 июля 1662 г. Она гласила:

"Государю великому князю Алексею Михайловичу великие и малые России, самодержцу стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Якутцкого острога сын боярский Вторко Катаев челом бьет: указал ты мне дать анадырскому целовальнику Федору Лаптеву карбас для анадырской службы, и я карбас велел оценить торговым людям Ондрею Ворыпаеву с товарыщи, и оценили тот карбас торговые люди ценою в два рубли, и денег на тот карбас не дано, потому что у меня в зборе денег ничего нет в государевой казне, а которые судные дела и было поймано пупков, а ис таможни мне денег не указали и ценовная за их торговых людей ру-

ками подклеяна под сей отпискою и послана в Якутцкий острог”» [там же].

А на Анадыре в это самое время остались без судов. Курбат Иванов, на смену которому шел Рубец, сообщал:

«…“а коч покинули и судовую снасть… а вперед коча нет и итти будет неведомо на чем на коргу”. А вот в августе 1662 г. у корги сразу появились два коча! Это были быстроходные ленские кочи усть-кутской постройки, а не примитивные, весьма непрочные, наспех сколоченные на Анадыре кочи, где не было хорошего леса. В пользу этого вывода говорит и выявленный текст тобольской росписи 1670-х годов, в котором сказано, что русские мореходы с Колымы “как льды пропустят, бывают парусом на кочах однем летом, а как льды не пропустят, и тогда ход бывает по три года до промыслиша”» [там же].

Борис Петрович не случайно делает акцент на качестве кочей устькутской постройки, точнее, на их быстроходности, — это одно из доказательств, что Рубец способен был дойти при хорошей погоде с устья реки Анадырь до устья реки Камчатки.

Причина же ухода с Анадыря проста:

«На Анадырской корге Ивана Рубца ожидало полное разочарование: ни “заморной” кости, ни моржей, несмотря на наличие специальных “спиц” для их убоя, он осенью 1662 г. так и не смог добыть. Причина была одна — сказались последствия хищнического промысла предшествующих лет. Еще в 1661 г. предшественник Ивана Рубца — Курбат Иванов жаловался: “…а зверь морж стал напуган, выйти из моря на берег и летчи не смеет”. Так было и летом 1662 г.: “…зверь в море отпятился”, — жаловались анадырцы» [Полевой Б.П.].

А вот теперь внимание: почему Рубец оказался на реке Камчатке, на которой не был еще *ни один русский* человек.

Причина банальна. Под рекой Камчаткой (и это отразилось на первых картах Дальнего Востока) имели в виду вовсе даже не современную реку, а реку… Пенжину, открытую отрядом казаков во главе с Иваном Камчатым. И Рубец шел с Анадыря на реку Камчатого, не подозревая, что между этими реками лежит огромный полуостров. И когда они достигли большой реки, богатой соболями, то и решили, что это та самая река Камчатого. Впоследствии река Пенжина возвратила себе свое имя, которое относили то к реке Гижига (Чендон), то к реке Парень.

Кстати, появление отряда Рубца на реке Камчатка в 1662 году объясняет и легенду о Федотовском зимовье и названии реки Федотовщины, существовавшем в верховьях реки Камчатки. Целовальником (оценщиком пушнины, принимаемой в ясак) в отряде Рубца был Федор (или Федот) Лаптев.

Повторить же свой поход на Камчатку Рубец уже не мог:

«30 июля 1665 г. анадырцы, перечисляя “озорнячества” Рубца, с горечью отметили: “как шел с моря с корги и пришед в осень во 171 году кочи покинул недошед до Анадырского острогу верст 10 и больши, а все (в) невсоветице своей, и пришед неясачные люди коряки те кочи сожгли и под острогом три человека убили”…».

Но при этом Иван Рубец стал обладателем состояния, которое новый приказчик Анадырского острога Дмитрий Катасонов попытался «вымучить» у Рубца, было оценено в 1050 рублей — это при годовом казачьем окладе в 6 рублей.

«Впоследствии Иван Рубец возбудил против Катасанова судебное дело, которое хранилось в Якутске еще в 1703 г. В подробной архивной описи Якутского острога 1703 г. упомянут «Столп, в нем дело казака Ивашка Рубца в грабеже животов ево в Онадырском острожке прикащика сына боярского Никиты (Микитки, Дмитрия. — *С.В.*) Катасанова 180 (1671–1672) года… В нем двести сорок ставов», т. е. листов» [Б.П. Полевой].

Кое-какие сведения о дальнейшей судьбе и деятельности Ивана Меркурьевича сохранились в делах Якутской приказной избы за разные годы:

1657–1669

Изветная челобитная служилого человека Ив. Рубца о присвоении его имущества приказчиком Анадырского острога Дм. Катасановым.

1660

Дела о взыскании долгов: десятником Иваном Рубцом со служилых людей Ивана Михайлова Деревни и Харитона Беляя.

1659–1660

Дело по челобитной Пантелея на служилого человека Ивана Рубца с товарищами в грабеже, побоях и других притеснениях, уничтожении челобитных и дел с жалобами на Ивана Рубца служилых и промышленных людей.

1661

Судное дело по челобитной торгового человека Ив. Катаева на служилого человека Ив. Меркурьева Рубца, не выполнившего условий своего найма на соболиный промысел.

Дело об ограблении казачьим десятником Ив.Рубцом десятника Панфила Мокрошубова на р. Анадыри в 1665 г.

1667–1669

Челобитные служилых, торговых и промышленных людей Анадырского зимовья о служебных злоупотреблениях приказчиков Ивана Меркурьева Рубца и сменившего его Дмитрия Катасанова, притеснении новым приказчиком Дмитрием Катасановым старого — И.М.Рубца.

Дело о злоупотреблениях десятника Ивана Рубца в бытность его приказчиком Анадырского острожка (притеснение служилых и промышленных русских людей и притеснение ясачного населения), вызвавших нападение юкагиров Ходынского рода на русских служилых людей во главе с новым приказчиком сыном боярским Никитой Катасановым.

Дела по челобитным десятника И.М. Рубца, промышленного человека И.К.Щепоткина, тобольского софийского сына боярского Ю.Гаврилова, записи за ними в холопство погромных ясырей коряцкого рода.

1670

Об опознании служилым человеком Ив.Рубцом своей шубы, принесенной в приказную избу таможенным целовальником Афана сием Потаскиным.

1672–1673

Дела: об оскорблении десятника казачьего Ивана Рубца промышленным человеком Иваном Якимовым Пушкой.

1673

Дело по челобитной приказчика Анадырского острожка Ив.Меркурьева Рубца об уплате ему денег за моржовую кость, отданную работникам за работу по переустройству острожка в 174 г. (1665–1666 гг.).

1675

О невыдаче хлебного жалованья служилым людям Фед. Яковлеву и Ив. Рубцу с товарищами за 179–182 гг. в связи с недосылкой хлеба из Илимска.

Дела о выдаче за хлебное жалованье рыбой десятникам казачьим Мв. Рубцу, Гавриле Черепану, Ив. Сирянину, городовым пушкарям Тимофею и Никите Княжниным, сторожам приказной избы Онасу Воробью и Нестеру Павлову [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

«Царю государю великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой Якутцкого острогу казачей десятничишко Ивашко Меркурьев. Был я, холоп твой, на твоей, великого государя, службе за Носом, и вверх реки Камчатки на погроме взял я, холоп твой, коряцкого малого и привез с собою в Якутцкой. Милосердный государь царь великий князь и белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, того малого записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Из приложенных к ней бумаг видно, что 17 декабря 1668 г. якутский воевода И.П. Борятинский вызвал к себе в воеводскую избу Ивана Меркурьева Рубца вместе с «Петрушкой». «И того же дни, — гласит документ, — перед окольничим и воеводою Иваном Петровичем Борятинским да перед дьяком Степаном Елчуковым, малой, которого Ивашко Рубец привел в приказ, к записке допрашиван, где он взят и в котором году и хто именем его взял, и какого роду и как его зовут, и неясашного ли отца сын.

И малой в допросе сказал: коряцкого роду неясашного отца сын, а взял де его Ивашко Рубец на погроме с казаками на реке Камчатке, а как ево по-коряцки зовут, того сказал не помнит и пока де (по сее) время он не крещен, а назвал его Ивашко Рубец русским именем Петрушкою и потому де его и ныне тем именем называют, а скольких лет взят на погроме, того сказать не помнит».

Тут же даны краткие сведения о внешности взятого на реке Камчатке «коряка Петрушки»: «А в приметы той малый кругловли(ц), плоский нос, двух зубов верхних нет, волосом рус, ростом невелик».

Далее следуют «пометы».

«Окольничий и воевода Иван Петрович Борятинский: в книгу взять, за Ивашко пошлины взять».

«К сим допросным речам вместо коряцкого малого Петрушки по его веленью десятник Сенька Епишев руку приложил».

«В 177 году, декабря в 19 день, тот малой коряцкого роду Петрушка ему, Ивашку, из съезжей избы отдан».

И последняя запись, начертанная рукою малограмотного человека: «По сей отписке я, Ивашко Рубец, малого Петрушку взял и руку приложил» [Б.П. Полевой].

А далее следы Ивана Рубца теряются.

«Из документов нам стало известно, что в 1677 г. Рубец был из Якутска направлен с государевой казной в Москву. Обратно в Якутск уже не вернулся и остался жить в своем родном Тобольске. В 1684–1685 и 1687 гг. впервые появились географические чертежи Сибири, на которых река Камчатка стала впервые изображаться на полуострове» [Б.П. Полевой].

В Дозорной книге Илимского уезда за 1673 год зафиксирована семья крестьянина Рубцова: «Фетка Микифоров сын Рубец з детьми с Омелкою с Ывашком с Титком с Ларкою» [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 392].

Г.Б. Красноштанов в книге «На илимской пашне 17 в.» уточняет:

«Деревня Подкаменная, а в ней крестьяне:

…двор — Федка Микифоров сын Рубец

…В окладной книге 1675 года записаны в одном тягле Фетка Микифоров сын Рубец да Пашко Мефодьев».

А это данные из той же книги за 1687 год:

«Деревня Подъельничная.

…“Емелька Федоров сын Рубцов”. Впервые упомянут в 195 (1687) году. До него был записан в 193 (1685) и 194 (1686) годах Лучка Иванов сын Иконник».

Но появляются все новые и новые Рубцовы. В крестьянской именной книге Илимского уезда за 1677 год:

«На новой приискной Уде реке новопашенные крестьяне построены во 182 и во 183 [1676 и 1677] годех а изо льготы выйдут ко 187 [1679] и учнут пахать государевы десятинные пашни по десятине ржаной по десятине яровой.

…Петрушка Митюков учнет пахать полдесятины ржи полдесятины яровово…

Мартынко Яковлев 185 году по указу великого государя и по грамоте Мартынко ис пашни отставлен и отпущен из Ылимского к великому государю к Москве и 185 году на ево Мартынкову пашню в половину тягла построен ссыльной Матюшка Григорьев сын Рубец с сыном Васкою».

В книге В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня [т. 1, И., 1949] тоже есть интересная информация:

«В окладной книге пашенных крестьян за 1687 год по Яндинской волости отмечен единственный случай бегства крестьянина: “А пашут то тягло за бывшего пашенного крестьянина, за Офоньку Екимова, порутчики его Васька Рубцов, Оверка Иванов, Офонька Кирилов, Оброська Андреев, Ивашка Витезев. 196-го году октября в 2 день Офонькину пашню порутчики ево, Офонькины, Оверка Иванов с товарыщи здали пахать новопашенному Митьке Дмитриеву сыну Капустину и в том по нем, Митьке, и взята поручная запись”».

Вполне вероятно, что это Васька Матюшкин (Матвеев) сын.

Примерно в эти же годы — 1677–1694 — в Красноярске в пеших казаках служил барабанщиком некий Григорий Рубцов.

А в переписи за 1719/1722 годы по Красноярску мы, вероятно, видим всю его семью:

«Двор пешего казака Василья [Григорьева сына] Рубцова.

И он, Василей, под опасением смертные казни сказал: он, Василей, — сорока трех лет (≈1677). Детей у него: сын Федор — трех лет, Иван — трех недель.

У него брат Иван — сорока двух лет (≈1678), Феклист — тритцати пяти лет (≈1685), Степан — дватцати пяти лет (≈1695), Роман — дватцати трех лет (≈1697). У него, Романа, сын Иван — трех лет» [Перепись города Красноярска и его уезда 1719–1722. Подготовил и издал И.А. Сиротинин, М. 2014].

На Камчатке в 1735 году был вынесен приговор Розыскной канцелярии в связи с дело о причинах Харчинского бунта:

«В Большерецком остроге казнен смертию повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников.

Учинено телесное наказание биты кнутом служилые люди: Осип Соловьев, Матфей Новограбленой, Михайло Лепихин, Федор Лобанов, Андрей Марамыгин, Андрей Рубцов, Петр Евлатьев, Андрей Воронин, Григорей Томилов, Онофрий Черкашенин, Лука Трескин, Ларион Валынкин, Григорей Келтякин, Петр Валынкин, Степан Вахрушев, Михайло Котков, Федор Асламов, Иван Лукашевской, Сава Усов, Василей Посников, Василей Щеголев, Семен Вагин, Михайло Лепихин меньшой, Петр Матфеев, Семен Шарапов, Афонасей Попов, Михайло Лукашевской, Семен Сургуцкой, Петр Чупров, Антон Хмылевской» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

Позже мы находим имя Рубцова в списке участников миссионерских крестовых походов и узнаем его отчество:

Рубцов Андрей Степанов [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

Мы долго искали в нашей информационной базе возможного Степана Рубцова и нашли пока только одного:

«Тобольский уезд. Слобода Усть Мияская

Двор крестьянина Степана Дмитриева Рубцова сказался 50 лет, у него жена Анна 30 лет, сын Микита 18 лет, Ефим 9 лет, Федос(р) 3 лет. У Микиты жена Акилина 18 лет».

Андрея в этом семейном списке нет. Но его и не должно было быть — все, кто жил уже самостоятельной жизнью (крестьянствовал или был верстан в казаки или забран в рекруты) проходили уже по другим спискам.

Конечно, это только версия, но вполне рабочая — сибирское казачество весьма активно пополнялось за счет крестьянских детей. Да, и, судя по возрасту Степана Дмитриевича, у него, вполне возможно, могли быть и более старшие дети.

Но пока это только версия.

А вот что более определенно:

«Гижигинская крепость, 1766 год:

Казаки

Рубцов Федор Андреев

Рубцов Яков Федоров» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 13. Л. 9].

И я не очень удивлюсь, если нам удастся доказать, что управляющий Олекминским зимовьем пятидесятник Василий Рубцов является потомков Андрея Степановича, Федора Андреевича и Якова Федоровича Рубцовых.

Василий Рубцов родился в 1788 году.

В 1831 году он имел трех сыновей:

«Казачьи дети Пятидесятника Василия Рубцова

1. Федор — 14 [1817]
2. Григорий — 5 [1826]
3. Александр — 2 [1829]» [НА РС (Я), фонд 401 п, оп. 1, дело 6 Б, лл. 723 об. — 724].

Эти его сыновья сделали неплохую карьеру:

Рубцов Федор Васильевич, урядник (с 21 июня 1841 г.), пятидесятник (с 15 ноября 1849 г.). 30 сентября 1847 – 28 ноября 1849 г.

Полицмейстеры порта Аян РАК» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 373].

В «Памятной книжке Якутской области за 1863 год» [Спб, 1864, с. 14] записано:

«Смотритель острога, зауряд-хорунжий Федор Васильевич Рубцов (команд. к испр. долж.)».

Зауряд-хорунжий — чин, получаемый при участии в боевых действиях или действиях, приравненных к боевым.

В каких же действиях участвовал полицмейстер порта Аян?

«27 июня [1855 года], вслед за сигналом, переданным с пикетов, в залив вошли три английских судна: два парусных фрегата и пароходо-фрегат, под общим командованием капитана Фредерика. Все гражданское население порта [Аян] и находившаяся там незначительная воинская часть (команда Российско-американской компании в 45 человек) согласно данной генерал-губернатором на этот случай инструкции покинули городок и отправились за гору на реку Аянка. В следующую ночь туда же было вывезено имущество порта. Английские корабли пробыли в Аяне до 5 июля. Они производили астрономические наблюдения и промеры глубин залива и высаживали ежедневно в разных местах побережья десанты, не менее ста человек в каждой партии. Высаженные части вели заготовку топлива и воды, рекогносцировку и съемку местности. На всех зданиях и в церкви были сломаны замки, захвачены различные материалы и товары, а равно и мелкие пловучие средства, принадлежавшие Российско-американской компании. Англичане уничтожили также обнаруженные ими части строившегося парохода.

21 июля в Аяне снова появились два английских фрегата, а в последующие дни подошло еще несколько английских и французских судов. Пробыли они там в общей сложности до 3 августа. Население и команда Российско-американской компании, как и в предыдущем случае, покинули город. Неприятель высадил десант в количестве 400 человек, который уничтожил несколько шлюпок и баркасов, за-

хватил кузнечные принадлежности, железо, доски, якори и неводы и настойчиво искал зарытое, по его предположениям, в земле оружие. Французские моряки, оставшиеся в Аяне после ухода оттуда англичан, рассказывали, что те искали не оружие, а спрятанный будто бы в земле миллион русских денег. Французы добавили, что "взять пушки с батареи вооруженною рукою они считают делом понятным, а рыться в земле — унизительным"» [М.А. Сергеев. Оборона Петропавловска-на-Камчатке].

Второй (по возрасту) из братьев — Григорий Васильевич — служил какое-то время в Охотске:

«Список казаков, находившихся в Охотской команде … Пятидесятник Григорий Рубцов – поступил в Охотск 25.01.1870, 20.01.1873 г. переведен в Якутск [РГИА. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 398. Л. 101–101 об.].

Но, видимо, список Рубцовых на этом не заканчивается:

«7 (20) апреля 1917 года в Якутске был образован Совет казачьих депутатов, а 9 (22) апреля состоялось собрание казаков Якутского казачьего пехотного полка под председательством А.И. Попова. Собрание избрало делегатами в Совет казачьих депутатов А.И. Попова, М.М. Бубякина и С.В. Рубцова».

Вполне возможно, что это был младший из братьев Рубцовых…

Сын Александра Васильевича — Илья Александрович — поднялся по служебной лестнице еще выше:

Хорунжий 14 класса (с 27 июня 1905), помощник Олекминского окружного исправника в 1907 г. сотник 12 класса (с 22 ноября 1910), подъесаул (с 23 сентября) 1913, полицмейстер Якутского городского полицейского управления, 1912–1917.

Но…

Но «5 марта 1917 года вице-губернатор [Якутской] области Тизенгаузен и полицмейстер Рубцов слагают свои полномочия и передают власть якобы» — новой власти.

«В апреле 1918 года атаман полка Казанцев, бывший полицмейстер Рубцов и отставной казак Корякин вошли в "военный совет", созданный для обороны Якутска от красных и вооруживший 25 казаков. Но эффективного сопротивления красным они не оказали, безучастными остались и 80 казаков Якутской команды, которых хотели поставить под ружье. 6 и 10 июля 1918 года красные провели облавы и обезоружили всех казаков. Даже тех, кто сохранял нейтралитет. Это привело к окончательной ликвидации казачьего полка как вооруженной силы».

РУСАНОВЫ

Прежде чем говорить об истории появления этой фамилии на Северо-Востоке России, я хотел бы показать ее значение в жизни Гижигинской крепости — то, насколько мощной была эта династия.

Основываясь на материалах Государственного архива Магаданской области, мы попытались создать некую поколенную роспись, хотя «белых пятен» в этой родословной, не связывающих Русановых друг с другом в этой родовой цепочке, предостаточно. Но по мере появления новых документов и новых сведений мы будем дополнять эту роспись новыми данными.

Гижигинская крепость, 1761	Гижигинская команда 1761. Солдаты. Иван Русанов	РГВИА, фонд 14808, опись 1, д. 3, л. 31 об.
Гижигинская крепость, 1772	Гижигинская крепость 1772 г. Казаки. Григорий Русанов	РГВИА, фонд 14808, опись 1, д. 22, л. 10 об.
Гижигинская крепость, 1778	Гижигинская крепость 1778 г. Казаки. Григорий Русанов	РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 71, л. 1
Гижигинская крепость, 1772	Гижигинская крепость 1772 г. Казаки. Василий Русанов	РГВИА, фонд 14808, опись 1, д. 22, л. 10 об.
Гижигинская крепость, 1778	Гижигинская крепость 1778 г. Казаки. Василий Русанов	РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 71, л. 20
Гижигинская крепость, 1781	Ведомость Гижигинской школы 1784 г. Семен Русанов — 8 (1776)	РГВИА, фонд 14808, опись 1, д. 7, л. 31
Гижигинская крепость, 1781	Ведомость Гижигинской школы 1784 г. Михайло Русанов (примерно 1776/1780)	РГВИА, фонд 14808, опись 1, д. 7, л. 77 об.
Анадырский острог, 1763	Показания 1763 г., взятые командиром Анадырской партии Ф.Х. Плениснером у сотников Осипа Нижегородова, Ивана Попова, пятидесятника Алексея Русанова, казаков Василья Кургуцкого, Степана Перфильева, Ивана Русанова, Алексея Шипунова, Прокопия Чертовских	Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л, 1935
Анадырский острог, 1768	Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость. Казаки. Отец отставного казака Ивана Русанова	РГВИА, фонд 14808, опись 1, д. 28, Л. 18
Анадырский острог, 1763	Показания 1763 г., взятые командиром Анадырской партии Ф.Х. Плениснером у сотников Осипа Нижегородова, Ивана Попова, пятидесятника Алексея Русанова, казаков Василья Кургуцкого, Степана Перфильева, Ивана Русанова, Алексея Шипунова, Прокопия Чертовских	Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л, 1935
Охотск, 1781	Ведомость Гижигинской крепости за 1781. Казаки. Михайла Русанов — в Охотске	РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 88, л. 22 об.1
Гижигинская крепость, 1772	Гижигинская крепость 1772 г. Казаки. Матвей Русанов	РГВИА, фонд 14808, опись 1, д. 22, л. 10 об.
Гижигинская крепость, 1778	Гижигинская крепость 1778 г. Казаки. Матвей Русанов	РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 71, л. 17 об.
Гижигинская крепость, 1781	Ведомость Гижигинской крепости за 1781 г. Казаки. Матвей Русанов	РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 88, л. 21
	Русанов Матвей, Гижигинский мещанин. Ж. Пелагея Кириковна	

колено		
	Русанов Кириак, гижигинский казак Ж. Анна Михайловна	
	Русанов Илья Матвеевич (1780–1848), казак Гижигинской сотни, в 1844 отставной казак	
Гижигинская крепость, 1831	Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков. Май 1-го дня 1831 года. Русанов Илья [1783], казак	Национальный архив РС (Я), Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.
	Русанов Диомид	
Гижигинская крепость, 1781	Ведомость Гижигинской крепости за 1781. Казаки. Демид Русанов	РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 88, л. 22 об.
колено		
Дети Кириака	Русанов Михаил Кириакович, казак Гижигинской сотни Ж. Екатерина Григорьевна	
	Русанов Прокопий Кирикович (1829), казак Гижигинской сотни. Ж. (с 15.05. 1849) Посникова Параскева Петровна (1828), дочь ум. солдата	
Дети Ильи Матвеева	Русанова Лукия Ильинична	
	Русанов Сократ Ильич, казак Гижигинской сотни, в 1859 г. урядник. Ж. Мария Ивановна	
Гижигинская крепость, 1852	Русиновы 1852 ГК. Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год. Гижигинская крепость. Писарь. Русинов Сократ Ильин	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 16, Л. 44
Гижигинская крепость, 1855	Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г. Список по старшинству их службы В Гижиге. Казаки. Русанов Сократ — 41; из казачьих детей, на службе и в чине с 1832 года	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 11
Гижигинская крепость, 1856	Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. Вахтер Сократ Русанов – 42, поступил на службу в 1833 г. Ж. Марья Ивановна – 42	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 75
колено		
Дети Сократа Ильича Гижигинская крепость, 1857	Вахтер Сократ Русанов — 42 (1814) — 1833. Ж. Марья Иванова — 42 (1814). Сыновья: Алексей — 10 (1846); Григорий — 8 (1848); Илья — 3 (1853); Иван — 1,5 (1854); Дочь Ирина — 15 (1841)	РГАВМФ. Ф. 909. Оп. 1. Д. 29. Лл. 75–81.
Дети Диомида Гижигинская крепость, 1831	Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков. Май 1-го дня 1831 года. Русанов Кирик [1795], казак	Национальный архив РС (Я), Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.
Гижигинская крепость, 1852	Казаки. Русинов Кирик Демидов — 60	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 16, Л. 44
	Русанов Михаил Диомидович, гижигинский мещанин, в 1865 году гижигинский купец. Ж. Анастасия Ивановна	
	Русанов Матвей Диомидович, гижигинский мещанин. Ж. Пелагея Кириковна	
колено		
Дети Кириака Диомидовича		
Гижигинская крепость, 1852	Казаки: Русинов Кирик Демидов, у него дети служащие: Михаил — 35 (1817)	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 16, Л. 44
Петропавловский порт, 1855	Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г. По предписанию Адъютанта Генерал-Губернатора Восточной Сибири Г. Есаула Мартынова от 28 октября 1855 г. переведены обратно из Петропавловского порта на службу в Гижигу урядник Николай Курилов, казаки Николай Кожевин, Андрей Кокоулин. По этому же предписанию уволены в отпуск из Петропавловского порта для свидания с семействами сроком с 20 ноября по 15 марта 1856 г., а именно: …В Гижигу Казак Петр Савинский, Николай Волков, Иван Кармалин, Михайла Русанов, Николай Овчинников, Александр Колмогоров, Николай Парфентьев, Иван Красовский, Крестент Толстихин, Николай Долгополов, Григорий Зиновьев, Василий Нижегородов, Тимофей Инешин и Михайла Переплеткин	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 4
Петропавловский порт, 1855	Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г. Список по старшинству их службы в Петропавловске Прикомандированные из Гижиги Русанов Михайло — 38; из казачьих детей, на службе и в чине с 1834 года	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 10
Гижигинская крепость, 1852	Казаки Русинов Кирик Демидов. У него дети служащие Прокопий — 22 (1830)	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 16, Л. 44
Петропавловский порт, 1855	Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г. Список по старшинству их службы в Петропавловске Казаки. Прокопий Русанов — 25; из казачьих детей, на службе и в чине с 1849 года	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 9
Гижигинская крепость, 1849	Русанов Прокопий Кирикович (1830), казак Гижигинской сотни. Ж. (с 15.05.1849) Посникова Параскева Петровна (1828), дочь умершего солдата	По материалам ГА Магаданской области
Дети Михаила Диомидовича	Русанов Алексей Михайлович (1837), гижигинский казак. Ж. 1. … Ж. 2 (с 30.06.1886) Сновидова Ксения Ивановна (1864), дочь священника	
	Русанова Евдокия Михайловна (14.02.1844)	
	Русанова Елена Михайловна (18.05.1845), дочь гижигинского купца Михаила Диомидовича Русанова. М. (с 10.10.1865) Брагин Матвей Прокопьевич (1839), купеческий брат	

	Русанов Мелентий Михайлович (12.02.1848)	
	Русанов Григорий Михайлович, гижигинский мещанин	
	Русанов Евсевий Михайлович (1864–1900), гижигинский казак. Ж. (с 26.04.1889) Нижегородова Параскева Ивановна, дочь казака	
	Русанов Иван Михайлович	
	Русанов Трофим Михайлович (? – 1900), гижигинский казак	
Дети Матвея Диомидовича	Русанов Василий Матвеевич (1841–1900), гижигинский мещанин. Ж. (с 29.04.1879) Кибирева Марья Феодосьевна (1851), воспитанница казака Феодосия Кибирева	
	Русанов Диомид Матвеевич (21.03.1846)	
колено		
Дети Сократа Ильича	Русанова Ирина Сократовна (1839), дочь урядника Гижигинской казачьей команды. М. (с 13.05. 1859) Яковкин Афанасий Федорович (1818), старший лекарский ученик, губернский секретарь	
Гижигинская крепость, 1856	Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. Вахтер Сократ Русанов. Дочь Ирина — 15 (1841)	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 75
	Русанов Федор Сократович (1835), гижигинский казак. Ж. (23.05.1862) Зиновьева Варвара Алексеевна (1835), дочь ум. казака	
Гижигинская крепость, 1852	Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. Гижигинская крепость. Писарь Русинов Сократ Ильин. Его сыновья неслужащие Федор — 17 (1835)	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 16, Л. 44
	Русанов Алексей Сократович (12.02. 1845)	
Гижигинская крепость, 1852	Русиновы 1852 ГК. Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. Гижигинская крепость. Писарь. Русинов Сократ Ильин. Его сыновья неслужащие Алексей — 8 (1844)	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 16, Л. 44
	Русанов Григорий Сократович (02.01. 1848), гижигинский казак	
Гижигинская крепость, 1852	Русиновы 1852 ГК Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. Гижигинская крепость. Писарь. Русинов Сократ Ильин. Его сыновья неслужащие: Григорий — 5 (1847)	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 16, Л. 44
Гижигинская крепость, 1856	Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. Вахтер Сократ Русанов – 42, поступил на службу в 1833 г. Ж. Марья Ивановна — 42. Сыновья Иван — 1 г. 6 мес. (1854)	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 75
Гижигинская крепость, 1852	Сын Михаила Иван – 5 (1847)	РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 16, Л. 44
Гижигинская крепость, 1851	21.04.1876. Гижигинский мещанин Николай Михайлов Русанов (1851). Пр. исп., первым браком, 25, дочь умершаго мещанина Якутскаго Ивана Попова, пр. исп., первым браком	По материалам ГА Камчатского края
	Русанов Алексей Михайлович (1855), казачий сын. Ж. (с 17.09.1882) Душкина Татьяна Ильинична (1860), дочь старшего лекарского ученика	
	Русанов Иван Михайлович (1859). Ж. Екатерина Васильевна (29.05. 1880)	
	Русанов Трофим Михайлович (1860), льготный гижигинский казак. Ж. (с 15.05. 1883) Нифантьева Анисия Георгиевна, дочь гижигинского казака	
	Русанов Эраст Михайлович	
Дети Эраста Михайловича	Русанов Михаил Эрастович (1880), сын гижигинского мещанина. Ж. (с 01.11.1898). Екатерина Васильевна Беломоина, дочь гижигинского мещанина	
Дети Григория Сократовича	Русанова Ольга Григорьевна, дочь умершего гижигинского казака. М. (с 15.10. 1900) Нижегородов Аверкий Константинович, гижигинский казак	
	Русанова Акилина Григорьевна, дочь ум. казака. М. (с 09.02.1908) казак Баранов Кирик Николаевич (14.04.1884), гижигинский мещанин	
	Русанова Анна Григорьевна (28.04. 1884. М. 1 (с 12.11.1907) Кудьяров Дмитрий Михайлович (1880). М. 2 Нифантьев Михаил Петрович	
	Русанова Матрона Григорьевна (1892), дочь ум. казака. М. (с 20.01.1910) Сновидов Андрей Иванович (1882), сын ум. священника Иоанна Сновидова	
колено		
Дети Ивана Михайловича	Русанов Михаил Иванович (17.06.1879)	
	Русанова Иулита Ивановна (1880), дочь мещанина Ивана Михайловича Русанова. М. (с 11.10. 1896) Воробьев Николай Иннокентьевич (1876), гижигинский мещанин	
	Русанова Лидия Ивановна (22.04.1901)	
	Русанова Параскева Ивановна (21.12.1903)	
	Русанова Улита Ивановна (01.02.1910)	
	Русанова Елена Ивановна (16.06.1913)	
	Русанова Анастасия Ивановна (15.02.1921)	
	Русанов Петр Васильевич (11.06.1888)	
колено		
Дети Михаила Ивановича	Русанов Николай Михайлович (17.08.1906)	
	Русанов Алексей Михайлович (02.03.1915). ? Ж. Новоселова Ирина Васильевна (1919)	
	Русанов Василий Михайлович (10.04.1918), в 1943 г. проживал в с. Арестово. Ж. Брагина Анна Александровна (1918)	
	Русанова Екатерина Михайловна (20.05.1919)	
Дети Лидии Ивановны	Русанова Надежда (12.04.1923)	
колено		
Дети Алексея Михайловича	Русанова Анна Алексеевна (1939)	
Дети Василия Михайловича	Русанов Игнатий (1932)	
	Русанова Мария (1934)	

Как видите, Русановы оставили большое родовое наследие.

Константин Русанов, вероятно, охотский казак, был в числе первостроителей Николаевска-на-Амуре.

Но командир Николаевского поста А.И. Петров уже тогда отмечал в своих воспоминаниях: «Константин Русанов — немного был закройщик и портной, но человек больной» [«Амурский щит»].

И действительно:

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды. 1 января 1856 г.

…Состоящий на инвалидном содержании … Казак Константин Русанов (проказа)» [РГАВМФ, Ф. 906, оп. 1, Д. 29, Л. 6].

Дальнейшая судьба его нам неизвестна.

Но вернемся к истории.

Только в Тобольске — сибирской столице — Русановых было не счесть. Вот только выборка за 1704 год:

Дети боярские

Семен Степанов сын Русанов

Рядовые литовского списку казаки

Алексей Русанов

Новокрещеного списку рядовые казаки

Прокопей Русанов

Второго полку пешие казаки

Лука Русанов

А это 1710 год. Там же:

Двор купленой конного полку отставного казака Маркела Федорова прозвание сына Русанова сказал себе 73 года, у него жена Дарья Дорофеева дочь 53, у него дети Тимофей 11, Иван 8, дочь девка Ульяна 16 лет.

Двор купленой посацкого человека Федора Федорова сына прозванием Русанов сказал себе 45 лет, у него жена Ульяна Васильева 40 лет, сын Иван 6 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Лл. 120 об.; л. 779].

«Деревня Русанова

Во дворе конной казак Прокопей Григорьев Русанов 35 лет жена ево Онисья 25 лет дети Михайло 10 лет Татьяна полтора году.

Во дворе конной казак Алексей Васильев сын Русанов сказал себе 60 лет жена ево Татьяна 50 лет дети ево Иван 20 лет записан в салдаты Иван 14 лет Степан 13 лет Лука 12 лет Федор 10 лет дочери Стефанида 9 лет Анна году да мать ево вдова Овдотья Кирилова 75 лет.

Во дворе новоприборной салдат Михайло Матфеев Русанов сказал себе 20 лет да мать у него Матрена 50 лет сестра Соломанида 21 году да тетка у него вдова Катерина Гарасимова 45 лет у нее дети Григорей 10 лет Петр году дочери Окулина 12 лет Марфа году.

Да в той же деревне Русановой двор пустой бывшего конного казака Леонтия Русанова» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1320. Лл. 98 об. – 99 об.].

В Якутии первый из Русановых отмечен был в 1681 году:

«Окладная книга 1681 года

Казаки

Русанов Тараско Онцыфоров, казак (в женатом окладе, то есть семейный)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

А вот дальнейший расклад Русановых интересный: в Нижнеколымском зимовье показаны одновременно по переписи 1722/1748 годов трое Русановых — двое — Алексей и Иван в числе посадских людей, а третий — тоже Алексей — в разночинцах (то есть в бывших казаках).

На Камчатке из «доношения» о допросах камчадалов Федора Харчина, Тенивина и других, август – октябрь 1731 г. [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л, 1935] узнаем о трагических последствиях Харчинского бунта:

«И прибыв под острог ношным временем июля 20 дня, иермонаха Иосифа двор зажгли таким умыслом: как де побегут служилые на пожар и тут стрелять, и выбежал его ермонахов сын Андрей Лазарев бить в набат в колок[ол], и тут де его подстрелили и почали казаков бить и убили Алексея Чурина [с]сыном, Ивана Обуховского с пасынком, Дмитрея Новогородова с женою и двух сынов и две дочери, Ивана Буторина с тремя сыновьями, Александра Русанова да новокрещена Якова [с]сыном. И в острог мы зашли, а дворы казачьи сожгли.

…А приплыв де мы с Еловки в острог, зажгли в остроге вначале попов двор для того, как де зажжем, и на оной пожар кто будет, то де будем колоть и бить, и убили церковного дьячка Андрея Лазарева и служилых людей прибито при пожаре Дмитрея Новгородов, Иван Обуховской, Алексей Чюрин с сыном, Иван Плехандая, с двумя сыновьями, Алексея Русанова да казачьих жен с детьми, а других взяли в полон и держали моя братья вместо жен».

А вот сведения и о первых Русановых на Чукотке:

«Показания 1763 г., взятые командиром Анадырской партии Ф.Х. Плениснером у сотников Осипа Нижегородова, Ивана Попова, пятидесятника Алексея Русанова, казаков Василья Кургуцкого, Степана Перфильева, Ивана Русанова, Алексея Шипунова, Прокопия Чертовских». Показания о событиях 1731 года на Чукотке, когда Дмитрий Павлуцкий предпринял свой первый поход.

«Пересыпкин сообщил, что 1 октября 1772 г. взял "сказку" с находившихся в Гижигинске участников первого похода Павлуцкого отставных казаков Василия Кургуцкого, Прокопия Чертовских и Ивана Русанова».

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

казаки

Отец отставного казака Ивана Русанова» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Собственно, это и есть родоначальники гижигинского рода Русановых (Русиновых, Русаковых)…

САБИНИНЫ (СОБИНИНЫ)

Гижигинские мещане, то есть городские жители, домовладельцы. Уездным городом Гижигинская крепость была объявлена в 1782 году

по указу Екатерины II в связи с образованием Гижигинского уезда.

Информации об истории этой фамилии у нас мало.

Первая версия о появлении Сабининых связана с глубокой древностью — с появлением в Анадырском остроге отряда сына боярского Родиона Кобелева.

«Всего с Родионом Кобелевым поехало на Анадырь в 1668 году 13 казаков: десятник Григорий Горбун, Алексей Самсыгин, Прокофий Травин, Кузьма Тихвинец, Кирила Тюрин, Иван Сабинин, Константин Васильев, Василий Сухарев, Давыд Павлов, Дмитрий Ларионов Плотник, Артемий Сизой, Иван Кобелев и для письма Василий Епишев».

Мы знаем, что фамилия казаков Кобелевых с той поры навсегда осталась связанной с Северо-Востоком России.

Но ее, в отличие от фамилии Сабининых, мы можем проследить на протяжении последующих десятилетий.

Вторая версия более сложная, но не менее вероятная — в период освоения Русской Америки на Камчатке занимался торговлей пушниной московский купец Сабинин.

Вот какую информацию мы находим в книге Василия Николаевича Берха:

«1758. Московский купец Никифоров, прибывший на Камчатку для торга, усмотрев, что товарищи его получают богатые грузы мягкой рухляди с Алеутских островов, построил в Нижнекамчатске маленький бот и назвал оный “Иулианом”. Мореходом на судно сие определил он яренского мещанина Степана Глотова, который по искусству и предприимчивости заслуживает особенное уважение. Козак Савин Пономарев отправлен был с Глотовым для приведения в подданство и обложения ясаком жителей Алеутской гряды.

...Козак Пономарев доставил правительству довольно обстоятельную карту Алеутских островов, означа к северо-востоку от Уналашки 8 больших островов. В донесении своем пишет он, что составил оную вместе с промышленником тотемским купцом Петром Шишкиным» [«Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны, с присовокуплением обозрения физических свойств того края», ч. 1–2. — Санкт-Петербург, 1823].

Имена компанейщиков «Святого Иулиана»:

Тобольской купец Илья Снигирев
Вологодской купец Иван Буренин
Яринской купец Иван Томилов
Тульской купец Семен Красильников
Лальской купец Афанасей Чебаевской
Вологодской купец Василей Кулков
Московской купец Егор Сабинин
Тотемской купец Андрей Титов
Тульской житель Афанасей Орехов.
Яринской купец Афанасей Сухпанов

Тотемских купцов Григорья и Петра Пановых прикащик Семен Шергин.

Мог ли московский купец Егор Сабинин направить кого-нибудь из своих родственников в далекую Гижигу для проведения новых торговых операций?

Почему нет — ведь именно в этот период торговля в Гижиге процветала:

«Ввозимые товары суть: табак, необходимый для вымена мягкой рухляди, чай, сахар, съестные припасы, котлы и железные вещи, также для торговли с инородцами, свечи, мыло и проч. — Сверх того к ввозу должно причислить кроме означенных товаров и доставляемую на казенный счет ржаную муку, ежегодно от 4-х до 5.000 пудов, соль, порох, свинец и откупное хлебное вино; всего сих казенных припасов почти на 50.000 рублей ежегодно. — Вывозимые товары из Гижиги: соболи, лисицы, белки, моржовая кость, оленьи кожи, песцы, куньи (из куниц) парки и проч.

Теперешние торговые прибыли, по согласному свидетельству Гижигинского купечества, уменьшились против прежних по крайней мере на половину; но не взирая на сие, по собранным мною сведениям оказалось, что в Гижиге, единственно от торговли, снискивали себе в 1819-м году пропитание 67 душ м. и ж. пола, и что, судя по цене ржаной муки, которой пуд там стоит в вольной продаже от 10-ти до 12-ти рублей, сим людям для содержания потребно было по крайней мере до 13.400 рублей.

Прежде сего в Гижигинской крепости золотая и серебряная монета были весьма обыкновенны. Притом, от изобилия во всем, большая часть жителей носили шелковые фанзовые рубашки; женщины одевались в парчовые епанечки с богатым меховым воротником, на голову повязывали шелковые плашки, золотом и серебром шитые, и не только перчатки, но даже комнатные оленьи сапоги украшали искусным золотым и серебряным шитьем; Козаки имели на куклянках стоячие собольи воротники, а на подоле оных бобровую опушку; наконец все без изъятия привыкли к употреблению чая. Теперь осталась одна тень прежнего изобилия», — писал о том времени князь Шаховский.

По материалам государственного архива Магаданской области мы попытались восстановить родовую цепочку гижигинских мещан Сабининых, которая, возможно, помогла бы кому-то из наших современников возвратить историческую родовую память.

Но нам мало что удалось. И многие из них просто обрываются по самым естественным причинам — женщины выходят замуж и меняют свою фамилию на фамилию супруга.

Одна веточка.

Собинин Михаил Егорович (1823), Гижигинский мещанин. Ж. (с 23.05.1848) Парфентьева Марфа Григорьевна (1825), дочь казачьего урядника. Его дети: Собинина Татьяна Михайловна (1869). М. (с 11.02.1881) Попов Иван Захарович (27.01. 1854).

Сабинин Алексей Михайлович (1870), гижигинский мещанин. Ж. (24.04.1896) Панова Евдокия (1880), дочь крестьянина Тахтаянского селения Охотского округа.

Вторая веточка:

Сабинин Яков Егорович (1869), в 1924 г. проживал в с. Левчик. Ж. Валентина Ильинична (1893). Его дети: Сабинина Евдокия Яковлев-

на (1911); Сабинина Марионилла Яковлевна (1913); Сабинина Лидия Яковлевна (1918); Сабинина Мария Яковлевна (1923).

И еще несколько:

Собинина Мария Иосифовна (1844), дочь гижигинского мещанина. М. (с 18.10.1865) Чертовский Степан (11.04.1846), гижигинский казак.

Собинина Татьяна Ивановна (1867), дочь гижигинского мещанина. М (с 05.02.1889) Новоселов Никита Васильевич (24.05.1864), гижигинский мещанин.

Собинина Анастасия Ивановна (1888), дочь мещанина. М. 1 (с 21.01.1908) Овчинников Николай Алексеевич (1888), гижигинский казак. М. 2 Брагин Роман Андрианович.

САВИНСКИЕ

Среди командиров Гижигинской крепости, вероятно, только Савинские могли похвастать своим благородным происхождением.

Правда, далеко не все.

Заглянув в формулярный список о службе сотника Давида (Давыда) Федоровича Савинского, мы видим подтверждение нашим словам: «Из дворян».

Но уже его собственный сын Федор Давыдович этим похвастать не может: у него в формулярном списке не рядовое, но и не благородное происхождение — «из унтер-офицерских детей».

По всей видимости, Давид Федорович мог претендовать на титул дворянина только лично, без права наследования, получив «за выслугу лет» чин сотника XII класса, что по Табелю о рангах Российской империи равнялось не унтер- и даже не обер-, а штаб-офицерскому чину.

История Савинских весьма и весьма и поучительна, и интересна.

Первым, еще во времена Атласова, отметился Лука Савинский, который участвовал и в казачьем бунте, завершившимся гибелью Владимира Атласова, покорением камчадалов из племени кыкша-ай и воссозданием Большерецкого острога, чтобы заслужить прощение за злодейское убийство вместе с Атласовым еще двух камчатских приказчиков, а вслед за этим и открытием новых земель — Курильских островов и покорением ее жителей — кура или курильцев, как еще один дар за свое кровавое преступление, а затем еще и соседних земель непокорных авачинских камчадалов, где большерецкие казаки стали жертвою собственной гордыни, обманувшись показным гостеприимством и не менее показной покорностью авачинских камчадалов, легко согласившихся с грозным требованием авачх — рыжебородых воинов с огненным оружием — о выплате дани пушниной — ясака и выдачи заложников — аманатов — из семьи вождя в знак покорности и мира.

Но не было ни покорности, ни мира…

В ту же ночь, напившись браги из «сладкой травы» — местной пучки, — запертые в балагане вместе с заложниками-аманатами авачхи были сожжены заживо вместе с родниками вождя. Впоследствии, в память о сожженных, один из сыновей тойона получает имя Пиныч — Огонь или Огненный, а затем его имя переходит и на острожек, в котором жили представитель его рода, и на речку — приток Авачи, которая с той поры так и называется Пиначевой.

Отряд же казаков во главе со своим «воровским» или вольным атаманом Данилой Яковлевым сыном Анцыферовым Томским был полностью уничтожен. Погиб вместе с ним и остальными казаками, первооткрывателями Курильских островов, и Лука Савинский, оставив свой трагический след в камчатской истории.

Вот такое — трагическое — было начало.

И верно говорят, что трагическое, повторенное заново, превращается в фарс.

Волею или неволею судьбы братья Савинские в 1799 году прибыли на Камчатку в составе ланд-милицкого полка генерала Сомова, который, по замыслу высокого иркутского начальства, должен был быть не только расквартирован по всей огромной территории Камчатки и Охотоморья (Удском, Верхне- и Нижнекамчатских острогах и Гижигинской крепости), но и существовать на продовольственном самообеспечении, возделывая местную землю и получая соответствующую планам высокого начальства продукцию.

Первым сбежал с Камчатки, столкнувшись с реальностью проживания на полуострове, сам генерал Сомов.

Солдаты же расквартированного полка вели себя как бандиты, выживая каждый как мог. А каждый мог выживать, не производя ничего, только за счет грабежа и насилия местного коренного населения, которое с покорностью (на этот раз уже не ложной) сносило все тяготы и обиды, обрушившиеся на их головы, как ураган.

Чтобы не преувеличивать, но и не преуменьшать масштабы этого «сомовского поветрия» (вошедшего под таким именем в камчатскую историю), я процитирую Александра Степановича Сгибнева («Очерк главнейших исторических событий в Камчатке») о том, что принял после бегства с Камчатки генерала Сомова новый командир Камчатского гарнизонного батальона (так теперь назывался бывший полк) генерал Павел Иванович Кошелев:

«Кошелев, приняв должность коменданта, открыл, что Сомов и большая часть его офицеров занимались казнокрадством и грабили солдат и обывателей. Принадлежащий нижним чинам провиант выписывался в расход и продавался частным лицам чрез посредство прикащиков Российско-Американской Ко. Все книги и счета были с фальшивыми расписками. Продавали казенный порох компании, которая сбывала его туземцам по баснословно высоким ценам».

А теперь самое главное из сочинения А.С. Сгибнева:

«Мы выше уже заметили, в каком бедственном положении нашел Кошелев камчатский баталион. Будучи сам честным человеком, он был чрезвычайно строг с чиновниками и офицерами, предававшимися от бездействия пьянству, взяточничеству и разврату. Крутые меры, принятые Кошелевым противу их бесчинств,

вооружили всех его подчиненных, которые составили заговор о тайном убийстве его. Во главе заговора стоял баталионный командир полковник Сибиряков, бывший вестовой Биллингса. Соучастники его были: майор Маников, капитан Батюшков, поручики: Соломка и Хитрово, прапорщик Хомяков, подпоручик Росторгуев, исправник Донин, купец Выходцев, мещанин Барнашев, отставные, выгнанные из службы Кошелевым: майор Козельский и подпоручик Ермолинский; аудитор Савинский и квартирмейстер Шелашников. Всего с нижними чинами 37 человек. Кошелев, будучи предупрежден об этом бунте преданными ему людьми и убедясь в справедливости слухов о заговоре, арестовал всех заговорщиков, а Козельского, Шелашникова, Ермолинского, Расторгуева, Савинского, Выходцева заковал в кандалы. В комнатах, где заключались преступники, приказал заколотить окна, строго запретить впускать к ним посетителей, и сам приступил к производству следствия, донеся в то же время о всех своих распоряжениях генерал-губернатору.

Следствие это открыло еще и другой, более обширный заговор, заключавшийся в том, что нижние чины и жители Камчатки, любившие Кошелева за его честность, правдивость и гуманное с ними обращение, дали обещание вырезать всех заговорщиков, если они сделают Кошелеву хотя бы малейший вред».

Но у камчатских заговорщиков-офицеров — в отличие от генерала Кошелева (хотя он в недавнем прошлом был адъютантом самого М.И. Кутузова) — были высокие сибирские покровители, и по итогам следствия, произведенного П. Кошелевым, под следствием и судом оказались не они, а он — высланный с Камчатки под караулом. Его, забегая вперед, честь и достоинство спасла Отечественная война 1812 года, вернувшая ему и чин, и награды, и доброе имя.

Конечно, он пытался бороться. Вот отрывок из письма, в котором он обвинял в ситуации на Камчатке самого генерал-губернатора Сибири И.Б. Пестеля и его «чиновную свиту»:

«…что подобного рода несправедливое решение могло произойти только от того, что Пестель зять Биллингса, у которого полковник Сибиряков был вестовым и писарем, а потом возвышен в чинах за содействие Биллингсу красть и грабить всех в Камчатке. Поэтому, — писал он, — вам не хочется обвинить Сибирякова, имеющего к тому же протекцию у всесильной Российско-Американской Ко, будучи зятем правителя дел главного ея правления Зеленина (компания ненавидела Кошелева за арест прикащика и преследования ее злоупотреблений в Камчатке. — *Авт.*). Я, как человек честный, не боюсь вашего гнева и говорю вам правду, что вы самовольный властелин и пристрастны к моим противникам».

Роясь в архивных материалах, мне удалось найти характеристики, которые давал Кошелев камчатским офицерам, замешанных в злоупотреблениях, казнокрадстве и заговоре. Они даны в моем романе-исследовании «Встречь солнцу», здесь же я приведу только характеристику аудитора Савинского — старшего из трех братьев Савинских, которые служили в Камчатском гарнизонном батальоне — Петра Ивановича: «…предан пьянству, зараженный обидами и был уже разжалован из аудиторов без выслуги в рядовые, производил непозволительную в Камчатке торговлю, делал многие злоупотребления, ханжа, всегда старающийся управлять чужими умами и жить на счет себе ближнего и развращать».

Увы… «…30 марта 1808 г. граф Аракчеев уведомил Пестеля, что Государь Император Высочайше повелел: “Генерал-майора Кошелева по прибытии в Иркутск арестовать и препроводить в Петербург под присмотром, а всех арестованных в Камчатке офицеров освободить, не внося им в формуляр бытность их под судом”».

Правда, Александр Степанович потом уточняет: «Не ушли также от суда и офицеры камчатского баталиона, которых Петровский [сменивший Кошелева командир Камчатского гарнизонного батальоны] оправдал по делу Кошелева. Все они оказались виновными в соучастии с Петровским в разных противозаконных действиях».

А вот каков результат размещения на Камчатке этого батальона в оценке очевидца врача Шпера, прибывшего на полуостров, чтобы спасти ее население от венерических болезней, занесенных солдатами батальона:

«Когда-то в Камчатке считалось до 50 000 туземцев, а теперь едва наберется 1 500! Кто этому причиною? Русские, внесшие на полуостров разврат и всякого рода болезни. В особенности же увеличилась там смертность с прибытием баталиона. В течение последних 8 лет умерла там по крайней мере пятая часть жителей. Кроме того, Камчатку превратили в страну ямщиков: беспрестанные посылки и переводы солдат, перевозка грузов и обозрения, которые чрезвычайно выгодны для обозревающих. Многие из офицеров и солдат имеют своих собак и разъезжают на них по полуострову для корыстных целей. Камчадалы безответны — провожают и кормят проезжающих на свой счет. Сколько ни запаси летом камчадал рыбы, все истратит зимою для прокормления чужих и своих собак, а весною голодует. Тогда начальство кричит — камчадал ленив и беспечен. А не думает того, что он отдает все, пока есть, да и не смеет поступить иначе, боясь побоев и наказания.

Для чего был приведен баталион в Камчатку? Если для усмирения жителей, то это лишнее, потому что загнанные и угнетенные камчадалы не в состоянии уже решиться на какую-либо отчаянную меру. Если для защиты гаваней, то бесполезно, потому что ни у одного солдата нет порядочного ружья, а гавани не имеют даже посредственных укреплений. Для того, отвечаем мы, чтобы истребить и жителей, и солдат!»

И вот уже последовала официальная записка в столицу:

«На содержание батальона, кроме находящихся в Камчатке 129 челов. казаков, в течение 10 лет употреблено 1 791 566 руб., не считая единовременных расходов. Но все эти затраты ничего

не значат против того бедственного положения, до которого доведен теперь Якутский край. Еще до назначения в Камчатку батальона якуты чувствовали уже ощутительную тягость в доставке в Охотск провианта; но с прибытием батальона потребовалось ежегодно по нескольку десятков тысяч лошадей, большая часть которых пала на дороге по недостатку кормов и изнурения по непроходимому пути. В одном 1808 г. пало у них до 10 000 лошадей. Разоренные якуты отказались от подрядов, и их стали наряжать для перевозки провианта силою, заставляя выполнять эту повинность и бедных, и богатых.

Прежние опыты хлебопашества в Камчатке, кажется, достаточно убедили правительство в его невозможности; но, несмотря на это, приступили к новым опытам, и в больших размерах, стоивших казне громадных расходов. Военная же команда отняла у камчадалов их первобытную простоту, свободу и спокойствие. Словом, край упал до того, что не скоро может поправиться».

В 1812 году Камчатский гарнизонный батальон был упразднен. Все желающие выехать с Камчатки — выехали. Все желающие остаться здесь и продолжать служить либо в казачьей команде, либо в экипажной роте, либо на поселении, — остались.

Из трех братьев Савинских — многодетного старшего из братьев аудитора Петра Ивановича [сыновья: Иосиф (1803), Александр (1805), Константин (1809), Павел (1810), дочь Ольга (1806)], среднего — унтер-офицера Федора Ивановича и младшего — прапорщика Алексея Ивановича [сын Алексей (1802) и дочери Елена и Анна] Савинских остался лишь Федор Иванович (1778), который был направлен в 3-ю Гижигинскую сотню — Якутского городового пешего полка в чине пятидесятника в соответствии со своим былым унтер-офицерским чином в гарнизонном батальоне.

И вот тут начинается весьма интересное деление детей в соответствии с рангом их происхождения от одного и того же отца.

Петр Федорович родился в 1814 году как «унтер-офицерский сын» и всю оставшуюся жизнь прослужил в Гижиге рядовым казаком.

Дмитрий Петрович родился спустя два года, когда отец еще не был сотником — и он числился только еще льготным казаком.

А вот Давид Федорович, родившийся в 1827/30 (в разных источниках разные даты) году, когда его отец был уже сотником — то есть обер-офицером XIV класса — сделал блестящую карьеру, будучи уже сыном не простого унтер-офицера, а дворянина.

В 19 (или даже в 16) лет он начал службу в чине пятидесятника, когда его братья были простыми казаками.

А далее читаем его формулярный список за 1892 год:

«Росту 2 аршина, 7 ½ вершка. Глаза карие, волосы и брови черные.

Указом Правительствующего Сената от 24 января 1874 года за № 322 произведен в хорунжие XIV класса со старшинством с 3 июня 1873 г.

Указом Правительствующего Сената от 16 сентября 1886 г. произведен за выслугу лет в сотники XII класса со старшинством с 6 марта 1886 г.

Переведен в Петропавловскую казачью команду в 1852 г.

В 1854 г. был в действительном сражении противу Англо-Французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 года и также находился при блокаде в оном же порте в 1855 г.

По предписанию Петропавловского окружного исправника от 5 декабря 1862 г. за № 588 назначен Управляющим Петропавловской казачьей командой.

9 июля 1888 г. назначен начальником двухсотенной Камчатской казачьей команды, включая и Гижигинскую сотню, где продолжал службу старший из братьев — Петр и его сын Семен.

Генерал-губернатором Приамурского края от 10 июня 1890 г. пожалован золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на шее.

19 января 1891 года награжден орденом Станислава 3-й степени».

Впечатляет и список наследников и наследниц: Федор — 28 лет; Андрей — 26; Иван — 24; Давид — 20; Елена — 32; Ольга — 15; Екатерина — 11.

Столь же стремительная карьера была уготована и его старшему сыну Федору Давидовичу.

Но что-то не сложилось.

Читаем формулярный список за 1910 год:

«47 лет. Из унтер-офицерских казачьих детей. Уроженец Камчатской области города Петропавловск. На службу поступил в Петропавловскую казачью команду в 1881 г. По приказу Петропавловского окружного исправника в 1881 году был командирован на Командорский остров. Приказом Военного Губернатора Приморской области в 1885 году произведен в пятидесятники.

В 1893 году назначен и. д. Начальника Камчатской казачьей команды. В мае 1897 года приказом Петропавловского окружного начальника уволен с этой должности и командирован в Аян. Приказом Начальника Петропавловского округа от 31 августа 1901 г. командирован частным командиром в Усть-Камчатск.

Приказом Начальника обороны Камчатки назначен командиром Усть-Камчатской дружины в мае 1905 г.

Имеет: серебряную медаль “За усердие” для ношения на шее.

На банте из государственных цветов за труды по первой всеобщей переписи в 1897 году темно-бронзовую медаль для ношения на груди. Женат. Жена Анна Егоровна — 28 лет. Дети: Давид — 7 лет; Екатерина — 2 л.; Федор — 1 год».

И вот еще один приказ в отношении братьев Федора и Давида Давидовичей Савинских за их участие в обороне Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. в составе Усть-Камчатской дружины:

Пятидесятник Камчатской казачьей команды Федор Давыдович Савинский, 43 года: «За распорядительность по формированию Усть-Кам-

чатской дружины» представлен к званию зауряд-хорунжего.

Не посрамил славы героя обороны Петропавловского порта 1854 года и другой его сын — Давид Давидович:

…«Урядник Камчатской казачьей команды Давид Давидович Савинский. Вероисповедания православного, 33 лет — “Вынес во время бомбардировки из Управления все денежные книги, гербовые и другие знаки и бобров и в общем по службе неся труды по канцелярии, отличающийся особенным усердием и образцовой честностью”, (имеет с 1905 г. серебряную медаль “За усердие” на Станиславской ленте для ношения груди), представлен к званию зауряд-хорунжего».

С Давидом отражали японскую агрессию братья Андрей и Иван Давидовичи.

Под командой Федора Ивановича громили японцев на восточном побережье Камчатки его внучатые племянники, дети Викентия Дмитриевича, — казаки Николай и Иван, кантонист Алексей Викентьевичи Савинские и племянник Федора Ивановича — брат Викентия — Александр Дмитриевич Савинский.

Наш род, по моему старшему дяде Петру Григорьевичу Вахрину/Петру Александровичу Полякову (это его биологический отец), дважды пересекся с Савинскими:

Савинская Параскева Дмитриевна (1866). М. (с 12.01.1887) Поляков Дмитрий Семенович (1863), казак, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. [сын Семена Петровича, гижигинского казака].

Савинский Алексей Викентьевич (20.04.1886–19.05.1932), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. (с 08.01.1921) Полякова Мария Александровна (01.06.1904–28.01.1972), с. Усть-Камчатск, дочь казака Александра Семеновича Полякова и родная тетушка Петра Григорьевича.

К сожалению, жизнь Алексея Викентьевича оборвалась очень рано:

Савинский Алексей Викентьевич.

Родился в 1883 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Усть-Камчатск; русский; малограмотный; был псаломщиком церкви.. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Усть-Камчатск. Арестован 20 марта 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 19 мая 1932 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 3 года к ссылке в Западную Сибирь. Реабилитирован 21 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл. [Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.]

Он был единственным в роду, кто был репрессирован. И не потому, что был казаком и из казачьего рода. Вина его была в другом, еще более враждебном Советской власти той эпохи, — он был служителем культа, псаломщиком Нижнекамчатской Успенской церкви — той самой, восстановлением которой я занимался в начале 1990-х годов и которая сегодня является старейшим на Камчатке памятником истории и культуры XIX века.

О другом же из Савинских в это же (12 августа 1939 года) время писала газета «Камчатская правда»:

«Нижнекамчатский колхоз “Путь Ленина” своим делегатом на выставку посылает председателя колхоза Савинского Давида Федоровича. С 1931 г. т. Савинский работает в колхозе. Прошел большую колхозную школу. По 1935 г. т. Савинский на колхозной рыбалке. В 1935 г. выдвинут колхозным счетоводом, где он проявил себя как хороший, способный, талантливый руководитель и хозяйственник. В этом году, как хорошему работнику, колхозники оказали большое доверие, избрав председателем колхоза. Вместе с собой тов. Савинский везет письмо колхозников великому вождю нашей партии Иосифу Виссарионовичу Сталину, единодушно принятое на колхозном собрании и подписанное колхозниками, в котором колхозники благодарят тов. Сталина и правительство за радостную колхозную жизнь».

Многое открывается неизвестного и, кажется, совершенно не связанного с собственной твоей судьбой, когда начинаешь заниматься историей своего рода и перебирать по листикам те родовые веточки, о которых никогда прежде не только не знал, но даже и не подозревал.

Как не подозревали ни я, ни, может быть, и мой отец, что, арендуя (по договоренности расплачиваясь частью собранного картофеля) огород у деда-инвалида Панкратовского (которого я и по имени-отчеству никогда не знал), теперь выясняется, что Андрей Александрович был не чужим, не посторонним нам человеком, а мужем дочери Ивана Викентьевича Савинского — Клавдии (1922).

А родная дочь Федора Ивановича Савинского — Екатерина Федоровна, в замужестве за Афиногеном Васильевичем Гречениным, была матерью замечательного моего старшего друга, камчатского писателя, автора замечательной — очень доброй и искренной — книги «Осени светлая печаль» Федора Афиногеновича Греченина (1930), который, к сожалению, буквально считанные дни не дожил до выхода из печати этой книги.

И конечно же, не могу не сказать доброго слова в отношении моего еще одного хорошего друга — прямого потомка Давида Федоровича и Федора Давидовича Савинских, собирателя семейной летописи Савинских Валерия Иннокентьевича, сына Иннокентия Федоровича (младшего из его наследников, 1911 года рождения) Савинского, который многие годы проработал на Усть-Камчатском рыбоконсервном заводе.

А далекой прабабушкой Валерия Иннокентьевича была супруга, дочь пономаря Нижнекамчатской Успенской церкви Анна Егоровна Сновидова — потомок ссыльного за участие в подготовке дворцового переворота сержанта лейб-гвардии Измайловского полка, псковского дворянина, чей род породнился с тем самым Михаилом Илларионовичем Кутузовым, фельдмаршалом, у которого когда-то адъютантом был будущий командир Камчатского гарнизонного батальона генерал П.И. Кошелев, участие

в заговоре против которого принимал аудитор, родной брат патриарха гижигинско-камчатского рода казаков Савинских Федора Ивановича Савинского.

Вот такие зигзаги родовых судеб способна выписывать нам жизнь…

САНАПАЛЬНИКОВЫ

Эта причудливая для современного человека фамилия на самом деле когда-то определяла роль казака в походе.

Санапальников — это носитель санапала или самопала.

Самопал — это пищаль, то есть ружье, в котором порох зажигается не с помощью фитиля, а с помощью кремне-ударного замка — искрового воспламенительного механизма.

Превращение же слова самопал в санапал ученые объясняют просто — так было удобнее произносить.

С именами первых из сибирских Санапальников мы встречаемся при изучении записей Дозорной книги города Тюмени за 1624 год — это пешие казаки — Ивашка Михайлов сын и Якушка Лукьянов сын Санапальники, имеющие собственные дворы в остроге.

Первый из известных нам тобольских Самопальниковых (еще так писалась эта фамилия) участвовал в 1656 году в знаменитом Даурском походе и поставил свою подпись под челобитной, в которой казаки сводного полка, прибывшие в Даурию из разных городов-крепостей Сибири, обвиняли в тяжких грехах своего полкового священника — того самого протопопа Аввакума, преданного старой вере, жизнь которого закончилась на костре. Грехи были в его словах — «за многие непристойные свои речи», написанные им в «безымянной» «подметной памяти». Если Протопоп Аввакум не боялся заявить царю Алексею Михайловичу: «Зри умо зверя летописнаго: крестящейся тремя перстами поклоняются. Се зверь двоерогой — бес» и называл царя Антихристом, то можно представить, какое он имел мнение о «бесовском» поведении первого даурского воеводы Афанасия Пашкова, сгубившего сотни жизней вверенных ему казаков.

И мы не знаем, выжил ли в том походе тобольский казак Ивашко Самопальников. Аввакум же не просто выжил — он на какое-то время был приближен к царю и даже привел в исполнение свой приговор в отношении Афанасия Пашкова — исключил его с женой из мирской жизни, облачив в черное монашеское одеяние.

В 1686 году в Даурии в составе полка Павла Грабова, пришедшего на помощь гарнизону Албазинского острога в составе сводных полков Федора Головина, вновь появляется среди тюменских стрельцов и казаков эта, несколько уже «подредактированная» временем и писарями фамилия — ее принес в Даурию Сенка Санапальщиков.

Затем эта фамилия фигурирует в среде иркутских казаков. Вот что сообщает С.А. Гурулев в книге «Первые иркутяне»:

«Санапальников Тимофей, рядовой конный казак с окладом 7 руб., 7 четей с осьминою ржи, 4 пуда овса, 2 пуда соли в год, 1695–1700 гг.

В 1695 г. С. получал жалованье в Идинском остроге, что было отражено в указной памяти иркутского воеводы А.Т. Савелова идинскому приказчику Ф.Н. Черниговскому:

“Да полковому Тимофею Санапальникову на нынешней 203 год три чети с осминою ржи ж”».

В документах за 1720 год мы снова встречаемся с представителями тобольских носителей этой фамилии:

«Наказ тобольскому сыну боярскому Ефиму Мордвинову, велено переписать в Тоболску на Нижнем посаде всякого чина людей кроме посацких и крестьян и бобылей и Татар».

И вот интересный итог: «Богоявленской церкви … Тихон Тимофеев сын Санапалников».

И, наконец, еще через двадцать лет мы встречаемся с этой фамилией на Камчатке — служилый человек Семен Санапальников в составе миссии священника Ермолая Иванова участвует в крещении камчадалов.

Вполне возможно, что он из иркутских казаков: А. Черепанов в книге «Родословный справочник Иркутска 1661–1775 годов» отмечает Семена (без даты рождения) — сына Тимофея Аверкиевича Санапальникова, который в 1698 году был в конных казаках, умер не позднее 1754 года (а в 1740-х годах на Камчатке действительно зафиксировано несколько иркутских казаков). Брат Семена Иван Тимофеевич (≈1698) в 1717 году поверстан в пешие казаки. Сын Ивана Михаил родился ≈1741 г., то есть был ровесником камчатского Степана Семеновича Санапальникова и вполне мог приходиться ему двоюродным братом.

А далее все просто — мы подняли Исповедальные росписи Тигильской Христорождественской церкви начиная с 1812 года и проследили всю родовую цепочку казаков Санапальниковых.

В 1743 году родился Степан Семенович Санапальников.

В 1785 году родился его сын Самуил Степанович Санапальников.

В 1798 году появился на свет и младший брат — Денис, который в отличие от старшего брата, служившего в Тигильской казачьей команде, был матросом Камчатской экипажной роты в Петропавловском порту. Далее о его судьбе и его семье (если таковая была) нам ничего неизвестно.

А вот в семье его старшего брата происходили события, которые остались в камчатской истории.

А виной всему была… любовь.

Влюбилась старшая дочь казака Санапальникова в молодого и красивого командира Тигильской крепости, дворянина из богатой и известной семьи, который не замедлил ответить ей взаимностью.

И это был не просто роман, как показывают дальнейшие события, а вполне серьезные отношения, в результате которых на свет Божий появляется и плод этой любви — дитя.

Казалось бы — есть чувства (в том числе и весьма искренние отцовские), родился ребенок, что может помешать счастью молодых?

Для простого казака породниться с дворянином — дело не только чести, но и весьма высоких перспектив для дочери и внука.

Но…

Давайте попробуем разобраться в этой несколько странной, очень запутанной, но весьма романтичной истории, о которой я узнал благодаря историческим исследованиям нашего камчатского краеведа Дмитрия Коростелева, за что ему очень благодарен.

АРЕСТ В ОХОТСКЕ

Прежде всего, стоит определиться с написанием фамилии офицера, так как вариантов множество — Забело, Забелло, Забелин…

В том документе, который мы позже процитируем, сам главный герой нашего повествования подписывался как Яков Георгиев сын Забела.

История самого этого человека, прослужившего несколько лет на Камчатке, весьма запутана и противоречива. Если следовать разным источникам, то Яков Георгиевич связан кровными узами сразу с тремя камчатскими фамилиями.

Его коллега по службе, морской офицер (впоследствии жандармский полковник) Эразм Стогов в своих мемуарах пишет, что Забела в Тигильской крепости, где он служил, женился на дочери купца Ворошилова. Но память, на самом деле, Стогова подвела… — он что-то перепутал.

Другой коллега по службе и самый ненавистный враг Якова Георгиевича — командир Камчатки Аркадий Голенищев сообщает в своих рапортах о том, что у Забелы имеется незаконнорожденный сын в Тигиле от дочери казака Санопальникова.

Сам же Забела в своем прошении от 15 июля 1831 года умоляет высокое начальство о том, чтобы ему дозволили «взять с собою в Иркутск побочного моего сына Николая, рожденного от девицы, что ныне … за казака, Авдотьи Мутовина. От роду ему Николаю два с половиною года. Все это она, Авдотья, подтвердила в присутствии начальника Камчатки». В дальнейших планах Забелы было чисто отцовское желание — взять сына Николая с собою в Россию, чтобы его воспитать.

И об этом Забела ясно и понятно заявляет в своем рапорте на имя командира Камчатки капитана 1-го ранга Аркадия Васильевича Голенищева, написанного 14 февраля 1831 года:

«Имея в Тигиле побочного сына, родившагося от девицы Авдотьи Санапальниковой и вскормленного мною, я всенижайше прошу Ваше Высокоблагородие о оставлении его при мне, даже и в таком случае, когда я буду выезжать в Россию, — он по закону природы принадлежит мне, но законы гражданские заставляют меня подать сие мое прошение. Я желаю дать ему воспитание. Мать его и дед отставной казак Самоил Санапальников согласны мне его отдать.

Милостивый Государь! Это последняя моя просьба которою я вас безпокою. Флота капитан-лейтенант Забела».

Но уже на следующий день — 15 февраля 1831 года — в Тигильской крепости, где происходит все это «действо», капитан первого ранга Голенищев направляет в Комиссию, «составленную для изследования поступков капитан-лейтенанта Забелы», следующую бумагу:

«За день перед сим, дочь отставного казака Самойлы Санопальникова девица Авдотья, принесла ко мне дитя с прошением (незапечатанным) от капитан лейтенанта Забелы; прошение сие заключалось в том, чтобы я позволил ему (Забеле) иметь при себе незаконнорожденного им с упомянутою Санопальниковою сына его, даже и в таком случае, когда он Забела будет выезжать в Россию. Таковое признание и просьбы его Забелы привели меня в удивление. Из ответов девицы Санопальниковой узнал я, что сын Забелы, то самое дитя, которое принесено от него с прошением. Вслед за сим по приказанию моему явился г. Забела и объяснил ту же самую просьбу на словах с сильными выражениями горячности. Дальнейшее объяснение его в разговоре со мною столь подозрительно, что заставляет меня опасаться в разсуждении его жизни и даже жизни просимого им младенца.

Зная уже от многих примеров пылкость и решительность г. Забелы на все, что только покажется ему возможным к приведению в исполнение и полагая, что в теперешнем его раздражении духа он может покуситься на всякое опасное действие (как он выражался сам) должен был я необходимым предложить Комиссии отправиться со мной в дом, занимаемый Забелою, и отобрать от него все смертоносные вещи, орудия и бумаги, какие у него имеются; равным образом осмотреть его собственность и привести в известность то, что найдет будет почему либо подозрительным. Объясняя сим Комиссии причину, побудившую меня к сей решительной мере, нужным нахожу препроводить в оную для сведения вам записку разговора моего с г. Забелою, которого и вы все были свидетелями, что мог упомнить достойного замечания, там равно и прошение Забелы, поданное мне сыном его, принесенным девицею Санапальниковою».

В результате обыска у Забелы обнаруживается… «Календарь о людях разного звания, состоящих в Масонских обществах», купленных им по случаю на аукционе.

И вот Голенищев, якобы памятуя о событиях 14 декабря 1825 года, приказывает взять Забелу под стражу и посадить его в казенку. На Якова Егоровича «наваливается», как он позже напишет в очередном своем прошении, унтер-офицер Шемаев, исполняя волю вышестоящего командира.

Мы не знаем, что происходило в самом Тигиле позже, но 15 июля все того же 1831 года Забела дает письменное обязательство уже начальнику Охотского порта капитану 2-го ранга Балку 1-му о том, что «по приезде с сыном Николаем в Иркутск» он будет просить гене-

рал-губернатора «о дозволении взять моего воспитанника с собою в Россию для воспитания. Если не последует согласение от его Высокопревосходительства и воспитанник мой Николай должен будет возвратиться в Камчатку или куда в другое место по требованию начальства, то все могущие быть по сему случаю издержки я обязуюсь взять на себя и во всякое время года доставить моего воспитанника, куда его потребуют».

То есть в Охотск он прибыл со своим сыном.

А письменное обязательство Забелы, которое мы излагали выше, как выяснилось, необходимо было Балку, чтобы действительно оставить ребенка при отце, о чем он в тот же день отправляет на имя генерал-губернатора Восточной Сибири тайного советника Лавинского соответствующий рапорт:

«Начальник Камчатки в отношении своем ко мне просит есть ли капитан лейтенантом Забелой при отправлении его из Тигиля будет вывезен побочный его сын Николай прижитой им с девицею Авдотею, что ныне жена казака Мутовина, то сего сына Николая отобрать от г. Забелы и отправить в Камчатку, *ибо он состоит в записи тамошней казачьей сотни* (выделено мной. — *С.В.*).

С прибытием г. Забелы в Охотский порт оказался с ним побочный сын Николай, которому от роду два с половиной года, а потому я встретил затруднение исполнения желания начальника Камчатки. Ибо начальник Камчатки, бывший в Тигиле во время арестования г. Забелы, почему сам не зделал распоряжение о воспрещении к вывезению из Тигиля побочного сына, и тогда бы сей младенец остался под присмотром матери.

Но теперь, отобравши его, не имею возможности поручить кому-либо на воспитание и на попечение которое (неразборчиво) требуют лета сего младенца.

А потому я решил оставить сего младенца при отце, взяв с г. Забелы обязательство коим он ручается в доставке на свой щет во всякое время года побочного сына Николая куда начальством будет он назначен».

Письмо, честно говоря, совершенно непонятное, так как сам Забела находится в это самое время… под арестом — Балк, написав рапорт от 15 июля о том, что Забела повезет сына в Иркутск, так как присматривать за ребенком некому, тут же отдает приказ о заключении Забелы под строгим караулом в тюрьму с запретом общаться с арестантом, отняв все его бумаги и значительную часть вещей.

Четыре с половиной месяца Забела будет изолирован, в том числе и от сына, а потом под строгим караулом отправлен в Иркутск.

Так в чем же все-таки дело? Что происходило на самом деле?

Дмитрий Коростелев в своем исследовании «Камчатское казначейство: период становления (1784–1834 гг.)» опубликовал следующие подробности этого противостояния двух морских офицеров. И дело оказалось вовсе даже не в том, что Забела имел побочного сына от казачки Санапальниковой-Мутовиной.

«30 июня 1829 г. начальник Камчатки Аркадий Васильевич Голенищев в рапорте министру внутренних дел доложил, что командир Тигильской крепости Яков Егорович Забело “будучи отдален от Петропавловского порта 1000-верстным расстоянием, удобным к частным сообщениям в одно зимнее время, и не имея притом постоянных правил для руководства в своих распоряжениях нередко должен затрудняться в ожидании разрешений на донесения свои, в то время как необходимость требует скорейших и решительных мер, или для пользы жителей или для соблюдения казенного интереса…”. По этой причине Голенищев предоставил Забеле особые полномочия, “коими он в исправлении обязанности своей должен руководствоваться, представляя… в урочное время подробные о действиях своих отчеты…”.

Однако уже в сентябре 1830 г. при приемке дел новым комендантом Тигильской крепости П.Ф. Кузмищевым было обнаружено, что Я.Е. Забело во время своего руководства крепостью совершал различные противозаконные поступки, в том числе осуществлял расходование казенных средств на строительство больницы, не предоставляя какую-либо отчетность. За такие действия Забело был арестован и отправлен в Охотск. В Охотске по результатам проведенного следствия все обвинения (Забеле, кроме незаконных казенных расходов, инкриминировалось также участие в масонских ложах, незаконная торговля и взятки) за исключением отсутствия отчетов по расходованию средств с Забелы были сняты, а его содержание под стражей было признано несправедливым. Что же касается начальника Камчатки А.В. Голенищева, то ему было сделано “строгое замечание за несоблюдение должного к офицерскому званию приличия”».

ИСТОРИЯ РОДА ЗАБЕЛА

Чтобы понять более глубокую подоплеку этого скандального дела, заглянем в «Формулярный список о службе и достоинстве 7-го флотского экипажа капитан-лейтенанта Якова Забелы за 1835 год», а также в другие, характеризующие Якова Георгиевича, документы.

Он из дворян Черниговской губернии — если быть более точными, то Яков Егорович имел крестьян в Сосницком и Кромвецком уездах — 569 душ.

7 марта 1812 года на имя императора Александра Павловича поступило прошение: «Просят недоросли из российских дворян греческого исповедания Яков и Андрей Георгиевича Забелина о нижеследующем.

Отец наш родной надворный советник Георгий Забелин в службе вашего императорского величества находился по статской. Ныне нам от роду Якову десять, а Андрею девять лет; обучены по российски и по французски читать и писать и счет арифметики, но в службу вашего императорского величества никогда еще не определены, желание имеем вступить

в морской кадетский корпус в кадеты, а потому всеподданнейше просим дабы высочайшим вашего императорского величества указом велено было сие наше прошение принять и нас именованных по желанию нашему в морской кадетский корпус в кадеты определить».

Конечно, любопытно понять, откуда это у двух недорослей из черниговских земель Украины такая тяга к морской службе?

А вот и ответ. Их родственником был *Забелло Гавриил Николаевич* (праправнук — знатного войскового товарища Ивана Петровича Забелы-младшего), который поступил в Морской Шляхетский корпус кадетом

«1795 — произведен в гардемарины, был в кампании на Кронштадтском рейде
1796–1798 гг. — ежегодно плавал в Финском заливе
1797 — выпущен в мичманы гребного флота.
1799 г. — на брандтвахтенном корвете "Ловкий" был в кампании под Роченсальме
1800 г. — на фрегате "Александр" плавал от Кронштада до Стокгольма
1801 г. — на том же фрегате в кампании на кронштадском рейде
1802 г. — на фрегате "Эммануил" плавал в Балтийском море
1803 г. — на канонерских лодках плавал в Финском заливе
1804–1806 гг. — находился при Роченсальмском (?) порте
1807 г. — перешел из Кронштадта в Або (г. Або — г. Турку в Финляндии. По Абоскому мирному трактату, подписанному 18 авг. 1743 г., завершилась Русско-шведская война 1741–1743 гг. Этот трактат подтвердил условия Ништадтского мира 1721 г., установил границу между Россией и Швецией по р. Кюмене. К России отошла часть Финляндии, — В.Ш.) на фрегате "Богоявление"
1808 г. — на гребной флотилии плавал в Абовских шхерах.
В том же году в октябре произведен в лейтенанты гребного флота.
1811 г. — уволен со службы».

И, вероятно, не случайно, что это свое прошение недоросли подали именно в 1812 году, когда их дядя-моряк вышел в отставку и поселился в родных деревнях.

К прошению приложено свидетельство о том, что оба Забелы являются представителями древнего дворянского рода.

Прапрапрадед Якова и Андрея Егоровичей (Георгиевичей) — Тарас (Тарасий) Петрович Забела – борзенский сотник.

Прапрадед — Михаил Тарасович Забела — генеральный судья Войска Запорожского, дед князя Безбородко. Участник походов: в 1687 году под Перекоп, в 1703 году — под Печеры, в 1704 году — в Польшу, в 1709 году — взятие Батурина. В Полтавской битве был в свите Петра I. Назначен генеральным судьей с 1728 года по именному указу.

Управлял Малой Россией с 1734 по 1740 г. по указу Императрицы Анны Иоанновны совместно с Лизогубом, Лысенко, Марковичем, кн. Барятинским и кн. Шаховским.

Прадед Якова и Андрея Забелы — Иван Михайлович Забела, сотник короповецкий.

Дед — Прохор Иванович Забела — действительный статский советник.

Егор (Георгий) Прохорович Забела — их родной отец.

А кто был родоначальником этого рода?

Это как считать.

По одной версии — Петр Михайлович Забела — «родоначальник видного в левобережной Малороссии рода Забела, украинского казацкого военного и государственного деятеля, магната, имевший герб Остоя».

Есть и другая версия, если знать, что рыцарский герб Остоя является древнейшим рыцарским гербом в Польше.

История герба Остоя восходит к 1069 г., когда король Польши Болеслав II Смелый (правил с 1058 по 1080 гг.) за храбрость и преданность удостоил полковника Остоя дворянского титула и освободил его и его детей от всех податей и налогов. Этой чести рыцарь Остоя был удостоен за атаку, окружение и уничтожение малыми силами лагеря мятежников, во время похода на Киев, который Болеслав II Смелый предпринял по просьбе киевского князя Изяслава Ярославовича (второго сына Ярослава Мудрого) с целью вернуть тому власть, которую князь Изяслав потерял в результате восстания заговорщиков (1068 г.) во главе с князем Всеславом Полоцким. Эта просьба была выполнена и в 1070 г. князь Изяслав вновь занял Киевский престол. К этому же времени относится и первое упоминание о гербе «Остоя».

Изображение герба: в поле червленом два полумесяца золотых, обращенных рогами один влево, другой вправо; а меж ними острием вниз меч, крыж которого имеет вид креста. Над шлемом три страусовых пера.

Когда вместо меча сверху и снизу полумесяцев полагается по звезде, то герб называется Орда.

Орден Остоя объединяет более двухсот шляхетских фамилий на территории Украины, Польши, Белоруссии, Литвы.

А речь у нас все-таки идет только об одной фамилии — Забела.

Имя их родоначальника — Петра Михайловича Забела — вошло в мировую историю и было связано с Богданом Хмельницким и воссоединением Украины с Россией:

Родился он в городе Борзне в семье шляхтича Миха(л)я. Уже в 1648 году согласно сообщению одного из внуков он был администратором королевских имений в борзненском повете — «в местечку Борзне, за короля был добр королевским адменестратором [...] двор королевский содержувался под смотрениемъ Петра Забелы» О местечке Борзне и о его владельце до 1648 года известно из королевской грамоты 1625 года и из рукописи А.Ф. Шафонского: «г. Борзна в 1635 году был воеводства Черниговского местечко, в частном владении кашеляна Цехановского Франциска Вышла находившееся...».

Во время восстания Войска Запорожского под предводительством Богдана Хмельницкого в 1648 году, когда Черниговщина была полностью очищена от поляков, он примкнул к казакам.

Участник национально-освободительной войны украинского народа 1648–1657 гг. В 1649 и 1654–1655 гг. — полковник Борзненский. В июне 1654 года возглавлял казацкую делегацию от наказного гетмана Золотаренко к московскому царю. В 1656 году Петр Забела получает царскую грамоту на пять сел около Кролевца: Обтов, Реутинцы, Лучники, Клишки и Погореловку, принадлежавших при поляках Вышлю, а затем А.П. Цурковскому, нежинским войтам, последний владел и Борзною. Кроме этих сел, Петру Забеле, как говорят семейные предания, были отданы также «дом королевский в замку, в Борзне и другие за городом, в замку», вероятно в усадьбе, называвшейся «Зеленым двором». Впоследствии, в 1835 году, эта усадьба была подарена Еленой Николаевной Белозерской (Забела) Борзенскому земству для «устроения больницы».

В 1659 году он был на стороне изменившего царю России гетмана Выговского и во время Конотопской осады сидел вместе со своим полковником Золотаренко в Борзне, ожидая случая подойти на помощь осажденному российскими войсками Гуляницкому. Но князь Трубецкой предупредил Золотаренко, послав против них свой отряд, который взял Борзну приступом, и привел оттуда под Конотоп много пленных, в числе которых были жена Петра Забелы с тремя сыновьями и с зятем «попом Григорием». Пленники были вскоре отпущены «по размену».

В 1663–1665 гг. из сотников Петр Забела был «поставлен» генеральным судьей в администрации гетмана Брюховецкого, несмотря на возраст (ему было 85 лет) и неграмотность. Около 1665 года Забела получил чин генерального судьи, а четыре года спустя — и высший после гетмана чин генерального обозного.

В 1665 году в Москве Петр Забела был пожалован в дворяне, при этом герб «Остоя» Михаила Забелы унаследовали не только Петр, но и его брат Константин и их потомки. Находился он на этой должности до 1669 года, а в 1669 году — занял высший после гетмана пост, генерального обозного, который он занимал до 1685 года. Он часто появляется в Москве с посольствами от Ивана Золотаренки, гетмана Брюховецкого, гетмана Многогрешного. Занимая эти должности и, невзирая на возраст, Забела стремился к гетманской булаве и с этой целью повел деятельную интригу против гетмана Многогрешного. Низложение и ссылка последнего не проложили, однако, Забеле дороги к гетманству; через несколько лет он, за дряхлостью, оставил должность генерального обозного, оставил свой уряд и переселился из Борзны в Обтов, село Коропской сотни, где скупал мельницы и тем увеличивал свое обтовское имение, владел значительными имениями в Нежинском и Черниговском полках. Умер в 1689 году в возрасте 109 лет.

Петр Забела был женат 2 раза: от первой жены Прасковьи Станиславовны (1610–1650 гг.) имел детей: Иван-старший, Тарас, Степан, Василий и двух дочерей.

Будучи уже генеральным судьей, в возрасте 85 лет он женился во второй раз «взяв за себя Герцичку» — Гафия Семеновна Герцик (1624—1686 гг.) — вдова выкрещенного еврея, была настолько бедной, что ее сын Павел Герцик, по рассказу Василия Кочубея, современника и родственника Забелы «…торговал на Полтавском базаре иголками». Во втором браке у Петра Забелы родилось еще двое детей: Иван-младший (линия морского офицера Гаврила Ивановича Забелы) и дочь Феодора. Их он успел пристроить еще до своей смерти, женив сына на дочери генерального обозного Василия Дунин-Борковского и выдав дочь замуж за сына Нежинского полковника Василия Яковлевича Жураковского, ямпольского сотника, впоследствии генерального есаула в 1710—1724 гг.».

А далее следуют сыновья: Забела Василий Петрович — в 1680–1686 гг. был борзненским сотником, затем генеральным хорунжим, в 1689 г. владел с. Реутинцы, ездил посланцем от Василия Золотаренко в Москву в 1655 г., в 1672 г. сопровождал арестованного гетмана Игнатовича (Многогрешного) в Москву; Забела Иван Петрович старший — убит под Чигирином в 1678 г.; Забела Тарас Петрович; Забела Иван Петрович — борзненский сотник; Забела младший — знатный войсковой товарищ; Забела Степан Петрович — борзненский сотник в 1674–1677 гг., затем, в 1677–1682 гг., — генеральный хорунжий.

Дети в браке с дочерью Нежинского войта Александрой Александровной Цурковской: Михаил, Юрий, Тарас.

Одним из его внуков был знаменитый канцлер Российской империи князь Александр Андреевич Безбородко, увековеченный в одном из образов памятника «Тысячелетия России» в Великом Новгороде.

Александр Андреевич родился в Глухове (ныне Сумская область Украины) 17 марта 1747 года в семье генерального писаря Андрея Яковлевича из рода Безбородко и дочери генерального судьи Михаила Забелы Евдокии (1716–1803). Обучался сначала в доме своих родителей, а потом в Киевской академии, где и проявились его блестящие способности. С 1765 г. началась служба Безбородко: в этом году он был записан в бунчуковые товарищи и назначен правителем канцелярии малороссийского генерал-губернатора графа Румянцева-Задунайского.

За свою службу князь Александр Андреевич 22 марта 1774 года был пожалован в полковники, а в следующем 1775 году по прибытии в Москву с графом Румянцевым он поступил к государыне для принятия прошений, поступающих на высочайшее имя. Со временем стал самым могущественным из всех ее статс-секретарей: фактически все бумаги и прошения стекались в его руки.

Находясь в тени вице-канцлера графа Остермана, Безбородко принимал участие в важнейших политических делах второй половины царствования Екатерины II и царствования

императора Павла, как, например, в заключении морской декларации 28 февраля 1780 г. и в ряде других трактатов (1780–83) о морском нейтралитете, также в заключении оборонительных союзных договоров России с Австрией и Пруссией (1792) и с Великобританией (1794), в третьем разделе Польши (1795). Член Российской академии с 1783 года.

1 января 1779 г. Безбородко был произведен в бригадиры, а 5 мая награжден деревнями в Белоруссии за участие в окончании крымских дел с Портой. В 1782 году Безбородко получил орден Святого Владимира 1-й ст.; в 1783 — в потомственные владения 2700 душ в Малороссии; в 1784 году — чин тайного советника, орден Святого Александра Невского, звание второго члена Коллегии иностранных дел с окладом вице-канцлерским и более 3000 душ в Малороссии. Кроме того, получил дозволение принять пожалованное ему римским императором графское достоинство. В 1786 году переименован в гофмейстеры и награжден деревнями в Малороссии. Во время таврического вояжа императрицы 14 февраля 1787 года принимал в Киеве в царском дворце венесуэльского политического деятеля Франсиско Миранду.

В 1790 году пожалован действительным тайным советником, а в следующем году, по случаю примирения с Портой, получил орден Святого апостола Андрея Первозванного; далее — 50 тысяч рублей серебром, похвальную грамоту, масличную ветвь для ношения на шляпе и 5000 душ в Подольской губ. За увеличение государственных доходов гр. Александру Андреевичу был пожалован пенсион в 10000 руб. и единовременно 50000 руб. Пользуясь неограниченной доверенностью императрицы, Безбородко имел больше силы и влияния, нежели вице-канцлер граф Остерман, несмотря на то что он был вторым членом. Третьим членом коллегии иностранных дел состоял Аркадий Морков.

Восхождение звезды Платона Зубова привело к тому, что в конце екатерининского царствования Безбородко был оттеснен от реального ведения дел. Со вступлением на престол Павла для Безбородко наступила новая эра. Он не только вернулся из полуопалы, но и был пожалован канцлером. Именным Высочайшим указом, от 3 (14) апреля 1797 года, повелено род графов Римской империи Безбородко ввести в число графских родов Российской империи, а в день своей коронации Павел I, именным Высочайшим указом, от 5 (16) апреля 1797 года, действительного тайного советника I класса, графа Александр Андреевич Безбородко возвел в княжеское Российской империи достоинство с титулом светлости. Кроме этого, император пожаловал ему портрет свой и большой крест Св. Иоанна Иерусалимского, осыпанные бриллиантами, орловскую вотчину, поступившую в казну после кн. Кантемира, несколько тысяч десятин земли. «У Безбородко, таким образом, оказалось до 45 тысяч крестьян, что не помешало ему входить в долги до самой смерти» [К. Валишевский «Вокруг трона»].

Тревоги и нездоровье побудили Безбородко в конце 1798 года ходатайствовать об увольнении от службы, но взамен того он получил лишь отпуск за границу. Отпуском этим, однако, ему воспользоваться не пришлось: разбитый параличом, Безбородко умер 6 (17) апреля 1799 года и погребен в палатке Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

Основным наследником холостого канцлера был его младший брат Илья Андреевич (1756–1815), генерал и сенатор, участник русско-турецких войн. Поскольку единственный его сын умер прежде отца, титул графа Безбородко был передан сыну его дочери, Александру Кушелеву (1800–1855). Кроме того, своим возвышением (и назначением послом в Константинополе) хлопотам князя Безбородко был обязан его племянник Виктор Кочубей, при Николае I возглавлявший Комитет министров Российской империи.

Линия нашего героя — Якова и его брата Андрея Забелы также продолжается через Михаила Тарасовича, который был женат на дочери охочекомонного полковника Ильи Федоровича Новицкого.

У него было две дочери Евдокии: Евдокия (старшая) замужем за И.И. Сахновским, Евдокия (младшая) замужем за А.Я. Безбородко. А также сыновья — Василий, Иван, Пантелеймон.

Нас теперь интересует линия Ивана.

Дед Якова и Андрея — Прохор Иванович Забела — был женат на дочери бунчукового товарища Ивана Домонтовича, имел сыновей Георгия и Василия, лейб-гвардии Измайловского полка подпрапорщиков, дочерей Ульяну, Ирину, Елену, Евдокию и Феодосию. Имел крепостных под Новгород-Северским в селах наместничества Оболонье, Городище, Псаровки, деревнях Савинцах, Гирин и Кирилловке Сосницкого уезда, в селе Савинках и в деревнях Тално и Неведринке уезда Глуховского, в селе Землянке уезда Кролевецкого, в городе Коропе, в Черниговском наместничестве Боруденском уезде в хуторе Красиловском душ тысяча тридцать четыре.

Отец братьев Забела — Георгий Прохорович Забела, майор, надворный советник, Сосницкий поветовый маршал, кавалер ордена Владимира 4-й степени.

У Якова Георгиевича, старшего сына и наследника имущества Георгия Прохоровича, было, как и записано в формулярном списке, 569 душ крестьян.

У брата не было ничего.

Морской путь Андрея Георгиевича (Егоровича), за которым ни одного крепостного не числилось, был весьма коротким:

ЗАБЕЛЛО АНДРЕЙ ЕГОРОВИЧ

«1814 г. — в августе поступил в морской корпус кадетом.
1816 — произведен в гардемарины.
1819 — в марте произведен в мичманы.
1824 — произведен в лейтенанты. На катере “Эол” плавал по балтийским портам.
1826 г. в сентябре — уволен со службы.»

Складывается впечатление, что он службу эту бросил: «по послужному списку за 1825 год —

лейтенант 7-го флотского экипажа — 22-х лет, из дворян, крестьян не имеет, холостой.

В декабре 1824 года был уволен в трехмесячный отпуск в Черниговскую губернию. В графе "где и когда в отпуску находился" записано — находится в просрочке, в связи с чем в 1825 году аттестован не был» [РГАВМФ Ф. 406. Оп. 3. Д. 164. Л. 462–463].

Послужной список морского офицера Якова Георгиевича Забелы был подлиннее:

ЗАБЕЛА ЯКОВ ГЕОРГИЕВИЧ

«1814 — поступил в морской корпус кадетом
1815 — произведен в гардемарины
1817 — произведен в мичмана с переводом в черноморский флот
1817–1820 — ежегодно крейсеровал с флотом в Черном море
1821 — переведен в балтийский флот
1822 — произведен в лейтенанты. На бриге Лаврентий крейсеровал у Дагерорда
1823–1825 — находился при свеаборгском порте
1826 — переведен в камчатскую экипажескую роту, произведен в том же году в капитан-лейтенанты.
1827–1830 — Командовал Тигильскою крепостью
1830 — Переведен в Нижнекамчатск
1832 — возвратился берегом из Иркутска в Петербург (6 лет провел на Дальнем Востоке и в Сибири)
1836 — произведен в капитаны 2 ранга
1839 — уволен от службы для определения по статским делам.
Умер в 1745 году.
Был женат на Александре Платоновне Красовской».

КОМЕНДАНТ ТИГИЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ

Нас, конечно же, интересует и камчатский период его жизни. 31 декабря 1826 года капитан-лейтенант Я.Г. Забела переведен в Камчатскую экипажную роту под команду сначала морского офицера Станицкого, исполнявшего обязанности командира Камчатки, а потом Голенищева. 26 сентября 1827 года он прибыл на Камчатку и был назначен командиром Тигильской крепости, находясь в этой должности до 20 сентября 1830 года.

В своих воспоминаниях морской (впоследствии жандармский) Эразм Стогов вспоминал о Тигиле и его жителях:

«Наконец, я в крепости Тигиле. Может быть, явится вопрос: большая ли крепость? Какой системы? Сколько пушек? Велик ли гарнизон? и проч. На все вопросы отвечу: крепости никакой нет, да, кажется, никогда и не было, о пушках и понятия не имеют. Живут себе мирно десять казаков с урядником. Так почему же называется – крепость? А потому, что в Тигиле есть комендант, он так и титулуется официально. Можно продолжить вопросы: так зачем же там комендант, казаки? Вот этого я до сих пор не понял! Если мне объяснят, зачем казаки в Тауйске, Ямске, тогда я объясню, зачем комендант в Тигиле. Однажды я сделал этот вопрос начальнику в Охотске, он отвечал мне: так! Этот же ответ приходится и к тигильской крепости с комендантом — так! Да мало ли на свете делается так!

Тигиль на правом берегу реки Тигиля, берег обрывом сажени в две. В Тигиле есть деревянная церковь, священник с дьячком, есть больница, которою заправляет фельдшер, хотя с изъянцем — без носа, но все-таки лечит от всех болезней. Есть купец 2-й гильдии [Ворошилов], два отставных матроса, из ссыльных цыган — единственный кузнец и музыкант; все лица имеют собственные дома, по правде, настоящий-то дом у купца, да у коменданта, и небольшой домик, в три окна, для командира брига, остальные — домишки, — вот и весь Тигиль».

И более подробно о его жителях:

«Купец — аристократ Тигиля, он даже не носил кухлянки, а всегда в длинном сюртуке и даже в сапогах! Семья его состояла: из жены, двух зрелых дочерей (девиц) и двух сыновей 12–13 лет. Сам купец лет под 60, но еще здоровый. Этот купец считался ученейшим, да и сам о себе думал так, говорил книжным языком прошлого столетия и всегда о чем-нибудь мудреном, не забыл я несколько его объяснений мне в наставительном и хвастливом тоне: "антиподы не падают с Земли, как мухи на деревянном шаре, одни будут наверху, а другие внизу". Я не противоречил, но посмотрел на его ноги, не имеет ли он крючков. Еще поучал, как дикие ловят китов:

— Приготовит дикий два круглых деревянных клина, с молотком отправляется к киту, и как кит высунет голову, дикий взбирается на кита, одним клином заколачивает одно отверстие [ноздрю], кит ныряет, дикий держится на ките за клин, а как кит высунет голову, дикий заколачивает другое отверстие, и кит задыхается.

Много бы мог рассказать подобных вещей, которыми поучил меня мудрейший в Тигиле, но поберегу для себя. Когда случалось что-нибудь рассказывать, купец, после каждого периода, имел привычку повторять: "так тому и быть должно".

Комендант, капитан-лейтенант О… одним выпуском старше меня, холостой. Ну, этот был далеко попроще купца. Он вышел из корпуса если не с союзом, то в союзном десятке.

Союзным десятком назывался последний десяток оттого, что последний писался и такой-то. Моего коменданта имя было Андрей, весь Кронштадт называл его Ондрюля (Эразм Иванович путает Якова Егоровича с его братом, который никогда не служил на Камчатке, а с 1816 года и вообще больше не служил на флоте. — *С.В.*).

Он был вполне добрый простак, человек, от темени до пяток, материальный, природа наделила его веселонравием и замечательным басом, которым он владел прекрасно.

Любимое его занятие — петь хором; он, как регент, собрал хор порядочных голосов и управлял мастерски. Помню, как у него хорошо выходило: "калязинский монастырь, недалеко от Москвы, хорош, пригож, прекрасен суть". Начинали дисканты, первое слово повторяли

тенора, тоже слово подхватывали и повторяли басы, дисканты продолжали не останавливаясь. Можно думать – выходила порядочная какофония, но издали слышался перезвон колоколов на колокольне, и, право, странно, но недурно.

Это пение могло продолжаться без конца. Комендант знал все народные песни того времени, и плясовые и нежные, конечно, не была забыта разбойничья лодка на Волге; атаманом, разумеется, сам комендант. Еще страсть у него была — танцовать: русскую, метелицу, хлопушку; танцовал он с увлечением, с азартом! В пении, танцах он был воистину комендант! Тут он был строг, это было дело службы! Когда он управляет хором, он точно совершает акт святой обязанности, тогда он неумолимый жрец! Дурное исполнение огорчало его! Танцовал он без улыбки, его глаз, голос не допускали малейшего беспорядка.

Комендант всегда с сожалением говорил, что не мог устроить экосеса и особенно, идеал танцев — матредур, так и не достиг своего желания, не мог побороть препятствий; дамы и кавалеры постоянно путали [фигуры], но, главное, не мог выучить цыгана, а он только один и был владелец скрипки, правда, скрипка с шелковыми струнами. Бывало, комендант напевает, а музыканта выходит русская или метелица или восьмерка, так и бросил! С комендантом можно было говорить о пении, о танцах и о собаках. Вот и все нравственные развлечения в Тигиле! Отнимите потеху езды на собаках, можно бы спиться или с ума сойти; — современная страсть к самоубийству тогда не была в моде.

Как бы ни был забавен мой комендант, но он антипатически не любил никаких напитков, всегда трезвый, веселый, очень добрый, правда, уж очень прост, мы с ним ладили и жили очень дружно. Я нашел хорошо обделанный огород для меня и особый для команды, правда, в огороды там принято одно растение — картофель, другого ничего не сажалось, да и не знали о существовании других растений, после скажу, отчего не хлопотали о других огородных растениях.

Картофель родился на девственной земле — невероятно многоплодно, сказочно! При моем доме был амбар; я нашел его полным сушеной лососины, это подарок любезной заботливости коменданта, продовольствие моих собак обеспечено».

За весь этот камчатский период службы Яков Георгиевич характеризуются начальниками Камчатки положительно. 20 сентября он переводится командиром в Нижне-Камчатск, а на его место назначен капитан-лейтенант Кузмищев. На место службы Забела не выехал, продолжая оставаться в Тигиле и сдавая дела новому командиру, который обнаружил многочисленные и серьезные нарушения по финансовой части со стороны Забелы.

13 февраля по приказанию командира Камчатки Голенищева Забела арестован и под арестом отправлен в Охотск, а оттуда в Иркутск, куда прибыл 17 октября того же года и в тот же день освобожден из-под стражи по приказу генерал-губернатора. Но под следствием находился по 26 августа 1832 года. Из Иркутска по высочайшему повелению переведен на Балтику и в феврале 1833 года с «приписанием» к 25 флотскому экипажу. В 1835 году находился на службе в Петербурге и был приписан к 13 флотскому экипажу.

Запись о «достоинствах»: «1830 года от капитана 2 ранга Голенищева не аттестован по неизвестной причине. 1831 года по производившемуся следствию противу законных действий и неповиновения Начальству до окончания коего аттестовать не могу».

До и после стычки с Голенищевым, согласно формулярного списка Яков Георгиевич Забела аттестовывается на «хорошо».

А потому закономерен все тот же вопрос: откуда взялся сразу целый «букет» нарушений и преступлений, за которые полагался арест?

В РГАВМФ (Санкт-Петербург) есть материалы о привезенном с Камчатки в Охотский порт капитан-лейтенанте Забелло (таково написание фамилии в том документе) [ф. 283 оп. 2 д. 10].

Из донесения начальника Камчатки А.В. Голенищева начальнику Охотского порта, 31.03.1835:

«…Будучи начальником Тигильской крепости капитан — лейтенант Забелло во время управления своего совершал всякие противозаконные поступки, которые открылись при приемке от него дел капитан-лейтенантом Кузмищевым… Найдена у него книга под названием “Календарь тайных обществ”, навлекающая на него подозрение в деле государственном…».

Сам же Забела жалуется начальнику Охотского порта, что: «сидит под строгим арестом сам не знает почему…».

Идет следствие… Выясняется, что, во-первых, отсутствуют отчеты по расходованию средств на строительство больницы (но есть, как отмечают исследователи, шнуровые книги по приходу и расходу); во-вторых, в тайных обществах Забелло не состоит; в-третьих, торговля разными товарами на службе не обнаружена и подарки (взятки) Забела от камчадалов и коряков не получал.

В итоге содержание под стражей Забелло было признано несправедливым, а начальнику Камчатки А.В. Голенищеву было сделано «строгое замечание за несоблюдение должного к офицерскому званию приличия». Вот такая внешняя сторона этой истории.

И что же тогда на самом деле все-таки произошло между Голенищевым и Забелой, если все обвинения Начальника Камчатки и нового командира Тигильской крепости оказались напрасными, а арест — «несоблюдением должного к офицерскому званию приличия»?

У меня на руках находятся материалы следственного дела. Вопросы, которые задают Забеле, ошеломляют (видимо, следователям просто нечего было извлечь из тех материалов, которые представил начальник Камчатки Голенищев).

Но есть вопросы и по нашей теме. Они, мягко говоря, изумляют…

Вопрос: «По какому праву вы принуждали казака Санапальникова оставить у вас его до-

черей, не давали отцу над ними власти и неоднократно их били, и чем вы оправдаете незаконную связь вашу с одной из них».

Забела: «Я не имел к этому надобности, ибо отставной казак Санапальников жил у меня со всем семейством, которое я как и его самого кормил и одевал. Я отдал даже выстроенный ему дом, не успел сего, но оставил достаточно лесу купленного на собственный мой (неразборчиво). Все это семейство мною облагодетельствовано и от упоминаемой дочери не было жалобы на меня и не могло быть ибо я ее при выдаче замуж наградил и выстроил на свой (неразборчиво, вероятно, счет) дом».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ ЭРАЗМА СТОГОВА

Кстати, дом был замечательный. О нем помнил даже через много лет коллега по службе Эразм Иванович Стогов (кстати, забыл сразу об этом сказать, что он был известен не только, как жандарм, но и как родной дедушка поэтессы Анны Ахматовой), не раз бывавший в Тигиле.

«Не могу промолчать о доме коменданта, дом в гармонии с характером чудака. Дом строил сам комендант, дом большой по-тамошнему, сажен в 7 длины и 5 ширины, симметрия отсутствовала, внутри не было ни одной капитальной стены, только передвижные перегородки, которые и образовали комнаты; случалось несколько раз, что не бывши неделю, приходишь и думаешь идти в зал, очутишься в спальне, а где [была] спальня, там уже гостиная и проч. Комендант гордился своею изобретательностию, а удивлением моим потешался как ребенок».

«…Мне показалось, что в такой обстановке я могу одичать, а чтобы хотя не отвыкнуть одеваться, я положил себе непременно, раз или два в неделю, надевать вицмундир и церемонно проводить вечер у купца, которому это очень льстило; с купцом мы беседовали об ученых предметах, и многое я узнал о старине. Барышни, в хорошеньких парках, появлялись и исчезали, без слов и речей; одна из них, старшая была очень недурна. Комендант иногда являлся в кухлянке и хохотал, громко говоря: на кой чорт я наряжаюсь, точно по службе к начальству.

Кстати, расскажу, какие были последствия от моих визитов купцу. На другой год купец был со мною в Охотске и со мною возвратился; я, верный себе, продолжил свои визиты. В одно из посещений я был неожиданно поражен: выходят девицы в ситцевых платьях! но, о ужас! никогда не видевши платьев, они стянули шнурком платья около шеи, и — без пояса, явились движущимися пирамидами! Много было нужно самообладания, чтобы не расхохотаться. По-тогдашнему, платья были модные, по пунцовому ситцу были разбросаны желтые цветочки, кайма по подолу в аршина желтая, с голубыми цветками, купец выписал готовые платья из Иркутска. Говоря справедливо, барышни были правы, подпоясать парку — это было бы крайнее невежество, быть притчею, они считали неприличным подпоясывать и платья.

Выход из затруднения был один, я вынужден был принять на себя обязанность горничной. В лавке купца нашлись ленты голубого цвета, дошло дело и до полукорсетиков, я же был и парикмахер, надобно было выучить прилично ходить, что было не без труда. Мои барышни очень жаловались на стеснение, даже жаловались, что и дышать трудно, но девушки и там девушки, для наряда нет непобедимых затруднений! Другие платья были ярко-желтые, с пунцовыми цветками и с пунцовой каймой по подолу.

На первой вечорке (бал) у коменданта, когда явились мои барышни в полном наряде, на все общество нашел столбняк! Невиданное и неслыханное щегольство, роскошь! Мы с комендантом танцовали по очереди с сестрами, я был в сюртуке, и, заметно, коменданту было неловко в кухлянке. Докончу тем, что мой комендант года через два женился на старшей. Мне приятно засвидетельствовать, что он был предобрый муж и отец, а она была скромная, любящая жена и заботливая мать и хозяйка; они были совершенно счастливы».

Видимо, здесь память изменяет Эразму Ивановичу — и он рассказывает чью-то другую историю…

Следующий вопрос следователя вызвал у Забелы возмущение. У него потребовали ответить за «недоданный провиант» солдату Анисимову на 60 рублей.

Забела: «Сего никогда не бывало. От Анисимова мне нежели от кого там на себя жалобы, я не только не удерживал его деньги, но весьма часто пособлял ему и детям его от себя».

И в это охотно верится, перечитывая воспоминания Стогова, который говорит об исключительной простоте и доброте «коменданта Тигиля».

А если восстановить в памяти историю отстаивания Забелой своего отцовского права на сына Николая, то весьма нелепыми выглядят в следственном деле сообщения нового коменданта Тигильской крепости Кузьмищева о том, что казак Миронов не выполнил некую просьбу Забелы о свидании теперь уже с дочерью дьячка Верещагина, хотя за эту предполагаемую услугу Забела даже дал Миронову 25-рублевую ассигнацию. За неисполнение просьбы Забела якобы даже назвал Миронова подлецом, что, опять же якобы, слышал свидетель — казак Петр Сысоев.

То есть против Забелы выстраивалась целая цепь провокаций

И они превращались в пункты следственного дела.

Неужели за это можно было арестовать Забелу? Даже если новое свидание и намечалось? И если даже казак Миронов, о котором Забела думал, что он «честный человек», оказался (вероятнее всего, по приказу Кузмищева) «подлецом»?

Нет, основанием послужили вовсе даже не эти (может быть, для кого-то очень обидные) слова и документы.

Основание это мы находим в послании Начальника Камчатки капитана 1-го ранга Голенищева (от 22 декабря 1831 года за № 31) Его

Высокопревосходительству Господину генерал-Адъютанту Его Императорского Величества, Шефу Жандармов, Коменданту Главных Императорских Квартир и кавалеру Александру Христофоровичу Бенкендорфу.

Предисловие этого послания определяет и суть всего происходящего — Голенищев, зная малороссийскую родовую сущность Забелы, просто *предупреждал* некие возможные события, исходя из некоего чувства *долга* (не имея при этом ни законных оснований, ни фактов, *ничего*…): «Его Превосходительство Господин Иркутский Гражданский Губернатор и кавалер, в предписании своем от 5-го февраля сего года изъясняет, что по случаю возникших в Царстве Польском безпорядков, злонамеренные люди, помогающие возмущению и безначалию, могут действовать к распространению преступных своих правил между жителями и внутренних губерний России».

«Могут» — значит *виновны*!

И таким вот образом возникает первое в истории Камчатки политическое «Тигильское дело», за сто с лишним лет до «Тигильского дела», состряпанного органами Государственного политического (читай жандармского) управления СССР, жертвами которых стали потомки купцов Ворошиловых, казаков Мироновых, Сысоевых, Шемаевых, Санапальниковых, чьи предки и проходили свидетелями по делу Забелы…

А пока речь шла только об одном виновном — о Якове Егоровиче Забеле.

Голенищев доносил Первому Жандарму России «…о свойствах и поступках Капитан Лейтенанта Забелы, бывшего в Камчатке Командиром Тигильской Крепости. Поступки сии хотя не могут подвергнуть его позорному порицанию Государственного злоумышленника, но за всем тем подают странное и весьма невыгодное об нем мнение. Со времени вступления моего в должность Начальника Камчатки, я имел г. Забелу на щету хороших офицеров, образованность и деятельный ум его, давали ему право на сие отличие, первые распоряжения его по обязанностям службы оправдывали мое к нему доверие. Но вместе с тем безпокойный характер г. Забелы, вольное и даже неприличное офицеру обращение в обществе, свобода мыслей в полном смысле сего слова, принудили меня принять в отношении к поведению его должных мер осторожности.

Врожденная наклонность всему прутиворечить обнаружилась в нем потом, в объяснениях его со мною по обязанностям службы; я старался превозмочь неуступчивость его кротостью и основательными рассуждениями о вреде несогласия подчиненных с распоряжениями начальства; но он к советам моим оказывал тайное пренебрежение, что однакож замечал по поведению его в кругу в собственном моем доме.

Во время неоднократных проездов его по Камчатке из Тигиля в Порт и обратно г. Забела вкрадывался в расположение жителей и под видом сердоболия к ним осуждал местные мои распоряжения, особенно по предмету переселения некоторых жителей западного берега на реку Камчатку, чего требовала существенная польза заключающаяся в общем устройстве края.

Перевод скота чрез покупку из одних селений в другие, для повсеместного размножения, признавал он злоупотреблением вредным для жителей; и все сие доказывал им оборотливостью ума своего. Хотя впрочем добродушные жители Камчатки не могли доверять ему в том, чтобы начальство действовало по вреду их, но за всем тем плевелы недоброжелательства, разсеиваемые г. Забелою, быть может заражали мирные чувства инородцев сумнением вредным в отношении к действиям местного начальства.

В бытность г. Забелы в 1830 г. в Порте, позволил он себе в здешнем Соборе во время священнодействия читать бывшее у него в это время неизвестное мне письмо стоящим близ него офицерам и тем самым обратил на себя внимание как Благочинного Протоиерея, совершавшего Литургию, так равно и прочих лиц, бывших в церкви. По окончанию Литургии, когда все чиновники и духовенство собрались в моем доме, Благочинный Протоиерей Шастин обратился ко мне с напоминанием о сем соблазнительном поступке г. Забелы в Храме Божием. Я обязанностию поставил заметить г. Забеле неприличный его поступок, но он, воспламенясь горячностью, свойственною его характеру, оправдывал себя разными доводами, обнаружившими свободу мыслей его даже в отношении к самой религии. Зная неуступчивость его, я противупоставлял ему снисхождение, кротость и терпение в надежде сим средством исправить свободное его поведение, но тщетно.

В лето 1830 года обнаружились противузаконные поступки г. Забелы по управлению им Тигильскою крепостию, обстоятельства производившегося над ним следствия требовали перевода его в Нижне-Камчатск, но он решительно оказал в сем случае неповиновение противу неоднократных моих предписаний».

А далее, как выясняется, следует откровенная ложь:

«Между тем произведенным следствием изобличен он в непозволительной торговле, в неправильном и жестоком наказании всей Тигильской Казачьей Команды; в удержании у ней жалованья в свою пользу, в выдаче вместо оного товаров значительно высокими ценами, и в своевольном стеснении жителей Тигиля переноскою собственных домов их. При отобрании же у г. Забелы следственною Комиссиею бумаг для разсмотрения в них коммерческих его щетов найден был у него Календарь Тайных обществ (так в документе), о котором он показал при допросе двусмысленно. Сие обстоятельство, быть может, само по себе уже неважное, но важное в отношении к событию, совершившемуся 14 декабря 1825 года в С. Петербурге, принудило меня представить г. Забелу с найденною у него книгою и с произведенным над ним следственным делом к его Высокопревосходительству Господину Генерал-Губернатору Восточной Сибири в месте с следственным делом. Но ныне все поступки г. Капитан Лейтенанта Забелы частию клонились до осуждения моих распоряжений по

управлению Камчаткою, а частию обнаруживали сварливость пылкого его характера и свободу мыслей, свойственную человеку, получившему при воспитании не твердые правила нравственности, то я до времени открытия противузаконных поступков его по службе, не полагал за нужное выставлять его пред начальством, как человека, делающего мне неприятности непостоянством своего характера, от природы способного усиливаться замечать и в хорошем худую сторону, когда что не им обдумано, или не им зделано. Даже и ныне, донося о сем по долгу службы, Вашему Высокопревосходительству, сердечно желал бы, чтоб поступки Капитан Лейтенанта Забелы не навлекли на него особенной ответственности, потому более что самое дело над ним произведенное должно подвергнуть его состояние (? неразборчиво) достойной участи.

…Что же касается собственно до Капитан Лейтенанта Забелы, то в бытность мою еще в С. Петербурге, в 1827-м году, случай предоставил мне получить об нем весьма неблагонадежное мнение от его Сиятельства господина Вице-Адмирала графа Гайдена, коему конечно, известны были прежнее поведение, служба и самый характер г. Забелы, но как он был уже в то время определен на службу в Камчатку, то мне и не оставалось других средств по предупреждению неприятностей могущих последовать по делам службы от чиновника с таковыми качествами кроме одних мер кротости, снисхождения и строго наблюдения за его действиями. За всем тем опыт доказал, что г. Забела не способен к исправлению, напротив-того с гордою самонадеянностью на неуютливый (неразборчиво) ум свой посягнул он на противузаконные действия, подвергающие ныне его строгой законной ответственности».

Что же по меркам Голенищева это была за законность?

Вот ее оценка самим Забелой:

«Вот уже 4½ месяца как я содержусь под весьма строгим арестом. Ко мне никого не допущали и строго воспрещено кому либо со мной говорить (из рапорта Я.Г. Забелы начальнику Охотского парта капитану второго ранга Балку, написанному на бриге “Екатерина”, на котором Забела был доставлен из Тигиля в Охотск, 21 июня 1831 года). Впоследствии … даже не велено допущать ко мне близко есть ли я во время своей прогулки с кем либо встречусь. Партикулярные письма, собственные записки мои и другие бумаги, равно как и часть моих вещей отняты у меня. Писать мне совершенно не дозволено; даже к начальству и белую бумагу всю отобрали. За что я так страдал? Чем мог заслужить столь великое наказание? По каким законам поступил со мною г. Начальник Камчатки Голенищев? Мне неизвестно, хотя неоднократно просил его всепокорнейше уважить прозьбу мою: объявить в чем состоит моя вина, за которую я еще не только без суда но и без следствия подвергнут наказанию, наказанию позорному и жестокому!

Майя 1-го числа часу в 5 по полудни объявили, что я должен отправиться в Охотск. Удовольствие мое было неизъяснимо; я уверен, что если, что есть ли не во всем, то (неразборчиво) много облегчится моя участь: Вашему Высокоблагородию известны законы и что без суда ни кто столь строго не должен быть наказываем. Умоляю Вас, г. Начальник, войдите в мое положение и не доведите меня до жестокой необходимости сказать “что в сем краю, столь удаленном от столицы, я не нашел флотского офицера, который вступился бы за справедливость и за честь флотского мундира”. Не удивляйтесь сим выражениям! В Камчатке показали всеполное пренебрежение ко мне, не уважили звание штаб-офицера и зделали со мною более нежели дозволено законами г. Начальнику Камчатки есть ли б он и находил меня виновным!

Занимаемое Вашим Высокоблагородием место дает вам права: облегчить мое жестокое положение, дозволить поправить совершенно разстроенное мое здоровье, от природы слабое…»

Пять человек часовых из (*десяти*!!!) тигильских казаков несли ежедневную службу непосредственно в доме Забелы, ограждая его об какого-либо общения и получая наказания розгами за какие-либо нарушения инструкций по его содержанию.

Итак, подведем итоги: арестован был Забела по *личному* приказанию начальника Камчатки Голенищева 13 февраля 1831 года. Отправлен из Тигиля в Охотск также под арестом 14 июня этого же года. А из Охотска отправлен под караулом в Иркутск, где и был освобожден из-под стражи 17 октября по приказанию генерал-губернатора, но следствие в Иркутске продолжалось вплоть до 26 августа 1832 — в этот день по Высочайшему повелению переведен на Балтийский флот в флотский экипаж.

31 августа 1832 года в Инспекторский Департамент Главного Морского штаба поступило письмо из Аудиторского Департамента Главного Морского штаба «О приведение в исполнение Высочайшей конфирмации по делу о Капитан Лейтенанте Забеле».

И вот тогда только была окончательно поставлена точка в этом деле.

«“Противузаконных” действий и поступков следователи в деле Якова Егоровича Забелы не обнаружили».

Но Забела знал главный пункт обвинения со стороны Начальника Камчатки: «Когда я напомнил о Законах и присяге моей, то он г. Начальник отвечал, что не мое дело о сем разсуждать, что есть ли он отдаст беззаконное приказание, а я выполню оное, то он, г. Начальник, один будет за все отвечать, а меня не спросят».

Мнение самого Я.Е. Забелы было неоднократно изложено им самим и направлено в разные инстанции. Вот один из вариантов, написанный уже в Иркутске, датированный 20 февраля 1832 г.: «Не буду оправдывать себя перед особой Вашей Светлости, будучи уверен в полной мере, что высокая прозорливость Ваша с первого взгляда проникнете истинную причину действий Капитана Голенищева стремившегося к единой цели очернить службу мою и самовольным удалением из Камчатки избавиться опасного свидетеля собственных его неимоверных беззаконностей.

Полагаю, что естьли бы даже и было основание обвинить меня сколь нибудь, то величайший деспотизм, который обуял Голенищева в отношении ко мне и следствия оного, составляющие заточение меня как бы Государственного преступника в тюрму: четверех с половиной месяцев содержание в оной с лишением не только всякого сообщения но даже и способов говорить с людьми — ибо сие было запрещено и самой страже окружавшей меня — и наконец пересылку под строгим конвоем как бы некоего колодника в Иркутск чрез шеститысячное расстояние со всевозможным стеснением и изнырением, — без сомнения превосходит меру наказания, которое мог бы определить мне самый строгий но справедливый суд.

Обращаюсь к вашей Светлости с тою единственною покорнейшею прозьбою, что бы дело мое повелено было вновь безпристрастно разсмотреть и с тем вместе разсмотреть личные поступки Капитана Голенищева — более нежели вредные для Камчатского края — устранив его предварительно от управления оным, ибо пока будет он на своем месте, потуда уста робкого и боязливого народа Камчатского останутся сомкнутыми для обнаружения истины, особенно в таком случае когда дело касается до разсмотрения поступков начальников, каковых по простоте своей привыкли они щитать безответственными своими властителями и безропотно в совершенном молчании сносят все от них происходящее».

«…жители Камчатки будут облагодетельствованы, если власть Голенищева над ними кончится, ибо тогда спадет с них иго!»

А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ…

Ничего этого, что требовал Забела, не произошло. Дело о Голенищеве спустили на тормозах… Но, говорят, и не простили — и последующая отставка с поста начальника Камчатки была, таким образом, своеобразным наказанием за содеянное. Хотя мало кто в это верил.

По поводу многостраничного доноса Голенищева из Аудиторского Департамента Главного Морского штаба сообщили кратко: «…касательно отобранного у Забелы печатного календаря о людях разного звания состоявших в Масонских обществах … по существу своему и по словам самого Голенищева не заключает никакой важности…», «…Забела, дав подписку о непринадлежности его ни к какому тайному обществу, не состоит и ныне в оных, о чем и со стороны Начальника Камчатки Голенищева нет никаких изобличений…».

Сын Якова Егоровича — Николай [вероятно, Самойлович — назаконнорожденным детям чаще всего давали отчество деда] Санапальников, — вероятно, каким-то образом был возвращен в Тигиль, к матери или был оставлен до поры, до времени в Охотске на воспитание. Тем более что сам Яков Егорович брал на себя обязательство покрыть все расходы на доставку сына туда, куда укажет начальство. А слов своих на ветер, судя по его благородству, он не бросал.

В документах имеется упоминание о сыне Евдокии, когда она была уже замужем за казаком Николаем Семеновичем Мутовиным, переведенным в тот же год в матросы Петропавловской экипажной роты, от которого у нее к тому времени был уже сын Иван. Но впоследствии о Николае Санапальникове мы не нашли никаких известий. Возможно, он умер. Как умерла и его мать — и Николай Семенович женился во второй раз.

Женился, как известно, и Яков Георгиевич. У него от брака с Александрой Платоновной Красовской был сын, рано оставшийся без отца и воспитывавшийся в новой семье, — Платон Яковлевич (1842–1892), впоследствии Киевский уездный предводитель дворянства.

Платон Яковлевич Забела оставил большое наследство — сыновей Якова Платоновича, Павла Платоновича, Платона Платоновича и Софью Платоновну Шмигельскую.

У Самуила Степановича Санапальникова, кроме Евдокии Мутовиной, были еще дочери Анна и Агриппина и две падчерицы — Мария и Евдокия. У Евдокии в 1849 году родился незаконнорожденный сын Илья, о судьбе которого, как и о судьбе сестер Санапальниковых, нам ничего неизвестно.

Было у него и три сына — Василий (1823), Прокопий (1839) и Иосиф.

Василий Самойлович в 1850 году служил матросом 2-й статьи в Камчатском флотском экипаже, участвовал в обороне Петропавловского порта и в 1855 году в составе гарнизона Петропавловского порта покинул Камчатку.

Прокопий Самойлович в 1863 году взял в жены коренную камчадалку Евдокию Илларионовну (1845 – 22.03.1908):«Седанкинского селения камчадала Илариона Виссаронова дочь» (без фамилии, но в Седанке главенствовали тогда три фамилии — Бекеровы, Запороцкие, Пономаревы и четвертая — якутов Федотовых).

Прокопий Прокопьевич Санапальников (1887) — в составе Тигильской дружины участвовал в обороне Камчатки в период Русского-Японской войны.

Его сестра — в документе Сенапальникова — Матрона Прокопьевна вышла замуж за тигильсколго льготного кантониста Трофима Николаевича Пенижина. Судьба еще одной сестры — Минадоры — нам пока неизвестна.

Как неизвестна и дальнейшая судьба представителей этого рода…

СИНКИНЫ

У нас в наличии только одно упоминание этой фамилии в переписи за период с 1722 по 1748 год:

«В Анадырском остроге посацких
Умерших
Григорей Синкин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 77 об.].

И все исследовательские пути-дороги ведут нас в Кузнецкий острог.

В 1681 году здесь согласно «Книге окладные Кузнецкого острога с хлебными и соляными

оклады 189 году» служили Якимко и Тимошка Синкины [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 716].

Затем появляется и исчезает Василий Синкин [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1425].

А в 1708 году вместе с конным казаком Якимом Синкиным служит пеший казак в сотне атамана Кондратия Паренова Иван Синкин.

Переход из казачьего сословия в посадские, вероятно, связан с периодом расказачивания и перевода значительной части казаков сначала в разночинца, а потом либо в посадские, либо в крестьяне.

СКУРИХИНЫ

Не перестаю повторять, что стержнем патриотического воспитания является родоведение — история участия представителей рода, семьи (или даже просто фамилии) в важнейших событиях Отечества.

И этот рассказ будет, скорее всего, не историей рода, а историей фамилии, что, конечно, хотя и не одно и то же, но, полагаю, не менее интересно.

Начнем с фамилии.

Вот что по этому поводу сообщают нам специалисты:

«Скурихин. Фамилия образована от прозвища Скуриха, скуреть — сделать что-либо с трудом, кое-как, сказать не по существу; скуреха — развратная женщина; скуренок (псков.) — тощий, худой, заморыш».

Вот и гадай теперь, почему патриарху дьяческого рода Скурихе дали такое прозвище?

А ведь известно: «Как яхту назовут, так она и поплывет».

И вот карьерная роспись дьяков:

«Скурихин (Курицын, Скурицын, Скурцын — вот как «курочили» фамилию, чтобы лишить ее первоначального смысла. — *С.В.*) Григорий
1679–99 под[ьячий] Ямск[ого] пр[иказа]
1679 окт. мол. под., не верстан
1682 дек. – 1683 под. ср. стат., окл. 4 руб.
1687–89 окл. 12 руб.
1699 под. ср. стат.
Скурихин Василий 1699/700 под[ьячий]. Сиб[ирского] пр[иказа], окл. 5 руб., приб. 1 руб.
Скурихин Иван 1687–89 мол. под. Ямск. пр., не верстан
Скурихин Петр Климонтов 1687–1700 под. Сиб. пр. 1687/8 мол. под., не верстан
1688–90 мол. под., окл. 2,5 руб.
1691/2 окл. 2,5 руб., приб. 1,5 руб., приб. 1 руб.
[1692] окл. 6 руб.
1699/1700 окл. 7 руб., приб. 2 руб.
1712–20 дьяк 1712 марта 8 пожалован в дьяки
1720 упом.

Б/д дело о злоупотреблениях комиссара Власова и дьяка Скурихина» [Н.Ф. Демидова Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700) Биографический справочник, М. 2011].

Вроде как поднялся Петр Климонтович на самую высокую административную ступень — и на тебе… сверзься.

История, которую я хочу рассказать, сегодня вроде бы и как бы известна всему миру, но, как ни странно, остается постоянно «в тени» некоего великого мореплавателя, который понапрасну бороздил на казенном боте то ли пролив, то ли залив Северного моря, названный впоследствии его же собственным именем в знак того, что только иностранцы могут в русских водах открывать неведомое. Даже если это неведомое открыли сами русские.

Споры о деяниях Витуса Беринга, наверное, будут вечными.

Мы же коснемся только одного события, о котором поведал арестант [чем не фамильное клеймо, фамильный знак!] по «Слову и делу» матрос Илья Федоров сын Скурихин.

И случилось это не в 1743 году, как уверяют нас некоторые историки, утверждая, что команда Беринга не знала о том, что камчатские казаки во главе с геодезистом Гвоздевым и мореходом Мошковым исполнили то, что не оказалось под силу профессиональным военным морякам — доказали существование пролива, отделяющего Азию от Северной Америки, а 21 августа 1732 года они прошли вблизи полуострова Аляска — Большой Земли

Так вот историки говорят о том, что руководители Второй Камчатской экспедиции узнали об этом *поздно* — уже после завершения Второй Камчатской экспедиции, и поэтому приоритет открытия Америки со стороны северной части Тихого океана (Северной Пацифики) все-таки за ними.

А давайте не поверим этим историкам.

Вот перед нами документ:

«1743 г. апреля 20. — Промемория канцелярии Охотского порта М. П. Шпанбергу о плавании М. С. Гвоздева и И. Федорова на боте “Св. Гавриил” к берегам Америки в 1732 г.»

Вот начало этого документа:

«Промемория

В прошлом 1741-м году апреля 8 дня ссыльной Илья Скурихин в канцелярию Охоцкого порта объявил: “В прошлом де 732-м году был он, Скурихин, на боте ‘Гавриле’ с камчацкого устья к анадырской стороне подле землю, и против де устья реки Анадыра были они у земли, называемой Большей, на которой земле видели с судна жилье — юрты, а в тех юртах живут люди. На той же де земле видели лесу лиственичного и елового и аленей многое число; и из оного жилья выезжал к ним на пызырях один человек, которого звали они к себе на судно, точию де он к ним не пошел. А на том де боте был камандиром геодезист Михайло Гвоздев. А были де они с Камчатки до помянутой земли в пути на ‘Гаврил’ боте недели с три, а в подлинно сказать не упомнит. Да видели же де они и другие малые острова в море, на которых живут люди ж, токмо де и на тех островах они сами не были”».

А вот и продолжение этого самого документа, в котором не спрятали [не углядели, проглядели, не придали значения?] самое важное:

«А по справке в канцелярии Охоцкого порта в прошлом 733-м году декабря 23 дня с Камчатки от помянутаго геодезиста Гвоздева в присла-

ном репорте написано: “Июля де 23-го дня 732 году отправились они, Гвоздев да подштурман Иван Федоров, обще с матрозы, с мореходом 2 и со служилыми на боте ‘Гавриите’ с устья с Камчатки реки в морской тракт. А во оной де морской тракт взят был для разговоров в толмачи из новокрещенных один человек. А с Камчатки де с показанного числа ходили на море августа по 22 число и за кормовой де скудостию, и за великою течью бота ‘Гавриила’ против поданного доношения морских обывателей возвратились на Камчатку и пришли в камчацкое устье сентября 27 дня”. А в каких местах и коликое число островов видели, и на которые выезжали, и на тех островах какие имеютца люди, и обо всем показанном морском походе в посланную партию в Анадырской острог х капитану (что ныне маэором) г-ну Павлуцкому оного ж 732 году декабря 19 дня репортовано чрез нарочно посланного служилого Ивана Салдатова. Також и о издержанных в морском тракте припасах, и оному их тракту как с камчацкого устья до островов, так и по возвращении до Камчатки, и о тече бота “Гавриила” при том репорте прислал лахбух, которой де писали они, Гвоздев и Федоров, обще. А в этом лахбухе написано: “Августа де 22-го числа пополуночи в 12-м часу с острова приезжал к ним иноземец, чюкча, в ветке, по их званию в кухте, и спрашивал де оной Гвоздев у него чрез толмача новокрещена Егора Буслаева, какой народ на Большем острову живет, и оной де иноземец, чюкча, сказывал чрез толмача, что на оном острову живут чюкчи ж и что самой де то Чюкоцкой Нос. Да спрашивал же де он у оного чюкчи чрез толмача, что на Большем острову имеютца ль какие звери и леса, и оной де чюкча сказал: есть де на оном острову лисицы и куницы, и леса”».

То есть по справке, подготовленной в Охотской канцелярии о плавании бота «Святой Гавриил» и об открытии ими Большой Земли (Аляксы или Аляски) было известно уже в 1733 году.

Каким же образом Мартын Шпанберг, который прибыл в Охотск в следующем 1734 году и неотлучно (минусуя его неудачные походы в Японию) пребывал там в течение последующих десяти лет, *слышать не слышал* о том, что камчатские служилые люди во главе с геодезистом Михаилом Гвоздевым, смертельно больным подштурманом Иваном Федоровым и мореходом, участником Первой Камчатской экспедиции Кондратием Мошковым, решили те самые задачи, которые некогда были поставлены перед ним с *Берингом*, но ими *не были выполнены*?

Читаем далее в этом же документе за подписью М. Шпанберга и датированном 1743 годом:

«А помянутой геодезист Гвоздев на данной ему ис канцелярии Охоцкого порта ордир репортом между прочим объявил: “По присланным де к нему, Гвоздеву, и подштурману Федорову от помянутого г-на маэора Павлуцкого ордирам ходили они с Камчатки июля 23 дня 732 году и с ними де ходило матрозов 4, мореход 1, служилых 32 человека, толмач 1. И обошли де Камчацкой Нос июля 27-го дня, а к Анадырскому Носу пришли августа 3 числа и от Анадырского де Носу пошли для взыскания островов. А когда де г-н капитан-камандор Беринг был в своем вояже, и при нем де во оном вояже был показанной мореход Кондратей Машков, и видели остров, и пошли де они до того острова сыскивать, и пришли к Чюкоцкому Носу к южной стороне, и стали на якорь от земли версты за три, стал быть штиль, и он де, Гвоздев, на берег выезжал на шлюпке для осмотру берегу и для взятья пресной воды. И пригребли де к берегу, и увидели малую речку, и во оную речку вошли шлюпкою, и вышли на землю, и оное де место пустое, только де ходят подле оной речки алени ста с полтара или более и людей у оных аленей не было, ис которых аленей застрелил 2 аленя для пропитания служилых служилой Ефим Пермяков. Которых аленей взяли на шлюпку да вады. И увидели де двух человек на каменю и стали их к себе кликать, и оные, услыша их голос, ушли за камень, а они шлюпкою из речки вышли и пригребли на бот благополучно. Августа де 6 числа приезжали чюкчи в двух байдарах из других падей и в растоянии были от боту в версте и смотрели с полчеса, а разговору от них никакова не имелося, а з боту де толмач призывал, токмо де от них ответу никакова за дальностью не слыхал. И отъехали де прямо боту на землю июля 7 де 7 числа с матрозом Петровым и со служилыми восемью человеками, ездили на шлюпке в то место, откуда оные чюкчи байдарами приезжали, для осмотру жилья их и осмотрели 2 юрты пустые, деланы в земле ис китовой кости, старые и разрыты, и по осмотру возвратились назад г боту, и отгребли от того места версты з две, и увидели на берегу двух человек, и они де, увидя их з берегу, побежали на камень, и он, Гвоздев, шлюпкою к боту пригреб благополучно. Августа де с 5 числа по 8 число лежали на якоре, во все оные числа был штиль. 8 числа стал быть ветр благополучной пополуночи в 4-м часу, то пошли де по показанию морехода Машкова для взыскания острова. Августа 13 числа пополуночи в 3-м часу стали на якорь, стал быть штиль, и осмотрели де на берегу юрты, и поехали они на шлюпке с матрозом Леонтьем Петровым и со служилыми и стали подъезжать к юртам, и от юрт де з берегу погребли 3 байдары от них вперед подле берег, а они де, Гвоздев с товарыщи, погребли ко оным юртам и вышли на берег, и осмотрели оные юрты числом 6 юрт в земле, деревянных. И увидели они, что одна байдара гребет назат к ним, и они де, Гвоздев с товарыщи, за малолюдством от оных юрт погребли возвратно к боту, и, пришед на бот, взял с собою служилых 20 человек, и погребли ко оным юртам вторично, и пригребли к юртам, и вышли на берег, а чюкчи от тех юрт отошли на камень против юрт и только де их на каменю казалося 6 человек, а другие ушли байдарами. И он посылал к ним служилого Петра Куклина с толмачем для призыву в подданство под ея и.в. самодержавную руку к ясашному платежу, и оные де чюкчи сказали: мы де ясаку не знаем и не платим, и не промышляем.

Августа 15 числа пополуночи в начале 11 часа стал быть ветр благополучной, то пошли де в путь. Августа де 17 числа пополудни в 7 часу осмотрели остров 8, ветр был им противен, и для противного ветру лаверили. Того же числа пополуночи в 3 часу стал быть штиль, и увидели на Чюкоцком Носу юрты, и ко оным де юртам на шлюбке поехал он с матрозом Петровым да со служилыми десятью человеками, и стали пригребать блиско берегу, а чукчи де от юрт своих отошли недалеко на утес, и оной де, Гвоздев с товарыщи, к утесу к ним пригребли, а чюкчи де поют согласно, и один у них прыгает и скачет. И Гвоздев де с товарыщи, посмотря на них, возвратились к боту, а перегоpart вариватца де с ними — за дальностью не слышит. И оные чюкчи в двух байдарах за ними погребли и нагребли на них, но токмо не блиско подъезжают, в каждой байдаре по 20 человек, и, посмотря их, возвратились назат. А чрез де толмача у них спрашивал, какой народ живет на острову, и они де на то ничего не сказали, а про себя сказали, что чюкчи зубатые, а о земле де сказывали, где у них юрты — самой Чюкоцкой Нос. И пригребли к боту. Стал быть благополучной ветр, то де они пошли к острову и пришли против острова северного конца, и сели в шлюбку помянутой матроз да служилых 10 человек, и погребли они к острову. И, когда де стали пригребать во близости острова, увидели юрты и стали пригребать блиско юрт, и с утесу стали из луков стрелять, и они де, Гвоздев с товарищи, против их противление выстрелили ис трех фузей, и велел толмачу спрашивать об них, какой народ, и они де о себе сказали, что чюкчи, а родники де их пошли с аленными чюкчами против капитана битца и там де всех побили. А про Большую Землю спрашивал, и они де на то ничего не сказали. А какой народ живет, про то сказали: их же де чюкчи, и там де у них большие чюкчи, и от юрт своих ушли и оставили юрты пустые. И он, Гвоздев, со служилыми людьми, вышед на берег, пришли к юртам, и только де имеютца две юрты в земле деревянные, лес яловой и сосновой, и с того де острова видели и Большую Землю. И погребли к боту и, пришед к боту, и пошли подле оного же острова к южному концу, и увидели юрты, и стали на якорь. И он де, Гвоздев, на шлюбке и на байдаре с матрозом Петровым и со служилыми 21 человеком пригребли к берегу против юрт, и тут имелось юрт блиско дватцати. И чюкчи де от юрт крычали, чтоб они на берег не выходили, а у толмача де голос осип и для переговору говорить в дальности с ними – голос не доносит. И оной де толмач был в байдаре. И байдарою пристали к берегу, и толмач де вышел на берег, и к нему де от юрт сошел один чюкча на берег, у которого оной толмач спрашивал про Большую Землю, какие на ней живут народы. И оной де чюкча оному толмачу ничего не сказал. Также и по силе данного от маэора Павлуцкого ордера призывали ево, чюкчу, и родников ево под высокосамодержавную ея и.в. руку и в ясашной платеж, и они де на то сказали, что де мы ясаку не знаем и не плачивали, и видя их, чюкочь, многолюдство, возвратились на бот, а остров в длину версты на полтретьи, в ширину на версту.

Августа де 20 пополуночи в 1-м часу поднели якорь и пошли в путь свой. 7-го часу пополуночи стал быть штиль и стали на якорь против второго острова 9, и между первым и вторым островом растоянием версты с полтары увидели остров не большей первого острова, меньше 10. И на оной де остров посылан был служилой Ефим Пермяков в девяти человеках и при нем толмач на байдаре для проведывания, что есть ли на нем народ какой. И оной де Пермяков, возвратись от оного острова, сказал, что де и на том острову живут люди и, как де стали к острову приезжать, и чюкчи де стали по них из луков стрелять, и за тем на берег не выходили.

Августа де 21 дня пополудни в 3-м часу стал быть ветр пособной, и пошли к Большей Земли и пришли ко оной земли 11 и стали на якорь от земли в верстах четырех. И стала де быть вахта подштюрманова, и оной де подштюрман собою поднял якорь на своей вахте без общаго согласия и пошел подле земли к южному концу. От южного конца к западной стороне видели юрты-жилья версты на полторы, и ко оным де юртам за ветром блиско подойтить было нельзя, и пошли подле земли по южную сторону, и стало де быть мелкое место, бросили лот, глубины 7 и 6 сажен, и с того места возвратились назад и стали лаверить подле Большей Земли, чтоб к земле подотить, и стал де быть ветр велик от земли противной И сказал подштюрман, что надлежит им итить и держать курс зюд-вест. И от оной Большей Земли таким великим ветром отнесло, а ветр де был норд-норд-вест. А с четвертого де острова 12 пригреб к боту чюкча в малом ялыче, по их называетца кухта, а от боту был в растоянии сажен в шести, и он де, Гвоздев, ево чрез толмача спрашивал о Большей Земли: какая земля, и какие на ней живут люди, и есть ли лес, также и реки, и какой зверь. И он де, чюкча, сказывал толмачу и называл Большей Землей, и на ней де живут их же чюкчи, и лес де имеетца, также и реки, а про зверей сказывал, что имеетца алень дикой, куницы, и лисицы, и бобры решные. А сам де он, чюкча, погреб на свой же остров, а оной де остров маленькой, видом кругом, в ширину и в длину, по четверте версты. А у Чюкоцкого Носу, также и на первом и на втором острову никакого лесу не имеетца, а реки де и озера имеютца ль, и про то им, Гвоздеву с товарищи, знать было невозможно, понеже де по тем островам вдаль по земле не ходили, а на Большую де Землю они не выходили, и леса какие имеютца ль, також и реки, того за дальностию видеть было невозможно".

И о вышеписанном о всем в Ыркуцкую правинцыальную канцелярию от канцелярии Охоцкого порта репортовано…

Пример-маэор Афанасей Зыбин.

За подканцеляриста копеист Андрей Верхотуров» [РГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 53, л. 722–732].

Ясно вам — и в Иркутскую провинциальную канцелярию от Охотской канцелярии было *рапортовано*!

И конечно, Беринг обо всем этом знал *изначально* — вот истинная причина, почему изме-

нился маршрут Второй Камчатской экспедиции и почему возникла надобность в поиске мифической Земли Да Гамы, на которую Беринг истратил уйму времени, ставшей одной из причин последующей трагедии в океане.

Он знал о том, что неведомый пролив, который будет назван его именем, *уже открыт* и нет надобности идти на его поиски, а нужно напрямую идти к Америке (что и сделал Алексей Чириков, не утруждая себя поисками придуманной Земли Да Гамы).

Но это еще не все.

Или даже совсем не все.

Арестант Илья Федоров сын Скурихин — «Якутского городу Камчатского острогу служилый человек» — на допросе сообщил о том, что экипаж бота «Святой Гавриил» в 1730 году *обследовал* устье реки… Амур.

И в 1735 году в Иркутске было уже *известно*, что устье реки Амур *судоходное*.

То есть за 100 с лишним лет до Амурской экспедиции Г.И. Невельского *было известно*, что река Амур сможет принимать морские суда.

Доктор исторических наук Леонид Аркадьевич Гольденберг в своей книге «Между двумя экспедициями Беринга», изданной в Магадане в 1984 году, очень подробно касается этих событий, опираясь на существующие документы.

И вот что он сообщает:

«16 июня 1730 г. отправился на боте “Св.Гавриил” из Большерецка и И. Шестаков. На этот раз он благополучно прибыл к Удскому устью, а через три дня — в Удский острог. Пополнив запасы рыбы … 28 июля он направился для осмотра Шантарских островов. Шестаков заходил и в устье Амура, где проводил измерения глубин. Об этих географических работах значительно позднее стало известно в Сенате (вопрос — почему значительно позднее? Но все-таки главное — *стало известно. — С.В.*] благодаря свидетельству участника экспедиции “Якуцкого города Камчатского острогу служилого человека” Ильи Федоровича Скурихина. Находясь под следствием в 1735 г. в иркутской тюрьме по доносу на И. Спешнева, он в марте 1736 г. на допросе рассказал, как “назад тому седьмой год в июле месяце был послан для проведывания на Амурское устье” вместе с матросами Л. Петровым и Л. Сметаниным. Скурихин утверждал, что команда корабля состояла из 70 человек, а плавание по “акиану-морю” из Нижнего Камчатского острога до устья Амура заняло семь суток.

…“в устье большом Амурском глубины от 15 до 20 сажен, а ширины например версты с две. А на устьях места луговые и лесные, а леса имеются сосна, листвяк, дуб и березник. И оной Амур река впала в акиан двумя устьями; а глубина другому устью от 5 до 6 сажен, а ширина версты полторы. И на тех устьях делали опробацыю: в большом устье шли ботом, а в другом — шлюпкою и в тех устьях стояли на якорях полторы сутки для вышеявленной меры устьев и для рыбной ловли” [РГАДА, ф. 248, кн. 1102, л. 1438–1438 об.].

Он же добавил, что между устьями расположен остров (длиною две, а шириною одна верста), на котором живут “иноземцы, прозванием гиляки”. В более ранней скурихинской “скаске” (февраль 1735 г.) приведены иные данные: плавание от Нижнего острога до Амура заняло шесть дней, первое устье Амура — глубина 15 сажен, ширина полверсты, “в другом устье ходу нет, понеже мелко. Свой рассказ Скурихин завершил краткой характеристикой гиляков и удских тунгусов и описанием неудашегося похода на шлюпке 18 служилых людей из устья Амура ‘для проходу’ в Нерчинск”».

Особый интерес представляет любопытное объяснение Скурихина, по возвращении из амурского похода не заставшего в живых А.Ф. Шесткова: «…и в том своем осмотре (Амура. — *Л.Г.*) … ни о чем по се число (февраль 1735 г. — *Л.Г.*) никому не доносил того ради, что у нас командира настоящего не было» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 1102. Л. 1435. Стр. 68–69].

Но в 1735 году в Иркутске уже знали о том, что устье реки Амур *судоходно*.

Сажень = три аршина = семь футов или *два метра* 13,2 *сантиметра*.

15 саженей — это глубина более *тридцати метров*.

Вопрос о том, каким образом экипаж судна «Надежда» И.Ф Крузенштерна «прозевал» второе — *судоходное* — устье Амура, остается до сих пор открытым.

«После отъезда Резанова моральный климат на борту “Надежды” не улучшился: если офицеры и ученые держались вместе против посла и его свиты, то при подготовке исследования Сахалина и дальнейшего пути в Китай, в кают-компании перессорились все. “Кроткий” нрав Крузенштерна препятствовал ему силой навести порядок, он даже извинился перед Левенштерном, когда они поругались — единственный раз за всю экспедицию. Ученые Горнер и Тилезиус скандалили и даже договорились стреляться друг с другом, ссорились между собой братья Коцебу. В этих условиях с 5 июля по 29 августа 1805 года было произведено исследование Сахалина и поиски устья Амура».

Полная чушь. Во-первых, сам Иван Федорович был застрельщиком скандалов и дрязг экспедиции, не желая иметь над собой в начальниках Николая Петровича Резанова — человека, который от имени Российско-Американской компании и являлся главным организатором первой отечественной кругосветной экспедиции.

На Камчатке, куда первоначально прибыли суда первой отечественной экспедиции, состоялся *суд офицерской чести* при участии коменданта Камчатки генерал-майора Павла Ивановича Кошелева — адъютанта М.И. Кутузова, первого коменданта Севастопольской крепости.

Вердикт — в конфликте виновен лично Иван Федорович Крузенштерн.

Вероятный итог — в кандалах отправляется в Россию.

Но Николай Петрович Резанов во славу России, которая осуществила первую отечественную кругосветку, *прощает* Крузенштерна. Морские офицеры приносят Резанову свои извинения.

А потом, пользуясь тем, что Резанов умер и не способен постоять за свою честь, они *оболгали* его в своих многочисленных мемуарах.

Что-то подобное произошло и на Амуре — экипаж под командованием будущего адмирала российского флота не выполнил, как в свое время Беринг, поставленной перед ним задачи — не провел промеры устья Амура и Татарского пролива (по Крузенштерну — залива), чем на долгие десятилетия приостановил колонизацию важнейших для стратегических интересов России на Тихом океане Приамурья и Приморья.

И, конечно, все сошло ему с рук. В историческом смысле.

А, повторяю, командой Ильи Федоровича Скурихина истинная глубина устья Амура — не менее 30 метров — была установлена еще в 1730 году.

Как и Большая Земля — Аляска — Русская Америка — была открыта камчатскими казаками 21 августа 1732 года.

Мы ничего пока не знаем о дальнейшей судьбе Ильи Федоровича Скурихина.

Известно, что он был «Якутского города Камчатского острогу служилый человек» — то есть якутский городовой казак, служивший на Камчатке.

Вполне вероятно, что по своему былому происхождению он был из енисейских крестьян Скурихиных, которых в Енисейском уезде было немалое число: 1639 год. Ганка Скурихин [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 613–617 об.].

1669 год. «Деревня Усть-Тунгуская, а в ней дворов крестьянских … (д) пашенных крестьян Якунки да Тимошки Гавриловых Скурихиных, у Якунки сын Ивашко 10 (1659)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 436 об.].

«На Красноярском Пладбище … (д) пашенного крестьянина Филатка Скурихина, у него сын Матюшка 10 … землею владеет с теми ж крестьяны в повал … (д) пашенного крестьянина Стенки Семенова Скурихина, у него детей Ивашко 20 женат, Петрушка 13, Ивашко 10 … землею владеет с теми ж крестьяны в повал» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 471–471 об.].

1673 год.

«Енисейского присуду Усть-Тунгуские …оргины и по Галкине речке деревень пашенные крестьяне …Якунка Гаврилов сын Скурихин з детьми с Ывашком з Бориском».

«Енисейского присуду Ярлыкивы деревни пашенные крестьяне. …Тимошка Гаврилов сын Скурихин з детьми с Сакою с Тимошкою» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 67 об, л. 313 об. – 314].

«Енисейского присуду Красноярского плодбища пашенные крестьяне… Филатко Семенов сын Скурихин з детьми с Матюшкою с Лазарком».

«Енисейского присуду Красноярского плодбища пашенные крестьяне. …Стенка Семенов сын Скурихин з детьми с Ывашкою с Петрушкою с Ывашкою же с Елизаркою».

1685 год.

«Нередки были случаи, когда новопоселенец подселялся “вповал” без “данной”. Такое подселение отмечено в деревне Усть-Тунгусской в 1685–1687 гг. В дозорной книге указано, что старожил этой деревни крестьянин Яков Григорьев (Гаврилов. — *С.В.*) Скурихин “владеет” землей по “данной” 1653/54 г. “вповал” с устьтунгусскими жителями, а каждый из остальных крестьян — “вповал” с устьтунгусскими жителями без “данной”» [Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв., стр. 186–187].

Конечно, нельзя исключать и тобольскую традиционную линию переселения крестьян в глубь Сибири и верстания крестьянских детей в служилое сословие:

«Катайского острогу пашенные крестьяне. Платят государев хлебной оброк.

Во дворе Андрюшка Архипов сын Скурихин. Сказал: родился де он в Устюжском уезде Вохминской волости в деревне Высоковой, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Катайском остроге со 183-го году. У него дети: Ивашко, Илюшка 3 лет.

Мельница мутовчатая на речке Катайке … Ондрюшки Скурихина.

Во дворе Петрушка Архипов сын Скурихин. Сказал: родился де он в Устюжском уезде Вохминской волости в деревне Хозятине, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Катайском остроге со 180-го году. У него дети: Сенка 6 лет, Левка 5 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 1262 об.].

Правда, Федора Скурихина мы не обнаруживаем ни там, ни там — вероятно, еще к тому времени не родился.

Но у нас есть еще один ориентир — «Якуцкий город».

В 1707 году на Камчатке был уничтожен вместе со всем гарнизоном Большерецкий острог. В Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук [ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 35 об.] мы обнаружили список погибших:

«Да в том же году на Большой реке побили Дмитрия Ярыгина, Саву Прохина, Володимера Крылова, Андрея Скураха (Скуриха), Афанасия Воронина, Андрея Зырянова, Ивана Харчевникова, Андрея Паранаевского, Кондратия Кожемяку, Петра Травинина, Никифора Юрлова, Петра …мина, Петра Протасова, ясачное зимовье разорили».

А вот и следующая фигура:

1722/1748 гг. «Тауиского острогу
Разночинцы
Юда Скурихин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 128 об.].

А это — *настоящие* первооткрыватели Русской Америки:

1733 год. «Реэстр бота «Святой Гавриил»

Матрозы: Лаврентий Сметанин, Агафен Назаров, Михайло Гусельников.

Мореход: Кондратей Мошков.

Салдат: Александр Змиев.

Служилые: для письма Иван Шаньгин, Василей Анкудинов, Иван Садовников, Федор Паранчин, Андрей Верхотуров, Илья Скурихин, Алексей Гиляшев, Федор Жеркоков, Григорей Хорошей, Иван Удалой, Макар Новосельцов, Семен Бочкарь.

Для починки парусов: Андрей Круглой, Петр Верхотуров».

И вечная им слава!..

СЛОБОДЧИКОВЫ

Эта фамилия рассыпана по всей Камчатке.

Конечно, неслучайно, хотя фактор переселения камчадалов — аборигенов Камчатки, тоже играл свою немалую роль в распространении этой фамилии по полуострову.

Но всему есть начало.

А началом стало крещение камчадалов.

Первым начал массовое крещение священник отец Ермолай (Иванов) в 1738 году.

И 15 апреля 1638 года в «Щапинском острожке» (долина реки Камчатки) первым камчадалам Слободчиковым подарил свою фамилию их восприемник из купели, крестный отец казак Алексей Ефимов сын Слободчиков.

А в мае 1739 года в Тареином острожке (на берегу Авачинской бухты) крестным отцом местных камчадалов стал его родной брат казак Федор Ефимов сын Слободчиков.

Но уже в период с ноября 1740 по февраль 1740 года, участвуя в Крестовом миссионерском походе иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гаврилы Притчина, Федор Ефимов сын Слободчиков и его многочисленные крестники оставили эту фамилию двумстам своим соплеменникам на западном побережье полуострова.

Что же касается генеральной — казачьей — ветви, то с ней произошла весьма любопытная метаморфоза.

Но все по порядку.

Слободчик — это управляющий, приказчик некой слободы (группы поселений, в Сибири, как правило, крестьянских). Слобода — поселение, жители которого временно освобождались от уплаты налогов и повинностей.

Поэтому мы в первую очередь и прослеживаем появление этой фамилии в местах крупных крестьянских поселений на Лене.

1673 год. Илимский уезд.

«Илимского острогу Нижнеилимской волости пашенные крестьяне

Митка Онофриев сын Слобочиков з детьми с Ывашком з Гришкою с Тимошкою со Фролком» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 369].

«Нижнее-Илимская слобода

Деревня Слободчикова

Основатель в 1687 г. “Ивашко Дм. Слободчиков”» [Шерстобоев В.Н. Илимская пашня, т. 1, Иркутск, 1949, с. 81].

В 1677 году появляется в Илимском уезде еще один Слободчиков:

«в Новой Яндинской волосте пашенные крестьяне учнут пахать государевы десятинные пашни с нынешнего 185 году по десятине ржаной по десятине яровой … Пашко Григорьев сын Слободчиков» [Крестьянская именная книга Илимского острога 1677 (185) г. Л. 170].

Кстати, Павел Григорьев Слободчиков — полный тезка яндинскому крестьянину — служил в Томске в 1653 году и служил «с пашни» [Служилые люди Сибири, стр. 797].

Но Ефима мы среди этих крестьян не находим.

В «Родословном справочнике Иркутска» Андрея Черепанова по нашему вопросу тоже ничего нет.

То есть с корнями нам пока не ясно.

Вернемся на Камчатку.

Здесь тоже имеется информационный разрыв, и информацию о казаках Слободчиковых мы заново получаем только за 1813 год:

«Петропавловская казачья команда

Слободчиков Лука Васильевич (1772), казак. Ж. Татьяна Степановна».

В 1815 году Лука Васильевич числится уже в отставных казаках. В 1821 году Татьяна Степановна Слободчикова вдова.

Отец Луки Васильевича — скорее всего, сын одного из братьев — либо Федора, либо Алексея.

Вероятнее всего, Федора, который, в отличие от своего брата, показан в переписи 1722/1748 годов:

«Большерецкого острогу

Разночинцы

Федор Слободчиков

Федора Слободчикова дворовые

некрещеные Чюкшуга

Чамач» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 117 об., Л. 119 об.].

А вот полные данные на семью Слободчиковых:

«Петропавловская казачья команда

Слободчиков Лука Васильевич (1772), казак. Ж. Татьяна Степановна. Дети: Пелагея (1801), Евдокия (1803), Петр (1805), Роман (1803) [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

Петропавловский порт, 1821 год:

«Казаки

Слободчиков Петр Лукич (16), мать — вдова Татьяна Степановна Слободчикова. Дети ее: Роман (15), Василий (4) (1817)».

Петропавловский порт, 1835 год:

«Матросы экипажной роты

Роман Лукин Слободчиков (27). Дочь Елена (3)».

А далее происходит вот что: 14 января 1861 года бывший казак, а в последующем бомбардир Петропавловской экипажной роты Петр Лукич Слободчиков умирает.

Сорокалетняя вдова Дарья Ивановна Слободчикова в 1863 году выходит замуж за камчадала села Коряки Алексея Климовича Дехтярева и переезжает на постоянное местожительство к мужу в село Коряки, где живут и камчадалы Слободчиковы.

Долгое время Лукичей — потомков Луки Петровича Слободчикова — считали коренными камчадалами. И только благодаря архивным изысканиям удалось установить, что Лукичи — это старинный камчатский казачий род.

СЛОБОДЧИКОВЫ. КОРЯКИ (ЛУКИЧИ)

1 колено	
Линия Василия	
	Слободчиков Лука Васильевич (1772), казак Камчатской казачьей команды, Петропавловский порт, 1813 г.; отставной казак в 1815 г. Ж. Татьяна Степановна (1787)

2 колено	
Дети Луки Васильевича	Слободчикова Пелагея Лукинична (1801)
	Слободчиков Петр Лукич (1804 – 04.01.1862), казак Камчатской казачьей команды, Петропавловский порт. 1821 г.; бомбардир 47-го флотского экипажа. Ж. Дарья Ивановна (1823), вдова бомбардира Петра Слободчикова Дарья Ивановна в 1863 году вторым браком вышла замуж за камчадала с. Коряки Дехтярева Алексея Климовича (1826)
	Слободчиков Роман Лукич (1808), 1850 г., матрос-рулевой Камчатского флотского экипажа. Ж. Наталья Андреяновна (1823)
	Слободчиков Василий Лукич (1817)
3 колено	
Дети Петра Лукича	Слободчиков Лука Петрович (1851– 13.06.1904), с. Коряки. Ж. 1 (с 1869) Табарина Евгения Ивановна (1853). Ж. 2 (с 1890) Пшенникова Анна Ивановна (1874), дочь отставного Петропавловского казака Ивана Григорьевича Пшенникова, в 1904 г. вдова, вышла замуж за Мурашова
Дети Романа Лукича	Слободчикова Елена Романовна (1832)
4колено	
Дети Луки Петровича От первого брака	Слободчиков Иван Лукич (1870 – 20.10.1944). Ж. (с 16.04.1889) Бишаева Пелагея Дмитриевна (1871)
	Слободчиков Петр Лукич (10.03.1873). Ж. (с 10.01.1903) Селиванова Анисья Михайловна (1886), дочь урядника
	Слободчиков Алексей Лукич (02.03.1875). Ж.1. Ж. 2 (с 1908) Пшенникова Анна Григорьевна (1893), дочь Григория Ивановича Пшенникова, отставного казака
	Слободчиков Сергей Лукич (28.06.1878)
	Слободчикова Агриппина Лукинична (1881). М. 1 Бибиков. М. 2 Кауров Александр Иванович (1900)
От второго брака	Слободчиков Евфимий Лукич (1891)
	Слободчиков Николай Лукич (1894). Ж. Мария Филипповна (1900), с. Мильково
	Слободчикова Зиновия Лукинична (1895)
	Слободчиков Федор Лукич (28.11.1897). Ж. (с 1921) Новикова Клавдия Васильевна (1886)
	Слободчиков Лука Лукич (1906)
5 колено	
Дети Ивана Лукича	Слободчиков Иннокентий Иванович (1892)
	Слободчикова Дарья Ивановна (12.03.1893)
	Слободчиков Феоктист Иванович (02.01.1896 – 1944). Ж. (с 16.10.1921) Осьминина Олимпиада Филипповна (1903–1986)
	Слободчикова Гумания Ивановна (04.03.1898)
	Слободчикова Ульяна Ивановна (04.03.1898). М. (с 08.10.1914) Бибиков Василий Иннокентьевич (1896)
	Слободчиков Феодосий Иванович (1902–1963). Ж. Пшенникова Каллиста Иосиповна (14.09.1914 – 04.06.1998)
	Слободчиков Никита Иванович (1900) Ж. Д.В. (1905)
	Слободчикова Варвара Ивановна (04.12.1905). М. Слободчиков Василий Полуэктович (13.03.1910)
Дети Петра Лукича	Слободчикова Федосья Петровна (1905). М. (с 14.10.1921) Осминин Михаил Алексеевич (26.10.1898)
	Слободчикова Зоя Петровна (1912). М. Абрамов Алекс. Григорьевич (1916)
Дети Николая Лукича	Слободчиков Митрофан Николаевич (1916)
	Слободчикова Зинаида Николаевна (08.03.1918)
	Слободчиков Сергей Николаевич (1923), участник Курильского десанта
	Слободчиков Петр Николаевич (1920–1968), участник Курильской десантной операции, награжден медалью «За боевые заслуги». Ж. Мария Павловна (1928)
	Слободчиков Борис Николаевич (1934)
	Слободчиков Саил Николаевич (1943)
Дети Федора Лукича	Слободчиков Борис Федорович (1920–1942), участник Великой Отечественной войны, погиб под Сталинградом.
	Слободчикова Варвара (Валентина) Федоровна (1922)
	Слободчикова Антонина Федоровна (1924)
	Слободчикова Светлана Федоровна (1937)
6 колено	
Дети Иннокентия Ивановича	Слободчиков Андриан Иннокентьевич (26.08.1889)
Дети Феоктиста Ивановича	Слободчикова Полина Феоктистовна (1922–1985)
	Слободчиков Иван Феоктистович (1924–1989), участник войны с Японией. Ж. Мария Якимовна
	Слободчикова Мария Феоктистовна (1924–2011)
	Слободчиков Валерий Феоктистович (1929)
	Слободчикова Лидия Феоктистовна (25.08.1930 – 2005), кавалер ордена Трудового Красного Знамени
	Слободчикова Софья Феоктистовна (1933). М. Сухоруков Александр Яковлевич
	Слободчикова Зинаида Феоктистовна (1937–2009)
	Слободчиков Вадим Феоктистович (1940–1990)
	Слободчиков Анатолий Феоктистович (1944–1975)
Дети Феодосия Ивановича	Слободчикова Людмила Феодосьевна (1933)
	Слободчикова Екатерина Феодосьевна (1935). М. Кулик (21.12.1935 – 17.01.1996)
	Слободчиков Владимир Феодосьевич (1942), погиб 31.12.1961 г. на СРТ «Ключевской» в районе Алеутских островов в результате обледенения
	Слободчиков Виктор Феодосьевич

	Слободчиков Александр Феодосьевич
Дети Никиты Ивановича	Слободчикова Татьяна Никитична (1927)
	Слободчиков Павел Никитич (1932)
	Слободчикова Лидия Никитична (1936)
	Слободчикова Е.Н. (1940)
Дети Петра Николаевича	Слободчиков Анатолий Петрович (1951)
	Слободчиков Сергей Петрович (1953)

СОСУЛИНЫ

По переписи 1722/1748 гг. в Анадырском остроге зафиксировано трое разночинцев (бывших казаков) Сосулиных — Дмитрий, Федор, Осип (Л. 78).

Казак Василий Сосулин в 1696 году служил в Нижнеколымском зимовье [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 1. Т. 2. Л. 253–256].

Из материалов окладной книги Якутска за 1720 год:

«В юрте служивой Иван Катканов сказал дватцети лет и он послан на службу Великого государя в Верховилюйское зимовье в 719-м году … брат ево Федосей семнатцети лет в службе … у них же живет служивой Михайло Сосулин дватцети лет (1700)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 51].

Поиск Сосулиных в имеющейся у нас информационной базе ничего не дал. Нет этой фамилии и в справочниках Д.Я. Резуна («Русские старожилы…), А.В. Черепанова…

Встретился якобы томич Сосулин, купец первой гильдии.

Увы: «Сосулин Степан Егорович (? – нач. 1860-х гг.), томский купец 1-й гильдии, потомств. почетный гражданин. Из вышневолоцких купцов».

СТАРИЦЫНЫ

Сегодня, к сожалению, мало кто знает, что поход Владимира Владимировича Атласова завершил целую серию других походов на наш полуостров, в том числе и поход уроженцев Великого Устюга Луки Семенова сына Старицына Мороски (Морозки) и Ивана Васильева сына Голыгина.

Кстати, и о подробностях похода Старицына – Голыгина Владимир Атласов узнал от брата Ивана Васильевича Голыгина — Михаила, с которым он доставлял государеву меховую казну — ясак — из Анадырского острога, где служил вместе с Мороской и братьями Голыгиными, в Якутск — столицу самого обширного в Российской империи Якутского воеводства.

1682 год. Якутск. В поручной «записи о приборе к пешей казачьей службе в Якутске Василия Семенова» мы встречаем имя Луки Семенова Морозки. Среди поручителей старший брат Владимира Атласова Иван и знакомый нам уже Михаил Голыгин.

А в 1691 году он стал одним из поручителей за деда первооткрывателя островов Прибылова Василия Прибалова:

«…быти ему, Василью, за нынешнею порукою в Якутцком городе в пешей казачьей службе. И будучи ему не пить и не бражничать, зернью и карты не играть и не красть и никаким воровством не воровать и великим государем не изменить, з города и со службы без указу великих государей не сойти и не збежать и великих государей денежного и хлебного и соляного жалованья и ружья и свинцу и пороху не снести. И будучи у всяких великих государей дел порухи никакой не учинить. А буде он, Василей, будучи за нашею порукою учнет пить и бражничать и зернью и карты играть или каким воровством воровать или великим изменит и на нас, порутчиках, великих государей пеня. А пени, что великие государи укажут и наши порутчиковы головы ево, Васильевой головы, место» [РГАДА, ф. 1209, оп. 3, д. 2592].

Б.П. Полевой, отдав много времени и сил на поиски материалов по Луке Старицыну, сообщал:

«…По окладным книгам Якутского острога видно, что Лука Семенов Мороско начал свою государеву службу 4 августа 1678 г. в качестве “холостого казака”. Уже три года спустя он был обвинен в Якутске в том, что при воеводе Приклонском был “в бунту и одиначестве”. За это он был впервые выслан на Анадырь, где также вел себя дерзко, “не боясся бога и не помня крестного целования”, жил “безстрашно”…».

Был в «качестве “холостого казака”» — выражение не совсем верные. Были казаки холостые, и были казаки в «холостом окладе». Это не совсем одно и то же. Владимир Тимофеевич Отлас, отец Владимира, Ивана и Григория Атласовых, всю жизнь прослужил в «холостом окладе», хотя имел «на Руси», в одном из Усольев, и жену и трех пацанов. Но его семья не жила в Якутске и потому ему не выделялся дополнительный «женатый оклад» на проживающую в Якутии семью.

Лука Семенович был холостым казаком, так как, по данным за 1692 год, его семейное положение изменилось кардинальным образом:

«Якутцкого города служилые люди
Рядовые казаки
Женатые
Лучко Семенов Мороско» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 25 об.].

А это значит, что у Луки Семеновича были рожденные в Якутии дети.

Что касается Анадырского острога, то Мороско не находился там постоянно:

«Казак Лучка Семенов челом бьет в нынешнем в 200-м [1692] году послан был с Индигирки реки казак Максимко Стрюков в Анадырское зимовье за Нос с отписками и он, Максимко, судом божьим на дороге занемочью остался и те переводные отписки отдал мне, Лучке, на тринатцать лисиц…»

То есть встретились они на Индигирке-реке…

«…в 1688 г. послан на службу в верховья Алдана и оттуда ходил “на покати”, то есть к Ста-

новому хребту и даже к верховьям реки Зеи. Во время этого похода он открыл месторождение слюды-мусковита. Позже ему приказали вторично “побывать около слюды”».

Правда, в «Памятнике сибирской истории» это событие излагается несколько по-другому:

«Якутский служилый человек Никитка Солдатов сказывал ... что при воеводе П. Зиновьеве он послан был из Якутска за Алдан реку в погоню за беглыми ясачными людьми и “нашел он речку и над тою речкою вышел из горы холм, а в том холме поверх земли слюда добрая, и он Никитка с товарищем своим, с якутским служилым человеком с Лучкою Мороском, тое слюду ломали”. Предписывается воеводам: Никитку с Лучкою разыскать и послать с рабочими людьми на то место, где они слюду нашли, и велеть наломать той слюды пудов 50 и больше, а затем прислать с ними (Никиткою и Лучкою) в Москву и объявить в Сибирском приказе боярину кн. Ив. Бор. Репнину. Воеводы (Арсеньевы) отвечали, что они, согласно царскому приказу, Никитку Солдатова отыскали и отобрали от него в приказной избе сказку за рукою, а в той сказке он заявил, что в 1688 году действительно был он с Мороскою и тунгускими провожатыми в погоне по Учюру реке за ясачными изменниками и “в то де время видел он с тунгусом Сыманчей на Зейских покатях в Даурской стороне вверх речки в мысу холм слюды, а той слюды он Никитка не ломал и опыту никакова не имавал и в Якутск не принашивал. А та слюда добрая или худая и про то он Никитка не ведает, потому что в то время ходили оне, Никитка с товарищами, голодны — есть было им нечего. Федору Качанову он Никитка о той слюде сказки за рукою не давал и опыту слюды не принашивал, а сказывал про тот слюдиной холм ему Федору в простой речи”. Товарищ Никиткин Лучко Мороско с ним Никиткою у слюдяного холма не был, а ходил в то время с тунгусами в другую сторону; проводники же его — тунгус Сыманча и “сродники ево в 1692 году в моровое поветрие воспою померли”. От Якутска до слюдиного холма ходу сухим пешим путем наскоро в одну сторону недель с 15 и больше, а водного пути к тому слюдиному холму нет: ходят иноземцы пеши через горы и через речки лесами пустым местом и подвод — лошадей имать не у ково. А можно ли промышлять ту слюду на зейских вершиных или нет, добрая-ли та слюда или худа, — про то он Никитка не ведает. Товарищ Никиткин – Лучка Мороско при стольнике и воеводе кн. Ив. Гагарине послан был в дальнюю Государеву заморскую службу “за нос в Анадырский острожек, служит там многие годы и оттуда в Якутской по сие время не бывал”».

Так рухнула версия об открытии Мороской слюдяного холма на Зее, о котором сам Лука Семенович и не подозревал.

Но рухнула не только эта версия.

Наоборот, разгорелся жаркий многолетний спор между двумя корифеями дальневосточной истории — докторами исторических наук Михаилом Ивановичем Беловым и Борисом Петровичем Полевым, бывшими однокурсниками. И спор не столько о самом Луке Старицыне, сколько о его напарнике — Иване Голыгине.

Ученые долгое время не могли отделить Ивана Осиповича Голыгина от Ивана Васильевича Голыгина, история родства которых была весьма и весьма замысловата.

Василий и Осип были братьями. После смерти (или гибели) промышленника Василия Голыгина вдовствующий к тому времени Осип Голыга взял вдову Василия в жены, и дети Василия — племянники Осипа, стали одновременно и сводными братьями для казачьего десятника Ивана Осиповича Голыгина, который служил в Пенжинском зимовье, а братья — Иван и Михаил — в Анадырском остроге.

И так получилось, что камчатские походы Ивана Васильевича Голыгина долгие годы приписывали Ивану Осиповичу.

А предпоследний поход Ивана Васильевича (1692/1695 гг.), когда он достиг реки Нынгачу, получившей с той поры название Голыгиной, Белов предпочел считать Мороскинским, а Полевой встретил эту версию в штыки.

Почему?

Потому что именно в то время, когда Иван Васильевич Голыгин открывал просторы западного побережья Камчатки вместе со своим верным проводником и толмачом Иваном Енисейским, Лука Семенов сын Старицын Мороско был только еще на пути в Анадырский острог.

«<...>11 июня 1691 г. Мороско еще находился в Якутске. Несколько позже он вместе с Григорием Пущиным и Иваном Осиповым Голыгиным был послан на Индигирку. Во время перехода на верховья Индигирки они попали в засаду, устроенную эвенами-ламутами. Григорий Пущин был убит, а Мороско и Голыгин добрались до индигирского Зашиверского острога уже в “200 г.”, то есть в год, который начался с 1 сентября 1691 г. В Санкт-Петербурге была найдена подлинная челобитная, которая начиналась со слов: “Казак Лучка Семенов челом бьет, в нынешнем в 200 году послан был с Индигирки реки казак Максимко Струков в Анадырское зимовье за Нос с отписками, и он, Максимко, судом божьим на дороге занемочью остался и те переводные отписки отдал мне, Лучке, на тринатцать лисиц”. 16 марта 1692 г. Лука Семенов Мороско прибыл на Анадырь и по распоряжению Афанасия Пущина явился к анадырскому приказному Семену Чернышевскому».

А вот что касается похода Луки Семеновича Старицына и Ивана Васильевича Голыгина в 1695/1696 гг., то Борис Петрович нашел несколько документальных подтверждений.

«...в Санкт-Петербурге был найден еще один документ, связанный с камчатским походом 1695–1696 гг. Это была подлинная челобитная Луки Семенова Мороско и его товарищей — Ивана Голыгина, Максима Албазинского, Алешки Тюти, Сидора Иванова Бычана и Григория Худякова, в которой они сообщали, что в поход пошли “на своих проторях”, то есть за свой счет, и взяли двух аманатов “Вонты, да и Немли” и “с оленных пуцких коряк и с олюторов и с камчатцких первых людей пластину чернобурую

лисию, да дватцать осемь соболей красных, да шесть лисиц сиводущатых, да соболя крашенного без хвоста, да на погроме взяли с олюторов лисицу черную". Особо Лука Семенов отмечал, что он "взял камчатцкий острожек, а до Камчатки реки не доходил один день для того за малолюдством служилых людей. Да у них же взяли на погроме листы писаны неведомо какие и те письма отдали Володимеру Отласову. Да я же, Лучка, служа правдою вам, великим государям для достальных опуцких коряк призову под ваши великих государей самодержавные царские высокие руки оставил двух человек казаков, да третьего толмача Мишку Ворыпаева, чтобы им оленным опуцкого коряка итти с вашим великого государя ясачным платежом в Анандырский острожек без боязни"…».

Эта челобитная была отправлена Атласовым в Якутск вместе с казаком С. Бычаном. В ней же пояснялось, что «был де Лучка со служилыми людьми во штинатцать человек» и что «послан казак Лучка Морозко с служилыми людьми в Корятцкую землю… для разговору и призыву под их великих государей царские высокие самодержавные руки с ясачным платежом в вечное холопство». [Полевой Б.П. К трехсотлетию камчатского похода Л.С. Мороско 1695–1696 годов // Краеведческие записки. 1995. — Петропавловск-Камчатский, 1995. — Вып. 9. — С. 148–162].

Но еще в 1954 году, задолго до того, как был затеян спор между этими двумя замечательными историками, «А.И. Копанев обнаружил в отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук ранее неизвестную рукопись о Камчатке».

Это была не простая рукопись — а первый в истории России официальный письменный отчет о неофициальной (промысловой) камчатской экспедиции, предшествовавшей историческому открытию Камчатки Владимиром Владимировичем Атласовым и присоединению этой земли к владениям Российской империи.

«7… году месяца Якуцкого города и присутствия Якуцкого же в дальнем растоянии на реке Анадыре, завомае "за Носом" с острогу Анадырского пошли устужане, промышленные русские люди, иных разных городов пятнадцеть человек, в них же бе первенствеши человек именем Лука… сын прозванием Старицын, по нем вторы человек… сын Голыгин, родом устюжане, а по Якуцкому городу служивые люди посланцы были из Якуцка в Анадырский острог ради ясашного збору, и тамо има дошедшема и пребыста время немалое ради ясашного збору с ламуцких и з юкагирских иноземцов.

И оттоле нача промышляти, камо бы им проведати место и людей незнамых прежде бо сего намерения слух им носился чрез юкагирских иноземцов про камчацких людей и оттого слуху паде им намерение тамо итить. И присовокупив к себе 57 человек и поидоста там ради соболиного промыслу чрез хрепты и лесные и пустые места в неведомыя страны. И в том пути в своем намерени камо им мысль была и путь надлежал в далное растояние, и тамо находили при реках в пустых местах людей немногое число на промыслу же соболином кочевых не в далном растоянии от тоих жилищ немногое число в разных неближних местах тунгуские породы. И с ними те промышленные люди торговали и меняли на свои хлебные припасы иноземские товары соболи и лисицы малое число, рублев по пяти и по шести на человека. А иные не торговали и в том познани и в сходстве и в поговорках, зговоряся промеж собой, почали наи спрашивать у тех иноземцов: Вы откуда и где ваши жилища. Отповедаща нам: мы живем здеся не в далнем растоянии и пригласиша нас до своих жилищ. Мы же к ним идаху и обитаху у них дни некий и на иные дни идущим в другие жилища. По сих же достиже и тое их жилищ от единого жилища до другово ходу дни по два и по три и по единому у сих пребыща дни некий более. Прочие места далного ради растояния ходити не смеяхом за малолюдствием не взохотеща с нами же бе и прежные их два человека взяша с собою ради верности. Они же обещася хранити нас. Нам же живущим у них вопросиша их: кто владеет вами? Они же рекоша нам: мы живем сами собою и нихто нами не владеет. Наши же еще вопросиша их: вас в здешнем месте много ли живет? Они же отведаша нам: много есть людей, но далече. Наши же люди даша им дары хлебными припасы — фунта по два и по три и по пяти фунтов на человека ради припознания. И то немногим, кои у них обретаются по начальнийшие. А иным даваху котлы медные содружебства ради, прочим же топоры, овым же ножи, иным же иное и тако их почтиша. Они же, иноземцы, нас вопросиша: Вы откуда и где живете? Мы же с[к]азаша им подробну все о себе. Они же нам глаголах: и вы напредки будите ли к нам приходити? Мы же сказахом им: будем к Вам приходити напредкии. Наши же еще их вопросиша: бывают ли к Вам какие люди? Они же отповедаша нам: бывают и приходят к нам и мы к ним ходим же. Наши же еще вопросиша их: где те люди живут? Они же глаголаху: далече. И много ли их? Они же сказаше: множество. Мы же паки вопросиша их: каковы тамо люди возвраты и собою? Отповедаша: всякими возвраты велицы и малии. Еще вопросиша: и хто ими владеет и есть ли у них большие над ними и есть ли у них грады или иное что и вси ли во едином месте живут? И отповедаша: болших над собою имеют многих, всякой во своем остроге. Мы же вопросиша: много ли имеют у себя острогов? Отповедаша: много. И в каковых местах стоят те остроги? И сказаша нам: те остроги стоят при реках и при мори. Мы же вопросиша у них: не бывает ли промеж ими драки или войны? Они же отповедаша нам: бывает между собою, у них которой острог с острогом вблизости стоит, воюются. Мы же вопросиша: какое у них оружие и чем бьются? Отповедаша: из луков, стрелы вместо железа каменные.

Железо у них не родится и руды плавить не умеют. А железо, кое мы привозим, то и покупают чрез иные иноземцы, как прежде к нам и в прочии остроги бывали прежде тех камчацких людей многими годами, когда наши ходили на Ламу и на Колому. И с тех времен чрез иноземцов то железо к ним доходило, и с того железа де-

лали копья и теми копьями воюются. Еще у них бывают бои, когда единыя ко другим ко острогу приступаху, и тогда из острогу сверху состамых концов лес бросяху и бревна спущаху и тако бъющеся и людей убиваху. И еще из ремней каменем бросяхуся по писаному, ис пращи промежду собою далече велми досязаху и тако убивахуся.

А остроги имеют пространны. Того ради промеж собою, когда брань творят, тогда скот свой — елени, в остроги заставаху и в то время у себя держаху. Донележе брань престанет, тогда же елени из острогу роспущаху. А в тех своих войнах и в плене бираху человеки между собою и на выкуп отдаваху. А жилища у себя имеют в тех острогах зимою в земли, а летом имеют над теми ж зимними юртами наверху на столбах, подобны лабазам, ту жевяху. А промежду теми острогами от острогу до острогу ходу дни по два и по три и по пяти и 6 дней. Овых же иноземцы оеленный нарицахуся, у коих елени есть, тако и словуще. А у которых елений нет, те называются иноземцы сидячи, тако и словуще, потому что елений не имеют и ездить не на чем. Оленних же честнейши в своем намерении почитахуся, другим зазираху и укоряху между собою, кои еленей не имеют. И еще у них вопросиша, что у себя животы имеют ли, какие и что у них родится. Отвечаша же: елени имеют множество, на них ездят. Еще что у них бывает? Отповедаша: соболи, лисицы и иные звери бывают.

А про иное мы не знаем, что есть у них или нет. Нам же возвращающимся восвояси по времени же достигаша и дошедши во свой острог в Анадырь и ту пребыща до времени. В другии ж год паки к ним приидаша двадесять человек и начаща жити с ними и к ним приходити в жилище их и почали с ними торговати и мелушными товаренцами менять, у кого какие прилучилися. А иные наши рыбы, зверей по рекам хождаху промышляти не в далном растоянии от зимовья нащего, человека по два и по 3 и по 5 человек, а инии же по улусам их також хождаху своих ради потреб и ради проведения и подсмотрения чтобы у их познати, каковы у них нравы и какое в них состояние обретается».

На реке Апуке (Опуке) промышленники построили зимовье.

Остался и географический след — река на западном побережье Камчатки, с которой Мороско пошел в центральную часть полуострова, с той поры казаки прозвали Морошечной — рекой Мороски.

Владимир Атласов уже знал от брата Ивана Васильевича Михаила о походе Голыгина «в Камчатку» в 1692/1695 годах, поэтому в свой поход он не взял ни Голыгина, ни Мороску, вернувшихся в Анадырский острог из камчатского похода. Взял только Ивана Енисейского — проводника.

Но не тут-то было. Лука Семенов сын был не из тех, с кем можно было не считаться. Он догнал Атласова и присоединился к его отряду.

Собственно, для Атласова это было счастливой звездой, хотя он, разумеется, не хотел делить славу первооткрывателя ни с кем из тех, кто уже побывал на Камчатке. Об этой «счастливой звезде» Владимир Владимирович поймет позже. А пока он принимает решение разделить свой отряд на два и идти в Камчатку разными с Мороской путями.

Но на реке Палане взбунтовались юкагиры, которых Атласов взял с собой в поход, обещая им «многие блага», но на самом деле беспощадно их эксплуатируя.

Это был не просто бунт — а кровавая расправа, которая могла бы закончиться бесславной гибелью и самого Атласова, и всего его отряда, если бы…

Если бы на помощь Атласову не пришел Лука Мороско.

А далее… Далее наша история имеет печальное завершение: Лука Семенович Старицы погиб.

Подробности о месте гибели Мороски мы находим у С.П. Крашенинникова — это бассейн реки Тигиль: «…урочище, называемое Кохча, где бывал прежде сего знатный корякский острожек того имени, который погромлен и разорен до основания камчатским приказчиком Кобелевым, за то, что жители оного убили казака Луку Морозку во время первого Атласова похода на Камчатку.

В 3 верстах от реченного урочища есть на Камчатке щеки, которые версты на две продолжаются. При начале их текут в Тигиль речки Алихон и Бужугутуган, первая с северной, а другая с южной стороны.

От щек, следуя к устью Тигиля реки, есть еще четыре корякских острожка. 1) Шипин, старый острожек, до которого от щек верст с 10; 2) Мыллаган, от первого в 3 верстах; 3) КенгелаУтинкем, от Мыллагана в 40 верстах; а 4) Калауч, от КенгелаУтинкем в 3 верстах».

На месте Шипина острожка была построена в 1747 году Шипинская (Тигильская) крепость.

О том, что Лука Мороска погиб именно в этом районе и погиб совершенно не случайно, есть и некоторые подробности у С.П. Крашенинникова:

«Той зимы (то есть в период последней зимовки отряда Атласова на реке Ича. — *С.В.*) Морозко Старицын отпросился с двумя иными служивыми на Тигил для свидания с друзьями, от которых друзей они и убиты».

То есть в предыдущем своем походе Мороска уже побывал в здешних местах и даже обзавелся «друзьями».

Мы ничего не знаем о великоустюжских корнях Луки Семенова сына Старицына по прозвищу Мороско.

Но фамилия Старицыных в Сибири осталась.

В 1699 году в Нерчинске в конных казаках появляется Иван Старицын. К сожалению, отчество его установить не удалось, как и место его прежнего проживания.

Но для нашей дальнейшей истории это пока и не столь важно.

Что мы о нем знаем?

Нерчинск, 1700 год.

«Оклад по семи рублев с четью

рядовые

Иван Старицын» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1272. Л. 76].

Нерчинск, 1708 год.

«Иван Старицын, а за хлебное жалованье служит с пашни» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л. 7].

Нерчинск, 1721 год.

«Конный казак Иван Старицын 57 (1664), у него 5 сыновей: Митрофан 16 (1705); Петр 14 (1707); Афонасей 10 (1711); Яков 5 (1716); Егор годовой (1720)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626].

Кстати, семья Ивана Старицына очень показательна в одном генеалогическом феномене — в одной и той же семье может быть несколько Афанасиев или Егоров.

Вот, например, записи из «Книги Нерчинского уезду Городищенской слободы церкви Введенской»:

«В Феврале [1729 года] … 3-го казачей сын Афанасей Иванов сын Старицын [женился] на вдове Наталье Егоровою дочере Чермных полвторым браком» [РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 224. Л. 112 об.].

«1722 году родились: В Генваре … 11-го … У служилого Ивана Старицына сын Афанасий» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 7].

Разница в возрасте у Афанасия Большого и Меньшого 11 лет. Но это две самостоятельные родовые ветви.

«1736 году венчаны:

В Генваре… 11-го Нерчинский казачей сын Афанасей Иванов сын Старицыных Ивановой дочерью Бронниковых приходу нерчинского девкою Марией полвторным браком[1]» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 153].

И только по записи «полвторным» браком можно понять, что речь здесь идет о Старшем Афанасии.

И появляется еще один сын, не отмеченный в списках 1721 года:

В «1751 году венчаны… В Генваре 20-го. Нерчинской посацкой Иван Иванов сын Старицын 3 девкою Агафиею Никифоровою дочерью Асанова первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 469].

Как видим, сын казака в данном случае переходит в посадское сословие.

Но нас более других братьев Старицыных интересует Митрофан.

Почему?

Потому что в 1766 году в Гижигинской крепости служит, по всей видимости, его сын — казак Елисей Никифоров Старицын [РГВИА, ф. 14808, оп. 1, д. 13, л. 9].

Городищенская слобода, в «1723 году родились… В Маие 26-го. У казачья сына Митрофана Старицына сын Никифор» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 61 об.].

«В Августе (1729 года) 1-го. У служилого Митрофана Старицына сын Егор» [РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 224. Л. 111 об.].

«1740 году родились… В Октябре 2-го. У служилого Митрофана Иванова сына Старицына сын Иван» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 164 об.].

«1750-го году браками венчались… В Октябре 28-го. Казачей сын Киприян Максимов Загвоскин невестою девицей Ириной Митрофановой дочерью Старициных первым браком (Городищенской слободы казачья сына Киприяна Васильева Загвоскина первым браком отставного казака Митрофана Старицына на дочере ево девице Ирине…» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 463].

Интересное дело: в 1744 году в Переписи указана лишь небольшая часть огромной к тому времени забайкальской семьи Старицыных:

«Деревни Кибасовой
разночинцов померло
535) Иван Старицын
взятые в рекруты настоящие
542) Петр Старицын
543) Яков Старицын» [РГАДА, Ф. 350. Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917].

Не совсем понятно, какие рекруты были «настоящие», а какие нет, но эти действительно были настоящими — в том смысле, что служили.

По крайней мере, один из них точно – это Яков Старицын, который служил в «Сибирскаго Гарнизона Новоучрежденнаго Драгунскаго Полку» в 1753 году [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439].

Митрофана и его детей в этом списке нет. Но они были. Кроме вышеперечисленных, мы имеем некоторые сведения и о других.

Городищенская слобода:

«В 1747 браками венчались… В октябре 11-го. Служилой Андрей Михайлов сын Обрамов невестою вдовою Татьяной Митрофановой дочерью Старициных полвторым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 336 об.].

«В Феврале (1751 года) 21-го Казачей сын Ефим Митрофанов Старицин невестою девицей Марфой Михайловой дочерью Казаретиных первым браком» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 480 об.].

По данным за 1780 и последующие годы, в Городищенской слободе проживают мещанин Афанасий Старицын (у «мещанина Афанасия Старицына сын Никита»), Петр Старицын, отставной казак Денис Старицын, крестьяне Илья, Гаврила Старицыны, «у крестьянина Захара Старицына сын Филип», «казачей сын Андреян Старицын», «у кре[стьянина] Илья Старицына [родился] сын Галавтион; во[сприемниками] были: казак Денис Старицын, материю же дочь оного казака Старицына Агрипина», «казачей сын Максим Старицын», «тысецкой кре[стьянин] Петр Старицын», «у казачья сына Андрея Старицына сын Клим», «у казачьева сына Андрея Старицына сын Сила», крестьянин Семен Старицын…

А вот и география — современный Шилкинский район Забайкалья, как и Городищенская слобода:

«Март (1812) 28-го Крестьянин Гаврило Старицына, 64 года, горячкою, безпокаяния, погребен на кладбище в Кибасовой.

…июнь 20-го Крестьянина Тихона Старицына жена его Марья, 71 год, горячкою, безпокаяния, погребена в Завитой».

А это уже Урульга (современный Карымский район Забайкалья:

«1860 год.

Егор Николаев Старицын 59 л. Жена его Мария 60 л. Дети их: Григорий 28 л. Алексий 24 л.» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1829].

И еще одна родовая линия Старицыных прослеживается в Томске. Связаны ли они каким-либо образом с Якутском или Нерчинском, неизвестно.

[1] Полвторным (полуторным), словосочетание употреблялось только в случаях венчания вдовца и девицы.

Известно только то, что в Томске служили братья — Данилко, Васька и Левка Петровы дети Старицыны.

Василий Петрович сначала (в 1703 году) указан в списке пушкарей:

«Томские ж пушкари живут в Сосновском стану на р. Томи в разных деревнях на пашенных своих разных заимках…

Василей Петров сын Старицын [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л. 240 об.].

А в 1707 году — в списке толмачей.

Леонтий Петрович в 1707 году десятник пеших казаков.

У Василия Петровича служит сын Василий Васильевич. И в 1705 году отмечен и чей-то из них казачий сын Андрей Старицын.

Но вернемся в Забайкалье — начиная с 1854 года забайкальские казаки (а в это сословие переведены и крестьяне, и мещане) начинают активное заселение Приамурского края.

И в книге В.Н. Абеленцева «Амурские казаки» мы находим упоминание и о Старицыных.

За Китайский поход 1900–1901 гг. казак Поярковского станичного округа Илья Старицын был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

А в числе убитых нижних чинов Амурского казачьего полка был Александр Старицын.

И там же, на Амуре, родился человек, который был первым председателем рыболовецкого колхоза имени Ленина на Камчатке — самого крупного и самого мощного рыболовецкого колхоза СССР:

Михаил Константинович Старицын родился в 1914 в селе Константиновка Тамбовского района Амурской области. В 1928 году окончил начальную школу и в 1952 году — курсы по повышению квалификации руководящих работников рыбной промышленности при Астраханском рыбвтузе.

Трудовую деятельность М.К. Старицын начал в 1930 году учеником слесаря-дизелиста в механическом цехе консервного завода № 42 Сахалинской области. С 1933 года работает на Камчатке вначале слесарем-дизелистом, а затем токарем на Петропавловской моторно-рыболовной станции.

В 1939 году тов. Старицын М.К. выдвигается на руководящую комсомольскую работу — избран комсоргом ЦК ВЛКСМ Петропавловской моторно-рыболовной станции. С 1940 года по 1942 год работает нормировщиком, заместителем начальника цеха добычи рыбы. В 1942 году избирается председателем колхоза им. С.М. Кирова, а в 1944 году назначается директором Петропавловской моторно-рыболовной станции.

В 1960 году после объединения колхозов, расположенных в районе Авачинской бухты, М.К. Старицын избирается председателем правления рыболовецкого колхоза им. В.И. Ленина.

Руководимый им колхоз стал крупнейшим рыболовецким хозяйством в нашей стране, маяком колхозного рыболовства на Дальнем Востоке. Коллектив колхоза ежегодно перевыполнял государственные планы и социалистические обязательства по добыче рыбы. В 1966 году промысловый флот колхоза выловил и сдал государству более полумиллиона центнеров рыбы, досрочно выполнив годовой план.

М.К. Старицын дважды избирался депутатом Верховного Совета РСФСР.

За развитие колхозного рыболовства, выполнение колхозом государственных планов по добыче рыбы он награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени и медалями.

СТАРКОВЫ

Конечно, хотелось бы боярских детей березовских, тобольских и томских воспроизвести из бояр московских — от хана Секиза, одним из потомков которого был Федор Старко — патриарх рода бояр Старковых.

Но увы… род этот угас. Была даже попытка, но она была отвергнута исследователями, связать Старковых с родом Ратши — из которого вышли Пушкины.

Но, собственно, и связывать было уже не с кем — род угас. Как угасли сотни родов, оказавшись либо бездетными или растворившись по женской линии в других боярских родах.

И у сибирских Старковых были свои патриархи.

В числе первых Старковых в переписи казачьего гарнизона города-крепости Березова мы находим рядового казака.

«Книги именные Березова города служилым людем и ружникам, и оброчникам, что им даны Государя царя и Великого князя Михаила Федоровича Всеа Русии денежного жалованья по окладу на нынешний 1623 г.

Рядовые казаки:

…Старков…» [РГАДА. ф. 214. Сибирский приказ. оп. 5. кн. 6].

К 1638 году либо он сам, либо уже его прямой потомок становится подьячим — чиновником. И уже на многие годы:

«Старков Первой Марков
1638–45 под. Березовск. тамож. из.
1638/9 хл. жал. днг. 5 руб., рожь 7 ч., овес 4 ч. – 8037
1639/40 хл. жал.: рожь 7 ч., овес 4 ч.
1639/40 хл. жал. 5 руб. 8 алт. 2 днг.
1640/1 хл. жал.: рожь 7 ч., овес 4 ч.
1641/2 хл. жал.: рожь 6 ч., овес 4 ч.
1644/5 хл. жал.: рожь 7 ч., овес 4 ч.; сол. жал. 1,5 п.
1645–52 березовск. площад. под. и под. Березовск. тамож. из.
1645/6 хл. жал. рожь 7 ч., овес 4 ч.; сол. жал. 2 п.
1647/8 под. Березовск. тамож. из.
1649–51 хл. жал. рожь 7 ч., овес 4 ч.; сол. жал. 1,5 п.
1649/50 хл. жал. днг. 5 руб. 8 алт. 2 днг.
1651/2 окл. 5 руб. 8 алт. 2 днг.

Происхождение — из казаков» [Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник, М., 2011].

Но это еще не все.

В 1686 году в тобольских подьячих оказывается еще один Старков:

«Старков Иван 1686/7 под. Тобольск. прик. пал., хл. жал. 6 юф., сол. жал. 1 п. Сидит с 1686/7» [там же]. А ведь эти должные нередко передавались из поколения в покление…

Но не будем заострять на этом внимание – слишком большой разрыв по времени, чтобы делать какие-то выводы.

Вполне возможно, что у детей боярских Старковых совсем другое происхождение.

Почему бы и нет. Вот, например:

«Лета 7108-го [1608 года] февраля в 26 день государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, прося у бога милости, указал быти бояром и воеводам по украиным городам по полком:

В Тарском городе воевода Яков Старков да головы Петр Пивов, Федор Рябинин».

Но заострим все-таки внимание на березовской истории — дело в том, что березовские казаки не только строили город-крепость Томск в 1608 году, но они в числе самых первых обживали и защищали эту крепость и окрестных жителей.

В истории и Сибири, и России отметился сын боярский Василий Старков:

«Боярский сын Василий Старков, отправленный послом к Алтын-хану, впервые привез от этого последнего чай в Россию, в качестве подарка царю Михаилу Федоровичу. В резиденции Алтын-хана, на озере Убса, московские послы познакомились с чайными церемониями. И 200 бахча (т. е. бумажных пакетов в 5/4 фунта каждый) были навязаны Старкову ханом, несмотря на все уверения русского посла в негодности этого товара. Таким образом, напиток этот был насильно ввезен в Москву, где вскоре и вошел во всеобщее употребление» [И.В. Щеглов, Хронология истории Сибири, Новосибирск, 2006].

И это произошло в том самом 1638 году, когда начал делать свою карьеру березовский чиновник Старков.

И в тот год Старковы впервые упоминаются в связи с рекой Леной:

«Да про Лену ж реку на Москве, в Приказе Казанского Дворца, Сибирские служилые люди, Томские дети боярские Петр Сабанской, Василей Старков, Лука Васильев, Тоболском города атаман Иван Олександров, Мангазейские стрелцы Дружинка Нефедьев, Шестачко Калинин, Томские казаки Семейка Щепеткин, Гришка Федоров, Тимошка Кирилов сказали в роспросе: сами де они па Лене реке не бывали, а о Сибирских служилых и от промышленных людей, которые на Лене реке бывали, слыхали, что на Лене реке соболей много и иной всякой зверь есть же» [Русская историческая библиотека издаваемая археографическою комиссиею. Том второй. Санкт-Петербург. 1875. Стб. 960–972].

Не бывали еще Старковы на Лене. Но все впереди.

Василий Старков (отчества мы пока так и не нашли) был полным хозяином в томских землях, особенно на томских пашнях:

«“Советник” князя, прикащик пашенных крестьян Василий Старков потребовал с них для князя 300 р., для уплаты коих они “закладывали жен и детей” и продавали скот… Старков привез “сажень в 4 аршина” и ею отмеривал десятинную пашню…

В 155 г. [1647] они посеяли “про свою нужу по четверику и по полуосмине хлеба”, а Старков этот хлеб “у них отнял” и крестьяне совсем “обнищали”. Подали о том челобитную князю, но он ее “изодрал”, избил челобитчиков и в Москву их не отпустил, говоря: “я и сам не Москва ли?!.”» [Оглоблин Н.Н. К истории томского бунта 1648 года].

В книге Н.П. Покровского «Томск. 1648–1649. Воеводская власть и земские миры» [Новосибирск, 1989] фамилия Старковых упоминается 40 раз. Мы выбрали самые-самые:

«В Тобольск воевода [О.И. Щербатый] отправлял несколько раз с Ю. Тупальским и Р. Старковым на продажу по 200–300 лосин, не уплачивая к тому же с этого товара обязательной государственной пошлины.

…Вымогавший с крестьян взятки в пользу князя в ходе реализации указа 7154 (1645/101С) г. о государевой десятине приказчик В. Старков был брошен восставшими в тюрьму и мог лишь вспоминать о тех временах, когда он пытался вести себя совсем как вотчинный управляющий, “жесточью” выгоняя “государевых сирот” на работу и побоями выколачивая с них взятки, недоимки по взяткам.

…О.И. Щербатый предъявил следствию одну из подлинных памятей “воеводы Ильи Микитича Бунакова… томскому сыну боярскому Василью Меншему Старкову” (сыну — Василию Васильевичу. — *С.В.*], начальнику такой заставы. Память выглядит вполне обыкновенно; указывается маршрут движения сына боярского и 10 подчиненных ему казаков, место заставы — деревня томского казака В. Егупова. Среди заданий Старкову — “стоять ему на заставе усторожливо и бережно”, “беглых, торговых, и промышленных, и гулящих людей, и рыбных ловцов с неводы и з сетми асматривать” и т. д.

…20 мая 1048 г. И. Бунаков отправил к Коке своего посланца. Им стал сын арестованного приказчика пашенных крестьян Василия Старкова Роман.

…решено усилить заставы вокруг города. О двух из них до нас дошли документальные свидетельства. 17 мая, в день прибытия В. Бурнашева, был отправлен на остров на р. Томь сын боярский Дмитрий Копылов с десятью казаками. 25 мая такая же застава отбыла вниз по Томи в деревню казака В. Егупова; сыну боярскому Василию Меньшому Старкову предписывалось, как и Копылову, строго следить, чтобы никто не проезжал из Томска “без отпуску и без проезжих и без воеводские печати”».

Восставшие люди Томска несколько раз грабили хозяйство детей боярских Старковых — настолько сильна была их «пролетарская» ненависть.

Но это мало что изменило.

Разве только то, что Старковы наконец оказались на Лене, в Якутии.

А случилось вот что. Главным подстрекателем Томского бунта (а точнее, противостояния двух воевод — первого и второго) был некий Подрез.

«Казачий сын Левка Родючихин в убойственном деле посажен в тюрьму другой год, потому в прошлом во 158-м [1650] году по Го-

судареву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси указу ис Томсково города послан за воровство Гришка Подрез Плещеев на великую реку Лену в Якутцкой острог с Томским сыном боярским с Романом Старковым и в Енисейской острог привезен к зиме и для воровства и заводов. И с Енисейсково острогу воивода Федор Полибин послал в Енисейскои уезд в деревню на усть Тунгуски с тем же томским сыном боярским с Романом Старковым да у нево ж Гришки Подреза велено бытии в приставах до ленской посылки енисейским служилым людем Федьке Говорину, Семейке Щербак, Проньке Крашенинникову, Ивашку Тынгусу, Ивашку Попову, Ивашку Голенищеву. И, будучи он, Подреза приставом, принял к себе во двор казачья сына тово тюремново сидельца Левку Родючихина да гулящево человека Семейку Лебедя. И в то время в той деревне на усть Тунгуски у крестьянина у Галанки Туголукова была свадьба и тот Подрез Гришка с приставом своим с томским сыном боряским с Романом Старковым и с енисейскими служилыми людьми с Феткою Говориным с товарыщи и с своими дворовыми новоприемными людьми з гулящим человеком Семейкою Лебедем да с казачьим сыном с Левкою Родючихиным пошли к тому двору, где была у крестьянина свадьба с пищальми и с саблями и с топорками и стали блиско тово двора. И тое свадьбы з двора послышыли приход тово Гришки Подреза с товарыщи крстьяне Моська Носов с товарыщи учали за тем Подрезом с товарыщи гонит до тово двора, где тот Гришка Подрез за приставом живет и хотели иво, Гришку Подреза, изымать, что он ночью под свадьбу с ружьем приходил. И тот Подрез по тех крестьянех стрелял ис пищали и человеку своему казачью сыну Левке Родючихину, что ныне в тюрьме стрелять по них велел же. И по иво, Гришкину, веленью тот ево человек Левка Родючихин убил ис пищали енисейского пашенново крстьянина Варламка Носова. И тем всем служилым людем, которые с ним, Гришкою, в приставех были Федьке Говорину с товарыщи и человеку иво Сеньке Лебедю по роспросу и по сыску при воиводе при Федоре Полибине учинено наказанье бити кнутом и ис тюрьмы свобожены. А ево Гришки Подреза человек казачей сын Левка Родючихин, что убил по иво Гришкину веленью пашенново крстьянина Варламка Носова в том убийственном деле посажен в тюрьму тому другой год и с ним, Гришкою Подрезом, с очей на очи не ставлен, а Гришка Подрез и пристав иво томской сын боярской Роман Старков в том убийственном деле не роспрашиваны ж, посланы на Лену в Якуцкои острог в прошлом во 158 году» [РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 1560. Л. 29–30].

Таким образом, сын боярский Роман Васильевич Старков оказался на Лене.

А Подрез был не простым ссыльным — а представителем крупнейшего московского боярского рода Плещеевых. Григорий Осипович Плещеев-Подрез был прежде патриаршим стольником, «за воровство» сосланный в Сибирь и приходился племянником Леонтию Степановичу Плещееву — Земскому судье, который по требованию «черни» был казнен во время Московского Соляного бунта 1647 года.

Поэтому и в Томске уже с этим всесильным еще вчера ссыльным уже «не чикались», а сослали еще дальше. Но есть категория людей, которая во все времена была выше «людского суда», — и Подрез продолжал чинить безобразия в Сибири, пока его не убили в драке…

А Старковы по-прежнему набирали силу в Томске. В 1655 году Василий Старков старший готовит томский отряд для участия в походе воеводы Афанасия Пашкова в Даурию.

«Осенью 1673 г. киргизский отряд в 300 чел., во главе которого был князец Шанда Сенчикенев, совершил набеги на Кузнецкий, Енисейский и Томский уезды. 11 октября 1673 г. киргизы сожгли Ачинский острожек. В следующем году киргизы совместно с телеутами (т. н. “белыми калмыками”) напали на Кузнецкий уезд, где потерпели поражение от отряда томского сына боярского Романа Старкова».

«Еще менее удачным оказался набег князца Шанды Сенчикенева, сына Ереняка Шапа и его зятя Алтынчака Кашки на Томский уезд. Киргизский отряд был разбит войском томского сына боярского Романа Старкова, состоящим из 417 чел. Князя Шанду убил служилый татарин Сайсачко Лаков, отсек его голову и привез в Томск. 22 сентября 1679 г. в Томском городе стало известно, что киргизы вместе с ясачными людьми снова сожгли Ачинский острог, убив при этом пятерых казаков. В сожженном острожке киргизы захватили две пушки.

В ответ на разорительные набеги в русские уезды правительством было решено “смирить войною” киргизов. Для этого в начале 1680 г. был организован совместный поход силами Енисейского, Красноярского, Кузнецкого острогов и Томского города. Русские отряды должны были сойтись “на Белом озере, вниз речки Сереси, на усть речки Тереклы-Юл”. Всего в Томске собралось 1018 “ратных людей” (в том числе были русские служилые люди, “охочие” казачьи дети, посадские и пашенные крестьяне, а также чацкие мурзы и татары). Во главе войска были постелены дети боярские Роман Старков и Иван Гречанинов» [Барахович П.Н. Служилое население центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды)].

Томск, 1694 год

«1694 г. — Отрывок из дела о поверстании в оклад “сгоревшего с раскольщиками” Томского пешего казака В. Бубенного.

…И против сей челобитной выписано в Томске, в приказной избе, из денежных, окладных, расходных книг с прошлаго с 198-го года и по нынешний 202-й год: оклад великих государей годового денежнаго жалованья 4 рубля с четью рядовой без придачи.

Пеший казак Васька Бубенный в прошлом в 198-м году в церковный раскол в Паламошнове деревне с раскольщиками сгорел, а на его ме-

сто в пешую службу и по сие число до 202-го года никто не поверстан. А из послужнаго списка 182-го года выписано: вор и изменник белых калмыков князец Ирка с товарищи вверх по Томи реке русския деревни и пашни повоевал и выжег, и многих русских людей побил и в дворах сжег, и сам он, вор, побежал из Томска(-го уезда) в свою калмыцкую землю на побег со всеми своими улусными людьми.

И за ними, вором и изменником Иркою с товарищи, посыланы были из Томска сын боярский Роман Старков со служилыми людьми в погоню, и на ту службу в погоню посыланы были верхотомских деревень жители, казачьи дети, и посадские люди, и пашенные крестьяне с ним-же, с Романом Старковым. И в той посылке посадский человек Петр Алаев в погоне за Иркою — вором, со служилыми людьми был, и догнав того вора и изменника Ирку с товарищи поздним осенним временем за Обью рекою, и с ними — ворами, с Иркою с товарищи, сын боярский Роман Старков бой учинил и многих калмыцких людей побил, и на том бою посадского человека Петра Алаева убили до смерти».

К началу XVIII столетия сложился уже мощный семейный клан томских детей боярских Старковых — который не вмещался в узкое штатное ложе.

Томск, 1703 год.

Это уже внуки и правнуки Василия Старкова Старшего.

Сын боярской Зиновей [Васильев сын] Старков, у него сын Иван Большой 10 лет (1693), Иван Меньшой 7 лет (1696), живет в селе Спасском.

Сын боярской Григорей Романов сын Старков, сын Михайло 15 лет, Алексей 12 лет, Осип 10.

Сын боярской Иван Романов сын Старков, детей нет.

Томские служилые люди, 1707 год:

Оклад 11 рублей

Григорий Романов сын Старков.

Оклад по 8 рублей

Степан Романов сын Старков.

Иван Романов сын Старков.

Иван Романов сын Меньшой Старков.

Оклад 7 рублей с полтиною

Зеновей Васильев сын Старков.

Михайло Семенов сын Старков.

И вот уже первая «ласточка» семейного клана Старковых, перелетевшая в Якутск:

«Учреждена Якутская десятина и Якутский острог назначен местопребыванием якутских десятинников. Десятинниками в Сибири были сперва митрополичьи чиновники, светские люди, преимущественно из боярских детей Софийского Дома, пользовавшиеся личным доверием митрополита, а затем и духовные лица — строители монастырей, игумены и архимандриты. Обязанность их состояла в сборе окладных и неокладных сумм Сибирской митрополии, по преимуществу, хотя им же иногда поручалось вообще наблюдение за духовенством и народом, а также и судебное делопроизводство, поступающее на решение самого митрополита в его архиерейскую палату. Из светских лиц десятинниками в Якутске за время с 1679 по 1709 гг. были: митрополичий домовый, боярский сын Иван Захаров, домовый же, боярский сын Феодор Старков, некто Феодор Дедерев, Василий Аврамьев и Иван Маслов» [Явловский П.П. Летопись города Якутска].

А затем и «вторая»:

«Служивой Иван Зиновьев сын Старков сказал тритцети лет (1690)». Это Якутский казачий полк по переписи 1720 года.

А далее еще интереснее.

1746 год. Акланский острог. Трагедия:

«И тако де означенная измена и убивство учинилось в начале в Акланском остроге от возмущения оленного коряцкого князца Косинского, а их де было в остроге и с ним, Потаповым, 12 человек, а имянно: служилые Козьма Коротких, Степан Беляев, Иван Колесов, Иван Ослоповской, Иван Черной, Трифон Крымской, Прокопей Шемаев, Никифор Солдатов, Алексей Тарбыкин, Иван Арзамас, Андрей Старков, и тако де они, Потапов с товарищи, и засели в том Акланском остроге в осад[е], и вышеупоминаемые де изменники коряки Косинской с товарищи на оленях в третей день, то есть ноября 26 дня, приехали всего человек со сто и более, и того де дни до прибытия тех изменников к острогу вышел от них для осмотру поставленных на крупашки пленок служилой Петр Карпов, то де оные изменники, напав на него незапно, не допустя до острогу сажень за сто, застрелили из луков и подступили под острог, от которых де отбились стрелянием из острогу из огненного ружья, токмо из изменников никого не побили, понеже стоят в отдаль. И простояв оные изменники одне сутки, паки от острогу отступили прочь и в третей де день паки подступили под острог и отошед чрез дни четыре и три, паки подступили к их острогу всего раз пять, токмо никакого им зла не учинили» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М-Л., 1935].

По всей видимости, Андрей Иванов сын Старков — сын Ивана Зиновьевича.

В 1772 году он служит в Гижигинской крепости [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 9 об.].

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781

казак

Андрей [Иванов сын] Старков — в канцелярии в сторожах» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 21 об.].

«Вполне вероятно, что у него был брат Никита — отец Дмитрия Никитича Старкова (1760–1799), который с 21.01.1784 по 15 мая 1792 был секретарем городничего и исправника Нижнего суда Зашиверского уезда, губернский секретарь (с 6 мая 1783 г. Скончался в возрасте 39 лет в мае 1799 г.» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 242].

Но это еще не все — был еще Старков Павел Дмитриевич — солдат Зашиверской военной команды.

А также — Михаил Дмитриевич Старков, канцелярист, коллежский регистратор, который с 22 июля 1822 по 1825 служил в канцелярии Исправника Верхоянского округа.

Мы вспоминали о тобольском подъячем Иване Григорьеве сыне, который приступил к чиновничьей службе в 1687 году.

В 1693 году Иван Григорьев сын Старков продолжал службу в Приказной палате Тобольска [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 189].

И по возрасту он не мог быть сыном Григория Романовича Старкова из Томска.

Но и в Тобольске до 1661 года мы тоже Старковых не наблюдаем. А потом появляются сразу двое в чине детей боярских — Влас и Семен [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Лл. 120 – 124 об.].

Но ощущение — что они не тобольские, не коренные. И это подтверждается тем, что последующие тобольские Старковы выше пеших казаков и стрельцов не поднялись — у них не было подходящей наследственности.

Казак Федка Михайлов Старков [РГАДА, Ф. 214. Оп. 1. Д. 948].

Стрелец Ганка Михайлов Старков [РГАДА, Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 221].

Даже сын Ивана Григорьевича Старкова, подъячего служил в пеших казаках:

«Двор перваго пешего полку казака Ивана Иванова прозвание Старкова» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 110 об.].

А другой (конечно, это предположение) сын Ивана Григорьевича оказался в Санкт-Петербурге в гвардейцах:

«Приговор № 84 от 1716 года

Об обнародовании недорослей, явившизся на смотр, дабы обнаружить неявившихся, и о раздаче вотчин, принадлежащих последним.

Приговор 1716 года, генваря в 26 день, (печатный) великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа великия и малыя и белыя России самодержец, указал, по именному своему великого государя указу, которые недоросли явились, тех имена напечатать и разослать по губерниям и прибить в городех и знатных селех, чтоб ведали которых тут нет и кроютца, дабы известнее и надежнее на оных били челом, по указу первому, которым отдавать их деревни и дворы, кроме ближних их сродников, которые могут сие подставою учинить. Копия недорослям, которые явились в Санкт-Питербурх лейб-гвардии Преображенского полку маеору Ушакову из смотров царского величества в прошлом 1715 году в марте, в апреле, в мае; определены в салдаты и в ученье: Трофим Иванов сын Старков».

А позже один из гвардейцев оказался в числе «лейб-компанцев» — тех, кто в результате дворцового переворота возвел на престол «дщерь царя Петра» Елизавету и была ею облагодетельствован.

Настолько облагодетельствован, что потерял всякий стыд:

«…ноябре 1742 года в Сенат поступила жалоба от коллегии Экономии: архиерейскими домами и разными монастырями остаточных и распроданных вотчин оброчных доходов не только за прошлые годы, начиная с 1730, но и за минувший 1741 и за текущий 1742 по 14 июня не доплачено 44324 рубля; нарочно посланный капрал Старков взыскал на Спасском ярославском монастыре доимку 1806 рублей и готов был ехать в Москву, но келарь этого монастыря Иосиф и строитель Феофилакт запретили его отпускать, подводы с монастыря сбили, Старкова, браня всячески, хотели бить смертно и выборному целовальнику для отдачи той казны в Москву ехать не велели» [С. Соловьев, История России, глава «Царствование императрицы Елизаветы Петровны, конец 1741 и 1742 год»].

Но, вполне вероятно, что это были не наши Старковы.

А наши продолжали нас удивлять и восхищать:

«Неудивительны поэтому “худоконность” сибирских казаков того времени, бедность и ветхость их оружия и снаряжения. Но “люди в войске, — отмечал в 1808 году генерал Г.И. Глазенап, — и в физическом, и в нравственном отношении превосходны, честность, доброта, верность своему долгу вместе с казачьей удалью и расторопностью сохранились неприкосновенно от первобытных времен”. Плохо обученные стрельбе и строю, мало или вовсе неграмотные сибирцы с честью выполняли самые трудные задания. В 1814 году сотник Старков, “еле дыша” из-за сильной разряженности воздуха, перевалил через Тянь-Шань в самой высокой его части и спустился в почти неизвестную еще нам Кашгарию» [Часовые империи].

Старков Петр Алексеевич, командир 7-го полка Сибирской казачьей дивизии, за Русско-японскую войну награжден Золотым оружием.

СТУДИХИНЫ

Упоминается единственный раз в переписи за период с 1722 по 1748 год:

«Уцкого острогу

Разночинцы

казак Герасим Сту[д]ихин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 123 об.].

Аналогов этой фамилии мы пока не нашли.

СУЗДАЛОВЫ

Многие русские фамилии сохраняют названия мест, откуда был родом человек, пришедший в Сибирь.

И мы уже проходили ряд таких историй. Связанных с фамилиями Кокшаровы, Колмогоровы, Нижегородовы…

Не является исключением и фамилия Суздаловых — патриарх рода которых был уроженцем старинного русского города Суздаля — того самого, на основе которого началось зарождение великой империи — Суздальского, Владимиро-Суздальского, Московского княжеств, Московского государства, Российской империи…

Первые обнаруженные нами сведения о патриархе этого рода — казаке Кузьме Суздале (Суздальце) относятся к 1650 году, когда он собирал ясак на территории подведомственной Среднему Вилюйскому зимовью, а в 1651 году он был послан с той же миссией на реку Оленек.

По материалам за 1660 год, он уже в чине казачьего десятника.

В архивных материалах за 1680 год появляется такая вот запись:

«Книга сбора ясака за 1680–1681 (189) г. по Вилюйскому Нижнему зимовью пятидесятника Потапа Рогова. Скрепили Приклонский, за Рогова — казак Степан Суздальцов».

И более о Степане мы не нашли никаких упоминаний.

А в поименном списке детей казаков за 1682 год неожиданно сообщается о том, что у десятника Суздальцова Коземки… внук Олешка (1675). Это могло значить только одно — Олешка был сиротой, а потом в казачьем реестре записан за дедом. Но и об Олешке мы больше ничего не знаем.

Десятник Кузьма Суздалец (Суздальцов) в 1681 году указан с полным жалованьем. Любопытно узнать, что же туда входило:

Куземка Суздалец; на 178 г. 38 пуд 4 гр. с ½ гр. ржи и круп, на 179 г. 24 пуда 4 гр. с ½ гр. ржи и круп, на 181 г. 19 пуд 22 гр. с четью гривенкою ржи, на 182 г. 20 пуд 4 гр. с ½ гр. ржи и круп, на 186 г. 3 ч-ти с осм. ржи, 2 ч-ти овса, на 187 г. 6 ч-тей 1 ½ осм. ржи, 1 ½ ч-ти овса; на 188 г. 5 ч-тей с осм. ржи, 2 ч-ти без ½ осм. овса.

У Куземки был еще один сын — Иван, который в 1681 году записан в женатый оклад — то есть был уже семейным человеком.

В 1720 году Иван Козьмин сын Суздалов был уже отставным казаком [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 14].

Оно и понятно — хотя имени Ивана Козьмина сына Суздалова мы не встретили в именных списках, но вот какую запись о гибели отряда сына якутского воеводы Бибикова мы обнаружили в книге П.Л. Казаряна [Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, сс. 187, 190]:

«Погиб 6 марта 1680 г. с 39 спутниками по пути к Ленскому Якуцкому острогу на Юдомском Кресте. Весть о гибели отряда Д.Ф. Бибикова доставил в Ленский Якуцкий острог 18 апреля 1680 г. спасшийся казак Иван Козьмич Суздалов (из спасшихся с Суздаловым четырех товарищей больной казак Иван Уваров умер, оцинжавшие казаки Софрон Яковлев, Фрол Акилов, Кирилл Соболев остались в Горбейском зимовье, а Суздалов из Горбейского зимовья до Ленского Якуцкого острога сопровождали казаки Иван Борисович Пинега (Пенега) и Герасим Федотов)».

А в Якутском казачьем полку [по данным за 1706 год] служили уже его сыновья — во второй пятидесятне Иван Иванов сын, а в двенадцатой — Михаил Иванов сын Суздаловы.

Михаил Иванович, судя по дальнейшим событиям, — является патриархом якутской казачьей линии, оставившей свой фамильный след на Индигирке и Колыме.

А Иван Иванович Суздалов в 1712 году на Камчатке попадает в сложнейший жизненный переплет.

В 1711 году взбунтовавшиеся казаки Верхнекамчатского и примкнувшие к ним впоследствии казаки Нижнекамчатского острога убивают трех камчатских приказчиков, в числе которых был и Владимир Владимирович Атласов — камчатский Ермак. Все добро приказчиков — а это горы пушнины — «воровские» казаки «раздуванили между собой» — поделив на 75 частей, исходя из расчета тех казаков, которые впоследствии ушли со своим атаманом Данилой Яковлевым сыном Анциферовым Томским на реку Большую (Кыкшу) воссоздавать уничтоженный камчадалами Большерецкий острог и приводить к верности местные племена кыкша-ай.

По всей видимости, Томский отобрал в свой отряд не всех желающих — только тех, с кем мог добиться победы над племенем кыкша-ай, а затем – и над племенем саачу-ай на побережье Авачинской бухты и племенами куру, проживающими на южной Камчатке и Курильских островах.

Поэтому, видимо, отбор был жесткий.

Что и привело к обиде, а затем и ожесточению части верхнекамчатских казаков, которые принимали участие в захвате власти и убийстве приказчиков, но к дележу добычи подпущены не были.

Как позже выяснил, проведя свое следствие, прибывший из Якутска приказчик Василий Михайлов сын Колесов, ядром нового бунта, вспыхнувшего все в том же Верхнем Камчатском остроге, были тобольские казачьи дети, верстанные в казаки на Камчатке, во главе с их же земляком — верхнекамчатским приказчиком Константином Киргизовым.

Они решили получить свою — недоставшуюся при дележе — долю за счет ограбления нижнекамчатских казаков — и, спустившись вниз по реке, напали на своих ничего не подозревающих соседей.

Вот что сообщал по этому поводу А.С. Сгибнев в своем «Историческом очерке главнейших событий в Камчатке»:

«…казак Киргизов взбунтовал в Верхнем остроге служилых людей, приплыл на ботах в Нижний острог и мучениями принудил Ярыгина [нижнекамчатского приказчика] отказаться от власти… Киргизов же, подговорив себе еще 18 казаков и наделав множество всякого рода бесчинств в Нижнекамчатском остроге, возвратился в Верхний острог и был долго страшен Нижнему острогу».

Ивану Ивановичу Суздалову не повезло — как раз в этот период времени он служил в Верхнекамчатском остроге. И хотя он не был в составе отряда из восемнадцати человек, но попал в число еще двадцати других верхнекамчатцев, которые были причастны к дележу награбленного в Нижнекамчатске. Суд Колесова был показательным и устрашительным. Устрашительным для тех казаков, что были пока еще недосягаемыми для Колесова в Большерецком остроге, представляя при этом серьезную угрозу новой власти. Показательным — для всех остальных…

Предводителей этого бунта казнили. Участников — били кнутами и батогами, резали носы, «орлили» — выжигали печать с орлом на лбу…

И всех без разбору тяжести преступления — приговаривали к «вечной» службе на Камчатке.

И поэтому стоит ли удивляться, что в 1806 году на Камчатке, когда здесь образовался офицерский заговор против коменданта Камчатки генерал-майора Павла Ивановича Кошелева, обвинившего офицеров Камчатского гарнизонного батальона в казнокрадстве, которые попытались организовать убийство генерала, на защиту своего командира встали казаки:

«Но в том же общем присутствии областного правления казаки Кочетов, Суздалов, Паншин, Ощепков, Сысоев, Чудинов, пятидесятники Мухоплев, Низовцев, сотники Прудецкой, Вологдин, Мохнаткин, Расторгуев заявили: "Готовы с ним умереть"» [Вахрин С.И. Встречь солнцу, 1996].

И от казаков Суздаловых, при крещении, фамилия перешла к камчадалам (ительменам) и корякам Суздаловым. Крестным отцом их был участник крестовых походов Камчатской Духовной Миссии архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского Трифон [Иванов сын] Суздалов.

Казачья линия Суздаловых была прервана. Но в Якутии в 1761 году служил казак Илья Суздалов, а в 1787 году — писарем в канцелярии Якутского коменданта — урядник Яков Суздалов, то есть происходило постепенное перемещение части казачьей элиты в «статское» — чиновничье — сословие…

А на камчатском Севере эта фамилия прижилась и у коряков, и у ительменов.

Двое из Суздаловых в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. были в составе народного ополчения и уничтожали японских «хищников»:

Суздалов Кондратий Михайлович (1886),
с. Лесная,
Суздалов Прокопий Егорович (1889), с. Утхолок.

Но дальнейшая судьба Прокопия Егоровича и его сына была трагичной — они попали в кровавый политический переплет, стали невольными участниками сфабрикованного сотрудниками ОГПУ «Тигильского дела».

Прокопий Егорович Суздалов (1889), уроженец села Утхолок, был расстрелян в 1932 году по приговору тройки ОГПУ. Ему предъявили обвинение по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР (по т. н. Тигильскому делу). Он был председателем охото-рыболовецкого колхоза.

Его сын, Дмитрий Прокопьевич Суздалов (1917), расстрелян 28 января 1938 года по приговору тройки НКВД без предъявления какого-либо обвинения. Он был заведующим избой-читальней в родном селе.

Анастасия Ерохина в газете «Камчатский край» в свое время (еще при жизни героини) опубликовала замечательную статью, посвященную ительменской поэтессе Нэли Дмитриевне Суздаловой (1937–2023):

«В ее сердце — камчатская тундра, крики чаек, оленеводы, охотники, рыбаки, запах толкуши и юколы. В ее песнях давние напевы, живущие на Камчатке с древнейших времен. Любовь к тундре и культуре родного ительменского народа камчатская писательница, поэтесса Нэля Суздалова пронесла через всю жизнь, рассказывая о Камчатке, родном селе, своем народе в стихах, рассказах, сказках.

Будущая поэтесса родилась на севере Камчатки, в Тигильском районе, закончила 7 классов в ительменском селе Сопочное, которое сейчас уже перестало существовать. Творческие способности проявились у девочки очень рано. "Когда я пошла в школу, — рассказывает Нэля Дмитриевна, — мой дед, Иов Егорович [Павлуцкий], охотник, уезжая на промысел, оставлял мне задания. Я должна была прочитать несколько сказок, а потом пересказать их ему, когда он вернется. Но я ленилась и не успевала всего прочесть. Тогда, когда дедушка возвращался домой, я начинала сама выдумывать сказки и рассказывать их на ходу. Дедушка меня очень хвалил".

Все детство будущей писательницы прошло среди ительменов. Она жила в месте, напоенном их культурой, традиционными песнями, танцами. Ложась спать и просыпаясь на летнем балагане или в юрте, она слышала голоса взрослых, говорящих по-ительменски. Этот язык и ей стал родным. Это место оставило в воспоминаниях писательницы много светлых воспоминаний — две речки Сузваль (Сопочное) и Хиккиль (Россошено), вулкан Бабушка вспоминаются ею с теплотой.

После школы Нэля Дмитриевна уехала в Биробиджан, где закончила культпросвет училище, чтобы потом вновь вернуться на Камчатку. Важный этап ее жизни — работа в "Красной яранге", передвижном клубе, периодически навещающем кочующих по тундре оленеводов. Хрупкая молодая девушка наравне с мужчинами ездила на лыжах зимой, а летом — на лошадях от одной оленеводческой бригады к другой, борясь с метелями, холодом, преодолевая немалые расстояния. Кем только ни пришлось быть Нэле Дмитриевне для оленеводов — киномехаником, лектором, почтальоном, библиотекарем, фельдшером, швеей! Встречи с оленеводами в тундре сыграли огромную роль в ее творчестве, остались в памяти и вылились на бумагу в виде коротких рассказов-зарисовок, дневниковых записей заведующей "Красной ярангой".

Эти и другие рассказы, сказки и стихи вошли в три сборника писательницы — "Те собачьи упряжки умчались", "Встречи в тундре", "Огненная шаманка". Сюжеты сказок Суздаловой и реальны, и выдуманы. Некоторые случаи, например, сюжет "Сузваль", одной из самых известных сказок писательницы, ее "визитной карточки", рассказал ей дед.

Нэля Дмитриевна является создателем и главным вдохновителем национального семейного ительменского ансамбля "Пимчах" ("Огонек"), в котором, кроме нее, пели и танцевали ее дочь Вероника, внучки Анастасия, Дарья и внук Иван. Ансамбль был постоянным участником всех праздников и торжеств Камчатской области, выступал у оленеводов Быстринского района, в Анавгае, Эссо, Милькове. "Пимчах" знали и в Москве и за рубежом — на Украине и в Японии, где он участвовал в фестивалях и являл-

ся их лауреатом. Сейчас семейный ансамбль распался, внуки Нэли Дмитриевны выросли, двое из них уже получили высшее образование, а младшая внучка Дарья сейчас готовится к поступлению в университет. Однако любовь к ительменской культуре, музыке осталась в их сердцах и сердцах жителей Камчатки навсегда.

Сегодня Нэля Дмитриевна является лауреатом литературной премии им. Георгия Поротова, лауреатом и участником многих конкурсов и фестивалей. В этом году, в День России, она была награждена памятной медалью "Патриот России" за большой вклад в патриотическое воспитание молодежи.

Сегодня Нэля Дмитриевна часто встречается с дошкольниками, школьниками, студентами. Проводит игры, конкурсы, беседы, импровизированные концерты, воспитывающие любовь к родному краю, артистичность. "Я так счастлива, что дети и молодежь меня понимают! — говорит Нэля Дмитриевна. — Во время каждой встречи я вижу по глазам ребят, что не зря все это затеяла!" У писательницы дома хранится множество альбомов, в которые вложены записки с пожеланиями от ее слушателей. "Спасибо за то, что делаете. Ваши стихи лечат душу", — написано в одном из многих посланий от камчатской молодежи.

Нэля Дмитриевна почти все свои стихи перекладывает на музыку и поет. И не удивительно — ее стихи очень музыкальны, особенно те, что написаны на ительменском языке. Этот язык отличается чрезвычайной мелодичностью. "Говорить на нем очень сложно, а петь нет, — отмечает Нэля Дмитриевна. — Ительмены вообще очень музыкальный народ, почти у всех от рождения великолепный голос и слух. Приезжие русские ученые удивлялись тому, как у людей, живущих вне цивилизации, могут рождаться такие мелодии. Древние ительменские песни очень красивы, и музыкальные инструменты этого народа очень разнообразны — среди них есть и такой, что по своему звучанию очень напоминает скрипку. Музыкальная культура ительменов уникальна — они слышали музыку ветра, чаек, гусей, моря. Это необходимо сохранить".

Несмотря на то, что в этом году Нэля Дмитриевна отпраздновала 40-летний творческий юбилей, творческий путь камчатской писательницы делает новый поворот. В начале 2000-х годов Нэля Дмитриевна стала истовой православной христианкой. По словам поэтессы, духовная жизнь очень важна для человека и не прав тот, кто закрывает на это глаза. После прихода Суздаловой в храм ее стихотворения и песни наполнились христианскими мотивами, ее вдохновляют труды отцов церкви — Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова. Но неизбывными остаются и старые мотивы — Север с детства глубоко вошел в душу Нэли Дмитриевны и пропитал всю ее жизнь и творчество запахом тундры. Он наделил ее особыми качествами северного человека, о которых однажды рассуждал Ваччако, один из героев рассказов камчатской писательницы: "Наш народ такой — он как бы восполняет недостатки тундры. Она сурова, люди — добры"».

А завершим мы эту историю стихами Нэли Дмитриевны:

…Появиться в долине Сузвая,
В царстве речек и горных орлов,
В тишине вековой замирая,
Улыбнуться от счастья без слов.

Как же так, оказаться без хлеба,
Солнца родины, скрытого мглой?..
И молюсь я вулканам и небу:
— Земли предков, останьтесь со мной!

СЫСОЕВЫ

В истории Сибири Сысоевы — это казаки периода «Сибирского взятия», начиная с похода Ермака Тимофеевича. Историки пишут, что «в составе т. н. [так называемой] старой сотни в Тобольске были казаки, утверждавшие, что служат с «Сибирского взятья»: Гаврила Ильин(ич?) (в 1630-х гг. атаман «старой сотни»), Дружина Васильев(ич), Иван Лукьянов(ич), Ларион (Ларка) Сысоев(ич), Третьяк Юрлов (в 1626–30 — атаман «старой сотни»), Остафий (Осташка) Антонов(ич) (в 1620–30-х гг. — пятидесятник, в нач. 1640-х гг. — атаман «старой сотни»), Павел Ерофеев(ич), Фома (Фомка) Бородин».

В дозорной книге Тобольска за 1623 год мы находим новые сведения о нем:

«Деревня сверх речки Сузгунки

Во дворе пеший казак Ларя Сысоев. Пашни у нево паханные земли 4 чети да перелогу 6 четей в поле а в дву потому ж. Пашенного лесу дубровы 3 десятины. Сена косит 100 копен».

То есть Ларион Сысоев обзавелся собственным хозяйством и, возможно, семьей.

В 1639 году в Тобольске сформирован отряд из тобольских казаков, который был направлен на Лену во вновь образованное Якутское воеводство для так называемой годовалой службы, которая порой растягивалась на десятилетия.

В числе первых ленских служилых людей был и казак Сысоев Ивашко — пеший казак станицы (сотни) Клима Бобошина, который нес службу в Бутальском зимовье на реке Алдан.

В 1647 году послан на Лену казак Савка Сысоев станицы Андрея Булдакова, но «Савка Сысоев в нынешнем во 158-м [1650] году июля в 31 день в Якутцком остроге на карауле … убился».

О степени родства между Ларкой, Ивашкой и Савкой мы даже и не задумываемся по одной простой причине — имя Сысой было весьма распространенным, и в период формирования фамилий любой сын любого Сысоя становился Сысоевым, пока в отличие от других Сысоевых ему не давали какое-то фамильное прозвище.

Если, конечно, кто-то из этих многочисленных Сысоевых не выделялся из общей массы и оставлял фамилию за собой — как, например, тобольские дети боярские Сысоевы — Полуект Антипин сын Сысоев и его дети. Вот эти, возможно, и были потомками Ларки — военные заслуги отцов и дедов у казаков всегда были в

почете и отражались на карьерном росте детей и внуков.

Но для нашей — северной — истории наибольший интерес представляют казачьи остроги Восточной Сибири, потому что именно оттуда в разное время и, вероятно, в разные места прибывают два разных Сысоева, но с удивительно схожими именами — Ефим и Еким.

О первом из них мы находим сообщение в книге «Иркутск в XVII в., Переписная книга выбывших после первой (1722 г.) ревизии»:

«Взято в Камчатскую экспедицию в службу: … Ефим Сысоев».

О другом Сысоеве мы узнаем — из материалов второй ревизии по Нерчинскому уезду [Ф. 350 Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917. 2-я ревизия. Книга переписная населения г. Нерчинска и уезда], 1744 года.

«…взяты на Камчатку: Прокопей Михаилов сын Калашников; Алексей Нестеров сын Кудеяров; Еким Иванов сын Сысоев; Федор Григорьев сын Шушонин; Иван Василев Щербаков; Григорей Алексеев сын Соколов; Гаврило Шадрин; Иван Шадрин; Ефим Силин сын Колосов; Матвей Бекетов; Михаило Иванов сын Корнилов; Лаврентей Анцын; Фадей Березовской».

И вот на этом камчатском перекрестии двух казачьих судеб мы и начнем свое расследование.

Первую подсказку мы найдем в рапортах Степана Петровича Крашенинникова, который писал:

«…требовал, чтоб служивой Иван Паламошной, которой, как выше писано, в воровстве приличился, переменой был. По которому требованию каюры отправлены мне генваря 8 дня, и на перемену служивого Паламошнова прислан служивой Ефим Сысоев».

Получается, что Ефим Сысоев прослужил на Камчатке ко времени прибытия на полуостров Степана Петровича Крашенинникова в 1737 году пятнадцать лет и, конечно же, он мог завести себе семью, как и многие другие камчатские, анадырские, гижигинские, охотские казаки.

И действительно, в Исповедальных росписях Нижнекамчатской Успенской церкви мы находим этому доказательство — запись о Егоре Ефимоме сыне Сысоеве, родившемся в 1765 году, у которого вместе с ним были записаны в этой росписи супруга Елизавета Ивановна (1767) и дочь Федосья (1795).

Сыновей при нем не было. А если они и были — то находились, конечно же, на службе.

Но вот в чем «заковыка»: на этот самый период на Камчатке было два Егора Сысоевых. Егор Ефимович — казак в Нижнекамчатске. И Егор Иванович (1779) — рядовой гренадерской роты майора Крупского в Петропавловском порту.

И кому из них конкретно приходился родным Сысоев Герасим Егорович (1824) — «марсовый матрос, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, который поступил в Камчатскую экипажную роту в 1839 г., а в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., а в 1855 г. на транспорте «Двина» был в действительном сражении еще и в заливе Де-Кастри?

Но есть подсказка — он был «из солдатских детей». То есть это линия Егора Ивановича. Да, он, и действительно был тоже семейным человеком — его супругой была Дарья Степановна (1789).

У Егора Ивановича был брат Андрей (1794) — в 1812 году воспитанник (как и большинство солдатских и казачьих детей) Камчатского отделения императорского военно-сиротского дома, который после расформирования Камчатского гарнизонного батальона и закрытия военно-сиротского дома был записан в матросы 2-й статьи Петропавловской экипажной роты.

То есть эти Сысоевы Ивановичи — были выходцами из какой-то другой камчатской семьи — солдатской.

В исповедальных росписях за 1823/1824 годы мы обнаруживаем список сирот — солдатских детей, в числе которых записан и Сысоев Федор Егорович (15 лет) (1809), то есть еще один сын Егора Ивановича и Дарьи Степановны.

Но вернемся к казакам. Хотя разобраться здесь тоже непросто. Судите сами: в росписях за 1812 год в Нижнекамчатской казачьей команде служит в казаках Петр Павлович Сысоев, а в Петропавловской экипажной роте в это же время — в матросах — его брат Яков Павлович Сысоев. И в последующем, конечно же, будет записано, что дети Петра Павловича — это казачьи дети, а его брата Якова — солдатские.

И кроме того, совершенно пока неясно — а кем был их отец Павел Сысоев, о котором у нас нет пока никаких сведений, как и об Иване Сысоеве — отце Андрея и Егора Ивановичей? Какие у них были отчества?

Вопрос остается открытым…

И мы снова возвращаемся к казакам Тигильской крепости.

Здесь в одно время с нижнекамчатским казаком Егором Ефимовичем Сысоевым проходил службу казак Федор Сысоев, который в 1815 году показан уже умершим.

Его сыновья — Василий Федорович (1793) и Петр Федорович (1798) — отцы-патриархи двух основных ветвей тигильских казаков Сысоевых.

И остается открытым вопрос о том, кто из Сысоевых был отцом самого Федора, их дедом?

Мог ли им быть Ефим Сысоев, служба которого проходила в Нижнекамчатске? Да, конечно, мог — казаков особо не спрашивали, распределяя по гарнизонам для решения поставленных перед ними задач, поэтому кто-то их казаков камчатских острогов мог оказаться на службе в Тигильской крепости. Правда, анализируя список имен казаков и солдат Тигильской крепости за 1812 год, мы не находим ничего похожего — его гарнизон был сформирован не из камчатских казаков.

Но давайте все-таки рассмотрим и версию, связанную с появлением на Камчатке не только Ефима, но и Екима Иванова сына Сысоева — нерчинского казака.

Я не случайно дал полный список нерчинцев, которые были отправлены на Камчатку в период до 1744 года.

Он дает нам дополнительную, хотя и косвенную информацию.

Мы коснемся одной только фамилии из этого списка. Фамилии Худеяровых, которая, я уверен, что вы со мной в этом согласитесь, не является столь же распространенной, как Сысоев, и поэтому может быть для нас показательной.

И вот что мы обнаруживаем (а подробнее мы остановимся на этом в очерке о Худеяровых – Кудеяровых – Кудияровых – Кудьяровых) — в 1768 году из Анадырской крепости в Гижигинскую были переведены казаки (часть их также была расформирована по гарнизонам Тигильской и Нижнеколымской крепостей).

И вот семья нерчинского казака Алексея Нестеровича Худеярова: Жена Меланья Никитична. Сыновья: Данило — 17 (1751); Дмитрий — 14 (1754); Иван — 10 (1758); Петр — 7 (1761); дочь Матрена — 2 (1766).

Худеяров Алексей Нестерович был призван вместе с Сысоевым Екимом Ивановичем. Поэтому нам, уверен, не стоит отвергать версию о том, что отцом умершего тигильского казака Федора Сысоева мог быть Еким Иванович Сысоев.

Придет время — конечно, окончательно прояснится и этот вопрос.

Но и мы не можем стоять на месте.

Условно говоря, у нас появляется две линии Сысоевых — северная и южная.

Северная — та, что связана с Тигилем. Но… и здесь мы не можем не внести свои коррективы.

Так, у тигильского казака Петра Федоровича Сысоева в 1836 году или последовательно в 1836–37 гг. родились два сына — Петр и Павел, а затем и третий — Николай (год рождения 1837/1838).

И вот что сообщается в рапорте о состоянии 2-х сотенной Камчатской казачьей команды от 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Казаки

Петр [Васильев сын] Сысоев — 20; из казачьих детей, на службе и в чине с 1853 года.

Павел [Васильев сын] Сысоев — 19; из казачьих детей, на службе и в чине с 1854 года.

Николай [Васильевич] Сысоев 2-й — 17; из казачьих детей, на службе и в чине с 1855 года.

То есть все три молодых казака — уроженцы Тигильской крепости — служат в Петропавловском порту. И как раз в тот самый период, когда происходит историческое сражение с англо-французами.

И сразу же бросается в глаза, что Николай Васильевич обозначен, как второй. Следовательно, в это же самое время в Петропавловском порту служит и некий Николай Сысоев под номером 1?

Но не будем спешить.

Мы знаем, что Ефим Сысоев служил в Нижнекамчатске и, вероятнее всего, что нижнекамчатские Сысоевы — это его потомки. Да и по возрасту они все очень близки.

Егор Ефимович — 1865.

Его сын, Ефим Егорович — 1807.

Иван [Ефимович] — ? Год рождения неизвестен. Но известны примерные годы рождения его детей.

Егор Иванович — 1779 (служит в солдатах в Петропавловском порту).

Андрей Иванович — 1794 (служит в матросах в Петропавловском порту)

Павел [Ефимович] — ?

Яков Павлович — 1784 (казак Петропавловской казачьей команды)

Петр Павлович — 1787 (казак Нижнекамчатской казачьей команды).

И если наша версия верна, то Иван, Павел и Егор Сысоевы — родные братья, уроженцы Нижнекамчатска.

И совершенно тогда не случайно, а в силу родовых традиций, Егор Иванович называет одного из своих сыновей, родившегося в 1807 году, Ефимом.

Второй из его сыновей — Герасим Егорович (1823), матрос Камчатского флотского экипажа в 1854 году будет, как мы уже знаем, защищать Петропавловский порт.

В списке кантонистов — юнг, которые будут сражаться с врагом наравне со взрослыми, мы находим еще и двух его двоюродных братьев — сыновей Андрея Ивановича Сысоева — Ивана (1843) и Михаила (1846).

Командующий обороной Петропавловского порта генерал-майор В.С. Завойко отмечал в своем рапорте на имя генерал-губернатора Восточной Сибири подвиг кантонистов — юных героев, имена которых, к моему горькому сожалению, так и не вписаны золотыми буквами в летопись Петропавловской обороны:

На подноске кокоров — зарядов к пушкам отличались кантонисты — дети камчатских моряков. Они «исполняли в продолжении военных действий свои обязанности с превосходною расторопностью и были так веселы, что нередко по окончании сражений тотчас начинали спускать кораблики».

Чему удивляться — если Ивану в 1854 году было одиннадцать лет, а его брату — вообще восемь!

Но вернемся к Николаю Сысоеву первому.

Это был сын Петра Павловича Сысоева — нижнекамчатского казака. Он родился в 1833 году. В 1854 году Николай Петрович Сысоев первый уже служил в казаках Петропавловской казачьей команды и участвовал в военном сражении. Впоследствии он — казачий пятидесятник, а в 1878 году — частный командир казачьего поста в Усть-Приморске (как тогда называли Усть-Камчатск). Он был дважды женат. Первой супругой его была Софья Васильевна Толман, дочь Вильяма Толман, укоренившегося на Камчатке американца. Второй супругой — вдова казака Алексея Томского. Но о его потомках нам пока ничего не известно.

Собственно, после вывода Петропавловского гарнизона в Николаевск-на-Амуре все петропавловские Сысоевы, проходившие по морской части, в том числе и юные кантонисты, покинули Камчатку.

Здесь остались только казаки.

Дальнейшая родовая судьба Николаев Сысоевых — и первого, и второго — нам пока неизвестна.

Удалось, но только отчасти, проследить дальнейшую историю ветви Михаила Петровича Сысоева по линии тигильского казака Петра Федоровича.

Михаил Петрович (1839–1893), хотя он тоже был кантонистом морского ведомства, но остался по неизвестной нам причине служить на Камчатке в родном Тигиле.

В 1870 году он женился на вдове казака Григория Николаевича Толстихина Евдокии Григорьевне.

Его сыновья в 1904 году с получением извещения о Русско-японской войне вступили в Тигильскую дружину народного ополчения, продолжая героическую историю своей фамилии и своего рода.

Сысоев Григорий Михайлович (1872), кантонист Тигильской казачьей команды, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. (с 24.05.1893) Черных Евдокия Ивановна (1876), дочь камчадала с. Седанка.

Сысоев Флегонт Михайлович (1877), льготный кантонист Тигильской казачьей команды, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. 1 (с 09.01.1905) Ласточкина Агафия Федоровна (1882), вдова камчадала с. Утхолок Ивана Ласточкнина. Ж. 2 (с 1908) Григорьева Евлампия Игнатьевна (1889), дочь большерецкого крестьянина.

Вполне возможно, что когда-нибудь нам станет известно что-то и о тех Сысоевых, судьба которых с 1855 года вроде как перестала быть связанной с Камчаткой, но осталась по-прежнему неразрывной с ее героической историей…

ТАРАТИНЫ (ТАРУТИНЫ)

На Ивана (в некоторых документах — Исака) Таратина сделал свою главную ставку якутский казачий голова Владимир Владимирович Атласов, прибывший на Камчатку уже не как первооткрыватель этой земли, а как бывший тюремный сиделец, сосланный на Камчатку для того, чтобы под страхом смертной казни навести здесь порядок и усмирить камчадалов.

С.П. Крашенинников сообщает:

«В августе месяце того ж года отправил он в поход на Бобровое море для усмирения изменников, которые ясашных сборщиков побили, служивого Ивана Таратина человеках в 70, которые были на службе ноября по 27 число того же году. Помянутые походчики от самого Верхнего острогу до Авачи не имели никакого сопротивления; но как они близ Авачинской губы, что ныне гавань Петра и Павла, ночевать стали, то служивые камчадалов и камчадалы служивых усмотрели. А понеже изменников было в собрании сот с восемь, то уговорились они, чтоб служивых не бить, но по рукам разбирать и вязать, чего ради и каждой изменник по ремню при себе имели; такая была у них надежда на великое свое множество.

Следующего дня Таратин пошел к Авачинской губе, где изменничьи лодки и байдары стояли. Изменники между тем скрывшись в лесу по обе стороны дороги ожидали его прибытия, и пропустя несколько передних, на самую средину напали, и бились с служивыми так долго, пока большая их часть легла на месте, а прочие принуждены были спасаться бегством. Служивых притом убито 6 человек, да несколько ранено. Камчадалов взято в полон токмо три человека из лучших людей, из-за которых собрано с оставших изменников ясаку не более как 10 соболей, 4 лисицы красных, да 19 бобров морских. Однако тем оная страна совершенно не покорена, ибо до самого главного камчатского бунта, которой учинился в 1731 году, тамошние жители почти всегда в измене были. Оттуда походники возвратились в Верхней острог с ясачною казною и с помянутыми аманатами ноября 27 дня 1707 году, как выше показано. До сего времени правление, в камчатских острогах несколько было порядочно для того, что подчиненные командиров своих так, как надлежало, почитали, и повиновались им без всякого сопротивления, а потом начали у них отъимать команды, обирать пожитки, сажать в тюрьмы и убивать до смерти, как в следующей главе пространнее будет объявлено.

Коим образом служивые люди огорчены были на дороге от Атласова, в прежней главе упомянуто. Оное огорчение, также нападки его, и собственное служивых людей своевольство побудило их к умышлению, чтоб Атласова лишить команды, что они в декабре месяце того же 1707 году и учинили. А в оправдание свое писали в Якутск, будто Атласов не давал им съестных припасов, которые с камчадалов збираются; будто сам пользовался оными, а они прогуляв рыбную пору претерпевали голод; будто из корысти своей выпустил аманатов, и от того во всех ясачных иноземцах учинилась такая шатость, что ясачные зборщики, посыланные на Пенжинское море, едва спаслися бегством; будто колол он на смерть служивого Данила Беляева, и когда ему от служивых представлено было, чтоб он безвинно палашем не колол, но наказывал бы их за вины батогами или кнутом как государевы указы повелевают, а он на то в ответ сказал, что государь ему в вину не поставит, хотя он их и всех прирубит; будто он, желая мстить казакам за мнимые грубые их речи, призвал к себе лучшего камчадала, и говорил ему, аки бы колол помянутого служивого за то, что служивые хотят всех камчадалов прибить, а жен их, детей и кормы по себе разделить; будто по той ведомости камчадалы жилища свои оставили, и соединясь в тесном месте убили трех человек служивых, и многих переранили, будто он посланную из Якутска подарочную казну почти всю употребил в собственную пользу, так что на Камчатке в привозе явилось у него бисеру, а по тамошнему одекую, и олова не больше полупуда, а медь всю переделал он в винокуренную посуду; и будто у новокрещенного камчадала вымучил он нападками лисицу чернобурую, которая в казну была приготовлена.

Сие оправдание ясно показывает прежнюю злобу служивых людей на Атласова, хотя не можно сказать, чтоб не больше правды писано на него было: ибо Атласов мог не давать им съестных припасов казенных, мог аманатов из корысти выпустить, мог с палашем метаться пьяной,

и корыстоваться ясачною казною, как человек лакомой, которое лакомство видимо будет из обранных его пожитков, в краткое время приобретенных. Но кто тому поверит, чтоб он желал возбудить иноземцов к бунту, ведая, что по убивстве казаков и самому от смерти не избавиться. Что ж камчадалы на Пенжинском море ясачных зборщиков едва живота не лишили, что в другом месте трех человек убили, а иных переранили, оное могло учиниться и без Атласова возмущения, тем наипаче, что казаки, может быть, чем огорчили ясачных людей {В рукописи зачеркнуто: излишними зборами, как, например, рыбою, сладкою травою, пряжею и другими к тамошнему житию принадлежащими потребностьми (л. 285). — *Ред.*}, ибо и на Пенжинском море ясачного зборщика хотели убить камчадалы за то, что он вместо одного соболя, требовал ясаку по два и по три с человека. Что до чернобурой лисицы касается, то при обыске не явилось ее у Атласова».

Но в официальной челобитной, посланной камчатскими казаками на имя царя после убийства Владимира Владимировича Атласова, стоит подпись — Исак Таратин.

Этот тот самый документ, в объективности которого и сомневался С.П. Крашенинников:

«Державнейший царь государь милостивейший! В прошлом 1706-м году по твоему, Великого государя, указу и по приказу столников и воевод Юрья Федоровича, Михаила Юрьевича Шишкиных послан из Якутцка голова казачей Володимер Отласов со служилыми людми в новопостроенные камчатцкие острошки для ясачного збору в твою казну Великого государя, и для подзыву немирных иноземцов под твою царскую высокосамодержавную руку в ясачной платеж. И пришед он, Володимер, в нынешнем 1707-м году июля в 11-м числе, и принял в прием Верхнее и Нижное острошки и ясачные зимовья, и твою, Великого государя, зборную ясачную соболиную и лисичную, и бобровую казну, которая казна збирина с ясачных иноземцов, ясак на 1707 год, и зборные ясачные книги, и нас, твоих нижайших рабов — служилых людей, и аманатов. А приняв, нарядил нас на твою, Великого государя, службу на Бобровую и на Болшую реку на измеников, которые изменики на Бобровой побили ясачных зборщиков Ивана Ливанова с товарыщи, и которые изменники на Большой реке твое, Великого государя, ясачное зимовье раззорили, и служилых людей побили, и твою, Великого государя, недоборную ясачную и оружейную казну пограбили. А были мы на той твоей государеве службе августа с 17-го числа ноября по 27 число. А будучи мы на Бобровой, поимали от тех изменников лутчих мужиков трех человек имяны Маштам, Чекава, Шитач. И взяли мы их тебе, Великому государю, в аманаты. Из-за тех трех аманатов с тех изменников собрали тебе, Великому государю, ясаку десять соболей, четыре лисицы красных, девятьнатцать бобров морских. И ту твою, Великого государя, казну, и тех поиманых аманатов привели в Верхней камчатцкой острог, в ясачном зимовье отдали Володимеру Отласову. А он, Володимер, тех вышеписанных аманатов отпустил ради своея безделныя корысти. А в те вышеписанные числа будучи мы на твоей государеве службе, служилые и промышленые люди, проходили рыбные ловли. А в прошлых годех при прежних прикащиках таковое было их расмотрение — которые служилые и промышленые люди посыланы бывая те за государевым делом в то время, в рыбную ловлю, — и на тех служилых и промышленых людей те, прежние, прикащики збирали корм с ясачных иноземцов того ради, что на Камчатке хлебных припасов нет, питаемся мы, твои нижайшие раби, рыбою, да травою и кореньем. А тому корму бывает промысел в году об одну пору, и то на малое время. А он, Володимер, с ясачных иноземцов кормы собрал и положил в свои анбары, а нам, твоим нижайшим рабам, в роздачю не дал — хотел от того корму получил себе пожитки. А мы, твои нижайши раби, ноября с 27-го числа голодуем. А впредь до нового корму прижить не чем. Да он же, Володимер, выпустил из казенки аманатов — лутчих камчатцких ясачных иноземцов детей: Курина сына, Ирюмя, да Колычева сына, Яткунина сына, Лагада, Пойду, да Нечайву, да лутчего мужика Каханумат. А выпустил безделныя ради своея корысти. А как он, Володимер, тех аманатов выпустил, и с того времени во всех ясачных иноземцах сталась шатость. А после того выпуску послал он, Володимер, на Пенжинское море для ясачного збору Марка Москвина с товарыщи. И приехал он, Марко, с товарыщи на то Пенжинское море. И увидя в тех ясачных иноземцах шатость, хотели ево, Марко, с товарыщи побить. И он, Марко, не собрав ясачные казны убежал. Да в нынешнем же 1707 году ноября в 29 день служилой человек Данило Беляев извещал нам, твоим нижаишим рабом служилым и промышленым людем. А в словесном своем извете сказывал он, Данило, на него, Володимера, твое, Великого государя, дело, и написал тебе, Великому государю, челобитную. А подал тою челобитную Ни[ко]л[ь]скому старосте Михайлу Тимофееву донесть в Якутцкой в приказную избу стольником и воеводам Юрью Федоровичю, Михайлу Юрьевичу Шишкиным. А послыша он, Володимер, от того Данила на себя извет, идучи из ясачного зимовья, увидяв ево, Данила, на путе, и набежал он, Володимер, учел ево, Данила, колоть насмерть. И увидя служилые люди с караулу — Иван Башмаков, Григорей Переломов, Харитон Березин — ево, Володимеров, находе, прибежали, отняли того Данила истыкана палашем насмерть. И после того отъему били челом мы, твои нижайшии раби — служилые и промышленые люди — ему, Володимеру, чтоб впредь нас, твоих нижайших рабов, тем палашем не рубил, и своими руками безвинно не бил. И он, Володимер, против нашего словесного челобитья такие речи говорил: “Хотя де я, Володимер, и всех вас палашем прирублю! В том де мне Великий

государь в пеню не поставит!" А после того нашего челобитья пришед он, Володимер, в свое зимовье, взял к себе лутчего камчатцкаго мужика Курю. И говорил он, Володимер, тому Курю: "Того де ради я, Володимер, того Данила колол палашем насмерть — хотят де вас, ясачных иноземцов, служилые и промышленые люди всех прибить, а жен и детей ваших и кормовые припасы по себе разделить!" А мы, твои нижайшии раби — служилые и промышленые люди — того ничего промеж собою не ведаем, и таких непристойных речей меж собою не бывало. Служили мы тебе, Великому государю, со всяким радением и чистосердием. И видя мы, твои нижайшии раби, ево, Володимерово, к твоему, Великого государя, правлению, и слышав от того Данила извет, и видяв что в ево Данилове челобитие на него, Володимера, писано, и слышав от ясачного иноземца про те ево, Володимеровы, ко тому ясачному иноземцу про вышеписанные непристойные речи, и бояся ево, Володимера, дерзновения, и помнячи свое обещание на чем мы обещались пред Святым Еванелием, что служить тебе, Великому государю, вправду, и мы, твои нижайшии раби — служилые и промышленые люди — от твоего, Великого государя, ясачного збору отказали. А пожитки ево, Володимеровы, обрали. А тех пожитков налицо явилось тритцать сороков тритцать четыре соболя, четыреста лисиц красных, четырнатцать лисиц сивотущатых, семдесят пять бобров морских, шуба соболья пластинная под чешуйчатым лазоревым баибереком, пушена собольи хвосты, шуба пластинная соболья под лимонной камкою, пушена бобром, шуба пластинная соболья под лимонной же камкой, пушена бобром, шупка женская пластинная соболья под зеленым отласом, пушена собольи хвосты, шупка женска пластинная соболья под красною камкою, пушена бобром, круживо золотное, шупка женская пластинная соболья под зеленой камкой, пушена бобром, шупка женска пластинна соболья под вишневой камкою, пушена бобром, одеяло пластинно соболье, пушено бобром, крыта отласом темно-вишневым, по краям — красные дороги, мех пластинной соболей, два меха пластинные собольи, полы шубные собольих хвостов, два меха собольи пупчатые, парка соболья, оплечье и клинье бобровое, пущена бобром, парка соболья, оплечье бобровое, куклянка соболья, парка соболья маленка, две постели шиты из бобров, шуба бобровая под китайкою, пушена бобром, санаяк бобровой, оплечье сиводушатых лисиц, санаяк выдряной, оплечье сиводкщатых лисиц, пушена бобром, шупка женска бобровая без кровли, два меха бобровые, санаяк бобровый маленькой, оплечье соболье, мех хрептовой сиводущатых лисиц без рукав, мех хрептовой красных лисиц, пушен бобром, мех хрептовой красных лисиц без рукав, мех черевей сиводущатых лисиц без рукав, мех черевей красных лисиц без рукав, куклянка красных лисиц, лоскут лапчатой лисей, дватцать фунтов пороху. И те пожитки положили в твою, Великого государя, казну. А к твоим, Великого государя, делам к ясачному збору, и ко всякому правлению мы, служилые люди, промеж собою выбрали служилого человека Семена Ломаева. Всемилостивейший государь, просим Вашего Величества, вели, государь, сию нашу челобитную стольником и воеводам Юрью Федоровичю, Михайлу Юрьевичю Шишкиным принять.

Вашего Величества нижайши раби Кирило Бекирев, Иван Шагин, Дмитрей Томской, Михайло Тимофеев, Алексей Дехтерев, Яков Братцкой, Данило Томской, Петр Саламатов, Федор Анкидинов, Федор Зыков, Яков Насеткин, Гаврило Келтяка, Обросим Двойкин, Исак Таратин, Петр Федотов, Костянтин Кыргызов, Федор Куковеров, Иван Башмаков, Федор Бабарыкин, Семен Лепихин, Григорей Холкин, Тимофей Коромыслов, Петр Фомин, Андрей Арменеев, Петр Неворотов, Никита Дурынин, Степан Токуя, Иван Отласов, Андрей Орлик, Петр Травин, Лазырь Ощепков, Федор Бронников, Иван Обуховской, Леонтей Носов, Сава Нецветаев, Василей Беляев, Григорей Переломов, Харитон Березин, Григорей Малафеев, Лазарь Назаров, Лазарь Бекирев, Алексей Бекирев, Василей Куракало, Андрей Никин, Петр Иконников декабря в день нынешнего 1707-го году» [«[СПбФ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 34. Л. 37–40].

Причина появления Таратиных в Сибири может быть разная. Одна из версий заключается в следующем:

«Межевая книга 1557–1559 гг. и актовый материал содержат сведения более чем о трех десятках кинельских землевладельцев второй половины XVI в. После 70-х годов больше половины из них в переяславских источниках не упоминаются. Это крупные вотчинники Адашевы и Яковли, средние и мелкие феодалы Гнездовы, Губины, Катавасьевы, Клобуковы, Ларины, Мантуровы, Морины, Морхинины, Нармацкие-Ярцевы, Обуховы, Пескишевы, Таратины, Трофимовы, Хлуденевы, Ямщиковы. По-видимому, все они утратили свои земли вскоре после составления межевой книги конца 50-х годов.

Представители некоторых из этих семей были испомещены на окраинах».

«При взятии в опричнину Переяславского уезда из него были выселены в числе других старинные вотчинники Таратины. В 1574/75 (7083) г. они дали свою вотчину в Кинельском стану, пустое сельцо Селивано, Махрищскому монастырю и писали в данной грамоте: «Старая наша вотчина, отца нашего благословение, что нас государь царь пожаловал, велел нам тое вотчину отдати в 80-м году» [Архив Троице-Сергиевой лавры, кн. 531, л. 809].

То есть переяславские дворяне Таратины — одна из жертв Опричного террора, потерявшие свои земли и разорившиеся.

«У Штадена, оставившего наиболее подробные сведения о том, как происходила отмена опричнины, читаем очень важное свидетель-

ство: “...Опричники должны были возвратить земским их вотчины. И все земские, кто еще оставался в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками”. Известны и отдельные документы, подтверждающие сообщение Штадена. Так, переяславские вотчинники Таратины, передавая в монастырь свое село Селиваново, отметили в данной грамоте: “Нас государь пожаловал, велел нам тое вотчину отдати в 80-м (то есть в 1572-м. — *Ред.*) году”. Из этого как будто можно сделать вывод, что после отмены опричнины произошла почти полная реставрация старых доопричных отношений: все люди, утратившие во время опричных переселений свою родовую собственность, если они не стали жертвами репрессий, смогли получить ее назад. Однако уже такой глубокий знаток эпохи, как С.Б. Веселовский, предостерегал против того, чтобы понимать эти сообщения буквально. Можно не сомневаться, что власть объявила о возможности возврата вотчин к их бывшим владельцам. В отдельных случаях этого удалось добиться, но в целом осуществить подобную меру в масштабах всего государства было делом достаточно долгим и сложным. Сам Штаден обратил внимание на одно серьезное препятствие, возникавшее при этом, отметив, что “опричникам должны были быть розданы взамен этих другие поместья”».

Но возможна и другая версия (хотя, возможно, они и общие) — фамилия могла звучать как Тарутин.

И вот этому документальное подтверждение:

«Таратин (Тарутин) Иван Михайлов сын, ...из Переславля, был писцом Муромского уезда в 1564 г. [Акты Юшкова, с. 175; АСЗ. Т. 4, № 12; АМСМ, № 140].

Переславль-Залесский:

«Роспись 1671 года

Десятни Вознесенской: ... Евдокимко Тарутин» [Найденов Н.А. Переславль-Залесский, Материалы для истории города XVII и XVIII столетий, М. 2004, с. 10].

В 1602 году московитин Тарутин Первой появляется в Пустозерске:

«А во 110-м [1602] году из Пустаозера о Петрове дни, пошли в Монгазею, на четырех кочах, Москвитин Первой Тарутин да Пустозерец Семен Исаков Серебряник, да Волочанин Михайло Дурасов, Пустозерец Архип Баженик, а с ними торговых и промышленых людей человек с сорок...» [1616 г. Февраля 6 —1624 г. Июня — Отписки Тобольских воевод царю Михаилу Федоровичу о путях сообщения из Мангазеи на Русь].

В 1623 году посадские (торговые) люди Тарутины появляются в Тюмени:

«Дер-46 вниз Туры реки в кривой луке

двор-1 посадского человека Ортемия Тарутина — 2 человека крепостных — Максим Самсонов да Ивашко Савельев

двор-2 Олешка Тарутин племянник Ортемия-младшего брата отца» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 492].

А вот и продолжение темы. Уже в Тобольске:

«Из массы посадских людей в XVII веке выделилась эксплуататорская верхушка. Наиболее крупные состояния складывались в бухарской торговле. По окладной книге 1655 года, самыми богатыми людьми тобольского посада были торговцы бухарским товаром Михаил Андреев, Малафейка Юдин, Гаврила Слободин, Ивашка Тарутин, крещеный бухаретин Яков Буйгаланов. Состояние каждого из них оценивалось от 100 до 300 рублей, в то время как движимое и недвижимое имущество большинства посадских людей не составляло и двух рублей».

Но связи с Бухарой показалось мало. Последовал... Китай:

«Путь в Китай через Северную Монголию был освоен именно русскими, и поездки по нему начались, по-видимому, в самом начале 70-х годов. Н. Спафарий его называл “новым”, “ныне сысканным“ (ходу восемь недель с вьюками, “как в прошлых годах ходили торговые и служилые люди”) и дал его подробное описание .

Косвенным свидетельством частых поездок русских купцов в Китай могут служить упреки маньчжурских сановников, адресованные в Пекине Н. Спафарию: “Все, что были после Байкова с торгом здесь в Китаи, Сеиткул и Тарутин и иные, и они сказали, чтоб их отпустили в дарство торговать, потому что есть с ними от великого государя грамота. А после того, как пустили их в царство, и у них никаких грамот не было”. Этот упрек относился также и к Г. Никитину и его спутникам; хотя они и говорили, что “сами от себя торгуют”, в Пекине их первоначально приняли за послов и удостоили даже аудиенции у богдыхана» [Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.), М, 1969, с. 94].

«*1671 г. октября 11.* — Из сказки тобольского служилого бухарца С. Аблина и казака И. Тарутина в Тобольской приказной избе об их поездке в Цинскую империю. — Сообщение о джунгарских и монгольских тайджи /л. 159/

18-го октября в 11 день приехали в Тоболеск ис Китайского государьства з государевою казною тобольские бухаретин Сеиткул Аблин да конной казак Ивашко Тарутин, а в приказной избе боярину и воеводам князю Ивану Борисовичю Репнину с товарыщи сказали.

В прошлом де во 176 году в-июле месяце по государеве грамоте отпущены они были ис Тобольска з государевою казною для торгового промыслу в Китайское государьство, а государевых товаров и мяхкие рухляди послано было с ними по цене на 4000 на 500 на 30 на 9 рублев на 20 на 7 алтын на 4 деньги. Да с ними ж посланы были в целовальниках тобольских посацких людей 3 человека да бухаретин, да для береженья государевы казны тобольских литвы и конных казаков 16 человек, да служилых татар 10 человек.

И ехали де они ис Тобольска до Ямыша-озера мимо Тару 7 недель, /л. 160/ и у Ямыша-озера застали тюменского стрелецкого голову Самойла Блудова з государевыми служилыми людьми, которые посланы были с ним для соли. И в то ж де время услышали Аблая-тайши

сын Чаган, что он, Сеиткул, с товарыщи едет в Китайское государьство з государевыми товары, прислал к соляному Ямышу-озеру подвод 47 верблюдов, и на тех верблюдах Самойло Блудов государевы товары отпустил при себе. А жили де они у Соли 3 дни, а под служилых людей дали подводы Аблаева ж улусу торговые бухарцы. И на тех подводах от Соли шли они до Аблаева улусу 3 недели и для береженья от Соли до Аблая ехали с ними Аблаевы улусные калмыки и бухарцы. А у Аблая в улусе жили они 7 недель, покупали верблюды, а корм де им Аблай давал небольшой, потому что он от воинских людей розграблен. А честь де им и береженье было у него большое, и тесноты де им и обиды не было. /л. 161/

А от Аблая они повезли государеву казну на покупных верблюдах, а покупали они верблюды на государевы товары, а цело[ва]льники и служилые под себя верблюдов купили собою на свои товары. И отпустил с ними Аблай-тайша до Китайского государьства посла своего Билюкту да с ним торговых буха[р]цов 200 человек. И с теми они бухарцы ехали до Китайского государьства. А дорогою Аблаева посла с кашеваром до Китайского государьства и назад кормил государевыми запасы, а что ему, послу, дано государевых товаров на корм, и то писано в книгах.

А ехали они из Аблаева улусу на урочищи н[а] Акбазар-речку, на которую речку зимовать ездит Аблай-тайша, 3 дни. /л. 162/ А с тое речки ехали на речку Темин-Чергор в улус к Чокуру-абаше 4 дни и стояли в том улусе 3 дни. А корм и провожатых им Чокур дать хотели, и они де не взяли для того, чтоб Аблай-тайша о том меж себя не ссорились и для того, что Аблаевых провожатых с ними было много. И из Чокурова улусу ехали до речки Есюты 3 дни, а от Есуты-речки ехали до речки Алатая 3 ж дни. А от тое речки ехали в вершины Иртыша-реки до речки Юрюнгу неделю. А на тех на всех речка[х] живут пашенные люди Чокура-абаши-тайши. /л. 163/

А от Юрюнги-речки ехали по другой стороне Иртиша-реки, на которой стороне стоит Тоболеск, до реки Булугана 3 недели. А на Булугане стоит Сенги-тайши улус дядей Данжина да Агая-тайши. И они тот улус прошли мимо, потому что воровских людей живет много. А от того улусу ехали горами каменными день до Мугальской земли. А от гор ехали до улуса Елденя-тайши людьми 3 недели. И в том Елденеве улусе жили для торгу 3 дни. И Елден-тайша дал им корму трем человеком 2 барана, а иным никому не дал.

А от того улусу ехали людьми же до улусу мугальсково тайши Катана-Батыря ж недели. И в том улусе жили они для торгу 4 дни. И Катан дал им корму только трем же человеком довольно.

А от того улусу ехали Мугальскою ж землею до Селенги-реки до лабина улусу полторы недели. И тот улус они прошли мимо, потому что тот улус стоит в стороне. /л. 164/

А от того улусу ехали до улуса Сайна-хана 2 недели и у Сайна жили в улусе недель с 5 до весны. А сказал де Сайн-хан ему, Сеиткулу, государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, жаловальную грамоту за ево государевою печатью, писана татарским письмом. И он де, Сеиткул, тое государеву грамоту перевел на калмыцкой язык через толмач. А в той государеве грамоте писано, чтоб он, Сайн-хан, государевых посланников и всяких торговых людей во все земли пропускал без задержанья и корм и подводы и провожатых давал. И Сайн-хан дал им провожатых 5 человек, а корм давал небольшим людем не помногу.

И ис того улусу ехали ево хановыми людьми до границы Китайского государьства бойдохана 4 недели. А на той границе китайского бойдойхана начальные люди имяна их, Сеиткула с товарищи, переписали и отпустили в Китайское государьство, а с ними послали для всякого береженья и кражи провожатых 10 человек [...] (Опущены лл. 165–171 о пребывании С. Аблина в Китайском государстве)/л. 171/

А выехали де они из города и, отъехав в полднище, стояли з год для того: весть им пришла, что Аблая-тайшу и улусных ево людей калмыцкие люди розгромили весь без остатку и людей многих побили . И к ним де, Сеиткулу с товарыщи, прислал Сенга-тайша людей своих и лист за печатью, а в листу написано, чтоб ехать им з государевою казною назад в Тоболеск на ево Сенгин улус, /л. 172/ не опасаясь ничего. И они де, Сеиткул с товарыщи, по ево Сенгуну приказу з государевою казною пошли, и на дороге им в Мугальской земли у Чеон-контайши пришла весть, что Сенга-тайша убит. И они де, Сеиткул с товарыщи, з государевою казною ехать не посмели, а послали с вестью в Сенгин улус тобольских служилых людей Ваську Соснина да татарина Блока Шихмаметева, да Сенги-тайши человека, которой с ними был в провожатых, Котечи, да бухаретина Тавхозю, а велели им в улусе Сенги-тайши проведать. И жили де они в Мугальской земли у Чеон-контайши полтретья месяца. И к ним де приехали посыльщики их Васька Соснин с товарыщи, а с ним прислал Сенгин брат Гаган да сын ево Араптар тайши людей своих лутчево человека Ирке Генцу с товарыщи, а сказал им, что Сенга-тайша убит, а они б, Сеиткул с товарыщи, ехали з государевою казною без опасенья к ним в улус.

И они де, Сеиткул с товарыщи, из Мугальской земли с теми посыльщики з государевою казною поехали. И идучи де у них дорогою, запасу стало мало и пристали государевых 3 верблюда, и те верблюды /л. 173/ отдали на дороге их Гагана-тайши улусным ево людем беретчи.

А как они пришли в улус к Гагану и к Араптару тайшам, и несли к ним великих государей жалованья подарков, а сколько отнесли, и то писано у них в книгах. А как они, Сеиткул с товарыщи, государево жалованье Гагану и Араптару тайшам поднесли, и тайши у них государево жалованье приняли и велели им пожить у себя в улусе, а жили в улусе 4 месяца.

Да сверх тово тайши взяли у них государева сукна зеленого 6 портищ кармазину. И они де, Сеиткул с товарыщи, говорили Гагану и Араптару, чтоб их отпустить з государевою казною в Тоболеск без задержанья. И тайши Гаган и Араптар отпустили их в Тоболеск, не задержав. И шли де они из Сенгина улуса до Соли 5 недель, а с ними для проезду послали послов своих Мамателипа да Чадыра, а велели им проводить государеву казну до Тобольска и до Москвы. А на отпуске де им, Сеиткулу с товарищи, за государево жалованье дали только 2 верблюда да 9 лошадей.

А живучи в улусе, корму им и питья было скудно и в дорогу не дали.

А потому де им корму и питья, живучи в улусе было скудно, что тайши говорят: не к нам де они, Сеиткул с товарищи, /л. 174/ посланы, а посланы они через Аблаев улус. А больши де того обиды и тесноты не было.

Да у них же, Сеиткула с товарищи, украли в улусе воровские люди государевых 2 верблюда да лошадь, да 7 камок, по 2 портища в камке, а покупаны де те камки по шти ланов по 2 золотника, да Сеиткуловых и казачьих 4 верблюда да 20 лошадей. И они де о тех верблюдах и об лошадех Гагану и Араптару тайшам говорили, чтоб те лошади и верблюды и камки сыскать. И они де, Гаган и Араптар, сыскать приказывали зайсану, а сыскал ли те верблюды и лошади и камки, того они не ведают, только де им тово не отдали.

А как де они из Сенгина улуса выехали и отъехав от Сенгина улуса 5 дней, и с урочища з Большево с Чару-реки послал он, Сеиткул, к Ямышу-озеру тобольского конного казака Федьку Заева да с ним калмыка для того, чтоб письмяной голова Лев Поскочин с служилыми людьми не уплыл от Ямыша-озера /л. 175/ и дожидались бы государевы казны и их, Сеиткула с товарыщи. А в той де посылке у него, Федьки, вперед и назад едучи, 2 лошади ево Федькины пали.

А как они пришли к Ямышу-озеру, а которые были 24 верблюда под государевою казною, и те верблюды отданы у Соли приезжим бухарцом в долг Аблаеву улусу. А потому они верблюдов отдали в долг, что до Тобольска тех верблюдов не догнать, а на бухарцов взяты крепости. А кому имяно и сколько верблюдов и по которой цене отданы, и то писано в книгах.

А у Соли их, Сеиткула с товарыщи, письмяной голова Лев Поскочин посадил на государевы дощаники, и они де на тех государевых дощениках з государевою казною приехали в Тоболеск в нынешнем во 180 году октября в 11 день.

По склейкам и под текстом рукоприкладства: […] (Имеется рукоприкладство Сеиткула Аблина на тюркском языке). К сему доезду вместо Василья Кирьянова да Микифорка Терекомельцева по их велению и за себя Иевко Васильев руку приложил.

На л. 175 под текстом отметка: Сие сходно с перечневою росписью» [РГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 535, лл. 159–164, 171–175].

А вот еще один путешественник в Китай:

«1675 г. не позднее мая 2 (Датируется временем выезда Н.Г. Спафария из Тобольска (см. док. № 183)). — Роспись, составленная в Тобольской приказной избе, тобольских служилых людей, посланных с посольством Н.Г. Спафария.

/л. 229 об./ Роспись тобольским детем боярским и литовского списку и конным и новокрещеным казаком и толмачю и кречатьим помощником, которые посланы в Китайское государство с посланником с Николаем Спафарии.

Дети боярские:

Сава Жемотин, Макарей Галасеин, Иван Почекунин, /л. 230/ Иван Протопопов, Иван Непрапасов, Борис Лошкин.

Казаки литовского списку:

Костька Скибин, Петрушка Попов, Федька Дюков, Алешка Кривого меньшой, Федька Заев, Васька Кобыльской, Митька Крушинской, в ево /л. 230 об./ место брат ево двоюродной Микифорко Офонасьев, Пашка Иванов, Илюшка Лихачев, Филька Сергеев, Якушка Юрганов, Стенька Ларионов, Игнашка Тычинской, в ево место брат ево двоюродной Васька Маликин, Оська Рачковской, Ондрюшка Трушников, Ивашко Воробьев, Гришка Залесов, в ево /л. 231/ место сын ево тобольской пешей казак Матюшка Залесов, Ондрюшка Андреев Розказов, Александричка Алемасов.

Конные:

Силка Тарутин, Оношка Федоров, Лучка Шмонин, Ивашка Сабаев, Васька Федоров Черкашенинов, в его место брат ево /л. 231 об./ Мишка Лосев, Васька Езусов, Терешка Иван[ов] в ево место племянник ево Софонко Иванов, Петрушка Горохов, в ево место брат ево двоюродной Стенька Горохов, Лучка Баландин, в ево место племянник ево казачей сын Ивашка Табаков, Алешка Лосев, Андрюшка Белевцов, в ево /л. 232/ место племянник ево казачей сын Нефедка Артемьев, Ивашка Давыдов Миловановъ, Илюшка Корнилов, Митюшка Обрядов, Петрушка Пошехонов, Максимко Жульжевской.

Новокрещеного списку:

Володька Данилов, Ивашка Володимеров, Ивашка Ильин, /л. 232 об./ Петрушка Андреев Будалин, Микитка Мамытов.

Да для провожанья и указанья тобольской конной казак Гришка Кобяков, потому что он наперед сего из Даур в Китайском государстве бывал.

Кречатьи помочники:

Овдокимко Выходцов, Исачко Котин, Офонка Полуянов, /л. 233/ Кирилко Полуянов, Пашка Прохоров, Лучка Петелин.

Калмыцкой и татарской толмач Спирька Безрядов.

Роспись за приписью дьяка Григорья Михайлова» [РГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, кн. 3, лл. 229 об. – 233].

Оба — и Иван, и Сила (Сила, Силантий) в 1661 году служили в конных казаках Тобольского городового полка.

Возможно, это отец и сын — просто так из пеших казаков в конные не переводили [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 144, 145].

Но это еще далеко не все.

В именных книгах служилого люда Тобольска есть важная запись: Тарутин Иван. Сын боярский. В выбылых окладах. 10 руб.

«Ивана Тарутина 10 руб. и в 181-м [1673] г., по грамоте вел. госуд., опричь сына его, давать не велено» [Тобольск, Материалы для истории города XVII и XVIII столетий].

И действительно, сын Ивана Федор служит в детях боярских [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Д. 948. Л. 107 об.].

В 1705 году его забирают в солдаты [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1434. Л. 186].

Судя по тому, что его сын — Ларка Федоров Тарутин — в 1689 году служит в стрельцах [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1, Д. 948. Л. 382.], то к 1705 году Федор Тарутин был уже в довольно пожилом возрасте.

«Стрельцы

Сотня Микиты Вологжанина

Ларько Федоров Тарутин и в 204-м [1696] г. велено в его месте быть сыну его Ондрюшке» [Тобольск, Материалы для истории города XVII и XVIII столетий].

И конечно же, нас интересует вопрос: а не появляется ли в числе служилого люда Тобольска Иван или Исак Тарутин?

Появляется!

В переписи Тобольска за 1710 год есть многочисленное подтверждение этому, запись:

«А вместо ево тобольской житель Иван Тарутин руку приложил» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317].

То есть вполне возможно, что после «годовалой» службы на Камчатке Иван Тарутин (Таратин) к 1710 году возвратился в родной город Тобольск.

Но история на этом не заканчивается.

В 1720 году при переписи якутских служилых записано:

«Во дворе вдовы Анны Матвеевой живет на подворье служивой Егор Петров сын Таратин набору Афонасья Шестакова сказал дватцети дву лет [1698]» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 50].

А в переписи за период с 1722 по 1748 год отмечены:

Города Якуцка разночинцы. Умершие: Егор Таратин, Андрей Таратин» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.119].

С одной стороны — это может быть продолжением нашей тобольской истории.

А может быть, в основе этого появления в Якутии лежит история иная.

В 1694 году в Тобольском уезде производилась перепись беглых крестьян из Верхотурья, которые были затем высланы в Даурию и посажены на пашни. В числе многих была и эта крестьянская семья:

«В Арамилской слободе по росписи, какова под наказом: Петрушка Данилов сын Тарутин сказал: в Арамилскую де слободу пришол он в 1691/92-м году Верхотурского уезду из Чюсовской слободы, а принял ево прикащик Иван Полозов, а по какому указу не ведает. И по накладу ево платит он денежного оброку вместо беглово крестьянина Назарка Сабурова шеснатцать алтын полторы денги. У него дети: Лаврушка шти лет, Першка трех лет, Конашка дву лет, братья Лучка дватцати лет, Юрка пятнатцати лет. А живет своим двором» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж (Денежный стол). Д. 253. Л. 87–87 об.].

Нерчинск, 1721 год:

«Олочинской деревни

Кондратей Тарутин 45 (1676) у него сын Иван — 9» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 86].

Так что вполне возможно и такое «перекрестие» исторических дорог.

ТАРКОВЫ

Интересная фамилия, происхождение которой антропонимисты даже толком объяснить не могут:

«Ф. от полн. календ. имени Тарх [греч. “волнение, неурядица”] или от прозв. Тарк, возможно, из слова тарка — в говорах “род пирожного из слоеного теста”».

Но и у нас нет по поводу происхождения этого фамильного прозвища никакой своей собственной версии.

Но есть другое — династия детей боярских Тарковых в Тобольске и Тюмени. Скорее всего — общая династия.

В 1646 году на Лене в числе тобольских годовальщиков (командированных на Лену) был казачий десятник Иван Михайлов сын Тарков.

В 1661 году в стрельцах служит его сын – Ивашко Иванов Тарков [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Д. 409. Л. 160 об.].

В 1682 году Иван Тарков служит уже в детях боярских. Скорее всего, это Иван Михайлов сын, то есть Иван Старый, в отличие от Ивана Иванова сына Таркова Молодого, который отмечен в именных списках служилых людей в 1689 году:

«Дети боярские

Иван Иванов сын Тарков молодой» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948. Л. 114 об.].

В этом же чине служит и его брат:

«Дети боярские

Тимофей Иванов сын Тарков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948. Л. 61 об.].

В 1704 году отмечен уже сын Тимофея:

«Дети боярские

По 9 рублев

Дмитрей Тимофеев сын Тарков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Л. 204].

Но одна линия — детей боярских.

Но была и другая — чиновников, подьячих:

Первый, переведенный впоследствии (в 1671 году) из Тобольской приказной избы в Сибирский приказ:

«Тарков Савва
1652–68 под. Тобольск. прик. из.
1652/3 хл. жал. 4 юф.; сол. жал. 2 п.
1656–60 хл. жал. 9 юф.; сол. жал. 2 п.
1662–68 окл. 20 руб.
1662/3 хл. жал. 20 юф.; сол. жал. 3,5 п.
1665/6 хл. жал.: рожь 16 ч., овес 12 ч.; сол. жал. 3 п.
1671–77 под[ьячий] Сиб[ирского] Пр[иказа].
1671 нояб. – 1677 окл. 30 руб.
1674–77 пом. окл. 350 ч.

1677 хл. жал. 25 юф.
1677–78 дьяк Сиб. пр.»

И второй:

«Тарков Андрей Никитин
1665–83 под[ьячий] Тобольск. Прик[азная] Из[ба].
1665/6 хл. жал. 4 юф.; сол. жал. 1 п.
1667/8 окл. 4 руб.
1680/1 велено быть в таможне
1682/3 окл. 12 руб.»

Какая между ними связь — неизвестно. Но, как правило, такая связь была *наследственной*.

В 1710 году переписчики города Тобольска отмечали:

«Двор купленой вдовы Овдотьи Степановы дочери подьячего Андреевские жены Таркова сказала себе 60 лет у нее сын Василей 30 лет.

Платит в казну великого государя в концелярию с того двора вместо повалешных с одного дыму по 2 деньги на год» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 21 об.].

Но, оказывается, это не все еще линии тобольских Тарков — были свои Тарковы и в самом Тобольском уезде.

Ирбитская слобода, 1680 год:

«Фомка Давыдов сын Кишкин сказал: в Суерскую де слободу пришол во 1681/82-м году Верхотурского уезду из Ырбитской слободы, а принял ево прикащик Иван Тарков, а по какому указу не ведает» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж (Денежный стол). Д. 253. Л. 125 об.].

Исецкий острог, 1686

«Драгуны Исецких слобод.
Полк А. Смаленберга. Нерчинск.

Тарков Илюшка» [Багрин Е.А. Полк Головина 1686–1690. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком)].

Прибыл для участия в обороне Албазинского острога и границ России на Амуре.

Сотня Исецкого острогу, 1696 год:

Беломестные казаки

Артюшка Тарков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1104. Л. 26 об.].

Исецкий острог, 1710:

«Двор а в нем драгун Ортемей Семенов Тарковых сказал себе от роду 39 лет у него жена Анна 30 лет у них сын Нифантей году две дочери девки Парасковья 10 лет Марфа 6 лет у него ж брат во драгунех Родион Семенов 29 лет у них дядя Иван Максимов Тарков 60 лет у него жена Устинья 36 лет у них детей три сына Поликарп 8 лет Парфен 3 лет Савин году дочь девка Марфа 6 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 243].

Обратим внимание на тот факт, что у шестидесятилетнего Ивана Максимова Таркова сыновья восьми, трех лет и году, да и дочь малолетка. То есть старшие сыновья несут самостоятельную службу, а дочери — разлетелись, выйдя замуж.

Но это еще не весь список по Исецкому острогу:

«Двор а в нем беломесной казак Игнатей Кондратьев сын Тарков сказал себе от роду 50 лет у него жена Настасья 40 лет у него два сына Алексей 19 лет Макар 8 лет у него ж дочь Марья году у Алексея жена Сфоья 24 лет дочь Настасья полугода» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 130 об.].

И вопрос: откуда же взялся якутский Тарков:

«Тарков Васька — “вор и гулящий человек”, сослан в Якутск в 1692 г.» [Софронов Ф.Г., История Северо-Восточной Азии XVII – начала XX века].

И не его ли потомок отметился в одном из рассказов о судьбе Зашиверского острога, население которого почти полностью вымерло во время оспенной эпидемии 1883 года, и город перестал существовать:

«Когда население города постигло несчастье, тогда Зашиверск стал управой Эльгетского улуса. Там секретарем (управы) был русский по фамилии Тарков. Жен у его звали Евдокия (Огдооччуйа). Она не верила в бога. По распоряжению Таркова была построена церковь в Моме, жена его была против этого. Таркова после смерти похоронили у Момской церкви. Говорят, жена перенесла его останки в “Орто дойду”, где проживала она, и похоронила там. Могила Евдокии находится в местности “Орто дойду”. Тарков перед смертью завещал из 600 голов скота 300 пожертвовать в Николину церковь, а остальные оставить ей. Старуха не исполнила завещания, а раздала скот бедным — страждущим. Часть скота пропала во время эпидемии. Приезжал к ней ее брат, но с ним она не поехала в Якутск» [Записано Я.В. Стручковым 10 марта. 1944 г. от Гаврила Прокопьевича Соломова, 89 лет, члена колхоза «Путь Ленина» Абыйского наслега Абыйского района. Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, в. 597, лл. 1–7].

И был еще один Тарков на нашей дальневосточной земле:

«Тауиского острогу
Разночинцы

Иван Зиновьев сын Тарков» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 130 об.].

Но более нам о нем пока ничего неизвестно…

ТАСКАЕВЫ

На языке коми эта фамилия переводится как «дальняя птица». Тас — горизонт. Кай — птица.

Можно, наверное, трактовать и как «перелетная птица».

А как еще можно было назвать представителей коми (и пермяков, и зырян), которые задолго до Ермака Тимофеевича строили за Уралом свои «зырянские города», совершали промысловые экспедиции в сибирские дали, а потом становились проводниками казаков-землепроходцев?

Именно они первыми срывались с родимых мест и уходили в дремучую сибирскую тайгу за драгоценной пушниной, цена на которую из века в век только росла.

Но фамилия отметилась не только в Сибири.

В Большой биографической энциклопедии есть маленькая заметка Половцова:

«Таскаев, Тимофей казачий атам., сопровожд. Иону, игум. Луховской Тихоновой пустыни, в Нижний Новгород для укрепления нижегородцев в непокорн. самозванцу; потом является «воровским человеком», 1608–9 г.».

По другим же сведениям, эти события трактуются как раз наоборот:

«Во второй половине ноября тушинское войско, состоявшее из суздальцев, шуян, кинешемцев, лушан, юрьевчан, балахонцев, костромичей, гороховлян под общей командой казачьего атамана Тимофея Таскаева было направлено для подчинения Нижнего Новгорода. Но 2 декабря под стенами города тушинцы потерпели сокрушительное поражение. Нижегородцы захватили в плен Таскаева и освободили Балахну.

Сразу после этого поражения по всей Верхней Волге вспыхнуло антитушинское восстание, которое буквально за неделю охватило Ярославль, Кострому, Городец, Юрьевец-Повольский, Лух, Шую, другие города, а также крупные села Решму, Мыт, Холуй. После начала восстания в большинстве служилых корпораций восточного Замосковья произошел раскол на сторонников и противников самозванца. Так было в Ярославле, Костроме, Галиче, Пошехонье, Романове, Владимире, Угличе, Гороховце, Юрьеве-Польском. А суздальцы достаточно долго "всем городом" продолжали служить Лжедмитрию II» [Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 291].

«2 декабря [1608 года] Нижний осадили соединенные силы балахонцев и суздальцев. Предприняв вылазку, Алябьев обратил осаждающих в бегство ("вышед из Нижнего, дрались по самую Балахну"). Примерно на полпути между Нижним и Балахной в районе деревень Копосово и Козине нижегородцы наголову разбили соединенный отряд балахонцев и суздальцев, а затем взяли город Балахну. В плен попали балахонский воевода С. Голенищев (впоследствии перешедший на сторону Шуйского), казачий атаман Т. Таскаев (повешенный затем в Нижнем), а также суздальские дети боярские Е. Редриков, С. Долгий, Л. Синий и И. Гриденков» [А.В. Антонов, К начальной истории нижегородского ополчения].

Первым же Таскаевым-дальневосточником был Таскаев Томилка, тобольский пеший казак станицы Мурзы Выходцова, который прибыл в Якутск в 1640 году в составе отряда первого якутского воеводы П.П. Головина [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141. Л. 226].

Но он недолго прослужил в Якутии:

«Тобольские ж пешие казаки прежнего наряду Мурзины станицы Выходцова

Томилко Сысоев сын Таскаев в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 63 об.].

Как правило, тобольские казаки после этого возвращались на родину.

Но отправки тобольчан на восток продолжались.

В 1655 году, по всей видимости, для участия в экспедиции тоже первого, но уже Даурского, воеводы Афанасия Пашкова в Даурию был направлен казак той же станицы:

Пешие казаки Мурзины станицы Выходцова

Семейка Таскаев во 163-м [1655] году послан на службу в новую Даурскую землю» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 187 об.].

Из той экспедиции мало кто вернулся живым…

В 1670-х годах в Томске, как отмечено в биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири» сразу трое Таскаевых:

«Василий — конный казак (1677, 1687)…

Павел — пеший казак (1677, 1687); 25 января 1687 вместе с Василием по дороге из Москвы получили подводы в Верхотурье.

Петр — конный казак; в 1672 служил "с пашни" с окладом 6 четей с осьминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли» [стр. 825].

Как выяснилось по Дозорной книге Томского уезда за 1703 год, по крайней мере двое из троих — родные братья:

«В Томском уезде в Сосновском стану конные казаки живут в разных деревнях на пашенных своих заимках

Село Флоровское Заледеево тож на р. Томи

Петр Родионов сын Таскаев, сын Григорей женат, у него сын Петр 10 (1693), Иван Большой 8 (1695), Алексей 6 (1697), Иван Меньшей 4 (1699).

Василей Родионов сын Таскаев, сын Данило женат, у него сын Григорей 3 (1700); сын Артемей женат, у него сын Петр 0,5 (1702); Иван Большой 20 (1683), Иван Меньшой 10 (1693)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л 48 об., 50].

Но и в Тобольском уезде оставались свои Таскаевы.

Вот один из них.

Тобольск, 1748 год.

Смотровой список Новоучереженного пехотного батальона.

Никифор Таскаев, 24, с 742 г., рекрут г. Тобольска, дер. Полуяновой, холост [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 302].

А вот и подробности:

«Смотровые списки Сибирскаго Гарнизона Пехотнаго батальона штаб обер ундер афицерам капралам рядовым и другим чинам. Учинен при осмотре брегадира и Таболского обер коменданта Павлуцкаго апреля 1 дня 1754 года.

…Никифор Таскаев — 31 г., с 742 г. февраля 20-го дня, из рекрут из крестьян г. Тоболска деревни Полуяновой, женат, детей мужска полу нет, где обретается — в командировании в секретной экспедиции в команде секунд-майора Шмалева 753 г. июня с 25-го числа» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 478. Л. 16 об. – 17].

Секретная экспедиция — это Анадырская секретная военная экспедиция, участие в которой принимали солдаты и драгуны разных воинских полков и батальонов Сибири.

И вы думаете, «перелетные птицы» Таскаевы на этом угомонились?

Алеутские острова. Русская Америка:

«Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из Канцелярии Охотского порта Ближних островов называемому Атту тоену новокрещеному Александру Тютрину.

По указу ея императорского величества и по определению сей Канцелярии, а по доношению твоему велено вывезенные тобою на судне купцов Баженова с товарищи именуемом «С[вятые] Зосима и Савватий» собранные с родников твоих и за себя в казну ея императорского величества в ясак бобры первой и

второй доброт восемнадцать и по оцененной здесь цене на девятьсот семьдесят пять рублев от тебя г[оспо]д[и]ну казначею Таскаеву принять и записать в приход. А тебе, тоену, за добровольный тобою по прибытии сюда с островов как за себя, так и за родников своих персональный платеж в казну ея императорского величества ясака, и чтоб впредь к тому еще себя и родников твоих мог поощрять и в непоколебимом подданстве ея императорского величества находиться подарочных нижеписанных вещей, а именно: кортик один; корольков разных цветов двадцать шесть, голубого — сто двадцать два, белого — сто пятьдесят восемь, водяного — семьдесят шесть; бисеру красного — один фунт, водяного — одну половину фунта, желтого — один фунт, зеленого — одну половину фунта; тарелок оловянных пять; игол пятьдесят семь; табаку двадцать фунтов, принять тебе показанные подарочные вещи у господина казначея Таскаева. А к тебе послать сей указ и велеть, чтоб ты такую к себе ея императорского величества милость всегда чувствовал и с родниками твоими находился добропорядочно и никаких бы к ним обид не оказывал, а паче от российских промышленных людей от чинимых ими притеснений защищал и в промысле ж для ясаков зверей родникам своим по приспевшему к тому времени неотменно б чинил посылку. И что Бог дарует имел бы находящимся тогда там компанейским мореходцам или передовщикам, брав от них подлежащие квитанции, объявлять.

И за все таковые твои оказуемые добропорядочные поступки и впредь от ея императорского величества награждением оставлен быть не имеешь.

А ныне по просьбе твоей на компанейском купца Орехова с товарищи судне «С[вятом] Александре» на прежнее жилище следовать с тем, чтоб в случае и той, и другой компаниям каких на островах недостатков от тебя тоена Тютрина всегда было оказуемо вспомоществование.

Августа 20 дня 1781 года» [РГАДА. Ф. 1385 (Ф.Р. Остен-Сакен). Оп. 1. Д. 1026. Л. 53–53 об.].

Второй, после Томска, родовой «блок» Таскаевых обнаруживается в Нерчинске:

1722 год. «Книга города Нерчинска соборныя Воскресенския церкви»:

Крестьяне Герасим и Никифор Таскаевы [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1].

Нерчинск, 1744 год. Перешедших из Олеурскои слободы (в 1719 году Герасим Таскаев — выборный староста пашенных крестьян Алеурской слободы) [Алеу́р — село на северо-востоке Чернышевского района Забайкальского края].

Деревни Куларки [Верхние Куларки — село в Сретенском районе Забайкальского края России].

крестьян померло

Герасим Таскаев у него брат Петр» [РГАДА. Ф. 350 — Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917].

Возможно, Герасим и Никифор — это отец и сын, так как имени Герасима в последующие годы мы не находим в церковных книгах, а у Никифора рождаются сыновья — Федор, Дмитрий, Иван, Андрей [Книга города Нерчинска соборныя Воскресенския церкви. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1].

1786 год «Метрическая книга Горбиченской дистанции Богоявленской церкви за 1786 год» [Горбица — село в Сретенском районе Забайкальского края России].

Крестьяне.

Умер Иван Таскаев — 60 лет (1726) — не сын ли Никифора? Таскаевы Василий, Илья, Сергей, Филип, Матвей [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 56].

Позже уже забайкальских Таскаевых не пересчитать — имена шести Таскаевых мы находим в «Исповедных ведомостях Шилкинской Преображенской церкви на 1823 год» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 162]. Девять — в «Росписи Нерчинского Петро-Павловского собора за тот же год» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 174]. Семь — в «Исповедной ведомости Усть-Уровского села Спасской церкви на 1825 год» [ГАЗК. Ф. 282. Оп.1. Д. 191] — в деревнях Башуровской, Нижней Верии, Талаканской. И большую семью Трофима Федорова Таскаева в «Исповедной ведомости Курлыченской Спасской церкви за 1860 год» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1807].

Не удивлюсь, если все они — потомки Герасима, Петра и Никифора Таскаевых.

К 1854 году, когда забайкальскими казаками был осуществлен первый сплав по Амуру и началось закрепление забайкальских казаков на Амуре уже в статусе амурских казаков, рождается Амурский конный полк, казачьим сотням которого в 1855 году предстоит отразить высадку английского десанта в заливе Де-Кастри.

В статье Игоря Георгиевича Пешкова «Списки забайкальцев — защитников Де-Кастри и их награды за Крымскую войну 1853–1856 годов» есть и первый из «перелетных птиц» Таскаевых:

«В 6-й сотне Амурского конного полка ЗКВ отмечены: Скобельцын Гавриил Дмитриевич, зауряд-войсковой старшина, командир сотни; Имберг Алексей Константинович, есаул 3-го конного Забайкальского казачьего полка, прикомандирован; урядники: Катанаев Алексей; Лисовский Алексей; Рукавишников Михайло; Селяев Трофим; Таскаев Сидор (умер от болезни в Де-Кастри, жена Авдотья, дочь Наталья)…».

Забайкальцы Таскаевы вошли и в состав Уссурийского казачьего войска:

Посемейные списки урядникам и казакам. 1880 г. Уссурийского пешего казачьего батальона.

Пос. Кукелевский

Таскаев Петр Федоров 58, вдов, сын Иван 17

Таскаев Данило Федоров 48, жена Евдокия 40

Таскаев Василий Федоров 53, жена Праскева 47, сын Сергей 15

Ст. Ланчакова

Таскаев Федор Леонтьев 49, жена Ольга 46, дети Василий 4, Анастасия 17, Марфа 7 [РГВИА, Ф. 5294, Уссурийский казачий дивизион. 1 оп. Д. 83].

Но и забайкальцы Таскаевы тоже оставались в строю:

Кавалеры знака отличия военного ордена 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, награжденные за дела в Русско-японскую войну.

3-й сотни. Казак Алексей Таскаев, 4 ст.

5-й сотни. Вахм. Николай Таскаев, 4 ст.

Но настоящей «птицей» в фамильном ряду Таскаевых стал уроженец города Хилок Читинской области (нынешнего Забайкальского края) Роман Петрович Таскаев (14.10.1954) — летчик-испытатель сверхзвуковых боевых самолетов МиГ-29, МиГ-29М, МиГ-29К, МиГ-31, МиГ-31М. В 1995 году он установил мировой авиационный рекорд высоты полета на самолете МиГ-29.

Указом Президента Российской Федерации № 891 от 16 августа 1992 года за мужество и героизм, проявленные при испытании новой авиационной техники, летчику-испытателю Таскаеву Роману Петровичу присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда» № 5.

ТЕПЛОУХОВЫ

О гижигинских Теплоуховых мы знаем совсем немного — у гижигинского мещанина Федора Теплоухова была дочь Иулита Федоровна.

Как и когда они появились в Гижигинской крепости — тоже неизвестно. Документы, которыми мы располагали в Государственном архиве Магаданской области, начинались только с 1843 года.

Что нам известно об истории появления этой фамилии в Якутии?

Тоже немного.

«По всемилостивейшему указу, состоявшемуся 721 г., отпущены на прежния жилища ссыльные:

Карпа Теплоухова дети:

458)Дорофей

459)Петр» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886].

А вот и некоторые детали, указанные в именной книге Якутска за 1720 год:

«Двор Осипа Михайлова сына Ушнитского и он ... в том же доме живут пришлые люди Карп Теплоухов семидесяти лет (1650) сын ево Давыд сорока лет (1680) у него сын Петр семи лет (1713)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 9 об.].

Вернулись ли бывшие ссыльные Теплоуховы в родные места или отправились дальше, на Северо-Восток, остается для нас загадкой.

Возможно, когда-нибудь удастся ее разгадать.

ТЕСКИНЫ

Сегодня природным камчадалам — древнейшему северному народу из семьи палеоазиатов, история проживания которого на полуострове Камчатка насчитывает 15... тысяч лет, с огромнейшим трудом приходится в судах доказывать свою принадлежность к этому этносу, *полностью* исключенному в 1926 году из списков народов Российской Федерации, с сохранением малой части этого народа под новым именем *ительмены* с местом традиционного проживания, исключающим полуостров — родину камчадалов — Камчатку, в Тигильском районе Корякского национального округа.

Советские этнографы проблему русификации на дальних окраинных землях решали просто и безоговорочно, не вникая в историческую суть тех или иных явлений — не владеешь природным своим языком, говоришь на русском — значит, русский, или писали почему-то в графе национальность «великоросс», не вникая в смысл написанного.

Один из камчадалов русской крови из традиционной казачьей семьи, чтобы подчеркнуть эту свою кровную связь с коренной Камчаткой, в графе национальность написал «эвенк» — и эта его национальность пошла гулять по многочисленным наградным листам, хотя родина эвенков совсем в другой стороне.

Любопытно, что, просматривая дела, связанные с политическим террором 1930-х годов, сталкиваешься с таким вот фактом: природные камчадалы называют себя русскими, а русские старожилы — наоборот, — камчадалами, пытаясь вроде как защитить себя таким способом.

Помогало мало — троцкистам важно было, с одной стороны, выбить национальную элиту (любого рода-племени), а с другой стороны — поднять народ на бунт против главного своего идеологического врага — Сталина.

И конечно, в те сложные политические времена никому не было ровно никакого дела по поводу того, почему коренная Камчатка потеряла свой природный камчадальский язык и к какому роду-племени относятся те, кого в течение многих десятков лет будут потом называть уничижительным словом «местные».

Этот «нарыв» прорвался лишь во второй половине 1980-х годов, когда над этой самой коренной Камчаткой навис новый «Дамоклов меч» расправы за... теперь уже за браконьерство, за незаконный вылов... рыбы.

Природные рыбоеды, само существование которых на полуострове в течение тех самых 15 тысяч лет было связано *именно* с рыбой, в силу того, что они из коренного народа Камчатки превратились по воле советских этнографов в некий местный сублимат, лишенный своих коренных национальных прав, оказались на грани физического уничтожения в силу драконовского механизма расправы за право ловить рыбу для личного своего потребления.

Еще в 1958 году вышло Постановление Правительства СССР о запрете вылова лососей для местного населения, за исключением КМНС.

И камчадалы — и коренные и камчадалы русской крови — старожилы Камчатки — попали под этот рыбоохранный пресс, который с каждым годом давил все сильнее и сильнее. Санкции были жесткими — ущерб составлял 30 рублей (четверть самой высокой пенсии в СССР) за один экземпляр рыбы, независимо от вида (неважно, горбушу ты поймал или чавычу). Вылов 15 рыбин (ущерб 450 рублей) равнялось открытию уголовного дела, по которому можно было получить *реальный* срок — от двух до четырех лет тюрьмы.

Почему этот «нарыв» прорвался только в конце 1980-х годов?

Потому что только к этому времени удалось накопить статистику и получить исходный материал для аналитики, который раскрыл действительную картину этого «рыбоохранного геноцида» — за браконьерство в тюрьму мы отправили десятки, если не сотни, людей, для которых рыба была не просто естественной, а *сущностной* потребностью для биологического выживания.

Это был геноцид.

Конечно, никто его официально не объявлял. Но в срочном порядке Камчатский облисполком на основе обращения Камчатрыбвода начал действовать. На Первом съезде коренных народов Севера камчадалы были *вновь* объявлены коренным народом Камчатки. Ни о каких «потомках русских, рожденных от браков с народами Севера», тогда речь не шла — всем было понятно, что камчадалы — это *истинный коренной народ* полуострова Камчатка. Это опять же этнографы, но уже не советской, а либерально-демократической волны, чтобы замутить вопрос о собственной причастности этнографов к «рыбному» геноциду, выдумали нечто идиотское (с исторической позиции) о том, что камчадалы — это народ-*новодел*, созданный *искусственно* в результате смешанных браков русских с разного рода северными народами, то есть *нечто*, не поддающееся их этнографическому *разумению*.

И вот эта «байка» сегодня распространяется по всем научным, околонаучным и прочим информационным сетям.

И потом, когда камчадал (коренной, а еще хуже — русской крови) приходит в суд, то над ним начинают куражиться, придумывая самые разные причины для того, чтобы отказать истцу в его праве на *самоопределение* его *собственной* национальности.

Приведу только один дичайший пример такого судебного беспредела. Истцу задают вопрос, который, по мнению судьи, является кардинальным для решения вопроса о принадлежности или непринадлежности к коренному народу Камчатки: — Как вы относитесь к холодной ухе?

И в этом дурацком вопросе заложен весь фарисейский смысл судебного разбирательства. Как бы вы не ответили на этот вопрос — он не имеет никакого смысла.

Для самого судьи, для которого холодная уха — лучшее средство от похмелья, — сам не знает ответа на свой оригинальный вопрос. Но ему и не нужен ответ. Свой вердикт он вынес заранее. И его решение — сугубо отрицательное. Потому что на этот счет есть указание. От одного крупного рыбопромышленника, который занимает почетное место в правящей элите России. А коренные посягают на то, что составляет личное богатство этого рыбопромышленника — рыбу. И потому, какие бы доказательства не принес истец, вопрос будет один: — А как вы относитесь к холодной ухе?

У этих судей напрочь отсутствуют государственные интересы. Ведь *признавая* право истца на самоопределение, судья выносит и другой — более важный, на мой взгляд, демографический вердикт — закрепляя истца за землей его проживания — так как камчадал может пользоваться своими правами КМНС только на территории своего традиционного проживания — на Камчатке. И *нигде* более.

Но у камчатских судей другие (совсем *другие*!) интересы, а потому в их арсенале средств для отказа истцам есть еще более радикальные (и не такие глупые) способы.

И вот тогда история с Тескиными становится весьма актуальной.

Дело в том, что Тескиным (при всей многочисленности этого рода) *невозможно*, будучи истинно коренными камчадалами, доказать свою принадлежность к этому народу.

Почему?

Да потому что они, в силу артикуляционных (речевых) особенностей, не могли выговаривать ту свою фамилию, которую получили при крещении, проживая в Ичинском острожке — на своей исторической родине, когда этот острог был одним из самых крупных поселений аборигенов на западном побережье Камчатки. Камчадалы не выговаривали те самые звуки, которые сложны и для многих иностранцев, да и для правописания самих русских представляют изрядную трудность, вспомним свою школьную историю: жиши — пиши с буквой и, ча-ща — с буквой а, а для ц вообще была весьма оригинальная история с исключениями в написании: — Цыган на цыпочках подошел к цыпленку и цыкнул: «Цыц!».

Так вот крестным отцом ичинских камчадалов Тескиных был служилый человек (казак) Тимофей Никитин сын Чешкин.

Представляете, какие метаморфозы в результате этого происходили с этой фамилией, когда ее брался записывать со слов камчадала Чешкина тот или иной писчик (подьячий), внося фамилию или в список «ясакоплательщиков», или в список побывавших на исповеди?

Фантазировать на эту тему особенно не будем, но в Исповедальных росписях Облуковинской Вознесенской церкви все будущие Тескины записаны, как… Гешкины.

А для суда все это — милое дело: попробуй-ка докажи, что Тескины — это Гещкины, а Гешкины — это Чешкины… Судья только мило улыбнется, так ему будет хорошо и смешно…

Мы же пойдем дальше и попробуем узнать, а кто же такой был этот Тимофей Никитин сын Чешкин, чья фамилия впоследствии станет вызывать у одних радость, а у других горькое разочарование и обиду?

Нам она встретилась всего дважды.

Первый раз — в составе карательной экспедиции солдата Александра Змиева (из членов экипажа бота «Святой Гавриил), направленной на подавление Харчинского бунта.

А второй раз — в составе участников «крестовых походов» первого камчатского миссионера священника Ермолая Иванова, крестившего в 1738–1740 годах камчадалов и наделявшего их фамилиями своих крестных отцов.

Если мы с вами возьмемся за изучение метрических, брачных и других сведений из церковных книг Ичинской (впоследствии Облуковинской) церкви для выявления своих родовых корней, то просто схватимся за голову от того,

что происходило в этих церковных книгах в связи с написанием этой — казалось бы?! — весьма простой фамилии.

Чекин (именно так! — Чекин) Софрон Алексеевич (1766), тойон острожка Ича. Собственно, с этой фамилии и ее преломлений-искажений ведут свою дальнейшую родовую историю ичинские и апачинские Тескины (Тезкины)

Его дети:

Второе колено

Чекин Егор Софронович (1786)

Чекина Ирина Софроновна (1792)

Чекин Семен Софронович (1795), линия Тезкиных, с. Апача

Чекин Василий Софронович (1798)

Чекина Глафира Софроновна (1801)

Чекина Вера Софроновна (1806)

Чекин Аврам Софронович (1811)

Третье колено.

Дети Чекина Егора Софроновича:

Чекин Борис Егорович (1811)

Чешкин Дей Георгиевич (1817–1897)

[Напоминаю, и это очень важно — Егор и Георгий — это *одно* и то же имя]

Дети Аврама Софроновича

Чешкин Захарий Аврамович

Четвертое колено

Дети Бориса Егоровича

Чешкин Георгий Борисович

Дети Дея Георгиевича:

Гешкин Прокопий Диевич (1852). Ж. 1? Ж. 2 (с 1892) Павлудская Матрона Васильевна (1874), с. Сопочная.

После «сомовского поветрия» — эпидемии оспы 1799/1800 гг., которое в первую очередь коснулось главной транспортной артерии Камчатки, связывающей Большерецкий, Верхнекамчатский, Нижнекамчатский и Гаванский (Петропавловский) остроги, коренное население которых в целом ряде мест вымерло *полностью* (а первым населенным пунктом на этом пути из Большерецкого острога было село Апача), то принимается решение о *переселении* части населения Камчатки с побережий — из мест, не затронутых эпидемией, в населенные пункты центральной Камчатки для обеспечения этой важнейшей транспортной связи.

Так ичинские Чешкины-Чекины-Тескины оказались в Апаче.

И если первопоселенцем был Семен Софронович Чекин, то его внуки уже писались Тескиными.

Это и Тескин Филипп Семенович (1853), с. Апача. Ж. (с 1871) Тигонцева Устиния Ильинична (1855), дочь николаевского крестьянина.

Это и Тескин Флегонт Прохорович (1849), с. Апача. Ж. 1 (с 1867) Аввакумова Анастасия Даниловна (1850), с. Малка, дочь камчадала Данилы Аввакумова. Ж. 2 (с 1869) Климовская Параскева Ерофеевна (1849), дочь камчадала с. Облуковина.

Это и дети Филиппа Семеновича:

Тескин Илья Филиппович (1876), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Тескин Косьма Филиппович (1886), с. Апача, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. (с 1911) Черных Евдокия Ефимовна (1890), с. Апача, дочь льготного казака Ефима Трифоновича Черных

Это и его внуки:

Тескин Александр Семенович (1921–1944), с. Апача, участник Великой Отечественнной войны.

Тескин Владимир Семенович (? – 12.03.1944), участник Великой Отечественной войны

Тескин Леонид Семенович (1924 – 12.08.1945), участник войны с Японией.

А в селении Ича продолжается историческое соревнование за выживание той или иной формы написания этой фамилии:

Тескин Осип, староста с. Ича, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Тезкин Федор Митрофанович (1885), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

А родной брат Федора Митрофановича: Чешкин Гавриил Митрофанович

Другой брат: Тескин Иван Митрофанович.

Дети Гешкина-Чешкина Захария Аврамовича:

Чешкина Доминика Захаровна (11.01.1890).

Ее брат: Гешкин Степан Захарович (02.02.1894).

Если вы думаете, что на этом процесс остановился, то вы глубоко заблуждаетесь:

Тескин Ефрем Иванович (22.01.1907).

Гешкина Анна Евдокимовна (1872), с. Ича. М. (с 1892) Запороцкий Иннокентий Васильевич (1859), с. Морошечная.

Гешкина Минодора Николаевна (1874), с. Ича. М. (с 1892) Слободчиков Алексей Константинович, с. Колпаково.

Дети Георгия (Егора) Борисовича:

Гешкин Константин Георгиевич (01.06.1892).

Чешкина Мария Георгиевна (10.03.1898).

И только с детей Ефрема Ивановича Тескина начинается процесс урегулирования в написании этой фамилии — все его дети Тескины, начиная с участника Курильского десанта Тескина Александра Ефремовича (26.02.1926) и продолжая его многочисленными братьями и сестрами.

Вот такая — *непростая* — история, которая может самым коренным образом изменить чью-то судьбу…

ТОЛСТИХИНЫ

Если мы попытаемся с вами найти в XVII–XVIII веках ту географическую точку, откуда могли прийти на северо-восток России Толстихины, то угадать будет очень и очень сложно.

Первое упоминание о наших северных Толстихиных относится ко второй половине XVIII века, когда наполнение гарнизонов Анадырского острога и Гижигинской крепости шло из разных городов и весей Сибири.

Тобольск 1710 год: «Двор купленой новоприборного салдата Моисея Васильева сына прозвище Толстихина сказал себе 45 у него жена Анна Федорова дочь 30 лет сын Василей полутора году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 461 об.].

Илимский острог, 1673: «Енисейского присуду Усть-Тунгуские …оргины и по Галкине реч-

ке деревень пашенные крестьяне: Гришка Федоров сын Толстихин з детьми с Петрошкою с Ывашкою» [РГАДА ф. 214. оп. 1. д. 580. л. 88 об.].

Читинский острог, 1721: Конной казак Тимофей Толстихин [РГАДА. Ф. 214 Оп. 1. Д. 1626. Л. 98 об.].

Книга переписная выбывших после 1 ревизии посадских людей, разночинцев и государственных крестьян г. Енисейска, Бельского, Маковского, Тосеевского, Кемского острогов со слободами и деревнями Енисейского уезда [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 957].

1748 г. Ис крестьян

умершие

Григорей Толстихин
Прокопей Толстихин
Иван Толстихин
Степан Толстихин
Федор Толстихин (л. 96 об.)

Кемского острогу

Сава Толстихин (л. 136)
Василей Толстихин (л. 137 об.)
Афанасей Толстихин
Данило Толстихин (л. 138)

Кстати, такого количества Толстихиных в Енисейском уезде могло и не быть.

И вот почему. Была такая история:

«В 1623 году Тобольский воевода Матвей Годунов пересказал туринскому воеводе Апухтину содержание патриаршего письма, особо обратив внимание на то, что служилые люди, едучи из Москвы в Сибирь, подговаривают по городам "жонок и девок" предложением найти мужей: "…навезут их в Тобольск до 50… и учнут продавать литве, и немцам, и татарам, и в воевоцкие дворы, и пашенным крестьянам в работу". Воевода в заключение стращал: "а буде они (служилые люди) вперед так учнуть делать, жонок и девок и робят учнут подговаривати и в Сибирь свозити, и учнут между себя продавати и покупати, и им за то их воровство быти от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии в великом наказанье и в смертной казни". Но мудрый царь решил сделать наоборот. Вместо запрета он дал указание дворянину Шестакову собрать по разным городам 150 девок и жонок и конвоировать их в Сибирь.

Это мудрое решение царь принял в ответ на челобитные государственных пашенных крестьян, поселенных около Енисейского острога. Жизнь государевых крестьян, сосланных в Сибирь для хлеборобных дел, была особо тягостной. Вот как описывали свою судьбу крестьяне Енисейска в челобитной, отправленной в 1627 году царю Михаилу. Писана она крестьянином Ивашкой Семеновым от имени двадцати товарищей.

Присланы-де они были все в 1621 году, и все эти годы распахивали новину (новую землю), перевозили из Маковского острожка в Енисейск хлебные и иные припасы, "курили" вино и пиво на "остяцкие расходы", построили "государеву винную пивоварню" (для спаивания инородцев) и аманацкую избу (для заложников), производили разные поделки по городу. Словом, все время отдавали государеву делу, даже своих "…пашнишек распахать не успели". Все эти шесть лет они терпели "великую нюжу (нужду) и бедность, и голод, и наготу, и босоту". И за все время получили "подмоги" всего по 2 рубля, "мало не померли голодною смертию". Все они "…людишки одинокие и холостые" и занимались домашними делами сами: "как, государь, с твоей государевой пашни придем — хлеб печем, и ести варим и толчем и мелем сами, опочиву (отдыху, сну) нет ни мал час. А как бы, государь, у нас, сирот твоих, женишки были и мы бы хотя избные работы не знали… Жениться не на ком, а без женишек, государь, нам быти никако не мочно". Челобитная заканчивалась криком души: "Смилуйся, пожалей нас, сирот твоих бедных, своим царским денежным жалованьем на платьишко и на обувь… Вели, государь, нам прислати из Тобольска гулящих жоночек, на ком жениться". Из Сибирского приказа была отправлена грамота Тобольскому воеводе князю Андрею Хованскому, которая предписывала выдать "подможные деньги" "да жонок гулящих (то есть незамужних) и свободных, вдов и девок, из Тобольска и иных городов в Енисейский острог вели послати, потому что в Енисейском остроге пашенные крестьяне многие холостые, а без жен им быть не уметь". Князь Хованский отписал, что выдано "подможных денег" по два рубля на человека (взаймы!), но "гулящих жонок и девок" не послано потому, что таких не нашлось в Тобольске.

В 1630 году такую же челобитную подал крестьянин Федор Толстихин от имени 53 таких же мучеников. Они уже не просили царя прислать им жен и девок, крестьяне просили лишь указать местным воеводам, чтобы те отпустили их "в сибирские городы для женитьбы". На просьбу крестьян неожиданно откликнулся царь и великий князь всея Руси Михаил Федорович. Не надеясь на тобольские власти и зная, что там напряженка с женщинами, царь поручил некоему дворянину Григорию Шестакову прибрать в Вологде, на Тотьме, на Устюге Великом, у Соли Вычегодской служилым людям и пашенным крестьянам Енисейского острога на женитьбу 150 человек жонок и девок.

Царь был настолько уверен, что его указ будет выполнен, что сразу же приказал Верхотурскому воеводе Никифору Плещееву выделить подводы для перевозки женщин. Но Григорию Шестакову удалось прибрать только пять жонок. Доехали ли они до Енисейского острога или их "тормознули" по дороге, нам неизвестно».

По всей видимости, довезли. Иначе бы каким образом столь щедро расплодились в Енисейском уезде и по соседству с ним, например в Селенгинском дистрикте, Толстихины?

Книга переписная, выбывших после 1 ревизии посадских людей, цеховых, разночинцев, государственных и монастырских крестьян г. Селенгинска, пригорода Удинска, Баргузинского, Кабанского, Ильинского острогов, слобод и деревень Селенгинского дистрикта [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3068].

1748 г.

Никита Толстихин у него сын Сила (л. 26 об).

Осип Толстихин у него сын Иван (л. 27).

Взяты в рекруты

Петр Толстихин

Макар Толстихин

Определены в действительную казачью службу

Яков Толстихин (л. 27 об.)

Толстихиных было много.

Поэтому, чтобы начать наш поиск, необходимо найти самого первого или самых первых из Толстихиных, появившихся на историческом горизонте Северо-Востока России, от которых мы можем начинать поколенный отсчет рода.

Гижигинская крепость. 1772 год. Солдаты: Михайло Толстихин. Василий Толстихин. [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 22. Л. 9 об.].

Ведомость Гижигинской крепости за 1781 [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88] солдат Василий Толстихин [л. 18 об.], солдат Федор Толстихин [л. 19 об.] и солдат же Михайло Толстихин — «в чукотской землице» [л. 19 об.].

Ведомость Гижигинской школы за 1784 г. [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 7. Л. 77 об.]. Не обучаются (т.к. не достигли семилетнего возраста): Яков Толстихин (примерно 1776/1780).

Кто из троих Толстихиных были отцом Якова, мы можем сегодня только предполагать — документов с отчеством Якова нам найти пока не удалось.

Удалось другое — найти прямых потомков Михаила Толстихина. Того самого, который в 1781 году находился «в чукотской землице».

В именных списках гижигинских казаков за 1831 год отмечен Толстихин Иван Михайлов сын (1790 г. р., который, как мы позже выяснили на основе материалов Государственного архива Магаданской области, умер в 1850 г.).

И далее следует родовая ветвь Ивановичей:

Толстихин Кремент (он же Крестент, Крестений, Крискент) Иванов сын (1828), женатый в 1862 году на дочери гижигинского казака Дарье Петровне Лифантьевой.

Толстихин Петр Иванов (1830), который в 1853 году был включен в состав Сахалинской экспедиции и в последующем находился на Амуре в Петровском зимовье, а впоследствии был включен вместе со всеми остальными оставшимися в живых участниками Сахалинской и Амурской экспедиций в состав 6-й сотни Амурского полка. И потомков Петра Ивановича Толстихина следует искать в Приамурье.

Следующая поколенная родовая линия начинается с будущего школьника Якова, который, по уточненным данным — по именным спискам гижигинских казаков за 1831 год, — родился в 1773 году.

К тому времени он уже давно служили, и служащими казаками были его дети — Николай Яковлевич (1809) и Василий Яковлевич (1815) Толстихины.

Сын Николая Яковлевича — Григорий (1837) — с 1855 года служил в Петропавловской казачьей команде.

Сын Василия Яковлевича – Алексей Васильевич (1845) — в 1852 году отмечен в Гижигинской крепости.

В 1855 году в Петровском зимовье служил казак Тимофей Толстихин, а в Петропавловском порту девятнадцатилетний Сергей Толстихин, отчеств которых мы пока не знаем.

Василий Яковлевич Толстихин был женат трижды. Первая жена — Анастасия Виссарионовна (1825) умерла в 1846 году. Вторая жена — Матрона Ивановна — вероятно, умерла при первых родах, так как 09.01.1848 в Гижигинской Спасской церкви зарегистрирован третий уже брак Василия Яковлевича с дочерью гижигинского казака Анной Григорьевной Волынкиной (1825).

Анастасия Виссарионовна родила 25 ноября 1843 года первенца — Иннокентия Васильевича.

В 1852 году братья Василий и Николай Толстихины переведены из Гижигинской сотни в Камчатскую казачью команду. Василий Яковлевич Толстихин был участником Петропавловской обороны 1854 года.

Сыновья обоих братьев служили в Тигильской крепости.

Иннокентий Васильевич — был женат дважды. Второй его женой была тигильская казачка Екатерина Тимофеевна Копылова.

Иван Васильевич Толстихин (1851). Тоже женат дважды. Первая жена — дочь большерецкого крестьянина (из иркутских купцов) Ивана Илларионовича Бречалова — Мария. Вторая — вдова камчадала Данилова.

Григорий Васильевич Толстихин (1864), был женат на коренной камчадалке Татьяне Ивановне Наседкиной и проживал в селении Колпакова.

Михаил Васильевич Косыгин (1865). Первой его женой была дочь казака Константина Онуфриевича Красноярова (отец которого в свое время служил в Гижигинской крепости).

Дочь Василия Яковлевича — Акилина — вышла замуж за тигильского казака Виктора Николаевича Попова.

Николай Яковлевич кроме сына Григория, жена которого, будучи вдовой, в 1867 году вновь вышла замуж, имел двух дочерей. Одна из них — Евдокия — в 1867 году вышла замуж за тигильского казака Гавриила Николаевича Крыжановского — будущего героя обороны Камчатки в период Русско-японской войны. А другая дочь — Татьяна — стала в 1869 году женой иностранного подданного — шведа Иоатесон Георгия, уроженца г. Кальмари.

А далее семья стремительно разрастается.

И мы покажем прежде всего тех, кто особо отметился в период обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 годах:

Толстихин Афанасий Иннокентьевич (1863)

Толстихин Василий Иннокентьевич (1875 – 25.05.1938), с. Тигиль

Толстихин Григорий Васильевич (1864)

Толстихин Константин Михайлович, с. Колпаково

Толстихин Петр Иннокентьевич (1858), урядник, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171307

На самом переломе отечественной истории казаки — участники Первой мировой войны, служившие при штабе Камчатского пехотного полка, написали вот это письмо на Камчатку:

«Камчатский листок», 1917 г. 22 сентября. Господин редактор! Обращаемся с великой просьбой к Вам и в Вашем лице ко всем нашим землякам-камчадалам высылать нашу родную газету «Камчатский листок», нам так страстно хочется знать, что делается в настоящее время на нашей Камчатке в дни переустройства всей нашей жизни. Письма мы получаем очень редко, которые идут до нас 3–4 месяца. Если найдете возможным удовлетворить нашу просьбу, то вышлите начиная с начала текущего года. Будем надеяться, что земляки не откажут нам. Адрес: действующая армия, 44 пехотный Камчатский полк, штабная команда, Нестору Толстихину. С почтением: камчатские казаки Нестор Толстихин, Феодосий Павлов, Михаил Помазкин.

От редакции. Газета «Камчатский листок» была отправлена до получения этого письма с пароходом «Эривань».

А затем произошли события, завершившиеся годами кровавого политического террора:

Список Толстихиных мы приводим не по алфавиту – по возрасту.

Толстихин Петр Иннокентьевич (1858).

Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; камчадал; образование: церковно-приходская школа; б/п; был охотником-промысловиком. Арест: 30.07.1931. Осужд. август 1932 ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-11 УК РСФСР. Приговор: освобожден из Хабаровской тюрьмы ввиду «преклонного возраста, тяжелой болезни и малозначительности и отсутствия вредных последствий от совершенного преступления». На Камчатку вернуться не смог. Дата смерти неизвестна. Реаб. 05.03.2002 заключением помощника Генпрокурора РФ.

Толстихин Василий Иннокентьевич (1875).

Место рождения: Камчатская обл., с. Тигиль Тигильского р-на; образование: низшее; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., с. Тигиль. Арест: 09.10.1937. Осужд. 17.03.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 25.05.1938. Реаб. 22.06.1989 заключением прокурора Камчатской обл.

Толстихин Николай Михайлович (1888).

Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Колпаково; русский; образование: неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Колпаково. Арест: 09.04.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Толстихин Нестер Афанасьевич (автор того самого письма в «Камчатский листок») (1894).

Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; камчадал; образование: низшее; б/п; был членом рыболовецкой артели; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 03.03.1934. Осужд. 02.02.1935, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. как «социально вредный элемент» (без ссылки на закон). Приговор: лишен права проживания в 39 режимных местностях бессрочно. Умер в ссылке (Красноярский край). Дата смерти неизвестна. Реаб. 15.09.1959 постановлением президиума Камчатского облсуда.

Толстихин Петр Петрович (1902).

Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: высшее городское училище; б/п; был помощником начальника отделения связи; место проживания: Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 07.10.1937. Осужд. 17.03.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 25.05.1938. Реаб. 22.06.1989 заключением прокурора Камчатской обл.

Толстихин Иннокентий Афанасьевич (1902).

Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: незаконченное среднее; б/п; был помощником начальника отделения связи; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 07.11.1937. Осужд. 14.12.1937, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. по ст. 58-14 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 19.05.1989 заключением прокурора Камчатской обл.

Но потомки казаков Толстихиных, участников обороны Петропавловского порта 1854 года и обороны Камчатки 1904–1905 гг., имели достойную смену.

Героями Толстихины были и на фронтах Второй мировой войны: рядовой Толстихин Андрей Александрович (1912) погиб в бою 6 июля 1944 г., похоронен в Ленинградской области, «кв. 3735, 500 м севернее от дороги».

Красноармеец 23-го отдельного мостостроительного батальона Толстихин Иван Васильевич (1918 г. р.) погиб 12 октября 1942 г., захоронен в д. Урыв Воронежской области.

Младший сержант Толстихин Михаил Васильевич погиб 8 февраля 1945 г. и захоронен 20 км севернее г. Кенигсберга (Калининград).

Гвардии младший сержант Толстихин Модест Васильевич (1921) служил в 62-м гвардейском артиллерийском полку 20-й гвардейской стрелковой дивизии, погиб 6 апреля 1944 г., захоронен в д. Алушково Тверской области.

На полях сражений погибли также Николай Петрович и Павел Петрович Толстихины, места захоронения которых остаются пока неизвестными.

А это их сибирские родственники:

Толстихин А.И., из семьи забайкальских казаков. В 30-х с семьей сослан в Большой Унгут Манского р-на КК. Во время войны призван в армию. Погиб на фронте [Николай Чернюк. Как воевали дети «врагов народа»]:

Толстихин Александр Андреевич. Род. в 1892–1964. Уроженец и житель д. Шипулино Сухобузимской вол. Красноярского округа Енисейской губ. Русский, неграмотный. Из крестьян. Плотник промстроя. Арестован. Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Дело прекращено 19.04.1931 ОО ОГПУ. Раскулачен, после раскулачивания выслан летом с семьей в Игарку. Жена Александра Александровна (1893–1933), дети:

Викентий (1920–1980), Иван (28.02.1927), Михаил (1917–1935), отец Андрей Иванович (1870). Жена умерла в Игарке. С 1933 с детьми в ссылке на Красноярском ДОКе, работал каменщиком. Освободился после войны. Реабилитирован 23.01.2002 прокуратурой КК. Викентий в 1942 мобилизован на фронт, после войны вернулся в Красноярск. Иван с 1942 работал на Красмаше. 10.08.1996 реабилитированы. (П-1117) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю. Сообщение Толстихина Ивана Александровича].

Толстихин Андрей Иванович. Род. в 1862. Уроженец и житель с. Шипулино Сухобузимской вол. Красноярского округа Енисейской губ. Работал в личном хозяйстве. Арестован 12.10.1929. Обвинение по ст. 58-9 УК РСФСР. Дело прекращено 27.02.1930 Красноярским окротделом ОГПУ без указания оснований. Работал на 1-м лесозаводе в ДОКе. С 1933 проживал за кондвором. Позднее жил с семьей сына А.А. Умер в сентябре 1940 ссыльным. Реабилитирован 29.11.2002 прокуратурой КК (П-4854).

Толстихин Анисим Афанасьевич. Род. в 1883. Проживал в д. Тарханка Ужурского района. Раскулачен в 1931, выслан в Саралинский (ныне Орджоникидзиевский) район Хакасской АО с семьей: жена Степанида Ильинична (1883), дети Георгий (1907), Татьяна (1913), Евдокия (1918), Валентина (1923), Александр (1910), его дети Нина (1936), Галина (1937) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Артемий Иванович. Род. в 1898 в д. Косоголь Ужурской вол. Ачинского уезда Енисейской губ. В 1931 раскулачен, лишен избирательных прав, сослан в Ново-Кусковскую комендатуру, из ссылки бежал. Проживал на руднике Коммунар в с. Ефремкино Ширинского р-на Хакасской АО КК. Работал кладовщиком в подсобном хозяйстве рудника. Арестован 21.07.1937 по делу Апелесова А.А. (11 чел.), содержался в Минусинской тюрьме. Обвинение в КРА. Приговорен 02.12.1937 тройкой УНКВД КК к ВМН. Расстрелян 08.12.1937 в г. Минусинске. Реабилитирован 27.08.1959 Хакасским облсудом (П-11277).

Толстихин Афанасий. Род. в 1898. Проживал в пос. Хомутово Ирбейского р-на ЗСК. Раскулачен в 1929, в д. Б. Речка Абанского р-на с семьей: жена Феоктиста, 1901 г.р., дочь Татьяна (1922) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Василий Васильевич. Род. в 1864. Уроженец и житель с. Боготол Мариинского округа Томской губ. Малограмотный. Занимался сельским хозяйством. Арестован 05.02.1930. Обвинение по ст. 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговорен 08.03.1930 особой тройкой ПП ОГПУ СК к ВМН. Расстрелян 21.03.1930 в г. Ачинске. Реабилитирован 30.03.1989 прокуратурой КК (П-15478).

Толстихин Василий Григорьевич. Род. в 1886 в с. Коркино Назаровской вол. Ачинского округа Енисейской губ. Русский. Из крестьян. Проживал в с. Семеновка Уярского р-на КК. Священник в Семеновской церкви. Арестован 27.03.1935. Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Осужден 13.09.1935 ОСО НКВД СССР к ссылке на 3 года. Реабилитирован 03.01.1990 прокуратурой КК (П-5071).

Толстихин Василий Никитич. Проживал в д. Трясучая Курбатовского с/с Балахтинского р-на Красноярского округа. Лишен избирательных прав в 1931, выслан за пределы р-на [Архивный отдел администрации Балахтинского р-на. ф. Р-39, оп. 1, д. 3. Список лишенных избирательных прав в Балахтинском и Даурском районах].

Толстихин Гавриил Иванович (1892–1977), русский, крестьянин. Раскулачен, летом 1930 с женой Анной Егоровной (1892–1982) и детьми: Александром (1925–1994), Анной (1915–1994), Елизаветой (1924–1995), Клавдией (1920), Ниной (1930–1997), Ольгой (1927–1943), выслан из д. Барабаново Емельяновского р-на КК в Ачинск. С 1931 с семьей в ссылке в д. Коркино, с 1932 в трудпоселке Красноярский ДОК (4-й барак). Работал в ДОКе. В 1941 отправлен на рыбную ловлю в Туруханск до конца войны. Вернулся в Красноярск после войны и освобождения от ссылки. 03.06.1998 реабилитирован с семьей УВД КК. Александр освобожден в 1942, отправлен на фронт, вернулся инвалидом. Ольга погибла в ссылке [Боченина Клавдия Гавриловна].

Толстихин Гавриил Николаевич. Род. в 1908. Уроженец и житель с. Ильинка Назаровской вол. Ачинского уезда Енисейской губ. Малограмотный. Работал трактористом в колхозе «Парижская коммуна». Арестован в марте 1933. Обвинение в КРПО, АСА, вредительстве. Приговорен 23.04.1933 особой тройкой ПП ОГПУ ЗСК к ВМН. Расстрелян 30.04.1933 в г. Томске. Реабилитирован 19.06.1956 ВТ СибВО (П-4583) [Письмо Александра Ивановича Болуховского].

Толстихин Георгий Анисимович. Род. в 1907 в д. Тарханка Ужурской вол. Ачинского уезда Енисейской губ. Малограмотный. Из крестьян-кулаков. Проживал в зерносовхозе «Красноярец» ЗСК. Работал монтером в зерносовхозе «Нанжуль». Арестован в январе 1933. Обвинение по ст. 58-7 УК РСФСР. Приговорен 04.06.1933 выездной сессией Восточно-Сибирского крайсуда к ВМН. Приговор изменен ВС РСФСР: ст. 58-7 переквалифицирована по Постановлению ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 и ВМН заменена на 10 лет концлагерей. Реабилитирован 20.07.1966 ВС РСФСР (023842).

Толстихин Григорий Гаврилович. Род. в 1902. Раскулачен и выслан 12.12.1931 из Ужурского р-на ЗСК в Томскую обл. с семьей: жена Ефросинья Дмитриевна 1901–1938, дети Алексей (1927), Михаил (1924), родители Гавриил Иванович (1863–1936), Анна Павловна (1866–1936), братья Назар Гаврилович (1904), Яков Гаврилович (1912), Анастасия Назаровна (1928/29/) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Даниил. Род. в 1911. Проживал в с. Еловка Еловского с/с Балахтинского р-на Красноярского округа. Лишен избирательных прав в 1930, выслан за пределы р-на. [ГАКК, ф. Р-1991, оп. 1. дело 245 [Список лишенных избирательных прав в Балахтинском и Даурском районах].

Толстихин Дмитрий Григорьевич. Род. в 1880 в д. Юдино Ирбейского р-на КК. Русский. Из крестьян-кулаков. Раскулачен, сослан. Ссыльный в пос. Косой Бык Кежемского р-на КК. Работал в неуставной сельхозартели. Арестован 29.05.1938

по делу Лавриненко И.Е. (25 чел.). Обвинение в АСА. Приговорен 14.06.1938 тройкой УНКВД КК к ВМН с конфискацией имущества. Расстрелян 29.10.1938 в г. Енисейске. Реабилитирован 21.10.1958 Красноярским крайсудом (П-10263).

Толстихин Дмитрий Иванович (1900–1933). Проживал в с. Алтат Бирилюсского р-на. Раскулачен в 1931, выслан в с. Асино Томской обл. с семьей: жена Елизавета (1893), дети Александр, Иннокентий, Константин (1928) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Дмитрий Никитич. Род. в 1902 в д. Юдино Ирбейской вол. Канского уезда Енисейской губ. Русский. Раскулачен, сослан. Трудпереселенец в пос. Косой Бык Кежемского р-на КК. Работал плотником в леспромхозе. Арестован 20.03.1938 по делу Бабенко А.А. (48 чел.). Обвинение в КРО, АСА. Приговорен 05.04.1938 тройкой УНКВД КК к ВМН. Расстрелян 27.04.1938 в пос. Кежма. Реабилитирован 11.10.1958 Красноярским крайсудом (П-10131).

Толстихин Дмитрий Степанович. Род. в 1892 в с. Бартат Большемуртинской вол. Красноярского округа Енисейской губ. Грамотный. Отбывал ссылку в г. Игарке. Рабочий на леспромкомбинате. Арестован 14.12.1937. Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Оправдан 02.04.1940 выездной сессией Красноярского крайсуда в г. Игарке. По суду с освобождением из-под стражи, реабилитирован (П-20622).

Толстихин Дмитрий Тимофеевич. Род. в 1874 (1879). Уроженец и житель с. Шадрино Шадринского с/с Ачинского района Ачинского округа. Малограмотный. Вел крестьянское хозяйство Состав семьи: жена Марфа Дмитриевна (1883), дети Михаил (1903), его жена Ульяна Михайловна (1903), их дети: Виктор (1923), Анатолий (1925), Наталья (1929). Арестован 11.04.1922. Обвинение в КРО. Решение по делу не принято. Лишены избирательных прав в 1928, высланы за пределы района. Реабилитирован 15.08.1997 прокуратурой КК [АРУ ФСБ России по Красноярскому краю д. 019626; Архив г. Ачинска. Ф.295 оп. 1-С. дело 1352, 1375, 1379, 1372, 1462. Список лишенных избирательных прав в Ачинском, Большеулуйском, Козульском районе].

Толстихин Дмитрий Тимофеевич. Род. в 1879. Уроженец и житель д. Шадрино Ачинского округа Енисейской губ. Малограмотный. Вел крестьянское хозяйство. Арестован 11.04.1922. Обвинение в КРО. Решение по делу не принято. Реабилитирован 15.08.1997 прокуратурой КК (019626).

Толстихин Евдоким Вавилович. Род. в 1880 в д. Алтат Бирилюсской вол. Мариинского округа Томской губ. Русский. Проживал в пос. Бирикчуль Аскизского р-на Хакасской АО КК. Работал плотником в «Заготзерно». Арестован 04.05.1938. Обвинение в АСА. Приговорен 26.05.1938 тройкой УНКВД КК к ВМН. Расстрелян 11.10.1938 в г. Ачинске. Реабилитирован 07.05.1960 Красноярским крайсудом (П-12200).

Толстихин Егор Григорьевич. Род. в 1897. Уроженец и житель Ачинского округа Енисейской губ. Неграмотный. Из крестьян. Проживал в п. Бокай Ачинского уезда. Занимался хлебопашеством. Арестован 21.11.1920. Обвинение в КРД. Осужден 04-08.12.1920 ВТ войск ВНУС Восточной Сибири /выездной сессией в г. Ачинске/ на 20 лет принудительных общественных работ под конвоем с конфискацией имущества. Реабилитирован 31.05.2006 прокуратурой КК (021582).

Толстихин Егор Федорович. Участник Сережского восстания, арестован в ноябре 1920. Дело прекращено 03.12.1920 ВТ ВНУС Восточной Сибири за отсутствием состава преступления. (021582).

Толстихин Ефим Евлампьевич. Род. в 1889. Уроженец и житель д. Юдино Канского уезда Енисейской губ. Русский, малограмотный. Из крестьян. Занимался хлебопашеством. Арестован 25.08.1922. Обвинение в КРД. Освобожден 29.08.1922 из-под стражи на подписку о невыезде. Осужден 21.11.1924 Енисейским губсудом на 1 год концлагерей по ст. 58 УК РСФСР; от наказания освобожден по амнистии. Реабилитирован 15.07.2003 прокуратурой КК (021114).

Толстихин Иван. Проживал в с. Загайновка Рыбинского с/с Ачинского района Ачинского округа. Лишен избирательных прав в 1930 [Архив г. Ачинска. Ф. 295 оп. 1-С. дело 1353. Список лишенных избирательных прав в Ачинском, Большеулуйском, Козульском районе].

Толстихин Иван Васильевич. Род. в 1895. Уроженец и житель с. Ильинка Назаровской вол. Ачинского округа Енисейской губ. Русский. Работал в личном хозяйстве. Арестован 09.03.1930 по делу Михайлова И.В. (25 чел.). Обвинение по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Осужден 02.06.1930 особой тройкой ПП ОГПУ СК на 10 лет концлагерей. Реабилитирован 23.01.1989 Красноярским крайсудом за отсутствием состава преступления (П-15045).

Толстихин Иван Григорьевич. Род. в 1870. Проживал в г. Боготоле. Раскулачен в 1933, выслан с семьей: жена Акулина Афанасьевна (1893), дети Валентина (1924), Николай (1928), Анатолий (1938) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Иван Ефимович. Род. в 1895. Проживал в д. Шипулино Сухобузимского р-на ВСК. Раскулачен в 1930, выслан за пределы р-на с семьей: жена Елизавета (1903), дети Александра, Мария (1921), Галина (1928), Андрей (1929) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Иван Иванович. Род. в 15.06.1914. Уроженец и житель д. Таскино Емельяновской вол. Красноярского уезда Енисейской губ. Русский. Осужден в 1933 Красноярским крайсудом по Постановлению ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 на 10 лет концлагерей, освобожден по несовершеннолетию. Рабочий в дорожном строительстве. Арестован 08.07.1937 по делу Рахлецкого А.А. (34 чел.), содержался в Красноярской тюрьме. Обвинение в КРЗ. Осужден 25.10.1937 тройкой УНКВД КК на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 04.01.1957 ВТ СибВО (П-6071).

Толстихин Иван Иванович. Род. в 1881. Раскулачен и выслан с. Старая Кука Титовского р-на Забайкальской обл 16.06.1931 тройкой ОГПУ на спецпоселение в ЗСК с семьей из 7 чел.: дети: Аграфена (1917), Василий (1919), невестка Аграфена Федоровна (1909), внук Толстихин

Григорий Елизарович (1929). Реабилитированы 18.08.1993 [Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье, т. 1, Чита, 2000, с. 209, (б)].

Толстихин Иван Николаевич. Род. в 1904. Уроженец и житель Минусинского уезда Енисейской губ. Русский. Шофер-стажер «Стройшосдора» в Минусинске. Арестован 14.12.1936 по делу Колмакова Г.В. (6 чел.). Обвинение в КРО. Осужден 16.04.1937 ОСО НКВД СССР на 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 29.12.1956 Красноярским крайсудом (П-6102).

Толстихин Иван Сергеевич. Ссыльный в с. Большой Унгут Манского р-на ЗСК с семьей: жена Толстихина Елена Павловна, дети [И.А. Климов. Воспоминание о прошлом].

Толстихин Иосиф (Осип) Тимофеевич. Род. в 1892. Проживал в д. Тарханка Ужурского р-на ЗСК. Раскулачен в 1930, выслан в Саралинский р-н Хакасской АО ЗСК с семьей: жена Вера Андреевна (1893), дети Георгий (1918), Анастасия (1922), Александра (1924), мать Хрестинья (1852) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Максим Трофимович. Род. в 1905 в д. Усть-Березовка Назаровской вол. Ачинского уезда Енисейской губ. Малограмотный. Военнослужащий. Красноармеец 35 отдельного батальона РККА. Арестован 05.02.1944. Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Осужден 19.02.1944 ВТ на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 27.03.2001 прокуратурой КК (П-24070).

Толстихин Матвей Никитич. Род. в 1886. Проживал в селе Еловка Балахтинского р-на ЗСК. Состав семьи: жена Прасковья Яковлевна (1891), дети Даниил (1911), Агрипина (1913), Анна (1919), Капитолина (1924), Мария (1927). Раскулачены в 1931, высланы за пределы р-на в ВСК (ныне Иркутская обл.) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю. Список лишенных избирательных прав в Балахтинском и Даурском районах].

Толстихин Михаил Емельянович. Род. в 1896. Уроженец и житель с. Тесь Минусинского округа Енисейской губ. Русский, грамотный. Служил в царской армии рядовым. В 1918 боец в колчаковской дружине. В 1934 привлекался к судебной ответственности по ст. 79 УК. Раскулачен, сослан в Ольховскую комендатуру. Спецпереселенец в спецпоселке Ольховка Артемовского р-на КК. Рабочий на Артемовском руднике треста «Минусазолото». Арестован 10.10.1936, содержался в Минусинской тюрьме, по делу проходило 18 чел. Обвинение по ст. 58-2, 59-11 УК РСФСР. Приговорен 05.09.1937 Красноярским крайсудом к ВМН. Расстрелян 30.11.1937 в г. Минусинске. Реабилитирован 27.01.1994 прокуратурой КК (П-21450, личное дело № 15521 в архиве УВД КК).

Толстихин Михаил Флавианович. Род. в 1891. Проживал в д. Игрыш Новоселовского района. Раскулачен в 1929, выслан в Игарку с семьей: жена Парасковья Леонтьевна (1895), дети Елизавета (1913), Василий (1919), Леонид (1929), мать Марфа Семеновна (1867), сестра Марфа [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Нестор Александрович. Ссыльный на Таймыре в 1952 с семьей: жена Толстихина Александра Архиповна и сын Толстихин Виктор Несторович [Приложение к сборнику Свеча памяти. Таймыр в годы репрессий. Воспоминания. Материалы диска «Свеча памяти»].

Толстихин Нестер Афанасьевич. Род. в 1894. Уроженец и житель с. Тигиль Тигильского р-на Камчатской обл. Камчадал, образование низшее. Из казаков. Беспартийный. Член рыболовецкой артели. Арестован 03.03.1934. Осужден 02.02.1935 тройкой УНКВД ДВК как социально вредный элемент лишен права проживания в 39 режимных местностях бессрочно. Умер в ссылке в КК. Реабилитирован 15.09.1959 Камчатским облсудом [Из тьмы забвения. Книга памяти жертв политических репрессий Камчатской обл., 2010, с. 294].

Толстихин Никита Евлампьевич (Евлампиевич). Род. в 1874 в д. Юдино Ирбейской вол. Канского округа Енисейской губ. Русский. Из крестьян-кулаков. Раскулачен в 1930, выслан в Кежемский р-н с семьей: жена Марина Яковлевна (1882), дети Дмитрий (1902), Елизавета (1915), Гавриил (1917), Конон (1920), Полина (1924). Проживал в пос. Косой Бык Кежемского р-на КК. Работал столяром в Кежемском леспромхозе. Арестован 29.05.1938 по делу Лавриненко И.Е. (25 чел.). Обвинение в АСА. Приговорен 14.06.1938 тройкой УНКВД КК к ВМН с конфискацией имущества. Расстрелян 29.10.1938 в г. Енисейске. Реабилитирован 21.10.1958 Красноярским крайсудом (П-10263). [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Николай Алексеевич. Род. в 1905 в с. Частоостровское Емельяновской вол. Красноярского уезда Енисейской губ. Малограмотный. Трудпереселенец в г. Игарке. Работал коновозчиком в стройконторе горисполкома. Арестован 08.09.1943. Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Осужден 21.01.1944 Таймырским окрсудом на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 04.08.1992 прокуратурой КК (П-20463).

Толстихин Николай Матвеевич. Род. в 1884 в с. Большой Хабык Идринской вол. Минусинского округа Енисейской губ. Русский, образование среднее. Проживал в с. Тесь. Арестован 14.04.1920. Обвинение в колчаковской службе и карательной деятельности. Осужден 22.06.1921 Енгубревтрибуналом к 10 годам исправработ. Срок сокращен до 2 лет. Проживал в г. Абакане Хакасской АО КК. Учитель в школе. Арестован 05.05.1938. Обвинение в АСА. Приговорен 14.06.1938 тройкой УНКВД КК к ВМН. Расстрелян 09.08.1938 в г. Минусинске. Реабилитирован 30.05.1997 прокуратурой КК и 25.01.1958 Хакасским облсудом (014090, П-8800).

Толстихин Николай Родионович. Род. в 1911. Уроженец и житель с. Медведск Назаровской вол. Ачинского уезда Енисейской губ. Русский. Арестован 20.03.1933 по делу Бастракова В.Е. (51 чел.). Обвинение в АСО, вредительстве. Осужден 16.06.1933 особой тройкой ПП ОГПУ ЗСК на 5 лет концлагерей условно. Реабилитирован 31.05.1958 Красноярским крайсудом (П-9609).

Толстихин Павел Иванович. Род. в1906. Проживал в д. Косоголь Ужурского района. Раскулачен в 1931, выслан на рудник Коммунар Ширинского р-на с семьей: жена Анна Ивановна (1906), дети Васса (1928), Тамара (1934), роди-

тели Иван Иванович, Агафья Николаевна, брат Константин, сестра Макрида [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Петр Григорьевич. Род. в 1893. Уроженец и житель д. Селедково Назаровской вол. Ачинского округа Енисейской губ. Работал в колхозе «Новый быт». Арестован 10.11.1933. Обвинение по Постановлению ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932. Осужден 19.02.1934 особой тройкой ПП ОГПУ ЗСК на 5 лет концлагерей. Реабилитирован 14.09.1989 прокуратурой КК (П-17029).

Толстихин Петр Дмитриевич. Род. в 1911. Уроженец и житель д. Большой Имыш Ужурской вол. Ачинского уезда Енисейской губ. Проживал в г. Ужуре. Работал токарем на станции Ужур КЖД. Арестован 08.05.1938, подельник Угрюмов А.М. Обвинение в АСА. Приговорен 27.05.1938 тройкой УНКВД КК к ВМН. Расстрелян 15.08.1938 в г. Ачинске. Реабилитирован 24.05.1958 Красноярским крайсудом (П-8213).

Толстихин Петр Семенович. Род. в 1890. Уроженец и житель д. Тойлок Назаровской вол. Ачинского округа Енисейской губ. Малограмотный. Работал плотником в колхозе «Красное знамя». Арестован 29.08.1941. Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговорен 17.11.1941 Красноярским крайсудом к ВМН. Приговор изменен 01.07.1942 ВС РСФСР на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 04.02.1997 прокуратурой КК (П-22181).

Толстихин Петр Тимофеевич. Проживал в с. Шадрино Шадринского с/с Ачинского района Ачинского округа. Состав семьи: жена Анна Васильевна, мать Прасковья Денисовна. Лишены избирательных прав в 1930, высланы за пределы района [Архив г. Ачинска. Ф.295 оп. 1-С. дело 1375, 1379, 1372, 1466. Список лишенных избирательных прав в Ачинском, Большеулуйском, Козульском районе].

Толстихин Петр Филимонович. Род. в 1917. Уроженец и житель д. Тарханка Ужурской вол. Ачинского уезда Енисейской губ. Русский, малограмотный. Раскулачен, сослан, из ссылки бежал. Работал в колхозе. Арестован 07.07.1937, содержался в Ачинской тюрьме. Обвинение в АСА. Осужден 26.10.1937 тройкой УНКВД КК на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 30.03.1989 прокуратурой КК (П-15437).

Толстихин Петр (Порфирий) Игнатьевич. Род. в 1916 в с. Таскино Сухобузимской вол. Красноярского уезда Енисейской губ. Малограмотный. Военнослужащий. Красноармеец в учебном батальоне 174 стрелковой дивизии РККА. Арестован 24.05.1942. Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Осужден 07.06.1942 ВТ 174 СД на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 23.05.2000 военной прокуратурой СибВО (П-23718).

Толстихин Семен Ефимович. Род. в 1891. Проживал в д. Шипулино Сухобузимского района. Раскулачен в 1930, выслан в Усть-Курейский графитовый рудник, г. Игарка, затем г. Красноярск, с семьей: жена Лукерья Степановна (1891), дочь Клавдия (1922), отец Ефим Борисович. Проживал в г. Красноярске. Чернорабочий ДОК. Арестован 10.07.1937 по делу Черепанова М.С. (5 чел.). Обвинение в КРО, АСА. Приговорен 14.09.1937 тройкой УНКВД КК к ВМН. Расстрелян 15.09.1937 в г. Красноярске. Реабилитирован 30.12.1958 Красноярским крайсудом (П-18122) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Сергей Яковлевич. Род. в 1880. Жил в с Новоникольское Петровско-Заводского р-на Забайкальской обл. Выслан по решению краевой комиссии от 15.06.1931 на спецпоселение в ВСК с семьей: невестка Елена Павловна (1903), внуки: Яков Иванович (1922), Арина Ивановна (1924), Тамара Ивановна (1927), Иннокентий Иванович (1929). Реабилитированы 09.11.1993 [Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье, т. 1, Чита, 2000, с. 186, (б)].

Толстихин Тимофей Епифанович. Род. в 1889. Уроженец и житель д. Ильинка Назаровской вол. Ачинского округа Енисейской губ. Русский, неграмотный. Работал в личном хозяйстве. Арестован 18.03.1930. Обвинение по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговорен 02.06.1930 особой тройкой ПП ОГПУ СК к ВМН. Расстрелян 01.07.1930 в г. Новосибирске. Дело прекращено 26.05.1962 Красноярским крайсудом за недоказанностью. Реабилитирован 23.01.1989 Красноярским крайсудом (П-15045).

Толстихин Федор Вавилович. Род. в 1882. Проживал в с. Алтат Пировского р-на КК. Раскулачен в 1936, выслан в с. Маковское Енисейского р-на КК с семьей: жена Марфа Тарасовна, дочь Зоя (1929) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Фрол Степанович. Род. в 1899 в с. Миндерла Сухобузимской вол. Красноярского уезда Енисейской губ. Неграмотный. Проживал в г. Красноярске. Работал кочегаром на хлебозаводе-2. Арестован 20.12.1940. Обвинение в КРА. Осужден 19.02.1941 Красноярским крайсудом на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 29.06.1966 ВС РСФСР (П-14382).

Толстихин Харитон Васильевич. Род. в 1908. Раскулачен и выслан 12.12.1931 из ВСК в Томскую обл. с семьей: жена Ефросинья Елисеевна (1907), дети Агния (1929), Николай (1935), Анатолий (1938), Виталий (1946), мать Христинья Артемовна (1870–1943) [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихин Яков Иванович, из семьи забайкальских казаков. В 30-х выслан с семьей из Забайкалья в с. Большой Унгут Манского р-на КК. В 1942 призван в армию, попал в кавказский эскадрон. Погиб на фронте [Николай Чернюк. Как воевали дети «врагов народа»].

Толстихина Мария Филипповна. Род. в 1882. Раскулачена и выслана 05.1931 из с. Боготол в Томскую обл. [Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю].

Толстихины, семья из д. Куртак Новоселовского р-на КК. В 1929 сосланы на косу в 7 км от Ярцево КК в числе 30 семей.

ТОМИЛОВЫ

В старину имя Томила (Томило) было очень распространенным в России.

Причина? Она проста: «Отчество от нецерковного мужского имени Томило, одного из самых частых дохристианских имен у русских (из гла-

гола томить и архаичного форманта -ило), даваемое, вероятно, в связи с трудными родами».

И в нашей истории фамилии Томиловых мы тоже столкнемся и с разными Томиловыми, и с разными их историями.

Вполне вероятно, что одним из патриархов этого рода и был собственно Томило:

«…апреля 1616 г. И.С. Куракин отправил из Тобольска литвина Томилу Петрова и астраханского конного казака Ивана Куницына к калмыкам. Вернувшись в начале сентября 1616 г., они привезли первое поразительное известие: в калмыцких улусах они встретились с "китайскими людьми" и узнали от них много сведений о Китае. А "алтыновы и китайского царя люди их к своим государем с собою звали, и они де без указу ехати не смели", — подчеркнул в своей отписке в Посольский приказ И.С. Куракин» [«Русско-монгольские отношения», № 16, стр. 50].

А тюменский казак Нестерко Томилов, который отмечен в документах за 1624 год, мог бы быть продолжателем этого рода.

Возможно и так.

Но в документах за 1633 год появляется еще один Томилов:

«Послужной список Тюменсково города

Тюменсково города голова тотарской Илья Бакшиев … Голова руских служилых людей сын боярской Семен Поскочин

Литовского списку конные казаки

Шестой Спиридонов сын Томилов» [РГАДА, Ф. 214, Оп. 3, Д. 525, Л. 50].

В тобольских именных списках казаков фамилии Томиловых мы долгое время не обнаруживаем — только имена и отчества.

Вот, например: «Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником з Бориском Оноховским прежним на перемену Федька Томилов сын Оконничников» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 104 об.].

Имя же первого Томилова из казаков Якутского полка мы находим в документах за 1681 год:

«Окладная книга 1681 года

Казаки

Томилов Ивашко, казак (в холостом окладе)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

И если тюменского литвина Томилу Петрова китайцы звали в Китай в гости, то с Иваном Томиловым, якутским казаком, они поступили совершенно по-другому.

Вот что сообщал об этом П.П. Явловский в «Летописи города Якутска»: «25 июля [1685 г.] возвратились из китайского плена якутские казаки Иван Томилов и Григорий Петров, которые были захвачены билярскими тунгусами в 1685 г., биты ими, увечены и скованные по рукам и ногам, представлены в г. Зайгу богдойским воеводам. Последние уговаривали поступить на службу к их царю и принять бусурманскую веру, но они от этого отказались, "помня крестное целование и великих государей хлеб и соль". Богдойский царь, узнав об этом, велел отпустить пленников, которые через полтора месяца еле-еле и добрались до Якутска».

«Да в нынешнем же во 194 году пришли в Якуцкой острожек Якуцкие казаки Ивашко Томилов, Гришка Петров, которых казаков в прошлом 193 году послал из Уцкого острожку пятидесятник казачей Андрей Амосов, до моего Леонтьева приезду, для призыву прежних ясачных Тунгусов Билярского роду, которые побили Албазинских казаков, которые пришли в Уцкой острожек при сиденьи пятидесятника Герасима Цыпандина, и он Гарасим из Уцкого острожку посылал в поход на тех Билярских Тунгусов служилых людей; и Божиею милостию и великих государей щастьем, у тех изменников аманатов взяли, и по се число те их аманаты сидят в Уцком острожке, и по нынешней по 194 год родники их с ясачным платежем не приходят и под них ясаку не присылают; и с коего числа они аманаты взяты, и под них ясаку великим Государем не плачивали. И во 193 году из Уцкого острожку посылал пятидесятник Андрей Амосов служилых людей Ивашка Томилова да Гришку Петрова для призыву прежних изменников Билярских Тунгусов на Амурские покати на Силимбу реку … (За сим прописаны распросныя речи казаков Ивана Томилова и Григорья Петрова, напечатанныя на стр. 260 и 261 этого тома до слов: и ваших ясачных Тунгусов велит взять, всех к себе. (См. № 67, акт XX)). И я Леонтей, будучи в Уцком острожке, послал к ним неприятелским людем на Амур; реку в Зайгу город с отпискою трех человек служилых людей, да для вожа с ними же послал Билярского роду Тунгуса Нюгзю; и что у меня Леонтья в отписке к ним писано, и против того слово в слово в Якуцком в приказной избе подал… за своею рукою, генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову. И в Уцком острожке служилых людей малолюдство, и против неприятелских людей стоять некем, и хлебными запасы и всякими кормы нужно» [Дополнения к актам историческим, 1867 г., т. X, СПб., № 78:V, сс. 349–350].

В Удский острог Ивашка Томилов был в 1683 году:

«7191 г. (1683) г. — Челобитная сына боярского Федора Лыткина и рядовых казаков Ивана Микулина, Ивана Томилова, Любима Дежнева, Григория Кузнеца, Алексея Ильина, Петра Бочкарева, Василия Малкина, Петра Шипицына, Семена Куренки, Петра Лыткина, Дружина Козмина, Ермолая Ананьина, Лариона Дурнева, посланных в 7189 г. на новую реку Уд, о сборе ясака с тунгусов, о прокормлении своими запасами аманатов, постройке острожка и зимовий, о проведовании неясачного населения, о походах вместе с промышленными людьми на немирных тунгусов, о сопротивлении их, о боях с ними, об осаде тунгусами острожка на р.Тунгуре» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

А вот, что случилось потом:

«*1686 г. июля 25.* — Распросныя речи двух казаков в Якутской приказной избе, возвратившихся из Китайскаго плена.

194 году, июля в 25 день, в Якуцком остроге в приказной избе, перед генералом и воеводою Матвеем Осиповичем Кровковым, казаки

Ивашко Томилов да Гришка Петров сказали, по святой непорочной заповеди Господни, еже ей, в правду: в прошлом во 193 году из Уцкого острогу, по указу великих государей, пятидесятник казачей Андрей Амосов послал нас для призыву прежних изменников Билярских Тунгусов на Амурские покати на Силимбу реку, чтобы те Билярские Тунгусы пришли в Уцкой острожек под аманатов своих с ясачным платежем и были б они под великих государей высокою рукою в вечном холопстве. И будучи мы Ивашко с товарищем на Амурских покатях на Силимбе реке и вверх по Бише реке, нашли их Билярских Тунгусов; и мы их призывали ласкою и приветом под великих государей высокую руку и под аманатов с ясачным платежем; и они тех наших речей не послушали, и взяв нас Ивашка с товарищи связали, и связав нас били и увечили на смерть, и приступали копьями и ножами колоть; и Божиею милостию, нас не убили, и доспели на ноги колодки и на руки смыки, и сковав нас, повезли на Амур реку в город в Зайгу и отдали к Богдойским воеводам. И Богдойские воеводы почали нас роспрашивать: почто де вы ходите в нашу землю и к нашим ясачным Тунгусам? И мы Ивашко с товарищем сказали перед Богдойскими воеводы против их роспросу, что де мы ходим по указу великих государей, с Уди реки из Уцкого острожку послал нас приказной пятидесятник Андрей Амосов, пришли мы не воровски призывать прежних изменников Билярских Тунгусов под аманатов их с ясачным платежем; а прежь сего те Билярские Тунгусы платили ясак нашим великим государем; А перед ними Богдойскими воеводы те наши речи Ивашка с товарищем были. Да оне ж Богдойские воеводы призывали нас Ивашку да Гришку служить своему Богдойскому царю, а говорили нам те речи: как де вы служили своим великим государем, также вы служите нашему Богдойскому царю, и наш Богдойской царь пожалует вас великим жалованьем и даст вам по две жены и по два холопа с женами. И мы Ивашко да Гришка, помня крестное целованье и великих государей хлеб и соль, не хотя изменити великим государем и быть в бусурманской вере, и мы им во всем отказали и говорили им Богдойским воеводам те речи: мы у вас в поиманье; хотя сам Богдойской царь велит казнить смертию, и мы своим великим государем изменить не хотим и вашему Богдойскому царю не служим. И оне Богдойские воеводы нас Ивашку с товарищем сковали в ручные и ножные железа и отдали за караулы, и об нас писали к Богдойскому царю. А сидели мы в железах за караулы пол-четверта месяца, до указу Богдойского царя; и указ пришел Богдойского царя, что отпустить нас назад в Уцкой острожек. И послали с нами 3 листа и словесно нам Богдойские воеводы говорили и заказывали: как вы будете на Уди реке в Уцкой острожек, и приказному человеку вы скажите те речи: которые у вас сидят Билярского роду аманаты, и тех аманатов ваш приказной отпустил бы к нам на Амур реку, и наш Богдойской царь против тех аманатов отпустит Якуцких служилых людей, которые взяты на Тугире в Тугирском зимовье; а жить бы нам меж собою в совете и в любве. А буде ваш приказной тех Билярских аманатов не выпустит, и мы дадим вам сроку на 4 месяца; и буде те Билярские аманаты на тот срок к нам не будут и писма никакова к нам не пошлете, и мы за вами де пошлем войское на Удь реку, и велим Уцкой острожек взять и вас служилых людей всех побить, и ваших ясачных Тунгусов велим взять всех к себе. А шли мы Ивашко да Гришка от них Богдойских людей полтора месяца, днем и ночью в ташках и на нартах и помирали голодною смертью. А которое оружье с нами было по пищале, и то оружье обрали Билярские Тунгусы, и всякую нужу и бедность терпели. А сказку писал казак Кирилко Ерофеев» [Дополнения к актам историческим, 1867 г., т. 10, СПб. стр. 260–261].

А далее эта история поворачивается к нам совершенно неожиданной стороной:

«Приказчики Удского острога

Томилов Иван Федорович, сотник, после февраля 1691–1693 гг.

“Летом 1685 г., будучи казаком, отправлен с казаком же Григорием Петровым, удцким приказчиком, пятидесятником А.А. Сухим на реку Селимбу (ныне — Селемджа) для призыва тунгусов изменившего Билярского рода». Были схвачены, попали в плен, отданы китайцам и возвращены в Россию”» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 203].

Обратите внимание — из рядовых казаков сразу в сотники, минуя чины десятника и пятидесятника.

Как такое возможно? За какие-такие заслуги?

За счастливое возвращение из плена? За верность Государю?

Но служебное счастье Ивана Федоровича было недолгим — В.А. Тураев в статье «Хождение “встречь солнцу” в контексте проблем присоединения Дальнего Востока к Российскому государству (XVII–XVIII вв.)» [Вестник ДВО РАН. 2013. № 1] приводит одну очень важную для нашего разговора цитату:

«Ево, Ивана (Томилова. — *С.В.*), да служилых людей 30 человек убили до смерти за то, что он, Иван, будучи в Удцком острожке, чинил там ламуцким иноземцам обиды».

И вот подтверждение:

«Сотники стрелецкие и казачьи

Иван Томилов в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой острожек от иноземцов убит» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 7 об. – 8].

А теперь вернемся к чудесному карьерному росту Ивана Федоровича.

«…по указу вел. госуд. и по грамоте велено быть в Тобольску в детех боярских Верхотурским детем боярским Федору, да Ивану Томиловым, а оклады им учинены тех, что были на Верхоту-

рье, по 7 руб.» [Книги имянные… (По сибирскому приказу книга № 1117), Тобольск, Материалы для истории города XVII и XVIII столетий].

Тобольск, 1704 год:

«Дети боярские

По 7 рублев…

Иван Панкратьев сын Томилов. Федор Панкратьев сын Томилов велено в ево место быть сыну ево родному Пимину а он Федор за старость отставлен» [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Д. 1376. Л. 205].

Кстати, мы знаем, в каком году родился Пимен:

«Служивые люди

Во дворе посадного Осипа Иванова сына Чирка … в том же дворе живут постояльцы служивые люди Тобольского города Пумин Томилов сорока (1680)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 32 об.].

Это выписка из Переписной книги Якутского острога за 1720 год.

Да, Пимен Федорович тоже служил в Якутии и умер в Якутии.

Но путь его в Якутию своеобразен: в 1704 году он верстан в дети боярские на место своего отца, а в 1705 году его забирают в… солдаты [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1434. Л. 185].

Вот такие зигзаги судьбы: Иван Федорович становится сотником (обер-офицером), а Пимен Федорович умирает разночинцем:

«Города Якуцка разночинцы:

Умершие: Пимин Томилов» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 118].

Любопытно появление на Дальнем Востоке еще — и сразу двух — казаков Томиловых. Как любопытен и случай, когда эти два имени проявляются:

Верхнекамчатский острог, 1707 год «Челобитную [об отказе Отласову во власти] подписали Кирило Бекирев, Иван Шагин, Дмитрий Томилов, Михайло Тимофеев, Алексей Дехтерев, Яков Брацкой, Данило Томилов…» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 39].

Но, вполне вероятно, что эти Томиловы – томские казаки.

В 1703 году рядом с Томском указана деревня Томилова, в которой не было ни одного казака Томилова. Может, они как раз-то и оказались на Камчатке.

Томский казак Томилов отмечен был в другой деревне:

«Деревня Бабарыкина на р. Томи

Игнатей Ульянов сын Томилов, сын Петр женат, у него сын Матвей 3; сын Василей женат, у него сын Василей 1; сын Алексей 15, Стефан 7» [Дозорная книга Томского уезда. 1703 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л. 58].

В 1707 году Петр Игнатьев сын Томилов указан как казак Старой сотни города-крепости Томска. И почему бы Даниле с Дмитрием не быть его братьями?

Почему я думаю, что это были все-таки томские казаки?

Потому что ядром будущего казачьего бунта 1711 года на Камчатке и убийства трех камчатских приказчиков, в том числе и Владимира Атласова, были томские казаки во главе с Данилой Яковлевым сыном Анциферовым Томским.

Но, тем не менее, это только лишь рабочая версия.

Дальнейшие следы Дмитрия и Данилы теряются.

Но… Появляется Григорий Томилов. Сначала в переписи 1722/1748 гг.:

«Большерецкого острогу

Разночинцы

Григореи Томилов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 117 об.]. И в этом случае, вполне вероятно, что он сын либо Дмитрия, либо Данилы — казачий сын, казак, записанный впоследствии в разночинцы.

В 1730 году он снова на службе:

«1730 г. ноября 12. — “Реестр служилым людям, которые присланы были с реестром от штурмана Якова Генса на мореходное восточное судно 1 для морскаго пути в Большерецкой острог, а ныне которыя имеютца налицо в Большерецком остроге и коликое число в росходе и о том явствет ниже”.

Налицо в Большерецком остроге:

Матрозы: Петр Таранкин, Агафон Назаров.

Служилыя: Алексей Привалихин, Алексей Антипин, Лаврентей Базлуков, Григорей Томилов, Степан Коровин, Андрей Верхотуров, Иван Удалой, Дмитрей Осколков, Николай Нечаев, Сава Чагин, Семен Бочкарь, Петр Колокольников, Трифан Крупышев, Алексей Мешков, Иван Усов, Иван Поляков».

Экспедиционный отряд Шестакова-Павлуцкого, которым руководил в 1732 году М. Гвоздев, был в том же году расформирован, и казаки вернулись к прежнему месту службы.

Кто-то, как Лаврентий Поляков, остались служить на Камчатке по воле, а кого-то, как Григория Томилова, задержала Розыскная канцелярия по делу о Харчинском бунте 1731 года.

А в 1735 году был вынесен приговор:

«В Большерецком остроге казнен смертию повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников.

Учинено телесное наказание биты кнутом служилые люди: Осип Соловьев, Матфей Новограбленой, Михайло Лепихин, Федор Лобанов, Андрей Марамыгин, Андрей Рубцов, Петр Евлатьев, Андрей Воронин, Григорей Томилов, Онофрий Черкашенин, Лука Трескин, Ларион Валынкин, Григорей Келтякин, Петр Валынкин, Степан Вахрушев, Михайло Котков, Федор Асламов, Иван Лукашевской, Сава Усов, Василей Посников, Василей Щеголев, Семен Вагин, Михайло Лепихин меньшой, Петр Матфеев, Семен Шарапов, Афонасей Попов, Михайло Лукашевской, Семен Сургуцкой, Петр Чупров, Антон Хмылевской» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

Удивительное дело, но и во Второй Камчатской экспедиции в Большерецком остроге служит солдат Сибирского гарнизона (гарнизонного полка) Степан Томилов.

«Ордер Шпанберга Вальтону о строительстве жилья для зимовки при Чекавиной речке и об охране судов и материалов (5 сентября 1738 г.)

Ордер лейтенанту Валтону

Сего сентября 4 дня 1738 году определил я, чтоб при речке Чекавине для строения зимовей к житью служителям, и на поклажу провианта и протчих припасов — анбаров, також для охранения и караулу судов, пороховой казны и всяких матриалов быть при той речке безотлучно боцману Степану Серебрякову, за боцманмата квартерместеру Васил[ь]ю Эрту, подконстапелям Юрью Аритландеру, Ивану Бобовскому, кананером первой стат[ь]и Григорью Зубову, второй стат[ь]и Григорью Чюшкину, Давыду Андрееву, Илье Дергачеву, Нестеру Суханову, матрозом Алексею Лопаткину, Фоме Коломнину, Ивану Семенову, Васил[ь]ю Овечкину, Агафону Назарову, Ивану Емельянову, Сибирскаго гарнизона сержанту Васил[ь]ю Дехтяреву, карабелным салдатом Емельяну Азарову, Ивану Шамилину, Гавриле Камынину, Карпу Волохову, Петру Завьялову, Сибирскаго гарнизона Козме Кочегарову, Степану Томилову, Дмитрею Материкову, Ивану Козлову, Федору Воротникову, Ивану Мал[ь]цову, Федору Чермных, Осипу Костареву, Михайле Вершинину, Афонасью Новикову, Егору Безменову, Афонасью Анисимову, Якову Пермякову, Карпу Пашенному, Григорью Ушакову, да для кузнешных мелочных поделок кузнецам Дмитрею Клюсину, Максиму Коновалову, итого тритцати осми человеком. При той же речке для печения сухарей збить из глины шесть печей таким же обрасцом, как были зделаны при Охоцку. А для печения и сушения сухарей определить за мастера салдата Тимофея Таланкина, к нему в споможение салдат Клементья Чюдинова, Семена Стрижева, Дмитрея Колотовкина. Да писарю Раману Калугину быть у роздачи провианта с камисаром Степаном Ивашкиным, и для сочинения неделных табелей и у записки при сушени сухарей, тако ж и о роздаче служителям провианта писменных репортов. А для пол[ь]зывания служителей в прилучившихся им болезниях быть подлекарю Илияс Гинтеру с медикаменты. При том же быть Вам, сменяяся понеделно, обер-афицеры, и смотрение иметь прилежное караулов и судов, провианта, материалов, у пороховой казны и у протчего, что имеетца, тако ж и работ, что в которой день сработаетца, и о том обо всем понедел[ь]но нас репортовать писменно, как о том регламенът повелевает. И для того приказан зделать особливой афицерской покой. Також по посланным от нас х камисару Ивашкину и к писарю Калугину ордирам велено оному писарю от камисара принять на вес к предбудущей нашей компани показанное число морскаго провианта и отложить в особой анбар, дабы с тем провиантом смешен не был, которой будет ныне в месечные дачи употреблятца. Того ради быть Вам при том приеме и иметь крепкое смотрение, чтоб промежь ими в весу какой фал[ь]ши не было, понеже во оном провианте в будущей нашей компани объстоит немалая нужда. А как писарь Калугин о приеме того провианта репорт для подания к нам напишет, то и Вам для верности под етем подписатца. И о получении сего ордера и по исполнении всего вышеписанного репортовать нас писменно» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 96. Л. 176 об. – 177].

Позже имя Степана Томилова мы находим в списках Енисейского пехотного полка за 1748 год [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 32].

К сожалению, у нас оказался неполный именной список Енисейского пехотного полка с указанием места, откуда были набраны в рекруты эти солдаты. Томилова в этом списке не оказалось.

Но список географических точек охватывал всю Сибирь — от Верхотурья до Якутска и Нерчинска.

И поэтому мы обратили внимание именно на Нерчинск.

Почему?

Потому что существует следующий документ:

«Перепись С.В. Шахаева проживающих в Тобольском уезде беглых крестьян Верхотурского уезда 1694/95 года.

По результатам сыска Шахаева сто семей беглых верхотурских крестьян, всего 626 человек, были в 1697 году сосланы из Тобольска в Нерчинск для поселения там на десятинную пашню (см. ПСЗ, № 1835).

Ивашко Ларионов сын Томилов сказал: в Арамильскую де слободу пришел он в 1693/94-м году Верхотурского уезду из Сулемские слободы, принял ево прикащик Иван Полозов, а по какому указу, не ведает. И по накладу ево платит он Ивашко денежного оброку шесть алтын полторы денги. У него сын Пашко шти лет, зять Сидорко пятнатцати лет. Живет своим двором».

Нерчинск, 1719 год: «…Куенской слободы пашенной крестьянин Павел Томилов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1621. Л. 86].

«1729 года венчаны … В Генваре 30-го Куенской деревни приходу города Нерчинска крестьянин Михайло Павлов сын Томилов Семеновою дочерью Миндрянова девкою Татьяною первым браком» [РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 224. Л. 94 об.].

Нерчинск, 1721/1744:

«…в Куенской Слободе

взято на Камчатку

Михайло Томилов» [РГАДА. Ф. 350 — Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1917. 2-я ревизия. Книга переписная населения г. Нерчинска и уезда].

«Куенская и Алеурская слобода — это две деревни, которые вместе считаются одной слободой. Первая расположена на левом, или восточном, берегу Куенги, впадающей в Шилку в 36 верстах ниже Нерчинска с северной стороны, в 4 верстах от устья Куенги, и состоит из 17 дворов. Вторая — на реке Алеусе, которая впадает в Куенгу с восточной стороны, приблизительно в 35 верстах ниже первой деревни, примерно в 5 верстах от устья этой речки и более чем в 60 верстах от Нерчинска по прямой дороге. Здесь 8 дворов жителей. Обе не имеют церквей, но лишь часовни» [https://novaya-sloboda.ru/archives/2454].

Но следов Михаила нам отыскать не удалось.

В Тобольске же мы отыскали следы потомков Ивана Томилова (но, возможно, это следы не сына боярского Ивана Томилова, а казака литовского списка Ивана Томилова, который «в 201-м [1693] году на береговой службе в слободах у Семискуль озера от воинских людей убит» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 196]):

«Тобольское губернское правление (скорее всего, это 1800 год. — *С.В.*). Послужные списки казачьих команд. Послужной список туруханской казачьей команды

Павел Иванов сын Томилов — 22 г., из казачьих детей, с 1 декабря 792 г. — казаком, грамоте умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, холост, находится за сбором ясака.

Петр Иванов сын Томилов — 15 л., из казачьих детей, с 19 февраля 798 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, холост, находится для раз..? в земском суде.

Андрей Иванов сын Томилов — 15 л., из казачьих детей, с 26 генваря 799 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, холост, находится при команде».

И их родственник или однофамилец

«Симон Михайлов сын Томилов — 15 л., из казачьих детей, с 26 генваря 799 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, холост, находится при команде» [ГУТО Ф. 329, оп. 15, д. 34].

На Камчатке эта фамилия не задержалась. В Якутске в 1780-х годах служил в воинской команде сержант Иван Томилов [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 392]. И возможно, это о нем идет речь уже в Нерчинске, куда отправляли служить и солдат, и казаков из Якутска:

1807 год

«Книга метрическая данная из Нерчинскаго Заводскаго духовного правления, Нерчинскаго завода в Петро-Павловский собор на 1807 год.

Часть третья, об умирающих.

В Феврале … 28/02 … Отставной солдат Иван Томилов, 75 лет, за старостию, в заводе» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 91. Л. 14 об.].

В 1860 году, в эпоху великого переселения забайкальцев в новоприобретенные Российской империей приамурские и приморские земли, мы находим имена Томиловых в Исповедной ведомости Петро-Павло-заводской церкви Верхнеудинского округа:

Служители (отставные)

Филипп Томилов 66 (1794), жена его Матрена 59.

Кричные (мастера по производству чугуна)

Савва Томилов 35 (1825), жена его Параскева 35, сын их Филипп 9.

Семен Томилов 27 (1833), жена его Хавронья, 27, дочь Серафима 2» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1816].

Скорее всего, это одна семья. И вполне возможно, что это тоже прямые потомки верхотурских крестьян, сосланных в Нерчинск.

И тогда наш исторический круг замыкается…

ТРЕТЬЯКОВЫ

В первом томе книги «Тайны якутских фамилий» мы уже касались истории этой фамилии, но с появлением новых фактов история разрастается новыми подробностями, о которых мы не можем не рассказать.

В книге Анны Васильевны Шадриной «Казаки Колымы. Дарю вам ваши корни» [Среднеколымск, 2018], изданной небольшим тиражом и присланной мне из Якутии моими друзьями, Третьяковым посвящен отдельный очерк.

С него мы и начнем.

«Это ныне почти также забытый казачий род на Колыме. В конце XVIII века казаки Третьяковы почти всегда занимали должности сотников и пятидесятников. В Якутии казаки Третьяковы появились еще в XVII веке. И вновь обращаюсь к книге Найденова Сибирские города». Часть третья — «Казаки Якутии», стр. 55: «1717 год. Определен на службу Алексей Третьяков», стр. 123 — «1681 г. Определены на службу: Прокопий Третьяков, Иван Михайлович Третьяков», стр. 145 — «1761 год. Определен на службу Максим Третьяков».

А сейчас вернемся на Колыму. Реестр св-ка Пр. Трифонова, 1773 год, лист 13: «1773 год, были на исповеди: Даниил Третьяков, 59 лет (1714), жена — Акулина Васильевна лет (1724), сын Василий, 17 лет (1756). Казак Иван Данилович Третьяков, 27 лет (1746), жена — Мария Ефимовна, 22 года (1751). Дети их: Михаил, 4 г. (1769) (фактически Михаил родился 16.02.1773. О чем запись в Реестре), л. 5 (об), Евдокия, 2 г. (1771). Ефросинья Даниловна, 63 лет (1710). Полагаю, сестра Ивана, Фекла Даниловна, 17 лет (1756), Хавронья Ивановна, 10 лет, Матрена Гавриловна, 30 лет (1749), Мария Федоровна, 43 года (1730).

Лист 13 (об.): Максим Прокопьевич Третьяков (1720), жена — Мария Петровна (1730), дочь Мария (1757). Дмитрий Прокопьевич Третьяков (1727), жена — Устинья Дмитриевна (1739), дочь Матрона (1768)». Определенно это братья, и, бесспорно, Максим Пр. Третьяков, это тот самый Максим Третьяков, который записан в книге Найденова.

В ст. М.И. Старостиной о Среднеколымской церкви, в списке 1772 г. по выбору старосты церкви мы вновь встречаемся с Третьяковыми: Иван Третьяков, Даниил Третьяков, Дмитрий Третьяков, Василий Третьяков, Поликарп Третьяков. Всех их нахожу в М.К. Среднеколымской Покровской церкви.

Потомки братьев Максима и Дмитрия Третьяковых (Прокопьевичей) вяло обозначены на Колыме. Большой род колымских Третьяковых поведут казак Даниил Третьяков (1714) и его дети. Поскольку на протяжении двух веков имя Прокопий фигурирует почти во всех семьях, полагаю, с большой долей уверенности, что и отчество обозначенного в Реестре Данила Третьякова — Прокопьевич и что они все братья. И более того, полагаю, Прародителем якутских, а значит, и колымских Третьяковых является Прокопий Третьяков, прописанный в 1681 г. в книге Найденова «Города Сибири». И сказ об этом большом роде на Колыме.

Из-за отсутствия многих метрических книг стройного ряда Третьяковых не будет. Для перепроверки и сопоставления мне помогут исповедальные ведомости и списки казаков разных лет. Но из каких же мест России попал на Колыму род Дмитрия, Максима и Данилы Третьяковых, об этом документы не поведали.

Второму сыну Данилы Т. — Василию, на момент записи в Реестре 17 лет (1756). Обзавелся ли он семьей? В М.К. Покровской церкви за 1796 год нахожу запись о смерти казака Матвея Прокопьевича Третьякова на 78 году (1718) — еще одного брата Данилы Третьякова.

Запись в М.К. за 1797 год: «12.01.1797 год, родился казак Даниил Третьяков» — он сын.

ТРУХИНЫ (ТРУХНИНЫ)

Скорее всего, правильно Трухины — от слова «труха». А второй вариант — разговорная форма имени Трофим — Труха.

Но в написании фамилий чего только не бывает — пишут обычно так, как слышат и как позволяет уровень грамотности.

В Зашиверском остроге в период с 1722 по 1748 г. оказались и те, и те:

«Зашиверского острогу

Разночинцы

Иван Трухнин

Взято в рекруты

Сава Трухин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 69 об., 71].

В Охотоморье один:

«Тауиского острогу

Разночинцы

Федор Трухнин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 125 об.].

Откуда они – пока неведомо.

А вот анадырский, возможно, из Забайкалья.

«Список 1768 г. переведенных из Анадыря в Гижигинскую крепость

казаки

Тимофей Трухнин. Жена Евдокия Афанасьевна» [РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело 28, Л. 18].

«Ведомость Гижигинской крепости за 1781

Казаки

Тимофей Трухнин (Трухин) — болен» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 20 об.].

И далее следы теряются…

Почему я предполагаю, что Трухины (Трухнины) из Забайкалья?

Дело в том, что в 1708 году в Нерчинске показан казак «Пимин Трухин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л. 19 об.], в 1721 году — семья казаков Трухиных.

«Пешей казак Сидор Трухин 51 (1670), дети ево: сын Иван 6 (1715), Артемей 3 (1718) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 92].

В 1742 году появляется запись:

«…велено к вышеозначеннои посылке вместо прежде определенных из одиночества афанасья чеусова да матвея бузунова ис теленбынских служилыхъ двух человек из семейных домовъ а именно от Семена Бочкарева от Авдея Власова от Сергея Салтанова от Сыдора Трухина от которыхъ домовъ напередъ его в драгунскую и рекруцкую службу не брать…» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 139. Ч. Л. 94–94 об.].

Что это значит — не очень понятно. Но в переписи Нерчинска за 1744 год нет ни одного Трухина.

Но…

Откуда-то они в Забайкалье снова появляются:

«Забайкальцы породили семейные кланы среди приамурских казаков. Многие представители династических фамилий стали Георгиевскими кавалерами. В роду Верхотуровых высшими боевыми наградами отмечены четыре человека, Кореневых — 5, Мунгаловых — 7, Номоконовых — 13, Пешковых — 5, Поповых — 9, Сенотрусовых — 5, Суриковых — 7, Трухиных — 6, Филиновых — 8, Щеголевых — 8, Щербаковых — 6 и др.» [Коваленко А.И. История Дальнего Востока России. Роль исторических личностей в становлении казачества восточных окраин России].

И вот еще:

1852 г. Родился Иван Евдокимович Трухин — атаман первого военного отдела (с 1904 г.), командир 1-го Аргунского полка.

«Трухин Иван Евдокимович (17.4.1852, с. Ниж. Ульхун Заб. обл. — 4.12.1922), казак, общественный деятель, генерал-лейтенант. Получил домашнее образование. С янв. 1867 учитель с. Ниж. Ульхун. В 1870 призван в армию писарем войскового дежурства ЗКВ в Читу, отправлен в распоряжение губернатора Н. П. Дитмара. Обучался в Иркутском юнкерском уч-ще, в Иркутской военной школе, на курсах эскадронных и сотенных командиров. В 1897 зав. смешанной командой 1-го Чит. полка, командированного в Юж.-Уссурийский кр. В 1903 зав. Чит. войсковой больницей для умалишенных, пред. войскового хоз. правления. С 1903 полковник, командир 1-го Аргунского полка, в 1904 атаман 1-го военного отд. ЗКВ. С 1913 генерал-лейтенант в отставке. Почетный мировой судья Чит. окружного суда, гласный Думы. Награжден орденами Св. Владимира 4-й и 3-й ст. с бантами и мечами, Св. Анны 3-й и 2-й ст., Св. Станислава 3-й и 2-й ст., медалью в память военных действий с Китаем в 1900–02, памятной медалью в честь царствования Александра III, бронзовой медалью в память Рус.-япон. войны. [ГАЧО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 409; Ф. 474. Оп. 1. Д. 124].

И, конечно, появляется вопрос: откуда же снова появились Трухины в Забайкалье?

Возможный ответ — а не вернулись ли нерчинские казаки Трухины со службы на Северо-Востоке в родные станицы, как, например, гижигинские казаки Бянкины или Гантимуровы?..

ТУГОЛУКОВЫ

Фамилия, казалось бы, довольно редкая и напоминает прозвища запорожских казаков: Мокрая Шуба, Кривая Горница, ставшие фамилиями.

Тугой Лук — вероятно, гордое прозвище какого-то знаменитого лучника, чей тугой лук бил в цель гораздо лучше, чем у других.

Но, оказывается, таких лучников и их потомков в Сибири было предостаточно.

Например, в книге «История земли Томской. 1604–1917» сообщается о первых крестьянах, поселившихся на томской земле:

«Во 131-м [1623] году при воеводах при князе Иване ж Шеховском да при Максиме Радилове прибрано вновь в пашенные крестьяне ис подмоги: Олешка Спиридонов, Семейка Лазарьев,

Микитка Филиппов, Федка Туголук, Ивашка Офонасьев, Семейка Парфенов, Филка Барковский, Тренка Пахомов, Ивашка Михайлов Поморец, Ивашко Вятка, а подмоги им дано по дватцати рублев человеку.

А пашут те пашенные крестьяне, которые прибираны ис подмоги, пашни на государя по десятине ж в поле, а в дву потому ж».

В 1665 году с челобитной об ограблении их воровскими людьми — сыновьями пятидесятника Никифора Черниговского обратились служилые люди и крестьяне Илимского уезда:

«Царю [А. М.] бьют челом и извещают холопи твои, Илим- ского острогу: Съезжие избы подьячие: ... служилые люди, казаки: Микитка Микерин Якунька Стариков Данилко Литвинцов Тимошка Ершов Ивашко Сапожник Ивашко Попов Ганька Туголуков заплечной мастер Кондрашка Казачек казачей брат Гришка Попов на воров и на разбойников Илимского острогу: Усть-Киренские на жильцов на служилых людей: на Федьку Микифорова сына Черниговского и на братей ево родных на Ониську да на Ваську да на присыльных черкас на пашенных...и иных товарыщев, незнаемых воров и разбойников, на сорок человек и больше. В нынешнем, государь, во 173-м [1665] году, на весне, маия в 11 день, воевода Лаврентей Овдеевич Обухов поехал с Ленского волоку из Илимского острогу в Ылимской дальной уезд на усть-куцкую и усть-киренские торговые ярманги. А без себя в остроге оставил твоей великого государя казны и острогу беречь служилых людей. А нас, холопей твоих, подьячих, взял с собою для письма твоих всяких великого государя приказных дел. А нас же, холопей твоих, городничего и служилых людей, взял с собою в тот киренской поход для своей дворовые работы и для судового верхового ходу, а не для обережи, без оружья и без пороху, и без свинцу. ... Июня в 27 день он, воевода Лаврентей Овдеевич Обухов, с усть-киренские с торговые ярманги, собрався на судно, в дощеник, и взяв с собою нас, холопей твоих, да торговых людей ... да присыльных поляков, илимских казаков ... да промышленных людей, человек сорок и больши, всех людей безо всякого оружья и без пороху, и без свинцу, и пошел Леною рекою вверх к Илимскому острогу, и нас, холопей твоих, служилых людей, заставил итти на бечеве, тянуть судно. И отошед от киренские торговые ярманги, от Никольского погосту, верст з десять и больши, прошед урочище курью, в заостровье, июня против 28 числа, в ночи, наехали в стругах и горою набежали они, воры и разбойники Федька Черниговской да Мишка Сапожник с товарыщи, и на сонных людей приступом на дощаник збежали, и из огненново оружья, и из луков по сонным людем стреляли, копьи и рогатины, и тунгускими пальмами кололи, и в воду в Лену реку с судна бросали, и топили. А нас, холопей твоих, в судне с воеводою, небольших людей, обсадили и в дощаник, во льяло, по нас, холопей твоих, стреляли, и у дощаника двери льяла отняли, и выходу ис судна не дали. И воевода Лаврентей Овдеевич Обухов, убояся их воровского розбою, покиня твою великого государя денежную, таможенную и пятинного збору, и ясашную соболиную казну, и Илимского острогу Съезжие избы твою, великого государя, печать и уложенную книгу, и всякие приказные дела, преж всех походных людей ис судна побежал, бросился в воду и поплыл на берег. И дворовые люди за ним с судна все побежали ж в лес. А воры и разбойники на воде по нему, воеводе, из оружья стреляли и, наехав в стругу, у берегу копьи и тунгускими пальмами заколи досмерти. А мы, холопи твои, с твоею великого государя таможенною и пятинного збору, и с ясачною казною сидели в судне в осаде. А племянник ево, воевоцкой, Богдан Обухов и пасынок ево Иван Морев, и человек ево Дейко сидели у воевоцких животов в судне в казенке. А воры и разбойники воеводу убили, нас, холопей твоих, из осады взяли, истязали, били и губили насмерть. ... А иных служилых и промышленных людей ранили ж, и побили досмерти многих. А после разбою твою великого государя денежную, таможенную и пятинного збору, и ясачную соболиную казну, и Съезжие избы печать, и уложенную книгу, и всякие приказные дела у них, воров, упрошали упросом. И на берег с судна нас, холопей твоих, они, воры, разбойники, збили, и взяли твой великого государя казенной дощеник и верховые судовые всякие, и запасные варовые снасти, и твое великого государя илимское войсковое знамя, которое было с ним, воеводою, в походе, и воевоцкие животы, и наше, холопей твоих, платьишко и всякое борошнишко, и деньги пограбили. А у ково что, государь, они, воры, у нас, холопей твоих, животишек и платьишка, и борошнишку, и денег взяли, и тому, государь, у нас, холопей твоих, порознь к тебе, великому государю, будут челобитные. А на розбое они, воры и разбойники, говорили, что де итти в Даурскую землю. А быть де у них атамана Киренские волости Никольского погосту прикащику Илимского острогу пятидесятнику Микифорку Черниговскому. А мы, холопи твои, их воровского и разбойного заводу, и думы, и побегу не ведали, и уберечь нам от смерти воеводы Лаврентья Овдеевича Обухова было немочно и нечем, потому что оружья с ним, воеводою, и с нами, холопями твоими, в походе никакова и пороху, и свинцу не было, а воры и разбойники оружейны. И подняв на судне твое великого государя илимское знамя на дощанике они, воры, от берегу отвалили, и поплыли наниз по Лене реке. А нам, холопям твоим, за ними в погоню итти было некем и нечем, потому что мы, холопи твои, многие ранены, а иные промышленные люди побиты досмерти».

В 1665 году Ганька Туголуков был илимским казаком.

Но в последующем в Дозорных книгах Илимского уезда сообщается о Туголукове, как о пашенном крестьянине:

«Дозорная книга Илимского уезда 1673 (181) г. Енисейского присуду подпорожных деревень пашенные крестьяне

Галанка Яковлев сын Туголуков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 114 об.].

Или Галанка это не Ганька? Это Галактион, а не Гаврила?

Находим Гаврилу. Действительно, он продолжает службу:

«Окладная книга Илимского острога 1677 (185) г.

Ганка Самойлов сын Туголуков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 633. Л. 41].

А в 1696 году проявились в Илимском остроге, по всей видимости, его сыновья: «выбор» составленный в Илимске об отказе илимскому воеводе стольнику Б.А. Челищеву от власти и о передаче управления выборным людям подписали в числе многих Ивашко и Лазарко Туголуковы.

Впоследствии воевода Челищев писал:

«…Да в тех же государь, числех и в-Ылимском сын боярской Пиминко Сташкеев, Гаранька Учюжников, Федька Рупышев, Якушка Сенотрусов, Гаранька Пискулин, Мишка Березовской, Тимошка Кирнаев, Ивашко Филипов, Ивашко Туголуков, Евсевейко Дедюхин, Онашка Тарской, Васька Цепкин, Мишка Горбун, Ивашко Псковитин, Сенька Скуратов, Куська Завьялов, Васька Чюхлин, Петрушка Морковкин, Митька Скуратов, Левка Фирсов, Мирошка Нифантьев с товарыщи забунтовали и знамя выносили и середь города ставили и в барабаны били и збор чинили и около воеводского двора караул приставливали и написали воровское письмо, что мне, холопу твоему, от воеводства отказать и послушным всем не быть, а хто с ними в совет не пойдет и х тому письму рук не приложит, и тем людем насыпав песку или каменья наклатчи в пазуху, сажать в воду, и то воровское письмо отдано Стеньке Шангину».

В это же время — в 1698 году — в Иркутске появляется Туголуков Андрей Иванов сын — «из туринских служилых людей, которым в 1698 г. велено служить на вечное житье по Иркутску» [Черепанов А. Родословный справочник Иркутска].

Появляется свой Туголуков и в Якутске в 1720 году:

«Двор вдовы Парасковьи Фроловой и живет в дому ея … на подворье служивой набору Якова Ельчина Осип Ларионов сын Туголуков тритцети лет (1690)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 49].

Есть данные за 1730 год по Илимскому уезду, откуда нередко черпались ресурсы для кадрового пополнения Якутского казачьего полка. Но имени Лариона там нет:

«Книга сборная оброчному провианту Илимского уезда, 1730

Кежемская слобода

Крестьяне

Иван Туголуков 26. У него брат Афонасей 15. У него Ивана пасынок Сава Евсеев сын 3» [РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Д. 308. Л. 26 об.].

А в гарнизоне Гижигинской крепости в 1766–1781 гг. служит казак Василий Алексеев сын Туголуков [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 13. Л. 9].

В Нижне-Колымске в 1781 году — Иван Тугулуков [НА РС(Я), фонд 401 п, опись 1, дело 1 т. 2, л. 253–256].

И опять нам не удается «связать концы с концами» — и Алексея мы не находим, и потомков самого Василия Алексеевича.

Но интересно другое:

Из рапорта передовщика, иркутского купца Д.Я. Шабалина в канцелярию Охотского порта о пребывании в 1778 году на Курильских островах и встречах с японскими купцами мы узнаем о том, что в составе этой экспедиции в качестве переводчика курильского и японского языка был енисейский посадский Михайло Туголуков [РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2539. Л. 124–132].

А в 1792 году в Японию была направлена на бригантине «Святая Екатерина» специальная экспедиция. И вот что нам сообщает Б. Гринштейн в книге «Земля за океаном»:

«Теперь об экипаже бригантины “Св. Екатерина”, на борту которой прибыл в Японию первый посланник Лаксман … Его управляющий делами Иван Филиппович Трапезников был сыном Филиппа Трапезникова (Чосукэ), преподавателя якутской школы. Егор Иванович Туголуков, переводчик, учился японскому языку в Иркутской школе у Ивана Семенова (Кюсукэ)».

Но и в Илимске Туголоуковы тоже процветали:

«Еще в начале XIX в. в Илимске числилось два купца 3 гильдии — Д. Козлов и Е. Туголуков. В 1818 г. Козлов выбыл в мещане, а Туголуковы начали объявлять капитал по г. Киренску, хотя средой их деятельности по-прежнему осталась Нижнеилимская волость».

И еще один путь, который открывал дорогу на Северо-Восток — солдаты.

В 1748 году в Енисейском пехотном полку, откуда также шло пополнение гарнизона Гижигинской крепости, служил Федор Туголуков, а в 1754 году еще и Семен Туголуков» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 65 об.].

Но ответа на вопрос, откуда прибыл казак Василий Алексеев сын Туголуков, мы, к сожалению, так еще и не получили…

ТУМАНОВЫ

И снова позвало письмо начать поиск. Я даже не знаю, как это письмо оказалось в моем архиве, ведь адресовано оно было вовсе даже не мне:

> *Начальнику УВД Петропавловск-Камчатского городского округа.*
> *Уважаемый*
> *В 2014 году исполняется 55 лет со дня открытия Музея Воинской Славы, к этой дате планируется выпустить сборник, куда будут включены и документы из фондов нашего музея.*
> *В фондах хранится личный дневник Екатерины Владимировны Тумановой, важный источник по истории нашей страны, период записей 1941–1943 гг.*

Настоящий дневник поступил в музей от Новиковой Ольги Алексеевны. Был обнаружен при продаже частного дома на улице Фрунзе.
Просим Вас сообщить, проживала ли с семьей по улице Фрунзе в г. Петропавловске-Камчатском семья Тумановых в следующем составе:
Екатерина Владимировна Туманова, ее муж Николай, дети: Маргарита, Алик. Возможно, приехали на Камчатку из Пензы или г. Москвы.
С уважением, заведующий Музеем воинской славы: П.В. Рудев
Исп. Борисов В.И.

Собственно, и письмо не по моей вроде как теме — люди приехали то ли из Пензы, то ли из Москвы…

Но на всякий случай я заглянул в свою картотеку и обнаружил, что служилые люди Туманы и Тумановы оставили свой след и на Дальнем Востоке, и конкретно на Камчатке.

Связаны ли они каким-то образом с Тумановыми, проживавшими в годы Великой Отечественной войны в Петропавловске-Камчатском по улице Фрунзе, я не знаю.

Но знаю другое, о чем и расскажу.

В 1690-х годах в Анадырском остроге служил Федот Туман.

А вот далее его история, скорее всего, напрямую связана с деятельностью анадырских тумаков (незаконнорожденных — то есть некрещеных — анадырских казачьих детей) Андрея Кутьина, которому приказчик Анадырского острога Михаил Зиновьев сын Многогрешный Черкашенин по возвращении из похода Владимира Атласова направил группу казачьих детей, находящихся вне анадырского штата, на восточное побережье Камчатки для организации шести зимовий на пути в Камчатку из Апукинского зимовья до реки Уки, с чем эти казаки и успешно справились.

У С.П. Крашенинникова эта история излагается в несколько иной интерпретации:

«Между тем анадырские тумаки Андрей Кутьин с товарыщи из Анадырского острогу проведали про живущих на Уке реке, которая впала в Восточное море, иноземцов, и, пришед на оную реку близ устья впадающей в помянутую реку с левой стороны Кальны речки, построили шесть зимовей, и стали брать с оных иноземцов ясак».

Почему же я думаю, что без Многогрешного здесь не обошлось?

Да потому, что Михаил Зиновьевич имел над тумаками реальную власть. И не только потому, что без наказа приказчика Анадырского острога никто в остроге и пикнуть не смел. А потому, что у Многогрешного были и какие-то свои рычаги влияния на этих людей, когда он пришел на Камчатку в должности ее главного приказчика:

В долине реки Камчатки отряд Многогрешного разделился. Большая его часть отправилась в верховья реки — в Верхнекамчатский острог, чтобы принять «хозяйство и дела» от приказчика Камчатки Тимофея Кобелева. Другая его часть, объединенная с анадырскими казаками из отряда Андрея Кутьина, строившего зимовья на северо-восточном побережье Камчатки, должна была призвать к уплате ясака жителей нижнего течения реки Камчатки и заложить в их землях Нижнекамчатский острог.

Но нижнекамчатские камчадалы, которых во время своего первого похода Владимир Атласов, объединившись с верхнекамчатскими камчадалами, попытался «огненным боем» взять «в страх», теперь не побоялись уже вступить в бой, и сибиряки понесли значительные потери — в числе погибших был и казак Федор Туман.

Федор и Федот нередко являются одним и тем же именем.

Но вполне возможен и другой вариант — Федор мог быть сыном Федота Тумана.

Почему мы рассматриваем такой вариант?

Потому что в период Смутного времени на Камчатке, приходящийся на 1731 год, погиб еще один Туман:

«Колпаковой реки ясашной же иноземец Харлапан ношным временем из юрты лесницу вывернул и в той юрте сожек служилого человека Дмитрея Попова, да казачьих детей Андрея Ховкина, Ивана Туманова, да служилого Ивана Панютина жену з двумя дочерьми» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 117 об].

А по переписи 1722/1748 годов обнаруживается еще один камчатский Туман:

«Большерецкого острогу

Разночинцы

Осип Туман» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 117 об.].

Но это еще не все — был еще Данило Туман, у которого были на Камчатке дети. По крайней мере, мы знаем уже одного из них:

«Петропавловский порт, 1813 год.

Петропавловская казачья команда

Туманов Иван Данилович (1750), казак. Ж. Анисья Панфиловна (1776)» [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

О потомках Ивана Даниловича Туманова ничего не знаем.

Может быть, только пока…

ТУРНАЕВЫ

И спустя много лет после написания книги «Тайны камчатских имен» [П-К, 2014] я так и не смог ответить, каким образом фамилия Турнаевых оказалась на Камчатке.

Согласно имеющимся у меня материалам первое упоминание этой фамилии на Камчатке в селении Еловка относится к 1750 году и связано с деятельностью Камчатской Духовной Миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевского [РГИА ДВ. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 26].

Поиск крестного отца камчадалов Турнаевых, который мог находиться на Камчатке в тот период, ничего не дал.

В истории Дальнего Востока был отмечен матрос Мирон Турнаев, но, по сообщению одного из руководителей Второй Камчатской экспедиции Мартына Шпанберга, он… умер:

«Матроз 1 статьи Мирон Турнаев.

Умре февраля 12 дня 1739 году [ЦГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 43. Л. 176–181].

Возможно, в Охотске или на Камчатке оставались его дети, но никаких сведений о них у нас нет.

Поэтому личность матроса 1-й статьи Мирона Турнаева остается для нас в этой истории определяющей.

Турнаевых мы нашли в Тобольске и в Томске.

Тобольск, 1710 год:

«Двор а в нем драгун Федор Тимофеев Турнаев сказал себе от роду 33 лет у него жена Марья 35 лет у них пять сынов Григорей 10 лет Федор 8 лет Иван 6 лет Василей 3 лет Семен году дочь девка Домна 14 лет у него отец Тимофей 70 лет у него жена Наталья 80 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 141].

Томск, 1703 год:

«Переписные книги Томского города разных всяких чинов которыя владеют пашенными заимками и сенными покосы и рыбными ловлями и мельницами и всякими угодиями

В Томском уезде в Сосновском стану конные казаки живут в разных деревнях на пашенных своих заимках

Село Флоровское Заледеево тож на р. Томи

Дмитрей Иванов сын Турнаев, сын Иван 5, Мирон 3, Яким году; братья родные Иван женат, у него сын Петр 2, Софрон 0,5; Стефан женат, Василей 16, Алексей 8.

Семен Васильев сын Турнаев, сын Яков году [Дозорная книга Томского уезда. 1703 г. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л. 48–48 об.].

Вполне вероятно, что наш герой — из казачьих детей Томска Мирон Дмитриев сын Турнаев (1700).

Первое известное нам сообщение о нем датировано 1728 годом:

«Безрезультатно закончился и поход И.П. Козыревского на небольшом одномачтовом судне типа эверс, построенном им за свой счет в Якутске. Козыревский с матросом Турнаевым, назначенным мореходом на эверс, и матросами А.Ф. Шестакова отправился 6 августа 1728 г. для поиска земель против устья р. Лены, к зиме судно было вытащено на берег, однако 28 мая 1729 г. было изломано льдом. И.П. Козыревский с командой возвратился в Якутск».

Мирон Турнаев тогда был матросом в составе экспедиции Шестакова – Павлуцкого, а затем был переведен в команду Беринга – Чирикова – Шпанберга.

На Камчатке в селе Еловка камчадалы Турнаевы продолжили за матроса Турнаева службу Родине.

Турнаев Николай [Аполлонович] в 1904/1905 годах защищал Камчатку от японцев.

Турнаев Павел Иванович (1921 — пропал без вести 02.1945), участник Великой Отечественной войны.

ТУТЫШЕВЫ

Тутышев Василий Никитич, иркутский мещанин. Ж. Любовь Михайловна.

Тутышев Иннокентий Васильевич (03.01.1845)

Тутышев Михаил Васильевич (01.10.1846)

Тутышев Иннокентий Васильевич (09.02.1648)

ТЫРТОВЫ

Старинная дворянская фамилия, которую выводят из прозвища со значением «болтун».

Известна с XV столетия:

«В октябре 1490 г. Иван III пожаловал сыну боярскому Тыртову небольшую новгородскую волостку “в поместье”».

Но собственно дворянство приходит к Тыртовым позже:

«Происходит от Гавриила Семеновича Тыртова, бывшего посланником к крымскому хану Сафа-Гирею (1543) и убитого (1548) в сражении с татарами.

Его сын Тихон был сотенным головой в ливонском походе (1558). В XVI и XVII веках несколько Тыртовых были воеводами. Род жалован от государей за службу поместьями (1627)».

Герб был разработан позже – уже во времена царя Петра:

«В голубом поле видна вылетающая с левой стороны из облаков серебряная стрела, а внизу нее изображены три серебряные звезды и золотой лев, идущий по земле в правую сторону.

На щите дворянский коронованный шлем. Намет на щите голубой, подложенный золотом».

А в период опричнины Ивана Грозного этот род основательно пострадал.

Сыновья Гаврилы Семеновича — Тихон, Торх (Правоторх) и Иванец в Тетради дворовой записаны по Костроме. Тихон был казнен — его имя есть в Синодике опальных.

Князь Андрей Михайлович Курбский в «Истории о великом князе Московском» писал:

«О казнях боярских и дворянских родов. Убиты Иван Петрович и его жена Мария. Об Иоанне Шереметеве. Погублен Семен Яковлевич, Хозяин, нареченный Тютиным, со всем родом, так же и другие мужи известные и богатые. Убиты: Иоанн Хабаров с единственным сыном его, Михаил Матвеевич Лыков и с ним близкий родственник его, юноша. О подвиге Матвея Лыкова. Судьба его детей. Погублен род Колычевых. Убиты: Василий Разладин Квашня, Дмитрий Пушкин, Крик Тыртов, Андрей Шеин, Владимир Морозов, Лев Салтыков с четырьмя или пятью сыновьями…».

Крик Зуков сын Тыртов — представитель еще одной ветви этого рода.

При царе Петра начинается восхождение Тыртовых-флотоводцев:

«1702 [год]

Наконец сам Борис Петрович Шереметев в 1702 г. января 1 одержал под деревнею Ересфера полную победу над 7000 шведов под командою Шлипенбаха. 3000 неприятеля легло на месте. Весь обоз и артиллерия были взяты в плен, взято 14 штаб и обер-офицеров, унтер-офицеров и рядовых 356. С нашей стороны убито до 1000.

Царь праздновал сию победу в Москве и пожаловал Шереметева фельдмаршалом, а через Меншикова послал ему Андреевскую ленту.

Посланный от окольничего Петра Апраксина полковник Тыртов разбил на Ладожском озере

эскадру вице-адмирала Нумберса, сжег 2 шкуты, одну потопил и 2 с 6 пушками взял в плен».

Адмиралами российского флота были братья — адмирал, генерал-адъютант, управляющий Морским министерством, член Государственного Совета, начальник эскадры Тихого океана (1891) Павел Петрович Тыртов (1836 – 04.03.1903) и Тыртов Сергей Петрович (1839 – 10.01.1903) — вице-адмирал, начальник соединенных эскадр в Тихом океане (1892).

Именем С.П. Тыртова названа гора в заливе Лаврентия (Берингово море).

И еще один Тыртов-дальневосточник:

«Петропавловская экипажная рота.

Тыртов Михей Стефанович (1748), матрос 2 статьи» [РГИА ДВ Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

И конечно, интересен вопрос: имеет ли наш Тыртов какое-то отношение к этому старинному дворянскому роду?

И на этот счет у нас есть интересная версия.

В 1771 году на Камчатке произошел Большерецкий бунт. Его ядром были камчатские ссыльные, среди которых был Иоасаф Батурин, который до Камчатки провел 16 лет в одиночной камере за попытку организации дворцового переворота в пользу царевича Петра Федоровича (будущего императора Петра III):

Подробно об этом можно прочитать в моей книге «Встречь солнцу», а здесь же я ограничусь цитатой:

«В Преображенском, в котором существовали еще в то время ужасные Петровские застенки, допрашивали, кроме Батурина и великокняжеских егерей или пикеров, как они названы в подлинном деле, еще суконщика Кенжина и служащих в Воронежском батальоне: подпоручика Тыртова, с двумя гренадерами Худышкиным и Кетовым.

Следствием обнаружилось следующее: Батурин просил двух егерей псовой охоты вел. кн. Петра Федоровича доложить его высочеству, что он, Батурин, может подговорить к бунту всех фабричных, Преображенский батальон, находящийся в Москве, и лейб-компанцев, участвовавших в возведении на престол Елисаветы Петровны, “которые-де к тому склонны и того давно желают, а им-де от его высочества дана будет знатная сумма денег”. Все мы совокупясь — говорил Батурин велико-княжеским егерям — заарестуем весь дворец и Алексея Разумовского, а в ком не встретим себе единомышленника, того изрубим в мелкие части. Государыню же не выпустим из дворца до тех пор, пока его высочеству коронации не будет, а ежели той коронации не захотят архиереи, мы всех их, где бы они ни были, вытащим и принудим к тому силою. За тем, взяв великого князя, привезем его в церковь и велим короновать, а какой архиерей не послушается, тому отрубим голову. “Ежели-де не бунтом идти, то его высочеству коронации никогда не бывать, для того что до той коронации Разумовский не допускает”, а по этому, Батурин полагал собрать “хоть малую партию”, нарядить всех в маски, посадить на коней и, улуча Разумовского на охоте, изрубить его или другим каким способом искать его смерти. В другой раз Батурин просил егерей доложить великому князю, что у него уже собрано тысяч с тридцать людей, да еще может быть приготовлено тысяч двадцать и что ему помогут исполнить задуманное “намерение” большие люди: граф Бестужев и генерал Степан Апраксин, которые, будто бы, уже стали на его сторону. Батурин пояснил на допросе, что он и сам хотел было однажды ехать к камердинеру великого князя Ивану Николаеву и просить, чтобы тот доложил об его намерении его высочеству, но, будучи пьян, не поехал.

Привлеченный к допросам суконщик Кенжин, может быть, был один из тех беглых рабочих суконной фабрики Ефима Болотина, которые летом наделали столько хлопот и своему хозяину, и мануфактур-коллегии. Батурин, подговаривая Кенжина “склонить к бунту всех фабрик работных людей, обнадеживал его тем, что вел. князь отдаст суконщикам удержанные заработные деньги и еще наградит от себя”; Батурин даже уверял, что его высочество уже поручил ему “взять у одного купца пять тысяч рублей для раздачи, к учинению бунта, фабричным”. Подпоручику же Тыртову Батурин уже прямо говорил, что у него-де готово фабричных с тридцать тысяч, с которыми намерен “вдруг ночью нагрянуть на дворец и арестовать государыню со всем двором”; он убеждал Тыртова быть верным его высочеству, содействовать его коронации и даже объявил ему именной указ его высочества о том, чтобы он, Тыртов, убил Разумовского до смерти, объясняя при этом, что во время Троицкого похода, он, Батурин, хотел было однажды на охоте сам выстрелить в Разумовского из пистолета, но что великий князь удержал его от того. Ободряя Тыртова, Батурин говорил и ему о 5 т. рубл., которые великий князь приказал, будто бы, взять у купца и, “раздав их народу, приводить тот народ к бунту”. Всех этих подробностей задуманного предприятия Батурин, по-видимому, не открывал остальным своим единомышленникам, т. е. гренадерам Худышкину и Кетову. Он им только говорил: мы хотим короновать великого князя, приставайте к нам и объявите своей братии гренадерам, что кто из них будет за нас, того его высочество пожалует капитанским рангом и определит на капитанское жалование, “так как ныне есть Лейб-Компания”. Пример счастливого жребия лейб-компанцев находился у всех на глазах, а самый их подвиг был еще на свежей памяти, а потому нет ничего мудреного, что соблазнительные обнадеживания Батурина увлекли гренадеров. Они, вместе с подпоручиком Тыртовым и вахмистром Урнежевским, приложились к складням и поклялись пред ними, что “ежели кто из поименованных куда попадется, то б тому о том никому не сказывать”. После этой присяги Батурин отправился с Урнежевским к московскому купцу Ефиму Лукину и, назвав себя “обер-кабинет-курьером”, объявил, что его высочество великий князь приказал взять у него, Лукина, денег пять тысяч рублей. Удивленный Лукин ответил, что он недавно приехал из Петербурга

и не видел там великого князя, “а не видав-де его высочества денег ему, Батурину, не даст”. Этот решительный ответ не смутил Батурина. Он потребовал бумаги и, написав на имя его высочества записку “латинскими литерами”, просил Лукина передать ее великому князю. В этой записке Батурин писал, что “у него готово людей пятьдесят тысяч”. В деле пояснено, что Батурин по этой записке “желал получить от его высочества отповеди” и что ежели бы он получил от Лукина требуемые деньги, то роздал бы их “к объявленному бунту солдатству и фабричным”. С тем же Урнежевским, Батурин ходил “к одному крестьянину о своем намерении загадывать” и тот, как сказано в деле, “обманывая их и загадывал”. Неизвестно, какое гадание вышло Батурину, но только дни его свободы были уже сочтены и созданный им план восстания рушился вследствие доноса. Какими же, однако, соображениями руководствовался Батурин, в своем “злодейственном намерении к бунту” в пользу вел. кн. Петра Федоровича? На это сам подсудимый дал следующий ответ в тайной канцелярии:

“Слова о коронации я говорил в тех рассуждениях, чтобы ее величество была при своей полной власти, как она есть и теперь, а его б высочество, с повеления ее величества, имел одно только Государственное Правление и держал бы армию в лучшем порядке, не так как она имеется (теперь). Ежели б армия была под предводительством его высочества, то б всякий солдат, видя его высочество при армии, сам себе храбрости придал и уповая, что его монарх присутствует при войне, делал бы больше храбрых оказий и поступков; а в Государственном Правлении, его высочество мог бы всякому бедному против сильных лиц защищение чинить”.

При чтении этого показания невольно вспоминается сделанный М.Ф. Каменским, в 1765 г., в письме к в. кн. Павлу Петровичу, намек на сорок лет терпения, после коих российское войско удостоено было, наконец, видеть лицо своего государя, т. е. [178] Петра III-го. Очевидно, что мысли, высказанные Батуриным на допросе, разделялись многими военными людьми того времени.

Екатерина объясняет в своих записках, что она не видела и не читала дела Батурина, но что ей сказывали за достоверное, что последний хотел лишить жизни императрицу, поджечь дворец и, воспользовавшись общим смущением и сумятицею, возвести на престол великого князя Петра Федоровича. Полагаем, что это преувеличено, потому что даже после дознания с обычным пристрастием не обнаружилось, чтобы план Батурина имел такой разрушительный характер. Трудно утверждать это с полною уверенностию, так как в имеющейся у нас выписке из подлинного дела нет ни показаний купца Лукина о деньгах и о записке Батурина “латинскими литерами”, ни показаний великокняжеских егерей о том, докладывали ли они его высочеству о замысле Батурина. Вышеприведенное свидетельство Екатерины о радости Петра Федоровича при известии, что его имя не посрамлено на допросах, конечно дает право заключить, что егеря действительно не докладывали великому князю о Батуринском замысле, но с другой стороны, весьма возможно допустить, что егеря не желали выдавать великого князя; наконец, и сами следователи могли обходить этот щекотливый вопрос, чтобы не позорить репутации наследника престола. Во всяком случае, дело это представляется весьма загадочным. Такова была и развязка его: императрица Елисавета Петровна, прочтя представленный ей экстракт из дела, по неизвестной причине, не положила никакой конфирмации, “а за невоспоследованием конфирмации” (как сказано в деле), Батурин послан из тайной канцелярии “к крепкому содержанию” в Шлюссельбург, лишь в 1753 г., т. е. через четыре года после того, как был арестован!

Из соучастников Батурина — гренадеры Худышкин и Кетов посланы в Рогервик, в работу, подпоручик Тыртов и суконщик Кенжин сперва туда же, а потом в Сибирь “в острог, на житье вечно”. Великокняжеские егеря, “кои только об оном намерении слышали и не донесли”, освобождены. Наконец, крестьянин, “за обманное угадывание“, послан в Оренбург, для определения на службу, “в какую способен явится”».

Род Тыртовых на Камчатке не был продолжен и угас. Слабые фамильные следы Тыртовых мы находим в Нерчинске:

В 1797 году «Салдат Леонтей Тыртов первым браком плавильщика Прокопья Широковского здочерью ево девицею Феодосией». А в 1825 году — того же Леонтия, но уже в чине унтерофицера, и, возможно, его сына Дорофея, тоже унтер-офицера. Но не отсюда ли реальный наш, камчатский, след?..

Иоасаф Батурин, приняв участие в Большерецком бунте, бежал с Камчатки на казенном галиоте, захваченном бунтовщиками, в Китай, оттуда на зафрахтованном французским судне отправился вместе с другими бунтовщиками во Францию…

Но…

«Умре во время перехода из Кантона в Марицій (остров Маврикий. — *С.В.*) февраля 23 ч., 1772 г.»

ТЮШЕВЫ

Первые страницы дальневосточных казаков Тюшевых открываются на Камчатке.

В 1712 году верхнекамчатский казак Григорий Тюшев стал участником казачьего бунта, который подняли казаки из рода тобольских казачьих детей, набранных в Тобольске еще казачьим головой Владимиром Владимировичем Атласовым.

Причина бунта — их не включили в число воровских казаков атамана Данилы Анцыферова, которые, убив трех камчатских приказчиков, в том числе и Владимира Атласова, присвоили их «пушное добро», «раздуванив» между своими, исключив из этого числа юных тоболяков, в числе которых оказался и Григорий Тюшев.

В первом томе книги «Памятники сибирской истории» сообщается и о вынесенном рядовым участникам бунта приговоре:

«...тех его Константиновых (верхнекамчатского приказчика Константина Киргизова. — *С.В.*) товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводке водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным там бунтовать и скопы и заговоры не заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».

А вот было ли неповадно — большой вопрос.

Прошло всего семь лет, и вот что сообщает С.П. Крашенинников в книге «Описание земли Камчатки»:

«Большерецкого острогу прикащик Василей Качанов, будучи на приказе, чинил, как русским, так и иноземцам, великие обиды, с иноземцов брал в ясак одного соболя, а себе трех, о чем по смене его Качанова с приказу иноземцы лутчие тойон в Большерецком в приказной избе и били челом.

Как некогда случилось ему ехать из Большерецкого острогу в Верхней Камчатской острог, то в небытность его казаки удумали с приказу его сменить, что они и зделали, ибо как помянутой Качанов назад в Большерецкой острог поехал, то он по дороге получил известие, что большерецкие служивые Василей Княжей, Григорей Тюшев с товарищи учинили без него разбой, и на постоялом его дворе весь его багаж обрали, и приезду его караулят и хотят его убить.

...Прикащик Василей Качанов, видя помянутых бунтовщиков непокорство и великие обиды, извещал о том детям боярским Петру Мухоплеву, Назару Колесову и казакам, которые к бунту казаков Василья Княжева с товарыщи не приобщились, что послан он Качанов по указу на Большую реку прикащиком и велено ему как русских, так и иноземцов ведать судом и расправою. Да ему же, Качанову, велено в удобном месте построить город и казенные анбары, потому что ясашная казна будет привозиться со всех острогов на Большую реку, и аманаты всех острогов будут держаны на Большой реке, и назначено де по указу быть столичному месту на Большой реке и морской пристани.

И по силе оного указу в феврале месяце посылал де он, Качанов, для рубления лесу на вышеписанное строение казаков, Григорья Тюшева с товарыщи, которые несколько лесу и срубили, а ныне де оные служивые забунтовали и чинят де остановку в приказанном ему деле.

Между тем Кыкчика реки чрез тойона Окагыша в Большерецком остроге получено известие, что три острога иноземцов Воровской реки изменили, и посланных из Большерецкого острога за збором ясашной казны служивых Кирилу Цаплина с товарыщи в 7 человеках убили.

Получа вышеозначенное известие, служивые бунтовщики посылали к Василью Качанову, чтоб он шел в ясашную избу и отправил бы служивых в поход на изменников Воровской реки, а сами они, бунтовщики, зговорились, чтоб его, Качанова, как он в ясашную избу придет, посадить в казенку.

Хотя Качанов и знал, что его бунтовщики хотят посадить в казенку и убить, и он по сие время для того в ясашную избу не ходил, однакож он, известяся о убивстве служивых, по их бунтовщиков просьбе, пошел в ясашную избу, надеяся, что они, опасайся иноземческой измены отложа бунт, в прежнее состояние пришли, но надежда его обманулась, ибо как только он в ясашную вошел, то бунтовщики, не допустя его до судейского места, оковав в казенку посадили, а на его место выбрали прикащиком бывшего при Качанове пищика Григорья Попова.

...1719 году июля с 15 числа Нижнего острога прикащик Иван Уваровской с прочими поехал на судне возвратно в Якуцк с ясашною казною, а Василей Качанов сидел в казенке по август месяц, а августа 15 дня оной Качанов с прочими с его стороны служивыми, которые в казенке же сидели, ушел, и, пришед в Нижней острог, жил по июня месяца 1720 года, а июня месяца вышел оттуда в Якуцк и в Тобольск, где он о своей обиде бил челом. И по челобитью его бунтовщики большерецкие служивые в Тобольске розыскиваны и в ссылки разосланы».

Правда, в оценке другого историка — А.С. Сгибнева — автора «Очерка главнейших событий в Камчатке» — ситуация с бунтом была несколько иной, чем обыкновенная смута и грабеж:

«Качанову, отправившемуся из Охотска 12 августа 1718 г., поручено было управление всею Камчаткою и устройство города на Большой реке, как самом удобном месте для якорной стоянки и зимовки приходящих из Охотска судов. Кроме того, ему было приказано со служилыми, посланными с ним из Якутска, и большерецкими казаками построить в удобном месте крепость, где хранить со всех острогов ясачную казну до отправления ее в Якутск, казенное имущество и содержать аманатов.

Качанову предписано было ясаки отправлять со служилыми и мореходами в Охотск; а самому оставаться в Камчатке до особого распоряжения, чего прежде никогда не делалось. До него все прикащики отправлялись в Камчатку за ясачным сбором обыкновенно осенью, и, пробыв там зиму, возвращались весною, чтобы лично представить ясак в Якутск. Приняв в свое управление камчатские остроги, он, в видах приобретения у камчадалов привязанности к себе и доверия, выпустил из Большерецка давно содержавшихся там в казенке крепко закованных Воровского острожка (получившего название по частым изменам живших в нем камчадалов. — *Авт.*) двух аманатов Киврю и Купку, которых камчадалы слушались и держались умом к злодуме и измене по их великим умам. Воротившись из плена и узнав от своих родовичей о

разных притеснениях от русских, они вздумали отомстить им и возмутили камчадалов, которые сперва убили сборщика Степана Чаплина с 4-мя человеками, а собранные им ясаки разделили между собою; потом убили двух служилых, посланных Качановым за сбором с камчадалов белой травы, кипрею и всяких кормов, что до настоящего времени делалось в год по нескольку раз. После того камчадалы хотели идти на р. Ичу, сжечь судно, на котором прибыл Качанов, и убить оставшихся при нем людей; но Качанов, узнав об их замысле, послал из Большерецкого острога на Воровской острожек сына боярского Мухоплева с 30 вооруженными казаками. Ему поручено было уговорить иноземцев принять по-прежнему подданство и выдать отпущенных к ним аманатов; если же они на это не согласятся ласковыми убеждениями, то усмирить вооруженною рукою. Мухоплев по прибытии к ним потребовал выдачи выпущенных аманатов, как главнейших изменников; но иноземцы согласились лучше умереть, нежели подвергнуть своих однородцев томительному заточению в остроге. Не видя более возможности уговорить их, Мухоплев начал громить камчадалов огнестрельным оружием. Три острога их разорены и сожжены, а люди почти все перебиты. Казаков у Мухоплева убито три человека, многие ранены. У убитых камчадалов взят 21 соболь из числа ясаков, собранных Чаплиным, но, главное, спасено судно и его команда.

При отправлении осенью 1719 г. в Охотск судна (на этом судне большерецкие служилые послали с мореходом несколько соболей для покупки Нового Завета для большерецкой церкви. — *Авт.*), послан из Камчатки в Якутск донос на Качанова, что причинами измены на р. Воровской были безрассудные его распоряжения: во-первых, данная свобода двум аманатам, которые постоянно руководили соотичей к восстанию и, во-вторых, отправление для своих выгод двух казаков за поборами. А как по заведенному в Камчатке обычаю всякий прикащик, подвергавшийся доносам, лишался права на управление и имение его конфисковалось до исследования, то казаки своевольно распорядились посадить Качанова в тюрьму и забрать себе его пожитки. Однако Качанову удалось спастись от заключения бегством, а мятежники были впоследствии взяты в Тобольск, где жестоко наказаны. Главный зачинщик был казак Попов».

Но, тем не менее, финал один и тот же — следствие в Тобольске и жестокое наказание — ссылка.

Что мы знаем об этом Тюшеве?

В архивных материалах, датированных 1720 годом, есть сообщение:

«Служивой ево ж Афонасья набору Григорей Васильев сын Тюшевых холост сказал сороки дву лет (1678)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 68].

Возможно, это было совпадение и на самом деле Григориев Тюшевых было два.

Правда, в переписи за период с 1722 по 1748 год тоже есть Григорий Тюшев:

«Большерецкого острогу

Разночинцы

3260) Григореи Тюшев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 118].

Что касается Григория Васильевича, то есть версия, что он из Красноярского острога:

1671 год. «Десятник Васька Иванов с. Тюшев ж-т в городе» [РГАДА ф. 214. оп. 1. кн. 566]. По возрасту, как видите, совпадает со временем службы Василия Ивановича.

А вот Григорий Васильевич, в отличие от камчатского Григория Тюшева, служил в 1722/1748 гг., согласно той же переписи, в Охотоморье:

«Тауиского острогу

Разночинцы

3488) Григореи Васильев сын Тюшев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 126 об.].

А из Тауйского острога шло казачье пополнение гарнизона Гижигинской крепости.

Но у нас нет сегодня оснований связывать Григория Васильевича Тюшева с гижигинскими Тюшевыми.

Почему?

Потому что для это есть две причины.

Первая — большой временной разрыв: новые сведения появляются о Тюшевых в Гижигинской крепости только из документов за 1778 год.

Вторая — эти Тюшевы были не казаками, а… солдатами.

Хотя перевод из нерегулярных войск в регулярные не был большой проблемой для администрации дальневосточных российских окраин: и по материалам 1831 года гижигинские Тюшевы у нас уже в казаках.

Есть даже некая преемственность:

Гижигинская крепость. 1778 год:

«Список именной четвертому капральству

Солдаты

Ефим Тюшев» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 71. Л. 7].

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Тюшев Ефим [Ефимов сын] (1790), казак» [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д 6Б. Л. 713–714 об.].

По материалам 1843 года, Ефим Тюшев — проживающий в Гижиге, — отставной казак Охотской сотни.

1831 год: думаю, что все они — братья.

Гижигинская крепость, 1831	Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков Май 1-го дня 1831 года Тюшев Матвей [Ефимов сын] [1802], казак	Национальный архив РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.
Гижигинская крепость, 1831	Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков Май 1-го дня 1831 года Тюшев Иван [Ефимов сын] [1806], младший урядник сверх комплекта	НА РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.

Охотск, 1860	Тюшевы, 1860 ОК Список казаков, находившихся в Охотской команде … с 1860 г. Урядник Тюшев Иван — ум. 12.11. 1860	РГИА, Ф. 1286, оп. 29, Д. 398, Л. 101–101 об., Л. 134
Охотск, 1831	Именной список Состоящих при Охотской Казацкой чинах с показанием лет Март месяц сего 1831 года Григорий [Ефимов сын] Тюшев [1805], писарь	НА РС (Я), Фонд 401 п, Опись 1, Дело 6Б, л. 660 об. – 661 об.
Гижигинская крепость, 1831	Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков Май 1-го дня 1831 года Сверх комплекта Чиновник 14 класса [Григорий Ефимов сын] Тюшев — главный смотритель	НА РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.

Дети Ефима Ефимовича:

Тюшев Алексей Ефимович, хорунжий 14-го класса Гижигинской сотни. Ж. Дарья Егоровна (1796 – 01.04.1845).

21 марта 1864 года в Охотске умер казак Кирик Тюшев [РГИА. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 398. Л. 101 – 101 об., Л. 134].

По всей видимости, это его сын:

Тюшев Николай Кирикович, коллежский секретарь с 27 ноября 1857. В 1858 году — помощник исправника Верхоянского округа [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 352].

А сам Кирик (Кириак) — вероятно, сын Григория Ефимовича, Охотского писаря, а впоследствии чиновника 14 класса (коллежский регистратор). Коллежский секретарь — это уже 10 класс, в который невозможно было попасть без соответствующего наследства.

Вполне вероятно, что это тоже Кирикович:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Казаки

Тюшев Тимофей Кирилов — 52 [1800]» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

Такие описки весьма нередки в казачьем делопроизводстве, и мы с ними постоянно сталкиваемся.

А вот другой пример:

Тюшев Василий Кирикович (1821), казак Охотской сотни. Ж. (16.02.1845) Кокшарова Мавра Варфоломеевна (1819), дочь умершего казака Гижигинской сотни

Дети Тимофея Кирилловича (Кириковича):

Тюшев Иван Тимофеевич, казак Гижигинской сотни. Ж. (09.15.1849) Красовская Наталья Константиновна, дочь умершего урядника.

А это уже сын Ивана Тимофеевича:

Тюшев Дмитрий Иванович (1851–1900), гижигинский казак. Ж. (с 09.02.1883) Кокоулина Мокрина Андреевна (? – 1900), дочь казака.

Дети Дмитрия Ивановича:

Тюшев Иннокентий Дмитриевич (28.01.1879). Ж. Олимпиада Георгиевна (04.11.1887).

Тюшева Елена Дмитриевна (1888), дочь казака. М. (с 03.02.1910) Трифонов Сафроний Васильевич (1888), гиж. мещ.

Тюшев Иван Дмитриевич (27.01.1911)

Тюшева Анна Дмитриевна (02.02.1914)

Тюшева Мокрина Дмитриевна (23.12.1915)

Тюшева Галина Дмитриевна (09.03. 1922)

В Охотске Тюшевы были важным казачьим ядром из числа потомственных охотских казаков:

Список казаков, находившихся в Охотской команде … с 1860 г.

Казак Филарет Тюшев — ум. 15.03.1864

Ефим Тюшев поступил на службу 23.03.1874

Агафон Тюшев умер 01.03.1875 [РГИА. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 398. Л. 101–101 об., л. 134].

Но это еще не весь список охотских казаков. В 1852 году часть из них была отправлена в Амурскую экспедицию, и они строили Петровское зимовье, Николаевский-на-Амуре военный пост.

О семье Василия Тюшева оставил свое сообщение командир Николаевского поста А.И. Петров [Амурский щит, с. 93–94]:

Василий Тюшев — плотник, жена казака Тюшева Мавра, дочь ее Лукерья, сын кантонист Иван Тюшев.

Петровское зимовье строил казак Андрей Тюшев [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

Впоследствии казаки из Амурской экспедиции были приписаны к Амурскому казачьему полку.

И последний штрих — в предреволюционном издании «Справочника Якутской области» за 1911 год представлена якутская казачья элита:

Казанцев Александр Иванович, IX-го класса, атаман Якутского казачьего полка;

Рубцов Илья Александрович, сотник;

Большев Митрофан Дмитриевич, сотник;

Габышев Николай Николаевич, хорунжий XIV-го класса;

Березкин Василий Николаевич, хорунжий XIV-го класса;

Тюшев Иннокентий Иванович, зауряд-хорунжий.

УВАРОВСКИЕ

В первом томе книги «Тайны якутских фамилий» [http://www.kamchadaly.ru/files/doc/tainy_yakutskih.pdf] есть последовательное изложение появления этой фамилии в Якутии и ее значение в истории.

Поэтому в настоящем очерке я не буду подробно останавливаться на уже изложенном — только в общем с добавлением новых интересных и важных фактов, которые появились уже после написания той книги.

Итак, дальневосточная история Уваровских начинается с 1692 года:

«Воинко Берсенев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в

200-м [1692] году июня в 25 день приверстан в ево Воинково место казачей брат Ивашко Федоров Уваровских» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 38 об.].

Карьера Ивана Федоровича была просто блестящей: в 1706 году он еще простой рядовой казак, а в 1718 — уже обер-офицер, сотник [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 11].

В тот год он прибыл на Камчатку [Зуев А.С. Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века]. Приказчики камчатских острогов в 1700–1730 годы» и принял под свое командование Нижнекамчатский острог.

По итогу своей камчатской деятельности он составил пространный документ, который дает представление о сборе пушнины на Камчатке.

Этот документ вошел в «золотой фонд» «Памятников сибирской истории XVIII в.» [кн. II, стр. 252–256]:

Донесение приказчика Нижнекамчатского острога Уваровского якутскому воеводе Ельчину от 17 сентября 1719 г.

«Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца, в Охоцкой острог, или где ни будет, полковнику Якову Агеевичю, Камчадальского Нижнего острогу прикащик, сотник казачей Иван Уваровской челом бьет. В прошлом 718 году послан я, по указу великого государя, в Камчадальской Нижней острог, и я на Камчатку в Нижней острог пришел того же 1718 году октября в последних числех и Камчадальской Нижней острог принял у прикащика служилого человека Григорья Суровцова и служилых людей. А он, Григорей, пришел на Камчатку того ж 718 году в июне месяце из Анадырска от капитана Петра Татаринова, а с ним Григорьем пришло служилых людей 65 человек. А ныне в Камчадальском Нижнем остроге всех служилых и промышленных людей 120 человек.

А казну великого государя всякую и пожитки бывшаго прикащика Алексея Петриловскаго принял я у бывших прикащиков у Козьмы Вежливцова да у Алексея Колычева; а той казны коего году, и сколько чего, и каким зверем, и чьих пожитков, и то все имянно писано. 715 году сбору Ивана Козыревского 68 сороков 19 соболей, да 1090 лисиц красных, в том числе 16 лисиц сиводушек, да лисица бурая, лисица чернобурая недошлая, 3 лисицы буренких, 7 лисиц с буренка без загривков, 3 лисицы буренких плелых, лисица с буренка голубая, да 67 бобров, в том числе 4 кошлока; да поклонные Ивана Козыревского 31 сорок 20 соболей, да лоскут, по передним лапам лисицы буренкие, да 100 лисиц красных, в том числе 15 недолисей, да 13 бобров, в том числе 1 кошлок; да поклонных же служилого человека Федора Балдакова лисица крестовка, да загривок, по передним лапам лисицы буренкой. Да 716 году сбору Алексея Петриловского и с привозом олюторским 58 сороков 31 соболь да 1116 лисиц красных, в том числе 21 лисица сиводущатая, лисица да лоскут буренкие, да лоскут же олюторской; да поклонные Алексея Петриловского недолись буренкая, да 3 лисицы сиводущатых; да сборные же ясачные 73 бобра, в том числе 6 кошлоков, в том числе 3 бобра с откупщиков картеных взято. Да поклажи промышленного человека Аники Батюшкова лисица бурая да 2 сорока соболей да 9 бобров, в том числе два кошлока, в том же числе у двух бобров по лоскуту вырезано. И в той поклаже он, Аника, подал великому государю челобитную, что в той поклаже его бити челом и исцом стоять казаку Ивану Шамаеву, и та челобитная под сею отпискою выслана к тебе ж, полковнику Якову Агеевичю. Да 717 году сбору Козьмы Вежливцова да Алексея Колычева 22 сорока 1 соболь, да 262 лисицы красных, в том числе 13 лисиц сиводущатых, да в вышепомянутом же числе 12 пластин собольих без лап и без хвостов, да 2 лисицы буренких, да 54 бобра, в том числе 6 кошлоков, да 20 парок собольих больших и малых, в них же вшито 7 пластин лисьих, да 2 лоскута собольих вшивках, в них же 6 чемеров собольих, да 5 малахаев собольих, да 6 хвостов собольих, да 3 парки лисиц красных, да парка же сваленая в лоскутах, да парка же в ней 3 пластины собольи, да лоскутья красные. Да 718 году сбору Козьмы же Вежливцова да Алексея Колычева 56 сороков 10 соболей, и в том числе 3 соболя по пупкам пороты, и те 3 соболя не высланы, да 2 лисицы буренкие, 1034 лисицы красных, в том числе 12 лисиц сиводущатых, 63 бобра, в том числе 5 кошлоков. А вышеписанная казна которого году или чьих пожитков соболи и лисицы бурые, или какого приходу, и те соболи и лисицы за ярлыками и за печатью моею имянно. Да оборных пожитков Алексея Петриловского 140 сороков с однем сороком 29 соболей, в том числе 154 соболя без хвостов, да в том же числе 3 пластины, 1542 лисицы красные, в том числе и недолиси есть, да 161 лисица сиводущатая, в том числе 16 хребтин, да 169 выдер, в том числе 19 черев выдерьих, да 207 бобров, в том числе 97 кошлоков, шуба соболья пластинная под камкою вишневою, пушена хвостами, шуба соболья пластинная под камкою же вишневою васильковою, шуба соболья пупчетая под камкою рудожелтою, 5 мехов собольих пластинных и с рукавами, санаяк соболей, оплечье лисиц сиводущатых, парка соболья, оплечье бобровое, санаяк лисиц красных, оплечье лисиц сиводущатых, 2 санаяка бобровых, оплечье сиводущатое, санаяк выдряной, оплечье бобровое, шуба лисиц красных под камкою лимонной, 2 шубы лисиц красных под китайками, ветхие, мех сиводущатой хребтовой, мех черевей сиводущатой, мех лисиц красных, одеяло лисиц красных, мех бобровой, 4 полы собольи загривчатые да лоскут шитой мех дущатой соболей, да 5 лоскутов лбовых, 2 полы да хребет лапчетые лисиц сиводущатых, три полы да два хребта да рукав лапчетые собольи, шуба лапчетая лисиц красных, ветхая, под отласом лазоревым, одеяло бобровое, куклянка со-

болья, парка собольи пупчетая, мех лапчетой лисиц красных без рукавов, два меха да парка бобровые, треух соболей хвостовой без верху, 100 хвостов лисьих, 250 пупков собольих, 4 шапки собольи и с вершками 3 подскора собольих, двои рукавицы собольи под сукном, 2 малахая собольих, 485 хвостов собольих, пояс с ножем и с пожнями, оправа серебряная, чарка да ложка серебряные, 7 блюд да 7 торелей оловянных, 3 чети табаку да 3 аскурги бисерные, 2 игры карт да подскор дущатой лисиц сиводущатых да 5 писем неистовых и те письма за печатью высланы же под сею отпискою. А из вышеписанных его, Алексеевых, пожитков, против челобитной его, выдано ему, Алексею, на подъем 200 лисиц красных да 27 бобров и кошлоков, да санаяк бобровой, 2 шубы под китайками старые, да шуба лапчетая лисиц красных под отласом, 2 меха да парки бобровые, малахай соболей, 7 блюд да 7 торелей оловянных, а 2 игры карт здесь в Камчадальском остроге оставлено. А той великого государя сборной казне тех годов следуют книги, и те книги, против указу великого государя, для счету высланы к тебе, полковнику Якову Агеевичю, а с теми книгами посланы прежние прикащики Козьма Вежлицов да Алексей Колычев, да выслан же и Алексей Петриловской для отчету той казны, да поклажи сына боярского Назара Колесова лисица крестовая. А ту великого государя вышеписанную казну выслал на Большую реку с сыном боярским Семеном Жинбицким, против указу великого государя, для отправления судном через море. А в Камчадальском Нижнем остроге и к тому в присутствующих уездах казна великого государя с ясачных иноземцов, ради их скудости на 719 год марта по 21 число в полусборе и ту сборную казну, для недобору и ради скудости подводной, на Большую реку не выслал, а высланы ж будут в скорости. А достальной недоборной ясак с ясачных иноземцов сбираю в казну великого государя с великою нуждою. А Большия реки прикащик Василей Качанов пишет о присылке служилых людей, кои пришли из Анадырска, и тех служилых людей к нему послать, без указу великого государя, не смею, а коих, против указу великого государя, для построения городоваго 10 человек к нему выслал. Да промышленные люди подали мне челобитную о приверстке в службу, или о сбавке податей и оброков ради их равныя с рядовыми службы, и та челобитная послана под сей же отпискою. И об том ты, полковник Яков Агеевич, что укажешь. А с сею отпискою посланы служилые люди Иван Шамаев, Козьма Харитонов, Егор Бобякин. Да по повелению твоему, Яков Агеевич, послан же Петр Литвинцов. 719, сентября в 17 день, подал Ларион Бобякин».

Второй раз Иван Федорович служил камчатским приказчиком в 1730 году — накануне Харчинского бунта. Выехал он с Камчатки в июне 1731 года.

И вот что интересно: Степан Петрович Крашенинников, скрупулезно отмечавший все мельчайшие детали и факты, писал о том, что тойоны (вожди) острожков Крутогоровского и Облуковинского носили уже русские фамилии, будучи крещеными: «Иван Павлутской» и «Иван Отласов», а тойон Ичинского острожка — в нем тойон Тынешка.

Но уже в бытность Крашенинникова на Камчатке (от выехал в 1741 году) иеродиакону Якутского Спасского монастыря Гавриилу Притчину в его Крестовом миссионерском походе активно помогал Ичинский тойон Алексей Иванов сын Уваровский — я насчитал появление за период этой миссии на западной Камчатке с 15 ноября 1740 по 8 февраля 1741 года двадцать восемь новокрещенных камчадалов с фамилией Уваровский, крестным отцом которых был ичинский тойон.

Вот почему эта фамилия стала столь распространенной среди коренного населения полуострова.

Дети и внуки пошли по стопам отца и деда:

«Мегинскаго улусу сбору комисар Матвей [Иванов сын] Уваровской»

Его племянник:

«Дети боярские 2-й статьи. Посланы за сбором ясака: Михайло Михайлов Уваровской в Батуруской улус».

Историю еще одного внука Ивана Федоровича — Якова Михайловича — рассказал красноярский ученый Г.Ф. Быконя [Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект), Красноярск, 2007]:

«Якутский дворянин Яков Михайлович Уваровский 44 лет, родом из казачьих детей, стал казаком в 21 год в 1759 году. В 1763 г. Сибирский приказ его сделал сотником, на следующий год Д.И. Чичерин произвел в дети боярские, а в 1782 г. Кличка присвоил ему звание якутского дворянина.

…казачья служба Уваровского…:

«в 1765 г. — в Наменском улусе, а 1766 г. — в Среднековымском зимовье за сбором ясака комиссаром; 1769 г. — у прихода и расхода денежной и товарной казны рентмейстером и над дворянским штатом старшиной; 1769 г. — за отвозом в Охотск казенного провианта;

1770 г. — за исправлением станков до Витимской слободы и по Охотской дороге до Алдану управителем; 1773, 1774 и 1775 г. — в Олекминском остроге в хлебопашестве смотрителем;

1776 и 1777 г. — командиром в том же остроге и у приходу-расходу рентмейстером;

1778 и 1779 — у закупки лосиных кож; с 1780 г. — за отвозом в Иркутск ясашной казны;

1781, 1782 г. — в Олекминском комиссарстве рентмейстером; 1783 г. — в Амгинской слободе над крестьянами в хлебопашестве смотрителем; 1784, 1785 г. — в губернском магистрате у приходу и расходу канцелярской суммы и денежной казны; 1786 г. — за сбором на экспедицию подводных лошадей; 1787 г. — в нижнем земском суде в должности дворянского заседателя».

П.Л. Казарян добавляет:

«Уваровский Яков Михайлович, коллежский протоколист, титулярный советник (с 31 декабря 1802 г.). Назначен 20 июня 1797 г. — 14 марта 1894 г.

В 1797 г. из отставного подпоручика (с 1790 г.) переименован в коллежские протоколисты.

…Согласно указу Иркутского губернского правления от 15 декабря 1803 г. по обвинению в разных притеснениях тунгусских князцов и утайку казенного ясака удален от должности.

Скончался в возрасте 60 лет в Якуцке. Отпет в градоякутской Николаевской церкви … 15 февраля 1806 г. …» [стр. 250]

Его внучатая племянница:

«Комиссары Верхневилюйского комиссарства. Михалев Петр Анисимович, иркутский сын боярский. 1781–1783. "Обвенчался 4 ноября 1782 г. в верхне-вилюйской Николаевской церкви с дочерью якутского сына боярского Дмитрия Михайловича Уваровского — Параскевой. Это брак положил начало многочисленной ветви якутских Михалевых"» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 226, 227].

Ее родной брат:

«Колымский регистратор Петр Дмитриевич Уваровский, 48 лет (1764), жена — Евдокия Григорьевна, 36 лет. Дети: Иван, Марфа, 15 лет; Прасковья, 2 года» [НА РС(Я) Ф. 250. Оп. 1. Д. 21].

Сын Петра Дмитриевича:

«Исправники Колымского округа:

Уваровский Иван Петрович, коллежский секретарь. 17 октября 1845 – 21 августа 1847. Помощник исправника; Коллежский секретарь. 4 марта (6 июля) 1854 – <…> 1854. Помощник исправника» [Казарян П.Л., стр. 358–359].

А в 1743 году судьбу первой промысловой экспедиции в будущую Русскую Америку решал неизвестный нам пока еще Кирилл Уваровский:

«…А того де 743 году к походу в морской вояж по требованию ево отданы были бывшими до того камчатскими командирами Петром Борисовым, Михайлом Поповым знающей по компасу служилой Евтифей Санников да плотничной работе служилой де Алексей Воробьев, да большерецкие казачьи дети: Петр Верхотуров, Лука Насеткин. И означенные де служилые и казачьи дети в том морском вояже малое искуство познавали, которыя де от него взяты обратно бывшим управителем охоцким капралом Кирилом Уваровским, а ему де надлежало тогда ко отправлению паки в морской вояж оных в команде иметь да сверх де оных потребны брат ево казак Василей Басов для определения к присмотру порядочных вещей да казак же Гаврила Чюдинов для купарной работы, также железа 10 пуд, кузнеца к железной ковке, две пушки небольших, которыя де имелись в Верхнем остроге. И просил, чтоб для отправления ево в морской вояж преждеопределенных казаков Санникова и казачьих детей Верхотурова и Воробьева, и Насеткина по-прежнему в команду ево, притом и двух казаков, Басова и Чюдинова, ему отдать, дабы де за неотдачею не было во отправлении ево остановки» [АВПР, ф. РАК, д. 8, л. 112 об. – 114].

Он решил положительно — и 1 (12 по новому стилю) 1743 года в первый промысловый вояж был отправлен из Нижнекамчатского острога шитик «Святой Петр».

Позже Кирилл Уваровский был на Камчатке — и его имя зафиксировано в отчете о деятельности Камчатской Духовной Миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевскогоо за 1745 год в качестве одного из восприемников новокрещенного камчадала из Ключевского острога (это долина реки Камчатки).

В «Доношении» майора А. Зыбина в Иркутскую провинциальную канцелярию от 17 декабря 1753 г. о «разбитии» бригантины «Михаил» вновь упоминается имя Кирилла Уваровского в качестве охотского приказчика:

«Того ж де сентября 14 дня помянутой каптенармус Байбородин по благополучном прибытии на то место, где показанное судно разбило, и по прибытии де разоставя караул, и поручил из команды пристойное число вышедшему с того разбитого судна квартермейстеру Семену Щербакову и посланному из Охоцка за денежною казною комисару Кириле Уваровскому, чтоб они всякими способы отыскивали денежную и протчую ея императорского величества казну и артилерию, а сам де он, Байбородин, с пристойным числом командою неусыпно в том смотрение имел, дабы все тщательно такой утопшей немалой интерес обыскать могли.

…Того ж де сентября 26 дня посланной из канцелярии Охоцкого порта за денежною казною и протчими приемами камисар Кирило Уваровской к походным делам репортом объявил. По командировании де их из оной походной парти ради изыскания казенного утопшаго интереса сыскан им, Уваровским, с разбитого морскаго судна брегантин "Михаила" из утопшаго казенного интереса денежной казны в 2 ящиках сребренных монетов четыре тысячи восемьдесят три рубли 36 копеек, медных денежек в двенадцати сумах сыромятных разбитых, к тому ж и сбираемых в кекурниках, триста пятдесят семь рублев 58 копеек, итого медных и сребренных денег четыре тысячи четыреста сорок рублев 94 копейки, а более де того он, Уваровский, из казенного интереса и из протчаго натти не мог» [РГАДА, Сенат, 1 департ., д. № 750, лл. 633–638].

А это уже сын Кирилла:

«Приказчики Удского острога

Уваровский Иван [Кириллович], капрал. 1764–1767 гг.» [Казарян П.Л., стр. 218].

А это, возможно, внук или даже правнук:

«Исправники Колымского округа

Уваровский Петр Иванович, коллежский регистратор, губернский секретарь, коллежский секретарь. 2 июля 1885–1889 гг. Помощник исправника.

Исправники Верхоянского округа

Секретари окружного полицейского управления 1896–1897, коллежский асессор Уваровский Петр Иванович» [Казарян П.Л., стр. 354, 360].

Судя по отчеству воспитанника Камчатского отделения императорского военно-сиротского дома Ильи Семеновича Уваровского (1804), его отца звали Семеном. Отчество отца неизвестно.

А это вдова рядового Камчатского гарнизонного батальона Уваровского — Мария (1780), проживающая в Нижнекамчатске в 1812 году с детьми Самсоном (1806), Марией (1807) и Иваном (1809) [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4, л. 6 об.]. Младший — Иван Иванович Уваровский — в 1824 году отмечен в списках сирот — «солдатских детей» — в Петропавловском порту [РГИА ДВ, фонд 1009, оп. 2]. Возможно ошибка — и все это дети Семена.

На Камчатке был еще один Семенович:

Уваровский Кузьма Семенович (1817–1866), крестьянин Авачинского селения, из числа лиц, «не участвовавших в сражении, но находившихся в окрестностях Петропавловского порта в блокадном положении», награжденных памятной медалью о Крымской войне 1853–1856 гг. на Георгиевской ленте. Ж. Мария Яковлевна (1834), вдова в 1867 г., вышла замуж за корякского камчадала Николая Варфоломеевича Елагина

Он родился, когда его мать была уже вдовой, то есть был по законам того времени незаконнорожденным, почему, видимо, и был записан в крестьянское, а не служивое сословие.

И, собственно, только один из Семеновичей — Кузьма — оставил на Камчатке свой родовой след, крепко-накрепко породнившись с коренными камчадалами:

Но это русская линия.

Но мы помним и о тех двадцати восьми новокрещенных камчадалах Уваровских, которые проживали на западном побережье Камчатки и были крестными детьми ичинского тойона Алексея Иванова сына Уваровского.

Они проявили себя в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда японцы попытались высадить на Камчатке свой десант. В народном ополчении было четверо Уваровских. Трое из них были камчадалами:

Уваровский Егор Михайлович (1879), с. Ича
Уваровский Захар Захарович (1880), с. Апача
Уваровский Николай Захарович (1879), с. Апача

А завершить этот очерк нам хочется версией Андрея Черепанова о своих родственниках Уваровских, изложенной в его книге «Сибирская кровь». Эта версия интересна еще и тем, что в ней на основе предположений выстраивается еще одна довольно логичная версия о появлении в дальневосточной нашей истории этой фамилии — ведь выходцы из верхоленских крестьян нередко становились казаками — и якутскими, и иркутскими, и нерчинскими, и камчатскими, а также и солдатами…

И, может быть, версия Андрея Черепанова приведет нас в конечном итоге к тому, что все эти Уваровские — и верхоленские, и якутские, и камчатские повязаны одной родовой нитью?

Все может быть…

2 колено	
	Уваровская Евдокия Кузьминична (1851), с. Авача. М. (с 1867) Лукашевский Василий Петрович (1847), с. Ганалы
	Уваровский Дмитрий Кузьмич (1856), 1890 г., с. Начики, староста в 1904 г., награжден серебряной медалью «За усердие» за участие в формировании народного ополчения для обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904– 1905 гг. Ж. Софья Тимофеевна
	Уваровский Семен Кузьмич (1858), 1890 г., с. Начики. Ж. Александра Прохоровна (1868)
3 колено	
Дети Дмитрия Кузьмича	Уваровский Иван Дмитриевич (1879), с. Начики. Ж. (с 13.11.1905) Камендорская (Командорская) Александра Васильевна (1889), дочь камчадала, с. Начики
	Уваровская Улита Дмитриевна (1883)
	Уваровский Николай Дмитриевич (1887). Ж. (с 1910) Селиванова Александра Ивановна (1894)
	Уваровская Мария Дмитриевна (1882). М. (с 11.01. 1921) Марков Емельян Гаврилович (1895)
	Уваровская Пелагея Дмитриевна (1891)
Дети Семена Кузьмича	Уваровская Александра Семеновна (1887)
	Уваровская Анна Семеновна (29.04.1889)
	Уваровская Феодора Семеновна (08.03.1893)

УДИЛОВЫ

Информации немного, но она есть:

По переписи за период с 1722 по 1748 год:

«Тауиского острогу

Разночинцы

Иван Петров сын Удилов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 126 об.].

Удиловых мы нашли только в Тобольском уезде:

«Переписная книга Тобольского уезда 1719 г.

Арамильская слобода

Бобровского погосту

Удилов Фадей Иванов сын (л. 18 об.)
Удилов Максим Сидоров сын (л. 19)
Удилов Иван Григорьев сын (л. 19 об.)»

[РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1587].

Разница в отчествах говорит о том, что Удиловых здесь было много. Возможно, и Иван Петрович из этой большой семьи.

УДОРИНЫ (УДАРИНЫ)

В 1812 году при составлении именных казачьих списков Тигильской казачьей команды был записан казак Иван Федорович Ударин (1779) [Тигильская Христорождественская церковь. исповедальные росписи. РГИА ДВ фонд 1009, Оп. 2, дело 2].

Но его отец, якутский казак, записан как Удорин:

Якутск, 1761 год. «У приходу и расходу казенного провианта: казак Федор Удорин» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и

XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.144].

И это правильное написание, ибо патриархом дальневосточного казачьего рода Удориных был якутский казак, отмеченный в окладной книге 1681 года:

«Казаки

Удора Ивашко, казак (женатый оклад)» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 83–85].

А это его сын:

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Казаки

Ударин Алексей (13)»

Якутск, 1720 год:

«Двор служилово Алексея Иванова сына Удорина»

«Служивые люди

Во дворе служивого Алексея Удорина, а он Алексей послан на службу Верхоянское зимовье в 719 году».

А это уже внук:

«Тауиского острогу

Разночинцы

Алексея Удорина дети Яков» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 127 об.].

Якутск, 1761 год.

«За вахмистра в ходоках и в разных розсылках. Пятидесятник Яков [Алексеев сын] Удорин» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С.144].

У Алексея Ивановича был еще один сын – Афанасий, но он умер в период с 1722 по 1748 год.

Остается неизвестным только отчество Федора.

Но, судя по времени его службы — 1761 год, — и дате рождения Ивана Федоровича — 1779 год — он либо брат, либо сын Якова Алексеевича.

В 1796 году Иван Ударин, уже казак, отмечен в «Списке учиненном казачьим сотником Иваном Козловым кому именно следует казачьим старшинам и казакам за минувшую маискую треть за фураж денгами 1796 года» [НА РС(Я). Ф. 401И. Оп. 1. Д. 1. Т .2. Л. 238].

УНЖАКОВЫ

Фамилия, на первый взгляд, редкая. Но это только на первый — непосвященный — взгляд.

Унжак — это человек, прибывший в Сибирь с реки Унжи.

А вот рек с таким названием в России, оказывается, немало:

Унжа (приток Волги) — в Вологодской и Костромской областях.

Унжа (приток Мотьмы) — река в Архангельской области, приток Мотьмы.

Унжа (приток Оки) — во Владимирской и Рязанской областях.

Унжа (приток Пижмы) — в Нижегородской области.

Унжа — в Вологодской области, приток Индоманки.

Унжа — в Республике Марий Эл, приток Ировки.

Унжа — в Томской области, приток Пыжиной.

Поэтому догадаться, откуда прибыл тот или иной унжак в наши дальневосточные края, весьма и весьма сложно.

Правда, есть интересная подсказка в книге Г.Б. Красноштанова «На ленских пашнях XVII века»:

«В 1673 г. перепись крестьян была составлена приказным человеком Чечуйской волости сыном боярским Иваном Хвостовым. В Берендиловской записано среди прочего: “Двор, а в нем живут бывшаго пашенного крестьянина Ивана Степанова дети: Терешка, женат, да брат его Савка десяти лет. Да с ним ж живет вотчим их Кирилко Иванов”».

А у Федора Пущина, чечуйского приказчика, в переписи того же 1673 г. Кирилко Иванов был записан дважды. Первый раз как пашенный крестьянин, а второй — среди промышленных людей:

«Да промышленых людей, которые женаты, а живут в Чичюйской волости: <…> Кирилко Иванов унжак. А живет по записи на срочные годы у мелнику Ортюшки в работниках».

Эта запись интересна в том отношении, что Кирилко Иванов назван унжаком, а не устюжанином. Река Унжа впадает в Волгу напротив города Юрьевца, между Кинешмой и Нижним Новгородом. В XVII в. земли по Унже относились к Галичскому уезду. Начало же свое река брала на границе с Устюжским уездом. Возможно, родина Кирилки Иванова была где-то недалеко от верховьев Унжи.

Поскольку в начале 1670-х гг. Терешка Иванов был уже женат, то он скоро отделился от отчима. В последующих по времени документах РГАДА Кирилко Иванов упоминается уже со своими сыновьями: Микиткой, Офонькой и Илюшкой. В 1680–1690-х гг. он пахал «на великих государей полдесятины ржаные да четь десятины яровые. А пахотные под ним земли 6 десятин, а сенных покосов на 20 копен. А детей у него: Микитка, Офонька, Илюшка».

В 1696 г. в списке крестьян Чечуйской волости он отмечен с прозвищем, как Кирюшка Лыха. А в ужинной книге за 1698–1699 гг. впервые записан в деревне Берендиловской как Кирилко Лыхин.

Прозвище Лыха, повторяющееся во втором поколении, дает нам основание предположить, что у Кирилки Иванова оно имело уже характер родового. В 90-х гг. XVII в. происходит трансформация родового прозвища в прозвищное отчество Лыхин, а в последующих поколениях — в фамилию Лыхин.

В начале XVIII в. Кирилко Иванов Лыхин уже не упоминается. Так, в 1701 г. без указания деревни записан «Микитка Лыхин», в 1703 и 1705 гг. — «Никита Кирилов з братьями». В 1707 г. в Берендиловской — «Микита Лыхин з братом».

По всей видимости, около 1700 г. Кирилко Иванов Лыхин умер.

Но на ленской земле остались его дети: Микитка (род. ок. 1673). Офонька (род. ок. 1678). Илюшка (род. ок. 1681)».

Но не Унжаковы, а Лыхины.

А вот один из первых Унжаков:

«1660 (168) г. не позднее марта 30. — Челобитная промышленных и торговых людей с р. Колымы в Якутскую приказную избу с жалобой на погрузку в их коч моржовой кости, добытой Семеном Дежневым.

Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю… (т.) бьют челом твои, государевы, сироты торговые людишка и промышленные: Андрюшка Егоргиев Косицын, Омелька Яковлев Ворыпаев, Карпушка Яковлев Вологжемец, да промышленной человек Пятунка Иванов Лобанов, Осташко Васильев Курсов, Ивашко Осипов Пинега, Осташко Ларионов, Ларька Андреев, оба пинежане, Ивашко Яковлев Шульга, усолец, Васька Михайлов Гулызинской, устюжанин, Пашко Федоров Унжак…» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 28, л. 5].

А в материалах Якутской приказной избы за 1661 год мы обнаруживаем имя служилого человека Андрея Артемьева Унжакова, получившего в здешних краях скандальную славу.

1662 год. Река Индигирка:

«1662 (170) г. не ранее января 16 — не позднее июня 11. — Отписка сына боярского Второго Катаева в Якутскую приказную избу о бедствиях служилых людей близ устья р. Индигирки при провозе соболиной казны в Якутск.

Государя, царя и великого князя Алексея Михайловича… (т.) стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Якутцкого острогу сын боярской Вторко Катаев челом бьет.

В нынешнем во 170-м году генваря в 16 день писали ко мне с моря с усть Индигирки реки из заморозу служилые люди Шестачко Сергеев да Ивашко Симонов. Замерзли де они на море на усть Индигирки реки, и служилые де люди перецынжали, казны де государевы волочить, пороху и свинцу, и товаров, и судовых снастей, и порусу, и якорей не могут на землю. А служилой де человек с ними был оставлен Ондрюшка Ортемьев Унжак и приказных людей Шестачка Сергеева да Ивашка Симонова не слушал, казны де государевы на землю волочить не пособлял и в заморозе де казну государеву покинул, ушел де у них самовольством на Индигирку реку, неведомо де станет жить на Индигирке, неведомо уйдет в Якуцкой острог.

Помета: Поставить к розпросу» [РГАДА, ф. Якутская приказная изба, ст. № 28, л. 114].

Якутск, 1662 год:

Дело «об оскорблении пятидесятника Никифора Аргамакова служилым человеком Андреем Унжаком».

Якутск, 1667 г. (июль 7175 г.):

«Дело об избиении и изнасиловании ясырки атамана Михаила Стадухина новокрещенной Антониды Гавриловой Андреем Артемьевым Унжаком. Примечание: подает челобитную Гавриловой и выступает на суде за нее сын боярский Андрей Булыгин; Андрей Унжак в свою защиту ссылается на казачьего атамана Семена Дежнева, жену Капитолину — "Капку"».

Якутск, 1673

Дело «О незаконном сожитии казака Артемия Перфилова с тунгусской ламутского рода Прасковьей Фроловой … и Андрея Унжака с ней же».

Хотя вроде как был уже человеком женатым:

«Записи Мих.Унжака и Осипа Воженина, данные Ив. Ильину на венчание с его дочерьми» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

Якутск, 1683 год:

«Есть указания, что иногда классовый протест служилых людей принимал более острый характер. Так, если верить воеводским отпискам, в 1683 г. "завели бунт казаки, кои наряжены были на великих государей службу на Удь, Федька Мартынов с товарищи, хотели якутцких градских жителей, многих лутчих людей побивать до смерти и у торговых людей плоты с хлебными запасы отбивать". По слухам, на следующий год казачий наемщик Кузьма Михайлов, "стакався с казаком Андрюшкой Унжаком, хотели бунт заводить" и распространяли в этих целях "воровские письма". Воевода не остановился перед крайними мерами и повесил Кузьму Михайлова» [Бахрушин С.В. Якутия в XVII веке].

Об этих событиях остались только слабые намеки:

«о бегстве со службы с устья р. Алдан служилых людей А. Унжака и К. Михайлова»

«о попытке казака А. Унжака укрыть свое имущество от конфискации в казну» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

А вот и предпоследняя запись:

«Как только в Якутск приехал новый воевода И.М. Гагарин, родственники и друзья осужденных казаков обратились к нему с жалобами на "насильства" прежнего воеводы. Было произведено расследование, которое ясно показало, что "якутское дело 1690 г." было сфабриковано воеводой П. П. Зиновьевым и его главными "наушниками" — М. Ушнитцким и неким Унжаком. Любопытно отметить, что и Ушнитцкий и Унжак в период расследования предпочли спешно уехать из Якутска куда-то на запад: они несомненно знали, что им еще придется держать ответ за клевету».

Роль Ушницкого в это деле известна:

«В один из зимних вечеров в самом начале 1690 г. после трудных походов в избе Федора Таркова в Якутске собрались на "вечорку" якутские казаки. Хотели они в своем кругу душу отвести, "попить вина и пива", да обсудить совместно свои беды. А положение якутских казаков действительно было тяжелым. Жалованье было низкое, служба тяжкой, да и в последнее время стало всюду свирепствовать страшное "поветрие" — лютая черная оспа. Никто не мог сказать, кто будет ее следующей жертвой. Гарнизон Якутска таял, а местные власти были глухи ко всем просьбам о помощи.

И вот во время мрачной беседы на "пиру" неожиданно появилась зловещая фигура старого взяточника и первого воеводского "наушника" Петра Ушнитцкого. Казаки встретили его холодно, но заставить уйти не решились. Однако уже вскоре хмельное сделало свое дело. Не смогли более казаки таить свои обиды, и накопившаяся ненависть к Ушнитцкому прорвалась бурно. Первым заговорил бывалый казачий пятидесятник Филипп Щербаков. Открыто назвал

он Ушнитцкого “вором”. Трезвые казаки пытались успокоить Щербакова, да тщетно. Другие поддерживали смелого пятидесятника. С того дня затаил Ушнитцкий лютую злобу на Щербакова и решил ему жестоко отомстить.

Служил в эти годы в Якутске воеводой злой душевнобольной человек П.П. Зиновьев, относившийся к казакам с подозрением. Этим и воспользовался коварный Ушнитцкий. Подал он воеводе “извет” — донос на Щербакова, в котором обвинил его в желании… убить воеводу! Воевода знал, что Щербаков его не любит, а потому легко поверил в донос своего “наушника”. Приказал воевода схватить Щербакова и бросить в тюрьму. Когда Щербакова повели из дома к тюрьме, понял он, что воевода хочет с ним расправиться, а потому у городских ворот и на улицах Якутска он громко кричал: “Атаманы да молотцы, послушайте, я де Вам всем явлю на вора и на изветника, на стольника и воеводу, на Петра Петровича Зиновьева”.

Такое поведение Щербакова еще более обозлило воеводу, и приказал он его жестоко пытать в застенке. Так воевода хотел заставить Щербакова “признаться” в намерении совершить убийство. Но сколько не били Щербакова, сколько не мучили его на “виске” и на дыбе, добиться нужных признаний не могли. И тогда Щербакову стали ломать руки и “жечь огнем”. Тут-то не стерпел он пыток и начал “виниться”. Оговорил и себя, и других казаков…» [Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки].

Об Унжаке здесь ни слова.

Как и в обвинительном заключении по этому делу:

«…хотели де они и стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева, да подьячево Михаила Ушницкого, да сотника Третьяка Смирягина, да умершего толмача Михаила Удина, да ево Ивана да Семена, да пятидесятника Степана Лаврентьева, да подьячево Федота Калмака, да десятника Василия Брусенина и иных градцких жителей убить, домы и животы все пограбить, а жен их и детей убить не хотели, а торговых и промышленных людей в гостином дворе грабить хотели ж, да ему же было Фильке с товарищи своими взять на реке у торговых людей три плота с хлебными запасы, а тому де убойству и грабежу быть было в нынешнем во 198-м (1690) году о Ильине дни и хотели бежать на Нос, где побили иноземцы пятидесятника Василия Федорова с товарищи, а атаману де было быть у них сыну боярскому Михаилу Онтипину, а ясавули де быть казаку Софонку Ильину, а вожем было де быть казаку Ивашку Ондропову Котельнику, а про ту де думу и совет ведали брат ево Фильки атаман казачей Степан Полуэхтов, да казаки Сергушка, да и Максимко Мухоплевы и хотели они, Сергушка и Максимко, их, Фильку с товарищи, порохом свинцом и иных товарами ссужать, а сами де они с ними в совете и в думе не были и за Нос бежать не хотели…».

Уточним — якобы не только за Нос (Чукотку), но и на… Камчатку, официальное открытие которой состоится только еще через… семь лет.

Куда же делся Андрей Артемьевич и его возможные дети?

По переписи 1722/1748 годов в Анадырском остроге отмечен разночинец Семен Унжаков [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 79 об.].

В 1735 году — Аника Унжаков:

«В июле 1735 г. коряки Куикка (Каюкка) Элгав и Эчювья (Ачювью) Кахтуланов, бывшие пастухами при русском казенном оленном табуне под Анадырском, “всех тех оленей воровски отогнали” “в Чендонскую сторону”, убив при этом другого пастуха Махилгина и ранив пастуха Еета. Как потом рассказал в Анадырске Еет, Куикка и Эчювья намеревались убить следующего из Анадырска на Камчатку служилого Анику Унжакова. Возможно, им удалось это сделать, поскольку Унжаков, достигнув жилищ косухинских сидячих коряков, пропал после этого “безвестно”» [Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002].

Но, как мы знаем уже, формирование гарнизона Анадырского острога в эти годы происходит не только из Якутска, но и всех окрестных мест и сибирских городов-крепостей, где также отмечаются уроженцы Унжи.

Удинск, 1686 год. Казаки, прибывшие на защиту Албазинского острога.

«Тобольских пеших казаков дети и братья. Полк Павла Грабова. Удинск.

Унжак Ивашка» [Багрин Е.А. Полк Головина 1686–1690. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком)].

Возможно, братья:

Якутск, 1656 год: «о взыскании подьячим Степаном Бегловым с промышленного человека Григория Федорова Зырянина денег по кабале, данной им в проигранных деньгах в Жиганах промышленному человеку унжаку Григорию Гордееву».

Нерчинск, 1685/1698:

«Конные ж казаки оклады по 7 руб. по 8 алтын по 2 деньги Микита [Гордеев сын] Унжак» … «Микита Унжак, в 208 году умре, а в его место поверстан из пеших Семен Туров».

Томск, 1703 год:

«Томские казачьи дети живут в Сосновском стану по реке Томи в разных деревнях на пашенных своих заимках

Деревня Веснина на р. Томи

Гаврила Федоров сын Унжаков

Иван Федоров сын Унжаков

Яков Унжаков [Дозорная книга Томского уезда. 1703 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Лл. 247, 250, 251].

Илимский уезд:

Нижне-Илимская волость, 1673 год, «Унжак Ивашко Макаров сын с сыном с Левкою»; 1677 год «Нижные Устькиренские волости пашенные крестьяне. Ивашко Макаров сын Унжак, Онцыфорко Онаньин сын Унжак»;

«Деревня Москвитинская, земля луговая, а не яланная

(в) Ивашко Макаров сын Унжак
(в) Онцыфорко Онаньин сын Унжак».

Усть-Киренская волость, 1677, «в Верхной Устькиренской волосте пашенные крестьяне. Сенка Григорьев сын Унжак»; Деревня выше Курьи, а в ней (в) Сенка Григорьев сын Унжак» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 580].

И последняя весточка о дальневосточных Унжаковых, обнаруженная нами, датирована 1812 годом:

«Камчатский гарнизонный батальон
рядовой

Унжаков Федор Федорович (1787). Ж. Ефимия Ивановна (1788). Сын Василий (1810)» [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4, л. 5 об.].

У Андрея Владимировича Черепанова в его «Родословном справочнике Иркутска» есть большая статья, но здесь допущена принципиальная ошибка — он связывает с Унжаками (Унжаковыми) фамилии Южаковы, Юнжаковы, Южины, которые имеют другую корневую основу и связаны с Устюгом, поэтому в его статье сложно найти связь с нашими героями, хотя вполне возможно, что Федор Федорович служил прежде, как и многие из Камчатского гарнизонного батальона, в Иркутском гарнизонном батальоне, откуда и был послан на Камчатку.

УСОВЫ

У патриархов этого рода были какие-то особенные усы. Скорее всего, это было прозвище у черкасов — запорожских казаков, у которых усы действительно были некой достопримечательностью, не характерной для русских людей.

Первый якутский Ус — Федотко Макаров сын — отметился в коллективной челобитной «служилых людей Якутского острога Василия Ермолина (Бугра) с товарищами о выдаче им хлебного и денежного жалованья» за 1646 год:

«Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом холопи твои Якутцкого острогу служилые люди — десятники казачьи: Васька Ермолин Бугор, Оська Семенов, Вахрушка Максимов; рядовые казаки: Ивашко Лукоянов Пермяк, Онцыферко Юрьев, Гришка Кирилов, Фомка Кондратьев, Якунька Данилов Щербак, Оверка Савельев, Сивко Семенов Махнев, Жданко Власов, Первушка Павлов Кнутов, Федька Мартемьянов, Кондрашка Никитин Спицын, Семейка Костянтинов, Федотко Макаров Ус…» [РГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. № 297, лл. 11].

Последняя запись с упоминанием его имени датирована 1668 годом:

«Челобитная служилого человека Ф.М. Уса об освобождении его из тюрьмы» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я, 2016].

В документах Якутской приказной избы за 1666 год находим имя еще одного Уса:

«Дела о кражах скота, сена и других вещей якутами у русских: о краже лошади у жены служилого человека Давыда Титова Уса» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я, 2016].

У Давыда Титовича было двое сыноей:

1692 год. «Якутцкого города служилые люди
Рядовые казаки
Женатые

Софронко Давыдов Усов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 29].

«Якутцкого города служилые люди
Холостые рядовые казаки

Кирилка Давыдов Усов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 8 день приверстан в ево Кирилково место казачей племянник Микитка Микифоров Чертовских» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 47].

Потом следы якутских Усовых теряются.

Но свои Усовы появляются на Камчатке.

В 1730 году в составе экспедиции Шестакова-Павлуцкого появляется Иван Усов:

«1730 г. ноября 12. — «Реестр служилым людям, которые присланы были с реестром от штурмана Якова Генса на мореходное восточное судно [“Восточный Гавриил”] для морскаго пути в Большерецкой острог, а ныне которыя имеютца налицо в Большерецком остроге и коликое число в росходе и о том явствет ниже”

…Служилыя: Алексей Привалихин, Алексей Антипин, Лаврентей Базлуков, Григорей Томилов, Степан Коровин, Андрей Верхотуров, Иван Удалой, Дмитрей Осколков, Николай Нечаев, Сава Чагин, Семен Бочкарь, Петр Колокольников, Трифан Крупышев, Алексей Мешков, Иван Усов, Иван Поляков».

Формирование казачьего состава экспедиции Шестакова-Павлуцкого шло в основном в Предбайкалье и Забайкалье — Нерчинск, Селенгинск, Удинск, Иркутск.

С.А. Гурулев в книге «Первые иркутяне» [И., 2011] сообщает об иркутских Усовых:

Усов Кузьма Федоров — сын боярский.

Усов Василий Кузьмин — сын боярский.

Усов Кирилл — пятидесятник, приказчик Балаганского острога.

Что интересно, примерно в эти же годы в Илимском уезде «Мишка да Стенька Усовы» основали деревню Усову (Балаганную).

В «Родословном справочнике Иркутска» А.В. Черепанова подтверждается не только версия С.А. Гурулева о том, что Василий Кузьмич, возможно, был сыном Кузьмы Федоровича, но даже и то, что и Кирилл был его сыном.

Что же касается Ивана, то их было несколько:

Иван Кузьмич — сын боярский.

Иван Кириллович — казачий пятидесятник, умер в 1704 году.

Иван Андреевич (сын Андрея Кузьмича) — родился примерно в 1713 году. Возможно, это и есть искомый Иван, если на «Восточном Гаврииле» служил иркутский казак Усов.

По переписи 1722/1748 гг. мы находим еще одного Усова:

Сначала в разночинцах Охотского острога [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194 Л. 89], затем в разночинцах Верхнекамчатского острога [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 111], а в 1735 году — в списках Большерецкого острога:

«Приговор Розыскной канцелярии по делу о причинах Харчинского бунта.

«В Большерецком остроге казнен смертию повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников.

Учинено телесное наказание биты кнутом служилые люди: Осип Соловьев, Матфей Новограбленой, Михайло Лепихин, Федор Лобанов, Андрей Марамыгин, Андрей Рубцов, Петр Евлатьев, Андрей Воронин, Григорей Томилов, Онофрий Черкашенин, Лука Трескин, Ларион Валынкин, Григорей Келтякин, Петр Валынкин, Степан Вахрушев, Михайло Котков, Федор Асламов, Иван Лукашевской, Сава Усов, Василей Посников, Василей Щеголев, Семен Вагин, Михайло Лепихин меньшой, Петр Матфеев, Семен Шарапов, Афонасей Попов, Михайло Лукашевской, Семен Сургуцкой, Петр Чупров, Антон Хмылевской» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

Имя Саввы Усова мы отыскали в одной из записей книги «Томск в 17 веке» [стр. 100]: «Усов Сава Леонтьев сын».

«Отец чердынец и прислан в Томск по государевой грамоте, а он верстан, Савка, в Томске в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

В Томск они пришли вместе с братом:

«Ивашко Леонтьев сын Усов. Отец чердынец, прислан в Томск по государевой грамоте и служил в пешей службе, а он, Ивашко, верстан в Томске в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

В «Дозорной книге Томского уезда» за 1703 год мы находим сведения о сыне Савы (Савелия):

«Томского уезду во Обском стану пешие казаки живут в разных деревнях на пашенных своих заимках

Деревня Першина Верхнея на р. Оби.

Усов Гаврила Савельев сын» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371].

Самого Саввы (Савелия) нет в этих списках – так что вполне возможно, что это он служит на Камчатке.

В 1738–1740 гг. участие в крестовых миссионерских походах священника Ермолая Иванова на Камчатке принимает Родион Усов.

Но главной отметкой начала рода камчатских казаков Усовых можно и нужно считать сообщение члена Секретной Правительственной экспедиции Креницына-Левашева Дудина-младшего, датированного 1766 годом.

Вот что сообщает по этому поводу автор книги «Секретная экспедиция» И.В. Глушанков:

«Трагически сложилась судьба галиота “Св. Павел” под управлением штурмана Дудина Меньшего. После того как галиот разлучился со всеми судами (экспедиции. — *С.В.*), он пошел прямо в Большерецк, но еще в открытом море у него сильным штормом порвало паруса. В последних числах октября северо-западным ветром вынесло галиот Первым Курильским проливом в Тихий океан. Убедившись в том, что в Большерецк нельзя попасть, Дудин все время старался дойти до Авачинской бухты, но постоянный снег, дождь и крепкие встречные северные ветры не позволили войти в Авачу.

…24 ноября в полдень из Авачинского острога приехал (так в тексте. — *С.В.*) на байдаре казак Василий Усов. Дудин послал его на берег за пресной водой, “которой уже недели две не было; служители от стужи, слякоти и без воды находились в слабости, больных было с треть команды”.

К вечеру Усов привез воды, и опять его послали на берег с заданием срочно собрать как можно больше байдар для отбуксирования судна в гавань. Уже поздно вечером со стороны берега подул сильный ветер со шквалом и снегом, около судна несло много льдов, и галиот начал дрейфовать. При этом у одного якоря лопнул канат, стали вытаскивать второй якорь, “чтобы вовсе без якорей быть безнадежным”, но и у этого якоря оборвался канат. Поставив бизань, легли в дрейф, “и носило нас крепкими ветрами при снежных погодах и морозе весь декабрь месяц севернее и южнее Авачи”.

…9 января 1767 года вечером неожиданно увидели землю. Не успели осмотреться, как налетевший шквал и быстрое течение бросили судно на каменные утесы неизвестного берега. Галиот менее чем за четверть часа полностью разбило, и все, что на нем было, потонуло, 14 человек, в том числе и командир Дудин-меньший, спаслись вплавь, остальные 27 человек погибли».

К сожалению, мы не знаем отчества Василия Усова.

Но знаем другое — имя Василий – являлось родовым именем, передаваемым из поколения в поколение.

Первым из нового поколения Усовых отметился Авксентий Васильевич Усов — матрос Камчатского флотского экипажа, принимавший участие в Амурской экспедиции.

В примечании к книге «Подвиги морских офицеров на крайнем северо-востоке России» Г.И. Невельского имеются подробности:

«Первоначально в составе экспедиции были: Г.И. Невельской с супругой, лейтенант Н.К. Бошняк, поручик корпуса флотских штурманов А.И. Воронин, топограф прапорщик по армии П. Попов, унтер-офицер штейгер Иван Блинников; матросы — Александр Хашьянов, Егор Некрасов, Игнатий Горбовский, Евграф Карасев, Афанасий Пономарев, Аверьян Чухомлин, Петр и Ефим Дойниковы, Михаил Чупин и Александр Шишкин; комендоры — Аксентий Усов, Григорий Попов, Алексей Попов, Мирон Вяткин, Егор Кузнецов и Перфил Дианов; семьи мастеровых — Степана Решетникова, Осипа Гайдука, Григория Москвитина, Евдокима Вознюка, а также семьи казаков — Николая Пестрякова, Константина Русанова, Андрея Тюшева, Логина Нижегородова, Мартына Красовского, Романа Кошкарева и прислуга Невельского и Бошняка, а также фельдшер Шишерин с семьей» [АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 384, с. 44].

Его старший брат – боцманмат Павел Васильевич Усов — вошел в мировую историю.

Это случилось накануне начала Петропавловской обороны, когда англо-французская эскадра вошла в Авачинскую бухту.

Вот рассказ от некоего первого лица, как и что случилось с ним самим, с Усовыми и его товарищами:

«…было вот как: когда мы на ботишке выплыли с кирпичами из Таргинской бухты и увидали эскадру, то приняли ее за нашу — Адмирала Путятина; наладили на ботишке паруса, как следно, и хотели поближе пройти под кормой адмиральского Фрегата; глядь — поглядь, суда-то не наши; давай мы в берег, а враги наши со всей эскадры со шлюпками погнались за нами; на беду нашу заштилило, и вооруженные шлюпки окружили ботик — что нам делать? Мы хорошо помнили разные случаи, которые вы нам изволили приказывать, и тот, что матрос не должен живой отдавать ружья своего неприятелю; а у нас, на ботике, как сами изволите знать, все были только кирпичи. Тут Удалой сказал нам: на эвтот случай, что у нас ружей нет, а все кирпичи, ничего не приказано, — что нам делать? Если кирпичем станем кидать в неприятеля, даром жизнь погубишь и ни одного не зашибешь до смерти; не замай: пусть нас берут, а вы смотри не зевай, не можем ли мы какого случая найти на судне на погибель врагам. А боцман Усов (ехавший с нами со своею семьею) прибавил: смотра не разговаривать, что будет "неприятель выспрашивать, знай отвечай на все спросы: не 'могу знать', а там что Бог даст! Неприятельския шлюпки забрали нас и побуксировали наш ботишко, словно мыши кота погребали; привезли нас на Фрегагь и, не добившись от нас ничего, кроме 'не могу знать', заперли нас в 'трюм'"» [«Морской сборник» № 7 июль 1857 года].

Завойко В.С., губернатор Камчатской области, генерал-майор, командующий обороной Петропавловского порта в рапорте от 07.09.1854 года:

«19 августа… В два часа показался из Тарьинской губы плашкоут под парусами, нагруженный кирпичом, имея на буксире шестерку. Он послан был в Тарью за два дня до появления неприятеля; плашкоут прямо держал на эскадру. Неприятель, дозволив ему приблизиться на одну милю, выслал семь гребных судов; заметив их, плашкоут стал держать на северо-запад и удаляться от эскадры. К несчастью, ветер стих, и гребные суда завладели плашкоутом» [Завойко В.С. Рапорт камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта Е.И. Высочеству управляющему Морским министерством от 7 сентября 1854 г. // Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году. Сборник воспоминаний, писем и официальных документов. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 17].

Мичман Николай Алексеевич Фесун с фрегата «Аврора» (впоследствии контр-адмирал):

«…На боту с кирпичом было 7 человек безоружных матрос, отправленных для работы, при унтер-офицере Усове. Неприятель только что заметил его, как тотчас послал 7 больших катеров для овладения им и еще 3 для конвоирования. Хотя жаль было людей, попавшихся в плен, но нельзя было удержаться от смеха перед картиной представившейся глазам нашим: семь катеров, держась в кильватер друг друга, вели на буксире бот; по бокам держалось по катеру, и наконец все шествие замыкалось вооруженным барказом; на корме каждой шлюпки развевался флаг; вся команда фрегатов высыпала на сетки, так что один из наших сослуживцев вполне справедливо заметил, что вся эта процессия походит на то, как мыши кота хоронили» [Защитники Отечества. С. 30]

Англичанин — лейтенант Дж. Палмер с фрегата «Президент»:

«…Милях в пяти был замечен большой бот, шедший в гавань с другой стороны бухты. Коммандер Коннолли на катере, я на другом отправились захватить его, полагая, что это баркас с "Авроры". Настигли и выяснили, что это большой бот, полный кирпичей, с девятью мужчинами, одной женщиной и тремя детьми; убогая добыча для двух бравых офицеров! Я в жизни не видел, чтобы плен воспринимали столь хладнокровно и стоически» [Роналд Палмер. Выдержки из писем и дневника моего деда, адмирала Джорджа Палмера // Завражный Ю.Ю. Забыть адмирала! П.-Камчатский, 2005. С. 205].

Английские судовые журналы:

«2:10. Посланы два гребных судна догнать бот, идущий с другой стороны в город Петропавловский. 4 ч. Гребные суда возвратились, захватив бот с грузом кирпичей, на нем 9 мужчин, 1 женщина и 3 ребенка, которые посланы в распоряжение французского адмирала. 4:50. Оборвалась жизнь контр-адмирала Дэвида Прайса, главнокомандующего» (Фрегат «Президент») [Ship's Log Book, H.M.S. President, 1854, August 28 – September 8. National Archives, Kew, London – ADM 53/5743].

«2 ч. Посланы катера в помощь для захвата русского бота. 4 ч. Гребные суда возвратились с русским ботом» (Фрегат «Пик»)[Ship's Log Book, H.M.S. Pique, 1854, August 27 – September 5. – London: National Archives, Kew, London – ADM 53/6189].

21 августа 1854 года.

«В час пополудни от адмиральского французского фрегата отвалила шлюпка по направлению к Сигнальному мысу. Это была наша шестерка, взятая неприятелем вместе с плашкоутом; на ней пристали к берегу квартирмейстер Усов, жена его с двумя малолетними детьми и матрос Киселев. Поименованные люди рассказали, что они утром 19-го числа отправились из Тарьинской губы в Петропавловский порт на плашкоуте с 4 тысячами кирпича, имея на буксире шестерку. Усов взял с собою жену, которая пришла к нему из деревни Озерной с двумя малолетними детьми» [Завойко В.С. Рапорт… // Защитники Отечества. С. 20.].

Сопроводительное письмо от французского адмирала:

«Господин губернатор!

Случайностью воины досталось мне русское семейство. Имею честь отослать его к вам обратно. Примите, г. губернатор, уверение в моем высоком почтении.

Ф. Депуант».

Юлия Завойко, супруга генерал-майора В.С. Завойко:

«Во время сражения их держали внизу; они говорили, что видели раненых на фрегате.

21-го августа адмирал сказал, что отошлет женщину одну с детьми, но та с отчаянием ухватилась за мужа и объявила, что она не оставит его. Адмирал не мог противостоять слезам и рыданиям женщины. Впрочем, Усов на вид невзрачный, черненький, худенький, хиленький, седенький старичок… Выпросив мужа, камчадалка выпросила и брата, на вид почти юношу» [Защитники Отечества. С. 112].

Усовы были из числа первопоселенцев Петропавловского порта. Еще в период деятельности Второй Камчатской экспедиции, когда пакетботы «Святой апостол Петр» и «Святой апостол Павел» ушли к берегам Америки и на поиски неведомой (точнее, мифической) Земли да Гамы, часть казаков из Большерецкого острога была откомандирована в Гавань (впоследствии Петропавловский порт) для охраны казенного имущества экспедиции.

Участие в Петропавловской обороне вместе с Павлом Васильевичем принимал и другой его брат — Филипп Васильевич.

Впоследствии Усовы в составе гарнизона Петропавловского порта покинули Камчатку.

Но вот перед нами документ, датированный третьим февраля 1891 года:

Жених — Петропавловскаго порта сын Баталера 27-го флотскаго экипажа Василий Васильев Усов; православнаго вероисповедания, первым браком. Лет жениху — 26.

Невеста — девица камчадалка Агрипина Иоаннова Спешнева, православнаго вероисповедания, дочь умершаго камчадала Воровскаго села Иоанна Александрова Спешнева, первым браком. Лет невесте — 21.

Поручители: по жениху — камчадалы Воровскаго села Григорий Стефанов Заев и Акиндин Михайлов Спешнев; по невесте — камчадалы того же села Прокопий Иоаннов Спешнев и Стефан Михайлов Спешнев.

Таинство бракосочетания совершал Священник Андрей Владимиров Серебренников.

Василий Васильевич — родной племянник боцмана Павла Васильевича Усова, сын баталера 27-го Амурского флотского экипажа Василия Ивановича Усова, внук Ивана Васильевича…

От этого брака появилась на свет Анна Васильевна Усова (в замужестве Копьева) — прабабушка наших с супругой Татьяной Петровной (в девичестве Ларионовой) детей. А бабушка — Любовь Степановна Копьева, дочь Анны Васильевны, вышла замуж за Петра Тимофеевича Ларионова.

Супруга боцмана Павла Васильевича Усова – та самая отважная камчадалка, вызволившая из вражеского плена не только своего мужа, но и «брата» (по другой версии «племянника») — Рахиль Ивановна Черных (1825) была из семьи камчатских священников Черных — той самой семьи, из которой родом и святой Серапион Амурский — потомков казачьего пятидесятника Леонтия Черных, рассеявшихся на ниве православного просвещения и миссионерства по необъятным просторам Дальнего Востока и Русской Америки.

Патриархом этого священнического рода был сын пятидесятника Леонтия Черных Георгий:

«Он обучался в Большерецкой школе до июня 1757 г. С этого времени начальником миссии Пахомием Георгий принят в клир. 20 января 1771 г. в Иркутске одним из последних рукоположен в священники епископом Софронием (за 10 дней до кончины этого служителя). Определен к Большерецкой Успенской церкви, где скончался 18 мая 1786 г.» [Громов П. Историко-статистическое описание камчатских церквей].

Дети Павла Васильевича и Рахили Ивановны, побывавшие вместе с родителями в плену у французов, — Екатерина (1848) и Василий (1853).

Возможно, их потомки так же, как и мы, проживают где-то на Дальнем Востоке.

УСОВЫ

	Усов Савва, казак из г. Томск, отец пришел в г. Томск из г. Чердынь, бит кнутом в Большерецке по делу о Харчинском бунте
1 колено	
	Усов Василий (Саввич?), в 1766 г. встречал в Авачинской бухте суда Секретной экспедиции Креницына-Левашева
2 колено	
	Усов Василий Васильевич (1770/1783), солдат (флейщик) Камчатского гарнизонного батальона в 1812 году, Петропавловский порт; канонир Петропавловской экипажной роты, 1815 г.; отставной военный 1846 г., Петропавловский порт. Ж. Ульяна (Иулита) Андреевна (1796)
	Усов Иван Васильевич
3 колено	
	Линия Василия Васильевича
	Усов Павел Васильевич (1815), из солдатских детей, боцман, попал вместе со всей семьей в плен к англо-французам в августе 1854 г., но был отпущен адмиралом Де-Пуантом, участник обороны Петропавловского порта. Ж. Черных Рахиль Ивановна (1825), дочь священника
	Усова Параскева Васильевна (1825)
	Усов Авксентий Васильевич (1828), из солдатских детей, матрос 2 статьи Камчатского флотского экипажа, 1850 г., участник Амурской экспедиции
	Усов Федор Васильевич (1821), из солдатских детей, матрос 2-й статьи Камчатского флотского экипажа, 1850 г., участник обороны Петропавловского порта. Поступил на службу из Камчатского училища в «канонеры» 2-й статьи в 1845 году. В 1851 году переведен в унтер-баталеры, затем в писари в управление над портами Восточного океана, в 1862 году «за дурное поведение» понижен до матроса. «В 1854 году во время блокады Петропавловского Порта Англо-Французской эскадрою находился в действительном сражении против неприятеля»
	Усов Филипп Васильевич (1832), из солдатских детей, матрос 2 статьи Камчатского флотского экипажа, 1850 г., участник обороны Петропавловского порта в 1854 г. и сражения в заливе Де-Кастри в мае 1855 г.

	Линия Ивана Васильевича
	Усов Василий Иванович (1829), Петропавловского прихода баталер 27-го флотского экипажа. Ж. (с 1863) Кушеверская Елена Петровна, вдова иногороднего мещанина, проживавшего в Петропавловском порту, Кушеверского Алексея Петровича (1815)
4 колено	
Линия Василия Васильевича	
Дети Павла Васильевича	Усова Екатерина Павловна (1848)
	Усов Василий Павлович (1853)
	Линия Ивана Васильевича
Дети Василия Васильевича	Усов Василий Васильевич (1865), сын баталера 27-го флотского экипажа, Петропавловский порт. Ж. (с 03.02.1891) Спешнева Агриппина Ивановна (1870), с. Воровское, дочь камчадала Ивана Александровича Спешнева
5 колено	
	Линия Ивана Васильевича
Дети Василия Васильевича	Усова Елена Васильевна (31.12.1891)
	Усова Анна Васильевна (01.02.1894–08.08.1969). М. Копьев Степан Матвеевич (1872), родился: Уральская область, Тирлянский завод, проживал в с. Русь Камчатской области, репрессирован
6 колено	
	Линия Ивана Васильевича
Копьевы	Копьев Александр Степанович (1912), с. Русь. Ж. 1 Дарья Прокопьевна (1914). Ж. 2 Сергиенко Мария
	Копьева Таисия Степановна (24.10.1914–04.08.1990), с. Русь. М. (с 09.08.1934) Филиппов Андрей Ильич (13.12.1913–26.08.2000)
	Копьев Василий Степанович (1920–1943), с. Русь, участник Великой Отечественной войны, погиб под г. Ржев
	Копьева Любовь Степановна (06.05.1925–08.09.2002), с. Русь. М. Ларионов Петр Тимофеевич (07.07.1914–10.07. 1975), род. с. Шелехово Тайшетского района Иркутской области
	Копьев Валентин Степанович. Ж. Маргарита
	Копьева Зоя Степановна (30.05.1931–08.06.2016). М. Березин Борис
	Копьев Евгений Степанович (18.05.1934). Ж. Евгения (1936)

ХАБАРДИНЫ

Дальневосточная история этой фамилии начинается в Гижигинской крепости, в которой в 1761 году служил казак Сава Хабардин.

Позже в книге «Сибирская кровь» Андрея Владимировича Черепанова, в приложении № 3 «Список жителей Верхоленского острога 1722–1763 гг.» мы нашли данные о нашем герое.

И оказалось, что эта фамилия очень даже не редкая в здешних местах. Но мы выделим главное:

«*из разночинцев*: (д. 1056, л. 309; д. 1059, л. 687 об. – 688)

Константин (1663) 82 умер в 1750 г.

Карп сын Константина (1719) 26 умер в 1756 г.

из казаков: (д. 1059, л. 704)

Антип сын Константина (1724) 21 умер в 1753 г.

Федор сын Антипа (1746) 16.

Прохор сын Антипа (1748) 14.

из казаков: (д. 1059, л. 712 об.)

Иван сын Константина (1726) 19 в службе с 1748 г., в командировке в охотске.

Иван же сын Константина (1727) 18 в службе с 1748 г., в командировке в охотске.

Сава сын Константина (1730) 15 в службе с 1748 г., в командировке в охотске».

Но это еще далеко не все.

У Андрея Владимировича есть и отдельная главка, посвященная истории рода Хабардиных:

«Я не обнаружил среди своих предков носителей фамилии Хабардиных, но ее представители были в 1763 году в Верхоленском остроге многочисленны, и все мужчины восходили к казачьему прошлому.

Судя по всему, основоположниками верхоленской династии Хабардиных были два брата-казака: “Никифорко Козмин Хабарда”, служивший в 1653 году в Илимске, а в 1684 году в Верхоленске, и “Мишутка Козмин сын Хабардин”, перечисленный в разделе “Верхоленского Братцкого острошку служилые люди” из “Книги окладной великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца Ленского волока Илимского острога денежному жалованью ружником с оброчником, детям боярским и подьячим и тех чинов служилым людем на нынешней 185 год” (1677 год). В 1693 году там же были казаками Петр Никифорович и Константин Петрович Хабардины — наверняка сын и внук Никифора Кузьмича.

Деревня, расположенная на реке Куленге в десятке километров от Верхоленска и носящая сегодня имя Хабардина, была основана не позднее 1684 года, ведь уже тогда в “Книге окладной денежному, хлебному и соляному жалованию” говорилось, что за хлебное жалование казак “Петрушка Никифоров сын Хабардин пашню пашет”».

В «Родословном справочнике Иркутска 1661–1775 гг.» А.В. Черепанов также дает перечень иркутских Хабардиных — но это бывшие верхоленские казаки, переведенные на службу в Тункинский острог, — сыновья Поликарпа Хабардина Яков, Иван и Козьма.

В архивных материалах по Верхоленску за 1795 год мы находим Саву Хабардина, но уже не в казачьем, а в крестьянском сословии.

ХОТОСОВЫ

История очень короткая. По переписи за 1722/1748 годы Василий Хотосов числится разночинцем Тауйского острога [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 128 об.], а в 1761 году находится в команде казаков Гижигинской крепости [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об.].

И больше пока никаких следов.

ХРОМЦОВЫ

Хромцовы — это дети Хромца — Хромого.

Фамилия достаточно распространенная.

«Почему?» — спросите вы.

Да потому, что ранение в ногу было весьма распространенным как в пешем, так и в конном бою — и от копья, и от стрел, и от сабли с мечом.

Вы удивитесь, но в 1753 году, когда фамилии (исключая крепостную Россию) были в основном уже сформированы (по крайней мере, в армии точно), в «Смотровом Списке Сибирскаго Гарнизона Новоучрежденнаго Драгунскаго Полку» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439] служило… семеро Хромцовых:

Два Ивана, два Осипа, Лука, Петр, Михайло.

Двое Хромцовых проходят по «Спискам имянного Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1 754 годом апреля по 1 число».

Здесь есть и интересные подробности:

«Матвей Хромцов — 32 л.; в службу вступил 737 г.; ис капральских детей из школьных учеников г. Тобольска; женат, у него дети Иван 6 Илья 1 живут при нем; где обретается — при полку».

Капрал «Семен Хромцов — 60 л.; в службе вступил 722 г.; из бобылей Исецкого дистрикту Мехоньской слободы; грамоте и писать не умеет; женат у него сын Матвей 32 л. в оной ж роте в салдатех; в нынешнем чине 737 г. с 24 числа; где обретается — в командировании в секретной экспедиции 753 г. июля 1 числа».

Первое, что для нас очень важно — Хромцовы в Енисейском пехотном полку являются семьей, в которой есть отец, сын и внуки, которые потом тоже станут солдатами.

И второе — капрал Семен Хромцов находится в Секретной экспедиции. В то время Секретная экспедиция была одна, и называлась она Анадырская Секретная экспедиция.

Появление Хромцовых в Сибири примерно следующее:

1632 год. Туринская слобода:

«…анализ челобитных, которые направили царю в 1632 г. “Туринсково острогу пашенные крестьянишка староста Сергейко Иванов Хромцов и во всех товарыщов своих место”. В Туринском и соседних уездах Западной Сибири власти проводили в это время очередные мероприятия по расширению десятинной пашни в соответствии с установленными Ю.Я. Сулешевым принципами. Однако сначала туринский воевода Г.И. Волынцев, зная об отрицательном отношении крестьян к увеличению ренты, просаботировал полученное от тобольского воеводы Ф.А. Телятевского распоряжение о дополнитель ной пашне. Тобольский воевода с раздражением писал царю, что Волынцев, опасаясь челобитной крестьян, делает им “поноровку” и к тому же запугивает Москву, что крестьяне могут разбежаться от увеличения десятинной пашни».

Туринская слобода, 1710 год:

«Деревня Хромцова

Во дворе крестьянин Исак Никифоров сын Хромцов пятидесяти пяти лет.

Во дворе крестьянин Яков Никифоров сын Хромцов пятидесяти шти лет.

Во дворе крестьянин Ананья Никифоров сын Хромцов пятидесят трех лет.

Во дворе крестьянин Еким Давыдов сын Хромцов тритцати пяти лет».

Отец Екима:

«Во дворе Давыдко Микифоров сын Хромцов. Сказал: родился де он Кевролского уезду на Пенеге реке в деревне Сурскои, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Туринскои слободе со 177-го [1669] году. У него братья: Федотко, Якунка, Исачко, Онашка дватцати лет, Родка восмнатцати лет. Государева оброчного хлеба платит пятнатцать чети и полтретника и полполчетверика ржи, овса тож. Пашни пашет восми десятин бес получети и полполполтреть в поле, а в дву по тому ж. И сверх указу в пахоте ево лишка четверть десятины в поле, а в дву по тому ж. И на тое лишную пахоту прибавлено на него государева оброчного хлеба осмина ржи, овса тож. Сенных у него покосов в лугу на четыреста копен» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 254 об.].

И стоит ли удивляться такому частому появлению солдат Хромцовых. Вот только один из примеров:

Ялуторовская слобода Тобольского уезда, 1710 год:

«Деревня Мостовска

Двор а в нем оброчной крестьянин Клим Леонтьев Хромцов сказал себе от роду 50 лет у него пять сыновей Никита 20 лет Герасим 18 лет Григорей 16 лет онаи Герасим и Григорей в салдатех набору столника Ивана Фомича Бибикова Андрей 10 лет Григорей 8 лет две дочери девки Ирина 26 лет Ирина ж 17 лет у Никиты жена Марфа 26 лет у них сын Максим году.

…Деревня Кызылбыева

Двор а в нем живет пашенной крестьянин Филип Олферов Хромцов сказал себе от роду 80 лет у него жена Маремьяна 70 лет у них два сына Василей 26 лет Кирило 13 лет у Василья жена Дарья 25 лет у него две дочери девки (л. 543 об.) Овдотья 6 лет Парасковья году у него ж дочь салдацкая жена Огрофена 23 лет у ней дочь девка Софья 3 лет [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 293 об., л. 543].

Крестьянских детей (при кадровой надобности) верстали и в казаки.

В Восточной Сибири первый из Хромцовых отмечен в Енисейском остроге — стрелец Хромцов Сава Тимофеев с окладом 5 рублей в

1637 году. Там же и отмечен второй — Хромцов Иван Евдокимов — тоже стрелец [Служилые люди Сибири, с.922].

Енисейские казаки служили в Предбайкалье и в Забайкалье, поэтому один из первых иркутян, отмеченный в книге С.А. Гурулева «Первые иркутяне» — казак Иван Хромцов, — это и есть Иван Евдокимов сын, который в 1685 году служил в Братском остроге.

И далее.

«Старейшей казачьей фамилией Братска является фамилия Храмцовых. Казак Иван Храмцов известен еще из документов 1696 года, как подписавший челобитную против приказчика Кафтырева, он был среди тех, кто, по словам того же Кафтырева, учинил бунт против него. Это редкий факт участия Храмцова в сопротивлении властям. Храмцовы всегда верно служили Российскому государству в разные периоды истории России. В.Н. Шерстобоев приводит в своей работе письмо, направленное в 1721 году в Братский острог из Илимска казаку Ивану Храмцову следующего содержания: в Братский острог посылались указы Гавриилу Рыбникову и Алексею Ознобихину, чтобы они правили доимки, но отчетов от них не поступало. На основании этого илимский воевода поручает Хромцову держать “оных Рыбникова и Ознобихина в тех зборах самих на правеже и бить их босых без всякой пощады, не норовя им ни в чем… А ежели ты… на правеже держать не станешь и за то тебе самому учинено будет жестокое наказание”. Думается, что указ этот был выполнен без проволочек.

Согласно ревизии, Иван Храмцов был главой большой семьи. У него были сыновья: казачий сын Семен Иванович Храмцов (44 года), 34-летний “Братского острогу служилый пеший казак Осип Иванович Храмцов” (“служит Осип в Братском остроге пешим казаком, службу несет на карауле ясачными сборами и получает денежного жалованья 5 рублев и 2 пуда соли”), а также казачий сын Василий Иванович Храмцов (46 лет). Через четверть века Ефим Храмцов, сын Семена Ивановича будет значиться в челобитной служилых людей Братска, а в 1815 году в исповедальных росписях Братской церкви племянника Ефима — Сергея Никитина Храмцова запишут, как отставного казака» [Андреева Л.В. Ревизские сказки Братского острога 1721 года как источник по генеалогии братских родов].

И, по всей видимости, представитель этой большой казачьей семьи и отметился на Северо-Востоке России, где казак Илья Осипов сын Хромцов проходил службу в гарнизоне Гижигинской крепости в 1766–1772 гг. [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 13. Л. 9; д. 22].

ЧАГИНЫ

История образования этой фамилии связана с чагой — грибковым образованием, заполняющим «морозобойные трещины» на березах, используемое как народное лекарственное средство. Но прозвище могли дать за другое — за смуглый цвет лица, ибо целебная чага черного цвета и ее заваривают вместо чая.

В истории Дальнего Востока Чагины обозначились трижды.

В первый раз это случилось на заре создания нового административно-территориального образовании Московского государства на дальнем востоке Сибири, которое еще даже не имело собственных границ — Якутского воеводства.

Тогда в этот новый край, богатый ценными соболями, шли не только государевы служилые люди, чтобы открывать новые земли и увеличивать богатства царской казны за счет драгоценной пушнины, но и охотники-промысловики и многочисленный торговый люд, чтобы выменять или прикупить дешевую в Сибири пушнину и выгодно продать ее в западные страны, весьма охочие до сибирской пушнины.

И в материалах Якутской приказной избы за 1640 год появляются упоминания о торговом человеке Чагине, который злоупотреблял своими выборными обязанностями целовальника — то есть приемщика и оценщика мехов, проходящих через таможню с обязательной выплатой в доход государства десятой доли упромышленного:

«…жиганского таможенного целовальника Ивана Артемьева Чагина о невзимании им десятой пошлины с промышленного человека Родиона Титова с соболей, взятых им у промышленного человека Ивана Антонова по кабале; о невзимании им десятой пошлины с “ношенных” собольих изб промышленных людей. Отписи: … Жиганского таможенного целовальника Ивана Артемьева Чагина в приеме десятой пошлины с мягкой рухляди промышленных людей новгородца Андрея Яковлева, мезенца Силы Михайлова, устюжанина Ивана Антонова в Жиганах и в устье Вилюя реки. Проезжие памяти, выданные жиганским таможенным целовальником Иваном Артемьевым Чагиным промышленным людям, отпущенным с мягкой рухлядью из Жиган и с устья Вилюя реки в Якутский острог холмогорцам Распуте Антипину» [РГАДА, Якутская приказная изба, т.1, Я., 2016].

Но позже имя Ивана Артемьевича Чагина исчезает из деловых документов Якутска.

Во второй раз Чагин прибыл в Охотск и на Камчатку в составе экспедиции Шестакова-Павлуцкого, которая пришла на смену Первой Камчатской экспедиции Беринга.

«В Охоцком остроге

Разночинцы

Сава Чагин» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 89 об.].

Судя по тому, что в Переписи 1722/1748 гг. Савва Чагин обозначен разночинцем, то он прежде служил в Охотске в казаках и повторно был верстан в казаки, поступив в «экспедичную команду».

1730 г. ноября 12. – «Реестр служилым людям, которые присланы были с реестром от штурмана Якова Генса на мореходное восточное судно (бот «Восточный Гавриил». — *С.В.*) для морского пути в Большерецкой острог, а ныне которыя

имеютца налицо в Большерецком остроге и коликое число в росходе и о том явствет ниже».

Налицо в Большерецком остроге:

Матрозы: Петр Таранкин, Агафон Назаров.

Служилыя: Алексей Привалихин, Алексей Антипин, Лаврентей Базлуков, Григорей Томилов, Степан Коровин, Андрей Верхотуров, Иван Удалой, Дмитрей Осколков, Николай Нечаев, Сава Чагин, Семен Бочкарь, Петр Колокольников, Трифан Крупышев, Алексей Мешков, Иван Усов, Иван Поляков.

Никифор Клестов на восточное судно прислан с ордером.

У восточнаго судна и у припасов на карауле: Иван Амосов, Алексей Малышев, Михайло Хмылев, Леонтей Амосов, Иван Святовой, Клим Пахолков.

На реке Утке на карауле у правианту: Герасим Епифанов, салдат Сава Медведев.

Мореход Андрей Буш остался на Утке реке.

Под караулом выслан в Якуцк Иван Зуев.

Афонасей Саламатов на боту «Гавриле».

Иван Томской прислан в реестре, и оной в Охоцку на восточное судно не явился.

Семен Таюрзской в море утонул: выкинуло волною в шхерботе в море».

Савва Чагин был в числе тех казаков, которые готовили к выходу экипаж бота «Святой Гавриил» для выхода в море. Бот покинул было устье реки Камчатки, но «за противным ветром» вынужден был вернуться обратно, чтобы переждать непогоду.

И здесь они узнают о начале Харчинского бунта, захвате взбунтовавшимися казаками Нижнекамчатского острога и гибели его гарнизона.

А далее на основе архивных материалов мы следуем рассказу историка Андрея Сергеевича Зуева.

«ВЗЯТИЕ РУССКИМИ НИЖНЕКАМЧАТСКОГО ОСТРОГА

20 июля 1731 г. спасшиеся из Нижнекамчатского острога казаки Абросим Сорокоумов, Павел Попов и Сергей Красавцев приплыли на батах в устье Камчатки и объявили “скаскою” бывшему там заказчику И. Кыркову о захвате острога. … Кырков тотчас послал “ведение” Я. Генсу, который со своей командой на “Св. Гаврииле” ожидал попутного ветра в устье реки, и запросил у него “вспоможение”.

Штурман адекватно оценил ситуацию и выделил из своей партии 52 человека во главе с подмастерьем И. Спешневым, которому, в полном соответствии со стандартными правительственными установками, предписал “означенных изменников сыскивать и приглашать ласковым приветом, а ежели они на ласковый привет не пойдут и будут Ея И. В. противны, и то поступать на них регулярною военною рукою”.

Вместе со Спешневым отправился М. Гвоздев. К отряду присоединились также 28 казаков — жителей Нижнекамчатского острога, помогавших морской партии готовиться к отплытию. Любопытно отметить, что этих казаков возглавил не “государев” закащик Кырков, а Гаврила Чюдинов, выбранный самими казаками “полевым закащиком”. Факт интересный, свидетельствующий о том, что среди камчатских казаков живы были традиции казачьего круга и самоуправления, так широко бытовавшие в Сибири в предшествующем столетии. В критическую минуту они предпочли иметь своим командиром не официального начальника, а выборного командира (походного атамана) — человека, пользовавшегося неформальным авторитетом и, надо думать, хорошо знавшего “ратное дело”.

21 июля объединенный отряд общей численностью 81 чел. выступил на батах вверх по реке. 22 июля он встретил спасшихся от погрома казака Алексея Воробьева и несколько казачьих жен, которые сообщили, что бунтовщики-ительмены укрылись в остроге и “знатно хотят сидеть в крепости”. Получив эту информацию, Спешнев в тот же день отправил Генсу письмо с просьбой прислать подмогу, пушки, боеприпасы и топоры, а сам не спеша и с осторожностью двинулся дальше.

Поздним вечером 24 июля отряд пристал к берегу за пять верст до острога. Отсюда тридцать человек пошли по суше, а остальные продолжили плавание. Ранним утром следующего дня русский отряд подошел к Нижнекамчатску. Ительмены, увидев казаков, “взошли наверх на ясашную избу и на башню” и “закрычали все в один голос необычно и крычали так три разу”, а затем начали стрелять из огнестрельного оружия. Русские открыли ответный огонь.

Но перестрелка продолжалась недолго. Спешнев и Чюдинов вступили с восставшими в переговоры, пытаясь убедить их сдаться без боя, “дабы они, изменники, смирились и вину свою Ея И. В. принесли, а ясак бы платили с родниками своими весь сполна по-прежнему”. Одновременно Спешнев вновь направил Генсу просьбу прислать артиллерию и боеприпасы.

…переговоры закончились ничем. Да, скорее всего, Спешнев и Чюдинов просто тянули время, чтобы дождаться артиллерии, которую подвезли 26 июля — три пушки и две мортирцы. Вместе с ней прибыли матрос в качестве канонира и 25 казаков во главе с солдатом Александром Змиевым. Таким образом, общая численность осаждавших достигла 108 чел.

Сколько против них было обороняющихся, точно неизвестно, но вряд ли значительное число. Судя по количеству погибших и бежавших в ходе последующего боя, можно уверено предположить, что число ительменских воинов не превышало 100 чел.

Штурм острога начался 27 июля … Первые артиллерийские залпы по острогу русские дали “мелким каменьем”, надеясь напугать осажденных. Но те не дрогнули. Тогда из пушек открыли методичный огонь по воротам и стенам, пока не пробили в них бреши. Как сообщал Спешнев, “начали палить из пушек, из мелкова ружья и пошли на острог от церкви на приступ прямо, и начали рубить и ломать полисад”, пристроенный к старому острогу. В ответ на это осажденные, по информации Спешнева, выставили в проломы стен казачьих жен и детей и “из-за них с нами бились”.

Затем они пошли на еще одну хитрость: “жен и детей своих и ясырей к нам выпустили в убранстве в нарядах с пожитками, хотя тем нас пронырством своим обмануть”. Они, видимо, рассчитывали, что русские кинутся грабить “пожитки”, и появится возможность для внезапной контратаки. Однако хитрость не удалась. И вот после этого ительмены, дрогнув, начали сдаваться. Сначала к русским перебегали по одному человеку, а прочие “изменники” пытались их удержать в воротах и даже кололи и “стреляли ззади на побеге”. Затем сдача стала массовой.

…Когда основная масса ительменов сдалась, казаки, воспользовавшись тем, что ворота и стены уже никто не оборонял, ворвались в острог. Но здесь они наткнулись на отчаянное сопротивление четырех защитников во главе с ключевским тойоном Чегечем, которые заперлись в ясачной избе и казенных амбарах и оттуда отстреливались из ружей и луков. Казаки забрались на крыши избы и амбаров и стали разбирать потолочные бревна. Тогда “изменники” подожгли хранившийся в амабарах порох, в результате чего произошел взрыв и “тотчас весь острог огнем обняло” … “А означенный Чегечь из анбару в острожную башню выскочил и непрестанно по служивым стрелял и копьями метал, покамест его на копья не подхватили”. В пожаре, как сообщал Спешнев, сгорели все острожные строения, “имеющаяся всякая Ея И. В. наличная казна” и “великое множество богатства”, целой осталась только церковь, стоящая вне острога. В огне погибли и последние обороняющиеся. Но потери восставших на этом не закончились, поскольку сразу после взятия острога нижнекамчатские казаки во главе с закащиком Кырковым начали резать пленных ительменских воинов. Как писал Крашенинников, “казаки, будучи огорчены насилием жен своих и тратою имения, перекололи их без остатку”.

Перекололи, правда, не всех. Спешневу и Гвоздеву с большим трудом удалось остановить самосуд, переведя оставшихся в живых пленных под охрану морской партии.

Потери ительменов по итогам сражения были значительны. Правда, Спешнев по горячим следам в своем донесении Генсу не смог даже указать их количество: “А сколько иноземцов в остроге сидело, о том неизвестно, потому что трупы их в остроге сгорели, только думать можно, что их было немалое число”. На деле, однако, в пожаре сгинула как раз меньшая часть защитников. Позднее, уже в ходе следствия, выяснилось, что сгорело всего четыре человека, тогда как в ходе боя погибло 32 (в том числе и убитые самими восставшими при попытке бегства), а во время резни, устроенной казаками, — 33 чел. Из ительменок (жен восставших) погибли только две, поскольку женщин, “робят и девок” казаки “брали и делили по себе в холопство”. Русским удалось также вернуть одну фузею, около двадцати винтовок, шесть бочонков пушечного пороха и полбочки мелкого пороха.

Число погибших с русской стороны информаторы определяли по-разному. Спешнев утверждал, что при штурме погибли два казака, а три казака (в том числе один смертельно) и один матрос были ранены. По данным Чюдинова, Генса и Крашенинникова, погибли четыре казака, и многие были ранены. Генс давал и иную информацию: во время боя погибло три казака (Сава Чагин, Борис Нифантьев, Никита Шавырин), к 11 ноября скончались от ран пятеро (гренадер Стефан Силиванов, матрос Петр Таранкин, казаки Дмитрий Осколков, Михаил Черниговский, Иван Маслецов). Начальник следственной комиссии В. Мерлин указывал трех человек, погибших при штурме» [Восполняя белые пятна].

В третий раз появляется в дальневосточных краях участник Второй Камчатской экспедиции Никифор Чагин — конопатчик.

Но сведения о нем самые наикратчайшие:

«После конопатчика Никифора Чагина ничего не осталось» [Вторая Камчатская экспедиция, Документы, 1734–1736 Морские отряды, Составители Наталья Охотина-Линд, Петер Ульф Меллер, Санкт-Петербург, 2009, стр. 766].

Ничего не осталось, очевидно, после смерти — ни копейки…

Четвертый зафиксированный нами случай: Гижигинская крепость, 1772 и 1781 годы:

Казак Тимофей Чагин [РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 71, Л. 21 об.; д. 88, л. 11 об.].

И самый последний:

Выпускники Якутской духовной семинарии 1902–1908, 1910–1916 гг.

Выпуск 1902 года

Разряд 2:

Чагин Лаврентий

Выпуск 1906 года

Разряд 1:

Чагин Николай».

Какова же возможная история появления Чагиных на Дальнем Востоке?

Если говорить о торговых людях — то якутские купцы, в своем большинстве, — это выходцы с Русского Севера, успешно торгующие через Архангельский порт с европейским Западом — Вологда, Тотьма, Великий Устюг, Лальск…

А если брать другое время, то ситуации могут быть самыми разными.

Например:

«…иркутский неподатной казачий сын Иван Мясников в 37 лет был поверстан в казаки и назначен в Анадырскую партию. Очевидно, с помощью богатого тестя, иркутского купца Елесова, он нанял вместо себя в эту службу местного посадского И. Чагина, а сам записался в иркутское купечество. Тем не менее, в 1761 г., то есть через 13 лет, его как казака Иркутская провинциальная канцелярия определила в драгуны».

И вполне вероятно, что гижигинский казак Тимофей Чагин мог быть сыном того самого И. Чагина, который вместо Мясникова отправился служить на Крайний Север.

В «Родословном справочнике Иркутска 1661–1775 гг.» [И., 2021, стр.715] А.В. Черепанова мы находим Ивана Васильевича Чагина, который в 1762 году был послан в Анадырскую партию. Он внук посадского (или купца) Луки Чагина, умершего в Иркутске в 1746 году.

У Ивана в Иркутске был сын Алексей (1746), который в 1773–1775 гг. тоже служил в казаках.

Есть в «Родословном справочнике Иркутска» и Тимофей Чагин, сын Стефана, казак, у которого в Иркутске был сын Василий 1768 года рождения.

То есть иркутский след в дальневосточной истории Чагиных прослеживается довольно четко.

Вполне вероятно, что и конопатчик Никифор Чагин тоже из местных кадров: Илимский уезд всегда славился своими судостроителями — плотниками, конопатчиками и прочими мастерами.

И здесь мы также находим Чагина:

«Окладная книга Илимского острога 1677 (185) г.

Петрушка Андреев сын Чагин» [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 633. Л. 39 об.].

Что же касается Экспедиции Шестакова-Павлуцкого, то его основной состав определяли забайкальские казаки — удинские и нерчинские.

Но если Сава служил в Охотске и оттуда уже поступил в Экспедицию, то здесь возможны другие версии истории его появления на Дальнем Востоке.

Мы проштудировали свою информационную базу и нашли слабый след Чагиных в Селенгинске.

В Тобольском уезде мы нашли только крестьян Чагиных. Хотя это тоже может быть след — из крестьянских детей часто верстали в казаки за неименением в достаточном количестве казачьих детей для верстания «в отцово место».

Крестьяне Чагины были в Исецком остроге и в Ялуторовской слободе.

Но особый интерес представляет для нас кузнецкая казачья династия Чагиных. Интересна она, прежде всего, тем, что на протяжении десятилетий почти — при той многодетности, которая была в тот период, — не пополнялась, хотя оба из патриархов этого казачьего рода были женатыми людьми.

Либо у обоих рождались дочери, либо их сыновья шли на укрепление кадрового состава других сибирских, а затем и дальневосточных гарнизонов.

Якутский казак Пятка Чагин — это пятый сын в некой многодетной семье Чагиных.

В 1637 году на службе в Красном Яру отмечен Куземка Петров сын Чагин, тогда еще пеший холостой казак с окладом «по 5 чети с осминою ржи, по чети круп и толокна, по 2 пуда без чети соли человеку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 70. Л. 126, 206].

В 1642 году «оклад по 5 чети с осминою муки, по чети крупы и толокна» был у пешего казака Ивашки Сергеева сына Чагина.

В 1657 году:

«…в том мы Родька Колцов с товарыщи сей доезд подали за руками своими а доезд писал красноярской пешей казачей десятник Ивашко Чагин…».

1662 год:

«По 5 рублев с полтиною пешие десятники *Пешие женатые.*

Ивашко Сергеев Чагин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 438. Л. 59].

Кузьма Петров сын Чагин:

«15 февраля 1651 г. царю бил челом о пожаловании за службу красноярский казак Куземка Чагин, который “на бою убил мужика да на трех боях бился явственно”. Его решено было наградить “государевым жалованьем в приказ” по образцу тобольских и томских служилых людей. В справке, составленной в Сибирском приказе, указывалось, что “за убитого и за взятого мужика и за служилых людей раны, которых на боех ранят по рублю, а за явственный бой и которые оставаются в коше по полтине человеку, а которые служилые люди под мужиками ранили лошади и их убьют до смерти ж и за те убитые и за раненые лошеди служилым людем давано по полтине ж человеку”. В итоге за свои заслуги Чагин получил из Москвы 3 руб. 705. Обращает на себя внимание, что правительство считало необходимым награждать за нанесение урона конному составу противника» [Барахович П.Н. Служилое население центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды), Красноярск, 2016].

1657 год:

«По 5 рублев рядовые служилые люди. *Пешие женатые.*

Оклад им по 5 чети с осминою муки ржаной, по чети круп и толокна, по 2 чети овса, по 2 пуда без чети соли. Кузка Петров Чагин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 672. Л. 74].

Женатые — это значит, имеющие детей, на которых и выделялся дополнительный оклад.

1662 год:

«По 7 рублев с четью конные рядовые служилые люди … Кузка Петров Чагин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 438. Л. 48].

1668 год:

«в прошлом Государь в … году как приходили в Красноярской острог и на уезд Калматцкие тайши со многими своими воинскими людьми киргиской изменник Ереняк Ишеев с киргизами и с алтырцами и с тубинцами и с моторскими с татары войною и Красноярской острог осадили и мы холопи ваши Красноярского острогу с воеводою с Олексеем Ивановичем Сумароковым в осаде от тех воинских людей седели с весны все лето до осени и седячи в осаде около болшево острогу ров копали и надолоб ставили и всякие крепости около острогов делали седячи в осаде от тех воинских людей голод и бедность и всякую нужу терпели и были мы холопи ваши из города посыланы противо тех воинских людей на выласку и бой с ними был не щадя лица своего билися до смерти и многих их калмыков и киргиз и алтырцов и тубинских и моторских татар на том бою побили до смерти и многих перераниле а нас холопей ваших на том бою тож побили человек со сто и больши а иных напереранили и в полон было взято с пятдесят человек а которые служивые люди были в полону и о тех людях мы холопи ваши били челом вам Великим Государем в Красноярском остроге в съезжей избе вашему Государю воеводе Алексею Ивановичу Сумарокову подали челобитную за своими руками.

Куземка Чагин в осаде был» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 814. Л. 205–217].

Первое упоминание о сыне Кузьмы Петрова сына мы обнаруживаем в документах за 1671 год:

«Пешие служилые люди

Коземка Козмин с. Чагина ж-т в г-де [Красноярске]» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 566].

В 1683 году, будучи уже конным казаком, он сообщает:

«Конная сотня.

Коземка Чагин сказал, отец ево Козма Чагин служил в Красноярском в пешей и конной службе лет 50 и больше. А Коземка после отца своего служит в Красноярску конную службу 30 лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 734].

30 лет – это, как минимум, с 1653 года. То есть родился Кузьма Кузьмин сын в конце 1630-х годов, если исходить из того, что верстали в казаки начиная с 14 лет…

Но… в именных списках казаков Красноярска мы обнаруживаем его имя только в 1671 году.

Вопрос… Где же, в каком гарнизоне, служил все эти годы Кузьма-младший?

Примерно в то же время — в 1670 году — в красноярских казачьих именных списках мы находим и сына Ивана Сергеевича Чагина:

«Пешие

По 5 рублев, рядовые служилые

Мишка Иванов с. Чагин» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 543. Л. 22].

А в списках за 1683 год — второго сына, верстанного «в место» отца:

«Оклад по 5 рублев с полтиною. Пешие десятники.

Фрол [Иванов сын] Чагин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 755. Л. 23].

А в переписи Красноярска за 1719/1722 гг. только у Фрола записан сын, остальные Чагины как бы не имеют наследников…

«…отставной конной казак Фрол Чагин — семидесять трех лет (примерно 1646/1648). У него сын Гаврило — тритцати семи лет (пр. 1683).

Отставной казак Михайло Чагин, живущий на подворье…»

То есть и Кузьма Кузьмин сын и Фрол с Михаилом Ивановы дети родились, когда их отцы только еще заступили на службу, а сыновья были верстаны в «отцовы места», а другие сыновья (если они были) оказались за штатом и могли быть направлены на службу в другие гарнизоны.

Конечно, это только версия. Но вполне рабочая…

ЧЕБОТНЯГИНЫ

О представителях этой камчатской фамилии нам известно немного. В 1812 году в Нижнекамчатске существовало отделение императорского военно-сиротского дома при Камчатском гарнизонном батальоне (бывший Сомовский полк), где воспитывались, начиная с 8-летнего возраста, дети (не обязательно сироты) камчатских военных и казаков. Среди воспитанников были Зиновий Никитич (16 лет) и Василий Никитич (14 лет) Чеботнягины. Многие из воспитанников этого военно-сиротского дома продолжили свою службу (или жительство, перейдя в другие сословия) на Камчатке.

В 1893 году в Исповедальной росписи Петропавловского собора мы находим среди жителей города дочерей казака — сирот Екатерину Афанасьевну Чеботнягину и ее сестру Агриппину, у которой был незаконнорожденный восьмилетний сын Павел.

Мы думали, что камчатский род Чеботнягиных утрачен, но недавно получили письмо:

> *Добрый день!*
> *Я изучаю историю рода Чеботнягиных. Одна из ветвей рода оказалась на Камчатке. Я запрашивала камчатский архив, пытаясь узнать, кто именно из Чеботнягиных оказался на Камчатке, чем они занимались и т. п., но, к сожалению, архив ответил, что такой информацией не обладает.*
> *… у меня есть информация о других Чеботнягиных-уроженцах и жителях Камчатки (у одного из них в графе национальность значится «камчадал»). Если Вы пополняете базу камчатских имен, готова ею поделиться.*
> *С уважением,*
> *Савина Наталья Геннадьевна.*

А вот и подробности:

Чоботнягин (так в документе) Иван Ефимович родился 5 января 1872 года в семье пономаря Гижигинской Спасской церкви на Камчатке. 28 августа 1892 года закончил Благовещенскую духовную семинарию и был определен к Михайло-Архангельской церкви (ст. Екатерининская Амурской области) на должность псаломщика. В 1893–1894 гг. служил псаломщиком в противосектантской миссии, Свято-Троицкой церкви ст. Албазинской, Михайло-Архангельской церкви села Черемховского Амурской области. В 1894 г. рукоположен в сан диакона и определен на штатное диаконское место к Благовещенской кладбищенской церкви. 14 апреля 1895 г. Преосвященнейшим Макарием, епископом Камчатским, ему объявлена архипастырская благодарность за ревностное и усердное исполнение обязанностей учителя церковной школы при кладбищенской церкви. 12 мая 1895 г. рукоположен в сан священника к Гижигинской Спасской церкви на Камчатке.

В 1895 г. Чоботнягин И.Е. женился на Александре Ивановне. У них родились дети: Александр, Николай, Василий, Татьяна, Пантелеймон, Анна.

В 1897 г. за участие во всеобщей народной переписи Иван Ефимович награжден темно-бронзовой медалью. В 1899 г. уволен в шестимесячный отпуск в Благовещенск для поправления здоровья, но вследствие дорожных распутиц не явился в срок к месту службы и был уволен за штаты.

В 1900 г., согласно прошению, вновь принят на службу во Владивостокскую епархию и назначен на священническое место в село Монастырище Черниговской волости Никольск-Уссурийского уезда Приморской области. 20 ноября 1901 г. Преосвященным Евсевием, епископом Владивостокским и Камчатским, награжден

набедренником за усердное исполнение пасторских обязанностей и за заботы «о благоукрашении» Монастырищенского храма. В 1906 г. направлен в Григорьевскую церковь (с. Григорьевка Григорьевской волости Никольск-Уссурийского уезда Приморской области), а в 1908 г. обратно переведен в Монастырищенскую Михайло-Архангельскую церковь. В 1910–1916 гг. служил в Комаровской Казанской иконы Божией Матери церкви, занимал должность заведующего и законоучителя церковноприходской Комаровской школы. На содержание Чоботнягину Ивану Ефимовичу «из казны положено жалованья 500 руб. Провиантское содержание из казны — 50 руб., пенсии Амурской — 183 руб. За законоучительство в Комаровской церковной школе — 99 руб. 96 коп.».

В 1915 г. сын Александр был призван на военную службу, Николай в 1916 г. обучался в церковно-учительской семинарии при доме архиепископа на Седанке (пригород Владивостока). Василий поступил на службу в почтово-телеграфное отделение, сын Пантелеймон обучался в Комаровской приходской школе [РГИА ДВ Ф. 244. Оп. 1. Д. 421].

Чеботнягин Николай Иванович.

Родился в 1897 г., Камчатская обл., Гижигинский р-н, с. Гижига; образование учительская семинария (г. Владивосток); б/п; был членом рыболовецкой артели. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Немтик. Арестован 2 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ДВК 17 сентября 1933 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Реабилитирован 28 июня 1989 г. заключением прокурора Камчатской области.

Мы тоже углубились в поиски и вот что обнаружили в архивах.

Для начала узнали, что фамилия эта происходит от забытого слова «чеботы» — сапоги. То есть первый из Чеботнягиных был сапожником или Сапожниковым.

Кстати, и в материалах по Якутску 1720 года есть такая запись:

«Роспись приежим людем разных городов и разных чинов и кто в коем году приплыл и за каким делом и то писано ниже сего. Иркуцкого города посадной Алексей Иванов сын Некрасов чеботняга в Якуцк приплыл в 719-м году в наймах на плоте а стоит на подворье у петидесятника Михайла Шехурдина» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 41 об.].

А сама фамилия впервые отмечена в окладной книге казаков Якутска за 1706 год:

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Чеботнягин Петр Нефедов (2) [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Позже, в период «расказачивания» по переписи, охватывающей период с 1722 по 1748 год Чеботнягин значится в разночинцах:

«Олекминского острогу

Разночинцы

Петр Чеботняга» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 62 об.].

А это, по всей видимости, речь идет о трагической гибели его сына — участника Секретной экспедиции Креницына-Левашева по определению границ Российской империи на Северо-Западе Америки.

Судно А.И. Дудина, рапорт которого мы приводим ниже, попало в страшнейший шторм и потерпело кораблекрушение на кекурах Курильских островов:

Из рапорта А.И. Дудина П.К. Креницыну от 3 августа 1767 года:

«Список служителям прибывшим со мною: штюрман ранга ундер офицерской Иван Смалев, штюрманской ученик Алексей Шабалин, за квартирмейстера казак Никита Дурынин, салдат Дмитрий Малцов, за матроз казаки: Василей Тарабыкин, Егор Шелудяков, Семен Мясников, Дмитрей Новиков, Иван Новиков, Федор Яцкой, Иван Корякин, промышленной Леонтей Дружинин. Итого 12 человек.

В море померли своею смертию: штюрман ундер афицерскаго ранга Александр Степанов, казаки — Никифор Пастухов, Михаил Соловаров, Гаврила Колесников. С судна валом сшибло и утонул Михайло Касимов. При разбитии судна сошедшия на кекур прибывшею водою потоплены: штюрманские ученики Михайло Моршинцов, Иван Еремин, Алексей Плотников, квартирмейстер Андрей Жданов, за камисара сын боярской Андрей Климовской, за матрозов казак Василей Данилов, Петр Пушкарев, Афонасей Сургуцкой, Василей Калинин, Алексей Данилов, Иван Попов, Василей Чеботнягин, Михайло Пинегин, Михайло Брусенин, Михайло Луковцов, Афонасей Хлепятин, Алексей Новгородов, Леонтей Дьяконов, Максим Ремязов, Алексей Турбин, Еким Корякин, Федор Новиков, Иван Дранишников, Никифор Олесов, промышленной Петр Анфилатов» [АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 16 лл. 64 об. – 65].

Тогда погибло 29 человек.

Но линию казаков Чеботнягиных на Камчатке продолжил Никита, о котором пока мы не нашли никаких сведений, кроме отчества у его многочисленных сыновей:

Петропавловский порт, 1821 год.

Вдова казака Чеботнягина. Дети: Афанасий — 9 (1812), Захар — 6 (1815), Татьяна — 16 (1805)» [Петропавловский собор. Исповедальные росписи. РГИА ДВ, фонд 1009, оп. 2, д. 3].

Это младший состав семьи. А вот и остальные.

1812 г., «Нижнекамчатск, воспитанники военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона:

Чеботнягин Зиновий Никитич (1796),

Чеботнягин Василий Никитич (1798)».

1817 г., «Петропавловская экипажная рота

Матрос 2 статьи Чеботнягин Зиновий Никитич (1797)».

1835 г., «Петропавловская экипажная рота

Чеботнягин Леонтий Никитич — 23 (1812)».

1846 г. «Петропавловская казачья команда

Чеботнягин Захар Никитич, казак, в 1850 г. в отставке» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3].

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Проживающие в Петропавловском порте
Отставные казаки

Чеботнягин Афанасий Никитин — 38» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 42].

«Рапорт о состоянии 2-х сотенной казачьей команды. 1 января 1856 г.

Список по старшинству их службы
в Петропавловске

Казаки, возвращенные из отставных по случаю военного времени … Чеботнягин Афанасий — 40; из казачьих детей, на службе и в чине с 1855 года» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 10].

Обратите внимание на последнюю формулировку — на службе и в чине — отставной казак — с 1855 года.

То есть Афанасий Никитич, участник обороны Петропавловского порта, в 1855 году в связи с военными событиями вновь был призван на казачью службу.

Но потом следы этой семьи обрываются.

В Исповедальных росписях Петропавловского собора за 1893 год мы находим среди имен жителей города дочерей казака — сирот Екатерину Афанасьевну Чеботнягину и ее сестру Агриппину, у которой был незаконнорожденный восьмилетний сын Павел (вероятно, Афанасьевич — так как незаннорожденных казачат, как правило, записывали на деда).

Позже слабые фамильные следы Чеботнягиных проявляются на западном побережье Камчатки, где, кстати, работал в те же годы в селе Немтик Усть-Большерецкого района Николай Иванович Чеботнягин.

И не он ли был неким неизвестным нам Чеботнягиным — супругом Надежды Константиновны Ворошиловой?

И, опять же, не он ли проявляется и в этой информации?

«О деятельности Соболевского волревкома в 1923–1925 гг. сохранился ряд архивных документов. Председателем Соболевского революционного комитета в то время был Николай Северьянович Карлсон, секретарем волревкома — А.Чеботнягин, с 1924 г. — Трапезников Никандр Васильевич».

И не с этой ли должностью связан последующий арест и приговор в годы политических репрессий Николая Ивановича Чеботнягина?

Это вопросы, на которые еще предстоит ответить.

Как связаны (и связаны ли) между собой две эти истории — камчатских казаков и гижигинских священнослужителей?

Ответа на это вопрос у нас пока нет.

Первым в Гижиге служил при священнике Романе Иоанновиче Верещагине пономарь Гижигинской Спасской церкви Чеботнягин Алексей Петрович (1795–1845).

Иван Ефимович, судя по возрасту, — это уже третье поколение церковнослужителей Чеботнягиных.

Но мы знаем, на примере семьи священников Верещагиных, о том, что переход из казачьего сословия в сословие священнослужителей не был проблемным в период, когда священников на Дальнем Востоке катастрофически не хватало, а потребность в строительстве православных храмов была самой настоятельной — создавались новые семьи, и брак должен был быть освящен, на свет появлялись дети, которые не могли быть «нехристями»…

ЧЕРНЫХ

Эта фамилия была очень распространенной в Сибири. Практически в каждом гарнизоне городов-крепостей были свои Черные, Черновы и Черных.

Первым же из них отметился в 1623 году Тобольск, и это был… литвин: «Деревня Шанталыке на межах с монастырскими пашнями. Во дворе служилый человек литвин Григорий Черный. Пашни пашенные середние земли три чети без третника да перелогу четверть в поле а в дву потому ж а поскотинные земли в логу три десятины».

Позже он пошел на повышение: «…осенью 1628 г., в Москву поступила челобитная из Тобольска от служилого подразделения “тобольской литвы и литовского списка казаков”. После смерти выбранного и много лет командовавшего ими ротмистра Бартоша Станиславова служилые люди, “излюбя из свое братьи из иноземцев”, выбрали в ротмистры “рядового литвина” Григория Иванова Черного и просили утвердить его в этой должности. Рассмотрев это дело, служилую челобитную, приказные справки и отписку тобольского воеводы кн. А.Н. Трубецкого, начальник Сибирского приказа кн. Д.М. Черкасский в начале лета 1629 г. утвердил Г. Черного ротмистром…».

В 1658 году в Якутске служит его полный тезка — казак Григорий Иванов сын Черной, который в 1661 году служит вместе со знаменитым Иваном Ерастовым: «Роспись служилым людем, каторые посланы в Якутцкой острог за государевою соболиною казною с сыном боярским с-Ыван Ерастовым: Андрюшка Федоров Пан, Васька Варфоломиев Бронник, Потапко Данилов, Гришка Черной, Никифорко Мощильцов, Софонко Симанов, Ивашко Белокопыт, Мишка Коновал».

В это же время в списках якутских казаков отмечен Андрей Иванов Черной (Черных).

В 1689 году сын Григория Ивановича Черного Стенка Григорьев сын Черной «сказал родом он города Тоболска у него дети Офонка 20 лет Ивашко болшой осми лет Ивашко меншой пяти лет».

И впоследствии не только тобольские Ивановичи могли быть в Якутии казаками-годовальщиками, но, как выясняется, и енисейскими тоже.

Примерно в те же самые годы в Енисейске, в новой Кемской слободе, отмечена деревня «служилово человека Ивашка Федорова Черного, у него детей 4 сына Васка 16 женат, Тихонко холост 15, Куземка 14 женат, Матюшка 12. Земля отведена з братом с Ылейкою на Кеме во 169-м году при воеводе Иване Ржевском».

И вот — в 1692 году в Якутске служит Мартынко Иванов Черный и два брата Максимко и Алешка (умер от оспы в этом году) Богдановы дети Черные.

В 1720 году здесь же проживал отставной казак Иван Черных восьмидесяти лет от роду — то есть 1660 года рождения, возможный отец Мартына.

В 1706 году в Якутском казачьем полку: Черной Мартын Иванов (13-я пятидесятня: «за заморские реки умре») и еще один Максим Черной (6-я пятидесятня), но не Богданов, а Иванов сын, возможно, брат Мартына, а в 13-й пятидесятне служит Данило Федоров Черных.

То есть получается, у нас в вопросе «кто есть кто?» — гадание «на кофейной гуще».

Поэтому нужно идти от обратного — от реальных сложившихся на Северо-Востоке России династий и потом уже искать их более древние корни.

Что мы и сделаем.

Точное время появления на Камчатке казака Леонтия Черных мы не знаем.

Знаем другое, что, будучи сборщиком ясака на реке Хайрюзово, он в 1731 году участвовал в карательных походах против восставших камчадалов, а впоследствии стал казачьим пятидесятником.

Крестовый миссионерский поход иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина, который проходил с 15 ноября 1740 по 8 февраля 1741 г., открыл нам полное имя одного из его участников:

Леонтий Алексеев сын Черных. Большерецкий служилый [РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 106].

Итак, Леонтий сын Алексея Черных.

Что мы знаем об Алексее?

Начнем, опять же, от обратного:

«Во оном же 731-м году присудствия Большерецкого острогу Авачи реки ясашныя иноземцы новокрещен Васька Вахлыч с товарыщи изменили и сына боярского Назара Колесова, служилых Ивана Богомолова, Ивана Украинцова, Михайла Дружинина, Алексея Черных, Михайла Шипунова убили, да з Бобровaго моря ясашных иноземцов дву тоенов призывали с собою в ызмену, и оные тоены с ними в ызмену не пошли, и за то их помянутые Вахлыч с товарыщи убили ж» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

Но это еще не все.

В Перепись попали дворовые люди большерецкого служилого Алексея Черных – ясырь, пленные, доставшиеся в бою и обращенные в холопов.

Редкий казак на Камчатке мог похвастать таким трофеем.

Большерецкий острог

3340) Алексея Черных дворовые Петр
3341) Василеи
3342) некрещеные Кшенюга
3343) Пьяной
3344) Похмелной
3345) Заброда
3346) Ушка
3347) Колпак
3348) Мчат
3349) Кивач
3350) Катыя
3351) Курюмга [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 120 об.].

И это говорит о том, что Алексей Черных провел на Камчатке значительную часть своей жизни и участвовал во многих походах.

Поэтому вполне вероятно, что Леонтий Алексеев сын Черных — уроженец Камчатки.

Правда, есть еще один интересный факт (а может быть, просто совпадение): в окладной книге Якутска за 1720 год перечисляются казаки набора Афанасия Шестакова для службы на Чукотке: «Тобольского города Иван Данилов Прянишников … Алексей Волков … Иван Алексеев сын Черных» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 11 об.].

Теоретически возможно, что это не совпадение?

Конечно. Вспомним тобольского казака Потапа Серюкова — атласовского приказчика Камчатки, у которого в Тобольске остались дети. Вспомним тобольского казака Кирилла Бекирева, служившего на Камчатке, у которого в Тобольске остался сын, а сам он пришел на Камчатку вместе с братом Лазарем.

Поэтому теоретические варианты могут быть разными.

Но совершенно прав великий Гете: «Суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет».

И вовсе не обязательно, что все трое — Алексей, Леонтий Алексеев сын и Иван Алексеев сын — как-то связаны друг с другом.

Поэтому мы и пойдем по пути достоверных фактов.

Леонтий Черных, будучи впоследствии пятидесятником, активно участвовал в деятельности Камчатской Духовной Миссии, которая прибыла на Камчатку в августе 1745 года, и его фамилия сохранилась среди православных камчадалов Черных на северо-западном побережье Камчатки. Впоследствии она была перенесена, как и многие западнокамчатские фамилии, в центральную часть полуострова, где после двух опустошительных эпидемий 1768 и 1800 годов многие поселения камчадалов обезлюдели.

В этот же период пятидесятник Леонтий Черных близко сошелся и с самим архимандритом Камчатским — Иоасафом Хотунцевским, который строил на Камчатке новые православные храмы и из числа казачьих детей готовил будущие кадры камчатских церковно- и священнослужителей.

Сын Леонтия — Георгий — и стал родоначальником камчатских священников Черных.

В 1757 году Георгий Леонтьевич обучался в Большерецкой школе у священника Петра Михайловича Логинова и по ее окончанию был зачислен в клир преемником Хотунцевского на посту главы Миссии Пахомием.

20 января 1771 года в Иркутске он был рукоположен в сан священника епископом Софронием (за 10 дней до его кончины) и был определен священником Большерецкой Успенской церкви на место умершего в том же году своего учителя Петра Михайловича Логинова. И всю оставшуюся жизнь Георгий Леонтьевич Черных служил в этой церкви вплоть до своей кончины 18 мая 1786 года.

У него было пять сыновей. Вот данные о них за 1808 год:

Алексей Георгиевич, священник Большерецкой Успенской церкви;

Александр Георгиевич, священник Гаванской Рождественской церкви;

Леонтий Георгиевич, священник Тигильской Христорождественской церкви;

Никита Георгиевич, дьячок Верхнекамчатской Богоявленской церкви.

И самый младший — Федор Георгиевич, о судьбе которого нам пока ничего неизвестно.

Впоследствии, в период образования Камчатской епархии, охватывающей территории Российской империи на Востоке от Русской Америки до Якутии и от Чукотки до Приамурья и Приморья, епископ Камчатский Иннокентий распределял камчатские свои кадры по всей территории епархии.

Вот судьба одного из многих Черных:

Черных Алексей Никитич (1824), дьяческий сын, дьячок Верхнекамчатской церкви; дьячок Петропавловского собора в 1854 г., награжден памятной медалью на Георгиевской ленте за участие в обороне Петропавловского порта, в 1861 г. рукоположен в диаконы, г. Николаевск-на-Амуре, храм апостолов Петра и Павла.

А вот судьба детей Леонтия Георгиевича, унаследовавшего имя своего деда, и с которого, собственно, начинается продвижение семьи священников Черных на Северо-Восток и в Охотоморье:

Черных Алексей Леонтьевич, дьячок Петропавловского собора в 1854 г.;

Черных Александр Леонтьевич (ум. до 1884), псаломщик Паланской церкви;

Черных Иван Леонтьевич (1803), 1845 г., Петропавловский собор, столоначальник Камчатского духовного правления;

Черных Никита Леонтьевич (1806), 1820 г., Петропавловский порт, в 1823 г. окончил Петропавловское духовное училище и в 1829 г. был определен на место дьячка к Охотской Спасо-Преображенской церкви;

Черных Илларион Леонтьевич (1812–1876). В 1845 г. рукоположен в сан священника епископом И. Вениаминовым в г. Ситхе.

«В начале 1850-х гг. в г. Охотск из г. Иркутск прибыл на службу священник Илларион Леонтьевич Черных, который был направлен к Тауйской Покровской церкви, где прослужил 23 года. Тауйцы рассказывали, что в г. Охотск он был сослан за какую-то провинность. И.Л. Черных возглавил работы по восстановлению Тауйской церкви, сгоревшей в 1857 г., пользовался уважением местных жителей. Более 10 лет он вел обучение детей в домашней школе при Тауйской Покровской церкви. За многолетнее верное служение церкви и Отечеству Илларион Черных в 1858 г. был награжден бронзовым наперсным крестом. Из-за слабого здоровья И.Л. Черных дважды (в 1865 и 1867 гг.) подавал прошение об увольнении».

Иная судьба выпала их брату — Георгию Леонтьевичу — 1820 года рождения, который после окончания Камчатского духовного училища был направлен не в Ново-Архангельск на Аляску в духовную семинарию, а в школу земледелия в Москве, по окончании которой он стал агрономом и прославился своими рекордными урожаями в Форт-Росс, в Калифорнии, куда был приглашен руководством Российско-Американской компании.

Не обойдем мы вниманием и другую ветвь священников Черных — линия Александра Георгиевича, сын которого — Черных Алексей Георгиевич (1819–1876) — дьякон Петропавловского собора, был участником обороны Петропавловского порта в 1854 г., награжден памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте.

Камчатский мир тесен — внучка Александра Георгиевича (дочь Ивана Александровича) Черных Рахиль Ивановна (1822) — была женой боцмана 46-го Камчатского флотского экипажа Павла Васильевича Усова, который вместе с семьей (жена и двое детей) и подчиненными ему матросами попали в плен к англо-французам в августе 1854 года на грузовом плашкоуте, доставлявшим кирпич в Петропавловский порт из бухты Тарья.

Благодаря настойчивости Рахиль Ивановны, которой удалось разжалобить сердце старого французского адмирала Де-Пуанта, командующего объединенной Тихоокеанской эскадрой, который благосклонно отнесся к этой семье и освободил эту женщину с малолетними детьми, а также мужа и даже племянника — молодого матроса Ивана Киселева, приняв его за мальчишку.

Почему мир тесен — да потому что казаки Усовы имеют самое непосредственное отношение к нашей семье — потомками которых являются моя супруга Татьяна Петровна и наши дети.

Усовы в 1855 году покинули вместе со всем гарнизоном Петропавловского порта Камчатку и продолжили службу в Николаевске-на-Амуре.

А священно- и церковнослужители Черных продолжали осваивать православный Северо-Восток и Охотоморье, будучи с 1840 года включены в проект существования самостоятельной Камчатско-Курильско-Алеутской епархии, охватывающей все Охотоморье, Северо-Восток России и Русскую Америку. Столицей епархии стал Ново-Архангельск (Ситха) на Аляске.

Сын Алексея Никитича (это линия Никиты Георгиевича) — Черных Петр Алексеевич (1847) — священник Ямской Благовещенской церкви в 1880-е годы, будучи ранее уволенным из духовного звания, в 1872 г. подал прошение о принятии его обратно в духовное звание с определением к Черемховскому приходу и о переводе к Иннокентьевской церкви, где до 1877 г. исполнял должность псаломщика, в 1877 г. подал прошение о рукоположении его в священника, в Ямской церкви служил до 1888 г., а затем переведен в Корякскую миссионерскую походную церковь, с 1894 г. одновременно заведывал и Гижигинским приходом. В Гижиге прослужил до 1907 года.

Другой его сын — Игнатий Алексеевич (1854) — «в 1861 г. обучался в Благовещенском духовном училище. В 1876 г. он окончил полный курс наук по 2 разряду Благовещенской духовной семинарии и “согласно прошению, допущен в Камчатскую Духовную Консисторию к занятиям в качестве вольнонаемного писца”, а в 1877 г. определен канцелярским служителем 2 разряда той же Консистории. 18 февраля 1878 г. Преосвященным Мартинианом, епископом Камчатским,

Курильским и Благовещенским рукоположен в диакона, а на следующий день — в священника к домовой крестовой Архиерейской церкви. В марте этого же года был назначен казначеем Камчатского Архиерейского дома. 1 декабря 1879 г. И.А.Черных был переведен к приисковой Николаевской церкви Верхне-Амурской золотопромышленной компании Камчатской епархии и вскоре указом Камчатской Духовной Консистории за № 341 назначен духовником священнослужителей Верхне-Амурского благочиния, а через год — благочинным Верхне-Амурских церквей. В этой должности он состоял до 1886 г., когда был переведен благочинным VII участка церквей Камчатской епархии. В 1891 г. Игнатий Черных был переведен в Амурскую область к вновь открытому приходу Буссеевской церкви, а в 1893 г., согласно собственному прошению, — к Павловской Михайло-Иннокентьевской церкви. И.А. Черных был неоднократно награжден. В 1881 г. "за благочестную жизнь, ревностное исполнение пастырских обязанностей и за благопопечение о благолепии и устройстве храмов Божиих награжден набедренником", в 1885 г. ко дню Св. Пасхи награжден бархатной фиолетовой скуфьей, в 1896 г. удостоен права ношения серебряной медали на Александровской ленте в память царствования императора Александра III, а в 1897 г. "удостоен права ношения темно-бронзовой медали на ленте государственных цветов за труды по первой всенародной переписи". В 1894 г. священнику Игнатию Черных была назначена пенсия "за выслугу лет в Камчатской епархии".

В 1900 г. Игнатий Черных был переведен из Благовещенской епархии во Владивостокскую. К этому времени в его семье было 7 детей, в том числе сыновья Иннокентий, 14 лет, и Иван, 11 лет».

Сын Никиты Леонтьевича — Черных Леонтий Никитович — в 1851–1852 гг. пономарь Охотской Спасо-Преображенской церкви, с 1853 по 1856 г. в Инской Николаевской церкви. «В 1880 г. исправляющий должность псаломщика Ямской Благовещенской церкви переведен в Благовещенский Кафедральный собор, где в 1881 г. был рукоположен в диакона. В 1883 г. из Благовещенского Кафедрального собора он был перемещен к Марковской Покровской церкви на псаломщическую вакансию, а оттуда в 1884 г. к Кумарской. В 1889 г. Леонтий Черных получил свидетельство на почетное гражданство, а в 1896 назначен псаломщиком к Спасской церкви Южно-Уссурийского края и в том же году был уволен».

Сын Георгия Леонтьевича:

Черных Гавриил Георгиевич прибыл в Приохотье с Амура, где выполнял обязанности эконома при Архиерейском доме, в 1865 г. принят в духовное звание и 21 ноября 1865 г. произведен в иподиакона, 10 июля 1868 г. с сыном Иннокентием отбыл в Якутск «для поступления там на службу по епархиальному ведомству».

Дети Иллариона Леонтьевича:

Черных Леонтий Илларионович (1848–1926), псаломщик, затем пономарь в Тауйской церкви (до 1910), за долголетнюю службу его наградили золотой медалью на Аннинской ленте «За усердие».

Черных Иннокентий Илларионович (1842–1885), окончил в 1864 г. семинарию в г. Якутск, а в 1875 г. сменил отца в с. Тауйск, в 1878 г. его перевели в Охотскую Спасо-Преображенскую церковь; 1885 г. священник Софийской Казанской Божьей Матери г. Софийск Приморской области.

Черных Николай Илларионович (1850–1895). Окончил Якутскую духовную семинарию, был священником в с. Тауйске, на с. Ола, заведовал и Ямским приходом (1889–1893). В 1876 году (в год смерти отца) два сына И.Л. Черных, Никодим и Николай, служащие диаконами при Якутской епархии, обратились с прошениями к епископу Якутскому и Вилюйскому, Преосвященнейшему Дионисию о переводе их в Камчатскую епархию. Поскольку Камчатская епархия испытывала большой недостаток священников, оба брата были приняты на службу: Николай — священником Тауйской Покровской церкви, на место своего отца, а Никодим — Иньской Николаевской.

14 сентября 1877 г. диакон Николай Черных стал иереем в главном храме Нерукотворного образа Христа Спасителя Якутского Спасского монастыря.

В с. Тауйск Николай Черных прибыл в 1878 г. и прослужил в Покровской церкви до своей трагической гибели в 1895 г. Вместе с Николаем Черных в Тауйской церкви служил его родственник Леонтий Черных. В отсутствии священника в с. Ямск в 1880-х гг. Николай Черных вынужден был одновременно с основной службой заведовать и Ямским приходом.

Если учитывать протяженность территории, которую приходилось обслуживать священнику, удаленность селений и проблемы транспортного сообщения между ними, то можно судить о сложности работы Н.И. Черных. Он и погиб, исполняя свои священнические обязанности. Выехав 4 декабря 1895 г. с церковным старостой Егором Самсоновым в с. Армань для совершения там богослужения, они провалились с собачьей упряжкой в полынью на р. Тауй и утонули.

Черных Никодим Илларионович (1851). Окончил Иркутскую духовную семинарию и в 1872 г. «определен дьячком к градоякутской Богородской церкви. Посвящен в стихарь 28 марта 1876 г. 6 января 1877 г. рукоположен в диакона и определен на праздное дьяческое место к Намской Предтечевской церкви. Женат. От роду имеет 25 лет. Читает и поет хорошо. Уставу учится. Катехизис знает. Поведения хорошего» [НА РС(Я). Ф. 227. Оп. 2. Д.100. Л. 6 об.].

В 1877 г. Никодим Черных был определен к Иньской Николаевской церкви, где прослужил до середины 1880-х гг., когда Инской приход был присоединен к г. Охотск. Священник был переведен в Охотск и назначен Благочинным Охотских церквей «как пользующийся отличной репутацией за свои истинно пастырские и христианские качества. В 1885 г. священник Охотской церкви, а затем — благочинный Охотских церквей в 1892–1897 гг.

Дети Иннокентия Илларионовича:

Черных Петр Иннокентьевич (21.12.1870 г. в г. Охотск), в 1886 г. окончил Благовещенское духовное училище и назначен псаломщиком к церкви Тихвинскойц Божьей Матери в с. Шкотово на р. Цемухэ, в 1887 г. переведен к Нестеровской Иннокентьевской церкви, с февраля 1896 г. псаломщик Ханкайской церкви Владивостокской епархии в п. Камень-Рыболов, с 1 октября 1890 г. переведен в Удской округ Приморской области и назначен вольнонаемным псаломщиком Буруканской походной у якутов и тунгусов церкви.

Черных Илларион Иннокентьевич (1872). В 1886 г. окончил Благовещенское духовное училище и в июле того же года был назначен Преосвященным Гурием, епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским, псаломщиком к церкви Тихвинской Божьей Матери в с. Шкотово на реке Цемухэ. В 1887 г. был переведен к Нестеровской Иннокентьевской церкви. В 1892 г. обратился в епархию с прошением «Об определении его вновь на псаломщическое место и назначении к Григорьевской Свято-Троицкой церкви». С февраля 1896 по июль 1900 г. г. Петр Черных исполнял должность псаломщика Ханкайской церкви Владивостокской епархии в п. Камень-Рыболов, где одновременно безвозмездно исполнял обязанности учителя церковно-приходской школы. С 1 октября 1900 г. он был переведен в Удской округ Приморской области, где назначен вольнонаемным псаломщиком Буруканской походной у якутов и тунгусов церкви «с отнесением должности учителя Мариинской миссионерской школы».

Дети Леонтия Илларионовича.

Черных Иннокентий Леонтьевич, церковнослужитель в крепости. Порт-Артур.

«Судьба Серапиона, Серафима и Александра (сыновей Леонтия Илларионовича) после революции сложилась трагически. Серапион Черных родился предположительно в 1873 г. С июня 1893 г. имя отца Серапиона отмечено в метрических книгах Иннокентиевского храма Хабаровска — его штат был переведен во вновь открытый Успенский собор. В этом соборе Серапион прослужил до февраля 1904 г. Проживал с семьей в собственном доме по Лисуновской улице на Артиллерийской горе (ныне пересечение улиц Комсомольской и Ленина) с женой Александрой Варлаамовной. В Хабаровске у них родилось четверо детей: Клавдия, Варлаам, Николай, Софья. Михаил и Зинаида, видимо, появились в Николаевске. В августе 1896 г. в доме отца Серапиона останавливался преосвященный Макарий, епископ Камчатский, который прибыл в Хабаровск для освящения домовой церкви в честь мученика Сергия Римлянина. В 1904 или 1905 г. уже в сане протоирея отец Серапион назначен настоятелем Николаевского собора в г. Николаевск-на-Амуре. Во время Первой мировой войны (1914–1916) он участвовал в работе областного отделения Николаевского района и Сахалина Комитета Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Комитет занимался благотворительной деятельностью: помощью семьям лиц, призванных на службу. Потом началась революция и гражданская война».

«28–29 февраля 1920 г. Николаевск заняли «лихие эскадроны» приамурских партизан-анархистов под командованием Якова Тряпицына и Нины Лебедевой. В докладе иеромонаха Никанора (Лепешева), преподавателя Хабаровской духовной семинарии, «Православные аспекты истории создания и становления города Николаевска-на-Амуре», приводится следующее сообщение: «4 апреля (вариант: 1 марта) 1920 г. принял мученическую кончину протоиерей Серапион Черных, с 1895 г. служивший настоятелем Николаевского собора. Людьми Тряпицына и Лебедевой о. Серапион был спущен под лед в бухте, во время освящения вербы, прямо в облачении. Священномученик Серапион Амурский был прославлен в лике святых Собором РПЦЗ в 1981 г.».

Дети Алексея Леонтьевича.

Черных Никита Алексеевич (1885), с. Тигиль, репрессирован.

Дети Петра Прокопьевича:

Черных Иван Петрович, (1882), место рождения: ДВК, камчадал, арестован в 1934 г., осудивший орган: тройка УНКВД по ДС, осужден 13.03.1938, статья: 58, расстрелян 27.03.1938, реабилитирован 11.05.1989.

ЧЕРТОВСКИЕ

Фамилия запоминающаяся — это что же такое нужно было совершить, чтобы люди тебя не только с чертом сравнили, но и объявили бы об этом на весь мир, пропечатав в народном прозвище.

А прозвища были, что клейма, — прилепится — не сотрешь. Мы уже рассказывали в истории о Мухоплевых, как появилась их фамилия из «Мухосранов» — прозвища, которое получил за свой вредный характер сапожник из Томска. Как только и на какой лад не переделывали, когда нужно было челобитную на царское имя подписывать…

Первую такую фамилию мы обнаруживаем в окладной книге якутских казаков:

Енисейские казаки

«Семейка Чертов сын Пермяк в верхоленском в Братцком острожке» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 86].

А вот и продолжение:

«Семейка Родионов Чертов был до приезда на Лену енисейским служилым человеком. У него в Енисейском остроге осталась семья. Сразу же после того, как он нанялся пахать государеву пашню, Семейка подал челобитную.

“В нынешнем, государь, во 149-м [1641] году, апреля в 14 день, нанялся я, холоп твой, на твою государеву пашню на новое место на усть Куты на два года.

А по приговору стольников и воевод Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова, да дияка Еуфимия Филатова и пахати мне, холопу твоему, та твоя государева пашня, новое место, в те срочные годы ежегод безпереводно.

А в Енисейском остроге, государь, у меня, холопа твоего, по семьишко свое и по детишка не отпустят.

<…> Вели, государь, то мое семьишко и детишка из Енисейского острогу до Ленского волоку прислати промышленому человеку Ивану Офонасьеву сыну Касьянову, с кем бы ему мочно, чтобы мне, холопу твоему, с семьишкой и з детишками не розстаться, и вконец не погинуть, и твоей бы государевы службы не отбыть."

На обороте челобитной воевода написал:

"149-м [1641], апреля в 16 день. Отписать отписку к Микифору Веревкину, чтоб жену Семейкину велел отпустить из Енисейского острогу на время для государевы пашни."

Семья была привезена, и не на время, а навсегда.

У Семейки Родионова Чертова была также пашня на Илиме. Об этом сказано в его челобитной:

"Царю [М. Ф.] бьет челом холоп твой и пашенной Семейка Родионов.

В прошлом, государь, во 152-м [1643–1644] году бил челом тебе, государю [М. Ф.] и подал челобитную Ленсково острогу сыну боярскому Олексею Бедареву о пашенной земле и з сенными покосы, от Илимской слободы от первого камени вниз по Илиму реке до Зырянки речки по обе стороны, или на пашенные земли и з сенными покосы. И против прежней моей челобитной по твоему государеву указу сын боярской Олексей Бедарев велел мне, холопу твоему, пахать пашню против моей челобитной, на ту пашню и з сенными покосы (отводную) не дал.

<…> Вели, государь, на ту мою пашню из сенными покосы дать отводную."

Обратим здесь внимание на то, что Семейка Родионов называет себя "холопом", а не "сиротой". " Холопами" называли себя люди, относящиеся к служилому сословию, тогда как крестьяне именовали себя "сиротами".

Однофамильцы Семейки Родионова Чертова жили в деревне Чертовской на левом берегу Лены в 31 км выше Киренска. В настоящее время фамилия Чертовских встречается редко».

Странно – почему однофамильцы?

В «Крестьянской именной книге Илимского острога» за 1677 (7185) г. отмечены дети Семена Родионовича:

«Устькуцкие волости пашенные крестьяне … Ивашко да Гришка Семеновы дети Чертовы».

Георгий Борисович Красноштанов — кропотливейший из историков Восточной Сибири, по документальным крохам создал историю поселений на Лене в своем трехтомнике «На ленских пашнях XVII века».

И вот что в частности он обнаружил:

«Деревня Сенкинская Чертова, а в ней:

двор — Пашка Иванов сын Протасов.

двор — Зотка Онтипин сын мезенец».

Это самая непонятная запись. Сенька Родионов Черт был служилым и пашенным крестьянином. Пашня его была в деревне Туруке, выше устья Куты в 16 километрах. Там после его смерти в окладной книге 1660 года упомянута «вдова, Семеновская жена Чертиха Федосьица Семенова дочь».

«В той же Усть-Куцкой волосте у Туруки речки во 182-м (1674) году при воеводе при Силе Осиповиче Оничкове построены в государеву десятинную пашню на пустую пометную пашню вместо беглово пашенново крестьянина Агафонка Григорьева остальцы пашенного крестьянина Сенки Черта, дети ево, Ивашко да Гришка Семеновы». О том, что у Сеньки Родионова Черта была пашня в Усть-Киренской волости, нигде упоминаний нет.

Но здесь напрашивается другая мысль. В 1650 году илимский воевода Тимофей Шушерин писал в Москву, что устроил в пашню «промышленново человека Сенку Трофимова на великой реке Лене против Полоротовы заимки, вверх идучи по великой реке Лене на правой стороне, на лушку». Сеньку Трофимова писали с прозвищем Черный. Название деревни «Сенькинская Черново» по ошибке писца превратилась в «Сенькинская Чертова». И хотя деревня Чертовская находится не совсем напротив Полоротовской деревни (расстояние между ними 19 километров), другого способа привязки ее к местности в 1650 году просто не было».

«"Деревня (Кочеурова, она же Турука), один двор. А в нем пашенные крестьяне Сенька Федоров Кочеур, Ивашко Семенов сын Чертов". Ивашко Семенов Чертов — сын служилого и пашенного крестьянина Семейки Родионова Черта. Не упоминается записанный в 1677 году его брат Гришка».

«…в ужинной книге 1685 года записано: "У Сенки Кочеура … На ево ж, Сенкине, земли присевка Гришки Семенова сына Чертова". В ужинной книге 1687 года: "У Григорья Чертихина". А в 1688 году почему-то он не упоминается».

И далее: «Заимка Агафонка, Чертихина зятя».

Чертихин зять — это зять Чертихи, жены служилого и пашенного крестьянина Семейки Родионова Черта. В подробной записи от 14 марта 1653 года на поделку дощаников сказано: «Се аз, вдова Федосья Семенова дочь, а Семеновская жена Чертова…». До этого сообщалось о переводе Семена на пашню к соляной варнице на будущую заимку Карпову. Полное имя Агафонка Чертихина зятя — Агафонко Григорьев сын Шипицын.

А в окладной книге 1656 года написано:

«Вверх по Лене реке, против Туруки речки, на левой стороне пашенной Агафонко Григорьев…»

Речка Турука впадает в Лену в 16 километрах выше устья Куты.

Агафонко Григорьев Шипицын переселялся несколько раз. На речке Куте, выше деревни Каймоновой, была заимка Шипичная, она же Агафонова. Однако не ясно, когда она возникла».

С.А. Гурулев в книге «Первые иркутяне» [Иркутск, 2011] сообщал подробности.

«Чертов Григорий (Гришка), пашенный крестьянин, 1692 г. В 1692 г. идинский приказчик Ф.Н. Черниговский сообщал в Иркутск о сдаче Ч. пашни другому крестьянину:

"В нынешнем 200 году идинской пашенной крестьянин Гришка Чертов тягло свое, четверть десятины, здал пашенному ж крестьянину Фетьке Давыдову. И челобитная и поручная по нем, Фетьке, в Ыдинском в Приказной избе.

Да он же, Гришка, подал челобитную, чтоб ево из Ыдинского отпустить в Кецкой монастырь з женою и з детьми, потому что он, Гришка, увечен, пашни пахать не может.

И об отпуске, стольники и воеводы, князь Иван Петрович, князи Матвей Петрович, что укажете?"»

Итак, судьба одного из них коренным образом изменилась, и он сошел с родной пашни.

А его брат Ивашка отметился в другом документе за 1696 год: «1696 г., июня 21. "Выбор", составленный в Илимске об отказе илимскому воеводе стольнику Б.А. Челищеву от власти и о передаче управления выборным людям». Среди бунтарей и Ивашко Чертов. Но он значится в списке не пашенных илимских крестьян, а… рядовых казаков. Что интересно — следующие в этом списке — казаки Андрюшка да Стенька Шипицыны — вероятные родственники.

Но вернемся к Чертовским.

Чертовский (Чертовской) Василий Иванов, основатель селения Чертовская, относимого к Криволуцкой слободе, 1681 г. Это из книги В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня».

Но это еще не все.

Деревня Чертовская.

«Васка (Иванов) Чертовской … А детей у нево один сын Ивашко. А братей и племянников у нево нет».

«Деревня (Чертовская), два двора. А в них пашенные крестьяне Васка Иванов сын Чертовской. Ивашко Иванов сын Кудря». В окладной книге 190 (1682) года записано:

«Васка Иванов сын Чертовской да Ивашко Иванов сын Вондокурцов». Так как они записаны в одном тягле, то, вероятно, были родственниками. Фамилия Ивашки Иванова — Вондокурцев указывает на его происхождение из Вондокурского стана уезда Соли Вычегодской, а Кудря — прозвище. Его потомки и сейчас живут в Киренском районе, только фамилию их исказили, стали писать Однокурцев».

С илимскими Чертовскими вроде как разобрались — деревню основали прямые потомки Семена Пермяка.

Но вот как быть с другими Чертовскими?

«Якутцкого города служилые люди

Холостые рядовые казаки

Кирилка Давыдов Усов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою.

И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 8 день приверстан в ево Кирилково место казачей племянник Микитка Микифоров Чертовских» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 47].

И снова мы вынуждены обратиться к архивным материалам Илимского уезда, точнее к «Дозорной книге» все того же 1677 года, из которой мы узнаем, что в Илимском остроге служит рядовой казак Митка Стефанов сын Чертов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 633. Л. 40 об.].

1691–1692 годы, когда «оспенное поветрие» свело в могилу более полутора сотни якутских казаков, чтобы восполнить эти людские кадровые потери в служилых людях, в казаки верстали всех, кто был способен нести казачью службу — и в первую очередь ближайшую казачью родню — двоюродных братьев и племянников, один из родителей которых был либо в пашенных крестьянах, либо в посадских или торговых людях.

В 1706 году Никита Чертовских служит в двенадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка.

А по данным переписи 1748 года, он разночинец в Анадырском остроге.

Разночинец — значит, бывший казак, попавший под царскую реформу о сокращении казачьих войск.

С ним же в Анадырском остроге находится и разночинец Семен Чертовский. Возможно (и скорее всего это так), Никитин сын.

А далее следует разрыв в 20 лет, который пока не заполнен.

В 1768 году из Анадырского острога, в связи с решением об его упразднении и уничтожении, отправляется в Гижигинскую крепость основная часть гарнизона. В том числе:

«Отставной казак Прокопий Чертовский. Жена Устиния Андреевна.

Сын Евсевий — 17 (1751)» [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 28. Л. 18].

Судя по возрасту, это тоже Никитин сын.

Но пока отчества Прокопия мы не знаем.

Знаем другое – в 1730 году он был непосредственным участником похода Дмитрия Павлуцкого на Чукотке:

«Пересыпкин сообщил, что 1 октября 1772 г. взял "сказку" с находившихся в Гижигинске участников первого похода Павлуцкого отставных казаков Василия Кургуцкого, Прокопия Чертовских и Ивана Русанова. Их показания Пересыпкин включил в ответы, которые переслал Шмалеву. В этих ответах поход и датирован 1730-м годом».

В 1768 году был переведен в Гижигинскую крепость из Анадырского острога и казак Иван Чертовский.

По данным за 1772 год, в Гижигинской крепости служат:

Казаки

Иван, Иван, Алексей Чертовские

В ведомости Гижигинской крепости за 1781 год мы насчитываем уже четверых Чертовских: добавляется молодой пятидесятник Евсей [Прокопьев сын] Чертовский [РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 88. Л. 18 об.].

Этот список не окончательный, так как мы обнаружили в архивах списки гижигинских школьников за 1784 год:

Петр Чертовский — 9 (1775);

Андрей Чертовский — 6 (1778);

Другой Андрей Чертовский — 6 (1778);

Прокопий [вероятно, Евсеев сын] Чертовский (примерно 1776/1780).

Последний из них — отец следующего (уже третьего по гижигинскому счету) Прокопия:

«Посемейный список о казаках Камчатской команды служащих и отставных с их детьми. 1852 год

Гижигинская крепость

Служащие

Казаки

Чертовский Прокопий Прокопьев — 24» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16. Л. 45].

В Национальном архиве РС (Я), [фонд 401п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.] имеются сведения о гижигинских казаках Чертовских за 1831 год.

Их было двое:

Чертовский Петр (1770),

Чертовский Захар (1772). Жена Захара — Лукия Яковлевна (1813), вдова до 1856 г., жена с 04.02.1859 г. гижигинского казака Тимофея Павловича Инешина.

Чертовский Степан (1793)

Чертовский Михайло (1809)

Чертовский Тимофей (1809) — в 1831 г. служил в Охотске, а в 1852 года находился на службе в Амурской экспедиции на Петровском посту [А.И. Петров, Амурский щит, с. 361].

Дочь Степана — Чертовская Параскева Степановна (1828) 21.05.1845 года вышла замуж за Парфентьева Николая Федоровича (1825) — казака Гижигинской сотни.

Дочь Захара — Чертовская Агния Захаровна (1822) 27.10.1846 вышла замуж за Курилова Николая Прокопьевича (1824) — казака Гижигинской сотни.

А на Камчатке прописался Чертовский Прокопий Прокопьевич (1836), отставной казак Петропавловского порта в 1870 г. Ж. (с 1870) Дарья Иоакимовна, вдова напанского камчадала Иоакима Филипповича Попова (1840).

2 колено

Чертовский Макарий Прокопьевич (1872), кантонист Тигильской казачьей команды, участник обороны Камчатки в 1904–1905 гг. в составе Тигильской дружины. Ж. (с 30.06.1893) Беломоева Параскева Григорьевна (1874), дочь гижигинского мещанина.

3 колено

Чертовский Валериан Макарович (10.09.1893).

Чертовский Леонтий Макарович (10.09.1893).

Чертовский Николай Макарович (06.11.1915), участник Великой Отечественной войны.

ШАДРИНЫ

Многие на Руси могли стать носителями этой фамилии. Наверное, даже больше, чем Ивановы, Петровы и Сидоровы. Потому что шадра – это оспинка, след, рубец, оставляемый навечно от этой коварной болезни, которая, как «поветрие», прилетала, принося горе и смерть, изранив лицо, руки, тело…

Поэтому не стоит удивляться такому изобилию Шадров и Шадриных в Якутии, прибывающих сюда на годовалую службу из разных сибирских гарнизонов и «навечно» с Московской Руси в качестве либо ссыльных людей, либо военнопленных.

Енисейский казак «Гришка Федоров сын Шадра в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых и в прошлом во 155-м [1647] году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 95 об.].

1664 год: Шадра Михаил Клементьев, красноярский служилый человек в Якутии.

Камчатка, 1704 год: «Запись служилым людям, которые служилые люди в Камчадальские остроги шли. Идучи с Камчатки убиты Василий Беляев, Иван [Сафонов сын] Шадр» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 133 об.].

Камчатка, 1706 год: «Запись служилым людям, которые служилые люди в Камчадальские остроги шли. Прошлого 706 года прикащик Василий Шелковников со служилыми людьми в Олюторе побиты Шадрин Фома [Иванов сын]» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 139].

А родовая история якутских казаков Шадриных начинается, возможно, с брата Фомы — с Петра Иванова сына Шадры Устьянца, который в 1706 году служил в десятниках, а в 1718 году верстан в якутские дети боярские. Возможно, их отцом и был погибший, как и Фома на Камчатке, Иван Сафонович Шадр.

Этого мы пока не знаем.

Знаем другое. В 1733–1735 гг. сын боярский Петр Иванович Шадрин был приказчиком Анадырского острога.

Знаем, что у Петра Ивановича были сыновья — Семен, Василий, Сила (Силантий или Сильверст) и Евсегней (Евстигней). Василий Петров сын Шадрин в 1761 году был казачьим сотником. Сила в 1758 году — комиссар (приказчик) Олекминского острога.

Карьера Евсегнея наиболее показательна: в 1758 году он комиссар (приказчик) Майского зимовья, в 1761 года — приказчик Средне-Вилюйского зимовья, а в 1772 году — он уже чиновник при якутском воеводстве — сначала копеист, затем произведен в чин якутского сына боярского. А в 1778 году Шадрин Евсегней Петрович служит в чине сына боярского в Верхневилюйском комиссарстве. В 1781–1784 годах он служит в Жиганском комиссарстве — якутский дворянин, провинциальный секретарь (с 31 марта 1783 г.). Назначен казначеем Жиганского уезда.

И далее из книги П.Л. Казаряна мы узнаем и другие подробности:

«Согласно приказу Иркутского губернского правительства от 26 апреля 1809 г. “в Жиганске у продажи казенного провианта” были назначены отставной якутский дворянин Павел Евсегнеевич Шадрин, его помощником — отставной казак Козьма Михайлович Шахурдин, сидельцем соляной стойки — ясашный Семен Кандинский».

Уверен, что из этого рода и другие Шадрины, которые имели высокие должности в Якутском уезде:

«Исправники Олекминского округа Якутской области

Помощники окружного исправника

Шадрин Данил Филиппович, канцелярист, уволен с должности 5 сентября 1836 г.»

«Исправники Верхоянского округа

Помощники окружного исправника

коллежский секретарь (с 26 января 1897), титулярный советник (с 26 января 1900) Шадрин Григорий Александрович» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского

(Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020].

Почему я так уверен — потому что эти высокие должности, как правило, переходили в Якутии по наследству от отца к сыну и внукам…

Вторая история с появлением Шадриных на Северо-Востоке России связана не с Якутском, а с Нерчинском, откуда, начиная с того времени, когда Иркутск становится административным центром Восточной Сибири, идет наравне с Якутском кадровое пополнение казачьих и солдатских гарнизонов в Охотске, Тауйске, Удске, Анадыре, Гижиге, Тигиле и Камчатке.

И действительно, в период с 1721 по 1744 год на Камчатку отправлены нерчинские казаки.

«Города Нерчинска разночинцов взяты на Камчатку…

228) Гаврило [Степанов] Шадрин

229) Иван [Степанов] Шадрин» [РГАДА. Фонд 350 Ландрадские книги и ревизские сказки. Оп. 2 Д. 2-я ревизия. Книга переписная населения г. Нерчинска и уезда].

Историю их появления в Забайкалье нам удалось отследить: в 1668 году из Тобольска были направлены на службу в Даурию служилые люди:

«Холостые стрельцы. Офонасьевы сотни Федорова. Стенька Павлов Шадрин послан в Дауры» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 501].

1693 год: «Пятидесятник Дмитрей Дыдыкин во 198 году отпущен в Тоболск а в той посылке умре в 200 году, в 201 году в оклад ево приверстан Степан [Павлов] Шадрин марта в 7 день.

…Стенка [Павлов] Шадрин в 201 году марта в 7 день поверстан в пятидесятники в Миткино место Дыдыкина и писан выше сего а в ево оклад в пешую службу приверстан казачей брат Потапко Алимпиев марта в 21 день» [РГАДА, Ф. 214 Сибирский приказ Оп. 1. Д. 1063 Л. 100, 103].

А в 1708 году происходит следующее: один казак уходит — другой приходит:

«Остаток оклада восмь рублев восмь алтын две денги бывшаго пятидесятника Степана [Павлова] Шадрина.

Оклады денег по пяти рублев, хлеба по шти чети ржи, по полтора пуда соли.

Гаврило [Степанов] Шадрин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1424. Л. 11].

Из материалов переписи нерчинских казаков за 1721 год мы узнаем возраст братьев:

«Нерчинской пеший казак Гаврило [Степанов] Шадрин 27 (1694), брат ево Иван [Степанов] 22 (1699)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л.16 об.].

Мы не знаем, где служили братья Шадрины на Камчатке и вернулись ли они в родное Забайкалье.

Но мы расскажем вам еще одну историю появления на Северо-Востоке, на побережье Охотского моря, в Тауйском остроге еще одного уроженца Нерчинска:

Исходя из переписи 1744 года известно, что из деревни Фарковой, где проживали Шадрины из рода казака Петра Шадрина, которому в 1672 году было 70 лет (то есть он 1651 года рождения).

Вообще это была очень большая семья Шадриных. Судите сами по данным за 1721 год:

«Конной казак Афонасей [Петров] Шадрин 40 (1679); отец ево отставной казак Петр Шадрин 70 (1651); брат ево пешей казак Никифор [Петров] Шадрин 35 (1686); брат же ево Федор [Петров] 17 (1704) да сыны ево Федор [Афанасьев] 4 (1717), сын Ларион [Афанасьев] годовой (1720), да племянник ево Михайло 10 (1711)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 54].

Как разошлись дальнейшие пути-дороги членов этой казачьей семьи, мы не знаем. По переписи Нерчинска 1744 года известно еще только следующее:

Деревни Фарковой

разночинцов померло

Петр Шадрин

Взято в рекруты

Ларион Шадрин

А по данным переписи за 1748 год:

Тауиского острогу

Разночинцы

Лаврентe[й] Шадрин [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 128].

По данным 1761 года по Якутскому казачьему полку:

«…действительно при команде имеются и употребляются в караул с переменою: казак Лаврентий Шадрин».

Возможно, конечно, что все это только совпадения и Ларион к Лаврентиям не имеет никакого отношения…

Но на этом наши истории не заканчиваются.

В 1740 году в Верхнекамчатском остроге служит и участвует в крестовом миссионерском походе протодиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина по западному побережью Камчатки казак Дмитрий Артемьев сын Шадрин — и теперь его фамилию носят многие камчадалы (ительмены) и коряки.

Его сын — казачий пятидесятник Лев Дмитриевич Шадрин (1733) в 1812 году служит в Тигильской крепости.

А совсем рядом — в Гижигинской крепости, по данным за 1781 год, служит в казаках Михаил Шадрин, и в солдатах — Назар и Филат Шадрины [РГВИА, ф. 14808, оп. 1, д. 88]. Не сомневаюсь, что все они трое из одной семьи.

Как видите, совсем не зря мы говорили о том, что Шадрины, как Ивановы, Петровы, Сидоровы, совершенно не случайно так часто встречаются в самых разных регионах России…

ШАРОГЛАЗОВЫ

А также Шараглазовы и Широглазовы.

Но сначала разберемся с этимологией этого русского слова, чтобы понять его смысл.

Это глаза. Точнее их антинорма: одноглазый, разноглазый, косоглазый, пучеглазый, шароглазый; кривой, слепой.

Давайте вспомним, что о глазах говорят не только поэтически — «открыл свои очи», но и весьма грубо: «чего шары выпучил».

Хотя бывают и любопытные аналоги с другими языками. И об одном из них упоминает Надежда Шишмарева в газете «Красноярский рабочий» в статье о селе Усть-Пит:

«Иду по усть-питскому кладбищу. Оно за деревней, на высоком месте, в начале участка горного кряжа под названием Камень.

Слева от входа мрачный хвойный лес. Здесь начало кладбища, и немногие могилы сохранились, ведь захоронения начали очень давно. Могилы родственников-однофамильцев рядом. Шаробаевы, Щелкановы, Кольчугины, Шишмаревы, Шароглазовы…

Невдалеке и могилка моей прабабушки Аксиньи Петровны, в девичестве Шароглазовой. Много было в Усть-Питу Шароглазовых. И не только у нас, но и в окрестных деревнях.

Откуда они здесь появились? Мое любопытство удовлетворила книга В.А. Туголукова "Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири". Узнаю, что одним из прародителей моих был крещеный эвенк Шароглаз Болтуринов (не по его ли фамилии и село Болтурино, что на Ангаре?). Шароглаз упоминается в документах еще 18-го века. Он был переводчиком при допросах.

В этой же книге упоминается и целая деревня Шароглазова в "Пицко-Варгаганской инородческой волости" эвенков. Главой волости в 1782 году был "тунгусский князец Макар Васкин Осипов, он же и Ондрюшка". (Пицко-, то есть Питско-, а название Варгаган — это переделка с эвенкийского "баргаган" — заречные).

Расширила мои исторические познания и книга енисейского писателя Алексея Марковича Бондаренко "Государева вотчина". Оказывается, обширная территория на правобережье Среднего Енисея, в бассейне реки Большой Пит вплоть до Ангары, была сферой влияния питских тунгусов — племен очень воинственных. И 400 лет назад, возможно, после ставления Енисейского острога, а может и раньше, русские казаки стали приводить к покорности эти племена».

По этой версии, Шароглазовы — потомки тунгуса Шароглаза Болтуринова.

Есть еще одна версия, правда, связанная она не с антропонимом (фамилией), а с топонимом (географическим названием).

Есть на Камчатке село Сероглазка (в настоящее время один из микрорайонов города Петропавловска-Камчатского.

Возникло оно в 1853 году на берегу одноименной бухты Сероглазки. В наше время возникла легенда о некой девушке-сероглазке, в честь которой якобы и назвали эту бухту.

Но на Камчатке в старину бухты называли по имени камчадалов — вождей (тойнов), — чей род проживал на берегу этой бухты. Так возникла бухта Тарья. Так бухта, получившая название в честь святых апостолов Петра и Павла, давшая название краевому центру Камчатки, прежде называлась Ниакинов — по имени тойона Ниаки.

Бухту же Сероглазку связать с именем тойона долгое время не получалось. Не получалось по самой простой причине — это имя в самом полном издании сочинений Степана Петровича Крашенинникова [Издательство Главсевморпути, М.-Л., 1949 г.] встречается всего два раза. Один раз в сноске (498), а во второй раз — в искаженном виде в именном списке (стр. 837).

Начнем с конца:

Шараблазов Апаучь, камчад. тойон.

А теперь перейдем к основной ссылке. Сообщается о результатах деятельности Розыскной канцелярии по делу о Харчинском бунте 1731 года.

«В ведомости, присланной Мерлиным [руководителем Розыскной канцелярии] Миллеру в Якутск, приводится полный список камчадалов и русских, подвергнутых наказанию в 1735 году».

И где-то в самой глубине этого списка находим искомое:

«Помимо этого было "бито кнутом" 44 камчадала: в Н-Камчатске (основной очаг восстания) — 36 человек и в числе их 6 новокрещеных; в В-Камчатске — 4 человека, в том числе Быстрой реки тоен Хомлачь и Морошечной тоен Вапха; в Большерецке — два авачинских тоена: Соза Кокомзин и Апаучь Шараглазов».

И стало понятным, почему и в честь кого была названа эта живописная бухта, на которой по приказу губернатора Камчатской области Василия Степановича Завойко был построен поселок для казаков, переведенных на Камчатку из Гижигинской крепости.

И конечно же, можно тоже допустить, что наши дальневосточные Шараглазовы обязаны своей фамилией камчадалу Апаучу Шараглазову.

И это неверно ни в первом, ни во втором случае, когда речь идет о русских старожилах Сибири.

«1630 г. — Сбор ясака с тунгусских и братцких людей енисейскими служилыми людьми за 1629/1630 г.

…В Тунгуске же реке, на Аплинском пороге, с Ковы и с Каты реки, с чипогурцов с князца з Болтурина и с людей ево взято государева ясаку на нынешней на 138 год 3 сорока 21 соболь с пупки и с хвосты, да за 2 соболя взято кошлок рыж да лисица красная» [РГАДА, ф. 214 — Сибирский приказ, кн. № 22, «Ясачная книга Енисейского острогу», 490 об.].

А вот другой документ из того же Енисейского уезда:

«Переписная книга Енисейского уезда 1691 (200) г.:

«дер. Лукьяновская

Артюшка Елисеев сын Шараглаз родом он устюжанин, земской избы подъячей и в прошлых де годех тому лет с тритцать сослан он в Енисейск в пашню… [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1419, л. 82 об.].

Переписная книга пашенных крестьян Енисейского уезда 1669 (177) г.

«Книги переписные Енисейского уезду верхних и нижних деревень пашенным крестьянам сколько в Енисейском пашенных крестьян хто что пашет на Великого государя десятинной пашни вниз по Енисею и по Кеме реке в деревнях

…Деревня Лукьянова, а в ней пять дворов крестьянских

(д) пашенного крестьянина Алешки Лукьянова … землею владеет по отводной з братом Касьянком

(л. 484) (д) пашенного крестьянина Демки Лукьянова, у него сын Ивашко 7, землею владеет по отводной з братом Касьянком …

(д) пашенного крестьянина Якунки Елизарева» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Л. 484].

Никаких Шароглазовых (Шараглазовых, Широглазовых) в этом списке енисейских крестьян за 1669 год нет.

Вопрос другой: были ли они в Сибири?

Были.

С одним из них — промышленным человеком Савкой (Савелием или Саввой) Анисимовым сыном Шароглазом — произошла история, которая, к сожалению, совершенно забыта потомками.

В 1659 году якутский казак Иван Иванов сын Камчатой (или Камчатов) открыл ранее неизвестную, богатую соболем реку — реку Камчатова, или Камчатку.

Это вовсе не та река Камчатка, которая обозначена на современных картах.

Это та река Камчатка, которую обозначил на своей карте тобольский картограф С.У. Ремезов в том самом месте, где ее и открыл Иван Камчатый — за пределами полуострова, там, где сегодня протекает река… Пенжина.

Все, оказывается, просто, если разобраться в деталях. В 17-м столетии имена рек еще не были закрепленными и «блуждали» — и рекой Пенжиной называли Гижигу, а сама река Пенжина была открыта позже, чем мы считали ранее, и открыта Камчатым с товарищами, в составе команды которого и был Сава Шароглаз.

Позже большая часть казачьего отряда погибает, а Савелий Анисимович уходит в Анадырский острог, точнее, на устье реки Анадырь, на моржовую коргу (лежбище), где встречается с новым приказчиком Анадырского острога казачьим десятникам Иваном Меркурьевым Бакшеевым Рубцом, прибывшим на Чукотку морем в сопровождении двух кочей с промышленными людьми.

Но этих людей, как и самого Рубца, ждало огорчение — моржи сошли с традиционной корги, не выдержав агрессии анадырцев, охотившимися за «рыбьим зубом» — моржовыми клыками.

И тогда Савелий Анисимович (по версии историка Б.П. Полевого) рассказал Рубцу о богатой соболями реке, открытой Камчатым.

По представлению же людей 17-го века, ведать не ведавших еще о существовании полуострова Камчатка, морской путь на реку Камчатого по прямой представлялся достаточно коротким (если по суше можно было добраться с верховий этой реки до реки Анадырь, то почему нельзя было пройти до устья этой реки морем).

И Рубец действительно нашел богатую соболем реку — реку Камчатова — но это была другая река, уже на полуострове Камчатка, о чем никто из казаков еще не догадывался, но о реке Камчатке Рубец спустя несколько лет докладывал якутскому воеводе вполне конкретно, полагая, как его уведомлял Шароглаз, что на этой реке живут коряки.

Что же касается Шароглаза, то у них с Рубцом впоследствии возник конфликт такой остроты, что «Савка Шароглаз, ведомой вор» будто бы «Ивана Рубца хотел копьем проколоть в ясашном зимовье» [Б.П. Полевой].

В конце 17-го столетия свои Шароглазовы были в Тобольске [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6894. Л. 77], Иркутске [Гурулев С.А., Первые Иркутяне], Енисейске…

Но для нас более интересны другие факты: так в составе Второй Камчатской экспедиции (в ее южном отряде, задачей которого было достичь берегов Японии) на боте «Большерецк» находился солдат Сибирского гарнизона Енисейского пехотного полка Антон Шароглазов. Лейтенант Вальтон отмечал в реестре:

«За боцманмата квартермейстер Василей Эрт.

Матрозы 1 статьи: Лаврентей Сметанин, Гаврило Беляев.

Сибирского гарнизона салдаты: Антон Шароглазов, Иван Козлов, Иван Чикачев, Елизар Зыков, Иван Соколов».

Но мы нашли еще один документ из РГИА:

«Список имянной Сибирскаго гарнизона Енисейского Пехотного Полку о штате обер ундер Афицерах капралах рядовых и прочих чинах учинен при смотре инспекторском брегадира и Тобольскаго Обор Каменданта Павлуцкого с прибылые и убылые марта с 1 754 годом апреля по 1 число:

…Антон Шароглазов — 53 г.; 723 г.; из рекрут крестьянских детей г. Енисейска деревни Шароглазовой; женат у него сын Артамон 30 л. живет в г. Енисейске при матери; в командировании в Колыванском заводе 744 г. ноября с 4 числа».

То есть обратный адрес — все тот же Енисейск.

Но список наших открытий на этом не завершается:

Шероглазов Николай Лаврентьев сын (1826) — квартирмейстер 47-го Камчатского флотского экипажа, из мещан Енисейской губернии г. Красноярска, в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г., в 1855 г. на фрегате «Аврора» 8–9 мая 1855 года был в сражении в заливе Де-Кастри.

Но и это еще не все.

В 1794 году на остров Уруп высадилась группа русских поселенцев во главе с В.К. Звездочетовым. Этот Курильский отряд состоял из 31 человека промышленных, 4-х посельщиков, 2-х алеутов и 3-х женщин.

В числе курильских первопоселенцев был промышленник Василий Шароглазов.

Но русская колония просуществовала недолго — начались распри:

«События на острове тем временем приняли трагический характер. Звездочетов засек до смерти старосту отряда Ивана Свешникова, выказавшего ему неповиновение. Возмущенные этим промышленники отстранили его от начальствования и выбрали передовщиком Г. Кошечкина. Звездочетова, связав, отправили на 17-й остров (Северный Чирпой) с тем, чтобы

курильцы доставили его на Камчатку с донесением о его поступках. Но Звездочетов сумел хитростью завоевать доверие островитян, с их помощью вернулся на остров Уруп, арестовал Кошечкина, Корюкова, Скачкова и Стасова как основных зачинщиков бунта и выслал их на Камчатку. Опасаясь заговора, Звездочетов приказал отряду из 15 человек возвращаться через Камчатку в Россию просить подкрепления и высылки алеутов с байдарами для бобрового промысла. Отряд ушел на северную сторону острова собирать выкидной лес и строить байдару. Прожив там зиму 1797/98 года, отряд возвратился в гавань к Звездочетову, но он запретил им даже пристать к берегу и, угрожая оружием, велел заночевать в соседней бухте. Затем Звездочетов, принимая по 2–3 человека, выдал им необходимые вещи и приказал немедленно отправляться в путь. Сам он с 12 мужчинами и 3 женщинами оставался на Урупе, имея много товаров, две трехфутовые медные пушки, полный комплект оружия на оставшихся с ним людей.

...По позднейшим сведениям, начальник поселения передовщик В.К. Звездочетов умер в апреле 1805 г., а находившиеся с ним люди, не имея никаких средств к существованию, через некоторое время после его смерти покинули Уруп. Они на байдарах достигли о-ва Шумшу, где застали судно приказчика Российско-американской компании Баннера, и по окончании промысла были перевезены им в Ново-Архангельск» [Тихменев П., 1861, с. 110].

Русский бриг «Юнона» под командованием И.А. Хвостова и тендер «Авось» под командованием Г.И. Давыдова подходили к Урупу 1 июня 1807 г. Штурман с тендера «Авось» по возвращении с берега доложил, что «видел жилище русских, почти уже обвалившееся, но нет ни следа человеческого и никакого признака недавнего пребывания в сем месте людей; дороги даже поросли травою. Он нашел оставленную бочку и несколько фляг, видел над одной могилой крест, а над другою доску с надписью, из коей видно, что доска поставлена в 1805 году в апреле, что Звездочетов, трое промышленных, посельщик и одна женщина померли и что они промышляли на сем острове благополучно» [АВПРИ б, л. 99 об.]. Кроме этого, моряки видели «две или три травяных юрты, кузницу и один балаган для сушения рыбы... а на берегу... — старую байдару, занесенную уже песком» [АВПРИ в, л. 100].

В 1875 году царское правительство в обмен на суверенные права России на Южный Сахалин передали Японии эти же права на Курильские острова. Только в годы Второй мировой войны в России поняли, какую мину замедленного действия заложили царские чиновники под Россию, лишив ее Курильских островов, — у нашей страны в итоге этого обмена не оказалось выхода в Тихий океан. Он был закупорен японскими Курильскими островами.

И неслучайно И.В. Сталин, принимая на СССР обязательства о вступлении в войну с Японией, оговорил и права СССР на Курильские острова. Но американцы после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки попытались отказать И.В. Сталину в праве СССР на Курильские острова, предполагая создать на этих островах собственные военно-морские базы, и тогда 18 августа 1945 года началась знаменитая Курильская десантная операция по освобождению островов от японских милитаристов. И 3 сентября 1945 года было объявлено Днем Победы над Японией.

Одним из участников этой Курильской операции был:

Широглазов Кузьма Андреевич — красноармеец, стрелок. Умер 23.08.1945 года от ранения, полученного в бою на о. Шумшу. Похоронен в г. Петропавловске-Камчатском [ЦАМО. Ф. 1279. Оп. 2. Д. 6. Л. 256].

ШАРЫПОВЫ

Сейчас мы приведем пример того, как бывает сложно разобраться в родственных отношениях, пока из клубка имен не вытянешь нужную нить, которая и позволит начать распутывать уже и весь клубок:

Текст извлечен из «Переписной книги Тобольских посадских 7206 (1697/98) г.». Он достаточно обширный. Но в этом-то и весь интерес.

«Федка Савин сказал отец ево родом был Устюга Великого тяглова отца сын. В Сибирь пришел в прошлых давных годех и жил в Тоболску за Знаменским манастырем в мельниках и умре, а он Федка живет за Знаменским манастырем в бобылях, платит в монастырь бобыльский оброк. У него дети Ивашко, Митка, Стенка дватцати пяти лет, племянник Ганка Андреев сын Савин, у него братья Филка, Стенка дватцати семи лет. Пашет он Ганка з братьями пашню, а в манастырь платят выделу четвертной сноп. И в нынешнем в 206 году бил челом Великому государю Федка Савин з детьми и с племянники, а у переписки переписчику московскому дворянину Ивану Родионовичу Качанову подал челобитную, и в челобитной написано, что он, Великий государь пожаловал и велел из Знаменского монастыря свободить и по Указу Великого государя и по приказу ближних боярина и воеводы князя Михаила Яковлевича стольника князя Петра Михайловича Черкашина и по выписке Федка Савин з детьми и с племянники из Знаменского монастыря свобожен, а велено быть иму в Тоболску в посаде для того в переписных книгах 166 (1657/58) году написано по переписным книгам 150 (1641/42) году Богдана Аршинского за Знаменским манастырем мельник Алешка Евсеев сын Шарыпов устюжанин з детьми с Савкою, с Ыгнашкою, а во 166 в переписных книгах Лариона Толбузина написан сын Алешкин мельник Савка Алексеев з детьми с Семенкою, с Ыгнашкою, а в писцовых книгах писца Льва Поскочина 191 (1682/83) и 192 (1683/84) годов написан челобитчик Фетка Савин з детьми в бобылях, а племянник ево Федкин Ганка з братьями во крестьянех по переписным книгам 166 году, а по справке с переписными книгами 166 году дед Федкин Савка (в тексте рукописи

ошибка, дед Федки должен быть Алешка. — *Ред.*) з детьми, а с ево Федькины отцом с Савкою и з дядею с Ыгнашкою написан в мельниках, а не во крестьянех, а почему Лев Поскочин написал ево Федку з детьми и с племянники во крестьянех, того подлинно во Львовых ево книгах Поскочина не написано. Да челобитчик ж Федка Савин подал деда своего Алешки Шарыпова запись, какову ему дали Знаменского манастыря старцы Галактион з братьею во 143 (1634/35) году, написано дана деду ево Федкину устюжанину промышленному человеку Алешке Евсееву сыну Шарыпову и отцу ево Федкину Савке з братом Игнашкою деревня за рекою Иртышем на оброк, а за оброк ему Алешке з детьми своими Савкою и с Ыгнашкою и кто иных детей будет в той деревне вместо оброку для мальнишной починки до их Алешкины и Савкины и Игнашкины смерти, а в манастырь денежного и хлебного оброку не давать, а внучатам ево Алешкины и Игнашкины и Савкиным детям и хто вперед по них будет, того в записи что им жить за Знаменским манастырем не написано, потому он Федка з детьми и с племянники из за Знаменского монастыря исвобожен, да и для того велено манастырского стряпчего допросить про крепости Федки Савина с племянники.

И бил челом Великому государю Знаменского манастыря архимандрит Игнат с братьею, а у переписного дела вместо их стряпчей Васка Блохин подал челобитную за рукою вместо скаски, а в челобитной их написано Федка Савин з детьми и с племянники монастырскими крестьяны, а дед их Федкин Алешка Евсеев с ево Федкины отцом с Савкою в той же их челобитной написан за Знаменским манастырем в манастырских мельниках по записи, а не во крестьянех. Да в той же их челобитной написано в прошлых во 150 и во 166 годех в писцовых и в переписных книгах написано за Знаменским манастырем во дворе манастырской мельник, а не во крестьянех, Алешка Евсеев сын Шарыпов устюжанин з детьми с Савкою, да с Ыгнашкою, и в писцовых книгах Льва Поскочина 191 и 192 годов написаны по старожилству и по заручной их челобитной, что им быть за манастырем в денежном оброке и на пашне, а по справке с писцовою книгою писца Льва Поскочина такой челобитны, что быть ему Федке з детьми и с племянники за манастырем на денежном оброке и на пашне не написано и стряпчей такой их челобитной к переписному делу не объявил.

Да в той же их челобитной написано в прошлом в 200 году как горели манастырские келарские кельи и в тож пожарное разорение многие манастырские надобные письма на крестьян и на бобылей и зделошные и жилые записи и заручные и челобитные, по которым они всяких чинов людей записаны за манастырем в писцовых и в переписных книгах згорели, а ныне будто в то пожарное время притеряли, а на Федку Савина з детьми и с племянники какие крепости или жилые и зделошные записи згорели и утеряны того имянно в той их челобитной не написано, а по справке в Приказной палате в записных явочных книгах прошлого 203 году явочного челобитья Знаменского монастыря архимандрита з братьею и записи о згорелых и о утерянных крепостях и о жилых и о зделошных записях на крестьян и бобылей не записаны, а в записи, какову дали Знаменского манастыря старцы Галактон з братьею челобитчикову деду Алешке Шарыпову во 143 году в той их записи написано, что челобитчикову пахать манастырскую землю и оброку за мельнишное дело и починку, а иного манастырского зделя и денежного оброку и с пашни пятинного хлеба не платить и жить челобитчикову деду со 143 году з детьми своими с Савкою и с Ыгнашкою и кто иные дети будет по их челобитчикова деда Алешки Шарыпова и детей ево Алешкиных, а челобитчикова отца Савки и дяди ево Игнашкины смерти. И свободился он Федка з детьми и с племянники из за Знаменского манастыря по вышепомянутой записи смертию деда своего Алешки и отца Савки и дяди своего Игнашки. И по указу Великого государя быть ему Федке з детьми и с племянники в Тобольску в посаде» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1161. Л. 261–266 об.].

И этот случай вовсе даже не исключение:

Дозорная книга Енисейского уезда 1673 (181) г.

«Петрушка Уваров сын з братьями со Власком с Огапитком с Омелкою пашет великих государей чет десятины в поле а в дву по тому ж, а на себя ему Петрушке указано пахать собинные пашни десятина с полчетью в поле, а в дву по тому ж и в прошлом во 180-м году к нынешнему ко 181 году спахано и посеяно у него на себя в лишке собинные пашни две десятины с четью ржи и в нынешнем во 181 году в лишке у него ярового хлеба не сеяно.

И с того севу у него Петрушки ужато с лишные земли восмнадцать сотниц тридцать снопов ржи.

И с того ужину на великих государей доведетца выделить пятым снопом три сотницы шестьдесят шесть снопов ржи.

И с того выделу великим государям в умолоте у него будет семь чет без полуосмины ржи.

И впредь ко 182-му году спахано и посеяно у него в лишке две десятины ржи.

И ссылка: в более поздних документах Шарыпов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 252 об. – 253 об.].

А мы бы в первом случае повели родословную по Савиным, а во втором случае — по Уваровым, хотя и в первом и во втором случае – это Шарыповы.

Бывает, что пишут и Шариповы, но тогда смысл фамильного прозвища меняется на противоположный, так как происхождение этих фамилий разное: либо от прозвища Шарып (в пермских говорах — глазастый, пучеглазый), либо от тюркского имени Шариф[п], в переводе означающего «благородный».

Енисейский уезд, 1691 год.

«Стретенское село Большая Елань тож

(в) Васка Гарасимов сын Шарыпов родом он устюжанин крестьянской сын в Енисейск пришел тому лет с дватцать, детей у него Федоско, Микитка, Якимко женаты, Кондрашко тритцать Ивашко девяти да внучка Васка девяти, Афон-

ка пяти лет. Великие государевы десятинной пашни пашет по наказу стольника и воеводы Михаила Приклонского полторы десятины в поле а в дву по тому ж, своей собинной пашни полосьмы десятины в поле а в дву по тому ж и против указу в пахоте ево лишние десятины чет и полполчет десятины в поле а в дву по тому ж и на то ево лишную собинную пахоту и для пожитков прибавлено на него государевы десятинной пашни полчети и полполчети десятины в поле а в дву по тому ж».

Иркутск, 1690-е годы:

«Шарыпов Андрей, выборный таможенный целовальник, 1692–1693 гг.

Шарыпов Григорий, посадский человек с годовым оброком с человека по 10 алт., 1698 г.; посадский человек с годовым оброком с человека по 8 алт. 2 д., жил в своем дворе, 1699 г.» [Гурулев С.А. Первые иркутяне].

Казаки Шарыповы появляются в Якутии только в начале 18-го столетия. И вполне вероятно, что кто-то из них был из Тобольска:

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Казаки

Шарыпов Федор Гордеев (15) [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

«Переписная книга г. Тобольска. 1710 год.

Архангельский приход

Василей Гордеев сын Шарыпов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 526. Л. 42 об.].

А вот и первая известная нам запись о Никите (Миките) Шарыпове, который, вполне вероятно, стал патриархом династии казаков-мореходов Шарыповых:

«Книга продажи и раздачи аманатам соленой рыбы и икры сына боярского Никиты Зинбицкого и служилых людей Михаила Онофрева и Никиты Шарыпова, 5 ноября 1703–1704 гг. Скрепили за Зинбицкого — Алексей Ушницкий, за Онофрева и за себя — Шарыпов» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 3, Я., 2017].

В 1732 году Микита Шарыпов в составе экипажа бота «Святой Гавриил» был не только в числе первооткрывателей американской земли — Аляски, но и одним из первых русских людей, которые ступили на землю соседнего с Азией континента:

Гольденберг Л.А: «На этот остров на шлюпке выезжал М.С. Гвоздев и служилые люди И. Ребров, И. Залевин (Заливин), Г. Нехороших, М. Шарыпов, Д. Шадрин, Е. Пермяков, В. Зырян, матрос Л. Сметанин».

Его дети — Семен и Федор (1702) Никитичи — якутские казаки, которые в 1722/1748 годах служили в Тауйском остроге, будучи, вполне возможно, как и отец, не только казаками, но и матросами [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 130].

У Александра Полонского в его описании путешествий по северной части Тихого океана встречается интересная история:

«“Владимир” (1758–63) к[омпания] Красильникова.

Передовщик Курский купец Семен Полевой, мореход козак С. Шевырин и рабочих русских 26 и камчад. 17.

Бот, построенный в 1757 г., вышел в море на следующий год 29 сентября и через 24 часа был у Берингова, где Полевой и расположился на зимовку для приготовления запасов к дальнейшему плаванию. 1759 июля 16 Шевырин направился на поиски в южную сторону и проходил довольно времени совершенно напрасно. Неблагоприятныя погоды склоняли судно к востоку, а потому, видя безуспешность поисков, пустились на Алеутские острова, 1-го сент. бот принесло к о. Атха. Отсюда за необысканием гавани, а более потому, что судно сорвало с якорей, перешли на о. Амлю и остались на нем зимовать. Жители, завидев русских, разбежались, кроме одного малолетка, который взят в компанию для обучения русскому языку. Островитяне сошлись потом с промышленными и помогали им в добыче зверей и других занятиях.

Для производства промыслов рабочие разделены на три артели: Дружинин ушла на Сигтак, Ситхин, другая с Шевыриным на Адаг, откуда переходила и на соседние острова, а третья Полевой, оставалась при гавани. Весною 1760 артели воротились, потеряв одного убитым на Атхе, и в июне разошлись опять по промыслищам. Около Петрова дня Полевой и Шевырин, бывшие в 12 чел. на Адаге, все убиты алеутами, которые затем переехали и на Ситхину. К счастию артели, одна алеутка, узнавши от убойцев об участи передовщика и морехода, предупредила Дружинина, и он принял меры осторожности. Видя русских, готовыми к отпору, алеуты удалились, а Дружинин поспешил воротиться в гавань, чтобы с оставшеюся командою идти в Камчатку. В это время прибыл на Атху и остановился там на зимовку бот “Гавриил” Бичевина с 60 чел. команды, которые спасли Красильниковских от осады и соединились с ними для общих промыслов в видах обезопасить себя от покушений туземцов. “Владимир” зимовал на Атхе в южной бухте Овечкина.

В 1761 г. “Владимир” отправился на Адаг узнать подробности смерти Полевого и Шевырина и оттуда для изыскания островов на восток. Зимовали на открытом неизвестном острове (Кадьяк): народу довольно, олени, медведи и речные бобры. С острова в 1762 г. изготовились идти отыскивать “Гавриил”, который ушол к Аляске; на людей, приехавших с судна взять последний скарб из юрты, напали 6 июля островитяне и из них некоторых убили, других ранили, а затем угребли на бывший в дали остров.

В обратном плавании “Владимир” в сентябре 1762 г. прибыл на о. Киску, где стояло в то время судно “Прокопий и Иоанн” Попова, и остался там зимовать. При отправлении отсюда в Камчатку, 4-го июля 1763 Тарский разночинец Толстых сделал показание на Дружинина, Шарыпова и Сколкова в произведенных ими на островах насилиях, и потому они остались неудел, а передовщиком и мореходом выбран Сольвычегорский посадский Дм. Панков, который и привел бот в р. Камчатку 1 сент. 1763 года.

Нужно заметить, что по соединении на Атхе с Бечевинцами передовщиком избран вместо Полевого курский купец И. Дружинин, а в мореходы поступил с "Гавриила" квартирмейстер Шарыпов, кроме его для исполнения команды поступили с "Гавриила" на "Владимир" прикащик Сколков и несколько рабочих. Между командами обоих судов положено условие наведываться друг о друге и не оставлять взаимным вспоможением.

Промысла: бобров 1,485 на 78,304 р.».

Это, вероятно, был квартирмейстер Яков Шарыпов, который ходил в Русскую Америку на «Гаврииле» и зимовал на Аляске в 1759–1663 гг.

А это было первое посещение промышленными людьми Аляски.

В.Н. Берх: «Бечевин наименовал корабль свой "Гавриилом" и определил на оный 42 человека русских промышленников и 20 человек камчадалов. Большерецкая канцелярия отрядила на оное сержанта Пушкарева для сбора ясака. Неизвестно, кто был у Бечевина мореходом. Кокс, доставивший нам обстоятельное известие о плавании его, не говорит о сем ни слова, а называет только артельщиков: Андрея Жданова, Якова Шарыпова, Прокопия Лобашкова, Никифора Голодова и Афанасия Осколкова.

...В январе 1762 года Голодов и Пушкарев с партиею 20 человек промышленных учинили насилие женщинам острова Унги. Островитяне, оскорбясь сим поступком, напали на них врасплох, убили Голодова, еще одного промышленника и ранили троих. Вскоре после сего сделали островитяне на россиян вторичное нападение, при котором четыре человека убито, столько же ранено, и шалаши их обращены в пепел. В мае Лобашков и еще один промышленник, пошед к теплым минеральным ключам, в расстоянии пяти верст от гавани находившимися, были там убиты. Неизвестно, чем отомстили россияне островитянам за первые нападения; но за сей поступок лишили жизни семерых аманатов. Чрез несколько дней учинили жители Аляксы в большем числе приступ к российскому жилищу; но как островитяне были заблаговременно примечены, то и прогнали их очень скоро огнестрельным оружием.

Усмотрев, что жители полуострова Аляксы начали промышлять о истреблении россиян, весь экипаж собрался на судно и, поставив паруса, отплыл к острову Умнаку. Здесь буйные промышленники бечевинской компании захватили несколько островитян с тем, чтобы они указали им путь к новым или еще неизвестным островам. Но едва выступили они в море, настала от востока жестокая буря, которая, продолжаясь несколько недель, лишила их сентября 23 числа мачт, руля и всего вооружения. К счастию, находились они в сие время близ камчатских берегов и занесены были 25 числа в малую гавань, к северу от Шипунского мыса лежащую, которая до сих пор известна под названием Бечевинской.

Груз сего судна состоял из 900 бобров и 350 лисиц. По запискам же г. Зеленского, оценен он был в 52 570 рублей».

Но это еще не вся история.

Квартирмейстер Шарыпов принимает участие в Секретной экспедиции к берегам Америки Креницына-Левашева:

«Гукор "Св. Павел" зимовал в заливе Игунок острова Уналашка. Левашову удалось с первых встреч установить хорошие отношения с местными алеутами. Его интересовали их обычаи, нравы, привычки, и он начал вести записки о жизни этого малоизвестного народа и делать зарисовки. Алеуты поверили в добрые намерения русских и без всякой боязни приходили на борт корабля. Здесь они получали подарки, а в благодарность несли свои дары.

Когда мореплаватели построили юрты из плавника, который с трудом разыскали на берегу залива, алеуты все чаще стали навещать команду гукора. 21 и 24 сентября приезжало по 20 байдарок. Алеуты привезли пять пудов китового мяса и свежей рыбы, а "за оное подарено им котлы медные, бисер и иглы". Затем с острова Акутан приехали четверо тойонов (старейшин) и добровольно привезли своих четверых детей в аманаты. Примеру этих тойонов последовали алеуты и с других островов. Все же команда претерпела много бедствий. Юрты оказались непрочными, протекали, крышу много раз срывало ветром. А когда подмочило продукты, пришлось уменьшить суточную норму еды. Все это изнуряло людей, в декабре было уже 10 человек больных, в их числе и сам Левашов. Недостаток пищи заставил зимовщиков есть мясо мертвого кита, которого они нашли в заливе. Однажды один из тойонов сообщил, что жители острова Акун намереваются напасть на русских. Это известие насторожило зимовщиков, и им пришлось увеличить караул. Опасения, видимо, были небезосновательны, так как квартирмейстер Шарыпов и казак Салманов, отпущенные на охоту, не вернулись, и розыски их не дали результатов» [Глушанков И. В. Алеутская экспедиция Креницына и Левашова].

Конечно, для мореходов Шарыповых было бы приятно, чтобы вершиной их династической деятельности стал Николай Ильич Шарыпов – тот самый, который сменил Г.И. Невельского на посту капитана транспорта «Байкал» и продолжившего его исследования устья Амура и Татарского пролива, за что Николай Ильич был отмечен не только благодарностью Невельского, но и генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева:

«Н.И. Шарыпов в своем письме напишет:

"Его Превосходительство генерал Н.Н. Муравьев только что, завидев меня в прихожей, подбежал ко мне с г. Невельским. Во-первых, спросил все ли благополучно, и три раза меня поцеловал, затем спросил, сколько раз становились на мель при проходе по лиману, я отвечал — ни разу; опять три раза поцеловал, и, наконец, на вопрос — в продолжении скольких дней был под парусами, я отвечал — с 5 по 13 августа, по нескольку часов в сутки — еще три раза поцеловал; после этого г. Невельской также начал меня целовать. В зале, где это происходило, было до 15 человек, в том числе две дамы, и все

были в величайшем восторге, и в особенности генерал и г. Невельской от того, что “Байкал” прошел через лиман благополучно…».

Нет, Николай Ильич Шарыпов был сыном боцмана из ластового экипажа Кронштадта. На Дальний Восток прибыл в составе экипажа транспорта «Иртыш». В 1855 году участвовал в отражении нападения английских кораблей в заливе Де-Кастри.

Но история казаков Шарыповых еще не заканчивается.

В 1743 году дьячком в Большерецкую Успенскую церковь был определен природный камчадал Михаил Васильев сын Шарыпов, крестным отцом которого был казак Василий Шарыпов (возможно, тоже Никитин сын, как и те Никитичи, что служили в Тауйском остроге).

Последнее найденное нами сообщение о камчатских казаках Шарыповых относится к 1771 году — тогда в Большерецком остроге случился бунт ссыльных и промышленных людей, которые напали на Большерецкую канцелярию, убили начальника Камчатки капитана Нилова, разграбили острог и, захватив казенное судно с частью экипажа, ушли на нем в Китай.

Казак Шарыпов отметился в канцелярии — он здесь был на карауле в ту ночь…

Примерно в эти же годы в последний раз мы встречаем сообщение о служилых людях Шарыповых в Якутии:

«Воинская команда Якутской провинциальной канцелярии 1781 г.

Рядовой Шарыпов Дмитрий» [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 387].

ШЕРГИНЫ

Это северная русская фамилия.

«Прозв. Шерга <др.-рус. шерга; ср. в говорах шергать — шуметь, производить шорох› пск. … Ф. отмечена на С. Двине (Веселовский, 366) [Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии. Этимологический словарь, Вологда, 1995].

В 2016 году в Москве состоялась интересная конференция «Средневековая личность в письменных и археологических источниках». И с не менее интересным для нашего очерка докладом выступила Л.А. Тимошина, сотрудник Института Российской истории РАН, Институт археологии РАН. Тема ее доклада: Иван Андреевич Шергин: штрихи к портрету».

Собственно, сам Иван Андреевич к нашей истории не имеет никакого отношения — а вот его род — род Шергиных из Великого Устюга — имеет к Сибири, Дальнему Востоку и даже Русской Америке самое прямое отношение.

Вот что сообщала Л. Тимошина:

«И.А. Шергин, уроженец Великого Устюга, был сыном священника церкви Богородицы Одигитрии Андрея Шергина, его старший брат Леонтий пошел по стопам отца и по переписи 1678 г. значился священником церкви Иоанна Богослова, а младший, Яков, устюжский посадский человек, помогал Ивану в делах промысла. Двоюродные братья И.А. Шергина Василий и Федор Афанасьевичи принадлежали к верхушке посадского мира Устюга, вели отъезжую торговлю в Архангельске; Ф.А. Шергин не раз выбирался устюжским земским старостой или таможенным головой».

А вот какую информацию мы находим в книге Г.Б. Красноштанова «На ленских пашнях 17-го века»:

«“Июня в 5 день [1641 г.] отпущен ис таможни вниз по Лене реке в Ленской острог для торгу и соболиного промыслу торговой человек Ерофей Павлов Хабаров. А с ним хлебново запасу и русково товару по таможенной оценке на тысячю на сто на шестьдесят рублев.

Да с ним же, Ерофеем, отпущены промышленые люди для хлебново и товарново береженья Олешка Ерофиев, Фетька Шергин, Первушка Оноховской.

А с него, Ерофейка, и с промышленых людей отъезжие пошлины взято по алтыну с человека, итого четыре алтына”.

15 июня они прибыли в Ленский острог, и в таможенной книге имеется запись о взятии с Хабарова явчей пошлины в числе других торговых и промышленных людей.

Отметим, что один из этих промышленных людей Федька Офонасьев Шергин упомянут в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца в числе охочих амурских служилых людей, пришедших в войско Хабарова с Тренькою (Третьяком) Чечигиным в 1651 году».

И это действительно так:

«Охочие амурские служилые люди: Онофрейко Дмитриев Солдат б. я. (бился явственно. — *С.В.*), Гришка Акипсимов б. я., Мишка Огафонов Свечник б. я., Ивашко Васильев Пан б. я., Олешка Яковлев б. я., Мишка Яковлев б. я., Якимко Яковлев б. я., Федько Офонасьев Шергин б. я…» [РГАДА, СП, Стб. 556, Л. 49 – 72].

А далее мы прослеживаем якутскую историю Шергиных:

1662 год. «Отписка о челобитной торгового человека устюжанина Федора Афанасьевича Шергина, что за его русские товары по оценке на 782 р. на 16 алтын на 4 деньги “взята великих государей десятая пошлина в Томском городе”, т. к. “тот товар и хлебный запас куплен в Томском городе и в Енисейском остроге на долговые его Федора выборные деньги”» [РГАДА, Якутская приказная изба, т.1, Я., 2016].

1669 год. «Дело о незаконном закладе торговым человеком Федором Афанасьевичем Шергиным служилому человеку Ивану Герасимовичу двора, заложенного служилым человеком Гаврилой Ивановым» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

1675 год. «Роспись деньгам, собранных … таможенным заставным головой Никоном Вольским с торговых и промышленных людей Якутского острога.

С …торгового человека устюжанина Василия Шертина [Шергина] с племянника ево з Григория Серебриникова взято рубль…

…с промышленых людей…

...с Гришки да с Федьки Шергиных взято 24 алт.» [Колониальная политика царизма в Якутии в XVII в., Л., 1936].

На что еще важно обратить внимание — дети торговых, посадских, промышленных людей, родившихся в Якутии, могли быть верстаны в казаки.

Так, например, Мишка Шергин, бывший иркутский промышленный человек, стал на какой-то период даурским казаком.

Вот первая запись о нем из книги С.А. Гурулева «Первые иркутяне»:

«Шергин Михаил, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну».

А вот следующая запись из статьи Е.А. Багрина «Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг.»:

«Список иркутских новоприборных служилых людей, набранных из гулящих и промышленных людей в полк Федора Головина для защиты Даурии в 1685–1688 гг.

...Шергин Мишка...».

Вполне вероятно, что нечто подобное случилось и с Василием Шергиным, который в 1685 году оказывается в рядах конных казаков Нерчинска с окладом «7 руб. по 8 алтын по 2 деньги».

А Г.А. Леонтьева в своей работе «Служилые люди Восточной Сибири» обнажает нам как «торговую сущность», так и некое стремительное продвижение по службе этого человека:

«В 1698 г. через Иркутск проехали три нерчинских казачьих родственника и два нерчинских казака, которые зарегистрировали в иркутской таможне китайские товары "посылки" нерчинских служилых людей: десятника М. Чернецких, пятидесятника В. Шергина, казака Б. Тюменца, пятидесятника А. Казаринова, пешего казака Л. Небецына».

Надо сказать, что в Сибири в XVII веке процветала система семейных (или родовых) корпораций, когда один представитель семьи (рода) занимался промыслом пушного зверя, второй, будучи служилым человеком, защищал его, отражая или разрешая различного рода опасности и проблемы, а третий представитель семьи вел торг пушниной.

И все это, как видим, сходится...

Странным образом ветвь пятидесятника Василия Шергина в Нерчинске неожиданно обрывается...

Странная в том смысле, что тут же появляется новая ветвь казаков Шергиных в Якутске. И не просто появляется — а ее представитель сразу же занимает некое командное положение в экспедиции Афанасия Федотовича Шестакова, якутского казачьего головы, которому поручено обследовать огромные пограничные территории на востоке Российской империи.

Основу его экспедиции составляли тобольские драгуны, которыми командовал капитан Дмитрий Павлуцкий, и казаки Удинска и Нерчинска.

В 1729 году Афанасий Федотович отправляет руководителем одной из экспедиций своего четырнадцатилетнего сына Василия Афанасьевича Шестакова.

И понятное дело, что при подростке, еще даже не верстанном в службу в чине сына боярского, должен был быть поставлен человек, которому Афанасий Федотович безоговорочно доверял.

Этим человеком был Андрей Матвеев сын Шергин. Возможно, внук пятидесятника Василия Шергина, так как в казачьей иерархии первым по важности для продвижения по службе являлись заслуги *отцов* и *дедов*. Собственные заслуги тоже играли роль, но были все-таки фактором вторичным.

«Четырнадцатилетний сын Шестакова Василий "неверстанный еще в службу" (а впоследствии приказчик Анадырского острога) был послан отцом вместе с казаком Шергиным на судне "Фортуна" на Камчатку и Курильские острова, где впервые после Козыревского снова был собран ясак с курильцев. С Шестаковым на судне шли мореход Иван Бутин и 25 служилый людей».

«1 сентября 1729 г. из Охотска в морской поход отправились "Св. Гавриил" во главе с 24-летним племянником А.Ф. Шестакова дворянином Иваном Григорьевичем Шестаковым и "Фортуна" под командованием его 14-летнего сына Василия Афанасьевича Шестакова и служилого Андрея Шергина».

«Во время Новгородова в Камчатке, независимо от него, распоряжался делами управления Василий Шестаков, как уполномоченный от экспедиции. Он объявил всем камчатским острогам, что впредь уже не будет им обид от русских, и принял на себя исследование поступка Штинникова. Но Новгородов убедил его предоставить это дело ему. Василий Шестаков с помощником своим Шергиным сбирал также и ясак, а когда коммисары Уваровский и Шехурдин требовали от первого из них ясачные книги, то он ответил им, что без приказу Павлуцкого этого сделать не вправе» [А.С. Сгибнев].

«23 июля М.С. Гвоздев составил и передал Генсу к смотру именной "Реэстр партовским служителям...". В этом перечне перечислены 66 человек из Нижнего Камчатского острога, в том числе солдат К. Полежаев, кузнец А. Соломатов, "у приема казны" М. Бескетов, "у записки" И. Шишкин; в Верхнем Камчатском остроге — С. Карандашов; в Большерецком остроге — посланный от партии за сбором ясака на Курильские острова А. Шергин и с ним солдат К. Назаров и 18 служилых людей; при И. Спешневе — В. Шестаков, А. Мешков, Л. Поляков и А. Колесников» [РГА ВМФ, ф. 216, д. 4].

«1734 г. апреля 4. — Инструкция Я. Генса служилым людям И. Колодезникову и Лазареву о порядке сбора ясака на Курильских островах

Инструкция от посланной партии от штурмана Якова Генса, данная служилому человеку Ивану Колодезникову с товарищем для того, что поступал по нижепредложенным пунктом.

1. Ехать вам из Большерецкого острогу на Курильские острова, а прибыв на означенные острова, собрать вам на сей 734 год с новоприведенных в прошлом 730 году Васильем Шеста-

ковым и протчими от партии ясак по окладам их, записывая имяна их в книгу.

2. А как означенные иноземцы начнут приходить с ясачным платежем, и вам у них принимать ясак бобрами и кошлоками добрыми, записывая прием в книгу, а в платеже давать им отписи за своими руками, чащин отнюдь не брать под жестоким штрафом, понеже чащин брать от г-на маеора весьма не повелено, и призывать вам иноземцов в ясачной платеж ласкою и приветом под ея и.в. высокосамодержавную руку. А кто имяны ясачные иноземцы и что кто платит, и о том даны тебе книги за рукою штурмана Якова Генса.

3. Да тебе ж, Лазареву, будучи на оных островах и в пути, как вперед, так и назад возвратно, ясачным иноземцам никаких обид и разорения не чинить, и обретающихся при вас служилых людей до того не допущать, також зернью и карты не играть, а ежели обретающияся при вас служилыя люди станут какие непорядки чинить, и за то вам их смирять.

4. А как ты, Лазарев, на оных островах ясак збережешь, то с оным ясаком явица вам в Большерецку на боте «Гаврил», а коликое число ясаку в зборе со староплатежных и вновь будет, о том вам при ведении за рукою ваши книги г-ну штурману Якову Генсу подать со всякою опискою.

5. А кто имяны даны вам — и толмачи, и служилые люди — тому при сей инструкции прилагаеца реэстр.

Реэстр.

В подьячие — Андрей Шергин, служилые Семен Емшанов, Никифор Саламатов, в толмачи — Чекава, Алексей Иремеев, Козьма Кобычев.

Помета: Апреля 4 дня 1734 году такову белую инструкци принял Иван Колодезников и расписался своеручно» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 3. Л. 16].

«…в прошлом 1736 году бывшей на Курильских островах при зборе ясака каманды ево, Писарева, служилой Андрей Шергин вывез ево, Писарева, собственных полученных тамо бутто на тавары ево дватцать семь бобров, которой у управления экспедиции Шергин допросами показал, что те бобры при осмотре бота “Гаврила” в Охоцку написал он, Шергин, своими по приказу Писарева. А после де осмотру те бобры под чюжими ж имянами, а не под своим, а имянно служилым Аврамом Игнатевым, тако ж и з другими, давая выписи, товары свои отпускал вь Якуцк, на что имеетца явное свидетельство.

Вашего Императорского Величества нижайший раб M. Spangberg [Мартын Шпанберг]

Охоцк, 1738 году генваря 5 дня» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 24. Л. 962–971].

«При сем же о бывшем на Курилской землице и на островах трясении земли и о болшой воде и протчем, хотя я о том особливо к себе репорту и не имею, а известен чрез репорт, присланной с Камчатки из Болшарецкого острогу от закащика служилого человека Андрея Шергина к охоцкому камандиру Григорью Скорнякову-Писареву. Токмо ко уведомлению Вашему высокографскому сиятел[ь]ству предложить я должен, что покорнейше сим доношу. Оной закащик Шергин в том своем репорте, которой писан ноября от 16 прошедшаго 737, а в Охоцку получен в нынешнем 738 году сентября 4 числа, к нему, Писареву, об[ъ]явил: в ноябре месяце в 6 числе 737 году в Курилской землице и на островах трясение земли великое было, над морем утесы [то есть каменныя горы] а рассыпались многие, и огненное де хождение и трескота вельми ж имели быть, а в дали и расселины почели быть, и жилища иноземческие, бал[…]ны и у всех попадали, и вода в моря всходила необычно при прежни[…] с например сажен тритцать вверх, и каменья из моря на берег выметывало например пудов по сту и боле. И оною де водою близ моря у ясашных иноземцов по их обыкновению барабары и балаганы [или жилые покои] понесло и в море унесло. И байдары, которыми в море бобров и прочих зверей промышляют, приломало. Тако ж и сети бобровыя и рыбныя многия в море унесло. И осталось де байдар и сетей у ясашных мужиков в Курилской землице и на островах малое число.

И предложа оное Вашему высокографскому сиятелству, остаюсь Вашего высокографского сиятелства милостивого государя моего покорнейши слуга

W.J. Bering [Витус Беринг]

Охоцк, ноября 1 дня 1738 году» [РГАВМФ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 30. Л. 65–65 об.].

В момент прибытия на Камчатку в 1737 году студента Славяно-Греко-Латинской академии Степана Петровича Крашенинникова Андрей Матвеев сын Шергин был приказчиком Большерецкого острога [на должности, которую, как правило, в те годы назначались дети боярские, а он оставался рядовым казаком].

И вот что писал Степан Петрович своим научным кураторам, которые сами не захотели обременять себя посещением Камчатки:

«Октября 16 дня, прибыв в Большерецк, просил де он словесно зборщика Шергина, чтоб де принять ему помянутые пакеты и послать с ними ко мне служивого Василья Шелковникова, и оной де Шергин сказал на то, что де Василья Шелковникова, по силе ее императорского величества указу, из острога никуда отпустить не велено, и велено де его посылать в Охоцк».

«Прошедшего 1737 году октября 27 дня прислан был ко мне от Большерецкой приказной избы для чинения впредь здесь метеорологических обсерваций служивой человек Иван Шангин, о котором в пятом моем репорте упомянуто. И понеже оной Шангин писать весьма худо умеет, то требовал я словесно от прикащика Большерецкого острога Андрея Шергина, чтоб вместо помянутого Шангина прислал ко мне иного, писать умеющего, служивого, и по силе оного требования означенной прикащик Шергин вместо служивого Шангина прислал ко мне служивого Степана Плишкина, которого я в чинении метеорологических обсерваций и обучил».

«И на оное требование маия 24 числа от Большерецкой приказной избы ответствовано, что де при Большерецку стрельцов не имеется, а имеются де у меня стрелки, а имянно, Никифор

Саламатов, Семен Бочкарь, из казачьих детей Михайло Лепихин меньшей. И хотя из означенных служивых Никифор Саламатов слеп, Семен Бочкарь и сроду десяти птиц не убивывал, а Михайло Лепихин отпущен в Курилы от закащика, однакож я требовал от приказной избы, чтоб на место стрелка, которой определен будет из обретающихся при мне служивых, служивой прислан…

Марта 27 дня послал я в Большерецкую приказную избу требование, в котором написал, что бывшие при мне служивые Петр Евлантьев, Семен Бочкарь и толмач по отбытии моем отсюда отданы в приказную избу, а служивого Василья Шелковникова, которой оставлен был в Большерецке для посылки ко мне с репортами, и казачья сына Ивана Пашкова, которой определен был вместо Никифора Саламатова (которой в то время ослеп, а ныне уже умер) отнял от меня зборщик Андрей Шергин без всякого виду, и по сие число об них от приказной избы ничего не объявлено, только слышно, что Шелковников отнят того ради, 1) что де его по силе ее императорского величества указов к делам определять не велено, и на оное объявил я, что то до одних только ясашных зборов касается, а не до службы, ибо ежели бы он от службы откинут был, то б жалованья ее императорского величества не получал, 2) что де его, Шелковникова, велено выслать в Охоцк. И о том, понеже он, Шелковников, прислан ко мне из Большерецкой приказной избы при ведении, надлежало было меня уведомить и требовать его в приказную избу письменно, а на его место определить иного, а не так нагло отнимать».

«Апреля 4 дня уведомился я, что на праздник Пасхи съехалися из дальних острожков в Большерецк новокрещеные иноземцы, то требовал я от прикащика Большерецкого острога, чтоб он всех иноземцов разных языков, сколько их в Большерецк приехало, прислал ко мне. На что прикащик Шергин ответствовал, что де он в приежжих иноземцах власти не имеет, понеже де они не его присуду, к тому ж оные иноземцы и недолго в остроге пробыли, а всегда пьянствовали. И так сей случай опущен».

То есть отношения приказчика Большерецкого острога и ученого не сложились. Причины понятны — у приказчика и без Крашенинникова не хватало служилых людей, чтобы обеспечить выполнение главной задачи — сбора ясака, а тут еще требования, требования, требования этого неугомонного студента.

Но все-таки под напором молодых сил сдался и Шергин:

«Июня 12 дня получил я из Большерецкой приказной избы ведение, в котором написано: сего де 1738 году нюня… дня в присланном ордере в Большерецкую приказную избу с Авачи от зборщика Андрея Шергина написано: против требования де моего послано чрез посланного от него Шергина целовальника Василья Травинина одна бабья еврашечья куклянка, кубехочь, повязка да хоньбы старые женские, а взяты де от тойонов Петра, Карымчи да Алексея, Тареи, а цена де поставлена куклянке четыре рубли, а хоньбам рубль, да от них же тойонов взяты три утки, одна ипатка да две мачагатки, и требовано, чтоб я оные хоньбы, и куклинку и птиц принял и по цене плату дал».

Неслучайно в реестре за 1734 год по сбору ясака на Курильских островах Андрей Матвеев Шергин определен в подьячие, то есть в писцы. В отличие от многих других служилых людей Шергин был грамотным. А таких было немного…

С 1738 года Андрей Матвеевич участвует в крестовых миссионерских походах священника Ермолая Иванова, иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина, архимандрита Иоасафа Хотунцевского, главы Камчатской Духовной Миссии. В православие обращаются не только язычники Камчатки, но и Курильских островов.

А далее следует, как сообщает А. Полонский [Полонский А. Курилы. — СПб., 1871. — с. 18–19], следующее:

«Новокрещеные курильцы 1 и 2 островъ, которыхъ въ это время было тамъ 208 чел., требовали себе равнаго наставленія въ вере съ новокрещоными камчадалами, для которыхъ заведены были уже церкви и школы. Въ 1747 г. они обратились, чрезъ тоіона 1-го о. Сторожева, въ миссію съ требованіемъ священника для утвержденія ихъ въ новой вере и учителя для обученія детей ихъ грамот и письму. Архимандритъ недалъ имъ священника, по неименію свободнаго, и обязанность учителя поручилъ, 29 мая 1749, отставному казаку Шергину, изъявившему желаніе быть неотлучно при обученіи курильскихъ отроковъ. Шергинъ, состоя на служб, не разъ бывалъ за ясаками въ Курилахъ, а потому, какъ знакомый съ обычаями и языкомъ курильцовъ, могъ быть пригоденъ и въ деле просвещенія новообращенныхъ и въ обученіи грамоте малолетнихъ. Въ такомъ смысл архимандритъ составилъ нарочно наставленіе, которое и далъ Шергину въ руководство.

Шергинъ завелъ школу на 1 острове и началъ преподавать въ ней, по данному наставленію, правила христіанской веры взрослымъ и учить детей. Но какъ, при исполненіи богоугоднаго дела, онъ непренебрегалъ и собственными житейскими выгодами, то, по жалобамъ курильцовъ и былъ смененъ въ 1732 г. [вероятно, 1752] казакомъ Бережнымъ, который однакожъ оказался ленивее Шергина. Въ 1755 г. въ учители назначенъ, по желанію самыхъ курильцовъ, казакъ Рожновъ».

Вот таким образом завершилась служилая карьера Андрея Матвеевича Шергина.

Но не карьера устюжских купцов Шергиных.

В феврале 1757 года в Нижнекамчатске образовалась компания купцов, снарядивших на промысел знаменитый впоследствии «Иулиан», на котором Степан Глотов с товарищами откроют острова с черными лисицами — Лисьи острова, образ которой — черной лисицы — по

указу императрицы Екатерины Второй будет определен как главный символ на гербе города Тотьмы в честь тотемских купцов-компаньонов — братьев Григория и Петра Пановых, интересы которых в той знаменитой экспедиции представлял их приказчик Семен Шергин. А как известно, от Тотьмы до Великого Устюга — рукой подать…

Но в большую историю вошел все-таки не Семен, а Федор Е. (Егорович, по одним данным, Ефимович — по другим) Шергин, который выкопал в Якутске самый глубокий в России колодец, пытаясь в вечной якутской мерзлоте добыть воду.

Вот что сообщают о нем якутские краеведы и историки.

Во-первых, Федор Ефимович был в числе компаньонов Российско-Американской компании (РАК):

После императорской семьи и семей учредителей РАК был третья очередь акционеров:

«Список купцов третьей группы открывают наследники одного из первых директоров Российско-Американской компании, сподвижника Г.И. Шелихова, — Е.И. Деларова (96 акций). Здесь же видим бессменного правителя русских колоний в Америке каргопольского купца А.А. Баранова (76 акций). Торговый мир представлен также крупными дельцами Ф.Е. Шергиным, П.Ф. Шумиловым, Н.М. Гусятниковым, М.В. Сибиряковым и др. Почти треть акционеров (17 чел.) имеют свыше 50 акций каждый».

«Шергин Федор Е. — купец, служащий (акционер. — *С.В.*) Русско-американской компании, во дворе своего дома в Якутске (ныне угол ул. Ярославского и ул. Кулаковского) решил выкопать колодец, т. к. проблема питьевой воды всегда была острой в городе. Проходку колодца начал в 1827 г. (по другим источникам — в 1828 г. / Энциклопедия Якутии. С. 204/) и продолжал в течение 9 лет. Работы велись только зимой. Шахта была пройдена до глубины 116,4 м. После крушения надежд на вскрытие водоносного горизонта работы велись из-за любознательности Ф. Шергина и поощрялись влиятельным представителем Русско-американской компании Ф.П. Врангелем и на ее средства. Однако стоимость проходческих работ в зиму 1835–1836 г. в сумме 1362 руб. не была оплачена компанией, что явилось причиной ухода Ф. Шергина со службы и отъезда его на родину — в Великий Устюг. После того как министр просвещения Уваров доложил о шахте императору, тот высоко оценил труд последнего и наградил его кольцом с бриллиантом и золотой медалью. Сведения о шахте, пройденной в вечной мерзлоте до глубины более 116 м, заинтересовали ученых, и Академия наук решила послать своего представителя для проведения геотермических наблюдений по всей глубине шахты. Выбор пал на профессора зоологии Киевского университета А.Ф. Миддендорфа. Правда, вначале он должен был выполнить исследования на Таймыре в междуречье Пясины и Хатанги и оценить продуктивность водоемов, в том числе прибрежных вод Ледовитого океана, а уже затем прибыть в Якутск. При подготовке экспедиции Академия наук поручила академику К. Бэру подготовить обзор всех сведений о “нетающем почвенном льде” и в определенной мере сформулировать научную программу для А.Ф. Миддендорфа» [Каменский Р.М. Геокриология (мерзлотоведение) — новая наука в системе наук о Земле// Наука и техника в Якутии. 2001. № 1. С. 16–19].

И снова мы вернемся к исходному материалу, с которого и начали это повествование.

Купеческая и, вероятно, вытекающая из нее служилая линия Шергиных при всей ее значительности и важности не была определяющей для этого рода.

Определяющей было — служение Господу Богу.

Андрей Шергин во второй половине 1600-х годов был священником церкви Богородицы Одигитрии в Великом Устюге, а его сын – Леонтий — по переписи 1678 г. значился священником церкви Иоанна Богослова.

И стоит ли удивляться, что вслед за торговым и служилым сословием Шергиных появляются в Сибири церковно- и священнослужители Шергины.

Есть ли здесь какая-то родовая связь?

Этого мы пока не знаем. Но, скорее всего, не только есть, но она и напрямую связана с Великим Устюгом, откуда шло постоянное кадровое пополнение всех, без исключения, сословий Сибири.

Вадим Николаевич Шерстобоев в книге «Илимская пашня» [т. 1, И., 1949, стр. 559–560] приводит одну интересную историю, связанную с крещеным «мунгалом». Обратим внимание на дату.

«В россыпи бумаг за 1708 г. имеется память илимского воеводы Лаврентия Ракитина тутурскому приказчику П. Березовскому, по которой вырисовываются, хотя и не полностью, судьбы одной мунгальской семьи. Воевода начинает свой наказ напоминанием: “22 августа 1708 года ты прислал в Ылимск челобитье мунгальской породы Екима Иванова сына Шергина, да две скаски тутурских пашенных крестьян”. В челобитье Шергин писал, что пришел “в прошлых годех из мунгальской земли в даурские остроги, некрещен, в самых малых летех”, затем жил в Верхоленском остроге “в улусах у брацких мужиков”. Те отдали его крестьянину Большой Манзурской деревни Гр. Борисову, затем он попал к тутурскому пашенному крестьянину Фр. Аксамитову, “а в продажу ли или задаром поступились, про то он не знает”. Аксамитов женил его на своей дворовой девке мунгальской породы Орине Ивановой дочери. С ней Шергин прижил 2 сына и 3 дочери: две Марьи да Наталью. За шесть лет до описываемого события умерла жена Шергина, а он остался по-прежнему работать у Аксамитова. Подросли сыновья, стали работать на того же хозяина “и работают доныне бес крепости с его работными людьми. А он ево на волю незнаемо для чего не выпущает”. Шергин просит освободить его и детей и “жить бы ему в Тутурской слободе в оброчных крестьянах”. Аксамитов подтвердил, что мун-

гал жил у него 17 лет, но указал, что у него была на мунгала купчая, сгоревшая при пожаре. Челобитье Шергина поступило на рассмотрение воеводы, последний в наказе приказчику написал: “свободить на волю, так как Аксамитов крепостей не объявил, сказал про крепости ложно”. Детей отдать отцу “безволокитно, с роспискою”, ему жить в оброчных крестьянах и платить с 1709 года по 1½ чети ржи. На Шергина взять поручную, а если “порутчиков” не будет, “отдать десятцким на росписку”. Все дело длилось месяц: Шергин писал 22 августа, ответ пришел в Тутурскую слободу 25 сентября. Среди хлебных оброчников Тутурской волости в книге десятинного и оброчного хлебного сбора за 1722 год встречается фамилия Шергина, но с другим именем. Вероятно, это был сын челобитчика; он платил, как и отец, 1½ чети ржи, и притом платил исправно».

Судя по рассказанному, Еким Шергин был крещен священником Иоанном Шергиным в далеких 1680-х годах.

Не этот ли?

«В 1732 г. в верхоленский острог переведен был заказ из г. Илимска, и назначен был закащиком верхоленский священник Иоанн Шергин. Таким образом, Верхоленск стал духовно-административным пунктом, но ненадолго. Вскоре заказ переведен был в Илганский острог».

Хотя, вероятно, это уже верхоленский Священник Иоанн Иоаннов Шергин.

А вот и продолжение:

«Богоявленский храм, с приделом во имя святых от Афанасия великого и Кирилла, патриархов александрийских, воздвигнуть, по клировым ведомостям, в 1718 году. Грамот касательно построения и освящения этого храма не сохранилось в церковной ризнице. Впрочем, о времени освящения его с приделом свидетельствуют надписи на двух небольших деревянных крестах, сохранившихся в кладовой колокольни. На первом кресте обозначено: “освятился алтарь Богоявления господа и Бога Спаса нашего Иисуса Христа и водружен бысть крест сей в церкви в лето 1718 индикта 17, месяца июля 3 дня, на память святого мученика Иакинфа, при Благоверном Государе Царе и Великом Князе Петре Алексеевиче, всея великия и малыя и белыя России Самодержце, между патриаршеством и при преосвященнейшем митрополите Феодоре (Филофее Лещинском) тобольском и всея Сибири”. На втором кресте читаем: “1744 г. июля 3 дня, на память мученика Иакинфа освятился алтарь св. Кирилла и Афанасия и водружен бысть крест сей в церкве, при Императрице Елисавете Петровне, Самодержце Всероссийской, при Святейшем Синоде и при преосвященном епископе Иннокентии иркутском и нерчинском”. При священнодействии были, как значится на рукоятке того же креста, священники “Иван Шергин, Зиновий Иванов, Иван Иванов и иеродиакон Макарий”».

И не от этого ли Ивана Шергина ведется родословный отчет на реке Лене:

«Шергины. От Ивана, 1717–1939 гг., 262 персоны; от Семена, 1728–1939 гг., 262 персоны, с. Бирюлька, д. Шергинская и др., Качугского района, Иркутской области».

1727 год: «Верхоленской церкви священник называет себя то Иваном Ивановым, то Иваном Шергиным, то Иваном Ивановым Шергиным, сын его, священник Бирюльской церкви, также большею подписывается Григорием Ивановым и изредка Шергиным».

«Священники всех осмотренных ключарем Дмитриевым церквей, а именно: Бирюльской Покровской Григорий Иванов (Шергин), … Верхоленской Воскресенской Иван Иванов (Шергин)…»

«Бирюльской Покровской церкви священник Григорий Шергин … Верхоленской Воскресенской церкви священник Иван Шергин, пономарь Гаврило Шергин» [Прокопий Громов https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/pervosvjatitel-irkutskij-innokentij-i-kulchitskij/3].

Верхоленск 1774 — священник Иоанн Иоаннов Шергин

Верхоленск, 1776 год — Шергин Григорей бывший пономарь

Верхоленск, 1777 — бирюльский священник Михаил Шергин

Верхоленск, 1779 — тутурский священник Лука Шергин».

«Поведем теперь речь о Воскресенском соборе. Обустройстве его свидетельствуют две грамоты, уцелевшие в церковной ризнице, данные Преосвященным Вениамином 1-м, епископом иркутским и нерчинским, одна на построение его, от 13 дня сентября 1792 г., на имя десятоначального священника Стефана Попова, а другая на освящение его, от 23 дня сентября 1795 г. на имя десятоначального священника Луки Шергина».

Верхоленск, 1783 — Шергин Федор страж церковный, в 1789 г. мещанин

Верхоленск, 1800 — бирюльский дьячок Петр Шергин [Черепанов А.В. Сибирская кровь].

Якутия, 1757 год:

«…Архимандрит Якутский Нафанаил II-й заявил себя ревностным распространителем христовой веры среди якутов. Так, из записной книги Якутского Спасского монастыря, в бытность Архимандрита Нафанаила видим следующий список новокрещенным якутам с 1 января 1757 года.

1) 26 января крещена якутка Кангаласской волости 30 лет, имя Мария Петрова Шергина. Восприемником — пономарь монастыря Петр Шергин; 9) тогда же крещен якут Мегинской волости 30 лет, имя Ксенофонт Петров Шергин; …11 февраля крещена Кангаласской волости якутская девка 20 лет, имя — Анна Петрова Шергина…» [«Миссиолнерство в Якутском крае» (опубликованной в нескольких номерах журнала «Илин» в 1997–2000 гг.) автор Г.А. Попов].

Но вернемся в Илимский уезд. И обратим внимание на не совсем обычное (точнее, весьма редкое) имя священника:

«В Иркутское духовное правление

Бирюльской слободы

Покровской церкви священника Анфима Шергина

Покорнейший рапорт Его Императорскаго Величества указом из онаго духовнаго правления от 11-го марта сего года за № 103-м повелено мне произвесть в Манзурской слободе следствие об утайке и завладении той слободы диаконом Ощепковым церковных за проданную ему лошадь денег, во исполнении чего мною при произведении следствия, по взятии с него, диакона, из бывшаго старосты Литвинова по допросам, нужно было с тем Литвиновым дать ему очную ставку, на которых Литвинов его, диакона, уличил и он зделал свое признание, утвердил показание старосты Литвинова, но когда я записал по порядку как следует, говоря ему чтоб он подписался, он вспомня свой допрос, что разноречие сей очной ставки, рассердившись, оказывая свои грубости, приказывал мне тую очную переменить, но как при подписании им беловаго допроса много от него происходило грубости и затейности и нехотя было его подписать, потуда также приказывал другой беловой написать, на что я не согласясь, ис коего допроса усмотреть изволите, а очная без подписания его засвидетельствовании увещевателя осталась, видно из показания бывшаго старосты Литвинова, что отчетную он получил в ноябре, а оная написана 8-го октября, писана им, диаконом, которую я от старосты Литвинова вытребовал, и при сем препровождаю на усмотрение произведенное следствие и книги, отобраные от его, диакона, мною за 1808-й год при коих и росписки. Со оными, хранящимися в его доме, при сем же рапорте, почтительнейший, препровождаю, в проезде моем в Манзурскую слободу вперет и обратно недачею за указные прогоны лошадей с учрежденных емских станциев емщиками, принужденным нашелся по распутице дороги наймовать волных емщиков, всего израсходовал восем рублей сорок пять копеек, оные покорнейше прошу с кого угодно будете взыскать и меня получением оных удовлетворить. Священник Анфим Шергин. Апреля 3-го дня 1810-го года».

А вот история появления на Камчатке церковнослужителя Шергина, которую рассказал Прокопий Громов в своем очерке.

«Путь отъ Иркутска въ Камчатку.

1 Мая 1834 года въ послѣдній разъ приклонилъ я со всемъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены, трехъ сыновей (Александра 10 лѣтъ, Павла 6 лѣтъ, Иннокентія 4 лѣтъ) и дочери Августы 1½ лѣтъ [былъ еще одинъ не примѣченный, который родился по пріѣздѣ въ Камчатку 6 Декабря того же 1834 года, нареченъ Николаемъ, — нынѣ священникъ], главу мою подъ благословеніе Преосвященнаго Иркутскаго Мелетія, съ которымъ болѣе не суждено мнѣ было видѣться на сей землѣ. Назавтра, — была среда на новой седьмицѣ послѣ Пасхи, — выѣхали мы изъ Иркутска. Для услугъ взята была старушка, — и еще къ своему же поѣзду присоединилъ я одного исключенца изъ Духовнаго училища, назначеннаго причетникомъ въ Камчатку Алексѣя Пономарева.

Отъ Иркутска до Качугской пристани, откуда начинается водный путь р. Лѣною до Якутска, 238 верстъ. Ѣзда по почтовой дорогѣ въ повозкахъ (перекладныхъ) обыкновенная. Кромѣ страхованія, особенно для дѣтей, отъ бѣшеныхъ лошадей, да отъ дурныхъ мостовъ, и терпѣнія отъ недобросовѣстности почтарей, вознаграждавшегося, впрочемъ, радушіемъ по дорогѣ духовенства, прощавшагося со мною братски, сказать не о чемъ.

5 Мая въ 3 часа пополудни остановились мы у р. Лены, на противоположномъ берегу которой возвышается Качугское селеніе. Разстояніе не велико, а какъ рѣзко отличается характеръ народа отъ Иркутскаго! Говорятъ, что р. Лена получила названіе отъ лѣни народной. Похоже на правду. На вопросъ мой: какъ переѣхать рѣку? едва отвѣчали: ямщикъ знаетъ; а ямщикъ въ свою очередь говоритъ: перевозчикъ знаетъ, — и никто съ мѣста не трогался. Наконецъ кое-какъ перевезли въ неисправнѣйшей лодкѣ.

Въ Камчаткѣ, по распоряженію св. Синода, Высочайше утвержденному, въ прибавокъ къ прежнимъ семи церквамъ предположены были двѣ новыя въ Дранинскомъ и Лесновскомъ селеніяхъ. Для нихъ причты набирались въ Иркутскѣ, желающіе. Вслѣдствіе этого, туда пожелали ѣхать со мною священники — одинъ изъ-за Байкала Игнатій Правовѣровъ, а другой изъ Качугскаго селенія Стефанъ Веніаминовъ, родной братъ священника о. Іоанна Веніаминова, находившагося въ Америкѣ. Отецъ Стефанъ и самъ былъ въ Америкѣ съ братомъ въ званіи дьячка; тамъ женился на туземкѣ, и въ 1833 году возвратился въ Иркутскъ, гдѣ и принялъ отъ Архіепископа Мелетія рукоположеніе во священника къ Качугской церкви. Но когда послѣдовалъ вызовъ въ Камчатку, онъ изъявилъ желаніе опять подышать морскимъ воздухомъ.

Въ Качуге свита, имѣвшая слѣдовать со мною въ Камчатку, сложилась изъ подъѣхавшихъ сюда священника Правовѣрова и изъ дьячка Николая Преловского съ семействами, изъ священника Стефана Веніаминова съ женою и малолѣтнимъ сыномъ, и изъ бывшаго при мнѣ пономаря—исключенца, Алексѣя Пономарева. Къ тому двухъ церковниковъ мнѣ назначено было взять въ Якутскѣ.

Священники и семейный дьячокъ Преловскій павозокъ для проплава въ Якутскъ наняли; а меня вызвался безвозмездно доставить туда на одномъ изъ своихъ павозковъ, имѣвшій торговлю въ Якутскѣ, Охотскѣ и Камчаткѣ, памятный старичкамъ своимъ образованіемъ и благородствомъ Александръ Васильевичъ Шелиховъ, племянникъ русскаго Колумба — Григорія Ивановича Шелихова.

9 Мая въ Качугской Вознесенской церкви совершили мы Литургію соборнѣ, и перебрались на павозки. Новый Качугскій священникъ, поступившій на мѣсто Стефана Веніаминова, товарищъ дѣтства моего въ селѣ Тулуновскомъ, въ которомъ мой роди-

тель бывалъ священникомъ, а его дьячкомъ, о. Харалампій Мурашевъ благословилъ нашъ путь молебнымъ пѣніемъ на павозке. Въ 2 часа пополудни отвалили. Мои священники взяли передъ. Задолго до заката солнца миновали Верхоленскъ; 11 числа помолились на Тутурскую церковь, стоящую на берегу Лены, такъ какъ и всѣ большія и малыя селенія до самаго Якутска расположены по берегамъ Лены. 12 числа, когда Лена оказалась уже довольно широкою, павозокъ на которомъ помѣщенъ я былъ съ семействомъ, по заведенному порядку связали бокъ о бокъ подъ одинъ правежъ съ другимъ павозкомъ, на которомъ помѣщался самъ хозяинъ Шелиховъ.

...[Путь из Якутска]

Послѣ совершенныхъ отъ Иркутска двухъ разнообразныхъ путей, предлежалъ теперь третій, труднѣйшій, опаснѣйшій, на верховыхъ лошадяхъ слишкомъ чрезъ 1000 верстъ, по топямъ, рѣкамъ, горамъ и пропастямъ. Дорога эта требовала чрезвычайныхъ приготовленій со стороны отца семейства, въ которомъ было четверо дѣтей. И болѣзнь моя, начавшаяся на Ленѣ, увеличенная заботами, особенно недобросовѣстностію подрядчиковъ, являвшихся такими нарядными, съ позволенія сказать, мазуриками, а частію и непорядочнымъ поведеніемъ одного изъ моихъ спутниковъ, усиливалась до опасной степени. Она состояла, при лишеніи позыва на пищу, въ совершенной безсонницѣ чрезъ нѣсколько сутокъ сряду, чему способствовало не обычное для урожденнаго подъ 52° С.Ш., отсутствіе въ это время въ Якутскѣ ночей. Не могло это кончиться добромъ для меня если бы Якутскій медикъ Людвигъ Матвѣевичъ не обновилъ меня чудотворно. За тѣмъ новая непріятность. Двумъ назначеннымъ изъ Якутска въ Камчатку причетникамъ Иркутская Казенная Палата не успѣла еще ассигновать прогонныхъ денегъ, чего не въ состояніи былъ поправить, при всемъ радушіи и готовности, и управлявшій тогда Якутской Областію. Одного безсемейнаго причетника (Шергина) рѣшился я взять съ собою пока на собственномъ моемъ коштѣ, а другому (Кокшарскому) какъ женатому пришлось ожидать въ Якутскѣ ассигнованія прогоновъ. 5 Іюня выѣхалъ я со своими изъ Якутска за Лену на мѣсто вьюченія лошадей».

Кто же был этим холостым причетником?

Оказывается, Шергин Иван Анфимович, пономарь Дранкинской церкви.

По всей видимости, сын бирюльского священника Анфима Шергина.

Мы не знаем пока, кто стал супругой Ивана Анфимова сына.

Знаем другое — о его детях, рожденных на Камчатке:

Шергина Надежда Ивановна (1844), дочь умершего пономаря Дранкинской церкви. М. (с 1867) Селиванов Илья Николаевич (1819), казак.

Шергин Иван Иванович (1847). Ж. (с 1893) Косыгина Дарья Александровна, дети: Алексей (1885), Иван (1889), Спиридон (1892), Зинаида (1895), Аграфена (1897), Лидия (1899), Анатолий (1901).

Овдовев, Дарья Александровна Шергина повторно вышла замуж:

28.01.1904. Мещанин города Петропавловска Михаил Иоаннов Толман, вторым браком, 38 лет.

Вдова умершего крестьянина Ключевского селения Дария Александрова Шергина, вторым браком, 27 лет (возраст, скорее всего, указан неверно — занижен лет на 10, если сопоставлять с возрастом детей. — *С.В.*), дети: Поликсиния (1906), Римма (1909).

В Тигиле проживал еще один из сыновей Ивана Анфимовича: потомственный гражданин Иосиф Иванович Шергин.

В Ключевской Троицкой церкви служил в 1891–1895 гг. священником Шергин Никандр Иоаннов.

Звонарь Ключевской Троицкой церкви в 1887–1893 гг. Шергин Иоанн Иоаннов сын.

И последний штрих в нашей истории — о преемственности имен и родовой памяти:

Дата смерти 22.02.1894

Место события с. Дранка, Камчатка

Шергин Анфим Иоаннов

Возраст — 56 (от водянки)

Должность — псаломщик Дранкинской Иннокентиевской церкви [ГАКК, Ф. Р-220 Оп. 1 Ед. хр. 19. Лл. 64].

ШЕРЫКАЛОВЫ

В 1747 году Петр Осипов сын Шерыкалов (1705) «взят в Анадырскую партию» из Селенгинска.

У него было три брата — Егор (1722), Никифор (1732) и Тимофей (1733).

Сестра — «Ирина Осипова дочь тритцати лет взятая Удинского разночинца Осипа Шерыкалова» была замужем за Алексеем Семеновым Коношенкиным, проживающем в родовой деревне Коношенкиной.

Родиной Шерыкаловых в Сибири был, вероятно, Тобольский уезд, в котором верстали в казаки не только казачьих, но и крестьянских детей.

Мы обнаруживаем здесь в 1710 году две семьи Шерыкаловых:

«Слобода Калиновская.

Деревня Маханова над рекою Пышмою.

Двор /крестьянина/. Андрей Карпов Шерыкалов сорока лет. У него жена Ефимия Иванова дватцети лет; брат Иван дватцети лет, жена Парасковья Яковлева осмнатцати лет, дочь Дарья годовая. У них мать Агафия Фотеива пятидесяти лет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1524. Л. 213].

«Ялуторовская слобода

Деревня Ильина

Двор, а в нем оброшной крестьянин Оника Трофимов Шерыкалов сказал себе от роду 46 лет у него жена Дарья 40 лет у них три сына Герасим 5 лет Матвей 3 лет Макар полугоду» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 434. Л. 347].

Обращает внимание возраст детей — старшие сыновья, вероятно, уже в службе...

ШЕСТАКОВЫ

О Шестаковых писать сложно — их очень много в истории Северо- и Дальнего Востока. В генеалогической цепочке несложно запутаться, если нет твердых опорных фактов, на которые можно опереться, чтобы строить первоначальную версию, а потом ее подтверждать.

Конечно, исторической звездой первой величины среди огромной семьи Шестаковых и многочисленных однофамильцев был командир Северо-Востока России якутский казачий голова (полковник) Афанасий Федотович Шестаков.

Шестак — мирское имя, которое давали шестому по рождению сыну в семье. Семьи в те времена были большие, многодетные (рожали сколько Бог пошлет), и нередко случалось, что в одной и той же семье было, например, три Ивана — Большой, Средний и Меньшой — их крестины выпадали на имена многочисленных святых Иоаннов, начиная с Крестителя и продолжая Златоутом и Богословом…

И Шестаки, становясь патриархами своих родовых ветвей, оставались в истории своих родов в их фамильном звании.

Историю рода Афанасия Федотовича Шестакова раскрыл мой замечательный друг, летописец своего старинного казачьего рода, связанного еще с ермаковским периодом вхождения России в Сибирь, очень дотошный, скрупулезный, добросовестный и честный исследователь, который, конечно же, втайне (и не только втайне) надеялся, что Афанасий Федотович — выходец из их собственной родовой ветви Шестака Дурынина — тобольских казаков Шестаковых.

Но факты вещь упрямая — и выяснилось, что патриарх рода якутских и илимских казаков Шестаков пришел в Якутию вместе с первым воеводой нового Якутского воеводства Петром Петровичем Головиным как стрелец…

Впрочем, история эта давняя. И, думаю, что очень интересно проследить ее начиная с поры восхождения Афанасия Федотовича по карьерной лестнице.

И вот стольная Москва решает вопрос о назначении Афанасия Шестакова не только казачьим головой, но и командиром всего Северо-Востока России.

А кто же он — в тот момент человек без роду и племени, какой-то в недавнем сын боярский, заработавший свой чин (уравненный с унтерофицерским) на урегулировании отношений с коряками и чукчами, ставший сибирским дворянином (звание более парадное, нежели практическое — а в России (за пределами Сибири) и вовсе бесполезное).

И вот что узнали в столице:

«Доношеніе сенатское о посылке для обысканія въ Сибири новыхъ земель якуцкого казацкого головы Шестакова, давъ ему военного чина людей 400 человекъ, пушекъ и мортиръ. И при слушаніи того доношенія имели довольное разсужденіе, а особливо действительный тайный советникъ графъ Толстой предлагалъ, не безопасно ли будетъ не ведавъ состоянія того Шестакова, и такую важную ему комиссію и съ такимъ немалымъ числомъ людьми поручить. И потомъ представленъ предъ собраніе помянутой Шестаковъ и спрашиванъ о своей природе, и донесъ: дедъ его переведенецъ, какъ строенъ Тобольскъ, а изъ какого чина не помнить, и представлялъ, ежели повелено будетъ его въ тое коммиссію послать, чтобъ въ нынешнемъ месяце и отправить дабы ому за упущеніемъ нынепшяго зимняго времяни въ назначенное месте было возможно доехать. И по довольнымъ разсужденіи, подлинной резолюціи не положено…».

То есть вопрос о происхождении Шестакова так и остался открытым.

И вот, начиная отсчет времени с прибытия отряда тобольских казаков и стрельцов, мы начинаем отсчет и якутской истории рода казаков Шестаковых:

«Да в прошлом во 147-м [1639] году послано ис Тобольска на государеву службу на великую реку Лену с столники воеводы с Петром Головиным с товарыщи тоболских служилых людей».

Среди них:

Стрелец Ивашко Шестаков Шапочников [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 130. Л. 159 об.].

А вот когда появляется (и появляется ли?) в здешних местах его брат — Онтропко Шестаков Шапочник, — мы не знаем.

И, кстати, его было не так просто отыскать — выстраиваем вот такой ряд:

В 1692 году в Якутске в списке рядовых женатых казаков мы находим имя его сына — Федотко Онтропова Шестакова [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 18 об.].

А кто у нас Онтропко, задали мы вопрос? И вот какая цепочка выстраивалась тогда:

Онтропко Шестаков — тобольский рядовой стрелец. И вот подтверждения:

В 1639 — РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 111. Л. 295 об.
В 1642 — РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 141. Л. 169 об.
В 1650 — РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 160. Л. 175.

И наконец — в 1641 году он записан в стрельцах полным именем, как и его брат, — Онтропко Шестаков… Шапочников [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 130. Л. 124].

В материалах за 1652 год Сергей Дурынин обнаружил последнюю полную запись его имени в списках тобольских стрельцов:

Тобольская имянная окладная книга к 1652 году.

Стрельцы ж а государева жалованья (Л. 50).
…им по окладу … рядовым по 4 рубли с четью человеку (Л. 50 об.).
Онтропко Шестаков Шапочников (Л. 51 об.).
[РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 277].

А в этой книге Онтропко вообще упоминается в Тобольске в последний раз:

Тобольская имянная окладная книга к 1657 году.

Стрельцы рядовые (Л. 151 об.)
Онтропко Шестаков (Л. 153).
[РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 347].

Запутаться же в родословной служащих в Якутии Шестаковых было легко (и мы запутывались), так как в одно и то же время сюда пришли также тобольские казаки Шестаков Ивашко из станицы атамана Гаврилы Ильина — представитель рода казаков Шестака Дурынина и некий Шестачко Ивашка Иванов.

Затем в 1650 году в составе отряда тобольского пятидесятника Бориса Оноховского прибыл сын Ивана Шестакова Дурынина — пеший казак станицы атамана Мурзы Выходцова, что и отец, Иван Иванов Шестаков:

«Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником з Бориском Оноховским прежним на перемену.

Ивашко Иванов сын Шестаков в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 105 об.].

А это был самый сложный период в истории только что (1647/1649 гг.) построенного казаками во главе с десятником Семеном Андреевым сыном Шелковниковым Охотского острога, который уже в 1652 году при новом его приказчике Семене Епишеве был захвачен и сожжен ламутами (эвенами) — коренными жителями на побережье Охотского (Ламского) моря. Семен Епишев с немногочисленными казаками — оставшейся в живых частью гарнизона — бежал на реку Улью, где еще во времена Москвитина и Пояркова было построено зимовье.

Иван Иванович Шестаков Дурынин прибыл на Охоту в составе своего отряда во главе с пятидесятником Борисом Оноховским, который, следуя примеру Епишева, не решился сразиться с эвенами и предпочел дождаться, когда ему на смену прибудет новый приказчик сын боярский Андрей Афанасьев сын Горелый, и они объединенными уже силами смогут отбить то, что осталось от Охотского острога и восстановить укрепление.

Так оно и случилось.

Но неизвестно, вернулся ли из того похода Иван Иванович Шестаков Дурынин.

Что же касается якутской истории его отца, казака, то мы нашли следующие сведения:

«Июнь-сентябрь 1647 г. (7155–7156). …сведения о сборе ясака с юкагиров Олюбинского зимовья, о разрешении юкагирам Олюбинского зимовья поездки со служилым человеком Иваном Шестаковым на р. Алазею к неясачным юкагирам для покупки у них соболей на уплату ясака» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 1. Ст. 743].

Уточним: Олюбинское, Подшиверское и Уяндинское зимовья были в 1639–1642 гг. поставлены в бассейне реки Индигирка.

А вот уже другая история (которая является продолжением предыдущей):

«[Тоб]ольские пешие казаки прежнего наряду…

Ивашко Шестаков жена у него в Тобольску а он на государеве дальней службе на Индигирке реке послан в прошлом во 154-м [1646] году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Л. 22].

Почему другая? Потому что следы Ивана Шестакова теряются.

И уже гораздо позже, и совершенно для нас неожиданно, мы находим его в отряде… Михаила Стадухина, совершившего невероятное (даже для того лихого землепроходческого «вихря») — переход с устья Лены на Индигирку и Колыму, оттуда — на Анадырь, затем Чендон (Гижигу), откуда, построив кочи, добрались до реки Тауй, где, срубив зимовье, объясачили местных эвенов и коряков и вернулись через Охотск в Якутск, проделав за период с 1651 по 1659 год путь в несколько тысяч километров земного и морского пространства.

И вот что сообщает сам Михаил Васильевич в своем отчете и что стало еще одним важным и славным историческим фактом в родовой истории казаков Дурыниных-Шестаковых:

«И мне на той реке[Анадыре] быть не у кого, а от их насильства [Дежнева и Моторы] пошел на иную реку на Аклей нартами с великою нужею, и без хлеба и на том волоку едва не померли; да 159-м [1651] году, апреля в 5 день, пришли на Аклей реку к Корятским людем к острожку, и тот острожек, Божиею милостию, взяли; а на той стороне лесу нет, по обе стороны все камень голец с вершин и до моря, а рыбы мало, а живут все оленные люди Коряки; а на той реке боев было много, а на тех боях убили служилых людей 7 человек, а 3 человека умерли своею смертию; а лес судовой добывали с великою нужею и с боем и за кровию, а суднишка поделали. А в распросе сказали Корятские люди про Изигу реку, а на той реке соболей много, и лесу много и людей много, и я Михалко с товарищи поделал кочи и пошел морем на Изигу реку, и тут меня уносило в море трои сутки, а другое судно разбило не дошед Изыги реки, сентября в 20 день в десятом году; а как на Изигу реку пришли и острожек поставили, и к нам учали Корятские люди приезжать, по 100 и по 300, и поимали лутчего князца Юкомова племянника Наигу, а привезли Корятские люди 2 лисицы черные, одна лисица была в шубе, а другая лисица с лапы непорота; а на той реке будет государю прибыль немалая, и я сошел с той реки от безлюдства, что служилых людей мало, привести под государеву высокую руку не кем, аманата с собою взял, а на той реке убили служилых людей двух человек, а с той реки в ею сторону есть Таванка река, а на той реке живут Корятские люди, а другая река — Емова, а на той реке живут такие же люди, а на тех реках будет государю прибыль. А с той реки Зиги шли морем лето целое, а как мы пришли на Дирядну реку, с сю сторону называют Тавуем, а на ту реку пришли 161-м [1653] году сентября 10 дня, а на той реке острожек поставлен, и с того острожку ходили в поход на Тунгуских людей и к их острожкам, и под теми острожки убили промышленного человека Максимка Иванова, а иных многих испереранили, и Божиею милостию и государевым счастьем, те острожки взяли, жен и детей поимали, к себе в зимовье свели; и тех тунгусов учало… к нам приходить к зимовью, и тех мужиков лутчих взяли в аманаты и посадили 7 человек, и к тем аманатам учали приходить, государю ясак платили. 162-м [1654] году, июля в 13 день, те аманаты, да с ними были два Корятские аманаты, ночью колодки с ног подрезали и у анбара стену подрезали, а

сами все ушли, на карауле в те поры… Тимошка Савин Важенин, а другой был Шаропко Осипов Важенин, после того убили у нас промышленного человека Семена Зоя (Зайко. — *С.В.*); а в заговев Филипова поста, ходили в поход, в том походе убили у нас промышленного человека Шаропка Осипова Важенина, того ж числа об Рождестве… ходили в поход, и те Тунгусы подсмотрели нас, разбежались, а как мы пошли назад и те Тунгусы на дороге запали, убили у нас служилого человека Ярофея Киселева; да второго же году, августа в 30 день, в поход ходили на Тунгуских людей, стояло 10 юрт, и прося у Бога милости, напуск учинили, и с тех юрт мужиков сбили и жен и детей взяли, а на том бою убили у нас служилого человека Ивана Федорова, и к тем ясырем пришол Тунгус Шаман посадил сына своего в аманаты и ясак с себя и с роду своего дал на 165-м [1657] год, а за иные роды приходят, того же году приходят приступами, а на приступе у нас убили служивого человека Агафонка Иванова; а был у нас поиман Тунгус Денева, и тот Денева с родниками своми иным велел побивать служивых людей, на том же году весной, как суднишко делали, убили у нас служилых людей Ивана Шестакова…».

У Ивана Шестакова, как мы знаем из сообщения, в Тобольске осталась жена.

А что касается детей, то мы знаем двоих.

О младшем — Иване Ивановиче, который восстанавливал Охотский острог, мы уже знаем.

Старший же его сын — Андрей Иванов сын Шестаков Дурынин прибыл в Якутию вместе с отцом и вошел в историю великих географических открытий как соратник Дмитрия Зырянова Ярило, Михаила Стадухина, будучи вместе с Семеном Дежневым и «со товарищи» первооткрывателями Колымы. На родину, как и отец, как и брат, он уже не вернулся — умер в Братском Верхоленском остроге.

Судьба же Ивана Шестакова Шапочникова нам пока неизвестна.

У его брата Онтропки было трое сыновей, двое из которых — Фетка Онтропов сын Шестаков и Мар[?..] Онтропов сын Шестаков — служили в Илимском остроге [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1.L.633. Л. 37 об., 39 об.], а третий — Федот Онтропов сын — в Якутске [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 18 об.].

И далее речь пойдет о его знаменитом сыне — Афанасии Федотовиче Шестакове.

Удивительно, но о человеке, который вторым после Владимира Владимировича Атласова стал якутским казачьим головой — то есть командиром Якутского казачьего полка, полковником — вторым, после воеводы, административным лицом воеводства, а впоследствии командиром всего Северо-Востока, ходят самые невероятные слухи о его якобы безграмотности и ограниченности…

Я думаю, что эти слухи запустил человек, который был назначен помощником Афанасия Федотовича и который предал своего руководителя, не поделив с ним власть. Помощником Шестакова был определен драгунский офицер, потомок польских шляхтичей Дмитрий Павлуцкий, для которого казак Шестаков в роли первого руководителя Анадырской партии был как заноза в глазу — и ненавидим, и презираем…

Но в истории Северо-Востока Павлуцкий остался в роли «конкистадора Чукотки», а значение фигуры Афанасия Федотовича Шестакова — автора величайшего по своему замыслу проекта освоения окраинных русских земель, который выпало воплощать в жизнь не одному поколению русских людей, — вновь возвращается в отечественную историю вместе с новым осмыслением значения Северного морского пути…

Кстати, и фраза: «Немирных чукоч искоренить вовсе» — никогда не принадлежала ни Афанасию Шестакову, участнику военных действий на Чукотке, как не принадлежала никому другому из русских казаков и русских военных, даже «конкистадору Чукотки» Дмитрию Павлуцкому. Эта фраза из уст великого ученого, гуманиста, борца (как пишут в книгах) за права коренных народов, биолога, этнографа и антрополога Георга Вильгельма Стеллера.

А вот и свидетельство: «Стеллер сообщает правительству (в Правительственный Сенат) о двух воинственных народах — “сидячих корякх” и чукчах, чинящих разорения русским и воюющим между собой». Предложения Стеллера к разрешению этнического конфликта звучат на наш современный вкус весьма радикально: «Надлежит, по моему мнению, прозьбу коряцкую принять и чюкоцкой народ искоренить, хотя не весь, то только стариков и тех, которые ружье носить могут, чтоб сей непокоривой народ о российских людях лучшее мнение имел» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Л. 558].

Сегодня это не тема моего очерка, поэтому я хочу привлечь ваше внимание к книге очерков Николая Леонидовича Бушнева «Потерянная экспедиция», а сам лишь процитирую несколько абзацев из нее:

«Многие годы, впрочем, какие годы — столетия! — усердно скрывалась правда об открытиях русских мореходов в Тихом океане: из века в век почиталось имя только одного человека. А экспедиция Афанасия Шестакова забыта неблагодарными потомками, хотя ее значение не просто высоко — оно затмевает все то, что мы усвоили в школе. Экспедиция Шестакова — это открытие Аляски, описание устья реки Амур, ледовые экспедиции на Северном морском пути. Экспедиция Шестакова — это базис мужества для покорения россиянами Русской Америки. Потерянная память, как и потерянная совесть, — категории нравственные и близкие по значению. Поэтому очень важно вовремя пробудить их, возвратить в нашу жизнь.

Афанасий Федотович Шестаков, голова пеших и конных казаков якутского полка, уроженец Сибири, родился в 1677 году. В его ведении находился полк в 1500 человек, размещенных “для обережки” и сбора ясака в Колымском, Алазейском, Анадырском, Охотском, Тауйском, Удинском, Зашиверском и Камчатских острогах. В то время звание головы давалось помощнику воеводы по финансовой части. Голова ведал сбором податей, ясака и в известной мере контро-

лировал действия воеводы. По специальному указу сибирского губернатора из-за отдаленности Якутской провинции А.Ф. Шестакову, помимо основных обязанностей, было "велено тамошних ясашных иноземцев смотреть и беречь накрепко, чтоб им обиды и разорения никто не чинил и смотреть над городовыми, толмачами, чтоб они чинили сущую правду", то есть ведать розыскным делом и судом в делах, связанных с ясашным населением края.

Если учесть, что Афанасий Шестаков сносно владел семью языками инородцев Сибири, то можно сделать вывод, что это был незаурядный и энергичный человек. Отличное знание местных условий, тонкостей организации службы русских гарнизонов позволяли Шестакову подавать челобитные с предложениями "для лутчего смотрения и отправления тамошних дел и обид иноземцев" не только губернатору Сибири, но и в Сенат. Например, доношение Шестакова на злоупотребления некоего ландрата Ракитина (советника воеводы) содержит 109 пунктов обвинения как по поводу обид и разорений ясашного населения, так и других. Особый интерес вызывает то из них, где казачий голова обвиняет Ракитина в выдаче из казны без договора и подряда иконописцу Ивану Новограбленному свыше 150 рублей — "за письмо святых икон". Как оказалось, иконописец передал изготовленные иконы устроителю Спасского монастыря Ивану Козыревскому для Камчатки.

Когда в 1720 году из Якутска в Тобольск затребовали 100 недорослей-дворян, детей офицеров, подьячих и прочих чинов, то Шестаков послал письменный протест против вывоза молодых людей с северо-востока. А предлагал прислать в Якутск несколько сотен семей служилых и мореходов, открыть здесь школу обучения казачьих детей и обратить их "на отыскание и покорение новых земель, на службу, к коей они совершенно обычны".

Со своими идеями казачий голова в конце 1724 года попадает в столицу. Болезнь и смерть Петра I задержали исход его прошения, но настойчивость Шестакова сделала свое дело. Рассказы казачьего головы о Камчатке, Курильских островах и землицах у северо-восточных окраин заинтересовали видных сановников, министра Рагудзинского, вице-адмирала Сиверса и других. В 1725 году Сиверс пишет любимцу Петра Александру Меньшикову: "явился из Сибири казачий голова Шестаков, который мне объявил про тамошние дела многие неисправления. Того дня я рассудил оного до вашей светлости рекомендовать. Еще оный Шестаков имеет донести о состоянии тамошних земель… также о Камчатке и о Японских островах, похоже как я от него слышал, те места довольно знает и об них имеет карту особливую".

После встречи с Меньшиковым Шестаков представил в Сенат свой проект экспедиции. В нем был детально разработан тактический план похода — вплоть до расчета сметы по этапам экспедиции. Историк русского морского флота В.Н. Берх, характеризуя Шестакова, писал: "отличная ловкость в изъяснениях и совершенное познание описываемых им мест и предметов приобрели ему всеобщую доверенность". Изучая "особливую" карту Афанасия Шестакова, Михайло Ломоносов дал хорошую оценку познаниям казака: "Самые лучшие географы, когда ставят на картах подлинно найденные, но не описанные земли… Сии прекословные известия, сличив одного против другого, ясно видеть можно что положительные много сильнее отрицательных"» [http://www.kamchadaly.ru/index.php/istoricheskaya-biblioteka/76-poteryannaya-ekspeditsiya-rossii].

Но вернемся к генеалогии.

В отличие от Сергея Дурынина, я начинал изучение истории рода казаков Шестаковых с Камчатки.

Дело в том, что в числе двух уроженцев нашего края, награжденных знаком военного ордена Святого Георгия Победоносца за участие в обороне Петропавловского порта, был боцман (из солдатских детей) Камчатского флотского экипажа Иван Иванов сын Шестаков.

Губернатор Камчатской области, он же командующий обороной Петропавловского порта Василий Степанович Завойко отмечал в своем приказе:

«Боцман Шестаков — был постоянно моим ординарцем день и ночь во время всего действия, был смелым и расторопным в посылках под ядрами и пулями, и в глазах моих не одного неприятеля отправил к спросу на тот свет (зачеркнуто — зачем за бусурмана на войну пришел) и все это (зачеркнуто — между делом) кроме исполнения своей обязанности».

А вот еще одно подтверждение значимости этой фигуры:

«Объявляя сим, что для передачи приказаний моих во время боя назначаются Инженер-поручик Мровинский, юнкер Литке, гардемарин Колокольцев, боцманмат Шестаков и писарь Чернов, больше же ни через кого словесных приказаний я отдавать не буду, а если будет послан кто-нибудь другой, то не иначе как с запискою моей руки, что такой-то послан передать приказания, записки эти сберегать. Август 22 дня 1854 года. Подлинным подписал Генерал-майор Завойко».

Пароль был дан «Город Москва».

Номер его креста 102 493.

А вот самые краткие сведения из его биографии.

Родился он в 1823 году. В Камчатскую экипажную роту поступил в 1839 году. Через десять лет стал квартирмейстером, в 1850 — боцманматом, в 1855 году — боцманом.

А вот его отец — Иван Иванович Шестаков старший (1780) — из казаков. Служил в Камчатской казачьей команде, откуда был переведен в Петропавловскую экипажную роту матросом, что было в порядке вещей для того времени, когда в 1812 году в связи с расформированием Камчатского гарнизонного батальона была сформирована экипажная рота.

Реорганизация затронула и Камчатскую казачью команду:

«За сим из казачьей в Камчатке команды сформировать две команды особые, одну для Камчатки конную, а другую для Ижиги пешую, укомплектовав и сии команды согласно § 3 сего положения [Затем из не выслуживших узаконенные сроки унтер-офицеров и нижних чинов укомплектовать полагаемые §§ 12 и 25-м флотскую экипажную в Петропавловской гавани роту, также и казачьи команды, камчатскую и ижигинскую, какое потребуется за пополнением сих последних команд казачьими детьми, к несению службы способными], таким числом способных из камчатского баталиона людей, какое потребуется за наполнением оных казачьими детьми, к исправлению службы годными.

Служба сих казаков ограничивается не сроками, а способностями к несению оной.

Служба сих казаков состоять имеет в содержании караулов при казенных местах, в рассылке по казенным надобностям, также с почтами и эстафетами, в охранении купеческих караванов и в прочих поручениях, какие по обстоятельствам возлагаемы на них будут.

Каждого казака, не имеющего собственного оружия, снабдить оным также из числа того, которое остаться может от расформирования камчатского баталиона.

Амуниции от казны не давать, а каждый должен иметь свое собственное одеяние.

Кроме жалования, в штате назначенного, производить каждому казаку от казны половинный солдатский паек провианта, а за другую половину вменяется прибавочное противу нынешнего жалование.

Касательно продовольствия детей казачьих поступать на основании том, как сказано о детях морских служителей в § 21 сего положения.

Из конной казачьей команды, в Камчатке состоять имеющей, 30 человек и 4 урядниками полагается для распределения по острогам; остальные же должны состоять при Петропавловской гавани. Впрочем, сие представляется ближайшему усмотрению на месте камчатского начальника».

И в результате этой реорганизации мы видим двух Шестаковых, примерно одного возраста, оба Ивановы дети, один из которых служит в Гижигинской казачьей сотне, а другой — в Петропавловской экипажной роте.

Мы не можем утверждать, что это братья. Не можем даже утверждать, что это родственники, так как пока не представляется возможность проследить их родовой путь. Но это, естественно, не мешает нам представить второго из Ивановичей — Шестакова Алексея, пятидесятника Гижигинской сотни.

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков.

Май 1-го дня 1831 года. Шестаков Алексей [Иванов сын] (1791), пятидесятник» [Национальный архив РС(Я). Ф. 401п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.].

Вот данные о нем, относящиеся к 1856 году:

«Состоящий на инвалидном содержании пятидесятник Алексей Шестаков (паралич)». [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 6].

«Ведомость находящихся на льготе.

Пятидесятник Алексей Иванов Шестаков

Список по старшинству их службы в Петропавловске

Пятидесятник Алексей Шестаков — 66 лет (1789), из казачьих детей, в службе с 1806 г., в чине с 1823» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–9].

А далее мы находимся на распутии сразу нескольких дорог. И в этом вы сами очень скоро убедитесь.

Вроде бы количество Шестаковых в Якутии по самым разным причинам сократилось — неизвестна судьба Ивана Иванова сына Шестаков из охотского отряда, погиб его отец казак Иван Шестаков из отряда Стадухина, умер в Якутии еще один его сын — Андрей Иванов Шестаков Дурынин…

И остался вроде как только один Шестаков, который Онтропко Шапочник.

Но открываем окладную книгу 1692 года Якутского полка и видим следующую картину по Шестаковым [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330]:

Федотко Онтропов Шестаков (Л. 18 об.);

Офонька Андреев Шестаков, который в 1688 году записан в женатый оклад (Л. 32 об.);

Ивашко Лукин Шестаков в нынешнем в 200-м [1692] году на Индигирке реке умер воспою (Л. 39 об.);

Ивашко Семенов Шестаков в нынешнем в 200–м [1692] году на Индигирке реке умер воспою (Л. 34);

Сенька Семенов Шестаков в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою (Л. 41 об.);

Васка Семенов Шестаков в нынешнем в 200-м [1692] году на Индигирке реке умер воспою (Л. 43);

Гришка [Федотов] Шестаков (Л. 53).

Начнем с Офоньки Андреева Шестакова – по версии Сергея Евгеньевича Дурынина, он тоже из потомков атамана Дурыни. Вполне вероятно, считает он, что это брат другого тобольского казака из семьи Дурыниных:

«Ивановы станицы Булдакова. Дорофейко Андреев Шестаков в прошлом во 192-м [1684] году послан в Дауры» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 829. Л. 76].

Версия, связывающая воедино Афанасия и Дорофея — оба они являются сыновьями Андрея Иванова Шестакова Дурынина.

Далее — Иван Лукин Шестаков: стрелец Лука Дмитреев Дурынинской служил на Тюмени в 1641 году. Есть информация об одном из его сыновей:

«Стрельцы и казаки Самойлова приказу Блудово. Оклад им Великих государей денежного жалованья пятидесятником по 5 рублев, по 16 алтын, по 4 деньги, десятником по 4 рубли, по 16 алтын, по 4 деньги, рядовым по 4 рубли, по 8 алтын, по 2 деньги человеку.

Борисовы сотни Малыше[в]а. Трифанко Лукин Дурынинской» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 450. Л. 255. Книги имянные тюменским детем боярским и всяким служилым людем… денежного жалованья ко 172-му [1664] году].

Семен Шестаков, вероятнее всего, прибыл на якутскую службу из Тобольска, где в 1661 году записаны двое конных казаков:

Шестаков Семейка Болшой и Шестаков Семейка Меншой [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 111. Книги имянные тоболским ржуником и детем боярским и съезжей избы подьячим и служилым всяких чинов людем].

Это братья, дети Павла (или Панки) Шестакова Дурынина [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 193. Л. 184, 186 об.].

Семен Павлов Шестаков большой был верстан в оклад отца Павла Шестакова Дурынина, а Семен Павлов Шестаков меньшой был верстан в оклад деда Шестака Мануйлова Дурынина. Семен Павлов Шестаков большой умер в 170-м [1662] году. Сын одного из них — Шестаков Сенька Семенов — служил в Якутске в 1681 году. А Ивашка и Васька, по всей видимости, — это его братья, которые погибли от оспы на Индигирке.

История появления детей Семена в Якутске весьма загадочная, что следует из заявления их дяди, рейтара Левки (Леонтия Павлова сына) Шестакова:

«В прошлых государи годех по вашему государи Указу служил вам Великим государем в Тобольску отец мой Павел Шестаков в конных казаках лет дватцать и больше Судом Божиим отец мой в Тобольску умер а в его место отца моего поверстан в Тобольску сын ево а мой родной брат Сенка Шестаков. И служил он брат мой Сенка вашу государеву службу в конных казаках с прошлых лет по нынешней по 176-й год лет с полтретцать А в нынешнем государи во 176-м году по вашему государеву Указу брат мой Сенька ис конных казаков написан на Красной Яр на вечное житье а в его место нихто не поверстан» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 367. Л. 92].

Речь идет о Сеньке Меньшом и его детях, так как Сенька Большой умер в 1662 году.

Как и почему его дети переведены из Красного Яра (Красноярского острога) в Якутск, остается пока загадкой. Но эта родовая линия Дурыниных снова исчезает в связи со смертью всех трех братьев.

Данные по 1706 году:

Шестаков Афанасий Андреев (5-я пятидесятня);

Шестаков Афанасий [Федотович], десятник (16-я пятидесятня: «В десятничье место рядовой Афанасий Шестаков, и в нын. 706 г. генв. в 11 д. поверстан он, Афанасий в десятники казачьи с прежних своих казачьих окладов»;

Шестаков Григорий [Федотович] (8-я пятидесятня);

Шестаков Леонтий Федоров (1-я пятидесятня), [сын Федора Федотовича];

Шестаков Филипп (11-я пятидесятня) — «Во дворе Данилко Михайлов сын Дурынин сказал родом он города Тобольска пешего казака сын в Ялуторовскую слободу пришол во 176-м году и служит в драгунех у него дети Гришка 4 лет Филка полугоду [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 270. Л. 3, Книга переписная населения Ялуторовской слободы Тобольского уезда 1684 года].

То есть и Филка «дурынинских» кровей.

В 1706 году Афанасий Федотович произведен в казачьи десятники, а в 1714 году он уже в дворянском звании. Причина такого возвышения в чине объяснима: «Якутская канцелярия отправила рапорт Татаринова в Тобольск к губернатору князю Гагарину с нарочным дворянином Афанасием Шестаковым, который, как человек бывалый, мог дать нужные объяснения о стране, о положении там дел и об инородцах северо-восточной Сибири».

Попробуем заглянуть в материалы за 1720 год [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361], может быть, они прояснят нам, кто есть кто под фамилией Шестаков в Якутске:

«Во дворе казачей голова Афонасей Федотов сын Шестаков сказал сорока трех лет (1677) племянники ево Афонасьевы Петр Григорьев сын Шестаков дватцати лет [1700] служит в детях боярских брат ево Иван Григорьев сын пятнацати лет (1705) служит в дворянех да у него ж живет брат ево двоюродной Алексей Федоров сын Шестаков служит в детях боярских сорока трех лет (1677) у него сын Лаврентей четырнацати лет (1706) сын же Петр дву лет (1718) да сроднич ево Афонасьев Стефан Герасимов сын Парамонов тринатцати лет (1707) сын ево Офонасьев Василей пяти лет (1715) дворовые люди крещеные иноземские породы Иван Афонасьев пятнатцати лет Федор Иванов десяти лет скормленик казачей сын Михайло Попов восми лет и у него Афонасья о вышеписанных душах и о летех взята скаска под опасением казни за ево рукою у прежней переписи» [Л. 2 – Л. 2 об.].

«Двор Осипа Михайлова сына Ушнитского и он Осип послан на службу в Жиганское зимовье в 719 году а про лета ево сказать некому а в том доме живут служивый Иван Дмитреев сын Шестаков сказал пятидесяти лет (1670) дети ево Егор [Иванович] шести лет (1714) Исак (1718) дву лет» [Л. 9об.].

«В юрте вдовы новокрещеного Прокопья Исакова живет казачей сын Андрей Левонтьев сын Шестаков сказал семи лет о вышеписанной души и о лете взята сказка по опасением казни за ево рукою у прежней переписи» [Л. 59 об.].

И что же у нас в итоге получается?

Потомки Онтропа Шапочника:

Афонасей Федотов сын Шестаков — (1677), племянники ево Афонасьевы Петр Григорьев сын дватцати лет (1700) служит в детях боярских, сын Григория Федотовича Шестакова, брат ево Иван Григорьев сын пятнацати лет (1705) служит в дворянех, сын Григория Федотовича Шестакова, брат ево двоюродной Алексей Федоров сын Шестаков служит в детях боярских сорока трех лет (1677), сын Федора Федотовича Шестакова, у него сын Лаврентей [Алексеевич] четырнацати лет (1706), сын же Петр [Алексеевич] дву лет (1718), казачей сын Андрей Левонтьев сын Шестаков сказал семи лет (1713) его отец, по всей видимости, — тот самый Леонтий Федоров Шестаков, который в 1706 году служил в 1-й пятидесятне Якутского казачьего полка, сын Федора Федотовича Шестакова, родного брата Афанасия Федотовича.

И неизвестная нам пока ветвь: «Иван Дмитреев сын Шестаков сказал пятидесяти лет (1670) дети ево Егор [Иванович] шести лет (1714) Исак дву лет (1718)».

Ответ мы находим, благодаря материалам все того же Сергея Евгеньевича Дурынина, изучающего историю своего рода, в Переписной книге Тобольского уезда 1683 года:

«Погост Кугаевской на реке Иртыше…

…Во дворе пешей казак Митка Иванов сын Шестаков служит с полным хлебным окладом Пашни и сенных покосов у него нет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 114].

То есть это еще один представитель казачьего рода Дурыниных в Якутии.

Что же касается родословной по линии Антропа Шапочника, то и здесь есть продолжение:

Шестаковы — якутские казаки, род Афанасия Федотовича Шестакова:

«26 июля 1732 г. в далеком Сибирском приказе было рассмотрено и удовлетворено прошение недорослей Василия и Петра Афанасьевичей Шестаковых “о определении в Якуцк в дети боярские в первую статью по штату и о учинении им против таковых же жалованья за службы отца их, Афанасья Шестакова, который был по городу Якуцку во дворянех и на баталии убит от неприятелей”. Так русское правительство отметило служебную деятельность незаурядного и самобытного человека, оставившего заметный след в организации освоения Восточной Сибири. Голова конных и пеших казаков Якутского полка Афанасий Федотович Шестаков и его многочисленные родственники издавна несли военную службу в Сибири. Переписная книга по городу Якутску за 1720 г. отмечает живущих в одном доме братьев-близнецов (на самом деле двоюродных братье, а вовсе не близнецов. — *С.В.*) Афанасия и Алексея (1677), их сыновей — Василия Афанасьевича (1715), Лаврентия Афанасьевича (1706), Петра Алексеевича (1718), племянников — Петра Григорьевича (1710), Ивана Григорьевича (1705) и дальнего родственника Степана Герасимовича Парамонова (1707). Все они в разные годы были казаками, сборщиками ясака, участниками дальних “посылок” [Алексеев А.И. Сыны отважные России, Магадан,1970 г., С. 34]. Сам же казачий голова играл не последнюю роль в аппарате управления Сибирью. В его ведении находились казаки полка (в полном комплекте до 1500 человек), размещенные “для обережи” по различным опорным пунктам огромного края. Отсюда, из острогов и зимовий — Колымских, Алазейского, Анадырского, Охотского, Тауйского, Удинского, Зашиверского и других, — отправлялись партии служилыйх людей в далекие походы и экспедиции». [Л.А. Гольденберг, Между двумя экспедициями Беринга, Магадан, 1984 г., С. 8–9].

В «Летописи Якутска» Прокопия Явловского есть упоминание о родных Афанасия Шестакова:

«1727 г. В июне прибыла так называемая Чукотская экспедиция, снаряженная по Высочайшему повелению от 23 марта 1727 года под начальством Якутского казачьего головы Афанасия Шестакова, для переговоров с непокорными инородцами северо-востока, в частности с чукчами, и приведения их в русское подданство. Она была снабжена всеми средствами вполне достаточно. В состав ее входили кроме начальника штурман Яков Генс, подштурман Иван Федоров, геодезист Михаил Гвоздев, рудознатец (горный инженер) Гардеболь, племянник начальника Иван Шестаков и около 10 матросов.

Шестаков Иван [Григорьевич] — исследователь Охотского моря. В 1728–30 гг. участвовал в экспедиции своего дяди А.Ф. Шестакова и в 1730 г., командуя ботом “Св. Гавриил”, исследовал Удскую губу и плавал в Охотском море до южной Камчатки. Вернувшись в Охотск осенью 1730 г. (после смерти А.Ф. Шестакова), передал бот “Св. Гавриил” Я. Генсу, приступившему к организации экспедиции в северо-западную Америку.

1733 г. В начале года возвратился из Анадырского края майор Д. Павлуцкий, усмирявший там чукчей и коряк “с огнем и мечом”. Возвращение его было вызвано нелепыми распоряжениями назначенного на должность Охотско-Камчатского командира Скорнякова-Писарева, сделанными им из Якутска. С собою Павлуцкий привез анадырского приказчика В. Шестакова, сына головы, с 15 казаками. Анадырск же поручил охране гренадера Машрукова, которому дал предписание отправить 96 казаков с капралом Шадриным для постройки Олюторского острога.

Шестаков Василий Афанасьевич — сын А.Ф. Шестакова, исследователь Курильских о-вов. В 1728–30 гг. участвовал в экспедиции своего отца. Командуя ботом “Фортуна”, перешел к северным Курильским о-вам. Собирал ясак на пяти островах».

А.С. Сгибнев добавляет к биографии Василия Афанасьевича: «Во время Новгородова в Камчатке, независимо от него, распоряжался делами управления Василий Шестаков, как уполномоченный от экспедиции. Он объявил всем камчатским острогам, что впредь уже не будет им обид от русских, и принял на себя исследование поступка Штинникова. Но Новгородов убедил его предоставить это дело ему. Василий Шестаков с помощником своим Шергиным сбирал также и ясак, а когда коммисары Уваровский и Шехурдин требовали от первого из них ясачные книги, то он ответил им, что без приказу Павлуцкого этого сделать не вправе».

И еще: «“После Харитонова назначен в Камчатку сын боярский Степан Бобровский и при нем сын же боярский Михайло Петров. Бобровскому в июне 1720 г. прибывший по делу князя Гагарина в Якутск капитан Измайлов дал инструкцию, какой до того времени не было даваемо ни одному коммисару. Ему поручено было заведовать Верхнекамчатским и Большерецким острогами, а в Нижний назначен другой прикащик Алексей Шестаков”. …Прикащик Шестаков воротился с Камчатки морем с Евреиновым, который отрешил Шестакова от должности и имение описал.

…Шестаков по возвращении в Якутск подал объявление о дурных поступках бывшего правителя Максима Лукашевского и своевольных распоряжениях Евреинова».

«1720–1721 годы. Дети боярские Алексей Еремеевич (– ????) Шестаков и Степан Бобровский.

Оба назначены в 1720 г.: первый — в Нижнекамчатск, второй — в Верхнекамчатск и Большерецк. В помощь Бобровскому придали сына боярского Михаила Петрова. В августе 1720 г. они прибыли к месту назначения. В конце 1720 или начале 1721 г. Шестаков был отстранен от власти прибывшим на Камчатку геодезистом И.М. Евреиновым, и в 1721 г. выехал в Якутск». [Зуев А.С. Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века. Приказчики камчатских острогов в 1700–1730 годы].

А вот как складывалась родовая ситуация к 1748 году:

В «Переписной Книге убылых после 1-й переписи (Якутск)» (1748 год) в разделе
«Умершие:

102) Петр Алексеев, с. Шестаков,
518) Афанасий Шестаков,
519) Василий Шестаков,

Определены по городу Якуцку
в дети боярские:

931) Иван [Афанасьев сын] Шестаков,..
950) Андрей Шестаков

По городу Якуцку в казачью
службу определены:

963) Лаврентий Шестаков,..
984) Иван Дмитриев, с. Шестаков,
985) у него сын Исак.

Написанных в разночинцы:

648) Афанасия Шестакова Иван».

В «Списке 1761 года».

«Ведомость гор. Якуцка о дворянах и детях боярских, коликое число оных состоит и кто у каких дел и не у дел и что еще в полное число требуется».

Дети боярские 2-й статьи:

16) Петр Афанасьев Шестаков — на железном заводе комиссаром,

У городнических дел:

У приходу и расходу казенного провианта:

Казаки: ...Иван Шестаков.

У возки и всяких казенных припасов: Исак [Иванов сын] Шестаков.

Якутский казачий полк, 1830 год:

Шестаков Евграф — пятидесятник, пятая сотня (Удские);

Шестаков Егор — казак, первая сотня;

Шестаков Никанор — мастеровой, первая сотня;

Шестаков Николай — урядник сверх комплекта, вторая сотня;

Шестаков Фирс — казак, первая сотня;

Шестаков Яков — писарь, вторая сотня.

В «Летописи Якутска» Прокопия Прокопьевича Явловского есть и новые упоминания о Шестаковых:

1858 год. 19 сентября заложены в монастыре новые настоятельские (архиерейские) келии. Здание сооружено большое, двухэтажное. Нижний этаж строен из совершенно нового материала, а верхний из лавок, пожертвованных купцом А.Я. Шестаковым. При келиях заложена и домовая церковь. Средства на построение дома даны, главным образом, золотопромышленниками, приславшими владыке на этот предмет до 2500 руб.; были довольно крупные пожертвования и со стороны якутских и колымских купцов.

1891 год. В первых числах июня выехали в Иркутск для представления Его Императорскому Высочеству, наследнику Цесаревичу на общем приеме депутаций, проходившем 23 июня, депутации от г. Якутска в лице городского головы Н.А. Преловского и купца Н. Верховинского и от городового казачьего полка в лице сотника А.И. Попова, пятидесятника В. Шестакова и урядника Н. Асламова.

И снова мы вернемся к Ивану и Алексею Ивановичам Шестаковым.

Судя по чинам — они из якутских казаков, потомки детей боярских, что позволяет их продвижению по службе: чин детей боярских по своему статусу равнялся чину унтер-офицера. У казаков это был чин пятидесятника или урядника. В морском флоте — квартирмейстера, боцманмата или боцмана.

Версия, которая имеет право на существование.

Если бы...

Если бы мы не знали о том, что существовал еще один канал кадрового пополнения казачества на Камчатке, Чукотке и в Охотоморье, помимо якутского.

С 1720-х годов сначала Охотск, а вслед за ним Камчатка и Чукотка начали пополняться казаками из Нерчинска, Селенгинска, Иркутска и солдатами из Якутского, Енисейского, Тобольского пехотных и драгунских полков, расквартированных в Сибири.

И действительно, Сергей Евгеньевич Дурынин находит интересную информацию:

«Книга Великих государей царей и Великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцев под хлебной сметной и пометной списки 202 [1694] году имянныя московского списку дворянин и Нерчинским и Теленбинским и Яравинским и Аргунским и Ентинским и Итанцинского зимовья конным и пешим с хлебными и соляными оклады и что в Нерчинску пашенные крестьяне пашут (Л. 440 об.) на Великих Государей десятину и хто в котором остроге служилые люди живут (Л. 441). Дети боярские (Л. 442 об.). Гранатчик Яков Алексеев сын Судейкин и в 202 году по указу Великих государей и по грамоте из Сибирского приказу велено ему Якову служить в Нерчинску в детях боярских в убылом месте сына боярского Шестака Афанасьева а в оклад ему велено учинить семь четей ржи овса тож два пуда соли и из выбылого Шестакова окладу и отправке (Л. 443) в Нерчинску в приказной избе прошлого 200 [1692] году что де Шестак Афонасьев волею божиею умре того ж году против челобитья по указу Великих Государей и против пометы на ... столника и воеводы Матвея Петровича Гагарина приверстан в оклад Шестака Афонасьева в дети боярские сын ево Леонтей Шестаков а ему Якову велено быть в прежнем своем казачей хлебном и соляном окладе и по указу Великих Государей служить в детех боярских да к тому ево окладу прибавлено внов три чети овса да из выбылого казачья окладу Яковлева Кожевника осмина ржи пото-

му что Якову учинен пятидесятничей оклад и учинен (Л. 443 об.) ему оклад с прежним против указу Великих государей и грамоты хлеба семь четей ржи овса тож два пуда соли».

Но, судя по именным казачьим спискам Нерчинска, мы не находим возможного пересечения с именем Ивана ни сын боярского, ни рядового казачьего происхождения.

А вот по Якутску, наоборот, что-то проясняется — в 1748 году определен в дети боярские Иван Афанасьевич Шестаков — родной сын Афанасия Федотовича… Да и линия Ивана Дмитриевича Шестакова тоже может дать какой-то результат.

Но любую из этих версий нужно подкрепить фактами.

А пока сообщим то, что нам доподлинно известно.

В 1855 году 47-й Камчатский флотский экипаж в полном составе переведен в Николаевск-на-Амуре, который стал временной столицей Дальнего Востока, а экипаж был переименован в 27-й Амурский, а затем последовал новый перевод во Владивосток и новое переименование в Сибирский флотский экипаж.

Когда же последовала отставка, георгиевский кавалер Иван Иванович Шестаков в числе немногих отставников-уроженцев Камчатки возвратился на родину.

В 1893 году вдова ветерана Петропавловской обороны Мария Николаевна в возрасте 63 лет была еще жива и проживала в Петропавловске. С ней жил тридцативосьмилетний сын — Шестаков Николай Иванович (1853) — петропавловский мещанин. Он был участником обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. — состоял в Петропавловской ополченческой дружине и участвовал в экспедициях в отряде Н. Горбунова по защите восточного побережья Камчатки от японских «хищников».

ШИПИЦЫНЫ

Одна из самых распространенных фамилий Русского Севера и Сибири. Шипица — это шиповник, дикая роза с многочисленными и весьма острыми шипами-колючками. Или занозами, что и могло превратиться в прозвище человека, то ли цепляющегося к каждому встречному, то ли назойливому, как заноза…

Видимо, менталитет северного человека, привыкшего вести обособленный, иноческий образ жизни охотника-промысловика, отторгал всякого, кто пытался привязаться, прицепиться, прикрепиться, присоединиться к его компании. И потому так много было этих «шипицыных», что уж очень привлекательным был для них, конечно же, не сам образ охотника-отшельника, а плоды его охотничьей деятельности — драгоценная пушнина…

В Дозорной книге Тобольска за 1623 год, в которой перечислены первые тобольские служилые люди — казаки и стрельцы, Шипицыных не было.

По всей видимости, стрельцы Шипицыны, которые появляются в Тобольске — это новоприборные служилые люди, которых и отправляют в Якутию в составе сборного отряда из березовских и тобольских казаков.

Это были стрельцы

Шипицын Васка Петров и Шипицын Ивашко Юрьев [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141. Лл. 216 об., 217].

Но они в Якутии надолго не задержались.

В 1650 году сюда же с отрядом тобольских казаков на смену тем, которые прибыли ранее направлен пятидесятник Борис Оноховский, в составе которого должен был следовать казак Саранчин. Но вот какую запись мы находим в документах:

«Ивашко Карпов сын Сарачин в его место казачей брат Ондрюшка Шипицын в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю».

Такая замена — обмен службами — был в Сибири в порядке вещей.

Но для Ондрюшки этот выбор службу оказался судьбоносным. Вполне вероятно, что именно его имя мы обнаруживаем в документах Илимского острога за 1677 год, то есть спустя почти тридцать лет:

«Окладная книга Илимского острога 1677 (185) г. Верхоленского Братцкого острошку служилые люди. Андрюшка Леонтьев сын Шипицын».

А далее следует интереснейший поворот:

«Пешие казаки Петровы станицы Вайгачова

Вторышка Шипицын в прошлом во 164-м [1656] году послан под Ленской волок в Ылимской острог на вечное житье» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 450. Л. 79].

Чем же он нам так интересен?

Дело в том, что имя Вторушки (Фторушки) упоминается только в окладных книгах Тобольска. А по дозорным и окладным книгам Илимского острога Вторышки мы не находим.

Вторушка — это второй по счету сын в семье.

И мы смеем предполагать, что вторым в этой семье был никто иной, как брат Андрея Леонтьевича.

И в Переписной (дозорной) книге Илимского острога за 1676 [7184] г. мы находим искомое:

Илимского острогу служилые люди и Верхоленские конные казаки и судовые плотники, которые великого государя за хлебное жалование пашни пашут

…Деревня за Корою рекою, а в ней Данилко Леонтьев сын Шипицын

Думаю, что такое совпадение не может быть случайным.

В книгах Г.Б. Красноштанова «на ленских пашнях в XVII веке» и В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня» мы находим как подробности, так и продолжение этой родовой истории.

Деревня Шелопугина.

«Не упоминаются записанные в 1672 году Оска Оникиев сын Шелопугин с детьми, Данилко Леонтьев сын Шипицын с братьями и сыном».

Кто же у нас сын?

«…из Шипицыных упоминаются — Матюшка (в одном из документов — Шипнягов) — служилый человек, в 1684–1685 гг. пахал в де-

ревне Омолойской Орленгской волости. Его брат — Илюшка Данилов Шипицын упоминается в 1684 г., детей нет. Есть упоминание о служилом человеке — Игнашке Шипицыне».

«…А которые, государи, илимские служилые люди, опроче верхоленских конных казаков три человека: десятник Еремка Коркин, Васка Мишарин, Матюшка Шипицын … А Матюшка Шипицын послан на вашу великих государей службу в даурские остроги…» [РГАДА. Ф. 214. Ст. 1072. Л. 68–70].

«В 1682 году в Орленской волости пахали за хлебное жалованье три служилых человека. В деревне Скокниной Васька Мишарин, в деревне Зехиной Еремка Коркин, а в деревне Омолойской Матюшка Шипицын».

Ивашко Данилов Шипицын в 1723 году проживал в Ново-Удинской слободе в деревне Щипицына.

А в Яндинской слободе в одноименной деревне — конный казак Аверкий (Аверьян) Шипицын.

Вполне вероятно, что Аверьян из этой же казачьей семьи. Тем более что и фамилии его коллег по устройству Ново-Удинской слободы, о которой мы расскажем ниже, удивительным образом сходятся в теми именами, о которых мы упоминали выше.

Вот что сообщает нам В.Н. Шерстобоев:

«Аверкий (не Матвеев ли сын? — *С.В.*) Шипицын был в 1700–1703 годах приказчиком Ново-Удинской слободы, в 1710, 1711, 1716 и 1719 годах приказчиком Яндинского острога, затем в 1721 году вновь в Ново-Удинской слободе. … Михаил Мишарин (вероятно, сын Васьки Мишарина. — *С.В.*) пробыл приказчиком 14 лет, начиная с 1704 года по 1721 год, сменив 7 волостей. В Киренской и Чечуйской волостях он “сидел” по 4 года. Его сын Афанасий был подчиненным комиссаром в Яндинском остроге в 1722 году…

Еще при воеводе Григории Грибоедове илимские служилые люди и десятник казачий Григорий Пежемский и казак Юда Кузнецов объявили в Сибирском приказе, что ими отыскана угожая для пашни земля по р. Уде и ее притоку Талкиче. Для заселения вновь приисканных мест в ноябре 1698 года туда направляются из Илимска 16 семей беглых пашенных крестьян и двое одиночек, переведенные Тобольском в Илимск из Верхотурского уезда. Илимскому казачьему пятидесятнику Ивану Распутину и конному казаку Аверкию Шипицыну велено было устроить этих крестьян на пашню по р. Уде, выше освоенных и заселенных мест. “И о том пашенном строении и о селительстве тех переведенцов на пашни в наказной памяти Ивану Роспутину, Аверьяну Шипицыну написано, чтоб им тем переведенцам во льготные годы до пахоты государевого хлеба совершенно дворами своими построиться и лошадьми и рогатым скотом завестись и пашни на себя пространно роспахать и хлеба наготовить без нужды”. Еще прежде Роспутин и Шипицын сообщили, что они высмотрели на 18 семей еланную и пашенную землю и сенные покосы.

…на реке Уде возникает три поселения, переведенцы построились и завели пашни. Слободчик Шипицын в августе 1702 года уже мог в своей отписке указать о каждом из поселившихся крестьян, как они устроились на новом месте».

Эта илимская история, возможно, не имеет для нашего рассказа продолжения, если якутский казак Лев Шипицын, о котором у нас рассказ впереди, не является выходцем из тех мест.

Вполне же вероятно другое — история его происхождения может быть связана снова с Тобольском.

Дело в том, что Владимир Владимирович Атласов, произведенный по царскому указу в якутские казачьи головы (чин полковника), получил право набора в Тобольске пятидесяти казаков из лучших казачьих семей, обученных навыкам казачьей службы.

Есаулом этого отряда новоприборных казаков, которые должны были вместе с Атласовым идти на Камчатку, был Василий Шипицын.

А дальше случилось то, что случилось: на Ангаре возмущенные отношением к себе енисейского воеводы, который передал атласовским казакам гнилые дощаники, и воодушевленные своим атаманом, который полагал, что после царского указа ему уже ничто не указ, и имея полномочия от Сибирского приказа набрать товаров на сто рублей, Атласов дал команду своим казачатам ограбить торговое судно.

А далее, по документам, мы более подробно можем представить себе ту картину и ее последствия.

«Васька Шипицын в застенке у пытки расспрашиван и пытан. И на пытке было двадцать шесть ударов».

«И Володимер Отласов роспрашиван с великим пристрастием, и в ремень ставлен, и подыман, и на виске был долгое время, а в роспросе сказал»: “грабить” Белозерова он “не велел”, а грабили его казаки своим “самовольством”, но “на делу” (при дележе) добычи он взял свой пай “грабленых животов”».

Но Шипицын и Кудрин «с пытки» утверждали, что грабили они Белозерова «по повелению Вол. Атласова». Первый добавил, что раньше Белозерова встретили они на реке Тунгуске суда Андрея Афанасьева Москвитина (он же Андрей Касимов), который разсказал Атласову о богатстве товаров идущих сзади его прикащиков Добрынина. О самом госте Добрынине Касимов говорил, будто он «на Москве умре» и «за животом — де стоять истцом будет некому»… Атласов поверил этому отводу Касимова и «отпустил» его не тронувши (только взял с него несколько подарков). Кудрин подтвердил это показание Шипицина.

Другие казаки Атласова также «с пытки» подтвердили все речи своего есаула и во всем винили Атласова… Были даны «очныя ставки» Атласову с казаками, но он стоял на своем — говорил «прежние ж свои речи»… Остальные казаки Атласова из менее виновных распрашиваны без пытки и все подтвердили показания Шипицина и Кудрина.

«И после роспросу и очных ставок Володимер Отласов посажен в Якутцком за караул, а пущие воры» — Шипицин, Кудрин, Дмитрий Кормили-

цын, Тимофей Марков, Тимофей Воробей и др., всего 9 человек — заключены «в тюрьму» .

В 1706 году Атласов и его «подельники» были выпущены из-под караула и тюрьмы и отправлены на Камчатку, где в это самое время была тяжелейшая обстановка. Атласов под страхом смертной казни должен был навести на Камчатке порядок и наладить сбор ясака.

У меня нет сведений о том, что Василий Шипицын был отправлен вместе с Атласовым.

В 1706 году он записан в одиннадцатой пятидесятне: «рядовые: ден. и соли тож (5 руб. с четью, пол-2 пуда соли), хлеба по 3 ч-ти с осминою без пол- чет-ка ржи, по 1 четверти овса: Василий Шипицын».

Вполне возможно, что уже тогда он был направлен на службу в Анадырский острог, приказчиком которого в этой время был (или исполнял обязанности) Осип Миронов Липин, который в 1711 году будет назначен камчатским приказчиком с наказом о проведении следствия по казачьему бунту 1707 года, в результате которого казачий голова Владимир Атласов был смещен со своей должности, посажен в «казенку» (тюрьму) в Верхнекамчатском остроге, откуда сбежал и нашел себе убежище в Нижнекамчатском остроге.

Василий Шипицын был в отряде Липина. Василий Миронович свою задачу по проведению следствия о бунте перевернул с ног на голову – он начал его с нижнекамчатских казаков, которые к этому бунту вообще не были причастны. Но этого Липину и не нужно было – под розыском-следствием он имел совершенно другое – найти «схроны», где камчатские казаки прятали от чужих глаз и рук свои пушные богатства.

В ход пошло все, что могло разговорить самых непокорных из молчальников.

Весть об этом быстро разнеслась в округе и достигла Верхнекамчатского острога, где, собственно, и совершилась эта гражданская казнь Атласова — лишение его власти на приказе.

А далее случилось следеующее:

«А бы вон Осип в нижнем остроге, и поехал в верхней Камчадалской острог, а с ним Осипом ехали прежде бывшей прикащик Петр Чириков, да пятидесятник казачей Иван Харитонов, да и служилые люди, Филипп Серебреников, Василей Шипицын. И не допустя до острогу, стакавшися в потай от нас, служилые и промышленные люди в пути на дороге Осипа зарезали, а мы раби твои про ту их злую думу не ведали. …а нас рабов твоих в то число было в верхнем Камчадалском остроге малое число, из того числа было половина немоглых, а иные служилые и промышленные люди были в посылках для ясачного сбору, и того ради малолюдства тех убойцов смирить не могли. А после этого Осипова убийства, мы раби твои от тех убойцов прослышали, что было их в той злой думе в верхнем Камчадалском остроге числом 20 человек. И как они убойцы доехали в нижней в Камчадалской острог, и их собралось к тому злому делу всех 75 человек».

А далее мы видим неуклонный карьерный рост казака Шипицына.

В 1725 году он отмечен как помощник Анадырского приказчика.

А через шесть лет – в чине сотника (то есть обер-офицера) — он действует в составе отряда капитана Тобольского драгунского полка Дмитрия Павлуцкого. И не просто действует — а своей волей:

«Павлуцкий, несмотря на численное превосходство противника и невыгодность своей позиции (между льдом и берегом было пространство талой воды в 30 саженей шириной и глубиной по пояс), приказал идти в атаку. Отряд бросился в воду, чтобы выйти на берег. Здесь на берегу чукчи пытались окружить его, однако в их «поспешности ничего полезного не оказалось».

Павлуцкий, будучи офицером регулярной армии и впервые столкнувшись в бою с чукчами, пытался действовать по правилам тогдашнего военного искусства: «против того неприятеля поставя команду в парад так обыкновенно, как и в России на сражениях бывает и чинят сражение». Командовавший левым флангом казачий сотник Василий Шипицын стал убеждать капитана, что в силу малочисленности русских сил, лучше их рассредоточить «человек от человека сажени на полторы, дабы тем неприятелю не дать сильного нашему войску окружение и от того замешания». Павлуцкий отказался это сделать. Но Шипицын тем не менее, апеллируя к интересу «державнейшаго царя государя», стал действовать по своему усмотрению. Он рассредоточил свой левый фланг так, как предлагал, и пошел в атаку на неприятеля. Павлуцкий же повел в атаку свой правый фланг регулярным строем, но просчитался, ибо на этом фланге помимо русских были коряки и юкагиры. Последние не умели воевать сомкнутым строем и «по их всегдашней непостоянности от множественного числа неприятеля пришли в робость», дрогнули и стали отступать. Чукчи потеснили правый фланг к морю. Но тут на выручку корякам и юкагирам подоспели находившиеся при обозе (стоявшем на морском льду) казаки Иван Пурга, Иван Ворыпаев и Василий Заледеев, которые, «усердуя к службе и оказали свою отменную противу протчих храбрость», помогли устоять правому флангу.

Тем временем левый фланг отогнал чукчей за их юрты. Сражение, длившееся «с утра во весь день до закату солнца», закончилось победой русских и их союзников. Эту победу обеспечили огнестрельное оружие, грамотная военная тактика Шипицына и, конечно, храбрость и боевая выучка казаков, а также самонадеянность чукчей, многие из которых были «вооружены» только ремнями. К тому же численность чукчей не намного превышала численность отряда Павлуцкого. Судя по воспоминаниям казаков, бой шел на большой дистанции и до рукопашных схваток дело не дошло. Если все обстояло именно так, то русские действительно могли продемонстрировать преимущество «огненного боя», которое в рукопашной схватке свелось бы фактически на нет.

Чукчи, по разным данным, потеряли убитыми от 450 до 700 воинов, да после того, как исход

боя уже определился, чукчанки успели зарезать часть своих детей. В плен попало 100–150 мужчин, женщин и детей, в добычу было взято от 500 до 4 тыс. оленей и чукотские «пожитки» (которые разделили по команде). Оставшиеся в живых чукчи во главе с тойоном Наихню бежали.

Отряд Павлуцкого понес незначительные потери: один пятидесятник (Конон Чириков – брат Петра Чирикова, погибшего вместе с Липиным. — *С.В.*), 1 или 2 казака и 5 коряков были убиты, да 70 чел. получили «легкие раны» [Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002].

После повышения Д. Павлуцкого в чине и его отбытия из Анадырского острога командиром Анадырской партии стал сотник Василий Шипицын.

И вот как оценивается его деятельность на этом посту:

«Наиболее откровенно “тактику войны” продемонстрировал казачий сотник Шипицын, исполнявший с 1732 года обязанности командира Анадырского острога. Летом 1740 года он с отрядом в 80 казаков отправился вниз по Анадырю для сбора ясака с “речных” чукчей. В урочище Чекаево русский отряд встретился с крупными силами чукчей. Не рискуя вступить с ними в открытый бой, Шипицын заманил в свой лагерь под предлогом мирных переговоров 12 чукотских тоенов и перерезал их. После такого вероломства русские атаковали чукчей, которые, увидев гибель своих старшин, в панике разбежались. Эта “военная хитрость” Шипицына на долгие годы подорвала веру чукчей в мирные намерения русских».

Как мы знаем, дальнейшее русско-чукотское противостояние закончилось тем, что в 1771 году Анадырский острог был сожжен, церковь разобрана и все церковные принадлежности перевезены в Гижигинскую крепость.

Мы не знаем, было ли потомство у сотника Шипицына. Судя по наследованию обер-офицерского чина, принятого в казачестве, его потомком мог бы быть Шипицын Александр Петрович, титулярный советник (с 18 октября 1856 г.), 16 января 1858 – 1 сентября 1861 гг. 3 августа 1861 г. назначен полицмейстером Якутска. 1854–1857 — главный смотритель поселений по Якутско-Аянскому тракту, чиновник особых поручений ЯОП с 25 марта 1853 г. [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 313]. Но у нас для такого утверждения нет никаких пока оснований.

Что же касается Северо-Востока, то в составе гарнизона Гижигинской крепости упоминается солдат Енисейского пехотного полка Антип Шипицын [РГВИА, фонд 14808, опись 1, дело 22, л. 9 об.], служивший в этом полку еще в 1748 году. В это же примерно время Шипицыны были в Тауйском остроге (Кондратий) и на Камчатке (Яков).

Но действительную новую историю Шипицыных на Северо-Востоке России открывает сын Льва Шипицына:

«Известно, что в 1862 году была построена первая церковь, и самое позднее с 1864 года в Маркове уже жил священник о. Митрофан Шипицын».

Из Исповедальной росписи Анадырской Николаевской церкви за 1893 год мы узнаем, что Митрофану Львовичу было в тот год 56 лет [то есть он 1837 года рождения]. С ним жил внук Георгий (вероятно, сын Ивана Митрофановича).

Псаломщиков в этой церкви был другой его сын — Шипицын Федот Митрофанович (1868), женой которого была с 1688 г. дочь гижигинского казачьего урядника Зиновьева Елизавета Ивановна (1867).

Еще один его сын — Иван Митрофанович (1876) — был женат на дочери казака Дарье Стефановне Падериной.

Третий из них — Агофопод Митрофанович (1890) — служил псаломщиком Иннокентьевской церкви на острове Беринга, а в 1893 г. переведен в дьяконы Петропавловского собора. Жена (в девичестве Логинова) Матрена Ивановна. Сын — Иван (1893).

После Октябрьской революции — Анадырский районный священник, место жительства — с. Марково. Собственность – три собаки. В возрасте 85 лет лишен избирательных прав [Глинчикова Е.В. «Православие и Советское государство на Камчатке». «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 19].

Вместе с отцом лишены были избирательных прав его дети — сын Александр и дочь Вера.

А далее следы теряются…

ШИПУНОВЫ

Шипуновы, где бы они ни были, обязательно попадали в какие-то истории — большие и малые.

Видимо, так было написано у них — только не на роду, как говорится в народной поговорке — на фамилии или фамильном прозвище.

Шипун — это ведь гордая птица лебедь, которая шипит, защищаясь от опасности.

Правда, есть и более прозаичное объяснение этого фамильного прозвища: шипун — это тот, кто постоянно шипит, подначивает, зловредный по своему характеру человек.

И вот вам первый пример о том, как Шипуновы попадают в истории:

«Трагический исход экспедиции Баренца надолго отбил охоту к новым попыткам достичь Китая северным путем. Пришли к выводу о невозможности такого плавания. Между тем русские достаточно регулярно бывали на Оби, на побережье полуострова Таймыр. Письменные свидетельства о посещении Таймыра относятся к XVI веку.

Когда в 1619 году был закрыт “мангазейский морской ход” в торговый город на реке Таз, наиболее предприимчивые из его обитателей направились на восток и в конце XVI века построили в нижнем течении Енисея Туруханское

зимовье. Из него были совершены разведочные походы через тундру Таймыра или морским путем, вдоль его побережья.

На берегах Таймыра сохранились остатки зимовий, а из Туруханска уходят отряды дальше на восток. В 1610 году один из них во главе с холмогорцами Кондратием Курочкиным и Осипом Шипуновым вышел к устью реки Пясины. Шли они и дальше, к Хатанге, описывая многочисленные острова близ побережья Таймыра. В числе прочих был остров, ставший потом известным как Диксон».

А вот и другое подробности:

«Шипуновы — томский род сибирских казаков XVII века. В 1719 году в д. Шепуновой хозяйствовали казаки Бердского острога, братья Фадей, Спиридон и Лука Шепуновы. Предки Шепуновых пришли в Сибирь с Северной Двины, служили в Тюменском уезде, возвели на берегах р. Ишима две родовые деревни. В 1610–1616 гг. промышленный человек Осип Шипунов ходил на кочах на рыбный промысел по Енисею, вместе с торговым человеком Кондратием Куркиным первым из русских достиг устья этой сибирской реки. В середине XVII века служилый человек Гаврила Шипунов участвовал в амурских экспедициях илимского сына боярского Ерофея Хабарова. В 1704 году казачий сын Иван Андреевич Шипунов проживал в г. Тюмени. В XVIII столетии Шепуновы обустроили еще несколько родовых поселений на территории Сузунского района Новосибирской области и Алтайского края».

Разброс фамилии по всей Сибири.

Но мы остановимся на Гавриле Шипунове — человеке, который пытался сохранить Амур за Россией.

Якутск, 1653 год:

«Челобитная торгового человека Ивана Амосова Осколкова с товарищами о возвращении им поручной записи по промышленным людям Гавриле Богданове с. и Ивана Богданове с. Щипуновых, отправляющихся на государеву службу в Дауры» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

Как правило, мы знаем только восторженные отзывы об Амурском походе Ерофея Павловича Хабарова, именем которого назван город, огромный край, и в центре Хабаровска ему установлен памятник.

Я не имею ничего против ни названия, ни памятника.

Только героями в том походе выступали совершенно неизвестные большинству нашего народа люди, которые отстаивали ни личные интересы, а интересы государства.

Безусловно, от наличия военных трофеев и различного добра, награбленного в даурских городках Хабаровым, зависело его личное будущее, личная карьера, личное благополучие. Чтобы совершить этот поход и привлечь большое количество людей, Хабаров влез в огромные долги. Более того — это были в основном казенные деньги, которые под свой личный барыш предоставил Хабарову якутский воевода Францбеков — человек алчный, расчетливый, циничный.

Впрочем, и Ерофей Павлович недалеко от него ушел — неслучайно народ его благозвучную фамилию Святицкий переиначил в Хабаров. Хабар — это выгода. Выгода — вот главный двигатель, главное устремление Ерофея Павловича, где бы он ни оставил свой след — в златокипящей Мангазее ли или на Лене, вступая в сговор с енисейским сыном боярским Ходыревым, которого хотел повесить потомок византийских императоров якутский воевода Петр Головин, или с иноземцем на русской службе Францбековым, желавшим получить от Сибири много и сразу…

Давайте напомним, что с Амура Ерофей Павлович был отправлен в Москву… арестантом.

А в числе обвинителей по его делу выступал в Москве амурский казак Гаврила Богданов сын Шипунов.

Что же это было за дело?

Благодаря ленинградскому историку Борису Петровичу Полевому мы знаем теперь о том, что в действительности происходило на Амуре и почему, в конечном итоге, Амур, без которого немыслимо было развитие Дальнего Востока, мы потеряли на долгие десятилетия.

Но здесь обязательно нужно понимать две очень и очень важные вещи. Магнетизм русской нации имеет два полюса, которые, собственно, и создают этот магнетизм. С одной стороны (пусть это будет минус) — величайший *прагматизм*. С другой (плюс) — высочайшая *духовность*.

Но без «минуса», как, естественно, и без плюса, этот магнетизм не может существовать и «ток не пойдет по проводам» нации.

Обернитесь назад — посмотрите на исторические катаклизмы и исторические свершения — и вы не сможете со мной не согласиться.

И то, что произошло на Амуре — это микросхема глобальных исторических процессов, происходящих на территории Русского государства с древнейших времен и по современную пору гигантского исторического катаклизма, связанного с крахом СССР — утратой государственной духовной идеологии.

Но вернемся в 17-й век

Вот этот документ.

«Челобитная С.В. Полякова и его спутников о поведении Я.П. Хабарова на Амуре в 1650–1653 гг.

“162 (1653 г.) сентября в 6-й день подали изветную челобитную Стенька Поляков с товарищи”

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичи всеа Русии бьют челом извещают тебя государя служилые люди и охочие вольные казаки, которых прибрал в Якуцком остроге твой, государь, воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да дьяк Осиф Стефанов в новую Даурскую землю в 158 (1650) году на твою государеву службу десятники и рядовые Стенька Васильев Поляков, Никитка Федоров, Осипко Трофимов, Илимко Никитин Корела, Посничко Меркурьев, Нефедко Ермолин, Тимошка Федотов, Никитка Амосов Пестов, Ивашко Андреев Улыба, Семейка Прокопьев, Лучка Кондратьев Оморен, Ивашко Дмитриев,

Ивашко Парфенов, Гаврилко Герасимов и с товарищи, да енисеисково острогу служилые люди десятник казачей Костька Иванов да Коземка Федоров, да Енисейского ж острогу охочей служилой человек Ондрешка Стефанов да Якуцково ж острогу, которых прибрал твой, государь, воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да дьяк Осиф Стефанов во 159 году служилые люди Ивашко Ортемьев, Семейко Артемьев Сажин, да вольные казаки Фетька Петров, Ивашко Васильев Пан, Гришка Володимиров, Гаврилко Богданов Шипунов, Петрушка Савин Скоблевской, Логинко Васильев, Мазало, Ивашко Евсевьев Долгой, Васька Ивойлов с товарыщи, да которых он, Ярофей, имал, идучи по Олекме реке с соболиных промыслов на твою государеву службу в новую Дарскую землю во 147-м году Харька Федосиев, Савка Григорьев, Ондрешка Петров Старик, Сеслушка Киприянов, Семейка Панкратьев, а иным, государь, охочим служилым людем имянам будет роспись под сею изветною челобитною на приказново на амурсково на Ярофея Павлова Хабарова в том, что, будучи на твоей государеве службе, он приказной человек Ярофей Хабаров, тебе государю не радеет и твоей государеве службе постоянства не делает.

Первое ево нерадение как он отпущен из Якутцкого острогу от воеводы Дмитрея Андреевича Францсбекова да дьяка Осифа Стефанова на твою государеву службу на великую реку Амур во 158 году, идучи по Лене реке до усть Олекмы реки не дошед июля в 15 день на Лене реке ниже Тавды реки грабил он, приказной человек, Ярофей Хабаров, твоих государевых ж ясачных людей вилюйских тынгусов. Того же мисеца в 21 день у усть Олекмы реки грабил он же, приказной человек Хабаров, твоих государевых ясачных людей якутов устьолекминских и на погроме взял двенатцеть быков да трех якутов убил до смерти и в тех ясачных зимовьях на Вилюе и на Олекме в ево Ярофеевых разгроме в те годы учинилась тебе государю в ясачном зборе большая поруха…».

Здесь мы прервемся и поясним. Все промысловые экспедиции снаряжались в долг. И первостепенной задачей первых руководителей этих экспедицией было этот долг возвратить, ибо должников карали очень строго – «выдавали головой» обиженному кредитору.

Поэтому подобным же образом действовал спустя полвека в корякской земле на подступах к коренной Камчатке пятидесятник Владимир Атласов — который повторно (зная о том, что ясак уже собран) обложил пушной данью коряков, которые из покорных государевых ясачных людей превратились в жестоких кровожадных врагов, убивающих всех русских без разбору.

Опытные казаки, прошедшие Сибирь и достигавшие победы *миром*, прекрасно понимали, что ограбленные тунгусы и якуты не простят им этого грабежа.

Но идем дальше.

«…и в августе в 29 день оставил он, приказной человек Ярофей Хабаров, на Олекме реке Стеньку Полякова да Микулайка Юрьева сорокью человеки на трех дощаниках за камнем выше Нюкзи реки с твоей государевой казной с пушками и с пищалями, и с порохом, а он, Ярофей, пошел налегке на Амур реку, а нам холопям твоим государевым, он, Ярофей, велел итти позаде собя за собою с твоей государевой казной до Амура реки в Лавкаево княженье. И как он, Ярофей, перешел за волок к служилым людям, к Рашмаку с товарыщи, а у тех служилых людей седела в аманатах князева жена князца даурского Шилгинея, да сын ево меньшей шилгинеев. И он, Шилгиней князец, тебе, государь, ясак дал с собя и с роду своево прежным казакам, Рашмаку с товарищи, до ево, Ярофееву приходу. И он, Ярофей, тою князцеву жену и сына ево шилгинеева принял в аманаты. И, приняв, государь, он, Ярофей, тех аманатов, князцеву жену и сына ево шилгинеева, захотел он, Ярофей, ту князцеву жену взять себе на постелю и та шилгинеева жена не пошла к нему, Ярофею, на постелю безчестья ради и он, Ярофей, рьняся на нее тое ночи удавил для ради своей бездельной глупости и после того времени, государь, в великом посту за три дни до светлово христова воскресенья в великой четверг приезжал тот, Шилгиней князец, к жене своей, говорил так: “…жива ли де моя жена у вас и покажите де мне жену мою и яз де государю ясак дам со ста человек, яз де приехал ныне с полным ясаком”. И ему, Ярофею, показать стало нечево, потому что удавил и оне, дауры, ездили по полю крутом города с утра до половины дни и прочь отъехали и тут он, Ярофей, тебе, государю, в ясачном сборе поруху учинил, а твоей государевой службе непостоянство, а ево, Ярофеево, нерадение».

А такое разве прощается?

А теперь сопоставьте — Хабаров пошел налегке — он спешил, как в свое время и Поярков, не упустить личную выгоду.

А вот как несли службу казаки на государевой службе:

«И мы, государь, холопи твои, которые, государь, оставлены были на Олекме у твоей государевой казны на трех дощанниках, недошед усть Тугиря реки за десять ден и тут нас, государь, холопей твоих, нял замороз и мы, государь, холопи твои, лыжи, нарты поделали сорокью человеки, пушки и пищали, порох и свинец и всю казну твою, государеву положили на нарты и всей было клади по десяти пуд и больше. И шел я, Стенька Поляков с товарищи по Олекме реке на лыжах с нартами, а твою государеву казну на нартах волокли до Тугиря, десять дни ходу было нашево, а по Тугирю две недели до волоку, а с Тугиря через камень де волок за волок до Лавкаева княженья две недели, где было велено, государь, нам твою государеву казну поставить».

И что же им открылось?

«И как пришли в Лавкаево княженье и Лавкаев город сожжен, разорен и посад сожжен и разорен, а ево, Ярофея, тут нет, ни вести нет, где он,

Ярофей. И мы, холопи твои государевы, видячи того места разоренье и пошли на низ по Амуру с твоей государевой казной искать ево, Ярофея, ниже Лавкаева княженья взял нас, холопей твоих, голод и от тово голоду мало не померли мы, холопи твои государевы. И тут мы, холопи твои государевы, казны не покинули, нужу и бедность принимали, голод терпели. И тово, мы, ево, Ярофея, нашли ноября в 21 день в Албазине городке».

И здесь тоже мы приостановимся. Укрепилось мнение, что Албазинский острог, тот самый, который вошел в историю нашей потери Амура, основал Ерофей Павлович Хабаров.

Давайте откроем глаза и на эти события, которые и стали первостепенной основой потери Россией Амура.

Прежде всего Хабаров начал загонять в долги людей, которые пошли с ним в поход. Цель понятная — чтобы эти люди попали в полную зависимость от него и исполняли любую волю Хабарова:

«А из Лавкаева княженья до Албазина городка ходу нашево было даурскою землею две недели. И он, Ярофей, твою государеву казну у нас, холопей твоих, всю сполна здраво принял. И, приняв, он, Ярофей, учал называть своим животом, а не твоей государевой казной. “Пушки и пищали, и порох, в свинец, и куяки, и сукна, котлы, косы и серпы и уклад взял де яз из государевы казны только по обценке в долг и в той де казне дал на себя запись в казну в Якутцком остроге воеводе Дмитрею Андреевичу Францсбекову да дьяку Осифу Стефанову” … “де купил яз ту казну государеву”. И учал продавать пищали и порох, и сукна, и котлы, и серпы, и косы — все продавать дорогою ценою: пищаль да два фунта пороху, да два фунта свинцу, да котел фунтов с четыре — по штиидесят рублей и по семидесят рублей и больше».

И вот как далее разворачиваются события:

«И декабря в 18 день из Албазина города он, приказной человек Ярофей Хабаров, учинил поход на Даурских людей, на Дасауля князца и на иных улусных людей, на даурских. И, не дошед Дасауля князца за два дни, тут он, Ярофей, послал по реке Ширилке служилого человека Третьяка Ермолаева Чечигина да ясаула Стеньку Полякова, да толмача Костьку Иванова, да с ними шездесят человек служилых и охочих казаков на сторонних мужиков, на лаурских и на тингуских мужиков. И те мужики стояли нат сторонною рекою с пяти юртах. И мы, государь, холопи твои государевы, тех даурских и тынгуских мужиков взяли на роте без бою, а рота наша была на том, что их мужиков, не убить, ни жен их, ни детей их, а им мужикам быть под твоею государской высокою рукою в вечном ясачном холопстве навеки неотступны и ясак тебе государев давать по вся годы и с роду своего, а Дасаула де мы призовем, иных многих даурских мужиков и тыгуских многих подзовем де под царскую высокую руку и ясак де государю давать станут и сверх тово де, сверх Шилки гантимурския будут же давать ясак государю с нелюдов, своих родников, а он де нам, Гантимур зять, мы де ево призовем Гантимура, а в том де наши головы будут сидеть у вас в аманатах. И мы, холопи твои государевы, на том их взяли с женами и з детьми и … и привели тех мужиков к приказному человеку Ярофею Хабарову. И он, Ярофей, тех мужиков у нас, холопей твоих, принял и велел посадити в воду (утопить. — *С.В.*), а жены и дети и их шубы, соболи подуванить велел, утекаючи, он, Ярофей, на свой бездельной нажиток а тебе государю большую поруху учинил в ясачном зборе, а в земле Даурской - шатость, а твоей государственной службе непостоянство а те государь, мужики даурские были добрые, мошно было тебе, государь, с них ясак взять, а ево Ярофеево нераденье».

Прервемся. В далеком будущем, когда русские люди показали местным народам другую — противоположную свою сущность, князь Гантимур не только принял русское подданство, но и перешел на русскую государственную службу. Об этом мы расскажем в отдельном очерке. А пока двинемся дальше, вслед за полчанами Хабарова.

«И во 159 году марта 25 писал он, приказной человек, Ярофей Хабаров, к тебе государю в Якуцкой острог к воеводе Дмитрию Андреевичу Францсбекову, да дьяку Осифу Стефанову из Албазина городка, что де яз, Ярофей, постоянство учинил, в Албазине городке поселился, двадцать семей на пашне посадил и в том тебе государь оболгал, а тово, государь, ничево не бывало, а писал к тебе, государь ложно, а с отписками посылан был Якуцкого острогу служилой человек Третьяк Ермолаев Чечигин, да в товарищах Дружинко Васильев, да племянник, да племянник ево Ярофеев Ортюшко Филиппов Петриловской для ради обмана посылал племянника своево Ортюшко Петриловского, чтобы обмануть твоево государева воеводу в Якуцком остроге Дмитрея Андреевича Францсбскова, да дьяка Осифа Стефанова и обманом взять твоя государева казна».

Хабаров шел ва-банк. Он прекрасно понимал, что этот обман будет раскрыт. И потому спешил двигаться вперед, не задерживаясь, чтобы черные вести о грабежах, насилиях и убийствах не опередили его отряда и жители Амура не спрятали от него свое добро…

Но и закабаление внутри полка тоже шло полным ходом:

«И, опустя отписки, велел он, Ярофей, всему войску дощанники делать и струги легкие и на дощанниках велел кузнецам ковать якори, а он, Ярофей, почал в те поры пива и вина курить и продавать тем вином и пивом, да сам то вино продавал в чарки, а пиво продавал в ведра служилым людям и охочьим вольным казакам дорогою ценою. И в напойных деньгах кабалы имал и оттово продажного питья ево Ярофеева вконец задолжали. И тут он, Ярофей, хлеб двух городов, Албазина и Атуева, в пиво и вины переварил».

«И как суды поделали июня в 5 день из Албазина городка, поплыл он, приказной Ярофей Хабаров, на низ по Амуре реке, а Албазин городок покинул пуст. И доплыл до Гайгударова города и божею милостию и твоим, государь, счастием. Гайгударов город взяли и многия языки поймали. И тут он, Ярофей, стоял семь недель в своих судах на якорях, а твоему государеву делу не радел, а радел своим нажиткам, шубам собольим. И от Гайгударова города поплыли вниз по Амуру. И как доплыл до Банбуласва города, а тот, Банбулаев город стоит пуст, а мужики выбежали, а хлеб стоит по полям, не жат. И тут он, Ярофей, захотел жить и жеребий метал и, государь, бог изволил жити. И по жеребью было изволил, государь, бог жить тут, в Банбулаеве городе. И он, Ярофей, учал продавать косы и серпы твои государевы дорогою ценою: косу по два рубли, а серпы по рублю, а мы, холопи твои государевы, покупали косы и серпы, потому что хотели с поля хлеб жать, а тебе, государю, служити и поселитца, постоянство зделать. А он, Ярофей, продавал косы и серпы не для ради поселения, а продавал он, Ярофей для ради долга, корысти своей. И жил он, Ярофей, в Банбулаевом городе три недели. И как распродал косы и серпы и захотел он, Ярофей, плыть на низ».

Далее очень и очень важное – то, что надолго разрушило доверие к русским на Амуре:

«И августа в 5 день поплыл на низ, а то место покинул пусто. И плыл он, Ярофей, от Банбулаева города три дни. И как доплыл он, Ярофей, до Толгина города19 — и божию милостью и твоим государским счастьем и казачими головами Толгин город взяли. И сорок пять человек даурских мужиков поймали. Да в них восемь человек князцей даурских даурской земле державцы, именем Толга, да Балуня, да Торончай з братом да Омантю, ево брат. И те были, государь, князцы даурские лутчие державцы. И оне, князцы, тебе, государю, шерствовали по своей вере. И ясаку, государь, с собя и с своево роду дали два сорока соболей. А говорили те князцы так: "…дадим де мы и на осень государю ясак со всей Даурской земли по камень". А тот камень рубеж з Дючерской землей. Шертованье сих даурских князцей было на том, чтоб им, даурским князцам, со всей Даурскою землею под государскою высокую рукою в вечном ясачном холопстве навеки неотступным. И бил челом тебе, государю, а по твоему государеву указу, приказному человеку, ему, Ярофею Хабарову, князец Толга с товарищи, чтобы ты государь, дал бы им сроку до осени в нынешнем де во 159 году: дали де мы ясак царю богдойскому, потому ныне у нас соболей нет вашему государю царю Алексею Михайловичу всея Русии и дадим де мы ясак на 160 год со всей Даурской земли весь сполна. … И того же месяца в 4 день даурсково князца Толгу с товарищи, ево, приказной Ярофей Хабаров, бил кнутом насмерть нещадно. Того же месяца в 5 день велел он, приказной Ярофей Хабаров, нам, холопям твоим государевым, из города хлебные запасы вынести и пушки выкатить на суды, а город зажечь, и около города посад весь зажечь же. И как разорил Толгино княженье и от тово места поплав учинил вниз. А Толгу князца потерял своим небрежением и нерадением, а тот Толга был державсц всей Даурской земле, а держание ево было дано ему, Толге, от богдойсково царя кабы что воевода».

А далее — все жестче и жестче. Хабаров казнил даже тех, кто начинал платить ясак. Какой был смысл в этой жестокости? Единственный — запугать, чтобы *взять свое*.

«…И как мы в охочей поход, холопи твои государевы, ходили и божию милостию Кечигин улус разгромили и кечигиных братей поймали трех, да улусных мужиков четырех и приказному привели. И приказной Ярофей Хабаров под тех кечиных братей ясак взял тебе, государю пять сороков соболей, а тот Кеча у дючер большей. Как он, Ярофей, ясак взял тебе, государю, с Кечи под ево кечиных братей и после ясаку он, приказной Ярофей Хабаров, руки посек да и повесил. И у жакшурова сына руку отсек да и тово повесил, а иных аманатов порубил».

А вот и итог, который пожинали, следуя по стопам Хабарова, казаки Степана Полякова, пытаясь установить отношения с даурами:

«И оне, даурские люди, говорили так: "рады де мы вашему государю ясак давать только де вы люди лукавы, правды де в вас нет: прежде де сего в Лавкаевом городке ясак дали Ярофею Лавкай, дал ясак и Шилгиней и другие мужики хотели давать ясак все. Была у него, Ярофея, князцева жена шилгинеева в ама(на)тех и он, Ярофей, хотел де к себе на постелю взять ту князцеву жену и она де не пошла к нему на постелю и он, Ярофей, ея удавил. И зимою де ходил он, Ярофей, в поход и поймал де добрых мужиков семь человек даурских и тынгуских, и те де были мужики добрые улусные и он, Ярофей, суды поделал из Албазина городка пловучи на низ наши жилишка жег и пустошил, нас, даурских людей, рубил в пень и жены наши и дети в полон имал, лучших наших князцей, Толгу и Толончея, иных князцев кнутом забил, а иных огнем зажег, а иных с собою увез и наши жены и дети на низ уплавил, не ведаем — живы, не ведаем — мертвы, вот ково де нам ныне стало ясак дать и мы де ныне не ведаем как к вам умы применить".

…даурские мужики говорили: "как де нам дать ясак вашему государю, лиха де ваша неправда: в прошлом де году ясак де мы дали Ярофею в Толгине городке и сами де наши князцы Толга да Торончей были у нево, Ярофея, в аманатах и с иными князцами и мы де с ним, Ярофеем, по своей вере шерстовали, что было нам ясак дать вам по вся годы и он де, Ярофей, правды не помня, Толгу князца нашево замучил и иных князцей наших и он де, Ярофей, на низ уплыл без вести и жены наши и дети с собою на низ уплавил, под ково де нам ясак давать"».

А далее полк Хабарова разделился на две неравные части.

На тех, кто поддерживал Хабарова.

И на тех, кто хотел служить своему государству.

«…И нам, холопям твоим государевым, с ним, Ярофеем, служить стало незаможно, тебе, государю. И от таковых обит и изгони и от непостоянства ево, Ярофеева, Стенька Васильев Поляков да Костька Иванов с товарищи сто тритцеть два человека поплыли на низ тебе, государю, служить своими головами оприченно ево, Ярофея, с травы и с воды. И ково он, Ярофей, нас, холопей твоих, обижал напрасно и продавал всякими налогами и тому, государь, у нас будет особ тебе, государю, челобитные подавать. А на низ мы, холопи твои государевы, плыли для ради твоей государевой прибыли тебе, государь, служить и своя служба тебе, государю, явить. И как мы, холопи твои государевы, доплыли до Гиляцкия земли и божией милостью и твоим государским счастьем из девяти гиляцких родов в Гиляцкой земле девять добрых гиляцких князцев поймали и в аманаты посадили и середе Гиляцкой земли острог поставили тебе, государю, з башнями и тарасы зарубили и хрящем насыбали для ради иноземского приступу и ясаку к тебе, государь, взяли до ево, Ярофеева, приплава и что взято ясаку и тому следуют ясашные книги».

Реакция Хабарова:

«А приплыл он, Ярофей, к нам, холопям твоим, сентября 30 дня, учал нас, холопей твоих, называть, он, Ярофей, ворами и хотел нас грабить. И мы ево, Ярофеево, озорнячество видячи, жили збережением. И он, Ярофей, и зимовье поставил на одну улицу и октября в 6 день приехали нижние мужики с моря в пяти стругах с твоим государевым ясаком под аманаты, которые аманаты сидели у нас, холопей твоих государевых. И он, Ярофей, послал в стругу ясавула Василья Панфилова с толмачем и служилыми людьми и велел толмачем говорить: “что де вы, мужики, ездите к ворам и ясак даете, мы де их побьем воров и ваших князцев повесим”. И тех гиляцких мужиков отогнал и к родникам не пустил. И тот ясак к тебе, государю, не взят и тово ж мисяца в 9 день приезжали в сороки стругах сверху Амура гиляки и порубежные дючеры с твоим государевым ясаком. И он же, Ярофей, послал того же ясавула Василья Панфилова с толмачем и велел он, Ярофей Хабаров, отгонити гиляков и дючер также: “к ворам де вы не ездите и под аманаты ясаку не давайте”. И тут он, Ярофей, тебе, государю, не радеет и твоему государеву ясашному збору учинил великую поруху. И как он, Ярофей, поставил зимовье и учинил роскаты и на роскаты вскатил пушки и велел стрелять ис пушек служилому человеку Онофрею Стефанову Кузнецу, да охочему служилому человеку Титу Левонтьеву Осташковцу и иным служилым людям велел стрелять по аманацкому двору и по твоему государевому острогу ипо нас, холопям твоим государевым, велел стрелять из мелково ружья с ранново обеда задовечерья. И мы, холопи твои государевы, не стреляли по них противо бояся твоей государской грозы. И видит он, Ярофей, что нас, холопей твоих, в остроге неймет и он учал, Ярофей, умышлять как холопей твоих побить всех наголову до единово и статки наши подуванить. И учал сщиты делать и умышлять своими потаковщики и судъники своими, служилыми людьми, нас, холопей твоих государевых, побить и поймал нас, двенатцать человек и велел палками на смерть прибить он, Ярофей, и мы, холопи твои государевы видячи ево, Ярофеева, воровство и непостоянство, что он, Ярофей учиняет позор твоему царскому величеству и славу недобрую и укор от иноземцев и в понос князцам иноземским. И мы, холопи твои по совету промежу собою били челом ему, Ярофею Хабарову, чтобы он Ярофей, не стрелял по твоему государеву острогу и нас, холопей твоих государевых, не побил и твоему государеву имени позору не учинил. И ведаючи мы, холопи твои государевы, ево, Ярофеево лукавство, за ротою мы ему, Ярофею, отдали(сь) и в тех аманатах мы у нево, Ярофея, отпись взяли, а рота была ево, Ярофеева, на том что нас было, холопей государевых, не убить, ни твоих государевых ясачных аманатов не терять, ни наших стаков не грабить. И он, Ярофей, не помня бога и не бояся твоей государевой грозы, нас, холопей твоих четверых, Стеньку Полякова да Костьку Иванова, да Фетьку Петрова, да Гаврилка Шипунова посадил в железа, а иных всех, холопей твоих государевых, батогами бил вместо кнута, без рубах насмерть, а иных давал за приставов и прставы их мучили из живота. И от ево, Ярофеевых, побой и мук умирало много. И всех нас, холопей твоих государевых, он, Ярофей, изувечил и статки наши и животишка вымучил и пограбил».

Конечно, мы процитировали только часть этой огромной челобитной, которую казаки написали и передали представителю Москвы — Дмитрию Зиновьеву, прибывшему на Амур с царскими наградами за покорение Амура.

С Амура Зиновьев доставлял Хабарова в Москву в качестве арестанта.

Москва признала полностью правоту казаков, обвинявших Хабарова во всех тех злодеяниях и преступлениях, которые он совершал на Амуре. Имущество Ерофея Павловича было конфисковано. Ему было запрещено появляться на Амуре, куда он рвался все последующие годы.

Дореволюционные историки давали весьма нелестную оценку деятельности Хабарова на Амуре. Вот что писал, например, известный сибирский историк Петр Андреевич Словцов в «Историческом обозрении Сибири» за 1838 год (то есть писал в то время, когда Амур еще не вошел в состав России):

«Этот необыкновенный посадский, необдуманными обещаниями увлекший легкомысленного воеводу, по сие время не усчитан в уронах, в бедствиях, какие он нанес краю, всей Сибири и даже государству. …Во что поставить озлобление и отчуждение миролюбивых племен, по Амуру особняком живших и против воли вынужденных прибегнуть к покровительству маньчжуров? Не сами ли мы сделали соседей врагами себе в та-

ком числе, в каком умножили подданных Китая? Если правительство ласкалось приобретением Амура, то видим ли какой-либо план в безместных шатаниях Хабарова по водам? На зиму укрепляют место, весною бросают его на разорение прибрежных жителей; где же опора, где пребывание власти? Если и Степанов расточал силу и время на подвиги грабительства, то все надобно винить Хабарова, который в пользу свою имел и всеобщий переполох по Амуру, и благоприятное время для утверждения главного места в любом из оставленных городков. Не только в 10, но и в 5 лет можно было обезопасить себя и дружбою соседей, и хлебопашеством, и военным ограждением. Но, к несчастью, при всеобщей неурядице господствовал один лишь дух ясака и грабежа».

А после присоединения Амура общественное мнение коренным образом изменилось — нужно было обелить Хабарова, чтобы оправдать свое присутствие на Амуре. И из разбойника он превратился в героя.

А имена настоящих героев, которые противостояли Хабарову в интересах Российского государства, мы забыли.

Сработал «здоровый» прагматизм.

В 1655 году Гаврила Богданов сын Шипунов («Шипуня») возвращается на Амур с коренными амурчанами, которые были в качестве свидетелей доставлены Зиновьевым в Москву:

«По нашему указу, — было написано в грамоте, — те даурские, и дючерские, и гилятцкие люди Анай с товарыщи, и женка, и девка нашим царским жалованьем пожалованы, и с Москвы отпущены в свои земли с енисейским служилым человеком с Костькою Ивановым да з даурским казаком з Гаврилком Шипуновым. И как к вам ся наша грамота придет, … вы б тех иноземцов толмача Молдегу для толмачества оставили у себя, а Аная с товарыщи 6-ти человек, и женку, и девку отпустили в свои земли, откуды они взяты, безо всякого задержанья…».

«По сути дела это был еще один весьма представительный и по составу и по численности “интернациональный” отряд. Помимо войскового толмача Молдеги, с Анаем возвращались на Амур бывшие аманаты Хабарова: брат Аная — державный даурский князь Туронча, сын князца Омутея Моколей, сын князца Шилгинея Богучей, гиляцкие князцы Сергуня, Богданча и четверо освобожденных ясырей, — два гиляцких подростка — Таурбень и Челтан, и две женщины. Хабаров при расследовании его дела в Сибирском приказе писал в своих “службах”: “с теми аманаты привожены были две женки, и те женки у меня были купленые, а дано за них сто восемдесят рублев, да с ними живота моево было всякой мяхкой рухляди и платья иноземского на триста рублев. И обоево жывота и за женки дано 480 рублев”» [Владимир Бахмутов-Красноярский, Сибирский интернационал 17-го века].

Дальнейшая судьба Гаврилы Богдановича Шипунова нам неизвестна. Как и судьба его брата Ивана.

Но истории, связанные с Шипуновыми, на этом не заканчиваются.

В 1661 году в «Росписи служилых людей, посланных на службу в Колымское зимовье с казачьим десятником Сергеем Брусеникиным» в числе рядовых казаков записан Ондрюшка Щипунов.

А в начале 1670-х годов Андрей Шипунов был приказчиком на реке Пенжине [Полевой Б.П. Открытие Камчатки со стороны Пенжины, Норд-Ост. Люди. Природа. История. — Петропавловск–Камчатский, 1984].

«Приказчиком Чендонского зимовья до 1673 г. был Андрей Щипунов. В 1673 г. его сменил в этой должности Василий Бурлак, однако из-за плохого обращения Щипунова с аманатами юкагиры отошли от зимовья, не являлись к Бурлаку и не платилти ему ясака».

С Пенжины — по тундре и рекам — открывался прямой путь на Анадырь.

У Андрея был брат, о котором мы узнаем из написанной им в 1684 году челобитной:

«Челобитная казака Андрея Шипунова об отдаче ему имущества его брата Федора, умершего в Удском остроге».

А в 1695 году в Удском остроге объявляется новый приказчик — десятник Лев Шипунов.

1699 год:

«Ужинная и умолотная книга выдельного десятинного хлеба по Криволуцкой и Верхне-Киренской волостям выдела прежнего криволуцкого приказчика Ивана Качина и выдельщика Козьмы Завьялова, умолота десятника Леонтия Шипунова, казака Степана Стыжного и целовальника Оники Кузакова» [РГАДА, Якутская приказная изба, т. 2, Я., 2016].

А затем мы находим пояснение:

«Окладная книга 1706 года

Список по пятидесятням (в скобках номера)

Якутск

Шипунов Леонтий, д-к, Енисейск»

«Енисейской присылки служилые люди:

Десятники казачьи: ден. по 5 руб. с полтиною, хлеба по 3 ч-ти без ½ осм. ржи, по 2 чети овса, по 2 пуда без чети соли Леонтий Шипунов» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 86–99].

Это нам, в принципе, пока ничего не дает — мы не знаем, связаны ли как-то между собой Гаврила и Иван Богдановичи — Андрей с Федором и Лев (Леонтий) Шипуновы.

Но мы знаем другое:

Якутск, 1720 год. «Во дворе служивой Михайло Левонтьев сын Шыпунов» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 52 об.].

Убедившись в том, что Михаил Шипунов – сын десятника Леонтия Шипунова, рассказываем об истории, приключившейся с ним.

1715 год. «Утолив жажду мести, юкагиры пошли от Акланского острожка по “жильям своим”: чуванцы вверх р. Анадыря, ходынцы в ее низовья. Со слов анадырских жителей, попавших в плен к ходынцам, а затем отпущенных (Василия Заледеева, Андрея Антипина, Василия Пьянова, Михаила Шипунова, Василия Зыкова), чуванцы намеревались перекрыть в верховьях Анадыря “русскую дорогу” и “хотели де

караулить на руской дороге, людей побивать", а ходынцы "помышляют идти в немирные люди чюхчи и их к себе в злой умысел призвать на русских людей в поход под Анандырской острог", оленные же коряки и акланцы "хотели идти под Алюторской острог и приступом и голодом в нем русских людей бить и морить".

Учинить "воинский поиск" над взбунтовавшими юкагирами и коряками анадырский гарнизон не решился из-за отсутствия оленей и малочисленности. Еще не зная об убийстве камчатских приказчиков (Василия Колесова и Ивана Енисейского в Акланском остроге. — *С.В.*), П. Татаринов послал из Анадырска указы в Акланский острожек (1 января 1715 г.) и Архангельский Олюторский острог (1 февраля 1715 г.) с рекомендацией бывшим там служилым самим принять меры по усмирению "изменников", уговаривая ласкою юкагиров вернуться в повиновение, а корякам обещая "милость" за сохранение верности.

Всего на р. Таловке и в Акланском острожке, по данным П. Татаринова, юкагиры и коряки убили 59 русских, в том числе 3 приказчиков, 47 служилых, 7 анадырских жителей и 2 священников (по другим данным — 45 чел.). В руки "изменников" попала камчатская ясачная казна – 5641 соболь, 751 красная и 10 сиводущатых лисиц, 137 морских бобров, 11 "пластин" лисьих красных, 2 выдры, свыше 80 руб. денег и 22 золотника золота» [Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002].

Вы думаете, на этом непридуманные истории с Михаилом Леонтьевичем закончились?

А вот и другая. На этот раз трагическая — один из итогов Харчинского бунта 1731 года:

«Во оном же 731-м году присудствия Большерецкого острогу Авачи реки ясашныя иноземцы новокрещен Васька Вахлыч с товарыщи изменили и сына боярского Назара Колесова, служилых Ивана Богомолова, Ивана Украинцова, Михайла Дружинина, Алексея Черных, Михайла Шипунова убили, да з Бобровaго моря ясашных иноземцов дву тоенов призывали с собою в вызмену, и оные тоены с ними в вызмену не пошли, и за то их помянутые Вахлыч с товарыщи убили ж.

И для умирения оных изменников на Авачю реку посланы были пятидесятник Андрей Штинников да от партии салдат Александр Змиев со служилыми людьми.

И оные Штинников и Змиев с товарыщи на Аваче реке ясашных иноземцов прибили и связаных прикололи без противности их восемдесят девять человек для своих прибытков, чтоб взять в холопство жен их и детей, о чем они, Штинников с товарыщи, с розыску сами показали, а жен их и детей мужеска и женска полу сто пятдесят человек взяв, разделили по себе в холопство, которые по следствии от служилых людей из холопства свобожены и распущены на прежние ж их жилища» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

Далее мы прослеживаем служебный путь еще двух Шипуновых:

Сначала в Охотске, а потом в Верхнекамчатском остроге служит Давыд Шипунов, который в ноябре 1740 года – феврале 1741 года участвует в крещении камчадалов западного побережья Камчатки в составе Крестового миссионерского похода иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гаврилы Притчина [РГИА, фонд 796, опись 23, дело 106].

Камчадалы Шипуновы — его крестные дети.

Позже мы встречаем их имена в составе промысловых экспедиций, направляемых в Русскую Америку.

«И, прибыв чрез одни сутки на называемой Камандорской остров, зимовали. И во оной зимовки потонула два человека — камчадалы Николай Шипунов, Петр Чириков. И были июля до шестаго на десять числа прошлого 1759-го года, в том году в июле месяце отправились в морской вояж для поиску незнаемых островов к промыслу на них морских бобров» [АВПР, ф. РАК, д. 8, л. 129–134].

Камчадал Василий Шипунов — участник зверобойного промысла на Алеутских островах на судне промышленника Коровина, один из тринадцати оставшихся в живых после бунта алеутов на острове Уналашка — семи русских и шести камчадалов. А погибло в 1762 году 170 промышленников — экипажи четырех промысловых судов.

В Анадырском остроге, по данным переписи 1722/1748, мы находим двух Шипуновых — разночинца Трифона Шипунова и служилого Алексея Шипунова

В 1763 году командиром Анадырской партии Ф.Х. Плениснером взяты показания о походе Дмитрия Павлуцкого 1731 года у служивших тогда и находящихся в данный момент в Анадырском остроге сотников Осипа Нижегородова, Ивана Попова, пятидесятника Алексея Русанова, казаков Василья Кургуцкого, Степана Перфильева, Ивана Русанова, Алексея Шипунова, Прокопия Чертовских.

Следовательно, история, которую рассказал в книге «Летопись Аляски» писатель Сергей Марков, касается тоже Алексея Шипунова:

Чукотка, 1761 год. «В тот год, когда Дауркин ходил на острова Берингова пролива, полковник Федор Плениснер у себя в Анадырске, в крепости, едва не разоренной немирными чукчами, с увлечением вел допрос "чукотской девки" Иттени. Иттень он, видимо, разыскал случайно, благодаря запоздавшей молве о выгодной покупке казака Шипунова. В 1761 году Шипунов был в низовьях Анадыря. Там он и отыскал Иттень, которой в то время шел четырнадцатый год. Когда девочке было десять лет, она попала в плен к островным зубатым людям. Эскимосы держали Иттень у себя два года, а потом решили ее продать на азиатском материке оленным чукчам. Выручили эскимосы за Иттень два пыжика и два железных котла. Через год появился Шипунов. Он дал чукчам сказочное богатство — медный котел, и Иттень перешла к казаку. Анадырский священник окрестил ее и нарек Татьяной… В Анадырском

остроге выяснилось, что Татьяна вовсе не чукчанка, а жительница Нового Света. И Шипунову, и полковнику Племяснеру она рассказала, что на Аляске у нее остались отец Какуляк и маленький брат Анаин; мать у Иттени умерла давно. Иттень показала, что она родилась в верховьях "реки Куки". По мнению исследователей нашего времени, это — река Коюк, впадающая в залив Нортон. Верховья реки лежат в бассейне Юкона — более чем за двести километров от Берингова пролива. Очень важным в показаниях Иттени было то, что люди Нового Света на ее памяти уже знали о русских людях. Аляскинцы слышали о Сибири и ее обитателях от чукчей, постоянно поддерживавших связи с Новым Светом. Татьяна рассказала в Анадырском остроге все, что могла, о своей родине: о нартах на полозьях из мамонтовой кости, об экскимосских каменных топорах, об украшениях женщин Аляски…».

А последним из Шипуновых на Северо-Востоке России в Гижигинской крепости был отмечен в 1781 году казак Иван (вероятно, Алексеев сын) Шипунов [РГВИА, фонд 14808, оп. 1, д. 88, л. 21].

Но, может быть, и эта история имеет свое продолжение…

ШМАГИНЫ (СМАГИНЫ)

Согласно науке, которая называется этимологией, эти две вроде как разные фамилии являются однокорневыми:

«Фамилия Шмагин происходит от диалектного прозвища Шмага, которое этимологически связано с нарицательным "смага" — "жар, огонь, пламя"».

Другие лингвисты уточняют: Слово смага имеет разные значения: 1) «сажа, копоть» (в этом случае Смагой называли чернявого, смуглого, загорелого человека); 2) «жар, огонь»; 3) «мощь, сила».

Мы взяли за основу фамилию Шмагины потому, что именно она укоренилась на севере Камчатки в Корякском автономном округе и прошла через горнило политического террора — спровоцированного органами ЧК-ОГПУ-НКВД «Тигильского дела», в результате которого были привлечены по обвинению по разным частям статьи 58 сотни коренных жителей и русских старожилов Корякии, многие из которых были расстреляны.

Шмагин Михаил Афанасьевич.

Родился в 1890 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Палана; коряк-кочевник; малограмотный; б/п; арестован 4 апреля 1939 г. Приговорен: Корякский окрсуд 29 мая 1939 г., обв.: по ст. 58-1а-2-8-9-10-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Дата расстрела неизвестна. Реабилитирован 24 июля 1991 г. заключением прокурора Управления по надзору за исполнением закона о госбезопасности, межнациональным и международно-правовым вопросам Прокуратуры СССР [Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.].

Шмагин Демьян Артемьевич

Родился в 1871 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Палана; коряк-кочевник; малограмотный; б/п; арестован 20 июля 1938 г. Приговорен: Облпрокурор 1 декабря 1939 г., обв.: по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 19 декабря 1989 г. постановлением прокурора Камчатской области [Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.].

Фамилия Шмагин довольно редкая — на Дальнем Востоке в период XVIII – XIX веков встречается только на Камчатке.

Тем более интереснее раскопать ее историю.

Но…

Но ни в крестовых миссионерских походах священника Ермолая Иванова (1738–1740 гг.), ни иеродиакона Якутского Спасского монастыря Гавриила Притчина (1740–1741 гг.), ни архимандрита Иоасафа Хотунцевского, руководителя Камчатской Духовной Миссии, мы не встречаем человека с такой фамилией, который бы стал восприемником из купели своих крестных сыновей и дочерей.

Наконец нам все-таки повезло: в Гижигинской крепости в 1766 году служил казак Ларион Дмитриев сын Шмагин [РГВИА, ф. 14808, оп. 1, д., 13, л. 9].

Но дальнейшие поиски резко затормозились.

Что мы нашли:

«У салдата Андрея Смокотина сын Тимофей у коего восприемным был отцем унтер офицер Констянтин Шмагин» — запись о рождении в Иркутской Епархии Нерчинскаго Заказа Дучарскаго завода Благовещенской церкви за 1801 год [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 77. Л. 38].

«Государственные крестьяне Баяндаргинскаго Селения

…Стефан Харитонов Шмагин» — Иркутской Епархии Нерчинскаго Заказа, Урулгинскаго Княжаго Села Богородской церкви [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 162. Л. 605].

Вот, собственно, и все.

И тогда мы начали поиск Смагиных.

Их оказалось несравнимо больше.

Кстати, и версия о происхождении этой фамилии пополнилась еще одним вариантом:

«171-го [1663 года] февраля в 27 день приехали на Березов березовские казаки Ивашко Михайлов Яковлев, Елфимко Курсин, а привезли с собою карачейского лутчего самоядина Пося Хулеева. И воевода Алексей Петрович Давыдов велел того самоядина Пося про шатость и про измену допросить. И в допросе карачейской самоядин Пося Хулеев сказал: в прошлом де во 170-м году призывали де их, самоядь Пося и иную самоядь, на город войною, город взять Березов и служилых людей побить, куновацкой остяк Жданко Горин присылал. И он де, Пося, такое дело его, Жданка, не послушал, и того лета в измене Пось отказал ему, Жданку. Да и Ермак де Мамруков его, Пося, в прошлом во 170-м году в измену призывал на город, и Сыкля де Таеров призывал же. Да и всех де волостей остяки были на совете о измене город взять Березов, а служилых людей побить. А съезд де о том изменном деле был, и съезжались те остяки в прошлом во 170-м году, зи-

мою, на низу на Горине тундре, а имян де он, Пось, иным остякам не знает, только де он Анку Коцкого одного знает, тут же де был на совете с ними вместе. А в нынешнем де во 171-м году у всех де у них остяков Березовского уезду дума и шатость, измена, есть, хотят де город Березов взять и служилых людей побить, а он де, Пось, в измене и со своим родом самоядью отказал и с ними никакие думы не думает. И тот остяк Анка в съезжей избе для опознанки ставлен, и Пось Хулеев его, Анку, познал, что он, Анка, был тут с ними на совете в измене.

Февраля ж в 28 день обдорской остяк Смагин Щеголдаев пытан накрепко, а с пытки говорил и винился: есть де измена во всем Березовском уезде в остяках и в самояди [… хотели…] город Березов взять и служилых людей побить в нынешнем во 171-м году, зимою, с пустозерскою самоядью вместе. А пустозерская де самоядь в нынешнем во 171-м году, зимою, Пустозерской острог взяв, сожгли, воеводу и всех служилых людей побили. Да и в Монгазее де ясачных сборщиков, которые были в зимовье для ясачного сбору служилые люди, самоядь всех побила, и промышленных людей на промыслах в Монгазеи всех побили ж; а та де самоядь нынеча вся пустозерская и обдорская съезжаютца к Ярмаку Мамрукову, и хотят де нынеча зимним путем Березов город взять и служилых людей побить».

Комментарии

«…служилые люди, самоядь всех побила, и промышленных людей на промыслах в Монгазеи всех побили ж». Нелишним будет отметить, что Смагин Щеголдаев был «лучшим человеком» Надымского городка (Смагинко Щеголков). Под пытками он передавал только смутные слухи, переносимые самоедами по огромным пространствам приуральской и сибирской тундр, — отсюда его «глубокие» знания о событиях и в Пустозерском, и в Мангазейском уездах. Впрочем, дыма без огня не бывает. Как следует из челобитной жителей Пустозерска, в 1661 и 1662 гг. они подверглись грабежам со стороны пустозерских же ненцев (Терентьев А. Погромы ненцами ясачной казны в 1641 и 1642 гг. / / Сов. этнография. 1933. № 5–6. С. 69) [Обдорский край и Мангазея в XVII веке, Сборник документов, Екатеринбург, 2004].

И, может быть, не случайно, что основное ядро сибирских Смагиных первоначально находилось в городе-крепости Березове?

В сборнике «Пять столетий Югры. Проблемы и решения. Итоги и перспективы» есть любопытная информация:

«28 березовцев награжденных в “царствующем граде” в течение 1613–1619 гг., упоминаются и в окладной книге 1627/28 г.: Р. Андреев, М. Алексеев, И. Аргунов, И. Бобарыкин, А. Гаврилов, С. Данилов, В. Деев , У. Дулов, В. и С. Ивановы, И. Астраханец, М. Васильев, М. Кашмылов , Ф. Кокушкин, И. Лихачев, Т. Лукьянов, А., И. и Я. Никифоровы, А. Пахомов, И. Рунов, Т. Семенов, И. Смагин, С. Спиридонов, С. Федосеев, Т. и Я. Фроловы, В. Юрьев».

Вероятно, И. Смагин — это отец березовского казака, который прибыл в Ленский острог в отряде первого якутского воеводы П.П. Головина и с которым что-то случилось в Якутии:

«Ивашко Иванов сын Смагин в его место гулящей человек Харитонко Офонасьев сын Леготин в прошлом во157-м [1649] году послан на государеву дальную службу».

Возможно, он просто нанял этого гулящего Леготина вместо себя на дальнюю службу – такое практиковалось в Сибири.

А в 1655 году нам снова встречается это имя:

«Березовсково города десятничишка казачьи: Лазарко Иванов, Ивашко Смагин, Елфимко Дементьев и рядовые казачишка: Титко Иванов, Лучка Мозолевской, Вторко Кирьянов, Пронька Лопухин, Ефремко Нарымцов, Сенька Микифоров, Фомка Охлопков, Ондрюшка Григорьев, Тимошка Ангрышов с товарыщи, — все сорок человек».

Все сорок березовских казаков подписались под челобитной с требованием «о наказании „за многие непристойные свои речи“, написанные в „безымянной“ „подметной памяти“, протопопа Аввакума, следовавшего вместе с ними в отряде первого Даурского воеводы Афанасия Пашкова.

Если березовские казаки появляются и в Якутии, и в Даурии, то почему бы здесь, в Восточной Сибири, не появиться и мангазейским казакам?

Например:

Мангазея 1665 год.

«По 8 чети муки ржаной, по полу-2 пуда соли:

Стрелцы холостые:

Ондрюшка Смагин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 489. Л. 63].

«Илимский острог, 1677 год.

Служилые

Андрюшка Федосиев сын Смагин

Якунка Андреев сын Смагин

Бориско Андреев сын Смагин [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 633. Лл. 38 об., 40 об., 41].

Но это еще не все.

Как-то сразу появляются в Иркутске два казака:

«Смагин Борис, рядовой конный казак с окладом 7 руб., 7 четей с осьминою ржи, 4 пуда овса, 2 пуда соли в год, 1699–1700 гг.; рядовой конный казак с денежным окладом 7 руб. в год, 1704 г.

…Смагин Яков, рядовой пеший казак с окладом 5 руб., 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг. [Гурулев С.А. Первые иркутяне, Иркутск, 2011].

И третий — «Смагин Даниил (Данила), рядовой пеший казак с окладом 5 руб., 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.» [там же].

И он тоже не случаен в нашем этом родовом ряду, так как согласно записи в «Родословном справочнике Иркутска» А.В. Черепанова Данило (примерно 1680) сын Якова Андреевича (примерно 1658).

У Якова были также сыновья Иван (~1681), Матвей. Но Дмитрия в их роду не было.

Был еще один Смагин, который также оставил свой след в истории Сибири:

«Смага (Смагин) Дмитрий, выходец из Верхотурья, поселенный в Иркутске “на вечное житье”,

1699 г.; рядовой пеший казак с окладом 5 руб., 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.» [Гурулев С.А.]

Андрей Черепанов находит его отчество — Васильевич.

Но по его «Родословному справочнику» у Дмитрия Васильевича не было детей.

Но есть в этом справочнике еще один Дмитрий Смагин. Он из разночинцев. Примерно 1694 года рождения. Но и у него не отмечено детей.

А несколькими строками ниже в «Родословном справочнике» следует… Ларион Смагин. Из казаков. Умер не позднее 1775 года. То есть, если мы правильно оцениваем ситуацию, после службы в Гижигинской крепости. Был женат на дочери казак Данилы Пятидесятникова Анне. О детях тоже ничего не сказано.

Вполне вероятно, что это и есть искомый гижигинский казакк Ларион Дмитриев сын Шмагин (Смагин), который и был крестным отцом коряков Шмагиных.

Осталось только разобраться, кто из вышеназванных Дмитриев мог быть его отцом.

ШМОНИНЫ

Впервые мы находим упоминание этой (вроде бы русской) фамилии среди польских военнопленных, сосланных в Сибирь:

«…Хриштопка Стабровъского челядники: Стенка Шмонин, Карпунка Рыкуненок, Стенка Устрата, Ондрюшка Михаилов; а по государеве грамоте посланы те ссыльные люди ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог в пешие казаки».

Позже упоминание этой фамилии мы встречаем в период китайской осады Албазинского острога:

«Стрельцы полка П. Грабова

Иркутские новоприборные

Бянкин Ивашко Васильев сын (вместо Никитки Шмонина албазинского пашенного крестьянина)» [Багрин Е.А. Гарнизон Албазинской крепости в 1687–1689 гг.].

Но самая интересная историческая личность — это участник первого похода Владимира Владимировича Атласова на Камчатку Иван Шмонин.

Николай Николаевич Оглоблин, один из первых биографов Владимира Атласова и его отца Владимира Отласа (которых он на тот период не разделял на отца и сына, а считал одним и тем же человеком), писал в своей статье «К биографии Владимира Атласова» о том, что Иван Шмонин и в последующем был спутником Атласова:

«В “челобитной” от 12 февраля 1701 г. “казачий пятидесятник” Владимир Отласов, казаки Ив. Шмонин, Афан. Евсеев, Василий Отласов и Дмит. Тюленской — сотрудники Атласова по открытию Камчатки — бьют челом: “едучи дорогою (из Якутска) по ямом ямщиком прогонные деньги платили свои и в тех деньгах имати у ямских старост отписи”. Просят — уплатить им те прогонныя деньги. — “К сей челобитной вместо товарищев и за себя Волотка Атласов руку приложил”. — Помета: “взять у них те отписи и из них выписать”.

Из “выписи” видно, что прогонных денег следовало выдать челобитчикам 5 р. 23 алт. 5 денег. Приговор: “1701 г., февраля в 14 день, по указу великого государя думной дьяк Андрей Андреевич Виниюс приказал: Володимеру Отласову с товарищи те прогонные деньги 5 р. 23 алтына 5 денег выдать с роспискою”.

Вторая “челобитная” Вл. Атласова с товарищи от 13 февраля: на дороге от Кецка до Нарыма истратили они своих денег 4 рубля на наем подвод под “соболиную и каланную казну”, так как Кецкий “прикащик” Афанасий Майков “по подорожной под твою великого государя казну и под нас холопей твоих подвод не дал”… Челобитчики просят возвратить им 4 рубля.

В “выписи” “выписано например”: 25 генваря 207 г. послана грамота Енисейскому воеводе — велено “доправить” на “прикащике” Маковского острога Степане Сурвилове 17 р. 31 алт. 4 ден., “что вышли у Нерчинских, Илимских, Иркутских служилых людей от ево задерщки, на наем работных людей и на покупку весел и шестов, да на нем же доправить сверх того пени 10 рублев. А те деньги 17 р. 31 ал. 4 ден. им служилым людем из Сибирского приказу выданы”.

Приговор думнаго дьяка А. А. Виниюса от 14 февраля (л. 4 об.): “Володимеру Отласову с товарищи выдать наемных денег 4 рубли”, а 4 рубля “доправить на Кецком прикащике, для того что он под казну и под казаков подвод не дал, да на нем же доправить пени 10 рублев”… — “Грамота” об этом взыскании с Афан. Майкова послана Нарымскому и Кецкому воеводе стольнику Ивану Мироновичу Черкасову 14 марта.

Третья “челобитная” Вл. Атласова с товарищи от 12 же февраля — о пожаловании “Выхода”, “поденнаго корма” и “сукна, против нашей братьи”.

Из “выписи” видно, что размер “выхода” и “корма” якутским казакам остался тот же, что и в 181 году: по 5 р. за “выход” и по 6 денег “корму” на день, причем казачий пятидесятник получал наравне с рядовыми казаками. Сукна выдавались в размере “4 аршина сукна шиптугу человеку”.

Именно в этом обычном размере и получили Атласов с товарищи деньги и сукна (см. приговор Виниюса от 14 февраля), несмотря на то, что в приговоре специально оговорено, что эта дача дается им “для того, что они приискали новую землицу и привезли с собою собранную вновь ясачную казну”»…

Было установлено и полное имя землепроходца — Иван Завьялов сын Шмонин.

И возникает вопрос: есть ли какая-либо связь между Иваном Завьяловым сыном Шмониным и новоприборным казаком Дмитрием Ивановым сыном Шмотиным, кандидатом в участники второго похода Атласова на Камчатку?

По пути из Москвы Атласов, согласно указу Сибирского приказа, набрал 50 казачьих детей из старинных казачьих родов, с детства приученных к казачьей службе.

Среди новоприборных казаков был и Дмитрий Шмотин.

А далее ситуация разворачивалась следующим образом: на Ангаре (Нижней Тунгуске), следуя из Енисейского острога, где Атласова приняли весьма негостеприимно и «не по чину казачьего якутского головы» и где, в нарушение наказа Сибирского приказа, он набрал (получив от местных казаков-отцов вероятную взятку) вместо казачьих детей людей «в наем» из среды гулящего сброда всякую енисейскую голытьбу, которая склонила Атласова к разбою и грабежу.

Итог известен:

«Владимиру Атласову и новоприборным казакам Григорию Быкову, Тимофею Маркову, Дмитрию Шмотину, Козме Хушину (?), Тимофею Горбунову, Тимофею Воробью за грабеж животов гостя Логина Добрынина и прикащиков ево Михаила Белозерова, Алексея Дехтерева что они с оными новоприборными казаками, которые с ним Володимером шли … по Тунгуске реке … велено учинить наказание бить их кнутом нещадно чтоб впредь им … на то смотря неповадно было таких грабежей чинить.

И чиня им то наказание … послать ево Володимера с вышеписанными новоприборными казаками з Григорием Быковым товарищи в Камчадалскую землицу для приводу вновь в его великого государя ясак иноземцов…

…и в нынешнем году … учинено наказание биты кнутом нещадно…».

Это было в 1706 году.

А в 1708 году Дмитрий Шмотин, казак десятой пятидесятни Якутского казачьего полка, шел на Камчатку в отряде сына боярского Петра Чирикова и был убит.

То есть генеалогической связки все равно бы не получилось.

Но почему мы все-таки завели об этом разговор?

Дело в том, что Шмонины в Сибири были не только их числа челядников польской шляхты, попавших в русский плен.

Эта фамилия была весьма распространенной и среди тобольских казаков, почему мы и полагаем, что в числе спутников Владимира Атласова было крепкое ядро из тобольских казаков — верных его товарищей, которые позже стали товарищами и проводниками первого камчатского приказчика Тимофея Родионовича Кобелева: сын боярский Иван Мокринский, казаки Иван Куклин, Василий Бронник, Семен Ломаев, Филат Верхотуров, Дмитрий Тюленский и Потап Серюков, которого оставил с отрядом казаков на Камчатке Владимир Атласов, возвращаясь в Анадырский острог, откуда он начал свой поход.

Самым известным из Шмониных в Тобольске был конный казак Лучка Шмонин из списка тобольских казаков, «которые посланы в Китайское государство с посланником с Николаем Спафарии» в 1675 году.

Завьяла Шмонина мы в казачьих списках пока не нашли.

Как не нашли и другого — Оксентия (или Оксена), который был отцом трех казаков — Петра, Федора и Ивана.

Тобольск, 1710 год, казак Иван Оксентьев сын Шмонин [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 526. Л. 210].

Якутск, 1720 год: «Во дворе отставной служивой Яков Наумов сын … в том же дворе подворники … Петр Оксенов сын Шмонин шестидесяти семи лет (1653) … брат Петров служивой Ларион Оксенов Шмонин пятидесяти трех (1667) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 47 об.].

А далее нас поведут потомки Петра Оксеновича Шмонина:

Тауиского острогу

Разночинцы

Федор Петров сын Шмонин,

Степан Петров сын Шмонин.

По гор. Якуцку в казачью службу определены

Прокопий Петров с. Шмонин.

По гор. Якуцку в казачью службу определены

Алексей Прокопьев с. Шмонин.

А вот и искомое:

Гижигинская крепость, 1766 год

Шмонин Михайло Прокопьев, казак.

И, разумеется, нас уже не может удивить тот факт, что по архивным материалам за 1831 год эта казачья фамилия встречается сразу в трех местах: в Гижигинской крепости, в Охотском порту и в Удском остроге.

Правда, мы не знаем, от кого идут удские и охотские родовые линии — от Федора или от Степана.

Или, может быть, тоже от Прокопия, как гижигинская ветвь Шмониных.

В 1772–1781 гг. в Гижигинской крепости служат в казаках Афанасий и Александр Шмонины.

В 1831 году:

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Шмонин Тимофей (1779), казак». По возрасту, вероятно, Афанасьевич [НА РС(Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 713–714 об.].

«Список находящихся в Удском укреплении

Казаки

Иван Шмонин (1758)» [НА РС(Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6 а. Л. 646].

«Состоящих при Охотской Казацкой чинах с показанием лет

Март месяц сего 1831 года

Шмонин Василий (1784), пятидесятник» [НА РС (Я). Ф. 401 п. Оп. 1. Д. 6Б. Л. 660 об. – 661 об.].

Впоследствии в материалах Магаданского государственного архива за 1840-е годы мы обнаруживаем слабое упоминание только об одном из них:

Шмонин Тимофей, оставной казак гижигинской сотни. Ж. Анастасия Алексеевна.

И вот еще:

«Именной список казакам Гижигинской казачьей команды и их семействам обоего пола. За 1856 год … Вдовы … Анастасия Шмонина — 62 (1794)» [РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 75].

ШТИННИКОВЫ

У селенгинского казака Андрея Штинникова складывалась прекрасная карьера, благодаря брату Ивану, богатому иркутскому предпринимателю.

В книге С.А. Гурулева «Первые иркутяне» имеются подробности о брате:

«Штинников (Штильников) Иван (Ивашко), таможенный и заставный голова, посадский человек, брал подряд на доставку из Иркутского острога за Байкал в Удинский острог 1000 пудов ржаной муки, 1683–1684 г.; владелец слюдяного промысла, после А. Самойлова, на Северном Байкале, 1683 г. (через год от промысла отказался); досматривал товары у бухарских торговых людей, пришедших в Иркутский острог вместе с монгольскими посланцами, 1683 г.; подавал в приказную избу "сказку" по поводу сбора пошлин с товаров, привозимых бухарскими торговыми людьми, 1684 г.; участвовал в досмотре товаров монгольских посланцев и бухарских торговых людей, 1685 г.; посадский человек с годовым оброком с человека по 2 руб., 1683–1698 гг.; жил в своем дворе, у него жил захребетник А. Григорьев; Ш. был женат, дети: сын Васька 6 лет, 1699 г.; человек торговых людей И. и А. Ушаковых, конец 1690-х гг.; посадский человек с годовым оброком с человека по 1 руб.».

Взлет начинается благодаря мыловаренному производству, в котрое Штинников внедрился:

«В 1683 г. Ш. в компании с енисейским ремесленником Иевом Мыльником открыл мыловаренный "завод" сроком на 4 года; по договору И. Мыльник был обязан "в те 4 года мыло варить выучить самого Штинникова или его брата, или стороннего человека"; договорились "класть в те 4 года… деньги вычитать из мыльной продажи… прибыль делить пополам"; оборудование "завода" состояло из котла, 2 чанов, деревянных ушатов и оценивалось в 38 руб. 23 алт. 4 д.; при "заводе" намечали открыть лавку: "а за мылом нам сидеть в лавке и продавать и всякую мыльную работу робить вместе"; предполагалось нанимать работников: "а буде люди где понадобятся к мыльной работе, и нам наймовать из общих денег"; по истечении 4 лет "завод", сырье и готовую продукцию предполагали разделить пополам; за несоблюдение договора Ш. обязан был уплатить И. Мыльнику 200 руб.; условия договора объяснял и сам Ш.: "договорились мы меж собою полюбовно промышлять, мне, Ивану с ним, Иевом Мыльником 4 года с 191 года с рождества христова до 195 года до рождества христова, а промышлять нам в Иркуцком остроге мыло варить"; в 1683–1684 гг. Ш. принял у "Иева его работы 384½ косяка мыла простого"; 93 косяка он отправил с приказчиком в Нерчинский острог и до Албазина, 52 косяка принял в мелкую продажу по 2 руб. за косяк, все остальное — 239½ косяка намеревался продать в Иркутском остроге; в 1684 г. было сварено мыла 395 косяков и продано на 581 руб.; в 1685 г., до истечения срока договора, Ш.И. Мыльнику "от заводу и промыслу отказал… паю не дал и прибыли не разделил"; в 1687 г. И. Мыльник предъявил Ш. иск на 520 руб.; судебное дело между компаньонами тянулось до 1690 г. и было решено в пользу И. Мыльника; в Иркутске мыло продавали по довольно дешевым ценам: в 1686 г. продано 65 косяков по 1 руб. 27 алт. 4 д. за косяк, в 1687 г. — 50 косяков по 1 руб. 16 алт. 4 д., в 1688 г. — 124 косяка по 1 руб. 6 алт. 4 д., всего за 3 года — 239 косяков на 341 руб. 13 алт. 2 д.

В 1683 г. Ш. взял на откуп слюдяной промысел на Северном Байкале и держал его с 1 июля 1683 по 1 июля 1684 г. В июле 1684 г. он заявил: «…того слюдяного промыслу держать… невмочь».

Г.А. Леонтьева в книге «Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов) [М., 2012] меняет акценты:

«Образцом … высокого уровня производства может служить "мыльный завод", организованный в 80-х гг. в Иркутске селенгинским пешим казаком (позже пятидесятником) Андреем Штинниковым и его родным братом иркутским посадским человеком Иваном Штинниковым».

И далее еще более важное: «"Завод" просуществовал до конца 80-х гг. XVII в. С этого времени казачий пятидесятник Андрей Штинников и его компаньоны сосредоточили свои хозяйственные интересы на русско-китайском торге.

…Участие в торговой деятельности за рубежом перечисленных служилых людей протекало в двух направлениях. Одни из них вели собственный торг. К таким можно отнести Максима и Алексея Бурдуковских, Андрея Штинникова, отчасти Михаила Савватеева. В 1693 г. селенгинский пятидесятник А. Штинников, участвуя в караване детей боярских С. Молодого и А. Уварова, вывез за рубеж 4000 беличьих шкурок, 2 пуда кости моржового зуба, 20 юфтей кож красных. Привезенные им в 1694 г. китайские товары оценивались в 450 руб. С этим товаром Штинников проследовал в Иркутск. Отсюда часть товаров была отправлена им с приказчиком И. Норицыным к "Русе". В 1697 г., побывав в Китае, А. Штинников снова вывез китайский товар, обменял его в Якутске на "мягкую рухлядь", с которой снова отправился в Китай».

В «Первых иркутянах» об Андрее не так и много информации:

«Штинников Андрей (Андрюшко), служилый человек, участник посольства С. Коровина в Китай, 1688 г.; казачий десятник, подавал челобитную о вывозе с Соли Вычегодской матери, братьев и сестер, Селенгинский острог, 1689 г.; иркутский пятидесятник конных казаков с окладом 7 руб., 7 четей с осьминою ржи, 4 пуда овса, 2 пуда соли в год, 1699–1700 гг.; иркутский пятидесятник конных казаков с денежным окладом 7 руб. в год, 1704 г.».

Именно китайская торговля пушниной, вероятно, и подвигла Андрея отправиться в пушные промысловые районы, чтобы наладить с братом уже свой семейный пушной бизнес.

В переписи 1722/1748 гг. Андрей Штинников числится за Охотском:

«В Охоцком остроге

Разночинцы

Андрей Штинников» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 89 об.].

Но в разночинцах он ходил недолго.

А.С. Сгибнев в «Очерке главнейших событий в Камчатке» отмечал:

«В 1723 г. послан в Камчатские остроги прикащиком сын боярский Федор Шелковников. Мореходом к нему определен Иван Бутин, с

которым из Якутска отправлены к снаряжению и починке судна смола, пенька, железо и холст. Шелковникову по его прошению назначен на Камчатку от якутского Спасского монастыря священник Ермолай Иванов; кроме того, 19 человек казаков из команды головы Афанасия Шестакова и с ним пятидесятник Андрей Штинников».

Прибыл он на Камчатку не на год-два, как "годовальщик". Прослужил тихо, отметился только в 1729 году:

"В 1729 г. прибило к Камчатке японскую бусу, полгода носимую разными переменными ветрами по морю.

На ней были товары и 17 японцев. Выгрузившись на берег с помощью лодки, японцы случайно наткнулись на пятидесятника Штинникова, пробиравшегося с камчадалами на трех байдарах подле берега. Японцы подарили ему мешок крупы, десять фанз (шелковая ткань. — *Ред.*), десять кусков другой материи, два лакированных ящика, 30 сабель и два топора. Но Штинников не довольствовался этим. Через двое суток скрылся, чтобы воспользоваться железом с бусы, которую бурею отнесло в другое место. В то время, когда Штинников предавал огню бусу, японцы на лодке плыли мимо горевшего судна и вскоре увидели за собою погоню Штинникова с камчадалами, который, догнав японцев, всех переколол, исключая двух, взятых в холопство (себе Штинников взял от японцев: 16 азямов (кафтан халатного покроя. — *Ред.*), 8 фанз, 2 куска холста, 5 зеркал, остальные вещи роздал камчадалам. — *Авт.*)"» [Сгибнев А.С.].

В карательной экспедиции против восставших в 1731 году камчадалов пятидесятник Штинников принял самое деятельное участие:

«…на р. Харюзовой построен был крепкий острог, которого русские не могли взять и воротились, не усмиривши камчадалов. После того из Большерецка послан был туда пятидесятник Штинников с служилыми Соловьевым, Герасимовым и Дурыниным; а всех в походе было русских 50, да иноземцев 30 человек. Поход начался с Воровской, потом по Облукоминской и кончился на Белоголовой. Во время этого похода перебито и переколото иноземцев без всякой причины человек 170; в плен взято жен и детей их 220; да в живых осталось человек до 100. Сопротивление показали только на р. Воровской. Здесь убито с оружием в руках человек 15, а прочих невооруженных связывали и из рук кололи, хотя они не показывали русским никакого сопротивления.

Пленных казаки разделили между собою, на каждого служилого досталось по три, по четыре человека, а командирам по шести. Платье убитых также разделено; кроме того досталось в добычу казакам много лисиц и соболей, из которых 50 штук соболей пожертвовали в камчатскую пустынь.

"Колпаковой реки ясашной же иноземец Харлапан ношным временем из юрты лесницу вывернул и в той юрте сожек служилого человека Дмитрея Попова, да казачьих детей Андрея Ховкина, Ивана Туманова, да служилого Ивана Панютина жену з двумя дочерьми.

И на оных изменников для умирения и призыву в ясашной платеж по прежнему послан был из Большерецка вышеозначенной же пятидесятник Андрей Штинников со служилыми людьми.

И оной Штинников с товарыщи, будучи во оном походе от Воровской до Белоголовой реки, ясашных иноземцов на разных реках, а имянно на Воровской Колпаковой, Крутогоровой, на Сопошной, на Морошечной и на Белоголовой без противности их прибили и связаных прикололи сто десять человек для своих прибытков, чтоб взять в холопство жен их и детей, о чем они, Штинников с товарыщи, с розыску сами показали, а жен их и детей мужеска и женска полу взяв, разделили по себе в холопство, которые по следствии от служилых людей из холопства свобожены и распущены на прежние ж их жилища. А Харьюзовой реки изменники Максимко да Щербак с товарыщи против оного Штинникова вышли и стрелялись с ними, и оной Штинников со служилыми людьми и возвратился от них в Большерецк. И до прибытия нашего на Камчатку оные харьюзовские изменники Максимко да Щербак с товарыщи были в ызмене, а по прибытии нашем на Камчатку на Харьюзову реку посланы были от нас капрал с салдаты, и оных харьюзовских изменников главных заводчиков Максимко да Щербака с товарыщи взяв, привезли к розыску, а взятых ими у сопошных и ичинских ясашных иноземцов жен и детей у них Максимка и Щербака с товарыщи всех отобрал и отдал ичинских ичинским, а сопошных сопошным иноземцам возвратно. И оные изменники Максимко да Щербак с товарыщи розыскиваны, а по розыске Щербак повешен, а Максимко под караулом до учинения экссекуцыи умер, а другие изменники биты кнутом"» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

«В октябре 1731 года были отправлены в Верхнекамчатск из Большерецка сын боярский Назар Колесов с служилым Иваном Богомоловым. Они прошли через Авачу и, подходя к острогу Малого Канача, встретились с вооруженными камчадалами, которые их копьями и ножами покололи, а проводника-камчадала взяли в плен. Кроме того, эти же камчадалы убили 4 ясачных сборщиков служилых Ивана Украинцова, Михаила Дружинина, Михаила Шипунова и Алексея Черных и собирались идти на р. Большую в острог, чтобы сжечь казачьи зимовья и казаков перебить. Но, к счастию, проводник, взятый в плен, убежал и 20 октября донес в Большерецк про измену авачинских камчадалов, на которых и послан был пятидесятник Штинников и служилый Соловьев с 40 человеками» [Сгибнев А.С.].

Справедливости ради скажем, что это был интернациональный карательный отряд:

«Прибывший еще в конце лета 1731 г. новый камчатский комиссар дворянин Иван Федорович Эверстов отправил из Большерецка на север по Пенжинскому побережью для наведения порядка отряд во главе с "походным приказчиком" пятидесятником Андреем Штинниковым. В со-

став отряда помимо пятидесяти казаков входило около тридцати ительменов под главенством тойонов Шемкоча, Акабыша (с р. Кыкчик) и Налача (р. Немтик), сохранивших верность русской власти. Штинников прошелся карательным рейдом по рр. Воровская, Белоголовая, Колпакова, Крутогорова, Сопочная, Морошечная, Ича, Облуковина, приводя в покорность ительменов» [Зуев А.С. Восполняя белые пятна].

«Во оном же 731-м году присудствия Большерецкого острогу Авачи реки ясаш- ныя иноземцы новокрещен Васька Вахлыч с товарыщи изменили и сына боярского Назара Колесова, служилых Ивана Богомолова, Ивана Украинцова, Михайла Дружинина, Алексея Черных, Михайла Шипунова убили, да з Бобровaго моря ясашных иноземцов дву тоенов призывали с собою в ызмену, и оные тоены с ними в ызмену не пошли, и за то их помянутые Вахлыч с товарыщи убили ж.

И для умирения оных изменников на Авачю реку посланы были пятидесятник Андрей Штинников да от партии салдат Александр Змиев со служилыми людьми.

И оные Штинников и Змиев с товарыщи на Аваче реке ясашных иноземцов прибили и связаных прикололи без противности их восемдесят девять человек для своих прибытков, чтоб взять в холопство жен их и детей, о чем они, Штинников с товарыщи, с розыску сами показали, а жен их и детей мужеска и женска полу сто пятдесят человек взяв, разделили по себе в холопство, которые по следствии от служилых людей из холопства свобожены и распущены на прежние ж их жилища» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

Спустя четыре года последовал приговор Розыскной канцелярии по делу о Харчинском бунте 1731 года:

«ПРИГОВОР ПОХОДНОЙ РОЗЫСКНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

от 30 июня 1735 г.

1735 году июня 30 дня по указу Ея И. В. в Большерецком остроге штап афицеры господа маэоры Василей Мерлин, Дмитрей Павлуцкой, слушав подлинного дела и учиненного экстракта, и допросных и пыточных речей, и очных ставок пятидесятника Андрея Штинникова и служилых людей Осипа Соловьева с товарыщи, приказали нижеследующее: пятидесятника Андрея Штинникова казнить смертию для того — в 732 году, будучи он в походах от Воровской и до Белоголовой и на Аваче реках, многих ясашных иноземцов служилым людем приказал колоть безвинно и без противности их, а иных иноземцов вызывал из юрты, которыя выходя принося в казну Ея И. В. ясак, а жен их и детей и пожитки брал и со служилыми людми разделил, и давал служилым людем за своею рукою владетелныя писма. А с роспросов и с пыток и с очных ставок он, Штинников, и служилыя люди в вышепоказанном иноземцов колотье во всем принесли повинную, а показанное иноземцов тиранство и раззорение чинили и то де для своих прибытков, чтоб жен их и детей охолопить вечно. Да он же Штинников, будучи в Курильской землице у збору ясаку, ясашного иноземца одного без всякой же противности сколоть приказал, которого и скололи. Да он же, Штинников, в 729 году, будучи в Курильской землице, без указу самовольно Авачи реки иноземцам тоену Созе Кокомнину с товарыщи иностранных апонских иноземцов без всякой их противности пятнатцать человек велел на море побить, а пожитки, которыя у них были, взял он, Штинников, к себе» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 69 об. – 70 об.].

Но это еще не все.

«…А служилым людем, которые были в походах со оным петидесятником Андреем Штинниковым и со общаго согласия чинили ясашным иноземцам вышеозначенное ж раззорение и тиранство для своих же корыстей, чтоб женами и детьми владеть у себя в холопстве, а имянно Осипа Соловьева вместо смерти на площади бить кнутом и дать сто ударов и, водя по острогу, бить кнутом же нещадно, а протчим служилым учинить наказание — бить на площади кнутом нещадно ж, а имянно за писаря Матфея Новограбленного, ясаула Михаила Лепихина, толмача Федора Лобанова и протчих, кои были в показанном походе, которым надлежало учинить по правам смертную ж казнь, но однако ж по указом Ея И. В. велено на страх пущих раззорителей и завотчиков казнить смертию, а протчих от смертной казни свободить, чего ради служилых Соловьева с товарыщи от смертной казни и свободить, а вместо смерти наказание учинить. А взятыя ими, служилыми людми, от иноземцов в раззоренных острогах жен их и детей, взяв, роспустить на прежние жилища, а мужеск пол, которыя в ясашной оклад не написаны, тех определить в ясашной оклад, а которыя платят подушные денги, тем платить подушные денги самим собою. А для определения в ясашной оклад в Болшерецку в Приказную избу послать с реэстром Ея И. В. указ, а иноземческие пожитки, которые служилые люди после полонных иноземцов, взяв, разделили по себе, на ком что по следствию подлежит, доправить в казну Ея И. В.» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 69 об. – 70 об.].

И вот итог:

«В Большерецком остроге казнен смертию повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников».

У нас нет сведений о том, что у Андрея Штинникова на Камчатке были дети.

Но почему бы нет? Он прожил здесь более десяти лет.

Если они были, то тогда у нас есть ответ на вопрос: откуда на Камчатке появились крестьяне Штинниковы (Штильниковы), проживавшие в Ключах, у которых к началу XIX века было уже несколько глав семейств?

ШТИЛЬНИКОВЫ

1 колено	
	Штильников Акиндин

	Штильник Акинф
	Штильников Януарий Николаевич (1819), с. Ключи, награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 гг. за участие в эвакуации гарнизона и укреплении Петропавловского порта. Ж. Мария Васильевна (1841)
	Штильников Трифон, с. Ключи
	Штильников Никифор (1827), с. Ключи, награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 гг. за участие в эвакуации гарнизона и укреплении Петропавловского порта. Ж. Ксения Никифоровна (1829), вдова в 1893 г.
	Штильникова Глафира Алексеевна (1838), с. Ключи, дочь крестьянина. М. (с 1864) Ушаков Николай Фокович (1844), с. Ключи, крестьянин
	Штинников (Стинников) Герасим Федорович (1822–1888), с. Козыревск, крестьянин в 1872–1888 гг.
	Штинникова Параскева Васильевна. М. (с 1873) Ушаков Спиридон Степанович (1847), впоследствии вдова, замужем за Тюменцевым Дмитрием Андреевичем
2 колено	
Дети Акиндина	Штинников Алексей Акиндинович (1849), с. Ключи, крестьянин. Ж. (с 1873) Петрова Марфа Дормидонтовна (1856), дочь нижнекамчатского казака
Дети Акинфа	Штинникова Анастасия Иоакинфовна (1852) М. (с 1873) Чуркин Михаил Андреевич (1855)
	Штильников Тимофей Акинфович (1854). Ж. (с 16.01.1889) Кречетова Мария Зиноновна (1870)
	Штильникова Анна Иоакинфовна (1873). М. (с 1894) Краснояров Ананий Иванович (1847), 4 февраля 1890 г. причислен с семьей из с. Мильково в с. Щапино
Дети Януария Николаевича	Штильникова Фервуфа Януарьевна (1869), дочь крестьянина с. Ключи Януария Николаевича Штильникова. М. (с 1885) Ушаков Алексей Павлович (1862), крестьянин с. Ключи
	Штильников Анфим Януарьевич (1872)
	Штильникова Сусанна Януарьевна (1876). М. 1 (с 25.10.1906) Юрьев Иннокентий Павлович (1864). М. 2 (примерно с 1911) Кречетов
	Штильникова … Януарьевна, дочь Януария Николаевича Штильникова М. (с 1884) Минюхин Иннокентий Афанасьевич (1851), нижнекамчатский казак
	Линия Трифона
	Штильникова Елена Трифоновна (1838) М. (с 1863) Минюхин Матвей Яковлевич (1830)
Дети Никифора	Штильников Федор Никифорович (1866) Ж. Марфа Митрофановна (1868), в 1890 г. вдова, жена Федора Николаевича Кошкарева, с. Мильково
	Штильникова Анна Никифоровна (1873)
Дети Герасима Федоровича	Штинникова Мария Герасимовна (1855), дочь козыревского крестьянина М. (с 1872) Кречетов Василий Тимофеевич (1854), с. Кресты, крестьянин
?	Штильников Степан Клеоникович (1882), участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. (с 1908) Коллегова Екатерина Аверкиевна (1890), дочь Аверкия Неоновича Коллегова
Дети Феодосии	Сирота Штильников Феофил (1856)
3 колено	
Дети Алексея Акинфовича	Штильников Иван Алексеевич (1877), с. Кресты, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ж. Чудинова Евфимия Флоровна (1880), с. Кресты
	Штильников Василий Алексеевич (1882)
	Штильникова Дарья Алексеевна (26.10.1885)
	Штильников (Штинников) Акинф Алексеевич (23.12.1888). Ж. Корякина Прасковья Владимировна, в 1922 году вдова, замужем за Николаем Георгиевичем Ушаковым, с. Ключи
	Штильникова Дарья Алексеевна (04.04.1892 – 08.11.1977). М. 1. М. 2 Маковецкий Дмитрий, Белоруссия
Дети Тимофея Акинфовича	Штильников Зинон Тимофеевич (27.03.1891)
	Штильникова Александра Тимофеевна (25.11.1893)
	Штильников Иннокентий Тимофеевич (30.11.1894)
Дети Степана Клеониковича	Штильников Анатолий Степанович (1912), награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ж. Надежда Гавриловна (1913)
4 колено	
	Линия Акинфа
Дети Ивана Алексеевича	Штильникова Екатерина Ивановна (22.11.1904) М. 1 Миклашевский Павел. М. 2 Юрьев Степан Алексеевич (09.03.1909)
	Штильникова Марфа Ивановна (06.01.1907). М. 1 Тулупов Сергей Павлович (1901), репрессирован в 1931 г. М. 2 Рябенко Терентий Никифорович (1902)
	Штильникова Татьяна Ивановна (11.01.1909)
	Штильникова Людмила Ивановна (1912). М. Опанасенко Михаил
	Штильников Алексей Иванович (1913)
Дети Акинфа Алексеевича	Штильников Владимир Акинфович (1919), участник Великой Отечественной войны, пропал без вести, Пулковские высоты, 1941 г.
Маковецкие	Маковецкий Аким Дмитриевич (1928)
Дети Зинона Тимофеевича	Штильникова Нина Зиновьевна (20.05.1928). М. Клочев Виктор Васильевич (04.04.1940)
Дети Анатолия Степановича	Штильников Борис Анатольевич (1941)
	Штильникова Галина Анатольевна (1945)
	Штильников Анатолий Анатольевич (1947)
	Штильников Александр Анатольевич (1950)

5 колено	
Линия Акинфа	
Сын Екатерины Ивановны	Штильников Валентин Павлович (1933). Ж. Элеонора Дмитриевна (1937)
Тулуповы	Тулупов Николай Сергеевич (1923), с. Ключи, участник Курильского десанта
	Тулупов Владимир Сергеевич (15.05.1924)
	Тулупова Людмила Сергеевна (02.05.1927). М. Редько
	Тулупов Александр Сергеевич (1947)
	Тулупова Вера Сергеевна. М. Тюлькин Александр Петрович (1928)
6 колено	
Дети Валентина Павловича	Штильников Александр Валентинович. Ж. Горланова Ирина Вячеславовна

ЩЕГОЛЕВЫ

История Щеголевых начинается в Сибири с запорожских казаков — или черкасов.

«И по государеву [М. Ф.] указу дьяком Федору Лыкову да Сергею Матвееву послати ис Приказу Казанского дворца в Казань и в те понизовые городы, в которые те запорожские черкасы сосланы, в Свияжской, в Курмыш и в Ядрин, и в Царево-Санчурской, и в Царево-Кокшайской, и в Чебоксар, и в Кузмодемьянск, и в Яранск к стольникам и воеводам Михайлу Темкину-Ростовскому с товарыщи государевы [М. Ф.] грамоты.

А велети им тех всех запорожских черкас и ис тех изо всех ж понизовых городов на весну, как на реках лед скроетца, собрати и выслать в Казань. А в Казани велети им, стольником и воеводам князю Михайлу Темкину-Ростовскому с товарыщи, тех черкас перед собою пересмотрети и переписати на роспись налицо по имяном и их жен и детей, и что у них их животов.

А переписав, да тех черкас з женами и з детми ис Казани послати с приставы и с провожатыми в Сибирь на Верхотурье, и отдати на Верхотурье воеводе князю Микифору Мещерскому да подъячему Семену Звягину. Да о том ему, князю Михайлу, от себя на Верхотурье к воеводе и подъячему отписати ж. И тем черкасом, и их женам и детем, и животом, с той росписи списав, послати роспись же, чтоб им на Верхотурье тех черкас з женами и з детми по чему было принять.

…Роспись черкасов, которые посланы на Верхотурье з женами и з детми, и холостые

Присланы в Казань из городов…

Из Царева-Санчурина … Савка Федоров [Коровай], Васка Иванов, Ондрюшка Юрьев [сын Васильев], Левонко Титов, Игнашка Денисов [Сирота], Стенка Максимов, Петрушка Микулин [Щеголев], Нестерко Матвеев [Сагацкий], Лукашка [Лучка] Петро, Федка [Микитин] Кудененка» [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях XVII века].

Следующий этап:

Переезд на Лену третьей партии черкасов.

Основание слободы Черкасской в Енисейском уезде.

«А между тем, 15 августа 1647 года в Енисейск прибыл новый воевода Федор Потапович Полибин и принял острог. Черкасы подали ему челобитную. Воевода об этом сообщил в Москву:

“Государю [А. М.] холоп твой Фетка Полибин челом бьет.

В нынешнем, государь, в 155-м [1647] году, августа в 18 день били челом тебе, государю [А. М.], а мне, холопу твоему, в Енисейском остроге челобитную подали ссыльные опальные люди, иноземцы черкасы Лучка Ондреев, Гарасимко Гаврилов, Офремко Федоров с товарыщи.

А в челобитной, государь, их написано: в прошлом де во 149-м [1641] году блаженные памяти отца твоего, великого государя [М. Ф.] указу сосланы оне за свою страдничью вину из украинных городов, ис Курска и с Воронежа, з женишками и з детишками в твою государеву дальную вотчину в Себирь, в Енисейской острог. А из Енисейского, государь, велено де им быти на великой реке Лене.

И в прошлом де во 150-м [1642] году по твоему государеву указу воевода Осип Оничков послал их з женишками и з детишками из Енисейского острогу под Ленской волок с енисейским сыном боярским з Дмитреем Абакумовым.

И как де их тот Дмитрей привез на Ленской волок, и об них де писал на великую реку Лену к воеводам, к Петру Головину с товарыщи, об указе. И по той де, государь, отписке с Лены воеводы, Петр Головин с товарыщи, прислали под волок Ленского сына боярсково Олексея Семенова (Бедарева — *Г.К.*). И тот де, государь, сын боярской, их з женишками и з детишками пересмотря, и сказал им, что де о вас с Москвы государева указу к ленским воеводам, к Петру Головину с товарыщи, нет. И сказав им, отпустил их в Енисейской острог к воеводе к Осипу Оничкову с ленским служилым человеком Степанком Вяткою. И воевода де Осип Оничков в Енисейском остроге твоего государева указу им никакова не учинил. И ныне де, государь, оне с тех мест и по се время волочатца з женишками и з детишками в Енисейском остроге меж двор, и помирают голодною смертью.

И били челом тебе, государю [А. М.], а ко мне, холопу твоему, в Съезжую избу за руками принесли челобитную, чтоб, государь, им в Енисейском остроге быть в пашенных крестьянах или б государь поверстал их в твою государеву службу.

И о том я, холоп твой, тое их челобитную послал к тебе, государю [А. М.], к Москве пот сею отпискою.

И о том мне, холопу своему, как ты, государь [А. М.], укажешь?”

В приложенной к отписке челобитной написано:

“Царю [А. М. бьют челом бедные, безпомощные сироты твои государевы, ссыльные опальные люди, иноземцы черкасы: Лучка Ондреев, Гарасимко Гаврилов, Ефремко Федоров, Савка

Олферьев, Ромашко [Лаврентьев] Кощенко, Петрушка Микулин [Щеголев], Сидорко Власов, Антипка Лагутин, Куземка Кирилов, Васка Артемьев, Васка Иванов [Винокур], Мишка Алексеев [Белошап], Федька [Микитин] Кудененков, Богдашка Михайлов, Калинка Васильев, Ивашко Федоров [Таранда], Мишка Никитин, Стенка [Тихонов] Колчевской, Никитка Онтонов, Семейка Иванов, Софонко Евтефеев, Ивашко Еремиев, Мишка Михайлов Рябухин (написано: Рабухин. — *Г. К.*).

...Милосердый государь [А. М.], пожалуй нас, бедных сирот своих, государь, в Енисейском остроге свою государеву пашню пахать или службу служить, чтоб нам, бедным и безпомощным сиротам твоим, волочиться меж двор без твоего государева указу, нужною и голодною смертью не помереть, и вконец не погинуть." [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях XVII века].

Дальнейшая судьба черкасов Щеголевых неизвестна. Возможно, они далее идут уже как Микулинские.

Идем дальше:

«В 1683 году на имя кузнецкого воеводы Петра Дубровского поступил указ великих государей Петра и Иоанна. В нем говорилось: "За великие воровства в Кузнецк направляются стрелецкий десятник Гришка Казин с женою Танькой, да с сыном Ивашкой, да с дочерью Маринкою". Сюда же прибыл стрелец Осташка Щеголев. Семейство Щеголевых было даже помноголюднее — отец, мать, брат с женою, племянники.

Главы семейств этих совершили, видимо, с точки зрения властей, тяжкое преступление. Потому верстать их в казаки было запрещено. Приказал их поселить "под Кузнецком, на пашню, а в службу их отнюдь не верстать, а велеть их беречь накрепко, чтоб они ис Кузнецкого никуда не ушли..."» [Сорокин М. Земля Кузнецкая (XVII век), Кемерово, 1992].

В Кузнецке мы Щеголевых не нашли.

Но отыскались они в Томске: казак Остафей Козмин сын Щеголев [Томские служилые люди в 1707 г.].

А потом в Нерчинске, в 1721 году:

«Нерчинской пеший казак Михайло Шеголев 38 (1683), сын Микита 6 с полугодом, брат ево Борис 37» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1626. Л. 17 об.].

Сейчас мы не можем установить, откуда прибыл в Якутию Семен Щеголев, попавший в перепись 1722/1748 гг.:

«Большерецкого острогу

Разночинцы

Семен Щеголев» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 116].

Вполне возможно, что он из томской партии новоприборных казаков, в которой был Данило Яковлев сын Анцыферов Томский, потому что по материалам за 1712 год Семен входил в команду другого «воровского» атамана Константина Киргизова, но не участвовал с остальными в грабеже и разбое в Нижнекамчатском остроге.

У Семена была на Камчатке семья:

«Большерецкого острогу

Разночинцы

Семен Щеголев, у него сын Василей» [там же]

Но и сына не обошла история:

Приговор Розыскной канцелярии по делу о причинах Харчинского бунта.

«В Большерецком остроге казнен смертию повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников.

Учинено телесное наказание биты кнутом служилые люди: Осип Соловьев, Матфей Новограбленой, Михайло Лепихин, Федор Лобанов, Андрей Марамыгин, Андрей Рубцов, Петр Евлатьев, Андрей Воронин, Григорей Томилов, Онофрий Черкашенин, Лука Трескин, Ларион Валынкин, Григорей Келтякин, Петр Валынкин, Степан Вахрушев, Михайло Котков, Федор Асламов, Иван Лукашевской, Сава Усов, Василей Посников, Василей Щеголев, Семен Вагин, Михайло Лепихин меньшой, Петр Матфеев, Семен Шарапов, Афонасей Попов, Михайло Лукашевской, Семен Сургуцкой, Петр Чупров, Антон Хмылевской» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358–367].

В одной переписи с Семеном и Василием записан еще один Щеголев:

«В Охоцком остроге

Разночинцы

Герасим Щеголов» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 89 об.].

И рядом вторая запись, о нем же:

«Зашиверского острогу

Разночинцы

бежало

Герасим Шоголев» [там же, л. 70].

Что и как с ними было дальше — неизвестно.

Известно другое:

«1752 году февраля дня, по Указу Ея Императорского Величества, асессор и нерчинский воевода Губин слушал доношение, поданного января 27 дня, от казачьего головы Ивана Лоншакова, на посланной к нему от здешней Нерчинской воеводской канцелярии, минувшего 750 году ноября от 15 числа Ея Императорского Величества Указ в силу присланного из селенгинской гарнизонной канцелярии апреля от 20 числа Ея Императорского Величества Указ и при оном доношении поданы от него Лоншакова учиненные аттестаты, коими оным Лоншаковым с товарищи аттестованы на порожжие вакансии во дворяне, в дети боярские и в казачьи сотники.

А именно, во дворяне нерчинского комплекта, из детей боярских Афонасий Епифанцов, которой в штатской Ея Императорского Величества службе состоит беспорочно, грамоте читать и писать умеет, на место умершего дворянина Василия Юрганова. В дети боярские, на место умершего сына боярского Ивана Самсонова исконный казак Иван Епифанцов же. А вместо вышереченого Афонасья Епифанцева, в дети боярские нерчинский пятидесятник Никита Щеголев.

Нерчинской казак Филип Новоселов, вместо умершего сына боярского Алексея Пыхалова.

Нерчинского комплекта сына боярского Антона Гудкова, сын Иван Гудков, вместо сына боярского Лаврентья Беломестного, ибо оной

Беломеснов, по резолюции бригадира и Селенгинского коменданта Якоби за ведение о перебежчике и за не донос, публично наказан плетьми и написан в рядовые казаки.

А вместо сотника Харлама Белокопытова в сотники исконный казак Семен Белокопытов.

И оные Епифанцов и Щеголев, Новоселов и Гудков, и Белокопытов в штатской Ея Императорского Величества службе состоят и в те чины быть достойны, грамоте читать и писать умеют и ту должность все исправно отправлять могут и в подушной оклад, кроме оного Ивана Епифанцева не положены, а хотя оные другие есть и старее, токмо одни за неумениям грамоте, а другие за разными резонами к повышения чина в дети боярские аттестовать неспособно.

На подлинном пишут тако
Василий Губин
Нерчинской воеводской канцелярии в должности справил канцелярист Иван Гусев».

А вот и Красноярск (Енисейская губерния):

«Купцы не только делали разовые вклады на нужды своих приходских храмов, но и, случалось, брали на себя строительство новых церквей. Именно так поступил красноярец С.Г. Щеголев, заново отстроивший на свои средства рухнувший кафедральный Богородице-Рождественский собор.

...известно лишь несколько случаев, когда за особые заслуги сибирских купцов жаловали дворянским званием. Например, в 1767 г. дворянином стал забайкальский купец М.А. Сибиряков, открывший серебросодержащие прииски в Нерчинском округе; через сто лет за щедрую благотворительную деятельность дворянства удостоился красноярский купец 1-й гильдии С.Г. Щеголев» [Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. С. 20–46].

Осталось только выяснить — имеется ли какая-то связь между всеми этими Щеголевыми...

ЩУКИНЫ

Торговый человек Василий Иевлев Щукин появился в Якутии в 1640-х годах. В 1643 году он был в выборной должности целовальника Илимского острога [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 177]. А в 1647 году занимался скупкой пушнины на Колыме и пришел оттуда на Лену на собственном коче.

Правда, ему здесь не повезло: пятидесятник Василий Бугор с товарищами подняли на Лене бунт и, «покиня город ночною порою, отнял у торгового человека у Василия Щукина кочь и пограбя у промышленных людей хлебные запасы и малы суды — лодки», бежал на ту же Колыму, а с Колымы на реку Анадырь.

Собственно, Щукиных было в то время в Якутии несколько.

Один из них — промышленный человек усолец Степан Иванов сын Щукин — в 1651 году подал воеводе челобитную о поверстании его на государеву службу.

Была ли удовлетворена его просьба, не знаю, но в 1668 году при нападении на Зашиверский острог был убит «промышленный человек Степка Щукин с женою».

А это весточка из далекого 1652 года:

«Да мы же, холопы твои, в нынешнем же во 161 (1652) году посылали с Чичюского волоку в уезде Якутцкого острогу писать и мерить на заимках всяких земель Якутцкого острогу пятидесятника Ивашка Щукина [Иван Григорьев Щукин (он же Кожин)] да подъячего Мишку Синицына, сколько заимок от Чичюйского волоку вниз по Лене реке и хто имяны на которой заимке построены пашенные крестьяне до нашего, холопей твоих, на Чичюйский волок приезду» [Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях XVII в].

1654 год.

«Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю Якутцкого острогу казачей пятидесятничишко Олешка Яковлев Олень с товарищи челом бьем. А писали мы осенью из Омолоевской губы, что коч государевы розбило, а после того розбою починили кочи, другожды розбило. Да осенью ж поднялись на нартах из Омолоевской губы подле море на Яну и на Индигирку и на Алазейку и на Колыму реку и из другого днища воротились — Иван Щука да Иван Овчинников, службу поставили, не пошли. А я, холоп государев, дошел на Яну реку осенью, октября в 15 день; зимовали на Яне, заволок итти не с кем — людей мало. А весною, марта в 19 день, пошли за волок на нартах на Алазейку реку. Да на Яне ж реке зимовали служилые люди з государевою казною Тимошка Булдаков с товарищи, а с Алазейки реки служилой человек Лаврушка Григорьев, и с Колымы — торговой человек Семейка Шубин. И весною пошли з государевою казной на нартах в Жиганы, а коч покинули на Яне. А мы того коча прошали под государеву казну. И оне нам отказали, не дали. А служилые люди Лаврушка Григорьев да Пронька Ортемьев отказывали: не дадим де, на огне сожем. А у нас коча делать нечим, снастей нет, ни сверделов, ни напарей. А в Омолоевы губы у государевы казны оставил дву человек, а за волок на Алазейку пошел сам третей» [ЛОМИ, Якутские акты, карт. 15, ст. 4, сст. 20].

Но в нашей дальневосточной истории интересна, скорее всего, вот эта информация, датированная 1681 годом:

«1681 г. август. Из документов, отосланных в Якутск из Анадырского острога после принятия его Иваном Курбатовым от Ивана Потапова.

«Царю государю и великому князю Федору Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьют челом сироты твои промышленные люди: Кирюшка Стефанов, Петрушка Аникиев Щукин, Мишка Малафеев, Васька Алексеев, Ларька Логинов, Панко Лаврентьев, Фомка Семена, Ивашка Савин Прикол, Пронька Ерофиев, Якунька Игнать-

ев, Нехорошко Григорьев, Савка Васильев, Ивашко Фомин, Васька Фомин, Нехорошко Панфилов, Ефимко Кирилов, Ивашко Григорьев, Пашко Леонтьев, Максимка Семенов, Якунька Афонасьев. В прошлых, великий государь, годех пришли мы, сироты твои, на Анадырь реку в та поры, когда не было на Анадыре реке твоих великого государя аманатов и приказные люди преже нас, сирот твоих, на ту реку не бывали. И как стали приходить по твоему великого государя указу приказные люди на Анадырь реку, и нас, сирот твоих, они, приказные люди, стали имать ходить в поход. И мы, сироты твои, с ними, приказными людьми, тебе, великому государю, на Анадыре реки служим с воды и с травы. И они, приказные люди, нас, сирот твоих, с Анадыря реки не выпущают для ради безлюдства. И караулы мы, сироты твои, у твоей великого государя казны и у аманатов караулим потому ж против служилых людей и тягло всякое и потуги платим и аманатцкие кормы кладем. И оттого мы, сироты твои, обнищали и погибли до конца, и жен и детей своих изохолопили в вечное холопство; и в прежние годы тебе, великому государю, с себя оброки платили и пятинные деньги давали. Милосердный государь царь и великий князь Федор Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй нас, сирот своих, вели, великий государь, в Анадырском острожке свободить от караулов и выпущать нас, сирот своих, из Анадырского острожку и вели, великий государь, сею нашу челобитную послать под отпискою в Якутцкой острог. Царь государь, смилуйся.

[На обороте помета:] К сей челобитной вместо промышленных людей Проньки Ярофеева, Савки Васильева, Фомки Семенова, Ивашка Фомина, Панфилка Лаврентьева, Нехорошка Панфилова, по их веленью Ивашко Анкудинов руку приложил, к сей челобитной отца своего Кирилка Стефанова, Морозка Малафеева, Дружинка Алексеева, Яковки Офонасьева, Олешки Мелентьева, Петрушки Щукина, по их веленью, и за себя Ефимко Кирилов (Меркурьев) руку приложил».

Обратим внимание на следующие важные позиции.

1. Эти промышленные люди пришли на реку Анадырь, как они пишут, когда «приказные люди преже нас, сирот твоих, на ту реку не бывали».
2. С той самой поры, как пришли сюда казаки, они этих людей «с Анадыря реки не выпущают для ради безлюдства».
3. В результате этого промышленные люди на Анадыре «и жен и детей своих изохолопили в вечное холопство».
4. Промышленные люди обращаются к царю Федору Алексеевичу, чтобы анадырские казаки начали «выпущать нас, сирот своих, из Анадырского острожку».

И получается, что в «анадырской неволе» промышленный человек Петрушка Аникеев Щукин пробыл более тридцати лет.

И, конечно же, возникает закономерный вопрос о его детях, рожденных на Чукотке.

И есть ли связь между ним и разночинцем (бывшим анадырским казаком) Аммосом Щукиным, который отмечен в переписи 1748 года за период с 1722 года?

Вопрос пока открытый.

В 1772 году в Гижигинской крепости служат два казака Щукина — Егор и Михаил.

В Гижигинской школе в 1784 году учится сын одного из них — Иван (примерно 1776–80 гг. рождения).

Но в казачьих именных списках Гижигинской крепости за 1831 год записан только один:

«Список именной о находящихся в 3-й [Гижигинской] сотне чинов и казаков

Май 1-го дня 1831 года

Николай Щукин (1792), казак» [НА РС (Я), Фонд 401 п, опись 1, дело 6Б, лист 713–714 об.].

Позже в материалах Магаданского государственного архива мы нашли уточнение:

Щукин Николай Михайлович (1780–1848), казак Гижигинской сотни.

На этом родовой гижигинский след обрывается…

Но мы не можем пройти мимо еще одной документальной записи, относящейся к Иркутску за 1722 год:

«Взято въ Камчатскую экспедицію въ службу:

Никита Щукинъ» [Иркутск, Материалы переписи после первой ревизии].

Исходя из материалов С.А. Гурулева о первожителях Иркутска, находим Щукиных:

«Щукин Григорий, плотник из Енисейска, строитель Иркутского острога в 1670 г.».

Находим Григория:

«Енисейского присуду Иркуцкого острогу вверх по Ангаре реке пашенные крестьяне

Гришка Павлов сын Щукин з детьми с Ывашком с Васкою» [РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 580. Л. 330 об.].

Возможно, не знаю, так как нет у меня соответствующего материала, имеется ли тут связь с известными краеведами Иркутска братьями Семеном и Николаем Семеновичами Щукиными:

«Имя представителя известной иркутской семьи — Семена Семеновича Щукина (1795–1868), статского советника, учителя мужской гимназии, ее директора в 1832–1848 годах, члена Вольного экономического общества, одного из основателей Сибирского отдела Русского географического общества, неоднократно упоминается в книге (П. Пежемского. — *С.В.*). Занимаясь изучением флоры Сибири, минералогии, метеорологическими наблюдениями, он проявлял интерес к иркутской старине. На основе собранных им ранних городовых летописей С. Щукин намеревался составить свод летописей Иркутска. Как явствует летопись П. Пежемского, С. Щукин сам писал записки об иркутских событиях. После его смерти личный архив частично использовал брат, писатель-краевед Николай Семенович Щукин. В приложении к “Материалам для сибирской библиографии” он приводит краткие данные С. Щукина о летописцах и их летописях. К ним специалисты обращаются сегодня как к источнику о ранних

списках летописей Иркутска. При составлении летописи П. Пежемский использовал также известные работы по истории Сибири Г. Миллера, И. Фишера, Н. Семивского и других авторов.

Сведения краеведа-летописца о ее источниках расширяют известный список тех иркутян, кто проявлял живой интерес к прошлому, и подтверждают существование в Иркутске давней и широко распространенной летописной традиции. Данные, сообщаемые П. Пежемским, имеют важное значение для изучения истории летописания в Иркутске.

По свидетельству Петра Ильича, он отдал летописи 20 лет кропотливого, неустанного труда. Скорее всего, автор имеет в виду "Панораму Иркутской губернии…", составной частью которой является "Летопись города Иркутска за 190 лет". Отдельные главы давно забытого и неизвестного труда краеведа впервые были напечатаны в журнале "Сибирь"» [http://irkipedia.ru/sites/default/files/pdf/automat/9.pdf].

А это информация о Николае Семеновиче:

«В Петербурге Федоров [Иннокентий Васильевич Омулевский] становится членом сибирского землячества, организованного в 1859 г. Николаем Щукиным, уроженцем Иркутска и студентом Главного педагогического института, одноклассником Добролюбова. Студенты-сибиряки, входившие в землячество, ставили своей задачей служение Сибири и возвращение на родину после получения высшего образования.

В 1862 г. по настоянию отца писатель возвращается в Иркутск. Здесь он входит в кружок местной интеллигенции, которым руководит его давний друг Николай Щукин. Часть сибирской интеллигенции имела свой взгляд на прошлое, настоящее и будущее региона как специфической области в составе Российского государства. Областники, как их называли, оказали существенное влияние на внутреннюю жизнь Сибири второй половины XIX – начала XX вв.».

ЮРЛОВЫ

Родоведение, в отличие от генеалогии, не связано напрямую с родовыми корнями и родственными связями, имеет право на свободный поиск и разработку самых головокружительных версий, подобных тем версиям или предположениям, которыми мы будем оперировать в этом очерке.

Начнем с неожиданного, но исторически достоверного:

«Юрловы — пошли от Юрла Михайловича из ветви Басмановых-Плещеевых. Игнатьевы являлись другой ветвью рода Плещеевых» [Бархатная книга. М., 1787. Ч. I. С. 277, 301].

Да-да, тех самых Басмановых и Плещеевых, которые «заварили кашу» опричного террора, а потом и сами стали его кровавыми жертвами.

Верным рыцарем Лжедмитрия Первого был не только потомок казненных отца и сына Басмановых, но и один из Юрловых.

Об этом чуть позже.

А пока коснемся ветви Юрлы Михайловича Плещеева, одного из многочисленных потомков боярина Бяконты.

Юрловы отличались непокорным (порой строптивым) характером и нам еще не раз придется в этом убедиться:

«…еще при Василии III (отце Ивана Васильевича IV Грозного. — *С.В.*) в Кириллов в опале был сослан и пострижен под именем Васьяна сын окольничего Юрла Плещеева. [Родословная книга, т. I, стр. 299–307]. Васьян Юрлов приходился двоюродным дядей А. Д. Басманову. У Курбского одно имя Басмановых-Плещеевых вызывало самое крайнее раздражение. Курбский не скупится на бранные эпитеты, когда речь заходит о Плещеевых. Совершенно таково же отношение его и к "бесному" Васьяну».

Курбский, диссидент, оппозиционер и предатель, — для нас, конечно, не авторитет. Но то, что Плещеевы (в том числе и их прямые родичи Басмановы) являлись прямыми поджигателями раздора между русскими людьми и во времена Опричнины, и во времена Великой Смуты — факт, который является исторически доказанным (я тоже изложил по этому поводу свою позицию в книге «Орден кромешников»).

«Плещеев, Тимофей Михайлович Юрлов, умер в 1496 г.; сын боярина Михаила Борисовича, в 1469 г. — сын боярский великокняжеского двора, был послан Иоанном III, в числе других детей боярских, с князем Данилой Васильевичем Ярославским в Устюг, а затем в Вятку, для того, чтобы убедить вятчан идти вместе с ними против татар. На месте впадения Камы в Волгу произошла ожесточенная битва между устюжанами и татарами, и Юрло Плещеев с товарищами были взяты в плен.

В 1485 г. он был пожалован в окольничие» [Никон. летопись, VI, стр. 13; Древн. Росс. Вивл., т. XX, стр. 6, 8; Долгоруков, Российская родосл., книга, т. IV, стр. 173, № 61].

Имел пятерых сыновей: Ивана Большого, Василия, Юрия, Дмитрия и Ивана Меньшого-Кудреватого. Все бездетны.

Его именем названа деревня Юрлово в Юрловском сельском поселении Московской области.

Тимофей Михайлович Плещеев-Юрло (около 1460–1504) — окольничий Ивана III Васильевича. Родоначальник Юрловых-Плещеевых.

Иван Тимофеевич Плещеев-Юрлов-Большой († после 1526) — воевода, дворовый сын боярский, служил в 1506–1510/1511 годах князю Семену Ивановичу Калужскому. Бежал в Литву, участник Русско-литовской войны. Бездетен. Последний представитель рода Юрловых-Плещеевых.

Василий Тимофеевич Плещеев-Юрлов († после 1511) — воевода князя Семена Ивановича Калужского, пострижен из-за побега брата в Кирилловом монастыре. Бездетен.

Юрий Тимофеевич Плещеев-Юрлов († 1502) — убит во время осады Смоленска в 1502 году. Бездетен.

Дмитрий Тимофеевич Плещеев-Юрлов († 1502) — убит во время осады Смоленска в 1502 году. Бездетен.

Иван Тимофеевич Плещеев-Юрлов-Меньшой-Кудреватый († после 1543) — помещик Новгородской-Деверской пятины. Бездетен.

То есть род Юрловых-Плещеевых угас…

Но тогда как верить информации солидных историков:

Великая Смута. Приход на русский трон царя Лжедмитрия I. От лжецарей в России не протолкнуться — все рвутся к трону.

«Кандидатами в царевичи стали сын астраханского стрельца Митька и Илейка Коровин. Оба служили у казаков в "молодых товарищах", исполняли всякую черную работу в казацких куренях.

Из двух претендентов только Илейка бывал в Москве, что и решило дело в его пользу. Так излагал обстоятельства своего избрания сам Илейка-Петр. Однако можно догадаться, что его избрание было связано также и с другими причинами. Он служил в войсках Лжедмитрия I и, может быть, участвовал в московском походе.

Затею атамана Федора Бодырина поддержал атаман Гаврила Пан. Их отряды соединились на реке Быстрой. Время было смутное, и терский воевода Петр Головин не посмел силой подавить зревший мятеж. Воевода послал "царевичу" приглашение прибыть в город, но казаки отклонили такую честь. Тогда Головин смиренно просил казаков не покидать Терек, а оставить хотя бы половину людей "для приходу воинских людей". Но казаки не послушали его и ушли войском к Астрахани. Находившийся в Астрахани воевода Иван Хворостинин отказался "для грабежу" пустить в город "царевича" и не дал мятежникам разграбить Астрахань. Но он не решился предпринять против них военные действия, тем более что многие астраханские казаки присоединились к терскому войску.

Казаки заняли четыре городка на Волге. Если бы они при этом казнили воевод, Разряды непременно бы сообщили имена погибших. Однако дело обошлось без кровопролития. Казаки повсеместно заявляли, что везут в Москву племянника "Дмитрия". Это позволило им пройти до Царицына и Самары.

От Казани навстречу терцам двигалась судовая рать боярина Федора Шереметева. У воеводы было достаточно сил, чтобы заставить мятежных казаков повернуть вспять. Но в районе Самары к "Петрушке" прибыл Третьяк Юрлов-Плещеев с грамотой. Лжедмитрий I приказал "итти к Москве наспех". Однако под Свияжском атаманы узнали о гибели Лжедмитрия I».

Кто он и откуда взялся этот Третьяк Юрлов-Плещеев?

Третьяк — следовательно, третий сын.

Чей же он сын? Почему его имени нет в официальном родословии Плещеевых?

Его роль в Смуте весьма и весьма показательна:

«Но в районе Самары к "Петрушке" прибыл Третьяк Юрлов-Плещеев с грамотой от Лжедмитрия I.

Казаки неожиданно для себя получили приказ "итти к Москве наспех". Наличие царского эмиссара в терском войске изменило ситуацию. Государь, очевидно, готов был признать "Петра" своим племянником, чтобы использовать его войско для расправы с врагами.

Юрлов помог терцам благополучно разойтись с судовой ратью Шереметева в районе Казани и добраться до Свияжска. Однако тут атаманы узнали о гибели Лжедмитрия I.

Войско оказалось в западне. Впереди была Москва, свергшая "Дмитрия", позади — Шереметев. Тогда казаки решили в последний раз воспользоваться услугами Юрлова. Тот явился в Казань и уверил тамошних воевод, что терское войско готово выдать им нового самозванца и принести присягу царю Василию. Усыпив бдительность бояр, казаки пробрались ночью мимо казанских пристаней и ушли к Самаре. Теперь им представилась возможность приступить к захвату добычи и разбою. Полилась кровь. Собравшийся под знаменами "Петра" гулящий люд и казаки побивали насмерть встречных служилых людей и купцов.

Спустившись до устья Камышенки, казаки преодолели Переволоку и укрылись в донских станицах. Там "Петр" провел несколько месяцев» [Скрынников Р.Г. Василий Шуйский].

Впоследствии в Сибири оказались (на разных должностях) многие участники событий Великой Смуты.

И не из этого ли разряда атаман «старой» тобольской сотни Третьяк Юрлов, которому приписывают, но не доказывают участие в походе Ермака Тимофеевича, но о котором — странное дело! — ни строчки в биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII вв.».

«В 1-й трети XVII в. в составе т. н. старой сотни в Тобольске были казаки, утверждавшие, что служат с "Сибирского взятья": Гаврила Ильин(ич?) (в 1630-х гг. атаман "старой сотни"), Дружина Васильев(ич), Иван Лукьянов(ич), Ларион (Ларка) Сысоев(ич), Третьяк Юрлов (в 1626–30 — атаман "старой сотни"), Остафий (Осташка) Антонов(ич) (в 1620–30-х гг. — пятидесятник, в нач. 1640-х гг. — атаман "старой сотни"), Павел Ерофеев(ич), Фома (Фомка) Бородин».

Сказать, что он был человеком в истории Сибири неизвестным или малозначимым — значит, грешить против истины.

«В конце первой четверти XVII в. Третьяк Юрлов был одним из самых состоятельных людей Сибири. Помимо двора в Тобольске, дозорные книги 1623–1624 гг. отметили в его владении "деревню". Она располагалась по Иртышу выше Тобольска, "за Ефтизерем над Сосновым озером", включало в себя "пашни паханной середней земли 24 чети в поле, а в дву потому ж", луг подле Иртыша ("в длину с версту, поперег сажень с двести") с сенными покосами. "Под бугром озеро. На озере остров поперег с версту, на нем сенные покосы… А по скаске Третьякова человека Фетьки Иванова, владеет Третьяк паханою и непаханою доброю землею от Соснового озера вниз по реке Иртышу… верст с пять, а в другую сторону от реки Иртыша в дуброву версты с полторы. Пашню пашет… своими людьми, да у него ж три половника — Исайко Кирьяков, Ивашко Онисимов, Гришка Лукья-

нов. Живут у Третьяка Гришка да Исайко со 128 году. У Гришки сын з женою, скота — корова. У Исайки — корова ж, три быка, два теляти. А жить им у Третьяка в половниках от сроку до сроку восемь лет. У Ивашка Онисимова… корова ж, живет у Третьяка со 131 году, а до сроку в половниках жить шесть лет…”» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 76–174 об.].

И далее:

«…Максим Юрлов сын тобольского атамана Третьяка Юрлова, по приказу отца сделал вклад в Знаменский монастырь “деревню свою вверх по Иртышу, с хоромы и с пашенною землею и со всеми угодьи, чем владел отец его, и закладную роспашную землю, что заложил отцу его захребетной Татарин Усмаметко Усенков, на усть речки Шилеи”».

Сергей Евгеньевич Дурынин, специализирующийся на истории тобольских городовых казаков, прислал интересные подробности по поводу передачи деревни Юрловской Знаменскому монастырю:

«Списки Знаменского монастыря с крепостей слово в слово

Се аз Максим Евтихеев сын тобольсково атамана бывшего Третьяка Юрлова сын дал есми в Дом Пречистой Богородицы в Тобольской в Знаменской монастырь архима[нд]риту Герасиму з братьею отца своего Третьяка Юрлова бласловение и свою деревню вверх по Иртышу реке над Сосновым озером со всеми хоромы что есть в той деревне хором и со всеми угодьи чем отец мой Третьяк Юрлов владел со всем без выводу и закладную свою роспашь что отцу моему Третьяку Юрлову заложил юртовской захребетной тотарин Усмамет Усейнов по конец верхнево конца Бегушевых гор на услоне на усть реки Шилей в межах с служивым татарином з Байшем Тлевлеевым и з житницею что на той земле стоит И закладную запись по которой записе та земля у отца моего была в закладе отдал ему ж архима[нд]риту Герасиму з братьею А дал есми я Максим отца своего и свою деревню и з закладною роспашью со всеми угодьи и с сенными покосы по отце своем Евтихее и по братье своем по Ондреяне да по Иване в поминок архимариту Герасиму з братьею написати отца моего и братью мою в вешное поминание и по них обедни и понахиды служить А та деревня отца моего и моя не продана ни заложена никому ни в чем не подписана ни в каких писмяных крепостях и закладная роспашь не подписана никому ни в чем А будет вылягут на ту мою деревню и на закладную роспашь какие писмяные крепости купчие или закладные и мне Максиму очищати своими деньгами и архима[нд]риту Герасиму з братьею в том убытка никакова не довести а хором ис тое деревни и закладные роспаши никаких мне Максиму не свозить Да за ту ж деревню и за закладную роспашь архимариту Герасиму з братьею дати мне Максиму вкладная в десяти рублех да человеку моему Ивашку дати вкладная ж в десяти ж рублех как и протчим вкладчиком вкладные даютца В том я Максим на ту свою деревню и на закладную роспашь сию данную запись дал на то послух Борис Трофимов Попов А подлинную запись писал площадново писма откупщик Ивашко Боранников лета 7144 [1636] го году декабря в 17 день» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 158. Лл. 13–16].

Самое раннее, из известных, упоминание о Третьяке Юрлове в Сибири относится к 1616 году в «Отписке Тобольских воевод царю Михаилу Федоровичу о путях сообщения из Мангазеи на Русь. — Царския грамоты означенным воеводам, о принятии мер, чтобы Немецкие люди не узнали дороги в Сибирь, для чего объявить торговым и промышленным людям, чтобы они с Немецкими людьми не торговали» [Русская Историческая библиотека, издаваемая Археографическою коммиссиею. Том второй. Санкт-Петербург 1875].

«В 1620 году тобольский боярский сын Третьяк Юрлов “с пяты казаками” преследовал ссыльного казака Первушку Шершня “с товарищами и литовскими людьми” бежавшими изпод стражи и пограбившими государственные хлебные запасы, предназначенные Томскому острогу, и денежную казну. Несмотря на многодневную погоню настичь беглецов Т. Юрлову не удалось».

«31 марта 1626 г. Москва предписала тобольским властям осуществить осмотр местности у Ямышева для строительства острога. Эта задача была возложена на атамана Третьяка Юрлова, тобольского казачьего голову Грозу Иванова, Дмитрия Черкасова, а также и на скандально известного Савву Француженина. Экспедиция состояла из 600 человек и отправилась из Тобольска вверх по Иртышу 8 мая 1626 г. Прибыв на место, служилые люди “розъезжали и розсматривали у озера по обе стороны и по Иртышу вверх и вниз”, в итоге чего были составлены “соляному Ямышу озеру чертеж и роспись”, содержащие подробнейшие сведения о характере почвы, гидросистеме, рельефе, растительности и животном мире обследованного района.

Досмотр ясно показал, что поскольку ни пашенных земель, ни “хоромного лесу” поблизости от озера Ямыш не оказалось, “жилой острог” там ставить было нецелесообразно. Сопоставив результаты исследования Третьяка Юрлова, Грозы Иванова и Дмитрия Черкасова со сведениями, полученными от других служилых людей, администрация отказалась от замысла построить острог у оз. Ямыш (он был сооружен только в следующем столетии) и распорядилась по-прежнему регулярно посылать туда караваны судов из западно-сибирских городов, “чтоб соли нагребать перед прежним с прибылью”. Кстати, экспедиция Грозы доставила 56 тыс. пудов соли. Этого ее количества с избытком хватало на годовое жалованье служилым людям всех сибирских городов».

«По именным книгам 1626–1630 гг. в эти годы Третьяк Юрлов был атаманом тобольских пеших казаков».

И новая странность:

«Но после его смерти в Тобольске не оказалось служилых “кланов” Юрловых или Третья-

ковых и атаманом стал ермаковский же казак из “старой сотни” Гаврила Ильин».

Странность потому, что в Тобольске в тот период служили казаки Юрловы. И не просто служили — водили казаков в дальние походы:

«В 1630 году по челобитью служилых людей были отпущены на реку Лену из Мангазеи казак Петр Юрлов с товарищами для “проведывания новых землиц”. В сентябре 1632 года они вернулись назад с ясаком, оцененным в 1045 рублей (в Москве — в 1760 рублей 20 алтын) — 18 сороков 13 соболей “с новых людей якутов и иных иноземцев”».

В «Краткой летописи Кытманова» есть такая запись по этому поводу:

«За удачныя дѣла казаки награждались иногда особыми подарками: такъ мангазейскіе казаки Юрловъ и Переяславцевъ, за приведеніе въ ясакъ инородцевъ на Ленѣ, съ которыхъ они взяли 18 сороковъ 13 соболей, награждены портищем лазореваго настрофиля, да 4 арш. венецейки двоеличной по 1 руб. за аршинъ».

Вот его маршрут:

1630 год — Туруханское зимовье – р. Енисей – р. Нижняя Тунгуска – волок – р. Чона – р. Вилюй (Петр Юрлов).

1632 год — р. Вилюй – р. Чона – волок – р. Нижняя Тунгуска – р. Енисей – Туруханское зимовье (Петр Юрлов).

В 1661 году в тобольских конных казаках служит Максимко Юрлов [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Д. 409. Л. 146].

Конечно, вполне возможно, что они с Третьяком Юрловым просто однофамильцы. А может быть, и нет…

А далее еще интереснее: известно, что Владимир Атласов включил в состав своей будущей камчатской казачьей команды 50 казачьих детей из Тобольска. Помимо этого, в открытии и освоении Камчатки принимали участие и более взрослые казаки, оставившие в Тобольске свои семьи, в чем нам скоро придется убедиться на конкретных примерах.

Большерецкий острог, 1707 год:

«Да в том же году на Большой реке побили Дмитрия Ярыгина, Саву Прохина, Володимера Крылова, Андрея Скураха, Афанасия Воронина, Андрея Зырянова, Ивана Харчевникова, Андрея Паранаевского, Кондратия Кожемяку, Петра Травинина, Никифора Юрлова, Петра … мина, Петра Протасова, ясачное зимовье разорили» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 35 об.].

Река Авача, тот же 1707 год:

«На Оваче реке в походе служилые люди побиты … Е[Ю]рлов Семен» [Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 134 об.].

А далее сопоставление с Тобольском. Это данные за 1710 год:

«Двор купленой на татарской земле великого государя оружейного двора Бронных мастеров Тимофей да Дмитрея Семеновых детей прозвище Юрловых сказали себе Тимофей 40 а Дмитрей 38 лет у Тимофей жена Палагея Яковлева дочь 30 дети сын Михайло 10 Петр 6 Иван 3 Егор 2 дочери девки Ульяна 7 лет Марина 15 недель да приимыш девка Домна Дмитреева дочь 12 лет у Дмитрея дети сын Стефан 9 дочь девка Анна 4 лет».

Возможно, это совпадение. Возможно, нет…

Был и третий Юрлов.

Но сначала была уникальная находка — камчатские берестяные книги:

Имеются «несколько камчатских ясачных книг начала XVIII в. Пять из них дошли до нас в составе Музейного собрания РГБ (Музейный фонд № 7754), остальные — в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки РАН в Петербурге. Одну из этих книг вел в 1715 г. известный первооткрыватель Камчатки и Курил И. Козыревский, вторая сделана от имени его преемника “призкашчишки” Алексея Петриловского — внука Артемия Петриловского, племянника Ерофея Хабарова. В 1848 г. в Археографическую комиссию прислали из Иркутска две челобитные на бересте (в списках) служилых людей Гаврилы Юрлова и Афанасия Новгородова, датированные 1716 г., “об обидах и злоупотреблениях по сбору ясака” на того же казачьего пятидесятника А. Петриловского».

Затем мы находим это имя в переписи за 1722/1748 годы:

«Верхнекамчадальского острогу

разночинцы

Гаврила Юрлов

Гаврила Юрлова дворовые

некрещеные Курынча, Чайгач» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 108 об., Л. 112].

Странно, что при наличии холопов — камчадалов, захваченных в бою в качестве ясыря (добычи) — Гаврила не попал в приговор Розыскной канцелярии по делу о Харчинском бунте 1731 года.

Вероятно, спас его от наказания случай, который произошел в тот год в Верхнекамчатске:

«3 октября 1731 г. Змиев прибыл в Верхнекамчатский острог, где потребовал от местного закащика Василия Пашкова выдать ему В. Новограбленного, А. Рюмина и Н. Дурынина (которых обвиняли в злоупотреблении властью. — *С.В.*). Но Пашков отказался “сдать” своих людей и “учинился указу противен”. 7 октября Змиев повторил свои требования. На этот раз его поддержала часть местных казаков. Один из них, Гаврила Юрлов, явился к Пашкову и стал уговаривать его выдать Новограбленного, а о последнем говорил: “Не подлежит де ему у дел быть подъячим, многие де за ним плутовства”. В ответ на это Пашков заковал Юрлова в кандалы и посадил в казенку. Змиев, поняв, что ничего не добьется и получив известие о движении “изменников” на рр. Козыревка и Чажма, 8 октября выехал из Верхнекамчатска, оставив, однако, там трех своих людей — казаков Ефима Пермякова, Степана Карандашева и Макара Новосельцева, приказав им не допустить расправы над Юрловым» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, М.-Л., 1935].

И новая связь с Тобольском:

«Здвиженской церкви причетниковы дворы. Матфей Гаврилов Юрлов» [Переписная книга

г. Тобольска и Тобольского уезда. 1720 г., РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1617. Л. 338].

Но, собственно, это еще не все тобольские Юрловы:

«Деревня Паченская

Двор а в нем живет крестьянин Тимофей Прокопьев сын Юрлов сказал 40 лет у него жена Матрена 30 лет дети сыновья Иван 15 лет Василей 12 лет дочери Катерина 16 лет Онисья 8 лет…

Двор а в нем живет крестьянин Иван Трофимов сын Юрлов сказал себе от роду 22 лет у него жена Орина 20 лет дети сын Спиридон 2 лет дочь Настасья году…

Двор а в нем живет крестьянин Трофим Прокопьев сын Юрлов сказал себе от роду 22 лет у него жена Стефанида 20 лет (далее текст размазан, не читается) сын … дочери Марина 10 лет Овдотья 8 лет Марфа 5 лет да мать вдова Марфа Сергеева 60 лет…» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1320. Л. 450–450 об.].

Что же касается камчатской линии Юрловых, то она обрывается. И вполне возможно, трагически:

Командорские острова, 1747 год:

«…судно принадлежало какому-то Андрею Всевидову и имело 46 человек промышленников и 8 козаков. О путешествии сем нет никаких известий, а надобно только заключить по вышеприведенному описанию о Медном острове, что он провел там первую зиму; ибо по северо-западной стороне онаго есть гавань, именуемая Всевидовскою. В описании о Медном острове сказано, что 2-го марта 1747 года упали с утеса промышленники Юрлов и Вторых, и ушиблись до смерти».

Линия обрывается, но Юрловы остаются.

Мы говорили о характере этих людей. И вот еще один пример:

«Епископ Воронежский и Елецкий Лев (Лаврентий Михайлович Юрлов) (1678–1755). Участвовал в качестве волонтера в двух Азовских походах и в походе под Нарву. Будучи иноком, нес службу на флоте. Хиротония Льва в епископа Воронежского и Елецкого состоялась 28 мая 1727 года. На место он прибыл через 2 дня после опалы Меншикова. Будучи сторонником традиционного православия, выступал против реформационного протестантизма Феофана Прокоповича. В 1730 году Синод определил лишить бывшего Воронежского епископа Льва священного сана и монашеского чина».

А это рассказ очевидицы [Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово]:

«…отпевал и сорочины правил преосвященный Лев из рода Юрловых. Он жил тогда в Москве, в каком-то монастыре, на покое после тех скорбей, которые он испытал. Вот что о нем мне рассказывали люди достоверные, помнившие его. Он был сын нижегородского дворянина и назывался Лаврентием. Родители его оба умерли, и он остался сиротой. Сродни ли были ему Троекуровы или из жалости, но почему-то один из князей Троекуровых взял его к себе в дом и воспитывал вместе со своими детьми. Потом Лаврентия записали, в полк и он был в походах, но вдруг он задумал идти в монахи и постригся; был после того архимандритом и, наконец, был сделан воронежским архиереем. Когда взошла на престол императрица Анна, он почему-то не отслужил вскорости молебна: кто-то из городских властей, по неприязни к нему, и донес на него в Синод. Вот из-за этого и вышла вся беда: Прокопович его не жаловал, так как он был из дворян и мог ему быть помехой на пути, а кроме того, был еще и в дружестве с архиереем из рода Дашковых, которых Прокоповичу хотелось стереть с лица земли. Началось дело, пошли допросы, и кончилось тем, что Дашкова и Юрлова и еще сколько-то архиереев расстригли и разослали по разным монастырям отдаленным. Больше десяти лет томился Юрлов. Когда взошла на престол императрица Елизавета Петровна, то по милостивому манифесту подвели и ссыльных архиереев под прощение: которые перемерли, а Юрлова вернули и все ему опять возвратили, потому что знали, что он страдал невинно; хотели было опять его сделать где-нибудь местным архиереем, но он не пожелал и просил, чтоб ему дали какой-нибудь монастырь в Москве, где он и жил чуть ли не пятнадцать лет. Вся Москва его очень чтила и уважала: он был точно истинный святитель и слуга Христов, человек умный и приятный».

Характер Юрловых был замечен и отмечен великим русским историком Александром Сергеевичем Пушкиным, автором «Истории Пугачева». Вот строки из этого труда:

«20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтен возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачеву. Майор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили и мертвых били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ее дворовыми людьми.

В городе Курмыше убиты до смерти:

Секунд-майоры: Василий Юрлов

В городе Инсаре убиты до смерти:

Инсарской инвалидной команды

Поручик: Михаила Юрлов, Жена его Прасковья Юдина» [Собрание сочинений А.С. Пушкина в десяти томах. Том седьмой. История Пугачева].

И еще одна цитата из исторических сочинений Александра Сергеевича Пушкина:

«Пленный у шв.<едов> подполк.<овник> Юрлов из Старого Санжарова известил государя, что при них войска не много. Петр отрядил к Санжарову генер.<ал>-поруч.<ика> Гейншина с отрядом драгун. Юрлов взбунтовал русских пленных. Они разбили свои колодки, побили оными стражу, вышли из своей тюрьмы, а в сие время Гейншин взял и город. Петр пожаловал Юрлова полковн.<иком> [А.С. Пушкин, Полное собрание сочинений с критикой].

Но наша дальневосточная история на этом еще не заканчивается: в 1737 году в составе Второй Камчатской экспедиции было два представителя этой фамилии — возможно, отец и сын.

О первом из них почти ничего неизвестно.

Почти.

«Рапорт Чирикова Шпанбергу о его деятельности по перевозке материалов и провианта при Юдомском Кресте, о прибытии в Охотск и готовности заняться заготовкой леса на строительство пакетботов, для чего он просит выделить ему в команду дополнительных служителей (11 мая 1737 г.).

...Также приобщаетца при сем, хто имяны оставлены при Юдомском Кресте и при хшипорских Криволуцких зимов[ь]ях в каманде у штюрманского ученика Юрлова для охранения правианта и протчего, и что где осталос[ь] при отбытии моем правианта и других экспедичных вещей, при сем приобщен же до Вашего благородия реэстр» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 25. Л. 134–134 об.].

А вот и имя:

«Подштюрману По прежнему ево ученическому окладу по три рубли, да вторичного в награждение по тому ж. Итого по шти рублев на месяц, а на две трети сорок восем рублев. А за вычетом на медикамент по копейке от рубля, сорока восми копеек, сорок семь рублев пятдесят две копейки, Мосею Юрлову» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 18. Л. 37 об.].

«Условия охотской жизни продолжали оставаться прежними. Людей скопилось много, болезни не прекращались, бегства также. В 1737 г. бежало 16 человек. Четыре человека и в их числе штурман Бирев погибли в море. Но порт жил, несмотря ни на что. Теперь здесь уже было достаточно матросов, кораблестроителей и мореходов-штурманов. Не считая участников экспедиции, в порту были мореходы Треска и Бутин, штурманы Яков Генс, Матвей Петров, Лев Казимеров, подштурман Моисей Юрлов. Среди жителей Охотска появились купцы (пять человек), которые вели торговлю с Камчаткой на очень выгодных условиях, а все население Охотска достигло трехсот человек» [А.И. Алексеев. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота].

А вот и второй Юрлов (обратите внимание на отчество):

«Андреян (Адриан) Моисеевич Юрлов (ок. 1700–1791) — офицер российского императорского флота, мореплаватель, участник Великой Северной экспедиции в составе отряда Беринга-Чирикова. Исследовал берега Северной Америки, участвовал в открытии архипелага Александра, провел съемку и описал восточный берег полуострова Камчатка от Авачинской губы до мыса Кроноцкого. Преподавал в Охотской навигацкой школе, исполнял обязанности командира Охотского порта и флотилии; руководитель Иркутской навигацкой школы, шкипер 1 ранга, лейтенант флота.

Учился в Школе математических и навигацких наук, с 1715 года продолжил обучение в Академии морской гвардии. В 1735 году Юрлов поступил на флот гардемарином с назначением во Вторую Камчатскую экспедицию (1732–1743) в отряд Беринга-Чирикова.

В 1741 году на пакетботе “Святой Павел” плавал к северо-западным берегам Америки, участвовал в открытии архипелага Александра, осмотре и описи американского побережья. Исследовал Вилючинскую бухту и по поручению А.И. Чирикова — помощника начальника экспедиции В. Беринга, описал восточный берег полуострова Камчатки от Авачинской губы (подробно описанной И.Ф. Елагиным) до мыса Кроноцкого. 15 мая 1742 года был отправлен в Санкт-Петербург с рапортом о плавании к берегам Северной Америки и коллекцией А.И. Чирикова (четыре гарпуна и шляпа-козырек).

С 1743 года, после окончания Великой Северной экспедиции, остался на Дальнем Востоке в Охотске, плавал в Охотском море. 26 июня 1746 года был произведен в мичманы “за бытность в Камчатской экспедиции”.

В 1756–1757 годах мичман Юрлов с экипажем торгового судна зимовал на острове Матуа. В 1757 году произведен в шкиперы 1 ранга. С 1760 года преподавал математику и специальные дисциплины в Охотской навигацкой школе.

С 1771 года служил шкипером в Охотском порту. 19 (30) сентября 1774 года Юрлов был определен в Охотскую портовую контору. Через год переименован в лейтенанты, назначен заведующим хозяйства и снабжением порта, был помощником командира Охотского порта капитан-лейтенанта С.И. Зубова. В 1779–1781 годах исполнял обязанности командира Охотского порта и флотилии. С 1780 года вел надзор за Охотской навигацкой школой.

12 (23) января 1781 года отдан под суд “за неисполнение служебных обязанностей”, в августе 1782 года прощен по манифесту и определен к гражданским делам. В 1785 году под его руководство перешла Иркутская навигацкая школа.

Умер Андреян Моисеевич Юрлов 29 сентября (10 октября) 1791 года в Иркутске».

Но остался в памяти:

Самый южный мыс острова Матуа был назван в честь шкипера Юрлова. Впоследствии на топографических картах была допущена опечатка, и мыс стал называться Орловым, на морских же картах мыс продолжает оставаться мысом Юрлова.

В 2008 году участники восьмой общественной Камчатско-Курильской экспедиции установили на острове Матуа памятную доску с надписью — «Установлена в честь первой зимовки в 1756–1757 гг. на о. Матуа шкипера 1 ранга Андреяна Юрлова. 8-я историческая экспедиция ПСКР “Орел”. Июнь 2008 года».

ЮШИНЫ

Когда-то давно, когда я работал над своей первой книгой историко-художественных очерков, которую, по настоянию Владимира Дмитриевича Успенского, автора знаменитого романа «Тайный советник вождя», который считал, что название «Камчадалы» слишком

простенькое для этой книги, и тогда родилось новое — «Потомки остроклювого бога», но в скобках я все-таки оставил дорогое для себя слово — камчадалы. Вспомнил же я сейчас об этом по очень важной причине — многие представители камчатских казачьих родов — «камчадалов русской крови», как их называли в XIX веке путешествующие знаменитости, авторы путевых заметок и книг о Камчатке, не могут сегодня доказать в судах свою принадлежность к коренному народу Камчатки, хотя их предки пришли на полуостров, когда здесь не было ни одной русской женщины, и дети, рождаясь в результате смешанных браков, были представителями двух народов — камчадалами русской крови.

Но нынешние судьи, как правило, прибывшие на Камчатку из разных регионов России и не обременяющие себя знаниями по истории Камчатки, спокойно, а порой и весьма бесцеремонно, выносят вердикт, даже не задумываясь о последствиях своего решения, являющегося, по сути, приговором.

Камчадалы, согласно законодательству Российской Федерации, внесены в общероссийский список народов, являющихся коренными и малочисленными, заботу о сохранении *уникальности* которых принимает на себя государство. А уникальность — это сохранение языка, истории, культуры, традиций. Или хотя бы, на первое время, каких-то одних компонентов. Суды же, принимая решение не в пользу камчадалов русской крови, перечеркивают все — и историю, и культуру, и традиции, а язык уже и так исчез в результате административного вмешательства в жизнь аборигенов представителей власти — пусть царской, но какая от этого разница.

Павел Юшин, герой моего очерка в книге «Потомки остроклювого бога (Камчадалы)», обратился ко мне не по поводу своих проблем с возвращением статуса «камчадал» себе и представителям своего рода. Он приехал с материка, где камчадалы не являются коренными, хотя, разумеется, число их там совершенно не велико.

Он пришел ко мне в редакцию газеты «Камчатский комсомолец», чтобы рассказать о своих родных. О Георгиевском кавалере, участнике обороны Камчатки в период Русско-японской войны, помощнике командира Тигильского народного ополчения, своем дедушке — Павле Иосифовиче Юшине, первом послереволюционном начальнике народной милиции в селе Тигиль.

О своем отце — Николае Павловиче Юшине, участнике Великой Отечественной войны, награжденном многими боевыми наградами и вошедшем в составе 13-й армии в Берлин. Кстати, в наградных документах Николая Павловича значится, что он… эвенк — чем хотел подчеркнуть свое отношение к коренной Камчатке.

Свой очерк о Павле я назвал «Ро́дники», с ударением на первый слог. Ро́дники — значит родные, родненькие, близкие люди.

Но история рода Юшиных Павлу была неизвестна. Когда и откуда прибыли, с кем на Камчатке породнились.

Не скажу, что и нами были сделаны какие-то большие открытия и мы добрались до истоков этого рода.

Но кое-что мы отыскали. И многие страницы из истории этого рода вписаны в героическую летопись нашего края.

Но начнем мы все-таки с предположений.

С предположений о том, откуда прибыл солдат Юшин (в некоторых документах Ешин, а в других — Вьюшин) на Камчатку.

Именно солдат — рядовой городовой команды, когда в Тигиле, за отсутствием как такового уездного города Акланска, придуманного в столице, находилась уездная резиденция со всем вытекающим из структуры уезда штатом, в том числе и городовой воинской командой.

Солдатом в те давние времена мог быть представитель различных сословий — дети казаков, крестьян, посадских людей, то есть ремесленников и торговцев.

Основным полком, который действовал на Северо-Востоке России, был Якутский пехотный полк, дислоцированный в Забайкалье на границе с Китаем, набор в который осуществлялся за счет казачьих детей Нерчинска, Селенгинска и Иркутска.

Вспомогательные полки — Енисейский пехотный и Тобольский драгунский — также присылали своих солдат, которые могли «пустить свои родовые корни» в этой земле, как, например, рядовые Енисейского полка Еким Корнилов и Максим Бачинин.

Рядовой Юшин Василий Семенович, 1748 года рождения. Он прожил долгую жизнь: мы встречаем его имя в документах за 1831 год с отметкой о возрасте — 84 года.

Откуда же он мог прибыть. И фамилия не какой-нибудь Иванов, Петров, Сидоров, а довольно редкая.

Мог ли он быть Вюшиным?

Конечно, мог — об интерпретациях и трансформациях при написании фамилий мы рассказываем очень много.

И не вот с этого ли факта и начинается наша история?

Тобольск. «Безсоновы станицы Жукова.

Ондрюшка Иванов сын Шестаков Дурынин умре при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василий Пушкин с товарыщи велели быть в его Ондрюшкино место из новоприборных Гришке Иванову сыну Вьюхину в верхоленском в Братцком острожке» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206. Лл. 50 об. – 51].

Да, он мог быть Вьюхиным, мог быть Вьюшным. Нерчинский казак Андрей Иванов Вьюшной в 1693 году служил «с пашни», то есть обладал земельным наделом.

А в 1721 году в Нерчинске служил в конных казаках Григорий Вьюшной, который имел двух сыновей — пятилетнего Варфоломея и полугодовалого Арона. О смерти Григория, проживавшего в деревне Буториной, сообщается

в материалах Переписи, о его сыновьях и возможных внуках — ни слова. Не упоминаются они и в документах забайкальских церквей.

О чем это говорит? О возможной смене (по какой-то причине) своего места жительства.

Это одна из версий.

Есть и другая, не менее правдоподобная. И она касается не вариантов написания этой фамилии, а ее современного оригинала.

«Вверх по Лене реке выше Верхоленского острошка новая Архангельская Бирюлска волость, а в ней новоприборных и присыльных крестьян…

Деревня, а в ней … Митка Семенов сын Юшиных» [Переписная (дозорная) книга Илимского острога 1676 (184) г.].

Далее: «Эту деревню позже называли Юшиной».

Обратим внимание на историю родовых ветвей:

«Юшины. Четыре древа: от Тита, 1722–1951 гг., 189 персон; от Степана, 1689–1891 гг., 50 персон; от Евдокима, 1720–1930 гг., 171 персона; от Семена, 1620–1928 гг., 393 персоны, д. Юшина, д. Косогол, с. Залог и др., Качугского района, Иркутской области» [http://rodirkutsk.ru/rodoslovnye].

И почему, спрашивается, наш Василий Семенович Юшин не может быть представителем этого семейного ряда Юшиных?

Может, но для этого нужны факты. А фактов о связи Василия Семеновича с иркутскими Юшиными у нас пока нет.

Поэтому мы остановимся на том факте, что Василий Семенович является патриархом всетигильского и всекамчатского рода Юшиных.

У Василия Семеновича с супругой Ксенией Самойловной (1762) было много детей: сыновья — Иван, Хрисанф (Христофор), Роман, Семен. И дочери — Евдокия, Ефросинья, Матрона.

Юшин Роман Васильевич (1802 – 24.08.1854), из «солдатских детей», уроженец Камчатской области, в 1822 году зачислен казаком в Камчатскую казачью команду, в 1831 г. переведен в Камчатскую экипажную роту матросом 2 класса, с 1834 г. матрос 1 класса, в 1854 году отставной матрос, добровольно вставший в ряды защитников Петропавловского порта и погибший при отражении десанта англо-французов 24 (по старому стилю)/5 августа 1854 года.

Юшин Семен Васильевич (1806 – 14.11.1862), с. Тигиль, 1831 г., солдат; впоследствии матрос Петропавловской экипажной роты, отставной мастеровой матрос, так же, как и брат, добровольный участник обороны Петропавловского порта 1854 г., награжденный памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте.

Их служба в экипажной роте не содействовала созданию семьи, судя по тому, что у Романа Васильевича детей мы не находим, а у Семена Васильевича был один сын, названный в честь погибшего брата Романом (29.03.1862). И это был поздний ребенок, если не единственный.

Что же касается казаков Ивана Васильевича и Хрисанфа Васильевича, то их семьи были многодетными.

Кстати, если бы Павел Юшин захотел бы закрепить за своей семьей национальный статус камчадалов, то у него для этого были бы самые весомые аргументы.

Дело в том, что супругой Иосифа Ивановича Юшина — их не столь далекого предка — была коренная камчадалка, уроженка села Аманино Любовь Васильевна Стрельчикова, с которой Иосиф (Осип) Иванович был обвенчан в 1863 году.

И дети по линии Иосифа — законные «камчадалы русской крови».

А их немало — это Дмитрий, Иван, Николай, Мария (с 1881 года замужем за тигильским казаком Гавриилом Васильевичем Поповым), Ксенофонт и, естественно, дедушка нашего героя — Павел Иосифович Юшин.

У брата Иосифа — Ивана Ивановича — было трое детей: Михаил, Сигликития и Мария (с 1878 года замужем за сыном тигильского частного командира казаком Прокопием Николаевичем Крыжановским).

Михаил Иванович, будучи тигильским казаком, в 1854 году принимал участие в обороне Петропавловского порта.

По линии Хрисанфа Васильевича было пять дочерей, о замужестве которых у нас нет сведений, и два сына — Василий и Иван.

Иван Хрисанфович (1840) был женат трижды. О первой жене у нас информации нет. Вторая супруга (с 1878 года) – дочь тигильского казака Капитолина Павловна Шемаева. Третья жена (с 1899 года) — коренная камчадалка (или уже по новой терминологии — ительменка) — Наянова Дария Косминина.

Василий Хрисанфович (Кирсанович) Юшин (1836) служил в Петропавловской казачьей команде.

Он был дважды женат. Оба раза на дочерях петропавловских матросов: с 1863 года на Софье Михайловне Сметаниной, с 1867 — Екатерине Петровне Голых (родственники которой после отставки переехали на постоянное место жительства в село Камаки в долине реки Камчатки).

Говоря о Георгиевском кавалере Павле Иосифовиче Юшине, мы не должны забывать и о других его братьях, которые также принимали участие в обороне Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

В отряде, которым командовал Павел Иосифович, громил японские шхуны на реке Воямполке и Ксенофонт Иосифович.

Еще один их брат — Моисей Иосифович — петропавловский казак, так же, как и Павел, был награжден орденом Святого Георгия: «Из-под японских выстрелов унес из уездного управления казенную кассу». Не просто выстрелов — артиллерийского обстрела с двух японских крейсеров, которые мстили коренным камчадалам и камчадалам русской крови за то, что они достойно встретили своего врага и разгромили японский десант, взяв в плен их командира.

А вот и полный список Юшиных — участников обороны Камчатки:

Юшин Павел Иосифович (1878–1941), награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171290;

Юшин Моисей Иосифович, награжден серебряной медалью «За усердие» и Георгиевским крестом 4-й степени № 171294;
Юшин Дмитрий Дмитриевич (1882);
Юшин Иван Дмитриевич (1867);
Юшин Николай Дмитриевич (1882);
Юшин Николай Иосифович;
Юшин Ксенофонт Иосифович (1864).

А впоследствии подвиг дедов и отцов будет повторен на фронтах Великой Отечественной войны и в Курильском десанте, в том числе и теми из рода Юшиных, которые, по материнской линии, будут иметь другие фамилии.

Так Мария Ксенофонтовна Юшина в 1909 году стала Лонгиновой, Евдокия Ксенофонтовна — Пинизиной, Варвару Ивановну в 1907 году взял в жены внук участника Петропавловской обороны Василий Александрович Козленок, Матрена Иосифовна стала Сновидовой, а Кирьякия Ксенофонтовна — Григорьевой…

И этот список можно продолжать, продолжать и продолжать…

ЯГАНОВЫ

История фамилий — сродни приключениям: никогда не представляешь и не знаешь, какие открытия встретятся на твоем пути.

И вот, казалось бы, весьма распространенная на севере Камчатки среди коряков и ительменов фамилия Ягановы.

Если послушать специалистов по истории происхождения этой фамилии, то попадаешь в исторические дебри (точнее, джунгли), так как они ведут это происхождение от тюрского яган — что значит слон.

И по этой версии первые Ягановы пришли в Россию вместе со слонами.

Но, слава Богу, что кроме тюрковедов есть еще и русоведы, которые, вслед за В. Далем, изучают корневую основу собственного языка и находят в нем ответы, которые более соответствуют действительности:

«Русист же связал бы основу данной фамилии с глаголом ягать, известным в новгородском, пермском и сибирском говорах русского языка в значении “кричать, шуметь, бушевать, браниться, вздорить, ругаться”».

Но есть еще и третья, не менее убедительная версия, связанная с тем, что немецкое (в том числе и шведское) имя Иоганн в русском языке превратилось в Яган. Вот, например:

«Двор купленой дворянина Федоровской жены Шульгина вдовы Федосьи Борисовой дочери а ныне она живет на Тюмени а на том дворе поставлен швецкой полоняник прапорщик Яган Юрьек Дрентель сказал себе 24 лет у него мать мать капитанская жена вдова Ловиса Шарлотта Папинль сестры Яганна Шарлота 14 Софиа Гиндриетта 13 Анна Гелена 11 у него хлопцы швецкой же породы Адам Симонсон 30 девка Анна Катерина 20 на том же дворе швецкой полоняник рейтар Андреас Трелсон Стима 40 лет

Великого государя кормового жалованья ему Ягану и матери ево и сестрам по 4 деньги человеку на день итого 36 рублев с полтиною на год Андреясу по 2 деньги на день. (Под сказкой подпись на швецком языке)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 323].

А дети Ягана и могли стать Ягановыми, как это часто и случалось.

Хотя на самом деле фамилия эта достаточно древняя, и именно с ней, точнее с одним из ее носителей, историки связывают начало политического сыска в России, который впоследствии самым непосредственным образом коснется и других носителей этой фамилии.

Но это случится почти через четыреста лет…

А вот что было, о чем сообщают в своей книге И. Курукин и Е. Никулина «Повседневная жизнь тайной канцелярии»:

«Глава 1.
Рождение политического сыска в России
Царственного дела искатели

Становившаяся в огне усобиц и войн с соседями Московская держава неизбежно должна была создать собственную “службу безопасности”, нацеленную против врагов как внешних, так и внутренних. У ее истоков стояли не только князья и их доверенные бояре, но и безвестные служилые, на чью долю выпадало “проведывать” про враждебные их господину происки.

С тех далеких времен уцелела челобитная одного из них — Ивана Яганова: попав в годы юности Ивана Грозного за какую-то провинность в опалу, он решился напомнить о том, как добывал для великого князя Василия III (1505–1533) информацию о делах при дворе его брата, удельного дмитровского князя Юрия Ивановича. “Наперед сего, — писал Яганов, — служил есми, государь, отцу твоему, великому князю Василью: что слышев о лихе и о добре, и яз государю сказывал. А которые дети боарские княж Юрьевы Ивановича приказывали к отцу твоему со мною великие, страшные, смертоносные дела, и яз, государь, те все этих дела государю доносил, и отец твой меня за то ялся жаловати своим жалованьем. А ведома, государь, моа служба князю Михаилу Львовичу да Ивану Юрьевичу Поджогину”.

Из этой челобитной следует, что московский князь имел платных осведомителей при дворе брата-соперника; по их вызову “государева дела искатель”, вроде Яганова, мчался за десятки верст для получения информации. Этой службой при дворе ведали ближайшие к великому князю люди — князь Михаил Глинский и думный дворянин Иван Поджогин, которые не верили агентам на слово. За неподтвержденные сведения можно было угодить в темницу, как это случилось с автором челобитной. Но и не донести было нельзя — Яганов хранил верность присяге: “А в записи, государь, в твоей целовальной написано: ‘слышав о лихе и о добре, сказати тебе, государю, и твоим боярам’. Ино, государь, тот ли добр, которой что слышав, да не скажет?”

“Искателям государева дела”, подобным Яганову, было где развернуться во времена опричнины, когда Иван Грозный ввел в стране чрезвычайное положение с отменой всяких норм и традиций. Сам царь был убежден, что окружен

изменниками, — он даже просил политического убежища в Англии, куда готовился бежать с верными людьми и сокровищами; однако мы не располагаем фактами, подтверждающими реальность боярских заговоров. В ответ царь проводил массовые переселения, отнимал у служилых людей земли, устраивал показательные казни: изменников искореняли "всеродне" — вместе с женами, детьми, десятками слуг и холопов. Убийства совершались внезапно, на улице или прямо во дворце, чтобы приговоренный не успел покаяться и получить отпущение грехов; показательные казни творились с выдумкой: людей резали "по суставам" или варили заживо; трупы разрубали на куски или бросали в воду, чтобы души казненных после смерти не имели упокоения без погребения».

Ситуация, конечно, как в фильме «Кавказская пленница», где герой в образе замечательного актера А. Демьяненко в отделении полиции при составлении протокола уточняет — «Что, часовню тоже я (развалил)?..».

Шла борьба за власть — и свои агенты повсеместно внедрялись в семью Рюриковичей, чтобы выведать планы того или иного претендента на власть, ибо власть переходила то к старшему в роду Рюриковичей, то старшему в семье великого князя, вызывая радость у одних и гнев, требующий сатисфакции, — у других…

Иван Яганов, по всей видимости, был предан великому князю Василию Третьему, отцу Ивана Грозного, и пострадал безвинно, искренно переживая за это.

И неслучайно знаменитый советский историк А.А. Зимин, один из лучших специалистов времен Ивана Грозного, отмечал в своей работе «Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.)»:

«Яганов происходил, очевидно, из детей боярских средней руки. Его родичи в середине XVI в. числились дворовыми детьми боярскими по Ржеву, в свое время входившему в Волоцкое и Рузское удельные княжества.

Сам же Яганов как бы осуществлял функции надзора за князем Юрием Ивановичем в числе других представителей служилой мелкоты, входившей в состав удельного дворянства этого дмитровского князя. Эти верные слуги московского государя, очевидно, приносили особую присягу, отдельные пункты которой совпадали с княжескими и боярскими крестоцеловальными записями первой половины XVI в.

"В записи, — сообщал Яганов, — государь, в твоей целовальной написано: слышев о лихе и о добре, сказати тебе, государю, и твоим бояром". Складывалась целая психология доносительства. "Ино, — продолжал Яганов, — тот ли добр, которой что слышел, да не скажет".

Василий III придавал большое значение этим доносительным речам: "Отец твой какову речь ему скажет, будет сойдетца, и он ее ставил в дело, а будет не сойдетця на дело, и он пущал мимо уши; а кто скажет, тому пени не чинил и суда ему не давал в своем деле"».

И согласно этой присяге, данной великому князю, Яганов был вправе настаивать о некой моральной или материальной компенсации за то, что понес в результате этой своей службы некий ущерб – моральные и физические страдания:

«Наперед сего, — писал о своих заслугах Яганов, — служил есми, государь, отцу твоему, великому князю Василью: что слышев о лихе и о добре, и яз государю сказывал. А которые дети боарские княж Юрьевы Ивановича приказывали к отцу твоему со мною великие, страшные, смертоносные дела, и яз, государь, те все этих дела государю доносил, и отец твой меня за то ялся жаловати своим жалованьем. А ведома, государь, моа служба князю Михаилу Львовичу да Ивану Юрьевичу Поджогину. А ковати меня и мучивати про то не веливал; и велел ми государь своего дела везде искати. И яз, государь, ищучи государева дела и земсково, да з дмитровцами неколько своего животишка истерял» [И. В. Курукина, А. А. Булычева. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного].

В 1550 году, уже при Иване Грозном, была составлена так называемая «Тысячная книга» [Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. /по изданию М.-Л. АН СССР. 1950/, л. 134 об.] — список тысячи самых перспективных служилых людей Московского государства, на которых мог бы опереться первый русский царь Иван IV — Иван Грозный.

В этом списке:

Яганов, Афоня Борисов сын, дворовый сын боярский по Ржеву;

Яганов, Данило Борисов сын, дворовый сын боярский по Ржеву;

Яганов, Михалец Матвеев сын, дворовый сын боярский по Ржеву;

Яганов, Тимошка Матвеев сын, дворовый сын боярский по Ржеву;

Яганов, Хорхора Борисов сын, дворовый сын боярский по Ржеву;

Яганов, Шарапец Данилов сын, дворовый сын боярский по Ржеву.

Поэтому появление Ягановых в Сибири совершенно не обязательно связывать с именами военнопленных немцев или шведов – Ягановы на сибирской службе могли быть потомками ржевских детей боярских.

Например, илимский сын боярский Ермола Никифоров сын Яганов — приказчик Киренской и Криволуцкой волостей [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 633. Л. 35 об.].

История же появления этой фамилии на Камчатке несколько загадочна. И вот почему. В предыдущих своих работах я ссылался на информацию о том, что архимандрит Камчатский Иоасаф Хотунцевский формировал состав Камчатской духовной миссии по пути на Камчатку в период с 1740 по 1745 год. В августе 1745 года Камчатская Духовная Миссия прибыла на Камчатку.

«Для услуг архимандриту выделили также трех солдат из Тобольского гарнизона, происходивших из духовного сословия, которые, при случае, могли бы заменить дьякона в чтении».

И одним из этих солдат был Еганов (или Яганов).

Вроде бы все понятно.

Как бы не так.

В отчете иеродиакона Гавриила Притчина, руководителя крестного миссионерского похода по западному побережью Камчатки, за 20 ноября 1740 года под номером 38 записан на реке Немтик новокрещенный камчадал Иван Яганов [РГИА, фонд 796, опись 23, дело 106].

Следовательно, тобольский казак Яганов к данному конкретному случаю не может иметь никакого отношения.

Скорее всего, это представитель илимской ветви Ягановых, но никаких данных на сей счет у нас не имеется. Это пока только рабочая версия, появившаяся после изучения отчета иеродиакона Гавриила Притчина.

Но и совсем отбрасывать версию о тобольском солдате Яганове (Еганове) мы тоже не можем, так как, исходя из материалов последующей деятельности Камчатской Духовной Миссии, в 1748 году было зафиксировано появление фамилии Егановых в Седанкинском острожке.

Но и это еще не все.

Согласно материалам Российского государственного исторического архива (фонд 796, опись 27, дело 84В) за 1774 год мы обнаруживаем представителей этой фамилии в другом селе Тигильской парохии:

Утхолокского

Яков Васильев Яганов (8 лет)

Никита Яганов (7 лет)

Лука Яганов (8 лет)

Позже представители этой фамилии весьма прочно обосновались в селе Лесная Тигильского же района.

И здесь мы вынуждены вернуться к началу нашего очерка — к той главе, в которой говорится о начале политического террора, ибо на Камчатке он особо жестоко прошелся по жителям маленького села Лесная, в котором проживало практически ровно столько взрослых мужчин, глав семейств, скольких и коснулся своим огненным крылом кровавый террор 1930-х годов — практически все они находились на подозрении у органов:

Яганов Кирилл

Участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Паланская дружина), с. Лесная.

Яганов Кирилл Ксенофонтович

1879 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк-кочевник; образование: неграмотный; б/п; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 02.10.1937. Осужд. 17.03.1938 тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения Расстр. 25.05.1938 Реаб. 22.06.1989 заключением прокурора Камчатской области.

Яганов Григорий

Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Паланская дружина) с. Лесная

Яганов Григорий Яковлевич

1889 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк-кочевник; образование: неграмотный; б/п; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 07.05.1938. Осужд. 01.12.1939 Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989 постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Спиридон

Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Паланская дружина), с. Лесная.

Яганов Спиридон Данилович

1885 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк-кочевник; образование: неграмотный; б/п; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 21.07.1938. Осужд. 01.12.1939 Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989 постановлением прокурора Камчатской области.

В составе Паланской дружины были также Яков и Василий Ягановы из с. Лесная и Георгий Яганов из с. Напана.

А это дополнение к списку репрессированных Ягановых:

Яганов Алексей Климович

1870 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование: неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 20.07.1938. Осужд. 01.12.1939 Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Василий Петрович

1900 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование: неграмотный; б/п; был членом рыболовецкой артели; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 03.04.1938. Осужд. 01.12.1939 Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Даниил Даниилович

1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк-кочевник; образование: малограмотный; б/п; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 13.03.1938. Осужд. 01.12.1939 Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: по ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989 постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Илья Иннокентьевич

1890 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк-кочевник; образование: малограмотный; б/п; место про-

живания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 28.01.1938. Осужд. 01.12.1939 Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Михаил Герасимович

1882 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование: неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 16.04.1938. Осужд. 01.12.1939 Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989 постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Наум Иннокентьевич

1893 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование: малограмотный; б/п; являлся председателем сельсовета.; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 20.07.1938. Осужд. 01.12.1939 Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-7-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989 постановлением прокурора Камчатской области.

Яганова Анисья Яковлевна

1876 г.р. Место рождения: верховья р-н, стойбища, Лесная, Тигильский р-н; корячка; образование: неграмотная; б/п; была домохозяйкой.; место проживания: Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 18.02.1940. Осужд. 23.04.1940 Корякский окрсуд. Обв. по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР. Приговор: 5 лет с поражением в правах на 3 года. После освобождения из лагеря проживала в Тигильском р-не, с. Лесная. Реаб. 13.06.1990 постановлением Президиума ВС РСФСР.

Уроженец села Лесная Корнелий Яганов был направлен на учебу в Институт народов Севера, находившийся в Ленинграде. Там его и застала война. Добровольцем пошел на фронт защищать Ленинград и погиб в бою.

Никодим Игнатьевич Яганов (1916), также уроженец села Лесная, 5 февраля 1945 года на том же Ленинградском фронте был награжден медалью «За отвагу» — первым ворвался во вражескую траншею, уничтожив при этом офицера и двух немецких солдат.

Соледующая боевая солдатская награда — орден Славы III степени — «…в бою при проведении разведки поиском 19 февраля 1945 г. Яганов лично уничтожил 5 немцев и захватил ценные документы. За время оборонительных боев на плацдарме реки Одер старший сержант Яганов уничтожил 15 немецких солдат и офицеров.

В Отечественной войне получил пять легких и одно тяжелое ранение».

Был представлен к ордену Отечественной войны. Получил его в канун 40-летия Великой Победы — в мае 1985 года.

А в мирной жизни в историю страны и Камчатки входили новые Ягановы:

«Яганов Иннокентий Гаврилович (20 декабря 1929 – май 1963), первый корякский поэт. Родился в с. Лесная Тигильского района Корякского автономного округа. Окончил 8 классов Лесновской вечерней школы. Работал радистом на радиоузле, бухгалтером в колхозе, секретарем сельского Совета. Будучи депутатом сельского совета, вел большую общественную работу, активно участвовал в художественной самодеятельности. Он хорошо играл на баяне, часто исполнял сатирические куплеты, которые сам сочинял на русском и корякском языках. На первом Камчатском фестивале самодеятельного искусства в 1957 г. был удостоен диплома за лучшее исполнение своих стихов. Стихи его просты, лиричны, задушевны, легки. Поэзия Яганова сохранилась на страницах газет “Корякский коммунист”, “Камчатская правда”, “Заря коммунизма”, в литературно-художественных сборниках “Камчатка”, “С добрым утром”, “Север поет”, “Таежные родники”. К сожалению, талант его не успел раскрыться в полной мере. Находясь на охоте, по трагической случайности поэт погиб».

«Петр Антонович Яганов, родился 8 июня 1949 г. в с. Лесная Тигильского района. После окончания школы работал в совхозном клубе, танцевал на сцене. В 1967 года впервые познакомился с Александром Гилем и был приглашен в коллектив ансамбля “Мэнго”, которому посвятил 34 года.

В 1980 году П.А. Яганов руководил музыкальной композицией Северного блока культурных программ “Олимпиады-80”, XXII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, Игр доброй воли 1986 г. С 1982 года стал преподавателем национальных танцев и игры на баяне в окружной школе искусств. Исполнял главные роли в балетах “Мэнго”, “Эмэм Кутх”, разыгрывал веселые истории Г. Поротова на сцене совместно с Иосифом Жуковым, Николаем Лазаревым, Даниилом Ягановым. Песни Петра Антоновича аранжировали в Камчатской хоровой капелле. С 1 января 1989, после трагической гибели А.В. Гиля, был художественным руководителем Корякского национального ансамбля “Мэнго”.

Заслуженный артист России, кавалер ордена “Дружбы народов”, корякский композитор Петр Антонович Яганов трагически погиб в мае 2001 года».

ЯГОДИНЫ

Единственное место, которое мы отыскали в Сибири, откуда могли пойти Ягодины на освоение Сибири, — это Тюмень, где в 1623 году в деревне на Туре разместилась в трех дворах большая семья Ягодиных:

Двор Онтона Архипова сына Ягодина — дети Афонка, Иван, Онисим

Двор Гришки Архипова сына Ягодина — у него брат Семейка

Двор Кузмы Архипова сына Ягодина — у него брат Васка [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 516–516 об.].

Верстали ли крестьянских детей в казаки? Сколько угодно – по мере надобности.

И вполне возможно, что енисейский стрелец Елфимко Григорьев Ягодин может быть из семьи Григория Архиповича Ягодина.

Впрочем, здесь служило сразу несколько Ягодиных.

Служилые люди, у которых в Енисейском остроге дворовые и холостые, служат в Братских и Ыркутцком острогах и на Байкале озере без переменно и что им оклад денег и хлеба и соли
рядовыя служилыя людей

Оклад по 5 рублей

Елфимко Григорьев Ягодин

Исачко Иванов Ягодин

Федка Кирилов Ягодин, женат, детей нет, служит на Байкале [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527. Лл. 319 об, 331, 338 об.].

«…дворъ иркутскихъ казаковъ Елфимка Григорьевъ с. Ягодина, Ѳедьки Ѳедорова с. Коши, по сказкѣ ихъ, Елфимки и Ѳедьки, родомъ де они гор. Тюмени казачьи дѣти, а служили де онипо Енисейску казачью службу многіе годы, и въ прошлыхъ де годѣхъ били челомъ вел. государемъ, чтобъ ихъ вел. государи пожаловали, велѣли служитъ казачью службу по Ирк. острогу съ пашни вел. гос. за хлѣбное жалованье, и нынѣ де они служатъ въ Иркуцкомъ казачью службу тому нынѣ 13 л.» [Иркутск в 17 столетии].

А вот далее интересная версия о появлении первого Иркутского острога:

«Где именно остановился отряд, Бекетов в своей отписке енисейскому воеводе не сообщал, — видимо, не считал это важным. Однако такая информация содержится в ответе иркутской приказной избы на анкету Г.Ф. Миллера в 1736 году. Отвечая на вопрос о времени основания города, иркутские власти писали, что “по скаскам иркуцкого отставного служилого человека Любина Ягодина, да пашенного крестьянина Степана Варакина … слыхали они от отцов своих, что Иркутской острог строил енисейской сын боярской Бекетов, и в то де время были их отцы Ефим Ягодин да Иван Варакин посланы из Енисейска… в Нерчинск для постройки острогов… и пришли де они к Иркуту на пустое место…”. Достоверность сведений иркутских информаторов о казачьих службах их отцов не вызывает сомнений, поскольку действительно в Енисейске середины XVII века был такой служилый человек — Василий Ягодин, дослужившийся до чина пятидесятника» [Владимир Бахмутов-Красноярский «Так кто же основал Иркутск?»].

Крестьянская хватка Елфима (Ефима) Григрьевича сохранилась:

«…в 70–80-х гг. и в Иркутске, где казаки, служившие с пашни, образовали несколько сообществ: Ягодин, Федоров имели пашенные земли “в повале” с Колбецким, Черным».

«К концу 90-х гг. число плательщиков “пятинного” хлеба увеличилось. Согласно сметы 1699 г. и пометы 1700 г., из 16 служилых людей, имевших “конные” пашенные оклады, 8 человек вносили в казну “пятинный” хлеб, что свидетельствовало о распашке ими сверхокладных земель. Из них казак И. Мельников вносил 8 четв. ржи, П. Шульгин — 5 четв. ржи, Е. Ягодин — 3,25 четв. ржи, А. Юдин и К. Зверев — по 3 четв. ржи каждый, Н. Пушкарев и М. Поршенников — по 2 четв. Ржи…» [Леонтьева Г.А.].

Дети Ефима Григорьевича.

Любим Ефимович — в 1693 г. верстан в конные казаки (рядовой конный казак с окладом 7 руб., 2 пуда соли в год, за хлебное жалованье служил с пашни, 1699–1700 гг.).

Степан Ефимович — (примерно 1673), десятник конных казаков (десятник конных казаков с окладом 7 руб., 7 четей с осьминою ржи, 4 пуда овса, 2 пуда соли в год, 1699–1700 гг.; рядовой конный казак с денежным окладом 7 руб. в год, 1704 г.; владелец мутовчатой мельницы (амбар, угодий нет, одни жернова), построенной на речке Минке (?) в 1701 г., оброк с мельницы 3 алт. 2 д. в год, 1705 г.).

Федор Ефимович — пеший казак (рядовой пеший казак с окладом 5 руб., 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.).

Григорий Ефимович — (примерно 1677), пятидесятник конных казаков (1717), умер в 1756 г. разночинцем. И, кстати, Гурулев его в своей книге не отмечает — не тот ли это Григорий Ягодин, который проходит по переписи 1722/1744 годов:

«В Охоцком остроге

Разночинцы

Григорей Ягодин»

Тауиского острогу

Разночинцы

3689) Григорья Ягодина дворовой Яков» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194. Л. 88, 132 об.].

Почему нет — в тот период в Охотоморье и на Камчатке служило немало иркутских казаков?..

ЯДРИХИНСКИЕ

История появления Ядрихинских в Сибири начинается с Илимского бунта.

Первое впечатление от фамилии — не иноземного ли она происхождения?

Нет, — уверяет нас автор книги «Словарь пермских фамилий» Полякова Е.Н. [Пермь, 2005, стр. 456]:

«Ф[амилия] возникла из Ф. Ядрихин, образованной от жен. прозв. Ядриха. В его основе некаленд. имя или прозв. мужа Ядро, которое мог получить крепкий, здоровый человек. В урал. говорах ядровой — “здоровый”».

То есть это обычная русская фамилия.

Теперь о бунте — свержении воеводы Богдана Афиногеновича Челищева:

«“Лета 7204 (1696) июня в 21 день Илимского острогу дети боярские Пимин Сташкеев, Степан да Василей [дети] Воронецкого, подьячие: Борис Зубов, Андрей Учюжников, Петр Лазарев, Иван Зубов, таможенной голова Степан Пежемской, подьячей Степан

Шангин, городничей Иван Брагин, пятидесятники (идут имена 5 человек), десятники казачьи (имена 8 человек, в том числе Ивашко Литвинцов), рядовые казаки (имена 102 или 103 человек; документ здесь порван), посацкие люди (имена 59 человек, в том числе Ондрюшка Ядрихинской), пашенные крестьяне (имена 17 человек) да все илимские служилые и посацкие люди и пашенные крестьяне, посоветав меж собою, что в нынешнем в 204-м году июня в 7 день в Ылимском остроге извещал войское (?) и ламское (?) служилый человек Абакумко Облизанов… и мы все, выслушав ево, Абакумков, извет и не стерпя ево, Богдановых, обид и налог и напрасного разорения, ему, стольнику и воеводе Богдану Анфиногеновичу Челищеву, в Ылимском в приказной избе от всяких великих государей дел и от воеводства до указу великих государей отказали. И по совету ж своему, разсмотря и излюбя, все вместе, безо всякого перекословия выбрали в Ылимском илимских же жителей — сына боярского Ивана Никифорова сына Качина да подьячего Герасима Симанова сына Учюжникова в Ылимском, в приказную избу для… приказных дел и для всякие [росп]равы". Выбранным предлагалось принять все дела по управлению Илимским воеводством. "И будучи им, выборным людем, всяким великих государей делом радеть неоплошно", в частности собирать деньги, хлеб и ясак, вести суд и бить кнутом "с ведома, призвав илимских градских лутчих людей". При этом всякое наказание "записывать имянно"… "Нам ни в чем их (выборных) не порочить. А хто в чем их станет порочить или сей наш выбор разорит и ему учинить наказание в войске… И нам, всяких чинов служилым и посацким людем и пашенным крестьяном в напрасную обиду и в налогу их (выборных) не давать, для того, что мы по совету своему выбрали их излюбя, поневоле (т. е. против их воли). И сей выбор в войске служилые и посацкие люди и пашенные крестьяне слушали. А слушав нихто ни в чем сего выбору не порочил. И, приложа вышеписанные всяких чинов люди к сему выбору руки и призвав их, выборных людей, в приказную избу, сей выбор им в приказной избе отдали. А выбор писал по велению вышеписанных всяких чинов людей илимской же казак Мишка Васильев сын Березовского сего ж выше[писанно] го числа"» [Шерстобоев В.Н. Илимская пашня, т. 1, И., 1949].

И затем начинается какая-то неразбериха с именами.

Примерно в одни и те же годы — в период с 1722 по 1748 год — мы находим в документах трех Андреев Ядрихинских, представляющих разные сословия.

В первом, известном нам уже случае, Андрей Ядрихинский был илимским посадским.

Во втором – священником:

«12 августа [1735 года] по распоряжению епископа Иннокентия в помощь соборному протопопу Тарлыкову дан из монастыря священник Алексей Оленев, бывший якутский пономарь, посвященный в священнический сан в Тобольске в 1701 г. В этом же году и там же получили сан священника поповский сын Иван Ляпунов и Андрей Ядрихинский» [Явловский П.П. Летопись города Якутска].

И третий:

«Города Якуцка разночинцы:

Умершие: Андрея Ядрихинскаго с. Федор».

Разночинец — это бывший казак, оказавшийся вне штата Якутского казачьего полка.

Но по спискам 1761 года в Якутском казачьем полку служат сразу несколько Ядрихинских:

«У городнических дел: казак Петр Ядрихинской»

«У приходу и расходу казеннаго провианта: казак Иван Ядрихинской»

«…действительно при команде имеются и употребляются в караул с переменою: пушкарь Прокопий Яридхинской [Ядрихинской] … казак Яков Ядрихинской … казак Лаврентий Я[д]рихинской» [Сибирские города, материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886, С. 144–145].

А далее происходит еще одна удивительнейшая метаморфоза, о которой сообщает Г.Ф. Быконя [Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект), Красноярск 2007]:

«Судя по разным условиям, на которых наемники заменяли на службе казаков, найм, как форма личного освобождения от служилых обязанностей с сохранением сословности, бытовал и в другом, присущем Сибири, старинном качестве — как обмен сословным статусом, который в XVIII в. не был столицей санкционирован. Например, Г.Г. Ядрихинский, по происхождению казачий сын, 20-летним был зачислен в казаки, а в 1752 г. назначен в "Анадырскую партию". Чтобы избежать такой опасной службы он, как показал сказкой в третью ревизию, вместо себя нанял "и оной (Иркутской провинциальной — *Г.Б.*) канцелярией принят и вместо меня послан иркутский посадский В.С. Винтовкин, а я, Гаврило, вместо оного приписан к иркутскому купечеству в посад в 1753 г."».

Благодаря «Родословному справочнику Иркутска» А.В. Черепанова мы можем проследить родовые корни Гаврилы Ядрихинского.

Гаврило сын Григория (≈1732), в 1753 г. поверстан в посадские, в 1774 г. посадский.

Его отец – Григорей сын Герасима (г. р. не уст.) — в 1717 г. конный казак, в период 1722/1748 гг. числится в разночинцах, а затем — снова в казаках.

Дети Григория:

— Прокопей (≈1716), по Иркутску казак;

— Матвей (≈1718), по Иркутску казак;

— Петр (≈1729), по Иркутску казак;

У Матвея сын Иван (≈1746), казак.

Иркутские казаки часто направлялись на годовалую службу (в командировки) в гарнизоны Северо-Востока — Якутск, Анадырь, Гижига, Охотск.

Вполне вероятно, что часть Ядрихинских, служивших в Якутске в 1761 году, это потомки казака Григория Герасимовича Ядрихинского.

Мы вроде как упустили Лаврентия Ядрихинского, судьба которого, может быть, была такой же, как и у Гаврилы, сменившего свое сословие:

В 1775 году записан в иркутских цеховых, а в 1777 году в купечестве Лаврентий Ядрихинский (Черепанов А.В. Сибирская кровь, приложения).

А в 1778 году в Иркутске отмечен еще один из якутского списка 1761 года — мещанин Яков Ядрихинский.

Тем более, что в «Родословном справочнике Иркутска» упоминается Ядрихинский Лаврентий сын Федора (≈1741), «который в 1749 г. назначен был к высылке в прежнее его жилище в Енисейск, за малолетством не выслан, в 1763 г. определен в иркутский посад, умер, в 1772 г.».

В конце XVIII века в Якутии в составе воинских команд отмечен солдат Степан (Стефан) Ядрихинский [Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629–1917 гг. Справочник, Якутск, 2020, с. 392, 396].

А это уже следующий век:

«На протяжении первой половины XIX в. происходил медленный, но неуклонный рост купечества и мещанства Киренска. О повышении их роли в социально-экономической и общественной жизни города свидетельствует тот факт, что если в 1784 г. им принадлежало 28,4% домов (23 из 81), то в середине 1850-х гг. уже 70,3% (104 из 148). К этому времени мещане превращаются в основную категорию городских жителей. Основными источниками роста мещанской общины был естественный прирост. В городе сложились целые династии мещан, такие как семейства Калашниковых, Шильниковых, Лютоевых, Ядрихинских, Пежемских, Лаврушиных».

Но и по данным сайтов «Жертвы политического террора в СССР» и «Память народа» фамилия Ядрихинские оставалась весьма актуальной для Якутии:

Ядрихинский Василий Михайлович

Родился в 1904 г., Амгинского наслега Батурусского улуса Якутии; саха; охотник. В 1942 г., находясь под стражей в КПЗ п. Охотский перевоз по обвинению по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР, совершил побег и по день ареста скрывался в тайге. Арестован 12 февраля 1943 г. НКВД ЯАССР. Приговорен: Приговором Военного трибунала войск НКВД ЯАССР 27 августа 1943 г., обв.: по ст.ст. 82, 59-2, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 7 годам ИТЛ. Реабилитирован 21 марта 1996 г. Постановлением президиума Верховного суда РС (Я) дело по ст.ст. 59-2, 58-11 УК РСФСР прекращено за отсутствием состава преступления, а по ст. 82 УК РСФСР осужден к 3 годам л/с, частично реабилитирован [Источник: Книга памяти Республики Саха (Якутия)].

Ядрихинский Гавриил Филиппович

Родился в 1875 г., Якутия, Намский улус, Кусаган-Эльский наслег; саха; член нассовета. Проживал: ЯАССР, Намский улус, Кусаган-Эльский наслег. Арестован 13 апреля 1932 г. Приговорен: особое совещание при Коллегии ОГПУ 14 августа 1932 г., обв.: ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: выслан на 3 года в Якутскую республику Реабилитирован 25 мая 1989 г. Прокуратура ЯАССР Указ ПВС СССР от 16.01.89 [Источник: Книга памяти Республики Саха (Якутия)].

Ядрихинский Афанасий Филиппович

Дата рождения: __.__.1923; Место рождения: Якутская АССР, Чурапчинский р-н, с. Мындагай; Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени; Дата документа: 06.04.1985.

Ядрехинский Василий Иванович

Дата рождения: __.__.1903; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н; Дата поступления на службу: __.__.1942; Воинское звание: рядовой; Наименование награды: Орден Красной Звезды (06.11.1947), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

Ядрихинский Георгий Осипович

Дата рождения: __.__.1906; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н, с. Намцы; Дата поступления на службу: 10.06.1942; Воинское звание: лейтенант запаса; Воинская часть: 25 самоходный ттп Войска Польского, 55 мор. мбр; Дата окончания службы: 15.06.1946; Наименование награды: медаль «За освобождение Варшавы», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Ядрихинский Георгий Терентьевич

Дата рождения: __.__.1902; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н; Дата поступления на службу: __.__.1942; Воинское звание: красноармеец; Наименование награды: Орден Красной Звезды (11.08.1944).

Ядрикинский Григорий Васильевич

Дата рождения: __.__.1908; Место рождения: Якутская АССР; Дата выбытия: 06.07.1944; Причина выбытия: погиб в плену; Лагерь: шталаг VI G; Место захоронения: Германия, Северный Рейн-Вестфалия, Арнольдсвайлер.

Ядрихинский Григорий Васильевич

Место рождения: Якутская АССР, Чурапчинский р-н; Воинское звание: гв. Красноармеец; Дата выбытия: 21.07.1943; Причина выбытия: убит; Первичное место захоронения: Курская обл., Прохоровский р-н, с. Лучки, выс. 230,1.

Ядрихинский Григорий Петрович

Дата рождения: __.__.1921; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н, Ленский н/с; Дата призыва: 05.08.1942; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: __.10.1943; Причина выбытия: пропал без вести.

Ядрихинский Дмитрий Дмитриевич

Дата рождения: __.__.1919; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н; Воинское звание: гв. Рядовой; Дата выбытия: 17.07.1944; Причина выбытия: убит; Первичное место захоронения: Литовская ССР, Алитусский р-н, Крикштаны; Место захоронения: Литовская ССР, Алитусский р-н, Крикштаны.

Ядрохинский Дмитрий Иванович

Дата рождения: __.__.1909; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: 16.10.1942; Причина выбытия: убит; Первичное место захоро-

нения: Курская обл., Задонский р-н, Калабинский с/с, д. Калабино, юго-западнее, 800 м, выс. 202,5, южные скаты.

Ядрехинский Дмитрий Лазаревич

Дата рождения: __.__.1916; Место рождения: Якутская АССР, г. Якутск; Воинское звание: ефрейтор; Дата выбытия: 22.12.1944; Причина выбытия: пропал без вести.

Ядрихинский Иван Захарович

Дата рождения: __.__.1907; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н, Хамагаттинский с/с; Дата призыва: 24.06.1942; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: __.10.1943; Причина выбытия: пропал без вести.

Ядрихинский Игнатий Васильевич

Дата рождения: __.__.1905; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н, Хамагаттинский с/с; Дата призыва: 17.08.1941; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: __.06.1942; Причина выбытия: пропал без вести.

Ядрихинский Иннокентий Прокопьевич

Дата рождения: 1914; Место рождения: Ленский наслег Намского улуса; Дата призыва: 08.07.1944; История: в 1943 году Наркомом образовании и по приказу областного военного комиссариата назначен военоруком в Тастахской неполной школе. В августе 1944 года призван. Имеет медали «За взятие Берлина», «За Победу над Германией».

Ядрихинский Иннокентий Яковлевич.

Дата рождения: __.__.1905; Место рождения: Якутская АССР; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: 23.09.1942; Причина выбытия: убит; Первичное место захоронения: Калининская обл., Ржевский р-н, г. Ржев, около.

Ядрихинский Михаил Иванович.

Дата рождения: __.__.1916; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н; Воинское звание: красноармеец.

Ядрохинский Николай Яковлевич.

Дата рождения: __.__.1923; Место рождения: Якутская АССР; Воинское звание: красноармеец.

Ядрихинский Петр Никифорович.

Дата рождения: __.__.1918; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н, Модутский 1-й с/с.

Ядрихинский Пуд Кондратьевич.

Дата рождения: __.__.1907; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н, Кобяконский с/с; Дата призыва: 26.06.1942; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: __.08.1943; Причина выбытия: пропал без вести.

Ядрохинский Уйбан Сахар.

Дата рождения: __.__.1901; Место рождения: Якутская АССР, Намский р-н; Дата призыва: 26.06.1941.

Ядрихинский Федот Васильевич.

Дата рождения: __.__.1920; Место рождения: Якутская АССР, Чурапчинский р-н, Ожелунский с/с; Воинское звание: линейный надсмотрщик.

ЯНЫГИНЫ

Яныгины появились в Якутии относительно недавно. Как сообщает Татьяна Петрова в статье «Русские старожилы Республики Саха (Якутия)»:

«Леонтий Яныгин из крестьян с. Лысково Нижегородской губернии в 1776г. был сослан с семьей в Якутию. Здесь он стал родоначальником потомственных ямщиков станции Березовки. В 1820 г. он отделил своего старшего сына Якова на вновь созданную станцию Точильную, сына Демида — в Нохтуйск».

Судя по следующей информации, дела в Якутии у семьи Яныгиных сразу пошли «в гору»:

«Лишь некоторым русским крестьянам удавалось создать крепкое хозяйство. Так, в первой половине XIX в. крестьянин Олекминского округа Леонтий Яныгин имел 100 лошадей, около 50 коров и 20 овец. Он обрабатывал до 20 десятин земли, имел до 15 дес. покоса, ежегодно высеивал до 50 пудов разного хлеба, успешно выращивал овощи. Он содержал почтовую станцию, занимался торговлей с эвенками, перепродавая купленную у них пушнину русским купцам».

Якутский историк Г. Попов уточнял:

«Магазин Кушнарева. Якутск.

Сажень дров в Якутске прежде обходилась в 55–65 коп. серебром, в довоенное же время — от 3 до 4 руб. (до I мировой войны 1914–1918 гг. — *Ред.*). Осенью киренские крестьяне приплавляли в город огородные овощи: картофель, морковь, свеклу, капусту и пр. Количество таких овощей было от 1500 до 2000 пудов в год. Цены определялись следующие: сотня вилков капусты — от 5 до 6 руб., картофель, пуд, — 30 коп., морковь — 35 коп. и свекла — 35 коп. серебром (можно предположить, что довоенная цена пуда картофеля была 1 рубль). Привоз овощей с верховьев р. Лены во второй половине XIX столетия в связи с развитием огородничества в окрестностях Якутска значительно сократился, а временами совершенно прекращался. Если и был подвоз, то больше крестьянами Олекминского округа, киренские же крестьяне совершенно оставили приплав овощей в Якутск, обратив внимание на сбыт их приискам. Можно предположить, что в 40-х гг. XIX столетия крупными поставщиками хлеба в Якутск были следующие крестьяне верховьев Лены: Верхоленского уезда — Селиванов, Н. Рудых, В. Белоусов; Манзурской волости — В. Сапожников; Илгинской — Амвросим Стрелов, Лев Серебренников и Ал. Ларионов. Из Олекминского округа постоянными крупными поставщиками хлеба и овощей были березовские крестьяне Яныгины».

Но для людей, интересующихся генеалогией и родоведением, будет весьма любопытно другая информация, которая впервые прозвучала в реферате «Историко-демографическое исследование» на соискание степени кандидата исторических наук Екатерины Алексеевны Строговой:

«Источником сведений этнографического характера стали труды С.П. Крашенинникова, В.М. Головнина, В. Сарычева, И.А. Гончарова, в которых содержатся описания быта русских жителей Якутии XVIII – начала XIX вв.

Большой интерес вызывает обнаруженный в архиве ЯНЦ СО РАН труд Е.Д. Яныгина «К во-

просу о двусторонней ассимиляции якутов и русских крестьян в Якутии», написанный в 1946 г. и являющийся фактически единственной работой, посвященной вопросам собственно исторической демографии русского населения Якутии. Автор на материале генеалогии старожильческих семей земледельческих районов Якутии конца XVIII – первой половины XX в. рассматривает тенденции естественного движения русского населения в указанный период в связи с процессами русско-якутской метисации. Приходя, как и И.И. Майнов, к неутешительному выводу о вырождении части русского старожильческого населения Якутии, Е.Д. Яныгин показывает, что метисация по женской линии сыграла отрицательную роль для русских и положительную — для якутов. Работа снабжена большим количеством статистических и генеалогических таблиц, представляющих несомненную ценность и особый интерес, но, к сожалению, до сих пор не опубликована».

Что это значит?

То, что в семьях служилых людей, которые были постоянно заняты службой, находились в разъездах, караулах, дальних (иногда многолетних) командировках, воспитанием детей занимались их матери — саха (якутки) и воспитывали их как якутов. В итоге, что и отмечал Евгений Дмитриевич Яныгин в своих генеалогических исследованиях, иссякала русская родовая память в родовом ее хранилище, а само хранилище родовой памяти заполнялось только якутским родовым наследием.

И в конечном выводе это звучало так — русские старожилы Якутии в смешанных с якутскими женами семьях теряли свои родовые корни по отцу, теряли свою русскую идентичность.

Факт бесспорный — Е.Д. Яныгин провел огромную исследовательскую работу, но, как выясняется, она — статья «К вопросу о двусторонней ассимиляции якутов и русских крестьян в Якутии» — и по сей день не опубликована в Якутии.

И это очень тревожно. Тревожно в том смысле, что утрата русских родовых исторических корней ведет, собственно, к деградации самой истории Якутии, из которой постепенно выхолащивается значение русского фактора в истории этого замечательного региона и его ведущая роль в освоении Дальнего Востока и Русской Америки.

Фактор отторжения (отказа, пренебрежения, отрицания и даже элементарного незнания) от своих родовых корней, на каких бы идеологических, культурных, экономических и т. д. основах он ни базировался, является разрушительным — и для личности в отдельности, и для рода, и нации в целом.

Духовное богатство достигается только в единении культур. Любое противопоставление, любое унижение чужого достоинства, чужих духовных ценностей, чужих традиций и обычаев — это разрушение собственной культуры, собственных духовных ценностей, собственной личностной ориентации.

Так уже много раз было в истории. И всегда приводило к печальному исходу. И мы сегодня — живые свидетели того, что случилось с Украиной, превращенной в Анти-Россию.

Евгений Дмитриевич Яныгин провел колоссальнейшее исследование: в своей работе «Метизация и прирост русских крестьян Якутии» [Национальный архив Республики Саха (Якутия), Фонд 47, Опись 2, Дело 192. Машинопись 1928 г.] он приводит 93 фамилии только русских крестьян, часть из которых имеет исторические казачьи родовые корни:

Амгинская слобода:
Алексеевы
Артемьевы (от крещеного якута Дебунина)
Артемьевы «а»
Артемьевы «б»
Безсоновы (вымерли)
Емельяновы
Кармалины
Моисеевы
Немчиковы
Неустроевы
Петровы
Пинегины
Савины
Солдатовы

Олекминская деревня:
Борисовы «а»
Борисовы «б»
Голомаревы
Гороховы
Мамонтовы
Соколовы
Шалыгины
Шарабооины
Янковы «а»
Янковы «б»

Амгинская деревня Олекминского округа:
Бояркины
Былковы
Копыловы
Рыбниковы
Тирские

По р. Лене Якутский округ:
Голаковы
Ивановы
Козловы
Лобановы
Петровы
Припузовы
Соколовы
Соловьевы
Строевы
Сухаревы
Тепловы
Федоровы
Филипповы «а»
Филипповы «б»
Филипповы «в»
Хлебниковы
Шепелевы
Юрьевы
Якушовы

Ст. Саныяхтат по р. Лене:
Сухановы
Сухановы «а»
Сухановы «б»
Сухановы «в»
Сухановы «г»

Ст. Березовская по р. Лене:
Яныгины
Яныгины «а»
Яныгины «б»
Яныгины «в»
Яныгины «г»
Яныгины «д»
Яныгины «е»

Нижне-Колымские крестьяне:
Бобровы
Бондыревы
Гундины
Ермаковы
Желваковы
Кисляковы
Котельниковы
Литвиновы
Мальцевы
Меньшовы
Мухины
Носовы
Париловы
Рожковы
Савельевы
Четвериковы
Шкарины

Усть-Оленекские крестьяне:
Семенниковы
Урванцовы
Черепановы

Верхоянские крестьяне:
Антоновы
Портнягины
Портнягины «а»
Рожины

Стручковы
Суздаловы
Хабаровы
Чикачевы
Шкулевы
Вилюйские крестьяне:
Буслаевы
Буслаевы «а»
Габышевы
Золотаревы
Корниловы
Кочневы
Кушмелевы
Малышевы
Маныкины
Петуховы
Рожины
Санниковы
Серкины
Силины
Шеины
Шеины «а»
Деревня
Пеледуйская:
Захаровы
Тороторины
Речка Пирка:
Барамыгины
Витимская слобода:
Пестеревы

В станции Березовской он выделяет шесть ветвей («а», «б», «в», «г», «д», «е») рода якутских крестьян Яныгиных.

В 1906 году, после известного Ленского расстрела, в Якутии случилось следующее:

«Летом 1906 г. для ликвидации движения прибыла в Якутск 8-я рота 27 Восточно-Сибирского полка в составе 159 солдат под начальством штабс-капитана Августовского и двух поручиков: Ручьева и Хегг. Отряд назывался “охранным”. Часть отряда была размещена в здании Добровольной пожарной дружины по Большой улице (теперь ул. Октябрьская), а летом 1907 г., в целях изоляции, “охранный отряд” был устроен шт.-капитаном Августовским в особых лагерях, отдельно от местной команды. Отряд Августовского, в период своего пребывания в Якутске (август 1907 г.) вел себя вызывающе и наводил на жителей города панику. 3 ноября 1906 г. полицеймейстер Березкин доносил губернатору о стрельбе на улице, произведенной солдатами 8-й роты. 24 апреля 1907 г. патруль из трех пьяных солдат 8-й роты на улице напал на двух административно-ссыльных — М. Штрейберга и Л. Куперманa — со словами: “Государственных надо бить”. Один солдат уже направил свой штык на Штрейберга, но был остановлен наиболее трезвым солдатом. 8 июля 1907 г. по Набережной ул. фельдфебель 8-й роты Кардзай вместе с солдатами избил крестьянина Непомнящего, причем один солдат нанес Непомнящему кинжалом рану в бедро, а фельдфебель Кардзай бил его обнаженной шашкой. Дебоширы были арестованы полицией, но штабс-капитан Августовский возбудил дело против полицейского надзирателя Яныгина, указывая, что последний при допросе стрелков подстрекал их к неповиновению начальству. 27 августа 1907 г. “охранный отряд” выехал в Иркутск».

Как видим, в данной ситуации полицейский надзиратель Яныгин стоял на защите интересов и прав жителей Якутии.

Позже, уже с позиций советской власти и большевистской идеологии, он же предстает уже в виде белобандита.

Вот несколько цитат из (скорее, наверное, все-таки художественного, а не документального) очерка И. Строд «В якутской тайге» [С. 32–36]:

«ТРАГЕДИЯ НА СТ. АЛЛАХ-ЮНСКОЙ ОХОТСКОГО ТРАКТА

…По распоряжению главаря банды, Ивана Иннокентьевича Яныгина, членов ревкома отделили и отвели в сторону. Потом началось что-то ужасное. Началась расправа

…— Ну-ссс, товарищи комиссары, теперь ваша очередь, мать вашу перемать! — зарычал весь потный, забрызганный кровью главарь банды Яныгин, бросая свирепые взгляды в сторону неподвижной, оцепеневшей кучки людей, членов охотского ревкома. — Товарищей ваших накормили досыта и в Якутск отправили на подкрепление. Пусть на том свете митингуют да коммуну себе устраивают. Ха-ха-ха! — Убейте сразу! — просили обреченные на пытку. У некоторых помимо их воли выступили на глазах слезы ужаса перед предстоящей казнью. Слезы текли, оставляя на грязных лицах бороздки, срывались и падали на залитый кровью пол. — Раздевайтесь! — скомандовал Яныгин. — Белье тоже снимайте. Та-ак, хорошо. Теперь приготовьтесь. По телефону разговаривать будете, с этим… как его — Марсом или Марксом. Впрочем, сами вызовете, кого нужно. Ну, что же вы стоите? Не знаете, кто первый? Да это безразлично. Но, хотя бы вот ты! — и Яныгин ткнул пальцем в сторону человека средних лет с русой, слегка тронутой сединой бородкой. Тот отделился от группы своих товарищей и, пошатываясь, подошел вплотную к Яныгину. — Ложись! — скомандовал тот. — Ну, чего думаешь? Шкуру запачкать боишься? Так это же ведь кровь социалистическая, вашей коммунии — чего стесняешься?».

А это уже строчки из очерка «Протвостояние» камчатского писателя Валентина Пустовита:

«По правую (нашу) сторону реки Охоты оказалось до 30 местных жителей Булгинцев, получивших это название от местечка Булгин, в котором они имеют свою базу. Булгинцы во главе со своим Начальником Яныгиным и Сентяповым боролись с большевиками весь летний сезон, выбивали большевиков и из Охотска, но по своей малочисленности не могли удержать его за собой и ограничивались последнее время только тем, что не давали возможности красным переправляться на правый берег реки Охоты и старались не допускать приходящие суда к каким бы то ни было сношениям с большевиками».

«За всю зиму, — писал далее Бирич, — до настоящего времени известий не получал от своего помощника Покровского и Охотского уполномоченного Соболева о состоянии Охотского уезда и находящегося там отряда под командой Грундульса. От начальника Булыгинского отряда капитана Яныгина и Сентяпова тоже никаких известий нет. Из информации с Наяхана лично от Бочкарева и его начальника штаба поступают весьма утешительные известия о продвижении в глубь к Якутску отдельных отрядов и очищении края от большевиков. Занятие отрядами Верхне- и Средне-Колымска и Верхоленска, в Анадырском уезде сел Марково, а также обложение г. Якутска и установление пропускного пункта в Тигиле (Бирич, конечно

же, не знал о предписании Бочкарева начальнику этого пункта от 3 марта 1922 г. всех чиновников, посланных из Петропавловска особоуполномоченным, немедленно отправлять обратно, закрывая их управления. — *В.П.*) при том незначительном числе отряда представляется, если это есть в действительности, в высшей мере геройской работой воинских частей и в особенности воинского командного состава, который сумел привлечь на свою сторону местное население, без помощи которого никакое продвижение воинских частей немыслимо, в особенности принимая во внимание громадность захваченной территории.

В Петропавловске находится много фирм, которые имеют свои отделения в разных местах Охотского края и в предыдущие годы в зиму имели постоянное телеграфное сообщение со своими отделениями — в эту же зиму, с самого занятия нами г. Петропавловска, ни от кого их охотских торговцев сведений не поступало, и на запросы местных не отвечали. Все это вызывает в обществе разные комментарии и суждения на верность информации из Наяхана».

«…28 октября 1921 г. пароход “Свирь” подошел к Авачинской губе. В первую очередь следовало занять маяк. Шестеро добровольцев, прыгнув в шлюпку, быстро справились с этой задачей и пошли далее по берегу, “равняясь со ‘Свирью’ и освещая местность до Солеварки” (ныне район Богородского озера).

При проходе губы по внешнему рейду была замечена лодка, пересекавшая бухту и никак не реагировавшая на сигналы со “Свири”. По направлению к ней пароход произвел три выстрела из орудия Гочкиса, взятого у Яныгина, после чего лодка остановилась и подплыла к “Свири”.

В ней оказалось четверо охотников. Двое остались на корабле в качестве заложников, а двое других были отправлены в Петропавловск с ультиматумом большевикам сложить оружие и сдать город».

Затем, вслед за гражданской войной, пришел не менее кровавый период политического террора. Не обошел он и Яныгиных:

Яныгин Алексей Никандрович

Родился в 1881 г., Якутия, Олекминский уезд; русский; крестьянин. Проживал: ЯАССР, Олекминский уезд. Арестован 3 ноября 1930 г. Приговорен: ЯОО ОГПУ 5 апреля 1931 г., обв.: ст.ст.58-10 ч.1, 59-3 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено за недостаточностью улик. Реабилитирован 19 октября 1999 г. Прокуратура РС (Я) Закон РФ от 18.10.91 [Источник: Книга памяти Республики Саха (Якутия)].

Яныгин Евгений Дмитриевич

Родился в 1882 г., Якутия, Олекминский уезд, д. Березовка; русский; экономист Наркомзема. Проживал: г. Якутск. Арестован 5 февраля 1930 г. Приговорен: ЯОО ОГПУ 4 апреля 1930 г., обв.: ст.58-2 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено за отсутствием события преступления [Источник: Книга памяти Республики Саха (Якутия)].

Яныгин Иван Дмитриевич

Родился 1891 (1892), с. Березовское Олекминского улуса Якутии; русский; подданство: гр-н СССР; охотник-рыболов. Проживал: в д. Крестовая Ленского района ЯАССР. Арестован в 1921 г. Приговорен: Постановлением Якутгубчека 28 мая 1921 г., обв.: по обвинению в контрреволюционном заговоре. Приговор: дело прекращено по реабилитирующим основаниям [Источник: Книга памяти Республики Саха (Якутия)].

Яныгин Иван Дмитриевич

Родился 1891 (1892), с. Березовское Олекминского улуса Якутии; русский; подданство: гр-н СССР; Арестован 23 июля 1941 г. НКВД ЯАССР. Приговорен: Постановлением Особого совещания при НКВД СССР 6 февраля 1943 г., обв.: по ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 8 годам ИТЛ. Залючением Прокуратуры ЯАССР от 18.03.89 реабилитирован по Указу ПВС СССР от 16.01.89 [Источник: Книга памяти Республики Саха (Якутия)].

Яныгин Илья Ефремович

Родился в 1899 г., Якутия, Олекминский уезд; продинспектор. Проживал: ЯАССР, Олекминский р-н. Арестован 23 ноября 1921 г. Приговорен: Коллегия ЯкутгубЧК 12 января 1922 г., обв.: ст.58-10 ч.1 УК РСФСР. Приговор: 1 год л/с. Реабилитирован 14 апреля 1992 г. Прокуратура РС (Я) Закон РФ от 18.10.91 [Источник: Книга памяти Республики Саха (Якутия)].

Яныгин Николай Николаевич

Родился в 1886 г., с. Березовское Олекминского улуса Якутии; русский; крестьянин. Проживал: там же. Арестован 19 сентября 1920 г. Якутгубчека. Приговорен: 15 декабря 1920 г., обв.: за контрреволюционную деятельность. Приговор: дело прекращено по амнистии. Реабилитирован 14 мая 2002 г. заключением Прокуратуры РС (Я) по Закону РФ от 18.10.91 [Источник: Книга памяти Республики Саха (Якутия)].

Яныгина Валентина Ивановна

Родилась в 1951 г., Якутская АССР, г. Якутск; Приговорена: Пост. НКГБ Литовской ССР в июне 1941 г., обв.: СОЭ. Приговор: род. на спецпоселении. Реабилитирована 5 декабря 2002 г. МВД Республики Саха(Якутия) [Источник: МВД Республики Саха(Якутия)].

Яныгина Марина Григорьевна

Родилась в 1956 г., Якутская АССР, Олекминский р-н, Чапаево; Приговорена: Пост. НКГБ Литовской ССР в июне 1941 г., обв.: СОЭ. Приговор: род. на спецпоселении. Реабилитирована 8 октября 2002 г. МВД Республики Саха(Якутия) [Источник: МВД Республики Саха(Якутия)].

Яныгина Нина Ивановна

Родилась в 1954 г., Якутская АССР, г. Якутск; Приговорена: Пост. НКГБ Литовской ССР в июне 1941 г., обв.: СОЭ. Приговор: род. на спецпоселении. Реабилитирована 5 декабря 2002 г. МВД Республики Саха(Якутия) [Источник: МВД Республики Саха(Якутия)].

В годы Великой Отечественной войны участие в боевых действиях принимали [сайт «Память народа» Министерства обороны РФ]:

Яныгин Александр Иванович.

Дата рождения: __.__.1913; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с. Точильное;

Дата выбытия: __.04.1942; Причина выбытия: пропал без вести.

Яныгин Алексей Алексеевич.

Дата рождения: __.__.1916; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с. Нохтуйск; Дата поступления на службу: __.__.1941; Воинское звание: старшина; Наименование награды: медаль «За отвагу»; Дата документа: 10.05.1944.

Яныгин Алексей Алексеевич.

Дата рождения: __.__.1916; Место рождения: Якутская АССР, Ленский р-н, п. Пеледуй; Наименование награды: Орден Отечественной войны I степени; Дата документа: 20.10.1987.

Яныгин Алексей Иванович.

Дата рождения: __.__.1916; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: 05.05.1942; Причина выбытия: убит; Первичное место захоронения: Ленинградская обл., Тосненский р-н, д. Дидвино, юго-восточнее, 500 м, у дороги.

Яныгин Алексей Иванович.

Дата рождения: __.__.1919; Наименование военкомата: Якутский РВК, Якутская АССР, Якутский р-н; Дата поступления на службу: __.__.1942; Воинское звание: мл. сержант; Наименование награды: Орден Красной Звезды; Приказ подразделения: №: 7/н от: 16.02.1945.

Яныгин Алексей Иванович.

Дата рождения: __.__.1919; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени; Дата документа: 06.04.1985.

Яныгин Алексей Иванович.

Дата рождения: __.__.1924; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, г. Олекминск; Наименование награды: Орден Отечественной войны I степени; Дата документа: 23.12.1985.

Яныгин Алексей Романович.

Дата рождения: __.__.1917; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с. Березовка; Воинское звание: лейтенант.

Яныгин Анатолий Иннокентьевич.

Дата рождения: __.__.1915; Место рождения: Якутская АССР; Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени; Дата документа: 06.04.1985.

Яныгин Андрей Николаевич.

Дата рождения: __.__.1904; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с. Дельгей; Дата и место призыва: 10.06.1942; Дата выбытия: 18.02.1943; Причина выбытия: погиб; Первичное место захоронения: захоронен в Московской обл.

Яныгин Антон Афиногенович.

Дата рождения: __.__.1903; Место рождения: Якутская АССР; Воинское звание: ст. сержант; Дата выбытия: 15.11.1943; Причина выбытия: убит; Первичное место захоронения: Украинская ССР, Кировоградская обл., Петровский р-н, д. Лелюковка-2, западная окраина.

Яныгин Борис Георгиевич.

Дата рождения: __.__.1921; Место рождения: Якутская АССР, г. Якутск; Дата выбытия: 13.07.1942; Причина выбытия: пропал без вести; Место выбытия: Воронежская обл.

Яныгин Валентин Васильевич.

Дата рождения: __.__.1924; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, Нохтуйский с/с; Дата поступления на службу: __.__.1941; Воинское звание: лейтенант; Наименование награды: Орден Красной Звезды (03.11.1944), Орден Отечественной войны I степени (28.02.1945), Орден Отечественной войны II степени (23.05.1945), медаль «За оборону Советского Заполярья» (05.12.1944), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), медаль «За победу над Японией» (30.09.1945), медаль «За боевые заслуги» (20.06.1949), Орден Красной Звезды (30.04.1954).

Яныгин Валерьян Евгеньевич.

Дата рождения: __.__.1905; Место рождения: Якутская АССР, г. Якутск; Дата поступления на службу: __.__.1941; Воинское звание: мл. лейтенант; Наименование награды: Орден Красной Звезды (06.11.1947).

Яныгин Василий Дмитриевич.

Дата рождения: __.__.1896; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Дата поступления на службу: __.__.1942; Воинское звание: рядовой; Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени (14.05.1945).

Яныгин Василий Николаевич.

Дата рождения: 1928; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский район, с. Тогильное; Воинское звание: рядовой; Воинская часть: 92-я зенитно-артиллерийская дивизия 64-го истребительного авиационного корпуса; История: орудийный номер, 92-я зенитно-артиллерийская дивизия 64-го истребительного. Погиб. Похоронен на братском кладбище в г. Порт-Артуре.

Яныгин Василий Федотович.

Дата рождения: __.__.1897; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, Кахтуйский с/с, д. Тачильная; Дата призыва: __.08.1942; Воинское звание: красноармеец.

Яныгин Виктор Михайлович.

Дата рождения: __.__.1923; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, Натуйский с/с; Воинское звание: рядовой; Последнее место службы: 8 гв. ад. Дата выбытия: 26.03.1944; Причина выбытия: убит; Первичное место захоронения: Белорусская ССР, Витебская обл., Витебский р-н, д. Старино, юго-восточнее, коорд. X-00100, Y-92950.

Яныгин Гавриил Васильевич.

Дата рождения: __.__.1923; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Дата поступления на службу: __.__.1942; Воинское звание: гв. сержант; Наименование награды: медаль «За отвагу» (19.07.1945).

Яныгин Георгий Егорович.

Дата рождения: __.__.1914; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, Точильный.

Яныгин Георгий Романович.

Дата рождения: __.__.1912; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с. Нохтуйск; Дата и место призыва: 17.08.1941. Дата выбытия: __.__.1943; Причина выбытия: погиб.

Яныгин Григорий Александрович.
Дата рождения: __.__.1903; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, к/з «Талимаз»; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: 05.12.1942; Причина выбытия: убит; Первичное место захоронения: Калининская обл., Сычевский р-н, д. Холм-Березуйский, около.
Яныгин Евгений Захарович.
Дата рождения: __.__.1911; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, Нохтуйский с/с; Дата поступления на службу: __.__.1941; Воинское звание: сержант; Наименование награды: медаль «За отвагу» (24.08.1945).
Яныгин Евгений Захарович.
Дата рождения: __.__.1911; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с. Чапаево; Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени; Дата документа: 06.04.1985.
Яныгин Евгений Иннокентьевич.
Дата рождения: __.__.1913; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, Нохтуйский с/с, с. Точильное; Дата призыва: __.10.1941; Воинское звание: красноармеец.
Яцыгин Егор Михайлович.
Дата рождения: __.__.1904; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, Ностуйск; Дата призыва: 15.06.1942; Воинское звание: рядовой; Последнее место службы: 48 лыжный запас. Полк; Дата выбытия: __.03.1943; Причина выбытия: пропал без вести.
Ялыгин Иван Георгиевич.
Дата рождения: __.__.1915; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с. Нохтуйск; Дата призыва: __.__.1939; Воинское звание: зам. Политрука; Дата выбытия: __.__.1942; Причина выбытия: пропал без вести.
Яныгин Иван Григорьевич.
Дата рождения: __.__.1916; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Дата выбытия: 12.06.1942.
Яныгин Иван Михайлович.
Дата рождения: __.__.1910; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с. Чапаево; Наименование награды: Орден Отечественной войны I степени; Дата документа: 06.04.1985.
Яныгин Иван Михайлович.
Дата рождения: __.__.1910; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Дата поступления на службу: __.__.1941; Воинское звание: лейтенант; Наименование награды: Орден Красной Звезды (22.04.1944), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).
Яныгин Иван Петрович.
Дата рождения: __.__.1914; Наименование военкомата: Якутский РВК, Якутская АССР, Якутский р-н; Воинское звание: гв. ст. сержант; Наименование награды: медаль «За отвагу»; Приказ подразделения №: 5/н от: 22.01.1944; Издан: 325 гв. сп 129 гв. КСД 1 Украинского фронта.
Яныгин Илья Егорович.
Дата рождения: __.__.1927; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н.
Яныгин Иннокентий Константинович.
Дата рождения: __.__.1923; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с. Березово; Дата призыва: __.02.1942; Воинское звание: мл. сержант.
Яныгин Иннокентий Никандрович.
Дата рождения: __.__.1898; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Дата поступления на службу: __.__.1942; Воинское звание: старшина медслужбы; Наименование награды: медаль «За отвагу» (08.12.1942), медаль «За отвагу», медаль «За боевые заслуги» (08.03.1944), медаль «За боевые заслуги» (28.01.1945), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).
Яныгин Капитон Васильевич.
Дата рождения: __.__.1927; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н.
Яныгин Константин Захарович.
Дата рождения: __.__.1917; Дата поступления на службу: __.__.1939; Воинское звание: красноармеец; Наименование награды: медаль «За отвагу».
Яныгин Леонид Иванович.
Дата рождения: __.01.1923; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с. Точильное; Дата поступления на службу: __.__.1942; Воинское звание: гв. мл. сержант; Наименование награды: медаль «За боевые заслуги» (27.05.1945), медаль «За отвагу» (27.04.1945), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).
Яныгин Николай Григорьевич.
Дата рождения: __.__.1912; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Дата поступления на службу: __.__.1942; Воинское звание: красноармеец; Наименование награды: медаль «За боевые заслуги» (11.09.1943), Орден Красной Звезды (12.03.1945), Орден Славы III степени (16.05.1945).
Яныгин Николай Иванович.
Дата рождения: __.__.1923; Место рождения: Якутская АССР, г. Якутск; Наименование награды: Орден Отечественной войны I степени; Дата документа: 06.04.1985.
Яныгин Николай Михайлович.
Дата рождения: __.__.1915; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Наименование награды: Орден Отечественной войны I степени; Дата документа: 06.04.1985.
Яныгин Павел Андреевич.
Дата рождения: __.__.1907; Место рождения: Якутская АССР, Якутский р-н; Дата призыва: __.12.1943; Воинское звание: красноармеец.
Яныгин Павел Романович.
Дата рождения: __.__.1907; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени; Дата документа: 06.04.1986.
Яныгин Петр Афанасьевич.
Дата рождения: __.__.1922; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, г. Олекминск; Дата призыва: 25.08.1941; Воинское звание: ст. сержант; Дата выбытия: 24.01.1945; Причина выбытия: убит; Первичное место захоронения: Польша, Жешувское воев., пов. Ясленский, д. Фридрихшвили.
Яцыгин Петр Васильевич.
Дата рождения: __.__.1902; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, Ностуйск;

Дата и место призыва: 15.06.1942 Олекминский ОРВК, Якутская АССР, Олекминский р-н; Дата призыва: 15.06.1942; Воинское звание: рядовой; Дата выбытия: __.01.1943; Причина выбытия: пропал без вести.

Яныгин Петр Георгиевич.

Дата рождения: __.__.1908; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, Нохтуйский с/с; Дата призыва: __.__.1942; Воинское звание: рядовой; Дата выбытия: __.__.1944; Причина выбытия: убит.

Яныгин Петр Иванович.

Дата рождения: __.__.1903; Наименование военкомата: Олекминский РВК, Якутская АССР, Олекминский р-н; Дата поступления на службу: __.06.1942; Наименование награды: медаль «За отвагу».

Яныгин Петр Иванович.

Дата рождения: __.__.1903; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с. Точильное; Наименование награды: Орден Отечественной войны I степени; Дата документа: 06.04.1985.

Яныгин Петр Иванович.

Дата рождения: __.__.1898; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, с/с Пахтунский, с. Точильная; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: 12.12.1942. Причина выбытия: убит; Первичное место захоронения: Калининская обл., Сычевский р-н, д. Холм-Березуйский.

Яныгин Петр Иннокентьевич.

Дата рождения: __.__.1921; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Дата поступления на службу: __.__.1940; Воинское звание: ст. лейтенант; Наименование награды: Орден Красной Звезды (02.11.1944), медаль «За оборону Советского Заполярья» Приказ подразделения от: 20.06.1945.

Яныгин Петр Иннокентьевич.

Дата рождения: 28.03.1921; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, д. Точильняя; Дата поступления на службу: __.02.1940; Воинское звание: ст. лейтенант. Дата окончания службы: 14.12.1945; Наименование награды: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» , медаль «За оборону Кавказа», медаль «За оборону Советского Заполярья».

Яныгин Семен Васильевич.

Дата рождения: __.__.1915; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Наименование награды: медаль «За боевые заслуги» (__.07.1944), Орден Красной Звезды (__.09.1945), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

Яныгин Семен Васильевич.

Дата рождения: __.__.1920; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, г. Олекминск; Дата поступления на службу: __.__.1942; Воинское звание: сержант; Наименование награды: медаль «За отвагу» (14.03.1944), Орден Красной Звезды (25.07.1944), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

Яныгин Серафим Петрович.

Дата рождения: __.__.1910; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, г. Олекминск; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: 18.07.1943; Причина выбытия: убит; Первичное место захоронения: Курская обл., Поныровский р-н, 2 Поныровский с/с, д. Поныри-2, северо-восточнее, 300 м.

Яныгин Симон Васильевич.

Дата рождения: __.__.1923; Место рождения: Якутская АССР; Наименование награды: Орден Отечественной войны I степени; Дата документа: 06.04.1985.

Яныгин Спиридон Михайлович.

Дата рождения: __.__.1898; Место рождения: Якутская АССР, г. Якутск; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: 31.09.1942; Причина выбытия: убит. Первичное место захоронения: Сталинградская обл., Городищенский р-н, выс. 128,9.

Яныгин Федор Константинович.

Дата рождения: __.__.1921; Место рождения: Якутская АССР, г. Якутск; Наименование награды: Орден Отечественной войны I степени; Дата документа: 06.04.1985.

Яныгин Феофан Григорьевич.

Дата рождения: __.__.1910; Место рождения: Якутская АССР, Якутский р-н, г. Якутск; Воинское звание: ст. сержант; Дата выбытия: после 09.01.1943; Причина выбытия: умер от ран.

Яныгин Фома Егорович.

Дата рождения: __.__.1921; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, г. Олекминск; Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени; Дата документа: 06.04.1985.

Яныгин Юрий Николаевич.

Дата рождения: __.__.1924; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н, г. Олекминск; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: 04.09.1944; Причина выбытия: убит; Первичное место захоронения: Польша, Варшавское воев., пов. Острув-Мазовецкий, д. Суски Стары.

Яныгин Яков Григорьевич.

Дата рождения: __.__.1920; Место рождения: Якутская АССР, Олекминский р-н; Воинское звание: красноармеец; Дата выбытия: 10.01.1943; Причина выбытия: пропал без вести; Место выбытия: Ростовская обл.

Вахрин Сергей Иванович

Тайны якутских фамилий
Дальний Восток

Верстка, дизайн Е.Ю. Дорт-Гольца

В оформлении обложки использована
работа скульптора Б.Н.Бродского, С.И. Дежнев

Подписано в печать 20.06.2025. Формат 84×108/16.
Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif. Печать офсетная.
Усл. печ. л. . Тираж экз. Заказ № .

КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!»